

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

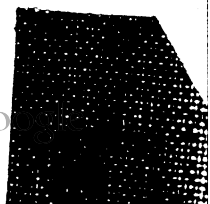
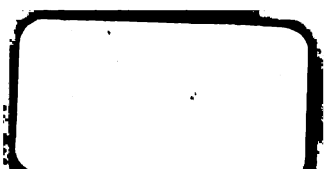
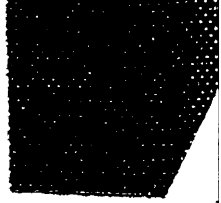
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3433 07919771 5

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

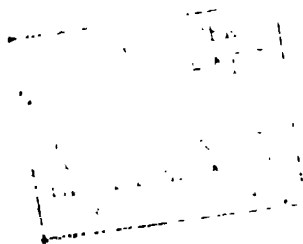
ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

—
1859.

ВХОДЯЩИМ
ВЪЗМЯТО
ВЪЗВРАЩАЮЩИМ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 18-го мая 1859 года.

Ценсоръ А. Драшусовъ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВАГО ТОМА.

МАЙ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

	<i>Стр.</i>
Памятники древней вавилонской письменности. I—IV. <i>Д. А. Хвольсона.</i>	5
Объ измѣненія существующей системы снабженія войскъ вещами. (Окончаніе.) <i>Д. И. Каменскаго.</i>	38
Письма о земледѣліи и крестьянахъ во Франціи.—II.— <i>Евгенія Бокмера.</i>	66
Гора Космай. <i>П. С. Сретъковича.</i>	99
Миражъ. I—XII. <i>Ольги Н***.</i>	129

МАЙ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Памятники древней вавилонской письменности.—V—VII. <i>Д. А. Хвольсона.</i>	181
Авдотья Фодоровна Лопухина. <i>М. И. Семевскаго.</i>	219
Записки Гизо. Водвореніе июльской монархіи.—II.— <i>Е. М. Феофимистова.</i>	266
Миражъ. XIII—XVII. (Окончаніе.) <i>Ольги Н***.</i>	305
Письма о земледѣліи и крестьянахъ во Франціи. (Оконча- ніе.) <i>Евгенія Бокмера.</i>	334

ІЮНЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Аристократія и интересы дворянства. Статья вторая. <i>В. П. Безобразова.</i>	357
Памятники древней вавилонской письменности. VIII—XI. (Окончаніе.) <i>Д. А. Хвольсона.</i>	406
Война Пиемонта съ Австріей въ 1849 году.—I.— <i>И. Ф. С—го.</i>	429
Женщина и любовь по понятіямъ г. Мишле. <i>Евгеніи Туръ.</i>	461
Картины прошлаго.—I.—Штрафной. <i>Р.</i>	501

ЮНЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

О реформахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ.—I—VII.

<i>К. П. Побѣдоносцева.</i>	541
Путешествіе по Америкѣ.—III.— <i>Э. Р. Циммермана.</i>	582
Война Пиемонта съ Австріей въ 1849 году.—II.—III.— <i>И. О. С—го.</i>	613
Родственники. Повѣсть.—I.—X. <i>Н. И. О—ова.</i>	642

СТИХОТВОРЕНІЯ.

№ 9 Элегія. <i>М. П. Розенгейма.</i>	177
№ 10 «Не разъ, въ душѣ, познавшей смѣло». <i>К. К. Павловой.</i>	356
№ 12 Б. У. <i>К. К. Павловой.</i>	698

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ :

Бобъ-Рокъ. Эпизодъ изъ временъ освобожденія Техаса въ 1832 году. Соч. Чарльза Сильсфильда. (Окончаніе.)

ВЪ ОСОБОМЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Сельское хозяйство въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Соч. г. Леонса де-Лаверня. Глава I—IV:

НОВООТКРЫТЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ВАВИЛОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Многіе германскіе ученые часто и сильно жаловались на невозвратимую утрату туземныхъ источниковъ для исторіи и образованности семитическихъ народовъ Передней Азіи. Произведеніе халдейскаго жреца Бероза, младшаго современника Александра Македонскаго, исторія Вавилоніи, въ трехъ книгахъ, за исключеніемъ немногихъ отрывковъ у Евсевія и Абидена, потеряно для насъ. Немного отрывковъ сохранилось и изъ мифолого-историческаго писанія финикійскаго жреца Санхониатона, котораго относятъ къ XI вѣку до Р. Хр.; но и тѣ заимствованы не изъ оригинальнаго сочиненія, а изъ греческой перекладаки Филона Библосскаго. По какой-то странной судьбѣ утратились, за немногими мелкими отрывками, даже и историческія сочиненія греческихъ писателей о Передней Азіи, какъ-то: Гелланика, Демокрита, Ктезія, Александра Полигистора, Юбы, Менандра Эфесскаго, Кастора, Филона Библосскаго. Лишь только въ наше время предприняты археологическіе розыски, и найдено нѣсколько чрезвычайно важныхъ ассирійскихъ и вавилонскихъ памятниковъ. Величественные, но безмолвные указатели высокой образованности этихъ народовъ, они заставляютъ насъ еще болѣе сожалѣть объ утратѣ ихъ писаній.

Потому-то особенно пріятно мнѣ заявить ученому міру, что нѣсколько очень важныхъ и замѣчательныхъ остатковъ древней вавилонской письменности сохранилось въ арабскомъ переводѣ. Въ этихъ остаткахъ мы не только имѣемъ отрывки изъ произведеній древней вавилонской письменности, но и находимъ драгоценныя указанія объ умственной жизни древнихъ Ханаанцевъ, Ассирійцевъ и Сирійцевъ. Они проливаютъ свѣтъ на религіозное и общественное состояніе народовъ Передней Азіи въ до-Моисеевы времена и подають надежду, что когда-нибудь раскроется передъ нами величественная картина многосторонней духовной дѣятельности этихъ народовъ въ эпоху, которая доселѣ была облечена не проницаемымъ мракомъ.

Конечно, не одинъ читатель недовѣрчиво покачаетъ головою при извѣстіи о существованіи писаній древняго Вавилона. Возможно ли, спросятъ насъ, предполагать обширную, многостороннюю письменность у Вавилонянъ, еще до времени Навуходносора, или даже прежде Набонассара (1)? и могли ли Вавилоняне достигнуть высокой степени образованія въ то время, когда Греки едва начинали знакомиться съ первыми элементами вѣдѣнія?

На это позволю себѣ сказать нѣсколько общихъ словъ. Въ семьѣ, въ маломъ обществѣ старшее поколѣніе обыкновенно бываетъ наставникомъ младшаго поколѣнія; питомецъ обыкновенно продолжаетъ дѣло своего воспитателя, пользуясь его уроками. Не такъ бываетъ однакоже съ народами. Старшій, ранѣе созрѣвшій народъ не всегда бываетъ учителемъ слѣдующаго за нимъ поколѣнія. Молодое племя часто должно приниматься за свое дѣло, такъ-сказать, съ самаго начала и проходить весь процессъ развитія, не смотря на то, что прежній народъ, по мѣрѣ силъ и способностей, давно уже кончилъ свой путь.

Присматриваясь ближе напримѣръ къ умственнымъ напряженіямъ въ средніе вѣка, невольно удивляешься съ перваго взгляда, зачѣмъ это Западная Европа съ такимъ трудомъ добивалась, съ такими усиліями допытывалась до первыхъ начатковъ знанія, когда болѣе пятнадцати вѣковъ тому назадъ уже жили Платонъ, Ари-

(1) Набонассаръ царствовалъ отъ 747 до 733 г. до Р. Хр. Его правленіе составляетъ начало новой эры, которой держались во всей Передней Азіи, а потомъ и въ Египтѣ; даже извѣстный астрономъ Птоломей употреблялъ это лѣтосчисленіе.

стотель, Феофрастъ, Фукидидъ и другіе великіе гени греческаго народа? Нашу образованность никакъ нельзя назвать развитіемъ и продолженіемъ образованности древнихъ; это образованность новая, опирающаяся только на воспоминанія о древности. Средніе вѣка не развивали далѣе, они даже не переносили къ себѣ тѣхъ умственныхъ приобрѣтеній, которыя были добыты древностью; новая эпоха взяла для своего храма лишь нѣсколько камней изъ разваливашагося храма древности; она выстроила себѣ новый храмъ, и строила его почти съ фундамента. Новое человѣчество достигло настоящей степени своей образованности по многимъ окольнымъ путямъ; процессъ развитія его былъ длинный, утомительный. И однакоже древній міръ уже разъ совершилъ такой же, или очень подобный процессъ, и что еще важнѣе въ этомъ случаѣ, было очень много посредниковъ между древностью и новымъ временемъ. Не будь атихъ обстоятельствъ, еслибы для насъ совершенно утратилась образованность Грековъ, — что могло случиться, — и еслибы теперь напримѣръ нашлись арабскіе переводы подлинныхъ сочиненій Платона, Аристотеля, Гипократа, Галена и другихъ, то конечно, мы стали бы сомнѣваться въ ихъ подлинности. Мы стали бы говорить: «Какъ возможно было Грекамъ взойти на такую высокую степень просвѣщенія за 400 лѣтъ до Р. Хр., тогда какъ наши предки, спустя пятнадцать вѣковъ послѣ нихъ, находились почти въ дѣтствѣ?» Не могла ли же и цивилизація Грековъ относиться къ цивилизаціи другаго какого-нибудь древняго народа, какъ наша эпоха относится къ эпохѣ Грековъ? Когда Греки едва могли чертить буквы, развѣ другой древній народъ не могъ написать огромныхъ, многотомныхъ религіозныхъ и историческихъ книгъ? Вѣдь нынѣшніе образованные Нѣмцы чертили только руны въ то время, когда угасала уже эпоха греко-римской образованности.

Возможность такого отношенія младшаго народа къ древнѣйшему не требуетъ доказательствъ. *Возможности* подобнаго отношенія между Греками, относительно младшими, и древними Вавилонянами, никто также не опровергнетъ прямыми и твердыми доводами. Греки никогда не почитали себя самымъ древнимъ народомъ, напротивъ они сами всегда признавали Египтянъ, Вавилонянъ и другихъ восточныхъ народовъ древнѣе себя. Сами образованные народы Передней Азии всегда смотрѣли на Грековъ, какъ на народъ относительно юный. Итакъ возможность такого отношенія стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Что же

еслибы нашлись подлинныя документы, которые показали бы, что возможное было дѣйствительнымъ фактомъ? Было ли бы основаніе сомнѣваться и недовѣрчиво смотрѣть на эти документы? Не слѣдовало ли бы только сказать, что, благодаря этимъ документамъ, мы узнаемъ нѣчто такое, чего доселѣ не знали, и чего намъ даже въ голову не приходило? Теперь мы находимся именно въ этомъ положеніи. Я надѣюсь, скоро должны мы будемъ убѣдиться, что эпоха вавилонская, или правильнѣе древне-семитическаго образованія также предшествовала образованности Эллиновъ, какъ эллинскій періодъ шелъ впереди нашего, и что эпоха, еще болѣе древняя, эпоха, которую можетъ-быть мы будемъ называть хамитскою, была еще старше вавилонской.

Поклонники эллинизма будутъ возражать противъ высокой образованности древнихъ Вавилонянъ; они будутъ утверждать, что извѣстія древнихъ и шарлатанство Халдеевъ, странствовавшихъ по Италіи во времена римскихъ императоровъ, не говорятъ въ пользу вавилонской образованности. Но мы въ свою очередь спросимъ ихъ: чтѣ, еслибы утратилась древняя греческая литература, и вмѣсто гениальныхъ твореній Грековъ сохранились только немногіе отрывки изъ неоплатониковъ и Византійцевъ, повѣрили ли бы мы тогда, что за 1500 лѣтъ до Чечеса и Кедрина писали Пиндаръ и Фукидидъ? А вѣдь это непреложная истина. Греки познакомились съ Вавилонянами во время всеобщаго и великаго ихъ упадка. Скитающіеся Вавилоняне бродили по Италіи съ шарлатанскими свѣдѣніями, ходячимъ товаромъ при императорахъ. Но эти вавилонскіе фокусники такъ же мало могутъ дать намъ понятіе о классическомъ цвѣтущемъ времени древней Вавилоніи, какъ могли бы характеризовать греческую духовную жизнь Периклова времени ханжи-неоплатоники или блюдолизы *Graeculi*, сидѣвшіе за столомъ римскихъ вельможъ, подъ именемъ грамматиковъ, риторовъ и т. п.

«Еслибы въ Вавилонѣ, замѣчаетъ одинъ умный, многосторонній ученый (1), дѣйствительно существовала на туземномъ языкѣ богатая, выработанная письменность за шесть вѣковъ до христіанской эры, то какъ бы ничего не знали о ней всѣ книги Ветхаго Завета и Геродотъ, еще довольно знакомые съ

(1) Эрвастъ Мейеръ *Geschichte der Botanik*. Кенигсбергъ 1856. Часть III. стр. 48.

Вавилономъ?» Къ сожалѣнію, эту мысль часто бросаютъ въ глаза въ ущербъ разысканій о Востокаѣ. Но допустите эту мысль, и тогда придется вычеркнуть изъ исторіи иную тысячу лѣтъ, иную дюжину древнихъ народовъ. Много ли Геродотъ разказываетъ объ іудейскомъ народѣ, о его столь замѣчательной религіи, о его письменности? А Геродотъ очень часто бывалъ въ Финикіи. Много ли знаютъ Греки о Единомъ Богѣ израильскомъ, о высокихъ твореніяхъ пророковъ, объ исторіи Евреевъ, даже послѣ того, какъ священныя книги Евреевъ сдѣлались имъ доступны въ переводѣ семидесяти толковниковъ, даже послѣ того какъ въ Александріи жило очень много Іудеевъ? Знаетъ ли Геродотъ, или другой Грекъ о древне-египетской и финикійской письменности, хотя Греки были въ Финикіи, какъ дома? А что была древняя египетская и финикійская письменность, это такъ же мало подлежитъ сомнѣнію, какъ существованіе литературы нѣмецкой, французской и англійской. Было время, когда Грекамъ предоставляли монополію всесторонняго образованія насчетъ всѣхъ другихъ народовъ, но это время прошло. Съ одной стороны нельзя не удивляться высотѣ греческаго генія, съ другой — нельзя закрывать глаза передъ ихъ односторонностью, передъ ихъ національною исключительностью и неспособностію оцѣнить творенія другихъ народовъ. Соберите всѣ сказанія Грековъ о не-греческихъ народахъ, полезнаго найдете вообще немного; если же изъ этого немногаго извлекать *истинное*, то всѣ извѣстія чуть-чуть не приравняются нулю. Самымъ лучшимъ примѣромъ знакомства Грековъ съ иноземною исторіей могутъ служить сказанія ихъ о Евреяхъ: сколько глупостей, какое пустословіе! Притомъ, Греки совсѣмъ не знали языка посѣщаемыхъ ими чужихъ земель; значить, они, говоря по нашему, основывались на словахъ *чичероновъ*; но вавилонскій *чичеронъ* еще меньше могъ сообщить Геродоту о древней вавилонской письменности, чѣмъ нынѣшній римскій *чичероне* о рукописяхъ Ватикана, или римской лигературѣ и археологіи. Слѣдовательно, незнаніе Греками древней вавилонской письменности совсѣмъ не можетъ служить доказательствомъ ея несуществованія. Есть даже примѣры, что важныя и весьма значительныя творенія, написанныя на греческомъ языкѣ, не упоминаются ни у кого изъ греческихъ писателей. Такъ, важное и, въ свое время, необыкновенное, географическое твореніе Страбона, извѣстное всѣмъ до сего времени, не упомянуто ни однимъ *греческимъ писателемъ*.

Что касается Ветхаго Завета, то и тутъ не удивительно, если въ немъ нѣтъ указаній на древнюю вавилонскую письменность: такіе *argumenta ex silentio* надобно было бы употреблять очень осторожно. Впрочемъ, въ книгѣ пророка Даниила (1, 4, 17) говорится прямо о писаніяхъ Вавилонянъ, и существованіе такихъ писаній можно вывести еще, хотя не прямо, изъ другихъ ветхозавѣтныхъ сказаній. Если Саломонъ, царь еврейскаго народа, относительно юнаго, писалъ подъ конецъ XI вѣка до Р. Х. «о деревьяхъ, начиная отъ кедра ливанскаго до иссопа, ползущаго по стѣнѣ, о большихъ животныхъ, о птицахъ, червяхъ и рыбахъ» (1); отчего же у древнихъ Вавилонянъ не могло бы найдтись подобныхъ разысканій, написанныхъ гораздо прежде Саломона? Пока не явятся положительныя доказательства противнаго, конечно, остается допустить эту *возможность*.

Въ нижеслѣдующемъ я постараюсь дѣйствительно доказать существованіе обширной древне-вавилонской письменности, болѣе древней, чѣмъ самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ твореній Грековъ, и составляющей *фактъ* не только *возможный*, но и *положительный*.

I.

Въ лейденской университетской библіотекѣ есть три арабскія рукописи. Въ предисловіяхъ къ нимъ и на ихъ заглавныхъ листахъ сказано, что ихъ на арабскій языкъ перевелъ нѣкто *Ибнъ-Вахшійя*, съ языка халдейскаго. Кураторство Лейденскаго университета, по своей благосклонности, дало мнѣ возможность пользоваться этими тремя рукописями. Я занялся тщательнымъ ихъ изслѣдованіемъ и нашелъ въ нихъ три древне-вавилонскія сочиненія — древне-вавилонскія безспорно — сохранившіяся въ арабскомъ переводѣ вотъ какимъ образомъ:

(1) Это единственно правильное и натуральное объясненіе мѣста 2 Царства IV. 13. См. Эвальда *Geschichte des Volkes Israel*. Ренанъ, правда, совсѣмъ иначе понимаетъ этотъ стихъ (*Hist. génér. des langues Semit.* etc. 1 p. 118. not. 3. Paris 1855). Но у Ренана объясненіе этого мѣста вообще тѣсно связано съ его понятіями о семитическихъ народахъ. При всемъ уваженіи къ учености Ренана, я долженъ рѣшительно сказать, что вся его характеристика семитическихъ народовъ недостаточна и жива.

Абу-Бекръ Ахмедъ бенъ Али бенъ Кеисъ бенъ эль-Мохтаръ бенъ Абдъ-эль-Керимъ бенъ Харита бенъ Нединабенъ Буратаба бенъ Алатія эль-Касдани (то-есть Халдей) эссъ-Сууфи эль-Кассини, по прозванію Ибнъ-Вахшія, вотъ родословное имя того, кому мы обязаны благодарностію за сохраненіе остатковъ древне-вавилонской письменности. Этотъ Ибнъ-Вахшія, по своему происхожденію, былъ потомокъ древнихъ Вавилонянъ: это явствуетъ изъ его собственныхъ словъ, не разъ повторенныхъ, изъ его прозванія эль-Касдани (халдей) и изъ именъ его предковъ. Онъ выдаетъ себя за мусульманина, и вѣроятно, еще правдѣ его Абд-эль-Керимъ перешелъ въ мохаммеданскую вѣру, потому что онъ первый изъ предковъ Ибнъ-Вахшіи носитъ мохаммеданское имя.

Ибнъ-Вахшія былъ уроженецъ города Кассинъ, отчего и прозвище его эль-Кассини. Касательно этого города я не нашелъ въ арабскихъ географахъ ни одного указанія, но за то о немъ часто упоминаютъ вышесказанныя вавилонскія рукописи. Онъ находился въ болотистыхъ краяхъ южной Халдеи, слѣдовательно въ главномъ мѣстопребываніи позднѣйшихъ Набатеевъ (1), которые были не что иное, какъ остатки древне-вавилонскаго народонаселенія. Ибнъ-Вахшія еще совершенно свободно понималъ языкъ набатейскій, или халдейскій, и даже весьма хорошо зналъ различныя его нарѣчія; сверхъ того онъ былъ свѣдуещъ въ персидскомъ, а можетъ-быть и въ греческомъ языкѣ. Притомъ онъ былъ въ значительной степени философски образованъ и обладалъ многосторонними естественно-историческими свѣдѣніями, за что въ послѣдствіи и прозванъ былъ чародѣемъ, подобно Алберту Великому. Онъ много путешествовалъ, посѣтилъ Египетъ, Персію, Индію, и принадлежалъ къ числу Сууфіевъ, въ собраніяхъ которыхъ онъ съ большимъ успѣхомъ иногда излагалъ философскія и нѣкоторыя теософическія ученія древнихъ Халдеевъ.

Его соплеменники въ южной Месопотаміи, остатки древняго вавилонскаго народонаселенія, слыли у Арабовъ обыкновенно подъ именемъ Набатеевъ, какъ мы это увидимъ ниже. Въ его время эти Набатеи, всѣ или большею частію, были еще язычники и говорили еще языкомъ своихъ предковъ, но языкомъ, вѣроятно, сильно измѣнившимся. Во времена Арсакидовъ и

(1) См. мое сочиненіе: *die Ssabier und der Ssabismus*. С. Петербургъ, 1856. I. стр. 106, 109 и слѣд.

Сассанидовъ, у выродившихся потомковъ древнихъ Хаддеевъ вѣрно еще уцѣлѣли кой-какіе довольно значительные остатки древняго вавилонскаго образованія. Даже во второмъ вѣкѣ ислама, при дворѣ калифовъ, поэты, особенно музыканты и пѣвцы, даже секретари, были Набатей, то-есть люди вавилонскаго происхожденія. Но мало-по-малу они близились къ упадку, и какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, образованные изъ этихъ Вавилонянъ постепенно стали переходить въ исламизмъ и съ теченіемъ времени исчезли въ преобладавшей массѣ мохаммеданъ, а необразованные потомки древнихъ Вавилонянъ остались народомъ языческимъ, жили въ крайнемъ пренебреженіи и невѣжествѣ, храня однако воспоминаніе о величій своихъ предковъ и зная изъ ряда этихъ предковъ многія замѣчательныя личности.

Ибнъ-Вахшійя питалъ сильную ненависть къ Арабамъ, — что часто встрѣчалось и у новообращенныхъ Персовъ, — и очень былъ раздраженъ противъ нихъ за то презрѣніе, какое они оказывали его единоплеменникамъ, презрѣніе, доходившее до того, что въ его время имя Набатеевъ стало браннымъ словомъ. Подстрекаемый этими двумя чувствами, Ибнъ Вахшійя рѣшился перевести и сдѣлать общедоступными еще уцѣлѣвшіе остатки древне-вавилонской письменности, дабы тѣмъ доказать, что предки его единоплеменниковъ, столь глубоко презираемыхъ Арабами, были люди весьма образованные и своими знаніями превзошли многіе народы древняго міра. Но не такъ-то легко было ему выполнить это свое усердное желаніе. Когда Вавилонія была покорена фанатиками Арабами, то тамошніе представители идолопоклонническаго народонаселенія ясно могли предвидѣть, какой жребій ихъ ожидаетъ. Въслѣдствіе этого они положили зарокъ своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ по возможности скрывать и утаивать отъ новыхъ завоевателей свою языческую религію и языческую письменность, наслѣдіе своихъ отцовъ, такъ что, когда Ибнъ Вахшійя нашелъ у одного язычника-Набатей, челоуѣка пообразованнѣе прочихъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, цѣлое собраніе древне-вавилонскихъ сочиненій, то владѣтель ихъ, ссылаясь на завѣтъ своихъ предковъ, не хотѣлъ выпустить изъ рукъ свои сокровища. Но зажиточный Ибнъ-Вахшійя не испугался потребованныхъ большихъ денежныхъ вознагражденій, не скущился на убѣжденія и ласковыя слова, и растолковалъ Набатеймъ, что черезъ обнародованіе этихъ сочиненій слава ихъ предковъ явится

въ яркомъ свѣтѣ. Такимъ образомъ удалось ему наконецъ получить позволеніе перевести эти сочиненія на арабскій языкъ.

Число древне-вавилонскихъ сочиненій, отысканныхъ этимъ ревнителемъ, было должно-быть довольно велико. Они состояли изъ религиозныхъ книгъ, отчасти принадлежавшихъ древнѣйшимъ временамъ Халдеи. Кромѣ того тутъ находились также книги естественно-историческія, медицинскія, астрологическія, даже можетъ-быть книги астрономическія и историческія. Ибнъ-Вахшійя, изъ найденныхъ имъ древне-вавилонскихъ писаній, многія перевелъ, однако далеко не всё; нѣкоторыя онъ началъ было переводить, но не кончилъ. Когда-нибудь въ другое время мы сообщимъ довольно длинный списокъ переведенныхъ имъ древне-вавилонскихъ писаній; но здѣсь, въ этой нашей статьѣ, займемся только тѣми изъ нихъ, переводы которыхъ мнѣ были доступны. Изъ этихъ переводовъ у меня теперь въ рукахъ три полныхъ сочиненія и отрывки изъ какого-то, кажется, потеряннаго творенія. Три полныя сочиненія имѣють слѣдующія заглавія:

1. Kitáb-el-Falá'hah en Nabathijjah, «Книга о набатейскомъ земледѣліи».

2. Kitáb es-Somùm, «Книга о ядахъ».

3. Kitáb Tenkelüşchá el-Bâb lí «Книга Вавилонянина Тенке-луша».

Отрывки изъ сочиненія, которое Ибнъ Вахшійя перевелъ съ халдейскаго языка, носятъ слѣдующее заглавіе:

4. Kitáb Işgar esch-Schems we'-l-Qamar, «Книга о тайнахъ солнца и луны.» Авторъ книги мнѣ не извѣстенъ.

По всѣмъ соображеніямъ видно, что Ибнъ-Вахшійя вообще переводилъ съ большою точностію и добросовѣстностію, хотя нельзя ожидать, чтобы при такомъ переводѣ дѣло обошлось совсѣмъ безъ ошибокъ и недоразумѣній. Въ *Набатейскомъ земледѣліи* и въ книгѣ *О ядахъ* есть очень много длинныхъ и коротенькихъ прибавленій отъ переводчика, вставокъ, которыми онъ оправдываетъ свой переводъ, толкуетъ его и разъясняетъ. Такъ, онъ часто замѣчаетъ, что значеніе того или другаго слова въ оригиналѣ ему неизвѣстно, и что онъ это слово переводитъ только по догадкѣ. Иногда, наприимѣръ, стоитъ въ текстѣ: такое-то растеніе принесено въ Вавилонію при такой-то прославившейся особѣ, и событіе это, по времени, совпадаетъ съ жизнью такого-то или другаго извѣстнаго мужа, — а Ибнъ-Вахшійя при этомъ откровенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

замѣчаетъ, что прославившееся это лицо совершенно ему неизвѣстно, и что онъ не знаетъ даже вовсе, когда и гдѣ оно жило. Въ иныхъ мѣстахъ онъ вдругъ прерываетъ начатую фразу замѣчаніемъ, что рукопись, которою онъ пользуется, очень ветха, что дальнѣйшихъ строкъ тамъ разобрать нельзя, а потому онъ и не можетъ доперевести эту фразу. Иногда же, въ концѣ предложенія, онъ ставитъ замѣтку, что въ переводѣ этого предложенія показанныя числа переданы у него можетъ-быть не вѣрно, потому что въ оригиналѣ мѣсто это не совсѣмъ разборчиво написано и чиселъ хорошенько разглядѣть невозможно. Въ книгѣ *О ядахъ*, есть между прочимъ длинный рецептъ, въ концѣ котораго Ибнъ-Вахшійя замѣчаетъ, что упомянутый въ этомъ рецептѣ одинъ медикаментъ въ подлинникѣ не показанъ, но онъ самъ его прибавилъ отъ себя, зная, что онъ очень полезенъ. Несмотря на свое высокое уваженіе къ древнимъ Вавилонянамъ и при всемъ стремленіи выставить ихъ передъ своими современниками въ наилучшемъ свѣтѣ, Ибнъ-Вахшійя не боится однако переводить такія вещи, которыя въ глазахъ Мохаммеданъ должны казаться очень смѣшными и нелѣпыми, даже весьма безбожными, и переводомъ которыхъ онъ прямо противодѣйствуетъ своей цѣли. Все это убѣдительно говоритъ, что Ибнъ-Вахшійя переводилъ вѣрно и добросовѣстно, какъ только могъ.

Собственныя имена лицъ онъ передаетъ такъ, какъ они стояли въ подлинникѣ; но старинныя названія городовъ, земель и народовъ, онъ, по собственному его показанію, замѣняетъ тѣми именами, какія въ его время общеупотребительны. Очень ясно, что въ такой переводъ весьма могли вкрасться разныя ошибки и разныя недоразумѣнія; но во многихъ мѣстахъ онъ выражается при этомъ случаѣ такъ опредѣленно, что нельзя не согласиться, что и тутъ онъ поступаетъ добросовѣстно, и я увѣренъ, что на его толкованіе довольно безопасно можно положиться, по крайней мѣрѣ относительно именъ месопотамскихъ и вавилонскихъ городовъ. Впрочемъ въ рукописяхъ, которыми я пользовался, встрѣчаются также и безъ вѣсти исчезнувшія имена земель и городовъ, которыхъ слѣда я не могъ найти у арабскихъ географовъ.

Его собственныя вставки, даже самыя коротенькія, почти всегда можно узнать по предшествующимъ словамъ: *это говоритъ Абу-Бекръ*, или *это говоритъ Ибнъ-Вахшійя*, и т. п. Конецъ длинныхъ вставокъ всегда обозначается какимъ-нибудь особымъ словомъ или какою-нибудь фразою. Часто встрѣчающіе-

ся персидскіе и изрѣдка попадающіеся греческіе синонимы растеній, за немногими можетъ-быть исключеніями, очевидно всѣ внесены самимъ переводчикомъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ прямо и ясно говоритъ, что при переводѣ именъ растеній, онъ употреблялъ наиболѣе извѣстныя названія, что для этого онъ бралъ имена то набатейскія, то персидскія, то греческія, смотря по тому, то или другое имя болѣе извѣстно, и что онъ, наконецъ, иногда подводитъ синонимы, дабы выразиться какъ можно понятнѣе.

Переводъ упомянутыхъ вавилонскихъ книгъ сдѣланъ нашимъ Ибнъ-Вахшіей въ началѣ X вѣка по Р. Хр. Переводъ онъ диктовалъ своему любимому ученику Абу-Талибъ эзъ-Зайяту. Ибнъ-Вахшія любилъ его, какъ роднаго сына, всегда называетъ его «о, мой сынъ». Онъ диктовалъ ему всѣ свои переводы съ халдейскаго языка и по духовному завѣщанію передалъ ему всѣ свои литературныя сокровища. Ибнъ-Вахшія первоначально дѣлалъ эти переводы собственно для себя и кое-гдѣ вставлялъ въ нихъ поясненія. Потомъ переводъ и поясненія онъ диктовалъ своему ученику, и при этомъ случаѣ еще прибавлялъ къ нимъ новыя замѣчанія въ вышеупомянутомъ родѣ. Въ книгѣ *О ядахъ*, обращаясь къ этому своему ученику, Ибнъ-Вахшія говоритъ въ одномъ примѣчаніи, что онъ перевелъ такое-то и такое-то халдейское сочиненіе, и что этотъ переводъ также продиктуетъ ему, какъ скоро кончитъ диктовку книги *О ядахъ*. Кажется, что Ибнъ-Вахшія самъ не издалъ ни одного изъ своихъ переводовъ. Въ предисловіи къ переводу *Набатейскаго земледѣлія*, къ послѣдне-продиктованной имъ книгѣ, Ибнъ-Вахшія поручаетъ вышеупомянутому своему ученику обнародовать сочиненіе это, какъ общепольное, и сдѣлать его доступнымъ для каждаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ просить его, чтобъ онъ многихъ имъ переведенныхъ сочиненій (какъ напримѣръ книги *О ядахъ*) не дѣлалъ столь общедоступными и обнародовалъ бы ихъ осмотрительно.

Упомянутый ученикъ Ибнъ-Вахшіи, Абу-Талибъ эзъ-Зайятъ, впрочемъ мало извѣстенъ. Его прародитель, Мохаммедъ бенъ Абу-эль-Маликъ эзъ-Зайятъ занималъ важное мѣсто при дворѣ калифа Мутасима, и именемъ его назывался цѣлый кварталъ въ городѣ Самаррѣ, который выстроенъ былъ этимъ калифомъ Мутасимомъ. Абу-Талибъ былъ, кажется, человекъ очень образованный. Онъ весьма добросовѣстно поступилъ съ литературнымъ наслѣдствомъ, полученнымъ послѣ своего учителя, и тѣмъ

совершенно оправдалъ то довѣріе, которое на него возлагалъ его учитель, завѣщавшій ему свои ученыя сокровища. Ибнъ-Вахшійя умеръ, не успѣвъ до конца додиктовать книгу *О набатейскомъ земледѣліи*. Онъ продиктовалъ Абу-Талибу только 80 листовъ этой книги, а остальную часть Абу-Талибъ издалъ уже по оставшимся бумагамъ своего учителя, и кое-гдѣ отъ себя прибавилъ краткія замѣчанія, которыя вездѣ ясно и обозначилъ какъ свои собственные. Въ концѣ той главы, гдѣ рѣчь идетъ о виноградѣ, Абу-Талибъ, встрѣтивъ въ оригиналѣ своего учителя около 20 неисписанныхъ листовъ, не замедлилъ это заявить и сообщить свои догадки о причинѣ такого пробѣла. Слѣдовательно, по всѣмъ соображеніямъ, издатель поступилъ съ переводомъ своего учителя столь же добросовѣстно, какъ поступалъ переводчикъ съ подлинникомъ. Перейдемъ теперь къ самой книгѣ.

II.

Прежде чѣмъ мы начнемъ наши изслѣдованія объ этой книгѣ, мы должны сперва сказать нѣсколько словъ объ этнографическомъ значеніи слова *Набатей*, чтобъ избѣжать недоразумѣнія, которыя неминуемо воспослѣдовали бы отъ ошибочнаго пониманія этого слова.

Въ моемъ сочиненіи *Сабей и сабизмъ* (т. I, стр. 698 и слѣд.) я высказалъ положеніе и доказалъ, что Арабы подъ словомъ *Набатей*, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣли не что иное какъ древнее и новое туземное народонаселеніе древней Халдеи и народонаселеніе ея ближайшей окрестности; потому, что Арабы за Набатеевъ, въ обширномъ смыслѣ, считали почти всѣ арамейскія племена и даже Ханаанцевъ. По древне-вавилонскимъ рукописямъ, которыя у меня теперь въ рукахъ, Набатей есть общее имя, такое же, какъ Германцы или Славяне; подъ этимъ именемъ разумѣются почти всѣ народы, которыхъ мы называемъ Семитами. Въ этихъ древне-вавилонскихъ сочиненіяхъ Набатейми именуются различныя племена Месопотаміи (въ томъ числѣ и Халдеи), жители страны, лежащей по ту сторону Тигра до Холвана, жители полуострова, образованнаго обѣими рѣками Забъ, равно какъ Сирійцы и Ханаанцы. Такимъ образомъ общее это имя употреблялось для обозначенія древнѣйшаго слоя Семитовъ въ Передней Азіи. Гораздо позднѣе

переселившіеся въ Переднюю Азію Арабы, первобытные жители Аравіи, можетъ-быть, были вовсе не Семиты, и положительно не причисляются къ Набатейцѣмъ. Объ Израильтянахъ же, въ этихъ книгахъ, вообще нигдѣ ничего не упомянуто.

Арабы назвали вышеупомянутое писаніе просто *Книгою о набатейскомъ земледѣліи*. Они это сдѣлали во первыхъ потому, что у нихъ *набатейскій* и *вавилонскій* были понятіями совершенно тождественными; во вторыхъ потому, что изъ чрезвычайно обильной древне-вавилонской письменности по этому предмету, они только и знали что это одно сохранившееся древне-вавилонское агрономическое писаніе; а третьихъ они для того его такъ назвали, чтобъ отличить его отъ прочихъ сочиненій подобнаго содержанія. Въдъ между Арабами было распространено много и другихъ старинныхъ на арабскій языкъ переведенныхъ сочиненій о земледѣліи, какъ напримѣръ *Книга о египетскомъ* (или коптскомъ) *земледѣліи* (1), *Книга о персидскомъ земледѣліи* и другія подобныя старинныя агрономическія сочиненія. Чтобы вышеупомянутую книгу отличить отъ прочихъ сочиненій подобнаго содержанія, какія явились у другихъ народовъ, Арабы и назвали ее просто: *Книга о набатейскомъ земледѣліи*, хотя въ оригиналѣ она носитъ совершенно иное названіе.

Въ надписи на книгѣ значитса, что подлинникъ писанъ на языкѣ *халдейскомъ*. Самъ же Ибнъ-Вахшійя именуеъ его *древне-сирійскимъ*. Далѣе, въ другомъ мѣстѣ, Ибнъ-Вахшійя говоритъ о различныхъ набатейскихъ діалектахъ, которые всѣ переводчику необходимо знать; этимъ Ибнъ-Вахшійя старается опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что его переводъ былъ работою легкою, потому что *языкъ, съ котораго онъ переводилъ, родственъ съ языкомъ арабскимъ*. Зна-

(1) Изъ этого сочиненія я недавно отыскалъ у нѣкоторыхъ іудейскихъ и арабскихъ писателей нѣсколько весьма драгоценныхъ отрывковъ. Одинъ изъ этихъ отрывковъ ясно показываетъ, что эта книга сочинена въ то время, когда въ Египтѣ еще царствовали государи-идолопоклонники. Слѣдовательно эта книга сочинена никакъ не поздѣе эпохи Птолемеевъ. Изъ другаго отрывка явствуетъ, что Египтяне, въ то время какъ эта книга сочинена, уже давно *знали употребленіе очковъ*, а у насъ вообще думаютъ, что употребленіе очковъ началось лишь съ начала XIII столѣтія по Р. Х.; но это, какъ мы видимъ, совершенно ошибочно. Отрывокъ этотъ цитованъ у одного писателя, жившаго въ половинѣ XII вѣка по Р. Х.

читать, какъ и слѣдовало ожидать, подлинникъ былъ писанъ на одномъ изъ *семитическихъ* нарѣчій. Вообще, и прежде нельзя было сомнѣваться въ томъ, что вавилонское народонаселеніе было *семитическое*. Халдеи, какъ извѣстно, сами считали себя близкими племенными родственниками съ Ханаанами и Сирійцами, говорившими нарѣчіемъ семитическимъ. Въ древне-вавилонскихъ писаніяхъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, встрѣчается нѣсколько вавилонскихъ словъ; въ книгѣ *О адахъ* есть даже цѣлыя, довольно длинныя заклинанія на вавилонскомъ языкѣ; и отсюда ясно видно, что этотъ языкъ былъ *семитическій*, и притомъ довольно близкій къ языку сирійскому. Даже многочисленныя собственныя имена, за исключеніемъ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ, носятъ несомнѣнный семитическій характеръ. Правда, встрѣчаются иногда слова, особенно названія растений, которыя не имѣютъ на себѣ обыкновеннаго семитическаго оттѣнка; но вѣдь и въ арабскомъ языкѣ попадаетъ множество именъ растений и животныхъ, которыя также этого оттѣнка не имѣютъ. Разъяснить причину этого явленія здѣсь не мѣсто. Весьма могли быть многочисленныя заимствованія изъ разныхъ чуждыхъ языковъ. Древніе Вавилоняне перенесли къ себѣ въ Вавилонію изъ чужихъ земель очень много растений и деревъ, а вмѣстѣ съ растеніями весьма могли быть перенесены и туземныя ихъ названія; примѣры этого мы видимъ и въ наше время. Точно также оказываются вавилонскаго происхожденія многія арабскія имена растений, отзывающіяся чуждыми звуками. Арабы могли въ Вавилоніи впервые узнать эти растенія и усвоить себѣ тамошнія ихъ имена; такимъ же образомъ могли поступать въ свою очередь и древніе Вавилоняне. Въ упомянутыхъ заклинаніяхъ также встрѣчается много непонятнаго; но не надо забывать, что подобныя иностранныя слова не могли сохраниться въ своемъ подлинномъ видѣ, пройдя черезъ руки многочисленныхъ арабскихъ переписчиковъ. Впрочемъ, судя по разнымъ соображеніямъ, я допускаю, что въ Вавилоніи многіе элементы языка и культуры до-семитической эпохи могли перейти въ семитическій періодъ.

Ибнъ-Вахшійя переводитъ оригинальное заглавіе подлинника такъ: *Книга о воздѣлываніи земли, объ улучшеніи степей, деревьевъ и плодовъ, и объ отвращеніи отъ нихъ всякаго поврежденія*. Это специальное заглавіе, кажется, было не извѣстно могоammedанамъ или по крайней мѣрѣ не употребительно между ними, и они

по вышеприведеннымъ причинамъ назвали это писаніе просто: *Книгою о набатейскомъ земледѣліи*.

О происхожденіи книги Ибнъ-Вахшійя сообщаетъ баснословное сказаніе, не называя при этомъ источниковъ, откуда онъ это сказаніе заимствовалъ. Онъ говоритъ въ предисловіи, будто онъ открылъ, что сочиненіе этой книги приписываютъ тремъ древнимъ набатейскимъ мудрецамъ. Первый мудрецъ, который ее началъ писать, назывался Дагрить, и, какъ говоритъ преданіе, жилъ въ седьмомъ тысячелѣтіи семитысячелѣтняго сатурнова цикла; второй мудрецъ, по имени Янбушадъ, жившій въ концѣ того же тысячелѣтія, сдѣлалъ дополненія къ писанію своего предшественника; наконецъ книгу эту докончилъ третій мудрецъ, по имени Кутами, который жилъ по истеченіи четырехъ тысячъ лѣтъ семитысячелѣтняго солнечнаго цикла. Ибнъ-Вахшійя полагаетъ, что промежутокъ между обоими первыми упомянутыми мудрецами и между Кутами длился болѣе осьмнадцати тысячъ лѣтъ. Дагрить написалъ будто бы вполнѣ всю книгу, и его послѣдователи *вовсе никакихъ измѣненій не сдѣлали ни въ словахъ, ни въ порядкѣ изложенія своего предшественника*, но только по своимъ соображеніямъ и опытамъ къ каждой главѣ присоединили дополненія. Ибнъ-Вахшійя, какъ сказано, не показываетъ источника, откуда онъ почерпнулъ это сказаніе, а употребляетъ при этомъ неопредѣленные выраженія: «я нашелъ», «говорять», и проч.

Это показаніе долго сбивало меня съ толку. Но долгое-временное занятіе самою книгою привело меня къ *полному убѣжденію, что всл она, въ теперешнемъ своемъ видѣ, есть произведеніе одного челоуька, и что этотъ челоуькъ есть никто иной, какъ вышеупомянутый Кутами*. Экономія цѣлаго сочиненія, его начало и конецъ, даже почти каждая страница, свидѣтельствуютъ противъ показанія Ибнъ-Вахшійи и говорятъ въ пользу моего предположенія; вездѣ видно, что Кутами, такъ сказать, самъ одинъ хозяинъ въ дому, что Дагрить и Янбушадъ только цитуются имъ точно такимъ же образомъ, какъ онъ цитуетъ почти дюжинами многихъ другихъ, и что показаніе Ибнъ-Вахшійи безъ сомнѣнія основывается на какомъ-нибудь недоразумѣніи. Еслибъ Ибнъ-Вахшійи не сдѣлалъ упомянутаго показанія, то ни одному читателю никогда бы и въ голову не пришло считать за единственнаго сочинителя всей книги кого-нибудь иного, кромѣ Кутами. Кутами прямо

говорить, что Дагритъ писалъ трудно-понятными стихами, и что онъ, Кутами, многихъ изъ его стиховъ не сообщаетъ потому, что въ нихъ ему не все понятно; а разсматриваемая нами книга вся сплошь писана простою прозой. Кутами даже не вставлялъ въ свое писаніе цѣликомъ словъ Дагрита или Янбушада, не держался рабски ихъ показаній; онъ только цитуетъ ихъ, хотя и чаще чѣмъ многихъ другихъ, но цитуетъ не слово въ слово, а только излагаетъ ихъ воззрѣнія на извѣстные предметы. Въ разныхъ мѣстахъ Кутами положительно замѣчаетъ, что онъ во всей основѣ своей книги, равно какъ и въ послѣдовательномъ расположеніи главъ, идетъ своею собственною дорогою и уклоняется отъ Дагрита въ распредѣленіи растений. Дагритъ расположилъ растения по очереди планетъ, то-есть сперва описываетъ растения, состоящія въ связи съ Сатурномъ, потомъ растения, которыя находятся въ связи съ Юпитеромъ, и т. д. Кутами сперва имѣлъ намѣреніе подражать въ этомъ Дагриту и оттого началъ-было съ маслины, дерева, которое посвящено Сатурну, «богу земледѣлія»; но потомъ онъ измѣнилъ свой планъ и въ этомъ также отношеніи пошелъ своею дорогою. Если наконецъ прочесть окончательную главу всей книги, гдѣ Кутами даетъ отчетъ о своемъ трудѣ и распорядкѣ содержанія, то очень легко будетъ убѣдиться, что онъ, и только онъ *одинъ*, есть сочинитель всей книги. Такъ въ этой послѣдней главѣ онъ приводитъ причины, почему онъ говоритъ о бобахъ послѣ хлѣбныхъ растений, тогда какъ Ханаанецъ Тамитри говоритъ о нихъ въ промежуткѣ между главой о ячменѣ и главой о рисѣ. Далѣе, онъ объясняетъ, что его разсужденіе о корневыхъ растеніяхъ начинается съ цикоріи потому именно, что такъ поступилъ Адами, и т. д. Еслибъ отношеніе Кутами къ этой книгѣ точно было таково, какъ показываетъ Ибнъ-Вахшійя, то Кутами не имѣлъ бы никакого повода такъ высказываться о распредѣленіи, виновникомъ котораго былъ бы не онъ.

Но если читателямъ нуженъ еще новый доводъ, что Кутами былъ единственнымъ сочинителемъ всей книги, то убѣдительнѣйшимъ образомъ это доказывается слѣдующимъ мѣстомъ. Въ книгѣ не разъ идетъ рѣчь объ особыхъ силахъ, свойствахъ и дѣйствіяхъ различныхъ растений, и все это изложено частію по свидѣтельству другихъ, частію по опытамъ и наблюденіямъ самого Кутами. Но въ одномъ мѣстѣ онъ дѣлаетъ

вотъ какое замѣчаніе: Многія изъ этихъ растений имѣютъ свойства, для людей весьма полезныя, и хорошо было бы, еслибъ онъ, Кутами, въ особомъ отдѣлѣ потолковалъ объ этомъ предметѣ; но онъ объ этомъ уже говорилъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ только кстати приходилось; а тотъ, кому этотъ предметъ особенно любопытенъ, можетъ всё сюда относящіяся мѣста списать въ особую тетрадь и дать ей заглавіе: *Тетрадь о свойствахъ растений, которыя упомянуты у Кутанца Кутами въ его книгѣ о земледѣліи*. Я думаю, эти однѣ строки уже достаточно свидѣтельствуютъ, что Кутами былъ единственнымъ сочинителемъ всей книги, а не простымъ вставщикомъ нѣкоторыхъ дополненій въ чье бы то ни было чужое сочиненіе.

По одному мѣсту правда въ книгѣ *О набатейскомъ земледѣліи* можно съ перваго раза подумать, что Кутами не болѣе, какъ объяснитель своихъ предшественниковъ, Дагрита и Ямбушада, но при тщательномъ изслѣдованіи этого мѣста въ его настоящей связи, не трудно убѣдиться, что оно ровно ничего не доказываетъ. Кутами между прочимъ говорить слѣдующее: «Ни одинъ человѣкъ не въ состояніи вполнѣ исчерпать свой предметъ, всякій на многое только указываетъ и о многомъ умалчиваетъ, предоставляя читателю обдумывать цѣлое дѣло и изъ сказаннаго выводить необходимыя заключенія.» Далѣе Кутами говорить, что весьма возможно появленіе въ будущемъ человѣка, который будетъ разумнѣе и изобрѣтательнѣе его, который подвинетъ ученіе объ агрономіи гораздо далѣе впередъ, чѣмъ онъ (Кутами) въ состояніи былъ это сдѣлать, «какъ напримѣръ Дагрить въ свое время многое написалъ о разныхъ предметахъ земледѣльческихъ, потомъ, по прошествіи долгаго времени, явился Ямбушадъ, который хотя и не оставилъ никакого отдѣльнаго писанія о земледѣліи, но былъ послѣдователемъ Дагрита и присоединилъ къ его сказаньямъ многое, имъ самимъ открытое; наконецъ я пошелъ по слѣдамъ ихъ обоихъ, нисколько не думая стать по своимъ малымъ познаніямъ на ряду съ ними, а писалъ и повѣрялъ то, что они оба сообщили, перечитывалъ то, что они написали, и прибавилъ къ этому свои собственныя развѣдки. Да возможно будетъ тебѣ, читатель этой книги, говорить онъ наконецъ, вывести полезныя заключенія изъ всего сказаннаго, совершить и обдумать собственныя наблюденія и присоединить къ словамъ моимъ то, до чего не дошелъ я, и

что ты самъ откроешь, чѣмъ ты окажешь великую услугу людямъ» и т. д.

Но, въ сущности, изъ этихъ словъ видно, что Кутами распространялъ не *сочиненія*, а *предметъ*, которымъ занимались его оба предшественника. Такъ напримѣръ Кутами говоритъ далѣе, что о средствахъ врачевать болѣзни растений сообщалъ уже Деванаи, но Адами прежде всѣхъ подробно написалъ объ этомъ предметѣ; Дагрить и Янбушадъ вполне воспользовались мудростью Адами, и каждый изъ нихъ присоединилъ свои собственные открытія; Кутами же съ своей стороны прибавилъ еще новыя дополненія.

Изъ того, что мнѣ теперь извѣстно о древне-вавилонской письменности, я вывожу заключеніе, что изъ всѣхъ древнихъ Вавилонянъ Дагрить и Янбушадъ писали о земледѣліи пространнѣе всѣхъ другихъ, и что Кутами взялъ этотъ предметъ въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, какъ они; поэтому, ихъ обоимъ можно по преимуществу назвать его предшественниками и руководителями, хотя онъ цитуетъ многихъ другихъ. Древне-вавилонскіе мудрецы — это отнынѣ положительно извѣстно — въ самыя отдаленныя времена занимались наукою земледѣлія. Уже Деванаи, древнѣйшій вавилонскій законодатель и вѣроучитель, сообщалъ въ своихъ писаніяхъ, между прочимъ, очень многое о земледѣліи, хотя и не оставилъ о немъ отдѣльной книги. Очевидно, что его агрономическія правила и предписанія имѣли преимущественно религіозный характеръ. Тѣмъ не менѣе однакожь онъ оставилъ до тысячи изображеній различныхъ видовъ виноградной лозы (изъ которыхъ 113 сохранились еще во время Кутами) съ присовокупленіемъ объяснительныхъ словъ. Кутами подробно описываетъ одно изъ этихъ изображеній и сообщаетъ соответствующую замѣтку изъ текста Деванаи.

Адами, жившій долгое время спустя послѣ Деванаи, считается основателемъ особаго рода агрономическаго ученія въ древней Халдеѣ, но одна часть его писаній утратилась уже во время Кутами; другая же была совершенно затемнена позднѣйшими вставками, и ея подлинность была сомнительна; такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Кутами, по мнѣнію котораго, книги, приписываемыя Адами, о послѣдователяхъ нѣкоторыхъ религіозныхъ вѣрованій, должны быть подложныя. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что Кутами не имѣлъ въ рукахъ своего полного, обнимающаго всю область земледѣлія, писанія Адами; правда,

что онъ цитуетъ его чаще нежели другихъ (кроме Дагрита и Янбушада) но въ книгѣ его находятся многіе отдѣлы, гдѣ во все не упоминается имя Адами, чего, при глубочайшемъ уваженіи своемъ къ нему, не сдѣлалъ бы Кутами, еслибъ Адами написалъ что-нибудь о содержаніи этихъ отдѣловъ.

Ишита, сынъ Адами, также многое сообщалъ о земледѣліи въ своихъ религіозныхъ писаніяхъ, но онъ говорилъ о немъ какъ бы мимоходомъ, и его агрономическимъ свѣдѣніямъ Кутами не придаетъ большой важности. Ишита былъ тотъ вѣроучитель, который возвелъ въ систему поклоненіе звѣздамъ и астрологию съ ея грубыми суевѣріями. Это ученіе, съ чѣмъ-то въ родѣ папства или священнаго халифата во главѣ, имѣло представителями своими людей съ огромнымъ вліяніемъ, сдѣлалось господствующимъ въ Вавилоніи и распространилось по всей Месопотаміи и Сиріи. Но Кутами, послѣдователь Адами, Анухи, горячаго противника идолослуженія, и Янбушада, оспаривавшаго поклоненіе звѣздамъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ Ишиты и его ученія; правда, что онъ совѣтуетъ читать поселянамъ въ праздничные дни писанія Ишиты, для внушенія имъ чувствъ благочестія и справедливости, но тѣмъ не менѣе при каждомъ случаѣ жестоко нападаетъ на Ишиту и его ученіе и осыпаетъ ругательствами его послѣдователей.

Мази Суранскій, внукъ Ишиты, родоначальникъ жреческаго рода въ Сурѣ (на Евфратѣ, въ южной Халдеѣ), и повидимому также основатель вѣроученія (послѣдователи его соединились потомъ съ послѣдователями его дѣдка), оставилъ по себѣ агрономическія писанія, но не касался земледѣлія во всемъ его объемѣ, и только нѣкоторыя части его писаній, какъ напримѣръ главы о пальмахъ, виноградникахъ и пр., послужили источникомъ для Кутами.

Во время этого Мази Суранскаго, жили также три Ханаанца, писавшіе о земледѣліи, именно: Ануха эль-Хетьяни изъ южныхъ областей Ханаана, Тамитри эль-Хебкуши изъ сѣверной части этой страны, и Ссардана; но сколько мнѣ извѣстно, Ануха писалъ только о виноградныхъ лозахъ, Ссардана сообщалъ весьма немногія свѣдѣнія о земледѣліи, по крайней мѣрѣ Кутами цитуетъ ихъ очень рѣдко. Тамитри, какъ кажется, писалъ о земледѣліи во всемъ его объемѣ, но, какъ житель Ханаана, придерживался агрономической системы, отличной отъ системы Халдеевъ, а Кутами, по національной нена-

висти, не могъ пристать къ системѣ Ханаанцевъ, притѣснителей его отечества, и хотя онъ, всегда умѣренный и разсудительный, старается ослабить рѣзкое различіе между Халдеями и Ханаанцами и не отказываетъ послѣднимъ въ своемъ уваженіи, но при всякомъ случаѣ отдаетъ преимущество своимъ одноплеменникамъ. Другой Ханаанецъ, которому Ибнъ-Вахшійя даетъ имя «Ибрагимъ», и который по моему мнѣнію жилъ не задолго до Кутами, писалъ, какъ кажется, о нѣкоторыхъ отрасляхъ земледѣлія, не занимаясь разработкою всего ученія.

Дагрить, жившій задолго до Кутами и не оставившій о своей жизни никакихъ извѣстій, представляется первымъ изъ Халдеевъ, писавшихъ о всѣхъ отрасляхъ земледѣлія; о многомъ онъ говорилъ даже подробнѣе Кутами; послѣ Адами и Мази Суранскаго, по времени онъ первый, котораго Кутами цитуетъ вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о настоящемъ земледѣліи.

Но въ какомъ отношеніи стоялъ Янбушадъ къ Дагриту? Не распространилъ ли только онъ творенія послѣдняго, обогативъ его своими замѣчаніями? Это я считаю рѣшительно невозможнымъ. Дагрить былъ благочестивый язычникъ; какъ замѣчено выше, онъ распредѣлялъ растенія по порядку планетъ. Напротивъ того Янбушадъ, одна, какъ оказывается, изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей вавилонской древности, находился въ открытой враждѣ съ туземною религіей, никогда не посѣщалъ капищъ, не участвовалъ въ языческихъ празднествахъ и открыто передъ цѣлымъ народомъ отрицалъ вліяніе планетъ и ихъ божественныя свойства; слѣдовательно онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть продолжателемъ писаній Дагрита, все направленій котораго, а равно и религіозныя идеи, находившіяся въ тѣсной связи съ его агрономическими взглядами, были совершенно противны его натурѣ. Онъ находится повидимому въ такомъ же отношеніи къ Дагриту, въ какомъ Галенъ къ Гиппократу: Галенъ пополнялъ и развивалъ врачевныя свѣдѣнія послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ совершенно иной взглядъ на дѣло; Галенъ никогда не обрабатывалъ и не улучшалъ твореній своего предшественника. Кутами часто сообщаетъ агрономическія правила, извлеченныя имъ изъ писаній Янбушада; не рѣдко также писанія эти служатъ ему единственнымъ руководствомъ, такъ напримѣръ по части степныхъ растеній.

Но откуда же могло взятъ вышеприведенное показаніе Ибнъ-Вахшійи о происхожденіи нашей книги? Я полагаю, что оно

или основано на догадкѣ, или должно быть объяснено такимъ же образомъ, какъ выше приведенное мѣсто изъ Кутами. Въ источникахъ, которыми пользовался Ибнъ-Вахшійя, можетъ быть находилось слово въ родѣ *мимро*, которое въ древне-вавилонской терминологіи легко могло означать ученіе, *дисциплину*, и въ то же время *книгу*; Ибнъ-Вахшійя принялъ это слово въ послѣднемъ невѣрномъ значеніи и на этомъ основалъ свое ложное мнѣніе. На эту догадку, что Ибнъ-Вахшійя такое двусмысленное слово не точно перевелъ словомъ *книга*, навели меня нѣкоторыя мѣста изъ извѣстныхъ мнѣ древне-вавилонскихъ писаній, гдѣ слово *книга*, употребленное переводчикомъ, не имѣетъ никакого смысла, и гдѣ для общей связи необходимо слово, которое бы означало ученіе, *дисциплину*; кажется впрочемъ, что самъ Ибнъ-Вахшійя въ послѣдствіи увидѣлъ свою ошибку и призналъ въ Кутами единственнаго и самостоятельнаго автора всей книги; во многихъ мѣстахъ, Ибнъ-Вахшійя, приводя слова текста, начинаетъ фразою: «Кутами, авторъ этой книги, говорить», или подобнымъ этому выраженіемъ, которое ясно показываетъ, что онъ почитаетъ Кутами самостоятельнымъ авторомъ. Очень можетъ быть, что Ибнъ-Вахшійя, по прошествіи нѣкотораго времени, самъ убѣдился въ ошибочности того мнѣнія о происхожденіи нашей книги, которое сообщено имъ въ предисловіи, а такъ какъ онъ, о чемъ уже упомянуто выше, не дожилъ до окончательнаго изданія своихъ твореній, то не имѣлъ и возможности исправить замѣченную имъ самимъ ошибку.

Впрочемъ, мы нисколько не имѣемъ намѣренія утверждать, чтобы каждое слово въ разбираемой нами книгѣ принадлежало Кутами, за исключеніемъ примѣчаній Ибнъ-Вахшійи, которыя узнать не трудно: кто возьметъ на себя смѣлость высказать подобное мнѣніе о книгѣ, относящейся къ глубокой древности? Критическая добросовѣстность новѣйшаго времени весьма мало извѣстна была въ древности, и уже Діодоръ (I, 5) жалуется на передѣльвателей и искажителей книгъ; къ тому же очень вѣроятно, что многія объясненія на поляхъ или замѣтки, сдѣланныя чужою рукой, въ теченіи вѣковъ вошли въ текстъ, такъ что ихъ теперь распознать трудно. Да и есть ли какая-нибудь древняя книга, въ которой можно было бы отрицать вѣроятность подобныхъ прибавокъ и передѣлокъ? Только эту вѣроятность, которая должна быть принимаема въ соображеніе при каждой древней книгѣ, и преимущественно, если книга от-

носится къ литературѣ Востока, допускаю я какъ ограниченіе положенія, что единственнымъ авторомъ *Набайтейскаго земледѣлія* должно считать Кутами.

Мы отвлеклись бы слишкомъ далеко, еслибы стали говорить здѣсь о Кутами и объ отношеніяхъ его къ туземной религіи. Въ *Историческомъ введеніи* къ предпринятому нами изданію новооткрытыхъ вавилонскихъ источниковъ предметъ этотъ будетъ изложенъ со всѣми подробностями; теперь мы ограничимся немногими замѣчаніями. Кутами былъ родомъ Халдей и жилъ въ городѣ Вавилонѣ. Онъ былъ богатый землевладѣлецъ; помѣстья его лежали къ западу отъ Евфрата въ странѣ Тейзенабадъ, также и въ Бажерма (у Сирійцевъ Бет-Гарме), на восточномъ берегу Тигра противъ Текрита. Земли его обрабатывались множествомъ поселянъ, подъ распоряженіемъ опытныхъ и ученыхъ управителей, которые, въ необходимыхъ случаяхъ, совѣтовались съ агрономическими писаніями Халдеевъ. Служители Кутами часто приходили въ городъ, то есть въ Вавилонъ, гдѣ они бесѣдовали съ нимъ о различныхъ предметахъ сельскаго хозяйства. О себѣ самъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги говоритъ: «Я, Кутами, принадлежу къ Куканцамъ, и потомъ — знайте это! — къ сирійскимъ Суранцамъ». Смыслъ этого мѣста не совсѣмъ ясенъ. Значить ли оно, что онъ происходилъ изъ города *Куки* (Qûqâ) и потомъ переселился въ Суру на Евфратѣ? Это невозможно; вопервыхъ потому, что онъ долженъ былъ бы прибавить: «и наконецъ къ Вавилонянамъ», такъ какъ онъ постоянно жилъ въ Вавилонѣ, и во вторыхъ, предстоить вопросъ, зачѣмъ онъ прибавляетъ многозначительныя слова: «знайте это!» послѣ того какъ онъ объявилъ себя Куканцемъ. Основываясь на этомъ, мы полагаемъ, что Кутами разумѣетъ здѣсь не *мѣсто*, изъ котораго онъ происходилъ, а только *школу*, къ которой онъ принадлежалъ. Кутами хочетъ дать знать, что сначала онъ принадлежалъ къ школѣ Куканцевъ, а потомъ перешелъ къ школѣ Суранцевъ. По указаніямъ Страбона (1) и Плинія (2), Халдеи дѣлились на различныя школы, какъ напримѣръ Орхеновъ, Борзиппеновъ, Гиппареновъ и многія другія, имена которыхъ не дошли до насъ. Страбонъ упоминаетъ двѣ первыя школы, замѣчая при томъ, что, кромѣ ихъ, существуютъ у Халдеевъ

(1) Страбонъ XVI, 734.

(2) Плиній *Nat. Hist.* VI.

многія другія школы. Итакъ, легко можетъ быть, что въ Кукѣ находилась особая халдейская секта или школа, носившая названіе этого города. Подъ именемъ Куки можно предположить городъ *Кохе* близъ Селевкии на Тигрѣ (1). По важности города Кохе, во времена христіанства, когда онъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ восточной церкви, можно также вывести заключеніе о значеніи этого города во времена язычества: извѣстно, что по большей части въ прежнихъ центральныхъ городахъ язычества устроились центры христіанской церкви.

Что же касается до города Суры, то мнѣ положительно извѣстно, что онъ, съ глубокой древности, былъ главнымъ мѣстомъ халдейской учености и цивилизаціи. Многіе изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ людей, которыхъ цитуетъ Кутами, были Суранцы, и сверхъ того существуетъ много данныхъ, по которымъ можно предполагать, что въ древнѣйшія времена не Вавилонъ, а Сура была главнымъ средоточіемъ древне-вавилонской образованности (2). О важности Суры свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что Кутами, упоминая о Суранцахъ, выражается такъ, какъ будто бы они составляли особое значительное племя, и говорить въ одномъ мѣстѣ: «Хананцы, Халдеи, Суранцы и др., всѣ принадлежатъ къ потомкамъ Адама.» Впрочемъ возможно также, что Орхоэ, гдѣ, по указанію Страбона, была халдейская школа, тождественъ съ Сурю: по крайней мѣрѣ данныя о географическомъ положеніи обоихъ городовъ нисколько не противорѣчатъ предположенію нашему о ихъ тождественности.

Что же касается до выраженія: «къ сирійскимъ Суранцамъ», то я нисколько не сомнѣваюсь, что оно принадлежитъ Ибнъ-Вахшійи, и что въ подлинникѣ находилось другое слово, вѣроятно *Армою*, которое Ибнъ-Вахшійя перевелъ словомъ «сирійскій». Этою припиской *Армою* или другимъ словомъ, находившимся въ оригиналѣ, Кутами можетъ-быть хотѣлъ означить, о какихъ Суранцахъ идетъ дѣло, потому что существовало нѣсколько городовъ, носившихъ названіе *Сура*.

(1) Объ этомъ городѣ упоминаетъ Амміанъ Марцелинъ, а также имя его часто встрѣчается у сирійскихъ отцовъ церкви.

(2) Я намѣренъ обратить особенное вниманіе на этотъ предметъ въ моемъ *Историческомъ введеніи* и подробно разсмотрѣть вопросъ о южно-халдейской, до-вавилонской цивилизаціи, къ которой памятники той страны уже привлекли вниманіе изслѣдователей.

IV.

Мы доказали, что Кутами единственный авторъ всего писанія. Намъ предстоитъ теперь разрѣшить трудный и важный вопросъ: *около котораго времени издалъ Кутами свое великое твореніе?* Мы говоримъ «около», ибо здѣсь и рѣчи не можетъ быть о такихъ точныхъ и достовѣрныхъ хронологическихъ данныхъ, какія мы можемъ почти безошибочно опредѣлить, когда дѣло идетъ о времени греческихъ и римскихъ писателей.

Къ сожалѣнію, до насъ это писаніе не дошло въ подлинникѣ, а Ибнъ-Вахшійя древнія названія городовъ, земель и народовъ замѣнилъ новыми, употребительными въ его время; оттого пропало множество данныхъ, которыми мы могли бы воспользоваться. Указанія и намеки автора на современное ему состояніе страны составляютъ теперь для насъ главное пособіе къ *приблизительному* опредѣленію времени появленія книги.

Катрмеръ, имѣвшій передъ собою, при изданіи своего знаменитаго *Mémoire sur les Nabatéens* (*Nov. Journ. Asiat.* t. XV. 1835), только одну треть *Набатейскаго земледѣлія*, первый занялся этимъ вопросомъ. Онъ относитъ нашу книгу къ эпохѣ Навуходносора, слѣдовательно къ половинѣ VI столѣтія до Р. X.

Вотъ доводы, представленные Катрмеромъ:

1) Книга говоритъ о различныхъ религіяхъ Востока, не упоминая ни одного слова о христіанствѣ.

2) Такое полное и обширное сочиненіе, въ которомъ все сельское хозяйство разсматривается въ порядкѣ, методически, и съ точнымъ изложеніемъ подробностей, могло быть издано тогда только, когда воздѣлываніе земли въ Вавилонѣ стояло на высокой степени совершенства, чего мы не замѣчаемъ не только во время Иисуса Христа, но даже и во время Александра Македонскаго, когда уже многіе каналы засорились, часть прежде цвѣтущей почвы превратилась въ болота и т. д.

3) Авторъ *Набатейскаго земледѣлія* представляетъ намъ современный ему Вавилонъ цвѣтущимъ городомъ, средоточіемъ главной религіи Востока. Онъ сообщаетъ о бесѣдахъ, которыя

онъ велъ съ разными лицами во многихъ храмахъ этой столицы. Известно, что основаніе Селевкіи нанесло Вавилону ударъ, послѣ котораго онъ не могъ уже оправиться, и что во время Арсакидовъ онъ пришелъ въ совершенный упадокъ до такой степени, что подъ конецъ не носилъ даже и названія города (1).

4) Авторъ говоритъ о Ниневіи, какъ о городѣ существующемъ, и, часто упоминая о различныхъ вавилонскихъ городахъ, ни однимъ словомъ не указываетъ на существованіе городовъ, основанныхъ Селевкидами, каковы напримѣръ Селевкія, Апа-мія, Ктезифонъ и др. Равно не находимъ мы у него ни малѣйшаго намека на Селевкидовъ или Арсакидовъ, такъ же какъ и на Сассанидовъ, и никакихъ свѣдѣній о существованіи какого-либо греческаго или римскаго писателя (2).

(1) Это доказательство въ самомъ дѣлѣ убѣдительно, но изъ него нельзя вывести такихъ рѣшительныхъ заключеній, какія вывелъ Катрмеръ. Слѣдующія обстоятельства несомнѣнны: Кутами былъ богатый землевладелецъ и жилъ въ городѣ Вавилонѣ, о чемъ онъ опредѣлительно говоритъ при многихъ случаяхъ; въ его время этотъ городъ былъ еще весьма значителенъ, и онъ дѣйствительно упоминаетъ о нѣкоторыхъ храмахъ, находившихся въ его время въ городѣ Вавилонѣ. Но изъ этихъ данныхъ я осмѣлился (въ моихъ *Сабіяхъ* II, стр. 910) вывести только то заключеніе, что Кутами жилъ не позднѣе 2-го вѣка до Р. Х., потому что, по предположенію моему, послѣ того какъ парянскій сатрапъ Гимеръ или Эвермеръ (около 130 г. до Р. Х.) совершенно разрушилъ Вавилонъ, этотъ городъ никакъ не могъ уже находиться въ такомъ состояніи, въ какомъ изображаетъ его сочиненіе Кутами. Не зная коротко книги, я не смѣлъ тогда выводить дальнѣйшихъ заключеній. Чтобы городъ Вавилонъ былъ во время Кутами, «средоточіемъ главной религіи Востока», этого я никакъ не могъ извлечь изъ данныхъ, находящихся въ нашей книгѣ. Ниже мы приведемъ подобное доказательство глубокой древности этой книги, извлеченное нами не изъ описанія города Вавилона, а изъ описанія страны и ея жителей.

(2) Что Ниневія упоминается какъ городъ существующій, это не доказываетъ ничего; не говоря уже о томъ, что императоръ Клавдій почти на самомъ мѣстѣ древней Ниневіи основалъ городъ, носившій названія Клавдіополь и Колонія Нинива, и что еще гораздо позднѣе на томъ же мѣстѣ существовалъ городъ Ниневія, я замѣчу только, что въ разбираемомъ нами сочиненіи упоминаемая Ниневія всегда называется «Ниневія-Вавилонъ», то-есть *вавилонская Ниневія* или также *Ниневія-эль-Жезира* то-есть *Ниневія островъ*, и что Ибнъ-Вахшійя съ величайшею опредѣленностью подтверждаетъ, что упоминаемая здѣсь Ниневія отнюдь не знаменитый городъ, лежавшій противъ Моссула, но сомнительный ему, лежавшій на полуостровѣ, образованномъ

5) Сочиненіе такого большаго объема, написанное на халдейскомъ языкѣ, одно уже, по мнѣнію Катрмера, можетъ служить доказательствомъ, что въ то время, когда оно было издано, Вавилонія не подчинена была чужеземному владычеству, и что жители ея, спокойные и счастливые, могли беззаботно заниматься сложными работами, которыя необходимы при употребленіи и усовершенствованіи приемовъ цвѣтущаго земледѣлія (1).

Изъ представленныхъ имъ доказательствъ Катрмеръ старается сдѣлать выводъ, что книга написана была въ самый цвѣтущій періодъ Вавилоніи, и даже, по его мнѣнію, между временемъ Белезиса, освободителя Вавилоніи отъ ига Ассирійцевъ, и эпохою покоренія Вавилона Киромъ, промежутокъ, въ которомъ время великаго Навуходоносора кажется ему самымъ удобнымъ для появленія такого великаго творенія.

Вообще невозможно не замѣтить, что большая часть Катрмеровыхъ доказательствъ не выдерживаютъ критики, и вышеприведенный выводъ его не подтверждается при тщательной провѣркѣ (2).

Тигромъ и обоими потоками Цаба, принадлежавшій къ Вавилону и населенный Набатейми (т.-е. Арамеями) и Курдами. Ибнъ-Вахшія не говоритъ, откуда это ему извѣстно, но даже позднѣйшіе арабскіе географы знали два города, носившіе названіе Ниневіи. Что города, основанные Селевкидами, не упоминаются здѣсь, также ровно ничего не доказываетъ, потому что жители Востока очень рѣдко употребляли греческія названія городовъ, и древніе города, большею частію не вновь основанные Греками, а только улучшенные и распространенные ими, носили у туземцевъ свои прежнія туземныя названія. Напротивъ, весьма замѣчательно то обстоятельство, что въ книгѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на владычество Селевкидовъ (не говоря уже объ Арсакидахъ), и мы упомянемъ объ этомъ ниже. А что греческіе и римскіе писатели также не упоминаются, то изъ этого невозможно вывести никакого заключенія о древности вавилонскаго писателя.

(1) Это доказательство похоже на предыдущее и также несостоятельно: въ послѣдствіи мы постараемся доказать, что эта книга написана въ такое время, когда Вавилоняне подчинены были чужеземному владычеству, и подъ игомъ и преобладающимъ влияніемъ завоевателей жили спокойно и счастливо.

(2) Въ некрологѣ Катрмера, написанномъ Бартеlemi-де-Сентъ-Илеромъ (*Journal des Sav.* 1857, ст. 708), находится въ концѣ примѣчаніе, что въ посмертныхъ сочиненіяхъ Катрмера есть готовый къ печати мемуаръ о *Набатейскомъ земледѣліи*. Мнѣ очень желательно было узнать содержаніе этого мемуара, и я писалъ объ этомъ извѣстному ориенталисту г. Флейшеру, профессору въ Лейпцигѣ; тотъ обратился къ г. Гальму, бібліотекарю мюнхенской публичной бібліотеки, который, какъ извѣстно, приобрѣлъ бібліотеку Катрмера. Г. Гальмъ былъ такъ обязанъ, что выслалъ г. Флейшеру вышеупомянутый, готовый къ печати

Очень сожалею, что необходимость заставляет меня въ этомъ случаѣ вступить въ споръ съ великимъ ориенталистомъ. Я представлю свои доказательства въ пользу глубокой древности нашей книги совершенно независимо отъ него. Я начну снизу и буду все подниматься вверхъ, дотѣхъ поръ, пока не достигну того времени, съ которымъ, по мнѣнію моему, несомнѣнно совпадаетъ ея появленіе въ свѣтъ. Безъ сомнѣнія, я бы могъ избавить и

мемуаръ; при послѣднемъ проѣздѣ моемъ чрезъ Лейпцигъ въ юнѣ 1858 г., я имѣлъ его нѣсколько часовъ въ своихъ рукахъ, долгое время спустя послѣ того какъ нѣмецкій переводъ упомянутой статьи былъ представленъ нашей императорской академіи наукъ. Я скоро убѣдился, что этотъ мемуаръ не только не былъ изготовленъ къ печати, но едва набросанъ. Весь мемуаръ состоитъ изъ пакета въ 108 листовъ in-4 и содержитъ въ себѣ слѣдующее: На стр. 1—120 находятся не имѣющія между собою связи извлеченія изъ *Набатейскаго земледѣлія*, составленныя по *Leidensis Cod. № 303*, безъ вариантовъ или иныхъ замѣтокъ, и даже безъ систематическаго изложенія, а просто взятая въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ означенномъ кодексѣ. На стр. 121—126 довольно вѣрный переводъ предисловія Ибнъ-Вахшіи. На стр. 126—127 высказано и вратѣцъ доказано предположеніе, что подлинникъ изданъ былъ на халдейскомъ языкѣ; впрочемъ я не нашелъ ничего новаго. Окончаніе стр. 127 занято началомъ изслѣдованія объ издателяхъ нашей книги, основаннымъ на данныхъ, которыя сообщаетъ Ибнъ-Вахшія. На стр. 129—132 выражено предположеніе, впрочемъ безъ доказательствъ, что не Кутами авторъ этой книги, хотя во многихъ мѣстахъ онъ и называется авторомъ ея; затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько буквальныхъ выписокъ изъ *Набатейскаго земледѣлія* о Дагритѣ. На стр. 133—214 находится списокъ главы *Набатейскаго земледѣлія*, трактующей о пальмѣ; заключенія этой главы нѣтъ. Стр. 215 содержитъ переводъ первыхъ строкъ этой главы. Слѣдовательно цѣлое представляетъ только часть матеріала для составленія мемуара, а стр. 126, 127 и 129—130 только приступъ къ нему. Уже въ 1835 г.

Катрмеру извѣстна была парижская рукопись *Набатейскаго земледѣлія*, содержащая почти третью часть всего сочиненія; лейденскія рукописи, которыми я теперь пользуюсь, находились у него (какъ сообщаетъ мнѣ въ письмѣ своемъ отъ 18 мая 1856 изъ Лейдена профессоръ Нейнболль) съ 1849 г. по май мѣсяць 1856 г., слѣдовательно болѣе семи лѣтъ, и несмотря на то, онъ не воспользовался этими важными документами и ничего изъ нихъ не обнаружилъ. Очевидно, что онъ не сознавалъ всей важности и значенія этого великаго творенія, которое, по нашему мнѣнію, можетъ преобразовать древнюю исторію. Можетъ-быть слова наши покажутся многимъ странными, но объясненіе подобнаго факта очень просто: Катрмеръ конечно обладалъ такою огромною ученостію, какую рѣдко можно встрѣтить даже въ Германіи, но въ дѣлѣ критики, и особенно исторической, никогда не занималъ высокаго мѣста.

себя и читателя отъ дальняго пути и тотчасъ же назвать царей, властвовавшихъ надъ Вавилонією во время Кутами: тотчасъ бы ясно стало, что цари эти не были ни Сассаниды, ни Арсакиды, ни Селевкиды, ни даже Персы и Ассирійцы, но я не хочу основывать свои доказательства на нѣкоторыхъ только мѣстахъ, и постараюсь показать, что *цѣлое* сочиненіе во всѣхъ частяхъ своихъ соотвѣтствуетъ предполагаемому мною времени его изданія.

Изслѣдованію моему я долженъ предпослать общее замѣчаніе. Безъ сомнѣнія Кутами писалъ совершенно самостоятельно; онъ подвергалъ строгому изслѣдованію мнѣнія своихъ предшественниковъ, онъ цитуетъ множество писателей, которые упоминали до него частію прямо, частію косвенно о предметѣ его занятій. Кутами цитуетъ своихъ предшественниковъ съ точностію новѣйшихъ ученыхъ; начало каждой цитаты ясно обозначено, а равно и конецъ ея, если она длинна; рѣдко можно ошибиться даже въ окончаніи краткой цитаты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ забываетъ обозначить ссылку свою на какого-нибудь автора, онъ тщательно исправляетъ свою забывчивость и въ концѣ статьи прибавляетъ, что вышеприведенныя слова принадлежать такому-то. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: вышесказанное принадлежитъ такимъ-то тремъ авторамъ (слѣдуютъ имена ихъ), но онъ не цитуетъ ихъ отдѣльно, потому что въ этомъ пунктѣ они совершенно согласны между собою. Въ другомъ мѣстѣ онъ цитуетъ сочиненіе одного древняго Хаддея о виноградникѣ и пальмѣ, не называя имени автора, и считаетъ нужнымъ присовокупить, что не знаетъ, кому принадлежитъ упомянутая имъ книга, что имя автора въ книгѣ не обозначено. Въ заключительной главѣ своего писанія, Кутами въ двухъ мѣстахъ опредѣлительно говоритъ, что все взятое имъ у своихъ предшественниковъ онъ приводитъ съ указаніемъ на источники, изъ которыхъ онъ черпалъ, и въ этомъ случаѣ Кутами заслуживаетъ полной довѣренности, потому что вся книга его служитъ ручательствомъ въ истинѣ его словъ. Слѣдовательно, каждое мѣсто, которое прямо не названо цитатою, должно непременно принадлежать самому Кутами, и мнѣ кажется рѣшительно невозможнымъ, чтобы человекъ, который вездѣ цитуетъ такъ тщательно, сталъ бессмысленно переписывать, не показывая источниковъ, именно тѣ мѣста, гдѣ авторъ говорить отъ себя въ первомъ лицѣ.

Предпославъ это замѣчаніе, приступаемъ къ изысканію времени, въ которое писалъ Кутами.

Выше замѣчено, что во всей книгѣ ни слова не упоминается о христіанствѣ. Конечно, это могло произойти случайно, хотя подобная случайность была бы изумительна; но мы можемъ прибавить, что Кутами не имѣлъ ни малѣйшаго, даже отдаленнаго понятія о христіанствѣ; мы увидимъ ниже, что онъ даже не зналъ ничего объ іудейской вѣрѣ, хотя число Евреевъ было очень значительно въ Вавилоніи во время Навуходоносора.

Ни одно слово въ писаніи его не содержитъ въ себѣ даже намекъ на владычество надъ Вавилоніею Арсакидовъ или Пароянъ. Правда, въ немъ упоминается народъ, называвшійся Пеглевианами, но до сихъ поръ неизвѣстно, чтобы какой-нибудь народъ носилъ это имя, и мы не знаемъ достоверно, къ какой эпохѣ и странѣ можно отнести его существованіе. Графъ Гобиндъ, въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи о клинообразныхъ надписяхъ, утверждаетъ, что вторая изъ трехъ великихъ надписей Дарія Гистаспа написана на языкѣ *Пеглеви*. Впрочемъ, можетъ-быть, этимъ названіемъ Ибнъ-Вахшійя замѣнилъ какое-нибудь названіе болѣе древнее. Въ другомъ мѣстѣ упоминается языкъ Пеглеви, какъ нарѣчіе персидскаго языка, но впервыхъ мы не можемъ опредѣлить время, *когда* образовалось это нарѣчіе, въторыхъ я долженъ замѣтить, что мѣсто, гдѣ упоминается языкъ Пеглеви, по всѣмъ вѣроятностямъ, есть позднѣйшая приписка, случайно попавшая въ текстъ.

Объ Арсакидахъ такъ же, какъ и о Селевкидахъ, не упоминается вовсе, и хотя знакомство автора съ народомъ, который въ переводѣ носитъ названіе *Лунань*, то-есть Іонійцевъ, не подлежитъ сомнѣнію, но за то нѣтъ ни одного мѣста, которое бы содержало хотя отдаленный намекъ на осѣдлость Грековъ въ Вавилоніи или въ сосѣдственныхъ съ нею земляхъ; многое даже доказываетъ совершенно противное. Впрочемъ, мы будемъ говорить ниже о томъ, какъ упоминается въ этомъ писаніи имя Іонійцевъ, или Грековъ.

Авторъ знакомъ съ Персами и говоритъ о нихъ съ уваженіемъ; онъ знаетъ и нѣкоторые изъ ихъ религиозныхъ обрядовъ, вѣрованій и преданій, и упоминаетъ о растеніи, которое у маговъ называется *Гомъ*. Но Персы были ближайшими сосѣдями Вавилонянъ, а потому нисколько не удивительно близкое знакомство обоихъ народовъ еще прежде Кира, тѣмъ болѣе что въ

глубокой древности Вавилонія производила уже дѣятельную торговлю съ странами отдаленнаго Востока, какъ на примѣръ съ Хорасаномъ, Согдіаною и даже съ Индіею. Несмотря на то, что Персы упоминаются во многихъ мѣстахъ, во всемъ этомъ огромномъ писаніи нѣтъ и отдаленнаго намека, чтобы страна управлялась Персами, или чтобы Персы находились между ея жителями. Упоминается одинъ персидскій царь по имени *Камашъ*, но онъ очевидно принадлежитъ къ эпохѣ, предшествовавшей владычеству Кира.

Обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство, которое также можетъ служить доказательствомъ, что книга наша не могла быть написана во время владычества Персовъ. Кутами, вообще ровный и умѣренный въ своемъ изложеніи, воспламеняется всегда, когда рѣчь идетъ о предметахъ, близкихъ его сердцу; это особенно замѣтно при восхваленіи Вавилоніи и Вавилонянъ. Мы знаемъ изъ Геродота, что Вавилонія и Вавилоняне, со времени покоренія ихъ Даріемъ Гистаспомъ, и особенно со времени Ксеркса, пришли въ совершенный упадокъ, изъ котораго не возставали уже никогда, даже во время мимолетнаго благоволенія къ нимъ Александра Великаго. Кутами же, напротивъ того, изображаетъ страну и жителей въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Я разумѣю здѣсь не тѣ мѣста его книги, въ которыхъ онъ представляетъ Вавилонію самою благословенною, плодородною и цвѣтущею страню: такую она могла быть даже при Сассанидахъ. Я не говорю также о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ называетъ Вавилонянъ мудрѣйшими изъ людей, богами человѣчества: эти слова можно принять за порывъ національной гордости, возникшей изъ сознанія минувшаго величія. Но Кутами говоритъ также, что народы всѣхъ страхъ обращаются къ Вавилонянамъ для изученія ихъ мудрости и искусствъ; по словамъ его, они служатъ образцомъ для всѣхъ народовъ, относительно одежды, украшеній и умѣнья пользоваться благами жизни, такъ что ихъ по справедливости можно назвать «царями, указующими прямой путь». Подобное описаніе не имѣетъ ничего общаго съ разказами Геродота, который, изображая бѣдственное состояніе и нищету Вавилонянъ, говоритъ, что многіе изъ нихъ принуждены, для поддержанія своей плачевной жизни, обращать дочерей своихъ въ публичныхъ развратницъ (1).

(1) См. Геродота I, 196.

При разныхъ случаяхъ Кутами упоминаетъ о двадцати двухъ древне-вавилонскихъ царяхъ, изъ которыхъ двадцать онъ называетъ ихъ собственными именами и только двухъ прозвищами. Между этими царями нѣтъ ни одного изъ извѣстныхъ намъ вавилонскихъ царей, царствовавшихъ послѣ Набонассара, то-есть послѣ 747 г. до Рождества Христова. При исчисленіи различныхъ растений онъ также замѣчаетъ иногда, что такія-то растенія введены въ Вавилонію такимъ-то царемъ, или въ царствованіе такого-то царя. Но онъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ о великомъ Навуходоносорѣ, который такъ много сдѣлалъ для канализаціи страны. Это было бы въ высшей степени странно, еслибъ онъ жилъ послѣ этого царя. Даже въ тѣхъ главахъ, которыя трактуютъ объ орошеніи почвы и о способахъ проведенія каналовъ, нигдѣ не упоминается объ огромныхъ водяныхъ сооруженіяхъ Навуходоносора (1), что было бы рѣшительно невозможно, еслибы Кутами имѣлъ о нихъ свѣдѣніе.

При этомъ я обращаю вниманіе читателя на одно обстоятельство, которое, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ, сильно говоритъ въ пользу того мнѣнія, что Кутами жилъ прежде Навуходоносора. Извѣстно, что этотъ царь привелъ въ Вавилонію лучшую часть іудейскаго народа, въ которомъ конечно сохранились начала чистой Моисеевой вѣры, и что Іудеи даже въ это время были многочисленны, жили во многихъ странахъ и пользовались большимъ влияніемъ, что видно изъ книгъ Даниила, Неемїи и Эсѣири. Конечно, не было бы ничего удивительнаго, что вавилонскій писатель не упоминаетъ о земледѣліи Іудеевъ и объ іудаизмѣ вообще, но это было бы необъяснимо въ Кутами, который самъ обнаруживаетъ наклонность къ монотеизму, крѣпко сомнѣвается въ божественности планетъ и нисколько не сочувствуетъ туземной религіи. Выступить открыто противъ этой религіи въ Вавилонѣ было, по всему вѣроятно, еще опаснѣе, чѣмъ у насъ въ средніе вѣка напасть на католицизмъ и папу. Вслѣдствіе этого Кутами очень осторожно выражаетъ свой скептицизмъ и оппозицію противъ туземныхъ вѣрованій, говоритъ чрезвычайно умѣренно о религіозныхъ предметахъ и вездѣ усиливается прикрыть себя извѣстными авторитетами.

(1) О водяныхъ сооруженіяхъ этого царя см. Нибура сына *Gesch. Assur's und Babel's*, Berlin 1857. стр. 218.

Такъ старается онъ доказать, что уже Адами не терпѣлъ идоло-служенія, что Ануха былъ рѣшительнымъ противникомъ идоловъ, что далѣе самъ боготворимый почти Янбушадъ, о жизни и смерти котораго въ храмахъ послѣ богослуженія читались легенды посреди слезъ и стenanій (1), отвергалъ вліяніе и божественность планетъ, и втайнѣ поучалъ своихъ любимыхъ учениковъ, что «даже солнце состоитъ подъ владычествомъ и управленіемъ высшаго божества»; Кутами прибавляетъ, что и Ханаанецъ Ибрагимъ (имя котораго не должно смѣшивать съ соименнымъ ему патріархомъ) слѣдовалъ этому ученію и даже отрицалъ божественность солнца. Обо всѣхъ этихъ противникахъ господствующей туземной религіи онъ повѣствуетъ чрезвычайно пространно и съ глубокимъ внутреннимъ сочувствіемъ. При этомъ онъ никогда, правда, не забываетъ, гдѣ возможно, вставить фразу, которая должна служить доказательствомъ, что самъ онъ не придерживается подобныхъ мнѣній; но эти извинительныя фразы до такой степени слабы, и сочувствіе его къ противникамъ идолопоклонства такъ ярко бросается въ глаза, что это уже замѣтилъ съ большимъ удовольствіемъ простодушный магомеданскій читатель въ примѣчаніяхъ своихъ на поляхъ лейденской рукописи, а также и Ибнъ-Вахшія обратилъ на это свое вниманіе. Невольно приходитъ въ голову вопросъ, отчего Кутами при такомъ удобномъ случаѣ ни слова не говоритъ о монотеистахъ Іудеяхъ? Вѣдь они были очень распространены въ Вавилоніи и хорошо всѣмъ извѣстны, они жили тамъ до самаго времени Сассанидовъ, пользуясь счастіемъ, общимъ вниманіемъ и уваженіемъ, оставались вѣрны и горячо преданы единому Богу, Отцу своему, и никогда не скрывали своего монотеизма; и совсѣмъ тѣмъ Кутами нигдѣ не случилось ни однимъ словомъ замѣтить, что цѣлый многочисленный народъ исповѣдуетъ ученіе, которому онъ сочувствовалъ въ душѣ своей! Это было бы невѣроятно, еслибъ онъ имѣлъ случай наблюдать Іудеевъ вблизи. Очевидно, что Кутами жилъ задолго до перваго разрушенія Іерусалима, а такъ какъ вопервыхъ монотеизмъ укоренился между всѣми Іудеями въ довольно позднее время, а вовторыхъ израильскій народъ въ политическомъ отношеніи не имѣлъ большаго значенія, то Кутами дѣйствительно могъ не имѣть свѣдѣній

1) См. *Ssabier* II, стр. 915.

о монотеизмѣ, тогда еще недостаточно извѣстномъ. Въ новѣйшее время Катрмеръ мимоходомъ высказалъ мнѣніе, что лица, которыя упоминаются въ *Набатейскомъ земледѣліи*, и имена которыхъ сходны съ именами библейскихъ патріарховъ, какъ напримѣръ Адама, Ишита, Ануха и Ибрагимъ эль-Канаани, очевидно замствованы изъ Библии при посредничествѣ Іудеевъ (1); но, признаюсь, для меня совершенно непонятно, какимъ образомъ могла придти въ голову мысль, что упомянутыя вавилонскія и ханаанскія лица извлечены изъ Библии, тогда какъ они только частію, и то въ нѣкоторыхъ слабыхъ чертахъ, напоминаютъ соименныхъ имъ библейскихъ патріарховъ, а въ цѣломъ не имѣютъ съ ними ни малѣйшаго сходства (2).

Но можетъ-быть Кутами писалъ о Вавилонѣ во время ассирійскаго владычества? Это также невозможно, потому, что Кутами пользуется каждымъ случаемъ, чтобъ обнаружить свою ненависть и презрѣніе къ Ассирійцамъ, которыхъ онъ называетъ *жерамика* (3), и хотя ассирійское народонаселеніе принадлежало къ одному племени съ Вавилонянами, но Кутами и знать о томъ не хочетъ. Разсудительный и чрезвычайно осторожный Кутами конечно не позволилъ бы себѣ обнаружить подобную ненависть и отвращеніе къ Ассирійцамъ, еслибъ они были въ его время властителями его отечества.

Или писалъ Кутами во время самостоятельнаго существованія въ Вавилоніи? И этого нѣтъ. Во время Кутами, какъ мы увидимъ, въ Вавилонѣ царствовала не туземная, но *ханаанская* династія. Ханаанское государство въ Вавилонѣ въ древнѣйшія времена исторіи человѣчества, вотъ фактъ, открывающійся намъ изъ критическаго изученія рукописей Лейденской бібліотеки.

Д. Хвольсонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

(1) См. *Journal des Sav.* 1857, мартъ, стр. 147, статья Катрмера, служащая доказательствомъ слабости его въ дѣлѣ исторической критики.

(2) См. *Sabier* II, стр. 910.

(3) Объ употребленіи этого имени въ отношеніи древнихъ Ассирійцевъ см. *Sabier* II, стр. 697. прим. 188.

ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ

СНАБЖЕНІЯ ВОЙСКЪ ВЕЩАМИ ¹

III.

Одно изъ важнѣйшихъ затрудненій въ снабженіи арміи представляетъ ея подвижность. Нѣкоторыя части войскъ переходятъ съ одной квартиры на другую. Передвиженіе служить главнѣйшею причиною, заставляющею имѣть въ разныхъ пунктахъ государства комиссаріатскія депо или магазины, откуда войска получаютъ нужныя для своего обмундированія вещи. Войска перемѣняютъ мѣсто своего расположенія по соображеніямъ правительства, вслѣдствіе разныхъ причинъ. Въ видахъ экономическихъ, одна и та же мѣстность не должна быть обременяема постояннымъ или слишкомъ продолжительнымъ пребываніемъ войскъ; въ видахъ политическихъ, войска иногда стягиваются болѣе къ той или другой границѣ государства; нѣкоторыя части войскъ перемѣняютъ мѣсто для содержанія карауловъ, для смотровъ, маневровъ и т. п.; наконецъ принимаются въ расчетъ и причины нравственныя, требующія, чтобы войска

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 7.

не приобрѣтали привычекъ осѣдлости, и проч. Изъ всѣхъ этихъ причинъ передвиженія только политическіе виды условливаются непредвидимыми обстоятельствами, и потому имѣють характеръ большей или меньшей (но нѣкогда совершенной) неожиданности. Всѣ прочія причины бывають извѣстны заблаговременно, и потому заставляютъ войска перемѣнять квартиры или по прошествіи нѣкотораго опредѣленнаго періода, или на болѣе или менѣе короткое время. Периодическія передвиженія совершались у насъ преимущественно чрезъ три года; кратковременныя болѣею частію не превышаютъ двухъ, трехъ, четырехъ мѣсяцевъ. Последнія происходятъ обыкновенно не на очень далекія разстоянія, и съ тѣмъ, чтобы двинутыя войска возвратились въ прежнее мѣсто своего расположенія. Такимъ образомъ можно сказать, что за исключеніемъ обстоятельствъ политическихъ, или, яснѣе, войны, войска могутъ стоять на одномъ мѣстѣ по три года. Конечно намъ могутъ возразить, что положеніе это не совсѣмъ точно; но мы не видимъ препятствій къ тому, чтобы оно не могло сдѣлаться совершенно точнымъ. Если передвиженіе войскъ служить поводомъ къ содержанію особыхъ обширныхъ комиссаріатскихъ учрежденій для доставленія обмундированія арміи, то уничтоженіе такихъ учрежденій, ведущее за собою весьма значительное сокращеніе издержекъ, не можетъ ли въ свою очередь послужить важнымъ побужденіемъ къ установленію правильнаго, періодическаго перемѣщенія войскъ? Полагаемъ, что отвѣчать нѣтъ—значить отвергать пользу сбереженія государственной казны, что, вмѣстѣ съ производительнымъ употребленіемъ ея, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ администраціи. Съ своей стороны, считая совершенно возможнымъ, чтобы войска, подлежащія передвиженію, оставались на квартирахъ постоянно по крайней мѣрѣ три года, мы полагаемъ такое установленіе въ основаніе дальнѣйшихъ соображеній нашихъ объ усовершенствованіи порядка довольствія войскъ.

Такъ какъ войска не могутъ заготовлять потребныя для своего обмундированія вещи съ такимъ успѣхомъ, какъ высшее центральное учрежденіе, исключительно для того назначенное; то всѣ соображенія о заготовленіи должны быть возложены на комиссаріатскій департаментъ. Предоставленіе заготовленій самимъ войскамъ вредно и въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи. Войска могутъ заготовлять дешево только то, что производится въ мѣстахъ ихъ расположенія; но при

этомъ не устраняется возможность злоупотребленій, весьма пагубно дѣйствующихъ какъ на офицеровъ, такъ и на нижнихъ чиновъ. Всякое справедливое и несправедливое неудовольствіе послѣднихъ отражается на дисциплинѣ, между тѣмъ какъ сохраненіе ея такъ необходимо въ арміи. Занятіе торговлею для снабженія войскъ нужными для нихъ вещами отвлекаетъ офицеровъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей и, по выраженію г. Аничкова, можетъ обратить полковую канцелярію въ купеческую контору. Поэтому существованіе особаго центрального управленія, комиссаріатскаго департамента, необходимо. На него должна быть возложена обязанность устраивать заготовленіе потребностей обмундированія.

Способы заготовленія могутъ быть оставлены нынѣ существующіе, за исключеніемъ выдачи войскамъ денегъ вмѣсто вещей, а именно: подрядъ съ торговъ, коммерческой и комиссіонерской способъ. Изъ нихъ, само собою разумѣется, первый предпочитается двумъ остальнымъ.

Торги слѣдуетъ производить въ Москвѣ, какъ центръ русской торговли и промышленности. Хотя заготовители комиссаріатскихъ вещей живутъ въ разныхъ городахъ Россіи; но это обстоятельство не должно быть препятствіемъ къ назначенію торговъ въ одной Москвѣ, а не въ разныхъ мѣстахъ, какъ это дѣлается въ настоящее время. Бѣольшая часть подрядчиковъ ѣздитъ ежегодно въ Москву и С.-Петербургъ, не только по комиссаріатскимъ подрядамъ, но и вообще по торговымъ дѣламъ, такъ какъ ихъ капиталы помѣщаются въ предпріятіяхъ разнаго рода. Всѣ эти подрядчики болѣе или менѣе зависятъ отъ нижегородской ярмарки, и обязаны посѣщать ее сами или посылать туда своихъ повѣренныхъ. Взаимныя сдѣлки между ними по покупкѣ того или другаго предмета ихъ подрядовъ совершаются въ Москвѣ. Самыя цѣны на заготовленія устанавливаются въ Москвѣ и Нижнемъ. Многіе заводы, каковы кожевенные, столь важные въ комиссаріатскомъ довольствіи, находятся въ близкихъ къ нашей старой столицѣ губерніяхъ. Торговля холстомъ и полотнами, другимъ наиболѣе потребляемымъ войсками предметомъ, сосредоточивается въ Нижнемъ-Новгородѣ. Словомъ, къ Москвѣ, какъ къ центру, постоянно стремится промышленный людъ нашъ. Наконецъ, еслибы, по какимъ-нибудь причинамъ, подрядчикъ не могъ самъ пріѣхать къ торгамъ, заблаговременно объявленнымъ, или прислать повѣреннаго, то запечатанный конвертъ съ объясненіемъ цѣнъ и

количества вещей, назначаемых подрядчикомъ для своей операціи, можетъ легко замѣнить его и въ отсутствіи. Но производство торговъ въ Москвѣ много выиграло бы отъ присутствія на нихъ лица, управляющаго комиссаріатомъ. Онъ принесъ бы туда всё долженствующія отличать его качества: довѣріе правительства и торговцовъ, силу убѣжденія, основанную на безкорыстномъ стремленіи къ пользамъ казны, и подробное знаніе состоянія промышленности и торговли. Поручать производство торговъ лицу постороннему, не принимающему живаго участія въ успѣхѣ заготовленія, значить удаляться отъ цѣли этого важнаго дѣла. Договоры съ казною, по закону, должны быть хранимы столь твердо, какъ бы они были за собственноручнымъ подписаніемъ императорскаго величества; поэтому и производство торговъ, предшествующее заключенію договоровъ, должно соответствовать святости ихъ. Сверхъ того производство торговъ въ одинъ разъ на всю массу заготовленія сократило бы переписку объ этомъ предметѣ. Подрядчики же могли бы дѣйствовать съ бѣльшимъ удобствомъ: не успѣвъ оставить за собою какую-либо часть заготовленія, они могли бы торговаться на другую, третью и т. д. Такимъ образомъ соревнованію ихъ было бы поприще очень обширное. Намъ могутъ сказать, что стеченіе множества подрядчиковъ въ одномъ мѣстѣ можетъ произвести между ними стачку. Издавна стачки служатъ какимъ-то пугаломъ вообще при производствѣ торговъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ бывають рѣдко и составляютъ исключеніе, а не правило. Подрядчики преимущественно дѣйствуютъ одинъ противъ другаго, а не другъ за друга; чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ меньше между ними согласія, и тѣмъ болѣе соревнованія и зависти. Изъ желанія перебить подрядъ у соперниковъ, торгующіеся чаще зарываются и выпрашиваютъ слишкомъ низкія цѣны, нежели, вслѣдствіе стачки, возвышаютъ ихъ. Примѣромъ могутъ служить торги на откупа, гдѣ обиліе торгующихся мѣшаетъ устройству стачекъ и порождаетъ огромныя наддачи. Но еслибъ и въ самомъ дѣлѣ случилась стачка, неужели въ ней примутъ участіе всѣ съѣхавшіеся въ Москву подрядчики? Такое согласіе было бы по истинѣ фактомъ безпримѣрнымъ. Неужели въ виду стачки между нѣкоторыми, производящей торги начальникъ комиссаріата не найдетъ средствъ устроить заготовленіе съ выгодой для казны, когда въ Москвѣ соберутся всѣ или многіе подрядчики, желающіе довольствоваться войска? Было бы странно, еслибы средствъ этихъ не нашлось у него;

такое явленіе показало бы только неслыханную неспособность этого лица и совершенное отсутствіе довѣрія къ нему со стороны подрядчиковъ, то-есть обнаружило бы такія обстоятельства, которыя могли бы быть извѣстны правительству гораздо ранѣе торговъ, а слѣдовательно повлекли бы за собою замѣну этого начальника другимъ болѣе достойнымъ своего назначенія.

Нѣкоторые говорятъ также, что на производство торговъ, по значительному числу войскъ, понадобится много времени, и потому трудно будетъ опредѣлить срокъ продолженія торговъ. Къ чему же искать въ этомъ опредѣлительности? Необходимость послужить мѣрою, точно такъ же, какъ и при производствѣ откупныхъ торговъ.

Для производства торговъ слѣдуетъ назначать всякій разъ временную комиссію изъ управляющаго комиссаріатскимъ департаментомъ, одного члена общаго присутствія этого департамента, двухъ депутатовъ отъ войскъ, расположенныхъ въ Москвѣ, двухъ депутатовъ отъ тамошняго купечества и губернскаго прокурора. Для дѣлопроизводства можно командировать дѣлопроизводителя общаго присутствія департамента. Взаимная независимость этихъ лицъ, присутствіе прокурора, какъ блюстителя законовъ, и военныхъ и купеческихъ представителей, могутъ служить обезпеченіемъ, какъ передъ правительствомъ, такъ и передъ сословіями, до которыхъ дѣло заготовленія касается, что торги будутъ производиться съ надлежащею правильностію.

• Желающіе принять участіе въ торгахъ должны имѣть отъ общества, къ которому принадлежатъ, свидѣтельство, удостоверяющее положительнымъ образомъ ихъ благонадежность.

Такъ какъ въ основаніе предлагаемаго нами порядка довольствія войскъ мы положили правило, что они должны оставаться на своихъ квартирахъ въ продолженіе трехлѣтняго срока, то и заготовленіе нужныхъ для нихъ вещей должно быть предоставляемо подрядчикамъ также на три года, а слѣдовательно торги могли бы производиться только одинъ разъ въ теченіи этого срока. Лица, знакомыя съ настоящимъ ходомъ дѣлъ комиссаріата, знаютъ, что цѣны на вещевыя потребности войскъ не подвергаются значительнымъ и частымъ измѣненіямъ. Ихъ не измѣнили даже важныя военныя обстоятельства послѣдняго времени. Поэтому нельзя сказать, что предоставленіе подрядовъ на три года, вмѣсто одного, какъ теперь, можетъ заставить

казну платить за вещи дороже, чѣмъ слѣдуетъ. Напротивъ, по нашему мнѣнію, скорѣе можетъ произойти пониженіе, чѣмъ повышеніе цѣнъ. Чѣмъ обширнѣе будутъ подряды, тѣмъ удобнѣе будетъ заготовителямъ находить вещи по цѣнамъ дешевымъ. Чѣмъ продолжительнѣе срокъ подрядовъ, тѣмъ больше будутъ собственные запасы подрядчиковъ, и слѣдовательно тѣмъ легче имъ принимать на себя поставки. Не забудемъ, что заготовленія производились бы съ торговъ; стало-быть при общемъ соревнованіи подрядчиковъ всегда можно достигнуть цѣны, ближайшей къ дѣйствительности. Въ административномъ же отношеніи обезпеченіе довольствія войскъ на продолжительное время представляетъ значительныя удобства. Личный составъ департамента уменьшится; переписка о заготовленіи убавится: такъ какъ то, что дѣлается теперь въ департаментѣ и двѣнадцати (1) комиссіяхъ каждый годъ, дѣлалось бы одною временною комиссіею и департаментомъ одинъ разъ въ три года. Теперь распоряженія о заготовленіи производятся вдали отъ центральной власти, и потому если и не совершается никакихъ по этому случаю злоупотребленій, то она, оставаясь въ совершенномъ невѣдѣніи о степени участія въ этомъ важномъ дѣлѣ подчиненныхъ мѣстъ и заботливости ихъ о пользѣ казны, постоянно сохраняетъ на этотъ счетъ сомнѣніе. Отсюда происходитъ переписка, рѣдко приносящая полезные плоды, помощію которой главное начальство комиссаріата желаетъ направить, по крайней мѣрѣ на будущее время, дѣйствія управляющихъ комиссіями къ непремѣнному устройству выгодныхъ для казны подрядовъ, тогда какъ такое побужденіе, можетъ-быть, вовсе не нужно. Отсюда множество циркуляровъ, предписаній, подтвержденій, которые влекутъ за собою неудовольствіе начальства на подчиненныхъ, иногда совершенно незаслуженное, и стало-быть поставляютъ ихъ въ непріятное и непріязненное положеніе другъ къ другу, часто отражающееся на всѣхъ дальнѣйшихъ взаимныхъ отношеніяхъ ихъ по службѣ. Безуспѣшность торговъ, по неизвѣстности причинъ ея, почти всегда возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности и добросовѣстности дѣйствій комиссіи. То виноватъ управляющій, то смотритель магазинавъ, то сортовые смотрители; такъ какъ начальство по-

(1) Двѣ комиссіи: тамбовская и симбирская не довольствуютъ войскъ, а учреждены для приѣма суконъ отъ фабрикантовъ и отправки ихъ въ другія комиссіи.

стоянно остается въ томъ убѣжденіи, что хорошая коммиссія всегда должна имѣть подрядчиковъ, охотно вступающихъ съ нею въ дѣла. Какъ бы то ни было, но слѣдствіемъ безуспѣшности мѣстныхъ торговъ бываетъ многократное повтореніе ихъ какъ въ мѣстахъ подвѣдомственныхъ, такъ и въ департаментѣ; отсюда проволочка времени, опять переписка, иногда возвышеніе цѣнъ отъ потери времени. Случается, что центральное начальство, не полагаясь на подчиненныхъ и увлекаясь желаніемъ непременно устроить подрядъ, само принимается отыскивать подрядчиковъ, убѣждать ихъ; они соглашаются, берутъ поставку, и надѣясь на покровительство старшихъ, становятся въ непріязненное отношеніе къ пріемщикамъ. Отсюда или офиціальныя споры и тайныя кляузы, или закулисныя сдѣлки для прекращенія тѣхъ и другихъ. Иногда такимъ образомъ вовлекаются подрядчики неопытные, небогатые, оказывающіеся въ послѣдствіи неблагонадежными, и въ этомъ случаѣ винить тѣхъ, кто заманилъ ихъ въ подрядъ, невозможно: все это произошло отъ усерднаго желанія парализировать казавшіяся неблагопріятными дѣйствія подчиненныхъ. По нашему мнѣнію, установленіе торговъ одинъ разъ въ три года, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ центральной власти комиссаріата и представителей интересовъ, замѣшанныхъ въ дѣло, уничтожить и напрасную продолжительность процесса торговъ, и обширную переписку, и шаткость въ дѣйствіяхъ управленія.

Основаніемъ плана заготовленія, который до торговъ представляется на утвержденіе военнаго совѣта, должны служить свѣдѣнія комиссаріата о цѣнахъ на предметы заготовленія, мѣста расположенія и численность войскъ.

Въ настоящее время комиссаріатскій департаментъ, по закону, обязанъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о состояніи торговли и промышленности въ отношеніи къ предметамъ обмундированія. Свѣдѣнія эти получаютъ: отъ управляющихъ коммиссіями, а имъ доставляются большею частію самими же подрядчиками, занимающимися поставкою вещей въ комиссаріатъ; отъ городскихъ и исправниковъ, которыхъ авторитетъ въ статистикѣ достаточно оцѣненъ и въ литературѣ и въ обществѣ; отъ лицъ, пользующихся личнымъ довѣріемъ начальства: а степень этого довѣрія измѣняется всеми возможными случайностями. Собранныя такими путями свѣдѣнія очевидно не могутъ имѣть большой практической важности. Однако никто не сомнѣвается, что вѣрныя статистическія данныя необходимы во всякомъ

правильномъ хозяйствѣ. Доставленіе ихъ военному министерству могло бы быть возложено съ существенною пользою на особыхъ чиновниковъ, своимъ образованіемъ и дѣятельностью достаточно приготовленныхъ къ пониманію и исполненію такой обязанности. Необходимо, чтобъ они не были похожи на ничего-не-дѣлающихъ чиновниковъ особыхъ порученій, городничихъ, исправниковъ и разныхъ «довѣренныхъ». Можно бы избрать нѣсколько пунктовъ, числомъ отъ десяти до пятнадцати, гдѣ должны были бы находиться упомянутые особые чиновники; каждый изъ нихъ былъ бы обязанъ собирать статистическія свѣдѣнія о предметахъ подрядовъ министерства. Они должны жить въ этихъ округахъ постоянно, потому что изучить край можно только въ теченіи продолжительнаго времени посредствомъ близкаго знакомства съ его средствами и людьми, его населяющими. Частые разъезды, обзорѣніе заводовъ, фабрикъ, селеній, безпрестанное обращеніе съ промышленными и торговыми людьми, помѣщиками и крестьянами, какъ производителями предметовъ, потребляемыхъ арміею, повели бы этихъ чиновниковъ къ весьма подробнымъ изслѣдованіямъ. Польза подобнаго изученія еще недавно была доказана блестящимъ опытомъ, сдѣланнымъ, по желанію купечества, нашимъ географическимъ обществомъ, поручившимъ г. Аксакову составленіе описанія украинскихъ ярмарокъ. Если собраніе статистическихъ свѣдѣній возложить на свѣдущихъ, любящихъ это дѣло людей, не на такихъ, конечно, которые готовы занять всякое мѣсто лишь бы какъ-нибудь пристроиться на службѣ, то въ теченіи весьма недолгаго времени мы увидѣли бы неимовѣрные успѣхи нашей официальной статистики. Труды офицеровъ генеральнаго штаба отчасти подтверждаютъ наше положеніе. Министерство внутреннихъ дѣлъ уже обогатилось многими свѣдѣніями, вслѣдствіе временныхъ посылокъ своихъ чиновниковъ для изученія различныхъ мѣстностей. Какихъ же результатовъ можно ожидать отъ постояннаго пребыванія десяти или пятнадцати дѣльныхъ людей въ торговыхъ и промышленныхъ округахъ нашего отечества! Конечно выиграло бы не одно военное министерство, а вся Россія; эти люди наполнили бы своими трудами не одни официальные архивы, а послужили бы наукѣ о торговлѣ, промыслахъ и бытѣ русскаго народа. Администрація же комиссаріата въ доставленныхъ такими чиновниками свѣдѣніяхъ нашла бы твердое основаніе для назначенія секретныхъ цѣнъ, выше которыхъ не должны утверждаться заготов-

ленія для войскъ. Занятія этихъ десяти-пятнадцати собирателей были бы несравненно продуктивнѣе занятій тридцати четырехъ чиновниковъ, состоящихъ теперь въ комиссаріатскомъ департаментѣ для исполненія порученій, — чиновниковъ, посылаемыхъ для развозки денегъ по комиссіямъ, для наблюденія за дѣйствіями другихъ чиновниковъ, для открытія и изслѣдованія злоупотребленій, всегда и всюду однихъ злоупотребленій. Расходъ на жалованье и разъѣзды этихъ десяти-пятнадцати чиновниковъ по всей вѣроятности не превысилъ бы употребляемаго теперь на содержаніе и посылку состоящихъ въ комиссаріатскомъ департаментѣ чиновниковъ для порученій, и безъ сомнѣнія былъ бы менѣе издержки, нужной на всѣхъ числящихся и не числящихся въ штатѣ его чиновниковъ для порученій. Считаемо нужнымъ прибавить, что жалованье и разъѣздныя деньги собирателямъ статистическихъ свѣдѣній слѣдуетъ производить щедрою рукою, а не по чинамъ, какъ это дѣлается въ настоящее время.

Этимъ же предполагаемымъ нами чиновникамъ можно бы поручать инспектированіе комиссаріатской части въ войскахъ, расположенныхъ въ районѣ статистическихъ изслѣдованій; что было бы очень удобно при частыхъ разъѣздахъ чиновниковъ и полезно для наблюденія за правильнымъ веденіемъ войсковаго хозяйства. Последнее было бы всегда готово ко ~~вне-~~ запному осмотру.

Мѣста расположенія войскъ заранѣе опредѣляются по сообщеніямъ генеральнаго штаба, и росписаніе квартиръ постоянно сообщается комиссаріату. Все это могло бы происходить тѣмъ же порядкомъ и на будущее время, съ тѣмъ только различіемъ, что росписаніе составлялось бы одинъ разъ въ три года; нѣкоторыя же измѣненія его могли бы быть вынуждаемы временно только *дѣйствительно вынужденными обстоятельствами*.

Количество вещей, потребныхъ къ заготовленію, должно, какъ и теперь, опредѣляться по числу войскъ. Но теперь принимается за основаніе наличное число войскъ; мы же думаемъ, что его могло бы замѣнить штатное число ихъ. Теперь всякая часть войскъ представляетъ въ комиссаріатѣ требованіе вещей и денегъ слѣдующихъ на обмундированіе подъ отвѣтственностью требователя. Присылаемая по этому случаю огромныя вѣдомости повѣряются или должны повѣряться комиссаріатомъ. Въ какой степени опредѣлительна и отчетлива

эта повѣрка, извѣстно всѣмъ, кто знаетъ число войскъ нашихъ и самыя средства повѣрки. Не вдаваясь въ скучныя и совершенно не нужныя для чьего-либо убѣжденія подробности, скажемъ только, что тѣ, которые подписываютъ ассигновки вещей и денегъ, рѣдко могутъ прочесть и подробно разобрать вѣдомости, а потому полагаются на столоначальниковъ, бухгалтеровъ и писарей, долженствующихъ производить повѣрку. Не думаемъ, чтобы какому-нибудь специалисту пришло въ голову опровергать наше утверждение. Мы спѣшимъ однако оправдать повѣряющихъ тѣмъ, что тяжелое бремя утомительныхъ занятій каждаго изъ дѣлопроизводителей ведетъ къ тому, что ни одному изъ занятій не можетъ быть посвящено столько времени, сколько нужно. Одинъ трудъ погоняетъ другой; чиновники просиживаютъ дни, часто вечера, а иногда и ночи за составленіемъ разныхъ исчисленій; комиссіи получаютъ выговоры за несвоевременное доставленіе ожидаемыхъ отъ нихъ донесеній, и когда всѣ они бываютъ присланы въ департаментъ, то онъ спѣшитъ дѣлать свое дѣло, уже не имѣя времени, необходимаго для подробнаго разсмотрѣнія громадныхъ вѣдомостей. Результатомъ такихъ работъ бываетъ напрасный расходъ бумаги, не говоря о тратѣ времени и о прочемъ. А зачеты перепущеннаго, допуски недоданнаго, отпуска примѣрные, споры полковъ съ комиссіями, объясненія начальниковъ дивизій и штабовъ съ департаментомъ, сношенія корпусныхъ командировъ и даже главнокомандующихъ съ министромъ о разныхъ доляхъ общей потребности войскового довольствія, что это? ужели доказательство удобства системы снабженія по наличному числу войскъ? Нѣтъ, мы совершенно убѣждены, добросовѣстные специалисты согласятся съ нами, что отпускъ вещей и денегъ на штатное число войскъ, по положеніямъ, приведеннымъ въ однообразіе и ясность, послужилъ бы въ великую пользу администраціи, не обидѣлъ бы войскъ и не обременилъ бы казны напрасными расходами. Вѣрная справка въ инспекторскомъ департаментѣ военного министерства объ отношеніи лишнихъ и не достающихъ до комплекта людей въ войскахъ въ теченіи какого-либо періода времени могла бы указать, кто будетъ въ выигрышѣ: казна или войска? Если казна, то для вознагражденія войскъ можно было бы увеличить отпускъ противъ нынѣшнихъ штатовъ и положеній; если же войска то имъ можно было бы прекратить выдачу какихъ-либо денегъ, назначенныхъ по существующимъ теперь постановленіямъ. Во всякомъ слу-

чаѣ измѣненіе, произведенное на основаніи принимаемаго нами принципа, не увеличивая расходвъ казны, было бы улучшеніемъ въ томъ отношеніи, что сократилась бы администрація, отчетность, переписка, и огромное число чиновниковъ, офицеровъ и писарей перестали бы тратить время, теперь непроизводительно употребляемое ими на исчисленія, вѣдомости, табели и проч. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія, приведемъ слова г. Аничкова: «Кто изъ насъ не приходилъ въ отчаяніе отъ нашихъ табелей, книгъ о мундирной и аммуниціи суммѣ, а еще наша отчетность блѣднѣетъ передъ громадною *paperasserie* французскихъ полковыхъ отчетовъ, въ которыхъ ведется формуляръ каждому киверу, каждой сумѣ. И можно ли судить по всѣмъ этимъ табелямъ о дѣйствительномъ состояніи вещей въ полку? Значится, на примѣръ, въ табели, что въ полку состоитъ 263 каски, срокомъ съ 1851 года, 72 каски съ 1852, 27 съ 1853 года, 127 съ 1854 и т. д., между тѣмъ все это только на бумагѣ, касокъ съ 1851 года давнымъ-давно уже нѣтъ, полковой командиръ купилъ уже вмѣсто нихъ новыя, насчетъ остатковъ отъ другихъ статей полковаго хозяйства. Вотъ къ какому результату пришла отчетность по довольствію войскъ на основаніи правилъ о наличномъ числѣ войскъ, о зачетахъ, о срокахъ, до того точная и требовательная, что даже писарскія ошибки не принимаются въ оправданіе!

Торги должны производиться на каждый разрядъ вещей порознь для каждой отдѣльной части.

Заготовленіе вещей слѣдуетъ предоставлять подрядчикамъ съ доставкою въ мѣста расположенія войскъ, назначенныя по росписанію и объявляемыя при торгахъ, и со сдачею отъ себя воинскимъ приѣмщикамъ.

Такъ просто обезпечивалось бы довольствіе арміи подрядчиками, исправно выполняющими принятыя ими на себя обязательства. Съ неисправными комиссаріатъ поступалъ бы, какъ указано въ нашихъ законахъ. При этомъ, по полученіи свѣдѣній отъ полковъ о недоставленіи вещей въ срокъ, онъ могъ бы предварительно удостовѣриться посредствомъ начальства того мѣста, гдѣ живетъ подрядчикъ, заготовлены ли имъ подраженныя у него вещи и когда будутъ доставлены на мѣсто; такъ какъ неисправность подрядчика можетъ иногда быть только замедленіемъ, происходящимъ отъ причинъ, независящихъ отъ поставщика и предусмотрѣнныхъ закономъ. Если удостовѣреніе подтвердить заботливость подрядчика, то онъ

подвергнется только определенной по договору неустойкѣ; если же нѣтъ, то комиссаріатъ немедленно предложить извѣстнымъ ему подрядчикамъ принять на себя поставку, вмѣсто неисправнаго, на условіяхъ послѣдняго. При согласіи ихъ комиссаріатъ заключить съ ними договоръ на общихъ правилахъ, а при несогласіи можетъ, если время терпитъ, назначить торги въ кратчайшій срокъ, или, если заготовленіе неотлагаемо, поручить производство заготовленія чиновнику департамента коммерческимъ или комиссіонерскимъ способомъ, насчетъ залоговъ неисправнаго подрядчика или суммъ, слѣдующихъ ему въ уплату.

Безъ сомнѣнія, защитники довольствія войскъ посредствомъ комиссаріатскихъ комиссій не преминутъ указать на то, что назовутъ они важнымъ недостаткомъ предлагаемаго нами способа непосредственнаго довольствія арміи подрядчиками. Войска останутся безъ вещей, скажутъ они. Возраженіе это, однако, болѣе кажется страшнымъ, чѣмъ оно страшно на самомъ дѣлѣ. Впервыхъ войска никогда не донашиваютъ своего обмундированія донельзя; слѣдовательно нѣкоторое замедленіе въ отпускъ вещей не произведетъ разстройства въ полковомъ хозяйствѣ. Вовторыхъ значительныя неисправности подрядчиковъ, сколько извѣстно, случаются рѣдко въ комиссаріатѣ. Большею частію подрядчики выполняютъ свои обязательства съ точностью весьма строгою. Стало-быть, нельзя ожидать, чтобы дѣйствія ихъ измѣнились къ худшему, тогда какъ они будутъ избавлены отъ напраснаго расхода, вынуждаемаго у нихъ теперь накладкою. Втретьихъ если будутъ установлены трехлѣтніе подряды, то у cadaго подрядчика, располагающаго вести продолжительныя дѣла съ комиссаріатомъ, будутъ постоянные запасы, и потому нетрудно найти желающаго вмѣсто неисправнаго. Вчетвертыхъ, въ самыхъ полкахъ, какъ мы будемъ говорить ниже, могутъ содержаться вещевые запасы, что конечно пособитъ въ случаѣ неисправности текущаго довольствія. Наконецъ неужели при настоящей системѣ не случается никогда замедленія въ снабженіи войскъ? Если она такъ хорошо обезпечиваетъ довольствіе ихъ, то отчего же происходитъ нерѣдко перевозка вещей изъ одной комиссії въ другую, что ведетъ къ лишнимъ расходамъ, конечно не включаемымъ въ счетъ заготовленія вещей, но очень тяжелымъ для казны? Отчего же ведется переписка о недопускахъ, о которыхъ даже посылаются телеграфическія депеши? Отчего иногда

вещи пересылаются даже по почтѣ? Кажется, обстоятельства эти не доказываютъ непогрѣшительности существующей теперь системы, не облегчаютъ обезпеченія войскъ ихъ потребностями и не удешевляютъ самаго заготовленія. Между тѣмъ администрація всегда будетъ имѣть въ своихъ рукахъ весьма сильное оружіе противъ подрядчиковъ: строго налагаемое денежное взысканіе за неисправность и законно опредѣляемое имъ запрещеніе вступать въ подряды по военному министерству. Для убѣжденія, какъ мало случается существенныхъ неисправностей со стороны подрядчиковъ комиссаріата, просимъ справиться, многіе ли изъ нихъ были подвергнуты этому послѣднему наказанію: такихъ почти нѣтъ, и конечно это обстоятельство не можетъ усилить опасенія, что войска останутся безъ вещей.

Приемъ вещей въ полкахъ долженъ быть возложенъ на полковой совѣтъ, учрежденіе котораго мы считаемъ необходимымъ. Онъ долженъ состоять изъ полковаго командира и небольшого числа офицеровъ.

Лица, составляющія полковой совѣтъ, казначей и квартирмейстеръ, должны быть избираемы всѣми наличными штабъ-и оберъ-офицерами полка посредствомъ секретной баллотировки. Мѣру эту мы считаемъ весьма важнымъ и полезнымъ измѣненіемъ нынѣ существующаго порядка избранія казначеевъ и квартирмейстеровъ. По закону въ эти должности производится избраніе наличными офицерами, но не тайною подачею голосовъ. Потому этотъ порядокъ составляетъ болѣе обрядъ, чѣмъ дѣйствительно полезное дѣло. Нерѣдко избирается не тотъ, кого хочетъ полкъ, а кого желаетъ командиръ. Да и можетъ ли быть иначе? Съ одной стороны полковой командиръ есть хозяинъ полка, строго отвѣчающій за его состояніе своею честью, службою и состояніемъ, а съ другой онъ — начальникъ офицеровъ, которые могутъ избавиться отъ отвѣтственности, если онъ того захочетъ. При такихъ отношеніяхъ, могутъ ли офицеры, его подчиненные, исполнѣ отъ него зависящіе въ своей служебной карьерѣ, знающіе отвѣтственность его и убѣжденные, что онъ не допуститъ ихъ до взысканія за хозяйственные безпорядки ввѣренной ему части, не только выбрать кого-нибудь въ упомянутыя должности вопреки его желанію, но высказать малѣйшее противорѣчіе? И по совѣсти, и по своему служебному положенію, они не могутъ выразить мнѣнія, неприятнаго командиру. Много нужно смѣлости, чтобы подчи-

ненный офицеръ, только изъ уваженія къ буквѣ закона, не ве-
дущаго его ни къ какой положительной отвѣтственности, от-
важился подвергнуть себя гнѣву или гоненію начальника. Само-
собою разумѣется, лучше обречь постановленіе безвредной дре-
мотѣ, чѣмъ вызвать его къ тягостной дѣятельности. Не то
должно быть, если каждый офицеръ, въ отсутствіи полковаго
командира, будетъ опускать въ ящикъ свой шаръ въ пользу
того изъ товарищей, кого желаетъ видѣть въ той или другой
должности. Что можетъ тогда побудить къ лицепріятію? За
выборъ членовъ полковаго совѣта, казначея и квартирмейстера;
офицеры будутъ отвѣчать передъ закономъ и своею совѣстью;
вещественно и нравственно; въ мнѣніи или вниманіи своего
командира они ничего не выиграютъ неправильностью выбора
изъ желанія угодить ему; правильностію же выбора поддер-
жать честь полка, что составляетъ *point d'honneur* всякаго офи-
цера, и оградятъ себя отъ отвѣтственности. Мы думаемъ, что
секретная баллотировка поведетъ къ тому, что нравственность
каждаго избраннаго будетъ соответствовать нравственности
общества офицеровъ, тогда какъ теперъ она соответствуетъ
нравственности одного полковаго командира.

Всѣ хозяйственныя распоряженія въ полку должны исходить
изъ полковаго совѣта, председателемъ котораго былъ бы пол-
ковой командиръ. Распоряженія эти должны только въ необхо-
димыхъ случаяхъ объявляться письменно; вообще же всѣ при-
казанія должны отдаваться на словахъ. Еслибы полковой ко-
мандиръ не былъ согласенъ съ распоряженіемъ совѣта, то мо-
жетъ дать ему письменное предложеніе; если за тѣмъ совѣтъ
останется при своемъ мнѣніи, а полковой командиръ сочтетъ
нужнымъ привести свою волю въ исполненіе, то имѣетъ на то
право; но совѣтъ, несогласный съ его мнѣніемъ, можетъ соста-
вить журналъ съ подробнымъ объясненіемъ обстоятельствъ дѣла.
Отвѣтственность за распоряженіе полковаго командира, при-
веденное такимъ образомъ въ дѣйствіе, должна падать на не-
го самого; за всѣ же распоряженія, оставшіяся безъ письмен-
ныхъ предложеній полковаго командира и журналовъ совѣта, и
тотъ и другой отвѣчаютъ одинаково, съ тою разницею, что первый
отвѣчаетъ только самъ за себя, а за совѣтъ, при денежной несостоя-
тельности, членовъ его, должны отвѣчать и всѣ избравшіе его
офицеры. На журналы совѣта и письменныя предложенія полко-
ваго командира должно быть обращено вниманіе при инспекторс-
кихъ смотрахъ, на которыхъ ни тѣ, ни другіе, по взаимному разно-

гласію и по сопряженной съ ними отвѣтственности, не могутъ остаться скрытыми.

Мы полагаемъ, что совѣтъ полка, учрежденный на такихъ главныхъ основаніяхъ, будетъ вполнѣ соответствовать своей цѣли: обезпеченію и правильному употребленію казенной собственности.

Вещи, по доставленіи въ полкъ подрядчикомъ или его повѣреннымъ, принимаются полковымъ совѣтомъ, въ присутствіи полковаго командира и казначея, по большинству голосовъ, согласно съ утвержденными образцами, періодически рассылаемыми въ войска изъ комиссаріатскаго департамента; записываются въ приходъ и расходуются по назначеніямъ полковаго совѣта, съ ограниченіями, какія указаны отчасти выше, и какія могутъ быть признаны необходимыми при дальнѣйшемъ развитіи и практическомъ примѣненіи предложенныхъ нами началъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что отчетность въ полкахъ должна быть упрощена до крайней степени, къ чему уже значительно послужить отпускъ вещей и аммуничныхъ и ремонтныхъ денегъ не по наличному, а по штатному числу людей. Мы не можемъ распространяться объ этомъ предметѣ, какъ по тому, что по своей обширности онъ требуетъ особаго изслѣдованія, такъ и по тому, что онъ зависитъ отъ той или другой системы обмундированія, тогда какъ мы говоримъ только о способахъ заготовленія вещей и снабженія ими войскъ. Точно также необходимо, чтобы расходы полка были точно опредѣлены штатами; полки избѣгли бы необходимости удовлетворять нѣкоторыя надобности свои ограниченіями другихъ, не менѣе необходимыхъ, расходовъ.

Еслибы, по доставленіи вещей въ полкъ подрядчикомъ, часть ихъ была забракована большинствомъ голосовъ, то совѣтъ объявляетъ о томъ подрядчику. Въ случаѣ согласія его, забракованныя вещи переимѣняются имъ тотчасъ. При несогласіи образцы вещей представляются начальнику дивизіи, который предписываетъ полку или принять вещи, если онѣ признаны имъ годными, или въ противномъ случаѣ потребовать отъ подрядчика переимѣны ихъ. Если подрядчикъ и послѣ того не согласится доставить новыя вещи вмѣсто забракованныхъ, то образцы послѣднихъ посылаются полковымъ командиромъ въ комиссаріатскій департаментъ, который разсматриваетъ ихъ и постановляетъ окончательное рѣшеніе своею властію. Если департаментъ признаетъ вещи годными, то предписываетъ

полку принять ихъ; если же забракуетъ ихъ, то объявляетъ о томъ подрядчику, который этимъ самымъ обязывается доставить полку новыя вещи безпрекословно. Но такъ какъ подрядчикъ можетъ найти такое рѣшеніе департамента также несправедливымъ, то можетъ обратиться съ жалобой въ судебное мѣсто, и дѣло разсматривается судебнымъ порядкомъ. Прибавимъ кстати, что тѣмъ же порядкомъ полезно было бы разсматривать и всѣ исковыя претензіи подрядчиковъ на казну и обратно.

Намъ могутъ сказать, что по несовершенству образованія нашихъ судовъ, дѣла по браковкѣ и взысканію подвергнутся значительной проволочкѣ. Мы согласны, что это неудобство будетъ ощутительно, и потому допустили разсмотрѣніе спора между полкомъ и подрядчикомъ сперва административнымъ порядкомъ, который можетъ положить конецъ разногласію. Но въ свою очередь мы спросимъ: сколько времени тянутся иныя дѣла по такимъ же претензіямъ при настоящей системѣ военноехозяйственнаго управленія? Не многіе ли годы продолжаются дѣла эти, переходя изъ комиссаріатскаго департамента въ подвѣдомственные мѣста, начиная отъ уѣздныхъ судовъ и магистратовъ и кончая сенатомъ и военнымъ совѣтомъ? Если справедливо то, что рѣшеніе суда лучше разсмотрѣнія административнаго; если принципъ этотъ вѣренъ, то можно ли останавливаться передъ какими-нибудь неудобствами, которыя обнаружатся при его примѣненіи къ дѣлу, тогда какъ неудобства истекають не отъ непримѣнимости принципа, а отъ того только, что государство еще не выработалосьѣхъ средствъ къ правильному и безпрепятственному удовлетворенію важнѣйшихъ интересовъ? Временныя неудобства эти связаны не съ сущностью принципа, а составляютъ постороннія для него обстоятельства, которыя могутъ быть и не быть, между тѣмъ какъ самый принципъ будетъ существовать всегда. Достигнетъ судопроизводство наше большей степени совершенства признаніемъ для себя другихъ соотвѣтствующихъ цѣли своей началъ, и ходъ всѣхъ тяжбныхъ дѣлъ, частныхъ и казенныхъ, отъ того выиграетъ. Тогда и разсмотрѣніе исковъ, которыхъ проволочки можно теперѣ опасаться, будетъ совершаться скоро и правильно, безъ лишннихъ формальностей. Неудобства, о которыхъ мы говоримъ, должны не останавливать введеніе мѣръ, основанныхъ на вѣрныхъ началахъ, а побуждать къ усовершенствованію частей, причиняющихъ неудобства. Если преобразуя ка-

кую-нибудь отрасль управленія. мы увидимъ, что другая связанная съ нею часть мѣшаетъ нашему нововведенію, не будемъ страшиться такой неудачи; дойдетъ очередь до усовершенствованія этой части, и она перестанетъ мѣшать нашему преобразованію. Сдѣлать все вдругъ, однимъ разомъ, невозможно; но идя по пути улучшеній шагъ за шагомъ, безостановочно, будемъ заботиться прежде всего о правильности принимаемыхъ нами началъ и подмѣчать то, что препятствуетъ ихъ естественному развитію.

Впрочемъ, имѣя въ виду указанное неудобство при введеніи разбора претензій и исковъ въ судебныхъ мѣстахъ, можно на первый разъ допустить, чтобы дѣла эти, прежде приведенія рѣшенія судовъ въ окончательное исполненіе, предварительно разсматривались комиссаріатскимъ департаментомъ, съ тѣмъ чтобы при несогласіи его съ постановленнымъ рѣшеніемъ, они поступали въ высшую судебную инстанцію. Хотя это было бы отчасти усложненіемъ предлагаемой нами системы, но за то департаментъ, не обремененный дѣлопроизводствомъ, какъ наши суды, могъ бы слѣдить за положеніемъ дѣлъ и побуждать своимъ настояніемъ къ болѣе скорому рѣшенію дѣлъ въ судебныхъ инстанціяхъ. Впрочемъ всѣ эти хитросплетенія окажутся совершенно лишними, если мы пойдемъ неуклонно къ дѣйствительному усовершенствованію нашего судоустройства. Чѣмъ болѣе будемъ мы вникать во внутреннюю жизнь нашего отечества, тѣмъ болѣе станемъ убѣждаться въ необходимости этого усовершенствованія.

Само собою разумѣется, что въ случаѣ оправданія подрядчика, взысканіе убытковъ его и расходовъ на дѣлопроизводство должно относиться насчетъ лицъ виновныхъ въ неправильной забравкѣ вещей и распредѣляться на всѣхъ, кто разсматривалъ вещи. При виновности же подрядчика, онъ подвергается взысканію судебныхъ издержекъ, неустойки, если въ довольствіи войскъ произошло замедленіе, и убытковъ казны, если она потерпѣла ихъ при новомъ заготовленіи по неисправности подрядчика. Мы полагаемъ, что такая мѣра можетъ предупредить неправильныя претензіи съ обѣихъ сторонъ.

На такихъ началахъ, простыхъ, избавляющихъ администрацію отъ огромной переписки и казну отъ большихъ расходовъ на содержаніе чиновниковъ и зданій, полагаемъ мы, можетъ быть устроено вещевое довольствіе войскъ.

А накладка? спросить насъ. Уничтожится ли она при новомъ способѣ? Она потеряетъ единственное оправданіе свое, почерпаемое ею въ значеніи страховой преміи. Комиссаріатская администрація не будетъ хранить вещей, не будетъ отвѣчать за цѣлость и доброкачественность ихъ и совершенно устранился отъ приема вещей; слѣдовательно накладка утратить всякую возможность существованія въ комиссаріатѣ. Нельзя не согласиться, что это важный шагъ впередъ. Между тѣмъ число чиновниковъ департамента можетъ сократиться по крайней мѣрѣ на одну треть; подвѣдомственные департаменту комиссіи упраздняются совершенно, а съ тѣмъ вмѣстѣ не будетъ надобности содержать, по меньшей мѣрѣ, отъ 700 до 800 чиновниковъ; предметы занятій департамента уменьшатся во столько разъ, во сколько теперь они увеличиваются сложностью и отвѣтственностью управленія; слѣдовательно управляющій департаментомъ и его начальники отдѣленій получатъ возможность дѣйствительно *разсматривать дѣла*, не ограниваясь однимъ чтеніемъ и подписываніемъ бумагъ. Не говоря о томъ, что при меньшемъ числѣ чиновниковъ представится возможность назначить имъ *вполнѣ достаточное* содержаніе, а стало-быть находить людей, совершенно соответствующихъ требованіямъ службы; самыя занятія перестанутъ быть обременительными, вѣчно спѣшными, мало обдуманными. Съ уменьшеніемъ занятій и при возможности коротко познакомиться съ личностью каждаго чиновника, можно будетъ начальнику слѣдить за ихъ работами, а съ тѣмъ вмѣстѣ устранилось исключительное вѣрованіе въ нѣкоторыхъ избранныхъ, исчезнетъ взаимное притягиванье другъ за другомъ. При упрощеніи дѣлопроизводства и системы управленія, исчезетъ бы всякій поводъ къ злоупотребленію, а еслибъ и возникъ какой-нибудь, то умному и добросовѣстному начальнику было бы легко его замѣтить. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно устранилось всякое вліяніе на дѣлопроизводство со стороны писарей, теперь такъ много принимающихъ въ немъ участія въ ущербъ пользамъ службы.

Накладкѣ могло бы еще, и при предлагаемыхъ нами измѣненіяхъ въ системѣ вещеваго довольствія, остаться мѣсто въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ, гдѣ она существуетъ и теперь. Повидимому, и г. Аничковъ, ясно, хотя и въ немногихъ словахъ высказывающій предпочтеніе непосредственной сдачи вещей прямо въ войска самими подрядчиками, не надѣется на

совершенное искорененіе накладки. При всемъ нежеланіи нашемъ выказать ни на чемъ неоснованный оптимизмъ, не обнаружимъ и чрезмѣрнаго пессимизма. Мы ожидаемъ, что офицеры, принимающіе всегда къ сердцу честь полковъ своихъ, будутъ въ состояніи, при помощи секретной баллотировки, избирать членовъ полковаго совѣта и казначеевъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ своему назначенію и достойныхъ избранія. Офицеры не будутъ бояться выбирать въ должности по своему усмотрѣнію, а не въ угоду начальнику. Неправильный выборъ не принесетъ имъ никакой выгоды, будетъ угрожать отвѣтственностью въ случаѣ открытія злоупотребленій, и уронитъ честь полка. Инспекторы войскъ не будутъ побуждаемы къ снисходительности личными отношеніями къ полковымъ командирамъ и не будутъ имѣть повода прощать неисправности, такъ какъ онѣ происходили бы не отъ дѣйствій начальника полка, а отъ дурнаго выбора офицеровъ въ должности членовъ полковаго совѣта и казначеевъ. Сами офицеры не будутъ побуждаемы уклоняться отъ избранія опасеніемъ сдѣлаться орудіемъ начальниковъ или нежеланіемъ входить въ сдѣлки съ комиссіями при приѣмѣ вещей. Напротивъ, они будутъ гордиться нелицепріятнымъ избраніемъ, такъ какъ ихъ товарищи будутъ вѣрять имъ храненіе чести полка. Злоупотребленія, прикрываемыя теперь передъ администраціею и общественнымъ мнѣніемъ дурною молвою о комиссаріатѣ, падутъ всею своею тяжестью на войска, если сами офицеры не постараются истребить злоупотребленія посредствомъ добросовѣстныхъ выборовъ. Когда не будетъ комиссаріата, ссылаться на него для оправданія полка станетъ невозможнымъ; приѣмъ всякой дурной вещи, найденной въ полку, будетъ отнесенъ къ винѣ его должностныхъ лицъ, безъ возможности оправдаться вынужденіемъ комиссаріата къ несправильности и снисходительности. Самъ полкъ, въ лицѣ своихъ должностныхъ офицеровъ, за которыми будетъ стоять цѣлое общество избравшихъ ихъ сослуживцевъ, точно такъ же какъ въ лицѣ полковаго командира, могущаго письменно протестовать въ случаѣ неправильности распоряженій совѣта и вопреки членамъ послѣдняго привести въ исполненіе свою волю подъ личною отвѣтственностію, при возможности протеста и со стороны этихъ же чиновъ совѣта, будетъ единственнымъ виновникомъ и передъ закономъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Во всякомъ случаѣ въ выборѣ должностныхъ лицъ будетъ выражаться нравственная сторона полка, и о ней можно

будеть судить по состоянію матеріальной части его. Каково будетъ общество офицеровъ, таковы будутъ и его хозяйственные представители, а каковы представители, такова и молва народная, отъ которой убѣжать невозможно.

Итакъ окончательнаго изгнанія накладки мы ожидаемъ отъ качества полковыхъ обществъ. Можно полагать, что, съ развитіемъ образованія, а особенно гласности, зло, существующее только какъ зло, безъ всякаго достаточнаго основанія въ сущности самаго дѣла, истребится до тла. Гласность заставитъ всякаго беречь свою добрую славу: и офицера, и полковаго командира, и инспектора, повѣряющаго на смотру правильность веденія войсковаго хозяйства.

Впрочемъ, независимо отъ періодическихъ инспекторскихъ смотровъ и временныхъ частныхъ инспекцій, посредствомъ командироваемыхъ правительствомъ лицъ, мы считаемъ необходимымъ предоставить начальнику комиссаріата право обзрѣвать вещевую часть полковъ. Какъ лицо, отвѣтственное въ заготовленіи вещей только по отношенію къ ихъ дешевизнѣ и своевременности доставки, онъ не будетъ принужденъ потворствовать полкамъ въ отношеніи къ качеству вещей. Незаконныя дѣйствія полковъ могутъ только мѣшать ему, лишить его славы хорошаго администратора, и потому ему выгоднѣе раскрыть ихъ, нежели оставить въ безгласности. Все, что ни обнаружилъ бы онъ, было бы сдѣлано не его подчиненными, не его вѣдомствомъ, дѣйствія котораго, такъ-сказать, его собственныя дѣйствія. Онъ не начальникъ войскъ, за дурное веденіе хозяйства ихъ, могущее быть помѣхою его дѣятельности, онъ не отвѣчаетъ; какаѣ же ему надобность свидѣтельствовать, что комиссаріатская часть въ полкахъ находится въ отличномъ состояніи, если она неудовлетворительна, и если ея неудовлетворительность можетъ быть обнаружена помимо его и другими путями? Онъ подрядилъ все нужное количество вещей по выгодной для казны цѣнѣ, согласно съ утвержденными образцами, и затѣмъ остается въ сторонѣ. Дѣло подрядчиковъ исполнить принятое на себя обязательство, и дѣло войскъ требовать этого исполненія, настаивая на приѣмъ вещей хорошаго качества. Такимъ образомъ отвѣтственность по вещевому довольствію распредѣлялась бы съ возможною правильностію: дурное заготовленіе—вина подрядчика; несходство вещей съ образцомъ—вина полковыхъ приѣмщиковъ, совѣта, полковаго командира и общества избирателей; небрежность въ сохраненіи вещей—вина

полковыхъ, батальонныхъ и ротныхъ командировъ. Всякому свое. Случаи ответственности комиссариата за полки перестанутъ повторяться. Если въ полку найдутъ одежду дурнаго качества и вида, ея не покажутъ комиссариату, какъ бы говоря: «смотри, что у тебя дѣлается», и не заставятъ его разыскивать виновныхъ въ его вѣдомствѣ, тогда какъ матеріалъ, изъ котораго была сшита дурная одежда, можетъ-быть, никогда и не былъ въ комиссариатскихъ магазинахъ; потому что пріемщикъ вмѣсто сукна взялъ деньги. Такіе случаи сдѣлаются достояніемъ древней исторіи. Итакъ повторимъ: нравственность полковыхъ должностныхъ лицъ будетъ соотвѣтствовать нравственности общества офицеровъ. Будетъ общество хорошо, будетъ хорошо и выборъ; будетъ дурно общество, будетъ дуренъ и выборъ, со всѣми его послѣдствіями; но за то и отвѣчать за нихъ будутъ сами полки, не ссылаясь ни на комиссариатъ, ни на подрядчиковъ, которыхъ выданная пріемщиками квитанція будетъ ограждать совершенно.

На случай войны и вообще для экстренныхъ снабженій, въ комиссариатѣ положено содержать запасъ вещей, называемый неприкосновеннымъ и постоянно освѣжаемый выпускомъ его въ войска и замѣною израсходованнаго новыми запасными вещами. Количество запаса обыкновенно бываетъ непостоянно, но содержится большею частію на одну треть всѣхъ войскъ.

Сколько намъ извѣстно, содержаніе запаса всегда представляло значительное препятствіе введенію системы довольствія войскъ подрядчиками безъ участія комиссариата. Нѣкоторые предлагаютъ имѣть запасъ въ извѣстныхъ пунктахъ, сообразно съ размѣщеніемъ войскъ; храненіе же его въ особыхъ магазинахъ поручить комиссариату, съ тѣмъ чтобы вещи перемѣнялись ежегоднымъ выпускомъ въ войска. Способъ этотъ имѣетъ то неудобство, что требуетъ содержанія особыхъ чиновниковъ, какъ посредниковъ между войсками и подрядчиками, а слѣдовательно даетъ поводъ ко взиманію накладки.

Такъ какъ запасъ готовится для войскъ, то, кажется, рациональнѣе возложить и самое храненіе его именно на тѣ войска, которымъ онъ нуженъ. Необходимо только избѣгнуть напрасной перевозки запасныхъ вещей вслѣдъ за войсками и сдѣлать ихъ какъ можно менѣе тяжелымъ бременемъ при передвиженіяхъ. Задача эта разрѣшается безъ затрудненія, если допустить постоянное трехлѣтнее квартированіе войскъ на однихъ мѣстахъ. Замѣтимъ прежде всего, что около двухъ третей за-

запасъ назначаются для войскъ, почти не подверженныхъ передвиженію. Слѣдовательно онѣ не могутъ подлежать напрасной перевозкѣ, а должны быть доставляемы постоянно въ одно и то же мѣсто, точно такъ же какъ и вещи текущаго довольствія. Запасъ для каждаго пѣхотнаго полка не превосходитъ потребности тысячи человекъ, а въ кавалеріи и артиллеріи онъ еще меньше. Очевидно, стало-быть, что количество запаса значительно только въ полной массѣ; для каждой же отдѣльной части онъ не великъ; поэтому и храненіе его не можетъ затруднить войскá, тѣмъ болѣе, что они же сами будутъ и употреблять вещи, заготавливаемые для ихъ запаса. Теперь комиссаріатъ долженъ не только сохранить запасъ въ цѣлости, но и позаботиться о выпускѣ его въ свое время въ войска, не допуская до порчи. Если же запасъ будетъ находиться при войскахъ, то при малѣйшемъ сомнѣніи въ возможности сберечь какія-нибудь вещи, ихъ можно израсходовать на текущее довольствіе. Храненіе запаса при войскахъ служило бы пособіемъ въ случаѣ неисправности подрядчиковъ. Это обезпечивало бы третью или четверть годовой потребности войскъ и въ то же время избавило бы казну отъ обременительнаго содержанія комиссаріатскихъ депо или магазиновъ. На случай же приготовленія къ войнѣ, каждая изъ частей войскъ имѣла бы запасъ подъ рукою и не была бы поставлена въ необходимость отправлять своего пріемщика въ депо и ожидать доставки оттуда транспортовъ, слѣдованіе которыхъ по нашимъ дорогамъ рѣдко бываетъ легко и удобно.

Признавая такимъ образомъ храненіе неприкосновеннаго запаса самими войсками весьма полезнымъ, мы напомнимъ основное положеніе наше, что войска должны въ мирное время стоять неподвижно на одномъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ три года. Эта продолжительная стоянка сократитъ перевозку запаса въ значительной степени. Но такъ какъ запасъ долженъ быть въ каждой части войскъ готовъ на одинъ годъ впередъ; то въ послѣдній годъ квартированія ихъ онъ долженъ весь поступить на текущее довольствіе; запасъ же слѣдующаго года долженъ быть доставленъ на тѣ квартиры, куда эти части перейдутъ въ будущій трехлѣтній періодъ довольствія. Въ послѣдній годъ квартированія войскъ нужно будетъ для храненія запаса командировать одного офицера и нѣсколько низшихъ чиновъ на будущія квартиры. Стало-быть, потребуется расходъ не на перевозку запаса вслѣдъ за войсками, а только на посылку офице-

ровъ и низшихъ чиновъ, назначенныхъ для завѣдыванія запасомъ. Расходъ этотъ, производимый одинъ разъ въ три года, будетъ несравненно менѣ издержекъ, дѣлаемыхъ теперь ежегодно на отправленіе казначеевъ съ нижними чинами для пріема вещей изъ комиссій. Если при этомъ мы сообразимъ, что доставка вещей для неприкосновеннаго запаса въ комиссіи, въ которыхъ онъ теперь хранится, содержаніе сортовыхъ смотрителей, магазиновъ и накладка поглощаютъ значительныя суммы казенныхъ денегъ; то издержки на перевозку запаса прямо въ войска уже отнюдь не могутъ показаться обременительными для казны.

Что касается злоупотребленій въ пріисканіи помѣщеній, нужныхъ для запаса, то находились же они для цейхгаузовъ, когда войска были въ увеличенномъ составѣ; почему же не найдется также довольно мѣста для запаса, количество котораго разчитывается на одинъ (четвертый) батальионъ въ пѣхотѣ? Впрочемъ, по всей вѣроятности, военному министерству не трудно было бы принять мѣры, чтобы мѣстное гражданское начальство всегда въ свое время заботилось объ отводѣ достаточныхъ помѣщеній.

Въ заключеніе прибавимъ, что вещи, слѣдующія въ запасъ, разумѣется, должны быть предлагаемы на торгахъ въ поставку особо отъ вещей текущаго довольствія; такъ какъ цѣна перевозки, которую подрядчики должны включать въ цѣну заготовленія, будетъ для запаса не та, какую выпросятъ они на перевозку вещей текущаго довольствія, а будетъ выше или ниже, смотря по разстоянію квартиръ отъ мѣстъ заготовленія.

Все вышеизложенное относится къ довольствію войскъ во время мира. Война въ предѣлахъ Россіи не измѣнила бы сущности системы заготовленія и довольствія, а при войнѣ заграничной обязанности комиссаріата переходятъ къ интендантству дѣйствующей арміи; затѣмъ комиссаріатъ ограничился бы удовлетвореніемъ войскъ, оставшихся въ отечествѣ.

Намъ остается еще указать на два предмета занятій комиссаріата: денежное довольствіе войскъ и госпитальное управленіе.

Къ первому относятся: удовлетвореніе войскъ жалованьемъ, уплата денегъ подрядчикамъ, отпускъ войскамъ аммуниционныхъ и ремонтныхъ денегъ, разныя случайныя или единовременныя денежныя выдачи.

Для веденія счетовъ и переписки объ этихъ деньгахъ содержится теперь огромная бухгалтерія въ департаментѣ и ком-

миссияхъ, постоянно обремененная работою. Къ числу занятій счетной части комиссаріата присоединяется составленіе смѣты предстоящихъ расходовъ и балансоваго отчета о расходахъ, уже имъ сдѣланныхъ.

Съ измѣненіемъ порядка вещеваго снабженія войскъ и упраздненіемъ комиссаріатскихъ комиссій, необходимо преобразовать и счетную часть комиссаріатскаго департамента. Такъ какъ денежные выдачи войскамъ весьма разнообразны и производятся въ большихъ количествахъ; то распоряженія ими должны быть сосредоточены въ какомъ-нибудь центральномъ учрежденіи. Мы полагаемъ, что для этого можно было бы оставить въ комиссаріатскомъ департаментѣ особое счетное отдѣленіе, значительно сокративъ его составъ въ сравненіи съ нынѣ существующимъ штатомъ, тѣмъ болѣе что веденіе счетовъ вещевымъ капиталамъ должно совершенно прекратиться.

Удовлетвореніе войскъ жалованьемъ должно быть возложено на главное начальство войскъ по сношенію его съ военнымъ министромъ по комиссаріатскому департаменту, а послѣдняго съ министромъ финансовъ. Для этого потребовалось бы прибавить въ корпусныхъ и нѣкоторыхъ другихъ главныхъ штабахъ небольшое число старшихъ адъютантовъ. Числительность войскъ извѣстна штабамъ, и потому они могутъ повѣрять требованіе отдѣльныхъ частей войскъ съ такою же, если не съ большею, точностью, какъ и нынѣшнія комиссаріатскія комиссії, тѣмъ болѣе, что жалованье войскамъ выдается по весьма опредѣлительнымъ правиламъ. Общая повѣрка денежной отчетности могла бы быть возложена на контрольное отдѣленіе комиссаріатскаго департамента, какъ это ему предоставлено и теперь существующими постановленіями. Вслѣдствіе сношеній военнаго министра, министерство финансовъ могло бы назначать къ отпуску жалованье изъ мѣстныхъ казначействъ, находящихся вблизи штабовъ, преимущественно квартирующихъ въ губернскихъ городахъ. Штабы же могли бы разсылать слѣдующее въ каждую часть жалованье по почтѣ. Это замѣнило бы нынѣшнюю присылку денегъ съ особыми чиновниками, что стобитъ не малыхъ расходовъ и въ то же время ничѣмъ не обезпечиваетъ казны, кромѣ личной отвѣтственности этихъ чиновниковъ. Требованія штабовъ могли бы быть удовлетворяемы министерствомъ финансовъ весьма скоро, тѣмъ болѣе, что расходъ на жалованье, какъ постоянный, можетъ быть всегда предусмотрѣнъ заранѣе, и средства для покрытія его своевременно при-

готовлены. Выдача аммуниционныхъ и ремонтныхъ денегъ можетъ быть произведена тѣми же штабами еще удобнѣе, чѣмъ жалованье, потому что отпускъ ихъ мы предполагаемъ по штатному, а не по наличному числу войскъ; слѣдовательно никакихъ затруднительныхъ расчетовъ по этому случаю не понадобится.

Все расходы этихъ денегъ были бы постоянны и опредѣлительны въ теченіи всего мирнаго времени и измѣнились бы только во время войны, когда увеличеніе войскъ вызвало бы и увеличеніе расходовъ.

Министерство финансовъ вносило бы ихъ въ свои сметы точно такъ же, какъ и жалованье, и отпускало бы штабамъ одинъ разъ въ треть или въ полгода, смотря потому, что было бы признано однажды навсегда болѣе удобнымъ.

Удовлетвореніе случайныхъ расходовъ, нами выше названныхъ, можетъ производиться изъ мѣстныхъ казначействъ по сношеніямъ главныхъ начальниковъ войскъ съ военнымъ министромъ (также по комиссаріатскому департаменту). Получивъ требованіе, министръ относился бы къ министру финансовъ, который производилъ бы ассигновки, изъ ближайшихъ къ штабамъ казначействъ.

Уплата подрядчикамъ за поставленныя вещи можетъ быть произведена по квитанціямъ отдѣльныхъ частей войскъ изъ мѣстныхъ казначействъ, съ тѣмъ чтобы подрядчики по крайней мѣрѣ за два или за три мѣсяца объявляли, гдѣ хотятъ получить деньги. Квитанція должна быть составлена на основаніи копии контракта, предъявляемой подрядчикомъ командиру той части войскъ, для которой поставка произведена. Такъ какъ такихъ копій можетъ потребоваться одному подрядчику нѣсколько, то переписка ихъ должна быть отнесена къ обязанностямъ его самого, а не департамента. Мѣра эта не обременитъ поставщиковъ и облегчитъ департаментъ; извѣстно, что первые и теперь платятъ переписчикамъ за написаніе контрактовъ. Само собою разумѣется, что уплата можетъ быть произведена подрядчикамъ такимъ порядкомъ только за поставки безспорныя и совершенно исправныя: въ противномъ случаѣ деньги должны быть выдаваемы имъ по распоряженію департамента.

Такимъ образомъ если счетная часть будетъ сосредоточена, на изложенныхъ нами основаніяхъ, въ комиссаріатскомъ департаментѣ, то обязанности его будутъ тѣ же, что и въ на-

стоящее время, и только уменьшатся въ соответствующей степени.

Что касается до госпитального управленія, то по сложности своей оно заслуживало бы подробнаго разсмотрѣнія, но предѣлы статьи нашей не позволяютъ намъ представить полное изслѣдованіе. Поэтому мы выскажемъ нашу основную мысль какъ можно короче.

Число военныхъ госпиталей довольно велико. Они находятся по хозяйственной части въ вѣдѣніи комиссаріатскаго департамента, а по врачебной—въ вѣдѣніи медицинскаго департамента. Отчетность хозяйственная чрезвычайно сложна и мелочна. Поэтому ни надзоръ начальства, ни повѣрка дѣйствій чиновниковъ не достигаютъ своей цѣли,—предупрежденія и истребленія злоупотребленій. Мы полагаемъ, что соединеніе всего управленія госпиталями въ одномъ медицинскомъ департаментѣ военнаго министерства было бы полезнымъ усовершенствованіемъ, если только представляются какія-нибудь, неизвѣстныя намъ, препятствія къ образованію одного управленія всею медицинскою частію въ нашемъ отечествѣ, теперь раздѣленной между нѣсколькими департаментами разныхъ министерствъ. Смѣемъ думать, что такое учрежденіе облегчило бы дѣйствіе этихъ министерствъ и не осталось бы безъ пользы вообще для народнаго здоровья.

Мы изложили мнѣніе наше о замѣнѣ дѣятельности комиссаріата непосредственнымъ участіемъ подрядчиковъ въ довольствіи войскъ вещами, соответственно тѣмъ предѣламъ, какіе допускаются для журнальныхъ статей, не вдаваясь въ излишнія, мелкія подробности. Указанныя нами главныя основанія могутъ быть легко развиты, потому что какъ сводъ военныхъ постановленій, такъ и комиссаріатъ обогащены весьма многими практическими свѣдѣніями. Примѣнить ихъ къ дѣлу было бы не трудно, еслибы представилась надобность начертать, согласно съ этими началами, цѣлое положеніе о довольствіи войскъ. Мы думаемъ даже, что значительная часть указаній опыта, внесенныхъ въ постановления и руководствующихъ теперь дѣйствіями комиссаріата, оказались бы совершенно лишними, такъ какъ самое дѣло довольствія упростилось бы на столько, на сколько оно усложнилось вслѣдствіе существующаго нынѣ посредничества комиссій между войсками и подрядчиками. Однако при всемъ убѣжденіи въ выгоды замѣны настоящей административной дѣятельности частною дѣятельностью, мы

не скрываемъ отъ себя возможности сомнѣнія со стороны лицъ, которымъ довѣрено важное, хлопотливое и отвѣтственное дѣло снабженія войскъ всѣми необходимыми для нихъ потребностями. Сомнѣніе это можетъ возбудить весьма естественный вопросъ: «а если войска останутся ничѣмъ не удовлетворенными или будутъ удовлетворяться дурно?» Какъ бы ни были сильны и подробно изложены нами доказательства, они не могутъ разсѣять это сомнѣніе; надобно было бы предположить большую смѣлость какъ въ томъ, кто предложилъ бы проектъ, подобный нашему, такъ и въ томъ, кто привелъ бы его въ исполненіе.

Остается одно—прибѣгнуть къ испытанію проекта на дѣлѣ. Къ счастью, такое испытаніе представляется весьма удобнымъ, такъ какъ отъ существующаго порядка необходимъ переходъ къ предполагаемому. Дѣйствія четырнадцати комиссаріатскихъ комиссій не могли бы прекратиться вдругъ по введеніи новаго способа довольствія войскъ; имъ нужно было бы израсходовать всѣ вещи, лежащія теперь въ ихъ магазинахъ, и кончить производство начатыхъ дѣлъ и разчетовъ съ войсками и подрядчиками. Все это едва ли могло бы быть совершено въ теченіи трехъ лѣтъ. Почему же не посвятить это время испытанію новаго способа, обещающаго весьма полезныя послѣдствія и очевидное сбереженіе казенныхъ денегъ? Всякому понятно, что при уменьшеніи личнаго состава департамента и упраздненіи комиссій, непременно послѣдуетъ большое сокращеніе расходовъ казны; что съ уничтоженіемъ посредничества комиссій между войсками и подрядчиками, если не уничтожится вдругъ, то безъ сомнѣнія значительно уменьшится въ теченіи времени непроизводительный расходъ, поглащаемый накладкою; что или цѣны, запрашиваемыя подрядчиками за вещи, понизятся, и тогда бюджетъ комиссаріата уменьшится, или онъ останутся тѣ же, и тогда солдату будутъ доставаться вещи лучшаго качества; что съ уменьшеніемъ количества чиновниковъ, дѣлопроизводство облегчится и выиграетъ въ качествахъ; что злоупотребленія будутъ несравненно болѣе рѣдки, а слѣдовательно будетъ удобнѣе раскрывать ихъ и наказывать. Все это и многое другое, чего нельзя ни исчислить, ни предвидѣть, непременно должно быть допущено всякимъ, кто признаетъ превосходство способа непосредственнаго снабженія войскъ черезъ подрядчиковъ, передъ существующею теперь системою. . . Почему же, даже сомнѣваясь въ возможности

успѣшнаго примѣненія этого способа у насъ, не допустить испытанія его, когда оно удобно во время переходнаго состоянія? Признаемся, сколько мы ни думали, сколько ни допрашивали наше собственное сомнѣнiе, сколько ни допытывались отъ людей свѣдущихъ, практическихъ, мы не могли получить противорѣчащаго отвѣта. Правительство, во имя народнаго блага, общество, во имя своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ, домогаются въ настоящее время усовершенствованія административныхъ учрежденій: какъ же не попытаться прибѣгнуть къ живительному пособію частной дѣятельности въ дѣлѣ, давно страдающемъ недостатками, признанными, доказанными до очевидности? Отказаться отъ такого пособія, отъ примѣненія высказанныхъ нами началъ, значило бы отвергать справедливость словъ знаменитаго историка и министра, выставленныхъ въ началѣ статьи нашей: «Улучшеніе общества необходимо приводить къ улучшенію нравственности; чѣмъ лучше устроена внѣшняя жизнь, тѣмъ правильнѣе и чище жизнь внутренняя.»

Д. КАМЕНСКІЙ.

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВО ФРАНЦІИ¹

II.

Въ первомъ письмѣ своемъ я обѣщаль вамъ описать со всевозможною краткостію существующія теперь условія фермерства во Франціи и различные способы извлеченія дохода поземельною собственностію въ этой странѣ. Приступаю теперь къ исполненію своего обѣщанія. Фермерство, какъ вамъ извѣстно, учрежденіе не новое; медленно и постепенно вытѣсняло оно рабство, замѣняло къ несравненно большей выгодѣ какъ землевладѣльцевъ, такъ и людей, воздѣлывавшихъ землю, господскія поземельныя повинности и феодалныя тягости; словомъ, освобождало поселянъ и въ то же время обогащало владѣльцевъ. Указываю на этотъ историческій фактъ мимоходомъ, но не останавлиюсь на немъ; насъ должно занимать только настоящее, и у

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 2. Обстоятельства замедлили присылку помѣщаемой нынѣ статьи нашего даровитаго французскаго корреспондента, но отнынѣ приняты мѣры, чтобы рядъ статей о французскомъ крестьянствѣ, предпринятыхъ г. Бонмеромъ по нашему требованію, не прерывался такими долгими промежутками времени. За настоящимъ письмомъ послѣдуетъ письмо о Вандеѣ, находящееся уже въ портфель редакціи, и мы надѣемся въ продолженіи текущаго года представить нашимъ читателямъ полную характеристику земледѣльческаго быта въ разныхъ частяхъ Франціи, написанную блестящимъ перомъ автора *Исторіи французскихъ крестьянъ (Histoire des paysans en France)*. *Ред.*

меня вовсе нѣтъ охоты переписывать изданную мною *Исторію крестьянъ*; но, сказать между нами, мнѣ пріятно было бы, еслибы книга эта находилась въ бібліотекѣ всѣхъ вашихъ читателей.

Владѣлецъ земли, этого источника всяческаго богатства, имѣеть въ рукахъ своихъ три главные способа извлекать изъ нея доходъ. Прежде всего, онъ самъ можетъ сдѣлаться земледѣльцемъ, самъ можетъ пахать землю, что происходитъ только въ томъ случаѣ, когда собственность его состоитъ изъ весьма малаго участка. Мы видимъ это во многихъ кантонахъ Франціи, гдѣ дробленіе почвы достигло крайнихъ размѣровъ, гдѣ крестьянинъ, скопивши немного денегъ, приобрѣталъ землю, раздѣленную на такіе мелкіе участки, что она становилась доступною для всякаго кошелька. Но въ дѣлахъ человѣческихъ нѣтъ ничего совершеннаго, и во всѣхъ учрежденіяхъ добро смѣшано со зломъ. Мы видимъ это и въ раздробленіи земли между мелкими владѣльцами. Оно было благодѣяніемъ, послѣдствія котораго нельзя достаточно оцѣнить, ибо оно сообщило чудный толчокъ труду, а слѣдовательно и производству. Ему обязаны мы тѣми необычайными успѣхами, которые сдѣлала поземельная собственность и ея благосостояніе съ 1789 года. Повсюду на земномъ шарѣ, гдѣ только поселянинъ касался почвы заступомъ собственника, была ли то неплодная пустыня, топкое болото или голый утесъ, онъ извлекалъ этимъ жезломъ своимъ воду изъ песковъ пустыни и осушалъ болота; на могучемъ хребтѣ своемъ, почти переламывавшемся подъ бременемъ тяжести, онъ возносилъ землю на вершину утеса и ограждалъ тамъ эти насыпи стѣною. Безплодіе замѣнялъ онъ повсюду обиліемъ, водворялъ жизнь тамъ, гдѣ господствовала смерть...

Собственность для крестьянина значить свобода, и не въ правѣ только, но и на дѣлѣ. Порою впрочемъ онъ покупаетъ ее дороже, чѣмъ она стбитъ, и тогда онъ впадаетъ въ рабство бѣдности. Лихорадочное желаніе собственности, снѣдающее его, повысило чересмѣрно цѣну земли, этой неизмѣнной приманки и убѣжища большей части накопившихся деньжонокъ, повысило до того что цѣна земли не соотвѣтствуетъ ея производительности. Всѣ получили выгоду оттого, но болѣе всѣхъ землевладѣлецъ, который могъ по частямъ продать свою землю крестьянамъ вдвое или втрое дороже настоящей ея цѣны, и притомъ, нисколько не разоряя крестьянъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ она приобрѣтаетъ двоякое значеніе капитала и орудія труда. Горе, однако, крестьянину, если для покупки онъ прибѣгнетъ къ займу; онъ

попадается тогда въ желѣзныя лапы къ заимодавцу, который не выпуститъ его до тѣхъ поръ, пока не выжметъ изъ него послѣднюю копейку. Вотъ почему постоянный недостатокъ денегъ бываетъ иногда для нашего крестьянина нормальнымъ положеніемъ. И тѣмъ труднѣе освободиться ему отъ него, что безъ капиталовъ, безъ самостоятельности, не имѣя никакихъ познаній, кромѣ тѣхъ, которыя завѣщаны ему рутиной и преданіемъ, онъ только и старается слѣпо подражать своимъ предшественникамъ; онъ тратитъ всю свою энергію на то, чтобъ имѣть самое необходимое для своего пропитанія или заготовить нѣсколько сельскихъ продуктовъ, которые продать тѣмъ труднѣе, чѣмъ дороже ихъ производство и чѣмъ неудобнѣе перевозъ ихъ съ одного мѣста на другое.

Владѣлецъ болѣе значительныхъ участковъ тоже можетъ обрабатывать ихъ самъ, съ помощію многочисленныхъ прислужниковъ и поденщиковъ, находящихся подъ его управленіемъ. Но это требуетъ крѣпкаго здоровья, неутомимой дѣятельности и особеннаго къ тому призванія, очень рѣдкаго въ нашей странѣ, гдѣ сельскія занятія никогда не находились въ большемъ почетѣ. Надо слѣдить за всѣмъ каждую минуту, вставать раньше и ложиться позже всѣхъ, ѣздить на рынки и на ярмарки, вести, словомъ, такую же суровую жизнь, какую ведетъ крестьянинъ, съ единственною цѣлью получать побольше доходовъ съ своей земли. Нужно замѣтить къ тому же, что цѣль эта достигается не всегда, и очень часто землевладѣльцы разоряются, вводя у себя преждевременныя улучшенія, хватаясь за невѣрныя предпріятія или за опыты, которые не удаются, благодаря противодѣйствію невѣжественныхъ классовъ, окружающихъ ихъ. Но съ другой стороны несомнѣнно, что только богатые владѣльцы своими свѣдѣніями, своими капиталами, могутъ способствовать улучшенію земледѣлія; случается даже, что сосѣднее народонаселеніе пользуется разореніемъ несчастнаго нововводителя и слѣдуетъ, наконецъ, примѣру, надъ которымъ оно сначала издѣвалось, продолжаетъ само то дѣло, которому противилось. Чтò за причина, что въ нашихъ несовершенныхъ обществахъ чуть не всегда несравненно труднѣе и чуть не всегда менѣе выгодно дѣлать добро, чѣмъ зло? Прогрессъ можно сравнить почти во всемъ съ огромнымъ и тяжелымъ плодомъ косоваго дерева. Тѣ, которые начинаютъ трясти дерево, подвергаются неминуемой опасности, что плодъ упадетъ и ра-

зобѣтъ имъ голову. Другіе, благоразумно державшіеся въ сторонѣ, подбѣгаютъ и подбираютъ плодъ.

Третій возможный способъ есть фермерское хозяйство, способъ наиболѣе употребительный у насъ. Владѣлецъ, отдающій свою землю въ аренду, уже не привязанъ къ ней, передъ нимъ открытъ весь Божій міръ, онъ можетъ путешествовать, жить въ городѣ, заниматься удовольствіями или наукою, можетъ увеличивать свой капиталъ посредствомъ промышленныхъ предпріятій или исполнять служебныя обязанности; словомъ, онъ наслаждается вполнѣ тою свободою, которая обеспечивается чело-вѣку постояннымъ, вѣрнымъ доходомъ,—доходомъ, не подвергающимся большей части случайностей, которыя угрожаютъ движимой собственности. Очевидно, что фермерство не вполнѣ доходно для землевладѣльца, ибо фермеръ долженъ прежде всего прокармливать свою семью произведеніями земли и сверхъ того необходимо, чтобъ онъ могъ откладывать что-нибудь изъ дохода, чѣмъ бы обезпечить свою судьбу въ будущемъ, устроить себѣ пристанище для старости. За тѣмъ слѣдуютъ требованія казны, поземельный налогъ, который у насъ крайне разорителенъ для сельской поземельной собственности, такъ что землевладѣлецъ долженъ почитать себя счастливымъ, если съ фермы, стоющей 100.000 фр., получить чистаго годоваго дохода 2.000 или 2.500 франковъ. Ничтожная прибыль эта объясняетъ, почему нашъ зажиточный средній классъ повсемѣстно старается отдѣлаться отъ своихъ помѣстій и стремится толпами въ городъ, гдѣ находитъ несравненно выгоднѣйшія условія для помѣщенія своихъ капиталовъ. Вѣдь земледѣлецъ, пользующійся безъ дѣлежа всѣми продуктами земли, можетъ купить ее немного дороже, чѣмъ тотъ, который сталъ бы отдавать ее въ аренду. Между зажиточнымъ мѣщаниномъ крестьяниномъ идетъ въ этомъ отношеніи борьба, въ которой первый останется неминуемо побѣжденнымъ. Крестьянинъ вторгается въ собственность со всѣхъ сторонъ, мало-по-малу онъ вытѣсняетъ землевладѣльца, но онъ вытѣсняетъ эту жертву, украсивши ее голову богатымъ вѣнкомъ, то-есть надѣливши деньгами. Такимъ образомъ, въ будущемъ на долю буржуазіи,—и то будетъ еще лучшая доля,—придутся почетныя и доходныя должности, городская собственность, торговля, промышленность, банкъ, богатые вклады въ компаніяхъ желѣзныхъ дорогъ, государственныя ренты, записи въ большую

книгу государственнаго долга, этого хранилища всякихъ богатствъ, которое въ матеріальномъ отношеніи служитъ залогомъ общественнаго согласія. Съ извѣстной точки зрѣнія вполнѣ справедливо, чтобы тотъ, кто обрабатываетъ землю, и владѣль этимъ орудіемъ своего труда. Когда крестьянинъ—собственникъ, то-есть когда онъ пользуется всѣми плодами своей неутомимой дѣятельности, онъ работаетъ гораздо лучше, между тѣмъ какъ горожанинъ съ своей стороны, получая также значительные доходы, будетъ тратить больше и получить возможность платить дороже за многочисленные предметы потребления, доставляемые ему сельскимъ хозяйствомъ.

Впрочемъ, все это осуществится развѣ только вѣками и не должно занимать насъ въ настоящую минуту.

При уничтоженіи невольничества или крѣпости, господинъ остается владѣльцемъ земли, но у него нѣтъ ни времени, ни охоты, ни надлежащаго умѣнья сдѣлать ее плодородною. Земледѣлецъ, напротивъ, обладаетъ всѣми этими условіями. Первый изъ нихъ умеръ бы съ голоду на своей безлюдной почвѣ, точно такъ же какъ умеръ бы и другой, еслибы сидѣлъ сложа руки и не принимался за работу, на томъ основаніи, что земля принадлежит не ему. Но вскорѣ между ними заключается сдѣлка: вотчинникъ даетъ земледѣльцу капиталъ, земледѣлецъ предлагаетъ въ обмѣнъ свой трудъ, земля оплодотворяется, и общество утверждается на основахъ закона. Но такъ какъ земледѣлецъ не могъ еще составить себѣ капиталъ изъ произведеній предшествовавшаго своего труда, то необходимо, чтобы владѣлецъ земли снабдилъ его всѣмъ инвентаремъ фермы, за что, конечно, онъ долженъ получить вознагражденіе. Единственною гарантіею для владѣльца земли можетъ служить хорошее управленіе фермою, обиліе урожая, сбытъ произведеній и скота, но такъ какъ все это зависитъ отъ случайностей, то на первый разъ оказывается невозможнымъ опредѣлить арендную плату деньгами, и вслѣдствіе этого образуется самый элементарный видъ фермернаго хозяйства, половничество (*métayage*), хотя изъ этого названія не слѣдуетъ, чтобы рента въ половничествѣ всегда опредѣлялась половиною сбора или скота. Напротивъ, часто она бываетъ больше или меньше половины, смотря по плодородію земли. Если земля требуетъ большаго труда, то необходимо, чтобы фермеръ сохранилъ для самого себя наибольшую часть дохода. Если почва плодородная, то условливаются

такимъ образомъ, что фермеръ будетъ доставлять сѣмена; если не плодородна, то доставлять ихъ будетъ владѣлецъ; если посредственнаго качества, то обязанность эта распределяется между ними поровну. То же самое и при отдачѣ скота въ фермерское содержаніе. Словомъ, можетъ существовать тысяча самыхъ разнообразныхъ условій, и они допускаютъ всевозможныя необходимыя измѣненія, до тѣхъ поръ пока не будетъ заключенъ договоръ, въ которомъ справедливо уравниваются выгоды обѣихъ сторонъ.

Какъ вывидите изъэтого, наше половничество есть контрактъ, въ силу котораго фермеръ, когда онъ не имѣетъ достаточнаго капитала или кредита, чтобъ обезпечить уплату ренты и затратъ владѣльца, можетъ вознаграждать владѣльца натурою, на помѣщичьемъ дворѣ, выплачивая ему ежегодно условленную долю урожая и приплода, такъ что среднее арифметическое число этихъ ежегодныхъ взносовъ будетъ представлять цѣнность ренты. Половничество замѣняетъ собою въ нѣкоторомъ смыслѣ барщину, къ несомнѣнной выгодѣ договаривающихся сторонъ. Будучи въ состояніи распорядиться своимъ временемъ, земледѣлецъ съ несравненно-большою ревностію станеть заниматься дѣломъ, которое должно доставить ему половину продуктовъ, и сумма продуктовъ необходимо умножится. Системою половничества, крестьянинъ переступаетъ, слѣдовательно, первую ступень на лѣстницѣ земледѣльческаго прогресса. Онъ огражденъ отъ недостатка въ работѣ, онъ выходитъ изъ жалкаго состоянія пролетаріата, не подвергается печальнымъ случайностямъ недостатка работы и вслѣдствіе ихъ жестокихъ бѣдствій нищеты. Эта система фермерства бываетъ даже совершенною необходимостію въ мѣстностяхъ съ непостояннымъ климатомъ, мало населенныхъ, безъ большихъ торговыхъ центровъ, безъ городовъ, безъ близкихъ рынковъ: арендаторъ, самъ потребляя значительную часть своей доли продуктовъ и имѣя въ остаткѣ только ничтожное количество ихъ для продажи, не очень страдаетъ отъ трудностей торговли. Съ другой стороны, непредвидѣнныя бѣдствія, чрезвычайная засуха, морозы, наводненія, падаютъ своею тяжестію не на одного фермера, но и на землевладѣльца.

Нельзя не сознаться, что половничество ставитъ нѣкоторымъ образомъ владѣльца въ зависимость отъ фермера, но за то фермеръ поднимается въ своихъ глазахъ и получаетъ возможность выработать въ себѣ чувство собственнаго достоинства. Онъ

долженъ заслужить довѣріе владѣльца, и потерять это довѣріе было бы невознаградимымъ для него бѣдствіемъ, ибо заразъ лишился бы онъ и фермы, и возможности когда-либо добыть себѣ другую. Сверхъ того; половничество, продолжительностію своихъ обязательствъ, снисходительностію своихъ условій, ежедневными отношеніями, необходимо возникающими между двумя сторонами и ставящими ихъ на ногу совершенной независимости и равенства, поддерживааетъ между ними доброе согласіе. Всегда выгодно возвысить тѣхъ, которые стоятъ ниже насъ: разстояніе остается то же, несмотря на болѣе вѣжливыя формы, но мы возвышаемся сами, по мѣрѣ того какъ возвышаются они. Драгоцѣнному равенству, господствующему между всѣми классами французскаго общества, обязаны мы тою общительностію, тою услужливостію, которыя, говорятъ всѣ, составляютъ отличительную черту Французовъ.

Половничество, по моему мнѣнію, представляетъ самый удобный и самый естественный исходъ изъ крѣпостнаго отношенія. Оно требуетъ отъ земледѣльца только труда, оно не ставитъ его ни въ какія личныя обязательства къ хозяину фермы, онъ можетъ жить спокойно на полѣ, имъ обрабатываемомъ, не платя ничего деньгами ни государству въ видѣ налоговъ, ни владѣльцу. Въ особенности же, онъ не опасается, что повинности его возвысятся при возобновленіи договора. Но въ то же самое время, эта элементарная система представляетъ и важныя неудобства, особенно съ точки зрѣнія интересовъ владѣльца. Она не обезпечиваетъ ему ни той безопасности, ни той свободы дѣйствій, которыми онъ пользуется при фермерствѣ за денежную плату. Положеніе его не прочно, доходъ его зависитъ отъ количества произведеній и ихъ сбыта; онъ можетъ быть постоянно обманутъ фермеромъ и обязанъ тщательно наблюдать какъ за обработкою полей, такъ и за жатвою, ибо, если у фермера есть своя земля, онъ будетъ обрабатывать ее несравненно лучше, чѣмъ землю фермы, будетъ лучше уваживать ее, прорѣжетъ ее болѣе глубокими и частыми бороздами, словомъ, все въ нее положить, ибо все, что она дастъ ему, онъ получитъ для одного себя. Онъ можетъ пойти работать къ другому, со скотомъ, выкормленнымъ на фермѣ, можетъ продавать утайкой навозъ и подножный кормъ, и такимъ образомъ портить ту землю, которую порядился обрабатывать.

Кромѣ того, владѣльцу нужно имѣть овины, житницы, погреба

для сбереженія продуктовъ. Всѣ затрудненія, всѣ случайности ихъ сбыта, точно такъ же, какъ тяжести налоговъ, падаютъ на его долю. Если онъ самъ не живетъ на мѣстѣ, то долженъ держать управителя, которому надобно давать жалованье. Говорятъ, будто у васъ, въ Россіи, управители — бичи крестьянъ. То же самое было и во Франціи до революціи, но, слава Богу! этого уже болѣе нѣтъ. Когда господинъ становится челоѣколюбивѣе, то поневолѣ и управитель долженъ подражать ему. Если фермеръ—челоѣкъ свободный, если ему открытъ доступъ въ мировой судъ, если ему дозволяется перенести въ другое мѣсто свой трудъ, свой капиталъ и промыселъ, то управитель не будетъ долго въ состояніи его обворовывать, безъ того чтобы плутовство его, наконецъ, не обнаружилось и не обратилось противъ него самого. Прибавимъ къ этому, что онъ не будетъ въ состояніи слишкомъ обворовывать и владѣльца, ибо потребовалось бы для того много сообщниковъ. Владѣльцу нужно только самому выбирать фермеровъ и хорошенько знать ихъ.

Большое неудобство половничества состоитъ въ его неподвижности, въ неизмѣняемости, въ невозможности для него преусубіянія. Ни одна изъ обѣихъ сторонъ не хочетъ, первая, дѣлать улучшеній, выгодами которыхъ придется дѣлиться пополамъ. Половничество, слѣдовательно, необходимо поддерживаетъ въ земледѣльцѣ невѣжество, недостатокъ дѣятельности, прилежанія. Незная латинскаго языка, земледѣлецъ бываетъ убѣжденъ въ истинѣ словъ Плінія: *Vene colere necessarium est, optime damposum*, (хорошо работать—нужно, а отлично работать—невыгодно), словъ, которыя мы Французы перевели слѣдующею пословицей: *le mieux est l'ennemi du bien*. Поэтому, онъ ограничивается необходимымъ, отлагая все, безъ чего можно обойтись. Владѣлецъ тоже не рѣшается ни на какія улучшенія, ни на какія исправленія, не увеличиваетъ скота, допускаетъ до разрушенія постройки: слишкомъ скупой къ землѣ, которую онъ находитъ слишкомъ скупой въ отношеніи къ себѣ, онъ не прочь, что бы челоѣкъ его тратилъ на нее всѣ свои силы, но не хочетъ тратить на нее своихъ денегъ. Половникъ, съ своей стороны, не слишкомъ требователенъ насчетъ домашнихъ удобствъ, внутренней чистоты, того сельскаго благоустройства, которое встрѣчается въ другихъ мѣстахъ. Лишь бы имѣть ему пристанище, какую бы то ни было пищу да праздничное платье, и онъ доживаетъ до конца своихъ дней, довольный и спокойный.

Фермерство за денежную плату свободно отъ тѣхъ недостатковъ, на которые я указалъ. Оно свидѣтельствуемъ о дальной эманципациі работника, служить доказательствомъ значительнаго улучшенія въ образованіи и распредѣленіи богатствъ. Оно имѣетъ нѣкоторое сходство съ мануфактурною промышленностью. Фермеръ, подобно мануфактуристу, составляетъ посредствующее звено между орудіемъ труда и наемщикомъ, приводящимъ его въ дѣйствіе. Онъ настоящій спекуляторъ, который рискуетъ въ предпріятіи частью своего достоянія. Онъ поставяетъ движимый капиталъ, пахатныя орудія, ломовыхъ и пахатныхъ лошадей, быковъ, коровъ, барановъ. Онъ будетъ работать, поэтому, со всевозможною энергіею; въ работѣ этой замѣшаны для него самые важные интересы; уплативши опредѣленную ежегодную сумму за наемъ земли, онъ пользуется одинъ всѣмъ излишкомъ, одинъ приобрѣтаетъ выгоду отъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ улучшеній. Кромѣ того, онъ сообщаетъ жизнь многимъ второстепеннымъ промышленностямъ, держитъ работниковъ и слугъ, возбуждаетъ вокругъ себя трудъ, одѣляетъ деньгами окружающихъ его, и скруженъ, въ свою очередь, людьми, которые не иначе выражаются о немъ, какъ: *нашъ господинъ* (*notre maître*).

Вслѣдствіе всего этого, половники, если только они умѣютъ вести свои дѣла и обладаютъ нѣкоторымъ капиталомъ, постоянно стремятся превратиться въ фермеровъ, а наоборотъ не бываетъ никогда, развѣ только если кто желаетъ избавиться отъ разорительнаго найма. Владѣлецъ, съ своей стороны, охотно соглашается на подобную перемѣну, ибо онъ выигрываетъ въ свободѣ дѣйствій, точно такъ же, какъ въ опредѣленности своихъ доходовъ. Въ интересъ его—не казаться требовательнымъ съ самаго начала и не жертвовать настоящему будущимъ. Признанное правило въ хорошемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, что нужно сначала обогатить фермеровъ, если желаешь, чтобъ они точно исполняли свои обязанности.

Фермеръ всегда въ состояніи несравненно лучше самого владѣльца воздѣлывать землю: обоюдный интересъ ихъ требуетъ, слѣдовательно, чтобы фермеру принадлежало право устанавливать способъ обработки полей и раздѣленіе ихъ на пашни. Для фермера гораздо выгоднѣе длинные наемные сроки. Наиболѣе принятые теперь сроки на девять лѣтъ кажутся слишкомъ кратковременны, если принять въ соображеніе продолжительность

земледѣльческихъ операцій, то время, въ которое потраченные капиталы могутъ быть возвращены, и необходимость, между тѣмъ, ежегодно тратить значительныя суммы, особенно когда дѣло идетъ о томъ, чтобы привести въ хорошее состояніе землю, истощенную прежнимъ фермеромъ, и поддерживать надлежащимъ образомъ ея обработку.

Крайне ошибочно навязывать фермеру какой-либо опредѣленный способъ воздѣлыванія земли и распредѣленія пашней, наполнять контрактъ стѣснительными условіями, которыя затрудняютъ его дѣятельность, отбиваютъ у него охоту къ улучшениямъ и покровительствуютъ рутинѣ. Владѣлецъ можетъ только опасаться, чтобы фермеръ, не увѣренный въ возобновленіи своего контракта, не истощилъ земли въ послѣдніе годы пользованія ею и не преслѣдовалъ, въ ущербъ ему, исключительно своихъ собственныхъ интересовъ: но есть вѣрное средство предостеречься противъ опасности такого рода, выговоривши въ контрактѣ, какого именно способа обработки фермеръ долженъ придерживаться въ послѣдніе три или четыре года. Благодаря этому, интересы владѣльца получаютъ достаточное обезпеченіе, а фермеръ будетъ пользоваться тою полною свободою дѣйствій, которая необходима ему для успѣшнаго и разумнаго развитія земледѣлія.

Продолжительные сроки аренды встрѣчаютъ, впрочемъ, очень серьезныя возраженія. Владѣльцу, во первыхъ, очень хорошо извѣстно, что наемная цѣна за землю, не говоря уже о случайныхъ ея колебаніяхъ, которыя можно опредѣлить среднимъ числомъ, взявши періодъ въ двадцать или двадцать пять лѣтъ, постоянно стремится къ возвышенію, даже при отсутствіи всякихъ улучшеній почвы, просто въ силу успѣховъ общественнаго развитія; онъ остережется, слѣдовательно, отдать землю въ наемъ на слишкомъ продолжительное время. Вовторыхъ, такъ какъ по законодательству нашему, наследство дѣлится на равныя части между всѣми дѣтьми, то глава семейства имѣетъ много, по меньшей мѣрѣ, удовлетворительныхъ причинъ избѣгать наймовъ на длинныя сроки, ибо, благодаря имъ, раздѣлъ могъ бы сдѣлаться затруднительнымъ. Прибавимъ къ этому, что законъ, согласный въ этомъ съ нравами и обычаями французскаго общества, запрещаетъ опекунамъ, общинамъ и благотворительнымъ заведеніямъ заключать контракты болѣе чѣмъ на девять лѣтъ.

Если вы спросите меня теперь, составляет ли фермерство послѣднее слово земледѣльческаго прогресса, удовлетворяет ли оно одинаково и вполнѣ интересамъ фермера и землевладѣльца, то я буду отвѣчать отрицательно, даже подѣ страхомъ противорѣчить въ этомъ отношеніи большей части знаменитѣйшихъ нашихъ экономистовъ. Положеніе фермера слишкомъ не прочно, и контрактъ между нимъ и землевладѣльцемъ всегда клонится, на сколько это возможно, въ пользу послѣдняго изъ нихъ: этого нѣтъ еще, конечно, у васъ, гдѣ народонаселеніе не многочисленно, а поля безграничны. Но предѣлы Франціи не обширны, а земледѣльческое народонаселеніе въ ней очень густо. Число наемныхъ фермъ у насъ ограничено, охотниковъ же въ фермеры представляется очень много, такъ что владѣльцы злоупотребляютъ иногда безъ зазрѣнія совѣсти этою конкуренціею. Фермеръ видитъ, что ему не слѣдуетъ слишкомъ привязываться къ порученной ему землѣ, что не надо тратить на нее капиталовъ, которые было бы трудно возвратить. Онъ пользуется настоящимъ, не заботясь много о будущемъ. Онъ не разводитъ ни деревьевъ, ни фруктовыхъ садовъ, ни виноградниковъ, ни маслинъ; онъ не проводитъ каналовъ, не осушаетъ полей, не орошаетъ ихъ, не дѣлаетъ, словомъ, ничего, чтѣ послужило бы къ общему благу, и чѣмъ могли бы воспользоваться его потомки. Онъ знаетъ, что ему могутъ отказать, пожалуй, именно за его хорошее хозяйничанье. И дѣйствительно, если неусышными трудами и заботами онъ улучшитъ землю, то владѣлецъ повыситъ на нее цѣну при возобновленіи контракта, и воспользуется такимъ образомъ, совершенно даромъ, трудомъ и пожертвованіями фермера. Случается даже не рѣдко, что при подписаніи контракта требуютъ вкупнаго (commission, denier d'entrée) вдвое, даже вдесятеро противъ ежегодной платы, и обычай этотъ до того вошелъ въ силу, что одинъ извѣстный мнѣ фермеръ, платившій ежегодно 450 фр., принужденъ былъ дать при подписаніи контракта, единовременной приплаты 3000 франковъ!

Напрасно будутъ увѣрять, что этимъ средствомъ пріобрѣтается обезпеченіе состоятельности фермеровъ, и что, удаляя отъ дѣла недостаточныхъ людей, этотъ обычай ограничиваетъ возникающую между ними конкуренцію. Цѣли этой можно достигнуть путями, болѣе справедливыми и рациональными, не отнимая у поселенца выгодъ, которыя онъ долженъ былъ почитать своею собственностью, законно пріобрѣтенною въ продолженіи истекшаго

аренднаго времени, не разрушая его состоятельности въ самомъ ея источникѣ, и не лишая его возможности затрачивать въ землю деньги, за которыя она вознаградила бы его плодородіемъ. У насъ не положено никакой законной преграды корыстнымъ требованіямъ собственниковъ. Конечно, поселенецъ можетъ отказаться отъ найма фермы; но собственникъ всегда найдетъ работниковъ, тогда какъ земледѣлецъ, не имѣющій собственности, можетъ существовать только обрабатываніемъ чужой земли; понятно, что если у него на рукахъ женщины и дѣти, умирающія съ голоду, то онъ добивается работы во что бы то ни стало, и принимаетъ ее на самыхъ тяжкихъ условіяхъ. Отъ того не рѣдко наши крестьяне-фермеры отказываются отъ улучшения почвы изъ опасенія, чтобы хозяинъ не провѣдалъ, какой *taximum* продуктовъ можетъ дать земля, и чтобы вслѣдствіе этого не вздумалъ возвысить арендную плату.

Итакъ необходимо закономъ обезпечить фермеру право продолжать срокъ его найма, съ условіемъ уплаты собственнику извѣстной добавочной суммы съ земли, которая трудами его приобрѣла высшую цѣнность. Разумное безкорыстіе нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ и въ этомъ случаѣ опередило законъ; въ томъ краѣ, о которомъ я сейчасъ буду говорить, мнѣ лично извѣстны два собственника, обыкновенно заключающіе съ фермерами договоръ такого рода: по истеченіи шести лѣтъ условленнаго найма, ферма должна подвергнуться переоцѣнкѣ, и если фермеръ трудами своими увеличилъ цѣнность земли на 10 процентовъ дохода, то ферма отдается ему снова съ надбавкою только двадцатой части противъ преждеусловленной платы. Впрочемъ, какъ ни выгодно для фермеровъ подобное условіе, никто, кажется, изъ нихъ не воспользовался. Такъ какъ условіе это предлагается человѣкомъ, который считается ихъ господиномъ, то они не могутъ или не хотятъ повѣрить, чтобъ оно было добросовѣстно установлено. къ ихъ выгодѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне не подлежатъ ответственности за то дикое состояніе, въ которомъ они прозябаютъ, и что главные виновники всѣхъ бѣдствій ихъ — мы, старшіе члены великой человѣческой семьи, не сумѣвшіе братски протянуть имъ руку, дабы сдѣлать ихъ участниками тѣхъ благъ цивилизаціи, которымъ мы обязаны настоящимъ нашимъ положеніемъ. Если мы не озаботились прививкою облагородить дикую грушу, то мы потеряли всякое право жаловаться, что она даетъ намъ

горькіе плоды, вмѣсто сладкихъ. Но при настоящемъ порядкѣ, и съ точки зрѣнія тѣхъ, которые видятъ только матеріальный фактъ, не обращая вниманія на обстоятельства, сдѣлавшія его роковымъ и неизбѣжнымъ, надо сознаться, что крестьяне наши составляютъ странное племя, и что необходимо сохранить въ душѣ огромный запасъ филантропіи тому, кто захотѣлъ бы посвятить труды свои благосостоянію этихъ созданій, ложно направленныхъ и вѣчно недовѣрчивыхъ по привычкѣ къ гнету, страданію и нищетѣ, лишенныхъ способности отличить друга отъ врага, слѣпо ненавидящихъ все, чтò стоитъ выше ихъ, и представляющихъ собою самое страшное препятствіе прогрессу, отъ котораго зависятъ всѣ ихъ выгоды (1). Чтò касается до меня лично, то я давно уже доказалъ мою глубокую къ нимъ симпатію; я принадлежу къ числу людей, наиболѣе заботившихся во Франціи о ихъ интересахъ: цѣлыя двадцать лѣтъ всѣ труды мои, всѣ мои занятія я исключительно посвящалъ имъ. И несмотря на то, въ 1848 году, въ моемъ собственномъ имѣніи, они едва не присоединили меня къ лику мучениковъ, хотя я никогда не домогался такой чести. И, замѣьте это, въ то же самое время, и по той же самой причинѣ, то-есть за мои стремленія къ умственному, нравственному и матеріальному улучшенію сельскаго населенія, буржуазія обнаружила противъ меня такія же враждебныя чувства! *E sempre bene*, какъ говорятъ Италіянцы.

Но на этотъ разъ мы оставимъ общія разсужденія, и, если вамъ угодно, снова пустимся въ наше земледѣльческое путешествіе по Франціи. Теперь мы посѣтимъ съ вами древнюю Бретань, въ составъ которой входятъ пять департаментовъ: Нижней Луары, Илли и Вилены, Морбигана, Финистерра и Сѣверныхъ Береговъ.

Позвольте мнѣ однакоже остановиться еще на минуту, потому что въ странѣ, извѣстной подъ названіемъ Нижней Бретани, то-есть въ части департамента Сѣверныхъ Береговъ, Морбигана и Финистерра, мы найдемъ совершенно оригинальный родъ фермер-

(1) Для читателей, незнакомыхъ съ французскими крестьянами личному опыту, считаетъ нужнымъ замѣтить, что едвали есть въ Европѣ крестьяне, которые отличались бы такою грубостью нравовъ, такою тупостію и такою недовѣрчивостію къ своимъ ближнимъ, какъ крестьяне французскіе. Русскій крестьянинъ несравненно человѣчнѣе, воспримчивѣе и смысленѣе французскаго: русскіе помѣщики никогда не были такъ властолюбивы и такъ корыстолюбивы, какъ въ продолженіи многихъ вѣковъ были сеньоры французскіе. *Ред.*

ства, который во Франціи не встрѣчается болѣе нигдѣ, и который, по моему мнѣнію, можетъ очень хорошо соответствовать тому переходному состоянію, въ какомъ вы находитесь въ настоящее время. Я говорю о *domaine congéable*, или *bail à convenant*, условіи, занимающемъ среднее мѣсто между аренднымъ контрактомъ и купчею крѣпостью. Никакъ нельзя сказать, чтобъ этотъ видъ условій сложился менѣе удачно, нежели какой бы то ни было другой видъ существующихъ во Франціи отношеній между поземельнымъ собственникомъ и земледѣльцемъ, или чтобъ онъ съ меньшимъ успѣхомъ велъ къ соглашенію ихъ обоюдныхъ выгодъ. И несмотря на то, этотъ особенный родъ найма земли остается исключительною принадлежностью Нижней Бретани, и за предѣлами ея никто во Франціи даже и не подозреваетъ о его существованіи.

«Свобода принадлежитъ древнему времени, а рабство новому», говоритъ г-жа Сталь. Слова ея, конечно, нельзя назвать совершенно истинными, но ихъ нельзя назвать и совершенно ложными: если, при историческомъ изслѣдованіи, у колыбели каждаго народа можно встрѣтить богиню свободы, то вскорѣ можно видѣть также, какъ быстро улетаетъ она, оставляя безоружное большинство въ добычу воинственному меньшинству. Когда въ IV вѣкѣ нашей эры, толпы жителей Англіи оставили страну свою, избѣгая тяжелаго рабства, принесеннаго къ нимъ саксонскими завоевателями, многіе изъ нихъ нашли новое отечество въ нашей древней Арморикѣ, гдѣ эти переселенцы встрѣтили народъ соплеменный, сходный съ ними по языку и обычаямъ. Они нашли землю необработанную, малонаселенную, еще носившую слѣды дикихъ опустошеній, совершенныхъ римскимъ завоеваніемъ. Собственники, владѣвшіе обширными и безплодными пустынями, съ радостью приняли этихъ бѣглецовъ и всѣми средствами старались удержать ихъ на новой землѣ. Но изгнанники не за тѣмъ бѣжали отъ рабства изъ своей родины, чтобы смиренно подчиниться ему на чужой сторонѣ: они явились людьми свободными, и для того, чтобы привязать ихъ своей землѣ, собственники вынуждены были предложить имъ уже не условія рабства, а условія справедливыя и выгодныя для обѣихъ договаривавшихся сторонъ.

Вслѣдствіе этого установлено было, чтобы землевладѣлецъ получалъ ежегодную плату, пропорціональную дѣйствительной цѣнности земли въ томъ необработанномъ состояніи, въ которомъ она находилась. Но такъ какъ изъ земли въ этомъ видѣ

нельзя было извлекать дохода безъ выдачи нѣкоторой суммы, необходимой для ихъ обработки, то собственникъ, не желая рисковать такою суммой, предоставилъ колонистамъ право устраивать хозяйственныя заведенія, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы всѣ заведенія, устроенныя послѣдними на свой счетъ, зданія, плантаціи фруктовыхъ деревьевъ, оградныя рвы, водопроводные каналы и проч., однимъ словомъ все, что разумѣютъ подъ общимъ названіемъ *édifices et superficies*, оставалось собственностью колониста или его наследниковъ. Землевладѣлецъ, или *foncier*, какъ его обыкновенно называютъ, долженъ былъ принять на себя обязательство вознаграждать колониста по истеченіи аренднаго срока, смотря по цѣнности его *édifices et superficies*, а безъ этого вознагражденія договоръ о наймѣ долженъ былъ оставаться въ своей силѣ на дальнѣйшій срокъ и на тѣхъ же самыхъ условіяхъ; въ случаѣ же, если поземельный собственникъ вздумалъ бы вступить въ полное владѣніе своими землями, то онъ долженъ былъ объявить колонисту, или *domanier*, о своемъ намѣреніи за шесть мѣсяцевъ до истеченія договорнаго срока.

Съ своей стороны колонистъ пріобрѣталъ право распоряжаться по своему произволу своею временною собственностью, не имѣя надобности въ согласіи землевладѣльца, съ тѣмъ только, чтобы всѣ *édifices et superficies* его, составляющія гарантію послѣдняго, оставались въ такомъ состояніи, которое бы соотвѣтствовало назначенію ихъ способствовать веденію хозяйства. Вслѣдствіе такого постановленія, землевладѣлецъ не имѣлъ уже надобности въ личной гарантіи; онъ потерялъ право повѣрять акты, по которымъ фермы его переходили изъ рукъ въ руки, и даже тѣ, по которымъ онѣ дѣлились между нѣсколькими наследниками или пріобрѣтателями.

Фермеръ обязанъ производить тѣ только постройки или работы, которыя постоянно необходимы для хозяйства, или которыя условлены съ собственникомъ и обозначены въ засвидѣтельствованномъ контрактѣ. Несмотря однако на такое разумное ограниченіе, установленное закономъ, фермеръ употребляетъ всевозможныя старанія увеличивать свои *édifices et superficies*. Конечно это ведетъ его къ издержкамъ, но онъ ихъ дѣлаетъ исподволь, когда и какъ ему вздумается, и по прошествіи нѣкотораго времени онъ доводитъ до такой огромной суммы цѣнность заведеній, что выкупъ ихъ становится тягостнымъ бременемъ для землевладѣльца. Всѣ фермеры съ большею или

меньшею ловкостію и настойчивостію стремятся къ подобному результату, чтобъ упрочить за собою обладаніе воздѣланною ими фермой.

До революціи 1789 года, помѣстье Роганъ подчинено было оригинальному узаконенію. По смерти отца, ферму наследовалъ одинъ изъ сыновей, но не старшій, а напротивъ младшій, за неимѣніемъ же наследниковъ мужескаго пола, наследницею становилась младшая изъ дочерей. Неправда ли, много трогательнаго въ этомъ законѣ, основанномъ на желаніи обезпечить положеніе слабыхъ и малолѣтнихъ? Это тѣмъ замѣчательнѣе, что по большей части законы дѣйствуютъ совершенно наоборотъ, подъ очевиднымъ вліяніемъ сильныхъ, которые стараются обезпечить себя насчетъ слабыхъ. Впрочемъ тотъ же самый законъ давалъ большія права собственнику, который получалъ въ наследство всѣ *édifices et superficies*, если фермеръ умиралъ, не имѣя ни прямыхъ наследниковъ, ни малолѣтнихъ сестеръ и братьевъ, которые бы жили вмѣстѣ съ нимъ.

Если поземельный собственникъ имѣетъ право отпустить поселенца, выкупая у него устроенныя имъ заведенія, то поселенецъ въ свою очередь имѣетъ право требовать отъ собственника, чтобы тотъ взялъ у него ферму и выкупилъ эти заведенія; въ послѣднемъ случаѣ собственникъ приходитъ въ совершенную зависимость отъ поселенца, если только дозволилъ ему въ своемъ имѣніи устройство заведеній и работъ бесполезныхъ или слишкомъ цѣнныхъ. Нерѣдко помѣщики заявляютъ намѣреніе отпустить поселенца, съ тою цѣлю чтобъ убѣдиться, дорожитъ ли поселенецъ своею фермой; если окажется, что поселенецъ желаетъ остаться въ имѣніи, то съ нимъ возобновляется договоръ, но уже со включеніемъ условій, ограничивающихъ права его. Другіе, еще болѣе недовѣрчивые, землевладѣльцы стараются при первой возможности отпускать своихъ поселенцевъ, и можно предсказать навѣрное, что не пройдетъ ста лѣтъ, какъ воздѣлываніе земли на условіяхъ такого рода совершенно исчезнетъ въ Бретани. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что оно нигуда не годится? Нисколько, и даже напротивъ; но въ немъ есть своего рода недостатки, а у насъ во Франціи завелся такой обычай, что если мы открываемъ несовершенство въ какомъ-нибудь учрежденіи, то вмѣсто устраненія вопіющихъ злоупотребленій, мы находимъ, что гораздо удобнѣе однимъ ударомъ ниспровергнуть самое учрежденіе: это подвергаетъ насъ тяжелымъ урокамъ; мы идемъ подобно волнамъ океана посреди

бурь, между непрерывнымъ приливомъ и отливомъ; сегодня подвигаемся впередъ, завтра отступаемъ назадъ, и чѣмъ оскорбительнѣе кажется намъ отступленіе, тѣмъ неукротимѣе становятся наши порывы.

Находясь на крайнемъ предѣлѣ древняго міра и какъ бы отдѣляясь отъ европейскаго материка, чтобы съ угрозой ринуться на Англію, Бретань не менѣе отдѣлена отъ самой Франціи рѣками и горами, а еще болѣе тѣмъ древнимъ кельтическимъ нарѣчіемъ, которымъ и теперь говорятъ ея жители, и звуки котораго путешественники съ изумленіемъ встрѣчаютъ въ священномъ языкѣ Индусовъ. Эта страна кварца и гранита, въ которой друиды нѣкогда изсѣкали свои чудные памятники, презирающіе время и являющіеся по прошествіи трехъ тысячъ лѣтъ нѣмыми свидѣтелями исчезнувшей цивилизаціи, страна грубая и дикая, гордо прикрывающая нищету свою плащомъ изъ терновника, вереска и бесполезныхъ папоротниковъ, сохранила болѣе всѣхъ другихъ частей Франціи, послѣ Вандеи, о которой я буду говорить вамъ въ слѣдующемъ письмѣ, во всей чистотѣ свой оригинальный характеръ и свою неизгладимую индивидуальность.

Вѣчная мрачность, суровость и пустынность наружнаго вида Бретани зависятъ отъ множества бесплодныхъ ландъ, которыя занимаютъ около трети пространства пяти департаментовъ, входящихъ въ составъ этого полуострова. Но человекъ въ этой бѣдной странѣ еще бѣднѣе земли, и земля ждетъ еще трудовъ человека, чтобы вознаградить ихъ своимъ плодородіемъ. Недавно одинъ изъ лучшихъ агрономовъ Бретани и всей Франціи былъ пораженъ печальнымъ состояніемъ земледѣлія, посѣтивъ ферму въ шестьдесятъ гектаровъ, которая, судя по средней цѣнности земли, должна бы доставлять отъ трехъ до четырехъ тысячъ франковъ ежегоднаго дохода, и за которую фермеръ платилъ около 200 франковъ собственнику, проживающему въ Парижѣ. Фермеръ ежегодно воздѣлывалъ десять гектаровъ, все одни и тѣ же, засѣвая ихъ на половину гречью, на половину рожью. У него оставалось чистой прибыли третья часть собраннаго хлѣба, и этого ему достаточно было для прокормленія семейства, остальная же земля его лежала невоздѣланная и служила пастбищемъ для домашнихъ животныхъ. Совершенно довольный своею участію, даже гордясь ею, онъ жилъ въ полной независимости, въ кругу своей семьи, подъ кровомъ полуразрушенной хижины, затерянной въ пустынѣ, и немногимъ отличался отъ

своихъ животныхъ, которыя, словно дикіе звѣри, блуждали по обширнымъ пространствамъ ландъ. Если таково состояніе фермеровъ, то что же можно сказать о простыхъ работникахъ? Какого прогресса ожидать отъ страны, гдѣ поземельные собственники нисколько не заботятся ни о землѣ своей, ни объ умственномъ и нравственномъ состояніи тѣхъ, трудами которыхъ они существуютъ,—гдѣ они никогда не посѣщаютъ своихъ помѣстій и предоставляютъ все судьбѣ да рутинѣ крестьянина?

Извѣстно, что Франція въ хорошіе годы производитъ едва достаточное количество хлѣба для своего собственного потребленія, а въ худые должна обращаться съ требованіемъ къ иностраннымъ государствамъ для пополненія своихъ недостатъ: какъ бы, кажется, не заняться устройствомъ этихъ невоздѣланныхъ земель, которыя можно было бы частію обратить въ плодородныя нивы, частію въ луга и пастбища, частію засѣять лѣсомъ! Увы! о такомъ улучшеніи хозяйства и думать нечего, потому что у насъ на земледѣліе стараются употреблять какъ можно меньше капитала, и нѣтъ почти мѣста, гдѣ бы земли, уже воздѣланныя, достигали наивысшей степени плодородія; землевладелецъ не можетъ употреблять свои доходы на разработку нови, когда и такъ половина полей остается въ пару, за недостаткомъ удобренія.

Я съ своей стороны думаю, что такъ какъ богатые поземельные собственники постоянно живутъ въ городахъ и не хотятъ пожертвовать даже ничтожною частицею своего состоянія для улучшенія земледѣльческой промышленности, которою мы всѣ существуемъ, и недостаточность которой заставляетъ націю испытывать страшныя мученія голода, то слѣдовало бы закономъ принудить ихъ обращать въ *domaines congéables* земли, не приносящія въ рукахъ ихъ никакой пользы. Такое распоряженіе нисколько бы не уменьшило ихъ доходовъ, напротивъ увеличило бы ихъ, а крестьяне, доощряемые полусобственностью, которую упрочиваетъ имъ подобный родъ фермерства, стали бы уплачивать, сначала ничтожную сумму за право пользованія землями, въ настоящее время не имѣющими никакой цѣны, а потомъ собственная выгода стала бы побуждать ихъ къ разработкѣ этихъ пустынь, покрытыхъ верескомъ, терновникомъ и папоротниками.

Операція такого рода потребовала бы весьма малаго жертвованія со стороны землевладельца; стоить только разчистить луга и раздѣлить ланды на участки по семи-восьми гектаровъ,

выстроить домикъ, скотный дворъ и снабдить крестьянина на первое обзаведеніе домашними животными и удобреніемъ. Арендные договоры можно бы установить на двадцать лѣтъ; земли подвергать оцѣнкѣ въ началѣ и въ концѣ условленнаго времени и предоставить въ пользу колонистовъ третью часть увеличившейся цѣнности имѣнія; если же они сами захотятъ завести скотъ и добыть удобреніе, то обезпечить ихъ половиною этой цѣнности. Тѣ же, которые не захотѣли бы согласиться на этотъ способъ улучшенія своихъ помѣстій должны были бы лишиться своей собственности и получить за нее вознагражденіе по оцѣнкѣ экспертовъ, а земли ихъ должны были бы перейти въ другія руки. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ, которые оказали бы добросовѣстное содѣйствіе этой операціи, обезпечили бы благосостояніе своихъ наслѣдниковъ, вслѣдствіе быстраго возвышенія внутренней цѣнности земель и развитія фермерства, а въ то же время доставили бы работу тысячамъ крестьянъ, которые въ ней нуждаются.

Обширныя ланды Бретани, ея многочисленныя луга, наклонность жителей ея къ пастушеской жизни, трудность добыванія удобреній, отсутствіе городовъ, благосостояніе и богатство которыхъ требуютъ болѣе цѣнныхъ продуктовъ, каковы на примѣръ продукты садоводства, все это, повидимому, должно было бы сдѣлать страну эту страню скотоводства и слѣдовательно страню, въ которой преобладало бы крупное хозяйство. Но, наперекоръ ожиданіямъ, она представляетъ собою страну мелкаго и средняго хозяйства, и тѣмъ не менѣе однакожь на пространствѣ ея не рѣдко встрѣчаются обширныя и богатыя помѣстья. На Бретани мы ясно видимъ, что крупная поземельная собственность не имѣетъ своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ существованія хозяйствъ обширнаго размѣра.

Представьте себѣ, что какой-нибудь владѣлецъ помѣстья въ триста гектаровъ возымѣетъ филантропическое желаніе возбудить трудъ вокругъ себя и привязать къ почвѣ поселянъ, которые ее покидаютъ; онъ раздѣлитъ свою обширную земледѣльческую мануфактуру на тридцать малыхъ фермъ, совершенно одна отъ другой независимыхъ, съ тѣмъ чтобы въ каждой изъ нихъ былъ собственно ей принадлежащія строенія, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, поля и дороги, чтобы каждая ферма состояла подъ особымъ надзоромъ и управленіемъ. Такимъ образомъ онъ устроитъ малыя хозяйства на большомъ поземельномъ владѣ-

ни, онъ дастъ работу 150—200 человѣкамъ, которые будутъ жить произведеніями этой земли. Но издержки на производство будутъ гораздо значительнѣе, и огромный капиталъ будетъ затраченъ землевладѣльцемъ; производство сдѣлается несравненно обширнѣе, но за то и потребление въ то же время возрастетъ до обширныхъ размѣровъ; воловаго дохода окажется много, а чистаго барыша очень мало, потому что все потреблено будетъ двумястами человѣкъ, составляющими семейство тридцати фермеровъ, тридцатью или сорока рабочими лошадьми и пр. Въ результатъ окажется, что на рынокъ придется послать очень мало или даже вовсе ничего. Отсюда неизбежно возникаетъ дороговизна сѣстныхъ припасовъ.

Если же напротивъ того землевладѣлецъ самъ задумаетъ воздѣлывать свои земли въ обширныхъ размѣрахъ, если онъ призоветъ на помощь раздѣленіе труда, употребленіе машинъ, однимъ словомъ всѣ средства крупной и разумной земледѣльческой промышленности, то ему достаточно будетъ для его дѣла тридцати или сорока человѣкъ, нѣсколькихъ паръ воловъ и рабочихъ лошадей. Конечно, въ такомъ случаѣ полтора ста человѣкъ покинутъ поля, за недостаткомъ работы; но работу доставить имъ городъ, и мануфактурная промышленность достигнетъ въ свою очередь высокой степени развитія; городъ снабдитъ ихъ также хлѣбомъ, потому что 30—35 человѣкъ, работающихъ на большомъ поземельномъ владѣніи, не въ состояніи будутъ потребить всѣ его продукты, а такъ какъ капиталъ, затраченный владѣльцемъ, будетъ несравненно меньше, то владѣлецъ въ состояніи будетъ, отправляя на рынокъ большее количество зерноваго хлѣба, продавать его по болѣе дешевой цѣнѣ, и однакожъ, несмотря на это пониженіе цѣнности продуктовъ, барыши сдѣлаются гораздо значительнѣе, потому что число работниковъ, между которыми они должны быть распределены, будетъ гораздо меньшее. По мѣрѣ распространенія довольства между крестьянами, возвысятся и потребности ихъ, въ настоящее время слишкомъ ограниченныя. Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей откроетъ путь къ высшимъ стремленіямъ: Богъ вложилъ въ насъ желаніе благосостоянія и прогресса конечно не съ тою цѣлю, чтобы мы представляли собою элементы волненій и безпорядковъ. А тогда, инициатива въ дѣлѣ прогресса будетъ принадлежать всѣмъ и каждому. Богатство городского населенія будетъ возрастать, по мѣрѣ того какъ деревни будутъ

усиливать свои требованія на произведенія мануфактурныя, и городъ въ свою очередь въ состояніи будетъ потреблять болѣе. Во Франціи, напротивъ того, крестьянинъ нерѣдко не можетъ добыть денегъ за свои хлѣбные запасы, которые не продаются, а городскіе жители терпятъ въ то же время голодъ, пьютъ одну воду, не имѣютъ одежды, чтобы согрѣться, не имѣютъ дровъ, чтобы сварить себѣ пищу.

Сравнительныя преимущества большаго или мелкаго земледѣльческаго хозяйства составляютъ капитальный вопросъ, въ рѣшеніи котораго далеко еще не согласились между собою передовые люди науки. Впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса на практикѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ зависѣть отъ произвола людей; тысячи обстоятельствъ ставятъ землевладѣльца въ зависимость отъ обычаевъ страны, — обычаевъ, которые сами собою вытекаютъ изъ состоянія земледѣльческаго населенія, находящагося въ его распоряженіи. Но я не буду развивать этотъ пунктъ; подробности завели бы насъ слишкомъ далеко, и можетъ-быть безъ интереса для вашихъ читателей.

Департаментъ Нижней Луары не отличается плодородіемъ почвы, и воздѣлываніе земли, вообще раздѣленной на малые участки, производится мѣстами заступомъ, мѣстами двухъ- или трехъ-парнымъ плугомъ. Обширныя болота, безчисленные пруды, изъ которыхъ одинъ носитъ нѣсколько честолюбивое названіе озера, бесплодныя ланды занимаютъ значительную часть пространства. Остальная часть содержитъ превосходныя пастбища, расположенныя по живописнымъ островамъ Луары и по берегамъ потоковъ, изобильно орошающихъ страну. Сверхъ того есть полосы удобной земли, которыя довольно хорошо обработаны, но которыя производятъ количество хлѣба, едва достаточное для мѣстнаго потребленія. Здѣсь мы находимся на крайнемъ предѣлѣ возрастанія виноградной лозы и встрѣчаемъ совершенно особенный родъ фермерства, называемый *complant* и имѣющій нѣкоторое сходство съ *domaine congéable*. Владѣльцу принадлежитъ земля, фермеру виноградныя лозы; послѣдній сажаетъ ихъ, вырываетъ и замѣняетъ засохшія лозы и даетъ землевладѣльцу часть винограднаго сбора, половину или треть, смотря по степени плодородія или по заключенному условію. Не думаю, чтобы такое соотношеніе двухъ родовъ собственности, внутренней (поземельной) и внѣшней (заключающейся въ виноградныхъ лозахъ), существовало въ какой-нибудь другой части Франціи. Вино добывается здѣсь самаго посред-

ственного качества, и все количество его, не потребляемое на мѣстѣ, отправляется вверхъ по Луарѣ до Орлеана, гдѣ оно перемѣняетъ свое свойство и названіе и поступаетъ на торговые рынки подѣ именемъ орлеанскаго уксуса. Впрочемъ частый неурожай зерноваго хлѣба и плохое качество вина, такъ же какъ и болѣзнь винограда, портившая этотъ драгоценный продуктъ въ продолженіи четырехъ или пяти лѣтъ, заставили многихъ владѣльцевъ внутренней и внѣшней собственности уничтожать виноградники и обращать ихъ въ поля съ колосовымъ хлѣбомъ. Такая перемѣна рѣдко бываетъ однакожъ удачна, потому что виноградники любятъ почву средней руки, неудобную для иного рода земледѣлія, и лучшіе плоды свои приносятъ на утесахъ, почти совершенно обнаженныхъ. По счастью, мануфактурная промышленность, довольно развитая въ департаментѣ, пополняетъ недостатокъ земледѣлія. Обширный и богатый городъ Нантъ, заключающій въ себѣ болѣе ста тысячъ жителей, составляетъ центръ этой промышленности, и особенно благоприятствуетъ тѣмъ изъ ея отраслей, которыя прямо или косвенно относятся къ морскимъ сооруженіямъ. Рыбная ловля, частью въ океанѣ, частью въ Луарѣ и ея притокахъ, частью въ прудахъ, число которыхъ простирается до 700 или 800, оказываетъ дѣятельное пособіе земледѣльческой промышленности, ровно какъ и разработка каменноугольныхъ бассейновъ. Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне занимаются въ свободное время горшечнымъ ремесломъ и такимъ образомъ извлекаютъ пользу изъ почвы, неудобной для земледѣлія. Мущина добываетъ глину, толчетъ ее, мѣситъ и дѣлаетъ горшки; женщина срѣзываетъ верески для обжиганія и, когда горшки готовы, относитъ ихъ на рынокъ. Съ двѣнадцатилѣтняго возраста дѣти начинаютъ работать; мальчики выдѣлываютъ маленькія чашки, грубые кофейники; дѣвочки помогаютъ матери въ хозяйствѣ и другихъ занятіяхъ. Во всякомъ случаѣ положеніе этихъ сельскихъ горшечниковъ не имѣетъ и отдаленнаго сходства съ положеніемъ тѣхъ античныхъ горшечниковъ, которые умѣли возвести ремесло свое на степень изящнаго искусства. Маленькая хижина, въ которую свѣтъ проходитъ сквозь узкую дверь, плохая кровать у печки, худая ларь, изрѣдка шкафъ, столъ, покрытый гораздо чаще глиною, чѣмъ хорошимъ хлѣбомъ, тощая корова, маленькая лошадь для перевозки горшковъ,—вотъ все имущество горшечника. Если не по убѣжденію, то по необходимости, онъ жизнью своею пред-

ставляетъ умѣренность мудреца; небольшое количество вина и табаку удовлетворяютъ всѣмъ его желаніямъ. Умѣренность невольная, не составляющая заслуги! И въ самомъ дѣлѣ, горе семейству, если самъ мужъ вздумаетъ отправиться на рынокъ для продажи произведеній своей скромной фабрики: рѣдко возвратится онъ, не разсѣявъ дорогою по шингамъ всѣхъ вырученныхъ денегъ, и нисколько не подумаетъ о томъ, что дома найдетъ жену и дѣтей, голодныхъ и покрытыхъ лохмотьями...

Повидимому, здѣсь сельскіе нравы сохранили еще нѣкоторыя черты патріархальнаго быта. Жена, дѣти, слуги, служанки слѣпо повинуются повелѣніямъ главы семейства. Впрочемъ скудость фермъ не требуетъ большаго числа рукъ, и глава семейства самъ занимается работою, столько же и даже болѣе чѣмъ надзоромъ и раздачею приказаній. Хозяйка дома и ея дочери раздѣляютъ занятія служанокъ, такъ же какъ хозяинъ раздѣляетъ занятія своихъ слугъ. Такимъ образомъ одинаковость работъ, постоянное пребываніе вмѣстѣ, все содѣйствуетъ къ поддержанію равенства между домохозяиномъ и его прислугою, и сынъ фермера поступаетъ безъ малѣйшаго неудовольствія на службу къ другому фермеру.

Непререкаемо признаваемое здѣсь всѣми преобладаніе одного пола надъ другимъ еще болѣе содѣйствуетъ поддержанію добраго согласія въ хозяйствѣ. Даже въ церквахъ только одни мужчины приближаются къ алтарю, женщины же стоятъ позади. Въ домѣ мужчины исключительно распоряжаются работами, торговыми сдѣлками, спекуляціями. Женщины не работаютъ ни заступомъ, ни плугомъ; онѣ полютъ, сѣютъ, помогаютъ въ жнитвѣ; но мужчины во всѣхъ случаяхъ избавляютъ ихъ отъ трудовъ, которые не по силамъ ихъ полу. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ другихъ мѣстахъ мы увидимъ совершенно противное.

Обычай, почти общій во всѣхъ семействахъ, довольствоваться одною комнатою для всѣхъ, не требуетъ много мебели. Нѣсколько постелей, сундукъ, шкафъ, скамьи, чашка для дѣтской каши, чугунный котелъ, большой чугунокъ для щелока, деревянныя ложки, нѣсколько глиняныхъ муравленныхъ чашекъ — вотъ вся мебель и хозяйственная утварь крестьянина. Буфетъ съ фаянсовою посудою и оловянными ложками свидѣтельствуютъ уже о довольствѣ и роскоши. На одной изъ полокъ этого сельскаго поставца красуется такъ-называемый *pichet*, то-есть фаянсовая или жестяная кружка, всегда наполнен-

ная какимъ-нибудь напиткомъ, виномъ, сидромъ или молокомъ. Когда появляется гость, то хозяинъ встаетъ и подноситъ ему *pichet*, предварительно омочивъ въ немъ губы и не дѣлая ему никакого вопроса. Гость выпиваетъ нѣсколько глотковъ, — отказъ считается жестокимъ оскорбленіемъ, — и тогда только хозяинъ можетъ спросить его о здоровьѣ и о причинахъ посѣщенія.

Пять-шесть постелей, покрытыхъ занавѣсками изъ какой-нибудь дешевой ткани и отдѣленныхъ одна отъ другой узкими проходами, служатъ притономъ на ночь для дюжины обитателей скромнаго жилища. Дѣвушки спятъ совершенно безопасно, отдѣленные легкою тканью отъ молодыхъ людей; когда наступаетъ часъ сна, каждый идетъ на свою постель и, задергивая занавѣски, укрывается въ ней, какъ въ отдѣльной комнатѣ; никакая шутка не нарушаетъ общаго спокойствія.

Несмотря на все сказанное нами, нельзя не признать однакоже рѣзкаго различія въ Бретани между классомъ крестьянъ-собственникововъ и фермеровъ и классомъ крестьянъ-служителей, живущихъ ненадежною поденною работою. Нравы первыхъ очень суровы и строги, чего никакъ нельзя сказать о послѣднихъ. Если въ привилегированномъ классѣ тѣхъ, которые живутъ собственнымъ имуществомъ или доходами съ обрабатываемой ими фермы, молодая дѣвушка сдѣлается жертвою обольщенія, то воспоминаніе о проступкѣ ея переходитъ изъ рода въ родъ. Съ изумленіемъ слышишь такое сужденіе о молодой дѣвушкѣ: «Она ведетъ себя прекрасно; но какъ жаль, что бабка ея погрѣшила! на этомъ семействѣ лежитъ пятно.» Часто случается, что никто изъ жителей не знавалъ этой обезчещенной бабки, но они слышали о ней отъ отцовъ, и повторяютъ разказъ для назиданія юношеству, до тѣхъ поръ, пока, по прошествіи долгаго времени, новая ошибка не заставитъ ихъ забыть старый грѣхъ и не доставитъ новаго примѣра для назиданія.

Зимю крестьяне цѣлыми семействами посѣщаютъ другъ друга и работаютъ вмѣстѣ; мушны, разсаживаясь на каменныхъ скамьяхъ, по обѣимъ сторонамъ обширной печи занимаются выдѣлываніемъ деревянной посуды, починкою земледѣльческихъ орудій, плетеніемъ большихъ корзинъ для сбора нѣкоторыхъ цѣнныхъ произведеній (напримѣръ плодовъ, высушенныхъ на солнцѣ или на печи и т. п.), украшеніемъ прялокъ

для молодыхъ дѣвицъ, которымъ хотять понравиться. Женщины прядутъ, дѣти слушаютъ; но не думайте, чтобы рѣчь шла объ улучшеніи земледѣлія, объ усовершенствованіи полезныхъ растений, объ акклиматизаціи деревьевъ или животныхъ, о введеніи новыхъ отраслей промышленности. Вся беседа ограничивается повтореніемъ суевѣрныхъ туземныхъ преданій: отцы считаютъ какъ бы обязанностью своею передавать ихъ дѣтямъ; и такъ переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе преданія эти, украшенные и значительно умноженные наивною и впечатлительною фантазією поселянъ.

Департаментъ Илли и Вилены отличается отъ предыдущаго только болѣе рѣзкимъ характеромъ нищеты: здѣсь уже чувствуешь близость Нижней Бретани. И чего ожидать отъ гранитной плоскости, покрытой слоемъ растительной земли не болѣе, какъ на нѣсколько сантиметровъ, отъ почвы болѣе чѣмъ посредственной, гдѣ только влажность атмосферы поддерживаетъ растительность? Лишь половина поверхности этого департамента воздѣлывается и доставляетъ жатву далеко неудовлетворяющую нуждамъ населенія; все остальное покрыто лѣсами и ландами, а эти послѣднія производятъ только верескъ и плохой терновникъ, едва годные для топлива. Это страна мелкаго сельскаго хозяйства, въ которомъ дурное свойство почвы требуетъ столько трудовъ и усилій, что для обрабатыванія ея необходимо большое число рукъ. Несмотря на это, въ окрестностяхъ Ренна, С.-Мало и вообще всѣхъ центровъ населенія, земледѣліе находится въ довольно хорошемъ состояніи, и въ послѣдніе годы сдѣлало, — разумѣется, относительно, — большіе успѣхи. За то въ этихъ мѣстахъ мало крестьянъ-собственниковъ, а если и встрѣчаются они, то ихъ участки такъ ничтожны, что они не могутъ сами заниматься ихъ воздѣлываніемъ. Они отдають свою землю въ наймы другимъ крестьянамъ, менѣе ихъ достаточнымъ, и берутъ ферму, обыкновенно весьма небольшую, плата за которую, обыкновенно назначаемая на деньги, никогда не достигаетъ 3.000 франковъ. По мѣрѣ удаленія отъ Верхней Бретани, ланды увеличиваются и остаются безъ разработки, особенно гдѣ онѣ составляютъ собственность общинъ. Чего ожидать отъ муниципальных совѣтовъ, гдѣ засѣдаютъ поселяне упрямые, тупоумные, слѣпо преданные рутинѣ, для которыхъ также не понятенъ голосъ разума, какъ и французскій языкъ! Они и теперь тѣ же, какими были въ то время, когда остроумная

маркиза Севинье писала (1675), что единственное французское слово, которое они понимаютъ, есть *tea culpra*. Если хотя у одного муниципальнаго совѣтника по сосѣдству съ его деревнею найдется земля, принадлежащая общинѣ, и обреченная на пустыя пастбища, то онъ всегда упорно противится продажѣ или воздѣлыванію ея. Муниципальныхъ же совѣтниковъ множество, а ланды въ Бретани на каждомъ шагу. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что Бретонцевъ надобно взять въ опеку и отнять у нихъ право самимъ заниматься собственными дѣлами до тѣхъ поръ, пока они не представятъ доказательствъ ума и способностей? Это значило бы замѣнить одно зло другимъ, бѣльшимъ, и отсрочить на неопредѣленное время ихъ эманципацію. Только спотыкаясь, задѣвая за все и даже иногда нанося себѣ раны, ребенокъ приучается къ ловкости, и справедливаго осмѣянія заслужить тотъ отецъ, который, запрещая сыну кушаться въ рѣкѣ, потребуетъ отъ него, чтобъ онъ приобрѣлъ качества отличнаго пловца.

Кажется, что между человѣкомъ и землею, по которой онъ ступаетъ, существуетъ какая-то таинственная и роковая связь: передается ли онъ лѣности, потому что она не повинуется его усиліямъ, остается ли она бесплодною, потому что онъ мало лелѣетъ ее,—они оба бѣдствуютъ одинаково. Вездѣ, гдѣ много ландовъ, господствуетъ не только нищета, но и апатія, и земледѣліе страдаетъ отъ того. Крестьянинъ довольствуется урожаемъ, дающимъ ему пищу въ обрѣзъ, работаетъ дурно, безо всякаго смысла, и нисколько не стремится къ улучшенію своего быта. Каждый изъ нихъ пускаетъ на общинныя ланды свою лошадь или корову и такимъ образомъ не пользуется ни работою ихъ, ни удобреніемъ, которое могъ бы отъ нихъ получать; такъ велось изстари, и онъ никогда не пойметъ, что гораздо было бы выгоднѣе отдать въ обработку эти невоздѣланныя земли, а домашнихъ животныхъ запирать въ хлѣвъ. Дѣло идетъ совершенно иначе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно было раздѣлить общинныя участки, и я могу вамъ указать подлѣ маленькаго городка Редона общину, гдѣ раздѣлъ пустопорожныхъ земель доставилъ прежнимъ вассаламъ капиталъ въ 1.100.000 франковъ. Всякая собственность даетъ человѣку силу и мужество, которыхъ рабство лишаетъ его; всякое личное приобрѣтеніе земли крестьяниномъ есть величайшее общественное благо!

Но крайности опасны, даже въ самыхъ лучшихъ дѣлахъ. Осте-

регитесь безконечнаго дробленія собственности, равнаго надѣла землею дѣтей, и постарайтесь о мѣрахъ, которыя задержали бы раздѣленіе полей на слишкомъ мелкіе участки. Мы не умѣли этого сдѣлать, и у насъ земледѣліе обратилось отъ плуга къ заступу, и человѣкъ осужденъ на трудъ, который слѣдовало бы предоставить рабочимъ животнымъ,—воду или лошади.

По смерти отца, всѣ поля его, и безъ того раздробленныя, дѣлятся у насъ на участки, и если остается пять наслѣдниковъ, то всякій изъ нихъ потребуеть своей части въ каждой вещи, своей пятой доли въ каждой крохѣ наслѣдства. Но не всѣ участки имѣютъ одинаковое качество, не всѣ одинаково воздѣланы: одинъ засѣянъ, другой подъ паромъ,—что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Остается раздробить каждое поле на пять частичекъ, произвести что-называется у насъ крестьянскій раздѣлъ (*partage de rousan*), изуродовать землю, обратитъ ее въ пыль, сдѣлать невозможною всякую обработку. Иногда они и на этомъ не останавливаются: случится имъ дѣлать лугъ не вездѣ одинаковаго качества и цѣнности,—они дѣлятъ его на участки, по числу сонаслѣдниковъ, и каждый изъ нихъ по очереди собираетъ сѣно съ каждаго участка, такъ что если ихъ пятеро, то на шестой годъ та же очередь повторяется снова и тѣмъ же порядкомъ. Страсть къ дѣлежу простирается до такой степени, что даже изба подвергается раздѣлу (я нисколько не преувеличиваю); такой-то получаетъ въ собственность часть избы до такого-то бруска или перекладкины, и такъ далѣе: печь и дверь остаются общою собственностью.

Раздѣлъ между сонаслѣдниками — дѣло затруднительное до крайности. Когда наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, согласятся на размежеваніе участковъ, то на рубежѣ вырываютъ глубокую яму, потомъ берутъ камень самый твердый, какой только можно отыскать подъ рукою, погружаютъ его въ яму такимъ образомъ, чтобъ онъ приходился въ уровень съ почвою, и съ нимъ вмѣстѣ зарываютъ два или три кремня, предварительно расколовъ ихъ, для того чтобъ осколки, въ случаѣ необходимости, могли засвидѣтельствовать своею формою, что они положены были туда рукою человѣка и съ особенною цѣлію. Камень носитъ названіе *межи* (*borne*), а осколки кремней называются *свидѣтелями* (*témoins*).

Смотрите съ уваженіемъ на этотъ камень! Видите ли вы около него человѣка одинокаго, разбитаго, согбеннаго надъ зем-

лею, который, когда проходите мимо, оставляет на мгновение свою тяжкую работу, и, опираясь на заступъ, заступъ Каина, бросает на васъ взглядъ ненависти и подозрѣнія? Если этотъ камень, священный, какъ кивотъ завѣта, не прочно утверждёнъ на своихъ свидѣтеляхъ, если вы по неосторожности ступите на него ногою и сдвинете его направо или налево, вы навлекете на себя процессъ съ атрибутами освидѣтельствований, повальныхъ обысковъ и Богъ знаетъ чего, что вамъ будетъ стоить въ десять, въ двадцать, во сто разъ дороже потревоженной вами собственности.

Увы! межа глубоко врыта не въ полѣ, а въ сердцѣ крестьянина; это подводная скала, о которую разбиваются союзъ, согласіе, святая любовь семейства; это предметъ отчаянія для мирового судьи, предметъ обогащенія для адвоката, стряпчачаго и повѣреннаго. Этотъ камень Фемиды, коварная богиня, положила въ основаніе своему храму.

Qui terre a, guerre a (у кого земля, у того и война), говоритъ пословица. У васъ сотни сосѣдей, которые всё обкрадываютъ васъ или жалуются, что вы ихъ обкрадываете; послушайте только ихъ, и не найдете ни одного, чье поле не уменьшалось бы съ каждымъ годомъ; подумаешь, что земля сжимается и скоро совсѣмъ исчезнетъ.

Крестьяне употребляютъ дурную пищу, состоящую изъ ржанаго хлѣба, большаго количества молока, каштановъ, просяной каши, небольшаго количества свиного сала въ праздничные дни, и болѣе всего изъ черныхъ ржаныхъ лепешекъ, національнаго кушанья въ Бретани, которымъ лакомятся даже въ городахъ достаточные люди; но несмотря на то что они пекутъ ихъ изъ муки, тщательно приготовленной, и не жалѣютъ масла для приправы, мнѣ кажется, что привычка съ юности и самая горячая любовь къ родинѣ необходимы, чтобы такое неудобосваримое кушанье могло нравиться.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Ренна выдѣлывается сливочное масло *Prévalaye*, лучшее во всей Франціи. Мнѣ вздумалось самому купить этого масла, и я отправился на одну изъ главныхъ фермъ, гдѣ оно изготовляется. Толстая крестьянка, краснолицая и кривая, пекла на чугунной сковородѣ огромное количество черныхъ лепешекъ, которыя возвышались передъ ней цѣлою пирамидою; при этомъ она черпала большою деревянною ложкой жидкое прозрачное тѣсто изъ низенькой и широкой кадки. По

окончаніи своей стряпни, она вылила въ кадку цѣлый горшокъ воды и взболтала ее; я съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на такое соблюденіе чистоты, но она тотчасъ же вынесла кадку, не опаражнивая ея, на дворъ, гдѣ молодой боровъ, со всѣмъ увлеченіемъ юности, гонялся за курами, рывшимися въ навозъ; при появленіи молодой Бретонки съ циклопическимъ лицомъ, онъ немедленно оставилъ куръ и прибѣжалъ, радостно хрюкая, помадиться разведенными остатками благословенной жидкости. Я полагаю, что послѣ этого кадку вымываютъ и потомъ уже снова разводятъ въ ней тѣсто, а можетъ-быть это мое предположеніе не что иное, какъ предразсудокъ городского жителя; но признаюсь вамъ, эта общность пищи и посуды съ животнымъ, милымъ Св. Антонію, страшно возмутила меня; вѣроятно съ тѣхъ поръ я и почувствовалъ отвращеніе къ чернымъ лепешкамъ.

Крестьянинъ Нижней Бретани пользуется вполне заслуженною репутаціею самаго грязнаго существа; онъ обнаруживаетъ совершенное равнодушіе, глубочайшее презрѣніе къ удобствамъ жизни, которыя такъ высоко цѣнить англійскій фермеръ. Пусть дымится печь, пусть дверь скрипитъ на петляхъ, пусть кормилица броситъ грязное бѣлье своего ребенка возлѣ самаго завтрака, пусть испуганная курица взлетитъ на столъ и перемараетъ кушанье, Бретонецъ остается совершенно равнодушнѣ ко всѣмъ этимъ напастямъ, которыя, по его мнѣнію, не разлучны съ существованіемъ человѣка, и по справедливости можно сказать, что въ мірѣ нѣтъ существа, одареннаго такими крѣпкими нервами, какими природа наградила Бретанца. Тотчасъ по вскормленіи грудью, его предоставляютъ самому себѣ; дѣтство его, какъ кажется, имѣетъ только одну цѣль—убить въ немъ всякую нѣжность ощущеній и замѣнить ее дикою грубостью. Онъ испытываетъ первыя силы свои на влажномъ и каменистомъ полу плохо защищенной хижины, онъ дѣлаетъ первые шаги свои посреди густаго дыма, который, за недостаткомъ надлежащаго выхода, наполняетъ весь домъ, и посреди заразительныхъ испареній, которыя поднимаются съ кучи навоза, перегнивающаго у самыхъ дверей. Прибавьте къ этимъ обстоятельствамъ, и безъ того очень тяжкимъ, грубую пищу, надъ которою должны работать пищеварительные органы ребенка: густая, гречневая каша, тяжелая похлебка, прокислое молоко, недозрѣлые плоды и проч. Горе ребенку, который, при отнятіи

отъ груди, сохранилъ слабое сложеніе, или физическое развитіе котораго должно наступить поздно! Беззаботная безопасность родителей почти неизбѣжно подвергнетъ его той же участи, какой подвергала слабыхъ младенцевъ варварская предусмотрительность древней Спарты. Онъ умретъ, не оставяя послѣ себя большаго горя: вѣдь однимъ ангеломъ на небѣ становится болѣе, однимъ несчастнымъ на землѣ менѣе.

Привычка къ этой грубой и почти убійственной пищѣ до такой степени притупила вкусъ бретонскаго крестьянина, что онъ не въ состояніи различать свойства яствъ, выходящихъ изъ тѣснаго круга тѣхъ веществъ, которыя возбудили въ немъ первыя ощущенія, и съ которыми онъ сжился, такъ что только одни сильно возбуждающія средства пробуждаютъ его загрубѣлый аппетитъ. Этимъ объясняется и наклонность его къ крѣпкимъ напиткамъ, къ сильно опьяняющимъ винамъ, такъ же какъ и неумѣренное употребленіе курительнаго табаку; самый крѣпкій табакъ едва щекочетъ его ротъ; но инстинкту, который пробуждается въ немъ всякій разъ, когда вызываетъ его необходимость, онъ отыскалъ средство пополнить недостатокъ сильнаго ощущенія, и для трубки своей придумалъ самый коротенькій чубукъ; горячій дымъ усиливаетъ возбуждающее дѣйствіе табаку. Не той ли же самой причинѣ, необходимости возбуждать притупленный вкусъ, дол но приписать обыкновеніе употреблять пищу до такой степени горячую, какой не могла бы вынести оболочка болѣе нѣжная?

Вотъ что писалъ о Бретани въ 1789 году Артуръ Йонгъ въ своемъ *Путешествіи по Франціи*:

«До Комбурга страна имѣетъ дикій видъ: земледѣліе находится тамъ въ такомъ же состояніи, какъ у Гуроновъ, что кажется невѣроятнымъ, когда рѣчь идетъ о государствѣ образованномъ; народъ тамъ почти такъ же дикъ, какъ самая страна, и городъ Комбургъ — одно изъ самыхъ грязныхъ, самыхъ суровыхъ мѣстечекъ, какія только можно себѣ вообразить. Глиняныя мазанки безъ оконъ и мостовая почти не проходима; удобствъ нѣтъ никакихъ. Совсѣмъ тѣмъ тамъ есть замокъ, и замокъ обитаемый. Кто этотъ г. де-Шатобрианъ владѣлецъ помѣстья, одаренный такими крѣпкими нервами, что онъ въ состояніи жить посреди подобной грязи и нищеты?»

Этотъ г. де-Шатобрианъ былъ отецъ одного изъ величайшихъ писателей нашего вѣка, того, который, почти одинъ во всей Франціи осмѣлился обнаружить сопротивленіе импера-

торскому деспотизму. И когда въ послѣдствіи мысль великаго писателя съ любовью обращалась къ этому комбургскому замку, гдѣ протекли его первые годы, онъ, конечно, смотрѣлъ на эту дикую страну лишь сквозь призму своей поэтической фантазіи.

Въ пяти департаментахъ Бретани классъ крестьянъ-собственниковъ можно подраздѣлить на два разряда. Къ первому принадлежатъ большіе собственники, которые владѣютъ количествомъ земли, достаточнымъ для организациіи значительной земледѣльческой обработки; они составляютъ около шестой части землевладѣльцевъ. Ко второму относятся мелкіе собственники, которые несравненно многочисленнѣе, такъ что въ настоящую минуту двѣ трети всей поземельной собственности принадлежатъ крестьянамъ. Отсюда проистекаетъ безконечное дробленіе земли, опасность котораго очевидна для всѣхъ, и никто не смѣетъ подумать объ отвращеніи ея. Если законодательство не постарается принять мѣры къ ограниченію этого дробленія, то въ будущемъ намъ предстоятъ ужасныя бѣдствія, такъ долго тяготѣвшія надъ Ирландіею. Почва Ирландіи, гдѣ даже и арендныя земли подвергались раздѣленію между членами семейства, раздробилась до такой степени, что участки не заключали въ себѣ болѣе одного или двухъ гектаровъ. Плугъ и рабочій скотъ исчезли съ такого обрѣзаннаго владѣнія, и оно съ трудомъ могло прикормить арендаторовъ. Ирландскіе земледѣльцы сажали только картофель, для котораго удобнѣе всего воздѣлывать землю заступомъ, а когда въ 1846 году это средство пропитанія измѣнило имъ вслѣдствіе распространившейся болѣзни картофеля, то несчастное народонаселеніе тысячами гибло отъ голода.

У насъ арендныя земли вообще не подвергаются раздѣлу, за исключеніемъ упомянутыхъ выше *domaines congables*, но все-таки очень часто ферма по своему малому объему не допускаетъ значительныхъ земледѣльческихъ улучшеній. Въ департаментъ Финистерръ есть землевладѣлецъ, который, съ цѣлію устранить безграничное дробленіе почвы, поставилъ въ контрактахъ своихъ съ фермерами условіе, что если нѣсколько собственниковъ захотятъ соединить свои фермы, чтобы воздѣлывать ихъ общими силами, прилагая къ нимъ приемы крупнаго сельскаго хозяйства, то онъ присоединитъ свою ферму къ ассоціациіи съ тѣмъ, чтобъ и его фермеры также имѣли право въ ней участвовать. Сказать правду, въ глубинѣ своего сердца онъ убѣжденъ, что онъ и его дѣти умрутъ посреди раз-

дѣленія земель и хозяйствъ. Однакоже два другіе собственника успѣли убѣдить съ десятокъ фермеровъ общими силами купить дургамскаго быка, который доставляетъ имъ значительныя выгоды, потому что они продаютъ его услуги поселянамъ, не принадлежащимъ къ ихъ ассоціаціи.

Надобно замѣтить, что сами фермеры побуждаютъ землевладельцевъ къ раздробленію ихъ помѣстій на малыя фермы. Они хотятъ сами производить всѣ работы, не приглашая на помощь батраковъ; ложный и скупой разчетъ не допускаетъ ихъ тратиться на жалованье, хотя бы вслѣдствіе этой скупости хозяйство ихъ оставалось скудно и ничтожно. Вообще наемныхъ работниковъ берутъ только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ во время жатвы. Оттого деревенскіе работники стремятся къ городамъ, и по естественному закону собираются туда, куда призываютъ ихъ капиталы и трудъ. Часто фермы такъ бѣдны, что фермеръ беретъ займы у соседа то лошадь, то земледѣльческія орудія. При такихъ условіяхъ крестьянинъ воздѣлываетъ какъ можно менѣе земли, и то дурно; онъ готовится подѣ пашню какой-нибудь клочокъ, засѣваетъ его пшеницею, на второй годъ рожью, на третій овсомъ, потомъ оставляетъ его въ залежи. Дурныя травы вырастаютъ на почвѣ, по которой не проходитъ плугъ, и это величаютъ названіемъ пастбища, и выгоняютъ туда домашнихъ животныхъ. По прошествіи трехъ-четырехъ лѣтъ, почва, говорятъ, достаточно отдохнула, и ее запахиваютъ снова: таково это экономическое земледѣліе, которое стоить дешево, но за то и не доставляетъ ничего.

Если департаменты Сѣверныхъ Береговъ, Морбиганъ и Финистерръ составляютъ Нижнюю Бретань, то-есть самую своеобразную часть этой провинціи, то можно сказать, что Финистерръ по своимъ плодороднымъ равнинамъ и обнаженнымъ утесамъ, по красотѣ и вмѣстѣ суровости ландшафтовъ, по разнообразію памятниковъ, типовъ, обычаевъ и одеждъ, представляетъ собою полную картину Бретани въ сжатомъ видѣ. На сѣверѣ пыльные и пустынные дороги, бурья стада, разсыянные по ландамъ, цѣпи черныхъ безлѣсныхъ холмовъ съ волнующимся на нихъ верескомъ; небо сѣрое; то холодная сырость, то удушливый зной; пустыни, покрытыя терномъ и дрокомъ, и посреди всего этого населеніе грубое, мрачное, молчаливое. Напротивъ того, на югѣ, по направленію къ городкамъ Кимперу и Кимперле, вы вступате въ лабиринтъ

огородовъ и цвѣтущихъ полей, ручьевъ, столь же гармоническихъ, какъ ихъ названія, красивыхъ долинъ и холмовъ, домовъ и деревень, утонувшихъ въ густой зелени листвы, веселыхъ городковъ, построенныхъ на берегу рѣкъ, — однимъ словомъ, передъ вами разстилаются тысячи чудныхъ ландшафтовъ, не уступающихъ красотою тѣмъ, которыми любоваться мы отправляемся въ отдаленную Швейцарію. Но недостатокъ Бретани въ томъ, что она близка къ намъ.

Впрочемъ почти вездѣ Бретань можно назвать землею контрастовъ, страню пустынь и оазисовъ. Всѣ обработанныя поля окружены валами (не менѣе пяти-шести футовъ въ вышину, при восьми-девяти футахъ ширины въ основаніи и трехъ-четырехъ на вершинѣ), подпертыми стѣнкой со стороны дороги и состоящими изъ одной земляной насыпи со стороны поля. Эта роскошная ограда устроивается и охраняется необыкновенно тщательно, особенно въ *domaines congéables*; причину понять не трудно. На оградахъ вездѣ растутъ колючій терновникъ и подстриженные дубки, вѣтви которыхъ обрѣзываются каждыя 8—9 лѣтъ; если они и занимаютъ слишкомъ много мѣста, за то предохраняютъ хлѣба отъ порывовъ вѣтра и очень облегчаютъ превращеніе нивы въ пастбище. Вы видите поле съ пшеницею и рядомъ съ нимъ поле съ утесникомъ или новину. Изъ мѣстъ, непроницаемыхъ для глаза по причинѣ множества оградъ и кустарниковъ, покрывающихъ ограды, вы переходите въ обширные ланды, которымъ и конца не видно. Изъ страны, самой плодоносной, почти безъ перехода, вы вступаете на обнаженную почву, гдѣ на каждомъ шагѣ выглядываютъ гранитные утесы. Съ вершины горы каменистой, совершенно безплодной, мѣстами усѣянной верескомъ, вы видите зеленѣющую долину, окруженную мощными деревьями, перерѣзанную во всѣхъ направленіяхъ маленькими рѣчками, красивые огороды, поля, окруженные изгородью изъ дикихъ розъ и блага терновника съ поденѣжниками, фіалками и гіацинтами на верху вала. И посреди этихъ красотъ природы кишитъ народонаселеніе отвратительное по своей неопрятности, грубое, невѣжественное, не понимающее даже языка страны, къ которой оно принадлежитъ...

ЕВГЕНІЙ БОНМЕРЪ.

(Окончаніе этого письма до слѣдующей книжки.)

ГОРА КОСМАЙ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ И. И. РАЗИЧУ.)

Между зарею и восходомъ солнца, когда Богъ раздаеть счастье и несчастье, вхальъ путникъ широкою дорогою, пролегающею у подошвы высокой горы Космая съ сѣверо-восточной его стороны (1). На вершинѣ Космая покоилось облако, въ долинахъ лежалъ густой туманъ. Одинъ видъ этой высокой горы невольно напомнилъ ему многое, слышанное имъ еще въ дѣтствѣ: припомнилъ онъ огненнаго «змая», живущаго въ Космаѣ, припомнилъ страшную «алу», которая душитъ ночью проезжающихъ, привелъ себя на память наконецъ, и «корыто вилъ» (2), находящееся на самой вершинѣ Космая, гдѣ вилы купаютъ своихъ дѣтей до восхода солнца, и страшно стало

(1) Гора Космай находится въ теперешней Сербіи, въ Бѣлградскомъ округѣ, и замѣчательна древними памятниками и народными сказаніями. Мы пользовались ими при составленіи этой статьи.

(2) См. *Русскій Вѣстникъ* 1858 года № 8 «Исторія одной сербской деревни». На самой вершинѣ горы Космая есть источникъ въ родѣ корыта, выстѣннаго изъ бѣлаго камня; онъ всегда наполненъ водой. Его называютъ «вилино корыто», ибо, говорятъ, тамъ вилы купаютъ своихъ дѣтей рано утромъ; и кто подстережетъ ихъ нагими, тотъ скоро умретъ.

путнику, когда вспомнилъ онъ, какъ дорого расплачиваются тѣ, которые тамъ ихъ подстерегали... «Не было слышно, говорить народное преданіе, пѣсней птицъ; только раздавалось журчанье ручьевъ, бьющихся о ребра Космая, да вверху деревьевъ шелестѣли листья. Тишина была глубокая! Удивился прохожій такому молчанію и продолжалъ свой путь.»

Достигнувъ двухъ могилъ, ѣздокъ услышалъ голосъ съ Космая, вздрогнулъ, и сердце его забилось отъ страха. Посмотрѣлъ онъ на вершину горы и подумалъ: «теперь будетъ мнѣ счастье или несчастье!»

Голосъ опять послышался съ верху: «Остановись, путникъ, сойди съ лошади, сядь подъ дубомъ, и послушай про бывшее время, послушай, отчего такая тишина на Космаѣ.»

Путникъ слѣзъ съ лошади и сѣлъ подъ дубомъ.

Голосъ вилы опять раздался съ Космая:

«Ты удивляешься, отчего такая глубокая тишина на Космаѣ, отчего на немъ не раздаются пѣсни. Посмотри къ сѣверу на отпрыскъ Космая, Малованъ: онъ весь лысый съ верху до подошвы; у подошвы видны старыя лозы виноградниковъ, остатки древней Космайцы (1); его омываетъ прозрачная рѣка, и на верху стоитъ одинокое дерево; подъ деревомъ три могилы—памятники минувшихъ временъ.»

Путникъ слушалъ и едва дышалъ.

«Ну, послушай, раздался опять голосъ вилы, что видно съ Космая: всѣ предѣлы бывшей сербской славы, сербскаго царства.»

Путникъ слушалъ, не отводя ушей.

«Я долго жила на Космаѣ, опять продолжала вила, и жила я мирно и счастливо, слушая свирѣли пастырей и любуясь вышиваніемъ пастушекъ, когда онѣ выгоняли свои стада на вершины космайскія. Каждое утро, прежде бѣлаго дня, я рано вставала, умывалась въ космайской водѣ и купала дѣтя свое на самой вершинѣ въ бѣломъ корытѣ. Потомъ ждала священниковъ, когда они начинали служить службу Божію въ космайскихъ бѣлыхъ монастыряхъ, и тамъ Богу молилась. Затѣмъ я на легкихъ крыльяхъ летала до высокой горы Авалы, отъ Авалы до горы Златибора, а отъ Златибора до Медвѣдника, Чернаго Верха, Мирочи и Ратня; а оттуда летала въ старую Сербію;

(1) Деревня.

крылья мои отдыхали на горѣ Шарѣ, и я смотрѣла на Призрень-городъ, чтобы видѣть, кто тамъ владѣеть; и потомъ перелетала всю Герцеговину и прекрасную каменистую Боснію, и возвращалась на высокій Космай, гдѣ слушала свирѣли пастырей, разговоры рѣкъ и ручьевъ, вытекающихъ изъ груди Космая; птицы пѣли, и солнце свѣтило, пробиваясь своими лучами сквозь тѣнь вѣтвей высокихъ деревьевъ. Всѣхъ пастушекъ красивѣе была прекрасная Ружица-дѣвица; два пастыря смертно влюбились въ нее; она къ обоимъ была одинаково привязана и не имѣла духу предпочтеніемъ одного обидѣть другаго. Наконецъ она имъ сказала: «я сяду на вершинѣ Малована, а вы бѣгите ко мнѣ снизу, и кто изъ васъ первый добѣжитъ до меня, тому я буду супругой». Они согласились; сошли внизъ; стали рядомъ и пустились бѣжать. Одинъ упалъ на срединѣ горы и умеръ на мѣстѣ, а другой продолжалъ бѣжать не оглядываясь, прибѣжалъ къ прекрасной Ружицѣ и тутъ же скончался. Ружица взяла его поясной ножъ, проколола себѣ сердце и выронила свою душу. Первому было имя Лека, а другому Николай. Всѣхъ ихъ троихъ похоронили подъ деревомъ на самой вершинѣ и поставили на ихъ могилахъ три камня.» Вила кончила (1).

Свѣтоносный шаръ солнца сталъ показываться на небосклонѣ и своими лучами освѣтилъ Космай. Грустный и съ жалобнымъ лицомъ путникъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ дорогой, съ обѣихъ сторонъ закрытый вѣковыми дубами и буками. Лиственные своды этихъ вѣтвистыхъ деревьевъ висѣли надъ дорогой и покрывали ее прохладною тѣнью; туманъ поднимался съ долинъ и, собираясь въ облака, уносился въ небесные своды... Близъ двухъ могилъ путникъ увидѣлъ, возлѣ самой дороги, дубъ баснословной величины, съ глубоко врѣзаннымъ на немъ крестомъ, каждый годъ подновляемымъ, такъ что простымъ глазомъ можно было насчитать болѣе сотни подновленій. Вышло, стало-быть, что дубъ этотъ былъ свидѣтелемъ трехъ поколѣній!.. Такихъ деревьевъ въ Сербіи можно насчитать по нѣскольку около каждой деревни; ихъ никто не трогаетъ; они сохнуть сами; ломаются, опадаютъ, гниютъ и гибнуть (2).

(1) Объ этомъ происшествіи сохранилась народная пѣсня и письменный памятникъ. Пѣснь я слышалъ, но памятника не случилось прочесть. Говорятъ, что до сихъ поръ сохранилась надпись на камняхъ.

(2) Эти дубы почитаются священными; во время владычества Турокъ надъ Сербіей, за неимѣніемъ церкви, около подобныхъ дубовъ часто

Каждый годъ весною цѣлая деревня съ священникомъ ходитъ вокругъ своихъ межъ около этихъ деревьевъ: молодые неженатые поселяне безъ шапокъ, съ иконами въ рукахъ, по два въ рядъ, съ предшествующими имъ крестомъ и евангелиемъ, поочередно поютъ: «Господи, помилуй насъ!» а старики съ священникомъ слѣдуютъ за ними. Приблизившись къ «запису», «крестоноши» (1) обходятъ кругомъ него два раза и потомъ становятся въ рядъ, лицомъ къ вырѣзанному на деревѣ кресту. Священникъ облачается въ ризы, кадитъ и читаетъ евангеліе, а князь (теперь кметъ) деревни поновляетъ крестъ, то-есть снимаетъ молодую кору съ записи и обливаетъ виномъ.

Между тѣмъ всѣ женщины и дѣти изъ того конца деревни, гдѣ находится записъ, собираются къ нему, прикладываются къ иконамъ и молятся. Священникъ проситъ Бога о плодородіи земли и о защитѣ селенія отъ язвы, бѣдствій и всякихъ напастей; затѣмъ крестоноши въ третій разъ обходятъ вокругъ записи и въ прежнемъ порядкѣ отправляются далѣе при звонѣ колокольчика.

Отъ этой самой дороги къ одному изъ уступовъ Космая ведетъ узенькая, едва примѣтная, тропинка къ монастырю Тресіи. Преданіе народное разказываетъ не только о томъ, кто его основалъ, но и случай, по которому онъ былъ основанъ и названъ Тресіей. Вотъ это преданіе.

Вслѣдъ за паденіемъ сербскаго царства послѣ сраженія на полѣ Косовѣ, въ концѣ XIV вѣка, жена убитаго Лазаря, Милица, находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе что сынъ ея Стефанъ учился въ Венгріи. Она писала ему нѣсколько писемъ изъ Крушевца, но письма не доходили; боялись разказать Стефану о гибели его отца и о паденіи сербскаго

служили обѣдно и вѣнчались. Въ селѣ Стойникѣ, около Космая, показываютъ огромный огороженный пень, на которомъ до недавняго времени служили обѣдно и приобщались. Теперь же стоитъ онъ одинокій среди вырубленнаго лѣса въ мѣстѣ, называемомъ Грабоваць.

(1) Записами называются означенныя деревья. Они названы такъ, кажется, оттого, что при первомъ ихъ освященіи, дѣлая на деревѣ четверугольный равносторонный крестъ, центръ его высверливаютъ и кладутъ туда записку, на которой (теперь по крайней мѣрѣ) пишутъ годъ, имя священника, кмета деревни и молитву; молитва мнѣ неизвѣстна. «Крестоношами» называются молодые люди, несущіе иконы, евангеліе, крестъ и колокольчикъ.

царства. Наконецъ Стефанъ получилъ отъ матери палку съ надписью «ври здѣ». Онъ осмотрѣлъ надпись, осмотрѣлъ палку, обезпокоенный этою загадкой и, не имѣя отъ матери писемъ, сердито изломалъ ее и нашелъ въ ней письмо, изъ котораго узналъ все и тотчасъ отправился въ Крушевацъ къ матери. Между тѣмъ Милица, убитая горемъ и заботами, потеряла всякое терпѣніе и отправилась къ своему сыну; ибо нужно было вести переговоры съ Турками. У подошвы горы Космая она встрѣтила Стефана и, по словамъ преданія, затряслась всѣмъ тѣломъ, пораженная нечаянною встрѣчей. Въ память этого происшествія сынъ ея Стефанъ построилъ церковь и назвалъ ее «Тресія». Народное преданіе прибавляетъ, что сначала онъ хотѣлъ построить ее на самомъ мѣстѣ встрѣчи; но узнавъ изъ книгъ «староставныхъ» (1), что Турки завладѣютъ Сербіей, рѣшился создать монастырь въ глухой мѣстности, на уступѣ Космая, чтобы до него не легко было добраться, что и сдѣлалъ.

Съ западной стороны Космая есть подземный ходъ, выходящій нижнимъ отверстіемъ у деревни Неменикутъя, лежащей на сѣверной сторонѣ Космая. Вѣтеръ съ шумомъ врывается въ подземелье и быстро выноситъ наружу брошенную туда вещь. Въ этомъ-то подземельи жило, по преданію, чудовище, нѣкогда страшное для проѣзжающихъ. По сию сторону Космая находится селеніе Рогача съ монастыремъ того же имени. Южный склонъ горы, весь покрытый лѣсомъ, опускается въ равнину, разстилающуюся передъ нимъ и покрытую вѣковыми дубами, между которыми виднѣются кой-гдѣ деревни: а на сѣверѣ (гдѣ лежитъ теперь село Неменикутъе), за Малованомъ, находилась деревня Космайца.

Трудно сказать, откуда Космай получилъ свое названіе. Разказываютъ о какомъ-то «змаѣ», покрытомъ волосами, жившемъ, по словамъ легенды, на вершинѣ горы (гдѣ пребываетъ по мнѣнію суевѣровъ и донинѣ). Отъ этого самаго *змая* и получила, говорятъ, гора названіе Космай (2). У подошвы ея съ восточной

(1) По сербскому народному преданію въ древности были какія-то книги староставныя, въ которыхъ предсказана вся историческая судьба сербскаго народа. Староставникъ не то же ли самое, что цароставникъ?

(2) Кос-май *кос(а)*—волосы; *май*—суффиксъ. Другіе видятъ въ этомъ окончаніи слово *змай*, которое, перемѣнивъ з въ с, будетъ *смай*; отсюда Космай, что значитъ косматый змай, то-есть волосатый змѣй.

стороны, подлѣ дороги, и до сихъ поръ существуетъ холодный источникъ, называемый «Змаевацъ». Часто, говорятъ, древній змай тамъ отдыхалъ и пилъ воду, да и теперь можно его иногда видѣть, по мнѣнiю простодушныхъ поселянъ. Одинъ изъ нихъ мнѣ разказывалъ, какъ онъ видѣлъ летящаго змая, сверкающаго огненными искрами. Гора называется Космаемъ съ незапамятныхъ временъ. Утопая въ синевѣ небесной, высокій Космай служитъ для окрестныхъ селенiй и деревень предсказателемъ погоды. Мать или сестра, отправляя сына или брата за стадомъ, непременно посмотритъ на вершину Космая. Если облако покоится на его вершинѣ, то она совѣтуетъ взять «гуню», говоря: «Космай нахмурился и на его вершинѣ лежитъ облако: быть дождю! возьми гуню!» (1)

II.

Утромъ, рано, въ святое воскресенье, когда звѣзды мерцали яркимъ свѣтомъ, на самой зарѣ, звонъ колокола пронесся надъ Космайцей и разбудилъ далекiя горы, отвѣчавшiя ему громкимъ эхомъ, чудно переливавшимся въ воздухѣ. Звуки колокола пронзительно разливались, пробуждая Космайчанъ. Двери скрипѣли, и во многихъ домахъ видны были огоньки. Въ одномъ изъ домовъ Космайцы, старый Мирко будилъ своего сына къ заутрени, приговаривая: «устай, сине, да идемо церкви, да се благомъ Богу помолимо» (2).

Это было въ XV вѣкѣ въ несчастное время Бранковичей. Бранковичи, по сербскимъ пѣснямъ, погубили сербскую землю. Первый Бранковичъ измѣнилъ своей родинѣ и своему тестю, наущничалъ Лазарю на Милоша, поссорилъ предводителей въ самую важную минуту, и, «когда ему слѣдовало, говорить народныя пѣсни, напасть съ оклопниками (3) на Турокъ,

(1) «Космай се наоблачно и на в'ру нѣга спава облакъ; битье кише: узми гуню.» Гуня—верхняя одежда отъ непогоды.

(2) Вставай, сынъ, пойдемъ въ церковь, помолимся доброму Богу.

(3) Оклопниками назывались воины, носившiе желѣзныя латы. Оклопнати се—заковать себя въ желѣзные доспѣхи.

онъ удался, убей его Богъ, съ поля сраженія». Къ нему до сихъ поръ живетъ въ груди каждаго Серба ненависть, и имя Бранковича не произносится безъ проклятiя. Выраженiе: «это Вукъ Бранковичъ» считается доселѣ въ Сербiи позорнымъ. Сынъ Вука Юрiй (Дюрдь) жилъ долгое время въ Цареградѣ, гдѣ женился на Гречанкѣ, изъ царской фамилии, Иринѣ. Потомъ онъ былъ турецкимъ придворнымъ, ковалъ козни на Стефана Лазаревича, отчего послѣднiй долженъ былъ дѣйствовать чрезвычайно осторожно. По смерти Стефана Лазаревича, ему удалось надѣть на себя митру и провозгласить себя деспотомъ Сербiи. Народныя пѣсни ставятъ Ирину на первый планъ, а мужа ея на второй.

Между тѣмъ Турки начали дѣлать постоянныя набѣги на Сербiю, и Муратъ, сынъ Баязеда, женатаго на дочери Лазаря, Милевѣ, объявилъ свои права на Сербiю и принудилъ Бранковича выдать его дочь Мару за себя. Эта вторая женитьба турецкихъ султановъ дала имъ еще больше права на сербскiй престолъ.

Ирина съ мужемъ входила иногда въ сношенiе съ Венграми противъ Турцiи, а иногда съ Турками противъ Венгровъ. Дѣйствiя ея не отличались благоразумiемъ, но одною хитростiю.

А Стефанъ Лазаревичъ, напротивъ, понималъ бѣдственное положенiе страны, и хотѣлъ благотѣпiями мира излѣчить раны, нанесенныя Сербамъ на полѣ Косовѣ; строилъ церкви для поддержанiя духа въ народѣ, и при первомъ разслабленiи Турцiи, Сербiя могла воскреснуть. Этимъ объясняется безпредѣльная любовь Сербовъ къ Стефану. Онъ велъ себя какъ мужъ благородный, хотя и побѣжденный. Пѣсни народныя обезсмертили Стефана, и когда онъ умеръ, гласить преданiе, «день превратился въ ночь, и только при заходѣ показалось солнце».

Предчувствуя конецъ своего правленiя, Ирина всѣми силами старалась какъ можно болѣе собрать денегъ съ народа, отчего и заслужила названiе «проклятой».

Уже одно то обстоятельство, что Сербiей управлялъ сынъ проклятаго измѣнника на Косовомъ полѣ, было нестерпимо. И дѣйствительно, трудно было отдать предпочтенiе владычеству сыну проклятаго Вука и ненавистной Ирины передъ турецкимъ.

Такова была историческая пора, въ которую старый Мирко бу-

диль своего сына къ заутренѣ: «Вставай, сыне, пойдемъ въ церковь поклониться благому Богу.» Это было въ воскресенье. Космайскіе поселяне молчаливо спѣшили въ храмъ. На ихъ лицахъ были написаны страхъ и недоумѣніе. Старый Мирко пришелъ съ сыномъ въ церковь; она была полна народу. Всѣ усердно молились, а у нѣкоторыхъ видны были слезы на глазахъ. Многіе изъ нихъ думали: мы молимся, быть-можетъ, въ послѣдній разъ въ космайской церкви!..

Заутреня кончилась, и началась обѣдня. Лучи солнца тонкими струями проникали въ церковь, сквозь узкія продолговатыя окна; они падали на стѣны церкви и на толпу народа.

Наконецъ обѣдня кончилась.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ царскія двери открылись, и въ нихъ показался, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, сѣдовласый священникъ, отецъ Василиій.

«Братья! сказалъ старикъ, Богъ наказуетъ насъ за грѣхи нашихъ отцовъ! Не даромъ Вукашинъ убилъ Уроша, послѣднюю отрасль благословеннаго дома Неманичей. Намѣстники воевали между собою и вырывали другъ у друга глаза. Проклятый Вукъ Бранковичъ измѣнилъ на полѣ Косовѣ; а сынъ изверга косовскаго воцарился надъ нами и взялъ за себя проклятую Ирину на бѣду нашу. Не даромъ сподобился смерти Стефанъ Лазаревичъ.»

Въ народѣ раздалось рыданіе.

«Братія! продолжалъ отецъ Василиій, мы тяжело согрѣшили передъ Богомъ!»

Въ толпѣ слышались тяжелые стоны.

«Гдѣ же теперь искать спасенія?» При этихъ словахъ старикъ обратился къ горѣ Космаю, указавъ на нее рукою (1) и сказалъ: «Вотъ гдѣ наше спасеніе!»

Старикъ остановился: слезы лились изъ его мутныхъ глазъ и катились по сѣдой бородѣ. Народъ плакалъ... Священникъ отеръ слезы и долго увѣщевалъ народъ встрѣтить мужественно бѣдствія. Наконецъ, отецъ Василиій обратился къ дѣтямъ:

«Дѣти! вы видите наши слезы и страданія; помните ихъ виновниковъ. Будьте честны, благочестивы, и не забывайте, кто привелъ вашу родину въ горькое состояніе.»

Затѣмъ священникъ опять обратился ко всѣмъ:

(1) Въ Космаѣ были дѣвственные лѣса и два монастыря Тресія и Рогача.

«Придетъ, братья, наше спасеніе; ибо такъ написано въ книгахъ староставныхъ.»

Кончилъ старецъ и осѣнилъ народъ крестомъ.

Передъ церковью происходилъ «скупъ» (1), вслѣдствіе указа Ирины о новыхъ поборахъ (2).

У Мирка на «славѣ» (3) было много гостей изъ Космайцы и другихъ деревень; но то не была «слава» прежнихъ временъ, когда распѣвались пѣсни, бывали всѣ веселы и «славили славу»: все собраніе толковало о разныхъ предзнаменованіяхъ, привидѣніяхъ и дивахъ, пугающихъ людей.

Старый Милованъ, изъ Космайцы, разказывалъ о страшномъ голосѣ, слышанномъ имъ съ вершины Космая. Кто-то жалобно тосковалъ о Сербіи. Помолчавъ немного, онъ прибавилъ: «Быть несчастію!»

Присутствующіе слушали со страхомъ и испугомъ.

Пріятель Мирка, Миланъ изъ Омеритья (4), увѣрялъ, что мимо ихъ деревни каждую ночь проходитъ «дрекавацъ» (5) и кричитъ такъ ужасно, что мочи нѣтъ слушать. Многіе говорили, что не знаютъ куда дѣваться отъ ночнаго воя собакъ и кудахтанья куръ.

— Да, да! сыпалось со всѣхъ сторонъ въ подтвержденіе, — собаки точно воютъ, инья совсѣмъ охрипли.

— Да, смутныя времена наступаютъ для насъ, со вздохомъ произнесъ восьмидесятилѣтній старикъ Миливой Загоричанинъ; и всѣ замолкли, ибо каждый почувствовалъ, что у него смутно на сердцѣ.

Первый заговорилъ Мирко.

(1) Скуп, брдо, састанак—мірская сходка.

(2) «Тад намету намет на власт

«Све на кутъу по триста дуката.»

Безъ сомнѣнія, это преувеличено; однако извѣстно, что она вывезла изъ Сербіи въ Дубровникъ несмѣтныя богатства.

(3) По принятіи христіанства, вошло въ обычай между Сербами избирать себѣ патрономъ извѣстнаго святаго; у всякаго есть икона его святаго. Сербы ходятъ съ своими иконами около деревни, чтѣ бываетъ весною. Праздникъ же своего патрона ежегодно справляютъ въ теченіи трехъ дней: это время называется «славой».

(4) Деревня, вблизи Космая.

(5) «Дрекавацъ» какой-то звѣрь, кричащій иногда по ночамъ. Тамъ, гдѣ дрекавацъ кричитъ, по увѣренію народа, ужъ навѣрно кто-нибудь умретъ, либо случится несчастіе.

— А мнѣ страшный сонъ онился, сказалъ онъ;—налетѣли на нашу Космайцу какія-то большія невиданныя птицы, посидѣли на крышахъ нашихъ домовъ, и когда слетѣли, то всѣ крыши и трубы обрушились.

Въ это время дверь отворилась, и вошелъ священникъ космайской церкви, сѣдовласый отецъ Василиій, чтобы перерѣзать «колачъ» (1). Всѣ встали. Священникъ прочелъ молитву, перерѣзалъ колачъ съ Миркомъ, снялъ съ себя ризы, и сѣлъ на первомъ мѣстѣ. Разговоръ принялъ опять прежнее направленіе. Много было разказано всякой всячины, и между прочимъ священникъ разказалъ, что онъ тоже видѣлъ сонъ, будто сводъ церковный упалъ и раздавилъ иконы и всю церковную утварь. Отецъ Василиій просидѣлъ до вечера, а гости разъѣхались только на другой день.

Подобные разказы ходили вездѣ. Народъ былъ въ страшномъ уныніи. Разказывали о Туркахъ, о какихъ-то неслыханныхъ Манджурахъ и Мановахъ. О послѣднихъ говорили, что они ѣдятъ человѣческое мясо, имѣютъ длинные хвосты, и кого словятъ, уводятъ съ собою въ Шамъ и т. п. Эти разказы наводили такой ужасъ, что даже до сихъ поръ можно слышать молитву простаго поселянина-старика объ избавленіи его «отъ Турка Манова». Говорили еще, что всѣхъ Сербовъ будутъ обращать въ исламъ, что дѣтей ихъ продадутъ въ Азію, а стариковъ будутъ гонять на султанскіе сѣнокосы.

Въ это же время разнесся слухъ, что проклятая Ирина, подковавъ навыворотъ (2) своихъ лошадей, убѣжала съ награбленными деньгами въ Дубровникъ.

Теперь уже никто не былъ и не могъ быть спокойнымъ; у каждаго сердце трепетало; страхъ переселился изъ горъ и лѣсовъ въ деревни... Уже Космайчане начали все прятать и зарывать въ землю...

Прошло нѣсколько времени. Зловѣщія предсказанія начинали оправдываться. Черные вороны начали перелетать черезъ Космайцу и Рогачу; и грубое ихъ карканье наводило страхъ и

(1) Въ Сербіи каждый славящій печетъ хлѣбъ съ крестомъ на верхней коркѣ. Священникъ читаетъ молитву, потомъ рѣжетъ хлѣбъ, соблюдая извѣстныя формальности.

(2) То-есть такъ подковала, что слѣдъ лошадиныхъ копытъ лежалъ не отъ Смедерева къ Добровнику, а наоборотъ.

ужась на Космайчанъ и Рогачанъ. «Они падали чувтъ кровь, говорили въ народъ, и летять туда, гдѣ будутъ трупы.»

III.

Былъ лѣтній жаркій день подъ праздникъ Св. Иліи. Солнечные лучи, отражаясь отъ голога Малована, падали на Космайцу. Рѣдко слышался голосъ птицы и человѣка въ самой отдаленной глуши. Космайчане разошлись по дѣламъ. Дома оставались старики, дѣти и старухи. Вдругъ съ восточной стороны Космая густымъ столбомъ поднялась пыль, быстро приближаясь къ деревнѣ.

Вскорѣ показались вдали турецкія знамена. Народъ ударился въ бѣгство. Немногіе успѣли спастись, потому что турецкая конница во всю прыть примчалась къ деревнѣ. Въ огромныхъ чалмахъ, красныхъ сапогахъ, съ саблями при бедрѣ, съ пистолетами и ятаганами за поясомъ, съ длинными ружьями за плечами и двумя пистолетами, привѣшенными спереди, бородатые поклонники луны бѣшено скакали по деревнѣ на отличныхъ арабскихъ коняхъ. Изъ конскихъ ноздрей, по выраженію народной пѣсни, выходило огненное пламя, изъ копытъ сыпались искры.

Турки обступили Космайцу и близъ-лежащую деревню Рогачу, потребовали выкупъ съ поселянъ, а дѣтей и дѣвицъ увели съ собою въ плѣнъ. Они сожгли нѣсколько домовъ, въ томъ числѣ и школу, забрали всѣхъ овецъ и рогатый скотъ; поцлатился и отецъ Василій деньгами и чулками (1). Ворвались въ церковь, забрали все, что было тамъ драгоценнаго, разрушили колокольню и увезли съ собою колоколъ, чтобы перелить его въ пушку; сняли съ церкви золотой крестъ, расхитили всю утварь; ризами накрывали лошадей своихъ. Наконецъ, зажгли церковь, отъ которой чрезъ нѣсколько часовъ ничего не осталось, кромѣ почернѣвшихъ стѣнъ (2).

(1) Сербскіе священники имѣютъ обыкновеніе брать чулки за крещеніе младенцевъ; Туркамъ былъ извѣстенъ этотъ обычай; при встрѣчѣ съ священникомъ, они тотчасъ требовали у него чулокъ.

(2) Турки находили особенное удовольствіе выкалывать копьями глаза святыхъ, изображенныхъ на стѣнахъ. Такого рода поврежденныя стѣнныя изображенія сохранились и доселѣ. Намъ случилось видѣть подобную поврежденную живопись въ Драчѣ.

Оставляя деревню, Турки наложили на жителей множество тяжкихъ податей, изъ которыхъ одна была хуже всѣхъ: намѣревавшіеся вступить въ бракъ платили: мущина тридцать четыре червонца, женщина — тридцать (1). Такою податью достигалась двойная цѣль: во первыхъ многіе не были въ состояніи заплатить шестидесяти четырехъ червонцевъ, а потому не могли сочетаться бракомъ; слѣдовательно народонаселеніе должно было уменьшаться въ Сербіи; взамѣнъ того Турки получали полную возможность ругаться надъ дѣвицами завоеваннаго народонаселенія. Но тяжелѣе всего было то, что Сербы должны были называться «райями».

Послѣ этого нашествія, Космайца страшно запустила. Турки многихъ отвезли въ плѣнъ, иныхъ перебили; значительная часть жителей покинула свои дома. Пѣтухи (2), крикливые предвѣстники погоды и непогоды, зари и яснаго дня, уже не пѣли по утрамъ. Рѣдко скрипѣли двери, и ласточкамъ не часто приводилось слышать ссорящихся снохъ и непривѣтливыхъ дочерей. Дома, извнѣ и внутри, обросли травой; змѣи выводили своихъ дѣтенышей на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ недавно материубаю кивалимилыхъ сердцу подъ ласковыя пѣсни... Къ инымъ домамъ боязливо и тихо подкрадывались уцѣлѣвшіе жители, осторожно и наглухо ихъ запирали; словно воры пробирались они къ родному пепелищу. Колокольный звонъ не раздавался болѣе надъ деревней, не будилъ далекихъ горъ. Золотой крестъ не сіялъ, какъ прежде, надъ Божиимъ храмомъ. Черный и травой обросшій храмъ наводилъ какое-то страшное впечатлѣніе своимъ видомъ. «Самъ злой духъ не посмѣлъ бы туда залетѣть,» гласитъ преданіе. Только весеннею порою одинокая кукушка оглашала печальныя развалины жалобною пѣснею... Слѣды человѣческіе почти исчезли въ Космайцѣ. За то много было распродано мусульманами дѣтей и дѣвицъ космайскихъ; за то много бродило несчастныхъ поселянъ въ окрестныхъ лѣсахъ, уступивъ дикимъ звѣрямъ свои жилища.

(1) «Кос' удаје тридесете дуката,
К'о се жени тридесе и четыри.»

Впрочемъ, эта подать была не всеобщою, а частною.

(2) По народному вѣрованію, пѣтухи поютъ на хорошую и дурную погоду. Передъ зарею они поютъ оттого, что слышатъ ангельское пѣніе на небесахъ.

Не одна Космайца пришла въ зауствнїе. Турецкій разгромъ постигъ всю сербскую землю. Злополучная пора, о которой идетъ рѣчь, отразилась въ пѣсняхъ. Вотъ одна изъ нихъ:

«Рано утромъ предъ самымъ разсвѣтомъ
 Маргарита дѣвица гуляла
 По бѣлому Славъ-камену граду,
 Гуляла, распѣвала пѣсню,
 Проклиная воеводу Райко:
 Богъ убей тебя, Райко-воевода!
 Лишь сталъ ты надъ нами воеводой;
 Какъ Турки обрушились на всѣхъ насъ,
 Отбили намъ ноги кони Турокъ:
 Провожаемъ ихъ вечеромъ и утромъ,
 Растоптали копытами коней
 Мураву, джигитуя, Турки.»

Райко, слышавъ эти слова, говорить далѣе пѣсня, такъ отвѣчалъ дѣвицѣ:

— Не кляни меня, дорогая сестра! развѣ я виною этихъ бѣдствій? Предки наши такъ жили; они жили и какъ тѣни прошли, за собой и слѣда не оставили. Пстой, пстой, сестра, я тебѣ пересчитаю ихъ по порядку. Затѣмъ Райко исчисляетъ всѣхъ королей, царей, героевъ сербскихъ, рассказываетъ ихъ дѣла и мѣста жительства и такъ оканчиваетъ:—Вотъ сколько ихъ было! и всѣ прошли какъ тѣни, даже слѣда не оставили. Одни въ кровавыхъ бояхъ погибли, а другіе умерли; нѣтъ теперь ни одного. Я одинъ остался, какъ сухое дерево среди лѣса... Чтѣ же сдѣлаю для себя? Чтѣ же я сдѣлаю въ Сремѣ? Какъ мнѣ быть съ Турками?

Райко ударилъ себя ножомъ въ сердце; замертво упалъ на черную землю. Маргарита дѣвица горько заплакала отъ жалости и такъ молвила:

— Братья мои, сербскіе воеводы, какъ это вы жили и скончались? Какими насъ несчастными рабами оставили! Мы — турецкое подножіе, а монастыри наши — для Турокъ потѣха (1).

Взяла Маргарита дѣвица ножъ Райка, ударила себя въ сердце и мертво пала возлѣ Райка.

Вотъ картина совершеннаго порабощенія Сербовъ Турками!

(1) Пѣсня эта въ подлинникѣ такъ хороша, что мы считаемъ не лишнимъ привести изъ нея нѣкоторыя мѣста:

Юш зорица не забијелила,
 Ни даница ли ѣ помолила,

Прошло много лѣтъ со времени перваго нападенія на Космайцевъ. Несчастливымъ предстояло испытать еще большія бѣдствія. Тяжело было жить подъ вѣчнымъ страхомъ внезапнаго нападенія, платить тяжкія подати; но еще тяжелѣе было находиться въ безвыходной зависимости отъ заклятыхъ враговъ, быть подъ ихъ надзоромъ, словомъ, обратиться въ ихъ безответныхъ рабовъ. Каково имъ было судиться передъ Турками послѣ за-

А од дана ни помена нема,
 Пошетага Маргита дјевојка
 У Сријему по Сланом камену;
 Рано шета боса по камену,
 Рано шета, танко попијева,
 А у пјесми кунѣјаше Рајка:
 «Бог т' убио! Рајко војвода!
 Чим ти наста на Сријем војвода,
 Тако нама Турци додијаше;
 А док бјеше војвода Мирко,
 Ми Турчина нигди не чујасмо,
 А камо ли очима видјасмо;
 А данас нам додијаше Турци,
 Турски коњи ноге пскидаше
 Шетајући јутром и вечером,
 На плочама поље разнијеше
 Метјући се джиде и лобуда.»
 Тако е лјева Сријемка дјевојка,
 Она мисли, нико је не слуша,
 Ал' то Рајко и слуша и гледа,
 Па дозива Маргиту дјевојку:
 «Селе меја, Маргита дјевојко!
 Немој кмети војводу Рајка;
 Шта тје коме, учинити Рајко?
 Шта тје себе, шта ли тје Сријему?
 А шта ли тје у Ср'јему Турцима?
 Докле бјеше војвода Мирко,
 Бјеше тада много војвода
 По нашијем редом градовима;
 Па ме чекај, Маргита дјевојко,
 Стани мало на камену Слану,
 Стаи мало, да ти кажем право
 Све војводе и градове редом:
 На бијелом граду Дмитровици....»

Вотъ ся окончаніе:

«Па чу л', селе, Маргита дјевојко!
 Све то бјеху наше војводе,

конника Душана и суда присяжных? (1) Такое горькое и унижительное положеніе досталось на долю жителей Космайцы, отданной вмѣстѣ съ другими деревнями какому-то Турку въ неограниченное распоряженіе (2).

Тиранское управленіе и угнетеніе Турокъ заставляло поселенъ десятками и сотнями спасаться изъ деревни въ лѣса, вооружась чѣмъ попало, и съ неумолимою жестокостью убивать «душмановъ» (3), при первой встрѣчѣ. Такія частныя возстанія въ народѣ были необходимымъ явленіемъ при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Сербіи. Обезсиленный народъ не былъ въ состояніи собраться воедино, чтобы всею массою возстать на своихъ притѣснителей; но отдѣльные его члены, болѣе энергическіе, стояли за свою свободу до послѣдняго издыханія. Жизнь побѣжденныхъ, ихъ имущество, семейныя привязанности, религія, — все было поругано, унижено, оскорблено и служило предметомъ поруганія.

Све су били, па су преминули,
 Који, сесе, они починуше,
 А који ли они изгинуше;
 Данас тога нема ни једнога,
 Сам остаде у Сријему Рајко,
 Као суво дрво у планини;
 Шта тье себе, шта ли тье Сријему?
 А шта ли тье у Срјему Турцима?»
 Па извади ноже од појаса,
 Удари се посред срца жива,
 Мртав паде на земљицу црну.
 Рајко паде, Маргита допаде,
 Пишти љуто, како змија љута:
 «Братъ! моја, Српске војеведе!
 Како бисте, како преминусте,
 А како ли робље остависте!
 Робље ваше све Турско подножје,
 Намастири Турске потпрдице;»
 Па давати Рајкове ножеве,
 Удари се посред срца жива,
 Мертва нужна покрај Рајка паде.

(1) См. *Исторію сербскаго языка въ связи съ исторією народа*, Майкова и *Сравненіе законовъ царя Стефана Душана сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ Франца Палацкаго въ Чехіяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. за 1846 г. № 2.*

(2) Къ этой эпохѣ относится бѣгство Сербовъ въ Черную Гору и начало Черногорскаго княжества.

(3) Душманъ—губитель душъ, заклятый врагъ.

Сербекое золото «цѣлыми казнами» вывозили Турки. Враги грабили повсюду, трудно было оставаться спокойнымъ зрителемъ такого насидія.

«Турки отнимають у насъ плоды нашего пота и крови, говорили между собою Сербы, «чтобы покупать дамасскія сабли и даницкія ружья намъ же на бѣду.»

«Они насъ обирають до рубашки, чтобы потомъ удобнѣе содрать самую кожу», говорили другіе.

«Предки наши жили по закону», пѣли народные пѣвцы, играя на гусяхъ, «а теперъ?» спрашивали они другъ у друга. Въмѣсто отвѣта на роковой вопросъ они качали головами, храня скорбное молчаніе.

Въ пору турецкаго владычества господствовалъ въ Сербіи деспотическій произволъ: Турокъ могъ вездѣ и во всякое время распорядиться Сербомъ, какъ собственностію, по произволу лишить его жизни или продать на базарѣ.

Но могли ли все это выносить тѣ, которые съ такимъ увлеченіемъ и поэтическимъ восторгомъ воспѣвали дѣянія своихъ предковъ, жившихъ по закону?

«А мы, наши дѣти, внуки, правнуки, потомки?» говорили они.

Декорация должна была перемѣниться. Въ народной пѣснѣ вотъ что говорится:

«Да ти је се, побро, нагледати,
Како вију по косема вуци
А пѣвају по селима Турци» (1).

Положеніе, какъ видно, было отчаянное. Оставалось во что бы то ни стало выйдти изъ него. «Турки ѣздятъ по нашимъ дорогамъ, сказано въ одной пѣснѣ, будемъ ихъ подстергать за скалами и въ *бусижахъ* (2), выпьемъ, братья, краснаго вина, зарядимъ ружья, сядемъ за камни и станемъ поджидать проклятыхъ душмановъ.» «Кто имѣлъ сердце и умъ, кто чувствовалъ

(1) Смыслъ этихъ трехъ строкъ почти не переводимъ. Вотъ его слабое толкованіе:

«О еслибъ ты могъ побратимъ, слышать,
Какъ воютъ волки по косогорамъ,
И поютъ по деревнямъ Турки!»

(2) Бусија — засада.

свою свободу и сознавалъ, что онъ потерялъ ее на Косовомъ полѣ, сказалъ мнѣ однажды одинъ старикъ Сербъ, когда я прочелъ ему Райка и Маргариту, тотъ долженъ въ тѣ поры непременно поступить какъ Райко и Маргарита. или сдѣлаться хайдукомъ.» Таково начало хайдучества!

IV.

Космайскія вилы давно успѣли выкупать дѣтей своихъ въ «бѣломъ корытѣ». Солнце свѣтлыми лучами пронизывало лѣсную чашу, разсыпая ихъ свѣтъ на землѣ, покрытой бурьяномъ и хворостомъ. На вершинѣ Космая недвижимо лежало облачко; вдругъ тронулось оно и потонуло въ синевѣ небесной. Только изрѣдка голосъ птицъ нарушалъ тишину дремучаго лѣса; листья древесныхъ вершинъ перешептывались; ручьи съ журчаніемъ катились съ камня на камень, уносясь въ даль.

Не вдаль отъ бѣградской дороги, около источника Змаевца, сидѣли какіе-то люди, скрываясь за деревьями и оврагомъ. Они завтракали, осторожно разговаривая между собою. Нарядъ ихъ обратилъ бы на себя невольное вниманіе прохожаго; хотя въ покрое его не было ничего особеннаго, но онъ казался слишкомъ щеголеватымъ по времени. За поясомъ у незнакомцевъ были пистолеты и ятаганы; возлѣ каждаго лежало на травѣ длинное ружье. То были хайдуки.

— Такъ мы должны сторожить дорогу днемъ и ночью, чтобы не пропустить ни одного душмана?

— Да, да! заговорили всѣ,—ни одинаго!

Завтракъ кончился.

— Ну, теперь по мѣстамъ! сказалъ харамбаша (1) Мирко (2).

Хайдуки подняли свои ружья и разошлись. Засѣли за камни, деревья, пригорки, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ нужды была возможность отрѣзать отступленіе своимъ врагамъ.

Хайдуки поджидали Турокъ, везшихъ изъ Шумадіи въ Бѣградъ большую казну и гнавшихъ цѣлое стадо овецъ, рога-таго скота и цѣлую партію рабовъ и рабынь.

(1) Глава хайдуковъ.

(2) Мы съ нимъ уже знакомы изъ прежняго разказа.

Турки, вооруженные ружьями и ятаганами, конвоировали стадо, при которомъ пастухами было нѣсколько плѣнныхъ райевъ. Всѣхъ Турокъ было болѣе сотни, а хайдуковъ двадцать два человѣка.

Гаврило Друговацъ спрятался въ дуплѣ придорожнаго дерева. У него было четыре пистолета и длинное ружье, заряженное двумя свинцовыми пулями. Ему слѣдовало первому начать дѣло.

Какъ скоро передовые Турки проѣхали, и плѣнные райи поровнялись съ Друговцомъ, онъ перекрестился. «Господи! помоги мнѣ», сказалъ онъ, прицѣлился и далъ ружью огонь (1): раздался выстрѣлъ.

«Погибаемъ!» закричали двое Турокъ, и бездыханные повалились подъ ноги лошадямъ.

Въ ту же минуту послышалось еще нѣсколько выстрѣловъ. Иной убилъ двоихъ Турокъ, иной одного: ни одинъ не далъ промаха, ни одинъ выстрѣлъ не пропалъ даромъ.

Турки смѣшались. Сначала они бросились къ мѣсту убѣжища Гаврилы Друговца. При этомъ многіе изъ мусульманъ полетѣли на землю, благодаря бодливости испуганныхъ воловъ. Новые выстрѣлы хайдуковъ навели ужасъ на Турокъ. Правовѣрные не знали куда дѣваться.

Хайдуки дали еще по два выстрѣла: не всякая пуля сразила врага; несмотря на то не осталось въ живыхъ и половины.

— Выходите, мои милые братья! закричалъ Мирко харамбаша: — ятаганы въ руки. За мною, на Турокъ!

Туркамъ почудилось, что загремѣлъ голосъ съ вершины Космая. «Ужь не вилы ли пришли на помощь къ Сербамъ?» подумали они. Но то не былъ голосъ вилы, а кличъ Мирко, сидѣвшаго на деревѣ и распорядившагося ходомъ битвы.

Хайдуки выстрѣлили еще разъ, и самъ Мирко положилъ на мѣстѣ бѣга Муризича, турецкаго предводителя. Сербы бросились на Турокъ съ обнаженными ятаганами. «Невозможно быть тѣлу безъ головы», гласитъ народная пѣсня. Турки дали тылъ; хайдуки одолѣли. Слышались выстрѣлы; клубился ружейный дымъ.

Но вотъ съ равнины подулъ вѣтеръ и разнесъ дымное облако. Изъ хайдуковъ остались на полѣ сраженія двое: Павелъ

(1) То-есть прижегъ фитилемъ затравку. По изобрѣтеніи же курка, стало говоритья—спустилъ курокъ.

Малый изъ Космайцы, да Черноусъ изъ села Стойника. Почти всѣ были ранены, кромѣ Мирка, Гаврилы и Райка. Двадцать Турокъ успѣло скрыться; семьдесятъ легло на мѣстѣ; двѣнадцать тяжело раненыхъ не долго мучились; смерть пресѣкла ихъ муки. Несчастные райи были рады своему освобожденію, и вмѣстѣ со скотомъ возвратились восвояси. Малаго Павла и Черноуса похоронили возлѣ дороги: ихъ могилы видны и доселѣ. Турецкая казна попала въ руки хайдукамъ; витязи забрались на вершину Космаѣ, сѣли тамъ подъ листовеннымъ дубомъ, и поровну раздѣлили между собою деньги. Разумѣется, раненые также не были забыты. Всѣ были утомлены. *Ятакъ* (1), Степанъ Малый изъ Рогачи, не замедлил явиться съ обѣдомъ.

Послѣ обѣда, по обычаю, хайдуки принялись за вино. Степанъ обратился съ рѣчью къ русому юношѣ, грустно смѣвшему и мало принимавшему участія въ общемъ разговорѣ.

— Я знаю, братъ, почти всѣхъ твоихъ товарищей, кромѣ тебя. Скажи мнѣ, откуда ты родомъ и зачѣмъ пошелъ въ хайдуки?

Молодой хайдукъ грустно взглянулъ на Степана Малаго и принялся за слѣдующій разказъ:

«Я изъ славной деревни Рачи. Много было въ ней умныхъ стариковъ, добрѣйшихъ матерей и красныхъ дѣвицъ. Завидно жилось намъ: у меня было три брата и дорогая сестра. Турки полонили моихъ братьевъ, а сестру... нѣтъ, не могу вымолвить. Меркнетъ въ глазахъ при одномъ воспоминаніи... Меня, видишь, не было дома. Прихожу къ себѣ, смотрю: все поставлено вверхъ дномъ, разграблено, переломано, перебито. Я зову братьевъ: нѣтъ отзыва. Кличу сестру и не докличусь. Я все понялъ... Рвалъ я на себѣ волосы, билъ себя въ грудь, запустилъ бороду, чуть было не сошелъ съ ума. Пять дней ничего не ѣлъ, ничего не пилъ, бродилъ по лѣсамъ и пригоркамъ. Плодовитыя деревья питали меня, горные ручьи утоляли мою жажду. Насилу опомнился. Придя въ себя, я не имѣлъ духа возвратиться домой. Случайно набрелъ я на космайскихъ хайдуковъ и присталъ къ нимъ. Удальцы меня радушно приняли. Теперь живу на высокомъ Космаѣ, и единственною мнѣ отрадой—местъ, непримиримая местъ Туркамъ. Чѣмъ болѣе гублю душмановъ, тѣмъ легче на сердцѣ. Въ деревнѣ нѣтъ мнѣ житья:

(1) Ятакомъ именуется въ пѣсняхъ приставодержатель хайдуковъ.

такъ вотъ и тянетъ убить каждаго встрѣчнаго османа. Все грезятся, видишь, убитые братья да погибшая сестра. Посуди самъ: чего мнѣ искать въ селѣ? У меня никого нѣтъ кромѣ Бога!»

Такъ кончилъ Илья Горичъ. Степанъ Малый, выслушавъ его, глубоко вздохнулъ.

Вдали сидѣлъ молчаливый хайдукъ и, казалось, не слушалъ разказа. Длинныя его руки судорожно хватались за ятаганъ; глаза его страшно сверкали изъ-подъ навислыхъ черныхъ бровей, и чело омрачала дума.

— Ты, вѣрно, меня не знаешь, молвилъ онъ *ятаку*;—послушай-ка, что я разкажу тебѣ:

«Родомъ я изъ прекрасной Шумадиі, изъ села Ресника. У меня было все, что Богъ даетъ человѣку: славная жена, прекрасныя дѣти, что твои космайскія вилы, многоголовое стадо и вѣрные слуги. На груди я носилъ золотые токи (1), а жена моя золотое ожерелье. Проклятая Ирина сняла съ меня золотые токи, чтобы вызолотить свое Смедерево; пришли Турки и отняли остальное. Однажды, возвращаясь домой съ поля, я засталъ у себя въ домѣ сидѣвшихъ Турокъ. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ наругаться надъ моею женой: бѣдняжка билась, какъ птица въ клеткѣ, стараясь вырваться изъ когтей изверга. Попалась мнѣ подъ руку сѣкира, и я принялся рубить направо и налево. Душманы нанесли мнѣ три раны. Жена скончалась; дѣтей подняли на сабли. Затѣмъ я оставилъ домъ и ушелъ къ космаискимъ хайдукамъ. Въ горахъ я живу на волѣ, а въ деревню идти не для чего. Не боюсь никого кромѣ Бога! Имя мнѣ Лека Шумадинецъ.»

— А не знаешь ли, помолчавъ немного, спросилъ Шумадинца Степанъ Малый,—зачѣмъ пошелъ въ хайдуки Иванъ Бунѣвацъ, что изъ села Рогачи? Я такъ указалъ на человѣка лѣтъ тридцати, сухощаваго, черноволосаго, съ блестящими глазами, выдающимися скулами и стройнаго какъ ель.

— Не знаю; еще недавно примкнулъ я къ хайдукамъ и не успѣлъ всѣхъ разспросить. А видно и ему было изъ-за чего пойдти въ хайдуки; недаромъ бросается на Турокъ, какъ голодный тигръ.

1) Одежда, украшенная спереди золотомъ или серебромъ въ родѣ латъ.

Иванъ Бунѣваць, услышавъ это, выпилъ стаканъ за здоровье Шумадинца и, наливъ ему другой, молвилъ:

— Твоя правда, Леки Шумадинецъ, было и мнѣ изъ-за чего пойдти въ хайдуки. У Милана въ деревнѣ Сопотъ была семнадцатилѣтняя дочь; мы часто вмѣстѣ работали, вмѣстѣ ходили въ хороводъ; полюбилась она мнѣ. Видно, горныя вилы меня околдовали: я почувствовалъ, что жизнь мнѣ безъ нея въ тягость. Посватался я за нее: помѣнялись мы кольцами, уговорились о свадьбѣ. Я пошелъ къ Турку, уплатить *свадьбарину*.

«Турокъ, посмотрѣлъ на меня, да и спросилъ:

«— А что, гяуръ, когда свадьба?»

«— Черезъ недѣлю, милостивый ага, отвѣчалъ я.

«— А что, гяурка хороша?»

«Я ничего не отвѣчалъ.

«— Приди-ка вмѣстѣ съ нею уплатить *свадьбарину*.

«— Далекю, ага.

«— Вонъ, *домузъ* (1), безъ разговоровъ.

«— Милостивый ага! сказалъ я, падая на колѣни передъ нимъ и цѣлуя землю,—моя невѣста нездорова.

«— *Дмиери* (2), *домузъ!* нечего тебѣ платить за другаго. Она должна сама за себя заплатить.

«Что мнѣ было дѣлать? Вокругъ аги стояли его гавазы (3) Посмотрѣлъ я, посмотрѣлъ, да и ушелъ. На другой день пришло въ вмѣстѣ съ невѣстою отправиться къ агѣ для уплаты *свадьбарины*. Турокъ сначала позвалъ меня. Я вошелъ и отдалъ деньги. Затѣмъ позвали и мою невѣсту. Когда же я намѣревался броситься за ней, меня схватили и начали бить палками. Не помню, сколько мнѣ дали ударовъ. Полумертвымъ выбросили меня за ограду, откуда добрые люди отвезли меня домой. Около полугода проболѣлъ я. Оправясь, вырылъ я оружіе изъ земли (въ землѣ оно было у меня спрятано), и много наслышась о космайскихъ хайдукахъ, я присоединился къ нимъ. Долго я искалъ моего злодѣя и ищу доселѣ. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я въ Космаѣ, не признавая надъ собою ничьей власти.»

(1) Свинья.

(2) Вонъ.

(3) Гавазы—окружающая его свита.

Такъ говорилъ хайдукъ.

Вдругъ раздался не вдалекѣ ружейный выстрѣлъ, и послышался стонъ. Хайдуки вскочили съ своихъ мѣстъ. Старый Мирко схватилъ свое ружье и бросился стремглавъ на ружейный выстрѣлъ. Остальные побѣжали вслѣдъ за харамбашей.

«Я слышалъ, такъ разказывалъ потомъ Степанъ, въ своемъ селѣ еще одинъ выстрѣлъ.

«Случилось вотъ какое происшествіе. Пока хайдуки отдыхали, Райко засѣлъ за скалу, выжидая Турокъ. Въ самомъ дѣлѣ подвернулся какой-то душманъ прямо подъ ружейное дуло. Деньги османа достались хайдуку, а лошадь монастырю Тресин.

«Подъ вечеръ пришлось мнѣ, продолжалъ Степанъ, разстаться съ хайдуками. Когда я сходилъ съ вершины Космая, спѣша въ Рогачу, заключилъ разкащикъ, послышался вдали голосъ :

«Не печалься, космайская вила,
Не горюй, убери свою косу!
Мы въ крови сегодня купались,
Въ крови Турокъ, нашихъ злодѣевъ.»

V.

Во время великихъ переворотовъ и бѣдъ въ жизни какого-нибудь народа являются могучіе люди, не выносящіе горя. Одни изъ нихъ совершенно удаляются изъ общества, другіе же, напротивъ, мстятъ виновникамъ всеобщихъ бѣдствій.

Въ Сербіи, рядомъ съ хайдуками, возникаетъ множество мужскихъ монастырей, также церквей, воздвигаемыхъ въ неприступныхъ дремучихъ лѣсахъ: въ Рудникѣ и до сихъ поръ сохранился монастырь Благовѣщенія, никогда не оскверненный присутствіемъ Турокъ. Монахи и хайдуки сербскіе въ періодъ хайдучества являлись выраженіемъ всенароднаго протеста противъ турецкой стихіи, мутившей сербскую жизнь.

Въ церквахъ и монастыряхъ народъ молилъ Бога объ избавленіи отъ Агарянъ; въ церквахъ и монастыряхъ укрывался слабый свѣтъ знанія: во всѣхъ другихъ мѣстахъ школы были уничтожены силою, или же сами собою постепенно пришли въ упадокъ. Около монастырей и церквей совѣщались объ

общественныхъ дѣлахъ; около церквей и монастырей сходились ~~сборы~~, заводились игры и пляски, на которыхъ молодые поселяне и поселянки знакомились, сходились, видѣлись другъ съ другомъ.

До сихъ поръ еще можно видѣть болѣе десяти развалинъ космайскихъ церквей и монастырей. Самыми замѣчательными космайскими монастырями была уже извѣстная намъ Тресія, съ восточной стороны Космая, и Рочага, съ западной. Кто и по какому случаю построилъ первую, мы уже видѣли. Вторую же соорудили сами Рогачане и назвали ее по имени своей деревни. Кто строилъ другія церкви, объ этомъ не сохранилось достовѣрнаго свѣдѣнія. Извѣстно только, что онѣ всѣ воздвигались на склонѣ горы Космая. Это дѣлалось съ двойною цѣлью: вопервыхъ, для того чтобы Турки не могли до нихъ добраться; вовторыхъ, для того чтобы приблизить ихъ, а съ ними и молитвы вѣрующихъ, къ небесамъ, къ престолу Всевышняго. До какой степени эти церкви были богаты, опредѣлить трудно, за неимѣніемъ данныхъ; только утвердительно можно сказать, что онѣ не были очень богаты, судя по бѣдственному положенію страны. Звонъ колоколовъ не раздавался въ нихъ, а вмѣсто колокола для созванія вѣрующихъ, обыкновенно стучали въ било, либо деревянное, либо желѣзное.

Въ этихъ монастыряхъ жило множество монаховъ. Каждый изъ нихъ почиталъ своею непремѣнною обязанностію имѣть при себѣ ученика. Этотъ способъ обученія былъ единственнымъ средствомъ поддержанія грамотности. Большая часть этихъ учениковъ поступали въ монахи, другіе посвящались въ священники; рѣдко кто изъ нихъ возвращался къ своимъ деревенскимъ работамъ. «Ежедневно, говоритъ народная пѣсня, въ этихъ бѣлыхъ церквахъ и монастыряхъ служили службы Божіи, сюда стекалось множество народа, и здѣсь каждый день молилась космайская вида.»

Для изображенія дальнѣйшей судьбы Космая и лицъ, намъ уже знакомыхъ, мы разкажемъ о происшествіи, случившемся уже въ глубокой старости Степана Малаго. Вотъ какъ было дѣло:

Разъ, это случилось лѣтомъ, въ Тресіи стоялъ у праваго клироса Степанъ Малый и усердно молился; онъ часто дѣлалъ знаменіе креста своими дрожащими руками и кланялся въ поясъ, опираясь на палку. Ему уже было за девяносто лѣтъ. Станъ его былъ худощавъ и сгорбленъ. Лицо его, изуродо-

ванное морщинами, свидѣтельствовало о страданіяхъ, имъ перенесенныхъ. Глаза у него были мутны, и взглядъ грустный: Одинокій, онъ доживалъ бурныя и тяжелыя свои лѣта.

Тихо шла служба Божія, ее совершалъ отецъ Мелетій; *дьяци* (1) пѣли на *півниць* (2). Вдругъ во время чтенія *Върую*, дали дорогу чужимъ людямъ; всѣ они были богато одѣты: на нихъ были *токи*, за поясомъ пистолеты и ятаганы, а на ногахъ золотыя *чакширы* (3). Пришельцы крестились, опираясь на свои длинныя ружья. Впереди стоялъ высокій статный старикъ, повидимому начальникъ. Ему было лѣтъ за шестьдесятъ: на головѣ волосы были сѣды, брови нависли на глаза; а усы падали до груди. Черные, впавшіе глаза необыкновенно блестяли и всегда словно горѣли гнѣвомъ.

Степанъ Малый долго смотрѣлъ на пришедшихъ гостей, но по слабости зрѣнія онъ не могъ разгадать незнакомцевъ.

Послѣ обѣдни всѣ вышли изъ церкви на площадку, окруженную глухимъ лѣсомъ, и старикъ Степанъ узналъ въ этомъ начальникъ Ивана Бунѣвца.

Они обнялись и поцѣловались, спрашивая другъ друга о здоровьѣ.

— А что, живъ ли кто-нибудь изъ моихъ? спросилъ Иванъ Степана.

— Нѣтъ, сынъ мой, никого. Братъ твой умеръ бездѣтнымъ: мать твою Турки истоптали лошадыми за то, что ты сдѣлался хайдукомъ; братаву въ рабство увезли, разграбивъ домъ и уѣзжая зажгли его.

Иванъ заплакалъ и долго не могъ ничего промолвить.

— Мы, продолжалъ Степанъ,—много пострадали отъ разныхъ бѣдъ: насъ обложили тяжкими налогами, да всякій заѣзжій Турокъ (а они часто заѣзжаютъ) заберется въ домъ и требуетъ, чтобъ ему подали жаренаго ягненка, курицу, сыра, масла... и знать не хочетъ чего нѣтъ. Мы уже ссужаемъ другъ друга, чтобы только отдѣлаться отъ нихъ. Женскіи полъ всегда скрывается...

— А кто еще живъ изъ старыхъ знакомыхъ? прервалъ Иванъ Степана.

(1) Ученики.

(2) Клиросъ.

(3) Въ родѣ шароваръ.

— Да почти никого нѣтъ. Иного Турки убили, иной умеръ отъ горя, иной убѣжалъ Богъ вѣсть куда, а иной ушелъ въ горы... Жену отца Василя Турки такъ испугали, что она забѣлаа и умерла, а самъ отецъ Василій отъ горести пострится въ монахи и тоже въ скоромъ времени преставился. Вотъ тамъ, за церковью, его похоронили. Старикъ указалъ на бѣлую плиту.

— «Бог да му душу прости» (1), оба вдругъ сказали.

— Только однѣ мои кости не приняла еще мать наша черна земля, сказалъ Степанъ, — да какъ вспомню прошедшіе года, кости гниютъ не въ могилѣ, а въ тѣлѣ; кровь мерзнетъ въ жилахъ! Одно только и осталось утѣшеніе въ жизни: Божіи храмы да слухи о хайдукахъ!.. Но гдѣ вы живете?

— Теперь здѣсь, какъ видишь; а нѣкоторыя вещи мы оставили у «бѣлаго корыта вилъ» въ тѣни дуба.

Народъ со всѣхъ сторонъ сбѣжался посмотреть на хайдуковъ. Одни дивились, другіе боялись, какъ бы не провѣдали Турки. «Но всѣ радовались, говоритъ преданіе, и благодарили Бога за то, что у нихъ еще есть такіе герои.»

— Давно уже я васъ не угощалъ! сказалъ Степанъ:—а хотѣлось бы мнѣ васъ угостить попрежнему на вершинѣ Космай, какъ бывало еще при Миркѣ. А гдѣ онъ теперь? Да и вся твоя дружина мнѣ незнакома.

— Мы были съ Мирко въ каменистой Босни, тамъ есть много хайдуковъ, и разказываютъ о знаменитомъ Новакѣ Старинѣ. Онъ еле ходитъ отъ старости, но и теперь еще, когда онъ крикнетъ, Турки умираютъ отъ страху, а голосъ его отдается страшнымъ отзвукомъ въ лѣсахъ. Были мы потомъ на Шарѣ, на Черномъ Верхѣ и въ Мирочѣ горѣ. Здѣсь погибъ нашъ старый Мирко; я отличился и выбранъ въ харамбаши; потомъ разкажу тебѣ все дѣло. Затѣмъ мы были на Балканѣ, и тамъ есть много нашихъ съ Болгарами. Наконецъ, черезъ Шумадию мы побывали въ Рудникѣ и вернулись сюда. Старая дружина вся погибла; но за то мы отместили за каждого сотней. Я много тебѣ разкажу про наши подвиги: ты можешь спокойно умереть. Мы истребимъ душмановъ!

Вдругъ Иванъ Бунѣвацъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ, посматривая изъ подлобья блестящими глазами, осталь-

1) Упокой, Господи, его душу.

ные хайдуки тоже встали, и слышался звукъ ихъ ружей. Народъ со страхомъ слѣдилъ за ними. Вдругъ вся дружина исчезла.

— Куда? какъ? гдѣ они дѣвались? куда скрылись? Никто не видѣлъ, одинъ Богъ знаетъ! (1)

Степанъ отправилъ своего сына отнести жаренаго ягненка, сыра и вина на Космай. Самъ онъ взялъ палку и ушелъ куда-то, то-есть онъ ушелъ къ хайдукамъ.

Передъ самымъ вечеромъ народъ началъ расходиться по домамъ. Хворостъ затрещалъ въ лѣсу подъ ногами, кой-гдѣ слышны были пѣсни, замирая въ горахъ. Площадка осталась пустою, солнечные лучи уже не освѣщали ея, и мракъ начиналъ одѣвать густой лѣсъ.

VI.

Жизнь человѣческая изобилуетъ разными происшествіями и явленіями. Какъ невозможно положить ей предѣлъ, такъ невозможно представить всѣ эти явленія и происшествія. Они бываютъ либо слѣдствіемъ мирныхъ отношеній человѣка къ людямъ и природѣ, либо противорѣчій съ ними. Эти противорѣчія составляютъ тѣ несчастные углы, о которые, ударяясь, человѣкъ гибнетъ, или дѣлаетъ вредъ себѣ и другимъ.

Прошли года и поколѣнія. Одни люди умирали подъ тяжестью ига, другіе бѣжали въ горы, третьи пропадали неизвѣстно гдѣ. Какъ они жили, сколько перенесли страданій? Испытывали ли они какія радости и наслажденія? Все покрыто мракомъ неизвѣстности. Крупныя только происшествія остались въ народной памяти.

«Три поколѣнія минуло, и четвертое наступило,» сказывалъ мнѣ старикъ, когда случилось слѣдующее происшествіе въ Рогачѣ.

Космайца и Рогача были отданы какому-то Турку, какъ мы уже прежде сказали, на правахъ неограниченнаго деспота.

(1) Хайдуки славились тѣмъ, что умѣли чрезвычайно быстро прятаться, вдругъ исчезать и обмануть всякую погоню.

Понятіе Турка о владѣніи было такое, что онъ верховный распорядитель всего; его воля—законъ, а дѣйствія его подданныхъ должны сообразоваться съ его волею. Право Турка въ этомъ отношеніи не имѣло никакихъ границъ, а какова бываетъ власть въ рукахъ дикаго человѣка?

У одного поселянина Рогачи, говорить народное преданіе, была прекрасная дочь. Когда она родилась, мать ея видѣла странный сонъ: она видѣла монастырь Рогачу, объятый пламенемъ отъ основанія до верху, а служителей этой церкви ходящими безъ головъ. Потомъ явились два невиданныя чудовища и стали возлѣ малютки: одно въ турбанѣ, другое въ калугерской (1) камилавкѣ. Долго они спорили между собою. Одно чудовище хотѣло крестить ее, другое не давало; послѣднее хотѣло дать малюткѣ какой-то талисманъ, первое не дозволяло. Отъ спора дошло дѣло до ссоры, а отъ ссоры до драки. Когда они начали драться, мать вся встрепенулась, проснувшись, увидѣла малютку, лежащую возлѣ себя, перекрестилась, и нечистой силы не стало. Малютка росла, цвѣла, и со дня на день становилась все краше и краше. Когда ей было пятнадцать лѣтъ, всѣ находили ее прекрасною. Дарили ей деньги и разные деревенскіе подарки. Мать часто ходила съ нею въ церковь на «соборъ», и всѣ удивлялись ея красотѣ. Мать не могла нарадоваться своему счастью и нахвалиться ея добротой. Турокъ бывалъ въ ихъ домѣ, и хотя красавица скрывалась, онъ зналъ про нее, давалъ ей разные подарки, не высказывая однакожь никакого намека.

Ей исполнилось семнадцать лѣтъ. «Она красивѣе космайскихъ вилъ!» говорили всѣ въ деревнѣ.

Здѣсь надобно сказать, что въ Сербіи въ періодъ хайдучества господствовалъ обычай увозки дѣвицъ. Если кому-нибудь нравилась дѣвушка, а родители не хотѣли выдавать ее, или она сама не хотѣла выходить замужъ, женихъ насильно ее увозилъ, вѣнчалъ, и она становилась его женой (2).

Этотъ обычай произошелъ, кажется отъ того, что Турки крали Сербянокъ, Сербы Турчанокъ, а потомъ стали увозить безразлично и Сербы Сербянокъ, и Турки Турчанокъ. Теперь

(1) Калугеры—монахи.

(2) Я видѣлъ дряхлую старуху, которая мнѣ разказала много подобныхъ случаевъ и прибавила, что ее тоже насильно взяли и обвѣнчали. Сначала она не любила своего мужа и боялась его, потомъ привыкла къ нему; онъ примирился съ ея родственниками, и стали жить въ пріязни.

этотъ обычай не существуетъ; онъ видоизмѣнился въ слѣдующій: дѣвица, если только согласна, а родители не выдаютъ ея, убѣгаетъ къ жениху; потомъ тянутся переговоры, платятъ за нее вѣно, мирятся и вѣнчаются. Но въ то время существовалъ еще первый обычай увозки дѣвицъ.

Между лицами, слѣдившими за рогачинскою красавицей, былъ и калугеръ, по имени Ферапонтъ. Кто онъ былъ, — неизвѣстно. Одни говорятъ, что онъ былъ Сербъ, другіе, что Грекъ. Последнее намъ кажется вѣроятнѣе, ибо Греки въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка были во многихъ мѣстахъ начальниками монастырей. «Но кто бы онъ ни былъ, всѣ говорили, видно въ немъ злой духъ поселился.» Онъ много разъ преслѣдовалъ красавицу, но она спасалась бѣгствомъ.

Нужно сказать еще объ одномъ обычаѣ, существующемъ и до сихъ поръ у Сербовъ. У нихъ овцы зимою находятся тамъ, гдѣ и сѣнокосы. Одинъ изъ членовъ семьи проводитъ тамъ цѣлую зиму въ маленькомъ, нарочно сдѣланномъ домикѣ, или ходятъ туда каждый день три раза: утромъ, въ полдень и вечеромъ дать овцамъ ѣсть.

Дѣвушка была изъ зажиточнаго семейства, но не имѣла никого, кромѣ матери и брата. Она чередовалась обыкновенно съ братомъ: иногда ходилъ туда братъ, иногда сестра. Былъ мрачный день, вѣтеръ, вьюга, словомъ, страшная непогода, когда сестра отправилась къ овцамъ. Это случилось подъ вечеръ.

Отецъ Ферапонтъ зналъ про это и отправился преслѣдовать дѣвушку. Увидавъ его, несчастная бросилась бѣжать, но калугеръ догналъ ее.

Дѣвушка принялась кричать, но вѣтеръ заглушалъ ея голосъ. Ферапонтъ, завлекши ее въ овчарню, предлагалъ ей богатства, наслажденія и все, чего пожелаетъ, лишь бы согласилась на его требованіе.

— Нѣтъ, нѣтъ! восклицала она,—это страшный грѣхъ.

Но его ярости не было предѣла.

И онъ, страшно сказать, зарѣзалъ ее.

Народная поговорка гласитъ: «если кого Богъ хочетъ наказать, то отниметъ у него разумъ». Это случилось и съ отцомъ Ферапонтомъ. Одно преступленіе повлекло за собою другое, какъ это всегда бываетъ.

Калугеръ испугался, не зная, что дѣлать, бросался то въ ту, то въ другую сторону, наконецъ пришло ему въ голову отнести мертвую къ рѣкѣ, завернувъ въ сѣно, и тамъ зарыть

въ наносномъ пескѣ. Случилось въ это самое время ъхать Турку. Замѣтивъ калугера съ подозрительною ношей на спинѣ, онъ ускорилъ ѣзду, подстрѣкаемый любопытствомъ.

— Что несешь на спинѣ, *папазь?* (1) спросилъ Өерапонта Турокъ, догнавъ его.

— Сѣно, милостивый ага; намъ бѣднымъ калугерамъ холодно въ монастырѣ, спать не на чемъ.

— А чья это нога видна изъ сѣна? спросилъ Турокъ.

Калугеръ въ страхѣ не примѣтилъ, какъ одна изъ ногъ убитой высунулась; это поразило его какъ громомъ; онъ бросилъ ношу и пустился бѣжать изъ всѣхъ силъ. Лѣсъ находился не вдалекѣ; день уже вечерѣлъ. Турокъ по немъ выстрѣлилъ; но калугеръ успѣлъ скрыться въ лѣсу.

Турокъ слѣзъ съ лошади, развязалъ сѣно, и что же увидѣлъ? Мертвый, блѣдный и окровавленный трупъ той, которой красоты самъ онъ только и ждалъ...

Вотъ, странное явленіе! Пока Турокъ мучилъ райевъ, терзалъ, дѣлалъ всевозможныя насилія имъ, онъ никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго сожалѣнія: это было силою пріобрѣтенное право грубаго, невѣжественнаго и необузданнаго злодѣя. Мусульманинъ понималъ свое право, что онъ одинъ имѣеть власть всѣмъ распоряжаться, казнить, насиловать, тиранствовать... Къ его изумленію, этотъ самый предметъ, дорогой для его гнусной страсти, былъ убитъ. И кѣмъ? Духовнымъ отцомъ и калугеромъ! Турку и въ голову не приходило, что райя имѣеть страсти, можетъ любить и можетъ безумствовать. Кто-то, умирая, сказалъ: «Мнѣ такъ хорошо жилось, солнце мнѣ такъ отраднo свѣтило! Умирая, я бы хотѣлъ, чтобъ оно померкло!» Вотъ мысль калугера въ минуту преступления.

Турокъ долго смотрѣлъ на трупъ, держась за бороду. Въ головѣ его пронеслось прошедшее и будущее бездыханнаго трупа: въ прошедшемъ османъ видѣлъ чудную красавицу, обладаніе которой было его страстнымъ желаніемъ; въ будущемъ—погибшія надежды.

Турокъ долго съ отчаяніемъ смотрѣлъ.

«Аллахъ! произнесъ османъ, да сойдетъ проклятіе на голову калугера! Сто разъ отомщу!»

Мусульманинъ взявъ трупъ, отвезъ къ матери, далъ денегъ на похороны и уѣхалъ.

(1) Этими именемъ Турки называютъ священнослужителей.

Страхъ объялъ всѣхъ Рогачанъ. Они знали хорошо натуру невѣрныхъ; знали, что за убійство Турки горько отомстятъ. Они боялись за свои церкви и монастыри, единственныя убожища во дни бѣдствій и страданій. Всѣ собрались, призвали священника, отпѣли несчастную, отвезли на кладбище, и погребли.

Тогда мать вспомнила о страшномъ снѣ!..

Рогачане не имѣли никакой силы наказать убійцу.

«Да и что, говорили они другъ другу, предпринимать противъ человѣка, совершившаго такое злодѣяніе. Для такого злодѣя нельзя и придумать наказанія.»

Безсильнымъ, угнетеннымъ, лишеннымъ всѣхъ правъ, Рогачанамъ некому было жаловаться изъ своихъ, а искать управы у Турка значило дѣлать несчастными самихъ же себя. Со словами: «да будетъ проклятъ калугеръ», рѣшили оставить дѣло безъ послѣдствій. Одна несчастная мать ежедневно утромъ и вечеромъ ходила на могилу погибшей дочери, носила туда цвѣты и кадильницу съ благовоніями. Говорятъ, что сначала жалобнымъ, громкимъ голосомъ потрясала она воздухъ въ окрестностяхъ космайскихъ горъ. Не было человѣка въ цѣлой деревнѣ, у котораго бы не брызнули изъ глазъ слезы при этихъ жалостныхъ вопляхъ. Злополучная мать съ каждымъ днемъ становилась все безгласнѣе и безгласнѣе, исхудала какъ остовъ, превратилась въ привидѣніе, и наконецъ безвозвратно увяла на могилѣ своей дочери.

Мечь Турка не замедлила совершиться. Магометанинъ съ своимъ отрядомъ окружилъ Рогачу, перебилъ калугеровъ и обратилъ монастырь въ развалины, отъ которыхъ уцѣлѣли только своды церкви. Этого не было довольно; Турки срыли до основанія и другіе монастыри, привели въ запустѣніе Тресію, которой покинутое запущенное зданіе до сихъ поръ свидѣтельствуетъ о разграбленіи. Терапонтъ пропалъ безъ вѣсти. Ниспровергнутыхъ монастырей никто не возобновлялъ. Въ Космайцѣ не осталась ни единого жителя, всѣ перебравшись въ новую лѣсную деревню Неменикутье. Рогача осталась цѣла. Обѣ деревни существуютъ и доселѣ.

П. СРЕТЬКОВИЧЪ.

Село Гопчица.

МИРАЖЪ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ В. М. НОВОСИЛЬЦЕВОЙ.)

I.

Лидія Васильевна Барковская проснулась раньше обыкновеннаго. Она только-что наканунѣ пріѣхала изъ Москвы въ деревню къ матери своей, Натальѣ Петровнѣ Украинцовой, и, видно, пріѣхала не на радость: едва проснувшись, едва раскрывши хорошенькіе глазки, она принялась плакать и рыдать, какъ умѣютъ плакать и рыдать женщины и дѣти.

Дѣло въ томъ, что не прошло и года съ того дня, какъ она стояла подъ вѣнцомъ въ той самой церкви, которая виднѣлась изъ открытаго окна ея комнаты: а вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ Лидія Васильевна въ разлукѣ съ любимымъ мужемъ. Семенъ Николаевичъ Барковскій уѣхалъ въ Петербургъ на свиданіе съ какимъ-то пріятелемъ, только-что вернувшимся изъ-за границы; хотѣлъ быть черезъ три дня, и зажилъ въ столицѣ, гдѣ, вмѣсто одного, нашлось у него пять, десять пріятелей, все народъ веселый, беззаботный, артисты, литераторы, туристы.... Онъ съ ними тряхнулъ стариною; а жена ждала его со

дня на день, съ часу на часъ, и въ отвѣтъ на свои длинныя и нѣжныя письма получала коротенькія посланія, которыми со дня на день отлагался прїѣздъ Семена Николаевича въ Москву. Бѣдной Лидіи Васильевнѣ стало невыносимо скучно, и въ одно прекрасное утро она рѣшилась на отчаянное средство: собралась въ нѣсколько часовъ къ отъѣзду, и отправилась въ деревню къ своимъ, которые ее ждали давно, но не одну, а вмѣстѣ съ мужемъ.

Долго бы проплакала Лидія Васильевна, еслибы въ спальню не вошла горничная доложить, что уже десятый часъ, и что «братецъ спрашиваютъ, можно ли имъ войти».

Лидія Васильевна встала, окончила свой первый туалетъ, и убѣдившись, что не осталось слѣда слезъ на ея лицѣ, велѣла подавать чай и просить Михаила Васильевича.

Михаилу Васильевичу Украинцеву было дѣтъ двадцать пять; онъ, пожалуй, былъ похожъ на сестру, но смотрѣлъ флегматикомъ, между тѣмъ какъ она была исполнена жизни и женской граціи.

— Здравствуй, Лидія, сказалъ онъ; — мы съ тобой, вчера, едва успѣли поздороваться.

— Вольно же тебѣ такъ поздно засиживаться въ гостяхъ, сказала Лидія, цѣлуя его.

— Я былъ бы дома, еслибы мы давно не перестали ожидать тебя. Ты вѣдь опоздала цѣлымъ мѣсяцемъ, и разъ десять назначала новый срокъ своему прїѣзду, такъ что мы подкоонецъ уже не вѣрили твоимъ письмамъ.... Даша, принеси-ка мнѣ чаю.

— Дѣла задержали мужа въ Петербургѣ, сказала Лидія нетвердымъ голосомъ, — вотъ мы все и откладывали нашу поѣздку.... Ахъ! отстань, прибавила она, отталкивая крошечнаго кингъ-чарльза, который собирался, по привычкѣ, вспрыгнуть къ ней на колѣни.

Братъ и сестра, послѣ годовой разлуки, сошлись теперь безъ постороннихъ свидѣтелей, за чашкой чая, въ уютной комнатѣ, подъ роднымъ кровомъ... Какая, кажется, счастливая минута въ ихъ жизни! Такъ бы и было для многихъ братьевъ и сестеръ, связанныхъ воспоминаніями дѣтства, воспитанныхъ одною матерью. Но отношенія Лидіи Васильевны къ Украинцеву были, можно сказать, *очень хороши*, и только.

— Какія это дѣла у Семена? спросилъ Украинцевъ.

— Почему же я знаю, Миша, какія у него дѣла? Что я по-

нимаю въ дѣлахъ? Скажи-ка мнѣ лучше, что у васъ дѣлается? Кто бываетъ? Я вчера не успѣла ни о чемъ распросить.

— Да кто бываетъ? Дядюшка Федоръ Петровичъ бываетъ, княгиня Блонкова съ мужемъ, Сергѣевъ бываетъ...

— Ахъ! кстати! Должно-быть у васъ здѣсь разыгрывается романъ: вчера, я спросила о Сергѣевѣ, Маменька отвѣчала неохотно, а Маша покраснѣла до ушей. Она... въ него влюблена?

— Должно-быть влюблена.

Маша была внучка и воспитанница Натальи Петровны.

— А что же маменька?... Какъ она объ этомъ узнала?

— Объ этомъ важномъ обстоятельстве узнали, изволишь видѣть, на прошлой недѣлѣ. За обѣдомъ, маменька говорила, что она женщина безъ предрасудковъ, и въ доказательство приводила свое приличное обращеніе съ Сергѣевымъ. Маша всныхнула, и спросила, чѣмъ Сергѣевъ неровня маменькѣ? Тутъ ужъ маменька вспыхнула и отвѣчала: *Si vous êtes encore assez petite fille pour l'ignorer, je vous l'expliquerai plus tard...* Ну, и послѣдовало объясненіе, отъ котораго у Маши дня на два распухли глаза.

— Бѣдная дѣвочка! сказала Лидія. — А что же Сергѣевъ?

— Онъ не былъ съ тѣхъ поръ.

— Скажи, Мишель, нѣтъ ли у маменьки какихъ-нибудь плановъ насчетъ Маши? спросила Лидія, подумавъ.

— Есть! отвѣчалъ Украинцевъ. — Геніальные планы! то-есть; тебѣ скажу, изумительные! Вѣдь ты знаешь княгиню Блонкову?

— Знаю... А!... у нея братъ.

— Вотъ оно! отозвался Украинцевъ.

— Да, кажется, Мстиславскій незавидный женихъ, замѣтила Лидія. — Княгиня Блонкова конечно будетъ не прочь; Маша богата; но, со стороны маменьки, я не понимаю этого желанія; у нея, должно-быть, какая-нибудь задняя мысль.

— Разумѣется, и задняя-то мысль—я! не кто другой какъ я!

— Какъ, ты?

— Помилуй, самый простой расчетъ. Вотъ я цѣлыхъ пять лѣтъ на службѣ въ Петербургѣ, и все-таки титулярный совѣтникъ, и никѣмъ не замѣченъ, и даже не камеръ-юнкеръ. Я, признаюсь, объ этомъ мало забочусь; но маменька не мирится съ моею скромною долею, и рѣшила, что мнѣ нужна протекція. А князь Блонковъ служитъ отлично, любимъ при дворѣ, ну и, прочее. Умна маменька, нечего сказать!

— Мы это знаемъ... Но ты что же объ этомъ говоришь?

— Я что говорю? Да меня и не спрашиваютъ; мое дѣло сторуна. Я знаю себя, что на будущій годъ подамъ въ отставку и поселюсь здѣсь; отдѣлаю домъ, займусь хозяйствомъ, и буду стрѣлять дупелей съ Блонковымъ; а, покаместъ, я остаюсь наблюдателемъ и смѣюсь отъ души: право, все это забавно.

— Мишель, сказала Лидія, — надо однако подумать о Машѣ, ей-то будетъ ли забавно?

— А! что дѣлать. Мнѣ очень жаль бѣдную дѣвочку. Шума я не терплю, да и шумомъ не поможешь. Маменька, ты знаешь, настойчива. Я вотъ и о себѣ нѣсколько разъ пробовалъ ввернуть въ разговоръ, что вотъ, молъ, на будущій годъ, когда я выйду въ отставку... Но, маменька, этого не слышитъ, ни-ни! а въ свою очередь, при случаѣ, скажетъ: Вотъ лѣтъ черезъ пятнадцать, когда ты, можетъ-быть, выйдешь въ отставку, мы, напримеръ разведемъ ананасы, или женимъ Михея конторщика; или вообще что-нибудь такое неожиданное и не особенно важное. О концѣ рѣчи, понимаешь, хлопотать не стоить.

Украинцевъ говорилъ немного прищелпывая, впрочемъ ровнымъ голосомъ, не мѣняясь въ лицѣ и даже не улыбаясь.

— Скажи мнѣ откровенно, Мишель, ты никогда не ухаживалъ за Машей? спросила Лидія, послѣ минутнаго молчанія.

— Это что тебѣ вздумалось? Да и съ какой стати? Дѣвочка худая, какъ сѣрная спичка, и экзальтирована, какъ старая Нѣмка.

— Видишь ли, я тебя спросила объ этомъ, потому что отъ тебя зависитъ мнѣ помочь... почему бы Сергѣеву не жениться на Машѣ? Что ей маменька? *Grande tante!* Маша въ правѣ располагать собою. Я съ своей стороны переговорю съ нею; пожалуй, и съ Сергѣевымъ...

— Э! охота тебѣ, Лидинька, вмѣшиваться въ такія дѣла, отвѣчалъ Украинцевъ. — Какъ хочешь, а нѣтъ тебѣ моего совѣта идти противъ воли маменьки и накликать на себя неприятности. Да, пожалуй, и Маша современемъ тебѣ не скажетъ спасибо. Я никогда въ чужія дѣла не путался, за то никогда ни съ кѣмъ не ссорился. Отъ иной услуги, вмѣсто любви и благодарности, навешь себя враговъ.

Лидія задумалась.

— Ты, можетъ-быть, правъ, сказала она. — Если Машѣ не суждено выйти замужъ по любви, это, пожалуй, къ лучшему.

Горько были произнесены эти слова; но Украинцевъ не

обратилъ на нихъ вниманія, выпилъ послѣдній глотокъ чаю, потянулся, и сказалъ:

— Такъ-то... а теперь, прощай; меня ждетъ управляющій; а потомъ пойду къ маменькѣ. У насъ все по старому, и я одинъ имѣю право входить по утрамъ въ ея комнату.

« Я тебѣ не завидую », подумала Лидія.

II.

Украинцевъ долго пробылъ у матери. Изъ ея спальни онъ вышелъ въ гостиную.

Тамъ, въ бѣломъ платьѣ и зеленомъ фартучкѣ, сидѣла, съ книгой въ рукахъ, не то дѣвушка, не то ребенокъ, съ блѣднымъ личикомъ, оживленнымъ черными глазами, полными ума и пытливости.

— Чтò вы, *petite cousine*, такъ прилежно читаете? спросилъ Украинцевъ, подсѣвъ къ ней.

— *Leçons de la Sagesse*, par Fénelon, отвѣчала она очень серьезно.

— Вотъ какъ! и это васъ занимаетъ?

— Нѣтъ. Бабушка приказала прочесть.

— Такъ вы бы уже, знаете, дѣлали, какъ я; бывало перевертываешь листы и считаешь сколько буквъ на страницѣ.

— Нельзя: бабушка приказала написать анализъ, и ей прочесть.

— И къ спѣху?

— Она сказала: *Vous le ferez quand vous vous serez pénétrée des beautés de l'ouvrage...* отвѣчала Маша не безъ легкаго оттѣнка ироніи.

— Ну, стало-быть, не къ спѣху. Дайте мнѣ эту книгу, Маша; я скажу, что она мнѣ понадобилась, и затеряю ее.

Онъ взялъ книгу, и положилъ въ карманъ. Маша кивнула головой, и какъ будто съ утомленіемъ опустила вдоль колѣнъ свои худыя руки.

— Благодарю васъ, Мишель, я пойду въ садъ.

— Подите, подите, сказалъ Украинцевъ, подходя къ окну — Да вотъ кстати пріѣхалъ Сергѣевъ, возьмите его съ собой,

кузина, и скажите, что я явлюсь черезъ полчаса. Маменька мнѣ дала порученіе.

Съ этими словами, онъ вышелъ, не взглянувъ на Машу.

«Онъ добръ», подумала Маша, и мигомъ спустилась въ садъ, на встрѣчу Сергѣеву.

Сергѣевъ былъ еще молодъ и хорошъ собою; черты его лица, кое-гдѣ пересѣченнаго линіями мелкихъ морщинъ, были правильны и тонки, и носили печать постоянной и даже напряженной работы ума. Въ его глазахъ, задумчивыхъ, но мало оживленныхъ, былъ обманчивый блескъ, который женщины часто принимаютъ за выраженіе страстной природы. Наконецъ, рѣдкіе, но длинные русые волосы придавали наружности Сергѣева романтической характеръ, которымъ онъ впрочемъ не щеголялъ. Напротивъ, съ перваго взгляда легко было убѣдиться, что онъ вообще не занимался собой.

Маша протянула ему руку, и передавъ порученіе Украинцева, повернула съ нимъ въ аллею.

— Вы давно не были, сказала она.

— Я былъ занятъ; вчера къ вамъ собирался, но меня разстроило письмо изъ деревни, отвѣчалъ Сергѣевъ.

— Письмо? изъ деревни? повторила Маша. — Я угадываю: письмо было адресовано къ вашей сестрѣ.

Сергѣевъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Со стороны моей сестры это непростительно, сказалъ онъ строго. — Чужими тайнами не располагають, а о такихъ тайнахъ не говорятъ вовсе.

— Но вѣдь я умѣю молчать. Вы знаете, что мнѣ близко все, что касается до васъ. Скажите мнѣ, эта... дѣвушка, которая васъ любитъ, хороша? умна? образована?

— Въ ней нѣтъ ничего особеннаго, и между нами нѣтъ ничего общаго. Это чувство въ ней дѣло воображенія, но тѣмъ не менѣе, оно меня очень беспокоитъ.

— Но, если вы не подали никакого повода...

— Такъ; но вѣдь лежитъ же камень на душѣ и неумышленнаго убійцы. А въ настоящемъ случаѣ, мнѣ уже потому нельзя оставаться равнодушнымъ къ положенію этой дѣвушки, что оно мнѣ кажется не безпомощнымъ: она живетъ въ одиночествѣ, и я убѣжденъ, что первое развлеченіе выльчить ее.

— Стало-быть, она не любитъ, рѣзко отозвалась Маша. — Можно разлюбить въ одномъ только случаѣ, если окажется, что мы ошиблись въ выборѣ.

— Не судите по себѣ, Марья Николаевна. Глубокое, неизбѣжное чувство—явленіе рѣдкое, и остается достояніемъ немногихъ избранныхъ натуръ. Для такихъ натуръ почти невозможна ошибка, о которой вы говорите. Такія натуры разборчивы, и сразу понимаютъ нравственную красоту.

Настало молчаніе.

— Прочли вы мою книгу? спросилъ Сергѣевъ.

— Прочла, и написала свои замѣчанія. — Но, послушайте, Мишель скоро придетъ, а я хочу сообщить вамъ одно обстоятельство...

Ея глаза наполнились слезами.

— Боже мой! что такое? что съ вами? спросилъ Сергѣевъ.

— Вотъ что... Наталья Петровна почему-то не влюбилась въ васъ.

— Меня? за что?

— Это ея тайна. Она мнѣ сказала, что хочетъ съ вами переговорить.

— Гнѣвъ или расположеніе Натальи Петровны для меня важны только по отношеніямъ моимъ къ вамъ. Я бываю здѣсь единственно для васъ: вы это знаете. Лишь бы только мое объясненіе съ Натальею Петровной не коснулось васъ, я совершенно покоенъ.

— А если коснется?.. Василій Ивановичъ, прибавила она, вдругъ останавливаясь и прислоняясь къ дереву, — вы понимаете, какъ грустно мнѣ будетъ разстаться съ вами. Кто знаетъ? можетъ, этого добиваются. Поэтому, мнѣ теперь и хочется сказать вамъ, сколько... сколько я вамъ благодарна! Знаете, что вы для меня сдѣлали? Безъ васъ я бы не умѣла выйти изъ той сферы, гдѣ я родилась; я заразилась бы ея мелочностью... Вотъ уже цѣлый годъ, какъ я живу вашими уроками; вы первый обратили мои мысли на все прекрасное, вы мнѣ многое объяснили, и я начинаю понимать. До семнадцати лѣтъ, я росла дикаркой; любила или не любила однимъ инстинктомъ: вы меня научили любить разборчиво. Я вамъ стоила много трудовъ, другъ мой, прибавила она съ легкою улыбкой; — мы начали съ азбуки.

Сергѣевъ былъ взволнованъ.

— Мнѣ слѣдуетъ благодарить васъ, Марья Николаевна, сказалъ онъ. — Да! на мою долю выпадаетъ теперь величайшее нравственное наслажденіе. Какая завидная доля вызвать къ нравственной жизни такую природу, какъ ваша!.. Я давно по-

нялъ, продолжалъ онъ глубокомысленнымъ тономъ, — что человекъ рожденъ для посильнаго труда, для того чтобы внести свою лепту въ дѣло общаго блага; иногда мнѣ казалось, что я достигалъ этой цѣли, и я былъ счастливъ. Но никогда я не былъ такъ счастливъ, какъ въ эту минуту. Пусть Наталья Петровна попытается ее испортить! И Наталью Петровну, и всѣхъ на свѣтъ вызываю на такую попытку! прибавилъ онъ съ жестомъ, краснорѣчиво выразившимъ его не совсѣмъ естественное настроеніе.

Несмотря однако на увѣренность Сергѣева, эта минута, о которой онъ говорилъ съ такимъ жаромъ, была испорчена появленіемъ постороннихъ лицъ. Въ концѣ аллеи показались Украинцевъ и Лидія.

О Лидіи, прежде нежели вновь съ ней встрѣтится читатель, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Въ ея характеръ и жизни играли большую роль способность принимать отчаянныя рѣшенія и совершенная неспособность выдерживать ихъ до конца. Лидія уѣхала изъ Москвы въ порывѣ досады на мужа, и теперь уже раскаивалась въ томъ; боялась, во первыхъ, что такая своеюправная выходка не понравится Семену Николаевичу; во вторыхъ, что сама она не сумѣетъ скрыть свое горе, которое служило обвиненіемъ мужу; а какъ бы онъ ни былъ виноватъ, она ни за что его не выдастъ, въ особенности не выдастъ Натальѣ Петровнѣ. Наканунѣ, когда Наталья Петровна замѣтила, что Лидіи не по себѣ, можно было сложить вину на дорогу и усталость; но теперь слѣдовало не давать повода къ такимъ вопросамъ, и Лидія рѣшилась, во что бы то ни стало, казаться беззаботною и веселою. Завидя Машу и Сергѣева, она побѣжала къ нимъ на встрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, какъ поживаете, Василій Ивановичъ? спросила она, протягивая руку Сергѣеву.

— А вы, Лидія Васильевна? спросилъ въ свою очередь Сергѣевъ, затрудненный неестественнымъ переходомъ отъ восторженной рѣчи къ обыденной прозѣ.

— Процвѣтаю, какъ видите.

— Что Семень Николаевичъ? спросилъ Сергѣевъ, стараясь оправиться.

— Занятъ дѣлами, а безъ него я капризничаю отъ скуки.

— Я за вами не замѣчалъ этой способности.

— Она во мнѣ недавно развилась, и при случаѣ помогаетъ.

Что ты такъ значительно улыбулась, Маша? Я и тебѣ рекомендую это средство.

— Благодарю тебя; но, кажется, я не воспользуюсь твоимъ совѣтомъ, отвѣчала Маша.

— Напрасно. А какъ ты похорошѣла, Маша! Я это замѣтила только теперь. Не правда ли, Василий Ивановичъ?

— Если Марья Николаевна позволитъ мнѣ сказать свое мнѣніе...

— Какъ не позволить? Нѣтъ женщины, которая бы этого не позволила.

— Въ такомъ случаѣ, я скажу, что вы правы. Выраженіе все болѣе и болѣе развиваетъ красоту Марьи Николаевны.

— Однако пятый часъ, замѣтилъ Украинцевъ. — Маменька скоро выйдетъ; пойдете-ка въ гостиную.

Дорогой, пользуясь тѣмъ, что Украинцевъ заговорилъ съ сестрой, Маша шепнула Сергѣеву, указывая взглядомъ на Лидію:

— И эта женщина воображаетъ, что любить и что даже оскорблена въ своемъ чувствѣ! Кто бы это подумалъ?

— Не первый обращикъ мелкихъ привязанностей, отозвался Сергѣевъ, пожимая плечами.

III.

Когда кто-нибудь замѣчалъ, что Наталья Петровна Украинцева никого не любитъ, зять, ея Барковский, говорилъ, что она любитъ этикетъ. Дѣйствительно, стоило посмотрѣть, съ какою серіозною любовью къ церемоніалу, за полчаса до обѣда, она выступала изъ своей спальни въ гостиную, гдѣ ея дожидались домашніе и гости. Домашнимъ это вмѣнялось въ обязанность, а отъ постороннихъ требовалось какъ дань, подобающая аристократическому положенію, котораго вѣкъ свой весьма искусно добивалась Наталья Петровна, и ея генеральскому рангу, которымъ она втайнѣ весьма дорожила. Съ деревенскимъ кругомъ Натальѣ Петровнѣ не трудно было сладить. Въ свое время, въ свѣтѣ она слыла за *dame à grandes manières* и за *femme bel esprit*, и до преклонныхъ лѣтъ старалась поддержать такую репутацію. Какъ знаменитыя женщины XVIII вѣка во Франціи, она занималась въ извѣстные часы дня перепиской и чтеніемъ, не презирая

даже отечественной литературы, и хвастала знаніемъ русскаго языка. Такое явленіе не могло пройти незамѣченнымъ въ русскомъ обществѣ тридцать лѣтъ тому назадъ, и, дѣйствительно, въ то время о Натальѣ Петровнѣ говорили какъ о замѣчательной женщинѣ; а молодое поколѣніе, которое вообще судить по-строже, знало ее уже съ прочно установленною репутаціей, покорилося преданію, и не къ самой Натальѣ Петровнѣ, а къ ея нѣку относило явные ея недостатки, нестерпимое фразерство, чванство, грубый эгоизмъ.

Дверь изъ спальни отворилась, и Наталья Петровна вошла въ гостиную.

Ей было лѣтъ шестьдесятъ. Ея худоба, высокій ростъ и щегольской старушничій нарядъ придавали ей желаемую сановитость. Смолоду Наталья Петровна была красавица, но теперъ ея лицо не отличалось выраженіемъ доброты, этою единственною красотою старости. Выраженіе, напротивъ, было нѣсколько жесткое, несмотря на любезную улыбку, которая не сходила съ губъ ея превосходительства.

— Здравствуйте, Сергѣевъ, здравствуйте; вы насъ совсѣмъ забыли, говорила она, между тѣмъ какъ дѣти и внучка подходили поочередно къ ея рукѣ. — *Bonjour, mes enfans. Et votre oncle?* Его нѣтъ еще?

— Нѣтъ, папан, отвѣчалъ Украинцевъ.

Наталья Петровна устроилась въ большомъ креслѣ; общество расподожилось около нея.

— Лидинька, сказала она, — сегодня почтовый день, ты вѣрно получила письмо отъ Семена?

Наталья Петровна знала, что Лидія не получала письма, и отчасти угадывала о ея горѣ, но не пропускала случая уколоть дочь свою въ ея чувствѣ къ мужу. Надобно сказать, что Лидія вышла замужъ не совсѣмъ по выбору Натальи Петровны.

— Я письма не ждала, сухо отвѣчала Лидія.

— Странно! сказала Наталья Петровна, будто задумываясь. — Впрочемъ, ты о Семенѣ не безпокойся, мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что онъ здоровъ и очень веселъ. *Tu peux être tout à fait tranquille sur son compte, mon enfant.*

Наталья Петровна, несмотря на то что любила говорить о чистотѣ русской рѣчи, по привычкѣ пересыпала ее французскими фразами.

— Записка отъ княгини Блонковой, маменька, сказалъ Украинцевъ.

Наталья Петровна распечатала записку.

— Княгиня будетъ завтра къ обѣду, со всѣмъ семействомъ, сказала она, передавая записку дочери.—Лидинька, прошу тебя отвѣчать, что мы очень ради. Княгиня тебя ждала съ такимъ нетерпѣніемъ!

— А вы, Лидія Васильевна, очень дружны съ княгиней? спросилъ Сергѣевъ.

— Мы другъ друга терпѣть не можемъ, отвѣчала Лидія.

Наталья Петровна прикинулась, что не слыхала этого отвѣта, и, взявъ со стола неразрѣзанную книгу, обратилась къ Сергѣеву съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы читали комедію Гоголя, Василии Иванычъ?

— Давно-съ, отвѣчалъ Сергѣевъ.

— Вы знаете, что люди моихъ лѣтъ не любятъ Гоголя. Его упрекаютъ въ тривіальности, но я не отставала отъ вѣка, и нахожу, что Гоголь — талантъ: я даже оправдываю его тривіальность. Очень ясно: онъ родился въ низшемъ кругу общества, и, какъ умный человекъ, другаго не описываетъ. Комедій его я еще не читала; мнѣ ихъ привезли сегодня, а я сегодня, признаюсь, увлеклась чтеніемъ Гёте. Скажите, Василий Иванычъ, кто для васъ выше: онъ, или Пушкинъ?... Безъ предубѣжденія?

Наталья Петровна называла такія пренія *causeries littéraires*.

— Сравненіе почти невозможно, отвѣчалъ Сергѣевъ.—Но, во всякомъ случаѣ, Пушкинъ поэтъ субъективный: въ концепціи онъ долженъ уступить шагъ великому Гёте.

— Да, конечно, подтвердила Наталья Петровна, стараюсь скрыть свое слишкомъ поверхностное знакомство съ этими дикими словами, которыя съ любовью затверживала ей внучка.—Я даже нахожу, что у Пушкина нѣтъ этой... какъ это сказать? *cette élégance*, которая отличаетъ Французовъ. Напримѣръ Делиль называетъ булавку: *un dard léger*?... кажется, это бездѣлица, а въ сущности...

Но тутъ литературное засѣданіе было прервано появленіемъ новаго лица. Въ гостиную вошелъ родной братъ Натальи Петровны, Ѳедоръ Петровичъ Верховцевъ, извѣстный любитель экосеза, сюрпризовъ, *бу-риме* и всякихъ затѣй прошлаго времени. Онъ былъ почти однихъ лѣтъ съ своею сестрой, но казался гораздо моложе ея, благодаря таланту своего портнаго, искусственнымъ зубамъ, накладкѣ изъ черныхъ волосъ, съ прихвѣсью съдыхъ, а болѣе всего какой-то врожденной вертляво-

сти и постоянному желанію казаться молодымъ человѣкомъ. Онъ поцѣловалъ руку Лидіи, и раскланялся съ мушкетерами.

— Pardon, я кажется, помѣшалъ разговоръ, сказалъ онъ. — О чемъ шла рѣчь?

— Мы говорили о Гоголѣ, отвѣчала Наталья Петровна.

— О Гоголѣ? Это кто?

— Какъ вы находите, господа? Vous mériteriez, Théodore, d'être le héros de la *comédie du distrait*. Ты забылъ, что Гоголь современный писатель?

— Извините, забылъ. Но послушайте, господа, оставимъ Гоголя, и поговоримъ о дѣлѣ. Я отъ княгини Блонковой; она будетъ завтра сюда къ обѣду, и мнѣ бы хотѣлось устроить для нея сюрпризъ.

— Théodore былъ всегда *bout-en-train* общества, сказала Наталья Петровна.

— Да, теперь можно въ этомъ сознаться, скромно замѣтилъ Фѣдоръ Петровичъ. — Да, было время, когда безъ Верховцева не устраивался ни одинъ праздникъ. Ну, такъ вотъ что: мы сочинимъ фейерверкъ, великолѣпный фейерверкъ; это уже мое дѣло... а въ заключеніе, я скажу четверостишіе своего сочиненія княгинѣ. Признаюсь... я къ ней не равнодушенъ.

— C'est charmant! сказала Наталья Петровна, посылая воздушный поцѣлуй и Фѣдору Петровичу, и четверостишію.

— Ну, а ты что поднесешь княгинѣ, молодой человѣкъ? спросилъ Фѣдоръ Петровичъ, ударя племянника по плечу.

— Я вамъ, дядя, предоставляю подносить ей букеты и *бу-риме*, отвѣчалъ Украинцевъ, — а я похлопочу о завтрашнемъ обѣдѣ. Князь хлѣбосоль и гастрономъ; да и меня самого обѣдъ какъ-то болѣе интересуетъ. Гдѣ намъ, людямъ практическимъ, думать о женщинахъ!

— Все шутить, сказала Наталья Петровна.

— Нѣтъ, татавъ, онъ говоритъ очень серьезно, замѣтила Лидія; — такъ говоритъ и думаетъ бѣльшая часть молодыхъ людей.

— Ага! вотъ и выходитъ, что я правъ, подхватилъ Фѣдоръ Петровичъ. — Всему виною нынѣшнее умничанье; прежде молодой человѣкъ хорошаго тона жилъ для женскаго общества; и правду сказать, жили мы весело, не умничая и не заносясь. Богъ знаетъ куда; а въ васъ, какъ я посмотрю, все теорія да теорія, а жизни-то именно и нѣтъ!

— Жизнь не въ шарканы, тихо проговорила Маша.

Сергѣевъ взглянулъ на нее съ одобрительною улыбкой.

— Чтò? чтò? подхватилъ Ѳедоръ Петровичъ:—никакъ и ты принимаешься умничать... Ахъ ты, дѣвчонка! Пстой-ка, постой...

И подхвативъ Машу, онъ приподнялъ ее какъ перышко, и принялся съ нею кружиться по комнатѣ.

— Оставьте, оставьте, говорила она, покраснѣвъ отъ досады и вырываясь изъ объятій Ѳедора Петровича.

Доложили, что кушанье готово.

— Ваше превосходительство, кушанье готово, повторилъ Ѳедоръ Петровичъ, подавая руку сестрѣ.

IV.

Послѣ обѣда составилась вистъ: Наталья Петровна, Ѳедоръ Петровичъ, Украинцевъ и Сергѣевъ. Игра длилась нестерпимо; наконецъ разошлись; Ѳедоръ Петровичъ уѣхалъ, Наталья Петровна удалилась въ свои покои; Сергѣевъ собрался идти въ садъ, гдѣ надѣялся найти Машу; но, на первой ступени террасы, его нагналъ лакей, съ просьбой пожаловать къ ея превосходительству.

Наталья Петровна казалась озабоченною, но встрѣтила Сергѣева съ своею вѣчно любезною улыбкой.

— Садитесь, Сергѣевъ, намъ съ вами надо переговорить о серьезномъ дѣлѣ.

— Чтò вамъ угодно? спросилъ Сергѣевъ.

— Послушайте, начала Наталья Петровна самымъ вкрадчивымъ голосомъ,—вы меня знаете. Вы поняли, что я женщина безъ предразсудковъ, и вижу въ васъ человѣка въ высшей степени образованнаго.

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ Сергѣевъ, сконфуженный и удивленный такимъ предисловіемъ;—но чтò же вамъ угодно?

— А вотъ чтò! Съ умными людьми объясняются прямо; послушайте: вамъ нравится Маша? Не правда ли, я угадала?

— Извините... я никому, кажется, не обязанъ отдавать отчетъ въ моихъ чувствахъ, отвѣчалъ Сергѣевъ запальчиво.

— Поймите меня, Сергѣевъ. Какъ мать, и какъ опытная жен-

щина, я обязана предупредить васъ... Я увѣрена, что вы, какъ благородный человѣкъ, сдѣлаете все, что отъ васъ зависитъ, чтобы Маша не подозрѣвала, что вы ею заняты. Вы знаете, что я люблю общество умныхъ людей, и всегда принимала васъ съ удовольствіемъ; но обстоятельства требуютъ, чтобы мы теперь видались рѣже, и чтобы Маша вовсе не видалась съ вами съ глазу на глазъ.

Сергѣевъ хотѣлъ возразить; Наталья Петровна остановила его.

— Пойдите... Чтобы быть вполне откровенною, я скажу вамъ, что ваши частыя посѣщенія, ваши бесѣды съ моею внучкой уже дали поводъ къ разнымъ сплетнямъ и толкамъ.

— Неужели сплетни могутъ повредить репутаціи Марьи Николаевны? спросилъ Сергѣевъ.

— Конечно. Мнѣ кажется, не нужно оправдывать передъ вами Машу; вы сами знаете, до какой степени чисто и невинно ея молодое сердце; но вы не знаете, что ея судьба уже устроена. Я вамъ открываю эту тайну, какъ человѣку, котораго я привыкла уважать: Маша скоро выйдетъ замужъ по выбору своей второй матери и полюбитъ по чувству долга. Но ея будущей мужъ въ правѣ заботиться о ея репутаціи. Я сама, при всемъ моемъ презрѣніи къ сплетнямъ, нахожу, que la femme de César ne doit pas même être soupçonnée. Вы знаете, что во мнѣ чувство чести развито какъ въ мужчинѣ; можетъ-быть еще болѣе...

Сергѣева какъ громомъ поразила вѣсть, сообщенная ему Натальей Петровной.

— Но Марья Николаевна, вѣроятно, еще не дала своего согласія на это замужство? сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я въ ея согласіи не сомнѣваюсь... Впрочемъ, это дѣло касается собственно меня... и ея.

— А почему бы это и меня не касалось? возразилъ Сергѣевъ. — Почему бы благородному человѣку не заступиться за дѣвушку, которую обрекли на насильственный бракъ, основанный, можетъ-быть, на разчетѣ?

— Василій Ивановичъ, замѣтила съ достоинствомъ Наталья Петровна, — вы, кажется, забываете, съ кѣмъ говорите.

— Извините, отвѣчалъ Сергѣевъ; — я никогда не забываюсь, говоря съ женщиной, хотя я и не великосвѣтскій франтъ, какъ тотъ, вѣроятно, за кого вы прочтете вашу внучку. Но дѣло въ томъ, что мы говорили о ней, о вашей внучкѣ, и что я

считаю себя въ правѣ заступиться за ту, въ которой я имѣлъ счастье пробудить первыя чувства и мысли. Я горжусь своимъ успѣхомъ, который вы, Наталья Петровна, готовитесь хладнокровно разрушить. Повѣрьте, это преступленіемъ ляжетъ на вашей совѣсти.

— Во всякомъ случаѣ, я вамъ замѣчу, что вы не духовникъ мой, отвѣчала Наталья Петровна, улыбаясь, и сохраняя необыкновенное присутствіе духа.— Впрочемъ, я вамъ объяснила, чего я отъ васъ ожидаю; я нахожу, что бесполезно продолжать нашъ разговоръ.

Она встала; вслѣдъ за нею всталъ и Сергѣевъ.

— Еще одно слово, сказалъ онъ, подходя къ Натальѣ Петровнѣ.— Я отрекусь отъ нея; я уѣду. Я знаю законы чести; репутація Марьи Николаевны останется чиста, если она въ моихъ рукахъ, но...

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, перебила Наталья Петровна.— Какимъ образомъ репутація *моей* внучки можетъ быть въ *вашихъ* рукахъ? Что можетъ быть общаго между *вами* и *моею* внучкой? Что значитъ, что вы отъ нея *отрекаетесь*? Вы занимались ея образованіемъ; теперь, я считаю его оконченнымъ, и благодарна вамъ, но не признаю за вами никакого права вмѣшиваться въ наши семейныя дѣла.

Сергѣевъ взглянулъ на нее съ выраженіемъ нѣмага упрека; и, прижавъ руку къ сердцу, какъ будто желая подавить заговорившее въ немъ негодованіе.

— Я прошу васъ, сказалъ онъ:— я васъ умоляю сказать мнѣ обстоятельнѣе, какъ вы намѣрены располагать ея судьбою. О себѣ, какъ видите, я не хлопочу, но не выйду изъ этой комнаты, пока не успокоюсь насчетъ ея будущности.

— Я одна въ правѣ располагать судьбой *моей* внучки... Это мое послѣднее слово; намъ пора разстаться. Вотъ...

И Наталья Петровна указала на дверь.

— Не безпокойтесь, я выйду, отвѣчалъ Сергѣевъ, покраснѣвъ.

— И даже уѣдете, прибавила Наталья Петровна.

Сергѣевъ вышелъ, самъ себя не помня, и очутился одинъ въ гостиной. Онъ останоился; сильно билось его сердце. Разговоръ съ Натальей Петровной перевернулъ всѣ имъ обдуманныя и, какъ онъ былъ увѣренъ, тщательно анализированныя понятія о чести, благородствѣ и достоинствѣ человѣка; онъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, и долго стоялъ въ раздумьѣ. Мысли путались въ его головѣ.

— Сергѣевъ, что это вы стоите какъ вкопанный? спросилъ Украинцевъ, показываясь въ дверяхъ гостиной.

— Я шелъ къ вамъ, отвѣчалъ Сергѣевъ нетвердымъ голосомъ. — Наталья Петровна меня оскорбила, но она женщина и ваша мать: вы не можете отказать мнѣ въ *удовлетвореніи*, Михаилъ Васильевичъ.

— Какъ это? Чтò случилось?

— Объ этомъ разспросите у Натальи Петровны, рѣзко отвѣтилъ Сергѣевъ. — Прошу васъ назначить часъ. . . .

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Украинцевъ; — мой секундантъ будетъ у васъ завтра утромъ.

Они другъ другу поклонились и разошлись. Сергѣевъ уѣхалъ, не простясь съ Машей.

V.

Наступила іюньская ночь, тихая и свѣтлая. Все понемногу успокоивалось въ полѣ и въ лѣсу, на селѣ и въ домѣ. Въ эти минуты всеобъемлющаго покоя, Лидія наединѣ въ своей комнатѣ отдохнула отъ принужденной веселости, которую она съ трудомъ выдержала въ теченіи дня. Она могла наконецъ дать волю слезамъ; поплакавъ, она старалась обдумать свое положеніе, и убѣдилась, что ей необходимо принять рѣшительныя мѣры.

«Рѣшено, говорила она сама себѣ; онъ меня больше не увидитъ; я напишу ему, что онъ свободенъ, и пойду въ монастырь.»

И опять заливаясь слезами, она принялась писать; писала долго, письмо не клеилось: начало два раза было написано, и два раза сожжено; то казалось оно слишкомъ жесткимъ, то слишкомъ нѣжнымъ и лишеннымъ женскаго достоинства. Наконецъ, письмо было готово; Лидіи какъ будто стало легче. Она даже замѣтила, что въ комнатѣ нестерпимо душно, и открыла окно. Глухая ночь царствовала на дворѣ; вдругъ, вдали, на деревнѣ раздался крикъ пѣтуха; вслѣдъ за тѣмъ гдѣ-то ближе прокричалъ другой пѣтухъ, потомъ третій, и поднялась эта ночная переключка, всѣмъ знакомая и почему-то приводящая на память давно канувшія въ вѣчность лѣтнія ночи, завѣтные часы, одиноко проведенные за письменнымъ столомъ, или за люби-

мою книгою, и давно покиннутую, но всегда милую сердцу, родную деревню.

Сердце Лидіи сжалось отъ воспоминаній, она поспѣшно затворила окно. «Боже мой! подумала она, чѣмъ убить мнѣ эту ночь?... «и вспомнила о Машѣ.» Она вѣрно не спитъ, рѣшила Лидія; она любить какъ и я; она пойметъ меня. Мы поплачемъ вмѣстѣ, простимся, а завтра я уѣду... навсегда!»

Дѣйствительно Маша не спала, передъ нею лежала открытая книга, привезенная поутру Сергѣевымъ; Маша мечтала. Утреннее объясненіе оставило на всѣхъ ея чертахъ отраженіе тайнаго восторга; ея глаза блистали, и улыбка гордаго самодовольствія мелькала на ея губахъ. Маша вообще какъ будто измѣнилась, какъ будто выросла на вершокъ, изъ ребенка переродилась въ героиню романа. Неожиданное появленіе Лидіи, грустной и заплаканной, пробудило въ ея сердцѣ теплое чувство участія. Маша хотѣла было броситься на шею Лидіи, но одумалась; и, ступивъ нѣсколько шаговъ ей на встрѣчу, спросила равнодушно, почти холодно:

— Чтò ты, Лидія?

— Маша, сказала Лидія, цѣлуя ее,—я угадала, что ты не спишь. Но, ты не спишь, потому что тебѣ, слава Богу, весело... Не правда ли?

— Весело?... повторила Маша.—Странное выраженіе!

— Почему же странное?

— Видишь, Лидія, есть мысли и чувства, которыя такъ высоко настраиваютъ душу, что къ нимъ нейдетъ такое пошлое слово...

— Что ты хочешь сказать, Маша? Какія это высокія мысли? Просто мысли о томъ, кого мы любимъ...

— М.... м.... не знаю! Не всякая женщина способна любить человѣка, высокаго духомъ.

— Какъ ты странно выражаешься, Маша? Я тебя не понимаю.

— Я и сама думаю, что мы другъ друга не понимаемъ; лучше оставить этотъ разговоръ. Къ чему онъ насъ приведетъ?

— Маша, сказала Лидія, отъ которой не могъ ускользнуть оскорбительный смыслъ ея словъ,—чтò съ тобою сдѣлалось? Я тебя не узнаю.

Маша не отвѣчала.

— Ты меня любила прежде, продолжала Лидія.

— Годъ тому назадъ я была ребенокъ, сказала Маша.—Мудрено ли, что теперъ мои чувства приняли новый характеръ?

Горько показалось это слово Лидіи, принадлевшей за словеса участія; она съ упрекомъ взглянула на Машу, взяла свѣчу со стола, и сказала: «Я тебѣ помѣшала. Прощай.»

Маша почувствовала что-то похожее на угрызеніе совѣсти.

— Нѣтъ, Лидія, отвѣчала она съ живостію;—останься, пожалуйста. Ты грустна, поговоримъ вмѣстѣ. Расскажи мнѣ о твоёмъ московскомъ житіи. Гдѣ ты бывала, кого видала? Мы съ тобою еще порядочно не поговорили.

— Это нисколько тебя не интересуеть, да и меня тоже въ настоящую минуту, отвѣчала Лидія довольно сухо.—Прощай. Пора спать.

Она спѣшила выйти, чтобы скрыть слезы, которыя выступали у ней на глазахъ, добралась до своей комнаты, и рѣшительно не знала за что приняться. Вдругъ кто-то постучался въ дверь, Лидія вздрогнула.

— Кто тамъ? спросила она едва внятно.

— Лидія, ты не спишь? послышалось за дверью.—Отвори.

Но Лидія онѣмѣла отъ испуга, удивленія и счастья. Она не отвѣчала и не трогалась съ мѣста.

— Отвори, Лидія, или я сорву дверь.

На этотъ разъ, голосъ былъ такъ повелителенъ, что Лидія очнулась, бросилась къ двери и дрожащею рукою принялась искать задвижку. Дверь рванулась, и на порогъ показался средняго роста довольно плотный молодой человекъ, въ запыленномъ пальто.

Лидія бросилась къ нему на шею. Эта минута изглаживала изъ сердца любящей женщины все, что въ немъ, въ теченіи мѣсяца, накопилось слезъ и тоски. Лидія осыпала мужа ласками и вопросами:

— Семенъ, ты усталъ? Хочешь чаю? Хочешь ужинать?

— Дай на себя взглянуть, отвѣчалъ Барковскій, опускаясь на диванъ и усаживая жену рядомъ съ собою.—А къ вамъ не скоро доберешься; кругомъ все заперто, у крыльца я не достучался, и принужденъ былъ войти потаенною лѣстницей, какъ воръ или любовникъ, и у тебя дверь на замкѣ! Да ты ужь не отъ меня ли заперлась?

— Отъ тебя?... Да я тебя сегодня не ждала.

— А я разчитывалъ застать тебя сегодня за утреннимъ чаемъ, такъ и пріѣхалъ въ Москву, не подозрѣвая, что тебя тамъ нѣтъ. Какъ я взбѣсился! Да спасибо никто не попался мнѣ подъ сердитую руку, и лошадей скоро добылъ, и ѣхалъ лихо.

Ну поцѣлуй меня еще разъ и похлопочи о моемъ ужинѣ: со вчерашняго дня я ничего не ѣлъ; а я пойду страхну съ себя пылъ.

Барковскій поцѣловалъ жену и прошелъ въ другую комнату. И какъ вдругъ оживились эти комнаты, гдѣ за четверть часа передъ тѣмъ тосковала Лидія! Зажглись лампы, настѣжь растворились двери, все забѣгало и засуетилось. Лидія принялась помогать горничной, накрывавшей на столъ; другая горничная съ пустыми руками заботливо металась во все четыре угла комнаты, вѣроятно отыскивая пятый. Камердинеръ Барковского, перепоясанный кушакомъ, внесъ запыленный чемоданъ, и подошелъ къ барыниной ручкѣ.

— Что это вы загостились въ Петербургъ, Кондратій? спросила Лидія.

— Точно, точно-съ, отвѣчалъ Кондратій.—Всякій день собирались въ Москву, да все не пущали Семена Николаевича.

Ужинъ былъ на столѣ, явился Барковскій. Широкое бархатное пальто, надѣтое въ одинъ рукавъ, русые, кудрявые волосы, раздѣленные посреди лба, усики, которые онъ безпрестанно щипалъ, наконецъ открытая, нѣсколько удалая физиономія, — все это вмѣстѣ слагалось въ характерный типъ русскаго молодца.

— Вотъ тебѣ гостинецъ, сказалъ онъ; и разложилъ передъ женою разныя бездѣлицы, привезенныя имъ изъ Петербурга. Самъ примѣрилъ на тонкія пальцы Лидіи тяжелый перстень, выбранный по ея вкусу, и опуталъ ея волосы вокругъ рѣзной гребенки. Когда онъ принялся за ужинъ, то и Лидія вспомнила, что ничего не ѣла цѣлый день. За ужиномъ начались разпросы и разказы: Лидія сообщила мужу о будущемъ замужствѣ Маши и о ея любви къ Сергѣеву.

— Сергѣевъ! сказалъ Барковскій.—Да это не человѣкъ, а рыба, карась въ сметанѣ!.. Чего же онъ ждетъ, Боже мой, когда онъ и Маша влюблены другъ въ друга и оба свободны? зачѣмъ же у нихъ дѣло стало?

— Я тебѣ говорю, Семенъ, маменька не хочетъ.

— А? вотъ чтó! вотъ съ чѣмъ не сладимъ! отозвался Барковскій.

VII.

— Здравствуй, Семенъ, сказалъ Украинцевъ, входя въ комнату и обнимая зятя.—Ты очень кстати пріѣхалъ: мнѣ надо съ

тобою переговорить. Поужинаешь, пойдемъ въ твой кабинетъ.

— Чтò такое, Мишель? чтò случилось? спросила Лидія.

— Ничего, успокойся. Маменька дала мнѣ... *секретное* порученіе, съ которымъ я не слажу; вотъ и хочу посоветоваться съ твоимъ мужемъ.

— Ну чтò за секреты? нельзя ли здѣсь?... сказала Лидія.

— Нѣтъ, Лидія, мы вернемся черезъ пять минутъ, отвѣчалъ Украинцевъ.—У меня на рукахъ прескверная исторія, началъ онъ, уводя Барковского въ сосѣднюю комнату.

И Украинцевъ разказалъ ему о вызовѣ Сергѣева.

— Вотъ ужь, правду сказать, въ чужомъ пиру похмѣлье. Я ли, кажется, путаюсь въ чужія дѣла?

— Этой дуэли не бывать, Мишель, сказалъ Барковский.—Ну за чтò тебя подстрѣлить, посуди ты самъ...

— Именно, не за чтò. Я и надѣюсь, что ты мнѣ поможешь какъ-нибудь выпутаться изъ этой исторіи.

— Да, непременно, сказалъ Барковский, задумавшись и разглаживая свои усики.—Будь покоенъ, все уладимъ какъ нельзя лучше. Сергѣевъ живетъ все тамъ же, у сестры своей?

— Да, въ пяти верстахъ отсюда.

— А чтò за человѣкъ Мстиславскій, братъ княгини Блонковой?

— Онъ пока и не человѣкъ; ему всего двадцать лѣтъ, и сказать о немъ ровно нечего. Ничего не дѣлаетъ, и ничего особенно не любитъ. Когда сестры его нѣтъ дома, играетъ въ горѣлки съ ея горничными, вотъ и все. Молодъ.

— Молодъ?.. Нѣтъ, братъ; вѣкъ свой дрянью будетъ, коли о сю пору любить однѣ горѣлки съ горничными. *Vingt ans, sacristie!* продолжалъ Барковский, встряхнувъ волосами и вспомянувъ о своемъ двадцатилѣтнемъ возрастѣ.—Хорошъ Машинъ будущій мужъ! Да она-то чтò? О чемъ она съ Сергѣевымъ думаетъ, растолкуйте вы мнѣ?

— Богъ ихъ знаетъ, о чемъ они думаютъ! А все, кажется, думаютъ и говорятъ. И какъ они другъ другу не надоѣли?.. Удивляюсь, право!

— Это, положимъ, ихъ дѣло, сказалъ Барковский,—а уже если другъ другу не надоѣли, чего они трусятъ, и ждутъ, благо оба свободны?

— Ну, съ маменькой имъ сладить не легко, отвѣчалъ Украинцевъ.

— Полно, братецъ мой! Это маменька распускаетъ слухи о своей неумолимости и твердости. Все это вздоръ! Я когда вздумалъ жениться, этимъ слухамъ, слава Богу, не повѣрилъ, и говорилъ-то немного, а на своемъ поставилъ. Ты былъ въ то время въ Петербургѣ: знаешь, какъ у насъ съ Натальей Петровной сладилось дѣло?

— То-есть... отвѣчалъ Украинцевъ,—я знаю, что маменька не за тебя прочила Лидію, хотя она мнѣ и писала, что ты *Enfant de son choix et de son coeur...*

— Вотъ какъ! я за собою и не зналъ такихъ почетныхъ титуловъ; а добился я ихъ, изволишь видѣть, очень просто. Влюбился я въ Лидію въ то самое время, какъ маменька стала ухаживать за княземъ Тростенскимъ; я переговорилъ съ Лидіей, являюсь къ Натальѣ Петровнѣ, и дѣлаю предложеніе. Отказъ, прелюбезный, но отказъ набѣло. Нѣтъ, думаю, это не такъ. «Наталья Петровна, говорю, я женюсь на вашей дочери; я ее увезу.» Маменька отвѣчала съ достоинствомъ:—Вы не умѣете говорить съ женщиной... вы меня вынуждаете отказать вамъ отъ дому. «Это не поможетъ, Наталья Петровна; я ее увезу съ улицы, съ бала, съ театральнаго подъѣзда.» Маменька вдругъ взвизгнула, а-а-ахъ! и въ обморокъ, не успѣвъ даже измѣниться въ лицѣ. Я, какъ слѣдуетъ, привелъ ее въ чувство. «Какъ же, говорю, Наталья Петровна, вѣдь скандалъ будетъ. Всему міру извѣстно, что вы примѣрная мать; что дочь вашу вы не будете стѣснять въ выборѣ, а она меня любитъ, не князя Тростенскаго. Я ее увезу...» Ну и поговорили, я все въ томъ же тонѣ, а маменька все тише, тише; и на другой день, на помолвкѣ, благословила Лидію образомъ, а меня непримиримую ненавистью, отъ которой ни я, ни она, какъ видишь, не худѣемъ. Повѣрь мнѣ, и Сергѣеву стоило бы только, умбючи, взяться за дѣло... Да, я и не спросилъ тебя, знаетъ ли маменька о твоей дуэли?

— Нѣтъ, разумѣется. Я не хотѣлъ ее разстроить, на ночь въ особенности. Поднялся бы крикъ, шумъ, обмороки, а я ихъ и днемъ терпѣть не могу.

— И прекрасно! теперь твое дѣло сторона; я за все берусь и съ маменькою переговорю.

— Спасибо тебѣ, Семень; пожалуста, только чтобы тревоги не было; скажи осторожнѣе, приготовь.

— Будь покоенъ, все обдѣлаемъ, повторялъ Барковскій;—а теперь, прощай, ступай себѣ спать...

— Чтѣ такое?... Мишель будто озабоченъ? спросила Лидія.

— Пустяки, мой ангелъ... да нашъ теперь и не до Мишала, отвѣчалъ Барковскій, обнявъ рукою талию своей жены.

Тутъ глаза его нечаянно остановились на письмѣ, которае Лидія писала передъ его прѣздомъ, а теперь, на радости, забывла истребить. Барковскій завладѣлъ имъ, и прочелъ съ начала до конца, несмотря на просьбы Лидіи.

Она еще не сдѣлала ни одного упрека мужу, и робко стоя за его стуломъ, выжидала его перваго слова, послѣ чтенія письма.

— Что же? уѣдешь ты завтра въ монастырь?... спросилъ Барковскій, опрокидываясь на спинку стула, чтобы взглянуть на Лидію.

Такимъ голосомъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ, что, вмѣсто отвѣта, Лидія нагнулась на кудрявую голову мужа, и, цѣлуя ее, шопотомъ спросила:

— А ты? Уѣдешь опять въ Петербургъ?.. Теперь скажи мнѣ, продолжала она, не сомнѣваясь впрочемъ въ отвѣтѣ,—въ этомъ проклятомъ Петербургѣ, ты не видалъ ни одной женщины, которая бы тебѣ понравилась? Скажи правду; я тебѣ все прощаю, только не обманывай меня...

— Никакой женщины я не видалъ, отвѣчалъ Барковскій;— а ты нравишься мнѣ болѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ...

Прости ему Богъ! онъ жестоко солгалъ насчетъ своего петербургскаго житія-бытѣ... Но Барковскій такъ искренно любилъ Лидію, и съ такою нѣжностію цѣловалъ ея руки, что осудать его было бы грѣшно...

VII.

Въ десять часовъ утра, Барковскій, одѣвшись, велѣлъ просить у Натальи Петровны позволенія явиться къ ней, и получилъ милостивое приглашеніе.

Наталья Петровна, въ бѣломъ пеньюарѣ, обшитомъ кружевами, сидѣла въ большихъ креслахъ и кушала шоколадъ. Возлѣ нея, на столикѣ, лежалъ радушный батистовый платокъ, флаконъ съ одеколономъ и святцы въ бархатномъ переплетѣ съ золотыми застѣжками.

— Bonjour, bonjour, mon cher Simon, сказала она, привѣтливо улыбаясь.—Мы тебя заждались; а Лидія, бѣдняжка, была на

себя не похожа... Но я старалась ее успокоить, увѣряя, что ты не замедлишь прѣхать; теперь, надѣюсь, она убѣдилась, что материнское сердце вѣщунъ.

— Мы это коротко знаемъ, *chère maman*, отвѣчалъ Барковский, почтительно цѣлуя у нея руку.

— Да, кажется, ты въ Петербургѣ не похудѣлъ отъ занятій?...

— Чтò же, слава Богу!

— Конечно. А я вѣдь сама не совсѣмъ была покойна на твой счетъ, такъ что поручила даже одной своей петербургской пріятельницѣ о тебѣ узнать; она узнала и меня успокоила.

— Чтò же обо мнѣ узнала ваша петербургская пріятельница?

— Она сама тебя встрѣтила за городомъ, кажется, въ Павловскѣ. Ты былъ въ дамскомъ обществѣ, и очень веселъ. Но, вообрази, ей сказали... (Наталя Петровна засмѣялась) *que c'étaient des dames de l'oréga*. Забавно то, что она повѣрила!

— Гм! а больше ничего не писала обо мнѣ ваша пріятельница?

— Эта пріятельница Татьяна Кириловна: ты ее знаешь, хоть и не былъ у ней съ визитомъ. Ну, она къ этому не привыкла; любить, чтобъ ее уважали, какъ слѣдуетъ въ порядочномъ обществѣ, и, разумѣется, была тобою недовольна. Къ тому же ей на тебя насплетничали, и она повѣрила, что ты Богъ знаетъ съ кѣмъ видишься, тратишь деньги, пьешь съ пріятелями, и не скрыла отъ меня своего негодованія. Она женщина высокихъ правилъ, всѣми уважаемая...

— Ну да, и сплетница первоклассная, добавилъ Барковский;— какъ ее не уважать! Впрочемъ, *chère maman*, чѣмъ намъ заниматься ею, объясните мнѣ, ради Бога, какъ это вы такъ коротко зная, чтò происходитъ въ Петербургѣ, не знаете, чтò дѣлается въ вашемъ собственномъ домѣ?

— Чтò такое?... спросила Наталя Петровна.

— Да такъ; вышла маленькая неприятность. Завтра вашъ сынъ стрѣляется съ Сергѣевымъ.

Наталя Петровна остолбенѣла, поблѣднѣла, и, не зная на что рѣшиться, опрокинулась въ кресло, закрывъ глаза. Это было что-то въ родѣ обморока. Барковский неподвижно стоялъ противъ нея.

— Ахъ, ах... ахъ! проговорила она.—Почему мнѣ объ этомъ не объявилъ Мишель?... Онъ пощадилъ бы меня... Онъ знаетъ,

что мои нервы не выносятъ такихъ ударовъ. Гдѣ онъ?... Мишель!...

— Онъ занятъ, сѣге тамап, отвѣчалъ Барковскій, придвигая къ ней флаконъ съ одеколономъ.—Наканунъ поединка, необходимо сдѣлать кой-какія распоряженія.

— Ахъ, ахъ, ахъ! Боже мой!

Наталя Петровна попохала одеколонъ, и, наклонивъ голову, прошептала молитву.

— Теперь я готова все выслушать, сказала она вдругъ.— Говори, чтó случилось? почему они дерутся?

— Потому что вы наговорили неприятностей Сергѣеву, а онъ потребовалъ удовлетворенія отъ Мишеля.

— Я?.. Я ему наговорила неприятностей?.. Я виною этой дуэли?.. Боже мой! еще этого обвиненія не доставало! Вчера я велѣла просить Сергѣева сюда, и говорю ему: Сергѣевъ, вы ухаживаете за Машей; какъ мать, я обязана вамъ напомнить, что благородный человѣкъ не долженъ смущать неопытную дѣвушку... Вотъ и все. Я была увѣрена, что онъ остался очень доволенъ.

— Изволили ошибиться, сѣге тамап; вышло нѣсколько иначе. Сергѣевъ такъ обидчивъ, что прямо изъ вашей комнаты отправился къ Мишелю, и вызвалъ его на дуэль.

— Да... да это быть не можетъ!

— Случилось, однако. Правду сказать, жаль не одного Мишеля, но и Машу: вѣроятно такъ-то достанется ея репутація, что ей бѣдняжкѣ въ свѣтѣ не будетъ житья.

— Но чтó же дѣлать?.. спросила Наталя Петровна, совершенно растерявшись.

— Не знаю, отвѣчалъ Барковскій.

Было молчаніе.

— Средство-есть, коли хотите.

— Какое?.. спросила Наталя Петровна, оживляясь.—Я знаю, Simon, что съ твоимъ умомъ ты средство найдешь, если только захочешь.

— Помилуйте, сѣге тамап, очень охотно сдѣлаю все, чтó отъ меня зависить; только на уговорѣ: вы мнѣ предоставите распоряжаться какъ мнѣ вздумается.

— Мать не торгуется, когда дѣло идетъ о жизни сына, отвѣчала Наталя Петровна.— Я заранѣе соглашаюсь на всѣ твои требованія; чтó ты придумалъ, мой другъ?

— Вы напишете Сергѣеву подь мою диктовку; я отвезу письмо, и мы переговоримъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчала Наталья Петровна.

Она сѣла къ письменному столу, взяла перо, и ждала диктовки. Прошло нѣсколько минутъ. Барковскій обдумывалъ содержаніе письма.

— Извольте писать, сѣге тамап, сказалъ онъ.

«Милостивый Государь,

«Василій Ивановичъ!

«Непростительно, хотъ неумышленно обиженные мной, вы требовали...»

— Позволь, позволь, что ты говоришь?.. Это начало мнѣ не нравится.

— Мнѣ кажется, мы хлопочемъ о томъ, чтобъ оно понравилось Сергѣеву, отвѣчалъ Барковскій, — а вы, позвольте вамъ замѣтить, сѣге тамап, вы въ сторонѣ. По крайней мѣрѣ я полагаю, что вы, какъ нѣжная мать, охотно откажетесь отъ разчетовъ самолюбія, въ такомъ случаѣ, когда одна мать должна быть на сценѣ.

— Но это... это просто унизительно! возразила Наталья Петровна.— И унижаться передъ какимъ-нибудь Сергѣевымъ!..

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Барковскій, закуривая сигару и принимаясь хладнокровно расхаживать по комнатѣ.

— Можно сказать то же, но другими выраженіями, замѣтила Наталья Петровна.

— За выборъ выраженій я не берусь; а между тѣмъ время дорого. Черезъ нѣсколько часовъ князь Блонковъ и Мстиславскій должны вернуться съ охоты, а Сергѣевъ ждетъ только ихъ возвращенія, чтобъ ѣхать къ нимъ, и пригласить ихъ въ секунданты.

— Наталья Петровна не ждала этого послѣдняго удара, и опустила голову.

— Simon... сказала она томно.

— Что вамъ угодно? спросилъ Барковскій.

— Ты правъ, одна мать должна быть на сценѣ... (Наталья Петровна взялась за перо.) Какъ ты сказалъ?..

«Непростительно, хотъ неумышленно обиженные мной, настойчиво повторилъ Барковскій, вы требовали удовлетворенія отъ моего сына...»

— Написали, сѣге Матап?

«Но я надѣюсь, что ни вы, ни онъ не пострадаете за *вину*, которую я беру на себя. Прошу васъ простить мнѣ...»

— Да ты не имѣешь понятія о законахъ общежитія! сказала Наталья Петровна, бросая перо.

— Какъ вамъ угодно! отвѣчалъ Барковскій, снова начиная ходить.

— Да это невозможно! ты не понимаешь, что такое женское достоинство, продолжала Наталья Петровна, смотря на него съ высоты своего величія. — Ты вспомни, кто я. Я сама сочиню письмо.

— Въ такомъ случаѣ, потрудитесь сами его передать, сказалъ Барковскій. — А я секундантъ Мишеля, и сейчасъ отправлюсь къ Сергѣеву, чтобы вмѣстѣ съ нимъ ѣхать къ Блонкову.

Онъ ступилъ къ двери.

— Погоди... сказала Наталья Петровна, закрывая лицо платкомъ. — Ахъ! какое испытаніе, и на какія жертвы не готова мать!... Диктуй... Это мнѣ урокъ: *une femme bien née ne doit pas se commettre avec la canaille...* Подай мнѣ флаконъ.

«Прошу васъ, во вниманіи къ моимъ лѣтамъ, простить мнѣ минуту вспыльчивости, продиктовалъ Барковскій. Умоляю васъ протянуть руку моему сыну.» — Написали?... «и не заставитъ меня, на старости лѣтъ краснѣть...»

Наталья Петровна судорожно обернулась къ Барковскому.

— Извольте писать, сѣге матап, время дорого, сказалъ онъ; «краснѣть и страдать, за необдуманное слово.» — Написали?

«Глубоко уважающая васъ...»

Имя, и фамилію.

Онъ протянулъ руку за письмомъ, и видя, что Наталья Петровна не рѣшалась его отдать, учтиво взялъ его изъ ея рукъ, запечаталъ, и попросилъ написать адресъ.

«И еще говорятъ, что ты умна, подумалъ онъ. Да ты просто гоголевская Коробочка! Я тебя девять разъ продамъ и выкуплю, и ты не догадаешься.»

— Написали? спросилъ онъ. — Черезъ два часа я надѣюсь возвратиться съ Сергѣевымъ.

Онъ отошелъ къ дверямъ и вернулся.

— Еще одно слово, сѣге матап, сказалъ онъ. — Если ваши петербургскіе корреспонденты хоть однимъ намекомъ огорчатъ Лидію, онъ со мной познакомится. Тогда я буду у нихъ съ визитомъ.

Онъ вышелъ, между тѣмъ какъ Наталья Петровна, ошеломленная его послѣднею выходкой, готовила великолѣпный отвѣтъ. Опомнившись, она позвонила, и велѣла позвать Машу.

VIII.

Единственное существо, внушавшее Натальѣ Петровнѣ что-то похожее на чувство, была Маша. Впервыхъ, она была хороша собой и походила на Наталью Петровну; вовторыхъ, взявъ ее съ раннихъ лѣтъ на свое попеченіе, Наталья Петровна на нее перенесла надежды, которыхъ не оправдала Лидія замужествомъ, обличавшимъ, по выраженію ея матери, мѣщанскія наклонности, *des instincts bourgeois*. Маша общала не впасть въ эту мѣщанскую колею, напротивъ; въ ней, къ великой радости ея воспитательницы, были всѣ залого будущаго *bas bleu*. Заботясь объ умственномъ развитіи своей внучки, Наталья Петровна сама поощряла ея короткость съ Сергѣевымъ, котораго считала свѣтиломъ мудрости. Подъ его руководствомъ Маша заговорила такъ мудро, что Наталья Петровна уже раньше наслаждалась будущимъ величіемъ своей внучки въ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ Москвы и Петербурга. Оставалось пристроить Машу. Мстиславскій былъ, правда, пустой и глупый мальчикъ, которому отецъ оставилъ одни неоплаченные долги. За то Маша была умна и богата; за то у Мстиславскаго были родственныя связи, которыя должны были упрочить за Машей аристократическое положеніе, чтѣ и Мишелю могло дать ходъ по службѣ. Года черезъ три-четыре, Мишелю могъ бы занять видное мѣсто и выгодно жениться. Тогда-то зажила бы Наталья Петровна! Зажила бы двумя домами, то-есть съѣла бы на шею сыну и внучкѣ, и стала бы играть въ петербургскомъ или къ московскомъ обществѣ ту блистательную роль, отъ которой она на время только отказалась, по случаю сильно разстроеннаго состоянія.

Велѣвъ позвать Машу, чтобы на нее излить свой гнѣвъ, Наталья Петровна, до ея прихода, успѣла обдумать, что ее надо поберечь къ пріѣзду Блонковыхъ и Мстиславскаго, которыхъ ждала обѣдать.

— Маша, начала она съ приличною торжественностью, — мнѣ нужно съ тобой переговорить о важномъ дѣлѣ. Садись. Се-

годня должна рѣшиться твоя судьба. Поздравляю тебя : за тебя сватается Мстиславскій.

— Мстиславскій! проговорилъ Маша.

— Да, мой другъ. Княгиня передала мнѣ формальное предложеніе своего брата. Эта партія прекрасная во всѣхъ... во многихъ отношеніяхъ. Теперь, счастье въ твоихъ рукахъ.

— Grand' maman, сказала Маша рѣшительно, — я не пойду за Мстиславскаго. Онъ мнѣ не нравится: я его не люблю, да и онъ меня не любитъ.

— Благовоспитанная дѣвушка не позволяетъ себѣ такихъ размышленій, строго замѣтила Наталья Петровна. — И откуда ты ихъ набралась? Я его не люблю, онъ меня не любитъ... *qu'est ce que c'est que cette conjugaison du verbe aimer, mademoiselle?*

Маша вспыхнула.

— Отъ васъ зависитъ обращать въ шутку мои слова, сказала она, — но смыслъ ихъ такъ серіозенъ, что я отступить отъ нихъ не могу, и рѣшительно отказываюсь выйти замужъ за Мстиславскаго.

— Да ты... съ ума сошла! закричала Наталья Петровна, въ порывѣ гнѣва и теряя изъ виду, что неумѣренное повышение голоса компрометируетъ и торжественность ея рѣчи, и величіе ея собственной особы. — Ты забываешь, съ кѣмъ ты говоришь, ты забываешь, чѣмъ ты мнѣ обязана! Но я помню, что на мнѣ лежитъ отвѣтственность за тебя и передъ свѣтомъ, и передъ тѣнью твоихъ родителей.

Наталья Петровна мало-по-малу вступала въ обычную колею, и опять начинала выражаться съ подобающимъ достоинствомъ.

— *Quand il s'agit de votre bien, mademoiselle, je saurai faire respecter ma volonté,* прибавила она.

— Бабушка, отвѣчала Маша, — я всегда и во всемъ повиновалась вамъ; я всегда понимала положеніе круглой сироты, воспитанной въ чужомъ домѣ... Но не требуйте отъ меня, чтобы я поступила безчестно: выйти замужъ безъ любви, по моему, дѣло безчестное.

— Послушай, сказала Наталья Петровна, взявъ ее за руку и притягивая къ себѣ, — знаешь ли, какихъ бѣдъ ты надѣлала своими бреднями?..

Но замѣтивъ, что Маша измѣнилась въ лицѣ, Наталья Петровна спѣшила ее успокоить.

— Благодарю меня за мое самоотверженіе, сказала она. — Я отстранила несчастіе отъ тебя и отъ всего семейства.

— Бабушка, что такое?.. спросила Маша.

— А вотъ что. Я предупредила Сергѣева, что сплетничаютъ насчетъ твоей короткости съ нимъ; а онъ, какъ сумасшедшій, бросился на Мишеля, и вызвалъ его на дуэль.

— Боже мой! на дуэль! вскрикнула Маша.

— Да. Вотъ что ты надѣлала... и я должна была написать ему извинительное письмо... Я! я просила его пощадить твою репутацію и помириться съ моимъ сыномъ.... Подай мнѣ одеколонъ.

— Бабушка! вы не знали, что значитъ задѣть рыцарскія чувства Сергѣева, сказала Маша съ такимъ выраженіемъ гордости и самодовольствія, что Наталья Петровна надо было сдѣлать страшное усиліе надъ собой, чтобы сдержать свой справедливый гнѣвъ.

— Когда ты опомнишься, сказала она, презрительно взглянувъ на Машу, — я объяснюсь...

И открывъ книгу, принялась читать.

— Grand' tatan, начала Маша, — что вамъ будетъ угодно мнѣ приказать?

— Отвѣчай мнѣ, сказала Наталья Петровна, положивъ книгу на столъ. — Объяснялся ли съ тобой Сергѣевъ въ любви?

— Никогда.

Наталья Петровна вздохнула свободнѣе. Любви, какъ чувству, она не придавала большаго значенія; но въ любовномъ объясненіи видѣла первый приемъ обольстителя, непремѣнный шагъ къ любовной связи, которую она обыкновенно опредѣляла слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: Il s'est passé une incalculable entre eux. Вообще, на любовь она смотрѣла съ оригинальной точки зрѣнія.

«Слава Богу!» подумала Наталья Петровна.

— Я думаю! сказала она. — Съ какой стати въ тебя влюбится Сергѣевъ?

— Я знаю, что это не можетъ и не должно быть, гордо отвѣчала Маша. — Чувства такого человѣка не сосредоточиваются въ какой-нибудь исключительной привязанности. Я не стою любви такого человѣка.

Наталью Петровну взорвало. Къ счастью, она не сразу нашлась отвѣчать Машѣ, и успѣла одуматься. Она поняла, что излишняя настойчивость можетъ испортить все дѣло, вызвавъ

Машу на такія слова, отъ которыхъ въ послѣдствіи ей трудно будетъ отречься.

«Теперь она говоритъ сгоряча, рѣшила Наталья Петровна; надо поступать осторожно; время и мои старанія ее образумить. *Ménageons lui un pont d'or pour le retour...*» И Наталья Петровна сказала самымъ умѣреннымъ тономъ:

— Еслибы ты не бредила, и была способна меня хладнокровно слушать, я бы тебѣ сказала, что ты унижаешься. Въ твои года я была проникнута благородною гордостью, и старалась нравиться — *par ce que cela pose dans le monde*. Но, конечно, постыдилась бы даже самой себя признаться, что мнѣ кто-нибудь нравится. Я понимала необходимость выйти замужъ, чтобъ упрочить свое общественное положеніе. Вотъ о чемъ я думала! Подай мнѣ флаконъ... у меня голова идетъ кругомъ; я еще не покойна. Поди, одѣнься къ обѣду. Лидіи не слова не говори о дуэли; это можетъ не понравиться ея мужу, и онъ, пожалуй, надѣлаетъ тебѣ неприятностей. *Vous voyez que c'est un homme qui n'a pas de culture... Allez...* Постою, Маша, прибавила она, стараясь придать своему тону самое мягкое и нѣжное выраженіе;— пойми ты материнское сердце... оно не можетъ ошибиться, когда дѣло идетъ о счастіи твоей жизни. Повѣрь, что никто лучше меня не устроитъ твоей будущности.

Она поцѣловала внучку въ лобъ, но внучка вздрогнула съ чувствомъ невольнаго отвращенія. Прежде она была привязана къ Натальѣ Петровнѣ, насчетъ которой Сергѣевъ постарался открыть ей глаза, и, Богъ знаетъ, хорошо ли сдѣлалъ. Теперь, каждое слово Натальи Петровны возбуждало негодованіе Маши; и чѣмъ болѣе въ ней росло восторженное поклоненіе Сергѣеву, тѣмъ сильнѣе становилось ея презрѣніе къ несовершенствамъ и слабостямъ Натальи Петровны и всѣхъ окружавшихъ ее. Сергѣевъ самъ дивился размѣрамъ, которое принимало въ сердцѣ Маши то чувство, которое онъ называлъ *святымъ негодованіемъ*.

IX.

Между тѣмъ какъ Маша, отдѣлавшись отъ Натальи Петровны, одна въ своей комнатѣ мечтала о Сергѣевѣ, Барковский вѣзжалъ къ нему на дворъ.

Сергѣевъ, какъ я уже сказала, жилъ въ деревнѣ у сестры своей, занимался своею *soi-disant* философией. Рѣшившись посвятить всего себя ученымъ занятіямъ, онъ мало заботился о своемъ, широчемъ обезпеченномъ, состояніи. Покойный отецъ его, губернской медикъ, нажилъ около 200 душъ; болѣе изъ равнодушія къ земнымъ благамъ, нежели изъ привязанности къ сестрѣ своей, Сергѣевъ почти всѣ свои доходы отдавалъ въ ея распоряженіе; а она, молодая, бездѣтная вдова, была пустѣйшая въ мірѣ женщина, тратившая деньги на всякій вадоръ, и даже не особенно горячо любившая своего брата. Онъ, впрочемъ, въ ней и не обманывался.

Барковскаго провели прямо въ кабинетъ Сергѣева.

Систематическій, разъ навсегда заведенный порядокъ этого кабинета поразилъ Семена Николаевича, бывшаго у Сергѣева съ годъ тому назалъ. Казалось, что съ той поры не тронулась съ мѣста ни одна книга, не передвинулось ни одно кресло, даже лягавая собака тогда, какъ и теперь, лежала на коврикѣ подъ столомъ. Правда, что при входѣ Барковскаго, она приподнялась и зарычала; но Сергѣевъ, почмокивая, похлопалъ по коврику, пока опять не улеглась собака, такъ что все пришло въ мертвый порядокъ, нарушенный было на одну секунду.

— Здравствуйте, Василій Ивановичъ, давно мы съ вами не видались, сказалъ Барковскій.

— Давно-съ... прошу садиться.

Сергѣеву было замѣтно не по себѣ: Назвавшись на поединокъ, онъ боялся, что съ непривычки не сумѣетъ повести дѣло съ приличнымъ достоинствомъ и важностью, и теперь, лицомъ къ лицу съ секундantomъ Украинцева, конфузился отъ избытка самолюбія.

— Давно-съ... повторилъ онъ, и взявъ со стола пучекъ павлиньихъ перьевъ, принялся обметать пыль съ книгъ.

— Да; и вотъ пришлось намъ съ вами свидѣться по дѣлу.

— Я такъ и полагалъ, сказалъ Сергѣевъ, неловко улыбаясь. — Мы люди скучные; кому же охота бывать у насъ иначе какъ по дѣлу?

«Правда твоя, что ты скученъ какъ чума! подумалъ Барковскій, и придирчивъ вдобавокъ, такъ что не знаешь, съ какого листка подойти.»

— Э! полноте, Василій Ивановичъ, сказалъ онъ вслухъ. — Я у васъ не въ первый разъ, да и теперь, являюсь попріятельски, съ самыми дружелюбными намѣреніями.

— Очень радъ-съ, сухо отвѣчалъ Сергѣевъ;— но не совсѣмъ понимаю. Я полагаю, что вы пріѣхали отъ Михайла Васильевича?

— Нѣтъ; а прямо отъ Натальи Петровны; она просить у васъ извиненія; и я полагаю, позвольте вамъ замѣтить, что не стбитъ изъ того вздора, который она вамъ наговорила, ни вамъ самимъ жертвовать собой, ни подвергать опасности совершенно невиннаго въ этомъ дѣлѣ человѣка, ни компрометировать репутацію дѣвушки. Достаточно того, что ея имя вмѣшано въ эту исторію, чтобы сплетнямъ и толкамъ не было конца.

— Это такъ, сказалъ Сергѣевъ;— но, я знаю, что Марья Николаевна не обратитъ вниманія на сплетни и толки. Она пойметъ, что я обязанъ былъ просить удовлетворенія отъ Михайла Васильевича.

— Если вы недовольны собственно имъ, это дѣло другое; онъ въ удовлетвореніи вамъ не откажетъ.

— Нѣтъ, не могу сказать: между мной и вашимъ зятемъ нѣтъ ничего общаго; но онъ, какъ человѣкъ великосвѣтскій, представитель того принципа, въ силу котораго Наталья Петровна сочла себя въ правѣ меня оскорбить, и въ моемъ лицѣ, вы понимаете, оскорбила принципъ. Да! это просто два противоположные принципа, которые теперь стоятъ лицомъ одинъ противъ другаго. Въ обращеніи вашей тещи со мной высказалась вся заносчивость одного изъ нихъ. Защиту другаго я обязанъ взять на себя; я обязанъ доказать, что аристократизмъ ума не подавляется аристократизмомъ породы. Да... я обязанъ, и выполняю свою обязанность, безъ лицепріятія; то-есть стану за правое дѣло, не принимая въ разчетъ личности моего противника... Мнѣ все равно, другъ онъ мнѣ, или не-другъ...

« Эка дичы!.. » подумалъ Барковскій.

— Василій Ивановичъ, сказалъ онъ,— лежачаго не бьютъ. Вотъ вамъ доказательство, что Наталья Петровна сама сознаетъ несостоятельность того, что вы называете *ея принципомъ*.

Онъ подалъ письмо, которое Сергѣевъ развернулъ и прочелъ. Его лицо просіяло; онъ, очевидно, торжествовалъ, но стыдился обнаружить свою радость, и, молча, прошелся по комнатѣ.

— Если я соглашусь, сказалъ онъ наконецъ, останавливаясь передъ Барковскимъ:— какія же будутъ мои отношенія къ вашему семейству?

— Несравненно лучшея, во всякомъ случаѣ нежели тѣ, которыя можно ждать отъ поединка, если вы отъ него не откажетесь.

— Не объ этомъ рѣчь, отвѣчалъ Сергѣевъ.— Наталья Петровна сказала мнѣ вчера, что она считаетъ оконченнымъ дѣло, начатое мною, а я, признаюсь, не совсѣмъ раздѣляю такое мнѣніе... Вотъ о чемъ я говорю.

Барковскій не понялъ ни слова, и, глядя на Сергѣева во всѣ глаза, ждалъ, чтобъ онъ объяснился.

— Я говорю о Марьѣ Николаевнѣ, продолжалъ Сергѣевъ, замѣтивъ недоумѣніе своего собесѣдника.— Трудъ самъ по себѣ еще не всѣ; надобно трудиться съ пользою. Если мнѣ удалось бросить сѣмена добра въ молодую душу, то мнѣ слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобъ упрочилось доброе сѣмя. Однимъ словомъ, я такъ поставленъ въ отношеніи къ Марьѣ Николаевнѣ, что всѣ мои помыслы обращены къ ней и къ ея будущности.

— М-м-м... да! отозвался Барковскій, рѣшившись говорить наобумъ.— На это я вамъ скажу, что ваши будущія отношенія къ Машѣ въ ея и въ вашихъ рукахъ, гораздо болѣе нежели въ рукахъ Натальи Петровны. Если же какъ-нибудь окажется, что я могу вамъ на что-нибудь пригодиться, сдѣлайте одолженіе, располагайте мною.

— Вы меня опять не понимаете, Семенъ Николаевичъ; ничья помощь мнѣ не нужна!

«Кто тебя пойметъ,» подумалъ Барковскій.

— Ваша ошибка происходитъ отъ того, что вы высокое, гордое чувство нравственной привязанности хотите мѣрять на дюжинный аршинъ. Чувству, которому я служу, чужды эгоистическія цѣли. Его конечная цѣль—отвлеченная мысль добра и зла. Такимъ образомъ, цѣль индивидуальной дѣятельности получаетъ мировое, общественное значеніе; одиночная личность исчезаетъ, между тѣмъ какъ въ дюжинныхъ привязанностяхъ дѣло идетъ наоборотъ: одиночной личности приносятся въ жертву всеобщіе интересы. Понимаете ли вы теперь, какое неизмѣримое разстояніе между вашею, то-есть общепринятою, точкой зрѣнія и тою, съ которой я смотрю на чувство?..

И въ тонѣ его рѣчи слышалось чувство гордости и самодовольства, опредѣляющее степень нравственной высоты, на которую говорящій ставитъ себя въ отношеніи къ своему слушателю. Къ счастью, слушатель былъ не обидчиваго свойства.

— Оставимте это, Васи́лій Ива́нычъ, сказа́лъ онъ.—Всякій понимаетъ чувство по своему; но добровольно никто изъ насъ не удалится отъ женщины, такъ или иначе нами любимой. Теперь рѣшите сами, что васъ разлучить съ Машей, дуэль ли съ Украинцевымъ, или примиреніе съ нимъ?

Сергѣевъ не отвѣчалъ, и опять принялся ходить по комнатѣ.

— Семенъ Николаевичъ, сказа́лъ онъ,—дайте мнѣ ваше честное слово, что вы откровенно отвѣтите на мой вопросъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Скажите мнѣ, могу ли я, не уронивъ себя, помириться съ Михаиломъ Васильевичемъ, и исполнѣ ли я удовлетворенъ письмомъ Натальи Петровны?

— Васъ рѣшительно не въ чѣмъ будетъ упрекнуть, и вы исполнѣ удовлетворены, отвѣчалъ Барковскій.

— Честное слово?

— Честное слово!

— Извольте, я согласенъ, сказа́лъ Сергѣевъ, послѣ минутнаго колебанія.—Я напишу къ Михайлу Васильевичу, и сегодня же пришлю письмо.

— И прекрасно, отозвался Барковскій;—а лучше всего поѣдете со мною: Украинцевъ васъ обниметъ отъ души, и всѣ вамъ обрадуются.

— Нѣтъ.... ужъ позвольте, я напишу.

Барковскій не настаивалъ. Онъ отказался и отъ завтрака, который ему предложилъ Сергѣевъ. Душно ему становилось въ его обществѣ; онъ спѣшилъ выбраться на свѣжій воздухъ, и, спускаясь съ лѣстницы, затянулъ какую-то отчаянную пѣсню Беранже.

— Дешевый скептикъ!... проговорилъ ему вслѣдъ Сергѣевъ, и въ раздумьѣ, скрестивъ руки, остановился на крыльцѣ.

«Экая пустомеля!.. думалъ между тѣмъ Барковскій. И на бѣду вѣдь какъ добросовѣстенъ! Ужели всю жизнь можно наполнить такими постными, бесплодными мечтаніями! Ужели въ этомъ человѣкѣ хоть разъ не скажется присутствіе настоящей жизни?... Нѣтъ! вчера Лидія была лучше всякой мечты!...»

Вдругъ, на дорогѣ, въ облакѣ пыли, обозначилась женская фигура. Барковскій сталъ вглядываться, и вскорѣ узналъ Лидію. Она почти бѣжала.

— Лидія, что съ тобою?.. спросилъ Барковскій, поровнявшись съ нею и соскочивъ съ дрожжекъ.

— Что, они дерутся?.. спросила она, задыхаясь.

— Нѣтъ.... нѣтъ, все улажено. Но какъ ты узнала?..

— Слава Богу! воскликнула она, бросаясь на шею къ мужу.— Не спрашивай, какъ я узнала... не скажу. Меня такъ испугало то, что ты замѣшанъ въ это дѣло... вотъ я и прибѣжала...

Лидія успѣла предвидѣть неслыханныя бѣды и уже распорядиться будущностью. На этотъ разъ ей померещился не монастырь, а что-то въ родѣ Кавказа или Сибири. Такъ разказывала она мужу, пока онъ ее осыпалъ поцѣлуями.

— Что, Семень, бѣдный Сергѣевъ очень влюбленъ въ Машу? спросила она.

— По моему, какъ я въ него, отвѣчалъ Барковскій.— Это-моль какое-то особенное, гордое чувство, ни любовь, ни дружба, что-то такое между небомъ и землею, между волкомъ и собакой, то-есть просто галиматья! Мудреный народъ! нечего сказать. Да кто же тебя напугалъ? а то, пожалуй, я и самъ узнаю.

— Нѣтъ, общай мнѣ, что разспрашивать не будешь.

Х.

Каждый принялъ по своему вѣсть о примиреніи. Наталья Петровна въ ту же минуту вошла въ обычное свое благородство, даже не нашла нужнымъ поблагодарить зятя за его посредничество. Лидія вбѣжала къ Машѣ и бросилась ее цѣловать; а Маша забыла, на радости, что Лидія пустая женщина.

Къ обѣду пріѣхали жданные гости; Блонковы, Мстиславскій, Федоръ Петровичъ и два-три деревенскіе сосѣда.

Княгиня Блонковой было двадцать восемь лѣтъ. Она напоминала богатырскіе типы красавиць екатерининскаго вѣка. Ея высокій ростъ, сухіе члены, широкая грудь обличали цвѣтущія силы и завидное здоровье. Княгиня была свѣтскою женщиной въ полномъ смыслѣ слова, что не мѣшало ей оставаться примѣрною женою. Князь Блонковъ, если не по лѣтамъ (ему было подъ пятьдесятъ), то по атлетическому сложенію, приходился совершенно подъ-стать своей женѣ, въ которой онъ, какъ говорятъ, души не слышалъ. Онъ уже давно вышелъ въ важные люди; вѣкъ свой служилъ въ военной службѣ, служилъ отлично, и былъ отличнымъ человѣкомъ, вполнѣ обладалъ русскимъ здравымъ смысломъ, но ни природою, ни воспитаніемъ не былъ созданъ для большаго свѣта. О великосвѣтскомъ

положеніи мужа хлопотала княгиня, и, надо ей отдать справедливость, вела себя съ рѣдкимъ умѣніемъ и тактомъ; необыкновенно мило она трунила надъ княземъ, который порусски говорилъ далеко не отборными словами, а по французски—съ грѣхомъ пополамъ; при случаѣ мастерски хвастала его *самороднымъ русскимъ умомъ, не попорченнымъ дюжинною разработкой*; сама подлаживалась подъ разговорный языкъ мужа, употребляя кой-какія выраженія, которыя бы на всякую другую женщину навлекли упрекъ въ тривіальности, а къ ней какъ-то шли, придавали ей ту оригинальность, которая исчезаетъ за общепринятыми формами.

Въ Петербургѣ Блонковы жили на широкую ногу, что по-разстроило ихъ состояніе; княгиня не любила въ этомъ сознаваться, хотя съ примѣрнымъ благоразуміемъ покорилась необходимости прожить цѣлый годъ въ деревнѣ для поправленія денежныхъ обстоятельствъ. Въ полгода ей уже удалось вникнуть во всѣ отрасли хозяйства и поставить дѣла въ самое выгодное положеніе. Князь былъ въ годовомъ отпуску, и вмѣстѣ съ своею женою пользовался уваженіемъ всего околотка.

— Здравствуйте, моя красавица, сказала княгиня Машѣ. — Bonjour, madame Lydie. А что подѣлываетъ *il caro sposo?*..

Эти двѣ женщины впрочемъ не любили другъ друга, потому что между ними не было рѣшительно ни одной общей черты.

— Онъ здѣсь на лицо, отвѣчала за Лидію Наталья Петровна. — Simon, гдѣ же онъ?.. Какъ онъ сюда рвался изъ Петербурга! Il est si bon mari et si bon fils! сказала она вполголоса княгинѣ. — Мишель, ты ждалъ княгиню съ такимъ нетерпѣніемъ... Князь, ваша партія составлена...

Князь поклонился.

— Не къ спѣху-съ, жарко! отвѣчалъ онъ, отирая платкомъ свое веселое и добродушное лицо, разгорѣвшееся на солнцѣ. — А гдѣ въ самомъ дѣлѣ Барковскій? мы съ нимъ давненько не видались.

Къ великой досадѣ Натальи Петровны, Блонковы слишкомъ занялись Барковскимъ; его любилъ князь, и слѣдовательно жалавала княгиня. Впрочемъ Наталья Петровна воспользовалась свободною минутой, чтобы неимовѣрно тонко обратить вниманіе Мстиславскаго на Машу. Но, правду сказать, съ Мстиславскимъ не стоило повертывать умомъ и прибѣгать къ дипломатическимъ тонкостямъ. Этотъ красивый юноша былъ воплощенное ничтожество.

Онъ подошелъ къ Машѣ, и, нисколько не озадаченный ея серьезнымъ и холоднымъ видомъ, пустился съ нею въ разговоръ, сильно сбивавшійся на монологъ.

— Я васъ давно не видалъ, началъ Мстиславскій;—все былъ на охотѣ съ княземъ, верстъ за тридцать отсюда. Сегодня только вернулись.

Молчаніе.

— А!.. кстати. Знаете, чтò вчера сдѣлалъ князь? Угадайте.

— Не знаю, отвѣчала она сухо.

— И никогда не угадаете! Переломилъ кочергу. Представьте! Вы думаете, она была заржавлена? Нѣтъ! я самъ осматривалъ, пробовалъ; самое здоровое и крѣпкое желѣзо!

— Право?... отозвалась Маша.—Это очень полезно для блага человѣчества!

— Да... да, сказалъ Мстиславскій.—Какъ бы хорошо было, еслибы всѣ были такими силачами, какъ Дмитрій! А вѣдь ростомъ не выше меня. Да и Катя (княгиню Блонкову звали Катериной Егоровной) почти что богатырь; поднять двухъ-пудовую гирю ей ни по чемъ.

— Валеріанъ Егорычъ разказываетъ мнѣ, какъ вы подымаете гири, сказала Маша княгинѣ Блонковой, которая шла мимо, чтобы взглянуть на брата.

— Онъ воображаетъ, что это васъ интересуеть, какъ его.... А понравился вамъ его букетъ?

— Какой букетъ?

— Ахъ! я букетъ-то оставилъ въ каретѣ! сказалъ Мстиславскій, и опрометью бросился изъ комнаты.

— Ага! замѣтила княгиня,—да я очень рада, что онъ себя не помнитъ, когда васъ видитъ.

Маша покраснѣла, княгиня улыбулась.

— Или правда глаза колетъ?... сказала она.—Впрочемъ, мое дѣло сторона. Дѣтямъ бываетъ веселѣе безъ нянекъ; прощайте.

Княгиня отошла, и Мстиславскій поднесъ Машѣ великолѣпный букетъ. Это обстоятельство не ускользнуло, конечно, отъ зоркаго глаза Натальи Петровны, и пріятная улыбка разлилась по ея губамъ.

— Вотъ это я люблю! сказалъ Федоръ Петровичъ, подходя къ Машѣ.—Это по нашему! А вы на это не смотрите, молодой человѣкъ, что она надула губки, и словно изъ милости приняла букетъ. Знаемъ мы эти ужимочки!

Онъ повернулся, сдѣлавъ что-то въ родѣ *entre-chat*, и наткнулся на Барковского и Блонкова, которые шли на балконъ.

— Люблю дядюшку Федора Петровича за его легкую ногу! сказалъ Барковский.—Да больше-то, правда, и не за что.

Князь засмѣялся.

— Да! пустенекъ, Христось съ нимъ! сказалъ онъ.—Ну, за то сестрица умна за двоихъ.

— Вотъ какъ! замѣтилъ Барковский.—Давно ли вы, князь, обратились въ эту вѣру?

— Ну, братецъ, по крайности-то фразой она беретъ, а разумнаго дѣла, конечно, не устроила на своемъ вѣку. А поди-ка попробуй объ этомъ Катѣ заикнуться; и... и... и куда-те! На стѣны лѣзеть!

Въ эту минуту, Наталья Петровна, спускаясь съ княгиней въ садъ, говорила:

— *Régle générale, ma très chère.* Муштинѣ необходимо жениться въ самой первой молодости, пока онъ еще не свыкъся съ холостою жизнію, которая портитъ нравственность.

— Вона куда метнула! сказалъ князь, лукаво подмигивая своему собесѣднику.—И на чтѣ это она корыстуется? Удивляюсь, ей-Богу! Малый-то дрянъ сущяя. По моему, напялить бы на него мундиръ, да на царскую службу, подѣ строгій началъ, славно бы вышло...

Разговоръ, наведенный на этотъ предметъ, принялъ самый откровенный оборотъ. Княгиня, по словамъ князя, была всегда ослаблена насчетъ своего брата и непростительно его баловала.

— Кажется, куда не глупа, говорилъ Блонковъ,—а отъ него проку ждать. Живемъ мы съ нею слава Богу, а вотъ только насчетъ брата спѣться не могли. Слѣное пристрастіе, сударь мой, я и рукой махнулъ! Вотъ и теперь вѣдь не беретъ въ толкъ, что женить Мстиславскаго значить дѣвку даромъ загубить. Ну, пока онъ съ Натальей Петровной только-что лясы точать, Христось съ ними; а какъ на дѣло будетъ похоже, я за Наталью Петровну примусь, и всю правду ей отрѣжу: Вамъ, дескать, извѣстно, что въ Валеріанѣ толку мало, и что состоянія у него нѣтъ; это вы даромъ грѣхъ на душу берете, что выдаете за него внучку: мнѣ, дескать, это не по сердцу; пріятели мы съ вами, пока не породнились. Вся штука-то глупа: Блонковы, молъ, при дворѣ; живутъ открыто, свои будутъ

Нашла о чемъ хлопотать на старости лѣтъ! Лучше бы Богу молилась!

— О чемъ это вы толкуете? спросила княгиня, ступивъ на балконъ.

— Мы.... мы о политикѣ, отвѣчалъ Барковский.

— О, такъ я лишняя, не бабье дѣло.

— Какая политика, сказалъ князь.—Мы о Натальѣ Петровнѣ и о вашихъ съ нею затѣяхъ. То-то, послушала бы, какъ о нихъ умные люди судятъ.

Княгиня слегка покраснѣла; откровенность ея мужа была дѣйствительно неумѣстна.

— Извините, сказала она Барковскому;—у насъ посолдатски, сердце на ладони. А Наталью Петровну ты оставь въ покоѣ; ты знай свою жену и ея распоряжайся, а до Натальи Петровны тебѣ дѣла нѣтъ. Не правда ли, Семень Николаевичъ?

— Семень Николаевичъ, а? какова у меня жена?.. сказалъ князь, обвиняя рукой тонкій, но сильный станъ молодой княгини. Молодецъ жена! Une femme qui n'a pas son semblable!

— ... Qui n'a pas sa pareille... поправила княгиня, смѣясь.— Нѣтъ, ужь лучше говори посолдатски. Женѣ иногда придется жутко, да промолвокъ не будетъ.

XI.

За четверть часа до обѣда, Украинцевъ, залучивъ удобную минуту, подошелъ къ Машѣ.

— У меня къ вамъ порученіе, кузина, сказалъ онъ.— Я получилъ письмо отъ Сергѣева и записочку къ вамъ.

— Дайте... отвѣчала Маша дрожащимъ голосомъ, протягивая руку.

Она бросилась въ спальню Натальи Петровны, и распечатала записку.

«Единственный другъ мой, писалъ Сергѣевъ, я долженъ съ вами проститься. Прощайте. Я ѣду... ѣду надолго. Не далѣе, какъ сегодня утромъ я считалъ свое присутствіе полезнымъ для васъ, и готовъ былъ жертвовать всѣмъ на свѣтъ, чтобы не разставаться съ вами. Но нѣсколько часовъ размышленія заставили меня одуматься. Для васъ наступило время отчаянной борьбы съ окружающею васъ средою. Это переломная эпоха въ

вашей жизни, эпоха, въ которой окончательно окрѣпнетъ и опредѣлится вашъ характеръ. Чужая помощь помѣшала бы его свободному развитію, была бы вамъ не только бесполезна, но и вредна. Теперь вамъ нуженъ просторъ и сосредоточенность. Мнѣ ли оставаться, чтобы стѣснять васъ, чтобы налагать на предстоящую вамъ благородную дѣятельность печать моего собственнаго я?.. Нѣтъ! я не испорчу начатаго мною дѣла. Мнѣ ли, съ другой стороны, сомнѣваться въ исходъ борьбы? Я знаю, съ какимъ огромнымъ запасомъ силъ вы въ нее вступаете. Я горжусь тѣмъ, что указалъ вамъ на ваши собственные душевныя сокровища, заставилъ васъ дорожить ими, выучилъ не щадить жизни для ихъ сбереженія. О! я убѣжденъ, что вы меня призовете, когда минуетъ эта эпоха испытанія, и что я преклоню колѣна передъ вашимъ торжествомъ!.. Итакъ я ѣду... довольный самимъ собою и увѣренный въ васъ. Прощайте, прощайте!

«Сергѣевъ.»

Маша закрыла лицо руками.

«Мы такъ не разстанемся,» подумала она, садясь къ письменному столу, и наскоро написала слѣдующія строки:

«Я хочу съ вами проститься. Сегодня, въ десятомъ часу, ждите меня у березовой рощи, въ оврагѣ, возлѣ колодезя. У насъ гости; моего отсутствія не замѣтятъ.»

Записка была запечатана, но какъ ее доставить Сергѣеву?... Маша рѣшилась на отчаянное средство; она бодро вошла въ гостиную и позвала Украинцева.

— Мишель, сказала она, — Сергѣевъ ѣдетъ навсегда; я къ нему написала нѣсколько прощальныхъ строкъ; можете ли вы ихъ сейчасъ же доставить ему?

— Съ большимъ удовольствіемъ; сейчасъ же пошлю верховаго... «Чего для человѣка не сдѣлаешь на прощаньи!» подумалъ онъ.

— Благодарю васъ, Мишель, сказала Маша, протянувъ ему руку, до которой онъ слегка коснулся (Украинцевъ не умѣлъ иначе жать руку)...—Но это останется между нами, не правда ли?

— Вы знаете, я говорить лѣнивъ, отвѣчалъ онъ.—Да и зачѣмъ же васъ огорчать?

Въ пять часовъ сѣли за столъ порусски, то-есть женщины

съ одной стороны, а мужчины съ другой. Однако были приняты надлежащія мѣры для того, чтобы рядъ женщинъ замыкался Машей, а рядъ мужчинъ—Мстиславскимъ, такъ что имъ пришлось сидѣть другъ возлѣ друга.

Наталя Петровна овладѣла общимъ разговоромъ, и блистательно выказала свое умѣнье говорить съ каждымъ,—способность, упрочившую за нею репутацію умницы. Ея высокопокровительный тонъ съ деревенскими сосѣдями переходилъ съ княгиней Блонковой въ покровительную нѣжность, въ которой ощущалось только различіе лѣтъ, а не званія. Князя она старалась ослѣпить мудростью, а къ Мстиславскому относилась уже какъ къ собственному внуку, и звала его просто: *Valère*. *Valère* пытался вступить въ разговоръ съ своею сосѣдкой.

— У васъ прекрасная усадьба, сказалъ онъ.—Вы любите деревню?

— Очень.

— И я люблю. Хорошо бы поселиться въ деревнѣ, завести конный заводъ, собакъ, охоту. Я бы жилъ въ деревнѣ, на широкую ногу, познакомился бы со всѣми сосѣдами, весь бы околотокъ принималъ. Въ городѣ общество смертельно скучно; одно, изъ чего, можетъ-быть, придется жить въ городѣ, это служба. Впрочемъ записаться на службу можно и здѣсь; можно даже жить въ деревнѣ и числиться въ какой-нибудь канцеляріи въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Сестра объ этомъ похлопочетъ. Она одна занимается моими интересами.

— Я думаю ей это трудно, замѣтила Маша, съ убійственной холодностью.—Вы на нее такъ мало похожи, что должны съ нею расходиться во всемъ.

— И-и-нѣтъ! не во всемъ! отвѣчалъ Мстиславскій двусмысленнымъ тономъ, смотря ей прямо въ глаза.

Послѣ обѣда въ гостиной раскинули ломберные столы. Наталя Петровна стала хлопотать объ устройствѣ партій.

— *Simon*, говорила она,—я тебя прошу играть съ княземъ и съ Дмитріемъ Васильевичемъ (такъ звали сосѣда, приглашеннаго нарочно для княжеской партіи); *Théodore*, я и Мишель, мы составимъ партію княгини. Она тебя очень жалуетъ, Мишель... *Je suis en adoration devant ses beaux yeux*.

— *Qui y voit clair...* добавилъ Барковскій.

Эта грубость задѣла за живое деликатные нервы Натали Петровны, которая, какъ и всегда, въ этихъ случаяхъ, спѣшила скрыть свою досаду выходкой, исполненною аристократиче-

скаго достоинства. Не взглянувъ даже на своего зятя, Наталья Петровна обратилась къ Ѳедору Петровичу, и сказала ему:

— *Faites moi la grace, mon ami, de dire à Madame Bagkovsky que je désire lui parler.*

Явилась Лидія; Наталья Петровна что-то долго ей нашептывала на ухо, и заключила слѣдующею фразой: *Vous aurez l'œil sur ces deux enfans.*

Но, Мстиславскій избавилъ Лидію отъ этого труда. Сошедъ въ садъ съ нею и съ Машей, онъ, къ неопisanному удовольствію обѣихъ женщинъ, изъявилъ желаніе взглянуть на рисаковъ Украинцева, и отправился въ конюшню, гдѣ его не столько заняли рисаки, сколько бесѣда съ конюхами. На возвратномъ пути въ домъ, онъ соблазнился хороводомъ, вступилъ въ разговоры съ горничными, общалъ имъ пряниковъ и орѣховъ, и, къ не малой злобѣ дворовыхъ щеголей, совершенно обворожилъ прекрасный полъ любезностію своего обхожденія. Въ этомъ обществѣ засталъ Мстиславскаго посланный отъ Ѳедора Петровича, съ извѣстіемъ, что пора заняться фейерверкомъ. Мстиславскій еще передъ обѣдомъ напросился въ помощники къ будущему своему дядюшкѣ.

ХІІ.

Маша воспользовалась суматохой, чтобы поспѣшить на мѣсто свиданія съ Сергѣевымъ.

Сильно билось ея сердце, когда она ступила на плиты террасы; безъ шляпки, накинувъ темную мантилью на бѣлое платье, чтобъ не быть замѣченною, она почти бѣжала боковою аллеей, вышла въ калитку, обогнула большой прудъ, который завершалъ садъ, и, едва переводя духъ, стала спускаться по узкой тропинкѣ, проложенной въ оврагѣ. Ее охватила влажная свѣжесть, которую постоянно поддерживалъ ключъ, бившій внизу. Надъ оврагомъ, по обѣимъ сторонамъ, стояли группами огромныя березы, и надъ ними съ крикомъ вились стаи грачей, облѣпившихъ вѣтви свои гнѣздами; мѣстами, то вправо, то влѣво, въ видѣ боковыхъ аллей, уходили вдаль другіе овраги, поросшіе орѣшникомъ, надъ которымъ, кое-гдѣ, возвышались стройныя сосны, съ темнозелеными, тяжеловѣсными вѣтвями. Маша шла твердымъ и скорымъ шагомъ; ея волосы развились;

лицо слегка разгорѣлось... Маша была хороша, но не думала о своей красотѣ, о которой ей никогда не говорилъ Сергѣевъ.

Остановившись у колодезя, Маша оглянулась во всѣ стороны.

— Сергѣевъ... кликнула она.

Кусты орѣшника зашумѣли, раздѣлились, и въ нихъ появилась сутуловатая фигура Сергѣева. Лицо его сияло торжественностію: видно было, что онъ явился на свиданіе заранѣе, обдумавъ свою роль.

Онъ подошелъ къ Машѣ и сказалъ смущеннымъ голосомъ :

— Марья Николаевна, могъ ли я ожидать?.. и какими словами благодарить васъ?..

— За это не благодарять, отвѣчала она.—Не возможно же намъ не проститься.

— Да, вы правы... за это не благодарять... Но, Боже мой! вы дрожите. Сядьте, прибавилъ онъ, разстлалъ свой плащъ на травѣ.— Успокойтесь! Скажите, увѣрены ли вы по крайней мѣрѣ, что никто не замѣтитъ вашего отсутствія.

— Едва ли замѣтятъ; всѣ заняты фейерверкомъ. Впрочемъ, стоить ли объ этомъ говорить, когда мы видимся можетъ-быть въ послѣдній разъ.

— Стоить ли объ этомъ говорить! восторженно повторилъ Сергѣевъ.—О, Марья Николаевна! какъ вы мало знаете цѣну самой себѣ! Боже мой! да я пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы поклониться величію свѣтской дѣвушки, принесшей въ жертву нравственному чувству вѣковыя преданія того общества, въ которое ее случайно забросила судьба! Еслибы вы были воспитаны въ другой средѣ, вамъ ничего бы не стоило, конечно, придти сюда, на свиданіе, ради душевной потребности, ради глубокаго сознанія чистоты той нравственной связи, которая неразрывно соединяетъ насъ. Но какъ, скажите, мнѣ не удивляться тому, что вы сразу освободились отъ предрасудковъ, которыми васъ старались опутать со дня вашего рожденія, и которые не могли привиться къ вамъ, какъ грязь не можетъ пристать къ алмазу? Да, Марья Николаевна! Я благоговѣю передъ явнымъ торжествомъ истины, передъ несокрушимостію возвышенной души вашей. Вѣрьте мнѣ, вы не знаете цѣны самой себѣ; но въ моихъ глазахъ вы страшно выросли сегодня!

У Маши радостно забилося сердце: для нея слова Сергѣева, отзывавшіяся жалкимъ преувеличеніемъ, были искреннимъ выраженіемъ восторга, который она возбуждала въ любимомъ ею человѣкѣ.

Сергѣевъ продолжалъ :

— Мы съ вами прочли не много романовъ, Марья Николаевна; но я помню, съ какимъ сердечнымъ участіемъ вы слѣдили за робкою дѣвушкой, которая тайкомъ, осторожно, отпра-вилась на любовное свиданіе. Страшно становилось за нее и ея подвигъ. Какъ же блѣденъ онъ въ сравненіи съ вашимъ! Какъ ни возвышенно чувство любви, оно не безупречно, не отрѣшено отъ мелкихъ интересовъ, и потому стоитъ неизмѣ-римо ниже того чувства, которое привело васъ сюда. Я знаю вашу привязанность ко мнѣ; я знаю, что вы хотѣли со мною проститься; но этого слишкомъ мало для полной оцѣнки ва-шего поступка; онъ имѣетъ еще другое высшее значеніе тор-жественнаго обличенія предрасудковъ, пламеннаго поклоненія истинѣ! Великъ вашъ подвигъ, Марья Николаевна, и завидна ваша доля.

Маша подняла на Сергѣева глаза, исполненные благодарно-сти и самодовольствія; онъ казался ей хорошъ, вышею, нрав-ственною красотою. Она протянула ему руку, и сказала:

— Я рада, другъ мой, что вы нашли ученицу, достойную васъ.

— О! я останусь достойнымъ васъ, возразилъ Сергѣевъ, крѣпко пожалъ ея руку.—Я не воспользуюсь вашимъ довѣріемъ ко мнѣ, чтобъ обратить въ свою пользу ваши душевные со-кровища. О! нѣтъ! имъ не слѣдуетъ сосредоточиться на обы-кновенной женской привязанности, имъ предстоятъ другія выс-шія цѣли. Трудитесь, Марья Николаевна, совершенствуйтесь; не унывайте въ борьбѣ; а я съ своей стороны исполню свой долгъ,—я уѣду, какъ мнѣ ни тяжело разстаться съ вами!

— Итакъ это рѣшено?.. спросила Маша.

— Рѣшено. Я вѣчный труженикъ. Въ настоящую минуту какъ представитель убѣжденных, враждебныхъ такъ-называемому высшему обществу, я долженъ удалиться, чтобы доказать ему, что моя гордость неуступчивѣе его гордости. Вѣрьте, Марья Николаевна, моя доля тяжела; но я увѣренъ, что вы меня поймете и одобрите мое рѣшеніе; вы не позволите человѣку, ко-торого вы удостоили вашею... дружбою, солгать своимъ убѣ-жденіямъ и понести отъ кого бы то ни было заслуженный упрекъ въ слабости духа.

— О нѣтъ! воскликнула Маша.

— Я это зналъ напередъ, съ гордостью сказалъ Сергѣевъ.—

Я зналъ и то, что когда дѣло идетъ о служеніи высокой идеѣ долга, вы не остановитесь передъ жертвой и поможете мнѣ принести ее... Не правда ли? вы понимаете, что мнѣ необходимо ѣхать?

— Потѣжайте! отвѣчала Маша, собравшись съ силами:—но не спрашивайте, что мнѣ стѣбитъ произнести это слово.

Она готова была заплакать; Сергѣевъ тоже былъ видимо взволнованъ.

— Марья Николаевна, сказалъ онъ,—ужели вы думаете, что мнѣ легко? Но что же дѣлать? Намъ теперь надо поддерживать другъ друга, а не смущать бесплодными жалобами. Да! рѣшеніе мое не поколебимо, хотя сердце разбито!

Дѣйствительно Сергѣевъ страдалъ въ эту минуту и былъ убѣжденъ, что говорить искренно. Маша сидѣла молча, сложа руки на колѣняхъ и не поднимая глазъ: вся ея поза выражала глубокую грусть и покорность судьбѣ, говорившей устами Сергѣева. Настала минута торжественнаго молчанія; Сергѣевъ первый прервалъ ее.

— Жертва принесена! сказалъ онъ.—Грустно, а на душѣ легко: не правда ли?

— Да... отвѣчала Маша.—Я счастлива, Сергѣевъ, прибавила она;—я невыразимо счастлива, хотя и страдаю болѣе, нежели могу сказать. Увѣренность въ вашей дружбѣ даетъ мнѣ силы и на разлуку съ вами, и на борьбу, которая меня ожидаетъ.

— Разлука тяжела, но не опасна, сказалъ Сергѣевъ.—Разлука—камень преткновенія слабыхъ душъ, но мы не забудемъ другъ друга... И борьбы вамъ бояться нечего; только знайте напередъ, что ожидаетъ васъ. Вы откажете жениху, котораго теперь выбрала вамъ Наталья Петровна. Это не все! Вашъ отказъ отзовется на вашемъ положеніи въ семействѣ, и вамъ придется вести упорную, постоянную борьбу. Но не отчаивайтесь въ вашихъ силахъ; ваши убѣжденія восторжествуютъ и окрѣпнутъ. Борьба будетъ для васъ средствомъ достижения совершенства. Вамъ предстоитъ завидная будущность, Марья Николаевна... а я буду издалека слѣдить за вами и втайнѣ гордиться своимъ созданіемъ.

— Да, Сергѣевъ, сказала Маша;—вы въ правѣ называть меня своимъ созданіемъ. Тѣмъ невыносимѣе мысль о разлукѣ съ вами... Не думайте, что я удерживаю васъ, спѣшила она прибавить, боясь измѣнить самой себѣ.—Я хочу только сказать,

что намъ невозможно другъ друга потерять изъ виду... Мы будемъ переписываться...

Они условились о томъ, какъ и черезъ кого пересылать и получать письма; потомъ говорили о возможности встрѣчи, объ отдаленной будущности.

— Вы, можетъ-быть, выйдете замужъ, сказалъ Сергѣевъ съ усиленіемъ, — и что бы ни случилось, будете ли вы счастливы или нѣтъ, вы отъ меня ничего не скроете. Вы много дадите другому, но мнѣ принадлежатъ ваши мысли, впечатлѣнія и горечь.

— Всегда, отвѣчала Маша, глотая слезы.

— Намъ пора разстаться, сказалъ Сергѣевъ. — Уходите; я не покоенъ на вашъ счетъ... Дайте мнѣ вашу руку.

Она положила свою руку въ его, и онъ долго цѣловалъ ее.

— Прощайте, сказалъ онъ. — Будемте тверды до конца. Прощайте.

Крѣпко сжала его руку Маша, что-то невнятно проговорила, и быстро удалилась. Пройдя нѣсколько шаговъ, она остановилась и обернулась: Сергѣевъ стоялъ неподвижно на томъ же мѣстѣ, и посылалъ ей рукой послѣднее прощаніе.

— Прощайте! крикнула Маша, и побѣжала. Она явилась къ концу фейерверка, ея уже хватились.

— Que devenez vous?.. спросила Наталья Петровна.

Но Маша, сгоряча не обращая вниманія на грозный видъ бабушки и не удостоивая ее отвѣта, подошла къ княгинѣ Блонковой.

— Княгиня, сказала она, — не угодно ли вамъ пройтись со мною по саду? Мнѣ нужно съ вами переговорить.

Княгиню озадачили рѣшительный, — отважный видъ Маши. Она послѣшно встала и взяла ее подъ руку.

— Что такое? спросила шутливо княгиня. — Какая это у васъ на сердцѣ тяжкая забота?

— Забота очень серіозная, княгиня, отвѣчала Маша.

— Право?... Знаете что? Дѣвочки, и даже такія умненькія, какъ вы, очень любятъ драму. Вѣдь я помню то время, когда я игрывала въ куклы. Ну-съ, что такое случилось? Бабушка что ли поворчала?

— Скажите, княгиня, по вашему замужство дѣло серіозное?

— Очень.

— То-есть вы допускаете, что дѣвушка не должна выйти замужъ иначе, какъ въ силу серіознаго чувства?

— Нисколько, моя красавица, если вы серьёзнымъ чувствомъ называете любовь. Я васъ увѣряю, что нѣтъ женщины счастливѣе меня, а я вышла замужъ безъ любви. Князя я очень уважала, и мать моя рѣшила, что это приличная партія. Замужство, я вамъ скажу, потому именно, что это *серіозное дѣло*, не терпитъ ни мечтаній, ни идеаловъ, и никакого вздора; а супружеское счастье зависитъ отъ ума жены. Вотъ мое мнѣніе. Однако, что же вы хотѣли сказать?

— То, вопервыхъ, отвѣчала Маша, съ нѣскольکو иронической улыбкой,—что, по моему мнѣнію, супружеское счастье зависитъ и отъ мужа. Есть люди, которыхъ и уважать невозможно.

Княгиня покраснѣла.

— Есть такіе, безъ сомнѣнія, отвѣчала она хладнокровно;—но, что же послѣ?

— Послѣ, сказала Маша рѣшительно,—вотъ что, княгиня, я замужъ не выйду иначе, какъ по любви.

Княгиня взглянула на нее, и покачала головой. «Не мѣшало бы тебя посѣчь, моя милая...» подумала она.

Маша продолжала.

— Бабушка передала мнѣ предложеніе вашего брата. Благодарю за честь; но я вашего брата не люблю, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, мы никогда не сойдемся. Свѣтское положеніе меня не прельщаетъ; угрозы и гнѣвъ бабушки не поколеблютъ моего рѣшенія. Вотъ что я хотѣла вамъ сказать, княгиня.

— Это совершенно зависитъ отъ васъ, отвѣчала княгиня,—и съ этой минуты, я первая встаю противъ желаній Натальи Петровны; а братъ мой молодъ, и вѣроятно скоро утѣшится. Ну-съ, и дѣло съ концомъ...

Самолюбіе княгини было сильно задѣто. Дѣло въ томъ, что она не знала Маши, и повѣрила на слово Натальѣ Петровнѣ, которая бралась все устроить, какъ нельзя лучше. Княгинѣ это было съ руки. Маша, умная и богатая дѣвочка, могла не только спасти состояніе Мстиславскаго, но и его самого забрать въ руки, что не мѣшало бы. Конечно, князь былъ противъ этой свадьбы; но княгиня надѣялась, что онъ покричитъ, и успокоится. Однимъ словомъ, все могло уладиться, потому что о рѣшительномъ отказѣ со стороны Маши не было и въ поминѣ... Княгиня скрыла свою досаду; какъ умная женщина, не сочла нужнымъ объясниться съ Натальей Петровной, и вскорѣ уѣхала. Садясь въ карету, она сказала Мстиславскому: Vous

ne ferez jamais qu'un imbécile, mon cher... и подумала: «а все-таки дѣвочку не мѣшало бы проучить...»

Когда уѣхали Блонковы, Маша просила позволенія переговорить съ бабушкой. Послѣ продолжительнаго разговора, который происходилъ съ глазу на глазъ, Наталья Петровна цѣлыхъ три дня не выходила изъ своей комнаты, а Маша не на шутку занемогла.

О Л Ъ Г А Н***

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЭЛЕГІЯ

Исполнился духъ мой тоски и печали!
Отцы мои, нѣтъ ли рѣки?
Въ семнадцати селахъ вдругъ пить перестали,
Хоть вовсе закрой кабаки!
И варвары, гнусно коснѣя въ разбоѣ,
Почти что ужъ мѣсяцъ не пьютъ.
Помилуйте, какъ же? Что жъ это такое?
Вѣдь это насильемъ зовутъ!..
Бывали въ Россіи невзгоды велики:
Татаринъ и Шведъ нападалъ,
Пугачъ и чума, и съ двадцать языки
Къ ней самъ Бонапартъ приступалъ.
Сердечная, вдоволь всего испытала,
Ужъ какъ ее Богъ сохранилъ!
Но этакой штуки еще не бывало,
Чтобъ Русскій въ кабакъ не ходилъ!
И живы злодѣи, не сгрызла ихъ совѣсть,
Измѣнники нравамъ отцовъ!

Пускай же міръ знаетъ ужасную повѣсть
 Паденья родныхъ кабаковъ.
 Несчастіе это, какъ камень, упало
 Ужь видно, по тяжкимъ грѣхамъ.
 Ни знаменье въ небѣ, ни сонъ, какъ бывало,
 Его не пророчили намъ.
 При первомъ извѣстїи въ село я явился,
 Все какъ-то не вѣрилось мнѣ;
 Взглянулъ и невольно, ей-ей, прослезился:
 Стоитъ кабачокъ въ сторонѣ,
 Пустынно и грустно стоитъ у плотины,
 Какъ рекрутъ стоитъ на часахъ,
 Точь-въ-точь какъ поется: «Среди-моль долины,
 Одинъ-де у всѣхъ на глазахъ.»
 Стоитъ мой голубчикъ: ни драки веселой,
 Ни крику, ни брани кругомъ.
 Вошелъ я, несчастный, съ тоскою тяжелой;
 Вошелъ: ни души за столомъ.
 Вскочилъ цѣловальникъ, къ ногамъ повалился,
 А самъ-то, бѣдняжка, реветъ;
 Я обнялъ страдальца; но духомъ скрѣпился
 И созвалъ на сходку народъ.
 Сошлись, гляжу я: ни рожи разбитой,
 Ни такъ фонаря на глазу...
 «Разбойники, право!» душевно убитый,
 Я думалъ, глотая слезу;
 «Видать, что давно ужъ вы здѣсь не бывали.
 Чай, денегъ-то что сберегли!
 Злодѣи, все это у насъ вы украли,
 Все это пропить вы могли!»
 Охъ, горько мнѣ было; но, горе скрывая,
 Ну, сподличалъ, что говорить,
 Я сталъ толковать имъ, съ божбой увѣряя,
 Что такъ не годится не пить,
 Что это-де, братцы, грѣшно, не здорово,
 Противно присягѣ притомъ.
 Стоять какъ чурбаны, стоять, хоть бы слово,
 А вижу, смѣются тишкомъ.
 Съ досады и злобы душа разрывалась;
 Но я ужъ рѣшился молчать,
 Последнее средство еще оставалось,
 Велѣлъ я имъ водки подать.
 Ну, даромъ давалъ,—подавись вы, злодѣи,—
 Чтобъ только заставить ихъ пить;

Не пьютъ душегубы, не пьютъ лиходѣи,
 Не могъ окаинныхъ сманить.
 И чувства-то нѣтъ въ нихъ, о Господи Боже!
 Ну, честью просилъ человѣкъ!
 И горя имъ мало, мужицкія рожи,
 Что ближній-то гибнетъ навѣкъ!
 Такое упорство, такое нахальство
 Душа не могла ужъ простить;
 Я бросилъ злодѣевъ, и тотчасъ начальство
 Спѣшилъ о защитѣ просить.
 Вѣдь это ужъ просто пошло возмущенье;
 Но власти васъ духомъ уймуть,
 На то и идетъ имъ отъ насъ положенье,
 Опричь что натурой возьмутъ.
 • Вамъ кажется, нѣтъ ужъ отъ васъ обороны, •
 Я думалъ съ отрадой въ груди,
 • Въ Сибирь, вольнодумцы, въ Сибирь васъ, масоны,
 Дадутъ вамъ не пить, погоди. •
 Но что же, о ужасъ! повѣрите ль чуду?..
 О бредъ упованій земныхъ!
 Измѣна, растрѣнье, предательство всюду,
 Прогрессъ обуялъ окружныхъ!
 Исправникъ сначала какъ звѣръ разъярился.
 • Въ острогъ все село! • закричалъ;
 Но вспомнилъ вдругъ гласность, и духомъ смирился,
 И хвостъ, окаинный, поджалъ.
 И началъ умильно со мной разсужденье,
 Что вотъ-де идетъ все впередъ...
 Впередъ!?. А вѣдь самъ-то отъ насъ положенье
 По заднему, варваръ, беретъ...
 Газетъ испугался!.. напало смиренье!..
 А что же тамъ пишутъ?—Читай:
 Одинъ-де исправникъ... въ одномъ-де селеньи...
 Какой же? поди, угадай!
 Россія велика, ищи на просторѣ.
 Поморная гласность, ей-ей!
 Нѣтъ, просто, я вижу, что все въ заговорѣ,
 Все гибели хочеть моей.
 О, кто ожидать могъ подобной измѣны?..
 Темнѣеть, теряется умъ!
 Вѣдь мы откупамъ-то надбавили цѣны
 Не то чтобъ спроста, наобумъ;
 Нѣтъ, насъ вдохновляла горячая вѣра
 Въ прогрессъ да въ движеніе впередъ.

Мы думали,—сладкая сердцу химера!—
 Теперь-то нашъ Русскій зашьеть,
 Теперь-то, мечтали мы дѣтски-наивно,
 Не чую грозящей бѣды,
 Пойдетъ все въ Россіи у насъ прогрессивно:
 И цѣны и примѣсь воды!
 А Русскій ужь если на что устремится,
 Не сдержитъ его и гора;
 Рутинно бы штофомъ онъ могъ обойдтися,
 Въ прогрессѣ возьметъ полведра.
 И вотъ, когда счастье казалось такъ близко,
 Пришлось ни за грошъ пропадать!...
 Вѣдь это, помилуйте, это вѣдь низко
 Такъ бѣдныхъ людей обижать!
 Ну, пусть бы у Нѣмцевъ, пускай бы у Жмуди,
 А то, милосердый Творецъ!
 Возстали на водку російскіе люди...
 Такъ это ужь міру конецъ!
 И что мнѣ обиднѣй, нашлись басурманы,
 И рады, и тѣшутся тѣмъ!
 Вѣдь «пити—веселіе Руси», болваны!
 Вѣдь сгинетъ народность совѣмъ!...

М. Розенгеймъ.

НОВООТКРЫТЫЕ ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ВАВИЛОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ¹

V.

О ханаанской династии, основавшейся въ Вавилонѣ вслѣдствіе великаго вторженія Ханаанцевъ, упоминается такъ часто и такъ опредѣлительно въ книгѣ Кутами, что совершенно невозможно сомнѣваться въ существованіи этой династии и въ томъ, что Кутами жилъ во время ея владычества. Но такъ какъ до сихъ поръ никто не имѣлъ даже отдаленнаго предчувствія о существованіи ханаанской династии въ Вавилонѣ, то, мнѣ кажется, необходимо поговорить объ этомъ пунктѣ обстоятельно и сообщить изъ нашей книги всѣ мѣста, куда относящіяся.

Прежде всего, я долженъ замѣтить, что Кутами подъ именемъ Ханаанцевъ разумѣетъ *языческихъ обитателей Палестины*. Онъ прямо называетъ ихъ «жителями самаго отдаленнаго края Сиріи»; далѣе онъ говоритъ, что оба вышеупомянутые Ханаанца, Ануха и Тамитри, родились на югъ Си-

¹) См. *Русскій Вѣстникъ* № 9.

ріи; наконецъ онъ упоминаетъ о вишневомъ деревѣ, которое, по словамъ его, называется «ханаанскимъ растеніемъ», и прибавляетъ къ этому, что оно растетъ «на Іорданѣ, въ странѣ Ханаанцевъ». Очень можетъ быть, что Кутами принимаетъ этнографическое наименованіе Ханаанцевъ въ болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ мы привыкли принимать его по указанію библейскихъ источниковъ (1). Но что онъ не разумѣлъ израильскаго народа подъ именемъ Ханаанцевъ, и что израильскій народъ никогда не завоевывалъ Вавилоніи и ни когдане основывалъ въ ней израильской династіи, доказывать это было бы совершенно излишне.

Вотъ тѣ мѣста изъ книги Кутами, гдѣ рѣчь идетъ о Ханаанцахъ и о династіи ихъ, господствовавшей при немъ въ Вавилоніи:

I. Въ главѣ, разсуждающей о деревѣ Ибрагима (дерево, сходное съ рябиною), Кутами вкратцѣ объясняетъ причину, почему это дерево называется *деревомъ Ибрагима* и говоритъ: «Ибрагимъ былъ имамъ (то-есть мудрецъ или жрецъ) между своими современниками, совершалъ далекія путешествія въ различныя страны, и между прочимъ бывалъ въ Месопотаміи во время великаго голода, бывшаго во время (ханаанскаго) царя Ссальбамы, несчастнаго для современниковъ. Слѣдствіи его несчастія (то-есть этого несчастнаго времени), говоритъ онъ далѣе, ощутительны еще нынѣ по близости его къ нашему времени.» Для объясненія этого мѣста необходимо замѣтить, что упоминаемые въ нашей книгѣ древне-вавилонскіе цари часто обозначаются прозвищами, или правильнѣе, къ ихъ именамъ часто присоединяются прозвища, характеризующія ихъ царствованіе. Такъ напримѣръ одинъ древній царь по имени Бедина носилъ названіе «Счастливаго»; другой, по имени Шемута, по множеству богатствъ своихъ назывался «Золотымъ»; третій, собственное имя котораго не упомянуто, былъ прозванъ «Четырежды Несчастливымъ», потому что въ продолженіе его четырехлѣтняго царствованія, Вавилонія опустошена была страшнымъ голодомъ и сверхъ того не менѣе страшнымъ вторженіемъ одного могущественнаго йеменскаго царя, который между прочимъ потребовалъ себѣ большой униженный жемчугомъ золотой истуканъ солнца. Родственниковъ

(1) О распространеніи Финикійцевъ далеко-на сѣверъ сравни: Movers, *Phoeniz.* II. 1, p. 115.

этого царя наследовалъ своему, и по своему счастливому управленію получилъ прозваніе «Благословеннаго». Вышеупомянутый царь Ссальбама носилъ прозваніе «Несчастнаго», вѣроятно вслѣдствіе бывшаго въ его время долговременнаго голода. А такъ какъ авторъ говоритъ, что свирѣпствовавшее тогда бѣдствіе «по близости времени» ощутительно еще «нынѣ», то изъ этого слѣдуетъ, что Кутами жилъ вскорѣ послѣ этого царя; а этотъ царь принадлежалъ, какъ мы заключаемъ изъ другихъ мѣстъ Кутами, къ ханаанской династіи, потому что упомянутый Ибрагимъ былъ Ханаанецъ, и въ его время надъ Вавилонію господствовали ханаанскіе цари.

II. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ о деревѣ по имени Рухуши и прибавляетъ слѣдующее: «Ханаанецъ Ссардана упоминаетъ объ этомъ деревѣ, похваляетъ его и говоритъ, что его называютъ «старымъ» (то-есть извѣстнымъ съ глубокой древности). Также и Ханаанецъ Ибрагимъ упоминаетъ объ этомъ деревѣ, похваляетъ его еще болѣе Ссарданы и называетъ его «жреческимъ деревомъ». Ибрагимъ же, говорится далѣе, происходитъ отъ Ханаанцевъ, и родился въ Кута-Рійя (1). Когда Ханаанцы, послѣ долгихъ битвъ, происходившихъ между ними и Халдеями, утвердились въ Вавилоніи и приняли эту страну въ управленіе,—теперь они (то-есть Ханаанцы) *наши цари*, да укрѣпятъ ихъ Богъ своею помощію,—то въ страну эту (то-есть въ Вавилонію) переселилъ Немродъ ханаанскихъ жрецовъ: предки Ибрагима принадлежатъ къ этимъ переселенцамъ изъ Ханаана.» Авторъ сообщаетъ еще слѣдующія слова того же Ибрагима о вышеупомянутомъ деревѣ: «Ханаанскіе жрецы увѣряютъ, что дерево это приноситъ счастье, и вотъ по какой причинѣ. Одинъ древній халдейскій царь прогнѣвался однажды на одного халдейскаго жреца и повелѣлъ сжечь его, а остатки обгорѣлаго трупы оставить въ золѣ, чтобы никто не смѣлъ къ нимъ приближаться. Сильный потокъ дождя смылъ золу и снесъ пощаженные пламенемъ кости въ ровъ, гдѣ ихъ занесло землею, и на этой землѣ выросло упомянутое дерево... Ханаанскіе жрецы думаютъ, что это дерево приноситъ счастье, потому что сожженный жрецъ былъ Халдей, а Халдеи на перекоръ Ханаанцамъ говорятъ, что оно приноситъ несчастье.» По этому поводу авторъ выражаетъ свое удивленіе, что между Ханаан-

(1) Ср. объ этомъ городѣ *Ssabier* п. стр. 723, прим. 9, и Рёдигера, въ примѣчаніяхъ къ *Theol. linguae Hebr.* стр. 94 Гезеніуса.

цами и Халдеями господствует великая вражда, между тѣмъ какъ оба народа, по словамъ его, суть потомки двухъ братьевъ, сыновей Адама, происшедшихъ отъ одной матери, одной же жены Адама. Адамъ же, говоритъ онъ далѣе, по указанію родослововъ, произвелъ на свѣтъ 64-хъ дѣтей, изъ нихъ 22 женскаго пола и 42 мужскаго; изъ послѣднихъ только 14 имѣли дѣтей, отъ прочихъ же не осталось никакого потомства. При этомъ авторъ выражаетъ свое сожалѣніе о томъ, что вражда между родственниками бываетъ всего сильнѣе, и прибавляетъ еще, что Ханаанцы оправдываютъ ненависть свою къ Халдеямъ, говоря: «Вы, Халдеи, изгнали насъ изъ земли нашего отца, то-есть изъ Вавилоніи, на самыя отдаленныя предѣлы Сиріи.» Халдеи же возражаютъ имъ: «Вы, Ханаанцы, были къ намъ не въ мѣру горды и вичливы; Богъ пособилъ намъ, и мы изгнали васъ изъ нашей страны; вы же возгорѣлись къ намъ вѣщшею ненавистью.» «Что же до меня касается, прибавляетъ Кутами отъ себя, то хотя я и самъ Халдеи, но не хочу обижать Ханаанцевъ, не хочу упрекать ихъ ни въ чемъ; ибо съ тѣхъ поръ какъ они владѣютъ нами, мы не терпимъ отъ нихъ обидъ, послѣ того какъ миновали бывшія между нами распри...» «Халдеи, говоритъ онъ подлѣ концовъ, не занимаются разведеніемъ этого дерева, и только Ханаанцы сажаютъ и лѣбуютъ его съ тѣхъ поръ, какъ они заняли эту страну (Вавилонію)... и я убѣжденъ, что ни одно изъ этихъ деревьевъ не останется въ цѣлости, когда снова наступитъ владычество Халдеевъ.» Надобно замѣтить, что деревья у древнихъ Вавилонянъ и родственныхъ имъ племенъ играли важную роль и почитались у нихъ существами одушевленными и одаренными волею, представителями божествъ, находящимися въ извѣстныхъ связяхъ съ ними (1). Возникло ли поклоненіе деревьямъ издавна или образовалось оно въ позднѣйшее время, мы не будемъ подвергать этого здѣсь изслѣдованію. Мы оставимъ также безъ разсмотрѣнія другіе важные пункты, какъ напримѣръ странную генеалогію Адама по преданіямъ Вавилонянъ, и извѣстіе о переселеніи Ханаанцевъ изъ Вавилоніи въ Ханаанъ, блистательно подтверждающее показанія Геродота о первоначальномъ жительствѣ Финикіянъ на бере-

(1) *Ssabier*. II. ст. 914. Эмпедоклъ думалъ также, что растенія подобно животнымъ одарены чувствами, желаніями, даже разумомъ и сознаніемъ.

гахъ Чермнаго моря (1). Теперь мы представимъ только выводы относительно времени изданія нашей книги, вытекающіе изъ вышеприведенныхъ мѣстъ. Мы видимъ несомнѣнно, что авторъ писалъ *въ то время, когда* въ Вавилоніи господствовала ханаанская династія; мы видимъ сверхъ того, что хотя онъ самъ Халдей и принадлежитъ къ противникамъ Ханаанцевъ, но, говоря о нихъ, выражается вездѣ осторожно и умѣренно, стараясь по возможности сгладить рѣзкую противоположность между ними и своими соплеменниками, и, очевидно, поступаетъ такимъ образомъ потому, что Ханаанцы были тогда властителями его отечества. Далѣе мы сталкиваемся здѣсь съ одною вѣсѣмъ извѣстною и все-таки еще неизвѣстною личностію сѣдой древности, съ личностію, о которой въ новѣйшее время много говорили и много фантазировали; мы разумѣемъ упоминаемаго здѣсь *Немрода*, который въ выше приведенномъ мѣстѣ является, если не прямо основателемъ ханаанской династіи въ Вавилонѣ и завоевателемъ этой страны, то во всякомъ случаѣ царемъ ханаанскимъ въ Вавилоніи. При первомъ чтеніи этого мѣста мнѣ пришло въ голову, что имя Немрода, также какъ имя Ибрагима, могло быть искажено магометаниномъ Ибнъ-Вахшіею, и что въ подлинникѣ могло найдтись имя созвучное имени Немрода, которое этотъ переводчикъ замѣнилъ извѣстнымъ ему именемъ вавилонскаго царя. Въ послѣдствіи, при тщательномъ изслѣдованіи этого мѣста, я легко убѣдился, что предположеніе мое неосновательно, и что завоеватель Вавилоніи и основатель ханаанской династіи былъ дѣйствительно Немродъ или, правильнѣе, Немрода.

III. Упомянувъ объ одной части пальмоваго дерева авторъ нашъ говоритъ, что дерево это колдуны употребляютъ для своихъ чародѣйствъ, которыя основаны на двѣнадцати знакахъ зодіака и на семи планетахъ. Посредствомъ этого дерева, сказано далѣе, совершается также нѣчто, похожее на чародѣйство, именно «вавилонскія похищенія», изобрѣтенныя чародѣемъ Анкебутою. Мнѣ разказывали, продолжаетъ авторъ, что одинъ чародѣй, имени я его не назову, придерживающійся ученія Ссинаты, и почитающій его выше всѣхъ другихъ чародѣевъ, посредствомъ кодовства увелъ тридцать коровъ изъ царскихъ стадъ, которыя паслись въ Бакурати, въ округѣ Кута-Рійя, а сторожа и пастухи этого и не замѣтили. Здѣсь

(1) См. Геродотъ I, 1. и VII, 89.

авторъ перерываетъ свой разказъ и сообщаетъ довольно длинную исторію о томъ же чародѣѣ, какъ ему разказывалъ кто-то, что этотъ чародѣй очистилъ окрестности Суры отъ львовъ, свирѣпствовавшихъ тамъ, и ежедневно истреблялъ ихъ по три и четыре посредствомъ извѣстныхъ ему чаръ. При этомъ разказывается также, какъ онъ однажды приманилъ къ себѣ огромнаго льва, сдѣлалъ его безвреднымъ и пустилъ на волю. Потомъ авторъ возвращается къ прежней исторіи о похищеніи тридцати коровъ изъ царскаго стада и сообщаетъ слѣдующее: «Когда царскіе пастухи замѣтили, что у нихъ уведено тридцать коровъ, то они донесли объ этомъ управителямъ, которые сообщили главному управителю, а главный управитель донесъ царю. Царь пришелъ отъ того въ страшный гнѣвъ, созвалъ къ себѣ главныхъ мужей Кута-Рійи и сказалъ имъ: «Если вы не перестанете злобствовать противъ меня, какъ вы злобствовали противъ отца моего..., то я всѣхъ васъ велю умертвить; отчего вы не поступали такимъ образомъ съ *вашими* царями? Съ тѣхъ поръ какъ *мы* правимъ вами, вы обнаруживаете вражду свою противъ насъ коварствомъ и хищеніями. Итакъ выдайте тотчасъ же моихъ коровъ, если же нѣтъ, то я перебѣю всѣхъ Халдеевъ этой земли. Клянусь Юпитеромъ, воскликнулъ онъ наконецъ, если вы не выдадите моихъ коровъ, то я велю предать смертной казни по десяти самыхъ знатныхъ и могущественныхъ мужей вашихъ за каждую корову.» Тогда представилъ предъ царя Сарука, владѣтель обширныхъ земель, многочисленныхъ рабовъ и рабынь, и поклялся Юпитеромъ, что они ничего не знаютъ о пропавшихъ коровахъ, и что они на этомъ, и ничѣмъ инымъ не желаютъ прогнѣвить царя. «Но я, прибавилъ Сарука, относительно похищенія коровъ имѣю нѣкоторое подозрѣніе, и если царь по милосердію своему даруетъ мнѣ день сроку, то я представлю ему всѣхъ пропавшихъ коровъ.» «Ты можеть-быть хочешь, возразилъ царь, доставить мнѣ своихъ собственныхъ коровъ въ замѣнъ моихъ, но я клянусь солнцемъ, что приму только тѣхъ коровъ, которыя у меня украдены.» «Повинуюсь повелѣнію твоему, отвѣчалъ Сарука, и представлю тѣхъ самыхъ коровъ; только умоляю царя не спрашивать меня ничего болѣе объ этомъ; потому, прибавилъ онъ, что чародѣи могутъ надѣлать такихъ дѣлъ, которыхъ мы исправить не въ состояніи.» Царь понявъ намекъ, догадался, что коровы похищены не ворами, а чародѣями, и на него напалъ сильный страхъ. Онъ повелѣлъ Сарукѣ

приступить къ дѣлу о возвращеніи уведенныхъ коровъ и общалъ не спрашивать его ни о чемъ болѣе. Тогда Сарука отправился къ себѣ въ домъ, взявъ тысячу динаровъ, чеканенныхъ при Немродѣ, отцѣ Ханаанца Замуны, у котораго украдены были тѣ тридцать коровъ, потомъ пошелъ къ чародѣю, котораго, какъ я сказалъ уже, не могу назвать по имени, уговорилъ и упросилъ его взять деньги и возвратить коровъ. Чародѣй согласился, а пастухи Саруки передали тѣхъ коровъ царскимъ пастухамъ. Царь же, страшась злобы чародѣевъ, не сказалъ болѣе ни слова, потому что, какъ сказано далѣе, еслибы онъ повелѣлъ умертвить одного чародѣя или даже многихъ, то осталось бы много другихъ, и онъ счелъ за нужное оставить ихъ въ покоѣ. «Эта взаимная вражда между Ханаанцами и Халдеями, прибавляетъ авторъ въ заключеніе, ведется издревле, съ той поры, когда страна эта (то-есть Вавилонія) не была еще подъ владычествомъ Ханаанцевъ; и жестокая ненависть ихъ къ Халдеямъ извѣстна у всѣхъ народовъ. Ханаанцы ненавидятъ Халдеевъ за знанія, которыми боги надѣлили ихъ, и въ которыхъ они сами не сильны. Но они (то-есть Ханаанцы) теперь цари наши и предводители; мы стоимъ съ ними наравнѣ и обязаны имъ благодарностію, потому что они сдѣлали намъ много добра, съ той поры, какъ владычествуютъ надъ нами.»

Изъ этого въ высшей степени интереснаго разказа, который мы привели частію буквально, частію въ подробномъ извлеченіи, для нашей цѣли весьма важно слѣдующее: Немродъ или Немрода есть имя, нисколько не искаженное Ибнъ-Вахшіею; потому что онъ писалъ бы его не Немрода (1), а просто Немродъ, какъ обыкновенно пишутъ магометане это имя, извѣстное имъ изъ Корана. Уже изъ выше приведеннаго мѣста, которое объясняетъ, что Немродъ, по завоеваніи Ханаанцами Вавилоніи, перевелъ ханаанскихъ жрецовъ изъ Ханаана въ Вавилонію и поселилъ ихъ тамъ, почти слѣдуетъ, что собственно онъ былъ завоевателемъ Вавилоніи основателемъ ханаанской династіи; еще яснѣе это видно изъ послѣдне-приведеннаго

(1) Имя это читается вездѣ Nemrôdâ, и только въ одномъ мѣстѣ единственнаго доступнаго мнѣ списка значитъ Nemrôd, а не Nemrôdâ; но это могло произойти отъ того, что тамъ за словомъ Nemrôd слѣдуетъ другое слово, начинающееся съ буквы a; легко могло случиться, что переписчикъ опустилъ букву a, которою оканчивалось имя Nemrôdâ.

мѣста. Здѣсь выступаютъ передъ нами первыя времена завоеванія чуждой страны и постоянныя распри между побѣдителями и побѣжденными при Немродѣ, такъ что ближайшій преемникъ завоевателя имѣлъ еще передъ глазами тѣ козни, которыя тревожили его предшественника, по самому ничтожному поводу подозрѣвалъ измѣну и возмущеніе и грозилъ совершеннымъ истребленіемъ покореннаго народа. Есть ли этотъ Немрода, завоеватель Вавилоніи, одно и то же лицо съ Нимродомъ, библейскимъ исполиномъ, мы рассмотримъ ниже.

Что же касается спеціально до предмета нашего изслѣдованія, то-есть до времени появленія нашей книги, то авторъ ея положительно говоритъ, что онъ писалъ тогда, когда въ Вавилоніи царствовала ханаанская династія. Изъ сообщеннаго нами разказа видно также, что онъ жилъ вскорѣ послѣ ханаанскаго завоеванія; даже самое приключеніе чародѣя, укротителя львовъ, онъ сообщаетъ не какъ прочтенное имъ въ какой-нибудь древней книгѣ, или извлеченное изъ баснословныхъ преданій, но прямо говоритъ, что ему кто-то *сообщилъ эту исторію*, и это говорится такимъ тономъ, который доказываетъ, что случай былъ недавній. Авторъ повторяетъ также не разъ, что онъ не назоветъ имени чародѣя; еслибы чародѣй этотъ жилъ за долго до него, то какая бы особенная причина могла заставить его такъ тщательно скрывать имя человѣка, умершаго за нѣсколько столѣтій? Сверхъ того о богатомъ землевладѣльцѣ Сарукѣ говорится такимъ тономъ, который доказываетъ, что во время нашего автора онъ былъ хорошо всѣмъ извѣстенъ, а не существовалъ лѣтъ за 500 до него. Равно и гнѣвная отрывистая рѣчь царя звучитъ какъ бы со словъ какого-нибудь лица, которое недавно слышало и тотчасъ же передало ее изустно и совершенно вѣрно. Авторъ обнаруживаетъ свое кроткое и примирительное воззрѣніе на Ханаанцевъ, но не скрываетъ гордаго сознанія, что онъ Халдей, и что его соплеменники стоятъ въ духовномъ отношеніи гораздо выше своихъ могущественныхъ побѣдителей, хотя матеріальная сила на сторонѣ послѣднихъ. Въ мѣстѣ, которое мы приведемъ сейчасъ, высказывается это примиряющее направленіе автора еще рѣшительнѣе, чѣмъ здѣсь.

IV. Въ главѣ, трактующей о миррѣ, авторъ говоритъ слѣдующее: «Многіе курятъ дерево мирры въ храмахъ и утверждаютъ, что этимъ можно отвратить распространеніе чумы и очистить зараженный воздухъ; многіе прибавляютъ къ этому дереву

смолу того же дерева и курятъ ихъ вмѣстѣ; иные прибавляютъ къ мирровому дереву ладону и *ушны* (*muscus arbores*) и сожигаютъ все это вмѣстѣ.» Это куреніе, смѣшанное изъ мирроваго дерева, мирровой смолы, ладона и *майи*, обозначаютъ словомъ (1), которое на арабскомъ языкѣ значитъ «удовольствіе истукановъ». Ханаанцы утверждаютъ, сказано далѣе, что такимъ куреніемъ пріобрѣтается благосклонность Венеры, и что, сожигая эти душистыя вещества, можно приблизиться къ ней. Тотъ же, говорятъ они, кто вздумаетъ совершить заклинаніе передъ истуканомъ богини, долженъ воскурять передъ нимъ эти вещества, играя на духовомъ инструментѣ или ударяя деревомъ алоэ въ продолженіи нѣкотораго времени, потомъ произносить сообразное съ желаніемъ своимъ заклинаніе Венеры, и богиня услышитъ моленіе и исполнить его. Все это должно происходить въ такое время, когда одна Венера дѣйствуетъ и ни одна изъ враждебныхъ планетъ не стѣсняетъ ея воли, преимущественно же надо наблюдать, чтобы въ то время она не была открыта передъ Меркуриемъ и не находилась съ нимъ въ соединеніи; потому что соединеніе ея съ Меркуриемъ составляетъ величайшее препятствіе къ полному развитію ея силы. По словамъ Дагрита, говоритъ Кутами, это смѣшеніе душистыхъ веществъ есть самое дѣйствительное и самое полезное для пріобрѣтенія желаннаго успѣха посредствомъ куреній, особенно если прибавить шафрана и костуса. Ханаанцы же, замѣчаетъ Кутами, не прибавляютъ послѣднихъ веществъ, не упоминаютъ о нихъ вовсе и не употребляютъ ихъ даже *въ наше время*, а не дѣлаютъ они этого потому, что болѣе всего почитаютъ Юпитера, постоянно призывая его и т. д. «Но это различіе, говоритъ наконецъ авторъ, между ими и нами (Халдеями) не должно почитать отчужденіемъ или враждою; нашъ, равно какъ и ихъ образъ дѣйствія имѣетъ свою правду, и опытъ доказываетъ намъ, что если правильно поступаютъ Халдеи, то не менѣе правильно дѣйствуютъ и Ханаанцы; ибо, какъ ихъ образомъ дѣйствій, такъ и нашимъ получаемъ мы (отъ боговъ) то, чего желаемъ и просимъ; это служить лучшимъ доказательствомъ правильности, какъ нашихъ, такъ и ихъ мнѣній.»

1) Я не могу сказать, какъ надо правильно прочесть и этимологически объяснить набатейское слово, которое Ибнъ-Вахшійя перевелъ «удовольствіе истукановъ» и въ то же время счелъ за нужное привести понабатейски арабскими буквами.

Итакъ мы видимъ, что Кутами въ трехъ мѣстахъ изъ числа четырехъ приведенныхъ нами мѣстъ, говорить положительно, что онъ писалъ въ то время, когда Вавилоніею владѣли ханаанскіе цари. Правда, этимъ мѣстамъ не предшествуетъ фраза: *Кутами говорить*, но мы уже доказали, что Кутами единственный авторъ всей книги, и что онъ вездѣ точно и тщательно цитуетъ своихъ предшественниковъ, обозначая при каждой цитатѣ ея источникъ. Слѣдовательно, каждое мѣсто, не названное положительно цитатою, должно принадлежать самому Кутами, и ему же несомнѣнно принадлежать всѣ приведенныя нами мѣста, гдѣ авторъ выдаетъ себя за современника царствовавшей въ Вавилоніи династїи ханаанскихъ царей, и гдѣ онъ *говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ*.

Впрочемъ я могу представить еще доказательства того, что всѣ вышеприведенныя мѣста не могутъ принадлежать Дагриту и Ямбушаду, и что они содержатъ въ себѣ слова только одного Кутами; доказательства эти должны переубѣдить всѣхъ тѣхъ, которые еще думаютъ, что Кутами не настоящій авторъ всего писанія о *Набатейскомъ Земледѣліи*, а только продолжатель и объяснитель Дагрита и Ямбушада. Дагрить и Ямбушадъ безпрестанно цитуются въ нашей книгѣ и всегда съ словами: «Дагрить говорить», «Ямбушадъ говорить», или какъ-нибудь иначе, но всегда очень ясно: на какомъ же основаніи предполагать, чтобы въ той же самой книгѣ, гдѣ встрѣчается отъ двухсотъ до трехсотъ ссылокъ на нихъ могли еще находиться мѣста, имъ принадлежащія и не обозначенныя сочинителемъ? Но вышеприведенныя четыре мѣста не могутъ принадлежать ни Дагриту, ни Ямбушаду по самой простой причинѣ: *позднѣйшій изъ нихъ обоихъ Ямбушадъ жилъ прежде ханаанскаго завоеванія*, а Дагрить жилъ гораздо прежде Ямбушада. Кутами говорить о нѣкоторыхъ частяхъ пальмы, указывая, на что ихъ употребляютъ; между прочимъ, говорить онъ, изъ этого дерева выдѣлываютъ рѣзныя фигуры животныхъ, которыя составляютъ лучшія жертвы, приносимыя идоламъ въ храмахъ. Эти изображенія изъ пальмоваго дерева, сказано далѣе, выдѣлываются людьми благочестивыми, которые «не приносятъ въ жертву идоламъ ни живыхъ, ни убитыхъ животныхъ, и даже отвергаютъ и запрещаютъ подобныя жертвоприношенія. Къ числу знаменитѣйшихъ мужей, слѣдовавшихъ такому учению, принадлежитъ Ямбушадъ; до него еще Мазя

Суранскій, Жернана (1), а равно и многіе изъ мудрѣйшихъ Халдеевъ и ихъ начальниковъ, число которыхъ очень значительно, запрещали «приносить въ жертву животныхъ посредствомъ сожиганія» и, инымъ какимъ образомъ, но изготовляли изъ пальмоваго дерева разныхъ животныхъ и приносили ихъ въ жертву богамъ. «До нашего времени», говоритъ Кутами въ заключеніе, «и прежде, чѣмъ Ханаанцы овладѣли Вавилоніею, въ большей части городовъ этой страны (то-есть Вавилоніи) находились художники, занимавшіеся искуснымъ выдѣлываніемъ такихъ деревянныхъ фигуръ; это прекратилось послѣ того, какъ Ханаанцы захватили власть; потому что масса народа исповѣдуетъ религію царей (то-есть ханаанскую.)» Кутами оканчиваетъ рѣчь свою добрымъ совѣтомъ, что каждый человѣкъ можетъ самъ выдѣлывать такія фигуры, и увѣряетъ, что этимъ онъ еще болѣе угодитъ богамъ; потому, говоритъ онъ, что въ жизнеописаніи Янбушада сказано, что тотъ, кто не покупаетъ этихъ изображеній животныхъ, а имѣетъ обыкновеніе выдѣлывать ихъ для жертвоприношеній собственными руками, сходенъ съ человѣкомъ, который ѣсть только то, что посѣялъ собственными руками, и пьетъ ту воду, которую собственными руками черпалъ изъ источника.

Излишне было бы останавливать вниманіе читателей на необыкновенной важности этого указанія въ общемъ его значеніи. Изъ него видно, что издавна усталились религіозныя ученія, отвергавшія всякое приношеніе въ жертву животныхъ; ибо Мази Суранскій, сравнительно съ нашимъ авторомъ, былъ мужемъ глубокой (если даже не глубочайшей) древности. Впрочемъ это не относится прямо къ нашему изслѣдованію: во всякомъ случаѣ мы видимъ изъ вышесказаннаго, что Янбушадъ жилъ до ханаанскаго завоеванія, когда еще было въ обыкновеніи покупать у художниковъ деревянные фигуры животныхъ и приносить ихъ въ жертву богамъ. Отсюда также видно, что Кутами жилъ во время ханаанской династіи, а не позднѣе; иначе онъ бы просто сказалъ, что то и то произошло до времени Ханаанцевъ, и не сливалъ бы своего времени съ ханаанскою эпохою. А такъ какъ Янбушадъ, а слѣдовательно и гораздо древнѣйшіи Дагрить жили до ханаанскаго завоеванія, то вышеприведенныя три мѣста нашей книги, гдѣ авторъ прямо на-

(1) Жернана, древній мудрецъ и поэтъ, былъ ученикъ Мази Суранскаго; о немъ часто упоминается въ главѣ «о пальмѣ».

зываетъ себя современникомъ ханаанской династіи, написаны не ими, а самимъ Кутами; къ тому же я почитаю совершенно невозможнымъ, чтобы человѣкъ, обозначающій такъ часто и тщательно приводимыя имъ цитаты, допустилъ какого-нибудь неизвѣстнаго автора говорить о себѣ въ первомъ лицѣ, ничѣмъ не обозначивъ, что это чужія слова. Но мы не ограничимся такимъ отрицательнымъ доказательствомъ, а приведемъ положительное, что мѣсто это дѣйствительно принадлежитъ Кутами и никому другому.

Мы видѣли уже въ первыхъ трехъ мѣстахъ, приведенныхъ нами, что авторъ выдаетъ себя за современника ханаанскихъ царей въ Вавилоніи, что хотя онъ самъ и Халдей, гордый мудростію своихъ соплеменниковъ, но вездѣ отдаетъ справедливость Ханаанцамъ и старается, кроткими и разумными словами, сгладить рѣзкую противоположность между побѣдителями и побѣжденными. Что касается до меня, то я тотчасъ же узналъ здѣсь умѣреннаго, умнаго и въ то же время политически осторожнаго Кутами, который хотя иногда и забывается, будучи не въ состояніи подавить ненависть свою къ чародѣямъ и къ суевѣрнымъ послѣдователямъ Ишиты, но вообще говорить осторожно и умѣренно о тѣхъ, кого онъ ненавидитъ въ душѣ, но кто имѣетъ силу повредить ему. Мы сейчасъ увидимъ, что дѣйствительно никто иной, какъ Кутами, выражается такимъ образомъ о Ханаанцахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имя его прямо не упомянуто Ибнъ-Вахшіе.

Авторъ говоритъ объ одномъ чародѣйномъ составѣ изъ молока, жиру и т. п. (1) и замѣчаетъ при томъ, что Халдеи и

(1) Въ книгѣ нашей часто рѣчь идетъ о чародѣйствѣ и чародѣйныхъ составахъ, которые не должно принимать въ смыслъ пустаго колдовства. Древніе Вавилоняне придерживались нѣкотораго рода рациональной системы чародѣйства, основанной на извѣстныхъ началахъ, на дѣйствительномъ или воображаемомъ познаніи природы и таинственныхъ силъ ея. Вавилонскій чародѣй не занимался заклинаніями, — заклинанія боговъ и призываніе ихъ великими или тайными именами не считалось за чародѣйство ни у Вавилонянъ, ни у другихъ народовъ языческой древности, — но чародѣй старался узнавать сокровенныя силы вещей, и въ дѣйствіяхъ своихъ подражать дѣйствіямъ природы. Анкебута, разказывая о созданіи имъ живаго существа, нисколько не приписываетъ своего дѣла помощи боговъ или злыхъ духовъ, но только говорить, что читалъ въ сочиненіи солнечнаго пророка Асколебита описаніе, какъ солнце творитъ живыя существа, и дѣйствіямъ его онъ вздумалъ подражать. Правдивый и добросовѣстный Кутами говоритъ, что онъ читалъ также это описаніе, но что фокусъ ему не удался.

Ханаанцы оспаривают другъ у друга честь изобрѣтенія его; потомъ онъ приводитъ одно мѣсто изъ полемическаго писанія Ханаанца Тамитри противъ Анухи, гдѣ тотъ между прочимъ восхваляетъ своихъ единоплеменниковъ за изобрѣтеніе означеннаго состава. На это Кутами замѣчаетъ слѣдующее (а такъ какъ приводимыя нами слова слѣдуютъ за цитатою, то передъ ними написано: «Кутами говорить»): «Тамитри приписываетъ изобрѣтеніе этого состава Ханаанцамъ и, приписывая его своему народу и своимъ родичамъ, возносите тѣмъ надъ всѣми Набатеями. Мы же утверждаемъ, что мы Халдеи изобрѣли означенный составъ, и именно Мази Суранскій первый изобрѣлъ его и употребилъ въ дѣло, восемьдесятъ лѣтъ спустя по смерти Адама.» Далѣе Кутами цитируется въ подробное разглагольствіе о томъ, что Мази изобрѣлъ означенный составъ и подробно изложилъ въ одной изъ своихъ книгъ его употребленіе, въ чемъ, какъ говоритъ онъ, «каждый можетъ убѣдиться, потому что эта книга и въ наше время всѣмъ извѣстна». «Тамитри, продолжаетъ онъ, утверждаетъ, что одинъ изъ ихъ (то-есть Ханаанцевъ) предковъ, бывший современникомъ Мази, сдѣлалъ это изобрѣтеніе, и что Мази присвоилъ его себѣ; и хотя нѣкоторые Ханаанцы утверждаютъ это и въ наше время, но я (то-есть Кутами), кромя уже приведенныхъ доказательствъ, имѣю еще много другихъ, которымъ служатъ свидѣтельствомъ, что такъ это, такъ и многое другое изобрѣтено Халдеями, а не Ханаанцами.» Кутами увлекся ревностью своею къ славѣ своихъ единоплеменниковъ и *comme chez nous* заводитъ споръ съ Ханаанцами о первенствѣ; но онъ скоро приходитъ въ себя, и считаетъ нужнымъ тотчасъ же оправдаться въ приведенныхъ нами нѣсколько горькихъ словахъ; при этомъ онъ говоритъ: «Клянусь солнцемъ, что все сказанное мною не должно принимать такъ, какъ будто бы я желалъ этимъ обидѣть Тамитри, или обличить его во лжи, или выказать ненависть мою къ Ханаанцамъ; напротивъ того, они наши благородные братья и родственники, наша плоть и кровь. Я дѣлаю только дружескіе упреки Тамитри; я всегда почиталъ его нашимъ предшественникомъ, и мы извлекли изъ его познаній много для себя полезнаго. Оттого я говорю: О Тамитри! мы, Халдеи, не завидуемъ вамъ Ханаанцамъ, что вы нашли средство сохранять тѣла умершихъ такимъ образомъ, что когда жизнь ушла изъ нихъ, они вѣчно остаются, не истлѣвая, не уничтожаясь и не измѣняя

своего состоянія. Мы признаемъ это изобрѣтеніе за вами, нисколько не думая приписывать его себѣ. Мы также не думаемъ оспаривать вашу мудрость въ томъ, что вы открыли имена боговъ, столь могущественныя, что тотъ, кто призываетъ боговъ этими именами, всегда бываетъ услышанъ, и его желаніе всегда исполняется. Клянусь моею жизнію, продолжаетъ Кутами, что вы, Ханаанцы, въ этомъ отношеніи превосходите всѣ народы, какъ тѣ, которые происходятъ отъ Адама, такъ и тѣ, которые происходятъ не отъ него. А равно и относительно другихъ изобрѣтеній вашихъ, кромѣ обоихъ упомянутыхъ, мы вамъ не завидуемъ и нисколько не приписываемъ ихъ себѣ. Вы же завидуете намъ относительно изобрѣтенія этого чародѣйственнаго состава, между тѣмъ какъ вы сами изобрѣли нѣчто большее и лучшее; и ты, о Тамитри, съ своей стороны не отдаешь намъ должной справедливости. Но несмотря на это, мы превозносимъ тебя за превосходство твоего знанія, твоего духа и твоего разума и за совершенство твоихъ писаній. Въ самомъ же дѣлѣ преимуществъ, которыми вы обладаете, принадлежать и намъ, а наши преимущества принадлежать также и вамъ, и между нами ни въ чемъ нѣтъ никакого различія» и т. д.

Кто не узнаетъ въ этихъ словахъ гордаго, но въ то же время умнаго и снисходительнаго къ побѣдителямъ Хаддея, который, какъ въ этой, такъ и во всѣхъ вышеприведенныхъ цитатахъ, употребляетъ одни и тѣ же выраженія, говоря о господствующихъ въ Вавилоніи Ханаанцахъ, и который выдаетъ себя за современника ханаанской династіи? Совершенно ясно, что здѣсь самъ Кутами выражается такимъ образомъ о Ханаанцахъ, а слѣдовательно ни малѣйшаго сомнѣнія, что и въ вышеприведенныхъ четырехъ мѣстахъ говорить никто другой, какъ тотъ же Кутами.

Доказавъ, что Кутами писалъ въ то время, когда Вавилонія находилась подъ властью ханаанской династіи, мы постараемся съ точностью опредѣлить это время. Мы видѣли уже, что Кутами говоритъ о лицахъ, жившихъ при второмъ царѣ этой династіи, такимъ тономъ, какъ будто они были еще очень извѣстными людьми въ его время; слѣдовательно онъ самъ жилъ недолгое время спустя послѣ этого втораго ханаанскаго царя. Мы видѣли также, что Кутами, говоря о несчастномъ ханаанскомъ царѣ Ссальбамѣ, современнику котораго былъ Ибрагимъ, прибавляетъ, что этотъ Ссальбама жилъ незадолго до него, Кутами, и что слѣды бѣдствія, свирѣпствовавшаго во время

этого царя, не исчезли еще въ его время. Впрочемъ едва ли этотъ царь былъ третьимъ изъ своей династїи; потому что сначала Кутами говоритъ объ упомянутомъ Ибрагимѣ-эль-Кенаани, современникѣ этого царя, и прибавляетъ, что его предки (стало-быть по крайней мѣрѣ дѣдъ его) переселились въ Вавилонїю прежде ханаанскаго завоевателя, а такъ какъ жизнь трехъ поколѣній должна быть по общему закону продолжительнѣе трехъ царствованій, то конечно между вторымъ ханаанскимъ царемъ и Ссальбамою долженъ былъ царствовать по крайней мѣрѣ еще *одинъ* царь; къ тому же Кутами дѣйстви-тельно упоминаетъ еще объ одномъ ханаанскомъ царѣ, по имени Сускійя, который конечно царствовалъ прежде Ссальбамы. И такъ очень можетъ быть, что Ссальбама былъ четвертымъ царемъ ханаанской династїи. По тому, какъ Кутами говоритъ въ приведенныхъ нами цитатахъ объ этомъ Ссальбамѣ, можно заключить, что даже младенчество Кутами не совпадало со временемъ этого царя; а равно и по тому, какъ онъ говоритъ объ Ибрагимѣ, современникѣ этого царя, замѣтно также, что между имъ и этимъ мудрецомъ протекло довольно много времени. Поэтому Кутами могъ даже жить не въ царствованіе ближайшаго преемника Ссальбамы; по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ писалъ свою книгу во время царствованія шестаго царя ханаанской династїи.

Къ точнѣйшему опредѣленію времени, въ которое писалъ Кутами можетъ, по мнѣнію моему, служить слѣдующее мѣсто: Упомяная объ одномъ ученомъ Ханаанцѣ, специально занимавшемся земледѣіемъ, Кутами разказываетъ, что онъ прибылъ въ Вавилонїю, гдѣ имѣлъ съ нимъ (т.-е. съ Кутами) свиданіе и бесѣдовалъ о растеніяхъ и деревьяхъ; далѣе Кутами говоритъ, что этотъ Ханаанецъ сообщалъ ему, какъ «Ханаанцы въ *свое* время» воздѣлывали вишневое дерево. Этотъ Ханаанецъ, уроженецъ Финикїи, а можетъ-быть и Палестины, говоритъ о Ханаанцахъ такимъ образомъ, какъ будто они въ *его* время, и слѣдовательно во время Кутами, не были уже единственными повелителями и обладателями земли Ханаанской. Поэтому Кутами необходимо долженъ былъ жить *послѣ* занятія этой страны Израильтянами.

Изъ всего сказаннаго нами мы извлекаемъ слѣдующіе два результата:

1) Халдей Кутами изъ города Вавилона, принадлежавшій прежде къ сектѣ Куканцевъ и потомъ присоединившійся къ

сектъ Суранцевъ, есть единственный и исключительный авторъ писанія, дошедшаго до насъ въ добросовѣстно-обработанномъ арабскомъ переводѣ Ибнъ-Вахшійи, и носящаго у магометанъ названіе *Книги о набатейскомъ земледѣліи*.

2) Этотъ Кутами писалъ въ то время, когда Вавилонія находилась подъ властію ханаанской династіи, основатель которой носилъ имя *Немрода*; Кутами жилъ не долгое время спустя по основаніи этой династіи, но никакъ не прежде царствованія *шестая* царя этой династіи.

Теперь намъ остается разрѣшить слѣдующіе вопросы: когда царствовала ханаанская династія въ Вавилоніи? былъ ли основатель ханаанской династіи *Немрода* одно и то же лицо съ библейскимъ Нимвродомъ? и съ какою изъ вавилонскихъ династій, исчисленныхъ у Евсевія и Бероза, совпадаетъ эта ханаанская династія? Разрѣшеніемъ послѣдняго вопроса опредѣлительно разрѣшится первый и довольно опредѣлительно второй.

VI.

Такъ какъ ханаанское вторженіе въ Вавилонію (это мы увидимъ ниже), по всѣмъ вѣроятностямъ, послѣдовало въ XVI вѣкѣ, слѣдовательно задолго до Моисея, то и не удивительно, что опредѣленныхъ извѣстій объ этомъ событіи нельзя найти ни въ книгахъ Ветхаго Завѣта, ни въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей. Впрочемъ, какъ намъ кажется, есть много намековъ, что владычество Ханаанцевъ въ Вавилоніи не безызвѣстно было Евреямъ, и что свѣдѣнія о немъ дошла до Грековъ, хотя въ формѣ легенды.

Мы не причисляемъ сюда извѣстія, находящагося въ книгѣ *Бытія* (10, 8—12) о Нимвродѣ, основавшемъ великое царство въ Вавилоніи, хотя оно, какъ мы увидимъ ниже, должно относительно къ нашему предмету; но жившій въ *Вавилоніи* пророкъ Іезекіиль укоряетъ Израильтянъ (16, 29), что они блудодѣйствуютъ даже «въ землѣ Ханаанской, въ *Касдимѣ*»; слѣдовательно Ханаанъ здѣсь почитается синонимомъ *Касдима*, или Халдей; въ другомъ мѣстѣ у этого пророка (17, 4; сравните тамъ же 12) Ханаанъ тоже упоминается, какъ синонимъ Вавилоніи. Это останавливало уже древнихъ толковниковъ и переводчиковъ (1);

(1) У 70-ти толковниковъ слово «Касдимъ» оставлено не переведен-

вообще же объясняютъ, что слово «Ханаанская земля» употреблено здѣсь какъ ругательное слово, то-есть «страна торгашей»; но прежде слѣдуетъ доказать, считалось ли слово «торгашъ» ругательнымъ у древнихъ Евреевъ; тотъ же Іезекииль (23, 8), называя тирскихъ купцовъ «князьями» и «знатнѣйшими мужами», доказываетъ совершенно противное. Объясняется же этотъ стихъ Іезекиіля очень просто, если принять въ соображеніе свѣдѣнія наши о долговременномъ владычествѣ Ханаанцевъ въ Вавилоніи: проживавшій тамъ пророкъ, во время котораго можетъ-быть не совсѣмъ исчезли слѣды ханаанской національности въ Халдеѣ, могъ имѣть свѣдѣніе о ханаанскомъ завоеваніи и отъ того въ поэтической рѣчи называетъ Вавилонію «страною Ханаанцевъ».

Что же касается до свѣтскихъ писателей, то различныя финикійскія и греческія преданія свидѣтельствуютъ о тѣсной связи Ханаанцевъ съ Вавилонянами, связи, которая основана не на первоначальномъ сродствѣ этихъ народовъ, но довольно ясно указываетъ на переселеніе Ханаанцевъ изъ Вавилоніи и на обратное ихъ переселеніе въ эту страну. Оттого Вавилоняне производятъ Ханаанцевъ отъ вавилонскаго Баала-Кроноса (1), а Финикіяне заставляютъ главнаго бога своего переселяться въ Вавилонъ и основывать въ немъ свое мѣстопробываніе (2). Всѣ эти преданія объясняются вышеприведенными извѣстіями, что Ханаанцы въ глубокой древности изгнаны были изъ Вавилоніи, что они, въ противоположность Халдеямъ, преимущественно поклонялись Юпитеру, и что наконецъ масса Вавилонянъ послѣ ханаанскаго вторженія приняла религію своихъ завоевателей. Равно многія извѣстія о жительствѣ Финикіянь при Черномомъ морѣ, то-есть при Персидскомъ заливѣ, и на различныхъ островахъ его,—извѣстія, которыя Моверсъ устраниаеъ безъ достаточнаго основанія, не умѣя объяснить ихъ (3), — доказываютъ, что Ханаанцы дѣйствительно имѣли даже въ позднѣй-

нимъ, а въ Вульгатѣ совершенно ошибочно переведено: «Et multiplicasti fornicationem tuam in terra Chanaan cum Chaldaeis».

(1) См. Movers *Phöniz.* II, 1. стр. 53, и прим. 73.

(2) См. *ib.* стр. 26, прим. 11; срав. II, 3, 1 стр. 237. прим. 6 и стр. 249. прим. 21.

(3) См. Movers I ст. 44 и пр. 41. Можетъ-быть подъ именемъ необъяснимаго «Assyrium stagnum» Юстина (18, 3, 2,) гдѣ было первоначально жилище Финикіянь, разумѣян просто извѣстный южно-халдейскій болотистый округъ. Срав. Арріана *Анab.* 7, 21.

шее время осѣдлость въ южной Халдѣ. Фактическое существованіе Финикіянъ въ означенныхъ мѣстахъ, даже въ относительно позднее время, можно объяснить только сказаніемъ нашей книги объ обратномъ переселеніи Ханаанцевъ въ Вавилонію. Есть также извѣстія, которыя сообщаетъ самъ Моверсъ, и по которымъ можно принять Финикіянъ за выселенцевъ съ Чермнаго моря, или совсѣмъ наоборотъ Финикіянъ Чермнаго моря за выселенцевъ Ханаана (1); эти извѣстія основаны, очевидно, на фактѣ, нѣсколько разъ сообщаемомъ въ нашей книгѣ, что Ханаанцы первоначально изгнаны были изъ Вавилоніи и потомъ снова возвратились въ эту страну завоевателями. Сохранились также отрывочныя извѣстія о жестокихъ битвахъ, происходившихъ между Халдеями и Финикіянами, т.-е. Ханаанцами, около 1544 года (2); эти извѣстія также приобрѣтаютъ смыслъ и историческое основаніе, благодаря сообщенному нами разказу о завоеваніи, послѣ долгихъ битвъ, Вавилоніи Ханаанцами.

У магометанскихъ писателей, сколько мнѣ извѣстно, сохранилось весьма мало свѣдѣній о существованіи ханаанской династіи въ Вавилоніи; но фактъ этотъ, какъ кажется, не былъ имъ совершенно неизвѣстенъ. Въ 18 главѣ *Моружъ-эдъ-Джаабъ* Масуди находится списокъ 42 древне-вавилонскихъ царей, начинающійся Немродомъ и оканчивающійся послѣднимъ Даріемъ; Масуди не упоминаетъ ханаанскихъ царей; но списокъ его очевидно извлеченъ изъ христіанско-греческаго источника (3), и потому нисколько не странно, что онъ не знаетъ ничего о ханаанской династіи. Историкъ Иса-Ибнъ-эль-Монажжемъ, писавшій въ 231 году гежры (около 846 г.), поименовываетъ также Немрода и четырехъ его преемниковъ, Тита бенъ-Каудеда, Давесса, Балеша и Немрода, — называя ихъ царями вавилонскими; онъ упоминаетъ еще объ одномъ вавилонскомъ царѣ, который также былъ потомокъ Немрода и назывался Акфуръ-Шахъ; по его словамъ, этотъ царь былъ современникъ персидской царицы Хеманго, дочери Багмана, и жилъ до времени Ардшира, основателя династіи Сассанидовъ. Но о ханаанскихъ царяхъ у него также нѣтъ прямого извѣстія. Напротивъ того въ *Ашкаль-эль-Болданъ* Абу-Заида, географіи,

(1) См. Моверса I. 1., стр. 45 и ср. стр. 53.

(2) Тамъ же стр. 272; ср. *Ssabier* I, стр. 333.

(3) Ср. *Ssabier* II, стр. 621 и 709, прим. 2.

изданной въ III вѣкѣ гежры (въ 9 по Р. Х.) (1), слѣдовательно гораздо прежде перевода *Набатейскаго Земледѣлія*, говорится очень опредѣлительно о пребываніи ханаанскихъ царей въ Вавилоніи. Такъ какъ этотъ географъ не могъ почерпнуть свои извѣстія о существованіи ханаанскихъ царей въ Вавилонѣ изъ *Набатейскаго Земледѣлія*, то у Арабовъ должны были находиться другіе источники, изъ которыхъ они заимствовали это извѣстіе. Также въ одной рукописной географіи на персидскомъ языкѣ (2) опредѣлительно сказано, что Вавилонъ послѣ Догака былъ резиденціею ханаанскихъ царей. Повидимому и этотъ географъ не почерпнулъ своего извѣстія изъ *Набатейскаго Земледѣлія*; въ такомъ случаѣ онъ бы не имѣлъ повода эту династію поставить послѣ Догака; слѣдовательно онъ нашелъ свое извѣстіе у какого-нибудь магометанскаго историка.

Обратимся къ Берозу. Берозъ былъ человѣкъ, который очень хорошо могъ знать древнюю исторію своего отечества; въ этомъ я могу сомнѣваться менѣе чѣмъ кто-нибудь: мнѣ теперь хорошо извѣстно, что древніе Вавилоняне имѣли значительную историческую письменность, бытописанія о различныхъ народахъ и отдѣльныхъ городахъ, жизнеописанія учителей, пророковъ, царей и тому подобное. Слѣдовательно мы можемъ вполне довѣрять показаніямъ Бероза. Онъ не говоритъ, правда, ничего о ханаанской династіи въ Вавилонѣ, но такъ какъ въ существованіи ея не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, то необходимо предположить, что она или тождественна съ какою-нибудь династіею, не названною по имени у Бероза, или что онъ упоминаетъ о ней подъ другимъ названіемъ. Разсмотримъ династіи, поименованныя у Бероза, и попытаемся опредѣлить, съ которою изъ нихъ можетъ быть тождественна ханаанская династія. Чтобы читателю удобнѣе было уяснить себѣ этотъ вопросъ, мы представимъ здѣсь извѣстія Бероза относительно этихъ династій, по новому буквальному переводу Петерманна съ армянскаго изъ Евсевія (3). Въ немъ значится слѣдующее:

(1) Рукопись Sprenger N I, находящаяся теперь въ Берлинѣ.

(2) Рукопись азиатскаго музея въ С.-Петербургѣ № 604 подъ словомъ *Vavilon*. Авторъ этой географіи мнѣ неизвѣстенъ.

(3) Нибуръ I. стр. 470 и 490—495. Относящіяся сюда отрывки изъ Бероза сохранились въ дошедшемъ до насъ только на армянскомъ языкѣ *Chronikon* Евсевія.

I династія: «Послѣ потопа надъ землею Хаддеевъ властвовалъ Эвексій (Evehios) 4 неры. Послѣ него принялъ правленіе сынъ его Хомасбелъ (Khomasbelos) 4 неры 5 созъ. Отъ Ксиутра (Xisuthros) и потопа до занятія Вавилона *Марамы* (то-есть Мидянами), Полигисторъ насчитываетъ всего 86 царей и каждаго называетъ поименно, по сочиненію Бероза, а время ихъ всѣхъ онъ обозначаетъ числомъ 33091 года.»

II династія: «Послѣ нихъ собрали Мары (то-есть Мидяне) войско противъ Вавилона, чтобы взять его и поставить надъ нимъ тирановъ изъ своей среды. Тутъ онъ приводитъ также имена марійскихъ тирановъ числомъ 8, а года ихъ 224.»

III династія: «и снова 11 царей и... (по замѣткѣ на полѣ 48) лѣтъ.

IV династія: «потомъ также хаддейская 49 царей и 458 лѣтъ.

V династія: «затѣмъ арабская, 9 царей и 245 лѣтъ, послѣ которыхъ онъ разказываетъ также, что Шамирамъ (Семирамида) царствовала въ Ассіріи.

VI династія: «И опять онъ исчисляетъ имена 45 царей и опредѣляетъ имъ 526 лѣтъ, послѣ которыхъ, какъ говоритъ онъ, царемъ былъ Хаддей, по имени Фуль, о которомъ также упоминаетъ исторія Евреевъ, указывая, что именно Фуль воевалъ противъ земли Іудейской. Послѣ этого, говоритъ Полигисторъ, царемъ былъ Сенехерибъ» и т. д.

Довольно трудно съ точностію опредѣлить начало и конецъ каждой изъ этихъ династій; потому что время Фула колеблется у хронологовъ между 747 и 775, а утраченное число лѣтъ III династія пополняется разными писателями различно. Можно принимать приблизительно начало VI династіи съ 1295 г., V съ 1540 г. и IV съ 1998; до сихъ поръ по крайней мѣрѣ хронологическія данныя будутъ довольно вѣрны. Предпославъ этотъ выводъ, мы попытаемся изслѣдовать, съ которою изъ вышеисчисленныхъ династій можетъ быть тождественна наша династія ханаанская.

Конечно, о первой и о второй мидійской династіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Также и третья анонимная династія идетъ слишкомъ далеко въ глубину древности: она восходитъ къ 2000 г., даже если принять маленькую цифру 48, намѣченную на полѣ у Евсевія. Четвертая династія прямо обозначена названіемъ хаддейской. Итакъ выборъ остается сдѣлать только между V династіей девятъ арабскихъ царей съ 245 годами и VI аноним-

ною династіей 45 царей съ 526 годами, за которыми слѣдовалъ известный въ Библии ассирійскій царь Фулъ; потому что слѣдующіе за тѣмъ цари (рядъ которыхъ, начиная съ Набонасара, то-есть съ 747 г., извѣстенъ намъ изъ Птолемея канона) были конечно не Ханаанцы, на что не требуется доказательствъ. Я полагаю, что ханаанская династія въ Вавилоніи можетъ быть тождественна только съ V династіею Бероза, то-есть съ династіею девяти арабскихъ царей (съ 245 годами), которые царствовали отъ 1540 по 1295 до Р. Х. Берозъ, писавшій для Грековъ и желавшій быть для нихъ понятнымъ, предпочелъ извѣстное Грекамъ и болѣе употребительное названіе Арабовъ вмѣсто Ханаанцевъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, могъ въ извѣстномъ отношеніи употреблять въ этомъ случаѣ имя Арабовъ, нисколько не впадая черезъ это въ грубую ошибку.

Иудейскій историкъ Юсіфъ Флавій сообщаетъ намъ драгоценный отрывокъ (1) изъ египетской исторіи египетскаго жреца Манеона (писавшаго во время втораго Птолемея), заключающій въ себѣ извѣстіе, что въ первое время царствованія XIII египетской династіи различныя *пастушескія племена*, называвшіяся у Египтянъ Гиксосами, напали на Египетъ, покорили всю страну и господствовали надъ нею нѣсколько столѣтій, по однимъ писателямъ болѣе 500 лѣтъ, по другимъ около 900. О происхожденіи этихъ Гиксосовъ Манеонъ приводитъ нѣсколько различныхъ мнѣній; по мнѣнію однихъ, они были Финикияне, то-есть другими словами Ханаанцы; по мнѣнію другихъ, — Арабы. Мы подробно говорили объ этомъ извѣстіи въ сочиненіи нашемъ о Сабяхъ (2) и относительно его сдѣлали слѣдующее предположеніе: Вторженіе въ Халдею племень арійскаго происхожденія вытѣснило обитавшія тамъ семитическія племена частію на югъ, частію на сѣверъ. Эти послѣднія племена, изгнанныя изъ родины, вытѣснили (подобно тому, какъ это было при великомъ переселеніи народовъ) другіе народы, въ томъ числѣ различныя арабскія племена, такъ же какъ и обитателей Ханаана. Эти вытѣсненные Арабы и Ханаанцы вторглись подъ именемъ Гиксосовъ въ Египетъ; но такъ какъ Ханаанцы, какъ теперь, оказывается были народомъ образованнымъ и стояли очевидно на высшей степени

(1) Въ сочиненіи своемъ *Contra Apionem* I, 14.

(2) I, стр. 240.

цивилизации, чѣмъ Арабы, то Арабы слились съ Ханаанцами и утратили свою самостоятельность. Вопросъ, какъ долго властвовали Гиксосы надъ Египтомъ, имѣеть для насъ интересъ второстепенный; впрочемъ мы знаемъ изъ Манефона, что около половины XVI вѣка они изгнаны были изъ Египта Амосисомъ, первымъ царемъ XVIII египетской династіи. Мы замѣтили выше, что именно около 1540 года основана была въ Вавилоніи новая династія, которую Берозъ называетъ арабскою, а такъ какъ вытѣсненные въ то время изъ Египта Гиксосы могли называться одинаково Арабами и Ханаанцами, то съ большою вѣроятностію можно предположить что основателями этой династіи были именно эти бездомные Гиксосы, въ то самое время изгнанные изъ Египта, и что наша ханаанская династія тождественна съ этою такъ-называемою арабскою. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что съ VI династіей Бероза, послѣдовавшею за арабскою, она тождественна быть не можетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ. Начало VI династіи Бероза приблизительно совпадаетъ съ 1295 годомъ. Предположимъ ли мы, что библейскій Немродъ жилъ дѣйствительно не ранѣе этого времени, или что онъ не одно и то же лицо съ *Немродою*, основателемъ ханаанской династіи, намъ все равно предстоитъ вопросъ: вѣроятно ли, чтобы значительное число палестинскихъ Ханаанцевъ (а таковыми необходимо по вышеприведеннымъ даннымъ почитать Ханаанцевъ Кутами) съ предводителемъ своимъ во главѣ, могло въ то время завоевать Вавилонію? Я полагаю, что это невозможно, преимущественно потому, что Ханаанцы, обитатели такой маленькой области, какова Палестина, никогда не были бы въ состояніи завоевать такое огромное царство, какимъ была тогда Вавилонія; по крайней мѣрѣ во время Кутами границы этого государства простирались на западъ до Аравійской пустыни (которая въ то время не имѣла нынѣшняго объема), на югъ до Персидскаго залива, на востокъ до Холвана и можетъ-быть еще далѣе, на сѣверо-востокъ до верхняго Заба. Если даже предположить, что земля ханаанская занимала пространство болѣе значительное, чѣмъ показано въ библейскихъ книгахъ (это само по себѣ возможно и даже вѣроятно), то ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы Ханаанцы въ означенное время завоевали Вавилонію, потому что тогда, то-есть въ началѣ XIII вѣка, Израильтяне давно уже владѣли Палестиною, и Ханаанцы болѣею частію были истреблены или обращены

въ рабство; еслибы Ханаанцы были въ то время еще такъ сильны, чтобы завоевать такое огромное царство, какъ Вавилонія, и еслибъ они имѣли въ средѣ своей такого героя, какъ Немрода, то они не оставили бы своей родины, съ тѣмъ чтобъ искать новаго мѣста для поселенія, а скорѣе выгнали бы изъ своей земли Израильтянъ, не ирочно соединенныхъ между собою. Въ *Книжъ Судей* мы видимъ, что только одинъ разъ составилось сильное ханаанское государство *Хассоръ* подъ управленіемъ Ябина, на сѣверѣ земли ханаанской, а впрочемъ вездѣ повѣствуется только о внѣшнихъ врагахъ Израильтянъ, но не о врагахъ, жившихъ между ними. Я знаю, что г. Бунзенъ и также г. Лепсіусъ относятъ исходъ Израильтянъ къ 1320 г., слѣдовательно переселеніе Ханаанцевъ въ Вавилонію могло быть слѣдствіемъ израильскаго вторженія; но прежде всего я долженъ замѣтить, что если Ханаанцы были еще во время Иисуса Навина такъ сильны, чтобы только остатками своими покорить Вавилонію, то они никакъ не допустили бы Израильтянъ сдѣлаться обладателями своей страны; здѣсь я повторю мнѣніе, высказанное уже мною прежде (1), что по чисто-критическимъ причинамъ, необходимо придерживаться библейскихъ данныхъ, которыя до сихъ поръ ничто не могло поколебать. Если отнести египетскаго царя Шишака, завоевавшаго Іерусалимъ въ пятый годъ царствованія царя Ровоама, къ 932 году (это самая меньшая цифра) и прибавить къ этому 41 или 42 года, отъ пятилѣтняго царствованія Ровоама до построенія храма Соломонова, и 480 лѣтъ отъ этого построенія до исхода Израильтянъ изъ Египта, то исходъ этотъ падеть на $(932 + 41 + 480)$ 1453 годъ, слѣдовательно около 158 лѣтъ до начала VI династіи Бероза. Здѣсь не мѣсто распространяться, на какихъ критическихъ основаніяхъ я такъ твердо придерживаюсь библейскихъ данныхъ; но я замѣчу только, что изо всѣхъ дошедшихъ до насъ хронологическихъ данныхъ древности, ни однѣ не имѣютъ такой точности и опредѣленности, какъ библейскія, и ни однѣ не переданы намъ переписчиками съ такою вѣрностію и добросовѣстностію. Еслибы данныя Манеона дошли до насъ изъ первыхъ рукъ, то конечно онѣ имѣли бы для меня большее значеніе; но такъ какъ мы получили ихъ черезъ посредство людей, дѣлавшихъ выписки изъ Манеона и, какъ уже

(1) *Ssabier* I. стр. 318.

несомнѣнно доказано, искажавшихъ эти выписки частію съ намѣреніемъ, частію по невѣжеству, то въ сравненіи съ библейскими данными данныя Манеэона не могутъ имѣть никакого значенія. Что же касается до египетскихъ памятниковъ, которые, по увѣренію нѣкоторыхъ египтологовъ, уничтожаютъ нынѣшніи библейскія данныя, то, по моему мнѣнію, они до тѣхъ поръ не приобретутъ полной достовѣрности, пока объясненіе ихъ будетъ держаться на такихъ шаткихъ основахъ, какъ теперь, и пока объяснители этихъ памятниковъ будутъ такъ далеко расходиться между собою, какъ расходятся они на примѣръ хоть бы относительно продолжительности владычества Гиксосовъ: г. Руже принимаетъ его въ 2000 лѣтъ, г. Бунзенъ около 922, а г. Лепсіусъ принялъ его сначала въ 622 года потомъ въ новомъ сочиненіи своемъ въ 511 лѣтъ.

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго можно сдѣлать только одинъ выводъ, что ханаанская династія въ Вавилонѣ тождественна съ V династіей Бероза. Владычество же этой династіи началось не прежде 1540 года и кончилось не прежде 1295 года; следовательно *позднѣйшее время, въ которое могъ писать Кутамъ, совпадаетъ съ концомъ XIV вѣка до Р. Х.*

Но кто же былъ предводитель этихъ ханаанскихъ завоевателей, этотъ *Немрода*, герой-завоеватель, покорившій съ толпою изгнанниковъ огромное царство? По моему мнѣнію, очень можетъ быть, что онъ одно и то же лицо съ исполиномъ-Нимвродомъ, имя котораго вошло въ пословицу, и слава котораго достигла до Евреевъ, а тѣ по происхожденію его изъ земли Египтянъ, называли его сыномъ Куша, нисколько не относя его однакожь къ первобытному времени человѣчества: иначе имя его находилось бы при исчисленіи сыновей Куша въ десятой главѣ *Бытія*, а тамъ нѣтъ имени Нимврода. Пословица: «Какъ Нимвродь, исполинъ-ловець предъ Господомъ» показываетъ, по мнѣнію моему, что библейскій Нимвродь, жившій въ памяти позднѣйшихъ Семитовъ, былъ не туманнымъ образомъ первобытнаго міра, но историческимъ лицомъ *новѣйшаго времени*, и что слава его переходила изъ устъ въ уста и находилась еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Такъ напримѣръ мы скажемъ о необыкновенно мужественномъ и могущественномъ чловѣкѣ: «онъ настоящій Наполеонъ», но никто не скажетъ: «онъ настоящій Фридрихъ Барбаросса» или «онъ настоящій Карлъ Великій», потому что эти герои слишкомъ отдалены отъ насъ. Почему Израильтяне времени Моисеева стали

бы такимъ образомъ употреблять имя человѣка, который жилъ до нихъ за 3000 лѣтъ, какъ думаетъ напримѣръ г. Бунзенъ и нѣкоторые другіе? Ни въ какомъ случаѣ я не считаю этого очень естественнымъ. Что Евсевій и другіе христіянскіе хронографы не нашли ничего о Немродѣ въ доступныхъ для нихъ источникахъ вавилонской исторіи, то это нисколько не доказываетъ, чтобы и Берозъ не зналъ о немъ, тѣмъ болѣе что эти христіянскіе хронографы не имѣли передъ собою сочиненій Бероза и знали ихъ только по выпискамъ у Александра Полигистора; но съ одной стороны еще не доказано, что этотъ писатель заимствовалъ извлеченія свои прямо изъ Бероза; съ другой стороны также мало доказано, что Евсевій свѣдѣнія свои черпалъ непосредственно у Александра Полигистора. Само собою разумѣется, что предположенію нашему нисколько не можетъ повредить то, что библейскій Нимвродъ въ позднѣйшихъ раввинскихъ и магометанскихъ басняхъ приводится въ связь съ столпотвореніемъ вавилонскимъ, съ смѣшеніемъ языковъ и разсѣяніемъ потомковъ Ноя. Если же наше предположеніе захотятъ опровергнуть стихомъ книги *Бытія* (X. 10), гдѣ Нимвродъ названъ основателемъ Вавилона, между тѣмъ какъ изъ показанія Кутами ясно, что этотъ городъ существовалъ до ханаанскаго вторженія, то мы возразимъ, что въ этомъ стихѣ Нимвродъ нисколько не представленъ основателемъ Вавилона, и что тамъ сказано только: «Вавилонъ, Орехъ, Архадъ и Халанни были началомъ царства его», а это можно объяснить тѣмъ, что онъ первый завоевалъ (а вовсе не основалъ) эти города. При этомъ не лишнимъ считаю замѣтить, что мнѣ хорошо извѣстно все написанное о Нимродѣ, какъ въ древнее, такъ въ новое и въ новѣйшее время, и что въ этой путаницѣ мнѣній и предположеній я не нашелъ ничего такого, что могло бы поколебать предположеніе о тождествѣ библейскаго Нимврода съ Немродомъ, основателемъ ханаанской династіи, упомянутымъ въ нашей книгѣ; во всякомъ случаѣ, никто, какъ мнѣ кажется, не въ состояніи привести *положительно* доказательства невозможности предполагаемаго мною тождества. Обстоятельство, что Немрода чеканилъ золотую монету, нисколько не служитъ доказательствомъ, чтобы онъ не былъ тождественъ съ библейскимъ Нимвродомъ, а чтобы онъ не могъ жить въ XVI вѣкѣ до Р. Х.; ибо прежде всего необходимо доказать, что въ это время не было чеканенной монеты, чего, какъ кажется, доказать невозможно. Напротивъ того, извѣстное мѣсто въ книгѣ *Бытія* 23, 16, доказываетъ, что чеканенная

монета существовала еще во времена Авраама. Но такъ какъ въ Вавилоніи, что мнѣ *положительно* извѣстно, были золотые и серебряные рудники, то весьма вѣроятно, что тамъ издавна вошли въ употребленіе золотыя и серебряныя деньги.

VII.

Возможно ли же, чтобы такая многообъемлющая книга, наполненная безчисленнымъ множествомъ ссылокъ на предшественниковъ, появилась за тринадцать вѣковъ до Р. Х. и за четыре вѣка до Гомера, по обыкновенному лѣтосчисленію? Я стараюсь показать въ самомъ началѣ этой статьи, что это вообще возможно, здѣсь не могу не прибавить, что это не только возможно, но и крайне вѣроятно, и, еще болѣе, что стоить только разсмотрѣть внимательно состояніе образованности древнихъ народовъ Передней Азіи, и невольно придешь къ заключенію, что древніе Вавилоняне должны были въ самыя отдаленныя времена обладать обширною письменностію. Даже Израильтяне, почти самый юный изъ народовъ семитическихъ, задолго до Грековъ уже имѣли значительную письменность. Многія указанія въ древнѣйшихъ книгахъ Ветхаго Завѣта ясно свидѣтельствуютъ о высокой образованности народовъ семитическихъ еще *прежде* переселенія Израильтянъ въ землю Ханаанскую. По всѣмъ вѣроятностямъ, Ханаанцы были гораздо моложе Вавилонянъ, и несмотря на это, къ какой глубокой древности относятся ихъ письменности! Происхожденіе ихъ священныхъ книгъ давно уже исчезло изъ ихъ памяти, и потому эти книги приписывались разнымъ богамъ. Даже объясненія и комментаріи къ этимъ книгамъ приписываются божественнымъ существамъ Туро-Хузартису и Сурмубелю. Между появленіемъ этихъ книгъ и комментаріевъ къ нимъ должно было также пройти много времени, въ продолженіи котораго древнія сочиненія сдѣлались уже непонятны и требовали объясненій. Древнѣйшіе мудрецы XII и XI вѣка занимались уже толкованіемъ и аллегорическимъ объясненіемъ священныхъ книгъ; почти за 800 лѣтъ до этого, Вавилонянинъ Ямбушадъ началъ также аллегорическія толкованія древнихъ ученій и правилъ; но между эпохою появленія священныхъ книгъ и тою эпохою, когда естественный смыслъ ихъ казался уже неудовлетворительнымъ до такой степени, что нужно было

прибѣгать къ аллегорическимъ толкованіямъ, необходимо предположить (по крайней мѣрѣ въ тѣ древнія времена) весьма обширный промежутокъ времени. Дидактическая поэзія Ханаанцевъ, родственная съ орфейскою и занимавшаяся разрѣшеніемъ философическихъ проблемъ, также частію приписывалась божественнымъ существамъ и относится къ глубокой древности; а что Ханаанцы, до переселенія Израильтянъ въ Палестину, были уже народомъ высоко-образованнымъ, видно изъ многихъ указаній библейскихъ. Извѣстно, какъ тщательно разработана была позднѣйшая литература Финикіянъ, и что они съ давнихъ временъ преимущественно занимались составленіемъ классическихъ сочиненій о земледѣліи (1). Если все это достовѣрно, когда дѣло идетъ о политически-незначительныхъ позднѣйшихъ Ханаанцахъ, то очень естественно предположить существованіе древней и многосторонне-разработанной письменности у высоко-образованныхъ и столь важныхъ въ политическомъ отношеніи древнихъ Вавилонянъ, еслибы даже не дошли до насъ книги, вызванныя нами на свѣтъ; достаточно уже и того, что Берозъ упоминаетъ о древнѣйшихъ писаніяхъ Вавилонянъ, гдѣ разказываются «исторіи о небѣ, о землѣ, о морѣ, о сотвореніи міра, о царяхъ и дѣлахъ ихъ» (2). Итакъ нѣтъ ни малѣйшей причины находить невѣроятными выводы наши относительно глубокой древности вавилонской письменности.

Противъ мнѣнія нашего о глубокой древности Кутами, можетъ-быть, сдѣлаютъ также возраженіе, что Ибнъ-Вахшія, переводившій въ концѣ IX и началѣ X вѣка по Р. Х., древне-вавилонскія писанія, едва ли могъ понимать языкъ книгъ, писанныхъ болѣе чѣмъ за 2000 лѣтъ до него. На это можно отвѣтить, что, какъ уже замѣчено было, самъ Ибнъ-Вахшія былъ потомокъ древнихъ Халдеевъ, и зналъ основательно языкъ и даже различныя нарѣчія своихъ единоплеменниковъ; къ тому же надобно взять въ разчетъ характеристическую неподвижность

(1) См. Моверса статью *Phönizier* въ *Allg. Encycl. der Wiss.* III, 204, Эрша и Грубера ст. 441 и слѣд., и сравня Эвальда *Geschichte des Volkes Israël* I, 323 и Бругшиа *Geographische Inschriften altägyptischer Denkmäler* II, ст. 23. Карогаенянинъ Магонъ, *pater rusticationis* (какъ его называетъ Колумелла), написавшій обширное сочиненіе о земледѣліи въ 28 книгахъ и бывший по разысканіямъ Геерена (*Historische Werke*, томъ XIII, стр. 527—544, изданіе 1825) современникомъ Кира, конечно, не первый трактовалъ объ этомъ предметѣ.

(2) См. М. Нибура, I, стр. 479.

семитическихъ языковъ. Чтобы показать, какъ далеко простирается эта неподвижность, я упомяну, что я самъ знаю одного *неученаго* Араба изъ Мекки, который не имѣетъ никакого понятія объ арабской грамматикѣ и тѣмъ не менѣе хорошо понимаетъ многія древне-арабскія стихотворенія и объясняется на древне-арабскомъ языкѣ. Этотъ Арабъ увѣрялъ меня, что земляки его на роднѣи могутъ говорить на древне-арабскомъ языкѣ и бѣгло читаютъ и понимаютъ древне-арабскія книги. Если неученый Арабъ можетъ понимать стихотворенія, частію художественно отдѣланныя и написанныя за тысячу лѣтъ до него, то весьма вѣроятно, что ученый Халдей понималъ простую прозу въ книгахъ, писанныхъ его предками за 2000 лѣтъ до него. Кутами, который часто цитуетъ книги, писанныя болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до его времени, никогда не жалуется на трудности, сопряженныя съ чтеніемъ этихъ писаній. Кутами рекомендуетъ даже прочитывать нравственныя сентенціи изъ писаній Ишиты (жившаго по меньшей мѣрѣ за тысячу лѣтъ до Кутами) поселянамъ въ праздничные дни, нисколько не сомнѣваясь, что земледѣльцы поймутъ прочитанное. Впрочемъ, очень можетъ быть, что языкъ древне-вавилонскихъ писаній въ теченія времени былъ подновляемъ учеными Халдеями, и устарѣвшія слова и выраженія замѣнялись новыми; это было въ обычаѣ на Востокѣ, какъ видно на многихъ примѣрахъ, въ томъ числѣ на персидскомъ переводѣ Табари (1).

Болѣе серьезное сомнѣніе въ истинѣ предположенія нашего о глубокой древности *Набатейскаго Земледѣлія* можетъ возбудить упоминаніе въ этой книгѣ Грековъ, или, точнѣе, Іонійцевъ.

Въ настоящее время, опираясь на изслѣдованія г. Э. Курціуса (2), мы можемъ принять за несомнѣнный фактъ, что греческое населеніе Малой Азіи имѣло тамъ свое первоначальное мѣсто жительства, и что такъ-называемое іонійское переселеніе было не что иное какъ возвращеніе отдѣльныхъ іонійскихъ племенъ въ ихъ *первобытную* отчизну. Г. Классенъ идетъ еще далѣе г. Курціуса и утверждаетъ, что имя Іонійцевъ дано было азіатскимъ Грекамъ сосѣдственными народами Востока, кото-

(1) Ср. *Chronique d'Abou-Djafar Mohamed Tabari* par L. Dubeux, t. I. Paris 1836, стр. VI.

(2) См. его: *Die Ionier vor der ionischen Wanderung* (Berlin 1855), и его *Греческую Исторію* (Berlin 1857. Т. I.)

рые могли подь этимъ названіемъ разумѣть еще многіе другіе мезазитскіе народы, какъ напримѣръ Дардановъ, Ликійцевъ, Делеговъ, и т. д. (1). Когда же эти племена, получившія у жителей Востока наименованіе Яванъ, Явана, поселились въ Малой Азіи, этого никто не въ состояніи опредѣлить даже приблизительно. Кто измѣрить и исчислить съ точностію тѣ сумрачные періоды исторіи, изъ которыхъ дѣянія народовъ едва дошли до насъ въ туманномъ воспоминаніи? Благодаря Бога, мы освободились уже отъ александрійской хронологіи, и при экзаментѣ въ древней исторіи, молодые люди не обязаны теперь съ точностію называть годъ, въ которомъ жили Инахъ, Данай, Декалонъ и т. п., потому что теперь самъ экзаменаторъ не знаетъ этого, и никто не знаетъ и никто знать не можетъ. Мы не имѣемъ никакой послѣдовательной хронологіи такъ-называемаго до-историческаго времени Греціи; хронологическія данныя, которыя мы находимъ у Геродота, Фукидида и преимущественно у александрійскихъ ученыхъ, какъ напримѣръ у Эратосеена, Кастора и другихъ, основаны на искусственномъ вычисленіи лѣтъ по счету поколѣній. Но можно ли теперь сомнѣваться, что подобныя вычисленія не могутъ быть даже приблизительно вѣрны? Кто не знаетъ, что число поколѣній часто было передаваемо съ пропусками, что между отцомъ и предполагаемымъ сыномъ иногда проходило цѣлыкъ десять поколѣній, которыя ничѣмъ не ознаменовали себя въ исторіи и преданы были забвенію? Несостоятельность хронологическаго исчисленія по поколѣніямъ можетъ быть доказана поразительнымъ примѣромъ. Извѣстно, что нѣтъ народа, у котораго генеалогія играла бы такую важную роль, какъ у Арабовъ; но если сосчитать вмѣстѣ поколѣнія Йоктанидовъ, то-есть южныхъ Арабовъ, то выйдетъ, что они переселились въ Аравію никакъ не прежде 700 лѣтъ до Р. X.; а извѣстно, что Йоктаниды обитали въ южной Аравіи уже во времена Моисея, о чемъ опредѣлительно сказано въ книгѣ *Бытія* (2). Хронологія мифическаго времени Греціи, составленная александрійскими учеными по приблизительному расчету числа поколѣній, не можетъ имѣть для насъ никакого

(1) См. рецензію г. Классена брошюры, г. Курціуса *объ Ионійцахъ въ Neue Jahrb. f. Phil. и Pädag.* 1855. стр. 30—39 Срав. о различномъ значеніи названія *Яванъ, Phönizier* Мюерса II. 1. стр. 269, и Лассена *Ind. Alterth.* I. ст. 720 и 861.

(2) См. Grote *History of Greece V.* II Cap. XIX стр. 47—48 и Wüstenfeld *Register zu den genealogischen Tabellen* стр. VI.

авторитета; греческая древность, а равно и исторія человечества вообще должны начинаться несравненно ранѣе, чѣмъ учили насъ до сихъ поръ въ школахъ. Это несомнѣнно доказано изслѣдованіями гг. Бузена и Лепсіуса о Египтѣ, Эвальда о Семитахъ и многими другими учеными. Языки, составляющіе вѣрнѣйшее средство для изслѣдованія глубокой древности, научаютъ насъ, что италійскія племена отдѣлились отъ греческихъ задолго до такъ называемаго историческаго времени; и хотя періоды, въ которыхъ языки служатъ намъ единственными путеводителями, также не могутъ быть опредѣлены точными числами, то можно все-таки полагать, что отдѣленіе Италійцевъ отъ Грековъ съ большою вѣроятностію слѣдуетъ отнести за 2.500 лѣтъ до Р. Х. (1). Какъ долго жили вмѣстѣ оба эти народа, конечно, знать не возможно; впрочемъ мы опредѣлительно знаемъ, что они отдѣлились отъ главнаго арійскаго племени въ то время, когда индійскіе Арійцы жили еще вмѣстѣ съ Иранцами, когда слово *дева* у Арійцевъ, равно какъ и у Иранцевъ означало еще бога, а не злаго духа: извѣстно, что за этимъ словомъ удержалось значеніе бога у индійскихъ и европейскихъ Аріевъ, между тѣмъ какъ у Иранцевъ оно стало означать злаго духа. Позволительно думать, что переселеніе греко-италійскихъ племенъ въ Малую Азію съ Востока, произошло по меньшей мѣрѣ за три тысячи лѣтъ до Р. Х. Равно невозможно съ точностію опредѣлить древность знакомства Вавилонянъ съ малоазіатскими народами, которые были извѣстны у нихъ подъ названіемъ *Юнойэ*, или подъ какимъ-нибудь названіемъ близкимъ къ тому; мнѣ кажется, что число 2.500 лѣтъ до Р. Х. нисколько не будетъ противорѣчить истинѣ. Взглянемъ и здѣсь на позднѣйшія событія. Извѣстно, что Антемнидъ, братъ поэта Алкея, служилъ въ войскѣ Навуходоносора около 605 года (2); нельзя предположить, чтобъ онъ былъ единственный или первый изъ Грековъ, сражавшійся въ войскахъ

(1) Стоить припомнить, что у Италійцевъ не сохранилось ни малѣйшаго воспоминанія о переселеніи ихъ въ Италію, и что италійскій языкъ успѣлъ раздѣлиться до наступленія историческаго времени на нарѣчія восточное и западное, изъ которыхъ первое разпалось еще на два, умбрійское и осское. Если принять это въ расчетъ, то цифра 2.500 л. до Р. Х. для времени отдѣленія Италійцевъ отъ Грековъ не покажется нисколько преувеличенною; см. Момсена *Röm. Gesch.* стр. 8 и 14 и Курціуса *Gr. Geschichte.* I, стр. 16.

(2) См. Отфрида Мюллера въ *Rhein. Mus.* 1829 г. I, стр. 287 и ср. М. Нибура I, стр. 206.

государствъ приворотскихъ; вѣроятно Эсархадонъ, сынъ Санхериба, имѣлъ уже греческихъ наемниковъ въ войскѣ своемъ (1). Исторически извѣстно, что самъ Санхерибъ находился въ частыхъ сношеніяхъ въ малоазійскими Греками (2); равно династія Гераклидовъ въ Лидіи, во главѣ которой находится Ассиріецъ Нинъ, и начало которой относится къ 1225 году (3), также какъ и многочисленныя, собранныя у Моверса (4) преданія о владычествѣ Мемнона и Эѳіоплянъ (подъ которыми разумѣются Ассирійцы) въ Малой Азіи, показываютъ, что сношенія обитателей береговъ Эвфрата и Тигра съ народами Малой Азіи установились издревле, и теряются во мракъ преданій (5). Въ *Набатейскомъ Земледѣліи* также упоминается о завоеваніи Малой Азіи или только части ея вавилонскимъ царемъ, по имени Саха. Въ главѣ, трактующей о червецѣ, сказано: «этотъ кустарникъ не былъ первоначально туземнымъ растеніемъ въ Вавилоніи, но упомянутый вавилонскій царь предпринялъ походъ въ Малую Азію и заставилъ эту страну платить ему дань во все время его царствованія; царь же покоренной страны принесъ вавилонскому царю въ даръ кусъ червца и сообщилъ ему при этомъ случаѣ, что этотъ кустарникъ произрастаетъ съ успѣхомъ только въ прохладной странѣ, и что онъ даетъ ягоды, которыя собираются на его роднѣ женщинами и дѣтьми, и употребляются въ краску.» Мы знаемъ изъ Павзанія, что обитатели древне-іонійскаго города Амбрососа дѣйствительно занимались разведеніемъ этого кустарника и выдѣлываніемъ изъ него краски (6). Упоминается еще у Кутами и другой вавилонскій царь, по имени Хинафа, который, какъ кажется, болѣе изъ гастрономическихъ побужденій, вводилъ изъ отдаленныхъ странъ воздѣлываніе многихъ растений; при немъ одно хлѣбное растеніе перенесено было въ Вавилонъ также изъ страны Іонійцевъ.

(1) Ср. М. Нибура I, ст. 180.

(2) См. Бероза и Абидена у М. Нибура I, стр. 495 и 501.

(3) См. Геродота I, 7, и сравни Курціуса *Gr. Geschichte* I, стр. 463.

(4) См. тамъ же II, 1.

(5) Греческое слово *κίβω* очевидно семитическаго происхожденія; еврейское же *קילטוניש*, concubina, попадающее въ древнѣйшихъ книгахъ Ветхаго Завета, безъ сомнѣнія происходитъ отъ греческаго *κίβωτις*, *κίβωτις*, (см. Gesenius *Thesaurus linguae Hebr.* стр. 1103 и Моверса *Röbnitzer* II, 3, I, ст. 81); оба эти слова доказываютъ ясно давность сношенія между Греками и Семитами.

(6) X. 36, 1; ср. Курціуса *die Ionier*, стр. 15 и 49. прим. 19.

Дѣло стало-быть не въ томъ, что въ нашей книгѣ говорится объ Іонійцахъ и ихъ странѣ; это не должно казаться нисколько страннымъ; все дѣло заключается въ томъ, какъ и что говорится объ Іонійцахъ.

Въ главѣ, трагующей о мальвѣ, книга наша распространяется о свойствахъ мальвы, объ употребленіи ея въ видѣ лекарства, и прибавляетъ, что мальва принадлежитъ къ *холоднымъ* растеніямъ. Относительно этого растенія, сказано въ заключеніи главы, Іонійцы придерживаются отличнаго отъ насъ мнѣнія; они утверждаютъ, что растеніе это умеренно жаркое, облегчаетъ всѣ боли и смягчаетъ затвердѣлыя опухоли. По мнѣнію нашему, эти слова нисколько не могутъ служить свидѣтельствомъ о широкомъ развитіи медицинскихъ знаній у Іонійцевъ, упоминаемыхъ въ нашей книгѣ; наблюденія, сообщенныя въ этой главѣ, могли быть переданы копателями кореньевъ и продавцами велій, людьми, которыхъ существованіе можно предполагать въ Іоніи хоть бы и въ XV в. Если же принять въ соображеніе, что Греки почитали мальву какимъ-то волшебнымъ растеніемъ, которому приписывали Богъ знаетъ какія цѣлительныя силы (1), что происхожденіе медицины у Грековъ вообще теряется во мракѣ міеологіи, что боги и герои греческіе занимались врачебнымъ искусствомъ, и что, наконецъ, міеическимъ лицамъ приписывалось изученіе растеній (2), то приведенное нами показаніе Кутами нисколько не удивитъ насъ.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что у Хаддеевъ существуетъ относительно происхожденія чеснока много баснословныхъ сказаній, изъ которыхъ нѣны ходятъ и у Іонійцевъ; за тѣмъ слѣдуетъ довольно длинная сказка о происхожденіи чеснока, въ которой повѣствуется со словъ Ямбушада слѣдующее: Изъ Эврата приползла въ городъ Киркезіумъ змѣя, принесла съ собою луковицу чеснока, и уронила ее; одинъ путникъ поднялъ ее и принесъ въ Вавилонъ, и отсюда это растеніе распространилось по всей Вавилоніи. Другія существующія на этотъ предметъ сказки не разказаны, и отъ того нельзя понять,

(1) См. *Ssaber* II, ст. 725 прим. 38.

(2) Ср. объ этомъ предметѣ Курта Шпренгеля *Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde* I, стр. 140 3. Галле 1821. Его же примѣчанія къ *Исторіи медицины* I, 3. Галле 1796. Якоби *Handwörterb. der gr. und röm. Mythol.* стр. 868 и Велькера *Kl. Schriften* III, стр. 3, 20 и 46.

въ чемъ состоитъ сходство разказовъ у Халдеевъ и Іонійцевъ. Но какую бы сказку послѣдніе ни сообщали объ этомъ растеніи, сложеніе ея, вѣроятно, не требовало особенной мудрости и было возможно въ XV вѣкѣ. Въ другомъ мѣстѣ, упоминая о чародѣяхъ въ Йеменѣ, Кутами говоритъ, что ему разказывали, будто бы эти чародѣи обратились у Іонійцевъ въ пословицу, и что Іонійцы, при оцѣнкѣ разумнаго человѣка, говорятъ ему: «ты умѣе даже Йеменскаго чародѣя».

При разсужденіи о деревѣ, называемомъ *букасія*, упоминается, что это дерево перенесено въ Вавилонію «изъ города (или страны) *Аксуса*, одного изъ городовъ іонійскихъ». Подъ именемъ *Аксуса*, очевидно, разумѣется *Ефесъ*. Но и упоминаніе *Ефеса* въ книгѣ Кутами не должно удивлять насъ: нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ городъ не былъ первоначально построенъ *Андрокломъ*, сыномъ *Кодра*, предводителемъ іонійскихъ переселенцевъ; древнѣйшіе обитатели *Ефеса* и его окрестностей были первоначально *Пеласги*, потомъ *Лидійцы*, *Лелеги* и *Карійцы* (1). Этихъ народовъ мы не назовемъ, правда, іонійцами, но у сосѣдственныхъ народовъ Востока, которые придавали названію Іонійцевъ болѣе обширный смыслъ, они могли обозначаться этимъ именемъ, и Кутами могъ называть «іонійскими» города, населенные въ его время *Лелегами* и *Карійцами*.

Еще въ одномъ мѣстѣ Кутами говоритъ о вліяніи и дѣйствіяхъ луны въ ея различныхъ фазахъ, и приводитъ мнѣнія объ этомъ предметѣ Халдеевъ, Индусовъ и Персовъ; наконецъ онъ замѣчаетъ слѣдующее: «Іонійцы и Египтяне, подобно намъ, Халдеямъ, полагають, что луна сильнѣе всего дѣйствуетъ въ новолуніе, но они не согласны съ нами, что она въ это время находится въ лучшемъ своемъ положеніи: они утверждаютъ, что лучшее положеніе ея есть полнолуніе.» Не думаю, чтобъ и изъ этихъ словъ можно было вывести какое-нибудь возраженіе противъ нашего мнѣнія о времени, въ которое жилъ Кутами. Не говоря уже о позднѣйшихъ греческихъ и римскихъ агрономахъ, у которыхъ луна съ своими фазами играетъ большую роль въ земледѣліи, стоить только заглянуть въ *Работы и Дни* Гезіода, чтобъ убѣдиться, какъ давно уже между Греками распространилось ученіе о вліяніи луны и ея воздѣйствіе на растенія.

(1) См. E. Guhl. *Ephesiaca*. Berol. 1843, стр. 24.

Мази Суранскій также упоминалъ объ Іонійцахъ, и вотъ по какому случаю. Кутами говорить о вредоносномъ дѣйствиі чистаго западнаго вѣтра (то-есть такого западнаго вѣтра, который не умѣряется никакимъ другимъ вѣтромъ) на людей, животныхъ и растенія, и въ самомъ началѣ приводитъ довольно длинную тираду изъ стиховъ Мази, которые тотъ посвятилъ сыну своему Кенкеду, и въ которыхъ говорится о гибельныхъ послѣдствіяхъ этого вѣтра; потомъ Кутами говорить, что Каманъ-Неэри, такъ же какъ и Мази Суранскій почитаютъ вѣтеръ этотъ причиною проказы, свирѣпствующей въ Сиріи; по мнѣнію ихъ, этотъ вѣтеръ зараждаетъ въ водѣ, въ растеніяхъ и деревьяхъ матерію, причиняющую болѣзнь, да сверхъ того онъ разрушительно дѣйствуетъ на разумъ, возбуждаетъ жаръ и болѣзненные фантазіи и пр. Наконецъ Кутами приводитъ еще обширную цитату изъ спора Мази съ Ханаанцемъ Тамитри, гдѣ также говорится о вредоносномъ дѣйствиі западнаго вѣтра. Этотъ Ханаанецъ въ одномъ изъ своихъ писаній поставилъ Сирію и Сирійцевъ выше Вавилоніи и Вавилонянъ; это рассердило Мази, и онъ написалъ предлинную книгу, въ которой старался опровергнуть мнѣніе Тамитри и между прочимъ говорилъ о западномъ вѣтрѣ, дующемъ въ Сиріи, который, по словамъ его, разрушительно дѣйствуетъ на тѣло, а вслѣдствіе того и на духъ человѣка. Въ заключеніи Мази говорилъ: «То, что я говорю тебѣ, Тамитри, относится также къ твоимъ сосѣдямъ, Іонійцамъ, и еслибы не противно мнѣ было нанести кому-либо обиду, то я бы сказалъ, что они *похожи на скотовъ; а если изъ среды ихъ вышли нѣкоторые превосходные люди, то они, одинъ за другимъ, всегда величались передъ Вавилонянами*, но вредныя слѣдствія дурныхъ вѣтровъ, особенно же чистаго западнаго вѣтра у нихъ (то-есть Іонійцевъ) ощутительнѣе, чѣмъ у Сирійцевъ, и дѣйствіе этихъ вѣтровъ въ ихъ странѣ сильнѣе, чѣмъ въ Сиріи.» Лѣтъ двадцать назадъ, когда еще процвѣтала отрицательная критика, изъ этой цитаты конечно вывели бы заключеніе, что Мази жилъ *послѣ* Александра Македонскаго; но въ настоящее время это никому не придетъ въ голову. Невозможно опредѣлить, когда жилъ Мази, но во всякомъ случаѣ, онъ несравненно древнѣе Кутами, въ глазахъ котораго Мази уже мужъ древности. Кутами, упоминая о Ямбушадѣ, говорить, что онъ жилъ за тысячи лѣтъ до него. Положимъ, что это слишкомъ преувеличено, но я полагаю, что самый меньшій промежутокъ времени, какой только можно

предположить между Кутами и Ямбушадомъ, долженъ заключать въ себѣ отъ 300 до 400 лѣтъ. Но Дагрить, какъ мы видѣли уже, древнѣе Ямбушада; на сколько древнѣе—я не знаю. Дагрить принадлежитъ совершенно иной эпохѣ образованія, чѣмъ Ямбушадъ, такъ что между ними необходимо предположить по крайней мѣрѣ промежутокъ въ два столѣтія. А Дагрить уже цитуетъ Мази Суранскаго. Итакъ, если принять конецъ XIV вѣка, какъ позднѣйшее время для Кутами, то Мази жилъ никакъ не позднѣе 2000 лѣтъ до Р. X. Могъ ли же Мази Суранскій въ то время произнести приведенное выше сужденіе объ Іонійцахъ? Полагаю, что могъ. Названіе Іонійцевъ имѣло тогда смыслъ гораздо болѣе обширный, чѣмъ у насъ; называетъ же Мази Іонійцевъ сосѣдями Ханаанцевъ, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы сказать о Грекахъ, имѣвшихъ осѣдлость на берегу моря. Большаго уваженія онъ не оказываетъ этимъ Іонійцамъ, какъ видятъ сами читатели; но интересно, что уже Мази подмѣтилъ черту хвастовства, въ которой всѣ народы упрекали древнихъ Грековъ и въ послѣдующія времена.

До сихъ поръ ни одно изъ мѣстъ нашей книги, гдѣ говорится объ Іонійцахъ, нисколько не противорѣчитъ ея глубокой древности. Теперь мы приведемъ одно мѣсто, которое могло бы возбудить нѣкоторое сомнѣніе, еслибы нельзя было предположить, что *нѣсколько* словъ вставлены въ этомъ мѣстѣ въ позднѣйшее время. Въ главѣ, трактующей о воздѣлываніи бобовъ, говорится о пользѣ и вредѣ ихъ, и между прочимъ сказано слѣдующее: «Аллегорическія сказанія древности гласятъ, что тотъ, кто проведетъ ночь въ полѣ, засѣянномъ бобами, на сорокъ дней лишается разсудка.» Далѣе говорится, что, по увѣренію медицинскихъ книгъ, частое употребленіе бобовъ въ пищу раздуваетъ желудокъ и причиняетъ различныя болѣзни; затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе авторитетовъ. Уже Ануха презиралъ бобы и запретилъ употребленіе ихъ въ пищу; потому что, по мнѣнію его, они вредны для мозга и зрѣнія и причиняютъ такія-то и такія-то болѣзни; тотъ, кому вздумается вкушать ихъ, долженъ готовить ихъ особеннымъ способомъ, вслѣдствіе котораго они приобрѣтаютъ цѣлебное свойство, весьма полезное при излеченіи нѣкоторыхъ болѣзней, но употребленіе свѣжихъ бобовъ Ануха запретилъ совершенно. Также и Ямбушадъ думалъ, что употребленіе бобовъ въ пищу производитъ много сырыхъ и зловонныхъ испареній, которыя, поднимаясь къ

мозгу, ослабляютъ рассудокъ, путаютъ мысли и возбуждаютъ злыя, отрашныя и обманчивыя мечтанія. Если, продолжаетъ Ямбушадъ, сварить бобы въ шелухѣ и кормить ими голубей, то голуби будутъ очень жирны, также и рыбы будутъ жирны, если ихъ покормить бобами, но тогда мясо этихъ рыбъ становится вредно для человѣка; а поэтому не должно употреблять въ пищу такихъ рыбъ, которыя откормлены бобами; тотъ же, кто набѣлся такого мяса, сойдетъ совершенно съ ума. По этой причинѣ, прибавлено къ вышесказанному, Армиаа и еще прежде Агатодемонъ строго запретили своимъ соотечественникамъ употребленіе въ пищу рыбы и бобовъ; потому что рыба и бобы дѣйствуютъ равно вредно на мозгъ и зараждаютъ въ тѣлахъ дурные соки; также они затемняютъ и ослабляютъ разумъ, разстраиваютъ желудокъ и сокращаютъ жизнь того человѣка, который употребляетъ ихъ въ пищу; они губельно дѣйствуютъ на самое устройство желудка, отчего нерѣдко разрушается все тѣло, и нападаютъ на него различныя болѣзни и т. д. По вышесказаннымъ причинамъ *если* люди оочи за лучшее не употреблять въ пищу бобовъ и рыбы, кромѣ одного случая: именно маленькія рыбки, изготовленныя особеннымъ способомъ и употребляемыя въ лѣтнее время, полезны въ известныхъ болѣзняхъ; впрочемъ и ихъ не должно ѣсть въ большомъ количествѣ, и тотъ, кто употребляетъ ихъ, долженъ наблюдать умѣренность. По этимъ-то причинамъ (то-есть по сказаннымъ выше) запретили его (то-есть употребленіе въ пищу бобовъ) Агатодемонъ и Армиаа. Египтяне же, сказано въ заключеніе, хотя и воздѣлываютъ бобы, но только, по увѣренію Кутами, для употребленія ихъ въ лѣкарство, или для агрономическихъ и иныхъ какихъ-либо цѣлей.

Профессоръ Эвальдъ, относительно вышеприведеннаго мѣста, которое я сообщилъ ему въ буквальной выпискѣ, замѣчаетъ слѣдующее: «Греческія имена *Гермеса* и *Агатодемона*, особенно если имъ приписывается составленіе ученій и книгъ, низводятъ насъ ко временамъ неоплатониковъ». Къ сожалѣнію моему, я не могу въ этомъ согласиться съ профессоромъ Эвальдомъ. Неужели въ древнемъ языческомъ мірѣ нѣтъ законовъ и религіозныхъ постановленій, происхожденіе которыхъ приписывалось бы какому-нибудь божеству? Развѣ не говоритъ Израильтянинъ: «Иегова запретилъ то-то», и то-то, нисколько не воображая представлять Иегову писателемъ? Въ Египтѣ всѣ постановленія религіозныя и политическія, а равно и вся свя-

щенная письменность древняго времени приписывались бо- жеству, которое Греки называли Гермесомъ. И такъ легко могло быть, что и означенное запрещеніе съ давнихъ поръ извѣстно было азійскимъ Грекамъ, и что оно приписывалось ими Гермесу и Агатодемону. Во всемъ этомъ мѣстѣ можетъ подать поводъ къ недоумѣнію только форма *Αγαδοδαίμων* вмѣсто *ἁγαθός δαίμων*. Последняя форма была въ употребленіи въ древнѣйшее время, между тѣмъ какъ первая, если я не ошибаюсь, впервые появляется въ книгѣ *Sothis*, приписываемой Манеѳону, гдѣ Агатодемонъ на- званъ третьимъ царемъ первой египетской божественной ди- настии.

Впрочемъ я полагаю, что приведенное нами мѣсто можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Магометане имя Гермеса пишутъ почти такъ же, какъ и Греки, именно *Гермисъ*, а здѣсь онъ названъ *Армиза*. Этотъ Армиза появляется также въ вышеупомянутомъ древне-вавилонскомъ писаніи Тенкелуши, гдѣ онъ выдается не за чужеземца, а за первобытнаго тузем- наго мудреца. Въ этой книгѣ исчислены 360 градусовъ двѣнадцати знаковъ зодіака, и при каждомъ градусѣ сказано: въ этомъ градусѣ являются такіа-то и такіа-то фигуры которыя потомъ подробно описываются, съ указаніемъ, что стоитъ на правой и что на лѣвой ихъ сторонѣ; въ концѣ всегда прибавлено: тотъ, кто родится въ этомъ градусѣ, будетъ такимъ-то и такимъ- то человѣкомъ. О 18-мъ градусѣ знака рыбеъ сказано: «Въ этомъ градусѣ появляются образы *Ханужи, Самы, Адами, Деваяи* (Деванаи), *Армазіяи, Думаи... Абратуфы* и всѣхъ древнихъ мудрецовъ, которые научили насъ своимъ знаніемъ,— да будутъ надъ ними милосердіе, благость и благословеніе Милосердаго,— въ нихъ Богъ вложилъ свѣтъ свой, и свѣтъ этотъ имѣетъ такое свойство, что тѣ, въ кого онъ вложенъ, никогда не умираютъ. Налѣво отъ него (то-есть отъ 18-го градуса) находится благочестивая дѣва, которой не видалъ ни одинъ мужчина, ко- торая свята, чиста, велика и благородна, и которая до тѣхъ поръ воспитывала ребенка, пока онъ не достигъ возмужалости въ 49.000 лѣтъ, когда начались извѣстныя исторіи и положе- нія (этого ребенка), о которыхъ повѣствуютъ *Армиза* и *Дунаи* (Деванаи) и т. д.» Слѣдовательно, здѣсь рѣчь идетъ объ Ар- мизѣ, какъ о чисто-вавилонскомъ лицѣ, на ряду съ первобыт- нымъ вавилонскимъ мудрецомъ и законодателемъ Деванаи. Въ сочиненіи нашемъ о Сабеяхъ (I, стр. 789) мы показали уже, что у арабскихъ писателей часто упоминается вави-

лонскій мудрецъ и учитель по имени *Гермесъ*. Въ приведенномъ нами мѣстѣ, правда, сказано, что Армиза запретилъ употребленіе въ пищу бобовъ и рыбы «своимъ соотечественникамъ», но это не доказываетъ еще, чтобы Кутами выдавалъ его за чужеземца, потому что онъ говоритъ также и о Мази, относительно жителей Суры, о Дагритѣ, относительно жителей Берсавейи, и о Янбушадѣ, относительно жителей Тейзанабада, а все-таки Мази, Дагрита и Янбушада Кутами почитаетъ Вавилонянами.

Что же касается до Агатодемона, имя котораго въ обоихъ упомянутыхъ мѣстахъ написано точно такъ, какъ и у магометанскихъ писателей, то мы уже доказали, что неоплатоники, харранійскіе Сабейи и многіе магометанскіе писатели упоминають о немъ всегда въ связи съ Гермесомъ, называя его то отцомъ послѣдняго, то учителемъ его, то ученикомъ, и приписываютъ происхожденіе различныхъ языческихъ правилъ и постановленій Гермесу и Агатодемону вмѣстѣ (1). Оттого можно съ большою вѣроятностію предположить, что слова: «и еще прежде (то-есть передъ Гермесомъ) Агатодемонъ» позднѣйшая вставка, сдѣланная вскорѣ послѣ Ионъ-Вахшіи; второе же мѣсто, въ которомъ также упомянуты Гермесъ и Агатодемонъ, и которое не имѣетъ никакой прямой связи съ предыдущимъ, въ полномъ составѣ своемъ представляетъ позднѣйшую вставку; во всякомъ случаѣ имя Агатодемона могло быть вставлено рукою переписчика. Кутами говоритъ, что въ писаніяхъ Адами и Дагрита, которыя многими читались, въ теченіи времени вкрались многія вставки; весьма возможно и даже вѣроятно, что и книга Кутами, которая, какъ по всему видно, была также въ большомъ ходу и въ общемъ употребленіи (иначе она бы и не уцѣлѣла), не обошлась безъ вставокъ и приписокъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Д. Хвольсонъ.

(1) См. *Sabier* I, стр. 792. II, стр. 4. 398, 409, 445.

АВДОТЯ ФЕДОРОВНА ЛОПУХИНА

(Посвящается В. И. Водовову.)

Съ 1686 года Петръ болѣе и болѣе предавался всякаго рода военнымъ потѣхамъ. Въ 1688 году онъ пристрастился къ катаньямъ по водѣ, съ восторгомъ развѣзжалъ онъ со старикомъ Брантомъ на дѣдовскомъ ботѣ по грязной Яузѣ и по тѣнистымъ прудамъ измайловскимъ. Наскучивъ Яузой, онъ спѣшилъ къ Переяславлю-Залѣсскому разгуляться на Переяславскомъ озерѣ, замѣчательномъ не столько по величинѣ, сколько по живописнымъ своимъ окрестностямъ.

Послѣ первой же поѣздки своей въ Переяславль, царь обратился къ матери съ просьбою вновь отпустить его туда для постройки судовъ. Нѣжно любя сына, Наталья Кириловна съ трепетомъ смотрѣла на его огненные потѣхи; новая придуманная имъ забава водою приводила ее въ ужасъ; болѣе же всего боялась она частыхъ и продолжительныхъ его отлучекъ; до нея доходили уже слухи о замыслахъ царевны Софїи, которые становились болѣе и болѣе опасными для нея и ея семейства. Не въ состоянїи будучи отказать просьбѣ сына, царица тѣмъ не менѣе не теряла еще надежды удержать рѣзваго Петра при себѣ, и поспѣшила его женить: нашла ему невѣсту, молодую, прекрасную, Авдотью Федоровну Лопухину,

дочь окольногочаго Федора Абрамовича, одного изъ друзей своего дома, и 27 января 1689 г. отпраздновали свадьбу.

Женитьба Петра на двадцатилѣтней (1) прелестной дѣвушкѣ старинной фамилии не могла нравиться Софіи. Соправительница *скорбною главою* царя Ивана стремилась къ одному—къ удаленію Петра отъ царскаго престола (2). Она старалась воспрепятствовать этому браку, но тщетно: Петръ былъ уже готовъ къ борьбѣ съ нею; уже близилось время паденія умной и честолюбивой Софіи.

Родъ Лопухиныхъ если не былъ изъ знатныхъ, то принадлежалъ къ числу самыхъ старинныхъ боярскихъ фамилій. Родоначальникъ Лопухиныхъ, Редедя или Редега, воинственный царь Касоговъ, зарѣзанъ въ единоборствѣ Мстиславомъ Тмутораканскимъ въ 1022 году. Дѣти его, названныя по крещеніи Юріемъ и Романомъ, служили великому князю. Правнукъ Романа Редегича, Михайло Юрьевичъ Сорокоумъ, имѣлъ сына Глѣба, родоначальника Глѣбовыхъ, Колтовскихъ, Лупандиныхъ и Ушаковыхъ. Правнукъ Глѣба Михайловича, Вареоломей Григорьевичъ, по прозванью Лапотъ, имѣлъ сына Василія Лопуху; отъ него-то и пошли Лопухины (3).

Лопухины давно уже пользовались особеннымъ благорасположеніемъ царицы Натальи Кириловны. Когда, по случаю крещенія Петра 29 июня 1672 года, былъ столъ въ Грановитой Палатѣ для властей, царевичей, бояръ, окольныхчихъ и думныхъ людей, а царица угощала у себя, въ своихъ покояхъ, самыхъ ближнихъ, отца и Матвѣева: за поставцомъ, въ ея хоромашъ, сидѣлъ думный дворянинъ Абрамъ Никитичъ Лопухинъ. То былъ дѣдъ Авдотьи Федоровны. Отецъ ея, Иларіонъ Абрамовичъ, сталъ называться Теодоромъ послѣ бракосочетанія до-

(1) Авдотья Федоровна родилась 30 июля 1669 года. Родная сестра ея, Аксинья Федоровна Лопухина, была замужемъ за Б. И. княземъ Курakinымъ, чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ и посломъ въ 1724 г. въ Парижѣ, гдѣ и скончался онъ въ 1727 г. на 51 году отъ рожденія.

(2) «Окружающіе Петра увидавъ, что жена Ивана, царица Прасковья Федоровна очреватѣла, склонили и своего государя къ понятію себѣ суируги.» *Жизніе Петра*, 1788, стр. 71.

(3) Копія съ гербовника (часть 3, отд. 1, стр. 8), герба и родословной рода Лопухиныхъ, съ описаніемъ происхожденія сей фамиліи, выданы по указу его величества В. Г. Лопухину 1801 года февраля 13-го директоромъ герольдіи Козодавлевымъ. Копія эти нынѣ хранятся у меня.

чери его съ царемъ; такъ точно былъ переименованъ въ 1684 году, по свидѣтельству Гордона, отецъ супруги царя Ивана Алексѣевича, Александръ Салтыковъ, въ Феодоры.

Свадьбу Петра отпраздновали скромно (1): онъ вѣнчался даже не въ Благовѣщенскомъ соборѣ, а въ небольшой придворной церкви Св. апостолъ Петра и Павла. Священствовалъ духовникъ его, протопопъ Меркурій.

По случаю бракосочетанія, всѣ родственники царицы были осыпаны подарками, возведены въ почетныя званія, и заняли важнѣйшія мѣста при дворѣ государя. Такъ на примѣръ, въ числѣ награжденныхъ былъ и стольникъ Алексѣй Кипріяновичъ, одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ государыни. Въ апрѣлѣ 1693 года онъ получилъ жалованную грамоту «за его многую службу государямъ-царямъ Алексѣю, Феодору и Петру Алексѣевичамъ... на многія земли въ Великолуцкомъ уѣздѣ», поступившія ему въ вѣчное, потомственное владѣніе. Въ іюлѣ 1698 года тотъ же Алексѣй Лопухинъ получилъ новую жалованную грамоту, втрое длиннѣе прежней (два съ половиною аршина): «за службу предковъ, сказано было въ ней, и отца его, и за его, которыя службы, ратоборство, и храбрость, и мужественное ополченіе и крови, и смерти, предки, и отецъ его, и сродники, и онъ показали въ прошедшую войну, въ коронѣ Польской и въ княжествѣ Литовскомъ, похваляя милостиво тое ихъ службу, и промыслы, и храбрость въ роды и роды», жалуемъ ему новыя угодья и пустоши въ Великолуцкомъ уѣздѣ «въ роды его неподвижно, чтобы царское жалованье и его вышеупомянутая служба, и храбрость, и мужественное ополченіе за благочестивую вѣру и за насъ великихъ государей, и за свое отечество послѣднимъ родамъ было на память» и т. д. (2).

7 августа 1689 года царю Петру угрожала страшная опасность. Противъ жизни его составленъ былъ заговоръ царевной Софіей. Къ счастью государя, онъ былъ вовремя предувѣдомленъ. Двое стрѣльцовъ прискакали къ нему въ Преображенское около полуночи. Царь покоился глубокимъ сномъ. Его разбудили. Стрѣльцы донесли о заговорѣ и наименовали главныхъ участни-

(1) Древн. Росс. Висл., XI, 194.

(2) Грамоты эти, отпечатанныя церковно-славянскими буквами, со штофными покровами и большими красными печатами, подарены намъ П. и Т. В. Лопухинными, послѣдними (по мужской линіи) изъ сего рода.

ковъ, «умышлявшихъ смертное убійство на государя и государыню-царицу». Внезапно пробужденный, страшно перепуганный, Петръ, прямо съ постели, босой, въ одной сорочкѣ, бросился въ конюшню, вскочилъ на коня и скрылся въ ближайшій лѣсъ; туда принесли ему платье; онъ наскоро одѣлся, и, не теряя ни минуты, съ величайшею поспѣшностью пустился по дорогѣ къ Троицко-Сергіевой лаврѣ. Въ пять часовъ проскакалъ онъ шестьдесятъ верстъ... Столь же поспѣшно, въ ту же ночь, отправилась изъ Преображенскаго въ Троицкій монастырь царица Наталья Кириловна съ дочерью; съ ними поѣхала супруга Петра, Авдотья Ѳедоровна: она была беременна (1)...

Царевичъ Алексѣй Петровичъ, первенецъ-сынъ, какъ бы до дня своего рожденія уже былъ обреченъ на судьбу злополучную. Его отцу угрожаетъ смерть отъ ножей злоумышленниковъ, его мать въ страшномъ испугѣ, въ поспѣшномъ бѣгствѣ, вслѣдъ за мужемъ, ищетъ спасенія...

Авдотья Ѳедоровна разрѣшилась отъ бремени 18 февраля 1690 года. Новорожденный царевичъ былъ нареченъ именемъ своего знаменитаго дѣда.

Въ этотъ день былъ «у государей столъ, ради рожденія царевича Алексѣя» (2). Первый день жизни Алексѣя Петровича ознаменовался распрей и ссорами. Генералъ Гордонъ, приглашенный къ торжественному столу, долженъ былъ послѣ жаркаго спора удалиться изъ дворца, по настоятельному требованію Іоакима, ненавистника Нѣмцевъ. Онъ объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ при такихъ случаяхъ быть неприлично; вся эта сцена, разумѣется, обидѣла генерала, оскорбила и царя Петра.

Первые годы супружеской жизни Авдотьи Ѳедоровны съ царемъ прошли спокойно. Молодые супруги жили согласно и любили другъ друга: такъ по крайней мѣрѣ можно судить по немногимъ письмамъ царицы къ мужу, найденнымъ и напечатаннымъ г. Устряловымъ въ приложеніяхъ ко II тому *Исторіи Петра I*.

«Государю моему радости, царю Петру Алексѣевичу, писала Авдотья Ѳедоровна еще въ 1689 году, здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ! Просимъ милости, пожалуй, государь, буди

(1) Устряловъ *Исторія царствованія Петра I*, по разказу Гордона, II, стр. 59.

(2) *Древняя Росс. Вивл.*, XI. 185.

къ намъ изъ Переслава не замѣшкавъ. А я при милости ма-тушкиной жива. Женишка твоя Дунька челомъ бьетъ.»

«Лапушка мой, здравствуй на множество лѣтъ! Да милости у тебя прошу, какъ ты позволишь ли мнѣ къ тебѣ быть?.. И ты пожалуй о томъ, лапушка мой, отпиши. За симъ женка твоя челомъ бьетъ.»

Въ 1693 году, въ бытность царя на Бѣломъ морѣ, Авдотья Федоровна продолжала писать столь же нѣжныя письма. «Пре-дражайшему моему государю-радости, царю Петру Алексѣвичу. Здравствуй, мой свѣтъ, на многія лѣта! Пожалуй, батюшка мой, не презри, свѣтъ, моего прошенія: отпиши, батюшка мой, ко мнѣ о здоровьи своемъ, чтобъ мнѣ, слыша о твоёмъ здоровьи, радоваться. А сестра твоя царевна Наталья Алексѣевна въ добромъ здоровьи. А про насъ изволишь милостию своею напая-товать, и я съ Алешенькою жива. Женка твоя Дунька.»

Вмѣстѣ съ письмами Натальи Кириловны, Авдотья Федоровна неоднократно посылала письма къ Петру отъ ихъ малютки сына. Г. Устряловъ не отыскалъ въ архивахъ, по крайней мѣрѣ не напечаталъ ни одного письма Петра къ его первой супругѣ. Въ письмахъ его къ матери мы также ничего не нашли, что бы относилось къ ней. Тѣмъ не менѣе, смѣло можно сказать, что до смерти царицы Натальи (25 января 1694 года) отношенія Петра къ женѣ были самыя дружелюбныя, и что они жили въ любви и согласіи (1). Кромѣ царевича Алексѣя, государыня родила 3 октября 1691 года другаго сына, Александра, который скончался 14 мая слѣдующаго года, спустя семь мѣсяцевъ по ро-жденіи.

Родственники ея еще пользовались расположеніемъ и вниманіемъ царя. Такъ въ 1697 году въ числѣ знатнѣйшихъ молодыхъ вельможъ того времени, государь послалъ за границу роднаго брата своей жены, Абрама Федоровича Лопухина. Въ числѣ тридцати девяти стольниковъ Лопухинъ отправленъ былъ въ Италію; къ нему приставили солдата Черевина. Солдаты были приставлены какъ для изученія морскаго дѣла, такъ и для надзора за прилежаніемъ баричей, которымъ объявлено, чтобъ они и не думали возвращаться въ Россію безъ письменнаго свидѣтельства заморскихъ капитановъ въ осно-вательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія, подѣ

(1) *The History of Peter the Great* by Alexander Gordon. Aberdeen, 755. II. 280—284.

страхомъ потери всего имущества. Изъ числа этихъ деньщиковъ-шпіоновъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ въ послѣдствіи игралъ важную роль въ судьбѣ царицы Авдотьи Ѳедоровны.

Но вскорѣ Петръ замѣтно охладѣлъ къ своей супругѣ, и уже неохотно съ нею переписывался. Авдотья Ѳедоровна пеняла ему съ огорченіемъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма, обнаруженнаго г. Устряловымъ:

«Предражайшему моему государю, свѣту радости, царю Петру Алексѣевичу. Здравствуй, мой батюшка, на множество лѣтъ! Прошу у тебя, свѣтъ мой, милости, обрадуй меня, батюшка, отпиши, свѣтъ мой, о здоровьи своемъ, чтобы мнѣ бѣдной въ печалѣхъ своихъ порадоваться. Какъ ты, свѣтъ мой, изволилъ пойтить, и ко мнѣ не пожаловалъ, не отписалъ о здоровьи не единой строчки. Только я, бѣдная, на свѣтъ безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровьи своемъ. Не презри, свѣтъ мой, моего прошенія. А сестра твоя царевна Наталья Алексѣевна въ добромъ здоровьи. Отпиши, радость моя, ко мнѣ, когда ко мнѣ изволишь быть. А спросить изволишь милостію своею обо мнѣ, и я съ Алешенькою жива.»

Изъ этого письма, говоритъ г. Устряловъ (1), очевидно, что и по смерти царицы Натальи Кириловны, поддерживавшей согласие между сыномъ и невѣсткою, Авдотья Ѳедоровна не теряла надежды на любовь мужа. Рѣшительный разрывъ продолжалъ, кажется, передъ отъѣздомъ царя за границу, по открытіи заговора Соковнина.

Около этого времени, въ мартѣ 1697 года, страшная опала поразила отца и дядей царицы. Бояре Ѳедоръ Абрамовичъ и братья его, Василій и Сергѣй, были сосланы на вѣчное житье въ Тотьму, Саранскъ и Вязьму. Чѣмъ прогнѣвили они государя—неизвѣстно. О причинѣ ихъ ссылки не могъ ничего узнать и г. Устряловъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ всѣ достовѣрнѣйшіе документы того времени (2).

Тогда же рѣшено было удалить Авдотью Ѳедоровну въ монастырь: по крайней мѣрѣ, изъ Лондона царь прислалъ повелѣніе

(1) *Исторія царствованія Петра, III*, стр. 188—191.

(2) Въ запискахъ Желябужскаго ошибочно сказано Ѳедоръ Михайловичъ вмѣсто Ѳедора Абрамовича. Въ офиціальномъ спискѣ палатнымъ людямъ 1705 года, г. Устряловъ нашелъ въ числѣ бояръ Ѳедора Абрамовича Лопухина, съ отмѣткою: «велѣно жить въ своей деревнѣ до указу».

боярѣмъ Л. К. Нарышкину и Т. Н. Стрѣшневу, также духовнику царицы, склонить ее къ добровольному постриженію (1).

« О чемъ изволилъ ты писать къ духовнику и ко Льву Кирилловичу, и ко мнѣ, отвѣчалъ Стрѣшневъ 19 апрѣля 1698 года, и мы о томъ говорили прилежно, чтобы учинить во свободѣ, и она упрямится. Только надобно еще отписать къ духовнику, и сами станемъ и еще говорить почасту. А духовникъ человекъ малословный; а что ему письмомъ подновить, то онъ больше станетъ прилежать въ томъ дѣлѣ ».

Петръ подтвердилъ свою волю, по возвращеніи изъ Лондона въ Амстердамъ, повелѣвъ и князю Ромодановскому, 9 мая 1698 года, содѣйствовать Стрѣшневу: « Пожалуй сдѣлай то, о чемъ тебѣ станетъ говорить Тихомъ Никитичъ, для Бога... »

18 іюля 1698 года, въ Вѣнѣ былъ данъ въ честь русскаго посольства великолѣпный обѣдъ... Явился заадранный кубокъ, наполненный мозельвейномъ; всѣ гости встали и пили здоровье императора, провозглашая его по очереди другъ другу, пока кубокъ не обошелъ всего стола. Во все это время гости стояли. Передъ обѣдомъ условились было, чтобы Лефортъ провозгласилъ такимъ же образомъ здоровье императрицы и потомъ Римскаго короля, барантъ же Кенигсакеръ здоровье царицы Московской: но ни то, ни другое шито не было, потому ли, что обрядъ былъ одинокимъ продолжителемъ, или, вѣроятнѣе, потому, что царь уже сомнѣвался, не была ли его жена въ разговорѣ съ Софіей...

Вѣсть о стрѣльцкомъ возстаніи достигла Петра. Эти побѣдишки стараго порядка вещей, уже потерявшіе на висѣлицахъ и плахахъ множество изъ своихъ собратій, снова поднимались, чтобы еще разъ менытать счастье, и еще разъ, уже совершенно, пасть въ безплодныхъ усиліяхъ. Предводимые яркими противниками Нѣмцевъ, полки Великолуцкихъ стрѣльцовъ двинулись къ Москвѣ. Они рѣшились растворить темницу Софьи и ей поручить правленіе государствомъ, въ ожиданіи совершеннолѣтія Алексѣя Петровича. Съ перемѣною правительства стрѣльцы надѣялись уничтожить нововведенія.

Стрѣльцы были побѣждены; главнѣйшіе казнены; для совершенія ужаснѣйшей кары надъ сотнями остальныхъ спѣшилъ самъ Петръ. 25 августа въ 6 часу пополудни вернулся онъ изъ-за границы, и въ тотъ же вечеръ успѣлъ побывать въ нѣсколькихъ

(1) Донесеніе Герардену къ австрійскому двору, 12 сент. 1698 г.

домахъ, въ городѣ и въ Нѣмецкой слободѣ; навѣстилъ бояръ, повидался съ семействомъ Монсъ, и на ночь удалился въ Преображенское. Не посѣтилъ онъ только одной особы, которая нетерпѣливѣ всѣхъ, между страхомъ и надеждою, ожидала его возвращенія,—царицы своей, Авдотьи Ѳедоровны.

По приказу государя, ее продолжали убѣждать добровольно удалиться въ монастырь. Царица не соглашалась. 31 августа, въ домъ почтмейстера Виніуса, Петръ бесѣдовалъ съ женой наединѣ, и въ продолженіи четырехъ часовъ, какъ свидѣтельствуешь Гваріенти, тщетно убѣждалъ жену на согласіе. Корбъ, въ своемъ извѣстномъ дневникѣ (изд. 1700, стр. 74), увѣряетъ, вопреки общему слуху, что государь бесѣдовалъ не съ женою, а съ сестрой своею Натальей. Свидѣтельство Гваріенти, замѣчаетъ г. Устряловъ, вѣроятнѣе потому, что съ личною сестрою царь безъ сомнѣнія видѣлся и прежде.

Какъ бы то ни было, но всѣ эти бесѣды не повели ни къ чему. Петръ прибѣгнулъ къ силѣ. Недвѣли три спустя послѣ его свиданія съ женой, царевна Наталья Алексѣевна, исполняя волю брата, взяла отъ царицы ея сына, царевича Алексѣя, бывшаго осьми лѣтъ и семи мѣсяцевъ. Изъ кремлевскихъ палатъ Алексѣй былъ отвезенъ въ село Преображенское; а 25 сентября 1698 года, говоритъ Гордонъ, волею-неволею, въ самой простой каретѣ, безъ свиты, Авдотья Ѳедоровна отправлена въ Суздальско-Покровскій дѣвичій монастырь. Въ подлинныхъ актахъ того времени даже не записанъ день ея ссылки.

«Со всѣмъ почтеніемъ, пишетъ князь М. Щербатовъ, которое я къ сему великому въ монархахъ и великому въ челоуѣкахъ въ сердцѣ своемъ сохраняю, со всѣмъ чувствіемъ моимъ, что самая польза государственная требовала, чтобы онъ имѣлъ окомъ царевича Алексѣя Петровича законныхъ дѣтей, преемниками его престола, не могу я удержаться, чтобы не охулить разводъ его съ первою его супругой, рожденною Лопухиной, и второй бракъ, по постриженіи первой супруги, съ плѣнницею Екатериною Алексѣевной, монархъ и не имѣлъ къ разводу сильныхъ причинъ, по крайней мѣрѣ я ихъ не вижу, окомъ склонности его къ Монсовой и сопротивленіямъ жены его къ новымъ установленіямъ.»

Чѣмъ именно провинилась царица передъ своимъ мужемъ—остается тайною и до сихъ поръ. Не разъяснилъ этой тайны и авторъ *Исторіи царствованія Петра I*. Иностранные писатели, Вильбоа, Левекъ, Леклеркъ и другіе, увѣряютъ,

что гибели Лопухиной особенно содѣйствовалъ Александръ Меншиковъ, будто бы уже въ это время имѣвшій сильное вліяніе на умъ и волю государя. Вотъ что говоритъ Вильбоа: «Гордая царица не любила Меншикова, какъ безвѣстнаго простолюдина, взятаго съ улицы и изъ-подъ пирожнаго лотка поставленнаго на ступеняхъ трона. На ея презрѣніе царскій фаворитъ отвѣчалъ ненавистью и умѣлъ подвигнуть государя къ ссылкѣ и заточенію Лопухиной.» Но это пустѣйшая выдумка: Меншиковъ въ это время не имѣлъ значенія, не игралъ еще той важной роли, какая выдалась ему въ послѣдствіи.

Въ іюнѣ 1699 года, по именному царскому повелѣнію, объявленному окольнымъ Семеномъ Языковымъ архимандриту суздальскаго Спасо-Ефимьева монастыря Варлааму, Авдотья Федоровна была пострижена іеромонахомъ Иларіономъ въ келліи старицы Маремьяны, подъ именемъ инокини Елены.

Вотъ что было сказано въ царскомъ указѣ 22 іюня 1697 года (1699): «Отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца въ суздальскій Спасо-Ефимьевъ монастырь, архимандриту Варлааму, келарю-старцу Игнатію съ братією. Какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ, и окольныхъ нашъ Семень Ивановичъ Языковъ для какихъ нашихъ дѣлъ къ вамъ въ монастырь кого пришлетъ, и вы бы ему, окольному нашему Семену Ивановичу, во всемъ были послушны. Москва. Скрѣпилъ дьякъ Григорій Посниковъ.»

Въ Москвѣ носилась молва, что остудила царя къ царицѣ золовка ея, царевна Наталья Алексѣевна; но, по замѣчанію г. Устрялова, едва ли и это справедливо: то былъ престолярный толкъ стрѣльчихъ, не знавшихъ дѣла. *Впрямьже*, пишетъ Александръ Гордонъ въ своей *The History of Peter* (1755, II. 281), что Авдотья Федоровна отдала отъ себя своего супруга безотвязною ревнивостью и упреками за привязанность его къ иностранцамъ; вся родня царицы питала къ иноземцамъ глубокую ненависть. Одинъ изъ ея братьевъ (не Абрамъ ли Федоровичъ?) оскорблялъ даже Лефорта въ присутствіи царя. Такъ напримѣръ, разказываетъ шведскій резидентъ Кохень, 26 февраля 1693 года государь обѣдалъ у Лефорта. Въ жару спора Лопухинъ сталъ поносить генерала самыми непристойными выраженіями, наконецъ схватился въ рукопашную, и въ дракѣ сильно *мзжалъ прическу* великаго адмирала. Царь тутъ же заступился за своего любимца, и наказалъ оскорбителя пощечи-

лами. Справедливость сего факта подтверждается свидѣтельствомъ г. Устрялова.

Непріязнь своихъ родственниковъ ко всему новому раздѣла и Авдотья Федоровна, но въ замыслѣхъ стрѣльцовъ она нисколько не участвовала: такъ удостоверяютъ акты розыскаго дѣла, тщательно изслѣдованные историкомъ Петра; притомъ же царь вознамѣрился постричь ее прежде бунта.

«Поясненіемъ загадки *сиротливо* можетъ служить ссылка Лопухиныхъ вслѣдъ за кланію Сококина, Циклера и Пушка: едва ли, говоритъ г. Устряловъ, не подозревалъ Петръ свою жену съ ея роднею: если не въ соучастіи съ нами, то по крайней мѣрѣ въ тайномъ доброжелательствѣ къ ней многочисленной партіи. Впрочемъ, безъ сомнѣній, были и другія причины: трудно согласиться, чтобы Петръ, безъ важныхъ побужденій, рѣшился отринуть отъ своего ложа такъ еще недавно любимую жену, даровавную ему наследника престола.»

Не скоро еще исторія Петра будетъ удовлетворять справедливымъ требованіямъ, если при разъясненіи столь важнаго событія, накова ссылка и постриженіе первой его жены, авторъ новѣйшей исторіи царствованія его долженъ безпрестанно прибѣгать къ догадкамъ, въ *сиротливости* которыхъ очень и очень можно сомнѣваться.

Любопытно, что удаленіе Лопухиной изъ Москвы совпадаетъ съ другимъ, весьма интереснымъ событіемъ: въ это время Петръ сталъ стричь и подстригать бороды своимъ боярѣмъ и объявилъ бородачамъ войну упорную и продолжительную.

Скучно, однообразно потянулась жизнь заточенной царицы вдали отъ мужа, родныхъ, страстно любимого сына. Государь рѣшительно забылъ ее. Сестрамъ своимъ, также постриженнымъ за участіе въ послѣднемъ возстаніи стрѣльцовъ, царь опредѣлялъ содержаніе наравнѣ съ другими царевнами, жившими на свободѣ; дозволялъ имѣть при себѣ мамъ, казначей и постельницъ. Такъ напримѣръ, судя по Разметной книгѣ, отпечатанной Туманскимъ въ *Россійскомъ Магази́нѣ* (1788, ч. I. 224—252), видно, что инокиня Сусаннѣ (Софья Алексѣевнѣ) отпускалось въ 1700 году рыбы, ялѣбовъ, винъ, принятыхъ зедій на 5144 р., инокиня Маргаритѣ (Марѣ Алексѣевнѣ) на 2650 р.: нечего и говорить, что это были весьма большія деньги по тому времени. Въ той же книгѣ исчислены расходы по всему двору, не исключая истопничей палаты; но о царицѣ инокини нѣтъ ни слова. Изъ подлинныхъ документовъ видно,

что при ней не было никакой особо назначенной прислуги. Не было назначено для нея ни одной копѣйки содержанія, не оставлено при ней ни одной постельницы: государь осудилъ ее на тяжкую долю простой монахини. Она терпѣла недостатокъ даже въ продовольствіи, и нерѣдко обращалась къ брату своему Абраму Федоровичу и къ женѣ его съ тайными просьбами о присылкѣ вина и рыбы. «Хоть сама не пью, писала царица, такъ было бѣ чѣмъ людей жаловать... Здѣсь вѣдь ничего нѣтъ: все гнилое. Хотя я вамъ и прискучила, да что же дѣлать? Покамѣстъ жива, пойте, да кормите, да одѣвайте нищую.» (1)

Дальнѣйшая судьба Авдотьи Федоровны имѣетъ близкое отношеніе къ роковой судьбѣ ея единственнаго сына. Здѣсь не мѣсто говорить о воспитаніи, о супружеской жизни, о разрывѣ царевича съ отцомъ, о бѣгствѣ его за границу. Много еще остается вопросовъ неразгаданныхъ въ процессѣ Алексѣя Петровича. Будемъ надѣяться, что съ выпускомъ въ свѣтъ 6 тома *Истории царствованія Петра I*, съ отпечатаніемъ громаднаго тома драгоценнѣйшихъ приложений, подлинныхъ документовъ, относящихся къ сему дѣлу и доселѣ бывшихъ неизвѣстными, можетъ-быть разъяснятся подробности сего эпизода, и мы, на основаніи труда г. Устрялова, помяная слова Карамзина («судъ и осужденіе Алексѣя принадлежать къ числу тѣхъ событій, надъ которыми одно потомство имѣетъ право произнести свой приговоръ»), произнесемъ этотъ окончательный приговоръ о знаменитомъ процессѣ.

До 1718 года нѣтъ извѣстій объ Авдотьѣ Федоровнѣ. Но за то этотъ годъ былъ самый черный, самый ужасный въ ея злополучной жизни.

3 февраля былъ обнародованъ манифестъ. Въ немъ объявлялись всѣ *вины* царевича; все подведено было къ одному заключенію,—къ отрѣшенію его отъ престола. Въ началѣ сего акта государь, оправдывая себя, говорить, что имъ употреблены были всѣ возможныя мѣры къ пріуготовленію достойнаго себѣ преемника. Всѣ эти заботы, по словамъ манифеста, не повели ни къ чему, вслѣдствіе постоянной *конверсаціи Алексѣя съ людьми злого непотребными*. Не послужили къ исправленію ни гнѣвъ, ни милость, ни *отческія наказанія*, ни *любвиное супружество съ Шарлотой Софіей*. Несмотря на то, что послѣдняя

(1) Устряловъ, т. III, стр. 190.

была ума довольнаго и обхожденія честнаго, Алексѣй жилъ съ нею въ явномъ несогласіи, попрежнему окружалъ себя людьми съ замерзлыми и грубыми обыкностями, и наконецъ, имѣя жену, взялъ нѣкую бездѣльную и работную дѣвку и съ оною жилъ явно, незаконно. Манифестъ объявлялъ Алексѣя виновникомъ преждевременной смерти Шарлоты, обвинялъ въ скрытности, неблагодарности, въ обманѣ, съ которымъ изъявлялъ онъ желаніе идти въ монастырь, наконецъ въ *измѣнническомъ* бѣгствѣ къ государю чужеземному «съ женой съ Ефросиньей, съ которою онъ незаконно сваялся. И хотя онъ за все выше-реченное *достоинъ былъ лишенія живота*, однакожь мы отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, въ томъ преступленіи его прощаемъ.» Но желая спасти государство отъ правителя недостойнаго, Петръ лишилъ сына всѣхъ правъ на престолъ, даже и въ томъ случаѣ, *еслибы ни одной персоны въ царской фамилии не осталось.*

Въ день объявленія сего манифеста, подсудимый царевичъ предсталъ въ кремлевскихъ палатахъ предъ отца, грознаго судью своего, въ торжественномъ собраніи свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ. Къ сожалѣнію, мы должны опустить описаніе этой разительной сцены, какъ не относящейся къ нашему очерку. Скажемъ только, что царевичъ, упавъ на колѣни, подалъ повинную во всемъ, присягой подтвердилъ свое отреченіе отъ престола, присягнувъ новому наслѣднику престола, четырехлѣтнему царевичу Петру Петровичу, наконецъ обѣщаль выдать всѣхъ своихъ *единомышленниковъ.*

Послѣ причащенія Св. Таинъ, царевича отвезли въ Преображенское. Здѣсь устроили комиссію; ее наименовали *вышнимъ судомъ*. Слѣдователями и судьями Алексѣя были вѣрнѣйшіе, покорнѣйшіе слуги его отца: тайный совѣтникъ П. А. Толстой, гвардіи майоръ Ушаковъ и капитанъ Румянцовъ.

Къ нимъ привозили всѣхъ *подозрѣваемыхъ* въ сообщничествѣ съ Алексѣемъ; они строго допрашивали ихъ, производя надъ несчастными жесточайшія, неописанныя истязанія...

Среди огородовъ села Преображенскаго, еще Карамзинъ съ ужасомъ находилъ подвалы, темные, подземные казематы и длинные коридоры, въ которыхъ производились пытки, дѣлались, говоря словами Желябужскаго, *нещадные розыски*. «Тайная канцелярія, пишетъ Карамзинъ, день и ночь работала въ Преображенскомъ: пытки и казни служили средствами нашего

славнаго преобразованія государственнаго. Въ вертепахъ преобразенскихъ лились потоки крови...»

4 февраля государь предложилъ допросные пункты. Подъ страхомъ казни, Алексѣй долженъ былъ отвѣчать на нихъ безъ утайки.»

Вслѣдствіе длинныхъ, спутанныхъ отвѣтовъ царевича, начались аресты оговоренныхъ имъ лицъ. Государь написалъ указъ князю Меншикову арестовать и прислать въ Москву Кикина и другихъ. Осторожный Кикинъ обѣщалъ камеръ-пажу Баклановскому 20.000 рублей (1), если онъ заблаговременно извѣститъ его объ опасности. Баклановскій прочиталъ указъ, стоя за спиной пишущаго государя, и тотъ же часъ отправилъ въ Петербургъ курьера. Петръ замѣтилъ поспѣшный выходъ Баклановскаго, посадилъ его въ тюрьму и велѣлъ своему посланному скакать во весь духъ. Оба вѣстника прибыли въ столицу въ одно время.

Тогда же, по именному указу государя, устроены по дорогѣ заставы, разставлены офицерскіе караулы. Безъ подорожныхъ, высочайше утвержденныхъ, никто не могъ ни пріѣхать въ Москву, ни выѣхать изъ нея.

8 февраля Кикина, Аѳанасьева и другихъ скованными зато-

(1) Александръ Васильевичъ Кикинъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей царевича Алексѣя, былъ очень богатъ: въ одной Москвѣ у него было 125 большихъ лавокъ. Въ нихъ торговали его собственные крестьяне. Великолѣпныя каменные палаты Кикина, находившіяся близъ с.-петербургскаго адмиралтейства, были конфискованы въ 1716 году. Самъ Кикинъ, въ числѣ другихъ, за взятки и разныя злоупотребленія былъ высѣченъ, лишентъ чиновъ и сосланъ. Но Петръ находилъ въ немъ необходимыя для службы способности, и въ томъ же году простилъ Кикина, при чемъ большая часть его имѣній не была ему возвращена. Нужно замѣтить, что Кикинъ съ 1694 года употребляемъ былъ въ качествѣ шпиона вмѣстѣ съ Ушаковымъ, Писаревымъ, Румянцовымъ, Волковымъ и другими. Штелинъ, Голиковъ, Полевой и другіе разказываютъ преданіе о томъ, что будто бы А. В. Кикинъ три раза стрѣлялъ въ спящаго государя, и три раза пистолетъ осклазился, послѣ чего онъ самъ повѣшился въ своемъ злодѣйскомъ умыслѣ, при чемъ Петръ простилъ его. Разказъ этотъ едва ли не одна изъ тѣхъ выдумокъ Штелина и ему подобныхъ баснословцевъ, которые очень хорошо уничтожены изслѣдованіями г. Устрялова. Любопытенъ, какъ характеристическая черта того времени, слѣдующій фактъ: братъ Кикина, Петръ Васильевичъ, нещадно высѣченный кнутомъ за растлѣніе 13-лѣтней дѣвочки, пытаный за фальшивую подпись, тѣмъ не менѣе вѣдалъ въ 1704 году рыбными промыслами и мельницами во всей Россіи.

чили въ крѣпость. Ихъ допрашивали, они не отвѣчали на вопросы; въ тотъ же день Меншиковъ писалъ государю, «что онъ принужденъ былъ поднять на дыбу Афонасьева, а тогда онъ и сталъ во всемъ открываться. И въ томъ ваше величество не извольте на меня гнѣваться, что я онимъ поднятімъ на дыбы пострацалъ Афонасьева.»

Чтобъ имѣть понятіе объ острасткѣ, данной дворецкому царевича, и вообще чтобъ уяснить значеніе слова *розыскъ*, сдѣлаемъ маленькое отступленіе. Розыски значили пытки. Производились они обыкновенно въ *застѣнкахъ*: такъ назывались казаматы съ толстыми стѣнами, чтобы вопли терзаемыхъ не были извнѣ слышимы. Употребительнѣйшею пыткой была *виска*, или *дыба*. Вотъ наивный разказъ Котошихина объ этой первой низшей степени пытки. Нѣтъ сомнѣнія, что она дѣлалась точно такъ же и въ царствованіе Петра, какъ дѣлалась тридцать лѣтъ прежде, въ правленіе его отца. «Сымуть съ вора рубашку, и руки его назади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою; обшита та веревка войлокомъ; и подымутъ его кверху, учинено мѣсто, что и висѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ; и одинъ человекъ палачъ вступить ему въ ноги на ремень своею ногою, и тѣмъ его оттягиваетъ, и того вора руки стануть прямо надъ головой его, а изъ суставовъ выдутъ вонъ. И потомъ сзади палачъ начнетъ бить по спинѣ кнутомъ изрѣдка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ 30 или 40, и какъ ударить по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станеть такъ, слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножомъ, мало не до костей. А учиненъ тотъ кнутъ ременный плетеный, толстый, на концѣ ввязанъ ремень толстый, шириною въ палецъ, а длиною будетъ въ пять локтей...» Когда спина обагралась кровью, когда кожа, вмѣстѣ съ мясомъ, лоскутьями разлеталась въ стороны, горячимъ вѣшникомъ вспаривали спину, нерѣдко растравляя раны солью, и вновь сыпались удары. «И буде съ первыхъ пытокъ не винаются, продолжаетъ Котошихинъ, и ихъ, спустя недѣлю времени, пытаютъ въ другой и въ третій разъ, и жгутъ огнемъ: свяжутъ руки и ноги, и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь; а инымъ, разжегши желѣзныя клещи на-красно, ломаютъ ребры» (1). Когда снимали съ дыбы, тогда палачъ вмѣсто костоправа вставлялъ руки въ суставы, схвативъ

(1) См. *Россія въ царствованіи Алексѣя Михайловича* изд. 1842 г. То же разказываетъ Перри въ *The state of Russia*, 1716, стр. 217—219.

ихъ и вдругъ дернувъ напередъ. Несмотря на всѣ эти муки, случилось, говорить преданіе, что когда одного, вытерпѣвшаго пытку, изувѣченнаго, окровавленнаго, вели назадъ, тогда другой, осужденный *на дыбу*, встрѣтивъ его, спрашивалъ: «А какова баня?» «Ничего, хороша! бывалъ отвѣтъ: для тебя еще остались вѣшники!» Нерѣдко допрашиваемому привязывали голову къ ногамъ, въ веревку ввертывали палку и вертели до того, что голова пригибалась къ пяткамъ. Человѣкъ, сгибаясь *въ три пошиба*, часто умиралъ, прежде нежели успѣвалъ признаться. Также допрашивали завинчиваньемъ ножныхъ и ручныхъ пальцевъ въ тиски, вбиваньемъ въ тѣло гвоздей... Для узнанія всей *подноюткой*, забивали деревянные спицы или гвозди за ногти... Нещадно сдавливали голову въ особо устроенномъ для сего станкѣ... Въ изобрѣтеніи пытокъ слѣдователи отличались остроуміемъ: допрашиваемаго поили соленою водою, сажали въ жарко-истопленную баню и не давали пить до тѣхъ поръ, пока тотъ не говорилъ, что имъ было нужно, или распаривъ его хорошенько въ банѣ, сѣкли несчастнаго соляными свѣчами, тѣмъ причиняли ужасныя терзанія.

Зная теперь, въ чемъ состояли розыски, перечислимъ имена главнѣйшихъ лицъ, схваченныхъ въ Петербургѣ и подвергнутыхъ розыску. Александра Кикина захватили въ кровати; онъ едва успѣлъ сказать женѣ «прощай», и его поволокли въ тюрьму. За нимъ арестовали: князя П. М. Голицына, гвардіи майора Салтыкова, Ивана Аванасьева, стряпчаго Богданова, Федора Еварлакова, Ивана Кикина, сибирскаго царевича и Абрама Лопухина, роднаго брата заключенной царицы. 17-го февраля арестовали князя М. В. Долгорукаго, княгиню Львову, греческаго полка Елевферья. 20-го февраля къ Василью Долгорукому, въ сопровожденіи солдатъ, явился Меншиковъ. Онъ объявилъ его арестованнымъ. «Берите меня, сказалъ Долгоруковъ: совѣсть моя чиста; кромѣ головы, мнѣ нечего терять.» Тогда же арестованы Константинъ Баклановскій, гвардіи поручикъ Богдановъ и подъячій Протопоповъ.

Петербургскіе аресты были послѣдствіемъ московскихъ розысковъ. По отобраніи показаній отъ царевича, начались пытки его служителей. По новымъ оговорамъ арестовали: Дубровскаго и Семена Нарышкина. Арестованныхъ въ Петербургѣ скованными привозили въ преображенскія ямы. Въ застѣнкахъ палачи работали до изнеможенія.

Между тѣмъ государь, въ самомъ разгарѣ сего дѣла, не упу-

стѣилъ изъ виду и царицу Авдотью Ѳедоровну. Для развѣданія о ея поведеніи посланъ былъ искуснѣйшій *надсмотрщикъ* и вывѣдчикъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ.

Посланный донесъ, что инокиня Елена въ стѣнахъ уединенной обители живетъ совершенно свободно, что она самовольно назвалась прежнимъ именемъ Евдокіи, что во время литургіи имя ея, какъ царицы, упоминается послѣ имени государя; что она ходитъ въ свѣтскомъ платьѣ и повелѣваетъ всѣми какъ государыня. Въ ея кельяхъ, доносилъ Писаревъ, собирались на дознанія и таинственныя бесѣды епископъ Ростовскій Досиѣей, духовникъ ея Пустынной, казначей монастыря, управитель его Сурминъ и нѣкоторыя изъ монахинь. Окруживъ себя людьми преданными, Авдотья Ѳедоровна (1) отдала свое сердце генераль-майору Степану Богдановичу Глѣбову, человѣку безграмотному (о чемъ есть свидѣтельство самого Петра), но мужественному, предприимчивому, съ красотою физическою соединившему ненависть къ преобразованиямъ и нововведеніямъ.

Всѣ монахини и упомянутыя лица подъ конвоемъ отправлены въ Преображенское. Еще съ дороги царица послала повинную: въ ней сознавала себя виновною въ ношеніи свѣтскаго платья, и съ чувствомъ собственнаго достоинства просила прощенья, «дабы не умереть безгодною смертію».

На повинную не было обращено вниманія; начались пытки и допросы. *Дознано* было: что инокиня Елена держала себя постоянно гордо, непослушнымъ грозила будущимъ государемъ Алексѣемъ Петровичемъ; ее уличили въ любви къ Глѣбову, въ томъ что она любила проводить съ нимъ вечера въ продолжительныхъ бесѣдахъ. Открылось, что протопопъ Пустынной еще въ 1707 году представилъ Глѣбова инокини Елейѣ, что старица Каптелина (Капитолина) была вѣрною услужницей ихъ, что епископъ Досиѣей зналъ о возникшей дружбѣ; онъ же уговаривалъ Елену скинуть *невольническія* ризы. Тотъ же Досиѣей увѣрялъ, будто слышалъ разные голоса отъ чудотворцевъ, что Евдокія снова воцарится, и что воцареніе это воспослѣдуетъ въ тотъ же годъ. Когда

(1) При постриженіи ей было 25 лѣтъ; она находилась въ полномъ цвѣтѣ красоты и здоровья. Мы читали у Н. Г. Устрялова девять самыхъ страстныхъ и нѣжныхъ писемъ Лопухиной къ Глѣбову. Они могутъ-быть будутъ напечатаны въ приложеніяхъ къ VI тому *Исторіи царствованія Петра I*.

проходило назначенное время, и слова святыхъ не оправдывались, епископъ относилъ это къ грѣхамъ покойнаго боярина, отца царицы, Федора Лопухина, будто бы глубоко грязнаго въ аду. Обѣщаль за него молиться, бралъ на украшеніе храма Господня деньги, и ежегодно доносилъ, что его предстательствомъ у алтаря Всевышняго, Лопухинъ вышелъ изъ ада по плечи, черезъ годъ по поясъ, черезъ годъ по колѣна и т. д.

Протопопъ Пустынной показалъ, что епископъ часто заходилъ къ суздальскому митрополиту Иларіону, что послѣдній не разъ укорялъ его «въ безвременномъ вечернемъ посѣщеніи Евдокіи». «Еще-де ты человекъ молодой, говорилъ Досіею Иларіонъ, и случаевъ всякихъ не знаешь.»

Иностранные писатели увѣряютъ, что епископъ хотѣлъ обвинять Глѣбова съ Авдотьей Федоровной.

Царевна Марья Алексѣевна (род. 1660 г. 18 января), уличенная въ перепискѣ съ Лопухиной, показала на ростовскаго епископа, будто не разъ онъ увѣрялъ ее въ ночныхъ видѣніяхъ ему царевича Дмитрія; при чемъ передавалъ пророчества Св. Дмитрія о близкой смерти государя и пр.

Преданный пытокъ съ виски, огня и желѣза, Досіею сознался, что во всѣхъ предсказаніяхъ «лгалъ на святыхъ напрасно».

Что подобные обманы вовсе не были рѣдкостью въ то время, стоить вспомнить разказъ Голикова (т. 15, изд. 1843, стр. 25). «Подъ папертью церкви Василия Блаженнаго, говоритъ авторъ *Дьяній*, близъ московскаго Кремля, жилъ затворникъ, выставившій въ окно образъ Богоматери, яко бы плачущей о грѣхахъ человѣческихъ. Съ задней стороны образа, противъ глазъ, сдѣланы были двѣ лунки. Въ нихъ клалъ онъ грецкія губки, напитанныя водою. Все это искусно покрывалось китайкою. Въ значкахъ проколоты были двѣ скважинки. . . Когда отовсюду стекавшійся народъ въ нѣмомъ благоговѣніи падалъ ницъ передъ образомъ, монахъ прижималъ тѣ мѣста, противъ которыхъ лежали губки, и водяныя капли катились по щекамъ. . . Собравъ значительную сумму денегъ, затворникъ удалился въ пустыню и былъ въ послѣдствіи архимандритомъ въ Иверскомъ монастырѣ...» Въ отсутствіе Петра I изъ Петербурга, пріѣзжіе изъ Іерусалима монахи, какъ разказываетъ современникъ Нартовъ, продали императрицѣ за 1000 рублей несгораемый кусокъ полотна, будто бы принадлежавшій къ сорочкѣ Богородицы. Полотно

положено было царицей въ серебряный ковчегъ. «Это, Катенька, обманъ, сказалъ государь, увидавъ мнимую святыню: счастливы бродяги-старцы, что до меня убрались отсюда, а то бы я заставилъ ихъ прясть другой лень въ Соловкахъ. Такой же кусокъ полотна несгараемаго привезенъ мною изъ Голландіи». (1) Подобный же разказъ помѣщенъ Болтинымъ, въ его примѣчаніяхъ къ исторіи Леклерка (стр. 550). «Въѣвъ тогдашній, пишетъ Болтинъ, благовремененъ былъ пустосвятству, обману и подлогамъ: ханжи и лицемѣры чудеса не вѣрили, но пользу свою обрѣтали; бѣольшая часть народа вѣрили и обманщиковъ обогащали; нѣкоторые видѣли обманъ, но говорить не смѣли, и таковыхъ было не много. Скольکو вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего незначащихъ, приняты были за святыню, за предметъ почтенія, уваженія! Отъ времени Петра Великаго прекратились таковыя чудотворенія; перевелися плутовства и плуты при духовенствѣ просвѣщенномъ.» Вотъ что еще разказываетъ одинъ современникъ: «Пронесся слухъ, что вода невская поднимется наравнѣ съ сосною, стоявшею близъ крѣпости. . . Сказали, что Богородица плачетъ, сожалея о неизбѣжномъ несчастіи города. Страхъ разнесся по народу. Графъ Головинъ пришелъ въ церковь во время службы и увидѣлъ самъ слезы, текуція изъ образа: отправилъ курьера къ царю со извѣщеніемъ о томъ. . . Монархъ по пріѣздѣ въ Петербургъ доказалъ графу Головину невозможность, чтобы Петербургъ былъ затопленъ. . . наутрѣ приказалъ срубить сосну и взять образъ ко двору. Тамъ, въ присутствіи многихъ бояръ осматривавъ прилежно образъ, нашель, что въ углахъ глазныхъ прорѣзаны были маленькія дырочки, а сзади дски противу глазъ вырѣзаны были ямки, въ коихъ положена была губка, напоенная деревяннымъ масломъ. Царь безъ труда доказалъ зрителямъ, какимъ образомъ зажигаемыя свѣчи передъ образомъ могли разогрѣвать застывшій елей и заставлятъ его капля по каплѣ точиться чрезъ прорѣзанныя скважинки. . . » Вотъ еще случай, описанный у Голикова: «Близъ Троицы, на берегу Невы, стояла старая высокая ольха. Крестьянинъ одинъ, переведенъ будучи изъ Россіи въ чухонскую деревню и желая возвратиться на родину свою, вздумалъ пророчествовать, что въ наступающемъ сентябрѣ бу-

(1) *Сынъ Отечества*, 1819 г. № XXXII, стр. 263 — 264.

деть столь великое наводненіе, что вода покроеть то дерево. Разнесшійся о семь слухъ навелъ страхъ простому народу, и многіе заблаговременно стали выбираться изъ города въ мѣста безопасныя. Дошло сіе до государя, который, будучи весьма раздраженъ симъ слухомъ, приказалъ строго изслѣдовать и найдти начальника тому. Сысканъ сказанный крестьянинъ, изблеченъ, задержанъ подъ карауломъ до исходу сентября, а по прошествіи сего, при собраніи всея черни, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ольха, высѣченъ кнутомъ.»

О царицѣ Евдокіи наведены были самыя тщательныя справки. Едва ли не со всѣхъ лицъ, чаще другихъ видѣвшихъ ее во время ея заточенія съ 1699 по 1718 годъ, были сняты самыя подробныя показанія: во всѣ мѣста, во всѣ монастыри, куда только ѣздила она на богомолье изъ Суздаля, всюду были разосланы шпіоны для развѣданій и допросовъ. До какихъ мелочныхъ подробностей требовались показанія, обращикомъ можетъ служить показаніе Симона, игумена Кузьмина монастыря, Владимірской губерніи (1). «Въ бытность мою, писалъ Симонъ, игуменомъ въ Кузьминъ монастырь, пріѣзжала туда бывшая царица два раза лѣтнимъ временемъ; какого года, мѣсяца и числа, того онъ не упомянуть; но во второй разъ, лѣтъ пять спустя послѣ перваго пріѣзда. А предъ пріѣздомъ царицы пріѣзжали ея слуги, и кельи для нея очищали, и въ церкви мѣста приготавливали, и монахамъ изъ келій выходить не приказывали. Въѣзжала бывшая царица въ монастырь въ каретѣ за стеклами послѣ полуденъ, подъѣзжала къ самой соборной церкви, входила въ нее ограждена красными сукнами скрытно: ни онъ, Симонъ, и никто изъ монаховъ того монастыря бывшую царицу никогда не видали. Въ церкви слушала вечерню, затѣмъ въ закрытой каретѣ подъѣзжала къ кельямъ, и туда входила, огражденная сукнами. Въ первый пріѣздъ останавливалась бывшая царица въ его игуменскихъ кельяхъ. Во второй разъ—въ братскихъ кельяхъ. Въ ночное время входила въ церковь, отправляла всенощное пѣніе и литургію, а были ль молебны, того онъ, Симонъ, не вѣдаетъ, потому что ни его, ни другихъ монаховъ того монастыря въ то время къ церкви не подпускали. Отправлялъ ту службу

(1) Любопытный документъ этотъ напечатанъ въ подлинникѣ въ 24-й книгѣ *Временника*, Москва. 1856. Смѣсь, стр. 51 — 53. Онъ доставленъ редакціи изъ дѣла 1721 года (?) членомъ-соревнователемъ И. А. Чистовичемъ.

пріѣхавшій съ царицей города Суздаля, церкви Петра и Павла, попъ Гаврила Ѳеодоровъ, бывшаго Суздальскаго собора ключаря Ѳеодора Пустыннаго сынъ; на крыло съ пѣли монахини, также пріѣзжавшія съ бывшею царицей, а числа и именъ монахинь онъ не знаетъ. Въ ея бытности онъ игумень отправлялъ вечерню, утреню и литургію въ другой трапезной церкви; послѣ литургіи, не выпуская его, Симона, съ братіей, въ той трапезѣ кормили, по приказу бывшей царицы, рыбою, цоля медомъ, а какія были другія питія, того онъ не упомянуть. Подчивали служители бывшей царицы Никита Клешиковъ, Григорій Стахвевъ; остальныхъ не знаетъ. При выходѣ изъ трапезы, служители приказывали монахамъ съ игуменомъ кланяться потрижды въ землю, по направленію къ кельямъ, гдѣ останавливалась бывшая царица; тогда же давали игумену по гривнѣ, а монахамъ по шти денегъ. Онъ, Симонъ, въ тѣ оба пріѣзда носилъ въ навечеріи хлѣбъ; впускали его въ сѣни по докладу дневальныхъ, а въ сѣняхъ тотъ хлѣбъ, по приказу бывшей царицы, принимали отъ него монахини. Во второй пріѣздъ пущень былъ онъ предъ нею, и она, бывшая царица, спрашивала, на какія деньги строень иконостасъ; на чтѣ Симонъ донесъ, что строень иконостасъ мірскимъ подаеніемъ и келейными деньгами; бывшая царица поблагодарила его за то и отпустила немедленно; а у руки ея онъ, Симонъ, не былъ; царица была одѣта тогда въ черномъ камчатомъ *мірскомъ* платьѣ, въ шубкѣ или кунтушѣ, того не усмотрѣлъ, да въ .. (1) шапкѣ. При выѣздѣ царицы изъ монастыря, игумень съ монахами провожали кареты за ворота, кланялись вслѣдъ потрижды въ землю, а дѣлали то по приказу служителей *спроста*. Да слышалъ де онъ отъ стороннихъ, что она, бывшая царица, была пострижена, и въ монахиняхъ было ей имя Елена; а знали ль о томъ монахи, того Симонъ не вѣдаетъ. А какъ де упомянутые слуги давали имъ милостыню, и въ то время приказывали имъ молить Бога о здравіи великаго государя царевича Алексѣя Петровича; а чтобъ молить Бога о ней, бывшей царицѣ, и о томъ, также и о *другихъ* (?) ничего не приказывали. На эктеніяхъ и молитвахъ онъ игумень ее, бывшую царицу, не поминалъ, равно не поминали іеромонахи и іеродіаконы того монастыря, и приказу о томъ ни отъ кого не было. Вкладовъ въ монастырь отъ царицы при немъ, Симонѣ, не было.

(1) Пропускъ въ *Временникъ*.

А слышалъ онъ отъ гробоваго отъ старца Ионы, который умре назадъ тому лѣтъ десять, что до его игуменства бывшая царица прїѣзжала въ Кузьминъ монастырь; но сколько разъ, когда именно и что дѣлала въ томъ монастырѣ, того Иона не сказывалъ. Прїѣзжали съ царицей слугъ челоувѣкъ десять; а кто такіе, какихъ чиновъ люди, того не знаетъ. Онъ, Симонъ, въ Суздаль, въ Покровскій дѣвичь монастырь, къ ней, бывшей царицѣ, никогда ни за чѣмъ не приходилъ, и митрополитъ Иларіонъ къ ней никогда ни за чѣмъ не прїѣзжалъ. Да обносила де рѣчь сторонняя, что бывшая царица ѣздила въ Боголюбовъ монастырь, и къ Николѣ на Волосово, а бывала ль въ другихъ мѣстахъ, того не слышалъ; и больше сказаннаго здѣсь, о ней, бывшей царицѣ, ничего онъ, Симонъ, не знаетъ.»

Суздальское розыскное дѣло увеличило число подсудимыхъ.

21-го февраля арестовали въ С.-Петербургѣ сенатора графа П. М. Апраксина, князя Богдана Гагарина (въ послѣдствіи повѣщеннаго за взятки), Алексѣя Волкова; дьяковъ: Михайлу и Федора Вороновыхъ и Михайлу Воинова. 22-го февраля захвачены: Иванъ Нарышкинъ, Василій Глѣбовъ, секретарь Кикина Калмацкой, слуги и деньщики ихъ. Спустя нѣсколько времени, арестованы: Симоновскій архимандритъ Петръ, сенаторъ Михайло Самаринъ, княгиня Троерукова (1), Варвара Головина, Богданова, сенаторъ Михайло Долгоруковъ, Алексѣевна, Федосья, Арина и другія служанки царевича Алексѣя. Всѣ они были свезены въ Преображенское.

Подозрительность государя дошла до невѣроятной степени: онъ усомнился было въ преданности перваго своего любимца Меншикова; съ трудомъ разсѣялъ фаворитъ это подозрѣніе.

5-го марта 1718 года обнаруживанъ манифестъ о преступленіяхъ Кикина, Глѣбова, разстригли Досиоея, Вяземскаго и др. Манифестъ прочитали въ большомъ собраніи именитѣйшихъ сановниковъ.

(1) Французскіе писатели ошибочно называютъ ее la princesse Trerouva: не Троекурова ли?

Вотъ слова этого манифеста :

Манифестъ или объявление, которое чтено въ Столовой палатѣ при освященномъ соборѣ, и его царскаго величества, при министрахъ, и протчего духовнаго и гражданскаго чина людѣхъ, лѣта 1718, марта въ 5 день (1).

Понеже всѣмъ извѣстно, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ особамъ, какъ въ прошломъ, 207, году, при бытности (въ Суздальѣ) окольникого Семена Языкова, царскаго величества, бывшая царица Евдокія въ Суздаль, въ Покровско-дѣвичій монастырь для нѣкоторыхъ своихъ противностей и подозрѣній постриглась, и наречено имя ей Елена.

А по нѣкоторому извѣстію, царскому величеству явилось, что ова, бывшая царица, монашеское платье съ себя скинула, и ходила въ мірскомъ.

И его царское величество для подлиннаго о томъ извѣстія (и розыску), указалъ того монастыря духовныхъ, и протчихъ, и служителей розыскать отъ лейбъ-гвардіи поручику, господину Скорнякову-Писареву.

Котораго по розыску явилось, что бывшая царица, скинувъ съ себя

(1) Манифестъ этотъ былъ напечатанъ въ томъ же году. Въ силу указа императора Петра II, онъ былъ уничтоженъ вмѣстѣ съ манифестомъ 3 февраля 1718 о наследствѣ Алексѣя, съ объявленіемъ о слѣдствіи и судѣ надъ нимъ 25 июня 1718 г. и наконецъ съ уставомъ о наследствѣ російскаго престола 1722 года, февраля въ 5 день. Манифестъ 3 февраля и уставъ 1722 года вошли въ *Полное Собраніе Законовъ* (Т. V и VI). Розыскное дѣло царевича Алексѣя, два раза напечатанное въ Спб. и Москвѣ въ 1718 году, было вполнѣ, безъ малѣйшихъ пропусковъ перепечатано М. П. Погодинымъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1829 г., ч. V. Мы слышали эту статью съ подлиннымъ розыскнымъ дѣломъ, съ экземпляромъ московскаго изданія въ октябрѣ 1718 года, хранящагося въ Публичной библиотекѣ. Итакъ только объявленіе о суздальско-розыскномъ дѣлѣ не было ни разу перепечатано. Современное изданіе его составляетъ необыкновенную библиографическую рѣдкость. Ни въ одной изъ здѣшнихъ публичныхъ библиотекъ (Имп. Публичной, академической, Румянцовскомъ музеумѣ), равно и въ большихъ частныхъ библиотекахъ, которыя намъ извѣстны, нигдѣ мы его не нашли. Н. Г. Устряловъ, не видя сего манифеста въ Россіи, списалъ его въ вѣнскомъ архивѣ. Наша копія снята съ рукописи петровскихъ временъ, въ листъ, 18 страницъ убористаго уставнаго мелкаго письма, на грубѣйшей стѣрой бумагѣ. Рукопись эта помѣщена въ обширномъ сборникѣ Румянцовскаго музеума № 39 (въ описаніи музея А. Востоковымъ, Спб. 1842 г. стр. 48—56). Сборникъ озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: «Выписки историческія въ мелкихъ статьяхъ по разнымъ предметамъ, изъ разныхъ мѣстъ полученныя, расположены по старшинству времени» (съ XIV по XVIII в.). Манифестъ о А. Ѳ. Лопухиной и прочіе помѣщенъ на лист. 82—91. Ему предшествуетъ извѣстное письмо по дѣлу Хованскихъ, а слѣдуетъ дѣло 1720 года о найденныхъ въ Абовской киркѣ костяхъ епископа Генриха (1050 г.). Петръ приказалъ хранить ихъ за печатью командовавшему въ Финляндіи М. М. князю Голицыну. По его приказу, докторъ московскаго полка осматривалъ мнимыя мощи, и по осмотрѣ найденъ полный скелетъ челоуѣка, да двѣ кости лишнихъ ручныхъ. да отломокъ изъ ребра кости говяжьей.

монашеское платье, ходила миряною, и въ таблицѣ, взятой изъ того монастыря, изъ Благовѣщенской церкви съ жертвенника, явилось то подлинно, по которой ее поминали царицею Евдокіей, а не монахиною Еленою.

А государыня царица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна въ поминовеньѣ, въ той таблицѣ, не написана.

И по тому розыску ее, бывшую царицу, и того монастыря старицъ и духовныхъ, и мірскихъ, всѣхъ изъ Суздаля велѣно взять для розыску въ Москву.

И въ пути, не доѣзжая Москвы, февраля 15 числа, она, бывшая царица, написавъ своею рукою письмо къ царскому величеству съ онымъ господиномъ капитанъ-поручикомъ Скорняковымъ-Писаревымъ, при-
сала, а въ немъ написано:

«Всемиловѣйшій государь! Въ прошлыхъ годахъ, а въ которомъ не упомяну, при бытности Семена Языкова, по обещанію своему пострижена я была въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ въ старицы, и наречено мнѣ было имя Елена; и по постриженіи въ иноческомъ платьѣ ходила съ полгода, а не восхотя быти инокою, оставя монашество я, скинувъ платье, жила въ томъ монастырѣ скрытно, подъ видомъ иночества миряною, и то мое скрытье объявилось чрезъ Григорія Писарева. И нынѣ я, надѣясь на челоуколюбныя вашего величества щедроты, припадая къ ногамъ вашимъ, прошу милосердія, того моего преступленія о прощеніи; чтобъ мнѣ безгодною смертію не умереть, а я общаюся по прежнему быти инокою и пребыть въ иночествѣ до смерти своея, и буду Богу молить за тебя, государя. Вашего величества вижайшая раба, бывшая женка ваша Авдотья. Февраля 15 дня, 1718 года.»

И по привозѣ оныхъ въ Москву о вышеписанномъ розыскивано, и съ розыску показали: а именно:

Суздальскаго Спасскаго Ефимьева монастыря, іеромонахъ Иларіонъ сказалъ, что онъ ее, бывшую царицу, въ вышеозначенное время постригъ, и имя ей нарекъ во иноцѣхъ Елена.

Крылощанія старицы Вѣра и Елена, которыя при томъ обрядѣ (въ дѣйствѣ были) сказали, что при нихъ ее постригли, и они въ томъ дѣйствѣ были.

Старица казначея Маремьяна сказала, что ее, бывшую царицу, у нее въ кельѣ постригли.

Суздальскаго собора ключарь Ѳеодоръ Пустынной, который у нея, бывшей царицы, былъ духовникомъ, своеручнымъ своимъ письмомъ объявилъ, что она была пострижена, и онъ исповѣдывалъ ее исповѣдью монашескою; а именно, какъ въ томъ его письмѣ написано, и съ него здѣсь копія:

«Царицу Евдокію въ монашескомъ платьѣ онъ видалъ, и вѣдалъ, что она пострижена, и имя ея въ иноцѣхъ Елена, и исповѣдывалъ ее монашескою исповѣдью. Сіе письмо писалъ Ѳеодоръ Пустынной своею рукою.»

Да онъ же Ѳеодоръ и Покровскаго монастыря протопопъ Герасимъ и попы Герасимъ же, Иванъ Кузьминъ, Иванъ Яковлевъ, Иванъ Андрѣевъ; дьяконы: Матѣй Артемьевъ, Михайло Васильевъ, подьяконъ Иванъ

Пустынной, да старицы: казначея Маремьяна, келейная ея, бывшей царицы, старица жь Каптелина, и прочіе монастырскіе служители, и другія персоны, которыя по тому розыскному дѣлу прилучились, сказали именно, что она пострижена, а монашеское платье скинула, и ходила въ мірскомъ.

И они де, протопопъ и ключарь съ братією, по той таблицѣ на жертвенникъ ея, бывшую царицу, царицею Евдокією поминали, по ея приказу, бояся ея для того, что она многихъ угроживала, а именно:

«Казначей Маремьянъ: когда она, казначея, о снятіи платья чернецкаго и о неистовомъ ея житіи воспрежала, что сталъ къ ней ходить Степанъ Глѣбовъ безвременно, и она-де, бывшая царица, ей, казначей, многожды говорила: «что все наше государево, и государь-де за свою мать заступится; что воздано стрѣльцамъ, вѣдь-де вы знаете; а сынь-де мой уже изъ пеленокъ-де вывалился.»

«А протопопа Симеона за то велѣла постричь неволею, которому претили и смертнымъ страхомъ; и за такимъ страхомъ не смѣли больше ей претить и извѣщать.»

И по тому розыску, старица Каптелина разспрашивана о безвременныхъ Глѣбова пріѣздахъ днемъ и ночью; которая въ разспросѣ сказала, что хаживали къ ней многія изъ мірскихъ персонъ, въ томъ числѣ изъ царедворцевъ помянутый Степанъ Богдановъ сынъ Глѣбовъ и ночью прихаживалъ; и съ нею наединѣ сживалъ, и цѣловался, и обнимался, а ее отъ себя стесывали.

Противу которыхъ ея разспросовъ Степанъ Глѣбовъ взять и разспрашивать; а въ разспросѣ своемъ винылся, что ходилъ опъ къ ней, бывшей царицѣ, безвременно для того, что жилъ съ нею блудно года съ два; тогда какъ былъ у набора рекрутскаго въ Суздаль, и о томъ объявилъ своеручнымъ своимъ письмомъ. А въ немъ писано:

«Какъ-де онъ былъ въ Суздаль, у набора солдатскаго, тому лѣтъ съ восемь или девять, въ то время привелъ его въ келью, къ бывшей царицѣ Еленѣ, духовникъ ея Ѳеодоръ Пустынный; и подарокъ къ ней чрезъ онаго духовника прислалъ снъ: два мѣха песцовыхъ да пару соболей косякъ баберека (?) нѣмецкаго настоящей посылалъ, и шелся съ нею въ любовь чрезъ старицу Каптелинну; и жилъ съ нею блудно; и послѣ того, тому года съ два, пріѣзжалъ къ ней, и видѣлъ ее, а она въ тѣхъ временахъ ходила въ мірскомъ платьѣ, и онъ къ ней письма писалъ о здоровьи, и она къ нему присылала жь чрезъ служебниковъ своихъ и его; а которыя письма у него выпяты, и тѣ писаны отъ нея, Елены, рукою старицы Каптелины (1); въ томъ числѣ и отъ нея Каптелины нѣкоторыя. А что въ тѣхъ письмахъ упоминалося о перстняхъ, и тѣ перстни, одинъ золотой съ печатью, на которомъ вырѣзанъ цѣп... (?) подъ кореною, а другой съ лазуревымъ яхонтомъ, отдала, бывшая царица, ему, Степану; а противъ того взяла у него она, бывшая царица, перстень же съ лазуревымъ яхонтомъ.»

А противъ онаго его, Глѣбова, разпросу, бывшая царица въ томъ

(1) Девять подлинныхъ писемъ этихъ войдутъ въ свимеахъ въ альбомъ къ 6 тому *Истор. царств. Петра I* Н. Г. Устрялова.

его царскому величеству принесла повинную изустно, и чрезъ свое-ручное письмо, а въ немъ написано:

«Февраля въ 21 день, я, бывшая царица, старица Елена, привожена на генеральной дворъ, и съ Степаномъ Глѣбовымъ на очной ставкѣ сказала, что я съ нимъ блудно жила, въ то время, какъ онъ былъ у рекрутскаго набору, и въ томъ я виновата; писала своею рукою я, Елена.»

Да у него жъ, Глѣбова, вынаты письма отъ нея къ нему въ томъ будѣ; также и перстни у нихъ сысканы ея, бывшей царицы, у него, у Степана; а Степановы у нея.

А въ письмахъ, которыя вынаты у Степана Глѣбова отъ бывшей царицы, написано:

Въ первомъ:

«Благодѣтель мой, здравствуй со всѣми на многія лѣта, пиши къ намъ про здоровье свое, слышать желаемъ; пожалуй, мой батюшка, мой свѣтъ, постарайся ты за меня, гдѣ надлежитъ, и какъ ты знаешь къмъ; только ты, ради меня, себѣ тѣсноты не чини, пожалуй. Пожалуй только къмъ можно сдѣлать, поради, мой батюшка къмъ—нибудъ; хоть бы малая была польза моему бѣдству. Подай, мой батюшка, помощи, только я на тебя надѣюсь, ты помоги мнѣ, да пиши пожалуй про все, чтѣ у васъ дѣлается. Пожалуй, мой свѣтъ, походи за меня, какъ ты знаешь, только себѣ тѣсноты не чини, по тамошнему на мерку (?), (1) ты поступай какъ можно вамъ; изволь ты пожалуй Васильевну-то посылать побить челомъ, гдѣ ты знаешь, чтобъ она вмѣсто меня била, челомъ, кому ты знаешь, кто бы мнѣ помогъ, горести моей; ты ее учи кому бить челомъ станеть; а я, надѣясь крѣпко и твердо; пожалуй, мой батю, гдѣ твой разумъ, тутъ и мой, гдѣ твое слово, тамъ и мое; гдѣ твое слово, тутъ моя и голова; вся всегда въ волѣ твоей нынѣ и впредь; ей, педожно говорю; пиши ты про всѣхъ, прошу слезно у тебя, и молю неутѣшно, прошу, добивайся ты о себѣ, чтобы тебѣ на службѣ не быть; что ни дай, да отъ службы отступися какъ-нибудь; ей-ей, тебѣ денегъ пришлю сотъ съ семь (2), нарочно пришлю челомъ съ деньгами, только ты добивайся, чтобъ тебѣ не быть на службѣ; а письма твои дошли сохранно, Яковъ (3) дѣтина умный, въ своемъ письмѣ твои письма присылаетъ къ намъ; вѣрь ты ему, а мы ему вѣримъ.»

Во второмъ:

«Благодѣтель нашъ, здравствуй: что ты къ намъ пишешь безъ толку; не можемъ разсудить? Куда тебя зовутъ на новоселье, изволь пойдти»

(1) Несколько словъ мы, при всѣхъ усиліяхъ, не могли разобрать, такъ сказано в кудреватой рукописи.

(2) Несмотря на жалобы, на бѣдность, которыя неоднократно высказывала заточенная царица въ письмѣхъ напримѣръ къ брату (см. выше), она имѣла деньги, получая ихъ отъ царевны Марыи Алексѣевны, и другой разъ даже рублемъ 400 она получала отъ своего сына.

(3) Яковъ Стахѣевъ—стрипчій, ревностный приверженецъ царицы Авдотьи Федоровны.

ради меня, себѣ добра не теряй. Дай Богъ тебѣ всякое благо получить себѣ, кто бѣ тебѣ не помогъ, а мы тебѣ, ей, не злодѣи; но Богъ видѣть нашу неправду, ей, отъ самой простоты поступаемъ мы. А ты пишешь къ намъ, что-де лукавствомъ и пронырствомъ не взять, что же мнѣ дѣлать? Коли такому Богъ меня безчастную родилъ? Мнѣ кажется, я не лукава, а вамъ кажется, я лукава. Пишешь ты: о насъ не смѣешь ходить; пожалуй ходи, да добивайся себѣ благого, а я къ тебѣ часа (?) пришлю деньги два ста, своихъ пришлю триста рублевъ, откупайся какъ ты знаешь; и всѣмъ сули, не жалѣя денегъ, ей-ей, я пришлю своихъ триста, oprичъ твоихъ, пять сотъ пришлю, только добивайся себѣ пользы (1): кто бы тебѣ не помогъ, не опасайся ты брата моего (2), хотя бы кто и кромѣ его помощь тебѣ подалъ; отъ кого бы нибудь тебѣ пользу получить, мой братъ за это на тебя, ей-ей, не станетъ гнѣваться. Промышлай кѣмъ-нибудь себѣ, какъ Богъ тебя наставитъ, добивайся себѣ лучшаго: ты бы намъ подлинно все отписалъ; можно тебѣ нашему Якову вѣрить, онъ бы письмо, не затерявъ, прислалъ бы подлинно; а Яковъ твое письмо прислалъ въ своемъ письмѣ, ей, сохранно, ты ему вѣрь, вѣдь мы ему, ради тебя, и велѣли на Москвѣ-то жить, будто ради дѣла живетъ, ей ради твоей честности. А ты скоро бездушникъ насъ забылъ, а ты бы какъ написалъ письмо, далъ бы послать не мѣшкатно, вѣдь ѣзда безпрестанно есть; а Яковъ часто къ твоему двору приходитъ да отказываютъ. Чего вы ради опасаетесь? пожалуй отпиши? Что вы не пускаете его на дворъ, ей, ради меня, вамъ никакой траты вашему здоровью не будетъ; ей, не опасайся, что вы на дворъ нашихъ не пускаете. Чему-то вѣдь быть? Горестъ моя нынѣ, кабы я была въ радости, такъ бы меня и въ дали сыскали, а то нынѣ горестъ моя, забылъ скоро меня, не умилостивилъ тебя здѣсь мы ничѣмъ. Мало знать лицо твое, и руки твои и суставы рукъ и ногъ твоихъ, мало слезами моими обливали? они не успѣли угодное сотворить, знать прогнѣвали тебя вечѣмъ, что по самѣсто ты не хвалишься, гораздо тебѣ огорчица мы, что забылъ, никого не пришлешь къ намъ, да и нашихъ къ себѣ на дворъ не пускаешь; какъ-то Яковъ уже насилу добился, чаю ходилъ не пять разъ? Насилу Богъ велѣлъ твои очи увидѣть, али ты то боишься, что ты ко мнѣ ходилъ, ей, мой свѣтъ, не бойся ни мало, сама я больше всѣхъ знаю, не бойся нынѣ и впредь, хотя кто не вѣдаетъ, что ты ко мнѣ и ходилъ, не бойся; всѣхъ вѣдь я знаю. Горько да мнѣ одной, а съ вами Богъ. Пожалуй отпиши, скоро ли тебѣ ѣхать-то съ Москвы? Добивайся токмо, чтобы тебѣ быть въ губернии Московской, чтобы тебѣ ближе быть, какъ-нибудь добивайся себѣ пользы, какъ бы лучше тебѣ, такъ себѣ и дѣлай; али ужъ набору не быть? Добивайся ты, мой батюшка, чтобы тебѣ сѣсть на воеводство? Можно это дѣло сдѣлать кня-

(1) М. Г. Даниловъ въ своихъ запискахъ, изданныхъ въ 1842 году, подробно разказываетъ, къ какимъ средствамъ прибѣгали богатые русскіе дворяне, еще въ царствованіе Анны Ивановны, чтобы получать отпуска и увольненія изъ службы. Между прочимъ они давали взятки секретарямъ, писарямъ крѣпостными своими душами (стр. 34—38).

(2) Абрама Ѳедоровича Лопухина.

гинѣ Аннѣ Артамоновѣ (1), да Тихономъ Никитичемъ (2). Ей ты бей челомъ, хоть почти ты ее чѣмъ, а и бей ты челомъ Ферафону; то какъ знаешь, такъ себѣ и промышлай. Я и сама не знаю, какъ тебѣ быть; какъ уже мнѣ съ тобой печали на свѣтѣ жить? Тому ли было думано? Зѣло, зѣло грустно и печально; батько мой, какъ-нибудь домогайся, какъ ты знаешь, а я часа къ тебѣ пришлоу всего, съ чѣмъ тебѣ ѣхать. Еслибы ты близко былъ насъ, не такъ бы то и было, зѣло мнѣ горько о разлученіи: какъ-нибудь домогайся; а брату моему печаль, что мало я могу, также что сына моего нѣтъ, то-то онъ къ тебѣ не промолвилъ, не дяви ты на-него; домогайся какъ знаешь, пожалуй не забудь насъ.

«Братецъ, батюшка мой, здравствуй со всѣми своими, а мы въ великой гутѣ пребываемъ, а ты по ся мѣсто нехватишься о печальныххъ? Пожалуй, пиши про все, подлинно хорошенько, чтобы намъ разсудить, какъ быть.»

«А у насъ безпрестанно плачутъ горько, неутѣшно. Ты вѣр Якову Стахѣву. Нарочно, пожалуй, мой свѣтъ, пиши, пока ты на Москвѣ; что ты одинъ, али съ женою ѣдешь, за какимъ дѣломъ? Прошу и молю съ горестью, на сколько ѣдешь, пожалуй опиши подлинно? Добивайся ты, чтобы тебѣ хоть плату платить, хотя бы уже дома тебѣ жить, сули хоть ста четыре рублевъ, кгобъ нибудь тебѣ помощи падаль; ей, ей, недосадно моему брату будетъ, также и мнѣ. Кто же вступился бы въ твои горести, или гдѣ бы тебѣ ближе быть у какого дѣла, али скажи, что ты скорбень. Дай, мой свѣтъ, плату, да живи дома, а я тебѣ, ей, ей, ей, не солгу, пришлоу пять мѣшковъ денегъ, какъ-нибудь добивайся, съ недѣлю не умывайся, ей назовутъ тебя скорбнымъ. Поди, поди на новоселье, ради добра, за чѣмъ туда не идти? Что ты тамъ про монастыри пишешь, охъ воръ, еще ты къ ней не откажешь ходить? Пожалуй ходи, только себѣ добивайся добра; вѣдь я тебѣ только не велѣла ходить по монастырямъ, а то ни куда тебѣ я не заказывала; знать, что ты пишешь про монастыри, за чѣмъ я въ монастыри тебѣ не ходить, ради добра, только зла не твори. За что ты мнѣ божился, а я не тебѣ вѣрю, но Богу, святителю Николѣ, ему вѣру крѣпку держу, что онъ наше моленье не презреть. Съ тою правдою держися ты, живи смириѣ, не забудь мою любовь къ тебѣ; а я уже только съ печали духъ во мнѣ есть. Рада бы была смертію, да гдѣ ее взять. Пожалуйста помолитесь, чтобы Богъ мой вѣкъ укротилъ, ей, рада тому. Да пишешь ты про архимандрита, и я ему ничего не говорила ни про что: такъ онъ вретъ, плюнь ты на него, не слушай ничего, ей, онъ про тебя не будетъ говорить, но

(1) Не сестра ли сенатора и президента юстицъ-коллегіи графъ Андрея Артамоновича Матѣева, пользовавшагося особенною довѣренностью Петра I? Скончался въ 1728 году.

(2) Тих. Ник. Стрѣшневъ. Отъ него, по словамъ Корба, завистли всѣ опредѣленія, повелѣнія, указы, касавшіеся дѣлъ внутреннихъ, также и внѣшняго управленія Московія. Его должность относительно дворянъ сходна съ обязанностію великаго констабля. На обѣдахъ тостъ за здоровье Тихона Никитича означаетъ то же, что тостъ за вѣрнѣйшихъ и безусловно преданныхъ слугъ Петра, стр. 215. *Diarium itineris in Moscoviam, Viennae in fol. 1700.*

бойся ты ничего. Вѣдь Яковъ нарочно, ради тебя, на Москвѣ-то живетъ. Онъ намъ вѣренъ, и ты ему вѣрь, пиши не опасайся ничего, а мы чаяли съ нею, что тебѣ на Москвѣ-то жить. Мы ради тебя хотѣли Якова на стряпню посадить, что мнѣ дѣлать, коли проста сердцемъ. Богъ видитъ мое лукавство и пронырство, что ты опредѣленъ вине-вать(?), ѣдешь ты туда на службу, или ради дѣла ѣдешь? пожалуй отпиши, пожалуй не круши меня, отпиши подлинно, не мѣшкавъ, дай скорѣй вѣдомость, чтобы съ печали, безразсудно не умереть мнѣ, что ты именно не отписалъ, кто тебя зоветъ на новоселье, вѣдь ты самъ знаешь, видя какой случай доброй, гдѣ себѣ чая блага, также и къ нему, ты такъ и поступиай, а я вѣдь не буду про доброе сердитовать.»

Въ третьемъ:

«Свѣтъ мой, батюшка мой, душа моя, радость моя, знать уже зло-проклятый часъ приходитъ, что мнѣ съ тобою разставаться; лучше бы мнѣ душа моя съ тѣломъ разсталась бы. Охъ, свѣтъ мой, какъ мнѣ на свѣтѣ быть, безъ тебя какъ бы живой быть? Уже мое проклятое сердце давно послышало, и что тошно давно мнѣ, все плакала. Но мнѣ съ тобою знать будетъ разставаться. Ей, ей, сокрушаюся! И такъ, Богъ вѣсть, каковъ ты мнѣ милъ. Уже мнѣ нѣтъ тебя милѣ, ей Богу! Охъ, любезный другъ мой, за что ты такъ милъ? Уже мнѣ ни жизнь на свѣтѣ. За что ты на меня, душа моя, былъ гнѣвевъ? Что ты ко мнѣ не писалъ? Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя. А я такой же себѣ сдѣлала, то-то я у тебя брала. Знать ты, другъ мой, самъ этого пожелалъ, что тебѣ здѣсь не быть? И давно уже мнѣ твоя любовь знать измѣнила. Всѣ ты слушалъ слугъ, что я къ тебѣ пришло, то и ты отпишеша ко мнѣ. Вотъ уже не на кого будетъ и сердитовать: для чего, батька мой, не ходишь ко мнѣ? что ты не ходишь, не далъ мнѣ на свою персону насмотрѣться? То ли твоя любовь ко мнѣ, что ты ко мнѣ не ходишь? Уже, свѣтъ мой, не къ кому будетъ и притти. Или тебѣ даромъ, другъ мой, я? Знать, что тебѣ я даромъ, а я же тебя до смерти не покину никогда, ты изъ разума моего не выдешь. Ты, мой другъ, меня не забудешь ли, а я тебя ни на часъ не забуду. Какъ мнѣ съ тобою будетъ разставаться? Охъ, коли ты ѣдешь, коли меня, батько мой, ты покинешь, охъ, другъ мой, охъ, свѣтъ мой, любонька моя! пожалуй, сударь мой, изволь ты ко мнѣ прѣхать завтра къ обѣднѣ, переговорить кое-какое дѣло нужное. Охъ, свѣтъ мой, любезный мой другъ, лапушка моя, отпиши ко мнѣ. Порадуй, свѣтъ мой, хоть мало что, какъ тебѣ быть, гдѣ тебѣ жить; въ Владимірѣ или въ Юрьевѣ, али въ Москву ѣхать? Скажи пожалуй, отпиши, не дай мнѣ съ печали умереть, поѣдь лучше ты въ Москвѣ, нежели тебѣ таскаться по городамъ; прѣдь ко мнѣ, я тебѣ пѣчто скажу. Послала къ тебѣ гаустукъ я, носи, душа моя, ничего ты моего не носишь, что тебѣ не дамъ я, знать я тебѣ не мила, то-то ты моего не носишь. То ли твоя ко мнѣ любовь: охъ, свѣтъ мой, охъ, душа моя, охъ, сердце мое, надѣлася по тебѣ, какъ мнѣ будетъ твою любовь забыть? будетъ какъ, не знаю я, какъ жить мнѣ, безъ тебя быть, душа моя,

ей тошно, свѣтъ мой, не что не знаю какъ уже, братецъ мой, батюшка, свѣтъ мой, какъ нзмъ тебя будетъ забывать? Охъ, свѣтъ мой, что ты не прикажешь ни про что, что тебѣ годно покушать, братецъ? А съ чѣмъ у тебя мѣшки тѣ пропали? Съ уздами ли, или съ инымъ чѣмъ? Скажи, сердце, буде досугъ, прїѣди хоть къ вечернѣ.»

А такихъ же, равнымъ образомъ, отъ нея же, бывшей царицы, къ нему, Глѣбову, писанныхъ еще шесть писемъ (1).

Да у него жь, Степана, вынаты письма же о возмущеніи народа противъ царскаго величества (2).

Да послѣ повинной ея, бывшей царицы, спрашиваны тѣ жь старицы, подьяконъ Иванъ Пустынной, и другіе: Чего ради, она монашеское платье скинула? На что они сказали: что къ ней-де, бывшей царицѣ, хаживалъ ростовской епископъ Досифей, который прежде сего бывалъ игуменомъ виновицкомъ (sic), и архимандритомъ въ Спасскомъ Ефимьевѣ монастыряхъ. И съ того времени, какъ онъ сталъ къ ней ходить, монашеское платье она съ себя скинула. Который обнадеживалъ ее, сказывалъ ей многія лживыя пророчества: яко бы онъ отъ образовъ слышалъ гласы, и видѣлъ святыхъ, которые будто бы являлися и сказывали. И онъ ей прямо то пророчествовалъ, что она будетъ по прежнему царицею, и съ сыномъ своимъ будетъ вмѣстѣ.

Также-де, когда былъ онъ же, епископъ Досифей, въ виновидскомъ монастырѣ игуменомъ, въ то время приходилъ къ ней же, бывшей царицѣ, и сказывалъ ей, что онъ молился, и будто ему гласы бывали отъ образовъ, и явились ему многіе святые, сказывали, что она будетъ по прежнему царицею, и многіе письма онъ, Досифей, къ царицѣ писалъ, а къ нему отъ царицы писали. А когда былъ архимандритомъ въ Спасскомъ Ефимьевѣ монастырѣ, и когда ему будто бывало явленіе, въ то время, входя къ ней ночью, сказывалъ.

А какъ-де онъ не ходилъ, до того времени бывшая царица была въ чернеческомъ платьѣ. А какъ онъ, епископъ, сталъ ходить, и она чернеческое платье скинула. Противъ чего она спрашивана: для чего она монашеское платье скинула? И она сказала; что какъ ей епископъ пророчествами и видѣніями святыхъ, и гласами отъ образовъ подтверждалъ, что будетъ попрежнему царицею и съ сыномъ вмѣстѣ будетъ царствовать, и она-де тому польстилась, и монашеское платье скинула.

А какъ онъ, Досифей, уже былъ епископомъ, и онъ къ ней, бывшей царицѣ, прїѣзжалъ въ монастырь, и служилъ, и поминалъ ее царицею Евдокією, и сказывалъ, что онъ отъ святыхъ слышалъ гласы, отъ образовъ, что нынѣшняго года (въ которомъ ей сказывалъ) будетъ царицею по прежнему. А когда-де годъ пройдетъ, и царица бывшая его, епископа,

(1) Всѣ они подобнаго же содержанія и относятся по времени къ 1708—1716 годамъ. Мы ихъ видѣли у Н. Г. Устрялова.

(2) Въ чемъ они состояли, почему не приведены въ семь манифестѣ, гдѣ приведены самыя рѣзкіе факты, и существовали ли они на самомъ дѣлѣ, намъ неизвѣстно, и ни въ одномъ изъ показаній лицъ, замѣшанныхъ въ судальско-розыскномъ дѣлѣ о нихъ не упоминается,

спрашивала: для чего-де такъ не сдѣлался? И онъ ей сказывалъ: за грѣхи-де отца твоего. И она де приказывала о грѣхахъ отцовскихъ молиться, и за то де ему денегъ много давала. Но онъ-де, взявъ деньги, сказывалъ, что роздалъ нищимъ, и маливался, и сказывалъ: что онъ его видѣлъ уже изъ ада выпущеннаго до пояса; а въ другой годъ тожъ чиня, сказывалъ: что только по колѣна въ аду, и такія-де обманныя слова сначала и до сего дня ей, бывшей царицѣ, сказывалъ, и во многихъ письмахъ писалъ.

А Иванъ Пустынной сказалъ: «Прежде-де сего бывший Иларіонъ митрополитъ суздальской, сказывалъ ему, Досифею, когда-де онъ, Досифей, пріѣзживалъ къ нему, Иларіону, для посѣщенія, «что для чего онъ къ ней, бывшей царицѣ, ходитъ такъ, и вступаетъ? Что-де ты человекъ молодой, и случаевъ всякихъ не знаешь, чтобъ онъ въ томъ себя не погубилъ, и ходитъ бы къ ней, бывшей царицѣ, пересталъ.» И противъ тѣхъ распросныхъ рѣчей, онъ, епископъ Досифей, подалъ его царскому величеству, написавъ о томъ, о всемъ, своеручное повинное письмо, въ которомъ призналъ себя винна, что сказывалъ онъ ей, бывшей царицѣ, что она будетъ по прежнему царицею, и съ сыномъ будетъ жить, а гласовъ о томъ отъ образовъ не слышалъ, и святые ему не явились, и то не сказывали. А онъ ей, бывшей царицѣ, сказывалъ, и о томъ къ ней писалъ, будто онъ гласы отъ образовъ слышалъ, и святые ему явились, и сказывали, что будетъ по прежнему царицею, что онъ говорилъ и писалъ, утѣшая ее, для того, что она того желала, и она къ нему писывала, и тѣ письма онъ драгъ. А такихъ же словъ, что видѣлъ отца ея, Феодора Лопухина, изъ ада выпущеннаго до пояса, а вдругоредь до колѣней, того онъ ей не сказывалъ, и денегъ за вышеписанное пророчество не бирагъ. А говорилъ ей для того, чтобъ она Бога не отпала, для того что она ему говорила многожды, что она Богу молится много, Богъ ея не слушаетъ. А онъ, вѣдая, что она пострижена, и монашеское платьѣ съ себя скинула, не воспрещалъ ей, и о томъ не доносилъ.

Въ Покровскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ былъ онъ, какъ ѣхалъ изъ Володимира, изъ Рождественскаго монастыря, тому года съ четыре; и въ Благовѣщенской церкви служилъ. И по таблицѣ, которая ему сказана, дьяконъ о здравіи поминалъ; и онъ ее, бывшую царицу, царицею Евдокіею поминалъ же. Голицыной княгинѣ Ностасьи (1) онъ сказывалъ: «что бывшая царица ходитъ въ мірскомъ платьѣ»; въ ту зиму, когда не стало царевны Феодосіи Алексѣевны (2), для того, что она го о томъ спрашивала, и царскому величеству о томъ онъ не донесъ, надѣясь, что она о томъ донесетъ, потому что она живетъ при его величествѣ. А съ Степаномъ Глѣбовымъ у него знакомство было. И однажды, онъ съ нею, царицею бывшею, у него въ кельѣ были, и ужинали.

(1) Какъ увидимъ ниже, Голицына виѣсть съ другими женщинами была подвергнута казни.

(2) Дочь царя Алексѣя Михайловича, родилась 1662 г. мая 28. Имяныя ея праздновались 29 мая, скончалась 1713 года декабря 13

Онъ же, Досифей, сказалъ : какъ онъ былъ архимандритомъ, и въ то число говорилъ ему Аѳонасій Сурминъ, « что-де ты не говоришь бывшей царицѣ, что ходить къ ней Степанъ Глѣбовъ безвременно », и онъ ей о томъ говорилъ, и она его не слушала.

А противъ того Сурминъ спрашиванъ, и сказалъ : въ Покровскомъ Дѣвичьѣ монастырѣ былъ онъ правителемъ; и про Степана Глѣбова, что онъ къ бывшей царицѣ хаживалъ по ночамъ, вѣдалъ; и сказывалъ-де ему о томъ того монастыря протопопъ Симеонъ, который постриженъ, и онъ-де, Аѳонасій, о томъ говорилъ Досифею, когда былъ онъ архимандритомъ, чтобъ онъ ей поговорилъ : « что для чего онъ, Глѣбовъ, къ ней ходитъ безвременно? » И она-де, бывшая царица, его къ себѣ призывала, и ему говорила : « Для чего-де ты, воръ, такія слова говоришь? Знаешь-де ты, что у меня сынъ живъ, и тебѣ-де заплатитъ, и за то-де его отъ правленія того монастыря и откинули. »

А бывшій протопопъ Симеонъ, который нынѣ монахъ Симонъ, сказалъ : что онъ въ томъ монастырѣ протопопомъ былъ лѣтъ съ двадцать. И въ бытность-де свою, Аѳонасію Сурмину о томъ онъ говорилъ. И его-де за то отъ того монастыря его и отрѣшили, за что ему претили смертнымъ страхомъ, отъ чего онъ и постригся.

А въ вышеписанномъ повинномъ своеручномъ письмѣ оный разстрига, бывшій епископъ, о выпускѣ изъ ада Федора Допухина въ одинъ годъ до пояса, а въ другой годъ до колѣнъ, запирался, въ чему ему, Досифею, съ подьякономъ Иваномъ Пустыннымъ да со старицею Каптелиною дана очная ставка, а съ оной очной ставки сказали :

Подьяконъ и старица Каптелина то же, чтѣ и въ разпросѣ; да къ тому подьяконъ пополнилъ, что-де онъ видѣлъ у бывшей царицы и тѣ письма, которыя писалъ онъ, Досифею, своею рукою, и онъ, Иванъ, ихъ читалъ.

А епископъ Досифей на очной ставкѣ сперва запирался, а потомъ сказалъ : что онъ въ томъ виноватъ, и такія слова о выпускѣ отца ея изъ ада говорилъ и къ ней, бывшей царицѣ, о томъ и писалъ, и къ тому и руку приложилъ.

И о томъ его льстивномъ пророчествѣ и всякомъ бездѣльствѣ объявлено архиреямъ русскимъ и греческимъ соборнѣ.

И оныя архирея русскіе и греческіе, слушавъ того его богопротивныя непотребства, архирейскаго сана извергли, и предали гражданскому суду.

А по изверженіи еще обличенъ, а именно :

Царевичъ Алексѣй Петровичъ объявилъ царскому величеству своеручнымъ письмомъ, а въ немъ написано :

Не добхавъ Либау (1), встрѣтилась ему цѣревна Марья Алексѣевна (2), и взявъ въ карету, по многимъ разговорамъ пришла рѣчь до матери его. И онъ-де молвилъ : жива ль де она? И она, Марья, между

(1) Въ началѣ 1716 года.

(2) Дочь царя Алексѣя Михайловича, родилась 1660 года, января 18, вѣщена февраля 19-го, скончалась 1723 года, марта 9-го, на 63-мъ году отъ рожденія. Смотри. *Древн. Росс. Вѣст.* X. 236.

иными словами, сказывала, что было-де ей откровенье самой и инымъ: «что отецъ твой будетъ боленъ, и во время болѣзни его будетъ вѣское смятеніе, и придетъ же отецъ въ Троицкій монастырь на Сергіеву память, и тутъ мать твоя будетъ же. И отецъ исцѣлится отъ болѣзни. И возьметъ ея къ себѣ, и смятенье утишится. Да повидайся ты-де съ Кикинымъ, онъ-де желаетъ тебя видѣть.»

И по тому письму царица Марья Алексѣевна сказала: «что многія тѣ слова она съ нимъ, царевичемъ, говорила, которыя въ томъ письмѣ написаны, а о пророчествахъ слышала отъ бывшаго епископа Досифея, что нынѣ разстрига Демида.»

А онъ, разстрига, сказалъ, что вышеписанныя пророчества онъ царевнѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ, сказывалъ, и то все лгалъ.

Да онъ же, бывший епископъ Досифей, что нынѣ разстрига Демида, писалъ къ ней, царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, лестное, яко бы о видѣньяхъ святыхъ и о пророчествахъ, своеручное письмо, которое взято изъ комнаты ея, царицы; а въ немъ написано:

«Спасися, моя премилосердая государыня, родимая матушка, и здравствуй, свѣтъ мой! Прогнѣвалъ Господа Бога, и тебя, мою родную мать, опечалилъ чрезмѣрною печалію, что такъ учинилъ, велию себѣ горестъ сотворилъ, что лучше бы на свѣтѣ не былъ, зачѣмъ сперва не поѣхалъ, хотя бы что на пути не было. Однако бы лучше сихъ дней; каково мнѣ теперь, я не скрою отъ тебя, свѣта моего; зачѣмъ не поѣхалъ? До того было задолго съ самаго Рождества Христова не могло, что къ смерти допустилася руда низомъ; съ мѣсяцъ было и больше; отнюдь нельзя было никуда вдалъ выйти. Ни на день отъ кельи отстать; за тѣмъ своимъ грѣхомъ скоро не поѣхалъ. А нынѣ, ей, лучше бы живъ не былъ, что тѣ дни зашли а и ѣхать, кажется, легкимъ обычаемъ уже не по днямъ; а ждать долго второй недѣли. День больше недѣли не можетъ переждать; ужъ не могу придумать. Домовыхъ людей потѣшилъ, тебя, свѣта моего, лишился. Сколько времени не вижу, а слышу. Какой я окаянной человѣкъ, и какой твой вѣрный слуга, прогнѣвалъ своихъ хранителей, что сею скорбію посѣщенъ, не въ великую безмѣрную тяжесть, только страшно при людѣхъ, буди о семъ воля Бога моего и угодниковъ его! А въ письмѣ, моя государыня, не прогнѣвайся, что либо замѣшкала. Сего мѣсяца 4-го числа, былъ въ Толскомъ монастырѣ, въ Ярославѣ; и конюхъ нашъ твое государское письмо тамо мнѣ подалъ; и я въ пятое число и пріѣхалъ домой; а на утро и послалъ, о всемъ было писалъ, и для чего по ся мѣсто не дошло, про то Богъ вѣсть.

«А съ вѣрнымъ было человѣкомъ послалъ налегкѣ; поѣхали изъ таможни съ казною, обѣщалися отнюдь не задержать; а я было послалъ во шестой день сего мѣсяца, и писано было, кажется, про все, а паче, чтобы Федоръ Степановичъ (1) такъ лично бывалъ а а Ж (2) и будетъ извѣстие про пустынныхъ. Доношу, они не вѣдаютъ про

(1) Федоръ Степановичъ Журовскій, одинъ изъ приближенныхъ къ царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ; о немъ смотр. въ концѣ манифеста.

(2) Объясненіе какъ этихъ буквъ, такъ и значеніе разныхъ намековъ Досифея, смотри ниже.

сіе, чають у отца; о посѣщеніяхъ истинно не знаю, какъ быть, поѣхалъ было сею зимою, и доѣхалъ до села Онкова, и часть было заѣхать лошадей покормить, и тутъ предсталъ Димитрій и возвратилъ; и въ тѣ часы, передъ нами разбойники, вмѣсто насъ, иныхъ побили и ограбили, а насъ онъ, свѣтъ, охранилъ. Мы и возвратились назадъ; а уже такъ хочется съ ними повидаться, что единъ Богъ вѣсть. Потому я былъ у нихъ, какъ память была Ц. О. А. (1). Я сказался, что будто туда поѣхалъ, а былъ у пустынниковъ. Много было словъ, ей, не то, что нынѣ. И тогда лишь выѣхалъ, да забылъ четь. Я грѣшный нынѣ съ памятью собираюсь. Какъ бы тамошняя радость обвеселила, не могъ быть по ся мѣсто въ цѣломъ умѣ. Да какъ тамо сподобилъ быти; великую отраду получишь, зѣвшее все оставишь, то и мыслишь. И послѣ того письма у Димитрія я былъ; онъ всеконечно рекъ: «что скоро совершится». А я про Павла давно вѣдалъ, что уже былъ, да нѣтъ; чаялъ, что конецъ Пзвлонъ совершится: не также ли къ тому приходитъ тѣмъ вершиться? Много вопіють: Господи милости подай! совершише, и дѣлу конецъ! И пустынники зѣло желаютъ объ немъ, чтобы Господь далъ исправиться ему въ житіи своемъ. Димитрій уже долго не будетъ, посланъ инымъ во охраненіе, зѣло скорбенъ, и скорбитъ неутѣшно о совершеніи строенія, чтѣ продолжается. Виссаріонъ и прочіе всѣ тебѣ вопіють: «помози людемъ!» Ей, не лгу; у нихъ я услышалъ, что твои простертая молитвы и доброе намѣреніе велию пользу имъ подають; не зазри, твой промыслъ они больше всего ставятъ. Ей, не лгу, какъ христіанинъ на свѣтъ нарицаюся, что такъ я у нихъ слышалъ, и просятъ вашего всякаго исправленія, сколько можно подвигнитися. Не могу примѣръ указать, что сіе сотворите, какъ что мочно по симъ (2). О посѣщеніи нынѣ пустынниковъ прошу твоего государскаго разсужденія, чтѣ творити? Какого бы на себя имъ пореченія не учинити, а утанься нельзя?

«А въ Володиміръ ѣхалъ никонимъ образомъ не мочно: есть ли поѣхать, то всѣмъ образъ дать; а я изъ твоего разсужденія не выступлю. Ей, съѣлъ бы и погубилъ я себя, что сперва я не побывалъ, какъ твоя милость пріѣхала; какъ бы побывалъ, такъ бы не то все было. Я мню, что мнѣ супротивникъ запретилъ, пользы себѣ не учинилъ, а въ великую печаль себя привелъ. Горе несносное! Скорбь зазорная! Мочью бы въ тѣ поры ѣхалъ, да не лицо. Буди во всемъ Божья воля и твое разсужденіе: безъ Божьей воли ничто, ей, не дѣлается. Грѣшный человекъ, твой богомолецъ, слезно припадаю къ честнымъ и святымъ твоимъ ногамъ; припадая, покланяюся и лобызаю, и прощенья прошу, и прочимъ поклонися всѣмъ до земли.»

«Сіе истреби.» (3)

(1) 29 мая память царевны Феодосіи Алексѣевны.

(2) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что умный и хитрый епископъ, имѣвшій сильное вліяніе на суевѣрную царевну, выманивалъ у нея деньги.

(3) Царевна, дорожа письмами слѣпоуважаемаго ею епископа, не исполнила его остроумной просьбы, и тѣмъ бросила новый камень въ Досифея.

По вышеписанномъ письмѣ разстрига Демида въ разспросѣ своемъ сказалъ, что то письмо руки его; и писалъ онъ къ царевнѣ, Марѣ Алексѣевнѣ. И разспросомъ своимъ въ томъ письмѣ скрытныя рѣчи толковалъ.

Въ письмѣ:

«Не поѣхалъ онъ къ ней за болѣзнію.»

Въ разспросѣ:

«Въ то время, какъ она прибыла изъ Карльсбада» (1).

Въ письмѣ:

«Конюхъ отъ тебя, государыня, прибылъ; и подалъ мнѣ письмо, въ Толскомъ монастырѣ сего мѣсяца, 4-го числа.»

Въ разспросѣ:

«О какой матеріи письмо сказать не упомянуть.»

Въ письмѣ:

«И я въ пятое число пріѣхалъ домой на утро. И пославъ о всемъ, было писалъ. И для чего по ся мѣсто не дошло, про то Богъ вѣсть? А я съ вѣрнымъ было человѣкомъ послалъ налегкѣ. Поѣхали изъ тамошни съ казной; обѣщалися отнюдь не задержать; а я было послалъ во шестой день сего мѣсяца, и писалъ было, кажется, про все.»

Въ разспросѣ:

«О какой матеріи писалъ письмо, и съ кѣмъ послалъ изъ тамошни не помнить» (2).

Въ письмѣ:

«А паче, чтобы Ѳедоръ Степанычъ тако лично побывалъ.»

Въ разспросѣ:

«Чтобъ переговорить съ нимъ, для его болѣзни.»

Въ письмѣ;

«Буквы: Азь да азь да живете въ кругу.»

(1) Въ началѣ 1716 года.

(2) При разспросахъ и во время ужаснѣйшихъ пытокъ епископъ Доскочинъ былъ тверже и упорнѣе другихъ. Онъ не выдавалъ своихъ и никого не обывалъ до послѣдней крайности.

Въ разспросѣ :

«Зачитъ: Авдотья жива, бывшая царица.»

Въ письмѣ :

«И будетъ извѣстнѣе про пустынниковъ.»

Въ разспросѣ :

«Объ ней, бывшей царицѣ, что пустыняницею ее называли.»

Въ письмѣ :

«Доношу, они не вѣдаютъ про сіе, чають у отца.»

Въ разспросѣ :

«О царевичѣ Алексѣѣ, что онъ у государя. А царица писала къ нему, что онъ уже дошелъ къ цесарю, и чтобъ съзидитъ къ ней, бывшей царицѣ, и о томъ ей сказать.»

Въ письмѣ :

«О посѣщеніяхъ истинно не знаю, какъ быть.»

Въ разспросѣ :

«Писала къ нему царица, чтобъ ему бывшую царицу посѣтитъ »

Въ письмѣ :

«Поѣхалъ было зимою и доѣхалъ до села Онкова, и часть было заѣхать лошадей покормить, и тутъ предсталъ Димитрій, и возвратились. и въ тѣ часы, передъ нами разбойники вмѣсто насъ; иныхъ побили и ограбили; а насъ онъ свѣтъ охранилъ. Мы и поворотили назадъ А ужъ такъ хочется съ ними повидаться, что одинъ Богъ вѣсть. Лѣтомъ я былъ у нихъ, на память царицы Федосіи Алексѣевны; а сказалося, что будто туда поѣхалъ. А я былъ у пустынниковъ. Много было словъ, ей, не то, что нынѣ. И тогда лишь выѣхалъ да забылъ четь. Я грѣшнѣйшій, нынѣ съ памятью собираюсь. Какъ бы тамошня радость обвеселила, не могъ быть по ся мѣсто въ цѣломъ умѣ. Да какъ тамъ сподобилъ; великую отраду получишь, здѣшнее все оставишь, то и мыслишь.»

Въ разспросѣ :

«Что помянутой Димитрій; что—де то царевичъ Димитрій, а ему онъ не явился; и въ Суздаль онъ, разстрига, не ѣздилъ, ниже и въ Ростовъ; и про все вышеписанное солгалъ.»

Въ письмѣ :

«Послѣ же того письма Димитрій былъ, всеконечно рекъ : что скоро совершится.»

Въ разспросѣ :

«Агаль на царевича Димитрія, будто ему сказывалъ, что совершится и то сказывалъ о смерти государя.»

Въ письмѣ :

«А я про Павла давно вѣдалъ, что уже былъ да нѣтъ его. Чаю что и отецъ Павловъ совершится, не такъ же ли къ тому приходитъ, тѣмъ же вершится?»

Въ разспросѣ :

«То-де писалъ онъ къ царевнѣ о государѣ, что слышалъ онъ отъ святыхъ, что государь скоро умретъ. А про царевича Павла будто ему сказывали святые жъ, что онъ умретъ. И то онъ все агаль, утѣшая царевну. А онъ про смерть царевича Павла (1) свѣдалъ только чрезъ письмо царевнино.»

Въ письмѣ :

«Много вопіющихъ: Господи милости, и дай совершиться, и дѣлу конецъ!»

Въ разспросѣ :

«То онъ писалъ, что желаетъ государю смертнаго конца. И яко бы и всѣ того съ нимъ мнѣнья. Онъ же и съ нею, царевною, объ этомъ говорилъ.»

Въ письмѣ :

«И пустынники зѣло желаютъ объ немъ, чтобъ Господь далъ исправится ему въ житиіи своемъ.»

Въ разспросѣ :

«То-де желала бывшая царица, чтобъ взялъ ее къ себѣ по прежнему государь.»

Въ письмѣ :

«Димитрій уже долго не будетъ. Посланъ онъ инымъ въ охраненіе.»

Въ разспросѣ .

«Агаль, будто царевичъ Димитрій посланъ отъ Бога народъ охранять.»

(1) Екатерина Алексѣевна разрѣшилась отъ бремени царевичемъ Павломъ 2 января, 1717 года, въ Везель Царевичъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, какъ видно изъ журнала князя А. Д. Мещикова, не присутствовалъ при погребеніи родной тетки своей Наталья Алексѣевна (ум. 18 іюня 1716 г.), ни брата своего Павла. Онъ въ семъ случаѣ, разглагольствуетъ Голиковъ, походилъ на Тиверія, въ островѣ своемъ Капреѣ заключившагося. Только царевича Алексѣя отдавала отъ общества ненависть къ обхожденію, вводимому его родителемъ, и сладострастіе. Т. VII, стр. 327. *Дьян. Петра. I.* Изд. 1838 г.

Въ письмѣ :

«Эяко скорбеть, и скорбитъ неутѣшно о совершеніи строенія, что продолжается.»

Въ разспросѣ :

«То онъ писалъ о царевичѣ Дмитріи; будто скорбитъ о народѣ и о совершеніи вышеписаннаго, что государю пресѣченіе вѣка нѣсть. И то онъ на царевича Дмитрія ггалъ.»

Въ письмѣ :

«Виссаріонъ и прочіе всѣ тебѣ вопіють: «помози людямъ». Ей, не лгу! У нихъ я слышалъ: твои простертыя молитвы и доброе намѣреніе, велию пользу имъ подаютъ. Не азри; твой промыслъ они больше всего славятъ. Ей, не лгу, какъ христіянинъ на свѣтѣ нарицаюся, что такъ я у нихъ слышалъ, и просятъ вашего всякаго исправленія, сколько мочно подвигнуться; не могу примѣръ сказать, что сіе сотворите, какъ что мочно, по силѣ.»

Въ разспросѣ :

«То онъ писалъ, лстя ей и похваляя ее, и ставилъ ее больше святыхъ; и будто святые ему говорили, что ея молитвы доходятъ къ Богу, вежели ихъ. А онъ о ея молитвахъ отъ святыхъ не слышалъ, и все ггалъ.»

Въ письмѣ :

«О посѣщеніи пустынниковъ нынѣ прошу твоего государскаго разсужденія, что творити? Какого бы на себя пророчества не учинити, а утанься нельзя.»

Въ разспросѣ :

«Писалъ онъ: велитъ ли царевна ѣхать къ бывшей царицѣ; а ему не хотѣлось ѣхать, для того что тайно ему ѣхать нельзя, а явно, чтобъ себѣ и бывшей царицѣ подозрѣнія не учинить.»

Въ письмѣ :

«Во Володимірь ѣхать никонимъ образомъ немочно: естли поѣхать, то всѣмъ образъ дать, а я изъ твоего разсужденія не выступаю.»

Въ разспросѣ :

«И такъ ей предлагая, что ему въ Володимірь ѣхать не лзя, для того чтобъ ему въ Суздаль не быть для подозрѣнія. А ежели въ Володимірь ѣхать; то въ Суздаль не заѣхать нельзя. А больше полагаюся на ея разсужденіе. Она повелѣла, то бѣ онъ и поѣхалъ.»

Въ письмѣ :

«Ей, съгъ и погубилъ я себя, что сперва я не бывалъ, какъ твоя младость приѣхала; какъ бы побывалъ, такъ бы не то все было. Я мню,

что мнѣ супротивникъ запретилъ, пользы себѣ не учинилъ, а въ великую печаль себя привелъ. Горе несносное! Скорбь зазорная! Мочью бы въ тѣ поры, уѣхалъ да не лицо. Буди во всемъ Божья воля и твое разсужденье. Безъ Божьей воли ничто ей не дѣлается.»

Въ разспросѣ:

«То онъ написалъ въ ту мѣру, ежели бѣ онъ поѣхалъ въ то время, какъ пришла царевна изъ Карльсбада, то бѣ онъ отъ очереди на Москвѣ отбился.»

Да онъ же, разстрига Демида, съ розыску сказалъ: «царевна Марья писала о царевичѣ Павлѣ, что онъ умре; и говорила ему, когда-де государя не будетъ, я-де царевичу рада, о народѣ помогать сколько силъ будетъ, и управлять съ нимъ, царевичемъ, государство; да она же говорила: или бы-де взявъ бывшую царицу, и съ нею жить; либо бы де умеръ.»

А онъ-де, видя ея, царевнино, намвренье, писалъ къ ней будто видѣньями: что государь скоро умретъ.

Да Федоръ Журовской сказалъ: о Виссаріонѣ-де онъ слышалъ отъ него, разстриги, что онъ живалъ въ Ярославлѣ, въ стѣнѣ. И оттуда онъ ушелъ, куда не знаетъ. И будто Виссаріонъ видѣнья жь видѣлъ. А то сказывалъ разстрига Демида царевнѣ, что будетъ гнѣвъ Божій и смущенье: государь скоро умретъ, и тяжкія времена настануть, и тѣ времена не скоро пройдутъ. Царевна удивлялась и спрашивала: для чего то не сдѣлается, какъ сказалъ: въ другія времена? А въ иныя времена сказывалъ, по видѣньямъ же: что государь возьметъ бывшую царицу, и будетъ съ нею по прежнему жить, и будутъ два дѣтища. И будто пророчествовалъ Виссаріонъ, что бывшая царица Евдокія будетъ подъ охраненіемъ царевичиннымъ; а царевича-де выцеписаннаго узнала, о чемъ и оный разстрига сказалъ.

Да объ ней же царевнѣ, Михайло Босой показалъ, что она по, пріѣздѣ своемъ изъ Карльсбада, посылавала его къ бывшей царицѣ съ подарками мирскаго платья, и при томъ приказывала: чтобъ бывшая царица о томъ не печаловалась, что царевичъ уѣхалъ къ цесарю; то-де учинилъ онъ хорошо. И про то, что бывшая царица ходила въ мирскомъ платьѣ, она, царевна, вѣдала.

И она, царевна Марья, во всемъ томъ себя виновной признала» (1).

Въ черномомъ списокѣ манифеста, видѣнномъ г. Устряловымъ, царь собственноручно приписалъ, что бывшая царица Евдокія пострижена «для нѣкоторыхъ ея противностей и подозрѣній». Слова эти, впрочемъ нисколько не объясняющія, въ чемъ состояла ея противность, не были напечатаны. Виновные были

(1) Здѣсь кончается манифестъ, или объявленіе 5 марта. Такъ же кончается списокъ Н. Г. Устрялова, вывезенный имъ изъ вѣнскаго архива, такъ разумѣется кончалось объявленіе и въ печатномъ экземплярѣ 1718 года. Самый приговоръ и росписаніе родовъ казней Глѣбова. Досмеея и проч. былъ прочитанъ 15 марта, и не былъ напечатанъ.

приговорены къ лютѣйшимъ смертнымъ казнямъ, дабы смотря на нихъ казнялись въ совѣсти всѣ подобные злотворцы.»

У Лобнаго Мѣста воздвигли высокій эшафотъ. Близъ него выстроили стѣнку : на ней, съ именами виновныхъ, написаны были длинные списки ихъ преступленій.

Рано утромъ, 15 марта, Красная площадь покрылась народомъ: на крышахъ, заборахъ, галлереяхъ, стѣнахъ, всюду виднѣлись головы любопытныхъ. Вскорѣ толпа заволновалась. Изъ Кремля истомленные тюремнымъ заключеніемъ, истерзанные жесточайшими пытками, вышли въ длинной процессіи: генераль-маіоръ Степанъ Богдановичъ Глѣбовъ, епископъ Досіеѳей, Никифоръ Вяземскій, Александръ Кикинъ, казначей Суздальскаго монастыря Баклановскій и до пятидесяти священниковъ, монаховъ, монахинь и другихъ лицъ. Въ то время, когда Досіеѳей, Вяземскаго, казначей и нѣкоторыхъ другихъ, живыхъ разрывали на части, когда треща ломались ихъ кости и попадались жилы, на высокій колъ сажали фаворита Авдотьи Ѳедоровны. Очевидецъ увѣряетъ, что въ числѣ зрителей былъ самъ великій монархъ. Онъ подошелъ къ Глѣбову, умиравшему въ неописанныхъ мукахъ, осыпалъ его рѣзкими упреками... Умирающій плюнулъ, упорно молчалъ и испустилъ духъ.

Сохранилось показаніе одного іеромонаха, присутствовавшаго при казняхъ 15 марта, что С. Б. Глѣбовъ страшно мучился и оставался живъ сидя на колѣ, въ теченіи почти цѣлыхъ сутокъ (1).

Когда палачи схватили Александра Васильевича Кикина и готовились разорвать желѣзными лапами, къ нему приблизился Петръ. «Скажи мнѣ, Кикинъ, что побуждало тебя, при твоёмъ умѣ, враждовать со мной и ненавидѣть меня?» «Что ты говоришь о моемъ умѣ! хладнокровно отвѣчалъ Кикинъ: умъ любить просторъ, а у тебя было ему тѣсно.» Государь подалъ знакъ, и отъ Кикина осталось нѣсколько безобразныхъ кусковъ. Остальныхъ колесовали, рубили на плахахъ, вѣшали за ребра. Немногіе, въ томъ числѣ Баклановскій, наказаны кнутомъ либо выѣчены батогами.

Нельзя не замѣтить здѣсь кстати, что батоги означили палки, либо толстые прутья. Ими наказывали такъ: виновнаго клали на землю, одинъ палачъ прижималъ голову, другой садился на ноги, двое растягивали руки, двое вооруженные батогами барабанили по оголенной спинѣ до тѣхъ поръ пока имъ не

(1) Со словъ Н. Г. Устрялова.

говорили «довольно». Когда палки разлетались въ щепки, брали свѣжія: когда палачи отбивались отъ рукъ, то есть уставали, ихъ смѣняли новые. Батоужье съченъе было простое, полицейское, исправительное наказаніе. Ему подвергались безъ суда какъ вельможи по приказу государя, такъ и холопы по волѣ вельможъ. Быть высѣченнымъ батогами не считалось безчестьемъ. Послѣ наказанія, виновные должны были цѣловать руку и колѣно экзекутора, благодаря его за кротость и милосердіе. Одинъ холопъ, замѣчаетъ нѣмецкій путешественникъ, укусилъ при этомъ случаѣ господина. Дерзкій умеръ подъ батогами. Вообще смерть подъ палками была дѣломъ не совсѣмъ рѣдкимъ. «Въ 1761 году, пишетъ аббатъ Шапъ, я былъ свидѣтелемъ наказанія батогами. Два холопа, сопровождаемые господиномъ, вели шестнадцатилѣтнюю, стройную, красивую дѣвушку. Красота ея бѣлаго личика невольно приковала мои взоры; превосходные волосы густыми прядями ниспадали на плечи; головка ея была опрокинута назадъ, глаза подернуты слезами, она молила о пощадѣ. Ее бросили на землю, въ мгновеніе ока обнажили до пояса, и по спинѣ запрыгали цалки. Послѣ наказанія дѣвушку подняли съ земли; она не могла держаться на ногахъ: спина была у ней изборождена широкими ранами, кровь обливала ея станъ... Она была наказана за то, что смѣла не исполнить *какое-то* приказаніе боярина своего.»

Но обращаюсь къ прерванному разказу. Иностранцы повѣствуютъ, что Глѣбовъ имѣлъ преданную и любящую супругу. Тщетно она молила о прощеніи его. Прощенія не было. Ея мужъ сидѣлъ на колѣ, и потухавшими очами страшно глядѣлъ на народное скопище. Жена не вынесла ужаснаго зрѣлища и потери супруга: она наложила на себя руки.

Надежда Кикина, по словамъ Голикова, получила послѣ казни мужа часть его имѣнія подъ росписку. Современники разказываютъ иначе: будучи первою красавицей своего времени, жена Александра Васильевича скончалась въ 1720 году въ страшной бѣдности.

Авдотья Ѳедоровна Лопухина сослана въ Новоладожскій монастырь; подъ страхомъ смертной казни, съ ней запрещено было говорить. Царевна Марья Алексѣевна заточена въ одну изъ башенъ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ она и скончалась въ 1723 году. Иностранные писатели, неизвѣстно на чемъ основываясь, увѣряютъ, что царевна умерла отъ голода.

По совершеніи московскихъ казней, кому-то вздумалось по-здравить его величество съ водвореніемъ спокойствія. «Если оговъ встрѣчаетъ соломѣ, отвѣтилъ государь, либо другой удобосгораемый матеріалъ, то онъ болѣе усиливается; но лишь только дойдетъ до желѣза или камня, то самъ собою тухнетъ.»

18 марта царь выѣхалъ изъ Москвы; за нимъ повезли Алексѣя, весьма слабаго отъ изнурительной лихорадки, тоски и тюремнаго заключенія; по ихъ слѣдамъ въ оковахъ, подъ конвоемъ, везли Абрама Лопухина, Пустыннаго, Якова Игнатъева, духовника царевичева, Дубровскаго и другихъ, сберегаемыхъ для новыхъ розысковъ.

2 мая допросы, пытки и розыски возобновились въ Петербургѣ, въ Петропавловской крѣпости. Особенно жестокимъ мученіямъ были преданы Лопухинъ и Игнатъевъ.

26 июня 1718 года, царевича Алексѣя Петровича не стало. 30 онъ былъ похороненъ въ Петропавловскомъ соборѣ.

Только шесть мѣсяцевъ спустя послѣ загадочной кончины Алексѣя, дѣло его было рѣшено окончательно. Верховный судъ приговорилъ: А. Лопухина, протопопа Пустыннаго, Я. Игнатъева П. Аванасьева, Ѳ. Дубровскаго, гофмейстера царевичева Воронова и четырехъ служителей колесовать. Государь всемилостивѣйше повелѣтъ сонзволилъ: первымъ шести отрубить головы, а остальныхъ высѣчь кнутомъ.

9 декабря 1718 года близъ Петропавловской крѣпости исполненъ былъ приговоръ. Народъ въ громаднѣхъ скопищахъ окружалъ эшафотъ. Духовникъ Алексѣя, Яковъ Игнатъевъ, первый склонилъ голову подъ топоръ палача. За нимъ по очереди дожились Пустынной, Вороновъ, Аванасьевъ, Дубровскій. Лопухинъ послѣднимъ положилъ свою голову на плаху, обгавленную кровью. Замѣчательно, что во все царствованіе Петра, гордый братъ царицы, негодуя на нововведенія, упорно устранился отъ какой-либо службы. Тщетно монархъ предлагалъ ему должности почетныя: Абрамъ Ѳедоровичъ до самой смерти оставался непреклоненъ. Какъ онъ, такъ и его сотоварищи приняли смерть безстрашно: смѣло входили на эшафотъ, бросали прощальныя взгляды на толпы молчаливаго народа, крестились и клали головы. Послѣ кровавыхъ пытокъ и тѣснаго заточенія, смерть казалась имъ лучшею долей, спасеніемъ отъ страданій. Только Дубровскій, состоявшій при царевичѣ въ качествѣ переводчика, показалъ малодушіе: громко кричалъ онъ, что гибнетъ

безвинно, что приговоръ несправедливъ; но вопли несчастнаго раздавались въ пустынь. Его втащили на плаху, разорвали рубашку, топоръ сверкнулъ, и палачъ подхватилъ за волосы окровавленную голову.

Лакеи были высѣчены кнутомъ и сосланы въ каторжную работу. Княгини Троекурова и Голицына нещадно наказаны кнутами. Князь Щербатовъ, по словамъ современника, былъ приговоренъ «къ снятію головы». Благодущная Екатерина успѣла склонить царскій гнѣвъ на милость: Щербатову отрѣзали языкъ, вырубали носъ, дали двадцать ударовъ кнутомъ и сослали въ каторгу. Князь М. Щербатовъ въ своемъ сочиненіи *О поврежденіи нравовъ въ Россіи* (стр. 13—14) сообщаетъ по сему случаю слѣдующій фактъ: «дѣдъ мой, князь Юрій Федоровичъ Щербатовъ, не утратился разгнѣваннаго государя Петра I, по дѣлу, царевичину за родственника своего, веденнаго на казнь, прощеніе просить; прося, что если не учинено будетъ милосердіе, дабы его самого въ старыхъ лѣтахъ сущаго лишить жизни, да не увидятъ очи его безчестія роду и племени своего, и пощаду родственнику своему испросилъ.» Мы выше сказали, въ чемъ состояла эта пощада. Князь Василій Долгоруковъ, царевичъ Сибирскій, князь Львовъ, Семень Нарышкинъ и другіе разосланы въ дальніе города Сибири и Восточной Россіи.

Въ 1721 году, три года спустя послѣ декабрьскихъ казней, Берхгольцъ видѣлъ еще на площади шесты съ воткнутыми на нихъ головами казенныхъ. Головы Абрама Лопухина и четырехъ его товарищей лежали на особо-устроенномъ эшафотѣ.

Всѣ слѣдователи и судьи, всѣ лица, способствовавшія къ веденію роковаго процесса, по окончаніи всѣхъ казней были осыпаны наградами; между другими былъ награжденъ главный виновникъ суздальско-розыскаго дѣла, капитанъ поручикъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ: онъ сдѣланъ начальникомъ Морской Академіи, а нѣсколько времени спустя, оберъ-прокуроромъ сената.

Въ царствованіе Екатерины I князь Меншиковъ, деспотически управлявшій всѣмъ и всѣми, изъ своекорыстныхъ расчетовъ убѣдилъ государыню завѣщать Россію сыну Алексѣя Петровича Петру II, а вмѣстѣ съ Россіей завѣщать юному наслѣднику супругу княжну Меншикову. Но противники честолюбца не дремали: то были: Скорняковъ - Писаревъ, Румянцовъ, Девиеръ, Толстой, Бутурлинъ, Ушаковъ и

нѣкоторые другіе, столь недавно принимавшіе рьяное участіе въ обвиненіи и судѣ надъ Алексѣемъ. Они страшились видѣть на престолѣ сына царевича, ими осужденнаго; предчувствовали мечь какъ отъ него, такъ и отъ гонимой ими Авдотьи Федоровны Лопухиной. Страхъ заставилъ ихъ дѣйствовать въ пользу старшей дочери Петра, Анны, и хлопотать объ удаленіи Петра II отъ наслѣдованія престола. Заговоръ не удался, Меншиковъ одержалъ верхъ, и надъ противниками его поручено совершить слѣдствіе «о ихъ продерзости, злыхъ совѣтахъ и намѣреніяхъ». Девіеръ, Писаревъ и ихъ сотоварищи были взяты въ тайную канцелярію: ихъ судили, допрашивали, пытали... То была какъ бы расплата за ихъ прежніе грѣхи. Нѣкогда грозные палачи, они сами дѣлались несчастными жертвами честолюбиваго, мстительнаго деспота Меншикова.

9 мая 1727 года умирающая Екатерина утвердила приговоръ надъ ними и вскорѣ умерла. По воцареніи Петра II изданъ былъ манифестъ. Въ немъ уже обвиняли Девіера, Писарева и прочихъ въ посягательствѣ на священную особу императора, въ злыхъ отзывкахъ о царицѣ бабкѣ (1); наконецъ имъ ставили въ вину смерть Алексѣя. По приговору, Девіера лишили чиновъ, высѣкли кнутомъ и сослали въ Охотскъ; Толстаго подвергли такому же наказанію и заточили въ Соловецкъ; оберъ-прокуроръ сената Скорняковъ-Писаревъ нещадно выпоротъ кнутомъ и отправленъ въ Якутскъ, и т. д.

Въ день казни Григорія Писарева и Девіера съ *товарищами* освобождена была Авдотья Федоровна послѣ двадцатидевятилѣтняго заключенія!

Сосланная въ 1718 году въ Старую Ладугу, вскорѣ послѣ смерти Петра, по указу Екатерины I, царица Авдотья Федоровна перевезена была въ Шлиссельбургъ, гдѣ и содержалась до сего времени въ самомъ тѣсномъ заточеніи. «Въ 1725 году, пишетъ Берхгольцъ, обозрѣвая внутреннее расположеніе Шлиссельбургской крѣпости, приблизился я къ большой деревянной башнѣ, въ которой содержится Лопухина. Не знаю, съ намѣреніемъ, или нечаянно, вышла она и прогуливалась по двору.

(1) Толстой. Писаревъ и др. въ пыткахъ показали: «мы-де особенно страшились, чтобы въ воцареніе Петра Алексѣевича не получила бы силы его бабка: потому она стараго обычая человекъ, можетъ все переицѣнить по старому; и понеже-де она праву гнѣвнаго, жестокосердаго, то захочетъ отомстить намъ за сына.

Увидя меня, она поклонилась и громко говорила; но словъ за отдаленностью нельзя было разслушать.»

9-го января 1728 года императоръ Петръ II выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Москву для коронаціи, и на пути своемъ, въ семи верстахъ отъ Москвы, занемогши 19 того же января, пролежалъ двѣ недѣли въ загородномъ домѣ грузинской царицы. Здѣсь произошла встрѣча царицы-бабки съ внуками. Воспоминанія о сынѣ, о прошедшихъ страданіяхъ такъ были сильны, что царица-бабка, заливаясь слезами, цѣлый часъ не могла промолвить слова.

Впрочемъ, вскорѣ послѣ того холодность поселилась между бабкою и внуками; причиною тому были, какъ полагать должно, неуживчивость царицы и ненависть ко всѣмъ нововведеніямъ. Одинъ случай еще болѣе охладилъ ихъ другъ къ другу: 24-го марта 1728 года подкинута было письмо на имя государя, въ которомъ выхваляли поступки князя Меншикова, находившагося уже въ ссылкѣ; по строжайшемъ розысканіи оказалось, что оно было написано духовникомъ царицы-бабки. Виновникъ подвергся жестокому наказанію, и съ того же времени Авдотья Ѳедоровна почти вовсе не являлась уже ко двору. Въ официальныхъ извѣстіяхъ сохранилось только свѣдѣніе, что она присутствовала при обрученіи Петра II съ княжною Долгоруковою (1).

Трогательно было свиданіе злополучной царицы съ ея вѣнценоснымъ внукомъ. Проливая радостныя слезы, цѣлуя, обнимая Петра, она вспоминала о его отцѣ, о нѣжно любимомъ Алексѣѣ...

Поборники старины были увѣрены, что освобожденная царица *милостиво спокоитъ ихъ отъ проклятыхъ повредителей* (такъ называли они участниковъ въ осужденіи царевича), *что по невѣрнымъ ихъ заслугамъ они получаютъ достойно злое награжденіе*. Но надежды оправдались только въ половину. По пріѣздѣ Авдотьи Ѳедоровны, не только прощены были *всѣ*, сосланные по дѣлу 1718 года и дожившіе до амнистіи, но имъ возвратили ихъ имѣнія, и многихъ весьма щедро вознаградили. Лопухины снова явились при дворѣ. Но никто изъ нихъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть вліянія на дѣла безъ связей, безъ

(1) Арсеньева *Исторія Петра II*, стр. 90—93. Реляція о высокомъ его императорскаго величества обрученіи 30 ноября 1729 года въ *Histoire d'Eudoxie Theodorowna*.

поддержки, безъ приверженцевъ, отвыкшіе отъ двора въ дол-
голѣтней ссылкѣ, они, какъ и надо было ожидать, остались *на*
сторожъ планъ.

Что же касается до Евдокіи, то ей уже было подѣ шесть-
десять лѣтъ. Измученная заключеніемъ, истомленная горемъ,
она тяготилась шумомъ придворной жизни, скучала по мона-
стырской кельѣ; ненавистенъ ей былъ и Петербургъ, созданіе
рукъ человѣка, ей не любезнаго. Вотъ почему она поспѣшила въ
Москву, гдѣ и поселилась въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ мона-
стырѣ. При ней составили особый дворъ, генераль-майоръ
Назайловъ былъ назначенъ гофмейстеромъ сего двора; на со-
держаніе царицы-бабки отпускалось 60.000 рублей.

Пророчество разстриги Досиеея какъ бы оправдалось: инокиня
Елена снова съ именемъ Евдокіи объявлена царицей. Надо ду-
мать, что отецъ ея, Федоръ Лопухинъ, окончательно вышелъ
тогда изъ ада.

Въ это же время приказано было отобрать манифесты и бу-
маги, относящіяся къ дѣлу царевича Алексѣя. И впредь тѣ
бумаги строго-на-строго запрещалось не только держать, но
и читать. Желая изгладить позоръ стыда, лежавшій на па-
мяти его отца, юный монархъ объявилъ и судъ и осужденіе
его несправедливымъ; съ коловъ и висѣлицъ какъ въ Москвѣ,
такъ и въ Петербургѣ велѣно было снять головы казненныхъ
сторонниковъ Алексѣя и предать ихъ честному погребенію.

Въ январѣ 1730 года, при одрѣ умершаго государя (1), нѣ-
сколько партій спорили о томъ, кому передать престоль. Одна
изъ нихъ стояла за царицу Евдокію. «Ей, говоритъ дюкъ де-
Лири, предавали корону, но она отказалась, подѣ предлогомъ
своей старости и болѣзни.»

Ееофанъ Прокоповичъ, другой современникъ, утверждаетъ
противное. «Въ пользу Евдокіи, говоритъ онъ, поданъ былъ
только *одинъ голосъ*. Но и это предложеніе, какъ непристой-
ное и происшедшее отъ человѣка, корыстей своихъ ищущаго,
самимъ молчаніемъ притушили.» Вполнѣ довѣрять архіепископу,
писавшему эти строки по воцареніи уже Анны Ивановны, также
трудно.

При торжествѣ коронаванія герцогини курляндской при-

(1) Еще прежде смерти Петра II скончалась его сестра, пятнадцати-
лѣтняя Наталья Алексѣевна.

существовала и царица Евдокія. Она сидѣла въ особо-устроенномъ мѣстѣ, откуда, какъ она и желала, посторонніе не могли ее видѣть. По окончаніи церемоніи, императрица подошла къ ней, обняла, поцѣловала и просила ея дружества. Обѣ плакали навзрыдъ. По отъѣздѣ государыни, толпа придворныхъ кинулась къ Евдокіи съ поздравленіями. Она ихъ ласково выслушала. «Много говорила со мною, пишетъ леди Рондо, много наставляла любезнаго и звала къ себѣ ко двору. Вообще, какъ видно, царица не забыла ни аристократической вѣжливости, ни приѣмовъ придворной жизни. Она толста, но несмотря на лѣта, на ея лицѣ остались слѣды прежней красоты. Евдокія держитъ себя важно, величественно, но всегда вѣжливо и ласково. Ея живые глаза какъ бы проникаютъ въ сердце того, съ кѣмъ она говоритъ.»

Авдотья Ѳедоровна Лопухина скончалась 27 августа 1731 года, на 62 году отъ рожденія, въ Москвѣ, гдѣ и погребена въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Она пережила своихъ недоброжелателей, гонителей, враговъ; пережила и все то, что было дорого ея сердцу: сына, друзей, любимаго человѣка, которому въ злополучное время ссылки отдала свое сердце; наконецъ своихъ внуковъ: Петра и Наталью. Умирая, она говорила: «Богъ далъ мнѣ познать истинную цѣну величія и счастья земнаго!» (1)

(1) Намъ извѣстны два портрета царицы Авдотьи. Одинъ находится въ коллекціи портретовъ, картинъ, гравюръ и литографій П. Н. Петрова. Портретъ этотъ — гравюра изъ какого-то англійскаго изданія, отнюдь не позже первой половины прошлаго столѣтія. Форматъ гравюры—8°. Изображеніе, едва ли не идеализированное, исполнено рѣзцомъ (au burin), съ употребленіемъ пунктуровальной иглы. По обыкновенію того времени, овалъ портрета помѣщенъ въ гравированной же рамкѣ на пьедесталѣ; на фрискѣ его надпись въ три строки: «Eudoxia, wife of Peter the Great, Emperor of Russia». Изображеніе по грудь, голова наклонена къ лѣвой сторонѣ; на волосахъ, причесанныхъ какъ-то вверхъ, положена металлическая съ камнями и жемчугомъ невысокая корона; въ ушахъ большія, въ родѣ кисточекъ, серьги; лицо полное, круглое, глаза большіе, рѣсницы длинныя; нижняя губа довольно толста... вся фizioномія, если вѣрить гравюрѣ, выражаетъ много наивности, беззаботности и апатіи. На полной шеѣ ожерелье; къ нему на жемчужной ниткѣ прикрѣплена какая-то подвѣска. Верхнее платье опущено горностаемъ; на плечахъ небрежно накинуто какое-то покрывало. Въ изданіи г. Фридебурга: *Россійскій царственный домъ Романовыхъ* (23 тетради, изд. 1854 года), помѣщенъ портретъ царицы Авдотьи

На правой рукѣ, у перваго отъ входа столба, стоитъ гробница, на которой поставлена надпись, вычеканенная на небольшой мѣдной высеребряной доскѣ, слѣдующаго содержания: «1731 года мѣсяца августа 27-го числа, преставился раба Божія государя царя перваго императора Петра Алексѣевича супруга его первая Евдокія Федоровна, родилась въ 17.. (?), въ монахиняхъ Елена.» Нельзя не замѣтить здѣсь кстати, что Авдотья Федоровна была послѣдняя царская супруга изъ русскаго дворянскаго дома.

Мих. Семевскій.

Федоровны Лопухиной, святой съ портрета, находящагося въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Она изображена почти во весь ростъ, въ монашескомъ платьѣ; полная, свѣжая, совершенно въ русскомъ вкусѣ; лицо полузакрыто вуалью; на головѣ и плечахъ раскинутъ тяжелый капишонъ, платье подпоясано ремнемъ, на немъ висятъ четки; въ рукахъ молитвенникъ съ золотымъ образомъ, рукава платья обшиты мѣхомъ. Носъ небольшой, каріе довольно пріятные глаза устремлены на книгу, но улыбка, на устахъ царицы, обнаруживаетъ ея нерелигіозное настроеніе. Волосы закрыты, лицо апатичное, простое, дюжинное. Это типъ русскихъ красавицъ, во вкусѣ нашихъ предковъ. По замѣчанію Н. Г. Устрялова портретъ этотъ едва ли похожъ, напечатанный ввизу снимокъ съ ея подписи вовсе не походитъ на ея подлинную подпись, но тѣмъ не менѣе изображеніе Лопухиной выполнено съ большимъ искусствомъ и стараніемъ.

ЗАПИСКИ ГИЗО

ВОДВОРЕНІЕ ІЮЛЬСКОЙ МОНАРХІИ (1)

Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, par M. Guizot. Tome II.

II.

Люди, не терпящіе никакихъ сдѣлокъ съ настоящимъ, протестовали противъ порядка вещей, водвореннаго въ 1830 году во Франціи. Общество въ странѣ этой, говорили они, отличается демократическимъ характеромъ; въ немъ не существуетъ тѣхъ элементовъ, на которыхъ держится, напримѣръ, государственное устройство Англіи; оно можетъ подчиниться учрежденіямъ республиканскимъ или императорскимъ, но учрежденія конституціонныя не могутъ никогда найти въ немъ для себя надежной опоры. Не безсмысленны ли же были усилія тѣхъ, которые жертвовали и достояніемъ своимъ и лучшими своими силами для упроченія конституціонной монархіи? Въ странѣ, гдѣ не существуетъ никакихъ общественныхъ отличій, она думала вызвать къ преобладанію одно сословіе и надѣлать его исключительными правами; думали дать участіе въ политической сферѣ однимъ гражданамъ и исключить изъ нея, безъ всякаго основанія, другихъ; думали внести въ страну условія, понятія, привычки, возникшія на другой почвѣ и нисколько не

1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 8-й.

приложимыя къ ней. Стоитъ ли же удивляться, что конституціонное устройство это, державшееся настоль шаткихъ основаніяхъ, рухнуло при первомъ сильномъ порывѣ вѣтра, не возбуживши ни въ комъ, кромѣ небольшого круга своихъ приверженцевъ, ни сожалѣнія, ни сочувствія?

Въ сужденіяхъ этихъ истина самымъ страннымъ образомъ переиждана съ заблужденіемъ, и не нужно много усилій, чтобы отличить то и другое.

Мы признали бы справедливость упомянутыхъ нами сейчасъ упрековъ, еслибы дѣло шло о конституціонной системѣ только такъ, какъ она понималась, и какъ она находила себѣ приложеніе во Франціи. Мы не согласны съ ними, если они имѣютъ цѣлю доказать, что вообще, по самой сущности своей, система эта не могла принести никакой пользы для этой страны. Невозможно не видѣть, что французское общество заражено было недостатками, которые не только дѣлали его неспособнымъ къ самостоятельной политической жизни, но при существованіи которыхъ самое демократическое равенство не можетъ быть вполне достигнуто. Идеаломъ политическаго устройства считалось во Франціи такое устройство, въ которомъ всякая личная независимость, всякій частный интересъ преклонялись бы безропотно передъ волею большинства, гдѣ воля эта служила бы единственнымъ, верховнымъ закономъ, не разбирая того, дѣйствовала ли бы она во имя справедливости, или нѣтъ. Сознаніе этихъ недостатковъ должно было указать на то, въ чемъ слѣдовало искать имъ исцѣленія. Слѣдовало приучить общество не возлагать всѣ упованія свои, всѣ заботы о собственныхъ своихъ дѣлахъ на правительственную власть; надо было обозначить для власти этой предѣлы, которые она не должна была переступать, за которыми начиналась дѣятельность самого общества; надо было обезпечить за частными лицами права, безвредныя для общества, доставить имъ какъ можно болѣе независимости и инициативы; надо было сдѣлать ихъ, въ известной степені, самостоятельными и въ отношеніи къ обществу, внушить имъ вмѣстѣ съ уваженіемъ къ его правамъ, уваженіе также къ своимъ собственнымъ правамъ и вообще къ правамъ свободной человѣческой личности. Этотъ великій переворотъ могъ совершиться не декретами, не пышнымъ и велерѣчивымъ провозглашеніемъ его началъ; еслибы дѣло ограничилось только этимъ, то оно не имѣло бы ни малѣйшей прочности. Онъ могъ совершиться только мало-по-малу, постепенно, при-

учая гражданъ исподволь къ политической жизни. Только тогда переворотъ этотъ упрочился бы въ обществѣ, еслибъ онъ проникъ въ его нравы, еслибъ онъ совершенно измѣнилъ его понятія, привычки, еслибъ онъ изцѣлилъ націю отъ развѣдшаго ее недуга поклоненія власти, соединеннаго съ страстною жаждою власти и ревнивою завистью къ лицамъ, ею облеченымъ. Для французскаго общества долженъ былъ начаться періодъ политическаго воспитанія, развитія въ немъ истиннаго пониманія и чувства свободы, издавна подавленныхъ исключительными тенденціями, и въ преслѣдованіи этой цѣли конституціонный порядокъ вещей могъ отозваться великими благодѣяніями для страны.

Но каковы же были условія для успѣшнаго исполненія этой задачи? Они должны были заключаться, очевидно, не въ томъ только, чтобы, водворяя конституціонное устройство, обращать главное вниманіе на формы,—на взаимное отношеніе властей, прерогативы палатъ, торжество той или другой партіи; но въ томъ, чтобы способствовать массѣ націи проникнуться самымъ духомъ свободныхъ учреждений. Приверженцы этого устройства не должны были упускать изъ виду главной задачи, для разрѣшенія которой они были призваны: новый государственный порядокъ не долженъ былъ исключать никакихъ интересовъ, не долженъ былъ опираться на одинъ какой-либо классъ гражданъ, но напротивъ, всѣмъ интересамъ давать законное удовлетвореніе. Конечно, въ началѣ политическія права не могли быть предоставлены одинаково всѣмъ гражданамъ: невѣжество большей части ихъ во всемъ, касавшемся государственнаго быта, простиралось до такой степени, что даже самые рьяные приверженцы низшихъ классовъ общества не помышляли серьезно о такъ-называемомъ *suffrage universel*, о поголовной подачѣ голосовъ. Политическія права, тотчасъ по водвореніи іюльской монархіи, были распространены на большее число гражданъ, чѣмъ при правительствѣ Бурбоновъ, но все-таки далеко не всѣ, а только тѣ граждане получили ихъ, которые по независимому своему положенію, по своей зажиточности и образованію, представляли достаточно гарантій, что они будутъ дорожить этими правами, и что права эти не сдѣлаются безсмысленнымъ или вреднымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Но предоставленіе избирательной льготы тѣмъ гражданамъ, которые платятъ 200 франковъ прямыхъ податей, не слѣдовало разсматривать какъ нѣчто не-

измѣнное, какъ неприкосновенный догматъ новаго конституціоннаго устройства. При той демократической зависти, которую такъ страждетъ французская нація, большинство ея только до тѣхъ поръ согласилось бы видѣть политическія права въ рукахъ одного класса гражданъ, пока оно оставалось бы убѣжденнымъ, что нѣтъ никакого преднамѣреннаго, эгоистическаго желанія исключить его навсегда изъ этого завѣтнаго круга, и мало того, что есть положительное намѣреніе сдѣлать доступъ въ этотъ кругъ какъ можно болѣе свободнымъ. То политическое воспитаніе, о которомъ говоримъ мы, могло замедляться, конечно, большими затрудненіями, но тѣмъ не менѣе существовали надежныя средства распространять его. Нужно было отказаться отъ соблазновъ административной централизаціи и способствовать развитію самодѣятельности во всѣхъ органахъ государственнаго тѣла; нужно было дѣйствительно предоставить обществу ту благодѣтельную свободу, которая одна обезпечиваетъ законное и открытое выраженіе желаній и стремленій, содѣйствуя въ то же время тому, чтобъ они правильнымъ образомъ созрѣвали; нужно было не стѣснять права сборищъ, народныхъ сходокъ (*droit de réunion*), ибо сборища эти были единственнымъ средствомъ соглашаться въ своихъ потребностяхъ и желаніяхъ и заявлять ихъ законнымъ образомъ. Только въ томъ случаѣ, когда всѣ эти права получили бы широкое и безусловное примѣненіе, іюльское правительство могло безошибочнымъ образомъ разчитывать на свою прочность. Оно показало бы тѣмъ, что хочетъ водворить конституціонный порядокъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то-есть такой порядокъ, который, по самой сущности своей, избѣгаетъ всякихъ крайностей, и состоитъ въ сдѣлкахъ, компромиссахъ, между самыми разнородными стремленіями. Оно показало бы, что не только не имѣетъ безразсудной мысли, въ обществѣ, проникнутомъ демократическимъ характеромъ, опереться на какой-либо одинъ классъ, но что оно готово призвать одинаково все классы къ участію въ политической жизни, что оно требуетъ отъ нихъ для этого только достаточной зрѣлости, достаточнаго пониманія своихъ собственныхъ интересовъ, и само способствуетъ имъ приобрести эту зрѣлость, это пониманіе, развивая въ странѣ свободу на самыхъ широкихъ основахъ.

Таковъ ли былъ образъ дѣйствій іюльскаго правительства съ самаго водворенія его и до той печальной катастрофы, которая привела его къ гибели? На вопросъ этотъ смѣло можно дать

отрицательный отвѣтъ. Если станемъ внимательно изслѣдовать, въ чемъ же именно заключались его ошибки, и что помѣшало ему исполнить свою задачу, то увидимъ, что главнѣйшія причины неудачи были двоякаго рода. Первая изъ нихъ заключалась въ томъ, что при конституціонномъ правительствѣ, точно такъ же какъ и прежде, свобода не играла надлежащей роли въ общественной жизни, и не проникала въ сознание и нравы; въ этомъ отношеніи конституціонная Франція имѣла весьма мало сходства съ конституціонною Англіею, несмотря на ревностное желаніе подражать ей. Существовали, правда, представительныя палаты, свобода трибуны, выборы депутатовъ, но вообще, политическая жизнь была какимъ-то постороннимъ дѣломъ для страны, не проникала въ ежедневныя отношенія гражданъ, не сдѣлалась близкимъ и драгоценнымъ интересомъ каждаго изъ нихъ. Старинный административный порядокъ остался совершенно не тронутымъ. Стереотипная фраза: «централизація — лучшая побѣда нашей революціи, предметъ постоянной зависти къ намъ Европы», была во всѣхъ устахъ, и никто не сомнѣвался въ ея непреложной истинѣ. Административная централизація убивала между прочимъ всякую самодѣятельность общества, всякое сознание въ немъ политическихъ своихъ интересовъ. Когда наступало время выборовъ, страна какъ будто пробуждалась отъ сна, назначала депутатовъ, но тѣмъ и оканчивалось ея вмѣшательство въ политическую сферу. Депутаты эти превращались, большею частію, точно въ такихъ же чиновниковъ, какими были всѣ остальные чиновники: обязанностью своею они считали *править* страной, не стѣняясь ничѣмъ кромѣ своихъ воззрѣній, своего образа мыслей, навязывая странѣ то, что они считали благодѣтельнымъ для нея, и что она привыкла принимать отъ нихъ безмолвно, не зная, какими путями и какими средствами обуздывать произволъ своихъ представителей. Во Франціи, словомъ, не было и тѣни того, что видимъ мы ежедневно въ Англіи, гдѣ въ каждомъ графствѣ, каждомъ округѣ, общество, живущее совершенно самостоятельною жизнію, слѣдитъ вмѣстѣ съ тѣмъ ревностно за дѣлами политическими и гражданскими, касающимися всей страны, и подвергаетъ ихъ непрерывно своему обсужденію. Въ Англіи каждый членъ парламента является представителемъ націи въ истинномъ смыслѣ этого слова: главные заботы его клонятся къ тому, чтобы сообразовать свои дѣйствія съ общественнымъ мнѣніемъ, безпре-

пятственно и ежеминутно обнаруживающимся во всѣхъ направленіяхъ своихъ. Будучи представителемъ націи, членъ англійскаго парламента служить въ то же время дѣйствительнымъ органомъ тѣхъ избирателей, которые облекли его своею довѣренностію, а избиратели его, въ свою очередь, постоянно слѣдятъ за его образомъ дѣйствій. Только при этой силѣ общественнаго мнѣнія, и при этой живости интереса, принимаемаго въ политическихъ дѣлахъ избирателями, выборы получаютъ надлежащій смыслъ: иначе обращаются они въ пустую форму, какъ и было это дѣйствительно во Франціи. Въ странѣ этой, не задолго до паденія конституціонной монархіи, правительство имѣло постоянно на сторонѣ своей большинство въ палатахъ, благодаря подкупамъ и вліянію своихъ чиновниковъ: не ясное ли это доказательство того, что опираясь на могущественную административную централизацію, которая не давала никакого простора самостоятельной дѣятельности гражданъ, и пользуясь политическимъ равнодушіемъ избирателей, правительство всегда могло, при извѣстной ловкости, направлять выборы въ свою пользу?...

Какъ ни покажется это страннымъ, но либеральные дѣятели 1830 года во Франціи, даже наиболѣе знакомые съ духомъ англійскихъ учреждений, очень мало заботились о томъ, чтобъ ограничить инициативу правительства въ общественной дѣятельности. Даже тѣ рѣдкія попытки, которыя были сдѣланы въ этомъ смыслѣ, показываютъ отсутствіе ясно сознаннаго начала. Г. Гизо приводитъ, какъ доказательство противнаго, письма, которые онъ писалъ къ префектамъ лично знакомыхъ ему, тотчасъ по принятіи должности министра внутреннихъ дѣлъ. Въ одномъ изъ нихъ, къ г. Амедею Тьерри, онъ выражается такимъ образомъ:

«Не задумывайтесь отставлять отъ должности тѣхъ меровъ, которые непріятны народонаселенію, и которые, вмѣсто того чтобы помогать, только жѣшajú вамъ. Все, что имѣетъ характеръ слѣпой и рабской реакціи, производитъ дурное дѣйствіе: все же, напротивъ, что свидѣтельствуетъ о твердой рѣшимости избирать достойныхъ исполнителей и достойнымъ образомъ служить публикѣ, возвыситъ вашъ вѣсъ и силу. Ищите людей, которые думали и дѣйствовали бы самостоятельно. Первая потребность этой страны состоитъ въ томъ, чтобы на всѣхъ ея пунктахъ образовались независимыя мнѣнія и вліянія. Централизація умовъ несравненно хуже чѣмъ дѣловая централизація.»

Въ другомъ письмѣ, адресованномъ къ г. Шапе, префекту департамента Тарны и Гаронны, онъ выражалъ свою мысль въ слѣдующей формѣ:

«Не могу не похвалить васъ за вашъ образъ дѣйствій и ваши рапорты. Вы не погрязли въ административной рутинѣ, вы дѣйствуете не за тѣмъ только, чтобъ исполнить циркулярное предписаніе, принимаете за перо не для того только, чтобъ отписаться. Вы приступаете всегда къ самому дѣлу, приступаете къ нему самостоятельно и съ твердою увѣренностію въ успѣхъ. Я готовъ благодарить васъ за это, какъ за личную мнѣ услугу. Сказать между нами, царство формы и рутины не дастъ мнѣ свободно дышать. Я очень люблю порядокъ, правильную и разумную дѣятельность, но порядокъ мнимый и условный, дѣятельность апатическая, эта административная риторика и административная механика, въ которыхъ нѣтъ ни живой мысли, ни живой воли, рѣшительно мнѣ противны. Пожалустъ, не заражайтесь этими недостатками; не старайтесь сдѣлаться, что называется, *отличнымъ префектомъ*, то-есть префектомъ, не оставляющимъ безъ отвѣта ни одной просьбы, ни одного письма, но не заботящимся о томъ, способствуютъ ли эти отвѣты тому, чтобы дѣла двигались впередъ, и выходить ли что-нибудь изъ этого многописанія.»

Г. Гизо приводитъ эти письма въ доказательство того, что вопросъ о децентрализаціи сильно занималъ его въ 1830 году; мы осмѣлимся замѣтить, что едва ли этотъ вопросъ былъ тогда такъ ясенъ для него, какъ въ настоящее время. Въ его циркулярахъ не находимъ мы никакого намека на то, чтобы префекты ограничивали свое вмѣшательство въ общественныя дѣла самыми необходимыми предметами, чтобъ они остерегались захватывать власть въ свои руки и стѣснять самостоятельность гражданъ. Онъ нападаетъ не на самую систему, не на духъ ея, а только на безтолковый педантизмъ ея исполнителей; онъ заботится не о томъ, чтобы дозволить народонаселенію стоять на своихъ ногахъ, а о томъ, чтобъ органы правительственной власти дѣйствовали энергически, по собственному усмотрѣнію, не ожидая себѣ указанія свыше и не ставя формы выше всего. Это та же самая централизація, можетъ-быть еще несравненно болѣе опасная, ибо дѣятельный и предприимчивый исполнитель все забираетъ въ свои руки, ничто не ускользаетъ отъ его вліянія, тогда какъ въ противоположномъ случаѣ, при болѣе апатичной дѣятельности префекта, кое-что успѣло бы избѣгнуть его надзора. Не ясно ли, повторимъ мы, возвращаясь къ сказанному нами выше, что при подобномъ положеніи вещей, не могло воспитаться чувство свободы и тѣ привычки самоуправленія, на которыхъ зиждется конституціонное устройство? Франція, при іюльскомъ правительствѣ представляла въ сущности почти то же зрѣлище, какъ и при Наполеонѣ I; вся жизнь стекалась въ столицу государства, а

въ столицѣ — въ руки нѣсколькихъ людей, заправявшихъ ходомъ государственной машины; парламентъ, выборы, пренія въ палатахъ существовали какъ что-то совершенно постороннее настоящему, обычному порядку, они превращались въ украшеніе, въ театральную декорацію.

Мы указали на одну изъ причинъ непрочности конституціоннаго порядка во Франціи; была еще другая, столь же важная. Въ первой статьѣ нашей мы много говорили о томъ, что въ народонаселеніи этой страны демократическія тенденціи, стремленіе къ гражданскому равенству, были развиты гораздо сильнѣе, чѣмъ потребности свободы. Странно было бы заключать изъ этого, что мы хотимъ противопоставить одно другому понятію гражданского равенства и политической свободы; не только не исключаютъ они другъ друга, но они не раздѣльны, и ни одно изъ нихъ порознь, безъ существованія другаго, не можетъ достигнуть полного своего развитія. Во Франціи были, правда, разрушены всѣ сословныя привилегіи, въ ней не было уже ни одной юридической черты, раздѣлявшей между собою гражданъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ во Франціи, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, не могла водвориться политическая свобода, и потому самое равенство было только мечтою: вмѣсто преобладанія какого-либо класса гражданъ распространялось своеволие центральной администраціи и гнетъ зловредной касты исполнителей, на которую опиралась власть. Частный человѣкъ, несмотря на равенство гражданскихъ правъ, былъ все-таки стѣсненъ въ своей частной дѣятельности; администрація опекуновствовала надъ многими чисто-гражданскими отношеніями. Пресловутое гражданское равенство, завоеванное революціею, состояло только въ томъ, что всѣ были равно стѣснены всемогущею администраціею. Таковъ былъ исходъ большой французской революціи, и онъ ясно показалъ собою, что въ основѣ революціонныхъ стремленій большинства націи, произведшаго революцію, лежало не столько желаніе свободы, сколько зависть къ привилегированнымъ сословіямъ и ненависть къ правительству, поддерживавшему эти привилегіи. Вина въ этомъ неестественномъ направленіи народныхъ чувствъ падаетъ, конечно, на прежнее государственное устройство Франціи, на крайнюю невоздержность прежней центральной власти и на тѣ возмутительныя привилегіи, которыя дѣлали французскій *ancien régime* по справедливости ненавистнымъ народу. Одна исключительность всегда вызываетъ другую. Вопіющее граж-

давское неравенство, вызывая стремленіе къ равенству, должно было придать этому стремленію исключительный и страстный характеръ и совершенно исказить его въ самомъ корнѣ. Французы сдѣлались неспособны къ естественному и разумному стремленію искать себѣ гражданской свободы и политическихъ гарантій, ее обезпечивающихъ; они слишкомъ были знакомы изъ опыта съ соблазнительными приманками власти и не могли не поддаваться соблазну. Стремленіе къ равенству, которое должно было бы состоять въ стремленіи къ уравниенію правъ на свободу, было для нихъ стремленіемъ къ уравниенію правъ на власть, а внутреннимъ побужденіемъ къ этому стремленію въ отдѣльныхъ людяхъ было желаніе насладиться прелестями власти, ея славою, ея упоеніемъ. Но что можетъ выйти изъ общества, въ которомъ каждый хочетъ властвовать и упиваться властію? Что другое, кромѣ парализаціи этихъ хотѣній, кромѣ воздвиженія одной диктаторской власти надъ этими хотѣніями, взаимно парализирующимися? Возможна ли въ такомъ обществѣ умѣренная и законная, правильно гарантированная свобода? Несчастная исторія Франціи раздражила націю; все условія соединились къ тому, чтобы придать націи характеръ возбужденности и стремительности, но было слишкомъ мало во французской исторіи такихъ элементовъ, которые могли бы развить въ націи силу самообладанія, способность къ свободѣ и чувство мѣры. Французъ не искалъ того, чтобы была обезпечена его личная свобода въ той мѣрѣ, въ какой она безвредна для свободы другихъ; это величайшее благо было слишкомъ ничтожно въ глазахъ его. Въ политическихъ правахъ онъ видѣлъ не средство обезпечивать эту свободу и ограждать ее отъ возможнаго нарушенія; такія политическія права казались ему мало привлекательными, и онъ былъ къ нимъ холоденъ. Французъ искалъ участія во власти не для свободы, а для самой власти, и не будучи въ состояніи удовольствоваться свободой, легко отказывался отъ нея, но никакъ не въ силахъ былъ освободиться отъ наклонности завидовать людямъ, имѣющимъ власть, и ненавидѣть всякое правительство. Ошибки прежнихъ временъ не могли не отзываться на положеніи всякаго правительства въ этой странѣ, получившей превратное политическое направленіе; они должны были тяжело отзываться и на самой націи, которая, стремясь къ невозможному, не достигала возможнаго и не могла вполнѣ пользоваться тѣми гражданскими правами, за уравниеніе которыхъ было пролито столько фран-

цузской крови. Въ обществѣ, отказавшемся отъ свободы, необходимо утвердится диктатура, а вокругъ этой диктатуры будетъ гнѣздится партія ея поклонниковъ и приверженцевъ, значеніе которыхъ будетъ всемогуще, и передъ которыми все вокругъ должно будетъ преклоняться. Искомое равенство будетъ нарушаться стѣснительнымъ для каждаго могуществомъ людей, сильныхъ тѣмъ довѣріемъ, которымъ облека ихъ правительственная власть, и каждое слово ихъ будетъ закономъ, которому всѣ граждане должны будутъ молча подчиняться. Напротивъ того, тамъ, гдѣ существуетъ истинная свобода, существуетъ непремѣнно и равенство, въ настоящемъ смыслѣ слова, то-есть равенство правъ каждаго гражданина на свободу. Гражданинъ ничѣмъ не стѣсненъ тамъ въ своей дѣятельности, если только дѣятельность эта не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго для другихъ; онъ самъ, какъ хочетъ, управляетъ своими дѣлами; никто, насильственно, безъ разсужденій, не навяжетъ ему тѣхъ или другихъ правилъ, стѣсняющихъ свободную его волю. Положимъ, что вокругъ него найдется цѣлый классъ людей, гордящійся своимъ знатнымъ родомъ и богатствами; это не помѣшаетъ ему чувствовать себя столь же независимымъ какъ и они, это не дастъ имъ права вмѣшиваться въ его сферу, нисколько не убьетъ въ немъ чувства самобытности и собственного достоинства. Примѣры этому мы видимъ въ Англіи, гдѣ человѣкъ, не принадлежащій къ аристократіи, вовсе не чувствуетъ къ ней той непримиримой ненависти, которую сословіе это возбуждаетъ къ себѣ вообще на материкъ Европы; дѣло въ томъ, что не ограниченная ничѣмъ произволомъ свобода, которою пользуется въ странѣ этой каждый гражданинъ, давно уже отстранила и совершенно уничтожила все, что могло бы быть тягостнымъ и оскорбительнымъ въ общественномъ неравенствѣ. Она сгладила вполне неравенство юридическое, сохранивши только неравенство естественное, которое нельзя искоренить никакими законодательными мѣрами, и которое никому не помѣшаетъ въ Англіи жить и дѣйствовать свободно. Вотъ этого-то настоящаго равенства никогда не существовало во Франціи, и когда мы говоримъ, что общество тамошнее отличается демократическимъ характеромъ, то понимать это должно въ извѣстномъ смыслѣ. Настоящей демократіи не было тамъ, потому что не было никогда истинной свободы и независимости въ гражданахъ. Во Франціи прави-

тельство и вообще начальство отличалось всегда необычайнымъ могуществомъ; оно присвоило себѣ всю инициативу равномерно въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ, и общество такъ свыкло съ этою постоянною опекою, съ этимъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ свои дѣла, что оно и не понимало возможности иного существованія. Опека эта была ему необходима, ибо безъ нея, еслибъ общество предоставлено было самому себѣ, дѣла пришли бы въ хаосъ. Все дѣлалось посредствомъ правительственной власти, и то сословіе, которое успѣвало захватить ее въ свои руки, становилось всемогущимъ; оно самовольно управляло всею страню, пользовалось привилегіями, почестями, всѣми выгодами своего положенія. Стремленіе къ власти сдѣлалось, поэтому, самымъ страстнымъ стремленіемъ всѣхъ классовъ общества: каждый изъ нихъ хотѣлъ вкусить въ свою очередь этого сладкаго плода, хотѣлъ побороть своихъ противниковъ, унижить ихъ и самъ расположиться на ихъ мѣстѣ. Этою завистливою борьбою за власть отличается все такъ-называемое демократическое развитіе Франціи. Весьма естественно, поэтому, что возвышеніе всякаго класса или партіи тотчасъ же разжигаетъ тамъ въ остальномъ обществѣ страстную зависть: въ рукахъ этого класса сосредоточиваются всѣ средства дать почувствовать самымъ жестокимъ образомъ свою волю; съ помощью всемогущихъ агентовъ воля его проникаетъ всюду, всѣмъ заправляетъ, измѣняетъ всѣ, или почти всѣ, учрежденія въ своемъ смыслѣ. Остальная масса отвѣчаетъ ему глубокою, ненасытимою ненавистью и прискиваетъ всѣ средства спихнуть его съ выгодной позиціи; и борьба эта продолжается до тѣхъ поръ, пока, выбившись изъ силъ, всѣ классы общества рѣшаются скорѣе вручить власть одному лицу и успокоиться подъ его диктатурую, чѣмъ видѣть ее въ рукахъ котораго-либо одного изъ нихъ...

Черта, указанная нами, можетъ назваться преобладающею чертою въ теперешнемъ характерѣ французской націи. Она мѣшаетъ ея мирному развитію, и искорененіе ея должно было бы служить главною задачею конституціоннаго порядка. Съ одной стороны, какъ мы уже замѣтили выше, порядокъ этотъ, по самой сущности своей, долженъ состоять изъ взаимныхъ сдѣлокъ, компромиссовъ, между притязаніями различныхъ партій, долженъ былъ не исключать ихъ, а призывать всѣхъ къ участію въ политической жизни; съ другой, только въ томъ случаѣ

прекратилось бы смутное брожение общества, страсть его къ переворотамъ, въ которыхъ оно искало удовлетворенія неясныхъ своихъ желаній, еслибы оно ознакомилось съ истинною свободою и, привывши къ самоуправленію, къ большей независимости въ гражданскомъ своемъ быту, перестало смотрѣть на достиженіе власти, какъ на единственную цѣль, которую должны преслѣдовать всѣ партіи. Истинная свобода есть единственное цѣлебное средство, которое можетъ залѣчить глубокія язвы французскаго общества и исправить французскій характеръ. Посмотримъ же, что сдѣлано было въ этомъ отношеніи приверженцами конституціоннаго правительства.

Въ жизни своей они постоянно служили либеральнымъ идеямъ, желали торжества либеральныхъ учреждений, но для осуществленія своего идеала они постоянно стремились къ власти. Другаго средства не знали они, какъ всемогущею волею правительства водворять въ обществѣ свои идеи. Не только не помышляли они о томъ, чтобы ограничить инициативу и вліяніе правительства участіемъ его лишь въ тѣхъ дѣлахъ, которыя не могутъ обойтись безъ вліянія правительства, а все прочее довѣрить свободному движенію самой жизни; совершенно напротивъ, правительство сильное, *gouvernement fort*, считалось ими необходимымъ для того, чтобы даже противъ ея воли приучить Францію къ свободнымъ учреждениямъ. Въ этомъ отношеніи либеральная партія слѣдовала тѣмъ же самымъ путемъ, какъ и всѣ остальные партіи этой страны; на ней вполнѣ отразились тѣ понятія, которыя привились къ тамошнему обществу вслѣдствіе всего историческаго его воспитанія. Вотъ что говоритъ самъ г. Гизо о либеральной партіи:

«Отъ июльской революціи ожидали мы вмѣстѣ со всею Франціею конституціоннаго правительства, — правительства настоящаго, способнаго согласить и охранять вмѣстѣ и порядокъ, и свободу. Такого правительства намъ не доставало вовсе. Факты громко свидѣтельствовали о томъ: ни свобода, ни порядокъ не были достаточно ограждены. Почему же? Потому что не существовало самыхъ необходимыхъ условій правительственной власти. Не было согласія въ министерствѣ, не было его между министерствомъ и исполнителями, ни между министерствомъ и большинствомъ палатъ; правительство не выказывало надлежащей дѣятельности. Оно не управляло, ибо дозволяло управлять собою, заискивало расположенія народа, а не заботилось объ энергическомъ употребленіи законной власти. Еслибы продолжали слѣдовать по этому пути, еслибы правительство искало силы въ популярности, то не стало бы вовсе правительства. Еслибы даже мнѣ и моимъ друзьямъ уда-

лось вступить въ кабинетъ, я и тогда остался бы точно такого же мнѣнія: при господствѣ либеральнаго порядка вещей желаніе *проедуть свои идеи посредствомъ правительственной власти* есть право всѣхъ искреннихъ убѣжденных. Истинное достоинство состоитъ въ томъ, чтобъ обладать именно этимъ честолюбіемъ и никакимъ другимъ.»

Этими словами самъ г. Гизо, кажется, вполнѣ поясняетъ сужденіе, сейчасъ высказанное нами. Либеральная партія достигла, наконецъ, власти, и она рѣшилась ревниво держать ее въ своихъ рукахъ, ничего не упускать изъ ея вліянія и диктаторски пользоваться этимъ вліяніемъ, чтобъ управлять общественнымъ мнѣніемъ по своимъ видамъ. Но какимъ образомъ сохранить за собою эту власть? На кого опереться въ стараніяхъ водворить прочнымъ образомъ конституціонное устройство во Франціи? Здѣсь либеральная партія совершила еще большую ошибку, которая, въ послѣдствіи, послужила главнымъ образомъ къ ея паденію. Представители ея вышли главнымъ образомъ изъ средняго сословія; сословіе это пользовалось значительнымъ образованіемъ сравнительно со всѣми прочими, оно было независимѣе ихъ по своимъ богатствамъ, въ немъ замѣтно было нѣсколько болѣе политическихъ интересовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оно готово было постоянно и энергически отстаивать порядокъ и тишину. Вотъ это-то сословіе,—зажиточное мѣщанство или *буржуазія*, какъ называлось оно во Франціи,—должно было служить краеугольнымъ камнемъ для опоры конституціоннаго порядка. Ему предоставлено было все вліяніе, оно пользовалось всѣми выгодами своего положенія, и пользовалось ими самымъ безцеремоннымъ образомъ, ибо вмѣстѣ съ достоинствами, отличавшими ее, буржуазія проникнута была также тѣмъ жаднымъ, завистливымъ эгоизмомъ, который во Франціи составляетъ принадлежность всѣхъ классовъ общества. Захвативши власть и опираясь на буржуазію, представители либеральной партіи думали, что исполнили достойнымъ образомъ самую трудную задачу; они не только не давали низшимъ, многочисленнѣйшимъ классамъ надежды на участіе въ политической жизни, но всѣми силами старались преградить имъ дорогу къ этому участію. Конституціонный порядокъ существовалъ такимъ образомъ не для всей страны, а для нѣкоторыхъ только ея гражданъ; настоящая свобода господствовала только на словахъ, ибо, исключенное изъ политической жизни, огромное большинство народа всюду встрѣчалось лицомъ къ лицу съ правительственною опекою и нигдѣ не чувствовало себя незави-

снимымъ. Не ясно ли, къ чему должно было привести подобное состояніе вещей? Оно должно было съ новою силою пробудить въ массѣ народа воспитанное въ ней исторіей чувство зависти; она видѣла, что новый порядокъ вещей водворялся въ пользу только одного класса, успѣвшаго завладѣть правительственною машиною, и ревностнѣйшимъ желаніемъ ея сдѣлалось ссадить этотъ классъ съ занимаемаго имъ мѣста. Такимъ образомъ, и при господствѣ конституціоннаго устройства, снова должна была начаться борьба за власть, въ которой зависть была главнымъ мотивомъ враждующихъ сторонъ.

Посмотримъ, какое положеніе приняли съ самага начала различныя партіи. Революція была произведена; власть находилась въ рукахъ одного класса гражданъ,—первымъ дѣломъ ихъ было воспользоваться плодами своей побѣды. Какъ обыкновенно случается во Франціи, явилась цѣлая ватага людей, желавшихъ за заслуги свои или преданность новой власти, поживиться ея милостями. Надо было по знаменитому выраженію Мирабо «то, что было на верху, поставить внизъ, а то, что было внизу, поставить на верхъ». Г. Гизо, исправлявшій въ это время (1830) должность министра внутреннихъ дѣлъ, былъ осаждаемъ со всѣхъ сторонъ просьбами, которыя не давали ему минуты покоя.

«Между тѣмъ какъ два американскихъ парохода, въ сопровожденіи двухъ французскихъ судовъ, говоритъ авторъ, быстро уносили отъ береговъ Франціи прежняго короля его семейство, Франція стекалась въ Парижъ. Со всѣхъ концовъ страны прибывали ежедневно тысячи путешественниковъ.—одни для того, чтобы насладиться ближе происходившимъ зрѣлищемъ, другіе для того, чтобы удовлетворить той страсти къ движенію, которая всегда возбуждается великими происшествіями, многіе, наконецъ, съ цѣлію воспользоваться плодами побѣды, которую они провозглашали побѣдою своей партіи и своихъ убѣжденій. Странный хаосъ производитъ революція въ странѣ, въ которой господствуетъ централизація; потрясеніе распространяется повсюду для того, чтобы сосредоточиться потомъ на одномъ пунктѣ; нѣтъ надеждъ или желаній, нѣтъ плановъ или идей въ семействахъ и у отдѣльныхъ лицъ, которыя не считали себя въ правѣ обнаружиться и стремиться къ осуществленію. И всѣ эти притязанія, всѣ эти мечты, порожденныя возмущеніемъ или корыстію, тщеславіемъ или жадностію, осаждаютъ новое правительство, требуя отъ него себѣ пищи...»

«Департаментъ внутреннихъ дѣлъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, соединялъ въ себѣ самыя разнообразныя и обширныя отрасли управленія.—не только администрацію вообще, управленіе департаментами и общинами, общепользными и богоугодными заведеніями, полицією, національною гвардією, но въ завѣдываніи министра находились также

публичныя работы, земледѣліе, промышленность, торговля, науки, литература, искусство, словомъ, важнѣйшіе матеріальные и нравственные интересы страны. Изъ всѣхъ департаментовъ это былъ Исследователь, самый сложный, и кромѣ того, я долженъ былъ нести бремя всякаго рода притязаній, надеждъ, мечтаній, жалобъ, предложеній услугъ, которыя, со всѣхъ концовъ Франціи, привлекали тысячами въ Парижъ и въ мое министерство просителей, донощиковъ, искателей приключеній, составителей проектовъ, дѣловыхъ людей и туеядцевъ. Я отдавался весь занятіямъ, позволяя себѣ спать не болѣе четырехъ или пяти часовъ въ сутки. Силъ моихъ не доставало, утомленіе было замѣтно на моемъ лицѣ, и я помню, какъ однажды, по окончаніи совѣта министровъ, г. Казимиръ Перье замѣтилъ королю: «Г. Гизо еще не разъ понадобится вашему величеству; скажите же ему, чтобы овъ не убивалъ себя сразу за работою.» Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ раздавались жалобы на бездѣйствіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Утверждали, что въ администраціи не произведено было никакихъ перемѣнъ, что прежніе чиновники остаются повсюду на своихъ мѣстахъ, что новые не прониклись достаточно новымъ духомъ и новыми потребностями, что все, словомъ, влечется по старому рутинному пути. . . . То былъ цѣлый хоръ эгоистическихъ личныхъ притязаній, мѣстныхъ распрій, тщеславной самоувѣренности, слѣпой нетерпѣливости, которыя искали себя удовлетворенія; революціонеры пользовались, съ своей стороны, этимъ эгоистическимъ недовольствомъ повсюду, и въ публичныхъ мѣстахъ, и въ народныхъ сходкахъ, въ журналахъ, даже въ палатахъ, для того чтобы поднять противъ водворившагося правительства цѣлую бурю всеобщаго недоброжелательства.»

Словами этими весьма живо характеризуется состояніе французскаго общества тотчасъ послѣ 1830 года. Какъ видно изъ нихъ, буржуазія была недовольна новою властью, она желала и надѣялась болѣе, чѣмъ получила въ дѣйствительности, ей хотѣлось бы все збрать въ свои руки, она мечтала, что теперь, когда представители ея заправляютъ государственною машиною, польются на нее всякаго рода блага. Демократическая партія радовалась этому несогласію между среднимъ сословіемъ и его вождями, стоявшими во главѣ управленія, старалась произвести какъ можно болѣе смуть, и надѣялась, пользуясь ими, въ свою очередь достигнуть торжества. Раздоръ въ лагерѣ побѣдителей не былъ впрочемъ, продолжителенъ: роли были вскорѣ распредѣлены ко всеобщему удовольствію, и если не всѣ требованія получили себѣ удовлетвореніе, то правительство выказывало, по крайней мѣрѣ, ревностное желаніе удовлетворить ихъ. При замѣщеніи общественныхъ должностей оно искало не столько людей честныхъ и способныхъ, выбирая ихъ изъ всѣхъ классовъ общества, сколько людей, принадлежавшихъ извѣстной партіи: то была обычная расплата за услуги,

оказанныя ею. Никакое правительство во Франціи не могло избѣгнуть этой расплаты, и если между чиновниками Лудовика-Филиппа не оказывалось каторжниковъ, какъ случилось это при Бурбонахъ въ извѣстной исторіи графа Сентъ-Элена, то бывали непріятности другаго рода. Король самъ указываетъ на одну изъ этихъ непріятностей въ письмѣ къ г. Гизо. «Съ досадою долженъ увѣдомить васъ, пишетъ онъ, что двое вновь-назначенныхъ помощниковъ префекта явились вчера въ Пале-Рояль въ совершенно пьяномъ видѣ, и національная гвардія поругалась съ ними. Вы можете узнать отъ адъютантовъ моихъ ихъ имена, но не объявляйте ихъ, изъ уваженія къ покровителямъ этихъ людей.»

Естественно долженъ родиться вопросъ, могло ли большинство націи примириться съ такимъ порядкомъ.

Уже тотчасъ послѣ революціи низшіе классы начали мечтать о повтореніи насильственного переворота. Это смутное броженіе умовъ не прекращалось во все время правленія Орлеанской династіи, и никогда не было оно такъ сильно какъ въ первые ея годы.

«На парижскихъ улицахъ, говоритъ г. Гизо, постоянно свирѣпство вало возмущеніе. Площади Вандомская, Шатле и Пантеона, предмѣстья Сентъ-Дени, Сентъ-Мартель, С.-Маріѣ и Антуанское, улица Сентъ-Оноре, всѣ набережныя и бульвары были театромъ непрерывныхъ народныхъ сборищъ, порою шумныхъ, но не приступавшихъ къ дѣйствию, порою же неистовыхъ и угрожавшихъ общественной безопасности. Какое бы то ни было происшествіе,—маловажное или серіозное, революціонная годовщина журнальное извѣстіе, посадка дерева свободы, жалобы и требованія мелкихъ торговцевъ, драка въ дверяхъ трактира,—тотчасъ собирало оно и приводило въ изступленіе толпу; повсюду толпа находила себѣ мѣсто сборища и средства чѣмъ-нибудь развлечься. Болѣе двадцати тысячъ продавцовъ для низшаго народа, собравшихся со всѣхъ сторонъ Франціи, наполняли набережныя, мосты, площади, бульвары, самыя шумныя и многолюдныя улицы и пассажи, говоря: «мы свободны; мостовая принадлежитъ всѣмъ безъ различія; мы хотимъ юмѣститься тамъ, гдѣ намъ выгодноѣ продавать, и хотимъ продавать то, что намъ заблагоразсудится.» Манифестаціи самаго мятежнаго характера, всякаго рода угрозы зараждались среди этихъ случайныхъ или преднамѣренныхъ сборищъ. «Смерть тиранамъ!» раздавалось около нѣкоторыхъ посольствъ. На знаменитомъ банкетѣ 9 мая, одинъ изъ присутствовавшихъ воскликнулъ, потрясая кинжаломъ: «вотъ Лудовику-Филиппу!» И днемъ и ночью, шайки расхаживали по улицамъ, оглашая воздухъ кликомъ: «да здравствуетъ республика!» Лишь только приближали къ силѣ для подавленія этихъ безпорядковъ, какъ встрѣчали сопротивленіе, въ которомъ муниципальныя власти и національная

гвардія находила себѣ такъ же мало пощады, какъ и полиція и солдаты; къ тому же, возмущеніе, подавленное на одномъ пунктѣ, переходило сейчасъ на другой, или повторялось, черезъ нѣсколько дней, на прежнемъ мѣстѣ.»

Всѣ средства возстановить порядокъ оставались недѣйствительными. Судебная власть почти совершенно упала духомъ посреди этого разгара страстей и не осмѣливалась произносить строгихъ приговоровъ. Судьи, говоритъ г. Гизо, обнаруживали очень часто безпокойство и колебаніе. Когда же старались силою оградить ихъ отъ оскорбленій, то это служило только поводомъ къ неслыханнымъ неистовствамъ, и обвиненные выходили изъ присутствія, восклицая: «У насъ осталось еще достаточно пуль!» Королевская фамилія подвергалась не меньшимъ оскорбленіямъ. «Поселившись въ Тюльери, разказываетъ авторъ разбираемой нами книги, король тотчасъ замѣтилъ, что онъ будетъ защищенъ тамъ отъ мятежа, но не отъ оскорбленій. Прохаживаясь въ темнотѣ, вечеромъ, по саду, подъ самыми окнами королевы и принцессы, грубіяны раздражались бранью или оглашали воздухъ непристойными пѣснями.» Лудовикъ-Филиппъ приказалъ оградить вокругъ дворца небольшое пространство земли, въ которое нельзя было вступать прохожимъ; тогда въ Парижѣ поднялась цѣлая буря, кричали, что король укрѣпляетъ Тюльери, отнимаетъ у народа мѣсто для прогулки. «Ничего не отнимаю я ни у кого, отвѣчалъ на это Лудовикъ-Филиппъ; всѣ могутъ расхаживать по саду, какъ хотятъ, но не могу же я терпѣть, чтобы бандиты, подъ окнами, поносили ругательствами жену мою и дочерей.» Дѣло не пошло далѣе, и король успѣлъ настоять на исполненіи своего приказанія.

Вотъ каково было состояніе французскаго общества въ первые годы послѣ іюльской революціи. Картина печальная, и которая, конечно, не можетъ вызвать ничего, кромѣ сожалѣнія. Анархія господствовала повсюду; надо было остановить анархію. Но какими средствами? Тутъ начиналось несогласіе между представителями либеральной партіи. «Лишь только, говоритъ г. Гизо, обнаружилось существенно революціонное направленіе, какъ дѣятели, участвовавшіе въ прошедшихъ великихъ событіяхъ, поняли, на сколько они расходились между собою, и раздѣлились вовсе. Въ это время положено было начало *политикѣ сопротивленія* (*politique de la résistance*). Дѣйствительно, одни изъ нихъ, и во главѣ ихъ находились доктринеры, требовали, чтобы съ безпокойными элементами общества не

вступали ни въ какія сдѣлки. Люди эти всегда и крѣпко стояли за власть, за правительственную инициативу. Они съ презрѣніемъ и свысока смотрѣли на классы общества, громко требовавшіе себѣ участія въ общественныхъ дѣлахъ, и презрѣніе это, отчасти, было основательно. Классы эти отличались невѣжествомъ, неспособностью къ политической жизни; требованія ихъ, въ той формѣ, какъ они выражались, были нелѣпы или сумасбродны. Но доктринерамъ и ихъ приверженцамъ не приходило въ голову, что на конституціонномъ правительствѣ лежитъ обязанность не отвергать эти классы, а непрерывною практикой свободы внушать имъ истинное ея пониманіе, мало-по-малу убивать въ нихъ завистливое чувство. Въмѣсто того они полагались главнымъ образомъ на силу, на правительственное вліяніе, для того чтобы сдерживать въ должныхъ границахъ массы общества, волновавшіяся вокругъ нихъ. Сопротивленіе, *la résistance*, было первымъ кликомъ ихъ послѣ революціи; произнося его, они почти безсознательно отказывались отъ всякаго движенія впередъ, и полагали начало той консервативной политикѣ, которая должна была, подконецъ, привести ихъ, и съ ними вмѣстѣ, конституціонное устройство къ гибели.

«Послѣ долгихъ и насильственныхъ гражданскихъ смуть, говорить г. Гизо, къ чему наиболѣе стремится страна, чтѣ составляетъ ревностнѣйшее желаніе ея, точно такъ же, какъ необходимую потребность, это присутствіе мудраго и справедливаго правительства, которое обезпечило бы ему порядокъ и свободу, покровительствовало бы всѣмъ правамъ, всѣмъ интересамъ, и дѣятельно управляло бы, какъ извнѣ, такъ и внутри, общими дѣлами гражданъ...

«... Въ 1830 году, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не достаточно было одного только матеріальнаго сопротивленія; надо было бороться съ принципами, ибо вопросъ касался столько же нравственной, сколько и политической сферы, и анархія господствовала одинаково на улицѣ и въ головахъ народонаселенія. Революція окончилась: различныя силы участвовали въ ней, неоспоримое право и вредныя страсти, потребность порядка и духъ мятежа: слѣдовало очистить великое событіе отъ революціонныхъ элементовъ, замѣшанныхъ въ немъ, и съ которыми многіе хотѣли связать его навсегда.»

Борьба съ революціонными элементами, о которыхъ говорить знаменитый авторъ разбираемой нами книги, сдѣлалась единственною цѣлью большей части представителей либеральной партіи. Въ борьбу эту вносили они необычайную энергію, непреклонность воли, отвращеніе ко всякимъ сдѣлкамъ и уступчивости, и въ борьбѣ этой, съ самаго начала, утратили они

свою популярность. Но не вся либеральная партія состояла изъ людей подобнаго образа мыслей. Существовалъ другой отдѣлъ ея, во главѣ котораго находились гг. Лафиттъ, Дюпонъ (de l'Europe), Лафайетъ, Одилонъ-Баррô, Могенъ и многіе другіе люди, уважаемые и за свой характеръ, и прошедшую дѣятельность. Въ чемъ же заключались ихъ политическія требованія, и чѣмъ отличались они отъ требованій партіи, во главѣ которой стояли доктринеры? Г. Гизо отвѣчаетъ на вопросъ этотъ слѣдующими словами: «Они находили насъ слишкомъ требовательными отъ революціи.... По мнѣнію ихъ, мы черезчуръ желали единства, силы и послѣдовательности въ правительствѣ; имъ хотѣлось бы, чтобы мы обращали болѣе вниманія на расположеніе и потребности публики, предоставляли бы имъ болѣе свободы и ожидали отъ безпрепятственнаго развитія ихъ счастливаго исхода. Такимъ образомъ, на другой день послѣ революціи, политика *laisser - aller* противопоставлялась политикѣ сопротивленія.» Этими краткими словами далеко не объясняется программа того либеральнаго отгѣнка конституціонной партіи, о которомъ мы говоримъ теперь; нужно замѣтить, впрочемъ, что трудно было вполне уяснить эту программу и въ болѣе подробныхъ выраженіяхъ. Дѣло въ томъ, что приверженцы ея сами весьма неявно сознавали потребности времени, и происходило это не отъ личныхъ ихъ свойствъ, не отъ недостатковъ ума или характера, а отъ той среды, въ которой они воспитались, и отъ понятій, которыя они приняли въ себя съ ранняго времени. Правительственная инициатива во всевозможныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, могучая административная централизація, сословные предрасудки и соперничество—всѣ эти блага, которыми прошедшая исторія надѣлила Францію, и которыя вѣзли въ ея плоть и кровь, были усвоены ими, какъ непреложная истина. Но у нихъ не было ни высокоумія, ни самоувѣренности; они несравненно болѣе сочувствовали низшимъ классамъ общества, хотя не сознавали ясно, отчего стремленіе къ свободѣ переходить у него въ анархію, а стремленіе къ равенству — въ завистливую жадность къ власти. По натурѣ своей эти люди были крайне либеральны, они желали какъ можно болѣе всякаго рода свободы и безъ различія для всѣхъ классовъ общества, но въ приложеніи къ дѣйствительности, политическія убѣжденія ихъ отличались неопредѣленностью и смутностью. Повторяемъ, происходило это отъ того, что въ сущности понятія ихъ не отличались ничѣмъ отъ понятій противной имъ

партии, въ средѣ которой находились доктринеры: они были увѣрены, что конституціонный порядокъ во Франціи, послѣ іюльской революціи, опирался на твердыя и истинныя основы, они желали только отъ политическихъ дѣятелей болѣе уступчивости, болѣе мягкости въ отношеніи къ низшимъ классамъ общества. Даже одно изъ главныхъ условій конституціоннаго устройства во Франціи, необходимость расширить избирательную льготу, было понято ими гораздо позднѣе, когда ненависть къ существовавшему порядку глубоко уже укоренилась въ массѣ общества.

По характеру своему и образу мыслей, король Лудовикъ-Филиппъ мало сочувствовалъ людямъ этой партіи. Онъ желалъ бы съ самаго начала дѣйствовать съ помощью ихъ противниковъ, несравненно болѣе энергическихъ. Но, какъ мы уже замѣтили выше, они утратили всякую популярность, а при тогдашнемъ напряженномъ, лихорадочномъ состояніи общества, надо было обращаться съ нимъ крайне осторожно. Лудовикъ-Филиппъ долженъ былъ окружить себя поэтому вначалѣ болѣе либеральными членами конституціонной партіи. Ко многимъ изъ нихъ онъ чувствовалъ большое личное расположеніе, но ни ихъ понятія, ни характеръ ихъ дѣятельности не внушали ему почти никакой довѣренности къ нимъ. Во главѣ министерства находился извѣстный банкиръ, г. Лафиттъ; наиболѣе вліятельными, послѣ него, членами правительства были гг. Дюпонъ (de l'Eupe), Лафайетъ и Одилонъ-Баррѳ. Задачею этого министерства было произвести примиреніе между новою властью и революціонными элементами общества, успокоить броженіе, распространившееся въ народѣ, возстановить порядокъ и тишину. Для достиженія этой цѣли полагались не столько на политическую опытность и искусство новыхъ министровъ, сколько на то обаяніе, которымъ имена ихъ пользовались въ публикѣ, преимущественно передъ именами той части либеральной партіи, которая, по выраженію автора разбираемой нами книги, придерживалась политики сопротивленія. Г. Гизо, умѣющій весьма тонко и съ безпощаднымъ анализомъ подмѣтить слабыя стороны своихъ противниковъ, разказываетъ, какъ можно было видѣть съ самаго начала, что управленіе ихъ не принесетъ ничего прочаго.

«Г. Лафиттъ—будемъ говорить словами самого автора—обязанъ былъ своею популярностью и своимъ вліяніемъ совершенно особеннымъ причинамъ. Умъ его отличался большею силою, свободою и разнообразіемъ,

чѣмъ умъ г. Дюпона (de l'Europe). То былъ человѣкъ, поражающій смѣлостью и предприимчивостью своею въ дѣлахъ, пріятный и неумолимый говорунъ, желавшій нравиться всѣмъ, кто приближался къ нему, одинаково ко всѣмъ благосклонный и готовый оказать каждому услугу. Находясь сильно подъ революціоннымъ вліяніемъ той среды, въ которой онъ вращался, онъ не имѣлъ самъ опредѣленнаго, сознательнаго образа мыслей, не имѣлъ прямого и неуклоннаго плана дѣйствій. Не аристократъ и не демократъ, одинаково равнодушный къ республикѣ и монархіи, любя движеніе скорѣе по инстинкту и для собственнаго удовольствія, чѣмъ изъ какихъ-нибудь хитрыхъ соображеній, доискиваясь популярности болѣе изъ тщеславія, чѣмъ изъ честолюбія, соединяя въ себѣ беззаботность и высокомеріе, надменность и доброту, настоящій богачъ, выставляемый въ комедіяхъ, занимавшійся политикою, какъ люди подобные ему до революціи занимались литературою и свѣтскими удовольствіями, желавшій болѣе всего, чтобы его окружали, чтобы льстили ему, не сомнѣвавшійся ни въ достоинствахъ своихъ, ни въ успѣхѣ своемъ у короля и народа, въ революціяхъ и спекуляціяхъ, онъ обращался съ государственными дѣлами, какъ съ денежными оборотами, съ надменнымъ легкомысліемъ, не заботясь о препятствіяхъ и не желая предвидѣть неудачи. Въ 1830 году онъ былъ на вершинѣ своей славы, гордясь и радуясь тому, что революція произошла, думалъ онъ, чуть не въ его домѣ, что онъ произвелъ переворотъ, который нравился народу и королю, который нравился ему самому; онъ былъ увѣренъ, что сохранить свои богатства, могущество и популярность, не тяготясь слишкомъ много бременемъ управленія.»

Г. Гизо собираетъ вмѣстѣ различныя черты дѣятельности г. Лафитта и объясняетъ ихъ личными его свойствами. По нашему мнѣнію, напротивъ, нужно искать не столько въ характерѣ, сколько въ положеніи этого общественнаго человѣка разгадки тѣхъ противорѣчій, тѣхъ несовмѣстныхъ, повидимому, крайностей, той неопредѣленности и шаткости образа дѣйствій, которыми онъ отличался. Съ одной стороны, г. Лафитту и товарищамъ его хотѣлось остановить броженіе умовъ во Франціи и особенно въ столицѣ государства. «Я прекращаю всѣ эти смуты, говорилъ онъ; я выведу на истинный путь всѣхъ мечтателей-республиканцевъ и либераловъ.» Но какими средствами достигнуть этого? Правительственными мѣрами, энергическими распоряженіями власти, ибо другаго лѣкарства ни г. Лафиттъ, ни друзья его не знали для излѣченія того недуга, которымъ страдало окружавшее ихъ общество. Г. Лафиттъ понималъ, однако, что репрессивныя мѣры отнимутъ у него только всякую популярность и, пожалуй, раздражатъ еще сильнѣе большинство публики. Отсюда крайняя нерѣшительность, энергія на словахъ и слабость на дѣлѣ, ничего твердаго, опредѣленнаго...

Демократическая партія тотчасъ же воспользовалась такимъ положеніемъ дѣлъ, но вопросъ шелъ не о мирныхъ реформахъ, не объ искорененіи тѣхъ недостатковъ, которыми оно страдало. Партія эта хотѣла, въ свою очередь, достигнуть того, чѣмъ пользовались другіе; она стремилась захватить въ свои руки власть, для того чтобы дѣйствовать ею въ своихъ видахъ, чтобы съ помощію ея доставить господство своимъ интересамъ, подавляя насильственно интересы всего остальнаго общества. Въ ожиданіи торжества своего, демократическая партія старалась произвести какъ можно болѣе смуть, и всякое событіе, оскорблявшее основательно или нѣтъ ей чувства, служило достаточнымъ ей къ тому поводомъ.

Исторія народныхъ смуть, происходившихъ въ 1830 году въ Парижѣ, могла бы занять много страницъ, еслибы мы вздумали разказывать ее подробно. Считаемъ это бесполезнымъ, ибо всѣ происшествія, которыми наполнена она, отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ. Процессъ министровъ Карла X, подписавшихъ знаменитыя королевскія прокламаціи, занималъ между ними главное мѣсто. Не станемъ вдаваться въ разсмотрѣніе, на сколько подлежали они суду, въ своемъ качествѣ ответственныхъ министровъ, послѣ того, какъ сама королевская власть заплатила изгнаніемъ за совершенное ею нарушеніе закона. Адвокаты не могли оправдать ихъ съ этой точки зрѣнія, да и дѣйствительно, преступленіе, совершенное ими, было такъ велико, отозвалось такими тяжкими потрясеніями на странѣ, что нельзя было допустить подобнаго рода оправданій. Несмотря на то, степень развитія тогдашняго общества, его нравы, понятія, не дозволяли, чтобы надъ обвиненными произнесенъ былъ смертный приговоръ. Пора было, наконецъ, сдѣлать различіе между преступникомъ уголовнымъ и преступникомъ политическимъ, между тѣмъ, который лишаетъ жизни своего согражданина изъ низкихъ, корыстныхъ побужденій, и тѣмъ, кто нарушаетъ общественный порядокъ изъ убѣжденій, можетъ-быть, нелѣпыхъ, сумасбродныхъ, но въ непреклонной истинѣ которыхъ онъ увѣренъ часто до фанатизма. Іюльское правительство хотѣло ознаменовать свое водвореніе челоѣколюбивою мѣрою въ высшемъ смыслѣ этого слова, оно хотѣло выказать великодушіе къ своимъ врагамъ, и вслѣдствіе этого еще за нѣсколько времени до открытія процесса совѣтниковъ Карла X предложило палатѣ депутатовъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни за политическія преступленія. При

обсужденіи этого закона, вопросъ не могъ, конечно, не коснуться министровъ прежняго правительства, ожидавшихъ своей участи въ Венсенской тюрьмѣ, и г. Гизо, между прочимъ, рѣшился открыто защищать ихъ отъ смерти: «Я не чувствую къ нимъ никакого личнаго интереса, говорилъ онъ; я не нахожусь съ ними ни въ какихъ сношеніяхъ, но твердо убѣжденъ, что честь націи, честь, воспитанная всею исторіею, требуетъ отъ нея не проливать ихъ крови. Низвергнувши правительство, измѣнивши въ странѣ прежній порядокъ, было бы унижительно преслѣдовать возмездіе ничтожное, мелкое, на ряду съ тѣмъ великимъ возмездіемъ, которое поразило не четырехъ только человекъ, а цѣлое правительство, цѣлую династію. Франція не жаждетъ бесполезной крови; всѣ революціи проливали кровь не по необходимости, а изъ раздраженія, и чрезъ три, шесть мѣсяцевъ кровь эта обращалась противъ нихъ самихъ. Не будемъ же вступать именно теперь на путь, по которому мы не шли даже во время битвы...» Проектъ закона, представленный правительствомъ, былъ воодушевленъ такою возвышенною мыслию, что не могъ не встрѣтить сочувствія во всѣхъ благородныхъ, избранныхъ умахъ. Либеральная партія соединилась во всѣхъ своихъ отѣнкахъ, для того чтобы поддерживать его въ палатѣ; она забыла на этотъ разъ чувство мести, ибо никто не имѣлъ бы болѣе ея права мстить несчастнымъ министрамъ Карла X. Репрессивныя мѣры, принятыя ими, были направлены, можно сказать, исключительно противъ этой партіи; никто столько, какъ она, не потерпѣлъ отъ запрещенія свободно выражать свой образъ мыслей, никому не были такъ дороги права, на уничтоженіе которыхъ покусилось правительство Бурбоновъ. И между тѣмъ, какъ она всѣми силами отстаивала жизнь четырехъ обвиненныхъ министровъ, демократическая партія съ ожесточеніемъ требовала ихъ крови. Она принимала помилованіе ихъ какъ личное для себя оскорбленіе. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она волновалась такъ сильно, что самые неустрашимые люди считали не безопаснымъ для себя поддерживать въ палатѣ законъ объ отмѣнѣ смертной казни; огромныя толпы народа собирались ежедневно на разныхъ площадяхъ, оглашая воздухъ неистовыми угрозами противъ обвиненныхъ. Не разъ вооруженныя ополченія черни, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ начальниковъ демократической партіи, находившихъ свои выгоды въ подобныхъ смутахъ, отправлялись въ Венсенъ, съ намѣреніемъ силою извлечь оттуда

министровъ Карла X. Во всемъ этомъ броженіи низшихъ классовъ выразилось вполнѣ то низкое, презрѣнное чувство плебейской ненависти, которое, не довольствуясь паденіемъ врага, готово подвергнуть его всѣмъ мучительнымъ истязаніямъ, если только онъ имѣлъ когда-нибудь несчастье занимать высокое положеніе въ общественной жизни. Вообще то время, когда происходилъ упоминаемый нами процессъ, можетъ назваться самымъ смутнымъ временемъ послѣ революціи 1830 года. Демократическая партія пробовала тутъ, достаточно ли крѣпко успѣло новое правительство утвердиться во власти, и не удастся ли ей вырвать у него эту власть для самой себя. Г. Лавиттъ и друзья его выказывали все болѣе и болѣе среди этихъ обстоятельствъ свое безсиліе. Они не могли ничѣмъ сдерживать народное броженіе; даже популярное имя Лафайета лишилось обаянія своего на толпу: при каждомъ новомъ движеніи они должны были ограничиваться успокоительными словами, обѣщаніями, но низшіе классы теряли всякую вѣру къ нимъ, ибо имъ не было нужно ни частныхъ уступокъ, ни умѣренныхъ реформъ, имъ хотѣлось власти и господства. Мятежи на улицахъ Парижа слѣдовали, поэтому, одинъ за другимъ непрерывно. Въ декабрѣ 1830 года умеръ Бенжаменъ-Константъ,—удобный случай для толпы произвести безпорядки въ день его похоронъ! Черезъ нѣсколько времени, 13 февраля 1831 года, въ годовщину убіенія герцога Беррійскаго, нѣкоторые легитимисты намѣревались присутствовать при панихидѣ въ церкви *Saint-Germain l'Auxerrois*. Богослуженіе долженствовало быть совершено дряхлымъ священникомъ, сопровождавшимъ когда-то Марію-Антуанетту на эшафотъ. Лишь только распространился въ Парижѣ слухъ о предстоящей церемоніи, какъ онъ произвелъ тамъ неописанное волненіе; въ этой церемоніи хотѣли видѣть преднамѣренное оскорбленіе свободы и народнаго достоинства. По французскому пониманію свободы, побѣжденные партіи не должны осмѣливаться напоминать о своемъ существованіи, должны безмолвно преклонять голову передъ поразившимъ ихъ ударомъ.

«Никому, конечно, не приходило въ голову, замѣчаетъ по этому случаю г. Гизо, что легитимистская партія отказалась отъ своихъ убѣжденій или вышла вмѣстѣ съ Карломъ X изъ Франціи, что она отказалась пользоваться предстаравшимся ей случаемъ для того, чтобы заявить о существованіи своемъ и о своихъ чувствахъ. Такъ, напримѣръ, за нѣсколько дней передъ этимъ, 21 января, было совершено, по ея

распоряженію, богослуженіе во многихъ церквахъ въ память Людовика XVI, и никто, конечно, не долженъ былъ этимъ оскорбляться. Незабывнымъ и кореннымъ условіемъ іюльскаго правительства было не только терпѣть легитимистскую партію на французской почвѣ, но не беспокоить ея за убѣжденія и предоставить ей возможность пользоваться всѣми правами, обезпеченными Французамъ хартіею. Если она нарушала спокойствіе, можно было дѣйствовать противъ нея законами, назначенными для охраненія безопасности государства и правительственныхъ властей; можно было сдѣлать, съ этою цѣлью, новые законы, если старые оказывались негодными, но бессмысленно было бы подавлять всякое вышнее проявленіе симпатій и убѣжденій легитимистской партіи, ибо подобная попытка была бы самою ненавистною и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможною тиранніею. Есть враги и опасности, съ которыми либеральное правительство должно жить въ мирѣ, на которыхъ оно должно смотрѣть, такъ сказать, сквозь пальцы, пока не представляется настоятельной необходимости употреблять противъ нихъ строгость законовъ. И изо всѣхъ манифестацій манифестаціи религіозныя должны возбуждать къ себѣ наиболѣе снисходительности, ибо съ ними соединяется понятіе о драгоцѣннѣйшемъ видѣ свободы, соединяются чувства самыя благородныя и наиболѣе распространенныя между честными людьми. Манифестаціи легитимистовъ въ церкви *St.-Germain l'Auxerrois*, конечно, были менѣе опасны для страны и для правительства, чѣмъ процессіи республиканцевъ въ Пантеонъ и безразсудныя ихъ требованія...»

Сцены, происшедшія въ *Saint-Germain l'Auxerrois*, произвели самое невыгодное, для Франціи, впечатлѣніе на всю Европу. Давно уже неистовство толпы не доходило до такой степени: въ церкви все было перебито, разграблено, утварь ея была потоплена въ Сенѣ, и не одинъ только храмъ, о которомъ говоримъ мы, подвергнулся этой участи, то же самое повторилось съ домомъ парижскаго архіепископа. Изъ столицы королевства мятежъ перешелъ во многіе другіе города, въ Лилль, Дижонъ, Перпиньянъ, Нимъ, Ангулемъ. Министерство Лафитта, между тѣмъ, не принимало никакихъ мѣръ противъ усиливашагося съ каждымъ днемъ броженія толпы. Оно все боялось оскорбить демократическую партію, старалось успокоить ее льстивыми обѣщаніями и надеждами, а между тѣмъ, еще больше раздражало и возбуждало ее, выказывая свое крайнее безсиліе. Стоить ли повторять, послѣ всего сказаннаго нами, что мы нисколько не думаемъ винить г. Лафитта и друзей его, дѣйствовавшихъ полумѣрами и нерѣшительно. Мѣры репрессивныя, насиліе, помогли бы тутъ точно также мало; надо было искать совершенно иныхъ средствъ для излѣченія того недуга, которымъ страдало французское общество.

Мы говорили сейчас, что въ средѣ либеральной партіи, тотчасъ послѣ революціи, произошелъ сильный расколъ. Одни изъ ея приверженцевъ, между которыми доктрина еры занимали самое видное мѣсто, довольные тѣмъ, что конституціонныя формы сохранились во всей своей неприкосновенности, считали непростительною слабостию всякую уступку демократической партіи и желали обуздать порывы ея силою. На нѣкоторое время, эти люди не могли привести въ дѣйствіе своихъ плановъ, ибо страшная непопулярность ихъ заставляла ихъ держаться въ сторонѣ: но безсиліе министерства г. Лафитта, неистовыя сцены мятежа, сейчасъ упомянутыя нами, показали ясно, что наступила для нихъ пора взять управленіе въ свои руки. Король Лудовикъ-Филиппъ давно уже былъ расположенъ къ этой партіи, онъ только по необходимости соединился съ ея противниками и готовъ былъ разорвать съ ними связь при первомъ удобномъ случаѣ. Послѣ мятежа въ *St.-Germain l'Auxerrois*, онъ немедленно отказался отъ услугъ г. Лафитта, и составилъ новое министерство, во главѣ котораго находился г. Казимиръ Перье. Политика сопротивленія, *la politique de la résistance*, какъ называетъ ее г. Гизо, поднимала, такимъ образомъ, открыто свое знамя. «Знаете ли, говорилъ въ послѣдствіи Лудовикъ-Филиппъ одному изъ приближенныхъ ему лицъ, что еслибы 13 марта около меня не нашелся г. Перье, то мнѣ пришлось бы прямо, въ сыромъ видѣ, проглотить гг. Сальверта и Дюпона (de l'Europe)?»

Характеръ и дѣятельность г. Казимира Перье очерчены у г. Гизо подробными и мѣткими чертами. Можно бы вполне согласиться съ его изображеніемъ этой замѣчательной личности, еслибы только основной взглядъ его на нее не подавалъ повода къ нѣкоторому разногласію. Г. Казимиръ Перье вызванъ былъ къ дѣятельности обстоятельствами, необходимою, и трудно было бы найти человѣка, который лучше его удовлетворялъ этой необходимости. Большинство либеральной партіи съ нетерпѣніемъ ожидало времени, когда конституціонныя учрежденія будутъ дѣйствовать безопасно и безпрепятственно, когда они не станутъ подвергаться ежеминутно опасности быть снесенными новою революціею. Демократическая партія, волненіе которой достигло крайней степени, угрожала непрерывно этимъ учрежденіямъ: приверженцы конституціоннаго порядка, за исключеніемъ лишь того меньшинства ихъ, о которомъ говорили мы выше, рѣшились по-

кончить съ этою ненавистною имъ и безпокойною демократическою партіею, они рѣшились, не обращая вниманія на то, сколько было законнаго въ ея требованіяхъ, отвѣчать ей на силу силою. Такимъ образомъ начиналась ожесточенная борьба. Г. Казиміръ Перье былъ настоящимъ человѣкомъ, который требовался для борьбы подобнаго рода. Можно смѣло сказать, что только французская почва могла образовать подобный характеръ: человѣкъ искренно либеральныхъ учреждений, отстаивавшій ихъ въ теченіи всей жизни, и въ то же время готовый дѣйствовать съ деспотическимъ насиліемъ противъ всѣхъ, кто не раздѣлялъ его образа мыслей, человѣкъ, достигнувшій высокаго положенія своего трудомъ, закоснѣлый врагъ аристократіи и, несмотря на то, надменный и гордый до ослѣпленія,— г. Казиміръ Перье не могъ возбуждать къ себѣ сочувствія. Такой дѣятель могъ сдѣлаться идоломъ партіи, для которой онъ рѣшился покрыть себя страшною непопулярностію, положеніе которой онъ упрочилъ надолго, поборовъ грубою силою всѣ непріязненные ей элементы, но заслуги такого рода цѣнятся высоко только тѣми, кто непосредственно отъ нихъ выигрываетъ, и не подвигаютъ впередъ дѣла истинной свободы. Понятно, что г. Гизо не находитъ достаточно выраженій для восхваленія этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго человѣка, но мы думаемъ, что похвалы эти вовсе не закрываютъ тѣхъ не симпатическихъ, отталкивающихъ отъ себя свойствъ, которыя были сейчасъ указаны нами:

«Физиономія его, поступь, манера держаться, взглядъ—такъ выражается авторъ о г. Перье—все показывало, что слова и дѣйствія въ немъ не раздѣльны. Важность его не была запечатлѣна ни нравственною строгостію, ни созерцательными наклонностями, но свидѣтельствовала объ умѣ твердомъ и здоровомъ, пронывнутомъ одною мыслию и одною непреклонною страстію, постоянно стремящимся къ цѣли, которую въ одно и то же время было крайне трудно и крайне необходимо достигнуть. Пылкій и чуждый всякаго спокойствія, онъ всею внѣшностью своею какъ будто постоянно вызывалъ на бой своихъ противниковъ и торговался съ своими друзьями. Однажды, онъ принималъ депутатовъ, принадлежавшихъ къ большинству, которые представляли ему возраженія противъ какихъ-то законодательныхъ мѣръ и грозилъ даже, что онъ будетъ покинутъ своими друзьями въ этомъ случаѣ. Въмѣсто всякаго отвѣта, г. Казиміръ Перье воскликнулъ, бросивъ на нихъ огненный взглядъ: «Какая мнѣ нужда въ друзьяхъ, если я чувствую, что правда на моей сторонѣ; пусть они поддерживаютъ меня, когда я не правъ!» и поспѣшно ушелъ въ свой кабинетъ. Въ частныхъ бесѣдахъ онъ выслушивалъ холодно, рѣдко спорилъ и, какъ казалось,

уже опредѣлилъ заранее свой образъ дѣйствій. На трибунѣ онъ не всегда былъ краснорѣчивъ и ловокъ, но всегда поражалъ силою и достигалъ своей цѣли. Онъ внушалъ приверженцамъ своимъ довѣріе, несмотря даже на ихъ сомнѣнія, и умѣлъ сдерживать противниковъ въ самомъ разгарѣ ихъ страстей. То было скорѣе могущество личнаго характера, чѣмъ могущество ораторскаго таланта.

«Отъ подчиненныхъ своихъ и вообще въ управленіи г. Казиміръ Перье требовалъ главнымъ правиломъ единства видовъ и дѣйствій. Во множествѣ циркуляровъ, излагавшихъ общіе принципы или изданныхъ по частнымъ случаямъ, онъ настоятельно внушалъ эти обязанности чиновникамъ всякаго разряда и предостерегалъ ихъ, что правительство не потерпитъ никакого послабленія въ этомъ смыслѣ. И дѣйствительно, когда нѣсколько значительныхъ по положенію своему лицъ рѣшились, несмотря на занимаемыя ими должности, оставаться членами *Народной ассоціаціи* (Association nationale), всѣ они тотчасъ же лишились своихъ мѣстъ. Г. Одилонъ-Барро долженъ былъ выйти изъ государственнаго совѣта, г. Александръ Лабордъ потерялъ званіе королевскаго адъютанта, генералъ Ламаркъ вовсе покинулъ службу. Очевидно, что правительство ясно сознавало, чего хотѣло, и могло повсюду заставить исполнять свою волю.

«Г. Казиміръ Перье строго слѣдилъ за исполненіемъ чиновниками ихъ обязанностей, даже въ томъ случаѣ, когда отъ этого не страдалъ никакой важный и настоятельный интересъ. Въ *Монитерѣ* появилась однажды статья такого содержанія: «Одинъ префектъ, явившійся вчера къ министру внутреннихъ дѣлъ, не получивши предварительнаго разрѣшенія пріѣхать въ Парижъ, не могъ получить аудіенціи. По этому случаю, министръ рѣшилъ, что всякій префектъ, безъ спросу удаляющійся изъ своего департамента, будетъ лишень мѣста...» Къ этому внимательному надзору за чиновниками, къ этому энергическому употребленію всѣхъ орудій власти, сосредоточивавшихся въ его рукахъ, г. Казиміръ Перье присоединялъ еще другую заботу: онъ слѣдилъ за состояніемъ общественнаго мнѣнія и прибѣгалъ часто къ *Монитеру* для того, чтобы сноситься съ публикою и уяснять ей свой образъ дѣйствій. И въ этомъ случаѣ онъ выражался съ авторитетомъ, опровергалъ ложные слухи, исправлялъ ложныя понятія, изображалъ въ настоящемъ свѣтѣ дѣйствія правительства. Когда же непреклонная вражда партій и преданныхъ имъ журналовъ заставляла сомнѣваться г. Перье въ дѣйствительности его офиціальныхъ комментариевъ, онъ говорилъ своимъ друзьямъ: «Во всякомъ случаѣ, какое мнѣ дѣло! У меня подъ рукою *Монитеръ* для обнародованія моихъ мѣрѣ, есть трибуна для объясненія ихъ, и будущее насъ разсудитъ!»

Все одинаково драгоцѣнно въ приведенномъ нами мѣстѣ: сужденія знаменитаго автора разбираемой нами книги о человѣкѣ, которымъ до сихъ поръ не перестаетъ гордиться та партія, къ которой принадлежалъ онъ, уясняютъ вполнѣ то, что было сказано нами о пристрастіи этой партіи къ власти, о стремленіяхъ ея доставить властію преобладаніе своимъ

идеямъ, властью утвердить даже, если можно, свободу во Франціи. Нужно ли еще убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, что Англія, служившая постоянно предметомъ подражанія для либеральной партіи, что духъ англійскихъ учреждений, англійское пониманіе свободы оставались почти совершенно ей чуждыми: Подражаніе ограничивалось въ сущности только формами, но формы прикрывали понятія, воспитавшіяся чисто на французской почвѣ. Политическія убѣжденія г. Перье раздѣляло вполнѣ большинство его партіи; онъ приобрѣлъ въ рядахъ ея такое сильное вліяніе отъ того, что ни въ комъ убѣжденія эти не соединялись такъ тѣсно съ практикой. То былъ человекъ, не только по принципу считавшій сильную власть необходимою, но родившійся для власти, наслаждавшійся ею, и все это несмотря на привязанность свою къ либеральнымъ учреждениямъ. Властолюбивый характеръ г. Перье выказывался въ ежедневныхъ сношеніяхъ даже съ людьми, ему преданными или раздѣлявшими его убѣжденія. «Въ ежедневныхъ занятіяхъ, говоритъ нашъ авторъ, г. Казиміръ Перье пользовался услугами г. д'Аргу (въ послѣдствіи директора государственнаго банка), какъ самаго неутомимаго изъ всѣхъ своихъ помощниковъ; въ палатахъ, онъ посылалъ его на трибуну или заставлялъ покидать ее по собственному усмотрѣнію, не заботясь о томъ, что можетъ утомить его, не опасаясь оскорбить его быстрыми проявленіями своего вліянія надъ нимъ. Я самъ слышалъ, какъ онъ закричалъ ему однажды, когда тотъ не впопадъ хотѣлъ вступить на трибуну: «назадъ, д'Аргу!» и д'Аргу возвращался назадъ, не много недовольный, но не смѣя этого обнаруживать.» Сюда можно присоединить еще анекдотъ, встрѣченный нами гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Г. Казиміръ Перье, бывшій президентомъ палаты депутатовъ, прибывши однажды туда, нашелъ, что все зданіе окружено отрядами войска. Оказалось, что квесторы сами распорядились этимъ изъ опасенія какого-то народнаго движенія. Президентъ разразился страшными укорами, и ошеломленные квесторы успѣли сослаться только на то, что обязанность ихъ наблюдать за безопасностію палаты. «Обязанность ваша наблюдать за корридорами!» воскликнулъ имъ въ отвѣтъ г. Казиміръ Перье. Надменный, властолюбивый характеръ свой онъ не старался обуздывать даже въ сношеніяхъ своихъ съ королемъ Людовикомъ-Филиппомъ. Можно было бы разказать объ этомъ много подробностей; но

мы ограничимся однимъ анекдотомъ, приведеннымъ въ разбираемой нами книгѣ:

«Въ исходѣ 1831 года генералъ Себастьяни сдѣлался боленъ, и г. Казиміръ Перье управлялъ временно министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ пользовался при этомъ совѣтами графа Реневаля и въ вознагражденіе за оказанныя имъ услуги обѣщалъ ему мѣсто испанскаго посланника, которое занималъ въ то время графъ д'Аркуръ. Ему пришла однажды мысль исполнить немедленно свое обѣщаніе, и онъ поручилъ г. д'Оберсеру, директору канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, составить объ этомъ приказъ: представить его для подписанія королю и на другой же день напечатать въ *Монитеръ*. Г. д'Оберсеръ, заслужившій своимъ умомъ, дѣятельностію и энергіею характера полную довѣренность г. Казиміра Перье, давно уже привыкъ къ порученіямъ подобнаго рода: онъ служилъ всегда посредникомъ между королемъ и министромъ и старался, по возможности, смягчить все, что было жесткаго въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Прибывши въ Тюльери, онъ узналъ, что король удалился уже въ халатѣ въ кабинетъ и намѣревался лечь спать. Не сомнѣваясь, что назначеніе г. Реневаля давно уже было условлено, онъ представилъ ему для подписанія приказъ: «Нѣтъ, возразилъ король, мы еще ничего не рѣшили на этотъ счетъ съ г. Перье; положено было, что г. Реневаль отправится въ Мадридъ не прежде какъ прискано будетъ другое мѣсто для графа д'Аркура.» — «Въ такомъ случаѣ, ваше величество, отвѣчалъ г. д'Оберсеръ, беря назадъ бумагу, я возвращу приказъ министру и доложу, что вамъ не угодно было подписать его.» — «О, я этого не говорю, возразилъ король, пожалуй, я даже подпишу, но вы попросите отъ меня г. Перье не посылать приказа этого въ *Монитеръ*, не переговоривши объ этомъ предварительно со мною,» и король дѣйствительно приложилъ свою подпись. Было уже поздно, когда г. д'Оберсеръ возвратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ; г. Казиміръ Перье легъ уже спать, онъ велѣлъ разбудить его и отдалъ ему отчетъ о своемъ порученіи. «Пусть король оставитъ меня въ покоѣ, сказалъ ему съ живостію въ отвѣтъ на это г. Перье; тотчасъ же отошлите приказъ въ *Монитеръ*.» — «Г. министръ, возразилъ на это г. д'Оберсеръ, кладя приказъ около него, позвольте сказать вамъ, что вы не правы, и поручите кому-нибудь другому послать въ офиціальный журналъ эту бумагу,» и онъ поспѣшилъ выйти, не дожидаясь отвѣта. Г. Казиміръ Перье не далъ этого порученія никому другому, приказъ не появился на другой день въ *Монитеръ*, и графъ Реневаль утвержденъ былъ уже нѣсколько позднее посланникомъ въ Мадридъ.»

Маленькая сцена эта можетъ служить довольно вѣрнымъ образчикомъ тѣхъ отношеній, которыя существовали постоянно между королемъ и его первымъ министромъ. Тщеславіе г. Казиміра Перье не знало себя предѣловъ, и тѣ, которые хотѣли быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, старались особенно затронуть эту чувствительную струну въ его харак-

терѣ. Знаменитый Талебранъ, бывшій въ то время посланникомъ въ Лондонѣ, отдавая ему, какъ президенту совѣта министровъ, отчетъ о своихъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ, не забывалъ прибавлять въ концѣ: «Надѣюсь, что вы останетесь довольны мною.» Г. Казиміръ Перье съ восторгомъ показывалъ эти строки своимъ пріятелямъ. Онъ хотѣлъ все болѣе и болѣе быть совершенно независимымъ въ своемъ управленіи и не допускалъ въ него никакого вліянія королевской власти. Вотъ тутъ-то, между прочимъ, надо искать начала той смѣшной комедіи, которая разыгрывалась такъ долго между королемъ Лудовикомъ-Филиппомъ и парламентскими партіями и была вызвана слѣпымъ, бессмысленнымъ подражаніемъ англійскимъ учрежденіямъ, значеніе которыхъ оставалось для Франціи совершенно непонятнымъ. Политическіе люди во Франціи замѣчали, что королевская власть въ сосѣдней странѣ пользуется весьма малою инициативой, что она почти не правитъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, что она какъ будто присутствуетъ только при борьбѣ партій, и какъ только извѣстные интересы, извѣстныя потребности получаютъ преобладаніе въ странѣ, то партія, представляющая ихъ, сама собою становится во главѣ управленія. Во Франціи, гдѣ для приверженцевъ либеральныхъ учрежденій, внѣшнія формы, какъ создались онѣ въ Англіи, были всего дороже, явилось желаніе установить непременно то же самое. Съ тою ловкостью, которою отличаются во всемъ Французы, они успѣли даже составить весьма остроумную формулу: *le roi regne, mais ne gouverne pas*, выражавшую, по ихъ мнѣнію, сущность конституціоннаго порядка. Нужно ли говорить, что и въ этомъ отношеніи Франція хотѣла водворить въ своей средѣ то, для чего у нея не доставало надлежащей почвы, и дѣло, какъ во многомъ другомъ, ограничивалось только лишеннымъ всякаго смысла подражаніемъ? Цѣлыми вѣками исторической жизни англійское общество пріучило стоять на своихъ собственныхъ ногахъ и руководствоваться собственнымъ сознаніемъ своихъ потребностей. Мудрость королевской власти въ Англіи состоитъ именно въ томъ, чтобы слѣдить внимательно за этимъ ходомъ общественной жизни и, отказываясь отъ всякаго рода насильственной инициативы, способствовать торжеству тѣхъ интересовъ, которые достаточно уже созрѣли и опредѣлились въ странѣ. Но существовало ли что-нибудь подобное этому во Франціи? Видимъ ли мы въ средѣ ея ту свободу, ту независимость, которыя господствуютъ въ англійскомъ обществѣ? Не

привыкла ли она, напротивъ, во всемъ и всегда полагаться на центральную власть и всего ожидать себѣ отъ ея инициативы? Не привыкли ли и представители власти во Франціи цѣпко держаться за это право инициативы и гораздо болѣе полагаться на себя, на свою мудрость и благонамѣренность, нежели на живыя силы цѣлой націи? Либеральная партія сохранила въ странѣ почти неприкосновеннымъ весь прежній административный порядокъ, съ его могущественною централизаціею, она сама была не прочь дѣйствовать властью, для того чтобы проводить въ обществѣ свои идеи. Въ представительныхъ палатахъ Франціи, точно такъ же какъ и въ самомъ ея обществѣ, не всѣ интересы находили себѣ законное выраженіе: въ сущности господствовала только одна партія зажиточнаго мѣщанства (буржуазія); легитимисты, демократы, во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ, и прочіе элементы, изъ которыхъ слагалась масса народонаселенія, допускались весьма мало, или даже не допускались къ участию въ политической жизни. Занимали ли первое мѣсто въ управленіи гг. Казиміръ Перье или Лафиттъ, гг. Тьеръ или Гизо, они были представителями все одного и того же класса общества и, за легкими измѣненіями, все одной и той же правительственной системы. Во имя какихъ же причинъ можно было требовать отъ короля, чтобы онъ отказался отъ принадлежащей ему инициативы? Почему же въ томъ порядкѣ, въ которомъ все было основано на власти, должно было отказаться отъ пользованія ею именно тому, кому, по самому положенію его, власть принадлежала болѣе чѣмъ всѣмъ другимъ, и кто, также по самому положенію своему, могъ пользоваться властію съ меньшею исключительностію и въ болѣе примирительномъ духѣ? Г. Гизо, впрочемъ, никогда не раздѣлялъ тѣхъ притязаній либеральной партіи, о которыхъ мы говоримъ теперь, и съ своей чисто-французской точки зрѣнія, онъ совершенно правъ, когда рассуждаетъ о нихъ слѣдующимъ образомъ:

«Тогда-то (т.-е. во время министерства г. Казиміра Перье) еще глухо возникъ тотъ вопросъ, который надѣлалъ въ послѣдствіи такъ много шума, — вопросъ объ участіи короля въ его собственномъ правительствѣ и о завистливомъ соперничествѣ во власти между королемъ и его совѣтниками.

«Въ 1845 году, когда вопросъ этотъ возбуждалъ между нами несомасія, столь же ложныя и неразумныя сами по себѣ, сколько важныя по своимъ послѣдствіямъ, призванный высказать точно и опредѣленно, какъ понималъ я участіе въ конституціонной монархіи, съ одной сто-

роны—короля, а съ другой—его совѣтниковъ, я высказалъ такими словами свой образъ мыслей: «Престолъ не пустое кресло, которое заперли на ключъ для того, чтобы кто-нибудь не вздумалъ сѣсть на него. На креслѣ этомъ возсѣдаетъ лицо, одаренное разумомъ и свободною волею, имѣющее, подобно всѣмъ прочимъ живымъ существамъ, свои собственные понятія, чувства, хотѣнія и желанія. Обязанность этого лица,—ибо обязанности существуютъ одинаково для всѣхъ и для всѣхъ одинаково священны,—состоять въ томъ, чтобы управлять съ содѣйствіемъ прочихъ органовъ государственной власти, установленныхъ въ силу хартіи, опираясь на ихъ мнѣнія и совѣты. Съ другой стороны обязанности совѣтниковъ королевской власти заявлять передъ нею именно тѣ идеи, тѣ законодательныя мѣры, ту политику, которая они считаютъ необходимыми и возможными поддерживать въ палатахъ. Они обязаны охранять согласіе между великими органами государственной власти, а не способствовать преобладанію одного изъ нихъ надъ другими. Нѣтъ, они не должны возвышать королевскую власть надъ палатами или палаты надъ королевскою властью; соединить ихъ, напротивъ, одною мыслию и одинаковымъ образомъ дѣйствій, вотъ въ чемъ состоитъ призваніе министровъ въ свободномъ правленіи—вотъ въ чемъ состоитъ конституціонное правительство. Необходимо всѣмъ намъ не забывать, что корона лежитъ на головѣ существа разумнаго и одареннаго свободною волей, съ которымъ мы вступаемъ въ договоръ, и что она не неподвижная машина, обязанная занимать то мѣсто, на которое послѣдніи бы засѣлъ честолюбцы, еслибы только оно оставалось пустымъ.»

«Я убѣжденъ, что еслибы въ 1831 году спросили короля .Людвика-Филиппа и г. Казимира Перье, какого они мнѣнія объ этомъ опредѣленіи ихъ роли и ихъ конституціонныхъ отношеній, то вѣроятно они оба согласились бы съ нимъ вполне и безъ задней мысли. Г. Казимиръ Перье былъ такъ разсудителенъ и такъ привязанъ къ монархіи, что не могъ держаться серьезно правила: *король царствуетъ, но не правитъ*; .Людвикъ-Филиппъ, съ своей стороны, имѣлъ слишкомъ много политическаго смысла и осторожности, чтобы править, не соображаясь съ мнѣніемъ своихъ совѣтниковъ, которые располагали въ его пользу палаты и страну. Однажды, онъ сказалъ мнѣ по этому поводу: «Бѣда въ томъ, что всякій хочетъ быть капельмейстеромъ, тогда какъ, по конституціи, всякому опредѣлено мѣсто, которымъ онъ долженъ довольствоваться. Я занимаю мѣсто короля, у министровъ есть свои мѣста, и если только мы умѣемъ играть, то согласіе не будетъ нарушено между нами.»

Въ книгѣ, разбираемой нами, дѣятельность г. Казимира Перье изложена съ большою подробностью. Какъ мы замѣтили уже выше, конституціонная партія, представителемъ которой былъ онъ, хотѣла покончить какъ можно скорѣе съ революціоннымъ броженіемъ не только внутри Франціи, но, на сколько зависѣло отъ нея, во всей Европѣ. Слишкомъ увѣренная въ своей непогрѣшимости, въ томъ, что все исполнено ею, чего только

могла ожидать от нея страна, что конституционный порядок в этой стране установлен на самых широких и истинных основах, она рѣшилась скорѣе давить и давить тѣ элементы, которые были ей враждебны. И вся энергія г. Казимира Перье была посвящена этой неумолимой, подчас ненавистной и слѣпой реакціи. Но странное дѣло! Идеаль, къ которому такъ сильно стремились доктринеры, былъ, кажется, достигнутъ: нельзя было не согласиться, что правительство пользовалось, наконецъ, могуществомъ, не оставлявшимъ желать ничего болѣе, между тѣмъ броженіе общества не прекращалось. Мятежи слѣдовали одинъ за другимъ. Изъ столицы государства перешли они въ департаменты, и Страсбургъ, Тулуза, Туръ, Монпелье, Каркасонъ, Тарасконъ и многіе другіе города были попеременно театромъ болѣе или менѣе серіозныхъ волненій. Самое страшное возстаніе произошло въ Лионѣ; до сихъ поръ еще не забыты тамъ кровавыя сцены, которыми ознаменовались торжество инсургентовъ и подавленіе ихъ вооруженною силою. Г. Казимиръ Перье приходилъ въ отчаяніе и ярость, видя, что силы его исчезаютъ со дня на день, а цѣль, къ которой стремился онъ, отодвигается отъ него съ каждымъ днемъ: онъ рѣшился однако дѣйствовать до конца. «Я человекъ, вызванный обстоятельствами и борьбою, говорилъ онъ г. Гизо; парламентскія пренія не мое дѣло;» и онъ продолжалъ бороться, хотя не былъ увѣренъ въ успѣхъ борьбы. Нельзя не замѣтить, что среди отчаянныхъ своихъ усилій, г. Казимиру Перье ни разу не являлась мысль, что средства, которыми думалъ онъ излѣчить общество, далеко не дѣйствительны; ему все казалось, что какъ ни велики были трудности, легко было бы преодолѣть ихъ, еслибы только онъ встрѣчалъ болѣе рвенія и болѣе дѣйствительнаго содѣйствія въ исполнителяхъ своей воли. «Мнѣ плохо помогаютъ, говаривалъ онъ; намѣренія мои дурно понимаются, приказанія не исполняются съ тою точностью и быстротою, безъ которыхъ никакія приказанія ничего не значатъ. Всякій и повсюду мѣшается въ полицію, во дворцѣ, въ министерствахъ, въ генеральныхъ штабахъ. Это невыносимо: надо, чтобы все это прекратилось, и чтобы дѣйствовала только одна моя полиція!»

Г. Гизо, знавшій весьма близко всемогущаго министра, бывшій съ ними даже въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, могъ сѣдять день за днемъ, какъ увѣренность въ своихъ силахъ и успѣхъ угасала въ Казимирѣ Перье. Только одинъ годъ поль-

зовался онъ властью; громадныя силы его уже изнемогали подъ бременемъ, возлагаемымъ централизаціей на правительство: и что же было сдѣлано имъ въ этотъ годъ неусыпнаго труда? Могъ ли сказать онъ съ увѣренностью, что тотъ порядокъ, объ утвержденіи котораго онъ заботился, дѣйствительно приобрѣтала прочность?

«Никто не оболыцалъ себя менѣе самого г. Перье, говоритъ авторъ *Записокъ*, настоящимъ положеніемъ страны; я говорилъ уже прежде, что вообще онъ не любилъ предаваться надеждамъ и такъ же мало былъ довѣрчивъ къ людямъ, какъ и къ судьбѣ. Жизненный опытъ не только не ослаблялъ, а напротивъ, усиливалъ въ немъ эту склонность. По мѣрѣ того какъ онъ правилъ, онъ становился все не довольнѣе своимъ правленіемъ, тѣмъ, чего не доставало еще для исполненія его плановъ, становился требовательнѣе къ своимъ подчиненнымъ, товарищамъ, друзьямъ. «Никто не дѣлаетъ своего дѣла, говорилъ онъ; никто не помогаетъ правительству среди его затрудненій. Не могу же я поспѣвать вездѣ самъ. Одному мнѣ не вывезти изъ колени, хотя я и добрый конь; мнѣ придется только упасть мертвымъ за работою. Пусть же всѣ открыто присоединятся ко мнѣ и понасилятся вмѣстѣ со мною; безъ этого Франція погибла!» Онъ предвидѣлъ ту минуту, когда, даже въ случаѣ успѣха, онъ не будетъ въ состояніи нести тяжесть, и съ благороднымъ спокойствомъ заботился о томъ, какова будетъ послѣ него участь страны. Одинъ изъ друзей моихъ, г. Вите, имѣлъ съ нимъ въ мартѣ 1832, за нѣсколько дней до появленія холеры въ Парижѣ, разговоръ, который такъ поразилъ его, что онъ сохранилъ о немъ самыя подробныя воспоминанія. Передаю его въ точности, не думая чтобы почетный отзывъ обо мнѣ г. Казимира Перье налагать на меня обязанность умалчиванія и долженъ былъ приводить меня въ замѣшательство. «Я гулялъ съ нимъ, говоритъ г. Вите, вдвоемъ, въ его булонской дачѣ, куда докторъ послалъ его пользоваться чистымъ воздухомъ, ибо онъ уже былъ слабъ и боленъ. Цѣлыхъ два часа ходили мы съ нимъ по саду подъ печальнымъ туманнымъ небомъ, которое и теперь какъ будто передъ моими глазами. Онъ разговорился со мною откровеннѣе, нежели обыкновенно случалось съ нимъ, о своихъ проектахъ, планахъ и надеждахъ. Онъ читалъ мнѣ депеши, только-что полученныя имъ изъ Лондона и Вѣны, и объявилъ, что въ скоромъ времени континентальныя державы приступятъ къ обезоруженію своихъ войскъ въ такихъ размѣрахъ, что нельзя уже будетъ болѣе предполагать никакого недоброжелательнаго умысла съ ихъ стороны. «Тогда, прибавилъ онъ, опадетъ вся эта воинственная пѣна, и мнѣ можно будетъ удалиться; трудъ мой придетъ къ концу. И безъ того уже бремя тяжело; оно сдѣлается невыносимымъ, какъ скоро разсѣется опасность. Лучшіе друзья мои, которые и теперь не слишкомъ смиренны, будутъ окружать меня всякаго рода ковами; пусть же сами займутъ мое мѣсто. Но я не выйду, не назначивши себѣ преемниковъ, которые понимаютъ и постараются сохранить все сдѣланное мною.» Затѣмъ, онъ вдавался въ большія подробности о людяхъ, съ которыми находился въ сношеніяхъ, мастерски характеризуя каждого

изъ нихъ. «Не изъ такихъ людей, заключилъ онъ, можно образовать правительство. Знаю, что у доктринеровъ есть много недостатковъ и что они не умѣютъ приобрести расположеііе большинства публики, и несмотря на то, только они откровенно стремятся къ тому самому, чего добивался я. Съ однимъ только Гизо могу я быть спокоенъ. Теперь уже сдѣлано достаточно, для того чтобъ облегчить для него возможность вступить въ министерство (1). Это будетъ моимъ условіемъ.»

Г. Казиміру Перье не суждено было видѣть осуществленіе своихъ дальнѣйшихъ плановъ. Непрерывная дѣятельность совершенно истощила его организмъ, и холера, появившаяся тогда (въ 1832 г.) въ Парижѣ, избрала его одною изъ первыхъ своихъ жертвъ. Съ самаго начала болѣзни, онъ нисколько не обманывалъ себя насчетъ ея исхода: «Я говорилъ вамъ, что выйду изъ министерства не иначе, какъ ногами впередъ», сказалъ онъ г. Монталиве, пришедшему навѣстить его на одрѣ болѣзни. Г. Гизо вспоминаетъ при этомъ, что именно тѣ же самыя слова сказалъ онъ ему, когда въ 1831 только-что принялъ званіе министра. Какъ видно изъ этого, г. Перье исполнялъ добросовѣстно то дѣло, въ которомъ, по его мнѣнію, заключалось спасеніе для Франціи. По натурѣ своей, онъ былъ боецъ, враждебный всякимъ уступкамъ, всякимъ сдѣлкамъ, чело-вѣкъ либеральныхъ убѣжденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ, до того увѣренный въ своей непогрѣшимости, что смотрѣлъ съ презрѣніемъ или ненавистью на всякій образъ мыслей, несходный съ его собственнымъ. Въ г. Казиміръ Перье выразился вполне французскій характеръ: самыя высокія, теоретическія понятія о свободѣ и непоколебимое убѣжденіе въ благотворной необходимости центральной власти, которая должна дѣйствовать съ желѣзною волею. Мы увидимъ, если придется намъ слѣдить, въ послѣдствіи, за воспоминаніями г. Гизо, что система, водворенная г. Казиміромъ Перье, оказалась далеко не дѣйствительною для блага Франціи. Но какъ бы то ни было, система была водворена имъ. Онъ умеръ 16 мая 1832 года, и чрезъ короткое время послѣ его смерти вступило въ управленіе новое министерство, состоявшее совершенно изъ его приверженцевъ,

(1) Не надо забывать, что въ 1830 году г. Гизо былъ уже министромъ, но принужденъ былъ покинуть свое званіе по причинѣ страшной непопулярности, которую тогда, тотчасъ послѣ революціи, вызвали его дѣйствія.

и въ которомъ г. Гизо занималъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Такие люди, какъ г. Казиміръ Перье, рѣдко возбуждаютъ къ себѣ симпатію, и это весьма естественно. Низшіе классы общества ненавидѣли его, буржуазія уважала, но боялась, при дворѣ только по крайней необходимости пользовались его услугами.

«Очень скоро послѣ его смерти, говоритъ г. Гизо, мнѣ случилось быть въ Тюльери, въ салонѣ королевы. Одинъ изъ членовъ палаты депутатовъ, человекъ разсудительный и весьма преданный королевской фамиліи, сказалъ, обращаясь къ какому-то весьма близкому при дворѣ чиновнику: «Что за бѣдствіе эта холера, и какую потерю понесли мы въ г. Перье!» «Ковечью, а бѣдная г-жа Шамплатрѣ, дочь г. Моле!» отвѣчалъ тотъ, стараясь умышленнымъ воспоминаніемъ о весьма законной, но чисто семейной печали ослабить значеніе утраты, понесенной цѣлымъ обществомъ. Я не сомнѣваюсь, что еслибы король Лудовикъ-Филиппъ услышалъ эти слова, онъ почувствовалъ бы все ихъ неприличіе; но придворные часто стараются предупредить королевскія желанія, и тотъ изъ нихъ, о которомъ говоримъ мы, думалъ вѣроятно сдѣлать угодное ему, причисляя г. Казиміра Перье къ сонму тѣхъ обычныхъ смертныхъ, которые унесены были холерою.»

Мы начали статью нашу изображеніемъ многихъ великихъ достоинствъ либеральной партіи: въ ней, какъ мы видѣли, жила постоянная, горячая потребность свободы, даже въ тѣ времена, когда свобода эта представлялась какъ бы недостижимымъ, невозможнымъ идеаломъ; въ средѣ этой партіи развился лучший цвѣтъ французскаго образованія; въ ней было болѣе, нежели во всемъ остальномъ обществѣ, настоящаго политическаго смысла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не могли не остановиться на поразительныхъ ошибкахъ, сдѣланныхъ этою партіею въ самое критическое для нея время, когда она достигла своего полного торжества и могла безпрепятственно водворить конституціонное устройство во Франціи. Вмѣсто того, чтобы призвать по возможности большій кругъ гражданъ къ политической дѣятельности, она старалась сдѣлать ее удѣломъ только извѣстнаго класса гражданъ и содѣйствовала даже тому, что самъ король становился все болѣе и болѣе королемъ не націи, а *буржуазіи*; вмѣсто того, чтобы ослабить всепоглащающую опеку центральной власти, уменьшить обаяніе власти и слѣдовательно ея привлекательность для властолюбивыхъ революціонныхъ элементовъ французскаго общества, пріучить Французовъ къ тому, чтобы сердце спокойнѣе билось у нихъ при сло-

как *rombier* и *autorité*, она постоянно соблазновала о томъ, что власть эта не достаточно сильна въ ея рукахъ; вмѣсто того, чтобы дѣйствовать повсюду убѣжденіемъ, мирнымъ соглашеніемъ всѣхъ интересовъ, она чаще всего прибѣгала къ силѣ, для того чтобы сверху навязывать странѣ тѣ политическія формы, которыя считала для нея необходимыми. Что же могло быть слѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствій? Свобода для массы націи должна была попрежнему оставаться пустымъ словомъ. Послѣ значительнаго, по времени, пользованія конституціонными учрежденіями, граждане не приобрѣтали ни той самостоятельности, ни той независимости, которыя однѣ даютъ имъ настоящую цѣну. Чувство зависти, столь врожденное всѣмъ классамъ общества во Франціи, развивалось, попрежнему, съ неудержимою силою. Кого винить въ этомъ? Разумнѣе всего, быть-можетъ, было бы винить силу обстоятельствъ, которая могущественнѣе всякихъ соображеній и стремленій отдѣльныхъ лицъ и партій. Несмотря на все свое происхожденіе, несмотря на благородство своихъ помысловъ, приверженцы либеральныхъ учрежденій не могли невольно, быть-можетъ безсознательно, не проникнуться тѣми понятіями, которыя въ теченіи столѣтій вырабатывались на французской почвѣ и вошли въ плоть и кровь народонаселенія. Продолжительная вражда сословіи постоянно мѣшала образованію общихъ интересовъ, безъ которыхъ невозможно процвѣтаніе истинной политической свободы. Когда рухнули юридическія преграды, раздѣлявшія эти сословія, вражда между ними сохранилась въ привычкахъ, нравахъ, и каждое изъ нихъ стремилось, захвативши въ свои руки власть, подавить всѣ прочія. Такъ поступила демократія въ 1793 году, преслѣдуя казнями всѣхъ, кто не раздѣлялъ ея образа мыслей и не преклонялся передъ ея инстинктами; такъ дѣйствовали дворянская и клерикальная партіи во время реставраціи. Нелѣпо было бы ставить съ ними на одну доску, въ этомъ отношеніи, партію либеральную: даже въ минуты величайшей для себя опасности, она никогда не доходила до ужасовъ, которыми запятнали себя ея противники, но и она не могла совершенно отдѣлаться отъ понятій, которыя такъ тѣсно срались съ французскимъ обществомъ. Такимъ образомъ и во время господства конституціоннаго правительства, исторія Франціи представляла не согласное, законное развитіе всѣхъ общественныхъ интересовъ, а ожесточенную борьбу партій, старавшихся подавить одна другую...

Результатъ этой борьбы можно было предвидѣть. Точно такъ же, какъ привилегіи, которыми пользовалось французское дворянство, развили въ массѣ націи зависть и ненависть ко всему, что отличено рожденіемъ, точно такъ монопольное господство *буржуазіи* должно было развить зависть къ ея зажиточности и богатствамъ. Соціализмъ еще не осмѣливался громко провозглашать свои теоріи, но успѣхи его были несомнѣнны, лишь только *буржуазія* достигла власти и задумала ревниво пользоваться ею. Онъ долженъ былъ явиться необходимымъ слѣдствіемъ тѣхъ нивелирующихъ инстинктовъ, которые, не сдерживаемые ничѣмъ, ни чувствомъ законности, ни уваженіемъ къ правамъ личности, развивались во французской публикѣ. «Теперь возможна развѣ только одна революція, революція собственности», говорилъ Барнавъ. Онъ не предвидѣлъ конечно, что предположенію этому, сдѣланному имъ какъ очевидная нелѣпость, суждено будетъ современемъ осуществиться въ его отечествѣ, гдѣ идеи о мнимомъ равенствѣ соединялись неразрывно съ презрѣніемъ къ самымъ священнымъ правамъ.

Ев. Ѳеоктистовъ.

МИРАЖЪ ¹

ХІІІ.

Прошло семь лѣтъ, и многое измѣнилось не только на бѣломъ свѣтѣ, но и въ томъ углу Россіи, гдѣ мы оставили больную Машу и гнѣвную Наталью Петровну. И ту и другую мы застаемъ опять въ Спѣшневъ, но Наталья Петровна тамъ уже гостья, а не хозяйка. Какъ нѣжная мать, и какъ аристократка, дорожающая сохраненіемъ родоваго имѣнія, она подарила его сыну въ то самое время, когда ему предстояла неизбѣжная продажа съ молотка въ опекуномъ совѣтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Украинцеву позволено было жениться на дѣвушкѣ происхожденія не совсѣмъ аристократическаго, но выкупавшей этотъ недостатокъ значительнымъ приданымъ, которое спасало Спѣшнево. И такъ сбылись желанія Украинцева: онъ помѣщикъ, женатъ, и сверхъ того пользуется милостивымъ расположеніемъ Натальи Петровны, которая съ Машей ежегодно переѣзжаетъ къ нему на лѣто изъ Москвы.

Было именно лѣто; и вотъ въ іюньскій вечеръ, когда солнце, уже скрывшись за березовую рощу, послѣднимъ,

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 9.

яркимъ лучомъ проглядывало изъ-за деревьевъ на дорогу, пролегавшую въ Спѣшиново, по той дорогѣ ѣхалъ шагомъ молодой всадникъ, по временамъ останавливалъ свою лошадь, оглядывался во все стороны, которыя оказывались ему равно незнакомыми, и опять продолжалъ свой путь. Густой слой пыли, покрывавшій его пальто и фуражку, и, главное, его посадка и лицо, выражавшія крайнюю усталость, показывали, что онъ ѣхалъ издалека, и уже черезъ силы. Подъѣхавъ къ пестрому столбу, поставленному въ концѣ березовой аллеи, примыкавшей къ усадьбѣ Украинцева, онъ осадилъ свою лошадь, и пытался разобрать слова надписи, прибитой къ столбу. Но напрасно приподымался онъ на стременахъ, прищуривая глаза и прибѣгая къ стеклушку, висѣвшему у него на шеѣ, близорукость не позволяла ему разобрать ни одной буквы. После многихъ тщетныхъ усилій, онъ съ нервическимъ нетерпѣніемъ оттолкнулъ лорнетъ и опять оглянулся кругомъ, надеясь, что явится къ нему на встрѣчу живое существо, знакомое съ мѣстностью.

На этотъ разъ судьба сжаилась надъ бѣднымъ путникомъ. Ему показалось, что кто-то идетъ аллеей; онъ ободрился, сошелъ съ лошади, и сталъ дожидаться. Черезъ нѣсколько минутъ съ нимъ поравнялась дѣвушка, очевидно принадлежавшая къ мѣстной аристократіи, какъ о томъ свидѣтельствовало ея темное платье и кружевная косынка, накинутаая на черные волосы и небрежно завязанная у подбородка. Она вела за руку крестьянскаго мальчика, который о чемъ-то плакалъ, и котораго она старалась утѣшить.

— Извините... сказалъ путникъ, приподнявъ фуражку.

Она остановилась; но мальчикъ при видѣ незнакомца окончательно разревѣлся, такъ что начатый разговоръ прервался на первомъ словѣ.

— Ш.. ш.. ш.., Ванюша, перестань; будешь плакать, я тебѣ пряничка не дамъ, говорила дѣвушка, наклоняясь къ Ванюшѣ. Но увѣщанія ея подѣйствовали не сразу, такъ что путникъ имѣлъ время полюбоваться юнымъ и вмѣстѣ строгимъ лицомъ этой дѣвушки.

— Чтò вамъ угодно? спросила она, когда угомонился Ванюша.

— Позвольте узнать, не это ли усадьба Барковскихъ?

— Его усадьба въ трехъ верстахъ отсюда, отвѣчала она звѣющимъ голосомъ, голосомъ, привыкшимъ повелѣвать. — Ступайте

по этой дорогѣ, и сейчасъ же поверните направо, вы видите поворотъ? потому все прямо, поднимитесь въ гору; на горѣ; въ роцѣ, усадьба Барковскихъ.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ, сѣлъ на лошадь, отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, и обернулся на голосъ своей новой знакомой.

— Куда вы ѣдете? говорила она, между тѣмъ, какъ Ванюша, утомившись, сосалъ палецъ, и во все глаза смотрѣлъ на вездника. — Я говорила повернуть направо.

— Да... гора... мимо роци... сказалъ онъ, какъ будто повторяя урокъ, съ разбѣнностью, доказывавшею, что онъ заглядывается на незнакомку, вмѣсто того чтобы слушать ея наставленія.

— Прямо въ гору и въ роцу, сказала она улыбаясь.

— Теперь не забуду, доѣду, отвѣчалъ онъ, улыбаясь въ свою очередь и пуская лошадь рысью.

Подымаясь въ гору, онъ нагналъ Барковского, который съ вечерней прогулки возвращался домой.

— Смольневъ! вскрикнулъ Барковскій.

— Барковскій! наконецъ!

Смольневъ соскочилъ съ лошади, и друзья обнялись.

— Наконецъ-то! повторилъ прїѣзжій. — Занесла же тебя легкая Богъ знаетъ въ какія горы и вертепы!.. Насилу, насилу добрался!

— Ну, благо добрался, не ворчи, отвѣчалъ Барковскій. — Пойдемъ. Черезъ двѣ минуты будемъ дома; жена тебя напоить чаемъ. Да уже ли ты это отъ себя верхомъ?

— Отъ себя, изъ Бабровки. Я и изъ Петербурга всего четвертый день, такъ что порядкомъ отдохнуть не успѣлъ; да вотъ, сегодня пятьдесятъ верстъ проѣхалъ, и порядкомъ уходился. Ну, а ты что? жена твоя?

— Слава Богу; тебя все ждали... Да зачѣмъ же ты верхомъ-то?

— Такъ, вздумалось.

Но вотъ, они уже въ роцѣ, и привѣтливый огонекъ мелькаетъ между деревьями въ окнахъ вновь построеннаго дома, который кругомъ обнесень террасой и весь утопаетъ въ зелени и цвѣтахъ. Вотъ и Лидія Васильевна показалась на террасѣ...

— Лидія, угадай, кого я тебѣ привелъ, кричитъ Барковскій.

— Знаю, знаю, отвѣчаетъ она, — Смольневъ, сюда, сюда! и бѣжитъ къ нему на встрѣчу, протягивая обѣ руки.

Очень измѣнилась Лидія Васильевна съ тѣхъ поръ, какъ мы ея не видали. Она похудѣла и далеко не такъ свѣжа, какъ прежде, а благодаря заботливости Натальи Петровны, она уже не ослѣпляется насчетъ мужа. Сначала, Лидія впадала въ отчаяніе; бывали сцены упрековъ, слезъ и примиренія; но Семень Николаевичъ оказался неисправимымъ, хотя искренно привязаннымъ къ женѣ. Оплакавъ прежнія свои дѣтскія убѣжденія, Лидія выучилась на многое смотрѣть сквозь пальцы, утѣшая себя тѣмъ, что все-таки Семень Николаевичъ лучший изъ мужей. Къ счастью для Лидіи, у нея родилась дочь, прелестъ дѣвочка, на которую перенеслись ея страстныя чувства; Лидіи случалось, правда, и погрузить, и помечтать, и побранить мушкетъ; но одного слова, одного взгляда ея Вари достаточно было, чтобы дать ея мыслямъ самый счастливый оборотъ.

Гостю своему она обрадовалась столько же, сколько и Семень Николаевичъ. Не трудно было замѣтить, что Смольневъ балованный другъ дома. Ему предложили чаю, ужинъ, ванну; велѣли приготовить комнату. Сама хозяйка входила во всѣ подробности его помѣщенія; а когда онъ отправился переодѣться съ дороги, она понемногу стала припоминать, что онъ любить то и это, и по ея приказанію появились на чайномъ столѣ и ягоды, и варенецъ, и всякаго рода домашнія лакомства.

— Какъ же мнѣ благодарить васъ? говорилъ Смольневъ, цѣдуя руки Лидіи, и усаживаясь возлѣ нея на диванѣ.— Дайте на васъ полюбоваться, Лидія Васильевна, а ты, Семень, сядь напротивъ, мнѣ и на тебя хочется посмотреть. Вы не знаете, что за блаженство, послѣ пятидесятиверстной каторги, отдохнуть въ дружескомъ кружкѣ.

— Да какъ это тебѣ вздумалось верхомъ-то?... началъ было Барковскій.

— Надоѣлъ ты мнѣ этимъ вопросомъ, ну такъ, просто, вздумалось! отвѣчалъ Смольневъ, который, какъ ббольшая часть людей хилыхъ и нервныхъ, не любилъ упрековъ въ неосторожности.

Однако, основателенъ былъ упрекъ Барковскаго; переѣздъ, совершенный Смольневымъ, былъ ему очевидно не по силамъ, но Смольневъ былъ способенъ на отчаянныя выходки... Слабость организма обрекала его на покой и бездѣйствіе; но горячее сердце, а иногда простой капризъ, нерѣдко увлекали его

на трудовую жизнь. Окончивъ университетскій курсъ, онъ около года ни за что не принимался, даже лѣчился по совѣту друзей; вдругъ представилась ему возможность совершить кругосвѣтное путешествіе, и онъ уѣхалъ, несмотря на совѣты и просьбы друзей. Возвратясь, онъ долго хворалъ, потомъ вступилъ въ военную службу, и отправился въ Севастополь, гдѣ отличился, какъ очень многіе, но уцѣлѣлъ не въ примѣръ другимъ. По заключеніи мира, болѣзнь заставила его подать въ отставку.

Переходъ отъ тоски къ веселости, отъ усталости къ одушевленію совершался въ немъ быстро и рѣзко; въ дружеской бесѣдѣ съ Барковскими, онъ скоро оживился, казалось даже, физически отдохнулъ. Разговоръ переходилъ отъ одного предмета къ другому, какъ бываетъ между близкими людьми, давно не видавшими другъ друга.

— Кто это, спросилъ Смольневъ, — спасъ меня сегодня отъ отчаянія, и указалъ дорогу къ вамъ? и онъ разказалъ о своей встрѣчѣ съ незнакомою красавицей, возлѣ усадьбы Украинцева.

— Маша, отвѣчали Барковскій и Лидія, которымъ было хорошо извѣстно, что съ другою изъ двухъ молодыхъ женщинъ дома Украинцевыхъ давно знакомъ Смольневъ, и что по особымъ причинамъ съ нимъ не ловко о ней заговаривать.

— Маша? кто это?

— Внучка Натальи Петровны; она съ нею пріѣхала на лѣто къ Мишелю.

— Она замужемъ?

— Нѣтъ.

— Какъ она мила! Пойдите... Я успѣлъ въ нее всмотрѣться.

Смольневъ взялъ карандашъ, открылъ альбомъ Лидіи и принялся на память чертить профиль Маши.

— Посмотри, Семенъ, какая прелесть, и какъ похоже! сказала Лидія.

— Похоже, повторилъ Барковскій, — только ужь больно идеализировано. А впрочемъ, ничего, и любоваться ею, и даже ее идеализировать ты можешь; это она благосклонно дозволяетъ.

— Развѣ она такъ неприступна?

— На простыхъ смертныхъ и не глядитъ; педантка, во всей силѣ слова.

— Чтò это, Семенъ? начала было Лидія.

— Э! полно, душа моя, перебилъ Барковскій, который по-прежнему не умѣлъ скрывать антипатію; — ты сама знаешь,

что она несносна, и что ей никто не терпитъ, за исключеніемъ твоей матери.

— Но, почему ты знаешь? можетъ-быть Алексѣй Павлычъ станетъ смотрѣть на нее другими глазами.

— Сохрани Богъ! отвѣчалъ Барковский.

— Его рекомендація на меня не подѣйствуетъ, Лидія Васильевна, сказалъ Смольневъ.—Мы съ нимъ всегда расходились въ понятіяхъ о женщинахъ. Я въ женщинѣ люблю именно ту гордость, которую онъ называетъ неприступностію.

Барковский вмѣсто отвѣта значительно на него взглянулъ; Смольневъ покраснѣлъ, понявъ, что другъ его угадываетъ его тайную мысль, и, чтобы прекратить разговоръ, онъ вышелъ на террасу. Ночь была темная, безлунная. Ламповый свѣтъ, падая изъ оконъ на деревья, озарялъ ихъ стволы, оставляя въ тѣни высокія верхушки. Вдругъ, подъ взмахомъ вѣтра, листочки всхлопотались, затрепетали и затихли вдругъ; изъ цвѣтника пахнуло девкоемъ. Вдали, одинокой голосъ крестьянки затянулъ заунывную ноту, и замеръ.

XIV.

На слѣдующее утро, Барковский, возвратясь съ своей прогулки по хозяйству, вошелъ въ комнату къ Смольневу; но его уже не было: онъ давнымъ-давно одѣлся и ушелъ въ рошу, которая, впрочемъ, была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому. Барковский отправился его отыскивать; Смольневъ лежалъ на травѣ, заложивъ руки подъ голову.

— Здравствуй, Смольневъ, что ты такъ рано поднялся? спросилъ Барковский.

— Плохо спалъ, отвѣчалъ Смольневъ.

— Это почему? эге! да ты никакъ опять въ хандрѣ?

Повидимому замѣчаніе было вѣрно, потому что долго оставалось безъ отвѣта.

— О чемъ бы, кажется, хандрить? сказалъ наконецъ Смольневъ.—Ты вѣдь знаешь, что меня вызвали сюда.

— Какъ не знать!

— Скажи, Семень, и скажи всю правду, прошу тебя... Что

здѣсь двласть Софья Андреевна? Веселится, катается, выписываетъ наряды изъ Москвы, до упада пляшетъ на здѣшнихъ балахъ, и пожалуй кокетничаетъ съ провинціальными франтами? Не правда ли? Ты видишь, что я по крайней мѣрѣ не ослѣпленъ на ея счетъ.

— Но если ты рѣшился такъ бодро смотрѣть правдѣ въ глаза, спросилъ Барковскій,—съ какою цѣлью ты сюда пріѣхалъ?

— Я пріѣхалъ, потому что въ сущности она меня все-таки любить.

— Можетъ-быть; да и разлюбить безъ труда, а ты, мой милый, пріѣхалъ, чтобы себя помучить, и убѣдешь, не рѣшившись на разрывъ.

— Разрывъ! сказалъ Смольневъ:—какъ ты объ этомъ легко говоришь! Впрочемъ, мы съ тобой всегда различно смотрѣли на эти вещи: Ты цѣлый вѣкъ видѣлъ въ женщинѣ игрушку, созданную для минутнаго наслажденія; это понятіе о женщинахъ отвратительно! Вотъ ты и находишь, что бросить женщину ничего не значить. Слезы женщины тебѣ ни почемъ!

— Ну, нѣтъ! не всѣ женщины равны въ моихъ глазахъ.

— За исключеніемъ твоей жены, рѣшительно всѣ!

— Вотъ видишь ли, сказалъ Барковскій,—коли дѣло пошло на правду, такъ выйдегъ, пожалуй, что я болѣе твоего дорожу женскими слезами. Оно точно; такая женщина какъ Соня Украинцева была бы для меня забавой, какъ ты выражаешься, не болѣе, но, позабавившись другъ другомъ, мы бы мирно разошлись. А вы не забавлялись, конечно: гдѣ вамъ! Между вами, съ самаго начала, появились требованія, упреки, размолвки, при чемъ, должно-быть, множество перепало женскихъ слезъ. А теперь разойдтись бы вамъ подобру да поздорову, такъ нѣтъ! путемъ и этого сдѣлать не умѣете: а дождетесь бѣды, и тогда опять женскихъ слезъ будетъ въволю. Рано или поздно Украинцевъ догадается въ чемъ дѣло; я его знаю: онъ шумѣть не любитъ, но и шутить надъ собой не позволитъ. Ей не сбродовать! помани ты мое слово!

Смольневъ задумался.

— Оставимъ, ради Бога, этотъ разговоръ, сказалъ онъ вдругъ.—Ты не повѣришь, какую онъ на меня наводитъ грусть.

Правда, которую Смольневу доводилось слышать отъ Барковского, была ему не по сердцу, какъ человѣку, привыкшему не повиноваться внушеніямъ благоразумія, а жить очертя голову, какъ Богъ на сердце положитъ. Барковскій былъ правъ.

но, и то сказать, давно ли Соня прислала Смольневу свой портретъ, и написала самое нѣжное, милое и безграмотное письмо, въ которомъ умоляла его пріѣхать?

— Конечно, говорить нечего, сказалъ Барковский: — все равно, что воду толочь. Лучше пройдемся, вставай-ка.

Когда они вышли на опушку рощи, и передъ ними подъ горою открылась та самая дорога, по которой наканунѣ ѣхалъ Смольневъ, въ облакѣ пыли показался кабріолетъ.

— Стой, сказалъ Барковский.—Это Софья Андреевна къ намъ ѣдетъ... и... Мстиславскій съ нею.

— Кто такой Мстиславскій?

— Сущая дрянь, недоросль, мальчишка, хотя ему подѣ тридцать лѣтъ. Вотъ, изволишь видѣть, чѣмъ забавляется?

Доѣхавъ до подъема въ гору, Мстиславскій повернулъ мимо дороги, прямо въ круть. Испуганная Софья Андреевна вскрикнула; Смольневъ хотѣлъ броситься на помощь, но его удержалъ Барковский.

— Опомнись, сказалъ онъ.—Хуже сдѣлаешь; теперь нельзя имъ ни повернуть, ни остановиться, авось въѣдутъ!

Дѣйствительно добрая лошадь благополучно на этотъ разъ выбралась въ гору. Но тутъ, молодая женщина, видно порядочно перетрусившая, выпрыгнула изъ кабріолета,

— Ну что? что случилось? спросилъ ее торжествующій спутникъ.—Кажется, ничего. То-то! каково я правлю пѣтушкомъ?

— Вы, Мстиславскій... повѣса! вы сумасшедшій! Я никогда съ вами не поѣду. Ха! ха! ха! вамъ теперь смѣшно; а я чуть было не умерла со страху.

— Софья Андреевна, а хотите пари, что я, тою же дорогой, спущу въ низъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! не хочу. Да вы съ ума сошли, вы хотите уморить меня со страху!

— То-то и весело!

И Мстиславскій началъ спускаться подъ гору. Софья Андреевна ахала, смѣялась, и вдругъ громко вскрикнула, закрывъ лицо руками. Кабріолетъ опрокинулся, Мстиславскій кубыремъ покатился въ низъ, но ухватился за кустарникъ, и бодро сталъ на ноги. Софья Андреевна звонко засмѣялась, и захлопала въ ладоши.

— Здравствуйте, Софья Андреевна, раздался за нею голосъ Смольнева, холодный и строгій.

Она быстро обернулась. Софья Андреевна была высокая, стройная блондинка, съ правильнымъ оваломъ лица, голубыми глазами и, какъ дымъ, прозрачными локонами.

— Смольневъ! крикнула она, покраснѣвъ до ушей и робко протягивая ему руку.

Нѣсколько минутъ длилось тягостное для обоихъ молчаніе, которое рѣшился прервать Барковскій.

— Пойдемте домой, сказалъ онъ.

Они пошли молча, къ счастью для нихъ обоихъ, на полу-дорогѣ имъ встрѣтилась Лидія. Къ концу завтрака, въ то время, какъ разговоръ началъ кое-какъ оживляться, явился Мстиславскій, успѣвшій справиться съ кабриолетомъ, и принялся съ торжествующимъ видомъ разказывать Лидіи всѣ подробности своего похода.

— Каковъ б...о...л...ванъ! шепнулъ Барковскій на ухо Смольневу.

— Вы можете быть увѣрены, что я съ вами назадъ не поѣду, сказала Софья Андреевна.—Я попрошу Алексѣя Павлыча меня проводить. Но... кажется, онъ не расположенъ?

— Напротивъ, съ удовольствіемъ, если принажете, отвѣчалъ Смольневъ.

— А я-то какже? спросилъ Мстиславскій.

— Какъ знаете; это ваше дѣло.

— Ну, такъ я за вами побѣгу. Намедни вѣдь тоже было: Софья Андреевна отказалась взять меня съ собой, а я бѣжалъ за ней цѣлыхъ пять верстъ. Скажите сами, Софья Андреевна, лгу я или нѣтъ? Кончилось тѣмъ, что вы посадили меня въ кабриолетъ. Ну, а здѣсь всего три версты: побѣгу вплоть до Спѣшнева.

Софья Андреевна покраснѣла отъ досады и потупилась, не смѣя взглянуть на Смольнева.

— Мнѣ пора ѣхать, сказала она, чтобы положить конецъ этой сценѣ.

Всѣ вышли провожать ее на крыльцо.

— Ничего не попортился кабриолетъ, замѣтилъ конюхъ, передавъ возжи Смольневу.

— Прочень!.. сказалъ вполголоса Смольневъ.

Софья Андреевна поняла, что это слово заключало упрекъ, и сердце у нея юкнуло.

— Вы сердиты?.. сказала она, когда тронулась лошадь.

— Я удивляюсь вашей нѣжности къ паяцамъ, отвѣчалъ онъ.—

Подъ качелями они, по крайней мѣрѣ, безвредны и не компрометируютъ женщинъ.

— А я тутъ, какъ тутъ! вскрикнулъ Мстиславскій, который ждалъ за воротами, и пустился бѣжать вслѣдъ за кабриолетомъ.

Соня вспыхнула.

— Пора кончить эту шутку, сказала она сухо.

— Ага! что, много взяли? Думали меня проучить! А мнѣ это ни почемъ! вплоть до Спѣшнева добѣгу.

Сонѣ хотѣлось провалиться сквозь землю отъ стыда и досады; Смольнева разбирала злость, но онъ ѣхалъ молча и даже не тропя лошадь, какъ будто желая продлить пытку, которою терзалась его бѣдная спутница.

На второй верстѣ Мстиславскій остановился, чтобы перевести духъ.

— Ради Бога, удалите его, сказала умоляющимъ голосомъ Соня.

— По какому праву я удалю его? отвѣчалъ Смольневъ:—вы его приучили къ такому обращенію съ вами. Не за себя же заступиться мнѣ!

— От...до...хнулъ! кричалъ Мстиславскій, нагоняя кабриолетъ.

Наконецъ пріѣхали. Софья Андреевна, съ трудомъ сдерживая слезы, бѣгомъ взобралась на лѣстницу, и заперлась въ своей комнатѣ.

— А! Алексѣй Павлычъ! встрѣтилъ Смольнева Украинцевъ, осматривавшій постройки, которыя производились на дворѣ. — Давно ли въ нашихъ краяхъ?

— Я вчера пріѣхалъ къ Барковскимъ.

— Спасибо, что и насъ не забыли. Ну, хозяйственныя постройки васъ, вѣроятно, не интересуютъ; не хотите ли къ дамамъ?

— Я знакомъ только съ Софьею Андреевной.

— Мы представимъ васъ матушкѣ, не раньше впрочемъ обѣда,—вѣдь вы съ нами обѣдаете?,—а Марья Николаевна хоть сейчасъ. Она здѣсь тоже своими дѣлами занимается. Пойдемте.

Маша сидѣла въ углу двора, на грудѣ бревень, около нея толпились крестьянскіе ребятишки, которыхъ она одѣлала прыниками, и которые, завидя Украинцева, разбѣжались и робко прижались къ калиткѣ и забору.

— Кузина, Алексѣй Павлычъ Смольневъ, провозгласилъ Украинцевъ, представляя своего гостя.

— Мы, кажется, уже познакомились вчера, сказала Маша, слегка кланяясь.

— Я вамъ много обязанъ, проговорилъ Смольневъ. — Безъ вашей помощи, чуть ли бы мнѣ не пришлось ночевать въ полѣ.

— Мишель, вы разогнали моихъ дикихъ птичекъ, сказала Маша, не обращая вниманія на слова Смольнева.

— А вотъ я за нихъ примусь, отвѣчалъ Украинцевъ. — Вы ихъ приучили ходить въ вашу комнату, они вчера забрались и ко мнѣ, да все у меня и перебудоражили. Предупреждаю васъ, что я приказалъ хорошенько высѣчь перваго изъ нихъ, который покажется въ домъ, а вамъ, кузина, я бы совѣтовалъ переодѣться: эти мальчишки всю вашу мантилью перепачкали своими грязными руками.

Маша покраснѣла и взглянула на Украинцева презрительно, почти злобно.

— Я люблю грязныя руки! сказала она. — Въ нихъ течетъ неиспорченная кровь.

— У всякаго свой вкусъ, на мой такъ больше нравятся чистыя руки.

И Украинцевъ отошелъ къ своимъ плотникамъ.

— А вы не боитесь загрязниться около этихъ дѣтей? спросила Маша, съ усмѣшкой обращаясь къ Смольневу.

— Нисколько, я даже стараюсь узнать между этими ребятами моего вчерашняго знакома, котораго вы утѣшали съ такою заботливостію и добротой.

Этотъ отвѣтъ такъ понравился Машѣ, что она почти ласково взглянула на Смольнева.

— Я бы желала принести имъ пользу, сказала она, — внушить имъ уваженіе къ собственному званію, научить ихъ не стыдиться своихъ грязныхъ рукъ.

Разговоръ вышелъ такого рода, что Смольневу довелось высказать свои искреннія, нѣсколько восторженные убѣжденія, окончательно расположившія Машу въ его пользу. Она даже пригласила его бывать у нихъ въ извѣстные дни недѣли, зимою, въ Москвѣ, а приглашенія такого рода дѣлались ею съ разборомъ.

— Странно, что я, живя въ Москвѣ, нигдѣ васъ не встрѣчалъ замѣтилъ Смольневъ.

— Очень просто; я въ свѣтъ не бываю.

— Какже это?... спросилъ онъ нерѣшительно, боясь пред-

давить неловкій вопросъ и начинала пошмать, что съ Машей надо говорить умбючи.

— Я убѣждалась, что я не рождена для свѣта. По желанію бабушки я было начала выѣзжать, и не понравилась свѣту... Вы не вѣрите?... прибавила она, улыбаясь и замѣтивъ вопросительный взглядъ Смольнева, — Да, просто не понравилась, хотя я не глупа и даже не дурна собой. Чтѣ же тутъ страннаго? Это мнѣ очень съ руки. Я сама свѣта не люблю, и послѣ моихъ первыхъ неудачныхъ выѣздовъ, бабушка оставила меня въ покоѣ. Больше я не желаю.

— Боже мой! но вы такъ молоды, замѣтилъ Смольневъ.

— Я не такъ молода какъ вы думаете, мнѣ двадцать пять лѣтъ, отвѣчала она неустрашимо.

Машѣ дѣйствительно было уже двадцать пять лѣтъ, и лучшіе годы своей жизни она добровольно погубила въ своемъ несчастномъ одиночествѣ. Все ея интимное общество состояло изъ двухъ-трехъ друзей Сергѣева, сухихъ педантовъ, безпощадно каравшихъ все, чтѣ было не на ихъ стать, и въ отношеніи къ Машѣ успѣшно продолжавшихъ дѣло, начатое Сергѣевымъ. Маша, добросовѣстно имъ поклонявшаяся, была, разумѣется, превозносима ими до небесъ, и гордилась своимъ положеніемъ: оно возвышало ее въ глазахъ Сергѣева, и съ каждымъ днемъ сглаживало то нравственное разстояніе, которое, по понятіямъ Маши, существовало между ею и избранникомъ ея сердца. Этою мечтательною любовью жила она, дѣятельно переписываясь съ Сергѣевымъ... Но Маша видно считала себя еще далекою отъ желаемаго совершенства, и въ ея перепискѣ съ Сергѣевымъ не было и помину о свиданіи, о перемѣнѣ жизни, о конечной цѣли всѣхъ усилій Маши. Эта переписка напоминала бесплодное и безконечное гаданье въ карты, за которымъ двадцатилѣтняя красавица стала старухой, которой не о чемъ гадать...

Сергѣевъ гдѣ-то далеко отъ Москвы получилъ учительское мѣсто въ губернской гимназіи, и жилъ себѣ со дня на день. Не думая о будущемъ, онъ аккуратно изготовлялъ къ срочному времени тяжеловѣсныя посланія къ Машѣ, которая, какъ я уже сказала, ими только и жила, не замѣчая, что втунѣ пропадаютъ красота ея и молодость. Даже богатствомъ своимъ мало пользовалась Маша, устроивши жизнь свою такъ, что оно ей было почти не нужно. Но богатство внучки пригодилося бабушкѣ. Наталья Петровна, передавъ Украинцеву все свое состояніе

то-есть всё свои долги, зажила припѣваючи у Маши, которая приобрѣла надъ нею неограниченное вліяніе. Довольная тѣмъ, что Маша, достигнувъ совершеннойлѣтїа, взяла ее на свое попеченіе, Наталья Петровна льстила всѣмъ ея наклонностямъ, хватала ее умомъ и ученостью, и повторяла на ухо каждому изъ многочисленныхъ своихъ знакомыхъ, что двое молодыхъ людей знатныхъ, богатыхъ и умныхъ, сватались за Машу, и ею отвергнуты (это было отчасти правда); что оба застрѣлились отъ отчаянія (это была суцая ложь); и что вѣсть о ихъ трагической смерти не возмутила спокойствїа возвышеннаго сердца Маши (это было плодомъ собственныхъ соображеній Натальи Петровны).

Ко времени передобѣденнаго выхода Натальи Петровны, совершавшагося съ прежнею торжественностью, Маша пригласила Смольнева въ гостиную. Туда не замедлили явиться и Украинцевъ, и Мстиславскій, и Софья Андреевна, которая воспользовалась удобною минутой, чтобы сказать Смольневу:

— Неужели вы все сердитесь? право вы смѣшны.

— Смѣйтесь... отвѣчалъ онъ и обратился къ Машѣ.

— Мстиславскій, сказала Софья Андреевна, отвернувшись, — пойдемте въ залу... здѣсь жарко.

И они вышли рука объ руку: Софья Андреевна болтала и смѣялась, хотя нѣсколько принужденно; когда же она вернулась въ гостиную, Смольневъ замѣтилъ, что роза съ ея корсажа перешла въ петлицу Мстиславскаго.

Смольневъ былъ представленъ Натальѣ Петровнѣ, и съ перваго раза не влюбилъ ее, несмотря ни на почтительное, почти нѣжное, обращеніе Маши съ своею бабушкой, ни на восторженныя похвалы, на которыя не поскупилась Наталья Петровна, говоря о превосходствѣ своей внучки. Между этими двумя женщинами образовался союзъ, который, отдѣляя ихъ совершенно отъ остальнаго семейства, лежалъ на немъ тяжелымъ камнемъ. Отношенїа Натальи Петровны къ дѣтямъ и зятю были попрежнему непрїятны и натянуты. Маша преуспѣвала въ нравственномъ совершенствѣ, успѣла окончательно отчуждиться отъ Лидїи, ненавидѣла Барковскаго, презирала Украинцева, а съ женою его почти не говорила. Однимъ словомъ, всѣмъ было тяжело дышать въ Спѣшневѣ, въ присутствїи старухи, славившейся пожить, и дѣвушки, добровольно отказывавшейся отъ жизни.

И Смольневу стало не по себѣ въ этой удушливой атмо-

сестры; все раздражало его нервы: и Соня съ Мет польскаго, и Мотиславскій самъ по себѣ, и притворность Натальи Петровны, и невозмутимое хладнокровіе Украинцева; но особенно его тревожило положеніе Маши, свѣтлаго существа, *случайно замѣскано въ сред у недостойную*...

Онъ увѣхалъ разстроенный, недовольный, больной. Барковскаго не былъ о дома; Лидія, уложивъ свою дочку, сидѣла одна за работой; Смольневъ сказалъ ей нѣсколько словъ разсѣянно, неохотно, сѣлъ къ роялю, и игралъ довольно долго. Но Лидія замѣтила, что онъ блѣденъ, и играетъ съ усиленіемъ. Вдругъ онъ всталъ и вышелъ. Лидія слышала, какъ онъ поднялся на лѣстницу, которая вела въ его комнату; у нея сердце забилося; ей стало страшно оставить его наединѣ. Послѣ долгаго колебанія, она пошла вслѣдъ за нимъ, и остановилась на верхней ступени, не рѣшаясь войти въ комнату.

Но услышавъ что-то похожее на рыданіе, она отворила дверь. Смольневъ сидѣлъ, облокотясь на столъ, и, закрывъ лицо руками, рыдалъ. Съ нимъ былъ просто истерическій припадокъ.

Повинуясь чувству дружескаго участія, Лидія подошла къ Смольневу, и остановилась передъ нимъ, не зная съ чего начать и догадываясь, что муцинъ неприятно, чтобъ его застали врасплохъ въ такую минуту. Но уйти она также не рѣшалась, надѣясь чѣмъ-нибудь помочь горю своего друга.

— Смольневъ, сказала она наконецъ,—не сердитесь на то, что я здѣсь... Но вѣдь нельзя же васъ такъ оставить. На Семена вы бы, вѣроятно, не разсердились.

Въ словахъ и голосѣ Лидіи слышалось такое теплое чувство, что Смольневъ, забывъ ложный стыдъ, схватилъ ея руку и прижалъ къ губамъ.

Было долгое молчаніе, которое Лидія рѣшилась прервать.

— Вы дурно провели день? спросила она.

— Странное дѣло! сказалъ Смольневъ, не отвѣчая на ея вопросъ:—первое впечатлѣніе, при встрѣчѣ съ женщиною, никогда меня не обманывало.

Это слово поразило Лидію. Она поняла, что Смольневъ уже любитъ Машу, и знала, что это новое чувство общаетъ ему въ будущемъ однѣ горести. Но она не вдалась въ увѣщанія, зная, что они въ этомъ случаѣ бесполезны и неумѣстны, и навела Смольнева на единственный разговоръ, который могъ быть ему по сердцу. Онъ разказалъ всѣ мелкія событія истекшаго дня;

повторилъ каждое слово, сказанное Машей, и мале-по-малу успокоился, и сталъ смотрѣть задумчиво и свѣтло, какъ человѣкъ начинающій любить.

XV.

Софья Андреевна была въ горѣ; для нея настала та роковая минута, когда женщина считаетъ себя справедливо наказанною за свою ошибку естественными послѣдствіями самой ошибки—пренебреженіемъ любимаго человѣка. Смольневъ не являлся въ Спѣшнево; у Барковскихъ Софья Андреевнѣ давно не приходилось видѣться съ нимъ наединѣ; наконецъ, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, ей удалось пріѣхать въ такое время, когда ни Лидіи, ни Семена Николаевича не было дома; въ отсутствіи господъ весь домъ былъ пустъ. Это придало ей бодрости; она поднялась на лѣстницу, и отворила дверь въ комнату Смольнева.

Смольневъ сидѣлъ въ глубокихъ вольтеровскихъ креслахъ, закрывъ глаза; Соню поразила его блѣдность. Въ комнатѣ все отзывалось женскою заботливостію: небольшія окна почти исчезали подъ густою сѣтью плюща; сосновыя нештукатуренныя стѣны, изъ которыхъ испарялся здоровый смолистый запахъ, были завѣшаны коврами; надъ кроватью, покрытою бѣлымъ пологомъ, висѣлъ образъ въ серебряномъ окладѣ. На столѣ стояла хрустальная ваза съ огромнымъ букетомъ розъ, перемѣшанныхъ съ вѣтвями лиственницы; наконецъ подъ ногами Смольнева лежалъ пушистый медвѣжій мѣхъ. Едва Смольневъ успѣлъ открыть глаза, какъ уже рука Сони обвила его шею; бѣдная Соня припала къ нему на грудь съ упреками и слезами, отдавая себя на судъ и моля о прощеніи.

— Чтò со мною будетъ, если ты меня разлюбишь? говорила она.—Кто меня станетъ любить? Мишелю нѣтъ дѣла до меня; ему все равно, кокетничаю я или нѣтъ; ты часто меня бранилъ, но твои упреки лучше его равнодушія. Вчера я была въ такомъ горѣ, что рѣшилась обратиться къ Машѣ.

— Какъ? Чтò ты ей сказала? спросилъ Смольневъ.

— Я ей только и сказала, что вотъ я люблю человѣка, который меня не любитъ; и тебя не называла.

— Да... да она во всемъ догадается, если ты будешь такъ неосторожна. И съ какой стати? ей... дѣвушка?

— **Едва** такъ было тяжело! Но въ другой разъ я съ нею не проболтаюсь, не бойся. Она слушала, и все улыбалась, такъ оскорбительно, какъ будто я говорю вздоръ, и отвѣчала мнѣ, что я скоро утѣшусь. Вотъ другое дѣло, еслибъ она сказала мнѣ доброе слово, ну, тогда я за себя не ручаюсь, все бы выказала. Мстиславскаго я прогнала... А кто тебѣ подарилъ этотъ букетъ? Ужь не Лидія ли?

— Она.

Соня пошатнулась надъ вазой.

— А что, сказала она вдругъ, —если Лидія въ тебя влюбится, и ты мнѣ измѣнишь для нея?

— Какой вадоръ! отвѣчалъ Смольневъ.—Что даетъ тебѣ право думать, что Лидія Васильевна способна обмануть своего мужа?

Когда у него вырвалось это неосторожное, жестокое слово, глаза Сони наполнились слезами; она молча взглянула на Смольневу. Онъ не вынесъ этого нѣмага упрека, просилъ прощенія, цѣловалъ ея руки, осыпалъ ее ласками. Соня уѣхала совершенно счастливая и утѣшенная, увѣренная, что между ними заключенъ прочнѣйшій миръ, и взяла съ Смольневы честное слово, что онъ на слѣдующій день будетъ въ Спѣшневѣ.

Онъ сдержалъ слово; но его посѣщеніе приняло неожиданный оборотъ. Едва онъ сошелъ съ дροжекъ, къ ногамъ его упалъ изъ окна втораго этажа мелко исписанный листъ почтовой бумаги. Смольневъ поднялъ глаза къ верху, —въ окнѣ показалась Маша.

— Это мое письмо, снесло вѣтромъ, сказала она.

Смольневъ поднялъ письмо.

— Какъ жаль, что я не могу достать до васъ, сказалъ онъ.

— Но вы можете дойти до меня, отвѣчала Маша.—Принимайте мнѣ его.

Смольневъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, и велѣлъ указать себѣ комнату Маши. Маша сама отворила ему дверь; онъ подаль письмо, и стоялъ въ недоумѣніи, не смѣя остаться и не рѣшась уйти.

— Если бы расположены поговорить со мною, останьтесь, сказала Маша, угадывая мысль его.—Вообще принято, что дѣвушку можно видѣть въ гостиной, а у нея въ комнатѣ почему-то неприлично. Я этого различія не понимаю; оно основано на жалкомъ недоуверіи къ себѣ или къ дружбѣ.

— Въ вашемъ простомъ замѣчаніи я вижу болѣе нежели по-

аволеніе говорить съ вами въ вашей комнатѣ, отвѣчалъ Смольневъ. — Вы, вѣроятно, случайно упомянули о дружбѣ, но мнѣ не хотѣлось бы забыть это слово.

— Я вамъ даю право не забывать его, съ живостію сказала Маша, протягивая ему руку.

Она сѣла и указала своему гостю мѣсто возлѣ себя. Комната, въ которую такъ неожиданно попалъ Смольневъ, носила суровый отпечатокъ. Въ ней не было ни одной изъ тѣхъ бездѣлушекъ, которыя любятъ женщины; единственнымъ ея украшеніемъ былъ фотографическій портретъ Сергѣева, стоявшій на огромномъ письменномъ столѣ, заваленномъ грудой книгъ, выборъ которыхъ принадлежалъ, разумѣется, Сергѣеву.

— Это друзья мои, сказала Маша.

Въ это время вошелъ Украинцевъ. За нимъ слѣдовалъ мастеровой, вооруженный саженью.

— Здравствуйте, Алексѣй Павловичъ; — извините, кузина, что помѣшалъ вамъ. Я эту комнату обращаю въ бильярдную, сказалъ онъ Смольневу, — такъ нужно вымѣрить, сколько въ нее пойдетъ обоевъ... Ну вымѣривай.

Пока Украинцевъ слѣдилъ за работникомъ, Смольневъ прочелъ знакомое заглавіе на корешкѣ одной изъ книгъ и заговорилъ о ней съ Машей.

« Ну! опять пошли толки о нѣмецкой философій, подумалъ Украинцевъ. Чего добраго?... и съ этимъ придется вѣдаться!»

— Что? смекнулъ? спросилъ онъ у обойщика, который, вымѣривъ стѣны, минутъ съ пять что-то бормоталъ себѣ подъ носъ и выкладывалъ по пальцамъ.

— Надо-быть обоевъ хватить, отозвался обойщикъ.

— То-то, надо-быть! Ты у меня смотри не напутай. Въдь обоевъ взять негдѣ. Это не то что нѣмецкія книги; вотъ этую дрянью у насъ хоть прудъ пруди.

И Украинцевъ вышелъ, даже не оглянувшись и не замѣтивъ презрительнаго взгляда, которымъ наградила его Маша, покрасившая отъ негодованія. Но выходка Украинцева неожиданно обратилась въ пользу Смольнева. Маша сказала ему смущеннымъ голосомъ:

— Я надѣюсь, что мы будемъ часто видѣться, Алексѣй Павлычъ. Вы убѣдитесь, можетъ-быть, что я не такая педантка, какъ обо мнѣ здѣсь думаютъ. Здѣсь бабушка единственное существо, которое меня любить.

Маша грустно улыбнулась, и слезы навернулись на ея гла-

затѣ. Она опустила голову на ладонь; Смольневъ съ волненіемъ ожидалъ, чтобъ она заговорила.

— Было время, когда меня здѣсь любили, сказала она вдругъ съ неподдѣльнымъ жаромъ.—Это время прошло, меня никто не любитъ. Не думайте однако, чтобъ я считала себя жертвою людской злобы. Нѣтъ. Я сама вызвала общую нелюбовь тѣмъ, что никогда не скрывала своего нерасположенія къ людямъ. Знаете? все зависитъ отъ впечатлѣній первой молодости. Что дѣлать? Мой характеръ сложился такъ, что я не умѣю мириться ни съ ничтожествомъ мужчинъ, ни съ душевною порчею женщины. Меня возмущаетъ какой-нибудь Мстиславскій, а другимъ онъ нравится.

Смольневу бросилась кровь въ лицо.

— Не называете ли вы вѣтренность и ребячество душевною порчею? сказалъ онъ.

— Я называю вещи по имени, отвѣчала Маша, не подозрѣвавшая отношеній Смольнева къ Сонѣ.—Я не вѣрю, чтобы женщина, съ неиспорченною натурой, могла не презирать челоуѣка, достойнаго презрѣнія. Я допускаю для женщины возможность подчиниться только чисто-нравственному достоинству.

Въ эту минуту дверь отворилась,—Соня впорхнула въ комнату.

— Маша, пойдемте чай пить... сказала она, и увидѣвъ Смольнева, измѣнилась въ лицѣ, и спросила:—Какъ вы здѣсь? Давно ли?

— Давно, отвѣчала Маша.

— Извините, сказала Соня голосомъ, прерывающимся отъ волненія,—я не думала, что помѣшаю вашему *tete-à-tete*.

Она вышла изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью.

— Что это значитъ? спросила Маша у Смольнева.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ, стараясь скрыть свое смущеніе.

Чай пили въ саду. Послѣ чая Маша отправилась къ Натальѣ Петровнѣ, не выходявшей изъ своей комнаты; къ Украинцеву явился управляющій, и Смольневъ, оставшійся наединѣ съ Соней, взялся за шляпу.

— Софья Андреевна, сказалъ онъ,—если вамъ угодно будетъ еще разъ выразить вашъ гнѣвъ хлопаньемъ дверей и двусмысленными намеками, моя нога здѣсь не будетъ.

— Смольневъ, сказала Соня умоляющимъ голосомъ и глотая слезы,—Смольневъ, не мучьте меня; скажите прямо, что вы меня не любите, и что васъ приворожила Марья Николаевна.

— Не время говорить о любви, отвѣчалъ Смольневъ;—но я васъ прошу быть осторожнѣе въ вашихъ... шуткахъ, и не выѣдывать въ нихъ моего имени, когда дѣло касается женской чести. Прощайте.

Соня закрыла лицо руками и зарыдала. Что-то похожее на сожалѣніе зашевелилось въ сердцѣ Смольнева. Онъ зналъ, что одной ласки, одного слова любви достаточно было, чтобъ утѣнить Соню. Но этого слова онъ не могъ сказать: онъ уже страстно любилъ другую, и уже признался себѣ въ этомъ чувствѣ.

XVI.

Вскорѣ любовь Смольнева къ Машѣ не стала тайною ни для кого. Обрадовалась ей одна Наталья Петровна, и при случаѣ очень ловко его хвалила; Соня плакала втихомолку; Барковский бѣсился; Лидія Васильевна съ грустью выслушивала признанія Смольнева. Только бесѣдами съ Лидіей удовлетворялась его сердечная потребность, потребность, общая многимъ влюбленнымъ, поговорить о томъ, что всего ближе къ сердцу. Тема оказалась неистощимою, и разговоры возобновлялись часто, но въ силу какой-то особенной стыдливости со стороны Смольнева,—стыдливости благоговѣнія къ своему собственному чувству,—эти разговоры не переходили за извѣстную черту. Смольневъ не высказывался весь, а выучился говорить о своей любви, не называя Машу, или о Машѣ, не упоминая о своей любви, такъ что собственно признаній, коли хотите, не было. То онъ заводилъ рѣчь о женщинѣ *высоко-нравственной и нравственно-прекрасной*, о подобающемъ ей поклоненіи, о блаженствѣ ей поклоняться... то, говоря уже прямо о Машѣ, объяснялъ по своему темныя стороны ея характера: ея нетерпимость, общее къ ней нерасположеніе, или привязанность ея къ ненавистной ему самому Натальѣ Петровнѣ... то отыскивалъ какое-нибудь сходство между Машей и героинею одного изъ своихъ любимыхъ романовъ. Охотнѣе всего онъ сравнивалъ ее съ Діаной Вермонъ. Сидитъ ли Діана въ библіотекѣ стариннаго замка совершенно постуденчески за греческою книгою, не понимая, почему не въправѣ оставаться при ней любимый ею человѣкъ; смѣется ли она съ безпощаднымъ презрѣніемъ надъ глупцами, которыми она окру-

жена, или протягиваетъ свою маленькую рыцарскую руку избранному другу: «она! она!» повторялъ Смольневъ.

Маша и Смольневъ видались часто; ничто ихъ не стѣсняло; Софья Андреевна убѣгала отъ нихъ; Украинцевъ былъ занятъ съ утра до вечера; Наталья Петровна только въ извѣстные часы дня выступала изъ своихъ покоевъ. Долго Смольневъ не рѣшался говорить Машѣ о своей любви и довольствовался почетнымъ титуломъ привилегированнаго друга, но такого пристрастнаго друга еще не встрѣчала Марья Николаевна; никто не доставлялъ такого полнаго торжества ея самолюбію: вслѣдствіе чего она убѣдилась, что сама душевно привязана къ Смольневу. О немъ было написано къ учителю Сергѣеву, что онъ *человѣкъ понимающій*, и учитель благословилъ на новую дружбу. Но о своей любви къ Сергѣеву Маша никогда не говорила Смольневу; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь шла прямо о Сергѣевѣ, не произносилось его имя.

— Чтò бы вы сказали о челоувѣкѣ, который добровольно, въ силу убѣжденій, отказался отъ любимой женщины? спросила она разъ.

— Я въ этомъ дѣлѣ плохой судья, отвѣчалъ Смольневъ;— я признаю себя совершенно неспособнымъ на такую жертву.

Не подозрѣвая скрытой ироніи въ словахъ своего друга, Маша протянула ему руку. Надо сказать, что она придавала этому жесту особенный характеръ; рѣзко въ немъ высказывались энергія и искренность...

— Я уважаю васъ за благородное сознаніе, сказала она.— Это доказываетъ, что вы можете идти впередъ на пути нравственнаго совершенствованія. Это ручательство за вашу будущность.

— Я вамъ вѣрю на слово, Марья Николаевна, потому что вы однѣ въ правѣ предсказать мою будущность.

Это было сказано съ такимъ жаромъ, что Маша смутилась, и вопросительно взглянула на своего собесѣдника.

— Вы меня поняли? сказалъ онъ.

— Миѣ кажется... отвѣчала Маша;—но я въ правѣ именно только предсказывать вашу будущность.

— Зачѣмъ такой уклончивый отвѣтъ? замѣтилъ Смольневъ.

— Когда вы меня короче узнаете, вы поймете, что я иначе отвѣчать не могу, сказала Маша съ очевиднымъ намѣреніемъ замаять разговоръ.

На этотъ разъ Смольневъ покорился, и все, казалось, пошло

попрежнему, но не надолго... Наталья Петровна въ своихъ сужденіяхъ о любви была отчасти права. Первое признаніе, какъ бы оно ни было высказано и принято, измѣняетъ разъ установленныя отношенія. На ихъ прочность могла разчитывать одна Маша, которую постоянное умничанье лишало способности прямо и вѣрно понимать вещи; но Смольневу хотѣлось жить. Долго, слишкомъ долго онъ не выступалъ изъ круга головоломныхъ теорій и преній, который для Маши былъ безвыходнымъ, закодваннымъ кругомъ. Смольневъ возненавидѣлъ теоріи, которыя мѣшали ему жить, и высказалъ эту ненависть, какъ скоро молчать ему стало не подъ силу. Вотъ какъ это случилось.

У Марьи Николаевны было доброе сердце: она навѣщала больныхъ, помогала бѣднымъ; въ Спѣшневѣ и въ окрестностяхъ были цѣлыя семейства на ея содержаніи. Сама Марья Николаевна была твердо увѣрена, что она дѣйствуетъ въ силу какого-то демократическаго принципа. Часто Смольневъ сопутствовалъ ей въ прогулкахъ, предпринятыхъ съ благотворительною цѣлью. Разъ, вечеромъ, они возвращались съ одной изъ этихъ прогулокъ и шли рука объ руку, шли тѣмъ самымъ оврагомъ, гдѣ нѣкогда Маша простилась съ Сергѣевымъ. Съ тѣхъ поръ это мѣсто наводило на нее благоговѣйное воспоминаніе, и Маша шла задумавшись.

— Какъ васъ любятъ эти бѣдные люди! сказалъ ей Смольневъ.—Чѣмъ болѣе я васъ знаю, тѣмъ болѣе понимаю, сколько въ васъ самостоятельнаго и практическаго чувства добра.

— Смольневъ, скромно отвѣчала Маша,—вы ослѣплены на мой счетъ. Все, что во мнѣ есть хорошаго, не мое; я всѣмъ обязана чужому вліянію.

— О! мнѣ кажется,—и я не въ силахъ болѣе скрывать отъ васъ мысль, которая мутитъ меня,—это чужое вліяніе только испортило ваши природныя свойства. Почему, объясните мнѣ, женщина, способная любить горячо и много, не оцѣнена въ своемъ собственномъ семействѣ? Почему она удаляется отъ самыхъ естественныхъ привязанностей? Вы на меня смотрите строго и съ удивленіемъ, продолжалъ Смольневъ взволнованнымъ голосомъ,—но я рѣшился вамъ высказать все, что у меня на сердцѣ... я долѣе молчать не могу.

— Что вы хотите сказать? спросила Маша, не безъ смущенія.

— Я васъ люблю, сказалъ Смольневъ;—я васъ люблю такъ

много и искренно, что васъ не можетъ оскорбить мое признаніе.... Отдѣляйтесь только отъ этихъ вліяній, которыя вамъ указываютъ на загадочныя, призрачныя цѣли и отнимаютъ васъ у живаго міра, имѣющаго право цѣнить и любить васъ: будьте сами собою, и любовь моя найдетъ доступъ къ вашему сердцу.

— Ваше признаніе меня огорчаетъ, сказала Маша. — Я бы не желала внушить чувство, которое раздѣлить не могу... и не должна.

— Не должны? повторилъ Смольневъ. — Что это значить? Чѣмъ вы связаны?... Кому, какимъ обязанностямъ приносите вы себя въ жертву? Послушайте, мнѣ отчасти извѣстно то прошедшее, о которомъ вы намекаете... Развѣ вы не понимаете, что чувство, никогда не раздѣленное, давно вымерло въ васъ, что нѣтъ ему пищи? Но вы сами обманываете себя, вашему любящему сердцу нужна привязанность, живая привязанность, а не мечтательная любовь!

— О какой мечтательной любви говорите вы? и по какому праву? спросила Маша.

— По праву человѣка, который васъ любитъ, отвѣчалъ Смольневъ;—а говорю я о томъ чувствѣ, которое было живымъ чувствомъ лѣтъ семь, восемь тому назадъ, когда вы сами были ребенкомъ, а теперь давно бы остыло, еслибы вы не старались всячески подогрѣвать его; къ чему эти старанія, и какъ вамъ не надоѣла эта работа?

— Не горячитесь, Алексѣй Павлычъ, возразила Маша, съ холодностію.—Неужели вы думаете, что стоить вкривь и вкось объяснить святое чувство, чтобъ его уничтожить?... Вы шутите... и шутите вдобавокъ тѣмъ, что близко моему сердцу.

— Такъ дайте же волю вашему сердцу... оно васъ не обманетъ... васъ обманываютъ, сбиваютъ съ толку чужія фразы и сухія теоріи. Бросьте ихъ и не смотрите съ презрѣніемъ на любовь... простую, не вычитанную въ книгахъ и не запутанную въ фразахъ.

— Я вамъ сказала, что эта любовь меня огорчаетъ, Алексѣй Павлычъ...

— Она васъ огорчаетъ, потому что вы увѣрены, что любите сами. Но это не правда; вы создали, выдумали себѣ любовь, потому что въ васъ есть потребность любви.

— Однимъ словомъ, прибавила Маша,—вамъ кажется, что вы знаете меня лучше, нежели я сама себя знаю. Но я думаю, что вы во мнѣ ошибаетесь. Вольно вамъ смѣяться надо всѣмъ,

что мнѣ свято, что до сихъ поръ умѣли уважать мои друзья... Я довольствуюсь ихъ мнѣніемъ обо мнѣ.

— Боже мой! воскликнулъ Смольневъ:—такъ вотъ изъ чего вы живете, о чемъ вы хлопочете! Ваши друзья! Что они вамъ замѣняютъ? что вамъ въ ихъ мнѣніи? Ужели вы промѣняли жизнь на рукоплесканія зрителей? Это возможно тогда только, когда въ жилахъ течетъ рыба кровь!.. Маша, прибавилъ вдругъ Смольневъ, неожиданно переходя въ другой тонъ, — развѣ вы не видите, что я схожу съ ума, потому что люблю васъ? Я не жду отъ васъ слова любви, не прошу его; одумайтесь только; сознайтесь, что вы живете въ пустынѣ, и можетъ-быть живое слово любви скажется само собою.

— Вы виноваты передо мною, отвѣчала Маша. — Не то мнѣ говорилъ одинъ строгій голосъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Оставьте мою руку, Алексѣй Павлычъ... прибавила она съ твердостью.

Она поспѣшно удалась, а Смольневъ, не двигаясь съ мѣста, смотрѣлъ ей вслѣдъ съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ, ни о чемъ не думая: потомъ онъ машинально побрелъ, самъ не зная куда. Долго ли онъ ходилъ, далеко ли былъ,—этого онъ самъ сказать не могъ; но уже вечерѣло, когда Лидія Васильевна, возвращаясь съ прогулки, застала его въ двухъ шагахъ отъ дома. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ подъ деревомъ, опершись локтемъ въ колѣни и закрывъ лицо руками. Лидія подошла къ нему, онъ ничего не сказалъ.

— Алексѣй Павлычъ, что съ вами? спросила она.

Онъ поднялъ голову и не отвѣчалъ; на немъ, что называется, лица не было; Лидіи стало страшно. Въ одну минуту она была дома, и бросилась въ кабинетъ мужа.

— Семень, закричала она,—иди скорѣй! Я боюсь, Смольневъ съ ума сойдетъ. Посмотри, какъ онъ страшень.

Барковский ворча спустился съ лѣстницы. Долго и терпѣливо выслушивалъ онъ рѣзкія и холодныя отговорки Смольнева; но наконецъ, при помощи жены, довелъ его до полного признанія его горя. Смольневъ говорилъ, какъ въ лихорадочномъ жару, и между тѣмъ не замѣтно пролетѣла коротенькая лѣтняя ночь; разошлись на разсвѣтѣ.

XVII.

Эту ночь Мама провела также безъ сна. Возвратившись домой послѣ объясненія своего съ Смольневымъ, она получила два письма. Одно изъ нихъ было отъ Сергѣева, который извѣщалъ Машу, что онъ женится на дѣвушкѣ, нѣкогда его любившей, а теперь уже не молодой. «Этимъ я исполню свой долгъ, писалъ онъ между прочимъ. Я, правда, никогда и ничѣмъ не поощрялъ ея любви, но тѣмъ не менѣе мнѣ исключительно были посвящены помыслы ея лучшихъ лѣтъ. Считаю себя прямою, хотя и невинною причиною того, что она изъ своей молодости не извлекла возможной пользы,—ничтожной, конечно, но соразмѣрной со скудными данными ея нравственной природы. Къ тому же такъ ограниченны требованія этой бѣдно-одаренной женщины, что моя женитьба останется безъ вліянія на мою духовную жизнь, которая пойдетъ своимъ путемъ. Большую жертву принесъ бы я, конечно, еслибы вступилъ въ бракъ, болѣе равный въ интеллектуально-нравственномъ отношеніи. Теперь я жертвую только собою, а тогда, принадлежа безраздѣльно равному мнѣ существу, я бы для частнаго интереса пренебрегъ интересомъ общимъ, той доле пользы, которую могу еще принести обществу. Наконецъ, къ принесенію этой сравнительно-ничтожной жертвы обязываетъ меня мое семейное положеніе,—мать и сестра: у неvěсты моей обезпеченное состояніе.»

Это посланіе какъ громомъ поразило Машу. Она читала и перечитывала, пыталась найти оправданіе Сергѣеву, объяснить его поступокъ его же собственными теоріями; но все напрасно: ею овладѣло живое, ѣдкое страданіе, заглушавшее пустое резонерство. Горькая истина была слишкомъ очевидна: Мама погубила лучшіе годы своей молодости въ безплодномъ ожиданіи, въ надеждѣ на отдаленную, на свѣтлую будущность, а теперь рушились всѣ ожиданія и надежды! Своею женитьбой, Сергѣевъ добровольно воздвигалъ между собою и Машей неодолимую преграду... онъ пожертвовалъ Машей... и изъ чего же, Боже мой! Изъ-за ничтожества своей неvěсты! Мама все

поняла въ одну минуту. Одна минута произвела въ ея понятіяхъ, въ ея жизни крутой переворотъ, который не легко ей было пережить. Голова бѣдной дѣвушки горѣла, сердце томительно ныло; слезъ у нея не было... Чтò она выстрадала въ эту ночь — передать невозможно... Вдругъ ей пришла мысль отвѣчать на письмо Сергѣева: она схватила перо и принялась писать, и писала, не останавливаясь. Перо едва поспѣвало за мыслью, возбужденною негодованіемъ и отчаяніемъ. Машѣ стало нѣсколько легче, когда она окончила письмо; она его запечатала, но вдругъ одумалаеъ и съ негодованіемъ женщины, оскорбленной въ драгоцѣннѣйшемъ чувствѣ своемъ, изорвала его на мелкіе кусочки.

— Онъ, пожалуй, этого и не пойметъ, сказала она.

Давно свѣтало. Маша, страшно блѣдная, утомленная отъ бессонницы и внутренняго страданія, ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ, скрестивши руки на груди. Она старалась привести свои мысли въ порядокъ, обдумать свое положеніе, принять какое-нибудь рѣшеніе. Но нечего было придумывать, и не на что рѣшиться. «И къ чему? подумала Маша. Лучше жить со дня на день, какъ Богъ на сердце положить!»

Она старалась забытья хоть на минуту, но страшное волненіе не дало ей успокоиться. Глаза ея нечаянно остановились на другомъ письмѣ, полученнымъ ею вмѣстѣ съ письмомъ Сергѣева, и еще не распечатанномъ. Оно было отъ одного изъ московскихъ друзей Сергѣева, и заключалось извѣстіемъ о благополучномъ окончаніи статьи: *О Спинозѣ и Гегель*,—статьи, посвященной Марьѣ Николаевнѣ и не назначенной для печати. «Ее поймутъ немногіе, писалъ скромный авторъ, но въ главѣ этихъ немногихъ, конечно, стоите вы. Мы прочтемъ ее вмѣстѣ; я теперь и не посылаю ея вамъ, потому что хочу самъ быть свидѣтелемъ того удовольствія, которое, надѣюсь, доставитъ вамъ мой слабый трудъ.»

Маша смяла письмо въ рукахъ, и бросила его на столъ.

«Можетъ-быть и этотъ кого-нибудь обманетъ громкими фразами!» подумала она.

Это слово было окончательнымъ приговоромъ Сергѣева.

Въ девять часовъ ей доложили о пріѣздѣ Барковскаго. Ей было не до Барковскаго, но онъ настоятельно просилъ свиданія.

— Кузина, началъ онъ безъ околичностей,—я къ вамъ отъ Смольнева. Скажите рѣшительно, чтò вы намѣрены дѣлать?

Во всю ночь Маша не подумала о Смольневѣ. Его имя напо-

мнило ей вчерашнюю прогулку, и сердце ея сжалось, но оскорбленная рѣзкимъ тономъ Барковскаго, она отвѣчала холодно:

— Я скоро уѣду въ Москву.

— Вотъ тебѣ на! а Смольневъ-то какже? За вами поѣдетъ въ качествѣ друга, или здѣсь останется въ чинѣ дыхателя? насмѣшливо спросилъ Барковскій.

Маша взглянула на него съ нѣмымъ упрекомъ, и не отвѣчала. Барковскій этого не ждалъ.

— Извините, кузина, сказалъ онъ поспѣшно.— У меня съ языка сорвадась грубость, потому что я самъ не свой. Вчера Смольневъ вернулся въ такомъ состояніи, что мы просидѣли надъ нимъ цѣлую ночь. Я его знаю. Его легко измучить, свети съ ума, даже убить.

— Смольневъ боленъ? что съ нимъ? спросила Маша съ живостію.

Барковскій пытливо посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Да, боленъ, и если вы не положите конца вашимъ ложнымъ неестественнымъ отношеніямъ, я не ручаюсь за послѣдствія.

— *Ложныя и неестественныя отношенія?* повторила Маша, стараясь придать твердость своему голосу.— Что это значитъ? Я не обманула его ни словомъ, ни намекомъ. Моя совѣсть чиста.

— Чиста?.. Ну и слава Богу! такъ мы будемъ говорить собственно о немъ. Какъ человекъ влюбленный, онъ надѣется, и будетъ надѣяться, пока вы не скажете рѣшительнаго слова: идете ли вы за него замужъ, или нѣтъ?

— Замужъ?.. я?.. я ни за кого замужъ не выйду, прибавила она, понизивъ голосъ.

— Ваша воля! Только мнѣ кажется, вамъ бы не мѣшало призадуматься надъ этимъ опытомъ. Онъ можетъ дорого обойтись Смольневу.

Маша вадрогнула.

— Семень Николаевичъ, сказала она нерѣшительно, — скажите, что же мнѣ дѣлать? Скажите... вѣдь онъ не отвергнетъ моей дружбы?

Барковскій пожалъ плечами, но взглянувъ на Машу, воздержался отъ ироническаго замѣчанія: онъ былъ сильно озадаченъ ея страдальческимъ выраженіемъ лица и непривычною мягкостію ея рѣчи.

— Предположеніе дружбы было бы пошлостію, продолжала

Маша,—еслибъ я принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, въ которыхъ влюбляются, отъ нечего дѣлать, на два или на три дня. Я знаю, Смольневъ меня любить иначе...

Въ этихъ послѣднихъ словахъ Барковскій узналъ прежнюю Машу.

— Ну извините, сказалъ онъ,—эти соображенія не по моей части. Я такъ думаю, по той ли, по другой ли причинѣ, на три ли дня, на сто ли лѣтъ, когда любишь, такъ любишь, и вовсе не думаешь о томъ, что вы называете дружбой: какъ ея ни разогрѣвайте, отъ нея вѣетъ холодомъ. Смольневу нужно не то, а нужно душевное, искреннее слово; любовь хорошей женщины, вотъ что ему нужно. Неужели вы думаете, что и васъ бы не измѣнила привязанность такого мужа какъ Смольневъ, и не убѣдила бы васъ въ пустотѣ вашей теперешней жизни! Полноте, кузина, вы женщина умная, попробуйте судить умно и здраво, не увлекаясь мудрыми фразами. Посмотрите вы вокругъ себя: семейство ваше для васъ не существуетъ; каждый изъ такъ-называемыхъ друзей вашихъ позабудетъ думать о васъ, если полюбитъ, хотя бы отъ нечего дѣлать, первую попавшуюся ничтожную женщину. О привязанности къ вамъ Натальи Петровны я не говорю: вы держите ее на хлѣбахъ, и льстите ея самолюбію... Словомъ сказать, вокругъ васъ совершенно пусто! Какъ это вамъ подчасъ не становится жутко за себя? Какъ вы не понимаете, что даромъ проходитъ ваша молодость, что вы губите жизнь теоріями и пустословіемъ? Не сердитесь, Маша, я говорю безъ злобы, съ участіемъ. Это будетъ въ первый и послѣдній разъ.

Маша сидѣла задумавшись и долго молчала. Барковскій съ безпокойствомъ ждалъ ея рѣшенія. Вдругъ она закрыла лицо руками и горько заплакала. Этому никакъ не ожидалъ Барковскій: онъ протянулъ руку Машѣ и дружески сказалъ ей:

— Дайте мнѣ вашу руку, кузина.

Машу очень тронуло это движеніе, и въ такую минуту, когда ей казалось, что она потеряла все на свѣтѣ.

— Вы правы! проговорила Маша, сквозь слезы:—вы правы, но я не могу выйти замужъ, это невозможно... Мое рѣшеніе неизмѣнно.

— Ради Бога не говорите такъ, кузина. Почему же неизмѣнно, и что за поспѣшность? Я понимаю, что вы теперь не можете отвѣчать такъ, какъ бы я желалъ, вы чѣмъ-то взволнованы.

Ведите мнѣ прѣхать завтра, послѣзавтра; дайте себѣ время подумать.

— Вы ошибаетесь, сказала Маша,—я не привыкла говорить наобумъ... Вы судите обо мнѣ по тѣмъ женщинамъ, которыя не умѣютъ слѣдить за собою, и не умѣютъ давать себѣ отчета.

— Сохрани меня Создатель! перебилъ Барковскій, испуганный переменною тона Маши.—Я знаю, что вы стоите выше такихъ женщинъ, и разчитывая именно на возвышенность вашего ума, на рѣдкія качества вашей души, я увѣренъ, что вы поймете и почувствуете.

Барковскій билъ напропалую и, не рѣшаясь еще сознаться въ невозможности успѣха, прибѣгнувъ къ крупной лести, какъ къ послѣднему, неиспытанному имъ средству. Маша, не привыкшая слышать отъ него такія рѣчи, поняла, что онъ сбить съ толку и не знаетъ, какъ къ ней приступить.

— Семень Николаевичъ, сказала она,—я буду откровенна. Вы видите, я... очень... огорчена. Вчера я получила извѣстіе, которое будетъ имѣть вліяніе на всю мою жизнь. Я получила письмо... отъ Сергѣева.

Маша съ замѣтнымъ усиліемъ проговорила это имя, котораго отъ нея никто никогда не слыхаль. Но это несчастное имя было приговоромъ Смольнева и взбѣсило Барковского, который, въ первую минуту и не подумавъ о томъ, чего стоило Маши его произнести.

— А, а! по...ни...маю! отозвался Барковскій.—Что къ вамъ пишетъ этотъ долгополый семинаристъ? прибавилъ онъ, чтобы на комъ-нибудь сорвать сердце.

— Вы не одного его оскорбляете... сказала Маша съ упрекомъ.

Барковскому стало совѣстно, и на самого себя досадно; онъ схватилъ руки Маши и нѣсколько разъ поцѣловалъ ихъ.

— Ради Бога, Маша, не обращайтесь вниманія на мои слова, сказалъ онъ —Вы огорчены, вы страдаете, и я готовъ сдѣлать для васъ все на свѣтѣ, все, что вамъ будетъ угодно.

— Я вамъ вѣрю, отвѣчала Маша,—и Богъ знаетъ, какъ благодарна вамъ, помогите же мнѣ, скажите, какъ мнѣ быть съ Смольневымъ? Можетъ-быть, я сама виновата, но кто же могъ предвидѣть? Я его не люблю, и теперь не въ состояніи любить никого на свѣтѣ. Но что же мнѣ дѣлать? Сказать Смольневу, чтобъ онъ ждалъ и надѣялся, я не могу, ему нечего ждать и не на что надѣяться. Выйди за него замужъ, не любя

его? Скажите сами, возможно ли это? Не стану говорить о себѣ... но каково будетъ ему, когда въ отвѣтъ на свою любовь онъ встрѣтитъ непобѣдимую холодность? Научите же, ради Бога, что мнѣ дѣлать?

Маша говорила вполголоса, часто останавливаясь и не рѣшаясь поднять глазъ на Барковскаго. Барковскій, совершенно обезоруженный, слушалъ молча, ходилъ по комнатѣ, и ясно понималъ, что все пропало для Смольнева.

— Напишите къ нему, сказалъ онъ наконецъ.

Маша взялась за перо.

«Смольневъ, писала она, что мнѣ сказать вамъ? Если я виновата передъ вами, слова не оправдаютъ меня. Я не достойна васъ; я не могу любить никого на свѣтѣ; я вчера еще любила человѣка, котораго считала лучшимъ изъ всѣхъ людей, и онъ навѣкъ разбилъ мое сердце. Я ошиблась въ немъ, какъ вы, вѣроятно, ошибаетесь во мнѣ. Подумайте, могу ли я забыть то, чѣмъ я до сихъ поръ жила, что еще недавно было такъ свято для меня? Могу ли я обмануть и васъ, и себя? Убѣдитесь, что мнѣ нечего дѣлать, и если можете, простите мнѣ... Вы молоды, Смольневъ, старайтесь забыть несчастное чувство, которое не можетъ быть раздѣлено. Такимъ чувствомъ нельзя жить, вы достойны лучшей участи. Богъ пошлетъ вамъ утѣшеніе! Если вы не боитесь свиданія со мною, пріѣзжайте проститься; я всегда готова васъ принять какъ брата и друга.»

Маша перечла письмо, и вычеркнула послѣднія строки.

— Поѣзжайте, сказала она Барковскому.— Не забудьте, что вы мнѣ обѣщали свою помощь: помогите и мнѣ, и ему.

Барковскій воротился домой, примиренный съ Машей, но грустный, со слезами на глазахъ. Онъ разказалъ Лидіи все какъ было, и посовѣтовавшись съ нею, со всѣми возможными предосторожностями передалъ Смольневу письмо Маши. Но никакія предосторожности не могли смягчить удара. На другой же день у Смольнева открылась нервная горячка. Онъ протомился двѣнадцать и умеръ. Барковскій закрылъ ему глаза. И онъ, и Лидія лишились въ немъ лучшаго друга. Соня Украинцева много плакала, но скоро утѣшилась. А Маша? Маша въ Москвѣ, живетъ попрежнему съ Натальей Петровной, но уже не бываетъ въ Спѣшневѣ.

Ольга Н***.

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВО ФРАНЦІИ¹

Не такъ давно еще въ своихъ хижинахъ, лишенныхъ воздуха, бретонскіе крестьяне жили вмѣстѣ съ домашними животными, в комната ихъ только тонкимъ плетнемъ отдѣлялась отъ хлѣва. Человѣкъ и животное мѣнялись смрадными испареніями, соперничествовали нечистотою, и въ этомъ соперничествѣ человекъ побѣждалъ животное. По обѣ стороны печки, расположены постели въ видѣ наръ, одна надъ другой, какъ въ корабельныхъ каютахъ. Крестьяне карабкаются на эти постели, спать въ нихъ совершенно одѣтые, безъ матраца, безъ простыни и одѣяла; въ нижнемъ этажѣ располагаются родители, надъ ними мальчики, на самый верхъ взбираются дѣвушки. Въ иныхъ частяхъ Бретани ложе, нисколько не похожее однакожь на кровать, составляетъ нѣчто въ родѣ ларя, который прикрывается двойною дверью, рѣшетчатою или досчатою; такія кровати бывають убраны нѣсколько лучше и покрыты чистую пеньковою тканью; легенда приписываетъ этой ткани поэтическое происхождение.

Благородный Оливье де-Кержанъ имѣлъ молодую и прекрас-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 9.

ную супругу; умъ ея равнялся красотѣ, а доброта была такъ велика, что она совершенно посвятила себя заботамъ о бѣдныхъ, для которыхъ и придумала эту грубую ткань, изготовлявшуюся трудами ея женщинъ. Сиръ де-Кержанъ отправился ко двору короля, но безъ Алиеноры, своей юной супруги, которая не рѣшилась оставить свой замокъ и промѣнять полезныя занятія на пустыя забавы, ожидавшія ее во дворцѣ государя. Надъ мессиромъ Оливье подшучивали при дворѣ насчетъ уединенной жизни его благочестивой подруги, обвиняли его въ томъ, что онъ заключилъ ее въ замокъ изъ ревности, чтобъ удалить ее отъ соблазновъ свѣтской жизни. Оливье оставался равнодушенъ къ такимъ насмѣшкамъ, потому что жена его отличалась столько же добродѣтелями, сколько и красотой, и ей нечего было бояться приторныхъ любезностей придворныхъ щеголей. Потомъ, чтобы доказать, какъ велика была увѣренность его въ семейномъ счастіи, онъ поручилъ самому отчаянному волокитѣ, самому настойчивому насмѣшнику, отвезти письмо къ его прекрасной супругѣ, въ которомъ просилъ ее принять и угостить какъ можно лучше молодого господина, его пріятеля, намѣревавашагося пробыть у нея нѣсколько дней. Тотъ отправляется попытать счастія: проходятъ дни, недѣли, и придворные съ улыбкою торжества поздравляютъ бѣднаго супруга новой Лукреціи, у которой гостить счастливый посланецъ и забываетъ даже присылать о себѣ извѣстія. Попржежнему доврчивый, Оливье повторяетъ испытаніе, снова пишетъ письмо и отправляетъ другаго юношу, о которомъ также пропадаетъ слухъ. Мѣсяцы идутъ за мѣсяцами, другіе придворные слѣдуютъ за первыми, и наконецъ Оливье съ изумленіемъ видитъ, что дворъ королевскій пустѣетъ, и что его замокъ Кержанъ не возвращаетъ гостей; наконецъ, онъ отправляется самъ, чтобъ объяснить эту тайну.

Между тѣмъ вотъ что случилось.

Первый гость, вѣрный своей роли обольстителя, съ разрѣшенія мужа настойчиво приступилъ къ дѣлу. Хозяйка отсрочила исполненіе его желаній до слѣдующаго дня. На слѣдующій же день, когда онъ хотѣлъ выйдти изъ своей комнаты, то увидѣлъ, что она заперта. Проходитъ утро, которое показалось ему очень продолжительнымъ, потому что, въ качествѣ страстно-влюбленнаго, онъ поужиналъ наканунѣ очень дурно. Около полудня отворилось слуховое окно, у котораго появилось прекрасное личико красавицы-хозяйки. «Почтенный сиръ, сказала ему

Аліенора, благородный супругъ мой сказалъ вамъ, что я съ женщинами своими занимаюсь работою для бѣдныхъ, меньшихъ братій Христовыхъ. Вы смѣялись надъ нимъ, вы сомнѣвались въ истинѣ его словъ и пожаловали ко мнѣ съ дурными намѣреніями; вы хотѣли заставить меня согрѣшить передъ Богомъ и передъ моимъ супругомъ. А такъ какъ каждый дурной поступокъ заслуживаетъ наказанія, то мнѣ угодно наложить на васъ такое наказаніе, которое было бы полезно для тѣхъ, у кого вы хотѣли отнять меня. Вамъ, конечно, извѣстны слова Евангелія, что тотъ, кто не работаетъ, не достоинъ пищи. Итакъ, если вамъ угодно кушать, вы должны принятись за работу. Вотъ нитки, шерсть, челнокъ и иглы: работайте для моихъ бѣдняковъ. Смотрия потому, сколько вы заслужите своею работою, ваша пища будетъ вкуснѣе и изобильнѣе, и съ вами будутъ обращаться по достоинству.»

Оставшись одинъ, несчастный любовникъ съ бѣшенствомъ разсыпалъ по полу шерсть и нитки и разломалъ на мелкія куски принесенныя ему орудія. Но вечеромъ онъ попросилъ принести ему другія, съ которыми обошелся гораздо деликатнѣе: онъ ничего не ѣлъ въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ! По прошествіи трехъ дней работа пошла у него такъ же уснѣшно, какъ и у служительницъ добродѣтельной хозяйки. При появленіи втораго посланца повторилась та же сцена; въ другой комнатѣ помѣстился другой плѣнникъ. Къ счастью, замокъ былъ обширенъ и могъ пріютить большое число гостей. Когда же самъ мессиръ Оливье де-Кержанъ переѣхалъ подъемный мостъ своего замка, то онъ нашелъ, что его палаты преобразились въ обширную мануфактуру тканей. Аліенора умѣла обратить безполезныхъ молодыхъ людей въ отличныхъ работниковъ, и окрестные бѣдняки почитали чудомъ неслыханное изобиліе хорошихъ одеждъ и теплыхъ одѣялъ, которыя, подобно маннѣ, падали изъ замка на ихъ плечи и постели.

Въ деревнѣ мущина имѣетъ надъ женщиною власть скорѣе кажущуюся, чѣмъ дѣйствительную; нерѣдко бываетъ, что послѣдняя завѣдываетъ денежною кассою и деспотически распоряжается въ домѣ. Болѣе ограниченная въ своей набожности и болѣе грубая въ своей необразованности, чѣмъ ея мужъ, она не знаетъ иного нравственнаго авторитета, кромѣ приходскаго священника, который пользуется въ Бретани неограниченною властью надъ простымъ народомъ и нерѣдко одинъ понимаетъ мѣстное нарѣчіе. Она посылаетъ дѣтей своихъ въ церковь

для катихизмовъ, но рѣдко пускаетъ ихъ въ школу; по крайней мѣрѣ, двѣ трети дѣтей не получаютъ никакого элементарнаго образованія, а бѣльшая часть тѣхъ, которые пользуются имъ, выучиваются только чтенію на французскомъ языкѣ и первымъ правиламъ ариметики; они не болѣе двухъ, трехъ лѣтъ ходятъ въ школу, что весьма недостаточно для дѣтей, понимающихъ только ниже-бретонское нарѣчіе. Прибавлю къ этому, что ученіемъ почти исключительно завѣдуютъ, религіозныя братства, а всѣмъ хорошо извѣстно, что католическое духовенство никогда не любило разливать между своею паствою просвѣщеніе и науку. Оттого и религія бретонскаго крестьянина есть не что иное, какъ одна суевѣрная внѣшность, довольствующаяся точнымъ исполненіемъ обрядовъ богослуженія, соблюденіемъ постовъ, чтеніемъ предписанныхъ молитвъ и пр. Что же касается до дѣлъ истинно-христіанскаго и общественнаго милосердія, бесполезно искать ихъ тамъ, и если бретонскіе писатели превозносятъ строгую честность и чистые нравы своихъ соотечественниковъ, то иностранцы противорѣчатъ имъ на всѣхъ пунктахъ.

Почти совершенное отсутствіе всякаго рода промышленно-сти составляетъ одну изъ причинъ крайней нищеты въ Бретани, принадлежащей къ числу бѣднѣйшихъ французскихъ провинцій. Льняная и пеньковая промышленность, какъ земледѣльческая, такъ и мануфактурная, составляла съ незапамятнаго времени богатство страны; въ старые годы, бретонскія пряжи произведеніями своихъ рукъ прокармливали населеніе въ два милліона жителей, между тѣмъ какъ мужья ихъ воздѣлывали землю. Эта драгоцѣнная промышленность пала со времени введенія хлопчатобумажнаго производства; и никто не подумалъ, чѣмъ бы замѣнить этотъ источникъ исчезнувшаго богатства. сверхъ того города привлекаютъ работниковъ своими прелестями, которыхъ нѣтъ въ мрачныхъ деревняхъ, погруженныхъ во мракъ самаго глубокаго варварства. Брестская гавань, принявшись собственными средствами за выдѣлываніе паруснаго полотна, необходимаго для военнаго флота, остановила множество ремеслъ и нанесла послѣдній ударъ деревенскому ткачеству. Припомнимъ, что упорная рутинная ткачей сдѣлала съ своей стороны все, что должно было привести къ такому неизбѣжному результату; такъ напримѣръ никакими средствами не возможно было добиться, чтобы они, по требованію военнаго министерства, прибавили свои ткани въ ширину, какъ то нужно

было для снабженія войска. Тогда правительство обратилось къ промышленникамъ болѣе смѣливымъ, и поступило хорошо.

Та же самая рутина не позволяетъ имъ разрабатывать поле, по которому не проводилъ борозды отцовскій плугъ; даже на одной и той же нивѣ, иногда, по той же причинѣ они не касаются какого-нибудь угла, который вѣчно остается въ залежи. Это участокъ, составляющій собственность дьявола, и вся жатва потерпитъ великія бѣдствія, если дьяволъ лишится своей доли. Отсюда отвращеніе ихъ къ ремесленникамъ всякаго рода, канатчикамъ, портнымъ, бочарамъ, кожевникамъ, чеботарямъ, угольщикамъ, ветошникамъ, которые обозначаются браннымъ прозвищемъ *sacous* и составляютъ предметъ общаго презрѣнія со стороны мужчинъ. Говоря о людяхъ этого рода, Бретонцы всегда прибавляютъ *sauf votre respect*, извиненіе, употребляемое ими, когда имъ приходится сказать что-нибудь о своихъ свиньяхъ. Ремесленники, истинные паріи, живутъ одиноко, сообщаются только между собою; слывутъ колдунами, распространяютъ и уничтожаютъ болѣзни, торгуютъ ладонками и талисманами. Несмотря на это, портной, презираемый болѣе всѣхъ другихъ, — сплетникъ, посвященный во всѣ домашнія тайны, — играетъ роль непремѣннаго посредника при заключеніи браковъ. Влюбленный поручаетъ ему объясниться съ своею красавицей; если на пути къ ней ему попадетъ сорока, то онъ возвращается назадъ, потому что птица эта предвѣщаетъ несчастное супружество; но когда всѣ примѣты благоприятны, онъ вступаетъ въ переговоры и перечисляетъ красавицѣ всѣ эку и все прекрасное бѣлье, хранящееся въ шкафѣ у его кліента, припоминая притомъ множество противниковъ, низложенныхъ имъ въ тѣхъ страшныхъ бояхъ, въ которыхъ, въ праздничные дни, Бретонцы, какъ бараны, яростно сшибаются головами. Если предложеніе нравится, то бретонская Галатея произноситъ, скрываясь между деревьями: «поговорите съ моими родителями». Тогда молодой человѣкъ становится официальнымъ претендентомъ: онъ сопровождаетъ молодую дѣвушку въ церковь, на ярмарку, на танцы, и на праздники *pardons*, которыхъ такое же множество въ Бретани, какъ и святыхъ патроновъ (а этимъ много сказано), и которые у насъ послужили темою многихъ романовъ и сценическихъ піесъ.

Pardon есть праздникъ въ честь патрона церкви, часовни или колодезя, освященнаго памятью какого-нибудь святаго и чудесами, которыя совершаются тамъ ежегодно. На эти

праздники толпами стекаются крестьяне изъ-за нѣсколькихъ миль въ окружности, для того чтобъ участвовать въ процессіяхъ и получать индульгенціи, а еще болѣе для того, чтобы пить, курить, бесѣдовать о дѣлахъ и любовныхъ похожденияхъ, побороться и поплясать подъ пискливые звуки *biguon*, національнаго инструмента, напоминающаго шотландскую волынку. Около привилегированнаго мѣста, какъ бы изъ земли, вырастаетъ на день искусственный городъ: балаганы канатныхъ плясуновъ, выставка четокъ, лавки съ товарами, лотереи, игры всякаго рода составляютъ импровизированныя улицы, и въ видѣ продолженія ихъ, во всѣ стороны, тянутся веревки, на которыхъ развѣшаны собранія пѣсень на туземномъ нарѣчїи, или церковныхъ псалмовъ, раскрашенныя изображенія святыхъ, наиболѣе уважаемыхъ въ Бретани, неизмѣнная легенда о Вѣчномъ Жидѣ, Страшный судъ, портретъ царствующаго государя, изображение какой-нибудь недавней битвы, какой-нибудь страшной человѣческой бойни. Каждый продавецъ, стоя у своей подвижной лавочки, распѣваетъ лучшія свои пѣсни, между тѣмъ какъ скрипачи наигрываютъ самыя завлекательныя танцы, и все это, смѣшиваясь съ весельемъ толпы, звономъ колоколовъ, съ жалобными воплями нищихъ, взывающихъ о милосердіи, съ оглушительными инструментами канатныхъ плясуновъ, съ зовами торговцевъ, даетъ понятіе о томъ, чѣмъ былъ нѣкогда Вавилонъ во дни смѣшенія языковъ. Богъ, въ видахъ вѣчной справедливости, дозволилъ лягушкѣ наслаждаться своимъ кваканьемъ: поэтому, вѣроятно, и грубыя бретонскія уши находятъ невыразимую прелесть въ этой раздрающей слухъ какофонїи. Прибавьте къ этому острый запахъ кабаковъ и походныхъ кухонь, смѣшанный съ облаками табачнаго дыма и тучами пыли, и вы поймете, что участники этихъ процессій, столь знаменитыхъ въ Бретани, вполне заслуживаютъ отпущенія всѣхъ грѣховъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ.

Моряки, избѣжавшіе кораблекрушенія, матери, дѣти которыхъ исцѣлились чудесами, молодыя супруги, нетерпѣливо желающія сдѣлаться матерями, стекаются со всѣхъ сторонъ для развѣшиванія вокругъ часовни своихъ *ex-voto* (принесеній по объѣту), или для совершенія обрядовъ, которые должны принудить святаго къ исполненію всѣхъ желаній молящагося. Часто приходится для этого взбираться на колѣняхъ на высокую гору, гдѣ водруженъ крестъ, по гранитнымъ ступенямъ, обдирающимъ ноги, или обходить нѣсколько разъ во-

кругъ церкви босыми ногами, дѣлая три шага впередъ и два назадъ. При часовнѣ *Notre Dame de Bon Secours* можно приобрести индульгенцію на 50 дней, стоить только провести ночь на голой землѣ. Бѣдняки занимаются для исполненія этихъ обрядовъ; они расхаживаютъ въ толпѣ съ криками: «Кому нужно провести ночь въ полѣ *Notre Dame de Bon Secours*? Кому нужно обойти десять разъ кладбище босыми ногами?» Богачи здѣшніе вступаютъ съ ними въ переговоры, долго торгуются, потомъ, условившись въ цѣнѣ, наблюдаютъ за исполненіемъ найма, и удаляются съ спокойною совѣстью, въ блаженной увѣренности, что сдѣлали угодное Богу. Есть святые, которые исцѣляютъ одну какую-нибудь болѣзнь, другіе, болѣе могущественные, исцѣляютъ всевозможныя болѣзни и обогащаютъ приходы, состоящіе подъ ихъ покровительствомъ? Есть также и такіе, которые занимаютъ не столь высокую степень въ небесной іерархіи, и излѣчиваютъ только лошадей и коровъ; этихъ животныхъ пригоняютъ большими стадами, и вводятъ въ церковь, гдѣ они присутствуютъ при богослуженіи и соединяютъ свое мычаніе съ голосами пѣвчихъ.

Колокольный звонъ оглашаетъ воздухъ, пѣніе церковнослужителей раздается подъ сводами святаго храма, и со всѣхъ сторонъ драгоценныя приношенія льются на ступени алтаря: мѣшки съ каштанами и рожью, кувшины съ медомъ и пивомъ, новорожденные ягнята, куски холста и пр. Каждый приноситъ, что хочетъ и что можетъ, все принимается; по окончаніи божественной службы, церковный староста выноситъ всѣ эти дары на продажу съ аукціона у подножія креста, водруженнаго среди площади передъ церковью. Приобрѣтеніе этихъ священныхъ предметовъ тоже составляетъ предметъ соревнованія: богомольцы оспариваютъ ихъ другъ у друга, не слишкомъ однакоже набивая на нихъ цѣну. Деньги, вырученныя отъ продажи ихъ, назначаются на содержаніе церкви и передаются въ руки приходскаго священника, который расходуетъ ихъ по своему усмотрѣнію.

По окончаніи религиозныхъ церемоній, наступаетъ очередь забавъ; раздаются звуки *vignou*, и молодежь пускается въ пляску. Такъ проходитъ ночь, и многочисленныя толпы съ громкими пѣснями расходятся по своимъ деревнямъ. Одни только нищіе, увѣчные и больные располагаются вокругъ огромной пылающей груды дрока, которая не потушается до утра. Это сцена изъ среднихъ вѣковъ, эпизодъ изъ цыганской жизни.

Наконецъ все потухаетъ, все замираетъ, крики, огни, пѣсни, разговоры, и все подъ небомъ погружается въ глубокой сонъ.

Когда Магометъ подзывалъ къ себѣ гору, и гора оставалась недвижима на своемъ гранитномъ основаніи, Магометъ отправился самъ къ ней, и чудо сближенія совершалось. Вы счастливы мусульманскаго пророка; вы можете совершить странствованіе къ бретонскимъ *пardonамъ*, не вставая съ своего кресла. Бретань явится къ вамъ сама, во всемъ блескѣ своей красоты, если вы только захотите. Вотъ какимъ образомъ совершится это чудо: я говорилъ уже вамъ, что *пardonы* много разъ доставляли сюжеты романистамъ и драматургамъ, и вотъ въ ту самую минуту, какъ я пишу эти строки, даютъ первое представленіе новой оперы г. Скриба и Мейербера, подъ названіемъ *Le Pardon de Plœrmel*. Безъ сомнѣнія, она будетъ гораздо благозвучнѣе того, что я вамъ сейчасъ описывалъ, и гобой съ акомпаниментомъ англійскаго рожка съ успѣхомъ замѣнитъ пискливый *biguou*. Я не нанесу вамъ оскорбленія вопросомъ, даютъ ли у васъ піесы г. Скриба и оперы г. Мейербера: вѣдь Россія же *открыла* г. Альфреда Мюссе, какъ драматическаго писателя, а мы только *заявляемъ* его у васъ. Последнія лица, которыхъ заставилъ пѣтъ знаменитый маэстро, были Петръ Великій и Екатерина. Какое неизглаголанное разстояніе отдѣляетъ полтавскаго побѣдителя отъ крестьянъ Плѣрмеля, великолѣпіе и блескъ вашего Петербурга отъ ландъ нашей Бретани! Завидная участь генія! Подобно баснословному Мидасу, обращавшему въ золото все, до чего онъ касался, геній возвышаетъ пастуха въ уровень съ героемъ, вызываетъ изъ могилы людей и ихъ дѣянія, и тѣ, кого онъ одушевитъ своимъ могучимъ дуновеніемъ, оживутъ снова и не умрутъ никогда.

Позвольте мнѣ на мгновение увлечься мечтою за предѣлы дѣйствительной жизни, и въ этомъ сближеніи грубыхъ сыновъ Бретани съ полудикими солдатами Петра подмѣтить перстъ Провидѣнія. У нашей братьи, писателей, есть нѣчто, свойственное вольнымъ птицамъ, у которыхъ мы заимствуемъ крылья, чтобъ облечь плотію наши мысли, наши стремленія; подобно этимъ существамъ, мы не знаемъ ни рѣкъ, ни морей, ни горныхъ хребтовъ, ни иныхъ преградъ, которыми замыкаютъ себя народы, чтобы стѣснить предѣлы своего отечества, чтобъ имѣть предлогъ называться врагами и безопасно уничтожать другъ друга. Если мы поемъ, то пѣсни наши звучатъ на высотѣ небесной, разносятся далеко,

далеко; ихъ повторяетъ эхо, и онѣ обходятъ весь міръ. Отечество наше вездѣ, гдѣ мыслятъ и любятъ; и мы составляемъ первое звено таинственной цѣпи, которая должна нѣкогда соединить народы узами всемірной гармоніи. Русскій ли вы, Французъ ли я? Нѣтъ, мы оба люди, и мы подаемъ другъ другу руки, зная, что рука, которую мы пожимаемъ, посвящаетъ трудъ свой общему дѣлу, не лишенному величія. Настоящее время чревато будущностью, и мы стараемся облегчить ему муки разрѣшенія.

Я забылъ вамъ сказать, что преимущественно при многочисленномъ стеченіи народа на праздникахъ *pardons* купцы покупаютъ у молодыхъ дѣвушекъ ихъ прекрасные волосы, уплачивая за то разноцвѣтными платками, которые идутъ на украшеніе стриженныхъ головъ. Эта торговля усилилась въ послѣднія тридцать лѣтъ, потому что изъ волосъ выдѣлываютъ, кромѣ париковъ и накладокъ, множество разныхъ вещей, каковы кольца, браслеты, ожерелья, цѣпочки, медальоны, не считая прядей, которыми обмѣниваются любовники: эта свободная мѣна, обыкновенно производимая контрабандою въ городахъ, не относится къ нашему предмету. Сельская дѣвушка нисколько не считаетъ своихъ волосъ украшеніемъ и не думаетъ кокетничать ими; напротивъ ей совѣстно ихъ показывать, и она считаетъ величайшимъ стыдомъ, если мужчина увидитъ волосы ея, падающіе до земли. Этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется готовность ея отдавать на жертву спекуляторамъ свою роскошную косу. Она покажетъ вамъ обнаженную ногу до колѣна, но ни за что не рѣшится показать голову и плечи; свѣтская женщина поступаетъ совершенно наоборотъ. Такъ то справедливо, что стыдливость дѣло условное. Бываетъ сверхъ того стыдливость утренняя и стыдливость вечерняя; вечеромъ обнажаютъ плечи и грудь передъ всѣми, вѣдь ничто не украшаетъ такъ вечеромъ, какъ нагота; но днемъ, и дома, показаться въ такомъ видѣ было бы неприлично.

Несмотря на ежегодную стрижку, подобную періодической стрижкѣ деревьевъ, бретонскія головы не удовлетворяютъ потребностямъ вывоза; эта отрасль промышленности распространилась по Нормандіи и другимъ странамъ до такой степени, что комиссіонеры домовъ, занимающихся волосянымъ промысломъ, объѣзжаютъ ежегодно по крайней мѣрѣ четвертую часть нашихъ департаментовъ и, по общему вычисленію, добываютъ каждый годъ до ста тысячъ килограммовъ волосъ. Во-

лосы покупаются почти исключительно женскіе по пяти франковъ за килограммъ; ихъ подвергаютъ многочисленнымъ операціямъ, и потомъ уже перепродаютъ по 80 франковъ за килограммъ парикмахерамъ, для выдѣлки париковъ всякаго рода. Но разнообразныя улучшенія, которымъ подвергается суровый матеріалъ, не могутъ достаточно объяснить такую страшную разницу въ цѣнѣ, и необходимо предположить, что здѣсь, какъ во многихъ отрасляхъ промышленности, покупатель безстыдно наживается насчетъ производителя. Какъ бы то ни было, эти чудные локоны, бѣлокурые, каштановые или черные, блистающіе вѣнцомъ красоты на челѣ нашихъ свѣтскихъ дамъ, прикрывали прежде, пропадая для взоровъ, некрасивыя головы бѣдныхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, не умѣющихъ выставить на показъ даже тѣ прелести, которыми надѣлила ихъ природа.

Мы проводили влюбленную чету на ярмарку *pardou*, и тамъ мы потеряли ихъ изъ виду. Юная невѣста отличалась необыкновенною щеголеватостію наряда, и держала въ рукахъ палочку орѣховаго дерева, разукрашенную арабесками, которыя возлюбленный ея вырвалъ на снятой корѣ: тутъ были и пламенные сердца, и цѣлый арсеналъ волканическихъ эмблемъ. Нескончаемыя любезности сокращали имъ путь. Молодой человекъ срывалъ сочныя ягоды ежевики, которыя манятъ прохожихъ изъ-за колючихъ вѣтвей ограды, и безъ церемоніи подносилъ ихъ красавицѣ въ своей шляпѣ, а та съ ужимками брала ихъ себѣ въ ротъ; или она, въ свою очередь, наполняла карманы орѣхами, и энергически защищала ихъ отъ нескромныхъ рукъ своего спутника. Потомъ, когда женихъ и невѣста, среди всѣхъ этихъ забавъ, достаточно уже испытали другъ друга пинками, толчками и тому подобными ласками, неизбежный посредникъ Гименея, портной, вооруженный вѣткою дрока, съ краснымъ чулкомъ на одной ногѣ и синимъ на другой, представляетъ жениха, въ сопровожденіи его ближайшихъ родныхъ, семейству невѣсты. Всѣ садятся за столъ, пьютъ изъ одного *richet*, рѣжутъ однимъ ножомъ, потомъ приступаютъ къ осмотру всего домашняго богатства, пересчитываютъ скоть, открываютъ шкафы, набитые новыми одѣялами, показываютъ пирамиды серебряныхъ эку, нерѣдко занятыхъ у сосѣдей для торжественнаго случая, наконецъ обѣ стороны бьютъ по рукамъ, и отказаться уже нѣтъ никакой возможности. Помолвленные, въ сопровожденіи дружекъ, разносятъ приглашенія. Начинается закупка подарковъ, всѣмъ портнымъ въ сосѣдствѣ

заказываются свадебныя платья. Наконецъ наступаетъ день брака. При торжественныхъ случаяхъ особенно разыгрывается фантазія у первобытныхъ народовъ; такъ и здѣсь выступаютъ на арену два искусные импровизатора, и начинаютъ настоящее поэтическое единоборство. Одинъ, представляя жениха, требуетъ своей невѣсты, другой подтруниваетъ надъ его нетерпѣніемъ, и, какъ бы уступая его желанію, представляетъ ему сначала старуху, ребенка, другихъ дѣвицъ. Наконецъ всѣ отправляются въ церковь, большею частію верхомъ, подвое на каждой лошади; всадникъ сажаетъ за собою жену, возлюбленную или сестру, что составляетъ самую пеструю картину, благодаря щегольству и разнообразію бретонскихъ костюмовъ. Когда новобрачная выходитъ изъ церкви, ей подносятъ огромную лавровую вѣтку, украшенную плодами и лентами, нѣчто въ родѣ вашихъ вербочекъ; на ней шнуркомъ привязана птичка; невѣста обрѣзываетъ шнурокъ и возвращаетъ свободу бѣдной пльниці. Эта улетающая птичка встрѣчается подъ разными видами во всѣхъ деревняхъ Франціи на всѣхъ свадьбахъ.

Всѣ присутствующіе садятся за гомерическій обѣдъ, съ котораго и нищіе получаютъ свою долю Христа ради; продолжаются оргіи, въ которыхъ только новобрачные держатъ себя прилично. При этомъ поются пѣсни или, скорѣе, изливаются жалобы жениха и невѣсты, столь строгія и нравственныя, что нерѣдко глаза всѣхъ собесѣдниковъ наполняются слезами. По окончаніи танцевъ, приступаютъ къ раздѣванію молодой супруги; только свадебный головной уборъ остается непривосновеннымъ: необходимо, чтобы и на другой день онъ сохранилъ всю свою свѣжесть. Родители и дѣвица, исполняющая при невѣстѣ обязанность дружки, кладутъ ее на постель, болѣе похожую, какъ я сказалъ выше, на шкафъ, чѣмъ на ложе. Вслѣдъ за тѣмъ вводятъ туда же новобрачнаго, одѣтаго также въ бѣлое платье. Двери кровати затворяются за ними; всѣ снимаютъ шляпы и посреди торжественнаго молчанія, старшій изъ присутствующихъ запѣваетъ: *veni, Creator!* За тѣмъ открываютъ кровать и приносятъ новобрачнымъ молочный супъ; но ложка устроена такъ, что жидкость въ ней не держится, и всѣ клецки перевязаны невидимою ниткой, такъ что невозможно захватить ни одной.

Въ иныхъ мѣстахъ дружка, прислонясь спиною къ стѣнѣ, держитъ въ рукахъ свѣчку и удаляется тогда только, когда она начинаетъ ему жечь пальцы; въ другихъ мѣстахъ новобрачные

и дружки (юноша и дѣвушка) ложатся всѣ на одну кровать, но послѣдніе черезъ нѣсколько минутъ удаляются.

Въ нѣкоторыхъ кантонахъ мужъ долженъ похитить жену, какъ было нѣкогда въ обычаѣ у Самнитянъ. Она прячется, а онъ, проискавъ ее иногда нѣсколько дней, долженъ прибѣгнуть къ выкупу. Три первыя ночи посвящаются Св. Дѣвѣ, и супруги оставляютъ въ покоѣ только на четвертую.

Передъ отъѣздомъ, молодыя дѣвушки окружаютъ новобрачную, стараясь сорвать съ ея головы брачный вѣнокъ, приколотый сотнею булавокъ; каждая должна добыть себѣ хоть одну изъ этихъ булавокъ, потому что онѣ приносятъ счастье и способствуютъ къ пріисканію жениховъ. Въ эту минуту новобрачная обливается горькими слезами и убѣгаетъ въ толпѣ подругъ, а новобрачный бѣжитъ ее отыскивать въ сопровожденіи своихъ дружекъ. Затѣмъ начинается борьба, по наружности очень серіозная; усилія, употребляемая для увлеченія молодой жены въ домъ мужа, не рѣдко оканчиваются совершеннымъ разстройствомъ ея туалета, чтò вмѣняется ей въ большую заслугу; чтѣмъ сильнѣе оказываетъ сопротивленіе дѣвушка, тѣмъ громче слова ея добродѣтели въ кантонѣ, и тѣмъ тверже увѣренность мужа въ ея вѣрности.

Наконецъ, по выполненіи всѣхъ церемоній и продѣлокъ, освященныхъ древностію, всѣ расходятся по домамъ и располагаются ночевать. На слѣдующее утро мужъ становится повелителемъ: жена перестаетъ говорить ему *ты*, и можетъ возстановить свое первенство только хитростью и ловкостью. Я сказалъ уже, что это ей часто удается: человѣкъ охотнѣе всего подчиняется вліянію снизу вверхъ, если только не замѣчаетъ этого.

Родители не даютъ приданаго дѣтямъ; если они фермеры или собственники, то уступаютъ имъ третью или четвертую часть своего земледѣльческаго хозяйства; если они батраки, то даютъ имъ большой хлѣбъ въ 12 фунтовъ вѣсомъ, комокъ масла—и ничего больше. Они будутъ добывать хлѣбъ свой въ потѣ лица. Простите, *пардоны*, простите праздники и танцы! наступаютъ тяжкіе труды и семейныя заботы, мало услаждаемая радостями материнской любви.

Новорожденный почитается ангеломъ, ниспосланнымъ съ неба; мать посылаетъ всѣмъ беременнымъ сосѣдкамъ блага хлѣба и подогрѣтаго вина, и едва кумушки успѣютъ окутать младенца свивальникомъ, какъ всѣ молодыя матери собираются кормить его грудью, потому что безгрѣшныя уста приносятъ

счастіе. Если онъ сирота, то у него вмѣсто одного семейства является десять. При пробужденіи ребенка лобикъ его осѣняютъ знаменіемъ креста, для чего употребляютъ большой палець. Особа кормилицы священна, и если на встрѣчу вамъ попадется мать съ ребенкомъ на рукахъ, вы непременно должны сказать ей: «Да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе!» Иначе, если съ ней случится какое-нибудь несчастіе, то васъ могутъ обвинить, что вы сглазили ее. Заклятый врагъ отступить передъ отцомъ, у котораго на рукахъ ребенокъ. Но зачѣмъ же такое трогательное сочувствіе къ ребенку при совершенномъ отсутствіи разумныхъ попеченій о немъ? Сколько будущихъ Геркулесовъ умираетъ отъ несваренія въ желудкѣ каши, отъ погруженія въ священные колодези, и болѣе всего отъ страшнаго пеленанья! Прежде всего ребенокъ долженъ быть силенъ; одна сила ставится во что-нибудь, все остальное приносится въ жертву. Оттого-то радуются только рожденію мальчика, а дѣвочку называютъ выкидышемъ.

Вы видите, что Бретонцы сдѣлали мало успѣховъ въ вѣжливости къ прекрасному полу съ тѣхъ поръ, какъ мадамъ де-Севинье, разговаривая съ однимъ крестьяниномъ о женщинѣ, услышала слѣдующій отзывъ: «Извѣстно, что ихъ надо колотить, только не до смерти.»

Крещеніе, такъ же какъ и женитьба, доставляетъ случай или по крайней мѣрѣ предлогъ къ устройству обѣда, то-есть новой оргіи, общаго пьянства, въ которомъ всѣ принимаютъ участіе, мужчины, женщины, дѣти, старики. Пьянство — неизлѣчимый порокъ бретонскаго крестьянина, пьянство хладнокровное, разчитанное; одно это, по моему мнѣнію, уже доказываетъ, что люди эти не пользуются счастіемъ, не выполняютъ назначенія, даннаго имъ Богомъ. Человѣкъ, намѣренно омрачающій разумъ свой виномъ, желаетъ заглушить свое страданіе, помечтать о томъ, чего не достаетъ ему. Опьянѣніе—это надежда или забвеніе, за которыми мы гонимся, когда насъ удручаетъ слишкомъ горькая дѣйствительность. Счастливый человекъ хранить свое счастье, наслаждается имъ отъ всей души, и не захочетъ потерять сознанія о немъ въ скотскомъ опьянѣніи.

Бережливый до скупости, подобно всѣмъ, кому трудно достается копейка, бретонскій крестьянинъ копить деньги, но никогда не пускаетъ ихъ въ оборотъ. Онъ охотно тратитъ время, чтобы побывать на рынкѣ, но въ этомъ заключается его удовольствіе. Онъ проводитъ день въ кабакѣ, напивается до-

пьяна, экономически, одинъ, и притомъ водкою. Случается впрочемъ, что цѣлая семья предпринимаетъ поѣздку въ городъ, чтобы тамъ напиться, точно такъ, какъ отправляется напри- мѣръ обѣдать за городъ. Всѣ садятся въ телѣгу, и женщины соперничаютъ съ мужчинами въ грубыхъ удовольствіяхъ, наслаждаются трубкою, сидромъ, водкою. Одинъ изъ общества приносить себя въ жертву общему благу: онъ напивается только въ половину, съ тѣмъ чтобы править телѣгою и довести всѣхъ до дому.

Иные возвращаются лѣшкомъ; дорогою они нѣсколько разъ падаютъ, валяются въ грязи, и потомъ входятъ къ себѣ въ домъ, страшные, покрытые нечистотами всякаго рода, съ всклокоченными волосами, съ идиотическими лицами, нисколько не обращая вниманія на женщинъ, дѣтей и сосѣдей, которые видятъ ихъ въ такомъ скотскомъ состояніи, и могутъ сказать философически: « Вотъ каковъ буду и я въ воскресенье ».

Водка и трубка — двѣ господствующія страсти бретонскаго крестьянина. Привязанность къ питью простирается въ немъ до такой степени, что въ нѣкоторыхъ маленькихъ городкахъ трактиры встрѣчаются на каждомъ шагу, а на фермахъ необходимость заставила установить чаеы, въ которые дозволено работникамъ курить; обыкновенно имъ дается четыре трубки на день, а вечеромъ, по окончаніи работъ, сколько кому угодно.

Послѣ рожденія, женитьбы и цѣлаго ряда монотонныхъ дней, составляющихъ жалкое существованіе крестьянъ, наступаетъ смерть, которую они встрѣчаютъ холодно, лицомъ къ лицу, потому что вся жизнь ихъ была непрерывнымъ трауромъ. Всѣ члены семейства окружаютъ больнаго, заказываютъ обѣдню въ приходской церкви, безпрестанно поятъ его подогрѣтымъ виномъ, и при немъ разсуждаютъ о его близкой кончинѣ, о томъ, что ему жить остается нѣсколько часовъ. « Молись и поручай Богу душу свою, повторяютъ ему кумушки, теперь ужъ ты не далеко уйдешь. » Въ свою очередь приходитъ священникъ съ похоронными атрибутами и безъ всякой осторожности говорить больному о неизбѣжной смерти, о мукахъ ада, которыя ожидаютъ его, если онъ не раскается въ своихъ грѣхахъ и не исповѣдаетъ ихъ. И онъ плачетъ въ самомъ дѣлѣ, и плачутъ дѣти, его окружающія; если предсмертныя муки продолжительны, то зажигаютъ свѣчу передъ алтаремъ *Notre Dame de Délivrance*, какъ дѣлаютъ всегда и при разрѣшеніи беременныхъ женщинъ, чтобы ускорить развязку. Когда умирающій испускаетъ по-

слѣдній вздохъ, свѣчу гасятъ и ею еще дѣлають три крестныя знаменія на одѣялѣ, потомъ зашиваютъ покойника въ саванъ, кладутъ его въ гробъ и заколачивають,— все это дѣлается на глазахъ цѣлаго семейства. Надъ тѣломъ сидятъ ночь или двѣ, плачутъ, и больше всего, если только покойникъ былъ богатъ, пьютъ и ѣдятъ, что привлекаетъ бѣдныхъ и голодныхъ со всѣхъ концовъ общины. Тщательно смотрятъ домашніе, чтобы всѣ сосуды, какіе есть въ домѣ, были наполнены водою, изъ опасенія, чтобы душа умершаго, стараясь омыться, не вздумала, за неимѣніемъ воды, погрузиться въ кринки съ молокомъ, отчего непременно бы свернулись сливки. Наконецъ гробъ ставятъ на телѣгу, и быки, которыми покойный пахалъ землю, отвозятъ его въ послѣднее жилище. Всѣ домочадцы сопровождаютъ драгоценныя останки и удаляются, бросивъ въ могилу горсть земли. Всѣ въ домѣ надѣвають трауръ, даже углы обзываются чернымъ крепомъ, иначе погибнуть всѣ пчелы.

По окончаніи погребенія, родственники и друзья покойнаго садятся за похоронный обѣдъ, непременно оканчивающійся сценою общаго пьянства, неизбѣжною при каждомъ многочисленномъ собраніи въ Бретани. Мнѣ случилось лично присутствовать при одной изъ такихъ отвратительныхъ оргій, и вотъ какъ было дѣло. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сохранилось арендаторство и фермерство *изъ полу* (*à moitié fruit*), фермеръ, кромѣ половины собираемаго хлѣба натурою и условленной суммы денегъ за наемъ дома, луговъ, огородовъ и пр., даетъ еще 11-й или 16-й снопъ со всей жатвы колосоваго хлѣба, что сохранило названіе десятины (*dîme*), подобно той части, которую до революціи собирало духовенство. Всѣ фермеры одного землевладѣльца отвозятъ эту десятину къ нему на дворъ, и когда вымолотятъ и вывѣютъ хлѣбъ, то въ торжественной процессіи приходятъ за помѣщикомъ, сажаютъ его на кресло, а равно всѣхъ членовъ его семейства, большихъ и малыхъ. Ихъ поднимаютъ на руки, обносятъ по всему двору вокругъ груды зеренъ, потомъ, опустивъ на землю, вымѣриваютъ хлѣбъ и ссыпаютъ его въ анбары. Съ своей стороны землевладѣлецъ щедро одѣляетъ всѣхъ виномъ, сидромъ, водкою; фермеры садятся за столъ, пьютъ, ѣдятъ, поютъ пѣсни и напиваются допьяна. Такого-то торжества случилось мнѣ быть свидѣтелемъ: когда гости наѣлись досыта, когда они истожили весь репертуаръ своихъ визгливыхъ пѣсень, когда они проплясали всѣ свои сатанинскія пляски и не въ состояніи уже были держаться на ногахъ, то

на нихъ нашло странное безуміе: съ дикими криками ринулись они другъ на друга, вырывали одинъ у другаго ключья волосъ, рвали платье, кусались, дрались до крови, и, кажется, перерѣзали бы другъ друга, еслибъ у нихъ достало силы. Много труда стоило намъ разнять ихъ, потому что нравственныя увѣщанія не имѣли надъ ними никакой силы. Мы заперли двухъ братьевъ въ одинъ хлѣвъ; они тотчасъ же, какъ безумные бросились другъ на друга, и одного необходимо было вытащить оттуда. На другой день, ни одинъ изъ этихъ несчастныхъ не помнилъ страшной сцены, происходившей наканунѣ, и никто не сохранилъ ни малѣйшей злобы противъ того, кому еще недавно готовъ былъ перерѣзать горло. Такъ-то обыкновенно между ними пьянство, такъ мало придаютъ они ему значенія.

Въ религіи бретонскаго крестьянина замѣтны яркіе слѣды друидизма. Отсюда вошли въ обыкновеніе огни, зажигаемые тысячами на Ивановъ день, подобно древнимъ огнямъ въ честь солнца, вокругъ которыхъ собираются плясать хороводы; отсюда священные воды нѣкоторыхъ источниковъ, возливаемая на шею и руки для возстановленія силъ и здоровья. Женщины погружаютъ въ нихъ свой поясъ, чтобы разрѣшиться благополучно отъ бремени, въ нихъ же омачиваютъ онѣ рубашку своего ребенка, чтобы предохранить его отъ болѣзней. Друидическіе камни, разсѣянные по всей провинціи, принесены были Св. Дѣвою въ ея передникъ, или поставлены святыми угодниками въ воспоминаніе ихъ странствованій. *Дольмены*, наши древнія городища, суть жилища безобразныхъ черныхъ карликовъ, *roulriquets*, которые бросаются на заблудившихся путниковъ, заставляють ихъ плясать съ собою и закруживають ихъ до смерти.

Бретань классическая страна невѣжества и суевѣрія. На каждомъ шагу вамъ представляются чудеса и сверхъестественныя явленія. Мало селеній, въ которыхъ бы не было благочестивыхъ пустынниковъ, расхаживающихъ по волнамъ океана и появляющихся во время грозы. Пѣніе птицы внятно говоритъ бретонскому крестьянину, шумъ, повторившійся троекратно, имѣетъ для него понятный смыслъ, вой собаки предвѣщаетъ смерть, въ шумѣ вѣтра, въ ропотѣ моря имъ слышатся голоса утопленниковъ, взывающихъ о погребеніи. Тѣла ихъ отыскивають, бросая въ море зажженную свѣчу на черномъ хлѣбѣ: она остановится на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ трупъ. Кукушка, по-

втореніемъ крика своего, возвѣщаетъ молодой дѣвушкѣ, черезъ сколько лѣтъ она выйдетъ замужъ. Если рубашка ребенка тонетъ въ водѣ извѣстныхъ источниковъ, то не стоитъ и заботиться о немъ: онъ непременно умретъ въ теченіи года; если же она всплыветъ, то ребенокъ проживетъ долго, и на него тотчасъ же надѣваютъ эту мокрую рубашку, чтобы предохранить его отъ всѣхъ бѣдъ. Домовые мѣшаютъ во всѣ работы, похищаютъ сливки съ молока, спутываютъ лошадямъ гривы. Если лошадь зѣвнетъ, то ей непременно скажутъ: «Да поможетъ тебѣ Св. Ілья!» Наканунѣ Рождества всѣ постятся, не исключая и домашнихъ животныхъ.

Рѣдко метутъ дома днемъ, но ночью ихъ не метутъ никогда, потому что въ то время прогуливаются покойники, и этимъ можно ихъ обезпокоить. Въ праздникъ Крещенія, отъ пирога отрѣзываютъ долю отсутствующихъ и тщательно ее сохраняютъ. Если она сохранить свой настоящій видъ, то они здоровы, если она покроется плѣсенью, то они больны. Мать, потерявшая сына, приноситъ шапочку Младенцу-Іисусу, чтобъ Онъ на небесахъ улыбнулся ея малюткѣ. . .

Часть береговъ Бретани состоитъ изъ дюнь, на которыхъ скопляется песокъ; уносимый потомъ вѣтромъ во внутренность земли и покрывающій ее на большомъ пространствѣ. Недалеко отъ устья Луары находилась на берегу моря деревня, которая въ половинѣ прошедшаго столѣтія погребена была подъ песками океана. Огромныя массы ихъ нанесены были на берегъ; гонимыя вѣтромъ, онѣ достигли обработанныхъ полей и мало-по-малу покрыли часть общинной земли. Несмотря на всѣ усилія поселянъ, пески дошли до домовъ, и скоро засыпали всю деревню, которая и оставлена была жителями. Старожилы разказывали мнѣ, что въ молодости своей они видали еще шпигъ колокольни этой деревни, но по общей участи засыпанныхъ жилищъ, онъ также исчезъ, и старинная деревня вся покинута подъ горами песку, какъ Геркуланумъ и Помпея у подошвы Везувія подъ слоемъ лавы, извергнутой на нихъ вулканомъ.

Деревьевъ нѣтъ на этихъ дюнахъ, которыхъ поверхностью вѣтеръ играетъ какъ волнами моря; крестьяне топятъ кизякомъ, который предварительно прилѣпляютъ на стѣны домовъ своихъ для просушки. Этотъ странный обычай нисколько не содѣйствуетъ прелести жилищъ и живописности страны. Такъ какъ навозъ, необходимый для ихъ полей, идетъ на топливо, то они замѣняютъ его известковымъ пескомъ и сбо-

ромъ водорослей и морскихъ травъ. Водоросль (goemon, varech) бываетъ двухъ родовъ: одна,—вольная, отрываемая со дна и выбрасываемая на берегъ бурями и приливомъ, — принадлежитъ всякому, кто вздумаетъ собирать ее; другая, назначенная для срѣзки, собирается весною на прибрежныхъ скалахъ, которыя обнажаются во время великихъ равноденственныхъ отливовъ. Сборъ этотъ составляетъ исключительное право общинъ, земли которыхъ примыкаютъ къ этимъ скаламъ. Меры такихъ общинъ назначаютъ время, когда начинать и оканчивать срѣзку водорослей, происходящую обыкновенно между большими приливами въ февралѣ и въ маѣ или юнѣ. Обыкновенно утесы раздѣляются между всѣми, имѣющими право, пропорціонально съ значительностью обрабатываемыхъ ими полей; впрочемъ иногда срѣзка предоставляется на расхищеніе безъ порядка и надзора, обычай пагубный, потому что тогда всякій, побуждаемый минутною корыстью, вырываетъ съ корнемъ растенія, вмѣсто того чтобы срѣзывать ихъ, нисколько не заботясь объ уменьшеніи полезнаго продукта на будущіе годы.

Въ день, назначенный для срѣзки, прежде еще, чѣмъ море отойдетъ совершенно, и когда еще берегъ покрытъ водою на нѣсколько футовъ, толпа, горящая нетерпѣніемъ воспользоваться краткимъ отливомъ, пускается съ телѣгами въ путь къ мрачнымъ утесамъ, покрытымъ длинными, висячими водорослями, съ которыхъ течетъ морская вода, какъ съ распущенныхъ волосъ утопленника. Шумное шествіе, предводимое тѣми, которые долгимъ опытомъ приобрѣли почетное право кормчихъ, уже рисуется черною массою на влагѣ, блестящей свѣтомъ и тишиною. Вскорѣ каждый принимается со всею дѣятельностью, со всѣмъ жаромъ, какими только надѣлила его судьба, собирать драгоценныя морскія растенія, назначенныя для оплодотворенія его полей. Ихъ тотчасъ же нагружаютъ на телѣги и отвозятъ на берегъ повыше того мѣста, котораго достигаетъ приливъ, поспѣшно сваливаютъ грузъ и скачутъ за новою добычею до тѣхъ поръ, пока первая волна не ударитъ на ребро рифа и не подастъ сигнала работникамъ къ отступленію. Тогда люди и животныя поспѣшно бѣгутъ, не оборачиваясь назадъ.

Если скала съ водорослями доступна только для лодокъ, или если даже она слишкомъ удалена отъ берега, и невозможно извлекать морскія травы съ помощію телѣгъ, то изъ водорослей устраиваютъ родъ плота, чтобы пригнать ихъ къ берегу тѣмъ же способомъ, какимъ сгоняютъ по теченію рѣкъ плоты съ

лѣсомъ. Водоросли собираются въ большія, крѣпко связанныя кучи, и когда приближается море, то простые работники возвращаются прежнимъ порядкомъ, оставляя на волю Божию смѣлаго пловца, принимающаго на себя обязанность препроводить къ берегу пловучую массу,—честь, которой нерѣдко домогается любовникъ, въ надеждѣ подобнымъ подвигомъ тронуть сердце своей возлюбленной. Надобно видѣть, чтобы составить себѣ понятіе, какъ эта странная флотилія подъѣзжаетъ къ берегу, несомая волнами прилива. Такъ какъ водоросли плывутъ, едва показываясь на поверхности моря, то вы видите только смѣлаго пловца, который то исчезаетъ, то появляется, какъ бы стоя на волнахъ, и опираясь на длинный шестъ, въ позѣ римскаго триумфатора. Грозная опасность придаетъ еще болѣе торжественности такому зрѣлищу, и нерѣдко случается, что бурная волна уноситъ кормчаго вмѣстѣ съ грузомъ въ самую глубь моря.

На нѣкоторыхъ берегахъ Бретани встрѣчается еще дикое населеніе морскихъ грабителей, которые весьма не охотно отказались отъ *береговаго права*; ихъ узнать можно по ястребиному взгляду, который они устремляютъ на океанъ при наступленіи бури. Это старинное преданіе, которому нѣкогда помѣщики научали отцовъ ихъ; даже аббатства и капитулы кафедральныхъ церквей пользовались этимъ ненавистнымъ правомъ грабежа несчастныхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Одинъ землевладѣлецъ графства Леонъ говорилъ, показывая утесъ, гдѣ по приказанію его зажигался на ночь фальшивый маякъ: «У меня здѣсь драгоценный камень, какихъ нѣтъ даже въ королевской коронѣ.» А въ 1430 г. герцогъ Бретанскій жаловался папѣ, что епископъ Сенъ-Мало присвоилъ себѣ это право въ его городѣ. Еще въ концѣ XVII обычай грабежа потерпѣвшихъ кораблекрушеніе перешелъ отъ знатныхъ людей къ простолюдинамъ: не дожидаясь, чтобы судно потеряло всякую надежду на спасеніе, прибрежные жители, вооруженные топорами, прорубали его со всѣхъ сторонъ и расхищали все, что могли. Въ *Ordonnance de la Marine* (1681) Лудовикъ XIV грозилъ смертною казнію владѣтелямъ прибрежныхъ помѣстій, если они будутъ принуждать лоцмановъ наводить на мели и утесы суда, ввѣренные ихъ попеченію, а равно и тѣмъ, которые будутъ зажигать фальшивые маяки на прибрежныхъ скалахъ для привлеченія и гибели судовъ. Тѣ же землевладѣльцы присвоили себѣ право исключительнаго владѣнія пе-

сками океана и водорослями, покрывающими утесы, и тотъ же указъ запрещалъ имъ требовать съ фермеровъ деньги за право удобрить свою землю.

Если вы попросите меня теперь высказать вкратцѣ мнѣніе мое о Бретонцахъ, то вы крайне затрудните меня. Въ этомъ народѣ господствуютъ три важные порока, общіе всѣмъ дикарямъ: жадность, презрѣніе къ женщинамъ и пьянство. Но въ правѣ ли мы ставить имъ въ преступленіе пороки, неразлучные съ состояніемъ варварства, въ которомъ они коснѣютъ, тогда какъ они, въ свою очередь, могутъ упрекнуть насъ, избранныхъ міра сего, въ томъ, что мы оставили имъ слишкомъ малую долю при распредѣленіи общественныхъ благъ, и что мы ни мало не заботимся о распространеніи между ними свѣта цивилизаціи? Честность Бретонцевъ обратилась въ пословицу, и это качество принадлежало бы имъ вполнѣ, еслибъ оно внушало имъ болѣе откровенности, болѣе чистосердечія. Крестьянинъ не солжетъ, но никогда не скажетъ прямо ни да, ни нѣтъ, и всегда оставитъ себѣ на всякій случай какую-нибудь лазейку. Заставить его вымолвить то, чтó онъ думаетъ, столько же трудно, сколько невозможно заставить его сказать то, чего онъ не думаетъ. Быть всегда насторожѣ—вотъ его нормальное состояніе. Взгляните на его поля: они окружены оградой, валомъ, глубокимъ рвомъ и насыпью, по которой идутъ непроницаемыя изгороди. Взгляните на его домъ: онъ запертъ двойною дверью и тройнымъ замкомъ; свѣтъ едва проникаетъ въ него сквозь узкое волоковое окно. Взгляните на его закрытую кровать, которую я по справедливости сравнилъ съ сундукомъ или шкафомъ. Взгляните наконецъ на множество одеждъ, которыми они (мучины и женщины) закутываютъ себя съ головы до ногъ, какъ непроницаемыми кирасами. Шляпа съ огромными полями бросаетъ мрачную тѣнь на его лицо, полузакрытое цѣлымъ лѣсомъ волосъ, длинныхъ, нечесанныхъ, рассыпанныхъ по плечамъ; на груди его уступами идутъ пять или шесть жилетовъ. И что же? Душа его окружена такою же оградой, какъ его поля, заперта со всѣхъ сторонъ подобно дому его, мрачна и таинственна, какъ его кровать, покрыта такою же кирасою, какъ его особа, въ отношеніи къ иностранцу, не говорящему его роднымъ языкомъ. Совсѣмъ тѣмъ гостепріимство до такой степени прирождено Бретонцу, что отказаться отъ обѣда и ночлега считается смертельною обидою. Нищимъ всегда отворены двери: ихъ принимаютъ, какъ посланниковъ Божіихъ,

угощаютъ, ласкаютъ и болѣе всего слушаютъ ихъ, потому что они живыя газеты, постоянные разкашики, бродячіе народные поэты Бретани. Оттого въ странѣ этой множество нищихъ, живущихъ, по лѣности своей, на счетъ чужаго труда.

Часто земледѣльцы прибѣгаютъ къ помощи своихъ сосѣдей и созываютъ такъ-называемыя *grandes journées*. На полѣ, требующемъ значительнаго углубленія, за плугомъ идутъ 18—20 сильныхъ землекоповъ, раздѣляющихъ между собою работу на равныя участки по всему протяженію пашни. Каждый изъ нихъ ударомъ заступа углубляетъ борозду, отрытую плугомъ, и отбрасываетъ землю на обороченную полосу. Обѣдъ, изобильно приправленный сидромъ, составляетъ единственную плату за трудъ, и каждый всегда готовъ оказать другому подобную услугу. При производствѣ важной работы, напримеръ молотбы хлѣба на гумнѣ, дѣло идетъ тѣмъ же порядкомъ: всѣ собираются на общую работу въ праздничныхъ платьяхъ, и если каждый питаетъ надежду, что и ему помогутъ сосѣди въ свою очередь, то это ни сколько не обязательно и предоставляется произволу каждаго. Разъ во время грозы, одинъ крестьянинъ прибѣжалъ помогать въ уборкѣ хлѣба сосѣду, съ которымъ у него была тяжба, и когда городской житель изъявилъ свое удивленіе, то онъ сказалъ ему: «Стоилъ ли бы я названія христіянина, еслибы поступилъ иначе?»

И вмѣстѣ съ тѣмъ эти же самые люди ежедневно безъ всякаго стыда приходятъ требовать платы по условію, котораго они не выполнили. Преимущественно въ отношеніяхъ хозяина и работника обнаруживается самое отчаянное мошенничество съ наглымъ безстыдствомъ и безъ всякой пощады, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Въ странахъ, гдѣ производится большое хозяйство, назначены опредѣленные сроки, на которые нанимаются работники на годъ или на какую-нибудь часть года; оставить мѣсто или потерять его до назначеннаго срока считается у нихъ безчестіемъ; и если случайно какая-нибудь крайняя необходимость заставляетъ ихъ на время отлучиться, то они почитаютъ себя не въ правѣ сдѣлать это, не предупредивъ хозяина и не давъ ему времени найти кого-нибудь на ихъ мѣсто. Въ Нижней Бретани нѣтъ ничего подобнаго; работники на фермахъ, ни сколько не думая чистосердечно предлагать свои услуги тому, кто можетъ употребить ихъ въ пользу, ожидаютъ съ неумѣстною гордостью приглашенія. Не рѣдко даже, что въ другомъ мѣстѣ показалось грубымъ невѣжествомъ, ихъ пере-

манявуютъ изъ дома, гдѣ они нанимаются; нѣтъ никакихъ сроковъ для начала и конца наемной работы; этого еще мало: если какой-нибудь капризъ, какая-нибудь обида, дѣйствительная или выдуманная, или другой какой-нибудь предлогъ, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ, побуждаетъ работника или работницу на фермѣ оставить свое мѣсто, они это дѣлаютъ безъ всякаго предварительнаго увѣдомленія, безъ всякой формальности, и даже часто случается, что хозяинъ только по остановкѣ работы узнаетъ объ удаленіи своихъ работниковъ. Нѣтъ также никакого средства уговорить работника на фермѣ, чтобъ онъ не ходилъ на всѣ свадьбы, куда его приглашаютъ, на похороны всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми онъ имѣлъ хотя малѣйшее сношеніе, ко всѣмъ *pardons*, на всѣ сосѣднія ярмарки, и все это онъ дѣлаетъ непремѣнно, и никто не имѣетъ права вычестъ у него изъ жалованья за отлучки, въ продолженіе которыхъ онъ и похищаетъ время, принадлежащее его хозяину. Понятно, что такой существенный недостатокъ въ земледѣльческой цивилизаціи страны составляетъ серіозное препятствіе къ образованію настоящаго хозяйства.

Въ заключеніе необходимо упомянуть о существованіи въ Бретани многочисленныхъ земледѣльческихъ собраній, обществъ для лошадиныхъ скачекъ, центрального земледѣльческаго общества и бретонскаго конгресса, который ежегодно переноситъ мѣсто своихъ засѣданій въ одинъ изъ главныхъ городовъ провинціи. Въ этомъ собраніи дѣлается то же, что и во всѣхъ подобныхъ ему: тамъ завтракаютъ, обѣдаютъ, пируютъ, и бесѣдуютъ полу-ученымъ, полу-сентиментальнымъ тономъ объ успѣхахъ земледѣлія и о симпатіяхъ, которыя должно возбуждать во всѣхъ столь полезное для общества сельское населеніе. Тамъ раздаются преміи и медали, тамъ пьютъ за здоровье префекта или подпрефекта, который удостоиваетъ предсѣдательствовать на празднествѣ, тамъ пьютъ за здоровье лицъ, удостоенныхъ награды, пьютъ въ честь завоеваній уже совершенныхъ и тѣхъ, которыя предстоитъ еще совершить, пьютъ въ честь улучшенія породы бычачьей, лошадиной, овечьей, козиной и свиной. Тамъ произносятся рѣчи, и чокаются стаканами посреди восторженнаго настроенія всего общества.

Что касается до меня, то я предпочелъ бы общества трезвости, въ которыхъ, безъ тостовъ, занимались бы дѣятельнымъ улучшеніемъ рода человѣческаго.

Евгеній Бонмеръ.

* * *

Не разъ въ душѣ, познавшей смѣло
Разврата темныя дѣла,
Святое чувство уцѣлѣло
Одно средь лютой и зла

Такъ столбъ разрушеннаго храма,
Гдѣ пронеслося буйство битвъ,
Стоитъ одинъ, глася средь срама
О мѣстѣ вѣры и молитвъ.

К. ПАВЛОВА.

АРИСТОКРАТІЯ И ИНТЕРЕСЫ ДВОРЯНСТВА

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ ПО ПОВОДУ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА

Статья вторая (1).

Въ предыдущей статьѣ, мы собрали нѣсколько историческихъ свѣдѣній о развитіи аристократіи въ Европѣ и нѣкоторыя характеристическія черты ея быта. Теперь намъ хотѣлось бы вникнуть въ самую сущность аристократическаго начала въ обществѣ, въ его отношенія къ прочимъ общественнымъ элементамъ и въ его роль въ государственномъ устройствѣ. При томъ тѣсномъ соприкосновеніи, въ которое вступили высшіе классы нашего общества съ движеніемъ идей въ образованномъ мірѣ, и особенно при ожиданіи новаго положенія, которое высшіе классы неизбежно должны принять въ нашемъ обществѣ вслѣдствіе предстоящихъ реформъ, — такія разсужденія кажутся намъ своевременными. Какъ бы ни было громадно наше самообольщеніе, съ какою ненавистью мы бы ни смотрѣли на прогрессивное движеніе исторіи, мы никакъ не можемъ надѣяться оправдать наши сословныя притязанія наперекоръ всемірному здравому смыслу народовъ и всемірнымъ понятіямъ о справедливости и народномъ благосостояніи; тѣмъ болѣе, что и въ нашемъ историческомъ прошедшемъ, и въ нашихъ народныхъ преданіяхъ мы не найдемъ ничего враждебнаго этимъ поняті-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

ямъ, ничего сколько-нибудь пріязненнаго феодальнымъ началамъ, съ которыми борется новѣйшая исторія, и которыя были занесены къ намъ совершенно искусственно, скорѣе канцелярскимъ путемъ, нежели путемъ исторической жизни.

Вопросъ объ аристократіи есть собственно вопросъ *объ общественномъ равенствѣ или неравенствѣ*. Вопросъ этотъ издавна тревожилъ и народныя массы, и отдѣльныхъ мыслителей; въ последнее время онъ поднятъ былъ съ особенною силою. Можно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что *идеаль равенства* имѣеть ту привилегію передъ другими общественными идеалами, что онъ съ одинаковою силою манилъ къ себѣ воображеніе людей, правительствъ и народовъ, совершенно между собою различныхъ и по характеру, и по инстинктамъ. Начиная отъ изреченія того властителя, преисполненнаго сознаниемъ своей силы: *il n'y a de grand chez moi que celui à qui je parle et pendant que je parle*, до филантропическихъ мечтаній безсильнаго друга человѣчества, требующаго распредѣленія богатства сообразно потребностямъ каждаго, какое множество самыхъ враждебныхъ между собою политическихъ воззрѣній, отвлеченныхъ теорій и доктринъ, преслѣдующихъ каждая по своему идеаль равенства и по своему ожесточенныхъ противъ общественныхъ преимуществъ и человѣческаго неравенства! Если такія противоположныя стремленія сходятся въ одной цѣли, если *понятіе о равенствѣ* столь очевиднымъ образомъ привязано къ столькимъ и столь громаднымъ попыткамъ и начинаніямъ человѣчества, если понятіе это корнями своими, очевидно, прикасается къ самымъ глубокимъ всеобщимъ началамъ, то мы не можемъ не придти къ убѣжденію, съ одной стороны, что этотъ идеаль можетъ быть совершенно различно представляемъ разными умами, и, съ другой стороны, что должно же быть въ понятіи равенства что-нибудь общее всему человѣчеству, что-нибудь соответствующее естественнымъ инстинктамъ всѣхъ людей и самому существованію человѣческой природы.

Когда мы обратимся къ *дѣйствительности*, къ тому, что дѣйствительно сдѣлано на пути къ этому идеалу, то насъ поражаетъ совершенная пестрота, совершенное смѣшеніе явленій равенства и неравенства, такъ что мы на первый взглядъ никакъ не можемъ отдать себѣ отчетъ, что болѣе сдѣлало успѣховъ въ исторіи человѣчества, равенство или неравенство его членовъ. Мы знаемъ, что въ основаніи демо-

кратическаго равенства гражданъ древнихъ республикъ лежало рабство, и что оно исчезло съ лица земли въ европейскихъ государствахъ; что безусловное безправіе чужеземца уступило мѣсто равно-человѣческимъ отношеніямъ самаго образованнаго правительства къ самымъ дикимъ варварамъ; мы знаемъ, что для европейскаго человѣка нѣтъ варваровъ. Мы знаемъ, что монархъ въ любомъ европейскомъ государствѣ менѣе имѣетъ права на собственность и жизнь самаго послѣдняго крестьянина, нежели феодалный баронъ на собственность и жизнь вассаловъ, населявшихъ его земли. Мы видимъ, какъ всѣ блага образованности и промышленности, гражданскаго порядка и суда дѣлаются болѣе и болѣе доступными для всѣхъ классовъ общества. Таковы бросающіеся въ глаза успѣхи равенства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ поражаетъ развитіе самыхъ черныхъ ужасовъ нищеты въ странахъ, наиболѣе отличающихся успѣхами промышленности и образованности, развитіе самыхъ крайнихъ противоположностей богатства и бѣдности въ государствахъ преуспѣвающихъ. Мы видимъ печальные результаты равнаго участія всего народа въ пользованіи политическими правами и даже совершенную несостоятельность равенства политическихъ правъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не признать самыхъ блестящихъ результатовъ не только въ политической жизни, но и во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности въ странѣ, гордящейся неравномѣрнымъ участіемъ свободныхъ сыновъ своихъ въ государственномъ управленіи и политикѣ. Словомъ, мы не можемъ отрицать во многихъ отношеніяхъ жизни самыхъ рѣшительныхъ успѣховъ равенства у образованныхъ народовъ въ сравненіи съ народами, не вошедшими еще въ среду исторіи, и въ сравненіи съ первоначальными эпохами развитія тѣхъ же самыхъ образованныхъ народовъ: эти успѣхи очевидны для каждаго. Но въ то же время, во многихъ другихъ, столь же многочисленныхъ отношеніяхъ, мы не можемъ отрицать столь же положительнаго развитія неравенства, если будемъ восходить отъ эпохъ первобытныхъ къ новѣйшимъ, отъ народовъ необразованныхъ къ образованнымъ; если взять даже разныя группы общества въ томъ же самомъ народѣ, представляющія собою въ одинъ и тотъ же моментъ времени разныя эпохи историческаго развитія, какъ напримѣръ сельское и городское народонаселеніе, массу крестьянъ и массу купцовъ или дворянъ, то несомнѣнно окажется, что распредѣленіе всѣхъ благъ духовныхъ и веще-

ственныхъ гораздо болѣе равномерно у первыхъ чѣмъ у вторыхъ; можно самымъ утвердительною образомъ сказать, что крестьяне несравненно *менѣ* отличаются другъ отъ друга преимуществами воспитанія, богатства, гражданскаго образованія, наконецъ всякаго рода превосходствами, нежели горожане; что масса крестьянъ гораздо безразличнѣе, ровнѣе, чѣмъ масса горожанъ. И въ политическомъ устройствѣ, и въ степени участія каждаго лица въ общихъ дѣлахъ своего народа или своей родины, мы найдемъ во многихъ отношеніяхъ болѣе равенства въ самой дикой ордѣ номадовъ, чѣмъ въ образованномъ государствѣ; кочующіе Киргизы пользуются несравненно меньшими одинъ противъ другаго преимуществами въ глазахъ своего старшины, гораздо болѣе передъ нимъ *равны* между собою, чѣмъ подданные Англіи передъ своею королевою, которая даетъ мѣсто въ своемъ совѣтѣ лорду и отказываетъ въ немъ поденщику; номады даже болѣе равны между собою чѣмъ подданные Франціи,—страны, славящейся передъ всѣми своимъ равенствомъ, гдѣ императоръ, опирающійся на абсолютно-равное право голоса всего народа, никогда не рѣшится одинаково поступить съ человѣкомъ, пользующимся всѣми преимуществами знати и общественнаго положенія (напримѣръ съ какимъ-нибудь графомъ Монталамберомъ), какъ съ простымъ пролетаріемъ, хотя бы дѣйствія того и другаго были одинаково непріязненны его власти, хотя бы сопротивление перваго было даже опаснѣе для существующей системы, чѣмъ ропотъ втораго, и хотя бы ненависть главы государства была несравненно сильнѣе къ первому, чѣмъ ко второму. И вся страна, все общественное мнѣніе менѣе равнодушны къ преслѣдованіямъ противъ человѣка знатнаго и богатаго, чѣмъ къ преслѣваніямъ противъ неизвѣстнаго бѣдняка, даже несмотря на то, что къ этому неравнодушію примѣшивается скрытое чувство злобы и зависти противъ образованнаго, знатнаго и богатаго человѣка,—чувство, впрочемъ еще болѣе выставляющее впередъ его общественное превосходство и значеніе. Потомки служителей той же династіи, государственные люди иной правительственной системы, уступившей мѣсто новой, посѣдшіе въ канцеляріяхъ бюрократы, люди полезные для всякой системы, уважаемые ученые, литераторы, вольнодумцы прежняго времени никакъ не смѣшиваются во Франціи въ одну безразличную массу съ народонаселеніемъ, въ такую массу, какую представляетъ собою какое-нибудь кочующее племя средней

Азіи, стадообразно подчиняющееся одному предводителю, или стадообразно отъ него отпадающее, подъ рукою новаго счастливица на полѣ брани. Очевидно, что всѣ эти люди, нами названные, имѣютъ во французскомъ обществѣ какую-то силу, какія-то преимущества, которыхъ не имѣютъ другіе Французы. Какое бы мы ни находили сходство въ опорѣ на безгласныя массы, которой равно ищутъ для себя и императоръ Французовъ, и смѣлый предводитель кочующихъ народовъ Азіи, но превосходство въ историческомъ развитіи французскаго народа сопровождается такимъ неравенствомъ нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ преимуществъ между отдельными лицами, какого мы не найдемъ въ Азіи. Государственный деспотизмъ постепенно ослабѣваетъ въ исторіи и постепенно уступаетъ мѣсто болѣе разумнымъ отношеніямъ подданныхъ къ государственной власти. Это несомнѣнный, всеобщій фактъ исторіи, и между тѣмъ деспотизмъ съ перваго взгляда обладаетъ особенною силою уравниванія, какой не имѣютъ никакія другія формы государственной власти. Чтò значать преимущества нѣсколькихъ любимцевъ, порожденныхъ интригами сералей и вкушающихъ всѣ наслажденія власти, безнаказанности, богатства, въ средѣ безразличной массы рабовъ-подданныхъ, равно покорныхъ своему владыкѣ, равно безсильныхъ, равно безправныхъ, равно ограбленныхъ казною; чтò значать въ огромной суммѣ этого абсолютнаго равенства преимущества нѣсколькихъ десятковъ счастливицевъ, притомъ же такъ легко выталакиваемыхъ изъ дверей серала и не имѣющихъ никакихъ аристократическихъ корней въ народѣ? Эти исключенія ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ неравенствомъ, которое всюду распространено въ образованныхъ государствахъ.

Но параллель имѣетъ и другую сторону. Самый ученый христіанинъ не пользуется въ азійскомъ государствѣ тою свободою своихъ убѣжденій, какую имѣетъ самый необразованный магометанинъ въ европейскомъ государствѣ. Тамъ государственная власть строго различаетъ правовѣрнаго отъ невѣрнаго; здѣсь она не знаетъ никакихъ различій вѣроисповѣданія между всѣми своими подданными. Тамъ судъ паши по своему усмотрѣнію оставляетъ ненаказанными самыя вопіющія преступленія однихъ подвластныхъ ему людей и истощаетъ всѣ запасы своего жестокосердія противъ легкихъ проступковъ другихъ; здѣсь всѣ граждане подчинены одной мѣрѣ возмездія, всѣ равны передъ судомъ. Тамъ немного богатыхъ, но каждый изъ

нихъ неограниченно распоряжается честию и жизнью бѣдныхъ; здѣсь много богатыхъ, но ихъ сила надъ бѣдными имѣетъ предѣлы, за которые они не въ состояніи переступить. Тамъ мало ученыхъ, но они по произволу распоряжаются легковѣріемъ и невѣжествомъ толпы; здѣсь много ученыхъ, но они не въ силахъ властвовать надъ самыми необразованными людьми.

Такъ въ дѣйствительной жизни человѣческаго общества перемѣшиваются между собою успѣхи равенства и неравенства; и мы рѣшительно приходимъ въ недоумѣніе, что болѣе подвигается впередъ, равенство или неравенство. Желая отдать себѣ отчетъ, въ чемъ же заключается характеръ историческаго развитія, мы никакъ не можемъ отнести его исключительно къ успѣхамъ того или другаго начала, и слѣдственно вынуждены различать тѣ отношенія, въ которыхъ преобладаютъ успѣхи одного, отъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ преобладаютъ успѣхи другаго. Мы, очевидно, находимся въ необходимости различать разныя проявленія общественной жизни и въ каждой категоріи отдѣльно искать значенія начала равенства.

I.

Мы оставимъ сначала въ сторонѣ преимущества, созданныя законодательствомъ и поддерживаемыя государственною властью, и разсмотримъ только *естественныя преимущества* людей, какъ они сложились въ современной общественной жизни.

Уже блага природы—почвы, климата и мѣстоположенія—весьма неравномѣрно распределены между человѣческими поселеніями. Въ одной полосѣ земнаго шара стоить человѣку только протянуть руку къ дереву, чтобы обезпечить себя на нѣсколько дней самую роскошную пищу; въ другой полосѣ онъ долженъ страшными усиліями цѣлаго года заставить землю произвести для него запасъ пищи на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одномъ климатѣ онъ долженъ употребить только цѣнность нѣсколькихъ дней труда, чтобы защитить одеждою естественное чувство стыдливости; въ другомъ онъ истрчиваетъ, можетъ-быть, до половины всей своей дѣятельности только на то, чтобы оберечь свою жизнь и здоровье отъ вредоносныхъ вліяній стужи. Такія противоположности всюду распространены на земномъ

шарѣ, и онѣ представляетъ полнѣйшее неравенство географическихъ условій развитія общественной жизни и цивилизаціи.

За тѣмъ слѣдуютъ различія въ физическомъ строеніи чловѣка. Превосходство крови въ чловѣческомъ родѣ всего очевиднѣе въ различіи чловѣческихъ расъ. Однѣ расы преобладаютъ въ исторіи, другія подчиняются; однѣ расы распространяютъ свою цивилизацію, другія ее принимаютъ и ей уступаютъ. Таковы движенія Англо-Саксонскаго племени въ Сѣверной Америки и Русскаго въ сѣверной Азіи. Намъ нѣтъ, впрочемъ, никакой надобности вдаваться въ дальнѣйшее обсужденіе этого явленія, ибо мы разсуждаемъ только о естественныхъ превосходствахъ въ средѣ одного и того же народа или общества, и при томъ образованнаго. Здѣсь вліяніе крови, можно сказать, совершенно уступаетъ могущественному вліянію другихъ причинъ естественнаго неравенства, чрезвычайно сложныхъ и многочисленныхъ. Жизнь историческаго народа преисполнена столькихъ сплетеній матеріальныхъ и нравственныхъ силъ (воспитаніе, хозяйство, занятія, образъ жизни, общественная среда), обуславливающихъ собою развитіе каждой отдѣльной личности и дающихъ ей то или другое направленіе, то или другое превосходство (какъ увидимъ ниже), что фізіологическое различіе крови дѣлается совершенно незамѣтнымъ и можетъ быть вовсе не признаваемо при сужденіяхъ объ общественномъ неравенствѣ. Все, что можно считать неотъемлемою принадлежностью породы, это извѣстнаго рода темпераментъ и типъ. Но тотъ и другой не составляютъ еще сами по себѣ никакого признака превосходства; темпераментъ и типъ всѣхъ безъ изыятія родовъ и оттѣнковъ, совершенно въ равной степени, подлежатъ развитію, воспитанію и нравственному облагороженію.

Гораздо важнѣе для насъ *нравственная сторона рожденія*, или то, что называется обыкновенно *происхожденіемъ*. Мы разумѣемъ здѣсь самый фактъ рожденія, совершенно независимо отъ всѣхъ другихъ общественныхъ преимуществъ, проявляющихся въ связи съ рожденіемъ и получающихъ отъ него (какъ увидимъ ниже) еще болѣе силы; мы говоримъ единственно о фактѣ рожденія, какъ нити, соединяющей въ глазахъ всего общества одного чловѣка съ другимъ. Этотъ фактъ несомнѣнно имѣетъ большое значеніе въ общественномъ мнѣніи. Какъ мы всегда отличимъ въ своемъ домѣ сына нашего друга, уважаемаго нами чловѣка, такъ и общество всегда отличаетъ дѣтей, носящихъ имена, имъ уважаемыя. Мы никакъ не можемъ

равнодушно пройти мимо незнакомаго намъ челоѣка, когда намъ скажутъ, что это сынъ Роберта Пила, Шеллинга, Карамзина, Пушкина, Гоголя. Сынъ славныхъ родителей пользуется нѣкоторыми выгодами общественнаго положенія, жизненный путь бываетъ ему облегченъ уже вслѣдствіе самаго факта его рожденія. Какъ ни справедливы слова Франклина, что скорѣе родители должны быть награждаемы за хорошихъ дѣтей, чѣмъ дѣти за хорошихъ родителей, но общество можетъ и не помыслить о раздачѣ наградъ дѣтямъ за происхожденіе отъ хорошихъ родителей, и тѣмъ не менѣе оно замѣчаетъ рожденіе одного, не замѣчая рожденія другаго, а извѣстность челоѣка въ массѣ общества, даже только въ молвѣ и говорѣ народномъ, сообщаетъ ему нѣкоторую силу въ сравненіи съ людьми безразличными для этой массы.

Далѣе различаютъ людей *личныя врожденныя качества*. Излишне было бы перечислять всѣ тѣ прирожденныя преимущества умственныхъ способностей, таланта и характера, которыя даютъ одному челоѣку силу и перевѣсъ передъ другимъ, менѣе щедро надѣленнымъ отъ природы; они даютъ перевѣсъ не только при равенствѣ другихъ условій дѣятельности, знанія, образованности, имущества, но иногда даже при несравненно менѣе выгодныхъ условіяхъ. Достаточно указать на общій характеръ и значеніе личнаго природнаго превосходства. Оно распространено всюду, во всѣхъ безъ изъятія отрасляхъ челоѣческой дѣятельности, хотя всего болѣе замѣтно въ свободныхъ искусствахъ, потому что въ нихъ главную роль играетъ *талантъ*, а талантливость челоѣческой природы есть существеннѣйшее изъ личныхъ превосходствъ. Художественныя таланты, напримѣръ музыкальныя способности, голосъ, фантазія, грація и т. д., даютъ людямъ, ими одареннымъ, страшное превосходство передъ ихъ конкуррентами на томъ же поприщѣ, создаютъ въ сферѣ искусства одну изъ самыхъ сильныхъ аристократій. При самыхъ напряженныхъ усиліяхъ воли и труда, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ воспитанія, люди недаровитые должны терпѣть преобладаніе со стороны людей талантливыхъ. А стихія искусства, ловкости, изящества, красоты болѣе или менѣе распространена во всѣхъ сферахъ челоѣческой дѣятельности, и вездѣ она даетъ преимущество тому, на чьей сторонѣ стоитъ. На разныхъ ступеняхъ образованія даютъ превосходство различныя качества, иногда даже одно другому совершенно противныя, начи-

ная отъ грубой матеріальной силы, составляющей отличіе между дикарями, до художественныхъ талантовъ, чувствуемыхъ образованными обществами, и наконецъ до той внутренней природной прелести и гармоніи человѣческаго ума и характера, очарованіе которыхъ доступно только для высоко-развитой въ нравственномъ отношеніи общественной среды. «Есть люди рожденные, чтобы повелѣвать», фраза избитая, тѣмъ болѣе, что число людей *повелѣвающихъ* постепенно уменьшается въ образованныхъ обществахъ. Но сущность ея остается непреложно вѣрною. «Есть люди рожденные, чтобы имѣть приверженцевъ», скажемъ мы, для болѣе взыскательнаго слуха современнаго читателя. Никто не усомнится въ справедливости, что есть люди, по природѣ своей внушающіе симпатію. Отсюда популярность нѣкоторыхъ людей, крайняя снисходительность къ нимъ общественнаго мнѣнія; любимому человѣку прощается то, что сто кратъ менѣе мы простимъ человѣку, къ которому мы равнодушны. Здѣсь мы можемъ упомянуть о внѣшней наружности человѣка, къ изяществу или безобразію которой не равнодушно никакое общество. Женская красота безъ всякаго сомнѣнія создаетъ всюду аристократію, и одну изъ самыхъ деспотическихъ, исключительныхъ и несправедливыхъ.

Наконецъ упомянемъ о счастіи, объ этомъ преимуществѣ, которое совершенно неуловимо въ своемъ проявленіи и не подчиняется никакому анализу, но тѣмъ не менѣе ощущается каждымъ человѣкомъ, при каждомъ дѣлѣ, на каждомъ шагѣ.

Мы не станемъ рассуждать, въ какой степени упомянутыя нами личныя качества *врождены* и случайны, и въ какой степени они зависятъ въ развитіи своемъ отъ воспитанія и условій жизни, окружающихъ человѣка съ первой минуты рожденія; для насъ достаточно выставить самъ по себѣ фактъ, что есть *личное* превосходство, имѣть или не имѣть которое не зависитъ ни отъ какого человѣческаго соображенія, труда и проаввола. Переходимъ теперь къ различіямъ, которыя гораздо болѣе зависятъ отъ общественныхъ условій и на которыя должно быть обращено преимущественное наше вниманіе.

1. *Познанія*. Знаніе, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, есть преимущество и сила въ рукахъ человѣка передъ человѣкомъ безъ знанія. Не только знающій то дѣло, надъ которымъ трудится, долженъ менѣе не знающаго тратить на него времени и труда, но послѣдній иногда даже вовсе не можетъ за него вѣзаться. Есть занятія, которыя остаются совершенною есте-

отвенною монополіею въ рукахъ людей знающихъ. Съ развитіемъ народной дѣятельности занятія постоянно болѣе специализируются, то-есть все болѣе и болѣе требуютъ, для своего успѣха, спеціальнаго знакомства съ ними: это экономическая аксіома. вмѣстѣ съ тѣмъ кругъ занятій, доступныхъ для каждаго человѣка или по крайней мѣрѣ не требующихъ предварительнаго и продолжительнаго изученія, постепенно суживается; переходъ человѣка отъ однихъ занятій къ другимъ постепенно болѣе затрудняется. Если сравнить состояніе номадовъ съ образованнымъ обществомъ, то мы найдемъ, что у первыхъ каждый человѣкъ легко и во всякое время можетъ взяться за всѣ роды работъ, занимающихъ собою все племя; въ образованномъ обществѣ крестьянинъ никакъ не можетъ сдѣлаться не только въ одинъ день, но и во весь свой вѣкъ искуснымъ фабрикантомъ, литераторомъ, государственнымъ человѣкомъ. Подобное же отношеніе найдемъ мы между деревнею и городомъ: всѣ промыслы деревни почти одинаково доступны всѣмъ жителямъ, а въ городѣ хорошій часовщикъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ и богатъ, не сдѣлается хорошимъ портнымъ и т. д.

Въ главѣ какого-либо промышленнаго предпріятія по желѣзнымъ дорогамъ, несравненно легче можетъ стать и собрать вокругъ себя капиталы искусный инженеръ, если даже онъ не пользуется репутаціею честности и самъ не имѣетъ никакого состоянія, нежели образованный крестьянинъ, какъ бы ни было высоко мнѣніе о его нравственныхъ достоинствахъ, или даже богатый купецъ (разумѣется въ томъ случаѣ, еслибъ онъ не могъ приобщить къ дѣлу ни одного инженера и долженъ бы самъ распоряжаться работами). Такъ, независимо отъ денежныхъ средствъ, опытные промышленники и барышники, знающіе условія и обычаи торга, имѣютъ перевѣсъ передъ крестьянами, скупаютъ произведенія ихъ труда и пользуются выгодами, которыя могли бы имѣть сами крестьяне, еслибъ умѣли пользоваться условіями торговли. Спекулянты и опытные дѣловые люди и подрядчики нанимаютъ работниковъ и получаютъ огромныя прибыли, которыя могли бы идти въ руки самихъ работниковъ, еслибъ они могли обойтись безъ посторонняго распорядителя, знали какъ устроить и вести всю операцію, выбрали для распоряденія одного изъ себя, и успѣли бы своимъ знаніемъ дѣла внушить публикѣ довѣріе. Трудъ распоряденія промышленнымъ предпріятіемъ и работою есть, безъ всякаго сомнѣнія, своего рода спеціаль-

ность, и никогда не будет принадлежностью всѣхъ людей, но чѣмъ болѣе будетъ людей знающихъ или образованныхъ, тѣмъ болѣе будетъ людей способныхъ къ этому труду, и тѣмъ менѣе онъ будетъ монополіей; пока знаніе и образованность болѣе распространены въ другихъ классахъ общества чѣмъ въ рабочемъ, послѣдній по необходимости остается въ подчиненіи первыхъ.

Такимъ образомъ, мы пришли къ превосходству образованныхъ людей передъ необразованными. Это превосходство не только не ослабѣваетъ, но очевидно дѣлается сильнѣе съ общими успѣхами гражданственности, промышленности и науки. Чѣмъ болѣе развивается историческая жизнь народа, чѣмъ въ большее соприкосновеніе входитъ онъ съ образованнымъ міромъ, чѣмъ менѣе становится тѣсенъ обмѣнъ его политическихъ и общественныхъ начинаній, мыслей и товаровъ съ образованными народами, тѣмъ болѣе нужно образованныхъ людей для успѣха всѣхъ родовъ дѣятельности, тѣмъ менѣе имѣетъ цѣны трудъ необразованнаго, и тѣмъ наконецъ болѣе перевѣсъ и преобладаніе получаютъ группы образованныхъ людей передъ необразованными, ученыхъ передъ неучеными.

Смысль всеобщаго превосходства образованнаго класса передъ необразованными можно вообще выразить такъ: для перваго хотя не легко, но *возможно* было бы исполнять всѣ работы, отправляемыя вторыми, для послѣднихъ абсолютно невозможно взять на себя обязанности перваго. Отъ такого взаимнаго отношенія умственныхъ силъ всѣхъ членовъ общества, зависитъ фактическое подчиненіе необразованныхъ образованнымъ.

Но приобрѣтеніе знанія, образованности, науки не зависитъ единственно отъ воли и труда каждаго желающаго ихъ получить; оно находится въ тѣсной зависимости отъ рожденія, первоначальнаго воспитанія, имущества, общественной среды, окружающей человѣка.

2. *Воспитаніе.* Благовоспитанность великое дѣло въ человѣческомъ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ могущественный аристократическій элементъ. Благовоспитанность, очевидно, не одно и то же что образованность.

Благовоспитанность, въ общемъ смыслѣ этого слова, есть такая выработка всей человѣческой личности, которая облегчаетъ человѣку отношенія къ окружающему обществу и дѣлаетъ эти отношенія *приятными для вслѣдъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло.*

Такова сущность и практическое значеніе благовоспитанности въ обществѣ. Очевидно, что самыя неприятныя отношенія, самыя щекотливыя дѣла становятся пріятнѣе и легче съ чело-вѣкомъ благовоспитаннымъ, чѣмъ съ неблаговоспитаннымъ. Къ этой цѣли клонятся всѣ принадлежности хорошаго воспитанія; всѣ они должны сдѣлать атмосферу, окружающую чело-вѣка, пріятною для всякаго, имѣющаго надобность вступать въ нее.

Формы благовоспитанности измѣняются съ каждою историческою эпохою, съ измѣненіемъ нравовъ и обычаевъ страны и понятій эпохи и народа о тѣхъ нравахъ и обычаяхъ, которые наиболѣе удобны и наиболѣе пріятны во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Эти понятія могутъ быть весьма разнообразны и причудливы, они развиваются вмѣстѣ съ нравственными воззрѣніями народа, начиная отъ чудовищнаго китайскаго церемоніяла и грубыхъ понятій о формализмѣ рыцарской чести до внѣшнихъ приличій, созданныхъ чувствомъ истиннаго человѣческаго достоинства. Во всякомъ случаѣ во внѣшнихъ формахъ благовоспитанности отражается нравственный идеалъ эпохи или народа; отдѣльный чело-вѣкъ можетъ не сознать сущности этихъ формъ и подчиняться имъ лишь вслѣдствіе привычки, пріобрѣтенной имъ въ раннемъ возрастѣ, или же вслѣдствіе необходимости имѣть дѣло съ людьми, уважающими эти формы. Отдѣльный чело-вѣкъ можетъ не подчиняться этимъ формамъ, или потому, что онъ еще не доросъ до нравственнаго идеала своей эпохи, или же потому, что онъ переросъ его; но чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ, между людьми данной эпохи и данной страны, надобно покоряться принятымъ формамъ благовоспитанности.

Эта пріятность сношеній съ благовоспитанными людьми впрочемъ никакъ не заключается въ отрицательныхъ качествахъ ихъ. Напротивъ того, благовоспитанность заключается въ богатствѣ внутренняго содержанія, подающаго живой отголосокъ на всѣ потребности общества, въ роскоши жизни, знающей цѣну всѣхъ благъ цивилизаціи, въ остротѣ воззрѣнія, умѣющаго если не сознательно понять всю важность каждаго чело-вѣческаго подвига и каждаго общественнаго дѣла, то съ подобающимъ уваженіемъ остановиться передъ каждымъ чело-вѣкомъ и передъ каждымъ дѣломъ. Это самовоздержаніе и умѣренность пріобрѣтаются, безъ всякаго сомнѣнія, и умомъ, и знаніемъ, но нѣтъ такого ума и знанія, которые могли бы обнять всѣ отрасли

человѣческаго вѣдѣнія, и потому самовоздержаніе и умѣренность являются, какъ данная воспитаніемъ привычка держать себя и свои дѣйствія въ извѣстныхъ границахъ, какъ инстинктивный *тактъ* жизни, который есть превосходство вездѣ и всегда.

Коль скоро съ благовоспитанными людьми отношенія пріятнѣе и легче, чѣмъ съ людьми дурно воспитанными, то весьма естественно, что для успѣха своей дѣятельности первые имѣютъ преимущество передъ вторыми. Первые могутъ легче соединить вокругъ себя людей, сосредоточить ихъ для своихъ цѣлей, имѣть на нихъ вліяніе, чѣмъ вторые. А такъ какъ благовоспитанность есть по преимуществу практическое свойство челоѣка, то она можетъ быть различна въ различныхъ отрасляхъ дѣятельности, хотя вездѣ и всегда имѣетъ нѣкоторыя свои необходимыя, общечеловѣческія принадлежности. Такъ различаются особенные виды промышленнаго, ученаго, художественнаго воспитанія, и наконецъ политическаго, которое даетъ самое могущественное вліяніе и почетъ.

Воспитаніе челоѣка съ перваго дня рожденія продолжается въ теченіи всей его жизни. Но первое и рѣшительное направленіе дается съ дѣтства и такимъ образомъ не зависитъ отъ воли каждаго. Все, что пріобрѣтается въ послѣдствіи, покупается силою труда, первоначальное же воспитаніе получается не произвольно. Затѣмъ и воспитаніе въ зрѣломъ возрастѣ зависитъ преимущественно отъ условій жизни и отъ общественной среды, въ которую каждый поставленъ. Ребенку, брошенному въ партію Тунгусовъ, было бы совершенно невозможно воспитать себя; самому гениальному челоѣку, запертому съ раннихъ лѣтъ въ государствѣ, не наслаждающемуся политическою жизнью, невозможно пріобрѣсти политическое воспитаніе. Это крайности, но въ большей или меньшей мѣрѣ элементъ воспитанія дается челоѣку внѣшними условіями его жизни. Это нравственный капиталъ, накопившійся трудомъ исторіи всѣхъ поколѣній у нѣкоторыхъ народовъ и въ нѣкоторыхъ слояхъ общества. Онъ передается преемственно людямъ, собраннымъ около этихъ центровъ, и каждый получаетъ въ силу своего рожденія, богатства, рода занятій только извѣстный, весьма неравный процентъ съ этого капитала. *Преданіе*—играетъ въ воспитаніи и челоѣка и народа первостепенную роль, оно сохраняется народами, группами людей, семействами.

3. *Богатство*. Неравенство состояній, издавна бывшее пред-

метомъ смущенія и соблазнованія друзей человечества, въ последнее время, при колоссальномъ развитіи промышленности, выступило съ особенною силой; подъ вліяніемъ понятій новѣйшаго времени о водвореніи общественнаго равенства, имущественное неравенство было подвержено особенно ожесточеннымъ нападеніямъ.

Превосходство благосостоянія оказываетъ свое дѣйствіе вообще въ тѣхъ трехъ отношеніяхъ, въ которыхъ матеріальное богатство служитъ цѣлямъ человѣка: въ непосредственномъ удовлетвореніи различныхъ потребностей или въ *потребленіи*, въ промышленной дѣятельности или въ *производствѣ* новаго богатства, и въ развитіи и удовлетвореніи умственныхъ потребностей.

Безъ всякаго сомнѣнія, неравенство людей въ обладаніи разными предметами потребленія очень живо ощущается ими, и чѣмъ болѣе это неравенство нисходитъ по длинной лѣстницѣ человеческихъ потребностей къ самымъ первоначальнымъ и естественнымъ нуждамъ жизни, тѣмъ болѣе рѣзкою является противоположность удовлетворенія и наслажденія, съ одной стороны, и лишенія и страданія, съ другой.

Въ личныхъ матеріальныхъ потребностяхъ есть впрочемъ извѣстная граница, далѣе которой является уже прихоть и вкусъ роскоши и пресыщенія: потребность удовлетворять этимъ прихотямъ, хотя весьма настоятельная для людей, въ нихъ воспитанныхъ,—всякая привычка, даже самая дикая и не естественная, можетъ быть настоятельна,—легко побѣждается и притупляется нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, и неудовлетвореніе ее не составляетъ еще того, что мы называемъ неравенствомъ частнаго и народнаго благосостоянія. Но терпѣніе бѣднаго подвергается дѣйствительному испытанію, когда онъ замѣчаетъ, что при всемъ возможномъ напряженіи воли и труда, онъ во всякой отрасли промышленной дѣятельности постоянно получаетъ несравненно меньшую долю богатства, нежели какая достается человѣку уже богатому, даже при самомъ ничтожномъ участіи его труда и воли. Чѣмъ болѣе развивается страна въ промышленномъ отношеніи, чѣмъ болѣе совершенствуются всѣ отрасли промышленности, тѣмъ болѣе значительную роль играетъ капиталъ, тѣмъ болѣе неудовлетворительнѣе дѣлаются произведенія труда безъ капитала. Промышленное превосходство богатаго надъ бѣднымъ не только необходимо связано со всякимъ производствомъ, но оно какъ будто даже возрастаетъ

исполненными шагами, вмѣстѣ съ возрастаніемъ народнаго богатства и цивилизаціи; оно какъ будто само развивается вмѣстѣ съ историческимъ прогрессомъ. А историческій прогрессъ неизбеженъ.

Еще болѣе важно умственное и нравственное вліяніе богатства. Матеріальнымъ благосостояніемъ обуславливается доступъ ко всѣмъ духовнымъ благамъ жизни, ко всѣмъ тѣмъ интересамъ, которыя собственно дѣлаютъ человѣка человѣкомъ. Недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ лишаетъ людей воспитанія, то-есть даже не позволяетъ развиться въ нихъ потребностямъ въ умственной и нравственной пищѣ; бѣдность до послѣдняго дня жизни держать дѣятельность мозга подъ тяжкимъ гнетомъ дѣятельности мускуловъ, не даетъ возможности отъ попеченій о насущномъ днѣ оторваться къ нравственнымъ утѣхамъ жизни, требующимъ нѣкотораго досуга и нѣкоторой матеріальной независимости. Такъ имущественное неравенство обращается въ неравенство образованности въ разныхъ группахъ народонаселенія, и богатство становится источникомъ не только экономическаго, но и вообще общественнаго превосходства.

Въ самой средѣ богатства мы найдемъ также нѣкоторое естественное неравенство. Не всѣ роды имущества пользуются одинаковыми общественными преимуществами. Въ этомъ отношеніи можно замѣтить совершенную постепенность имуществъ: тѣмъ болѣе характеръ имущества требуетъ, для извлеченія изъ него дохода и вообще промышленныхъ выгодъ, участія въ хозяйствѣ труда самого владѣльца, тѣмъ, естественнымъ образомъ, оно менѣе обезпечиваетъ его положеніе. Такъ если фабрика, лавка, торговый домъ приносятъ не болѣе дохода, тѣмъ какой-либо денежный капиталъ, то владѣлецъ послѣдняго будетъ всегда въ положеніи болѣе выгодномъ, ибо, располагая точно такими же денежными средствами, какъ фабрикантъ, купецъ, банкиръ, и получая безъ малѣйшихъ хлопотъ процентъ съ своего капитала, онъ можетъ употребить все свое время на какія ему угодно занятія умственные, художественныя, наконецъ политическія, нисколько не уменьшая тѣмъ своихъ доходовъ и не нанося никакого ущерба своему имуществу. Но *самая аристократическая собственность есть земля*; она точно такъ же, какъ всякій денежный капиталъ, можетъ приносить доходъ владѣльцу, будучи отдана въ наемъ другимъ лицамъ и не требуя при этомъ никакой хозяйственной дѣятельности отъ владѣльца, и вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ еще

особымъ преимуществамъ, которыя болѣе или менѣе чужды всякой другой собственности. Произведенія земли, вслѣдствіе возрастанія народонаселенія, постоянно возрастаютъ въ цѣнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаютъ отъ одного поколѣнія къ другому цѣнность и доходъ поземельныхъ владѣній; совершенно независимо отъ всякихъ усилій своей воли, даже независимо отъ удачи и выбора при помѣщеніи своего капитала (какъ это бываетъ относительно денежныхъ капиталовъ) единственно пользуясь влияніемъ всеобщихъ успѣховъ благосостоянія и гражданственности, землевладѣлецъ можетъ наслаждаться не только прочностію, но и увеличеніемъ своихъ доходовъ, и быть вполне увѣренъ въ обезпеченности своего семейства и своего рода. Кромѣ того, ни одна собственность не завязываетъ такихъ тѣсныхъ отношеній между ея владѣльцемъ и окружающимъ народонаселеніемъ. Вліяніе, приобретаемое помѣщикомъ въ теченіе десятилѣтней хозяйственной дѣятельности, продолжается потомъ на безконечныя десятки лѣтъ. Оно не ограничивается еженедѣльною выдачею задѣльной платы, какъ на фабрикахъ или въ лавкѣ, но проникаетъ во всѣ внутреннія пружины быта рабочаго народонаселенія, во всѣ его семейныя и нравственныя отношенія. Вся жизнь крестьянина, жизнь его отцовъ и его дѣтей связана съ землею, которую онъ обрабатываетъ, и на которой или подлѣ которой онъ живетъ. Перемѣнились коммерческія обстоятельства, и купецъ переноситъ свою лавку съ одного края города на другой, даже въ другой городъ; фабрикантъ закрываетъ свою фабрику, приостанавливаетъ работу; сегодня взялъ онъ тысячу работниковъ, завтра возьметъ только десять; сегодня онъ завелъ фабрику, завтра построить пароходъ и т. д. Помѣщикъ можетъ также сегодня продать имѣніе, завтра купить другое, но земля никогда не можетъ сдѣлаться предметомъ такихъ же спекуляцій и быстрыхъ денежныхъ оборотовъ, какъ всякое другое имущество. Вообще землевладѣльческое и земледѣльческое народонаселеніе самое осѣдлое, и если помѣщики какой-нибудь страны не пользуются выгодами общественнаго своего положенія, то въ этомъ виновато не ихъ положеніе, а они сами. Если обезпеченности своего быта въ своихъ помѣстьяхъ они предпочитаютъ пролетаріатское существованіе въ тѣсныхъ углахъ большихъ городовъ, если они предпочитаютъ уваженію въ средѣ народонаселенія, исторически привязаннаго къ изгороди ихъ естественныхъ жилищъ, скитаніе по клубамъ и переднимъ столичныхъ сановниковъ,

если они предпочитают неподдѣльнымъ и неувѣдаемымъ ароматамъ сельской жизни и народной любви заразительную атмосферу роскоши и интригъ: то это доказываетъ только ихъ глубокое неразуміе, не умѣющее даже различить истинный и даровой аристократизмъ ихъ положенія отъ незавидной участи мнимо-аристократическаго лакейства и прислужничества.

Указанныя нами черты изъ области богатства приводятъ къ тому заключенію, что и это общественное превосходство скопляется въ извѣстныхъ группахъ народонаселенія и въ извѣстныхъ поколѣніяхъ. Мы видимъ въ дѣйствительности богатство, сосредоточенное преимущественно въ нѣкоторыхъ семействахъ, родахъ и классахъ.

4. *Родъ занятій.* Жизнь воспитываетъ и измѣняетъ людей преимущественно подъ вліяніемъ занятій, достигающихъ имъ на долю. Но, какъ извѣстно, общественное положеніе, которое связано съ каждымъ родомъ занятій, не одинаково выгодно для всѣхъ трудящихся, и вся совокупность общественныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ тотъ или другой трудъ, не одинаково благоприятна для независимости общественнаго положенія трудящихся. Въ этомъ отношеніи можно отличить рѣшительное *превосходство* нѣкоторыхъ занятій и затѣмъ *превосходство* нѣкоторыхъ трудящихся. Общественное положеніе художника, и литератора всегда пріятнѣе положенія маляра или наборщика; въ средѣ даже исключительно такъ-называемаго рабочаго класса (то-есть преимущественно трудящихся физически, а не умственно) мы найдемъ различія, напримѣръ въ положеніи наборщика въ типографіи и вертельщика на печатной машинѣ. Всѣ-такъ называемыя *либеральныя* занятія, ученые, художественныя, адвокатскія и проч., въ которыхъ преобладаетъ умственный трудъ надъ механическимъ, составляютъ въ настоящее время аристократическую отрасль труда. Самое рѣзкое превосходство передъ всѣми занятіями въ обществѣ, самая большая степень власти и вліянія представляется въ классѣ людей, несущихъ на себѣ обязанности администраціи и государственнаго управленія, такъ что имъ собственно и присвоено названіе *власти*. (Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуютъ не однѣ только причины естественныя и общественно-физиологическія, которыя пока насъ исключительно касаются, но и условія государственнаго устройства, о которыхъ мы будемъ говорить послѣ.) Другую крайность составляетъ группа слугъ, которые самымъ занятіемъ своимъ поставлены въ невыгодное общественное

положеніе. Во всѣхъ названныхъ нами группахъ людей различіе общественнаго положенія очевидно для каждаго, хотя бы даже всѣ возможныя чисто-экономическія или денежныя выгоды занятій были уравнены до возможной степени, и хотя бы даже люди этихъ группъ употребляли одинаковое количество терпѣнія и труда.

Отъ двухъ главныхъ причинъ зависитъ общественное превосходство въ какомъ-либо родѣ занятій. Вопервыхъ, одинъ трудъ болѣе другаго, при существующихъ техническихъ и общественныхъ способахъ его производства, благопріятствуетъ умственному развитію трудящагося и даетъ болѣе свободы его мысли, болѣе независимости его воли, болѣе требуетъ отъ него самостоятельнаго распоряженія, нежели рабскаго исполненія воли другихъ, и наконецъ болѣе ставитъ его въ соприкосновеніе съ людьми, съ гражданскою и публичною жизнію народа и съ образованною его средою. Эти условія труда даютъ болѣе или менѣе возможности человѣку отвлекаться отъ прямыхъ обязанностей своей дѣятельности къ участию въ общихъ вопросахъ и дѣлахъ своего общественнаго круга, своей мѣстности и всей страны, однимъ словомъ даютъ болѣе *досуга*,—первое, необходимое условіе независимости общественнаго положенія. Распространеніе же этихъ условій зависитъ преимущественно отъ успѣховъ техническихъ наукъ или отъ усовершенствованій въ самыхъ способахъ разныхъ искусствъ и ремеслъ и частию отъ успѣховъ общественной жизни. Вовторыхъ, для одного рода занятій существуетъ въ данное время и въ данной странѣ менѣе, для другаго болѣе людей способныхъ и приготовленных; нѣкоторыя занятія не требуютъ никакой образованности и спеціальности, а только самыхъ общихъ техническихъ приемовъ, другія могутъ быть доступны не иначе, какъ людямъ, стоящимъ на самой высшей степени умственнаго и гражданского развитія. Все это ставитъ людей, занятія которыхъ доступны для меньшаго числа, въ болѣе выгодное положеніе, заставляетъ прочихъ болѣе въ нихъ нуждаться, окружать ихъ большею заботливостію и большимъ уваженіемъ. Здѣсь слѣдовательно дѣло зависитъ отъ общихъ успѣховъ образованности въ странѣ и отъ степени нравственнаго и умственнаго ея развитія.

5, *Общественная среда.* Всѣ описанныя нами общественныя преимущества являются въ народныхъ массахъ *не спорадически*, то-есть люди, одаренные ими, не бываютъ разъединены и разобщены, а большею частию сосредоточиваются въ груп-

пахъ и кругахъ, такъ что всюду мы видимъ собственно *не людей* богатыхъ или бѣдныхъ, образованныхъ или необразованныхъ, землевладѣльцевъ или земледѣльцевъ, а *цѣлыя группы и классы* бѣдные и богатые, образованные и необразованные, землевладѣльческіе и земледѣльческіе и т. д. Единство интересовъ съ одной стороны и большая или меньшая преемственность всѣхъ преимуществъ посредствомъ рожденія, воспитанія и наслѣдства, соединяетъ людей къ однимъ средоточіямъ. Въ классахъ народа являются еще меньшія группы и круги, до безконечности подраздѣляющіеся. Однимъ словомъ, мы замѣчаемъ около каждаго отдѣльнаго человѣка ту или другую общественную среду и общественную атмосферу, и одна уже принадлежность человѣка къ той или другой общественной средѣ сообщаетъ ему нѣкоторую долю вліянія, сопряженнаго съ тѣми общественными преимуществами, которыя преобладаютъ въ этой средѣ. Такъ человѣкъ бѣдный, но постоянно живущій въ кругу богатыхъ, пользуется нѣкоторыми преимуществами этого круга и даже вліяніемъ его. Онъ можетъ гораздо болѣе содѣйствовать, на примѣръ, какому-нибудь предпріятію, нежели человѣкъ бѣдный, живущій въ кругу бѣдныхъ. Кроме того, способному человѣку гораздо легче обогатиться, имѣя дѣло съ богатыми, легче себя образовать посреди людей образованныхъ и т. д. Принадлежать къ той или другой средѣ далеко не всегда и не вполне зависитъ отъ произвола и свободнаго выбора; это зависитъ отъ сплетенія множества условій личнаго характера и случайностей общественной жизни, ставящихъ человѣка на тотъ или другой жизненный путь. Здѣсь мы должны также упомянуть о чисто-географическихъ причинахъ, обусловливающихъ выгоды общественнаго положенія. Житель столицы или вообще промышленнаго и ученаго центра всегда находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ житель провинціи или бѣдной пустынной деревушки, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ. Большее или меньшее приближеніе къ главнымъ центрамъ гражданской жизни государства находится въ прямомъ отношеніи къ степени вліянія того или другаго населенія на движеніе общихъ дѣлъ страны.

Мы старались выставить естественныя преимущества людей, отдать себѣ отчетъ о томъ, въ чемъ можетъ состоять превосходство однихъ людей передъ другими въ обществѣ. Мы видѣли, что то или другое преимущество скопляется въ извѣстныхъ группахъ людей, что въ самыхъ причинахъ, созидаю-

щихъ эти преимущества, есть силы, собирающія ихъ около однихъ центровъ и въ ряду нѣсколькихъ поколѣній, и что наконецъ большая часть преимуществъ, какъ на примѣръ богатство и образованность, имѣютъ тѣсное между собою взаимодѣйствіе.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ понятію о цѣломъ классѣ или классахъ людей въ народѣ такъ-называемыхъ *высшихъ*, или правильнѣе образованныхъ и богатыхъ, которые, независимо отъ всякихъ правительственныхъ и законныхъ ихъ привилегій, составляютъ то, что мы назовемъ *естественною аристократіею*.

Теперь приведемъ отрывокъ изъ знаменитаго сочиненія лорда Брума (1) объ аристократіи, основанной, какъ онъ выражается, на самой природѣ вещей. Мысли этого замѣчательнѣйшаго политическаго мыслителя нашего времени въ вышуклыхъ чертахъ, выхъ, изображаютъ значеніе и силу естественныхъ общественныхъ преимуществъ.

«Понятіе о равенствѣ, или о какомъ-либо состояніи, приближающемся къ равенству между различными членами общества, совершенно мечтательно и дико. Всякія попытки установить это равенство, по необходимости, должны были ограничиваться только запрещеніемъ внѣшнихъ отличій званія и привилегій (что разумѣется, всегда можетъ быть сдѣлано) и прегражденіемъ неравномѣрнаго распредѣленія богатства (чего никогда нельзя сдѣлать, хотя и могутъ быть придуманы законы для замедленія свободнаго распредѣленія богатства, къ величайшему ущербу общественныхъ интересовъ и къ стѣсненію личной свободы). Но разнообразіе въ характерахъ и умственныхъ способностяхъ людей, естественныя наклонности человѣческаго духа, разные подвиги, совершенные людьми или ихъ предками, полагаютъ основаніе *естественной аристократіи*, въ предѣлахъ несравненно болѣе глубокихъ и обширныхъ, нежели предѣлы, доступные для какой бы то ни было законодательной предусмотрительности, ибо никакія предосторожности законодательной власти не въ силахъ уничтожить отличія, возникающія изъ самой сущности человѣческой природы. Разсматривая эти отличія, мы не должны также упускать изъ виду отличія богатства, ибо законы никогда не могутъ предупредить не-

¹⁾ *Political Philosophy* by Henry, Lord Brougham. London 18 53. P. II. *On aristocracy*. Ch. IV *Natural aristocracy*.

равномѣрное его распредѣленіе, хотя и могутъ создать препятствія къ развитію народнаго благосостоянія.

«Дѣйствительное обладаніе какимъ-либо превосходствомъ личныхъ качествъ или имущества влечетъ за собою извѣстное почтеніе къ обладателю, внушаетъ вообще въ кругу слабѣйшихъ людей извѣстное чувство уваженія. Если не вліяніе и власть, то во всякомъ случаѣ *независимость* составляетъ удѣлъ людей въ чемъ-либо *превосходныхъ* (въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова). Одно то обстоятельство, что число ихъ невелико, уже есть само по себѣ нѣчто; затѣмъ они безспорно владѣютъ тѣмъ, чтó хотѣлось бы имѣть всѣмъ, и это еще болѣе усиливаетъ ихъ превосходство. Человѣку такого рода нѣтъ надобности заискивать ваше расположеніе; если онъ вѣжливъ въ своихъ отношеніяхъ, то вы считаете себя обязаннымъ быть ему за это благодарнымъ; онъ не имѣетъ повода сдѣлаться наперсникомъ другаго человѣка. Въ этомъ смыслѣ личные таланты даже менѣе могущественны, чѣмъ богатство, ибо они менѣе послѣдняго обезпечиваютъ своего обладателя; поэтому, говоря вообще, они составляютъ предметъ менѣе вѣрнаго, безспорнаго уваженія, чѣмъ богатство. Сверхъ того вся сила такого общественнаго положенія является даже совершенно независимо отъ того дѣйствительнаго вліянія, которое имѣетъ въ обществѣ превосходство богатства или духовной природы человѣка, независимо отъ могущества располагать услугами другихъ людей, помогать имъ въ ихъ нуждахъ, содѣйствовать ихъ успѣхамъ и благосостоянію. Скажу болѣе, такъ велико стремленіе людей признать надъ собою это вліяніе, что вы постоянно замѣтите чрезвычайное вліяніе очень богатаго человѣка на другихъ, единственно вслѣдствіе того внутренняго чувства окружающихъ его, что они когда-либо могутъ быть ему обязаны, хотя бы въ дѣйствительности это было совершенно неправдоподобно. Можно даже въ наше время и въ нашей странѣ, столь горделивой независимостью своего духа, назвать многихъ богачей, которые никогда не оказали никакой помощи литератору, и которые вѣроятно никогда не захотятъ оказать ее, хотя бы они прожили цѣлое столѣтіе, и между тѣмъ литературный міръ относится къ этимъ людямъ съ извѣстнымъ почтеніемъ, походящимъ на уваженіе, просто потому, что они могли бы, еслибы захотѣли, дать независимость всему классу литераторовъ. Человѣкъ невольно отражаетъ на себѣ чужія мнѣнія и чужіе взгляды, и это еще болѣе усиливаетъ обычное без-

сознательное почтеніе общества къ личному и наследственному превосходству. Мы знаемъ, что къ обладателю его обращенъ съ почтеніемъ взоръ всѣхъ окружающихъ или по крайней мѣрѣ большей части. Мы не можемъ ни отрицать этого, ни этому воспрепятствовать. Какъ бы ни были просвѣщенны наши воззрѣнія, какъ бы ни былъ независимъ нашъ характеръ, какъ бы ни было философски развито наше презрѣніе къ богатству, мы не можемъ упускать изъ виду, что знать пользуется уваженіемъ въ организмѣ человѣческаго общества, и эта мысль заставляетъ насъ видѣть въ ней нѣчто иное нежели то, что мы знаемъ про нее, по собственному внутреннему нашему убѣжденію.

«Продолжительность времени, въ теченіи котораго кто-либо владѣетъ предметами и свойствами, дающими ему почетъ, еще болѣе усиливаетъ мѣру этого почета, и это происходитъ не только вслѣдствіе болѣе прочности обладанія, предполагаемой при давности, но и вслѣдствіе непреодолимаго влеченія людей смотрѣть съ меньшимъ почтеніемъ не только на тѣхъ, которые въ настоящую минуту стоятъ на одномъ уровнѣ съ ними, но и на тѣхъ, которые весьма недавно стояли на этомъ уровнѣ. Превосходство, слишкомъ быстро достигнутое, непремѣнно встрѣчаетъ, на своемъ пути, то чувство досады, съ которымъ люди смотрятъ на возвышеніе людей, извѣстныхъ имъ, какъ ихъ ровни. «Но тогда-то онъ былъ вѣдь ничѣмъ не лучше насъ», такая фраза слышится въ этихъ случаяхъ, со всѣхъ сторонъ.

«Отъ этого взгляда только одинъ шагъ до уваженія отличій, переданныхъ предками, предпочтительно передъ отличіями, лично приобрѣтенными.

«Новая аристократія, сказалъ Баконъ, есть произведеніе только власти; старая аристократія—произведеніе времени. Даже добродѣтель, умственныя способности и образованность, нѣкоторымъ образомъ, подвержены тому же закону нашей природы. Конечно, самъ человѣкъ не лучше потому, что его предокъ былъ добродѣтеленъ, болѣе способенъ или болѣе образованъ, чѣмъ другіе его современники, или потому, что его родъ оказалъ болѣшія услуги отечеству. Человѣкъ отъ того не хуже, что его предки были низкаго характера или безчестной жизни. Но покажите мнѣ людей, которые были бы совершенно непричастны гордости происходить отъ Мальбруга или Блека, Ньютона или Уатта? И гдѣ философъ, котораго мудрость была

бы такъ сурова, или сердце такъ холодно, чтобъ онъ рѣшился отказать подобной гордости въ названіи честной или, по крайней мѣрѣ, естественной? Отражающееся на насъ воззрѣніе другихъ производитъ свое дѣйствіе и здѣсь. Это фактъ можетъ быть самый общій, что почти всѣ люди чувствуютъ почтеніе къ наслѣдственнымъ отличіямъ, придаютъ имъ важность. Мы по необходимости съ почтеніемъ относимся къ обладателю наслѣдственныхъ отличій, ибо мы знаемъ, что онъ составляетъ предметъ уваженія почти всѣхъ людей; намъ пріятно садиться подлѣ него, ибо мы знаемъ, что другіе люди околонего бѣгають, и что знакомство съ нимъ высоко цѣнится.

«Наслѣдственное обладаніе превосходствомъ состоянія или общественаго положенія имѣетъ далѣе нѣкоторое вліяніе на характеръ и привычки человѣка, и такимъ образомъ дѣлается уже само по себѣ отличіемъ, столько же внутреннимъ, сколько внѣшнимъ и случайнымъ. Онъ никогда не могъ быть вынужденъ жить въ низкой и грязной средѣ; онъ никогда не зналъ презрѣнныхъ занятій, никогда не былъ стѣсненъ печальною зависимостью отъ другаго лица, никогда не терпѣлъ оскорбленій и притѣсненій; никогда его чувства и его вкусъ не были оскорблены и развращены нечистыми прикосновеніями. Его чувства предполагаются болѣе нѣжными, его умъ шире, его нравственныя начала чище, нежели у тѣхъ людей, которые были въ борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами жизни, и въ которыхъ пренятствія развили, замѣнъ того, энергію и мужество.

«На вліяніи и авторитетѣ, которые даются изложенными обстоятельствами членамъ общества, пользующимся какимъ-либо превосходствомъ, основано въ каждомъ государствѣ ихъ могущество. Они имѣютъ огромный вѣсъ и облакаются величайшею властью въ періоды менѣ просвѣщенные. Успѣхи наукъ и развитіе образованности въ народѣ уменьшаютъ ихъ вліяніе, за исключеніемъ однакоже превосходства, основаннаго на болѣе благопріятной обстановкѣ, начиная съ самыхъ раннихъ лѣтъ, жизни, и на уваженіи, внушаемомъ добродѣтелью и талантомъ. Но никакіе успѣхи образованности не могутъ разрушить вліяніе естественной аристократіи, изгладить совершенно отличія, которыя мы описали, и сравнять естественныя разряды общества, которые основаны на этихъ отличіяхъ. Благодѣтельная сторона вліянія такихъ общественныхъ отличій—охраненіе мира и порядка въ обществѣ—не ослабѣваетъ съ

успѣхами образованности, ибо на сколько уменьшается грубое уваженіе къ богатству и рожденію, на столько же возрастаетъ болѣе тонкое уваженіе къ естественной аристократіи, основанное на уразумѣннн внутреннихъ причинъ ея значенія въ обществѣ.»

II.

Постараемся же, послѣ всѣхъ выставленныхъ нами естественныхъ причинъ развитія въ обществѣ *неравенства и отличій*, отыскать въ движеніи европейской цивилизаціи иную группу явленій, съ совершенно инымъ характеромъ, подмѣтитъ тѣ силы, образовавшіяся въ новомъ европейскомъ обществѣ, которыя сдерживаютъ и умѣряютъ исключительное значеніе высшихъ классовъ и вообще всякаго превосходства, даваемого природою.

Усилія каждаго историческаго народа направлены преимущественно на то, чтобы побороть и преодолѣть естественныя невыгоды, созданныя природою страны, въ которой онъ остановился на пути своего историческаго шествія. Эти усилія, съ развитіемъ образованности, были такъ успѣшны, что въ настоящее время насъ скорѣе поражаетъ, до какой степени всѣ блага жизни составляютъ собственность странъ, наиболѣе обнесенныхъ дарами природы, на примѣръ сѣверныхъ и умѣренныхъ полюсъ земли, и до какой степени они чужды странамъ, наиболѣе богатымъ отъ природы, какъ на примѣръ странамъ, тропической полюсы. Въ настоящее время можно скорѣе выставить какъ фактъ преобладающій, среди разнообразія въ распредѣленіи благъ цивилизаціи на земномъ шарѣ, *и ихъ обратное отношеніе* къ выгодамъ географической природы странъ.

Всѣ современныя усовершенствованія и открытія въ техническихъ искусствахъ, пути сообщенія и т. д., и въ гражданскомъ бытѣ народовъ торговля, почты, книгопечатаніе, служатъ къ тому, чтобъ открыть однимъ странамъ доступъ къ произведеніямъ другихъ, сгладить препятствія природы, позволить каждому народу замѣнить искусствомъ дары природы и воспользоваться ея благами, отданными безвозмездно въ распоряженіе другаго народа. Эти успѣхи гражданственности улучшаютъ въ

то же время и положеніе низшихъ классовъ: то, что прежде было рѣдко становится менѣе рѣдкимъ; то, что было дорого, становится дешевымъ. Наслажденія юга дѣлаются каждый день болѣе доступными для жителей сѣвера, и притомъ не для однихъ только богачей, какъ бывало прежде; усилія человѣческаго духа ежедневно торжествуютъ надъ привилегіями природы.

Физиологическому вліянію рожденія на породу, или вліянію крови, противодѣйствуютъ браки между членами разныхъ семействъ и родовъ. Въ историческомъ развитіи всякаго народа мы видимъ постепенное исчезновеніе группъ, соединенныхъ между собою исключительно родоюю связью, или такъ-называемыхъ *родовыхъ* отношеній; число родовъ обособленныхъ, возобновляющихся единственно супружескими союзами своихъ собственныхъ членовъ, дѣлается постепенно меньше и меньше. Въ этомъ движеніи безсознательно приводится въ исполненіе тотъ непреложный физиологическій законъ природы, по которому постоянное обновленіе соковъ одной породы соками другой необходимо нужно для сохраненія ея въ силѣ и крѣпости. Самыми сильными народами и фамиліями представляются тѣ, въ составъ которыхъ вошло наиболѣе смѣшенныхъ элементовъ; у историческихъ источниковъ всѣхъ образованныхъ народовъ мы непременно найдемъ какое-нибудь сліяніе племенъ; народы, совершившіе менѣе успѣховъ на поприщѣ исторіи, являются съ болѣе чистыми элементами; фамиліи, нарославившія исключительными браками между своими членами, быстро изнемогали и увядали; въ самыхъ старѣйшихъ родахъ, сохранившихъ многовѣковую нить фамильныхъ преданій, мы найдемъ постоянныя сочетанія съ членами другихъ родовъ. Такимъ образомъ *превосходство* рожденія, или условій рожденія, наиболѣе выгодныхъ для раскрытія человѣческой натуры, собственно принадлежитъ не обособленію крови и родовъ, а ихъ постоянному смѣшенію; аристократическій характеръ рожденія, есть принадлежность разномысленныхъ общественныхъ круговъ и сословій, открытыхъ приливу и отливу всѣхъ народныхъ элементовъ. Разнообразіе, пестрота, богатство человѣческихъ типовъ есть самая живая сила въ каждомъ человѣческомъ обществѣ; она творитъ разнообразіе личностей и идей, необходимость столкновенія и борьбы между ними, безъ которой нѣтъ жизни и нѣтъ движенія въ человѣческихъ обществахъ. Въ этомъ отношеніи такъ-называемые высшіе, или образованные и достаточные классы представляются всегда впереди массы народа; крестьянскія поселе-

нія вообще заключаютъ въ себѣ менѣе богатства и болѣе однообразія типовъ, чѣмъ городскія, и чѣмъ болѣе деревня разобщена съ другими поселеніями, тѣмъ неперемѣнно въ ней болѣе браковъ между родными. Другою крайностью на общественной лѣстницѣ представляются нѣкоторыя благородныя фамиліи континентальной аристократіи (особенно въ Германіи), съ нелѣпымъ упрямствомъ допускающія у себя бракъ только между такъ-называемыми *ровнями*; истощеніе и упадокъ такихъ фамилій, особенно въ Германіи и частію во Франціи, достаточно свидѣтельствуютъ о неправильности такого искусственнаго аристократическаго воззрѣнія, идущаго наперекоръ непреложному закону челоѣческой природы и естественной аристократіи. Здѣсь слѣдовательно уже не только общественный успѣхъ, но сама природа противится замкнутости высшихъ классовъ; сама природа лишаетъ фізіологическаго превосходства классы, замкнушіеся ради исключительности.

Въ сдѣланномъ нами очеркѣ категорій общественнаго превосходства, мы говорили о весьма мало важномъ значеніи рожденія, въ смыслѣ крови, но указывали на гораздо болѣе существенное вліяніе рожденія, въ смыслѣ *происхожденія*. И противъ исключительнаго преобладанія этого начала являются въ развивающемся общественномъ организмѣ другія противодѣйствующія ему начала. Съ развитіемъ общественной жизни и образованности люди все болѣе и болѣе освобождаются изъ-подъ исключительнаго господства семейнаго союза; этотъ союзъ никогда не теряетъ своего значенія для воспитанія, на какой бы ни было степени образованности народа, но не онъ одинъ рѣшаетъ и опредѣляетъ судьбу челоѣка въ обществѣ. Отношенія отца къ сыну и затѣмъ характеръ и жизнь отца еще не могутъ дать намъ полнаго понятія о сынѣ, когда мы знаемъ, какое разнообразіе общественныхъ отношеній, не менѣе могущественныхъ и необходимыхъ, окружили сына и вступили въ немъ въ борьбу съ семейными отношеніями.

Общественное значеніе личныхъ врожденныхъ качествъ подвергается также нѣкоторому ограниченію вслѣдствіе успѣховъ челоѣческаго общежитія.

Конечно, не можетъ никогда настать время, въ которое люди стали бы равнодушны къ превосходству личныхъ способностей и качествъ челоѣка, и личное превосходство ума, таланта, добродѣтели перестало бы быть силою въ обществѣ. Но вмѣ-

стѣ съ тѣмъ мы положительно знаемъ, что образованныя общества находятся несравненно менѣе въ исключительномъ распоряженіи нѣсколькихъ превосходныхъ личностей, чѣмъ необразованныя. Если мы сравнимъ собраніе людей необразованныхъ, рѣшающихъ общія дѣла своей мѣстности, напримѣръ крестьянскіе сходы, съ политическими собраніями высокопросвѣщенныхъ государствъ, то большинство мнѣній въ первыхъ будетъ всегда въ большей зависимости отъ мнѣнія одного или двухъ передовыхъ людей, чѣмъ во второмъ. Для самыхъ счастливыхъ дарованій, для самаго мужественнаго характера несравненно труднѣе подчинить людей своему исключительному господству въ странѣ просвѣщенной, промышленной, политически и граждански развитой, чѣмъ для несравненно менѣе счастливыхъ талантовъ и характеровъ дѣйствовать на народныя массы, коснѣющія посреди грубыхъ предрасудковъ и суевѣрій, посреди промышленнаго и гражданскаго застоя. Можно положительно сказать, что въ первоначальныхъ эпохахъ исторіи мы всегда найдемъ болѣе личностей, узнавъ которыя, мы можемъ узнать направленіе всей эпохи и всей страны; но чѣмъ далѣе развивается исторія, тѣмъ менѣе она исчерпывается біографіями замѣчательныхъ людей, тѣмъ болѣе исторія народа есть исторія всего общества. Между тѣмъ мы не имѣемъ никакого права сказать, что число превосходныхъ личностей уменьшается въ исторіи (скорѣе напротивъ), или что личное превосходство получаетъ менѣе вѣса и значенія. Чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ оно болѣе цѣнитъ таланты, умственное превосходство и добродѣтель, тѣмъ оно признательнѣе за личныя заслуги; но съ личнымъ превосходствомъ, нисколько его не ослабляя, вступаютъ въ конкуренцію на всѣхъ поприщахъ дѣятельности умственной, промышленной, художественной, гражданской, другія силы, невѣдомыя въ первоначальныхъ обществахъ. Сюда относятся, во первыхъ, познанія.

Одна изъ существеннѣйшихъ чертъ современной образованности, это—ея стремленіе къ обобщенію и къ распространенію познаній въ массахъ; большая часть усилій европейскаго просвѣщенія во всѣхъ отрасляхъ направлена къ тому, чтобъ уничтожить характеръ монополіи знанія въ рукахъ людей знающихъ и сдѣлать его собственностію, доступною для всѣхъ членовъ общества, какія бы ни были условія ихъ умственнаго развитія и имущественныя средства.

Всѣ проявленія духа современнаго просвѣщенія—выставки,

публичные курсы, журналистика, публичные музеумы и коллекции, публичное судопроизводство—носятъ, на себѣ отличительный характеръ современнаго начала гласности и общедоступности. Это направленіе не уничтожаетъ однако аристократіи науки и превосходства знанія; постепенно расширяя къ себѣ доступъ, наука дѣлается тѣмъ болѣе требовательною, и образованность становится тѣмъ болѣею силою въ сравненіи съ невѣжествомъ.

Первые зачатки и первое направленіе всякаго воспитанія даются въ семействѣ и въ домашней жизни; всѣ тѣ нравственныя начала воспитанія, которыя первыми впечатлѣніями дѣтства глубоко потрясены въ ребенкѣ или заботливо положены въ его сердце, съ величайшимъ трудомъ могутъ быть вполне возстановлены или вполне изглажены въ періодѣ гражданской его жизни. До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать въ человѣческомъ обществѣ семейство,—а безъ него оно рѣшительно не мыслимо,—семейству будетъ всегда принадлежать важнѣйшая доля воспитанія, и родители всегда останутся лучшими воспитателями своихъ дѣтей. Но съ развитіемъ промышленной, художественной, гражданской и политической жизни народа, *публичный* элементъ воспитанія получаетъ огромную силу подлѣ *домашняго*, и дѣлается однимъ изъ существеннѣйшихъ условій всякой дѣятельности человѣка въ обществѣ. Этотъ публичный элементъ воспитанія имѣетъ въ высшей степени *обобщающую, уравнивающую силу*.

Мы видимъ, что понятія о благовоспитанности, возникшія въ исключительной атмосферѣ суроваго патріархальнаго быта и замкнутыхъ союзовъ среднихъ вѣковъ, уступаютъ мѣсто формамъ публичной жизни новаго времени. Публичный общественный элементъ, вторгнувшись въ самый семейный бытъ, даетъ иное направленіе мыслямъ самихъ воспитателей, налагаетъ иныя требованія на воспитаніе; онъ сопровождаетъ и подчиняетъ своимъ условіямъ человѣка, въ теченіи всей его жизни. Исключительныя преданія рыцарскаго и *благороднаго* воспитанія, деспотическая и лицемерная монастырская дисциплина католицизма, условные обряды чести студенческаго быта и т. д., у насъ преданія о благовоспитанности, оконченныя въ духотѣ княжескихъ теремовъ и купеческихъ домовъ, исчезаютъ передъ напоромъ новой публичной жизни, охватившей собою все образованное человѣчество и неумолимо предписывающей свои законы людямъ всякаго происхожденія, всякаго

состоянія и всякихъ домашнихъ преданій. Общественное мнѣніе одинаково безпощадно караетъ всѣхъ ихъ за нарушение своихъ уставовъ; оно похваляетъ мужичка, выказавшаго аристократическое благородство въ своихъ коммерческихъ разчетахъ, и позоритъ барина, обнаружившаго неумѣстную отвагу въ своихъ полемическихъ статьяхъ или покусившагося продать попорченный товаръ. Въ европейской публикѣ всѣ равны; всѣ должны держать себя чинно и прилично.

Но дѣлаясь болѣе взыскательною, не допуская нарушеній публичной совѣсти и стыдливости, никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ изъ преданій домашняго безцеремоннаго обхожденія, публичная жизнь новаго времени даетъ такіе способы воспитанію, какихъ не давалъ замкнутый и патриархальный бытъ стараго времени. Гласность, усовершенствованные пути сообщенія, ежедневное и ежеминутное соприкосновеніе съ публикою, наконецъ совершенная невозможность жить и дѣйствовать взаперти, воспитываютъ людей, дѣлаютъ ихъ осмотрительнѣе къ себѣ и распредѣляютъ въ массахъ даровое воспитаніе. Современная благовоспитанность есть еще далеко не удѣлъ всѣхъ членовъ общества, хотя она и распространяется въ Европѣ съ необыкновенною быстротою все на большія и большія массы народа. Но по своему характеру она не имѣетъ ничего такого, какъ рыцарская дисциплина и барская спѣсь,—что могло быть достояніемъ только исключительныхъ и замкнутыхъ круговъ. *Она можетъ сдѣлаться принадлежностію всѣхъ.*

Теперь вникнемъ въ тѣ естественныя экономическія силы, которыя, при развитіи промышленности, противодѣйствуютъ превосходству богатства и преобладанію капитала надъ трудомъ. Чѣмъ усиленнѣе промышленное соперничество, тѣмъ каждое промышленное предпріятіе стремится возможно болѣе сократить расходы производства и увеличить свой сбытъ. То и другое неизбѣжно ведетъ къ постепенному удешевленію всѣхъ произведеній, и отъ этого выигрываютъ преимущественно нуждающіеся: *выгода отъ всякаго пониженія цѣны на товаръ* (разумѣется постояннаго и естественнаго, а не случайнаго и болѣзненнаго) *для каждаго отдѣльнаго потребителя обратно пропорціональна величинѣ его имущества.* Такимъ образомъ успѣхи промышленности въ отношеніи къ потребленію гораздо болѣе благопріятствуютъ бѣдному классу, чѣмъ богатому; если сравнить настоятельныя средства жизни богачей у народовъ, находящихся на самыхъ разнообразныхъ и противо-

положныхъ степеняхъ промышленнаго развитія, то мы едва ли найдемъ большое различіе; знатные люди въ Турціи и въ Англіи имѣютъ въ своемъ распоряженіи почти тѣ же самыя средства матеріальныхъ наслажденій. Вообще по матеріальному быту высшихъ классовъ мы никогда не судимъ о положеніи мѣстной промышленности; для послѣдняго мы должны сравнить бытъ среднихъ и бѣдныхъ классовъ, и въ немъ только мы получаемъ убѣжденіе о степени доступности всѣхъ предметовъ потребленія. Дешевизна или дороговизна ихъ самыми разительными чертами обнаруживается на внѣшнихъ привычкахъ и образѣ жизни нуждающихся.

Въ постепенномъ пониженіи цѣнъ на всѣ предметы потребленія, собственно произведенія земли и земледѣлія составляютъ исключеніе; съ успѣхами промышленности и возрастаніемъ народонаселенія они возвышаются въ цѣнѣ. Это дѣйствительно такъ; но объ относительныхъ экономическихъ преимуществъ землевладѣльцевъ передъ всѣми прочими классами мы будемъ говорить ниже. Здѣсь же замѣтимъ, что агрономическія усовершенствованія постоянно увеличиваютъ количество произведеній земледѣлія, промышленныя улучшаютъ качество ихъ для потребленія, а усовершенствованія въ путяхъ сообщенія и торговлѣ продуктами земли противодѣйствуютъ монополіи мѣстныхъ производителей и спекулянтовъ. Вообще, хотя въ исторіи всемірной торговли хлѣбъ возрастаетъ въ цѣнѣ, но колебанія въ цѣнѣ на хлѣбъ дѣлаются все менѣе значительными; въ этомъ отношеніи новѣйшее время стоитъ несравненно выше всѣхъ предыдущихъ вѣковъ.

Кромѣ облегченія способовъ приобрѣтенія черезъ постепенное пониженіе цѣнъ, мы должны указать на одну сторону современнаго промышленнаго развитія, которая въ нашихъ глазахъ имѣетъ первостепенную важность, и которая какъ-то не обращаетъ на себя довольно вниманія (по крайней мѣрѣ во всемъ объемѣ своего общечеловѣческаго значенія) современныхъ экономистовъ. Мы хотимъ говорить о томъ духѣ соединенія силъ, товариществѣ, ассоціаціи, который можетъ проявляться въ массѣ потребителей не менѣе, чѣмъ въ массѣ производителей (съ особенною силою поднять былъ лишь вопросъ объ ассоціаціяхъ производителей), и обѣщаетъ великіе результаты. Формы проявленія этого духа весьма разнообразны, но въ сущности своей онѣ осуществляютъ собою одну великую экономическую идею—*соединеніе силъ мелкихъ или бѣдныхъ*

потребителей для пользованія предметами, доступными силами болѣе крупныѣх и богатыѣх потребителей. Таковы всѣ современные промышленныя предприятия, устроенныя для публичнаго потребленія или пользованія: публичные способы сообщенія, публичныя зрѣлища, сады, клубы, наемныя квартиры, библіотеки, наемныя машины и т. д. И прежде и во всякое время, были подобныя заведенія, но въ новѣйшее время такія предприятия публичнаго потребленія, *найма жизни напрокатъ*, принимаютъ громадныя размѣры: всѣ промышленныя предприятия болѣе или менѣе клонятся къ тому, чтобы доставить потребителямъ возможность *пользоваться нужными имъ предметами, безъ приобрѣтенія правъ собственности на нихъ.* Послѣдствіемъ всего этого движенія было то, что удобства жизни и матеріальныя и художественныя наслажденія жизни, бывшія прежде доступными только не многимъ богачамъ (какъ на примѣръ скорая ѣзда по дорогамъ, корреспонденція, чтеніе газетъ, музыка, освѣщеніе комнатъ и пр.), вошли въ необходимый обиходъ жизни огромнаго числа людей; но удобства публичной жизни идутъ далѣе, современная промышленность созидаетъ для публики, для всѣхъ, такіе способы удовлетворенія разныхъ потребностей, такую роскошь жизни (укажемъ для примѣра на промышленныя дворцы въ Лондонѣ и Парижѣ), которые были совершенно невозможны для отдѣльных богачей всѣхъ истекшихъ или новѣйшихъ временъ.

Если мы будемъ разсматривать богатство какъ капиталъ, то и здѣсь найдемъ естественныя экономическія силы, постепенно противодѣйствующія преобладанію его надъ трудомъ. Съ возрастаніемъ производства сумма капиталовъ постоянно увеличивается, вознагражденіе за употребленіе или наемъ ихъ постепенно уменьшается; пониженіе процентовъ есть непреложный законъ, сопровождающій всякіе успѣхи народнаго хозяйства. Въмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ вознагражденіе за трудъ во всѣхъ его видахъ; новые капиталы ищутъ новаго употребленія, и требованіе на трудъ постоянно усиливается. Угнетеніе рабочаго класса сосредоточеніемъ промышленности въ обширныхъ предприятияхъ, дѣйствующихъ силою капиталовъ и машинъ, есть только первый моментъ промышленнаго движенія; за нимъ непремѣнно слѣдуетъ несравненно болѣе большой запросъ на рабочія руки, чѣмъ было до перваго момента. Капиталисту дѣйствительно легче сдѣлать выгодные обороты въ странѣ промышленной, чѣмъ въ пустынной, но не иначе, какъ съ приложе-

ніемъ собственнаго распоряженія къ капиталу; съ успѣхами народнаго хозяйства капиталъ безъ участія въ употребленіи его со стороны владѣльца приноситъ все менѣе и менѣе дохода. Если возрастаетъ зависимость труда отъ капитала, то вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно возрастаетъ и зависимость капитала отъ труда.

Затѣмъ въ странѣ, промышленно преуспѣвающей, возникаютъ двѣ силы, развитію которыхъ принадлежитъ великая будущность: *товарищество производителей* и *кредитъ*. Товарищество соединяетъ мелкихъ капиталистовъ и позволяетъ имъ не только бороться, но и преобладать надъ крупными капиталистами, дѣйствующими разрозненно; оно позволяетъ весьма не богатому человѣку пользоваться выгодами отъ предпріятія, доступнаго лишь самымъ могучимъ капиталамъ, иногда даже вовсе не доступнаго ни для какихъ отдѣльныхъ капиталовъ. Товарищество между капиталистами и работниками, распределение между работниками извѣстной доли чистой прибыли, къ чему болѣе и болѣе вынуждаются фабриканты въ Европѣ, даетъ работникамъ возможность участвовать въ прибыляхъ предпріятія безъ всякаго участія въ его рискахъ. Наконецъ самостоятельныя товарищества работниковъ, доступныя лишь на высшей степени экономическаго развитія, какъ въ Англіи и въ Американскихъ Штатахъ, товарищества, владѣющія капиталами отъ собственныхъ сбереженій, или нанимающія ихъ у кредитныхъ учреждений, ставятъ трудъ на одинъ уровень независимости съ капиталомъ.

Кредитъ открылъ совершенно новую эру въ жизни современныхъ народовъ, такъ что по справедливости отмѣчаютъ наступающій порядокъ хозяйства особымъ названіемъ *кредитнаго* въ отличіе отъ *денежнаго*. Различія между этими двумя порядками должно быть не меньше, нежели между естественнымъ хозяйствомъ необразованныхъ народовъ и *денежнымъ* хозяйствомъ народовъ промышленныхъ. Новыя формы *кредита*, въ особенности *личнаго*, дѣйствительно общають глубокія преобразованія во взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ экономическихъ дѣятелей. Поставить наемъ капиталовъ въ распоряженіе всякаго, въ немъ нуждающагося, сдѣлать условіемъ, границами и гарантіею кредита единственно промышленное предпріятіе или *производительную дѣятельность лица*, которое въ немъ встрѣчаетъ надобность, такова цѣль или, лучше, идеаль, и приближеніе къ которому должно постепенно примирять и наконецъ, мо-

жесть-статься, совершенно примирить силу капитала съ силою труда.

Но и на этомъ рѣшительномъ пути освобожденія труда отъ аристократіи капитала, начало собственности не теряетъ своего живаго значенія. Кредитъ самъ собою не творитъ новыхъ капиталовъ, онъ только даетъ имъ новое движеніе и направленіе; онъ можетъ употреблять для своихъ цѣлей только *существующіе* капиталы; а капиталы по самой сущности своей, неизмѣнной никогда и нигдѣ, суть *сбереженія частицъ собственности*, какой бы то ни было, но непрерывно собственности, плодъ личныхъ усилій. Чтобы поднять силу труда силою капиталовъ, кредитъ долженъ желать возникновенія обширныхъ имуществъ въ странѣ. Безспорно, новые великіе капиталы могутъ возникать и на почвѣ товарищества, то-есть быть продуктами складочныхъ, а не частныхъ капиталовъ и сбереженій, но мы видимъ, что сбереженія и накопленія капиталовъ происходятъ гораздо медленнѣе въ кругу товариществъ, нежели въ кругу частныхъ или личныхъ хозяйствъ, и до сихъ поръ самымъ естественнымъ путемъ къ образованію публичнаго кредита представляется возникновеніе личныхъ капиталовъ, обращаемыхъ силою кредита къ публичному и общественному пользованію. Дѣйствительно, мы видимъ самыя могущественныя промышленныя и кредитныя корпораціи въ странахъ, наиболѣе отличающихся развитіемъ личной предпримчивости и частныхъ богатствъ.

Уже изъ всего сказаннаго можно заключить, что съ успѣхами промышленности облегчаются для массы народа матеріальные способы умственнаго и нравственнаго развитія. Частная промышленная предпримчивость обращается и на эту почву; проникая въ производство нематеріальныхъ цѣнностей, коммерческій элементъ удешевляетъ ихъ и дѣлаетъ болѣе доступными для массъ. Потеря нравственной и умственной самостоятельности рабочаго класса передъ преобладающею силою капиталовъ есть только первый моментъ или одна сторона промышленнаго пробужденія; капиталы, если только не положено искусственныхъ границъ частной предпримчивости, приливаютъ къ производству предметовъ, удовлетворяющихъ нравственной природѣ челоука, и здѣсь обширныя частныя промышленныя предпріятія, университеты, ученныя общества, школы, журналы и т. д., открываютъ доступъ массамъ къ умственнымъ богат-

ствамъ, которыя на низкой степени промышленнаго развитія для нихъ не существуютъ.

Поземельная собственность составляетъ до сихъ поръ, безспорно, самое серьезное и упорное общественное превосходство; но и противъ его исключительнаго преобладанія и гнета надъ прочими экономическими интересами есть силы, которыя пробуждаются и дѣйствуютъ въ самомъ организмѣ народнаго хозяйства внѣ всякой искусственной государственной регламентаціи. Неограниченная свобода отчуждаемости всякаго рода имуществъ и цѣнностей распространяется и на землю; вмѣстѣ съ тѣмъ, по непреложному экономическому закону, всѣ выгоды, сопряженныя съ поземельнымъ владѣніемъ, входятъ въ составъ продажной цѣны земли и дѣлаются доступными для всѣхъ, безъ изыятія, членовъ общества, имѣющихъ нужныя средства къ ея приобрѣтенію. Такимъ образомъ продажная цѣна поземельной собственности вообще всегда выше, чѣмъ всѣхъ прочихъ имуществъ; то-есть, земля приноситъ на свою продажную цѣну менѣе процентовъ сравнительно съ прочими имуществами; эта относительная дороговизна уравниваетъ преимущества поземельной собственности передъ прочими видами собственности. Такъ какъ всякій богатѣющій членъ общества желаетъ приобщиться выгодамъ поземельной собственности, то поземельныя владѣнія дробятся по числу желающихъ приобрѣсть ее и по величинѣ средствъ каждаго къ приобрѣтенію.

Двѣ великія страны Европы представляютъ въ отношеніи къ поземельной собственности замѣчательный контрастъ. Во Франціи всѣ три необходимые элемента земледѣлія: *поземельная собственность, капиталъ и трудъ*, дѣйствуютъ большею частію совокупно; экономическое и вмѣстѣ съ тѣмъ общественное противодѣйствіе преобладанію поземельной собственности явилось въ ея чрезвычайномъ раздробленіи. Въ Англіи раздѣлилась не поземельная собственность, а силы земледѣльческаго производства: земля, капиталъ и трудъ; въ раздѣленіи и самостоятельности своего экономическаго обособленія они ищутъ правильнаго между собою равновѣсія. Отказавшись отъ выгодъ поземельной собственности и предоставивъ ихъ одной небольшой части гражданъ, другая часть англійскаго общества присвоила себѣ, до самаго крайняго развитія, промышленныя выгоды *капитала и труда*, безъ которыхъ земля нигдѣ не можетъ быть производительна, а въ странѣ высокаго промышленнаго развитія становится совершенно немощна. По-

земельная собственность вступила въ сдѣлку съ капиталомъ, открывъ ему неограниченное свободное пользованіе собою какъ орудіемъ производства; система аренды примирила интересы поземельной собственности и капитала и произвела чудеса земледѣлія. Чрезвычайная производительность земледѣлія, увеличившая донельзя запасы мѣстнаго продовольствія къ общему благу всего народонаселенія, замѣна земледѣльческаго труда машинами, облегчившими суровый трудъ земледѣльца и обратившими большую часть земледѣльческаго народонаселенія къ болѣе выгоднымъ городскимъ занятіямъ, наконецъ неограниченная свобода труда и выбора дѣятельности, неограниченная свобода промышленнаго соперничества и промышленнаго товарищества, дѣлающія до самой послѣдней крайности производительными и выгодными всѣ роды дѣятельности, все это уравнило и интересъ третьяго элемента народнаго хозяйства, *труда*. Такимъ образомъ въ Англіи постоянно и дружно возрастаютъ поземельная рента, арендные доходы, или промышленная прибыль, и заработная плата, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ, какъ нигдѣ, средняя человѣческая жизнь, первый, несомнѣнный признакъ степени народнаго благосостоянія. Таковъ былъ экономическій путь, по которому поземельная собственность въ Англіи обратилась изъ средства исключительнаго превосходства собственниковъ въ орудіе общественной пользы, въ одинъ изъ элементовъ естественной экономической гармоніи. Вмѣсто того, чтобы стремиться изо всѣхъ силъ получить свою долю участія въ поземельной собственности, какъ во Франціи, сельское народонаселеніе Англіи старалось освободиться отъ тяжести поземельной собственности, которая, при своей дробности и при высокомъ развитіи промышленнаго духа и агрономіи, есть дѣйствительно тяжесть, а не привилегія, старалось обратить свои сбереженія на болѣе выгодную операцію промышленнаго пользованія землею и постепенно переходило изъ собственниковъ въ арендаторы.

Во Франціи, крайнее измельченіе поземельной собственности въ рукахъ собственниковъ-земледѣльцевъ повлекло за собою непроизводительность земледѣлія, какъ промышленности и искусства, требующихъ капитала для своихъ успѣховъ; владельцы слишкомъ мелкихъ участковъ земли, не имѣя возможности извлечь изъ нея доходы, превратились въ пролетаріевъ, и положеніе ихъ сдѣлалось хуже, чѣмъ даже англійскихъ батраковъ, не говоря уже объ англійскихъ фермерахъ.

Въ Англіи постепенное сосредоточеніе поземельной собственности въ крупныя массы и постепенное уменьшеніе числа землевладѣльцевъ нашло для себя *экономическое* примѣненіе въ промышленной свободѣ и раздробленіи пользованія посредствомъ системы аренднаго владѣнія, но съ другой стороны сосредоточило въ рукахъ немногихъ все *общественное и политическое превосходство и вліяніе*, связанныя, независимо отъ экономическихъ преимуществъ, съ правомъ поземельной собственности. Несмотря на этотъ преизбытокъ превосходства въ одной общественной группѣ, здоровый организмъ англо-саксонскаго общества удерживается въ правильномъ равновѣсіи, въ такомъ равновѣсіи, которому завидуютъ всѣ другіе народы. Противодѣйствіемъ исключительному преобладанію и насилію землевладѣльческой аристократіи явились здѣсь, со стороны прочихъ группъ народонаселенія, высокое развитіе гражданской свободы и личной самостоятельности, со стороны поземельной аристократіи, постоянное пользованіе своимъ общественнымъ превосходствомъ, лишь въ видахъ общаго блага народа, лишь съ глубокимъ нравственнымъ сознаніемъ великихъ общественныхъ обязанностей.

Посреди раздробленія поземельной собственности возникаетъ въ наше время иная экономическая сила, врачующая язвы экономического раздробленія и въ то же время противодѣйствующая преобладанію аристократической поземельной собственности, сила *ассоціаціи*, товарищества земельныхъ участковъ, принадлежность самаго высшаго экономического развитія. Безъ сомнѣнія, земельная ассоціація или *общественная поземельная собственность* имѣетъ великую будущность. Но начало товарищества или соединеніе экономическихъ силъ вообще *труднѣе*, то-есть требуетъ въ своемъ примѣненіи большаго экономического и нравственнаго развитія, чѣмъ соперничество или раздѣленіе и обособленіе; производительно и прибыльно дѣйствовать сообща труднѣе, чѣмъ одиночно. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, низшіе классы въ Англіи прибѣгаютъ не къ земельной ассоціаціи а къ эмиграціи въ страны, гдѣ земля дешева.

Прилагая эти мысли къ нашей странѣ, мы думаемъ, что недостаточность экономического развитія, какъ необходимаго условія земельной ассоціаціи, можетъ быть уравнирована у насъ особеннымъ природнымъ къ ней предрасположеніемъ народа. Къ общинному владѣнію землею высказалась не сомнѣнная склонность нашего народа. До сихъ поръ поземельная соб-

ственность, при крѣпостномъ состояніи, препятствовавшемъ какъ полному обнаруженію ея экономической и общественной силы въ рукахъ помѣщиковъ, такъ и развитію чувства собственности между крестьянами, при всеобщемъ промышленномъ застоѣ, и при избыткѣ пространства земель сравнительно съ народонаселеніемъ, — до сихъ поръ поземельная собственность не могла раскрыть у насъ всѣ естественныя принадлежности своего экономического и общественного превосходства, оставалась въ весьма неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ экономическимъ интересамъ и не проявила у насъ того исключительнаго характера, каковымъ она отличается въ Западной Европѣ. При такихъ обстоятельствахъ общинное владѣніе могло оставаться во всей своей экономической и юридической неопредѣленности и служить нѣкоторымъ обезпеченіемъ благосостоянія и самостоятельности земледѣльца, стоявшаго подъ защитою деспотически покровительственныхъ отношеній частнаго и государственнаго крѣпостнаго права. Но положеніе вещей скоро и весьма кореннымъ образомъ измѣнится. Вопросъ о поземельной собственности обойдетъ теперь не возможно. Неопредѣленное право общиннаго владѣнія и пользованія не можетъ сохранить свою неопредѣленность подлѣ весьма положительныхъ вопросовъ о выкупѣ земли, о степени участія личныхъ усилій cadaго крестьянина въ этомъ выкупѣ и о возникающихъ за тѣмъ правахъ его на землю. При этомъ общинное владѣніе *можетъ* уступить мѣсто личной собственности и раздробленію земельныхъ участковъ, со всѣми его печальными послѣдствіями, неизбѣжными при бѣдности капиталовъ у насъ. Оно *можетъ* дѣйствительно принять такое направленіе, но въ этомъ нѣтъ *никакой естественной необходимости*. Общинное владѣніе можетъ совершенно свободно преобразоваться на почвѣ русскаго народа, весьма проникнутой духомъ товарищества, общности и братства въ *общинную собственность*. Въ этомъ нѣтъ *никакой экономической невозможности*. Равнымъ образомъ несомнѣнно и то, что изъ всѣхъ мѣръ, которыя могутъ быть вызваны очевидно несостоятельностью общиннаго владѣнія, переходъ общиннаго владѣнія въ общинную собственность представляется какъ мѣра, наименѣе насильственная и искусственная. Общія понятія объ общинной собственности были уже высказаны редакціей *Русскаго Вѣстника* (1), и здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшее ихъ при-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1858 г. № 17.

ложене. Но нельзя не сказать, что общинная собственность можетъ послужить весьма правильнымъ, естественнымъ, экономическимъ оплотомъ противъ исключительности преимуществъ поземельной собственности.

Мы выставили всѣ естественныя экономическія силы, противодѣйствующія исключительному преобладанію въ обществѣ силы богатства и съ особеннымъ вниманіемъ вникли въ развитіе поземельной собственности, какъ главнаго предмета нашего труда. Мы видѣли, что, не уничтожаясь и не упраздняясь, аристократія богатства и собственности находитъ естественную для себя реакцію въ самыхъ успѣхахъ промышленности и общежитія, которые какъ будто содѣйствуютъ развитію этого превосходства. Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на предѣлы, полагаемые цивилизаціей аристократическому значенію занятій, которымъ человекъ посвящаетъ свою дѣятельность, и общественной среды, въ которой онъ обращается и дѣйствуетъ.

Цѣль всѣхъ техническихъ усовершенствованій заключается въ томъ, чтобъ высвободить человѣческій трудъ изъ зависимости отъ природы, позволить ему какъ можно болѣе самостоятельно распоряжаться вещественнымъ матеріаломъ, и какъ можно болѣе замѣнять силами природы силу человека, такъ чтобы на долю человека въ каждомъ производствѣ оставалась та доля труда, въ которой проявляется только человѣческая, умственная и нравственная сила, а не механическая. Въ этомъ отношеніи нашъ вѣкъ сдѣлалъ чрезвычайно много; техническія усовершенствованія, машины и сила пара облагородили многія занятія, которыя прежде обращали человека въ положеніе рабочаго животнаго или механической силы. Но кромѣ техническихъ усовершенствованій, могущественно содѣйствуютъ облагороженію занятій преобразования въ самомъ характерѣ хозяйства. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на постепенное превращаніе всѣхъ отраслей труда изъ *личныхъ* услугъ въ *промышленныя, общественныя* услуги. Когда трудъ человека, на что бы онъ ни былъ обращенъ, есть трудъ, понесенный на предпріятіе, въ которомъ онъ *участникъ* (хотя бы даже только работникъ), но уже не *служитель* лица и тѣмъ менѣе одного лица, то это совершенно измѣняетъ положеніе человека въ обществѣ и ставитъ его неизмѣримо выше. Промышленное направленіе вѣка преобразуетъ всѣ мелкія производства, такъ-называемыя *домашнія* хозяйства, въ большія фабричныя производства, гдѣ отношенія

между различными участниками несравненно менѣ личныя, нежели дѣловыя. Наконецъ съ усовершенствованіемъ въ вещественномъ бытѣ людей, самая потребность въ личныхъ услугахъ уменьшается ; возможность обходиться вовсе безъ слуги, столь естественная для современнаго образованнаго человѣка въ Европѣ, совершенно не мыслима для богатаго человѣка, выросшаго на почвѣ азіятскаго или полуазіятскаго воспитанія. Число домашнихъ слугъ въ Европѣ постепенно уменьшается; и тѣ, которые остались, уже далеко не имѣютъ характера прежней челяди въ патріархальныхъ хозяйствахъ. Это служители дома и хозяйства, а не господина, имѣющіе свои строго-опредѣленные обязанности, изъ круга которыхъ они весьма не охотно выходятъ, а не исполнители всѣхъ личныхъ требованій и капризовъ господина.

Преимущество общественной среды никакъ не уничтожается съ успѣхами образованности, но благовоспитанность и образованность обуславливаются не рожденіемъ и кровнымъ союзомъ, а становятся достояніемъ всѣхъ людей, имѣющихъ право на такое преимущество по своему личному характеру и по своей дѣятельности. вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе атмосферы высшей общественной среды распространяется путемъ гласности и книгопечатанія ; имъ могутъ пользоваться съ одинаковою для себя выгодною люди, вовсе не принадлежащіе собственно къ этой средѣ. Мы сравнимъ для примѣра средневѣковыя университеты, сосредоточивавшіе свое вліяніе въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ, съ современными учеными конгрессами, къ сужденіямъ которыхъ можетъ приобщиться человѣкъ, находящійся за тысячу верстъ отъ мѣста сборища, рыцарскія собранія прежняго времени съ нынѣшними митингами Англій, сходки богачей-спекулянтовъ или Евреевъ-ростовщиковъ въ средніе вѣка со всемірными биржами, доступными для всѣхъ безъ изъятія въ наше время.

III.

Мы сдѣлали очеркъ, съ одной стороны, всѣхъ главнѣйшихъ признаковъ и причинъ общественнаго неравенства и, съ другой стороны, главнѣйшихъ естественныхъ силъ общественнаго развитія, ему противодѣйствующихъ, то-есть естественнымъ

образомъ уравнивающихъ преимущества однихъ людей передъ другими. Теперь возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ, то и другое начало, совершенно какъ бы другъ другу противоположныя и непріязненныя, могутъ уживаться вмѣстѣ, и въ какой высшей силѣ, въ какомъ высшемъ началѣ заключается возможность того, чтобы они уживались вмѣстѣ?

Мы видѣли, что силы, противодействующія общественнымъ преимуществамъ и разнивающимся съ возрастаніемъ образованности, промышленности, гражданственности въ человѣческихъ обществахъ, не уничтожаютъ самыхъ преимуществъ, но дѣйствуютъ въ томъ смыслѣ, что освобождаютъ человѣческую личность отъ неограниченнаго подчиненія силѣ богатства, ума, знанія, общественнаго положенія; онѣ даже не всегда уменьшаютъ это подчиненіе, но дѣлаютъ его менѣе тягостнымъ, болѣе добровольнымъ и свободнымъ. Въ этомъ-то и заключается ключъ къ разрѣшенію вопроса, возбужденнаго нашими предыдущими разсужденіями. Для каждаго члена общества, поставленнаго въ положеніе такъ-называемаго неравенства въ отношеніи къ другому, вопросъ заключается въ томъ, чтобы получить равную съ нимъ свободу трудиться и дѣйствовать для удовлетворенія своихъ потребностей. Это равенство свободы сглаживаетъ всѣ другія неравенства, и, напротивъ, тамъ, гдѣ не всѣ члены общества пользуются въ равной степени свободой, всякое естественное неравенство чувствуется гораздо сильнѣе. Общество въ своемъ развитіи идетъ постоянно къ равенству свободы, и имъ смягчаются всѣ различія, которыя сгладить невозможно и даже невозможно остановить дальнѣйшее ихъ развитіе.

Сила и вліяніе людей богатыхъ, воспитанныхъ, образованныхъ, ученыхъ, политическихъ дѣятелей какъ будто возрастаютъ съ успѣхами промышленности, образованности, науки, гражданской и политической жизни, но эти же самые успѣхи подвигаютъ впередъ человѣческую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ развиваются въ обществѣ силы, противодействующія исключительному превосходству немногихъ, обезпечивающія свободу и независимость людей, не имѣющихъ общественныхъ преимуществъ. Аудиторія или публика, слушающая профессора, подчиняется силѣ его убѣжденія, его нравственному вліянію, подчиняется болѣе такой общественной среды, которая бы не дала свободы слова профессору; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ публикѣ или въ аудиторіи возрастаетъ общій запасъ свѣдѣній, съ помощію которыхъ

каждый из слушающих дѣлается независимѣе отъ убѣжденій и вліянія профессора, дѣлается самъ сильнѣе. И въ средѣ, подчинившейся вліянію слова болѣе образованнаго человѣка, возникаютъ новые дѣятели, въ свою очередь подчиняющіе другихъ своему вліянію и т. д.; но съ каждымъ шагомъ впередъ, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ людей болѣе сильныхъ образованіемъ, возрастаетъ общій запасъ свѣдѣній и затѣмъ общій уровень личной умственной самостоятельности каждаго члена общества, каждаго члена такъ-называемой массы, слѣдовательно возрастаетъ равенство умственной независимости каждаго.

Отсюда мы видимъ, *можно или нѣтъ* назвать высшее образование, поэзію и литературу, ораторское краснорѣчіе, утонченность промышленности, свободу слова, политическихъ преній, свободу торговли и промышленности, можно или нѣтъ назвать всѣ эти продукты общественнаго развитія роскошью, бесполезною для массы народа, которая будто бы не можетъ ими пользоваться, не имѣя что сказать, написать, или продать. Мы назовемъ всѣ эти блага жизни пустою и праздною забавою ученыхъ, литераторовъ, негоціантовъ, лишь въ томъ случаѣ, если мы желаемъ для народа только равенства, но тогда мы должны быть послѣдовательны и желать возвращенія народа къ тому быту, гдѣ всѣ равны за исключеніемъ только одного человѣка, пользующагося преимуществомъ неравенства; мы будемъ совершенно послѣдовательны, когда предпочтемъ бытъ кочевниковъ быту подданныхъ Англіи. Но если мы признаемъ за естественное лишь стремленіе человѣка къ личной свободѣ, къ равенству не въ пользованіи благами жизни, а къ равенству свободы, то мы поймемъ, что вся эта роскошь есть насущный хлѣбъ народа, ибо только когда эти блага принадлежать ему, хотя бы ихъ вкушали пока только нѣкоторые избранные его члены, можетъ развиваться въ народѣ чувство свободы, обезпечиваться и преуспѣвать личная свобода каждаго, и слѣдовательно осуществляется то единственное равенство, которое совмѣстимо съ успѣхами цивилизаціи, — равенство права на свободу и самобытность. Чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлаетъ человѣческое обществѣ, чѣмъ болѣе устраняются стѣснительныя привилегіи, устанавливаемые законодательствомъ и поддерживаемыя принудительною силою государственной власти, тѣмъ болѣе неравенство общественнаго положенія людей приходитъ въ соотвѣтствіе съ неравенствомъ ихъ личныхъ средствъ и ихъ личной дѣятельности, но такого рода неравенство столько же

можетъ насъ печалить, какъ то, что мы люди и живемъ на землѣ. Это неравенство есть судьба рода человѣческаго; оно лежитъ въ основѣ всей исторіи человѣчества и нисколько не противорѣчитъ личной свободѣ человѣка, составляющей единственное всѣмъ людямъ равно-драгоценное, для всѣхъ людей равно-необходимое благо жизни. Въ крупной поземельной собственности, въ самой аристократической собственности, капиталъ, прилагаемый къ землѣ (путемъ ли хозяйственной дѣятельности самихъ землевладѣльцевъ или сѣмщиковъ), и земледѣльская наука заставляютъ землю въ безконечное число разъ быть болѣе производительною, чѣмъ она была въ естественномъ своемъ положеніи. Усилившееся производство облегчаетъ способы продовольствія страны и открываетъ ей доступъ къ чужеземнымъ продуктамъ. Агрономическія усовершенствованія распространяются изъ аристократическихъ крупныхъ помѣстій на мелкія поземельныя владѣнія. Умственный капиталъ воспитанія, скопившійся въ землевладѣльской средѣ, отражаетъ свой свѣтъ во всей окружающей массѣ народонаселенія, смягчаетъ его нравы, разсѣиваетъ суевѣрія и возбуждаетъ жизнь. Естественная землевладѣльская аристократія ни сколько не мѣшаетъ всеобщему прогрессу, а, напротивъ, содѣйствуетъ ему.

Если идеаль общественнаго равенства заключается въ равенствѣ свободы человѣческой личности развивать внутреннія силы своей природы, свои потребности и способы къ ихъ удовлетворенію, по своему произволу трудиться и наслаждаться плодами своего труда, то такой идеаль нисколько не противорѣчитъ естественнымъ побужденіямъ и наклонностямъ людей и естественнымъ законамъ развитія, которые проявились въ фактахъ умственной и промышленной жизни народовъ. Равенство въ этомъ смыслѣ есть не что иное, какъ возможно большее приложеніе къ жизни начала свободы человѣческой личности, во всѣхъ ея проявленіяхъ, и на этомъ пути мы дѣйствительно замѣчаемъ успѣхи народовъ образованныхъ передъ необразованными, новѣйшихъ эпохъ развитія историческихъ народовъ передъ первоначальнымъ ихъ состояніемъ. Но если общественное равенство должно заключаться въ равенствѣ распредѣленія между членами общества всѣхъ благъ жизни (или что все равно, отрицательно, въ равенствѣ ихъ лишеній и страданій), то такой идеаль не впереди насъ, а позади; чѣмъ болѣе мы будемъ углубляться въ исторію,

къ дѣтству народовъ, чѣмъ болѣе будемъ приближаться къ народамъ дикимъ и неисторическимъ, и наконецъ чѣмъ болѣе будемъ близки къ рабству, въ которомъ наиболѣе равенства въ матеріальныхъ и нравственныхъ наслажденіяхъ, тѣмъ ближе будемъ стоять къ этому идеалу. Если мы захотимъ съ стремленіями къ такому идеалу соединить также успѣхи образованности, промышленности, политической жизни, то всѣ наши усилія будутъ только постояннымъ себѣ самимъ противорѣчіемъ, ибо всѣ эти проявленія человѣческаго духа прежде всего требуютъ свободы, а свобода немыслима при насильственномъ равенствѣ распредѣленія между людьми всѣхъ благъ и страданій жизни.

Итакъ разные виды общественнаго превосходства, *естественная аристократія*, составляютъ необходимую принадлежность естественнаго свободнаго развитія обществъ и съ другой стороны въ этомъ самомъ развитіи заключаются силы, противодействующія единственному злему началу всякой аристократіи, ея монопольному преобладанію надъ другими классами общества и происходящему вслѣдствіе того стѣсненію личной свободы людей, не принадлежащихъ къ высшему классу.

Охотники жаловаться могутъ сожалѣть объ этомъ печальномъ законѣ человѣческихъ обществъ, или лучше человѣческой природы, по которому не всѣ части общества одновременно и равномерно развиваются, по которому необходимо, чтобы подымались къ высшей цивилизаціи однѣ частицы за другими. Они могутъ сожалѣть о законѣ, по которому цивилизація распространяется *аремственно* между людьми, поколѣніями и народами. Но они имѣютъ оннюдь не большее право сожалѣть объ этомъ, какъ и о томъ, что человѣкъ не родится на свѣтъ разомъ совершеннѣйшій, что онъ долженъ тратить треть своей жизни только на трудъ воспитанія и приобщенія къ умственной жизни человечества и т. п.

IV.

Указавъ на признаки общественнаго неравенства и на характеръ естественной аристократіи, мы переходимъ къ дальнѣйшему развитію понятій объ аристократіи. Искусственная аристократія, говоритъ лордъ Брумъ, должна всегда, до нѣко-

торой степени, быть соединена съ естественною и на ней основываться. Никакая сила государственныхъ учрежденій не можетъ обезпечить могущество какого-либо благороднаго сословія, не имѣющаго за собою богатства, или дарованій, или заслугъ, которыя бы отличали его отъ остальной части общества. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, говоритъ тотъ же публицистъ-мыслитель, такъ-называемыя благородныя сословія имѣли своимъ первымъ происхожденіемъ естественную аристократію; и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не было привилегированнаго сословія, которое бы могло сохранить за собою власть или даже общественное положеніе, не удержавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей средѣ естественныхъ преимуществъ, давшихъ ему первоначальное могущество. Патриціанское сословіе въ Римѣ состояло изъ свободныхъ людей, положившихъ основаніе государству и ихъ потомковъ. Спартанская аристократія имѣла подобное же происхожденіе. Когда военачальники, устремившіеся на Римскую имперію, водворились въ своихъ вновь-завоеванныхъ земляхъ, они составили привилегированное сословіе изъ главнѣйшихъ своихъ товарищей, которые были самыми храбрыми и ловкими предводителями въ ихъ войскахъ, и которыхъ они надѣлили огромными поземельными владѣніями. Потомъ исключительное право ихъ потомковъ на пріобрѣтеніе поземельной собственности упразднилось, и всякій неблагородный получилъ право пріобрѣтенія ея, но большая часть поземельнаго богатства оставалась въ рукахъ аристократіи. Когда затѣмъ торговля создала подлѣ нея соперничество новаго рода имуществъ, тогда возникла новая естественная аристократія и поравнялась съ наследственной. Въ италіанскихъ республикахъ коммерческое богатство весьма рано вступило въ соперничество съ феодальнымъ; и потому образовалась городская аристократія, которая долгое время пользовалась какъ преимуществами благосостоянія, такъ и отличіями личныхъ способностей, общественныхъ заслугъ и продолжительной привычки власти. Такія именитыя фамиліи были аристократіею въ этихъ республикахъ; и ихъ вліяніе основывалось на естественномъ уваженіи къ общественному положенію, богатству и личнымъ достоинствамъ ихъ. Эта городская аристократія скоро пріобрѣла для себя исключительныя привилегіи и искусственными мѣрами сдѣлалась правительственнымъ сословіемъ. Во всѣхъ этихъ государствахъ она пыталась исключить большинство народа, даже большинство богатыхъ классовъ, и вездѣ ей удалось на нѣкоторое время захватить для

своего замкнутого союза монополію политической власти, хотя ея происхождение было совершенно то же самое, какъ происхождение фамилій, выдвинувшихся послѣ нея изъ общей массы народа. Число потомковъ благородныхъ фамилій возрасло, многіе изъ нихъ лишились богатства и всѣхъ прочихъ принадлежностей естественной аристократіи. Но нѣкоторые члены этихъ родовъ сохранили эти силы и съ ними свое естественное вліяніе; они имѣли справедливый вѣсъ въ обществѣ, независимо отъ искусственныхъ привилегій, которыя захватили въ свои руки съ помощью законовъ и обычаевъ страны (1).

Дѣйствительно, если ближе вникнуть въ историческое развитіе всякой искусственной аристократіи или всякаго искусственно-привилегированнаго сословія, то можно всегда отыскать корень ея происхожденія въ естественной аристократіи, изъ которой она перерождалась силою внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ. У историческихъ источниковъ всѣхъ привилегированныхъ сословіи можно найти естественныя преимущества, всегда и вездѣ дающія людямъ силу и значеніе въ обществѣ, независимо отъ всякихъ привилегій, созданныхъ законодательствомъ и государственными учреждениями: государственныя и общественныя *заслуги отцовъ*, или дѣйствительное *превосходство крови* (расъ, подчинившихъ своему вліянію другія расы: завоеваніе сопровождалось всегда возникновеніемъ аристократіи); *личныя дарованія и превосходство* (хотя бы это превосходство въ младенчествѣ народовъ заключалось въ самыхъ грубыхъ свойствахъ и качествахъ); *воспитаніе* или сохранившаяся въ нѣкоторыхъ родахъ привычка къ обращенію съ людьми, къ подчиненію ихъ себѣ и вообще большая живость преданія; *познанія и родъ занятій*, наиболѣе требовавшіяся по обстоятельствамъ времени и потому наиболѣе уважавшіяся; *богатство* или наиболѣе выгодные по духу времени способы къ его приобрѣтенію; *приближеніе къ общественнымъ центрамъ*, въ которыхъ зачалась гражданская и государственная жизнь, наконецъ *личная удача и счастье*. Если мы даже перенесемся въ эпоху завоеваній и преобладанія грубой силы, то мы должны согласиться, что воинская доблесть и добыча были самымъ естественнымъ для того времени превосходствомъ;

1) *On aristocracy*, p. 27—28.

удача въ набѣгѣ, богатство, собранное грабежомъ, захватъ по-земельной собственности, все это были естественныя силы въ обществѣ людей, не признававшихъ достоинства иныхъ доблестей, иныхъ способовъ обогащенія и иныхъ правъ на землю. Феодалная аристократія была въ свое время дѣйствительно самую сильною по крови, по заслугамъ, по дѣятельности, по богатству и по общественному вліянію. Намъ не нужно, кажется, говорить, что всѣ эти силы составляютъ достоинство не передъ судомъ абсолютныхъ нравственныхъ и идеальныхъ требованій человѣческаго разума: это силы историческаго движенія, безпрестанно измѣняющагося въ своемъ направленіи и создающаго только относительныя достоинства. Представительницею этихъ движущихся силъ, а не абсолютныхъ нравственныхъ достоинствъ, служить всякая естественная аристократія, которая по тому самому бываетъ иная для каждаго времени и для каждой страны.

Но естественныя преимущества, накопившіяся въ родахъ, поколѣніяхъ и группахъ людей, какъ всякій капиталъ, тогда только сохраняютъ свою силу въ рукахъ своихъ обладателей, и тогда только для нихъ самихъ выгодны, пока поддерживаются *самодѣятельностію* обладателей, пока послѣдніе въ пользованіи своими преимуществами участвуютъ своими трудомъ и волею. Въ обществѣ, развивающемся и предназначенномъ къ жизни, естественная аристократія, чтобы сохранить выгоды своего положенія передъ напоромъ всѣхъ указанныхъ нами естественныхъ силъ, противодѣйствующихъ ея преобладанію, должна, какъ мы видѣли, сама развиваться, жить и трудиться, а не мѣшать развитію, жизни и труду низшихъ классовъ. Превосходство рожденія или фамильнаго преданія быстро блѣднѣетъ передъ новыми, личными подвигами, полезными для общества, если представители преданія не возобновляютъ его свѣжести собственными заслугами и дарованіями. Превосходство домашнихъ нравовъ и обычаевъ или первоначальнаго воспитанія дряхлѣетъ и обращается въ одну смѣсь предразсудковъ и грубыхъ преданій, если люди, пользующіеся превосходными преданіями воспитанія, на нихъ успокоиваются и отстаютъ отъ движенія идей и науки въ обществѣ. Преимущество поземельной собственности ослабѣваетъ передъ напоромъ промышленности и торговли, если землевладѣлецъ остается при грубыхъ формахъ первоначальнаго хозяйства. Превосходство политической мудрости или привычки къ обращенію съ общественными дѣлами и государ-

ственными вопросами исчезаетъ при равнодушїи къ общественному дѣлу и къ вопросамъ, занимающимъ умы современниковъ, и т. д. Категорїи общественного превосходства неизмѣнны, какъ воспитанїе, образованность, богатство и т. д., но формы или виды ихъ проявленїя, способы пользованїя ими безконечно разнообразны и постоянно измѣняются съ духомъ времени и успѣхами цивилизаціи, и притомъ не только измѣняются, но постепенно требуютъ болѣе напряженнаго вниманїя и болѣе усилїй со стороны ихъ обладателей. Не то стоить тому назадъ и не то теперь, не то въ Турціи, не то въ Германїи, и не то въ Англїи быть вліятельнымъ землевладѣльцемъ, благовоспитаннымъ человѣкомъ, хорошимъ агрономомъ, блестящимъ государственнымъ мужемъ.

Но первенство въ обществѣ заманчиво; человѣкъ легко свыкается съ льготами, связанными съ первенствомъ, легче, нежели съ тѣми общественными обязанностями и тягостями, которыя необходимо соединены со всякимъ постояннымъ первенствомъ; поколѣнїя, воспитывающїяся въ этихъ сладкихъ привычкахъ, посреди этихъ льготъ, легко позабываютъ тягость труда ихъ предковъ, создавшаго тотъ нравственный и вещественный капиталъ, который перешелъ имъ по наслѣдству. Возникаютъ новыя силы и новыя условїя превосходства въ обществѣ; приходится или уступить передъ ними, или овладѣть ими. Первое невыгодно, второе не легко. Потому самымъ естественнымъ образомъ возникаетъ въ нѣкоторыхъ группахъ людей стремленїе закрѣпить преимущества общественного вліанїя за собою, окружить разъ доставшееся превосходство искусственными привилегїями и искусственнымъ образомъ исключить изъ нихъ другїе классы. Естественное первенство, возникшее вслѣдствїе самой силы обстоятельствъ, превращается въ искусственное преобладанїе.

Такъ фабрикантъ силою своего капитала и искусства можетъ сдѣлаться производителемъ лучшихъ суконъ въ странѣ и вслѣдствїе того можетъ пользоваться въ извѣстное время нѣкоторою монополїей, то-есть онъ можетъ получать за свои сукна нѣкоторый излишекъ барыша противъ суконъ всѣхъ другїхъ фабрикъ. Новотъ другїе фабриканты усиливаютъ свою дѣятельность и изошряютъ свой умъ на изобрѣтенїе лучшихъ способовъ выдѣлки сукна, или лучшіе мастера перваго фабриканта накопили изъ своего жалованья собственные капиталы, заслужили довѣрїе публики и затѣяли завести собственныя фабрики,

или иностранные суконные фабриканты посылаютъ въ страну сукна, далеко превосходяща сукно нашего фабриканта. Что же ему дѣлать? Чтобы удержать за собою свои выгоды въ виду опаснаго соперничества, онъ можетъ усилить свою собственную дѣятельность, что для него, какъ для всякаго производителя, имѣвшаго уже за собою какое-нибудь превосходство, будетъ гораздо легче, нежели для всякаго другаго фабриканта; ибо онъ имѣетъ за собою преимущество фирмы, времени, кредита, привычку покупателей. Такое направленіе дѣятельности всякаго фабриканта можетъ быть только выгодно для всего общества; не уничтожая его собственныхъ выгодъ, оно увеличиваетъ общую массу выгодъ (хорошаго товара) для всѣхъ; но для такого направленія дѣла съ возрастаніемъ конкуренціи необходимо неослабное наблюденіе за развитіемъ промышленности, характеръ, энергія. Въ виду угрожающей опасности фабрикантъ нашъ можетъ прибѣгнуть и къ другимъ мѣрамъ: онъ можетъ выхлопотать себѣ у правительства разныя привилегіи, которыя искусственнымъ образомъ закрепили бы за нимъ его превосходство: запрещеніе заводить новыя суконныя фабрики въ странѣ или увеличивать размѣры существующихъ, возвышенную такову для суконъ своей фабрики, исключительное право на казенныя поставки, запрещеніе мастерамъ отходить съ его фабрики, таможенныя тарифы и т. д. Очевидно, такія привилегіи не будутъ выгодны для успѣховъ суконной промышленности въ странѣ и для людей, потребляющихъ сукно. Но выгодны ли эти привилегіи даже для самого фабриканта? Что значитъ то непрочное превосходство, которое они ему даютъ, если сравнить его съ превосходствомъ, которое онъ имѣлъ бы, усиливъ свою дѣятельность и усовершенствовавъ свою фабрику, безъ всякихъ искусственныхъ привилегій, ставящихъ его въ зависимость отъ произвола правительства и въ непріязненное отношеніе къ своимъ согражданамъ? вмѣсто довѣрія, товаръ его внушаетъ всѣмъ подозрѣніе, покупщики стараются его обгнать, его обязанные мастера работаютъ на него плохо. Выгоды наследниковъ привилегированнаго фабриканта уже очевидно ничтожны въ сравненіи съ выгодами наследниковъ непривилегированнаго, но превосходнаго по своему капиталу, искусству и дѣятельности. вмѣсто преданія честности, энергіи, популярности въ одномъ случаѣ, переходитъ въ другомъ случаѣ традиція искательства, промысла, зависимаго отъ случая и по-

кровительства, традиція угодлиности передъ сильными и высокошрїя передъ слабыми. Исторія всякихъ искусственныхъ аристократическихъ привилегій можетъ быть та же самая, какъ взятый нами примѣръ. Изъ всѣхъ европейскихъ аристократій одна только англійская сумѣла удержать свое превосходство безъ всякихъ искусственныхъ привилегій; она постоянно слѣдовала въ своей дѣятельности за движеніями времени и удерживала за собою власть и преобладаніе, постоянно дѣлаясь своими пріобрѣтеніями со всѣми прочими классами.

Всгдъ за возникновеніемъ въ странѣ искусственныхъ аристократическихъ привилегій, мы видимъ другое стремленіе, необходимо имъ вызываемое, стремленіе оградить также искусственными мѣрами непривилегированные классы общества отъ притѣсненія привилегированныхъ. Одна искусственная мѣра, одно искусственное вмѣшательство закона въ процессъ естественнаго развитія общества влечетъ за собою другое вмѣшательство. Государственная власть, разъ обезпечивъ какое-либо общественное преимущество, тѣмъ самымъ принимаетъ его на свою отвѣтственность и бываетъ вынуждена обезпечивать противодѣйствіе исключительному преобладанію аристократіи, протягивать руку помощи и опеки надъ слабыми. Такъ возникаютъ *искусственныя уравнивающія мѣры*.

Сдѣлавъ очеркъ естественныхъ преимуществъ и естественныхъ силъ, имъ противодѣйствующихъ, мы пришли къ положительному законодательству и къ государственной власти, къ вопросу, какое вліаніе можетъ и должно имѣть законодательство страны на естественный процессъ развитія общественнаго превосходства и общественнаго равенства. За тѣмъ мы должны показать роль и мѣсто естественной аристократіи уже не въ обществѣ, а въ государствѣ. Таковъ будетъ предметъ нашей третьей и послѣдней статьи.

Владиміръ Безобразовъ.

НОВООТКРЫТЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ВАВИЛОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

VIII.

Я увлекся бы далеко за предѣлы статьи моей, еслибы задумалъ представить здѣсь специальное изложеніе содержанія *Набатейскаго Земледѣлія*; содержаніе этой книги чрезвычайно разнообразно и многосторонне, и представить его вкратцѣ нѣтъ никакой возможности. Исчисленіе главъ не дастъ также яснаго понятія о содержаніи книги, потому что въ составъ ея входитъ великое множество то длинныхъ, то краткихъ эпизодовъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ земледѣлію или даже къ естествовѣдѣнію. Кто бы ожидалъ напримѣръ въ главѣ, трактующей «о предметахъ, необходимыхъ для земледѣльцевъ», встрѣтить пространную и горячую полемику противъ какихъ-то языческихъ пустынниковъ, одѣтыхъ въ черное платье, съ длинными ногтями на рукахъ, длинноволосыхъ и полудикихъ, которые обитали въ степяхъ и пустыняхъ, вели жизнь аскетическую, и (какъ они увѣряли сами) находясь въ постоянномъ сношеніи съ богами, имѣли даръ предугадывать будущее черезъ посредство кумировъ и т. д.? Въ другихъ главахъ, содержащихъ въ себѣ чисто-агрономическія замѣтки, никто бы не ожидалъ встрѣтить подробныя разсужденія, на-

(1) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 9-й и 10-й.

примѣръ, о различіи душевнаго волненія, когда оно возбуждено виномъ и когда музыкою, или о сущности пророчества, причемъ приводятся доказательства, что человекъ только во снѣ, а не наяву, можетъ принимать откровенія боговъ. Почти въ каждой главѣ находятся отступленія, которыя вовсе не касаются агрономіи или относятся къ ней весьма мало, но за то они бросаютъ много свѣта на исторію и преимущественно на цивилизацію древнихъ Вавилонянъ. Вообще можно сказать, что въ этой книгѣ дошла до насъ почти цѣлая вавилонская бібліотека; мы ужъ упоминали нѣсколько разъ, что Кутами цитуетъ безчисленное множество разнаго рода писаній, преимущественно вавилонскихъ, а также ханаанскихъ, ассирійскихъ и сирийскихъ, какъ принадлежащихъ къ древнѣйшимъ временамъ Вавилоніи, такъ и современныхъ ему. Такъ, напримѣръ, Кутами сообщаетъ намъ довольно значительное число цитатъ изъ священныхъ книгъ древнѣйшаго вавилонскаго законодателя и вѣроучителя Деванаи, а равно изъ писаній Адами, Ишиты, Мази Суранскаго, Ханаанцевъ Анухи, Тамитри, Ссарданы, Ассирійца Шебаги, Сирийца Маръ-Дайаи и многихъ другихъ, писавшихъ частью прозою, частью стихами. Если соединить вмѣстѣ отрывки какого-нибудь автора, приведенные у Кутами, то почти всегда можно составить довольно вѣрное изображеніе, какъ самого автора, такъ и его времени; если же расположить хронологически всѣ эти многочисленныя отрывки (что не трудно, потому что хронологическая послѣдовательность означенныхъ авторовъ легко узнается по разнымъ признакамъ), то нисколько не затруднительно будетъ составить довольно полную картину развитія вавилонской образованности съ древнѣйшихъ временъ до Кутами.

Книга Кутами обнимаетъ почти всю область земледѣлія въ обширномъ значеніи этого слова; ее, по справедливости, можно назвать энциклопедіей земледѣлія. Авторъ говоритъ не только о посѣвѣ различнаго рода хлѣбныхъ растеній и овощей, о насажденіи деревьевъ и уходѣ за ними, но онъ также подробно описываетъ признаки, по которымъ можно отыскивать воду въ глубинѣ, искусство и способы рыть колодези и проводить каналы, различныя роды воды и почвы, улучшеніе послѣдней и предохраненіе ея отъ песчаныхъ и селитряныхъ наносовъ (1);

(1) Вѣтеръ приносить изъ Аравіи въ Вавилонію песокъ, содержащій селитряныя частицы, отчего почва теряетъ свое плодородіе. Это со-

дальше онъ говорить о различныхъ способахъ готовить удобрения, объ устройствѣ помѣстій, объ управителяхъ и правственномъ обращеніи ихъ съ поселянами; потомъ о построеніи деревень и объ устройствѣ ихъ, о примѣтахъ, предвѣщающихъ перемену погоды, и о вліяніи ея, о распредѣленіи всѣхъ земледѣльческихъ работъ по двѣнадцати годовымъ мѣсяцамъ, для чего приложенъ полный земледѣльческій календарь и т. п. Всѣ эти предметы, надобно прибавить, представлены не въ краткихъ и бѣглыхъ замѣткахъ, но изложены съ величайшими подробностями.

Ходъ изложенія большею частію слѣдующій: прежде всего представляется точное описаніе растенія, о которомъ авторъ предполагаетъ говорить, составленное такимъ образомъ, что большая часть этихъ описаній не уступаетъ описаніямъ Dioscorida; за тѣмъ слѣдуютъ замѣтки о томъ, какая почва и какой родъ удобрения нужны для этого растенія, въ какое время должно его сѣять или сажать, какъ вообще обращаться съ нимъ, и какъ, въ случаѣ болѣзни, исцѣлять его; далье, почти всегда говорится о пользѣ этого растенія, о свойственныхъ ему силахъ и внутреннемъ устройствѣ; часто упоминается и о врачебномъ употребленіи его. Если рѣчь идетъ о чужеземныхъ растеніяхъ, то часто прибавлено, когда, кѣмъ, почему и при какомъ случаѣ они введены въ Вавилоніи. Подробнѣе всего говорится о важнѣйшихъ хлѣбныхъ растеніяхъ, каковы пшеница и ячмень, потомъ о виноградѣ и пальмѣ. Также часто рѣчь идетъ о дикорастущихъ растеніяхъ, и вездѣ показано, на что можно употреблять ихъ; такъ напримѣръ исчислено много дикорастущихъ растеній, изъ корней которыхъ готовятъ или могутъ готовить хлѣбъ.

Скажемъ теперь объ общемъ расположеніи содержанія въ книгѣ Кутами. Предпославъ хвалебную молитву солнцу, авторъ говорить о характерѣ бога Сатурна, поучаетъ, какими куреніями и жертвами можно расположить къ себѣ этого зловреднаго бога и прибавляетъ потомъ: этотъ богъ завѣдываетъ земледѣліемъ, и отъ него зависитъ успѣхъ и гибель растеній. Сатурнъ открылъ лунѣ тайны ученій, заключающихся въ этой книгѣ, а луна передала ихъ своему кумиру. «Я возсыдалъ молитвы

ставляетъ одинъ изъ главныхъ бичей вавилонскаго земледѣлія; древнѣйшія мудрецы уже занимались изысканіемъ средствъ къ его устраненію; теперешнее запустѣніе Вавилоніи есть, очевидно, слѣдствіе этого первобытнаго бича ея почвы.

этому богу Сатурну, говорит Кутами, и молилъ его кумирь, да принесетъ эта книга пользу читателю, и кумирь Сатурна повѣдалъ мнѣ, что молитва моя услышана, и жертва моя принята благосклонно.» Затѣмъ слѣдуетъ (въ рукописи библиотеки Лейденскаго университета № 303, а, стр. 4—32) длинная глава о воздѣлываніи масличнаго дерева. Сочиненіе начинается описаніемъ этого дерева, потому что оно принадлежитъ Сатурну, а этотъ богъ завѣдываетъ земледѣліемъ. Затѣмъ слѣдуютъ (стр. 32—71) восемь главъ объ орошеніи почвы, гдѣ, между прочимъ, говорится о примѣтахъ почвы, содержащей воду, о копаніи колодезей, о проведеніи каналовъ, объ увеличеніи воды въ колодезяхъ, о вкусѣ и улучшеніи воды, о различныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ ея и т. п. Въ тридцати трехъ слѣдующихъ главахъ (стр. 71—131) говорится о растеніяхъ, которыя частію могутъ быть причислены къ садовымъ (1), но между прочимъ, тамъ говорится о нѣкоторыхъ густарничкахъ и померанцевыхъ растеніяхъ, такъ же какъ и о червецѣ, о фиштакковомъ деревѣ и т. д., такъ что я понять не могу, зачѣмъ эти растенія сгруппированы вмѣстѣ; можетъ быть авторъ имѣетъ въ виду собрать вмѣстѣ «увеселительныя растенія». Затѣмъ въ двухъ главахъ (стр. 131—142) сообщаются практическія наставленія, какимъ образомъ землевладелецъ долженъ управлять своимъ имѣніемъ, какъ онъ самъ долженъ имѣть надъ нимъ постоянный надзоръ и не полагаться на другихъ, потомъ, какъ онъ обязанъ наблюдать за поселянами и обращаться съ ними, причемъ подается совѣтъ встрѣчать ихъ всегда весело и дружелюбно и никогда не показывать имъ кислаго и гнѣвнаго лица; потомъ, какъ располагать деревни и выстраивать поселянскіе дома, чтобы поддерживать здоровье поселянъ, причемъ не забыто примѣчаніе, что землевладелецъ долженъ непременно имѣть врача по близости отъ своихъ деревень, потомъ снова говорится объ управителяхъ, съ наставленіями, какъ испытывать ихъ, а именно, чтобы они никогда не лгали, рѣдко клялись, немного болтали и, чтобы вообще своимъ обхожденіемъ, а преимущественно строгимъ

(1) Напримѣръ фиалка, липля, нарцисъ, жасминъ, мирта, олеандръ и проч. Розы, кажется, совсѣмъ не зналъ авторъ нашей книги. Ужели во время Кутами она не была перепесена въ Переднюю Азію? Роза, какъ известно, не упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ; только въ книгѣ Сираха говорится о ней; см. Випера *Bibl. Real-Wörterbuch* II, стр. 339. статья *Rose*. Въ книгѣ Вавилонянина Тенкелуши, о которой мы скажемъ ниже, роза упоминается не разъ.

выполненіемъ всѣхъ религіозныхъ обязанностей, могли служить образцомъ для поселянъ и т. д. Вообще, большое значеніе приписывается религіозному настроенію поселянъ, и помѣщику вмѣняется въ непрѣвную обязанность заботиться о томъ, чтобы поселяне не работали по праздникамъ, а посѣщали храмы, и чтобъ имъ въ такіе дни прочитывались религіозныя писанія Деванаи, Адами и Ишиты, гдѣ содержатся правила честности и вѣрности, а равно и точнаго и добросовѣстнаго выполненія обязанностей относительно своихъ ближнихъ, и гдѣ тѣмъ, кто поступаетъ иначе, угрожается тяжкими наказаніями. Въ двухъ главахъ затѣмъ (стр. 142—146) изложены примѣты, по которымъ можно узнавать, переменится ли погода, будетъ ли дождь; въ слѣдующей главѣ (стр. 146—149) говорится о лучшемъ времени для посѣва, приводится урожай въ различныхъ странахъ Вавилоніи (1). Затѣмъ (стр. 149—166) слѣдуетъ хозяйственный календарь, гдѣ всѣ полевые работы распределены на цѣлый годъ. Въ этомъ хозяйственномъ календарѣ находится также предписаніе, чтобы каждый хозяинъ выставлялъ на поляхъ своихъ доски, на которыхъ бы обозначено было, какія полевые работы должно производить въ различныя времена года. Къ этому календарю приложена (стр. 166—168) составленная Ханаанцами Тамитри и Ссарданю астрономическая таблица о восхожденіи и захожденіи луны въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Въ особой главѣ (стр. 168—184) говорится вообще о предметахъ, которые должно знать землевладѣльцу и поселянину. Объ атмосферическихъ переменѣхъ и о вліяніи ихъ на растенія рѣчь идетъ въ двухъ длинныхъ главахъ (стр. 184—215), затѣмъ въ слѣдующей главѣ (215—221)—о вредномъ вліяніи на растенія планетъ и другихъ причинъ. О различныхъ родахъ земли, о свойствѣ почвы и улучшеніи ея подробно изложено въ длинной главѣ (стр. 221—265); въ другой главѣ (265—281)—объ удобреніи, а въ слѣдующей—объ уничтоженіи вредныхъ растеній. Въ пятнадцати главахъ (стр. 305—368) дѣло идетъ о различныхъ видахъ хлѣбныхъ растеній, съ объясненіемъ, какъ сохранять ихъ, какимъ способомъ изготовлять и печь изъ нихъ хлѣбъ и т. д., затѣмъ въ шестидесяти шести главахъ го-

(1) Кутами говоритъ здѣсь, что ему сообщалъ кто-то, что въ Египтѣ урожай самъ-300. Причину такого необычнаго плодородія Кутами полагаетъ въ сухости воздуха, влажности почвы и въ изобильномъ орошеніи ея водами Нила; сравните Геродота II, 14.

рится о стручкообразныхъ плодахъ и поваренныхъ растеніяхъ; между ними попадаются и описанія растеній иного рода, какъ напримѣръ хлопчатобумажнаго кустарника, конопли и другихъ, которыя хотя и не принадлежать ни къ стручкообразнымъ, ни къ повареннымъ, но авторъ, неизвѣстно по какой причинѣ, сгруппировалъ ихъ вмѣстѣ. Впрочемъ, нѣчто подобное находимъ и у Теофраста, который во второй книгѣ сочиненія своего о растеніяхъ, трактующей о деревьяхъ, упоминаетъ о *злакахъ*, а также упоминаетъ о деревьяхъ въ 4-й книгѣ того же сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ о хлѣбныхъ растеніяхъ. Особая глава (стр. 479—497) посвящена растеніямъ и корнямъ, изъ которыхъ добывается хлѣбъ, и способу его приготовленія, а въ слѣдующихъ пяти главахъ (стр. 497—552) находятся подробныя и въ высшей степени интересныя наблюденія о происхожденіи растеній вообще, о ростѣ и различномъ образованіи ихъ, о причинахъ запаха, вкуса и цвѣта растеній и т. п.

Конецъ этой главы и того, что непосредственно за нею слѣдовало, не достаетъ въ лейденскомъ манускриптѣ № 303, а, единственномъ, гдѣ находится эта часть, и гдѣ не достаетъ 76 страницъ, изъ которыхъ пять послѣднихъ сохранились въ лейденскомъ кодексѣ № 303, с. и въ парижскомъ № 913. Въ сорока шести главахъ, слѣдующихъ за пробѣломъ, говорится о различныхъ поваренныхъ растеніяхъ, въ числѣ ихъ и о такихъ, которыя не подходятъ подъ эту рубрику. (Код. Л. а, стр. 629—630. Л. б, стр. 1—86. Код. Л. d. стр. 1—63. и Код. Пар. листъ 94, b—149 а.)

Въ трехъ довольно длинныхъ главахъ (стр. 87—281) дѣло идетъ о виноградѣ, потомъ въ одной главѣ (стр. 291—297) вообще о деревьяхъ, затѣмъ также въ одной (стр. 297—317) о растеніяхъ пустыни. Въ одной краткой главѣ (стр. 317—319) говорится вообще о фруктовыхъ деревьяхъ, затѣмъ слѣдуютъ тридцать девять главъ (319—391), съ описаніемъ фруктовыхъ деревьевъ, и за ними опять еще тридцать четыре главы (стр. 391—423), въ которыхъ говорится о деревьяхъ, не приносящихъ плодовъ, но употребляемыхъ на разные предметы. Слѣдующая глава (стр. 423—451) говоритъ о прививкѣ деревьевъ; затѣмъ идетъ глава (стр. 451—477), носящая названіе *Великой Пользы*; о содержаніи ея мы скажемъ подробнѣе ниже. Предпослѣдняя глава (стр. 477—594) подробно трактуетъ о пальмѣ; наконецъ вся книга оканчивается заключительною главой, гдѣ авторъ вкратцѣ повторяетъ содержаніе всей книги,

и отъ времени до времени прибавляетъ новыя примѣчанія. Въ самомъ концѣ Кутами говоритъ, что онъ въ дополненіе къ ней написалъ особое сочиненіе о домашнихъ животныхъ; причѣмъ Ибнъ-Вахшія замѣчаетъ, что это сочиненіе ему неизвѣстно, а то бы онъ его также перевелъ, еслибы оно было у него въ рукахъ.

IX.

Вторая изъ вышеупомянутыхъ мною книгъ, переведенныхъ Ибнъ-Вахшіей съ халдейскаго языка на арабскій, носитъ названіе *Китабъ-эзъ-Самумъ*, то-есть *Книга о ядахъ*. Книга эта написана не однимъ авторомъ, и Ибнъ-Вахшія является здѣсь не только переводчикомъ, но вмѣстѣ и компиляторомъ двухъ халдейскихъ писаній. Въ общпріомъ и чрезвычайно интересномъ введеніи къ этой книгѣ, Ибнъ-Вахшія говоритъ, что она составляетъ компиляцію изъ двухъ древнихъ халдейскихъ писаній, изъ которыхъ одно древнѣйшее, но менѣе полное, принадлежитъ нѣкому Сугабъ-Сату, а авторъ послѣдняго, новѣйшаго, полнѣйшаго и подробнѣйшаго есть Ярбука. Въ самомъ же дѣлѣ ядро всей книги составляетъ писаніе Ярбуки, а изъ Сугабъ-Сата Ибнъ-Вахшія сообщаетъ только нѣкоторыя мѣста. Ибнъ-Вахшія приводитъ также довольно обширное мѣсто изъ книги одного древняго халдейскаго врача, по имени Ревагта, чтобъ относительно одного обстоятельства пополнить недостаточныя указанія Ярбуки. Ибнъ-Вахшія перевелъ почти все писаніе Ярбуки и передалъ его вѣрно съ оригиналомъ, удержавъ весь планъ и раздѣленіе подлинника; только два параграфа онъ оставилъ не переведенными, и потому именно, что оба эти параграфа, по словамъ его, были для него не совершенно понятны, и онъ счелъ за лучшее пропустить ихъ.

Переводъ этой книги Ибнъ-Вахшія также диктовалъ вышеупомянутому ученику своему Абу-Талпъ-эзъ-Зайяту, и при переводѣ руководствовался тѣмъ же способомъ, какой принять имъ былъ при переводѣ другихъ халдейскихъ книгъ. Сугабъ-Сатъ, имя котораго у Хажі-Хальфы (1) пишется *Сугабшатъ*, а въ лондонскомъ манускриптѣ *Шугадъ-Шатъ*, до сихъ поръ мнѣ не извѣстенъ, но въ предисловіи своемъ Ибнъ-Вахшія говоритъ, что онъ древнѣе Ярбуки; въ заголовкѣ же ко

(1) Томъ V, стр. 98. № 10.191, изд. Флюгеля.

второй части нашего манускрипта, так же какъ и у Хажы-Хальфы, сказано о немъ, что онъ происходитъ изъ Акеръ-Куфы, одного очень древняго мѣста (къ западу отъ Тигра, неподалеку отъ нынѣшняго Багдада), развалины котораго и теперь составляютъ предметъ изслѣдованій (1). По немногимъ мѣстамъ, приводимымъ изъ сочиненій его Ибнъ-Вахшійей, не возможно составить себѣ точное понятіе о времени, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ. Въ нашихъ отрывкахъ онъ приводитъ однажды мнѣніе одного мужа «изъ нашихъ древнихъ», не называя его по имени, а въ другомъ мѣстѣ мнѣніе «одного изъ нашихъ древнихъ, по имени *Бабекаи*», который мнѣ тоже неизвѣстенъ. Далѣе онъ упоминаетъ Египетъ, Сижистанъ, Рею и Казвинъ и подробно говоритъ объ одномъ растеніи, которое произрастаетъ въ Арменіи и окрестностяхъ ея, и посредствомъ котораго Армяне дѣлаютъ оружіе свое ядовитымъ. Припомнимъ здѣсь высказанную нами догадку, что Ибнъ-Вахшійя, вмѣсто древнихъ названій городовъ и земель, ставилъ тѣ, которыя были въ употребленіи въ его время. По одному весьма интересному извѣстію Кутами, египетскій царь по имени Сефурасъ, жившій не позднѣе 2150 года до Р. Х., отправилъ посольство къ царствовавшему тогда вавилонскому царю; изъ чего видно, что между Вавилоніей и Египтомъ были тѣсныя сношенія. О частыхъ сношеніяхъ между Арменіей и Вавилоніей очень многое сообщаетъ уже Геродотъ (2).

Ревагта, знаменитый въ древности халдейскій врачъ, изъ книги котораго Ибнъ-Вахшійя приводитъ отрывокъ, былъ сынъ нѣкоего неизвѣстнаго мнѣ Темушана (или Семутана); онъ часто цитируется въ *Набатейскомъ Земледѣліи*. Изъ этихъ цитатъ видно, что онъ написалъ много весьма важныхъ лечебныхъ книгъ. Онъ сообщалъ также свѣдѣнія о противоядіяхъ, но я не знаю, въ особой ли книгѣ, или при случаѣ въ своихъ лечебныхъ книгахъ. Ибнъ-Вахшійя перевелъ на арабскій языкъ одну изъ его книгъ, подъ заглавіемъ: *Книга о жизни и смерти, относительно врачеванія болѣзней*. Къ сожалѣнію, книга эта, какъ кажется, утрачена. Но такъ какъ Ибнъ-Вахшійя приводитъ въ нашей книгѣ только одинъ отрывокъ изъ этого знаменитаго халдейскаго врача, то мы удовольствуемся этою краткою замѣткой о немъ и перейдемъ къ Ярбукъ, настоящему автору *Книги о ядахъ*.

(1) Объ Акеръ-Куфѣ ср. Риттера, *Erdkunde* T. XI, стр. 847. Мерассидъ II, подъ этимъ словомъ, и *Sabier* II, стр. 643, прим. 43.

(2) См. Геродота I, 194. Срав. Герена *Ideem* I, стр. 189.

Время, въ которое жилъ Ярбука, съ точностью опредѣлить невозможно; но его *Книга о ядахъ* упоминается уже въ *Набатейскомъ Земледѣліи*, слѣдовательно Ярбука древнѣе Кутамы. Въ самой книгѣ я не нашелъ опредѣленнаго указанія на время автора, только изъ одного мѣста видно, что учитель Ярбуки, именемъ Шервака (о которомъ ученикъ его упоминаетъ съ вѣдкими похвалами, но имя котораго совершенно неизвѣстно Ибнъ-Вахшій), былъ современникомъ одного вавилонскаго царя по имени Шамаяя; но время этого царя также неизвѣстно.

О Ярбуку мы знаемъ только, что онъ былъ Халдей и, по словамъ Хажи-Хальфы, уроженецъ Берсавіи. Городъ этотъ часто упоминается въ *Набатейскомъ Земледѣліи*; онъ находился въ южной Халдеѣ и былъ однимъ изъ средоточій древне-вавилонской образованности; Дагрить происходилъ изъ этого же города. Ярбука былъ врачъ, не имѣвшій по видимому большаго довѣрія къ колдовству и заклинаніямъ. Такъ, напримѣръ, онъ подробно описываетъ, какъ онъ лѣчилъ одного челоуѣка, укушеннаго ехидною, и сообщаетъ набатейскую формулу заклинанія, по сказанію неизвѣстнаго заклинателя, именемъ Дабата, которая, какъ тотъ увѣряетъ, весьма дѣйствительна противъ укушенія ехидны. На это замѣчаетъ Ярбука, что онъ лѣчилъ своего больнаго медицинскими средствами и въ то же время употреблялъ заклинаніе, отчего больной дѣйствительно выздоровѣлъ, но что онъ не знаетъ, было ли то слѣдствіемъ его лѣченія или слѣдствіемъ заклинанія, или слѣдствіемъ того и другаго вмѣстѣ; но во всякомъ случаѣ, прибавляетъ онъ, приложеніе къ дѣлу означенной формулы заклинанія повредить больному не можетъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что учитель его Шервака нашелъ волшебное средство противъ извѣстнаго яда, но что онъ не намѣренъ сообщать его; потому что не его дѣло говорить о подобныхъ средствахъ, а если онъ упоминаетъ о нихъ, то въ такихъ только случаяхъ, когда эти средства имѣютъ связь и сходство съ лѣченіемъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ также, что чародѣи употребляютъ какое-то средство, но что онъ не хочетъ говорить о немъ, чувствуя отвращеніе къ чародѣйству. Несмотря на это, первыя три главы нашей книги содержатъ въ себѣ настоящую стряпню макбетовскихъ вѣдьмъ съ приличными заклинаніями и проч. Чрезвычайно странно, что въ трехъ первыхъ главахъ Ярбука является передъ нами истымъ колдуномъ, а съ четвертой главы почти безъ перехода становится врачомъ. Эпизодъ его, впрочемъ,

нѣсколько объясняетъ намъ это явленіе. Я уже сказалъ выше, что подѣ вавилонскимъ чародѣйствомъ должно разумѣть нѣчто отличное отъ колдовства, какъ мы привыкли понимать его, что вавилонскій чародѣй занимался наблюденіемъ и изслѣдованіемъ тайныхъ силъ природы и стремился къ подражанію ихъ дѣйствіямъ. Заклинанія его не что иное, какъ воззванія къ различнымъ божествамъ и, по свойству своему, принадлежатъ болѣе къ молитвамъ (1). Но призываніе боговъ великими и тайными именами не есть еще колдовство; это скорѣе есть дѣло благочестиваго мужа или жреца, который находится въ постоянномъ сношеніи съ богами, произнесеніемъ означенныхъ именъ старается вытребовать у боговъ исполненія своихъ желаній и вѣрить въ возможность успѣха. Этотъ религіозный обрядъ (ибо таковымъ нужно считать подобнаго рода заклинаніе) совершалъ не только вавилонскій жрецъ, но и жрецъ Запада и неоплатоническій Ѳеургъ, нисколько не попадая отъ того въ категорію колдуновъ (2). Вавилонскій чародѣй былъ, какъ уже замѣчено выше, мнимый знатокъ и подражатель тайныхъ силъ природы и ихъ дѣятельности. Но въ Вавилонѣ были люди, которые не вѣрили этому знанію вавилонскихъ чародѣевъ. Подобное вольнодумство болѣе всего могло навлечь преслѣдованіе со стороны иштитанцевъ, то-есть послѣдователей господствовавшей въ Вавилоніи и почти во всей Передней Азіи религіи Ишиты, потому что нѣкогда религія ихъ была господствующею, и посредствомъ своего могущественнаго первосвященника, намѣстника Ишиты, они дѣйствовали съ страшною нетерпимостію. Кутами по временамъ одушевляется мужествомъ и осыпаетъ ихъ ругательствами и порицаніями, несмотря на то, что подобныя слова могли навлечь на него преслѣдованія и даже грозили

(1) Въ книгѣ *О мѣсахъ* находятся (стр. 75, 80, 85, 88 и 93) пять длинныхъ заклинательныхъ формулъ на арабскомъ языкѣ, изъ которыхъ ясно, что онѣ содержали молитвы къ тому или другому божеству. Впрочемъ эти формулы интересны еще въ томъ отношеніи, что по нимъ видно, какія свойства приписывали древніе Вавилоняне различнымъ божествамъ. Оттого эти заклинанія составляютъ важный источникъ для богословскаго ученія Вавилонянъ.

(2) Ср. Германна *Gottesdienstliche Alterthümer der Griechen* 2 изд. Гейдельбергъ 1838 § 42, 19 и *Sabier* I, стр. 737. Въ *Набатейскомъ Земледѣліи* говорится объ одномъ древнемъ богомольцѣ, посвятившемъ себя поклоненію луны, что онъ постоянно призывалъ луны ея великимъ именемъ, и что кумирь луны во снѣ возвѣстилъ ему, что жертва его была благосклонно принята луною, и молитва его услышана за то, что онъ призывалъ луну ея великимъ именемъ.

ему смертью; но за то часто онъ сдерживаетъ свои порывы, дѣлаетъ уступки и говоритъ осторожнѣе о чародѣйствѣ и чародѣяхъ. Ямбука находился, хотя не въ одинаковомъ, но въ сходномъ положеніи съ Кутами; онъ не имѣлъ такого рѣшительнаго и энергическаго характера, какъ послѣдній. Онъ не вѣрилъ чародѣйству, это очевидно; но невѣріе его не было такъ рѣшительно, и у него не доставало столько мужества, чтобъ идти наперекоръ общему мнѣнію и исключить изъ книгъ своей все, относящееся къ ворожбѣ. Впрочемъ, онъ счелъ за нужное нѣкоторымъ образомъ извиниться въ этомъ и старается объяснить въ своемъ эпилогѣ, что онъ занялъ у чародѣевъ весьма не многое относительно предмета своихъ писаній. Между прочимъ онъ говоритъ, что въ первыхъ трехъ главахъ находится многое, относящееся къ чародѣйству и къ ученію чародѣевъ; равно о предметахъ, содержащихся въ слѣдующихъ главахъ, существуютъ указанія, принадлежащія врачамъ, и указанія, принадлежащія чародѣямъ; но послѣднихъ онъ не сообщаетъ, потому что желаетъ книгу свою изложить въ меньшемъ объемѣ. «Клянусь солнцемъ, прибавляетъ онъ, еслибы живъ былъ мой учитель Шервака, то я бы не упомянулъ о чародѣйствѣ въ этихъ трехъ главахъ, потому что онъ всегда сердился на меня, когда я примѣшивалъ къ врачебной наукѣ что-нибудь изъ чародѣйскихъ приемовъ или заклинаній, и говаривалъ при этомъ: Не дѣлайте смѣшенія, иначе можете ввести въ заблужденіе людей; отдѣляйте ученіе, основанное на мудрости, отъ чародѣйскихъ средствъ и заклинаній.»

Отсюда, такъ же какъ и изъ другихъ мѣстъ, не приведенныхъ здѣсь, видно, что Ямбука не имѣлъ настоящей вѣры къ ученію чародѣевъ, и что онъ заимствовалъ у нихъ только то, чего требовалъ обычай. Впрочемъ, такое двойственное положеніе Ямбуки не должно удивлять насъ; о древнемъ врачѣ невозможно судить съ точки зрѣнія нашей ученой медицины. Магія и медицина не имѣли въ древности строгаго разграниченія; заговоры, заклинанія, амулеты и медицина шли рука объ руку, и даже самые умные врачи древности допускали существованіе нѣкоторыхъ тайныхъ средствъ, которымъ въ Греціи придавали названіе средствъ *физическихъ*; неизвѣстна была сущность ихъ, но ихъ допускали на практикѣ, и потому давали имъ мѣсто въ медицинскихъ сочиненіяхъ. Даже Галенъ, по указанію Александра Тралліана, съ теченіемъ времени убѣдился въ дѣйствительности заговоровъ. Тѣсная связь между медици-

вою и чародѣйствомъ видна уже изъ греческаго слова *фармако*, которое, почти какъ древнерусское *зѣле*, означаетъ и врачеваніе и чародѣйство (1).

Кромѣ *Книги о ядахъ*, Ярбука написалъ еще нѣсколько книгъ, изъ которыхъ онъ самъ упоминаетъ о трехъ. Онъ писалъ *Объ укушеніи нѣкоторыхъ ядовитыхъ животныхъ*, о чемъ онъ вкратцѣ упоминаетъ и въ нашей книгѣ; потомъ онъ написалъ отдѣльную книгу о дѣйствиіи одного яда, о которомъ также упомянуто въ нашей книгѣ; наконецъ онъ написалъ еще книгу *О Саламандрѣ*, животномъ, которое, по мнѣнію Ярбуки, не горитъ на огнѣ, и которое описано въ нашей книгѣ съ такими подробностями (даже представленъ способъ ловли его и исчислены мѣста Вавилоніи, гдѣ оно водится), что едва вѣришь въ невозможность его существованія. По сказанію Ярбуки, объ этомъ животномъ говорили уже древнѣйшіе изъ Халдеевъ, и даже самъ древній законодатель Девананъ подробно описалъ его.

У Ярбуки былъ братъ, по имени Келанія, о которомъ онъ говоритъ съ великою похвалою, и который также занимался составленіемъ ядовъ; Ярбука пользовался иногда его совѣтами.

Ярбука нѣсколько разъ извиняется въ томъ, что онъ написалъ книгу о такомъ опасномъ предметѣ, и что дурные люди легко могутъ употребить ее во зло; но онъ утверждаетъ, что главною цѣлю его было представить цѣлебныя средства противъ отравы и тѣмъ оказать помощь бѣдному человѣчеству противъ коварства и козней злодѣевъ. Это-то и принудило его толковать о ядахъ. Но едва ли можно повѣрить ему безусловно, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ сообщаетъ о смертоносныхъ ядахъ, не упоминая о средствахъ излѣченія отравы, и по всему замѣтно, что онъ болѣе думалъ о составленіи ядовъ, чѣмъ о противоядіяхъ; даже разъ во снѣ ему было откровеніе, какъ готовить нѣкоторый смертоносный ядъ. Изобрѣтеніе сильныхъ и вѣрныхъ ядовъ, которые бы, смотря по надобности, дѣйствовали быстро или медленно, было чрезвычайно выгодно въ Вавилоніи. Фамилія Борджіа не можетъ претендовать на первенство передъ Вавилонянами: древніе

(1) Подробности объ этомъ предметѣ см. у Маркварта *Röm. Alterth.* W. стр. 116, Германа I, § 42, 2, 3, 4, 5 и 18 и его *Gr. Privatalth.* 38, 12 и 13, ср. Велькера, 1, стр. 20 и его же *Kleine Schriften* III, стр. 60; Шпренгеля *Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde* изд. 3-е, Галле. 1821, т. I, стр. 597.

вавилонскіе цари были не менѣе изобрѣтательны. Ярбука говоритъ (стр. 96), что вавилонскіе властители, какъ древняго, такъ и новаго времени, возбуждавшіе зависть и ненависть, нерѣдко употребляли ядъ, чтобъ избавиться отъ опасныхъ и подозрительныхъ людей или отъ безпокойнаго сосѣда. Цари старались всевозможными средствами приманить къ себѣ искусныхъ отравителей, чтобы съ помощію ихъ добывать драгоцѣнные яды, которые хранились въ царскихъ кладовыхъ вмѣстѣ съ ихъ сокровищами. Понятно, что тотъ, кто употреблялъ ядъ противъ другихъ, самъ находился въ постоянномъ страхѣ быть отравленнымъ; состоявшіе на службѣ у царей отравители должны были также готовить противоядія и болѣе всего заниматься изслѣдованіемъ признаковъ, по которымъ можно было бы распознавать отравленные напитки и яства. Всѣ цари Востока, и между прочими древніе вавилонскіе цари, по сказанію Ярбуки, имѣли обыкновеніе держать въ жилищахъ своихъ павлиновъ, потому что птицамъ этимъ приписывалось свойство немедленно узнавать присутствіе яда и извѣщать о томъ тѣлодвиженіями. По этому поводу, Ярбука разказываетъ исторію, по словамъ его, извѣстную всѣмъ, объ одномъ царѣ, по имени Маринатѣ, которому поданы были отравленные кушанья, и который, по извѣщенію павлина, избѣжалъ вѣрной смерти. Ярбука описываетъ также различныя примѣты, по которымъ можно распознавать присутствіе яда въ кушаньяхъ и напиткахъ, и говоритъ о другихъ животныхъ, которыя, подобно павлинамъ, имѣютъ свойство немедленно узнавать присутствіе ядовъ.

Впрочемъ само собою разумѣется, что Ярбука, при великой роли, какую играли яды въ древней Вавилоніи, былъ не первый и не единственный человѣкъ, писавшій о ядахъ и занимавшійся ихъ изобрѣтеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, Ярбука очень часто упоминаетъ о предшественникахъ своихъ на этомъ поприщѣ, изъ которыхъ многихъ называетъ по именамъ. Книга его также содержитъ довольно много историческихъ извѣстій.

Кутами два раза упоминаетъ объ этой книгѣ; въ одномъ мѣстѣ, при ссылкѣ на нее, онъ замѣчаетъ, что Ярбука выпустилъ многое изъ того, что находится въ другихъ писаніяхъ одинаковаго содержанія, для того собственно, чтобъ ограничиться самымъ достовѣрнымъ; въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ автора великимъ знатокомъ ученія о ядахъ и книгу его самою совершенною, какая только существуетъ объ этомъ предметѣ.

Приведемъ вкратцѣ содержаніе этой книги.

За длиннымъ предисловіемъ Ибнъ-Вахшійи (стр. 2 — 19), гдѣ много говорится о славѣ и учености древнихъ набатейскихъ племенъ и невѣжествѣ древнихъ Арабовъ, и гдѣ упоминается о нѣкоторыхъ древнихъ книгахъ о ядахъ у другихъ народовъ, слѣдуетъ (стр. 19 — 44) также довольно длинное введеніе Ярбуки, гдѣ изложены свойства и дѣйствія ядовъ и противоядій. Затѣмъ слѣдуетъ самое сочиненіе, состоящее изъ пяти главъ.

Первая глава (стр. 44—71) трактуетъ о ядахъ, которые убиваютъ отъ одного взгляда на нихъ.

Вторая (стр. 71—95) объ отравѣ, причиняемой звуками.

Третья (95—194) о ядахъ, убивающихъ посредствомъ запаха.

Четвертая и самая обширная глава (123 — 396) о ядахъ, которые умерщвляютъ, проникая во внутренность человѣка. Эта глава распадается на разные отдѣлы и подраздѣленія. Сначала авторъ говоритъ (стр. 124 — 144) о признакахъ, по которымъ можно узнать отравленные яства, напитки и одежды; потомъ исчисляетъ (144 — 213) двадцать восемь *составныхъ* ядовъ съ соответствующими имъ противоядіями. Затѣмъ говорится о *простыхъ* ядахъ (стр. 213 — 396), которые дѣлятся на три класса, *животные, растительные и минеральные*. Сперва онъ говоритъ (стр. 215—259) о животныхъ ядахъ, дѣйствующихъ смертоносно отъ употребленія въ пищу ядовитыхъ животныхъ или нѣкоторыхъ частей ихъ (къ чему относятся гнилыя яйца, прокислое молоко и т. п.), потомъ (стр. 260 — 288) объ отравкахъ, причиняемыхъ укушеніемъ нѣкоторыхъ животныхъ. Далѣе, авторъ разсуждаетъ (стр. 289—386) о растительныхъ и наконецъ (387—396) о минеральныхъ ядахъ.

Пятая глава (стр. 396—434) трактуетъ о ядахъ, которые наносятъ смерть прикосновеніемъ къ тѣлу, причемъ преимущественно рѣчь идетъ о способахъ отравленія одежды.

Затѣмъ слѣдуетъ (стр. 434—439) вышеупомянутый эпилогъ; а въ заключеніе авторъ исчисляетъ (стр. 439—442) различныхъ животныхъ, которыя немедленно узнаютъ присутствіе ядовъ и извѣщаютъ о томъ тѣлодвиженіями. Общимъ взглядомъ на яды и противоядія (стр. 443—449) завершается книга.

X.

Переходимъ къ книгѣ Вавилонянина Тенкелуши. Это небольшая книга астрономическаго или, правильнѣе, ороскопическаго содержанія; рѣчь идетъ въ ней преимущественно о дѣйствіи созвѣздій, подъ которыми кто родился. Весь небесный кругъ раздѣленъ въ этой книгѣ на 360 градусовъ, и обозначено, что въ такомъ-то градусѣ являются такія-то созвѣздія по лѣвую сторону этого градуса и такія-то по правую, и что тотъ, кто родится при восхожденіи этого градуса и при появленіи означенныхъ созвѣздій будетъ такимъ-то человѣкомъ, и такая-то назначена ему судьба.

Эта книга переведена также Ибнъ-Вахшійею съ халдейскаго языка на арабскій. Имя автора Тенкелуша-эль-Бабили эль-Куками; подробности жизни его неизвѣстны; время, въ которое онъ писалъ, съ точностію опредѣлить тоже невозможно. Арабскіе писатели упоминаютъ еще о двухъ его сочиненіяхъ, которыя до сихъ поръ неизвѣстны. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ разбираемой нами книги, можно предположить, что она написана во время Арсакидовъ, но никакъ не позднѣе конца I столѣтія по Р. Х.

Это сочиненіе, въ которомъ сохранилось много воспоминаній о цвѣтущемъ времени Вавилоніи, весьма важно для изученія древне-вавилонскаго образованія. Между множествомъ самыхъ разнообразныхъ описаній, въ этой книгѣ находится много такихъ, которыя доставляютъ намъ возможность бросить взглядъ на вседневный бытъ и состояніе образованности Вавилонянъ. Мы видимъ людей, занятыхъ своими вседневными дѣлами: золотыхъ дѣлъ мастеровъ, живописцевъ, ваятелей, богатыхъ купцовъ, которые ведутъ дѣла свои въ разныхъ странахъ міра и своею роскошно-богатою жизнью уподобляются царямъ; далѣе—письмоношцевъ, музыкантовъ, рабовъ и рабынь. Упоминаются корабли изъ Китая, нагруженные кипами китайской бумаги и другихъ китайскихъ товаровъ. Мы знакомимся съ разными классами жителей Вавилоніи; передъ нами проходятъ ряды благодѣтельныхъ мужей и бандитовъ, благочестивыхъ пустынниковъ, которые прославились молитвою, постомъ, аскетическою жизнью, и другими религіозными подвигами, и людей, которые въ продолженіи всей жизни своей употреб-

для въ пищу запрещенныя яства и презирали религію; далѣе, ботаниковъ, зоологовъ, медиковъ, ветеринаровъ, астрономовъ, ариеметиковъ, бытописателей, мудрецовъ, витій, проповѣдниковъ, поэтовъ, собирателей книгъ, школьныхъ учителей, правовѣдовъ, вѣтроучителей, законодателей, путешественниковъ, странствовавшихъ для пріобрѣтенія свѣдѣній, книжниковъ, посвятившихъ себя изученію древней письменности и религіи разныхъ народовъ, мужей, занимавшихся въ продолженіи всей своей жизни собираніемъ знаній и ихъ преподаваніемъ. Въ этой книгѣ есть чрезвычайно интересныя подробности о религіи древнихъ Вавилонянъ; есть также много важныхъ замѣтокъ, изъ которыхъ можно видѣть, какъ разнообразно и многосторонне была разработана вавилонская письменность вообще и историческая въ особенности. Такъ, напримѣръ, упоминаются особаго рода энциклопедическія книги и сочиненія, въ которыхъ полно и подробно говорится о философіи и астрономіи, о чародѣйствѣ, о врачебномъ искусствѣ,—сочиненія, имѣющія предметомъ своимъ религію и законы, далѣе «писанія древнихъ» и «древнія писанія», книги молитвъ и гимновъ, стихотворенія и книги законовъ, нечестивыя сочиненія и т. д. Что касается до исторической литературы, то упоминаются: всеобщія исторіи, сочиненія, содержащія въ себѣ исторію древнихъ народовъ, съ различными соотвѣтствующими изображеніями, а также и безъ нихъ, далѣе исторіи первобытныхъ мужей, біографіи мудрецовъ, исторіи полководцевъ и знаменитыхъ людей, монографіи отдѣльныхъ царей, четыре книги Аузвайи объ управленіи царствомъ, о городахъ и пр. Чаще же всего рѣчь идетъ объ «историческихъ книгахъ», такъ же какъ и объ историкахъ и учителяхъ исторіи, которые преподаютъ мальчикамъ исторію древнихъ народовъ. Невозможно предположить, чтобы такое цвѣтущее состояніе вавилонской письменности относилось къ вѣкамъ, непосредственно предшествовавшимъ вѣку Тенкелуши: это были времена великаго упадка Вавилоніи. Цвѣтущій періодъ вавилонской письменности было бы необходимо, полагаю я, отнести ко времени, предшествовавшему Навуходоноссору или по крайней мѣрѣ Набониту, еслибы мы даже не имѣли передъ собою несравненно древнѣйшихъ свѣдѣній изъ *Пабатейскаго Земледѣлія*, которыя равномерно свидѣтельствуютъ о существованіи древнѣйшей, высокой образованности въ Вавилонѣ.

Четвертая книга, изъ которой сохранились, какъ выше упомя-

нута, одни лишь отрывки, носила название: *Книга таинствъ солнца и луны*. У арабскихъ писателей она часто упоминается подъ сокращеннымъ заглавіемъ: *Книга таинствъ луны* и также просто *Книга таинствъ*; иногда же она называется *Книгою тлѣнностей*. Въ древне-вавилонской письменности было много писаній, имѣвшихъ предметомъ своимъ ученіе, какъ изъ данныхъ веществъ *искусственно* воспроизводить растенія, металлы и даже живыя существа. Отрывки наши составляютъ часть одного изъ такихъ писаній. Извѣстные мнѣ до сего времени отрывки почти всѣ принадлежать къ одному агрономическому сочиненію и оттого трактуютъ только объ искусственномъ воспроизведеніи растеній; только одинъ небольшой отрывокъ изъ другаго автора содержитъ краткую замѣтку о происхожденіи металловъ; но отсюда нельзя съ точностью заключить, чтобы эта книга трактовала также объ искусственномъ составленіи металловъ. По сохранившимся отрывкамъ невозможно даже приблизительно назначить время ея появленія; *достоверно* только то, что авторъ ея пользовался древнѣйшими вавилонскими писаніями.

XI.

Цѣлью статьи нашей было представить очеркъ содержанія дошедшихъ до насъ древне-вавилонскихъ твореній, и въ то же время приблизительно опредѣлить ихъ древность. Изъ содержанія этихъ памятниковъ мы извлекли только то, что необходимо было для уясненія вопроса, кто были авторы ихъ, и въ какое время они писали.

Какой же пользы можетъ ожидать историческая наука отъ обнаруженія этихъ древнихъ вавилонскихъ сочиненій? Признаюсь откровенно, что я самъ не могу отвѣчать на этотъ вопросъ удовлетворительно, хотя давно уже занимаюсь этими памятниками. Матеріалъ, заключающійся въ нихъ, до того разнообразенъ и до такой степени новъ, что я еще не въ состояніи представить себѣ результаты, которые можно изъ него извлечь. Что знали мы до сихъ поръ о Вавилоніи или о вавилонской образованности? Ничего, или почти ничего. «Исполнивъ довецъ предъ Господемъ» Немродъ, котораго одни представляли себѣ туманнымъ челоѣческимъ образомъ, другіе созвѣздиемъ Оріономъ, властвовала нѣкогда надъ Вавилонією; затѣмъ

мелькалъ въ туманѣ баснословный ликъ Семирамиды, потому неестественный скачокъ переносилъ насъ къ Набонассару, за которымъ слѣдовало нѣсколько искаженныхъ и обезображенныхъ царей или намѣстниковъ (число ихъ въ точности неизвѣстно); съ Набополассаромъ и Навуходоноссоромъ становилось нѣсколько лѣтъ, а съ Набонитомъ оканчивалась исторія. Въ нѣсколькихъ строкахъ можно было разказать всю исторію Вавилона, заключающую въ себѣ четыре тысячелѣтія. Виновать, — еще мы знали кое-что о вавилонской религіи и культурѣ и даже писали о томъ цѣлыя книги, полныя прекрасныхъ фантазій. Извѣстно было, что Вавилоняне поклонялись солнцу, лунѣ и планетамъ, что Халдеи были толкователи звѣздъ и сновидѣній. Нѣсколько важныхъ данныхъ о высокой образованности древнихъ Вавилонянъ мало обращали на себя вниманія, и на вопросъ: «имѣли ли Вавилоняне какую-нибудь письменность?» большею частію отвѣчали отрицательно, хотя въ книгѣ пророка Даніила очень положительно говорится о халдейскихъ книгахъ. Вообще мы знали гораздо болѣе объ исторіи отдаленнаго отъ насъ и особнякомъ стоящаго Китая, чѣмъ объ исторіи Вавилоніи, которая во всякомъ случаѣ имѣла значительное вліяніе на нашу образованность.

Что же представляютъ намъ новооткрытые источники вавилонской исторіи? Писанія эти открываютъ намъ новый міръ, совершенно неизвѣстный, который, какъ мы замѣтили выше, хронологически относится къ эпохѣ греческой культуры такъ же, какъ эта послѣдняя къ нашему времени. Правда, въ этихъ вавилонскихъ писаніяхъ не найдется ничего, что было бы похоже на всемірную исторію, какъ мы привыкли понимать ее; особенно же тамъ нѣтъ описаній битвъ и другихъ подобныхъ этому, такъ-называемыхъ всемірно-историческихъ, подвиговъ. Но для истинной исторіи, то-есть для исторіи развитія духа человѣческаго, какъ проявлялся онъ въ религіи, философіи, испытаніи природы, въ постепенномъ улучшеніи быта, для *такой истинной* исторіи (я отвѣчаю за это) наши вновь открытые вавилонскіе источники составляютъ неисчерпаемый рудникъ. Такъ-называемыя историческія времена вдругъ отодвигаются на три тысячи лѣтъ въ глубину древности. И какъ полны историческихъ фактовъ эти тысячелѣтія! Тамъ уже не два-три искаженныхъ названія царей, мерцающія передъ нами посреди совершенной темноты: тамъ величественный, радующій душу и сердце, невѣдомый, неразгаданный міръ цивилизаціи, откры-

вается нашимъ взорамъ. Великая, многосторонне-разработанная письменность, мужи-мыслители и испытатели природы, которымъ мы обязаны началомъ нашихъ знаній, законодатели и великіе вѣроучители, слова которыхъ руководили миллиардами людей, мужи, которые подвигами своими въ дѣлѣ цивилизаціи облагородили и просвѣтили своихъ собратій, которые пріобрѣтеніями своими доставили людямъ на тысячелѣтія богатую пищу и удобную жизнь, цвѣтушія государства, о которыхъ давно забыла исторія,—все это выступаетъ передъ нами во всемъ блескѣ своего величія. Кто были тѣ мужи, которые въ первобытныя времена древне-семитическаго міра положили первый сѣмена образованія и общественности, составившія частію наслѣдіе позднѣйшихъ Грековъ и потомъ перешедшія къ намъ? Кто были тѣ мужи, которые основали вѣроученія, господствовавшія тамъ въ теченіи долгихъ тысячелѣтій? Кто были эти мужи, какъ назывались они? Исторія забыла ихъ прославленные имена и не передавала намъ никакихъ извѣстій о ихъ великихъ подвигахъ; только теперь мы знакомимся съ ними, и они являются передъ нами не въ образѣ туманныхъ, довременныхъ призраковъ, смутныхъ воспоминаній человѣчества, но людьми, облеченными плотію и кровію; они являются чисто-историческими личностями, и о великихъ дѣлахъ и подвигахъ ихъ мы получаемъ ясное и свѣтлое понятіе.

Удивляешься, сомнѣваешься, не вѣришь собственнымъ глазамъ, и со всѣмъ тѣмъ передъ нашими глазами несомнѣнно лежитъ великое твореніе Кутами. И это твореніе XIV вѣка не составляетъ начала какой-нибудь культуры, не заключаетъ въ себѣ неясныхъ начатковъ человѣческаго знанія; нѣтъ! оно изображаетъ высшую точку древнѣйшей цивилизаціи и разоблачаетъ предшествовавшій ему періодъ, обнимающій три тысячелѣтія. Въ Кутами, чловѣкъ XIV столѣтія, мы узнаемъ зоркаго мудреца и разумнаго : ытателя явленій природы, который часто цитуетъ своихъ предшественниковъ, «нашихъ стариковъ», какъ онъ называетъ ихъ, и часто говоритъ о нихъ такъ, какъ говоримъ мы объ Аристотелѣ, или даже о Пифагорѣ или Ороеѣ. Періодъ культуры въ три тысячелѣтія предшествовалъ ему, и задолго, задолго до него происходила уже борьба между вѣроученіемъ и первыми попытками философскаго мышленія. Первобытные семитическіе мудрецы и вѣроучители, которымъ придаваемо было почетное названіе *пророковъ*, уже высказали мнѣніе, что зло нѣтъ на свѣтѣ, что кажущееся зло почитается зломъ только

относительно, по отношенію своему къ людямъ, и что наконецъ несчастія, насъ поражающія, должно почитать наказаніями за наши грѣхи. Другіе, очень древніе ханаанскіе и халдейскіе мудрецы утверждали, напротивъ того, что всѣ событія совершаются по вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ безъ всякаго отношенія къ добрымъ или злымъ дѣламъ человѣческимъ...

Какъ въ горной странѣ, гдѣ длинныя ряды горныхъ цѣпей слѣдуютъ одна за другою, и гдѣ, при восхожденіи на каждую вершину, мы видимъ, какъ новая горная цѣпь развивается передъ нашими глазами и все идетъ далѣе и выше до тѣхъ поръ, пока послѣднія вершины, появляясь мало-по-малу въ неясныхъ очертаніяхъ, не сольются въ темныя массы и не исчезнутъ наконецъ въ облакахъ; такъ во времена, предшествующія Кутами, развивается передъ нами длинный рядъ эпохъ, которыя все предшествуютъ одна другой до тѣхъ поръ, пока послѣднія древнѣйшія времена, принадлежащія къ пятому тысячелѣтію до Р. Х., скрываясь мало-по-малу въ туманѣ, не исчезаютъ наконецъ въ совершенной темнотѣ. За 400—500 лѣтъ до Кутами виднѣется намъ Ямбушадъ, этотъ истинно великій мужъ вавилонской древности, этотъ серьезный и ревностный испытатель, который въ кругу вѣрныхъ учениковъ своихъ, проповѣдывалъ о единомъ творцѣ всего и даже солнца, о единомъ властителѣ и распорядителѣ вселенной. За нѣсколько столѣтій до Ямбушада, жилъ Дагрить, также изслѣдователь различныхъ отраслей естественнаго знанія, но уже представитель иной эпохи образованія, отличной отъ эпохи Ямбушада. А этотъ Дагрить, жившій по меньшей мѣрѣ за 2000 лѣтъ до Р. Х., какъ мы видели выше, говоритъ о многихъ «святыхъ» мужахъ вавилонской древности такимъ образомъ, что очевидно они были и для него мужами сѣдой древности.

Задолго до Дагрита существовала другая эпоха, великими представителями которой были Мази Суранскій, ученикъ его Жернана и Ханаанцы Ануха, Тамитри и Ссардана. Несмотря на свою отдаленную древность (никакъ не позднѣе 2400 лѣтъ до Р. Х.), они представляютъ намъ собою эпоху высокаго образованія. Мази не только проникалъ въ глубину вещей, но по своему нравственному характеру имѣлъ великое религиозное и нравственное вліяніе на потомство; онъ уже держался, какъ показано выше, ученія, которымъ запрещалось приносить въ жертву богамъ живыя существа. Равно и Тамитри былъ ве-

ликій испытатель вещей и составилъ, вмѣстѣ съ упомянутымъ Ханаанцемъ Ссарданю, астрономическія таблицы луны. Также Ануха, пророкъ луны, былъ знаменитою личностію, и отличался своими познаніями и агрономическими изобрѣтеніями, но еще болѣе смѣлою оппозиціею противъ идолопоклонства. Незадолго до него жилъ великій вѣроучитель Ишита, религія котораго распространилась по всей Передней Азіи; ученіе его, остановившее развитіе позднѣйшей цивилизаціи, было полезно для его времени и проповѣдовало высокую нравственность, чего не отрицаетъ самъ Кутами, постоянный противникъ Ишиты. Ишитъ предшествовалъ великій отецъ его Адами, этотъ могучій цивилизаторъ и распространитель правилъ земледѣлія, который объѣзжалъ и изслѣдовалъ отдаленныя страны, издавѣка перевозилъ въ Вавилонію растенія и поучалъ воздѣлывать ихъ. Адами, во время коего нѣкоторыя области Вавилоніи населены были дикимъ первобытнымъ народомъ, не имѣвшимъ понятія о земледѣліи, былъ не только матеріальнымъ благодѣтелемъ современниковъ и потомковъ, отчего и получилъ прозваніе «отца людей», но онъ былъ вмѣстѣ и духовнымъ руководителемъ своего времени, и позднѣйшія поколѣнія ссылались еще на высокое ученіе, которое онъ проповѣдовалъ.

Во время еще болѣе древнее выступаетъ передъ нами величавый образъ Сатурнова пророка Азады, который провозглашалъ религію отрицанія, и старался распространить ее посредствомъ своихъ учениковъ на Востокъ и на Западъ; приверженцы и послѣдователи его съ глубокой древности и до позднѣйшаго времени были предметомъ гоненія со стороны знатныхъ и образованныхъ и предметомъ величайшаго уваженія со стороны массы народа. Ко времени, предшествовавшему Адами, принадлежитъ также Анкебута, у котораго изслѣдованія природы, до него возникшія, обратились уже въ шарлатанство. Тому же времени принадлежитъ Самаи-Неэри, знаменитый агрономическій авторъ вавилонской древности, а равно и поэтъ Хухуши, имя котораго славилось между древнѣйшими поколѣніями. Еще далѣе въ древности передъ нами выступаетъ Асколебита, великая личность, пророкъ солнца, который, какъ кажется, написалъ космогонію и врачебныя книги. Наконецъ мы достигаемъ Деванаи, древнѣйшаго изъ извѣстныхъ намъ теперь семитическихъ законодателей, великаго цивилизатора, который пользовался въ семитическихъ странахъ божескими почестями, въ храмахъ, ему посвященныхъ, память котораго праздновалась

торжествами у позднихъ потомковъ, и которому придано было прозваніе «вѣлителя людей». Мы уже думали, что съ Деванаи мы добрались до высочайшей вершины; но нѣтъ! это только великая горная плоскость, горная равнина, усѣянная городами и селеніями, обитаемая многочисленнымъ народомъ, а за нею еще громоздятся одна надъ другою нескончаемыя, теряющіяся въ облакахъ горныя массы. При Деванаи Вавилонія была уже государствомъ, имѣвшимъ царя, старшинъ, полководцевъ, а слѣдовательно и войско. Изъ всего, что говорится о Деванаи, видно, что этому первобытному законодателю предшествовала долгая эпоха культуры. И дѣйствительно, во времена эти мелькаетъ передъ нами образъ Камашъ-Нөөри, о жизни котораго не имѣли уже никакихъ свѣдѣній позднѣйшія поколѣнія, но существованіе и дѣятельность котораго доказываетъ его писаніе въ трехъ частяхъ о земледѣліи, носящее странное заглавіе *Шіймшекъ*. Къ этимъ отдаленнымъ временамъ принадлежатъ также многіе вавилонскіе праведники и любимцы боговъ, каковы Аами, Сумина, Тулуни, Ресаи, Кермана и другіе, которые пользовались божескими почестями, и дѣянія которыхъ служили образцами для позднѣйшихъ поколѣній. Наконецъ появляется передъ нами ликъ страдальца Таммузи, который проповѣдовалъ новое ученіе, боролся и умеръ за него, отчего позднѣйшія поколѣнія оплакивали его въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Затѣмъ все тонетъ въ непроницаемомъ туманѣ, и сквозь него не проходитъ уже лучъ свѣта.

Если мы возвратимся назадъ по пройденному нами пути и еще разъ пройдемъ его съ Деванаи, то есть съ историческихъ временъ, до Кутами, то передъ нашими глазами откроется совершенно естественное, постепенное и послѣдовательное развитіе. Темныя предчувствія періода Деванаи о причинахъ и дѣйствіяхъ явленій природы мало-по-малу проясняются и свѣтлѣютъ въ умахъ такихъ мужей, каковы Адами, Янбушадъ, Кутами. Въмѣсто указанныхъ «стариками» *иератическихъ* средствъ для оплодотворенія почвы и для возвращенія вновь посаженныхъ или привитыхъ деревьевъ, или для отвращенія какого-нибудь бѣдствія, стали мало-по-малу изыскивать *раціональными* средства, изобрѣтать новые способы удобренія и орошенія, начали заниматься изслѣдованіемъ различныхъ свойствъ почвы, дѣйствій атмосферическаго вліянія. Издавна начались такія попытки мышленія на ряду съ религіею, и уже фанатикъ Дагрить, въ длинной рѣчи, подвизался противъ тѣхъ, кто вѣрилъ искусству предохранять

отъ тлѣнія тѣла умершаго человѣка. «Не естественнымъ средствомъ, ратуеть Дагрить, можетъ человѣкъ предохранять тѣло свое по смерти отъ тлѣнія и разложенія; только добрыми дѣлами, исполненіемъ религіозныхъ правилъ, принесеніемъ жертвъ, призываніемъ боговъ прекрасными и великими именами, молитвою въ продолженіи ночи, постомъ въ продолженіи дня, можно вымолить это у благодати и милосердія боговъ.» Дагрить, одушевляемый своею религіозною ревностью, исчисляеть потомъ тѣхъ мужей вавилонской древности, тѣла которыхъ долгое время сохранялись невредимыми, и говоритъ, что эти мужи отличались своимъ благочестіемъ, воздержаніемъ и образомъ жизни, подобнымъ образу жизни благородныхъ духовъ (которые въ этомъ отношеніи сходны съ луною, а та въ свою очередь съ солнцемъ), и что за то боги по благодати своей предохранили тѣла этихъ мужей отъ тлѣнія, дабы созерцаніе ихъ одушевляло потомковъ къ благочестію и къ подражанію ихъ святой жизни. Кутами, сообщаящій эту длинную рѣчь Дагрита, приводитъ также мнѣніе большинства Халдеевъ, что тѣла этихъ древнихъ мужей вавилонскихъ сохраняются содѣйствіемъ луны и Юпитера. Самъ Кутами, всегда осторожный, когда рѣчь идетъ о религіозныхъ вопросахъ, открыто становится на сторону Ибрагима, Янбушада и Фельяма-Неэри (или Кельяма-Неэри), которые также придерживались мнѣнія, что сохраненіе мертваго тѣла достигается естественными средствами, и преимущественно употребленіемъ укропа.

Такимъ образомъ наша всемірная исторія пріобрѣтаетъ великую, обнимающую отъ трехъ до четырехъ тысячелѣтій, эпоху семитической цивилизаціи, принадлежащую къ такому времени, отъ котораго сохранилось только нѣсколько мѣстовъ и преданій. Изъ этой вновь открытой древней исторіи мы ближе узнаемъ начало многихъ готовыхъ явленій такъ-называемаго историческаго времени, происхожденіе которыхъ до сихъ поръ было намъ неизвѣстно; и даже самое возрѣніе на исторію этихъ ремень во многомъ измѣнится по даннымъ, содержащимся въ нашихъ ново-открытыхъ памятникахъ.

Д. Хвольсонъ.

С.-Петербургъ
Апрѣль, 1859.

ВОЙНА ПИЕМОНТА СЪ АВСТРІЕЙ

ВЪ 1849 ГОДУ

Кампанія 1848 и 1849 годовъ въ Италиі до сихъ поръ остается загадкою для военныхъ людей. Непонятнымъ кажется, какимъ образомъ піемонтская армія, побѣдивши Австрійцевъ въ столькихъ сраженіяхъ, могла разстроиться отъ одного потеряннаго сраженія при Кустоцѣ.—сраженія, въ которомъ она въ теченіи одиннадцати часовъ атаковала въ два съ половиною раза сильнѣйшаго непріятели и отступила въ порядкѣ, не оставивъ въ рукахъ непріятели никакихъ трофеевъ. Непонятнымъ кажется, почему упадокъ духа въ піемонтской арміи послѣ нѣсколькихъ неудачъ былъ такъ силенъ, что во время восьмидневнаго отступленія отъ Говито къ Милану Карлъ-Альбертъ потерялъ половину войска отъ побѣговъ. Непонятно наконецъ и то, почему піемонтская армія, столь храбрая въ 1848 году, бѣжала въ сраженіи при Мортарѣ отъ непріятели, вдвое слабѣйшаго, а въ сраженіи при Новарѣ не оказала никакой твердости, несмотря на крѣпкую позицію, избранную искусвымъ генераломъ.

Пояснить причины, имѣвшія слѣдствіемъ неудачу кампаніи 1848 года, и разказать о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1849 году— вотъ цѣль настоящей статьи.

Личное знакомство съ главнокомандовавшимъ италіянскою арміею въ 1848 году, свѣдѣнія, собранныя мною на мѣстѣ изъ разказовъ лицъ, участвовавшихъ во всѣхъ дѣлахъ, и изъ частныхъ записокъ, нигдѣ не напечатанныхъ, наконецъ тщательный осмотръ мѣстностей, ознаменованныхъ главнѣйшими битвами, дали мнѣ возможность придти къ выводамъ, объясняющимъ загадочный ходъ этой кампаніи, и опровергнуть ложныя сужденія, основанныя на неточныхъ и неполныхъ данныхъ. Это подало мнѣ мысль подѣлиться собранными свѣдѣніями съ русскими читателями, преимущественно военными, повергнуть на ихъ безпристрастный судъ выводимыя заключенія и уничтожить ложные выводы, основанные на неточныхъ и неподлежащихъ свѣдѣніяхъ.

I.

Въ 1848 году народы Италіи призваны были къ новой жизни; короли неаполитанскій, сардинскій, великій герцогъ тосканскій и первосвященникъ римскій дали своимъ подданнымъ конституціи. Привыкши къ неправосудію, къ злоупотребленіямъ всякаго рода, къ молчаливому перенесенію всѣхъ произвольныхъ и противозаконныхъ распоряженій чиновничества, или иноземнаго, или дѣйствовавшаго въ иноземномъ духѣ, народы Италіи не могли уразумѣть и оцѣнить великое благо свободы, они не сумѣли воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ, бросились въ крайности, поведшія къ ошибкамъ, и раздѣлились на партіи, цѣль которыхъ была, правда, одна—независимость Италіи, но средства къ достиженію цѣли были различны. Одни желали федеративнаго соединенія италіянскихъ государствъ, связанныхъ общими интересами; другіе — сліянія раздробленныхъ народовъ Италіи въ одинъ большой и могущественный народъ подъ скипетромъ одного государя; наконецъ, третьи желали также соединенія италіянскихъ народовъ для образованія изъ нихъ огромной соціальной италіянской республики. Первые и вторые понимали, что для достиженія ихъ цѣли необходимо прежде всего изгнать Австрійцевъ изъ Италіи, и что для этого нужны хорошо организованныя и обученныя войска, хорошій предводитель и сохраненіе порядка внутри; они полагали, что надобно отложить необходимыя преобразованія и устройство края до того времени, когда опасность со стороны вѣннскаго

врага уже минуетъ. Последніе прежде всего хотѣли уничтоженія старыхъ правительствъ и новой организаціи края; они полагали возможнымъ, въ самую пору разрушенія стараго порядка вещей, вызвать, подобно французской революціи, изъ среды народа армію, необходимую для борьбы съ непріателемъ; при громѣ пушекъ и заревѣ пожаровъ они надѣялись преобразовать италіянское общество и двинуть его по новому пути не только политической, но и общественной жизни.

Политическая незрѣлость италіянской націи проявилась въ томъ, что именно эта партія, самая безразсудная изъ всѣхъ, получила въ 1848 году необыкновенную силу; великолѣпныя обѣщанія, громкія слова, наполнявшія всѣ журналы, нашли отголосокъ въ молодыхъ, неопытныхъ и жаждавшихъ дѣятельности сердцахъ юношей Италіи. Опасность грозила властителямъ Италіи, и они видѣли необходимость или величайшею строгостію унять революціонную партію, или признать торжество демагоговъ, и оставить престолы своихъ предковъ. Дамокловъ мечъ революціи висѣлъ надъ ними; они понимали, что за національною идеей стоялъ вопросъ о монархіи или республикѣ. Множество людей замѣчательныхъ, истинно любившихъ свое отечество, понимали, что республиканская форма была невозможностію для Италіи, и всѣ ихъ усилія устремились для подавленія республиканской партіи, взволновавшей всю страну; они понимали, что демагогія поведетъ за собою скорѣе раздробленіе, нежели соединеніе территории, и рѣшились вступить съ нею въ бой словомъ и дѣломъ, дабы доставить торжество монархическимъ началамъ.

Въ такомъ положеніи была вся Италія, въ такомъ положеніи былъ и Пиемонтъ. Карлъ-Альбертъ понималъ, что строгостію, приверженностію къ старинѣ онъ возбудитъ лишь негодованіе народа, что единственнымъ средствомъ спасти династическіе интересы и побѣдить республиканскую партію была рѣшимость стать въ уровень съ потребностями общества и повести его сообразно съ новыми естественными условіями его жизни. Этотъ способъ дѣйствія давалъ правительству прочность и силу и сохранялъ ему сочувствіе народа. Возстаніе Милана и Венеціи было удобнѣйшимъ случаемъ, когда король могъ стать во главѣ движенія и, прикрывая его своимъ королевскимъ знаменемъ, спасти тронъ и уничтожить вѣданіе противной партіи. Въ доказательство вѣрности сужденія нашего приводимъ слова главнаго вождя республиканской

партіи: «Внимательство Пиемонта, говоритъ Маццини въ своемъ *Foi et avenir*, и несчастная идея соединенія (италіянскихъ государствъ съ Пиемонтомъ) и увеличенія могущества Савойскаго дома убила италіянскую республику.»

Нельзя, конечно, отвергать, чтобы Карлъ-Альбертъ при объявленіи войны Австріи не руководился и другими побужденіями. Справедливая ненависть къ Австріи, не щадившей ни въ какомъ случаѣ самолюбія короля (1), возможность отомстить ей за всѣ претерпѣнные униженія, мысль увеличить значеніе своего дома въ Италіи и наконецъ надежда надѣть на свою голову ломбардскую желѣзную корону были также могущественными двигателями политики его.

Передъ вступленіемъ въ Ломбардію (23 марта 1848) король издалъ слѣдующую прокламацію:

«Народы Ломбардіи и Венеціи! Судьба Италіи созрѣваетъ; будущность самая счастливая улыбается защитникамъ поправленныхъ правъ. По національной любви, по сочувствію, по одинаковости желаній мы первые изъявляемъ удивленіе, которое возбудили вы въ Италіи.

«Народы Ломбардіи и Венеціи! Наши арміи, которыя сосредоточивались на границахъ вашихъ, когда вы славно освободили Миланъ, идутъ теперь подать вамъ помощь, которую брать можетъ ждать отъ брата, другъ отъ друга.

«Мы помогаемъ вашимъ справедливымъ желаніямъ, поручая себя Богу, даровавшему Италіи Пія IX, Богу, который чуднымъ воодушевленіемъ народа далъ Италіи возможность избавить себя отъ ига.

«И чтобы лучше показать вамъ знаки нашей связи съ Италіей, мы хотимъ, чтобы войска наши вошли на земли Ломбардіи и Венеціи, нося гербъ Савойи на трехцвѣтномъ италіянскомъ знамени.»

Австрійскіе военные историки (между прочими генералъ Шенгальсъ) упрекаютъ Карла-Альберта за то, что онъ объявилъ войну въ то время, когда Австрія, волнуемая революціей и венгерскимъ возстаніемъ, находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи. Подобный упрекъ слишкомъ наивенъ и почти не заслуживаетъ возраженія. Случаи подобнаго рода, какой представился Италіи для отысканія своей независимости,

(1) Когда въ 1821 году Карлъ-Альбертъ, бывший еще принцъ Кариньянъ, оставилъ лагерь либераловъ и явился къ Австрійцамъ, графъ Бубна приказалъ разступиться солдатамъ и сказалъ: «позвольте пройти королю Италіи». Говорятъ, что эти слова и потомъ дерзкіе поступки графа Феликса Шварценберга, бывшаго посланникомъ при сардинскомъ дворѣ, поселили въ король неизгладимую ненависть къ Австріи. (*Mémoires sur l'Italie par J. Montanelli. Paris, 1857.*)

повторяются не часто. Италия, угнетенная всеми возможными неправдами, имѣла полное право на употребленіе всякихъ средствъ къ достиженію независимости, лишь бы успѣхъ увѣнчалъ усилія; притомъ же Австріи ли говорить о сентиментальностяхъ, когда она сама вездѣ и всегда пользовалась затруднительнымъ положеніемъ другихъ, чтобъ извлечь для себя какія-нибудь выгоды? Генераль Шенгальсъ, говоря о средствахъ для усмиренія Италиі, восклицаетъ: «Еслибы правительство не боялось повторенія сценъ, подобныхъ тѣмъ, которыя случились въ Галиціи, ему легко было бы возбудить жителей деревень противъ жителей городовъ.» Кто не гнушается подобными средствами, тотъ не имѣетъ права жаловаться, если нація прямо, съ оружіемъ въ рукахъ, требуетъ того, чтó составлять ея жизнь, счастье и будущность.

Всемъ извѣстенъ исходъ кампаніи 1848 года, но весьма многіе ошибаются, полагая, что искусныя дѣйствія графа Радецкаго привели пиемонтскую армію въ то совершенное разстройство, въ которомъ она находилась послѣ отступленія за рѣку Минчіо. Не уменьшая заслугъ престарѣлаго фельдмаршала, мы должны однако сказать, что многія изъ его дѣйствій и распоряженій были въ высшей степени ошибочны, и онъ могъ бы дорого поплатиться за нихъ, еслибы противникъ его былъ болѣе искусенъ. Говоря это, мы повторяемъ лишь мнѣніе военныхъ историковъ, писавшихъ объ этой кампаніи, и мнѣнія людей, участвовавшихъ во всѣхъ сраженіяхъ 1848 и 49 годовъ.

Причины печальнаго исхода войны за независимость Италиі заключались въ дурной организаціи пиемонтской арміи и въ дѣйствіяхъ республиканской партіи, возстановившей народъ противъ правительства.

Начнемъ съ организаціи войскъ. Система набора состояла въ конскрипціи. По достиженіи двадцати лѣтъ, молодые люди поступали по жребію на службу и оставались въ пѣхотѣ 14 мѣсяцевъ, въ кавалеріи и артиллеріи 3 года. По истеченіи 14 мѣсяцевъ, пѣхотные солдаты возвращались на родину и записывались въ областныя войска (*provinciali*), въ которыхъ числились до 28 года своей жизни. Ежегодно, осенью, ихъ собирали на пять недѣль для обученія. Достигнувъ 28 лѣтъ, изъ областныхъ они перечислялись въ резервъ, въ которомъ оставались до 36 лѣтъ. Система эта, имѣя весьма много преимуществъ передъ другими въ экономическомъ отношеніи, была крайне неудобна въ военномъ. Хотя пиемонтскіе и сардинскіе крестья-

яне, изъ которыхъ набирались войска,—народъ сильный, ловкій, смѣтливый, терпѣливый и послушный, и слѣдовательно обладающій тѣми качествами, которыя составляютъ достоинство хорошаго солдата, однако въ 14 мѣсяцевъ службы, предположивъ даже, что солдатъ успѣлъ выучиться обращенію съ оружіемъ, трудно приучить его къ военной жизни, къ порядку, къ тяжести оружія и ко всѣмъ лишеніямъ, связаннымъ съ военнымъ званіемъ. Возвратившись на родину и имѣя въ виду лишь короткіе сборы на нѣсколько недѣль въ теченіи каждаго года, солдаты, поступавшіе въ одинъ изъ восьми классовъ областныхъ войскъ, женились, обзаводились семействами, и забывая, что они военные, совершенно предавались торговымъ дѣламъ, полевымъ работамъ и мелкимъ заботамъ домашней жизни. Ружья изъ кремневыхъ превратились въ ударные, а они во время сборовъ все-таки обучались старинными ружьями. При томъ, продолжительный миръ, предшествовавшій 1848 году, отучилъ ихъ даже отъ мысли о возможности быть потребованными на дѣйствительную службу.

Число солдатъ, состоявшихъ въ областныхъ войскахъ и въ восьми классахъ резерва, доходило до 120 тысячъ. Разумѣется, что многіе изъ нихъ отъ излишней работы въ полѣ, по болѣзни или по другимъ обстоятельствамъ, рѣшительно сдѣлались неспособны къ военной службѣ и числились лишь въ спискахъ. Одни только областныя войска были обязаны въ случаѣ войны дѣйствительною службою. Резервы требовались для пополненія дѣйствующихъ войскъ лишь въ крайнихъ случаяхъ; на ихъ обязанности исключительно лежала внутренняя служба.

Такая организація давала возможность уменьшить до крайности число войскъ, находившихся на содержаніи правительства. Роты во время мира состояли изъ 35 молодыхъ конскриптовъ, только-что поступившихъ на службу, и 35 областныхъ солдатъ, такъ что численность всей пѣхоты въ теченіи мира доходила едва до восьми тысячъ человекъ (1). Эти-то восемь тысячъ составляли кадры піемонтской арміи. Вслѣдствіе объявленія войны численность ротъ, усиленныхъ призванными на службу областными солдатами, увеличилась до 250 человекъ. Но такъ какъ число офицеровъ и унтеръ-офицеровъ было едва достаточно по мирному положенію, то пришлось почти

(1) *Considerazioni sopra gli avvenimenti militari del marzo 1849* scritte da un ufficiale piemontese. Torino, 1849.

всѣхъ солдатъ, находившихся на службѣ, произвести въ унтеръ-офицеры, а это имѣло послѣдствіемъ, что вся армія составлена была лишь изъ однихъ областныхъ солдатъ, отвыкшихъ отъ военной службы и отъ обращенія съ оружіемъ.

Мѣстность сѣверной Италіи, необыкновенно пересѣченная, требовала почти постояннаго дѣйствія разсыпнымъ строемъ. Черезчуръ сильная численностью роты не позволяли четыремъ офицерамъ, состоявшимъ въ каждой ротѣ, хорошо обучить солдатъ этому роду дѣйствій и наблюдать за ними во время сраженій, а это повело за собою весьма вредныя послѣдствія, какъ въ отношеніи дисциплины, такъ равно и въ отношеніи боевомъ.

Въ сардинской арміи была тяжелая и легкая пѣхота; послѣдняя отличалась лишь лучшимъ выборомъ людей, болѣе короткимъ оружіемъ, но существенной разницы въ способѣ обученія и дѣйствія не было. Французская армія уже имѣла въ то время легкія войска, специально назначенныя для дѣйствій разсыпнымъ строемъ; у Австрійцевъ были особыя школы для стрѣлковъ; піемонтскія войска, которымъ предстояла еще большая надобность въ хорошей легкой пѣхотѣ, не обращали на это почти никакого вниманія. Съ открытіемъ кампаніи 1848 года въ піемонтской арміи былъ лишь небольшой отрядъ изъ 800 стрѣлковъ (*bersaglieri*), образованный Александромъ дела-Мармора; срокъ службы *берсальеровъ* былъ болѣе продолжительный нежели въ остальной пѣхотѣ. Услуги, оказанныя *берсальерами*, были такъ значительны, что во время кампаніи 1848 года численность ихъ была увеличена до двухъ тысячъ волонтерами, которые впрочемъ оказались большею частію неспособными къ этому роду жизни. Во время перемирія число ихъ возрасло до 6 батальйоновъ, но понятно, что недостатокъ времени и хорошихъ инструкторовъ не позволялъ образовать ихъ надлежащимъ образомъ. Учреждена была даже школа стрѣлковъ, но она не успѣла во время войны принести желаемую пользу.

Какъ мы сказали выше, число офицеровъ и унтеръ-офицеровъ было едва достаточно по мирному положенію. При увеличеніи сардинской арміи почти въ пять разъ, призывомъ на службу областныхъ войскъ, необходимо было произвести многихъ сержантовъ въ офицеры, а солдатъ въ унтеръ-офицеры. Отъ этого произошло, что войска лишились лучшихъ своихъ учителей и не приобрѣли въ лицѣ ихъ хорошихъ и свѣдущихъ

офицеровъ, потому что главное ихъ достоинство была лишь личная храбрость. Новые унтеръ-офицеры, произведенные на мѣсто прежнихъ, состоя не болѣе года на службѣ, не могли своею опытностью, знаніемъ дѣла и распорядительностью приобрести довѣріе молодыхъ солдатъ, не могли внушить имъ убѣжденіе, что безропотное повиновеніе въ военномъ званіи есть не только обязанность каждаго солдата, но и совершенная необходимость.

Положеніе Европы между 1830—1840 годами заставило призвать къ оружію нѣкоторые классы областныхъ войскъ; затрудненія при сборѣ ихъ, неумѣніе обращаться съ оружіемъ и невоинственный видъ собранныхъ солдатъ, показывавъ неудобства военной системы, принятой въ Сардиніи; многіе свѣдущіе офицеры указывали на недостатки войскъ, на необходимость улучшеній, но ихъ представленія не были уважены: да и можно ли было имъ вѣрить, когда вся Европа, видя, до какой степени образованія, въ 14 мѣсяцевъ, благодаря природнымъ своимъ качествамъ, можетъ быть доведенъ пемонтскій солдатъ, признавала сардинскую армію образцовою и даже перенимала у нея нѣкоторыя подробности воинскаго устава?

Образованіе офицеровъ сардинской арміи находилось на очень низкой степени. Высшіе офицеры смотрѣли съ презрѣніемъ на теоретическое изученіе военнаго дѣла, и даже нѣкоторые изъ нихъ не стыдились говорить передъ палатами, что «тридцатичетырехлѣтній миръ не способствовалъ развитію ихъ дарованій». Молодые офицеры, въ которыхъ пробуждалась любознательность и охота къ изученію дѣйствій великихъ полководцевъ, скрывали свои занятія, дабы не заслужить насмѣшекъ со стороны своихъ начальниковъ; просьбы нѣкоторыхъ о дозволеніи участвовать въ экспедиціяхъ французскихъ войскъ въ Африкѣ считались чуть не преступленіемъ. Да и какая польза была изучать военное дѣло и развивать свои способности, когда система производства и поощреній въ мирное и военное время была исключительно по старшинству службы (1)?

Во время кампаніи 1848 года всѣ увидѣли, хотя къ несчастью слишкомъ поздно, въ чемъ состоитъ польза теоретическаго знанія въ военномъ дѣлѣ; старшіе офицеры и генера-

(1) *Considerazioni sopra gli avvenimenti militari del marzo 1849.*

ды, такъ-называемые практики, привыкшіе къ методическому командованію лишь небольшими частями, оказались совершенно неспособными управлять, когда части почти упятерились, и когда оказался недостатокъ въ учителяхъ; они были совершенно неопытны и дѣлали постоянныя ошибки, когда имъ приходилось расположить войска на квартирахъ, обезпечить ихъ продовольствіе, выбирать позиціи, сообразить и согласить дѣйствія различныхъ родовъ оружія, дѣлать рекогносцировку или управлять атакою и обороною; они не умѣли изъ полученныхъ свѣдѣній сдѣлать никакого вывода о намѣреніяхъ непріятеля, однимъ словомъ увидѣли, что не знаютъ своихъ обязанностей, своего дѣла, и убѣдились, что не личная храбрость есть величайшее достоинство офицера, а умѣніе управлять частью, возвысить духъ ея и заставить ее исполнять свой долгъ.

Вообще можно сказать, что молодые офицеры, подпоручики, поручики и капитаны, были гораздо лучше старыхъ, потому что, не привыкнувъ еще къ рутинѣ, они способны были почувствовать нововведенія, имѣвшимъ цѣлью уничтожить недостатки, которые происходили отъ дурной организаціи.

Пиемонтская кавалерія и артиллерія были въ превосходномъ состояніи. Трехлѣтній срокъ службы (1), образованные офицеры, постоянныя занятія, дисциплина, какъ слѣдствіе достаточно продолжительной службы, были причинами того прекраснаго состоянія, въ которомъ эти части находились. Нельзя однако не замѣтить, что кавалерія, состоя исключительно изъ однихъ уланъ, по своему вооруженію была мало способна къ легкой кавалерійской службѣ, а артиллерія была очень незначительна въ сравненіи съ численностію всей арміи и въ особенности пѣхоты.

Инженерныя войска состояли изъ двухъ ротъ саперовъ (380 ч.) и понтоннаго парка въ 140 лошадей. Генералъ Бава въ своемъ сочиненіи *Relazione delle operazioni militari della campagna di Lombardia*, говоритъ, что въ теченіи кампаніи постоянно встрѣчался недостатокъ въ саперныхъ инструментахъ и что тѣ, которые были у солдатъ, болѣе годились для ношенія во время смотровъ, нежели для какого-нибудь употребленія.

Упомянувъ о спеціальныхъ оружіяхъ, мы укажемъ на при-

(1) По истеченіи трехъ лѣтъ, кавалеристы и артиллеристы возвращались домой и числились въ резервѣ еще пять лѣтъ.

чины, почему дисциплина, эта душа арміи, не могла быть введена въ пьемонтской пѣхотѣ, и какія послѣдствія произошли отъ недостатка ея.

Дисциплина достигается первоначальнымъ воспитаніемъ солдатъ въ ротахъ, постояннымъ наблюденіемъ усердныхъ унтеръ-офицеровъ и заботливыхъ офицеровъ, уважаемыхъ солдатами и побуждаемыхъ желаніемъ, чтобы части ихъ хорошо были обучены, хорошо управляемы и точно исполняли всѣ требованія службы. Организція сардинской арміи заключала въ себѣ столько недостатковъ, что не было никакой возможности ввести въ нее дисциплину. Слишкомъ кратковременный срокъ службы не позволялъ сардинской пѣхотѣ привыкнуть къ военной жизни и къ ея требованіямъ; ближайшіе начальники, начиная отъ ефрейтора до поручика, долженствовавшіе внушать солдатамъ ихъ обязанности, были люди неопытные и не могли заслужить уваженіе своихъ подчиненныхъ; при томъ же роты были слишкомъ сильнаго состава, такъ-что небольшому числу офицеровъ, состоявшихъ въ каждой ротѣ, при всемъ ихъ желаніи, не было рѣшительно никакой возможности слѣдить за обученіемъ молодыхъ солдатъ и ихъ поведеніемъ.

Возстаніе Милана захватило Карла-Альберта врасплохъ; войска его еще не были окончательно собраны, а между тѣмъ онъ видѣлъ необходимость не терять времени и немедленно двинуться въ Ломбардію. Отъ этого произошло, что роты, батальоны и полки укомплектовывались во время движенія арміи къ Милану, на рѣкѣ Минчіо и даже позже; солдаты шли къ своимъ частямъ безъ маршрутовъ, безъ приказаній и почти безъ всякаго присмотра: многіе съ похода возвращались домой; небольшое число карабинеровъ, состоявшихъ при арміи и исправлявшихъ полицейскія обязанности въ лагерь, не въ состояніи были прекратить безпорядки и побѣги. Недостатокъ присмотра и слабость наказаній за преступленія противъ службы до того развили дезерцію, что солдаты начали толпами оставлять лагерь. Послѣ битвы при Санта-Лучіи, двѣсти человѣкъ изъ одного полка ушли по долинѣ Апеннинъ домой, и никто не остановилъ ихъ. Кто не хотѣлъ сражаться, тотъ могъ остаться въ лагерь, въ полной увѣренности, что отсутствія его никто не примѣтитъ; съ поля сраженія, восемьдесятъ человѣкъ уносили одного раненаго, лишь бы удалиться отъ опасности; въ госпиталяхъ находились не только больные, но и трусы; провинціи Ломбардіи наполнились бѣглецами. Между случаями, показывающими, до

какой степени разстройства дошла пьемонтская армія, разказываютъ слѣдующій: Въ городѣ и провинціи Брешиа, въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ первой кампаніи, находилось отъ пяти до шести тысячъ пѣхотныхъ солдатъ, бѣжавшихъ изъ дѣйствующей арміи; они обучали національную гвардію ружейнымъ приемамъ и фехтованію, занимались разными полевыми работами, и требовали отъ провинціи жалованья и пищи. Комендантъ Брешии, извѣщенный о безпорядкахъ, производимыхъ ими, долго не рѣшался отправить отрядъ карабинеровъ для поимки этихъ бродягъ, изъ опасенія, чтобы подобное дѣло не получило огласки и не дошло до свѣдѣнія непріятели, который могъ бы по этому судить о степени разстройства и моральнаго упадка войскъ противника. Этотъ невѣрный взглядъ, эта всегда пагубная надежда искать спасенія во лжи породили много безнаказанныхъ преступленій и привели къ самому плачевному результату. Генераль Бава жалуется, что сами офицеры часто давали солдатамъ примѣръ нарушенія дисциплины. Онъ говорить, что «многіе старшіе офицеры во время сраженій сходили съ лошадей и сбрасывали плащи, отличавшіе ихъ отъ солдатъ, вели произвольныя измѣненія въ формѣ одежды, а нѣкоторые позволили себѣ отростить бороды. Солдаты, видя начальниковъ, не исполняющихъ правилъ, предписанныхъ военнымъ уставомъ, мало-по-малу стали подражать имъ; они начали бросать все, что только стѣсняло ихъ сколько-нибудь: галстуки, плащи, походные котелки (отчего имъ приходилось потомъ по нѣсколькимъ дней оставаться бези горячей пищи), патронныя сумы, ранцы, а вмѣстѣ съ ними и запасную свою одежду (отчего оказался явный недостатокъ въ обуви, а изношенные мундиры и панталоны починить было нечѣмъ). Эти злоупотребленія дошли до того, что нѣкоторые солдаты, продавшіе свое оружіе, послѣ нѣсколькихъ дней отлучки являлись въ свои части, увѣряя, что они ушли изъ плѣна.»

«Быть-можетъ, покажется кому-нибудь страннымъ и даже смѣшнымъ, продолжаетъ генераль Бава, что мы приписываемъ ослабленіе дисциплины пустымъ, повидимому, несоблюденіямъ формы, но въ военномъ дѣлѣ все имѣетъ свое значеніе, и нельзя пренебречь одною малѣйшею подробностію, чтобы это не отозвалось пагубно на другихъ болѣе важныхъ вещахъ. Въ особенности въ военное время не должно оказывать никакой снисходительности въ этомъ дѣлѣ: исполненіе правилъ устава должно быть наблюдаемо тогда еще строже. Начальники

пусть помнятъ въ особенности, что для успѣха дѣла нужно, чтобы примѣръ шель отъ нихъ самихъ.»

Необыкновенная слабость военныхъ законовъ и въ особенности то, что существовавшіе законы были примѣняемы съ непростительною снисходительностію, довершили ослабленіе дисциплины. Самыя большія преступленія не были наказываемы немедленно, иногда потому, что сенатъ не пересмотрѣлъ еще дѣла, а иногда по преступной медленности судей, такъ что при быстрыхъ передвиженіяхъ арміи, нужно было вести арестантовъ съ собою, и они не разъ находили средства къ побѣгу. Случалось, что подобные преступники возвращались къ своимъ частямъ, и за храбрость, оказанную въ какомъ-нибудь послѣдующемъ дѣлѣ, ихъ не только прощали, но даже награждали иногда. Вообще военное судопроизводство было столь медленно, а дѣлъ накопилось такое множество, что не представлялось никакой возможности покончить съ ними; вида это, маркизъ Пассалакка, командиръ бригады Казале, отдалъ приказъ, чтобы всѣ военно-уголовныя дѣла по его бригадѣ были уничтожены, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя вели за собою смертную казнь или каторжную работу; но примѣровъ подобнаго строгаго наказанія вовсе не было.

А между тѣмъ, въ такой пѣхотѣ, какъ піемонтская, составленной изъ областныхъ войскъ, необходимы были самыя строгіе и немедленные примѣры; необходимы были суды, которые могли бы произносить приговоры въ самое короткое время и ввести дисциплину, эту силу, отличающую истиннаго солдата отъ вооруженнаго крестьянина. Одно изъ обыкновенныхъ наказаній было дежурство въ лагерѣ, и наказаніе это, само по себѣ слабое, въ особенности въ прекрасное время года, въ которое велась война, дало возможность нѣкоторымъ негодяямъ нарочно стараться заслуживать его, дабы тѣмъ избавиться отъ необходимости идти въ сраженіе. Въ кавалеріи, артиллеріи и отчасти въ гвардіи не было подобныхъ преступленій, благодаря строевому ихъ образованію, отличному выбору людей и умѣнію начальниковъ возбудить въ своихъ солдатахъ чувства чести и собственнаго достоинства.

Конечно, немаловажными причинами ослабленія и разстройства арміи было невниманіе къ нуждамъ солдатъ, къ ихъ справедливымъ жалобамъ, дурное устройство интендантской части, госпиталей и перевозочныхъ средствъ, какъ для больныхъ, такъ и для припасовъ всякаго рода. Войска оставались иногда безъ

пищи по два дня (сраженіе при Кустоцѣ); замедленіе въ раздачѣ ея было не разъ причиною, что войска не могли прибыть въ назначенное время на позицію.

Въ началѣ кампаніи временное ломбардское правительство постановило, чтобы каждый округъ снабжалъ съѣстными припасами тѣ войска, которыя будутъ въ немъ расположены; положено было отпускать въ сутки каждому солдату 28 унцій хлѣба, 9 унцій мяса, 9 унцій рису, $\frac{1}{2}$ унц. сала, $\frac{1}{2}$ унц. соли и по полубутылкѣ вина; раздача должна была производиться королевскими комиссарами. Безпорядокъ при раздачѣ былъ такой, что по отчетамъ временнаго ломбардскаго правительства выходило, что каждый солдатъ получалъ двойную порцію, а между тѣмъ войска терпѣли отъ голода. Вслѣдствіе этого принятая система была оставлена, и прибѣгли къ посредству подрядчиковъ. Но и это не много помогло. Перевозка была чрезвычайно медленна, потому что производилась обывательскими подводами, на волахъ, а потому часто въ жаркіе дни мясо доставлялось войскамъ въ совершенно испорченномъ видѣ. Предполагали образовать провіантскіе магазины, но это такъ и осталось въ проектѣ. Перевозка припасовъ на обывательскихъ подводахъ требовала отдѣленія отрядовъ, часто весьма значительныхъ, для сопровожденія транспорта. Отдѣленіе подобныхъ отрядовъ ослабляло армию, и такъ какъ въ подобныхъ командировкахъ солдатъ подверженъ меньшему присмотру, то это повело за собою ослабленіе дисциплины и различные безпорядки, совершавшіеся сопровождающими отрядами (1).

Объ устройствѣ медицинской и госпитальной части, вотъ что пишетъ очевидецъ, піемонтскій офицеръ Габріель-Максимиліанъ Ферреро:

«Послѣ сраженія при Санта-Лучин, дороги были покрыты умирающими и ранеными, которыхъ перевозили на телѣжкахъ, зарядныхъ ящикахъ и на доскахъ; госпитальныя повозки остались назади. Наши хирурги, не имѣя инструментовъ, необходимыхъ для ампутаціи, должны были прибѣгнуть къ помощи пармскихъ хирурговъ. Экономическая система введенная въ

(1) Быть-можетъ нѣкоторымъ покажется страннымъ, что войска терпѣли отъ голода въ такой плодородной странѣ, какъ Ломбардія; но вотъ объясненіе этому: «Король, пишетъ Ферреро, не позволялъ ничего брать у жителей, не заплативъ имъ за это; уваженіе къ чужой собственности въ арміи было необыкновенно большое и даже большее, чѣмъ слѣдовало, потому что солдаты голодали въ той странѣ, которую пришли освобождать.»

арміи въ министерство Вилламарина, была причиною того, что санитарный корпусъ нуждается въ инструментахъ, необходимыхъ для большихъ операцій; тѣ же, которые имѣются теперь, самаго дурнаго качества.»

Въ другомъ мѣстѣ этотъ же самый офицеръ говоритъ:

«8-го мая я посѣтилъ госпиталь, гдѣ были солдаты моей роты; больные и раненые лежали на голой соломѣ въ залахъ сырыхъ и дурно освѣжаемыхъ; тяжело видѣть госпитальную часть такъ дурно устроенною. Въ сраженіи при Кроче-Бьянка я видѣлъ одного капрала съ оторванною рукой; кровь лилась ручьемъ изъ его раны, и не было ни одного человека, который могъ бы подать ему помощь. Недостатокъ бѣлья также чрезвычайный. Подъ стѣнами Вероны многіе офицеры давали свои платки для дѣланія компрессовъ. Горестныя послѣдствія этого невниманія не могутъ быть приписаны госпитальному корпусу, потому что, несмотря на все усердіе, которое могутъ оказать четыре медика, состоящіе въ бригадѣ, число ихъ недостаточно для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ пяти тысячъ человекъ. Раненые говорили мнѣ часто, что они ужасно терпѣли на госпитальныхъ телегахъ; въ самомъ дѣлѣ, эти повозки устроены на такихъ дурныхъ рессорахъ, что тряска не только производитъ боль, но бываетъ причиною открытія ранъ. Нужно бы заняться улучшеніемъ службы при походныхъ госпиталяхъ и назначить на каждый батальионъ одного хирурга и двухъ помощниковъ. Что касается до госпитальныхъ повозокъ, то ихъ слѣдовало бы имѣть по крайней мѣрѣ по три на полкъ. Какое довѣріе, какую энергію имѣли бы создать на полѣ сраженія, еслибы онъ былъ убѣжденъ, что равенному подадутъ всевозможную помощь!...»

Квартирмейстерская часть устроена была не лучше. При вступленіи въ Ломбардію, войска не имѣли картъ того края, въ которомъ приходилось имъ дѣйствовать, двигались часто безъ маршрутовъ, располагались по квартирамъ совершенно по усмотрѣнію частныхъ начальниковъ; офицеры генеральнаго штаба не знали классическаго театра войны сѣверной Італіи, не умѣли дѣлать рекогносцировокъ и обезпечивать войска хорошимъ расположеніемъ цѣпи аванпостовъ; ночью никогда войска не отваживались двигаться, потому что не приискивалось хорошихъ проводниковъ; шпіонская часть была организована такъ плохо, что изъ получаемыхъ свѣдѣній нельзя было сдѣлать почти никакого заключенія о намѣреніяхъ непріятеля. Въ штабахъ не велось никакихъ журналовъ, безпорядокъ былъ совершенный; приказанія рассылались иногда словесно, иногда на лоскуткахъ бумаги, такъ что и слѣда иногда не оставалось, кто и что приказалъ. Такъ на примѣръ генераль Сонназъ оставилъ городъ Вольту вслѣдствіе записки, присланной начальникомъ штаба арміи, а оказалось потомъ, что такого приказанія

никто не давалъ, и записка была прислана быть-можетъ какимъ-нибудь злоумышленникомъ. Изъ свѣдѣній, имѣвшихся въ штабахъ, трудно было бы почерпнуть что-либо для исторіи кампаніи. Реляціи составлялись обыкновенно довольно краткія; развитіе ихъ предоставлялось совершенно журналамъ, которые представляли публикѣ положеніе дѣлъ въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ желали сами.

Послѣ всего сказаннаго, покажется удивительнымъ, какъ армія, въ которой было такъ много элементовъ разрушенія, могла еще сопротивляться въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ отлично организованной австрійской арміи и даже одержать столько побѣдъ надъ нею.

Сардинское молодое войско, увлеченное голосомъ и примѣромъ любимаго короля и его дѣтей, сочувствіемъ народа, національною ненавистью къ Австрійцамъ и убѣжденіемъ, что кампанія будетъ коротка, въ первыя минуты было способно на героическіе подвиги, но оно не могло долго вынести трудовъ, сопряженныхъ съ военнымъ бытомъ; оно умѣло броситься впередъ и храбро атаковать непріятели, но не умѣло отступать въ порядкѣ, маневрировать спокойно. Подобная армія до тѣхъ поръ хороша, пока побѣда держится ея знаменъ, но малѣйшая неудача рождаеть въ ней совершенное разстройство.

Немаловажною причиною успѣховъ Сардинцевъ въ первую кампанію было и то, что пересѣченная и гористая мѣстность Ломбардіи не позволяла Австрійцамъ воспользоваться тактическимъ своимъ превосходствомъ, піемонтекія же войска, пользуясь природною своею ловкостію, преодолевали съ легкостію мѣстныя препятствія. Они бросались въ штыки на непріятели, и рѣдко удавалось ему выдержать отчаянныя атаки Италіянцевъ. Но когда приходилось дѣйствовать въ открытомъ полѣ, гдѣ требовалась отъ войскъ стойкость, тамъ австрійская армія имѣла рѣшительное преимущество.

Сказавъ о состояніи піемонтской арміи въ эпоху борьбы за независимость Италіи, необходимо упомянуть о внутреннемъ состояніи страны во время войны, о правительственныхъ распоряженіяхъ и обо всемъ, что имѣло прямое или косвенное вліяніе на ходъ войны, указать на ошибки, которыя были сдѣланы, и на внутреннее разъединеніе народа, бывшее главнѣйшею причиною несчастнаго окончанія италіянскаго вопроса.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ этому дѣлу, мы должны сказать, что не слѣдуетъ судить слишкомъ строго ошибки,

сдѣланныя Италіянцами при отыскиваніи своей независимости. Приученные къ рабству отъ вѣка, подчиненные правительствамъ, которыхъ постоянною политикою было подавленіе національнаго духа, народы Италіи не показали ни постоянства, ни твердости, которыя могли бы доставить имъ независимость. У нихъ не доставало любви къ свободѣ и образованія, которое развивается лишь у народовъ свободныхъ. Трудно требовать довѣрія отъ народа, который постоянно былъ обманываемъ своимъ правительствомъ; нельзя требовать, чтобъ онъ оказалъ величіе души, когда правительства дѣлали все возможное, чтобъ испортить его характеръ; нельзя ожидать, чтобъ онъ былъ честенъ и откровененъ, когда притѣсненія заставили его выучиться всѣмъ хитростямъ и уверткамъ раба; чтобъ онъ имѣлъ качества военныя, когда всѣ прекрасныя чувства, въ которыхъ находится источникъ ихъ, были подавлены. Таково было воспитаніе, данное народамъ Италіи почти всѣми правительствами въ теченіе трехъ столѣтій. Должно ли удивляться и строго осуждать ихъ, что въ минуту, когда неожиданныя происшествія разбили ихъ оковы, они оказались лишенными добродѣтелей и качествъ, необходимыхъ для того, чтобы воспользоваться представившимся случаемъ? Да, нельзя удивляться, что Италія въ эту эпоху была ниже своего предпріятія. Война 1848 и 1849 годовъ есть зеркало, въ которомъ Италія увидѣла себя со всѣми достоинствами и недостатками, есть великій урокъ для будущей ея исторіи.

Возстаніе Ломбардо-Венеціанскаго королевства отдалось по всему Апеннинскому полуострову; при первомъ извѣстіи объ отступленіи Радецкаго за рѣку Минчіо, всѣ народы Италіи изъявили пламеннѣйшее желаніе идти на помощь храбрымъ своимъ соотечественникамъ. Сардинія, Римъ, Тоскана, Неаполь послали войска свои въ Ломбардію; правители Пармы и Модены, не видя возможности идти противъ общаго желанія, оставили свои владѣнія. Начало было такъ хорошо, что дѣло не могло продолжаться сообразно съ началомъ.

Видя, какое сочувствіе въ народѣ, какую нравственную силу приобрѣлъ Карлъ-Альбертъ, ставъ во главѣ италіянскаго движенія, демагогія, этотъ злой геній Италіи, рѣшилась для достиженія своихъ цѣлей представить народу, что король вмѣшался въ дѣла Ломбардіи единственно съ намѣреніемъ увеличить свои владѣнія, воспользоваться ненавистью къ Австріи и подчинить

себѣ народы, кровью уже запечатлѣвшіе любовь свою къ свободѣ.

Приведемъ здѣсь выписку изъ сочиненія *L'insurrection de Milan en 1848*, г. Карла Каттанео, одного изъ дѣятельнѣйшихъ республиканцевъ, такъ какъ въ ней заключается большая часть обвиненій, которыми старались нарушить довѣріе къ Карлу-Альберту и вооружить противъ него народъ и войско. Эта исповѣдь не требуетъ комментаріевъ; человѣкъ безпристрастный увидитъ, на сколько республиканскія обвиненія были правдивы. Вотъ что пишетъ г. Каттанео:

«Говорятъ, что Карлъ-Альбертъ объявилъ всѣмъ монархическимъ кабинетамъ, что, занимая войсками Ломбардію, онъ не имѣлъ другой цѣли, какъ воспрепятствовать провозглашенію республики. Король, изъ давнишней родовой ненависти къ Франціи, не хотѣлъ принять помощи французской республики; скорѣе готовъ былъ погибнуть, чѣмъ согласиться на малѣйшую помощь: *Italia farà da se!*

«Карлъ-Альбертъ не могъ явиться въ Ломбардію какъ завоеватель; онъ долженъ былъ принять на себя роль представителя и защитника національности. А потому ему было необходимо держаться самой дилличной политики: соглашать принципы прогресса съ отсталыми принципами, свободу съ неограниченною властью, крестъ феодализма съ трехцвѣтнымъ національнымъ знаменемъ; образовать олигархическую партію въ Туринѣ и въ то же время овладѣть умами молодежи, льстить чувству славы національной, и убѣдить ихъ, что для Италіи нѣтъ необходимости въ союзѣ съ республикою; наконецъ онъ долженъ былъ по примѣру Лудовика-Филиппа привлекать людей популярныхъ, или по примѣру іезуитовъ стараться возбудить противъ нихъ общественное мнѣніе въ ожиданіи случая, когда можно будетъ ихъ уничтожить.

«Этой системѣ онъ слѣдовалъ съ давняго времени. Карлъ-Альбертъ украшалъ орденами писателей и артистовъ, приказывалъ посвящать себѣ всѣ сочиненія, выходящія въ его владѣніяхъ, старался привлечь италіанскихъ эмигрантовъ всѣхъ партій, дабы имѣть руку повсюду: въ Парижѣ, Миланѣ, Флоренціи и Римѣ. Съ помощью этой тактики онъ достигъ того, что заставилъ людей слабыхъ и довѣрчивыхъ забыть его прошедшее.

«Дабы имѣть возможность явиться въ Миланъ, король далъ своему народу конституцію, но и тутъ сдѣлалъ непростительную неловкость, позволивъ опередить себя нарочно королю неаполитанскому на пути нововведеній. Завоеваніе Ломбардіи было вмѣстѣ съ тѣмъ наградою, которую король давалъ піемонтской аристократіи за тѣ права, которыя она потеряла вслѣдствіе конституціи.

«Однако король медлилъ, удерживаемый своимъ нерѣшительнымъ характеромъ. Онъ зналъ, что въ то время картечь несетъ смерть и разрушеніе въ Миланѣ, но удовольствовался посылкою къ намъ, дабы спросить, даемъ ли мы ему офиціальное позволеніе принять участіе въ освобожденіи насъ отъ варваровъ. Въ то же время онъ отказалъ въ

оружіи волонтерамъ генуезскимъ и приказалъ обезоружить на Лаго-Маджоре Ломбардцевъ, которые бросились туда съ оружіемъ въ рукахъ для спасенія своихъ семействъ.

«Громъ пушекъ пяти безсмертныхъ дней держалъ населеніе Пьемонта въ напряженномъ состояніи; извѣстіе о нашемъ освобожденіи произвело тамъ дѣйствіе электрическаго удара. Король, испуганный изъявленіемъ народныхъ чувствъ, подписалъ 23 марта вечеромъ манифестъ о войнѣ. Я имѣлъ основаніе позтому кричать на другой день въ присутствіи временнаго правительства: *Да здравствуютъ Пьемонтцы, и да падетъ стыдъ на главу Карла-Альберта.*

«Королю нельзя было терять ни минуты. Мы призвали въ Ломбардію всѣ народы и всѣхъ правителей Италиі; они могли бы встрѣтиться съ нимъ на одномъ полѣ, а потому вопросъ о нашей будущности не былъ бы предоставленъ его исключительному рѣшенію; обсужденный на національномъ и даже европейскомъ конгрессѣ, вопросъ этотъ породилъ бы пренія, въ которыхъ свободно высказались бы желанія народа. Всѣ правители готовы были поддержать насъ, чтобъ ограничить честолюбіе одного союзника. Вотъ почему ему нужно было идти впередъ и быть первому на рѣку Минчіо.

«Но едва онъ перешелъ черезъ границу, какъ тотчасъ же сталъ стараться о томъ, чтобы Ломбардія приступила къ сліянію съ Пьемонтомъ, требуя такимъ образомъ награды за несдѣланную еще услугу.

«Карль-Альбертъ, какъ король, старался отдѣлаться отъ волонтеровъ, распространявшихъ идеи свободы въ его арміи, и чувствовалъ отвращеніе къ регулярной ломбардской арміи. Недостаточно было, что онъ назначилъ туда офицеровъ неспособныхъ ни внушить уваженіе къ себѣ, ни ввести дисциплину, онъ хотѣлъ, чтобы все, касающееся организаціи этой арміи, проходило черезъ его руки. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ этой политики было удаленіе изъ новыхъ полковъ молодыхъ людей, наиболѣе способныхъ, и соединеніе въ отдѣльные батальоны всѣхъ студентовъ, лицейныхъ и семинаристовъ, подвижной гвардіи и учителей.

«Явное пристрастіе руководило при назначеніи мѣстъ въ новыхъ кадрахъ. На самыя высокія мѣста выбирались люди, которые никогда не держали оружія въ рукахъ, и которыхъ единственное достоинство была преданность королю.

«Чтобы достигъ вѣрнѣ своей цѣли, Карль-Альбертъ, съ перваго дня, захватилъ деньги, которыя должны были служить для образованія ломбардской арміи. Это было сдѣлано вслѣдствіе договора 26 марта съ временнымъ правительствомъ.»

Таковы были главныя обвиненія, провозглашаемыя на словахъ и письменно; нѣкоторыя изъ нихъ сначала казались смѣшными и совершенно невѣроятными, но такъ какъ человекъ ко всему привыкаетъ, то мало-по-малу запало сомнѣніе даже въ сердца, вѣровавшія въ добрыя намѣренія короля, и въ нихъ родилось недовѣріе къ тому лицу, которое одно было въ состояніи доставить свободу Италиі. Журналы, руководимые республиканскою партіей, дѣйствовали на народъ и войско самымъ па-

губнымъ образомъ. Они съ неуваженіемъ отзывались о королѣ, называли его тормазомъ, задерживающимъ всѣ силы Италіи, обвиняли его въ томъ, что онъ не желаетъ образованія ломбардской арміи, которая могла бы принести ему столько пользы, возвышала до небесъ ничтожныя дѣйствія волонтеровъ, а о дѣйствіяхъ пиемонтской арміи или умалчивали, или отзывались съ презрѣніемъ. Если Пиемонтцы побѣждали, они грозили Италіи новымъ игомъ взамѣнъ австрійскаго; если были побѣждаемы, это значило, что генералы и офицеры измѣняютъ. Благодарность соотечественниковъ, выражаемая сочувствіемъ къ общему дѣлу, не награждала войска за труды и лишения, а клеветы и обиды возбуждали въ немъ величайшее негодованіе и отчасти недовѣріе къ правительству, позволявшему оскорблять ихъ подобнымъ образомъ.

Въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, говоритъ герцогъ Дино (1), рядомъ съ объявленіемъ о смерти одного офицера аристократической пиемонтской фамиліи, павшаго на полѣ сраженія, былъ помѣщенъ возгласъ: «Какъ бы мы желали, чтобы весь этотъ ненавистный родъ и даже имя его погибли скорѣе.» Подобныя возмутительныя слова тяжело дѣйствовали на войска, и охлаждали сочувствіе ихъ къ общему дѣлу.

Правительство рѣшилось наконецъ запретить газету *il Lombardo*; эту мѣру республиканцы объявили началомъ тѣхъ самостоятельныхъ поступковъ, которые угрожали Ломбардіи въ будущемъ.

Вотъ что говоритъ генераль Бава о тогдашнихъ журналахъ:

«Что же дѣлала италіянская журналистика, этотъ часовой, назначенный для стереженія дверей свободы и независимости? Не понимая своего призванія, не переставая насмѣхаться и клеветать на наши лучшія войска, она убила дисциплину и повиновеніе и, отнявъ возможность командованія войсками, требовала отъ генераловъ, чтобъ они дѣлали чудеса и собирали лавры. Издатели или совсѣмъ не печатали реляцій нашихъ, или описывали дѣла съ такимъ презрѣніемъ, холодностію и темнотою, что представляли худое еще въ болѣе дурномъ свѣтѣ, или указывали на зло тамъ, гдѣ его вовсе не было, и этимъ постоянно держали народъ въ сомнѣніи болѣе тяжеломъ, нежели самая горькая дѣйствительность.»

Чтобы показать какимъ образомъ писались реляціи, приведемъ отрывокъ изъ *Gazetta Piemontese*, помѣщенный въ сочи-

(1) *Jouvenir de la guerre de Lombardie.*

ненія: *Relazione succinta delle operazioni del generale Durando nello stato Veneto* di Massimo Azeglio. Milano 1848.

«Падуа, 19 мая 1848.

«Дурандо съ своими солдатами дѣлаетъ восхитительные скачки отъ Пиавы къ Бассано, потомъ къ Читтаделлѣ и Кастельфранко (то-есть на-оборотъ), потомъ вновь къ Бассано (чистая выдумка, потому что онъ прямо отправился къ Фонтанива), оттуда черезъ Фонтанива вновь къ Читтаделлѣ (новая выдумка), къ Пьяццола, потомъ въ Месанига, Моджано и окончательно въ Местре. Если станемъ слѣдить за этими движеніями и передвиженіями по топографической картѣ, то согласимся, что совершенно справедливо неудовольствіе пяти тысячъ его швейцарскихъ и папскихъ солдатъ, потерявшихъ увѣренность въ себя, утомленныхъ безконечными движеніями, недостатками и постоянными bivouacs безъ всякой цѣли въ то время, какъ войска горятъ нетерпѣніемъ встрѣтить непріятеля и сразиться съ нимъ.

«Счастіе наше, что Нѣмцы постоянно медлятъ, и въ то время, какъ постоянные двухдневные дожди, я думаю (sic) такъ подняли воды рѣки Пьявы, что мостъ, исправленный Нугентомъ, и два вновь строящиеся были срованы, Австрійцы оставили около Пьявы пять тысячъ человекъ солдатъ, и еслибы Дурандо пересталъ отдыхать (!), онъ могъ бы припереть эти войска къ рѣкѣ и отрѣзать отъ главныхъ силъ (которые были собраны на правомъ же берегу). Около двухъ тысячъ папскихъ войскъ возвратились на родину».

Это послѣднее извѣстіе было совершенно вѣрно, но двѣ тысячи солдатъ отдѣлились и ушли домой не отъ дивизіи Дурандо, а изъ *чивики* (гражданской гвардіи), находившейся въ Тревизо.

Республиканцы не ограничились одними словесными нападеніями, они наносили удары всему, что было королевское, всѣмъ, кто не раздѣлялъ ихъ убѣжденій, словомъ и дѣломъ стараясь возбудить недовѣріе и нерасположеніе къ Пиемонтцамъ.

Въ то же время, какъ сардинскія войска шли впередъ для освобожденія Италіи, толпы французскихъ работниковъ и Савояровъ напали на Шамбери и провозгласили республику, которая существовала семнадцать часовъ. Диктаторы въблужъ составили проектъ соединенія Савойи съ Франціею, но жители города, оправившись отъ испуга, соединились съ горцами и изгнали пришепцовъ, полонивъ многихъ изъ нихъ.

25-го марта, въ день, когда армія Карла-Альберта перешла Тичино, волонтеры швейцарскіе и другіе издали протестацію противъ «военнаго занятія страны Савойскимъ домомъ и противъ проекта временнаго правительства о соединеніи Ломбардіи съ Сардиніею въ одно семейство».

Въ самой арміи употреблены были всѣ усилія, чтобы возбу-

дять неудовольствіе и неуваженіе солдатъ къ начальникамъ; при чрезвычайномъ производствѣ, о которомъ мы говорили выше, для пополненія недостатка въ офицерахъ и унтеръ-офицерахъ, многіе республиканцы, получивъ вліятельныя мѣста, стали *демократизировать* армію, то-есть дѣлать солдатъ орудіемъ противъ правительства и противъ своихъ начальниковъ. Часто случалось, что подговоренные солдаты требовали удаленія изъ арміи свѣдущихъ и опытныхъ офицеровъ, единственно потому, что они не раздѣляли идей и направленія демагоговъ (1).

Взглянемъ теперь на дѣйствія временнаго ломбардскаго правительства.

Карль-Альбертъ, вступивъ въ Ломбардію, поручилъ устройство дѣлъ страны, приведеніе финансовъ въ порядокъ, наборъ войска и снабженіе дѣйствующихъ войскъ всякими припасами временному правительству, оставивъ себѣ лишь общее распоряженіе всѣмъ, касающимся движенія и расположенія войскъ, и не вмѣшиваясь совершенно въ управленіе краемъ. Правительство должно было бы приступить тотчасъ же къ измѣненію низшаго состава управленій, наполненныхъ еще чиновниками, поставленными Австрійцами, и въ особенности къ преобразованію полиціи, черезъ которую законы приводятся въ исполненіе; слѣдовало поставить на эти мѣста людей, заслужившихъ уваженіе соотечественниковъ, что легко было исполнить при выборной системѣ и свободѣ книгопечатанія. Но этого не было сдѣлано; почти всѣ прежніе чиновники остались на своихъ мѣстахъ, и черезъ нихъ-то Радецкій узнавалъ о всемъ, происшедшемъ у противника, и сѣялъ раздоры между согражданами.

За измѣненіемъ состава управленій слѣдовало приступить къ устройству финансовой части, какъ всеобщему двигателю государственной машины. Здѣсь въ особенности оказалась совершенная неспособность людей, бывшихъ правителями. Ломбардія, платившая въ годъ около 77 милліоновъ лировъ (66 милліоновъ франковъ) Австріи, когда пришлось платить по 3 милліона въ мѣсяцъ на содержаніе піемонтской арміи, была приведена въ совершенную невозможность не только выполнить это, но даже удовлетворить необходимымъ издержкамъ по управленію краемъ.

(1) *Considerazioni sopra gli avvenimenti militari del marzo 1849.*

Личная подать и лоттерей были уничтожены, пошлины на соль, вино, гербовую бумагу, за плаваніе по каналамъ уменьшены, какъ падающія на самую бѣдную часть населенія; чтобы пополнить финансовый недостатокъ, причиненный этими измѣненіями, необходимо было прибѣгнуть къ займамъ; этого требовало и общественное мнѣніе. Чтѣ же сдѣлало правительство? Оно объявило, что на занимаемые капиталы платить никакихъ процентовъ не будетъ; и несмотря на все это, благодаря патріотизму жителей, въ самое короткое время около 4 милліоновъ поступило въ казну. Но такъ какъ этого было недостаточно для вооруженія войскъ, набираемыхъ въ Ломбардіи, и на заготовленіе съѣстныхъ припасовъ для сардинской арміи, то прибѣгли къ налогамъ на промышленниковъ, торговцевъ и даже на занимающихся ученою частію, какъ напримѣръ докторовъ, профессоровъ и законовѣдовъ, и обложили пошлиною заложенные имѣнія; этотъ послѣдній налогъ въ особенности имѣлъ дурныя послѣдствія, открывая семейныя тайны согражданъ.

Въ военныхъ мѣрахъ неопытность правительства оказалась еще большею. Несмотря на патріотизмъ жителей и готовность жертвовать всѣмъ для пользы отечества, не могли образовать болѣе 15-тысячнаго корпуса, дурно вооруженнаго, дурно одѣтаго. Высокіе чины давались людямъ, не державшимъ никогда оружія въ рукахъ, въ то время, какъ вся Ломбардія была наполнена Поляками, Корсиканцами и Французами, которые прошли школу трудовъ и лишеній и знали военное дѣло и нужды солдата.

Около 10 тысячъ старыхъ солдатъ оставили знамена Австрійцевъ; слѣдовало только дать унтеръ-офицерамъ и ефрейторамъ званіе офицеровъ, и вотъ была бы уже готовая армія, которая сражалась бы хорошо, зная, какая участь ожидаетъ каждаго, кто попадетъ въ руки непріятели. Въмѣсто того, отослали этихъ людей, приученныхъ къ дѣйствию оружіемъ, на родину; тѣ же, которые остались на службѣ, помѣщены были въ гарнизоны. Многіе молодые священники предложили свои услуги проповѣдовать крестьянамъ священную войну и увлечь ихъ массаи для защиты Альповъ; предложеніе ихъ было отвергнуто. Военное интендантство существовало только по имени, доходы казны расхищались самымъ постыднымъ образомъ, солдаты терпѣли отъ голода и лишеній, а временное правительство занималось собираніемъ голосовъ въ пользу присоединенія Лом-

бардіи къ Сардинскому королевству и разсужденіями: Милану или Турину быть столицею соединеннаго королевства.

Въ то время, какъ разстройство арміи, вслѣдствіе ея дурной организаціи, увеличивалось ежедневно, когда недостатокъ средствъ для веденія войны дѣлался со дня на день чувствительнѣе, и пиемонтская армія стала нуждаться въ дѣятельной помощи всей страны, въ это именно время почти всѣ союзники оставили ее. Въ началѣ войны для удовлетворенія общаго желанія народа, Неаполь, Римъ, Тоскана, Парма и Модена послали войска свои на помощь Ломбардіи. Король неаполитанскій, съ завистію смотрѣвшій на усиленіе Савойскаго дома, ждалъ только случая, чтобъ отозвать свои войска, и случай этотъ доставили ему республиканцы. Слѣпо преслѣдуя свою основную идею образованія изъ всей Италіи одной республики, и не заботясь о сохраненіи мира внутри Италіи въ то время, какъ силы ея напряжены были въ борьбѣ съ непріателемъ, они произвели волненіе въ Неаполь, а въ Сициліи провозгласили низложеніе дома Бурбоновъ; король немедленно приказалъ войскамъ своимъ возвратиться въ Неаполь, и этимъ лишилъ сардинскую армію содѣйствія отличной 17-тысячной арміи. Послѣ сдачи Виченцы, 14 тысячъ защищавшихъ ее Римлянъ и Швейцарцевъ заключили съ Радецкимъ капитуляцію, на основаніи которой они обязывались не служить противъ Австріи въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ. Пій IX, не сочувствуя этой войнѣ, не хотѣлъ разрѣшить войска свои отъ клятвы, когда фельдмаршалъ нарушилъ заключенныя условія, наказавъ жителей Виченцы весьма строго. Тосканскія, моденскія и пармскія вспомогательныя войска были немногочисленны (всего 7 тысячъ); Ломбардія, хотя и образовала корпусъ въ 15 тысячъ, но солдаты были, какъ мы сказали выше, дурно вооружены, дурно одѣты и дурно обучены.

При такихъ обстоятельствахъ, Карлъ - Альбертъ, 24-го мая, черезъ посредство англійскаго уполномоченнаго получилъ предложеніе мира отъ Австріи, на слѣдующихъ условіяхъ: Австрія признавала Ломбардію до рѣки Минчіо независимую, съ условіемъ, чтобъ она приняла на себя часть австрійскаго долга; Венеція, должна была остаться австрійскою провинціею, получая отдѣльное управленіе и одного изъ эрцгерцоговъ королемъ. Провинція эта должна была платить императору 200.000 лиръ и взять на себя часть австрійскаго долга; войска же венеціан-

скія должны были остаться подчиненными австрійскому военному министру.

Условія эти были очень выгодны, потому что давали возможность устроить Ломбардію въ финансовомъ и военномъ отношеніяхъ, усилить и преобразовать армію, сдѣлать новые наборы, обучить ломбардскихъ рекрутъ, укрѣпить города, усилить артиллерію, заключить союзы и въ случаѣ, еслибъ Австрія, управившись внутри, вздумала отнимать уступленное, начать войну при болѣе выгодныхъ обстоятельствахъ.

Мирныя условія были отосланы въ Туринъ, но министры побоялись крика негодованія Италіи, которая, не зная положенія дѣлъ, могла принять переговоры съ непріятелемъ за измѣну италіянскому дѣлу въ пользу интересовъ Савойскаго дома; они не приняли условій, предложенныхъ Австріей.

Война вновь закипѣла. Еще нѣсколько времени фортуна благопріятствовала сардинскому оружію, но наконецъ, вслѣдствіе двухъ проигранныхъ сраженій при Кустоцѣ и Вольтѣ, видя совершенное разстройство арміи, недостатокъ матеріальныхъ средствъ и упадокъ духа въ войскѣ и народѣ, король рѣшился 26-го іюля начать отступленіе къ Кремонѣ.

Мы не станемъ входить въ описаніе подробностей этого тягостнаго марша; скажемъ только, что жители деревень, утраченные приближеніемъ Австрійцевъ, разбѣжались, скрывая съѣстные припасы и даже веревки, для вытаскиванія воды изъ колодезь; подрядчики, снабжавшіе войска съѣстными припасами, узнавъ объ отступленіи, тоже бѣжали и гнали назадъ стада воловъ, назначенныя для войскъ. Голодъ и жажда мучили бѣдныхъ солдатъ. Войска, изнуренныя, утомленныя лишениями, бросали оружіе и толпами оставляли ряды, безъ сожалѣнія покидая страну, гдѣ столько бѣдствій встрѣтило ихъ. Король употреблялъ всѣ усилія для прекращенія побѣговъ, отъ которыхъ таяла его армія, но ничто не помогало. Города оказывали величайшее сочувствіе изнуреннымъ солдатамъ, но сами не вооружались однако и не готовились къ борьбѣ. Лишь только послѣднія піемонтскія колонны исчезали, посланные отъ городовъ являлись въ лагерь Австрійцевъ для изъявленія покорности. Печальное воспоминаніе для Ломбардцевъ, печальное слѣдствіе воспитанія, даннаго имъ чуждымъ владычествомъ!

Необходимость приблизиться возможно скорѣе къ магазинамъ, запасамъ и средствамъ для усиленія ослабленной арміи

предписывала отступить на Піаченцу и Павію; но повинуюсь благородному побужденію своей души, король рѣшился дать последнее сраженіе подъ стѣнами Милана. Его сердце обливалось кровью при мысли о несчастіяхъ, которыя могли постигнуть столицу новаго государства, отдавашагося ему. Онъ не хотѣлъ дозволить Австрійцамъ войти въ Миланъ, прежде чѣмъ вытребуешь отъ нихъ обѣщаніе избавить жителей отъ мести властителя, слишкомъ обиженнаго нанесенными ему оскорбленіями, а потому съ 25-тысячною разстроенною арміею (изъ 50 тысячъ, съ которыми началъ отступление) направился къ Милану. Инженеръ генераль Кіозо и артиллерійскій генераль Росси посланы были впередъ для осмотра и укрѣпленія города.

3-го августа, армія піемонтская собралась подъ стѣнами столицы Ломбардіи и заняла позицію между Павійскимъ каналомъ и Восточными воротами, имѣя центръ по обѣимъ сторонамъ дороги изъ Милана въ Лоди; аванпосты расположены были въ трехъ съ половиною верстахъ отъ города.

Когда кавалерія, которая должна была бивакировать на плацахъ города, вошла въ Миланъ, городъ былъ украшенъ какъ для большаго праздника, окна убраны разноцвѣтными флагами. Но не того было нужно войскамъ; измученныя, голодныя, они надѣялись найдти въ Миланцахъ симпатію, благодарность за труды, готовность жертвовать всемъ для спасенія отечества. Ожиданія ихъ были обмануты. Холодный пріемъ, какъ бы упрекъ за то, что они не умѣли побѣдить непріятели, насмѣшки надъ изорванною одеждою войскъ, сто тридцать дней простоявшихъ на бивакахъ и бывшихъ въ столькихъ сраженіяхъ за свободу Італіи, вотъ что нашла піемонтская армія въ Миланъ; она увидѣла, что Миланцы смотрятъ на нихъ какъ на наемника, службою котораго они имѣли право быть недовольными. Въмѣсто сытной пици и помощи, которую требовало ихъ положеніе, солдатамъ предлагали деньги, за которыя достать ничего нельзя было! Работы, о которыхъ такъ громко кричали Миланцы, ограничились устройствомъ баррикадъ, которыя, затрудняя передвиженія войскъ, отнимали многія руки, могшія быть болѣе полезными для другаго дѣла.

Миланъ въ последнее время сдѣлался мѣстомъ сходки всѣхъ демагоговъ Італіи; достаточные Миланцы эмигрировали или поступили въ ряды піемонтской арміи; чернь, сдѣлавшись полною властительницею города, была болѣе расположена къ построе-

нію баррикадъ, въ возстанію противъ всякой власти и противъ всякаго правильнаго управленія, чѣмъ къ истинной помощи своимъ защитникамъ. Независимо отъ опасной экзальтаціи, которую поддерживали нѣкоторые энтузіасты, вся старая австрійская полиція была на ногахъ и не мало способствовала возбужденію безпорядковъ и недоверія къ Піемонтцамъ.

4-го августа, съ 8 часовъ утра Австрійцы атаковали Миланъ. Прикрытый деревьями садовъ и полями съ кукурузой, непріятель появлялся съ разныхъ сторонъ совершенно неожиданно, и его атаки сдѣлались такъ часты, что невозможно было поспѣвать резервамъ на разные пункты; части отдѣлены были одна отъ другой рвами и каналами, сообщеніе между ними было невозможно, а потому и защита города становилась еще болѣе затруднительна; для перехода изъ одного мѣста на другое, войскамъ нужно было сначала отступать въ городъ, а потомъ уже брать новое направленіе. Главнокомандующему рѣшительно невозможно было знать, что происходитъ на полѣ сраженія иначе, какъ по болѣе или менѣе сильной канонадѣ, и нельзя было совершенно распоряжаться дѣйствіями войскъ. Король переносился съ мѣста на мѣсто, желая своимъ присутствіемъ воодушевить войска, и постоянно находился въ самомъ сильномъ огнѣ. Превосходство артиллеріи и постоянные успѣхи непріятели показывали съ самаго начала дѣла, что скоро придетъ время, когда борьба перенесется въ самый городъ. Ночь положила конецъ сраженію; Піемонтцы отступили за городскія укрѣпленія; городъ былъ окруженъ огненною полосой пылавшихъ строеній и частой перестрѣлки. Во время сраженія, жители устроили множество баррикадъ, приносили пищу и водку солдатамъ, сушили ихъ платье, ухаживали за ранеными, однимъ словомъ своею заботливостію и услугами старались загладить впечатлѣніе, произведенное холоднымъ приѣмомъ. Король хотѣлъ защищаться въ стѣнахъ города, и потому приказалъ сжечь нѣсколько домовъ, разрушить другіе, дабы лишить непріятеля возможности скрытно приблизиться къ городу; самъ же переѣхалъ во дворецъ Гресси и немедленно собралъ военный совѣтъ, на который приглашены были городскіе депутаты и члены «комитета защиты города». Тутъ король узналъ, что пороку городъ имѣетъ лишь на два дня, съѣстные припасы должно было получать изъ деревень, въ которыхъ непріятельская кавалерія производила уже фуражировки, денегъ въ полковыхъ кассахъ было 20 тысячъ франковъ, и въ допол-

неніе всего, главный артиллерійскій паркъ, отрѣзанный Австрійцами отъ Милана, принужденъ былъ направиться на Пиаченцу; тутъ узналъ король также, что огромные склады оружія, пороха и съѣстныхъ припасовъ, о которыхъ говорили ему въ первый день прихода въ Миланъ, существовали лишь въ воображеніи Миланцевъ, испуганныхъ приближеніемъ непріятели.

Сраженіе въ стѣнахъ города могло лишить Пиемонтъ 25 тысячъ оставшагося войска, двадцати пяти тысячи людей, оставшихся вѣрными своимъ знаменамъ, единственной надежды Пиемонта и Италиі! Подобное сраженіе имѣло бы слѣдствіемъ разрушеніе города отъ бомбардированія, а можетъ-быть и совершенное его разграбленіе, потому что Австрійцы вѣроятно не пощадили бы города, давшего поводъ къ войнѣ и бывшаго центромъ всего возстанія. Единственное средство сохранить Миланъ и спасти армию состояло въ капитуляціи, такъ рѣшилъ единогласно военный совѣтъ.

Генералы Росси и Лазари, сопровождаемые англійскимъ консуломъ Кемпбелемъ и французскимъ уполномоченнымъ въ дѣлахъ г. Рейзетомъ, отправились къ Радецкому и заключили капитуляцію. 5 августа, какъ только новость о заключеніи капитуляціи распространилась по городу, поднялась страшная народная буря; мушкетеры и женщины стали оскорблять Пиемонтцевъ; думая, что ихъ оставляютъ на волю побѣдителей, народъ съ криками: «*morte a Carlo Alberto alla forca i Piemontesi i traditori*» (смерть Карлу-Альберту, на висѣлицу Пиемонтцевъ изменниковъ), бросился ко дворцу, занимаемому королемъ: королевскія кареты, находившіяся передъ дворцомъ, были опрокинуты и послужили для построенія баррикады, дабы король не могъ уѣхать. Беспорядокъ поминутно возрасталъ, оскорбительные крики противъ короля усиливались; дворцовая стража, составленная изъ Миланцевъ, присоединилась къ народу; напрасно Карль-Альбертъ явился на балконъ, дабы успокоить толпу, — его встрѣтили свистки и шиканіе.

Вскорѣ представилась королю депутація отъ народа, которой Карль-Альбертъ съ спокойствіемъ и достоинствомъ изъяснилъ причины, заставившія его согласиться на капитуляцію. Депутаты возвратились къ народу и публиковали слѣдующее воззваніе:

Граждане! Негодованіе, съ какимъ вы встрѣтили капитуляцію, заключенную королемъ, достойно героевъ пяти дней; честь не нарушена, но

дѣла въ такомъ положеніи, что мы принуждены еще разъ покрыть трауромъ трехцвѣтное знамя и преклонить голову передъ судьбою, сказавъ себѣ: «слишкомъ поздно».

Сограждане! посреди неустройства управленій, побѣга чиновниковъ, нижеподписавшіеся остались только на своихъ мѣстахъ, дабы исполнить тяжкую обязанность—сказать вамъ нѣсколько словъ во имя отечества. Сограждане! сердце обливается кровью, объявляя вамъ слѣдующую капитуляцію.

Капитуляція Милана 5 августа 1848 года.

1) Городъ будетъ пощаженъ.

2) Его превосходительство господинъ фельдмаршалъ обѣщаетъ, сколько зависить отъ него, имѣть въ отношеніи къ прошедшему снисходительность и правосудіе.

3) Сардинской арміи дозволяется въ два перехода отступить за Тичино; сражающіяся арміи не должны быть ближе одного перехода другъ отъ друга.

4) Его превосходительство обѣщаетъ всѣмъ, кто пожелаетъ выйти изъ города, свободный пропускъ.

5) Въ замѣнъ того фельдмаршалъ требуетъ, чтобы 6 августа въ 8 часовъ утра Римскія ворота были отданы Австрійцамъ, равно какъ и нижняя часть города.

6) Перевозка больныхъ и раненыхъ должна быть произведена въ теченіи двухъ дней.

7) Его превосходительство господинъ фельдмаршалъ требуетъ освобожденія всѣхъ генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ австрійскихъ, которые находятся въ Миланѣ.

8) Всѣ эти условія должны быть ратификованы его величествомъ, королемъ сардинскимъ.

Вы видите, что обѣщаютъ пощадить жизнь, честь и имущество гражданъ. Дай-то Богъ, чтобы обѣщанія эти не были лживы. Но вамъ, молодымъ и сильнымъ людямъ, вамъ, которые можете носить оружіе и выносить тягости похода, остается сдѣлать еще много для пользы Ломбардіи. Нѣтъ! отечество не гибнетъ со стѣнами! нѣтъ, итальянское отечество не падетъ подъ грубою силой, которая именуется себя правомъ! Эмигрируемъ всѣ съ нашимъ оружіемъ. Вслѣдъ за этою пемонтскою и лигурійскою арміей, которая печально удаляется изъ земли, которую она клялась освободить, выйдемъ на землю изгнанія, которая для насъ будетъ отечествомъ, потому что она тоже итальянская. Европа будетъ поражена этою энергическою рѣшимостію. Потому съ одними цѣлями, съ одними надеждами, мы будемъ держать крѣпко знамя, которое мы водрузили на баррикадахъ, не переставая протестовать противъ насильственного владычества и сохраняя надежду, что придетъ день, когда мы водрузимъ опять трехцвѣтное знамя на башняхъ нашего города. Въ 6 часовъ вечера, всѣ, кто желаетъ эмигрировать,

пусть соберутся на площади вооруженные и съ готовностію на всякія испытанія. Король оставитъ этотъ городъ послѣдній. Мы будемъ съ вами и прощаясь съ любимою страной, воскликнемъ: да здравствуетъ Италия, свободная и независимая.

Ч. Канту, П. Литта, А. Анелли.

Публикація этого воззванія заставила ббольшую часть жителей успокоиться, но чернь, возбуждаемая 400 или 500 агентовъ старой австрійской полиціи, осадила дворець. Въ это самое время взлетѣлъ на воздухъ складъ пороха, находившійся не далеко отъ дворца, вѣроятно подоженный какимъ-нибудь злоумышленникомъ; народъ бросился туда и, умертвивъ четырехъ первыхъ встрѣченныхъ близъ мѣста происшествія, опять возвратился къ дворцу. При звукахъ набата, при крикахъ и проклятіяхъ, одни стали стрѣлять въ окна дворца, другіе, приставивъ лѣстницы, старались войти въ комнаты, занимаемыя королемъ, дабы убить его, и только необыкновенныя усилія нѣсколькихъ карабинеровъ и лицъ, находившихся въ свитѣ короля, остановили на время ихъ замыслы.

Армія, узнавъ объ опасности, угрожавшей королю, хотѣла идти ему на помощь, но король отвѣтилъ: «Какая бы мнѣ опасность ни угрожала, я не позволю, чтобы мои солдаты проливали кровь италянскую. Онъ не позволилъ даже дѣтямъ своимъ оставлять свои дивизіи.

Около 10 часовъ вечера, чернь, не видя возможности проникнуть во дворець, принесла боченокъ пороха и, подложивъ къ воротамъ, рѣшилась взорвать ихъ. Тогда гг. Альфонсъ, Ламармора и Торелли, находившіеся при королѣ, перелѣзли черезъ стѣны сада, явились къ войскамъ и привели въ городъ роту берсальеровъ и батальионъ піемонтской, бригады которые прикладами разсѣяли народъ и освободили короля. Карлъ-Альбертъ оставилъ Миланъ, и въ полночь прибылъ къ войскамъ, желавшимъ видѣть своего короля.

6 августа, въ три часа утра, армія сардинская начала свое отступленіе. Выстрѣлы изъ Милана, провожали Піемонтцевъ; это была награда за всѣ труды, лишенія и кровь, пролитую за Италію.

Съ разсвѣтомъ, передъ вступленіемъ австрійской арміи, треть народонаселенія оставила городъ. Цѣлыя семейства, которыя никогда не покидали Милана, молодыя дѣвушки, не привыкшія ходить пѣшкомъ, старцы, которые едва двигались, матери съ

дѣтьми на рукахъ, всё, безъ различія возраста и состоянія, потянулись по дорогамъ, не зная, куда они идутъ и какъ существовать будутъ. Больные просили увезти ихъ, не желая умереть между Австрійцами (1). Миланскія происшествія весьма пагубно подѣйствовали на войска. Видя тѣхъ, которые 4 августа расточали имъ ласки, вниманіе и величайшую заботливость, возставшими 5 числа противъ короля и оскорблявшими офицеровъ и армію, они не могли понять причины такихъ измѣненій въ народныхъ чувствахъ; разница между пріемомъ при вступленіи въ Миланъ и печальнымъ отступленіемъ изъ него до того поразила солдатъ, что они сами стали подозрѣвать своихъ начальниковъ въ измѣнѣ, потому что не могли придумать ничего другаго. Съ переходомъ за Тичино, солдаты приблизились къ своимъ семействамъ; желаніе увидѣться съ ними скорѣе до того усилило побѣги, что въ одинъ день у Виджевано два полка 2-й дивизіи потеряли 2,700 человекъ бѣглыми; многіе офицеры поддали просьбы объ отставкѣ. Армія была разстроена до чрезвычайности; госпитали были наполнены больными и ранеными; войска нуждались въ одеждѣ и обуви. Король понималъ, что продолжать войну невозможно, и что необходимо заключить перемиріе, дабы пополнить армію, устроить ее и начать войну снова, при болѣе выгодныхъ обстоятельствахъ. Радецкій также желалъ лучше пріобрѣсти безъ боя крѣпости Пескьеру, Рокко Данфо и Озоно, нежели, будучи ослабленнымъ отдѣленіемъ значительныхъ отрядовъ для занятія страны, двигаться далѣе въ Піемонтъ; ему нужно было время для приведенія въ устройство Ломбардіи, да сверхъ того онъ очень хорошо понималъ, что если Австрійцы вступятъ на почву Піемонта, Франція можетъ вмѣшаться въ дѣла Италіи.

Поэтому 9 августа было заключено перемиріе, извѣстное подъ именемъ перемирія Саласко, по имени начальника штаба сардинской арміи, его заключившаго.

Условія были слѣдующія:

1) Граница государствъ будетъ демаркаціонною линіею между обѣими арміями.

2) Крѣпости Пескьера, Рокка Данфо и Озоно, а также и городъ Брешія будутъ очищены отъ сардинскихъ войскъ и ихъ союзниковъ. Сдача сказанныхъ мѣстъ должна послѣдовать въ

(1) *Mémoires sur la guerre de l'indépendance* (attribués à Charles-Albert.)

теченіи трехъ дней послѣ утвержденія этихъ условій. Выходящія войска могутъ унести съ собою военные припасы, оружіе, аммуницію и одежду, которыя имъ принадлежатъ; казенное же имущество будетъ сдано Австрійцамъ. Войска отступаютъ въ Сардинію по ближайшей дорогѣ обыкновенными маршами.

3) Модена, Парма и Піаченца будутъ равномѣрно въ три дня очищены сардинскими войсками.

4) Условія эти распространяются равно на Венецію и на Венеціянскія владѣнія. Военныя силы Сардиніи на морѣ и сушѣ выйдутъ изъ города, укрѣпленій и портовъ и возвратятся въ отечество.

5) Срокъ перемирія назначается шесть недѣль, дабы успѣть окончить переговоры о мирѣ; по истеченіи этого срока перемиріе можетъ быть продолжено по обоюдному согласію или должно быть объявлено о прекращеніи его за восемь дней передъ началомъ военныхъ дѣйствій.

6) Съ обѣихъ сторонъ будутъ назначены комиссары для облегченія исполненія вышеозначенныхъ условій.

Желая поднять духъ войскъ и отвѣтитъ на крики, поднятые Италіянами за капитуляцію Милана и за перемиріе, король издалъ 10 августа слѣдующее воззваніе къ сардинскому народу:

«Народы королевства!

«Желаніе независимости Италіи побудило меня къ войнѣ съ Австріей. Храбрость войскъ, казалось, привязала сначала побѣду къ нашимъ знаменамъ. Ни я, ни мои сыновья не отступали передъ опасностію. Святость дѣла воспламеняла мужество наше. Но улыбка фортуны была непродолжительна. Непріятель получилъ значительныя подкрѣпленія, а войска мои, принужденныя сражаться почти одни, при недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, должны были скоро оставить завоеванныя мѣста и провинціи, ими освобожденныя.

«Я отступилъ къ Милану для его защиты; но моя армія, истощенная долгими лишеніями, не могла отважиться на новыя битвы. Мужество самыхъ храбрыхъ солдатъ также имѣетъ свои предѣлы. Невозможно было выдержать осаду Милана; денегъ, военныхъ припасовъ не было. Быть-можетъ, при содѣйствіи жителей, мы могли бы держаться еще нѣсколько дней, но для того лишь, дабы погибнуть подъ развалинами города, безъ всякой надежды побѣдить врага. Тогда, съ согласія Миланцевъ, я началъ переговоры съ непріятелемъ. Я знаю обвиненія, которыми стараются омрачить мое имя. Я беру Бога во свидѣтели праводушія моихъ дѣйствій и оставляю исторіи оправдать меня.

«Перемиріе на шесть недѣль заключено; въ промежуткѣ я получу честный миръ, если жъ нѣтъ, война опять начнется. Моё сердце билось для независимости Италіи, но Италія не показала еще свѣту, изъ чѣмъ она способна для своего освобожденія.

«Народы королевства! Покажите себя сильными въ этой новой неудачѣ, воспользуйтесь тѣми свободными учрежденіями, которыми наслаждаетесь. Вы мнѣ изъявили свои желанія, я не только согласился исполнять ихъ, но имѣю твердое намѣреніе остаться навсегда вѣрнымъ моимъ обѣщаніямъ.

«Я не позабылъ восклицаній, которыми вы провожали меня при прощаніи. Посреди грома пушекъ они отдавались въ ушахъ моихъ. Имѣйте довѣренность къ вашему королю. Дѣло независимости Италіи еще не погибло.

«Виджевано, 10 августа 1848 года.

«Карлъ Альбертъ.»

И. С.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЖЕНЩИНА И ЛЮБОВЬ

ПО ПОНЯТІЯМЪ Г. МИШЛЕ

L'amour par M. J. Michelet. Paris 1859.

Въ обществѣ, гдѣ нѣтъ еще, или нѣтъ уже серьезныхъ интересовъ, политической жизни и общественной дѣятельности, самые разговоры людей, сходящихся вмѣстѣ, принимаютъ характеръ пустой и мелкій. Виною быть страны, ея государственное устройство. Когда человѣку интересоваться нечѣмъ, когда у него нѣтъ ни политической, ни общественной дѣятельности, когда литература ничтожна, о чемъ остается говорить? Тогда въ гостиныхъ возникаютъ обыкновенно такіе вопросы, которые или давно разрѣшены жизнью, или вовсе не разрѣшимы. Намъ часто случалось слышать, особенно въ старые годы, постоянныя, длинныя, скуку наводящія пренія о томъ, чтѣ такое любовь? кто выше, мужчина или женщина? можетъ ли существовать дружба между мужчиной и женщиной, и какова наконецъ должна быть любовь, страстная или разумная? Очевидно, что на такіе вопросы не можетъ быть дано ни утвердительныхъ, ни отрицательныхъ отвѣтовъ. На нихъ можно отвѣчать только другими вопросами: каковъ мужчина? какова женщина? какова обстановка жизни? какова среда? каковы характеры? Всѣ выше поименованные вопросы похожи на слѣдующій: двое мужчинъ могутъ ли быть дружны до конца своей жизни? Одна жизнь

даетъ отвѣтъ на такія задачи, потому что обстоятельства обусловливають ихъ рѣшеніе, а всякое преніе по этому поводу похоже на толченіе воды и на многоглаголаніе отъ праздности.

То же самое многоглаголаніе объ отвлеченныхъ сентиментальныхъ предметахъ возникаетъ съ необычайною плодovitостію въ литературахъ, вымирающихъ или находящихся въ переходномъ состояніи. Въ такія эпохи появляется множество книгъ, трагующихъ не о серіозномъ чувствѣ, а о чувствованьицахъ и утонченныхъ, донельзя, теоріяхъ сердечныхъ и другихъ ощущеній и отношеній, словомъ, о всякомъ сентиментальномъ вздорѣ. Сентиментальничанье всегда какъ-то странно соединяется съ грубымъ матеріализмомъ, и приторно чувствительныя книги появляются въ одно время съ книгами содержанія вольнаго и изъ рукъ вонъ неприличнаго. Такъ на примѣръ во Франціи, еще до первой революціи, съ одной стороны читались пастушескіе романы Флоріана, идилліи Кино, отвлеченно-религіозныя стихотворенія Жанъ-Батиста-Руссо, нѣжно сладкія поэмы Делля, съ другой произведенія Кребилльона младшаго, стихотворенія Пирона и романы Вольтера.

Почти то же самое совершается и теперь во французской литературѣ. Рядомъ съ книгой г. Мишле *De l'amour*, о которой мы хотимъ поговорить, являются романы подобные Фанни и новое сочиненіе г. Прудона: *De la justice dans la révolution*, въ послѣдней части которой онъ говоритъ о женщинахъ вообще и о многихъ женщинахъ знаменитыхъ по праву въ исторіи Франціи, съ такимъ изумительнымъ цинизмомъ и такою неслыханною грубостію выраженія, которая едва ли не перещеголяетъ площадную брань.

Книга г. Мишле надѣлала много шума, была прочитана съ жадностію, и вызвала во всѣхъ французскихъ журналахъ большіе и подробные о себѣ отчеты; мы послѣдуемъ этому примѣру и постараемся разказать *словами* г. Мишле все содержаніе его произведенія. Начнемъ съ предисловія, въ которомъ авторъ разказываетъ, что именно заставило его взять перо въ руки и написать свой трактатъ о любви.

«Въ первый разъ, въ 1836 году, говорить онъ, при видѣ мутнаго литературнаго потока, который заливалъ насъ, я захотѣлъ разказать исторію. Я весь былъ погруженъ въ средніе вѣка. Я написалъ тогда наудачу нѣсколько страницъ о женщинахъ среднихъ вѣковъ и, къ счастью, остановился.

«Въ 1844 году довѣренность молодого поколѣнія и, смѣю сказать, всеобщая симпатія окружали меня на моей кафедрѣ исторіи и нравственности. Я увидѣлъ и узналъ многое. Я познакомился съ общественными правами, я созналъ необходимость *серіозной* книги о любви. Въ 1849 году, когда социальная трагедія сокрушала всѣ сердца, въ воздухѣ распространился ужасающій холодъ. Казалось, что вся кровь отхлынула отъ жилъ нашихъ. При видѣ этого явленія, которое какъ будто было признакомъ изсякновенія всякой жизни, я призналъ себѣ на помощь ту небольшую долю теплоты, которая еще оставалась. Я возвылъ на помощь закону къ правамъ. говорилъ объ *очищеніи* любви и семейныхъ отношеній... Люди, всегда недовѣрчивые и замкнутые, болящія на смѣшки пуще всего, открылись мнѣ безъ боязни (я никогда не смѣялся). Блестящія, свѣтскія дамы, тѣмъ болѣе несчастныя, что ихъ окружалъ этотъ свѣтъ и этотъ блескъ, другія богомольныя, любознательныя, строгія и—скажу ли?—даже монахини переступили мнимыя границы приличія и пренебрегли общественнымъ мнѣніемъ, какъ дѣлаютъ больныя. Я сохранилъ старательно и съ уваженіемъ, которое они заслуживаютъ, эти странныя, неоцѣненные и трогательныя признанія. Не я сдѣлалъ первый шагъ къ обществу; общество пришло ко мнѣ. Такимъ образомъ я приобрѣлъ обширныя знанія. Тайны нашей человѣческой природы, которыхъ я не могъ бы угадать, мнѣ вдругъ открылись. Въ вѣсколько немногихъ лѣтъ я узналъ больше, чѣмъ бы могъ когда-нибудь узнать, вглядываясь въ монотонное зрѣніще, которое представляютъ ваши гостинныя каждый вечеръ. Я узналъ, я увидѣлъ тайники сердець... Этой толпѣ я отдалъ свое сердце, ужь никакъ не меньше. Чтѣ же отдала она мнѣ взаменъ?»

Итакъ, передъ нами плодъ не только долготѣннихъ наблюденій (книга г. Мишле, какъ мы видимъ зрѣла, еще съ 1836 года), но еще и результатъ всѣхъ признаній, которыя удалось пожать автору, благодаря всеобщей довѣренности къ его извѣстному и славному имени. Книга г. Мишле о любви не есть, стало-быть, мимолетный плодъ досуга и извѣстнаго настроенія ума. Это очень важно, при оцѣнкѣ сочиненія, и мы спѣшимъ это заявить нашимъ читателямъ. Посмотримъ теперъ, чтѣ же дала г. Мишле толпа въ замѣнъ его сердца.

«Однажды утромъ, продолжаетъ онъ, когда я работалъ у себя, необузданный молодой человекъ, котораго не могло остановить приказаніе не принимать, ворвался въ домъ мой, постучался въ дверь и вошелъ.

«— Милостивый государь, сказалъ онъ,—извините мое несвоевременное посѣщеніе; вы не разсердитесь, я принесъ къ вамъ поность. Хозяева извѣстныхъ кафе, нѣкоторыхъ домовъ, извѣстныхъ публичныхъ баловъ, жалуются на ваше ученіе. Ихъ заведенія, говорятъ они, пустѣютъ. Молодые люди заразились страстію къ серіознымъ разговорамъ. Они забываютъ свои прежнія привычки. Они начинаютъ ужь любить не такъ... Публичныя балы, того и гляди, закроются. Всѣ

эти люди, которые до сихъ поръ наживали деньги, благодаря молодежи, опасаются нравственной революціи, которая разорить ихъ.»

«Я взялъ его за руку и сказалъ ему:

«— Если то, что вы сказали сбудется, я объявляю вамъ, что это мой триумфъ и моя побѣда. Я не хочу иного успѣха. Въ тотъ день, когда молодые люди станутъ безукоризненно-нравственны, свобода будетъ спасена! Пусть достигну я моимъ ученіемъ такого результата, и я *положу его какъ вѣнецъ моей жизни на мою мошлу.*»

«Онъ ушелъ. Оставшись одинъ, я сказалъ себѣ: рано или поздно, я воздамъ имъ приношеніемъ. Я имъ напишу книгу объ *освобожденіи отъ нравственнаго рабства, книгу объ истинной любви.*»

Книга эта теперь въ рукахъ нашихъ. Она, по собственнымъ словамъ автора, написана для молодаго поколѣнія, съ цѣлю перевоспитать его, поднять нравственность, спасти свободу, совершить нравственное преобразованіе: задача огромная, неслыханная, высокая! Посмотримъ же, что есть въ этой книгѣ? Начиная свои разсужденія и размышленія о женщинѣ, г. Мишле почти вездѣ отдаетъ ей преимущество надъ мужчиной. По нашему мнѣнію, это не совсѣмъ справедливо, уже потому, что мужчину и женщину сравнивать невозможно. Они сходны только въ одномъ, что онъ и она—люди, что Богъ вложилъ въ нихъ одинаково безсмертную душу. За тѣмъ сфера ихъ дѣятельности различна, различна и ихъ организація, часто рознятся и ихъ способности, наклонности и въ особенности характеръ. Быть-можетъ—и мы ужь никакъ не будемъ спорить объ этомъ—умъ мужчины глубже, шире и яснѣе; нравственная сила его (какъ и физическая), безъ сомнѣнія, гораздо крѣпче. Но эти преимущества не такъ значительны, чтобы *совершенно* поработать женщину мужчинѣ. У нея есть другія качества, которыми она въ свою очередь можетъ похвалиться. Чувствительность и нѣжность сердца, такъ-сказать чутье его, способность совершенно особенная, съ помощію которой женщина, лишенная вовсе ума, можетъ понять многое, необычайная впечатлительность и восприимчивость, и многія другія особенности ума и сердца, которыя трудно перечестъ, вознаграждаютъ съ избыткомъ недостатокъ глубины въ умѣ и нравственной силы. Сравнивать мужчину и женщину невозможно уже и потому, что они дополняютъ другъ друга. Таковъ отчасти и смыслъ текста Писанія: *не хорошо человеку быть одному, сотворимъ ему помощницу.* Дѣйствительно, не хорошо мужчинѣ жить одному, и еще менѣе возможно это женщинѣ. Старый холостякъ и старая дѣвица прибрѣтаютъ огромное количество

недостатковъ и легко заражаются эгоизмомъ, мертвящимъ всѣ лучшія стороны души человѣческой. Счастливый бракъ облагораживаетъ самыя пошлыя натуры. Не говоря уже о страстной любви, всякая привязанность дѣйствуетъ на человѣка благотворительно, нравственно подымаетъ его, дѣлаетъ его мягче и лучше. Эта истина до такой степени извѣстна и принадлежитъ къ такимъ азбучнымъ понятіямъ, что развивать ее нѣтъ никакой нужды.

Приступая къ возможно-подробному изложенію содержанія книги г. Мишле, мы будемъ постоянно говорить словами его и со строгою добросовѣстностію слѣдить за нимъ, чтобы дать читателямъ самое вѣрное понятіе о воззрѣніяхъ и мнѣніяхъ автора; иногда намъ придется переводить почти буквально; если что-нибудь покажется читателямъ неяснымъ, даже лишеннымъ смысла, мы просимъ ихъ вспомнить, что вина падаетъ не на насъ. Переводчикъ и компиляторъ, передающій въ сжатой формѣ мысли автора,—рабъ его.

«Долго, говоритъ г-нъ Мишле, женщина была какъ бы нѣма. Она ничего не говорила. Посмотрите, въ одной индійской поэмѣ, на горестъ любовника, который не можетъ сорвать слова съ прекрасныхъ устъ своей возлюбленной. Онъ не знаетъ, любимъ ли онъ. Что она такое, лицо или вещь? Во имя тѣхъ, кого ты любишь, не заговоришь ли ты, наконецъ?»

«— Какъ мнѣ знать, о господинѣ мой!...»

«Но вотъ она заговорила. О счастье! Она живое лицо! Изъ мрачной роковой глубины отозвалась ея воля. Она можетъ ненавидѣть — тѣмъ лучше, стало быть она можетъ и любить! Я хотѣлъ ее такую! Этотъ первый, живой порывъ прельщаетъ, а не пугаетъ меня. Объяснимся, прекрасная Клоринда. Избави меня Богъ вступить съ вами въ поединокъ. Я лучше хочу, чтобы вы меня ранили; но увѣ! вы уже ранены сами! Строгая къ вамъ природа осудила васъ на это для того, чтобы васъ постоянно излѣчивали..»

«Если первая слова женщины показались намъ словами возмущенія, кто можетъ ошибиться въ томъ, что они не болѣе какъ крики боли этой бѣдной страдалицы при первомъ волненіи пробужденія?..»

Изъ Индіи, г. Мишле переходитъ къ новѣйшему обществу и продолжаетъ такъ:

«Шумъ и блескъ литературнаго успѣха очень увеличили въ нашихъ глазахъ совершившуюся въ обществѣ перемену. Все это волненіе только вѣншее. Женщина осталась тою же, какъ и была. Если сказать правду, между нами мужчинами (мы не скажемъ это женщинамъ), мы были сжвѣшны, когда мы сердились и бранились. Этотъ поединокъ только кажущійся. Женщины нисколько не принимали участія въ тѣхъ воин-

ственныхъ крикахъ, которые раздавались во имя ихъ. Какъ скоро у нихъ нѣтъ услужливыхъ пріятельницъ, которыя ихъ научаютъ сражаться, онѣ остаются добры, миролюбивы и желаютъ только быть любимыми.»

Изъ страннаго и непонятнаго дѣленія всѣхъ женщинъ на женщинъ и ихъ пріятельницъ, мы можемъ догадаться, что рѣчь идетъ о литературѣ 30 и 35 годовъ, когда во Франціи раздались первыя требованія эманципаціи женщинъ; слѣдуя за г. Мишле, мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ этотъ и спѣшимъ дальше. Чтò такое женщина? Вотъ какъ опредѣляетъ ее этотъ знаменитый писатель:

«Женщина и ребенокъ—это аристократія прелести и граціи... Женщина ничего такъ не дѣлаетъ какъ мужчина. Она думаетъ, говоритъ и дѣйствуетъ иначе. Мало того, она органически создана иначе. Она даже ѣсть и дышетъ иначе, и выражаетъ свои чувства въ безмолвномъ краснорѣчии, одними вздохами высоко поднимающейся и опускающейся груди. Насѣкомыя и рыбы нѣмы; птица уже поетъ; мужчина говоритъ. Но женщина выше птицы и мужчины; она лучше чѣмъ говоритъ, и лучше чѣмъ поетъ. Ея чарующій языкъ состоитъ въ страстныхъ вздохахъ. Мы, мужчины, понимаемъ ее. Какія мужскія рѣчи сравнятся съ безмолвіемъ женщины, намъ столько понятнымъ?....

«Несмотря однакоже на всѣ эти совершенства женщины, на все ея обаяніе и всемогущую власть надъ мужчиной, она существо слабое, и что еще болѣе достойно сожалѣнія и нѣжнѣйшаго участія, существо вѣчно-больное. О женщинахъ говорятъ, что онѣ капризны. Какая клевета! Онѣ только больны! Когда около женщины нѣтъ доброй, заботливой матери, которая бы ухаживала за ней, ей надо добраго мужа, услугамъ котораго она могла бы пользоваться и злоупотреблять ими (dont elle puisse user et abuser).

«Во всякую минуту дня она зоветъ его за дѣломъ и безъ дѣла. Чтò съ ней? А кто ее знаетъ? Она взволнована. Ей страшно. Ей холодно. Ей приснилось что-то. Можетъ-быть будетъ гроза, она уже ее чувствуетъ. «Дай мнѣ твою руку—успокой меня». — Но, другъ мой, мнѣ надо работать. «Такъ приходи же скорѣе, иначе я не могу обойтись безъ тебя.»

Да это не женщина, а божеское наказаніе, скажетъ благомыслящій читатель. «Какъ люди ошибаются, отвѣчаетъ г. Мишле, какіе мужчины прозакки! это только грація, поэзія, дѣйство. Это не женщина, это птичка. Это такъ мило.» Но быть-можетъ это минутное ея настроеніе? «О нѣтъ, говоритъ опять г. Мишле, какъ скоро женщина не крестьянка, она всегда такая, да и какъ же это можетъ быть иначе, вѣдь она всегда больна. Природа создала ее для вѣчнаго страданія и постоянной болѣзни. (Экая, подумаешь, природа мачиха, а говорятъ еще, будто

она премудра,—хороша премудрость!) Что съ ней дѣлать, то-есть съ женщиной? Ее надо, по совѣту автора, укладывать спать пораньше, сидѣть надъ ней, пока она уснетъ, и не до-вольно ли будетъ награжденъ тотъ, кто услышитъ, какъ она про-лечетъ во снѣ: «Боже мой! Я вручаю тебѣ мое сердце, тебѣ и моему мужу!»

За этимъ слѣдуетъ опять вопросъ, который, какъ тѣнь отца Гамлета, преслѣдуетъ г. Мишле по всей его книгѣ. Кто въ семейной жизни долженъ имѣть перевѣсъ, мужчина надъ женщиной или женщина надъ мужчиной? «Это цѣлая наука и цѣлое искусство, отвѣчаетъ онъ. Мы скажемъ объ этомъ только первое слово. Пусть другіе углубляются въ этотъ предметъ и разрабатываютъ его.»

Не лучше ли попроще? Это не наука и не искусство, а про-стыя отношенія, устроенныя самою природою. Тамъ, гдѣ воспи-таніе и общество не исказили женщину, не развратили му-щину, наука и искусство не нужны для опредѣленія отношеній мужа и жены: они устраниваются сами собою. Они также не нужны и для охраненія неприкосновенности брака. Тамъ, гдѣ женщина не дитя, гдѣ она вступаетъ въ бракъ, соизательно, свободно избирая мужа, мужчина не придется воспитывать ее, еще менѣе запираетъ и ревниво беречь ее. Гдѣ мужчина не по-купаетъ женщины, или не продаетъ себя ей за приданое, тамъ, за немногими исключеніями, онъ любитъ ее. Всего этого нѣтъ во Франціи, и потому г. Мишле взялъ на себя трудъ разказать подробно, какъ надо кормить, холить, лѣчить, любить (въ са-момъ тѣсномъ смыслѣ этого слова) то существо, что-то среднее между ребенкомъ и идиотомъ, которое онъ называетъ женщи-ной. Кстати мы здѣсь предупреждаемъ читателей, что наша задача все становится труднѣе, все деликатнѣе, такъ что мы принуждены многое обойти, многое совсѣмъ выпустить изъ книги, содержаніе которой мы излагаемъ. Элементъ клиники не совсѣмъ удобенъ и даже не совсѣмъ удобопонятенъ простымъ смертнымъ, не имѣющимъ претензіи, подобно г. Мишле, знать медицину и физиологію, также основательно, какъ любой док-торъ. Къ тому же медицинскія подробности не всегда возможны и приличны, внѣ спеціального медицинскаго журнала.

«Должна ли женщина заниматься работой? спрашиваетъ г. Мишле. Нѣтъ. Любить—вотъ ея работа, вотъ цѣль ея жизни; она создана, чтобы любить, любить одного, любить вѣчно. Посмотрите только на нее, она спитъ. Пять часовъ утра. О чемъ она думаетъ, чего хочетъ она? Она

думаетъ одно, она хочетъ одного: она вся твоя, вся въ тебѣ. И теперь, когда она высказалась, попытаемся за нее сформулировать мысль ея, не сказать ли, законъ ея. Да, ея законъ, законъ любви: «мы, женщина, царица всей земли, повелѣваемъ мушину измѣнить порядокъ на землѣ, сдѣлать изъ нея обитель правды, мира, счастья и свести небо на землю!» Сотвори для нея этотъ рай, а она тебѣ дастъ твой собственный. Призваніе женщины: передѣлать сердце мушины, насытить его любовію. Она будетъ для тебя всѣмъ: дочерью, сестрою, матерью. Въ тѣ минуты, когда, смущенный, ты не будешь находить путеводной звѣзды, посмотри на женщину и ты найдешь эту звѣзду въ глазахъ ея.»

Мы позволимъ себѣ небольшое замѣчаніе. Намъ кажется невозможнымъ предположеніемъ со стороны автора, чтобы это дитя, эта птичка, это безсловесное и неразумное существо вдругъ могло принять на себя столько различныхъ ролей и стать наконецъ путеводною звѣздой мушины. Вѣдь это было бы осьмое чудо свѣта. Впрочемъ, слѣдуя по стезямъ г. Мишле, мы увидимъ и не такія чудеса.

И вотъ эта путеводная звѣзда начинаетъ свою полезную дѣятельность, какъ супруга, когда изъ восемнадцатилѣтней дѣвочки дѣлается замужнею женщиной (г. Мишле хочетъ, чтобы женщина вступала въ бракъ восемнадцати лѣтъ, а мушина въ двадцать ввсемъ). Жена во всемъ ввѣряется мужу, ввѣритъ безусловно, что онъ знаетъ все лучше чѣмъ она и чѣмъ весь свѣтъ, знаетъ больше чѣмъ ея отецъ и мать, которыхъ она оставляетъ, всплакнувъ немного, *но безъ особеннаго сожалѣнія*. Она вручаетъ свое сердце, свою особу, и ужъ не только не будетъ расходиться съ нимъ во мнѣніяхъ, но ему отдастъ все свои ввѣрованія и помышленія. Она вступаетъ въ новую жизнь, не имѣющую никакого отношенія къ ея прошлому. «Пусть, говоритъ она, этотъ первый день брака будетъ днемъ моего рожденія. Я ввѣрю чему ты ввѣришь; твое отечество мое отечество; и твой Богъ мой Богъ.» А ты, мушина, желай, чего она желаетъ въ эту минуту, и поймай ее на этомъ словѣ. Передѣлай ее, возсоздай ее, *сотвори ее*. Возьми ее, какъ берутъ нѣжное, малое дитя.

И такъ путеводная звѣзда оказывается на дѣлѣ несостоятельною и возвращается къ своему первообразу, къ птичкѣ, къ дятлу, къ существу безсловесному и бессмысленному.

Затѣмъ слѣдуетъ опять вопросъ (вѣдь ихъ множество), должна ли быть жена богата или бѣдна и изъ какой именно націи? «Она должна быть бѣдна, отвѣчаетъ авторъ, потому что

нѣтъ богатой дѣвушки, которая была бы послушна. Къ тому же богатыя предъявляютъ такія притязанія насчетъ домашняго бюджета, что часто тотъ, кто думалъ обогатиться посредствомъ женитьбы, оказывается на дѣлѣ бѣднякомъ. Богатая не приметъ идей, привычекъ и образа жизни своего мужа. Она захочетъ подчинить его своимъ идеямъ и своимъ привычкамъ, и ссора вспыхнетъ. Незамѣтное и сладостное соединеніе двухъ жизней въ одну не совершится, а гдѣ нѣтъ этого, тамъ нѣтъ и брака.

Странное соединеніе, когда одинъ изъ двухъ требуетъ отъ другаго совершеннаго подчиненія не только въ привычкахъ и образѣ жизни, но даже въ идеяхъ: это ужъ и не подчиненіе, а совершенное уничтоженіе одного изъ двухъ. Намъ кажется, насколько опытъ научилъ насъ, что тогда только есть соединеніе двухъ жизней въ одну, когда есть разумное равенство отношеній, то-есть обоюдныя уступки. Когда женщина не дитя, она, выходя замужъ, выбирая себѣ друга и покровителя, должна принять твердое намѣреніе жить не для себя одной, а для него, и всячески стараться о его спокойствіи, и нравственномъ и матеріальномъ. Когда муштина беретъ жену не изъ выгодъ, не для себя одного, не для своихъ однихъ эгоистическихъ цѣлей, онъ непременно принимаетъ намѣреніе сдѣлать ея счастье и уступить ей въ случаѣ нужды все, что можно уступить, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ и правиламъ. Изъ обоюдныхъ уступокъ двухъ разумныхъ и развитыхъ существъ и создается то гармоническое цѣлое, тотъ тѣсный союзъ, на который и церковь проливаетъ свои благословенія, и который есть истинное, величайшее человѣческое счастье. Всему этому учитъ насъ жизнь, но вѣдь это, въ сущности, проза, а г. Мишле любитъ заоблачную поэзію и требуетъ во имя ея иного. Онъ хочетъ поглощенія одного другимъ, уничтоженія одного въ другомъ. Бываютъ такіе случаи, мы не отрицаемъ. Но когда это совершается незаметно, добровольно, вслѣдствіе превосходства въ одномъ изъ двухъ нравственной силы и воли, которая неодолимо притягиваетъ одного и заставляетъ его уничтожиться, такъ-сказать, въ личности другаго, мы называемъ это нравственною необходимостью, закономъ природы. Но когда то же самое совершается вслѣдствіе требованій, мнимыхъ правъ и притязаній одного на другаго, то, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ уже употребить другое незавидное названіе. Это не болѣе, какъ нравственное насиліе, позорное рабство, противное природѣ всякаго человѣка, и слѣд-

ственно возбуждающее негодование, возмущение, а часто и ненависть. Избави Богъ всякаго отъ такого насильственного уничтоженія одного въ другомъ, кто бы онъ ни былъ, потому что мужъ, несмотря на то, что онъ мущина, не всегда избѣгаетъ этой жалкой участи, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ.

«Жена должна быть бѣдна, потому что тогда, говоритъ г. Мишле, *она богата доброю волей*. Она любить и вѣрить—великое слово! Чего остается желать для нея? Чтобъ она поняла того, кого любить.»

Опять поэзія; но мы, опять признаемся, любимъ прозу и еще болѣе любимъ отыскивать за всѣми фразами тайный смыслъ ихъ, и потому, хотя и съ сожалѣніемъ, дерзаемъ перевести пышныя слова эти на простой, обыкновенный, всѣмъ понятный языкъ. По нашему, это значить: женщина должна быть бѣдна, потому что тогда она будетъ въ совершенной зависимости отъ мужа. Въ этомъ только случаѣ онъ вполнѣ господинъ и повелитель ея и можетъ дѣлать изъ нея, что ему угодно. Она, конечно, по увѣренію г. Мишле, останется и *царицей земли, и царицей всѣхъ людей, и путеводною звѣздой*, — все это такъ, никто о томъ и не спорить — ну, а предосторожность на всякой случай терять изъ виду не слѣдуетъ. Если хотите властвовать, то женитесь на бѣдной, господа; женитесь на бѣдной, оно удобнѣе и мудрите тогда, сколько хотите, угнетайте въ волю: куда пойдетъ она, вѣдь у ней нѣтъ куска хлѣба! Какая, подумаешь, эта проза злодѣйка, какъ разъ изъ поэзіи слѣзаетъ что то ужъ черезчуръ не красивое, да и не слишкомъ благородное!

Опять вопросъ. Кого взять въ жены? Нѣмку, Англичанку, Испанку или Италянку? Нѣмка нѣжна и любяща, чиста помыслами; она дитя, которое создаетъ рай. (Мы никакъ не можемъ съ этимъ согласиться, но г. Мишле непременно угодно видѣть дитяню, или птичку не только въ Нѣмкѣ, но и во всякой женщинѣ. Это его пунктъ помѣшательства, его конекъ, — у каждаго есть свой, — и мы охотно за нимъ оставляемъ его.) Англичанка цѣломудренна, мечтательна, честна, тверда, вѣрна домашнему очагу, любить уединеніе; она идеаль жены. Страстная Испанка захватываетъ сердце мущины; Италянка своею красотою, живымъ воображеніемъ, трогательною простотою очаровываетъ и побѣждаетъ. Но мущинѣ нужна душа, которая бы отвѣчала его душѣ проблесками ума и любви, которая бы обновляла его сердце прелестною живостію, веселостію, неожиданными выходками, рѣчами женщины, пѣніемъ птички. Мущинѣ

нужно Француженку. Француженка въ пятнадцать лѣтъ столь же развита, какъ Англичанка въ восемнадцать, въ отношеніи организаціи. *Католическое воспитаніе, въ особенности католическая исповѣдь рано развиваютъ ее въ этомъ отношеніи; музыка дѣлаетъ то же самое (?).* Англичанка учится музыкѣ съ трудомъ, Италіанка и Нѣмка любятъ музыку для музыки, но Француженка любитъ музыку, потому что это любовь, проявляющаяся въ искусствѣ. Доказательствомъ этому служить то, что лишь только она познакомится съ любовью, какъ это фортепьяно, на которомъ она столько играла, тотчасъ закрывается.

Нельзя сказать, чтобы доказательство было убѣдительно. По нашему мнѣнію, это доказываетъ только, что Француженка, живя дома въ неволѣ, занимается музыкой или отъ скуки, или по принужденію, и лишь только выходитъ замужъ, какъ бросаетъ всѣ свои дѣвическія занятія, потому что они далеко не составляли ея насущной потребности. То же самое, къ крайнему прискорбію, мы можемъ видѣть и въ русскихъ барышняхъ, воспитанныхъ по французской или пансіонской программѣ. Всякому случалось видѣть русскихъ дѣвушекъ, прекрасно повидимому воспитанныхъ; онѣ отлично играютъ на фортепьяно, прелестно поютъ, говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, почитываютъ нравственные книжки для дѣвицъ и непременно абонированы на *Journal des Demoiselles*; онѣ прилично одѣты, прилично болтаютъ въ гостиной и уже такъ скромны, что о нихъ ходятъ въ обществѣ истинно умиленные анекдоты дѣтскости и наивности. Въ семействѣ, когда ужъ имъ минетъ за двадцать лѣтъ, онѣ безучастны ко всему и все слывуть за ребенка. Посмотрите на нихъ года два послѣ замужства; въ провинціи онѣ часто обращаются въ толстыхъ, неопратно одѣтыхъ женщинъ, которыя постоянно бранятся съ прислугой и становятся рьяными хозяйками, отъ которыхъ страдаютъ цѣлыя поколѣнія слугъ и крестьянъ. Въ столицахъ то же самое направленіе проявляется, правда, приличнѣе; оно болѣе замаскировано; чаще же всего оно измѣняется, но мужу не легче жить съ пустою свѣтскою женщиной, щеголихой, львицей, или женщиной нервной и раздражительной, лежащею по цѣлымъ часамъ на кушеткѣ въ ожиданіи поклонниковъ или посреди толпы ихъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что въ послѣдніе годы все рѣже и рѣже можно встрѣтить такихъ женщинъ, но сказать, что онѣ совершенно вывелись, къ несчастію, невозможно. Такое гибельное направленіе въ женщинахъ есть, конечно, слѣдствіе недостатка образо-

ванія, отсутствія всякаго, какого бы то ни было, интереса, совершенное отсутствіе умственнаго и нравственнаго развитія, словомъ, слѣдствіе воспитанія на французскій ладъ. Въ послѣдніе годы воспитаніе нашихъ дѣвушекъ нѣсколько измѣнилось; измѣнились къ лучшему и самыя женщины; по крайней мѣрѣ, такъ намъ кажется. Мы просимъ извиненія за это длинное отступленіе, которое невольно напросилось на перо. Нельзя довольно часто напоминать о томъ пагубномъ вліяніи, которое имѣла и еще имѣетъ система воспитанія, ставящая себѣ задачей не образовать и развить женщину, а взростить невинное (будто бы) дитя, незнакомое съ свободой и волею, насколько они предоставлены женщинѣ обществомъ, даже еслибъ она была и не замужемъ, незнакомое съ понятіями о добрѣ и злѣ, и потому годное, можетъ-быть, для какого-то заоблачнаго міра, но ужъ во всякомъ случаѣ не для жизни и дѣйствительности.

Наговорившись вдоволь о томъ, что такое женщина, г. Мишле приступаетъ къ описанію дня брака и называетъ его *роковымъ*.

«Ни законъ церкви, ни законъ гражданскій не защищаютъ женщины и не покровительствуютъ ей въ этотъ день: оба они противъ нея. Церковь считаетъ женщину воплощеннымъ искушеніемъ, первою союзницей демона; католическая церковь только терпитъ бракъ, но предпочитаетъ ему жизнь безбрачную, жизнь цѣломудренную. Женщина—существо нечистое. Униженная такимъ образомъ, она, по необходимости, должна стать рабою существа болѣе чистаго, муцины. Она—тѣло, онъ—духъ.

«Гражданскій законъ не менѣе строгъ къ ней, онъ признаетъ ее несовершеннолѣтнею навсегда и осуждаетъ на вѣчную неполноправность, налагаетъ на нее вѣчное запрещеніе. Муцина поставленъ надъ нею вѣчнымъ опекуномъ. Если же она совершила проступокъ и преступленіе, то съ ней поступаютъ, во имя закона, какъ съ совершеннолѣтнею, и наказываютъ такъ же строго, какъ и муцину.»

Такимъ образомъ, по словамъ г. Мишле, мужъ долженъ быть единственною защитой жены; въ немъ одномъ ея спасеніе, и вотъ онъ берется описывать намъ мужа, мужа-идеаль, мужа воспитателя, преобразователя, покровителя. Мы сожалѣемъ, что не можемъ передать ту главу, въ которой съ мельчайшими подробностями описанъ первый день супружества. Довольно, если мы скажемъ, что молодой мужъ, но увѣренію автора, часто оказывается человѣкомъ необыкновенно грубымъ, предающимся необузданной страстности, человѣкомъ, который не задумавшись спѣшитъ заподозрить свою молодую жену не только въ притворствѣ, но еще и въ обманѣ. Часто одно ея

смущение подаетъ ему поводъ къ такимъ оскорбительнымъ предположеніямъ. «Кто ее знаетъ, думаетъ мужъ, быть-можетъ у нея были ужъ интриги!» Г. Мишле жарко вступаетъ за женщину. «Пусть мужчина обдумаетъ, восклицаетъ онъ, что если онъ въ такія минуты судить женщину, то и она въ свою очередь судить и осуждаетъ его!» Онъ непременно долженъ ободрить ее и даже сказать нѣсколько фразъ, которыя г. Мишле заготовилъ заранѣе и услужливо предлагаетъ. Вся эта глава даетъ намъ нѣкоторое понятіе не о Француженкѣ, а о Французѣ, о его отношеніи къ женщинѣ, и ближе знакомить насъ съ нравами, рисуетъ намъ такую печальную картину, что ей не хотѣлось бы вѣрить. И однако книга г. Мишле не вызвала съ этой стороны не только опроверженій, но даже ни одного намека французскихъ писателей о преувеличеніи, ни одного упрека за то, что частные рѣдкіе случаи приводятся какъ нѣчто обыкновенное.

За картиной первыхъ отношеній супруговъ слѣдуетъ описаніе ихъ дома; чего только нѣтъ въ немъ, хотя по словамъ автора, онъ и не стоилъ большихъ денегъ! Вѣдь онъ не пишетъ, по собственному признанію для богатыхъ, не пишетъ и для бѣдныхъ, которые не *имѣютъ времени любить*. Г. Мишле не задумавшись отнимаетъ у бѣдныхъ и эту единственную, не скажемъ, роскошь, а усладу и поддержку ихъ труженической, горькой жизни и забываетъ, что любовь есть неотъемлемое право каждаго. Посмотримъ однако, для какого рода небогатыхъ людей онъ соорудилъ домъ свой, который, какъ и слѣдовало ожидать, онъ называетъ гнѣздомъ: извѣстно, что для птицы гнѣздо необходимо.

Вопервыхъ этотъ домъ долженъ быть за городомъ, и въ немъ никто не долженъ жить, кромѣ молодыхъ супруговъ. Онъ съ верху до низу устланъ коврами, положимъ обыкновенными, но за то съ двойною и тройною подкладкой, чтобы маленькая ножка мягко утопала въ нихъ. Мебели дома разнообразны, онѣ и высоки и низки, и широки и узки, чтобы жена могла по волѣ принимать самыя различныя, прихотливыя позы. Какъ же иначе? Вѣдь она будетъ вести жизнь сидячую, уединенную, и самъ г. Мишле называетъ ее *пальницей*, прибавляя къ этому незаманчивому слову эпитетъ: *добровольною*; вѣроятно, это слѣлано съ тѣмъ, чтобы смягчить непривлекательный смыслъ слова. Кромѣ того, домъ долженъ быть въ изобиліи снабженъ комодами, шкафами, полками, потаенными ящиками, полками въ стѣ-

нахъ, потому что женщины любятъ копошиться, убирать и прятать, тѣ особенно, которымъ скрывать и прятать нечего. Около дома непременно долженъ быть тѣнистый садъ, съ рѣдкими растеніями и плещущимъ фонтаномъ или ручьемъ живой воды. Около дома же предполагается навѣсъ изъ чугуна или цинка, гдѣ въ дождливые или жаркіе дни жена могла бы пріютиться и работать при шумѣ бьющаго фонтана. Ключи отъ всего надо отдать ей; она не только будетъ наблюдать за хозяйствомъ, но должна сама лично заняться имъ, ибо ни горничной, ни кухарки ей имѣть не дозволяется: одна только молодая, здоровая крестьянка приставлена будетъ къ ней, чтобъ исправлять всю черную тяжелую работу хозяйства. За мужемъ остается главный бюджетъ и высшій надзоръ за всѣмъ, какъ за женой, такъ и за хозяйствомъ. Женщины, по словамъ автора, не любятъ мужчинъ, которые отрекаются отъ права повелѣвать и ревниво блюсти свою верховную власть. По очаровательному противорѣчію, онѣ желаютъ быть хозяйками, но вѣсть съ тѣмъ желаютъ, чтобы мужъ былъ настоящимъ хозяиномъ, то-есть верховнымъ повелителемъ, главою, и чтобъ онъ соединялъ въ себѣ и выказывалъ *твердость* и *достоинство*.

Теперь мы позволимъ себѣ спросить: для какого состоянія доступно обладаніе такимъ домомъ, и что онъ долженъ стоить, вездѣ, и тѣмъ болѣе во Франціи? Гдѣ найти необитаемый домъ, гдѣ бы могло помѣститься только одно семейство, притомъ домъ съ садомъ и со всѣми причудами и затѣями роскоши? Что все это должно стоить? А г. Мишле пишетъ не для богатыхъ!

Жить вдвоемъ, а не втроемъ, аксіома—для сохраненія домашнего мира и тишины, по словамъ г. Мишле, и потому онъ удаляетъ служанку-крестьянку въ нижній этажъ и ограждаетъ второй двойными дверями, чтобъ она не могла подглядѣть или подслушать чего-нибудь. А горничная? восклицаетъ удивленная молодая. Какъ же обойдусь я безъ нея? Горничная, лакей, дворецкій, докторъ, всѣ эти должности и многія другія на манеръ придворныхъ должностей, которыя всѣ поименованы, будутъ исполнять самъ мужъ. Да вѣдь онъ занятъ, работаетъ, ему некогда? Какіе пустяки! Самый занятый изъ людей имѣетъ въ своемъ распоряженіи огромное количество времени, какъ скоро дѣло идетъ объ удовольствіи. Развѣ онъ не находитъ четырехъ часовъ утромъ, чтобы болтать на биржѣ или въ судѣ

или въ кафе, и шести часовъ вечеромъ, чтобы просиживать въ театрѣ, не слушая пьесы? Для всего этого у него есть время: неужели у него не достанетъ времени, чтобы быть счастливымъ? Мужъ и жена служатъ другъ другу. Она готовитъ обѣдъ, причѣмъ говоритъ, подавая блюдо: «откушай, другъ мой, руки мои прикасались къ этому!» Это конечно очень трогательно, но кромѣ этого занятія есть ли у нея другія? Конечно есть. Ея постоянное занятіе состоитъ въ томъ, чтобы предаваться любви, а его въ томъ, чтобы лично служить ей одной. Одевать ее, укладывать спать, няньчится, даже кормитъ извѣстными блюдами и строго наблюдать за ея діетой и гигиеной. «Пусть онъ снѣзится быть во всемъ ея господиномъ и повелителемъ, потому что скоро не онъ, а она будетъ госпожей и повелительницей. Поглощеніе одного другимъ совершится съ неизбѣжностію судьбы, и ты сталъ бы несчастнѣйшимъ изъ людей, ты, молодой человекъ, еслибы не умѣлъ вложить въ нее свою душу. Бѣдная! Въ ея собственной душѣ потемки! *Дьвушкой она научилась только тому, что надо забыть.* Ея доброе сердце, дѣвственная натура, ея прелесть только погубять обоихъ васъ, и вашего ребенка, и ваше будущее, если ты съ перваго же дня не присвоишь себѣ полной власти надъ нею. Для твоего и ея существованія, нравственнаго и физическаго, останься господиномъ (вѣдь она желаетъ и хочетъ этого) и покори ее себѣ совершенно.»

Для достиженія этой цѣли, то-есть нравственнаго на жену вліянія, мужъ, созданный досуею фантазіей г. Мишле, долженъ предаться физическимъ надъ нею наблюденіямъ и даже вести журналъ ея физической жизни. Такимъ образомъ онъ будетъ умѣть сносить ея капризы, потому что вѣдь это не капризы, а только страданія больной, а если онъ будетъ отъ нея требовать чего-либо, то вовремя, въ пору. «Женщинъ обвиняютъ слишкомъ часто и совершенно напрасно: въ нихъ нѣтъ ни холодности, ни кривлянья, ни притворства, но самыя любящія изъ нихъ до того нервны, что страдаютъ дѣйствительно. Онѣ какъ птички. У меня (разумеется у г. Мишле) былъ соловей, который любилъ меня, но не могъ вынести, чтобъ я до него дотронулся.»

«Въ эти первые мѣсяцы супружества ухоть за женой не трудятъ. Ея физическая жизнь подъ дыханіемъ счастья и надежды пышно распускается. Пусть она живетъ деревенскою жизнью: не много занимается работой дома и въ саду, пожалуй, не болѣе какъ до легкаго пота

лица; пусть она ходить, гуляетъ, бродить въ тѣнистомъ саду, лишь бы не засиживалась долго на одномъ мѣстѣ; пусть она купается въ холодной водѣ, пусть она купается въ волѣ, на свободѣ, одна, въ чистомъ воздухѣ и на солнцѣ. Растенія, воспитанныя въ тѣни, хлы и блѣды. Одежда наша, защищая насъ отъ солнца, отца жизни, дѣлаетъ насъ такими же.»

Что это такое? Ужели этотъ воспитатель, преобразователь оказывается на дѣлѣ только докучною служанкой, назойливымъ докторомъ и ненавистнымъ тюремщикомъ? Ужели воспитаніе оканчивается мелочными и неудобноисполнимыми предписаніями медицинскихъ средствъ для сохраненія свѣжести кожи, румянца лица, аппетита, для поддержанія силъ и другихъ подобныхъ тѣлесныхъ совершенствъ, будто дѣло идетъ о содержаніи и откормленіи на славу рѣдкаго, только-что полученнаго издалека животнаго, выписаннаго домовитымъ хозяиномъ. О нѣтъ! Г. Мишле хочетъ, чтобы мужъ давалъ уроки женѣ своей, но чему именно, онъ этого не обозначаетъ; онъ говоритъ только, что она чувствительна къ похваламъ и не любитъ, когда ее бранятъ. Если мужъ слишкомъ строгъ и назоветъ жену: madame, она смущается и готова заплакать. Она бросается на шею своему учителю, и этимъ оканчивается урокъ. Это очаровательное обученіе, говоритъ г. Мишле, оставляетъ желать только одного, сказать ли, чего именно?.. Пока вы ее учили, она думала о другомъ, она ничего не поняла или все поняла навыворотъ, и это не отъ того, чтобы у нея не доставало ума. Часто женщина бываетъ очень умна, но она любитъ доходить до всего сама и не любитъ ничего воспринимать. Странная вещь! восклицаетъ г. Мишле, существо, созданное для воспринятія, принимаетъ съ такимъ трудомъ, хотя и желала бы того, сѣмена уметвеннаго развитія!

«Несмотря однако на эту неспособность къ развитію, оно мало-по-малу проявляется въ женщинѣ посредствомъ любви и сознанія того, что она ее внушаетъ. Бѣда въ томъ, что мужчина не знаетъ, что именно нужно этому деликатному созданію, столь несходному съ нимъ. Онъ поучаетъ, держитъ длинныя рѣчи, утомляетъ и вовсе не замѣчаетъ, что она не слѣдитъ за его выводами и напрасно силится слушать. Если жъ онъ не такъ заносчивъ и не надѣется на себя, опыляется дѣйствовать на нее посредствомъ чтенія и не вѣдаетъ, что еще не написана та книга, которую бы женщина могла читать. Нѣтъ книги, которая бы вполне годилась для молодой женщины. Молодые женщины не приготовлены ни по своей организаціи, ни по своему воспитанію къ этой неудобосваримой пищѣ. Природа, которая предназначила ихъ для цѣли болѣе возвышенной и болѣе нѣжной, отказала имъ въ грубой

силѣ переваривать желѣзо, камни, яды,—въ силѣ, которая извлекаетъ изъ всего этого только хорошее и можетъ поддерживать жизнь даже отравами, какъ Матридадь. Когда я говорю объ ядахъ, я и не думаю о тѣхъ безнравственныхъ вещахъ, которыя онѣ могли бы вычитать. Чистота женщины такова, что отвергла бы ихъ. Я говорю объ этомъ мѣрѣ вредныхъ понятій, вредныхъ по самому своему ничтожеству, я говорю о пошлыхъ и бесполезныхъ вещахъ, которыя дѣлають умъ прозаичнымъ. Книга достойная женщины, гдѣ найду я ее? Книгу святую, книгу нѣжную, но не расслабляющую!»

Итакъ далѣе—на цѣлыхъ двухъ или трехъ листахъ, которыхъ мы не имѣемъ терпѣнія переводить, тѣмъ болѣе, что всѣ они испещрены восклицательными знаками, звонкими словами, пышными фразами, въ которыхъ повторяется все та же мысль. Послѣ всего этого глава кончается афоризмомъ, о которомъ рѣчь шла и прежде.

«Женщина, говорить г. Мишле, не только равна намъ (мущинамъ), но во многихъ отношеніяхъ выше насъ. Рано или поздно она всему научится. Вопросъ состоитъ въ томъ: должна ли она научиться всему въ первую пору любви! Ахъ! сколько бы она потеряла! Молодость! сѣдность! поэзію! Ужели ей такъ хочется стать старухой!»

Охъ! ужъ эта поэзія! Чего только не сваливають на нее и особенно въ книгѣ г. Мишле! Насъ, женщинъ, не безъ основанія упрекають въ нелогичности и непослѣдовательности выводовъ, — мы согласны, что это слабая сторона женскаго ума. Но скажите на милость, какая женщина рѣшилась бы написать выше приведенную страницу изъ сочиненія г. Мишле. Отнимая у женщины всякую способность не только учиться и понимать, но даже запоминать и повторять, какъ попугай, то, чему ее учать, г. Мишле смѣло утверждаетъ, что женщина и равна мужчинамъ, и выше его. И не одно это, а тысячи противорѣчій, нелогическихъ выводовъ, которыми преисполнена книга г. Мишле, происходятъ, конечно, не отъ недостатка логики и здраваго смысла — кто можетъ заподозрить въ этомъ знаменитаго французскаго историка? — а отъ ложнаго положенія, въ которое онъ поставилъ самъ себя. Самая книга г. Мишле не болѣе какъ ложь; каждая ея страница грѣшитъ противъ правды. Объяснимся. Г. Мишле человекъ гуманный, пламенный защитникъ и ревнитель свободы, свободы политической, личной и религіозной. Вся его ученая и литературная дѣятельность о томъ свидѣтельствуетъ. Взявшись за перо, чтобы писать о любви и женщинахъ, ему невозможно было забыть всю свою

прошлую дѣятельность; отказаться отъ гуманности, забыть даже и о томъ, что онъ человѣкъ образованный и родился во Франціи,—странѣ, гдѣ хвалятся, кичатся своимъ уваженіемъ къ женщинѣ. А между тѣмъ г. Мишле взглянулъ на нее и не европейски, да и не почеловѣчески. Не случайно вся книга его испещрена восточными цитатами; гдѣ было ему и искать подтвержденія своихъ мнѣній, какъ не на Востокъ! Вѣдь не англійская, не германская литература (исключая развѣ книги Ридола) могли бы закрѣпить мнѣнія г. Мишле. Одинъ Востокъ могъ подать за него свой голосъ. Не случайно на каждой страницѣ встрѣчаются будто бы поэтическія сравненія женщины съ животнымъ, съ растеніемъ. Онъ свелъ женщину до уровня животнаго, хотя и очень красиваго, какъ напримѣръ, птичка. Но ему невозможно признаться или даже сознать этотъ варварскій и восточный образъ мыслей: отсюда противорѣчія, отсюда нелогичность выводовъ, непонятная, при первомъ бѣгломъ чтеніи, въ такомъ умномъ и ученомъ человѣкѣ. Какъ бы низко ни стояло во Франціи образованіе и развитіе женщины, до чего бы ни унизилъ ее семейный деспотизмъ и самое французское законодательство, у Француженки нельзя отрицать ни быстроты пониманія, ни особенной живости ума, ни поразительной восприимчивости. Напротивъ, Француженка, по своей подвижной натурѣ, одарена всѣми этими качествами съ избыткомъ, и только гнетъ монастырскаго воспитанія, суровость ревнивыхъ матерей, деспотизмъ мужа и систематическое въ ранней молодости преслѣдованіе проявленія въ ней воли искажаетъ ее до того, что она становится въ восемнадцать лѣтъ не больше какъ разряженной куклой, а въ тридцать пять опасною кокеткой и часто изумительно владѣющею собою лицемѣркой. (Исключенія найдутся вездѣ, мы говоримъ о массѣ.) «Богъ собралъ всѣ тряпки міра, сказалъ кто-то, и создалъ изъ нихъ Француженку!» Нѣтъ, не Богъ собралъ эти тряпки, а воспитаніе, нравы, обычаи страны. Сами Французы собрали ихъ и нарядили въ нихъ женщину, чтобы тѣмъ прикрыть ея пустоту, ничтожество, ея умственную и нравственную неразвитость или искаженіе. Они вложили въ нее страсть эту и помирлись съ нею, считаютъ ее необходимою принадлежностію женщины, ея законнымъ правомъ. Попробуйте сказать Французу, что есть женщины, которыя не любятъ нарядовъ, онъ отвѣтитъ вамъ, что это невозможно, и улыбнется недověрчиво. Мало того, женщина, не любящая нарядовъ и не жертвующая для

нихъ всѣмъ... Да развѣ это женщина? Это или уродъ, безобразный какъ смертный грѣхъ, или педантъ въ юбкахъ; въ такомъ случаѣ женщина нестерпима и ужь, разумеется, лишена всякой граціи, прелести и притягивающей, обольстительной силы.

Католическія монахини, воспитательницы французскихъ дѣвицъ, сошлись съ г. Мишле, и считаютъ, что чтеніе вредно или бесполезно; спрашивается, какое развитіе, какіе интересы возможны при такихъ условіяхъ? Не одна ли страсть къ трипкамъ, къ наслажденіямъ, къ удовольствіямъ, къ удометворенію всѣхъ физическихъ влеченій, начиная съ комфорта и роскоши и гончая чѣмъ-нибудь болѣе непохвальнымъ, разовьется въ женщинѣ? Сами Французы, придавая столько значенія внѣшней обстановкѣ жизни, внѣшнему блеску, однимъ приличіямъ, поощряютъ къ этому женщину, вталкиваютъ ее, такъ сказать, въ эту гибельную колею.

Какъ бы странно однако (чтобы не сказать болѣе) ни казались намъ воззрѣнія г. Мишле на женщину, мы не должны забывать, что до сихъ поръ онъ говорилъ о восемнадцатилѣтней, неразвитой дѣвушкѣ, едва вступившей въ супружество. Во второй половинѣ своей книги онъ описываетъ рожденіе ребенка. Всѣмъ извѣстно, что эта новая, тѣсная связь скрѣпляетъ союзъ между мужемъ и женою, даже и тогда, когда въ этомъ союзѣ и былъ бы замѣтенъ недостатокъ любви. Какъ часто случается, что въ супружествѣ, заключенномъ по доводамъ разсудка, даже изъ матеріальныхъ или общественныхъ выгодъ, любовь возникаетъ именно послѣ рожденія перваго ребенка! Г. Мишле взглянулъ на дѣло иначе: онъ называетъ ребенка соперникомъ и заставляетъ молодую мать, обращаясь къ мужу, лепетать подѣтски: «Но другъ мой, если онъ (ребенокъ и притомъ будущій) не захочетъ, чтобъ я любила тебя, что жъ мнѣ будетъ дѣлать?» Мужъ, конечно, огорчается при этомъ внезапномъ открытіи, а она принимается утѣшать его, говоря, что быть-можетъ *маленькій тиранъ* не захочетъ требовать этой жертвы.

Какое странное пристрастіе къ сооруженію тюремъ, гдѣ бродятъ добровольныя плѣнницы, къ созданію маленькихъ и большихъ повелителей и тирановъ! Какое пристрастіе къ выраженіямъ, прекрасно впрочемъ обрисовывающимъ характеръ Французовъ, которые, обожая свободу, говорятъ постоянно о сильной власти (*dominernent fort*), и обожая женщину употребля-

ють слова: господинъ и повелитель, мужъ характера твердаго и достойнаго, строгій руководитель, менторъ и вождь, и прочее!

Мы пропускаемъ двѣ большія главы, въ которыхъ разказывается подробно рожденіе ребенка, болѣзнь матери и ея выздоровленье. Непонятно, для кого это написано. Медики, акушеры, вѣроятно, знаютъ все это лучше, чѣмъ г. Мишле, а для массы публики все это ужь очень спеціально, да и какъ-то не совсѣмъ ловко читается. Кто-то сказалъ, что и тутъ есть своя поэзія. Правда, что эти страницы пересыпаны фразами, которыя будто бы лепечетъ жена, и которыя всѣ до одной запечатлѣны пошлостію или даже идиотизмомъ. Напримѣръ: Ах! мы ужь не двое!.. Я тебѣ сказала всѣ мои маленькія тайны!.. Я преобразилась въ тебя!.. и т. д.

Жизнь супруговъ измѣняется. Мужъ, который былъ доселѣ горничною, остается ею, но не беретъ на себя обязанности няньки. Приходится взять настоящую няньку и впустить въ завѣтныя комнаты крестьянку, исправлявшую черныя работы. И вотъ изъ двухъ, ихъ становится пятеро. Это бы еще переносить можно, но вотъ что ужасно: мать поглащена колыбелью. Она забываетъ мужа, и вся отдается своему ребенку. Мужъ волей или неволей принужденъ отказаться отъ своихъ правъ на жену, и между ними совершается нѣчто въ родѣ добровольнаго развода.

Мы не можемъ опустить заглавія слѣдующей за симъ главы. Она называется: *La papillone*. Если мы не ошибаемся, Фурье называлъ такимъ образомъ женщину въ ту эпоху ея жизни, когда она начинаетъ искать приключеній. Г. Мишле называетъ этимъ словомъ то семейное раздвоеніе, которое слѣдуетъ, по его мнѣнію, за рожденіемъ ребенка. Жена посвящаетъ себя исключительно обязанностямъ кормилицы и няньки, а мужъ, предоставленный самому себѣ, ищетъ развлечения и занятій въ дѣлахъ и въ свѣтѣ.

Такимъ образомъ проходитъ восемь, десять лѣтъ; и сына—потому что дѣло идетъ о сыновьяхъ (дочерей не имѣется, и о возможности ихъ существованія ни разу не упомянуто въ сочиненіи г. Мишле)—отдаютъ въ школу. Ужасное положеніе! По словамъ г. Мишле, благодаря сыну, все было оставлено; забыты искусства, чтеніе (хотя изъ предыдущаго этихъ занятій мы не усмотрѣли). Какъ бы то ни было, сына нѣтъ ужь въ домѣ. Слезы, рыданія, громадная выставка чувствительности. Въ довершеніе несчастія ребенокъ скоро привыкаетъ къ школь-

ной жизни, и когда мать приходит навѣстить его въ рекреационные часы, онъ принимаетъ ее холодно и завистливо по-сматриваетъ изподтишка на играющихъ товарищей. Несчастная, все—по увѣренію г. Мишле, мать возвращается домой, безъ словъ, безъ слезъ, безъ дыханія! Вотъ удобная минута для сближенія съ мужемъ, но мужчина часто ничего не понимаетъ, онъ тупъ, онъ занятъ дѣлами, онъ привыкъ къ свѣту и не умѣетъ воспользоваться этою минутой. Г. Мишле по этому случаю совѣтуетъ мужу принять жену въ свои объятія, прилѣпиться къ ней и жить съ нею, только съ нею, не оставлять ее ни на минуту.

Все это очень мило, очень чувствительно, очень поучительно, разрумянено, если не опозтизировано. Описывая красоту женщины въ тридцать лѣтъ, чѣмъ ужъ г. Мишле не называетъ ее, и *розою* и *царственною мліей*. А намъ кажутся всѣ эти сравненія неумѣры, и намъ приходитъ въ голову, что такую малодушную, ничтожную женщину, ничтожную жену и мать, можно сравнить только съ восьми-пудовымъ ядромъ, привязаннымъ къ ногамъ пловца. Дѣйствительно, чтò можетъ быть тяжеле для мужчины серьезнаго, занятаго, борющагося (въ чьей жизни нѣтъ борьбы?), какъ имѣть дѣло съ этимъ прихотливымъ, безсердечнымъ и неразумнымъ ребенкомъ? А ужъ пора, кажется, выйти изъ дѣтства. Какого гиганта, какого силача, и нравственно и физически, ни изведутъ мало-по-малу эти слезы, приторныя нѣжности, истерики, капризы, неотвязныя приставанья,—словомъ, эти бури въ стаканѣ воды! Вѣдь и камень протачиваетъ капля воды, постоянно падающая въ одну точку!

Между тѣмъ дѣятельность мужа опредѣлилась: онъ или адвокатъ, или архитекторъ, или занимаетъ гражданскую должность, и въ довершеніе всѣхъ благъ это служить поводомъ къ новымъ смутамъ, къ новымъ недоразумѣніямъ. Какимъ образомъ? Чтò это еще за напасть? Вы и не придумаете, благомыслящій читатель. Жена, извольте видѣть, любила *человѣка*, любила въ немъ *базконечное человѣческаго духа*; конечно, прекрасно и пріятно достичь виднаго положенія въ обществѣ, занять въ немъ извѣстное и почетное мѣсто, но все было выше *любить человѣка*, а не *архитектора или адвоката*, то есть любить существо, способное на все, а не на что-нибудь особенное. Не знаемъ, по какому странному случаю именно въ этомъ мѣстѣ подъ перо г-на Мишле подвернулась слѣдующая фраза, на которую онъ, какъ неизмѣнный другъ и защит-

никъ женщины, конечно возрастаетъ, но которую мы позволимъ себѣ повторить съ истиннымъ удовольствіемъ. «Женщина (то-есть женщина, описываемая г. Мишле)—наказаніе праведника.» И не одного только праведника, прибавимъ мы отъ себя, но любаго грѣшника. Послѣ такихъ терзаній не надо, кажется, и ада. Всякій согласится съ нами, если мы ко всему этому выпишемъ слѣдующія строки г. Мишле, дорисовывающія его женщину:

«Еще хуже, если съ женой говорить о дѣлахъ; въ присутствіи женщины дѣла не должны существовать. Она сама хочетъ быть первымъ, главнымъ существеннымъ дѣломъ, и всякое другое дѣло ей ненавистно. Она не цѣнитъ, да и знать не хочетъ, сколько надо ума, таланта, способностей, чтобъ успѣшно заниматься дѣлами. Какъ скоро мужъ начинаетъ говорить о своихъ намѣреніяхъ, о своихъ трудахъ, о своихъ надеждахъ, она зѣваетъ и отворачиваетъ голову. Словомъ, она хочетъ быть богата, но не хочетъ знать о томъ, какъ добывается это богатство. Чтѣ дѣлать мужу? Его женитьба, его увеличившееся семейство и хозяйство принуждаютъ его работать, трудиться трудомъ часто неблагодарнымъ, о которомъ ему и помянуть нельзя. А она? Она ходитъ и бродитъ, праздная и безучастная, полная пренебреженія къ той работѣ, за которую онъ сохнетъ!»

Какая картина! Ярко выдается она изъ книги г. Мишле потому именно, что запечатлѣна правдою. Чего и ожидать другаго отъ жены-дитяти, жены-птички! Но г. Мишле стоитъ за нее горю и относить эту страницу скорѣй ко всѣмъ женщинамъ, чѣмъ къ своему идеалу, созданному впрочемъ по одному и тому же съ ними рецепту.

Тутъ слѣдуетъ опять то же, какъ и прежде, непонятное дѣленіе женщинъ—на женщинъ и ихъ пріятельницъ, которыхъ оказывается огромное количество. Такъ какъ домъ, первоначально замкнутый и представлявшій нѣчто среднее между тюрьмою и сералемъ, отворенъ наконецъ для знакомыхъ, благодаря дѣловой дѣятельности мужа, то и предвидятся новыя бѣды. Женщина г. Мишле внушаетъ тотчасъ зависть всѣмъ своимъ пріятельницамъ. Она пользуется всеобщимъ уваженіемъ, она еще не пала, она безукоризненна, и потому всѣ пріятельницы спѣшатъ поколебать ея добродѣтель. Начинается штурмъ, и первое, чтѣ потихоньку пробирается въ крѣпость, это романы г-жи Сандъ. Напрасно! Прочитавъ романы г-жи Сандъ, чтѣ увидитъ женщина г. Мишле? По словамъ его, она увидитъ презрѣннаго, конечно, мужа, но еще болѣе презрѣннаго любовника. Очевидно, что это не можетъ поколебать ея

добродетель. Бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что въ ней самой происходитъ что-то странное, и хотя она, по привычкѣ, ввorenившейся въ ней съ первыхъ дней брака, исповѣдуется всякій день мужу, который даетъ ей отпущеніе грѣховъ, цѣлуя ее, — исповѣдь не помогаетъ. Она смутно чувствуетъ какія-то искушенія, какое-то поползновеніе къ запретному плоду, и понимаетъ, что она окружена обольщеніями и опасностями. Часто самъ мужъ бываетъ невинною причиною ея паденія, и вотъ какимъ образомъ.

«Если мужъ знатенъ и вліятеленъ, она окружена дворомъ и становится честолюбива за него. Она дѣлается цѣлью всѣхъ интригъ. Знатныя, уважаемыя, богомольныя, дѣлающія добро дамы вводятъ къ ней въ домъ молодаго человѣка, сына или внука своего, которому не достаетъ только свѣтскаго лоска, чтобы быть очаровательнымъ. Онъ отличнo учился и имѣетъ блестящія способности и совершенно *преданъ* ея мужу, готовъ помогать ему. Всѣ окружающіе только и говорятъ, что о молодомъ человѣкѣ, будто твердятъ заученую роль. Какая-то родственница говоритъ утромъ: «какъ онъ милъ!» а пріятельница, хотя и въ шутку, говоритъ вечеромъ: «А я такъ влюблена въ него!» Горничная, причесывая госпожу свою, гораздо смѣлѣе. Она скажетъ ей просто, что онъ влюбленъ, умираетъ отъ любви къ ней. Горничная очень хорошо знаетъ, что если интрига удастся, то госпожа будетъ въ рукахъ ея, и что тогда она можетъ безнаказанно обкрадывать весь домъ.

«Если мужъ бѣденъ и самъ нуждается въ протекціи, то дѣло идетъ еще скорѣе. Тогда подкупъ смѣлѣе и дерзче. Пріятельница, при первомъ словѣ бѣдной женщины, о томъ, что ей скучно, непременно скажетъ ей, что мужъ ея человѣкъ неспособный, и что съ нимъ она цѣлую свою жизнь будетъ прозябать въ какомъ-нибудь безвѣстномъ уголку. Положимъ, что жена возстанетъ на это; тогда батарея перекинется. Мужу надо найти покровителя, который бы вывелъ его въ люди. Находится и покровитель. Ему скажутъ, что она влюблена въ него, ей, что онъ влюбленъ въ нее. Старая, но вѣрная метода. Какое-нибудь легкое кокетство съ ея стороны, въ видахъ помочь мужу выслужиться, завязываетъ интригу. Предпріимчивая дерзость, почти насилье заканчиваютъ ее и заставляютъ женщину сдѣлать рѣшительный шагъ.

«Вы скажете: да это не правда, или *случается въ низшихъ классахъ общества. Напротивъ того*; только наши дамы скрытнѣе дѣвушекъ и не выдадутъ своей тайны. Жена плачетъ, — она рѣшается все разказать мужу. Ей ставятъ на видъ, что это значить сдѣлать скандалъ, погубить себя, погубить дѣтей; притомъ покровитель человѣкъ злой и способенъ испортить всю будущность мужа. Лучше покориться и молчать. Онъ въ такомъ случаѣ, быть-можетъ, что-нибудь сдѣлаетъ для мужа и для дѣтей твоихъ. Дѣйствительно, на другой день любовникъ явится. Онъ въ отчаяніи, что былъ счастливъ, и уберетъ себя, если

не получить прощенья. Онъ уже вчера просилъ за мужа. Дѣло одинокъ затягивается, и всѣ эти блестящія надежды и обещанія ошатываются ничѣмъ. Она готова умереть отъ угрызённой совѣсти и позорныхъ сожалѣній. Я бы на твоёмъ мѣстѣ написала ему, говорить ей пріятельница, я бы напомнила ему его обещанія. Это ужасно, что онъ забылъ ихъ послѣ всего того, что ты для него сдѣлала. Она пишетъ—и тѣмъ губить себя окончательно. Теперь она въ рукахъ ихъ, и съ ней начинаютъ обращаться и говорить иначе. Ее просили, теперь ей приказываютъ. У нея явился немилосердный повелитель. Въ такой-то день, въ такой-то часъ будь тамъ, приходи сюда, и она приходитъ. Страхъ сласки и тотъ магнетизмъ, который притягиваетъ птичку къ змѣѣ, притягиваетъ и ее. Она плачетъ, а онъ смѣется, и она кажется ему еще прекраснѣе съ слезами на глазахъ. Но когда она ему наскучитъ, она по крайней мѣрѣ будетъ свободна? Нисколько. У пріятельницы осталось ея письмо. Она заставитъ ее искать другихъ покровителей, и такимъ образомъ, проданная и перепроданная, она идетъ далѣе по той же дорогѣ. Если эта пріятельница, тиранъ ея, переступитъ всѣ границы и выведетъ ее изъ себя, она въ минуту негодованія скажетъ: «Я все разкажу!»—Полно, говоритъ пріятельница, надъ тобою будутъ смѣяться, кто тебѣ повѣритъ? А еслибы и повѣрили, такъ смѣху будетъ еще больше. — «Есть однако правосудіе!» — Вздоръ, моя милая! Въ судахъ присяжные требуютъ доказательствъ, которыя были бы яснѣе солнца, и не одинъ изъ нихъ позавидуетъ обвиненному. *Таково общественное мнѣніе во Франціи.* Судьи всегда отправляются отъ этой мысли, что даже та, которая всего болѣе сопротивляется, въ сущности согласна.»

Остановимся здѣсь и не будемъ продолжать перевода. Нашъ прямой и честный русскій языкъ не годится для полусловъ, неспособенъ подъ гибкою и изящною фразой скрыть грубый и непристойный смыслъ. Есть такія выраженія и такія фразы въ книгѣ г. Мишле, которыхъ перевести по русски невозможно, хотя онѣ и читаются по французски весьма удобно. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, французскій языкъ разработанъ съ любовью какъ писателями XVIII вѣка, такъ и писателями нашего XIX столѣтія Другъ послѣ друга трудились они на этомъ полѣ и довели до совершенства искусство сказать неприличное совершенно прилично и притомъ въ щегольской, пожалуй поэтической формѣ. Языкъ нашъ—языкъ молодой и сильный, свѣжій какъ юность; въ немъ найдутся неисчерпаемыя богатства для выраженія тончайшихъ оттѣнковъ мысли и чувства, но онъ не любитъ гнуться послушно, вмѣщать въ одномя выраженіи двоякій смыслъ, унижаться до старческой болтовни, приправленной приличнымъ цинизмомъ выраженій, или посредствомъ оборота замаскировывать настоящее значеніе рѣчи. Французскій

языкъ—царь всѣхъ языковъ въ этомъ отношеніи, и особенно удобенъ для того, чтобы скрыть подъ пышною фразой не только ничтожество или неприличіе содержанія, но даже и чистую простую бессмыслицу. Чтобы избѣжать этого, мы часто должны были удерживаться отъ перевода многихъ фразъ г. Мишле, потому что такъ-называемая поэзія его книги оказалась бы въ переводѣ на русскій языкъ чистѣйшею галиматьей. Кажется, довольно впрочемъ и тѣхъ выписокъ, которыя мы приводили, смягчая или поясняя ихъ.

Читая послѣднюю страницу, приведенную нами изъ сочиненія г. Мишле, какъ не спросить: гдѣ мы? что это за нравы? Если все это правда, какъ увѣряетъ г. Мишле, такъ что подобные случаи, говоритъ онъ, не составляютъ исключеній, а напротивъ весьма обыкновенны, то какъ не подивиться развращенію нравовъ, умерщвленію въ обществѣ не только чувства, страсти, но даже простой, весьма обыкновенной честности? Письмо, одна записка дѣлаетъ женщину рабой ея пріятельницы, которая, благодаря этой случайности, губитъ ее изъ своихъ корыстныхъ видовъ. Замѣчательна и сама женщина. Ужъ не страсть, не увлеченіе, не любовь, а только корыстная сдѣлка съ ея стороны и грубое насиліе съ другой губятъ ее навѣки. Г. Мишле оправдываетъ женщину, снимаетъ съ нея обвиненіе въ проступкѣ и сваливаетъ все на ея организацію, слабость, неожиданность испуга и другія еще болѣе странныя, чтобы не сказать достойныя всякаго презрѣнія, причины.

Ужъ не подумать ли, что въ пылу увлеченія г. Мишле оклеветалъ французскую женщину и французское общество? И однако его нельзя заподозрить въ недостаткѣ благосклонности и расположенія къ нимъ. Онъ одинъ изъ самыхъ яростныхъ патриотовъ, и торжественно провозглашаетъ превосходство французской женщины и французской націи надъ всѣми другими!

Но это только начало или, лучше сказать, одна сторона супружескихъ несчастій. Г. Мишле продолжаетъ пересчитывать другіе случаи, въ которыхъ честь женщины подвергается ищущеніямъ, и мы, по необходимости, должны слѣдить за нимъ.

Французскія женщины, говоритъ онъ, такъ привязаны къ сужьямъ своимъ, что большею частію влюбляются только въ тѣхъ, къ кому мужъ чувствуетъ особенную дружбу. Такъ на примѣръ жены негоціантовъ любятъ почти всегда прикащика жуа, или его любимаго ученика, или наконецъ молодого род-

ственника. Это заходитъ такъ далеко (любовь къ мужу), что даже дѣти отъ втораго брака почти всегда похожи на перваго мужа!

Но оставимъ это и возвратимся къ исчисленію приключеній той чѣты, къ которой прилѣпился г. Мишле, и жизнь которой онъ подробно описываетъ. Жена его, конечно, по своему идеальному характеру, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ женщинъ, и потому ея романъ разыгрывается нѣсколько иначе. Молодой племянникъ мужа (опять родственникъ) пріѣхалъ еще мальчикомъ изъ южной Франціи. Она его любитъ и лелѣетъ какъ сына. Но вотъ ему минуло пятнадцать лѣтъ, и онъ проводитъ въ семействѣ дяди всѣ вакаціи. Онъ бѣгаетъ съ теткой по саду; онъ ловитъ ее и цѣлуетъ одинъ разъ, другой разъ: она смущается, теряетъ голову, остается въ его объятіяхъ гораздо дольше, чѣмъ бы слѣдовало, и возвращается къ смѣющемуся мужу, блѣдная и встревоженная. Съ этого дня она становится осторожнѣе, но характеръ ея измѣняется. Она то смѣется, то задумывается; оставшись одна, она предается размышленіямъ и уходитъ въ садъ. Но въ саду происходитъ такой любопытной разговоръ, что мы рѣшаемся передать его буквально. Разговоръ, съ кѣмъ это? съ молодымъ человѣкомъ? Нѣтъ, онъ ушелъ съ мужемъ; съ кѣмъ же? съ розою? Да, съ розою! Вы не вѣрите, но вѣдь это и есть та поэзія, которой преисполнена вся книга, до избытка, до пресыщенія, до истощенія всякаго терпѣнія. Самая глава эта носитъ замысловатое названіе: *роза—директоръ совѣсти*. Странно! г. Мишле какъ-то въ былые, старые годы сильно не любилъ католическаго духа, вліянія католическихъ поповъ, и постоянно возставалъ на директоровъ совѣсти, духовныхъ вождей, и на католическую, мелочную исповѣдь, насильственно врывающуюся во всякія, даже самыя откровенныя отношенія жены и мужа. Онъ даже написалъ по этому поводу книгу, подъ названіемъ: *Католическій попъ, женщина и семейство*. Теперь у него является два директора совѣсти, правда, это ужъ не католическіе попы, хотя характеръ одного изъ нихъ созданъ по образу и по подобію католическаго попа. Это мужъ. Онъ не болѣе, какъ великій нравственный инквизиторъ, и даже, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, къ нему перешло, вмѣстѣ съ правами католическаго попа, и его обыкновенное орудіе для наказанія, а именно: *дисциплина*. Другой директоръ совѣсти, вѣроятно для поэтической обстановки, или изъ поэтической вольности, роза, расцвѣтшая въ саду, роза, съ которою такъ

часто, еще съ первыхъ дней супружества, бесѣдуетъ женщина. Да и то сказать, съ кѣмъ говорить ей, вѣдь она всегда одна и заключена въ тѣсное пространство садика, украшеннаго фонтаномъ, какъ обитательница гарема. Вотъ что говорить роза, какъ въ любой восточной поэмѣ. Извѣстно, что восточныя поэмы не обходятся безъ разговаривающихъ цвѣтовъ.

«— Не срывайте ея, сударыня. Она станетъ нѣмою внѣ лона природы, она засохнетъ на груди вашей, упоивъ и отуманивъ васъ своимъ благоуханіемъ. Нагнитесь и слушайте; вотъ что она говоритъ:

«— Вы движитесь, вы созданы для движенія, а я остаюсь неподвижною на моемъ стеблѣ. Вы не налюбуетесь мною, моимъ спокойствіемъ, я царица розъ. Я такова потому, что всегда вѣрна себѣ, всегда проникнута гармоніей. Я не бездѣлушка, чтобъ украшать мною вашу голову. Я серьезное созданіе, проявленіе могучей жизни, я вмѣстѣ орудіе и твореніе для совершения тайны. Кратокъ мой вѣкъ, и я спѣшу совершить великое дѣло: воспроизвести божественную породу, обезсмертить розу. И вотъ почему я—роза Божія. У меня есть стебель, и я остаюсь твердо при немъ. Избавьте меня отъ чести умереть на груди вашей. Оставьте меня въ моей чистотѣ, при моемъ плодородіи. Подрезайте мнѣ.

«— Какъ ты хорошо разговариваешь! Какъ бы я желала походить на тебя, и быть, какъ ты, Божіею розой... Но послушай, роза, ужели ты думаешь, что по совѣсти мнѣ надо признаться?.. И въ чемъ признаться?.. Облачко... туманъ... которые едва замѣтны для меня самой, словомъ сущая бездѣлица! И для того, чтобъ успокоить себя, ужели я должна пронзить его сердце?

«— Вы однако обѣщались все повѣрять ему...

«— О роза! ты знакома съ любовью цвѣтовъ, но незнакома съ любовью женщины! Какъ скоро я ему выскажусь, мое чувство получить внезапную силу, новый жаръ... Признаться—значитъ—удвоить чувство.

«— Какъ вы болжны! Вы защищаете свою тайну, вы ее храните и легбете, будто ребенка. Вы дрожите, что она обнаружится, увидитъ бѣлый день...»

И прочее, прочее, все въ томъ же духѣ и родѣ. А многіе французскіе критики и читатели утверждаютъ, что книга Мишле преисполнена необычайной поэзіи! Нѣтъ, мы отвергаемъ это и отдаемъ это на судъ нашей публики. Это не поэзія, а старческая болтовня, приторное сентиментальничанье, аффектація выраженій и повсемѣстное злоупотребленіе словъ. Нѣтъ поэзіи и въ этомъ домѣ, который съ такою заботливою претензіей описываетъ авторъ; напрасно онъ устилаетъ его коврами, мягкими какъ пухъ, въ которыхъ тонетъ маленькая ножка его женщины-птички, напрасно наполняетъ его затѣйливыми и вычурными мебельями, окружаетъ тѣнистымъ садомъ, розами, диліями и всевозможными цвѣтами, между которыми плещетъ фонтанъ. Нѣтъ

поэзіи въ этомъ домѣ и садѣ, нѣтъ ея и въ этомъ союзѣ, гдѣ жена лепечетъ несвязныя, глупыя рѣчи, съ безсознательностію птички и розы въ двадцать лѣтъ, и съ неразумностію дитяти въ тридцать; гдѣ мужъ, поочередно исполняя должность горничной и страстнаго любовника, и исполняя всегда должность энтузіаста не скажетъ слова на человѣческомъ языкѣ, а говоритъ восклицаніями и полусловами, часто совершенно лишенными смысла. Въ его напыщенныхъ рѣчахъ нѣтъ тѣни чувства, а слѣдственно и поэзіи. Неужели фальшивый паеосъ, трескотня реторикі—поэзія! Неужели поэзія обитаетъ только тамъ, гдѣ есть мягкіе ковры и плещущіе фонтаны. Да вѣдь это только изящная обстановка, декорація и больше ничего. Поэзія въ чувствѣ, поэзія въ воззрѣніи и въ впечатлѣніяхъ мыслящаго существа. Мыслящее существо чувствуетъ, выражаетъ свои впечатлѣнія, любить и тѣмъ самымъ оживляетъ тѣсный уголокъ, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, и разливаетъ въ немъ ту неудовимую поэзію, присутствіе которой все преображаетъ. Мысль и чувство человѣка вносятъ поэзію въ самую прозаическую обстановку, въ самую обыкновенную и мелкую дѣятельность, и притомъ присутствіе ея нигдѣ не проявляется такъ живо и такъ ярко, какъ на почвѣ дѣйствительности, скажемъ больше, она невозможна безъ дѣйствительности. Иначе это не будетъ поэзія, а только фраза безъ содержанія, пустой наборъ словъ, одна реторика! И въ какомъ изобиліи все это встрѣчается на каждой страницѣ книги г. Мишле! Въ ней все есть кромѣ поэзіи—и улы!—здравого смысла! Возвратимся однако къ окончанію романа женщины г. Мишле. Послѣ своего оригинальнаго разговора съ розой, она возвращается домой и признается мужу, что любить его племянника.

«Онъ (мужъ) съ пронзеннымъ насквозь сердцемъ сохраняетъ мужество *посреди смерти* (чего? или кого?) и оцѣниваетъ ея героическую честность. Онъ боится только, чтобъ она не умерла отъ избытка добродѣтели и горести.»

Она однако не умираетъ, но говоритъ слѣдующія слова, которыми мы не можемъ приискать достойнаго эпитета:

«— Воля моя такъ слаба, что она ускользаетъ и исчезаетъ совершенно. Чтѣ я говорю? Воля увлекаетъ меня, и ея станеть развѣ на то только, чтобъ утопиться. Какъ я наказана за мою гордость! Я слабѣ нашего ребенка, когда онъ лежалъ въ колыбелѣ. Я умоляю тебя, поступай со мной какъ съ ребенкомъ, потому что я дитя. Ты былъ слишкомъ добръ со мной, будь строгъ, будь моимъ господиномъ и повелителемъ. Накажи меня, измучь мое тѣло, чтобъ исцѣлить мою душу. Надо, чтобъ я бо-

лась тебя. Пусть умереть моя воля; я отказываюсь от нея и вручаю ее тебѣ! ты моя воля, ты моя душа! Не оставляй меня ни на минуту, чтобы я могла спрашивать у тебя, чего я желаю, и чего я могу желать.

«— Другъ мой, отвѣчаетъ мужъ, мало того, что ты просишь меня, спроси у меня, могу ли я сдѣлать то, чего ты хочешь! Ужели ты не понимаешь, что въ твоей обожаемой особѣ все мнѣ *также священо какъ гробница моей матери*? Гдѣ взять мнѣ рѣшимость, силу, для такого варварскаго поступка?»

«— Но если это мнѣ нужно и спасительно? Саломонъ сказалъ: «страхъ есть начало премудрости». Я чувствую, что мнѣ надо бояться, что мнѣ должно смириться. Я буду любить тебя вдвое. Г-жа***, а она *какъ юрда и такъ прамодушна*, говорила мнѣ недавно: «Та, которая хотя однажды склонилась подъ рукой мужа, которая испытала силу руки его, которая просила пощады, молила о прощеніи, любить его еще больше за его строгую нѣжность, любить его за самое воспоминаніе этой прошедшей минуты, за то, что произошло между ними и можетъ возобновиться опять.»

Нѣтъ! не будемъ возвращаться къ этимъ варварскимъ обычаямъ старины, восклицаетъ г. Мишле; великій Боже! я сочетался съ душой, съ мыслящимъ существомъ, и сдѣлаю изъ него вещь!.. превращу его въ ничто!.. Несмотря однако на это благое и мудрое рѣшеніе, г. Мишле черезъ нѣсколько страницъ наивно разсказываетъ нѣсколько случаевъ, когда обманутые мужья не хотѣли побить своихъ женъ, отчего эти жены сошли съ ума! Онъ приводитъ опять восточную цитату, которая гласитъ: «не бейте женщину даже цвѣткомъ, хотя бы она совершила сто преступковъ», и прибавляетъ нѣсколько восклицаній въ родѣ слѣдующихъ: Бить женщину! Боже великій! женщину! царицу любви! что не мѣшаетъ ему на той же самой страницѣ написать слѣдующую тираду, которую мы переводимъ буквально!

«Средневѣковыя женщины, даже и теперь женщины извѣстныхъ породъ терпѣливо выносили и выносятъ супружескую дисциплину. Что касается до нашихъ женщинъ, то онѣ такъ нервны, что такая попытка могла бы быть опасна. Иная умереть, если до нея дотронутся. Женщина должна быть пощажена даже и тогда, когда она виновна. Въ одномъ только случаѣ, при видѣ ея совершеннаго отчаянія, которое подвергаетъ ея жизнь и разумокъ опасности, если она умоляетъ о томъ, можно даровать ей легкое тѣлесное наказаніе, облегчающее душевное страданіе. Дѣтское наказаніе нѣсколько невредное, даже полезное, предпринимаемое какъ возбуждающее средство, въ русскихъ баняхъ, можетъ быть употреблено, чтобы заставить ее вѣрить, что она искупаетъ свою вину. Дѣти не боятся такого наказанія. Я часто видалъ, какъ нахалившій ребенокъ прибѣгалъ къ матери, и добровольно подвергался наказанію, увѣренный въ томъ, что она не злоупотребитъ имъ.»

Что сказать послѣ этихъ неслыханныхъ совѣтовъ и разсужденій? Только одно сказать можно. Французы говорятъ: *il faut avoir le courage de ses opinions*; зачѣмъ г. Мишле не послѣдовалъ этому мудрому и во всякомъ случаѣ болѣе честному правилу, чѣмъ всѣ противорѣчія, оговорки, восклицанія и извилистыя уловки рѣчи, къ которымъ онъ прибѣгъ? Зачѣмъ было дѣлать столько восклицаній, называть женщину *царицей*, говорить, что она *священнѣе могилы матери*? Сказать бы просто: она неразумна какъ дитя, плутовата какъ невольница, тупа какъ животное, и чтобъ исправить ее, ее надо и бить и... съчь! Чего бы кажется проще. Въ этомъ признаются и Турки, и Арабы, и Татары, и негры, и другіе народы Азіи и Африки. Да, конечно, а гуманность? а образованіе? а Европа? а XIX вѣкъ? Бѣда, право, да и только, какъ-то неловко вымолвить все это просто, отказаться отъ своего человѣческаго достоинства и добровольно свести себя на степень кочующаго дикаря или коснѣющаго въ невѣжествѣ обитателя Востока, признающаго за законъ одну только грубую физическую силу.

Разказывая многія другія супружескія несчастія, г. Мишле совѣтуетъ, по этому поводу, и другія лѣкарства, менѣе, конечно, энергическія. Впрочемъ мудрено было бы идти дальше. Такъ, напримѣръ, если жена ваша влюбится въ человѣка южнаго племени, везите ее на югъ. Встрѣчая много черноокихъ и черноволосыхъ юношей, она выльбится отъ страсти къ такому роду красоты. Если же, наоборотъ, она полюбила голубоокаго, бѣлокураго человѣка, спѣшите на сѣверъ. А если полюбила, спросимъ мы, человѣка съ каштановыми волосами и темными, но не черными глазами? Куда везти ее? Въдь этой породы нѣтъ въ одномъ мѣстѣ; она, какъ извѣстно, разсѣяна повсюду, и за ней придется гнаться изъ края въ край. Прочитавъ всю книгу г. Мишле, мы уже не удивимся этому понятію о любви, столь матеріально грубому: это единственный логическій выводъ изъ его сочиненія, самая сущность его! Эта книга преисполнена грубаго матеріализма, который авторъ напрасно старается маскировать посредствомъ мистическихъ фразъ въ родѣ слѣдующихъ: *откровеніе душъ*, *причащеніе любви*, *огонь на алтарь чувства*. Также напрасно онъ злоупотребляетъ лучшими словами, найденными для выраженія высокихъ идей! Это походить на черную ткань, сшитую бѣлыми нитками, и никого, ни даже самаго простодушнаго изъ читателей, не введетъ въ заблужденіе. Всякій увидитъ сразу, какого рода

смыслъ, часто весьма грубый и грязный, скрывается подъ этими выраженіями. Эта блестящая дымка прикрываетъ соръ и даже грязь.

Намъ невозможно слѣдить далѣе за г. Мишле и его теоріей любви, да мы и не видимъ въ этомъ особенной нужды. Мы уже слишкомъ много выписывали и переводили, и боимся, не утомили ли читателей. Скажемъ въ заключеніе, что г. Мишле, быть-можетъ самъ того не подозрѣвая, сошелся въ своемъ взглядѣ на любовь и на женщину съ другимъ, очень извѣстнымъ французскимъ писателемъ. Г. Мишле, одаривъ женщину поддѣльными совершенствами и сочиненною прелестію, преслѣдующій вездѣ, даже въ спальнѣ, даже въ подробномъ описаніи болѣзней и родовъ, эту, какъ кладъ въ руку, не дающуюся ему поэзію, имѣеть, какъ мы видѣли, претензію поставить женщину очень высоко во мнѣніи всѣхъ. Для этой цѣли онъ и надблизилъ ее разными, имъ изобрѣтенными, особенностями, какъ на примѣръ тою, что женщина вѣчно больна, вѣчно страдаетъ. Да и мало ли что еще, всего не перескажешь да и будешь въ невозможности пересказать по неприличію содержанія и самаго изложенія. Г. Мишле воображаетъ, что онъ уважаетъ женщину, и хочетъ внушить всѣмъ, конечно по своему, это къ ней уваженіе. Если истинное его воззрѣніе и прорывается, то помимо его воли. Онъ убѣжденъ, что написалъ книгу въ защиту, мало того, въ восхваленіе и прославленіе женщины. Несмотря однако на всеэто, единственное назначеніе женщины, по мнѣнію г. Мишле, единственная цѣль ея существованія—это любить въ очень тѣсномъ смыслѣ этого слова, родить и быть кухаркой мужа. Мы уже видѣли, какъ почтенный авторъ бьется изо всѣхъ силъ, чтобъ опозитизировать, обоготворить это назначеніе женщины. Г. Прудонъ, заклятый врагъ поэзіи, ненавидящій не только сладкую, разрумяненную форму для выраженія мысли, но сильно придерживающійся грубости выраженій и любящій называть всякую вещь ея именемъ, взглянулъ на женщину, какъ того и ожидать слѣдовало, проще, а потому проще и яснѣе высказалъ свое мнѣніе. «Женщина, говоритъ онъ, или кухарка, или куртизанка». Если очистить книгу г. Мишле отъ всѣхъ восклицаній, отъ знаковъ удивленія, восхищенія и вопроса, отъ фразъ и перифразъ, то получимъ то же самое съ измѣненіемъ частицы *или* на частицу *и*. Итакъ, два замѣчательные писателя Франціи сошлись въ своемъ взглядѣ на женщину. Г. Мишле—идеалистъ, гуманистъ, поэтъ, энтузіастъ, и г. Прудонъ,—матеріа-

листъ, ироническій скептыкъ и неумолимый, трезвый прозаическій критикъ заѣли на одну ногу. Оба эти мыслители не удостоили вспомнить о старой, какъ вселенная, истинѣ, что женщина создана по образу и подобию Божію. Кажется, это не значить съ новѣйшими эмансипаторами женщины кричать о ея неотъемлемомъ полноправіи во всѣхъ сферахъ дѣятельности, до сихъ поръ предоставленныхъ однимъ мужчинамъ. Библия, древняя книга, гласитъ объ этомъ первоначальномъ понятіи *людей дѣтей* о ихъ матерн.

Не говоря уже о Прудонѣ, какъ не остановиться на томъ, что во всемъ французскомъ обществѣ не высказалось удивленія, или хотя бы недоумѣнія по поводу книги г. Мишле? Напротивъ того, она разошлась въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, и общественное мнѣніе было скорѣе за нее, чѣмъ противъ нея. Правда, что критики, которыхъ появилось огромное количество во всѣхъ журналахъ, были написаны не совсѣмъ въ пользу, не совсѣмъ въ похвалу сочиненія, но онѣ не носили того характера, котораго бы слѣдовало ожидать отъ передовыхъ людей передовой націи, какъ привыкли называть Францію. Симптомъ немаловажный, свидѣтельствующій о нравахъ Франціи, о господствующихъ въ ней мнѣніяхъ и ея гуманности. Всѣ критики были преисполнены ума, остроумія, блеска, иногда даже серьезныхъ замѣчаній о томъ, что теорія супружества, построенная г. Мишле, немыслима въ дѣйствительности; всѣ онѣ были оживлены забавными шутками, а нѣкоторыя изъ нихъ и возраженіями противъ грубыхъ, изъ рукъ вонъ, выходящихъ уроковъ обращенія съ женщиною, преподаваемыхъ г. Мишле молодому поколѣнію, для котораго, по собственному сознанию, онъ писалъ. Въ этихъ критикахъ были подняты всевозможные вопросы; не коснулись только одного, самаго главнаго, самаго существеннаго, а именно: положенія женщины въ семействѣ, какъ его рисуетъ авторъ, и воззрѣнія г. Мишле, въ которомъ высказывается глубочайшее презрѣніе къ женщинѣ. Оно выдается ярко, въ каждомъ словѣ, въ каждой мысли! Никто не обратилъ вниманія на то, что г. Мишле постоянно употребляетъ мѣстоименіе: *онъ*, и притомъ такъ, какъ будто дѣло идетъ о какой-то особой породѣ новооткрытыхъ животныхъ, которыхъ привычки, нравы, особенности жизни заботливо изучаются рынымъ натуралистомъ. Г. Мишле постоянно описываетъ ихъ чутье, инстинкты; рассказываетъ, какъ можно ихъ запугать, учить, какъ приучить (сдѣлать ручными), какъ овладѣть, иногда

посредствомъ страха, неожиданности, физическаго влеченія и многихъ другихъ вещей, о которыхъ намъ говорить неудобно. Онъ разказываетъ даже о томъ, какія бываютъ чудныя прихоти у этого звѣрка. Онъ напримѣръ любитъ красть. Вы смѣетесь, читатель; право такъ. И кого же онъ обкрадываетъ? Иногда садъ сосѣда, иногда свой собственный. Онъ любитъ тихонько стащить оттуда сочный плодъ и тихонько съ жадностію съѣсть его. При этомъ авторъ восклицаетъ въ умиленіи, какъ старая барыня, увидя любимую болонку, утащившую кость втихомолку, украдкой: милочка! Г. Мишле прибавляетъ великодушно, ставя себя на мѣсто мужа: «*Daignez me voler, madame, volez moi de préférence!*» Самая глава эта заканчивается поэтическимъ восклицаніемъ: о солнце! о роза! о море! Вы догадываетесь, конечно, что солнце, роза и море, никто другой, какъ звѣрокъ, обкрадывающій собственный садъ, виновата, садъ своего мужа!

Кажется, изъ всего предыдущаго ясно, что дѣло не въ томъ, что женщину можно и должно, по убѣжденію г. Мишле, бить и сѣчь, вѣдь это только слѣдствіе, нисколько не удивляющее и не возмущающее, потому что оно выходитъ рационально изъ воззрѣнія. Возмутительны не предлагаемыя для исправленія женщины средства, а самый взглядъ на нее; важно не слѣдствіе, а причина. Если женщина—особая, идіотизмомъ заклѣпленная порода, нѣчто низшее, чѣмъ негръ, похожее на звѣрка и совершенно подобное птичкѣ, то какъ не учить ея, какъ учать кингсъ-чарлей, пуделей, чижей, снигирей? какъ подчасъ и не похлестать ее розгой? Безъ этого, звѣрка не выучишь. Все это логично, понятно, и какъ нельзя болѣе разумно, все вытекло рационально изъ исходной точки. И однако ни одинъ изъ французскихъ писателей-критиковъ не взглянулъ на дѣло съ этой стороны, и всякій поспѣшилъ съ французскою изысканною вѣжливостію и французскими тонкими шуточками вступить за женщину, съ извѣстной точки зрѣнія, и напечатать нѣсколько фразъ противъ жестокаго обращенія съ нею. Вѣдь есть теперь уже и общество противъ жестокаго обращенія съ животными. Слѣдуетъ надѣяться, что если ученіе г. Мишле распространится во Франціи, то въ Англіи соетавится, вѣроятно, общество противъ жестокаго обращенія съ женщиной (французскою разумѣется).

Несмотря на то что съ перваго взгляда кажется, что книга г. Мишле построена на облакахъ, а не на землѣ, въ ней, если по-

смотреть на нее со вниманіемъ, найдется дѣйствительная почва. Конечно, его теорія любви невозможна, его идеальные супруги недѣшвы (мы смиренно просимъ у него извиненія), жизнь ихъ вдвоемъ, въ отчужденіи отъ всего міра и отъ общества, немыслима (какъ будто г. Мишле не знаетъ, что взаимная любовь двухъ лицъ, лишенныхъ всякой дѣятельности и занятій, скоро вымираетъ, какъ растеніе безъ почвы). Все это такъ, но за то нравы, которые г. Мишле—описываетъ, не могли быть изобрѣтенны имъ, выдуманы, какъ его теорія любви; иначе книга не читалась бы во Франціи и, конечно, вызвала бы тысячу опроверженій со стороны критиковъ. Стало-быть они таковы, или почти таковы. Г. Мишле—авторитетъ во Франціи, онъ извѣстный писатель, мыслитель, всѣми уважаемый, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его свидѣтельство въ защиту себѣ. Многіе упрекали насъ въ томъ, что говоря о Франціи, о ея обществѣ и нравахъ, мы неосторожно или преднамѣренно наложили слишкомъ черныя краски. Мы могли бы въ подтвержденіе словъ нашихъ привести безчисленные выписки изъ сочиненій французскихъ писателей. Не говоря уже о романистахъ, каковы Бальзакъ, Сулье, часто самъ Жоржъ-Сандъ, можно заглянуть въ болѣе серіозныя сочиненія, справиться съ Токвилемъ и другими, которые говорятъ о женщинахъ. Въ книгѣ г. Кузена *Jaqueline Pascal* подробно разказано монастырское воспитаніе, которое почти не измѣнилось во Франціи съ тѣхъ поръ. Но всего вдругъ вспомнить нельзя, и мы ограничимся на этотъ разъ выписками изъ разбираемой нами книги. Г. Мишле, какъ мы уже замѣтили, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ любви къ Француженкамъ; его книга проникнута ею, и Француженкѣ, между всѣми женщинами міра, онъ отдаетъ пальму первенства. Посмотримъ же, что онъ говоритъ о женщинахъ своего отечества.

Въ его сочиненіи есть весьма странный, но какъ нельзя болѣе характеристическій пробѣлъ. О дочеряхъ не говорится вовсе, и идеальные супруги г. Мишле не имѣютъ ихъ; описывая радости, печали матери, авторъ вездѣ разумѣетъ сына. Г. Мишле прекрасно сдѣлалъ, что упустилъ дочь изъ вида; иначе какую бы печальную картину ему пришлось прибавить ко всѣмъ другимъ неутѣшительнымъ картинамъ, которыя онъ выставилъ напоказъ! Во многихъ странахъ Европы, не говоря уже объ Азій, роль дочери въ семействѣ незавидна: явное пристрастіе неразвитыхъ матерей къ сыновьямъ, проявляется въ

семейномъ быту оскорбительно. Не случилось ли вамъ на-примѣръ слышать, что такая-то ваша знакомая родила дѣвочку, и при этомъ ужасномъ извѣстїи залилась слезами отъ горя и досады? Другая только-что не гонить со свѣта дочь свою, потому что она не выходитъ замужъ. Третья жадѣетъ для нея денегъ и оставляетъ ее часто безъ всякаго состоянїя, чтобы все отдать сыну. Самый законъ во многихъ странахъ очень несправедливъ къ женщинамъ, предоставляетъ ей самую ничтожную часть изъ родительскаго состоянїя и лишаетъ ее вовсе права наслѣдства послѣ родственниковъ. Между тѣмъ чья судьба должна быть больше обезпечена въ матерїальномъ отношенїи, какъ не судьба женщины, которая не можетъ зарабатывать себѣ средствъ существованїя, и еще менѣе составить себѣ положенїе и богатство. Она не можетъ ни служить, ни заниматься ремеслами, ни вступать въ торговля предпрїятїя, Французскїй законъ въ этомъ отношенїи нѣсколько гуманнѣе: сестры наслѣдуютъ наравнѣ съ братьями, но за то не могутъ самостоятельно располагать своимъ состоянїемъ, развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, да и то съ ограниченїями. Но законъ не измѣняетъ семейнаго быта и нравовъ страны. Французскїя дѣвушки богаче другихъ, но за то онѣ зависимѣе, угнетены матерью и почти всегда холодно относятся къ своему семейству. Г. Мишле зналъ все это, и потому свою идеальную женщину лишилъ дочерей, чтобы не выказать ее крайне не-идеальною. Какъ однако ни избѣгалъ онъ этого щекотливаго пункта, ему поневолѣ приходилось говорить нѣсколько разъ объ отношенїяхъ дочери къ матери, потому что его идеальная женщина была же дочерью и не могла не имѣть матери. Мы будемъ переводить слова г. Мишле буквально, съ добросовѣстною вѣрностїю.

Дѣло идетъ о молодой только-что вышедшей замужъ женщинѣ.

«Она чувствуетъ себя свободно, хотя ты и господинъ ея. Свободною, отъ кого? Сказать ли? Отъ своей матери, которая хотя и любить ее, но обходится съ нею до двадцати, даже до тридцати лѣтъ какъ съ дѣвочкой. Французскїя матери ужасны. Онѣ обожаютъ своего ребенка, но постоянно враждуютъ съ нимъ, уничтожаютъ его блескомъ, прелестїю, неограниченною волей собственной личности. Онѣ граціознѣе, красивѣе, моложе, гораздо моложе своихъ дочерей. Пока дочь при матери, она всякій день съ горестїю можетъ слышать, какъ мужчины говорятъ между собою: «дѣвочка не дурна, но какое сравненїе съ матерью: мать гораздо лучше». Богатыя и бѣдныя

матери дурно кормятъ дочь свою. Но мать вся грація, вся уми и блескъ. Ей не нужно свѣжести. Дочери же свѣжестъ была бы нужна. Дурной уходъ дѣлаетъ ее блѣдною, щедушною, худою. Бѣдная дѣвушка до самаго замужства живетъ этою *неблагодарною* жизнью.»

И въ другомъ мѣстѣ:

«Всѣ матери обманываютъ себя (будто-бы?), всѣмъ говорятъ съ какою-то напыщенностью: «Ахъ! я обожаю мою дочь!» А что онѣ для нея дѣлаютъ?—Ничего. Онѣ не готовятъ ея къ замужству ни морально, ни физически. За одно только ихъ можно похвалить. Обыкновенно онѣ хорошо *стерегутъ* ее, и гораздо лучше, чѣмъ мужчины это воображаютъ. Онѣ хотятъ, чтобъ она вошла въ замужство дѣвственная и невинная, даже, если это возможно, преисполненная невѣдѣнія, такъ чтобы мужъ былъ очарованъ, найдя въ женѣ своей такую дѣвочку. И въ самомъ дѣлѣ это такъ удивляетъ его, который былъ знакомъ только съ потерянными женщинами, что онъ *увѣренъ*, что она притворщица. Это невѣдѣніе очень однакоже естественно и понятно подѣ влияніемъ *безпокойной, ревнивой матери*, особенно если дѣвочка не имѣла пріятельницъ.»

Кажется, довольно; и къ этой картинѣ семейнаго счастья подѣ кровомъ родителей и даже подѣ кровомъ молодаго мужа, можно развѣ прибавить еще слова того же г. Мишле, что отцы отдають очень часто своихъ дочерей замужъ поневолѣ, за богатыхъ стариковъ, и вообще за тѣхъ, кто имъ не нравится.

«Разумѣется, прибавляетъ г. Мишле, что этому слабому существу не подѣ силу бороться съ отцомъ, матерью и со всѣмъ семействомъ; она поддается, и ее поневолѣ доводятъ до роковаго дня.»

Чего и ожидать отъ брака, до котораго доводятъ поневолѣ, и отъ дня, который дѣйствительно можно назвать роковымъ; чего ожидать, говоримъ мы, какъ не самыхъ печальныхъ послѣдствій, разказанныхъ такъ живо г. Мишле! Замѣчательно, что любовь не играетъ ни главной, ни даже второстепенной роли въ этихъ разказахъ о паденіи женщины. Главная роль принадлежитъ честолюбію, тщеславію, *удобному случаю*, схваченному налету, въ ту минуту, когда ревнивый глазъ мужа не слѣдитъ за женою. Первая минута свободы, такъ-сказать украденная, заставляетъ ее тотчасъ обмануть мужа; иногда бываетъ и хуже, она обманетъ его просто, такъ, неизвѣстно почему, или лучше, потому что таково было въ эту минуту ея настроеніе, ея расположеніе. Г. Мишле разказываетъ, что подобныя супружескія несчастія случаются часто вездѣ и всегда, лишь только можно женѣ ускользнуть отъ ревниваго глаза мужа и его надзора.

Мы не будем приводить всѣхъ такихъ приключеній, а ограничимся только однимъ:

«Молодая женщина ждетъ своего мужа, котораго обожаетъ, и который возвращается къ ней изъ путешествія. Столъ накрытъ для ужина; сама она полна нетерпѣнія и волненія. Мужъ задержанъ на дорогѣ и посылаетъ близкаго друга извѣстить ее объ этомъ и успокоить. Погода ужасная. Пріятель пріѣзжаетъ къ ней изможденный, продрогшій. Она тронута и принимается угощать его; оба теряютъ голову, и *довѣрчивый* мужъ обманутъ.»

Намъ особенно нравится эпитетъ *довѣрчивый*; въ чемъ же проявляется эта особенная доѣрчивость? Неужели жь въ томъ, что не должно посылать близкаго друга извѣстить жену о чемъ бы то ни было? Когда мы были въ Крыму, одинъ Татаринъ съ южнаго берега бранилъ при насъ жену свою за то, что она не хотѣла въ его отсутствіи принять Русскаго, очень хорошо ему знакомаго. И однако Татаринъ, по правиламъ своей религіи и правамъ своихъ соотечественниковъ, не пускалъ мушкетера въ домъ свой и придерживался обычаямъ серала. Повторяемъ, что случаи, приведенные г. Мишле, не могутъ составлять исключенія, потому уже, что все его воспитаніе жены мужемъ основано на системѣ недоѣрвія, подозрѣнія и необходимости всякихъ предосторожностей. Отсюда совершенное заключеніе, садъ съ высокими стѣнами, домъ—крѣпость, съ двойными дверями, удаленіе не только знакомыхъ, но и семейства. Отсюда мужъ, исправляетъ должность горничной и лакея. Не вѣрьте восклицаніямъ и восторженнымъ выходкамъ: все это только полицейскія мѣры. Извѣстно, что лакей и служанка не бываютъ неподкупной честности, и что Аристидовъ между ними найти невозможно. Отсюда уединеніе вдвоемъ, чтобы повидимому предаться взаимной любви, а въ сущности, чтобы мужу было спокойнѣе спать *sur les deux oreilles*, какъ говорятъ Французы. И все это въ продолженіи по крайней мѣрѣ первыхъ десяти лѣтъ супружества. Потомъ, по необходимости, цѣпь оттягивается, и въ сорокъ лѣтъ женщина г. Мишле дѣлается свободнѣе. Она уже не подъ ферулой мужа. Она помогаетъ ему въ занятіяхъ, пишетъ письма, выходитъ изъ дому и является почти полною хозяйкой и часто даже управляетъ мужемъ. Мы говорили то же самое, утверждая, что Француженки начинаютъ жить самостоятельно съ 35 или 40 лѣтъ, когда умѣли пріобрѣсть, необходимое во французскомъ обществѣ и семействѣ, искусство хитрить и лицемерить. Чтобъ упрямъ чтъ Французомъ, который, кромѣ своей склонности къ

деспотизму, боится больше всего на свѣтѣ *быть смѣшлымъ*, безъ этого обойтись невозможно. Замѣтимъ кстати, что во Франціи едва ли обманутый мужъ такъ смѣшонъ, какъ тотъ, который подъ башмакомъ жены своей. Для осмѣянія этого есть народная, весьма употребительная въ среднихъ классахъ Франціи, поговорка: *une femme qui porte culotte*. Предоставляемъ читателямъ судить самимъ, сколько надо женщинѣ самообладанія, терпѣнія, ловкости и притворства, чтобы при такихъ условіяхъ достигъ до нѣкоторой свободы дѣйствій, и незамѣтно взять въ руки бразды правленія. Прибавимъ, что въ 40 лѣтъ, большинство Француженокъ достигаетъ этой цѣли.

Г. Мишле называетъ книгу Бальзака *Du mariage* книгой мертвою (*un cadavre*). Мы совершенно согласны съ нимъ, но не можемъ не замѣтить, что Бальзакъ предлагаетъ почти тѣ же способы, какъ и г. Мишле, чтобы предохранить мужа отъ несчастія быть обманутымъ, и если книга Бальзака мертвая, то и книга г. Мишле ужь никакъ не живая. Она отзывается старческимъ безсиліемъ и старческою болтовнею, риторствомъ, желаніемъ во что бы то ни стало сказать что-нибудь новое и между тѣмъ твердить старое, и притомъ на старыи ладъ. Все что въ ней, съ перваго бѣглаго взгляда, кажется поэтичнымъ и нѣжнымъ, оказывается, при внимательномъ взглядѣ, ложнымъ и выдуманымъ; но за то правда этой книги противнѣ всякой лжи и наполняетъ душу отвращеніемъ и негодованіемъ. Отъ нея вѣетъ испорченностію нравовъ, развратомъ распадающихся обществъ, матеріализмомъ, который овладѣваетъ ими въ такія эпохи. Эта неудачная попытка обоготворить матерію, опозитивировать грубыя матеріальныя наслажденія. Попытка не новая! не одинокая! Не одна книга во Франціи въ настоящее время появилась съ этою цѣлью. Мы могли бы насчитать цѣлый рядъ такихъ книгъ, выходящихъ подъ разными формами, то въ видѣ романа, то въ видѣ поэмы, то въ видѣ драмы и пожалуй исторіи. Это, по нашему мнѣнію, характеристическій признакъ настоящаго состоянія Франціи.

Много говорили въ похвалу послѣднихъ главъ книги г. Мишле; дѣйствительно, онѣ лучше предыдущихъ. Въ нихъ есть и здравый смыслъ, и пріятно написанныя страницы, которыя могутъ быть прочтены съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Описание потери любимаго человѣка, въ годы старости и одиночества, трогательно. Кромѣ того, послѣднія главы сочиненія прощя и естественнѣе прежнихъ, и это не случайно, а происхо-

дять отъ того, что на женщину старуху г. Мишле посмѣтрѣлъ какъ на человѣка; вотъ почему страданія ея трогаютъ читателя. Но и тутъ мы не совсѣмъ раздѣляемъ взглядъ автора и его выводы. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ помириться съ тѣмъ, чтобы женщина прекрасныхъ свойствъ, проживъ долгую жизнь и потерявъ наконецъ мужа, могла очутиться совершенно одинокою. Гдѣ дѣти? семья? старыя друзья? Ихъ нѣтъ, потому что ихъ не было прежде, въ молодости. Поглощенная одною любовью, она мало любила дѣтей и не нажила друзей. Идеальные супруги г. Мишле жили вдвоемъ, изъятые изъ общей жизни своего отечества, своего общества, своего семейства наконецъ, и очень понятно, что когда одинъ умираетъ, то другому не только нѣтъ никакого утѣшенія и опоры, но нѣтъ даже возможности продолжать существованіе. Нравственно ему жить нечѣмъ. Удивляемся, какимъ образомъ такой умный и талантливый человѣкъ, какъ г. Мишле, не понялъ, что тѣмъ именно и дорога любовь, что она, соединивъ двухъ въ одно, возбуждаетъ того и другаго къ новой живительной дѣятельности, къ дѣятельности, обновляющей силы человѣка и тѣмъ самую любовь его, въ продолженіи многихъ, долгихъ лѣтъ. Любовь потому чувство высокое и живительное, что ея пламенное дыханіе одушевляетъ лѣниваго, заснувшаго, уставшаго, и даетъ ему силы для дѣятельности; а онъ увлекаетъ за собою ту, которую любить, и если самое дѣло недоступно ей, то она по крайней мѣрѣ сочувствуетъ ему. Любовь тогда только живетъ до гроба, когда идетъ объ руку съ жизнью и не хочетъ разстаться съ нею. Любовь есть жизнь, и потому, лишь только человѣкъ откажется отъ живой среды, гдѣ ему суждено дѣйствовать, чтобы предаться одной эгоистической любви, она умираетъ, и тѣмъ заставляетъ его жестоко обмануться. *Въра безъ дѣлъ мертва есть*, говоритъ Писаніе; точно то же можно сказать и о любви. Такая любовь мертвитъ, расслабляетъ, высасываетъ силу и душу изъ человѣка, гаситъ въ немъ огонь благородныхъ стремленій и потомъ умираетъ сама, оставляя послѣ себя одинъ пепель и тлѣніе, одну усталость и разочарованіе. Истинная любовь внушаетъ человѣку желаніе жить для другихъ, а не для самого себя, придаетъ ему мужество и волю для жизненной борьбы: словомъ, любовь есть участіе двухъ во всемъ, а не изъятіе другъ изъ всего. Понимать любовь иначе, такъ какъ понялъ ее г. Мишле, значить не знать ее вовсе, или чтѣ еще хуже, исказить этотъ лучшій даръ неба, обезобразить его до

того, что вмѣсто блага онъ становится зломъ, вмѣсто источника нравственной жизни источникомъ нравственной смерти обоихъ.

Несмотря однако на относительное достоинство послѣднихъ главъ книги г. Мишле, одна изъ нихъ носитъ названіе: *Старуха не существуетъ*. Въ ней авторъ пытается доказать, что старуха не стара, а еще молода. Въ этомъ есть малая часть правды, несмотря на кажущуюся несообразность такого положенія. Мы признаемся, что нигдѣ, кромѣ Франціи, намъ не удавалось видѣть такихъ щегольскихъ, прилично лѣтамъ разряженныхъ старушекъ, въ которыхъ изящная утонченность манеръ и пріемовъ сильно напоминала грацію молодости. Это результатъ всей жизни, обращенной на изученіе и усвоеніе гармоніи позъ и рѣчей, наряда къ лицу, словомъ всѣхъ внѣшнихъ преимуществъ. Француженки кокетливы даже и въ старости, и того и гляди, что, умирая, такъ сложать руки и примуть такую позу, что иной засмотрится, и всякій воскликнетъ: «какъ она еще хороша!»

Скажемъ въ заключеніе, что цѣль г. Мишле была, по его собственному сознанію, заставить молодыхъ людей бросить шумную, пустую и разбѣянную холостую жизнь и вступить въ бракъ, чтобы наслаждаться всѣми семейными радостями. Онъ увѣряетъ, что во Франціи, все меньше находится людей желающихъ жениться, и чтобы поощрить ихъ къ этому, онъ написалъ свою книгу «О любви».

Ремесло и жена—вотъ настоящая свобода! восклицаетъ онъ.

Мы отдаемъ на судъ самихъ читателей, на сколько г. Мишле достигъ своей цѣли; не скажутъ ли они, что, желая попасть въ цѣль, онъ далъ сильный промахъ и миновалъ ее совершенно?

Евгенія Туръ.

КАРТИНЫ ПРОШЛАГО*

I.

ШТРАФНОЙ

I.

Изъ мрака прошедшаго возстають передо мною тѣни, но не давнозабытыя, какъ обыкновенно говорятъ, а долго спавшія на днѣ моей памяти. Я рѣдко вызывалъ эти грустные воспомина-нія, потому что они терзали мнѣ душу. Житейскія тревожен-нія, обыденныя заботы, а болѣе всего эгоизмъ, заставляющій насъ отгонять отъ себя какъ можно дальше печальные образы и впечатлѣнія, чтобы не отравить своей жизни, не потревожить своего сна, были причиной, что я глубоко въ сердцѣ зарылъ мои мучительныя воспоминанія и боялся часто будить ихъ. Не знаю, могъ ли бы кто другой на моемъ мѣстѣ поступить иначе. Не будучи въ силахъ смягчить тѣ условія, подъ влияніемъ ко-торыхъ образовались событія, возмущавшія душу и сердце, — событія, которыхъ почти никто не замѣчалъ, кромѣ тѣхъ, для которыхъ слова «человѣкъ» и «братъ» имѣли дѣйствительное значеніе, я понималъ, что всякій порывъ мой будетъ не что иное, какъ крупная капля яда, для меня и не принесетъ никакой пользы другимъ. Каждый день раждалъ свѣжее, безотрадное явленіе: новое горе вытѣсняло старое и въ свою очередь пре-давалось забвенію, потому что на его мѣсто являлось другое новое. Куда жь тутъ было порываться? къ чему терзать и губить себя бесплодно?

Но теперь, когда настоящее принимает такія свѣтлыя формы, когда мое сердце (и можетъ-быть сердца многихъ) отдохнуло отъ этого напряженнаго состоянія, въ которое его ввергала шаткость каждаго дня, я начинаю чувствовать боль отъ прошлыхъ ранъ. Такъ непривычный путникъ, проскакавшій болыое пространство на перекладной телѣжкѣ, начинаетъ чувствовать, какъ разбиты его кости и суставы, только тогда, когда онъ спокойно выпался и отдохнулъ по достиженіи цѣли своего путешествія.

Одно изъ такихъ моихъ воспоминаній хочу я теперь вызвать на судъ читателя; быть-можетъ, современемъ, очередь дойдетъ до многихъ.

Я былъ по дѣламъ моего отца въ губернскомъ городѣ Z. Я былъ тогда еще очень молодъ, жизнь мнѣ улыбалась впереди, а живость и веселость моего характера рисовали передо мною все въ свѣтлыхъ краскахъ. Но образъ моего воспитанія и ненасытная страсть къ чтенію развили во мнѣ способность мысли, и я иногда размышлялъ даже болѣе, чѣмъ было для меня полезно. Болѣе всего заставлялъ меня размышлять мой народъ, Евреи, судьбы которыхъ горячо отзывались у меня на душѣ. Знакомый съ исторіей моего народа, съ самой незапамятной древности до новѣйшихъ временъ, я часто мысленно пробѣгалъ путь, оставленный имъ далеко за собой; я доискивался смысла въ настоящемъ его положеніи, неутѣшительномъ и ненормальномъ. Я искалъ отвѣта на вопросъ: отчего лежитъ на этомъ народѣ незавидное преимущество, заключающееся въ томъ, что за вину одного должны отвѣчать всѣ, что за проступокъ одного клеймятъ всѣхъ позоромъ и презрѣніемъ? Я не находилъ отвѣта ни въ исторіи Евреевъ, ни въ ихъ нравахъ, ни въ моемъ собственномъ сердцѣ. Но это были вспышки горячей природы, молодость брала свое: мнѣ было хорошо, я выступалъ на широкій путь жизни, горе и нужды были мнѣ еще незнакомы, и я пилъ удовольствія молодой и беззаботной жизни полною чашей.

Но грезы и удовольствія, серіозное соболѣзнованіе и вѣтренныя наклонности не мѣшали мнѣ заниматься торговыми дѣлами моего отца, которыя требовали времени всего часъ или два въ день. Моему самолюбію было лестно, что отецъ мой, человекъ строгій и разборчивый во всемъ, доверилъ мнѣ, едва двадцатилѣтнему юношѣ, вдали отъ себя, управление довольно значительными дѣлами, и, что еще болѣе, оставался доволенъ моею распорядительностью.

Такъ жилъ я въ городѣ Z., который хотя и довольно многолюденъ и ведетъ оживленную торговлю, однако и теперь еще

не отличается особенною красотой зданій и улицъ и общительностью своихъ согражданъ, тѣмъ менѣе могъ онъ похвастаться этимъ за нѣсколько лѣтъ назадъ, когда многіе вопросы, сдѣлавшіеся теперь насущною пищею нашей жизни, еще спали глубокимъ сномъ, убаюканные возгласами о повсемѣстномъ благоденствіи и затертые громкимъ самовосхваленіемъ, которое черпало свою бодрость въ уныломъ молчаніи, въ невозможности разбѣна мыслей и въ рѣдкости и трудности сообщеній, отличающихъ наши степные города.

Почти каждое утро выходилъ я гулять на берегъ прекрасной судоходной рѣки полюбоваться приходящими барками и плотами, послушать дзвяканье бѣлорусскихъ батраковъ и посмотреть на спорую работу русскихъ мужичковъ, которые, подъ звуки своихъ прекрасныхъ заунывныхъ пѣсень, тесывали строевой лѣсъ или пилили толстые стволы на доски и *обáполы*. Выходя каждое утро изъ моей квартиры, я долженъ былъ заворачивать, за уголъ улицы, въ глухой и узкій переулокъ и постоянно у открытаго окна низенькаго углового домика замѣчалъ сидящаго человѣка, задумчиваго и грустнаго. Ни разу не проходилъ я въ этотъ утренній часъ, чтобы не видѣть этого человѣка, на томъ самомъ мѣстѣ, облокотившагося одною рукою на окно и погруженнаго въ глубокія думы. Меня подстрекнуло сильное любопытство, и я сдѣлался внимательнѣе. Каждый разъ, приближаясь къ угóльному домику, я умѣрялъ шагъ, чтобы подробнѣе, если можно, рассмотреть задумчиваго незнакомца и его печальное жилище. Ему было за пятьдесятъ лѣтъ; по окладу его физиономіи и черной бархатной шапочкѣ на головѣ, я узналъ въ немъ соплеменника, хотя волосы на головѣ его были низко острижены и борода выбрита, за исключеніемъ большихъ и густыхъ черныхъ усовъ съ просѣдью; во взглядѣ его было что-то мрачное; глубокая грусть и тяжкія страданія избороздили своими слѣдами его сухощавое лицо. Онъ всегда былъ одѣтъ въ старый халатъ и, какъ я уже сказалъ, сидѣлъ, облокотившись одною рукою. Иногда лежала передъ нимъ на подоконникѣ раскрытая книга, на которую обращены были его взоры; но по судорожной игрѣ мускуловъ на лицѣ и частымъ потираньямъ лба рукою, можно было догадаться, что мысли его бродили далеко отъ раскрытой страницы. Комната его, низкая и темная, носила на себѣ такой же печальный отпечатокъ, какъ ея жилецъ; никого, кромѣ его я никогда не видалъ въ ней; видно было, что онъ тутъ только временный постоялецъ, что онъ несчастливъ и одинокъ. Рѣдко случалось, чтобы онъ взглядывалъ на меня, когда я, внезапно выходя изъ-за угла, ровнялся съ его окномъ и мо-

ими шагами тревожилъ его мрачныя размышленія; а если онъ иногда и поднималъ глаза, то это было на одно лишь мгновеніе, чтобъ опять потупить ихъ въ раскрытую книгу, или безсознательно устремить вдоль безлюднаго и унылаго переулка. Казалось, что онъ не обращаетъ на меня вниманія; не съ умысломъ казалось, что его вниманіе занято чѣмъ-то другимъ, болѣе близкимъ его истерзанному сердцу. Въ то время между Евреями бритыя бороды встрѣчались рѣже чѣмъ теперь, и то только между богатыми или учеными, а этотъ вовсе не походилъ на богатаго ни по своему старому халату, ни по своей печальной квартирѣ; не ученый ли это? можетъ-быть поэтъ, писатель, математикъ? Но откуда же этотъ страдальческій видъ, эта убійственная апатія, подъ которою, повидимому, кроется ужасная повѣсть пережитыхъ испытаній? Я терялся въ предположеніяхъ. У меня тогда вовсе вышло изъ памяти, что кромѣ богатства и учености, бритая борода составляетъ у насъ признакъ еще третьяго состоянія, хотя менѣе счастливаго, но не менѣе почетнаго. Откуда пришло бы это мнѣ на память, когда я былъ такъ беззаботенъ и полонъ юношеской жажды жизни? Не долго, однакожь, размышленія объ интересномъ незнакомцѣ занимали меня на моихъ прогулкахъ: новые предметы отвлекали мое вниманіе, и я на цѣлый день забывалъ о немъ до слѣдующаго утра.

Но каково было мое удивленіе, когда вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ городъ Z., я, имѣя однажды дѣло въ военномъ ведомствѣ, увидѣлъ моего печальнаго незнакомца въ солдатской шинели и фуражкѣ, работающаго въ толпѣ другихъ солдатъ въ казенномъ провіантскомъ магазинѣ. Я подошелъ къ нему поближе, и сталъ его разглядывать, и мнѣ показалось, что я ошибся, потому что въ шинели и фуражкѣ онъ казался гораздо молодцоватѣе и бодрѣе. Развлеченный какимъ-то дѣломъ, я скоро забылъ о поразившемъ меня сходствѣ; я еще болѣе увѣрился въ томъ, что оно не болѣе какъ случайное, когда на другое утро по обыкновенію засталъ моего незнакомца, сидящаго на своемъ завѣтномъ мѣстѣ, сгорбленнаго, немощнаго, неподвижнаго. Но въ тотъ же день вечеромъ, гуляя по рынку, я снова увидѣлъ солдата, работавшаго вчера въ провіантскомъ магазинѣ, и съ перваго мгновенія сходство его съ моимъ незнакомцемъ опять меня поразило. Я рѣшился слѣдить за нимъ. Онъ бродилъ безъ цѣли по разнымъ улицамъ, потупивъ голову и ни разу не оглядываясь; я издали не выпускалъ его изъ виду, и, наконецъ, послѣ частыхъ поворотовъ изъ одной улицы въ другую, когда уже смерклось, и огни стали показываться въ окнахъ, увидѣлъ, какъ онъ вошелъ въ калитку углаваго малень-

каго домика, столь знакомаго мнѣ по моимъ утреннимъ прогулкамъ.

Итакъ, мой незнакомецъ — солдатъ, подумалъ я.

Мнѣ были извѣстны частые и усиленные наборы у насъ, которые въ каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ проживали Евреи, поражады тѣмъ злоупотребленій и оставляды печальныя слѣды во многихъ семействахъ. Я зналъ, что сила, происки, деньги брады верхъ надъ бѣдностью, которая одна поплачивалась своими рабочими руками, отнятыми у нея тогда, когда она болѣе всего въ нихъ нуждалась. Я зналъ даже, какъ во многихъ мѣстахъ, истощенныхъ прежними наборами и побѣгами взрослыхъ, отдавады въ рекруты дѣтей моложе десяти лѣтъ; вездѣ носилась слухи, какъ этихъ несчастныхъ отрывалы отъ матерей и кучами наваливады на телѣги, сотнями отправляды въ отдаленныя военныя поселенія, гдѣ они умирады какъ мухи, изнуренные долгимъ переходомъ, или отъ переменъ климата и отъ безчеловѣчнаго обхожденія грубыхъ поселянъ, для которыхъ жизнь жиденка была не важнѣе жизни щенка. Все это я зналъ очень хорошо. Но чтобы брады въ рекруты стариковъ, слабыхъ и измученныхъ, какъ мой незнакомецъ, принадлежавшій, какъ видно, къ образованному классу въ своемъ народѣ,—о чемъ свидѣтельствовала раскрытая книга, надъ которою онъ часто задумчиво просиживалъ по утрамъ,—и чтобы такимъ солдатамъ позволяды пользоваться нѣкоторымъ родомъ свободы,—этого я никакъ сообразить не могъ.

Во чтѣ бы то ни стало, а я долженъ узнать, чтѣ это за человекъ, думалъ я.

Съ этими мыслями въ головѣ я медленно вошелъ на дворъ маленькаго домика. Хозяйка, толстая Еврейка, возилась на крыльцѣ съ самоваромъ; я подошелъ къ ней.

— Это вашъ домъ? спросилъ я.

Она старалась разглядѣть меня въ вечернемъ полумракѣ.

— Нѣтъ не мой, отвѣчала она:—а на чтѣ вамъ?

— Я хотѣлъ знать, кто этотъ человекъ, который занимаетъ вотъ ту комнату, чтѣ выходитъ въ переулокъ, сказалъ я, указывая рукой въ ту сторону, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, находилось жильѣ незнакомца.

— Домъ не мой, отвѣчала хозяйка:—я его нанимаю и держу нахлѣбниковъ; а человекъ, о которомъ вы спрашиваете, — солдатъ.

— Какъ онъ у васъ, по отводу?

— Нѣтъ, нанимаетъ отъ себя.

— Давно онъ у васъ живетъ?

— Съ самаго пріѣзда сюда; будетъ мѣсяца два; ихъ пригнали цѣлую партію, говорятъ.

— Кто жь онъ такой, откуда онъ?

— Не могу знать... кажется, очень издалека.

— Бываетъ у него кто-нибудь?

— Не замѣтила.

— Нельзя ли зайти къ нему?

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Я попросилъ ее указать мнѣ входъ и прямо вошелъ въ комнату. На столѣ уже горѣла свѣча; ставни изнутри были закрыты; постоялецъ успѣлъ скинуть солдатскую шинель и въ своемъ старомъ халатѣ расхаживалъ скорыми шагами по комнатѣ. Увидѣвъ меня, онъ въ недоумѣніи остановился, окинулъ меня глазами съ головы до ногъ и робкимъ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ порусски:

— Кого вамъ надобно?

Я предвидѣлъ холодную встрѣчу, но рѣшившись познакомиться съ этимъ солдатомъ поближе, я положилъ шляпу на окно и безъ церемоніи сѣлъ на стулъ. Казалось, незнакомецъ былъ удивленъ моею развязностью; онъ остановился среди комнаты и не спускалъ съ меня глазъ.

— Мнѣ надо васъ, отвѣчалъ я на нашемъ жидовско-нѣмецкомъ нарѣчій.

Звуки роднаго языка нѣсколько успокоили его; но онъ продолжалъ стоять передо мною въ недоумѣніи.

— Мнѣ надо васъ, повторилъ я:—и вотъ я пришелъ къ вамъ. Начинаю съ того, что рекомендую себя.

Я сказалъ мое имя и фамилію.

— Не имѣю чести знать васъ, отвѣчалъ онъ холодно.

— Нужды нѣтъ, возразилъ я. — Можеть-быть, мы узнаемъ другъ друга покороче. Не лучше ли вамъ присѣсть: я не думаю такъ скоро васъ оставить.

Онъ сѣлъ на стулъ противъ меня у стола, на которомъ валялось въ безпорядкѣ нѣсколько книгъ, и отрывисто, будто нехотя, проговорилъ:

— Ну, чтѣ жь вамъ отъ меня угодно?

— Послушайте, сказалъ я: — вы несчастны, вы одиноки; меня влечетъ къ вамъ участіе.

Онъ испустилъ глубокій вздохъ и задумался. Я рассказалъ ему, какъ уже съ нѣкотораго времени онъ привлекъ мое вниманіе своею печальною наружностью, обличающею глубокія страданія; какъ я былъ изумленъ, увидѣвъ его неожиданно въ солдатской шинели; какъ много интересуюсь я его положеніемъ, которое, по многимъ причинамъ, кажется для меня непостижимымъ; какъ непонятное чувство не простаго любопытства, а какого-то безотчетнаго влеченія къ нему, не даетъ мнѣ покоя,

пока не сблизусь съ нимъ, одинокимъ и оставленнымъ. Я говорилъ много и со всѣмъ пыломъ юношеской души, еще не охлажденной мертвящимъ опытомъ мрачной жизни.

— Конечно, заключилъ я: — не въ моихъ силахъ облегчить вашу судьбу, которой я еще не знаю, и про которую вы мнѣ вѣроятно разкажете; но если вамъ нужно сердце, которому можете повѣрить свою скорбь, — а это вамъ необходимо, иначе она убьетъ васъ, — то предлагаю вамъ мое; не отвергайте его и дайте мнѣ руку въ знакъ согласія.

Онъ взялъ протянутую мною руку и пожалъ ее съ чувствомъ.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ: — скорбь точно убиваетъ меня. Я здѣсь чужой и вѣрно останусь навсегда чужимъ: кому какая надобность до человѣка въ сѣрой шинели? Ваше участіе меня трогаетъ; но мнѣ жаль вашей молодости; знакомство со мною не принесетъ ей никакой радости, а она такой скоропреходящій даръ неба, что грѣшно безъ нужды облекать ее въ трауръ.

Я увидѣлъ, что не ошибся въ моихъ прежнихъ догадкахъ, и что дѣйствительно имѣю дѣло съ образованнымъ человѣкомъ.

— Объ этомъ не безпокойтесь, отвѣчалъ я: — рано или поздно, а человѣку необходимо знакомиться съ темною стороною жизни; по моему, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, потому что если отъ этого молодость нѣсколько потеряетъ, за то зрѣлый возрастъ отъ того много долженъ выиграть.

Мы еще нѣсколько времени продолжали разговаривать на эту тему. Вошедшая хозяйка съ самоваромъ прервала нашъ разговоръ.

— Вы не откажетесь напиться чаю съ простымъ солдатомъ? сказалъ старикъ, вставая со стула.

Вмѣсто отвѣта я пожалъ ему руку.

Пока онъ занимался полосканіемъ посуды и прочими приготовлениями къ чаю, я нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и успѣлъ съ нею ознакомиться. Въ ней не было никакой лишней мебели; у одной стѣны стояла кровать съ матрацомъ и кожанною подушкой; въ головахъ кровати былъ небольшой круглый столикъ, на которомъ теперь хозяинъ приготовлялъ чай; у другой стѣны стоялъ продолговатый столъ съ книгами, о которомъ я уже намекнулъ выше; два простыхъ стула стояли по обѣ стороны стола и еще три или четыре вокругъ стѣнъ; къ одному углу комнаты былъ прислоненъ высокій деревянный сундукъ подъ замкомъ, на которомъ лежала теперь шинель и фуражка, а на противоположной стѣнѣ висѣли солдатскій мундиръ, портупая и тесакъ. Я подошелъ къ книгамъ и сталъ ихъ перебирать; онѣ состояли изъ нѣсколькихъ историческихъ со-

чиненій на польскомъ языкѣ и нѣсколькихъ нѣмецкихъ и еврейскихъ томовъ философскаго содержанія. Присѣвъ у стола, я взялъ одну нѣмецкую книгу и началъ ее перелистывать. Это былъ *Ерузалемъ* Мендельсона.

— Вы здѣсь первый мой гость, сказалъ солдатъ, подавая мнѣ стаканъ чаю и грустно улыбувшись:—да будетъ благословенъ часъ вашего прихода.

Я пробормоталъ какую-то пошлую благодарность.

— Вы перелистывали моего Мендельсона, продолжалъ онъ, садясь съ своимъ стаканомъ противъ меня.—Ахъ! это небольшое число книгъ составляетъ единственное мое утѣшеніе. Я лишился бы разсудка, еслибъ ихъ у меня не было.

— Да, книги въ одиночествѣ замѣняютъ людей, замѣтилъ я, слегка покраснѣвъ отъ сознанія, что опять отпустилъ битую фразу.

Старикъ не замѣтилъ этого.

— Меня хотѣли лишить и этого утѣшенія, продолжалъ онъ, грустно качая головой:—многого лишился я... всего лишился я... и семьи, и имени, и состоянія...

Онъ началъ ломать руки; лицо его выражало ужасъ и отчаяніе.

— Кто же хотѣлъ васъ лишить вашихъ книгъ? сказалъ я, съ умысломъ стараясь прервать его воспоминанія о страшныхъ лишеніяхъ.

Онъ опомнился.

— Былъ такой, чтѣ хотѣлъ, отвѣчалъ онъ.—На одномъ привалѣ—а наша партія шла долго, очень долго—мы остановились въ какомъ-то уѣздномъ городишкѣ. Начальникъ инвалидной команды, въ майорскихъ эполетахъ, пришелъ полюбопытствовать на насъ. Онъ увидѣлъ мою котомку съ книгами, сталъ ругать меня, грозился бить. «Вишь, жидъ проклятый, вздумалъ съ книгами таскаться, да еще съ нѣмецкими и съ польскими... должно быть мятежникъ, непременно мятежникъ.» Онъ разбросалъ мои книги, топталъ ихъ ногами и кричалъ на партіоннаго офицера, чтобъ онъ отнял ихъ у меня, упрекая его, что онъ даетъ поблажку бунтовщикамъ и позволяетъ на казенныхъ подводахъ перевозить возмутительныя сочиненія.

— Чѣмъ же это кончилось? спросилъ я.

— Спасибо, партіонный офицеръ отстоялъ, отвѣчалъ солдатъ:—не послушался майора; да тотъ, по настоящему, и мѣшаться въ это дѣло не имѣлъ права. Дай Богъ ему здоровья, добрый былъ человекъ, партіонный начальникъ нашъ!.. Онъ всю дорогу обходился со мною кротко и человекѣлюбиво.

— Слава Богу! есть, значить, добрые люди на свѣтѣ.

— Да, есть. Ему, впрочем, еще на мѣствъ, при моей отпавкѣ, было заплачено, чтобъ онъ хорошо обходился со мною... Что жъ такое? спасибо ему! другой и возьметъ, да скоро забудеть, волкомъ и останется... Ему-то я обязанъ, что эти книги удержались у меня... Иногда, какъ начинаю припоминать прошлое, горестъ такъ и рветъ у меня сердце на куски... Я хватаюсь за книгу, и, кажется, будто отлегаеть... Хотя, по правдѣ сказать, не всегда понимаю о чемъ читаю: мои мысли далеко, далеко отсюда.

Онъ грустно опустилъ голову на грудь.

— Да, Мендельсонъ былъ великій человекъ, продолжалъ онъ какъ будто въ раздумьи:—его *Ерузалемъ*—дѣлительный бальзамъ для моихъ жестокихъ ранъ. О Иерушалаимъ, Иерушалаимъ, какъ глубоко пали сыны твои! Есть ли гдѣ-нибудь скорбь, равная скорби ихъ?

Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ; я испустилъ глубокий вздохъ.

— Не правду ли, говорилъ я вамъ, что со мною вамъ будетъ невесело? сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ.—Оставьте старика на жертву его несчастью; идите своею дорогой: вамъ не мѣсто въ этой скучной комнаткѣ.

— Не для веселья пришелъ я къ вамъ, отвѣчалъ я:—заявляя вашего знакомства, я зналъ, что не пировать будемъ мы съ вами.

— А вѣдь было время, что и у меня пировали... было время, когда и я былъ счастливъ, окруженъ довольствомъ, семьей... Не бытъ ужъ болѣе этому времени...

— Зачѣмъ отчаиваться? У Бога много благости.

Онъ взвелъ глаза къ небу.

— Да будетъ Его воля! произнесъ онъ торжественно.

Нѣсколько минутъ мы оба молчали. Онъ медленно ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, а я машинально постукивалъ пальцами по столу. Самоваръ то жалобно шипѣлъ, то умолкалъ, то опять начиналъ шипѣть, но все слабѣе и слабѣе, будто умирающій, который въ чуть слышныхъ стонахъ расточаетъ свои послѣднія силы.

— Но вы еще не знаете, что я перенесъ, сказалъ старикъ, снова садясь противъ меня.

— Откуда же мнѣ знать? отвѣчалъ я. — Облегчите свое горе передо мною, разкажите, что вы перенесли... кто вы такой?

— Кто я такой? Вы видите, я солдатъ.

— Да, вижу.... Давно вы служите?

— Еще нѣтъ году.

— Какъ же попали вы въ солдаты? Неужели въ ваши лѣта люди еще состоятъ на очереди?

— Я отданъ въ солдаты безъ очереди.

— Какъ безъ очереди? по какому же случаю?

— Я отданъ за штрафъ? много насъ отдано за штрафъ... я—
штрафной.

— Чтò это значить *штрафной*?

— Это значить... Нѣтъ, увольте насегодня: я сегодня очень разстроенъ. Меня хотѣли утромъ поставить въ палки за то, что не могъ дотащить куля до мѣста... я упалъ вмѣстѣ съ кулемъ, онъ разорвался, и казенная мука просыпалась... Угодно вамъ придти завтра? вы узнаете всю мою исторію; но сегодня не могу, увѣряю васъ.

Объщавъ придти на другой вечеръ, я простился съ моимъ новымъ знакомымъ, и ушелъ къ себѣ на квартиру.

II

Цѣлый слѣдующій день *штрафной* не выходилъ у меня изъ головы. Насилу дождавшись вечера, я отправился къ нему. На этотъ разъ онъ принялъ меня гораздо ласковѣе; даже видно было, что приходъ мой былъ для него приятенъ.

— Знаете, я съ нетерпѣніемъ ждалъ васъ, сказалъ онъ мнѣ.— Съ самаго того времени, какъ несчастіе обрушилось на меня, я не видѣлъ ни одного дружескаго лица, которое интересовалось бы мною, передъ которымъ я могъ бы излить свою горестъ. Только жену и дочь успѣлъ я разъ видѣть... на самое короткое время, но какъ видѣть?... Боже всемогущій! Нежелаю никому видѣть свою семью въ такомъ положеніи!

— Когда же вы ихъ видѣли? спросилъ я.

— Въ то время, какъ на меня надѣвали сѣрую шинель, отвѣчалъ онъ:—за часъ передъ тѣмъ, какъ меня слѣдовало отправить въ дальній путь. Но это уже конецъ исторіи, а вы еще не знаете начала. Слушайте.

Мы услылись другъ противъ друга; онъ облокотился обѣими руками на столъ и протяжнымъ, тихимъ голосомъ началъ свой разказъ:

«Городъ, въ которомъ я жилъ, въ которомъ я выросъ и состарѣлся, населенъ почти одними Евреями и отстоитъ не далеко отъ границы. Общество у насъ считается большое. Я хотя и не принадлежалъ къ числу большихъ богачей, однако имѣлъ довольно хорошее состояніе. Занимаясь торговлей, какъ большая часть нашихъ братій, я успѣлъ трудомъ и бережливостью обезпечить свое положеніе. Я жилъ счастливо съ моимъ се-

мѣйствомъ, состоявшимъ изъ жены и двухъ дочерей,—сыномъ меня Богъ не надѣлилъ; я долго сѣтовалъ на это, но теперь вижу, что оно къ лучшему. Въ свободные часы,—а ихъ было у меня довольно, потому что родъ моеи торговли не требовалъ отъ меня постоянныхъ трудовъ,—я скупалъ шерсть и продавалъ ее прѣзжавшимъ заграничнымъ купцамъ: въ свободные часы, я любилъ читать и заниматься доступными для меня науками, благодаря природному влеченію моему къ нимъ, развитому во мнѣ еще моимъ покойнымъ отцомъ. Вы знаете, мы всѣ, по большей части, учимся на мѣдные деньги, потому что наше предназначеніе—торговля; развѣ только тотъ, кто хочетъ исключительно посвятить себя ученому поприщу, учится серьезно и систематически; собственно же торговое сословіе ставить ученіе на второй планъ. По крайней мѣрѣ у насъ, въ западныхъ губерніяхъ, уже такъ заведено. Стало быть, нечего между нами искать ученыхъ или основательно образованныхъ людей, это роскошь, а мы обречены на трудъ, намъ нужно существовать, а существовать-то у насъ не легко, потому что мы обиты въ большія общества и ограничены во многихъ нашихъ дѣйствіяхъ, какъ вамъ извѣстно. Такъ между нами, говорю я, нечего искать основательно образованныхъ людей, но за то и полное невѣжество, отсутствие всякаго знанія, у насъ за рѣдкость. Болѣе или менѣе, а многіе у насъ уже учились чему-нибудь; съ ними не стыдно встрѣтиться, какъ говорить Евреи, то-есть они бываютъ довольно порядочными людьми, въ смыслѣ еврейскомъ, ограниченномъ, разумѣется потому, что до истиннаго европейскаго просвѣщенія имъ еще очень далеко, да не только имъ, но и многимъ, которые стоятъ гораздо выше ихъ и пользуются гораздо благопріятнѣйшими обстоятельствами. Я говорю о чиновникахъ и владѣльцахъ. Разумѣется, объ исключеніяхъ тутъ нѣтъ рѣчи.

«Я имѣлъ свой небольшой кружокъ, состоявшій изъ такъ называемыхъ у насъ *автодидактовъ*, или самоучекъ. Мы, бывало, собираемся и толкуемъ о еврейской литературѣ, сдѣлавшей въ послѣднее время за границей большіе успѣхи, или о новыхъ польскихъ и нѣмецкихъ сочиненіяхъ. Русскихъ грамотѣвъ между нами было мало: по большей части у насъ знаютъ порусски только тѣ, которые приходятъ въ прямое соприкосновеніе съ начальствомъ, какъ напримѣръ, откупщики, ихъ повѣренные, подрядчики и отправляющіе служебныя обязанности. Я былъ счастливъ въ кругу моей небольшой семьи и моихъ друзей; время у насъ проходило между промышленными занятіями каждаго и этими мирными сходками у одного кого-нибудь изъ насъ, гдѣ темные, неизвѣстные промышленники Евреи толковали

иногда объ интересныхъ вопросахъ въ области науки и литературы, являвшихся на самыхъ отдаленныхъ концахъ Европы. Нашъ городъ и принадлежащія къ нему мѣстечки, повидимому, пользовались благоденствіемъ, разумѣется на сколько это допускается при періодическихъ нашествіяхъ городского и земскаго начальства, для котораго мѣсто, населенное Евреями, составляетъ доходную вотчину. Нечего вамъ объ этомъ разказывать: я думаю, и у васъ такъ бываетъ?»

— Къ сожалѣнію, да, отвѣчалъ я.

— Чтò и говорить! продолжалъ старикъ съ живостью. — Ярмарка ли, мертвое тѣло, дезертеръ, новое какое-нибудь распоряженіе о синагогахъ или о частныхъ училищахъ, — все это превращается въ предметъ поборовъ, все это составляетъ вѣрный источникъ дохода для извѣстныхъ людей. Конечъ всегда одинъ: составляется складчина, отправляются выборные съ приношеніемъ, и грозный колокольчикъ удаляется впредь до новаго случая. Но мы къ этому привыкли. Вы знаете, какъ Еврей легко мирится съ своею судьбою. Теплый пріютъ, луковница, ломоть хлѣба и кусокъ рыбы или мяса на шабашъ, и онъ доволенъ. Сознавая, что гоненія удѣлъ его съ самой колыбели, что такъ предназначено свыше, онъ распѣваетъ свои *змиротъ* (застольныя пѣсни) и утираетъ кулакомъ случайную слезу, въ ожиданіи лучшей будущности.

Онъ остановился, и мы нѣсколько минутъ просидѣли въ глухокомъ безмолвіи.

«Но надъ нашимъ обществомъ тяготѣло одно несчастье, изъ котораго мы никогда не могли выпутаться, началъ опять соддаты. И не надъ однимъ нашимъ обществомъ, а повсемѣстно, сколько намъ извѣстно было. Это—недоимки по рекрутской повинности. Огромныя суммы издерживали мы постоянно въ *губерніи*, нанимали людей по другимъ городамъ, изъ кожъ лѣзли, но всегда оставались въ долгу. Пользуясь нѣкоторымъ почетомъ въ городѣ и славой безкорыстнаго человѣка, я, въ числѣ другихъ, былъ избранъ *кагальнымъ* и отправлялъ эту должность болѣе десяти лѣтъ. Знаете вы, что такое *кагальный*? Это—разбойникъ или мученикъ, середины здѣсь нѣтъ. Онъ долженъ выносить плачь бѣдняка, у котораго за подати отняли послѣднее одѣяло, служившее защитой отъ холода его нагому семейству; онъ долженъ выносить вопль вдовы, у которой взяли въ рекруты послѣдняго сына; онъ долженъ переносить гоненія отъ богатыхъ, если какъ-нибудь затронулъ ихъ дальнюю родню по взысканію податей или другихъ повинностей: богатые всегда находятъ готовыхъ заступниковъ; онъ долженъ подвергаться преслѣдованіямъ начальства, если, изъ жалости

къ низшей братьѣ, онъ вадумалъ остановить дневной грабешъ откупщика *кербочнаго сбора*, продающаго кости за мясо, и то по двойной цѣнѣ. Если у кагальнаго есть сердце, онъ подвергается ежедневнымъ истязаніямъ; если вмѣсто сердца у него камень въ груди, онъ присоединяется къ утѣснителямъ и набиваетъ себѣ карманъ. Это разбойникъ или мученикъ, говорю вамъ! Къ счастью, или несчастью, я принадлежалъ къ разряду послѣднихъ. Чтò я вынесъ, чтò я вытерпѣлъ, это знаетъ одинъ Богъ всевѣдущій.

«Удаленіе Евреевъ изъ селъ и деревень, ограниченіе ихъ въ нѣкоторыхъ промыслахъ, въ правахъ оскѣлости и тому подобное, при умноженіи народонаселенія, породили между ними ужасную бѣдность. Едва ли можно было насчитать въ нашемъ городѣ одного зажиточнаго человѣка на двѣ сотни бѣдныхъ. Нищета и бездомность возрастали съ каждымъ годомъ. Этому еще много способствовалъ обычай раннихъ браковъ въ нашихъ мѣстахъ, обычай безразсудный, приносящій такъ много вреда! Если для человѣка съ состояніемъ большое семейство прибавляетъ больше работниковъ и приноситъ благословеніе, то для бездомнаго, не имѣющаго опредѣленнаго рода занятія, это чистое проклятіе. Если ранніе браки, съ одной стороны, пресѣкаютъ распространеніе разврата между молодыми людьми, то, съ другой, они приводятъ ихъ къ преждевременной старости, иногда даже къ отчаянію, потому что иной въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ имѣетъ уже на своей шеѣ второе поколѣніе. Этотъ обычай произошелъ у Евреевъ отъ ихъ изолированнаго положенія въ обществѣ въ средніе вѣка, отъ желанія сосредоточиться въ своемъ семействѣ и находить въ немъ для себя отраду, потому что внѣшній міръ не представлялъ ея Еврею въ тогдашнее время. Но когда новыя времена налагаютъ на насъ другія условія, обычай этотъ не имѣетъ болѣе смысла, особенно въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ быть Евреевъ такъ стѣсненъ и ограниченъ. Но отъ вкоренившихся глупостей отстать трудно. Если кто-нибудь поумнѣй и осмѣлится иногда возвысить голосъ противъ обветшалыхъ обычаевъ, приносящихъ въ настоящее время очевидное зло, невѣжественная толпа готова загнать его во гробъ. Толпа всегда толпа: и въ старину, и теперь, всегда швыряла и швыряетъ она камнями въ того, кто желаетъ ей добра.

«Съ каждымъ годомъ и съ каждымъ наборомъ накопились на нашемъ обществѣ денежныя и рекрутскія недоимки. Превжніе наборы сильно истощили насъ; многія семейства разбѣжались и безъ вѣсти пропали; многіе, способные къ службѣ, ушли за границу; не было мѣщанской семьи, гдѣ бы не было

недочета въ братъ, сынѣ, внука, мужа: иной скрылся, иного уже отдали въ рекруты. Другія семейства отбывали даже по два и по три раза рекрутскую повинность: такъ скоро, за нимѣніемъ другихъ, доходила до нихъ очередь. Наборы у насъ бывали частые. Былъ наборъ въ *западной полось*,—мы давали рекрутъ; былъ наборъ въ *восточной*,—мы опять давали рекрутъ, и каждый разъ по десяти съ тысячи,—шутка ли! А сколько въ этой тысячѣ считается малолѣтнихъ, умершихъ, стариковъ, больныхъ и неспособныхъ, бѣглыхъ и, наконецъ, выбывшихъ уже въ службу, но еще не исключенныхъ по ревизіи!

«Мучились мы, выборные люди, свидѣтель Богъ какъ мучились, желая выполнять требованія начальства; но что жъ? это рѣшительно было сверхъ нашихъ силъ. Гдѣ былъ сирота, гдѣ былъ бобыль, гдѣ былъ гуляка, мы всѣхъ поотдавали; семейства боролись съ нами, да и правы были: они уже давнымъ-давно по разу и по два отбыли свою очередь. Мы собирали деньги, рассылали по разнымъ мѣстамъ и нанимали рекрутъ, но это было всегда связано съ необычайными трудностями и расходами и рѣдко увѣнчивалось успѣхомъ. Начальство напоминало, грозило; слѣдовало отправляться въ «губернію», валяться въ ногахъ, умолять, задаривать, нести страшные расходы; отношенія и рапорты летѣли во всѣ направленія: «такое-то, дескать, мѣщанское общество не можетъ... по случаю холеры, или послѣдовавшихъ пожаровъ...» или чего-нибудь другаго, время пока проходило, гроза на нѣсколько мѣсяцевъ затихала; но чего это намъ стоило!.. Такъ гибли бесполезно наши силы и деньги, потому что недоимки не только не покрывались, но росли все болѣе и болѣе.

«А что было съ становыми да съ исправниками, не доведи Господи! Есть ли у *него* какая бумага изъ «губерніи», или нѣтъ, слѣдуетъ ли брать рекрутъ, или нѣтъ,—какое ему дѣло? Прикатить, бывало, въ мѣстечко,—мѣстечко дрожить какъ въ лихорадкѣ. «Запирай лавки... сажай въ колоду... гони всѣхъ въ синагогу... зажигай черныя свѣчи... присягай старъ и младъ!» О чемъ? про что? Богъ вѣдаетъ!.. Разумѣется, развязка та же самая: опять депутація, опять поклонныя съ обычными приложеніями.

«Признаюсь, мнѣ жизнь опротивѣла въ такомъ постоянномъ страхѣ и трепетѣ. Я умолялъ общество, чтобы меня уволили отъ должности кагалнаго и выбрали на мое мѣсто другаго. Я хотѣлъ оставить тотъ городъ, даже тотъ край, чтобы поселиться гдѣ-нибудь подальше и не видѣть возмущающихъ душу сценъ, которыя, по мѣрѣ нашей неисправности, повторялись все чаще и чаще.

«Я уже сказалъ вамъ, что имѣлъ двухъ дочерей. Одна была семнадцати лѣтъ, уже невѣста: женихъ ея былъ круглый сирота, безъ состоянія, но съ прекрасными способностями; на мой счетъ учился онъ медицинѣ въ одномъ дальнемъ университетѣ. Еще три года оставалось ему до окончанія курса; по полученіи имъ диплома, положено было сыграть свадьбу. Другая моя дочь была еще ребенокъ по тринадцатому году. Мои дочери были хороши собой... или, можетъ-быть, такъ казалось моимъ родительскимъ глазамъ. Какая нужда?.. Онѣ были мои дѣти, онѣ были моя кровь, онѣ были моя радость и утѣха на свѣтѣ; онѣ составляли часть моего существа; казалось, ихъ нельзя было оторвать отъ меня, чтобы вмѣстѣ съ ними не вырвать у меня сердца изъ груди... О, Боже мой! Боже мой! и ихъ однакожь оторвали отъ меня, а я все еще живу!...»

Онъ вскочилъ съ мѣста и съ невыразимымъ отчаяніемъ началъ ломать руки и бить себя въ грудь, испуская глухія рыданія.

Я далъ ему выплакаться; можетъ-быть и я плакалъ, не помню. Но онъ черезъ нѣсколько минутъ немного успокоился и опять присѣлъ.

— Извините слезамъ несчастнаго отца, началъ онъ снова, взявъ меня за руку:—не могу безъ слезъ вспомнить о моихъ дѣтяхъ. Вотъ тутъ, вотъ тутъ меня жестоко давить!..

Онъ указалъ рукой на грудь.

— Понимаю ваше горе, отвѣчалъ я,—но...

Онъ не далъ мнѣ договорить.

— Но слезами горю не пособить, прервалъ онъ живо:—прошлаго не воротить... Ваша правда... Продолжаю мой разказъ:

«Мои дочери получили кой-какое воспитаніе, сообразно съ моими средствами. Я просился у общества на отдыхъ, чтобы посвятить счастью дѣтей остатокъ моихъ дней. Вліятельные люди въ обществѣ готовы были уважить мою просьбу; они приняли въ соображеніе мои не молодыя ужъ лѣта и долговременную службу, которая, худо ли, хорошо ли отправлялась мною, все же, кромѣ тревогъ и огорченій, мнѣ ничего не приносила. Но вдругъ настали новыя обстоятельства,—и выступленіе мое изъ должности сдѣлалось совершенно невозможнымъ.

«Получено было распоряженіе, чтобы, во избѣжаніе будущей неисправности, мы впредь за каждаго недоданнаго рекрута давали еще по два рекрута штрафа, и за каждыя двѣ тысячи рублей денежной недоимки давали тоже по одному рекруту; въ случаѣ же неисполненія, отдавать самихъ кагалъ-

ныхъ и старость въ солдаты и зачислить ихъ въ штрафъ. На насъ числилось штукъ до сорока недоимки, и теперь мы—подумайте—должны были дать сто двадцать: да прибавьте еще сто двадцать слишкомъ очередныхъ рекрутъ по набору, не говоря уже о десяткахъ тысячъ рублей недоимки, которые слѣдовало тоже замѣнить людьми,—и вы поймете положеніе! Ужасъ оковалъ насъ, и тѣмъ еще болѣе, когда мы сообразили, что въ случаѣ неисправно сти въ поставкѣ штрафныхъ рекрутъ, на насъ наростетъ опять *новый штрафъ* по два человѣка на одного, и такъ далѣе въ страшной прогрессіи, пока весь городъ нашъ не превратится въ одинъ огромный рекрутскій приводъ. Сомнѣваться въ этихъ послѣдствіяхъ мы не могли, потому что выполнить новое распоряженіе не было никакой надежды.

«Что происходило тогда у насъ, я не въ силахъ вамъ описать. Гонцы поскакали въ «губернію»; деньги сыпались какъ негодный соръ; мы умоляли о помилованіи, объ отсрочкѣ... Опять пошли представленія куда слѣдуетъ. Но мы пока не дремали: мы начали хватать кого могли. За кого только заступиться было некому, тотъ былъ у насъ рекрутъ; дѣтей восьми лѣтъ брали въ рекруты, ихъ сковывали попарно и отправляли. Мы были глухи къ воплямъ и рыданіямъ. О, это было ужасное время! да помилуетъ Богъ милосердый тѣхъ, кто накликалъ его на насъ!»

— Но я не понимаю однакожь этого отчаянія, замѣтилъ я:—отечеству солдаты нужны, отъ службы отказываться грѣхъ, когда царь велить.

«Безъ всякаго сомнѣнія, грѣхъ, отвѣчалъ старикъ: воля царя—воля Бога. Отечеству мы обязаны принести въ жертву нашу жизнь, если оно потребуетъ. Кто объ этомъ спорить? Но наши къ военной службѣ еще не совсѣмъ привыкли. Къ тому же служба службъ розъ. Когда была бы какая-нибудь надежда на выслугу, тогда дѣло другое; но Еврей ни до чего не можетъ дослужиться. Притомъ возьмите еще обхожденіе невѣжественныхъ товарищей: на комъ выместить свой гнѣвъ или досаду, какъ не на *проклятомъ Жиду*; кому дать пинка ни за что ни про что, какъ не Жиду; кому ткнуть въ рыло кусокъ свиного сала, какъ не ему же; не говоря уже о томъ, что и начальство иными глазами смотреть, зная, что никакое отличіе не выдвинетъ Жида впередъ. Разумѣется, и тутъ бываютъ исключенія, но я говорю вообще. Не забудьте, это бываетъ съ взрослыми, которые иногда могутъ и постоять за себя, могутъ и пожаловаться начальнику; ну, а дѣти? Каково бѣдному ребенку, едва вышедшему изъ пеленокъ, на чужой сторонѣ,

между грубыми и жестокими людьми, ненавидящими его вѣру, его племя, — между людьми, которые и съ своими не лучше обходятся, и языка которыхъ онъ иногда вовсе не понимаетъ? Да и какая служба отъ такого ребенка? Только-что свиней пасеть у военного поселанина да переносить побои и толчки, если случайно не успѣлъ заблаговременно слечь въ могилу... Нѣтъ! служба сама по себѣ: служить должно кому прикажутъ, да жаль, что обхождение не вездѣ сносное, особенно отъ низшаго начальства. Высшее-то всегда челоуѣколюбиво и уважаетъ въ каждомъ челоуѣкѣ Божее созданіе, да къ высшему далеко, а низшее подъ рукой всегда... Да, впрочемъ, не о томъ рѣчь... дѣло въ моей исторіи.

«Бились мы, бились какъ рыба объ ледъ. У насъ уже стали принимать и кривыхъ, и беззубыхъ, и вышедшихъ изъ лѣтъ; но чего намъ стоила каждая отдача! Чего намъ стоили лѣкаря, военные пріемщики, стряпчіе, — страшно сказать! Но все-таки въ этомъ толку было мало: до полного числа все-таки большей половины всегда не доставало. Рекрутскія недоимки постепенно увеличивались и дошли до нѣсколькихъ сотенъ, не помню сколько именно, да страхъ было и сосчитать. На предписанія изъ «губерніи» мы и отвѣчать перестали: ихъ нельзя было исполнять, а объясняться неимѣнемъ все равно что горохомъ объ стѣну, — они какъ-то и замолкли. Все какъ будто на время затихло, какъ будто тучи скоплялись надъ нашими головами. Этотъ обманчивый отдыхъ, который намъ дали, болѣе ужасалъ насъ чѣмъ прежнія строгія подтвержденія: мы чувствовали, что надъ нами собирается неотвратимая гроза, и не ошиблись: она вскорѣ разразилась самымъ страшнымъ образомъ.

«Въ одно утро — это былъ четвертый день *ханука* (праздникъ Маккавеевъ), когда мы собирались торжествовать побѣду нашихъ славныхъ предковъ, одержанную надъ Антиохомъ, — звонъ множества колокольчиковъ раздался по городу; сердце въ насъ замерло. Начальство наѣхало изъ «губерніи» и изъ уѣзда; отрядъ вооруженныхъ солдатъ вступилъ въ городъ. Нѣсколько троекъ подѣхало прямо къ синагогѣ. Какъ овецъ гнали народъ въ синагогу; гнали и стариковъ и молодыхъ, и женщинъ и дѣтей, гнали прикладами: велѣно было собраться всѣмъ жителямъ. Насъ, — кагалныхъ, сборщиковъ, старость, сдатчиковъ, — всѣхъ должностныхъ немедленно заковали въ кандалы и тоже погнали съ прочимъ народомъ. Собралось множество людей; не только оба отдѣленія синагоги, мужское и женское, были биткомъ набиты народомъ, но и весь дворъ и вся улица передъ синагогой были запружены имъ. Чиновникъ

вещель на возвышенное мѣсто и началъ читать бумагу. Онъ читалъ долго и все упрекалъ насъ въ непослушаніи властямъ, въ упорствѣ. Окончивъ чтеніе, онъ сталъ изливаться на насъ разными ругательствами; онъ мѣшалъ съ грязью всѣхъ, всѣхъ безъ разбору. Всѣ безмолвно слушали съ трепетомъ и содроганіемъ... Но когда онъ, въ заключеніе, грозно закричалъ: «Вы знаете съ кѣмъ шутите! Вы знаете, вы, презрѣнный и ничтожный народъ, что васъ можно въ одно мгновеніе стереть съ лица земли, растоптать какъ гадкаго червя!» когда онъ произнесъ эти слова, громкія рыданія вырвались изъ груди слушателей; и тѣ, что были на дворѣ, и тѣ, что на улицѣ, слыша плачь своихъ братій въ синагогѣ, тоже начали рыдать, предчувствуя что-то ужасное. Вопли наполнили воздухъ. Страшно было видѣть, какъ цѣлое народонаселеніе плакало навзрыдъ. Казалось, и нѣмыя стѣны домовъ готовы были разразиться въ слезы.

«Но это было еще только начало. Приказано было хватать кого можно, кто только похожъ на нѣсколько годнаго рекрута. Люди бѣжали по всѣмъ направленіямъ, какъ испуганное стадо; солдаты гнались за ними; ужасъ былъ на всѣхъ лицахъ. Всѣ разбѣгались кто куда могъ; прятались въ подвалахъ и на чердакахъ; всѣ лавки были заперты, всякая дѣятельность остановилась; смятеніе было невыразимое. Но число нахватанныхъ на улицахъ рекрутовъ еще далеко не достигало желанной цифры. Распорядились такъ, чтобы къ вечеру дать нѣсколько утихнуть смятенію; но ночью ворвались въ дома, и изъ домовъ, изъ постелей вытаскивали людей; кричи себѣ сколько хочешь: я старъ, или я одиночка и совсѣмъ на очереди не могу состоять, или я уже и брата и сына имѣю на службѣ, или я перечисляюсь въ купцы, и скоро утвержденіе получится, или что-нибудь другое, на все на это не обращали никакого вниманія,—кандалы и лобъ! лобъ! лобъ! въ одно мгновеніе ока.

«Долго, говорятъ, не могъ городъ опомниться отъ оцѣпенѣнія; долго никто не смѣлъ показаться на улицѣ, а кому была крайняя надобность, тотъ крадся какъ воръ глухими переулками да подъ заборами; два мѣсяца лавки стояли заперты, рынки были пусты, никакой жизни, никакого движенія не проявлялось. Стоны и вздохи, стоны и вздохи,—только это и слышно было. Каждый оплакивалъ кого-нибудь: тамъ недоставало отца, тамъ брата, тамъ сына, мужа, а иному мѣстъ и того и другаго и третьяго вмѣстѣ.

«Такъ кончился этотъ набѣгъ, вызванный нашею неумышленною неизбежною неисправностію,—набѣгъ, который поразилъ нашъ городъ какъ параличъ, потому что у всѣхъ отнялись руки и ноги, всѣ почти лишились своей энергіи, у всѣхъ это безпр-

жврное происшествіе и опасеніе за будущее лежали какъ свинець на груди.

«Насъ, должностныхъ, которыхъ было до пятнадцати чело-вѣкъ, присоединили къ числу *штрафныхъ*, и закованныхъ по-везли въ губернію, тамъ насъ посадили въ острогъ. Нѣкоторые не могли выдержать и въ скорости послѣ того въ острогъ и умерли.

«Можно себѣ представить горестное положеніе моего семей-ства. Старуха жена, питавшая ко мнѣ безмѣрную привязанность и уваженіе и считавшая меня лицомъ неприкосновеннымъ по ея понятіямъ, невѣста дочь, которой будущее счастье съ люби-мымъ другомъ такъ привѣтно улыбалось, другая дочь-дитя, пѣ-ступня родителей, которая полагала, что выше и важнѣе ея отца и сыскать нелегко, потому что отецъ доставлялъ и разныя удовольствія и тихія радости своей семьѣ,—все это осталось какъ на волнахъ, и въ одинъ мигъ лишилось головы и руково-дителя. Все прошлое исчезло какъ туманъ, разбилось вдре-безги. О себѣ я и сказать вамъ ничего не могу. Мнѣ казалось, что все это неправда, что все это тяжкое сновидѣніе; но къ несчастію, оковы и тюрьма напоминали мнѣ, что это не снови-дѣніе, а беспощадная дѣйствительность.

«Жена моя съ старшею дочерью вскорѣ послѣдовали за мною въ губернію. Жена собрала, сколько, могла, денегъ, надѣясь освободить меня. Онѣ вдвоемъ повсюду ходили, умоляли и не жалѣли расходовъ. Нашлись добрые люди, которые принимали участіе въ нихъ, брали у нихъ деньги и обѣщали свою по-мощь; но, какъ оказалось, помочь они не могли. Иногда позво-ляли мнѣ видѣться въ моей каморкѣ съ женой и дочерью. Онѣ меня обнадеживали, утѣшали и мѣшали свои слезы съ моими. Безпокойство и бессонныя ночи изнурили ихъ, но онѣ не те-ряли духа и напрягали всѣ силы, чтобъ облегчить мою участь. Ничто не помогло. Въ одно утро мнѣ обрили бороду, забрили лобъ и вывели на дворъ, гдѣ стояло нѣсколько подводъ, тол-пились люди, рекруты, полицейскіе; я ничего не видѣлъ, мой разумъ какъ будто помутился. Съ меня сняли верхнее платье и стали напяливать солдатскую шинель. Вдругъ по-слышался страшный вопль...это жена и дочь бросились ко мнѣ на шею... я стоялъ какъ окаменѣлый: на лицахъ всѣхъ, окружав-шихъ меня, выразилось сожалѣніе; даже нѣкоторые солдаты и полицейскіе въ полголоса произнесли: «бѣдныя женщины!» Жена повисла у меня на груди какъ стопудовая тяжесть... еще одинъ вопль... и она упала какъ снопъ къ моимъ ногамъ: ее разбилъ апоплексическій ударъ.

«Я просилъ отсрочки, чтобы принять послѣдній вздохъ жены; мнѣ позволили. Черезъ часъ жена моя умерла, а черезъ нѣсколько минутъ послѣ ея смерти старшая моя дочь сошла съ ума».

Старикъ замолчалъ. Слезы въ два ручья лились по его лицу. Мнѣ казалось, что волосы на головѣ колоди меня. Я внутренно удивлялся, какъ такой хилый старикъ, измученный содержаніемъ въ тюрьмѣ, истерзанный участіемъ двухъ дорогихъ ему существъ, участіемъ, постигнушемъ ихъ на его глазахъ, могъ еще послѣ того оставаться въ живыхъ.

— А вотъ я, видите, и не сошелъ съ ума и живу, продолжалъ онъ, послѣ краткаго молчанія и какъ будто отвѣчая на мою тайную мысль.—Я, негодный сосудъ, разбитый черепомъ, долженъ переносить всѣ мученія непомятаго разсудка, а она, такая прекрасная и невинная, только-что начинавшая расцвѣтать, должна была распротиться съ своими грезами и надеждами.... Чтѣ же дѣлать! Богъ правосуденъ. Онъ далъ и Онъ взялъ назадъ, да будетъ благословенно имя Его!

— Чтѣ же было послѣ? спросилъ я, видя, что онъ нѣсколько успокоился.

— Чтѣ же еще могло быть послѣ? возразилъ онъ съ горечью.—Развѣ одного этого мало было для меня?... Меня отравили далеко на сѣверъ; тамъ я пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ. По старанію добрыхъ людей, я былъ потомъ переведенъ въ здѣшній гарнизонъ и снабженъ хорошими рекомендаціями. По стараніямъ тѣхъ же людей, мои торговыя дѣла были закончены, потому что несчастіе захватило меня врасплохъ, и дѣла остались въ безпорядкѣ. Чтѣ можно было собрать изъ моего имѣнія, и чтѣ еще осталось отъ послѣднихъ значительныхъ издержекъ покойной жены и отъ расхищенія прикащиковъ обратили въ деньги и отдали въ вѣрныя руки; къ моей меньшей дочери приставили старую родственницу, и изъ процентовъ отпускають ей на содержание сколько надобно. Старшая моя дочь, какъ меня извѣщаютъ въ письмѣ, лежитъ въ губернскомъ городѣ въ больницѣ при смерти. Молю небо, чтобъ оно скорѣе приняло ее къ себѣ... Мнѣ сюда также часто высылають деньги, и я въ нихъ не терплю нужды; да мнѣ и немного нужно здѣсь. Начальство здѣсь поступаетъ со мною хорошо; мнѣ позволили нанять себѣ квартиру и не слишкомъ беспокоять службой. Да наградить ихъ Богъ, покровитель всѣхъ несчастныхъ! Они снисходительны ко мнѣ, то-есть старшіе начальники. Отъ младшихъ иногда достается, хотя я и знаю свое дѣло, знаю чтѣ кому предложить слѣдуетъ; ну, да дѣлать нечего: терплю. Я даже иногда дѣлаюсь бодръ и мирюсь съ своимъ положеніемъ, но это бываетъ не надолго: мысль о моемъ несчастномъ ребенкѣ, единственномъ дорогомъ существѣ, которое еще осталось у меня, гнететъ меня постоянно. Дѣвушка подрастаетъ, развивается... чтѣ будетъ съ нею, сиротою безъ матери, за тысячу двѣсти верстъ отъ меня!...

Онъ опустилъ голову на грудь и предался тяжелой грусти. Долго ходилъ я по комнатѣ, бросая иногда украдкою взоры на «штрафнаго»; онъ все сидѣлъ въ одномъ положеніи и, казалось, совсѣмъ забылъ о моемъ присутствіи. Я подошелъ къ окну и растворилъ его. Лѣтній вечеръ былъ во всей очаровательной своей красотѣ. На темно-синемъ небѣ, усѣянномъ миллионами звѣздъ, то ослѣпительно-яркихъ, то едва мерцающихъ и будто дрожащихъ въ невообразимой дали, незамѣтно плавалъ полный мѣсяцъ, испуская блѣдный, успокоивающій свѣтъ. Городъ давно спалъ. Все въ природѣ было тихо и торжественно.

Я подошелъ къ старику и положилъ ему руку на плечо; онъ всталъ. Взявъ его за руку, я подошелъ съ нимъ къ окну.

— Посмотрите, какъ тутъ все прекрасно, сказалъ я ему.— Неужели и это не въ состояніи утѣшить васъ?

— Вы говорите о красотѣ природы, отвѣчалъ онъ:—и спрашиваете, утѣшаетъ ли она меня? Нѣтъ... Вы молоды, вы еще не знавали несчаствія... у васъ глаза иначе глядятъ и иначе передаютъ сердцу свои впечатлѣнія. И я былъ молодъ, и я тогда иначе глядѣлъ на свѣтъ и на природу... теперь не то. Помню, прибавилъ онъ, указывая рукою на горизонтъ:—помню, что здѣсь должно быть радостно и свѣтло, но глазами этого не вижу, сердцемъ этого не чувствую. Небо для меня одѣто въ траурный цвѣтъ, луна для меня погребальная свѣча; звѣзды мнѣ кажутся раскрытыми зияющими язвами на истерзанномъ тѣлѣ, изъ которыхъ готова политься кровь; деревья будто шепчутся объ ужасахъ, совершающихся въ тишинѣ... Нѣтъ, все видимое для меня черно, а что за *этимъ*, что дальше, что недосягаемо для моихъ тѣлесныхъ глазъ, что покрыто тайной для всѣхъ насъ,—то меня утѣшаетъ. *Тамъ*, за этими свѣтлыми образами для васъ, за этими темными призраками для меня, *тамъ*, куда не дерзаетъ проникать мысль,—тамъ оно, мое утѣшеніе.

III.

Дружба моя съ «штрафнымъ» крѣпла съ каждымъ днемъ. Почти не проходило сутокъ, чтобы мы не видались съ нимъ; я проводилъ у него цѣлые вечера, а иногда онъ у меня. Мы находили удовольствіе во взаимной бесѣдѣ. Я любилъ слушать его интересные разказы о нашихъ обществахъ въ западныхъ губерніяхъ, о борьбѣ партій въ этихъ маленькихъ муравейникахъ, о сектѣ хасидимъ, съ ихъ восторженными замашками, невѣжественными *цадиками*, или предводителями, о ихъ постоянныхъ

распряхъ и войнахъ съ партіей образованныхъ, которымъ они ставятъ преграды на каждомъ шагѣ. По его разказамъ, общественный бытъ Евреевъ въ тѣхъ мѣстахъ стоялъ еще на очень низкой ступени, и не мудрено: Евреи въ дѣлѣ просвѣщенія въ новѣйшее время вездѣ двигаются за господствующимъ народомъ, а мелкая шляхта, чиновничество и крестьянское сословіе не представляютъ имъ въ этомъ отношеніи ничего такого, что бы достойно было подражанія. Сбитые въ кучу на тѣсномъ пространствѣ, они не въ состояніи выпутаться изъ густой сѣти предразсудковъ, сплетенной еще средними вѣками, а напротивъ болѣе запутываются въ нее, потому что возрастающее невѣжество къ старымъ вздорамъ прибавляетъ новыя нецѣпости. Этому незавидному положенію вещей много способствовала система какой-то воловой отвѣтственности, мало-по-малу обрушившейся на нихъ. Поневолѣ въ такомъ случаѣ все слѣдуетъ воедино, держится крѣпко и заимствуетъ другъ у друга то, чего заимствовать вовсе не слѣдовало бы. Взаперти люди пересыпаютъ изъ пустаго въ порожнее или мелютъ вздоръ, а на свободѣ они научаются должному обращенію со свѣтомъ, занимаются дѣломъ и приносятъ пользу не только себѣ, но и другимъ.

За всѣмъ тѣмъ просвѣщеніе брало свои права приступомъ, какъ выражался «штрафной», и пробивалось сквозь всевозможныя препоны, поставляемыя обскурантизмомъ и неблагопріятными обстоятельствами. Не было того города или мѣстечка, гдѣ бы не было довольно значительнаго числа людей съ толкомъ, настроенныхъ на европейскій ладъ. Сначала имъ было тяжело бороться съ хасидизмомъ, потому что богатство и сила бывали, по большей части, на сторонѣ послѣдняго, слѣдовательно и мѣстные власти. Грубое себялюбіе хотѣло всегда господствовать. Во главѣ хасидимовъ стояли часто богатые люди, которые платили огромныя подати своимъ *цадикамъ*, и оттого имѣли вліяніе на народную массу и держали ее въ зависимости. Всѣ промыслы были въ рукахъ этихъ колонновожатыхъ, вся второстепенная братія состояла имъ должна и обязана была плясать по ихъ дудкѣ. Рука руку мыла. Мѣстные власти были всегда за этихъ мелкихъ и невѣжественныхъ деспотовъ, и людямъ съ независимымъ мнѣніемъ, съ благоразумнымъ и современнымъ направленіемъ приходилось жутко. Однако правда мало-по-малу начала торжествовать. Просвѣщеніе находило себѣ адептовъ даже въ домахъ богатыхъ хасидимовъ, и хасидизмъ былъ остановленъ въ своемъ бурномъ, всеразрушающемъ теченіи. Мѣткія сочиненія на еврейскомъ языкѣ, появившіяся тамъ и сямъ въ Литвѣ или за границей, поражали

хасидизмъ колкими насмѣшками и сатирами, выставяли шарлатанство святошъ-цадиковъ и нецѣпность хасидическихъ обрядовъ; общее мнѣніе пошатнулось нѣкоторымъ образомъ. Окончательнымъ результатомъ этого было то, что хасидизмъ былъ парализованъ: даже не смѣло шелъ онъ впередъ, а съ трудомъ плелся, и новыхъ учениковъ находилъ рѣдко. Но и того, что осталось, было довольно. Секта эта пустила глубокіе корни и отростки и въ прежнія времена завоевала себѣ огромное пространство; нужны годы, пока все это изгладится. Послѣ удара, полученнаго хасидизмомъ въ его основаніи, настала пора работать просвѣщенію; ему одному и добросовѣстнымъ его дѣятелямъ предстоитъ совершить то, чего никакія насильственные мѣры совершить не въ состояніи.

Къ сожалѣнію, по словамъ «штрафнаго», и начальство въ тѣхъ мѣстахъ смотрѣло недружелюбными глазами на тѣхъ, которые длиннымъ, но вѣрнымъ путемъ образованности, пытались возвысить своихъ братьевъ, погрязшихъ въ невѣжествѣ и не понимавшихъ своего унижительнаго положенія. Было ли это по проискамъ богатыхъ эгоистовъ, не желавшихъ лишиться своего вліянія, или по наклонности самихъ чиновниковъ, видѣвшихъ опаснаго человѣка въ каждомъ, кто имѣлъ свое мнѣніе, кто не снималъ шапки за пятьдесятъ шаговъ, кто требовалъ къ себѣ уваженія и противился разнымъ своеволіямъ; или это было слѣдствіемъ того и другаго вмѣстѣ?.. Быть-можетъ. Но главное несчастіе заключалось въ томъ, что обстоятельства не дѣлали исключенія ни для кого: ограниченія лежали равно на всѣхъ, и на образованномъ, и на закаленномъ невѣждѣ; матеріальныхъ выгодъ для первыхъ пока не представлялось никакихъ: они трудились, будучи смѣшиваемы съ большинствомъ и такъ же презираемы и стѣсняемы какъ оно; они трудились для будущности.

«Штрафной» разказывалъ мнѣ иногда о продѣлкахъ земскаго начальства, и въ особенности засѣдателей и становыхъ. Владычество ихъ въ жидовскихъ мѣстечкахъ не имѣло предѣловъ, аличность не знала границъ. Разумѣется, въ городѣ, гдѣ живетъ нѣсколько тысячъ народу, нельзя чтобы было безъ преступленій, безъ бродягъ или тому подобнаго. Что жъ? бродягъ слѣдуетъ забрать, преступленіе раскрыть, виновныхъ сдать на руки правосудію, и дѣло съ концомъ. Какое, кажется, дѣло всему мѣстечку до этого? Но съ Евреями совсѣмъ не такъ. Для нихъ создана была круговая порука, разумѣется самими исправниками да засѣдателями, потому что въ законѣ про нее и помину нѣтъ. Бери кого можешь, вяжи, куй, тащи праваго и виноватаго. Старшины объѣгаютъ городъ, собираютъ деньги, и

грозный исполнитель собственного правосудія смягчается. Съ міру по ниткѣ—убоному сорочка, а съ міру по рублю—исправнику тысяча, и не одна. Разумѣется, онъ уже отъ себя платилъ дальше, кому слѣдовало. Прискиваніе этими господами средствъ какъ добывать деньги дѣйствительно достойно всякого удивленія. Старикъ познакомилъ меня съ нѣкоторыми случаями.

Разъ было найдено мертвое тѣло; наѣхалъ становой, поставилъ часовыхъ и далъ знать въ уѣздный городъ. Пока временное отдѣленіе собиралось выѣхать на слѣдствіе, становому пришла счастливая мысль. Онъ взялъ трупъ къ себѣ на возку, посадилъ возлѣ себя своего письмоводителя и одного понятаго изъ мужиковъ и поскакалъ въ близъ-отстоящую корчму къ Еврею. Это было въ пятницу вечеромъ; Еврей только-что приготовился встрѣтить весело свой праздникъ; хозяйка его принарядилась по праздничному; на столѣ, въ мѣдномъ канделябрѣ о семи вѣтвяхъ, ярко горѣли свѣчи, лежала бѣлая скатерть и двѣ булки, накрытыя салфеткой; графинъ съ водкой красовался посрединѣ; ребятишки прыгали вокругъ стола; изъ печи разносился по комнатѣ заманчивый запахъ начиненной щуки, которая ждала, чтобъ ее подали на столъ; хозяйнѣ въ шабашковомъ зипунѣ гордо похаживалъ по комнатѣ и потиралъ руки отъ удовольствія и отъ уваженія къ собственной особѣ. Вдругъ — колокольчикъ. Вбѣгаетъ становой, вноситъ трупъ и кладутъ прямо на столъ: письмоводитель принимается исполнять должность лѣкаря, и все готово къ процессу анатомірованія. Еврей поблѣднѣлъ какъ смерть, жена съ воемъ убѣжала въ чуланъ и тамъ заперлась съ двумя-тремя ребятишками, а остальные спрятались подъ кровать. «Ваше благородіе, помилусердствуйте! за что такой грѣхъ!» — Пошелъ вонъ, дуракъ, жидъ... смѣешь ты противиться... въ станъ потащу, въ тюрьмѣ сгніешь... Экстренное дѣло: трупъ казенный... Туда, сюда и нѣсколько полуимперіаловъ выпроводили становаго съ казеннымъ трупомъ. Поскакалъ становой въ другую корчму, за пять верстъ; тамъ уже ужинали. Опять та же исторія и тѣ же полуимперіалы. Такъ возился онъ по околотку съ мертвымъ тѣломъ цѣлую ночь и весь слѣдующій день, и вездѣ бралъ деньги съ Евреевъ за спасеніе чести субботняго дня. Въ воскресенье онъ возвратился къ мѣсту, гдѣ былъ найденъ трупъ, и кладно-кровно, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ поджидать прибытія временнаго отдѣленія.

Другой рыцарь этого же знамени выбрилъ пол-головы несчастному учителю и въ цѣпяхъ отправилъ его въ земскій судъ, а судъ посадилъ его въ острогъ, откуда бѣдняга едва вырвался че-

резъ годъ и то по ходатайству добрыхъ людей. Дѣло было слѣдующаго рода. Этотъ учитель былъ человекъ довольно образованный и преподавалъ своимъ ученикамъ Библию съ нѣмецкимъ переводомъ, ариметику, исторію, географію; въ мѣстечкѣ такого учителя достать было за рѣдкость. Всѣ зажиточные люди новаго покроя поручили ему своихъ дѣтей. Не надо забывать, что это былъ учитель приватный: казенныхъ училищъ еще тогда не водилось у Евреевъ. Въ тѣ времена каждое мѣстечко наводнялось тѣми невѣжественными *меламедами*, которые теперь, слава Богу, стали мало-по-малу выводиться. Это были или страшные фанатики, набившіе себѣ голову метафизическими бреднями, или просто неучи, едва понимавшіе Писаніе и съ горемъ пополамъ знавшіе одинъ или два трактата изъ Талмуда. Дѣти набивались кучами въ такъ-называемыхъ *хадаримъ*, или школахъ, и съ пронзительными криками и дикими тѣлодвиженіями повторяли свои уроки передъ суровымъ *меламедомъ*, который, чуждый всякихъ правилъ здоровой морали и законовъ общежитія, наполнялъ ихъ юныя головы своими близорукими; аскетическими взглядами на жизнь. При необходимости каждому Еврею знать свой законъ и свою грамоту, надобно было довольствоваться тѣми скудными средствами, которыя представляли эти полудикіе *хадаримъ*. Но учитель, о которомъ идетъ рѣчь, ввелъ реформу и порядокъ въ ученіе. Онъ преподавалъ полезныя знанія, съ умѣньемъ хорошаго педагога. Партія просвѣщенныхъ въ мѣстечкѣ, разумѣется самая незначительная по числу и вліянію, была отъ него въ восторгѣ, а партія хасидическая ненавидѣла его и желала выжить какими бы то ни было средствами. Нашлись такіе, которые сдѣлали на него доносъ, что онъ учитъ по запрещеннымъ ценсурой книгамъ. Явился на слѣдствіе становой, котораго, какъ водится, обскуранты хорошо задали. Забравъ всѣ учебныя книги у учителя, онъ взялъ его на допросъ. «Какъ смѣешь ты обучать по запрещеннымъ книгамъ?» закричалъ онъ. — Какія же это запрещенныя книги? возразилъ учитель:—вотъ, извольте увѣриться: это всеобщая исторія, это ариметика и такъ далѣе. «А это что такое?» продолжалъ становой, указывая на Библию съ нѣмецкимъ переводомъ. — Это Библия съ переводомъ Мендельсона, отвѣчалъ учитель. — «Что это за Мендельсонъ? кто онъ такой?» вскричалъ земскій сановникъ: вѣрно такой же мошенникъ и воръ какъ ты! Гдѣ онъ? давай его сюда!» — Какъ вамъ дать его сюда: онъ давно умеръ, отвѣчалъ подсудимый. — «Врешь! онъ скрывается, ревѣлъ становой: давай его сюда: надобно тебѣ дать очную ставку съ нимъ... Ахъ, вы разбойники, злоумышленники! Ишь, стакнулся съ какимъ-то Мендельсономъ и

знать ничего не хочеть. Вотъ я тебя отправлю въ судъ, тамъ ты другимъ голосомъ запоешь.» И онъ отправилъ перебритаго и закованнаго учителя въ судъ, при рапортѣ, что, дескать, онъ упорствуетъ и скрываетъ своего сообщника, нѣкоего Мендельсона, съ которымъ ему необходимо дать очную ставку, для раскрытія всей истины. Управившись съ учителемъ, становой взялся за родителей, осмѣлившихся поручить воспитаніе своихъ дѣтей такому опасному для государства челоуѣку и, разумѣется, содралъ съ нихъ хорошую взятку. Невѣжество торжествовало, а благонамѣренность сидѣла въ тюрьмѣ, или платила деньги.

Много исторій о вопіющихъ несправедливостяхъ слышалася я въ то время.

Но по большей части разговоръ «штрафнаго» склонялся всегда на постигшее его несчастіе и на маленькую дочь, влачившую свою сиротскую жизнь въ дальней сторонѣ. Казалось, вся жизнь старика, всё его мысли сосредоточились на этомъ ребенкѣ, такъ рано узнавшемъ превратность судьбы.

— Ахъ! сказалъ онъ мнѣ однажды: — хотъ одинъ разъ я бы желалъ еще видѣть и прижать къ сердцу мое дитя. Предчувствую, что положу кости мои здѣсь; горевать не о чемъ: пора мнѣ на покой. Но еслибъ я еще разъ увидѣлъ мое дитя, еслибъ я зналъ, что судьба ея будетъ устроена, я бы спокойно сошелъ въ могилу.

— Отчего же вамъ не выписать ее сюда? спросилъ я. — Вы бы имѣли ее при себѣ и могли бы заняться устройствомъ ея будущности.

— Я самъ объ этомъ думалъ, отвѣчалъ онъ:—но по многимъ причинамъ это невозможно. Возьмите, какая даль! тащить ее оттуда сюда, гдѣ у меня нѣтъ и вѣроятно не будетъ никакихъ знакомыхъ. Чтò могу я ей доставить здѣсь? кто захочетъ породниться со мною, съ солдатомъ, когда ей придетъ пора выходить замужъ? Вѣдь здѣсь не знаютъ чѣмъ я былъ прежде... Чего добраго, найдутся и такіе, которые повѣрятъ, что я челоуѣкъ презрѣнный, пострадавшій за какое-нибудь преступленіе, тогда какъ дома всё, по крайней мѣрѣ, знаютъ меня издавна и также знаютъ исторію моего несчастія. Тамъ для нея гораздо скорѣй приищется партія, чѣмъ здѣсь. Наконецъ, чтò если я умру, пока она придетъ въ возрастъ? А это болѣе чѣмъ вѣроятно: тѣло мое пзнурено годами и страданіемъ. Чтò предпринять ей тогда въ этомъ чужомъ для нея краю, въ такихъ молодыхъ лѣтахъ? . . . Нѣтъ, это невозможно: она должна оставаться тамъ. . .

Я согласился, что старикъ совершенно правъ.

Мои знакомые удивлялись часто, что я провожу долгіе часы съ старымъ солдатомъ. Они не могли понять моего страннаго поведенія, когда иногда, отказавшись отъ ихъ веселыхъ пирушекъ, я уходилъ къ «штрафному», о чемъ они провѣдали, изподтишка слѣдя за мною и любопытствуя знать, кого я это имъ предпочитаю. Я не обращалъ вниманія на ихъ шутки и остроты и оставлялъ ихъ въ невѣдѣніи, не желая осквернять высокое несчастіе разказами про него передъ разсѣянными и невнимательными слушателями, занятыми пустыми удовольствіями.

Дѣла мои въ Z. пришли къ концу. Мнѣ слѣдовало отправиться восвояси, и я сталъ приготовляться къ отъѣзду. Мнѣ было очень жаль разставаться съ «штрафнымъ», къ которому я чувствовалъ искреннюю привязанность; онъ тоже изъявлялъ сожалѣніе о нашей разлукѣ, потому что платилъ мнѣ взаимностию, которая была для меня очевидна, хотя онъ ее выражалъ безъ словъ, съ свойственною ему тихою грустью.

Последній вечеръ моего пребыванія въ Z мнѣ хотѣлось провести съ нимъ. Долго разговаривали мы о разныхъ разностяхъ. Мнѣ нужно было отправиться въ дорогу рано утромъ; настало время прощаться.

— Благодарю васъ, мой молодой другъ, съ чувствомъ сказалъ старикъ, не выпуская моей руки изъ своей: — благодарю васъ за ваше участіе, за вашу безкорыстную дружбу. . .

— О, ради Бога, оставьте благодарности! вскричалъ я.— Мнѣ васъ слѣдуетъ благодарить: я многому отъ васъ научился, многое узналъ....

— Нѣтъ, я не могу забыть вашей дружбы, перебилъ онъ:—вы дарили свои свободные часы одинокому старику, вы дѣлили часто съ нимъ время, которое могли бы проводить въ кругу веселыхъ товарищей и друзей. . . Отъ молодости это большая жертва. Вы приносили мнѣ утѣшеніе и заставляли часто забывать хоть на минуту о моей несчастной участи. Примите мой послѣдній поцѣлуй. . . Мы вѣроятно ужъ никогда болѣе не увидимся.

— Почему знать? сказалъ я:—хоть дѣлъ для меня въ этомъ краѣ болѣе не предвидится, однако... коммерція богиня капризная: она бросаетъ своихъ жрецовъ неожиданно и негаданно во все концы свѣта. Надѣюсь видѣть васъ еще когда-нибудь счастливымъ и спокойнымъ, въ объятіяхъ вашей дочери. . .

Онъ печально покачалъ головой.

IV.

Прошло девять лѣтъ.

Капризная богиня дѣйствительно забросила меня вторично въ Z. Послѣ краткаго отдыха съ дороги—я сдѣлалъ болѣе полуторы тысячи верстъ на перекладныхъ—первымъ моимъ побужденіемъ было навѣстить «штрафнаго».

Онъ жилъ въ томъ же маленькомъ домикѣ, котораго одно окно выходило на глухой и безлюдный переулокъ. День клонился къ вечеру. Грудь у меня сильно волновалась. Чтò-то подѣлываетъ мой старый другъ? принесло ли ему время если не утѣшеніе, то по крайней мѣрѣ забвеніе прошлыхъ ранъ? довелось ли ему видѣть свою дочь, къ которой такъ рвалось его истерзанное сердце? Эти вопросы толпились одинъ за другимъ въ моей головѣ, когда я, горя отъ нетерпѣнія, вбѣжалъ на маленькій дворикъ и бросился къ давно-знакомой двери.

Въ сѣнцахъ со мной встрѣтился молодой солдатъ, державшій въ рукѣ какую-то бумажку; по лицу я тотчасъ призналъ его за Еврея. Онъ заслонилъ спиной двери и, почтительно снявъ фуражку, спросилъ : кого мнѣ надобно ?

Я сказалъ, что хочу видѣть старика.

— Невозможно, отвѣчалъ онъ : — онъ очень слабъ и никого принять не можетъ. . . Вотъ, извольте посмотрѣть, я иду съ рецептомъ въ аптеку.

— Ничего, пусти, сказалъ я :—онъ будетъ мнѣ радъ: мы старые съ нимъ друзья.

— Какая надобность. . . нельзя, возразилъ солдатъ. — Онъ провелъ мучительную ночь и весь этотъ день былъ въ бреду... теперь онъ немного забылся, можетъ-быть уснулъ... Нельзя.

— Развѣ онъ крѣпко боленъ? спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Крѣпко, отвѣчалъ солдатъ :—очень крѣпко... Богъ знаетъ, подымется ли онъ отъ этой болѣзни...

— Тѣмъ болѣе я хочу видѣть его, сказалъ я, сильно встревоженный словами молодого солдата.—Можетъ-быть, когда онъ меня увидитъ, ему сдѣлается лучше... можетъ...

Солдатъ махнулъ рукой.

— Э—эхъ! отъ такихъ вещей не выздоравливаютъ, перебилъ онъ : — знать время пришло ему. А когда вы ему другъ, такъ лучше уйдите теперь, дайте ему успокоиться. . . придете въ другой разъ.

Я готовъ былъ послѣдовать совѣту солдата; я даже радо-

вѣлся, что онъ такъ безпокоится о старикѣ и охраняетъ его отъ несвоевременныхъ посѣщеній. Но дверь изъ комнаты вдругъ тихо отворилась, и въ сѣнцахъ показался молодой человекъ лѣтъ тридцати, высокій, статный, плечистый, и съ умнымъ, благороднымъ лицомъ. Онъ былъ одѣтъ въ черный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы и хорошо обрисовывавшій его красивыя, рельефныя формы. Голова его была не покрыта, и черные курчавые волосы, зачесанные съ небрежностью, придавали какое-то особенное задумчивое выраженіе его привлекательному лицу.

— Вотъ, извольте разсудить, господинъ докторъ, сказалъ солдатъ, обратившись къ молодому человѣку. — Они непременно хотятъ видѣть *батюшку*...

При этомъ словѣ я быстро окинулъ взоромъ доктора и солдата.

— Какого *батюшку*? чей онъ *батюшка*? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Извините, сказалъ докторъ, не отвѣчая на мой вопросъ: — больной въ такомъ положеніи, что никакъ не можетъ... впрочемъ, постойте! прибавилъ онъ, слегка ударивъ себя рукой въ лобъ и осматривая меня пристально съ головы до ногъ: — позвольте узнать, кого я имѣю удовольствіе видѣть?

Я назвалъ свою фамилію.

— Боже мой! я такъ и думалъ, сказалъ докторъ, взявъ меня за обѣ руки — Это вы, тотъ молодой другъ, про котораго старикъ постоянно мнѣ разказывалъ, когда еще не былъ такъ слабъ! Онъ и теперь часто повторяетъ ваше имя... Такъ это вы! Ахъ, *батюшка*, *батюшка*! еслибы прибытие стараго друга, который когда-то сокращалъ твое горькое одиночество, могло усладить твои послѣднія минуты!.. Мы называемъ его всѣ *батюшкой*, и я, и этотъ солдатъ, и тотъ, что въ комнатѣ сидитъ у его постели, и еще тѣ два солдата, которыхъ вы, вѣроятно, увидите...

— Кто же вы такой, позвольте спросить? сказалъ я.

— Я—медикъ, какъ вы слышали уже, отвѣчалъ молодой человекъ. — Я тотъ медикъ, который обязанъ своимъ настоящимъ званіемъ ему, нашему общему другу... тотъ медикъ, прибавилъ онъ съ невыразимою тоской въ глазахъ и голосѣ, — который нѣкогда долженъ былъ жениться на его старшей дочери...

Мы пожали другъ другу руки.

— Пойдемте въ комнату, продолжалъ докторъ: — ваше присутствіе не обезпокоитъ больнаго, онъ, кажется, спитъ, оно, напротивъ, быть-можетъ принесетъ ему пользу, если есть еще

какая человѣческая возможность, чтобы что-нибудь въ свѣтѣ принесло ему пользу...

Опечаленный послѣдними словами доктора, изъ которыхъ я легко могъ понять, что на жизнь больного мало было надежды, я вступилъ въ комнату, которую не видѣлъ девять лѣтъ, но которая часто рисовалась въ моей памяти.

Тотъ же столъ съ книгами, къ которымъ прибавилась нѣсколько новыхъ, тотъ же высокій сундукъ въ углу, съ суженною на немъ сѣрою шинелью, тотъ же солдатскій мундиръ и тесакъ на стѣнѣ,—все предстало передо мною въ давно-знакомомъ видѣ; но на постели лежалъ больной, измученный старикъ, котораго волосы и усы совершенно посѣдѣли, и съ исхудалаго лица котораго уже вѣяло смертью. У ногъ постели неподвижно сидѣлъ еще молодой солдатъ, лицомъ очень похожій на того, чтó ушелъ съ рецептомъ.

Мы усѣлись тихонько подальше отъ больного.

— Вотъ, наконецъ, избавится онъ отъ мученій, сказалъ мнѣ докторъ шопотомъ:—сомнѣваюсь, проживетъ ли онъ еще хоть сутки.

— Такъ нѣтъ никакой надежды? спросилъ я.

— Никакой. Куда жъ въ его лѣта выдержать такое воспаленіе въ легкихъ!

— Давно онъ заболѣлъ?

— Будетъ безъ малаго мѣсяць. Развѣ ему много нужно было! Прежнее горе постепенно подкапывало его жизнь, а послѣднее совершенно его доконало.

— Какое послѣднее горе? спросилъ я.

— Ахъ, вы еще не знаете, отвѣчалъ докторъ:— вѣдъ онъ лишился и второй дочери...

Я не могъ выдержать и вскочилъ со стула. Громкій крикъ готовъ былъ у меня вырваться изъ груди.

— Успокойтесь... потише, вы его встревожите, сказалъ докторъ, взявъ меня за плечо и усаживая на мѣстѣ. — Знаю, какъ эта вѣсть должна поразить васъ... Говоря со мною о васъ, онъ не упускалъ малѣйшихъ подробностей и передавалъ мнѣ всѣ ваши разговоры съ нимъ, всѣ ваши утѣшенія, которыя вы расточали передъ нимъ... Онъ мнѣ разказывалъ, какъ часто вы его утѣшали мыслию, что онъ еще увидитъ свое единственное дитя, какъ онъ долго желалъ вѣрить этому несказанному счастью, какъ онъ жаждалъ его... Бѣдный, бѣдный! ему суждено было испить горькую чашу до послѣдней капли... Единственная надежда, которая ему еще оставалась, и которая приковывала его къ жизни, не сбылась: онъ лишился и послѣдней своей дочери...

— Когда жь она умерла? по какому случаю?.. спросилъ я.

— Она жива, отвѣчалъ докторъ, качая печально головой: — но для него она умерла.

— Не понимаю, оказалъ я: — растолкуйте...

— Послѣ... не здѣсь... не теперь... послѣ... отвѣчалъ докторъ: — мы пойдемъ ко мнѣ на квартиру, и вы все узнаете.

Я молчалъ. Меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Участь этого несчастнаго старика представилась мнѣ во всей своей неутолимой жестокости.

— Да, продолжалъ докторъ, вздохнувъ и склонивъ голову, какъ будто разговаривая съ самимъ собой: — судьба сдѣлала свое дѣло, она безжалостно сломила цѣлое семейство...

— Съ кѣмъ это вы шепчетесь, докторъ? раздался слабый едва внятный голосъ больного, лежавшаго съ закрытыми глазами.

Докторъ всталъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я послѣдовалъ за нимъ. Мы подошли къ постели.

— Посмотрите, батюшка, сказалъ докторъ: — вотъ стоитъ кто-то, кого вамъ пріятно будетъ видѣть.

Старикъ открылъ глаза и остановилъ ихъ на мнѣ. Лицо его на мгновеніе оживилось. Онъ меня тотчасъ узналъ и протянулъ ко мнѣ свою изсохшую горячую руку; я схватилъ ее съ жаромъ.

— Это вы, мой давній другъ! произнесъ онъ слабо. — Ахъ, какъ вы перемѣнились! время, вѣроятно, и васъ не щадило... вѣкъъ одна доля... болѣе или менѣе, но оно управляется со всѣми по своему.

Я молчалъ. Невольныя слезы текли по моимъ щекамъ.

— А вотъ со мной оно оканчиваетъ свой расчетъ... продолжалъ старикъ. — Пора... я ему уплатилъ весь мой долгъ... уже можно подвести итогъ и подписать: очищено платежомъ...

— Другъ мой, мы еще не отчаиваемся: вы еще будете жить съ нами, прервалъ я, самъ не вѣря въ то, что говорилъ...

Онъ печально улыбнулся.

— Нѣтъ, не обманывайте себя, сказалъ онъ: — да и къ чему?.. Къ чему мнѣ жить? Это была бы еще новая жестокость, а я вѣрю въ безконечное милосердіе неба... Оно должно быть довольно тѣмъ, что я вынесъ... Последняя моя надежда или лучше сказать призракъ надежды, рушился... вы вѣрно уже знаете... Что жь мнѣ еще осталось теперь на этомъ пустынномъ свѣтѣ? Пора въ могилу! старыя кости просятся на отдыхъ.

Грустно провелъ я весь этотъ вечеръ въ комнатѣ больного. Онъ говорилъ съ трудомъ, но говорилъ твердо и спокойно о будущей жизни, вѣчной и свободной отъ временныхъ утратъ

и суетныхъ желаній. Онъ умираетъ какъ праведникъ; какъ нетинный мудрецъ, съ глубокою вѣрой въ Божию благость и съ покорностью не трепещущаго раба, а преданнаго сына.

Съ солдатомъ, возвратившимся изъ аптеки, пришло еще двое молодыхъ солдатъ, такъ что ихъ теперь было въ комнатѣ четверо. Изъ новопришедшихъ обратилъ на себя мое вниманіе одинъ, по своему богатырскому росту и живымъ движеніямъ; другой, напротивъ, былъ очень малъ и, повидимому, слабосиленъ. Остальные двое, видѣнные мною уже прежде, были похожи другъ на друга и ростомъ и лицомъ какъ братья-близнецы, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ и были, какъ я послѣ узналъ. Изъ новопришедшихъ малорослый смѣнилъ того, что сидѣлъ у постели больного, а встрѣченный мною съ рецептомъ приготавливалъ себѣ незатѣйливое ложе на полу, вблизи отъ больного; остальные два дѣлали то же въ сѣняхъ; видно было, что они попеременно приготавливаются дежурить цѣлую ночь. Они часто входили и выходили; кто подавалъ лѣкарство больному, кто поправлялъ постель, кто приготавливалъ воды или дѣлалъ что-нибудь другое. Иногда ко мнѣ долетали шопотомъ кѣмъ-нибудь изъ нихъ произнесенныя слова: «что батюшка? какъ сегодня батюшкѣ? что говорить докторъ? будетъ ли батюшка живъ?» Они были всѣ озабочены, всѣ съ непритворнымъ участіемъ обращали часто глаза на больного; видно было, что они чувствуютъ къ нему сильную привязанность.

Мы съ докторомъ сидѣли возлѣ постели старика и изрѣдка обмѣнивались краткими фразами. Больной былъ спокоенъ; онъ бралъ часто мою руку и глазами выражалъ, какъ было ему пріятно мое присутствіе.

— Вы вѣрно удивляетесь, что эти солдаты у меня хозяйничаютъ? сказалъ онъ мнѣ, примѣтивъ, что я часто не спускаю глазъ то съ одного, то съ другаго солдата, нацыпочнахъ проходящаго изъ сѣней въ комнату, или изъ комнаты назадъ.

— Да, не понимаю, зачѣмъ вамъ такъ много прислужниковъ, сказалъ я; — они только беспокоятъ васъ, какъ ни стараются дѣлать противное. И двухъ, кажется, было бы довольно.

— Они ни за что не хотятъ оставить его, замѣтилъ докторъ. — Они умоляютъ меня, цѣлуютъ руки, чтобъ я ихъ не удалялъ.

— И не удаляйте, прошу васъ, сказалъ больной: — Они меня называютъ батюшкой... мнѣ пріятно слышать это слово: оно мнѣ такъ много напоминаетъ собой.

— Кто же они такіе, эти солдаты? спросилъ я. — Какими судьбами попали они къ вамъ?

— Это — «пѣйманики», отвѣчалъ старикъ.

Я сдѣлалъ вопросительное движеніе головой, потому что это слово «пѣйманики» было для меня совершенно ново.

— Не беспокойтесь, батюшка, сказалъ докторъ, видя, что старикъ собирается отвѣчать мнѣ. — Вамъ много говорить и трудно и вредно. Позвольте, я объясню, что такое означаетъ это странное слово, и какъ попали къ вамъ эти солдаты: мнѣ все это такъ же хорошо извѣстно, какъ и вамъ.

Солдатъ, спадъвшій у кровати больнаго, обернулся лицомъ къ доктору; другой, котораго часы начинались съ полуночи, уже лежавшій на полу, приподнялся тихо и сѣлъ на своемъ ложѣ; другіе два, еще суетившіеся въ комнату, присѣли накорточкахъ у порога. Всѣ они приготовлялись слушать о томъ, что имъ давно было извѣстно, какъ будто это была самая свѣжая новость. Но предметъ былъ слишкомъ близокъ ихъ сердцу.

— Пойманниками называются тѣ, началъ докторъ, — которые пойманы безъ письменныхъ видовъ и отданы въ солдаты. Въ послѣднее время послѣдовало разрѣшеніе, что еврейскія общества могутъ ловить у себя всѣхъ безпаспортныхъ, принадлежащихъ другому обществу, даже другой губерніи, и отдавать ихъ въ солдаты въ зачетъ своей рекрутской повинности. Начальники семействъ, кто бы то ни было, могли даже сами ловить безпаспортныхъ и отдавать въ рекруты за себя, или за свое семейство. Этимъ хотѣли помочь сильнымъ недоимкамъ рекрутъ, накопившимся повсюду на Евреяхъ. Начались повсемѣстные ловли. Хватали кого могли, былъ ли онъ безпаспортный или нѣтъ: паспортъ не составлялъ препятствія, потому что его уничтожали, и несчастный «пойманникъ» могъ кричать сколько есть силъ, что имѣетъ письменный видъ, — его не слушали: своя бѣда заглушала жалость, а деньги заглаживали всѣ послѣдствія. Это былъ явный торгъ людьми, которыхъ продавалъ кто хотѣлъ, и покупалъ кто могъ и имѣлъ надобность. Опасно было отлучаться на полверсты безъ паспорта, потому что всякому предстояла участь быть пойманнымъ и отданнымъ въ рекруты, или проданнымъ въ тѣ мѣста, гдѣ предстояла въ нихъ надобность. Трудно себѣ вообразить, сколько эта мѣра, повидимому разрѣшенная для облегченія обществъ, принесла зла. За безпаспортными охотились какъ за дикими звѣрями, потому что это приносило денежные выгоды; за ними охотились не съ цѣлью искорененія бродяжничества, а для собственной корысти. Но этого мало. Вырывали дѣтей изъ объятій родителей силой или хитростью, увозили и продавали какъ безпаспортныхъ.

— Это ужасно! произнесъ я.

— Да, ужасно, неслыханно, но, это было точно такъ, продолжалъ докторъ. — Что городъ, что мѣстечко — вездѣ торгъ «пойманниками». Къ нимъ-то принадлежать эти четыре солдата, которыхъ вы тутъ видите; двое изъ нихъ, которые такъ схожи между

собой, — родные братья-близнецы. Они жили съ матерью на селѣ и питали ее своими трудами; отецъ ихъ умеръ матросомъ во флотѣ. Въ одинъ прекрасный вечеръ набѣзаетъ къ нимъ становой, хватаетъ, вяжетъ ихъ и увозитъ въ близкое мѣстечко, гдѣ получаетъ отъ старшины общества свою плату, уже заранѣе условленную. Вопли и рыданія матери ничего не пособили. Тотъ худощавый и небольшой ростомъ, котораго вы видите у постели больного, дѣйствительно взятъ безъ письменнаго вида, то-есть онъ имѣлъ письменный видъ, только просроченный. Онъ работалъ въ какомъ-то городѣ у портнаго, заболѣлъ, остался безъ копѣйки денегъ, и не могъ послать за новымъ паспортомъ. Въ первый день своего выздоровленія онъ отправился искать работу; ловцы схватили его на улицѣ, потащили въ сборный домъ и заковали вмѣстѣ съ другими рекрутами. А вонъ того высокаго дѣтину заманили въ трактиръ, подпоили и украли у него паспортъ изъ-за пазухи. Разкажи-ка, любезный, какъ съ тобой была исторія, заключилъ докторъ, обращаясь къ статному служивому, который беззаботно покручивалъ себѣ усы, какъ бы желая показать, что для него все на свѣтѣ плевое дѣло.

— Чего тамъ разказывать, сударь, отвѣчалъ солдатъ флегматически: — дѣло извѣстное. Проклятый пуншъ съ кизляркой погубилъ меня. А какъ жаль, паспортъ былъ новый, годовой, еще десять мѣсяцевъ служить могъ.

— Какъ же у тебя его украли? спросилъ я: — ты такимъ молодцомъ кажешься на видѣ.

— Чтò жь что молодцомъ! отвѣчалъ солдатъ: — Какой молодецъ устоитъ противъ чарки? ну, не устоялъ и я. Работалъ я въ портовомъ, знаете, городѣ, былъ подсѣвальщикомъ. Деньги хорошо зарабатывались тогда, хлѣба уходило за границу множество: не то Французъ, не то Англичанинъ тогда голодалъ... понадобилось ему нашего русскаго хлѣба. Ну, милости просимъ! давай ты только намъ свои талеры сюда. Славное было время! Подсѣвальщикъ въ день четыре *кербеля* зарабатывалъ, какъ тутъ не гулять! А трактиры тамъ, проклятые, одинъ другаго лучше; вотъ и просиживаешь бывало то въ одномъ, то въ другомъ до полуночи за чаями да за мастиками. Разъ какъ-то сидимъ съ компаніей, присосѣдились еще другіе ребята... и пошли мы *полмзывать*. Напоили значить бестіи сильно: не знаю, какъ меня увели и гдѣ уложили. На другой день протираю глаза, чтò это такое? я лежу въ сборной избѣ, возлѣ меня еще двое лежатъ. Я одѣваться. «Куда? говорятъ, не пустимъ.» — Отчего не пустите? — «Да такъ, не пустимъ: въ солдаты отдадимъ.» — За чтò въ солдаты? — «Да за то, что ты бродяга,

ты нашъ «пѣйманикъ». — Врете вы, черти! вы бродяги, а не я. Берусь забумажникъ, гдѣ у меня лежали деньги и паспортъ... деньги есть, всѣ то-есть въ исправности, а паспортъ *провалялся и тьломъ и душой* и поминай какъ звали. Украли, мошенники. Я давай шумѣть... сбѣжались сборщики, да писаря, да разная ихъ подлая шайка. Я кричу: давайте мой билетъ, а они будто ничего и не понимаютъ...

— Отчего же ты не жаловался? спросилъ я.

— Кому жаловаться? возразилъ солдатъ: — Вотъ еще! Кто меня выслушаетъ? у нихъ уже все тамъ оплифовано... Меня злость взяла. Я, чего тамъ долго думать, размахнулся — одному старостѣ далъ по зубамъ, другому, третьему... отзвонилъ на всѣ стороны... Ну, говорю: теперь закуйте меня въ желѣзо, и чтобъ васъ чертъ побралъ всѣхъ!

— И ты при приѣмѣ ничего не говорилъ присутствію? спросилъ я опять.

— Говорилъ да на меня такъ притопнули, что страхъ, отвѣчалъ солдатъ. — Одинъ господинъ въ высокомъ воротникѣ съ золотыми листьями даже засмѣялся... говорить про меня: «такъ и видно по глазамъ, что бродяга и плуть большой...» Я и хлопотать не сталъ больше. Ни роду, ни племени нѣтъ, голосить да *побиваться головой объ стѣну* по мнѣ некому будетъ. Взяли да мигомъ лобъ забрили. Подходить потомъ сдатчикъ да подмазывается: ты, *братуню*, молъ не сердись, видно тебѣ такъ на роду написано. Написано-то можетъ и написано, да все-таки вы всѣ мерзавцы большіе: и поблажку вамъ дадутъ, и деньги съ васъ дерутъ... Провалитесь вы, и дай Богъ васъ больше не знать. А я буду служить Богу и государю вѣрою и правдой, не такъ вотъ какъ тѣ *хабарники*, что по сту разъ въ день своей присягѣ измѣняютъ... На томъ и вся сказка кончилась.

— Ну, укладывайтесь, братцы, спать, сказалъ докторъ: — и мы тоже скоро уйдемъ... Вотъ вамъ и «пѣйманики», продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Ну, а какъ же попали они къ нашему старику?

— Очень просто, отвѣчалъ докторъ. — Имъ пришлось служить здѣсь: старикъ ихъ часто видѣлъ, узналъ ихъ исторію и изъ состраданія помогалъ имъ, сколько могъ. Начальство къ нему расположено было, онъ, бывало, и выпроситъ къ себѣ на праздникъ то одного, то другаго, а иногда и всѣхъ разомъ. И деньгами онъ ихъ иногда надѣлялъ, вы знаете, онъ въ деньгахъ нужды никогда не терпѣлъ. Они полюбили его, привязались къ нему и назвали своимъ отцомъ. И подлинно былъ онъ отцомъ для нихъ во многихъ отношеніяхъ. А когда онъ забо-

лѣлъ, они стали ухаживать за нимъ и заботиться какъ родныя дѣти. Онъ просилъ, чтобъ его не брали въ военный госпиталь... Начальникъ уважилъ его просьбу, даже самъ привелъ полковаго лѣкаря и раза два послѣ навѣщалъ. Онъ похвалилъ ребятъ за то, что они не оставляютъ стараго товарища, и ихъ ревность послѣ того еще удвоилась. Такъ было еще до моего прїѣзда, и такъ продолжаютъ они поступать и теперь, когда я прїѣхалъ и заступилъ мѣсто полковаго лѣкаря.

Старикъ во время нашихъ разговоровъ обернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Мы можемъ уйти, сказалъ мнѣ докторъ, простоявъ минуту или двѣ надъ больнымъ и прислушавшись къ его дыханію. — Онъ спитъ. Пойдемте ко мнѣ, моя квартира не далеко. Намъ еще спать рано.

Мы вышли.

V.

Я нетерпѣливо желалъ знать, что случилось съ дочерью «штрафнаго», но не посмѣлъ тревожить доктора моими разспросами, видя, что онъ предался печальнымъ думамъ. Но когда мы вошли къ нему на квартиру и усѣлись на диванъ, онъ самъ началъ мнѣ разказывать то, о чемъ я его просить не рѣшался.

— Я вамъ давеча обѣщалъ разказать о последнемъ несчастіи батюшки, сказалъ докторъ. — Разкажу вамъ теперь: вы должны знать до конца всю его печальную повѣсть. Вамъ извѣстно, какъ жена и старшая дочь старались его выручить, какъ первая умерла, увидѣвъ своего мужа съ выбритымъ лбомъ и въ солдатской шинели, и какъ вторая... моя нареченная... сошла съ ума.

— Да, это мнѣ извѣстно, отвѣчалъ я.

— Извѣстно вамъ и то, что эта дочь его, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тихаго и смирнаго безумія, которое мы въ медицинѣ называемъ *lucitas*, испустила духъ на чужихъ рукахъ въ госпиталѣ того же губернскаго города.

— Да; старикъ мнѣ тогда сказывалъ, что онъ получилъ извѣстіе о ея болѣзни. Онъ даже желалъ скорѣе ея смерти, бѣдный отецъ!

Мой собесѣдникъ утеръ платкомъ слезы, показавшіяся на его глазахъ, и тряхнулъ своими черными кудрями.

— Говорилъ онъ вамъ, какъ осталась его младшая дочь? спросилъ онъ.

— Говорилъ, что къ ней приставили старую родственницу, чтобъ она присматривала за нею и замѣнила ей родителей, отвѣчалъ я.

— Хорошо она замѣнила ихъ, нечего говорить, сказалъ докторъ, печально улыбувшись. — Дѣвушка росла, хорошеѣла съ каждымъ днемъ: говорятъ, она уже тогда была удивительная красавица; но я ее оставилъ почти ребенкомъ. Я тогда оцанчивалъ курсъ и предполагалъ жениться на ней, если буду ей не противенъ. Но, къ несчастью, меня опередили.

— Чтѣ же случилось?

— Сталъ ухаживать за нею какой-то мелкій чиновникъ, имѣвшій по близости отъ города около пятнадцати душъ крестьянъ. Старуха была слѣпа и глупа, а дѣвушка неопытна и вѣтренна. Негодяй обезчестилъ ее и продолжалъ ходить нѣсколько мѣсяцевъ; но положеніе ея скрывать было трудно. Соблазнитель подговорилъ ее забрать съ собой все домашнее серебро и кой-какія деньги, которыя еще водились въ домѣ, уйти съ нимъ и отказаться отъ своей вѣры. Онъ обѣщалъ жениться на ней. Она сдѣлала все, чтѣ онъ требовалъ отъ нея, но самъ не исполнилъ своего обѣщанія. Обобравъ ее до ниточки, онъ безжалостно выгналъ ее, въ то самое время, когда до рожденія плода ихъ преступной связи оставалось уже немного. Она всѣми силами старалась сначала скрывать свою беременность и потомъ отъ стыда рѣшилась на преступленіе... Ее поймали и посадили въ тюрьму, гдѣ она содержалась до двухъ лѣтъ, и гдѣ окончательно погибло въ ней всякое чувство стыда и скромности. Какой-то старый богатый сластолюбецъ былъ пораженъ ея красотой, выпуталъ ее изъ бѣды и взялъ къ себѣ въ домъ; но послѣ внезапной его смерти, ее постигла, отъ его родственниковъ та же участь, какъ и отъ перваго соблазнителя. Чтѣ было дѣлать несчастной женщинѣ, которой едва исполнилось восемнадцать лѣтъ? На родину она возвратиться не могла, да и не зачѣмъ было: она добровольно отказалась отъ своихъ и кромѣ презрѣнія ничего отъ нихъ ожидать не могла. Очертя голову, бросилась она въ бездну разврата и совершенно въ ней погрязла.

— Ужасно! вскричалъ я, всплеснувъ руками.

— Черезъ нѣсколько лѣтъ по прибытіи изъ университета, продолжалъ докторъ, — я практиковалъ въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ умерла въ госпиталѣ сестра ея, и гдѣ она сама проживала. Мнѣ иногда приходилось встрѣчать несчастную на гуляньяхъ, въ кругу ея презрѣнныхъ подругъ, которыхъ она превосходила не только ослѣпительною красотой, но и бѣшеннымъ разгуломъ; скромности и слѣдовъ въ ней не замѣтно было. Ея буйный характеръ доводилъ ее не разъ до съѣзжаго двора. Не давая никому спуска, она при-

обрѣла жалкую извѣстность: весь городъ зналъ ее подъ именемъ «помѣщицы». До сихъ поръ продолжаетъ она эту жизнь. И въ то самое время, какъ все это происходило, несчастный отецъ ея медленно умиралъ отъ тоски и одиночества. Я съ нимъ иногда переписывался. Онъ не давалъ покою ни мнѣ, ни своимъ старымъ друзьямъ, разспросами о своей дочери, и почему столько лѣтъ не имѣеть никакихъ извѣстій отъ нея. Разумѣется, отъ него скрывали истину. Иногда ему писали, что она нездорова, или поѣхала на свадьбу въ другой городъ къ одной изъ своихъ подругъ, гдѣ и осталась гостить, или какую-нибудь другую ложь, а иногда по полугоду не отвѣчали на его письма; наконецъ и совсѣмъ перестали писать, истощивъ всѣ предлоги и выдумки. Но когда въ послѣднее время онъ написалъ къ одному прежнему своему пріятелю самое отчаянное письмо, въ которомъ говорилъ, что будетъ проситься въ отпускъ, а если не пустать, онъ готовъ даже бѣжать, пройти потомъ сквозь строй, лишь бы еще хоть разъ прижать къ сердцу свое любимое дитя,— пріятель счелъ нужнымъ исподоволь открыть ему правду. Старикъ не выдержалъ послѣдняго удара и слегъ въ постель. Болѣзнь его все болѣе и болѣе усиливалась и приняла опасный характеръ. Въ это время «пѣиманики» уже были его домощадцами. Они знали мой адресъ, слышали отъ него про наши бывшія отношенія, и одинъ изъ нихъ извѣстилъ меня о его опасной болѣзни. Я бросилъ практику и пріѣхалъ сюда, чтобы подать помощь моему старому благодѣтелю или, по крайней мѣрѣ, закрыть ему глаза. Къ несчастью, первое не въ человѣческой власти, и мнѣ остается только послѣднее.

Разговоръ нашъ уже болѣе не клеился въ этотъ вечеръ. Я ушелъ къ себѣ и промучился всю ночь; сонъ бѣжалъ моихъ глазъ. Несчастія «штрафнаго», на котораго судьба, казалось, хотѣла излить всю свою жестокость, проходили передо мною одно за другимъ, и въ каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ я находилъ достаточно горечи для отравленія цѣлой жизни чело-вѣка. Каково же тому, кто испыталъ все это въ совокупности!

На другой день, едва взошло солнце, я уже былъ въ комнатѣ «штрафнаго». Докторъ опередилъ меня нѣсколькими минутами. Изъ «пѣиманиковъ» былъ только одинъ; прочіе три пошли въ свою казарму, чтобы показаться тамъ на короткое время и потомъ опять возвратиться къ своему умирающему *батюшкѣ*.

— Вамъ, кажется, лучше? сказала я, присѣвъ къ больному.

— Несравненно лучше, отвѣчалъ онъ. — Это тѣ спокойныя минуты, которыя предшествуютъ смерти.

Я поглядѣлъ на доктора, онъ угрюмо молчалъ.

— Лучше, лучше... продолжалъ больной. — Кашель остано-

видя; я уже выхаркалъ всю кровь изъ груди... Всѣ приготовления кончены, остается смерти придти на все готовое...

— Чтѣ вы, Богъ съ вами! возразилъ я.

— Онъ со всѣми... Онъ во всякомъ своемъ твореніи... торжественнымъ голосомъ продолжалъ больной.—Благо тому, кто не забываетъ Его во всю жизнь: для того тысячи смертей не страшны... Малодушные боятся умирать, а умирать совсѣмъ не трудно... жить несравненно труднѣе...

Онъ испустилъ глубокой вздохъ.

— Я жилъ въ суетѣ, продолжалъ онъ: — я поставлялъ свою радость въ тлѣнѣ... и Господь открылъ мнѣ глаза и показалъ, какъ все это брэнно и ломко... Когда я жилъ въ своей семьѣ, въ довольствѣ и счастья, я часто ропталъ на безпокойства, на трудныя общественныя дѣла... меня судьба бросила въ тюрьму. Это мнѣ показалось величайшимъ несчастьемъ... мнѣ забрили лобъ. Я опять ропталъ, безумствовалъ, полагая, что острѣе этого удара ужъ нѣтъ... на моихъ глазахъ умерла жена, а дочь сошла съ ума. Я впалъ въ отчаяніе: мнѣ казалось, что на меня обрушилась цѣлая гора золъ, достаточныхъ на нѣсколько поколѣній... но для меня приготовлялся и поспѣлъ вѣнецъ всего прошлаго. Чтѣ земля покрываетъ, то забывается, но безчестіе... это ужасно! Моя собственная кровь и плоть навлекла посяраженіе на мою голову... О, это были великіе уроки! Мнѣ не осталось времени ими воспользоваться, такъ пусть воспользуются другіе...

Въ это время вошедшіе «пѣйманики» окружили постель старика. На лицѣ его выступила краска, глаза горѣли пророческимъ огнемъ, на лбу показались капли пота.

— Дѣти мои! продолжалъ онъ. — Гордость человѣка смѣшна и ничтожна: червь гордится передъ своимъ Создателемъ! но ропотъ—величайшій грѣхъ... Это возмущеніе противъ Создателя и признакъ невѣрія въ Его правосудіе... Не ропщите и не губите души своей... Все имѣеть свою цѣль, и вамъ ея не измѣнить. Исполняйте честно земныя законы. Принимайте все съ любовью, и любовью вамъ воздастся за это, любовью неземною. Не плачьте... слезы—предтеча ропота и прямо ведутъ къ нему. Молитесь, молитесь... Намъ молитва дана въ подкрѣпленіе, а не слезы.

Крупныя слезы катились по щекамъ «пѣйманиковъ».

— Дайте мнѣ ваши руки, продолжалъ онъ: — всѣ, всѣ, дайте... вотъ такъ... Не пугайтесь смерти: она—начало лучшей жизни... Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе... Отрекаюсь отъ всего земнаго и грѣшнаго... Да простятъ мнѣ тѣ, кому я сдѣлалъ какое-нибудь зло!... тѣмъ, которые мнѣ сдѣлали, я простилъ... *Шемъ Израэль!* нашъ Богъ единъ...

Онъ закрылъ глаза и замолчалъ. Еще нѣкоторое время мы ждали, что онъ опять заговорить. Докторъ нагнулся къ нему и приложилъ руку къ его сердцу, — оно уже не билось.

Всѣ мы переглянулись между собой, какъ будто желая сказать: великій актъ кончился.

На другой день, передъ захожденіемъ солнца, были похороны «штрафнаго». «Пѣйманики» сшили саванъ, сколотили гробъ и обмыли тѣло, которое потомъ покрыли солдатскою шинелью, принадлежавшею покойному. Окончивъ приготовленія, они взвалили тѣло себѣ на плечи и понесли на кладбище; за гробомъ шелъ докторъ и я. Погребальная процессія того, кто долго несъ страданія за десятки тысячъ себѣ подобныхъ, состояла изъ двухъ человѣкъ.

Обрядъ погребенія былъ коротокъ. Каждый Еврей имѣетъ право прочесть послѣднюю молитву надъ усопшимъ. Мы опустили гробъ въ могилу; докторъ прочелъ изъ молитвенника послѣднее напутствіе умершему собрату; мы засыпали могилу, положили на нее четыре камня, потомъ каждый бросилъ на нее по горсти земли, и — все было кончено.

P.

О РЕФОРМАХЪ

ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ

I.

Къ числу важнѣйшихъ вопросовъ, возникшихъ и поставленныхъ къ разрѣшенію въ наше время, принадлежитъ вопросъ объ устройствѣ лучшей системы судопроизводства. Въ какую сторону ни обратится законодатель, желающій утвердить на прочныхъ основаніяхъ государственный порядокъ и исправить злоупотребленія, копившіяся вѣками, — онъ повсюду встрѣчается съ этимъ вопросомъ: забывъ о немъ, отложивъ его разрѣшеніе на неопредѣленное время, публичная власть лишила бы сама себя орудія для достиженія главнѣйшей цѣли своего существованія и не могла бы надѣяться на прочный успѣхъ въ дѣлѣ общеннаго устройства.

Такъ и должно быть. Жизнь отдѣльнаго человѣка получаетъ смыслъ и значеніе не отъ внѣшнихъ условій благосостоянія, не отъ матеріальной силы, не отъ разнообразія событій и явленій, но отъ *идеи*, которая одушевляетъ жизнь. Безъ идеи вся жизнь представляется несвязнымъ сцепленіемъ случайныхъ явленій, странствованіемъ по свѣту безъ плода и безъ цѣли. Безъ идеала, вѣрно хранимаго въ душѣ, ни одинъ человѣкъ не

можетъ собрать внутреннія свои силы и направить ихъ отъ минутныхъ интересовъ къ великой жизненной цѣли; безъ идеала потеряется онъ въ день заботъ, скорбей и лишеній; посреди непрестанныхъ паденій не найдетъ въ себѣ силы встать. Есть въ человѣкѣ *идеалъ*, — и вся жизнь озаряется для него яркимъ свѣтомъ, обозначается ясная цѣль, вызываются изъ души скрытыя въ ней силы, и одна родитъ другую въ минуту испытанія. Возникаютъ ли сомнѣнія, — идея разсѣветъ ихъ; послѣ паденія она же дастъ силу встать; всякому труду она даетъ смыслъ и основу, всякому стремленью даетъ направленіе, всякому горю указываетъ конецъ. Можно сказать, что важнѣйшее дѣло въ жизни человѣка есть храненіе идеала, ибо идеалъ есть единственно вѣрная опора, которую онъ въ жизни имѣеть.

То же самое, что объ отдѣльномъ человѣкѣ, должно сказать и о народѣ, а въ извѣстномъ отношеніи и о государствѣ. Въ безконечномъ разнообразіи отношеній между гражданами, въ ежеминутномъ столкновеніи и сближеніи частныхъ желаній и потребностей, — не необходима ли твердая норма, не необходимо ли правило, которое всему указывало бы мѣсто и мѣру? Назначеніе государства состоитъ въ томъ, чтобы осуществлять эту норму, этотъ идеалъ, передъ коимъ всякое возникающее зло должно освѣщаться и исправляться, и все разстроенное приводиться въ порядокъ. Этотъ идеалъ для государства есть *право*. Въ немъ состоитъ драгоцѣннѣйшее достояніе общества и главная основа внутренняго (а слѣдовательно и внѣшняго) его благосостоянія. Чѣмъ яснѣе отпечатлѣвается, чѣмъ святѣе хранится этотъ идеалъ въ сознаніи общественномъ, — тѣмъ болѣе правды въ обществѣ, тѣмъ болѣе безопасности для каждаго гражданина. Вѣрное храненіе его есть священнѣйшая обязанность и вмѣстѣ священнѣйшее право и лучшее оправданіе государственной власти.

Для того, чтобы право было не однимъ только словомъ, для того, чтобы внѣшнее выраженіе его, — законъ не былъ только обманчивою фразой, для этого необходимъ *правый судъ*. Только посредствомъ суда законная правда осуществляется, переходитъ въ дѣйствіе. Нѣтъ праваго суда, нѣтъ и правды общественной. Сколько бы разъ и гдѣ бы ни уклонялись отъ закона дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, нарушитель закона долженъ знать твердо, обиженный долженъ твердо надѣяться, что передъ лицомъ суда всякое уклоненіе обнаружится: зло будетъ объ-

явлено зломъ, и правда правдою. Какъ бы ни смѣшались понятія о правдѣ въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ, передъ зеркаломъ суда должно быть возстановлено *единое*, истинное, нормальное сознаніе законной правды: судъ долженъ быть совѣстью общественною. Чтò же, если это зеркало потускнѣло или такъ дурно устроено, что не можетъ съ вѣрностью отражать въ себѣ образъ общественныхъ явленій? Если око, которое должно было служить свѣтильникомъ общественному тѣлу, само покроеется тьмою, чего можетъ ожидать, чему подвергнется общество, лишенное своего свѣта?

Въ исторической жизни общества бываютъ критическія минуты, когда съ особенною ясностью раскрываются передъ всѣми издавна таившіяся общественныя раны, когда вдругъ обнаруживаются многочисленныя нужды, требующія настоятельнаго удовлетворенія, и смятенное общество не находитъ подъ рукою ни средствъ, ни дѣятелей къ разрѣшенію самыхъ жизненныхъ вопросовъ. Обращаясь къ самому себѣ со всею силою рефлексіи, общество внутри себя начинаетъ отыскивать причины зла и средства къ его исцѣленію; работая надъ собою, оно возбуждаетъ въ себѣ тотъ спасительный процессъ, посредствомъ котораго всякій живой организмъ залѣчиваетъ собственныя раны; но для того, чтобъ этотъ жизненный процессъ начался и дѣйствовалъ успѣшно, общество неминуемо должно обратиться къ жизненному началу,—къ правдѣ, и въ ней одной искать себѣ спасенія. А правда должна быть правдою на дѣлѣ, а не празднымъ словомъ.

Итакъ понятно, отчего, наряду съ голосами, вопіющими о правдѣ и требующими правды и свѣта, громче и громче слышатся другіе, которые говорятъ о томъ, что правды не можетъ быть и не будетъ безъ *праваго суда*; что невозможно ожидать исполненія законовъ и водворенія законности, если нарушитель ихъ на дѣлѣ всегда имѣетъ средство уклониться отъ отвѣтственности; невозможно невинному быть увѣреннымъ въ оправданіи, а преступнику бояться наказанія, если обвиненіе и оправданіе становятся дѣломъ произвола, формы и обрядности; невозможно гражданину быть увѣреннымъ въ своей собственности и положиться на слово и дѣйствіе своихъ согражданъ, если таковъ механизмъ гражданскаго правосудія, что защищать и отыскивать добросовѣстно свое право во многихъ случаяхъ тягостнѣе, нежели отъ него отказаться.

II.

«Ничто такъ ко управленію государства нужно есть какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ.» Этими словами Петра выражается основное правило государственнаго устройства. Твердое храненіе правъ гражданскихъ для правительства есть необходимѣйшее условіе успѣшной дѣятельности на пользу общественную, для народа—условіе матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Твердое храненіе правъ гражданскихъ устанавливаетъ между гражданами, такъ же какъ между народомъ и правительствомъ, прочную связь, основанную на взаимномъ довѣріи гражданъ другъ къ другу, правительства къ народу и народа къ правительству. Не можетъ быть общаго уваженія къ законамъ безъ твердаго ихъ храненія: «всеу законы писать, если не исполнять ихъ». Право собственности — разумѣя это слово въ обширномъ смыслѣ—есть центръ, къ которому тяготеютъ и около котораго развиваются все явленія общественной жизни гражданъ. Для развитія всякой жизни нужно движеніе; для человѣка движеніе невозможно безъ свободы, свобода же, какъ скоро она должна быть предоставлена многимъ, требуетъ порядка. Этими свойствами обладаетъ гражданское общество въ такомъ только случаѣ, когда каждый гражданинъ можетъ спокойно и свободно располагать въ предѣлахъ закона своими матеріальными и духовными силами и развивать ихъ посредствомъ труда; а трудъ можетъ быть плодоносенъ тогда лишь, когда трудящемуся обезпечено спокойное пользованіе плодами его трудовъ, когда всякое насиліе и посягательство на собственность, съ чьей бы стороны ни послѣдовало, является дѣломъ не обыкновеннымъ, исключеніемъ изъ общаго порядка, и немедленно уничтожается примѣненіемъ закона, примѣненіемъ правильнымъ, послѣдовательно-единообразнымъ и одинаково доступнымъ для каждаго, имѣющаго право.

Какъ бы ни была полна и совершенна система гражданскихъ законовъ въ государствѣ, законы остаются безъ дѣйствія, и законность не прививается къ народному сознанию, если существующій порядокъ судопроизводства не представ-

длеть гражданамъ вѣрнаго средства доказать и защитить свое право и получить безотлагательное его разрѣшеніе, не обезпечиваетъ имъ скорого и точнаго исполненія по рѣшенію. Напротивъ, несмотря на недостаточность и несовершенство законовъ гражданскихъ, дѣйствіе ихъ оказывается благотворнымъ и вліяніе прочнымъ, если оно обезпечено правильнымъ, единообразнымъ и скорымъ дѣйствіемъ правосудія.

Въ настоящее время, когда всѣми болѣе или менѣе ясно сознаются недостатки существующей у насъ системы судопроизводства, добросовѣстный мыслитель, добросовѣстный гражданинъ, горячо желающій водворенія единаго истиннаго блага, то-есть *правды*, въ своемъ отечествѣ, не можетъ, не долженъ уклониться отъ современнаго вопроса объ улучшеніи суда и расправы. Настоятельность разрѣшенія этого вопроса не подлежитъ никакому сомнѣнію. *Или* желаемъ мы правды и сознаемъ, что безъ нея не можемъ достигнуть прочнаго блага, *или*, попомышляя только о личномъ и минутномъ интересѣ, остаемся равнодушны къ идеалу благоустроеннаго общества. Если желаемъ правды, то не можемъ не искать средствъ, безъ которыхъ осуществленіе ея не возможно. Если мы равнодушны, то что за дѣло намъ до идеи, до опыта вѣковъ и поколѣній, до судьбы согражданъ и будущаго потомства? «Будемъ вѣсть и пить: завтра можетъ-быть умремъ.» Авось уже послѣ насъ хлынетъ потопъ разрушать покинутое нами зданіе!

Слава Богу, мы еще не дошли и, дасть Богъ, не дойдемъ никогда до состоянія, въ которомъ такой языческій взглядъ на жизнь можетъ встрѣтить сочувствіе въ большинствѣ людей, завѣдывающихъ общественными дѣлами. Слава Богу, мы хотимъ еще вѣрить, что каждое сословіе у насъ хранитъ въ себѣ зерно общественнаго единенія и любви къ отечеству, и лица, которымъ принадлежитъ зачало правительственной дѣятельности, и каждое изъ сословій готовы отозваться на призывъ къ общему дѣлу правды, лишь бы въ этомъ призывѣ не слышался голосъ раздраженія и страсти. Итакъ безъ раздраженія и страсти постараемся и добрую мысль, и доброе желаніе раздѣлить другъ съ другомъ посредствомъ добраго слова: отъ добрыхъ словъ родится ясное и твердое убѣжденіе, а убѣжденіе само собою приведетъ къ доброму и прочному дѣлу.

III.

Прислушиваясь къ голосамъ и сужденіямъ, которыя выражались до сихъ поръ въ обществѣ по поводу неофіціальныхъ и полуофіціальныхъ толковъ о судебной реформѣ, мы замѣчаемъ, что почти никто уже не оспариваетъ необходимости улучшеній; но какъ и на какихъ началахъ перемѣна должна быть произведена,— по этому предмету слышатся самыя разнообразныя мнѣнія. Большинство, ограничиваясь поверхностною критикой учреждений и обычаевъ, останавливается на отдѣльныхъ случаяхъ злоупотребленій и несовершенствъ, на примѣрахъ, взятыхъ на удачу, и нейдетъ далѣе, по непривычкѣ отвлекаться отъ частныхъ явленій къ общимъ началамъ. Это голоса людей, которые видятъ зло, но не въ силахъ открыть средство къ его исцѣленію, или предлагаютъ мѣстныя средства для излѣченія болѣзни, тогда какъ начало ея таится въ самомъ организмѣ, ею пораженномъ. Таковы большею частію политическіе дилеттанты, разсуждающіе обо всѣхъ вопросахъ безъ приготовленія.

За ними слѣдуютъ тѣ близорукіе практики, которые черпаютъ свои свѣдѣнія исключительно изъ личнаго опыта, и теорію свою извлекаютъ изъ того же механизма, къ которому прикована ихъ служебная дѣятельность. Сроднившись продолжительнымъ навыкомъ съ формами и обрядами, посреди коихъ проведены излучистые пути правосудія, не различая живаго человѣка и его живыхъ потребностей отъ формы, въ которой воплощается для нихъ всякое дѣло, они не способны приступить къ анализу тѣхъ явленій, которыя ежечасно совершаются передъ ихъ глазами и при ихъ содѣйствіи, не въ силахъ распутать сѣть канцелярскихъ обрядовъ и разобрать, какіе узлы въ ней необходимы и какіе запутываютъ дѣло, не облегчая его. Всякое прикосновеніе къ формѣ и буквѣ приводитъ ихъ въ недоумѣніе, и потому средства къ улучшенію, предлагаемыя такими людьми, заключаются по большей части въ перестановкѣ и видоизмѣненіяхъ существующихъ обрядовъ и формъ, безъ которыхъ робкое ихъ сознаніе не можетъ представить себѣ судебного дѣла.

Не менѣе близоруки и тѣ восторженные наблюдатели иноземныхъ учреждений, которые воображаютъ, что стѣбитъ только пересадить на нашу почву уставы и формы суда, успѣшно

дѣйствующіе въ сосѣднемъ государствѣ, для того чтобъ и у насъ явились тѣ же блистательные результаты. Эти люди забываютъ, что всякій законъ долженъ соответствовать насущной потребности даннаго общества, что если духовною стороною своею законъ основывается на началахъ, общихъ всему человѣчеству, то въ матеріальной практической части своей онъ необходимо вытекаетъ изъ особенныхъ условій того общества, для котораго назначенъ; и что оставить въ сторонѣ эти условія значило бы, вмѣсто закона, подлежащаго исполненію надѣлѣ, дать отвлеченное правило или мертвую форму. Законодатель не долженъ забывать ни объ историческихъ явленіяхъ народной жизни, ни объ условіяхъ времени и мѣста, ни объ обычаяхъ, который развивается въ народѣ самостоятельно, и которымъ законъ пренебрегать не можетъ. Нерѣдко форма, оказавшаяся въ одномъ государствѣ и у одного народа совершенною и вполнѣ соответствующею своей цѣли, въ другомъ краю оказывалась неприложимою къ жизни; учрежденіе, которое въ одномъ краю дѣйствуетъ съ успѣхомъ, въ другомъ оказывается несогласнымъ съ народными понятіями и нравами. Обо всемъ этомъ легко можетъ забыть восторженный наблюдатель иноземныхъ учреждений, особенно тогда, когда, не ознакомившись предварительно съ ходомъ судебного механизма и его составными частями въ собственномъ отечествѣ, гдѣ судъ не имѣетъ лицевой стороны, открытой для всякаго, видитъ онъ за границею одну лицевую, блестящую сторону тамошняго судопроизводства, и увлекаясь зрѣлищемъ, не заботится заглянуть за кулисы, за которыми оно готовилось. Исторія общественныхъ учреждений у всѣхъ народовъ показываетъ, что у каждаго изъ нихъ формы суда и расправы состояли въ тѣсной связи со всѣми условіями политическаго и народнаго быта, съ нравами и обычаями народными. Происхожденіе самыхъ основныхъ формъ этого рода столь же трудно услѣдить въ каждомъ народѣ, какъ и образованіе народной рѣчи. Невозможно вообразить себѣ, чтобы какой бы то ни было народъ добровольно отказался отъ роднаго языка и принялъ языкъ чуждаго племени: такъ же трудно себѣ представить, чтобъ онъ рѣшился, разставшись съ своими самобытными формами суда, принять и ввести у себя иноземный порядокъ: и дѣйствительно, какъ то, такъ и другое явленіе могло происходить только тогда, когда, вслѣдствіе чужеземнаго завоеванія, народъ терялъ независимость и самостоятельное бытіе свое. Въ наше время, когда

народы болѣе и болѣе сближаются между собою и, разставаясь съ національными предрассудками, заимствуютъ другъ у друга лучшее сознаніе добра и истины, къ которому разными путями всѣхъ вела историческая жизнь,—въ наше время неестественно было бы упорно отрицать законность вліянія чужеземныхъ учрежденій; но пусть это вліяніе слѣдуетъ за сознательнымъ изученіемъ ихъ, пусть оно будетъ относительное, а не безусловное, пусть совершается постепенно и свободно, а не внезапно и насильственно: только на этомъ основаніи будетъ оно плодотворнымъ вліяніемъ.

Представителями другой крайности являются—нынѣ къ счастью уже немногочисленные—закоренѣлые старовѣры, съ какимъ-то тупымъ убѣжденіемъ отстаивающіе каждую букву, лишенную духа, каждую форму, давно отжившую свое значеніе или никогда его не имѣвшую. Ложно понимая историческую связь настоящаго съ прошедшимъ, не думая о томъ, что исторія есть движеніе впередъ отъ мертвой обрядности къ духу жизни, дорожа суевѣрно каждымъ камнемъ вѣками воздвигнутаго зданія, они готовы въ каждой случайной пристройкѣ къ нему видѣть неотдѣлимую часть стройнаго цѣлаго, и не хотятъ дотронуться до сгнившей балки, изъ боязни повредить драгоценное зданіе. Такіе люди хотя и видятъ зло, но молчатъ о немъ, боятся свѣта и не допускаютъ никакихъ нововведеній.

Но изъ всѣхъ одностороннихъ направленій, которыя выражаются въ обществѣ по вопросу о судопроизводствѣ, мы считаемъ самымъ вреднымъ направленіе педантовъ-доктринеровъ. Не заботясь объ указаніяхъ опыта и о требованіяхъ дѣйствительной жизни, они обращаютъ все свое вниманіе на систему и отвлеченную теорію судопроизводства, но и въ теоріи, и въ исторіи имѣютъ въ виду не духъ учрежденія и основныя его начала, а составныя части его и подробности дѣленія. Теряясь въ разнообразіи формъ, собираемыхъ изъ законодательства всѣхъ вѣковъ и народовъ, они стараются, сравненіемъ и взвѣшиваніемъ сухихъ формъ, замѣнить ясное пониманіе дѣла, котораго не достаетъ у нихъ, и въ однѣхъ этихъ формахъ ищутъ разрѣшенія своей задачи. Прикрываясь мантией науки, они забываютъ, что наука беретъ свое содержаніе изъ жизни, и сама должна быть жива, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать на жизнь. Ставя свою сухую и мертвую доктрину выше уроковъ исторіи и жизни, они не хотятъ справляться ни съ условіями среды, которую надѣются передѣлать по своему произволу, ни съ

людьми, которые посреди этихъ условій жили и дѣйствовали. Собирая, разчитывая, прикладывая, усложняя формы старыя и новыя, они хотять, во что бы ни стало, воздвигнуть новое зданіе, потому что стремятся все преобразовать на придуманный ладъ, но зданію ихъ не достаетъ единства и стройности, и духа жизни не слышно въ ихъ сложной системѣ. Тѣмъ не менѣе они готовы всегда испробовать ее на дѣлѣ и, если не удастся, замѣнить новою. Вездѣ, гдѣ такое направленіе брало верхъ и оказывало вліяніе свое на законодательства, законы являлись сухими сборниками правилъ и формъ, отрѣшенныхъ и отъ исторіи народа, и отъ условій дѣйствительной жизни. Понятно, что въ отношеніи къ законамъ о судопроизводствѣ, вліяніе педантическаго доктринерства еще пагубнѣе, нежели въ прочихъ частяхъ законодательства.

Опытъ чужеземныхъ народовъ и законодательствъ долженъ служить намъ урокомъ: при помощи его мы можемъ, мы должны избѣгать тѣхъ крайностей, въ которыя впадали другіе, ошибокъ и неудачъ, которыя слѣдовали за крайностями. Пора убѣдиться, что какъ одна рутина, такъ и одна кабинетная дѣятельность недостаточна, если нѣтъ при ней яснаго пониманія дѣйствительной жизни, нѣтъ смысла, распознающаго связь явленій между собою и съ общими началами. Одно изученіе кодексовъ, какъ бы ни было добросовѣстно, не дастъ намъ свѣтлаго взгляда и яснаго пониманія, покуда мы не изучимъ самыхъ явленій въ той сферѣ, въ которой призваны дѣйствовать: не забудемъ, что законъ долженъ истекать изъ потребностей дѣйствительной жизни, если имѣетъ цѣлью водворить посреди нея порядокъ и правду: жизнь дѣйствительная никогда не можетъ слѣдовать правилу, которое чуждо ей и противорѣчитъ ея условіямъ: къ чему же послужить законъ, если онъ станетъ въ разладъ съ жизнію, и жизнь должна будетъ, для поддержанія себя, пробавляться нарушеніями неисполнимаго закона?

Итакъ для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, что требуется для судопроизводства, на какихъ началахъ оно должно быть устроено, и какая система лучше всего соотвѣтствуетъ предположенной цѣли, однимъ словомъ, для того чтобы убѣдиться въ томъ, что должно быть, необходимо прежде всего узнать то, что есть, для того чтобы подъ ногами имѣть не воображаемый міръ, а твердую почву. Необходимо не только знать, изъ какихъ формъ, обрядовъ и правилъ состоитъ существующее судопроизводство, но и знать, въ какой степени

и какимъ образомъ то или другое правило закона прилагается къ дѣйствительной жизни. Надобно изучить судопроизводство на дѣлѣ: собственный опытъ прежде всего долженъ показать, какія правила и формы должны почитаться существенными, и какія могутъ или должны быть устранены, въ чемъ состоятъ общіе и частные недостатки нашей системы, и что можетъ быть оставлено въ ней неприкосновеннымъ; что соотвѣтствуетъ мѣстнымъ и временнымъ нашимъ условіямъ, и что, по разногласію съ ними, оказалось неисполнимымъ; что успѣло привиться къ народной жизни, и что ей противорѣчитъ. Можетъ-быть близкое знакомство съ дѣйствіемъ существующихъ обрядовъ и правилъ, внимательное изученіе явленій той среды, къ которой они прилагаются, покажетъ, что виною безпорядка не та или другая форма процессуальнаго обряда, которую мы готовы осудить безусловно, а законы и условія среды, къ которой она прилагается, что новая форма оказалась бы еще менѣе дѣйствительною при тѣхъ же самыхъ условіяхъ и законахъ, что, устранивъ препятствія, не зависящія отъ процессуальнаго обряда, мы могли бы удержать съ пользою прежній обычай и дать ему впервые истинное значеніе? Непосредственное и тщательное изученіе существующаго порядка тѣмъ нужнѣе для законодателя, что только при помощи такого изученія можетъ онъ освободиться отъ узкихъ взглядовъ и привычекъ вѣковой рутины и подняться на ту высоту, съ которой взгляды, просвѣщенный наукою и опытомъ, въ состояніи свободно и безпристрастно обозрѣвать всѣ явленія цѣлой сферы, отличая безъ труда существенное и необходимое отъ случайнаго и бесполезнаго.

Итакъ, необходимо прежде всего привести въ извѣстность свое собственное состояніе, собрать запасъ свѣдѣній о томъ, что существуетъ и совершается у себя, дома. Эта потребность всего ощутительнѣе въ государствѣ обширномъ, гдѣ одинаковая система примѣняется къ разнообразнымъ мѣстнымъ, племеннымъ и историческимъ условіямъ: естественно, что и разумѣніе этой системы и примѣненіе ея отличается тѣмъ же разнообразіемъ. Иное правило, оказавшееся непримѣнимымъ къ жизни, вездѣ осталось безъ исполненія; иное, привившись къ одной мѣстности, вовсе не принялось въ другой, а въ третьей подверглось, въ исполненіи, совершенному измѣненію; въ четвертой жизнь, оставивъ безъ вниманія и безъ исполненія законное правило, офиціальную форму, сама собою, помимо нея, выработала для

себя самобытный обрядъ, путемъ обычая. Въ одномъ мѣстѣ не нашлось людей для того, чтобъ осуществить на дѣлѣ мысль и намѣреніе законодателя; въ другомъ нашли такіе люди и съ перваго раза умѣли водворить около себя сознаніе новаго начала и примѣненіе новаго правила (1). Внимательное изученіе всѣхъ подобныхъ явленій покажетъ, нагляднымъ образомъ, какія части существующей системы судопроизводства сродны общественной и народной жизни, какія вовсе чужды ей, какія могутъ быть полезны, и какія составляютъ мертвую буйву, излишнюю тягость въ обрядѣ и т. п. Должно признаться, что мы до сихъ поръ не имѣемъ вовсе точныхъ свѣдѣній объ этомъ важномъ предметѣ: изученіе нашихъ законовъ и обрядовъ суда доступно каждому, но никому не извѣстенъ образъ исполненія этихъ законовъ и обрядовъ въ обширномъ нашемъ отечествѣ. Въ послѣднее время не мало отправлялось людей въ чужія стороны для изученія тамошнихъ порядковъ суда: сознавая всю пользу такого изученія, мы осмѣливаемся думать, что не менѣе полезно и еще нужнѣе было бы снарядить опытныхъ и образованныхъ людей, для добросовѣстнаго изученія собственныхъ нашихъ порядковъ, во всѣ, какъ крупныя, такъ и мелкія центры суда и управленія въ Россіи. Мы думаемъ, что свѣдѣнія, которыя могла бы собрать повсюду подобная экспедиція, послужили бы законодателю важнѣйшимъ пособіемъ въ его дѣятельности, открыли бы ему много такихъ явленій, которыхъ и подозрѣвать нельзя было, освѣтили бы новымъ свѣтомъ

(1) Укажемъ для примѣра хоть на словесную форму, установленную нашимъ закономъ для нѣкоторыхъ видовъ судопроизводства. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она существуетъ только на бумагѣ и въ буквѣ закона; въ другихъ успѣла привиться и принесла плодъ. Есть коммерческіе суды, въ которыхъ словесное производство существуетъ только по имени, есть другіе, въ которыхъ господствуетъ эта форма надъ письменною. Го же должно сказать и о торговыхъ словесныхъ судахъ, о словесныхъ судахъ при полиціи и проч. Сколько доставило бы любопытнаго матеріала изученіе одного вопроса о томъ, какимъ порядкомъ слушаются и рѣшаются дѣла въ судебныхъ мѣстахъ! Въ иномъ мѣстѣ вовсе не употребляется докладъ, въ другомъ онъ заведенъ; въ одномъ есть обычай постановлять вопросы, въ другомъ дѣло рѣшается огуломъ, безъ вопросовъ; въ одномъ вторые и третьи члены молча участвуютъ въ засѣданіи, въ другомъ они привыкли принимать участіе въ сужденіи, и пр. Упомянемъ еще о величайшемъ разнообразіи въ обрядахъ и формальностяхъ при совершеніи и явѣ актовъ у крѣпостныхъ дѣлъ.

основную его задачу, указали бы новыя и неожиданныя средства къ ея выполнению.

За изученіемъ отечественнаго судопроизводства слѣдуетъ изученіе тѣхъ системъ иностраннаго судопроизводства, которыя почитаются образцовыми. Оно не должно ограничиваться ни мертвою буквою кодексовъ, ни одною лицезвою стороною гражданскаго процесса. Многіе путешественники вывозили изъ большихъ городовъ Франціи безусловное восхищеніе отъ тамошняго судопроизводства; но у весьма немногихъ впечатлѣніе это основывалось на непосредственномъ знакомствѣ съ судебнымъ дѣломъ и всѣми его пружинами. Блестящія рѣчи извѣстныхъ адвокатовъ, достоинство магистратуры, тонкое искусство арретистовъ, вотъ чѣмъ по большей части плѣняются путешественники, изучающіе судопроизводство въ публичныхъ засѣданіяхъ; но одно это не даетъ еще сознательнаго и полнаго понятія о цѣлой системѣ. Необходимо изучить нижніе пути, по которымъ дѣло восходитъ до открытаго пренія, ознакомиться съ кабинетнымъ и канцелярскимъ механизмомъ, котораго дѣйствіе предшествуетъ суду, и безъ котораго невозможно приготовленіе дѣла къ рѣшенію. Тогда только можно дать себѣ полный отчетъ въ томъ, легко или трудно въ томъ или другомъ краю достается частнымъ людямъ правосудіе, чего стоить, какими средствами достигается судебная защита, и какое значеніе имѣетъ каждый обрядъ въ общей системѣ судопроизводства.

Только при помощи такого изученія просвѣщенный мыслитель въ состояніи будетъ дать себѣ ясный и полный отчетъ въ томъ, что есть существеннаго, разумнаго и практически полезнаго въ системахъ судопроизводства и въ разнообразныхъ принадлежностяхъ каждой системы. Не составивъ себѣ твердаго и отчетливаго убѣжденія по этому предмету, онъ или потеряется въ разнообразіи формъ и подробностей законодательства и судебныхъ обычаевъ, или выберетъ одну какую-либо систему, увлечется односторонностью, полагающею все значеніе въ формѣ, независимо отъ того, что составляетъ сущность и основаніе формы, ея такъ-сказать матеріальную подкладку. Какъ бы ни было подробно изученіе формы, оно ни къ чему не послужитъ, если плодомъ его будетъ только умноженіе въ умѣ наблюдателя массы бездушныхъ свѣдѣній, если оно не расширитъ его взгляда, не возбудитъ въ немъ самостоятельной дѣятельности. Умъ, обогащенный наблюденіями и опы-

томъ, тогда только въ состояніи создать что-либо прочное и практически полезное, когда успѣлъ самостоятельно переработать въ себѣ добытыя свѣдѣнія, и ясно видитъ передъ собою какъ цѣль, такъ и ведущія къ ней средства: тогда не будетъ ему затрудненія въ выборѣ формъ и учреждений, не будетъ нужды рабски копировать ихъ и переносить съ мѣста на мѣсто. Сосредоточивъ себя въ той сферѣ, въ которой призванъ дѣйствовать, знакомый со всѣми условіями той почвы, на которой строить свое зданіе, онъ долженъ быть не робкимъ работникомъ, а мастеромъ, извлекающимъ и планъ свой, и составныя части его изъ глубины духа, а не изъ готовыхъ учреждений и кодексовъ. Вотъ единственный надежный путь въ дѣлѣ важныхъ учреждений и преобразованій государственныхъ, слѣдовательно, и въ дѣлѣ новаго устройства суда и расправы.

IV.

При тѣхъ затрудненіяхъ, издержкахъ и хлопотахъ, съ которыми сопряжено ходатайство по дѣлу, не мудрено, что на всякомъ шагу у насъ встрѣчаются противники суда и судопроизводства; не мудрено, что, разсуждая нехладнокровно, они не всегда умѣютъ отличить несовершенство правила отъ ошибки или злаго умысла въ исполненіи, необходимое и существенное отъ излишняго и случайнаго. Исторія показываетъ, что это смѣшеніе понятій встрѣчалось не только между простыми людьми въ массѣ публики, но и между философами и политиками. Нѣкоторые и теперь готовы почитать вообще всякое судебное производство зломъ, и стараются къ искорененію этого зла направить всю дѣятельность законодательства. Умноженіе исковъ и тяжобъ служатъ, по мнѣнію ихъ, несомнѣннымъ признакомъ испорченности нравовъ въ обществѣ; ябеда является послѣдствіемъ тѣхъ же формъ и обрядовъ, которые установлены для того, чтобъ ей противодѣйствовать. Для прекращенія зла, иные предлагаютъ обрѣзать до послѣдней крайности, либо вовсе уничтожить судебныя формы, для того чтобы быстрымъ разрѣшеніемъ дѣлъ уничтожать зло въ самомъ его началѣ; другіе предлагаютъ замѣнить судъ и всю его обрядную обстановку патріархальнымъ разбирательствомъ судей - прави-

телей; третьи думаютъ замѣнить судебное разбирательство третейскимъ или ввести повсемѣстно суды примирительные.

Вопросъ о необходимости судебныхъ формъ, сильно занимавшій ученыхъ и философовъ въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ, нынѣ принадлежитъ уже къ числу рѣшенныхъ. Существенная задача всякаго процесса конечно весьма проста: судъ долженъ сказать сторонамъ свое рѣшеніе. Но не должно забывать, что есть необходимыя условія, вытекающія изъ самой сущности процесса, безъ которыхъ эта задача не можетъ быть разрѣшена удовлетворительно. Невозможно сказать рѣшеніе, не выслушавъ сторонъ; невозможно выслушать ихъ безъ явки ихъ на судъ; невозможно судить, не взвѣсивъ обвиненій и оправданій; невозможно добраться до истины, не прибѣгая къ предположеніямъ. На судѣ происходитъ борьба, споръ между сторонами: для борьбы необходимы правила и порядокъ боя, споръ невозможенъ безъ послѣдовательнаго движенія (processus) отъ общихъ началъ къ частнымъ выводамъ и приложеніямъ. Споръ происходитъ о правѣ: предметъ его долженъ быть опредѣленъ, чтобы стороны не уклонялись отъ него, и чтобы извѣстно было, чего каждая требуетъ и противъ чего защищается, что подлежитъ судейскому разсмотрѣнію, и что должно быть оставлено безъ вниманія. Право утверждается на фактахъ: необходимо опредѣлить матеріальные ихъ признаки, то-есть систему доказательствъ. Чѣмъ ближе знакомишься со всѣми подробностями процесса и его условіями, тѣмъ полнѣе убѣждаешься въ необходимости твердыхъ правилъ для руководства судьямъ и тяжущимся. Не возможно представить себѣ процессъ безъ формъ и обрядовъ: эти обряды могутъ быть ничтожны развѣ только въ краю тѣсномъ или бѣдномъ, гдѣ не развиты еще гражданскія отношенія и понятія о правѣ собственности, гдѣ торговля и промышленность стоятъ еще на низкой степени; но и здѣсь необходимо предположить полное соотвѣтствіе частной воли каждаго гражданина съ закономъ: не было бы нужды въ обрядахъ и формахъ суда, еслибы, напримѣръ, стороны всегда являлись въ судъ по первому требованію, еслибы каждая изъ нихъ искренно желала обнаруженія истины и не увлекалась личнымъ интересомъ, еслибы допрашиваемыя лица всегда говорили одну только правду, еслибы судьи, постоянно способные и достойные, не могли ни ошибаться, ни разногласить, ни увлекаться за предѣлы своей власти, и т. п. Очевидно, что при подобныхъ условіяхъ не нужно было бы вовсе и суда, но если онъ нуженъ,

то нужны и формальности. Онѣ составляютъ благотѣльное обезпеченіе тяжущихся отъ судебного произвола и отъ личнаго вліянія; служатъ судебному производству остовомъ, на котормъ оно укрѣпляется и удерживается въ порядкѣ. Если отнять формы, то всѣ судебныя дѣйствія должны будутъ смѣшаться, и вмѣсто стройнаго порядка образуется судебная путаница, въ которой только недобросовѣстность и произволъ могутъ свободно дѣйствовать. Естественно однакоже, что не всякій видъ суда требуетъ одинаковыхъ формъ, и въ одномъ и томъ же количествѣ; одна и та же форма, на разныхъ степеняхъ суда, можетъ имѣть не одинаковое значеніе. Такъ, напримѣръ, при устройствѣ мѣстнаго суда, имѣющему цѣлю доставить тяжущимся скорый и, по возможности, простой способъ разбирательства на мѣстѣ только-что возникшаго несогласія или пререканія о правѣ, тамъ, гдѣ стороны находятся по большей части на лицо и могутъ быть выслушаны немедленно, гдѣ вопросы, подлежащіе разрѣшенію, не сложны и могутъ быть при первомъ обзорѣни обняты какъ судьей, такъ и сторонами, гдѣ по малому протяженію подсуднаго круга, подъ рукою у судьи находятся достаточныя средства къ уясненію фактической стороны дѣла, тамъ требуются самыя простыя и несложныя формы суда. Обряды эти по необходимости усложняются въ той степени суда, въ которой споръ между сторонами принимаетъ видъ формальнаго состязанія, всякая ошибка или упущеніе одной стороны составляетъ приобрѣтеніе для другой, участіе судьи въ споръ совершенно устраняется или допускается въ малой мѣрѣ, и обиліе и запутанность фактовъ требуютъ примѣненія болѣе сложной и искусственной системы доказательствъ.

Съ другой стороны, чрезмѣрное изобиліе формъ и предосторожностей въ судебномъ производствѣ также ведетъ къ путаницѣ и злоупотребленіямъ: формы, вмѣсто того чтобы служить къ огражденію частныхъ лицъ, препятствуютъ свободной защитѣ права и нерѣдко влекутъ за собою разореніе просителя, если размноженіе ихъ связано съ фискальными цѣлями. Крайность этого рода можетъ быть еще вреднѣе противоположной крайности, для достиженія цѣлей правосудія. Если чрезмѣрная распущенность суда ведетъ къ неопредѣленности и запутанности его, то и чрезмѣрное обиліе формъ ведетъ къ стѣсненію естественной свободы, дѣлающему защиту права въ высшей степени затруднительною для частнаго лица. Законодательство, развиваясь въ этомъ направленіи, не способствуетъ, а препят-

ствуесть достиженію правды, ибо при господствѣ канцелярскихъ обрядностей, правда матеріальная мало-по-малу совершенно поглощается поддѣльною, формальною правдой; судья, обремененный заботою объ обрядѣ, становится равнодушнѣ къ сущности своего дѣла, а тяжущіеся привыкають состязаться на судѣ не прямымъ оружіемъ правды, а хитрыми приказными уловками, развращающими понятіе о правѣ и въ нихъ самихъ, и въ судѣ, который обязанъ ихъ распутывать. Ошибается законодатель, когда, руководимый недоувѣріемъ къ судѣ и равнодушіемъ къ великому значенію судебной власти, думаетъ онъ распложеніемъ формальностей, сроковъ и заповѣдей поставить границу судейскому произволу: подъ покровомъ этихъ формъ, особливо когда примѣненіе ихъ совершается безгласно, произволь судейскій и канцелярскій усиливается еще болѣе, находя на всякомъ шагѣ готовые поводы и предлоги. Не трудно законодателю придумать новую форму, установить новое запрещеніе: но только лѣнивая мысль, только робкая и легкая совѣсть довольствуется поверхностнымъ взглядомъ на вопросъ, поверхностнымъ разрѣшеніемъ затрудненія. Несравненно труднѣе заглянуть въ глубину явленія, распознать и уяснить себѣ скрытыя причины его и послѣдствія: за то только послѣ такого труда и возможно дойти до очевиднаго убѣжденія въ единомъ истинномъ средствѣ къ исцѣленію зла и къ установленію порядка. Какъ въ сферѣ нравственной, такъ и въ сферѣ положительнаго закона, излишняя заповѣдь, ненужное запрещеніе прозядаютъ пагубное дѣйствіе: стѣсняя безъ нужды свободу лица, онѣ побуждаютъ ее искать въ нарушеніи закона средствъ для удовлетворенія естественной необходимости, онѣ развиваютъ и въ гражданинѣ и въ обществѣ лицемѣріе передъ закономъ и неуваженіе къ нему: а что можетъ быть пагубнѣе такой привычки для блага общественнаго? Законодатель, вполнѣ понимающій свое призваніе, всегда имѣетъ въ виду высшія цѣли гражданскаго общества, и для достиженія ихъ разчитываетъ не только на дѣйствіе страстей, на влеченіе падшей и развращенной природы, но въ особенности на высшія силы, сокрытыя въ душѣ человѣка, на энергію воли, на свободное дѣйствіе личности. Преслѣдуя неизбѣжное зло, онъ не ставитъ передъ собою невыполнимой задачи—предупредить всякое зло въ обществѣ, но заботится о томъ, чтобы добрыя и благородныя побужденія въ каждомъ гражданинѣ и во всѣхъ могли развиваться

ся безпрепятственно для борьбы со зломъ и не встрѣчали на пути своемъ вредныхъ стѣсненій для законной свободы.

Дѣло законодательства—установить формы въ надлежащемъ соотвѣтствіи между собою и съ тѣми цѣлями, къ которымъ онѣ должны быть направлены: опытъ послужить лучшимъ указаніемъ того, какая форма необходима, и какая безъ опасенія можетъ быть отвергнута. Вездѣ, гдѣ законодатель, пренебрегая формами, оставляя ихъ безъ вниманія или предоставляя устройство ихъ судебному обычаю, обнаруживались вредныя послѣдствія такого направленія: въ судебномъ производствѣ по необходимости слагались формальности сложныя и обременительныя, или оно должно было возвращаться къ старымъ формамъ, давно потерявшимъ свое значеніе и отвергнутымъ здравою критикой. Такъ случилось, напримѣръ, въ 1793 году во Франціи, когда люди, стоявшіе во главѣ правительства, замыслили разомъ уничтожить всѣ формы, издавна принятыя на судѣ. Цѣлью этихъ людей было сдѣлать правосудіе доступнымъ для каждаго безъ труда, достигнуть того, чтобы каждый, не нуждаясь въ знаніи судебныхъ обычаевъ, могъ защитить свое право. Чтò же вышло? Люди самые безнравственные и невѣжественные получили возможность являться на судѣ съ ябедническими вымыслами, и скоро всѣ суды обременены были множествомъ пустыхъ исковъ; честнымъ людямъ сдѣлалось почти невозможно защищать правое дѣло; безъ правилъ нельзя было обойтись, а всѣ правила и формы перемѣшались; самая пустая придирка могла дать дѣлу ложное направленіе, и самая благодѣтельная формальность не могла уже служить огражденіемъ отъ ябедъ. Всѣ фискальныя стѣсненія были отмѣнены, но правосудіе обходилось каждому несравненно дороже прежняго. Такимъ образомъ излишнее пренебреженіе законодателя къ формѣ, такъ же какъ и излишнее къ ней расположеніе производить дѣйствіе одинаково вредное.

Опасно, увлекаясь подозрительностію къ формамъ, полагаться на усмотрѣніе судьи въ опредѣленіи большей части обрядностей: тогда при неограниченномъ развитіи судейскаго произвола, самый судъ мало-по-малу можетъ получить характеръ полицейскаго установленія; но не менѣе опасна и другая крайность—излишнее стѣсненіе свободы, принадлежащей судѣ, запутанною сѣтью обрядностей. Законодателю предстоитъ назначить обязательнымъ формамъ такое мѣсто въ процессѣ и расположить ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы въ указываемыхъ ими

границахъ оставалось свободное поле для самостоятельной судебской дѣятельности: а форма исполняла бы только существенное свое назначеніе, охраненіе порядка въ развитіи процесса. Законодатель не долженъ упускать изъ виду, что форма существуетъ *не ради самой себя*, но ради процесса, а процессъ не самъ себѣ служить цѣлью, но установленъ единственно для отысканія и признанія *права*. Въ этомъ отношеніи необходимо имѣть въ виду различіе между *процессуальными правами* и процессуальнымъ *производствомъ* въ тѣсномъ смыслѣ. Обрядности, съ которыми *связано право* процессуальное, не должно смѣшиваться съ обрядностями, по коимъ *обыкновенно совершается то или другое судебное дѣйствіе*. Только первыя должны служить предметомъ обязательнаго закона; послѣднія же могутъ быть указаны простою инструкціей или предоставлены свободному усмотрѣнію судьи. Когда и эти послѣднія формальности наравнѣ съ первыми и безъ различія отъ нихъ подчиняются общему, строгому правилу, тогда становится трудно распознать, какое дѣйствіе должно почитаться на судѣ существеннымъ, и какое не имѣетъ существеннаго значенія. Въ такомъ случаѣ всѣ обрядности сливаются въ одно безпорядочное цѣлое, и форма получаетъ не принадлежащее ей господство на судѣ къ ущербу матеріальнаго права.

Быстрота судебного производства также не должна быть господствующею цѣлью стремленій законодателя. Судъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть *скорый*, безотлагательный, но прежде всего онъ долженъ быть *правый*; ни одного изъ этихъ качествъ не слѣдуетъ развивать насчетъ другаго; не трудно, подъ вліяніемъ односторонняго стремленія къ быстротѣ, обрѣзать многія формы и сроки, замедляющіе ходъ дѣла, не трудно въ особенности для того, кто самъ мало знакомъ съ судебною практикою и не участвовалъ въ разрѣшеніи или производствѣ дѣлъ многосложныхъ и запутанныхъ. Но имѣя въ виду истца, преслѣдующаго справедливое дѣло, не должно забывать и объ *отвѣтчикѣ*, несправедливо обвиняемомъ; первый желаетъ простаго и скораго производства; послѣдній отъ того же самаго производства въ правѣ требовать такихъ формъ, которыя дали бы ему средство и время защититься отъ неправильнаго притязанія. Не слѣдуетъ забывать и о судѣ, которому предстоитъ нѣрѣдко въ разрѣшеніи дѣла серьезная умственная работа, требующая спокойнаго, обстоятельнаго, добросовѣстнаго разсмотрѣнія. Исключительная забота о быстротѣ рѣшеній, слишкомъ усер-

дное побужденіе къ тому же сверху, можетъ развить въ судѣ равнодушіе къ дѣлу, пренебреженіе къ существу его, склонность удовлетворяться формальнымъ его окончаніемъ, или тѣмъ, что называютъ *очисткою* производства. Сколько видимъ мы канцелярій и судовъ, которые по наружности отличаются примѣрною дѣятельностію: къ концу года очищаются всѣ бумаги, подписываются всѣ протоколы, составляются отчеты съ итогами, кругло и тщательно выведенными, такъ что по наружности не остается ничего болѣе желать. Но стѣбитъ только справиться съ сущностію судебныхъ дѣйствій, исчисленныхъ въ отчетѣ огромною цифрой, чтобы убѣдиться въ совершенной пустотѣ, въ крайнемъ лицемѣрїи одной формальной дѣятельности: подъ нею весьма часто скрывается отсутствіе умственного труда или стремленіе заслужить доброе мнѣніе начальства однимъ видомъ исполненія своего долга. Если въ судѣ, равнодушномъ къ дѣлу правосудія, можетъ развиться столь лицемѣрное понятіе о своемъ долгѣ, то законъ по крайней мѣрѣ не долженъ способствовать къ распространенію такихъ понятій, не долженъ ставить судью въ ложное положеніе, въ которомъ исполненіе нравственной и разумной обязанности по совѣсти и закону невозможно согласить съ формальными условіями дѣятельности, опредѣленными тѣмъ же закономъ.

Ревнуя о сокращеніи сроковъ и объ ускореніи судопроизводства, законодатель во всякомъ случаѣ долженъ соразмѣрять свою ревность съ условіями мѣста и времени. Сокращеніе формъ и сроковъ должно быть основано не на отвлеченныхъ соображеніяхъ, а на достовѣрномъ предположеніи, истекающемъ изъ мѣстныхъ потребностей. Въ краю необширномъ, или тамъ, гдѣ густое населеніе равномерно распредѣляется по территоріи, гдѣ съ распространеніемъ образованія въ народной массѣ, сообщеніе между гражданами сдѣлалось легкимъ и удобнымъ, гдѣ значительно распространены и доступны каждому средства публичности, тамъ, безъ сомнѣнія, можно и должно требовать быстроты и большей простоты въ устройствѣ судебного механизма: формы и сроки здѣсь могутъ быть сокращаемы до той степени, до которой расширяется предположеніе о возможности и удобствахъ въ соблюденіи ихъ. Требованія теоріи по необходимости должны быть умѣреннѣе въ отношеніи къ обширному, мало и неравномѣрно населенному государству, въ которомъ грамотность мало распространена въ народѣ, общественная жизнь мало развита, и между различными клас-

сами общества образовалось еще немного точек соприкосновения. Здѣсь нерѣдко тяжущіяся стороны отдѣлены другъ отъ друга и отъ суда огромными пространствами, съ трудомъ проѣзжаемыми; центральныя мѣста политической, умственной и промышленной жизни раздѣлены по территоріи въ дальнемъ разстояніи и не въ одинаковомъ отношеніи между собою: при такихъ условіяхъ иное сокращеніе формы будетъ имѣть видъ насильственнаго требованія; иное требованіе закона, по крайнему неудобству въ исполненіи, окажется на дѣлѣ нарушеніемъ справедливости, отказомъ въ правосудіи. Причиной медленности въ судопроизводствѣ бываетъ иногда самъ законъ, если онъ отсталъ отъ жизни и держится формъ, давно устарѣвшихъ или сдѣлавшихся негодными при измѣнившемся бытѣ; еще чаще злоупотребленія въ исполненіи закона бываютъ причиною медленности; и тутъ недостаточность закона служить иногда поводомъ къ злоупотребленіямъ. Но есть и такая медленность, которую нельзя предотвратить никакимъ закономъ, именно та, которой причина кроется въ матеріальныхъ условіяхъ жизни. Законъ долженъ по необходимости подчиниться этимъ условіямъ: онъ не въ силахъ измѣнить ихъ и не въ правѣ забывать о нихъ или пренебрегать ими.

V.

Мысль о замѣнѣ судебного разбора третейскимъ принадлежитъ къ числу добрыхъ желаній, которымъ едва ли суждено когда-либо осуществиться на дѣлѣ. Нельзя надѣяться, чтобъ офиціальное посредничество суда между сторонами могло быть съ успѣхомъ замѣнено частнымъ посредничествомъ. Начало того и другаго различное. Идея суда принадлежитъ къ области государственнаго права: судъ есть *власть* государственная; отнимите у него власть, и онъ потеряетъ свое высокое значеніе. Судъ имѣетъ цѣлью охраненіе и возстановленіе законной *правды*, уничтоженіе всякаго сомнѣнія, возникающаго о *правдѣ* законной; основаніемъ судебному приговору служитъ принципъ, не допускающій никакой сдѣлки: онъ долженъ удовлетворять вполнѣ общественному сознанію о правдѣ и неправдѣ, то-есть закону положительному и справедливости. Напротивъ, идея посредничества принадлежитъ къ области гражданскихъ,

договорныхъ сдѣлокъ. Стороны заботятся здѣсь не о томъ, чтобы споръ ихъ разрѣшенъ былъ строгимъ примѣненіемъ закона, но о томъ, какъ бы согласить взаимные интересы и прекратить разногласіе удобнѣйшимъ для себя путемъ; съ этою цѣлью, то-есть съ цѣлью личнаго интереса онѣ соглашаются избрать третье лицо, которому довѣряютъ разрѣшеніе спора; и качествъ судьи, и основанія рѣшенія, и средства исполненія,—все опредѣляется здѣсь этимъ соглашеніемъ. Такое соглашеніе должно быть дѣйствительно свободное, и никакой законъ не въ правѣ предположить его, если его нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Естественно, что такое соглашеніе всегда было и будетъ явленіемъ исключительнымъ; а въ большинствѣ случаевъ одна изъ сторонъ, если не та и другая, непременно потребуетъ справедливаго рѣшенія по закону отъ того судьи, который именемъ государства даетъ всѣмъ и каждому судъ и расправу. Государство ни въ какомъ случаѣ не можетъ отказать въ этомъ требованіи: это значило бы, что оно перестало быть государствомъ.

Всѣ попытки устроить судъ такъ, чтобы каждый процессъ при самомъ началѣ своемъ могъ оканчиваться сдѣлкою, имѣли въ виду цѣль самую нравственную, — водворить между людьми миръ, отвратить между ними распри и ябеды и сдѣлать ненужными сложныя, сбивчивыя и затруднительныя формы процесса. Не мудрено, что такъ разсуждали нѣкоторые моралисты и философы XVIII столѣтія, когда мечтали построить гражданское общество по задуманному идеалу и водворить во всемъ человѣчествѣ первобытную простоту нравовъ и отношеній. Это взгляды людей непрактическихъ, незнакомыхъ съ условіями дѣйствительной жизни. Законъ положительный, издаваемый человѣческой властью, не въ силахъ измѣнить природу человеческую, не въ правѣ требовать отъ нея невозможнаго; общее правило его должно быть приноровлено къ дѣйствительнымъ ея условіямъ, а не къ чертамъ идеальнаго нравственнаго совершенства. Нравственный законъ совѣтуетъ человѣку: старайся уступать, не заводи спора, соглашайся на миръ; но законъ государственный не можетъ предъявлять такого требованія, не нарушая правды; не можетъ въ каждомъ гражданинѣ разчитывать на готовность къ исполненію нравственнаго совѣта. Законъ положительный воздастъ каждому должное и никого не приглашаетъ къ уступкѣ своего права.

Если разсуждать о дѣлѣ безъ увлеченія и безъ предпри-

нятыхъ мнѣній, то едва ли можно будетъ согласиться съ тѣми, которые безусловно почитаютъ каждый процессъ зломъ нравственнымъ, и малое число тяжобъ въ государствѣ полагаютъ признакомъ внутренняго мира и благосостоянія. Зло состоитъ не въ сущности процесса и не въ одномъ количествѣ тяжобныхъ дѣлъ, а въ случайныхъ и мѣстныхъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ развиваются и продолжаются тяжбы, и въ недостаткахъ судебной организаціи. Процессъ, самъ по себѣ, есть явленіе гражданской жизни; умноженіе процессовъ необходимо слѣдуетъ за развитіемъ общественныхъ отношеній. Не даромъ называютъ процессъ дѣломъ; чѣмъ болѣе дѣлъ между гражданами, тѣмъ болѣе процессовъ. Гдѣ неразвиты торговля и промышленность, гдѣ слабо обращеніе денегъ, и незначительна масса народнаго капитала, гдѣ много еще неразработанныхъ источниковъ народнаго богатства, тамъ незначительно и число процессовъ, но изъ этого невозможно еще заключить о мирѣ и благосостояніи общества: опытъ показываетъ, что именно въ такомъ состояніи общества, собственность гражданина мало обезпечена отъ произвола, понятія о правѣ мало развиты, цѣлыя сословія почитаются безправными, многія лица не имѣютъ собственности, и разрѣшаются одною матеріальною силой тысячи такихъ столкновеній между гражданами, которыя при лучшемъ устройствѣ общественныхъ отношеній разрѣшились бы не иначе какъ правдой и судомъ. Судебныхъ дѣлъ бываетъ немного. Но ближайшее знакомство съ содержаніемъ старыхъ дѣлъ покажетъ намъ, какъ были въ то время обыкновенны въ судахъ и ябедническіе вымыслы, и жестокая проволочка, судебскій произволъ и безпорядочныя рѣшенія: все это признаки скудости и невѣжества. По мѣрѣ того, какъ развиваются новыя отношенія, и являются новыя силы въ обществѣ, законъ положительный стремится опредѣлить ихъ и водворить въ нихъ порядокъ, а вслѣдъ за закономъ являются процессы: несправедливо было бы относить постепенное умноженіе ихъ именно насчетъ злыхъ побужденій человѣческой природы, насчетъ корыстолюбія и зависти. Каждый, кто знакомъ съ дѣломъ, знаетъ, что въ большинствѣ случаевъ спорные вопросы возникаютъ естественнымъ путемъ изъ самого закона, и каждая сторона добросовѣстно почитаетъ себя въ правѣ искать удовлетворенія.

Чѣмъ богаче содержаніемъ право, опредѣляемое закономъ, тѣмъ болѣе возникаетъ изъ него юридическихъ вопросовъ, тѣмъ разнообразнѣе становятся сплетенія фактовъ, изъ которыхъ над-

лежитъ извлечь истину, для рѣшенія. Всякая попытка оставить быстрое размноженіе всѣхъ такихъ вопросовъ или противодѣйствовать ему было бы такъ же невозможно, такъ же безумно, какъ и попытка остановить непрерывно-продолжающееся теченіе гражданской жизни. Жизнь исполнена сомнѣній и вопросовъ: всѣ они требуютъ разрѣшенія, и въ правѣ получить его; а всякій споръ гражданскій есть сомнѣніе, пререканіе о правѣ. «Все-таки это споръ, возражаютъ моралисты: покуда онъ не разрѣшенъ, продолжается раздраженіе; миръ есть лучший исходъ для всякаго спора.» Но близкое знакомство съ характеромъ людей и дѣлъ убѣждаетъ, что этимъ путемъ рѣдко съ удобствомъ разрѣшается судебное дѣло. Не забудемъ, что сомнѣніе, возникшее изъ *разумнаго* начала и укоренившееся въ убѣжденіи, можетъ удовлетвориться только *разумнымъ* же разрѣшеніемъ: не всякій способенъ погасить его въ себѣ и отступить отъ своего убѣжденія, не убѣдившись въ его неосновательности. Убѣжденіе въ правотѣ своей, если укоренилось въ душѣ, должно быть дорого для каждаго; тѣмъ тверже и упорнѣе будетъ оно держаться въ личномъ сознаніи, чѣмъ болѣе развито въ цѣломъ обществѣ понятіе о правѣ, и чѣмъ крѣпче увѣренность въ правосудіи. Этимъ убѣжденіемъ пренебрегать не слѣдуетъ: правда, что одною стороною своею оно граничитъ съ эгоизмомъ и своекорыстіемъ, ослѣпляющимъ человѣка; но есть у него и другая сторона—чистое сознаніе правды, которой нельзя не признать свойствомъ человѣка и гражданина. Въ такомъ случаѣ несправедливо было бы уклоненіе отъ мира называть упорствомъ и хитростію. Мировое соглашеніе тѣмъ возможнѣе между тяжущимися, чѣмъ менѣе каждый изъ нихъ убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла; если же одна сторона, по твердости характера, по хитрости или по внѣшнему авторитету, можетъ взять верхъ надъ другою, то миръ всегда будетъ побѣдою сильнаго надъ слабымъ. Не споримъ, что при дурномъ устройствѣ правосудія, миръ, какъ бы ни былъ невыгоденъ для одной изъ сторонъ, во всякомъ случаѣ можетъ считаться благопріятнымъ исходомъ, спасеніемъ отъ бѣды; но мы говоримъ здѣсь о томъ, каковъ долженъ быть благоустроенный судъ, а не о томъ, какъ отъ него избавиться, если онъ дурно устроенъ.

Итакъ, по самой сущности процесса, не въ одномъ количествѣ тяжбъ заключается зло, уменьшеніе коего долженъ имѣть въ виду законодатель. Каждый день порождаетъ множество новыхъ

тяжебъ: общество еще не терпитъ отъ этого, если процессы возникаютъ и разрѣшаются естественнымъ порядкомъ; если тяжущійся обращается съ полнымъ довѣріемъ къ судейской власти, а судья при разрѣшеніи споровъ руководствуется твердымъ и неизмѣннымъ сознаниемъ права. Какъ бы ни были разнообразны и многочисленны спорные вопросы, они не сбиваютъ съ толку ни судей, ни тяжущихся, если въ судебномъ дѣлѣ есть свѣтъ и порядокъ. Но если нѣтъ ни свѣта, ни порядка на судѣ, въ такомъ случаѣ умноженіе дѣлъ дѣйствительно становится общественнымъ бѣдствіемъ.

Тамъ, гдѣ судъ совершается безгласно и произвольно, гдѣ нѣтъ ни правильно-организованнаго судебного сословія, ни твердой судебной доктрины, гдѣ при назначеніи судей не требуется отъ нихъ оцѣнки въ судебномъ дѣлѣ и особаго къ нему призванія, гдѣ тяжелыя формы производства не облегчаютъ, а затрудняютъ открытіе матеріальной истины, гдѣ посторонняя власть имѣетъ возможность препятствовать свободному дѣйствию власти судебной, тамъ не можетъ быть ни довѣрія къ суду, ни единства, ни твердости судебныхъ рѣшеній. Сегодня рѣшается такъ, завтра иначе; сегодня называется бѣлымъ то, что завтра названо будетъ чернымъ, а послѣзавтра краснымъ и т. д. Понятно, что при такомъ положеніи судопроизводства никто изъ тяжущихся не можетъ съ вѣроятностью разчитывать на то или другое рѣшеніе спорнаго вопроса; нѣтъ твердыхъ основаній для ихъ разрѣшенія, и потому одни и тѣ же вопросы ежедневно возобновляются, и, послѣ каждаго рѣшенія, вопросъ остается въ прежней неопредѣленности; понятно, что такимъ образомъ тяжба, вмѣсто того чтобы быть юридическимъ споромъ о правѣ, превращается въ азартную игру, въ которой есть своего рода рискъ и премія обезпеченія. Частному человеку, недалеконвидному взглядомъ и испытавшему на себѣ самомъ всѣ невыгоды и затрудненія судебного ходатайства, позволительно еще ошибаться и смѣшивать причину зла съ необходимымъ его послѣдствіемъ, но законодатель легко можетъ понять, что одними формальными средствами невозможно достигнуть уменьшенія тяжбъ, когда причины чрезмѣрнаго ихъ умноженія скрываются въ безпорядкѣ судебного производства, въ дурномъ устройствѣ судовъ, въ несовершенствѣ другихъ частей законодательства и управления.

VI.

Итакъ, процессъ самъ по себѣ не есть зло для общества. Но для частнаго лица онъ во многихъ случаяхъ есть бѣдствіе: почти всегда влечетъ онъ за собою неудобства, стѣсненія, невыгоды, часто даже разореніе. Всѣ эти невыгоды въ такомъ только случаѣ могутъ считаться неизбѣжными послѣдствіями процесса, когда самый процессъ вызванъ необходимостью, дѣйствительнымъ сомнѣніемъ о правѣ, дѣйствительною невозможностью разрѣшить несогласіе безъ помощи судебного производства. Къ сожалѣнію, однакожъ, нерѣдко случается, что несогласіе, ведущее къ процессу, возникаетъ по случайнымъ причинамъ, вслѣдствіе личныхъ отношеній, вслѣдствіе неблагоприятныхъ и ложныхъ внушеній, по недоразумѣнію о фактической сторонѣ дѣла, на основаніи личнаго раздраженія, не допускающаго ни той, ни другой стороны сознаться въ вину или ошибку, можетъ-быть взаимной. Во многихъ случаяхъ, при самомъ началѣ раздраженія, готоваго уже перейти въ дѣйствительный споръ, не трудно было бы уничтожить недоразумѣніе, еслибъ явился между сторонами правдивый и безпристрастный посредникъ, и, пользуясь довѣріемъ обѣихъ сторонъ, согласилъ бы ихъ противорѣчіе, или убѣдилъ бы ихъ, что спорить не о чемъ. Въ эту минуту возможно еще полюбовное соглашеніе: остается сдѣлать еще шагъ, начать дѣло въ судѣ, и соглашеніе станетъ вдвое труднѣе, а когда огласятся передъ судомъ взаимныя требованія и возраженія, когда завяжется формальная борьба противниковъ, когда на ступеняхъ процессуальной лѣстницы каждый изъ нихъ станетъ ловить и утверждать за собою новое формальное право, тогда въ большей части случаевъ соглашеніе становится уже почти невозможностію.

Эта рѣшительная минута, когда зараждается споръ, и приготавливается процессъ, минута сомнѣнія и недоразумѣнія, обращала на себя особенное вниманіе многихъ законодателей. Они поставили себѣ задачей—воспользоваться ею для уничтоженія спора въ самомъ зародышѣ, при помощи официальныхъ или полуофициальныхъ посредниковъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность склонять спорящихъ къ примиренію, прежде нежели споръ ихъ получить судебное значеніе. Зачатки подобнаго

учрежденія можно распознать въ законахъ древней Греціи и древняго Рима; но мысль объ оиціальному посредничествѣ между спорщиками до суда распространилась съ особенною силою въ XVIII столѣтіи, подъ вліяніемъ философскаго взгляда на процессъ, какъ на зло общественное, которое слѣдуетъ искоренять всѣми мѣрами. Въ половинѣ XVIII столѣтія существовалъ въ Голландіи законъ, въ силу котораго спорящія стороны, готовясь вступить въ процессъ, обязаны прежде лично обратиться къ особымъ судьямъ-примирителямъ: не ранѣе какъ послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ къ примиренію, позволялось имъ требовать себѣ правосудія формальнымъ порядкомъ. Вилліамъ Пеннъ, въ Америкѣ, предлагалъ установить спеціальную магистратуру для предварительнаго выслушиванія спорящихъ и соглашенія ихъ къ миру. Мысль эта впервые выразилась систематически во Франціи, съ учрежденіемъ мировыхъ судей въ 1790 году; съ того времени осуществилась она во французскомъ гражданскомъ процессѣ положительнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ. Основнымъ правиломъ французскаго судопроизводства съ 1790 года принято, что ни одна новая тяжба между сторонами, юридически способными лично входить въ сдѣлку, не можетъ быть начата въ судѣ первой степени, если мирный судья не приступалъ къ предварительному ихъ соглашенію. Правило это обязательно для всѣхъ дѣлъ, которыя, по закону, должны быть непосредственно начинаемы въ судѣ первой степени: въ такихъ дѣлахъ стороны обязуются, прежде формальнаго начатія дѣла, явиться къ мирному судѣ по его вызову, подъ опасеніемъ штрафа за неявку; вызовъ этотъ производится оиціально посредствомъ повѣстки судебного пристава; разбирательство, требующее составленія протоколовъ, сопряжено съ судебными издержками (*conciliation à l'audience*); рѣчи сторонъ, записываемыя въ протоколъ, могутъ быть принимаемы въ соображеніе при судебномъ производствѣ дѣла, если соглашеніе не состоится. Независимо отъ этого порядка, въ дѣлахъ, которыя по закону разбираются или окончательно, или съ правомъ апелляціи у мирового судьи, какъ въ низшей инстанціи, мировой судья обязанъ, прежде формальнаго вызова отвѣтчиковъ, пригласить къ себѣ обѣ стороны для попытки къ примиренію ихъ. Это приглашеніе и переговоры мирового судьи съ сторонами совершается неоиціально, безъ издержекъ и безъ посредства пристава, по простой запискѣ судьи (*conciliation en dehors de l'audience*).

Другія законодательства возлагаютъ обязанность соглашать стороны къ миру, до вступленія въ судъ, на мѣстныхъ начальниковъ общины, къ которой принадлежатъ спорщики, на особыхъ посредниковъ, собственно для этой цѣли установленныхъ и не принадлежащихъ къ суду (1), наконецъ предоставляютъ самому суду, прежде принятія формальнаго иска, назначить по своему усмотрѣнiю стороннихъ посредниковъ для выслушанiя и соглашенiя сторонъ. Всѣ эти учрежденiя болѣе или менѣе носятъ на себѣ характеръ обязательности, и потому самому не достигаютъ своего назначенiя.

Обязательность мирового разбора, какъ мы замѣтили уже прежде, совершенно противорѣчитъ сущности всякаго мирового соглашенiя. Если для спорщиковъ во многихъ случаяхъ полезно въ рѣшительную минуту встрѣтить человека, который могъ бы разъяснить имъ ихъ недоразумѣнiя и погасить взаимное ихъ раздраженiе, то необходимо, чтобы такая встрѣча была свободная, чтобы свободно было и отношенiе ихъ къ посреднику. Здѣсь все зависитъ отъ личнаго довѣрiя и уваженiя, которое имѣютъ къ такому лицу обѣ стороны. Придать ему характеръ официальной необходимости, облечь его въ качествѣ посредника внѣшнимъ авторитетомъ судьи, значить или подвергать нѣкоторому насилiю свободную волю сторонъ или устанавливать для суда излишнюю формальность, не имѣющую существеннаго значенiя. Если такой судья-посредникъ, по личному своему знакомству, можетъ имѣть влiянiе на волю и убѣжденiя спорящихъ, если по мѣстному положенiю своему онъ близко знакомъ съ личными ихъ отношенiями и обстоятельствами, подготавливавшими споръ, если по своему образованiю и опытности способенъ онъ быстро обнять юридическую сторону возникающаго спора и взвѣсить противорѣчащiя права, то какъ трудно ему самому сохранить свое безпристрастiе въ виду всѣхъ мѣстныхъ и личныхъ обстоятельствъ, и въ переговорахъ съ сторонами удержаться на точкѣ равновѣсiя, не допускающей выразить свою склонность къ одной изъ нихъ? Если же, не зная лично приходящихъ къ нему за разборомъ, онъ равнодушенъ къ его исходу, то разборъ превращается въ соблюденiе пустой формальности, и удостовѣренiе о безуспѣшности его получаетъ значенiе лишняго документа, необходимаго для предьявленiя

(1) Таковы напримѣръ въ Пруссiи такъ-называемые *Schiedsmänner*.

иска на судѣ. Къ такому заключенію приводятъ и теорія, и опытъ обязательнаго мирового разбора въ большей части европейскихъ государствъ, гдѣ онъ установленъ. Только во Франціи судебная статистика представляетъ, повидимому, блистательное доказательство противнаго. Офиціальныя свѣдѣнія, собранныя по этому предмету, показываютъ, что дѣятельность мировыхъ судей, по прекращенію споровъ, съ каждымъ годомъ становится успѣшнѣе: при содѣйствіи ихъ прекращается миромъ около половины спорныхъ дѣлъ, подлежащихъ предварительному ихъ соглашенію, какъ въ офиціальной, такъ и неофиціальной формѣ. Но должно замѣтить въпервыхъ, что въ самой Франціи существуетъ сильное сомнѣніе въ полной достовѣрности и добросовѣстности офиціальныхъ цифръ, доставляемыхъ мировыми судьями, которые принадлежатъ къ числу чиновниковъ, назначаемыхъ отъ правительства и ожидающихъ отъ него гнѣва и милости; въвторыхъ, если и допустить полную достовѣрность этихъ чиселъ, то и они могутъ имѣть только относительное, а не безусловное значеніе, покуда остается неизвѣстнымъ, какими путями, и на какомъ основаніи совершенно соглашеніе во всѣхъ случаяхъ, исчисленныхъ голою цифрой, и въ какомъ отношеніи состоитъ количество прекращенныхъ споровъ къ числу всѣхъ споровъ, возбужденныхъ не только въ цѣломъ государствѣ, но и въ той или другой мѣстности.

Правило, принятое французскимъ законодательствомъ, подверглось критикѣ при составленіи женеваго устава о судопроизводствѣ гражданскомъ: съ 1819 года оно вовсе отвергнуто этимъ уставомъ, какъ не соотвѣтствующее цѣлямъ правосудія. Женеваскій законъ, допуская участіе судьи въ соглашеніи спорящихъ, рѣшительно устраняетъ всякую обязательность такого участія, не дозволяетъ никакихъ вызововъ и приглашеній. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано только для тяжбъ между супругами и родственниками въ восходящей и нисходящей линіи.

Если теорія судопроизводства не можетъ признать безусловную справедливость офиціальнаго способа къ соглашенію споровъ, то несправедливо было бы и отвергать его безусловно, какъ негодный, при какихъ бы то ни было условіяхъ. Механизмъ судопроизводства и устройства судебныхъ мѣстъ нигдѣ не доведенъ еще до желаемаго совершенства: вездѣ еще возможно, къ сожалѣнію, торжество истины формальной надъ матеріальною. Производство судебного дѣла связано еще съ большими

издержками, нерѣдко превышающими, къ концу процесса, сумму выиграннаго исна; количество этихъ издержекъ зависитъ еще болѣе или менѣе отъ случайностей и отъ произвола лицъ, служащихъ официальными орудіями суда; въ фактическихъ и юридическихъ условіяхъ спора возможна еще неопредѣленность, мѣшающая правильности разчета объ успѣшности иска или защиты и дающая самому рѣшенію видъ нетвердой попытки къ опредѣленію права; не у всѣхъ еще находятся подъ рукою готовыя средства къ судебной защитѣ; распредѣленіе судебныхъ округовъ по территоріи, мѣстное положеніе ихъ относительно населенія не вездѣ одинаковы, и во многихъ случаяхъ подсудному лицу приходится надолго отрываться отъ дому и дѣлать, чтобъ отыскивать или защищать свое право; юридическія познанія слишкомъ слабо еще распространены въ массѣ подсудныхъ лицъ; безграмотность и невѣжество коренятся еще глубоко въ низшихъ сословіяхъ. Покуда существуютъ всѣ эти, и подобныя имъ, недостатки и невыгоды суда, для подсудныхъ лицъ остается еще въ силѣ правило, что «худой миръ лучше доброй брани», и законъ будетъ еще принимать на себя заботу о примиреніи спорящихъ. Забота эта оправдывается вполнѣ: лишь бы не превратилась она въ ревность, ведущую къ насилію.

Но установленіе спеціальныхъ учрежденій и посредниковъ, имѣющихъ официальную обязанность предупреждать тяжбы и склонять спорщиковъ къ миру, не только не достигаетъ своей цѣли, но скорѣе вредно, нежели полезно: такіе посредники не въ силахъ будутъ возбудить и поддержать къ себѣ довѣріе. Если необходимо, не довольствуясь возможностью добровольнаго, непосредственнаго соглашенія между гражданами, допустить участіе въ немъ лица, облеченнаго официальной властью, то пусть это участіе будетъ свободное и естественное: законъ съ своей стороны обязанъ только устранить всѣ препятствія и стѣснительныя формальности, которыя могли бы въ этомъ случаѣ отвлечь спорщиковъ отъ мира и навлечь подозрѣніе на посредствующее лицо. Успѣхъ такого посредничества зависитъ отъ личности судьи, отъ законнаго отношенія его къ тяжущимся и отъ того порядка, въ которомъ судъ совершается. Впервыхъ, всего удобнѣе для такого соглашенія мѣстный судъ, подобный французскимъ мировымъ судамъ, тѣмъ болѣе что самое разбирательство въ этихъ судахъ должно въ особенности имѣть характеръ третейскаго разбирательства, и связь суда съ

подсудными лицами должна по преимуществу истекать изъ общиннаго, мѣстнаго союза, а не поддерживаться искусственно центральной, государственною властью. Въ этомъ отношеніи типическій образъ мирового судьи, какъ онъ представляется въ учрежденіяхъ различныхъ государствъ, не вездѣ одинаковъ. Въ Англіи учрежденіе это состоитъ въ тѣсной связи со всею общественною жизнью, происходитъ отъ начала, утвердившагося въ теченіе вѣковъ и освященнаго глубокою древностію, — начала еамоуправленія. Авторитетъ мирового судьи основанъ здѣсь на положеніи его, вполне независимомъ и отъ центральной правительственной власти, и отъ выбора подсудныхъ лицъ, и отъ мѣстнаго вліянія; должность его добровольная и дѣятельность свободная, хотя и состоитъ въ то же время подъ постояннымъ контролемъ общества и суда; судъ и расправа по дѣламъ гражданскимъ составляютъ не спеціальную его обязанность, а только часть, и притомъ не самую значительную, общихъ обязанностей, соединенныхъ съ его званіемъ и заключающихся въ охраненіи спокойствія и порядка (такъ-называемаго королевскаго мира, *pac regis*). Во Франціи, поначальному предположенію учредительнаго собранія 1790 года, мировой судья долженствовалъ быть выборнымъ лицомъ отъ народа, такъ чтобъ авторитетъ его основывался на признанныхъ всѣми нравственныхъ его качествахъ. Но такое возрѣніе на должность мирового судьи и удержалось не долго: оно не могло устоять противъ историческаго стремленія къ правительственной централизаціи развивавшагося съ особенною силой подъ вліяніемъ началъ французской революціи. Мировой судья во Франціи сдѣлался вскорѣ однимъ изъ орудій этой централизаціи и сталъ въ разрядъ чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ для дѣятельности, опредѣленной строгою формальною инструкціей. Мировой судья поставленъ французскимъ закономъ въ положеніе офиціального судьи и облеченъ властью, по преимуществу судебною: естественно, что при этомъ и соглашеніе тяжущихся къ миру едѣлалось принадлежностію той же судебной его власти, приняло для него видъ офиціальной обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ офиціальнаго права; а тяжущіеся должны являться къ его разбору въ качествѣ лицъ подсудимыхъ и по обязанности, налагаемой тою же подсудностію. На этомъ основаніи для мирового судьи, при многосложности судебныхъ и полицейскихъ его занятій, и въ томъ положеніи, въ какое онъ поставленъ искусственнымъ началомъ централизаціи, потребуются формальныя качества, потребуется

спеціальное приготовленіе къ должности: отношеніе его къ лицамъ, вызываемымъ для соглашенія, и самое соглашеніе тоже будетъ искусственное, что противорѣчитъ основному понятію о соглашеніи. Такой типъ мирового судьи не удовлетворяетъ чувству справедливости. Если предстоитъ надобность устроить такой органъ мѣстной власти, который могъ бы съ успѣхомъ содѣйствовать къ прекращенію тяжбъ въ самомъ ихъ зародышѣ, то въ устройствѣ его слѣдуетъ тщательно избѣгать всякаго насилия, избѣгать примѣненія началъ искусственныхъ. Простое и естественное начало такого учрежденія должно быть отыскиваемо въ той жизни, которою живетъ каждая отдѣльная община. Нѣтъ сомнѣнія, что мы найдемъ его, если въ самомъ понятіи объ общинѣ отрѣшимся отъ искусственнаго взгляда, къ которому приучила насъ теоретическая рутина, если община представится намъ не правительственнымъ учрежденіемъ, не однимъ изъ многочисленныхъ колесъ государственнаго механизма, а тѣмъ, что она есть по существу своему и чѣмъ должна оставаться, то-есть самостоятельнымъ общественнымъ союзомъ, единицею общества, подобною той единицѣ, которую мы видимъ въ *семействѣ*.

Вовторыхъ, возможность соглашенія тяжущихся, при самомъ судоговореніи, въ присутствіи суда, должна сама собою увеличиться, какъ скоро на всѣ суды распространенъ будетъ простой порядокъ словесныхъ объясненій, существующій у насъ по закону только для словесной расправы въ коммерческихъ судахъ. Весьма естественно, что при этомъ простомъ разбирательствѣ, тяжущіеся, ставъ лицомъ другъ къ другу на судѣ, во многихъ случаяхъ тутъ же въ первый разъ могутъ разъяснить другъ передъ другомъ взаимныя свои притязанія въ должномъ порядкѣ и мѣрѣ, сдерживая личныя свои увлеченія, и что въ эту минуту при содѣйствіи судьи, объясняющаго какъ себѣ самому, такъ и имъ сущность спора, соглашеніе ихъ легко можетъ послѣдовать за яснымъ сознаниемъ этой сущности. Это предположеніе наше вполне подтверждается на опытѣ. Въ тѣхъ коммерческихъ судахъ, гдѣ словесная расправа происходитъ не только для виду, а на самомъ дѣлѣ, (напримѣръ въ московскомъ и тифлисскомъ), рѣдкое засѣданіе обходится безъ примиренія, и вообще изъ числа дѣлъ производящихся этимъ порядкомъ, около двухъ третей, среднимъ числомъ, оканчивается миромъ. Такіе результаты весьма значительны: они показываютъ намъ и великое преимущество словесной расправы, когда она совершается добросовѣстно.

VII.

Первое дѣло государства доставить правосудіе гражданамъ, устроить порядокъ и формы судопроизводства, такъ чтобы посредствомъ ихъ каждый гражданинъ имѣлъ возможность защитить и доказать свое право. Второе и немаловажное дѣло—озаботиться, чтобы граждане, какъ можно рѣже, были въ необходимости прибѣгать къ дѣйствию правосудія.

Цѣль гражданскаго процесса разрѣшить споръ. Разрѣшить споръ значитъ опредѣлить неизвѣстное, сдѣлать его извѣстнымъ, ибо въ основаніи каждого спора и каждой тяжбы лежитъ, поводомъ къ нимъ служить не что иное какъ *неизвѣстности*. Я называю вещь своею и, конечно, имѣю къ тому основаніе. Противникъ мой называетъ ее тоже своею, и тоже выставляетъ къ тому основаніе. Мы споримъ, слѣдовательно не согласны въ основаніи права на вещь: стало-быть основаніе это не ясно и требуетъ разъясненія. Еслибъ ясность его доходила до очевиднаго непосредственнаго убѣжденія, то не было бы мѣста никакому спору. Основанія права выражены въ законѣ, а буква закона подлежитъ истолкованію и изъясненію: толкованіе же даетъ возможность спорить. Отсюда возникаетъ неопредѣленность юридическая, вопросъ *о правѣ*. Еслибы возможно было буквою закона опредѣлить столь ясно, подробно и точно всѣ права, возникающія изъ гражданскихъ отношеній, что не оставалось бы мѣста толкованію, а слѣдовательно и сомнѣнію о правѣ, то не было бы и спору о немъ. Но по несовершенству языка и по безконечному разнообразію отношеній, невозможно достигнуть этого (1), и споры о правѣ всегда будутъ возни-

(1) Всѣ попытки законодательства достигнуть этой цѣли оставались до сихъ поръ и всегда будутъ оставаться безъ успѣха. Самую замѣчательную изъ нихъ была попытка прусскаго законодательства, выраженный въ 1794 году изданіемъ «Общаго земскаго закона для прусскихъ владѣній» (*Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten*). Одному гражданскому праву посвящено въ этомъ уложеніи болѣе 15.000 статей, именно съ тою цѣлю, чтобы предусмотрѣть и объять всѣ возможныя виды спорныхъ гражданскихъ вопросовъ. Это неестественное стремленіе законодателя повело къ послѣдствію совершенно противоположному его ожиданіямъ: спорные вопросы, подъ влияніемъ сложной

вать вновь, но ихъ будетъ тѣмъ болѣе, и разрѣшеніе ихъ будетъ тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ менѣе строгости въ системѣ, и опредѣлительности въ смыслѣ закона; напротивъ разрѣшеніе частныхъ вопросовъ о правѣ будетъ всегда удобно, если законъ исходитъ изъ яснаго, полнаго и цѣльнаго сознанія, и общія начала выражены въ немъ такъ, что частные случаи могутъ быть приведены къ нимъ безъ затрудненія.

Положимъ, что юридическій вопросъ, возникшій въ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшенъ судомъ. Споръ между частными лицами конченъ, сомнѣніе о правѣ устранено. Этимъ удовлетворилась только первая, насущная потребность общества; но этого еще недостаточно для полнаго достиженія цѣли правосудія. Съ разрѣшеніемъ вопроса въ одномъ дѣлѣ, должна во всѣхъ однородныхъ случаяхъ прекратиться неизвѣстность по тому же самому вопросу, если то былъ подлинно вопросъ юридическій. Если разрѣшеніе этого вопроса не останется въ безгласности, то нѣтъ и повода возбуждать его другимъ лицамъ, въ другомъ мѣстѣ, передъ другими судами.

Не должно думать, что значеніе судебного рѣшенія ограничивается только тѣсною сферой рѣшеннаго дѣла, имѣетъ важность въ отношеніи къ правамъ однихъ тѣхъ лицъ, которыя непосредственно принимали участіе въ дѣлѣ. Ограничиться такимъ узкимъ взглядомъ можно было только въ раннюю эпоху гражданскаго общества, когда интересы отдѣльныхъ лицъ и сословія представлялись разрозненными, и судъ стоялъ еще на первой степени своего историческаго развитія, являлся прежде всего благодѣтельною замѣной частнаго насилія и самовольной расправы между членами общества. Эта эпоха въ иныхъ мѣстахъ вполнѣ, въ другихъ болѣею частію давно уже принадлежитъ къ исторіи прошедшаго европейскаго общества. Вездѣ въ понятіи о судѣ болѣе или менѣе господствуетъ идея о правдѣ и порядкѣ; вездѣ болѣе и болѣе явственно становится взаимное сближеніе разныхъ классовъ общества, все живѣе ощущается неразрывная связь интересовъ одного гражданина съ интересами другаго, такъ что нарушеніе права относи-

казуистической системы прусскаго уложенія, только еще запутались и умножились, такъ что, черезъ двадцать лѣтъ послѣ изданія, оказалась уже необходимость приступить къ ревизіи закона; но одна ревизія не могла принести существенной пользы, и прусское гражданское право до сихъ поръ остается при томъ же существенномъ недостаткѣ.

тельно одного лица представляется и другому опаснымъ посягательствомъ на права его: можно сказать, что чѣмъ далѣе распространяется въ обществѣ, чѣмъ глубже проникаетъ въ него это чувство взаимной солидарности, тѣмъ ярче становится союзъ правительства съ народами, и тѣмъ сильнѣе сознание общественной безопасности. Съ этой точки зрѣнія, до которой возвысилась современная наука и непременно должно возвышаться всюду общественное мнѣніе, съ этой точки, судъ имѣетъ столько же, если еще не болѣе, важное значеніе для не участвовавшихъ въ немъ гражданъ, какъ и для тѣхъ, которые непосредственно въ немъ участвовали. Последніе, начиная судебную борьбу, являются ратоборцами не за свои только интересы, но и за интересы цѣлаго общества: борьба ихъ способствуетъ къ утверженію общей безопасности, къ разъясненію общихъ правъ. Если съ исходомъ ея успѣлъ выясниться спорный вопросъ о правѣ, подтвердилась непоколебимость сдѣлки, происшедшей изъ свободнаго соглашенія, отвергнуто несправедливое требованіе, дарована защита обиженному, то необходимымъ послѣдствіемъ такого приговора должна быть увѣренность остальныхъ членовъ общества, что въ подобныхъ случаяхъ подобное право будетъ почитаться твердымъ, подобная сдѣлка возымѣетъ полное дѣйствіе, подобное притязаніе сдѣлается юридически невозможнымъ. Чѣмъ менѣе единства и твердости въ судебныхъ приговорахъ, тѣмъ слабѣе должна быть и эта увѣренность. Вотъ какъ важно значеніе судебного рѣшенія, получающаго между гражданами гласность.

Но одна гласность рѣшенія сама по себѣ не служитъ еще достаточнымъ ручательствомъ, что сомнѣніе по разрѣшенному вопросу не будетъ возбуждено вновь и не потребуетъ новаго рѣшенія. Судебныхъ мѣстъ въ государствѣ много, и каждое руководствуется одними и тѣми же законами, судить о дѣлѣ свободно, не стѣняясь мнѣніемъ другаго суда по какому бы то ни было вопросу. Притомъ, какъ бы ни была обширна гласность рѣшеній, нѣтъ возможности каждому суду слѣдить за всѣми приговорами всѣхъ другихъ судовъ по всѣмъ вопросамъ; нѣтъ повода и частному лицу почитать рѣшеніе одного суда обязательнымъ для другаго суда по другому дѣлу: такого рода правило стѣснило бы необходимую свободу судьи и могло бы повести къ несправедливостямъ, къ юридическому соблазну. Совсѣмъ иное дѣло, если рѣшеніе, состоявшееся по спорному вопросу, носитъ на себѣ печать *силы*: сила эта мо-

летъ быть двойная, внутренняя сила разума и внѣшняя сила слова. Если рѣшеніе спорнаго вопроса такъ ясно, такъ согласно съ правилами здравой юридической логики, что никакая критика не въ силахъ поколебать его, никакой умъ безъ нажима и предубѣжденія не въ силахъ ему противорѣчить, если притомъ судъ, постановившій это рѣшеніе, пользуется, по составу и государственному значенію своему, особымъ авторитетомъ, то безъ сомнѣнія во всѣхъ однородныхъ случаяхъ каждый судья долженъ будетъ покориться убѣжденію, сдѣланному для всѣхъ очевиднымъ, составить свое мнѣніе по тѣмъ же началамъ, не допускающимъ противорѣчій. Тому же убѣжденію, какъ скоро оно сдѣлается очевиднымъ, необходимо должны будутъ покориться и частныя лица, прежде чѣмъ начнутъ формальный споръ о правѣ. Такимъ образомъ многіе вопросы, бывшіе прежде спорными и подававшіе поводъ къ тяжбамъ, покуда было еще возможно сомнѣніе, сдѣлаются очевидно доказанными положеніями; а съ прекращеніемъ неувѣренности юридической, устранился и поводъ къ спорамъ. Слѣдя за юридическою практикою тѣхъ государствъ, въ которыхъ она успѣла уже приобрести надлежащую правильность и порядокъ въ дѣйствіи, мы замѣчаемъ, какъ юридическіе вопросы, бывшіе прежде предметомъ долгихъ споровъ между частными лицами и жаркихъ преній въ судахъ, достигнувъ окончательной ясности, принимаютъ видъ очевидныхъ положеній и мало-по-малу исчезаютъ изъ обращенія, другіе заступаютъ ихъ мѣсто, и такъ же одни быстрѣе, другіе медленнѣе разъясняются. Нерѣдко случается, что вопросъ, окончательно разрѣшенный высшимъ судебнымъ авторитетомъ, возбуждается опять съ новою силой: это значитъ, что онъ еще не обследованъ со всѣхъ сторонъ, что по поводу его разныя мнѣнія могутъ еще возникать, приобретать сторонниковъ и держаться силою разумныхъ убѣжденій: такое состояніе вопроса, продолжится дотолъ, пока не будетъ открыта въ практикѣ одна истинная точка зрѣнія на вопросъ, одно нормальное къ нему отношеніе анализирующей силы, или пока законодательство не вступится въ его разрѣшеніе. Встрѣчаются, конечно, въ юридической сферѣ вопросы темные, но нѣтъ ни одного безнадежнаго, который въ самомъ себѣ, въ существѣ объемлемой имъ юридической идеи, не содержалъ бы скрытыхъ данныхъ для будущаго разъясненія: если нѣтъ на лицо этихъ данныхъ въ самомъ законѣ, то онъ должны быть навѣрное въ абсолютномъ

правѣ, рано или поздно долженствующемъ перейти въ законъ, то-есть въ сущности того института, къ которому законъ относится.

Отсюда понятно, какія средства ближе всего ведутъ къ ограниченію числа спорныхъ вопросовъ о правѣ и процессовъ, по этимъ вопросамъ возникающихъ. *Вопервыхъ*, система и редація гражданскихъ законовъ должна быть приведена въ возможную стройность, опредѣлительность и полноту. Чѣмъ тѣнѣе будетъ связь между частными положеніями и общими началами законодательства, чѣмъ яснѣе будутъ высказываться въ каждой статьѣ закона мысль и намѣреніе законодателя, чѣмъ точнѣе слова, въ которыхъ выражено правило закона, тѣмъ менѣе будетъ представляться поводовъ къ разнообразному его пониманію и истолкованію. Если же содержаніе законовъ бѣдно и не объясняетъ института во всей цѣлости, если редація ихъ небрежна, неопредѣлительна, обременена темными и тяжелыми фразами, и отдѣльныя положенія слѣдуютъ одно за другимъ безъ органической связи, тогда личный интересъ, хитрость и ябеда тяжущихся въ каждой строкѣ закона будутъ находить поводъ къ тяжбамъ; съ другой стороны и судебныя мѣста столь же часто будутъ встрѣчать недоумѣнія, неразрѣшимыя одними средствами судебной власти; неизвѣстность юридическая, умножаясь, вмѣсто того чтобъ уменьшаться при содѣйствіи закона, поведетъ непремѣнно къ размноженію запутанныхъ процессовъ и произвольныхъ рѣшеній.

Излишняя краткость закона бываетъ въ этомъ отношеніи столько же вредна, какъ и излишняя его плодovitость. Законъ долженъ держаться въ естественныхъ предѣлахъ своей идеи; касаться только тѣхъ вопросовъ, которые необходимо было предвидѣть и вывести изъ сферы произвола, устанавливать только необходимыя формальности: ограничивать свободную волю судьи и частнаго лица тамъ, гдѣ нѣтъ никакой необходимости стѣснять ее, было бы скорѣе вредно, нежели полезно. Но и молчаніе законодателя и невниманіе его къ предметамъ возбуждающимъ споры и недоумѣнія въ кругѣ юридическихъ отношеній повело бы къ неудобствамъ, столько же важнымъ: тогда, при отсутствіи иной учредительной власти, которая могла бы пополнить недостатки законодательства, за это дѣло берется личный произволъ судей тяжущихся и стряпчихъ: формы спутываются, неизвѣстность умножается, а подъ покро-

вомъ неизвѣстности можетъ свободно дѣйствовать только недобросовѣстность, преслѣдуя свои темныя цѣли.

Восторыкъ, постановленное рѣшеніе должно дѣлаться достояніемъ не одного только частнаго лица, въ пользу коего состоялось, но, по возможности, достояніемъ цѣлаго общества и судебной практики. Все, что касается до изясненія гражданскихъ правъ, не можетъ, не должно быть тайною ни для гражданина, ни для общества: можно ли, не впадая въ нелѣпость, представить себѣ *тайное* право, *тайную* обязанность? Можно ли съ успѣхомъ ограждать свое право, можно ли съ точностью соблюдать свою обязанность, оставаясь въ неизвѣстности о существѣ того и другаго? Законъ долженъ быть извѣстенъ всѣмъ; но законъ есть правило; правило можетъ быть исполнѣнъ понято лишь тогда, когда оно объясняется на опытѣ, на явленіяхъ жизни дѣйствительной; приложеніе закона къ этимъ явленіямъ производитъ споры; споры разрѣшаются судебною властью; понятно, что только посредствомъ ея рѣшеній можно знать, какой смыслъ имѣетъ законъ въ приложеніи къ дѣйствительности. Итакъ, скрывая свои рѣшенія отъ общества, судебная власть и себя лишаетъ свѣта, необходимаго для скорого и удобнаго познанія истины, и отнимаетъ у общества этотъ свѣтъ, безъ котораго частное лицо не можетъ съ точностью опредѣлить мѣру правъ своихъ и обязанностей въ отношеніи къ другимъ лицамъ. Послѣдствіемъ этого бываетъ юридическая неизвѣстность, умножающая тяжбы.

Втретью, въ ряду судебныхъ мѣстъ пусть будетъ одно центральное мѣсто, облеченное высшимъ авторитетомъ судебной власти,—мѣсто, которому должна принадлежать руководящая дѣятельность въ истолкованіи закона. Такое учрежденіе необходимо: безъ него и судебное сословіе не можетъ получить прочной организаціи, и судебная практика не можетъ утвердиться на прочныхъ основаніяхъ, и дѣйствіе закона не будетъ имѣть единства, а безъ единства нѣтъ силы. Какъ необходимъ центръ тяжести для тѣла, такъ для дѣла общественнаго необходимъ авторитетъ. Въ дѣлѣ судебномъ будетъ всегда смѣшеніе и разладица, если не управляетъ имъ авторитетъ. Но не должно забывать, что дѣло судебное есть дѣло не только внѣшней власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и по преимуществу, дѣло мысли и разума; слѣдовательно, и авторитетъ его долженъ быть авторитетомъ не только формальной власти, но и мысли, и разума. Таковымъ долженъ быть центральный органъ судебной

власти. Въ рѣшеніяхъ его никогда не должно омыкаться: *Sic volo, sic jubeo: stot pro ratione voluntas!* (1) Онъ долженъ быть чистымъ зеркаломъ юридической истины, и всѣ его рѣшенія должны быть основаны на строгихъ выводахъ юридической логики: известно, что, при строгой послѣдовательности, выводы эти въ области права могутъ привести къ убѣжденію, очевидному для всякаго и близко подходящему къ точности математической. При такихъ условіяхъ, рѣшенія высшаго суда будутъ служить надежнымъ руководствомъ въ области гражданского права; и юридическіе вопросы, бывшіе прежде спорными, будутъ мало-по-малу исчезать изъ нея, уступая мѣсто достовѣрнымъ положеніямъ, не возбуждающимъ спора.

Средства эти, по нашему мнѣнію, всего ближе соотвѣтствовали бы цѣли тѣхъ, которые заботятся объ уменьшеніи тяжбъ. Мы осмѣливаемся думать, что они были бы въ этомъ отношеніи дѣйствительнѣе всякой новой системы, новой механической регламентаціи формъ, сроковъ и подсудностей. Напротивъ, безъ нихъ, и при какой бы то ни было системѣ, не будетъ успѣха, потому что при помощи однихъ формъ суда и расправы, какъ бы ни были онѣ совершенны, невозможно достигнуть уменьшенія затѣйныхъ исковъ и тяжбъ: на зло формамъ и подъ прикрытіемъ ихъ, процессы будутъ плодиться безъ конца, рѣшенія будутъ распадаться въ противорѣчіяхъ, покуда не истощится главный источникъ тяжбъ и противорѣчій—юридическая неизвѣстность, смѣшеніе понятій о правѣ.

Чтобъ уяснить себѣ смыслъ и убѣдиться въ истинѣ вышесказаннаго, стоить присмотрѣться къ ежедневнымъ явленіямъ нашей юридической жизни и судебной практики. Всякому, кто нѣсколько знакомъ съ тою или другою, известно, какая юридическая неопредѣленность господствуетъ въ судахъ нашихъ по вопросамъ самымъ существеннымъ, едва ли не ежедневно возникающимъ. Правда, что нѣкоторые изъ нихъ могли еще не дойти до той зрѣлости, при которой возможно твердое, единообразное пониманіе и разрѣшеніе; правда, что неясность нѣкоторыхъ достаточно объясняется бѣдностью догматическаго права; но изъ числа юридическихъ вопросовъ, всего чаще подающихъ поводъ къ спорамъ и жадамъ, какъ много есть та-

(1) «Такъ хочу, такъ приказываю: вмѣсто разума, да будетъ моя воля.»

никъ, которые давно выжили бы изъ разряда спорныхъ, еслибы были приведены къ общимъ началамъ закона и разрѣшались повсюду единообразно. Трудно, почти невозможно перечислить всѣ такіе вопросы; чтобъ уяснить дѣло, достаточно будетъ обратить вниманіе на нѣкоторые. Укажемъ на многочисленные вопросы о формальностяхъ завѣщаній, о порядкѣ явки завѣщаній къ засвидѣтельствованію, о примѣненіи сроковъ для частныхъ жалобъ, о значеніи формальностей апелляціоннаго обряда, объ исчисленіи процентовъ по обязательствамъ, о переходѣ безспорнаго дѣла въ спорное, и т. п. Такіе вопросы, какъ на примѣръ слѣдующіе: должно ли крѣпостное завѣщаніе вторично быть представляемо къ явкѣ? можно ли при явкѣ домашнихъ завѣщаній входить въ разсмотрѣніе существа ихъ? пропускомъ четырехнедѣльнаго срока для жалобы на полицію прекращается ли безусловно отыскиваніе права? и множество подобныхъ ежедневно повторяются въ судахъ, подають поводъ ко множеству жалобъ, потому только, что разрѣшаются повсюду разнообразно. Можно ли поэтому ожидать, чтобы не всѣмъ таковымъ вопросамъ частное лицо рѣшилось остановиться на твердомъ мнѣніи, уступить противнику или согласиться съ нимъ? Кто можетъ прежде начатія дѣла или подачи жалобы разсчитать съ достовѣрностью, какого рѣшенія слѣдуетъ ожидать отъ судебного мѣста? Самый добросовѣстный истецъ, сколько бы ни желалъ убѣдиться въ правости или неправости своего требованія, весьма часто бываетъ не въ состояніи достигнуть этого, потому что слышитъ отовсюду противорѣчащія заключенія и видитъ примѣры разнообразнѣйшихъ рѣшеній, не имѣя передъ собою никакихъ положительныхъ данныхъ, чтобъ отдать одному рѣшенію преимущество передъ другимъ. Чтѣ остается ему дѣлать въ такомъ случаѣ? Начать дѣло? пожалуй откажутъ; оставить дѣло? но пожалуй его удометворили бы. Самая чувствительная совѣсть рѣдко въ состояніи выйдти побѣдительницею изъ такой борьбы, потому что очень трудно частному человѣку рѣшить: въ обиду ли станетъ онъ искать, или въ правду, когда ни *оцутри* себя, ни *ома* себя не находятъ онъ твердыхъ оснований, чтобы рѣшить, право или неправо по закону его требованіе. Притомъ въ тяжущемся всегда предполагается естественное расположеніе почитать себя правымъ, ослѣпляющее юридическій взглядъ его на свое дѣло, и почти никогда не предполагается такая тонкость юридическаго взгляда, которая могла бы устоять противъ

подобнаго ослѣпленія. Наконецъ, если предположить въ немъ; при самомъ правильномъ юридическомъ взглядѣ, полную юридическую свѣдѣннѣ и пратическую опытность въ судебныхъ дѣлахъ, то всѣ эти качества еще болѣе собьютъ его съ толку. Какъ человекъ, заинтересованный въ дѣлѣ, онъ почти не въ состояніи опредѣлить съ полнымъ убѣжденіемъ всю мѣру матеріальнаго своего права; какъ юристъ, по привычкѣ соединять матеріальную сторону права съ *формальною*, онъ непременно увлечется послѣднею, и во всякомъ судебномъ рѣшеніи, которое можетъ истолковать въ свою пользу по спорному вопросу, будетъ видѣть *право* свое на начатіе дѣла или на подачу жалобы. Чѣмъ же оканчивается обыкновенно такая борьба противорѣчащихъ и разнохарактерныхъ убѣжденій? Тѣмъ, что и добросовѣстный умъ не можетъ придти въ своемъ дѣлѣ ни къ какому единому, рѣшительному убѣжденію, и рѣшается подать жалобу на удачу: авось выиграю, какъ выигрывали другіе. Въ такомъ же положеніи находится и опытный юристъ, къ которому частное лицо прибѣгаетъ за совѣтомъ, можетъ-быть для того, чтобъ, убѣдившись въ неправости своего требованія, оставить его совѣмъ. Чтò скажетъ онъ частному лицу? какимъ авторитетомъ подкрѣпить личное свое мнѣніе? Не можетъ быть авторитета по вопросу, если онъ разрѣшается въ судахъ и такъ, и иначе. Столь же затруднительно и положеніе добросовѣстнаго судьи, которому предлежитъ постановить приговоръ по спорному вопросу. Мы знаемъ, часто ли встрѣчаются между судьями люди съ твердымъ взглядомъ, съ рѣшительнымъ характеромъ, съ неуклоннымъ и дѣятельнымъ стремленіемъ къ убѣжденію въ истинѣ. Но и рѣшительный характеръ и самый твердый взглядъ судьи невольно останавливаются передъ грустною мыслью о томъ, что взглядъ его на дѣло есть только *личное* его мнѣніе, одиноко стоящее посреди разнорѣчащихъ и нетвердыхъ авторитетовъ. Положимъ, что убѣжденіе судьи составилось на основаніи твердыхъ, историческихъ или юридическихъ данныхъ; но если другихъ судей тѣ же самыя данныя приводятъ къ другому заключенію, если въ другомъ мѣстѣ, въ другое время, для другихъ лицъ, эти данныя вовсе не принимаются во вниманіе, мудрено ли, что самый добросовѣстный судья почувствуетъ себя нетвердымъ на своей почвѣ и, скрѣпляя свой приговоръ, въ то же время будетъ провидѣть возможность его несостоятельности?

Та же юридическая неопредѣленность бываетъ часто причи-

ной неполныхъ, поверхностныхъ рѣшеній, въ основаніи коихъ лежитъ не юридическая истина, а фактическій выводъ; такія рѣшенія вредны, потому что въ нихъ существенный, юридическій вопросъ съ намѣреніемъ обходится, остается нетронутымъ; слѣдовательно, и послѣ рѣшенія можетъ во всякое время возникнуть съ прежнею силой. Чѣмъ судья лѣнивѣе, чѣмъ менѣе знакомъ съ общими началами права, чѣмъ менѣе привыкъ вдумываться въ догматическій и историческій смыслъ закона, тѣмъ чаще будетъ прибѣгать къ этому способу столь несогласному съ понятіемъ о судейской добросовѣстности; но и независимо отъ личныхъ качествъ судьи нерѣдко случается, что неопредѣленность самаго закона, не содержащаго въ себѣ положительныхъ данныхъ къ истолкованію, при недостаткѣ твердаго юридическаго авторитета, ставитъ судью въ затруднительное отношеніе къ вопросу о правѣ и побуждаетъ искать выхода въ средствахъ обыкновенной приказной рутины. Последствиемъ этого бываетъ стремленіе привязаться къ одному факту или къ одной формѣ и постановить рѣшеніе съ тѣмъ только, чтобъ отвязаться отъ дѣла, не исчерпавъ въ немъ всего юридическаго содержанія. За такимъ рѣшеніемъ слѣдуютъ жалобы, за жалобами пересмотры съ той же точки зрѣнія, обращеніе дѣла къ новому производству, собраніе свѣдѣній для уясненія такихъ фактовъ, которые сами по себѣ нисколько не служатъ къ уясненію вопроса чисто-юридическаго: такимъ образомъ существенное въ дѣлѣ остается все-таки наразрѣшеннымъ, а все вниманіе суда отвлекается къ фактическому содержанію дѣла.

Таковы вредныя послѣдствія юридической неопредѣленности. Вотъ зло, на которое слѣдуетъ намъ обратить вниманіе, если желаемъ, чтобъ успѣшно дѣйствовали новыя формы, которыми думаемъ замѣнить недостатокъ, обнаруженный въ старыхъ. Не забудемъ, что и плохой механизмъ, при помощи рабочихъ силъ, можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать при свѣтѣ, а безъ свѣта и совершенная машина, устроенная по всѣмъ правиламъ науки и искусства, не въ состояніи выполнить свое назначеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. Повѣдоносцевъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АМЕРИКѢ¹

III.

Отъ Седеръ-Киза до Луизвилл.

Европеецъ, переѣхавъ въ Новый Свѣтъ, долгое время не можетъ свынуться съ несомвѣстными для него противорѣчіями въ характерѣ Американцевъ. Трудность состоитъ въ томъ, чтобъ отрѣшиться отъ воззрѣнія, къ которому мы привыкли у себя въ Европѣ, чтобы къ новымъ проявленіямъ здѣшней жизни примѣнить и новую мѣрку. Для этого необходимо приобрести нѣкоторый запасъ сочувствія, которое усваивается частымъ столкновеніемъ съ жителями края. Иначе многія явленія въ американскомъ быту покажутся несогласными между собою противорѣчіями. Такъ можетъ-быть нигдѣ личный эгоизмъ не обнаруживается столь явнымъ образомъ, какъ здѣсь; онъ нашелъ себѣ выраженіе въ словахъ: *help your self* (2), употребляемыхъ Американцами во всѣхъ случаяхъ жизни общественной и семейной. Этотъ эгоизмъ янки можетъ, пожалуй, оттолкнуть насъ наружнымъ холодомъ безучастія; но въ немъ скрывается то уваженіе къ личности, которое обуславливаетъ индивидуаль-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3 и 5.

(2) «Помогай самъ себѣ.»

ную свободу каждаго человѣка въ сферѣ его дѣятельности. Американецъ не терпитъ, чтобы вмѣшивались въ его частныя дѣла, а потому и самъ не вмѣшивается въ чужія: распоряжаясь всякъ по своему. Но ошибется тотъ, кто изъ этого заключить, будто Американецъ откажется помочь нуждающемуся въ его помощи. Напримѣръ, бѣдному ремесленнику вздумалось попытать счастья въ новомъ, только-что основанномъ городкѣ. Онъ объявляетъ объ этомъ нѣкоторымъ изъ жителей, признаваясь, что у него ничего нѣтъ и не на что даже объявиться хозяйствомъ. «Ничего! отвѣчаютъ ему: если хотите, оставайтесь въ городѣ и работайте; на обзаведеніе мы вамъ дадимъ, что нужно, въ долгъ.» И отсчитавъ ему необходимое число долларовъ, прибавляютъ: «Теперь распоряжайтесь, какъ знаете, *help your self!*» Вотъ другой примѣръ: колонистъ, прибывъ въ только-что заселенный край и выбравъ для себя участокъ, хочетъ на немъ построиться. Онъ даетъ знать объ этомъ сосѣднимъ колонистамъ, и всѣ они собираются въ назначенный день на его участокъ съ топорами и пилами. Лѣсъ нарубленъ, работа кипитъ, а новый переселенецъ, расхаживая съ ватерпасомъ, только указываетъ, что и какъ поставить. Жена его заботится о сытномъ обѣдѣ для трудолюбивыхъ гостей. Въ два, въ три дня бревенчатый блокгаузъ готовъ, и гости развѣзжаются, предоставляя хозяевамъ по своему усмотрѣнію заняться внутреннимъ убранствомъ своего импровизированнаго жилища. Словомъ, во всемъ обнаруживается готовность споспѣшествовать предпріятію своего ближняго.

Намъ самимъ нерѣдко приходилось испытывать на себѣ эту безкорыстную черту въ характерѣ Американца. Попавъ изъ малонаселенныхъ лѣсовъ Флориды въ Седеръ-Кизъ, мы рассчитывали застать здѣсь пароходъ, чтобы переѣхать на сѣверный берегъ Мексиканскаго залива. Въ гостиницѣ за обѣдомъ товарищъ мой обратился къ Американцу, быстро поглощавшему одно кушанье за другимъ, съ вопросомъ: не пришелъ ли пароходъ?

— *No!* отвѣтилъ джентльменъ, принимаясь за новое блюдо.

— А скоро придетъ онъ?

— *No!* повторилъ джентльменъ.

Это насъ нѣсколько озадачило. Товарищъ опять спросилъ:

— Когда ждуть пароходъ?

— Черезъ двѣ недѣли, проговорилъ быстро Американецъ.

Мы вовсе не располагали такъ долго пребыть на островѣ. Товарищъ мой сдѣлалъ еще попытку, и спросилъ: нѣтъ ли, по крайней мѣрѣ, какого-нибудь паруснаго судна у Седеръ-Киза, на которомъ можно бы переѣхать на сѣверъ?

— Объ этомъ надо узнать у торговаго агента, отвѣтилъ джентльменъ: — послѣ обѣда я васъ съ нимъ познакомлю.

Тѣмъ разговоръ и кончился. Пока, мы заняты были третьимъ блюдомъ, Американецъ уже покончилъ свой обѣдъ, но не вставалъ со стула и не ушелъ, какъ обыкновенно здѣсь дѣлаютъ, а сидѣлъ возлѣ насъ, храня молчаніе. Когда наконецъ послѣдній кусокъ пирожнаго исчезъ съ нашихъ тарелокъ, онъ обратился къ моему товарищу: «вы готовы? такъ пойдѣте». Тутъ только замѣтили мы, что онъ ждалъ насъ, и поспѣшили за нимъ. Джентльменъ привелъ насъ въ домъ торговаго агента, который, съ книжечкой въ рукѣ, занятъ былъ пересмотромъ полученныхъ товаровъ. Представивъ насъ и объяснивъ ему въ короткихъ словахъ наше желаніе ѣхать на сѣверъ, неразговорчивый Американецъ пожалъ намъ руки и исчезъ. Агентъ тотчасъ же положилъ книжечку въ карманъ и обратился къ намъ со словами: «У Седеръ-Киза теперь стоитъ одна только шкуна, она послѣзавтра отходитъ въ Пенсаколу. Надѣюсь, капитанъ согласится взять васъ съ собой; пойдѣте, я васъ съ нимъ познакомлю.» Мы отправились на новое знакомство. Оказалось, капитанъ былъ Нѣмецъ. Разказавъ ему въ чемъ дѣло, агентъ простился съ нами и исчезъ также скоро, какъ и первый джентльменъ.

Нашъ новый знакомый, капитанъ Гердесъ, отговаривался весьма тѣснымъ помѣщеніемъ въ своей каютѣ, а впрочемъ обѣщалъ на другой день дать рѣшительный отвѣтъ. На другое утро капитанъ встрѣтилъ насъ словами: «Если не будете взыскательны насчетъ помѣщенія, то мнѣ очень пріятно пригласить васъ ѣхать со мною. Мы ѣдемъ завтра.»

Поблагодаривъ его, мы коснулись было щекотливаго вопроса насчетъ платежа за переѣздъ.

— Чтò вы! воскликнулъ капитанъ:—это правительственная шкуна, тутъ не можетъ быть рѣчи о платежѣ!

— Но какъ же насчетъ пици? замѣтили мы.

— И объ этомъ вамъ нечего беспокоиться! возразилъ капитанъ:—я прошу васъ быть моими гостями на шкунѣ.

Послѣ этого намъ не оставалось ничего болѣе, какъ собрать свои вещи и приготовиться къ отъѣзду.

Утромъ, тридцатаго апрѣля, мы находились уже на палубѣ маленькой, красивой шкуны *Гердесъ*, названной такъ по имени капитана. Подняли якорь; распустили паруса; три пушечныхъ выстрѣла съ борта отвѣтили на прощальные знаки, посылаемые жителями съ пристани, и корабликъ, накренивъ на бокъ, быстро сталъ разсѣкать густо-синія волны. День былъ ясный. По матово-голубому небу ходили пухлыя облака, и края ихъ слѣпили глаза яркою бѣлизной. Невысокія волны сверкали своею синевою подъ лучами южнаго солнца.

На пароходѣ море никогда не производитъ того широкаго впечатлѣнія, какое испытываешь на палубѣ паруснаго судна. Тамъ густая масса чернаго дыма, отстающаго отъ парохода и мрачною полосой спускающагося за нимъ по небосклону до самаго горизонта, непрерывное шипѣніе пара, однообразное постукиваніе машины мѣшаютъ чистой общности впечатлѣній, утомляя зрѣніе и слухъ безсвязною монотонностью. Но съ палубы паруснаго судна море является во всемъ своемъ неодолимомъ величіи: свободно-раскинувшееся небо, отдѣленное легкою чертой отъ водной поверхности, глухой, вдали пропадающій ропотъ разстилающихся волнъ, слитый и съ плесканьемъ подъ кормою, и съ гуденіемъ вѣтра въ снастяхъ, все неуловимо-стройно доходить до души, пораженной величіемъ безпредѣльной стихіи.

Не долго однакожь стояла хорошая погода: качка усилилась со втораго дня, а на третій надъ нами разразилась гроза, и потоки дождя, казалось, грозили залить маленькую шкуну, вздрагивавшую повремениамъ, какъ горячая лошадь, отъ неожиданнаго удара волны, расшибавшейся о ея борта. Мы почти не выходили изъ каюты, бесѣдуя то съ капитаномъ, то съ двумя его молодыми офицерами, природными Американцами. Капитанъ Гердесъ пріѣхалъ сюда изъ Германіи, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, по приглашенію американскаго правительства. Онъ занимался въ послѣднее время составленіемъ картъ Мексиканскаго залива, а теперь, покончивъ работу, возвращался къ своему семейству въ Нью-Йоркъ. Онъ женился здѣсь на природной Американкѣ, и дѣти его, какъ выразился онъ самъ, наследовали отъ матери американскій нравъ, такъ что въ нихъ и слѣда не осталось германскаго происхожденія. По поводу этого, капитанъ завелъ разговоръ о перерожденіи вообще европейскаго племени на новомъ материкѣ. Природа здѣсь на глазахъ нашихъ создаетъ новые племенные типы, характерныя

черты котораго передаются изъ рода въ родъ. Не только дѣти американскихъ матерей усваиваютъ себѣ эти черты; намъ случалось встрѣчаться съ молодыми людьми, здѣсь родившимися, отцы и матери которыхъ были изъ Европы; даже эти уроженцы Америки утратили типичныя свойства своихъ родителей: какъ по наружности, такъ и по характеру, они стали болѣе похожи на Американцевъ. Хотя англо-саксонское племя въ Новой Англiи почти не смѣшивалось съ другими племенами, но и оно явно измѣнилось въ своихъ характерныхъ чертахъ. Сухое, худощавое сложенiе, статный ростъ, блѣдноватое лицо съ желтизною вмѣсто румянца стали его отличительными внѣшними признаками. Въ этомъ отношенiи замѣчательно также относительно быстрое развитiе здѣшнихъ дѣтей: переходъ отъ дѣтства къ возмужалости совершается такъ быстро, что юность Американца проходитъ почти незамѣтно. Такъ подъ влiянiемъ новой природы образуется новое племя съ своеобразнымъ отпечаткомъ, съ своими особенностями, въ которыхъ заключаются залогомъ новаго, самобытнаго призванiя въ сферѣ человѣческой дѣятельности...

Противные вѣтры и проливной дождь мѣшали намъ приблизиться къ берегу. Пролавировавъ цѣлый день, мы только на четвертыя сутки вошли въ заливъ Пенсаколу и стали якоремъ противъ находящихся въ немъ укрѣпленiй. Небо очистилось наконецъ, и на пятый день нашего плаванiя, утромъ, шкуна подвѣхала къ городу Пенсакола, лежащему въ глубинѣ бухты на мало-возвышенномъ песчаномъ берегу ея. Мы простились съ гостеприимнымъ капитаномъ, условившись свидѣться съ нимъ въ Нью-Йоркѣ или осенью въ Нью-Орлеанѣ.

Небольшой городъ, по песчанымъ улицамъ котораго мы пошли отыскивать гостиницу, напомнилъ намъ, постройкою своихъ старыхъ каменныхъ домовъ, Сентъ-Августинъ. И точно, Пенсакола то же построена Испанцами лѣтъ за полтора; она вѣроятно была бы оставлена Американцами, еслибы заливъ не представилъ удобнаго мѣста для сооруженiя укрѣпленiй и верфей. Теперь это мѣсто, какъ укрѣпленная гавань на берегахъ Мексиканскаго залива, важно для Штатовъ въ военномъ отношенiи. Вообще въ выборѣ мѣсть для постройки городовъ, несообразномъ съ требованiями торговой и промышленной дѣятельности, а удовлетворяющемъ болѣе въ военномъ отношенiи, по преимуществу отражается характеръ испанскаго владычества надъ страной. Какъ въ самомъ городѣ, такъ вообще

и въ этой западной части Флориды до сихъ поръ осталось небольшое число испанскихъ креоловъ, потомковъ прежнихъ владельцев. Они составляютъ часть менѣ богатыхъ жителей и занимаются по преимуществу мелкою торговлей.

Изъ Пенсаколы въ Мобиль, который отъ него верстахъ въ восьмидесяти къ западу, ходитъ почтовая карета. Въ гостиницѣ узнали мы, что въ предшествовавшіе четыре дня во всемъ краю шли такіе сильные дожди, что разлившіяся рѣки сломали мосты, и сообщеніе навремя прекращено. Намъ осталось одно средство: идти пѣшкомъ.

Утромъ, 5 мая, мы отправились въ путь. Дорога, извиравшаяся вдоль берега, верстахъ въ десяти отъ моря, была не такъ песчана, какъ на полуостровѣ Флоридѣ, а сверхъ того ее прибило дождемъ. Здѣсь опять, какъ и тамъ, потянулись угрюмые сосновые лѣса, съ тою разницею, что здѣсь довольно весело зелѣнѣла на почвѣ свѣжая трава. Намъ те и дѣло приходилось по колѣни въ водѣ переходить образовавшіеся отъ дождей обширныя лужи.

Около полудня подошли мы къ разливу рѣчки Пердида, и стали искать переправы. Къ счастью, на скатѣ у дороги находился челнокъ, какъ видно нарочно здѣсь оставленный для желающихъ перейти на другую сторону. Мы стянули его въ воду, и, съ помощію двухъ лопатокъ, поплыли, балансируя на этомъ превалкомъ челнокѣ. Сначала плыли мы по просѣкѣ между густыми кустами; но вскорѣ передъ нами открылось водное пространство, по которому тамъ и сямъ возвышались сосны и болотные кипарисы. Мимо насъ неслись бревна, сучья и обрубки деревь. Мой товарищъ, стоя впереди, отталкивался отъ пней, грозившихъ какъ подводныя шхеры опрокинуть нашъ утлый челнокъ. Я гребъ между тѣмъ лопатой, подвигая челнокъ понемногу впередъ. Проплывъ такимъ образомъ съ версту, мы приі остановились наконецъ у забора, наполовину торчащаго изъ воды и, отдохнувъ, поплыли черезъ самую рѣку, теченіе которой въ этомъ мѣстѣ было очень быстро. На другомъ, немного возвышенномъ берегу, стоялъ перевозчикъ и, казалось, съ любопытствомъ слѣдилъ за нашею переправой. Выйдя на берегъ, мы заплатили ему шесть сентовъ за лодку, и спросили,

нельзя ли получить что-нибудь пообѣдать. Перевозчикъ съ кислою миною объяснилъ намъ, что въ послѣднее время никакой возможности не было сообщаться съ ближайшими городами, а запасы его всѣ истощались. Мы удовольствовались взятыми съ собою пшеничными сухарями.

На этой сторонѣ Пердидо-ривера начинался штатъ Алабама. Весь край былъ еще такъ мало населенъ, что въ продолженіи дня, кромѣ дома перевозчика, по дорогѣ видѣли мы еще избенку, въ которой застали двухъ дѣтей по пятому и шестому году. Мальчикъ, съ черными всклокоченными волосами, подошелъ къ дверямъ, держа сестру свою за руку, какъ будто готовился защищать и ее, и домъ. На вопросъ нашъ онъ бойко отвѣчалъ, что отецъ и мать съ утра ушли въ поле и вѣрно скоро воротятся; но что въ домѣ нѣтъ ни молока, ни мяса... Такимъ образомъ дожди, выпавшіе въ необыкновенное время, отрѣзали поселенцевъ отъ сообщенія съ городами и чуть не ввергли ихъ въ самое бѣдственное положеніе; тѣмъ болѣе, что скоро должны были наступить періодическіе ливни, а на это время поселенцы обыкновенно дѣлаютъ свои запасы сала, свинины, муки, сахару и кофе. Счастіе для нихъ, что погода наступила сухая, и дня черезъ два сообщенія, вѣроятно, вновь открылись. Въ почтовомъ домѣ однако, куда мы прибыли къ ночи, наплюсь всего вдоволь.

На другой день утромъ насъ нагналъ Американецъ, объѣзжавшій свое стадо, бродившее по лѣсамъ. Онъ указалъ намъ кратчайшую дорогу въ Мобиль. Около полудня остановились мы у поселенца, расположившаго свое жилище на крутомъ берегу рѣчки. Поблизости его большаго дома стоялъ другой, маленькій, и хозяинъ, бесѣдуя съ нами на крыльцѣ, объявилъ, что это школа, устроенная имъ для своихъ дѣтей, которыхъ у него семь человекъ. Какъ въ другихъ штатахъ, такъ и въ Алабамѣ, въ народныхъ школахъ дѣти жителей обучаются безплатно. Но чтобы не посылать дѣтей своихъ въ находящееся далеко отъ дому училище, хозяинъ упросилъ мѣстное правительство назначить къ нему на домъ преподавателя. Онъ построилъ бревенчатый домикъ съ достаточнымъ помѣщеніемъ для учениковъ и учителя, который такимъ образомъ получаетъ жалованье отъ правительства, а содержаніе и кое-какіе подарки отъ отца своихъ учениковъ. Замѣтивъ наше любопытство, хозяинъ повелъ насъ въ возникшее такимъ образомъ среди пустынныхъ лѣсовъ учебное заведеніе и познакомилъ съ наставни-

комъ, маленькимъ съденькимъ старичкомъ. Онъ съ большою предупредительностью тотчасъ показалъ намъ руководства, употребляемыя имъ при урокахъ.

Руководства эти одинаковы во всѣхъ штатахъ, и они-то составляютъ главную основу всеобщаго народнаго образованія въ республикѣ. Въ ней еще немного такихъ наставниковъ, которые занимались бы преподаваніемъ по призванію; большею частію они даже мало подготовлены къ такому занятію и берутся за него единственно по недостатку другаго, болѣе для нихъ выгоднаго. Правительство еще долго не будетъ въ состояніи назначать въ свои народныя школы болѣе свѣдущихъ преподавателей. А потому оно обратило особенное вниманіе на руководства и поручило составленіе ихъ специалистамъ-знатокамъ въ дѣлѣ обученія. Учебники приспособлены какъ нельзя лучше къ здѣшнимъ потребностямъ и совершенно примѣняются къ средствамъ и условіямъ народныхъ училищъ. Главное достоинство руководствъ, особенно назначенныхъ для первоначальнаго обученія, заключается въ наглядности и практичности предметовъ, съ которыми знакомятся начинающіе. Азбука наполнена картинками, помѣщенными между текстомъ. Онѣ, правда, не отличаются отдѣлкою и напечатаны довольно грубо; но цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы привлечь вниманіе собственнорисункомъ, а единственно въ томъ, чтобы представить самый предметъ наглядно. Описанія картинокъ отличаются простотою и краткостью изложенія. Съ помощію одной этой книжечки, даже при посредственномъ учителѣ, начинающій не только выучивается читать, но знакомится также съ множествомъ интересныхъ для него предметовъ, взятыхъ изъ природы, изъ сферы промышленности и общежитія, даже изъ отечественной исторіи.

Наглядный способъ преподаванія еще искуснѣе примѣненъ къ ариметикѣ. На первой страницѣ ея бросается въ глаза изображеніе птицъ, сидящихъ на десяти шестахъ по одной; по двѣ и т. д., на каждомъ. Упражненіе въ дѣйствіяхъ производится также на изображеніяхъ людей, животныхъ, растений и другихъ предметовъ. Но все это приноровлено такимъ образомъ, что вниманіе ученика обращено не столько на изображенія предметовъ, сколько на количество ихъ. Даже значеніе дѣйствій представлено наглядно, такъ что, взглянувъ на рисунокъ, ученикъ сразу понимаетъ, въ какомъ случаѣ нужно складывать, въ какомъ вычитать, и т. д. Такъ напримѣръ для объясненія

малолѣтнимъ вычитанію на картинкѣ представлено шесть куръ; три изъ нихъ изображены спокойно .клюющими, а три убѣгающими въ одну сторону съ распущенными крыльями и съ вытянутыми шеями; подъ картинкою значится: изъ 6 вычестъ 3, сколько будетъ? Знакомые съ новыми методами преподаванія въ Германіи не найдутъ здѣсь ничего новаго; но нигдѣ еще эти методы не были примѣнены съ такимъ умѣньемъ и такъ сообразно съ требованіями народной школы. Притомъ въ учебникахъ вездѣ соблюдена мѣра: ничего лишняго ни для учителя, ни для ученика; такъ что при всей полнотѣ изложенія руководства составляютъ весьма небольшія книжечки; весь лишній балластъ научной формалистики отброшенъ. Авторы, составляя учебники, имѣли въ виду не столько науку, сколько образованіе человѣка: наука была для нихъ средствомъ для такого образованія.

Съ тѣмъ же искусствомъ составлено руководство географіи. Изложивъ въ нѣсколькихъ словахъ предметъ ея, авторъ прямо приступаетъ къ объясненію компаса и четырехъ странъ свѣта; потомъ разсматриваетъ различныя части суши и воды, сопровождая все объяснительными рисунками, которые всегда имѣютъ цѣлью помогать воображенію, представляя предметъ явнѣе, осязательнѣе. Картинки географіи отличаются притомъ гораздо лучшею отдѣлкой. При объясненіи частей свѣта и отдѣльных странъ, между текстомъ помѣщены раскрашенныя карты. Обширнѣе всего излагается, конечно, описаніе Соединенныхъ Штатовъ: къ нему приложены главные моменты изъ исторіи республики. Если взять въ разчетъ большое число рисунковъ, картъ, занимающихъ цѣлыя страницы, притомъ дѣльныя указанія для учителя, вопросы, какіе слѣдуетъ предлагать ученикамъ для многосторонняго повторенія уроковъ, то нельзя не удивиться искусству, съ какимъ весь этотъ матеріалъ распределенъ на 138 страницахъ въ восьмую долю листа и притомъ крупноі печати. При всемъ томъ ученикъ съ помощью этого руководства получаетъ понятіе о самыхъ интересныхъ моментахъ жизни въ отдаленныхъ краяхъ своего отечества. Выборъ предметовъ свидѣтельствуетъ о многосторонней учености составителя. Но въ этомъ случаѣ одной учености было бы недостаточно: необходимо, чтобъ авторъ самъ былъ проникнутъ всѣми интересами народнаго быта, чтобы въ немъ была симпатія къ національной жизни.

Эти учебники по превосходству своему и по дешевизнѣ дѣлаютъ

невозможномъ всякую постороннюю конкуренцію. Оттого здѣшнія книжныя лавки не изобилуютъ жалкими произведеніями дѣтской литературы, имѣющими цѣлью одну спекуляцію. Вслѣдствіе этого, казенныя руководства расходятся въ огромномъ числѣ экземпляровъ. При такихъ условіяхъ образованіе доступно для всякаго, и кто здѣсь ничему не научится, тому остается винить самого себя. Если въ Европѣ университеты и другія высшія учебныя заведенія, доступныя исключительно для извѣстнаго сословія, стоятъ выше американскихъ отчасти не устроившихся еще университетовъ и коллегій; то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы здѣсь вообще народное образованіе находилось на низшей степені; напротивъ въ Европѣ оно нигдѣ не разлито въ массы народа въ такой мѣрѣ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ образованіе составляетъ исключительное преимущество привилегированнаго класса; здѣсь это—общенародное достояніе. Утвердительно можемъ сказать, что ни въ многолюдныхъ городахъ, ни въ мѣстахъ, отдаленныхъ и разобщенныхъ съ міромъ цивилизаціи, не встрѣчали мы необразованнаго природнаго Американца. Но изъ переселившихся сюда Ирландцевъ, Нѣмцевъ, изъ этихъ соотечественниковъ Шекспира и Гете, если иные, принадлежавшіе къ престопадію, и обучались чтенію, письму и катехизису, то во всемъ, касающемся общечеловѣческаго образованія, у нихъ по большей части выказывалось грубое невѣжество и жалкое незнаніе всего, что выходило изъ предѣловъ ихъ обыденной жизни. Если поэтому Америка и не можетъ еще мѣряться съ Европой въ отношеніи научныхъ изслѣдованій, то въ ней специалистъ ученый не отдѣляется отъ простаго работника тою ненаполненною пропастью, какая лежитъ между учеными и пролетаріемъ образованнѣйшихъ государствъ Европы.

Должно однако замѣтить, что южные штаты какъ во всемъ другомъ, такъ и въ этомъ отношеніи далеко отстали отъ сѣверныхъ. Въ особенности темнокожее племя на югѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ возможность обучаться чтенію и письму. Плантаторы, слѣдуя политикѣ, какой во всѣ времена преобладающая каста придерживалась въ отношеніи угнетенной, намѣренны содержать своихъ невольниковъ въ полномъ невѣжествѣ, справедливо считая образованіе опаснѣйшимъ противоядіемъ рабству. Потому, въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ, правительства, подъ влияніемъ плантаторовъ, не только не прилагаютъ никакихъ заботъ къ обученію негровъ, но считаютъ даже обязанностью строго преслѣдовать всякія частныя

попытки, дѣлаемыя съ цѣлью ихъ образованія. Недавно: еще въ Виргиніи одна дама, обучавшая чернокожихъ дѣтей, приговорена была какъ преступница къ шестимѣсячному заключенію!... Къ такимъ возмутительнымъ несообразностямъ приводитъ здѣсь, въ странѣ свободы, противоестественное учрежденіе невольничества!

Распростившись послѣ обѣда съ хозяиномъ и съ его шлюдой, мы поспѣшили впередъ, и по мѣстности, довольно неровной, поздно вечеромъ дошли до мѣстечка Вилледжъ, расположеннаго на западномъ берегу бухты Мобиль. На другое утро пароходъ перевезъ насъ на противоположную восточную сторону бухты къ устью рѣки Мобиль, при которой стоитъ городъ того же имени.

Послѣ странствованія по малонаселеннымъ мѣстамъ и даже совершеннаго уединенія среди пустынныхъ лѣсовъ, послѣ тихихъ испанскихъ городовъ, не кипящихъ ни торговою, ни промышленною дѣятельностью, мы вдругъ очутились въ купеческой гавани, и насъ обдало разнообразіемъ, говоромъ, стукомъ экипажей, шипѣніемъ пара изъ сотни трубъ, всемъ гуломъ и трескотней торговаго порта... Чувства, привыкшія къ спокойному воспріятію впечатлѣній, какъ будто еще не очнулись отъ сна; ни одинъ предметъ не выступаетъ опредѣленно для зрѣнія; ни одинъ звукъ не доходитъ отчетливо до слуха. Глаза разбѣгаются, глядя на высокіе дома, вытянутые вдоль пристани, на пестрѣющіе товарами магазины, на огромные бѣлые омнибусы, на такіе же безукоризненно-бѣлые пароходы, стоящіе сплошнымъ рядомъ вдоль пристани; въ ушахъ слышится какое-то безсвязное гуденье и стукотня, и вдругъ среди этого невнятнаго хаоса звуковъ раздаются какіе-то опредѣленные тоны, грубо поражающіе слухъ. Невольно обращаемся къ залпу; откуда несутся тѣ звуки, слагаясь въ какую-то новаго рода музыку: это пароходъ изъ Нью-Орлеана подходит къ пристани и возвѣщаетъ о своемъ прибытіи громкою музыкой: она произведена дѣйствіемъ пара, выпускаемаго изъ трубочекъ, къ которымъ приспособленъ механизмъ, употребляемый въ нашихъ органахъ.

Попади мы сюда прямо изъ Нью-Йорка или Филадельфiи, насъ, конечно, не такъ бы поразилъ этотъ городъ, и мы вѣрно замѣтили бы тогда, что онъ не такъ великъ, что кирпичные дома его или вовсе не окрашены, или покрыты знакомомъ намъ шоколатнаго цвѣта краской; что здѣсь больше негровъ на пристани, и интересы жителей, богатыхъ и бѣдныхъ, сосредоточены на хлопчатой бумагѣ. Мы обратили бы тогда можетъ быть особенное вниманіе лишь на роскошныя тропическія деревья, на магноліи, осѣняющія обѣ стороны широкой, самой красивой здѣсь улицы.

Вездѣ и всегда, впечатлѣнія, производимыя на человека явленіями, зависятъ отъ ихъ послѣдовательности другъ за другомъ, такъ что всякое предшествующее впечатлѣніе служить какъ бы основою для другаго послѣдующаго, которое будетъ ярче и сильнѣе, или блѣднѣе и слабѣе, смотря по этой основѣ, дающей всему отличительный тонъ и краски. Это необходимо брать въ разчетъ въ путешествіяхъ, когда свѣжія представленія быстро слѣдуютъ одно за другимъ, и когда новый предметъ кажется иногда разительнымъ только вслѣдствіе контраста своего съ предшествовавшими ему явленіями, которыми еще полна душа. Особенно примѣняется это къ американскимъ городамъ, возникшимъ среди пустынныхъ пространствъ. Подъѣзжая къ нимъ, и съ воды и съ суши, не видишь ни дачъ съ красивыми садами, ни полусельскихъ предмѣстій, окружающихъ любой городъ Европы и незамѣтно вводящихъ путешественника въ его средоточіе. Здѣсь же, напротивъ, изъ сферы дѣвственной природы безъ переходовъ, разомъ попадаешь въ среду кипучей городской дѣятельности, какъ было съ нами, когда мы прѣехали въ Мобиль. Построенный Французами въ 1700 году, онъ не только важнѣйшій городъ штата Алабамы, но послѣ Нью-Орлеана самый значительный торговый портъ при Мексиканскомъ заливѣ.

Мы только на нѣсколько часовъ сошли на берегъ, и вскорѣ послѣ полудня находились уже на палубѣ другаго парохода, готоваго плыть вверхъ по рѣкѣ. Капитанъ въ послѣдній разъ прозвонилъ въ сигнальный колоколъ, обыкновенно висящій въ передней части палубы. Уже приступили было къ снятію канатовъ съ тумбочекъ на берегу; машинистъ ждалъ только условнаго знака, чтобы пустить въ ходъ машину, какъ въ этотъ самый моментъ къ пристани, запыхавшись, подбѣжалъ джентль-

мень, и крикнувъ капитану: «прошу у васъ пяти минутъ времени»!

— *All right!* отвѣтилъ этотъ, остановивъ жестомъ схватившихся уже за канатъ негровъ и посмотрѣвъ на часы.

Джентльменъ пустился бѣгомъ по городу. Онъ вскорѣ вернулся въ сопровожденіи чернокожаго, несшаго за нимъ чемоданъ, и перескочилъ на пароходъ, который тотчасъ же двинулся по знаку капитана, и пошелъ вверхъ противъ теченія рѣки Мобиль.

Съ высоты палубы смотрѣли мы на пропадающій вдаль городъ, расположенный на мало-возвышенномъ берегу. Потому по обѣ стороны опять пошли болота и непроницаемые лѣса, и кромѣ нихъ ничего уже не являлось въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ нашего плаванія. Мы опять очутились среди первобытной природы...

Времени было довольно, чтобъ ознакомиться съ нашимъ новымъ пловучимъ жилищемъ. Устройство здѣшняго рѣчного парохода, непохожаго на европейскій, лучше всего можно себѣ представить, если вообразить, что на большую плоскодонную барку поставлено двухъэтажное досчатое бѣлое строеніе, верхній ярусъ котораго снаружи окруженъ со всѣхъ сторонъ галлереей съ навѣсомъ. Въ нижнемъ ярусѣ непосредственно надъ водою находятся печи, котель, машина, большіе рычаги которой поднимаются до верхняго этажа. Здѣсь, на нижней палубѣ, между наваленною грузкою кладью, толкутся истопники и машинистъ съ своими помощниками. Лѣстница съ блестящими мѣдными перилами ведетъ во второй ярусъ, возвышающійся надъ водою сажени на полторы. Войдя по лѣстницѣ, вы вступаете въ длинную залу съ бѣлыми стѣнами, съ позолоченымъ карнизомъ; на потолокъ висятъ большія солнечныя лампы; полъ устланъ цвѣтными коврами; мебель палисандроваго дерева обита бархатомъ; на столахъ кипсеки, атласы; роуль въ концѣ залы довершаетъ роскошное убранство ея. Изъ залы дверь выводитъ наружу на переднюю платформу, занимаемую мушкетерами. Для леди назначена задняя часть общей каюты, уставленная зеркалами и качающимися креслами. По обѣ стороны залы, направо и налево, находятся дверцы отъ комнатъ пассажировъ. Въ каждой изъ нихъ по двѣ постели, рукоμηйный столикъ и зеркало. Въ особомъ отдѣленіи устроена уборная для джентльменовъ; парикмахеръ, по большей части негръ, почти цѣлый день занятъ стрижкой и напوماживаніемъ

водою ихъ: американскіе денди, особенно во время переездовъ, на югъ, любятъ заниматься прической. Выйдемъ на галерею и поднимемся наконецъ по лѣсенкѣ на верхнюю палубу, служащую какъ бы крышей всему зданію. Вдоль ея средины выстроено еще нѣсколько комнатокъ для капитана, офицеровъ и рулевыхъ; это, слѣдовательно, уже третій этажъ. Впереди палубы и еще выше стоитъ маленькая башенка съ навѣсомъ и съ стеклянными боками, очень похожая на большой фонарь: это мѣсто рулевого, который отсюда обзрѣваетъ далекую окрестность и направляетъ посредствомъ колеса пароходъ по фарватеру, узнаваемому имъ по знакомымъ ему примѣтамъ. По обѣ стороны башенки возвышаются двѣ черныя трубы, изрыгающія клубы дыма. Высокое пловучее зданіе сидитъ въ водѣ не болѣе аршина, а иногда и менѣе; такъ что, увидѣвъ въ первый разъ такой пароходъ, невольно опасаясь, чтобы все зданіе не опрокинулось на бокъ отъ малѣйшаго неосторожнаго толчка. Но опасаться нечего: скорѣе дно парохода расширится о камень или о пень; торчащій со дна рѣки, чѣмъ пошатнется этотъ красивый пловучій домъ.

Самое лучшее мѣсто для наблюдателя, разумѣется, на верхней палубѣ, съ которой далеко во все стороны видна рѣка съ окаймляющими ее берегами. По мѣрѣ того, какъ пароходъ уносилъ насъ вверхъ по теченію, лѣсистые берега все болѣе сближались между собою; особенно когда на второй день мы вѣхали въ рѣку Алабаму, отъ слиянія которой съ рѣкою Томбекби образовалась Мобиль. Мѣстами острова, раскинутые по рѣкѣ, суживали еще болѣе фарватеръ, такъ что разстояніе между берегами иногда не превышало шести сажень. Тогда было время половодья, и рѣка, порываясь на просторъ, разлилась по сжимающимъ ее лѣсистымъ берегамъ: насколько взоръ проникалъ въ чащу, все было залито потокомъ. Орѣховыя деревья, тополи, сикоморы, стоя глубоко въ водѣ, погружали въ нее свои широколѣтвистыя сучья. Мутная влага казалась еще грязнѣе, еще глинистѣе отъ контраста съ густымъ блескомъ свѣжей зелени. Иногда пароходъ, избѣгая мели, такъ близко подходилъ къ деревьямъ, что гнулъ и ломалъ огромныя сучья дубовъ и крѣпкаго орѣшника. А случалось, фарватеръ до того былъ стѣсняемъ островами, что оба колеса парохода въ одно время задѣвали за вѣтви, раскинувшіяся съ обѣихъ береговъ.

Разъ мы стояли съ компаніей пассажировъ впереди на верхней палубѣ и любовались дикою, но ясною картиною, развер-

тылавицею передъ нами какъ въ подвѣжной павирамѣ. Другой капитанъ, стоявшій тутъ же у борта, вскрикнулъ: «берегите глаза!» и самъ бросился къ задней части палубы. Не постигая что случилось, мы инстинктивно бросились за нимъ. Намъ почудилось, что падаетъ труба, но оглянувшись, я увидѣлъ, какъ пароходъ наѣхалъ на дерево: сучья сикоморы охватили высокую трубу до самаго верху, и въ отчаянной борьбѣ съ нею, отторженные отъ дерева, съ грохотомъ и трескомъ повалились на палубу. Сами они были съ порядочное деревцо. Разбѣжавшаяся компанія съ веселымъ смѣхомъ воротилась на прежнее мѣсто.

Чѣмъ далѣе къ сѣверу подвигался пароходъ, тѣмъ берега становились выше и круче, такъ что разливъ уже не затоплялъ ихъ. Береговые скаты сверху до низу обросли густою листвою, и, казалось, что надъ лѣсомъ стоитъ еще лѣсъ. Каждый часъ, а случалось и каждые полчаса, приставалъ пароходъ, ударя бортомъ въ глинистый, взрытый водою берегъ, наверху котораго была расположена хлопчато-бумажная плантація, или какой-нибудь незначительный городокъ. Здѣсь выгружались боченки и мѣшки съ рисомъ, гвоздями, мукой, патокой, свинымъ саломъ и другими необходимыми для плантацій предметами. Когда же пароходъ плыветъ внизъ по рѣкѣ, то забираетъ въ этихъ мѣстахъ хлопчато-бумажные тюки для доставленія ихъ въ Мобиль. Въ иныхъ мѣстахъ останавливались, чтобы запастись дровами, сложенными въ сажени у самаго края воды. Въ такихъ случаяхъ съ парохода заранѣе давали знать свисткомъ о приближеніи его, и жившіе на берегу дровосѣки выбѣгали изъ своихъ лачужекъ. Капитанъ съ палубы спрашивалъ ихъ о цѣнѣ, и если она ему казалась высока, то молча давалъ знать ѣхать далѣе, не торгуясь попусту. Если же цѣна было подходящая, то причаливали; матросы и дровосѣки проворно перебрасывали нѣсколько сажени на пароходъ; капитанъ расплачивался, и мы снова продолжали нашъ путь.

Пассажиры, во время жаркаго дня, располагаются по большей части на платформѣ втораго яруса подъ навѣсомъ. Тамъ сидятъ они, безцеремонно закинувъ ноги на перила, и, пожевывая табакъ, въ молчаніи созерцаютъ мелькающіе передъ ними предметы. Многіе читаютъ; говорятъ вообще очень мало, но табакъ жуютъ почти всѣ, и при этомъ то и дѣло поплевываютъ во всѣ стороны, куда ни попало, на чистый полъ, на цвѣтистый коверъ, помимо стоящей тутъ же рядомъ фарфоровой плевални-

ца. Награ, представленный нарочно для соблюденія чистоты на надубѣ, не выпускаетъ изъ рукъ швабры, и едва успѣваетъ подтирать олеванныя мѣста. Нельзя сказать, чтобъ Американцы были необщительны; но они не находятъ удовольствія заглаживать разговоръ единственно для того, чтобы говорить: у нихъ нѣтъ потребности болтовни или процесса разговора. Если же Американецъ имѣетъ сказать что-нибудь, то говоритъ безъ омовленныхъ выраженій, коротко и ясно; оттого бесѣда обыкновенно сама собою скоро приходить къ концу. Притомъ рѣчь Американца спокойна, тиха; даже грубые жители отдаленныхъ краевъ не позволяютъ себѣ повышать голосъ въ разговорѣ. Въ этомъ отношеніи отъ нихъ рѣзко отличаются прѣѣзжавшіе сюда Европейцы: особенно легко узнать новичка-Германца по обилію длинныхъ словъ и по многимъ жестамъ, которыми онъ уназначаетъ свою рѣчь, думая выразиться донѣе. Нѣмецъ даже въ своихъ дѣлахъ прибѣгаетъ къ многословію, тогда какъ Американецъ примѣняетъ свой сжатый дѣловой языкъ и къ общественной бесѣдѣ. Въ этомъ онъ похожъ нѣсколько на родоначальника своего, Британца. Уроженецъ южныхъ штатовъ конечно гораздо общительнѣе сѣвернаго янки. Но здѣсь на югѣ, по понятіямъ свѣтскаго приличія, ни одинъ джентльменъ не заговорить съ другимъ безъ того, чтобъ ихъ другъ другу не представилъ какой-нибудь общій знакомый. Такимъ образомъ, поговоривъ случайно съ однимъ джентльменомъ, мы вскорѣ были представлены другому, третьему, такъ что къ концу переезда перезнакомились почти со всеми пассажирами. Тогда оназдалось, что они и разговорчивы, и привѣтливы къ иностранцамъ.

Что же касается до леди, то онѣ занимали заднюю часть залы, гдѣ, сидя на качающихся креслахъ, проводили время въ колебательномъ движеніи. Въ это отдѣленіе изъ джентльменовъ вступали только тѣ, которые сопровождали своихъ женъ или родственницъ и коротко знакомыхъ. Вездѣ безграничное къ нимъ уваженіе: если случалось какой-нибудь леди войти въ залу, мужчины тотчасъ вскакивали, и каждый предлагалъ свое мѣсто. Какъ бы не обращая вовсе вниманія на оказываемую ей учтивость, садилась она на любомъ креслѣ, а джентльменъ молча отходилъ въ сторону. За общимъ столомъ сходились и мужская и женская половины; но и тутъ одинъ полъ строго отдѣлялся отъ другаго; по звонку пассажиры спѣшили къ своимъ мѣстамъ, но ни одинъ джентльменъ не садился: всѣ ждали, стоя за стульями, пока размѣстятся леди на одномъ концѣ стола;

послѣ этого уже и мужчины занимали свои мѣста. Но вѣтъ является еще запаздывающія леди и идетъ прямо къ столу, съ увѣренностью, что найдетъ себѣ мѣсто. Джентльменъ, которому пришлось помѣститься на мѣжѣ, разделяющей женскую часть отъ мужской, безпрекословно уступаетъ ей свой стулъ и идетъ на другое мѣсто. Здѣшнихъ Нѣмцевъ этотъ обычай приводитъ въ полное негодованіе, и они подчиняются ему не безъ ропота, совершенно впрочемъ напраснаго. Тѣмъ страннѣе видѣть такое безусловное подчиненіе всякимъ постановленіямъ обществитя въ вольнолюбивомъ Американцѣ. Онъ дорожитъ своею политическою свободою и никому не позволяетъ посягнуть на право личности; каждому предоставляется въ практической сферѣ дѣйствовать по своимъ наклонностямъ. Но лишь только Американецъ вступаетъ въ общество, онъ строго соблюдаетъ общепринятія формы и не прощаетъ нарушенія разъ установленныхъ правилъ условнаго приличія. И во всѣхъ концахъ обширной республики, во всѣхъ слояхъ общества царствуютъ одинъ и тѣ же наружныя формы общественной жизни.

Пареходъ, на которомъ мы ѣхали, былъ одинъ изъ первостатейныхъ, а потому обѣды были роскошныя, и являлось большое число разнообразныхъ блюдъ. Несмотря на это, Американцы не ѣли, а глотали кушанья такъ быстро, что негры, служившіе за столомъ, метались безъ памяти и едва успѣвали удовлетворять гостей. Проглотивши нѣсколько порцій одну за другою, джентльмены поспѣшно выходили изъ залы, дожевывая послѣдній кусокъ на платформѣ и не обращая вниманія на леди, которыя не торопились подобно мужчинамъ. И всего забавнѣе, что послѣ этого уничтоженія яствъ, они прованивно увѣряли насъ, что обѣдъ былъ хорошъ, и что въ южныхъ штатахъ Американцы любятъ поѣсть! Послѣ этого бѣгства джентльменовъ, общій столъ вновь уставался блюдами и за него садилась официанты - негры, угощая другъ друга. Они во всякомъ случаѣ съ большимъ спокойствіемъ пользовались кухонною благодатью. Разъ при такомъ случаѣ одинъ изъ джентльменовъ подвелъ насъ къ дверямъ залы, и спросилъ, показывая съ торжествомъ на обѣдающихъ негровъ: «всмотримте, чтѣ вы послѣ этого скажете о судьбѣ нашихъ невольничковъ?»

Рабовладѣтели не рѣдко прибѣгаютъ къ такой уловкѣ: въ мѣстахъ публичныхъ они содержатъ своихъ черныхъ въ наилучшемъ видѣ и не упускаютъ случая обратить на это вниманіе проѣзжающихъ иностранцевъ. Но сказать здѣсь, въ странѣ

свободы, слово противъ невольничества значитъ подвергаться опасности. Даже свобода тишенія, признанная уставами союза, здѣсь безсилна противъ незаконнаго учрежденія. Никто не осмѣливается напечатать въ газетѣ статью въ защиту чернокожихъ. Правительства южныхъ штатовъ, составленныя изъ плантаторовъ и дѣйствующія подъ ихъ вліяніемъ, преслѣдуютъ всякую гласность по дѣлу эманципаціи. Недавно редакторъ одной изъ сѣверныхъ газетъ, въ которой помѣщена была статья противъ невольничества, получилъ отъ почтмейстера южнаго штата письмо такого содержанія: «Во имя нашихъ законовъ я обязанъ былъ въ присутствіи правительственныхъ лицъ сжечь вашъ листокъ; предупреждаю васъ не являться въ нашъ штатъ, иначе вы подвергнетесь пятилѣтнему заключенію.» Когда вышелъ романъ Бичеръ-Стоу *Жизнь Дяди Тома*, книгопродавцы южныхъ городовъ вынуждены были отослать всѣ экземпляры обратно въ Нью-Йоркъ. Въ газетахъ грозятъ смертью и тюремнымъ заключеніемъ за всякое выраженіе въ пользу освобожденія. «Докажемъ, пишетъ газета *Телескомъ* въ Южной Каролинѣ: что вопросъ о невольничествѣ не подлежитъ гласности; что постановленіе рабства слишкомъ прочно укоренилось у насъ, и навсегда должно остаться въ такомъ видѣ; и что наконецъ всякій, осмѣлившійся говорить о его злѣ и безнравственности, подлежитъ смерти.» Жизнь Клея, мужественно ратовавшаго противъ плантаторовъ, не разъ подвергалась опасности: типографскіе станки его были сломаны; самъ онъ долженъ былъ бѣжать въ сѣверные штаты. Таково здѣсь вліяніе плантаторовъ, сильныхъ не числомъ, а богатствомъ, сосредоточеннымъ въ ихъ рукахъ, и единствомъ интересовъ, связывающихъ ихъ безъ всякихъ обязательныхъ условій въ одну неразрывную корпорацію. А между тѣмъ съ другой стороны сѣверъ въ борьбѣ съ такимъ крѣпкимъ союзомъ, при всѣхъ своихъ средствахъ, является нерѣшительнымъ, всегда уступчивымъ, что еще болѣе ободряетъ плантаторовъ. Въ сознаніи своего могущества, они нагло искажаютъ коренныя начала Американской республики и пренебрегаютъ всѣми неудобными имъ постановленіями ваппингтонскаго правительства. И самое невольничество, которое въ началѣ было только терпимо какъ неизбежное зло, теперь возводится ими на степень законнаго учрежденія и все болѣе утверждается въ немъ. «Укрѣпимъ у себя дома рабство, говорятъ они явно, и наперекоръ всему свѣту возобновимъ перевозъ негровъ

изъ Африки! Такъ, вслѣдствіе слабого сопротивленія събора, плантаторы самоуравне распоряжаются въ южныхъ штатахъ: безъ цензуры подчиняютъ своей власти редакторовъ газетъ, безъ полицейскаго надзора заглушаютъ опасную для нихъ гласность, и только при случаѣ обращаютъ вниманіе на то, какъ хорошо кормятъ у нихъ невольниковъ.

На разсвѣтѣ четвертаго дня нашего плаванія, совершивъ около шестистотъ верстъ по всемъ изгибамъ рѣки, мы приотали къ Монгомери, расположенному на холмахъ на восточному берегу Алабамы. Было воскресенье, а потому въ городѣ царствовала тишина. Съ верху одной изъ возвышенностей, на которую мы поднялись, онъ казался погруженнымъ въ зелень: крыши бѣлыхъ, большею частію деревянныхъ, домовъ выглядывали изъ кущи магнолій, сикоморъ и фиговыхъ деревьевъ. Это былъ послѣдній городъ на пути нашемъ къ сѣверу съ роскошною южною растительностью, и по своему гористому мѣстоположенію, при пышной зелени садовъ, онъ показался намъ живописнѣе прославленныхъ въ Америкѣ по красотѣ своей Чарльстоуна и Саманны.

Около полудня изъ церквей стали выходить раздраженные богомольныя леди. За ними слѣдовали негры съ цвѣтными коврами подъ мышкой. Темнокожіе христіане вообще не допускаются въ церкви бѣлыхъ; но въ Монгомери выстроена церковь, назначенная исключительно для негровъ, принадлежащихъ большею частію къ сектѣ методистовъ. Проповѣдники у нихъ обыкновенно мулаты, отличающіеся иногда замѣчательнымъ краснорѣчіемъ; они увлекаютъ своихъ слушателей, по преимуществу дѣйствуя на ихъ фантазію. Мы зашли въ здѣшнюю церковь во время самаго богослуженія. Она наполнена была чернокожими, размѣстившимися на скамьяхъ. Человѣкъ до двухсотъ слушателей со вниманіемъ слѣдили за простою рѣчью проповѣдника мулата. Во всемъ соблюдалось стражайшее благочиніе. Въ мѣстахъ, гдѣ негры еще не въ состояніи были построить себѣ церковь, они отправляютъ богослуженіе подъ открытымъ небомъ, въ лѣсахъ. Но и въ этомъ отношеніи плантаторы всячески стараются воспрепятствовать ихъ сходбищамъ, опасаясь заговоровъ и возстаній. Многіе рабовладѣтели даже рѣшительно воспрепятствуютъ своимъ невольникамъ участвовать въ богослуженіяхъ, и на плантаціяхъ дѣти темнокожихъ вырастаютъ безъ всякаго понятія о религіи. Они только понаслышкѣ знаютъ о существованіи какихъ-то христіанъ. Изрѣдка удается

провозвѣднику-миссионеру объявить: небу, что на землѣ была Христосъ, другъ бѣдныхъ и униженныхъ, и тогда странныя мысли западаютъ въ голову негра. Одинъ изъ насъ за тайну подтвердилъ намъ, что Христосъ не кто иной, какъ глава аболіціонистовъ: онъ теперь на сѣверѣ собираетъ своихъ приверженцевъ и скоро явится освободить ихъ.

Монгомери, столица штата Алабамы, находится въ средоточіи хлопчатобумажной производительности. Въ этомъ отношеніи самый штатъ занимаетъ первое мѣсто на югѣ: въ одной Алабамѣ производится четвертая часть всего количества хлопчатой бумаги, собираемой въ Сѣверной Америкѣ. Въ 1853 году въ Сѣверной Америкѣ добыто до тысячи милліоновъ фунтовъ, что составляетъ двѣ трети всего количества, получаемого на земномъ шарѣ. После Алабамы больше всего производятъ хлопчатую бумагу Южная Каролина, Георгія, Миссисипи. Эти штаты по преимуществу и составляютъ главную основу партіи рабовладѣтелей, вся власть которыхъ заключается въ томъ громадномъ значеніи, какое получила хлопчатая бумага въ торговлѣ и промышленности. Вслѣдствіе этого и вопросъ о невольничествѣ сосредоточиваетъ въ себѣ интересы не только Американскихъ Штатовъ, но также Англій и другихъ государствъ Европы, на заводахъ которыхъ разрабатывается самая большая часть всей добываемой здѣсь хлопчатой бумаги. Вотъ какъ выражается о томъ же предметѣ знаменитый Дикенсъ: «Еслибы на страну хлопчатой бумаги обрушилось несчастіе, то тысячи кораблей нашего торговаго флота безъ дѣла сгнили бы въ гаваняхъ, десять тысячъ фабрикъ остановили бы дѣйствіе своихъ жужжащихъ станковъ, и два милліона людей остались бы безъ средствъ къ пропитанію.» Въ этомъ сплетеніи интересовъ и Новаго и Старога Свѣта заключается одно изъ главныхъ затрудненій къ разрѣшенію вопроса о невольничествѣ. Самыя убѣдительныя начала гуманности и нравственности оказываются безсильными передъ такими интересами дѣйствительности. Даже тамъ, гдѣ эти начала признаны большинствомъ, общество не въ состояніи привести ихъ въ исполненіе, когда ихъ исполненіе противно насущнымъ интересамъ: дѣйствительность въ такихъ случаяхъ могучѣе началъ. Оттого-то въ республикѣ, основанной на свободѣ личности, съ такимъ упорствомъ держится учрежденіе невольничества. Сами рабовладѣтели сознаются, что невольничество во многихъ отношеніяхъ зло для республики. Но, говорятъ они, въ настоящее время мы не можемъ обойтись

близъ него; иначе мы лишились хлопчатой бумаги, главнаго посредства нашей внешней торговли и самой могучей опоры нашей въ дѣлахъ внешней политики. При всемъ томъ партія рабовладѣтелей по меньшинству своему не могла бы держаться такъ твердо, еслибъ интересы денежной аристократіи сѣвера не состояли въ такой зависимости отъ той же хлопчатой бумаги. Торговые обороты съ Англіей совершаются черезъ посредство Нью-Йорка; а метрополиа Штатовъ управляетъ всѣми денежными операціями на сѣверѣ. Оттого такая уступчивость и подчиненіе сѣвера воли рабовладѣтелей.

Утромъ 10-го мая мы выѣхали изъ Монгомери по желѣзной дорогѣ въ городокъ Атланту, въ штатъ Георгія. По дорогѣ, мѣстами, среди обширныхъ плантацій возвышались красивыя здания богатыхъ хозяевъ, украшенныя галереями, колоннами и окруженныя роскошными садами. На пашняхъ зеленѣли уже молодые кустики хлопчатника, который высѣвается около половины апрѣля. По прошествіи шести мѣсяцевъ растеніе даетъ уже плодъ, но не достигаетъ въ этотъ короткій срокъ очень большаго роста. Работы въ поляхъ производится вообще небрежно; пашня воздѣлывается самымъ грубымъ образомъ, и плантаторы не заботятся вовсе объ усовершенствованіи своего земледѣлія, не находя въ этомъ надобности, пока у нихъ есть свои невольники. Ихъ хозяйственная дѣятельность преимущественно направлена къ тому, чтобы понуждать невольниковъ по возможности къ самымъ усиленнымъ работамъ.

Городъ Атланта, въ который мы прибыли еще до полудня, составляетъ узелъ нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ; почему здѣсь и находится производство локомотивовъ и вагоновъ. А впрочемъ городокъ едва заслуживаетъ названіе деревни. Вообще весь край такъ еще мало заселенъ, что непонятно, какъ и въ какомъ образѣ могутъ окупаться здѣсь желѣзныя дороги. Только чрезвычайная дешевизна построекъ и содержанія дорогъ дѣлаетъ возможнымъ ихъ существованіе въ здѣшнемъ краю. Когда мы изъ Атланты ѣхали далѣе на сѣверъ въ Чатонугу, при рѣкѣ Тенессои, въ штатъ того же имени, то маленький локомотивъ уносилъ за собою всего только три небольшихъ вагона: одинъ для джентльменовъ, другой для чернокожихъ и третій — багажный. Немногія леди на этотъ разъ должны были размѣститься въ одномъ вагонѣ съ мужчинами, въ которомъ, несмотря на то, было все еще довольно просторно. А между тѣмъ отъ Монгомери до Чатонуги по желѣзной до-

рогъ черезъ Атланту будетъ вереть четыреста сличковъ. Правда, что по пути пассажиры часто сѣвнялись одинъ дру- гини; но если взять въ расчетъ, что кромѣ желѣзной дороги между этими мѣстами нѣтъ другихъ путей сообщенія, то ску- дость населенія въ этомъ краю, особенно въ сравненіи съ сѣ- веро-восточными штатами, не можетъ не обратить на себя вниманія. Нечего повторять, что главная причина этому — невольничество.

По мѣрѣ того, какъ мы уносились на сѣверъ, мѣстность ста- новилась гористѣе: показались отрасли южной оконечности Аппалачей. Рельсы, огибая высокіе холмы, извивались зме- образно у самой подошвы ихъ. Прибывъ рано утромъ 12-го мая въ Чатонугу, мы оставили въ гостиницѣ наши вещи и пошли на одну изъ самыхъ высокихъ горъ въ окрестности. Эта гора, называемая Лукъ-аутъ (Look-out—высматривай), кру- тымъ скатомъ обращенная къ протекающей близъ подошвы ея Тенесси, возвышается изъ долины наподобіе заостренной къ верху шапки. При входѣ на нее мы встрѣтились съ семьей переселенцевъ, вѣзжавшихъ на гору по болѣе отлогой извил- листой дорогѣ. Длинную крытую парусиною телѣгу влекли че- тыре вола, запряженные цугомъ. Молодой смуглый поселе- вецъ, идя рядомъ, управлялъ ими съ помощью длиннаго бича. Въ телѣгѣ сидѣли маленькія дѣти, съ любопытствомъ высунувшія свои всклокоченныя головы. На задней части телѣги наложены были стулья и разные домашніе пожитки. Позади между ко- лесъ шла желтопѣгая косматая собака. Старикъ-отецъ, жена его и взрослая дочь медленно переступали вслѣдъ за своими пожитками. Они остановились въ одно время съ нами на по- ловинѣ горы. Мы разгнѣались вопросами: откуда? куда? По- томъ, на прощаньи, пожавъ другъ другу руки, мы пожелали имъ счастья въ новой для нихъ отчизнѣ. . . Что бы ни побуж- даю переселенцевъ предпочесть здѣшній край свободнымъ сѣвернымъ территориямъ, во всякомъ случаѣ они съ своей стороны вольною работой исподволь споспѣшествуютъ изгна- нію рабства изъ края. На скатахъ Аппалачей много пусто- порожнихъ земель, пощаженныхъ плантаторами по неудобству разведенія на нихъ хлопчатой бумаги. Пользуясь этимъ, бѣлые поселенцы заводятъ здѣсь подъ покровомъ благопріятнаго климата цвѣтущія фермы. Тамъ, гдѣ имъ такимъ образомъ удалось распространиться въ краю, — плантаторы, избѣгая опа-

онѣго осѣдетва, удалялись съ своими невольниками въ другія бѣже южныя мѣста.

Проводивъ глазами удалявшихся по дорогѣ переселенцевъ, мы стали взбираться по крутому скату вверхъ и совершенно неожиданно очутились на площадкѣ, обращенной въ поле, которое негръ вспахивалъ легкимъ плужкомъ. За пашней бѣлѣлъ красивенькій домикъ, возлѣ котораго стоялъ самъ хозяинъ. Онъ сухо, но учтиво отвѣтилъ на наше привѣтствіе и пригласилъ къ себѣ на балконъ, съ котораго передъ нами открылась недостижимая для взора даль. По всему было видно, что это мѣсто выбрано любителемъ видовъ природы. Вокругъ дома все осталось въ первоначальномъ дикомъ состояніи: между мелкими кустами валялись камни большіе и малые, скатившіеся съ крутизны. Шагахъ въ десяти отъ строенія, въ трещинѣ большаго валуна была вдѣлана жестяная трубочка, изъ которой неизъяснимымъ ключомъ била струя чистой какъ кристаллъ воды. Дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ семнадцати, подала намъ два стакана, и мы утолили жажду. Владелецъ этого романтическаго мѣста не походилъ на обыкновеннаго фермера-хлѣбопашца: его приемы, болѣе утонченные, особый складъ рѣчей, обнаруживавшихъ начитанность, все свидѣтельствовало, что прежде онъ жилъ при иной обстановкѣ, при иныхъ условіяхъ. . . Мы узнали, что онъ приобрѣлъ частичку земли на уступѣ горы и нанялъ двухъ работниковъ, которые воздѣлываютъ его небольшое поле. Такъ въ тишинѣ уединенія онъ живетъ здѣсь съ женою и съ дочерью, наслаждаясь созерцаніемъ дальнихъ горныхъ картинъ. Съ своимъ независимымъ капиталомъ, отданнымъ въ вѣрныя руки, онъ вѣкъ свой можетъ прожить въ этомъ мѣстѣ, не входя съ окружающимъ міромъ ни въ промышленныя, ни въ политическія отношенія, ни въ дружескія, ни въ враждебныя. Устроившись на купленной имъ землѣ, онъ можетъ даже не приписываться въ американскіе граждане; и никто не спроситъ его: кто онъ? откуда? зачѣмъ здѣсь? Если онъ захочетъ, то не будутъ даже знать ни настоящаго его имени, ни происхожденія, лишь бы онъ самъ, увлекшись духомъ партіи или прельстившись прибыткомъ торговли, не сошелъ съ своей горы и не вмѣшался въ житейскія дѣла. . . Въ обильныхъ порожними мѣстами краяхъ, особенно на сѣверо-западѣ, встрѣчаются подобнаго рода переселенцы, извѣстные у Американцевъ подъ общимъ названіемъ джентльменовъ-фермеровъ. Не нужда и не забота понудили ихъ поселиться здѣсь:

при своемъ достаткѣ, при образованности и въ некоторомъ значеніи; они въ Европѣ также могли бы провести скромную жизнь. Но недовольные настоящимъ политическимъ и социальнымъ состояніемъ въ Европѣ и пришедши къ сознанию своего безонія въ практической дѣятельности, они поддались унынію, отъ котораго находятъ исцѣленіе въ Новомъ Свѣтѣ. Иныхъ же томила тоска по свободной жизни среди идиллическаго спокойствія природы. Здѣсь всѣ условія сложились такъ выгодно для ихъ жизни въ уединенной независимости и личной неприкосновенности.

По указанію джентльмена, мы поднялись на самый верхъ горы. Тамъ передъ нами круто вздымалась сѣрая скала на семь или восемь саженой въ высоту. Совершенно отвѣсныя бока ея, выдавшіеся и вдавшіеся углы и глубокія разсѣлины, поросшія мхомъ, изломанный зубчатый край на верху, — все дѣлало скалу похожею на развалину древней крѣпости съ башенками и бойницами. По деревянной лѣсенкѣ, приставленной къ одному углу утеса, взобрались мы на его вершину и оттуда, съ маленькой площадки, стали вглядываться въ далекіе гребни горъ, пропадавшіе въ зыбкомъ парѣ знойнаго воздуха. Ближайшая къ намъ гряда представилась намъ покрытою съ низу до верху кудреватымъ лѣсомъ; за этою грядой тянулась другая гряда, препадавшая мѣстами позади первой. Далѣе сѣрѣла третья, а четвертую едва можно было различить сквозь сизую дымку пара. Внизу у подошвы горы извивалась Тенесси мутною своею водою; а между рѣкой и горой, какъ двѣ паутинки, протянулись рельсы желѣзной дороги, описывая изворотами своими волнообразную линію: по ней въ это самое время шелъ поѣздъ, и намъ съ высоты казалось, будто онъ ползъ, а не несся съ быстротою къ городу, который весь былъ виденъ внизу съ крохотными бѣдѣвшими жилищами, походившими на дѣтскіе игрушечные домики. . . . Съ другой противоположной стороны гора спускалась легкимъ покатою внизъ. Но мы сошли съ нея опять по крутому спуску по направленію къ городу, до котораго отъ подошвы оставалось верстъ шесть. Сама гора, какъ намъ говорили, достигаетъ до четырехъ сотъ саженой высоты надъ уровнемъ рѣки.

Дождавшись въ Чатонугъ ночнаго поѣзда, мы переѣхали съ нимъ въ Нашвилъ, столицу штата Тенесси, находящагося при Комберландъ-риверѣ. Какъ въ столицѣ штата, здѣсь, разумѣется, находится капитолій, и такъ же, какъ въ другихъ подобныхъ

резиденціяхъ, онъ занимаетъ самое высокое мѣсто, такъ что для обозрѣнія города лучше всего взобраться на башенку, вѣщающую обыкновенно это бѣлое зданіе. Посредствомъ Комберландъ-ривера, впадающаго въ Огайо, Нашвилъ состоитъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ большими городами на сѣверѣ, а потому его пристань во время половодья оживлена приходящими и отходящими пароходами.

Взявъ мѣсто на одномъ изъ нихъ, мы поѣхали внизъ по рѣкѣ, текущей на сѣверъ, и вскорѣ по обѣ стороны потянулись холмистые берега, покрытые лѣсами. Но это были уже не густые, непроницаемые лѣса Алабамы; вообще фizioномія растительности рѣзко измѣнилась: инныя деревья только-что распускались; листь на нихъ былъ мельче, чѣмъ на деревьяхъ юга; оттого и лѣса здѣсь казались прозрачными, и сквозь нихъ видѣлись домики фермеровъ и табачныхъ плантацій. Мѣстами въ огородахъ показывались, осыпанныя цвѣтами, фруктовыя деревья. Къ устью рѣки становилась шире, и наконецъ, 15 мая, подъ вечеръ, пароходъ вѣхалъ въ просторныя воды Огайо. Своротивъ налѣво отъ мѣста впаденія, онъ присталъ у города Смитленда и подѣхалъ вплоть къ другому пароходу, готовому плыть вверхъ по Огайо до Луизвилля: намъ стоило только съ одной палубы перейти на другую.

Мы находились въ странѣ, называемой Великимъ Западомъ, на главномъ водномъ пути его, и притомъ всего верстахъ въ семидесяти къ востоку отъ впаденія Огайо въ Миссиссипи. Пароходъ уносилъ насъ вверхъ по рѣкѣ, которая составляетъ естественную границу штатовъ невольничьихъ и свободныхъ. Недавно еще Огайо былъ завѣтною рѣкою для темнокожихъ, бѣжавшихъ отъ кнута своихъ мучителей. Тогда съ свободного сѣвернаго берега несчастнымъ бѣглецамъ подавали руку помощи, и плантаторъ прекращалъ погоню за невольникомъ, ступившимъ на тотъ берегъ свободнымъ человекомъ.

Когда въ 1787 году конгрессомъ запрещено было рабство во всѣхъ штатахъ къ сѣверу отъ Огайо, передъ невольниками вдругъ открылась страна, въ которую имъ легко было спастись бѣгствомъ. Плантаторы тогда же увидѣли, какая опасность грозитъ имъ отъ побѣговъ, и потому настояли, чтобы правительство утвердило постановленіе, по которому рабовладѣтели имѣли бы право преслѣдовать негра, перебѣжавшаго въ свободные штаты. Сначала этотъ законъ не обратилъ на себя особеннаго вниманія сѣверныхъ жителей. Но вскорѣ часто повторявшіяся погони, сопровождаемыя возмутительными сценами,

возбудили негодованіе всего народа; особенно, когда открылось, что преслѣдователи захватывали не только невольниковъ, но даже свободныхъ негровъ, и, основываясь на ложныхъ свидѣтельствахъ, уводили ихъ въ рабство. Самое преслѣдованіе многіе обратили въ промыслъ. Въ газетахъ промышленники предлагали свои услуги плантаторамъ, и нерѣдко появлялись такія публикаціи: «Нижеподписавшійся приобрѣлъ свору собакъ и предлагаетъ пуститься съ ними въ погоню за неграми. Плата за каждый день погони по 3 доллара, а за каждого пойманнаго по 15 долларовъ.»

Отдѣльные правительства сѣверныхъ штатовъ воспретили наконецъ своимъ мѣстнымъ начальникамъ помогать преслѣдователямъ въ погоняхъ за неграми; народъ взялъ бѣглецовъ подъ свою защиту, и постановленіе конгресса въ дѣйствительности не имѣло значенія. Аболиціонисты организовали между тѣмъ общества съ цѣлью доставлять темнокожимъ всевозможныя средства къ успѣшному бѣгству и охранять ихъ отъ преслѣдователей. Они содержали своихъ агентовъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ отъ границъ невольничьихъ штатовъ въ англійскую Канаду. Агенты принимали бѣглецовъ, снабжали ихъ всѣмъ необходимымъ и препровождали далѣе на сѣверъ. Слухъ объ этой спасительной дорогѣ разнесся между неграми на югъ, и по ней спаслась не одна тысяча бѣглецовъ.

Плантаторы долгое время домогались, чтобы конгрессъ издалъ болѣе строгія постановленія касательно выдачи негровъ, скрывавшихся въ сѣверныхъ штатахъ. Но вашингтонское правительство, поддержанное друзьями свободы, постоянно отклоняло отъ себя это дѣло. Наконецъ, однако, въ роковой 1850 годѣ рабовладѣтели вынудили у конгресса новый законъ, который совершенно удовлетворилъ ихъ желаніямъ: за утайку сбѣжавшаго негра опредѣлено было шестимѣсячное заключеніе и 1000 долларовъ пени. Сверхъ того жителямъ свободныхъ штатовъ ввѣнялось въ обязанность подавать помощь въ случаѣ погони, и центральное правительство, въ угоду рабовладѣльцевъ, приняло всѣ мѣры, чтобы новый законъ вездѣ исполнялся во всей точности. Это было самое сильное пораженіе, нанесенное сѣверу, который въ своихъ противодѣйствіяхъ плантаторамъ, съ желаніемъ добра, не связалъ энергіи, и ради сохраненія призрачнаго мира съ югомъ, отрѣзалъ невольникамъ послѣдній путь къ спасенію. Погони стали производиться въ большихъ размѣрахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ принялъ было сторону

бывлецовъ; но начальство, поставленное центральнымъ правительствомъ, вездѣ оказывало плантаторамъ дѣятельную помощь. Съ негодованіемъ въ груди и съ сознаніемъ своего униженія, народъ повиновался правительственной власти.

Съ этихъ поръ неграмъ осталась одна цѣлѣнная надежда достигнуть свободы; надежда эта основана на милосердіи господъ: побуждаемые челоѣколюбіемъ, иные освобождаютъ своихъ невольниковъ или еще при жизни, или по завѣщанію. Съ нами на пароходѣ ѣхала семья темнокожихъ, состоявшая изъ семи челоѣкъ: одного уже пожилаго негра, двухъ женщинъ и четырехъ молодыхъ парней. Они обратили на себя наше вниманіе радостнымъ выраженіемъ лицъ, съ которыми встрѣчали бросаемыя на нихъ любопытные взгляды, и весельемъ, съ которымъ безъ умолку разговаривали между собою. Мы узнали отъ нихъ, что они отпущены на волю по завѣщанію недавно умершей госпожи ихъ. Теперь они ѣдутъ въ сѣверные штаты, «гдѣ, прибавилъ пожилой негръ, вѣрно и на нашу долю найдется работа!» Несмотря на грязное, полуизодранное платье, весело было глядѣть на ихъ счастливыя, улыбающіяся лица: они изгоняли всякую мысль о гнетущей бѣдности, о предстоящемъ тяжеломъ трудѣ.

Въ прежнее время рабовладѣтели чаще отпускали на волю своихъ негровъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ закономъ запрещено вывозить невольниковъ изъ Африки, цѣна на нихъ повысилась, и хозяева не скоро рѣшаются пожертвовать своимъ живымъ имуществомъ. Здоровый негръ въ лучшей порѣ жизни цѣнится до 2000 долларовъ; и цѣна тѣмъ выше, чѣмъ онъ ближе къ состоянію одичалости, чѣмъ меньше въ его жилахъ примѣшалось крови блага челоѣка. Грамотные негры, по мнѣнію хозяевъ, не такъ послушны, въ нихъ сильно развивается склонность къ свободѣ, и потому они даже опасны на плантаціяхъ. Притомъ же они не такъ прилежны къ работѣ, какъ безграмотные. Негритянка здороваго сложенія стоитъ около 900 долларовъ; а за мальчика лѣтъ десяти платятъ до 500 долларовъ. Всякаго поразить то общее равнодушіе, тотъ цинизмъ, съ какимъ совершается здѣсь распродажа людей. Средніе штаты, Виргинія и лежащія по южному берегу Огайо въ особенности занимаются этимъ промысломъ, съ выгодой продавая своихъ рабовъ на плантаціи. Никакія узы родства не берутся въ расчетъ, и члены одной семьи расходятся обыкновенно въ разныя стороны. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ хозяинъ былъ отцомъ темнокожаго племени, бываетъ, что онъ и своихъ дѣтей

продаетъ въ рабство. Общественное мнѣніе на югѣ не находитъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Въ одной изъ здѣшнихъ газетъ по этому случаю разказано, какъ дочь бѣжала отъ своего отца. Онъ промышлялъ невольниками въ Меридандѣ и хотѣлъ продать свою дочь, по имени Шарлотту, въ Южную Каролину. Узнавъ объ этомъ, отважная дѣвушка бѣжала, прежде чѣмъ деньги были выплачены ея отцу. Восемнадцать дней срывалась она въ лѣсахъ и наконецъ пришла въ Балтиморъ. Тамъ отыскался знакомый, который препроводилъ ее по желѣзной дорогѣ въ Филадельфію. Отсюда переѣхала она моремъ въ Бостонъ. За ней была послана погоня; но съ помощью чело-вѣколюбивыхъ друзей, она скрылась отъ преслѣдователей своихъ въ Вермонтъ, и наконецъ счастливо добралась до Канады, гдѣ вздохнула на полной свободѣ. Въ газетѣ прибавлено: «у Шарлотты цвѣтъ лица почти бѣлый; она двадцати лѣтъ отъ роду, статнаго сложенія и даже весьма образована. Бѣлый цвѣтъ лица въ этомъ случаѣ много помогъ ея бѣгству.»

Между мулатами шерѣдко встрѣчали мы совершенно бѣлыхъ, такъ что съ перваго взгляда трудно бывало отличить потомка темнокожаго прародителя отъ челоуѣка кавказской породы. Иногда надо внимательно всмотрѣться въ черты мулата, чтобъ открыть въ немъ слѣды эііопской крови. Вообще типы такъ называемыхъ темнокожихъ здѣсь чрезвычайно разнообразны по цвѣту, который встрѣчается во всѣхъ оттѣнкахъ, отъ бѣлаго и до темнокаштановаго. Разнообразіе типовъ эііопскаго племени увеличилось здѣсь отъ разныхъ степеней смѣшенія темнокожихъ съ бѣлыми. Присматриваясь однако къ родившимся въ Америкѣ неграмъ, замѣчаемъ въ нихъ своеобразныя черты, которыми они вообще отличаются отъ своихъ предковъ, вывезенныхъ изъ Африки. Подъ вліяніемъ здѣшняго климата и мѣстности, а также вслѣдствіе столкновения съ бѣлокожимъ населеніемъ необходимо должна была сложиться новая раса съ своими національными особенностями, какъ въ отношеніи тѣлеснаго сложенія, такъ и въ отношеніи духовныхъ способностей. Весьма важно въ этомъ случаѣ свидѣтельство рабовладѣтелей, которые сами утверждаютъ, что невольничье населеніе у нихъ замѣтно становится цивилизованнѣе. Но извѣстно, сколько преградъ къ развитію представляется цвѣтнымъ въ южныхъ плантаціяхъ. Въ свободныхъ штатахъ они стоятъ уже на гораздо высшей степени образованія. Встрѣчая однако вездѣ со стороны бѣлолицыхъ оскорбительное презрѣніе, мулаты поневолѣ сближаются съ чернымъ населеніемъ. Они разжигаютъ еще болѣе

ненависть къ плантаторамъ, сообщаютъ неграмъ свои знанія и опытность, и побуждаютъ въ подавленныхъ невольникахъ новыя понятія, новыя стремленія. Восстанія на плантаціяхъ рѣдко обходятся безъ содѣйствія свободныхъ, болѣе цивилизованныхъ мулатовъ. Сами аболиціонисты часто пользуются ими, какъ посредниками въ дѣлѣ освобожденія негровъ.

Понятно поэтому, что нарастающее темнокожее племя приводитъ въ сильное безпокойство даже лучшихъ представителей юга, тѣмъ болѣе, что они сами искренно убѣждены въ необходимости освободить невольниковъ, и не сомнѣваются, что это освобожденіе современемъ неизбежно совершится. Еще недавно одинъ изъ представителей невольничьяго штата Миссури, г. Браунъ, въ рѣчи своей: «о постепенномъ уничтоженіи рабства», излагалъ тѣ средства, которыя должны способствовать желаемому освобожденію. Г. Браунъ не обращается къ челоуѣколюбію, какъ дѣлали многіе до него. «Челоуѣколюбіе, говоритъ онъ, безъ посторонней помощи,—то высокое, чистое челоуѣколюбіе,—въ сущности играло въ этомъ великомъ вопросѣ о рабствѣ и свободѣ лишь незначительную роль!» Самое вѣрное средство къ уничтоженію рабства ораторъ видитъ въ увеличеніи блага народонаселенія, въ развитіи и расширеніи свободы труда. Онъ доказываетъ, основываясь на статистическихъ данныхъ, что въ сѣверныхъ областяхъ Миссури, куда наиболѣе устремлялось бѣлое народонаселеніе, и гдѣ слѣдовательно развивалась свобода труда, «невольничество исчезало и исчезаетъ какъ соръ, сдуваемый вихремъ». Теперь въ Миссури рабство держится только въ южныхъ областяхъ штата. Передвиженіе туда блага населенія должно и тамъ постепенно, но неизбежно вытѣснить трудъ рабовъ. Но для того, чтобы способствовать болѣе широкому развитію свободнаго труда, ораторъ требуетъ содѣйствія правительства. Онъ говоритъ: «Вотъ истинное и благороднѣйшее значеніе постепеннаго отиженія рабства, и я того убѣжденія, что исходное начало этому должны положить такіе законы, которые имѣли бы цѣлью поддержать и ободрить свободный трудъ, раскрыть неисчислимыя естественныя богатства штата, дабы тѣмъ поощрить переселеніе въ нашъ край, развитіе искусства, ремесла и свободную торговлю, увеличить число желѣзныхъ дорогъ, устроить убѣжища для бѣдныхъ, такъ чтобъ они независимо отъ богатыхъ могли работать для себя и улучшать свое состояніе; словомъ, такіе законы на настоящее и будущее время, которые содѣйствовали бы къ достиженію всего, что тѣсно связано съ на-

теріальнымъ и социальнымъ благосостояніемъ и съ прогрессомъ большинства всего народонаселенія... Тогда, продолжаетъ ораторъ, окажется, что тѣ самые, которые и теперь еще держатъ рабовъ, будутъ самыми ревностными поборниками мѣръ къ отмѣненію рабства и главными защитниками закона общей свободы!»

Убѣжденія, высказанныя г. Брауномъ, служатъ отголоскомъ мнѣній благонамѣренныхъ людей юга. Но тѣмъ съ бѣльшимъ безпокойствомъ слѣдятъ они за нарастаніемъ свободнаго населенія темнолицыхъ. На югѣ сильно укоренилось мнѣніе, что черная раса по племенному несходству своему съ бѣлою, не можетъ быть поставлена съ послѣднею на одной степени общественнаго положенія. Южные публицисты основываются болѣе всего на томъ, что черное племя, по духовной натурѣ, стоитъ ниже бѣлаго, и до сихъ поръ не выказало еще своихъ способностей къ высшему образованію. Опираясь на такомъ положеніи, они примѣняютъ основной принципъ о равенствѣ людей только къ личностямъ одного и того же племени; разноплеменные, говорятъ они, уже отъ самаго рожденія не равны, и потому не могутъ пользоваться одинаковыми правами. Но такіе разнородные классы съ неравными политическими правами могутъ существовать рядомъ только въ государствѣ съ монархическимъ образомъ правленія. Въ республикѣ же, при равномъ распредѣленіи гражданскихъ правъ, при одинаковомъ участіи всѣхъ членовъ въ общественныхъ дѣлахъ, необходима до нѣкоторой степени одинаковость природныхъ свойствъ и равномерность духовнаго развитія полноправныхъ гражданъ. Въ противномъ случаѣ племя, одаренное высшими врожденными свойствами, во имя цивилизаціи неизбѣжно должно подчинить себѣ другое низшее. Такимъ образомъ самое невольничество въ Америкѣ не только не противорѣчитъ духу свободы и равенства, но оно есть необходимое слѣдствіе существующихъ республиканскихъ постановленій, составляющихъ исключительное достояніе бѣлаго населенія. А потому для искорененія рабства необходимо совершенное удаленіе темнокожаго племени. Такъ говорятъ южные публицисты.

Аболиціонисты съ своей стороны съ самаго начала подняли голосъ противъ выселенія негровъ изъ Америки. «Мало-душно и жестоко изгонять племя, родившееся здѣсь, пишутъ они: такое предпріятіе не оправдывается ни человѣческими, не христіанскими законами.» Сами негры добровольно не захотятъ оставлять свое новое отечество. Аболиціонисты опровергаютъ доводы южныхъ публицистовъ, доказывая несостоятельность

ихъ основнаго положенія касательно неспособности темнокожихъ къ высшему образованію. Если они до сихъ поръ не выказали такихъ способностей, то виной этому только ихъ унижительное положеніе среди бѣлыхъ. Препятствія, представляемая имъ въ общественной и политической сферѣ, ограниченіе гражданскихъ правъ, сильно задерживаютъ развитіе ихъ духовной жизни. Сами рабовладѣтели признаютъ, что темнокожее племя подлежитъ развитію. Это признаніе совершенно опровергаетъ предположеніе о неспособности негровъ: способность развиваться уже заключаетъ въ себѣ возможность для племени вообще достигъ всякой степени человѣческаго образованія. Развитію племени не можетъ быть назначено предѣловъ.

На основаніи такихъ доводовъ, стремленія аболиціонистовъ направлены къ тому, чтобы дать просторъ этому развитію, чтобы высвободить темнокожее племя изъ-подъ гнета презрѣній, ограниченій, лишеній, налагаемаго на него бѣлыми, чтобы наконецъ дать имъ тѣ же права, которыми пользуются граждане республики...

Съ достиженіемъ этой высоко-гуманной цѣли рѣка Огайо не будетъ болѣе границей между рабствомъ и свободой.

Пароходъ нашъ шелъ по мутнымъ водамъ ея, и берега мелькали передъ нами, представляя то живописныя, холмистыя возвышенія, покрытыя негустымъ лѣсомъ, то весело зеленѣвшія долины, вдавшіяся вовнутрь материка между холмами. Въ такихъ долинахъ на сѣверномъ берегу показывались бѣлые домики фермеровъ. Вообще берега Огайо заселены уже гораздо болѣе, чѣмъ берега другихъ рѣкъ, по которымъ мы проѣзжали; фермы слѣдовали за фермами; города всякихъ размѣровъ и названій: тутъ были Голконда, и Верона, и даже Римъ. Но въ этихъ городкахъ не поражали взоровъ нашихъ ни величавые куполы, ни смѣлые обелиски, ни высокія колокольни; взамѣнъ этого между двухъ-трехъ-этажными домами, построенными какъ будто одинъ на другомъ по скату холма, или возвышалась дымящаяся высокая труба, или выдвигалось надъ краемъ берега водяное колесо для проведенія воды изъ рѣки прямо въ верхній ярусъ фабричнаго зданія. Кое-гдѣ развѣ виднѣлся крестикъ на скромномъ шпицѣ небольшой церкви баптистовъ, или методистовъ.

Послѣ двухсуточного плаванія по Огайо, нашъ пароходъ остановился у города Портленда, верстахъ въ трехъ не доѣзжая Луизвилля, куда мы и переѣхали по конной желѣзной дорогѣ.

Э. Циммерманъ.

ВОЙНА ПИЕМОНТА СЪ АВСТРІЕЙ

ВЪ 1849 ГОДУ ¹

II.

Несмотря на конференціи, открывшіяся въ Брюссель, условія миланскаго перемирія не могли служить прочнымъ основаніемъ для заключенія мира между Австріей и Пиемонтомъ: условія эти были чрезчуръ тяжелы и оскорбительны для самолюбія короля и народа. Новая борьба была неизбѣжна для сохраненія значенія, приобрѣтеннаго Пиемонтомъ въ Италіи, и для достиженія цѣли, съ которою начата была война, цѣли національной — независимости Италіи. Вступивъ разъ въ борьбу, Пиемонтъ не могъ остановиться, не могъ ограничить свои дѣйствія; у него не было выбора; онъ долженъ былъ или сражаться за освобожденіе Италіи отъ ига австрійскаго, или пасть подъ ударами внутренней революціи.

Сознаніе, что въ прошлую кампанію непріятель побѣдилъ болѣе силою обстоятельствъ, нежели силою оружія, сознаніе, что независимости Пиемонта не угрожала никакая опасность, потому что ни Англія, ни Франція не дозволили бы Австріи уси-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 11.

лится отдѣленіемъ какой-нибудь части этого государства, наконецъ внутреннее состояніе страны, раздираемой раздорами партій, заставляли желать войны, какъ единственнаго средства для соединенія разъединеннаго общества.

Несмотря на то, не всѣ желали войны. Аристократія и духовенство боялись ея, потому что въ случаѣ неудачи, она могла чрезвычайно усилить горячаго ихъ противника—партію республиканскую, отдавъ ей верховную власть въ руки. Понимая, что Австрія, вслѣдствіе успѣха въ первую кампанію, не будетъ сговорчива, они все-таки надѣялись, что посредничество Англіи и Франціи принудить ее уступить Ломбардію до Адиджа, безъ войны. Во главѣ партіи мира стоялъ Піетро-Денисъ Пинелли, вмѣстѣ съ Ревелемъ призванный къ министерству послѣ перемирія.

Король и республиканская партія равно желали войны, но въ этомъ руководили ихъ совершенно различныя побужденія. Карлъ-Альбертъ не могъ забыть того блестящаго положенія, въ которомъ еще такъ недавно находилось его государство. Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, на Сардинію смотрѣли какъ на представительницу великаго семейства народовъ Апеннинскаго полуострова, давно ли рукоплескали ея усиліямъ на полѣ битвъ и подносили королю корону за короной, добровольно признавая себя его подданными? давно ли Венеція, эта древняя владычица морей, присылала депутатовъ съ просьбою о дозволеніи войти въ составъ королевства Верхней Италіи? наконецъ давно ли Карлъ-Альбертъ на полѣ битвы принималъ пословъ, предлагавшихъ сицилійскую корону второму его сыну? Нѣтъ, этого король не могъ забыть, и возвратитъ прежнее значеніе Сардиніи и своему дому сдѣлалось единственною мыслью Карла-Альберта, его желаніемъ и стремленіемъ.

Республиканская партія видѣла въ войнѣ средство уничтожить довѣріе народа и привязанность арміи къ королю и его дому, захватить власть въ свои руки и приступить къ исполненію своей цѣли, къ образованію соціальной италянскон республики. Во главѣ этой партіи стоялъ Маццини. Монтанелли, одинъ изъ тосканскихъ трибуновъ, вотъ что говоритъ о планѣ дѣйствій и о средствахъ, которыя намѣрены были употребить въ дѣло республиканцы:

«Въ концѣ 1848 года италянская демократія, съ распущенными знаменами, лицомъ къ лицу, атаковала существовавшія правительства и образовала правильно организованную силу. Маццини надѣялся до-

стигнуть итальянскаго единства, держась вѣ всякаго итальянскаго государства и руководя обществомъ, которое должно было служить основнымъ камнемъ общества будущей Италіи; онъ хотѣлъ, возбуждая малыя возстанія, овладѣть какимъ-нибудь кускомъ земли, гдѣ бы могъ образовать средоточіе своего идеальнаго государства, и оттуда, пользуясь происшествіями, которыя были порождены упомянутыми возстаніями, достигнуть республиканскаго единства Италіи—общаго предмета всѣхъ нашихъ желаній».

Генуя была избрана центромъ дѣйствій демократовъ; тамъ находились главные партизаны войны, тамъ поселилась бѣльшая часть ломбардскихъ эмигрантовъ. Множество клубовъ и обществъ, съ самыми разнообразными направленіями, образовалось во всемъ Пиемонтѣ.

Карлъ-Альбертъ не надѣялся на однѣ силы своего государства для предстоявшей войны и не рѣшался уже взять на себя отвѣтственность руководить военными дѣйствіями, а потому отправилъ генерала Ла-Мармору во Францію, съ просьбою о помощи войсками и деньгами, а также съ предложеніемъ генералу Шангарнье принять званіе главнокомандующаго итальянскою арміей. Шангарнье въ то время мѣтилъ выше, а потому отказался отъ предлагаемаго ему мѣста. Чтѣ же касается до помощи, то первоначально старанія Ла-Мармору были почти безуспѣшны и ограничились присылкою въ Туринъ, въ концѣ августа, 10 тысячъ ружей. Лудовикъ-Наполеонъ, ставшій во главѣ правительства, не желалъ принять участія въ дѣлѣ, могущемъ возбудить общую европейскую войну. Тогда-то отправилась изъ Турина депутація молодыхъ ломбардскихъ эмигрантокъ, изъ лучшихъ аристократическихъ фамилій, дабы убѣдить Наполеона подать помощь несчастной Италіи. Прелестная депутація эта имѣла полный успѣхъ: Наполеонъ обѣщаль послать Пиемонту 60-тысячный корпусъ и пособить финансовому недостатку Сардиніи. Всѣ государственные люди Франціи, несмотря на іюньскія происшествія въ Парижѣ, были убѣждены въ томъ, что Франція приметъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ возставшей Италіи. Въ доказательство словъ нашихъ приведемъ письмо Гаркура, 9 сентября 1848 года, къ генералу Пепе въ Венецію:

- Mon général, je vous ai écrit il y a deux jours; aujourd'hui je veux vous dire qu'on est très mécontent de la mauvaise foi qu'apportent les Autrichiens dans la conduite des négociations et qu'il y a lieu de croire qu'elles seront rompues. On envoie plusieurs bâtimens de guerre et 4.000 hommes de troupes de débarquement à Venise.

-Tenez bon jusqu'à leur arrivée et c'est peut-être par vous, au moins j'en espère, que viendra le salut de l'Italie.

Votre tout dévoué Harcourt. (1)

Немедленно по прибытіи въ Туринъ радостнаго извѣстія объ общаніи, сдѣланномъ Наполеономъ, Карлъ-Альбертъ приступилъ къ избранію главнокомандующаго. Изъ италіянскихъ генераловъ одинъ Бава заслужилъ уваженіе короля и содѣлать своею распорядительностію въ прошлую кампанію; но Бава былъ въ немилости за брошюру, имѣвшую цѣлью оужденіе дѣйствій короля въ кампаніи 1848 года. Король, склонясь на представленія графа Замойскаго, бывшаго въ его свитѣ, призвалъ проживавшаго въ Дрезденѣ польскаго генерала Альберта Хржановскаго, который, прибывъ въ концѣ сентября въ Туринъ, въ началѣ октября получилъ званіе начальника главнаго штаба (general-maggiore) подъ начальствомъ короля, но съ полною отвѣтственностію за всѣ распоряженія и дѣйствія.

Съ прибытіемъ его, самымъ дѣятельнымъ образомъ приступлено было къ организаціи арміи, къ пополненію ея, къ улучшенію матеріальнаго состоянія и къ возвышенію въ ней военнаго духа. Въ то время сардинская армія расположена была на рѣкѣ Тичино, занимая лѣвымъ флангомъ Новару, а правымъ Страделлу; резервы стояли въ Туринѣ, Нови и другихъ городахъ, а главная квартира была въ Алессандріи.

Все, что можно было сдѣлать въ короткое время, было исполнено военными министрами Дабормида и Ла-Мармора. Строгіе приказы были разосланы повсюду о возвращеніи бѣглыхъ въ ряды войскъ; исключенія были сдѣланы лишь тѣмъ, которыхъ присутствіе въ кругу семействъ было признано необходимымъ; земляныя работы вокругъ Алессандріи начались съ большою дѣятельностію; повелѣно было мобилизовать 50 батальоновъ національной гвардіи; ломбардскія войска были организованы и раздѣлены на три рода оружія; образованы были четвертые батальоны полковъ и резервы; улучшены военно-уголов-

(1) «Генералъ, я писалъ вамъ два дня тому назадъ; сегодня хочу сказать вамъ, что недобросовѣстность Австрійцевъ въ негоціаціяхъ возбуждаетъ большое неудовольствіе, и что по всему вѣроятію негоціаціи будутъ прерваны. Нѣсколько военныхъ судовъ и 4000 десанта отправлены въ Венецію. Держитесь до ихъ прибытія, и можетъ-быть отъ васъ, такъ надѣюсь я по крайней мѣрѣ, придетъ Италіи спасеніе. Совершенно преданный вамъ Гаркуръ.»

ные законы; число берсальеровъ увеличено до 6 батальоновъ; сформированы три эскадрона колонновожатыхъ; увеличенъ инженерный корпусъ; улучшена продовольственная часть; образованы матерiальная и личная части военно-походныхъ госпиталей; произведено множество офицеровъ всѣхъ оружій; удалены неспособные люди и замѣнены другими. Для формирования и образования сардинской арміи, рѣшено было устроить три учебные лагеря: одинъ подъ начальствомъ герцога Генуэзскаго, у Трекато, другой у Алессандриі, а третій въ Генуѣ. Полевые провіантскіе магазины учреждены были въ Туринѣ, Алессандриі, Верчелли, Мортарѣ, Новарѣ и Казале. Однимъ словомъ, сдѣлано множество реформъ въ самое короткое время. Дабормида въ октябрѣ мѣсяцѣ заключилъ свой рапортъ палатѣ депутатовъ слѣдующими словами:

«L'esercito fu ingrossato di circa 50 m. uomini, vestiti, istrutti, ed organizzati, fu rinnovato e riformato il vestiario, s'istitirono ampi magazzini, il servizio delle sussistenze ed il servizio sanitario furono riordinati, fu provveduto all'armamento; ristrate e vettovagliate le fortezze» (1).

Но не такъ было на дѣлѣ. Радикальныя улучшения въ организаціи войскъ не могли быть сдѣланы во время волненій, производимыхъ внутренними происшествіями. Во вновь сформированной арміи нельзя было ввести новую организацію пѣхоты, потому что для этого потребно много лѣтъ совершеннаго мира; нельзя было внушить войскамъ дисциплину, потому что прежняя снисходительность и безнаказанность за проступки вкоренились въ арміи; къ этому злу привыкли офицеры и солдаты, и чтобы ввести новые порядки и внушить войскамъ повиновеніе, необходимо было гораздо болѣе времени, нежели позволяли обстоятельства; наконецъ невозможно было спасти армію отъ анархіи, которая сверху до низу портила войска и ослабляла въ нихъ всякое единство.

Партія войны такъ была сильна въ Пиемонтѣ, что ни одно министерство съ миролюбивымъ направленіемъ не могло долго удержаться; молодежь роптала на палаты за медленность, и съ факелами провожала депутатовъ, которые требовали войны.

(1) Войско увеличено на 50 тысячъ человекъ, одѣтыхъ, обученныхъ и организованныхъ, обновлена и измѣнена одежда, пополнены магазины, прислуга при магазинахъ и при госпиталяхъ перемѣнена, припасено оружіе, крѣпости исправлены и снабжены съѣстными припасами.»

Министерство Перроне пало, его замѣнило другое—Джиоберти; отставка сего послѣдняго отдала управленіе дѣлами самымъ горячимъ партизанамъ войны, и съ той минуты легко было угадать, что Пьемонтъ скоро разорветъ перемиріе и выступить опять бойцомъ за независимость Италіи.

Но въ то время, какъ положеніе дѣлъ требовало совершеннаго спокойствія государства внутри и величайшаго единства въ дѣйствіяхъ, самое горестное разъединеніе существовало въ обществѣ; борьба партій взволновала всю страну, породила множество недовольныхъ, и постоянно была помѣхою къ употребленію энергическихъ мѣръ, для притотвленія страны къ предстоявшей войнѣ.

Въ декабрь мѣсяцъ, генуэзская чернь, возбужденная демагогами и въ особенности членами италіанскаго клуба (*circolo italiano*), начавъ съ оскорбленій правительства и войска, какъ это обыкновенно бываетъ во время народныхъ возстаній, потребовала, подъ видомъ обезпеченія правъ, которымъ никто не угрожалъ, чтобы фортъ Спероне былъ сданъ національной гвардіи (форты Кастеллетто и Санъ-Джорджіо еще прежде, вслѣдствіе подобныхъ же требованій, перешли въ руки народа). Гражданскія и военныя власти, видя, что такимъ образомъ весь городъ перейдетъ въ руки республиканцевъ, приняли мѣры для поддержанія порядка; но прибывшій въ то время въ Геную министръ Доминикъ Буффо присоединился къ толпѣ и объявилъ, что онъ совершенно согласенъ на удаленіе изъ города королевскаго гарнизона, отзываясь при этомъ съ неуваженіемъ о войскѣ. Коменданту Дю-Лоне, который, исполняя свой долгъ, отступилъ съ войсками къ арсеналу, приказано было распустить войска; часть гарнизона постыдно была выгнана изъ города, и фортъ Спероне перешелъ въ руки народа.

Офицеры, какъ прямые защитники чести солдатъ, жаловались министерству на это злоупотребленіе власти, но оно вмѣсто порицанія дѣйствій Буффо аплодировало его поступку.

Негодую на это новое оскорбленіе, комендантъ опубликовалъ слѣдующій протестъ, на которомъ подписались почти всѣ офицеры, бывшіе въ Генуѣ:

«Войско мужествомъ своимъ и кровью, пролитою на поляхъ Ломбардіи, доказало любовь свою къ Италіи, и оставаясь нейтральнымъ въ борьбѣ партій, раздѣляющихъ отечество, показываетъ, какъ велико въ немъ сознаніе своего долга. И въ то время членъ правительства Доминикъ

Буэо не только приказалъ удалиться гарнизону изъ Генуи, но въ зованіи къ жителямъ рѣшился назвать насъ трусами (imbelli). Оскорбленные подобнымъ образомъ, мы не могли оставаться безмолвными. Мы всѣ нижеподписавшіеся протестуемъ громко противъ словъ и дѣлъ, которыхъ цѣль—унизить въ глазахъ непріятеля тѣхъ, кому нужно все сознаніе силы и своего достоинства для продолженія войны за независимость, для которой мы готовы вновь проливать нашу кровь.»

Протестъ былъ справедливъ и очень скромнъ, но министерство сочло нарушеніемъ дисциплины поступокъ офицеровъ, говорившихъ въ защиту своей чести, и первыхъ подписавшихся уволило въ отставку.

Приобрѣтя точку опоры, владѣя самою сильною пиемонтскою крѣпостью, республиканская партія изъ Генуи стала распространять свое вліяніе на всю страну. Сильная безсиліемъ королевской власти, она стала дѣйствовать смѣлѣе, употребляя всѣ средства для овладѣнія кормиломъ правленія. На совѣтъ, собранномъ для обсужденія мѣръ, какія необходимо принять для достиженія верховной власти, рѣшено было устранить главную помѣху, короля и его семейство, ослабивъ къ нимъ довѣріе народа и любовь войска. Возстановивъ народъ противъ аристократіи, какъ привилегированной касты, возбудивъ въ немъ неудовольствіе къ существующему правительству, распространивъ въ арміи дезерцію, неповиновеніе и неуваженіе къ властямъ, парализируя по возможности дѣйствія людей, преданныхъ королю, республиканцы надѣялись расторгнуть связь между народомъ и королемъ, разстроить совершенно армію, ослабить ее до такой степени, чтобъ они не въ состояніи были сопротивляться непріятелю, и когда война королевская кончится, начать народную войну, а для того чтобъ имѣть начальниковъ для будущихъ поколѣній, рѣшено было стараться привлечь по возможности болѣе военныхъ на свою сторону. Предводителемъ будущей народной войны предполагалось назначить Ромарино, извѣстнаго начальника республиканской экспедиціи въ Шамбери (1).

Замѣчательно, что въ числѣ членовъ этого совѣта, состояв-

(1) Ромарино, служа въ 1831 году въ польской арміи, получивъ приказаніе направить корпусъ свой къ Варшавѣ, послушался приказанія, перешелъ австрійскую границу и тамъ положилъ оружіе. Какъ чловѣкъ, Ромарино не пользовался хорошою репутаціей, но по сравненію ослѣпленію, республиканцы видѣли въ немъ всѣ достоинства, необходимыя для народнаго предводителя.

много всего изъ шести человекъ, находились два шпиона Радецкого, подсланные съ тѣмъ, чтобы, сколько возможно, поощрять дѣйствія республиканцевъ, такъ согласныя съ пользами Австріи. (Взято изъ судебного дѣла о Ромарино.)

Составивъ такимъ образомъ программу дѣйствій, демагоги приступили къ ея исполненію. Прокламаціи, въ которыхъ угваривали солдатъ разойтись по домамъ, увѣряя, что это одно изъ правъ, дарованныхъ конституціей, раздавались по всемъ кабакамъ; письма Маццини, въ которыхъ самыми яркими красками описывалось несчастное положеніе солдатскихъ семействъ, оставшихся на родинѣ, и въ которыхъ отцы и братья, служившіе въ войскахъ, призывались на помощь имъ, распространили въ арміи отвращеніе къ войнѣ и неудовольствіе на тѣхъ, кто заставлялъ ихъ жертвовать нѣжнѣйшими связями и чувствами для Ломбардцевъ, которые такъ неблагоприятно поступили съ піемонтскою арміей въ прошлую кампанію. Въ войскахъ, особенно ближайшихъ къ Генуѣ, не разъ раздавались слова: «andiamo a casa» (пойдемъ домой), но случаи побѣговъ были еще рѣдки, и еще не совершенно погасшее чувство долга удерживало солдатъ подъ знаменами.

Военное начальство видѣло это, жаловалось на революціонеровъ, просило преслѣдовать печатаніе возмутительныхъ воззваній, законы противъ злоупотребленія книгопечатанія были ясны и строги, но правительство не принимало никакихъ мѣръ для прекращенія зла; въ немъ не было ни силы, ни доброй воли для приведенія законовъ въ исполненіе.

Словная ненависть, начинавшая исчезать совершенно, вновь была пущена въ ходъ. Конституція, данная Карломъ-Альбертомъ, уравнивая права подданныхъ, должна была сблизить всѣ классы общества, но не такъ было на дѣлѣ. Всѣ, не пользовавшіяся прежде никакими особыми правами, пожелали занять высшія мѣста и выгнать тѣхъ, кто прежде занималъ ихъ; демократы хотѣли стать на мѣсто аристократовъ, то-есть одну касту замѣнить другою, совершенно противоположною старой и по духу, и по направленію.

Дворянство піемонтское, исключительно военное, сохранило свою древнюю доблесть и рѣзко отличалось отъ патриціевъ другихъ государствъ Италіи, выродившихся, праздныхъ и годныхъ лишь для придворной службы (1). Піемонтскіе дворяне

(1) Мы не преувеличиваемъ ничего, говоря такимъ образомъ о па-

были преданы королю, готовы на всё пожертвованія для пользы отечества, и, по естественному порядку вещей, занимали вышшія мѣста въ государственномъ управленіи и въ арміи. Вся кавалерія, гдѣ служба требуетъ большаго достатка, была наполнена ими. Но дворяне не закрывали дороги другимъ классамъ, въ чемъ легко убѣдиться, разсмотрѣвъ списки офицеровъ въ началѣ 1848 года: ббольшая часть генераловъ и офицеровъ артиллерійскихъ и инженерныхъ происходила изъ средняго сословія. Несмотря на то, сословная ненависть указывала на нихъ, какъ на реакціонеровъ, хотя реакціи никакой не было; на нихъ выдумывали всевозможныя клеветы, чтобы сдѣлать ихъ ненавистными народу. Если какой-нибудь дворянинъ оставался во время войны дома, на него указывали, какъ на труса; если находился въ лагерѣ, то онъ былъ тамъ за тѣмъ, чтобы подкупать солдатъ, привлекать ихъ на сторону реакціи; если они вели солдатъ въ бой, то чтобы предать ихъ; раненъ ли былъ дворянинъ или палъ на полѣ битвы, это приписывалось случаю, ошибкѣ. Журналы объявляли невѣжественной толпѣ о малѣйшемъ наказаніи провинившихся солдатъ, стараясь представить это, какъ начало проявленія тираніи; выдумывали случаи о начальникахъ, убитыхъ своими подчиненными за жестокость обращенія, чтобы приучить толпу къ преступленіямъ подобнаго рода. На тысячу ладовъ повторяли солдатамъ, что начальники ихъ измѣняютъ, что они продаютъ непріятелю съѣстные припасы, что больные и раненые умираютъ отъ ихъ недосмотра, что всё начальники—невѣжды, что истинныхъ военныхъ талантовъ слѣдуетъ искать между солдатами, и что поэтому необходима новая политическая революція, дабы cadaго поставить на свое мѣсто.

Въ первую кампанію солдаты были совершенно преданы королю; при недостаткѣ организаціи піемонтской арміи, эта преданность замѣняла другія, необходимыя качества войскъ. Всѣ оредства были употреблены республиканцами, чтобы искоренить это чувство, и дѣйствительно они достигли своей цѣли.

трицѣхъ италіанскихъ. Мы видѣли въ виллѣ Памеили, въ Римѣ, великолѣпный памятникъ, поставленный патриціемъ римскимъ, въ честь французскихъ солдатъ, павшихъ во время бомбардированія и атаки Рима. Положимъ, что Французы пришли, чтобы возстановить прежній порядокъ вещей, но вѣдь они сражались противъ его соотечественниковъ, они разрушали памятники древняго величія Рима. бомбы ихъ разорвали гробницы Сципіоновъ и стѣны Капитолія!

Въ первый разъ, какъ существовало Сардинское королевство, король желалъ войны, а солдаты питали къ ней отвращеніе.

Религіозность была сильно поколеблена въ арміи; солдаты убѣждали, что Богу молиться должно лишь тогда, когда обряды исполнялись священникомъ республиканской партіи. Трудно повѣрить, что религія употребляема была для внушенія неповиновенія начальникамъ: священники, на исповѣди, не раньше давали отпущеніе грѣховъ, какъ получивъ обѣщаніе солдаты, что они откажутъ въ повиновеніи начальникамъ, если они пожелаютъ снова вести ихъ въ Ломбардію (1).

Невнимательность къ нуждамъ солдатъ увеличивала ихъ отвращеніе къ войнѣ. Во время перемирія, солдаты спали почти всегда на голой соломѣ, оборванные, съ однимъ одѣяломъ на трехъ; въ госпиталяхъ, куда поступило послѣ перехода черезъ Тицино около 18.000 человекъ, больные лежали по два на одной кровати и часто не имѣли хорошей пищи (2). Мудрено ли было послѣ этого увѣрить солдатъ, что если они побѣдоносно вступятъ въ Ломбардію, то война можетъ протянуться надолго еще, а съ нею и ихъ лишенія, въ то время, какъ побѣгъ давалъ имъ возможность лучшаго существованія и свиданія съ своими семействами? Солдаты, какъ всѣ люди безъ достаточнаго образованія, выше всего ставятъ удовлетвореніе физическихъ потребностей, хорошую и сытную пищу. Хорошо одѣтый и сытый солдатъ веселъ, бодръ, послушенъ, силенъ, храбръ, и не уважаетъ непріятеля, дурно одѣтаго и голоднаго. Невнимательность въ этомъ отношеніи въ піемонтской арміи повела за собою многочисленные случаи болѣзней и неповиновенія, и пособила дѣлу республиканцевъ.

Въ странѣ военной, каковъ Піемонтъ, многіе офицеры застѣдали въ избирательной палатѣ. Въ январѣ 1849 года, находясь въ лагерь, они не могли принять участіе въ выборахъ, а потому бблшая часть выбранныхъ принадлежала къ партіи республиканской.

Демократическое министерство желало разорвать перемиріе по возможности скорѣе, а потому еще въ январѣ потребовало у частныхъ начальниковъ рапортовъ о состояніи войскъ и матеріальныхъ ихъ средствъ, а главное о нравственномъ

(1) Изъ военвсуднаго дѣла о Ромарино.

(1) *Considerazioni sopra gli avvenimenti militari del marzo 1849.*

расположеніи солдатъ Почти всѣ донесенія были сходны: они указывали на многіе недостатки по матеріальной части и упоминвали о всеобщемъ желаніи солдатъ возвратиться на родину; эти донесенія были совершенно справедливы, съ тою лишь разницею, что кавалерія и артиллерія, благодаря ихъ отличному образованію, чувству долга и чести, внушеннымъ начальниками, готовы были идти за ними туда, куда будетъ приказано.

Итакъ, республиканцы достигли цѣли. Войско было недовольно, не довѣряло начальникамъ, не уважало своего правительства. Ненависть къ дворянамъ и богатымъ была такъ возбуждена, что даже офицеры выступали обвинителями, требуя суда за какой-то воображаемый заговоръ богатыхъ противъ бѣдныхъ.

Правительство не могло уже внушить къ себѣ никакого уваженія, потому что министерства мѣнялись почти ежедневно; на креслахъ министерскихъ являлись люди бездарные, извѣстные всѣмъ своею ограниченностью, или предводители толпы народной, которою они руководили въ демонстраціяхъ и черезъ которую получили власть въ руки; войско не могло забыть поступка Буффо и министерскихъ аплодисментовъ за оскорбленіе чести арміи. И въ то же время люди уважаемые, умные и честные, лишались мѣстъ за то только, что они не раздѣляли господствующихъ идей.

«Тяжело, грустно было, говорить одинъ современникъ, видѣть, съ какою беспечностью и самоувѣренностью смотрѣли республиканцы на предстоящую борьбу; въ клубахъ, въ народныхъ собраніяхъ они кричали, что не хотятъ слышать о мирѣ съ Австріей, пока она не отдастъ Итали всю землю до Изонцо и Бреннера, а сами разъединяли общество, разстраивали армію и обезсиливали власть (1)».

Какъ сказано было выше, рапорты частныхъ начальниковъ министерству указали на множество недостатковъ по всѣмъ отраслямъ военной службы и на отвращеніе солдатъ къ войнѣ. Въ концѣ января потребованы были болѣе обстоятельныя донесенія о состояніи арміи; но донесенія эти согласовались совершенно съ первыми. Начальники говорили, что ихъ части готовы исполнить свой долгъ, но что республиканцы своими дѣйствіями породили множество недовольныхъ. Вслѣдствіе этого министерство вошло съ предложеніемъ о перемѣнѣ всѣхъ офи-

(1) Записки S. F., офицера пьемонтской артиллеріи въ 1849 г.

церовъ. Эта нелѣпѣйшая мѣра могла въ нѣсколько дней разстроить армію, потому что для образованія новыхъ офицеровъ не было уже никакихъ элементовъ. Правительственные люди Пиемонта, не зная хорошо положенія страны, дѣлали это предложеніе, опираясь на примѣръ Франціи въ 1792 году, какъ будто было что-нибудь общее между Франціей, имѣвшею 30 милліоновъ жителей и огромныя матеріальныя средства, и между Сардиніей съ $4\frac{1}{2}$ -милліоннымъ народонаселеніемъ, съ истощенными финансами и съ людьми во главѣ своей, не имѣвшими понятія о положеніи страны. Къ счастью, проектъ этотъ былъ отвергнутъ.

Между тѣмъ генераль Хржановскій самымъ дѣятельнымъ образомъ устраивалъ армію, заготовлялъ продовольствіе для экспедиціонной французской арміи, на пути ея слѣдованія въ Пиемонтъ устраивалъ перевозочныя средства и обучалъ молодыхъ войска.

Въ концѣ февраля получено было увѣдомленіе отъ Лудовика-Наполеона, что онъ не станетъ вмѣшиваться въ дѣла Италіи и не дастъ не только помощи войскомъ, но отказываетъ даже въ денежномъ пособіи. Это извѣстіе поразило какъ громомъ короля и главнокомандующаго. Числительная сила арміи была доведена до такой цифры, для содержанія которой недостаточны были средства Сардиніи; попытки сдѣлать денежный заемъ были неудачны: Франція и Англія, не желавшія войны, парализировали старанія Пиемонта; въ кассъ же государственной находилось только 800.000 фр. Въ такомъ положеніи необходимо было рѣшиться на одно: или немедленно объявить войну Австріи и достигнуть выгодныхъ результатовъ, прежде чѣмъ денежный недостатокъ окажетъ вліяніе на самыя дѣйствія, или просить мира, на какихъ бы то ни было условіяхъ, потому что невозможно было оставаться въ такомъ положеніи, которое не было ни миромъ, ни войною. Выжидать долѣе, когда въ кассъ не станетъ денегъ, было невозможно; распустить часть войскъ, для уменьшенія расходовъ, значило, по тогдашнему положенію страны, почти то же, что вовсе отказаться отъ своего предпріятія и подвергнуть государство всѣмъ ужасамъ революціи и домашней войнѣ; притомъ же это давало Австріи возможность прервать самой перемиріе и, разбивъ ослабленную пиемонтскую армію, уничтожить грозившую опасность. Выборъ войны слѣдовательно былъ естественнымъ послѣдствіемъ исключительнаго положенія Пиемонта, тѣмъ болѣе что можно было надѣяться

на новое возстаніе Ломбардіи и на то, что непріятель, обезсиленный отдѣленіемъ отрядовъ для занятія Ломбардо-Венеціанскаго королевства, не въ состояніи будетъ противопоставить Пиемонту, ничѣмъ подобнымъ не связанному, значительныхъ силъ. Притомъ положеніе военныхъ дѣлъ въ Венгріи ясно показывало, что Австрія, озабоченная внутри, не будетъ имѣть возможности пособить фельдмаршалу Радецкому присылкою подкрѣпленій.

Руководимый этими соображеніями, король послалъ изъ Турина въ Алессандрію приказаніе Хржановскому прибыть въ столицу. Онъ объявилъ ему о необходимости немедленнаго разрыва перемирія, чтобы не упустить удобнаго времени. Напрасно главнокомандующій представлялъ королю, что армія еще не готова къ началу дѣйствій, что въ особенности большой еще недостатокъ въ средствахъ матеріальныхъ, что нѣтъ лошадей для обозовъ, что заготовленные на пути слѣдованія Французской арміи припасы еще не перевезены въ склады, назначенные для сардинской арміи: король настаивалъ. Тогда Хржановскій просилъ уволить его отъ званія главнокомандующаго. Карль-Альбертъ, питая полное уваженіе къ способностямъ и къ личности Хржановскаго, сказалъ ему: «Генераль, вы видите, я не могу положиться ни на того, ни на этого (онъ пересчитывалъ своихъ министровъ и генераловъ), всѣ меня оставляютъ, и вы хотите сдѣлать то же. Въ этомъ дѣлѣ я жертвую моими династическими интересами, и если эта война не удастся, я отказываюсь отъ трона, чтобы сынъ мой могъ заключить миръ съ большею выгодой.» Послѣ этихъ словъ, Хржановскому не оставалось ничего болѣе, какъ просить хотя о небольшой отсрочкѣ. Единственный человекъ, пользовавшійся дружбою и довѣріемъ короля, не могъ оставить его въ такую минуту, хотя бы приходилось пожертвовать репутаціей искуснаго генерала. Разрывъ перемирія отложенъ былъ до марта. Въ тотъ же день король, въ присутствіи военнаго министра, сказалъ Хржановскому: «Мнѣ страшно надоѣдаютъ, чтобы я назначилъ Ромарино командиромъ ломбардской дивизіи; вы, генераль, какъ товарищъ его по службѣ, должны знать, что это за офицеръ и за человекъ».—Какъ офицеръ, отвѣтилъ Хржановскій, онъ не многого стѣбитъ, какъ человекъ, еще менѣе, и если отъ назначенія его не произойдетъ какого-нибудь несчастія, то это только будетъ служить доказательствомъ необыкновеннаго счастья вашего величества.—«Вы слышите, генераль, сказалъ король, обращаясь къ военному министру,—мнѣніе главно-

командующаго: я не могу и не хочу назначать Ромарино начальникомъ ломбардской дивизіи.»

Хржановскій уѣхалъ въ Алессандрію, чтобъ ускорить приведеніе въ порядокъ матеріальной части арміи.

7-го марта, министры Теккіо и Кодорнъ провели нѣсколько часовъ на совѣщаніи у Хржановскаго, и въ тотъ же день возвратились въ Туринъ. Друзья ихъ распространили вѣсть, что Хржановскій увѣрялъ министровъ въ готовности войскъ для войны, хотя не трудно было усомниться въ этомъ, зная осторожность Хржановскаго. Дѣйствительно, главнокомандующій представлялъ имъ всѣ существовавшіе недостатки и просилъ сколь возможно замедлить разрывомъ перемирія. Несмотря на то, дѣло ускорялось. Приказомъ военнаго министра отъ 8 марта было объявлено, что за дезерцію и неповиновеніе во время войны наказанія будутъ чрезвычайно строги; этотъ приказъ приготовилъ войско и публику къ извѣстію о скоромъ разрывѣ. 9-го марта, въ засѣданіи депутатовъ, Константинъ Реть (тотъ самый, который потомъ возбудилъ домашнюю войну), предложилъ, чтобы руководство военными дѣйствіями поручено было комитету, засѣдающему въ Генуѣ; предложеніе это было такъ нелѣпо, что не нашло поддержки, и мы упоминаемъ о немъ лишь затѣмъ, чтобы показать стремленіе республиканцевъ сосредоточить все въ своихъ рукахъ.

12-го марта, въ полдень, піемонтскій офицеръ, явился въ лагерь Радецкаго съ объявленіемъ о разрывѣ. Слѣдовательно, война должна была начаться 20-го. Король выѣхалъ 14-го изъ Турина, чтобы никогда уже не возвращаться въ свою столицу.

Еще 8-го числа сообщили Хржановскому по телеграфу, что скоро будетъ прервано перемиріе, но дня не назначали. 13-го числа главнокомандующій узналъ отъ одного пріѣзжаго изъ Турина, что перемиріе уже прервано; офиціальное же увѣдомленіе такъ долго задержано было на гочтѣ, что Хржановскій получилъ его днемъ позже, нежели неприятель, а потому былъ не въ состояніи притянуть къ себѣ нѣкоторыя части, болѣе удаленныя, и армія лишилась ихъ содѣйствія. Какая была причина подобнаго случая, до сихъ поръ неизвѣстно: боялись ли министры, что главнокомандующій, увѣдомленный о разрывѣ раньше, будетъ дѣлать затрудненія и просить еще объ отсрочкѣ, или заключался въ этомъ какой-либо злой умыселъ, рѣшить трудно. Хржановскій немедленно отправился въ Но-

вару, куда перенесена была главная квартира, дабы присутствовать при сосредоточеніи арміи.

Объ объявленіи войны народъ узналъ лишь черезъ два дня, то-есть 14-го, изъ *Генуэзской Газеты!*

14-го же числа, на вечернемъ засѣданіи, министръ Ратации объявилъ палатѣ депутатовъ о прекращеніи перемирія; онъ говорилъ, что войско «совершенно готово» и находится въ «цвѣтущемъ состояніи» (*pronto e fiorente*), что дальше медлить было невозможно, потому что войска отъ продолжительнаго мира могли совершенно разучиться и притомъ стоили государству слишкомъ много. Въ рѣчи своей, онъ не скрывалъ опасностей предстоящей войны, но прибавилъ: «намъ предстоятъ выборъ войны или мира, который не даетъ независимости Италіи: мы выбрали войну, и пусть теперь оружіе рѣшаетъ судьбу Италіи.»

На другой день одинъ депутатъ лѣвой стороны, при общихъ крикахъ одобренія, превознесъ до небесъ рѣшительность министровъ и благодарилъ ихъ отъ имени отечества за прерванное перемиріе. Савойскіе депутаты, не совершенно раздѣлявшіе это мнѣніе и сомнѣвавшіеся въ успѣхѣхъ, заслужили всеобщее презрѣніе, какъ трусы, не сочувствующіе общимъ интересамъ.

III.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разбору плана, составленнаго генераломъ Хржановскимъ, необходимо сказать о расположеніи сардинской арміи въ день открытія военныхъ дѣйствій и о состояніи ея.

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ при Оледжіо стояли 3-я бригада Салароли (30 и 31 пѣхотные полки), полкъ Real-Navi, вальтелинскіе и бергамскіе стрѣлки, ломбардскіе драгуны и одна ломбардская батарея.

Третья дивизія генераль-лейтенанта Перроне, состоявшая изъ 1 и 2 полковъ (Savoia), 15 и 16 (Savona), генуэзской кавалеріи, берсальери, третьей и седьмой полевыхъ батарей, была расположена въ Галліатѣ и Роментино, прикрывая Новару и примыкая къ миланской дорогѣ.

Четвертая дивизія герцога Генуэзскаго (полки 3 и 4 Piemonte, 13 и 14 Pinogolo, аостская кавалерія, берсальери, девятая по-

левая батарея и четвертая позиціонная) — у Трекате, выдвинувъ авангардъ къ мосту С. Martino, противъ Буффалоры.

Вторая дивизія генераль-лейтенанта Бесса (11 и 12 полки Casale, 17 Acqui, 23 Piemonte, $\frac{1}{3}$ часть котораго состояла изъ Моденцевъ и Пармцевъ, піемонтская королевская кавалерія, берсальери, вторая позиціонная и четвертая полевая батареи) растянута была отъ Кастельново до Виджевано.

Первая дивизія генераль-лейтенанта Дурандо (5 и 6 полки Aosta 9 и 10 Regina, ниццкая кавалерія, берсальери, 6-я и 8-я полевые батареи) были расположены въ Весполате и его окрестностяхъ.

Резервная дивизія герцога Савойскаго (два полка гвардейскихъ гренадеровъ, съ гвардейскими же стрѣлками, 7 и 8 полки Cuneo, савойская кавалерія, съ четырьмя эскадронами новарской кавалеріи, первая позиціонная, 1-я и 2-я конные батареи) стала около Верчелли.

Пятая дивизія генераль-лейтенанта Ромарино, въ коей находились почти всѣ ломбардскія войска, то-есть 19, 20, 21 и 22 полки, берсальери Манара, два небольшіе отряда стрѣлковъ, составленные изъ студентовъ, и двѣ батареи, расположена была около Кавы, противъ Павіи, при слияніи Тичино съ По. Несмотря на всѣ представленія Хржановскаго, Ромарино, по настоянію республиканской партіи, былъ назначенъ начальникомъ ломбардской дивизіи.

Между 3-ею дивизіей и бригадою Солароли у Кавалиано, а также между 5-ю и 2-ю дивизіями, у Борго-санъ-Сиро, для связи, было расположено по 4 четвертыхъ (резервныхъ) батальйона.

Бригада полковника Бельведера (4 батальйона 18-го полка Acqui, два батальйона берсальери и третья конная батарея) была расположена еще до разрыва перемирія у Кастель-санъ-Джіованни, на правомъ берегу По, противъ Піаченцы, составляя авангардъ.

6-я дивизія генераль-майора Альфонса Ла-Мармори (полки 24, 25, 26 и 27, съ резервными своими батальйонами, рота берсальеровъ, два эскадрона новарской кавалеріи и двѣ батареи), находившаяся во время перемирія въ Тосканъ, по случаю неожиданнаго для Хржановскаго прерванія перемирія не могла прибыть къ арміи раньше 24 числа, а потому была направлена изъ Сарцаны на Парму и Піаченцу, съ приказаніемъ поддерживать бригаду авангарда, находившуюся у Кастель-санъ-Джіо-

вѣнни, и наблюдать за австрійскимъ гарнизономъ. Хржановскій полагае, что, оставивъ эти отряды на правомъ берегу рѣки Но, онъ сдѣлаетъ сильную деверсію на флангъ, въ тылу Австрійцевъ, и заставитъ ихъ отдѣлить сильный отрядъ, дабы держать Сардинцевъ въ бездѣйствіи. Эти двѣ части, состоявшія изъ 12 тысячъ пѣхоты, 300 кавалеріи и 24 орудій, по причинѣ отдаленія, рѣшительно потеряны были для арміи и не принесли ей никакой пользы.

Въ артиллерійскомъ резервѣ находились: рота пионеръ, моденская и третья позиціонная батарея.

Два батальона саперъ были раздѣлены поротно, по дивизіямъ.

Главная квартира сначала находилась въ Новарѣ, а потомъ 17-го марта перенесена была въ Трекате. При ней состояли: эскадронъ карабинеровъ, назначенный для полицейской службы въ лагерь, два батальона берсальеровъ, эскадронъ колонновожатыхъ и часть провіантскаго обоза.

Предводительствовалъ арміей самъ король, но генералъ Хржановскій несъ на себѣ отвѣтственность командованія. Зная, въ какой степени въ военное время стѣсняють главнокомандующаго такъ-называемые военные совѣты, Хржановскій упростилъ короля позволить ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію и во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ имѣть дѣло лишь съ нимъ лично. Начальникомъ штаба Хржановскаго былъ генералъ Александръ де-ла-Мармора, а помощникомъ сего послѣдняго генералъ Кассато; всю артиллерію командовалъ генералъ Росси, а инженерами,—полковникъ Альберти.

Пиемонтская армія раздѣлялась уже не на корпуса, какъ въ первую кампанію, а только на дивизіи; но тамъ, гдѣ сходились двѣ или три дивизіи, какъ на примѣръ въ сраженіи при Мортарѣ, старшій генералъ принималъ общее начальство. Каждая дивизія состояла изъ двухъ бригадъ пѣхоты, одного полка кавалеріи, двухъ батарей артиллеріи, роты берсальеровъ, роты саперъ, взвода колонновожатыхъ и отряда карабинеровъ; во всякой дивизіи былъ особый штабъ, а при немъ паркъ и провіантскій обозъ, подкрѣпленный обывательскими подводами.

Кавалерія состояла изъ шести полковъ отъ 600 до 700 лошадей въ каждомъ; они были вооружены пиками, саблями и мушкетерами; сверхъ того къ кавалеріи причислялись: три эскадрона колонновожатыхъ по 100 человекъ въ каждомъ, легко-

конный ломбардскій полкъ и некомплектный ломбардскій драгунскій полкъ.

Артиллерія состояла изъ восемнадцати пиемонтскихъ и трехъ ломбардскихъ батарей. Каждая полевая пѣшая и конная батарея состояла изъ 6 шести-фунтовыхъ пушекъ и 2 семи-фунтовыхъ длинныхъ гаубицъ; въ позиціонныхъ находилось по 8-ми двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ. Конные артиллеристы и ѣздовые въ пѣшей артиллеріи были вооружены саблями и пистолетами, пѣшіе же имѣли короткій карабинъ со штыкомъ и полусаблю (1).

Сардинская пѣхота и матеріальная часть арміи находились въ жалкомъ состояніи. Сверхъ недостатковъ, о которыхъ мы говорили выше, частые переводы солдатъ изъ одной части въ другую, какъ естественное слѣдствіе увеличенія числа полковъ и батальоновъ, усилили зло, уничтоживъ привязанность къ своей части, любовь и уваженіе къ своему мундиру. Почти въ самую минуту объявленія войны, военный министръ приказалъ сформировать четвертые батальоны, составивъ ихъ изъ конскриптовъ и старослуживыхъ, что разлучало между собою свыкшихся уже офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и уничтожало довѣренность солдатъ къ ихъ новымъ начальникамъ. Распоряженіе это начало приводиться въ исполненіе съ 11 по 14 марта; но послѣ разрыва перемирія Хржановскій, принявъ на себя всю отвѣтственность за ходъ войны, приказалъ возобновить, 15 марта, прежніе кадры. Исполненная наскоро мѣра эта произвела новые безпорядки. Нѣкоторыя части войскъ должны были идти въ дѣло, съ рекрутами, не больше какъ два мѣсяца поступившими на службу.

Въ день объявленія войны численность всѣхъ родовъ войска Сардиніи простиралась до 148.203 человекъ, изъ которыхъ 100 т. были растянуты отъ Оледжіо до Сарцаны. Такая необыкновенная несоразмѣрность числа войскъ съ средствами государства показываетъ уже, что армія и въ особенности пѣхота не могли быть хороши. Дѣйствительно, въ ряды войскъ поступило около 30 тысячъ молодыхъ рекрутовъ, имѣвшихъ не болѣе девятнадцати или двадцати лѣтъ, и около 30 тысячъ женатыхъ, помышлявшихъ объ одномъ, какъ бы скорѣе возвратиться къ сво-

(1) На каждую двѣнадцати-фунтовую батарею полагалось 1.218 ядеръ и 174 картечныхъ зарядовъ, на каждую шести-фунтовую батарею 1.344 ядра, 320 гранатъ и 400 картечныхъ зарядовъ.

нѣ семействамъ. Необыкновенное увеличеніе числа дѣйствующихъ войскъ повело къ затрудненію найти нужное число начальниковъ и инструкторовъ, потому что изъ 25-тысячнаго кадра, оставшагося послѣ первой кампаніи, не легко было набрать нужное число офицеровъ и унтеръ-офицеровъ на стотысячную армію. Множество молодыхъ, весьма не долго находившихся на службѣ, унтеръ-офицеровъ произведены были въ офицеры; старыхъ солдатъ, составлявшихъ основаніе хорошей арміи, почти не существовало; на мѣсто произведенныхъ въ офицеры нужно было назначить новыхъ унтеръ-офицеровъ изъ солдатъ, не имѣвшихъ необходимыхъ фронтовыхъ и хозяйственныхъ свѣдѣній. Въ мартѣ 1849 года во всей пѣхотѣ, унтеръ-офицеры, подпоручики и поручики были изъ вновь-произведенныхъ, потому что всѣ поручики прошлаго года были уже капитанами. Множество иностранцевъ наполнили ряды арміи и заняли въ ней офицерскія мѣста; но несмотря на все это, недостатокъ въ офицерахъ былъ такой, что нѣкоторыя роты имѣли лишь по два, другія даже по одному офицеру; а въ батальйонахъ, гдѣ по штатамъ должно было находиться 30 человекъ офицеровъ, было едва десять, а иногда даже только восемь. Многіе генералы и начальники бригадъ получили назначеніе передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, и потому не имѣли времени познакомиться съ своими частями; такъ напримѣръ генераль Перроме принялъ начальство надъ третьею дивизіей только 17 марта.

Выборъ главнокомандующаго былъ также неудаченъ. Хржановскій, старичокъ небольшого роста, сутуловатый, съ лицомъ самымъ обыкновеннымъ, характеромъ самымъ необщительнымъ и непривѣтливымъ, не въ состояніи былъ внушить къ себѣ любовь и уваженіе въ подчиненныхъ, которые съ трудомъ даже произносили его имя; не зная италіянскаго языка, онъ не могъ говорить къ войскамъ, не могъ заслужить ихъ довѣренность, удачнымъ словомъ увлечь солдатъ на полѣ битвы; не будучи Италіянцемъ, онъ возбуждалъ зависть и недоброжелательство италіянскихъ генераловъ. Хржановскій былъ болѣе администраторъ, нежели полководецъ, и съ большею пользою могъ занять мѣсто военнаго министра, нежели главнокомандующаго. Генераль Дембинскій отозвался о немъ слѣдующимъ образомъ: «это отличный начальникъ штаба, онъ обладаетъ такимъ критическимъ талантомъ въ дѣлѣ военномъ, что я бы ему всегда отдавалъ на разсмотрѣніе мои планы, будучи увѣренъ, что тотъ, который получить одобреніе Хржановскаго, дѣйствительно долженъ

имѣть успѣхъ». На полѣ сраженія Хржановскій былъ храбръ, спокоенъ и распорядителенъ; это былъ старый воинъ, котораго не могли смутить неудачи, и у котораго на каждый непредвидѣнный случай былъ готовый планъ въ головѣ (1), но тактическія цѣли у него имѣли первостепенную важность, и для нихъ онъ готовъ былъ пожертвовать всѣми стратегическими соображеніями.

Матеріальная часть арміи, какъ мы сказали выше, находилась въ чрезвычайно дурномъ состояніи.

Провіантская часть была вручена новымъ лицамъ, совершенно незнакомымъ съ своими обязанностями; магазины наполнялись весьма медленно; солдаты съ самаго начала войны начали получать сухари вмѣсто хлѣба и терпѣть отъ несвоевременнаго подвоза съѣстныхъ припасовъ, такъ что армія въ первые же дни послѣ прерванія перемирія должна была прибѣгнуть къ фуражировкамъ, а вслѣдствіе этого развилось въ ней новое зло—мародерство.

Госпитальная часть была еще въ худшемъ состояніи: 17-го марта собранъ былъ «высшій гошпитальный совѣтъ», чтобы принять мѣры для замѣщенія многихъ вакантныхъ должностей и чтобы сдѣлать необходимыя перемѣщенія чиновъ; министерская инструкція, безъ которой не могли приступить къ дѣлу, прислана была лишь 21-го. Отъ этого замедленія произошло, что многіе хирурги, которые не находились подъ рукою, прибыли къ своимъ мѣстамъ лишь 23 и даже позже, то есть по окончаніи войны. Приказъ объ осмотрѣ гошпитальныхъ зданій и лазаретнаго обова данъ былъ 20-го числа, такъ что за исключеніемъ первой дивизіи, которая успѣла получить свой походный лазаретъ, всѣ остальные остались безъ нихъ. За недостаткомъ докторовъ и перевязочныхъ средствъ, многіе раненые были перевязаны лишь черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія.

Транспорты были также въ весьма неудовлетворительномъ состояніи; дурное управленіе обывательскими подводами, прикомандированными къ штабамъ дивизій, для усиленія пере-

(1) «Умственную гимнастику эту, говорилъ онъ мнѣ однажды, я развилъ, изучая военную исторію слѣдующимъ образомъ: я бралъ карту мѣстности театра войны и силы обѣихъ сторонъ и соображалъ, какъ бы я поступилъ при каждомъ столкновеніи, а потомъ читалъ уже, какъ сраженіе дѣйствительно происходило.»

возочныхъ средствъ, было причиною, что они остались почти совершенно бесполезными.

Штабы дивизионные и главнокомандующаго были преобразованы. Хржановскій, какъ бывший офицеръ русскаго генеральнаго штаба, немедленно завелъ въ нихъ журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, почтовые книжки, отчеты и т. п., чего до него Итальянцы совершенно не знали; онъ увеличилъ личный составъ, но большая часть офицеровъ, поступившихъ въ штабы, были люди молодые, никогда не бывшіе въ сраженіи, или иностранцы, не знавшіе италіянскаго языка, а потому не могшіе внушить къ себѣ довѣрія арміи. Часть шпіонская была такъ же дурно устроена, какъ и въ прошломъ году.

Инженерные парки не имѣли достаточно лошадей, такъ что рѣшено было для возки ихъ назначить лошадей изъ-подъ дивизионныхъ артиллерійскихъ парковъ, а эти послѣдніе возить на обывательскихъ подводахъ.

20-го марта въ дѣйствующихъ войскахъ (включая 3.549 отсутствующихъ, изъ которыхъ 363 были безъ билетовъ) считалось 99.528 человекъ всѣхъ родовъ оружія; десятая часть этого находилась въ лазаретахъ, такъ что боевая сила арміи простиралась до 83.629 при 152 орудіяхъ и 10.700 лошадяхъ, изъ которыхъ только 5.000 подъ кавалеріей.

Средняя численность 1, 2, 3, 4 и резервной дивизіи была 13.600 человекъ. Въ ломбардскихъ войскахъ всѣхъ родовъ, считая съ тѣми, которыя находились въ бригадѣ Солароли, было около 8.950.

Расположеніе дивизій пьемонтской арміи позволяло встрѣтить непріятеля, атакующаго со стороны Буффалоры, тремя дивизіями, которыя могли быть усилены менѣе нежели въ три часа всею остальною арміей, за исключеніемъ пятой дивизіи Ромарино, стоявшей у Павіи. При наступательномъ движеніи пьемонтской арміи къ Милану, черезъ три часа можно было переправить 50 тысячъ на лѣвую сторону Тичино. Еслибы непріятель вздумалъ наступать черезъ Павію, то пьемонтская армія, заблаговременно увѣдомленная объ этомъ выстрѣлами Ромарино, могла сосредоточиться къ правому флангу слѣдующимъ образомъ: три дивизіи, черезъ три часа марша, прибывали въ Ромелло и Мортару и тамъ принимали на себя отступившаго Ромарино, остальные же дивизіи, въ тотъ же день переночевавъ въ Виджевано, на другое утро могли придти на поле сраженія и принять участіе въ бою.

Положеніе дѣлъ, вынудившее разорвать перемиріе, настоятельно требовало наступательныхъ дѣйствій со стороны Сардинцевъ. Не имѣя достаточныхъ средствъ для веденія войны, сознавая недостатки организаціи піемонтской арміи, главнокомандующій долженъ былъ наступленіемъ возвысить нравственную силу войскъ, воспользоваться возстаніемъ Ломбардіи, которое не замедлило бы вспыхнуть послѣ перехода Сардинцевъ черезъ Тичино, заставить непріятеля ослабить себя отдѣленіемъ отрядовъ для обезпеченія сообщеній и наконецъ средствами Ломбардіи пополнить денежный недостатокъ піемонтской арміи.

Объявивъ войну, ожидать прихода непріятеля было болѣе чѣмъ странно, потому что онъ могъ самъ рѣшиться на оборону и заставить ожидать себя слишкомъ долго, въ то время какъ цѣль возобновленія военныхъ дѣйствій была—какъ можно скорѣе выйдти изъ того тягостнаго положенія, въ какомъ находился Піемонтъ, и рѣшить вопросъ: быть или не быть Италіи независимой.

Все говорило въ пользу наступательныхъ дѣйствій, и не смотря на то, Хржановскій рѣшился вести войну оборонительную.

— Я не могъ поступить иначе, сказалъ генераль Хржановскій, когда я ему изложилъ причины, обязывавшія двинуть армію въ Ломбардію, — я получилъ отъ начальниковъ дивизій донесенія, что солдаты рѣшительно не хотятъ переходить Тичино, что нѣкоторые дали клятву бросить оружіе, если ихъ поведутъ въ Ломбардію, и что наконецъ трехдневная дача провіанта, которою я приказалъ снабдить войска на случай быстрого движенія (напримѣръ, послѣ побѣды надъ непріателемъ), была брошена солдатами.

— Что же вы бы дѣлали, еслибы непріятель, сосредоточась за Навильей, ожидалъ вашего нападенія и не предпринималъ наступательныхъ дѣйствій? спросилъ я у Хржановскаго.

— Я бы тоже сосредоточилъ армію, послалъ бы впередъ ломбардскую дивизію, подкрѣпленную лучшими войсками, и выманилъ бы непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи, или, увлекши армію примѣромъ Ломбардцевъ, я атаковалъ бы Австрійцевъ, а потомъ уже дѣйствовалъ бы сообразно обстоятельствамъ, то-есть въ случаѣ удачи двинулся бы въ Ломбардію, поднялъ бы весь народъ и гналъ бы непріятеля, не давая ему нигдѣ остановиться; въ случаѣ же неудачи отсту-

имѣлъ бы къ Новарѣ, гдѣ уже на осмотровѣнной въ прошломъ еще году позиціи принялъ бы послѣдній бой; я говорю «послѣдній», потому что качество молодыхъ пьемонтскихъ войскъ не позволяло сомнѣваться ни минуты, что въ случаѣ новой неудачи армія разстроится совершенно.

Есть однако причина думать, что планъ оборонительной войны былъ составленъ въ головѣ Хржановскаго гораздо рѣше, чѣмъ онъ убѣдился въ дурномъ качествѣ пьемонтской арміи, и вотъ почему: донесенія дивизионныхъ начальниковъ о состояніи духа въ арміи были сдѣланы въ январѣ мѣсяцѣ; Хржановскій же прибылъ въ Туринъ въ половинѣ сентября и послѣ сдѣланной имъ рекогносцировки мѣстности, гдѣ по его предположенію могли происходить военныя дѣйствія, онъ обратилъ особенное вниманіе на мѣстность вокругъ Новары и у канала Роджіа и призналъ необходимымъ устроить три укрѣпленныхъ лагеря: на берегу Тичино у Трекате, другой у Генуи, а третій у Алессандри.

Конечно на устройство укрѣпленныхъ лагерей можно смотрѣть, какъ на одну изъ обще-государственныхъ мѣръ на случай вторженія непріятеля въ страну, а потому, не вдаваясь въ предположенія и допустивъ, что причины, изложенныя Хржановскимъ, дѣйствительно могли заставить его ограничиться обороною, мы не можемъ однако согласиться, чтобы расположеніе войскъ послѣ разрыва перемирія и выборъ операціонной линіи соответствовалъ обстоятельствамъ.

Расположеніе главной квартиры, резервовъ и лучшей дивизіи арміи (4-й) у Новары, подробно сдѣланный главнокомандующимъ разчетъ времени для сосредоточенія войскъ у этого города, показывали, что Хржановскій ожидалъ атаки Австрійцевъ со стороны Буффалоры. Съ другой стороны расположеніе 5-й дивизіи (Ромарино) у Кавы и разчетъ движенія арміи къ Мортарѣ и Виджевано убѣждаютъ, что Хржановскій имѣлъ въ виду возможность быть атаковану и съ этой стороны. Конечно, еслибъ Австрійцы наступали со стороны Буффалоры, то расположеніе пьемонтской арміи у Новары не повлекло бы за собою никакихъ особенно невыгодныхъ результатовъ; въ случаѣ успѣха, она могла бы направиться прямо къ Милану, а въ случаѣ неудачи,—отступить подъ прикрытіе крѣпостей Алессандри и Валенцы. Но при атакѣ со стороны Павіа, то-есть на правый флангъ арміи, расположеніе войскъ имѣло огромныя невыгоды. Непріятель, атакуя съ этой стороны, могъ

отбросить армію отъ естественнаго ея базиса въ горы и многочисленною своею кавалеріей отрѣзать всѣ сообщенія ея и подвозы всякихъ припасовъ изъ магазиновъ; неудача Піемонтцевъ въ этомъ положеніи вела за собою сдачу оружія или капитуляцію, въ то время какъ побѣда надъ непріятелемъ не доставляла равносильныхъ результатовъ, потому что, если предположить даже совершенное пораженіе австрійской арміи подъ стѣнами Новары, она могла отступить кратчайшимъ путемъ черезъ Буффалору къ Милану, или въ случаѣ невозможности по какимъ бы то ни было причинамъ исполнить это, ей оставался еще путь отступления черезъ Мортару, Гарляско, Каву и Павію и далѣе къ Мантуѣ въ спасительный четырехъугольникъ, образуемый крѣпостями Мантуей, Вероною, Леньяго и Пескьерой; она прикрывала бы постоянно свой флангъ рѣкою По.

Настоящій базисъ Піемонтцевъ, какъ при наступательныхъ, такъ и при оборонительныхъ дѣйствіяхъ, находился между Алессандріей и Генуей, а операціонная линія должна была проходить вдоль по теченію рѣки По, черезъ Каву. При такомъ положеніи, еслибы непріятель переправился черезъ Тичино у Буффалоры и направился къ Турину, піемонтская армія могла бы его атаковать съ фланга и, не теряя своихъ сообщеній, отбросить непріятеля въ горы, или совершенно отрѣзать отъ Ломбардіи. При движеніи же Австрійцевъ черезъ Павію, армія піемонтская могла бы весьма долго задержать ихъ на переправахъ, а потомъ, въ случаѣ успѣха, непріятель, отброшенный назадъ, имѣя въ тылу рѣку, могъ потерпѣть совершенное пораженіе. При неудачѣ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, піемонтская армія могла отступить подъ прикрытіе крѣпостей и тамъ устроить свои войска. Дѣйствія Бонапарта и Суворова въ ихъ италіянскихъ кампаніяхъ указываютъ на направленіе вдоль рѣки По, какъ на истинную операціонную линію, по которой должны были дѣйствовать Піемонтцы въ 1849 году. Наконецъ это послѣднее направленіе слѣдовало принять и по другимъ причинамъ, зависѣвшимъ отъ состоянія арміи. За Тичино, выборъ мѣста для сраженія былъ въ рукахъ непріятеля, но у себя дома слѣдовало армію поставить въ болѣе надежное положеніе и устранить все, что только могло имѣть вліяніе на нравственное состояніе молодыхъ войскъ. Большая часть піемонтской пѣхоты набрана была изъ жителей сѣверной части королевства; хотя и казалось бы, что расположивъ армію близъ ея родины, можно было заставить ее сражаться храбрѣе, но на

дѣлѣ это не такъ; опытъ показываетъ, что молодыя войска, въ которыхъ много солдатъ женатыхъ, тѣмъ лучше сражаются, чѣмъ далѣе они находятся отъ родины, такіе солдаты находясь близко къ своимъ семействамъ и видя опасность, угрожающую имъ, скорѣе рѣшаются на побѣгъ для обороны ихъ, нежели на мужественную защиту всего края въ рядахъ арміи. Въ доказательство справедливости мысли нашей, мы можемъ привести примѣръ кампаніи 1848 года: сардинская армія никогда не теряла такъ много отъ побѣговъ, какъ послѣ отступленія за Тичино, то-есть когда приблизилась къ своей родинѣ. Еслибъ операціонная линія Пиемонтцевъ пролегла отъ Александріи къ Павіи, то-есть дальше отъ родины, то побѣги были бы менѣе значительны и, въ случаѣ неудачи, легче было бы привести въ порядокъ разстроенныя арміи.

Расположеніе ломбардской (5-й) дивизіи у Кавы можно считать также ошибочнымъ; такой важный пунктъ слѣдовало поручить дивизіи болѣе сильнаго и лучшаго состава; а начальника такого какъ Ромарино, коему не довѣряли ни король, ни главнокомандующій, должно было держать подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ, а не предоставлять ему почти самостоятельныхъ дѣйствій. Ломбардская дивизія, поставленная у моста Санъ-Мартино, въ одномъ переходѣ отъ Милана, готовностію сразиться съ непріателемъ, чтобы скорѣе увидѣть свое отечество, могла бы воодушевить пиемонтскія войска, не хотѣвшія идти въ Ломбардію, а появленіе за Тичино нѣсколькихъ партизанскихъ отрядовъ, отправленныхъ отъ дивизіи, могло бы поднять всю страну противъ Австрійцевъ.

Теперь пора сказать о планахъ фельдмаршала Радецаго, о состояніи Ломбардіи и австрійскихъ войскъ.

Послѣ отступленія сардинской арміи за Тичино и по усмирении частныхъ возстаній, Австрійцы наложили на страну страшную контрибуцію въ 32 милліона франковъ, и начали полицейскія преслѣдованія; желая расположить къ себѣ большинство народонаселенія, фельдмаршалъ приказалъ взыскивать контрибуціонныя деньги лишь съ дворянства и средняго сословія, увольняя низшій классъ отъ всякаго денежнаго взысканія. Нѣкоторые богатые аристократическіе роды были совершенно этимъ разорены: графъ Литта долженъ былъ заплатить 1.200.000 франковъ, графъ Борромео столько же, графъ Бельджойозо 800 тысячъ и т. д.

Графъ Радецкій ясно видѣлъ, что открывшіеся въ Брюсселѣ

мирные переговоры служили Пиемонтцамъ только средствомъ выигрыванія времени и организванія арміи для новой борьбы. Притомъ, зная отъ шпионовъ (которыхъ онъ имѣлъ не только въ арміи непріятельской, но даже въ парламентѣ) о всемъ происходившемъ въ Пиемонтѣ, фельдмаршалъ обратилъ все свое вниманіе на увеличеніе арміи, организацію продовольственной части и устройство какъ парковъ, такъ и госпиталей. Число австрійскихъ войскъ, разбѣянныхъ по Ломбардіи и занятыхъ осадю Венеціи, простиралось до 160.000 человекъ, изъ которыхъ отъ 25.000 до 30.000 человекъ было въ госпиталяхъ. Главныя силы австрійской арміи находились у Мадженты, лѣвое крыло у Павіи; сверхъ того, особые отряды наблюдали по теченію рѣки По къ сторонѣ Кастель Санъ-Джованни; резервы стояли позади Милана.

Понимая, что въ случаѣ движенія непріятеля за Тичино вся страна возстанетъ, фельдмаршалъ долженъ былъ выбрать одинъ изъ двухъ плановъ: ждать Пиемонтцевъ на позиціи въ Ломбардіи, или перейти въ наступленіе и перенести войну въ Пиемонтъ.

Въ первомъ случаѣ графъ Радецкій имѣлъ превосходную позицію за рѣкой Навильо, текущею параллельно Тичино, въ весьма небольшомъ отъ нея разстояніи; лѣвая сторона этой рѣки представляетъ рядъ превосходныхъ позицій, господствующихъ надъ атакующимъ и дозволяющихъ весьма удобно переходить въ наступленіе. Дорога изъ Милана черезъ Мадженту въ Новару пересѣкаетъ средину этихъ позицій и переходитъ черезъ Тичино по прекрасному каменному мосту.

Избирая другой планъ кампаніи, фельдмаршалъ могъ дѣйствовать или по направленію къ Новарѣ, черезъ Буффалору или черезъ Павію къ Мортарѣ. Наступленіе черезъ Павію было слишкомъ смѣло, потому что австрійская армія должна была форсировать переправу черезъ рѣку Гравеллоне, имѣя рѣку Тичино въ тылу, а рѣку По съ фланга, такъ что въ случаѣ неудачи она могла быть уничтожена совершенно. Но это направленіе представляло вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важныя выгоды: армія, расположенная между двумя рѣками, имѣла тылъ и фланги совершенно обезпеченными отъ нападеній инсургентовъ, въ случаѣ возстанія Ломбардіи; владея мостомъ на Тичино въ Павіи, фельдмаршалъ не имѣлъ издобности форсировать переправу черезъ эту рѣку, и наконецъ, въ случаѣ успѣха, онъ отбрасывалъ пиемонтскую армію отъ основанія ея дѣйствій къ Лаго-Маджіоре и открывалъ себѣ путь къ столицѣ.

Наступленіе черезъ Буффалору не доставляло такихъ рѣшительныхъ результатовъ, но за то было менѣе опасно; при неудачной встрѣчѣ съ непріателемъ можно было отступить за рѣку Навилью и тамъ въ отличной позиціи остановить непріателя, или по крайней мѣрѣ обезпечить отступление своей арміи.

Фельдмаршалъ Радецкій, получивъ въ полдень 12-го марта увѣдомленіе о разрывѣ перемирія, издалъ къ войскамъ своимъ прокламацію, въ которой въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ отзывается о Карлѣ-Альбертѣ и обѣщалъ войскамъ скорый миръ, подписанный въ стѣнахъ Турина (1).

Зная хорошо расположеніе непріятельскихъ войскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ немногочисленность артиллеріи въ дивизіи Ромарино, которая должна была задерживать непріателя на переправахъ, графъ Радецкій рѣшился двинуться черезъ Павію и повторить свой любимый маневръ атаки во флангъ непріятельской арміи, два раза, хотя и безуспѣшно, употребленный имъ въ предыдущемъ году подъ Гойто 29-го мая и подъ Сальионце 23-го іюля.

Фельдмаршалъ весьма справедливо разчитывалъ, что въ случаѣ побѣды надъ непріателемъ ему легко будетъ усмирить Ломбардію, еслибъ она вздумала снова возстать, а потому, дабы имѣть достаточныя силы для дѣйствій въ полѣ, онъ приказалъ стянуть всѣ войска и очистилъ такимъ образомъ почти всю страну; четыре лишь тысячи человѣкъ было оставлено въ Миланѣ и около шести тысячъ по гарнизонамъ въ Брешии, Бергамо, Моденѣ и Піаченцѣ.

Армія австрійская раздѣлена была на пять корпусовъ, которыми командовали: 1-мъ графъ Вратиславъ, 2-мъ баронъ д'Аспре, 3-мъ баронъ Аппель, 4-мъ графъ Турнъ и наконецъ 1-мъ резервнымъ ген.-лейт. фонъ-Вохеръ. Въ каждомъ корпусѣ было по двѣ дивизіи, силою отъ 8.000 до 9.000 каждая, такъ что численность всей арміи простиралась до 90.000 при 210 орудіяхъ (2).

(1) Мы не приводимъ здѣсь подлинныхъ словъ прокламаціи, потому что она наполнена бранью, подобно всѣмъ воззваніямъ австрійскихъ генераловъ въ италіанскую кампанію. Желаящіе могутъ найти ее въ сочиненіи генерала Шенгальса; авторъ въ восторгѣ отъ ея слога.

(2) Составъ арміи былъ слѣдующій:

1	арм. корп.	18 бат.	8 эск.	4 пѣш. б.	2 кон. б.	1 рак. б.	и 1 р. піон.
2	—	20	6	4	2	1	— 1 — —
3	—	15½	6	5	1	1	— 1 — —
4	—	17	8	4	2	1	— 1 — —
1	рез.	15	22	3	2	»	— — — —
Всего		85½	50	20	9	4	— 4 — —
21							

Донесенія, полученныя въ сардинскомъ штабѣ о расположеніи силъ непріятеля и о его намѣреніяхъ, были до такой степени сбивчивы и такъ противорѣчили одни другимъ, что весьма трудно было воспользоваться ими. Одни говорили, что непріятель рѣшился сосредоточиться за Аддою, между Лоди и Кремоною, и ожидать тамъ прибытія подкрѣпленій — другіе что графъ Радецкій, стянувъ свои силы, намѣренъ дѣйствовать наступательно черезъ Павію; всѣ извѣстія однако согласовались между собою въ томъ, что силы Австрійцевъ были значительно слабѣ піемонтскихъ силъ.

Расположеніе сардинскихъ дивизій и время, требовавшееся для марша, позволяли Сардинцамъ въ самый короткій срокъ сосредоточить 50.000 на любомъ пунктѣ между Новарою и Павією; всѣ главные переходы черезъ Тичино были прикрыты, но, обезпеченный послѣдними донесеніями о намѣреніяхъ непріятеля переправиться на нижнемъ Тичино, Хржановскій счелъ нужнымъ 19 марта отправиться лично къ ломбардской дивизіи, чтобъ указать, какимъ образомъ должно было расположить войска для воспрепятствованія переправы непріятелю, и чтобы дать подробныя инструкціи въ случаѣ невозможности задержать его на переправахъ. Въ присутствіи генерала Фанти и начальника штаба ломбардской дивизіи, полковника Беркета, Хржановскій приказалъ Ромарино выдвинуть, 20 марта утромъ два полка и 12 орудій къ Гравеллоне, рукаву Тичино, расположивъ ихъ пообѣ стороны дороги, ведущей изъ Кавы въ Павію, подъ прикрытіемъ артиллеріи, назначенной дѣйствовать вдоль дороги; остальные два полка и четыре орудія расположить сзади, въ резервѣ у Кавы; кавалерія должна была перейти черезъ Гравеллоне и даже Тичино, слѣдить за движеніемъ непріятеля и постоянными разѣздами содержать связь со 2-ю дивизією, наблюдая, чтобы непріятель движеніемъ между ними не отрѣзалъ ломбардской дивизіи отъ главныхъ

При 1-мъ резервномъ корпусѣ состоялъ артиллерійскій резервъ: четыре 30-фунт. мортиры, пять пѣшихъ и четыре ракетныхъ батареи.

Во 2-мъ резервномъ корпусѣ, барона Вельдена, оставленномъ для осады Венеціи, находилось 19 бат., 6 эск., 5 пѣш., 1 кон., 1 рак. батареи и 1½ роты пионеръ.

Въ гарнизонѣ Мантуи 5 бат. и 1 эск. кавалеріи.

Въ гарнизонѣ Вероны 8 бат. и одна пѣшая батарея.

Всѣ австрійскія батареи были шести-пушечнаго состава.

силъ. Двѣ плотины, устроенныя на рѣкѣ Гравеллоне, наводнили все пространство между этою рѣчкою и Тичино и сдѣлали наступленіе возможнымъ лишь по шоссеиной дорогѣ; непріятель не могъ воспользоваться даже превосходствомъ своей артиллеріи, не имѣя мѣста, гдѣ бы поставить ее. Несмотря на отличную позицію, Хржановскій не надѣялся, чтобы слабая ломбардская дивизія, имѣвшая всего 7.496 человекъ, могла удержаться очень долго, а потому приказалъ въ случаѣ сильнаго наступленія непріятеля отступить къ Мортарѣ или Саннацаро. Желая отнять у Ромарино всякую возможность перехода на правый берегъ рѣки По, онъ подтверждалъ нѣсколько разъ, чтобы какъ только дивизія займетъ свою позицію у Кавы, мостъ черезъ По у Меццана-Корте былъ разобранъ, дабы непріятель, отѣснивъ 5-ю дивизію, не могъ направить по этому мосту отряда въ тылъ авангарду, находившемуся въ Кастель Санъ-Джіованни, войти въ прямое сообщеніе съ своимъ гарнизономъ въ Пиаченцѣ, овладѣть дорогою въ Алессандрію, пролегающею по правому берегу рѣки По, и наконецъ, дабы онъ не могъ помѣшать будущимъ дѣйствіямъ генерала Альфонса дела-Мармори.

И. С.

(Окончаніе до слѣд. №.)

РОДСТВЕННИКИ

ПОВѢСТЬ

I.

Въ одной изъ нашихъ хлѣбородныхъ губерній, на высококомъ крутомъ берегу рѣки, лежитъ уѣздный городъ Пыльнскъ. Описывать его не стану. Если вы видѣли одинъ уѣздный городъ, то можете составить себѣ довольно ясное понятіе обо всѣхъ: такъ похожи они одинъ на другой. Кому приходилось поѣздить по нашимъ южнымъ губерніямъ, тотъ вѣрно не разъ проклиналъ это несносное однообразіе. Утомленные продолжительною дорогою, сидите вы въ какомъ-то полусонномъ состояніи въ экипажѣ. Въ ушахъ вашихъ раздается только стукъ колесъ, да мѣрный топотъ лошадей по твердой дорогѣ. Усталую рысью плетется разбитая почтовая тройка; лѣнливо опустя возжи и помахивая кнутомъ, угрюмо сидитъ на козлахъ ямщикъ, а колокольчикъ непрерывно звонитъ свою однообразную пѣсню. Скучно! На какую сторону ни выглянете, все поля и поля, пустынные, необозримыя, чуть взволнованныя небольшими холмами, покрытыя правильными четырехугольниками бѣлой гречихи, желтой ржи и зеленого проса; а

передъ вами широкою черною полосой тянется большая дорога съ рѣдко-разсаженными по бокамъ ветлами, которыя дѣлаютъ окружающій видъ еще болѣе пустыннымъ, еще болѣе однообразнымъ. Ѣдете день, другой, а видъ нисколько не измѣняется, точно будто стоите на одномъ мѣстѣ, и движеніе экипажа только кажущееся. Вами овладѣваетъ томительное нетерпѣніе; совершенное бездѣйствіе начинаетъ раздражать ваши нервы: вы готовы выйти изъ экипажа и идти пѣшкомъ. Хоть бы какой-нибудь новый предметъ, на которомъ отдохнули бы ваши утомленные однообразіемъ глаза. Но вотъ вдали на горизонтѣ блеснуло нѣсколько главъ церквей. Городъ! Вы надѣетесь нѣсколько развлечься. Каковъ-то этотъ городъ? Нѣтъ ли въ немъ чего-нибудь замѣчательнаго? Впрочемъ вы знаете, что замѣчательнаго въ немъ ничего нѣтъ, но все-таки любопытно посмотрѣть городъ, въ которомъ вы еще ни разу не были. Въѣзжаете въ него и не вѣрите глазамъ: при первомъ взглядѣ вамъ кажется, что это тотъ самый, изъ котораго вы выѣхали вчера. Всѣ они имѣютъ общую, форменную физиономію, всѣ могутъ быть обрисованы однѣми и тѣми же чертами. Главная улица, на которой помѣщаются зданіе присутственныхъ мѣстъ, почтовый дворъ и дома зажиточныхъ гражданъ города, пересѣкается подъ прямыми углами другими меньшими улицами, которыя въ свою очередь такимъ же образомъ пересѣкаются переулками. На самой срединѣ города базарная площадь, съ двумя корпусами лавокъ, обжорнымъ рядомъ и соборною церковью, съ высокою колокольною. И всѣ эти зданія какъ будто построены по одному, и тому же плану во всѣхъ уѣздныхъ городахъ. Кромѣ того во всякомъ порядочномъ уѣздномъ городѣ есть монастырь, если не въ самомъ городѣ, то по близости. Таковы всѣ наши лучшіе уѣздные города, таковъ же и Пыльнскъ; только въ немъ уже не одинъ, а два монастыря: мужской въ трехъ верстахъ, и женскій возлѣ самаго города.

Въ одинъ ясный день, въ началѣ августа, въ самый полдень, по дорогѣ, ведущей отъ мужскаго монастыря въ городъ, медленно подвигался экипажъ. Экипажъ этотъ былъ старинный широкая дрожки, съ кожаными фартуками, запряженные въ одну лошадь. На козлахъ сидѣлъ монастырскій служка въ длиннополомъ черномъ полукафтанѣ, опоясанномъ широкимъ чернымъ ремнемъ, и въ черной плисовой скуфейкѣ, изъ-подъ которой падали на плечи длинные рыжіе волосы. Въ дрожкахъ сидѣли двѣ женщины: одна лѣтъ пятидесяти-четырехъ, дру-

гая—молоденькая и хорошенькая дѣвушка; на запяткахъ стоялъ сѣдой лакей въ холстинномъ абрикосоваго цвѣта сюртукѣ и такихъ же панталонахъ. Толстый пѣгій конь медленно тащился тяжелою рысью и только отмахивался хвостомъ отъ ударовъ кнута, которыми довольно часто угощала его возница. Старушка при каждомъ толчкѣ вскрикивала, крестилась и просила ѣхать тише. «Не беспокойтесь, матушка Александра Васильевна, говорилъ тогда возница тоненькимъ голосомъ, который странно противорѣчилъ его дюжей фигурѣ и грубому лицу: — заступленіемъ Пресвятой Богородицы и молитвами угодниковъ Божіихъ, дождемъ благополучно.» Вънѣ города, у заставы тянется рядъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ обитаютъ дѣвы, обрекшія себя безбрачной жизни; ихъ называютъ богомолками и *черничками*, потому что онѣ носятъ черное платье. Александра Васильевна велѣла подъѣхать къ одному изъ этихъ домиковъ. Въ то же время изъ него выбѣжала женщина среднихъ лѣтъ, въ черномъ платьѣ особаго покроя, и съ восклицаніями радости бросилась навстрѣчу подъѣзжавшему экипажу.

— Аграфенушка! сказала Александра Васильевна, обращаясь къ ней: — приходи къ намъ сегодня вечеромъ; Машенька завтра ѣдетъ; такъ, можетъ, что понадобится...

— Приду, матушка, приду безпремѣнно! Я и сама знаю: гдѣ жъ вамъ однимъ управиться! А-а-ахъ, ты Господи! не долго вы погостили у маменьки-то, прибавила она, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ.

— Чтѣ жъ дѣлать-то, Аграфенушка, видно такъ Богу угодно! Изъ десяти человѣкъ дѣтей, одну только ее Господь мнѣ оставилъ, и съ той должна разстаться, потому что это для ея же пользы; и приведетъ ли Богъ увидѣться! Да будетъ Его святая воля! прибавила Александра Васильевна, поднявъ къ небу наполненные слезами глаза.

— И, матушка моя! да чего жъ это вы изволите такъ огорчаться? вѣдь не на вѣкъ разстанетесь.

— Приходи же, Аграфенушка! сказала Александра Васильевна, не слушая ея утѣшеній, и экипажъ тронулся.

— Господи помилуй! ой! тише, тише! кричала старушка, когда дрожки вѣхали въ заставу и покатались по единственной мощеной улицѣ города:—и кто эту мостовую выдумалъ, недобрый тотъ человѣкъ: это не ѣзда, а мученье!

Въ самомъ дѣлѣ, мостовая была ужасна. Большой камень

стоялъ стоймя возлѣ маленькаго, одинъ былъ поставленъ ребромъ, другой лежалъ бокомъ; въ одномъ мѣстѣ камни были повырыты и образовалась яма, а въ другомъ они были сбиты въ кучу. Несчастныя лошади спотыкались на каждомъ шагу объ эти искусственныя кочки, экипажъ бросало изъ стороны въ сторону, колеса нестерпимо стучали. Леонидъ Модестовичъ, слывшій въ Пыльнскѣ за большаго остряка и балагура, говорилъ, что эта мостовая сдѣлана на случай нападенія непріятеля, чтобы затруднить ему входъ въ городъ. И точно, трудно было бы повѣрить, что она сдѣлана для удобства ѣзды.

Наконецъ, къ величайшему удовольствію Александры Васильевны, дрожки съѣхали съ мостовой, повернули въ немощеный переулокъ и скоро въѣхали на дворъ небольшого домика. Дѣвушка легко выпрыгнула изъ экипажа и, вмѣстѣ съ лакеемъ, стала помогать выходить старушкѣ, которая, пошатываясь и охая, медленно стала всходить на крыльцо.

— Слушай, Прошка! обратилась она къ лакею: — лошадь съ дрожками поставь подъ сарай, а его—она указала на монастырскаго служку—вели хорошенько накормить; ты не уѣзжай не сказавшись, я кое-чего пошлю братіи.

— Спаси васъ Господи! говорилъ послушникъ кланаясь.

— И намъ накрывай на столъ, Прошка! Ужъ пора; я думаю, часъ второй есть... Уфъ, батюшки! совсѣмъ закачало, говорила Александра Васильевна, входя въ комнату и въ изнеможеніи опускаясь на первое попавшееся кресло. — Ну, Машенька, теперь ты, кажется, со всѣми простилась; вчера въ городъ-то, кажется, всѣхъ объѣздили, остается еще въ дѣвичій сходить, съ игуменьей проститься; она тебя всегда ласкала; ну да туда еще успѣешь, недалеко; а сестры-то сами прибѣгутъ еще раза два. Грустно мнѣ, другъ мой, съ тобой разставаться, приведетъ ли Богъ увидѣться; хотѣлось бы умереть на твоихъ рукахъ.

— Полноте, милая маменька! къ чему эта мысль о смерти? Вы не такъ еще стары; къ тому жъ вѣдь не Богъ знаетъ сколько я тамъ пробуду...

— Да здоровье-то мое плохо, хуже старости; въ животѣ и смерти воленъ Богъ... Ну, и о тебѣ-то болить у меня сердце. Конечно, я увѣрена, что тебѣ будетъ тамъ хорошо, не къ чужимъ ѣдешь, а все грустно! Ну, избави Боже, больна сдѣлаешься, или чтò... о-о-охъ!

— Да о чемъ же вы огорчаетесь, добрая мамаша? развѣ мнѣ необходимо ѣхать въ Петербургъ? Ну, я останусь при васъ,

буду вамъ помогать въ хозяйствѣ, и славно заживемъ! Право, милая мамаша, лучше я останусь! намъ обѣимъ будетъ лучше.

Мать слушала ее съ невыразимымъ удовольствіемъ, но какъ будто боясь поддаться ея просьбѣ, слишкомъ соблазнительной для ея материнскаго сердца, она быстро прервала рѣчь дочери.

— Чтò ты! чтò ты это, Маша! какъ тебѣ можно здѣсь остаться въ такой глуши? развѣ ты забыла, чтò пишетъ дядя? Одного, говорить, институтскаго образованія для молодой дѣвушки недостаточно, нужно, говорить, ей видѣть свѣтъ, привыкнуть къ обществу... и говорить совершенно справедливо. Ты увидишь тамъ то, о чемъ знаешь только по наслышкѣ или изъ книгъ; дядя покажетъ тебѣ театръ, ну, и другія тамъ ваши свѣтскія удовольствія: нужно имѣть обо всемъ понятіе. Къ тому же, дядя твой человѣкъ замѣчательный, у него вѣроятно собирается лучшее общество, и это тебѣ принесетъ большую пользу, что ты будешь жить между людьми образованными, а со мной чему ты научишься? Я женщина простая. Конечно, прибавила Александра Васильевна, послѣ минутнаго молчанія, — если ты будешь такъ же дичиться всѣхъ, какъ и здѣсь, такъ не много выиграешь. Вотъ хоть бы вчера, такъ-таки и не захотѣла захватить къ княгинѣ Глинской.

— Да къ чему же это, маменька? Я была у нея только одинъ разъ, она приняла меня какъ-то странно; притомъ она сама у насъ не бываетъ.

Александра Васильевна разсердилась.

— Маша, Маша! Гордость тебя погубить, помни ты мое слово! Какъ это ты хочешь со всѣми равняться? Ты еще очень молода и не въ правѣ требовать уваженія отъ людей, которые и старше тебя, и выше тебя всѣмъ: и состояніемъ, и положеніемъ въ свѣтѣ. Ну, чтò ты такое?..

— Я и не думаю равняться, я не понимаю только, какая надобность и какое удовольствіе добиваться знакомства людей, которые нами тяготятся, обращаются свысока и при всякомъ случаѣ стараются показать, что дѣлаютъ намъ большую честь, достойная принимать въ своемъ домѣ.

— Ахъ, Боже мой! какая важная особа! А тебѣ хотѣлось бы, чтобы княгиня считала за счастье, что ты удостоилась быть у нея одинъ разъ!

— Кушанье подано! доложилъ Прошка, войдя въ комнату, и тѣмъ прервалъ этотъ разговоръ, принявшій такое непріятное для Марьи Петровны направленіе.

II.

Александра Васильевна Каринская пользовалась особенным уваженіемъ своихъ согражданъ, начиная отъ бѣдныхъ ничтожныхъ обывателей, до самыхъ значительныхъ лицъ въ городѣ. Это уваженіе она приобрѣла двадцатилѣтнимъ мудрымъ начальствованіемъ въ городѣ Пыльнскѣ подъ именемъ своего мужа. Впрочемъ Александра Васильевна имѣла столько правъ на эту всеобщую любовь и уваженіе, что трудно рѣшить, что именно было этому причиной. Бѣдняки любили ее за ея необыкновенную доброту. Несмотря на маленькія средства, которыми она располагала, нуждающійся никогда не уходилъ отъ нея безъ помощи. Богатые люди, въ особенности купцы, которые составляли большую часть жителей Пыльнска, уважали въ ней ея безукоризненно-добродѣтельную жизнь, христіанское терпѣніе въ несчастіяхъ, которыхъ она перенесла не мало, и особенно ея практической умъ, приводившій ихъ въ изумленіе. «Ну, ужь Александра Васильевна! говаривали они: хоть бы мушкетеру какому в пору вести такъ дѣла! Что бы безъ нея былъ Петръ Ларіоничъ? Пропалъ бы, какъ есть пропалъ бы! Гдѣ бы ему столько времени держаться городничимъ? Все она! Она и письма-то къ значительнымъ лицамъ пишетъ, и дѣлами-то, чуть ли не всѣми, правитъ за мужа, и ревизоровъ принять, какъ слѣдуетъ, умѣетъ, а между тѣмъ и хозяйства не забываетъ, прибавляли они, обращаясь къ женамъ и невѣсткамъ: домъ у нея, какъ полная чаша! изъ ничего, можно сказать, умѣетъ сдѣлать все прилично.» Притомъ Александра Васильевна обладала необыкновеннымъ умѣньемъ сыскать во всѣхъ, но съ такимъ тактомъ, что не только не унижалась, но еще умѣла показать свое достоинство, и если мы видѣли, что она спорила съ дочерью, то это болѣе изъ любви къ противорѣчію и потому, что она имѣла привычку требовать отъ другихъ того, чего не сдѣлала бы сама.

Александра Васильевна была глубоко религіозна и вмѣстѣ съ тѣмъ суевѣрна. Она имѣла привычку всѣ обстоятельства своей жизни, даже самыя ничтожныя, объяснять какимъ-то предопредѣленіемъ судьбы и безропотно переносила ея удары. Одинъ только разъ она осмѣлилась усомниться въ благости

Божіей и роптать на Его промыслъ, но ударъ былъ слишкомъ жестокъ. Изъ десяти человѣкъ дѣтей у нея осталось только двое: сынъ и дочь. Остальныя умерли еще въ раннемъ возрастѣ. Сынъ былъ любимецъ и баловень матери. Это былъ необыкновенно даровитый и чрезвычайно рано развившійся мальчикъ. Александра Васильевна, какъ женщина очень мало образованная, не могла сама оцѣнить его рѣдкія способности, но удивленіе учителей, дававшихъ уроки ея сыну, пріятно льстило ея материнскому самолюбію. Она съ гордостію разказывала, что ея Коленькѣ не было еще и десяти лѣтъ, когда учителя уѣзднаго училища отказались учить его, говоря, что передали ему все, что сами знали. Молодой Каринскій отлично кончилъ курсъ въ губернской гимназіи и поступилъ въ Московскій университетъ. Вездѣ онъ дѣлалъ быстрые успѣхи, вездѣ возбуждалъ общее удивленіе своими необыкновенными дарованіями. Александра Васильевна была вполне счастлива. Она почти забыла о своихъ прежнихъ горестяхъ, а если и говорила о нихъ иногда, то какъ человѣкъ, которому жизнь наконецъ улыбнулась пріятливо, котораго въ будущемъ ждутъ однѣ радости. И всѣ эти надежды разсыпались въ прахъ! Каринскій, послѣ непродолжительной болѣзни, умеръ въ Москвѣ девятнадцати лѣтъ. Горесть бѣдной матери была ужасна! Сначала она не хотѣла вѣрить этому извѣстію, но когда нельзя уже было сомнѣваться въ истинѣ, она предалась страшному отчаянію. Для ея горести нужно было обвинять кого-нибудь въ своемъ несчастіи, и какъ женщина набожная, привыкшая видѣть во всемъ волю Божію, она съ горечью начала упрекать Небо въ жестокости. За что оно такъ гнало ее? Развѣ она не исполняла, какъ слѣдуетъ, всѣхъ обязанностей христіянки? Не была ли она усердна къ церкви? Не дѣлилась ли послѣднимъ съ бѣдными? Не переносила ли безроптно несчастій, которыя были ей по силамъ? И такъ на небѣ нѣтъ справедливости! Какъ ни живи, все равно! И Александра Васильевна велѣла прекратить молебны, которые у нея были заказаны, по обыкновению, на цѣлый годъ, перестала ходить въ церковь, даже велѣла вынести изъ своей комнаты икону Николая Чудотворца, къ которому имѣла особенную вѣру. Она сдѣлалась больна, цѣлую недѣлю пролежала почти безъ всякаго сознанія, не узнавая никого, но, и въ безпамятствѣ не оставляла ея мысль о постигшемъ ее несчастіи; въ бреду она произносила страшныя слова и безпрестанно призывала къ себѣ любимаго сына. Нѣ-

которое время боялись за ея разумъ. Но когда кризисъ миновалъ, когда она снова получила способность обсуживать свои поступки, она съ ужасомъ увидѣла всю великость сдѣланнаго ею грѣха. Раскаяніе въ этой пылкой, необузданной натурѣ появилось такъ же неумѣренно, какъ и отчаяніе. Едва оправившись отъ болѣзни, она, несмотря на всѣ увѣщанія даже духовныхъ лицъ, которыхъ всегда уважала, начала изнурять себя постомъ; не ѣла ничего по нѣскольку дней, не пропускала ни одной церковной службы, и въ церкви все время стояла на колѣняхъ, била себя въ грудь и плакала до изнеможенія. Ею овладѣло другое отчаяніе,—отчаяніе, что она ничѣмъ уже не искупитъ своего грѣха. Вдругъ ей пришло въ голову, что Господь наказалъ ее такъ за то, что она не равно любила дѣтей своихъ, и она сосредоточила на дочери всю любовь своей страстной природы, какъ бы желая вознаградить ее за то, что отнимала отъ нея часть своей любви для ея брата.

Александра Васильевна была единственная особа въ городѣ, о которой никто не осмѣливался говорить худо или безъ уваженія; такого человѣка непременно сочли бы за неблагонамѣреннаго, да и сама она, какъ говорила, умѣла отдѣлать хоть кого. Она не любила злословить, а выговаривала въ глаза, и ужъ горе тому, кто навлекалъ на себя ея негодованіе! Вздумалъ было молодой настоятель монастыря, говоря въ одномъ домѣ объ Александрѣ Васильевнѣ, осудить ее за то, что она сдѣлала танцевальный вечеръ у себя въ домѣ для своей дочери, только что вышедшей изъ института. Станнымъ это казалось потому, что на нее привыкли смотрѣть какъ на полумонахиню, какъ на женщину, живущую въ Богѣ, какъ выражались. При этомъ настоятель позволилъ себѣ даже не совсѣмъ уважительно отнестись вообще о ея жизни. Александрѣ Васильевнѣ, какъ водится, все это передали, даже съ нѣкоторыми прикрасами. Та страшно вспылала и на другой же день отправилась въ монастырь къ обѣднѣ. По окончаніи службы она пошла къ настоятелю, у котораго, по обыкновенію, собралось нѣсколько значительныхъ лицъ города.

— Ваше преподобіе! сказала она, принимая отъ него благословеніе:—я пришла къ вамъ съ просьбой объяснить мнѣ, какое вы имѣете право вмѣшиваться въ мои дѣла, и кто поставилъ васъ судьей моихъ поступковъ? Вѣдь я не осуждаю вашу жизнь, можетъ-быть не совсѣмъ согласную съ принятымъ вами

саномъ; не разбираю, прилично ли вамъ поливать виномъ на каменку и круглый годъ имѣть роскошный столъ, да кощунствовать по кельямъ богомолокъ. И чтѣ вы нашли дурнаго въ томъ, что я хотѣла доставить дочери удовольствіе? Вѣдь я не монахиня! Вы вѣрно досадуете, что я не позвала васъ? Стыдитесь!

И Александра Васильевна, холодно поклонившись, вышла вонъ. Архимандритъ зналъ, что какъ ни неловко поступила она, высказавъ при всѣхъ о немъ то, чтѣ случайно узнала, общество городское нисколько не обвинить ея; напротивъ, если эта ссора продолжится, онъ много потеряетъ въ общемъ мнѣніи. Кромѣ того, Александра Васильевна, пожалуй, повторитъ это же самое архіерею, который всегда бываетъ у нея, когда пріѣзжаетъ въ городъ, и тогда придется надолго проститься съ честолюбивыми мечтами. Сообразивъ все это, настоятель на другой же день отправился къ Каринской съ извиненіями, и упрекалъ ее только въ томъ, что она выговорила ему при всѣхъ, а не *келейно*. Александра Васильевна любила, чтобы передъ ней смирялись, къ тому жъ не была злопамятна; она тотчасъ же смягчилась и, прочитавъ ему длинное назиданіе, общала ничего не говорить архіерею.

Александра Васильевна не любила вмѣшиваться въ чужія дѣла, особенно въ дѣла семейныя, но если ее просили разсудить кого-нибудь между собой—въ ея непогрѣшимости всѣ были увѣрены,—то она бралась съ удовольствіемъ, дѣлала это съ нѣкоторою торжественностію, и каковъ бы ни былъ ея приговоръ, и обвиненный и оправданный оставались, казалось, одинаково довольны. Привыкши видѣть во всѣхъ это уваженіе къ своему уму и нравственнымъ правиламъ, она и сама убѣдилась въ своей непогрѣшимости и, поучая другихъ, не любила, чтобы подавали ей совѣты. Какъ всѣ самолюбивые люди, она особенно была расположена къ тѣмъ, кто оказывалъ ей больше почтенія, отзывалась о такихъ людяхъ съ большою похвалою и имѣла маленькую слабость не видѣть ничего хорошаго въ тѣхъ, кто ей не нравился. Къ монахамъ, которыхъ Александра Васильевна любила принимать и съ которыми любила бесѣдовать о Св. Писаніи, она была особенно строга; они боялись ее пуще власти (1), и тѣ изъ нихъ, за кѣмъ водились кое-какія слабости,

(1) Этотъ отвлеченнымъ именемъ низшее духовенство называетъ архіерея.

старательно ихъ скрывали, боясь лишиться ея милости, а съ нею всѣхъ сладкихъ и всякихъ пироговъ, блиновъ и разныхъ разностей, посылавшихся ею братіи во множествѣ каждый праздникъ, подъ предлогомъ поминовенія усопшихъ родныхъ. Кормить и угощать было страстію Александры Васильевны; не было дня, чтобъ у нея кто-нибудь не обѣдалъ. Старушка любила поговорить и разказывала по двадцати разъ каждому порознь, и всѣмъ своимъ знакомымъ вмѣстѣ, исторію своей, какъ она называла, горькой жизни. Въ жизни Александры Васильевны дѣйствительно мало было свѣтлыхъ минутъ. Она вышла замужъ по любви за челоука честнаго, но все состояніе котораго заключалось, какъ она сама выражалась, въ одной шпагѣ. Къ довершенію несчастія открылась кампанія. Александра Васильевна не хотѣла разстаться съ мужемъ, слѣдовала за нимъ всюду и съ удивительною твердостью переносила всѣ трудности и лишенія походной жизни. Въ первой же схваткѣ съ непріателемъ ея мужъ былъ раненъ въ ногу, но не хотѣлъ оставить сраженія до конца; его принесли къ женѣ, всего покрытаго ранами, отъ чего онъ не могъ уже продолжать службы и на вѣкъ остался болящимъ. Александра Васильевна сама ходила за больнымъ и содержала его своими трудами, пока ей удалось выхлопотать для него мѣсто городничаго въ Пыльнскѣ. Здѣсь прожила она съ больнымъ мужемъ двадцать лѣтъ, управляя и домою и дѣлами; впрочемъ такой образъ жизни былъ совершенно согласенъ съ ея властолюбивымъ характеромъ. Съ мужемъ жили они согласно, и если бывали между ними ссоры, то не надолго. Петръ Ларионовичъ предоставлялъ поступать женѣ, какъ ей угодно, лишь бы оставили его въ покоѣ. По смерти мужа, Каринская выхлопотала себѣ полный пенсіонъ, что, вмѣстѣ съ небольшимъ домикомъ и семьею крѣпостныхъ людей, давало ей возможность жить безбѣдно.

III.

Въ тотъ же день, часу въ четвертомъ вечера, мать и дочь медленно подходили къ женскому монастырю. Въ немъ были монахинями двѣ двоюродныя сестры Марьи Петровны, дѣвушки среднихъ лѣтъ. Улица, по которой онѣ шли, оканчивается огромною площадью или скорѣе лугомъ, потому что эту площадь окружаютъ только заборы, да и то не со всѣхъ сторонъ. Бѣлыя

каменные стѣны и двѣ церкви монастыря величественно рисуются на темномъ фонѣ рощи, окружающей его съ трехъ сторонъ. Подъ самыми стѣнами, почти омывая ихъ своими волнами, протекаетъ рѣка. Трудно было бы вообразить вблизи города мѣсто болѣе уединенное, болѣе приличное иноческой обители. Мать и дочь вошли въ ворота; на колокольнѣ раздавались мѣрные удары колокола, призывавшіе къ вечернѣ. Отрадному мирною тишиной дышало все въ обители. Но какъ обманчиво это внѣшнее спокойствіе монастыря и кажущееся отрѣшеніе отъ его обитательницъ всего мірскаго!

Служба уже началась. Нѣсколько свѣчъ, горѣвшихъ передъ мѣстными иконами, едва освѣщали огромную, мрачную внутренность старинной церкви. Звонко раздавался голось клирошанки, монотонно читавшей часовникъ. Тамъ и сямъ виднѣлись черныя фигуры монахинь въ высокихъ шапкахъ съ опущеннымъ флеромъ; онѣ безпрестанно наклонялись одна къ другой, шептались; сходили съ своихъ мѣстъ, подходили къ игуменѣ и, отвѣсивъ ей поясной поклонъ, выходили изъ церкви; или, шурша длинными шлейфами своихъ мантий, ходили взадъ и впередъ безъ всякой видимой надобности. Мракъ и тишина церкви, нарушаемая только монотоннымъ чтеніемъ, и унылый благовѣсть, сильно подѣйствовали на душу Марьи Петровны, переполненную грустнымъ чувствомъ близкой разлуки съ матерью, и расположили ее къ молитвѣ. Огромный ликъ Спасителя, слабо освѣщенный горящею лампадой, казалось, милостиво смотрѣлъ на нее, и невольныя слезы, нечувствительно для нея самой, потекли по ея блѣднымъ щекамъ. Мало-по-малу она такъ погрузилась въ молитву, такъ отвлеклась отъ всего окружавшаго ее, что не видѣла и не слышала ничего, чтò вокругъ нея происходило. Она не замѣтила, какъ старшая изъ двоюродныхъ сестеръ ея уже нѣсколько разъ подходила къ ея матери и съ жаромъ разказывала о какомъ-то юродивомъ, недавно явившемся въ городѣ, и котораго Александра Васильевна еще не знала.

— Вы, тетенька, отъ игуменьи-то приходите прямо къ намъ въ келью,—онъ ужò будетъ у насъ. Какъ предсказываетъ-то! Все просто вотъ такъ и разкажетъ, только все, знаете, притчами.

Вечерня кончилась. Александра Васильевна подошла съ дочерью къ игуменѣ и вмѣстѣ съ дочерью отправилась въ келью игуменьи; впрочемъ онѣ оставались здѣсь не долго: старушка такъ и порывалась скорѣе увидѣть юродиваго, а потому онѣ скоро простились съ игуменьею и пошли къ своимъ родственницамъ.

Келья, въ которой жили сестры, состояла изъ четырехъ комнатъ: маленькой передней, приѣмной, общей спальни сестеръ и горницы, въ которой работали послушницы. Не знаю, имѣютъ ли мои читатели понятіе о томъ, что такое послушница. На всякій случай я очерчу въ нѣсколькихъ словахъ участь этихъ жалкихъ созданій. Это женщины, дѣвушки и даже дѣвочки, почему-нибудь желающія или принужденныя поступить въ монастырь. Онѣ поступаютъ обыкновенно въ келью къ монахинѣ, удостоившейся уже большаго постриженія, какъ бы на искусь. Но искусь этотъ почти всегда продолжается во всю ихъ жизнь. Не имѣя возможности купить собственную келью, онѣ по необходимости должны оставаться въ услуженіи у принявшей ихъ монахини, которая обыкновенно обращается съ ними самымъ деспотическимъ образомъ. Онѣ исполняютъ всѣ обязанности домашней прислуги и кромѣ того занимаются различными рукодѣльями, которыя ихъ патронесса продаетъ въ собственную пользу. Горькія униженія, тяжкія несправедливости онѣ переносятъ съ удивительнымъ смиреніемъ, но—увы!—не христіанскимъ, и съ скрытою завистью и недоброжелательствомъ, хотя и подобострастно, смотрятъ на свою поведительницу. Такой образъ жизни подавляетъ въ нихъ человѣческія чувства и дѣлаетъ ихъ жалкими работными созданіями.

Передняя, въ которую вошли наши дамы, была увѣшана платьями, заставлена полками съ разною домашнею утварью; на лежанкѣ изъ изразцовыхъ кафель стояли бутылъ съ уксуомъ и два самовара; на одномъ изъ нихъ сушилось мокрое полотенце. Пожилая женщина, послушница, въ черномъ истасканномъ платьѣ, выбѣжала навстрѣчу гостямъ, униженно бросилась цѣловать ихъ руки, чему Марья Петровна противилась всѣми силами, и, снявъ съ нихъ салопы, отворила дверь въ приѣмную. Стѣны этой комнаты совершенно были завѣшаны лубочными картинками, купленными у заѣзжаго разнощика; картины духовнаго содержанія, изображающія Страшный Судъ, мученія св. угодниковъ, были перемѣшаны самымъ страннымъ образомъ съ рисунками болѣе свѣтскаго содержанія, какъ-то: изображеніемъ того, какъ императоръ Александръ посѣтилъ какого-то схимника, какъ вѣзжалъ князь Пожарскій въ Москву, и т. п.; были картины, писанныя и масляными красками, произведенія какого-нибудь мѣстнаго иконописца. Въ переднемъ углу стояло множество иконъ, обдѣланныхъ фольгою и украшенныхъ бумажными цвѣ-

тами, а на самой срединѣ потолка, на конскомъ волосѣ, качался и вертѣлся деревянный голубокъ, символическое изображеніе Св. Духа. Полъ былъ устланъ мягкимъ ковромъ, работы трудолюбивыхъ послушницъ. У одной стѣны стоялъ диванъ, а передъ нимъ столъ, покрытый клеенкой и уставленный разными *утѣженіями* (1), то-есть вареньями, смоквами, пряниками, и пр. Комната была уже наполнена монахинями, слушавшими съ благоговѣніемъ сидѣвшаго подъ образами мужика съ гладко-остриженной головою, рѣденькою бородкой и безсмысленными мутными глазами. Въ рукахъ онъ держалъ большую толстую палку, обвѣшанную разноцвѣтными лоскутками; онъ вертѣлъ и осматривалъ ее со всѣхъ сторонъ, бормоча несвязныя слова, которыя присутствующіе, ловили съ величайшимъ вниманіемъ стараясь проникнуть въ ихъ таинственный смыслъ. Когда Александра Васильевна вошла съ дочерью въ комнату, старшая ея племянница, Евсевія, бросилась къ нимъ навстрѣчу и шопотомъ сказала: «Вотъ Божій человекъ-то, тетенька, о которомъ я вамъ говорила». Александра Васильевна съ благоговѣйнымъ страхомъ подошла къ нему, держа за руку дочь. Всѣ разступились.

— Здравствуйте, батюшка! сказала она.

— Здравствуйте, здравствуйте! забормоталъ помѣшанный, обратя на минуту на нихъ свои безсмысленные глаза, и, не переставая заниматься своею палкой, продолжалъ про себя: «прошелъ близко, поклонился низко... соборный протопопъ... клобукъ снимаетъ, низко кланяется...» Потомъ, подумавъ немного, онъ прибавилъ, указывая на палку: «вотъ тутъ бы еще лоскутикъ, красненькій лоскутикъ...» и замолкъ. Монахини стояли, притаивъ дыханіе; наконецъ Александра Васильевна рѣшилась прервать молчаніе.

— Семень Макарычъ! (ей сообщила на ухо его имя Евсевія) вотъ бы вы открыли мнѣ, отпускать ли мнѣ ее отъ себя, сказала она, указывая на дочь:—счастлива ли ей будетъ дорога?

— Дорога, дорога отъ печки до порога, забормоталъ Семень Макарычъ; потомъ поднявъ глаза на Марью Петровну и увидѣвъ у нея на шеѣ красную ленту, онъ вдругъ перемѣнилъ голосъ и тоненькимъ дискантомъ, картавя, закричалъ: «кляненькій лоскутоцикъ! кляненькій лоскутоцикъ!...» и потянулъ

(1) Такъ обыкновенно монахини называютъ всякія лакомства.

ленту за конецъ. Марья Петровна сняла ленту и отдала ему. Сумашедшій остался очень доволенъ; онъ началъ навязывать ленту на палку, бормоча про себя: «вотъ теперъ и при мѣсть... не пусто... не пусто...»

Монахини съ благоговѣніемъ слушали его слова, объясняли ихъ по-своему, стараясь примѣнить ихъ смыслъ къ настоящему положенію молодой дѣвушки. Утомленная этою сценой, Марья Петровна отошла въ сторону и обратилась къ Евсевию:

— Чтò жь это я не вижу сестры Рахили? гдѣ она?

— Охъ, матушка сестрица, я засуетилась-то и не сказала вамъ: сестра-то вѣдь больна, лежитъ; нынче и не выходила цѣлый день.

— Чтò съ ней? съ участіемъ спросила Марья Петровна.

— Да и сама не знаю! вотъ пойдите къ ней, она вамъ рада будетъ: ей небось скучно тамъ одной-то.

Марья Петровна вошла въ слѣдующую комнату. На постели лежала Рахиль съ завязанною головою и растрепанными волосами. Возлѣ кровати стояла на колѣняхъ хорошенькая дѣвочка, но чрезвычайно худая и блѣдная; впалые глаза ея были заплаканы; она гладила ноги Рахили, одѣтые одѣяломъ, и тихонько всхлипывала.

— Здравствуйте, сестрица! сказала Рахиль слабымъ голосомъ, увидѣвъ вошедшую Марью Петровну:—благодарствуйте, что пришли провѣдать!

— Чтò это вы? нездоровы?

— Э, ужь не спрашивайте! гдѣ тутъ быть здоровой: все трудись да трудись, а заболѣешь, такъ и походить за тобою некому; только раздражать умѣютъ безпрестанно. Ишь, чертенокъ! закричала она, со злостью сунувъ ногою въ лицо дѣвочки:—я тебѣ сказала, гладь осторожнѣе, не раскрывай одѣяла, а ты все знай свое, зелье проклятое! Фу, батюшки, опять въ жаръ бросило. Поди, пошла Оешку помахать на меня, а сама опять приходи ноги гладить, да скорѣй повертывайся. Вотъ такъ-то весь свой вѣкъ мучаюсь, продолжала Рахиль слезливымъ голосомъ,—пой ихъ, корми, а онѣ вмѣсто благодарности только и думаютъ чѣмъ бы тебя разстроить.

Марья Петровна ничего не отвѣчала на эту выходку своей родственницы. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ ею въ Пыльнскѣ по выходѣ изъ института, она не разъ пыталась защищать бѣднаго ребенка и уговаривать Рахиль быть къ нему посписходительнѣе, но это внимательство только болѣе раз-

дражало монахиню, и она еще съ большею непріязнію нападала на своихъ послушницъ, хотя и старалась всегда скрыть это или оправдаться передъ Марьей Петровной. Поэтому Марья Петровна ограничилась на этотъ разъ только тѣмъ, что, уходя, нѣжно разцѣловала дѣвочку, выбѣжавшую въ переднюю проститься съ нею; она велѣла ей придти къ себѣ завтра съ утра: «я хочу оставить тебѣ кое-что на память о себѣ.» Блѣдное лицо ребенка просіяло при этой ласкѣ, и она робко, но съ видимою любовью смотрѣла на добрую дѣвушку.

Съ разстроенными нервами и возмущенною душою воротилась Марья Петровна изъ монастыря. Прислонясь головою къ косяку окна, она грустно смотрѣла на прелестный видъ, разстилавшійся передъ ея окнами. Домикъ Александры Васильевны стоялъ на высокомъ обрывистомъ берегу рѣки, и потому изъ оконъ его видно было по крайней мѣрѣ верстъ на десять. На противоположной сторонѣ рѣки, между купаи высокихъ деревьевъ, разбросано было большое село съ высокою каменною церковью самой прихотливой архитектуры; за селомъ тянулся обширный лугъ; въ сторонѣ возвышались довольно красивыя развалины давно заброшеннаго завода; лугъ окаймлялся узкою полосой рощи; за нею, уже въ туманѣ, виднѣлось еще село, и его бѣлая церковь рѣзко отдѣлялась отъ синеватой полосы горизонта. Солнце уже почти закатилось, и всѣ предметы ярче и рельефнѣе рисовались на темныхъ тѣняхъ, бросааемыхъ ими на землю. Въ окнахъ и золоченыхъ главахъ церкви еще игралъ его послѣдній лучъ. Воздухъ былъ чистъ, прозраченъ, рѣдокъ, и малѣйшій звукъ раздавался въ немъ отчетливо и ясно. На рѣкѣ слышалось криканье утокъ; съ противоположнаго берега неслись крики игравшихъ ребяташекъ; въ сторонѣ мычало стадо коровъ, перебиравшихся черезъ воду; съ большой дороги доносился по воздуху прерывистый звукъ колокольчика. Марья Петровна обратила глаза въ эту сторону и задумчиво стала смотрѣть на черную извилистую полосу большой дороги, которая тянулась черезъ лугъ и пропадала въ горизонтѣ. Завтра она сама поѣдетъ по этой дорогѣ. Чтò ждетъ ее тамъ? Много пріятнаго рисовало ей воображеніе, но мечты такъ обманчивы,—она уже испытала это. А Марья Петровна любила помечтать, да и какая дѣвушка въ пятнадцать лѣтъ не мечтаетъ, особенно, если она воспитывалась въ институтѣ? Въ этомъ нельзя и винить ее. Умъ и воображеніе требуютъ дѣятельности, а сухіе, безтолковые институтскіе уроки, которые

требуется только вбить слово въ слово въ память, конечно ужь не могутъ дать пищи никакому уму, а тѣмъ болѣе уму молоденькой дѣвушки. Именно во время этого-то бессмысленнаго заучиванія наизусть, ничѣмъ не занятое молодое воображеніе и начинаетъ дѣйствовать. Бывало, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ съ тетрадкою въ рукѣ и машинально повторяя слова, за которыми слѣдили глаза безъ участія мысли, Марья Петровна мечтала о томъ, что скоро кончатся эти зубренья и эти ни къ чему не ведущія писанья и переписыванья и всѣ эти истязанія, и она наконецъ будетъ не воспитываться, а жить. Жить! И сердце дѣвушки замирало отъ блаженства, хотя она и плохо понимала чтò такое жизнь. Это однако не мѣшало ей создавать планы для будущаго.—Настало наконецъ желанное время разставанія съ институтомъ. За многими подругами Марьи Петровны пріѣхали щегольскія кареты, за нею кривобокій уродливый тарантасъ, взятый у какого-то купца. Это впрочемъ не смутило ея. Она не мечтала, подобно своимъ подругамъ, о пышныхъ нарядахъ и блестящей свѣтской жизни: это не имѣло для нея особенной привлекательности; къ тому жь она знала, что мать ея не богата. Но Марья Петровна оставила домъ своей матери еще семилѣтнимъ ребенкомъ и съ тѣхъ поръ, въ продолженіи девяти лѣтъ, ни разу не видала своей матери: Александра Васильевна была тяжела на подъемъ, да и поѣздки въ дальній губернский городъ были ей не по средствамъ; ничего не знала Марья Петровна и о домашней жизни своей матери: письма Александры Васильевны къ дочери были наполнены только совѣтами хорошенько учиться и наставленіями быть почтительной къ учителямъ и наставницамъ; о томъ, какъ онѣ будутъ жить по выходѣ Марьи Петровны изъ института, ни слова: старушка боялась загадывать о будущемъ. Изъ дѣтства же своего Марья Петровна сохранила только смутныя воспоминанія; поэтому не мудрено, что она составила себѣ ложное понятіе о той жизни, которая ожидала ее. «Я буду помогать матери въ хозяйствѣ, у насъ будетъ небольшой, но избранный кругъ знакомыхъ; въ свободное время я буду читать маменькѣ вслухъ книги, а потомъ мы вмѣстѣ будемъ разсуждать о прочитанномъ...» Роились, конечно, въ юнѣй головѣ моей героини и другія мечты, болѣе серіозныя и упоительныя, но эти мечты и для нея самой ничего еще не имѣли яснаго и опредѣленнаго. Но, Боже мой, какъ встрѣтившая ее дѣйствительность не похожа была даже на эти скромныя мечты! Вмѣсто избраннаго,

образованнаго общества, она нашла домъ своей матери наполненнымъ разными приживалками, богомолками, дураками, и т. п. Общество уѣзднаго города состояло большею частью изъ купцовъ, грубыхъ, упорно коснѣвшихъ въ невѣжество, надутыхъ своимъ богатствомъ, преслѣдовавшихъ грубыми насмѣшками все, что носило на себѣ печать образованности. Прочіе знакомые Александры Васильевны были люди хотя и добрые, но ничего не выдавшіе дальше мелочныхъ житейскихъ разчетовъ. Марья Петровна не могла сочувствовать ихъ мелкимъ интересамъ, она не знала даже что съ ними говорить: такъ мало общаго оказалось между ними и ею. Но самое горькое разочарованіе ждало Марью Петровну въ отношеніяхъ ея къ матери. Александра Васильевна никогда не задумывалась надъ жизнью; всѣ ея явленія она почитала такими необходимыми и обыкновенными, что не обращала на нихъ и вниманія. «Такъ ужь Богѹ угодно. Такъ ужь ведется съ начала вѣка. Не нами начато, не нами и кончится.» Такими изреченіями отвѣчала она на вопросы дочери, когда та просила ее объяснить ей что-нибудь, казавшееся непонятнымъ въ жизни. Когда дочь, нѣжно обнявъ ее, повѣряла ей свои задушевные мысли, Александра Васильевна смотрѣла на нее съ тою улыбкой, съ какою слушаютъ безсвязный лепетъ дѣтей, и говорила, глядя ее по головѣ: «Дурочка, дурочка ты моя! ну, пусти, послѣ поговоримъ; теперь мнѣ некогда.» На чтеніе книгъ вмѣстѣ съ матерью тоже пропала надежда. «Э, Машенька! ты думаешь, меня занимають эти пустяки? Читай одна, коли есть охота.» Къ довершенію несчастія и въ хозяйствѣ-то Марья Петровна только мѣшала матери: посѣщенія институтской кухни, на которую ихъ поочередно посылали, принесли ей мало пользы. Марья Петровна грустно покорилась необходимости; она перестала передавать матери то, что волновало ея молодую душу, и предоставила самой себѣ разрѣшать возникавшіе въ умѣ ея вопросы, или искала разрѣшенія ихъ въ книгахъ. Она даже какъ будто стала свыкаться съ такою жизнью, какъ вдругъ письмо ея дяди засвѣтило въ душѣ ея новую надежду.

Но теперь, когда разлука съ матерью, которая хотя иногда и не понимаетъ ея, но все-таки любитъ, когда разлука эта была такъ близка, въ ея робкую душу запало новое сомнѣніе. Почему она знаетъ, что ждетъ ее тамъ? Можетъ-быть люди, которые будутъ окружать ее, будутъ еще хуже, а существа любящаго, какъ ея мать, не будетъ. Въ комъ найдетъ она себѣ

опору, къ кому припадетъ на грудь, чтобы выплакать свое горе? И ею овладѣло какое-то болѣзненное чувство, — безсознательная увѣренность, что жизнь совсѣмъ не такъ хороша, какъ она представляла ее себѣ въ институтѣ. Но вѣдь въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, все люди образованные, думала она... Но кто жь и это знаетъ? можетъ-быть и въ этомъ она ошибается, какъ ошиблась уже во многомъ. И душою Марьи Петровны овладѣло то мучительное сомнѣнiе, которое въ рѣшительныя минуты жизни испытываютъ и люди, обладающiе большею твердостью характера, чѣмъ моя героиня. А для нея эта минута была рѣшительная: ѣхать или не ѣхать въ Петербургъ? отъ этого зависѣло многое.

Блѣдная, съ полными слезъ глазами, стояла она у открытаго окна, вперя взоры въ далекий горизонтъ и какъ-будто надѣясь сквозь его таинственную синеву увидеть неизвѣстное будущее.

IV.

На другой день на дворѣ знакомаго намъ домика стоялъ небольшой тарантасъ. Прошка, въ томъ же абрикосоваго цвѣта сюртукѣ, перевязанномъ крестъ-на-крестъ шерстянымъ вязанымъ шарфомъ, что означало, что онъ одѣтъ по дорожному, безпрестанно выносилъ изъ дому разныя вещи, которыя принимала отъ него и укладывала въ экипажъ стоявшая въ тарантасѣ дородная «дѣвка». Глаза ея были заплаканы, и она поминутно вытирала ихъ и покраснѣвшiй носъ свой концомъ платка, которымъ была покрыта. У сарая стояла тройка ямскихъ лошадей, уныло побрякивавшихъ своими погремушками. Ямщикъ, съ бичомъ и рукавицами за поясомъ, похаживалъ около экипажа, осматривая его со всѣхъ сторонъ и почесывая въ головѣ, отчего его конусообразная шляпа сползала, то на то, то на другое ухо. Въ домѣ происходила страшная суетня; монахини, слуги и разныя приживалки бѣгали вездѣ и впередъ, сталкивались, брались то за ту вещь, то за другую, кричали одна на другую изо всѣхъ силъ, стараясь показать свое усердiе. Не участвуя въ этихъ общихъ хлопотахъ, Марья Петровна, съ заплаканными глазами, въ дорожномъ платьѣ, ходила изъ комнаты въ комнату, останавливаясь передъ каждымъ предметомъ, какъ-будто стараясь лучше запомнить все то, что

она покидала и что теперь получало въ глазахъ ея прелесть, незамѣченную ею прежде. Иногда подходила къ ней мать, брала ее за голову, нѣжно и долго смотрѣла ей сквозь слезы въ глаза, прижимала ее къ своей груди, и поцѣловавъ въ лобъ, опять оставляла ее и снова принималась хлопотать, какъ-будто стараясь въ этихъ хлопотахъ забыть горе предстоящей разлуки. Наконецъ все было уложено. Всѣ ходили изъ комнаты въ комнату, посматривая по сторонамъ и спрашивая другъ у друга: не забыли ли чего? Лошади были заложены, и ямщикъ просилъ поспѣшить, чтобы за-свѣтло поспѣть на ночлегъ. «Ну, все готово! сказалъ кто-то, присядемте, помолимся, да и съ Богомъ!» Всѣ сѣли; нѣсколько секундъ царствовала совершенная тишина. Первая встала Александра Васильевна; она громко прочитала молитву, потомъ сняла со стѣны маленькій образокъ и благословила имъ дочь. Обливаясь слезами, бросились онѣ другъ другу въ объятія и долго оставались въ этомъ положеніи. Потомъ подошли къ Марьѣ Петровнѣ ея сестры-монахини.

— Матушка, сестрица!.. приведетъ ли Богъ увидѣться! закричали онѣ, съ громкимъ плачемъ, повиснувъ у нея на шеѣ.

Это еще болѣе разстроило и безъ того грустную Александру Васильевну; она тоже начала громко рыдать. Дочь бросилась къ ней.

— Полноте, маменька, успокойтесь! ну, я, право, останусь! что это вы провожаете меня будто на смерть!

— Проща, голубчикъ! говорила старушка, когда лакей, по старому обычаю, подошелъ къ ней къ рукѣ: — береги же ты мнѣ ее! По ночамъ не ѣдите, къ чему спѣшить? а то, избави Боже!..

— Будьте спокойны-съ! отвѣчалъ Проща: — головой отвѣчаю; ужь если что случится съ барышней, дѣлайте тогда со мной что вамъ угодно.

— Голубчикъ, Ефимъ! обратилась Александра Васильевна къ ямщику, когда всѣ вышли на крыльцо: — пожалуста, вези хорошенько; за лошадьми-то смотри. Съ горы случится съѣзжать, ты выходи, Машенька! да постоянные дворы-то выбирайте получше. Довезешь благополучно, Ефимушка, я тебѣ прибавлю. Охъ, Машенька, что жь это ты одѣлась такъ легко; лобъ-то завяжи платкомъ: въ полѣ вѣтеръ жестокий! на-вотъ!

И старушка торопливо снимала съ шеи платокъ, чтобы укутать имъ свое дитя.

Наконецъ послѣ многихъ объятій и поцѣлуевъ усѣлись:

Марья Петровна съ «дѣвкой» въ тарантасѣ, Прошка на козлахъ съ ямщикомъ, и экипажъ тронулся, напутствуемый крестными знаменіями Александры Васильевны.

— Прощай, Маша! закричала она еще разъ, когда голова дочери высунулась изъ тарантаса; и долго стояла она на крыльцѣ, крестя вслѣдъ уѣзжавшему экипажу, а когда онъ скрылся совершенно изъ виду, грустно опустила голову и медленно вошла въ комнаты.

Долго плакала Марья Петровна, забившись въ уголь тарантаса и спрятавъ лицо въ подушки; служанка тоже плакала и утѣшала ее какъ умѣла; впрочемъ она скоро начала дремать, колотясь то лбомъ, то носомъ о тарантасъ и наконецъ совсѣмъ заснула. Марья Петровна могла на свободѣ предаваться своей горести. Мало-по-малу новые предметы развлекли ее еще дѣтское воображеніе; она съ любопытствомъ глядѣла по сторонамъ. Вспаханная поля съ тучею галокъ и воронъ, вившихся надъ ними или летавшихъ слѣдомъ за пашущимъ мужикомъ, въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь въ только-что поднятой бороздѣ, дальнія села, какъ-будто плывшія по горизонту навстрѣчу, проѣзжавшіе дорожные, все останавливало на себѣ вниманіе Марьи Петровны. Теперь уже все было кончено, возвратъ невозможенъ, и, странно, это какъ-будто успокоило ее, и мысли ея невольно перенеслись отъ матери на цѣль путешествія — на Петербургъ.

Петербургъ! Какія сладостныя грезы, какія упойтельныя мечтанія роемъ поднимаются въ юныхъ головахъ нашихъ провинціаловъ при одномъ этомъ словѣ! Кто изъ нашихъ юношей не готовъ переносить съ стоическою твердостью всѣ лишенія и непріятности жизни съ единственнымъ утѣшеніемъ, съ единственною надеждою жить когда-нибудь въ Петербургѣ! Есть и такіе, которые начинаютъ мечтать о Петербургѣ еще на школьной скамьѣ, и вслѣдствіе этого не выучиваютъ уроковъ...

А дѣвицы? Большой части изъ нихъ Петербургъ представляется въ видѣ великолѣпной танцевальной залы, до ослѣпленія освѣщенной тысячею стеариновыхъ свѣчъ, наполненной блестящею разнообразною толпой. Но всѣ лица рисуются въ туманѣ, а на первомъ планѣ и съ удивительною ясностью мечтательница видитъ самое себя въ великолѣпномъ уборѣ, окруженную цѣлымъ роемъ самой отборной свѣтской молодежи. Всѣ наперерывъ стараются услужить ей, осыпаютъ ее любезностями; она отвѣчаетъ ловко, остроумно. Молодые

люди поражены: они не ожидали такого ума и въ особенности такого знанія свѣтскихъ формъ отъ провинціальной барышни. Торжество полное!

Не такъ впрочемъ мечтала Марья Петровна. Воображеніе ясно рисовало ей все, какъ и въ какое время она придетъ, и какое впечатлѣніе произведетъ на нее великолѣпный городъ. Попеременно представлялся онъ ей, то озаренный яркимъ солнцемъ, то освѣщенный множествомъ фонарей, онъ, украшенный столькими произведениями искусства. И все это она увидитъ! Она уже видитъ этотъ шумный городъ! Въ ухахъ ея какъ-будто уже раздаются крики кучеровъ и стукъ колесъ безпрестанно встрѣчающихся экипажей. Ей представляется Петербургъ разомъ во всѣхъ частяхъ и со всѣми подробностями, какъ имѣетъ способность видѣть только мысленный взоръ. Потомъ она начала думать, какъ она явится къ роднымъ, какова будетъ ихъ встрѣча, и думала она, какъ истая институтка. У ея дяди были три взрослые дочери; одна была уже замужемъ; двѣ другія — дѣвицы. Она выберетъ изъ нихъ одну, которая будетъ болѣе подходить къ ней по характеру, и заключить съ ней дружбу навѣки; конечно, она будетъ любить и другую... Ахъ да вѣдь и Леночка Барновичъ должна быть теперь въ Петербургъ, вотъ удивится-то и обрадуется, какъ она къ ней явится! Она постарается какъ-нибудь и ее познакомиться съ своими родными, и тогда у нихъ составитя *чудный* искренній кружокъ. И воображеніе молодой дѣвушки тутъ же нарисовало нѣсколько *чудныхъ* сценъ изъ этой *чудной* жизни. Потомъ она старалась воскресить въ своей памяти лицо дяди, котораго видѣла еще въ дѣтствѣ, когда онъ, проѣзжая по служебной надобности черезъ ихъ городъ, былъ у ея отца. Но это рѣшительно не удавалось ей, и дядя ея вышелъ у нея совсѣмъ не таковъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ. Послѣ этого она занялась портретомъ его жены. Портретъ вышелъ очень хорошъ. Тетка ея явилась въ немъ надѣленною всѣми совершенствами физическими и нравственными, какими только можетъ обладать сорокалѣтняя дама. Портреты ея дочерей, послѣдовавшіе за этими, оказались не менѣе прекрасны. Вдругъ Марью Петровну поразила мысль, что хотя она получила и порядочное образованіе, но все-таки она получила его въ провинціи, а родные ея, за исключеніемъ одного дяди, были коренные жители столицы. Она часто слышала отъ знакомыхъ своей материслова: «петербургское воспитаніе», «петербург-

ское обращеніе». Стало-быть это что-нибудь особенное, и она, пожалуй, покажется смѣшною съ своими провинціальными манерами; впрочемъ она скоро успокоилась, рѣшившись замѣчать и усваивать все особенное въ ихъ приемахъ, а чтобы не сконфузить своихъ родныхъ на первый разъ, она рѣшилась приготовить заранѣе къ этой встрѣчѣ и даже обдумывала всѣ свои будущія движенія и всѣ слова, которыя придется ей сказать при первомъ знакомствѣ.

V.

Дядя Марья Петровны, къ которому она ѣхала гостить, жилъ въ Петербургѣ на Офицерской улицѣ, гдѣ занималъ небольшую квартиру въ третьемъ этажѣ. Двѣ недѣли спустя послѣ отъѣзда Марьи Петровны изъ дома, въ небольшой гостиной этой квартиры, мебелированной небогато и безъ вкуса, но съ большими претензіями на щегольство и комфортъ, сидѣли на диванѣ двѣ дамы, одна пожилая, другая лѣтъ двадцати трехъ. Пожилая дама держала въ рукахъ какое-то вязанье, молодая была въ шляпкѣ и шали и, какъ видно, пріѣхала въ гости. Эти дамы были: Анна Ѳедоровна Терская, тетка Марьи Петровны, и ея замужня дочь Катерина Матвѣвна Шедрина. Онѣ продолжали, какъ видно, уже давно начатый разговоръ.

— Воля твоя, та сѣге, говорила Анна Ѳедоровна,—это ни на что не похоже! Ты вовсе не умѣешь держать себя: со всѣми обращаешься одинаково. Нужно умѣть сортировать людей: съ одними быть ласковою, къ другимъ показывать нѣсколько холодность; однимъ кланяться привставши, другимъ только головою; нѣкоторымъ подавать руку; даже въ самомъ пожатіи должно быть различіе. А ты принимаешь всѣхъ одинаково: не дожидаясь доклада, бѣжишь всякому навстрѣчу и чуть не бросаешься на шею. Конечно, къ нѣкоторымъ нужно выйдти въ переднюю, но иныхъ не мѣшаетъ заставить и подождать себя. Ты вовсе не умѣешь поддержать достоинство своего мужа.

— Но какъ же мнѣ быть, маман? говорила дочь чуть не плача:—вѣдь гости и такъ долго дожидаются на крыльцѣ. Вы знаете, у насъ человѣкъ одинъ, онъ же и поварь. Пока побѣгутъ ему связать, что звонять, пока онъ переодѣнется,—пройдетъ, на-

вѣрно, полчаса, а тутъ еще заставлятъ ихъ дожидаться себя? Этакъ никто не захочетъ и ѣздить къ намъ.

— Я говорю тебѣ это не о всѣхъ, а только о тѣхъ, которые ниже тебя. Вы съ мужемъ рѣшительно не умѣете держать себя въ отношеніи къ нимъ.

— Но мужъ очень долго заставляетъ своихъ подчиненныхъ ждать себя.

— И прекрасно дѣлаетъ! этотъ народъ ужасно забывается. Будь только къ нимъ снисходителенъ, такъ они какъ разъ подумаютъ, что равны.

Въ это время въ гостиную вошла женщина злой наружности.

— Барышня, которую ждали изъ Пыльнска, пріѣхала, проговорила она угрюмо.

Анна Ѳедоровна поправила на себѣ чепецъ, осмотрѣла платье:

— Я думаю, и такъ хорошо, и, обратившись къ служанкѣ, сказала: проси!

Вошла Марья Петровна. Ожиданіе этой встрѣчи нѣсколько взволновало молодую дѣвушку и оживило ея лицо. Щеки ея разгорѣлись, глаза блистали; она была очень мила.

— Здравствуйте, милая Марья Петровна! такъ, кажется? сказала Анна Ѳедоровна, протянувъ ей руку и чуть привставъ съ своего мѣста:—очень рада васъ видѣть. Садитесь пожалуйста! и она указала ей кресло возлѣ дивана. Чтò жъ это вы, развѣ не прямо къ намъ? спросила она ее, нѣсколько помолчавъ и осматривая ее съ головы до ногъ.

— Я пріѣхала въ Петербургъ вчера поздно вечеромъ, отвѣчала Марья Петровна,—а потому не хотѣла васъ беспокоить и остановилась въ гостиницѣ.

— Напрасно. Мы ложимся очень поздно, не по провинціальному, а потому вы нисколько не обезпокоили бы насъ.

Всѣ замолчали. Марья Петровна тоже ничего не говорила; ей было неловко: она ожидала болѣе родственнаго пріема.

— Вотъ это старшая дочь моя, проговорила наконецъ Анна Ѳедоровна,—замужняя; я думаю, вы слышали?

Катерина Матвѣвна и Марья Петровна снова раскланялись.

— Маменька приказала передать вамъ письмо отъ нея, сказала Марья Петровна, подавая теткѣ запечатанный конвертъ, о которомъ только-что вспомнила.

Анна Ѳедоровна взяла его, распечатала и стала читать письмо. Марья Петровна воспользовалась этимъ временемъ,

чтобы получше рассмотреть свою тетку. Она оказалась совсѣмъ не такою, какую воображала ее себѣ ея племянница. Это была женщина лѣтъ сорока пяти, высокая, худая, съ стеклянными сѣрозелеными глазами и утинымъ носомъ. Губы ея были вѣчно растянуты какою-то язвительною улыбкой. Смотри на нее, такъ и казалось, что вотъ-вотъ Анна Ѳедоровна скажетъ вамъ какую-нибудь колкость. Въ этой улыбкѣ выражался весь характеръ этой почтенной дамы: злой, завистливый, придирчивый. И говорила ли Анна Ѳедоровна, сидѣла ли молча, эта улыбка никогда не сходила съ ея губъ. Недовольная впечатлѣніемъ, которое произвело на нее это лицо, Марья Петровна обратила глаза на Катерину Матвѣвну и почти испугалась, замѣтивъ, что большіе голубые глаза молодой женщины грустно смотрѣли на нее: она, казалось, глубоко сожалѣла о ней. «Боже мой! что же такого ужаснаго въ моемъ положеніи?» подумала Марья Петровна. Впрочемъ, она скоро успокоилась, когда, взглянувъ въ другой разъ, замѣтила, что глаза ея кузины съ тѣмъ же выраженіемъ грустнаго сочувствія устремлены на транспарантъ, покрывавшій столовую лампу.

Анна Ѳедоровна дочитала письмо, сложила его и обратилась опять къ племянницѣ.

— Я думаю, вы устали съ дороги?

— Да; это мое первое дальнее путешествіе, и притомъ я ѣхала на долгихъ.

— На долгихъ? что это значить?

Марья Петровна объяснила. Женщина злой наружности прошла черезъ гостиную, Анна Ѳедоровна остановила ее.

— Дарья! ты говорила барышнямъ? спросила она, указывая глазами на племянницу.

— Говорила-съ! сейчасъ выйдуть.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошли двѣ дѣвицы, дочери Анны Ѳедоровны. Онѣ должно-быть хотѣли ослѣпить провинціальную родственницу своимъ туалетомъ, которымъ и занимались все это время! На нихъ были пестрыя баржевые платья и огромные бархатные банты въ косѣ. Старшей было на видъ лѣтъ двадцать, хотя мать и говорила въ продолженіи трехъ лѣтъ, что ей семнадцатый годъ. Она была маленькаго роста, съ большою головой, нѣсколько сдавленною съ боковъ,—что придавало ея лицу какое-то птичье выраженіе,—съ крупными чертами лица и замѣчательно-короткими руками. Голову держала она нѣсколько назадъ и при каждомъ шагѣ покачивала ею.

Младшая сестра была нѣсколько повыше ростомъ, худая и блѣдная; лицо ея было довольно правильно, но безъ всякаго выраженія. Ее считали еще ребенкомъ. Она никогда не высказывала своего мнѣнія, а только подтверждала то, что говорила старшая сестра; такъ напримѣръ, если старшая говорила: «какъ нынче холодно!» младшая тотчасъ же вскричала: «ахъ, да! чрезвычайно холодно!» какъ будто вотъ сейчасъ только она и почувствовала это. Старшую звали Софьей, младшую Анной. Отецъ и мать считали Софью Матвѣвну очень умною и даже талантливою дѣвичествомъ, неизвѣстно ужъ на какомъ основаніи. Анна Федоровна всегда съ большимъ сожалѣніемъ говорила, что тогдашнія ихъ средства не позволили имъ дать этой дочери такого образованія, какое бы они желали, и развить ея таланты, а что еслибъ она была на мѣстѣ Анеты въ институтѣ, изъ нея вышло бы что-нибудь необыкновенное. Софья Матвѣвна подошла къ Марьѣ Петровнѣ и, стараясь принять холодно-покровительственный тонъ, проговорила, подавая ей руку:

— Очень пріятно!

— Ахъ, очень! подтвердила младшая.

Марья Петровна тоже изъявила свое удовольствіе.

— А мы только сейчасъ узнали, что вы пріѣхали, продолжала Софья Матвѣвна.

— Ахъ, да! только сейчасъ, увѣряла Анна Матвѣвна:—мы сидимъ, вдругъ приходитъ Дарья и говоритъ, что вы пріѣхали.

Марья Петровна подумала, что онѣ такъ усердно увѣряли ее въ этомъ, желая извиниться, что не скоро вышли, но она ошибалась. Кузины ея боялись пуще всего, чтобъ она не догадалась, что онѣ для нея переодѣвались. Софья Матвѣвна вынула изъ коробочки, которую принесла съ собою, небольшую полосу *papier riqué*, на которой было уже вышито золотымъ бисеромъ *souvenir* и начата вокругъ узенькая гирлянда, и стала усердно и серіозно вышивать.

— Чтѣ вы работаете? спросила она.

Марья Петровна не вышивала такихъ прекрасныхъ сувенирчиковъ; дома она помогала иногда матери перешивать кое-какое старье; но ей казалось неприличнымъ объявить объ этомъ своей кузинѣ, и потому она отвѣчала, что не работаетъ ничего.

— Чѣмъ же вы занимались дома? спросила Софья Матвѣвна нѣсколько презрительно.

— Читала, помогала иногда маменькѣ въ хозяйствѣ, отвѣчала

Марья Петровна и тотчас же раскаялась, замѣтивъ насмѣшливую улыбку Софьи Матвѣвны.

— Но въ провинціи, въ глуши, — будто тамъ есть что читать?

— Наши знакомые выписываютъ нѣсколько русскихъ журналовъ.

— Маменька! обратилась Софья Матвѣвна къ матери: — слышите? у нихъ въ Пыльнскѣ даже журналы тамъ выписываютъ.

— Вотъ какъ! отозвалась Анна Федоровна, говорившая въ это время съ старшею дочерью.

Въ залѣ послышался говоръ, и вслѣдъ за тѣмъ въ гостиную вошелъ пожилой мужчина, небольшого роста, очень худой и нѣсколько сгорбленный; за нимъ слѣдовали мальчикъ лѣтъ двѣнадцати и дѣвочка лѣтъ девяти. На старикѣ былъ форменный фракъ съ свѣтлыми пуговицами, и Анна-съ-короной очень эффектно покачивалась на бѣлой, какъ снѣгъ, манишкѣ.

— Вотъ и Матвѣй Васильчъ! сказала Анна Федоровна. — Гостя, которую мы ждали, прибавила она, обращаясь къ нему и указывая на Марью Петровну.

— А! очень радъ, очень радъ! Что жъ это вы развѣ не прямо къ намъ?

Марья Петровна повторила то же, что отвѣчала уже Аннѣ Федоровнѣ на тотъ же вопросъ.

— Напрасно, напрасно! Вѣдь это лишнія издержки. Гостиницы здѣсь очень дороги. За вещами-то по крайней мѣрѣ послали ли вы? а то вѣдь все равно съ васъ возьмутъ за номеръ: вы можетъ-быть этого не знаете.

— Я сказала своей дѣвушкѣ, и я думаю, она скоро пріѣдетъ.

— Ну и прекрасно. А какъ вы выросли-то! Я помню васъ, когда вы были вотъ меньше ея, и онъ указалъ на дѣвочку, стоявшую возлѣ него.

— Это мои меньшія дѣти, сказала Анна Федоровна.

Матвѣй Васильевичъ сѣлъ возлѣ старшей дочери, и поговоривъ съ нею нѣсколько минутъ о ея домашнихъ дѣлахъ, обратился опять къ племянницѣ.

— Здорова ли сестра? спросилъ онъ.

— Вотъ она пишетъ къ намъ общее письмо, сказала Анна Федоровна, подавая его мужу.

— Ну, хорошо; я его послѣ прочту. Очень радъ, что сестра послушалась меня и отпустила васъ. Я писалъ къ ней, что молодой дѣвушкѣ вовсе не слѣдуетъ...

— Ахъ, извините! перебила его Марья Петровна, совершенно

смутившись:—я и не благодарила еще васъ за ваше радушное приглашеніе.

Она произнесла это, обращаясь вмѣстѣ и къ дядѣ и къ теткѣ.

— Это вотъ его благодарите, сказала Анна Федоровна:—это его мысль. Впрочемъ вы не ожидайте слишкомъ многого... Мы живемъ скромно и особенныхъ удовольствій доставить вамъ не можемъ.

Марья Петровна вспыхнула и хотѣла отвѣчать, но въ это время Катерина Матвѣвна стала прощаться, и всѣ обратились къ ней.

— Вотъ, Анна Федоровна! я хотѣлъ тебѣ сказать... говорилъ Матвѣй Васильевичъ, проводивши дочь и возвращаясь въ гостиную.—Негодяй Васька-то! совсѣмъ отъ рукъ отбился! рѣшительно не сидитъ въ передней. Приѣдетъ кто, не кому шинели снять. Вотъ сейчасъ Катечкѣ ужъ я самъ подавалъ салопъ.

— Да что жъ ты его не велишь наказать? Вѣдь это смѣшно, Матвѣй Васильичъ! съ мальчишкой не умѣешь управиться... Дѣвка докладываетъ о гостяхъ... добро бы ужъ лакея не было.

— Позвать сюда Ваську! закричалъ Матвѣй Васильевичъ Дарьѣ, которая въ залѣ приготовляла къ столу, немилосердно гремя ножами и тарелками.

Явился мальчикъ лѣтъ одиннадцати, съ плутовскою физиономіей и торчащими на макушкѣ волосами, одѣтый, какъ видно, съ барскаго плеча, потому что все было ему не впору, начиная отъ сапоговъ до сюртука.

— Ты гдѣ былъ? грозно спросилъ его Матвѣй Васильевичъ.

— Въ кувюну ходилъ-съ, за водой къ столу, быстро отвѣчалъ слуга.

— А отчего ты не сидишь въ передней? Тебѣ вѣрно сидѣть безвыходно, а ты только и знаешь, что бѣгаешь.

— Я только сейчасъ-съ вышелъ; я все утро сидѣлъ въ прихожей.

— Какъ сидѣлъ? Я пришелъ, тебя не было; вотъ Марья Петровна приѣхала, тебя не было...

— Ей же Господи! я не выходилъ ни на минуточку! увѣрялъ Васька.

— Да какъ же ты, братецъ, хочешь меня увѣрить въ глаза, когда я тебѣ говорю, что...

— Дай Господи на семь мѣстѣ провалиться, если я хоть на минуточку вышелъ! убѣждалъ Васька плачевнымъ голосомъ.

— Пошелъ вонъ, негодай! закричалъ Матвѣй Васильевичъ, пришедши въ благородное негодованіе отъ такого безстыдства.

Васька быстро выскочилъ въ залъ, сдѣлавъ гримасу и пустился бѣжать въ кухню, а Матвѣй Васильевичъ въ волненіи сталъ ходить по комнатамъ. Всѣ хранили глубокое молчаніе. Походивши нѣсколько минутъ, онъ вышелъ, и вскорѣ явился совершенно переодѣтый. Онъ перемѣнилъ даже бѣлье и надѣлъ нѣсколько уже разъ надѣванное. Фракъ замѣнился очень поношеннымъ скюртукомъ, нѣкогда бывшимъ темнокоричневаго цвѣта, а сапоги туфлями, вышитыми шерстями по сукну. Эти туфли подарили Матвѣю Васильевичу, три года тому назадъ, въ день ангела, жена и двѣ дочери; одна дочь вышила одну туфлю, другая другую, а мать отдавала на свой счетъ сапожнику сшить. При видѣ мужа въ этомъ нарядѣ, на лицѣ Анны Федоровны выразилось неудовольствіе.

— Тебя Богъ знаетъ за кого можно принять въ этомъ костюмѣ.

— Да помилуй, матушка, я, кажется, въ своей семьѣ. Марья Петровна... прибавилъ онъ замѣтивъ значительный взглядъ жены:—она вѣрно меня извинить.

— Я надѣюсь, любезный дядюшка, что вы не считаете меня чужою.

— Приличій не должно забывать ни для кого, строго замѣтила Анна Федоровна.

— Но мнѣ кажется, я одѣтъ не неприлично, сказалъ Матвѣй Васильевичъ, нѣсколько обидчиво.

Анна Федоровна презрительно пожала плечами.

— А что, Анна Федоровна, продолжалъ Матвѣй Васильевичъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ,—не пора ли обѣдать? вотъ и Марья Петровна послѣ дороги, я думаю, кушать хочетъ.

— Чтò же, велю подавать кушанье. Софи! скажи поди.

Всѣ перешли въ залъ, который служилъ вмѣстѣ и столовою. Миса съ супомъ стояла уже на столѣ. Анна Федоровна сама стала разливать. За обѣдомъ она безпрестанно замѣчала съ своею язвительною улыбкой, что Марья Петровна вѣрно питается воздухомъ, а когда та отказалась отъ вареной говядины съ морковнымъ соусомъ, она сказала:

— Чтò жь это вы ничего не кушаете? Вы будете голодны,

больше ничего не будетъ. Вамъ быть-можетъ не по вкусу, или вы привыкли къ болѣе обильному столу? Въ такомъ случаѣ я должна васъ предупредить: у насъ всегда только три блюда. Небольшое жалованье Матвѣя Васильича не позволяетъ намъ имѣть роскошный столъ.

Марья Петровна очень сконфузилась и отвѣчала, что она не ѣсть не потому, что ей не нравится, а потому, что уже сыта.

Анна Ѳедоровна улыбнулась своею вѣчною улыбкой и, помочавъ не много, обратилась къ дочери:

— Софи! что это ты такъ согнулась посмотри, твоя кузина гораздо лучше тебя держится.

— Ахъ, Боже мой! рѣзко отвѣчала Софья Матвѣевна:—вѣдь я не была въ институтѣ, и мнѣ не твердили безпрестанно: tenez vous droit! гдѣ жъ мнѣ имѣть такія прекрасныя манеры? И она согнулась еще больше и продолжала шепотомъ говорить съ сестрой.

— Какая твоя племянница скромница! сказала Анна Ѳедоровна мужу, вставая изъ-за стола:—все молчить да краснѣть.

— Очень извинительно, очень извинительно! отвѣчалъ Матвѣй Васильевичъ, поглаживая бакенбарды. — Какое видѣла она общество? То жила въ институтѣ, потомъ въ какой-то трущобѣ, гдѣ, я думаю, и двухъ человѣкъ порядочныхъ не найдешь. Вотъ, поживетъ у насъ, по привыкнетъ, разовьется.

Софья Матвѣевна и Анна Матвѣевна подошли къ роялю; одна открыла его, другая стала готовить ноты. Онѣ всегда занимались послѣ обѣда музыкой.

— А вы, Марья Петровна, я думаю, не играете на фортепьяно? Въ институтѣ такъ мало опредѣляютъ времени на музыку, сказалъ Матвѣй Васильевичъ.

— Я брала частные уроки; маменька приглашала мнѣ учителя, но все-таки я мало успѣла.

— Какая скромница! Сыграйте-ка что-нибудь.

— Боюсь, что не доставлю вамъ удовольствія своею игрой, сказала Марья Петровна, подходя къ фортепьяно.

— Полноте! не заставляйте себя просить, проговорила Анна Ѳедоровна.

Марья Петровна сѣла къ роялю, подумала нѣсколько времени и начала играть что-то изъ *Роберта*.

— Ахъ, какая старина! воскликнула Анна Ѳедоровна:—я помню, это играли еще въ мое время.

Марья Петровна не была виртуозкой, но понимала и любила

музыку, а потому въ ея игрѣ было много чувства и выразительности; но это восклицаніе совершенно смутило ее: она спѣшила кончить и безпрестанно ошибалась.

— Прекрасно, прекрасно! сказала Анна Федоровна съ своею улыбкой. Она все время говорила съ дочерью, нарочно, кажется, громко. Марья Петровна замѣтила это, и потому похвала эта еще болѣе смутила ее. Она опять покраснѣла, внутренне досадуя на себя за это.

— Ну, сыграй теперь ты, Софи!

— Я боюсь, что моя игра много потеряет послѣ прекрасной игры Марьи Петровны.

— Пожалуста безъ жеманства; вѣдь ты не изъ Пыльнска пріѣхала. Сыграй мазурку Шульгофа.

Софья Матвѣевна подошла къ фортепяно, небрежно взяла нѣсколько аккордовъ и заиграла. Она, совершенно не намѣренно, сказала чистую правду. Какъ ни плохо Марья Петровна исполнила пьесу, Софи сыграла еще хуже. Руки ея быстро бѣгали по клавишамъ, не выбирая и пропуская половину нотъ. Она играла слабо и совершенно безъ каданса. Затѣмъ послѣдовало пѣніе Анеты. Просили пѣть и Марью Петровну; она хотя и пѣла, но отказалась рѣшительно, боясь новыхъ насмѣшливыхъ похвалъ и замѣчаній тетки.

— Софи! что, сегодня придетъ Тюменевъ? спросила Анна Федоровна.

— Онъ обѣщаль. Ахъ, та сѣге, обратилась она къ сестрѣ, — вотъ нынче-то онъ насъ посмѣшитъ! И схвативъ сестру подъ руку, Софи стала ходить съ нею взадъ и впередъ по комнатѣ, шепча ей что-то на ухо и безпрестанно посмѣиваясь.

Анна Федоровна принялась опять за свою работу и сидѣла молча съ своею неизмѣнною улыбкой на губахъ. Марья Петровна было какъ-то неловко; чтобы скрыть свое замѣшательство, она поворотилась нѣсколько къ окну и, казалось, внимательно разсматривала трубу противоположнаго дома. Въ домѣ сдѣлалось очень тихо, и слышно было только шуршаніе бумаги въ кабинетѣ Матѣя Васильевича, куда онъ давно уже ушелъ.

Время до вечера тянулось для Марьи Петровны очень долго и очень скучно. Часу въ девятомъ пріѣхали какія-то двѣ пожилыя дамы, и Анна Федоровна услась съ ними въ гостиной; дѣвицы же остались въ залѣ. Сестры были очень любезны между собою и почти не обращали вниманія на Марью Пе-

тровну. Онѣ, казалось, были чѣмъ-то сильно встревожены и безпрестанно спрашивали другъ друга: «что жь это онѣ?» Наконецъ въ передней раздался громкій вопросъ: «дома?» и вслѣдъ затѣмъ раздался звонъ шпоръ и бряцанье сабли.

— Это Тюменевъ! воскликнули въ одно слово объ сестры.

Въ залъ вошелъ гвардейскій офицеръ, очень красивой наружности, но съ какимъ-то глупо-самодовольнымъ выраженіемъ лица. Обѣ сестры встрѣтили его однимъ вопросомъ:

— Что такъ поздно?

— Чтѣ жь дѣлать! сейчасъ только вырвался изъ-подъ ареста, и такъ какъ я знаю, что вы безъ меня скучаете, то ту жь минуту и отправился сюда.

— Безъ васъ скучають! повторила Софья съ кокетливою улыбкой:—какая самонадѣянность!

— Ахъ, да! вы ужасно самонадѣянны, М-г Тюменевъ, повторила Анета.

Тюменевъ самодовольно улыбнулся и въ сопровожденіи обѣихъ дѣвиць пошелъ въ гостиную.

— Пойдти пожелать добраго вечера добрѣйшему папашѣ и добрѣйшей мамашѣ, сказалъ онъ.

— Маменька! пожалѣйте М-г Тюменева, сказала Софья Матвѣвна:—онъ опять былъ подъ арестомъ.

— Ахъ, пожалѣйте! умоляла Анна Матвѣвна.

— Опять что-нибудь напроказилъ? снисходительно спросила Анна Федоровна.

— Какое! Такъ, пошумѣлъ немного въ ресторанѣ, отдѣлалъ одного господчика.

— Вотъ видите! Какъ же можно такъ буяннить? тѣмъ же снисходительнымъ тономъ замѣтила Анна Федоровна.

— Но теперъ все кончено! я опять свободенъ! воскликнулъ Тюменевъ, ловко повернулся на каблучкахъ и подаль руки Софѣ и Анетѣ.—Chantons, dansons, jouons! продекламировалъ онъ, отправляясь съ ними опять въ залъ.

Софья наклонилась къ нему и что-то тихо сказала.

— А-а-а! произнесъ онъ, съ любопытствомъ поглядывая на Марью Петровну:—с'est charmant!

— Какъ вамъ нравится Петербургъ? спросилъ онъ ее очень развязно, развалившись возлѣ нея на стулѣ.—Я думаю, онъ вамъ показался какимъ-нибудь чудомъ въ сравненіи съ вашимъ городишкомъ?

— М-г Тюменевъ самъ вѣдъ жилъ нѣсколько времени въ

провинція, поспѣшно замѣтила Софья Матвѣвна:—и какія чудеса онъ разказываетъ! Правда ли, напримѣръ, что у васъ часто разстраиваются балы, потому что никто не хочетъ прѣхать первый? Хозяева ждутъ, ждутъ, зала постоитъ освѣщенная, да тѣмъ и кончится.

— Не знаю, отвѣчала Марья Петровна нехотя, — я очень мало выѣзжала; впрочемъ мнѣ не случилось этого замѣтить.

— А что онъ разказываетъ про вашихъ дѣвицъ, просто ужасъ! Вообразите, онъ увѣряетъ, что онъ ничего не говорятъ кромѣ: «да-съ!» и «нѣтъ-съ!» что всѣ онъ бѣлятся, румянятся и чернятъ брови, и она съ улыбкой переглянулась съ Тюменевымъ.

— Всѣ безъ исключенія, подхватилъ Тюменевъ,—могу васъ увѣрить, не только чернятъ, а еще выщипываютъ ихъ, если онъ имъ не нравятся, а сверху рисуютъ другія, по своему вкусу. А какъ танцуютъ—это просто умора! Вотъ посмотрите!

И Тюменевъ всталъ, каррикатурно взявъ себя за фалды сюртука и началъ выдѣлывать ногами какія-то небывалыя пѣ. Сестры заливались громкимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ! говоря безъ шутокъ, я люблю провинціальныхъ барышень, сказала Тюменевъ, съ притворнымъ добродушіемъ:—въ нихъ столько наивной чувствительности. Я много написалъ имъ стишковъ въ альбомы. У васъ вѣрно тоже есть альбомъ? отнесите онъ къ Марьѣ Петровнѣ: — хотите, я вамъ напишу что-нибудь на память?

Марья Петровна осмотрѣла его съ удивленіемъ и, не желая долѣе слушать этихъ милыхъ выходокъ, отошла въ сторону и начала машинально перебирать ноты, лежавшія на фортепьяно. Поговоривши нѣсколько минутъ вполголоса съ дѣвицами, Тюменевъ всталъ и подошелъ къ ней.

— Вы вѣрно очень любите музыку? спросилъ онъ:—позвольте васъ попросить что-нибудь сыграть.

— Я не играю, холодно отвѣчала Марья Петровна.

— Странно! насмѣшливо произнесъ Тюменевъ:—вы сейчасъ старались показать, что знаете музыку, а когда васъ просятъ, вы отказываетесь играть.

Марья Петровна снова съ изумленіемъ посмотрѣла на Тюменева: этого она ужъ и не ожидала.

— Марья Петровна любитъ, чтобъ ее просили, замѣтила Софья Матвѣвна,—безъ этого она не станетъ играть.

— Ахъ, Боже мой! я готовъ; но что же нужно для этого сдѣлать? не стать ли на колѣни? скажите.

Марья Петровна ничего не отвѣчала и вышла въ гостиную. Тюменевъ соорилъ ей вслѣдъ гримасу; сестры расхохотались. Марья Петровна услышала этотъ смѣхъ, кровь бросилась ей въ голову, и невольныя слезы выступили на глазахъ. «Боже мой! куда жъ это я попала?» подумала она. Анна Федоровна замѣтила разстроенное лицо племянницы и, вѣрно, поняла причину, потому что сейчасъ же позвала Тюменева.

— Ступайте! вотъ вамъ достанется отъ маменьки, сказала Софи.

— A l'instant, madame! крикнулъ Тюменевъ и ловко влетѣлъ въ гостиную.

— Какъ это вамъ не стыдно, М-г Тюменевъ! сказала Анна Федоровна, полушутя, полусерьезно:—это вѣрно вы обидѣли чѣмъ-нибудь *нашу провинціалку*.

— Божусь вамъ, нѣтъ! отвѣчалъ Тюменевъ:—а если и обидѣлъ, то рѣшительно безъ намѣренія, развѣ какимъ-нибудь несоблюденіемъ провинціальныхъ обычаевъ, но почему же мнѣ ихъ знать?

— Полноте! я васъ знаю! сказала Анна Федоровна, ласково погрозя ему пальцемъ.

Тюменевъ самодовольно покрутилъ усы и вышелъ опять въ залъ.

— Sophie! кликнула Анна Федоровна, — allez, ma chère, amenez la ici, et ne faites pas de sottises: ce n'est pas bien!

Анна Федоровна при гостяхъ говорила съ дочерьми всегда по-французски. Софи съ недовольнымъ видомъ пошла отыскивать Марью Петровну. Она нашла ее въ отведенной ей комнатѣ. Слезы душили бѣдную дѣвушку, но она старалась удерживать ихъ. Ей не хотѣлось показать, что грубыя выходки Тюменева и участіе въ нихъ ея кузинъ огорчили ее. Ей было досадно и на самое себя и на своихъ родныхъ. Она не могла понять, зачѣмъ они пригласили ее къ себѣ. Первый день, проведенный въ ихъ домѣ, уже достаточно показалъ ей, какая жизнь ожидала ее. Она видѣла уже передъ собою длинный рядъ послѣдующихъ дней, наполненныхъ тѣми же мелкими оскорбленіями и неприятностями. А она вѣхала къ этимъ роднымъ съ такимъ открытымъ сердцемъ, съ такимъ желаніемъ сблизиться...

— Надѣюсь, вы не сердитесь? сказала Софи, вошедши въ

комнату:—вы, конечно, не понимаете, что съ вами шутили? Тюменевъ извѣстный шалунъ: на него никто не сердится.

— Выходки г-на Тюменева были такъ глупы и грубы, что за нихъ конечно не стѣбитъ сердиться.

Софья Матвѣвна вспыхнула.

— Ну, и прекрасно! Въ такомъ случаѣ вы выйдете опять?..

— Нѣтъ, потому что все-таки не желаю слушать такихъ милыхъ шутокъ.

— Какъ вамъ угодно, холодно сказала Софья Матвѣвна и вышла.

Марья Петровна принялась раскладывать свои вещи и прибирать отведенную ей комнату, если только можно назвать комнатою небольшое пространство, съ половиною окна, отгороженное деревянною перегородкой отъ комнаты ея кузинъ. Она усердно начала хлопотать какъ бы поудобнѣе устроиться въ этомъ неудобномъ помѣщеніи. Марья Петровна хотѣлось чѣмъ-нибудь развлечься и отогнать непріятныя мысли. Она знала, что если будетъ думать, то непременно расплачется, а ей не хотѣлось, чтобъ ея родные видѣли эти слезы. Марья Петровна ждала ночи; тогда она на свободѣ могла предаться своимъ мыслямъ, обсудить свое положеніе и вволю заплакаться.

VI.

Съ тяжелою головою и опухшими отъ слезъ глазами проснулась на другой день Марья Петровна. Она оглянулась кругомъ, вспомнила, гдѣ она, и всѣ непріятности вчерашняго дня разомъ представились въ ея воображеніи; сердце ея болѣзненно жалось. Не дай Богъ никому проснуться подобнымъ образомъ, а между тѣмъ, кто не испыталъ этого тяжелаго перехода отъ пріятныхъ грезъ къ слишкомъ непріятной иногда дѣйствительности? Вошла Дарья и доложила, что барышню давно уже ожидаютъ къ чаю. Марья Петровна встала, поспѣшно одѣлась, стараясь изгладить на лицѣ своемъ слѣды слезъ, и вошла въ залъ, гдѣ уже собралось вокругъ чайнаго стола все семейство ея дяди. Анна Федоровна сама разливала чай. Она молча и холодно отвѣчала на поклонъ племянницы, ея дочери чуть кивнули ей головою и продолжали разговаривать между собою. Одишь только Матвей Васильевичъ сдѣлалъ ей привѣтствіе.

— Чтѣ? заспались послѣ дороги? Я думаю, вы все еще не совсѣмъ отдохнули, сказалъ онъ и снова принялся читать газету и прихлебывать чай изъ стакана.

Марья Петровна сѣла на оставленное ей мѣсто и молча стала пить холодный чай.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить, начала Анна Федоровна, обращаясь къ племянницѣ, когда та допила свою чашку. — Я никакъ не думала, что мнѣ придется такъ скоро сдѣлать вамъ можетъ-быть неприятное для васъ замѣчаніе. Въ порядочномъ обществѣ не поступаютъ такъ, какъ поступили вчера вы: при постороннихъ убѣжали, расплакались!.. Помилуйте! на чтѣ это похоже?

— Но я не могла остаться; я подала бы этимъ г. Тюменеву поводъ къ новымъ... неучтивостямъ.

— Къ какимъ же это неучтивостямъ? Поступили неучтиво вы, а не онъ.

— Если вамъ такъ передали, то мнѣ нечего говорить.

— Марья Петровна хочетъ сказать, что я вамъ нагала на нее, сказала Софья Матвѣвна, вся вспыхнувъ.

— Я вовсе не хотѣла сказать это, потому что и не знала, кто говорилъ объ этомъ Аннѣ Федоровнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Анна Федоровна! вмѣшался Матвѣй Васильевичъ, до этого времени молчавшій и дѣлавшій видъ, что занятъ чтеніемъ: — Тюменевъ началъ позволять ужъ слишкомъ многое...

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Анна Федоровна:— не хотите ли ужъ вы отказать Тюменеву отъ дому, потому что онъ не понравился Марьѣ Петровнѣ?

— Съ тобой рѣшительно нельзя говорить, сказалъ съ досадою Матвѣй Васильевичъ, — ты тотчасъ начнешь придираться. Васька! закричалъ онъ, подай мнѣ одѣться. И онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Я должна предупредить васъ, начала опять Анна Федоровна послѣ минутнаго молчанія:— вамъ придется часто плакать, если вы будете обижаться всякою шуткой.

— То, чтѣ говорилъ Тюменевъ, очень мало походило на шутку; притомъ я не думаю, чтобы было прилично позволять себѣ шутки съ женщиной, которую видятъ въ первый разъ.

— Вы еще не были въ порядочномъ обществѣ, и потому не можете знать, чтѣ прилично и чтѣ нѣтъ; во всякомъ случаѣ я прошу васъ сообразоваться съ тѣми приличіями, которыя

приняты адѣсь, а свои провинціальныя позабыть, проговорила Анна Федоровна величественно, вставая изъ-за стола.

Почти все утро Анна Федоровна, въ видѣ назиданія своимъ дочерямъ, рассуждала о томъ, какъ много теряетъ дѣвица, не умѣющая себя вести въ порядочномъ обществѣ, и какъ глупо, ничего не зная и ничего не знача — послѣднія слова она произнесла съ особеннымъ удареніемъ, — воображать себя умнѣе людей, хорошо воспитанныхъ и привыкшихъ жить въ лучшемъ кругу. Марья Петровна сидѣла поодаль съ книгою, которую привезла съ собою, и притворялась, что ничего не слышитъ. Анна Федоровна начала-было развивать свои сужденія съ большею ясностью, но была прервана на самомъ интересномъ мѣстѣ вбѣжавшею въ комнату Дарьей.

— Агнія Артамоновна пріѣхали, проговорила она торопливо и скрылась.

Всѣ встрепенулись, засуетились. Софья Матвѣвна и Анна Матвѣвна побѣжали въ переднюю, гдѣ скоро раздалось ихъ радостныя восклицанія. Анна Федоровна торопливо встала съ своего обычнаго мѣста на диванѣ и пошла на встрѣчу входившей въ гостиную дѣвушкѣ лѣтъ двадцати, которую съ обѣихъ сторонъ сопровождали Софья и Анна Матвѣвны, умильно глядя ей въ глаза. Это была высокая, стройная блондинка, богато и щегольски одѣтая.

— Я къ вамъ заѣхала на минуту съ просьбою, сказала она, подавая руку Аннѣ Федоровнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то глазами кланяясь Марьѣ Петровнѣ: — татап не здорова...

— Ахъ, Боже мой! прервали ее всѣ въ одинъ голосъ:—что съ нею?

— Должно быть мигрень, голова что-то болитъ... и я пріѣхала васъ просить поѣхать сегодня со мною въ театръ... И не слушая Анну Федоровну, которая изъясняла свое совершенное удовольствіе, она обратилась къ Софьѣ Матвѣвнѣ и тихо спросила: *qui est cette jolie personne?*

— Это наша дальняя родственница изъ провинціи, отвѣчала та не охотно.

— Что жъ это я не вижу Матвѣя Васильича?.. Ахъ, да! я вѣчно забываю, что онъ все утро сидитъ въ своемъ департаментѣ... *Ma chère*, обратилась она къ Софьѣ Матвѣвнѣ,—принесите мнѣ пожалуйста папирсъ: я позабыла взять съ собою.

Обѣ сестры бросились вонъ изъ комнаты.

— Sophie! Annette! закричала имъ вслѣдъ Анна Федоровна... dans la corbeille rose: ce sont des meilleurs.

Софья Матвѣвна воротилась черезъ минуту съ ящикомъ папиросъ и зажженною свѣчей. Агнія Артамоновна зажгла папироску, встала и пошла въ залъ; Анна Федоровна съ дочерью послѣдовала за нею. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по залу, Агнія Артамоновна остановилась и обвела глазами комнату. Ея свита сдѣлала то же.

— Никакъ не могу понять, какая у васъ перемена, сказала она, снова окинувъ глазами комнату.

— Ахъ, вы не замѣтили? заговорили всѣ въ одинъ голосъ:— папа оклеилъ комнаты новыми обоями.

— На свой счетъ, говорила между тѣмъ Анна Федоровна.

— Очень мило! проговорила протяжно Агнія Артамоновна, пуская изо рта дымъ, и въ сопровожденіи хозяевъ вошла опять въ гостиную.

— Однако мнѣ пора! сказала она, взглянувъ на часы, висѣвшіе у нея на поясѣ, и бросая папироску въ пепельницу.

Анна Федоровна и ея дочери отправились провожать ее въ переднюю.

— Итакъ нынче въ семь часовъ я васъ жду, сказала Агнія Артамоновна, застегивая самопъ, который накинута на нее лакей въ богатой ливреѣ, и подавая еще разъ руку Аннѣ Федоровнѣ.

— Непременно, непременно! отвѣчала послѣдняя.

— Какъ мила эта Агнеса! воскликнула Анна Федоровна въ какомъ-то раздумьи, воротившись въ гостиную: — quelles mères!

— Вы однѣ поѣдете, маменька? спросила Софья Матвѣвна.

— Я не знаю, Софи, вѣдь она васъ не приглашала; я думаю, неловко будетъ взять васъ съ собою.

Софья Матвѣвна надулась.

— Вотъ что я думаю сдѣлать, сказала Анна Федоровна:— я поѣду сначала одна, а вы между тѣмъ одѣньтесь и будьте готовы; если Агнеса спроситъ о васъ, то тутъ не далеко, и вы приѣдете.

Всѣ остались довольны, и дѣвицы пошли готовить себѣ платья.

Это новое лицо очень заинтересовало Марью Петровну. Ее занимали и отношенія ея родныхъ къ Агнѣ Артамоновнѣ и сама Агнія Артамоновна. «Она очень хороша, дулада Марья

Петровна; но какія у нея странныя, рѣзкія манеры... между тѣмъ онѣ къ ней идутъ: видно, что онѣ не заучены, а ея природныя... у нея должно-быть такой и характеръ. Какъ небрежно она обращается со всѣми, а тетка и всѣ такъ ухаживаютъ за нею... Можетъ-быть онѣ дѣлаютъ это изъ благодарности, можетъ-быть онѣ тѣмъ-нибудь ей обязаны, но въ такомъ случаѣ она должна бы обходиться съ ними еще любезнѣе, еще ласковѣе, чтобы ничѣмъ не напомнить имъ, что онѣ одолжены ей... Неужели онѣ преклоняются передъ ея богатствомъ?..» Марья Петровна слышала уже объ Агніи Артамоновнѣ; въ семействѣ ея дяди безпрестанно говорили о ней, особенно при постороннихъ. Они называли ее за глаза Агнесой, и вообще, по ихъ разказамъ, можно было подумать, что они находятся съ нею и съ ея семействомъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ; между тѣмъ то, что замѣтила Марья Петровна въ короткій визитъ Агніи Артамоновны, нисколько не подтверждало этого. Эту-то странность Марья Петровна и хотѣла себѣ уяснить. Въ тотъ же вечеръ ей удалось узнать кое-что, потому что дѣвицы, прождавъ понапрасну совершенно одѣтыя, остались дома. Забывши, какъ онѣ восхищались утромъ своею Агнесой и ухаживали за нею, онѣ въ негодованіи своемъ наперерывъ придавали ей самые невыгодные эпитеты; перебрали даже ея родныхъ и чуть не всю ея жизнь. Вотъ что могла извлечь Марья Петровна изъ всего этого: Агнія Артамоновна была единственная дочь Артамона Ильича и Лизаветы Михайловны Луцкихъ. Артамонъ Ильичъ служилъ сначала въ какомъ-то губернскомъ городѣ, но женившись на богатой купчихѣ, оставилъ службу и занялся откупамъ. На этомъ новомъ поприщѣ ему очень и очень повезло; онъ разбогатѣлъ въ короткое время, умѣлъ вовремя остановиться и переселился въ Петербургъ для воспитанія дочери. Агнія Артамоновна училась дома; къ ней были приглашены лучшіе учителя столицы. Впрочемъ она училась только тому, что ей нравилось, и ни во что ставила своихъ гувернантокъ, которыхъ мѣняла безпрестанно. Съ самаго дѣтства она была маленькимъ деспотомъ въ домѣ; все дѣлалось по ея волѣ; всѣ окружающіе ловили каждое ея слово, каждый взглядъ, стараясь предупредить ея желанія. По словамъ Софьи Матвѣвны, Агнія Артамоновна была страшно надута своимъ богатствомъ, не уважала никого и всѣмъ говорила что придетъ ей въ голову. Луцкіе приходились какими-то родственниками

Терскимъ, но какъ именно — этого они и сами не знали, еще менѣе объ этомъ знали Луцкіе.

Все это объяснило наконецъ Марьѣ Петровнѣ отношенія этихъ двухъ семей и показало еще одну невыгодную сторону характера ея родныхъ. Итакъ Терскіе вовсе не были расположены къ Луцкимъ, а заносились въ нихъ, набивались къ нимъ въ родню только изъ того, чтобъ имѣть возможность похвастаться передъ своими знакомыми родствомъ съ такими богатыми людьми. «Какое жалкое тщеславіе! Неужели все на свѣтѣ дѣлается изъ разчетовъ и даже между родными нельзя найти истинно-безкорыстнаго чувства?» съ грустнымъ удивленіемъ говорила себѣ Марья Петровна.

VII.

Время шло, а положеніе Марьи Петровны въ домѣ ея родныхъ становилось все невыносимѣе. Кузины ея явно удалялись отъ нея и почти не говорили съ нею, за то онѣ сдѣлались неразлучны между собою, хотя до этого времени и не были дружны. Дядя и тетка почти не обращали на нее вниманія, или скорѣе показывали, что не обращаютъ вниманія, потому что въ сущности много ею занимались, и Анна Ѳедоровна не упускала никогда случая сдѣлать вскользь какое-нибудь колкое замѣчаніе на ея счетъ или осмѣять ея провинціальныя привычки. «Матвѣй Васильичъ! посоветуй своей племянницѣ поменьше сидѣть у окна, она все забываетъ, что здѣсь не провинція;» или: «Какой величественный видъ у Марьи Петровны! и не подумаешь, что она не болѣе, какъ дочь армейскаго поручика.» Если же они и начинали съ нею разговоръ—что случалось впрочемъ очень рѣдко,—то вообще старались показать, что затрудняются въ выборѣ предметовъ, доступныхъ ея понятію. Все это только забавляло бы Марью Петровну при другихъ обстоятельствахъ, и еслибы этимъ только дѣло и ограничивалось; но ея гордая холодность, которою она отвѣчала на всѣ насмѣшки, все болѣе и болѣе раздражала ея родныхъ и обращала ихъ недоброжелательство въ совершенную ненависть, особенно со стороны Анны Ѳедоровны: такъ по крайней мѣрѣ казалось Марьѣ Петровнѣ. Озлобленная притворнымъ равнодушіемъ своей родственницы, Анна Ѳедоровна начала преслѣдовать ее ежеминутно. Каждый поступокъ, каждый шагъ Марья

Петровны бывалъ разсматриваемъ ею, судимъ и осуждаемъ непремѣнно. Каждое благородное движеніе души, каждое слово, сказанное отъ сердца, подвергалось язвительному разбору. По мнѣнію Анны Федоровны, дѣвушка, принадлежащая къ порядочному обществу, не должна выказывать свои чувства или удивляться чему бы то ни было, какъ крестьянка. Марья Петровна любила хорошо одѣваться, и когда она покупала какую-нибудь вещь для своего небогатаго гардероба, Анна Федоровна тотчасъ же начинала читать проповѣдь, обращаясь впрочемъ къ своимъ дочерямъ (этимъ она отнимала у Марьи Петровны возможность возражать ей), о томъ, какъ гадко видѣть въ молодой дѣвушкѣ наклонность къ кокетству; что женщина, желающая нравиться и плѣнять собою, возбуждаетъ къ себѣ только презрѣніе, и что если ею и занимаются молодые люди, то такъ только, на смѣхъ или отъ скуки. Она начинала яркими красками рисовать судьбу такой женщины. Она очень живо представляла, какъ эта женщина, наконецъ всѣми оставленная, заклеянная общимъ презрѣніемъ, гибнетъ окончательно. Она благодарила Бога, надѣлившаго ее такою нравственною чистотой, что она можетъ быть примѣромъ для своихъ дочерей. Анна Федоровна всегда поставляла себѣ въ большую заслугу передъ Небомъ, что никогда не любила и даже къ мужу своему чувствовала только дружбу.

Марья Петровна напрасно ломала себѣ голову, стараясь понять, зачѣмъ родные вызвали ее къ себѣ. Впрочемъ она не долго была въ недоумѣніи. Анна Федоровна скоро начала говорить стороною о безсовѣстности тѣхъ людей, которые не стыдятся ѣсть чужой хлѣбъ, не желая ничѣмъ отплатить за него, и разъ какъ-то разказала о какой-то родственницѣ своей знакомой, которая бесплатно учить дѣтей этой дамы за одно содержаніе. Марья Петровна поняла наконецъ, чего отъ нея хотѣли, и съ радостію ухватилась за эту мысль. Это было единственнымъ средствомъ избавиться отъ тяжелой необходимости считать себя обязанною роднымъ за свое содержаніе. Она поспѣшила предложить свои услуги. Анна Федоровна притворилась, что не ожидала этого, и заставила еще просить себя. Она спрашивала, считаетъ ли себя Марья Петровна способною и достаточно свѣдущею для этого, и наважничавшись вдоволь, какъ бы нехотя согласилась. Съ жаромъ принялась Марья Петровна за свое новое занятіе, надѣясь найти въ немъ средство противъ одолавшей ее скуки, но она горько ошиблась: то, въ чемъ

думала она найти развлеченіе, сдѣлалось для нея источникомъ новыхъ огорченій. Дѣти, въ особенности мальчикъ, оказались тупы до невѣроятности; а между тѣмъ въ нихъ неуспѣхахъ обвиняли ее же. Анна Федоровна нѣсколько разъ просила даже оставить занятія, говоря, что Марья Петровна напрасно утруждаетъ и себя и дѣтей; что если она не чувствуетъ себя способною или не хочетъ заняться, какъ слѣдуетъ, то лучше уже совсѣмъ бросить, потому что это бесполезная трата времени, и имъ гораздо выгоднѣе нанять гувернантку, которая хотя и потребуетъ платы, но за то и стараться будетъ больше. Марья Петровна надѣли до крайности всѣ эти комедіи, она хотѣла было отказаться, но, вспомнивъ, что въ такомъ случаѣ потеряетъ единственное средство отплатить своимъ роднымъ за ихъ гостепріимство, поспѣшила поправиться и обѣщала употребить всѣ усилія, чтобы добиться хоть какого-нибудь успѣха. Надобно сказать правду, дядя ея не участвовалъ въ этихъ гоненіяхъ, но ничего не дѣлалъ и въ защиту ея. Разъ онъ рѣшился было замѣтить женѣ, что не мѣшало бы ей дѣлать замѣчанія племянницѣ поласковѣ, но Анна Федоровна не дала ему договорить и сдѣлала ему такую сцену, что онъ поспѣшилъ отступить и ужъ болѣе не вмѣшивался въ это. Матвѣй Васильевичъ былъ человекъ добрый, но разчетливость, которая была доводима имъ до крайности, почти всегда подавляла въ немъ добрыя побужденія. Онъ не прочь былъ сдѣлать при случаѣ добро ближнему, если только для этого не нужно было ничѣмъ жертвовать, а еще лучше, если изъ этого добраго дѣла можно было извлечь и для себя какую-нибудь существенную пользу. Такъ, онъ просто-душно былъ убѣжденъ, что дѣлаетъ большое одолженіе своей племянницѣ, вызвавъ ее къ себѣ и навязавши ей своихъ дѣтей. Для нея будетъ очень полезно увидѣть свѣтъ, пожить нѣсколько времени въ хорошемъ обществѣ. Не заглохнуть же ей въ глуши! А между тѣмъ содержаніе ея окупится съ избыткомъ ея занятіями съ дѣтьми. Въ домашней жизни эта разчетливость доходила до мелочности. Употребить хоть копѣйку безъ существенной надобности Матвѣй Васильевичъ считалъ преступленіемъ, и если ему случалось сдѣлать такой промахъ, онъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока ему не удавалось воротить эти деньги на чемъ-нибудь другомъ. Разъ ему случилось разбить стлянку съ лѣкарствомъ. Сильно огорчило это Матвѣя Васильевича, но онъ тотчасъ же догадался, чѣмъ покрыть этотъ непредвидѣнный убытокъ, и въ продолженіи цѣлой недѣли, несмотря на сильное

желаніе, не выкурилъ ни одной сигары. Но были случаи, когда онъ отступалъ отъ своихъ правилъ и тратилъ деньги безъ особенной надобности: это бывало по требованію жены; но тутъ онъ утѣшался тѣмъ, что сохраняетъ спокойствіе въ домѣ, которое безъ того нарушилось бы непременно. И если Матвѣй Васильевичъ рѣшался, для сохраненія домашняго спокойствія, отступать отъ своего денежнаго разчета, который всегда стоялъ на первомъ планѣ въ его жизни, то отдать для этого въ жертву женѣ племянницу было ему вовсе не трудно, тѣмъ болѣе, что онъ возставалъ противъ дурнаго обращенія съ Марьей Петровной только потому, что это оскорбляло его, такъ какъ она была его родственница, но онъ вовсе не думалъ, чтобы колкости и грубые намеки Анны Федоровны могли сильно огорчать Марью Петровну.

VIII.

Марья Петровна выѣзжала очень рѣдко, да и то только въ два дома: къ Шедринымъ и Луцкимъ. Прочіе знакомые Терскихъ, предупрежденные, что это была бѣдная родственница, занимавшая должность гувернантки, не обращали на нее вниманія или обращались съ нею съ какимъ-то покровительственнымъ видомъ, считая нужнымъ подражать въ этомъ ея роднымъ. Поэтому Марья Петровна, несмотря на всѣ намеки Анны Федоровны на неумѣстную въ ея положеніи гордость, всегда отказывалась отъ ихъ приглашеній пріѣхать къ нимъ съ дѣтьми. Къ Шедринымъ она тоже стала ѣздить очень рѣдко.

Шедрины жили очень скромно. Мужъ Катерины Матвѣевны получалъ хорошее жалованье, но занималъ утомительную должность, которую исполнялъ, надо отдать ему справедливость, съ рѣдкою добросовѣстностію. Служба поглащала всѣ мысли Михаила Семеновича; внѣ ея, для него, казалось, не существовало интересовъ. Вотъ какъ Шедрины проводили время: Михаилъ Семеновичъ отправлялся на службу, когда жена его еще покоилась сномъ. Приходилъ онъ только къ обѣду. Здѣсь супруги видѣлись въ первый разъ въ день и сообщали другъ другу, что случилось съ ними въ разлукѣ. Онъ передавалъ ей свои служебныя новости, она разказывала ему сонъ, который видѣла въ ту ночь. Послѣ обѣда онъ отправлялся опять къ должности,

а она занималась съ дѣтьми. Главная цѣль этихъ занятій, по внушенію Анны Ѳедоровны, состояла въ томъ, чтобы привить дѣтямъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ тонъ и манеры высшаго общества. Поэтому имъ не позволялось даже играть такъ, какъ бы они хотѣли, но непременно такъ, какъ, по предположенію ихъ родителей, играютъ дѣти аристократовъ. И была бы совершенно счастлива Катерина Матвѣвна—она какъ будто была создана для тихой семейной жизни,—но Анна Ѳедоровна, во что бы то ни стало, хотѣла, чтобы дочь ея была свѣтскою дамой. Поэтому Катерина Матвѣвна должна была часто выѣзжать, принимать у себя, что было настоящимъ мученіемъ для бѣдной женщины. Еще таки, если пріѣзжало двое, трое, она кое-какъ справлялась, но когда собиралось больше, непривыкшая къ обществу и замуштрованная матерью, которая оговаривала каждое ея движеніе, а между тѣмъ и сама не знала какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, бѣдная Катерина Матвѣвна совершенно терялась и не знала, что говорить и какъ занять своихъ гостей; и въ гостиной ея всегда царствовала страшная скука. Сначала добрая Катерина Матвѣвна очень ласково приняла Марью Петровну, но мать скоро остановила ее.

— Помилуй, та сѣге, что это ты такъ фамилярно обращаешься съ Каринской!

— Но вѣдь она намъ родственница, маман?

— Что жъ, что родственница? все-таки не слѣдуетъ позволять ей забывать разстояніе, которое васъ раздѣляетъ.

Михаилъ Семеновичъ очень уважалъ свою тещу за ея умѣнье жить въ свѣтѣ и всегда признавалъ въ этомъ дѣлѣ ея авторитетъ, а потому тотчасъ же согласился съ нею.

— Конечно, прибавилъ онъ,—не слѣдовало бы гордиться своими преимуществами передъ другими, но что же дѣлать? у насъ нельзя иначе поступать. У насъ никто не пойметъ, что если человѣкъ не требуетъ къ себѣ почтенія, такъ это вовсе не потому, чтобъ не имѣлъ на это права. За примѣрами не далеко ходить. Когда я былъ переведенъ на это мѣсто, я надѣясь найти въ своихъ подчиненныхъ людей образованныхъ, обошелся съ ними не только снисходительно, но даже ласково, пригласилъ даже нѣкоторыхъ бывать у себя запросто, и что же вы думаете, умѣли они оцѣнить это? нисколько. Передъ тѣми начальниками, которые на нихъ кричали, они вскакивали, вытягивались, а со мною только любезно раскланивались, вступали въ разговоръ, когда ихъ не спрашивали и т. п. При-

знаюсъ, мнѣ было это больно! и они заставили меня напомнить имъ, и напомнить довольно жестко, что я ихъ начальникъ.

Послѣ этого разговора, посовѣтовавшись предварительно, какъ имъ поступать, чтобы вразумить Марью Петровну, какъ она должна держать себя въ отношеніи къ нимъ, Шедрины совершенно измѣнили свое обращеніе съ нею. Они стали приглашать ее къ себѣ только тогда, когда у нихъ никого не было; если же случилось, что при ней кто-нибудь пріѣзжалъ, то они оставляли ее въ другой комнатѣ, а сами выходили къ гостямъ. Часто они пеняли ей, что она рѣдко у нихъ бываетъ, а когда она приходила, они извинялись, что не могутъ ею заняться, и уходили гулять, прося ее подождать ихъ и посидѣть съ дѣтьми. Марья Петровна сначала удивилась этой внезапной перемѣнѣ, но скоро поняла, въ чемъ дѣло, и съ своей стороны измѣнила свое обращеніе съ Шедриными, постоянно уравнивая свой тонъ съ ихъ пріемомъ. Наконецъ это ей надоѣло, и она почти перестала бывать у нихъ. Одна только Агнія Артамоновна не слѣдовала примѣру прочихъ знакомыхъ Терскихъ въ отношеніи Марьи Петровны. Гордая своимъ богатствомъ и красотой, она считала, что и Терскіе и Марья Петровна одинаково ничтожны передъ нею, и, притворяясь, что не замѣчаетъ, какую роль играла Марья Петровна въ домѣ своихъ родныхъ, обращалась съ нею и съ дѣвками совершенно одинаково. Такъ было сначала; но когда она замѣтила, что Марья Петровна не только не заискивала въ ней, подобно своимъ роднымъ, но даже избѣгала ея, сколько позволяла вѣжливость, это понравилось капризной дѣвушкѣ, и она сама стала искать случая сблизиться съ Марьею Петровной. Это удалось ей наконецъ. Терскіе давали вечеръ по случаю дня рожденія Софьи Матвѣевны. На этомъ вечерѣ было много гостей, были и Луцкіе. Анна Федоровна, любившая похвастаться талантами своихъ дочерей передъ своими знакомыми, заставила ихъ играть на фортепьяно и пѣть. Марья Петровна тоже играла по просьбѣ Луцкой. Она ужъ не конфузилась, какъ прежде. Ея робость, происходившая отъ того, что она, подобно всѣмъ провинціалкамъ, ужъ слишкомъ высоко ставила въ своемъ мнѣніи всѣхъ столичныхъ жителей, прошла, какъ скоро она разглядѣла ихъ. Агнія Артамоновна стояла за ея стуломъ и внимательно слушала; другіе гости сначала отошли было въ сторону и занялись разговорами, думая, что не стѣбитъ слушать гвернантку, но, видя вниманіе къ ней Луцкой, тоже подошли къ фортепьяно.

— Благодарю васъ, сказала Луцкая, пожимая руку Марьѣ Петровнѣ, когда та кончила:—вы доставили мнѣ много удовольствія: у васъ большой талантъ.

— Вы очень добры.

— Говорить правду еще не значитъ имѣть доброе сердце. Я вамъ не льщу и сейчасъ докажу это: я хочу вамъ сдѣлать маленькое замѣчаніе. Въ вашей игрѣ много чувства, вы удачно умѣете выразить мысль композитора, но механизмъ у васъ мало развитъ: вы вѣрно рѣдко играете.

— Репертуаръ мой не великъ; новыхъ нотъ нѣтъ, а играть одно и то же скучно.

— Приѣзжайте пожалуста ко мнѣ, завтра же. У меня много нотъ, много прекрасныхъ этюдовъ; мы вмѣстѣ разыграемъ, и вы выберете, какія вамъ понравятся.

Марья Петровна поблагодарила и хотѣла чѣмъ-то отказать. Луцкая перебила ее:

— Послушайте! это не хорошо, что вы меня постоянно бѣгаете. Знаете, прибавила она улыбаясь, — что я могла бы этимъ обидѣться, еслибы не угадывала настоящей причины. *Il ne faut jamais pousser les choses au bout.* Вы ужь слишкомъ горды.—Это было сказано съ такою дружескою искренностію, что невозможно было обидѣться. Не дожидаясь отвѣта, Луцкая обратилась къ Терской:—Анна Федоровна! я пришлю завтра экипажъ за Марьею Петровной, уговорите ее пріѣхать ко мнѣ. Ну, пожалуста! отнеслась она опять къ Марьѣ Петровнѣ.

На другой день утромъ Марья Петровна отправилась къ Луцкимъ. Агнія Артамоновна вышла ей на встрѣчу, дружески ее поцѣловала и поблагодарила, что она исполнила ея просьбу. Она была съ нею такъ любезна и ласкова, что Марья Петровна не узнавала въ ней той издменной дѣвушки, которая такъ небрежно обращалась со всѣми. Старшіе Луцкіе, изъ угожденія дочерп, тоже, казалось, сбросили свою спѣсь и были внимательны и предупредительны. Марья Петровна никогда еще не была окружена такимъ искренно-дружескимъ вниманіемъ; никто не принималъ ея такъ радушно; она развеселилась, много говорила, смѣялась и совершенно обворожила Агнію Артамоновну. Прощаясь, Луцкая взяла съ нея слово видѣться какъ можно чаще. Марья Петровна была очень рада, что нашла домъ, гдѣ могла хоть нѣсколько часовъ въ недѣлю отдохнуть отъ постоянного принужденія, гдѣ могла говорить, не опасаясь, что каждое слово ея будетъ взвѣшено, разобрано и перетолковано

въ дурную сторону. Но эти немногія минуты спокойствія не обходились ей даромъ. Хотя родные ея и знали, что сближеніе ея съ Луцкой произошло не по ея желанію, что она не добивалась и не искала этого сближенія, однако это не помѣшало имъ вымещать на ней свою зависть. Анна Федоровна безпрестанно разсуждала при ней съ дочерьми о томъ, какъ бѣдные умѣютъ подбиться къ богатымъ, и что провинціалы вовсе не такъ просты, какъ о нихъ думаютъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи.

IX.

Луцкая хотѣла, чтобы Марья Петровна всюду выѣзжала съ нею, но та рѣшительно отказалась и сопровождала ее только въ оперу. Марья Петровна страстно любила театръ и музыку, но до сихъ поръ пользовалась этимъ удовольствіемъ очень рѣдко. Ее брали только поочередно съ младшими дѣтьми, и слѣдовательно ей приходилось бывать только одинъ разъ изъ трехъ, а ѣздили они не часто. За то, когда мать присылала ей денегъ, она почти всѣ употребляла на театръ. Она обыкновенно просила дядю взять ложу и предлагала всѣмъ ѣхать. Очень неприятно бывало это Аннѣ Федоровнѣ; отказать неловко, — да почему не доставить дѣтямъ случая быть лишній разъ въ театрѣ? — а согласиться тоже неприятно: когда они сами брали ложу, то обыкновенно сажали Марью Петровну назади, въ тѣни, а тутъ уже должно было дать ей первое мѣсто, — такъ требовалъ всегда щепетильный Матвѣй Васильевичъ, а отъ этого и безъ того некрасивыя дѣвицы Терскія совершенно затмѣвались блестящею красотой Марьи Петровны. Много лорнетовъ и биноклей направлялось тогда на ложу Терскихъ, и Анна Федоровна безпкойно вертѣлась на своемъ мѣстѣ, какъ-будто всѣ эти трубки были ружейными стволами, которые того и гляди выстрѣлятъ. По пріѣздѣ домой, она вымещала накипѣвшую въ душѣ ея злобу на Марью Петровну: она говорила, что едва не умерла отъ стыда за поведеніе своей племянницы, что она срамитъ ее своимъ кокетствомъ. . . Анна Федоровна всѣхъ хорошенькихъ женщинъ обвиняла въ кокетствѣ, а въ тѣхъ, съ которыми была знакома, подозрѣвала еще непозволительные виды на сердце своего мужа. Она была ревнива.

Анна Федоровна вышла за Матвѣя Васильевича потому, что

другихъ жениховъ не было, да и не предвидѣлось. Дочь темнеькаго генерала Нѣмца, дослужившагося до этого чина не талантами, а терпѣніемъ (такихъ генераловъ на Руси очень много), она думала, что дѣлаетъ большую честь бѣдному чиновнику и жертвуетъ даже чѣмъ-то, выходя за него замужъ. Поэтому она считала себя въ правѣ требовать отъ мужа безграничной преданности и покорности своимъ желаніямъ, и при малѣйшемъ отступленіи отъ своей воли напоминала ему о томъ, чѣмъ для него пожертвовала. Эти безпрестанные упреки и злой, несносно придиричивый характеръ жены очень поохладили въ Матвѣ Васильевичѣ первую любовь. Одинъ только разъ въ жизни онъ поступилъ безъ разчета—женившись на ней, и то ошибся. Анна Федоровна скоро замѣтила, что мужъ сдѣлался къ ней холоднѣе; она не подумала, что сама въ этомъ виновата, и въ подозрительномъ умѣ ея мелькнула мысль, что мужъ ей изменитъ; безумная ревность закипѣла въ душѣ ея: она стала ревновать его ко всѣмъ. Съ этихъ поръ семейная жизнь Матвѣя Васильевича, и безъ того не слишкомъ счастливая, обратилась въ настоящій адъ. Жена палила его съ утра до вечера и безпрестанно дѣлала ему сцены. Въ такихъ случаяхъ Матвѣй Васильевичъ обыкновенно уходилъ въ свой кабинетъ и заперался, но Анна Федоровна не легко оставляла свою жертву: она бѣжала за нимъ, стучала въ дверь, кричала; онъ сидѣлъ и молча ждалъ, когда утихнетъ буря. Тогда онъ выходилъ изъ своего заточенія и, дѣлая видъ какъ-будто между нимъ и женою ничего не произошло, заговаривалъ съ нею, шутилъ съ дѣтьми. Матвѣй Васильевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ миролюбивыхъ слабыхъ людей, которые не могутъ выносить мысли, что на нихъ сердятся, хотя и знаютъ, что они ни въ чемъ не виноваты. Анна Федоровна знала чѣмъ наказать мужа: она по цѣлымъ днямъ не говорила съ нимъ; дѣти всегда держали сторону матери и тоже дулись, ничего не отвѣчали отцу и нарочно весело болтали съ матерью. Матвѣй Васильевичъ глубоко страдалъ. Только послѣ всевозможныхъ уступокъ съ его стороны, Анна Федоровна рѣшалась даровать ему прощеніе. Конечно этимъ онъ только поощрялъ жену къ новымъ капризамъ, но у него не доставало ни твердости, ни силы бороться съ нею; онъ не думалъ о будущемъ и желалъ только чѣмъ-нибудь поскорѣе возстановить тишину въ настоящемъ. Когда пріѣхала къ нимъ его племянница, въ умѣ Анны Федоровны, не ожидавшей встрѣтить въ ней такую красивую дѣвушку, тотчасъ же мелькнуло подо-

зрѣніе; когда же она замѣтила, что мужу не нравится ея жестокое обращеніе съ Марьей Петровной, это подозрѣніе обратилось въ увѣренность. Доброму Матвѣю Васильевичу и въ голову не приходило, чтобы жена стала ревновать его къ племянницѣ, но она сама скоро открыла ему глаза.

Былъ ясный зимній день. Матвѣй Васильевичъ предложилъ женѣ идти гулять на Невскій.

— Ты, кажется, знаешь, что у меня нѣтъ ботинокъ, и шляпка прошлогодняя; не идти же мнѣ по городу шутихой въ старомодной шляпкѣ.

Матвѣй Васильевичъ, видя, что жена не въ духѣ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и занялся дѣлами. Черезъ нѣсколько минутъ къ нему пришла жена, совсѣмъ одѣтая.

— Я готова, Матвѣй Васильичъ,—пойдемъ.

— Куда?

— Какъ куда? ты самъ же меня звалъ гулять.

— Но ты отказалась. Коли хочешь, иди одна или возьми съ собою дѣтей?

Анна Ѳедоровна выслушала его съ насмѣшливою улыбкой.

— Признайтесь ужь откровенно, что вы все это выдумали, чтобы спровадить меня съ дѣтьми изъ дому и на свободѣ заняться своею милою племянницей.

— Ты опять принялась за нее.

— Да, за нее! Неужели вы думаете, что я слѣпа, или не понимаю, что вы ее выписали для себя? Вамъ мало того, что вы бросаєте жену и вѣтреничаєте на сторонѣ? Но этому не бывать! я этого не потерплю! закричала въ азартъ Анна Ѳедоровна.

— Ты съ ума сошла, матушка! ты забываешь, что мы съ тобою ужь старики, и намъ не къ лицу такія сцены. Уйди пожалуйста и не мѣшай мнѣ заниматься.

Анна Ѳедоровна выбѣжала въ залъ, бросилась на стулъ и начала кричать и рыдать на весь домъ; всѣ сбѣжались. Анна Ѳедоровна металась на стулѣ и рвала на себѣ платье. Марья Петровна никогда еще не видала ее въ такомъ припадкѣ бѣшенства.

— Извергъ! варваръ! тиранъ! кричала Анна Ѳедоровна.—Дѣти, бѣдные дѣти! вашъ отецъ не любитъ васъ! Онъ уморить и васъ, какъ хочетъ уморить вашу мать; вы не должны любить его, вы должны проклинать его!..

Эта сцена возмутила Марью Петровну; она взяла дѣтей за

руки, вывела ихъ въ другую комнату, старалась смягчить впечатлѣніе, произведенное на нихъ словами ихъ матери.

— Прекрасно! неподобно! вскричала вошедшая въ комнату Софья Матвѣвна:—вотъ что вы внушаете дѣтямъ, вы научаете ихъ не слушаться матери!.. Мнѣ кажется, вы должны воспитывать ихъ такъ, какъ угодно татамъ... дурно ли, хорошо ли, это— не ваше дѣло.

Марья Петровна гордо посмотрѣла на свою кузину.

— Должна? повторила она:—если я съ ними занимаюсь, такъ это потому, что мнѣ такъ угодно, и если желаю ихъ чему-нибудь учить, то ужь конечно не непочтению къ отцу.

— Вотъ какъ! я передамъ это татамъ! и Софья Матвѣвна вышла, хлопнувъ дверью.

Анна Федоровна влетѣла, какъ разъяренная кошка.

— Вамъ мало, что вы разстроили меня съ мужемъ? Вы хотите еще возстановить противъ меня дѣтей? кричала она задыхающимся голосомъ.

— Я разстроила васъ съ мужемъ?

— Съ тѣхъ поръ какъ вы поселились въ моемъ домѣ, все идетъ не такъ, какъ прежде. О, я знаю, что вы умѣте подбитись и подладиться ко всѣмъ! Я знаю, что по вашей милости и Луцкая стала холоднѣе къ моимъ дочерямъ. Что жъ дѣлать?.. Онѣ конечно всегда проиграютъ, потому что не имѣютъ вашихъ подлыхъ наклонностей; наконецъ вамъ всего этого мало, вы...

— Вы не помните сами что говорите. Впрочемъ, если я надѣлала вамъ столько вреда, это легко поправить: я завтра же уѣду.

И Марья Петровна, не слушая тетки, ушла къ себѣ въ комнату.

Она не выходила весь вечеръ, и Матвѣй Васильевичъ сталъ опасаться, не высказала ли ей Анна Федоровна своихъ обидныхъ подозрѣній. Онъ сталъ прислушиваться къ разговору дочерей, которыя, чтобы помучить его, весело смѣялись и болтали съ матерью, не обращая ни малѣйшаго вниманія на отца. Когда старшая упомянула, что Марья Петровна хочетъ уѣхать, Матвѣй Васильевичъ сильно встревожился. Благодаря глупой ревности жены, онъ долженъ былъ лишиться плодовъ такъ хитро придуманнаго имъ дѣла. Теперь нужно будетъ нанимать къ дѣтямъ гувернантку, хлопотать, тратить деньги и изъ чего? изъ глупыхъ капризовъ безумной женщины. Матвѣй Васильевичъ рѣшился, во что бы то ни стало, поправить это и уговорить

Марью Петровну остаться. Незамѣтно оставилъ онъ комнату, въ которой сидѣли его жена и дѣти, и пошелъ къ племянницѣ. Марья Петровна сидѣла въ своей комнатѣ у стола, облокотясь на него локтями и закрывъ лицо платкомъ. Безвыходность положенія приводила ее въ отчаяніе. Она не хотѣла и не должна была долѣе оставаться въ томъ домѣ, гдѣ ее такъ грубо оскорбляли, а между тѣмъ не было никакихъ средствъ оставить Петербургъ. Марья Петровна писала уже разъ къ матери, что желала бы возвратиться домой, потому что не сошлась съ родными, и просила прислать ей денегъ на проѣздъ. Александра Васильевна отвѣчала рѣшительно, что денегъ выслать не можетъ, такъ какъ и для первой поѣздки дочери вошла въ долги, да еслибы и могла, такъ не сдѣлаетъ этого, потому что въ желаніи ея оставить родныхъ видить одинъ капризь. «... Веди себя попочтительнѣе, писала она, такъ и родные будутъ къ тебѣ хороши, а гордостью-то, да неуваженіемъ ничего не возьмешь. Если чтò и несправедливо замѣтять—смолчи. Помни, что они старше тебя и тебѣ же добра желаютъ. Смирись, Маша! Знаешь пословицу: ласковій теленокъ двухъ матокъ сосеть...» Чтò можно было возражать на подобную логику?

Увидѣвши, что Марья Петровна плачетъ, Матвѣй Васильевичъ совершенно растерялся: онъ не умѣлъ понимать скрытыхъ страданій, но слезы его трогали. Видя до сихъ поръ Марью Петровну всегда спокойною, гордо-холодною, онъ и не подозревалъ, какъ глубоко страдала она въ душѣ, и только теперь подумалъ, что положеніе ея въ его домѣ можетъ-быть было не совсѣмъ весело.

— Марья Петровна! Марья Петровна! заговорилъ онъ, торопливо подходя къ ней: — что это вы? полноте! зачѣмъ такъ горячо принимать къ сердцу. Ну, можно ли обижаться тѣмъ, чтò наговорить женщина въ истерическомъ припадкѣ? Я забылъ предупредить васъ, что Анна Федоровна страдаетъ разстройствомъ нервовъ. Это ужасная болѣзнь: человекъ ищетъ въ это время всякаго случая посердиться, поплакать; ко всему придирается.

Марья Петровна хотѣла что-то сказать, но боялась открыть ротъ, чтобы не зарыдать. Матвѣй Васильевичъ тревожно ходилъ по комнатѣ: онъ не зналъ, чтò ему дѣлать; наконецъ онъ подошелъ къ Марьѣ Петровнѣ, сѣлъ возлѣ нея и, какъ только могъ нѣжно, отвелъ ея руки отъ лица.

— Полноте! ну посмотрите: глаза распухли, носъ красный! не стыдно ли такъ безобразить свое хорошенькое личико?

Какъ ни пошлы были эти слова, они были произнесены съ такою нѣжностію, что Марья Петровна, вообще не избалованная ласками, была тронута. Она отерла слезы и старалась улыбнуться, чтобы не показаться неблагодарною.

— Вотъ и прекрасно, вотъ и прекрасно! заговорилъ радостно Матвѣй Васильевичъ, какъ будто какая тяжесть свалилась съ его сердца:—ну, теперь вы не захотите огорчить меня, глубоко огорчить: вы не уѣдете, не правда ли? Полноте, полноте! ничего не хочу слушать, я знаю, что вы добры и благо-разумны, вашъ отъѣздъ огорчилъ бы вашу мать, я это знаю, въ особенности, когда она узнаетъ, что вы оставили мой домъ, обидѣвшись тѣмъ, что сказала женщина больная. Я увѣренъ, что жена уже раскаивается въ своемъ поступкѣ, и завтра, навѣрно, сама будетъ просить у васъ прощенья.

Марья Петровна, конечно, не совѣмъ была согласна съ дядею, но дѣлать было нечего; она знала, что не можетъ теперь исполнить угрозу, которая вырвалась у нея въ минуту гнѣва, и потому отвѣчала:

— Останусь, останусь! по крайней мѣрѣ сколько будетъ можно.

Матвѣй Васильевичъ ушелъ отъ нея нѣсколько успокоенный. «Охъ ужъ эти мнѣ институтки! думалъ онъ, ходя по своему кабинету: отъ всего плачутъ, всѣмъ обижаются. Я думалъ, не высказала ли ужъ ей жена, да нѣтъ! Впрочемъ я замѣчаю, что она давно уже скучаетъ, даже похудѣла. Неужели же такъ огорчаютъ ее глупыя нападки Анны Федоровны? Нѣтъ, тутъ должна быть какая-нибудь болѣе существенная причина. Странная дѣвушка! Сказала бы по крайней мѣрѣ, чѣмъ она недовольна, нужно ей что ли чего? а то догадывайся поди самъ. Да и чего ей не достаетъ, не понимаю, рѣшительно не понимаю. Развѣ вотъ столъ у насъ дѣйствительно не такъ-то чтобы роскошенъ; эти провинціалы привыкли къ изобилію: вѣдь у нихъ тамъ все ни почемъ. Дѣлать нечего! нужно будетъ прибавить что-нибудь къ столу; вотъ и выгадалъ! Впрочемъ все же это не того будетъ стоить, что нужно платить самой плохой гувернанткѣ. Но какъ сладить съ женой? она тотчасъ догадается, что я сдѣлалъ это улучшение для Марьи Петровны, и опять пожалуй вздумаетъ сдѣлать сцену, подобную нынѣшней. Притвориться развѣ больнымъ? Дня два не выходить изъ дому и

сдѣлать видъ, что улучшеніе-то пищи сдѣлано по болѣзни, а тамъ ужъ незамѣтно такъ и останется. Именно такъ! И Матвѣй Васильевичъ, довольный, что все такъ ловко придумалъ, совершенно уже успокоенный, сѣлъ за свои дѣла.

X.

На другой день Анна Ѳедоровна въ самомъ дѣлѣ просила извиненія у племянницы, но умѣла сдѣлать это такъ искусно, что извиненіе это скорѣе походило на выговоръ. Марья Петровна, казалось, не обратила на это вниманія, и Матвѣй Васильевичъ думалъ, что все уладилось какъ нельзя лучше. Но отношенія тетки и племянницы, конечно, не сдѣлались послѣ этого дружелюбнѣе, и Марья Петровна не переставала изыскивать въ умѣ своемъ всевозможныя средства достать денегъ для возвращенія домой. Въ этомъ ей неожиданно помогъ Михаилъ Семеновичъ Шедринъ, пріѣхавшій черезъ нѣсколько дней съ женою провести вечеръ у тестя. Шедрины постоянно каждую недѣлю, и обыкновенно въ одинъ и тотъ же день, пріѣзжали повидаться съ родными. Михаилъ Семеновичъ зналъ уже о домашней ссорѣ и смотрѣлъ на Марью Петровну какъ-то важно и строго. Вдругъ онъ обратился къ ней.

— Одни изъ моихъ знакомыхъ, сказалъ онъ,—говорили мнѣ, что желаютъ имѣть учительницу музыки для дѣтей. Я подумалъ о васъ и сказалъ уже, что знаю одну бѣдную дѣвушку, очень хорошо образованную, которая для перваго по крайней мѣрѣ начала будетъ очень полезна ихъ дѣтямъ, и, если вамъ угодно взять этотъ урокъ, то я могу...

Михаилъ Семеновичъ хотѣлъ этимъ только немножко образумить Марью Петровну и показать ей, какъ о ней думаютъ: его почему-то очень оскорбляло то обстоятельство, что Марья Петровна ужъ слишкомъ много о себѣ думала; но, къ удивленію его, она тотчасъ же согласилась.

— Но мнѣ кажется, начала Анна Ѳедоровна,—что Марья Петровна, живя у насъ и пользуясь всѣмъ, даже сверхъ необходимаго, не нуждается въ деньгахъ и притомъ...

— Да, конечно, маменька, Марья Петровна по вашей... добротѣ совершенно обезпечена, прервалъ ее Михаилъ Семеновичъ, имѣвшій привычку отвѣчать за младш., какъ бы под-

сказывая имъ отвѣтъ,—но вѣроятно для ея матери, какъ женщины не совсѣмъ достаточной, эти деньги не будутъ лишними. Я такъ и...

— Нѣтъ-съ, моя мать не нуждается, прервала его Марья Петровна,—эти деньги нужны будутъ собственно для меня.

— Вѣроятно на туалетъ? спросила иронически Анна Федоровна.

— Да, и на туалетъ, отвѣчала сухо Марья Петровна.

— Все-таки, прежде чѣмъ давать свое согласіе, вамъ не мѣшало бы спросить, нравится ли это мнѣ.

— Но почему же вамъ можетъ это не нравиться?

— Потому что вы все-таки мнѣ родственница, хотя и дальняя... по мужу, но все-таки родственница, сказала Анна Федоровна, съ улыбкой сожалѣнія, — а я вовсе не желаю, чтобы говорили, что въ моемъ родствѣ есть какія-то учительницы музыки.

— Развѣ званіе учительницы низко?

— Для васъ конечно нѣтъ, но для фамиліи Шмидтъ, къ которой я принадлежу...

— Но Марья Петровна конечно не скажетъ, что она намъ родственница, вмѣшался опять Михаилъ Семеновичъ.

— Будьте покойны, я вовсе не желаю хвастаться своимъ родствомъ съ вами.

Много непріятностей навлекала на Марью Петровну Агнія Артамоновна своимъ вмѣшательствомъ въ ея отношенія къ роднымъ. Часто говорила она съ обыкновенною своею насмѣшливою небрежностью, что рѣшительно не понимаетъ, зачѣмъ это Марья Петровна пріѣхала въ Петербургъ; что какъ ни скучно въ провинціи, но все же гораздо пріятнѣе жить тамъ, чѣмъ въ Петербургѣ, при тѣхъ условіяхъ и обстановкѣ, которая окружаетъ Марью Петровну.

Но Луцкая этимъ не ограничивалась. Очень довольная, что нашла, чѣмъ дразнить Анну Федоровну, которую не могла терпѣть, она восхищалась вслухъ Марьею Петровной, и безпрестанно осыпала Терскую самыми злыми сарказмами за ея поведеніе съ племянницей. Терскіе скоро замѣтили ея участіе къ ихъ родственницѣ и сдѣлались осторожнѣе при Луцкой, но за то безъ нея доставалось отъ нихъ Марьѣ Петровнѣ!

Марья Петровна рѣшилась наконецъ просить свою пріятельницу оставить Терскихъ въ покоѣ, говоря, что она этимъ нисколько ей не поможетъ, а еще болѣе раздражитъ ихъ.

— Да и почему знать, прибавила она,—можетъ-быть, я сама виновата во всемъ этомъ; можетъ-быть я не такъ поставила себя сначала и сама оттолкнула ихъ отъ себя.

— Полно, ma chère! если ты слѣпа, такъ я-то хорошо вижу, что это за люди; съ ними никто въ свѣтъ не можетъ сойтись... да ужъ это одно: вызвать родственницу для того, чтобы навязать ей своихъ дѣтей!..

— Но кто же тебѣ сказалъ, что они навязали мнѣ ихъ? Напротивъ, я сама предложила заняться съ ними; а вызвали они меня съ добрымъ намѣреніемъ, прибавила Марья Петровна и вся покраснѣла, потому что слова ея слишкомъ походили на злую иронию.

— Съ какимъ же это добрымъ намѣреніемъ? насмѣшливо спросила Агнія Артамоновна:—ужъ не для того ли, какъ говорить твой дядя, чтобы показать тебѣ свѣтъ и людей? да какихъ же это? Терскіе не принадлежатъ къ обществу, у нихъ не бываетъ ни одного порядочнаго человѣка, и ихъ посѣщаютъ только такіе же уроды, какъ они сами. Ну, стоило ѣхать за полторы тысячи верстъ для того, чтобы смотрѣть такихъ людей, нечего сказать!

Помолчавъ нѣсколько мнугъ, и видя, что Марья Петровна ничего не отвѣчаетъ, Луцкая прибавила:

— Ты пожалуста не обижайся, что я такъ неуважительно отзываюсь о твоихъ родныхъ; — они вѣдь и намъ тоже какіе-то родственники, а объ общихъ родныхъ, мнѣ кажется, можно говорить откровенно. Знаешь ли что? вскричала она вдругъ: — брось своихъ родныхъ и переѣзжай ко мнѣ. Я не обещаю тебѣ показать la haute société, потому что сами мы далеко не знатны, но у насъ по крайней мѣрѣ бываютъ такіе люди, съ которыми тебѣ будетъ не скучно.

— Я увѣрена, chère amie, сказала Марья Петровна, пожимая Луцкой руку,—что у васъ я была бы какъ въ своей семьѣ, но этого нельзя сдѣлать: мать моя ужасно огорчится и разсердится, когда узнаетъ, что я оставила родныхъ и живу въ чужомъ домѣ.

— Какъ знаешь, отвѣчала Агнія Артамоновна,—только ты не хорошо дѣлаешь; повѣрь, что изъ пустяковъ губишь свое здоровье; посмотри на себя: на кого ты стала похожа въ это время?

Луцкая была права. Марья Петровна ужасно измѣнилась въ послѣднее время. Необходимость скрывать свои страданія и

притворяться равнодушною и холодною, когда хотѣлось плакать, молча переносить всѣ оскорбленія, не видя имъ конца, и наконецъ непрерывная лихорадочная дѣятельность ума, силывшагося разгадать тайну жизни, все это было не по силамъ слабому организму Марьи Петровны. Девятилѣтнее пребываніе въ институтѣ въ обществѣ подружекъ и младшихъ классныхъ дамъ, по большей части сентиментальныхъ дѣвственницъ, бывшихъ воспитанницъ того же института и попавшихъ въ свою должность прямо со школьной скамейки, конечно не могло дать ей настоящаго понятія о жизни. Она, правда, не думала, что всѣ люди добры и благородны,— въ этомъ она могла разубѣдиться еще въ институтѣ,— но она простодушно дѣлила людей на добрыхъ и злыхъ, несколько не подозрѣвая, что на свѣтѣ есть еще много людей довольно хорошихъ и очень гаденькихъ, которыхъ однако нельзя отнести ни къ той, ни къ другой категоріи. Злыхъ она воображала какими-то мелодраматическими злодѣями, хорошихъ чутъли не добрыми геніями. Она готовилась встрѣтить въ жизни и горести, но такія, которыя не гнетутъ, а возвышаютъ и очищаютъ душу. И что же? Въмѣсто этихъ великихъ горестей, поражающихъ какъ ударъ кинжала, ее осыпали ежедневно мелкими оскорбленіями, которыя, какъ булавочныя раны, еще сносны, когда наносятся рѣдко, но становятся невыносимы, если повторяются безпрестанно. Люди, съ которыми она встрѣтилась, и въ Пыльнскѣ и въ Петербургѣ, были все довольно порядочные по наружности, и ужь никакъ не походили на злодѣевъ, о которыхъ она мечтала; но за то это были люди или мелочные до крайности, или эгоисты въ высшей степени, унижавшіе и осмѣивавшіе въ ней всякое человѣческое чувство во имя уѣздныхъ и столичныхъ приличій. Правда, нѣчто подобное она испытывала уже и прежде; но деспотизмъ и безтолковая формалистика института не казались ей такъ тяжелы, потому что она находила вокругъ себя сочувствіе, и потому что, подобно своимъ подругамъ, считала это неизбѣжнымъ зломъ, что тамъ оно можетъ-быть такъ и быть должно, но что всѣ эти неприятности кончатся съ послѣднимъ экзаменомъ, а тамъ начнется уже настоящая жизнь, то-есть счастье, любовь, радости... Но всѣ эти мечты разлетѣлись, какъ скоро она стала лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью. Мрачна и страшна показалась ей эта дѣйствительность. Такъ вотъ онъ, этотъ *жизненный-то нуть*, о которомъ толковали ей ея наставницы! Съ

ужасомъ оглянулась она кругомъ и увидѣла, что была одна, рѣшительно одна. Не было руки, которая поддержала бы ее на этомъ пути, которая указала бы ей хоть одну точку свѣта, хоть маленькій клочокъ яснаго неба посреди этого удушливаго тумана. Марья Петровна страстно желала счастья, постоянно старалась отыскать его въ окружавшей ее жизни — и не находила. Но вѣдь есть же люди, считающіе себя счастливыми! И она перебирала въ своей памяти всѣхъ, кого знала, воображала себя въ ихъ положеніи и съ горестью видѣла, что не могла бы быть счастливою на ихъ мѣстѣ. Но что же это значить? Неужели же она создана иначе, чѣмъ другіе? Что она за исключительное созданіе? Да, Богъ съ нею, съ этою исключительностью, если она осуждаетъ ее быть вѣчно одной... Одной! Ужасно! И Марья Петровна съ отчаяніемъ хватала себя за голову. Ей хотѣлось повѣрить свои мысли кому-нибудь, кто помогъ бы ей стать на такую точку, съ которой она могла бы лучше смотрѣть на жизнь, или по крайней мѣрѣ помогъ бы ей выбраться изъ этого хаоса мыслей, въ которомъ она сама запуталась. Но кому? Луцкая? Она принимаетъ въ ней участіе, сочувствуетъ ея горести, но она не можетъ помочь ей, она, кажется, такъ легко смотритъ на жизнь. Для счастья Луцкой нужно не многое; она цѣнитъ въ жизни только легкія удовольствія, отъ людей требуетъ только умѣнья забавлять ее и не стѣсняясь оставляетъ тѣхъ, кто ей надоѣлъ. Марья Петровна хотѣла наконецъ хоть забыться, хоть только отогнать отъ себя мысли, безпрестанно тѣснившіяся въ ея головѣ, но чѣмъ бы ни занималась она, что бы ни придумывала для своего развлеченія, все обращало ее опять къ тому же.

Н. О—овъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Б. У.

Смотри: одинъ, среди степи сирійской,
Палъ пилигримъ на тягостномъ пути;
Есть, можетъ-быть, приютъ оазы близкой,
Но до нея ему ужь не дойти.

Есть, можетъ, тамъ, въ спасенье пилигрима,
Проклада пальмъ и токъ струи живой,
Но на пескѣ лжигь онъ недвижимо:
Онъ долго шелъ дорогой роковой.

Онъ бодро шелъ, и въ бѣдственной пустынѣ,
Не разъ упавъ, не разъ вставалъ опять,
Съ молитвою, съ надеждою; но нынѣ
Пора пришла: ему нѣтъ силы встать.

Вокругъ него блеститъ песокъ безбрежный,
Въ его мѣхахъ изсякъ воды запасъ;
Въ нѣмую даль пустыни, съ небомъ смежной,
Онъ, гибнущій, глядитъ въ послѣдній разъ.

И солнца лучъ, пылающій съ заката,
 Жжетъ желтый прахъ; и степь молчитъ: но вотъ,
 Тамъ что-то есть, тамъ тѣнь ложится чья-то
 И близится, и человѣкъ идетъ.

И къ падшему подходитъ съ грустнымъ взглядомъ,—
 Свело ихъ двухъ страданія родство;
 Какъ съ другомъ другъ, садится съ нимъ онъ радомъ,
 И въ кубокъ свой льетъ воду для него;

И подаетъ. Но можетъ лишь немного
 Напитка онъ спасительнаго дать:
 Онъ путникъ самъ, длинна его дорога,
 А дома ждетъ сестра его и мать.

Онъ всталъ. И тотъ, его схвативши руку,
 Въ предсмертный часъ прохожему тогда
 Всю тяжкую высказываетъ муку,
 Всѣ горести безплоднаго труда,

Все, что постигъ и вынесъ онъ душою,
 Что гордо онъ скрывалъ въ своей груди,
 Все, что въ пути оставилъ за собою,
 Все, что онъ ждалъ, безумецъ, впереди,

И какъ, всегда, онъ вѣрилъ въ часъ спасенья,
 Средь лютыхъ бѣдъ, въ безжалостномъ краю,
 И—всѣ свои напрасныя боренья,
 И всю любовь напрасную свою.

. * .

Жму руку такъ тебѣ я въ часъ прощальный,
 Такъ говорю сегодня я съ тобой.
 Нашелъ меня въ пустынѣ ты печальной
 Сраженную послѣднюю борьбой.

И подошелъ, съ заботливостью брата,
Ты къ страждущей, и далъ ей все, что могъ.
Въ чужой глуши мы породнились свято;
Разлуки намъ теперь приходитъ срокъ.

Вставай же, другъ, и въ путь пускайся снова;
Къ тебѣ дойдетъ, въ безмолвьи пустоты,
Быть-можетъ, звукъ слабющаго зова;
Но ты иди, и не смущайся ты.

Тебѣ есть трудъ, тебѣ есть дѣла много;
Не каждому возможно помогать;
Иди впередъ: длинна твоя дорога,
И дома ждетъ сестра тебѣ и мать.

Будь твердъ твой духъ, честна твоя работа,
Свершай свой долгъ, и Богъ тебя крѣпитъ!
И не тревожься мыслию, что кто-то
Остался тамъ, покинутый въ степи.

К. Павлова.

«— Спросите его самого.

«Я объяснилъ еще разъ алькальду, чѣмъ я обязанъ Бобу, какимъ образомъ мы съ нимъ встрѣтились, и какъ онъ заботился обо мнѣ у Джонни.

«Алькальдъ одобрительно кивнулъ головой, но потомъ сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

«— Тѣмъ не менѣе вы останетесь здѣсь; именно теперь вы должны остаться; а вы, Бобъ, отправитесь одни. Вы въ такомъ состояніи, что для васъ лучше остаться одному; вы раздражены... понимаете? а потому оставьте этого молодого чело-вѣка здѣсь, чтобы не случилось опять какого-нибудь несчастія. Онъ здѣсь безопаснѣе, чѣмъ съ вами или съ Джонни. Завтра при-ѣзжайте опять, и мы увидимъ, что для васъ можно сдѣлать.

«Слова эти были произнесены съ твердостью, которой рѣдко могутъ противиться люди съ характеромъ Боба. Въ знакъ согла-сія онъ кивнулъ головой и вышелъ.

«Но я все еще сидѣлъ, какъ ошеломленный, не сводя глазъ съ этого необыкновеннаго чело-вѣка; онъ мнѣ представлялся чѣмъ-то сверхъестественнымъ, почти какимъ-то демономъ.

VIII.

«Когда Бобъ вышелъ, алькальдъ затрубилъ въ раковину, которая исправляла у него должность колокольчика; потомъ онъ взялъ ящикъ съ сигарами, сталъ осматривать одну сигару за другою и принялся съ досадою ломать ихъ и выбрасывать въ окно. Негръ, вбѣжавшій на звукъ раковины, ждалъ уже нѣсколько минутъ, между тѣмъ какъ господинъ его продолжалъ ломать и выбрасывать сигары. Наконецъ алькальдъ, казалось, потерялъ тер-пѣніе.

«— Послушай, Штоли! крикнулъ онъ на оторопѣвшаго негра:— если ты опять принесешь въ мой домъ такіа сигары, которыя не курятся и не дымятся, то смотри, задымитъ у тебя спина; ручаюсь тебѣ! Ни одна изъ нихъ ни къ чорту не го-дится. Скажи ты черномазой вѣдьмѣ этого Джонни, что мнѣ не нужно ея сигаръ. Не смѣй у нея больше брать! А теперь поѣз-жай сейчасъ къ мистеру Дусіе и возьми у него ящикъ; да смотри, скажи ему отъ меня, чтобы отпустилъ хорошихъ. Кстати при этомъ можешь сказать ему, что мнѣ надобно повидаться съ нимъ; да пусть онъ привезетъ съ собою и сосѣдей. Да смотри, сейчасъ опять вернись; въ два часа чтобы ты былъ дома. Возьми того

Handwritten note: What the Negro - to do

мустанга, котораго мы поймали на прошедшей недѣлѣ. Посмотри кстаги, какъ онъ выдерживаетъ ѣзду.

«Разиня ротъ и бессмысленно выпуча глаза на своего господина, курчавая голова выслушала всѣ эти приказанія и потомъ опрометью ринулась къ дверямъ.

«— Куда ты, Птоли? крикнулъ ему вслѣдъ алькальдъ.

«— Къ масса Дусіе.

«— Безъ вида, Птоли? Что же ты скажешь мистеру Дусіе?

«— Чтобъ онъ не посылать такихъ скверныхъ сигаръ; что черномазая вѣдьма. Масса говорить съ Джонни и сосѣди. Джонни привезъ съ собою сосѣди.

«— Я такъ и зналъ, сказалъ судья пресеріозно. — Постой, я напишу тебѣ видъ и нѣсколько словъ къ мистеру Дусіе.

«Сказавъ это, онъ написалъ и то и другое, и отдалъ негру.

«Когда послѣдній вышелъ, алькальдъ взялъ опять ящикъ и закурилъ первую попавшуюся въ руку сигару; я сдѣлалъ то же. Сигары курились превосходно: это были великолѣпныя принсипесы.

«Такимъ образомъ мы сидѣли молча, пока не затихъ топотъ усакавашаго негра; тогда алькальдъ затрубилъ опять въ раковину.

«Вошелъ другой негръ.

«— Ксени, сказалъ алькальдъ,—поѣзжай ты сейчасъ къ мистеру Стонсу, Аврааму Еноху Стонсу, понимаешь? Скажи ему, что я прошу его пріѣхать сюда завтра утромъ, для съѣмки границъ около персиковаго острова; да попроси, чтобъ онъ привезъ съ собою и сосѣдей. Подожди, напишу лучше нѣсколько словъ, а то еще перепугаешь. Къ двумъ часамъ чтобы ты вернулся, понимаешь?

«Отдавъ негру записку и видъ, онъ опять принялся курить молча.

«Вдругъ онъ обратился ко мнѣ:

«— А вы? живете на югъ или на сѣверъ отъ линіи Мазона и Диксона (1)?

«Вопросъ этотъ былъ предложенъ такимъ отрывистымъ, рѣшительнымъ тономъ, что я сначала колебался, отвѣчать мнѣ или нѣтъ.

«— Въ серединѣ, отвѣчалъ я наконецъ,—я изъ Мериланда.

«— Стало быть сосѣдъ *старой доминіи*? О, *старая доминія* всегда останется *старою доминією*! (2)

«— Да, великій штатъ, замѣтилъ я.

«— Великій штатъ! вскричалъ онъ съ негодованіемъ:—скажите

(1) Такъ называется умственная линія между невольническими и свободными штатами, то-есть между югомъ и сѣверомъ.

(2) Виргинія, прежде самый могущественный шт. ть, называлась громкимъ именемъ *старой доминіи*.

лучше величайшій, какой когда-либо былъ, есть и будетъ. Какой изъ вашихъ двадцати четырехъ штатовъ можетъ выставить такой рядъ мужей, какъ Вашингтонъ, Генрихъ Патрикъ, Джефферсонъ и подобные имъ?

— Джефферсонъ? сказалъ я, качая головой.

— Да, Джефферсонъ, Джефферсонъ.

— Однако немного онъ имѣлъ бы радости отъ демократическихъ своихъ плодовъ, еслибы прожилъ до сихъ поръ.

— Напротивъ, радовался бы, сказалъ онъ съ увѣренностію, — радовался бы такъ, какъ только можетъ радоваться человѣкъ, который видитъ, что его принципъ проведенъ съ желѣзною послѣдовательностію и развивается роскошно, можетъ-быть даже слишкомъ роскошно. Этотъ принципъ нашего народнаго самодержавія, подобно роскошно произрастающему дереву, требуетъ только подчистки и подрѣзыванія, понимаете? Джефферсону принадлежитъ честь и слава, что принципъ этотъ сдѣлался господствующимъ. Правда, ваши лжеаристократы и финансовыя тузы проклинаютъ его за это и посылаютъ въ преисподнюю; да и не удивительно: онъ потузилъ ихъ пророковъ, Гамильтоновъ и Адамсовъ, не слишкомъ церемонился съ ними. Но это было необходимо, рѣшительно необходимо съ людьми, которые, какъ тогдашніе федералы, такъ глупо-эгоистически думали, что революція совершилась только для нихъ, и что миллионы пожертвовали имуществомъ и кровью для того только, чтобы промѣнять англійское иго на ихъ иго. Они слишкомъ поторопились наложить на народъ оковы. И увѣряю васъ, это удалось бы имъ, еслибы не было Джефферсона. Но онъ былъ, этотъ Джефферсонъ. Правда, какъ человѣкъ, и онъ имѣлъ свои слабости, но какъ лицо государственное, Джефферсонъ одинъ изъ величайшихъ мужей, которые когда-либо держали въ рукахъ кормило правленія. Никто никогда не понималъ въ такой ясности и полнотѣ состава демократіи, не понималъ такъ свойствъ и всей громадности животворной ея силы, не приводилъ въ такое быстрое движеніе этой триумфальной колесницы человѣчества. Ему обязаны Соединенные Штаты, что въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ они будутъ величайшею націею на земномъ шарѣ; ему обязаны, что и теперь уже распространяются они и твердо укоренились на цѣлой половинѣ нашей части свѣта. Онъ открылъ Американцамъ шлюзы, прорвалъ плотины, которыми Гамильтоны и Адамсы хотѣли стѣснить и удержать народъ. Онъ былъ именно тотъ человѣкъ, который намъ тогда былъ нуженъ, и онъ доказалъ, что принципъ, принятый имъ въ основаніе, былъ единственно вѣрный. Народы рождаются подобно людямъ; народы, разчитываю, не что иное, какъ соединеніе многихъ людей: растутъ какъ они, достигаютъ силы, мужества, и

умирають. Молодой народъ можете изуродовать и сдѣлать калѣкою точно также, какъ и молодаго человѣка, если будете держать его въ тискахъ и налагать на него тяжести, которыя въ состояніи нести только зрѣлый и сильный народъ или человѣкъ. Вотъ почему было такъ мало націй, которыя приобрѣли свободное употребленіе членовъ, здраваго разсудка, и сдѣлались совершеннолѣтними. Въ древнемъ мірѣ такими были Греки и Римляне, а въ новѣйшія времена Англичане и мы. Теперь и Французы стараются достигнуть этого. Желаю имъ успѣха. Въ послѣднее время они сдѣлали много, выметая старый соръ и убирая обломки.

«— Но не эти ли самыя націи, которыя вы называете совершеннолѣтними, имѣли и теперь еще имѣютъ свою сильную аристокрацію? замѣтилъ я.

«— Однако вы допустите, что онѣ не имѣли ея въ своей молодости? сказалъ алькальдъ.

«— Напротивъ, въ молодости своей, любезный судья, въ самой ранней молодости, возразилъ я.

«— Ну хорошо, хорошо; не хочу спорить съ вами о словахъ. По мнѣ называйте норманскихъ бароновъ аристократами, *Lords of the bedchamber* или пожалуй хотъ *grooms of the stole*; разчитываю однако, что если они и были аристократы, то все-таки въ нихъ демократической закваски было больше, чѣмъ желали бы ихъ правители, а если они и подавали имъ иной разъ умываться, то уже вѣрно другой разъ опрокидывали тазъ надъ головою. Чтò это были за люди! Теперешніе же ваши аристократы — пхе! Изнѣженныя, двуполныя, тунеядныя ядовитыя болотныя растенія! Выродившись, они проквасили, отравили, изгадили родную почву, какъ наше табачное растеніе испортило вашу мериландскую и нашу виргинскую почву.

«— Такъ вы считаете теперешнюю аристокрацію ядовитымъ и болотнымъ растеніемъ? спросилъ я.

«— Къ несчастію, самое лучшее портится; самая прекрасная, самая свѣжая вода приходитъ въ гніеніе, если она долго находится въ лѣнивомъ, неподвижномъ спокойствіи. И у насъ уже обнаруживается эта гнилость. Славные наши Вашингтоны, Карольтоны имѣютъ свои болотныя и ядовитыя отростки; это лжеаристократы, джентльмены по милости своихъ портныхъ, сыновья мастеровыхъ, сидѣльцевъ и лавочниковъ, которые, потаскавшись по всему свѣту, принесли наконецъ свое мошенничество къ намъ, обогатились имъ здѣсь и теперь желали бы произвестъ свое отродье въ лорды. Я также аристократъ, демократическій аристократъ, но такого лжеаристократа я бы...

«— Такъ и сами вы аристократъ? вырвалось у меня невольно.

«Вѣроятно въ голосѣ моемъ слышалась иронія, потому что онъ съ какимъ-то презрѣніемъ бросилъ сигару, хлебнулъ изъ стакана, потомъ пристально посмотрѣлъ на меня, и сказалъ рѣшительнымъ, почти строгимъ голосомъ:

«— Я человѣкъ! понимаете? Человѣкъ! И перъ и первый лордъ и первый герцогъ не выше этого, и самъ русскій царь не выше; тогда только онъ можетъ быть всѣмъ, чѣмъ можетъ быть, если онъ человѣкъ. Я человѣкъ, и, если хотите знать больше, человѣкъ движенія, человѣкъ принципа. И Наполеонъ былъ властелиномъ полміра, пока былъ человѣкомъ, поборникомъ принципа; и пересталъ онъ быть властелиномъ, когда пересталъ быть человѣкомъ, когда сдѣлался слабоумцемъ безъ убѣжденія, лицемѣрно бабой.... Не угодно ли покушать? спросилъ онъ вставая.

«— Я бы не прочь; только чувствую большую слабость.

«— Ну такъ мы подкрѣпимъ васъ, сказалъ онъ и постучалъ по столу.

«Вошла негрятанка.

«— Принеси горшокъ, который стоитъ на лѣвой полкѣ буфета, бутылку съ чердака и чистые стаканы.

«Все это негрятанка принесла черезъ нѣсколько минутъ. Онъ вынулъ изъ горшка что-то такое, что я сначала принялъ за скорлупы грецкихъ орѣховъ, пока не попробовалъ. Это были медвѣжьи лапы, приготовленныя въ мадерѣ; первый разъ мнѣ случилось ихъ отвѣдать.

«Когда я съѣлъ ихъ съ подюжины, алькальдъ отодвинулъ горшокъ, замѣтивъ при этомъ, что это слишкомъ аристократическая пища, и для молодаго холостяка нѣкоторымъ образомъ вредная.

«Человѣкъ этотъ заинтересовывалъ меня все болѣе и болѣе. Дѣйствительно въ немъ была какая-то смѣсь демократіи съ аристократіей: внѣшность, движенія и приемы изобличали грубаго, но въ то же время хитраго демократа, а по уму и по чувству, ровному и спокойному, это былъ истинный, воплощенный аристократъ. Къ этому надобно прибавить приличную дозу техасской флегмы, которая, при нѣкоторомъ лукавствѣ, обнаруживала проницательный острый умъ и желѣзную волю. Видно было, что онъ всегда отлично хорошо знаетъ чего хочетъ.

«Мы съѣли на лошадей и поѣхали черезъ хлопчатобумажныя поля. Пока еще виденъ былъ хоть одинъ кустъ хлопчатника, алькальдъ весь былъ плантаторъ,—исключительно плантаторъ: примы, рынки, хлопчатобумажныя поля, цѣны, обработки и прессы составляли единственный предметъ разговора. Когда мы выѣхали на луга, онъ сдѣлался вполнѣ скотоводомъ; быки, коровы, телята, и опять телята, коровы и быки,—объ этомъ только и говорилось; о хлопчатой бумагѣ не было и помину. Джефферсоны и Наполеоны, аристокра-

ты и демократы, казалось, совершенно исчезли изъ его памяти, а о Бобѣ ни полслова. Всегда въ немъ было видно ровное, невозмутимое спокойствіе; лишь говоря о Британцахъ онъ нѣсколько раздражался. Послѣднихъ онъ ненавидѣлъ (употребляю собственное его выраженіе) отъ всего сердца, отъ всей души, всѣми помышленіями, всѣми силами, и не потому, что они кровные враги наши, а потому, что въ нихъ еще болѣе эгоизма, нежели въ насъ: особенно характеристическая, истинно американская ненависть! Она объяснила мнѣ свойства и причину ненависти нашей къ Британцамъ: въ этой ненависти проглядывало что-то въ родѣ зависти.

«Съ удовольствіемъ желалъ бы я еще на часъ продолжить нашу прогулку, потому что шесть съѣденныхъ мною медвѣжьихъ лапъ ободрили меня до невѣроятности; но звонъ колокола позвалъ насъ домой. Это былъ знакъ, что Птоли и Ксени возвратились изъ своего посольства.

«Не измѣняя ни одной черты своего лица, алькальдъ прочиталъ отвѣты, потомъ сѣлъ къ письменному столу, написалъ еще двѣ записки и опять вручилъ ихъ неграмъ, приказавъ имъ пообѣдать прежде. Потомъ и мы сѣли за столъ.

«Обѣдъ былъ очень хорошъ; мы обѣдали вдвоемъ, потому что жена его и падчерица была въ гостяхъ у полковника Стефана Ф. Аустина, въ Санъ-Фелипе, и возвращенія ихъ ожидали лишь черезъ нѣсколько дней. Мы говорили о положеніи нашихъ штатовъ, о дѣйствіяхъ и безпорядкахъ аболиціонистовъ, о *лимитизмѣ* (1) и своеволіи толпы и о нелѣпой нудлификаціи. Обо всехъ этомъ онъ имѣлъ, казалось, самыя полныя и самыя подробныя свѣдѣнія, но особенно поразили меня его глубокомысленныя сужденія, когда онъ говорилъ о государственномъ хозяйствѣ, о затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ несоразмѣрнымъ количествомъ нашихъ доходовъ, о положеніи нашей торговли и тарифѣ. Къ приморскимъ городамъ нашимъ и политикѣ ихъ онъ, казалось, не имѣлъ большаго уваженія, но за то тѣмъ большія надежды возлагалъ онъ на будущность запада. Я не могъ скрыть своего удивленія, какииъ образомъ этотъ человѣкъ, который, безъ сомнѣнія, долженъ былъ бы играть роль въ Штатахъ, могъ зарыть себя въ пустыняхъ Техаса.

«— Люблю жить въ домѣ, который самъ себя выстроилъ, сказалъ онъ отрывисто и какъ будто про себя.

«— Я васъ не понимаю.

«— Развѣ думаете, что Техасъ не будетъ нуждаться въ дѣльныхъ людяхъ, не будетъ театромъ великихъ событій?

«Я невольно улыбнулся при этомъ скрытомъ, самому себѣ сдѣланномъ комплиментѣ.

(1) Самоуправной смертной казни.

«— Техасъ? этотъ окроекъ, это пятое колесо у жалкой государственной колесницы Мексики? вырвалось у меня невольно.

«— Вы думаете, что онъ всегда останется окройкомъ, пятымъ колесомъ у жалкой государственной колесницы Мексики? возразилъ онъ спокойно, даже вѣжливо.

«Отвѣтъ спокойнаго джентльмена на мой далеко не джентльменскій вопросъ нѣсколько смутилъ меня; я потупилъ глаза.

«Не продолжая разговора, онъ закричалъ, чтобы принесли пуншу. Когда негрятанка подала все, что для этого было нужно, онъ придвинулъ къ себѣ миску, съ педантическимъ спокойствіемъ выдалъ въ нее ананасы, такъ же спокойно всыпалъ сахару, потомъ влилъ рому, все это смѣшалъ, разбавилъ чаемъ, и зачерпнулъ стаканами.

«— Да, мистеръ... какъ ваше имя?

«— Эдвардъ Натаніель Морзъ.

«— Морзъ? Родня вамъ судья Морзъ въ В.?

«— Я сынъ его.

«Онъ поднялъ свой стаканъ, съ намѣреніемъ чокнуться; я сдѣлалъ то же, и мы принялись за пуншъ.

«Нѣсколько минутъ мы сидѣли, не говоря ни слова, и прихлебывали изъ стакановъ. Пуншъ былъ восхитителенъ! Наконецъ алькальдъ прервалъ молчаніе.

«— Да, мистеръ Морзъ; десять штукъ лучшаго своего скота отдалъ бы я за то, чтобы этого не случилось съ Бобомъ.

«Надобно вамъ сказать, что въ Техасѣ все цѣнится рогатымъ скотомъ. Это всеобщій предметъ размѣна, ходячая монета. Доктору платятъ за врачебныя пособія быкомъ или коровою; точно также платятъ и учителю за его преподаваніе, и юристу за его ходатайство передъ законами.

«— Вѣрю вамъ, возразилъ я;—но что же дѣлать, прошедшаго не воротить.

«— Да, это такъ же вѣрно, какъ то, что Моисей былъ Евреемъ. Какъ вамъ нравится этотъ ананасный пуншъ? Боба слѣдуетъ повѣсить, какъ убитаго оленя,—но....

«Это же опять поставило меня въ тупикъ, и я невольно опустилъ стаканъ, который поднесъ было къ губамъ.

«— Но этого нельзя сдѣлать, хотя бы мы и хотѣли. Много было бы у насъ работы, еслибы мы стали вѣшать всѣхъ тѣхъ, которые....

«— Много работы, еслибы вы стали вѣшать всѣхъ убійцъ! перебилъ я его съ нѣкоторою раздражительностію.—Боже мой! что это за общественный....

«— Порядокъ? дополнилъ онъ совершенно спокойно, закуривая сигару.—Ну да, продолжалъ онъ, раскуривши ее, — совершенно такой общественный порядокъ, какой только можетъ быть

въ странѣ, которая втрое больше Нью-Йоркскаго штата (1) или даже самой Виргиніи, и едва ли имѣетъ какія-нибудь тридцать пять тысячъ жителей; въ странѣ, которая не что иное какъ пустыня, конечно прелестная, но все-таки пустыня. Не думаете ли вы, что сюда придутъ ваши Карольтоны, Патерсоны, Ранселлеи, Ливингстоны, и будутъ здѣсь бороться съ нашею индѣйскою и мексиканскою сволочью, съ змѣями, москитосами, многоножками, скорпіонами и ядовитыми, въ кулакъ величины, пауками, не говоря уже о вашемъ луизианскомъ самунѣ? Что они придутъ къ намъ, когда у нихъ дома во всемъ изобиліе; когда имъ стоить только позвонить, чтобы привести въ движеніе десятки рукъ и ногъ? Призовите только на помощь вашъ здравый рассудокъ, любезнѣйшій мистеръ Морзъ! Вѣдь это такая земля, какими нѣкогда были всѣ никому не принадлежавшія земли (потому что мексиканское правительство все равно что совсѣмъ бы его не было); Техесъ принужденъ довольствоваться тѣмъ, что попадаетъ сюда, даже соромъ и навозомъ. Да, въ такой странѣ и соръ и навозъ необходимы. У насъ здѣсь въ Техасѣ даже не годились бы такіе люди, какъ Ливингстоны, Ранселлеи, Карольтоны или ваши филадельскіе и ньюджерзейскіе квакеры, привыкшіе къ порядку и повиновенію.... Всѣ они, безъ сомнѣнія, очень почтенные люди, продолжалъ онъ, выпустивъ нѣсколько клубовъ дыма;—но для насъ они слишкомъ почтенны, слишкомъ много въ нихъ благочестія и уваженія къ авторитету. Они бы подчинялись, гнулись, скорѣе бы все перенесли, чѣмъ стали бы защищаться, возставать и биться. Они слишкомъ почтенны, черезчуръ любятъ спокойствіе и порядокъ.

«Онъ замолчалъ на минуту.

«— Теперь же разчитываю, намъ въ Техасѣ не столько нужны спокойные, порядочные люди, сколько безпокойныя головы; головы съ веревкой на шеѣ, съ нечистою силою въ тѣлѣ, которыя цѣнятъ жизнь свою не дороже выѣденнаго яйца, которыя долго не торгуются, а готовы сейчасъ же взяться за штуцеръ.

«— Однако, я думаю, вы не далеко бы ушли съ такими людьми, возразилъ я.

«— Правда, не далеко въ Штатахъ, гдѣ уже устроилось гражданское общество, но здѣсь во всякомъ случаѣ ушелъ бы дальше, нежели съ вашими мирными, спокойными гражданами. Если бы напримѣръ Норманы.... если бы напримѣръ Норманы были мирные, почтенные люди, то они преспокойно остались бы дома, въ Норвегіи, съ своими оленями и хлѣбомъ изъ древесной

(1) Техасъ втрое больше Нью-Йоркскаго штата; онъ занимаетъ приблизительно три четверти всего пространства Франціи.

коры. Нѣтъ, это были безпкойные, отчаянные головорѣзы, которыми даже среди ледяныхъ своихъ горъ стало жарко, разбойники на морѣ и на сушѣ, съ сильными кулаками и костями и тощимъ кошелькомъ, отчаянные духомъ, гроза тогдашняго міра, который казался имъ тѣснымъ. И эти отчаянные головорѣзы не только покорили одну за другою Нормандію, Сицилію, Англію, но и основали государство, истинно славное, знаменитое государство—дрянъ. Еслибы Англія осталась подъ властію толстокожихъ флегматиковъ Англо-Саксовъ, никогда не вышло бы изъ нея ничего путнаго. А смѣшавшись съ этою норманскою разбойничьею кровью, она образовала славную, знаменитую породу людей... Не странно ли однако? сказалъ онъ помолчавъ:—самыя могущественныя державы, которыя когда-либо существовали въ мірѣ, произошли отъ людей, не признававшихъ никакой свободы, никакихъ правъ и попиравшихъ все вокругъ себя?

«— Какъ вы это понимаете? что вы хотите этимъ сказать?»

«— А какъ же? развѣ не разбойники основали Римъ, если только правду говорить исторія, и развѣ не отъ морскихъ разбойниковъ Великобританія получила свое начало?»

«— Вы рисуете слишкомъ яркими красками, судья.—Норманы, покорившіе Англію, столько же походили на морскихъ разбойниковъ, сколько наши *янки* походятъ теперь на набожныхъ пилигримовъ изъ Плимута. Это были бароны и рыцари, которые выступили изъ своихъ замковъ и резиденцій въ Нормандію; если хотите, искатели приключеній, но не въ пошлому смыслѣ; искатели приключеній, грозные для враговъ, но великодушные къ странникамъ, почтительные къ прекрасному полу.

«— Должно быть рыцарски-великодушны были они! возразилъ алькальдъ, прихлебывая изъ стакана:—нечего сказать, рыцарски великодушны, когда королевскія принцессы даже при дворѣ своихъ государей не могли найти защиты отъ рыцарской ихъ грубости, и должны были искать убѣжища въ монастыряхъ! когда вся страна представляла зрѣлище насилій, разврата, убійствъ и грабежа! Славное великодушіе! славное рыцарство! Нѣтъ, любезнѣйшій мой; хорошее мнѣніе ваше о Норманахъ дѣлаетъ честь вашей юношеской поэтической фантазіи, но никакъ не здравому вашему разсудку или историческому наблюдательному взгляду. Вы очень ошибаетесь, если думаете, что могучіе богатыри, одержавшіе побѣду при Гастингсѣ или вырвавшіе у Іоанна Безземельнаго знаменитую Magna Charta, были рыцарски-благородные джентльмены. Разсѣйте облака и өміамъ, которыми семь столѣтій и поэты и поэтизирующіе историки окружили вашихъ героевъ, и вы найдете, что они были такіе же отчаянные головорѣзы, грабители, кровожадные собаки, какъ...

« Я съ негодованіемъ отвернулся и, возмущенный этими выраженіями, пробормоталъ:

« — Вотъ наше американское проклятіе! Мы все, къ чему только ни прикоснемся, стаскиваемъ до нашего уровня и мѣряемъ на свой грубо-плебейскій аршинъ.

« Въ досадѣ своей я сказалъ громче, нежели хотѣлъ. Алькальдъ однако нѣсколько времени не отвѣчалъ; отдувая отъ себя дымъ сигары, онъ помолчалъ минуты двѣ, и потомъ возразилъ:

« — Вотъ какъ? Такъ мы все, до чего ни дотронемся, мѣряемъ на свой грубо-плебейскій аршинъ? Вамъ это кажется грубо, это вамъ проза, нѣтъ поэзіи, не правда ли? Вы хотѣли бы, чтобы мы падали на колѣни передъ древними Норманами, какъ передъ полубогами, какъ передъ недосягаемыми героями баснословнаго вѣка? чтобы воспѣвали ихъ? Пхе! Предоставляемъ это вашимъ нью-йоркскимъ, лондонскимъ и парижскимъ беллетристамъ; мы же, вмѣсто этого, будемъ сами доставлять вашимъ поэтамъ предметы для пѣснопѣній, покажемъ имъ фактическую поэзію. Покажемъ, покажемъ! Совершимъ самито, что совершили Норманы; совершимъ, говорю вамъ; хоть и не совсѣмъ такъ, какъ они, а все-таки въ этомъ родѣ. Чувствуемъ и мы въ крови своей не менѣе отваги, духа и силы, сколько могли когда-либо чувствовать Норманы. Черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, когда Техасъ будетъ мотушественнымъ государствомъ, можетъ-быть вы увидите и надъ нашими головами подобное сіяніе, такой же нимбъ.

« Я не смотрѣлъ на алькальда и не зналъ, что подумать: серьезно ли говорилъ онъ, или ананасный пуншъ разогрѣлъ его до такой степени? Этотъ смѣлый полетъ мыслей сдѣлалъ бы честь самому пылкому нашему кентеккійцу.

« — Увидите! продолжалъ онъ. — Если Норманны отдубасили при Гастингсѣ толстоголовыхъ флегматиковъ Англо-Саксовъ, то мы намѣрены сдѣлать то же самое съ тонкоголовыми Мексиканцами, хоть ихъ и приходится по тысячѣ человекъ на cadaго изъ насъ одного. Конечно, дѣйствія наши съ перваго раза не покажутся поэтическими, напротивъ, скорѣе прозаическими; ваши тори и ихъ твари, ручаюсь вамъ, не преминутъ расписать насъ по своему: и денными разбойниками, и ворами, и сбѣжавшимся сбродомъ, и Богъ знаетъ еще чѣмъ; но мы будемъ утѣшать себя мыслию, что и Норманамъ въ свое время доставалось не легче; что и ихъ бранили и проклинали, когда они морскими разбойниками напали на Нормандію и сухопутными на Англію. Только въ послѣдствіи, когда они уже владѣли обѣими землями, сіяніе и нимбъ сошли на ихъ головы; тогда только они нашли средства и случай платить поэтамъ и поэтизирующимъ историкамъ, откармливать набожныхъ прелатовъ, которые должны были проповѣдывать, что

дѣла ихъ совершались по внушенію и благословенію Божию. Отнимите это сіяніе у вашихъ героевъ, и вы увидите, что кровь ихъ была не чище и не краснѣе нашей; едва ли даже такъ красна и чиста.

• На такую рѣчь нечего было отвѣчать; я молчалъ.

• — Э, почтеннѣйшій! да вы сердитесь. Не годится; такъ нельзя будетъ разговаривать. Въ преріяхъ, продолжалъ онъ съ важностію, — совсѣмъ иначе смотришь на вещи, нежели въ вашихъ городахъ. Города ваши устроены человѣческими руками, заражены человѣческимъ дыханіемъ; луга же созданы Богомъ, оживлены чистымъ Его духомъ. Чистый духъ этотъ дивнымъ образомъ проясняетъ взоръ омраченный городскими испареніями! Дивная вещь это прозрѣніе, когда видимо исчезаютъ испорченныя, зараженныя испаренія, и вы до дна видите иотину, видите какъ распоряжается великій Зиждитель, видите, какъ для созданія самыхъ прекрасныхъ, дивныхъ своихъ твореній служатъ самые чудовищные элементы, самые отчаянные люди, даже воплощенные дьяволы, которые такъ буйствуютъ, какъ будто только-что вышли изъ ада!

• Я взглянулъ на него и подумалъ: къ чему все это клонится?

• — Да, воплощенные дьяволы; и буйствовали они какъ будто только-что вырвались изъ ада.

• — О комъ говорите вы, судья?

• — О комъ? о комъ? О комъ же больше, какъ не о Норманнахъ?

• Меня покорило наконецъ: точно меня укусила скорпіонъ. Непреодолима неотвязчивость, съ которою онъ не отставалъ отъ своихъ Нормановъ, доходила, казалось мнѣ, до мономаніи.

• — Вы, кажется, крѣпко не жалуете этихъ Нормановъ, судья? зашѣтилъ я, качая головой: —какого же чорта они вамъ сдѣлали?

• — Ничего, любезнѣйшій! Они мнѣ не сдѣлали ничего, кромѣ добра. Если они были воплощенные дьяволы для Французовъ и Англо-Саксовъ, такъ для насъ они были славные, знаменитые, могучіе богатыри. Безъ этихъ Нормановъ не было бы Великобританіи, Соединенныхъ Штатовъ; не было бы Виргиніи. Весь свѣтъ, разчитываю, былъ бы не что иное, какъ жалкое скопище мелкихъ торгашей.

• — Хорошо! Такъ за что же вы постоянно и вѣчно нападаете на этихъ Нормановъ, какъ будто они и въ самомъ дѣлѣ были вырождающіе человѣчества? Мнѣ кажется, напротивъ, мы имѣемъ полное право гордиться этими Норманами.

• — Такъ кажется и мнѣ; но чтобъ имѣть ясное понятіе о предметѣ, надобно, разчитываю, смотрѣть на него не съ одной свѣтлой стороны. Норманы, конечно, оставили намъ славное наслѣдство,

но они были, разчитываю далеко не ангелы, когда приобрѣтали его; скорѣе были воплощенные дьяволы. Земли и государства не приобрѣтаются, какъ невѣсты, кротостію, терпѣніемъ, учтивостію и скромностію; а приобрѣтаются силою, превосходствомъ и ударами. Еслибы Норманы были кроткіе, благонравные люди, еслибы они любили миръ, порядокъ и справедливость, то ни Нормандіи, ни Англіи не видать бы имъ, какъ ушей своихъ. Но это были сильные, грубые, отчаянные головорѣзы, которые въ грошъ не ставили свѣта и его мнѣнія, заставляли своихъ прелатовъ молиться за себя и просить небеснаго благословенія, а сами свирѣпствовали, какъ воплощенные дьяволы. Еслибы Норманы были благочестивые, богобоязненные и смиренные люди, то они позволили бы, какъ Нѣмцы, отнимать у себя всѣ права, постепенно одно за другимъ, позволили бы содрать съ себя кожу. Еслибы Гуго Капетъ былъ благочестивый, богобоязненный, смиренный майордомъ или графъ парижскій, то онъ и остался бы навсегда смиреннымъ парижскимъ графомъ; никто бы и не замѣтилъ его, а Каролинги и до сихъ поръ сидѣли бы на престолѣ. Великаго достигаютъ не добрые, не благочестивые, не смиренные государи и народы; лучшіе государи для Англіи и Франціи были именно самые безсовѣстные и всего менѣе разборчивые въ выборѣ средствъ. Лудовикъ XI, величайшая бестія между Капетами, сдѣлалъ для величія Франціи болѣе, нежели двадцать Лудовиковъ Святыхъ, и сдѣлалъ это съ помощію самыхъ черныхъ злодѣевъ, которые когда-либо существовали на свѣтѣ; злодѣевъ, въ сравненіи съ которыми нашъ Бобъ могъ бы быть названъ образцомъ добродѣтели. Но Лудовикъ зналъ, чего хотѣлъ отъ своихъ Оливье, отъ своихъ сватовъ. Для государственнаго человѣка необходимы и Оливье, и сваты, и Бобы.

«На словъ *Бобы* онъ сдѣлалъ такое удареніе, что я встрепенулся.

«— Бобы? вскричалъ я.

«— Ну да, Бобы! повторилъ алькальдъ.

«— Бобы? вскричалъ я снова.—Зачѣмъ Бобъ? Чтò вы хотите съ вашимъ Бобомъ?

«— Чтò хотимъ съ Бобомъ? сказалъ онъ, доставая свѣжую сигару.—То же, что Плантагенеты, Капеты хотѣли съ людьми его покроя.

«— Но вы не Плантагенетъ, не Капетъ.

«— Нисколько не хуже cadaго изъ нихъ. Никакъ не хуже самаго лучшаго изъ нихъ, сказалъ онъ, преспокойно закуривая сигару... Нисколько не хуже, повторилъ онъ, раскуривши ее;—ни на волосъ не уступлю. Мы нисколько не хуже ихъ и имѣемъ такое же право дѣлать съ собою, чтò хотимъ, какъ любой Плантагенетъ или Капетъ, и такъ же мало зависимъ отъ кого бы

то ни было, какъ и они. Мы свободные американскіе граждане, любезнѣйшій мой! Никому неподвластны, кромѣ Бога и закона!

«— Закона; вы говорите справедливо. Но позволяетъ ли вамъ законъ...

«— Отнять Техасъ у Мексиканцевъ, хотите вы сказать? сказалъ онъ съ улыбкой.—На столько же, на сколько законъ позволялъ Вильгельму Завоевателю отнять Англію у Англо-Саксовъ, и даже больше. Если люди, подобные Бобу, могутъ быть при этомъ полезны, то я право не понимаю, почему бы...

«И алькальдъ проговорилъ все это такъ спокойно, такъ равнодушно! Его рѣчь и способъ выраженія превзошли все, что я когда-либо слышалъ въ этомъ родѣ.»

— Однако, полковникъ, правду сказать, я вовсе не понимаю, что вамъ тутъ показалось страннымъ и необыкновеннымъ, перебилъ его полковникъ Бенгли. — По моему, алькальдъ говорилъ такъ, какъ имѣетъ право говорить гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ.

— Конечно, замѣтилъ, смѣясь, полковникъ Окли;—только выразался онъ немножко странно. Сейчасъ видно, что онъ живетъ въ новой, техасской землѣ.

— Другъ широкой свободы и врагъ всякаго покровительства, сказалъ кто-то со смѣхомъ.

— Совершенно справедливо! замѣтилъ Окли.

— Совершенно справедливо! подтвердилъ генералъ.—Скажите, полковникъ Морзъ, этотъ алькальдъ не тотъ ли самый, который такъ рѣшительно выступилъ противъ генерала Коса и полковника Мехіа? который довелъ до взрыва всеобщее броженіе умовъ въ Техасъ?

— Тотъ самый, отвѣчалъ Морзъ.

— Я такъ и думалъ. Могучій характеръ! хоть немножко и чудакъ.

— Вы говорите немножко? нетерпѣливо вскричалъ полковникъ Крекеръ.—Немножечко, генералъ? скажите лучше совсѣмъ помѣшанный! Возмутительный челоуѣкъ! врагъ всякаго общественнаго порядка! Его бы слѣдовало посадить въ смиригельный или сумашедшій домъ!

— Вы такъ думаете? насмѣшливо спросилъ техасскій полковникъ.—Въ такомъ случаѣ мнѣ право очень жаль, что я такъ неосторожно коснулся вашей деликатной нравственности, можетъ-быть даже оскорбилъ ее...

— Дослушаемъ сперва алькальда, примирительно вмѣшался полковникъ Окли.

— Доставите вы намъ удовольствіе дослушать его, полковникъ? спросилъ генералъ.

— Очень охотно! отвѣчалъ Морзъ.

IX.

«Алькальдъ нѣсколько минутъ сидѣлъ, не говоря ни слова. Вдругъ онъ устремилъ на меня пронизательный взглядъ.

«— Вы юристъ, законникъ, не правда ли?

«При этомъ неожиданномъ вопросѣ я, признаюсь, смутился.

«— Изъ чего вы это заключаете? спросилъ я наконецъ.

«— Вѣдь вы хотите, чтобы Бобъ, во что бы то ни стало, былъ повѣшенъ. Это совершенно согласно съ закономъ, и я вижу, что вы поборникъ закона. Во всемъ у васъ проглядываетъ законъ; вы думаете, что нужно возмездіе, что оно въ порядкѣ вещей, хотя, по правдѣ сказать, я не ожидалъ, чтобы именно вы были обвинителемъ Боба.

«Говоря это, онъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ отдувалъ отъ себя дымъ своей сигары.

«Я молчалъ, ибо чувствовалъ, что онъ задѣлъ меня за живое: каково бы ни было преступленіе, не мнѣ слѣдовало осуждать Боба.

«— Но я васъ за это не обвиняю, продолжалъ онъ очень спокойно, —виною тому натура; это лежитъ въ нашей натурѣ, или, скорѣе, въ духовной формѣ, которую отпечатало на насъ гражданское общество. Форма эта проявляется вездѣ. Притомъ же въ только-что пріѣхали изъ Штатовъ, гдѣ человѣческая жизнь не имѣетъ такой высокой цѣны. Но здѣсь у насъ въ преріяхъ совершенно иначе. Здѣсь человѣческая жизнь вдвое дороже, чѣмъ у васъ въ Штатахъ, и въ двадцать разъ дороже, нежели въ старой Англіи, гдѣ она уже не имѣетъ почти никакой цѣны, гдѣ бѣдняка вѣшаютъ за украденную овцу. У насъ бы онъ могъ украсть цѣлое стадо, и за это его много много что высѣкли бы.

«Онъ замолчалъ на минуту.

«— Но теперь, кажется, и у васъ въ Штатахъ убійство не наказывается уже смертію, или по крайней мѣрѣ не такъ часто?

«При этомъ вопросѣ онъ снова устремилъ на меня испытующій взоръ.

«— Дѣйствительно, съ того времени, какъ распространились Ливингстоновы начала. Вы знаете, что въ нѣкоторыхъ штатахъ эти начала были приняты въ основаніе при составленіи уголовныхъ законовъ.

«— Да, Ливингстонъ великій философъ, замѣтилъ онъ въ размышленіи; —истинный философъ-криминалистъ! Основное положеніе его, что никакое гражданское общество не можетъ имѣть

права отнять жизнь у человека, = въ высшей степени справедливо. Положеніе чисто демократическое! Но я съ своей стороны впрочемъ того мнѣнія, что при такихъ условіяхъ никакое гражданское общество не можетъ долго существовать.

«— Я согласенъ съ вами, по крайней мѣрѣ слишкомъ многочисленное общество, столпившееся въ большихъ городахъ. Положеніе, что преступникъ и даже убійца долженъ быть сдѣланъ безвреднымъ для общества, но никакъ не долженъ быть принесенъ ему въ жертву, философски мудро, но не благоразумно.

«— Потому что изъ всѣхъ негодяевъ, образованный негодяй, безъ всякаго сомнѣнія, самый опасный, присовокупилъ онъ.

«— И потому еще не благоразумно, замѣтилъ я,—что запирая, перевоспитывая и потомъ опять выпуская преступника въ гражданское общество, мы наказываемъ не преступника, а самое общество. Дѣйствительно, это перевоспитаніе—эпитимія, слишкомъ тяжелая для нашихъ штатовъ. Подумайте только о страшныхъ суммахъ, которыя мы вздерживаемъ на государственныя темницы въ Обурнѣ, Зингзигѣ, Филадельфій, Питсбургѣ!

«— Но съ другой стороны преступники образуются обыкновенно отъ недостатковъ самого общества и его несовершенствъ, и, мнѣ кажется, весьма было бы справедливо, чтобы...

«— Однако, судья, перебилъ я его зѣвая,—разсуждая такимъ образомъ, мы можемъ зайти въ настоящій лабиринтъ доказательствъ и противорѣчій.

«— Правда, правда! возразилъ алькальдъ, осушая стаканъ:—но теперь вы, по крайней мѣрѣ поймете, что если вы у себя въ Штатахъ не казните преступниковъ, то намъ здѣсь и подавно не слѣдуетъ вѣшать Боба. Тогда работы не оберешься.

«— Но вы не въ Штатахъ, а въ Мексикѣ; вы мексиканскій алькальдъ!

«— И поэтому, вы думаете, мы должны сдѣлаться вашими палачами, и вы посылаете къ намъ своихъ убійцъ и разбойниковъ? Положимъ, что у васъ въ Штатахъ какое-нибудь судилище и дерзнетъ приговорить къ смерти самаго ужаснаго преступника; вы непременно его освободите и дадите ему возможность убѣжать къ намъ; это такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что Моисей былъ Еврей.

«Къ сожалѣнію, я долженъ былъ согласиться съ нимъ, ибо, какъ извѣстно, основное положеніе Ливингстона, а по моему скорѣе предубѣжденіе его, что *общество не имѣетъ права отнять жизнь у гражданина*, такъ повсемѣстно распространилось, что дѣйствительно едва можно найти судилище, которое произнесло бы смертный приговоръ за преступленіе, самое тяжкое и всѣми признанное достойнымъ смертной казни. Вы можете быть увѣрены,

что его освободятъ, а попробуй онъ показаться на другой день, такъ его непременно сами *полимчатъ* (1).

« — Мексиканцы въ свою очередь, продолжалъ алькальдъ, — присылаютъ къ намъ своихъ преступниковъ. Изъ гарнизона различныхъ постовъ: Санъ-Антоніо, Накогдочесъ, форта Голиадъ, Аламы, то-есть изъ четырехъ сотъ слишкомъ человѣкъ, не найдется и двѣнадцати, которые бы не заслужили смертной казни; всѣ они, безъ исключенія, осужденные на смерть разбойники и убійцы, изъ которыхъ составили тамъ нѣчто въ родѣ ссылочнаго гарнизона. Мексиканцы въ этомъ случаѣ держатся тонкой политики: на преступника, осужденнаго на казнь, надѣвають солдатскую куртку, ссылаютъ его въ Техасъ и, для очищенія грѣховъ, заставляютъ дѣйствовать противъ насъ, еретиковъ, *Neleges*. Такимъ образомъ нашъ Техасъ на самой прекрасной дорогѣ сдѣлаться вторымъ Ботанибеемъ.

« — Не слишкомъ заманчивая перспектива! замѣтилъ я.

« — Но впрочемъ не такъ дурная, какъ вы думаете, очень равнодушно возразилъ алькальдъ. — Въ этомъ, разчитываю, есть своего рода польза, какъ для Мексики, такъ и для насъ. Мексика освобождаетъ себя отъ вредныхъ головъ, а намъ даетъ возможность освободиться отъ нея самой.

« — Какъ такъ?

« — Да такъ. Эта мѣра будетъ одною изъ множества рукоятокъ того большаго багра, который оттолкнетъ насъ отъ Мексики, а ваши ссыльные и висѣльники избавятъ насъ въ свою очередь отъ этой мексиканской сволочи, и такимъ образомъ будутъ противоидіемъ мексиканскому яду. Если подобную ватагу напустить на ваши тѣсно населенные штаты, она, конечно, произвела бы тамъ страшныя опустошенія и окончательно развратила бы жителей, ибо одна уже атмосфера порока заразительна. Здѣсь же опасаться этого нечего.

« Онъ положилъ сигару, отодвинулъ въ сторону стаканъ, и сказалъ съ важностію:

« — Слава Богу! нечего опасаться. Здѣсь ни злодѣй, ни убійца не повредитъ дурнымъ примѣромъ, никого не заразитъ, потому что здѣсь никто съ нимъ не связывается, всякій его избѣгаетъ. Увѣряю васъ, злодѣй, убійца здѣсь такъ же свободенъ, какъ я и вы: никто его не обидитъ; однако часто онъ съ радостію промѣнялъ бы эту свободу на тюрьму, чтобы только быть съ подобными себѣ, ибо такая свобода для него страшнѣе заключенія. Для злодѣя, для убійцы ничего не можетъ быть ужаснѣе этой свободы въ луговыхъ степяхъ. Увѣряю васъ, тысячу разъ охот-

(1) Казнятъ судомъ Линча.

нѣе онъ пошелъ бы въ тюрьму, потому что тамъ онъ между равными себѣ, тамъ онъ не отверженъ, не изгнанъ, даже въ одинокой кельѣ ему легче: онъ по крайней мѣрѣ знаетъ, что онъ тамъ подъ одною кровлею съ равными себѣ. Здѣсь же ему все чуждо; здѣсь всякій избѣгаетъ его, даже убійца обходитъ; убійцы бѣгутъ другъ отъ друга; даже за бутылкою рома не охотно встрѣчаются они. Каждый остается съ самимъ собою, въ своемъ собственномъ обществѣ; и какъ это общество должно быть ужасно! одинъ съ своею нечистою совѣстію! Она постоянно гонитъ и всюду преслѣдуетъ его, не давая ни покоя, ни отдыха, вѣчно терзая его! И это понятно: тутъ онъ стоитъ посреди чистаго, неоскверненнаго Божьяго міра, передъ лицомъ свѣтлой, безпредельной, безмолвной пустыни! Надъ нимъ гнѣвный перстъ Божій, грозящій ему съ небесъ, изъ земли, изъ всѣхъ дивныхъ, великихъ Его твореній! Стоитъ онъ, зараженный смрадомъ убійства, котораго отогнать не въ силахъ: чистымъ божественнымъ дуновеніемъ смрада этотъ постоянно возвращается къ нему и душитъ его!... Нѣтъ, у насъ въ Техасѣ не позавидуете свободѣ злодѣевъ и убійцы!

«— Да, завидовать нельзя! прошепталъ я, содрогаюсь, ибо при этихъ словахъ алькальда мнѣ живо представился Бобъ съ его страшными отчаяніемъ и терзаніями совѣсти.

«— Да, для подобныхъ людей наши луговья степи такая ужасная тюрьма, какую когда-либо строилъ архитекторъ! Намъ вовсе и не надобно тюрьмы: у насъ ужъ никто не убѣжить. Вотъ почему я и Боба оставилъ на свободѣ. Впрочемъ, еслибъ у насъ и была тюрьма, я и тогда оставилъ бы его свободнымъ.

«— Какъ? оставили бы его на свободѣ?

«— Оставилъ бы, потому что мы не можемъ, не имѣемъ права посадить его въ тюрьму.

«— Не можете, не смѣете посадить его въ тюрьму? Да вѣдь вы алькальда?

«— Да, но тутъ есть маленькая запятая, и, если угодно, скажу вамъ какая. Еслибы мы были совершенно свободны и независимы отъ Мексиканцевъ, намъ бы не трудно было найти топориче для своего топора. Но мы еще подъ властію Мексики: правительство у насъ мексиканское, военныя власти мексиканскія, суды наши состоятъ изъ Мексиканцевъ. Теперь спрашиваю васъ, сообразно ли, не говорю я съ американскою гордостію, нѣтъ, просто съ чувствомъ стыда,—позволительно ли своего соотечественника, единокровнаго, предать ихъ суду, и тѣмъ самымъ обнаружить нашъ собственный позоръ? Теперь представьте себѣ, что приговоръ состоялся въ первой инстанціи; его слѣдуетъ передать во вторую, то-есть въ окружный судъ. Но всѣ засѣдателя

этого суда, хотъ мнѣ и не слѣдовало бы такъ говорить, потому что я самъ судья, всѣ до сдого самая жадная сволочъ, которая когда-либо ходила въ взорванныхъ башмакахъ! Всѣ они—бывшіе холопы епископовъ, архіепископовъ, президентовъ, генераловъ, и притомъ совершенно безграмотные; за дурное поведеніе ихъ послали на эту должность, похожую скорѣе на милостивую ссылку, съ тайнымъ условіемъ, чтобъ они старались всѣми силами, всѣми способами, сдѣлать жизнь нашу невыносимою, и тѣмъ самымъ выжить насъ изъ Техаса. Сначала они сами вызвали насъ сюда, въ той надеждѣ, что мы очистимъ ихъ землю отъ Куманчѣвъ и другихъ мародеровъ, съ которыми они не могли справиться. Теперь же, когда мы очистили страну отъ Индѣйцевъ, они хотятъ очистить ее отъ насъ, засѣсть въ готовая теплая гнѣзда, въ устроенные нами дома и плантаціи. Вотъ ключъ къ ихъ политикѣ.

«— Славная политика, нечего сказать! замѣтилъ я.

«— Да, славная; а средства, употребляемыя ими, еще лучше. Всѣ помышленія и дѣйствія устремлены только на то, чтобы ссорить насъ другъ съ другомъ; они не останавливаются ни передъ какимъ средствомъ, не щадятъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобы только запутать въ своихъ сѣтяхъ нашихъ гражданъ и даже бѣглецовъ.

«— Для какой же цѣли нужны имъ послѣдніе?

«— Для такой цѣли, какой вы можете ожидать отъ духовнаго правительства, именно чтобы собирать противъ насъ ядовитыя стрѣлы. Лишь только нашъ преступникъ, заслужившій смертную казнь, будетъ препровожденъ алькальдомъ, то-есть первою инстанцією, въ окружный судъ, то онъ не только навсегда потеряетъ для насъ и нашихъ интересовъ, но и становится поневолѣ смертельнымъ нашимъ врагомъ. О справедливости тутъ и рѣчи быть не можетъ. Конечно, для вида, его осуждаютъ на смерть, но вслѣдъ за произнесеніемъ приговора къ нему приступаютъ мѣстный *padre* и начальникъ квартирующей въ округѣ военной команды, и предлагаютъ жизнь и свободу, только съ условіемъ, чтобъ онъ сдѣлался католикомъ или поступилъ въ мексиканскую службу. Разумѣется, на одно изъ этихъ условій онъ непременно согласится, и, во всякомъ случаѣ, онъ для насъ уже совершенно потерянъ: изъ американскаго гражданина онъ обращается въ ренегата, врага своего отечества. Конечно, нѣмецкій, французскій, даже англійскій ренегатъ можетъ быть человѣкомъ очень честнымъ и достойнымъ всякаго уваженія: общественный гнетъ родины могъ быть для него невыносимъ, и онъ могъ искать для себя атмосферы болѣе свободной, болѣе чистой; но отступникъ, врагъ нашей страны, это не только отъявленный злодѣй, но и врагъ всего человѣчества: такой человѣкъ на все способенъ. У

насъ было два примѣра, и примѣры эти очень печальны; они будутъ служить намъ предостереженіемъ на вѣчныя времена!

«— Однако, въ самомъ дѣлѣ затруднительное положеніе! замѣтилъ я.

«— Да, сказалъ алькальдъ, принимаясь опять за сигару.— Вы видите теперь, что если мы обвинимъ Боба, то все-таки это ни къ чему не поведетъ (положимъ даже, что онъ не былъ бы намъ такъ нуженъ). Если мы обвинимъ Боба, то должны отправить его въ окружный судъ, въ Санъ-Антоніо, гдѣ его непременно освободятъ, и онъ черезъ часть меня же застрѣлитъ на улицѣ, среди бѣлаго дня, изъ мексиканскаго своего мушкета, и за это получить еще отпущеніе грѣховъ отъ своего *padre*, а отъ генерала своего повышение и награду; этимъ онъ вѣдь избавляетъ міръ отъ еретика, отъ врага единоспасающей католической церкви.

«— Но вѣдь это ужасно! замѣтилъ я.

«— Ну, не совѣмъ и ужасно, очень хладнокровно возразилъ алькальдъ, осушая стаканъ. — Не такъ чортъ страшенъ, какъ его малюютъ, и нѣтъ на свѣтѣ такого зла, изъ котораго нельзя было бы извлечь пользу. Подобные случаи очень помогли намъ, открыли глаза нашимъ гражданамъ, и скорѣе увѣрили ихъ въ необходимости отторженія отъ Мексики, нежели самыя основательныя доказательства и пренія. Случаи эти для насъ—настоящія зажигательныя снаряды, способныя воспламенить готовые горючіе матеріалы... А матеріаловъ у насъ много, продолжалъ онъ съ самодовольствомъ, наполняя стаканъ,—такъ много, что мы можемъ надѣяться произвестъ порядочный пожаръ. Теперь вопросъ только въ томъ: кѣмъ и когда зажигать? Теперь ли удобный моментъ, вотъ вопросъ. Въ такихъ дѣлахъ все зависитъ отъ благопріятной минуты... Сыновьямъ великаго *скауттера* и Аустинамъ хотѣлось бы еще подождать, продолжалъ онъ, сомнительно качая головою...—Ни сыновья Натана, ни Аустины не хотятъ еще приниматься за дѣло, продолжалъ алькальдъ, послѣ нѣкотораго молчанія.—«Еще будетъ время,» говорятъ они. Можетъ-быть они и правы: многое говорить за нихъ, многое и противъ нихъ. Бываютъ случаи, что не слѣдуетъ слишкомъ рано заводить себя собственнымъ хозяйствомъ, но часто бываетъ и наоборотъ. Отторженіе отъ отцовскаго дома, отъ роднаго края, объявленіе себя совершеннолѣтнимъ—дѣло не очень трудное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и запутанное. Молодые люди, которые спѣшатъ быть самостоятельными, могутъ выиграть при этомъ, но точно такъ же легко могутъ и проиграть, если они не имѣютъ достаточной силъ и средствъ выдержать себя до конца. Безразсудно начинать хозяйство, когда нѣтъ силъ и средствъ вести его какъ слѣдуетъ; только втягиваешься въ долги и попадаешь въ зависимость, а

подобная зависимость для государства пагубна, какъ и для частнаго лица. Но съ другой стороны надобно взять во вниманіе молодость, бодрость, дѣятельность начинающихъ, и никакъ не упускать удобнаго момента. Тысячи, миллионы берутся у насъ за дѣло, и, не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ здоровыхъ рукъ и головъ, они между тѣмъ успѣваютъ. Все зависитъ отъ самого человѣка и наконецъ отъ благопріятной минуты, которая приходитъ только одинъ разъ, какъ человѣку, такъ и цѣлому народу,—одинъ разъ, именно тогда, когда они молоды. Но если они устарѣли, то уже поздно. Кто не женится въ свое время, не начнетъ и не подвинетъ впередъ своего хозяйства во время, тотъ пусть лучше и не приступаетъ къ хозяйству... Намъ предстоитъ рѣшить очень важный вопросъ, продолжалъ онъ, отпивая изъ стакана:—начинать теперь или подождать еще? Конечно, въ сравненіи съ Мексикою насъ только горсть; на тысячу Мексиканцевъ едва ли приходится одинъ Американецъ; но между нами есть достойные, честные, рѣшительные, сильные, дивные люди! Боюсь, чтобы мы не упустили рѣшительной минуты; боюсь, чтобы духъ, этотъ независимый духъ, который Американецъ всасываетъ вмѣстѣ съ молокомъ матери, не испортился, не улетучился въ рабской мексиканской атмосферѣ, чтобы намъ не сдѣлаться наконецъ такими же Мексиканцами, свобода которыхъ—одна только безстыдная ложь... Для человѣка свободнаго опека эта мексиканская возмутительна! продолжалъ алькальдъ.—Нѣтъ больше силъ сносить ее! Во все вмѣшивается это черное отродье. Эти *padri* твердятъ, что нашъ бракъ, не освященный ихъ бритою головой, не имѣетъ силы. Они хотятъ, чтобы мы, протестанты, приносили къ нимъ нашихъ дѣтей для крещенія, чтобы мы слушали ихъ богослуженіе, чтобы исповѣдывали имъ свои грѣхи. Понимаете ли вы, что это значить? шепнуть имъ въ уши и открыть всѣ сокровеннѣйшія мысли наши, намѣренія, предпріятія, даже ошибки и проступки! Паписты эти не такъ глупы, какъ кажутся! Съ другой стороны, мы въ вѣчномъ разладѣ съ нашимъ генеральнымъ конгрессомъ, вѣчно ссоримся съ собраніемъ въ Когагуилѣ, отъ которой мы желаемъ и должны оторваться, если хотимъ двинуться впередъ.

«— Какъ же граждане смотреть на все это? спросилъ я.

«— Странно слышать такой вопросъ отъ человѣка, который жилъ на линіи Мазона и Диксона! Что говорятъ? Они говорятъ то, что могутъ говорить граждане, рожденные въ колыбели свободы и вскормленные этою свободой. Нѣтъ въ нихъ ни сомнѣній, ни колебаній, и всѣ они хоть сейчасъ готовы приступить къ дѣлу: и *чумочки* изъ Индіаны, и *сосуны* изъ Иллинойса, *львіе* изъ Миссури и *рыжаки* изъ Кентекки, *kozy* изъ Огайо и *прожоры* изъ Мичигана, *узры* изъ Новой Англіи, *тугоголовы* изъ

Тенесси и *вернольдс* изъ Виргиніи. Всѣ они готовы, и хотъ сей-йчасъ приступать къ дѣлу. А есть въ общинахъ пятьдесятъ насъ отборныхъ человекъ: за нами послѣдуютъ и всѣ остальные. Колѣблются только еще сыновья и внуки Натана и Аустины, аристократы; но придется наконецъ и имъ плыть по теченію или погнѣнуть въ волнахъ. Не пройдетъ и года, какъ закипитъ у насъ дѣло.

«Я покачалъ головою. Предпріятіе это было болѣе, чѣмъ важно; оно было просто отчаянно: едва три тысячи человекъ, способныхъ носить оружіе, противъ республики, въ которой девять милліоновъ душъ!

«— Конечно, прибавилъ онъ, угадавъ мои мысли, конечно, важное предпріятіе; но это такіе люди, которые знаютъ за что берутся: взявшись за копье, они увѣрены, что попадутъ имъ туда, куда нужно; а за копье берутся они, какъ слѣдуетъ браться. Скажу больше: лучшіе Мексиканцы должны даже радоваться нашей побѣдѣ; желанія благороднѣйшихъ Мексиканцевъ на нашей сторонѣ, и мы твердо рѣшились не покоряться больше поповскому правительству Бустамента, не сносить больше недостойныхъ ихъ дѣйствій и деморализующихъ притѣсненій. Не хотимъ, не должны больше позволять, чтобъ оскорбляли чувство нашего собственного достоинства. А сыновья Натана и Аустина, вотъ видите готовы покориться всему, продолжалъ онъ,—снести все, лишь бы имѣть покой; имъ нравится этотъ покой, ничего лучшаго они не желаютъ. Говорю вамъ, что въ подобныхъ случаяхъ Бобы для меня во сто разъ лучше, несмотря на ихъ преступленія и испорченность: они для насъ полезнѣе. Правда, они дурные люди; но если вы строите домъ, и у васъ не достаетъ извести, то вы берете глину; если не достаетъ у васъ мрамора, то вы довольствуетесь гранитомъ. Подобный гранитъ послужилъ же фундаментомъ Великобританіи; сырой, грубый гранитъ—самый лучшій матеріалъ въ рукахъ искуснаго строителя, для основанія крѣпкаго, прочнаго зданія... Самый лучшій, продолжалъ онъ;—по крайней мѣрѣ при настоящемъ нашемъ кризисѣ. Сыновья Натана и ваши Аустины скорѣе вредны, чѣмъ полезны, тогда какъ Бобы за свободу души и тѣла своихъ согражданъ, за правое дѣло, по первому призыву готовы пожертвовать своимъ достояніемъ, кровью и всѣмъ своимъ существомъ, не имѣющимъ для нихъ никакой цѣны. Наши Бобы нисколько не хуже тѣхъ тварей, которыя были употребляемы вашими Наполеонами, вашими Лудовиками-Филиппами, и на насъ которыхъ даже и теперъ бросаютъ огромныя деньги.

«— Можетъ-быть! замѣтилъ я;—однако...

«— Мы не можемъ оправдать Боба, продолжалъ алькальдъ,—но не можемъ и осудить его; этимъ мы расшевелили бы гнѣздо

ось, которыя могутъ искусать насъ до крови. Но чего бы это ни стоило, а мы найдемъ случай избавиться отъ этихъ ось, и, ругаясь вамъ, что этимъ принесемъ существенную пользу странѣ, обществу, свободѣ и религіи. Противъ бандитовъ, которыхъ прежде всего вышлютъ противъ насъ Мексиканцы, намъ нужны именно такіе люди, какъ Бобъ; а честнаго гражданина истинно жаль посылать противъ такихъ бандитовъ. Признаюсь вамъ, часто меня коробило, когда я, лежа въ постелѣ, сидя въ комнатѣ или ходя по лугамъ и островамъ, думалъ о томъ, зачѣмъ это люди, подобные Бобу, бродятъ и шатаются здѣсь въ Техасѣ, гдѣ они ничего не найдутъ для себя, ни игорныхъ домовъ, ни безпутной компаніи; гдѣ, напротивъ, каждый долженъ трудиться, съ усиліемъ трудиться и бороться съ лишениями всякаго рода, прежде чѣмъ найдеть возможно спокойно поселиться въ своихъ четырехъ стѣнахъ. Часто сердило меня, зачѣмъ это они идутъ къ намъ; но потомъ мнѣ стало ясно, зачѣмъ они сюда являются: они будутъ еще служить Богу, будутъ служить и обществу. У насъ много этого сброда, этого сора, выброшеннаго къ намъ вашими Штатами. Вы воображаете, что они могутъ отравить, заразить всю страну. Ничуть не бывало. Эта гниль вашей распутной цивилизаціи испаряется, улетучивается въ нашихъ чистыхъ лугахъ; скажу больше: порочное дыханіе этой гнили способствуетъ даже къ тому, чтобъ еще рѣзче, еще величественнѣе показать всю чистоту атмосферы добродѣтели, чтобы противодѣйствовать мексиканской заразѣ. И будетъ противодѣйствовать эта гниль, и даже скоро, — до истеченія года! Хотя во всемъ Техасѣ теперь едва найдется тридцать пять тысячъ душъ, считая тутъ и гражданъ, и негровъ, и Мексиканцевъ, которые не многимъ лучше нашихъ негровъ, — и едва три тысячи человекъ, способныхъ носить оружіе; но мы все-таки съ этими тремя тысячами... Французы, продолжалъ онъ, — основываютъ въ настоящее время государство въ Варварійскихъ владѣніяхъ, въ Алжирѣ, который они оттягали у султана, оттягали съ помощію цвѣта своей арміи. Они завоевали его съ огромнымъ пожертвованіемъ денегъ, имущества и крови. Мы, отторгаясь отъ Мексики, не можемъ дѣлать такихъ пожертвованій: у насъ нѣтъ и сотой доли ихъ военной опытности, ихъ сокровищъ и средствъ; у насъ только горсть гражданъ. Но граждане эти свободные люди; люди, которые чувствуютъ въ себѣ силу не уступать цѣлому свѣту. Мы хотимъ показать міру, что въ состояніи сдѣлать свободные люди; хотимъ безъ шума основать себѣ свой политическій домъ, который, какъ бы онъ ни казался теперь малъ и ничтоженъ, черезъ пятьдесятъ или сто лѣтъ будетъ играть совсѣмъ иную роль, нежели вашъ Алжиръ, отнятый съ такимъ торжествомъ у султана!

«Я былъ утомленъ и хотѣлъ спать, но послѣднія слова наэлектризовали меня. Забывъ сонъ и усталость, я вскочилъ со стула.

«— Алькальдъ! это сказано сѣло, чортъ возьми, и чисто по-американски! Если вы начнете, то и я не отстану.

«— Не связывайте себя словомъ, молодой человекъ! возразилъ онъ, также вставая. — Свобода дѣйствій, и ни отъ кого никакой милости! вотъ мой девизъ. Испытывайте все и избирайте лучшее! превосходное изреченіе нашей Библии. Испытывайте, а когда испытали, тогда выбирайте. Если вы выберете нашу сторону— добро пожаловать! Скажу вамъ откровенно, у меня нѣтъ избытка въ молодыхъ образованныхъ людяхъ, и такой человекъ могъ бы многое совершить у насъ, достигнуть великаго. Но сперва подумайте, а подумавши выбирайте!

«— Я послѣдую вашему совѣту.

«— Мы не хотимъ ничего дурнаго, мистеръ Морзъ, хотя, можетъ-быть, вашъ свѣтъ будетъ говорить противное. Мы не хотимъ царства невѣрія, мы не вольтеріянцы, не беллисты, но въ то же время мы и не приверженцы тьмы. Хотимъ свѣта и правды, у приверженцевъ тьмы и неправды хотимъ отнять то, что для нихъ бесполезно, и основать царство свободы, мира, просвѣщенія, успѣха и познаній: вотъ чего хотимъ мы, и затѣмъ спокойной ночи!

«— Спокойной ночи! сказалъ я, смотря вслѣдъ этому странному демократическому аристократу.

«Несмотря на усталость и изнуреніе, я долго не могъ заснуть. Нельзя сказать, чтобы призма, сквозъ которую алькальдъ смотрѣлъ на міръ и на его исторію, была нова для меня; и прежде не разъ случалось мнѣ улыбаться надъ такимъ взглядомъ. Но если я улыбался у насъ въ Штатахъ, то это потому, что тамъ не доставало задняго плана, который здѣсь выступалъ такъ рельефно и придавалъ всему, что ни говорилъ алькальдъ, такой величественный характеръ. Противоположности нечестія и высокой вѣры, односторонняго и въ то же время возвышеннаго взгляда на предметы, имѣли здѣсь определенную цѣль, которая обнаруживала истинно колоссальный духъ, желѣзную волю. А такая воля возбуждаетъ къ себѣ уваженіе.

«Я заснулъ съ уваженіемъ къ этому человеку.

—Уваженіе къ этому безстыдству, къ этому нечестію! вскричалъ полковникъ Крекеръ.

— Крекеръ, Крекеръ! закричалъ, смѣясь, молодой человекъ, который, судя по его черной одеждѣ, былъ вѣроятно одинъ изъ высшихъ судей штата. Вы самый отчаянный *cockney* (1), кото-

(1) Уличный мальчишка.

рый когда-либо прыгалъ по лондонскимъ тротуарамъ. Неужели вы не понимаете, что именно это самое безстыдство, это нечестіе производить столько великаго въ мірѣ? что это безстыдство и нечестіе стаскивають съ одной стороны къ своему уровню все великое и возвышенное, а съ другой стороны опять возводятъ насъ къ этому великому и возвышенному? Возвратимся къ примѣру Нормановъ: неужели вы думаете, что они потрясли бы когда-нибудь французскій престолъ и опрокинули англійскій, еслибы они въ почтительномъ отдаленіи удивлялись ихъ величію и считали ихъ установленными Богомъ? Не потому ли скорѣе они испровергли эти престолы, что смотрѣли на нихъ нечестивымъ взглядомъ? Вѣдь тутъ дѣло идетъ не о нравственной проповѣди, а о разрѣшеніи исторической задачи.

— Совершенно справедливо! замѣтили нѣсколько человекъ.

— Продолжайте, если смѣемъ просить васъ, сказалъ главный судья.—Каждое слово ваше драгоцѣнно.

С у д ъ.

Х.

Полковникъ подумалъ съ минуту и потомъ продолжалъ:

«На другой день, утромъ, меня разбудилъ конскій топотъ. Это былъ Бобъ; онъ слѣзаль съ лошади. Но съ какими усиленіемъ онъ это дѣлалъ! члены его какъ будто отказывались служить ему; они, казалось, готовы были разойтись, разорваться: такъ шатки, такъ изломаны, такъ неопредѣленны были всѣ его движенія. Сначала я думалъ, что онъ пьянъ, но я ошибался. Это было смертельное утомленіе тѣла, изнемогающаго подъ бременемъ душевныхъ мукъ. Онъ имѣлъ видъ человека, который возвращается съ пытки; должно быть страшно его измучили послѣдніе двадцать четыре часа.

«Дрожа всѣмъ тѣломъ, я наскоро одѣлся, бросился внизъ по лѣстницѣ и отперъ ему дверь.

«Положивъ голову на шею своего мустанга, скрестивъ надъ головою руки, онъ стоялъ, то вздрагивая, то стеноя изъ глубины души.

«— Это вы, Бобъ?

«Отвѣта не было.

«— Бобъ, не хотите ли войти? сказалъ я, стараясь взять его за руку.

«Онъ поднялъ глаза, дико устремилъ ихъ на меня, и, казалось, не узнавалъ меня.

«Я отвелъ его отъ мустанга, привязалъ мустанга къ одному изъ столбовъ и потомъ повелъ самого Боба въ домъ. Онъ позволялъ все съ собою дѣлать, слѣдовалъ за мною, лишенный всякой воли, почти безъ силъ. Я поставилъ ему кресло, въ которое онъ всю свою тяжесть рухнулъ такъ сильно, что кресло затрещало, и задрожалъ весь домъ. Но нельзя было вытянуть изъ него ни единого слова. Я только-что хотѣлъ опять войти въ свою спальню, чтобы привести въ порядокъ свой туалетъ, какъ вдругъ снова услышалъ сильный лошадиный топотъ. Это были двое верховыхъ, за которыми, въ небольшомъ разстоянн, слѣдовало еще нѣсколько другихъ; всѣ они, вооруженные винтовками и ножами на подобіе кинжаловъ, были въ охотничьихъ блузахъ, въ панталонахъ и курткахъ изъ оленьей кожи: здоровые, крѣпкіе, смѣлые люди, повидному изъ югозападныхъ штатовъ, съ настоящимъ кентекскимъ, полуконскимъ, полуаллигаторскимъ профилемъ, и съ бурей, громомъ и молніею въ лицѣ. Дѣйствительно, думалъ я, три тысячи такихъ людей не уступятъ цѣлой арміи Мексиканцевъ, если она состоитъ изъ такихъ же сухопаренькихъ человѣчковъ, какихъ я видѣлъ; каждая изъ рукъ этихъ колоссовъ въ сила никакъ не меньше цѣлаго Мексиканца. Признаюсь, я съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ слѣзали они съ лошадей, съ истинно-кентекскимъ *care the devil*, и, бросивъ поводья неграмъ, входили въ домъ какъ люди, которые, считая себя вездѣ дома, постунали какъ хозяева и въ Техасѣ, хозяйничали здѣсь даже болѣе, нежели сами Мексиканцы. Такіе люди дѣйствительно были въ состоянн слѣзать Техасъ независимымъ.

«При входѣ въ парлоръ они кивнули мнѣ головой, но съ нѣкоторою холодностію: соколинымъ взглядомъ своимъ они окинули въ одно и то же время меня и Боба, и наше сообщество, казалось, поразило ихъ, хотя они скрывали это подъ маскою равнодушнаго невниманія. Между тѣмъ, не прерывая своего разговора, они повременамъ бросали на меня пронизательные взгляды. Предметомъ ихъ разговора были: рогатый скотъ, цѣны на хлопчатую бумагу, пренія на когагульскомъ, тегасскомъ и гемеральномъ конгрессахъ, демонстраціи, предпринимаемыя, какъ носился слухъ, со стороны Метаморы противъ Техаса и, какъ вамъ извѣстно, скорѣ послѣ того дѣйствительно произведенныя, но какъ будто нисколько ихъ не касавшіяся. Можно было побожиться, что эти грозныя демонстраціи вовсе не относятся къ нимъ. Число прѣзжавшихъ мало-по-малу увеличивалось, такъ что ихъ всѣхъ набралось четырнадцать человѣкъ; всѣ они выступали смѣло и рѣшительно, исключая двухъ, которые мнѣ меньше понравились.

Кажется, и остальнымъ они не слишкомъ приходились по душѣ; не только никто не протанулъ имъ руки, но и едва отытали нѣмымъ кивкомъ на ихъ *good morning*. Они одни подошли къ Бобу, пытаясь вызвать его на разговоръ, но напрасно.

«Между тѣмъ, судя по шуму въ сосѣднемъ кабинетѣ, можно было полагать, что алькальдъ всталъ и занимался своимъ туалетомъ. На послѣдній, повидимому, онъ употреблялъ немного времени, потому что прошло не болѣе трехъ минутъ послѣ раздавагоса скрипа кровати, какъ уже отворилась дверь, и онъ вышелъ.

«Всѣ гости подошли къ нему дружески, даже съ сердечно-стію, исключая двухъ, которые остались въ отдаленіи. Пожалъ руку только первымъ, и холодно кивнувъ головою этимъ двумъ, онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и представилъ своимъ гостямъ. Тогда только я узналъ, что нахожусь ни болѣе ни менѣе какъ передъ членами *ayuntamiento* Санъ-Фелипе де-Аустинъ; что двое изъ почтенныхъ моихъ земляковъ были корегидоры, одинъ прокураторъ, а остальные *viejos hombres*, то-есть нѣчто въ родѣ засѣдателей, — почетныя названія, которыя, впрочемъ, они, повидимому, не слишкомъ высоко цѣнили. Въ привѣтствіяхъ и въ разговорѣ они называли другъ друга только по фамиліи.

«Негръ принесъ свѣчу и нѣсколько ящичковъ сигаръ и принялся разставлять кресла. Судья молча указалъ на столъ съ винами, на сигары и спокойно сѣлъ въ кресло.

«Одни изъ гостей налили себѣ по рюмкѣ, другіе взяли сигары. Это наливаніе, выпиваніе, закуриваніе и раскуриваніе заняло не мало времени. Боба между тѣмъ болѣзненно коробило и ломало.

«Ну вотъ наконецъ теперъ алькальдъ примется за дѣло, думалъ я; однако ошибся.

«— Мистеръ Моръзъ! обратился онъ ко мнѣ: — не угодно ли вамъ вина?

«Я налилъ себѣ стаканъ; алькальдъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я съ нимъ чокнулся. Я подошелъ, чокнулся съ нимъ и со всѣми гостями, исключая тѣхъ двухъ. Потомъ алькальдъ предложилъ мнѣ сигару; я закурилъ ее. Вида передъ каждымъ полный стаканъ и въ рукахъ сигары, онъ съ видимымъ удовольствіемъ кивнулъ головою и оперся руками на обѣ ручки кресла.

«Во всей этой процедурѣ, которую можно характеристически назвать истинно-американскою, было что-то педантически-скучное, но вмѣстѣ съ тѣмъ патріархально важное и въ то же время методически-разчитанное. Такъ какъ мы сбросили съ себя всѣ внѣшнія формы, то серьезный нашъ національный характеръ замѣнялъ, и очень удачно, какъ мнѣ кажется, своею медленностію, полною достоинства и обдуманности, тѣ формальности, тотъ

блескъ и эффектъ, которые мы видимъ у другихъ народовъ въ ихъ судебныхъ и общественныхъ дѣйствіяхъ.

«Итакъ, когда всѣ выпили и всѣ закурили свои сигары, судья вынулъ изъ рта свою сигару, взялъ стаканъ и обратился къ собесѣдникамъ:

«— Граждане!

«— Сквайръ! отозвались они.

«— Намъ предстоитъ дѣло, продолжалъ алькальдъ,—дѣло, которое, разчитываю, всего лучше объяснить намъ тотъ, котораго оно касается.

«Присяжные взглянули на сквайра, потомъ на Боба, потомъ на меня.

«— Бобъ Рокъ! или какъ иначе ваше имя, сказалъ алькальдъ:—такъ какъ вы имѣете нѣчто сказать здѣсь, то скажите.

«— Вѣдь ужъ я разказалъ вамъ вчера, пробормоталъ Бобъ, все еще держась руками за голову и опершись локтями на колѣни.

«— Да, но сегодня должны повторить. Вчера было воскресенье, а воскресенье, вы знаете, праздникъ, день покоя, а не дѣль. То, что вы сказали въ воскресенье, я считаю несказаннымъ. Не буду и не позволю судить васъ по вчерашнимъ вашимъ показаніямъ. Къ тому же вы сказали это съ глазу на глазъ, потому что мистера Морва я не считаю, смотрю на него, какъ на иностранца.

«— Къ чему эта безконечная болтовня, когда дѣло ясно? проворчалъ Бобъ, съ досадою подымая голову.

«Присяжные взглянули на Боба, и мрачная, пасмурная важность изобразилась на ихъ желѣзныхъ лицахъ. И дѣйствительно страшно было смотрѣть на него: сине-черное лице, впалыя щеки, всклокоченная борода, глаза, налитые кровью и дико вращающіеся въ своихъ впадинахъ! Казалось, ничего человѣческаго не было въ этихъ чертахъ.

«— Да, ясно какъ вода изъ Миссиссипи, сказалъ судья, съ разстановкой.—Ясно, какъ вода изъ Миссиссипи, когда она отставалась въ продолженіи двадцати-четырёхъ часовъ. Ни васъ не хочу обвинять по собственнымъ вашимъ словамъ, и никого другаго, слышите, Бобъ? тѣмъ менѣе васъ, который жилъ—не то чтобы жилъ, а служилъ по крайней мѣрѣ въ моемъ домѣ, ѣлъ мой хлѣбъ... Не хочу осуждать васъ.

«Бобъ тяжело переводилъ дыханіе.

«— Вчера вы сами обвиняли себя, но въ вашемъ самообвиненіи есть запятая: у васъ была лихорадка.

«— Ничто не поможетъ, простоналъ Бобъ, какъ будто тронутый. — Ничто не поможетъ. Вижу, желаете мнѣ добра. Можете спасти меня отъ человѣческихъ рукъ, но не спасете отъ меня самого. Ничто не поможетъ! Надо бы повѣсить, — повѣсить

на томъ самомъ патріархѣ, подѣ которымъ онъ лежитъ, тотъ, котораго я застудилъ.

«Присяжные снова взглянули на него, но не сказали ни слова.

«— Ничто не поможетъ, продолжалъ Бобъ...—Если бы онъ грозилъ, вызывалъ на ссору, или хотъ бы только отказалъ мнѣ! Но ничего этого не было. Сказалъ только... до сихъ поръ еще звенить въ ухахъ... все еще слышу, какъ онъ говоритъ: «Не дѣлайте этого, не заставляйте меня защищаться... чтобы мнѣ или вамъ не пришлось раскаиваться. Не дѣлайте этого! У меня жена и дѣти. То, что вы намѣрены сдѣлать, не принесетъ вамъ счастья!..» Но я не слушалъ, простоналъ онъ изъ глубины груди,—ничего не слушалъ, кромѣ голоса дьявола, схватилъ винтовку, прицѣлился, выстрѣлилъ...

«Ужасные его стоны, подобные глухому реву дикаго звѣря, потрясли, казалось, даже и этихъ желѣзныхъ людей. Они смотрѣли на Боба пронзительными взглядами, но какъ будто украдкой.

«— Такъ вы убили человѣка? спросилъ кто-то изъ нихъ глухимъ басомъ.

«— Убилъ! съ усиленіемъ проговорилъ Бобъ.

«Когда у него вырвалось это слово, онъ остался съ раскрытымъ ртомъ, устремивъ дикіе глаза на того, кто спросилъ его.

«— Какъ же это случилось? продолжалъ спрашивать басъ.

«— Какъ случилось? какъ случилось? спросите у черта или у Джонни! Нѣтъ, не у Джонни; и онъ не можетъ сказать вамъ: Джонни при этомъ не было. Только я одинъ могу сказать, да и то едва могу: самъ не знаю, какъ это случилось. Я встрѣтилъ этого человѣка у Джонни; Джонни разбудилъ во мнѣ дьявола, показалъ на его кисетъ съ деньгами.

«— Джонни? спросило нѣсколько голосовъ.

«— Да, Джонни. Онъ посматривалъ на кисетъ, но самъ не рѣшался, и когда обыгралъ меня, вытащилъ мои двадцать, пятьдесятъ...

«— Двадцать долларовъ, пятьдесятъ сентовъ, пояснилъ судья,—которые онъ получилъ отъ меня за доставку дичи и поимку мустанговъ.

«Присяжные кивнули головой.

«— И вы убили этого человѣка за то, что онъ не хотѣлъ играть? спросилъ снова басъ.

«— Нѣтъ... черезъ нѣсколько часовъ послѣ того... около Джасинто... не далеко отъ *патріарха*... Встрѣтилъ тамъ и застрѣлилъ.

«— Я такъ и думалъ, что тамъ есть что-нибудь особенное, вмѣшался одинъ изъ присутствующихъ.—Вотъ отчего мы, проѣзжая, видѣли тамъ такіа огромныя стаи коршуновъ, вороновъ и подобную погань. Не правда ли, мистеръ Гертъ?

«Мистеръ Гертъ утвердительно кивнулъ головою.

«— Встрѣтилъ его недалеко отъ патріарха и требовалъ пополамъ кошелекъ, продолжалъ Бобъ машинально. — Онъ давалъ мнѣ на табакъ и еще больше, но не соглашался дать половину своихъ денегъ; говорилъ, что у него жена и дѣти.

«— А вы что? спросилъ опять бась, и на этотъ разъ вопросъ его звучалъ какъ-то глухо и мрачно.

«— Застудилъ его, возразилъ Бобъ съ хриплымъ и дикимъ смѣхомъ.

«Нѣсколько минутъ всѣ сидѣли молча, оставивъ глаза въ землю. Потомъ бась началъ допрашивать снова:

«— Что же это былъ за человѣкъ?

«— Что за человѣкъ? Не спрашивалъ его, кто онъ такой, и на лбу у него не было написано. Гражданинъ, но откуда—изъ Индіаны ли, изъ Огайо, или изъ Тенесси—не знаю.

«— Алькальдъ, я полагаю, это дѣло надобно разслѣдовать, сказалъ одинъ изъ присяжныхъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

«— Да, надобно, сказалъ алькальдъ.

«— За чѣмъ тамъ еще долго разслѣдовать? проворчалъ Бобъ съ досадою.

«— Какъ зачѣмъ? возразилъ алькальдъ.—Затѣмъ, что мы обязаны сдѣлать это для себя, для убитаго и для васъ самихъ; мы не можемъ осудить васъ, не видѣвши мертваго тѣла. Да тутъ еще есть и другое обстоятельство, на которое я долженъ обратить ваше вниманіе, продолжалъ онъ, обратившись къ присяжнымъ.—Человѣкъ этотъ, какъ вы видите, едва владѣетъ собою; у него лихорадка; она была у него и въ то время, когда онъ совершилъ убійство; притомъ еще, взбѣшенный этимъ Джонни, обгравшимъ его, онъ находился въ состояніи отчаянія, и однако, несмотря на такое бѣшеное состояніе, онъ спасъ жизнь вотъ этому джентльмену, мистеру Эдварду Натаніелю Морзу.

«— Правда это? спросилъ бась, обратившись ко мнѣ.

«— Совершенная правда, отвѣчалъ я.—Бобъ спасъ мнѣ жизнь не только тѣмъ, что вытащилъ меня изъ глубокой рѣки, въ которую я, полумертвый, былъ сброшенъ своимъ мустангомъ, и въ которой неминуемо утонулъ бы; но спасъ еще и тѣмъ, что заботился обо мнѣ съ необыкновенною внимательностію, даже Джонни и его мулатку заставилъ ухаживать за мною. Безъ него меня не было бы уже на свѣтѣ; я готовъ поклясться въ этомъ.

«Бобъ бросилъ на меня взглядъ, который потрясъ меня до глубины души. Какъ страшно было видѣть слезы на этихъ глазахъ! Присутствовавшіе слушали въ глубокомъ молчаніи.

«— Кажется, Джонни уговорилъ и подстрекнулъ васъ къ этому? началъ опять бась.

«— Я не говорилъ этого; я сказалъ только, что онъ показавъ на кисеть съ деньгами и сказалъ мнѣ...

«— Что онъ сказалъ?

«— Что вамъ за дѣло до того, что сказалъ Джонни? проворчалъ опять Бобъ, съ досадою. — Вамъ до этого никакого нѣтъ дѣла.

«— Нѣтъ, есть дѣло, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, — есть дѣло.

«— Хорошо, если вамъ до этого есть дѣло, то пожалуй скажу, проворчалъ опять Бобъ. — Когда я, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ изъ дома, Джонни мнѣ сказалъ: «Бобъ, неужели ты сдѣлался такимъ трусомъ, что удираешь въ то время, когда за полунціи свинцу можно добыть полный кисеть съ деньгами?»

«— Сказалъ онъ это? спросилъ опять бась.

«— Спросите его самого.

«— Но мы васъ спрашиваемъ.

«— Ну да, сказалъ.

«— Да такъ ли это?

«— Грворятъ вамъ, сказалъ! Къ чему болтовня? Онъ сказалъ это, но вамъ слѣдуетъ спросить его самого. Ни чьей совѣсти не хочу наступать на мозоли; надоѣли мнѣ и свои, ручаюсь въ этомъ. Хочу только, чтобы срѣзали мои собственныя, и онѣ будутъ срѣзаны. Если и ему хотите срѣзать, такъ обратитесь къ нему самому; а я хочу только за себя отвѣчать, за себя быть повѣшеннымъ.

«— Все это такъ, все такъ, Бобъ, сказалъ алькальдъ; — но вѣдь мы не можемъ повѣсить васъ, не убѣдившись напередъ, заслуживаете ли вы того. Что вы на это скажете, мистеръ Вайтъ? вы прокураторъ; а вы, мистеръ Гертъ? мистеръ Стонъ? Наливайте себѣ рому или бренди; а вы, мистеръ Брайтъ? мистеръ Ирвинъ, свѣжую сигару! довольно сносны, эти сигары. Не правда ли?.. Хорошо, мистеръ Вайтъ... вотъ въ этой бутылкѣ бренди... что вы на это скажете?

«Аристократическій мой демократъ сдѣлался вполне демократомъ, и это при другихъ обстоятельствахъ вызвало бы съ моей стороны улыбку; но теперь мнѣ было вовсе не до смѣху. Мистеръ Вайтъ, прокураторъ, всталъ, какъ мнѣ казалось, для произнесения своего приговора; но я ошибся. Онъ подошелъ къ столу съ виномъ, преспокойно взявъ одною рукой бутылку, другою стаканъ, и сказалъ:

«— Ну что жъ, сквайръ, или, вѣрнѣе, алькальдъ!..

«При словѣ «алькальдъ» онъ налилъ полстакана рому.

«— Если такъ... говорилъ онъ дальше, прибавляя на четверть дюйма воды, — и если... продолжалъ онъ, кладя въ стаканъ нѣсколь-

ко кусковъ сахару,—Бобъ застрѣлилъ этого человѣка... застрѣлилъ его умышленно... прибавилъ онъ, разбивая и мѣшая сахаръ деревяннѣмъ пестикомъ,—то, разчитываю... продолжалъ онъ, подымая стаканъ,—что Боба, если это ему не противно, слѣдуетъ.... повѣсить, заключилъ онъ, поднося къ губамъ стаканъ и осушая его.

«Казалось, большая тяжесть свалилась съ груди Боба. Онъ вздохнулъ съ видимымъ облегченіемъ. Всѣ присутствовавшіе молча кивнули головою.

«— Хорошо! сказалъ судья, качая головою:—если вы такъ думаете, то нечего дѣлать, мы должны исполнить его волю. Конечно, намъ по настоящему слѣдовало бы передать все это дѣло въ окружный судъ въ Санъ-Антоніо; но такъ какъ Бобъ изъ нашихъ, то намъ придется смотрѣть сквозь пальцы и сдѣлать для него снисхожденіе: исполнить его желаніе. Но, признаюсь вамъ, я дѣлаю это не охотно. Я готовъ такъ сдѣлать, но во всякомъ случаѣ необходимо прежде осмотрѣть убитаго и допросить Джонни. Мы должны такъ поступить для себя и для Боба, согражданина нашего.

«— Во всякомъ случаѣ необходимо! подтвердили всѣ двѣнадцать человѣкъ.

«— Но для чего же тутъ нуженъ Джонни? вѣшался Бобъ съ досадою.—Двадцать разъ я вамъ говорилъ, что его при этомъ не было, и что все это не его касается.

«— Нѣтъ, касается, возразилъ судья, — касается, любезный. Хотя онъ и не присутствовалъ, но подстрекалъ васъ, если не словами, то тайными средствами. Еслибы не Джонни, то вы во первыхъ не видѣли бы ни человѣка этого, ни кошелька его, во вторыхъ не проиграли бы вашихъ двадцати пятидесяти, а третьихъ вамъ бы и въ голову не пришло вымѣнить его кошелька на полуціи свинцу.

«— Это достовѣрно! подтвердили всѣ.

«— Вы злодѣй и душегубецъ, Бобъ! продолжалъ алькальдъ:—но я долженъ вамъ сказать, и мнѣ все равно, кто бы это ни слышалъ, говорю вамъ это въ глаза, безъ лести: одинъ вашъ ноготь для меня дороже всего Джонни, съ его кожей и костями. Мнѣ васъ жаль, потому что знаю, что вы по природѣ не злодѣй, а человѣкъ, испорченный дурнымъ примѣромъ и дурнымъ обществомъ. Но, я думаю, васъ можно еще исправить, извлечь изъ васъ пользу, и во многихъ случаяхъ пользу большую, нежели вы думаете. Винтовка ваша, капитальная винтовка!

«Послѣднія слова заставили всѣхъ поднять глаза. Всмотрѣваясь острымъ и вопросительнымъ взглядомъ въ Боба, всѣ оставались въ напряженномъ ожиданіи.

«— Бобъ! продолжалъ алькальдъ ободряющимъ тономъ.—

Оскорбленнымъ вашимъ согражданамъ, законамъ, поправнымъ вами, и человечеству вы могли бы принести гораздо больше пользы чѣмъ-нибудь другимъ, нежели тѣмъ, что васъ повѣсятъ. Вы и теперь стоите дюжины Мексиканцевъ.

«Въ продолженіи рѣчи алькальда, голова Боба опустилась на грудь. Теперь онъ приподнял ее и глубоко вздохнулъ при этомъ.

«— Понимаю, сквайръ! знаю, на что вы намекаете. Но не могу, не смѣю, — не могу такъ долго ждать, не хочу. Жизнь мнѣ въ тягость, мучить меня, терзаетъ невыносимо. Не даетъ мнѣ покоя, ни днемъ, ни ночью, гдѣ бы я ни стоялъ, куда бы ни шелъ!

«— Ну, такъ ложитесь, сказалъ судья.

«— *Онь* и тогда стоитъ передо мною, гонитъ меня къ патриарху.

«При этихъ словахъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ взглянули на Боба, потомъ взоры ихъ опять опустились въ землю. Такимъ образомъ просидѣли они нѣсколько секундъ въ глубокомъ молчаніи; наконецъ они приподняли головы и посмотрѣли другъ на друга вопросительнымъ взглядомъ. Алькальдъ началъ снова:

«— Итакъ рѣшено, Бобъ. Сегодня мы отправимся къ патриарху, а завтра вы приходите туда. Согласны вы на это?

«— Въ какое время? спросилъ Бобъ.

«— Около десяти часовъ.

«— Нельзя ли раньше? пробормоталъ Бобъ, нетерпѣливо качая головою.

«— Для чего же раньше? Неужели васъ такъ тянетъ къ веревкѣ? сказалъ мистеръ Гертъ.

«— Къ чему болтовня? проворчалъ Бобъ съ досадою. — Говорятъ вамъ, не даетъ мнѣ покоя. Не могу оставаться на этомъ свѣтѣ,—гонитъ меня съ него; такъ чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Жизнь мнѣ опротивѣла! Если я приѣду въ десять часовъ, да вы еще будете заниматься своею болтовнею, да потомъ еще придется часъ или два ѣхать къ патриарху, то лихорадка опять воротится ко мнѣ.

«— Однако нельзя же намъ, для вашей лихорадки, какъ дикимъ гусямъ, вдругъ слетѣться и опять разлетѣться, вскричалъ нетерпѣливо прокураторъ.—Подумайте же, любезный!

«— Правда, правда, сказалъ Бобъ кротко и съ покорностію.

«— А вѣдь неприятный гость эта лихорадка, мистеръ Вайтъ! замѣтилъ мистеръ Тресь, наполняя свой стаканъ:—и я полагаю, продолжалъ онъ, осушая стаканъ,—намъ бы слѣдовало сдѣлать ему это снисхожденіе.

«— Хорошо, сказалъ прокураторъ:—что вы на это скажете, сквайръ? Какъ вы думаете, исполнить намъ его желаніе?

«— Этотъ Бобъ, разчитываю, слишкомъ уже дерзокъ въ своихъ требованіяхъ, сказалъ судья, съ большою досадою качая головою.

«Всѣ молчали.

«— Но если вы всѣ желаете этого и согласны, продолжалъ онъ, обращаясь къ собранію,—и въ особенности потому, что это Бобъ; потому что это вы, Бобъ, обратился онъ къ послѣд-
нему,—то, разчитываю, намъ придется исполнить вашу волю.

«— Благодарю васъ! сказалъ Бобъ, видимо облегченный.

«— Не за что! проворчалъ алькальдъ съ досадою:—не за что благодарить! Теперь ступайте въ кухню, понимаете?» и прикажите тамъ подать себѣ хорошій кусокъ ростбифа съ принадлежностями, понимаете?

«Онъ постучалъ по столу.

«— Дать Бобу хорошій кусокъ ростбифа и все, что нужно къ этому, приказалъ онъ вошедшей Діанѣ;—сейчасъ приготовить! да смотри, чтобъ онъ непременно съѣлъ. Вы одѣньтесь получше, Бобъ, понимаете? какъ гражданинъ, а не какъ Индѣецъ краснокожій, понимаете?

«Онъ махнулъ рукою негритянкѣ, чтобъ она вышла, и потомъ, обратившись къ Бобу, продолжалъ:

«— Безъ возраженій, Бобъ! мы пришлемъ вамъ рому; кушайте и пейте, любезный! Идите на встрѣчу судьбѣ вашей, какъ существо разумное, какъ человѣкъ, а не какъ глупецъ бессмысленный! Не нужно здѣсь никакихъ порываній, никакого голоданія, которыя дѣлаютъ васъ еще безумнѣе. Предупреждаю васъ, шагу не сдѣлаемъ, если не будете ѣсть и пить, если не вкусите отъ даровъ вашего Бога, которымъ Онъ повелѣлъ произрастать для знатныхъ и незнатныхъ, для злыхъ и для добрыхъ! Шагу не сдѣлаемъ, если вы не одѣнетесь и не будете вести себя какъ существо, одаренное разумомъ!

«— Благодарю васъ! сказалъ смиренно Бобъ.

«— Я сказалъ вамъ, что не за что! проворчалъ алькальдъ.

«Бобъ вышелъ. Всѣ присутствовавшіе остались на своихъ мѣстахъ такъ спокойно, какъ будто бы ничего и не происходило. Время отъ времени нѣкоторые изъ нихъ наливали себѣ вина, брали и закуривали сигары, и еслибы въ эту минуту вошелъ кто-нибудь посторонній, то едва ли бы онъ угадалъ, что здѣсь собрались люди для того, чтобы произнести приговоръ о жизни и смерти своего собрата. Изрѣдка посреди говора слышался ропоть; изъ него можно было заключить, что они все еще не были согласны на эту нетерпѣливую поспѣшность Боба разчитаться съ жизнью, а особенно былъ противъ этого алькальдъ; но мало-по-малу уступалъ, казалось, и онъ. Въ продолженіи цѣлаго часа они разсуждали, взвѣшивали свои мнѣнія, развивали ихъ, и все

это самымъ спокойнымъ, флегматическимъ образомъ. Ни слова, ни звука не было слышно громче обыкновеннаго разговорнаго тона. Можно было побиться объ закладъ, что дѣло идетъ о самомъ незначительномъ предметѣ; даже Джонни, признанный, по единоголасному мнѣнію, самымъ опаснымъ негодеемъ, не могъ вывести ихъ изъ обычнаго ихъ спокойствія: они такъ хладнокровно рѣшили поиничить его, какъ будто дѣло шло о поинкѣ мустанга. Наконецъ, остановившись на этомъ рѣшеніи, они встали, подошли еще разъ къ столу, выпили за здоровье судьи, за мое здоровье, пожали намъ руки, вышли изъ парлора и отпра- вились домой.

• Въ продолженіи этихъ безконечно-флегматическихъ судебныхъ «преній» мнѣ сдѣлалось даже дурно: я чувствовалъ себя такъ нехорошо, что едва былъ въ состояніи держаться на ногахъ. Грубая безчувственность и въ то же время глубокое чувство этихъ людей донельзя раздражили мои нервы. Безвкусны мнѣ показались завтракъ, обѣдъ, ужинъ. Но и алькальдъ былъ не въ лучшемъ расположеніи духа, хотя причина его дурнаго настроенія, какъ вы легко можете понять, была совершенно иная. Досада его происходила отъ того, что присяжные не согласились на его мнѣніе—сохранить Боба для общаго блага, какъ говорилъ онъ; что они слишкомъ легко согласились на желаніе Боба повѣсить его, тогда какъ онъ могъ еще оказать большія услуги своей странѣ и гражданскому обществу. Отправить на тотъ свѣтъ Джонни, подлаго, низкаго, трусливаго измѣнника Джонни, было, по его мнѣнію, совершенно справедливо; но поступить такимъ же образомъ съ Бобомъ казалось ему глупо, безумно, нелѣпо. Напрасно было напоминать ему о преступленіи противъ гражданскаго общества, противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, указывать ему на перстъ Божій и на угрызеніе совѣсти.

• Бобъ, доказывалъ онъ, согрѣшилъ противъ гражданскаго общества, противъ своего Творца; а потому не прилично самому Бобу требовать и назначать удовлетвореніе; убѣгая какъ трусъ изъ міра, противъ котораго согрѣшилъ, Бобъ не служить ни Богу, ни людямъ. И въ числѣ этихъ четырнадцати гражданъ, продолжалъ алькальдъ, было двое убійць: совершивъ преступленіе, они бѣжали изъ Штатовъ, но они несутъ тяжесть грѣха своего какъ мужи, и какъ мужи хотятъ искупить его, служа нашей странѣ противъ Мексиканцевъ.

• Мы едва не поссорились съ алькальдомъ, говорили мало въ продолженіи всего дня, и вечеромъ разошлись очень рано.

XI.

« На слѣдующее утро, когда мы сидѣли еще за завтракомъ, подѣхалъ къ дому довольно хорошо одѣтый мужчина, весь въ черномъ. Онъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ алькальду, который встрѣтилъ его словами:

« — А, это вы, Бобъ?

« Дѣйствительно это былъ Бобъ, хотя съ трудомъ можно было узнать его. вмѣсто гадкаго, окровавленнаго платка, который вчера еще висѣлъ лохмотьями вокругъ его головы, на немъ была шляпа; вмѣсто кожаной куртки и остальной одежды его на немъ было приличное черное суконное платье; борода тоже исчезла. Теперь этотъ человѣкъ походилъ на джентльмена. вмѣстѣ съ одеждою, онъ и самъ какъ будто весь измѣнился: былъ спокоенъ, тихъ, покоренъ, даже кротокъ. Съ какою-то грустію во взорѣ онъ протянулъ руку алькальду; съ чувствомъ пожалъ ее судья и долго держалъ въ своей рукѣ.

« — Ахъ, Бобъ, Бобъ! сказалъ онъ ему: — зачѣмъ не слушали того, что я такъ часто говорилъ вамъ!... Я нарочно выписалъ для васъ это платье изъ Новаго Орлеана, чтобы по крайней мѣрѣ по воскресеньямъ вы казались порядочнымъ и приличнымъ человѣкомъ. Какъ часто я ссорился съ вами, требуя, чтобы надѣвали эту одежду и вмѣстѣ съ нами отправлялись на митингъ, когда проповѣдывалъ мистеръ Блисъ! Не безъ причины, любезный, заказалъ я для васъ это платье. Въ пословицѣ «платье дѣлаетъ человѣка» есть много правды: съ новою одеждою, человѣкъ какъ будто облекается въ новыя чувства и помышленія. Еслибы вы въ эти новыя помышленія облекали себя только пятьдесятъ два раза въ продолженіи года, право, это произвело бы благодѣтельный разрывъ между вами и Джонни. Цѣль у меня была добрая.

« Бобъ молчалъ.

« — Три только раза мнѣ удалось надѣть на васъ это платье и привести васъ на митингъ. Ахъ, Бобъ!

« Бобъ молча кивнулъ головою.

« — Да, Бобъ! продолжалъ алькальдъ:—я употребилъ всѣ средства, чтобы сдѣлать изъ васъ порядочнаго человѣка; сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло.

« — Это правда, сказалъ глубоко тронутый Бобъ;—да награждать васъ за это Богъ!

«Въ эту минуту я почувствовалъ уваженіе къ алькальду, увѣрю васъ, глубокое уваженіе. Я пожалъ его руку. У алькальда на глазахъ показались слезы, но онъ скрылъ ихъ, указывая намъ на приготовленный завтракъ.

«Бобъ благодарилъ съ покорностію, но рѣшительно объявилъ, что ѣсть не будетъ; не принимая пищи, желаетъ предстать передъ лицомъ оскорбленнаго Творца своего и Судьи.

«Алькальдъ возразилъ съ строгою важностію:

«— Не тѣмъ мы сдѣлаемъ угодное Богу, что откажемся отъ даровъ, которые онъ создалъ для насъ, своихъ твореній, а тѣмъ, что будемъ разумно пользоваться ими. Кушайте, любезный! пейте! послушайте хоть разъ въ жизни совѣта людей, которые больше заботятся о благѣ вашемъ, нежели вы сами!

«Бобъ сѣлъ къ столу.

«Только-что мы успѣли кончить свой завтракъ, какъ къ дому подъѣхала первая партія присяжныхъ; они слѣзли съ лошадей и вошли въ комнату. На лицахъ ихъ не выразалось ничего, кромѣ непоколебимой тегасской флегмы. Хладнокровно, не измѣняя ни одной черты лица, они поклонились алькальду, мнѣ и Бобу; потомъ, когда были поданы свѣжія блюда и чистыя тарелки, они сѣли къ столу и начали ѣсть съ такимъ аппетитомъ, какъ будто постились по крайней мѣрѣ сутки.

«Пока они закусывали, пріѣхали и остальные. Тѣ же поклонны, тѣ же нѣмыя привѣтствія, тотъ же аппетитъ. Я увѣренъ, что въ продолженіи всего завтрака всѣ они вмѣстѣ не произнесли и ста словъ, да и слова-то были обычныя ихъ: Will you help me, yourself и т. п.

«Наконецъ, когда кончился завтракъ, алькальдъ приказалъ неграмъ убрать со стола тарелки и потомъ выйти изъ комнаты.

«Негры исполнили приказаніе. Тогда алькальдъ сѣлъ у верхняго конца стола, по обѣимъ сторонамъ помѣстились присяжные, а передъ ними Бобъ. Я, разумѣется отошелъ въ сторону, такъ же какъ и тѣ два человѣка, которые, совершивъ убійство, бѣжали изъ Штатовъ.

«Мало-по-малу лица всѣхъ приняли выраженіе, уже менѣ флегматическое, болѣе приличное важности момента.

«— Мистеръ Вайтъ! началъ судья:—вы прокураторъ; не имѣете ли вы чего-нибудь сказать?

«— Да, алькальдъ, имѣю, отвѣчалъ прокураторъ.—Я долженъ сказать, что по обязанности моей и по порученію, на меня возложенному, мы отправлялись на мѣсто, указанное Бобъ Рокомъ, или какъ его зовутъ, и нашли тамъ тѣло человѣка, убитаго выстрѣломъ изъ штуцера Бобъ Рока, или какъ его зовутъ. Тутъ же нашли кисеть съ деньгами и нѣсколько писемъ и рекомендацій къ разнымъ плантаторамъ.

« — Узнали вы, кто онъ такой? спросилъ алькальдъ.

« — Узнали, отвѣчалъ прокураторъ.—Изъ тѣхъ писемъ и рекомендацій мы усмотрѣли, что человекъ этотъ былъ гражданинъ изъ Иллинойса, и вѣхалъ въ Санъ-Фелипе де-Аустинъ, чтобы купить землю у полковника Аустина и поселиться на ней.

« Сказавъ это, прокураторъ досталъ изъ лежавшаго около него сѣдельнаго чемоданчика тяжелый кисетъ съ деньгами, и положилъ его вмѣстѣ съ письмами на столъ. Письма были распечатаны, а на кисетѣ была приложена печать.

« Алькальдъ сломалъ печать, сосчиталъ деньги, которыхъ оказалось больше пяти сотъ долларовъ золотомъ и серебромъ, потомъ сосчиталъ мелочь, находившуюся въ кошелькѣ, взятомъ Бобомъ. Затѣмъ прокураторъ прочиталъ вслухъ письма и рекомендаціи.

« Потомъ одинъ изъ коррегидоровъ донесъ, что Джонни и его мулатка скрылись; что онъ, коррегидоръ, съ своею партией преслѣдовалъ ихъ по слѣдамъ; такъ какъ слѣды эти раздѣлились, то и онъ, коррегидоръ, съ своими людьми долженъ былъ раздѣлиться на двѣ партіи, но несмотря на то, что они преслѣдовали бѣглецовъ не менѣе семидесяти миль, ничего о нихъ не узнали.

« Алькальдъ выслушалъ это донесеніе съ весьма недовольнымъ видомъ.

« — Бобъ Рокъ! произнесъ онъ громко:—подойдите!

« Бобъ выступилъ впередъ.

« — Бобъ-Рокъ, или какъ васъ зовутъ! признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что убили выстрѣломъ человекъ, у котораго найдены эти письма и деньги?

« — Виновенъ! пробормоталъ Бобъ.

« — Джентльмены присяжные! произнесъ опять алькальдъ:—не угодно ли вамъ выйти для совѣщанія?

« Двѣнадцать человекъ встали съ своихъ мѣстъ и вышли изъ парлора; остались только алькальдъ, я, Бобъ и оба бѣглеца. Минуть черезъ десять снова вошли присяжные, съ непокрытыми головами. Алькальдъ снялъ также свою шапочку.

« — Виновенъ! сказалъ старшій изъ присяжныхъ.

« — Бобъ! произнесъ алькальдъ громкимъ голосомъ:—Бобъ Рокъ, или какъ васъ зовутъ! ваши сограждане и перы признали васъ виновнымъ, и я произношу приговоръ—повѣсить васъ за шею, пока вы не умрете! Да помилуетъ Богъ вашу душу!

« — Аминь! произнесли всѣ.

« — Благодарю! прошепталъ Бобъ.

« — Прежде, нежели мы исполнимъ печальную нашу обязанность, запечатаемъ, какъ слѣдуетъ, наследство убитаго! сказалъ алькальдъ.

• Онъ позвалъ негрятянку, приказалъ ей принесть свѣчу, запечатавъ сперва самъ кисеть и бумаги, за нимъ прокураторъ и наконецъ коррегидоры.

• — Не имѣетъ ли кто возразить что-нибудь противъ исполненія произнесеннаго приговора? началъ опять алькальдъ, бросивъ на меня значительный взглядъ.

• — Судья и сограждане! онъ спасъ мнѣ жизнь! сказалъ я, глубоко потрясенный:—спасъ съ истиннымъ самоотверженіемъ!..

• Когда я произносилъ эти слова, глаза Боба сдѣлались неподвижны, глубокій вздохъ приподнялъ его грудь, но въ то же время онъ отрицательно покачалъ головою.

• — Съ Богомъ, отправитесь! сказалъ алькальдъ.

• Всѣ мы молча вышли изъ парлора и сѣли на лошадей. Алькальдъ взялъ съ собою Библию, чтобъ приготовить Боба къ вѣчности, и дорогой читалъ ее. Сначала Бобъ слушалъ со вниманіемъ, даже съ набожностію. Скоро однакоже нетерпѣніе снова начало овладѣвать имъ; онъ поѣхалъ скорѣе и наконецъ поскакалъ съ такою быстротою, что мы стали подозрѣвать его въ желаніи спастись бѣгствомъ. Но онъ хотѣлъ спастись отъ того, чтобы передъ смертію не застигнулъ его припадокъ лихорадки.

• По прошествіи часа мы были передъ такъ-называемымъ патріархомъ.

• И дѣйствительно это былъ патріархъ, истинный патріархъ растительнаго міра! Торжественное ли настроеніе духа, или величіе смерти, проникнувшее насъ до глубины души, были тому причиной, только всѣ мы, при видѣ этого дерева, остановились, какъ передъ явленіемъ высшей, сверхъестественной природы. Какъ будто духи невидимаго міра шептались между собою, вѣли на меня изъ этого гигантскаго творенія, изъ этого колоссальнаго дива природы! Такъ мало походило оно на дерево! Громадная растительная масса, въ нѣсколько сотъ футовъ въ поперечникѣ, подымалась по крайней мѣрѣ на сто тридцать футовъ въ вышину: нельзя было различить ни пня, ни сучьевъ, ни вѣтвей, ни даже листьевъ; видны только были милліоны зеленовато-бѣлыхъ чешуекъ, съ безчисленнымъ множествомъ серебристыхъ бородъ. Эти милліоны чешуекъ, эти безчисленныя серебристыя бороды смотрѣли на насъ въ такихъ дивно-фантастическихъ образахъ, что вы при первомъ взглядѣ покланялись бы, что сотни, тысячи патріарховъ глядятъ на васъ изъ своихъ тайниковъ! Чѣмъ ниже, тѣмъ эти бороды были длиннѣе; опускаясь до самой земли, онѣ достигали до сорока футовъ длины; и до такой степени закрывали собою весь пенъ, что нѣсколько человекъ должны были слѣзть съ лошадей и разрывать эти мшистыя бороды; лишь съ трудомъ могли они

расчистить намъ дорогу подъ дерево. Это тотъ самый испанскій мохъ, который всѣмъ такъ извѣстенъ; только здѣсь онъ не грязно-сѣраго, а серебристо-сѣраго цвѣта. Войдя во внутренность этого громаднаго свода, внезапно ослѣпленные въ его таинственномъ сумракѣ, мы долго не могли ничего различить вокругъ себя. Лучи солнца, переломленные серебристымъ мхомъ, чешуйками, листьями и бородами, проникали сюда, какъ сквозь цвѣтныя стекла соборнаго храма, въ самыхъ разнообразныхъ цвѣтахъ, красномъ, зеленомъ, голубомъ, желтомъ, и разливали какой-то фантастическій полусвѣтъ внутри этого таинственнаго святилища. Пень тоже представлялъ своего рода чудо природы. Поднимаясь футовъ на сорокъ отъ земли до развѣтвленія въ сучья, онъ имѣлъ на себѣ такъ много наростовъ и возвышеній, что совершенно походилъ на утесъ неправильной конической формы; отъ этого громаднаго утеса исходили въ разныхъ направленіяхъ зубцы другихъ, меньшихъ утесовъ, и на этихъ зубцахъ наростали массы серебристаго мха, мшистыя борода и вѣтви. Я такъ былъ пораженъ и подавленъ гигантскимъ величіемъ этого явленія, что оставался нѣсколько минутъ въ нѣмомъ изумленіи, словно окаменѣлый, и только глухой говоръ моихъ спутниковъ привелъ меня къ сознанію.

• Они составили кругъ подъ сводомъ дерева, Бобъ находился въ серединѣ. Онъ дрожалъ какъ осиновый листъ, устремивъ неподвижные взоры на свѣжую земляную насыпь, которая видѣлась шагахъ въ тридцати отъ пня.

• Подъ нею покоился убитый. Какая чудная могила! Ни одинъ поэтъ не могъ бы ни пожелать себѣ, ни вообразить такой дивной, такой очаровательной могилы. Нѣжнѣйшая мурава, величественный сводъ, который образовала сама природа, съ вѣчнымъ сумракомъ, такъ дивно затканнымъ радужными лучами!

• Бобъ, алькальдъ и должностные товарищи его остались на лошадяхъ, а остальные всѣ слѣзли. Одинъ изъ нихъ отрѣзалъ лассо отъ сѣдла Боба, одинъ конецъ его перекинулъ черезъ сукъ, который былъ пониже, и изъ обоихъ концовъ сдѣлалъ петлю.

• Послѣ этихъ несложныхъ приготовленій алькальдъ снялъ шляпу и сложилъ руки; всѣ остальные послѣдовали его примѣру. Бобъ съ мрачнымъ видомъ поникъ надъ головой своего мустанга. Алькальдъ обратился къ нему и сказалъ:

• — Бобъ! мы будемъ молиться о бѣдной душѣ вашей, которая теперь должна разстаться съ грѣшнымъ тѣломъ.

• Бобъ не слышалъ.

• — Бобъ! сказалъ опять судья.

• Бобъ встрепенулся.

« — Я хотѣлъ что-то сказать, вскричалъ онъ вдругъ, какъ безумный; хотѣлъ что-то сказать!

« — Что вы хотѣли сказать?

« Бобъ дико посмотрѣлъ вокругъ себя; зубы его шевелились, но духъ его, казалось, уже не былъ на этой землѣ.

« — Бобъ! сказалъ опять судья: — мы будемъ молиться о душѣ вашей.

« — Молитесь, молитесь! простоналъ Бобъ: — мнѣ нужна будетъ ваша молитва.

« Алькальдъ молился медленно и громко, молился растроганнымъ и до глубины души потрясающимъ голосомъ:

« — Отче нашъ! иже еси на небеси...

« Бобъ повторялъ за нимъ каждое слово. При словахъ «остави намъ долги наши», голосъ его со стономъ вырвался изъ сокровеннѣйшей глубины души.

« — Господи! помилуй душу его! заключилъ алькальдъ.

« — Аминь! повторили за нимъ всѣ.

« Тогда одинъ изъ коррегидоровъ наложилъ петлю на шею Боба, другой завязалъ ему глаза, третій вынулъ изъ стремянъ его ноги, между тѣмъ какъ четвертый, поднимая плеть, сталъ за мустангомъ. Все это совершалось въ мертвомъ молчаніи, тихо, содрогательно!..

« Плеть опустилась. Мустангъ сдѣлалъ скачокъ впередъ. Въ это самое мгновеніе Бобъ въ отчаянномъ страхѣ хотѣлъ ухватиться за поводъ и пронзительно крикнулъ «стой!»

« Было поздно, — онъ уже повисъ.

« До сихъ поръ еще звучитъ въ ухахъ моихъ крикъ «стой!» который вслѣдъ за тѣмъ вырвался изъ груди алькальда; какъ теперь вижу, какъ онъ въ изступленіи обскакалъ человѣка, державшаго плеть, понесся къ повѣшенному, схватилъ его въ свои объятія и приподнял на свою лошадь.

« Одною рукой поддерживая Боба, а другою силясь развязать петлю, вся эта гигантская фигура дрожала въ неописанномъ страхѣ. Что-то ужасное было въ этомъ зрѣлищѣ! Прокураторъ, коррегидоры, всѣ стояли какъ окаменѣлые.

« — Віски, віски! у кого есть віски? ревълъ судья.

« Одинъ изъ присутствовавшихъ подбѣжалъ съ бутылкою віски, другой поддерживалъ туловище повѣшеннаго, третій его ноги, алькальдъ влилъ ему въ ротъ нѣсколько капель. При этомъ онъ впился въ него глазами, какъ будто отъ пробужденія Боба зависѣла его собственная жизнь. Долго всѣ усилія были напрасны; къ счастью, шейный платокъ, который забыли снять, помѣшалъ переломленію шейныхъ позвонковъ; наконецъ Бобъ открылъ страшно-вывороченные глаза.

« — Бобъ! прошепталъ судья глухимъ голосомъ.

« Бобъ уставилъ на него свои искаженные глаза.

« — Бобъ! прошепталъ снова алькальдъ: — вы хотѣли что-то сказать... о Джонни, не правда ли?

« — Джонни! прохрипѣлъ Бобъ. — Джонни...

« — Что Джонни?

« — Онъ въ Санъ-Антонио. Джон... ни...

« — Въ Санъ-Антонио? прошепталъ алькальдъ.

« Мощная грудь его подымалась, какъ будто готовая разорваться, черты лица стали неподвижны.

« — Въ Санъ-Антонио, у падре Хозе, прохрипѣлъ опять Бобъ. — Католикъ... береги... тесь!

« — Такъ онъ измѣнникъ! прошептали всѣ, какъ ошеломленные.

« — Католикъ! бормоталъ судья.

« Извѣстiе это, казалось, лишило его всѣхъ силъ; Бобъ выпалъ изъ рукъ его и снова повисъ на лассо.

« Мгновенно алькальдъ взглянулъ на Боба, на остальныхъ, и прошепталъ:

« — Католикъ! измѣнникъ!

« — Гражданинъ и измѣнникъ! католикъ! бормотали остальные.

« — Граждане! прошепталъ судья. — Времени намъ терять нельзя, просипѣлъ онъ тѣмъ же страннымъ тономъ, устремивъ на нихъ неподвижные взоры, — не должно терять ни минуты; мы сейчасъ должны схватить Джонни.

« — Нельзя терять времени; должны поймать Джонни! пробормотали всѣ прочіе.

« — Надо сейчасъ же отправиться въ Санъ-Антонио! просипѣлъ опять алькальдъ.

« — Въ Санъ-Антонио! проговорили всѣ, и какъ привидѣнія потянулись изъ-подъ патриарха.

« Выбравшись изъ-подъ дерева, они еще разъ взглянули вопрошительно на алькальда, другъ на друга, вскочили на мустанговъ, и всѣ понеслись по направленію къ Санъ-Антонио.

« Алькальдъ остался одинъ, въ глубокомъ размышленіи, съ смертною блѣдностію на лицѣ; ледяная неподвижность сковала черты его, глаза были тревожно устремлены на удалявшихся.

« Вдругъ онъ какъ будто пробудился изъ этого оцѣпенѣнія, и схватилъ меня за руку:

« — Спѣшите ко мнѣ домой, скачите, не падите лошади! Переимѣните тамъ лошадь, возьмите съ собою Птоли, скачите въ Санъ-Фелипе и разкажите Стефану Аустину все, что случилось, все, что вы видѣли, что слышали!

« — Однако, судья...

«— Свѣшите, скачите, не жалѣйте лошадей, если хотѣте оказать услугу Техасу! Привезите оттуда домой мою жену и дочь.

«Говоря это, онъ гналъ меня руками, ногами, всѣмъ тѣломъ; въ этомъ нетерпѣннѣи черты лица его приняли такое страшное выраженіе, что я, внѣ себя, далъ мустангу шпоры и помчался стрѣлой.

«Огибая выдающійся уголъ лѣса, я оглянулся; алькальда уже не было.

«Мустангъ мой скакалъ изо всѣхъ силъ. Пріѣхавши домой, я перемѣнилъ лошадь, взялъ съ собою Птоли, поскакалъ въ Санъ-Фелипе и явился къ полковнику Аустину.

«Выслушавъ меня, онъ поблѣднѣлъ, приказалъ тотчасъ же сѣлать лошадей и оповѣстить сосѣдей.

«Прежде, чѣмъ я успѣлъ выѣхать съ женою и падчерицею алькальда, Аустинъ уже поскакалъ, съ пятьюдесятью вооруженными людьми, по направленію къ Санъ-Антонию.

«Съ обѣими дамами, порученными моему покровительству, возвратился я на ихъ плантацію; но едва только успѣлъ слѣзть съ мустанга, какъ упалъ безъ чувствъ.

«Странный бредъ, сильная горячка овладѣли мною и привели меня на край могилы. Нѣсколько дней я колебался между жизнью и смертію; наконецъ молодость одержала верхъ. Я оправился; но несмотря на самую нѣжную обо мнѣ заботливость и стараніе развлечь меня, страшныя картины преслѣдовали меня неотступно; всегда и вездѣ онѣ находились передъ моими глазами. Тогда только стали мнѣ представляться образы, болѣе свѣтлыя, когда я сидѣлъ уже на своемъ мустангѣ, возвращаясь къ плантаціи мистера Нила, въ сопровожденіи Антони, охотника этой плантаціи, которому наконецъ удалось отыскать меня.

«На обратномъ пути намъ пришлось ѣхать мимо патриарха. Вокругъ него съ крикомъ летали безчисленныя стаи хищныхъ птицъ. Я отвернулся и зажалъ уши; но было напрасно: какая-то невидимая сила влекла меня къ дереву. Антони пробрался чрезъ отверстие, прорванное во мху, и вдругъ подъ сводомъ раздались его восклицанія и дикіе крики торжества.

«Съ невыразимою быстротою я соскочилъ съ мустанга, протиснулъ его сквозь отверстие и подошелъ къ гигантскому стволу.

«Шагахъ въ сорока отъ него, на суку, висѣлъ трупъ, на томъ самомъ суку, на которомъ былъ повѣшенъ Бобъ; но это былъ не онъ. Висѣвшій былъ гораздо меньше.

«Я подошелъ ближе, сталъ всматриваться.

«— Ого, славный висѣльникъ! Едва ли другой такой найдется на свѣтѣ! пробормоталъ Антони, указывая на трупъ.

«— Джонни! вскричалъ я, содрогаясь:—это Джонни!

« — Былъ Джонни, но, слава Богу, его ужь нѣтъ теперь!

« Я содрогнулся.

« — А гдѣ же Бобъ?

« — Бобъ? вскричалъ Антони. — А, Бобъ! гмъ... Бобъ!

« Я сталъ смотрѣть вокругъ себя. Вотъ могила, которую я видѣлъ недавно; то она казалась мнѣ больше, выше нежели прежде, то опять такую же, какъ была. Не лежитъ ли онъ подъ этою насыпью, рядомъ съ своею жертвой?

« — Антони, не оказать ли намъ этому несчастному послѣднюю услугу? спросилъ я.

« — Висѣльнику? возразилъ онъ. — Не хочу марать свою руку; пусть онъ отравляетъ хищныхъ птицъ. Уйдемъ лучше отсюда.

« Мы отправились.

« Приѣхавши къ мистеру Нилю, я узналъ, что ему все уже извѣстно; онъ приготовлялся, такъ же какъ и его сосѣди, къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ.

« Они, какъ вамъ извѣстно, дѣйствительно начались черезъ два мѣсяца послѣ того, хотя сначала были обращены только противъ военныхъ начальствъ, которыя, вслѣдствіе распоряженій свыше, стали позволять себѣ разныя притѣсненія противъ колонистовъ. Результатомъ этой войны было взятіе фортвъ Веласко и Накогдочеса, гарнизоны которыхъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Угартечіа и полковникомъ Пидрасть, были взяты въ плѣнъ.

« Но стараніямъ полковника Ф. Стефана Аустина, со стороны Техаса, и полковника Мехиа, со стороны мексиканской, удалось еще возстановить миръ между военными начальствами и гражданами, въ главѣ которыхъ стоялъ нашъ алькальдъ.

« Но въ 1833 году, вице-президентъ Гомесъ Фаріасъ арестовалъ полковника Стефана Аустина, нашего тхасскаго представителя въ мексиканскомъ конгрессѣ. Затѣмъ послѣдовало отпаденіе генерала Санта-Анны, который присталъ къ партіи духовенства. Потомъ Техасъ объявилъ себя за конституцію 1824 года. Далѣе произошло отторженіе отъ Когагуилы и Мексики, провозглашеніе независимости, словомъ революція. »

На этомъ мѣстѣ разкащикъ остановился, и слушатели не знали, будетъ ли онъ продолжать свой разказъ. Онъ взялъ сигару, хотѣлъ было закурить, но опять положилъ ее.!

Воцарилось глубокое молчаніе, въ продолженіи котораго всѣ, въ

ожиданіи, устремили свои взоры на Морза. Наконецъ главный судья прервалъ это молчаніе:

— Ужь не хотите ли вы сказать, что открытіе военныхъ дѣйствій противъ Мексики было въ связи съ этимъ страшнымъ событіемъ.

— И да, и нѣтъ! возразилъ Морзъ. — Гдѣ для всеобщаго пожара приготовлено такъ много горючаго матеріала, какъ въ Техасѣ, тамъ достаточно, какъ вамъ извѣстно, одной искры, чтобы произвестъ этотъ пожаръ. Искра эта упала, и пламя вспыхнуло.

— Сбѣемъ ли просить васъ продолжать?

Полковникъ молчалъ.

ХІІ.

Немного погодя, онъ продолжалъ :

« Душою всѣхъ этихъ событій, роковыхъ для Техаса, Мексики и даже Сѣверо-Американскаго Союза, былъ алькальдъ. Былъ правда, въ Техасѣ и другіе значительные люди; Аустины, Ноллинсы, Гаустоны, Борнеты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, особенно обширностію своихъ владѣній, далеко превосходили его; но алькальдъ, представляя собою середину между этими настоящими нашими аристократами, у которыхъ во владѣніи до семидесяти и болѣе квадратныхъ миль земли, и демократами, изъ которыхъ многіе едва четверть *смію* (1) могутъ назвать своею собственностію, былъ, по своему положенію, въ полномъ смыслѣ демократическій аристократъ или, если хотите, аристократическій демократъ, настоящее *juste milieu*, и представлялъ собою зерно зачинающагося штата истинно-американскихъ гражданъ.

« Не будучи ни совершенно джефферсоновскимъ, ни вполнѣ джефферсоновскимъ демократомъ, онъ имѣлъ такъ же мало общаго съ новѣйшими нашими выродками, *локофоками*, какъ и съ нынѣшней нашею полубританскою, полумонархическою, демежною аристократіей. Политическія его убѣжденія клонились болѣе всего къ умѣренному федерализму Вашингтона: онъ былъ съ ногъ до головы Американецъ, какъ Вашингтонъ, этотъ отецъ нашего отечества. Американизмъ былъ фокусъ, соединявшій въ себѣ всѣ лучи и способности его духа. Его можно было сравнить съ тою могучею рѣкой, которая беретъ начало на противоположномъ

(1) Мексиканскій квадратный часъ, равняющійся $4428^{40}/_{1000}$ американскихъ акровъ.

мексиканскомъ берегу и стремительно катить свои воды къ съверу, неудержимо увлекая за собою все, что встрѣчаетъ на пути своемъ. И дѣйствительно, никто такъ не умѣлъ, какъ онъ, управлять совѣщательными, законодательными или народными собраніями; никто не обладалъ такимъ даромъ слова и демократическаго ораторства, не умѣлъ самому обыкновенному, простому уму представить такъ осязательно самыя отвлеченныя понятія и начала, самыя запутанныя политическія и историческія проблемы, такъ искусно подчинить ихъ своимъ собственнымъ взглядамъ и цѣлямъ. Все уступало этой силѣ слова: убѣжденіе, упрямство, пристрастіе.

«Мнѣ случилось быть въ засѣданіи (1), въ которомъ происходили пренія по поводу письма Стефана Ф. Аустина, тогдашняго нашего представителя на мексиканскомъ конгрессѣ. Въ письмѣ заключались разсужденія о состояніи Техаса и Мексики; эти мысли, сообщенныя съ полною откровенностію и притомъ самымъ близкимъ политическимъ друзьямъ, были изложены конечно не для того, чтобъ ихъ обнародывать. Всѣмъ было понятно, что такое обнародованіе не только компрометировало бы автора въ глазахъ мексиканскихъ властей, но и подвергло бы его опасности, заклеимло бы его именемъ извѣнника. Поэтому первое предложеніе объ обнародованіи, съ рѣшительнымъ негодованіемъ было отвергнуто нашими согражданами, вообще не слишкомъ деликатными въ подобныхъ случаяхъ. Аустинъ стоялъ очень высоко въ общественномъ мнѣніи: онъ былъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ людей въ Техасѣ, а отецъ его былъ въ числѣ главныхъ основателей колоніи. Но когда нашъ алькальдъ, лучший другъ его, началъ доказывать необходимость обнародованія письма, тогда всѣ единодушно согласились.

«Слѣдствіемъ этого было то, что знаменитаго полковника, какъ и надо было ожидать, посадили въ тюрьму; а слѣдствіемъ этого заключенія было всеобщее негодованіе, всеобщее раздраженіе умовъ въ Техасѣ, чего только и желалъ алькальдъ.

«Впрочемъ, не будемъ опрометчиво судить объ этомъ чловѣкѣ, равно какъ и о тѣхъ, которые въ то время управляли судьбою Техаса и рѣшали ее. Это были необыкновенные люди. Долго пришлось бы вамъ перелистывать томы всемірной исторіи, чтобы найти революцію, которая была бы обдуманна вѣрнѣе и окончена съ большею послѣдовательностію. Тутъ собралась масса людей, у которыхъ подъ грубыми войлочными шляпами скрывались умнѣйшія головы, подъ суровою оленьею одеждою — горячія сердца, желѣзная воля! Люди эти вполнѣ пони-

(1) Въ 1833 году.

мали, къ чему стремились: стремились они къ великому. Но это великое они принуждены были совершать съ самыми слабыми средствами; съ какою-нибудь горстью людей должны были вступить въ борьбу съ республикою, по обширности своей второю въ міръ, и поэтому необходимо должны были для этой горсти людей прискивать самыя сильныя возбужденія. Теперь уже дѣло шло не объ однѣхъ земляхъ и неграхъ, не объ ограниченіи нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ и не о благосостояніи нѣсколькихъ сотъ фермеровъ и плантаторовъ; дѣло шло о важнѣйшемъ вопросѣ жизни: о высшихъ интересахъ свободныхъ людей, интересахъ, подточенныхъ въ самомъ основаніи гнуснымъ отпаденіемъ Санта-Анны, уничтоженіемъ конституціи 1824 года, и теперь привосимыхъ въ жертву тягостнѣйшему изъ всѣхъ господствъ,—господству клерикальному.

• Поднять оружіе противъ этого тягостнѣйшаго изъ всѣхъ гнетовъ было долгомъ не только всякаго Мексиканца, но и каждаго Техасца, каждаго Американца! »

— Долгомъ Американца? иронически прервалъ кто-то рѣчь нашего полковника, становившуюся нѣсколько высокопарною. — Мнѣ кажется, полковникъ, что вы въ своемъ Техасѣ составляете себѣ слишкомъ обширное понятіе о долгѣ. Скажите, ради здраваго чловѣческаго смысла, какое вамъ было дѣло, вамъ, гражданину Соединенныхъ Штатовъ, до революціи въ Мексикѣ, до тамошняго клерикальнаго господства?

— Какое дѣло было гражданамъ, Американцамъ, до революціи въ Мексикѣ! вскричало нѣсколько голосовъ.

— Какое дѣло до господства патеровъ! вскричали другіе.

Все общество вдругъ пришло въ волненіе.

— Позвольте мнѣ, полковникъ Мидо, предложить вамъ другой вопросъ: Монархамъ Англіи, Россіи, Франціи какое дѣло было до Греціи? какое дѣло было имъ и австрійскому кабинету до Бельгіи, до Португаліи, до Испаніи, въ которую они ввели донъ-Карлоса и произвели междоусобную войну, вопреки всѣмъ договорамъ? Мнѣ кажется, что дозволяетъ въ старой Европѣ принципъ монархистовъ и легитимистовъ, того не можетъ запретить у насъ республиканскій или народный принципъ!

— Мнѣ кажется, полковникъ Морзъ, — что это въ обоихъ случаяхъ подлежитъ большому сомнѣнію! раздался звучный, чистый голосъ главнаго судьи. — Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется очень сомнительнымъ, чтобы нашъ кабинетъ имѣлъ право дѣлать военныя демонстраціи и осаждать Накогдочесъ (1)!

— Да кто же это утверждаетъ, судья? вмѣшался генераль.

(1) Въ 1836 году.

— Но что эта осада Накогдочеса была превосходная политическая мѣра, истинно джаксоновская, прекрасная выходка, этого вы, конечно, отвергать не станете.

— И эта выходка намъ, Техасцамъ, прилась очень кстати смѣясь прибавилъ техасскій полковникъ.— Между тѣмъ, продолжалъ онъ серьезно, — мнѣ кажется, и полковникъ Мидо согласится, что мы имѣемъ нѣкоторое право вмѣшиваться въ техасскія дѣла: Техасъ былъ населенъ нашими гражданами подъ покровительствомъ и гарантіей конституціи 1824 года. Въ силу этой конституціи, они и позволили Мексикѣ усыновить ихъ; за эту же конституцію они прежде всего и подняли оружіе.

— Какъ Американцы, вы должны были это сдѣлать! кричали они.

— Это была ваша обязанность! прибавили другіе.

— Для успокоенія вашего, полковникъ Мидо, насмѣшливо замѣтилъ Техасецъ, — я могу еще прибавить, что лучшіе или, что вѣроятно по вашимъ понятіямъ важнѣе, значительнѣйшіе изъ Мексиканцевъ, не только не противились нашему возстанію, но даже присоединились къ намъ дружески, братски; едва только мы провозгласили конституцію 1824 года, какъ нѣсколько человекъ изъ самыхъ знатныхъ Мексиканцевъ, отчаиваясь въ благоденствіи и будущности своего края, пристали къ намъ. Изъ нихъ я вамъ укажу только на одного: на Лоренсо Завало, бывшаго министра финансовъ, вице-президента, а въ послѣдствіи посланника республики при французскомъ дворѣ. Отъ послѣдняго поста онъ отказался тотчасъ послѣ отпаденія Санта-Анны, съ тѣмъ чтобы въ бѣдномъ нашемъ Техасѣ сдѣлаться вице-президентомъ и управляющимъ иностранными дѣлами.... Многимъ, очень многимъ обязаны мы его управленію иностранными дѣлами, продолжалъ Морзъ.— Я думаю, что мы обязаны преимущественно ему тѣмъ, что не только Союзъ, но и Франція такъ скоро признали независимость нашего бѣднаго новорожденнаго Техаса. Вамъ, полковникъ Мидо, а можетъ-быть и полковнику Крекеру, этотъ результатъ, конечно, не покажется слишкомъ блистательнымъ, замѣтилъ онъ, искоса посматривая на послѣдняго, — но его, безъ сомнѣнія, оцѣнить тотъ, кто, подобно намъ, имѣлъ случай покороче узнать извилистые пути дѣйствія нынѣшней дипломатіи.

Полковникъ Крекеръ вспыхнулъ и хотѣлъ было возражать, но одинъ изъ присутствовавшихъ полковниковъ нашихъ, число которыхъ несмѣтно, прервалъ его:

— Я полагаю, что оцѣнить! Кто же не помнить, какъ убійственно долго и медленно для отцовъ и праотцевъ нашихъ, тогда, въ восьмидесятихъ годахъ, тянулись мирные переговоры въ Парижѣ?

— Которые однако ведены были Франклиномъ! проразился полковникъ Крекеръ.

— И Франклинъ въ этомъ случаѣ вовсе не показалъ себя государственнымъ человѣкомъ! перебилъ его генералъ. — Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ допустилъ лукаваго Верженна перехитрить себя, и началъ было вести переговоры о двадцатилѣтнемъ перемиріи между нами и Англійей; но Джей успѣлъ еще во время обратиться прямо къ англійскимъ министрамъ, и вмѣсто перемирія достигъ мира, а съ нимъ и признанія нашей независимости. Для Француза это былъ громовой ударъ: по его коварному замыслу, мы должны были свергнуть съ себя англійское господство только для того, чтобы перейти во французское. Но Джей остался твердъ, и Франклинъ, несмотря на то, что былъ опутанъ обольщеніями французскаго двора, увидѣлъ наконецъ свою ошибку.

Наступило молчаніе. Спустя нѣсколько минутъ, Моръзъ продолжалъ:

— Обратите съ другой стороны вниманіе на неслышанную скорость, съ какою была признана независимость нашего Техаса, сравнительно говоря, ничтожнаго, и признана не только со стороны Союза, но и Франціи, и вы принуждены будете согласиться, что мы не совсѣмъ безславно начали поприще свое въ ряду государствъ и народовъ. Скажу больше: карьера, нами сдѣланная, полная высокаго значенія для будущности американскаго міра, можетъ быть названа совершенствомъ въ дѣлѣ политики. Находясь между обѣими большими республиками, нашъ Техасъ, въ отношеніи къ Мексикѣ, представляетъ собою какъ бы шпору: вонзаясь въ бока ея, шпора эта наконецъ пробудитъ подавленное чувство свободы въ ея населеніи, равно угнетенномъ и аристократіей и духовенствомъ. Съ другой стороны, для Союза Техасъ составляетъ родъ передоваго укрѣпленія, которое конечно до сихъ поръ состоитъ изъ необтесанныхъ бревенъ и земли, но современемъ можетъ принять видъ, болѣе грозный.

— Прекрасно и вѣрно сказано! вскричали всѣ.

— Но до сихъ поръ, продолжалъ полковникъ, — Техасъ представляетъ собою не болѣе какъ грубое укрѣпленіе, которое можно сравнить развѣ съ какимъ-нибудь изъ тѣхъ фортовъ, которые мы строимъ противъ Индійцевъ, или, какъ говоритъ мой другъ, алькальдъ, съ бодрою молодою четой, которая, томившись долгое время подъ кровомъ мачихи, наконецъ отказывается отъ него и устраиваетъ свой собственный очагъ. Хотя эта чета все еще имѣетъ стычки съ злою мачихой, но мало-по-малу укрѣпляется въ силахъ: ей помогаютъ друзья, но еще болѣе развиваетъ ея физическія и нравственныя силы раннее здраво-республиканское воспитаніе. . .

«Это раннее, здоровое республиканское воспитаніе, которое намъ такъ свойственно, дѣлаетъ насъ столько же способными къ управленію, сколько и къ послушанію, и мы тогда вполне оцѣняемъ его, когда случай броситъ насъ въ среду невоспитанныхъ или превратно-воспитанныхъ народовъ и націй, какъ Америки нашей, такъ и Европы: тогда мы почти осязательно удостоверяемся въ дѣтствѣ, немощи этихъ народовъ, и въ то же время въ ихъ упрямствѣ и неопытности. Мы, Американцы, находясь у себя дома, и не подозреваемъ, какое неоцѣненное преимущество мы имѣемъ передъ Французами, Испанцами и другими народами. Мы не сознаемъ его въ себѣ, потому что живемъ съ нимъ съ самаго ранняго дѣтства; оно лежитъ вокругъ насъ, какъ вода вокругъ рыбы; оно—наша стихія, въ которой мы плаваемъ, преуспѣваемъ, которая обратилась въ нашу натуру; безъ него, я вполне увѣренъ, мы не могли бы существовать! Къ намъ можно примѣнить то, что Наполеонъ такъ мѣтко сказалъ о Талейранѣ, только въ иномъ значеніи: «какъ бы онъ ни упалъ, всегда упадетъ на ноги, какъ кошка». Еслибы мы съ неба упали въ Томбуку, или въ Китай, мы непременно упали бы сперва на наше самоуправленіе, на наше самообладаніе.

«Это самоуправленіе, это самоустройство общественныхъ условій, гражданскихъ отношеній и положеній, во всѣхъ случаяхъ, когда только сойдется какая-нибудь дюжина Американцевъ, есть истинный нервъ, жизненный корень возникающаго государства. Гдѣ ихъ не достаетъ, тамъ во всемъ чувствуется недостатокъ; гдѣ они существуютъ, тамъ уже устранены главныя затрудненія.

«Какія возникли бы смятенія, столкновенія, войны, кровопролитія, еслибы не Американцы, а Французы или Испанцы свергли съ себя это владычество Мексики и объявили Техасъ независимымъ! Было бы вѣчное безначаліе, пока какой-нибудь властолюбивый тиранъ не образумилъ бы наконецъ враждующихъ и не схватилъ могучею рукою бразды правленія. У насъ же напротивъ: ни одной анархической мысли! Всякій самъ собою входилъ въ указанную ему колею, выбиралъ въ своемъ округѣ представителей, сенаторовъ, президентовъ, вице-президентовъ; а эти выбирали, въ свою очередь, высшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ: всѣ дѣйствовали такъ, какъ научились въ Штатахъ. Такимъ образомъ правительство образовалось само собою, и если оно не совсѣмъ походило на Минерву, то все-таки было вооружено не хуже ея. Преній было, конечно, довольно, даже больше чѣмъ довольно; лились потоки рому и вина, но не пролилось, я увѣренъ, и двухъ капель крови. Какъ только наши составили большинство, Техасъ въ сущности былъ

уже отторженъ отъ Мексики, и признаніе его независимости была только одна формальность, которая съ пробужденіемъ сознанія и увѣренности въ умѣнны и способности поддержать эту независимость должна была совершиться сама собою.

«Конечно, это сознаніе могло и обмануть насъ, и мы могли преувеличить свои силы. Надо признаться, что *братъ Ионаванъ* (1) вообще имѣетъ маленькую слабость преувеличивать, что доказываютъ и пословицы его, между прочими и слѣдующая: пять Мексиканцевъ идутъ на одного Француза, три Француза на одного Британца и три Британца на одного Американца. Но тутъ приходилось больше ста Мексиканцевъ на одного Американца и, клянусь честію, это была не бездѣлица для Техаса, въ которомъ тогда едва ли было тридцать пять тысячъ душъ, и который долженъ былъ бороться съ республикою, заключавшею въ себѣ цѣлыхъ девять милліоновъ жителей, съ республикою, которая, несмотря на безначаліе и внутреннія распри, легко могла противъ насъ выставить солдатъ вдвое больше всего нашего народонаселенія, считая въ томъ числѣ и женщинъ и дѣтей. Но за то мы были Американцы! Мы сказали, что хотимъ быть свободными, а вы знаете, что если Американецъ рѣшительно выразилъ свое желаніе, то никакая въ мірѣ сила не можетъ помѣшать ему осуществить свою волю.»

— Bravo! закричали опять всѣ.

— Притомъ же мы были увѣрены, продолжалъ Морзъ, — что *для Самъ* (2) уже ради чести своей не допуститъ, чтобы сынокъ его, родившійся на свѣтъ вслѣдствіе очень легкаго проступка, былъ задушенъ въ самыхъ пеленкахъ, тѣмъ болѣе если сынокъ этотъ хоть сколько-нибудь окажется достойнымъ своего происхожденія: а на этотъ счетъ мы были совершенно спокойны. Мы устроили все, что надобно было устроить; правительство, управление, законодательство, судебный порядокъ, финансы; а послѣднее, замѣчу мимоходомъ, вовсе не такая легкая вещь въ сторонѣ, гдѣ можно было насчитать больше рогатаго скота, нежели долларовъ. Мы не забыли подумать даже и о морской силѣ; короче, устроили всѣ дѣла свои, какъ сумѣли. Я думаю, прервалъ свои разсужденія развеселившійся полковникъ, — вамъ интересно было бы поближе познакомиться съ первоначальными нашими дѣйствіями, напримѣръ, какъ мы приступили къ военнымъ нашимъ операціямъ?

— О да, очень! вскричали всѣ.

(1) Соединенные Штаты.

(2) Соединенные Штаты.

— Но не выпить ли намъ сперва за здоровье Техаса, ново-рожденнаго нашего братца? замѣтилъ полковникъ Окли.

— Выпьемъ! закричали всѣ, быстро вставая и чокая стаканами.

В о й н а.

ХІІІ.

Всѣ усѣлись, и полковникъ Морзъ тѣмъ же веселымъ тономъ продолжалъ:

«Провозгласивши независимость или, что одно и то же, самоуправленіе Техаса, мы прежде всего, разумѣется, должны были позаботиться о томъ, чтобъ обезпечить сообщеніе съ Штатами и другими государствами, и овладѣть морскими гаванями.

«Генералъ Косъ выслалъ изъ Метаморы небольшой отрядъ, для занятія гальвестонской гавани, и построилъ тамъ деревянный фортъ, повидимому для того, чтобы придать больше силы таможеннымъ постановленіямъ, но настоящая его цѣль была отрѣзать намъ сообщеніе съ Нью-Орлеаномъ и сѣверомъ. Намъ слѣдовало какъ можно скорѣе возстановить опять это сообщеніе. Дѣло это было поручено мнѣ и моему пріятелю.

«Все наше снаряженіе состояло въ запечатанной депешѣ, которую мы должны были вскрыть въ Колумби, и въ проводникъ, егеря Агостино, смѣшанной расы. Прибывъ въ Колумбію, мы созвали самыхъ значительныхъ гражданъ, такъ же какъ и сосѣднихъ жителей Маріона и Боливара, распечатали депешу, а по прошествіи шести часовъ ополченіе, которое вызывалось тою депешою, было уже собрано и готово къ выступленію. Мы двинулись съ нимъ въ тотъ же день по направленію къ Гальвестону, на другой день прибыли къ форту, овладѣли имъ и взяли въ плѣнъ Мексиканцевъ, составлявшихъ его гарнизонъ, не потерявъ при этомъ сами ни одного человѣка.

«Мы еще не успѣли окончить свои работы, предпріятыя для удержанія за собою завоеваннаго форта, какъ на девятый день явился нашъ проводникъ, Агостино. Мы послали его назадъ въ Санъ-Фелипе, съ донесеніемъ правительству о взятіи форта. Онъ привезъ новыя распоряженія, въ силу которыхъ мы должны были передать фортъ надежному коменданту, а сами немедленно отправиться къ Тринити-Риверу, собрать по этой рѣкѣ какъ можно больше людей и двинуться къ Санъ-Антонио-

де-Бехаръ. Этотъ же посланный вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ намъ увѣреніе, что конгрессъ совершенно нами доволенъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, конгрессъ доказалъ, что онъ умѣетъ управлять, награждать и поощрять, не хуже старыхъ парламентовъ и государственныхъ министровъ: по предложенію нашего друга, алькальда, мнѣ и моему другу назначили, въ видѣ награды, по участку земли при рѣкѣ Тринити, и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ порученіемъ очень деликатно дали намъ возможность побывать въ новыхъ нашихъ владѣніяхъ.

• Мы тотчасъ же распорядились, чтобы небольшой гарнизонъ форта выбралъ, изъ своей среды, офицеровъ, передали послѣднимъ команду, а сами поспѣшили, черезъ соляныя копи и Либерти, къ Тринити-Риверу.

• Прибывъ къ солянымъ копямъ, мы нашли всѣхъ въ величайшемъ волненіи; тутъ были уже собраны молодые люди, жители сосѣдняго Анагуака: они готовились къ выступленію въ Антонио-де-Бехаръ; то же самое мы нашли и въ Либерти. Въ обоихъ этихъ городкахъ собравшаяся команда, изъ сорока человѣкъ, сама выбрала для себя офицеровъ, и, полная отваги и надеждъ, выступила въ походъ къ дальнему сборному мѣсту.

• Въ то время еще не было значительныхъ поселеній на рѣкѣ Тринити, а были только разсѣяныя плантаціи; къ одной изъ нихъ мы прибыли поздно вечеромъ. Призывъ еще не дошелъ сюда, но въ ту же ночь онъ уже распространился по всѣмъ сосѣдямъ, на сорокъ миль въ окружности. На слѣдующее утро вся площадь передъ плантаціею уставлена была вычными и верховыми мустангами: на одного всадникъ клалъ свою провизію, на другаго садился самъ, съ охотничьимъ ножомъ съ боку, со штуцеромъ за плечами, съ хорошо-наполненнымъ пороховымъ рожкомъ и мѣшечкомъ съ пулями черезъ плечо. Снарядившись такимъ образомъ, мы отправились, въ числѣ сорока трехъ человѣкъ.

• Намъ предстоялъ довольно дальній походъ. Санъ-Антонио-де-Бехаръ, главный городъ этого края, лежитъ на юго-западъ отъ рѣки Тринити, на разстояніи добрыхъ двухсотъ пятидесяти миль. Чтобы добраться до него, нужно ѣхать преріями, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни тропинокъ, нужно переправляться черезъ рѣки и стремнины, которыя если и не могутъ сравниться съ Миссиссипи или Потомакомъ, то все-таки на столько глубоки и широки, что могутъ на нѣсколько дней задерживать войска. Но для нашихъ фермеровъ и *зальсцевъ*, привыкшихъ преодолевать всякаго рода препятствія, эти преріи безъ дорогъ, эти рѣки безъ мостовъ были сушая бездѣлица. Гдѣ нельзя было переправляться въ бродъ, тамъ переплывали. Даже мы, воспитанные въ академіяхъ и университетахъ, и выросшіе, сравнительно говоря,

въ роскоши, мы, которые у себя въ Штатахъ, по цѣлымъ часамъ искали бы моста или порома около какой-нибудь ничтожной рѣчки,—здѣсь не находили рѣшительно никакихъ затрудненій.

• Вы не повѣрите, съ какою легкостію человѣкъ образованный, даже нѣжно воспитанный, если онъ поставленъ въ натуральное состояніе, особенно при душевномъ волненіи, съ какою легкостію онъ забываетъ всякія удобства и потребности, и отказывается отъ нихъ, несмотря на то, что съ самаго дѣтства они обратились ему въ привычку, даже въ другую натуру! Еслибы, года два тому назадъ, пришлось кому-нибудь изъ насъ провести цѣлую недѣлю безъ крова, подъ открытымъ небомъ, а не рѣдко и подъ дождемъ и безъ теплой пищи, мы навѣрно заболѣли бы, а можетъ-быть и навсегда разстроили бы свое здоровье. Здѣсь же каждый день мы испытывали всѣ эти неудобства и разныя другія лишенія, но въ то же время съ каждымъ днемъ возрастали наши силы, а съ ними и наше веселое настроеніе духа. Каждую ночь мы проводили подъ открытымъ небомъ на сырой землѣ, часто подъ проливнымъ дождемъ, который пронизывалъ насъ до костей. Единственную нашу пищу при этомъ составляли *паноли*, то-есть хлѣбъ изъ кукурузы съ порядочною прибавкой сахару. Эти *паноли* сначала кажутся нѣсколько приторными, но въ послѣдствіи очень пріятны на вкусъ. Они составляютъ всеобщую и главную пищу во время дальнихъ путешествій въ Техасъ, Когагула, Санта-Фе, и при форсированныхъ походахъ имѣютъ то удобство, что ихъ легко вездѣ уложить, что они не скоро портятся и не только сохраняютъ силы и здоровье человѣка, но и поддерживаютъ въ немъ веселое, даже сладкое, можно-сказать, сахарное настроеніе духа. Во время походовъ мнѣ часто случалось замѣчать это сахарное настроеніе нашихъ воиновъ, когда они питались одними *панолями*, и наоборотъ, замѣчалъ эгоистическое, алчное, отвратительное настроеніе духа, когда они употребляли пищу изъ животнаго царства. Тѣхъ же самыхъ людей, которые такъ спокойно питались *панолями* изъ своихъ сѣдельныхъ чемаданчиковъ, никакъ нельзя было узнать, когда они сидѣли за мясомъ и бутылками рома, и на ихъ лицахъ отвратительно, животно изображались жадность и алчность, изображались даже и въ то время, когда они говорили безъ буйныхъ криковъ. А питаясь *панолями*, они совсѣмъ удивляли васъ своею умѣренностью, спокойствіемъ, кротостію, которыя пріятно смягчали суровое величіе нашего многоглаваго владыки народа. Самый наглый, самый обжорливый человѣкъ укрощается, если не видитъ возможности удовлетворить свои животныя потребности; самый эгоистическій человѣкъ дѣлается сообщителемъ тамъ, гдѣ нѣтъ поприща его эгоизму.

«Во время этого похода не было ничего, кромѣ *панолей*, да и то не у всѣхъ: многіе не захотѣли ждать, пока они испекутся, а наполнили свои чемоданчики одною только поджаренною кукурузой. Но такъ какъ у насъ былъ *общій столъ*, то мы всѣ ѣли *панолы*, пока они существовали, и запивали ихъ однимъ или двумя глотками изъ ромовой бутылки, пока въ ней было что-нибудь; а когда ромъ и *панолы* вышли, мы принялись за поджаренную кукурузу, промачивая горло глоткомъ ключевой воды. Никто не помышлялъ о большемъ, потому что ничего больше не видѣлъ; это-то, вѣроятно, въ особенности и способствовало сохраненію между нами спокойствія, бодрости и силы. Несмотря на эту спартанскую нашу пищу, всѣ мы были довольны и даже веселы, такъ что когда намъ случалось проходить мимо домовъ и плантацій, никто изъ насъ и не мечталъ о сытномъ столѣ и отдыхѣ въ этихъ жилищахъ, а напротивъ каждый думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣ добраться до мѣста назначенія.

«Мы шли навстрѣчу первой серіозной битвѣ, а потому нетерпѣніе наше было очень понятно; оно царствовало повсемѣстно, во всемъ Техасѣ. Со всѣхъ сторонъ стекались отряды вооруженныхъ людей. Мы часто встрѣчались съ ними, но совершенно по-американски: ни одна изъ этихъ маленькихъ дружинъ не примыкала къ другой: у кого лошади были свѣжѣе, уходили впередъ; другіе, у кого лошади были болѣе утомлены, послѣ краткаго привѣтствія и сердечнаго рукожатія, оставались назади. Такимъ образомъ при выступленіи отъ рѣки Тринити насъ было сорокъ три человѣка, и столько же насъ оказалось по прибытіи къ рѣкѣ Саладо, сборному мѣсту нашихъ войскъ.

«Отсюда намъ оставалось еще около пятнадцати миль до главнаго города, противъ котораго мы намѣрены были направить первыя наши рѣшительныя дѣйствія. Но городъ этотъ былъ защищаемъ, какъ и въ настоящее время, сильнымъ фортомъ, и гарнизонъ его состоялъ изъ трехъ тысячъ человѣкъ, то-есть значительно превышалъ всю военную силу нашего Техаса, и вдобавокъ могъ располагать достаточнымъ числомъ тяжелыхъ орудій. Все это находилось подъ начальствомъ опытныхъ, даже знаменитыхъ революціонныхъ офицеровъ.

«Во всякомъ случаѣ мы готовились къ тяжкому бою, ибо вся наша армія, которую мы нашли при рѣкѣ Саладо, подъ главнымъ начальствомъ генерала Аустина, не превышала восьмисотъ человѣкъ.

«Въ тотъ самый день, какъ мы прибыли въ главную квартиру, въ числѣ сорока трехъ волонтеровъ, былъ созванъ военный советъ, и на немъ положено было двинуться впередъ къ миссіи Санъ-Эспадо. Авангарду приказано было выступить туда тотчасъ же;

начальство надъ нимъ поручено было мнѣ и моему пріятелю; но чтобъ умѣрить нашъ юношескій жаръ, намъ придали мистера Вартона, богатаго плантатора, который привелъ съ собою значительное число сосѣдей изъ своего округа.

«Мы съ товарищами наскоро закусили, изъ восьмисотъ волонтеровъ, которые всѣ желали отправиться съ нами, выбрали девяносто двухъ человекъ, и весело отправились съ ними къ мѣсту нашего назначенія.

«Дорога наша была черезъ открытую прерію, мѣстами отъненную небольшими островками. Нѣсколько миссій, расположенныхъ въ окрестности, показывали близость главнаго города. Эти миссіи могутъ быть названы наружными или передовыми укрѣпленіями католической церкви и испанскаго правительства, тѣсно съ нею связаннаго: назначеніе ихъ состоитъ столько же въ духовномъ обращеніи, сколько въ свѣтскомъ порабоженіи Индійцевъ. Такія миссіи можно встрѣтить во всѣхъ тѣхъ частяхъ материка, которыя находились прежде подъ испанскимъ владычествомъ, въ особенности же въ пограничныхъ областяхъ, въ Техасѣ, въ Санта-Фе и въ Когагуилѣ. Онѣ состоятъ обыкновенно изъ церкви, жилыхъ и хозяйственныхъ строеній для священниковъ и для обращенныхъ или еще обращаемыхъ Индійцевъ; выстроены всегда прочно и окружены крѣпкими стѣнами, для защиты отъ враждебныхъ племенъ. Но онѣ вообще очень мало соответствовали своему назначенію, и потому въ новѣйшее время большая часть изъ нихъ уничтожена. Такъ въ первой изъ нихъ, въ миссіи «Зачатія», мы нашли уже не болѣе десяти старыхъ Мексиканцевъ; но строенія были въ довольно хорошемъ состояніи, а что еще удивительнѣе, въ шкафахъ находились не только духовныя книги, но и одѣянія священнослужителей, и золотыя и серебряныя украшения, которыми убрываются иконы въ торжественные праздники. Но самая эта беззащитность оставленной святыни выражала, съ другой стороны, благородное, трогательное довѣріе къ нашему религіозному чувству, хотя, по ихъ мнѣнію, ложно направленному, и мы рѣшились оправдать это довѣріе. Мѣсто это и въ послѣдствіи осталось неприкосновеннымъ, хотя наши партіи часто тамъ проходили, и между нашими искателями приключеній, какъ вы легко можете себѣ представить, было не мало такихъ бѣдняковъ, которые сумѣли бы распорядиться этими драгоценностями.

«По прибытіи въ миссію «Эспадо», въ нашемъ трехголовомъ военномъ совѣтѣ произошелъ жаркій споръ. Въ данной намъ инструкціи ясно было сказано, чтобы мы заняли этотъ постъ и оставались на немъ до прибытія главнокомандующаго. Дѣйствительно, это было самое умное дѣло, какое мы только могли сдѣ-

лать; зданіе миссіи было очень прочно, обнесено высокою каменною оградою, съ небольшимъ усиленіемъ могло быть обороняемо противъ превосходнаго силами непріятеля, и такимъ образомъ доставляло полную безопасность въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Но Фаннингъ...»

— Фаннингъ? вскричали съ удивленіемъ нѣсколько человѣкъ.

— Фаннингъ, который въ Вестпойнтѣ?...

— Да, Фаннингъ, который въ то самое время оставилъ Вестпойнтъ, когда я вышелъ изъ Йельской коллегіи! сказалъ полковникъ, съ замѣтнымъ волненіемъ въ голосѣ.

«Но для Фаннинга, продолжалъ онъ, подавивъ въ себѣ волненіе, берега Саладо были очень дороги. Они были свидѣтелями самыхъ свѣтлыхъ дней его жизни. На этихъ берегахъ расцвѣтала и развивалась юная и прекрасная жизнь его, тамъ же испыталъ онъ первые восторги счастливой любви. Однажды, выѣзжая изъ Санъ-Антоніо на берега Саладо, онъ увидѣлъ въ первый разъ свою Эльвиру. Счастливый несчастливецъ! Черезъ два мѣсяца онъ былъ уже женатъ на этомъ миломъ созданіи. Не прошли еще медовые мѣсяцы, какъ всеобщее воззваніе къ войнѣ оторвало его отъ нѣжной супруги!... Очень понятно, что теперь неодолима сила влекла его къ этимъ дорогимъ мѣстамъ. Я, хотя и неохотно, уступилъ настояніямъ друга; но мистеръ Вартонъ, который ничего не зналъ объ этихъ обстоятельствахъ, неразъ покачивалъ головою; наконецъ и онъ долженъ былъ уступить большинству голосовъ. Въ миссіи мы оставили гарнизонъ изъ восьми человѣкъ, также какъ и лошадей своихъ и мустанговъ, а сами двинулись впередъ къ рѣкѣ.

«Рѣка Саладо текла съ сѣверо-востока къ юго-западу, въ какой-нибудь четверти мили на западъ отъ миссіи; между этою рѣкою и миссіей находился маленькій мускатный островокъ; остальное пространство была открытая прерія, которая тянулась до самаго берега, густо поросшаго виноградными лозами и образующаго крутой скатъ къ водѣ, вышиною въ три или четыре аршина. На этомъ мѣстѣ Саладо, дѣлая поворотъ, образуетъ дугообразную кривизну. У каждаго конца дуги есть бродъ, черезъ который только и можно переправляться на другую сторону, потому что рѣка, несмотря на незначительную ширину, довольно быстра и глубока. Итакъ, еслибы мы заняли позицію внутри этой дуги, то намъ не трудно было бы защитить оба брода, отстоящіе другъ отъ друга на четверть мили, а непріятелю не легко было бы добраться до насъ съ другаго берега, густо поросшаго лѣсомъ и болѣе высокаго, чѣмъ тотъ берегъ, на которомъ мы находились.

«Но отъ насъ не ускользнула впрочемъ и опасность этой по-

зиціи. Она не представляла собою никакой точки опоры; мы могли быть обойдены разомъ съ двухъ сторонъ; насъ можно было атаковать и съ фронта и съ тыла; мы могли быть окружены, пойманы, безъ всякой возможности спасенія, еслибы непріятель, который, безъ сомнѣнія, подвигался къ намъ съ значительными силами, хоть на сколько-нибудь выполнилъ свою обязанность. Но мы были увѣрены, что этого *если* не будетъ. Мы уже не разъ имѣли дѣло съ этимъ непріателемъ, и всегда побѣда доставалась намъ дешево. Правда, до сихъ поръ мы пріобрѣтали эти успѣхи только противъ незначительныхъ укрѣпленій и фортовъ: Веласко, Накогдочеса и Гальвестона, гарнизоны которыхъ были немногочисленны и не привычны къ войнѣ; но вѣдь и мы тогда были совершенно неопытны въ военномъ дѣлѣ. Теперь же мы считали себя опытными, притомъ же были молоды, полны отваги, самонадѣянности, чувствовали въ себѣ довольно силы, чтобы не уступить тысячамъ Мексиканцевъ, и желали только, чтобы они пошли на насъ, пока еще не собралась вся наша армія. Мы даже боялись, что армія предупредитъ насъ и вырветъ лавры изъ рукъ нашихъ. Итакъ мы рѣшили остаться на этой позиціи. Мы осмотрѣли мѣстность, изслѣдовали берегъ, двѣнадцать стрѣлками заняли островъ, двѣнадцать другихъ поставили у обоихъ бродовъ, а съ остальными весело расположились въ благоухающихъ виноградныхъ гротахъ, которые, къ сожалѣнію, не имѣли плодовъ.

«Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, мы почувствовали голодъ.

«Мы не взяли съ собою провизіи, по той простой причинѣ, что нечего было брать. До сихъ поръ каждый изъ восьмисотъ воиновъ, составлявшихъ нашу армію, былъ самъ для себя и генералъ-квартирмейстеромъ и провіантмейстеромъ. Отдѣльные отряды арміи собрались изъ разныхъ и, частію, очень отдаленныхъ мѣстъ Техаса; какъ истинные тироны въ благородномъ военномъ искусствѣ, они взяли съ собою только самое необходимое, и такимъ образомъ небольшое количество кукурузы, пататовъ и нѣсколько штукъ скота было все, что нашлось въ главной квартирѣ. Въ обѣихъ миссіяхъ мы также не нашли ничего; итакъ надобно было, во что бы ни стало, промыслить какую-нибудь провизію.

«Въ окрестности, въ долину, на другой сторонѣ рѣки, находилось нѣсколько *ранчо* (1), только они были расположены очень близко къ главному городу, гарнизонъ котораго неминуемо долженъ былъ переполошиться отъ нашей фуражировки, и выйти противъ насъ. Но вѣдь этого-то намъ и нужно было. Намъ нельзя было медлить; сомнѣнія наши могли бы показаться робо-

(1) Rancho, индійская деревушка.

стію и уменьшили бы мужество нашихъ людей. Поэтому, мы рѣшились послать немедленно на фуражировку и отрядили для этого двѣнадцать человекъ, которые тотчасъ же и отправились къ одному изъ *ранчо*.

• Не болѣе какъ черезъ часъ они примчались съ тремя овцами. Они взяли ихъ въ *ранчо*, послѣ жаркаго спора съ мѣстнымъ *падре*, который находился тамъ въ то время, и который, какъ добрый пастырь, всѣми силами защищалъ своихъ овецъ, угрожая намъ гнѣвомъ небесъ, ада и генерала Коса. Но все это не тронуло нашихъ еретиковъ: они довольно долго слушали его съ истинно-техасскою флегмою и наконецъ, потерявъ терпѣніе, бросили на скамью три доллара, схватили трехъ барановъ и взвалили ихъ на своихъ мустанговъ. Тутъ уже *падре* совершенно вышелъ изъ себя, съ бѣшенствомъ рванулъ своего мула изъ конюшни и въ виду ихъ направился къ городу, расположенному въ долину, на разстояніи мили отъ *ранчо*, чтобы повѣрить генералу Косу бѣдствія свои и огорченія, причиненныя ему еретиками и возмутителями.

• Теперь уже не подлежало никакому сомнѣнію, что мы очень скоро будемъ имѣть удовольствіе видѣться съ почтенными *донами*; но это нисколько не беспокоило насъ. Происшествіе это очень забавляло всѣхъ насъ; съ громкимъ смѣхомъ мы зарѣзали барановъ и жалѣли, что не доставало только хлѣба. Но и этотъ былъ намъ отчасти замѣненъ полною телѣжкой картофеля, которую одинъ мексиканскій земледѣлецъ везъ къ нашему передовому посту. Онъ ѣхалъ черезъ бродъ изъ одного *ранчо*, ближайшаго къ городу, и, безъ сомнѣнія, былъ посланъ непріателемъ, чтобы взглянуть мимоходомъ на насъ, еретиковъ, вывѣдать, какъ велика наша сила и такъ далѣе. И дѣйствительно, плутъ этотъ не жалѣлъ труда, чтобы только поближе сойдтись съ нами; наконецъ онъ до того наскучилъ намъ своею болтовнею, что мы выпроводили его отъ себя подзатыльниками.

• Нимало не заботясь о генералѣ Косѣ и его Мексиканцахъ, мы закусили, смѣнили посты и аванпосты, и потомъ позволили людямъ расположиться для отдыха.

XIV.

• Прошелъ вечеръ, прошла ночь; непріатель не показывался. Настало утро, а Мексиканцевъ нѣтъ какъ нѣтъ. Но мы не вѣрили этому спокойствію, дали людямъ позавтракать, и едва только успѣли они кончить, какъ никетъ, поставленный у верхняг

брода, прибылъ съ извѣстіемъ, что приближается сильный отрядъ кавалеріи, и что авангардъ его уже спускается по дорогѣ, ведущей къ броду.

«Черезъ нѣсколько минутъ до насъ долетѣли звуки трубъ, и вслѣдъ затѣмъ мы увидѣли офицеровъ, которые выскакивали на нашъ берегъ и выѣзжали на прерію, а за ними и ихъ эскадроны, которыхъ мы насчитали шесть. Это были дурангскіе драгуны, хорошо обмундированные, на прекрасныхъ лошадяхъ и вполне вооруженные карабинами и саблями. Ихъ могло быть около трехсотъ человекъ. Вѣроятно они высматривали насъ съ того берега, и такимъ образомъ вывѣдали наше положеніе. Силъ же нашихъ они не могли узнать, потому что мы отдали приказъ своимъ людямъ быть въ постоянномъ движеніи, то выскакивать на прерію, то скрываться опять на низменномъ скатѣ берега. Все это было прекрасно придумано, но съ другой стороны мы сдѣлали грубую ошибку и поступили противъ всѣхъ правилъ военной тактики, не выдвинувъ на другой берегъ пикета, который бы увѣдомилъ насъ о приближеніи непріятеля и о взятомъ имъ направленіи. Человекъ тридцать или сорокъ хорошихъ стрѣлковъ—а они у насъ всѣ были превосходные—безъ всякаго сомнѣнія не только удержали бы непріятеля, но и отняли бы у него, по всей вѣроятности, всякую охоту къ переправѣ. Дорога, спускающаяся съ противоположнаго берега къ броду, лежала въ узкой лощинѣ и была довольно крута; самый берегъ непріятельскій былъ по крайней мѣрѣ въ шесть разъ выше нашего и совершенно открытъ дѣйствию нашихъ штуцеровъ, такъ что людей и лошадей можно было бы подстрѣливать попарно, по мѣрѣ ихъ выступленія изъ изгибовъ дефилея. Теперь, когда драгуны стали выѣзжать на нашу прерію, все это стало ясно намъ; но ошибка была уже сдѣлана, и намъ оставалось только утѣшать себя мыслию, что непріятель припишетъ нашу оплошность не настоящей ей причинѣ, то-есть не неопытности въ военномъ дѣлѣ, а скорѣе отнесетъ ее къ отчаянной нашей отвагѣ. Во всякомъ случаѣ мы хотѣли оправдать это хорошее о насъ мнѣніе непріятеля, которое мы въ немъ предполагали, и рѣшились встрѣтить его достойнымъ образомъ.

«Поднявшись на лугъ, драгуны проскакали довольно значительное пространство по направленію къ западу, потомъ повернули къ югу и, захвативъ правымъ крыломъ, выстроились противъ насъ на разстояніи пятисотъ шаговъ. Въ этомъ положеніи они занимали какъ разъ хорду дуги, образуемой въ этомъ мѣстѣ рѣкою Саладо.

«Едва непріятель успѣлъ занять эту позицію, какъ уже и открылъ свой огонь, несмотря на то, что мы стояли внизу, закрытые кручью берега, совершенно невидимые для него, и вполне

защищенные не только отъ карабинныхъ его выстрѣловъ, но и отъ картечи пушечныхъ ядеръ, которыя могли перелетать только черезъ наши головы.

«Послѣ перваго залпа непріятель подскакалъ шаговъ на сто впередъ, остановился, зарядилъ карабины, выстрѣлилъ; подскакалъ опять шаговъ на сто, опять остановился, зарядилъ и выстрѣлилъ; снова поскакалъ впередъ, и до тѣхъ поръ повторялъ этотъ странный вызовъ, пока не приблизился къ намъ шаговъ на полтораста.

«Но тутъ онъ, казалось, задумался. Мы оставались совершенно не подвижными. Драгуны, повидимому, не довѣряли намъ, по крайней мѣрѣ воинственный духъ ихъ чрезвычайно упалъ, несмотря на всѣ старанія офицеровъ снова возбудить его. Наконецъ имъ удалось двинуть впередъ два эскадрона, за которыми медленно послѣдовали и остальные. Этого мы только и ожидали.

«Шестерымъ изъ нашихъ мы приказали выскочить, прицѣлиться по офицерамъ, и, выстрѣливши, тотчасъ же скрыться подъ кручью берега. Съ изумительнымъ хладнокровіемъ шесть молодцовъ нашихъ исполнили этотъ довольно опасный маневръ, въ виду непріятеля, приблизившагося уже шаговъ на пятьдесятъ и открывшаго сильнѣйшій огонь; они вскочили, спокойно прицѣлились, выстрѣлили, и потомъ скрылись подъ кручью.

«Такъ какъ ихъ было только шестеро, то непріятель, какъ и слѣдовало ожидать, приблизился еще болѣе. Сначала онъ было смутился, особенно когда увидѣлъ, что пало три или четыре офицера; но едва только наши успѣли скрыться за скатомъ берега, какъ эскадроны бѣшено понеслись вслѣдъ за ними. Въ эту минуту выскочилъ Фаннингъ съ тридцатью стрѣлками, которые мгновенно приложились и начали совершенно хладнокровно, одинъ за другимъ, сбивать съ лошадей драгуна за драгуномъ, стрѣлая, по приказанію нашему, только въ переднихъ. Лишь только отрядъ Фаннинга успѣлъ выстрѣлить, Вартонъ и я вскочили съ резервомъ изъ тридцати шести человекъ, и, едва мы успѣли сдѣлать десять выстрѣловъ тоже по самымъ переднимъ, какъ драгуны, словно по командѣ, сдѣлали направо кругомъ и обратились въ бѣгство. Винтовки наши распорядились уже черезчуръ похозяйски! Драгуны бросались въ разсыпную, какъ стадо овецъ, въ которое ворвался волкъ. Напрасно офицеры употребляли всѣ усилія, чтобъ остановить бѣгущихъ: ни просьбы, ни угрозы, ни даже обнаженные сабли и удары не могли удержать ихъ. Да правду сказать, и опасно было остановиться, ибо ни одинъ изъ нашихъ стрѣлковъ на сто шаговъ не промахнулся бы по бѣлкѣ, а тѣмъ менѣе по лурагскому драгуну. Мы же приказывали стрѣлять медленно, и выстрѣлившій долженъ

былъ тотчасъ же спрыгивать за скакъ берега, чтобы снова зарядить, такъ что изъ нашего маленькаго отряда человекъ тридцать или сорокъ были постоянно въ готовности, на случай, еслибы неприятелю вздумалось напасть на насъ всюю массою. Но первая встрѣча, казалось, отняла у него на время всякую охоту такого нападенія; мы даже сомнѣвались, осмѣлится ли онъ и вообще сдѣлать второе нападеніе. Хотя офицеры всячески старались подвинуть впередъ свои эскадроны; но всѣ ихъ просьбы, угрозы и брань долгое время были напрасны. Издали все это представляло довольно забавное зрѣлище: странные ихъ жесты и тѣлодвиженія, страшные удары, которые они издали наносили намъ по воздуху, курбеты, къ которымъ они принуждали своихъ горячихъ лошадей, все это очень смѣшило насъ и походило на какое-то фантастическое театральное представленіе. Съ другой стороны я долженъ отдать справедливость офицерамъ, которые дѣйствительно показали больше храбрости, рѣшимости и даже благородства, нежели я ожидалъ отъ нихъ. Они одни только не боялись нашихъ штуцеровъ; за то изъ обонхъ эскадроновъ они почти всѣ были перебиты, и немногіе, оставшіеся въ живыхъ, не только не устрашились, но, напротивъ, еще больше старались подвинуть впередъ своихъ драгунъ.

• Наконецъ имъ удалось, повидимому, достигнуть своей цѣли; но способъ, употребленный ими для этого, былъ довольно оригинальный и совершенно въ мексиканскомъ духѣ. Находясь во главѣ своихъ эскадроновъ, они всякій разъ, шаговъ на сто, выѣзжали впередъ, и потомъ опять возвращались назадъ, какъ будто желая доказать, что нѣтъ никакой опасности. Послѣ каждаго такого маневра и драгуны машинально, какъ бы нехотя, медленно подвигались впередъ шаговъ на тридцать или на сорокъ, а потомъ опять, какъ будто по командѣ, останавливались, осматривались во всѣ стороны, не видать ли гдѣ-нибудь нашихъ страшныхъ штуцеровъ. Тогда офицеры снова выѣзжали впередъ, а за ними подвигались и драгуны, и такимъ образомъ они скакали и подвигались разъ десять, останавливаясь, осматриваясь, опять подвигаясь, пока не подошли къ намъ шаговъ на сто.

• Само собою разумѣется, что при каждомъ такомъ движеніи впередъ, они стрѣляли изъ своихъ карабиновъ по воздуху.

• Свыкаясь такимъ образомъ мало-по-малу съ пороховымъ дымомъ и съ нашею близостію, остальные три эскадрона, еще не бывшіе въ дѣлѣ, начали также строиться въ колонны къ атакѣ и поскакали впередъ шаговъ на пятьдесятъ. Вдругъ всѣ офицеры громовымъ голосомъ скомандовали «маршъ-маршъ», понеслись впередъ, и всѣ три эскадрона, слѣдуя этому энергическому побужденію, бросились, очертя голову, вслѣдъ за ними.

• На этотъ разъ, вмѣсто шести, мы уже велѣли выскочить трид-

цати стрѣлкамъ и приказали имъ стрѣлять какъ можно медленно и не терять напрасно ни одного выстрѣла. Но быстрый натискъ непріятеля смутилъ большую часть стрѣлковъ; они торопливо выстрѣлили въ густую массу и бросились подъ береговую скаль. Эта поспѣшность едва не погубила насъ. Непріятель хоти и дрогнулъ, но не отступилъ. Въ эту критическую минуту Вартонъ и я бросились впередъ съ резервомъ. «Прицѣливайтесь вѣрнѣе и стрѣляйте не торопясь!» кричали мы оба, Вартонъ съ правой стороны, я съ лѣвой. Сами же мы не стрѣляли. Это помогло. Выстрѣлъ слѣдовалъ за выстрѣломъ; я еще разъ повторилъ, чтобы цѣлились въ переднихъ и стрѣляли медленно, чтобы Фаннингу дать время зарядить. Но прежде чѣмъ всѣ мы успѣли выстрѣлить, Фаннингъ съ дюжиною лучшихъ своихъ стрѣлковъ былъ уже около насъ. Нѣсколько минутъ ошеломленный непріятель выдерживалъ нашъ убійственный огонь, но такъ какъ мы стрѣляли только въ переднихъ и клали ихъ на мѣстѣ, не дѣлая промаха, то и вышло, что никто наконецъ не хотѣлъ быть въ первыхъ рядахъ; эскадроны пришли въ беспорядокъ, который превратился наконецъ въ совершенное бѣгство. Мы пустили вслѣдъ за ними нѣсколько пуль, которыя не одну лошадь избавили отъ ея сѣдока; потомъ зарядили опять штуцера и скрылись въ виноградныхъ своихъ бесѣдкахъ и гротахъ, въ ожиданіи будущихъ событій.

• Но непріятель потерялъ уже всякую охоту возобновить свое нападеніе. Хотя онъ и отваживался повременамъ подступать къ намъ шаговъ на триста, но стоило только показаться какой-нибудь дюжинѣ нашихъ стрѣлковъ, и онъ тотчасъ обращался въ бѣгство. А на разстояніи трехсотъ или пятисотъ шаговъ, онъ преусердно стрѣлялъ по насъ изъ своихъ карабиновъ, что могъ дѣлать совершенно безнаказанно, потому что мы уже ни однимъ выстрѣломъ не отвѣчали на его огонь.

• Такимъ образомъ сраженіе продолжалось съ полчаса или болѣе. Съ нашей стороны еще не было убито, ни даже ранено ни одного человѣка, несмотря на то, что въ продолженіи непріятельскихъ атакъ намъ пришлось выдержать цѣлый градъ пуль. Мы никакъ не могли объяснить себѣ это странное явленіе: пули падали направо и налево, многія попадали, но онѣ едва производили царапины, едва оставляли знаки. Мы уже стали было считать себя неуязвимыми и самую битву рѣшенною, какъ вдругъ прискакалъ пикетъ, поставленный около нижняго брода, и принесть нѣсколько тревожное извѣстіе, что къ броду приближаются значительныя массы пѣхоты, и что онѣ черезъ нѣсколько минутъ должны показаться.

• И дѣйствительно, въ эту самую минуту мы услышали бара-

банный бой и звуки кларнетовъ, а вслѣдъ затѣмъ показались и перелія колонны, которыя выступали изъ береговаго углубленія на прерію, и направлялись къ острову.

• Такъ какъ пѣхота выстраивалась на преріи ротами, то намъ легко было узнать ея силы. Она состояла изъ двухъ батальйоновъ, то-есть ея было около тысячи человекъ, и при ней находилось одно орудіе.

• Этого было, конечно, больше чѣмъ достаточно для семидесяти двухъ, или, вмѣстѣ съ офицерами, для семидесяти пяти человекъ; какъ я уже сказалъ, двадцать человекъ мы оставили въ миссіи и въ островкѣ. Такимъ образомъ на каждого изъ насъ приходилось не менѣе двадцати Мексиканцевъ. Это, право, не шутка, особенно если вы себѣ представите, что непріятель былъ превосходно вооруженъ, состоялъ изъ двухъ батальйоновъ линейной пѣхоты и шести эскадроновъ драгунъ, которые, несмотря на то, что изъ ихъ строя вышло по крайней мѣрѣ пятьдесятъ человекъ, при свѣжемъ подкрѣпленіи были не менѣе опасны.

• Хотя всѣ наши были превосходные стрѣлки, и у большей части изъ нихъ были за поясомъ пистолеты, но что значили семьдесятъ пять штуцеровъ и пожалуй сотня пистолетовъ противъ тысячи мушкетовъ и штыковъ, двухсотъ пятидесяти драгунъ и орудія, заряженнаго картечью! Еслибы непріятель понималъ хотя сколько-нибудь военное искусство, и еслибы онъ поступилъ рѣшительно, то онъ переловилъ бы насъ, какъ лисицъ въ норѣ.

• Но мы были почти увѣрены, что этого не случится; мы довольно хорошо знали своихъ противниковъ; иначе не рѣшились бы заходить такъ далеко. Чтобы выйти изъ этого критическаго положенія, намъ были необходимы быстрая рѣшимость и ничѣмъ невозмутимое хладнокровіе, которое не позволило бы нашему непріятелю придти въ себя. Еслибы онъ вспомнился, гибель наша была бы неизбѣжна.

• Между тѣмъ у насъ съ Фаннингомъ не легко было на сердцѣ: своею сантиментальностію мы завели нашъ отрядъ въ эти беззащитныя, безопорныя преріи, привели ихъ, такъ сказать, на жертву; и какъ необдуманно, какъ опрометчиво! Съ какимъ-то страхомъ посмотрѣли мы другъ на друга и на нашихъ Техасцевъ. Но лишь только мы взглянули на нихъ, мужество наше и надежда воскресли снова.

• Никогда еще я такъ ясно не понималъ той разницы, которая существуетъ между храбростію Американцевъ и отчаянною, задорною, можно-сказать, бычачьею отвагою Британцевъ; никогда еще я такъ высоко не цѣнилъ и не уважалъ этого всегда спокойнаго, рѣшительнаго, твердаго и непоколебимаго мужества нашихъ соотечественниковъ! Миѣ стало тогда ясно, почему мы

подъ конецъ всегда побѣждали Британцевъ на всѣхъ пунктахъ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, несмотря на то, что въ войнахъ съ нами они сначала дѣйствовали съ успѣхомъ.

• Что же касается до этихъ Мексиканцевъ, то я твердо убѣжденъ, что еслибы въ то время выступила противъ насъ вся мексиканская армія, то и тогда бы стрѣлки наши такъ же тихо и спокойно работали своими штуцерами. Одно только и твердили они: «берегите заряды, не теряйте напрасно выстрѣловъ!»

• Признаюсь, отраднo биться въ рядахъ такихъ людей, а если нужно,—и умереть, потому что сражаешься и умираешь съ честью. Но такъ какъ намъ еще не хотѣлось умирать, то мы должны были поступить рѣшительно. Быстро приняли мы свои мѣры: Фаннингу и Вартону поручено было занимать пѣхоту и драгунъ, мнѣ—овладѣть пушкою.

• Орудіе поставлено было на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, на самой оконечности преріи, тамъ, гдѣ она круто спускается къ рѣкѣ и господствуетъ надъ нею на протяженіи всей ея кривизны. Я уже сказалъ, что берегъ этотъ поросъ густосплетенными виноградными лозами; но эти лозы только слабо скрывали насъ отъ непріятеля, и по первому же картечному выстрѣлу мы увидѣли, что не слишкомъ могли разчитывать на это убѣжище.

• Нельзя было терять ни минуты: одинъ хорошо направленный выстрѣлъ, и битва могла бы считаться почти конченною. Собразъ человекъ двѣнадцать, я успѣшилъ продраться какъ можно скорѣе сквозь этотъ лабиринтъ густо-сплетенныхъ лозъ, и былъ уже въ пятидесяти шагахъ отъ пушки, какъ вдругъ раздался второй выстрѣлъ, и картечь, почти около насъ, ударила по лозамъ, которыя своимъ колебаніемъ выдали насъ непріятелю.

• Итакъ намъ нельзя уже было подвигаться впередъ по этой дорогѣ, а потому я приказалъ тѣмъ изъ своихъ стрѣлковъ, которые успѣли подойти ближе другихъ къ краю преріи, чтобъ они вскочили на верхъ и прежде всего старались перебить артиллеристовъ. Самъ я бросился вслѣдъ за ними.

• Когда я вспрыгнулъ, поднялъ штуцеръ и сталъ прикладываться, руки мои внезапно опустились, какъ будто тяжесть въ нѣсколько пудовъ наделга на стволъ моего штуцера, невидимая сила придавила его къ низу.

• Въ трехъ шагахъ отъ меня стояла длинная, голая фигура съ дикимъ выраженіемъ и искаженными чертами лица, съ длиною бородою, въ кожаной шапкѣ, курткѣ и мокасинахъ. Какъ попалъ сюда этотъ человекъ, понять это не могли ни я, ни люди мои; они смотрѣли на него съ такимъ же страхомъ, какъ и я. Онъ должно-быть только-что выстрѣлилъ, потому что одинъ изъ артиллеристовъ лежалъ убитый около пушки, а другога, зара-

жавнаго въ это время орудіе, онъ въ нашихъ глазахъ положилъ на мѣстѣ другимъ выстрѣломъ, и потомъ принялся опять заряжать такъ спокойно, какъ будто такого рода цѣльная стрѣльба была постояннымъ и ежедневнымъ его упражненіемъ.

«Человѣкъ, какъ вы легко можете себѣ представить, не бываетъ слишкомъ разборчивъ на полѣ битвы: самый пріятный для него сосѣдъ—всегда тотъ, который убиваетъ больше враговъ и успѣшнѣе другихъ дѣйствуетъ въ убійствѣ; кровавое ремесло, которому мы предаемся, заглушаетъ въ насъ тогда другія, болѣе нѣжныя ощущенія. Но все существо этого человѣка, всѣ приемы его дышали такимъ равнодушіемъ мясника, дѣйствія его выражали такое безчувственное, хотѣлось бы сказать возмутительное, пренебреженіе къ собственной жизни и къ жизни другихъ, что я, какъ бы это ни показалось страннымъ, какъ ошеломленный смотрѣлъ на этого человѣка, съ возмущеніемъ, съ содроганіемъ. И не я одинъ, но и люди мои не менѣе моего были поражены этимъ сверхъестественнымъ, призрачнымъ существомъ. Секундъ двадцать стояли они на верху, на краю преріи, и все еще, точно окаменѣлые, оставались неподвижны, съ штуцерами въ рукахъ; вмѣсто того, чтобъ устремить свое вниманіе на непріятеля, они вперили неподвижные взоры въ этого страннаго человѣка, пока онъ не закричалъ имъ суровымъ голосомъ: «Damn your eyes ye staring fools, dont ye see them Art'lergemen, why dont ye knock them on their heads (1)? Тогда только они выстрѣлили, промакнулись, и потомъ съ такою поспѣшностію соскочили съ кручи, какъ будто бы ихъ кто преслѣдовалъ.

«Я былъ не въ состояніи ни слѣдовать за ними, ни поднять штуцера, и еслибы непріятель былъ отъ меня въ семи шагахъ, вмѣсто семидесяти, то и тогда, кажется, я не двинулся бы съ мѣста,—такое дѣйствіе произвелъ на меня голосъ этого человѣка! Устремивъ глаза на привидѣніе, я стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, какъ будто передо мною разверзлась могила убитаго мною человѣка, и изъ нея вставала жертва кроваваго моего злодѣянія, и шла мнѣ на встрѣчу съ открытою раной. Кровь во мнѣ застыла! Я все еще не зналъ кто онъ, и хотя черты лица его смутно представлялись моему воображенію, но я никакъ не могъ узнать его. Гдѣ-то я видѣлъ эти черты, слышалъ этотъ голосъ, и при обстоятельствахъ, при которыхъ какъ и теперь, остановилась кровь въ моихъ жилахъ. Я сознавалъ ясно, что и прежде когда-то въ его присутствіи испытывалъ я то же самое содроганіе, и что это былъ именно тотъ, отъ котораго тогда кровь остановилась въ сердцѣ,

(1) Проклятые ваши глаза, ротозѣи вы такіе! Развѣ не видите артиллеристовъ? Что вы не стрѣляете по ихъ головамъ?

содрогнулся сокровеннѣйшій нервъ жизни; но гдѣ и когда, я не могъ вспомнить. Непрiятельскія пули градомъ сыпались вокругъ меня; я стоялъ точно окаменѣлый, пока наконецъ не выскочилъ одинъ изъ моихъ товарищей и не стащилъ меня за руку подъ кручъ берега.

• Тогда только, освободившись отъ этого страшнаго сосѣда, пришелъ я въ себя; но не могъ удержаться, чтобы не бросать по временамъ испуганныхъ взглядовъ къ верху, на привидѣніе. И странно, при каждомъ на него взглядѣ я какъ будто чувствовалъ желаніе видѣть его убитымъ.

• Пока еще мы стояли на верху, артиллеристы направили противъ насъ орудіе; но прежде чѣмъ они успѣли выстрѣлить, мы были уже подъ окраинной преріи, а онъ между тѣмъ положилъ третьяго. Чтобы избавиться, во что бы то ни стало, отъ страшнаго своего противника, остальные два артиллериста выстрѣлили изъ пушки въ него одного; но ни картечныя ядра, ни мушкетныя пули непрiятеля, приближившагося уже на пятьдесятъ шаговъ, не причинили ему ни малѣйшаго вреда. Съ желѣзнымъ спокойствіемъ продолжалъ онъ заряжать свой штуцеръ, убилъ четвертаго, а наконецъ и послѣдняго. Вслѣдъ затѣмъ онъ закричалъ намъ суровымъ голосомъ: «Damn ye for lagging fellows. why dont ye take thot 'ere big gun?» (1).

• Но никто изъ насъ въ эту минуту, ни за что на свѣтѣ, не тронулся бы съ мѣста. Штуцера у всѣхъ насъ были заряжены, но мы стояли какъ статуи, устремляя глаза, то на него, то другъ на друга, какъ бы спрашивая: дѣйствительно ли это странное видѣніе было существо, подобное намъ, земнымъ жителямъ? Не духъ ли это прерій, который дѣлаетъ чары надъ нами?

• Одиноко возвышалась надъ окраинной берега, съ искаженными чертами лица, съ длинною бородой, которая, на подобіе клочковъ испанскаго моха, разметалась вокругъ шеи и затылка; представляя изъ себя цѣль, въ которую были направлены сотни непрiятельскихъ пуль, онъ до того походилъ на одного изъ тѣхъ безчисленныхъ духовъ, которыми католическое суевѣріе Испанцевъ такъ щедро надѣляло эту самую прерію, что у меня и теперь, когда я живо представляю его своему воображенію, невольно рождается сомнѣніе, не участвовала ли тутъ нечистая сила. Дѣйствительно, онъ походилъ скорѣе на грозное привидѣніе лѣсовъ и луговъ, чѣмъ на земнаго жителя, и какъ истинный злой духъ онъ едва не вовлекъ насъ въ страшную бѣду.

• Малочисленность наша, промахи наши въ минуты ужаса, а болѣе всего очевидный страхъ, съ какимъ мы бросились внизъ

(1) Проклятые вы колпаки, зачѣмъ не берете вы пушки?

по скату берега вселили, сверхъ всякаго ожиданія, въ непріятеля такую смѣлость, что онъ удвоеннымъ шагомъ выдвинулъ впередъ роту, стоящую за орудіемъ, и сталъ осыпать градомъ пуль наше убѣжище. Противъ насъ стала уже выступать и другая рота, съ намѣреніемъ отрѣзать насъ, все еще стоявшихъ въ оцѣпенѣніи, отъ нашего отряда, какъ вдругъ явился Фаннингъ, съ тридцатью стрѣлками. При видѣ ихъ мы тотчасъ пришли въ себя. Веселое ура! и мои стрѣлки въ одинъ мигъ очутились опять надъ кручью. По чувству ли стыда, или вслѣдствіе снова пробудившагося мужества, но они не присоединились къ Фаннингу, а одни быстро подступили къ непріятелю шаговъ на двадцать, прицѣлились, и съ такимъ, можно сказать, отчаяннымъ снокоиствіемъ и хладнокровіемъ подстрѣлили двѣнадцать пѣхотинцевъ; что рота въ ужасѣ поколебалась съ минуту, и вдругъ въ величайшемъ страхѣ бросила мушкеты, и съ отчаяннымъ крикомъ: *Diablos! Diablos!* бросилась со всѣхъ ногъ бѣжать.

• Несмотря на критическую минуту, Фаннингъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ приказалъ своимъ людямъ стрѣлять, какъ можно медленнѣе, такъ что когда мы возвратились изъ нашей атаки, человѣкамъ шести изъ его отряда еще не удалось и выстрѣлить; изъ резерва же Вартона, который тогда придвинулся къ намъ, никто еще не стрѣлялъ. Рота была вполне разбита и уже бѣжала въ трехстахъ шагахъ отъ насъ, но вмѣсто ея показалось орудіе, которое между тѣмъ снабжено было свѣжею прислугою, и въ эту минуту наведено было на насъ. Еслибы прислуга состояла изъ артиллеристовъ, то вѣроятно насъ встрѣтили бы такъ, что скоро былъ бы конецъ сраженію; но это были пѣхотинцы, которые по своей неповоротливости были готовы тогда только, когда половина изъ нихъ была уже перебита, и когда мы успѣли уже скрыться за береговымъ скатомъ.

• Выстрѣлъ раздался, и мы выскочили опять на край преріи. Настоящая военная потѣха, отъ которой однакоже намъ становилось жарко! Не прошло и минуты, какъ мы скрылись и опять выскочили, но въ этотъ короткій промежутокъ времени успѣли уже значительно приблизиться къ намъ колонны, ближайшія къ разбитой ротѣ и расположенныя дальше на лугу. Теперь мы увидѣли, что и второй батальонъ, расположенный эшелонами, началъ подвигаться къ намъ на встрѣчу. Въ косвенномъ своемъ направленіи онъ на походѣ выстраивался такимъ образомъ, что переднія колонны поддерживались задними; по этому легко могло случиться, что намъ пришлось бы атаковать двѣнадцать ротъ, одну за другою. Перспектива, не совсѣмъ утѣшительная, не потому, чтобы мы не надѣялись справиться съ остальными ротами такъ же легко, какъ съ первую; а потому, что весьма мо-

гло случиться, что непріятель, если сраженіе затянется надолго, преодолеетъ мало-по-малу паническій страхъ, внушаемый ему нашими штудерами, и рѣшится наконецъ отъ безсмысленной пальбы по всей линіи перейти къ рукопашному бою. Еслибы хоть одна рота рѣшилась пойти въ штыки, то положеніе наше уже потому дѣлалось опаснымъ, что силы наши были бы тогда раздѣлены. Далѣе мы замѣтили съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, что кавалерія, до сихъ поръ стоявшая спокойно въ безопасномъ отдаленіи, пришла также въ движеніе, сильно подалась къ острову, и что крайній правый флангъ пѣхоты приблизился къ ней уже на выстрѣлъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы соединиться съ нею и потомъ вмѣстѣ броситься на насъ. Но гдѣ тѣ двѣнадцать человѣкъ, которыхъ мы оставили въ островѣ? Чтò стало съ ними? Тамъ ли они еще, или, испугавшись превосходства силъ непріятеля, отступили къ миссін? Это было бы непріятно! Всѣ они отличные стрѣлки, всѣ кромѣ штуцеровъ вооружены пистолетами, и теперь очень бы намъ пригодились; въ миссін же они были бы совершенно бесполезны. Мы оставили ихъ въ островѣ, также какъ и тѣхъ восемь человѣкъ въ миссін, скорѣе съ какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ, что они тамъ могутъ быть намъ полезны, нежели съ яснымъ стратегическимъ соображеніемъ и цѣлью. Но чтò въ этомъ островѣ могли сдѣлать двѣнадцать человѣкъ, какъ бы они превосходно ни стрѣляли, противъ двухсотъ пятидесяти драгунъ и одной или двухъ ротъ пѣхоты? Теперь мы сожалѣли, что безъ всякой надобности оставили ихъ на произволъ судьбы, тогда какъ эти двѣнадцать человѣкъ именно теперь были бы намъ такъ полезны, тѣмъ болѣе, что снаряды наши значительно стали истощаться: только немногіе изъ насъ взяли съ собою болѣе шестнадцати зарядовъ пороха и свинцу, и теперь у каждаго оставалось ихъ не болѣе шести. Обстоятельство, увѣрю васъ, не очень утѣшительное! *But a faint heart never won fair bride* (1). Съ минуту мы подумали, составили планъ и быстро привели его въ исполненіе. Я вызвался съ двадцатью стрѣлками броситься въ промежутокъ, который разбѣжавшаяся рота оставила въ непріятельской линіи, ударить такимъ образомъ во флангъ непріятеля и овладѣть наконецъ орудіемъ; Фаннингъ и Вартонъ должны были между тѣмъ напасть на Мексиканцевъ съ фронта.

«Въ продолженіи этого времени прислуга орудія снова была перебитая; уцѣлѣлъ только офицеръ, который имѣлъ смѣлость одинъ остаться при немъ и заряжать его. Онъ палъ въ ту минуту, когда я обратился къ своимъ, чтобы вызвать двадцать человѣкъ слѣдовать за мною. Но въ это самое мгновеніе что-то по-

(1) Но робкому сердцу никогда не доставалась прелестная дѣва.

валилось на меня; оборачиваюсь: страшное привидѣніе; такъ испугавшее насъ недавно, судорожно сжавъ обѣими руками штуцеръ, упало на меня съ дикимъ крикомъ, страшно выворачивая глаза, и потомъ рухнулось передо мною, какъ смертельно раненый быкъ.

• По этому страшному вращанію глазъ, по этимъ ужаснымъ взглядамъ я узналъ его.

• — Бобъ! вскричалъ я въ ужасъ.

• — Бобъ! прохрипѣлъ онъ, смотря на меня съ какимъ-то страхомъ.—Бобъ! а кто же вы?

• Еще разъ дикій лучъ блеснулъ въ его умирающихъ глазахъ, и они закрылись.

• Какая-то непреодолимая сила увлекала меня отъ этого мѣста, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ за мною гналось привидѣніе. Голова моя кружилась, страшныя картины представлялись моему воображенію! Въ эту минуту я не понималъ, гдѣ нахожусь я: надъ землею, на землѣ или подъ землею.

• Но поле сраженія и видъ слишкомъ тысячи трехсотъ неприятелей—прекрасное средство освѣжить отчасти голову и привести въ порядокъ хаосъ мыслей; по крайней мѣрѣ я испыталъ это на себѣ.

• Нѣкоторые изъ моихъ людей бросились къ орудію, впряглись въ него и въ зарядный ящикъ, потащили впередъ и то и другое, зарядили пушку; между тѣмъ какъ остальные, въ видѣ прикрытія, окружили ее справа и слѣва.

• Въ то время какъ они заряжали орудіе, внезапный крикъ удивленія: «посмотрите, что это такое?» заставилъ меня поднять голову. Неприятель, казалось, находился въ состояніи, подобномъ моему. Колебался и онъ, какъ будто и ему представлялись привидѣнія; колебалась вся неприятельская линія, колонны, эскадроны. Изъ моихъ никто еще не стрѣлялъ, а отряды Фаннинга и Вартона едва успѣли сдѣлать выстрѣловъ двадцать, какъ вдругъ во всѣхъ ближнихъ и дальнихъ неприятельскихъ колоннахъ произошло какое-то странное и необыкновенное движеніе.

• Имъ овладѣлъ совершенный трепетъ, какое-то странное колебаніе, какъ будто отъ землетрясенія, отъ подземнаго удара, который все сталкиваетъ и разбрасываетъ. Мы оставили свои штуцера заряженными, для прикрытія пушки; зарядивъ послѣднюю двойнымъ зарядомъ, я только-что приказалъ насыпать въ затравку пороку, какъ вдругъ волненіе неприятеля до того усилилось, что я велѣлъ стрѣлкамъ выстроиться по обѣимъ сторонамъ орудія. Пѣхотныя колонны представлялись намъ огромными массами скалъ, сдвинутыхъ съ своихъ основаній на вершинѣ горы: онѣ колеблются на мгновеніе, какъ будто въ неизвѣстности, на которую

сторону придется имъ упасть; коричневые мундиры Мексиканцевъ довершали это сходство.

«Я успѣшилъ раздуть фитиль, приказалъ своимъ стрѣлкамъ дать залпъ изъ штуцеровъ, а самъ вслѣдъ за ними выстрѣлилъ изъ пушки.

«Но послѣдняго выстрѣла непріятель уже не дождался. Отрываясь отъ почвы, подобно упомянутымъ скаламъ, вся длинная непріятельская линія ринулась по частямъ, начиная съ крайняго лѣваго фланга; за нимъ послѣдовалъ центръ и наконецъ стоявшій противъ насъ правый флангъ. Одна часть увлекала за собою другую. Никогда еще я не видалъ такого дикаго, отчаяннаго бѣгства: пѣхота, кавалерія, все это гнало, тѣснило другъ друга (не могу не повторить моего сравненія), какъ массы скалъ, которыя, оторвавшись отъ самой крайней вершины утеса, влекутъ все за собою въ пропасть.

«Мы стояли какъ ошеломленные, вытирачивъ глаза, и долго не могли понять, что дѣлается съ непріятелемъ, не могли объяснить себѣ его странное бѣгство. Наконецъ и то и другое стало намъ ясно.

«Пѣхота, опершись лѣвымъ своимъ флангомъ къ рѣкѣ Саладо выдвинула правый далеко въ прерію, по направленію къ острову, чтобы примкнуть къ стоявшимъ противъ насъ драгунамъ, и вмѣстѣ съ ними сдѣлать на насъ нападеніе. Маневръ этотъ, какъ я уже сказалъ, долженъ былъ раздѣлить наше вниманіе и силы: планъ былъ не дуренъ. Уже пѣхота и кавалерія, каждая съ своей стороны, стали приближаться къ острову, нисколько конечно не подозрѣвая, чтобъ онъ могъ быть занятъ нами. Наши славные двѣнадцать стрѣлковъ спрятались между тѣмъ за деревьями; они подпустили, какъ драгунъ, такъ и пѣхоту шаговъ на двадцать къ острову и вдругъ открыли по нимъ бѣглый огонь, сперва изъ пистолетовъ, а потомъ изъ штуцеровъ. Такая внезапная встрѣча тридцатью выстрѣлами, и притомъ изъ такой засады, могла бы привести въ смущеніе и самое лучшее войско, а не только нашихъ мексиканскихъ *домовъ*: едва оправившись отъ перваго испуга, они вдругъ вообразили, что окружены со всѣхъ сторонъ этими воплощенными *Diablos*; какъ они величали насъ. Поэтому, чтобы поскорѣе избавиться отъ этихъ дьяволовъ, они бросились во всѣ стороны, увлекая за собою пѣхоту, колонну за колонною, пока наконецъ вся линія ихъ не превратилась въ безконечную толпу бѣгущихъ.

«Итакъ мы одержали побѣду, сами не зная какимъ образомъ. Отрады Фаннинга и Вартона выстрѣлили по два раза, мои стрѣлки только по одному, а непріятельскія колонны уже разсыпались по преріи, какъ стадо дикихъ мустанговъ, преслѣдуемое охотниками.

XV.

«Первая мысль наша была, конечно,—преслѣдовать бѣглецовъ и отрѣзать ихъ отъ брода; мы уже собирались отдать это приказаніе, какъ нѣкоторые изъ нашихъ, осмотрѣвшіе между тѣмъ патронницы и ружья убитыхъ, удержали насъ. Огнестрѣльные наши припасы, какъ я уже сказалъ, были большею частію израсходованы, а тѣ, которые достались намъ въ добычу, были такъ дурны, что пулю, какъ мы испытали въ послѣдствіи, едва относило на пятьдесятъ шаговъ. Порохъ былъ не многимъ лучше угольной пыли, и не только вполне объяснилъ намъ неуязвимость нашу, но и доставилъ намъ новый образецъ честности Джонъ-Булла въ его торговыхъ сношеніяхъ съ другими народами. На ружьяхъ и патронахъ были клейма Бермингама и одного изъ извѣстнѣйшихъ пороховыхъ заводовъ Англій, только съ наивнымъ прибавленіемъ: *для вывоза за границу.*»

— Будьте увѣрены, замѣтилъ смѣясь полковникъ Окли,—что Джонъ-Буллъ къ своей угольной пыли прибавилъ бы не множко побольше сѣры и селитры, еслибы зналъ, что порохъ его будетъ употребленъ противъ брата его, Ионаана.

— Безъ всякаго сомнѣнія! прибавили смѣясь другіе.

— Однакоже, какіе жалкіе трусы эти Мексиканцы! съ гримасою замѣтилъ полковникъ Крекеръ.—Съ двумя батальйонами пѣхоты и шестью эскадронами драгунъ не отважиться на рукопашный бой!

Хотя въ этомъ замѣчаніи и было что-то неумѣстно-неделикатное, даже обидное, но Техасецъ, казалось, нисколько не оскорбился и отвѣчалъ съ веселою и любезною улыбкой:

— То же самое думали и мы, полковникъ Крекеръ, и, правду сказать, сами удивлялись, почему непріятель этого не сдѣлалъ. Во всякомъ случаѣ атака холоднымъ оружіемъ не стоила бы ему такой потери въ людяхъ и въ то же время значительно бы затруднила нашу оборону. Но мы ни въ какомъ случаѣ не потеряли бы присутствія духа и надежды на окончательную побѣду. Человѣкъ восемьдесятъ отличныхъ, рѣшительныхъ, а, главное, хладнокровныхъ стрѣлковъ могутъ быть страшны и для батальйоновъ и для эскадроновъ, какъ это не разъ доказала военная наша исторія. Примѣрами могутъ служить: сраженіе при Лексингтонѣ, гдѣ нѣсколько сотъ поселянъ не только смѣло пошли на цѣлыя полки Британцевъ, но и заставили ихъ, слома голову, возвратиться въ Бостонъ; далѣе ніагарское сраженіе и многія другія.

Занявъ оба брода, мы не задумались бы вступить въ бой съ двумя лучшими англійскими батальйонами. И даже еслибы намъ пришлось снова занять ту же самую невыгодную позицію, какую пришлось намъ занимать вслѣдствіе нашей военной ошибки, я бы нисколько не колебался, съ тѣми же стрѣлками еще разъ стать противъ того же непріятеля.

• Я говорю: съ тѣми же стрѣлками, продолжалъ Техасецъ, дружески веселымъ, но нѣсколько насмѣшливымъ тономъ;— потому что вы, полковникъ Крекеръ, кажется короче знаете нашихъ людей на учебной площади, нежели на полѣ битвы; я же имѣю честь познакомиться съ ними въ сраженіяхъ, и потому могу васъ увѣрить, что я считаю ихъ самыми лучшими, самыми рѣшительными, самыми хладнокровными воинами въ мірѣ, и притомъ самыми разумными и смышленными. А этотъ умъ, эта смышленность много, очень много значать, и въ наше время производить гораздо болѣе, нежели вы думаете; никакъ не меньше какъ во времена Грековъ и Римлянъ или въ средневѣковыя времена славы Швейцаріи. Совсе не будучи военными геніями, швейцарскіе поселане побѣдили славнѣйшихъ герцоговъ, графовъ и рыцарей своего времени; то же самое и фермеры наши сдѣлали съ Британцами, прежде чѣмъ великій Вашингтонъ принялъ главное начальство надъ нашими войсками. Что же касается нашихъ техасскихъ генераловъ, полковниковъ и штабъ-офицеровъ, то, не оскорбляя ихъ самолюбія, могу васъ увѣрить, что никто изъ нихъ не считалъ себя ни Фридрихомъ II, ни Наполеономъ I, никто не считалъ себя и чародѣемъ; признаюсь вамъ даже, что рядовые наши были лучше своихъ офицеровъ; этою особенностію, какъ вамъ извѣстно, полковникъ Крекеръ, отличается также и родственникъ нашъ, Джонъ-Буль, солдаты котораго должны были также часто, напримѣръ въ Испаніи и Нидерландахъ, исправлять ошибки и промахи своихъ генераловъ и офицеровъ. Да, полковникъ Крекеръ! что было бы безъ этихъ Британцевъ, напримѣръ, съ Веллингтономъ, котораго вы, безъ сомнѣнія, превозносите до небесъ? Впрочемъ, позвольте мнѣ не соглашаться съ мнѣніемъ вашимъ объ этомъ прославленномъ герцогѣ; хотя я считаю его торіемъ, достойнымъ всякаго уваженія, но тѣмъ не менѣе онъ въ моихъ глазахъ очень посредственный полководецъ. Еслибы вы взглянули на мѣстность Ватерлоо глазами знатока, то согласились бы, что только британская бычачья храбрость, соединенная съ народною ненавистью и крайнимъ презрѣніемъ къ французскимъ *суподамъ* и *пожирателямъ лягушекъ*, къ этимъ ненавистнымъ Французамъ, которыхъ имъ удавалось уже такъ славно разбивать еще при Азинкурѣ, Креки, Поатье и при Бленгеймѣ, что только эта бычачья храбрость, говорю я, могла удержаться на такой позиціи

до прихода Прусаковъ. И плохо, увѣряю васъ, очень плохо пришлось бы имъ, еслибы не подоспѣли Прусакъ; однимъ часомъ позже, — и все пропало. Повѣрьте мнѣ, полковникъ Крекеръ! Прусакъ имѣютъ совершенно такое же право хвалиться своимъ Бель-Альяансомъ, какъ Британцы своимъ Ватерлоо, съ которымъ они носятся такъ, что слушать тошно.»

Въ способѣ выраженія полковника Морза, который не оттолкнулъ, а отпарировалъ нѣсколько грубое замѣчаніе Крекера, было столько игривой, тонкой ироніи и въ то же время любезности, что со всѣхъ сторонъ раздалось громкое «браво!» Одинъ полковникъ Крекеръ закусилъ губы.

«При такмъ положеніи дѣлъ, продолжалъ разкащикъ, намъ, какъ я уже сказалъ, ничего больше не оставалось, какъ предоставить непріятелю полную свободу спасаться бѣгствомъ. Такъ мы и сдѣлали. Мы только выслали къ остроу небольшой отрядъ, который, вмѣстѣ съ бывшими тамъ двѣнадцатью стрѣлками, направился къ броду, куда и мы двинулись съ главными силами небольшого нашего отряда.

«Это движеніе имѣло цѣлью подвести бѣжавшаго непріятеля къ броду, на который онъ не попалъ въ первомъ порывѣ паническаго страха, и такимъ образомъ очистить прерію отъ Мексиканцевъ. И конница и пѣхота разомъ ринулись къ броду, и, прежде чѣмъ мы успѣли подойти на сто шаговъ, три четверти непріятельскихъ войскъ были уже на томъ берегу, въ безопасности.

«Однако оставалось еще нѣсколько сотъ человѣкъ, которые не ушли бы отъ насъ, еслибы мы захотѣли. Но тутъ произошла одна изъ тѣхъ сценъ, которыя такъ часто случаются въ политической и военной нашей жизни, и которыя до крайности испытываютъ терпѣніе бѣдныхъ служителей нашего дорогаго владыки народа; особенно, когда этотъ властелинъ не вовремя выражаетъ всесильную свою волю, и противорѣчитъ рѣшеніямъ такъ-называемыхъ слугъ своихъ.

«Вартонъ, бывши впереди съ тридцатью стрѣлками, приказалъ стрѣлять, но никто его не слушался. Онъ скомандовалъ въ другой разъ, то же непослушаніе; когда онъ нетерпѣливо скомандовалъ въ третій разъ, къ нему подошелъ старый медвѣжій охотникъ, загорѣвшій отъ солнца и непогоды; качая головой, онъ совершенно спокойно произнесъ:

«— Хотимъ сказать вамъ, Сартингъ! при этихъ словахъ онъ вынулъ изъ-за лѣвой щеки табакъ и переложилъ его за правую. — Хотимъ сказать вамъ, Сартингъ! Разчитываемъ, слѣдуетъ оставить въ покоѣ этихъ бѣдныхъ *доновъ*.

«— Бѣдныхъ доновъ! въ покоѣ! вскричалъ Вартонъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. — Чтò вы съ ума сошли, человѣкъ?

• Фаннингъ и я въ это время также подошли съ своими стрѣлками, и слушали, очень понятно, съ такимъ же нетерпѣніемъ, когда узнали, въ чемъ дѣло. Но старикъ, нисколько не смущаясь, продолжалъ:

• — Есть у насъ пословица, джентльмены! обратился онъ къ намъ. — Есть у насъ пословица, которая гласитъ: «побѣжденному непріятелю надобно построить золотой мостъ», и, полагаю, это пословица хорошая; дѣльная, испытанная пословица: выстроить непріятелю золотой мостъ.

• — Да что же вы хотите, человѣкъ, съ вашею золотою пословицей? Знаете ли, что вы очень не кстати выбрали время для вашихъ пословицъ? закричалъ Фаннингъ.

• — Вы поступаете противъ субординаціи, заслуживаете наказаніе! Вы обязаны стрѣлать, дѣлать непріятелю возможно большій вредъ, а не пословицы разказывать! кричалъ я.

• — Разчитываю, нѣтъ! возразилъ онъ съ возмутительнымъ хладнокровіемъ; — разчитываю, могли бы и теперь перестрѣлать ихъ безъ труда и опасности. Полагаю, однако, это было бы поиспански, помексикански, а не поамерикански, — не умно.

• — Не умно? вскричалъ я.

• — По испански-мексикански? не по американски? не преслѣдовать непріятеля, когда онъ въ нашихъ рукахъ? вскричали Фаннингъ и Вартонъ.

• — Разчитываю, да! Разчитываю, мы больше повредили бы себѣ, чѣмъ ему, еслибы теперь перестрѣляли всѣхъ непріятелей и не оставили бы ихъ въ покоѣ, продолжалъ онъ совершенно хладнокровно. — Разчитываю, величайшій вредъ вы сдѣлали бы не ему, а себѣ и сдѣлали бы по той же самой причинѣ, по которой вы давеча командовали, чтобы мы убивали только первые ряды нападающихъ на насъ эскадроновъ и ротъ. То была умная, дѣльная команда, ручаюсь вамъ! потому что вы этимъ ясно доказали непріятелю, что хотите наказывать только смѣлыхъ, рѣшительныхъ и отчаянныхъ; а кроткихъ, робкихъ, которые остаются назади, боятся идти впередъ, хотите щадить. Это было хорошо разчитано, потому что вы дали понять, что отличаете непріятеля отъ непріятеля, — можно сказать, выставляете премію трусости. Еслибы вы приказали стрѣлать во всѣхъ безъ различія, и въ переднихъ и въ заднихъ, то заставили бы трусовъ сдѣлаться храбрыми, и этимъ самымъ дали бы большой промахъ.

• Вы легко можете себѣ представить, что мы выходили изъ себя съ досады; но люди наши справа и слѣва одобрительно кивали головой.

• Старикъ продолжалъ:

• — Разчитываю, черезчуръ близоруко убивать непріятеля,

и робкаго и смѣлаго, безъ различія; это значило бы ставить премію храбрости. Оно было бы умно для своихъ, но не умно, когда дѣло идетъ о непріятель. Трусы всегда самые лучшіе союзники: коли вы пощадите ихъ, такъ они при первомъ случаѣ убѣгутъ прежде всѣхъ и потащатъ за собою остальныхъ. А вотъ эти, тутъ онъ указалъ рукой на бѣгущихъ Мексиканцевъ, — трусливѣе всѣхъ, въ паникѣ свосй они удрали раньше всѣхъ и дальше всѣхъ забѣжали въ премію, да въ испугѣ даже забыли, гдѣ бродъ. Если же теперь вы начнете стрѣлять по нимъ, и если они замѣтатъ, что мы убиваемъ ихъ безъ разбора, трусы ли, они или нѣтъ, то можете быть увѣрены, въ другой разъ они, не дешево продадутъ свою шкуру.

«Какъ ни неумѣстна была вся эта болтовня, но въ ней заключалось все-таки много такого, что достойно вниманія; притомъ старикъ выражался съ такою простотою и, въ то время, съ такою наивною хитростію, что я невольно улыбнулся.»

«— Говорю вамъ, Captings! заключилъ онъ:—разчитываю, оставимъ въ покоѣ этихъ бѣдныхъ домоовъ. Если мы теперь оставимъ въ покоѣ этихъ бѣглецовъ, то они принесутъ намъ гораздо больше пользы, нежели когда бы мы перестрѣляли изъ нихъ штукъ пятьсотъ. За то въ другой разъ они удерутъ, разчитываю, первые, и этимъ отблагодарятъ насъ за оказанное въ этотъ разъ великодушіе.

«Сказавши это, онъ вступилъ опять въ ряды и сталъ на свое мѣсто; всѣ громко соглашались съ нимъ, кивая одобрительно головами, и *разчитывали*, что Заведей сказалъ истинную правду. А между тѣмъ непріятель былъ уже на томъ берегу, и намъ оставалось только смотрѣть ему вслѣдъ.

«Вотъ вамъ одна изъ выходовъ великаго нашего властелина, народа. Подобныя выходы иной разъ способны были бы свести съ ума нашего брата, еслибы только ума у насъ не было, какъ выразился тотъ Ирландецъ; но съ другой стороны онъ доказываютъ, что люди наши и въ самыя критическія минуты умѣютъ разсуждать и даже острить, умѣютъ употреблять въ свою пользу всякое обстоятельство. Конечно, съ такими людьми и обходиться надо особеннымъ образомъ. Народный нашъ духъ выражается иногда такъ странно и дико, проявляется въ такихъ рѣзкостяхъ, что иной разъ вы примете Американца за полоумнаго, но наконецъ вы все-таки убѣдитесь, что сужденія его правильны, что глазъ простаго человѣка смотритъ здраво, даже болѣе здраво, нежели глазъ его начальниковъ или, вѣрнѣе, слугъ народа. Въ послѣдствіи я часто имѣлъ случай убѣждаться въ этомъ, и всякій разъ, когда я слѣдовалъ внушеніямъ этого духа, предпріятія мои увѣнчивались благополучнымъ успѣхомъ; между тѣмъ какъ съ другой стороны

мой незабвенный другъ, не внявъ голосу народа, едва не погубилъ не только самого себя, но чуть не вовлекъ и новорожденного нашего штата въ погибель.

• Но какъ бы то ни было, сцены подобнаго рода бывають въ высшей степени тягостны, потому что требуютъ большаго самоотверженія, къ которому, несмотря на все хладнокровіе, не всегда бываешь способенъ. Лучшая же сторона во всемъ этомъ та, что *братъ Іонаванъ*, несмотря на дикія сужденія, которыя подчасъ изобрѣтаетъ его мозгъ, не такъ-то легко теряетъ изъ виду конечную цѣль, — свою выгоду, что мы испытали и въ этомъ случаѣ. Наши люди хотя и отказывались стрѣлять, но не отказались перейти на ту сторону, чтобы не терять изъ виду непріятеля и взятаго имъ направленія.

• Мы отрядили туда стараго медвѣжьяго охотника съ двадцатью стрѣлками, а сами заняли прежнюю свою позицію.

• Я бросился къ мѣсту нашей битвы съ такою поспѣшностію, что это конечно должно было возбудить недоумѣніе нашихъ, тѣмъ болѣе, что и во время послѣднихъ происшествій поведеніе мое было уже довольно странно: безъ цѣли бродилъ я взадъ и впередъ, какъ пьяный, или какъ будто мнѣ представлялись привидѣнія. И дѣйствительно я видѣлъ ихъ! Фигура Боба, какъ страшный призракъ, представлялась моему воображенію, и во время нападенія, и во время бѣгства непріятеля, не оставляя меня ни на минуту. Какое-то помѣшательство овладѣло мною, которое тянуло, влекло меня къ его трупу. Мнѣ казалось, что мнѣ необходимо нужно видѣть этотъ трупъ, что отъ этого зависитъ мое спокойствіе и миръ душевный. Эта неотвязчивая мысль до того овладѣла мною, что я какъ сумасшедшій бросился къ тому мѣсту, гдѣ онъ упалъ, и сталъ метаться во всѣ стороны, вездѣ отыскивая его блуждающими взорами. Должно-быть, видъ мой былъ очень страненъ, потому что наши съ испугомъ бросились ко мнѣ, желая узнать, что произошло у меня съ этимъ страшнымъ духомъ прерій. Но я нигдѣ не могъ открыть никакого слѣда его. Тогда я бросился вверхъ, къ окраинѣ преріи, пробѣжалъ вдоль виноградныхъ кустовъ, потомъ опять спустился внизъ, осматривалъ cadaго убитаго пѣхотинца, cadaго артиллериста, но его не находилъ. Наконецъ мною овладѣло отчаяніе, когда я увидѣлъ, что всѣ мои поиски были напрасны. Я чувствовалъ надъ собою какое-то страшное давленіе, какъ будто противъ меня былъ выпущенъ духъ тьмы; мнѣ чудилось, что онъ носится надо мною и уже простираетъ ко мнѣ свои смертоносные когти.

• Вартонъ первый заговорилъ со мною и спросилъ, не ищешь ли я дикаго обитателя прерій. Тутъ я уже присталъ къ Вартону

и требовалъ, чтобъ онъ мнѣ сказалъ, гдѣ это странное привидѣніе. Онъ покачалъ головою и отвѣчалъ, что не знаетъ, что сдѣлалось съ этимъ непонятнымъ существомъ, и куда оно дѣвалось. При этомъ Вартонъ увѣрялъ, что никто еще не смущалъ его до такой степени.

• То же самое подтвердили и люди, окружавшіе Вартона. Кромѣ того я узналъ отъ нихъ слѣдующее: они стояли въ виноградномъ гротѣ, шагахъ въ пятидесяти отъ стрѣлковъ Фаннинга, въ то самое время, когда пѣхота выходила съ брода на прерію, какъ вдругъ увидѣли человѣка, который съ сѣверной стороны ѣхалъ на мустангѣ; онъ остановился, шагахъ въ двухъ стахъ отъ нихъ, на краю преріи, слѣзъ, привязалъ мустанга къ винограднымъ лозамъ, и потомъ, съ штурцеромъ въ рукахъ, быстро пошелъ вдоль кручи на встрѣчу къ непріятелю. Когда онъ подошелъ къ отряду Вартона, послѣдній приказалъ ему остановиться и отвѣчать: кто онъ, откуда и куда идетъ? Отвѣтъ незнакомца былъ слѣдующій:

• — Кто я и откуда—до этого вамъ нѣтъ никакого дѣла, а куда я иду—это вы сейчасъ увидите; я противъ непріятеля.

• — Въ такомъ случаѣ должны присоединиться къ намъ! кричалъ ему Вартонъ.

• На это онъ грубо отвѣчалъ, что хочетъ драться одинъ и отвѣчать самъ за себя.

• — Не смѣете этого дѣлать! закричалъ Вартонъ снова.

• — Посмотримъ, кто мнѣ запретитъ, отвѣчалъ онъ и отправился. И не болѣе какъ черезъ минуту онъ уже убилъ перваго артиллериста. Тогда, разумѣется, позволили ему сражаться за самого себя, сколько угодно.

• Но что съ нимъ случилось потомъ, послѣ того, какъ онъ упалъ, объ этомъ никто ничего не могъ сказать. Наконецъ кто-то прибавилъ, что видѣлъ около него знакомаго намъ медвѣжьяго охотника.

• Я поспѣшилъ къ послѣднему, и онъ мнѣ сообщилъ свѣдѣнія, которыя передаю собственными его словами:

• — Полагая, что винтовка дикаго *луговика* (такая капитальная винтовка, которая когда-либо убивала медвѣдя) легко могла попасть въ чужія руки, я счелъ обязанностію предупредить такую опасность и взять винтовку подъ свое сохраненіе; почему и присосѣдился къ мертвому *луговик*у, хотя наружность его показалась мнѣ вовсе не заманчивою. Но только что я присосѣдился къ нему и собирался высвободить винтовку изъ рукъ его, какъ получилъ за труды свои толчокъ, который чуть-чуть не уложилъ меня рядомъ съ мертвецомъ. Это меня, разчитываю, такъ ошеломило, что я выпучилъ на него глаза, а выпуча глаза увидѣлъ, что луговикъ шаритъ что-то около своей куртки изъ оленьей кожи и

разстегиваетъ ее; а какъ онъ разстегнулъ ее, я увидѣлъ на груди рану. Но рана, разчитываю, была не глубока и не опасна, и хоть нула ошеломила его и опрокинула, но не пробила груди, а ударилась въ грудную кость, такъ что онъ самъ ее вытащилъ отсюда. Послѣ того онъ схватилъ свою винтовку, поднялся, опираясь на нее, и не сказавъ ни «Thank ye», ни «Damn ye», пошелъ къ виноградному гроту, отвязалъ мустанга, повелъ его на возвышенную окраину преріи, сѣлъ и поѣхалъ медленно по направленію къ сѣверу. Вотъ все, продолжалъ онъ, — что я знаю объ этомъ человѣкѣ, и больше ни знать, ни видѣть его не хочу: то, что я видѣлъ, право не располагаетъ, разчитываю, возобновлять съ нимъ знакомство. Какъ посмотришь на это лицо, такъ право, потеряешь охоту молиться; точно лицо братоубійцы. Ничего нѣтъ на немъ человѣческаго: такъ вотъ и кажется, что онъ по крайней мѣрѣ разъ двѣнадцать срывался съ висѣлицы.

«Пока онъ говорилъ все это, мною овладѣло невыразимое чувство отвращенія; я содрогался. Кормилица моя, католичка, разказывала мнѣ въ дѣтствѣ сказку. Одинъ страшный злодѣй, совершившій двѣнадцать убійствъ въ различныхъ графствахъ Ирландіи, былъ двѣнадцать разъ казненъ: обезглавленъ, повѣшенъ, четвертованъ и проч.; но всякій разъ, послѣ казни, въ полночь, его опять оживлялъ злой волшебникъ, который обращался въ огромную кошку и въ этомъ видѣ собиралъ и опять составлялъ разорванные и разрозненные его члены. Когда наконецъ въ тринадцатый разъ онъ былъ приговоренъ къ казни, то уже рѣшили отсѣчь ему голову мечомъ, освященнымъ Св. Патрикіемъ, надъ которымъ, разумѣется, злой волшебникъ не имѣлъ никакой власти, и потому могъ соединить только тѣ члены, къ которымъ не прикасался святой мечъ; члены эти, разказывала кормилица, и до сихъ поръ каждую полночь являются въ той части Ирландіи, гдѣ были разбросаны. Странно, при послѣднихъ словахъ старика, я вспомнилъ эту сказку и, повѣрите ли, въ эту минуту образъ страшнаго убійцы предсталъ передо мною во всемъ своемъ ужасѣ и принялъ совершенно черты лица Боба!

«Человѣкъ—истинная загадка! До сихъ поръ я не могу объяснить себѣ, что происходило тогда со мною. Я чувствовалъ себя такъ же разстроеннымъ, какъ послѣ событій, пережитыхъ мною въ преріяхъ на Джасинто; напряженное воображеніе до того потрясло мой организмъ, что холодный потъ выступилъ у меня по всему тѣлу; теряя сознание, въ лихорадочномъ припадкѣ, я упалъ на краю луга.

«Фаннингу, который въ испугѣ бросился ко мнѣ на помощь, безъ труда удалось наконецъ привести меня въ чувство. Съ нимъ пришелъ человѣкъ, присланный сержантомъ, оставленнымъ нами

съ пикетомъ въ миссіи Эспадо; этотъ посланный долженъ былъ освѣдомиться о положеніи дѣлъ нашихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить насъ о приближеніи генерала Аустина съ небольшою нашею арміею. Мы узнали отъ него, что и онъ видѣлъ дикаго обитателя прерій. Слѣдя съ колокольни за движеніями непріятеля, онъ замѣтилъ всадника, который, со стороны миссіи «Зачатіе», пронесся въ двухъ стахъ шагахъ отъ пикета, по направленію къ верхнему броду; какъ сумасшедшій онъ бѣсновался на своемъ мустангѣ, размахивая руками, ногами, винтовкой и охотничьимъ ножомъ. По прошествіи часа всадникъ показался снова, медленно подвигаясь по направленію къ сѣверу; онъ едва держался въ сѣдлѣ. Разказывая намъ это, посланный предполагалъ, что всадникъ ѣхалъ изъ миссіи «Зачатіе», и что онъ возвращался туда обратно.

«Я тотчасъ велѣлъ подвести себѣ одну изъ драгунскихъ лошадей, доставшихся намъ въ добычу, вскочилъ на нее и поскакалъ къ миссіи «Зачатіе». Отъ таможенныхъ старыхъ Мексиканцевъ я узналъ, что *Herege Inglese y Americano* (1) нѣсколько лѣтъ занималъ при миссіи должность охотника и во все это время ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, даже и съ святыми отцами, часто призжавшими туда изъ города, съ цѣлью обратить его на путь истины и принять въ лоно единоспасающей церкви; что этотъ *Herege*, послѣ продолжительной болѣзни, часа три тому назадъ вдругъ поднялся съ постели, осѣдлалъ своего мустанга, закинулъ за плечо винтовку и поскакалъ по тому направленію, по которому мы двинулись, но что онъ еще не возвращался.

«Судя по ихъ описанію, не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что Бобъ и *Herege Americano* — были одно и то же лице.

«Но какъ попалъ онъ сюда? Какимъ образомъ спасся онъ отъ петли? Я очень хорошо помню, что прошло никакъ не менѣ двѣнадцати или пятнадцати минутъ, пока алькальдъ могъ перерѣзать лассо, на которомъ Бобъ былъ повѣшенъ. Стало-быть алькальдъ все-таки спасъ его? Можетъ-быть самъ послалъ его и въ миссію? Но странно, самъ же алькальдъ велѣлъ повѣсить Джонни именно за то, что онъ бѣжалъ къ падре Хозе! Уже не сдѣлался ли Бобъ католикомъ? Но какъ же бы онъ, въ такомъ случаѣ, могъ сражаться противъ своихъ единовѣрцевъ? А если онъ не католикъ, то какимъ же образомъ держали его такъ долго въ миссіи?

«Всѣ эти предположенія и догадки до того перепутали мои мысли, до такой степени раздражили мой мозгъ, что я боялся сойти съ ума. Съ страшнымъ головокруженіемъ я возвратился къ своимъ.

(1) Англійскій и американскій еретикъ.

• Тогда только разсѣялись мои сомнѣнія, когда я очутился около Фаннинга. Когда я передалъ все, что мнѣ рассказали въ миссіи, онъ подумалъ съ минуту и въ головѣ его блеснула, казалось, внезапная мысль. Я сомнительно качалъ головою, но онъ, соображая разныя обстоятельства, доказывалъ вѣрность своего предположенія и хотя не вполне удовлетворилъ меня, но далъ по крайней мѣрѣ точку опоры моимъ мыслямъ, которыя постепенно стали приходить опять въ нормальное состояніе.

• Въ чемъ состояло это предположеніе, я не могу теперь сказать, но оно оправдалось въ послѣдствіи. Удивительнѣе же всего то, что когда другъ мой сообщилъ мнѣ свою догадку, всѣ фантастическіе призраки, всѣ страшные образы мгновенно разсѣялись, и Бобъ сталъ уже представляться мнѣ, какъ всякій другой человѣкъ. Хаосъ дикихъ, страшныхъ видѣній исчезъ; въ мысляхъ моихъ начало разсвѣтать. Особенное расположеніе духа, которое я замѣтилъ въ нашихъ людяхъ, сцены, представившіяся глазамъ моимъ, — все это довершило мое выздоровленіе.

• Побѣда всегда производитъ на побѣдителей какое-то особенное и необыкновенное дѣйствіе. Размахъ ощущеній бываетъ такъ быстръ, что мнѣ теперь совершенно понятно, какимъ образомъ раненный, уже объятый мракомъ смерти, можетъ вдругъ воспрянуть и, на мгновеніе, возвратиться къ жизни, чтобы въ мученіяхъ агоніи испустить послѣдній крикъ радости и торжества. Это чувство дѣйствительно опьяняющее; оно совершенно такъ же дѣйствуетъ, какъ крѣпкій спиртуозный напитокъ на непривычнаго человѣка. По крайней мѣрѣ такое дѣйствіе произвело оно на нашихъ людей. Я почти не узнавалъ ихъ.

• Почти всѣми ими овладѣла непоумѣренная самоувѣренность. Они стали говорить свысока, какъ нужно будетъ дѣйствовать теперь съ Бустаменте, съ Санта-Анна и подобными имъ; обращеніе ихъ и языкъ приняли тонъ какого-то покровительства, на всѣхъ отражалась какая-то важность, почти испанская *grandexza*, которая, при ихъ курткахъ изъ оленьихъ кожъ, и холщевыхъ камзолахъ казалась довольно забавною и комическою. Они спорили о Мексикѣ, какъ будто находились уже передъ ея столицею, и какъ будто сами Бустаменты и Санта-Анны стояли передъ ними съ ключами отъ города.

• Но другіе, именно тѣ, которые сражались смѣлѣе, отчаяннѣе всѣхъ, представляли совершенно противоположное зрѣлище. Реакція чувствъ приняла у нихъ совершенно иное направленіе. Теперь они были истиннымъ воплощеніемъ смиренія, человѣколюбія, даже сокрушенія; какая-то странная, почти смѣшная грусть замѣнила прежнее ожесточеніе, злобу, кровожадность. Подобно кающимся грѣшникамъ смотрѣли они, скрестивъ руки,

на поверженныхъ Мексиканцевъ, глубоко скорбя, что разрушили подобіе Божіе. Тѣ самые люди, которые, часъ тому назадъ, какъ тигры бросались на свою добычу, стояли теперь съ раскаяніемъ, устремивъ печальные взоры на убитыхъ враговъ. Еслибъ они могли въ эту минуту возвратитъ имъ жизнь, то я увѣренъ, что они воскресили бы ихъ, и привѣтствовали бы какъ братьевъ.

«Эти странные переходы покажутся вамъ, можетъ-быть недостойными степенныхъ, разсудительныхъ гражданъ, но съ другой стороны они были очень естественны послѣ пріобрѣтеннаго ими успѣха. Не забудьте, что мы были еще новички въ военномъ дѣлѣ и никогда еще не выдерживали сраженія на открытомъ полѣ, ибо прежнія наши предпріятія, за исключеніемъ сраженія при Накогочесѣ, были, какъ я уже замѣтилъ, скорѣе нападенія враслохъ. Теперь мы въ первый разъ лицомъ къ лицу помѣрились съ непріателемъ, и, какъ бы ни казалась вамъ незначительною эта побѣда, для насъ она была, безъ всякаго сомнѣнія, важна въ высшей степени. Въ этой стычкѣ мы имѣли дѣло съ регулярными войсками мексиканскаго правительства и даже почти уничтожили одинъ изъ лучшихъ батальйоновъ, батальйонъ Моралеса; такая счастливая удача конечно могла вскружить голову мирнымъ фермерамъ, до сихъ поръ имѣвшимъ дѣло только съ медвѣдями, волками и кагуарами; тѣмъ болѣе, что нельзя же не допустить маленькой разницы между побѣдою надъ нѣсколькими медвѣдями и надъ нѣсколькими мексиканскими батальйонами, хотя бы даже порохъ послѣднихъ и не годился никуда. Притомъ одно обстоятельство не мало способствовало къ тому, чтобы, по возможности, увеличить еще самоувѣренность нашихъ: вся потеря наша заключалась въ одномъ убитомъ, да и тотъ палъ по собственной своей винѣ. Онъ какъ сумасшедшій бросился въ средину непріателя, когда непріатель уже спасался бѣгствомъ; онъ былъ раненъ пулею въ животъ и черезъ полчаса умеръ отъ этой раны.

«Вы видите, продолжалъ полковникъ, улыбаясь, что наши Техасцы вовсе не были головорѣзами по призванію, а напротивъ были богаты всѣми безразсудными, но въ то же время человѣческими чувствами, ожиданіями, надеждами. Впрочемъ эти чувства обнаруживались только въ началѣ, а послѣ и слѣдовъ не осталось такихъ сентиментальныхъ движеній души. Теперь, я увѣренъ, между нашими фермерами и плантаторами вы найдете тысячи, которые хладнокровно пошли бы на встрѣчу лучшимъ европейскимъ батальйонамъ и безжалостно переступили бы черезъ ихъ трупы. Эта безчувственность души, полагаю я, есть единственная добыча, съ которою воинъ возвращается съ кровавыхъ битвъ; но мы тогда еще не пріобрѣли этой добычи.

«Да и самъ главнокомандующій нашъ, тотъ доблестный Стефанъ Ф. Аустинъ, который передъ тѣмъ томился въ тюрьмѣ, въ Мексикѣ, обрадованный счастливымъ открытiемъ кампаніи, выразилъ свое удовольствіе такимъ образомъ, что полковникъ Крекеръ—при этомъ Морзъ съ легкою усмѣшкой обратился къ послѣднему—нашелъ бы это, можетъ-быть, неприличнымъ. Онъ пожалъ руки всѣмъ этимъ храбрымъ охотникамъ и звѣроловамъ, чокался съ ними и пилъ за ихъ здоровье. Не правда ли, полковникъ Крекеръ, какъ дика эта фамильярность, противная всякому этикету?»

«Но мы должны были, продолжалъ серіознѣе разкащикъ, свосить многое, чтобы сохранить бодрость и веселое расположеніе небольшого нашего войска, которое въ продолженіе нашего отсутствія увеличилось тремястами новыхъ пришельцевъ.»

«Въ то самое время, какъ мы доносили главнокомандующему о происшествiяхъ дня, прибылъ къ намъ мексиканскій *падре*, съ нѣсколькими повозками и бѣлымъ знаменемъ; онъ просилъ позволенія забрать убитыхъ и получилъ его безъ всякихъ противорѣчій съ нашей стороны.»

«То, что намъ удалось вывѣдать отъ хитраго *падре*, побудило насъ выступить въ тотъ же вечеръ къ главному городу. Мы не теряли надежды овладѣть имъ, пока еще не прошелъ первый паническій страхъ непріятеля. Хотя предположенія наши и не сбылись, и хотя мы нашли ворота замкнутыми, а непріятеля готовымъ къ отпору, но тѣмъ не менѣе успѣхъ нашъ до того напугалъ его, что онъ безъ малѣйшаго сопротивленія допустилъ насъ занять крѣпкую позицію.»

«Мы расположились около такъ-называемыхъ мельницъ, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ большаго непріятельскаго редута, откуда мы заняли остальные выходы города. До наступленія полуночи мы обложили его со всѣхъ сторонъ.»

XVI.

«На слѣдующій день надежды наши значительно ослабѣли.»

«Санъ-Антонио-де-Бехаръ расположенъ въ плодородной долинѣ, къ западу отъ рѣки Саладо. Въ серединѣ города возвышается цитадель Аламо, выстроенная по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Въ ней было сорокъ восемь орудій разнаго калибра, а гарнизонъ города съ цитаделью состоялъ почти изъ трехъ тысячъ человекъ. Чтобы достигнуть до Аламо, намъ необходимо

было взять сперва городъ, который былъ укрѣпленъ не менѣе сильно.

• Вся наша артиллерія состояла только изъ двухъ батарей: одна изъ четырехъ орудій пяти фунтовыхъ, а другая изъ пяти, восьми фунтовыхъ. Все наше осадное войско не превышало тысячи ста человекъ, а между тѣмъ мы должны были противопоставить ихъ не только городу и крѣпости, но и неприятелю, угрожавшему намъ отъ Когагуилы и вообще со всѣхъ сторонъ. Согласитесь,—довольно трудная задача для тысячи ста человекъ! Притомъ же осада могла затянуться надолго, потому что осажденные были вполне обеспечены на цѣлый годъ всѣмъ продовольствіемъ, и за стѣнами своими находились въ безопасности; цѣлые мѣсяцы могли пройти, прежде чѣмъ намъ удалось бы своими девятью пушками сдѣлать что-нибудь въ родѣ бреши. Но это еще не все; сомнѣнія совершенно другаго рода, и гораздо мучительнѣйшія, стали овладѣвать нами: захотятъ ли наши люди добровольно подвергать себя трудностямъ и неприятностямъ долговременной осады? Хотя они быстро и съ полною готовностію послѣдовали воззванію, и въ различныхъ схваткахъ съ неприятелемъ доказали свое мужество и стойкость; но большая разница между подобнаго рода схватками и долговременною осадю. Последняя требовала не только мужества и стойкости, но и службы, при настоящихъ обстоятельствахъ, истинно рабской, а главное самой строгой военной дисциплины. Захотѣли ли бы люди наши подвергать себя трудностямъ изнурительныхъ карауловъ и днемъ и ночью, исполнять необходимыя работы при открытіи траншей? а что всего важнѣе, захотѣли ли бы они подчиниться всей строгости военной дисциплины? Вопросъ очень сомнительный! Большая часть изъ нихъ были пылкіе обитатели юга, смѣлые, отчаянные, но вмѣстѣ съ тѣмъ дерзкіе и упрямые гости, къ главнымъ добродѣтелямъ которыхъ никакъ нельзя бы отнести терпѣніе и покорность. Хотя фермеры изъ среднихъ штатовъ, которыхъ у насъ было тоже не мало, были разсудительнѣе и хладнокровнѣе и вполне проникнуты важностію предпріятія, но мы могли предполагать, что они охотнѣе провели бы время съ своими женами и дѣтми посреди своихъ полей и стадъ, чѣмъ подъ стѣнами Бехара. Остальные были ремесленники изъ сѣверныхъ штатовъ, каменщики, булочники, столяры, которые свою лопатку, квашню и долото промѣняли на ружье. Не было недостатка и въ авантюристахъ вышшаго и низшаго разряда, которые пришли покутить и весело убить время; были даже преступники, бѣжавшіе отъ строгости законовъ. Вы знаете, въ такихъ случаяхъ бываетъ не слишкомъ брезгливъ въ выборѣ людей, намъ же, при нашихъ слабыхъ средствахъ, и подавно не слѣдовало быть слишкомъ разборчивыми.

• Но подобная неразборчивость имѣть, и дурныя свои стороны, особенно тамъ, гдѣ не достаетъ того, что только и можетъ укротить дурныя инстинкты и удержать ихъ въ границахъ; гдѣ власть карающая и награждающая еще такъ неопредѣлена, вліяніе правительства еще такъ ново и слѣдовательно шатко; гдѣ цементъ, связавшій только-что воздвигнутое общественное зданіе, еще недостаточно окрѣпъ; гдѣ законъ еще не имѣть того вѣса, той силы, которыя могутъ образоваться только при болѣе давнемъ существованіи гражданскаго порядка. Намъ приходилось чаще всего смотрѣть сквозь пальцы именно на самыхъ худшихъ изъ этихъ пришельцевъ: мы должны были смотрѣть сквозь пальцы на такія вещи, которыя возмутили бы опытнаго воина и въ первый же день довели бы его до отчаянія. Тяжелѣ всего пришлось отъ этого намъ, молодымъ штабъ-офицерамъ (Фаннингъ и я еще на полѣ сраженія были произведены въ полковники); сильнѣе другихъ мы качали головой на военномъ совѣтѣ. На совѣтѣ этомъ обсуживалась предстоящая осада. Мы огкровенно высказали свои сомнѣнія о возможности, при такихъ разнородныхъ военныхъ элементахъ, привести осаду къ благополучному окончанію. Во всякомъ случаѣ намъ казалось яснымъ, что она должна рѣшить участь Техаса, что это былъ пробный камень нашей способности и силы—выйти со славою изъ этой роковой борьбы. Если окажется, что мы въ состояніи ввести въ наше войско хоть какой-нибудь порядокъ или военную дисциплину, то мы еще можемъ надѣяться быть побѣдителями; если же нѣтъ,—то лучше сейчасъ же убираться съ поля и даже изъ Техаса. Фаннингу, Вартону и мнѣ все еще живо представлялась противная сцена съ медвѣжьимъ охотникомъ.

• Совсѣмъ иначе рассуждали объ этомъ наши старики, а съ ними и генералъ Аустинъ. Они, конечно, знали духъ нашего народа, а мы еще нѣтъ.

• Но этотъ народный духъ нашъ—духъ совершенно особеннаго рода. У насъ есть пословица: когда холодно—такъ морозъ; когда тепло—такъ печеть; когда дождь—такъ льетъ какъ изъ ведра; этимъ обозначается какъ климатъ нашъ, такъ и національный характеръ. Народъ нашъ не любитъ середины. Если онъ захочетъ чего, то хочетъ вполнѣ. Ни препятствія, ни опасности не пугаютъ его, а напротивъ возбуждаютъ еще болѣе. Пусть одна половина погибнетъ въ бою, за то другая ужъ непремѣнно восторжествуетъ. Ни у одного народа въ мірѣ, исключая развѣ древнихъ Римлянъ, нѣтъ такой внутренней энергіи, такой упорной, можно сказать страшной, силы воли! Онъ доказалъ это и подъ Бехаромъ.

«Когда читали дневной приказъ послѣ военнаго совѣта, люди

эти слушали его съ такимъ важнымъ и мрачнымъ видомъ, что нами овладѣло уныніе; но лишь только кончилось чтеніе, всѣ наши мрачныя предчувствія исчезли. Всѣ тысяча сто человѣкъ выступили впередъ спокойно и важно, подошли сперва къ генералу, потомъ къ намъ, давая руку и слово: освободить Техасъ, хоть бы всѣмъ пришлось пожертвовать жизнью!

«Никакихъ ура, никакого энтузіазма! простая и спокойная клятва героевъ!..»

«И какъ герои выполнили они свою клятву, всю трудность исполненія которой можетъ оцѣнить только тотъ, кто знаетъ по опыту, что значить осаждать укрѣпленный городъ и въ то же самое время отбиваться отъ находящагося въ тылу непріятеля, обладающаго всѣми средствами могущественной республики. Наши тысяча сто человѣкъ побѣждали такія препятствія, передъ которыми, говоря безъ преувеличенія, содрогнулись бы пять тысячъ самыхъ закаленныхъ наполеоновскихъ гвардейцевъ. Въ теченіе первыхъ недѣль не проходило дня безъ вылазокъ или стычекъ. Генералъ Косъ стоялъ на границѣ Техаса и Когагуилы съ пятью тысячами Мексиканцевъ; драгуны его носились вокругъ насъ со всѣхъ сторонъ; какъ истинные Пароляне, они налетали на насъ саранчею. За то для нихъ гибельнѣе всего были неутомимые наши авантюристы, которые въ этомъ случаѣ оказали намъ величайшія услуги. Чутьемъ своимъ они нисколько не уступали самымъ лучшимъ гончимъ собакамъ. На двадцать миль въ окружности они узнавали присутствіе непріятеля, и такъ искусно отрѣзывали и приводили съ собою цѣлые отряды непріятельскіе, что мы не вѣрили собственнымъ глазамъ. День и ночь они были насторожѣ; не успѣетъ Мексиканецъ высунуть голову изъ-за вала, какъ уже падаетъ бывало мертвымъ. Не могу сказать, чтобы у насъ соблюдалась вполнѣ военная дисциплина; но за то во всѣхъ господствовали одинъ духъ, взаимное содѣйствіе, одно стремленіе къ общей цѣли; все это вмѣстѣ дѣйствительно удесятерило силы нашихъ тысячи ста человѣкъ. Почтенные наши фермеры и плантаторы были сначала между всѣми самые вялые, но скоро и они увлеклись общимъ примѣромъ и забыли все: и женъ и дѣтей, поля и стада. Пылкіе наши выходцы изъ Кентекки, Тенесси, Георгіи работали въ траншеяхъ, какъ негры; конечно, генералъ и мы, штабъ-офицеры, подавали имъ собою примѣръ. У всѣхъ было одно сердце, одна душа, одна мысль—взятіе города, освобожденіе Техаса, независимость. Тутъ только я понялъ ясно, что можетъ осуществить великая идея.

«Впрочемъ Мексиканецъ, такъ же какъ и Испанецъ, за стѣной и валомъ гораздо опаснѣе, нежели въ открытомъ полѣ; но и здѣсь негодный ихъ порохъ оказалъ намъ большую услугу. Хотя мы

стояли довольно близко къ стѣнамъ, но ядра и пули никогда не долетали до насъ; они такъ безвредно ложились передъ нами, что мы каждую недѣлю могли собирать ихъ по нѣскольку тысячъ и, съ помощью превосходнаго нашего винтовочнаго пороха, возвращать ихъ непріятелю съ большимъ успѣхомъ. Не было также недостатка и въ любопытныхъ интермедіяхъ. Фаннингъ овладѣлъ большимъ конвоемъ съ съѣстными припасами и съ двадцатью тысячами серебряныхъ долларовъ; Треверзъ привелъ четыреста лошадей. Мнѣ тоже удалось овладѣть подобною добычею. Такимъ образомъ осада обратилась для насъ въ настоящую школу, которая образовала изъ насъ истинныхъ солдатъ-воиновъ.

• По прошествіи восьми недѣль, мы сдѣлали брешь, и городъ сдался, а черезъ четыре недѣли сдалась и цитадель. Владѣя теперь значительнымъ артиллерійскимъ паркомъ, мы двинулись къ Голиаду, самой значительной крѣпости въ Техасъ. Черезъ нѣсколько недѣль мы овладѣли ею, и вся страна была въ нашей власти. Война казалась конченною.

• Но что она не была еще кончена, это было ясно всякому, кто только безпристрастно смотрѣлъ на вещи. Мексиканцы не такой народъ, чтобы такъ легко уступить одно изъ прекраснѣйшихъ своихъ владѣній. Мексиканскій характеръ такъ же упрямъ, какъ и испанскій, отъ котораго онъ имѣлъ довольно времени и случая заразиться въ теченіе трехсотлѣтняго владычества Испанцевъ въ Мексикѣ. Притомъ же Мексиканцы имѣютъ о себѣ очень высокое мнѣніе: если имъ удалось выгнать изъ своей страны Испанцевъ, которыхъ они все еще считаютъ храбрѣйшею націею въ мірѣ, то какъ же не справиться имъ съ нами, горстью авантюристовъ, которые дерзнули не только возстать противъ опредѣленной великой республики, но и завладѣть ея городами и крѣпостями? Дерзость эта требовала строжайшаго наказанія; слѣдовало отмстить за пострадавшую честь республики! Самъ президентъ Санта-Анна, главнокомандующій надъ всѣми арміями республики, обѣщалъ принять главное начальство надъ экзекуціоннымъ войскомъ, и дать мятежникамъ такой страшный урокъ, что онъ остался бы въ памяти у позднѣйшаго потомства. Стереть бунтовщиковъ съ лица земли, истребить ихъ съ женами и дѣтьми, вотъ чѣмъ заключались ихъ пренія, рѣчи въ конгрессѣ и въ государственныхъ собраніяхъ, ихъ церковныя проповѣди и газетныя статьи. Штаты предлагали государственную казну, архіепископы и епископы—свои сокровища, города жертвовали общественныя суммы, монастыри свои кружки. Десять тысячъ человекъ, самаго лучшаго войска, были тотчасъ же отправлены на границу, другія десять тысячъ двинулись вслѣдъ за ними. Къ послѣднимъ присоединился самъ президентъ Санта-Анна, съ многочисленнымъ своимъ штабомъ.

«Ему предшествовали громкія прокламаціи, которыя угрожали строжайшимъ наказаніемъ и вашингтонскому кабинету, не только тайно, но и явно помогавшему бунтовщикамъ занятіемъ Накогдо-чеса, и южнымъ штатамъ, которые осмѣлились снабжать возмутителей деньгами и лошадьми, и наконецъ всему Американскому Союзу. Положено было прежде всего очистить отъ возмутителей Техасъ, а потомъ проникнуть въ Соединенные Штаты, истребить тамъ все огнемъ и мечомъ и самый Вашингтонъ превратить въ груды развалинъ.»

— Слышали мы объ этихъ безумныхъ фанаронадахъ, замѣтили нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, съ сострадательною улыбкою,

«У насъ онѣ громко звучали въ ушахъ, увѣрялъ Техасецъ, хотя и нельзя сказать, чтобъ онѣ произвели особенное впечатлѣніе. Напротивъ, на нихъ даже слишкомъ мало обращали вниманія: не приготовились даже, какъ слѣдуетъ, къ тому, чтобы встрѣтить непріятеля всѣми силами, которыя могла собрать наша страна, при всей ограниченности своихъ средствъ. Люди наши, правду сказать, были ослѣплены удачами, которыя они имѣли до сихъ поръ, и не считали возможнымъ, чтобы Мексиканцы осмѣлились напасть на нихъ. Они забыли, что войска, съ которыми мы до сихъ поръ имѣли дѣло, состояли, за исключеніемъ немногихъ батальионовъ, большею частію изъ разнаго сброда; забыли, что нѣкоторые изъ мексиканскихъ штатовъ доставляютъ очень хорошихъ солдатъ и особенно кавалеристовъ, и что на этотъ разъ Мексиканцы вѣроятно привезутъ съ собою лучшаго пороху. Многие изъ Техасцевъ, способныхъ носить оружіе, даже и вовсе не пошли на убѣдительное воззваніе Борнета, тогдашняго президента Техаса, и предпочли заняться дома обработываніемъ своихъ маисовыхъ и хлопчато-бумажныхъ полей. Противъ двадцати тысячъ человѣкъ, которые шли на насъ, мы едва могли собрать двѣ тысячи, изъ которыхъ притомъ мы должны были почти двѣ трети размѣстить по крѣпостямъ Голиадъ и Аламо. Въ первой мы оставили восемь сотъ шестьдесятъ человѣкъ, подъ начальствомъ незабвеннаго нашего Фаннинга; въ послѣдней пять сотъ,—такъ что у насъ осталось немного больше семи сотъ человѣкъ.»

«Непріятель началъ дѣйствовать гораздо рѣшительнѣе, нежели какъ мы ожидали; дѣйствительно, онъ сталъ подвигаться впередъ такъ быстро, что прежде чѣмъ мы успѣли опомниться, насъ отгѣснили отъ Голиада, и мы должны были предоставить крѣпость эту, также какъ и Бехаръ, собственной ея участи.»

«Горькая участь! Уже въ самомъ началѣ мы сдѣлали грубую ошибку тѣмъ, что раздробили наши силы, и безъ того уже слабыя: заняли двѣ крѣпости и, какъ нарочно, заперли въ нихъ самыхъ лучшихъ, самыхъ предприимчивыхъ изъ нашихъ людей.»

• Вообще Американецъ въ крѣпости никуда не годится. Одинъ уже замкнутый воздухъ вредитъ ему; стѣсненіе, несвобода убиваютъ въ немъ духъ и тѣло. Онъ уже не тотъ; подвижность, дѣятельность, бодрость оставляютъ его; онъ становится какъ будто слѣпымъ и глухимъ. Въ открытомъ полѣ Американецъ остается напобѣдимымъ, хотя бы онъ былъ десять разъ разбитъ; въ одиннадцатый ужъ онъ непременно задастъ противнику своему такого трезвону, что загладитъ прошедшія десять неудачъ и останется вполне побѣдителемъ. Военная наша исторія представляетъ множество такихъ случаевъ, гдѣ наши бывали окружены со всѣхъ сторонъ, почти пойманы, и все-таки сумѣли найти выходъ и вырвать побѣду изъ рукъ непріятеля; все это, конечно, на открытомъ полѣ. Но въ крѣпостяхъ, повторяю еще разъ, самый лучший Американецъ становится полуслѣпымъ и совершенно глухимъ.

• Такимъ образомъ до Фаннинга, въ Голіадѣ, дошла вѣсть, что значительное число Американцевъ, женщинъ и дѣтей, преслѣдуемыхъ непріятелемъ, бѣгутъ къ крѣпости. Онъ слѣдуетъ влеченію своей чувствительности и рѣшается послать помощь беззащитнымъ. Тотчасъ же приказываетъ онъ майору Варду выступить съ георгскимъ батальйономъ, принять бѣгущихъ и проводить ихъ въ крѣпость. Майоръ, офицеры представляютъ ему резоны, просятъ, умоляютъ его; но Фаннингъ не видитъ ничего, кромѣ безпомощныхъ своихъ землячекъ, и настаиваетъ на своемъ приказаніи. Майоръ выступаетъ съ своимъ батальйономъ, который состоялъ изъ пяти сотъ человѣкъ, на встрѣчу бѣгущихъ. Приблизившись къ послѣднимъ, онъ узнаетъ въ нихъ не соотечественницъ, а переодѣтыхъ мексиканскихъ драгунъ, которые тотчасъ же вскакиваютъ на лошадей, скрытыхъ въ ближайшемъ островѣ, и бросаются на отрядъ Варда.

• Число непріятелей безпрестанно возрастаетъ и прибываетъ со всѣхъ сторонъ; это были наѣзники Луи Потози и Санта-Фе, можетъ-быть первая конница въ свѣтѣ, ибо люди эти рождаются, можно сказать, на лошадяхъ. Битва продолжается два дня. Всѣ наши пятьсотъ человѣкъ, за исключеніемъ только двухъ, падаютъ жертвами.

• Не подозрѣвая этого страшнаго удара, мы изъ главной квартіры посылаемъ Фаннингу приказаніе очистить фортъ и примкнуть къ намъ съ шестью орудіями. Получивъ это приказаніе, Фаннингъ тотчасъ же исполняетъ его. Но то, что можно было предпринять съ отрядомъ изъ восьмисотъ шестидесяти человѣкъ, при шести орудіяхъ, — пробиться сквозь многочисленныя непріятельскіе ряды, — того уже нельзя было исполнить съ тремястами шестидесятью. Несмотря на это, онъ предпринимаетъ отступление черезъ преріи; но на него нападаетъ и окру-

часть его со всѣхъ сторонъ непріятель, вдесятеро сильнѣй-
шей. Окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ защищается цѣлыхъ
дѣсять часовъ и, подвигаясь все впередъ, достигаетъ острова;
но занявши послѣдній, онъ съ ужасомъ видитъ, что всѣ заряды
истрачены. Тогда онъ принимаетъ предложенную непріятелемъ
капитуляцію, въ силу которой ему дозволялось, по сдачѣ оружія,
возвратиться со всѣмъ отрядомъ домой. Но едва только сданы были
штуцера, какъ вся эта бѣшеная толпа бросилась на безоруж-
ныхъ и истребила ихъ. Только одному форпосту и еще тремъ
изъ нашихъ удалось спастись бѣгствомъ.

• Что касается до тѣхъ пятисотъ человѣкъ, которыхъ мы оста-
вили въ Бехарѣ и форть Аламо, то и ихъ судьба была не легче.
Будучи такъ малочисленны, что имъ нельзя было въ одно и то же
время занять, какъ слѣдуетъ, и форть и городъ, въ которомъ было до
шести тысячъ жителей, они скоро принуждены были уступить
городъ непріятелю и отступить въ форть. Непріятелю, при
многочисленной его артиллеріи, удается разрушить часть форта.
Завязывается страшный бой и продолжается цѣлыхъ восемь дней.
Погибли тысячи Мексиканцевъ, но изъ нашихъ пятисотъ сооте-
чественниковъ ни одинъ не остался въ живыхъ.

• Это были жестокіе удары. Двѣ трети лучшихъ нашихъ людей
погибли, крѣпости были во власти непріятеля, все войско наше со-
стояло теперь едва изъ семисотъ человѣкъ, а противъ насъ стоя-
ли многочисленныя, побѣдоносныя арміи непріятеля, къ которымъ
еще безпрестанно прибывали подкрѣпленія! Положеніе наше могло
повергнуть въ уныніе самыя сильныя души.

• Отовсюду тысячами стекались бѣглецы, беременныя, смер-
тельно изнуренныя женщины, безпомощныя матери съ грудными
младенцами, мустанги и повозки, нагруженныя дѣтьми, мальчи-
ками и дѣвочками; а за ними со всѣхъ сторонъ гнались по
періямъ отряды драгунъ, истребляя все огнемъ и мечомъ.

• Главнокомандующій, президентъ Мексики, Санта-Анна прибли-
жается съ своею арміею двумя колоннами: одна движется вдоль
морскаго берега, по направленію къ Веласко, другая направлена
къ Санъ-Фелипе-де-Аустинъ; самъ же онъ находится въ центрѣ.
Около форта Бендъ, въ двадцати миляхъ ниже Санъ-Фелипе,
онъ переправляется черезъ Бразосъ, подвигается къ Луизбургу,
присоединяетъ къ себѣ еще шестьсотъ человѣкъ, и укрѣпляется
въ своемъ лагерѣ; отрядъ его заключаетъ въ себѣ около тысячи
пятисотъ человѣкъ.

• Наша главная квартира, подъ начальствомъ генерала Гаустона,
находилась передъ Гарризбургомъ, куда передъ тѣмъ удалился
нашъ конгрессъ.

• Это было ночью на двадцатое апрѣля. Мы расположились

въ числѣ шестисотъ человѣкъ, составлявшихъ теперь всю нашу военную силу, передъ однимъ островомъ изъ сикаморъ. Мрачно, грозно нависли облака надъ вершинами деревъ, скрипъ и стокъ которыхъ вполне соответствовали мрачному настроенію нашего духа. Мы сидѣли вокругъ генерала и алькальда, которые оба находились въ самомъ тревожномъ, уныломъ и какомъ-то напряженномъ состояніи. Нѣсколько разъ они вставали, входили къ острову и опять возвращались: казалось, они ожидали чего-то съ большимъ нетерпѣніемъ. Мертвая тишина царствовала въ нашемъ маленькомъ лагерѣ.

«Вдругъ раздалось громкое: «кто идетъ»? Вслѣдъ затѣмъ показался ординарецъ; онъ быстро подошелъ къ алькальду и сказалъ ему что-то на ухо. Алькальдъ быстро вскочилъ, бросился въ глубь острова, черезъ нѣсколько минутъ возвратился, нѣсколько словъ шепнулъ на ухо генералу, а тотъ также тихо передалъ ихъ намъ. Черезъ минуту всѣ мы были уже на ногахъ.

«У насъ у всѣхъ были превосходныя лошади, и всѣ мы были вооружены штуцерами, двухствольными пистолетами и охотничьими ножами. Не прошло и десяти минутъ, какъ мы были уже въ походѣ. Изъ шести, бывшихъ съ нами, орудій, мы взяли съ собою только четыре, но съ двойною упряжью. Всю ночь мы подвигались впередъ крупною рысью; впереди скакалъ проводникъ, худощавый человѣкъ, исполинскаго роста. Нѣсколько разъ я спрашивалъ у алькальда, кто онъ такой?

«— Узнаете послѣ, отвѣчалъ алькальдъ.

«До разсвѣта мы уже успѣли оставить за собою двадцать пять миль, но за то принуждены были изъ четырехъ орудій бросить два на дорогѣ.

«Мы еще не знали своего назначенія. Генералъ приказалъ людямъ подкрѣпить себя пищею; мы собрались вокругъ него для составленія военного совѣта. Тутъ мы узнали причину нашего ночного похода. Санта-Анна, президентъ Мексики и главнокомандующій непріятельскихъ войскъ, стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, на разстояніи миль отъ насъ, и даже менѣе; въ двадцати миляхъ, позади насъ, находился генералъ Парза, съ двумя тысячами войска, въ семнадцати миляхъ ниже, около Бразоса, генералъ Флазола, съ тысячею; въ двадцати пяти миляхъ выше, генералъ Виска, съ тысячею пятьюстами. Только быстрое, рѣшительное нападеніе могло спасти Техасъ.

«Нельзя было терять ни минуты, и ни одна не была потеряна. Генералъ подошелъ къ завтракавшимъ людямъ и сказалъ:

«— Братья, друзья, граждане! Генералъ Санта-Анна стоитъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, въ числѣ тысячи пятисотъ человѣкъ. Минута, которая должна рѣшить независимость Техаса, наступила. Нашъ ли непріятель?

«— Нашъ! воскликнули торжественно всѣ разомъ, и съ этимъ крикомъ двинулись впередъ.

«Подойдя къ мексиканскому лагерю шаговъ на двѣсти, мы открыли картечный огонь изъ обоихъ нашихъ орудій, но изъ штуцеровъ не стрѣляли до тѣхъ поръ, пока не подошли на двадцать пять шаговъ; тогда мы дали по неприятелю залпъ, бросили свои штуцера, и съ пистолетомъ въ каждой рукѣ, съ охотничьимъ ножомъ въ зубахъ, вскочили на брустверъ, выстрѣлили изъ пистолетовъ по ошеломленнымъ и оглушеннымъ Мексиканцамъ, схватились потомъ за ножи и ворвались въ лагерь, съ отчаяннымъ ура, страшно-дикіе переливы котораго еще и донныя пронизываютъ мой слухъ и нервы.

«Люди наши ринулись впередъ, совершенно какъ при abordажѣ неприятельскаго корабля, съ ножомъ въ правой рукѣ, пистолетомъ въ лѣвой. Кто не былъ заколотъ, тотъ падалъ подъ выстрѣломъ; они кололи и рубили безъ разбора, направо и налѣво, съ дикими криками, съ демонскимъ хохотомъ, съ отчаяннымъ бѣшенствомъ моряковъ, которые неприятельскій корабль считаютъ уже своею собственностію.

«Я командовалъ на правомъ флангѣ, гдѣ брустверъ, кончаясь редутомъ, былъ гораздо выше и круче. Вскочивъ на него, я не могъ удержаться и опять соскользнулъ внизъ; вторая попытка была такъ же неудачна, какъ и первая. Съ помощію одного изъ слѣдовавшихъ за мною, я вскорабкался въ третій разъ, но, увлекаемый внизъ собственною своею тяжестью, готовъ уже былъ свалиться въ ровъ, какъ вдругъ сверху чья-то рука схватила меня за воротъ и встщила на брустверъ. Въ суматохѣ и волненіи я не могъ разсмотрѣть кто это, но увидѣлъ штыкъ, который вонзился ему въ плечо въ то время, какъ онъ помогалъ мнѣ. Онъ даже не дрогнулъ, и не выпускалъ меня до тѣхъ поръ, пока я не былъ на верху; тогда только онъ повернулся съ болѣзненнымъ движеніемъ въ сторону и медленно навелъ пистолетъ на ранившаго его Мексиканца; но въ эту самую минуту подбѣжалъ алькальдъ и закололъ послѣдняго. Тогда раненый, помогавшій мнѣ влѣзть на брустверъ, вскричалъ: *No thanks to ye, Squire!* (1) Голосъ этотъ, несмотря на страшное зрѣлище убійства, поразилъ меня ужасомъ и пронизалъ до мозга костей. Я оглянулся; но онъ, рядомъ съ алькальдомъ, былъ уже опять въ схваткѣ съ толпою Мексиканцевъ, которые отчаянно защищались. Онъ дрался, казалось, не съ тѣмъ, чтобъ убивать, а какъ человекъ, который самъ хочетъ быть убитымъ. Какъ слѣпой, подстрѣленный впередъ ворвался онъ въ самую середину неприятеля и рубилъ во-

(1) Не за что благодарить васъ, сэвайръ.

кругъ себя на обѣ стороны, рядомъ съ нимъ алькальдъ, который отводилъ отъ него непріятельскіе удары.

«Около меня собралась въ то время часть моего отряда, чело­вѣкъ до ста. Я окнулъ взоромъ поле сраженія, стараясь узнать, гдѣ моя помощь могла быть нужнѣе, и потомъ повернулся, чтобъ ударить на непріятеля. Въ эту минуту въ ухахъ моихъ раздался голосъ алькальда:

«— Тяжело вы ранены, милый Бобъ?»

«Слова *милый Бобъ* и голосъ алькальда, разрывающій сердце, почти отчаянный, заставили меня вздрогнуть и приковали къ мѣсту. Я оглянулся: окровавленный Бобъ безъ чувствъ лежалъ въ объятіяхъ алькальда. Не успѣлъ я взглянуть на него въ другой разъ, какъ люди мои увлекли меня впередъ, въ самый пылъ схватки, къ центру лагеря, гдѣ битва была въ самомъ разгарѣ.

«Человѣкъ пятьсотъ, цвѣтъ непріятельской арміи, собралось тамъ вокругъ своихъ генераловъ и штаба, образуя изъ себя родъ живаго укрѣпленія, страшный узелъ, который защищался съ остревѣніемъ. Генераль Гаустонъ, съ тремястами Техасцевъ атаковалъ эту густую массу, но не былъ въ состояніи разорвать ихъ ряды.

«Если не удалась первая попытка, за то второе нападеніе было счастливѣе. Съ дикимъ *ура!* люди мои выстрѣлили каждый изъ одного пистолета и въ тотъ же мигъ, по тѣламъ убитыхъ и раненыхъ, ворвались въ разорванные ряды.

«Началась страшная рѣзня. Уже не люди, а воплощенные дьяволы были эти граждане, обыкновенно столь мирные и спокойные. Цѣлые ряды непріятелей падали подъ ихъ ножами. Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе объ этой ужасной бойнѣ, довольно сказать, что все сраженіе, отъ начала атаки до взятія въ плѣнъ всѣхъ непріятелей, было окончено въ теченіи десяти минутъ, и что въ эти десять минутъ перестрѣлено, перебито, переколото около восьми сотъ Мексиканцевъ.

«И всѣ они, безъ исключенія, были бы перерѣзаны; тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ раздавались грозные крики: «нѣтъ пардона! вспомните Аламо, Голіадъ! вспомните храбраго Фаннинга, Варда!..» но генераль и мы, штабъ-офицеры, бросились къ Мексиканцамъ, стоявшимъ на колѣняхъ и ревѣвшимъ: *Misericordia! quartel por el amor de Dios* (1), и грозили нашимъ, что мы будемъ стрѣлять по нимъ самимъ, если они не положатъ конца этому кровопролитію.

«Это помогло. Намъ удалось остановить бѣшеныхъ, и тѣмъ самымъ спасти эту побѣду, которая между самыми славными бу-

(1) Сжальтесь! пощадите ради любви къ Господу!

дети ярко блистать въ исторіи Техаса, спасти отъ позорнаго пятна безчеловѣчной жестокости.

• Утомленный, въ какомъ-то опьяненіи, поспѣшилъ я удалиться отъ этой страшной бойни и направился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ алькальда съ Бобомъ.

• Бобъ лежалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ онъ всталилъ меня на брустверь; изъ шести глубокихъ ранъ его струилась кровь. Изголовьемъ служили ему два трупа, положенные одинъ на другой. Около него стоялъ на колѣняхъ алькальдъ и поддерживалъ его голову. На лицѣ его изображалась нѣмая горестъ, мрачные и полные отчаянія взоры были устремлены на потухающіе глаза, на леденѣющія черты умирающаго. Глубоко поразило меня это зрѣлище. Я подошелъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ.

• Бобъ былъ при послѣднемъ издыханіи. Но это была смерть не преступника: лица его не искажали прежнія, страшно-дикія черты и неподвижный, отчаянный взглядъ убійцы. Ясное спокойствіе, благочестивое сознаніе примиренія съ самимъ собою дивно преобразили ликъ его; взоры, съ надеждою и молитвою, были устремлены къ небу.

• Я нагнулся къ нему, и дрожащимъ голосомъ спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ? умирающій напрягалъ, казалось, всѣ свои душевныя силы, но уже не узналъ меня. Черезъ минуту онъ простоналъ:

«— А что сраженіе?

• — Бобъ, мы побѣдили! Ни одинъ изъ непріятелей не спасся; всѣ или убиты или взяты въ плѣнъ.

• — Скажите мнѣ, прохрипѣлъ онъ опять черезъ нѣсколько минутъ,—исполнилъ я свой долгъ? Смѣю ли надѣяться на милосердіе Божіе?

• Алькальдъ дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ:

• — Сынъ Божій спасъ разбойника на крестѣ! Онъ помилуетъ и васъ! Священное писаніе говоритъ: ангелы небесныя болѣе радуются одному покаившемуся грѣшнику, нежели девяносто девяти праведникамъ. Надѣйтесь, Бобъ! Всемилосердый помилуетъ васъ!

— Благодарю васъ, сквайръ! прохрипѣлъ Бобъ.—Вы истинный другъ! другъ до гроба и за гробомъ... Помолитесь за мою грѣшную душу!.. Я чувствую, она отлетаетъ... Мнѣ такъ хорошо... теперь...

• Алькальдъ стоялъ на колѣняхъ и молился:

• — Отче нашъ, иже еси на небеси...!

• Невольно и я склонилъ колѣни. При первыхъ словахъ молитвы уста умирающаго были еще въ движеніи, но потомъ сжали ихъ

предсмертныя судороги. Въ концѣ молитвы, при словахъ: яко Твое есть царство и сила и слава!.. взоръ его уже угасъ, и жизнь отлетѣла.

« Съ глубокою горестію алькальдъ смотрѣлъ нѣсколько времени на трупъ, потомъ всталъ и произнесъ:

« — Всевышній не хочетъ смерти грѣшника, а хочетъ, чтобъ онъ жилъ и обратился на путь истины. Такъ думалъ я и тогда, четыре года тому назадъ, когда въ этотъ же самый день снялъ его съ патріарха.

« — Четыре года назадъ? въ этотъ самый день? спросилъ я, пораженный.— Такъ вы его сняли, чтобъ онъ обратился на путь истины? И онъ обратился? Ужь не онъ ли вчера привезъ намъ въ лагерь при Гарризбургѣ извѣстіе о неприятелѣ?

— Онъ сдѣлалъ больше, сказалъ алькальдъ, и слезы полились изъ глазъ его. — Смертельно утомленный, съ отвращеніемъ къ жизни, влачилъ онъ четыре года свое жалкое, презрѣнное, ничтожное существованіе; четыре года онъ служилъ намъ, жилъ для насъ, сражался, былъ шпиономъ, безъ надежды, безъ видовъ, безъ чести, безъ утѣшенія, не имѣя ни единого спокойнаго часа, ни единого желанія, кромѣ смерти. Самая возвышенная добродѣтель, самый высокій патріотизмъ устрашили бы тѣхъ жертвъ, какія этотъ человѣкъ принесъ намъ, Техасу. А онъ шесть разъ былъ убійцею! Богъ помилуесть его душу! Помилуесть? спросилъ онъ тихо.

« — Помилуесть! подтвердилъ я, потрясенный до глубины души.

« Нѣсколько минутъ стоялъ алькальдъ, погруженный въ глубокое размышленіе; потомъ вдругъ вскричалъ:

« — Онъ долженъ быть помилованъ! долженъ! Развѣ не тлѣла въ этомъ Бобѣ, до самаго послѣдняго его вздоха, неугасимая божественная искра? Развѣ она не вспыхнула въ немъ яркимъ пламенемъ, для блага гражданъ, для счастья ближняго? Развѣ не жилъ онъ, и не страдалъ онъ для своихъ соотечественниковъ, своихъ ближнихъ? Ахъ, еслибы вы знали, полковникъ!

« Онъ вздрогнулъ, замолчалъ, какъ будто испугавшись, что сказалъ слишкомъ много. Съ изумленіемъ я посмотрѣлъ на него: какъ вдругъ этотъ человѣкъ до такой степени вышелъ изъ себя? Онъ почти готовъ былъ сказать, что не помиловать Боба было бы не въ духѣ конституціи!»

— Совершенно поамерикански! прервалъ Морза главный судья.

« Но я замѣтилъ также, продолжалъ полковникъ Морзъ, не обративъ вниманія на послѣднія слова, что въ этомъ участіи заключается нѣчто болѣе простой симпатіи; что тутъ скрывалась важная тайна. Алькальдъ ужъ слишкомъ выходилъ изъ себя. Онъ.

который обыкновенно былъ такъ спокоенъ, такъ хладнокровенъ, онъ, ни при какомъ случаѣ не терявшій равновѣсія, говорилъ и поступалъ теперь какъ безумный! Я старался увлечь его на мѣсто битвы, гдѣ опять началъ подниматься шумъ; но онъ почти грубо оттолкнулъ меня.

«— Ахъ, еслибы вы знали! Этотъ Бобъ!..

«— Что же этотъ Бобъ, дорогой алькальдъ?

«Онъ взглянулъ на меня, какъ будто съ испугомъ, и пробормotalъ:

«— Идите, идите! оставьте меня съ моею горестію!

«Я все еще медлилъ, но въ эту минуту приближало нѣсколько человекъ изъ моего отряда; они насильно потащили меня къ мѣсту сраженія.

«Тамъ все было въ величайшемъ смятеніи: между плѣнными не оказалось генерала Санта-Анны; онъ исчезъ. Это открытіе привело всѣ умы въ страшное волненіе. Очень понятно, взять его въ плѣнъ было гораздо важнѣе чѣмъ выиграть сраженіе; взять въ плѣнъ Санта-Анну, виновника нашествія, всемогущаго президента Мексики, главнокомандующаго всѣми ея арміями,—значило рѣшить участь войны. Какъ ни блистательна была наша побѣда, она все-таки, сравнительно говоря, была бы ничтожна, еслибы Санта-Анна не достался въ наши руки; да и самое отчаяніе, съ какимъ сражались храбрые наши воины, происходило именно отъ той увѣренности, что мы овладѣемъ президентомъ республики и, такимъ образомъ, кончимъ войну однимъ ударомъ. И вдругъ онъ скрылся!

«Положеніе, въ высшей степени критическое!

«Между нашими людьми было нѣсколько десятковъ неимоверно отчаянныхъ головорѣзовъ, съ которыми мы всегда должны были объясняться не иначе, какъ со шпагою въ одной рукѣ и съ пистолетомъ въ другой. Въ эту минуту они сомкнулись въ тѣсную кучку, и смотрѣли на плѣнныхъ съ такою кровожадною свирѣпостію, что не оставалось никакого сомнѣнія въ ихъ намѣреніи. Нельзя было терять ни минуты. Съ самыми лучшими изъ воиновъ нашихъ мы быстро двинулись впередъ, окружили плѣнныхъ и, оградивъ ихъ собою, приступили къ распросамъ.

«Оказалось, что еще при началѣ сраженія Санта-Анну видѣли въ дорожномъ экипажѣ, и что онъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за нашимъ нападеніемъ. Изъ этого можно было заключить, что онъ бѣжалъ въ то время, когда мы ворвались въ лагерь, и, слѣдовательно, никакъ не могъ уйти далеко.

«Объ этомъ радостномъ извѣстіи мы тотчасъ же велѣли объявить въ дневномъ приказѣ, и послѣшили сдѣлать распоряженія о преслѣдованіи бѣглеца. Сотня нашихъ людей отряжена была,

съ плѣнными, въ Гарризбургъ; мнѣ, съ другою сотнею, дали порученіе отыскать Санта-Анну.

« У насъ были превосходныя лошади; мы бросились на нихъ и поскакали въ прерію. Отчаянная, бѣшеная охота! но, не забудьте, отъ благополучнаго ея успѣха зависѣла участь Техаса. Описывая возможно большій кругъ, мы съ одной стороны дошли почти до дивизіи генерала Филазолы, а съ другой до дивизіи генерала Парзы, и потомъ стали приближаться другъ къ другу и къ своему лагерю. Долго всѣ наши поиски были напрасны; въ продолженіи четырнадцати часовъ мы не слѣзали съ коней; проскакали больше ста миль, и все еще не открыли никакого слѣда драгоценной для насъ дичи.

« Мы уже приблизились опять къ лагерю миль на семь, какъ вдругъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ охотниковъ открылъ слѣдъ мужской деликатной ноги: слѣдъ шелъ по направленію къ болоту. Мы пошли по этому указанію, попали въ болото, и нашли въ немъ человѣка лѣтъ сорока, увязшаго по поясъ въ тинѣ, и до такой степени выпачканнаго грязью, что не было никакой возможности разсмотрѣть черты его лица. Мы вытащили его полумертвымъ, и, обмывши, узнали его по кроткимъ, но коварнымъ, голубымъ глазамъ, по высокому и узкому лбу, по длинному носу, при основаніи тонкому и мясистому на концѣ, по отвисшей верхней губѣ и выдающемуся подбородку. Судя по описанію, этотъ человѣкъ не могъ быть никто иной, какъ президентъ Санта-Анна. И дѣйствительно это былъ онъ, хотя неимоверная трусость его заставляла меня долго сомнѣваться въ этомъ: онъ бросился передъ нами на колѣни, прося и заклиная насъ именемъ Бога и всѣхъ святыхъ не лишать его жизни. Никакія увѣренія, никакія успокоенія, ни даже честное мое слово и клятвы не могли привести его къ сознанію собственной его обязанности передъ его честью. Признаюсь, я былъ радъ, когда мы прибыли съ нимъ въ лагерь.

« При вѣздѣ нашемъ мы встрѣтили погребальное шествіе: это были похороны Боба. Его провожали со всѣми воинскими почестями; всѣ офицеры участвовали въ процессіи. Не столько удивили меня эти почести, сколько то, что алькальдъ былъ въ траурѣ. Несмотря на всѣ мои вопросы, онъ хранилъ глубокое молчаніе. И въ послѣдствіи никогда ни слова не говорилъ онъ о Бобѣ, и если я заговаривалъ о немъ, лицо алькальда всегда принимало мрачный видъ.

...Что было дальше, продолжалъ полковникъ Морзъ, извѣстно вамъ изъ публичныхъ оффиціальныхъ и частныхъ донесеній.

• Со взятіемъ въ плѣнъ Санта-Анны война дѣйствительно была кончена. Въ тотъ же вечеръ, между нами и главнымъ начальникомъ мексиканскихъ войскъ, заключено было перемиріе. Самъ онъ послалъ старшему послѣ себя генералу Филазолъ, такъ же какъ и генералу Парзъ, приказаніе отступить къ Бехару. Генералъ Виека долженъ былъ отправиться въ Гадалупу Витторію.

• Такимъ образомъ очищены были двѣ трети Техаса, и мы, черезъ мѣсяцъ послѣ того, сдѣлались полными обладателями всего края. Слава о нашей побѣдѣ распространилась съ неизмѣрною быстротою. Со всѣхъ сторонъ приходили волонтеры; черезъ три недѣли у насъ уже опять было войско, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ; съ помощію его, мы постепенно вытѣснили непріятеля изъ всѣхъ его позицій. До сраженія уже не доходило: непріятель болѣе не отваживался; довольно было одной сотни нашихъ, чтобы разогнать тысячи Мексиканцевъ. Прежде чѣмъ сдали Санта-Анну центральному правленію въ Вашингтонѣ, Техасъ былъ уже совершенно освобожденъ.

• Однако много непріятностей, даже мученій, пришлось испытать этому Санта-Аннѣ. Впрочемъ, онъ самъ былъ виноватъ въ этомъ, потому что хотя и были между нашими грубые люди, но никто изъ нихъ не унижился бы до того, чтобъ оскорбить плѣннаго врага. Причиною всеобщей ненависти и наносимыхъ ему оскорбленій была не столько безчеловѣчная его жестокость, съ какою онъ свирѣпствовалъ противъ безвинныхъ, незащитныхъ женщинъ и дѣтей, сколько истинно отвратительная его низость и трусость. Въ послѣдствіи, когда законы и дисциплина вступили въ свои права, оскорбленія эти конечно прекратились, и съ нимъ стали обходиться вполне сообразно его высокому сану. Впрочемъ, это такая струна, прикосновеніе къ которой вызываетъ нѣкоторымъ образомъ непріятныя ощущенія.

• Но довольно о Санта-Аннѣ, даже больше чѣмъ довольно. Едва ли онъ, или кто другой, посмѣетъ теперь коснуться ногою техасскихъ владѣній; если же осмѣлится, то судьба его будетъ не лучше. Техасъ имѣетъ теперь такое устройство, что онъ можетъ быть страшенъ для Мексика, но ужъ никакъ не Мексика для Техаса. У него есть войско, которому легко бы проникнуть до стараго Тенохтитлана и сокрушить всю республику.

• Но мы не хотимъ этого. На Техасъ мы имѣли полное право. Приглашенные мексиканскимъ правительствомъ, граждане наши пришли туда со всѣмъ своимъ имуществомъ, съ женами и дѣтьми; борясь съ неизмѣрными трудностями и препятствіями, они

устроили себѣ жилища, плантаціи, селенія и наконецъ города. Когда все это было уже устроено, пришли вѣроломные Мексиканцы съ тѣмъ, чтобы выжить ихъ изъ края и завладѣть плантаціями и городами. Европейскіе рабы покорились бы; но свободные американскіе граждане, возмущенные такимъ образомъ дѣйствій, возстали.

«Вотъ вамъ вкратцѣ исторія основанія, происхожденія, возмущенія и—освобожденія Техаса.

«Охотно допускаю, впрочемъ, что при этомъ основаніи, происхожденіи и возмущеніи произошло многое, что такъ же мало выдержало бы строгій разборъ нравственной философіи, какъ и критику международнаго права; но штаты и государства основываются не проповѣдями и не съ каеэдръ, а на полѣ сраженія, — открытою и грубою силою.

«Конечно, всякое насиліе, всякое завоеваніе само по себѣ уже есть несправедливость, а слѣдовательно и преступленіе. При всякомъ завоеваніи, совершаются несправедливости и даже преступленія; были они и при нашемъ завоеваніи, съ тою только разницею, что мы хотя и употребляли ихъ въ свою пользу, но сами не дѣлались преступниками и не нарушали ни законовъ природы, ни заповѣдей Божіихъ. Если Мексика имѣла право на Техасъ, то она давно потеряла его своею къ намъ несправедливостію; а что еще важнѣе, отторженіе Техаса отъ испорченной метрополіи было необходимо для сохраненія высокихъ интересовъ свободы, какъ политической, такъ и религіозной.

«Такъ, по крайней мѣрѣ, разсуждали великіе наши революціонеры. Пожалуй, я согласенъ, что Гуго Гроціи и Пуффендорфу не нашли бы подобныхъ сужденій неопровержимыми; но что было бы съ Англіею, что сдѣлалось бы вообще съ цѣлымъ свѣтомъ, еслибы профессоры международнаго права управляли судьбою міра!

«Кто далъ британскимъ негоціантамъ право на Остъ-Индію, а ихъ королямъ на Массачузетсъ, Родейландъ, Виргинію? Право сильнаго, неправда ли? Но это право сильнаго, при всѣхъ несправедливостяхъ, которыя оно влечетъ за собою, заключаетъ въ себѣ такъ много хорошаго, что масса добра далеко превышаетъ происходящее отъ него зло. Насильственное занятіе пустынь Массачузетса и Виргиніи было причиною основанія одного изъ величайшихъ государствъ новѣйшаго времени; факторіи въ Остъ-Индіи приведутъ со временемъ къ тѣмъ же результатамъ народъ, парализированный тысячелѣтнимъ сномъ. Колесо міра, въ быстромъ своемъ вращеніи, приводится въ движеніе руками не пигмеевъ, а исполиновъ. Въ могучемъ размахѣ своемъ, оно въ прахъ раздробляетъ слабыхъ, но сильные одолѣваютъ его и управляютъ имъ».

ютъ имъ. Вотъ такія-то гигантскія руки (улыбайтесь, сколько угодно) дѣйствовали и въ Техасъ; истинно исполинскія души,—мужи, которые, скажу еще разъ, подъ грубыми войлочными шляпами скрывали умнѣйшія головы, подъ суровою одеждою изъ оленьей кожи—горячія сердца, желѣзную волю; которые стремились къ великому, и это великое совершили съ самыми ничтожными средствами: приобрѣли религіозную и политическую свободу; основали новое государство, которому, какъ бы оно ни казалось вамъ въ настоящее время ничтожнымъ, предстоитъ, я увѣренъ, великая будущность.

«Во всякомъ случаѣ основаніе этого Техасскаго штата озарило славою небольшую горсть нашихъ гражданъ. Эта горсть доказала, какъ она въ силахъ совершить самыя великія предпріятія самыми ничтожными средствами.

«У насъ много, очень много недостатковъ; но за то есть у насъ и доблести, которыя побѣдоносно возвышаются надъ дурными нашими качествами и служатъ ручательствомъ за великое будущее. Доблести эти—несокрушимая сила воли и патриотизмъ, способный на всѣ жертвы, ярко выступающій даже въ глубоко-жспорченной природѣ. Не оплакивать должны мы Боба, не сострадать къ нему, а только быть справедливыми къ его самоотверженному патриотизму. Гдѣ господствуетъ такой патриотизмъ, тамъ можно ожидать великаго.»

Полковникъ Морзъ замолчалъ и всталъ съ мѣста. Слушатели въ какомъ-то недоумѣніи стали смотрѣть на картины, на подсвѣчники, ковры и бутылки. Ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова. Нѣсколько минутъ царствовало глубокое молчаніе. Наконецъ генералъ всталъ.

— Полковникъ! произнесъ онъ. — Въ вашемъ разказѣ есть нѣчто такое, на что, признаюсь вамъ, я не знаю, что и сказать; не знаю, клянусь честію, не знаю! Въ головѣ у меня толпятся самыя странныя мысли! Очеркъ войны, свѣдѣнія, которыя вы сообщили намъ о началѣ и ходѣ ея, заслуживаютъ полную нашу благодарность. Дѣйствительно, вы дали намъ путеводную нить, съ помощію которой мы только теперь въ состояніи вѣрно обсудить положеніе Техаса. Это, скажу еще разъ, въ высшей степени заслуживаетъ нашу благодарность. Притомъ же все, что вы намъ разказали о дѣлѣ при Саладо, объ осадѣ Бехара, о сраженіи при Луизбургѣ, вполне согласно съ тѣмъ, что намъ уже извѣстно изъ офіціальныхъ и частныхъ донесеній. Мы вамъ за это очень благодарны. Только исторія ваша съ Бобомъ... извините меня, полковникъ, за эту исторію вашу съ Бобомъ... эта исторія... клянусь честію! не знаю, что сказать объ ней! Какъ ни подумаю объ этомъ, мнѣ приходятъ въ голову какія-то стран-

ныя мысли. Еслибъ я не зналъ, что вы принадлежите къ королевскому дому, къ одному изъ лучшихъ нашихъ домовъ, то, право, полковникъ...

— Трудно, клянусь честью, трудно сказать что-нибудь! подхватилъ полковникъ Окли. — Дѣйствительно, странныя мысли приходять въ голову.

Техасецъ возразилъ спокойно, но съ нѣкоторою насмѣшкою:

— Мнѣ очень жаль, господа, если я разкажѣ своимъ оскорбилъ чувствительную вашу совѣсть. Вспомните однако, что вы сами просили меня разказать, какъ я попалъ въ Техасъ. Я исполнилъ ваше желаніе; но такъ какъ судьба моя связала меня съ Бобомъ и алькальдѣмъ, или, вѣрнѣе сказать, оба они волею меня въ судьбу Техаса, то я долженъ былъ упомянуть о нихъ. Но, повторяю, мнѣ очень, очень жаль, если я поселилъ въ васъ хотя малѣйшее сомнѣніе. Утѣштесь однако! Я такъ же, какъ и вы, подвергался этимъ сомнѣніямъ, долго подвергался имъ; теперь же они разсѣялись; ибо мало-по-малу я убѣдился, что другъ мой, алькальдъ (который, увѣряю васъ, принадлежитъ также къ очень хорошему дому); былъ совершенно правъ, когда говорилъ: Не намъ произносить окончательный приговоръ о величій и ничтожествѣ человека! Не намъ гнущаться жалкимъ грѣшникомъ, который въ рукахъ Верховнаго Правителя служить орудіемъ къ достиженію гораздо важнѣйшихъ цѣлей, нежели какія мы въ состояніи произвести съ цѣлою дюжиною великихъ міра сего!

Сказавши это, полковникъ Моръзъ поклонился и вышелъ изъ залы.

Наступило молчаніе.

СОВРЕМЕННАЯ
ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Москва, 22-го мая 1859 года.

Цензоръ А. Дришусовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

МАЙ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Извѣстія о собраніи череповъ разныхъ народовъ въ С.-Петербургской Академіи Наукъ. Академика <i>Бера</i>	3
Изъ Берлина. <i>М. В. Сухомлинова</i>	29
Русское старообрядство. <i>М. Н. Лонгинова</i>	38
Объясненіе. <i>М. П. Позодина</i>	43
Гоненіе на Евреевъ въ Одессѣ. I. Письмо изъ Одессы. <i>М Д — а.</i> —II.— <i>Одесскій Вѣстникъ</i> о томъ же. III. <i>Times</i> о томъ же.	50
Письма къ редактору гг. <i>Паерко-Правдина</i> и <i>К. Компера</i>	60
Внутреннія извѣстія.	66
Политическое Обзорніе.	69

МАЙ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Изъ Америки. <i>Г. Матиля</i>	107
Русскій военный корабль <i>Генераль-Адмираль</i> . Изъ нью-йоркской <i>Коммерческой Газеты</i>	124
Изъ Берлина. <i>С. А. Рачинскаго</i>	126
Отвѣтъ на замѣчаніе гражданскаго чиновника <i>С. С. Громеки</i>	135
✓ Изъ Иркутска. <i>Р.</i>	145
Изъ Бѣлграда. <i>Г. Милитевича</i>	147
Борьба оппозиціи съ торійскимъ министерствомъ въ палатѣ общинъ.—I.—Засѣданіе 7 іюня.	151
Князь <i>Меттернихъ</i> . Некрологъ. Изъ <i>Times</i>	195
Внутреннія извѣстія.	201
Политическое Обзорніе.	206
Письмо къ редактору. <i>А. П. Ермолова</i>	247

ІЮНЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Борьба оппозиціи съ торійскимъ министерствомъ въ пала- тѣ общинъ.—II.—Засѣданіе 9 іюня.	249
Изъ Милана. <i>Н. В. Берга</i>	295
Изъ Твери. <i>NN.</i>	313
Политическое Обзорѣніе.	316
Письмо Гизо.	358
Литературное приглашеніе.	359

ІЮНЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Борьба оппозиціи съ торійскимъ министерствомъ въ па- латѣ общинъ.—III.—Засѣданіе 10 іюня.	361
Изъ Брешии. <i>Н. В. Берга</i>	411
Политическое Обзорѣніе.	435
О женской гимназиі въ Москвѣ.	462

СОВРЕМЕННАЯ ЛЭТОНІСЬ

ИЗВѢСТІЯ О СОБРАНІИ ЧЕРЕПОВЪ РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ (1)

(Статья академика Бера.)

Установка нашего собранія череповъ различныхъ народовъ въ новомъ помѣщеніи, приготовленномъ наконецъ для анатомическаго кабинета, даетъ мнѣ поводъ сообщить въ общее свѣдѣніе нѣкоторыя извѣстія о немъ, такъ какъ я убѣжденъ, что эта гласность всего болѣе можетъ послужить къ его обогащенію, преимущественно же къ пополненію нѣкоторыхъ, замѣчаемыхъ въ немъ, весьма чувствительныхъ недостатковъ. Обогащеніе этого собранія очень желательно не только для этнографическаго изученія многочисленныхъ народовъ, обитающихъ въ настоящее время въ обширныхъ предѣлахъ Русскаго государства, но главнѣйшимъ образомъ для сужденія о народахъ, нѣкогда въ немъ жившихъ или проходившихъ черезъ него, и которыхъ остатки тысячами находятся въ курганахъ и обыкновенныхъ могилахъ. Безъ сомнѣнія, нѣтъ ни одного государства, для котораго богатое собраніе череповъ представляло бы столько интереса, и было бы столь важно для изученія его прошедшаго, какъ Русское. Сѣверо-Американскіе Штаты хотя также заключаютъ въ своихъ обширныхъ предѣлахъ весьма разнообразныя формы головъ прежнихъ своихъ обитателей, но исторія ничего о нихъ не сохранила, кромѣ недостоверныхъ и отрывочныхъ сказаній; она не можетъ представить о нихъ ни одного письменнаго свѣдѣтельства, и теперь она занята лишь тѣмъ, чтобы кровавымъ рѣзцомъ изображать на своихъ скрижальхъ повѣсть ихъ исчезновенія. Противоположность составляютъ въ этомъ отношеніи Франція, Бельгія, Великобританія и часть Германіи. Здѣсь остались намъ письменные памятники исторіи о временахъ, отдаленныхъ отъ насъ почти на двѣ тысячи лѣтъ, ибо съ римскимъ оружіемъ проникла сюда и письменность. Остатки человѣческаго существованія, вырываемыя изъ этой почвы лишь малымъ придаткомъ могутъ увеличить сокровищницу исторіи. Если они говорятъ намъ: вотъ каковы были древніе Галлы, Бельги и т. п., то это

(1) Помѣщаемъ это извлеченіе изъ академической статьи нашего знаменитаго ученаго, желая содѣйствовать знакомству публики съ этимъ собраніемъ, пополненіе котораго имѣло бы чрезвычайную важность для успѣховъ нашей отечественной этнографіи и исторіи. *Ред.*

такъ-сказать не болѣе, какъ пояснительные рисунки къ тексту Цезаря и послѣдующихъ писателей. Положеніе Россіи совершенно особенное между этими двумя крайностями. За исключеніемъ самой южной окраины ея, исторія не идетъ здѣсь далеко въ глубь времени; тамъ же, гдѣ она говоритъ объ основаніи и возрастаніи Русскаго государства, какъ скудны сообщаемыя ею свѣдѣнія о народахъ, съ которыми вступало оно въ дружественныя соприкосновенія или враждебныя столкновенія! Большею частію имѣемъ мы лишь имена, и при томъ имена, измѣняющіяся съ теченіемъ времени, такъ что даже нельзя съ точностью опредѣлить, народъ ли исчезъ, или только измѣнилось его названіе, и притомъ не для самого можетъ-быть народа, а только для его сосѣдей. Сколько остроумія, сколько труда было потрачено на разъясненіе этого кшащаго избытка именъ, на сличеніе отечественныхъ извѣстій съ византійскими, восточными и западно-европейскими писателями! Но позволительно спросить, одни собственные имена могутъ ли служить вѣрными путеводителями? Если и въ наше время, когда всѣ литературы находятся въ взаимной связи, одинъ и тотъ же народъ называется у разныхъ своихъ сосѣдей разными именами, то тѣмъ болѣе такое разнообразіе названій должно было имѣть мѣсто въ то время, когда литературы, если онѣ существовали, и вообще народы, были несравненно раздѣльнѣе. Есть также примѣры, что однимъ и тѣмъ же именемъ обозначались два разные народа. Такъ *Финны* исландской литературы — не Финны новѣйшаго времени, а *Лопари*. Славянскій конный народъ *козаковъ* получилъ свое названіе отъ *Киримъзъ - Кайсаковъ*, называющихъ себя и до сего времени просто *Кайсаками*, или *козаками*. Монгольскіе завоеватели увлекли за собою татарскія племена, и сами слыли поэтому въ средніе вѣки, большею частью, *Татарами*; нѣсколько столѣтій спустя, совершенно подобнымъ же образомъ Русскіе при покореніи Сибири пользовались содѣйствіемъ *Зырянъ*, и вслѣдствіе того нѣкоторые сибирскіе народы называютъ еще до сихъ поръ Русскихъ — *Зырянами*. Эсты называли германскихъ завоевателей, пришедшихъ изъ Саксоніи, *Saxad*. Но такъ какъ завоеватели сдѣлались ихъ господами, и стали къ нимъ въ отношеніе, о которомъ они прежде никакого понятія не имѣли, то слово *Saxad* получило съ этимъ вмѣстѣ и значеніе господина, помѣщика; такъ что теперь и русскіе помѣщики зовутся ими *Wenne Saxad*, слово въ слово: русскими Саксонцами.

При этой шаткости собственныхъ именъ, не будетъ ли весьма важно для историческихъ разысканій выслушать нѣмыхъ свидѣтелей, уже столѣтія, и даже тысячелѣтія, покоящихся въ нѣдрахъ земли? Но вѣдь это уже было сдѣлано, отвѣтять мнѣ, можетъ-быть. Въ нѣко-

торыхъ весьма ограниченныхъ мѣстностяхъ, дѣйствительно, какъ напримѣръ въ Крыму для отысканія слѣдовъ греческаго искусства и греческой жизни, или Босфорскаго царства. Но большая часть странъ ожидаютъ еще научнымъ образомъ веденнаго и послѣдовательнаго изученія почвы съ цѣлью разъясненія прошедшаго. Обширнаго и общаго археологическаго собранія, для храненія не только предметовъ греческаго искусства, но и особенностей исчезнувшихъ народностей, съ цѣлью сдѣлать ихъ доступными изслѣдованіямъ науки, пока не существуетъ еще въ Россіи (1). Но хищническіе такъ-сказать поиски древностей, къ сожалѣнію, долго производились, потому что въ южномъ и восточномъ краѣ попадалось иногда золото, и такъ какъ не существовало центральнаго собранія, то находимые предметы скоро затеривались. Благородные металлы, въ теченіи долгаго времени, шли въ плавильный горшокъ. Монеты, еще болѣе другихъ предметовъ, находили путь въ научныя собранія; глиняные сосуды считались болѣею частью не стоящими того, чтобы собирать ихъ, кости же вовсе отвратительными. Въ послѣднее время понятія очистились и возвысились и раскапываніе могильныхъ кургановъ въ видахъ одного корыстолюбія или любопытства болѣе не дозволяется, хотя и нѣльзя еще было совершенно прекратить его. Что оно еще продолжается, могу я самъ засвидѣтельствовать, потому что мнѣ не только случалось встрѣчаться съ партіями такихъ разрывателей кургановъ, но и видѣть въ садахъ, дворахъ и домахъ каменные статуи изъ древнихъ кургановъ, о которыхъ по большей части уже не знаютъ, откуда онѣ происходятъ. Потребность имѣть археологическое собраніе для Русскаго государства, — собраніе, которое было бы расположено и управляемо сообразно съ требованіями науки, столь живо чувствуется образованными людьми, что едва ли можно сомнѣваться въ скоромъ осуществленіи этого желанія. Доселѣ же надобно было обращаться въ Берлинъ или Мекленбургъ за сколько-нибудь полнымъ знакомствомъ съ славянскими древностями.

Сколько писано о древнихъ Скиѣахъ Геродота, съ какимъ жаромъ и съ какою ученостью спорили о томъ, куда принадлежитъ этотъ народъ, къ группѣ ли народовъ монгольскихъ, тюркскихъ или финнскихъ (не упоминаю о мнимомъ германскомъ происхожденіи ихъ), но не извѣстно ни одного публичнаго собранія, въ которомъ находились бы черепа изъ достовѣрно-скиѣскихъ могилъ; тогда какъ свидѣтельство череповъ должно бы имѣть въ этомъ

(1) Въ императорскомъ Эрмитажѣ существуетъ прекрасное собраніе крымскихъ древностей. Подобныя же собранія находятся въ Одессѣ, Керчи и Феодосіи. Но общаго національнаго музея еще не существуетъ.

дѣлѣ наибольшей вѣсь. По распоряженію покойнаго министра графа Перовскаго, были дѣлаемы раскопки въ научномъ духѣ; но о нихъ вообще еще мало обнародовано, о скинскихъ же могилахъ ничего (1).

Когда археологическія изслѣдованія ведутся научнымъ образомъ, то и кости исчезнувшихъ народовъ должны быть допрашиваемы какъ свидѣтели, и притомъ они свидѣтели самые достовѣрные. Но они могутъ свидѣтельствовать лишь тогда, когда будутъ сличены съ богатымъ собраніемъ череповъ разныхъ народовъ. Такъ остатки, найденные въ могилахъ Швеціи, при трудахъ ученыхъ и гениальныхъ мужей Нильсона и Ретціуса, отодвинули первобытную исторію этой страны далеко за предѣлы памятниковъ письменности, но для этого нужна была помощь обширнаго собранія череповъ настоящаго времени.

Вотъ причины, которыя могли дать мнѣ право говорить объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, — предметъ, весьма далекомъ отъ моихъ занятій. Я питаю глубокое убѣжденіе, что, дабы положить твердое основаніе археологическимъ изслѣдованіямъ, мы должны стараться не только пополнить, сколько возможно, наше собраніе череповъ различныхъ народовъ, но, что важнѣе всего, пополнять его по опредѣленному плану. Изъ древнихъ могилъ Тверской губерніи получили мы нѣсколько удлинненныхъ череповъ, весьма отличныхъ отъ формъ славянской, финнской и тюркской, и напоминающихъ, напротивъ того, о германскомъ и кельтскомъ типѣ. Считать ли ихъ за Варяговъ? Но имъ не достаетъ нѣкоторыхъ особенностей шведскихъ череповъ, столь превосходно характеризованныхъ Ретціусомъ; къ тому же кажется, что черепа съ удлинненною головою (*dolichosephali*) встрѣчаются до Тобольска. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что ихъ находятъ лежащими какъ бы въ каменной рамкѣ, напоминающей о такъ-называемыхъ шведскихъ каменныхъ ящикахъ. Въ шведскихъ каменныхъ ящикахъ также лежатъ удлинненные черепа; но вырытые изъ тверскихъ могилъ, сколько я ихъ видѣлъ, нѣсколько отличаются отъ шведскихъ, и также не совсѣмъ подходятъ къ формѣ черепа изъ кимврской могилы, коего гипсовый снимокъ мы имѣемъ.

(1) Сколько мы можемъ судить, извѣстный александропольскій курганъ, о раскопкѣ котораго мы имѣли уже случай упоминать и въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (см. №№ 1 и 20 1856 года), носить на себѣ несомнѣнные своды скинскаго происхожденія. Въ послѣдніе годы онъ раскапывался подъ наблюденіемъ г. директора керченскаго музея Люценко, съ большою внимательностію и осмотрительностію, и не можетъ быть сомнѣнія, что найденные въ немъ черепа тщательно сохранены. По всему вѣроятію, эти черепа и были доставлены въ академію наукъ графомъ С. Г. Строгановымъ, о чемъ авторъ говоритъ ниже на стр. 13. *Ред.*

Слѣдовательно, прежде чѣмъ можно будетъ сдѣлать заключеніе объ этихъ вѣстникахъ древности, необходимо не только полнѣе изучить распространеніе могилъ этого рода и схватить характеръ измѣненій, представляемыхъ этими черепами, изъ разсмотрѣнія значительнаго числа ихъ, но и имѣть для сравненія порядочное число череповъ удлиненной формы изъ Западной Европы. Тогда лишь можно будетъ произнести о нихъ зрѣлое сужденіе. Для такого вывода недостаточно имѣть одинъ черепъ какого-нибудь германскаго или кельтскаго народа, который можно показывать какъ типъ на лекціяхъ сравнительной антропологіи. Поэтому никого не удивитъ, что я предложилъ академіи, съ цѣлью обогащенія нашего собранія, предпринять путешествіе по Западной Европѣ и посѣщеніе тамошнихъ собраній этого рода.

I. ИСТОРИЯ НАШЕГО ЭТНОГРАФО-КРАНИОЛОГИЧЕСКАГО СОБРАНІЯ.

Хотя въ Россіи, кромѣ общаго интереса, представляемаго сравнительною антропологіею, возбужденнаго и поддержаннаго преимущественно трудами Блумменбаха о разнообразіяхъ (породахъ) человѣческаго рода, существовала еще и особливая потребность въ богатомъ собраніи череповъ для точнѣйшаго опредѣленія многихъ народовъ прошедшаго, останки которыхъ покоятся въ ея почвѣ; тѣмъ не менѣе однако потребность эта ощутилась въ ней весьма поздно. Блумменбахъ издалъ уже свою послѣднюю *Pentis craniorum* (1828); а здѣсь не было положено даже еще начала такому собранію. Первыя приношенія были сдѣланы адмираломъ Литке послѣ его кругосвѣтнаго путешествія на *Синдвиль* (1826—1829) и были переданы академіи въ 1830 или 1831 году. Даже кругосвѣтное плаваніе Крузенштерна, знаменитое въ лѣтописяхъ русскаго флота, потому что русскій флагъ не только впервые въ этотъ разъ объѣхалъ кругомъ свѣта, но впервые перешелъ и за экваторъ, и даже за сѣверный тропикъ, не оставило намъ никакого матеріала для сравнительной краниологіи, хотя другія собранія и были обогащены вкладами Крузенштерна (1). Нѣкоторые черепа попали въ частное собраніе тогдашняго дерптскаго профессора Изенгламма. Подобнымъ образомъ и черепа Китайца и Нукагивца, изображенные Тилезіусомъ въ атласѣ, приложенномъ къ описанію этого путешествія, не сохранились повидимому ни въ одномъ изъ русскихъ собраній. Вообще изъ этого кругосвѣтнаго путешествія ничего не попало въ собраніе;

(1) См. Blumenbach *Decades craniorum* № 50. (Нукагивецъ) № 55. (Кололтъ) и Sandifort *Tabulae cranologicae diversarum nationum* (cranium Americani septentrionalis tab. VII).

о которомъ мы теперь говоримъ, кромя черепа Нукагивца, полученнаго мною уже въ послѣдствіи въ подарокъ отъ генералъ-лейтенанта Фридеричи, одного изъ спутниковъ Крузенштерна. Причина, по которой не старались воспользоваться благопріятными обстоятельствами, объясняется можетъ-быть, по крайней мѣрѣ отчасти, излишнимъ значеніемъ, которое придавали анатомическому собранію Рюйша, купленному еще Петромъ Великимъ. Оно расположено такимъ образомъ, что существеннаго увеличенія его нельзя было предпринять безъ совершеннаго измѣненія характера всего собранія. При принятіи его въ свое вѣдѣніе, я нашелъ въ немъ дѣйствительно лишь четыре черепа взрослыхъ, изъ коихъ три были отпрепарированы для обыкновенныхъ анатомическихъ объясненій, и вѣроятно принадлежали еще самому Рюйшу, какъ это, повидимому, подтверждаетъ ихъ рѣзко германскій типъ; а четвертый черепъ, очевидно какого-нибудь монгольскаго народа, былъ присоединенъ, уже въ послѣдствіи, но безъ всякихъ указаній о его происхожденіи. Это совершенное невниманіе къ новой отрасли естественно-историческихъ изслѣдованій имѣло слѣдствіемъ, что весьма цѣнные матеріалы для краниологическаго собранія, недостатокъ которыхъ намъ теперь очень чувствителенъ, перешли за границу. Я не сожалѣю о многочисленныхъ и весьма важныхъ приращеніяхъ Блумменбахова собранія, доставленныхъ изъ Россіи, при посредствѣ щедраго усердія барона Аша. Они не могли получить лучшаго употребленія, послуживъ, въ числѣ прочихъ, основаніемъ новой отрасли естествознанія (1). Но сколько череповъ уходило отъ насъ въ другія мѣста! При посѣщеніи моемъ въ 1828 году собранія естествоиспытателей въ Берлинѣ (тогда я жилъ еще внѣ отечества), передалъ док-

(1) Замѣчательно, сколько любопытныхъ череповъ, которые весьма трудно достать, получилъ Блумменбахъ изъ Россіи черезъ посредство барона Аша. При бѣгломъ просмотрѣ Блумменбаховыхъ *Декадь*, и третьяго изданія его сочиненія: *De generis humani varietate nativa*, отмѣтилъ я слѣдующіе: знаменитая голова Грузинки, представленная Блумменбахомъ въ его естественно-историческихъ рисункахъ, какъ типъ красоты, 1 донской козакъ, 1 Макрокефалъ (вѣроятно изъ Керчи, хотя Блумменбахъ и полагаетъ нужнымъ отнести его далѣе—въ глубь Азіи), 1 Литвинъ, 1 казанскій Татаринъ, 1 древній чудскій черепъ, 1 Даурецъ, 1 бурятскій ребенокъ, 2 турецкіе черепа изъ Очакова, полученные при взятіи этого города. Изъ негрскихъ череповъ, доставленныхъ барономъ Ашемъ, иные также были можетъ-быть присланы ему изъ Россіи. Каспаръ Фридрихъ Вольфъ послалъ также отсюда черепъ негра, хотя не присоединилъ къ здѣшнему собранію ни одного туземнаго черепа. Другими путями получилъ еще Блумменбахъ черепъ Самоѣда изъ Архангельска и черепъ Камчадала. Я не говорю о многочисленныхъ русскихъ черепахъ, доставителей которыхъ онъ не называетъ.

торъ Реманъ въ моемъ присутствіи коллекцію 35 русскихъ череповъ берлинскому анатомическому музею. Реманъ воспользовался для составленія ея въ интересахъ Галева ученія своимъ officialнымъ положеніемъ (онъ былъ начальникомъ медицинскаго управленія). На мой, сожалѣніе выражавшій, вопросъ, почему не оставилъ онъ ея въ Россіи, гдѣ вѣроятно ощущается потребность въ подобныхъ собраніяхъ, отвѣчалъ онъ мнѣ: тамъ никто объ этомъ даже и не думаетъ. Это было въ 1828 году.

Два года спустя, поступили наконецъ въ академію, какъ было уже сказано, первые матеріалы для краниологическаго собранія, изъ путешествія адмирала Литке. Ревностный, и къ сожалѣнію такъ рано умершій естествоиспытатель Мертенсъ передалъ академіи сверхъ сокровищъ по части зоологіи и ботаники 5 череповъ Алеутовъ съ Уналашки, 2 черепа Колошъ, 2 черепа Эскимосовъ съ сѣверо-западнаго берега Америки и 1 черепъ островитянина съ Сандвичевыхъ острововъ. Послѣдній былъ добытъ г. Кастальскимъ, который былъ естествоиспытателемъ на другомъ кораблѣ экспедиціи. Г. Менетріе, путешествовавшій по порученію академіи по Кавказу, привезъ одинъ черепъ изъ древней могилы у береговъ Кубани, замѣчательный по его удлиненной формѣ, не встрѣчающейся между живущими тамъ народами на далекое разстояніе кругомъ. Но эти предвѣстники будущаго времени не могли найти себѣ мѣста въ старомъ анатомическомъ собраніи, гдѣ всѣ мѣста уже издавна были распределены, и мѣсто cadaго предмета не измѣнялось уже въ теченіи столѣтій. Итакъ скелеты человѣческихъ головъ должны были искать себѣ убѣжища въ зоологическомъ музеѣ, который съ блистательнымъ успѣхомъ былъ вновь учрежденъ академикомъ Брандтомъ и быстро увеличивался. Но мысль о необходимости имѣть въ Петербургѣ собраніе для сравнительной антропологіи начала однако повидимому распространяться между образованными людьми: какъ только было положено первое основаніе, стали поступать въ академію приношенія со многихъ сторонъ. Генералъ Вельяминовъ, начальствовавшій на Кавказѣ, прислалъ 3 черепа Чеченцевъ и 3 Карабулаковъ; одинъ врачъ, коллежскій совѣтникъ Земскій, — 2 черепа Шапсуговъ и 1 Натухайцевъ. Капитанъ Купріяновъ, главно-управляющій Русско-Американскими колоніями, прислалъ 2 черепа изъ Калифорніи. Г. докторъ Даль, сдѣлавшійся подъ псевдонимомъ козака Луганскаго однимъ изъ любимѣйшихъ русскихъ писателей, оказалъ нашему собранію особливую заслугу, воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Оренбургѣ и участіемъ въ хивинскомъ походѣ, для присылки намъ 5 череповъ башкирскихъ и 3 киргизскихъ, 1 мордвинскаго, 1 мещерякскаго, 1 черепа оренбургскаго Татарина и 1 черепа узбека изъ Хивы. Г. Видеманъ при-

слалъ 1 черепъ негра изъ Новаго Орлеана. Сочленъ нашъ, г. Купферъ привезъ изъ путешествія по Сибири 3 бурятскихъ и 3 тунгузскихъ черепа; г. Кеппенъ 2 черепа закавказскихъ Татаръ, доставленные ему г. Котцебу. Г. Кеппенъ производилъ также разрытія кургановъ какъ въ средней, такъ и въ южной Россіи. Головы, вырытыя имъ, вошли въ составъ нашего собранія. Нашъ знаменитый ориенталистъ Френъ особенно интересовался изслѣдованіемъ происхожденія обитателей деревни Кубечи, живущихъ совершенно отдѣльно въ Кавказскихъ горахъ и отличающихся особливимъ искусствомъ въ ремеслахъ, такъ какъ представлялись нѣкоторыя указанія на происхожденіе ихъ изъ западной Европы. Сенаторъ баронъ Ганъ имѣлъ снисходительность принять на себя, по просьбѣ Френа, трудъ достать кубечскій черепъ, но доставленный имъ экземпляръ, по своей коротко-головой (*brachycephalos*) формѣ, не свидѣтельствуетъ въ пользу западно-европейскаго происхожденія, какъ считали себя въ правѣ предполагать. Но такъ какъ, при уваженіи магометанъ къ могиламъ умершихъ, баронъ Ганъ могъ дѣйствовать лишь чрезъ многихъ посредниковъ, то спрашивается еще, были ли мѣры, принятыя къ полученію этого черепа посредствовавшимъ при семь лицомъ, употреблены съ должною разборчивостію, чтобы вполнѣ быть увѣрену, что вырытый и пересланный черепъ дѣйствительно изъ Кубечи.

Наибольшее обогащеніе, когда-либо полученное собраніемъ, и которое далеко превосходило весь тогдашній составъ его, какъ числомъ, такъ и превосходнымъ приготовленіемъ череповъ, поступило со стороны, откуда всего менѣ можно было его ожидать, — именно изъ Индійскаго архипелага, черезъ посредство знаменитаго путешественника г. Зибольда. Коллекція эта была составлена полковникомъ Пейчемъ, главнымъ начальникомъ медицинской части въ индійскихъ нидерландскихъ колоніяхъ, во время двадцати-лѣтняго пребыванія его тамъ. По возвращеніи своемъ въ Голландію въ 1837 году, отдалъ онъ ее на сохраненіе г. Ф. Зибольду, въ намѣреніи поднести ее императору Николаю I, такъ какъ полковникъ Пейчъ служилъ полковымъ врачомъ въ русской арміи съ 1813 по 1815 годъ. По смерти своего друга, послѣдовавшей въ 1838 году, г. Зибольдъ исполнилъ его желаніе. Въ 1841 году, когда великій князь Константинъ Николаевичъ, во время тогдашняго своего морскаго путешествія, посѣтилъ Голландію, г. Зибольдъ имѣлъ счастье принимать у себя его высочество въ Лейденѣ, показывать ему свои японскія коллекціи и эту коллекцію череповъ, и получилъ позволеніе поручить ее на сохраненіе адмиралу Литке, для поднесенія императору отъ его имени и во волѣ умершаго полковника Пейча, при нижайшей просьбѣ: да повелитъ его величество присоединить ее, какъ его подарокъ,

къ естественно-историческимъ коллекціямъ музея академіи наукъ. Императоръ Николай I соблаговолилъ принять это приношеніе и повелѣлъ передать его академіи наукъ. Собраніе это, состоящее кромѣ 12 череповъ орангъ-утанговъ, изъ 83 череповъ разныхъ народовъ, относительно своего сохраненія и приготовленія, столь превосходно, какъ только можно ожидать отъ многолѣтняго усердія въ соединеніи съ весьма благоприятными обстоятельствами. Заисключеніемъ череповъ молодого Папуаса, старика той же націи и молодого Баттайца, всѣ прочіе черепа (большею частію мужскіе, но и нѣкоторые женскіе) принадлежали людямъ зрѣлаго возраста, и почти безъ исключенія сохранились со всѣми зубами. Они хорошо выбѣлены. Безподобная сохранность не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что они большею частію получены изъ госпиталей; нѣкоторые были добыты во время войнъ на островѣ Явѣ, черепъ же стараго Папуаса, у котораго почти всѣ зубы уже выпали, привезенъ однимъ нидерландскимъ путешественникомъ изъ новой Гвинеи. Но кромѣ красоты,—выраженіе это простятъ глазу анатома,—эта коллекція отличается еще своимъ разнообразіемъ. Хотя она составлена единственно въ голландской Индіи, можетъ быть даже въ одной Батавіи, она заключаетъ въ себѣ много другихъ племенъ. Мы получили 3 черепа негровъ, 1 Индуса, 3 черепа Бенгальцевъ, 2 Цейланцевъ, 1 Баттайца изъ Суматры, 7 череповъ чистыхъ Китайцевъ, 6 череповъ Китайцевъ смѣшанныхъ, 2 черепа малайскихъ, 1 черепъ помѣси Европейцевъ съ Малайцами, 6 череповъ Яванцевъ, 6 мадурезскихъ (съ острова около Явы), 6 балинезскихъ (Бали также близъ Явы); съ острова Целебеса 7 череповъ Макассарцевъ, 5 Бугинезовъ, 6 Менадонцевъ, 3 Геронталовъ, и 2 черепа Янгринезовъ; далѣе 5 череповъ Амбоинцевъ, 2 черепа Тидорцевъ, 6 Альчурасовъ (Гарафоровъ) изъ Гилоло, Целебеса и Новой Гвинеи и 3 Папуаса изъ Новой Гвинеи. Въ вѣрности опредѣленій служить, кажется, достаточною порукою офиціальное поженіе собирателя.

Послѣ полученія академіей этого драгоценнаго собранія, было предложено мнѣ мѣсто анатома и физиолога, и вмѣстѣ съ тѣмъ переданъ на мои руки имѣвшійся въ академіи анатомической кабинетъ. По составленіи ему каталога, я счелъ необходимымъ предложить совершенное его преобразование. Зоологическій музей передать краниологическое собраніе анатомическому или точнѣе антропологическому кабинету. Съ этого времени, приращенія его становятся уже мнѣ лично извѣстными.

Нѣкоторыя цѣнныя приношенія получали мы случайно отъ времени до времени изъ отдаленныхъ краевъ Россіи, черезъ посредство путешественниковъ. Г. докторъ Рупрехтъ, нынѣ членъ академіи, привезъ самоѣдскій черепъ изъ своего путешествія къ

Канину носу, еще до передачи собранія въ мое вѣдѣніе; генералъ Гофманъ доставилъ изъ своихъ путешествій по Сибири черепъ Карагасса, вырытый изъ древней могилы, и послѣ того еще черепъ якутскаго ребенка; генералъ Венцель—черепъ ребенка, вырытаго въ развалинахъ Сарая (древней столицы Золотой Орды); отъ доктора Кюльвейна были приобрѣтены два калмыцкіе черепа. Отъ пограничнаго управленія сибирскими Киргизами было прислано 9 головъ, подъ именемъ головъ шамановъ. Изъ Тобольска получили мы два черепа изъ древнихъ могилъ, черезъ посредство врача Шлянина. Г. Кеппенъ предпринималъ новыя раскопки въ Тверской и въ Екатеринославской губерніяхъ. Для полученія объектов, необходимыхъ для сравненій, обратился я къ г. профессору Бонсдорфу въ Гельзингфорсъ, съ просьбою доставить мнѣ черепа чистыхъ Финновъ, и получилъ черезъ него два превосходныхъ экземпляра изъ внутренности великаго Княжества. Докторъ Шульцъ, имѣвшій тогда мѣсто при анатомическомъ кабинетѣ, доставилъ изъ Лифляндіи, при содѣйствіи доктора Биддера, собраніе череповъ Эстовъ и Леттовъ. Черепа Эстовъ, изъ окрестностей Балтійскаго Порта, представляющіе особенный интересъ, какъ будетъ изъяснено въ послѣдствіи, получили мы черезъ тамошняго пастора Вермана, и черезъ студента Миддендорфа, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ. Дружбѣ харьковскаго профессора Штруве, обязанъ я тремя весьма типическими черепами Малороссовъ. Для прочихъ отраслей русскаго народа, получилъ я довольно значительное число череповъ изъ медико-хирургической академіи черезъ посредство гг. прозекторовъ Д. Грубера и доктора Шульца. Но такъ какъ свѣдѣнія, имѣющіяся въ госпиталѣ этого заведенія о мѣстороженіи принимаемыхъ въ него больныхъ, или вообще не полны, или по крайней мѣрѣ не доходятъ до анатомическаго театра, то потребность, чувствуемая въ опредѣленіи типовъ различныхъ мѣстностей, еще не могла получить своего удовлетворенія. Изъ отдаленныхъ краевъ государства получили мы черезъ г. Александра Шренка 2 чудскихъ черепа, интересныхъ въ историческомъ отношеніи. Отъ филолога и этнографа Кастрена, умершаго къ сожалѣнію до разработки собранныхъ имъ матеріаловъ, получено болѣе 20 череповъ, вырытыхъ преимущественно въ Минусинскомъ округѣ, частию, правда, лишь въ обломкахъ, но частию и весьма полныхъ. Академикъ Шегренъ привезъ изъ своего путешествія для изслѣдованія Ливовъ нѣсколько череповъ двухъ мѣстностей, изъ коихъ 2 по крайней мѣрѣ принадлежатъ, какъ кажется, настоящимъ Ливамъ. Консерваторъ Вознесенскій передалъ академіи, добытые имъ во время путешествія по русско-американскимъ владѣніямъ, 2 черепа Алеутовъ съ острова Атхи, довольно рѣзко отличаю-

щіяся отъ череповъ съ Уналашки, 1 черепъ Колоша, 1 Кенайца, 1 Чеснука, 2 черепа Эскимосовъ, одинъ съ Нортонова залива, а другой съ Зунда Коцебу, 1 черепъ съвернаго Калифорнца, изъ окрестностей бывшей колоніи Россѣ. Во время путешествій моихъ по Россіи, имѣлъ я случай получить черепа кочующихъ около Сарепты Калмыковъ, частію черезъ посредство тамошнихъ жителей гг. Глича и Бекера, частію я добылъ ихъ самъ; въ Казани получилъ я черепъ Чуваша, въ Эстляндіи черепа Эстовъ древнѣйшихъ временъ, къ которымъ присоединилъ еще нѣсколько экземпляровъ докторъ Мейеръ въ Ревелѣ, изъ снесеннаго Михайловскаго монастыря (Michaelis-Kloster).

Въ послѣднее время получили мы еще нѣсколько весьма цѣнныхъ череповъ изъ отдаленнѣйшихъ частей государства. Г. В. Миддендорфъ, управлявшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ метеорологическою обсерваторіею въ Ситхѣ, подарилъ намъ семь весьма полныхъ череповъ Колошъ и два черепа Калифорнцевъ. Г. Шренкъ младшій, путешествовавшій насчетъ академіи въ при-амурскихъ странахъ, привезъ по черепу Мунгяговъ, Мангуновъ, Гиляковъ и Орочей, четырехъ народовъ доселѣ едва извѣстныхъ по имени. Отъ г. Маака было пріобрѣтено покупкою богатое собраніе, состоящее изъ 20 череповъ, между которыми находились черепа Якутовъ, Бурятовъ, Голди (?), Чуди и древнихъ обитателей при-байкальскихъ странъ, а также нѣкоторые выртыя изъ могилъ неизвѣстнаго происхожденія.

Наконецъ послѣ того какъ отчетъ этотъ 11 іюня прошлаго года былъ уже представленъ академіи и отданъ въ печать, получено отъ генераль-адъютанта графа Строгонова 5 череповъ, съ означеніемъ, что они происходятъ изъ могилы какого-то скифскаго царя (ближайшихъ доказательствъ на то я не имѣю, но они должны быть въ скорости обнародованы). Отъ доктора Грезбера получено недавно 20 русскихъ череповъ.

Изъ иностранныхъ народовъ получила въ недавнее время академія въ подарокъ отъ знаменитаго путешественника Чуди черепъ древняго Перуанца, мумію головы и мумію ребенка. Мумія взрослога Перуанца изъ племени Хинка (Chinca) и 9 череповъ изъ древней могилы близъ Лимы, изъ коихъ нѣкоторые изуродованы сдавливаніемъ, большая же часть нѣтъ, были куплены докторомъ Шренкомъ. Г. магистръ Ценковскій привезъ изъ своего путешествія во внутренность Африки, куда онъ сопровождалъ г. Ковалевскаго, черепъ негра изъ Фацоглу. Отъ стокгольмскаго профессора Ретціуса, въ послѣднее время болѣе всѣхъ подвинувшаго впередъ знаніе народныхъ различій въ строеніи головы, получила академія, кромѣ череповъ Шведа и Шведки, весьма цѣнное собраніе гипсовыхъ отливовъ, съ любопытнѣйшихъ экземпля-

ровъ краниологическаго собранія стокгольмской академіи наукъ, между которыми есть черепа Кельтовъ, Нормановъ, древнихъ обитателей Даніи (Кимвровъ?), Гренландцевъ, Лопарей, Ботокудовъ и т. д. Отъ знаменитаго вѣнскаго анатома Гиртля, получили мы, по моей просьбѣ, черепъ Мадыара, привезенный докторомъ Груберомъ. Изъ вещей, оставшихся послѣ одного князя Салтыкова, были переданы намъ: неполная египетская мумія, мумія головы и голова Новозеландца, что все было присоединено къ краниологическому собранію. Отъ заслуженнаго профессора Горянинова получили мы черепъ Монгола, и другой подъ именемъ найденнаго въ Монголіи черепа, принадлежавшій безъ сомнѣнія Китайцу, какъ это можно съ полною увѣренностію утверждать по сравненію съ многочисленными, имѣющимися у насъ китайскими черепами. Высушенную голову бразильскаго туземца имѣлъ случай купить г. Вознесенскій на своемъ возвратномъ путешествіи изъ нашихъ американскихъ владѣній. Къ новѣйшимъ приращеніямъ нашего собранія принадлежитъ и вышеупомянутый черепъ Нукагивца, полученный мною отъ генераль-лейтенанта Ф. Фридрици.

II. ТЕПЕРЕШНЕЕ СОСТОЯНІЕ, РАСПОЛОЖЕНІЕ И БЛИЖАЙШАЯ ПОТРЕБНОСТИ СОБРАНІЯ.

Въ новомъ помѣщеніи анатомическаго музея, двѣ комнаты назначены для краниологическаго собранія въ теперешнемъ его видѣ и для ожидаемыхъ приращеній. Одна изъ этихъ комнатъ находится въ ряду прочихъ, и входъ въ нее дозволенъ публикѣ, желающей посѣщать наше собраніе. Подлѣ нея есть другая комната, почти совершенно темная. Такъ какъ она вѣдѣ анфилады прочихъ комнатъ, то это послужило поводомъ къ помѣщенію въ ней череповъ, вырытыхъ изъ земли, часто весьма неполныхъ и большею частію очень потемнѣвшихъ, ибо они могутъ быть интересны лишь для серьезно занимающихся этимъ предметомъ, на большинство же публики видъ ихъ производитъ только непріятное впечатлѣніе. Свѣтлая комната предназначена такимъ образомъ для помѣщенія тѣхъ череповъ, которые выставляются напоказъ, и гипсовыхъ головъ. Но раздѣленіе это сдѣлано не единственно на основаніи принадлежности черепа народу, уже исчезнувшему, или того, что онъ вырытъ изъ могилы. Большая часть нашихъ сибирскихъ череповъ и многіе изъ сѣверо-западной части Америки добыты изъ могилъ. Совсѣмъ тѣмъ они приняты въ главное собраніе, дабы имѣть представителей болѣе полнаго ряда народовъ. Поэтому и въ части собранія, выставленной на показъ, находится нѣсколько вывѣтрившихся и

поврежденных и не мало потемнѣвшихъ экземпляровъ. По мѣрѣ того какъ собраніе будетъ возрастать, эти некрасивые предметы будутъ мало-по-малу переносимы въ темную комнату.

При расположеніи этого собранія я рѣшительно не хотѣлъ слѣдовать какой бы то ни было этнографической системѣ, въ томъ убѣжденіи, что всякое дѣленіе на главныя группы заключаетъ въ себѣ нѣчто произвольное. Я не сомнѣваюсь, что пять блумменбаховскихъ главныхъ типовъ, или породъ, должны быть разсматриваемы теперь уже какъ «побѣжденная точка зрѣнія» (*überwundener Standpunkt*), если захотимъ употребить этотъ неутѣшительный оборотъ рѣчи (1). Соединеніе Китайцевъ съ широкоголовыми Монголами, или даже длинноголовыхъ Карайбовъ съ короткоголовыми Инками Перу, какъ будто бы они составляютъ видоизмѣненіе сихъ послѣднихъ, ведетъ лишь къ ложнымъ представленіямъ. При этомъ принималось бы за вѣрное то, что требуетъ еще разъясненія. Можно бы распредѣлять народы по языкамъ, но это дало бы лишь распредѣленіе, основанное на языкахъ, а вовсе не на физическомъ строеніи. Именно краниологическое собраніе дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что языки переходили къ народамъ различнаго происхожденія, чему конечно могли подать поводъ смѣшенія, о которыхъ въ исторіи не сохранилось уже никакихъ свѣдѣній. Какая разница между узкоскульными казанскими Татарами и широкоскульными Якутами или Киргизами, тогда какъ эти послѣдніе гораздо менѣе отличаются языкомъ отъ Татаръ, нежели отъ Якутъ!

Поэтому, я предпочелъ расположить наше собраніе въ чисто-географическомъ порядкѣ. Такимъ образомъ шкапы между окнами, доселѣ еще мало занятые, назначены для западныхъ Европейцевъ; шкапы вдоль лѣвой стѣны (если обратиться спиною къ окнамъ) — для народовъ Россійской имперіи: мы начинаемъ при этомъ съ Европейской Россіи, идя съ сѣвера на югъ до подошвы Кавказа. Въ слѣдующемъ шкапу разставлены черепа кав-

(1) Другія дѣленія, принимающія большее число породъ, какъ напримѣръ дѣленіе Бари де-С. Венсана, устарѣли еще ранѣе этого. Дѣленія Мартона и его непосредственныхъ послѣдователей также сводятъ свои многочисленныя семейства къ немногимъ главнымъ группамъ, и какъ мнѣ кажется, принимаютъ за исходную точку то, что можетъ быть лишь результатомъ продолжительныхъ изслѣдованій. Еслибъ я нашелъ необходимымъ слѣдовать какому-нибудь морфологическому началу распредѣленія, то я принялъ бы Ретціусово дѣленіе на длинноголовыхъ (*dolichosephala*), и короткоголовыхъ (*brachysephala*), прямочелюстныхъ (*orthognata*) и выдвѣсчелюстныхъ (*prognatha*). Но тогда наиболѣе сходные пришлось бы вмѣстѣ, и различія были бы менѣе замѣтны. Я рѣшился послѣдовать началу, не имѣющему въ морфологическомъ отношеніи никакого значенія, именно географическому такъ что черепа народовъ соединены по частямъ свѣта.

казскихъ и закавказскихъ народовъ. За ними идутъ уже вдоль слѣдующей стѣны, сперва народы Амурской долины и Монголіи, потомъ народы Южной Азіи, Китая и Индіи до Цейлана. Архипелагъ острововъ отъ Суматры до Новой Гвиней имѣетъ сравнительно очень многихъ представителей въ нашемъ собраніи. Къ нимъ присоединяются жители Полинезіи. Всего естественнѣе былъ бы переходъ отсюда къ Америкѣ; но такъ какъ небольшое число имѣющихся у насъ африканскихъ череповъ и небольшое остававшееся мѣсто другъ другу соответствовали, то между островитянами Полинезіи и народами Америки помѣщены пока Африканцы. Американцы занимаютъ первый шкапъ съ правой стороны, второй же шкапъ занять пока гипсовыми головами, которыя будутъ должны однако уступить свое мѣсто при сильномъ возрастаніи одного изъ прочихъ отдѣленій. Названіе народа, къ которому принадлежитъ черепъ, или мѣсто находки черепа, если онъ былъ вырытъ изъ земли, во избѣжаніе всякаго смѣшенія, означено на немъ самомъ, точно такъ же какъ и имя подарившаго или продавшаго его, не только въ знакъ благодарнаго воспоминанія, но и какъ удостовѣрительное свидѣтельство. Въ собраніи, выставленномъ на показъ, заключается теперь 281 черепъ. Въ темной комнатѣ находится еще 69 болѣе или менѣе полныхъ череповъ, не считая мелкихъ обломковъ. Слѣдовательно вообще въ собраніи заключается 350 череповъ (а съ доставленными грапомъ Строгановымъ изъ скиѣской могилы 355); сверхъ этого 5 головъ мумій, именно 2 египетскихъ, 2 новозеландскихъ и 1 перуанская, одна перуанская мумія взрослого чело-вѣка и одна ребенка.

Собраніе наше можно поэтому причислить къ числу богатыхъ, особливо если принять въ расчетъ, что у насъ есть представители нѣкоторыхъ племенъ, едва ли имѣющіеся гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Но всѣ сдѣланныя намъ приношенія по существу ихъ были дѣлаемы случайно, безъ опредѣленнаго плана. Поэтому-то несмотря на общее богатство, замѣчаются въ нашемъ собраніи весьма чувствительныя пробѣлы, которые становятся особенно ощутительными, когда возникаетъ потребность сравнить черепа, найденные въ могилахъ, съ формами головъ нынѣ живущихъ народовъ. Нѣкоторые изъ этихъ пробѣловъ столь поразительны даже, что я совѣстился бы публично говорить о нихъ, еслибы не питалъ убѣжденія, что именно общезвѣстность представляетъ вѣрнѣйшій путь къ пополненію этихъ пробѣловъ.

Я прибѣгаю къ участію, принимаемому просвѣщенными врачами Россіи и друзьями естествознанія въ интересахъ науки и отечества, дабы просить ихъ о многочисленныхъ приношеніяхъ нашему собранію, и притомъ, что въ настоящемъ случаѣ всего важнѣе,

съ достовѣрными показаніями происхожденія череповъ, которые они соблаговолятъ присылать намъ. При этомъ я прошу ихъ обратить вниманіе на то, что приношенія эти будутъ дѣлаемы собранію, которое у насъ только-что начинается, но которое, если оно встрѣтитъ живое участіе, сдѣлается поучительнѣе у насъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ странахъ. Кто путешествуетъ по отдаленнымъ и рѣдко посѣщаемымъ странамъ, Россіи и сдѣлаетъ приношенія нашему собранію добытыхъ тамъ череповъ, тотъ окажетъ услугу, которая всегда будетъ признаваема съ благодарностью. Но и изъ ближайшихъ мѣстностей, изъ странъ, гдѣ существуютъ гошпитали, необходимо имѣть намъ пополненія къ нашему собранію. Развитие этой мысли и составляетъ настоящую цѣль этого отдѣла нашей статьи.

Прежде всего долженъ я замѣтить, что дабы судить о типѣ физическаго строенія какого-нибудь народа, нужно сравнить по крайней мѣрѣ три черепа, часто же и этого бываетъ еще недостаточно. Всякому извѣстно, что кромѣ болѣзненныхъ образованій, которыя хотя и не часто встрѣчаются въ головныхъ костяхъ, однако же могутъ быть значительнѣе, нежели обыкновенно полагаютъ, индивидуальныя различія очень разнообразны. Слѣдовательно отдѣльный черепъ, сверхъ самыхъ общихъ чертъ, немного намъ покажетъ. Только, когда между тремя черепами найдешь два весьма сходныхъ между собою, можно судить о типѣ народа. Но если всѣ три представляютъ значительныя различія, то для установленія типа потребно гораздо большее число череповъ. Далѣе, должно обращать вниманіе на то, что у людей, ведущихъ болѣе простой образъ жизни, сообразный съ обычаями народа, типъ постояннѣе сохраняется, чѣмъ у такъ-называемыхъ высшихъ сословій: не только потому, что между ними чаще встрѣчаются смѣшенія разныхъ народностей, но и потому, что высшее духовное развитіе имѣетъ вліяніе на строеніе черепа, особливо если оно продолжается въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній. Наконецъ надо замѣтить, что типъ сильнѣе выраженъ въ черепахъ мужчинъ нежели женщинъ, и что слѣдовательно первые гораздо важнѣе для собранія; однако если уже имѣются мужскіе черепа, то пріятно имѣть для сравненія и женскіе. Но всѣмъ гг. собирателямъ должно особенно замѣтить, что только совершенная достовѣрность происхожденія даетъ цѣну приношеніямъ этого рода.

Сказаннаго достаточно для объясненія причинъ, заставляющихъ насъ постоянно стремиться къ приращенію нашего собранія, и я безъ всякаго опасенія обращаю вниманіе на тѣ ощутительныя недостатки собранія, о которыхъ легко можно бы полагать, что они давно уже пополнены. Такъ, я весьма желаю получить че-

репа Великоруссовъ, Бѣлоруссовъ и Галичанъ или Русиновъ (Красноруссовъ) изъ такихъ мѣстностей, гдѣ племена эти сохранились въ наибольшей чистотѣ. Я полагаю, что первые наименѣ смѣшаны въ губерніяхъ Московской, Владимірской, Калужской и Тульской, по крайней мѣрѣ относительно новѣйшаго времени, ибо первоначальную чистоту племень вообще было бы тщетно отмѣшивать. Типъ Бѣлоруссовъ представляется, какъ кажется, въ наибольшей чистотѣ въ губерніи Минской, а также въ Витебской и Могилевской. Галичане, Русины (Красноруссы) хотя и обитаютъ преимущественно въ королевствѣ Галиціи, совсѣмъ тѣмъ, однакоже весьма хорошо было бы имѣть черепа изъ пограничныхъ съ Галиціею уѣздовъ Волынской губерніи, дабы имѣть возможность судить, замѣчается ли въ нихъ ощутительная разница отъ череповъ Малороссіянъ. Черепа Поляковъ желательно бы имѣть изъ западныхъ губерній Царства Польскаго, Литовцевъ же изъ Виленской губерніи, равно какъ и Евреевъ, которые тамъ мало смѣшаны. Кажется, что образованные врачи, желающіе оказать услугу отечественному собранію, легко могутъ найти удобный къ тому случай. Желательно лишь, чтобъ они старались разузнавать, не переселенецъ ли умершій, не уроженецъ ли онъ совершенно другой мѣстности. За работу, необходимую при приготовленіи черепа, которая можетъ быть поручаема фельдшерамъ, охотно будетъ заплачено. Хотя нескрытые черепа и наиболѣе пригодны для измѣреній, однако не отвергаются и такіе, которые, для какой-либо цѣли были вскрываемы сообразно съ существующими для этого правилами.

Послѣ славянскихъ народностей, чувствуется особливая потребность въ черепахъ татарскихъ, дабы имѣть возможность составлять себѣ сколько-нибудь точное сужденіе о черепахъ, отрываемыхъ въ древнихъ могилахъ. Мы имѣемъ образчики череповъ Татаръ закавказскихъ, одинъ черепъ оренбургскихъ Татаръ, и сверхъ сего черепа разныхъ народовъ, говорящихъ потатарски, относительно нѣкоторыхъ даже въ большемъ числѣ. Но у насъ нѣтъ череповъ казанскихъ Татаръ (вѣроятно всякій думалъ, что о полученіи ихъ давно уже позаботились); мы не имѣемъ также череповъ ни изъ плоской, ни изъ гористой части Крыма; особливо же желательны были бы мнѣ достовѣрные экземпляры череповъ Ногайцевъ, потому что народъ этотъ рѣзко отличается въ чертахъ лица отъ прочихъ народовъ, называющихъ себя Татарами. Мнѣ вообще кажется, что уже между тѣми Татарами, которыхъ мнѣ случилось видѣть, — надо отличать по крайней мѣрѣ три, а можетъ-быть и четыре типа. Также желательно бы было, чтобъ этнографическій музей, на учрежденіе котораго можно съ достовѣрностью надѣяться, приобрѣлъ фотогра-иче-

скіе портреты этихъ народовъ и племень. Наука, которая въ своихъ изысканіяхъ всегда должна быть осмотрительна и спокойна, тогда лишь будетъ въ состояніи высказать основанное на доказательствахъ мѣніе о вліяніи образа жизни на очертаніе лица, когда одинъ и тотъ же ученый будетъ имѣть возможность сравнить множество вѣрныхъ портретовъ, снятыхъ съ лицъ того же народа, но изъ различныхъ мѣстностей и ведущихъ различный образъ жизни.

Изъ финскихъ народовъ имѣемъ мы представителей также лишь ближайшихъ племень, то-есть Эстовъ и собственныхъ Финновъ; Лопарей, Зырянъ, Вогуловъ, Пермяковъ, Вотяковъ и Остяковъ нѣтъ вовсе; относительно же Мордвы и Чувашей весьма чувствительна потребность въ пополненіяхъ, для опредѣленія типа ихъ, ибо при разсмотрѣніи остатковъ прошедшаго, финскія племена имѣютъ равное значеніе съ татарскими или тюркскими.

Изъ кавказскихъ и закавказскихъ племень, все еще легче назвать тѣхъ представителей, которыхъ мы имѣемъ, чѣмъ тѣхъ, которыхъ намъ не достаетъ. У насъ есть Татары, Чеченцы, Карабулаки, Шапсуги, Натухайцы; намъ не достаетъ настоящихъ Черкесовъ, Осетиновъ, Лезгиновъ, Кумыковъ, Аваровъ, Сванетовъ, Мингрельцевъ, Имеретиновъ и даже Грузиновъ и Армянъ, не говоря уже о мелкихъ племенахъ.

Распространять списокъ этотъ и на прочія племена Россіи было бы слишкомъ долго. Легко усмотрѣть, что самоѣдскій черепъ, который мы имѣемъ, еще вовсе не дѣлаетъ излишними другіе; а что наирогизъ того весьма жгательно было бы имѣть ихъ, особливо изъ болѣе восточныхъ мѣстностей; однимъ словомъ, случаи добыть черепа отдаленныхъ народовъ, вообще рѣдко встрѣчающіеся, никогда не должны быть упускаемы. У насъ еще вовсе нѣтъ череповъ Камчадаловъ, Айносовъ, Коряковъ и Чукчей. Я упомянулъ здѣсь лишь о тѣхъ племенахъ, которыя извѣстны многимъ и легко доступны.

Изъ иностранныхъ народовъ совершенно недостаетъ нашему собранію очень многихъ. Они имѣютъ для насъ конечно весьма различную цѣну. Важнѣе другихъ тѣ, которые могутъ служить для сравненій съ племенами, обитающими въ Россіи, слѣдовательно Славяне изъ другихъ государствъ, Мадыяры (одинъ имѣющійся у насъ черепъ недостаточенъ для опредѣленія типа и сравненія его съ типами финскимъ и татарскимъ), а также Османы и несмѣшанные Лопари. Русскіе Лопари, кажется мнѣ, имѣютъ много корельской крови; лишь западнѣ Колы нашелъ я, во время посѣщенія того края, фizioноміи существенно измѣненныя.

Не менѣе пріятно было бы намъ получить черепа чистыхъ Кельтовъ, древнихъ и новыхъ Гренговъ и древнихъ Римлянъ; а конечно также и черепа Басковъ, по причинѣ общаго интереса, ими представляемаго. Сильно изуродованные американскіе черепа, напримѣръ Караибовъ, жителей страны, орошаемой Колумбіей, и Аймаровъ составляютъ всегда въ высшей степени интересное пріобрѣтеніе для всякаго краниологическаго собранія. Кромѣ этого имѣютъ они для насъ еще особый интересъ, именно, для сравненія съ полученными нами изъ окрестностей колоніи Россъ, весьма короткими и отчасти весьма косыми черепами, которые безъ сомнѣнія, новѣйшаго происхожденія, и не показываютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ искусственнаго изуродованія. При богатствѣ нашего собранія въ черепахъ изъ Индѣйскаго архипелага, весьма чувствителенъ недостатокъ изъ различныхъ частей Австраліи, Фанъ-Дименовой земли, большей части острововъ Тихаго океана и изъ Японіи. Съ острововъ Тихаго океана, особливо же съ наиболѣе посѣщаемыхъ группъ, скоро можно будетъ получать лишь весьма смѣшанныя формы, слѣдовательно надо позаботиться, чтобы первоначальныя формы были собраны въ непродолжительномъ времени.

III. Общія замѣчанія

Выборъ череповъ изъ нашего собранія будетъ въ скорости описанъ и изображенъ на рисункахъ. Рисунки эти отчасти уже готовы, а скоро присоединятся къ нимъ и остальные. Но такъ какъ, по моему мнѣнію, для полнаго изображенія формы черепа, совершенно недостаточно представить его въ одномъ какомъ-либо положеніи, то число череповъ, которые могутъ быть изображены, останется всегда незначительнымъ. Поэтому кажется мнѣ нелишнимъ издать сверхъ этого нѣкоторыя прибавленія къ сравнительной краниологіи, какъ они мнѣ представились при критическомъ обзорѣ нашего собранія. Но прежде этого желалъ бы я обратить вниманіе на нѣкоторыя общія замѣчанія и простирающія изъ нихъ желанія.

Замѣчанія эти имѣютъ преимущественно въ виду тотъ сильный толчокъ, который сообщило изученію и болѣе опредѣленному пониманію морфологическихъ различій въ строеніи черепа, Ретціусово раздѣленіе формъ человѣческаго черепа, по отношеніямъ между длиною и шириною его, и по болѣе или меньшей степени, въ которой выдаются челюсти. Мнѣ кажется, что толчокъ этотъ можетъ составить и вѣроятно составитъ эпоху въ изученіи различій племенъ и народовъ, а съ этимъ вмѣстѣ и въ понятіяхъ нашихъ о причинахъ, обуславливающихъ эти различія. Не то,

чтобъ я думалъ, что плоды эти завтра уже спадутъ намъ совершенно зрѣлые съ дерева, ни даже то, что они будутъ собраны въ теченіи жизни одного поколѣнія. Я слишкомъ долго жилъ, чтобы нитать столь блестящія надежды; однакоже я имѣлъ случай достаточно убѣдиться опытомъ, что всякое научное изысканіе должно пріобрѣсти твердую почву, прежде чѣмъ оно можетъ шачать правильной ростъ свой, точно такъ какъ растеніе должно нустить корни въ землю, дабы давать цвѣты и плоды. Научныя изслѣдованія не приводятъ насъ конечно вполнѣ къ ихъ послѣднимъ цѣлямъ, которыя мало-по-малу мы научаемся узнавать, или къ которымъ по крайней мѣрѣ научаемся стремиться. Однакоже эти послѣднія цѣли, ясно усмотрѣнныя духовными глазами, даютъ намъ возможность къ открытію и пониманію множества условій и отношеній, до знанія которыхъ мы бы никогда не дошли, еслибы не учились *искать* этихъ послѣднихъ цѣлей науки: точно такъ кормчій тогда лишь можетъ направлять ходъ своего судна въ лабиринтѣ острововъ, когда онъ умѣетъ правильно *отыскивать* сѣверный полюсъ, котораго однако онъ никогда не *найдетъ*. Когда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сравнительная анатомія начала раскрывать свои неисчерпаемыя сокровища, можетъ-быть позволено было надѣяться нѣкогда вполнѣ узнать причины разнообразія органическихъ формъ. Но эта отдаленнѣйшая цѣль уходила все далѣе и далѣе; совсѣмъ тѣмъ однакоже, направляясь къ ней, наука собрала богатые плоды. И то уже немаловажный выигрышъ, что дошли до всеобщаго признанія существованія такихъ дѣйствующихъ, по закону необходимости, условій, что, употребляя выраженія менѣе общія, мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Кювье: изъ образованія зуба можно заключить о строеніи органовъ пищеваренія, органовъ хватанія и движенія и вообще о строеніи цѣлаго животнаго. Если въ настоящее время мы и не приблизились замѣтнымъ образомъ къ сколько-нибудь ясному пониманію тѣхъ условій, которыми опредѣляется разнообразіе органическихъ формъ, и можетъ-быть даже столь же далеки отъ этой цѣли, какъ и въ прошедшемъ столѣтіи: все же узнали мы множество отдѣльныхъ правилъ, которыя составляютъ ничто иное, какъ выраженія необходимостей или законовъ низшаго разряда. Я напому при этомъ снова о Кювье, который, при выдѣленіи найденнаго въ окрестностяхъ Парижа скелета изъ окружавшей его каменной массы, изъ разсмотрѣнія одного только угла нижней челюсти, предсказалъ, что въ тазѣ найдутся особливныя кости, служащія какъ бы основой мѣшка двуутробокъ (*ossa marsupialia*), что и дѣйствительно оказалось при дальнѣйшей очисткѣ скелета.

Да позволено будетъ мнѣ представить какъ примѣръ въ томъ же родѣ, хотя и менѣе блестящій, обстоятельство, случившееся

съ самимъ авторомъ этого отчета, потому что оно касается примѣненія правила, которое обыкновенно даже не выражается опредѣленнымъ образомъ къ нашихъ учебникахъ, — хотя каждый естествоиспытатель не можетъ не сознавать его болѣе или менѣе отчетливо. Тридцать лѣтъ тому назадъ была показываема въ одномъ изъ засѣданій академiи плотная каменная масса, заключающая въ себѣ органическіе остатки. Показывавшій не былъ зоологомъ и полагалъ возможнымъ принять за уши нѣкоторыя со всѣхъ сторонъ закруженная выпуклости, лишь мало выдававшаяся изъ общей массы. Но такъ какъ я замѣтилъ, что выпуклости поверхности ихъ были совершенно одинаковы съ обѣихъ сторонъ, и что въ каждомъ изъ этихъ предметовъ ясно можно было отличить срединную плоскость, симметрически раздѣлявшую ихъ; то я объявилъ, что предметы никакъ не могутъ принадлежать къ парнымъ органамъ, а должны происходить изъ срединной плоскости животнаго, и это вполнѣ подтвердилось, потому что при дальнѣйшей очисткѣ оказались клювы слизней.

Взглядъ, брошенный на исторію развитія другихъ наукъ, приводитъ насъ еще скорѣе и вѣрнѣе къ тому предложенію, которое я желалъ бы здѣсь предварительно выставить, какъ имѣющее значеніе всеобщее, дабы основать на немъ мой взглядъ на ближайшія задачи краниологiи. Предложеніе это можетъ быть выражено такимъ образомъ: человекъ носить въ себѣ внутреннюю потребность, принадлежащую ему, отыскивать причины вещей; послѣднихъ причинъ онъ еще никогда не находилъ, но между тѣмъ какъ онъ ихъ совѣстливо и ревностно отыскиваетъ, открывается ему множество путей, представляющихъ виды на успѣхъ. Если онъ съ твердою рѣшимостію пойдетъ по этимъ путямъ, то, отклоненный отъ главной цѣли, онъ хотя и немного къ ней приблизится, за то открываются ему новыя области, обѣщающія богатую научную жатву, — области, которыя, онъ даже и не предчувствовалъ; главная же цѣль становится для него по крайней мѣрѣ яснѣе, хотя онъ едва ли можетъ сказать, что сколько-нибудь къ ней приблизился. Всякая значительная научная задача подобна крѣпости, къ которой можно лишь медленно приближаться, посредствомъ траншей. Обыкновенно думаютъ взять ее сначала внезапнымъ приступомъ, но скоро оказывается, что при этомъ имѣлся въ виду лишь призракъ дѣйствительности, ея отраженіе въ духѣ нашемъ, а не самая дѣйствительность. Если же подвигаемся медленно впередъ сапою труда подъ прикрытіемъ «ашии» критики, то современемъ приблизимся по крайней мѣрѣ къ цѣли и будемъ видѣть ее передъ собою въ болѣе опредѣленныхъ очеркахъ; а между тѣмъ станемъ твердою ногою въ покоренныхъ окрестностяхъ. Если изъ траншей нашихъ мы никогда не овла-

двѣмъ исполнѣ крѣпостью, то это происходитъ отъ того, что — продолжая наше сравненіе — природа храбрый коммандантъ, не сдающійся даже и тогда, когда вѣты передовыя укрѣпленія. Нѣтъ нужды доказывать справедливость этого предложенія. Я припомню только, что геологія сначала желала лишь узнать, какъ произошелъ и образовался земной шаръ; долго въ отвѣтъ на это довольствовалась она своими собственными предубѣжденіями; но попытка подтвердить фактами такіа предположенія вызвала множество спеціальныхъ изслѣдованій, давшихъ въ отвѣтъ на первоначальный вопросъ весьма мало положительныхъ результатовъ, но весьма много за то отвѣтовъ на вопросы второстепенные; наконецъ черезъ самыя изслѣдованія научились, какъ надо изслѣдовать. Я позволю себѣ также припомнить, что астрономія не была бы тѣмъ, что она теперь, еслибы люди не чувствовали живой потребности узнавать, чѣмъ опредѣляется ихъ судьба, и еслибы они не искали отвѣта на это далеко между звѣздами. Такимъ образомъ научились наблюдать движенія планетъ, и пришли къ открытію законовъ, управляющихъ ими. Послѣ того какъ законы эти сдѣлались общезвѣстными, всякій согласится, что хотя состояніе рода человѣческаго на различныхъ частяхъ земной поверхности и находится въ зависимости отъ положенія оси земли къ плоскости ея орбиты, однако ни одинъ благоразумный человѣкъ не будетъ стараться прочесть въ звѣздахъ судьбу своей отдѣльной личности. Такимъ образомъ величайшее торжество человѣческаго ума, *Кепплеро-Ньютоновское* ученіе, есть цвѣтокъ, распутившійся на величайшемъ изъ человѣческихъ заблужденій — астрологіи.

Если послѣ этого длиннаго отступленія, возвратимся снова на нашу дорогу, то будемъ въ состояніи уже быстрѣе идти по ней. Нельзя ли съ полнымъ правомъ утверждать, что сравненіе различій въ строеніи человѣческихъ головъ, или сравнительная антропологія вообще только теперь выходитъ изъ періода предубѣжденій, дабы вступить на путь болѣе строгихъ изслѣдованій? Линнеево, Бюффоново, Гунтерово, Циммерманово раздѣленіе человѣческаго рода на большія группы никто конечно не приметъ за что-либо болѣе, чѣмъ за остроумные взгляды. Но будетъ ли слишкомъ смѣлымъ утверждать, что и Блумменбахъ, какъ ни велика оказанная имъ заслуга собраніемъ матеріаловъ изслѣдованія, и та глубокая основательность, которой нельзя за нимъ не признать, считалъ себя однакоже въ силахъ сдѣлать больше, нежели сколько позволяли его средства, и сколько вообще можно было сдѣлать? Его раздѣленію человѣческаго рода на пять главныхъ породъ очевидно предпослана была мысль вывести происхожденіе его изъ одной основной формы и тѣмъ опредѣлить главную черту въ исторіи

человѣчества (1). Такимъ образомъ и поняли всадъ его ученіе, и это было конечно счастьемъ для этого періода, ибо тѣмъ только и приобрѣла сравнительная антропология столькихъ содѣйствователей и разнообразный матеріалъ для своихъ изслѣдованій, что считали возможнымъ сообщить всякому образованному челоѣку сущность ея въ краткомъ очеркѣ.

Раздѣленіе челоѣческаго рода на многочисленныя группы, предложенныя Бари де Сень-Венсаномъ и Демуленомъ, никогда не пользовалось такою популярностью. Я не имѣю нужды напоминать ни фактовъ, столь рѣшительно противорѣчащихъ простому ученію Блумменбаха, относительно Полинезій и Америки, ни попытокъ совершенно опровергнуть различія породъ, для доказательства, что еще не доставало твердой исходной точки, или по крайней мѣрѣ ариадниной нити для указанія пути въ этомъ лабиринтѣ.

Поэтому неудивительно, а напротивъ того весьма естественно, что и физиологи приняли съ своей стороны распределеніе челоѣческаго рода на группы по языкамъ. Направленіе это господствуетъ въ большомъ сочиненіи Причарда, и конечно имѣетъ въ своемъ родѣ большое значеніе. Вѣсть съ языкомъ передаются и особенности въ характерѣ умственныхъ представленій, которыя безъ сомнѣнія обуславливаютъ духовную жизнь народовъ, и съ теченіемъ времени не могутъ оставаться совершенно безъ вліянія на строеніе мозга, а черезъ это и на строеніе черепа. Но что будто бы сродство языковъ указываетъ на единство физическаго происхожденія и сопровождается сходствомъ въ физическомъ строеніи, — это одно лишь предположеніе, которое сочли удобнымъ принять, потому что желали группировать нагляднымъ образомъ, и притомъ такъ, чтобы группировка эта основывалась на физическомъ строеніи и происхожденіи. Но это предположеніе было похоже на *petitio principii* или говоря языкомъ Гербарта—уловка (*Erschleichung*). Если группируешь по языкамъ, то должно сознавать, что на основаніи ихъ именно и группируешь; а не на основаніи физическаго сродства. Чтобы въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ главныхъ и подчиненныхъ группъ имѣть право видѣть дѣйствительную исторію происхожденія этихъ группъ, надо бы предварительно доказать, что языкъ и именно внутреннее строеніе его (по которому болѣе чѣмъ по лексическому составу филологи опредѣляютъ сродство языковъ) не передается другому многочисленному народу различнаго происхожденія, хотя всякому извѣстно, что это бывало и ежедневно еще бываетъ съ небольшими

(1) § 85 третьяго изданія его знаменитаго сочиненія *De gen. hum. var. n.* не оставляетъ относительно этого ни малѣйшаго сомнѣнія.

цѣпенами, которыя окружены другими народами; или должно было быть доказано наоборотъ, что физическія различія, замѣчаемыя въ народахъ, принадлежащихъ къ одной и той же большой группѣ языковъ, произошли впоследствии отъ вліянія климата и т. п.

Жизнительное начало, внесенное въ сравнительную антропологию изслѣдованіями Ретціуса, заключается, по моему мнѣнію, главнѣйше въ томъ, что онъ вовсе не спрашиваетъ о первоначальномъ происхожденіи, а доказываетъ и посредствомъ числовыхъ данныхъ дѣлаетъ нагляднымъ, какъ велики могутъ быть различія въ черепахъ народовъ, языки которыхъ всѣми считаются и безъ сомнѣнія должны считаться сродными. Если мы сопоставимъ среднія числа, выведенныя для нѣкоторыхъ важнѣйшихъ размѣровъ черепа, изъ множества произведенныхъ имъ отдѣльныхъ измѣреній, и для полученія достовѣрнаго результата присоединимъ къ нимъ среднія числа, выведенныя Гёвенемъ для череповъ Славянъ изъ измѣреній 2 череповъ Поляковъ и 15 Русскихъ такъ какъ среднія числа, полученныя для Славянъ Ретціусомъ, основаны на слишкомъ недостаточномъ матеріалѣ: (1 черепъ Чеховъ, 1 Поляковъ и 2 Русскихъ, изъ числа которыхъ 2 было гипсовыхъ),—то получимъ слѣдующую таблицу средней величины различныхъ размѣровъ головы въ миллиметрахъ:

	Наибольшая длина отъ лобной впадины (globella) до отдаленнѣйшей части затылка.	Высота отъ передняго края большаго затылочнаго отверстия (foramen magnum) до противоположной части темени.	Наибольшая ширина.
Шведы по Ретціусу.	190	135	147
Славяне —	170	136,5	151
— по Гёвену.	175	137	140
Финны по Ретціусу.	178	141	144
Лопари —	170	139	147

Одинъ взглядъ на эти числа показываетъ уже, что форма черепа Славянъ ближе подходитъ къ Финнамъ, чѣмъ къ Германцамъ, между тѣмъ какъ языкъ Славянъ принадлежитъ къ индоевропейскому корню, а языкъ Финновъ нѣтъ.

Это выказывается еще опредѣлительнѣе, если прочіе размѣры отнести къ длинѣ, принявъ ее у всѣхъ народовъ за 1000. Тогда получимъ:

	Длина.	Высота.	Ширина.
Шведы по Ретціусу.	1000	710,5	731,6
Славяне по Ретціусу.	1000	803	888,2
— по Гёвену.	1000	780	857
Русскіе по своимъ измѣреніямъ 30 головъ.	1000	778	835
Финны по Ретціусу.	1000	792	809
Лопари по Ретціусу.	1000	758,8	804,6

Изъ это видно, что черепа Финновъ имѣютъ относительно къ длинѣ значительно бѣльшую высоту и ширину чѣмъ Шведы; что Славяне по Гёвену имѣютъ почти одинаковую высоту съ Финнами, но еще бѣльшую ширину, въ отношеніи которой почти равняются съ Лопарями; что по моимъ измѣреніямъ Русскіе, безъ различія отдѣльныхъ племень, представляютъ хотя и не совсѣмъ столь широкіе черепа, какъ нашамъ это Гёвенъ при присоединеніи двухъ череповъ Поляковъ; но все же гораздо бѣлье широкіе, чѣмъ прочіе Индоевропейцы. По Рециусу различіе это было бы еще гораздо значительнѣе, но такъ какъ измѣренія его были дѣлаемы между прочимъ надъ двумя гипсовыми отливками, которые всегда больше своихъ оригиналовъ, и такъ какъ при этомъ были смѣшаны Чехи, Поляки и Русскіе, то числамъ его нельзя придавать большаго вѣса. Я послѣ буду имѣть случай показать, что даже между отдѣльными племенами Русскихъ замѣчаются чувствительныя различія. Но во всякомъ случаѣ и изъ этихъ измѣреній выходитъ тотъ общій результатъ, что Славяне гораздо короткоголовѣе Шведовъ.

Если же я возьму среднія числа изъ измѣреній характерныхъ Тунгузскихъ череповъ и вычислю изъ нихъ отношенія вышины и ширины къ длинѣ, то получу цифры, близко подходящія къ представляемымъ Шведами:

	Длина.	Вышина.	Ширина.
Шведы.	1000	740,5	731 6
Тунгузы.	1000	723	743

Слѣдовательно, тунгузскіе черепа немногимъ лишь выше и шире шведскихъ, или другими словами, Шведы немного длинноголовѣе. Но такъ какъ многіе германскіе народы также имѣютъ черепа менѣе длинные чѣмъ Шведы, — я самъ могъ это вымѣрить на черепахъ Голландцевъ — и такъ какъ я нахожу это для сѣверныхъ Британцевъ въ *Outlines of Anatomy* Монро; то я долженъ полагать, что относительныя числа размѣровъ тунгузскихъ череповъ почти одинаковы съ относительными числами размѣровъ череповъ германскихъ, если принимать въ расчетъ одинъ череп. Части лица конечно весьма различны.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ:

1) Сходство въ языкахъ не составляетъ мѣрила для сходаства въ физическомъ строеніи.

2) Дабы имѣть право заключать изъ средства языковъ о физическомъ происхожденіи, должно быть предварительно доказано, что вліаніе внѣшнихъ физическихъ условий можетъ быть достаточно велико, чтобы произвести столь значительныя различія въ строеніи черепа, какъ тѣ, которые замѣчаются между индо-

европейскими народами; о вліянні же фізическихъ условій имѣемъ мы до сихъ поръ лишь весьма немногія и весьма неточныя свѣдѣнія.

3) Что такое вліяніе, равно какъ и вліяніе духовнаго развитія на развитіе тѣла и наоборотъ, существуетъ, это кажется мнѣ неподлежащимъ никакому сомнѣнію. Я напомнимъ при этомъ о неоднократно сдѣланныхъ въ послѣднее время наблюденіяхъ, что негрскія племена наиболѣе удаляются отъ благороднѣйшаго человѣческаго типа тамъ, гдѣ будучи наиболѣе подвержены преслѣдованіямъ и разбоямъ племенъ, болѣе сильныхъ и промышленныхъ, принуждены укрываться въ самыхъ бесплодныхъ мѣстахъ, и подвергаются всякаго рода лишеніямъ.

4) Равнымъ образомъ нельзя еще заключить о происхожденіи по однимъ формамъ череповъ, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы намъ отыскивать общую колыбель Германцевъ и Тунгузовъ. Короткость, высота и ширина черепа Малороссійянъ, съ почти перпендикулярно-спускающимся затылкомъ можно бы приписать большей примѣси татарской и монгольской крови, что дало бы повидимому удовлетворительное объясненіе большей короткоголовости ихъ сравнительно съ другими русскими племенами. Но Поляки и Чехи, которые, по крайней мѣрѣ въ историческое время, менѣе были смѣшаны съ Монголами чѣмъ Малороссіянне, имѣютъ однакоже, какъ кажется, черепъ еще болѣе короткій и широкій, чѣмъ всѣ русскія племена.

Мнѣ кажется, что при такихъ условіяхъ, надо пока совершенно отодвинуть на задній планъ исторію распространенія человеческого рода: физиологія должна прежде всего заняться опредѣленіемъ нормальнаго устройства черепа отдѣльныхъ народовъ, выражаемымъ средними числами его размѣровъ, между тѣмъ какъ филологія будетъ съ своей стороны заниматься изслѣдованіемъ сродства языковъ. Если у народовъ, коихъ первоначальное сродство исторически достоверно, найдутся ощутительныя различія въ ихъ строеніи: то, чѣмъ положительнѣе будетъ установлена норма фізическаго устройства, тѣмъ съ болѣшимъ правомъ можно будетъ заключать о вліянніи, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ измѣняющихъ причинъ. Если ознакомится при этомъ съ фізическимъ устройствомъ до-историческихъ и древне-историческихъ народовъ, населявшихъ каждую страну; то можно будетъ судить о мѣрѣ вліянія смѣшенія съ другими народами. Но достигнуть ли когда-нибудь основательнаго взгляда на первоначальное распредѣленіе человеческого рода, это кажется мнѣ, по меньшей мѣрѣ, весьма сомнительнымъ.

Во всякомъ случаѣ, мы сдѣлаемъ уже шагъ впередъ, или положимъ по крайней мѣрѣ твердое основаніе для дальнѣйшаго раз-

витія сравнительной антропологіи, если изъ стремленій, замѣчаемыхъ до сихъ поръ въ этой наукѣ, вынесемъ убѣжденіе, что и она, подобно всякой другой наукѣ, основанной на наблюденіи должна начать съ изслѣдованія частныхъ, дабы выводить изъ нихъ въ послѣдствіи общіе результаты.

ИЗЪ БЕРЛИНА.

Въ умственной жизни Германія, Берлину принадлежитъ почетное мѣсто, хотя и миновала уже блестящая пора Берлинскаго университета, имѣвшаго вліяніе на образованность чуть не всей Европы. Несмотря на то, что онъ не обладаетъ прежнею притягательною силой для людей любознательныхъ, благотворное дѣйствіе его на образованіе молодаго поколѣнія отнюдь не прекратилось. Отсутствие всепокоряющаго авторитета даетъ полную свободу для умственнаго развитія. Преподаватели имѣютъ, благодаря времени и успѣхамъ общественной жизни, много средствъ для вѣрной оцѣнки историческихъ явленій. Въ былое время, одна колоссальная личность привлекала общее удивленіе, одну систему считали вѣнцомъ человѣческаго творчества; но чѣмъ свободнѣе и многостороннѣе становится критика, тѣмъ ярче и полнѣе обрисовываются явленія и лица, забытыя или отверженныя въ эпоху философской автократіи. Лѣтъ около тридцати тому назадъ, о Кантѣ отзывались съ такимъ равнодушіемъ, съ какимъ говорятъ о вещахъ имѣвшихъ только временный интересъ; теперь отдають должную справедливость глубинѣ Кантова мышленія и заслуги его одинаково признаются и философами, и эстетиками, и юристами. Въ возможности историческаго, самостоятельнаго образованія, безъ подчиненія авторитету, живому или мертвому, заключается выгода положенія современнаго университетскаго юношества въ Германіи, отчасти даже и сравнительно съ поколѣніемъ, образовавшимся въ блестящую пору нѣкоторыхъ университетовъ.

Независимо отъ университета, обильную пищу для любознательности представляютъ здѣшняя королевская библіотека и музеи. Не входя въ подробное описаніе берлинской публичной библіотеки, я коснусь только того отдѣла, который имѣетъ интересъ преимущественно для русскаго путешественника: я говорю о книгахъ и руко-

писяхъ на русскомъ языкѣ или по содержанію относящихся къ Россіи Русскія книги не рѣдкость въ бібліотекахъ иностранныхъ, но иногда онѣ въ самомъ умѣренномъ количествѣ и оригинально размѣщены: такъ въ одной бібліотекѣ, въ шкапу съ надписью: «русскіе поэты», стоятъ *Избранныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ*, трагедіи Хераскова, проповѣди Иннокентія и одна валахо-молдавская книга. Въ нѣкоторыхъ же бібліотекахъ собрано довольно много русскихъ книгъ по разнымъ отраслямъ. Въ берлинской бібліотекѣ есть сочиненія Ломоносова, Карамзина, Жуковского, и т. д.; грамматика Ломоносова 1755 г. съ приложеніемъ двухъ эпистолъ Сумарокова: о русскомъ языкѣ и о стихотворствѣ, съ примѣчаніями въ родѣ слѣдующаго: «Шекеспиръ, англійскій трагикъ и комикъ, въ которомъ и очень художва и чрезвычайно хорошева очень много». Изъ рукописей весьма любопытны разговоры на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ пословицами и поговорками XVI—XVIII вѣка; большею частію рѣчь идетъ о торговлѣ, иногда же и о другихъ предметахъ, интересныхъ для путешественника, соединяющаго пользу съ удовольствіемъ, болѣе или менѣе позволительнымъ. Разговоры и фразы не лишены иногда колорита: Какова земля, такова правда, вѣра и обычай; Не дай Богъ съ сильнымъ бороться, да съ богатымъ тягаться; Говори по памяти, да по правдѣ; Ваши люди неправедны; Какова земля, такова правда; Наша земля богата людьми да не золотомъ; Нѣмецки люди живутъ погосподарски, да ваши какъ собаки; Сколько ѣства тебѣ даетъ твой господарь ко столу? Хороша ли твоя господарня, любить ли нѣмецкихъ молодцовъ? Хороша молодца, пойдемъ щипати орѣховъ; Коли тебя вижу, утѣшается тобой мое сердце, и т. п. Изъ позднѣйшаго времени интересенъ дневникъ Цукмантеля, 1755 (56) г. (Ms. gall. Oct. № 9), въ послѣдствіи получившаго мѣсто пастора въ Петербургѣ: преемникомъ его былъ Бюшингъ. Пріѣхавши въ страну незнакомую, Цукмантель тщательно записывалъ свои впечатлѣнія, какого бы рода они ни были, отъ рѣдкостей въ оранжереѣ до проекта освобожденія крестьянъ, о чемъ благородные люди думали уже въ половинѣ прошлаго столѣтія. Цукмантель посѣщалъ и ученыхъ, и мастерскія, и русскія церкви, и общественныя собранія. Въ академіи засталъ онъ большую дѣятельность: въ географическомъ кабинетѣ изготовляли карту Каспійскаго моря; въ другой комнатѣ около тридцати мальчиковъ занимались копированіемъ эстамповъ и моделей; третья зала назначена была для скульптурныхъ работъ. Онъ былъ пораженъ необыкновеннымъ искусствомъ молодаго русскаго художника въ рѣзбѣ на камнѣ и металлѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне скуднымъ вознагражденіемъ за трудъ. Цукмантель нѣсколько разъ говорилъ съ

лицами духовными. Въ Александро-Невскомъ монастырѣ онъ познакомился съ монахомъ, который съ одинаковою почти легкостью говорилъ полатыни, по-французски и поиѣмецки; онъ учился сперва въ корпусѣ, потомъ въ академіи, и служилъ капитаномъ; занимаясь въ монастырѣ богословіемъ, монахъ не могъ безъ восторга говорить о теологическихъ сочиненіяхъ Феофана Прокоповича, къ крайнему изумленію своего собесѣдника, не понимавшаго той отважности и рѣшительности, съ которою Прокоповичъ судилъ и рѣдилъ о предметахъ самыхъ непостижимыхъ. Бывши у вечера, нашъ путешественникъ нашелъ, что монахи не показываютъ большой набожности, помѣщаясь большею частію у открытыхъ оконъ. О бѣломъ духовествѣ онъ говоритъ, что въ немъ рѣзко различаются два класса: одни ходятъ въ такихъ грязныхъ лохмотьяхъ, какихъ никакъ не ожидаешь въ столицѣ, другіе же въ богатыхъ рясахъ и подрясникахъ, дѣла съ особенною заботливостію свои густыя и окладистыя бороды. Вообще замѣчаетъ онъ о духовествѣ, что оно составляетъ весьма немногочисленный классъ, и съ перваго разу бросается въ глаза, что Россія не страна поповъ: *on s'aperçoit d'abord que ce n'est le païs des prêtres*. Бесѣдуя съ петербургскими старожилыми, Цукмантель записывалъ ихъ разказы; одинъ изъ нихъ показался ему особенно интереснымъ: онъ относился ко временамъ Анны Іоанновны. Одинъ французскій щеголь, захвативши въ Петербургъ, отправился въ дворцовый садъ, въ которомъ на ту пору гуляла императрица съ придворными. Хотя запрещено было впускать постороннихъ, но Француза впустили, потому, прибавляетъ Цукмантель, что русская стража смотритъ только на платье и наружность: будь только одѣтъ щеголемъ да гляди нахаломъ, сейчасъ примутъ за важную особу и пропустятъ куда угодно. Французъ расхаживалъ, какъ будто бы онъ былъ въ Версали или Тюльери, и, встрѣтившись съ императрицею, не оказалъ ей никакого знака почтенія. На вопросъ, кто онъ и по какимъ дѣламъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ отвѣчалъ только, что онъ Французъ и тратитъ собственные деньги. Его оставили въ покоѣ, но отдано стражайшее приказаніе не выпускать его изъ сада и не давать ему ничего съѣстнаго. Нагулявшись досыта, Французъ пытался было выйти, но какъ всѣ входы и выходы, за исключеніемъ спуска къ каналу, были заперты, то онъ долженъ былъ провести ночь на сырой травѣ. На другой день плѣнникъ напрасно умолялъ солдатъ принести ему хоть кусокъ хлѣба; замѣтивъ спускъ къ каналу, онъ рѣшился воспользоваться своимъ открытіемъ, и съ наступленіемъ ночи отправился по каналу, до половины въ водѣ, воображая, что перехитрилъ оплошную стражу. Подобно привычкѣ военной стражи встрѣчать по платью, мирные нравы класса чиновниковъ легко ста-

новшились известными путешественнику, сколько-нибудь внимательному. Въ то время большой интерес возбуждала камчатская экспедиція, и неудачу ея объясняли раздорами чиновниковъ, дальностию пути и тѣмъ, что не хотѣли повиноваться царскимъ указамъ, говоря: Богъ высоко, а царь далеко. Прекрасной поры для Россіи ожидаетъ Цукмантель отъ юнаго еще тогда Московскаго университета: быть-можетъ, говоритъ онъ, этотъ университетъ разовьетъ любовь къ наукамъ у народа, между которымъ много свѣтлыхъ и остроумныхъ головъ. Самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ изъ тѣхъ, съ которыми Цукмантель встрѣчался въ Петербургѣ, былъ Эйзенъ, пасторъ лифляндской церкви на озерѣ Пейпусѣ. Онъ приготовилъ къ печати сочиненіе о необходимости освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землею, что принесло бы существенную пользу и правительству, и помѣщикамъ, и крестьянамъ. Но трудно будетъ, замѣчаетъ Цукмантель, получить позволеніе напечатать эту вещь, потому что въ Россіи не любятъ подобнаго рода переменъ. Какая судьба постигла благородный по мысли проектъ? А о проектахъ Эйзена отзывался съ большимъ уваженіемъ самъ Шлецеръ, врагъ прожектеровъ; онъ называетъ Эйзена гениальнымъ человѣкомъ, и удивляется въ проектахъ его многоступенчатую превосходную идей, направленныхъ къ одной цѣли—содѣйствовать счастью Россіи.

Говоря о книгахъ и рукописяхъ бібліотеки, нельзя не замѣтить, что берлинская бібліотека принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ въ Европѣ. Особенною известностью пользуется находящееся въ ней самое полное собраніе разнообразныхъ матеріаловъ для исторіи музыки. Для изученія другихъ искусствъ прекрасною школою могутъ служить музеи, старый и новый. Много художественныхъ произведеній находится въ залахъ музеевъ; но что составляетъ славу Берлина, такъ сказать, мѣстную, исключительно ему принадлежащую, это фрески новаго музеума. Рядъ стѣнныхъ картинъ, писанныхъ Каульбахомъ, высоко цѣнятся нѣмецкими художниками; и путешественникъ, прибывшій въ Берлинъ на самое короткое время, завѣщаетъ посмотреть на фрески Каульбаха. Кто видѣлъ картоны этихъ фресокъ на мюнхенской выставкѣ, тотъ едва ли не согласится, что нѣкоторые картоны стоятъ выше въ художественномъ отношеніи, нежели ихъ исполненіе; краски не возвышаютъ, а ослабляютъ впечатлѣніе: то же самое находятъ, сравнивая фрески Корнелиуса съ ихъ картонами. Но что даетъ преимущество берлинскимъ картинамъ Каульбаха передъ тѣми, которыя были на мюнхенской выставкѣ, это цѣльность впечатлѣнія. Только въ той совокупности и послѣдовательности, въ какой они представляются глазамъ въ берлинскомъ музеумѣ, открывается идея, опредѣляющая ихъ значеніе. Основ-

ная идея картинъ Каульбаха—представить развитіе человечества въ его главнѣйшихъ фразѣхъ у различныхъ народовъ и въ разныя времена. Сообразно съ этою цѣлью, первая картина изображаетъ разрушеніе вавилонской башни, какъ первое великое событіе въ исторіи человечества, повлекшее за собою раздѣленіе на народы. Вторая картина, Греки и Гомеръ, представляетъ дѣйствующее состояніе греческой цивилизаціи, имѣвшее вліяніе на развитіе народовъ, въ послѣдствіи выступившихъ на историческое поприще. Въ картинѣ разрушенія Іерусалима художникъ представилъ паденіе іудейства подъ ударами римскаго міра и возвореніе новой религіи. Въ завоеваніи Святаго Гроба крестоносцами изображенъ внѣшній историческій триумфъ христіанства, и т. д. Отдѣльныя лица служатъ также представителями историческихъ эпохъ: Солонъ олицетворяетъ греческій міръ, Моисей—іудейскій, Карлъ Великій—средне-вѣковой германскій, и т. п.

Я не хочу впрочемъ подробно говорить съ вами о всѣхъ достопримѣчательностяхъ Берлина, какъ представителя умственной жизни всей Германіи. Но имѣя въ виду всю Германію, не могу не сказать объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій ея умственной жизни, о литературной критикѣ. Литературная критика въ Германіи является преимущественно или въ формѣ статей въ спеціальныхъ изданіяхъ или въ исторіяхъ литературы. Къ числу спеціальныхъ изданій присоединился въ концѣ прошлаго года журналъ для романской и англійской литературы—*Jahrbuch für romanische und englische Literatur* издаваемый г. Эбертомъ и Вольфомъ въ Берлинѣ. Въ немъ помѣщенъ весьма дѣльный, написанный г. Эбертомъ разборъ книги Лакруа о вліяніи Шекспира на французскій театръ. Но состояніе литературной критики, въ смыслѣ обширномъ, всего яснѣе обнаруживается въ исторіяхъ литературы. Самое полное обозрѣніе нѣмецкой литературы девятнадцатаго вѣка представляетъ трудъ Юліана Шмидта, вышедшій въ 1858—1859 году четвертымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: *Исторія нѣмецкой литературы со смерти Лессинга*. Авторъ, не ограничиваясь одними поэтическими произведеніями, разсматриваетъ различныя отрасли духовной дѣятельности, опредѣляетъ значеніе и поэтовъ, и ученыхъ по разнымъ спеціальностямъ, преимущественно историковъ и знаменитыхъ художниковъ. Книга Шмидта имѣетъ двойной интересъ, во первыхъ, какъ произведеніе одного изъ умнѣйшихъ и даровитѣйшихъ критиковъ современной Германіи, во вторыхъ, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія: Направленіе критики г. Шмидта либеральное въ благороднѣйшемъ, то-есть настоящемъ значеніи этого слова: свобода и совѣсть—его принципы. Вѣрный духу избранной имъ эпохи, г. Шмидтъ съ особенною подробностію говоритъ о связи

литературныхъ произведеній съ развитіемъ общественной жизни. Конецъ восемнадцатаго и начало девятнадцатаго столѣтія былъ для Германіи вѣкомъ художественной дѣятельности, отрѣшенной отъ жизни дѣйствительной; въ послѣдующіе періоды дѣйствительность все болѣе и болѣе предъявляла свои права; поэты становились внимательнѣе къ ея призывамъ; литература все болѣе и болѣе приобрѣтала практическое значеніе, и притомъ, нельзя не сознавать того, въ ущербъ значенію поэтическому. Самъ г. Шмидтъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ этого направленія. Свободное творчество, чистое отъ практическихъ связей съ жизнью, мало привлекаетъ его къ себѣ. «Жизнь, говоритъ онъ съ очевидною односторонностію взгляда, для насъ теперь болѣе нежели искусство, дѣло для насъ дороже лица, нравственная сила важнѣе прекрасной формы, опредѣленное отечество вытѣснило собою отжившій космополитизмъ». Но это не мѣшаетъ г. Шмидту оцѣнивать съ полнымъ безпристрастіемъ степень участія писателей въ интересахъ общественной жизни. Тонъ его критики—спокойный и вмѣстѣ съ тѣмъ живой и увлекательный, обнаруживающій сочувствіе автора, которое всегда направлено вѣрно и всегда въ ладу съ общественнымъ мнѣніемъ. Такъ какъ автору приходится говорить о самыхъ современныхъ, животрепещущихъ явленіяхъ, то его тонъ становится иногда ироническимъ, не измѣняя впрочемъ своего достоинства. Слѣдя методъ говорить словами разбираемыхъ авторовъ, онъ такъ искусно заставляетъ ихъ вполне высказаться, что иронія заключается во внутренней несостыльности нѣкоторыхъ мнѣній, мастерски сгруппированныхъ историкомъ литературы. Тѣ же свойства, хотя и не въ одинаковой степени, замѣчаются и въ другомъ произведеніи того же автора, въ его *Исторіи французской литературы со времени революціи*, изданной въ 1858 году. Чтобы познакомить вашихъ читателей, хотя отчасти, съ характеромъ критики г. Шмидта, я приведу сужденіе его о писателѣ, имѣвшемъ сильное вліяніе на современниковъ.

Жоржъ-Сандъ, говоритъ онъ, имѣетъ какъ страстныхъ защитниковъ, такъ и ожесточенныхъ порицателей. Въ ея твореніяхъ выражается неподдѣльный жаръ чувства, и даже сквозь сѣть парадоксовъ виднѣется слѣдъ внутренней истины и теплоты. Отъ этой теплоты образы ея получаютъ жизнь и движеніе, которое заставляетъ насъ вѣрить ихъ истинѣ. Когда она впадаетъ въ горячку рефлексіи, она осыпаетъ хулою божество, но когда живетъ и чувствуетъ, она не отрицаетъ Бога, вѣдающаго сердца. Прелесть отдѣльныхъ изображеній изъ міра природы и человѣчества такъ велика, они набросаны такою легкою и вѣрною рукою, что напоминаютъ неподражаемое искусство Гёте.

Слабая сторона произведеній Жоржъ-Санда заключается, прежде всего, въ нравственной незрѣлости ея мыслей. *Индiana*, первый самостоятельно написанный романъ,—книга безнравственная, не потому, что касается сомнительныхъ предметовъ, а потому, что сужденіе о нравственныхъ задачахъ останавливается на погудорогѣ. Въ *Валентинѣ* множество софизмовъ, но она—шагъ впередъ въ сравненіи съ *Индіаною*: въ порывахъ страсти болѣе истины, различные слои общества первыхъ временъ реставраціи изображены превосходно. *Лелія* — не романъ, а сборъ парадоксовъ, вложенныхъ въ уста трехъ лицъ; одно изъ нихъ находитъ даже, что страсть къ игрѣ требуетъ болѣе героизма, нежели война: воинъ рискуетъ только своею жизнью, а игрокъ—своею честью! Всякая любовь истинна, говоритъ Жоржъ-Сандъ, будетъ ли она спокойная или бурная, духовная или чувственная, продолжительная или скоропреходящая. Чувственная любовь можетъ быть облагорожена и освящена борьбою и жертвами. Каждая любовь истощаетъ, за нею должно слѣдовать отвращеніе и печаль; связь мужчины съ женщиною должна быть кратковременна, все противорѣчитъ ея продолжительности, и перемѣна—необходимое условіе ея. Приведа эти парадоксы, г. Юліанъ Шмидтъ замѣчаетъ, что истинная поэзія страсти заключается не въ борьбѣ со внѣшними препятствіями, а въ столкновеніи внутреннихъ стремленій сердца. Первая страсть въ дѣвушкѣ нравственной и религіозной борется со страхомъ и робостью, возвышающими ея прелесть. Такая страсть можетъ быть изображена только поэтомъ, обладающимъ великимъ драматическимъ талантомъ, подобно Эврипиду, Шекспиру, Кальдерону. Но у Жоржъ-Санда преобладаетъ лиризмъ, притомъ она привыкла сравнивать и разсуждать, дѣлать изъ страсти доктрину. Несмотря на жаръ, наполняющій изображаемыхъ ею женщинъ, чувствуется тайный холодъ ихъ сердца; за ихъ идеальными стремленіями скрывается пламя чувственности. Рѣчь Жоржъ-Санда восходитъ иногда до высочайшей степени поэзіи, но, собственно говоря, мыслямъ не достаетъ обыкновенно того высшаго благородства, которое не въ духѣ эпикурейской философіи восемнадцатаго вѣка, а Жоржъ-Сандъ, не только по уму, но и по сердцу, истая дочь этого столѣтія. По сближеніи ея съ социалистами, ея романы получаютъ особый колоритъ; ихъ обычная тема — ненависть къ буржуазіи и отвратительному эгоизму, господствующему въ этомъ классѣ общества. Вліяніе Жоржъ-Санда и другихъ писателей на современность видно уже изъ того, что Жоржъ-Сандъ редактировала манифесты г. Ледрю-Роллена, а Сю отправленъ былъ социалистами депутатомъ въ національное собраніе. Но при всей односторонности нѣкоторыхъ

изъ романовъ Жоржъ-Санда, талантъ ея вывелъ ее на новую, прекрасную дорогу. Литературное изображеніе народа, какъ собирательнаго лица, которому должны приноситься въ жертву отдѣльныя личности; побудило ее углубиться въ народную жизнь. Цѣлый рядъ идиллій, въ родѣ *La mare au diable*, *François le chatin* и другихъ, народныхъ и по духу и по языку, должно признать лучшими перлами французской поэзіи; они дѣлаютъ еще бодрѣе впечатлѣніе, если сравнить ихъ съ сельскими повѣстями Ламартина, напоминающими пасторали времени рококо. Что касается до общаго характера произведеній Жоржъ-Санда, то онъ объясняется изъ общественныхъ условій среды, въ которой развивался ея талантъ. Ея идеи о призваніи женщины и о любви показываютъ основную ошибку новѣйшаго католическаго образованія, рѣшительное отдѣленіе идеала отъ дѣйствительности. Протестантизмъ выводитъ, хотя и окольнымъ путемъ, долгъ изъ самой природы челоуѣка, и исполненіе долга полагаетъ въ предѣлахъ и интересахъ дѣйствительной жизни. Католицизмъ видитъ въ долгѣ проявленіе иной, вышечеловѣческой воли, стоящей внѣ природы и дѣйствительности. Бракъ въ католичествѣ, повидимому, вещь священная; какъ таинство, онъ неразрывенъ. Къ этому присоединяется романское понятіе о чести, которое во Франціи хотя и не достигло такой крайности, какъ въ Испаніи, но довольно сильно для того, чтобы передъ всякимъ судомъ оправдать умерщвленіе нарушителя брака. Но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается иное. Святое состояніе, по понятію католичества, не бракъ, а безбрачіе, и бракъ разсматривается въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ вина. Согласно съ этимъ, и въ понятіяхъ общества, при нарушеніи брака, стыдъ падаетъ не на оскорбившаго, какъ у протестантовъ, а на оскорбленнаго, и общественное мнѣніе какъ будто не видитъ въ винѣ ничего безчестнаго. Когда Французы не сибѣются надъ чувствомъ, они невольно отдаются власти чувства, и утончаютъ его до послѣдней степени. Нѣмцы мучатся отъ избытка страсти, Французы наслаждаются ею до пресыщенія, будучи увѣрены, что могутъ мгновенно страхнуть ее: отсюда эксцентрическія теоріи, отсюда усилія возвести дѣла въ правила всѣ исключенія и болѣзненные случаи.

Къ подобному же результату, хотя и совершенно другимъ путемъ, пришелъ социальный критикъ современной Франціи, г. Прудонъ. Всего болѣе возбуждаетъ негодованіе г. Прудона любимая идея Жоржъ-Санда—эманципація женщинъ, съ ея неизбѣжнымъ слѣдствіемъ, уничтоженіемъ брака. Г. Прудонъ—ревностный защитникъ брака; онъ поражаетъ строгимъ укоромъ всякую мысль, подрывающую нравственное и гражданское значеніе брака. Рѣзкій при-

говоръ знаменитой писательницы и вѣсть съ тѣмъ признаніе ея гениальной женщиною объясняется идеями г. Прудона о призваніи женщины. Такъ какъ общество, говоритъ онъ, слагается изъ трехъ силъ: труда, знанія и справедливости, то и значеніе женщины опредѣляется въ этихъ трехъ отношеніяхъ, и можетъ выразиться такъ: мужчина, въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, выше женщины болѣе, нежели въ три раза, именно какъ 27: 8. Такая математическая точность нужна г. Прудону для вывода, что въ такой же пропорціи и вліяніе мужчины должно превышать вліяніе женщины: авторъ имѣетъ при этомъ въ виду женщинъ эманципированныхъ, стремящихся освободиться отъ какого бы то ни было вліянія. Но когда рѣчь идетъ о женщинѣ вообще, и преимущественно о женѣ, признающей святую браку, тонъ неумолимаго судьи переходитъ въ самый нѣжный лиризмъ. «Женщина, говоритъ г. Прудонъ, есть олицетворенная совѣсть человѣка; она—воплощеніе его юности, его разума и правды, всего, что есть въ немъ чистѣйшаго, искреннѣйшаго и благороднѣйшаго; она—идеалъ человечества, послѣднее и совершеннѣйшее изъ твореній. Но руководить обществомъ, открывать ему новые пути и создавать теоріи — не согласно съ призваніемъ женщины; женщина, это — зеркало, отражающее солнце, призма, преломляющая лучи свѣта; но спросите у зеркала о теоріи свѣта, и какой же отвѣтъ получите отъ него?...» Для критика съ такими идеями невыносима мораль Жоржъ-Санда. Вдохновеніе гнѣва, которымъ проникнуты обличительныя слова г. Прудона, вызвано современнымъ ему состояніемъ французскаго общества. Тонъ нѣмецкаго критика гораздо спокойнѣе и приговоры умѣреннѣе, хотя въ сущности нисколько не сходятся.

Также безпощадна и критика произведеній Гейне, въ *Исторіи нѣмецкой литературы*. Признавая высокое художественное значеніе поэзіи Гейне, г. Юліанъ Шмидтъ разоблачаетъ его внутренний міръ, показываетъ шаткость его убѣжденій, несостоятельность его какъ поэта-гражданина. Вѣчная насмѣшка у Гейне, говоритъ критикъ, лишена глубокаго смысла и даже того значенія, какое она имѣетъ, напримѣръ, у Вольтера. Будучи крайне неразборчивъ въ выборѣ предметовъ, Гейне топчетъ въ грязь всѣ заветныя преданія. Смѣясь надъ порабощеніемъ Германіи, онъ не затрудняется слагать хвалебныя гимны деспоту Наполеону. Изъ всѣхъ видовъ, въ которыхъ обнаруживается религіозная жизнь народовъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ смѣется надъ протестантизмомъ, идущимъ рука объ руку съ гражданскимъ развитіемъ народа. Когда политическія идеи не выработались еще вполне, Гейне считалъ демократомъ; но его склонности были скорѣе аристократическія, и будучи готовъ хранить, какъ святыню, оковы идеальнаго романа

сленника, онъ чуждался живаго ремесленника, носящаго дѣйствительныя оковы; воображеніе его было большею частью въ разладѣ съ его умомъ и сердцемъ.

Какъ ни строги приговоры г. Юліана Шмидта, его негодованіе, какъ и его симпатія, выходятъ изъ благороднаго источника; удары его направлены на двоедушіе, внутренній разладъ, отсутствіе принциповъ. Онъ осуждаетъ политическіе дивирамбы нѣкоторыхъ поэтовъ именно за то, что ихъ тенденціи такъ же мало искренны и состоятъ изъ однихъ фразъ, какъ и прежде ихъ удивленіе красотами природы, полевымъ цвѣтамъ и тѣнистымъ рощамъ. Но критика г. Юліана Шмидта, при всей безпощадности своей, умѣетъ отдавать должное каждому писателю и направленію. Признавая за современнымъ поколѣніемъ несомнѣнный успѣхъ, онъ признаетъ и заслуги предшествовавшихъ дѣятелей, стремившихся спасти общество отъ его нравственнаго паденія. Въ восемнадцатомъ столѣтїи, и ранѣе, нѣмецкое общество представляло печальное зрѣлище внутренняго безсилія и разлада. Высшій классъ былъ совершенно чуждъ народной жизни, въ немъ господствовали французскіе нравы и французскій языкъ; народъ носилъ въ рабствѣ, подавленный чиновничествомъ и преобладаніемъ военнаго сословія; низкая лестъ передъ знатью, крайняя ограниченность въ мнѣніяхъ, постыдная терпимость къ вопіющей бессмыслицѣ и неправдѣ, условная нравственность — были стихіями тогдашняго общества. Идеалисты стремились путемъ искусства привести народъ къ справедливости и нравственности; если путь ихъ и не самый прямой, то имъ все-таки принадлежитъ честь великаго дѣла: они достигли своей цѣли, научили самостоятельно мыслить и чувствовать, и на потомкахъ лежитъ долгъ продолжать ихъ святое дѣло. Много препятствій встрѣчаетъ оно въ настоящее время, но передовые люди не должны класть оружія. Подобно Шиллеру, современный критикъ высказываетъ убѣжденіе, что свободу *подарить* нельзя, что она должна самостоятельно быть выработана, войти въ плоть и кровь людей мыслящихъ, безукоризненныхъ и въ словѣ и въ дѣлѣ. Чѣмъ глубже и чище убѣжденія передовыхъ людей, тѣмъ ближе время благотворной побѣды.

М. Сухомлиновъ.

РУССКОЕ СТАРОБРЯДСТВО.

Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутренними состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII. Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола, соч. А. Щапова. Казань. Изданіе книгопродавца И. Дубровина. Въ университетской типографіи 1859. in-8. Стр. III и 347. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 руб. 50 к. сер.

Издаваемый при казанской духовной академіи *Православный Собесѣдникъ* обратилъ на себя въ послѣднее время общее вниманіе мыслящихъ людей. Редакторы и сотрудники этого журнала статьями самаго разнообразнаго содержанія, написанными увлекательно и чистосердечно, въ короткое время успѣли познакомить читателей со многими историческими фактами, съ разными вопросами догматическими, и возвысили значеніе своего изданія рѣдкими внутренними достоинствами. Статьи ихъ, доказывающія обширную ученость, проникнуты постоянно живою мыслию, сознаниемъ требованій современности, отличаются направленіемъ истинно-христіанскимъ, чуждымъ исключительности и узкихъ воззрѣній; онѣ исполнены терпимости и горячей любви къ человѣчеству, и не наводнены общими мѣстами и отвлеченными, безплодными сентенціями, мертвящими самую живую и благодѣтельную истину.

Къ числу сотрудниковъ *Собесѣдника* принадлежитъ авторъ новой книги о расколѣ г. Щаповъ. Понятно, съ какимъ любопытствомъ принялись мы за его сочиненіе, ожидая найти въ немъ вѣрное пониманіе предмета и разъясненіе его съ новыхъ сторонъ, съ которыхъ расколъ не былъ разсматриваемъ въ новѣйшихъ о немъ изслѣдованіяхъ. Ожиданія эти не обманули насъ, и мы нашли въ книгѣ г. Щапова именно то, если не болѣе того, чего могли ожидать.

Авторъ говоритъ въ предисловіи (стр. III), что сочиненіе его «издается не для ученыхъ специалистовъ, а больше для неученой публики». Тѣмъ лучше. Если въ наше время чрезвычайно нужны спеціальныя изслѣдованія и монографіи, то тѣмъ не менѣе желательно, чтобы специалисты, уже обогатившіе себя достаточнымъ запасомъ матеріала и успѣвшіе выработать вѣрный взглядъ на свой предметъ, передавали добытыя ими богатства непосвященнымъ въ его тайна. Этимъ непосвященнымъ по большей части приходится, на практикѣ, въ жизни, сталкиваться съ явленіями и людьми, которыхъ особенности имъ неизвѣстны; имъ необходимо бываетъ знать результаты вѣрнаго и добросовѣстнаго

изученія ихъ, а жизнь не ждетъ и требуетъ дѣятельности. Пусть же предметъ обогащается новыми открытіями; но не должно оставлять подъ спудомъ того, что уже знаешь и въ чемъ твердо убѣжденъ. Это особенно важно въ дѣлахъ, которыя по преданію и по разнымъ разчетамъ, многіе хотятъ еще и теперь облекать какою-то тайною и обречать ихъ храненію за семью печатами, причѣмъ непосвященные вводятся въ заблужденіе, а посвященные могутъ дѣйствовать произвольно и пожалуй несправедливо, не опасаясь обличенія, и даже разчитывая на одобреніе большинства непосвященныхъ.

Г. Щаповъ принадлежитъ къ числу тѣхъ изслѣдователей, которымъ грѣхъ было бы не подѣлиться съ публикой плодами своихъ изученій. Начнемъ съ того, что рѣдко можно у насъ встрѣтить въ сочиненіяхъ о расколѣ такое разнообразіе матеріаловъ, какое было въ распоряженіи автора. Къ чести его должно сказать, что въ этомъ отношеніи онъ дѣйствуетъ съ совершеннымъ безпристрастіемъ, и что это безпристрастіе даетъ его книгѣ характеръ настоящаго изслѣдованія, а не обвинительнаго акта противъ одной стороны, составленнаго съ цѣлю сочинить панегирикъ другой. Г. Щаповъ не ограничиваетъ своихъ указаній ссылками на одинъ извѣстный циклъ книгъ и рукописей, сдѣлавшихся непремѣнными и неизмѣнными источниками доказательствъ и воззрѣній, которыя обратились уже въ пошлыя общія мѣста, притомъ же еще и искажающія истину. Онъ изо всего извлекаетъ то, что ему нужно, и на сколько ему нужно, для того чтобы взвѣсить и оцѣнить явленія и событія, хладнокровно извлечь истину изъ показаній разныхъ сторонъ и высказать свое убѣжденіе. Въ этомъ процессѣ нерѣдко давно извѣстныя, но худо понятыя или нарочно невѣрно истолкованныя свидѣтельства являются въ новомъ свѣтѣ, болѣе истиннымъ, и перестаютъ быть неправою защитою для однихъ и ложнымъ обвиненіемъ противъ другихъ. Фактамъ, свидѣтельствующимъ противъ одностороннихъ фанатическихъ воззрѣній, дано болѣе мѣста, на основаніи мудраго правила: *audiatur et altera pars*. Г. Щаповъ пользовался множествомъ рукописныхъ памятниковъ, сочиненіями писателей свѣтскихъ, правительственными актами, показаніями иностранцевъ и пр.; на эти свидѣтельства довольно скупы были его предшественники.

Такие приемы ученой работы высказались вполне въ характерѣ труда почтеннаго автора. Взглядъ его отличается вѣрностію и безпристрастіемъ; въ немъ нѣтъ и слѣда какой-либо худо скрытой вражды, или слѣпой злобы, безпощадно укоряющей отщепенцевъ и не хотящей видѣть, что не одно ихъ упорство и невѣжество причинили печальныя явленія нашей церковной исторіи, а весь ходъ ее событій, весь складъ народной жизни и особенно пороки тѣхъ

которые потомъ стали сами его преслѣдовать. Авторъ не оправдываетъ вполнѣ и не осуждаетъ вполнѣ отдѣльныхъ событій или личностей, не приписываетъ имъ однимъ происшедшихъ бѣдствій, а скорбитъ о ихъ заблужденіяхъ, какъ христіанинъ, связываетъ не одни церковныя, но и политическія и гражданскія отношенія народа общемою нитью, и старается прослѣдить исторически ходъ мысли, ихъ оживляющей. Въ этомъ отношеніи трудъ его носитъ на себѣ печать современной науки, не останавливающейся на внѣшнихъ признакахъ, а ищущей смысла событій въ историческихъ судьбахъ народа, въ его духѣ и во всемъ, что имъ пережито. Такимъ образомъ авторъ представляетъ живую картину нравственно-религіозной жизни русскаго народа и наводитъ читателя на новыя мысли и соображенія. Г. Шаповъ не разказываетъ подробно внѣшней исторіи раскола, онъ и въ заглавіи своей книги не общаетъ этого. Его дѣло представить совокупность тѣхъ обстоятельствъ, которыя слагались издавна и привели Россію къ печальнымъ явленіямъ, ознаменовавшимъ XVII вѣкъ и развившимся позднѣе еще болѣе.

Познакомившись со взглядами автора на свою задачу, читатели конечно не будутъ ожидать отъ него и безплодныхъ споровъ объ обрядахъ, осужденныхъ великимъ московскимъ соборомъ 13 мая 1667 года. Къ сожалѣнію, эта мелочная полемика о *ложженіи посоловъ*, о *двуперстномъ сложеніи* и т. п. еще соблазняетъ до сихъ поръ нѣкоторыхъ охотниковъ до споровъ. Пренія эти давно пора бросить, особенно если вспомнить, что мудрымъ, хотя къ сожалѣнію и позднимъ, указомъ 27 октября 1800 года утверждено такъ-называемое единовѣріе, послѣдователи котораго получили отъ церковной власти разрѣшеніе слѣдовать упомянутымъ обрядамъ съ условіемъ признать священство, подчиненное епископамъ. Становится на почву подобныхъ споровъ значить принижать слишкомъ большое значеніе обрядности и подражать самимъ раскольникамъ, которыхъ притомъ никакъ и не побѣдннъ на столь знакомомъ имъ полѣ обрядовой формальности, на которомъ разсыяно столько оружія обоюдоостраго.

Г. Шаповъ издалека ведетъ «илицію» тѣхъ обстоятельствъ, совокупность которыхъ вызвала наконецъ въ XVII вѣкѣ строгое противодѣйствіе, послѣ чего расколъ, какъ секта, осужденная высшею церковною властію, выдѣлился изъ массы народа и занялъ внѣ опредѣленнаго церковнаго закона, открыто не признавая его. У насъ еще многіе видятъ начало этого явленія въ исправленіи патріархомъ Никономъ церковныхъ книгъ, то-есть принимаютъ одинъ изъ признаковъ, одно, правда, не случайное, но все-таки отдѣльное проявленіе уже созрѣвшаго зла за его причину. Если нѣкоторые историки раскола и начинали исторію его нѣсколько ранѣе этого

впрочемъ, то все-таки приписывали появленіе раскола почти исключительно пристрастію къ одной обрядности, не заботясь объ истолкованіи связи такого пристрастія къ мертвой буквѣ съ характеромъ всего народа и его религиозныхъ воззрѣній. Притомъ эти историки только мимоходомъ намекали на нѣкоторые отдѣльно, одиноко и безсвязно выставленные факты, бывшіе предшественниками раскола, осужденнаго въ XVII вѣкѣ, какъ на примѣръ, на ересь Мартына въ XII столѣтіи, борьбу за старыя книги, исправляемыя Максимомъ Грекомъ, въ XVI; и признаютъ нужнымъ вообще говорить о расколѣ только съ XV вѣка, когда начались споры о тѣхъ пустыхъ формальностяхъ, значеніе которыхъ признано неущественнымъ при учрежденіи единовѣрія. Г. Щаповъ считаетъ это пристрастіе къ обрядности въ христіанской жизни присущимъ характеру народа, прежде всего плѣнившагося, «вслѣдъ за послами Владиміровыми, виѣшнимъ благолѣпіемъ и обрядностию христіанскаго богослуженія, которая въ то время въ Византіи достигла высшаго развитія» (стр. 13). Такова точка отправленія его на поиски, но въ данные моменты онъ связываетъ эту мысль съ другими явленіями, по мѣрѣ ихъ возникновенія, и въ XVII вѣкѣ рисуется намъ полную картину элементовъ, которые, взаимно слагаясь и дѣйствуя другъ на друга, должны были разразиться страшною бурей.

Г. Щаповъ, разоблачая истину безпощадно, доказываетъ очень ясно, что многое о чемъ думали, что оно произошло въ XVII и XVIII вѣкѣ, существовало уже давно и въ огромныхъ размѣрахъ, такъ что невозможно было истребить вкравшееся зло. Что касается до историческихъ судебъ сложившагося раскола, въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, онъ раздѣляетъ ходъ дѣла на четыре періода. Въ первомъ (съ XVI вѣка), расколъ имѣетъ характеръ чисто *религиозно-обрядовый*, выказывающійся въ сопротивленіи исправленію книгъ. Во второмъ (съ патріарха Никона), превентуется элементъ *религиозно-демократическій*, духъ оппозиціи низшаго духовенства противъ строгости патріарха. Въ третьемъ періодѣ (съ 1666 года), расколъ переходитъ изъ сферы церковной въ гражданскую и народную жизнь, и становится преимущественно *народно-демократическою оппозиціей* противъ европейскихъ нововведеній правительства и государственнаго устройства Россіи. Наконецъ, въ четвертомъ (при Петрѣ Великомъ), завершается религиозно-гражданское развитіе раскола уравниваніемъ принятыхъ въ него элементовъ: онъ принимаетъ характеръ *религиозно-національно-демократическій*, и окончательно отстаеетъ отъ преобразованной Россіи. Таковы результаты, добытые авторомъ (стр. 131) изъ изслѣдованія «главнаго, первоначальнаго источника и основнаго началъ русскаго раскола старообрядства», которое составляетъ первую часть его сочиненія.

Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ затѣмъ еще четыре части. Во второй разсматриваются нравственные недостатки русскаго общества XVII вѣка, благопріятствовавшіе происхожденію развитію и распространенію раскола. Въ третьей изображается внутреннее развитіе раскольнической общины. Четвертая часть описываетъ состояніе управления и благочинія въ русской церкви во время появленія и распространенія раскола; и наконецъ, въ пятой говорится о гражданскомъ состояніи Россіи во время появленія и распространенія раскола.

Мы не будемъ представлять здѣсь результатовъ, выведенныхъ авторомъ изъ этихъ частей его сочиненія: тѣмъ, кого занимаетъ предметъ, пріятнѣе будетъ познакомиться съ ними изъ самой книги.

Мы однако не можемъ не посвятить нѣсколькихъ строкъ указанію на взглядъ г. Щапова на двѣ колоссальныя личности, явившіяся въ періодѣ времени, имъ описанномъ: на Никона и на Петра. Портретъ Никона, рисующійся самъ собою изъ словъ автора, не польщенъ и слѣдовательно близокъ къ оригиналу. Реформа Петра и вообще попытки правительства и немногихъ передовыхъ людей еще до него преобразовать, хотя отчасти, нравы и учрежденія Россіи возбуждаютъ живое сочувствіе просвѣщеннаго автора. Онъ не усиливается видѣть въ розовомъ цвѣтѣ ту разлагавшуюся старину, которая служитъ великимъ историческимъ доказательствомъ испытанной невозможности для Россіи стоять и развиваться особнякомъ, внѣ живаго общенія съ образованнымъ человѣчествомъ. Онъ не шадитъ эту старину, гдѣ всѣ проявленія народной жизни такъ легко принимали эти хорошо извѣстныя намъ уродливыя формы, изъ которыхъ одна, едва ли не самая уродливая, составляетъ предметъ его изслѣдованій, гдѣ, съ одной стороны, общество было въ такомъ положеніи: «старыя книги, старыя понятія и никакой новой свѣжей мысли» (стр. 141), а съ другой, «духовенство стало нравственно слабѣе, упадае, утратило прежнее нравственное вліяніе на народъ, сдѣлалось рабочимъ и закоснѣло въ рутинѣ и въ своей, какъ бы отдѣльной отъ общества, кастѣ» (стр. 119); гдѣ «духъ стремленія изъ общества, духъ пустынножительства, противобщественный и противоцерковный, усилился» до невѣроятной степени, протекая «только изъ склонности къ бродяжничеству» и тому подобныхъ причинъ (стр. 208). Но изъ этого авторъ не выводитъ необходимости оправдывать жестокость мѣръ, принимавшихся Никономъ, и представляетъ его въ истинномъ свѣтѣ: хотя и передовымъ человѣкомъ, но все-таки сыномъ своего вѣка, воспитаннымъ въ средѣ произвола, насилія и неуваженія къ правамъ человѣческой личности. Въ реформѣ Петра, которая вывела Россію съ ея прежней узкой и уединенной тропы на широкій путь

всемирно-исторической жизни, г. Шаповъ видитъ благотворную необходимость. Онъ сочувствуетъ окончательному паденію того порядка, который былъ основанъ на смѣшеніи церкви и государства, къ обоюдному ихъ ущербу, «когда верховные правители Русской земли, князья, часто безпрекословно подчинялись влиянію митрополитовъ и епископовъ» (стр. 112); порядка, замѣнявшагося сознаниемъ той великой идеи, «что главная, высокая обязанность церкви — заботиться о духовно-нравственномъ христіанскомъ развитіи и совершенствованіи народа, а внѣшнее, гражданское, матеріальное совершенствованіе Россіи составляетъ дѣло государства» (стр. 112). Но г. Шаповъ не отрицаетъ того, въ чемъ теперь у насъ убѣждены почти всѣ, что нѣкоторыя мѣры Петра, особенно мѣры худо понятыя и исполняемыя, а тѣмъ болѣе распоряженія его преемниковъ, заходили слишкомъ далеко и затрогивали такія стороны народной жизни, которыя трогать, особенно безъ необходимости, опасно. Впрочемъ симпатіи автора, какъ и должно быть, рѣшительно на сторонѣ реформы *quand même*, потому что едва ли можно представить себѣ что-нибудь хуже и безобразнѣе начертанной имъ по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ картины нравовъ духовенства и общества XVII вѣка.

Книга г. Шапова, вѣроятно, вызоветъ осужденіе *нѣкоторыхъ*, но зато встрѣтитъ сочувствіе *всѣхъ людей просвѣщенныхъ*. Желаемъ, чтобъ ученые критики занялись ея подробнымъ разсмотрѣніемъ; у насъ есть для этого хоть немногіе, но ученые спеціалисты, которыми открывается при этомъ случаѣ поле для новыхъ и обширныхъ соображеній. До того времени да приметъ почтенный авторъ привѣтъ отъ одного изъ членовъ той «неученой публики», для которой, по словамъ его, написана его книга. Мы считаемъ долгомъ заявить ему наше сочувствіе: мы не привыкли, насъ не пріучили въ сочиненіяхъ подобнаго рода къ этому одинаковому безпристрастію къ *своимъ* и къ *чужимъ*, къ этому духу терпимости, къ этому тону, исполненному достоинства, отъ котораго вѣетъ истиной, убѣжденіемъ и братскою любовью къ людямъ, любовью теплою, но разумною и не заглушающею голоса разсудка и справедливости.

Михаилъ Лонгиновъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ Петербургѣ напечатана брошюра, подъ заглавіемъ: *Мысли сельскаго челоука о книгѣ: «Описаніе сельскаго духовенства»*. Въ этой брошюрѣ изрекается страшное проклятiе на автора и, мнѣмаго издателя передъ всѣми русскими людьми, которые до сихъ

портъ, просимъ замѣтить, не имѣли и не могли имѣть понятія о книгѣ, напечатанной за границею.

Дѣйствовавъ всегда открыто, не скрываясь никогда подъ буквою или псевдонимомъ, я готовъ и въ настоящемъ случаѣ принять на себя обвиненіе, хотя косвенное, и объяснить дѣло, поскольку оно до меня касается.

Прежде всего замѣчу, что какъ чиновники не составляютъ юстиціи, такъ и духовныя лица, какія бы ни были, внѣ ихъ священнодѣйствія, не составляютъ церкви. Кто осуждаетъ тѣхъ или другихъ чиновниковъ, тотъ еще не показываетъ тѣмъ неуваженія къ юстиціи; кто показываетъ злоупотребленія духовныхъ лицъ или учреждений, какихъ бы то ни было, тотъ можетъ благоговѣть передъ церковію и святыми ея уставами. Обвиненія «свѣтскаго человѣка» по своему духу принадлежатъ скорѣе іезуиту, или такому инквизитору, который въ молитвѣ *Отче Нашъ* готовъ найти доказательство богохульства. Метода его не новая, и употребляется искони всѣми виноватыми людьми. Вы будете уличать ихъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, а они вмѣсто отвѣта взведутъ на васъ вину въ неуваженія или въ оскорбленія религіи, власти, правительства. «Фармасонъ, красный, властей не признаетъ!» восклицаетъ Фамусовъ Грибоѣдова. «Это наши язвы, оглашать ихъ непозволительно», кричитъ въ *Разъѣздъ послѣ представленія Ревизора* патриотъ Гоголевъ. *Изъ избы не надо выносить сора*: хороша была бы изба, недавно замѣтилъ г. Павловъ, еслибы копить въ ней всѣ такія драгоценности. Но распространяться болѣе о пошлыхъ, запоздалыхъ выходкахъ «свѣтскаго человѣка», не считаю болѣе нужнымъ, а разкажу исторію осужденной имъ книги.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, издавая *Москвитяинъ*, я получалъ въ разныя времена письма съ историческими актами и статьями отъ одного уѣзднаго священника, изъ которыхъ составилось у меня выгодное понятіе о его дарованіяхъ и познаніяхъ. Этому священнику случилось года черезъ два пріѣхать въ Москву и быть у меня. Удостоверясь среди личной бесѣды въ своемъ мнѣніи, я предложилъ ему написать записку о состояніи нашего низшаго духовенства, которое меня издавна занимало, прослѣдить жизнь мальчика изъ духовнаго званія со времени оставленія имъ отеческаго дома, описать, какъ живетъ онъ въ училищѣ, какъ переходитъ въ семинарію, оканчиваетъ курсъ, поступаетъ на мѣсто, женится, въ какія отношенія входитъ онъ къ своему семейству, епархіальному начальству, къ крестьянамъ и помѣщикамъ.

Въ доказательство того, что состояніе сельскаго духовенства занимало меня издавна, сообщу здѣсь мимоходомъ статейку, написанную мною, лѣтъ пятнадцать назадъ, по просьбѣ бывшаго оберъ-

прокурора графа Протасова, и вѣроятно сохраненную въ его канцеляріи. Графъ Протасовъ пожелалъ, чтобъ я, пріѣхавъ тогда по какому-то случаю въ Петербургъ, осмотрѣлъ тамошнюю духовную академію и семинарію, вновь отдѣланныя, и потомъ сказавъ свое мнѣніе. Водилъ меня по академіи инспекторъ, архимандритъ Филоевъ, нынѣ архіепископъ тверской. Вотъ что я написалъ тогда для графа Протасова:

• *Петербургская семинарія.* Помните ли вы оборванныхъ ребятшекъ, съ голыми локтями, босикомъ, въ туфляхъ или сапожикахъ, въ заграпезныхъ халатахъ и длиннополыхъ неразрѣзанныхъ сюртукахъ всѣхъ цвѣтовъ, съ заплатами на спинѣ и прорѣхами на бокахъ, въ шапкахъ лѣтомъ и картузахъ зимою, какъ они, въ урочный часъ, рассыпались въ Москвѣ по Никольской или по Петровкѣ, и поднимали шумъ и гамъ на улицѣ, толкая прохожихъ, кривляясь и дразня ихъ языкомъ, окружая калашниковъ, прыщаниковъ, сбитеньщиковъ, затѣвая драку съ ними и между собою? Не обливалось ли сердце ваше кровію при мысли, что эти нищія сорванцы и озорники предназначаются учить народъ закону Божію, воздѣвать руки къ небу передъ престоломъ Господнимъ за грѣхи наши, и совершать ежедневно великую тайну? Такъ было еще недавно. Не такъ ли бываетъ и теперь по всѣмъ городамъ Русскаго царства? Какая бѣдность, какая нужда, какая грубость! Заглядывали ли вы въ ихъ училища, когда, зимнимъ утромъ, они освѣтятъ вамъ ихъ восковыми огарками, натасканными изъ отцовскихъ церквей? или когда бросятся изъ дверей по прочтеніи молитвы, какъ будто сорвавшись съ цѣпи? или когда во сто голосовъ начнутъ твердить свои зады? Знаете ли вы воздухъ, которымъ дышугъ они, и который разложить затруднилась бы химія? Разсуждали ль вы о дикой необузданности бурсака сравнительно съ деспотизмомъ, самымъ жестокимъ и безотчетнымъ, его надзирателя? Встрѣчались ли вы съ нимъ въ образѣ дьячка или попа на сельскихъ праздникахъ? Всмотривались ли вы въ его физіономію? Прислушивались ли вы къ звуку его голоса? Однимъ словомъ: имѣете ли вы понятіе о воспитаніи первоначальномъ, среднемъ и окончательномъ нашего духовенства?

• Ступайте же для утѣшенія къ Невскому монастырю, обойдите ограду, и вы увидите на правой рукѣ два огромныя зданія: это цоля семинарія и академія.

• Поднимитесь по средней лѣстницѣ, и вамъ представятся по обѣимъ сторонамъ ея длинныя, просторныя коридоры, съ воздухомъ чистымъ и здоровымъ. Отворице боковыя двери и полюбуйтесь классами, — какія свѣтлыя учебныя комнаты! Молодые люди, прилично одѣтые, сидятъ въ порядкѣ на дубовыхъ красивыхъ лавкахъ, передъ почтенною кафедрой, за своими книгами и тет-

радами. Ни крику, ни шуму, ни вондей. Благочинная тишина царствуетъ между ними. А вотъ и столовая, куда идутъ они, по два въ рядъ, тихо и спокойно. Вотъ ихъ опрятныя кровати, снабженныя всѣми нужными вещами. Вотъ обширныя комнаты для занятій...

«— Но все это наружный порядокъ, говорите вы: — точно, мы учились съ голодомъ и холодомъ пополамъ, мы не переменяли бѣлья по мѣсяцу, мы спали на голыхъ доскахъ и сочиняли проповѣди въ чуланахъ, но выучились же. Не въ наружности главное.

«Выучились... Четь и слава вашему испытанному мужеству, вашему долготерпѣнью, вашему героизму, вы вали приступомъ крѣпость! Но сколько васъ пало за стѣною? Не чувствуете ли вы сами болѣзненныхъ ранъ въ сердцѣ вашемъ, въ вашей душѣ, послѣ долговременной битвы (1)? Ваше время было одно, а нынѣ другое, съ иными требованіями, иными нуждами. Но я согласенъ съ вами, что наружность есть дѣло второе, однакожъ второе, а не двадцатое, и имѣетъ свою важность. Согласитесь, что не худо въ молодыхъ лѣтахъ приучать дѣтей къ опрятности, порядку, благочинію, и наоборотъ, что въ грязи, въ нуждѣ, въ лохмотьяхъ, съ голодомъ и холодомъ, среди брани и ругательства, въ безпрестанномъ страхѣ и трепетѣ, зараждаются многіе пороки, которыхъ въ послѣдствіи искоренить не въ силахъ никакая философія, никакая герменевтика и никакое богословіе.

«— Но вы забываете, что изъ этихъ убранныхъ комнатъ, съ этой мягкой постели, семинаристъ вашъ попадетъ въ избу, почти курную, къ пустымъ щамъ, къ женѣ, которая ничѣмъ не отличается отъ деревенской бабы.

«Нѣтъ, я помню это, и отвѣчаю вамъ: путь нашего духовнаго воспитанія длиненъ и покрытъ многими терніями. Вы видите теперь въ новомъ заведеніи, что часть этого пути, часть значительная, обнимающая десять лѣтъ жизни, очищена, углажена, украшена... Будьте же признательны, благодарите за нее, и ожидайте съ терпѣніемъ, чтобъ и слѣдующія части, слѣдующія станицы, одна за другою, очищались, углаживались.

«— Да не мѣшаетъ ли пріятная наружность внутреннему достоинству?

«Мѣшать она не можетъ: если такія правила признаны необходимыми для воспитанія всѣхъ дѣтей вообще, то странно же дѣлать изъ нихъ исключеніе въ пользу, то-есть во вредъ духовнаго юно-

(1) Припомнимъ кстати извѣстное словцо Екатерины о митрополитѣ Платовѣ.

ности. Неужели философская дилемма понятнее, когда голова всклокочена, и изъ одного выглядывают пальцы?

«А вы лучше спросите вот какъ: наружность и внутренность соотвѣтствуютъ ли одна другой? На этотъ вопросъ вдругъ отвѣчать нельзя: надо познакомиться съ заведеніемъ покороче, обозрѣть предметы, часы занятій, руководства, отношенія къ низшимъ и высшимъ училищамъ, посмотрѣть на воспитанниковъ въ разные часы, въ классѣ и въ комнатѣ, дома и въ гостяхъ, въ ученьи и на службѣ,—но это другое дѣло. На первый разъ мы пожелаемъ, чтобы внутренность петербургской семинаріи была еще лучше и выше ея прекрасной наружности, чтобы она сдѣлалась образцомъ для всѣхъ губернскихъ семинарій, чтобы сіи послѣднія всѣ были устроены также прочно и довольно, и чтобы содержались въ такомъ порядкѣ и исправности, какъ она. Еще болѣе пожелаемъ, чтобы все наше духовное воспитаніе, приготовленіе пастырей церкви и учителей народа, заняло подобающее ему мѣсто между предметами государственнаго попеченія. Въ настоящихъ дѣйствіяхъ мы видимъ уже зарю спасительныхъ преобразованій. Станемъ надѣяться, что высшее наше духовенство, въ рукахъ котораго находится воспитаніе, своими благими совѣтами, основанными на просвѣщенной опытности, своими учеными пособіями, окажетъ необходимое содѣйствіе благодѣтельному правительству, и приобрѣтетъ тѣмъ новое право на признательность всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества.»

Возвращаюсь къ прерванному разказу:

«Я прошу васъ только», сказалъ я священнику, въ заключеніе своего плана, «чтобы не было никакой риторики, и чтобы соблюдена была вездѣ чистая истина.» «Попробую», отвѣчалъ мнѣ священникъ. Года черезъ два прислалъ онъ мнѣ первую часть своей записки и спрашивалъ, продолжать ли? Я, разумѣется, ободрилъ его, и черезъ нѣсколько времени получилъ вторую часть. Записка поразила меня, и хоть я самъ зналъ состояніе сельскаго духовенства, какъ читатели видятъ теперь изъ вышеприведенной статьи, но новыя подробности, въ запискѣ открывшіяся, возмутили духъ...

Въ это время я былъ боленъ и лѣчился отъ ушиба. Со всѣми своими посятителями я начиналъ говорить, разумѣется, о сельскомъ духовенствѣ, и отъ всѣхъ получалъ подтвержденіе прочтенному въ запискѣ. Разкажу нѣкоторые случаи.

Приходитъ священникъ изъ одного села здѣшной губерніи, у котораго я однажды останавливался, искавъ источниковъ Москвы-рѣки. Я прочелъ ему страницу изъ записки о содержаніи дѣтей на квартирахъ. Священникъ, старикъ, залился слезами: «Точно такъ», сказалъ онъ, всхлипывая. На другой день случилось заѣхать ко мнѣ

одному священнику, занимающему весьма видное мѣсто, а прочее ему страницу объ училищныхъ домахъ. Священникъ расхохотался. «Что вы?» спросилъ я его.—Продолжайте, продолжайте, отвѣчалъ онъ, я вспомнилъ одинъ случай изъ дѣтской своей жизни. «Какой?»—Я учился въ Л...скомъ училищѣ. Вдругъ треснула у насъ стѣна въ училищномъ домѣ. Мальчишки, мы испугались, и бросились сказать учителю. Учитель отнесся къ смотрителю. Смотритель пришелъ, освидѣтельствовала стѣну, и сказалъ намъ: Послушайте, ребята, ваклейте трещину листомъ бумаги; если листъ къ завтраму останется въ цѣлости, то болящаго нечего; а если разорвется, то мы посмотримъ. Мы тотчасъ учинили операцію. На другой день листъ располосовало. Приходитъ смотритель, обозрѣваетъ стѣну, и говоритъ намъ: Не садитесь на эту сторону, а снаружи мы подопремъ. Такъ и было исполнено. Это бы все еще ничего, но прошло лѣтъ десять, или болѣе, я кончилъ курсъ въ училищѣ, въ семинаріи, въ академіи, назначенъ на мѣсто, пріѣхалъ повидаться съ родными въ Л...., посѣтилъ училище, и увидѣлъ стѣну точно въ томъ же положеніи, въ какомъ ее оставилъ. Вотъ чему я расхохотался. Теперь ѣду я въ Л.... опять, и посмотрю опять, исправлена ли стѣна.

Третье подтвержденіе. Профессоры С* или Л* рассказали мнѣ на той же недѣлѣ, что товарищъ ихъ, инспекторъ гимназіи Г*, ѣздивъ на вакаціи, въ одинъ богатый уѣздный городъ повидаться съ своимъ братомъ, лѣкаремъ, и какъ педагогъ, осмотрѣвъ гражданское училище, хотѣлъ взглянуть и на духовное. Смотритель упросилъ его всѣми силами, чтобъ онъ не ходилъ въ училище, потому что совѣстно чужому человѣку показывать домъ.

Четвертое подтвержденіе. Докторъ, лѣчившій меня, рассказалъ тогда же о своемъ землякѣ, болховскомъ купцѣ, который пріѣзжалъ въ Москву, и у него остановился. Этотъ купецъ былъ приглашенъ знакомымъ ректоромъ семинаріи, недавно поступившимъ на мѣсто, завести порядокъ въ его семинаріи, относительно экономіи. Какой, говорилъ докторъ, нашелъ онъ котелъ, въ которомъ варили щи для семинаристовъ, что была за минута, когда вынималось мясо изъ котла, и прибѣгали какіе-то служки, рвали и раздирали его руками, просто уши вынутъ.

Довольно о подтвержденіяхъ. О прочихъ сообщеніяхъ умолчу пока. Я уничтожилъ въ рукописи всѣ мѣста, по которымъ можно бы было заключать о званіи и мѣстѣ жительства автора, и давалъ читать, списывать се своимъ знакомымъ.

Прошло еще нѣсколько времени. Года два тому назадъ протѣзжалъ черезъ Москву одинъ мой старый знакомый, живущій за границей, и спросилъ у меня, нѣтъ ли какихъ примѣчательныхъ записокъ, которыхъ тогда ходило много въ публикѣ. Я далъ ему,

что подалось мнѣ подъ руку, и вмѣстѣ записку о состояніи сельскаго духовенства. Вскорѣ потомъ я узналъ, что записка эта готовится къ печати за границей, и тотчасъ же увѣдомилъ о томъ автора. Авторъ отвѣчалъ мнѣ немедленно, и заклиналъ принять мѣры, чтобы записка не была напечатана. Помѣщая здѣсь подлинникомъ его письмо, дабы читатели видѣли, что въ изданіи этой книги онъ не виноватъ ни тѣломъ, ни душою, и что вся вина, если есть какая, падаетъ на меня. Вотъ это письмо, которое я радъ и имѣю право огласить, прочитавъ печатное обвиненіе «свѣтскаго человѣка».

«... Но печатать, никакъ, ни подъ какимъ видомъ, не позволяю, если только имѣю какія-либо права на трудъ свой. Я не хочу не только передъ людьми, даже въ совѣсти своей быть въ разрядѣ . . . , кидających печатно грязью въ недруговъ своихъ. Если вы имѣли терпѣніе читать мои письма, и особенно послѣднія, то не могли не замѣтить, чего хотѣлъ я. Повторяю въ послѣдній разъ: я предназначалъ свое дѣло собственно и единственно для *двоихъ*, чтобы они: 1) по мѣрѣ силъ и возможности улучшили худое, исправили беспорядочное, направили къ цѣлямъ благимъ и святымъ блуждающихъ въ неисходной тѣмѣ и пр. и пр.; 2) *дали мнѣ трудъ и дѣло для улучшенія собственнаго моего быта, воспитанія и устройства семейства*,—вотъ и все! Иначе, еслибы только вы намекнули мнѣ, что вотъ оно куда можетъ пойти, — клянусь Господомъ живымъ, я сжегъ бы его, и ни одна душа человѣческая не провѣдала бы о немъ. Поэтому, если есть еще какая-либо возможность удовлетворить моей цѣли, то именемъ Отца небеснаго молю васъ, поищите средствъ удовлетворить ей. Въ противномъ случаѣ прошу, молю и заклинаю васъ—сжечь все. Да не мои уста возглаголютъ во *есеуслышаніе* о дѣлахъ человѣческихъ. Больше сказать мнѣ нечего.»

Запрещеніе автора я передалъ своему пріятелю во Франціи, но или оно пришло поздно, вслѣдствіе перемѣны его пребыванія, или онъ, какъ увѣрялъ меня послѣ, сообщилъ кому-то мою рукопись точно такъ же, какъ я сообщалъ ему.

Вотъ настоящая исторія изданія, вышедшаго впрочемъ подъ другимъ заглавіемъ.

Правда сказаннаго мною свидѣлствуется тысячами и тысячами свидѣтелей. Множество людей являлось ко мнѣ и вызывалось доставлять дополненія. Самъ я могу представить несчетное количество неопровержимыхъ документовъ. Вмѣсто голословныхъ или теоретическихъ обвиненій, лучше бы позаботиться соединенными силами объ искорененіи зла, что, смѣемъ надѣяться, и происходитъ.

Если ударять тебя по ланитѣ, подставь ударяющему другую

учить нашъ Божественный Учитель. Думалъ ли свѣтскій человекъ объ этомъ священномъ правдѣ? Книга же эта не раздастъ отъ себя ударовъ, а только выявляетъ полученные удары, обнаруживаетъ раны, кои точатся кровію: за что же такое остервененіе противъ нея?

Странная судьба досталась мнѣ на долю. Съ самого выступленія моего на поприще общественной дѣятельности, при изданіи перваго журнала въ 1827 году, случилось мнѣ приобрести множество литературныхъ недруговъ, преимущественно продолжающихся. За ними послѣдовали недруги по поводу мыслей моихъ о современныхъ вопросахъ. Неужели найдутся еще новые враги между духовными за искреннее, сердечное участіе къ судьбѣ русскаго духовенства?

Отцы и братья! Еже что перенисалъ или не дописалъ, исправляйте Бога дѣла, а не кляните.

М. Погодинъ.

Апрѣля 30, 1859 г.

ГОНЕНІЕ НА ЕВРЕЕВЪ ВЪ ОДЕССѢ.

I.

Письмо изъ Одессы въ редакцію Русскаго Вѣстника (1).

Почти въ то же время, когда правительство наше сдѣлало новый шагъ на пути справедливости и человеколюбія, и даровало Евреямъ, хотя и въ ограниченномъ объемѣ, право жительства во всей имперіи, Одесса, въ которой Евреи составляютъ значительную часть народонаселенія, напомнила намъ времена изступленнаго религіознаго фанатизма. Какъ бы мѣстная офиціальная газета (*Одесскій Вѣстникъ*, № 42) ни старалась уменьшить значеніе и размѣры событія, мы увѣрены, что найдется у насъ въ Одессѣ не мало людей, которые постараются возстановить истину, тѣмъ болѣе что *Одесскій Вѣстникъ* своимъ повѣствованіемъ о происходившихъ у насъ на глазахъ возмутительныхъ сценахъ, оскорбляя правду и христіанское человеколюбіе, оскорбляетъ наконецъ и національное чувство Русскаго. Позорному преслѣдованію Евреевъ, на которыхъ цѣлою толпою нападали вооруженные Греки, наша мѣстная газета придаетъ имя простой драки, происшедшей

(1) Печатаемъ эту корреспонденцію съ полнымъ сочувствіемъ къ направленію, въ которомъ она написана. Всѣ образованные Русскіе прочтутъ съ сердечною скорбію описаніе этихъ неистовствъ, вызванныхъ фанатизмомъ слѣпымъ и дикимъ, всего менѣ лежащимъ въ характеръ настоящаго русскаго народа, который легко уживался и уживается со всеми нововрѣдами

будто бы отъ хмѣля, досуга и особенной наклонности *русскаго* челоуѣка къ разгулу и удали въ праздники, и, мало того, подобный разгулъ называетъ дѣломъ обыкновеннымъ *у насъ на Руси* во время праздниковъ. Хороша рекомендація для русскаго разгула, и хорошія понятія могли бы составить себѣ о нашемъ русскомъ обществѣ и государствѣ проживающіе здѣсь во множествѣ иновѣрцы и иностранцы, еслибы воззрѣнія мѣстной нашей газеты они приняли за общее мнѣніе всѣхъ образованныхъ Русскихъ! Съ какой стати, по какому праву *Одесскій Вѣстникъ* позволяетъ себѣ сваливать всю вину на русскій праздничный разгулъ и чернить такимъ образомъ нашъ народный характеръ, только мелькомъ и какъ бы невзначай упоминая Грековъ, тогда какъ всѣмъ и каждому въ Одессѣ извѣстно, что начинателями и главнѣйшими виновниками гоненія на Евреевъ были вовсе не Русскіе, а Греки; всѣмъ извѣстно здѣсь, что по этому дѣлу содержатся въ острогѣ и находятся подъ слѣдствіемъ только Греки и имъ *одного Русскаго*. Если, начиная съ понедѣльника Свѣтлой недѣли, и русскіе простолюдины присоединились къ Грекамъ, то вина главнѣйшимъ образомъ все-таки падаетъ на послѣднихъ, потому что они начали и они же распространяли между Русскими нелѣпнѣйшія обвиненія противъ Евреевъ, дабы и въ Русскихъ вдохнуть свой фанатизмъ. Да и при томъ Греки убивали и наносили раны кинжалами, тогда какъ Русскіе только били; Греки совершали злодѣянія, Русскіе, вторя имъ, впади въ грубые, крайне прискорбные и предосудительные проступки, но все же не дѣйствовали злодѣйски. Из-

и иномъцами. У всякаго христіянина болѣзненно сожмется сердце при вѣсти о мрачныхъ, совершенныхъ христіянами, дѣлахъ, отъ которыхъ имя христіянства бываетъ въ поношеніи у людей, не вѣдающихъ истиннаго христіянства. Мы имѣемъ причину думать, что корреспонденція эта вѣрно излагаетъ событія, которыя она описываетъ, что она ничего не убавляетъ и не преувеличиваетъ. Для сличенія, печатаемъ ниже изображеніе тѣхъ же событій, появившихся въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* и въ англійской газетѣ *Times*. Замѣтимъ, что корреспондентъ лондонскаго журнала, такъ же точно какъ и нашъ корреспондентъ, упоминаетъ о явномъ выраженіи сочувствія этимъ буйнымъ фанатикамъ со стороны богатыхъ греческихъ негоціантовъ города Одессы. Это извѣстіе должно особенно непріятно поразить людей, симпатизирующихъ греческой націи и надѣющихся на наступленіе лучшихъ временъ для юго-востока Европы. Если такія ожидаютъ насъ проявленія національной греческой самобытности, то кто во всемъ образованномъ мірѣ будетъ въ состояніи сочувствовать ей? На завистливомъ преслѣдованіи болгарской единовѣрной народности, на кровавадой ненависти къ Евреямъ, никогда не удастся Грекамъ основать прочное зданіе своей гражданской свободы. Исторія неподкупна въ своемъ возвышенномъ правосудіи. Кто угнеталъ своихъ ближнихъ, или былъ наклоненъ къ тому, чтобъ угнетать ихъ, тотъ никогда еще не спасался самъ отъ угнетенія. Свободенъ бываетъ только тотъ, кто умѣетъ и хочетъ уважать свободу другихъ. *Ред.*

бави Богъ, чтобы мы думали уменьшать вину Русскихъ изъ одного національнаго чувства, но мѣра ихъ вины несравненно меньшая, и насъ невольно возмущаетъ, что наша мѣстная *русская* газета, по неизвѣстнымъ намъ побужденіямъ, искажаетъ факты, для того только, чтобы сложить всю вину на русскій разгулъ и удалъ, на качества, будто бы присущія русскому національному характеру. Дѣло происходило, на сколько мы могли узнать его, частію какъ очевидцы, частію изъ разказовъ людей, заслуживающихъ въ этомъ случаѣ полнаго довѣрія, слѣдующимъ образомъ:

Уже давно, со времени преданія землѣ въ здѣшней греческой церкви прибитаго волнами къ Одессѣ тѣла замученнаго Турками патріарха константинопольскаго Григорія, не проходитъ ни одной Свѣтлой недѣли безъ того, чтобы здѣшніе Греки не упражняли своего религіознаго фанатизма надъ Евреями, безъ всякой вины или вызова со стороны послѣднихъ. Проявленіемъ фанатизма значительно содѣйствовала всегда близость греческой церкви къ Еврейской улицѣ и къ двумъ еврейскимъ синагогамъ, изъ коихъ впрочемъ одна еще не докончена и не открыта для богослуженія. Уже въ прошедшемъ году мѣстная полиція принуждена была прибѣгать къ пожарному брандсбою, чтобы разогнать толпы Грековъ, нападавшихъ на Евреевъ. Въ нынѣшнемъ же году многія обстоятельства должны были вызвать сильнѣйшій взрывъ религіознаго фанатизма. Вопервыхъ, одинъ Еврей, лѣтъ двадцати отъ году, безъ сомнѣнія, въ припадкѣ помѣшательства, пробрался въ страстную великую пятницу въ римско-католическую церковь, и въ своемъ безуміи дерзнулъ ударить палкою изображеніе Распятаго Спасителя. Безумецъ былъ тотчасъ же схваченъ полиціей, и теперь содержится въ больницѣ острога для точнѣйшаго дознанія, въ какомъ состояніи находятся его умственные способности. Впрочемъ, случай этотъ, по общему мнѣнію, очень мало имѣлъ вліянія на послѣдующія событія, какъ это видно изъ того, что за немногими исключеніями католики вовсе не принимали участія въ гоненіи Евреевъ. Напротивъ, большое вліяніе имѣло прибытіе къ одесскому порту, за два дня до Свѣтлаго праздника, нѣсколькихъ греческихъ судовъ изъ Галаца, гдѣ, какъ извѣстно, по извѣтамъ одного христіанскаго мальчика, не задолго передъ тѣмъ, Греки избili много Евреевъ, обвиняя ихъ въ томъ, будто бы они для своей пасхи хотѣли добыть христіанской крови. Говорятъ, греческіе матросы съ этихъ судовъ заранѣе подговаривали другихъ Грековъ на судахъ, находившихся въ портѣ, пройти на Свѣтлое Воскресенье въ городъ и избить въ немъ Евреевъ. И въ самомъ дѣлѣ греческіе матросы, въ числѣ 280 человекъ, съ кинжалами, стилетами и заостренными на концахъ палками, принимали дѣятельнѣйшее участіе въ гоненіи Евреевъ, такъ что на другой день, когда они къ ночи удалились на свои суда, начальство

сочло за должное приставить къ карантину роты двѣ солдатъ, чтобы не пускать ихъ въ городъ. Не было однакоже недостатка въ фанатизмъ и между здѣшними, одесскими Греками. Къ стыду для христіанскаго имени многіе изъ здѣшнихъ, и притомъ принадлежащихъ къ богатому классу, Грековъ, въ своемъ фанатизмъ и невѣжественной грубости, не разъ уже и прежде искали себѣ утѣхи въ страданіяхъ невинныхъ передъ ними Евреевъ. Къ удивленію, многіе у насъ въ Одессѣ слагаютъ всю вину на самихъ же Евреевъ, именно за то, что они не послѣдовали совѣту, поданному имъ, какъ говорить, отъ начальства еще наканунѣ праздника, не показываться на улицахъ и не торговать въ Свѣтлое Воскресенье. Но пусть они сообразятъ, во первыхъ, возможно ли было исполнить этотъ совѣтъ во всей точности народонаселенію въ пятнадцать тысячъ душъ, бѣлая часть котораго живетъ со дня на день только тѣмъ, что успѣетъ заработать своею мелочною торговлей, и притомъ въ тотъ единственный день среди ихъ праздниковъ пасхи, въ который, по своей религіи, они могутъ продавать и покупать все, что имъ нужно; во вторыхъ, согласно ли съ великимъ началомъ вѣротерпимости, котораго держится Русское государство, согласно ли съ общимъ довѣріемъ къ могуществу русскихъ властей въ дѣлѣ поддержанія общественнаго порядка, чтобы значительная часть народонаселенія какого-нибудь города не смѣла показываться на улицахъ, потому только, что фанатическое и иноплеменное меньшинство и вновь прибывшіе иноземцы обнаруживаютъ наклонность къ нарушенію великаго общественнаго начала, признаваемаго всякимъ образованнымъ правительствомъ? Притомъ же до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, ни наши законы, ни наши власти не запрещали Евреямъ торговать въ христіанскіе праздники, и разноплеменное народонаселеніе Одессы большею частію даже довольно тѣмъ, что по крайней мѣрѣ еврейскія лавки открыты въ тѣ дни, когда всѣ другія бываютъ закрыты. Запретить Евреямъ торговать въ христіанскіе праздники значило бы нарушить начало вѣротерпимости и нанести ударъ торговлѣ этого промышленнаго класса, потому что изъ семи дней недѣли имъ пришлось бы по крайней мѣрѣ два, субботу и воскресенье, сидѣть вовсе безъ дѣла. Да и сами христіане строго ли придерживаются этого правила о соблюденіи большей части своихъ праздниковъ?

Какъ бы то ни было, до третьяго часа пополудни все было спокойно, и не было принято никакихъ мѣръ къ предупрежденію страстей, которыя еще не обнаружили никакимъ дѣломъ; но въ третьемъ часу огромная толпа собралась на дворъ греческой Троицкой церкви, а равно на улицахъ Екатерининской и Троицкой. Толпа эта состояла изъ однихъ Грековъ съ небольшою примѣсью русскихъ мальчишекъ; наиболѣе обращали въ ней на себя

вниманіе греческіе матросы въ красныхъ фескахъ; были и дамы, державшіяся съ своими спутниками ближе къ храму. Съ другой стороны, на Еврейской улицѣ прохаживались и стояли группами Евреи, со страхомъ выдвигаясь повременамъ на Екатерининскую улицу и заглядывая на собравшуюся тамъ толпу. На одну изъ такихъ группъ съ грозными криками бросились Греки съ своими до того времени спрятанными кинжалами. Евреи пустились бѣжать, и сбили съ ногъ одного своего единовѣрца, мѣщанина *Лейбу Бердичевскаго*, торговавшего апельсинами. Несчастный думалъ, вѣроятно въ своей простотѣ, что дѣло идетъ только объ его апельсинахъ, и принядся собирать ихъ съ улицы; въ это самое время какой-то изступленный Грекъ пронзилъ его насквозь кинжаломъ въ спину, и тотъ остался на мѣстѣ. Если вѣрить говору, трупъ его тутъ же подвергся поруганію, о которомъ неприлично было бы говорить печатно. На эту-то гнусную сцену подоспѣлъ частный приставъ 1-й части, г. Жидкевичъ, съ двумя полицейскими служителями, и сталъ энергически разгонять толпу; но энергія троихъ ничего не значила противъ многочисленной толпы, и частный приставъ, тяжело раненный камнемъ въ ногу, принужденъ былъ удалиться. Между тѣмъ другіе Греки продолжали преслѣдовать бѣжавшихъ Евреевъ, къ которымъ подоспѣли на помощь ихъ единовѣрцы, хватавшіеся за что ни попало въ лавкахъ, чтобы какъ-нибудь отстоять своихъ собратьевъ отъ ярости Грековъ. Послѣдніе безъ труда одолѣли: пятеро Евреевъ были такъ тяжело ранены кинжалами, что медики отчаивались въ ихъ спасеніи; одинъ изъ нихъ дѣйствительно на другой же день умеръ въ госпиталѣ, другіе до сихъ поръ еще находятся между жизнью и смертью. Всѣхъ пораненныхъ кинжалами насчитываютъ за эти дни до 30 Евреевъ и ни одного ни Грека, ни Русскаго. Не говоримъ о Евреяхъ, избитыхъ палками и кулаками. Спрашивается, послѣ такого позорнаго кровопролитія можно ли говорить о разгулѣ и удали, и всему дѣлу придавать характеръ драки или кулачнаго боя? Повидимому, однакожь, нѣкоторое время наши власти смотрѣли на дѣло именно съ этой точки зрѣнія, и уже послѣ описанныхъ сценъ отправили на мѣсто преступленій нѣсколько козачковъ и жандармовъ и пожарный брандсбой. Не видя энергическихъ мѣръ противъ себя, толпа и не думала расходиться; напротивъ, Греки, сильно избивши брандмайора, г. Старичкаго, и пожарную команду, овладѣли брандсбоемъ и стали направлять струи воды на полицейскихъ же чиновниковъ и служителей, и на Евреевъ. Напрасны были также увѣщанія присланнаго главнымъ начальникомъ военнаго чиновника; на всѣ его увѣщанія разоидтись одинъ Грекъ, захвативши въ руку грязь, бросилъ ее въ лицо оратору съ словами: «вотъ тебѣ цто!» Козаки успѣли было захватить человѣкъ пять наиболѣе виновныхъ, но старшіе

полицейскіе чиновники, устрешенные угрозами толпы или могутъ-быть склонившись на ея обѣщаніе разойдтись, велѣли ихъ выпустить. Наконецъ прискакало болѣе значительное число козаковъ и жандармовъ, и общими усиліями по распоряженію коменданта и старшаго помощника полиціимейстера имъ удалось захватить до 40 человекъ Грековъ, изъ коихъ всѣ были отпущены, за исключеніемъ семи, признанныхъ наиболѣе виновными и посаженныхъ въ острогъ; изъ нихъ трое иностранные матросы, четверо же — здѣшніе Греки, прикащики, послѣдніе сильно избиты Евреями во время ихъ отчаяннаго сопротивленія убійцамъ. Между тѣмъ стали наступать сумерки; матросы удалились на свои суда; толпа стала рѣдѣть. Въ это время часть ея, отдѣлившись отъ главнаго мѣста происшествій, погналась по Троицкой улицѣ за двумя Евреями, съ неистовыми криками. Въ этой толпѣ уже не было видно красныхъ фесокъ, напротивъ мы замѣтили много русскихъ мальчишекъ. Одинъ изъ Евреевъ былъ сбитъ съ ногъ, и достался на долю мальчишкамъ, вооруженнымъ тонкими палками; другой же, преслѣдуемый и кулаками, и камнями, достигъ Преображенской улицы, и успѣлъ укрыться въ трактиръ *Европа*. Толпа принялась штурмовать трактиръ, но встрѣтила здѣсь отпоръ: въ нее лили воду и, должно-быть, кипятокъ; окна дребезжали отъ попадавшихъ въ нихъ камней, и Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не появилось нѣсколько жандармовъ, вслѣдъ за которыми прискакала пожарная команда. Толпа бросилась бѣжать по Преображенской къ кладбищу и вскорѣ разстѣлась. Два черезъ два къ вечеру, по неизвѣстной намъ причинѣ тотъ же трактиръ подвергся еще разъ нападенію толпы, но былъ также спасенъ полиціей.

Такъ кончился первый день: кровавое дѣло ведено было Греками съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Не мудрено, что на другой же день нашлись подражатели и среди русской черни, и дѣло затанулось еще на три дня, но здѣсь оно тотчасъ же утратило своей прежній изступленный характеръ. Убійствъ и смертельныхъ ранъ не было. Кинжалы и стилеты уступили мѣсто кулакамъ, и отчасти палкамъ и камнямъ. Но за то дѣйствіе, сосредоточившееся въ первый день въ одномъ пунктѣ, теперь разбросалось по всему городу, и подавить беспорядки было гораздо труднѣе. Нападенія стали направляться главнѣйшимъ образомъ на винные погреба, содержимые Евреями; распространился слухъ, что сюда увлекаютъ Евреи христіанъ, чтобы замучить ихъ и запасти ихъ кровью. Погреба были заперты, но толпа ломилась въ двери, и не безъ борьбы уступала усиліямъ жандармовъ и козаковъ. Особенно сильна была свалка около одного погреба на углу Троицкой и Екатерининской улицъ, во вторникъ вечеромъ.

Сверхъ того, толпы, съ камнями въ рукахъ, подступали къ домамъ Евреевъ, и выбивали въ нихъ стекла: такъ всѣ окна были разбиты въ Дегтярномъ ряду и на Арнаутской улицѣ. Можно было опасаться не Евреямъ только, но и вообще всѣмъ жителямъ Одессы, что беспорядки переимѣнятъ свой характеръ, и будутъ грозить бѣдою вообще частной собственности. Многие изъ обывателей уже принимали съ своей стороны мѣры предосторожности противъ такой случайности. Тѣмъ не менѣе толпы и группы не переставали расхаживать по городу, поодиначкѣ нападая на Евреевъ и преслѣдуя ихъ побоями, при чемъ не избѣгали опасности и тѣ изъ нихъ, которые уже вполне усвоили себѣ европейскіе нравы, обычаи, образованіе и костюмъ. Нельзя себѣ представить ничего возмутительнѣе, какъ эти неистовыя преслѣдованія какого-нибудь старика-Еврея цѣлою толпою. Но какъ бы ни возмущаеь образованные Русскіе и иностранцы при видѣ съ одной стороны безчеловѣчной дикости, съ другой незаслуженныхъ страданій, помочь несчастнымъ жертвамъ они не имѣли никакой возможности. Такъ на театральной площади одинъ Англичанинъ вступился было за Еврея, но ему расшибли голову камнемъ, и онъ радъ-радехонекъ былъ, что ушелъ живой. Евреи же все это время провели въ страхѣ и трепетѣ, не будучи безопасны ни дома, ни на улицахъ, не говоря уже о томъ, что лавки и магазины ихъ оставались заперты и по прошествіи праздниковъ. Нельзя не подивиться тому, что среди этихъ многодневныхъ преслѣдованій, Евреи, несмотря на свою многочисленность, не вооружились на свою защиту, и только изрѣдка и очень слабо отражали силу силою. Иначе мы слышали бы объ избитыхъ и израненныхъ Грекахъ и Русскихъ, тогда какъ все время только и рѣчи было, что о несчастныхъ жертвахъ изъ Евреевъ. Бывали впрочемъ примѣры, что и Евреи сами нападали на Русскихъ: такъ, напримѣръ, въ среду утромъ на Ришельевской двое Евреевъ принялись бить одного рабочаго, не подозревая, что вблизи была цѣлая артель, къ которой онъ принадлежалъ: артельщики подоспѣли на помощь, и Еврея ушли чуть живые. Но это—исключительные и рѣдкіе случаи, очевидно вызванные жаждою мести, которая не могла не пробудиться послѣ столькихъ гоненій. Еслибъ Евреи и не были столько пассивны и проявили бы несравненно большій фанатизмъ и ненависть къ иновѣрцамъ, и тогда не имѣли бы мы ни малѣйшаго права винить ихъ больше или даже наравнѣ съ христіянами, которые были зачинщиками, и которые между тѣмъ исповѣдываютъ религію любви и братства. Въ послѣдніе три дня неистовства происходили главнѣйшимъ образомъ, кромѣ Дегтярнаго ряда и Арнаутской, еще на Александровскомъ проспектѣ противъ По-

кровской церкви, на концѣ Итальянской улицы и на Рыбной площади.

На третій день убѣдились наконецъ въ необходимости мѣръ энергическихъ и болѣе дѣйствительныхъ: кромѣ козаковъ и жандармовъ на разныхъ перекресткахъ разставлены были пикеты изъ трехъ солдатъ съ ружьями и штыками; въ мѣстахъ, гдѣ сосредочивается народонаселеніе, какъ, напримѣръ, на Старомъ базарѣ, расположенъ былъ цѣлый отрядъ также вооруженныхъ солдатъ. Толпы могли убѣдиться, что начальство намѣрено наконецъ дѣйствовать энергически. Это убѣжденіе еще болѣе усилилось, когда стали безъ разбора хватать людей изъ толпы, и тутъ же, разложивши на мѣстѣ, бить козацкими нагайками. Сцены эти повторялись потомъ уже повсемѣтно. Будучи въ пользу энергическихъ мѣръ къ восстановленію нарушеннаго порядка, мы, разумѣется, никакъ не въ пользу такой патріархальной формы суда и расправы, тѣмъ болѣе, что она даетъ слишкомъ много простора произволу, ошибкамъ и даже неправдамъ. Такъ разказываютъ, что послѣ подобнаго наказанія многихъ Русскихъ на Александровскомъ проспектѣ, толпа стала требовать, чтобы не было пощады и виновнымъ Евреямъ: такихъ не оказалось въ наличности, и тогда, слѣдуя указаніямъ толпы, отправили козаковъ въ ближайшій винный погребъ, который между тѣмъ былъ запертъ, и изъ котораго вытащили несчастнаго его владѣльца, чуть не семидесятилѣтняго старика, Зеле Гринсберга, какъ намъ его называли, и хотя онъ, очевидно, ни въ чемъ не былъ виновенъ, да и не было лично противъ него ни одного обвинителя, тѣмъ не менѣе его разложили передъ погребомъ, и дали ему 30 ударовъ нагайкою. Но при данныхъ обстоятельствахъ все-таки лучше было, чтобы былъ какой-нибудь хотя бы и самый несовершенный, только бы скорый судъ, чѣмъ еслибы пришлось ждать рѣшенія правильнаго суда годы, или хоть цѣлые мѣсяцы; мы думаемъ однакоже, что не столько козацкія нагайки, употреблявшіяся вышеописаннымъ образомъ, сколько пикеты и отряды солдатъ и еще болѣе наступленіе рабочей поры положили конецъ этимъ возмутительно-безчеловѣчнымъ сценамъ фанатизма. На воскресенье, на Фоминой недѣлѣ, опасались ихъ возобновленія съ большею еще силою, и Евреямъ черезъ равнина велѣно было не открывать магазиновъ и лавокъ; но все обошлось спокойно, и общественный порядокъ ничѣмъ не былъ нарушенъ.

Вспоминая все видѣнное и слышанное нами въ эти скорбные для всякаго образованнаго человѣка, а еще болѣе для христіанина, дни, невольно чувствуемъ глубокое уныніе и смущеніе. Кто бы могъ думать и ожидать, что послѣ такъ недавно еще за-

явленныхъ человеколюбивыхъ намѣреній правительства относительно Евреевъ, послѣ всѣхъ еще продолжающихся литературныхъ толковъ объ уравненіи ихъ правъ со всѣми другими русскими подданными, послѣ всѣхъ возгласовъ и протестовъ въ ихъ пользу, кто бы могъ думать, что они за свое происхождение и за свои вѣрованія такъ скоро подвергнутся неистовымъ преслѣдованіямъ въ городѣ, который по справедливости слыветъ европейскимъ, въ которомъ Евреи въ последнее время проявляють столько несомнѣнныхъ признаковъ своего искреннаго сочувствія къ общечеловѣческому образованію и къ сближенію со всѣми остальнымъ народонаселеніемъ! Какъ было не увлекаться мыслию, что по крайней мѣрѣ здѣсь, въ разноплеменной и разновѣрной Одессѣ, мы ближе, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи, къ одной изъ главнѣйшихъ цѣлей истиннаго просвѣщенія — къ уваженію во всякомъ человѣкѣ, независимо отъ его происхожденія и религиозныхъ вѣрованій, его человѣческаго достоинства, его свободы, его способности служить гражданскому обществу?

М. Д — ъ.

II.

ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ О ТОМЪ ЖЕ.

Одесса, 20 апрѣля.

Минувшая недѣля не обошлась у насъ безъ происшествій, какъ это большею частью бываетъ на Руси во время праздниковъ, когда досугъ и хмѣль пробуждаютъ особенную наклонность къ разгулу и удали. Въ Одессѣ, къ которой прибываетъ по временамъ большое число иностранныхъ моряковъ, — присоединяется къ тому еще и другое обстоятельство. Известно, что въ южной Европѣ дни большихъ церковныхъ праздниковъ рѣдко проходятъ безъ того, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ не высказалась религиозная нетерпимость, если не сказать фанатизмъ, низшаго класса населенія. Причиною тому, конечно, пылкій темпераментъ. Вотъ главнѣйшія обстоятельства, породившія то происшествіе, о которомъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ, и которому молва успѣла уже придать баснословные размѣры.

Въ первый день Свѣтлаго праздника, въ различныхъ частяхъ города, начались обыкновенныя насмѣшки и поддразниванія русскихъ и еврейскихъ мальчишекъ, которыя оканчивались при первомъ же появленіи полицейскаго служителя. Но около 3-хъ часовъ пополудни, у греческой Троицкой церкви, на углу Еврейской улицы, толпа матросовъ съ иностранныхъ судовъ, расположенныхъ въ портѣ, пользуясь скопленіемъ еврейскаго населенія въ этой части города, принялась подтрунивать надъ нимъ и, встрѣчая отпоръ, начала бить стекла въ домахъ и затѣяла драку, въ которой одинъ Еврей былъ убитъ, а пять человѣкъ ранено. Немедленно прибывшіе на мѣсто нѣсколько человѣкъ козачковъ и пожарный брандсбой успѣли однакожь быстро разогнать толпу. Во время задержанія виновныхъ, одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ укушенъ за руку. Съ тѣхъ поръ повторялись, правда, драки. — но самыя незначительныя, которыя обыкновенно кончались тѣмъ, что нѣ-

сколько человекъ были задерживаемы за разбитіе стеколъ въ еврейскихъ домахъ и безчинство на улицахъ. На четвертый же день, въ среду, 15-го апрѣля, толпа мальчишекъ и пьяныхъ русскихъ рабочихъ, возвращаясь изъ-подъ качель, затѣяла было новую ссору съ Евреями, на Арнаутской улицѣ, и начала было выбивать стекла въ нѣсколькихъ домахъ; но строгія полицейскія мѣры, принятыя на этотъ разъ, совершенно прекратили беспорядки, и по настоящее время ничего уже подобнаго не повторилось.

Вотъ сущность дѣла, о которомъ мы слышали множество различныхъ и чрезвычайно преувеличенныхъ разказовъ. До какой степени русской чело-вѣкъ считаетъ естественнымъ разгуляться на праздникахъ, можно судить изъ того, что одинъ изъ зрителей этихъ сценъ разказывалъ намъ, будто бы «по телеграфіи получено на первый день позволеніе—быть кулачному бою». Какъ ни странна такая логика, но нельзя не сказать, что преданія старины еще сильно поддерживаютъ наклонность къ такимъ боямъ въ крови русскаго чело-вѣка.

III.

TIMES О ТОМЪ ЖЕ.

Одесса, 16 (28) апрѣля.

Городъ нашъ былъ, въ недавнее время, сценою вѣроломнаго убійства и кровопролитія; катастрофа, происшедшая въ Галацѣ, повторилась у насъ съ несравненно страшнѣйшими подробностями. Греки снова запятали руки свои кровью бѣдныхъ, беззащитныхъ Евреевъ, умерщвляя ихъ въ многолюдныхъ улицахъ, среди бѣлаго дня. По случаю Свѣтлаго Воскресенья, наступившаго недѣлю тому назадъ, толпы Грековъ проходили по улицамъ, ища своихъ жертвъ, но не нашли никого, ибо, по распоряженію начальства, Евреи не выходили изъ домовъ. Греки поэтому отложили исполненіе своего намѣренія; но на другой день, цѣлая толпа ихъ, вооруженная кинжалами и пистолетами, ворвалась въ жидовскій кварталъ, напала на какого-то несчастнаго продавца плодовъ, сидѣвшаго за своимъ прилавкомъ, который тотчасъ же упалъ, пораженный ударомъ прямо въ сердце, переранила, потомъ, многихъ другихъ, находящихся теперь въ госпиталѣ въ самомъ жалкомъ положеніи. Нѣкоторые знатные греческіе торговцы въ нашемъ городѣ олобрили подобный образъ дѣйствій своихъ «собратій» и старались, съ помощью взятокъ, предлагаемыхъ мелкимъ чиновникамъ, освободить изъ заточенія убійцъ. Къ несчастію, въ двухъ случаяхъ старанія ихъ остались не безъ успѣха. Но слава Богу, подобный способъ *возлащать совесть* все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія; благодаря энергическимъ распоряженіямъ генералъ-губернатора, графа Строганова, такъ же какъ гражданскаго губернатора барона Мессмахера, многіе изъ убійцъ сидятъ теперь въ тюрьмѣ и должны ожидать безпристрастнаго суда и наказанія.

Справедливость требуетъ заявить, что многіе изъ нашихъ греческихъ торговцевъ открыто говорятъ объ участіи своемъ въ этомъ отвратительномъ происшествіи и хвастаются, что «они построютъ золотой мостъ, для того чтобы вывести виновныхъ изъ тюрьмы». Ни одинъ изъ виновныхъ, ни словомъ нижестомъ, не обнаружилъ раскаянія, точно такъ же, какъ многочисленное греческое духовенство не обратилось къ нимъ ни съ малѣйшимъ укоромъ.

Беру смѣлость сообщить вамъ подробности этого печальнаго происшествія, зная, что столбцы вашего журнала всегда открыты жалобамъ угнетенныхъ.

VERITAS.

Остаюсъ и т. д.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.

I.

Г. медикохирургъ Покровскій въ замѣчательной статьѣ своей о повсемѣстномъ дозволеніи отыскивать каменный уголь въ Оренбургскомъ краѣ, напечатанной въ первой январской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* этого года, жалуясь на неопредѣленность нашихъ постановленій къ огражденію промышленниковъ отъ притѣсненій мѣстнаго начальства, между прочимъ разказываетъ случай, что золотопромышленникъ, купецъ Харитоновъ, получивъ отводъ къ золотому прииску на рѣчкѣ Санаркѣ, близъ Кособродской станицы и пустивъ въ ходъ золотопромывательную машину, встрѣтилъ претензію со стороны козаковъ, что машина его мутитъ въ рѣчкѣ воду, а потому вынужденъ былъ оставить приискъ и помешъ оттого убытку до 10.000 руб. сер. Г. Покровскій прибавляетъ, что войсковое начальство, вмѣсто законнаго содѣйствія промышленнику, распорядилось вообще не допускать устройства подобныхъ промысловъ на рѣчкахъ. При этомъ г. Покровскій указываетъ на то, что еслибы козачье начальство болѣе знакомо было съ мѣстною и государственною экономіей, то оно обязано было приказать козакамъ выкопать колодцы для чистой воды, каковой трудъ вознагражденъ бы продажею на приискѣ г. Харитонова куринныхъ лицъ, а не давать хода подобнымъ претензіямъ, отъ которыхъ, еслибъ онѣ были повсемѣстны, страна теряла бы ежегодно громадныя капиталы.

Такая жалоба въ статьѣ, замѣчательной по затрогиваемымъ ею вопросамъ, вѣроятно будетъ прочитана во всѣхъ концахъ Россіи и пожалуй будетъ принята за чистую истину, особенно тамъ, гдѣ Оренбургскій край и земля оренбургскихъ козаковъ извѣстны только по географической картѣ; а потому я, какъ членъ оренбургскаго козачьяго войска и какъ человѣкъ, близко знакомый съ объясненнымъ дѣломъ, считаю долгомъ опровергнуть несправедливую жалобу, заявленную г. Покровскимъ, и изложить это дѣло такъ, какъ оно было.

Екатеринбургскій купецъ, Петръ Дмитріевичъ Харитоновъ, явивъ и принявъ отводъ къ золотому прииску, названному имъ *Успѣскимъ*, по лѣвому берегу рѣчки Санарки у самой Кособродской станицы, и, не развѣдавъ мѣста, построилъ тутъ на рѣчкѣ Санаркѣ, выше селенія промывательную машину безъ всякаго условія съ козаками. Въ послѣдствіи, когда промывка была пущена въ ходъ и

дѣйствовала въ 1854 году цѣлое лѣто, оказалось, что пріискъ очень бѣденъ, золота было добыто во все лѣто менѣе двухъ фунтовъ, и это заставило Харитонова прекратить здѣсь работу. А такъ какъ при этомъ точно поступила жалоба отъ жителей Кособродской станицы, что промывка, устроенная выше селенія, мутить въ ихъ рѣчкѣ воду, которую имъ негдѣ брать за неимѣніемъ колодца, то и послѣдовало распоряженіе со стороны войсковаго начальства, чтобы не допускать устраиванія промывки на рѣчкахъ при подобныхъ условіяхъ. Но это распоряженіе не застало уже харитоновскаго заведенія, которое, по негодности пріиска, было имъ перевезено на другой его пріискъ, близъ Синеглазовскаго озера. Вотъ причины, по которымъ г. Харитоновъ оставилъ свой Успенскій пріискъ. Что же касается до того, что кособродскіе жители могли бы вырыть колодцы, и что этотъ трудъ ихъ былъ бы вознагражденъ продажою на пріискѣ куриныхъ яицъ, то и въ этомъ ошибся г. Покровскій, потому что Кособродская расположена не на такой мѣстности, какъ онъ указываетъ, гдѣ, по его словамъ, даже нѣтъ возможности сохранять продукты въ погребахъ отъ воды, а напротивъ лежитъ она на довольно возвышенномъ и крутомъ берегу, гдѣ трудъ для вырытія одного колодца едва ли вознаградится продажою всѣхъ собранныхъ за цѣлое лѣто въ станицѣ куриныхъ яицъ. Такъ точно и убытокъ въ десять тысячъ руб. сер., будто бы понесенный г. Харитоновымъ отъ неразработки пріиска, равно и потеря для страны капитала, показаннаго г. Покровскимъ, отъ неразработки пріисковъ вслѣдствіе притѣсненія мѣстнаго начальства, думаю, показаны ошибочно. Еслибы г. Харитоновъ имѣлъ въ виду работать свой Успенскій пріискъ, то онъ могъ бы поладить съ козаками сдѣлкою, или устроилъ бы промывку такъ, какъ это дѣлаютъ почти всѣ промышленники, получая воду проводами изъ рѣчекъ и задерживая жидельную грязь въ выработкахъ, или устройствомъ плотинъ на логахъ, гдѣ скапливается снѣжная и дождевая вода, а промывку песковъ дѣлаютъ оборотною водою; далѣе, если только предвидѣлось бы съ выгодною добывать золото, то конечно, не только предполагаемое, но даже и дѣйствительное затрудненіе было бы устранено, какъ это показалъ случай въ деревнѣ Масловой, гдѣ промышленникъ Сяговъ скупилъ всю мѣстность даже подъ деревнею, съ условіемъ перенести дома на другое мѣсто. Дѣло въ томъ, что пріиски-то даются не часто, въ особенности такіе, которые было бы выгодно работать. Не успѣхъ и убытки г. Харитонова гораздо ближе отнести къ его собственной ошибкѣ, чѣмъ къ распоряженію войсковаго начальства, потому что г. Харитоновъ, не развѣдавъ пріиска, сдѣлалъ на немъ устройство. Убытокъ его состоялъ въ расходахъ на переноску съ одного на другой пріискъ строенія,

и конечно далеко не равняется показанной г. Покровскимъ суммѣ. Войсковое начальство тутъ нисколько не виновато. Напротивъ промышленники должны быть благодарны войсковому начальству, какъ потому, что во многихъ случаяхъ облегчены имъ даже законныя формальности по заявкѣ и отводу золотыхъ приисковъ, такъ и потому, что почти со времени открытія здѣсь золотого промысла бóльшая часть приисковъ снабжается лѣсомъ изъ войсковыхъ боровъ по самой умѣренной цѣнѣ: напримѣръ дрова продаются по 1 р. 50 коп. за кубическую сажень, уже нарубленные, тогда какъ, вольною покупкой, они обошлись бы въ три раза дороже. Впрочемъ стыдно было бы требовать отъ землевладельцевъ-козачковъ дароваго права на ихъ земли и воды. Г. Покровский самъ землевладелецъ въ здѣшнемъ краѣ, и потому желательно знать, въ какой степени допустить онъ примѣненіе проповѣдуемыхъ имъ правилъ въ отношеніи къ своей землѣ?

Вопросъ, поднятый г. Покровскимъ по поводу дозволенія отыскивать каменный уголь въ Оренбургскомъ краѣ, довольно важенъ; но думаю, что не зачѣмъ было столько хлопотать о немъ, когда есть уже указанія для войсковой земли, въ положеніи военнаго совѣта высочайше утвержденнаго въ 12 день іюля 1852 года, на отдачу въ оброчное содержаніе участковъ войсковой земли для руднаго и другихъ промысловъ (1). Стоитъ только взять у войсковаго начальства дозволеніе и по нему отыскивать то, къ чему кто стремится. Но при этомъ должно еще сказать, что чѣмъ стремиться къ невѣрному и предполагаемому, не лучше ли обратиться, если точно имѣется нужда въ горючемъ матеріалѣ, къ вѣрному и доступному, именно къ торфѣ, котораго здѣсь кроются истинно баснословные запасы. Я укажу на одну изъ тысячи мѣстностей близъ Урала, не далеко отъ заводовъ. Эта мѣстность—вершины рѣки Міаса, гдѣ отъ Косачевой деревни вверхъ по Міасу на много верстъ длины и ширины тянется тундра страшной глубины превосходныхъ торфяниковъ. Впрочемъ, у всякаго свой вкусъ и свои виды, а потому не диво будетъ, если указаніе мое останется голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

За всѣмъ тѣмъ нельзя не благодарить г. Покровскаго, высказавшаго, что примѣненіе буквы закона въ одномъ и томъ же дѣлѣ, но при разныхъ условіяхъ, не всегда бываетъ удачно, какъ это оказывается по приложенію правилъ о частной золотопромышленности въ Сибири къ оренбургскимъ промысламъ. Къ какой

(1) Кромѣ добычи благородныхъ металловъ и минераловъ, промыселъ таковыми разрѣшается г. министромъ финансовъ, какъ на землѣ, окортомленноѣ для того казною.

стали, напримеръ, запрещенъ золотой промыселъ кореннымъ обитателямъ здѣшняго края козакамъ, лишь потому, что сибирскими правилами запрещенъ таковой промыселъ служащимъ тамъ? Известно, что козакъ, отъ генерала до рядоваго, совершенно лишены всякой возможности не служить до известнаго возраста; всѣ они подходятъ подъ разрядъ *лицъ служащихъ*, но есть ли необходимость, чтобы законъ отнималъ у нихъ право извлекать пользу изъ нѣдръ земли, ими же когда-то кровью и потомъ добытой? Какъ хотите, а такой порядокъ дѣлъ нельзя назвать справедливымъ. Если разъ правительство нашло удобнымъ нарушить такое постановленіе въ пользу есаула Колбина, указавшаго возможность золотого промысла на земляхъ оренбургскихъ козаковъ (1), то почему не допустить этого и для прочихъ войсковыхъ обывателей, которые для этого будутъ имѣть средства?

Въ заключеніе повторю за г. Покровскимъ, что монополія есть зло для народа, будь то вольныя почты или откупа на разные предметы потребленія; если предметы насущной потребности будутъ въ однѣхъ рукахъ, это будетъ горшее зло для народа чѣмъ вольныя почты. Тѣ, по крайней мѣрѣ, можно объѣхать, или можно даже вовсе не ѣхать въ ту сторону, гдѣ онѣ существуютъ. Можно не пить вина, не курить табаку, но безъ хлѣба и безъ соли человѣку нельзя быть. А вѣдь есть такіе господа-прожектеры, которые и на эти продукты хотятъ выхлопотать себѣ монополію,—и не дальше какъ самъ обличитель монополій, г. Покровский домогается, какъ здѣсь всѣмъ известно, забрать въ свои руки всю соль, какая добывается на сѣверо-востокѣ Оренбургскаго края. Чтò за бѣда, если соль, вмѣсто 30 коп. за пудъ (теперешняя цѣна на линіи), въ рукахъ г. Покровскаго удвоится въ цѣнѣ! Чтò за дѣло г. Покровскому до массы потребителей, когда онъ видитъ въ томъ выгоду себѣ! Мы находимъ себѣ утѣшеніе только въ сомнѣніи, хватить ли средствъ у г. Покровскаго огородить Оренбургскую линію отъ тайнаго провоза изъ-за линіи соли, и будетъ ли настолько обязательно линейное начальство, чтобы защищать его монополію?

Странно создавъ міръ людской,
А человѣкъ загадка для себя.

ПАЕРКО-Правдинъ,
Оренбургскій козакъ.

25 апрѣля 1859 г.
Оренбургская линія.

(1) Земля Оренбургскаго козачьяго войска въ 1835 году была закортомлена казною для добычи на ней благородныхъ металловъ и минераловъ, и съ этого времени она производила здѣсь развѣдки, которыя продолжались до 1842

II.

М. г., позвольте мнѣ обратиться къ посредству вашего журнала, чтобы разъяснить дѣло, имѣющее общественный интересъ, хотя и касающееся въ настоящемъ случаѣ лично одного меня. Постараюсь быть краткимъ.

Нельзя не сочувствовать обличительному направленію нашей новѣйшей изящной литературы, особенно если художественные типы вѣрно взяты изъ современнаго общества со всѣми ихъ крупными и мелкими недостатками. Нельзя не признать нѣкоторыхъ заслугъ въ такомъ направленіи, если не всегда въ результатахъ, то по крайней мѣрѣ въ прекрасной цѣли — исправить общественную нравственность. Но что сказать о тѣхъ повѣстяхъ и разказахъ, въ которыхъ авторъ, рисуя съ талантомъ картины современной жизни, выводитъ въ нихъ никогда небывалыя, хотя художественно и возможные дѣйствія *живыхъ лицъ, почти называя ихъ настоящими именами*, и въ такой обстановкѣ, что всѣ близко даже и не близко ихъ знающіе, прочтя разказъ, прямо могутъ указать на нихъ пальцемъ? Художественное произведеніе, принимая въ извѣстной мѣстности характеръ *преднамеренной клеветы*, обращается въ орудіе личнаго недоброжелательства. Если описанныя лица узнаютъ себя *по своему обыкновенному образу мыслей и дѣйствій*, то какъ бы ни было раздражено ихъ самолюбіе, они не въ правѣ протестовать и возмущаться. Но если описанный узнаетъ себя *только по полудержанному своему имени, по извѣстной обстановкѣ, или по исключительному своему положенію*, то узнающіе его по этимъ чисто внѣшнимъ признакамъ знакомые и незнакомые легко могутъ заподозрить его и обвинить въ приписываемомъ ему въ повѣсти поступкѣ. Положеніе, согласитесь, крайне неловкое и тягостное! Не признать же себя въ кругу своихъ знакомыхъ безъ вины виноватымъ, не безмолвствовать же покорно передъ незаслуженнымъ приговоромъ хоть бы самаго талантливаго автора! Нѣтъ, онъ долженъ судиться съ нимъ гласно, черезъ печатное слово!

года. А такъ какъ въ періодъ сего времени казна ничего здѣсь не открыла, то и была уже переписка о прекращеніи кортомы и платежа козакамъ оброчныхъ денегъ; но въ это время г. Колбинъ, вопреки мнѣнію горныхъ чиновниковъ, что на козачей землѣ нѣтъ золота, вызвался открыть золото, чѣмъ сохранилъ войску доходъ 43.000 р. сер. и положилъ начало здѣсь частной золотопромышленности. Въ настоящее время добывается здѣсь золота ежегодно до 70 пудовъ.

Въ такомъ положеніи, М. Г., нахожусь я, прочитавши въ недавно вышедшемъ въ Одессѣ *Новороссійскомъ Литературномъ Сборникѣ* занимательный разказъ г. Владиміра Елагина *Важное мертвое тѣло*. Въ мѣстности, гдѣ я теперь живу и дѣйствую, описанное въ этомъ разказѣ происшествіе имѣетъ нѣкоторую историческую основу: всякій называетъ *графа Заозерскаго* другимъ графскимъ именемъ, именемъ человека, съ которымъ я былъ при его жизни хорошо знакомъ, и расположеніемъ котораго пользовался; между тѣмъ не всякому извѣстно, что *побочной дочери Ольги Александровны* (героини, на которой главнымъ образомъ основанъ весь интересъ разказа) у него никогда не было, что поэтому я не могъ быть ея женихомъ и не могъ отъ нея отказываться, потому что по смерти графа она лишилась его наследства. Такой безнравственный поступокъ *обрусьваго Француза Шарля, состоявшаго на службѣ въ губернскомъ городѣ, жившаго у откупщика и въ послѣдствіи женившагося на дочери богатой помѣщицы потихоньку отъ ея матери, но ошибшагося въ расчетъ, потому что старуха ихъ знать не хочетъ* (см. *Новороссійскій Литературный Сборникъ* стр. 15, 41, 50, 51, 52 и 53), такой безнравственный поступокъ я отвергаю отъ себя гласно, печатно, во всеуслышаніе, со всею возмутительною перепискою и еще болѣе возмутительными послѣдствіями этого поступка, падающими всюю свою тяжестью лишь на выведенное г. Елагинимъ лицо.

Мнѣ скажутъ, вольно же въ художественномъ типѣ узнавать себя? Такимъ возражателемъ я отвѣчу, что я дѣйствительно обрусьвшій Французъ по имени Карлъ Осиповичъ (правда, не *Ивановичъ!*), что я дѣйствительно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ однимъ графомъ при его жизни, что я дѣйствительно былъ на службѣ учителемъ французскаго языка въ губернскомъ городѣ, жилъ у откупщика, и два года тому назадъ женился на дочери богатой помѣщицы безъ согласія ея матери, которая до сихъ поръ ничего не дала своей дочери, что нисколько однакожъ не мѣшаетъ моему семейному счастью; отвѣчу, что какъ мнѣ достоверно извѣстно, каждый здѣсь, прочитавъ *Важное мертвое тѣло*, прибавляетъ мою фамилію къ имени Шарля, и такимъ образомъ подозрѣваетъ меня въ приписываемомъ Шарлю поступкѣ. Къ этому могу еще прибавить, что, зная самого г. Елагина, живши прежде въ одномъ съ нимъ городѣ, я не мало удивляюсь, къ чему этому писателю надобилось меня, его знакомаго, выставить въ своемъ разказѣ? Другіе внѣшніе признаки, другое имя, другое положеніе въ обществѣ нисколько бы не убавили *красоты* его произведенія... Личная мстѣ?... Но, не говоря о постыдности ея въ литературѣ, мнѣ никогда ничего не приходилось дѣлать съ г. Елагинимъ, и вѣроятно не придется...

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, я позволяю себѣ надѣяться, что г. Владиміръ Елагинъ, такъ неосторожно оскорбившій мою честь, дорожа собственною авторскою честію, не откажется печатно разъяснить мои недоумѣнія, или объявить, что все это произошло случайно, ненамѣренно, отъ необдуманности. *Исключительное положеніе мое, человека, не сдѣлавшаго еще себѣ карьеры (1), а болѣе всего справедливость, не позволяютъ мнѣ пренебречь мнѣніемъ добрыхъ людей и товарищей по службѣ, и заставляютъ меня сдѣлать г. Елагину этотъ вызовъ.*

Прошу васъ, М. Г., дать мѣсто этому письму въ вашемъ журналѣ, и принять и пр.

КАРЛЪ КОМПЕРЪ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

По всѣмъ спорнымъ дѣламъ, производящимся въ коммерческихъ судахъ, тяжущіяся стороны должны находиться на лицо сами или имѣть законныхъ повѣренныхъ, являться въ судъ по его назначенію и до рѣшенія дѣла не въ правѣ отлучаться изъ города, безъ дозволенія суда; неявка отвѣтчика или его повѣреннаго, по назначенію суда, безъ представленія законныхъ причинъ, даетъ суду право приступить къ разсмотрѣнію дѣла по доказательствамъ истца; неявка же истца освобождаетъ отвѣтчика отъ иска до новой просьбы истца съ оправданіемъ неявки. Опредѣленія коммерческаго суда *частимыя* объявляются тяжущимся лично, если послѣдовали во время бытности ихъ въ судѣ; если же состоялись въ отсутствіи ихъ, то объявляются черезъ врученіе имъ копій съ опредѣленія приставомъ суда, и это опредѣленіе служить сторонамъ повѣсткою для явки въ судъ на срокъ, назначенный опредѣленіемъ. О порядкѣ объявленія *рѣшительныхъ* опредѣленій установленъ закономъ такой же порядокъ, съ дозволеніемъ, что въ случаѣ отсутствія одной стороны безъ вѣдома и дозволенія суда, опредѣленіе считается объявленнымъ ей со дня, означеннаго въ повѣсткѣ, при которой послана копія съ того

(1) Слова письма *Charl'* я къ Ольгѣ Александровнѣ, см. стр. 51 *Новороссійскаго Литературнаго Сборника*.

опредѣленія. Но слѣдуетъ ли примѣнять это послѣднее правило и къ частнымъ опредѣленіямъ, въ случаѣ безгласной и недозволенной отлучки одной изъ сторонъ, — объ этомъ ничего не было сказано въ законѣ, и это опущеніе подавало поводъ къ частнымъ недоумѣніямъ коммерческихъ судовъ. Вопросъ о томъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, имѣлъ немаловажное практическое значеніе. Относительно отлучившагося истца, судъ могъ бы еще безъ затрудненія зачислить дѣло конченнымъ, основываясь на общемъ законѣ; но главное затрудненіе возбуждалось отлучкою отвѣтчика, потому что есть случаи, въ которыхъ невозможно приступить къ приведенію дѣла въ ясность, не удостовѣрившись въ томъ, что частное опредѣленіе объявлено отвѣтчику. Такъ напримѣръ, если истецъ въ доказательство иска ссылается на свидѣтелей, судъ по закону обязанъ рассмотреть, можетъ ли въ дѣлѣ быть допущено доказательство черезъ свидѣтелей, и если признаетъ это возможнымъ, долженъ постановить частное опредѣленіе о допросѣ свидѣтелей, съ назначеніемъ срока на явку ихъ въ судъ вмѣстѣ съ сторонами. Для жалобъ на такія опредѣленія назначенъ срокъ, и до истеченія этого срока судъ не можетъ приступить къ исполненію своего опредѣленія; а такъ какъ начало срока считается съ объявленія, то неблагонамѣренный отвѣтчикъ, безгласно отлучившись изъ города, для проволочки дѣла, всегда могъ бы достигнуть своей цѣли. Справедливость требовала, чтобы правило, существующее по этому предмету для рѣшительныхъ опредѣленій, распространено было и на частныя: въ отношеніи къ послѣднимъ необходимость подобнаго правила представлялась еще очевиднѣе, такъ какъ дѣло разрѣшается ими не окончательно, и послѣ нихъ остается еще тяжущимся средство защиты посредствомъ апелляціи, въ тѣхъ дѣлахъ, въ коихъ она дозволена. Вслѣдствіе того въ одномъ изъ коммерческихъ судовъ вышеизложенная потребность повела къ возбужденію законодательнаго вопроса о порядкѣ объявленія частныхъ опредѣленій. Вопросъ этотъ разрѣшенъ — распространеніемъ на частныя опредѣленія коммерческихъ судовъ правила о порядкѣ объявленія рѣшительныхъ опредѣленій, состоявшихся безъ бытности въ судѣ тяжущихся или изъ повѣренныхъ (мн. гос. сов. выс. утв. 30 марта 1859 г.).

Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія о скорѣйшемъ распространеніи подробныхъ офиціальныхъ свѣдѣній о статьяхъ Свода Законовъ, дополненныхъ, измѣненныхъ или отмѣненныхъ новыми постановленіями, главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи объявилъ слѣдующее правило, утвержденное, по всеподданнѣйшему докладу его, Высочайшею властью. Отнынѣ каждое продолженіе Свода Зако-

новъ, начиная съ третьяго (1), будетъ издаваемо черезъ три мѣсяца, по тому же плану, по которому издавались прежнія продолженія; такъ что по окончаніи года четыре трехмѣсячныя части составятъ одну книгу. Сверхъ того, для скорѣйшаго доставленія продолженій тѣмъ судебнымъ и правительственнымъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства въ губерніяхъ, коимъ книги законовъ доставляются на счетъ казны, — повелѣно: разсылать продолженія непосредственно отъ типографіи II отдѣленія, а не черезъ министерства и главныя управленія.

По поводу безпорядковъ и злоупотребленій, возникавшихъ въ Грузіи отъ накопленія между жителями старыхъ, по прежнему обычаю нигдѣ не засвидѣтельствованныхъ актовъ, главноуправлявшій Грузіей, генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ, распорядился въ 1817 году объявить жителямъ, чтобъ они представили всѣ свои старые документы къ засвидѣтельствуванію куда слѣдуетъ въ теченіе одного года, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, признанія ихъ незаконными. Подобное же правило въ 1822 году установлено и для жителей Имеретіи; но первоначально назначенные сроки нѣсколько разъ были продолжаемы.

Та же необходимость, которая повела къ установленію этой мѣры въ Грузіи и Имеретіи, обнаружилась и въ Мингреліи по поступленіи этого края съ 1856 года въ русское управленіе. При прежнемъ владѣтельскомъ управленіи былъ опредѣленъ и въ Мингреліи порядокъ явки документовъ, но не былъ исполняемъ. Явка соединялась съ строгою ревизіею содержанія актовъ, и взыскиваемая пошлины были слишкомъ велики, такъ что частныя лица при заключеніи сдѣлокъ уклонялись отъ явки: послѣдствіемъ этого было появленіе множества безгласныхъ письменныхъ актовъ, не удостовѣренныхъ въ подлинности, что служило поводомъ къ возбужденію ябедъ и процессовъ, крайне затруднительныхъ въ разрѣшеніи по неопредѣленности документовъ, которые должны служить основаніемъ права.

Для устраненія этого безпорядка, намѣстникъ кавказскій, вслѣдствіе представленія мѣстныхъ властей, установилъ слѣдующую мѣру: жителямъ Мингреліи объявлено, что въ теченіи года со дня послѣдней печатной публикаціи обязаны они представить въ совѣтъ управленія всѣ свои документы, какъ-то: купчія крѣпости, отпускныя, закладныя, дарственныя и рядныя записи, завѣщанія, заемныя и вѣрныя письма, контракты и т. п., за исключеніемъ заемныхъ обязательствъ ниже 50 руб. Въ совѣтъ всѣ эти

(1) Объ изданіи втораго Продолженія къ Своду Законовъ объявлено было въ указѣ правительствующаго сената 21 марта. Продолженіе это еще не получено въ Москвѣ.

документы будутъ засвидѣтельствованы членами и секретаремъ безденежно и *безъ всякаго разбирательства дѣйствительности*, и затѣмъ возвращены владѣльцамъ. При этомъ съ документовъ снимаются точныя копіи съ означеніемъ всѣхъ подскобокъ, разностей почерка и описаніемъ печатей. По истеченіи назначеннаго срока всякій не засвидѣтельствованный документъ лишается преимуществъ акта явленнаго. Въсѣтъ съ тѣмъ, на будущее время, относительно всѣхъ совершаемыхъ и являемыхъ актовъ, распространяя на Мингрелію общій порядокъ, существующій въ Закавказскомъ краѣ.

Въ этомъ положеніи, утвержденномъ 2-го апрѣля 1859 года Высочайшею властію, не объяснено положительно, должно ли, послѣ вышеозначенной явки старыхъ документовъ, почитать окончательно и безусловно утвержденною подлинность ихъ. При томъ безпорядкѣ совершенія актовъ, какой существовалъ до сего времени въ Мингреліи, естественно, что подъ видомъ подлинныхъ актовъ могутъ быть представляемы въ совѣтъ управленія и документы подложные; а по силѣ новаго положенія явка должна быть производима въ совѣтъ, *безъ всякаго разбирательства дѣйствительности актовъ*, при чемъ не сдѣлано никакой оговорки относительно удостовѣренія въ ихъ *подлинности*.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вся Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ теперь за побѣдными бюллетенями, присылаемыми императоромъ Французомъ императрицѣ и Франціи. Лѣтописи французской арміи во второй разъ наполняются памятными именами Монтебелло, Верчелли, Тичино. Наполеоновскіе орлы во второй разъ увѣнчиваются италіанскими лаврами. Къ триумфальному списку французскихъ побѣдъ, завѣщанному дядею, племянникъ прибавилъ еще новое имя «Маджента», и маршалъ Макъ-Маконъ, новый герцогъ маджентскій, увеличилъ собою ряды наполеоновской аристократіи. Австрійская армія, такъ самонадѣянно вторгнувшаяся въ Піемонтъ, теперь не только отступаетъ, а почти спасается бѣгствомъ и спѣшить укрыться въ крѣпостяхъ, бросая оружіе, за-

пасы и полковыя ящики съ деньгами. Миланъ, столица сѣверной Италіи, возстала, и въ настоящую минуту вѣроятно уже совершилось торжественное вступленіе императора, окруженнаго блестящею свитой французскихъ и сардинскихъ генераловъ, съ королемъ во главѣ ея, въ этотъ богатый историческій городъ, который еще недавно былъ центромъ австрійскаго *управленія*. Недаромъ Австрійцы поторопились заблаговременно вывезти желѣзную корону изъ Монцы.

Первый актъ кампаніи идетъ быстро и вѣрно къ развязкѣ; Австрійцы почти изгнаны изъ Піемонта, у нихъ въ тылу французскій флотъ, блокирующій Венецію, передъ ними сильная, дисциплинированная непріятельская армія, а кругомъ повсюду народонаселеніе, которое, подобно миланскому, готово подняться при первой рѣшительной неудачѣ. Но съ другой стороны и Французамъ нельзя будетъ далеко врѣзываться въ Ломбардію, имѣя у себя во флангъ сильно укрѣпленныя Піаченцу и Павію. Между тѣмъ Австрія разчитываетъ подвинуть свою дипломатическую кампанію, опредѣлить свои отношенія къ Германіи; пока Французы будутъ заняты осадю крѣпостей, Австрія надѣется на какой-нибудь непредвидѣнный поворотъ обстоятельствъ, который спасетъ ее. Переходъ черезъ Тичино, совершенный 4-го іюня, весьма важенъ не только въ военномъ, но и въ политическомъ отношеніи; онъ послужитъ пробнымъ камнемъ прочности германскаго нейтралитета и объяснитъ вопросъ о томъ, какъ смотрятъ европейскія государства на покореніе Ломбардіи Французами. До сихъ поръ Австрійцы изгонялись изъ чужой территоріи; война получаетъ новое значеніе на равнинахъ Ломбардіи. Каждая новая битва можетъ расширить значительно театръ войны; уже и теперь она грозитъ захватить Парму; часть Модены формально присоединена къ Піемонту, а въ сосѣдствѣ съ Венеціей находится Триестъ, порто-франко, входящій въ составъ Германскаго Союза...

Въ этомъ разгарѣ войны, второстепенныя государства заявляютъ о своемъ нейтралитетѣ и стараются о признаніи его со стороны воюющихъ; главныя державы вооружаются сами, чтобы получить возможность собственными силами защищать свои территоріи отъ эпидемическаго вліянія войны. Кромѣ обязательно-нейтральной Швейцаріи, о своемъ нейтралитетѣ заявили: Швеція, Данія, Греція, Неаполь, Папская область и Испанія. Россія, Англія и Пруссія отказались отъ какихъ-либо обѣщаній и предоставили себѣ полную свободу дѣйствій.

Въ Англіи королева издала прокламацію о нейтралитѣ, обращенную не къ иностраннымъ правительствамъ, а къ собственнымъ подданнымъ. *Times* разсуждаетъ по этому поводу слѣдую-

шимъ образомъ: «Прокламація королевы о нейтралитетѣ доказываетъ ясно, что наше отечество не желаетъ помогать ни деспотизму, прикрывающемуся филантропіей, ни деспотизму, опирающемуся на холодной легальности. Всѣ три государства, затанувшія въ войну, безъ сомнѣнія готовятъ себѣ бѣдствіе, одни неразборчивымъ честолюбіемъ, другое неразумнымъ упрямствомъ. Если Франція и будетъ побѣдительницею, то она заплатитъ за это увеличенною тягостью налоговъ, болѣе строгимъ военнымъ правленіемъ и должна будетъ надолго отказаться отъ попытокъ осуществить формы свободной политической жизни. Австрія не можетъ выиграть ничего; хотя бы она и удержала то, чѣмъ владѣетъ теперь, она заплатитъ за это кровью и деньгами, которыхъ не вознаградитъ одно поколѣніе. Въ отношеніи къ Сардиніи, этого орудія Франціи и жертвы Австріи, для насъ ясно одно: ея юная конституція, возбуждающая сочувствіе Европы, теперь отложена въ сторону и замѣняется покорнымъ собраніями, по типу наполеоновскому. Наконецъ, что касается до свободы Италіи, которая выставляется цѣлью этого крестоваго похода, то намъ лучше оставаться въ сторонѣ и предоставить дѣло освобожденія чужимъ рукамъ. Мы имѣли свою долю участія въ освобожденіи народовъ. «Безумно-любящій другъ, который страдаетъ за всѣхъ», слишкомъ часто «страдалъ понапрасну», и это охладило энтузіазмъ Англичанъ. Если Италіянцы сдѣлаются счастливыми, мы порадуемся тому и съ удовольствіемъ уступимъ Франціи всю славу подвига. А пока нашъ народъ будетъ поступать такъ, какъ совѣтуетъ ему королева; онъ не вмѣшается въ споръ, котораго начало ознаменовано обманомъ и насиліемъ, а конецъ скрывается во мракѣ. Въ Парижѣ, Туринѣ и Вѣнѣ, наши соотечественники воздержатся отъ всего, что можетъ сдѣлать ихъ сторонниками воюющихъ. Строго соблюдая нейтралитетъ, мы останемся спокойными зрителями драмы, которая теперь только-что начинается.»

Это отнюдь не значитъ, чтобъ Англія не сочувствовала дѣлу освобожденія Италіи. Стоитъ прослѣдить рѣчи, произнесенныя на многочисленныхъ митингахъ, чтобъ убѣдиться въ противномъ. Но у свободнаго народа есть всегда отвращеніе отъ вмѣшательства въ чужія дѣла, особенно когда послѣдній результатъ вмѣшательства нельзя опредѣлить заранѣе. Въ словахъ, приведенныхъ нами изъ *Times*: «мы съ удовольствіемъ уступимъ Франціи всю славу подвига», слышится однакожь небольшая доля неискренности: нейтральное государство не отказывается отъ участія въ международныхъ вопросахъ, оно предоставляетъ себѣ право всегда подать рѣшительный голосъ, который будетъ услышанъ. «Большія военныя монархіи на континентѣ, говоритъ та же газета, подобно древнему царю Каппадокіи, богаты рабами, но бѣдны деньгами. Механическія изобрѣтенія новѣйшаго времени

для возможность увеличивать число сражающихся; на что прежде требовались годы, то теперь совершается въ теченіи нѣсколькихъ недѣль; но сообразно съ этимъ сокращается срокъ обоюднаго истощенія силъ, которое въ состояніи развести самыхъ упорныхъ бойцовъ... Слѣдовательно, если мы удержимся въ нашемъ нейтралитетѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то не только наше положеніе будетъ самое безопасное, но мы даже приобретемъ рѣшительный голосъ. Последнее слово будетъ дѣйствительно принадлежать тѣмъ свѣжимъ силамъ, которыя сумѣютъ сохранить себя среди этой борьбы. Если съ перваго раза государствамъ не удалось согласиться между собою, если они не стали рѣшительно на сторонѣ того дѣла, къ которому общественное мнѣніе высказало свое сочувствіе, и тѣмъ не предупредили войны, — то теперь всякое вмѣшательство будетъ только подливать масло въ огонь и бесполезно длить борьбу, раздражать рану, которая такъ находится уже въ воспалительномъ состояніи. Чѣмъ меньше государствъ захвачено войною, тѣмъ скорѣе наступитъ время, когда нейтральные вызовутся на дѣло умиротворенія; какъ участники конгресса, который соберется послѣ войны, они произнесутъ свой судъ, скажутъ свое рѣшеніе.

По этому поводу мы нашли очень вѣрныя замѣчанія въ англійскомъ журналѣ *Economist*, которыя приведемъ здѣсь: «Россія и Пруссія наблюдаютъ теперь за борьбою въ Италиі, одна съ сочувствіемъ къ Франціи, другая съ сочувствіемъ къ Австріи. Если мы хотимъ сохранить нашъ нейтралитетъ, то должны заботиться, чтобы Россія и Пруссія сохраняли свой. Пруссія похвалается обнажить мечъ, въ случаѣ, если интересы германской союзной территоріи будутъ нарушены или поставлены въ опасность. Россія грозитъ поступить такъ же, если Англія и Пруссія вздумаютъ стать на сторонѣ Австріи. Три нейтральныя государства, каковы Англія, Пруссія и Россія, при взаимномъ согласіи, могутъ оказать самое благодѣтельное вліяніе на возстановленіе мира; имъ принадлежитъ неотразимое *visio*, въ случаѣ какихъ-либо вредныхъ сдѣлокъ, могущихъ повести къ новымъ столкновеніямъ или грозящихъ политическому равновѣсію Европы. Если напротивъ Россія и Пруссія втянутся въ войну, то положеніе Англіи должно измѣниться... Мы думаемъ, что все или почти все зависитъ отъ твердости Пруссіи: Германскій Союзъ не двинется безъ нея. И Россія, мы увѣрены, не выйдетъ изъ нейтральнаго положенія, пока Союзъ не побудитъ ее къ противному своимъ заступничеству за Австрію... Англійское правительство должно заботиться о томъ, чтобы не ускорять кризиса; оно должно употребить все свое вліяніе на Пруссію, чтобы она не увлеклась германскою паникой, пока никто не грозитъ самой Германіи, и пока

Австрія терпитъ наказаніе на театрѣ своихъ многообразныхъ преступленій. Этимъ мы сдѣлаемъ много пользы Европѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечимъ политикѣ *комбинированнаго нейтралитета* то законное могучее вліяніе, на которое не можетъ никогда разчитывать *одна* нейтральный. Невѣроятно также, чтобы Англія, оставшись одна, *могла* удержать свой нейтралитетъ: для торжества нейтральной политики такъ же точно необходимы могущественные союзники, какъ они необходимы для войны.»

Должно надѣяться, что желанія, высказанныя англійскимъ журналомъ, не останутся простыми *via desideria*. Правильно понимаемые интересы главныхъ государствъ нейтральныхъ рѣшительно заставляютъ ихъ воздерживаться отъ участія въ войнѣ. « Россія, говоритъ петербургскій корреспондентъ журнала *le Nord*, удаленная своими интересами и своимъ положеніемъ отъ театра борьбы, менѣе другихъ государствъ побуждается къ участію въ войнѣ, пока она ограничивается Италією. Предавшись вполне своимъ внутреннимъ реформамъ, Россія, напротивъ, особенно заинтересована тѣмъ, чтобы война ограничилась полуостровомъ, и чтобы пожаръ не сдѣлался всеобщимъ... Въ Англіи и въ Россіи печать исполнила свою обязанность. Выражая самое живое сочувствіе дѣлу италіянской независимости, желая ей торжества, англійская печать, подобно русской, поддерживала начало локализациі войны и возможнаго ограниченія ея ужасныхъ послѣдствій. » Въ иностранныхъ журналахъ были сообщены извѣстія о приведеніи трехъ русскихъ корпусовъ на военное положеніе и о призывѣ безсрочноотпускныхъ. Эти мѣры, конечно, приняты въ виду будущихъ возможныхъ осложнений; но въ настоящемъ онѣ не показываютъ еще намѣреній Россіи принять участіе въ войнѣ, и объясняются потребностями вооруженнаго нейтралитета.

Что касается до Англіи, то, при отсутствіи парламента, общему мнѣнію страны предстояло высказаться на многочисленныхъ митингахъ, которые почти ежедневно собирались въ разныхъ городахъ Соединеннаго Королевства. Одна изъ главныхъ ролей принадлежала обществу мира, *peace society*, которое считаетъ въ Англіи и въ другихъ странахъ огромное число членовъ. Извѣстно, что это общество собирало въ 1849—51 годахъ международные конгрессы, на которыхъ обсуждались мѣры для охраненія всеобщаго мира; вѣрные своей основной мысли, члены общества, большею частію квакеры, не отступали отъ нея даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вся страна увлекалась другими чувствами: они не побоялись говорить даже противъ усмиренія Индіи и громко доказывали необходимость отказаться отъ этой колоніи; ни нападенія журналовъ, ни насмѣшки со стороны присутствовавшихъ не могли остановить квакеровъ отъ распространенія ихъ ученія. Тѣмъ

болѣе теперь они должны были подать свой голосъ въ пользу нейтралитета. Въ разныхъ городахъ Англіи собирались митинги общества, чтобы почтить память недавно умершаго своего президента Джозефа Сторджа, того самаго, который въ 1853 году прѣзжалъ къ императору Николаю I съ просьбою отъ друзей мира о предотвращеніи восточной войны. Панегиристы Сторджа, обзрѣвая его жизнь, посвященную дѣламъ милосердія, противопоставляли ему императора Французовъ. «Чей характеръ болѣе достоинъ удивленія: Сторджа или двухъ воюющихъ императоровъ?» на этотъ вопросъ всѣ присутствовавшіе отвѣчали громкимъ сочувствіемъ дѣлу покойнаго президента и всего общества. Годъ тому назадъ, когда дѣло шло объ усмиреніи индійскаго возстанія, множество голосовъ поднялось бы противъ квакеровъ; теперь вся Англія въ одинъ голосъ вторитъ ихъ словамъ. Во всѣхъ большихъ городахъ, въ Лидсѣ, Манчестерѣ, Бермингемѣ на митингахъ собирались люди, пользующіеся особеннымъ вліяніемъ, и повсюду принималось одно и то же рѣшеніе: выразить правительству желаніе народа о сохраненіи нейтралитета. Адресы, составленные въ этомъ смыслѣ, передавались графу Дорби, который всякій разъ подтверждалъ громко заявленную политику англійскаго министерства: «никакая причина, сказалъ еще недавно первый лордъ казначейства, кромѣ безусловной необходимости самозащиты, не можетъ оправдать участія Великобританіи въ войнѣ.» Все англійское общество настроено совершенно одинаково; на митингахъ не допускались даже выраженія слишкомъ явнаго сочувствія къ одной изъ воюющихъ сторонъ, и всѣ предложенія объ этомъ не имѣли успѣха. Такъ въ Гайдъ-Паркѣ собралась толпа народа и сначала благосклонно выслушала предложенный однимъ ораторомъ, г. Веббомъ, благодарственный адресъ императору Французовъ за начатое имъ освобожденіе Италіи; но достаточно было другому оратору г. Мангелю сказать нѣсколько словъ, и всѣ присутствовавшіе согласились воздержаться отъ всякаго адреса. То же самое повторилось и на митингѣ, бывшемъ въ Лондонской Тавернѣ 20 мая. На немъ предсѣдательствовала лордъ-меръ. Г. Дакинъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: «По мнѣнію митинга, въ высшей степени важно для чести и интересовъ Англіи, чтобъ она сохраняла строгое безпристрастіе въ отношеніи обѣихъ воюющихъ государствъ на континентѣ и не заключала никакихъ союзовъ и трактатовъ, которые могли бы запутать ее и быть опасными для ея нейтралитета.» Это предложеніе такъ пришлось по душѣ каждому, что присутствовавшіе не хотѣли даже слушать никакой поправки въ немъ. Г. Тайлоръ, желавшій сдѣлать такую поправку, съ цѣлью прибавить выраженіе сочувствія къ Италіи, принужденъ былъ замолчать при

крикахъ: «сядьте на свое мѣсто» и другихъ знакахъ неудовольствія. Когда ораторъ пытался защищать свое предложеніе, то волненіе на митингѣ усилилось до такой степени, что лордъ-меръ счелъ лучшимъ покинуть свое председательское кресло и удалиться изъ залы подѣ предлогомъ болѣзни. Послѣ недолгихъ споровъ, поправка г. Тайлора была отвергнута, и резолюція г. Даккина принята единогласно. На подобныхъ митингахъ члены новаго парламента не упускаютъ случая высказать тѣ убѣжденія, которыя они будутъ поддерживать въ предстоящую сессію. Такъ г. Гилпинъ на митингѣ 20 мая уже сдѣлалъ первый опытъ нападенія на министерство. «Народъ англійскій, сказалъ онъ, сочувствуетъ угнетеннымъ всѣхъ націй; но нѣкоторые члены нашего общества высказали явно свои нѣмецкія симпатіи (*рукоплесканія*). Если, въ интересахъ національностей, должно требовать и настаивать на сохраненіи нейтралитета (*одобреніе*), то еще съ большею силою должно заботиться, чтобы не нарушали нейтралитета тѣ, которые сочувствуютъ деспотамъ (*одобреніе*).» Присутствовавшіе поняли этотъ намекъ на министерство и положили сообщить графу Дерби о рѣшеніи митинга. На другой день первый лордъ казначейства объявилъ, что политика министерства совершенно согласна съ резолюціею митинга, и такимъ образомъ принялъ на себя новое обязательство передъ общественнымъ мнѣніемъ страны. Другой членъ либеральной оппозиціи, г. Локъ-Кингъ высказался въ засѣданіи кройдонскаго общества сельскаго хозяйства, бывшемъ 26 мая. Остроумный ораторъ обратилъ вниманіе слушателей на всю невыгоду и бесполезность территориальнаго расширенія и примѣнилъ это къ своей любимой мысли о малыхъ хозяйствахъ. «Мы знаемъ очень хорошо, сказалъ онъ, что расширеніе территоріи будетъ для насъ источникомъ слабости, а не силы, что оно поведетъ насъ къ бѣдности, а не къ богатству (*слушайте, слушайте*). Безъ сомнѣнія, война бываетъ необходима въ нѣкоторыхъ случаяхъ; но въ настоящее время нѣтъ такой необходимости. Чтобы указать на ужасныя слѣдствія войны, я припомню здѣсь одно замѣчаніе о французскомъ народѣ, слышанное мною во Франціи же отъ одного глубокаго мыслителя. Дознано всеми, что французская нація значительно выродилась и обезсилѣла въ послѣдніе годы, и что теперь весьма трудно для пополненія арміи найти такихъ рослыхъ и сильныхъ людей, какіе были въ прежнее время; мнѣ говорилъ одинъ Французъ, хорошо знакомый съ дѣломъ, что правительство принуждено постоянно понижать мѣрку роста, требуемую отъ конскриптовъ. Это произошло оттого, что во время большихъ войнъ Наполеона I погибли лучшіе люди... оставались дома только увѣчные и не способные къ войнѣ, и отъ нихъ-то народи-

лись теперешніе Французы (смыслъ и одобреніе). Сидѣть, джентльмены, но въ томъ, что я сказалъ, есть большая доля правды: война понижаетъ даже физическія свойства народа. (Одобреніе.) Фермерамъ понравилось нравоученіе, и они такъ же единодушно выразили свое одобреніе нейтралитету, какъ и англійскіе негодянты, собиравшіеся въ лондонской тавернѣ.

Но, рѣшившись остаться нейтральною до послѣдней возможности, Англія энергически заботится о собственной защитѣ; она не доверяетъ ни своему недавнему союзнику, ни вообще мирному расположенію настоящаго времени. *Times* разсуждаетъ по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «Если нельзя извлечь никакой пользы изъ бѣдствій, то они могутъ научить многому. Между прочимъ мы должны убѣдиться въ томъ, что идеи о всеобщемъ мирѣ, такъ недавно утѣшавшія всѣхъ, были пустою мечтою. Восточная война оставляетъ еще исключеніе: она готовилась долго и окончилась быстро; но италіанская война есть война совершенно стараго закала. Что было виною ея, французское честолюбіе или австрійское упрямство, все равно. Каковы бы ни были причины войны, на кого бы ни падала отвѣтственность за нее, но дѣло въ томъ, что война явилась вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ принциповъ, которые заставляли воевать предшествовавшія поколѣнія. Она разразилась надъ Италіей, но могла разразиться и надъ Англіей... Послѣ всѣхъ нашихъ конгрессовъ о мирѣ, послѣ нашихъ международныхъ дружественныхъ связей и нашей всемірной выставки промышленности, дѣла приняли такой оборотъ, что изъ главныхъ державъ двѣ затянулись въ борьбу на жизнь и смерть; двѣ другія вооружились съ головами до ногъ, имѣя въ виду броситься на поле битвы; а пятая, искренно желая остаться нейтральною, сдѣлала изъ всѣхъ силъ вооружаться. Народъ принимаетъ результатъ, который является помимо его желанія. Французы кричатъ теперь за войну, когда война уже началась, у Шымцевъ всѣ нѣбры напряжены воинственно, и Англичане заняты отрядами волонтеровъ и стрѣлковъ. Мы имѣемъ въ виду не теперешнюю войну, не италіанскій вопросъ и вообще не какой-либо частный вопросъ; мы говоримъ только, что человѣческія страсти не измѣнились, и что война является результатомъ этихъ страстей. До сихъ поръ не найдено еще средствъ предупредить ее. Конгрессы или не удаются, или не приносятъ пользы; расходы на войну не останавливаютъ никого, потому что разчетливые и экономные Французы подписались на десятки милліоновъ; даже конституціонныя формы не препятствуютъ войнѣ, потому что Пиемонтцы народъ свободный. Что касается до насъ, то мы конечно едва ли не единственная нація, понимающая все безуміе и безыравственность войны; но здравый смыслъ заставляетъ насъ быть на готовѣ,

и наши берега должны оцѣтнѣть пушками и солдатами. • И въ самомъ дѣлѣ отъ одного конца Англіи до другаго народъ готовится стать твердою стѣною противъ всякаго, кто въдумалъ бы оскорбить своимъ вооруженнымъ присутствіемъ старую Англію. По своему обыкновению, Англичане тотчасъ же собираютъ митинги; каждый частный человекъ спѣшитъ высказать свое мнѣніе о лучшемъ способѣ вооруженія и обученія штуцерныхъ (riflemen); самыя почтенныя лица долго и важно толкуютъ о томъ, какія панталоны удобнѣе для будущей милиціи. Всѣ согласны въ томъ, что защита Англіи должна быть предоставлена самому народу. • Въ нашемъ отечествѣ, сказано въ *Times*, неизвѣстны ни конскрипція, ни наборы; свободная Англія должна быть защищаема руками свободного народа. Если встрѣтится надобность, то въ нѣсколько недѣль, и ужъ навѣрное въ нѣсколько мѣсяцевъ, явится подъ ружьемъ миллионъ людей, готовыхъ своею кровью защищать родную землю отъ чужеземной профанации. • Уже успѣла образоваться цѣлая литература по вопросу о штуцерныхъ; специалисты и неспециалисты толкуютъ объ этомъ дѣлѣ, и если въ этихъ толкахъ не всегда видно пониманіе военнаго искусства, за то высказывается то горячее участие ко всякому общественному вопросу, которое составляетъ славу Англіи. Лордъ Эльчо, напримѣръ, отстаиваетъ превосходство панталонъ, впущенныхъ въ сапоги, другіе предпочитаютъ ботинки и гетры; одни отдаютъ преимущество зеленому цвѣту куртокъ, другіе сѣрому. Г. Друммондъ, этотъ «эксцентрическій членъ парламента», издалъ брошюру, въ которой предлагаетъ раздѣлить штуцерныхъ на малые отряды и расположить ихъ на небольшихъ тропинкахъ, во рвахъ, въ лѣсахъ и за заборами. • Если, говоритъ онъ, миллионъ штуцерныхъ стволовъ будетъ выглядывать изъ-за заборовъ на всемъ пространствѣ между берегомъ и Лондономъ, то нападающій два раза подумаетъ, прежде чѣмъ покажетъ свой носъ въ Англію. • Нѣкоторые предлагаютъ даже, въ случаѣ высадки Французовъ, по крайней мѣрѣ въ теченіи пяти ночей бить въ сковороды, чтобы не давать спать неврѣтелю; истомивши его безсонницей, легко будетъ справиться съ нимъ. Однимъ словомъ, вниманіе всѣхъ Англичанъ сосредоточено теперь на средствахъ защиты. Въ самыхъ извѣстіяхъ съ театра войны они ищутъ преимущественно указаній на дѣйствія штуцерныхъ; въ *Times* напечатана статья о битвѣ при Монтебелло съ этой точки зрѣнія. • Для совершенства солдатъ, говорятъ авторъ статьи, нѣтъ надобности въ долгомъ обученіи. Конечно, необходимо прилежно практиковаться въ стрѣльбѣ изъ штуцера, но крайне заблуждаются тѣ, которые думаютъ, будто солдаты должны готовиться къ войнѣ путемъ долгой дрессировки. Вѣроятно, по крайней мѣрѣ половина войскъ, сражающихся теперь въ Италіи,

считать не больше опытности, какъ и наши медицинскіе люди, и маршалъ Ней справедливо сказалъ однажды, что французскіе солдаты «никогда не бываютъ слишкомъ молоды». Правовученіе, которое мы можемъ вывести изъ этого замѣчанія, состоитъ въ томъ, что наши молодые волонтеры имѣютъ право смотрѣть на себя, какъ на силу не хуже всѣхъ регулярныхъ войскъ на свѣтѣ. Если они приучатся не уставать отъ ходьбы и мѣтко попадать въ глазъ быка, то съ ними трудно будетъ состязаться, и Англія можетъ съ полнымъ довѣріемъ и спокойно смотрѣть на свое нешерстунное положеніе.» Образуются штуцерные клубы (*rifle club*) и цѣлыя компаніи стрѣльцовъ; всѣ главные города готовы оказывать имъ денежное вспоможеніе; многіе митинги кончались взносомъ отъ 500 до 1000 фунтовъ стерл. (6.250 руб. сер.) и запискою до 50 человекъ. Хотя далеко еще до идеальной цѣльмилліона, однако общее число штуцерныхъ уже значительно. Англія никогда не знаетъ границъ въ дѣлѣ усовершенствованій; едва только обстоятельства укажутъ ей дѣйствительный или воображаемый недостатокъ ея, какъ всѣ наперерывъ стараются поглядѣть на него въ увеличительное стекло, умышленно напугать себя и другихъ, и въ результатѣ окажется, что страна обезпечена на будущее время отъ дѣйствительной опасности. Правительство едва въ состояніи читать обо всемъ, что дѣлаютъ частныя лица на пользу общую, оно едва успѣваетъ собирать всю богатую жатву послѣ этихъ безчисленныхъ рабочихъ. Война еще далеко отъ дверей Англіи, а уже приняты всѣ мѣры къ защитѣ отъ нападенія. На упомянутомъ нами выше годичномъ собраніи сельскаго общества въ Кройдонѣ, членъ парламента г. Алькокъ выразилъ совершенное спокойствіе за безопасность Англіи. «Если у насъ будетъ, сказалъ онъ, двѣ или три тысячи штуцерныхъ и отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ стрѣлковъ, то ни одна непріятельская армія не проникнетъ на десять миль отъ берега (*одобреніе*)... Говорятъ, что при помощи пароходовъ Франція или другая страна могутъ нагрузить и высадить войска въ Англію въ нѣсколько часовъ. Я считаю это невозможнымъ. Что было во время крымской войны? Около 40.000 войскъ высадились въ Крыму въ іюнь или іюль 1854 года, но они могли двинуться только черезъ пять дней послѣ высадки (*слушайте, слушайте*). Если принять это мѣркою трудностей при нападеніи на чужую страну, то ни Россія, ни Франція и никакое другое государство не могутъ высадить 50 или 60 тысячъ и привести ихъ въ движеніе, прежде чѣмъ подоспѣютъ противъ нихъ штуцерные отряды. Что касается до меня, то я не вѣрю нападенію на Англію, хотя въ то же время думаю, что нужно быть готовымъ ко всякой случайности (*одобреніе*).»

Итакъ англійское общество желаетъ нейтралитета и рѣшилось само защищаться внутри страны. Защита береговъ лежитъ на обязанности правительства, но и въ этомъ отношеніи Англія не менѣе безопасна; снаряженъ такой флотъ, какого никогда еще не бывало въ Англіи: болѣе 50 винтовыхъ линейныхъ кораблей уже готовы, а этого числа не могутъ выставить всѣ остальные флоты въ мірѣ, соединенные вмѣстѣ. Для вооруженія такого количества кораблей, правительство прибѣгаетъ къ волонтерамъ; но нельзя сказать, чтобы легко было собрать ихъ. Англичанинъ охотно возьметъ свой штуцеръ и станетъ на порогѣ своего дома ждать непріятеля, но его трудно убѣдить, чтобы онъ покинулъ домашній очагъ и шелъ защищать неизвѣстный ему городъ отъ какого-то деспота. Корпуса штуцерныхъ наполняются быстро, а волонтеры-моряки, несмотря на всѣ приманки, прибываютъ медленно. Много толкуютъ о страшной бѣдности въ Англіи; казалось бы, тысячами должны были приходиться эти бѣдняки, которымъ правительство предлагаетъ около 20 руб. сер. въ мѣсяцъ и полную пенсію за 20 лѣтъ службы. Ничуть не бывало. Англійскіе морскіе офицеры семь дней ѣздили по Лондону въ великолѣпной каретѣ, съ музыкой, съ пѣснями, говорили рѣчи о прелестяхъ морской службы, и въ результатѣ оказалось, что нѣе всей этой толпы бѣдняковъ не болѣе 50 человекъ согласилось надѣть мундиры. Мы приведемъ здѣсь двѣ-три подробности о митингѣ, бывшемъ въ Саутгемпльдѣ, на которомъ капитанъ Пимъ убѣждалъ присутствовавшихъ вступить въ морскую службу. Изъ словъ капитана видно, что на купеческомъ кораблѣ матросъ получаетъ 4 фунта (27 руб. сер.) въ мѣсяцъ, но такъ какъ обыкновенно корабль стоитъ четыре мѣсяца въ портѣ, то годовая плата будетъ не выше 32 ф. (200 р. сер.). Правительство предлагаетъ 2 ф. 9 шилл. жалованья и 7³/₄ шилл. за хорошее поведеніе, что составитъ 19 руб. сер. въ мѣсяцъ или 228 р. сер. въ годъ; при этомъ одежда и табакъ продаются по дешевымъ цѣнамъ; послѣ десяти лѣтъ службы назначается половинная пенсія, а послѣ двадцати полная, и дается право на помѣщеніе въ гринвичскій госпиталь. «Я вижу здѣсь, сказалъ капитанъ, бывшаго повара на кораблѣ *Торкомъ*; онъ получаетъ 28 фунтовъ пенсіи, да 47 фунтовъ отъ хозяина за свою теперешнюю службу; 75 фунтовъ (около 470 р. с.),—это уже порядочное обезпеченіе.» Присутствовавшіе остались удовлетворены денежными выгодами, предоставляемыми правительствомъ; но есть одно обстоятельство, которое внушаетъ отвращеніе свободному Англичанину отъ военной службы; оно было высказано на митингѣ. «Я увѣренъ, сказалъ г. Лиддъ первый записавшійся волонтеръ, что въ случаѣ опасности для Англіи, весь народъ пойдетъ противъ врага, который осмѣлится поставить свою ногу на англій-

скую землю. (*Рукопалескція.*) Но зачѣмъ на корабляхъ существуютъ линьки, и развѣ нельзя замѣнить другимъ наказаніемъ это варварское и противоестественное обращеніе? Другіе моряки также съ отвращеніемъ говорили о линькахъ, называя ихъ вещью неестественною, немислимою для свободнаго и разумнаго человѣка; море родная стихія для Англичанина, и не будь этихъ чудовищныхъ орудій наказанія, морскіе экипажи наполнились бы съ чрезвычайною быстротою.

Во всякомъ случаѣ, въ Англіи не было бы недостатка въ людяхъ для защиты страны; о другихъ средствахъ войны нечего и говорить; конечно, ни одна страна въ мірѣ не можетъ соперничать въ этомъ отношеніи съ Англіею. Мы приведемъ здѣсь статью, помѣщенную въ *Times* по поводу тѣхъ матеріальныхъ силъ, которыми можетъ располагать Англія въ случаѣ войны: «Казна наша никогда не истощится, арсеналы и доки наши все болѣе и болѣе производительны, военные запасы наши увеличиваются съ каждымъ днемъ. Мы въ состояніи одѣть, вооружить и снабдить всѣмъ необходимымъ не только самихъ себя, но и своихъ союзниковъ, еслибъ они просили насъ о помощи. Сила пара, употребляемая въ нашемъ отечествѣ, превышаетъ ручную силу всего человѣческаго рода; въ такомъ же отношеніи стоитъ у насъ изготовленіе военныхъ кораблей, пароходовъ, канонирскихъ лодокъ, пушекъ, ружей, бомбъ, ядеръ и пуль. И не только по количеству, но и по качеству всѣхъ этихъ матеріаловъ, мы не имѣемъ равныхъ себѣ: все, что имѣется у насъ, есть самое лучшее въ своемъ родѣ и самаго высокаго качества. Нельзя также сомнѣваться и въ духѣ нація, которая производитъ въ такомъ количествѣ орудія смерти. При первомъ вызовѣ, и если только непріятель будетъ достоинъ гнѣва Англіи, она превратится въ разрушительный вулканъ для всѣхъ своихъ враговъ близкихъ и далекихъ.... Пушка г. Армстронга можетъ служить разительнымъ доказательствомъ громадности тѣхъ механическихъ средствъ, которыя составляютъ силу нашего отечества. Мы вполне убѣждены, что ни одно государство не въ состояніи готовить въ достаточномъ количествѣ орудія этого рода—мы опередили всѣхъ; едва ли могутъ они отлить даже и одну такую пушку. А мы навѣрное можемъ оглить ихъ сколько угодно всякаго размѣра, даже такіа пушки, которыя заряжаются стофунтовыми ядрами и могутъ стрѣлять на громадное разстояніе, теперь почти невѣроятное. Но пушка, о которой мы говоримъ, не составляетъ еще всего. Бомбы, изготовляемая для нея, возбуждаютъ гораздо сильнѣйшее удивленіе. Онѣ разрываются тотчасъ при вылетѣ изъ пушки или при удареніи о какой-либо предметъ—это зависитъ отъ желанія: въ первомъ случаѣ бомба разрывается на нѣсколько частей, которыя образуютъ родъ вѣтра и распространяютъ разрушеніе въ

такихъ размѣрахъ и на такомъ пространствѣ, о которыхъ и не снилось при прежнихъ бомбахъ. Деревянные стѣны Англіи не способны защитить насъ отъ разрушительныхъ снарядовъ, которые могутъ пронизать девяти-футовое плотное дубовое бревно. Мы должны имѣть поэтому стѣны желѣзныя; люди уже не надѣваютъ теперь желѣзныхъ доспѣховъ, но за то корабли должны ограждать себя ими. И въ этомъ отношеніи Англія имѣетъ первенство надъ всѣми прочими странами. Въ одинъ или два года она можетъ, если захочетъ, построить флотъ съ гигантскими вооруженіями, покрытый чешуею, которой не сдѣлаютъ вреда никакія ядра. Всѣ соображенія эти относятся, можно сказать, къ будущему. Мы въ состояніи обзавестись желѣзнымъ флотомъ, Армстронговыми пушками, цѣлыми горами ядеръ и бомбъ самаго разрушительнаго свойства, и по мѣрѣ того, какъ подвигается война, мы можемъ все болѣе и болѣе развивать источники могущества, лежащіе въ нашей почвѣ и нашемъ народонаселеніи. Но вопросъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, какъ могли бы мы дѣйствовать, еслибы война захватила насъ черезъ мѣсяцъ или даже прежде? Въ какой степени притоговлены мы бороться съ высадкою непріятеля, покровительствовать нашей торговлѣ или встрѣтиться въ открытомъ морѣ съ 60 или 70 линейными кораблями? Не будемъ говорить на этотъ разъ объ адмиралтействѣ, которое дѣлаетъ все, что отъ него зависитъ. Но взглянемъ на Вульвичскій арсеналъ, на это громадное убѣжище циклоповъ, гдѣ идетъ работа, которую языческой поэтъ не могъ бы обнять даже своимъ воображеніемъ. Можно предполагать, что тамъ находится 7000 совершенно годныхъ для употребленія пушекъ, кромѣ соответствующаго количества снарядовъ въ разныхъ докахъ, разсыпанныхъ по всему пространству королевства. Пушки эти могутъ быть сосредоточены по желанію на всякомъ пунктѣ, въ числѣ 200 или 300. Читатели наши могли убѣдиться по опыту крымской кампаніи, что пушка далеко не прочное орудіе и портится послѣ извѣстнаго числа выстрѣловъ. Въ какомъ же количествѣ можемъ мы переливать ихъ? Съ помощью старыхъ горновъ въ Вульвичѣ и нѣсколькихъ новыхъ, уже оконченныхъ или готовыхъ къ окончанію, съ помощью также частныхъ литейныхъ заводовъ, Англія можетъ производить отъ 4000 до 5000 пушекъ всякаго размѣра ежегодно. Что касается до бомбъ и ядеръ, то одинъ Вульвичъ даже теперь поставляетъ ихъ до 26.000 въ недѣлю, а можетъ легко заготовить до 40.000, то-есть вшестеро больше того количества, которое потрачивалось еженедѣльно въ крымскую кампанію. Обратимся ли мы отъ большаго къ малому оружію, то убѣдимся, что мы въ состояніи снабдить имъ и аммуниціею въ какомъ угодно количествѣ всякую ар-

мию. У насъ въ запасъ 80 или 90 милліоновъ картушей Минье, и мы можемъ производить еженедѣльно два или три милліона.»

Когда страна, обладающая такими громадными силами, твердо держится нейтралитета, то ея примѣръ не можетъ не оказать самаго благотѣльнаго вліянія. При настоящемъ положеніи дѣлъ, характеръ англійской политики получаетъ особенный смыслъ: Германія чутко прислушивается ко всему, что дѣлается въ Англии и ищетъ въ ней опоры для себя.

Что бы ни говорили ораторы идеальнаго нѣмецкаго патріотизма, единая Германія существуетъ только въ ихъ воображеніи. Германскій сеймъ, въ его нынѣшнемъ составѣ, представляетъ собою такую нестройную машину, которая годна только для распложенія бумагъ и рѣшительно не способна дѣйствовать правильно. Эта пестрая смѣсь правительствъ съ самыми различными характерами никакъ не можетъ составить стройное цѣлое: теперешнее либеральное правительство Пруссіи говоритъ языкомъ, непонятнымъ для ретроградныхъ представителей Австріи или Ганновера; рѣдко два члена Союза одинаково понимаютъ одну и ту же статью союзнаго акта. Мы не разъ говорили уже о томъ, что вся эта искусственная организація держится только искусственнымъ равновѣсіемъ между Австріею и Пруссіею; какъ только Австрія принуждена бываетъ замолчать, какъ только парализируется ея вредное вліяніе на сеймъ, Германія начинаетъ ощупью попадать на правильную дорогу, и прежде всего слышатся голоса противъ безобразія нынѣшняго сеймоваго устройства. Общій голосъ страны требуетъ, чтобы вмѣсто союза государей сеймъ выражалъ собою представительство народа. «Подъ именемъ сейма, сказано въ штутгартскомъ журналѣ *Beobachter*, существуетъ пустой союзъ государей, основное начало котораго состоитъ въ исключеніи народовъ; при первомъ европейскомъ кризисѣ этотъ союзъ долженъ разорваться. Для національнаго развитія Германіи онъ не только былъ бесполезенъ, но служилъ прямо препятствіемъ.» То же самое говорилъ въ штутгартской палатѣ одинъ изъ представителей, г. Гельдерсъ: «Германскому народу, читаемъ мы въ его рѣчи, давно уже обѣщано народное представительство на сеймъ; только оно можетъ обезпечить нашу свободу и дать отпоръ реакціоннымъ стремленіямъ, которыя по временамъ высказываются на сеймѣ.» Это недовольство существуетъ повсюду, и его нельзя устранить такими средствами, какъ на примѣръ полицейское преслѣдованіе того нумера журнала, въ которомъ напечатаны приведенныя нами слова. Во множествѣ брошюръ задается тотъ же неотвязный вопросъ: существуетъ ли Германія, какъ государство? Естественно, что лучшая часть германскаго народонаселенія обращается теперь съ сочувствіемъ къ Пруссіи и готова пере-

дать ей судьбы общаго отечества; въ одной брошюрѣ сказано даже прямо, что прусское правительство, «которое вступило на путь правильного прогресса и соблюдаетъ вѣрность народу», должно быть поставлено во главѣ Германцевъ.

Такого рода стремленія, которыя существовали уже семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а въ 1849 году сдѣлались девизомъ *готской партіи*, не нравятся приверженцамъ Австріи, потому что Австрія можетъ существовать только при нынѣшнемъ безобразномъ устройствѣ сейма. Сѣверная и южная Германія раздѣлились теперь на два лагеря; *Allgemeine Zeitung*, которая нѣсколько лѣтъ была органомъ германскаго единства, теперь стала защищать какой-то *порядокъ*, будто бы олицетворяемый Австрією; она стала косвенно упрекать прусское правительство въ потворствѣ революціи, въ слабости и снисходительности къ польской партіи въ палатѣ; по мнѣнію этой газеты, только она понимаетъ истинные интересы Германіи, а всѣ другіе журналы «пляшутъ по дудкѣ *ютаэровъ*». Началась перестрѣлка между *Allgemeine Zeitung* и *National-Zeitung*. Первая заговорила о томъ, что Германія вовсе не въ Берлинѣ, а въ Мюнхенѣ. «Было время, сказано здѣсь, когда Берлинъ имѣлъ такое сильное вліяніе на всю Германію, что берлинскія воззрѣнія служили мѣркою для всѣхъ германскихъ племенъ (*Stämme*). Теперь все измѣнилось: Мюнхенъ, болѣе чѣмъ въ одномъ отношеніи, имѣетъ первенство передъ Берлиномъ.» *National-Zeitung* отвѣчала на это, что Германія безъ Пруссіи существовать не можетъ, а безъ Баваріи ей легко обойдтись; что Франція и не подумаетъ бояться Германіи, если ее не поддержитъ 540.000 прусскаго войска; что второстепенныя государства должны поэтому опираться на Пруссію.

Поводомъ къ такимъ объясненіямъ послужило засѣданіе прусскихъ палатъ, о которомъ было говорено въ прошлой книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, и слишкомъ пылкое предложеніе Ганновера о собраніи обсервационнаго корпуса на Рейнѣ. Въ Баваріи прусскихъ либераловъ называютъ *kleindeutsche Partei*, а защитниковъ ретрограднаго сейма *Grossdeutsche*. Конечно, по мнѣнію *Allgemeine Zeitung*, рѣчи гг. Шталя и Бланкенбурга гораздо выше рѣчей ораторовъ, принадлежащихъ партіи, «которая особенно разчитываетъ на симпатіи Германіи». Эта газета, заслужившая себѣ въ сѣверной Германіи лестное прозвище *österreichischer Organ am Lech*, увѣряетъ, что она получила, по поводу засѣданія 12-го мая, множество писемъ весьма неместныхъ для Пруссіи, и не печатаетъ ихъ только въ интересахъ согласія между Нѣмцами.

Еще болѣе разыгрался антагонизмъ южной и сѣверной Германіи по поводу прусскаго протеста на сеймѣ, 19-го мая. Въ отвѣтъ на предложеніе Ганновера о томъ, чтобы на Рейнѣ собранъ былъ обсервационный корпусъ, Пруссія потребовала себѣ ини-

ціativity въ дѣлѣ защиты Германіи. Ничего не могло быть естественнѣе такого требованія: Пруссія первая привела на военное положеніе свою армію, она одна имѣетъ достаточно силъ, чтобы дать отпоръ грозному врагу; она не можетъ подчиняться всякому капризу слабонервнаго патріотизма какого-нибудь третьестепеннаго государства въ родѣ Ганновера. Но всѣ приверженцы сейма, въ австрійскомъ вкусѣ, забили тревогу. Въ иниціативѣ Пруссіи увидѣли шагъ къ ея исключительному преобладанію, со страхомъ смотрѣли на осуществленіе идеала *готааровъ* и въ виду внѣшняго врага завели счеты съ Пруссіей. Въ это время прусское правительство отправило генераловъ Виллизена въ Австрію и Альфенслебена въ южную Германію съ какими-то порученіями; всѣ были увѣрены, что дѣло идетъ о преобразованіи сейма, и *Preussische Zeitung* должна была опровергнуть этотъ слухъ. Политическимъ сплетнямъ въ Германіи теперь самый широкій просторъ, тѣмъ болѣе, что сеймъ, вѣроятно изъ боязни преобразованія, пересталъ публиковать отчеты о своихъ засѣданіяхъ. Извѣстно только, что докладъ по вопросу о прусской иниціативѣ былъ порученъ г. фонъ-деръ-Пфурдтену, оставленному первому министру баварскому. У этого господина не разъ прорывалось желаніе выдвинуть хотя на второй планъ Баварію, о которой никто не заботился. Теперь представился къ тому удобный случай: стоить только занять вакантное мѣсто Австріи и сдѣлаться самымъ нѣмецкимъ изъ нѣмецкихъ государствъ. Для этого нужно было отстранить Пруссію; и вотъ, зная убѣжденія прусскаго правительства, г. Пфурдтенъ поставилъ необходимымъ условіемъ прусской иниціативы обязательство со стороны Пруссіи защищать италіянскія владѣнія Австріи. «Этотъ балетмейстеръ, говоритъ *National-Zeitung*, думаетъ поставить на сцену свою новую штуку. . . Онъ поклялся своими школьными тетрадями (г. Пфурдтенъ былъ профессоромъ), что Пруссія тотчасъ гарантируетъ австрійскія владѣнія въ Италіи; онъ, баварскій господинъ посланникъ на сеймѣ, будетъ требовать этого безпощадно отъ регента Пруссіи, и если получитъ уклончивый отвѣтъ, то, послѣ отчаяннаго пируэта, съ мечомъ въ рукѣ въ одинъ мигъ очутится въ Эльзасѣ; отсюда онъ возвратитъ въ Тюльери свою ленту почетнаго легіона и вселитъ сказать, что онъ теперь сдѣлался столько же ужасенъ, сколько прежде былъ сговорчивъ и почтителенъ.» По тону этой статьи можно заключить, какое неприятое впечатлѣніе произведено въ Пруссіи предложеніемъ Баваріи. Говорятъ даже, что Баварія собираетъ въ Пфальцѣ, слѣдовательно по ту сторону Рейна, цѣлый корпусъ войскъ, и намѣревается стать здѣсь въ авангардѣ защитниковъ Германіи, подражая принцу нассаускому, который защищаетъ теперь Германію въ Италіи. На что разчитываетъ подобная демон-

страція? Думаетъ ли Баварія побудить Пруссію тотчасъ же объявить войну Франціи, или она желаетъ только унижить Пруссію въ глазахъ Германіи? То и другое равно вѣроятно; но вопросъ поставленъ такъ рѣзко, что Пруссіи трудно уступить. Ея политика послѣдняго времени заслуживала полного сочувствія; вотъ какъ объясняетъ ее *National-Zeitung*: «Пруссіи приходилось опредѣлить свою роль. Ее побуждали сначала сдѣлаться вассаломъ и покорно стать подъ двувѣтное знамя Австріи, чтобы распространить австрійское владычество въ Италіи и запечатлѣть союзъ императора съ напою; это значило бы исполнить то, чего желала бременская коалиція девять лѣтъ тому назадъ, разчитывая на содѣйствіе Россіи... Оставалась единственно возможная роль: взять на себя предводительство истинно-германскою политикою; уважать и щадить всѣ отдѣльные интересы, но соединять народъ германскій и направлять его дѣйствія къ одной цѣли; парализовать реакціонный и клерикальный характеръ австрійскихъ интересовъ и защищать ихъ на столько, на сколько они суть вмѣстѣ интересы германскіе: вообще воздерживать народъ отъ ультрамонтанизма и отъ легитимистскаго донкихотства.»

Какъ бы то ни было, Баварія рѣшительнѣе другихъ подняла знамя противъ Пруссіи. Но она дѣйствуетъ не одна; къ ея партіи принадлежатъ Ганноверъ, Нассау, Дармштадтъ и Брауншвейгъ. А въ послѣднее время этотъ анти-пруссійскій союзъ нашелъ подкрѣпленіе еще въ Саксоніи. При открытіи саксонскихъ палатъ, 25 мая, король въ тронной рѣчи сказалъ между прочимъ: «Послѣ болѣе нежели сорокалѣтняго мира, возгорѣлась въ сердцѣ Европы война, которая дѣлаетъ сомнительными трактаты, условливающіе юридическій бытъ Европы. Германскій Союзъ не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ борьбы... Если дойдетъ до войны за правое дѣло, то Богъ будетъ съ нами и съ общимъ нашимъ отечествомъ, съ Германіею.» Эти слова были предисловіемъ ко второму, весьма важному факту, къ посылкѣ перваго министра Саксоніи, г. Бейста, въ Англію. Лучшаго доказательства безсилія Германіи не могло быть; она не умѣетъ шагу ступить, не опираясь на какое-либо иностранное государство; прежде она искала опоры у Россіи, теперъ она обращается къ Англіи. Но Англію не легко побудить вступиться въ чужія дѣла и заботиться о чужихъ интересахъ. Лордъ Мальмсбери можетъ надавать обѣщаній г. Бейсту, но народъ англійскій не захочетъ, конечно, поддерживать Германію; вѣдь все-таки это еще не *больной человекъ*. «Въ германско-го энтузіазмѣ, сказано въ *Times*, очевидна тоска по чужеземной помощи и недостатокъ довѣрія къ собственной силѣ... Германцы не должны ждать отъ насъ помощи. Конечно, могутъ случить-

ся обстоятельства, которыя способны вовлечь Англiю въ войну; но ничего подобнаго еще не случилось. Мы видимъ въ Италiи двѣ арміи, которыя способны помѣряться другъ съ другомъ, но не видимъ никакой немедленной опасности для равновѣсія Европы. Если Германцы благоразумны, то они должны выжидать спокойно, наблюдать, какая армія сражается лучше, и посмотрѣть, дѣйствительно ли Австрійская имперія достойна помощи. Но если Германцы предпочитаютъ войну, то надо полагать, что они достаточно сильны сами по себѣ; такъ пусть же они не клянутся тѣню Чатама и не взываютъ къ Англiи о помощи.» Еще рѣшительнѣе выражается *Manchester Examiner*. «Г. фонъ Финке, сказано здѣсь, возлагаетъ большія надежды на тѣнь Чатама, для того чтобы пробудить духъ Англiи. Нелѣпо, конечно, предполагать, чтобы духи расхаживали по землѣ сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ они освободились отъ тѣлесной оболочки, не говоря уже о томъ, что духъ, о которомъ говоримъ мы, общалъ не появляться на свѣтъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ уплаченъ государственный долгъ. Мы обязаны понизить нѣсколько тонъ подобныхъ декламаций. Германскіе соплеменники наши обладаютъ необыкновенно широкою душою. Они способны совершить мыслію пятьдесятъ кампаній, прежде чѣмъ хоть одинъ воинъ изъ духовной сферы, въ которой они вращаются, перейдетъ въ другой, тѣлесный міръ. Аналогіи, заимствованныя изъ эпохи, минувшей сто лѣтъ тому назадъ, не доказываютъ ничего. Предположимъ даже, что тогдашнія и теперешнія событія имѣютъ нѣкоторое сходство, все-таки въ промежутокъ ихъ Европа совершенно измѣнила свое положеніе. Германія не то уже безпомощное, дряхлое тѣло, какимъ она была въ послѣдніе дни священной Римской Имперiи. Духъ свободы пронесся надъ нею, проникъ во все существо ея и вдохнулъ въ нее энергію. Не утверждая, чтобы германскіе власти нашихъ дней достигли во многомъ политическаго совершенства, справедливость заставляетъ насъ однако признаться, что они стоятъ несравненно выше развращенныхъ и вѣтреныхъ предшественниковъ своихъ 1792 года. Наполеонъ III можетъ изгнать Австрію изъ Италiи, ибо Наполеонъ I пытался сдѣлать то же самое и успѣлъ въ томъ; но Наполеонъ III не будетъ стараться покорить себѣ Германію, ибо Наполеонъ I дѣлалъ уже подобную попытку, и безуспѣшно. Кромѣ того, въ отношеніи средствъ обороны, Германія нашего времени несравненно выше Германiи 1792 года, а военный геній Наполеона III, кажется, нѣсколько ниже генія Наполеона I. Естественное слѣдствіе изъ всего этого, что Германія останется нетронутою, если только сама она не подастъ къ тому повода; если же она подастъ его.

Наполеонъ, конечно, постарается быть завоевателемъ съ обѣихъ сторонъ Альпъ. Прежде чѣмъ мѣшаться Германіи въ дѣла Австріи, слѣдовало бы ей взглянуть на вопросъ широкимъ и безпристрастнымъ взоромъ. Намъ говорятъ, что Австрія германское государство: можетъ-быть по имени и преданію, но не иначе. «Австрія насчитываетъ 8.000.000 нѣмецкихъ подданныхъ», восклицаетъ г. Симсонъ, бывший вице-президентъ франкфуртскаго національнаго собранія. Только 8.000.000! Но все народонаселеніе Австріи состоитъ изъ 36.000.000, стало-быть германскій элементъ составляетъ только четвертую его часть (1). Конечно, Австрія находится въ близкихъ отношеніяхъ къ Германіи. Она украла у нея императорскую корону и хочетъ увѣрить, что незаконная эта эмблема государственной власти перешла къ ней тысячелѣтнимъ преемствомъ съ чела Карла Великаго. Австрія—повелительница пестрой массы національностей, между которыми находится много благородныхъ и подавленныхъ племенъ, Славяно, Италіяны, Венгры, Альбанцы. Политика ея состоитъ въ томъ, чтобы противопоставлять эти племена одно другому, побуждать ихъ подавлять свободу другъ друга, и все это для того только, чтобы достигнуть ей въ Германіи вліянія, на которое она не имѣетъ права. Какую роль играла бы Австрія на франкфуртскомъ сеймѣ, еслибы роль эта определялась тамъ по количеству германскаго ея народонаселенія? Положеніе ея тамъ представляетъ неслыханную аномалію. Конституціею, изданною въ мартѣ 1849 года, она объявила, что всѣ разнообразныя національности ея составятъ на будущее время одну, нераздѣльную имперію. Признала ли когда-нибудь Германія это распоряженіе? Между основными законами Германскаго Союза и австрійскою конституціею существуетъ коренное различіе, явная и непримиримая распря. Независимость Венгріи и Италіи введетъ Австрію въ истинные, законные предѣлы германскаго государства и принудитъ ее занять принадлежащее ей мѣсто между членами Союза. Пруссіи это извѣстно, и каково бы ни было мнѣніе палаты, въ рѣчи принца-регента есть мѣста, имѣющія столь же грозный смыслъ для Австріи, какъ и для Франціи. Во всякомъ случаѣ было бы болѣе чѣмъ бесполезно со стороны Англіи оказывать свою помощь презрѣнному и многообразному деспотизму, имѣющему центръ свой въ Вѣнѣ, и если Германія будетъ имѣть сумасшествіе вступить въ борьбу, то пусть отвѣчаетъ она сама за себя, не разчитывая ни на копѣйку нашихъ денегъ, ни на каплю нашей крови.»

(1) Англійскій журналъ слишкомъ польстился германскому элементу въ Австріи. Онъ не составляетъ даже и пятой части всего народонаселенія Имперіи.

Эти слова должны бы заставить задуматься г. Бейста и всѣхъ пословъ отъ такъ-называемой Германіи: если въ Англии есть симпатія къ какой-либо германской державѣ, то этою державою можетъ быть только Пруссія. Напрасно толкуютъ въ настоящемъ случаѣ о Германіи; во всѣхъ махинаціяхъ, направленныхъ противъ Пруссіи, видна слишкомъ опытная рука; нельзя не узнать здѣсь Австріи, искусившейся въ интригахъ на сеймѣ и теперь напрягающей всѣ свои дипломатическія способности. Въ какомъ же положеніи находится сама Австрія?

Естественно, что Австрія имѣетъ теперь печальную привилегію сосредоточивать на себѣ общее весьма не лестное вниманіе всей Европы. Она употребила всѣ средства для того, чтобъ отклонить конгрессъ; она съ негодованіемъ помышляла о томъ, что ее вызывають на судъ, что ей придется выслушать много горькихъ истинъ отъ уполномоченныхъ главныхъ европейскихъ державъ, что наконецъ можетъ - быть даже поставленъ будетъ вопросъ о владѣніи Ломбардію. Но что же выиграла Австрія? Грозный ультиматумъ ея далеко не былъ поддержанъ будто бы побѣдоносною второю армію; трактатъ, на который она опиралась, разорванъ ею же самою, — и теперь уже не одни дипломаты высказываютъ свое мнѣніе объ Австріи, а вся европейская печать, кромѣ завѣдомо-австрійскихъ журналовъ, обязана сказать свое слово осужденія, свой приговоръ. И уже рѣчь идетъ не о Ломбардіи, а о существованіи самой Австріи; *tu l'as voulu...* Когда война вступаяетъ во всѣ свои фактическія права, когда дипломаты закрываютъ свои портфели, купцы приостанавливаютъ свои обороты, мирные жители съ тоскою ждутъ побѣдителей и побѣжденныхъ, тогда двѣ только силы остаются въ полѣ: сила меча и сила общественнаго мнѣнія. Голосъ послѣдняго, правда, не въ состояніи иногда заглушить громкую команду генераловъ и громкія реляціи о побѣдахъ; но въ немъ можно услышать бюллетень другой арміи, болѣе многочисленной и вооруженной не пушками и мечомъ, а тѣмъ, что приводитъ въ дѣйствіе мечи и пушки, что одно можетъ упрочить побѣду.

Передовые застрѣльщики этой безсчегной арміи не замедлили выступить противъ Австріи, и мѣтко сбивають тяжелую, но ржавую артиллерію, которая со скрипомъ выдвинулась было на защиту Австріи *quand t'ete*. Гарибальди перенесъ войну въ Ломбардію, прежде чѣмъ французско-сардинская армія подошла къ Тичино; волонтеры общественнаго мнѣнія далеко опередили главный корпусъ, идущій спокойно, по знакомой дорогѣ, озираясь на театръ войны и прислушиваясь къ выстрѣламъ. Эти волонтеры конечно во сто разъ многочисленнѣе партизановъ, собравшихся подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ Гарибальди; у нихъ

также есть свое знамя, и они уполномочены дѣйствовать тою же войною, которая сдѣлала Гарибальди изъ капитана частнаго корабля командиромъ отдѣльнаго отряда.

Видное мѣсто въ ряду этихъ волонтеровъ, по всему праву, принадлежитъ г. Кошуту, — пока онъ не избралъ еще себѣ другой роли. Карлъ-Альбертъ, разбитый Радецкимъ, сказалъ: «если когда-нибудь начнется война съ Австрійцами, я пойду простымъ солдатомъ противъ нихъ»; бывший диктаторъ Венгрии не давалъ подобныхъ обѣщаній, онъ не удовлетворился бы ролью простаго солдата: можетъ-быть не сознавая въ себѣ особенныхъ воинскихъ способностей, онъ избралъ себѣ другую сферу дѣятельности. Удалившись въ Америку, г. Кошутъ много и краснорѣчиво говорилъ о свободѣ и деспотизмѣ, и его слова возбуждали пылкій восторгъ въ слушателяхъ. Но къ чему могъ послужить этотъ восторгъ *ярко* для противника Австрій, когда *янки* едва только по имени знали Австрію? Г. Кошуту нужна была другая пропаганда, ему нужно было возбудить интересъ къ своему дѣлу въ той странѣ, гдѣ общественное мнѣніе есть первенствующая сила, и гдѣ находится средоточіе другой силы, финансовыхъ средствъ едва ли не всего міра. Пресытившись безплодными оваціями Американцевъ, онъ переѣзжалъ въ Англію, гдѣ не разъ говорилъ на митингахъ о своемъ любимомъ предметѣ; въ нынѣшнемъ году, увидѣвши, что въ Европѣ готовится что-то, что австрійская политика становится день ото дня невыносимѣе, раздражительнѣе, Кошутъ въ началѣ февраля, началъ въ Англіи лекціи о національности. Первая его лекція произвела впечатлѣніе, англійскіе журналы напечатали извлечение изъ нея, изъ котораго видно, что профессоръ хорошо зналъ своихъ слушателей и удерживался отъ крайнихъ воззрѣній: «национальности, говорилъ онъ, были великими посредницами, нравственными лицами, стоящими между семействомъ и человѣчествомъ; особенный геній каждой изъ нихъ, въ своемъ движеніи, служитъ развитію цѣлаго.» Мысль теоретически вѣрная, противъ которой никто не станетъ спорить. Вопросъ только въ практическомъ приложеніи ея, и г. Кошутъ воспользовался теперешнею войною, чтобъ отъ общихъ теорій перейти къ практикѣ. Онъ началъ свои рѣчи въ разныхъ городахъ Англіи, и въ теченіи пяти дней успѣлъ участвовать въ двухъ митингахъ: въ Лондонѣ и Манчестерѣ.

О митингѣ, собиравшемся въ Лондонской Тавернѣ 20 мая, мы говорили уже выше; онъ весьма замѣчательнъ потому, что на немъ высказался особый оттѣнокъ настроенія, господствующаго теперь въ англійскомъ торговомъ классѣ. Предсѣдательствовавшій лордъ-меръ выразилъ желаніе, чтобъ Англія оставалась спокойною зри-

тельницею войны, и чтобы самая война ограничилась Италіею и окончилась какъ можно скорѣе. «Всѣ должны радоваться, если результатомъ борьбы будетъ освобожденіе порабощенной Италіи, возстановленіе ея національности и появленіе новаго оплота свободы противъ деспотизма. (*Одобреніе.*) Только это можетъ оправдать войну, и мы должны молить Провидѣніе, чтобы побѣда была повсюду на сторонѣ народа, и чтобы государи глубоко убѣдились въ томъ, что ихъ честь, счастье, долгоденствіе, равно какъ благосостояніе ихъ подданныхъ достигается лучше всего сохраненіемъ мира. (*Одобреніе.*)» Это желаніе въ пользу Италіи не понравилась Нѣмцамъ, и, чтобы уменьшить его силу, они стали доказывать, будто бы лондонскій лордъ-меръ есть только представитель мелкихъ торгашей, а не *Города*; а между тѣмъ еще недавно *Times* протестовалъ противъ чрезвѣрной власти лорда-мера и увѣщевалъ высокопочтеннаго г. Уайра только тѣмъ, что въ ноябрѣ наступитъ время новыхъ выборовъ, и что тогда лондонскіе негоціанты могутъ смѣнить мистера Уайра. Желаніе, высказанное лордомъ-меромъ, есть желаніе почти всѣхъ Англичанъ, да и однихъ ли Англичанъ? Въ настоящемъ случаѣ оно опредѣляло гонъ всего митинга, на которомъ главная рѣчь принадлежала г. Кошуту. Понимая очень хорошо, что нельзя убѣдить Англичанъ вмѣшаться въ войну за одно съ Франціею, г. Кошутъ убѣждалъ ихъ на митингѣ въ необходимости сохранить нейтралитетъ. «Я не припомню, сказалъ онъ, ни одного офиціального или полуофиціального объявленія, изъ котораго я могъ бы заключить о желаніи англійскаго правительства стать на сторонѣ Франціи, но все, что я читалъ, приводитъ меня къ заключенію, что выборъ возможенъ между нейтралитетомъ или поддержкою Австріи. (*Нѣтъ, нѣтъ!...*) Мы слышали, что въ интересъ Англій противиться занятію Адриатическаго моря французскимъ флотомъ; что въ интересъ Англій защищать Триестъ отъ нападенія; наконецъ министерскій кандидатъ въ Вестъ-Райдингъ говорилъ, что, въ случаѣ осады Венеціи, Англія должна заботиться о ея спасеніи. И отчего же пришлось бы спасать Венецію? Отъ величайшаго несчастія для нея, отъ сверженія ига австрійскаго деспотизма (*рукноплесканія*).» Англичане готовы слушать разумный совѣтъ, кѣмъ бы онъ ни былъ высказанъ, они позволяютъ иностранцу публично порицать свое министерство; «мы горячо сочувствуемъ мудрому совѣту, который дастъ намъ г. Кошутъ, говорить *Times*; австрійскія симпатіи, высказанныя дербитами, не нравятся огромному большинству Англичанъ, и они готовы вторить словамъ бывшаго диктатора Венгріи.» Но здѣсь кончается сходство мнѣній; взглядъ на теперешнюю войну, высказанный г. Кошутомъ, составляетъ его личное убѣжденіе, не вопліе

раздѣляемое Англичанами. «Италянскій вопросъ, говоритъ г. Кошутъ, возникъ не изъ дурнаго управленія или дурнаго правительства, онъ поэтому не можетъ быть рѣшенъ своевременными уступками, улучшениями или реформами. Это былъ вопросъ о національности, и вслѣдствіе того для практическаго рѣшенія его необходимо совершенное и окончательное изгнаніе Австрійцевъ изъ Италіи. (*Громкія рукоплесканія.*) Никакая сдѣлка здѣсь невозможна. Или Австрійцы должны быть навсегда выброшены изъ Италіи, или италянскій вопросъ будетъ возникать снова и снова. Только поголовное истребленіе Италіянцевъ можетъ обезпечить господство Австріи на полуостровѣ; но нельзя истребить 26 милліоновъ народа.» Затѣмъ г. Кошутъ обращается къ воспоминаніямъ 1848 года и указываетъ на то обстоятельство, что въ то время Италійцы сражались и протестовали противъ своихъ правительствъ не потому, чтобъ эти правительства были дѣйствительно дурны, а потому, что въ Ломбардіи ихъ соотечественники сражались съ Нѣмцами. «По мнѣнію г. Кошута о настоящей войнѣ, говоритъ *Times*, она вовсе не имѣетъ въ виду матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ Италіи, облегченія налоговъ, соединенія народа въ одно государство и пріобрѣтенія личной, муниципальной и политической свободы. Ничуть не бывало. Война имѣетъ сентиментальный и географическій характеръ. Все дѣло въ томъ, чтобы земля на югъ отъ Альповъ не была профанирована присутствіемъ народа, въ языкѣ котораго много согласныхъ и мало гласныхъ, тогда какъ эта земля предоставлена Провидѣніемъ народу, въ языкѣ котораго преобладаютъ гласныя буквы.» Въ этихъ словахъ англійскаго журнала есть своя доля правды, но ихъ нельзя принять безусловно. Бываютъ на свѣтѣ гласныя и согласныя очень властолюбивыя; бываютъ и такіе случаи, что цѣлыя государства существуютъ благодаря враждѣ между гласными и согласными, и опираясь на эту вражду поработаютъ одинъ народъ другимъ. Въ такихъ государствахъ интересы цѣлаго приносятся въ жертву какой-либо части, національности становятся не способны къ упругости, къ сдѣлкамъ: соединенная въ одномъ государствѣ, онѣ не хотятъ оставаться на равныхъ правахъ, стремятся къ преобладанію, и всякая побѣда въ этой борьбѣ заковываетъ крѣпче ту цѣпь, которой тягость придется испытать самимъ побѣдителямъ. Посмотрите напримѣръ на отношеніе нѣмецкаго и славянскаго элемента въ Австріи: Нѣмцы свысока смотрятъ на Славянъ, считаютъ себя въ правѣ налагать на нихъ свои учрежденія, даже свой языкъ; является гнетъ не только германской бюрократіи, но даже гнетъ согласныхъ, о которыхъ говоритъ *Times*. Чувство національной особенности необходимо должно заявить себя при подобномъ гнетѣ, особенно если на помощь ему придетъ

живой примѣръ страны, гдѣ однородное народонаселеніе сумѣло выработать разумныя общественныя отношенія. Могла ли Ломбардія оставаться укрѣпленнымъ австрійскимъ лагеремъ, когда въ Туринѣ собирались палаты, существовала свободная печать, была обезпечена личность каждаго? Еслибы австрійское правительство, вмѣсто египетской работы централизаціи, развивало самоуправленіе въ каждой провинціи, оно воздвигло бы крѣпости сильнѣе Мангуи и Вероны; еслибы оно, вмѣсто того, чтобы вести свои войска въ Туринъ, перенесло туринскія учрежденія въ Ломбардію, италіанскій вопросъ принялъ бы другой оборотъ. Теперь, когда въ большей части государствъ не признана необходимость уваженія къ племеннымъ элементамъ, національностямъ трудно разчитывать на другую гарантію, кромѣ отдѣльной государственной формы; но эготъ взглядъ долженъ измѣниться, и чѣмъ раньше правительства усвоятъ себѣ уваженіе къ національностямъ, тѣмъ вѣрнѣе предотвратятъ они крайнія стремленія національностей и оставятъ имъ ихъ истинное значеніе; съ другой стороны тѣмъ скорѣе народы, ими управляемые уразумѣютъ, что политическія стремленія должны быть направлены не къ раздѣльности національностей, а къ тому, чтобы обезпечить возможность ихъ мирнаго общенія и взаимной свободы. Отъ замѣны же одного деспотизма другимъ, народъ ничего не выиграетъ; нѣтъ большаго различія въ томъ, опирается ли эготъ деспотизмъ на многоязычную и разрозненную, или на сплошную и однородную массу; австрійское правительство есть тоже, если угодно, правительство національное, но дѣло въ томъ, что оно представляетъ собою исключительно нѣмецко-бюрократическія притязанія на остальные племена; какая польза была бы для Италіи, еслибы австрійскій скипетръ замѣнился въ ней французскимъ? Абстрактная любовь къ національности есть нѣчто совершенно слѣпое, а къ какимъ увлеченіямъ она способна, это показываютъ слова хоть самого г. Кошута на манчестерскомъ митингѣ. «Перемѣна деспотическихъ правительствъ, говоритъ онъ, можетъ хотя въ малой мѣрѣ вести къ свободѣ; это можетъ произойти и въ настоящемъ случаѣ, потому что во Франціи, кромѣ деспотизма, есть еще народность, а въ Австріи ея нѣтъ.» Не блистательна же будущность Италіи, если ей предстоитъ только перемѣнить однихъ властителей на другихъ; Франція не отличалась никогда особеннымъ уваженіемъ ни къ національностямъ, ни вообще къ общественнымъ элементамъ, и что за дѣло Италіи до сплоченности французской народности, если эта народность ляжетъ на нее всюю своею тяжестью? Если г. Кошутъ такъ прилагаетъ свою теорію національности, то

эта теорія дѣйствительно можетъ быть названа сентиментальною...

Необходимо ли существованіе Австріи для политическаго равновѣсія Европы? вотъ другой вопросъ, который предлагаетъ г. Кошутъ. Но онъ не признаетъ даже разумности этого равновѣсія, называетъ ее «кабалистическою абракадаброю, Молохомъ, пожиравшимъ такъ долго справедливость, нравственность и свободу народовъ.» Нѣтъ нужды доказывать, что такъ-называемое равновѣсіе основывается на чувствѣ самозащиты, что европейскій союзъ по возможности, не принося жертвъ этому Молоху, сохраняетъ такое распредѣленіе государствъ, которое обезпечиваетъ противъ чрезмѣрнаго усиленія одного изъ нихъ, ставитъ барьеры новымъ завоеваніямъ. Существованіе Австріи въ теперешней или измѣненной формѣ признается однимъ изъ такихъ барьеровъ, и Австрія, конечно, много разчитывала на этотъ взглядъ, когда задумывала теперешнюю войну. Г. Кошутъ указываетъ особенно на ошибочность такого разчета. «Противъ чьего преобладанія, говоритъ онъ, Австрійская имперія составляла барьеръ? Конечно, противъ русскаго или французскаго. Но она не можетъ служить барьеромъ противъ Россіи, потому что русскому царю стоить сдѣлать воззваніе къ національности семнадцати милліоновъ Славянъ, находящихся подъ владычествомъ Австріи, и они возстанутъ противъ нея. Австрія не можетъ служить барьеромъ и противъ Франціи; если императоръ Французовъ приблизится къ границѣ какой-либо національности, поращенной Австріею, и скажетъ: я пришелъ помочь вамъ, возстаньте и разбейте ненавистныя цѣпи, — это воззваніе будетъ принято съ энтузіазмомъ. Австрія не была барьеромъ, она была Дамокловымъ мечомъ, висѣвшимъ надъ спокойствіемъ и безопасностью Европы. Она была пещерою, въ которой гнѣздились европейскій волканъ. Пусть она низвергнется въ бездну вѣчнаго проклятія, раскрывшуюся для нея (*рукоплексанія*), и тогда всѣ мѣстныя революціи будутъ только домашнимъ дѣломъ... У народовъ, составляющихъ искусственную массу, называемую Австріею, есть весьма много элементовъ могущества, но было бы ошибочно предполагать, что отъ этого могущественна Австрійская имперія. Еслибы всѣмъ этимъ народамъ удалось возстановить свою національность, они образовали бы дѣйствительный оплотъ независимости Европы; но въ настоящее время Австрія, вмѣсто того чтобы служить барьеромъ, была больнымъ мѣстомъ европейскаго мира и безопасности.» Нельзя не согласиться во многомъ съ г. Кошутомъ; нельзя не порадоваться, что онъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ послѣднія десять лѣтъ, дошелъ до признанія славянской народности наравнѣ съ венгерскою; нѣмецкія провинціи Австріи, по его мнѣнію, должны

отойти къ Германіи, остальные же образуютъ отдѣльныя государства, и первое мѣсто между ними займетъ Венгрія, которая «слишкомъ сильна, чтобы сдѣлаться департаментомъ Франціи». Этого, конечно, не опасается никто; но можно ли поручиться, чтобъ отдѣльныя государства, число которыхъ будетъ весьма значительно, въ сосгоянніи были теперь уже образовать прочной союзъ, федерацію, достаточно сильную внутри себя? Что преобразование Австріи должно совершиться, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; что стремленія ея къ централизація не могутъ имѣть прочнаго успѣха, — это также ясно; что наконецъ подчиненіе тридцати милліоновъ разноплеменнаго народонаселенія семи милліонамъ Нѣмцевъ не можетъ въ наше время долго держаться, въ этомъ убѣждены всѣ, кромѣ австрійскаго правительства. Но трудно сказать опредѣлительно, въ какой формѣ совершится преобразование; можно пожелать только, чтобъ она предотвратила борьбу различныхъ національностей, ихъ стремленіе къ преобладанію. Аудиторія, въ которой говорилъ г. Кошутъ, отвѣчала на его слова громкими рукоплесканіями, но общественное мнѣніе въ Англіи не раздѣляетъ этого восторга. «Мы не думаемъ, говоритъ *Times*; чтобъ англійскій народъ, по преимуществу практической, увлекся вмѣстѣ съ г. Кошутомъ въ страну призраковъ. Въ настоящемъ мы рѣшились оставаться нейтральными; за будущее мы не можемъ отвѣчать; но безъ сомнѣнія мы станемъ руководствоваться иными побужденіями, не увлечемся краснорѣчіемъ сентиментальныхъ политиковъ, для которыхъ исторія не представляетъ никакихъ уроковъ, политическая мудрость не имѣетъ значенія, и которые своимъ участіемъ способствовали только къ подавленію національностей.»

Манчестерская рѣчь г. Кошута намъ извѣстна пока только по небольшимъ извлеченіямъ, напечатаннымъ въ нѣмецкихъ журналахъ. Изъ нихъ видно, что бывшій диктаторъ готовъ приступить къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, чѣмъ рѣчи на митингахъ. Телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, будто бы г. Кошутъ уже прибылъ въ Геную, откуда намѣренъ отправиться въ Венгрію. Должно думать, что онъ имѣетъ какія-нибудь надежды на успѣхъ своего дѣла, и нѣкоторые признаки придаютъ этимъ надеждамъ вѣроятіе. Между венгерскими солдатами, находящимися теперь въ Италіи, распространена прокламація, написанная 15 марта въ Пестѣ. Здѣсь высказывается совѣтъ не сражаться противъ Итальянцевъ и Французовъ, которые готовы идти на освобожденіе Венгріи. «Венгерцы, братья, солдаты! сказано въ прокламаціи, — эти строки посылаются вамъ отъ имени венгерскаго отечества и вашихъ прежнихъ предводителей... Какъ только начнется война, возвращайтесь къ намъ назадъ, при первой возможности! Мы будемъ ждать васъ съ трехцвѣтнымъ венгерскимъ знаменемъ.»

Въ самой Венгріи расположеніе умомъ должно бы заставить австрійское правительство подумать о своемъ положеніи. По обычаю, дворянство разныхъ провинцій, входящихъ въ составъ Австріи, поспѣшило представить императору вѣрноподданническіе адреса; даже Евреи выражаютъ свою готовность къ пожертвованіямъ на войну; на улицахъ Вѣны прибиты объявленія, въ которыхъ побуждаются къ вѣрноподданническому адресу «иностранны нѣмецкой націи». Корреспондентъ *National-Zeitung* удивляется подобнымъ подстреканіямъ, написаннымъ чрезвычайно витіевато, отъ имени Германіи, «возникшей подобно фениксу изъ пепла 1813 года»; онъ замѣчаетъ вообще объ адресахъ, что они мотивируются преимущественно полицейскимъ надзоромъ надъ мнѣніями, тѣмъ, для чего у Нѣмцевъ есть особое слово *Gesinnungspolizei*; каждый, чье имя не красуется въ адресѣ, боится, чтобы его не заподозрили въ отсутствіи преданности. Духовенство ограничилось краснорѣчивыми посланіями къ своей паствѣ, и не оправдало надежды, которая возлагалась на него; всѣ думали, что въ войнѣ, вызванной тою системою, въ которой конкордатъ былъ однимъ изъ краеугольныхъ камней, духовенство выкажетъ большую щедрость и поможетъ правительству въ его финансовыхъ затрудненіяхъ; а между тѣмъ прелаты, получающіе по 20.000 гульденовъ дохода, подписались не болѣе какъ на 2.000, а о пожертвованіяхъ изъ суммъ монастырей и конгрегацій не было и рѣчи. Но каковы бы ни были мотивы адресовъ, поданныхъ дворянами и корпораціями нѣмецкими и славянскими, въ Вѣнѣ очень беспокоятся о томъ, что дворянства Галиціи и Венгріи воздержались даже отъ этого офіціального выраженія чувствованій. Въ названныхъ частяхъ Австріи особенно сильно недовольство централистическими мѣрами г. фонъ-Баха, и дворянство поставило удаленіе этого министра условіемъ для своего примиренія съ правительствомъ. Разчитывая на теперешнее положеніе Австріи, можно было ожидать, что императоръ согласится на уступки; когда цѣлая система оказывается несостоятельною, прежде всего необходимо удалить ея представителей. Говорили даже, что венгерскіе дворяне хотѣли на аудіенціи просить императора избавить ихъ отъ барона Баха; но до сихъ поръ министръ внутреннихъ дѣлъ держится твердо, и даже придворная партія и ультрамонтаны едва не успѣли сдѣлать его президентомъ совѣта министровъ. Австрійскій корреспондентъ *Times*, который вообще видитъ все въ розовомъ свѣтѣ, не можетъ скрыть своихъ опасеній за Венгрію: «Извѣстія, говоритъ онъ, получаемыя мною изъ Венгріи, до того мрачны, что я не рѣшаюсь передавать ихъ. Недовольство и ропотъ народа растутъ съ каждымъ днемъ, и нельзя со-

миѣваться, что рано или поздно возникнутъ безпорядки, если Венгерцамъ не будутъ сдѣланы нѣкоторыя уступки. Правда, въ разныхъ частяхъ Венгріи набрано много волонтеровъ, но почти все это только сволочь (giffraff). Премія въ 15 флориновъ (9 руб. сер.) составляетъ соблазнъ для людей, у которыхъ нѣтъ ни гроша, а такихъ теперь въ Венгріи огромная масса.

Но если г. фонъ-Бахъ до сихъ поръ еще стоитъ непоколебимо, то графъ Буоль былъ принесенъ въ жертву, — трудно сказать положительно, кому или чему. Какъ водится, офиціальная газета выставила причиною отставки графа Буоля разстроенность его здоровья, но по всему видно, что удаленіе графа было первымъ шагомъ на пути тѣхъ уступокъ, къ которымъ вынуждена теперь Австрія. Соображая отрывочныя извѣстія, разбѣянные въ разныхъ журналахъ, нельзя не придти къ заключенію, что въ удаленіи графа Буоля участвовала аристократическая партія при дворѣ, которая желаетъ возстановленія священнаго союза, за одно съ феодалною партіей въ Пруссіи. Говорятъ, что графъ Виндишгрецъ объявилъ прямо, что не можетъ разчитывать на успѣхъ своего посольства въ Россію, пока министромъ иностранныхъ дѣлъ останется графъ Буоль; партизаны графа Туна считали его одного способнымъ возстановить прежнія отношенія Россіи съ Австріею. Наконецъ инвалидъ старой дипломатіи и священнаго союза, князь Меттернихъ, вѣроятно, убѣдилъ императора пожертвовать графомъ Буолемъ, — по крайней мѣрѣ императоръ рѣшился на это послѣ долгого разговора съ нимъ. Однимъ словомъ, можно заключить, что графъ Буоль былъ принесенъ въ жертву столь несбыточному добродушію согласію съ Россіей; по выраженію *National-Zeitung*, это «Курцій, бросившійся въ бездну, образованную восточною войною для того, чтобы закрылась эта бездна.» Если эта бездна дѣйствительно существуетъ, то въ наше время невозможны тѣ чудеса, о которыхъ повѣствуется въ римской исторіи. Перемена одного лица не измѣняетъ всей системы; графъ Буоль былъ нашимъ политическимъ врагомъ, онъ сдѣлалъ много ошибокъ, но эти ошибки вызывались ненормальнымъ положеніемъ Австріи, ея политической агоніей. Графъ Буоль представлялъ собою Австрію, всю ея систему, ея сущность. Начатая не вовремя война то же самое для дипломата, что проигранное сраженіе для генерала; она доказываетъ недостатокъ стратегическаго разчета. Но не на одного министра иностранныхъ дѣлъ должна падать отвѣтственность за неудачу; графъ Буоль во внѣшнихъ сношеніяхъ могъ представлять только Австрію, съ ея мрачною правительственною системою, съ ея разстроенными финансами, съ конкордатомъ, съ сѣченіемъ женщинъ, съ ненавистью народа къ правительству.

Всѣ конвульсіи австрійской дипломатіи выражали только ея внутреннюю болѣзнь; съ тѣми средствами, которыя давала Австрія, графъ Буоль не могъ сдѣлать ничего для ея спасенія; какъ могъ онъ дѣйствовать спокойно и обдуманно, когда почва подъ нимъ постоянно колебалась? Ему приходилось олицетворять фиктивное понятіе объ Австріи, какъ о государствѣ; отсюда все мрачное въ его дѣятельности. Но онъ работалъ во имя этой фикціи, и не мы, конечно, станемъ упрекать графа Буоля за то, что онъ содѣйствовалъ къ расторженію священнаго союза; онъ видѣлъ въ этомъ интересъ своего отечества, и дай Богъ, чтобы всѣ министры руководились подобными побужденіями.

Графа Буоля замѣнилъ графъ Іоганъ Беригардъ Рехбергъ-Ротенловень, который отличается особенно упорнымъ характеромъ, не идущимъ ни на какія сдѣлки. *Times* сравниваетъ его съ лордомъ Страффордъ и придаетъ ему эпитеты «абсолютнаго и упрямаго». Изъ прошедшей исторіи новаго министра извѣстно, что онъ занимаетъ важные дипломатическіе посты уже съ 1851 года, когда онъ назначенъ интернунціемъ при оттоманскомъ дворѣ 45-ти лѣтъ отъ роду; за годъ передъ тѣмъ онъ былъ австрійскимъ комиссаромъ и такъ велъ дѣла, что австрійскія войска едва не вступили въ сраженіе съ прусскими при Бронцеллѣ; въ 1853 году графъ Рехбергъ назначенъ былъ при Радецкомъ для управленія гражданскими дѣлами въ Ломбардіи, и скоро потомъ занялъ мѣсто австрійскаго посланника при германскомъ сеймѣ и председателя сейма. Здѣсь графъ Рехбергъ дѣйствовалъ съ такою настойчивостью, что приобрѣлъ для Австріи рѣшительный перевѣсъ въ Германіи; на эту знакомую ему почву перенесъ онъ и теперь свою тактику, и, какъ мы видѣли выше, его дѣйствія имѣютъ извѣстный успѣхъ. Графъ Рехбергъ еще болѣе Австріецъ, чѣмъ графъ Буоль; онъ питаетъ ненависть къ либеральной Пруссіи, и теперь столкновение между двумя главными германскими державами болѣе возможно, чѣмъ когда-нибудь. Онъ будетъ искать союзниковъ, конечно, прежде всего въ Германіи и Италиі, или правильнѣе сказать, въ ретроградныхъ правительствахъ германскихъ и италіанскихъ. Все утверждаетъ въ надеждѣ, что только на этомъ полѣ придется ему развить свою энергію, и что она окажется безсильною, если возьмется за исполненіе обширныхъ плановъ графа Виндшгреца, графа Туна и князя Меттерниха. Пора побѣдоносныхъ дипломатическихъ кампаній на востокъ Европы прошла, кажется, безвозвратно для Австріи; востокъ Европы едва ли подчинится вліянію графа Рехберга, какъ бы абсолютенъ и упрямыи былъ нравъ его.

Но какія же надежды можетъ подавать новому австрійскому

министру Игалія, эта страна, раздѣленная теперь войною и еще болѣе системой правительствъ на два противоположные лагеря?

Говорить теперь о Сардиніи значило бы говорить о военныхъ дѣйствіяхъ. Передвиженіе войскъ, безконечныя толки о различныхъ планахъ кампаніи, страстное ожиданіе бюллетеней изъ главной квартиры, вотъ чѣмъ наполнена общественная жизнь въ Пиемонтѣ. Вся страна походитъ на огромный лагерь, и лихорадочное движеніе, которое возбуждается всегда великими событіями, не только не утихаетъ, но съ каждымъ днемъ распространяется все болѣе. Съ перваго взгляда, движеніе это составляло поразительный контрастъ съ тою апатіею, въ которой находилась, повидимому, ломбардская область: апатія эта, впрочемъ, была, какъ оказалось, крайне обманчива и при первой рѣшительной неудачѣ Австрійцевъ не замедлила уступить мѣсто поголовному возстанію. Это и не удивительно: Австрійцы принимали такія мѣры противъ жителей Ломбардіи, которыя допускаются рѣдко даже въ непріятельской странѣ, среди самаго разгара военныхъ дѣйствій: въ Миланѣ, коммандантъ этого города издалъ прокламацію, въ которой говорится, что военныя лица могутъ на мѣстѣ убивать тѣхъ жителей, отъ которыхъ они понесутъ какое-либо оскорбленіе. Понятно, къ какимъ послѣдствіямъ могла вести подобная варварская мѣра: офицерамъ былъ предоставленъ полный произволъ; всякій неосторожный поступокъ могъ быть истолкованъ какъ неуваженіе къ военной власти. Но эта безумная строгость упомянутаго нами распоряженія показываетъ только, съ какою безнадежностію смотрятъ сами Австрійцы на пребываніе свое въ Ломбардіи. Несомнѣннымъ признакомъ этого можетъ служить, между прочимъ, то обстоятельство, что даже люди, бывшіе до сихъ поръ вѣрными слугами вѣнскаго правительства, спѣшатъ отъказаться отъ того, чему они поклонялись такъ усердно. Въ Миланѣ полиція арестовала одного изъ редакторовъ тамошней оффиціальной газеты, г. Зонзоньо, за то, что онъ значительно понизилъ яростный тонъ своего изданія и умѣрялъ ультра-австрійскій пылъ, которымъ пропитаны извѣстія главнокомандующаго изъ лагеря. Все это, повторяемъ, свидѣтельствуетъ о крайне-напряженномъ состояніи, въ которомъ находится ломбардское народонаселеніе; да и могло ли быть иначе, когда во всѣхъ сосѣднихъ странахъ, не въ Сардиніи только, но въ Пармѣ и Моденѣ, національное движеніе дѣлаетъ смѣлые шаги впередъ?

Герцогство Пармское до сихъ поръ сбиваетъ толку Европу нерѣшительностію и колебаніями своими среди великихъ событій, разыгрывающихся около предѣловъ его. Давно ли герцогиня Пармская принуждена была покинуть свои владѣнія, и лишь только европейская публика стала привыкать къ этой мысли,

макъ пришло извѣстiе, что она опять возвратилась въ столицу своего государства. Событiе это показывало, кажется, ясно, что революціонные элементы вовсе не такъ сильны въ Пармѣ, что правительница пользуется тамъ симпатіею, если не всего народонаселенія, то по крайней мѣрѣ значительнаго его большинства. Вслѣдъ за тѣмъ распространилась вѣсть, что она вторично должна была выѣхать изъ Пармы, и что отрядъ тосканскихъ войскъ, вступилъ уже въ пармскія владѣнія, для того чтобы подать руку помощи инсургентамъ. Но вѣсть эта не подтвердилась, и событiя еще не опровергли циркулара, разосланнаго недавно пармскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. Паллавичино, ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. Въ циркулярѣ этомъ говорилось, что партія, сочувствующая войнѣ за независимость, весьма многочисленна въ Пармѣ, что она получила-было минутный перевѣсъ, благодаря недоразумѣнію и чисто случайнымъ обстоятельствамъ, но тотчасъ же сама испугалась своего торжества, и правительство, назначенное ею, поспѣшило разсѣяться.

Возстаніе въ Пармѣ значительно развязала руки союзнымъ войскамъ. Много причинъ заставляеть думать, что у нихъ есть твердое намѣреніе дѣйствовать противъ Австрійцевъ съ крайняго, лѣваго ихъ фланга. Доказательствомъ этого могло бы служить прибытіе принца Наполеона въ Тоскану, гдѣ онъ долженъ принять начальство надъ отдѣльнымъ корпусомъ. Принцъ объявляетъ въ своей прокламаціи, что обязанности его чисто военныя, что онъ нисколько не будетъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе страны: нельзя думать, однако, чтобы онъ прибылъ туда съ намѣреніемъ оставаться тамъ въ бездѣйствіи. Военное движеніе должно непременно начаться отсюда въ скоромъ времени. Газета *Times* предвидѣла это, но она не понимала только, какимъ образомъ движеніе это можетъ совершиться, когда Парма и Модена придерживаются строгаго нейтралитета. Что касается Модены, то нейтралитетъ ея болѣе чѣмъ сомнителенъ, такъ какъ австрійскія войска давно уже занимають столицу этого государства, а о Пармѣ французскій телеграфъ говорилъ, вѣрояно, по предчувствію... Можно думать, что этими же стратегическими соображеніями должно объяснять поспѣшность, съ которою Пиемонтъ объявилъ Массу и Каррару присоединеннымъ окончательно къ своимъ владѣніямъ. Хотя событiе это извѣстно намъ по послѣднимъ газетамъ не офиціально, но ничто не заставляеть сомнѣваться въ его достовѣрности. Оставимъ однако болѣе или менѣе вѣрныя предположенія касательно различныхъ плановъ военныхъ дѣйствій, и лучше послѣдуемъ за дѣйствительнымъ путешествіемъ принца Наполеона въ Тоскану. Нельзя сказать,

чтобы народонаселеніе этой страны было одинаково доволно всѣмъ, что произошло послѣ того какъ великій герцогъ принужденъ былъ покинуть Флоренцію. Страна, какъ извѣстно, избрала тогда короля Виктора-Эммануэла своимъ диктаторомъ, но король отклонилъ отъ себя это званіе, хотя и согласился отправить туда комиссаровъ. Г. Буонкомпаньи и генералъ Уллоа назначены были для этой цѣли, и власть раздѣлена была между ними. Г. Буонкомпаньи давно уже извѣстенъ въ Тосканѣ; его образованіе, свободный образъ мыслей, пріятныя манеры приобрѣли ему тамъ всеобщее расположеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ хорошо извѣстно, что по натурѣ своей онъ менѣе всякаго другаго способенъ къ рѣшительному энергическому образу дѣйствій. Колебанія его обнаружидись съ самаго принятія имъ новой должности: онъ не отважился нести на себѣ отвѣтственность за всѣ дѣла, и собралъ консульту, которая состоитъ изъ сорока двухъ человекъ, и обязанность которой содѣйствовать правительству своими совѣтами. Мѣра эта произвела самое невыгодное впечатлѣніе, и весьма естественно. Надо было рѣшиться на что-нибудь изъ двухъ, или предоставить странѣ полную свободу, не стѣснять ничѣмъ печати, дать странѣ немедленно возможность учредить правительство согласно съ ея дѣйствительнымъ желаніемъ, или, взять всю власть въ свои руки, на томъ основаніи, что страна находилась въ одномъ изъ тѣхъ критическихъ положеній, когда повывраженію Альфьери: *commandichi può, ubbidisca chi dove* (1). Назначеніе консулты и ничего не значація права, дарованнаго ей, служатъ яснымъ свидѣтельствомъ, что правительство не намѣрено слѣдовать ни той, ни другой политикѣ. Роль ея не отличается большою важностію; правительство можетъ обращаться къ ней, если найдеть то нужнымъ, за совѣтами, но сама она лишена всякой инициативы. Люди, составляющіе эту консульту, принадлежатъ, конечно, къ числу людей весьма почтенныхъ и пользующихся уваженіемъ въ странѣ, но большинство ихъ ничѣмъ не заявило своей способности къ дѣламъ, и въ народѣ теперь уже консулта называется не иначе, какъ *тосканскимъ инвалиднымъ домомъ*. Если правительство хотѣло учрежденіемъ ея задвить свое уваженіе къ конституціоннымъ формамъ, то и это бесполезно, послѣ тѣхъ распоряженій, которыя изданы недавно министромъ внутреннихъ дѣлъ. Свобода печати отмѣнена до наступленія болѣе спокойнаго времени. «Я считаю ее однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудій современной цивилизаціи, говоритъ министръ, но теперь она можетъ только породить раздоры. Наступитъ время

(1) «Коммандай кто можетъ, повинуйся кто долженъ.»

свободнаго обсужденія; теперь же намъ нужно дѣйствовать мужественно, съ единодушіемъ, которое одно можетъ доставить намъ успѣхъ надъ непріателемъ и доказать, что мы достойны лучшей участи. Каковы бы ни были причины подобныхъ распоряженій, но странно видѣть правительство, начинающее свою дѣятельность такую мѣрою, въ которой оно выказываетъ недоувѣріе къ націи и съ тѣмъ вмѣстѣ недоувѣріе къ самому себѣ. Это особенно неблагоприятно со стороны такого правительства, какъ тосканское. Только открытый, свободный голосъ страны могъ бы дать ему легальную опору и оправдать его въ глазахъ другихъ государствъ. Теперь же Европа съ недоумѣніемъ спрашиваетъ, на сколько прочна новая власть, и соответствуетъ ли она желанію народа; по извѣстіямъ, сообщаемымъ въ *Times*, ни Англія, ни Россія, ни другія главныя державы не признали новаго правительства Тосканы, и онѣ имѣли на то достаточное основаніе. Съ какой точки ни взглянуть, слѣдовательно, на консульту, назначеніе ея представляется одинаково бесполезнымъ. Оно выказало только со стороны правительства крайнюю нерѣшительность и колебаніе: со дня на день признаки внутренняго безсилія замѣчаются все болѣе и болѣе во всѣхъ отрасляхъ управленія, — армія не довольна своимъ бездѣйствіемъ, во внутреннемъ управленіи все идетъ по старой рутинѣ, и присутствіе центральной власти замѣтно только въ безчисленныхъ и многословныхъ прокламаціяхъ. Газета *Times*, которая во Флоренціи, точно такъ же какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, имѣетъ отличнаго корреспондента, громко возстаетъ противъ теперешняго тосканскаго правительства и требуетъ, чтобъ оно не парализировало народнаго движенія.

Въ послѣднемъ обзорѣи нашемъ мы говорили о признакахъ безпокойства въ римскихъ провинціяхъ. Съ тѣхъ поръ они еще болѣе усилились и грозятъ перейти въ явное возстаніе. Особенно волненіе Романья достигло такихъ размѣровъ, что папское правительство сочло наконецъ нужнымъ принять рѣшительныя мѣры. Оно обратилось для этого къ нѣкому г. Алаи, который командовалъ войскомъ въ этой провинціи въ 1831 году и навелъ тамъ такой ужасъ, что до сихъ поръ именемъ его пугаютъ малыхъ дѣтей. Кардиналь Антонелли предложилъ этому сбиру титулъ начальника внутренней стражи, но увы! времена переимѣнились, и г. Алаи не обнаружилъ ни малѣйшей готовности принять, среди теперешнихъ обстоятельствъ, предлагаемое ему званіе. Между нимъ и первымъ министромъ произошелъ, по этому случаю, любопытный разговоръ, за достовѣрность котораго корреспондентъ *Times* ручается вполне. «Святой отецъ желаетъ, такъ началъ кардиналь, чтобы вы снова вступили въ службу.» — Же-

ланіе мое, отвѣчалъ Алаи, — провести остатокъ моихъ дней въ спокойствіи, да и что могу я сдѣлать? Вся Романья теперь въ пламени. «Но за насъ войска?» возразилъ Антонелли. — Нисколько. Алаи описалъ вслѣдъ за этимъ страшное неудовольствіе, которое распространилось во всемъ романскомъ народонаселеніи; онъ говорилъ, что войска деморализованы, правительство не имѣетъ почти ни одного приверженца во всей провинціи, что все пришло тамъ въ анархію, и духовенство должно, при первомъ возстаніи, опасаться даже за свою жизнь. Г. Алаи такъ рѣшительно отказывался, при этомъ, отъ предлагаемой ему должности, что кардиналъ долженъ былъ прибѣгнуть къ вмѣшательству самого папы, для того чтобы склонить его къ уступчивости, но онъ и передъ святымъ отцомъ повторилъ тѣ же самыя возраженія. «Послать меня въ Романью значитъ безъ пользы принести меня въ жертву народонаселенію,» сказалъ онъ. — Хотите ли довести меня до того, чтобы я умолялъ васъ? возразилъ ему Пій IX. Г. Алаи смягчился. Онъ принялъ должность и отправился въ провинцію, но можно надѣяться, что образъ его дѣйствій будетъ вовсе не таковъ какъ въ 1851 году. Событія, происходищія теперь въ Италіи, тяготѣютъ сильно надъ римскою правительственною системою и побуждаютъ къ умѣренности и благоразумію даже тѣхъ людей, которые всегда были извѣстны своимъ пристрастіемъ къ крайнимъ мѣрамъ. До чего переѣнились времена, можно видѣть изъ одного знаменательнаго анекдота, который находимъ въ той же самой газетѣ *Times*. Одинъ житель провинціи, извѣстный своимъ либеральнымъ образомъ мыслей, прибылъ недавно въ Римъ. Лишь только префектъ полиціи, монсиньоръ Маттеучи, узналъ объ этомъ, какъ прислалъ ему приказаніе выѣхать изъ города. Вмѣсто того, чтобы повиноваться этому приказанію, тотъ, къ кому относилось оно, самъ прибылъ къ префекту и обратился къ нему съ такого рода словами: «Если хотите, чтобы я удалился изъ Рима, пришлите ко мнѣ жандармовъ, и пусть силою вытаскаютъ они меня изъ дома. Но прежде этого, позвольте дать вамъ маленькій совѣтъ: теперь не время обращаться попрежнему, то-есть своевольно, съ мирными гражданами, обдумайте еще разъ свой поступокъ, монсиньоръ.» Г. Маттеучи, дѣйствительно долженъ былъ послѣдовать этому «маленькому» совѣту, и приказаніе, данное имъ сначала, не получило исполненія. «Происшествіе это, замѣчаетъ *Times*, доказываетъ ясно, что духъ законнаго сопротивленія пробуждается въ римскихъ областяхъ; пробилъ послѣдній часъ клерикальнаго владычества.»

До сихъ поръ еще не имѣемъ мы подробныхъ извѣстій о томъ, какъ произошло вступленіе на престолъ въ Неаполѣ короля

Франциска II. Съ одной стороны, говорятъ, что спокойствіе не было нарушено, съ другой, что новый правитель долженъ былъ принять нѣкоторыя насильственныя мѣры противъ партій, предпочитавшей ему герцога Трани, сына покойнаго короля отъ его втораго брака. Какъ бы то ни было, теперь ясно, что Францискъ II утвердился во власти, и всѣ газеты исполнены предположеніями, чего можетъ ожидать отъ него Европа среди теперешнихъ обстоятельствъ. Газета *Morning-Herald* спѣшитъ дать ему нѣсколько благоразумныхъ совѣтовъ. «Прежде всего желали бы мы, говорить она, чтобы преемникъ Фердинанда II даровалъ своему народу тѣ конституціонныя учрежденія, которыя были такъ часто ему обѣщаны. Пусть приближить онъ къ себѣ г. Филанджіери и людей, извѣстныхъ своимъ либеральнымъ образомъ мыслей. Италия находится теперь въ кризисѣ, во время котораго патриотизмъ и мудрость сыновъ ея подвергнуты будутъ тяжкимъ испытаніямъ. Новый король обязанъ соблюдать строгій нейтралитетъ и въ то же время приобрести расположеніе своихъ подданныхъ, искоренить вопіющія злоупотребленія и предотвратить возможность поголовнаго возстанія. Для него не представляется никакихъ выгодъ принять участіе въ войнѣ; онъ, напротивъ, можетъ многое потерять, если дозволить себѣ увлечься общимъ потокомъ.»

Будемъ надѣяться, во всякомъ случаѣ, что во внутреннемъ своемъ управленіи король Францискъ II не оставитъ безъ вниманія совѣтовъ, которые внушаются ему общественнымъ голосомъ всей Европы. Совѣты эти не разъ были подаваемы его предшественнику, онъ презиралъ ихъ, и что же было послѣдствіемъ того? Отчужденіе отъ него почти всѣхъ подданныхъ и то недоброжелательство за предѣлами его государства, которое нашло себѣ отголосокъ въ слѣдующей статьѣ *Times*, напечатанной тотчасъ по полученіи извѣстія объ его смерти: «Фердинандъ, король Обѣихъ Сицилій, покинулъ наконецъ престолъ свой, для того чтобы предстать на судъ, гдѣ потребуется отъ него строгій отчетъ за его правленіе. Для всякаго, сколько нибудь не жестокосердаго человѣка, тяжело произносить приговоръ о жизни умершаго, прежде чѣмъ прахъ его преданъ могилѣ. Не будемъ же говорить ничего, кромѣ самой простой и всѣмъ извѣстной истины о публичныхъ дѣяніяхъ этого короля. Мало людей обрушили на ближнихъ своихъ такой огромный запасъ бѣдствій, какъ король Фердинандъ; мало людей были столь безпощадны въ распредѣленіи наказаній, столь нечувствительны къ страданіямъ осужденныхъ. Именно въ эту самую минуту, найдутся между нами, въ Лондонѣ, люди, которые могутъ засвидѣтельствовать справедливость этихъ словъ. Должны

ли же мы оставаться безмолвны, потому только, что король лишаетъ, наконецъ, возможности внушать трепетъ своимъ подданнымъ? Въ обществѣ господствовало въ сущности ложное понятіе о королѣ Фердинандѣ. Онъ не былъ, по крайней мѣрѣ за два года до конца своей жизни, мрачнымъ и таинственнымъ ханжею, какимъ преданіе рисуетъ намъ Филиппа II испанскаго. Онъ соединялъ въ лицѣ своемъ всѣ несимпатичныя качества неаполитанскаго характера, но не безъ примѣся той *bonhomie*, которою отличаются ладзарони въ его владѣніяхъ. Если бы всѣ подданные его согласились жить и умирать подобно бессловеснымъ животнымъ, онъ вовсе не былъ бы для нихъ дурнымъ государемъ. У него не было также недостатка въ умѣ. Онъ не имѣлъ притязаній на репутацію государственнаго чловека, въ настоящемъ смыслѣ слова. Онъ нисколько не понималъ прогресса европейской цивилизаціи. Система его состояла въ томъ, чтобы править деспотически, и для этого опираться на чужеземную силу. Для того чтобы поступать какъ ему угодно съ своими подданными, онъ не обращалъ вниманія на то, что Австрія поступала какъ ей угодно съ нимъ самимъ. Подъ конецъ жизни, однако, онъ опередилъ даже своихъ учителей: австрійское деспотическое правительство поняло наконецъ, что неаполитанскій союзникъ его зашелъ немного далеко. Главнѣйшее искусство короля состояло въ распознаваніи слабостей различныхъ лицъ и въ умѣнны пользоваться затруднительнымъ положеніемъ европейскихъ кабинетовъ. Онъ могъ отпустить, послѣ разговора съ собою, всякаго съ самымъ твердымъ убѣжденіемъ, что чловека, рѣшающійся говорить или дѣйствовать противъ такого милостиваго государя, заслуживаетъ строжайшаго и справедливаго наказанія: по волѣ умѣлъ онъ польстить, смѣяться, плакать, прикинуться сентиментальнымъ, словомъ подѣйствовать на всякую слабую струну въ чловеческомъ сердцѣ. Король не зналъ только искусства пробуждать въ чловека возвышенныя, геройскія чувства... Италия лежала передъ нимъ въ рабствѣ и униженіи. Изъ этого униженія и рабства онъ бы легко извлечь ее. Онъ могъ бы найти себѣ мѣсто въ сердцахъ своихъ подданныхъ, и вмѣсто этого предпочелъ отстранить ихъ отъ себя. Онъ могъ бы, на другомъ концѣ Италии, и съ гораздо меньшими препятствіями, сдѣлать то же самое, что сдѣлалъ король сардинскій, и вмѣсто того остался вассаломъ Австріи, и не захотѣлъ вступить на открытый передъ нимъ путь патріотизма, славы и благотворной политики. Если бы онъ не забывалъ своихъ обязанностей, жители Италии наслаждались бы теперь миромъ, вмѣсто того, чтобы утучнять поля Пиемонта и Ломбардіи своею кровью. И несмотря на все это, неспособный возвыситься до пониманія своего достоинства и

истиннаго могущества, онъ зналъ, какъ направить два облака, чтобы, столкнувшись, они разсѣяли другъ друга; и въ послѣдніе годы жизни, слабый и беззащитный, онъ только и заботился о томъ, чтобы поддерживать соперничество между двумя главнѣйшими европейскими державами. У насъ нѣтъ ни времени, ни охоты, перечислять даже главнѣйшія событія его царствованія. Довольно вспомнить только о дѣйствіяхъ его въ 1848 году. Въ это время, когда революціонный духъ проникъ въ Неаполь, не было во всемъ неаполитанскомъ королевствѣ чловѣка, столь страстнаго къ конституціоннымъ учрежденіямъ, какъ самъ король. Только бы, кажется, ему и хотѣлось, что конституціонныхъ министровъ, да конституцію, чтобы быть совершенно счастливымъ. То не было съ его стороны формальнымъ, холоднымъ признаніемъ новаго порядка вещей; онъ присягалъ, давалъ обѣщанія, призывалъ Бога въ свидѣтели своей искренности, накликалъ на себя страшныя наказанія послѣ смерти, если бы пришлось ему измѣнить своему слову. Хладнокровный зритель могъ бы замѣтить:

Methinks this monarch doth protest too much (1),

но тогда было не до того. Легковѣріе народа, точно такъ же, какъ лицемѣріе короля, не знало себя предѣловъ. Но во все это время Фердинандъ II обдумывалъ дальнѣйшій свой образъ дѣйствій; онъ ждалъ только случая, и случай вскорѣ представился. Въ одно прекрасное майское утро онъ замѣтилъ, что теченіе дѣлъ ему благопріятно, воспользовался этою минутою и засыпалъ Неаполь бомбами и картечью. И это еще не все. Пока улицы были обагрены кровью, король подтвердилъ свою прежнюю присягу; благодаря этому, онъ удержалъ отъ бѣгства всѣхъ предводителей оппозиціи и потомъ, захвативши ихъ, засадилъ въ тюрьмы, гдѣ они должны были испытывать невыносимыя страданія. Когда г. Гладстонъ посѣтилъ Неаполь, число политическихъ преступниковъ простиралось отъ 15.000 до 20.000 чловѣкъ. Казалось бы, невозможно, чтобы подобныя вещи могли случаться въ наше время, а между тѣмъ это фактъ. Суевѣріе короля Фердинанда кажется намъ единственно возможнымъ оправданіемъ для него въ этомъ случаѣ; дѣйствительно, онъ былъ суевѣренъ до крайности и потому самому, можетъ быть, не чувствовалъ всего бремени,

(1) - Мнѣ сдается, что монархъ этотъ ужъ слишкомъ много протестуетъ.

тѣхъ, которые надъ его совѣстью. Авось придется намъ скоро вѣстить, что старая система умерла вмѣстѣ съ старымъ королемъ; онъ заставлялъ проливать много слезъ при своей жизни, немного ихъ будетъ пролито о его смерти.»

7-го іюня новаго стіля (26 мая ст. ст.) Королева Викторія открыла первую сесію новаго парламента Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи. Телеграфъ сообщилъ намъ содержаніе тронной рѣчи, произнесенной по этому случаю. Вкратцѣ упоминая о внѣшнихъ политическихъ событіяхъ, рѣчь королевы выражаетъ намѣреніе поддерживать миръ, на сколько это зависитъ отъ Англіи, и вовсе не касается вопросовъ внутренней политики. О реформѣ сказано только, что *всякій* хорошій билль получить утвержденіе королевы. По поводу преній объ отвѣтномъ адресѣ, въ Нижней палатѣ сдѣлано предложеніе выразить недовѣріе палаты министерству графа Дерби. Канцлеръ казначейства требовалъ, чтобы палата произнесла свой приговоръ въ ту же ночь, но палата общинъ не послѣдовала требованію г. Дизраэли и отсрочила продолженіе преній до четверга, 9-го іюня.

Въ слѣдующемъ обзорѣннн мы будемъ подробно говорить объ этихъ преніяхъ, и сообщимъ свѣдѣнія о личномъ составѣ новой палаты общинъ.

П О П Р А В К И .

Въ статьѣ *Преданія и пѣсни уральскихъ казаковъ*, напечатанной въ №№ 7 и 8 *Русскаго Вѣстника*, вкрались слѣдующія опечатки: въ № 7 на 411 стр., въ выноскѣ напечатано: *статистическихъ архивовъ*, — а должно быть: *статистическія архивы*. На 417 стр. курсивомъ напечатано: *не скалывается*, — а должно быть: *не окалывается*. На 427 стр., на самой послѣдней строкѣ, напечатано: *образъ Михаила Святителя*, — должно быть: *образъ Николая Святителя*. — Въ № 8 на послѣдней строкѣ 583-й и на первой строкѣ 584-й страницъ напечатано: *напалываетъ (наставляетъ) дерево*, — а должно быть: *начинаетъ (наставляетъ) дерево на дерево*. На 588 стр., на послѣдней строкѣ, напечатано: *отубили*, — а должно быть: *отудобили*. На 591 стран., въ началѣ четвертой строки снизу напечатано: *«Господи*, — а должно быть: *«Гости*.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ

ИЗЪ АМЕРИКИ.

Нью-Йоркъ, 11 мая 1859.

Г. редакторъ! Три недѣли тому назадъ, номеръ вашего журнала, заключающій въ себѣ мою первую корреспонденцію, полученъ у насъ, и мнѣ весьма пріятно сообщить вамъ, что она заслужила радушный приемъ отъ всѣхъ своихъ читателей.

Национальный конгрессъ закрылъ свои засѣданія; депутаты возвратились домой; союзный городъ, ожившій на нѣкоторое время, снова возвратился въ свое обычное состояніе, то-есть сдѣлался опять городомъ мертвымъ, знойнымъ и пыльнымъ. Въ немъ остается только тотъ, кто привязанъ къ нему необходимо или обязанностью; все, что можетъ выѣхать, отправляется въ страны болѣе умѣренныя, болѣе здоровыя, менѣе однообразныя, болѣе оживленныя. Конгрессъ разошелся, послѣ долгихъ преній, не совершивъ многого; онъ даже оставилъ правительство въ финансовомъ положеніи довольно жалкомъ и насколько не позаботился объ улучшеніи его. Онъ разошелся, говоря правительству, требовавшему у него денежныхъ суммъ: *Help yourselves*, то-есть справляйтесь сами, какъ знаете. Эта коротенькая фраза, которая не сходитъ съ устъ Американцевъ, заключаетъ въ себѣ живую картину нашего быта. Между вопросами, неразрѣшенными въ нынѣшнемъ году, находится *Homestead bill*, о которомъ я сообщу вамъ кое-что. Эмиграція до такой степени выгодна для Соединенныхъ Штатовъ, что ей способствуютъ здѣсь всѣми средствами, и за то она постоянно усиливается. Бываетъ повышение и пониженіе, смотря по тому, какой видъ принимаетъ европейская политика, но, въ сложности, усиленіе очень значительно. Въ прежнее время эмигрировали только люди бѣднаго или недостаточнаго класса, теперь гораздо болѣе эмигрантовъ съ состояніемъ. Всѣ законы Союза благопріятствуютъ прибытію и поселенію иностранцевъ; они вступаютъ на американскую почву, не подвергаясь, при появленіи своемъ, большимъ затрудненіямъ, чѣмъ тѣ, которыя они испытывали на своей родинѣ при переѣздѣ изъ одной деревни въ другую. Иностранецъ, богатый или бѣдный, купецъ, ремесленникъ, работникъ, капиталистъ, можетъ изъ своей особы и изъ своего состо-

янія дѣлать все, что ему угодно; между нимъ и гражданиномъ Союза нѣтъ никакого различія; ему не нужно платить за торговое свидѣтельство, и онъ можетъ приобретать недвижимыя имущества, наравнѣ съ природнымъ Американцемъ. Но для пріобрѣтенія политическихъ правъ необходима натурализація, и чтобы пріобрѣсти актъ натурализаціи, нужно прожить по крайней мѣрѣ пять лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и потомъ подать объявленіе, что такой-то по чистой совѣсти желаетъ сдѣлаться гражданиномъ Штатовъ и отрывается отъ своего отечества. Этотъ актъ стоить около двухъ руб. сер. Ясно, что участь иностранцевъ очень хороша у насъ, и, несмотря на это, обнаруживается желаніе еще улучшить ее. Съ этою цѣлію конгрессу предложено было продавать каждому главѣ семейства, или каждому достигшему двадцати одного года гражданину Штатовъ или иностранцу, объявившему подъ присягою о намѣреніи своемъ сдѣлаться гражданиномъ, участки федеральныхъ удобныхъ земель въ 160 акровъ по 1 долл. 25 с. за акръ, съ уплатою денегъ по прошествіи пяти лѣтъ, по вступленіи во владѣніе, съ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ продолженіи этого времени земля была обработана. Этотъ билль, представленный въ такое время, когда конгрессъ заваленъ былъ множествомъ дѣлъ, не прошелъ; но онъ будетъ предложенъ въ слѣдующую сессію конгресса, и нѣтъ сомнѣнія, что побѣда останется за нимъ. Онъ доставитъ большія выгоды тѣмъ, кто имъ воспользуется. При затруднительномъ положеніи финансовъ, подобный порывъ щедрости на первый взглядъ покажется страннымъ, но страна надѣется пріобрѣсти достаточное вознагражденіе за эту щерость отъ эмигрантовъ и другихъ покушниковъ.

Нынѣшній президентъ Соединенныхъ Штатовъ считается главою *демократической партіи*, но этому слову не должно придавать того смысла, который оно имѣетъ въ словарѣ французскаго языка или въ политическомъ словарѣ Европы; удобное слово *демократія* употребляется въ Америкѣ для обозначенія всевозможныхъ вещей въ разныхъ мѣстностяхъ; его присвоиваетъ себѣ множество враждебныхъ партій, которыя воображаютъ, что составляютъ одно цѣлое, потому только, что величаются однимъ общимъ названіемъ. При подобномъ разнообразіи въ составѣ партіи, невозможно ожидать, чтобы демократическое правленіе было продолжительно. По теоріи, владычествуетъ народъ, а на практикѣ Соединенные Штаты управляются однимъ человекомъ, который старается сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ. Подъ управленіемъ его казнохранилище опустѣло, и теперь онъ требуетъ неограниченнаго полномочія, чтобы вести войну и добыть необходимую для этого сумму денегъ. Впервыхъ, онъ требуетъ у кон-

гресеа полномочія распорядиться войскомъ, чтобы занять сѣверныя провинціи Мексиканской республики и подчинить ихъ его протекторату для обезпеченія уплаты долговъ американскимъ гражданамъ. Вовторыхъ, онъ требуетъ неограниченнаго полномочія, чтобы отправить войска въ Мексику и Новую Гренаду, для защиты американскихъ гражданъ противъ тамошнихъ зловредныхъ людей; и предъявляя эти требованія, онъ выражаетъ мысль свою, что президентъ Соединенныхъ Штатовъ долженъ пользоваться одинаковою властью съ великими европейскими монархами. Въ третьихъ, согласно съ основаніями, принятыми въ Остенде, онъ требуетъ у конгресса 30 милл. долл., чтобы *способствовать* приобрѣтенію Кубы. Прибавьте къ этому, что одна изъ самыхъ значительныхъ эскадръ, какія когда-либо выступали во внѣшнія воды, находится въ настоящее время въ Парагаѣ, для окончанія какой-то пустой распри между президентомъ Соединенныхъ Штатовъ и президентомъ маленькой южно-американской республики. Еслибы конгрессъ уступилъ президенту Сѣверной Америки, и далъ ему тѣ полномочія, которыхъ онъ требовалъ, то эта эскадра, отправленная на югъ, одержавъ легкую побѣду, появилась бы въ водахъ Центральной Америки и Кубы.

Во время преній о Кубѣ, происходившихъ въ конгрессѣ, одинъ изъ сенаторовъ выразилъ мнѣніе, что этихъ 30 милл. долларовъ было бы достаточно чтобы занять начиная отъ мыса Флориды, всѣ острова, которые окружаютъ Мексиканскій заливъ и Караибское море, и сдѣлать изъ этихъ водъ американское море, *mare clausum*, нѣчто въ родѣ того, чѣмъ обладали римскіе императоры отъ столбовъ Геркулесовыхъ до Геллеспонта. Само собой разумѣется, что обладаніе этимъ *mare nostrum*, «нашимъ моремъ», должно было бы повлечь за собою занятіе всѣхъ земель по берегамъ его, по крайней мѣрѣ до Оринко.

Но зачѣмъ такъ добиваются у насъ приобрѣтенія Кубы? Затѣмъ, отвѣчаетъ господствующая партія, что безъ нея Соединенные Штаты не могутъ быть государствомъ свободнымъ и независимымъ. Стало-быть до сихъ поръ они не были государствомъ свободнымъ! Нѣтъ, причина не такъ важна; просто хочется завоеваній, и исполнить это кажется легко, потому что дѣло идетъ *только* объ Испаніи! Не удастся приобрѣсти Кубу оружіемъ, такъ пытаются купить ее, и предложеніе объ этомъ уже сдѣлано. Подобный образъ дѣйствій долженъ былъ показаться глубоко оскорбительнымъ, даже и не для испанской гордости. Но положимъ, что всѣ эти планы осуществляются; какимъ же образомъ будутъ управлять приобрѣтенными землями? Если не сумѣли поддержать миръ и порядокъ въ Канзасѣ и Утахъ, населенныхъ Американцами, какъ успѣютъ въ томъ, когда дѣло дойдетъ до народовъ различ-

наго племени и цѣта? Сколько попытокъ совершили многія изъ этихъ южныхъ странъ для образованія у себя республики, и до сихъ поръ все было неудачно. Стоитъ взглянуть на Чили, страну, которую почитали нѣкогда мѣстомъ невозмутимаго спокойствія, и вотъ она сдѣлалась добычею всѣхъ бѣдствій революціи; нѣтъ ни одной республики въ Центральной Америкѣ, которая бы пользовалась хотя нѣсколько прочнымъ миромъ, а Мексика находится въ состояніи разстройства, безпримѣрнаго въ цѣломъ свѣтѣ. Гаитская имперія совершила революцію; Домингская республика совершаетъ ее; страшные беспорядки вспыхнули въ Ямайкѣ; и надъ этими-то народами Сѣверная Америка замышляетъ утвердить свое владычество! Избави ее Боже!

Здѣсь много говорятъ о народномъ благосостояніи. Вдоволь наслышавшись словъ *паника*, *кризисъ*, *бѣдствіе*, теперь потираемъ мы руки отъ радости, при видѣ нашихъ заводовъ, нашихъ мельницъ, нашихъ горновъ въ полномъ ходу; работы много, задѣльная плата хороша; торговля движется; банки производятъ большіе обороты; ввозъ товаровъ достигъ прежняго уровня; запросъ на поземельную собственность въ городахъ значительный. Разумѣется, все это радуетъ, все поддерживаетъ великолѣпныя надежды; говорятъ, что жатва хлѣбныхъ растений будетъ чрезвычайно изобильна, и если вспыхнетъ война въ Европѣ, то-то мы будемъ продавать нашъ хлѣбъ! Какъ видно, мы живемъ надеждами, разчитываемъ на продажу цыплятъ, которые должны вылупиться изъ яицъ, еще не побывавшихъ подъ насѣдой. Если же отъ возможнаго перейти къ фактамъ, то мы увидимъ, что Соединенные Штаты, взятые какъ страна, обременены страшнымъ долгомъ, потому что цифра нашего долга въ разныхъ обязательствахъ, приносящихъ проценты въ пользу Европы, никакъ не менѣе 500 милл. долларовъ съ процентами въ 30 милл. долл. Долгъ этотъ существуетъ въ видѣ облигацій Союза, штатовъ, графствъ или другихъ корпорацій, желѣзныхъ дорогъ, торговаго баланса. Урожай 1858 года проданъ, и намъ нечего вывозить кромѣ золота, до тѣхъ поръ, пока не соберемъ жатвы нынѣшняго года. Нашъ привозъ въ Соединенные Штаты простирается до 8 милл. въ недѣлю или до 400 милл. долл. ежегодно; но вывозъ нашъ въ этомъ году едва достигнетъ 300 милліоновъ долларовъ; мы будемъ вывозить золото, но все, чего мы не вывеземъ до суммы 100 милліоновъ золота, увеличитъ нашъ народный долгъ. И вотъ что называютъ *народнымъ благосостояніемъ*! Мы производимъ еще половину хлопчатой бумаги, потребляемой образованнымъ миромъ, и, несмотря на это, привозимъ на много милліоновъ хлопчатобумажныхъ мануфактурныхъ издѣлій. Владѣя самыми великолѣпными землями для разведенія овецъ, мы еще производимъ только

половину шерсти, необходимой для удовлетворенія нашихъ потребностей, и изъ ста ярдовъ сукна, служащаго намъ одеждою, на нашу промышленность приходится только одинъ ярдъ. Почва наша необыкновенно удобна для производства дешеваго сахара, а мы замыслиемъ о покупке или завоеваніи сосѣдственнаго острова. Калифорнія съ каждымъ годомъ даетъ менѣ золота, хотя капиталы и трудъ, употребляемые на добываніе его, увеличиваются все болѣе и болѣе. Несмотря на значительный запросъ на нашъ зерновой хлѣбъ, сотни тысячъ нашихъ земледѣльцевъ оставляютъ свои фермы и отправляются на западъ добывать тамъ золото или истрачивать свое собственное; по всей странѣ мы видимъ, что юноши и совершеннолѣтніе, наскучивъ честною, ежедневною работою, отправляются искать приключеній и принимаются за ремесло флибустьеровъ въ Сонорѣ, Никарагѣ и Кубѣ!

Какъ далека подобная картина отъ народнаго благосостоянія, которымъ насъ убаюкиваютъ! Какъ можно воображать себѣ, чтобы наше благосостояніе имѣло твердую основу, если оно опирается на бѣдствія и терпѣніи другихъ странъ, какъ можно разчитывать на голодъ въ Европѣ и на великодушіе европейскихъ кредиторовъ къ здѣшнимъ должникамъ! Народная промышленность должна опираться на развитіи и разнообразіи промышленной дѣятельности, которая сама себѣ создаетъ свои центры и не ставитъ успѣховъ своихъ въ зависимость отъ неразумія, отъ бѣдствій и преступленій человѣчества. Правильное развитіе промышленности доставило бы вознагражденіе всякому таланту, всякому энергическому труду, всякому благородному честолюбію, и положило бы конецъ тѣмъ безумнымъ и преступнымъ предпріятіямъ, которыя направляются противъ сосѣдственныхъ странъ, и которыхъ правительство наше не въ состояніи ни предупредить, ни наказать.

Журналы извѣщаютъ васъ о подчиненіи Парагаи требованіямъ Соединенныхъ Штатовъ, заключающимся въ двухъ главныхъ пунктахъ: 1) въ уплатѣ вознагражденія Американцамъ, понесшимъ убытки отъ дѣйствія парагайскихъ властей; 2) въ совершенной свободѣ плаванія по рѣкамъ Паранѣ и Парагаю для купеческихъ судовъ всѣхъ націй и для военныхъ кораблей, отправляющихся съ ученою цѣлю. Любопытно сдѣлать сближеніе между этою экспедиціей въ Парагаю и мирнымъ ея окончаніемъ, и экспедиціею, отправленною противъ утахскихъ мормоновъ и переговоровъ съ Брейгамомъ Йонгомъ, апостоломъ и начальникомъ этихъ сектаторовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ отправлено было вооруженное войско на большое разстояніе и съ значительными издержками, и великое дѣло замиренія совершено было въ обоихъ случаяхъ не войскомъ, а добровольнымъ посредничествомъ третьяго

лица. Въ Утахъ роль примирителя принялъ на себя полковникъ Кенъ, въ Парагаѣ Уркиза. Брейгамъ Йонгъ и Лопесъ оба думали, что направленная противъ нихъ экспедиція была совершенно иного свойства, чѣмъ она была въ дѣйствительности, и когда Уркиза и полковникъ Кенъ доказали, что все дѣло заключается въ недоразумѣніи, то обѣ атакованныя стороны безъ труда согласились на переговоры. Еслибы правительство, прежде отправленія войскъ, уведомило Брейгама Йонга и Лопеса о своихъ требованіяхъ, то оно, кромѣ всего прочаго, избавилось бы отъ расходовъ въ 5 милл. долл., и отъ непріятнаго упрека, что оно всегда ведетъ войну противъ слабыхъ. Число мормоновъ нисколько не уменьшается; секта эта постоянно пополняется Датчанами, Англичанами и Валлисцами; въ непродолжительномъ времени ожидаютъ ихъ прибытія въ числѣ 4000. Люди эти принадлежатъ къ классу необразованному, но чувствующему потребность живой вѣры: по прибытіи своемъ въ Утахъ, они видятъ раздоры, происходящіе между военными и гражданскими властями, присланными союзнымъ правительствомъ; эти власти, не умѣя согласиться между собою, остаются въ страдательномъ положеніи, къ великому удовольствію мормоновъ.

Различныя пути, пересѣкающіе земли, которые соединяютъ Сѣверную Америку съ Южною и отдѣляютъ Мексиканскій заливъ отъ Тихаго Океана, становятся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе людными, и всѣ въ восторгѣ, что уже торжественно занесенъ первый ударъ заступа, для проведенія канала черезъ Панамскій перешеекъ. Кортесъ, съ тою вѣрностью взгляда, который составлялъ главную черту его характера, задумывалъ уже устроить прямое сообщеніе между двумя морями. Онъ писалъ однажды къ императору: «Государь! я знаю, какъ интересуется васъ открытіе прохода изъ одного океана въ другой, и я отлагаю всѣ свои планы до тѣхъ поръ, пока не отыщу его.» Когда онъ убѣдился, что предпріятіе его несбыточно, то сталъ изыскивать средства для искусственнаго устройства желаннаго сообщенія. Въ архивахъ мексиканскаго конгресса сохранилось много интересныхъ документовъ о всѣхъ попыткахъ, которыя дѣлались съ этою цѣлію до нашего времени: къ каждому изслѣдованію почвы прилагались карты, которыя составляютъ теперь цѣлую коллекцію. Замѣтимъ, что проектъ прорытія перешейка встрѣчалъ также порицателей. Такъ напримѣръ общество Филиппинскихъ острововъ, имѣвшее мѣстопробываніе свое въ Кадисѣ, всѣми силами старалось доказать испанскому двору, какъ много бѣдствій навлечетъ на торговлю исполненіе подобнаго предпріятія; оно имѣло силу при дворѣ и выхлопотало у него повелѣніе, въ которомъ составители проекта названы были «дерзкими нарушите-

дями торговых постановлений королевства», и которымъ запрещалось кому бы то ни было составлять подобные планы каналовъ и дорогъ, подь страхомъ навлечь на себя гнѣвъ его величества. Впрочемъ мадритскій дворъ скоро измѣнилъ свои взгляды, дозволилъ новыя излѣдованія и даже устройство канала. За него принялись съ большимъ жаромъ, когда провозглашена была независимость Мексики. Мало земель въ Америкѣ, которыя бы возбуждали такой интересъ въ торговлѣ и наукѣ, какъ Панамскій перешеекъ. Со времени путешествій Гумбольдта, сотни путешественниковъ и археологовъ посѣщали эти страны, столь богатая развалинами древнихъ городовъ и памятниками, доказывающими, что между исчезнувшими жителями существовала нѣкоторая степень цивилизации. Современемъ я, можетъ-быть, успѣю доставить вамъ археологическое обозрѣнiе древностей, недавно открытыхъ въ Центральной Америкѣ. А теперь прежде, чѣмъ мы разстанемся съ Центральною Америкой, я разкажу вамъ одинъ литературный анекдотъ. Когда Гумбольдта спросили, которое изъ сочиненій Прескотта нравится ему болѣе: *Фердинандъ и Изабела, Завоеванiе Перу* или *Завоеванiе Мексики*, онъ, не колеблясь, отвѣчалъ, что первое, потому что оно имѣеть вѣчное достоинство, котораго никто у него не отниметь: что же касается до прочихъ, прибавилъ онъ, то они содержать въ себѣ исторiи, разказанныя чрезвычайно занимательно, но очевидно написанныя челоувкомъ, который никогда не видалъ самъ ни Перу, ни Мексики. Вамъ конечно извѣстно, что знаменитый историкъ, о которомъ такъ отзывался Гумбольдтъ, умеръ назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, и что давно уже онъ былъ почти слѣпъ.

Между путями, которые издавна уже обращаютъ на себя вниманiе публики и спекуляторовъ, и которые соединяютъ бассейнъ Миссиссипи съ Калифорнiею, особенно замѣчателенъ тотъ, который пересѣкаетъ такъ-называемыя *Staked plains*, плоскую возвышенность, лишенную воды и лѣса, покрытую скудною растительностью, и возвышающуюся на 4500 футовъ надъ уровнемъ Мексиканскаго залива. Эта равнина, идущая вдоль границы между Техасомъ и Новою Мексикой, простирается на востокъ отъ горъ, изъ которыхъ выходятъ рѣки Красная, Бразосъ и Колорадо, и достигаетъ на западѣ рѣки Пекоса, притока Рио-Гранде; въ ширину она имѣеть въ разныхъ мѣстахъ отъ 100 до 200 миль. Посредствомъ артезианскихъ колодезей тамъ надѣялись добыть достаточное количество воды, необходимой для желѣзной дороги и для орошенiя почвы. Правительство Соединенныхъ Штатовъ отправило туда, лѣтъ пять тому назадъ, капитана Попа, который принялся за дѣло съ неутомимою ревностью; его снабдили всѣмъ необходимымъ для его дѣла; но произведенныя имъ опыты нисколько неудовлетворительны и даже можетъ-быть при-

ведутъ къ убѣжденію въ невозможности этого предпріятія. Г. Поппъ пробовалъ рыть землю во многихъ мѣстахъ на глубинѣ 500—600 футовъ, и воды добывалось мало и та дурнаго качества; нигдѣ не могли добыть ее иначе, какъ на глубинѣ 180 футовъ.

Опасаются у насъ скорого возникновенія затрудненій относительно границъ на сѣверѣ Америки между Соединенными Штатами и Англіею. По смыслу орегонскаго трактата 1846 года, граница идетъ черезъ проливъ Розаріо или каналъ Гаро; она должна идти по протоку, отдѣляющему материкъ отъ острова Ванкувера; но протоковъ этихъ столько же, сколько острововъ въ архипелагѣ Гаро, расположенномъ между островомъ Ванкувера и заливомъ Беллингама; который изъ этихъ каналовъ слѣдуетъ разумѣть, это еще неопредѣлено; ихъ много, и всѣ они одинаковой глубины около 25 брассовъ, всѣ ровно широки и прямы. Американцы и Англичане овладѣли островами и заводятъ о нихъ споръ; можетъ-быть на этихъ островахъ найдется нѣсколько золота; земля не удобна для земледѣія, но годится для овцеводства; въ военномъ же отношеніи они ничтожны. Если этотъ вопросъ не скоро разрѣшится, то національное самолюбіе будетъ затронуто, и дѣло это можетъ стоить милліоновъ.

Привилегія, данная Гудсонбейской компаніи, должна окончиться черезъ мѣсяць (1 іюня). Эта компанія протестуетъ; она требуетъ подтвержденія правъ, прибрѣтенныхъ давностью и иными средствами, а въ особенности права вести исключительную торговлю съ Индійцами въ мѣстахъ ихъ поселенія. Нынѣшній министръ колоній сэръ-Эдвардъ Больверъ Литтонъ началъ свою дѣятельность съ организаціи колоніальнаго правительства Новой Колумбіи (Фразеръ Риверъ) и составилъ планъ устройства цѣлаго ряда колоній по всему протяженію англійскихъ владѣній, примыкающихъ къ Соединеннымъ Штатамъ; повидимому онъ желаетъ употребить всѣ зависящія отъ него средства къ развитію ихъ и удовлетворенію ихъ настоящихъ потребностей. Извѣстія о Фразерѣ, доходящія до насъ, весьма благопріятны; и если справедливы показанія нѣкоторыхъ путешественниковъ, то все теченіе этой рѣки до Утесистыхъ Горъ, а равно и притоковъ ея, изобилуетъ благородными металлами; говорятъ даже, что нѣтъ ни одной страны на свѣтѣ, которая была бы такъ богата золотомъ. Впрочемъ, очень трудно узнать истину; чтó до сихъ поръ сдѣлалось извѣстно, то сообщено было людьми, которые тамъ обогатились; но сколько тысячъ жертвъ поглотили уже эти страны!

Въ 1816 году въ Соединенныхъ Штатахъ составилось общество американской колонизаціи: цѣлю его было основаніе независимой колоніи на берегу Африки, куда бы могли отправляться изъ Соединенныхъ Штатовъ свободные негры, число и нищета ко-

торыхъ увеличиваются съ каждымъ годомъ. Общество это собирается ежегодно и даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Недавно оно имѣло обычное засѣданіе въ присутствіи многочисленной публики, въ числѣ которой не было и полудюжины черныхъ; это могло бы показаться страннымъ, еслибы не было всеѣмъ извѣстно, что свободные негры и мулаты очень мало увлекаются идеею составленія собственнаго государства. Негры чувствуютъ превосходство нашей расы и готовы подчиняться ея управленію, и несмотря на то, что участь свободныхъ негровъ очень не завидна въ нашей свободной странѣ, гдѣ на нихъ смотрятъ съ презрѣніемъ, они предпочитаютъ ее той, которая ожидаетъ ихъ въ Либеріи. По отъѣздѣ Сулука изъ Гаити, сюда присланы были эмиссары для приглашенія негровъ переселиться въ эту новую республику, но попытки эмиссаровъ были безплодны; еще труднѣе конечно побудить ихъ къ переселенію на берега Африки. Вотъ нѣсколько подробностей, собранныхъ мною изъ годоваго отчета о Либеріи.

Маленькая колонія, отправленная лѣтъ сорокъ тому назадъ за Атлантическое море, сдѣлалась республикою, и ее признали многія изъ важнѣйшихъ правительствъ европейскихъ и американскихъ. Несмотря на всю слабость свою, она умѣла удержаться и удовлетворять своимъ потребностямъ; ея развитіе, чрезвычайно медленное, но непрерывное, составляетъ залогъ ея будущей силы. Либерія имѣетъ хорошіе законы, церкви, училища, общества взаимнаго вспоможенія, земледѣльскія выставки; она содержитъ хорошо устроенную милицію, производитъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю, и имѣетъ свои гавани, мааки и корабли, которые привозятъ въ Америку африканскія произведенія. Въ настоящую минуту въ нью-йоркской гавани стоитъ либерійское судно подъ флагомъ, состоящимъ изъ красныхъ и бѣлыхъ полосъ, съ большою серебряною звѣздою на голубомъ полѣ; само собою разумѣется, что весь экипажъ его состоитъ изъ черныхъ, начиная отъ капитана до поваренка. Капитанъ этого корабля получилъ отличное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ, откуда онъ отправился въ Либерію въ 1848 году; спустя два года онъ сдѣлался президентомъ камеры представителей и едва не достигъ президентства республики. Комиссія изъ шести или семи черныхъ отправлена отсюда во внутренность Африки для основанія тамъ промышленной колоніи.

Союзный городъ Вашингтонъ, по прежнему, славится своими приключеніями, которыя происходятъ частію въ самомъ конгрессѣ, частію внѣ его. Обвиненіе во лжи самое грубое, удары тростью и прочія здѣшнія любезности не считаются дѣломъ необыкновеннымъ въ засѣданіяхъ конгресса. Тотъ, кому удавалось быть только въ

засѣданійхъ англійской палаты депутатовъ, не составитъ себѣ ни малѣйшаго понятія о томъ, какіе жесты, тѣлодвиженія и проч. можно позволить себѣ въ нашей палатѣ представителей. Если подобныя вещи происходятъ въ столицѣ Союза, чего же лучшаго ожидать отъ законодательныхъ собраній штатовъ, его составляющихъ? Возьмемъ для примѣра слѣдующій фактъ и замѣтимъ при томъ, что дѣло происходило въ сенатѣ одного изъ штатовъ. Сенаторы Н. и Г. были самыми отчаянными бойцами. Въ продолженіи преній они обмѣнивались самыми грубыми личностями, и многіе изъ ихъ товарищей пытались остановить скандальный споръ. Н. всталъ тогда и говоритъ: «Позвольте Г. сказать, что ему угодно; я возьмусь ему отвѣчать. Я знаю, что у него въ карманѣ пистолеть, но меня запугать довольно трудно. Г. лгунъ и подлець; въ этомъ самомъ собраніи я объявлялъ его обманщикомъ и негодяемъ, безпутнымъ крикуномъ, и у него не достало мужества отвѣчать мнѣ; теперь мнѣ нѣтъ дѣла до мерзавца, потерявшаго чувство собственнаго достоинства до такой степени, что онъ переноситъ наносимыя ему оскорбленія; это трусъ-собака.» Удвоенные крики: «къ порядку!» нисколько не возстанавливаютъ порядка. Г. отвѣчаетъ словами: «лжець и мерзавецъ». На что Н. отвѣчаетъ ударомъ кулака въ лицо. Г. защищается тѣмъ же, удары сыплются съ той и съ другой стороны. Наконецъ бойцовъ успѣваютъ разлучить силою. Но вотъ братъ Г. подоспѣваетъ на помощь и наноситъ страшный ударъ по носу Н., который оборачивается къ новому противнику, хватаетъ его за воротъ, бросаетъ на колѣни къ одному сенатору и колотитъ по лицу. Прибѣгаетъ другой братъ Г., наноситъ ему жестокий ударъ тростью по затылку, и въ ту же минуту, стремглавъ, бросается вонъ, не поднимая даже шляпы, свалившейся съ него во время свалки; куда скрывается онъ—неизвѣстно. Напрасно силится Н. добраться до этого третьяго врага; послѣ многихъ бесплодныхъ усилій, онъ остановился, размахивая длиннымъ ножомъ-кинжаломъ, и не обращая вниманія на крики товарищей. Если посреди подобныхъ элементовъ составляются законы означеннаго штата, то конечно можно сравнить ихъ съ драконовскими.

Вашингтонъ, столица Союза, очень часто бываетъ, какъ я сейчасъ замѣтилъ, поприщемъ событій, привлекающихъ на союзный городъ вниманіе американской публики. Вотъ одно происшедшее въ самомъ недавнемъ времени.

Нѣкто мистеръ Сикль, уполномоченный на конгрессъ отъ одного изъ главныхъ штатовъ Союза, находился въ Вашингтонѣ съ своею молодою и красивою женой. Одинъ услужливый пріятель уведомилъ его однажды, что жена ему измѣняетъ. Начинаютъ разузнавать дѣло, и оказывается, что доносъ справедливъ. Про-

ступныя сношенія происходили въ чужомъ домѣ. Убѣжденный въ преступленіи жены, достопочтенный мистеръ (такъ титулуютъ здѣсь судей), обдумавъ планъ свой, отправляется въ указанное мѣсто, становится такимъ образомъ, чтобы встрѣтить лицомъ къ лицу любовника жены своей и всаживаетъ ему въ грудь нѣсколько пуль. Смерть послѣдовала въ ту же минуту: Сикльзъ возвращается домой и говоритъ женѣ своей: «я его убилъ». Достопочтенный мистеръ Сикльзъ обвиненъ; начинается процессъ, къ которому приглашаются знаменитѣйшіе адвокаты, процессъ, долгое время возбуждающій общее, напряженное вниманіе американской публики, одна половина которой принимаетъ сторону мужа, другая сторону жены. Люди безпристрастные ожидали, что мистера Сикльза приговорятъ по крайней мѣрѣ къ тюремному заключенію на нѣсколько лѣтъ, тѣмъ болѣе что убійство совершено было не на мѣстѣ преступления; но нѣтъ, г. Сикльзъ объявленъ былъ невиннымъ. Этотъ приговоръ испугалъ людей мыслящихъ послѣдствіями, которыя онъ долженъ повлечь за собою и повлечетъ непременно; но онъ вытекаетъ изъ другихъ предшествовавшихъ событій. Вотъ принципъ присяжныхъ: «При отсутствіи всякаго наказанія, соответствующаго преступленію прелюбодѣянія, каждый человѣкъ, посягающій на честь своего ближняго и вносящій развратъ въ семейство, долженъ рисковать своею жизнію. Если онъ падаетъ подъ ударомъ оскорбленнаго супруга, то вполне достоинъ своей участи.» Я полагаю, что подобнаго приговора никогда бы не произнесли въ Европѣ; тѣмъ болѣе, что С*** не засталъ преступника нечаянно на самомъ преступленіи, а напротивъ убійство было преднамѣренное. Итакъ, присяжные освобождаютъ преступника за недостаткомъ хорошаго закона! Но обязанность суда состояла не въ томъ, чтобы рѣшать удовлетворителенъ ли законъ, или нѣтъ, а было ли совершенно убійство или нѣтъ. Убійство же было фактъ совершившійся и признанный; лишь по свойству преступления произнесли приговоръ: «нѣтъ, убійства не было!» Впрочемъ при настоящемъ случаѣ приговоръ не имѣлъ въ себѣ ничего новаго, потому что онъ представлялъ только приложение къ дѣлу принципа, дѣйствовавшаго при другихъ случаяхъ. Я сообщаю ихъ здѣсь, потому что дѣло это заслуживаетъ вниманія и конечно заинтересуетъ вашихъ юристовъ: Вотъ эти недавніе случаи: Ф. М. въ продолженіи нѣсколькихъ дней преслѣдовалъ въ Филадельфій обольстителя своей дочери и умертвилъ его въ каретѣ. Онъ объявленъ былъ невиннымъ. Въ Вашингтонѣ J. встрѣтилъ соблазнителя своей сестры и спросилъ его, намѣренъ ли онъ на ней жениться; получивъ отрицательный отвѣтъ, J. убилъ его на мѣстѣ. Его объявили невиннымъ. Въ Виргиніи M. отправился съ однимъ изъ друзей своихъ

въ гостиницу, гдѣ находился обольститель его жены. Онъ нашелъ его тамъ и убилъ; также объявленъ невиннымъ. Амелия N. встрѣтила на лѣстницѣ одной изъ самыхъ большихъ гостиницъ Нью-Йорка человека, который измѣнилъ ей и умертвилъ его; объявлена невинною. Въ Мерилендѣ S. выстрѣлилъ по обольстителю жены своей; объявленъ невиннымъ. S. убилъ президента банка въ Филадельфiи, который обольстилъ жену его еще до ея замужества; объявленъ невиннымъ. Въ Виргинiи M. V. умертвилъ обольстителя своей дочери, мѣсяцъ спустя послѣ преступления; объявленъ невиннымъ. Въ Филадельфiи, Sh. вышелъ вмѣстѣ съ обольстителемъ жены своей изъ общей залы и умертвилъ его на улицѣ; объявленъ невиннымъ и проч. и проч.

Еще одно слово о присяжныхъ въ Америкѣ. Каждый штатъ, пользуясь неограниченною свободою управленiя, имѣетъ свои собственные законы и собственное устройство суда присяжныхъ; въ нѣкоторыхъ штатахъ руководствуются англiйскими законами во всей ихъ строгости, въ другихъ все предоставляется на произволъ присяжныхъ. Старинный англiйскiй обычай требуетъ, чтобы присяжныхъ лишали пищи, питья и свѣта, для того чтобы голова присяжнаго была совершенно свободна, вслѣдствiе чего они не должны отягощать желудокъ, и чтобы заставить присяжныхъ принять единодушное рѣшенiе подъ влiянiемъ голода и разныхъ неудобствъ. Присяжные прибѣгали ко множеству самыхъ забавныхъ хитростей, такъ что школьники могли бы имъ позавидовать; такъ напримѣръ они вывѣшивали снаружи бичевку, къ которой друзья ихъ привязывали *сандвичи* (1), или, что-нибудь еще болѣе питательное. Но также случалось, что люди слабаго здоровья занемогали вслѣдствiе продолжительнаго поста, когда какой-нибудь настойчивый присяжный скорѣе соглашался употребить въ пищу свои сапоги, чѣмъ уступить. Въ послѣднiя двадцать лѣтъ обычай измѣнился въ Англии и здѣсь, но только до нѣкоторой степени; иногда позволяютъ присяжнымъ сходить въ гостиницу въ сопровожденiи констабля, но только порознь, и даже (это уже *пес plus ultra*) побывать дома, чтобы нѣсколько подкрѣпить свои силы. У насъ до сихъ поръ еще существуютъ странствующiе судьи Карла Великаго; въ назначенное время года, судьи отправляются въ походъ и переѣзжаютъ изъ одного суда въ другой для рѣшенiя дѣлъ. Недавно случилось, что въ одномъ мѣстѣ судья не пришлось никого разсудить; лѣтъ тридцать уже не бы-

(1) Sandwiches, тоненькiе ломтики говядины, между двумя ломтями хлѣба. Говорятъ, лордъ Сандвичъ придумалъ это кушанье для охоты и тѣмъ увековѣчилъ свое имя.

вало ничего подобнаго: по заведенному обычаю служителя Ое-миды поднесли пару бѣлыхъ перчатокъ. Къ несчастію очень рѣдко приходится подносить судѣ подобный даръ. У насъ въ Нью-Йоркѣ теперь не менѣе осьмнадцати человекъ, осужденныхъ на смерть или судимыхъ за преступленія, заслуживающія смертной казни. Журналы наши наполнены разказами объ убійствахъ, казняхъ и тюремныхъ заключеніяхъ. Вы въ Европѣ тоже замѣчаете конечно, что смертоубійства имѣютъ, подобно модамъ, свое время, и что люди отравляются стрихниномъ или мышьякомъ, топятся и вѣшаются въ извѣстныхъ эпохи, періодически повторяющіяся. Само собой разумѣется, что на долю Нью-Йорка достается значительное количество преступленій.

Юное общество наше дѣятельно впрочемъ заботится объ улучшеніи нравственности въ своей странѣ. Религіозное преподаваніе организовано здѣсь такимъ образомъ, что конечно нѣтъ ничего подобнаго въ мірѣ; вездѣ сами собой возникаютъ училища и церкви; религіозныхъ журналовъ множество, вездѣ раздаются библіи и брошюры духовнаго содержанія. Общество, устроенное для раздачи ихъ, недавно представило свой отчетъ, изъ котораго видно, что въ продолженіи осьмнадцати лѣтъ, до милліона семействъ снабжено было книгами религіознаго содержанія. Какъ ни медленно эти общества достигаютъ своихъ результатовъ, нельзя не согласиться, что они приносятъ великую пользу. Они не тотчасъ же дѣлаютъ все добро, которое отъ нихъ зависитъ, но они предупреждаютъ много дурнаго и, даже на этомъ основаніи, заслуживаютъ общую признательность. Недавно мы получили нѣсколько циркуляровъ отъ высшихъ сановниковъ римской церкви; указывая на то, что число преступленій въ Соединенныхъ Штатахъ увеличивается, они приписываютъ это явленіе тому, что государство не заботится объ устройствѣ католическихъ школъ отдѣльно отъ школъ протестантскихъ. Этимъ они порицаютъ одно изъ основныхъ правилъ американской конституціи, вслѣдствіе котораго правительство обязано вездѣ поощрять школьное ученіе, но не касаться религіознаго воспитанія, предоставляемаго на произволь родителей. Католическое духовенство съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ смѣшанныхъ училищъ и, какъ кажется, забываетъ, что на основаніи той же конституціи само оно имѣетъ право покрыть всю почву Союза своими школами, потому что здѣсь никто не нуждается въ позволеніи открыть школу или построить церковь, къ какому бы исповѣданію онѣ ни принадлежали. Вамъ говорятъ только: «устраивайте все на свой счетъ». Здѣсь духовенство не имѣетъ собственности, и государство не даетъ ему ничего. Расходы на богослуженіе и на содержаніе церквей покрываются платою за цер-

военныя скамьи, которыя ежегодно раздаются съ аукціона; цѣны на нихъ иногда чрезвычайно высоки; впрочемъ есть скамьи, доступныя для всякаго кармана; но есть также церкви, гдѣ ничего не платятъ за мѣста, и которыя содержатся на счетъ религиозныхъ обществъ. Часто построеніемъ церквей занимаются спекуляторы; по окончаніи построенія церкви, въ нее приглашаютъ извѣстнаго проповѣдника, чтобъ онъ привлекъ побольше слушателей; доходъ со скамей собирается спекуляторами, которые завѣдываютъ расходами богослуженія, хотя въ душѣ своей часто совершенно равнодушны къ нему; иногда церкви потому выкупаются у своихъ спекуляторовъ и приходы получаютъ въ собственность мѣсто своихъ собратій.

Прогуливаясь по нашимъ набережнымъ, иностранецъ съ изумленіемъ замѣчаетъ небольшія колокольни, устроенныя на неподвижныхъ баркахъ въ одинаковомъ разстояніи одна отъ другой; онъ освѣдомляется, что это значить, и узнаетъ, что это церкви для моряковъ. Онъ вступаетъ во внутренность ихъ, и все, что представляется его глазамъ, напоминаетъ ему жизнь моряка; онъ чувствуетъ, что находится на кораблѣ; на одной изъ оконечностей расположена кафедра, откуда занимающій ее исповѣдникъ произноситъ слово истины, надежды и вѣры. Скамьи заняты моряками, одѣтыми по воскресеньямъ въ праздничномъ платьѣ, въ будни въ рыбацкой одеждѣ. Все это совершенно свободно; никто не обязанъ посѣщать церквей, и множество народа посѣщаетъ ихъ. «Общество нью-йоркскаго порта» завѣдываетъ этими церквами; общество чисто-благотворительное, не имѣющее иныхъ капиталовъ, кромѣ добровольныхъ приношеній. Недавно оно имѣло свое годовичное засѣданіе, и результаты отчета его вполне удовлетворительны. Сами моряки исправляютъ должность миссіонеровъ, и между этими людьми, столь грубыми по наружности, встрѣчаются сердца глубоко религиозныя. Въ теченіе осьми послѣднихъ мѣсяцевъ 4000 моряковъ увлечены были своими товарищами къ присутствованію при богослуженіи. Морскія церкви имѣютъ свою залу для чтенія и свою библіотеку, и туда-то приглашаютъ моряковъ собираться, вмѣсто того чтобы тратить время и деньги въ тавернахъ.

На этой недѣлѣ праздновалась годовщина самыхъ значительныхъ религиозныхъ обществъ. По этому поводу представлена была исторія каждаго изъ этихъ обществъ и его успѣховъ; и надо признаться, что каждое изъ нихъ дѣйствовало усильно. Полагаю, что ваши читатели съ удовольствіемъ и нѣкоторымъ удивленіемъ увидятъ, что въ состояніи сдѣлать духъ ассоціацій, и какъ само общество интересуется въ Соединенныхъ Штатахъ всѣмъ, что содѣйствуетъ улучшенію общества. Я во-

обще неохотно привожу цифры, но я приведу ихъ немного, оставя безъ вниманія тысячи учреждений того же рода, имѣющихъ пребываніе и средоточіе своей дѣятельности по всему пространству Союза. Прошу васъ припомнить, что правительства штатовъ ничѣмъ не помогаютъ этимъ обществамъ. Вотъ доходы отъ сборовъ, приношеній или наслѣдствъ въ продолженіи двадцати послѣднихъ лѣтъ:

Общество библейское американское.	5.612.120	долл.
— религиозныхъ сочиненій.	5.383.488	—
— миссій внутри Соединенныхъ Штатовъ.	2.638.868	—
— — пресвитеріанскихъ внѣ Союза.	2.206.407	—
— — иностранныхъ американскихъ.	5.639.983	—
— иностранное евангелическое.	184.999	—
— баптистическое внутреннихъ миссій.	516.949	—
— американское для освобожденія невольниковъ.	374.870	—
— друзей моряковъ.	391.894	—
— колонизаціи.	592.926	—
— американское трезвости.	72.837	—
— для улучшенія быта Евреевъ.	122.265	—
— воспитанія.	274.289	—
— преобразователей нравственнаго воспитанія женщинъ.	63.707	—
— американское и иностранное противъ неволь- ничества.	25.390	—
Разныхъ обществъ.	2.000.000	—

Всего долларовъ. 26.150.972 —
что составляетъ болѣе 32 милл. руб. сер.

Недавно подняли и обсуживали новый вопросъ по случаю приговора къ висѣлицѣ (единственной смертной казни, принятой въ Соединенныхъ Штатахъ), одной женщины, отравившей своего мужа. Многіе журналы приняли сторону этой несчастной и требовали, чтобъ ее избавили отъ смертной казни. Губернаторъ штата, одинъ имѣющій право миловать преступника, до сихъ поръ сопротивляется ихъ требованію; по мнѣнію его, полъ нисколько не долженъ давать привилегіи, особенно если дѣло идетъ о такомъ гнусномъ преступленіи, какъ отравленіе, и когда жертвою его сдѣлался мужъ, а въ добавокъ преступница принадлежитъ къ образованному классу общества.

Нѣсколько недѣль уже, мы находимся въ тревожномъ ожиданіи войны; безъ сомнѣнія первый пароходъ привезетъ намъ извѣстіе о мирѣ или войнѣ, и въ настоящее время, особенно чувствуется отсутствіе телеграфа. Во всякомъ случаѣ, мы обрадовались извѣстію, что вопросъ о трансатлантическомъ телеграфѣ еще не оставленъ, что важность его ощущается все болѣе и бо-

лѣе, и что окончательный успѣхъ его не подлежитъ сомнѣнію. Мы надѣемся также, что современемъ подводный канатъ соединитъ русскія владѣнія на Тихомъ Океанѣ съ американскимъ берегомъ. Хотя сообщенія наши съ Европой производятся довольно часто, но они далеко неудовлетворительны, а конгрессъ никакъ не могъ согласиться на выдачу вспомошествованія, необходимаго для устройства правильнаго почтоваго пароходства. Наши собратія въ Англіи понимаютъ гораздо лучше нашихъ вашингтонскихъ политиковъ свои выгоды и цѣнятъ гораздо вѣрнѣе способы и средства, необходимыя для удержанія въ своихъ рукахъ большихъ океаническихъ путей. Главною причиною несогласія конгресса выставляется правило, что оказывать со стороны правительства пособіе учрежденіямъ такого рода значило бы создавать монополіи, другими словами, что несправедливо бы было покровительствовать одной компаніи въ ущербъ другой. И однакожь не боятся предоставить всю торговлю въ руки соперницы нашей, Англіи. Англійское правительство понимаетъ лучше свои выгоды, и полагаетъ что 150—200 тысячъ фунт. ст. пособія, выданнаго имъ линіи гальвейскаго пароходства, принесутъ ему большіе проценты. Въ Соединенныхъ Штатахъ представители южныхъ и западныхъ областей болѣе всего сопротивляются выдачѣ пособія линіи, которая необходимо приметъ за точку отправленія Нью-Йоркъ, гавань, которая доставляетъ $\frac{5}{8}$ дохода всего Союза. Слѣдовательно только соперничество препятствуетъ осуществленію этой идеи. Гальвейская линія будетъ сильно содѣйствовать оживленію торговыхъ выгодъ Ирландіи и гораздо скорѣе поведетъ къ успокоенію тамъ народа, чѣмъ всѣ штыки англійскихъ войскъ. Достойны уваженія и удивленія щедрость и благоразуміе, которыя благопріятствуютъ подобной политикѣ у нашихъ заморскихъ сосѣдей. Демократическія крайности, въ которыя мы вдались, препятствуютъ намъ соперничать съ монархическою Англіей на этомъ поприщѣ. Впрочемъ внутренніе наши пути сообщеній улучшаются съ неизвѣрною быстротой, которую облегчаетъ совершенно свободное движеніе нашей промышленности. Можно надѣяться, что черезъ нѣсколько лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ новый каналъ прибавится къ многочисленнымъ путямъ сообщенія этого рода, которыми мы пользуемся. Дѣло идетъ о каналѣ, который пересѣчетъ Флориду и избавитъ отъ значительной потери времени суда, идущія съ сѣвера въ Мексиканскій заливъ; сверхъ того извѣстно, какимъ бѣдствіямъ и случайностямъ подвергаются суда, огибающія мысъ Флориду. Издержки на этотъ каналъ исчислены въ 10 милл. долларовъ на протяженіи ста миль, гдѣ впрочемъ почва, повидимому, не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій.

Вы не можете себя представить, съ какимъ тревожнымъ нетерпѣніемъ мы ожидаемъ извѣстій изъ Европы; одни слухи о европейскихъ событіяхъ имѣли уже большое вліяніе на нашъ рынокъ; если въ Европѣ вспыхнетъ общая война (здѣсь это общее мнѣніе), то невѣроятно, чтобъ Америка вздумала играть въ ней какую-нибудь роль, но можетъ-быть она захочетъ воспользоваться благоприятными обстоятельствами для исполненія замысловъ о распространеніи своей территоріи на материкъ и островахъ. Теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь толкуютъ объ укрѣпленіи береговъ, особенно нью-йоркской гавани; планы и предположенія печатаются и обсуживаются въ журналахъ. Ожидаютъ скорого возвращенія эскадры изъ Парагая; довольно вѣроятно, что ускорятъ ея возвращеніе. Многіе изъ нашихъ морскихъ офицеровъ вступаютъ въ службу на купеческихъ корабляхъ, потому что она для нихъ гораздо выгоднѣе; жалованье, получаемое ими во флотѣ, не позволяетъ имъ пользоваться никакимъ комфортомъ и еще менѣе поддерживать то положеніе, котораго требуетъ служба. У насъ есть лейтенанты, прослужившіе тридцать лѣтъ во флотѣ и получающіе ежегодно не болѣе 1.500 долл., на дѣйствительной службѣ, и 1200, когда они ожидаютъ назначенія, и капитаны получающіе не болѣе 2500 долл. Это скудное жалованье, въ соединеніи съ малою надеждою на повышеніе, и заставляетъ нашихъ офицеровъ вступать въ купеческую службу.

Общая сумма почтовыхъ доходовъ за послѣдніе три мѣсяца 1858 г. простиралась до 1.869.176 долл., а расходовъ до 874.543 долл. Слѣдовательно доходъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ превышаетъ расходъ почти на миллионъ, а почта берется перевозить только письма, журналы и брошюры.

Фрегатъ вашъ *Генераль-Адмиралъ* перемѣнилъ мѣсто: онъ оставилъ Восточную рѣку (East-River) и перешелъ въ Сѣверную (North-River); я только что побывалъ на немъ: тамъ вездѣ кипитъ необыкновенная дѣятельность, и надѣются, что черезъ мѣсяць или шесть недѣль онъ будетъ готовъ къ отплытію. Это великолѣпное судно, и даже тѣ, кому удавалось видѣть много военныхъ судовъ, дивятся его размѣрамъ. Американцы очень признательны офицерамъ за ихъ вѣжливое и обязательное обхожденіе; они крѣпко надѣются, что будутъ еще новые заказы.

Знаменитый экономистъ г. Генри Кери, изъ Филадельфіи, снова отправился въ Европу; главная цѣль его путешествія — изучить Россію, и особенно въ отношеніи къ наукѣ, которою онъ занимается такъ давно и съ такимъ успѣхомъ. Онъ везетъ съ собою рекомендательныя письма ко многимъ изъ вашихъ знаменитыхъ соотечественниковъ.

Г. Матиль.

РУССКІЙ ВОЕННЫЙ КОРАБЛЬ *ГЕНЕРАЛЬ-АДМИРАЛЬ*

(Изъ нью-йоркской *Коммерческой Газеты*)

Заемствуемъ изъ нью-йоркской *Коммерческой Газеты*, 21-го мая, извѣстіе о новомъ нашемъ военномъ кораблѣ, упомянутомъ въ письмѣ г. Матиля: «Новый военный корабль, въ 6.000 тоннъ, *Генераль-Адмиралъ*, только-что оконченный въ этомъ портѣ для русскаго правительства, былъ вчера подвергнутъ пробѣ; онъ покинулъ каналъ въ 7 часовъ утра, съ пятью или шестью стами нарочно приглашенныхъ гостей, между которыми мы замѣтили г. Остенъ-Сакена, секретаря русскаго посольства, капитана Фаунса, командира куттера *Harriet Lane*; инженеровъ гг. Эверитта и Мартина, служащихъ во флотѣ Соединенныхъ Штатовъ, и многихъ другихъ негоціантовъ и капитановъ кораблей. По случаю сильнаго тумана оказалось безразсуднымъ идти черезъ боръ въ *Sandy Hook*, и пароходъ, вмѣсто того, чтобы согласно предварительному плану, отправиться въ открытое море, крейсировалъ въ теченіи дня около гавани. Хотя по упомянутымъ выше обстоятельствамъ, по невозможности для корабля проникнуть въ море, нельзя было заключить съ полною основательностью о быстротѣ его хода опытъ оказался очень удачнымъ, къ большому удовольствію лицъ, присутствовавшихъ на палубѣ. *Генераль-Адмиралъ* — самый большой изъ плавающихъ нынѣ деревянныхъ пароходовъ, и по отдѣлкѣ превосходить все, что когда-либо было произведено Американцами. Можно даже, не опасаясь, утверждать, что въ военномъ отношеніи никакое судно не выдержитъ съ нимъ сравненія. Строители его заботились болѣе о томъ, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ произвести судно, которое могло бы дать наилучшее понятіе объ американскомъ искусствѣ (съ цѣлію, вѣроятно, получить дальнѣйшіе заказы), чѣмъ о томъ, чтобы извлечь изъ постройки денежныя выгоды для самихъ себя. Сверхъ того, они не стѣснялись ничѣмъ въ издержкахъ. Значительная часть литейныхъ вещей сдѣлана изъ мѣди, и очень массивно; связи такого же свойства и по крѣпости и по качеству; брусья принадлежатъ къ самымъ отборнымъ произведеніямъ нашихъ лѣсовъ; во всемъ требованіи корабельной архитектуры и инженернаго искусства были исполнены самымъ строгимъ образомъ. Сумма, потраченная на постройку корабля, помимо его вооруженія, которое будетъ взято на бортъ въ Кронштадтѣ (за исключеніемъ двухъ Дальгреновыхъ пушекъ на носу и кормѣ, которыя изготовлены здѣсь), простирается до

1.250.000 долларовъ. Двѣ громадныя пушки, уже находящіяся на корабль, имѣютъ около 10 футовъ въ длину и 2 фута въ діаметръ, въ самой широкой своей части; онѣ передвигаются посредствомъ подвижныхъ рельсовъ и могутъ быть употребляемы съ одинаковою ловкостію, какъ для нападенія, такъ и при отступленіи. Это отличныя орудія, стрѣляющія съ мѣткостію почти на невѣроятно огромномъ разстояніи. По обѣимъ сторонамъ обширнаго артиллерійскаго дека расположено девяносто пушечныхъ лафетовъ изъ краснаго дерева, совершенно готовыхъ для вооруженія. Нѣтъ сомнѣнія, что императоръ Александръ II предназначаетъ этотъ корабль служить моделью для подражанія своимъ собственнымъ мастерамъ на будущее время. Человѣкъ 15 или 20 Русскихъ работали вмѣстѣ съ нашими механиками и старались усовершенствовать себя по возможности въ различныхъ отрасляхъ корабельнаго дѣла. Теперь они въ состояніи подвергнуться самому строгому испытанію.»

Затѣмъ газета говоритъ о паровыхъ машинахъ на *Генераль-Адмиралъ*; ихъ двѣ, низкаго давленія, и шесть трубчатыхъ котловъ, которыхъ трубки нагрѣваютъ вмѣстѣ поверхность въ 21.000 квадратныхъ футовъ. Котлы заключаютъ въ себѣ не менѣе 13.360 мѣдныхъ трубъ. Общій вѣсъ котловъ—240 тоннъ, а вода, вмѣщающаяся въ нихъ, вѣситъ 300 тоннъ. Пожарныя пумпы проведены во всѣ деки; вентиляторъ доктора Рида очищаетъ воздухъ въ каютахъ и прочихъ частяхъ корабля. «Машины, говоритъ нью-йоркскій журналъ, сдѣланы Novelty Iron компаніей и превосходятъ все, что когда-либо было ею произведено. Оставъ корабля, какъ извѣстно, принадлежитъ знаменитому кораблестроителю, г. Веббу. Длина его 326 футовъ, ширина по большой банкѣ — 35 футовъ, глубина киля 34 фута.»

«*Генераль-Адмиралъ* пришелъ обратно въ 6 часовъ, и проливной дождь нисколько не охладилъ энтузіазма тѣхъ, которые согласились воспользоваться гостепріимствомъ г. Вебба и русскихъ его закащиковъ. Одно время, несмотря на туманъ, корабль шелъ со скоростію, которую показалъ онъ во время первой своей пробы, когда онъ дѣлалъ по 10 узловъ, при 40 оборотахъ, на пути отъ острова Губернатора къ Фортъ-Гамилтону, то-есть по 6 морскихъ миль въ 36 минутъ. Судномъ этимъ справедливо могутъ гордиться наши кораблестроители, и насъ нисколько не удивляетъ, что чужеземныя правительства обращаются уже къ намъ съ заказами другихъ, точно такихъ же кораблей. *Генераль-Адмиралъ* отправится въ слѣдующемъ мѣсяцѣ подъ командою капитана Комстока, черезъ Шербургъ, прямо въ Кронштадтъ.»

ИЗЪ БЕРЛИНА.

28 мая 1859 года

Мы пріѣхали въ Берлинъ дней десять тому назадъ, въ шестомъ часу утра. Погода была великолѣпная. На тихихъ, чистыхъ улицахъ еще было мало народу, отъ домовъ падали длинныя свѣжія тѣни, воздухъ былъ пропитанъ благоуханіемъ сирени и дикаго каштана.

Я четырнадцать мѣсяцевъ не былъ въ Берлинѣ. Я его оставилъ поздною зимою, тревожнымъ и мрачнымъ. Душно было въ самой Пруссіи, душно въ сферахъ европейской политики. Берлинъ съ несмѣлыми надеждами привѣтствовалъ бракъ прусскаго принца съ англійскою принцессою; всѣ ждали чего-то.

Эти ожиданія, эти надежды начинаютъ сбываться. Пруссія двинулась впередъ. Душная мгла, лежавшая на политическомъ горизонтѣ, собралась въ грозныя тучи, и между ними проглядываетъ чистое небо. Настало утро, начинается новый день.

Но не о грядущемъ днѣ напомнило мнѣ это свѣтлое утро; оно напомнило мнѣ о днѣ минувшемъ. Въ свѣжемъ рѣзкомъ вѣяннѣ утра есть что-то живительное, но вмѣстѣ мертвящее. Вы знаете, что болѣе всего людей умираетъ на разсвѣтѣ: умираютъ всѣ тѣ, которымъ нѣтъ силъ прожить еще день.

И сколько ихъ умерло въ это утро! Сколько блестящихъ дѣятелей вчерашняго дня! Сколько свидѣтелей дней болѣе далекихъ и болѣе блестящихъ! Сколько еще порвалось нитей между прошлымъ и будущимъ! Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не стало Эйхендорфа, Беттины, Фарнгагена фонъ-Энзе, и наконецъ Александра Гумбольдта.

Позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ объ этой послѣдней, великой уtratѣ. Наше время не богато героями. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ величавыя личности, завѣщанныя намъ другимъ временемъ, болѣе плодovitымъ и могучимъ, личности, изъ которыхъ послѣднею былъ Александръ Гумбольдтъ. Въ немъ было соединено все, что составляетъ цвѣтъ и вѣнецъ человѣческаго развитія: энергія мысли и грація формъ, гигантская сила каждой стороны духа и дивная гармонія цѣлаго, неутомимая общественная дѣятельность и симпатическая прелесть частной жизни. Нельзя довольно желать, чтобъ эта дивная личность была воссоздана въ достойной біографіи истиннымъ художникомъ и мыслителемъ. Но и бѣлаго взгляда на его долгую, богатую и стройную жизнь

достаточно, чтобъ исполниться любовью и благоговѣніемъ къ его памяти.

Александръ фонъ-Гумбольдтъ родился въ Берлинѣ, въ 1769 году, въ одинъ годъ съ Наполеономъ, Кювье, Веллингтономъ и Арндтомъ. Онъ родился подъ счастливымъ созвѣдіемъ, его дѣтство и юность прошли въ самой благопріятной обстановкѣ. Его отецъ принадлежалъ къ старинному почтенному семейству, пользовался дружбою Фридриха Великаго, и имѣлъ обеспеченное состояніе. Первые годы своего дѣтства Александръ, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ Вильгельмомъ, провелъ въ Тегелѣ, замкѣ своего отца, верстахъ въ десяти отъ Берлина. Тегель, поэтической оазисъ въ плоскихъ окрестностяхъ столицы, славится своими водами и лѣсами, и уже въ прошломъ столѣтіи изобиловавалъ рѣдкими деревьями и растениями. Тамъ, подъ руководствомъ умной и энергической матери, было положено основаніе воспитанію обоихъ братьевъ. Ихъ учителями были Цѣллернеръ, филологъ Кунтъ и Кампе, авторъ *Робинсона* и популярныхъ разказовъ объ открытіи Америки. Это было время Базедова и Песталоцци, время возрожденія педагогій, время смѣлыхъ попытокъ и опытовъ на этомъ поприщѣ. Кампе былъ страстный педагогъ, и его нѣсколько насильственный методъ ученія, который могъ бы повредить натурамъ болѣе слабымъ, съ раннихъ лѣтъ приучилъ обоихъ братьевъ къ усиленному, серіозному труду. Впрочемъ Александру подчасъ становилось трудно слѣдить за быстрыми успѣхами старшаго брата, одареннаго чуткою, почти болѣзненною впечатлительностію и воспримчивостію. Но книжное ученіе постоянно пополнялось для обоихъ братьевъ близостію къ природѣ и избраннымъ обществомъ, которое собиралось у ихъ отца. Добровольно удалившись отъ двора, старикъ Гумбольдтъ сохранилъ самыя дружескія отношенія къ королевскому семейству, и въ Тегелѣ постоянно посѣщали его прусскіе принцы, берлинскіе вельможи, ученые и литераторы. Въ бытность свою въ Берлинѣ, въ 1778 году, Гёте однажды пришелъ пѣшкомъ въ Тегель, обѣдалъ тамъ, и по своему обыкновенію, занялся дѣтьми, которые современемъ должны были сдѣлаться для него дорогими друзьями. Эта поэтическая сельская обстановка, это изящное общество очевидно были болѣе благопріятною средою для развитія талантливыхъ мальчиговъ, чѣмъ тогдашній Берлинъ съ его педантскимъ рационализмомъ, съ его безжизненною фizioноміей. Романтической Тегель, съ его задумчивымъ ландшафтомъ, съ его стариннымъ замкомъ, гдѣ, къ несказанному негодованію Николаи и берлинскихъ *просвѣтителей*, даже водилъ съ привидѣнія, съ его аристократическими и поэтическими посѣтителями, гораздо болѣе соответствовалъ тому широкому и изящному складу, который отличалъ умъ и характеръ обоихъ братьевъ.

Александрѣ Гумбольдтѣ было десять лѣтъ, когда онъ потерялъ отца. Замокъ Тегель перешелъ во владѣніе его матери, обремененной разными ипотеками, въ числѣ которыхъ находилось возложенное на г-жу Гумбольдтъ обязательство «дать своимъ сыновьямъ приличное образованіе, и воспитать въ нихъ полезныхъ членовъ гражданскаго общества.» Это обязательство съ рѣдкимъ тщаніемъ и еще болѣе рѣдкимъ успѣхомъ было исполнено г-жею Гумбольдтъ.

Послѣ смерти отца, молодые Гумбольдты оставались еще нѣсколько лѣтъ въ Тегелѣ, гдѣ пользовались уроками Кунта и прославившагося въ послѣдствіи медика Гейма. Около 1783 года они переселились въ Берлинъ, чтобы работать подъ руководствомъ специальныхъ ученыхъ. До 1788 года, они жили попеременно въ Берлинѣ и Тегелѣ, занимаясь вмѣстѣ и съ равнымъ жаромъ классической филологіей и естественными науками. Потомъ они, вмѣстѣ съ вѣрнымъ другомъ и наставникомъ Кунтомъ, отправились въ славившія тогда своимъ университетомъ Франкфуртъ на Одерѣ, и оттуда въ Геттингенъ.

Между тѣмъ спеціальныя наклонности обоихъ братьевъ, до тѣхъ поръ постоянно работавшихъ вмѣстѣ, уже стали обозначаться, и хотя Александръ въ Геттингенѣ усердно посѣщалъ лекціи филолога Гейма, и даже написалъ (никогда не изданное) изслѣдованіе о тканяхъ древнихъ, естественныя науки болѣе и болѣе стали поглащать всю его дѣятельность, чему способствовало знакомство съ Линкомъ, Лихтенбергомъ, Блауменбахомъ, блиставшимъ тогда въ Геттингенскомъ университетѣ.

Еще болѣе рѣшительное вліяніе на его занятія имѣло знакомство съ зятемъ Гейне, Георгомъ Форстеромъ, спутникомъ Кука, страстнымъ поклонникомъ природы и свободы. Вмѣстѣ съ нимъ, Александръ посѣтилъ берега Рейна, Бельгію, Голландію и Англію. Разказы Форстера, видъ новыхъ и интересныхъ мѣстностей, видъ океана, все это вдругъ возбудило въ Гумбольдтѣ непреодолимое желаніе дальнихъ путешествій по тропическимъ, еще не изслѣдованнымъ странамъ свѣта. Плодомъ его геологическихъ изслѣдованій на берегахъ Рейна была первая его напечатанная книга *О рейнскихъ базальтахъ*.

По возвращеніи изъ Англій (въ 1790 году), Гумбольдтъ поселился въ Гамбургѣ, чтобы изучить бухгалтерію въ тамошней коммерческой академіи. Жизнь въ Гамбургѣ была ему полезна во многихъ отношеніяхъ. Онъ тутъ вступилъ въ близкія сношенія съ Клопштокомъ, Фоссомъ, Штольбергами, тутъ же онъ имѣлъ случай усовершенствоваться въ живыхъ языкахъ. Тутъ, наконецъ, онъ убѣдился, что ему необходимо избрать карьеру, соответствующую его страсти и рѣдкимъ талантамъ къ естественнымъ наукамъ,

и, возвратившись въ Тегель, онъ испросилъ у своей матери позволеніе посвятить себя горному дѣлу. Съ этою цѣлью онъ переселился въ 1791 году въ Фрейбергъ, гдѣ тогда училъ знаменитый геологъ Вернеръ. Подъ его руководствомъ, онъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Леопольдомъ-фонъ-Бухомъ, работалъ около года, и въ то же время успѣлъ собрать множество наблюдений, касающихся до растительной физиологіи вообще и въ частности до жизни тайнобрачныхъ, растущихъ подъ землею, которыя онъ издалъ подъ названіемъ: *Flora Fribergensis subterranea et aphorismi ex chemica physiologia plantarum*.

Вслѣдъ затѣмъ, онъ былъ сдѣланъ начальникомъ (обербергмейстеромъ) надъ всѣми рудниками въ Фихтельгебирге, и занималъ это мѣсто до 1798 года, причѣмъ впрочемъ его занятія были нѣсколько разъ прерваны учеными путешествіями по Германіи и Италіи и дипломатическими порученіями. Въ это время, Гумбольдтъ выработалъ свое большое сочиненіе о раздраженіи нервовъ и мышцъ (*Die gereizte Muskel und Nervenfaser*) и трудился между прочимъ надъ изученіемъ газовъ, развивающихся въ рудникахъ. Кромѣ того, онъ издалъ множество менѣе обширныхъ работъ по части ботаники, химіи, минералогіи и геологіи.

Такимъ образомъ Гумбольдтъ успѣлъ, до тридцатилѣтняго возраста, почти по всѣмъ частямъ естественныхъ наукъ окончить классическіе труды, доставившіе его имени громкую извѣстность въ ученомъ мірѣ. Кромѣ того, онъ, по своимъ офиціальнымъ занятіямъ, приобрѣлъ огромный запасъ практическихъ свѣдѣній и навыкъ къ ученымъ путешествіямъ, и съ другой стороны въсь и значеніе въ дипломатическихъ кругахъ Англіи и Франціи, не говоря уже о безчисленныхъ связяхъ, которыми онъ былъ обязанъ своему блестящему уму и очаровательному характеру.

Подготовленный такимъ образомъ, лучше можетъ-быть чѣмъ какой бы то ни было ученый, онъ приступилъ къ исполненію своего давнишняго намѣренія, — сталъ хлопотать о путешествіи въ тропическія страны Америки.

Еще болѣе подвинула его къ этому смерть его матери, послѣдовавшая въ 1796 году. Гумбольдтъ отказался отъ своего офиціального положенія, продалъ доставшееся ему по наслѣдству имѣніе, и сталъ искать средствъ къ исполненію своего плана. Это было дѣло нелегкое при тогдашнемъ политическомъ состояніи Европы. Нѣсколько экспедицій, къ которымъ онъ хотѣлъ присоединиться, не состоялись. Но время этихъ проволочекъ не было имъ потеряно. Онъ провелъ его отчасти въ Іенѣ, въ дружеской близости съ Гёте и Шиллеромъ, отчасти въ Парижѣ, гдѣ подружился съ своимъ будущимъ спутникомъ, Эме-Бонпланомъ, отчасти въ Вѣнѣ и въ южной Франціи, въ неутомимыхъ заня-

тѣхъ метеорологическихкими наблюденіями и приготовительными трудами къ путешествію.

Наконецъ, въ 1799 году, ему удалось, благодаря просвѣщенному покровительству испанскаго правительства, съѣсть на корабль въ Корунью и отплыть въ Америку.

Его восторгъ не зналъ границъ. Онъ предчувствовалъ, онъ предвидѣлъ, какіе громадныя результаты будетъ имѣть для науки это давно желанное путешествіе. И дѣйствительно, оно, начиная съ первыхъ дней, сдѣлалось для него и для всего ученаго міра источникомъ новыхъ познаній, новыхъ соображеній. Его наблюдательность, изощренная самостоятельными изслѣдованіями по всѣмъ областямъ естественныхъ наукъ, не упускала изъ виду ни одного изъ тысячи новыхъ явленій, которыя представляло его взору южное море съ его растеніями и животными, южное небо съ его свѣтилами и метеорами. Его умъ, въ стройномъ порядкѣ вмѣщавшій въ себя громадный запасъ свѣдѣній, тотчасъ опредѣлялъ и опредѣлялъ значеніе видѣннаго, тотчасъ находилъ ему мѣсто и причинную связь съ другими явленіями.

Перевздъ былъ счастливый. Остановившись на нѣсколько дней въ Тенерифѣ, путешественники поплыли далѣе, и 16-го іюля 1799 года прибыли въ Куману.

Ихъ путешествіа по Америкѣ продолжались пять лѣтъ. Они изучили территорію теперешней республики Венесуэлы, обширныя области южно-американскихъ рѣкъ Ориноко, Апуре, Рио-Негро, Магдалены, перуанскія Кордильеры и высокую равнину Квито, наконецъ Мексиканскія горы и островъ Кубу.

Ученые результаты этого путешествія неисчислимы. Въ бѣгломъ обзорѣ невозможно дать хотя бы приблизительное понятіе о ихъ важности. Огромный запасъ свѣдѣній объ орографіи, гидрографіи, геологіи обширныхъ странъ, до тѣхъ поръ почти неизвѣстныхъ, цѣлыя флоры и фауны, въ первый разъ указанныя натуралистамъ, неопѣненное собраніе метеорологическихкихъ, магнетическихкихъ и астрономическихкихъ наблюденій, капитальные труды надъ статистикою и общественною организаціею многихъ областей Новаго Свѣта, наконецъ первыя твердыя основанія двухъ новыхъ наукъ, сравнительной климатологіи и растительной географіи, вотъ плоды этихъ пяти лѣтъ, проведенныхъ гениальнымъ изслѣдователемъ лицомъ къ лицу съ природою въ тѣхъ странахъ, гдѣ она развиваетъ самыя роскошныя, самыя разнообразныя свои богатства!

Чтобы дать какую-нибудь мѣрку для количества матеріаловъ, собранныхъ Гумбольдтомъ во время его путешествія, достаточно замѣтить, что ихъ разработка требовала не менѣе тридцати лѣтъ соединенныхъ трудовъ многихъ спеціалистовъ, что полное описа-

ніе путешествія составляетъ двадцать три тома in 8°, и что это громадное сочиненіе съ начала до конца представляетъ источникъ болѣе богатый можетъ-быть, чѣмъ какое бы то ни было другое путешествіе.

6-го августа 1804 года, Гумбольдтъ и Бонпланъ высадились въ Бордо. Гумбольдтъ рѣшился поселиться въ Парижѣ, гдѣ онъ могъ найти болѣе всего пособій для изданія своего путешествія, и съ разными перерывами прожилъ тамъ болѣе двадцати лѣтъ.

Эти годы были употреблены не только на разработку матеріаловъ, собранныхъ во время путешествія. Среди этого громаднаго труда, Гумбольдтъ находилъ время для химическихъ изслѣдованій съ Ге-Люсакомъ, для геологическихъ путешествій съ Бухомъ, для наблюденій надъ отклоненіями магнитной стрѣлки, для занятій восточными языками, для дипломатическихъ миссій и для литературныхъ трудовъ. Этому періоду принадлежитъ первое изданіе его *Картины природы* (*Ansichten der Natur*. 1808).

Наконецъ, въ 1827 году, окончивъ изданіе главныхъ частей своего путешествія, и уступая просьбамъ своихъ многочисленныхъ друзей и желанію жить вблизи нѣжно-любимаго брата, онъ переѣхалъ въ городъ, гдѣ онъ родился, и гдѣ ему было суждено умереть.

Въ это время, въ немъ уже созрѣвала мысль о послѣднемъ, окончательномъ трудѣ его жизни, о *Космосѣ*. Первымъ обнародованіемъ этого труда были публичныя лекціи, читанныя имъ въ Берлинѣ въ 1827 и 1828 году. Эти лекціи имѣли громадный, неслыханный успѣхъ. Онъ былъ принужденъ читать ихъ въ двухъ залахъ, потому что въ Берлинѣ не нашлось аудитории, гдѣ бы могли помѣститься его многочисленные слушатели, собравшіеся изъ всѣхъ краевъ Германіи.

Но время исключительно-ретроспективной, созерцательной дѣятельности еще не пришло для Гумбольдта. Еще было суждено ему исполнить любимое свое намѣреніе, посѣтить внутренность Азіи и сравнить ее съ внутренностію американскаго материка. Случай и средства къ этому путешествію были доставлены ему русскимъ правительствомъ, и въ теченіи 1829 года онъ посѣтилъ Уралъ, Алтай и берега Каспійскаго моря. Результаты этого путешествія, которое продолжалось не болѣе десяти мѣсяцевъ, хотя менѣе обильны, чѣмъ плоды путешествія по Америкѣ, но не менѣе разнообразны и драгоценны. Они изложены въ книгѣ Гумбольдта *О центральной Азіи*.

По возвращеніи изъ этого путешествія, Гумбольдтъ постоянно жилъ въ Берлинѣ, лишь изрѣдка прерывая свои труды краткими посѣщеніями Парижа, Лондона, Копенгагена, съ дипломати-

ческими или учеными цѣлями. И этотъ періодъ, періодъ глубокой старости, обыкновенно ознаменовываемый упадкомъ физическихъ и нравственныхъ силъ, онъ провелъ въ неутомимой, свѣтлой, гармонической дѣятельности. Этому времени принадлежитъ его книга о развитіи географіи, его мелкія сочиненія, наконецъ его *Космосъ*, этотъ изящный вѣнецъ его почти столѣтнихъ трудовъ.

Но не одни ученые и литературные труды поглощали время почтеннаго старца. Его громадная извѣстность, его дивная многосторонность сдѣлали его центромъ, вокругъ котораго группировалось все, что жило въ сферѣ науки, литературы и искусства, начиная отъ европейскихъ знаменитостей и кончая начинающими и учащимися. И все это пользовалось его совѣтами, его искреннимъ участіемъ, его дѣятельною и могучею помощію. Громадная переписка, доходящая до двухъ тысячъ писемъ и записокъ въ годъ, которую онъ велъ всю собственноручно, достаточно показываетъ, до какой степени онъ считалъ своимъ долгомъ не уклоняться отъ личныхъ сношеній съ людьми, нуждавшимися въ его совѣтахъ и помощи. Но онъ также мало щадилъ свое время для пріема безчисленныхъ посѣтителей, постоянно осаждавшихъ его кабинетъ. Не являлось къ нему путешественника, котораго бы Гумбольдтъ не напутствовалъ драгоценными совѣтами, не являлось ученаго, котораго бы онъ не ободрилъ и не направилъ въ началѣ его поприща, не было литературнаго таланта, котораго онъ бы не привѣтствовалъ при его появленіи. Рядомъ съ научными и литературными вопросами, его живо занимали и волновали вопросы политическіе и общественные. Вопросъ о невольничествѣ въ американскихъ государствахъ, которому онъ посвятилъ нѣсколько благородныхъ главъ въ своихъ книгахъ о Кубѣ и о Новой Испаніи, продолжалъ быть для него жизненнымъ вопросомъ. Онъ съ горячимъ участіемъ слѣдилъ за послѣдними президентскими выборами въ Соединенныхъ Штатахъ, и былъ въ дѣятельной перепискѣ съ полковникомъ Фремономъ. Онъ предвидѣлъ великое движеніе, совершающееся теперь въ Италіи, и напередъ сочувствовалъ ему. «Я ненавижу войну, писалъ онъ въ прошломъ году къ Буссенго, но есть война, которой я не могу довольно желать: это война за независимость Италіи.»

Такъ текла его жизнь, въ тихой полнотѣ, въ стройномъ разнообразіи. Вокругъ него умирали всѣ его знаменитые современники, Гете, Кювье, его братъ, Леопольдъ фонъ-Бухъ, наконецъ Бомпланъ, давно поселившійся въ Южной Америкѣ. Но горе этихъ потерь не раздражало, не смущало его. Онъ переносилъ на новое поколѣніе ту же самую горячую любовь, то же дѣятельное сочувствіе; которое уже озарило и согрѣло два поколѣнія. Онъ

съ свѣтлою ироніей говорилъ о своей *допотопной* старости, онъ спокойно ждалъ смерти.

Въ продолженіе послѣдняго года, его силы стали замѣтно слабѣть. Онъ не могъ болѣе работать, сколько ему хотѣлось. Онъ чувствовалъ, что его конецъ приближается. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, онъ простудился и слегъ въ постель. Съ этого дня онъ, не теряя сознания, становился все слабѣе и слабѣе, и наконецъ угасъ безъ страданій, шестаго мая, въ третьемъ часу по полудни.

Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлахъ земныхъ все земное...

Эти бѣглыя строки, конечно, представляютъ лишь неполную и блѣдную картину этой необыкновенной жизни: онѣ не могутъ дать понятія о значеніи Гумбольдта въ исторіи науки. Это значеніе до того исключительно и вмѣстѣ до того обще, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сказать о немъ нѣсколько словъ.

Мы привыкли видѣть въ Гумбольдтѣ смѣлаго путешественника, открывшаго Америку для естественныхъ наукъ, краснорѣчиваго автора изящнѣйшихъ популярныхъ книгъ о природѣ, которыя существуютъ. Но онъ болѣе чѣмъ это. Вся его дѣятельность составляетъ гармоническое, строго-логическое цѣлое, которое мы должны обнять въ совокупности, чтобы достойно оцѣнить его значеніе.

Гумбольдтъ приступилъ къ естественнымъ наукамъ, вооруженный многостороннимъ, серіозно-гуманистическимъ образованіемъ. Онъ посвятилъ свою молодость спеціальнымъ трудамъ по всѣмъ отдѣльнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Но уже въ это время, его ясный, синтетическій умъ не довольствовался накопленіемъ данныхъ, одностороннею разработкою частныхъ. Вездѣ, и съ полнымъ правомъ на это, онъ старался связывать и черезъ это обобщать результаты, самостоятельно добытые имъ во всѣхъ областяхъ естествознанія. Не климатъ и геологія, не флора и фауна изучаемыхъ имъ странъ исключительно поглощали его вниманіе. Вездѣ и всегда занимала его органическая связь этихъ постепенныхъ сферъ въ развитіи природы, ихъ взаимнодѣйствіе и гармонія. Осуществленіемъ этого стремленія были результаты, добытые имъ во время его путешествій. Сравненіе разнообразныхъ странъ съ рѣзко обозначенными климатическими и геологическими особенностями дало ему ключъ къ пониманію тѣхъ законовъ, которые вездѣ связываютъ между собою разнообразныя проявленія органической и неорганической жизни, дало ему, вмѣстѣ съ изобиліемъ новыхъ матеріаловъ, средство внести ихъ въ науку не по искусственнымъ рубрикамъ системъ и те-

орій, но въ томъ свободномъ порядкѣ, въ которомъ представляетъ ихъ намъ сама природа. Постоянныя занятія этнографіею, политическими и словесными науками, и самобытные труды по этимъ частямъ въ то же время раскрыли передъ нимъ и ту гармоническую связь, которая существуетъ между развитіемъ чловѣческаго духа въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ исторіи и между безсознательными сферами природы, и тѣ законы, которые управляютъ историческимъ развитіемъ науки. И всѣ эти пріобрѣтенія, всѣ эти сокровища онъ внесъ въ трудъ своей свѣтлой и доброй старости, въ свой *Космосъ*. Не новостью матеріаловъ, не искусственнымъ единствомъ замкнутой системы поражаетъ насъ эта книга. Она не имѣетъ претензіи обнять все, собранное наукою, дать рамку для всѣхъ будущихъ ея пріобрѣтеній. Нѣтъ, это картина природы, возвышающая умъ и расширяющая сердце, какъ бесѣда съ самою природою. Не только законы, уже сознанные наукою, съ художественною ясностію выступаютъ передъ нами въ этой картинѣ; ея красота и стройность, какъ и красота самой природы, навѣваетъ на насъ предчувствіе новыхъ законовъ, еще ожидающихъ научнаго выясненія. Не только современное состояніе науки выясняется передъ нами при чтеніи этой книги; передъ нами съ чудною живостію возстаютъ и минувшія эпохи съ своими воззрѣніями на природу, съ своими научными подвигами, и ихъ живая связь съ эпохою настоящею; любуясь картиною этого постепеннаго развитія, этихъ разнообразныхъ колебаній, мы еще болѣе убѣждаемся въ несовершенствѣ, но вмѣстѣ и въ жизненной силѣ современной науки, въ необходимости ея будущихъ успѣховъ, въ необходимости труда усиленнаго, неутомимаго, на всѣхъ точкахъ этого громаднаго зданія. Мы чувствуемъ, что это трудъ обязательный, неизбежный, наложенный на насъ нашею солидарностію съ прошлымъ и будущимъ и глубокимъ созвучіемъ законовъ нашего духа съ законами природы. Передъ нами въ сосредоточенномъ блескѣ являются всѣ идеи, всѣ стремленія, оживившія науку новѣйшаго времени.

Таково впечатлѣніе, которое мы выносимъ изъ чтенія *Космоса* Гумбольдта, таково впечатлѣніе, которое производитъ совокупность его исполинской дѣятельности. Да, онъ одинъ изъ тѣхъ героевъ, изъ тѣхъ *Representativement*, какъ ихъ называетъ Эмерсонъ, которые представляютъ собой, воплощаютъ въ себѣ цѣлое направление, цѣлое время, цѣлое поколѣніе, въ которыхъ оно является безъ своихъ мелочностей и случайностей, въ стройномъ, просвѣтленномъ, идеальномъ образѣ!

С. Рачинскій.

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЕ ГРАЖДАНСКАГО ЧИНОВНИКА Э. Г.

Въ 80 номерѣ *Русскаго Инвалида* за текущій годъ помѣщена направленная противъ меня статья Гражданскаго Чинovníка, Э. Г., выступившаго въ защиту этой газеты и ея сотрудника графа Ржевускаго. Авторъ не подписалъ своего имени и *заявилъ* изъ опасенія, чтобы статья его, какъ самъ онъ объясняетъ, не сочтена была мною за *официальное отношеніе*. Послѣ возраженія графа Ржевускаго, тонъ статьи г. Гражданскаго Чинovníка показался мнѣ до того приличнымъ, что я счелъ долгомъ отвѣчать ему, хотя бы для того только, чтобы увѣрить почтеннаго автора, что нисколько не расположенъ принимать замѣчаніе его за официальное.

Критикъ начинаетъ статью свою изъясненіемъ сожалѣнія, что *Замѣтка* моя на статью графа Ржевускаго разочаровала многихъ, которые были *расположены въ пользу моей личности*. Какъ ни тягостно для меня такое извѣстіе, я ничего не могу сказать противъ него: въ сужденіе о собственной личности вступать не дозволяется; бесполезно также хлопотать о расположеніи, которое имѣлъ уже несчастіе утратить. Безмолвно покоряюсь грозному приговору автора въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ дѣло идетъ о моей личности, я не могу, однако, согласиться съ остальными, въ которыхъ превратно изъясняются внутреннія побужденія, бывшія причиной появленія моей *Замѣтки*. Г. Гражданскій Чинovníкъ, осуждая *амфишательство мое въ распрю, происходившую между «Военнымъ Сборникомъ» и «Русскимъ Инвалидомъ»*, представляетъ читателямъ ходъ этой распри въ слѣдующемъ видѣ: *Военный Сборникъ*, говоритъ онъ, *въ прошломъ году принялъ тонъ и направленіе несомнѣстные съ назначеніемъ изданій этого рода*. Читающіе имѣли право требовать отъ журнала статей серьезныхъ, поучительныхъ, имѣющихъ предметомъ какъ военное искусство, такъ и находящіяся съ нимъ въ связи науки, словомъ требовать того, что находимъ въ *подобныхъ(?)* изданіяхъ за границею. Но къ неприятому удивленію *прошлагодня книжки Сборника стали наполняться* статьями такъ-называемой *изобличительной* литературы, то-есть описывающими разные виды *случающихся* въ военной администраціи злоупотребленій и, что *странно*, статьи эти являлись не какъ разсужденія о предметѣ отвлеченномъ, могущія повести къ опредѣленію *a priori* и къ устраненію nepозволительныхъ дѣйствій, а просто въ формѣ сатирическихъ разказовъ *о событіяхъ дѣйствительныхъ и почти обыкновенныхъ*. «Явленіе это, продолжаетъ критикъ, показалось необыкновенно *страннымъ* и даже непонятнымъ для всѣхъ здоровы-

слящихъ читателей. Они предлагали себѣ вопросъ: какаѣ въ этомъ можетъ быть цѣль? и не могли рѣшить его. Они *разсуждали*: если это дѣлается для искорененія злоупотребленій и исправленія недостатковъ, то статьи эти *не на своемъ мѣстѣ* въ журналѣ, исходящемъ изъ такого источника, который, имѣя *ближайшій* путь къ достиженію цѣли непосредственнымъ дѣйствіемъ власти, не имѣетъ никакой *надобности* открывать предъ всѣми *слабыя*(!) стороны того *ведомства*, которому самъ этотъ журналъ служитъ *органомъ*. Однимъ словомъ, никто не могъ понять, *для чего бы не дѣйствовать*, вмѣсто того, чтобы *жаловаться предъ публикою самому на себя*.

Такова точка зрѣнія г. Гражданскаго Чиновника; но сталъ онъ на нее вѣроятно, потому только, что не хорошо знакомъ со всѣми подробностями описываемой имъ распри и недостаточно уяснилъ себѣ цѣль изданія *Военнаго Сборника*. Мы поможемъ ему въ томъ и другомъ случаѣ и надѣемся, что послѣ нашего объясненія онъ иначе станетъ смотрѣть на все дѣло.

Изъ первыхъ словъ автора, приведенныхъ выше, можно подумать, что *Военный Сборникъ* существовалъ давно, что онъ долгое время велъ себя похвально, и только въ прошломъ году свратился съ пути истиннаго. Между тѣмъ намъ извѣстно, что *Военный Сборникъ* основанъ только въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года по высочайшему повелѣнію при штабѣ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, и что въ самой программѣ его заранѣе было обозначено то направленіе, которое авторъ находитъ теперь *несовмѣстнымъ* съ назначеніемъ этого журнала. Намъ извѣстно, что *направленіе* это, обозначившись съ первой же книжки *Сборника*, оставалось неизмѣннымъ восемь мѣсяцевъ сряду, и въ теченіе этого времени, *ни разу* не подвергаясь печатному осужденію, приобрѣло, напротивъ, общее сочувствіе и снискало журналу необыкновенный успѣхъ въ публикѣ. Намъ извѣстно также, что направленіе это привѣтствовано было горячими похвалами со стороны самого *Русскаго Инвалида* (1), который до 24 декабря прошлаго года не сдѣлалъ *ни одна*

(1) *Русскій Инвалидъ*, извѣщая о выходѣ первой книжки *Сборника* . между прочимъ говорилъ: «Еще за долго до изданія перваго нумера появились большіе листы съ объявленіемъ о новомъ журналѣ, я малые, съ пригласительными письмами, гдѣ, равно какъ и въ объявленіи, просили *всѣхъ и каждого*: *пишите пожалуйста все, что хотите написать, даже хоть плохо, исправимъ, напечатаетъ и спасибо скажемъ.*» (Не мѣшааетъ г. Гражданскому Чиновнику прочесть эти слова). Далѣе *Инвалидъ* отзывается объ общемъ направленіи новаго журнала такимъ образомъ: «Прочитавъ внимательно весь номеръ, мы тотчасъ же замѣтили направленіе новаго журнала и оцѣнили его. Вездѣ ясно высказывается мысль: Учитесь съ толкомъ, прилежно. Учите солдата, не забываяте его и т. д. *Святая и великая идея! Кто не будетъ сочувствовать этой идее, кто возстанетъ противъ нея?* (*Русскій Инвалидъ*. № 117 1858. г. въ отдѣлѣ *Военный Листокъ*.)

открытаго нападенія на сказанное направленіе, хотя въ то же время не разъ опровергалъ отдѣльныя статьи *Сборника*. Намъ извѣстно наконецъ, что графъ Ржевускій сдѣлалъ такое нападеніе тогда уже, когда бывшіе редакторы готовились уступить мѣсто новой редакціи. Правда, графъ Ржевускій въ статьѣ своей оговорился, что *Военный Сборникъ* не понравился ему съ самаго начала, и что первая же книжка *поразила* его своимъ составомъ; но несомнѣнно также и то, что въ той же первой книжкѣ *Военнаго Сборника* напечатанъ былъ проектъ того же, если не ошибаемся, графа Ржевускаго *О способѣ комплектовать резервные эскадроны лошадьми*, и напечатанъ былъ этотъ проектъ съ такими замѣчаніями редакціи, помѣщенными въ выноску, которыя не могли понравиться автору по тѣмъ же причинамъ, по которымъ не понравились и редакціи *Русскаго Инвалида* (№ 117. *Русскій Инвалидъ* 1858 г.) Въ послѣдствіи редакція *Сборника*, въ 4-мъ номерѣ своего журнала, опять помѣстила весьма неприятныя замѣчанія на новый проектъ графа Ржевускаго *О кавалерійскомъ съдлѣ безъ леника*. На этотъ разъ графъ лично выступилъ въ защиту своего проекта и напечаталъ въ 270 номерѣ *Русскаго Инвалида* весьма остроумное опроверженіе, въ которомъ, осуждая редакцію *за неотразимые и рязкіе приговоры*, не затронулъ однако ни однимъ словомъ общаго направленія журнала, основаннаго на постепенномъ расширеніи гласности.

Такимъ образомъ, несмотря на увѣренія г. Гражданскаго Чиновника, никакой распри (по крайней мѣрѣ явной) между *Русскимъ Инвалидомъ* и *Военнымъ Сборникомъ* не существовало, а была собственно распри у графа Ржевускаго съ *Военнымъ Сборникомъ*, начавшаяся съ первой же книжки этого журнала. Но распри эта какъ читатели уже видѣли, была дѣломъ личнаго самолюбія двухъ кавалеристовъ-знатоковъ, и никто изъ постороннихъ въ нее не вмѣшивался, доколѣ она держалась въ этихъ скромныхъ границахъ.

Указавъ эти маленькія неточности въ изложеніи самаго факта, обратимся къ точкѣ зрѣнія Гражданскаго Чиновника. Вслѣдъ за графомъ Ржевускимъ онъ нападаетъ теперь на указанное направленіе прошлогоднихъ книгъ *Военнаго Сборника* и называетъ его несоответственнымъ назначенію этого журнала. Онъ находитъ страннымъ появленіе въ немъ въ прѣшедшемъ году статей изобличительной литературы и сатирическихъ разказовъ *о событіяхъ дѣйствительныхъ и почти обыкновенныхъ*. Между тѣмъ, страннаго тутъ ничего не было: вопервыхъ, изобличительная форма была тогда въ модѣ, и въ то же время служила естественнымъ переходомъ отъ такъ-называемой *благодѣтельной* къ настоящей гласности. Вторыхъ, статья этого рода допускалась самою программю *Военнаго Сборника*, высочайше одобренною, выра-

жавшеюся по этому случаю такимъ образомъ: «*Въ какой бы формѣ ни была написана статья, основательно излагающая состояніе того или другаго отдѣла нашихъ войскъ, той или другой стороны военной жизни, она будетъ съ равною признательностію принята Военнымъ Сборникомъ.* Систематическое изслѣдованіе, простой разказъ, замѣтки въ формѣ воспоминаній или наблюдений,—все можетъ быть прекрасно и полезно, лишь бы только было правдиво.» Такимъ образомъ разказы *о событіяхъ дѣйствительныхъ*, хотя бы и въ сатирической формѣ, прямо подходили подъ эту рубрику программы, и блюстителямъ чистоты военныхъ нравовъ и спокойствія всего отечества, какимъ выдаетъ себя графъ Ржевускій, оставалось только наблюдать, чтобы разказы были дѣйствительно правдивые, въ противномъ случаѣ *останавливать* гг. разказчиковъ, но *не направленіе* журнала, признанное всѣми за благородное. Г. Гражданскій Чиновникъ недоумѣваетъ: какаѣ бы это была цѣль такого непонятнаго для него и страннаго направленія *Сборника*? Недоумѣніе его разрѣшается весьма просто тою же программой: «*Изданіе это, говорить программа, предпринимается съ цѣлью доставить офицерамъ всѣхъ оружій занимательное и полезное чтеніе и въ то же время каждому наблюдательному и желающему общей пользы офицеру дать средства сообщать своимъ товарищамъ по оружію наблюденія и замѣчанія свои о всѣхъ предметахъ, касающихся матеріальной и нравственной быта нашихъ войскъ.*» Въ заключеніе программа, какъ бы предвидя дальнѣйшія недоумѣнія Гражданскаго Чиновника, прибавляетъ: «*По назначенію своему «Военный Сборникъ» будетъ журналомъ не спеціально-военнымъ, а военно-литературнымъ.*» Г. Гражданскій Чиновникъ увѣряетъ, что *Военный Сборникъ*, честно дѣйствовавшій въ предѣлахъ, начертанныхъ его программой, «*возбудилъ всеобщее негодованіе, и когда наконецъ статья, указывающая прямо на полковыхъ и ротныхъ командировъ въ арміи, переполнила чашу негодованія, графъ Ржевускій содѣлался органомъ его въ Русскомъ Инвалидѣ.*»

Мы вѣримъ автору на слово, что прямое указаніе на полковыхъ командировъ могло возбудить въ нихъ негодованіе, но чтобы негодованіе это было *всеобщимъ*—просимъ прощенія—мы никогда этому не повѣримъ, несмотря ни на какія краснорѣчивыя увѣренія автора. Не можемъ мы повѣрить этому потому, что ни въ литературѣ, которая служитъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, ни въ разговорахъ различныхъ слоевъ общества, которое мы имѣли случай наблюдать, нигдѣ не слышали ничего подобнаго. Не можемъ мы повѣрить еще потому, что направленіе, столь неумѣренно порицаемое въ настоящее время графомъ Ржевускимъ и гражданскимъ чиновникомъ Э. Г., было дѣйствительно

благородно, какъ замѣтила сама редакція *Русскаго Инвалида*, а наше общество настолько уже развито, что благородное дѣло не можетъ возбуждать въ немъ *всеобщаго* негодованія. Г. Гражданскій Чиновникъ свидѣтельствуетъ, что сказанное направленіе, въ то время, когда явилась моя *Замѣтка*, было признано *неумѣстнымъ*, и что слѣдовательно я взялся отстаивать дѣло *окончательно* рѣшенное и проигранное. Рѣшенія этого я не зналъ, и въ первый разъ о немъ слышу; но еслибъ и зналъ, то оно могло только подвинуть меня къ выраженію искренняго сожалѣнія о такомъ печальномъ фактѣ. Рѣшеніе это, по всей вѣроятности, было обязательно для одной редакціи *Военнаго Сборника*. Вѣдомство, которому подчиненъ этотъ журналъ въ правѣ давать ему то или другое направленіе, въ правѣ признавать или не признавать въ немъ что-либо умѣстнымъ, но требовагь, чтобы вмѣстѣ съ симъ и все челоѣчество признавало какое-нибудь направленіе хорошимъ или дурнымъ, оно вѣроятно никогда не рѣшится, да и трудно предположить, чтобы какое бы то ни было вѣдомство приняло на себя такой неблагодарный трудъ. Собственное наше убѣжденіе (которое г. Гражданскій Чиновникъ безъ сомнѣнія дозволить намъ имѣть) говоритъ намъ, что прошлогоднее направленіе *Военнаго Сборника* было напротивъ весьма полезно и для общаго блага и для арміи, потому что поднимало такіе вопросы и знакомило всѣхъ съ такими сторонами военнаго быта, которые никогда не разъяснились бы и не обратили бы на себя должнаго вниманія, если бы по прежнему оставались предметомъ одного оффиціальнаго наблюденія и канцелярской переписки. Мы съ истиннымъ удовольствіемъ слѣдили за постепеннымъ развитіемъ упоминаемаго направленія *Военнаго Сборника* и, понимая, что оно могло сильно не нравиться отѣльнымъ лицамъ и партіямъ, душевно радовались, видя, что вѣдомство, издававшее этотъ журналъ, шло твердо и неуклонно къ цѣли, заранѣе определенной и одобренной свыше. Вотъ почему мы были взволнованы и оскорблены статьею графа Ржевускаго, такъ неожиданно и такъ яростно напавшаго, по поводу отѣльной повѣсти, на все, что было для насъ дорого и что ему угодно было выдать за признаки злонамѣренности и преступныхъ замысловъ. Мы уже высказали прежде мнѣніе наше о статьѣ графа Ржевускаго, мнѣніе это вызвало возраженія, возбудило цѣлую полемику, и слѣдовательно публика имѣетъ полную возможность рѣшить, въ какой мѣрѣ оно справедливо. Цѣль настоящей моей статьи—опровергнуть несправедливо возводимыя на меня г. Гражданскимъ Чиновникомъ обвиненія: 1., въ умышленномъ затмѣніи дѣла; 2., въ извѣстѣ на графа Ржевускаго; 3., въ пападеніи на личность графа и 4., въ желаніи отдѣлать его во что бы то ни стало. Не желая уто-

мать вниманіе читателя, постараюсь быть по возможности краткимъ.

Умышленное затменіе мною дѣла авторъ доказываетъ тѣмъ, что я, сознаваясь самъ, что не читалъ повѣсти, разобранной графомъ Ржевускимъ, въ *Замѣткѣ* моей не держался условенныхъ формъ истинной полемики, не приводилъ одно за другимъ положенія противника и т. д. Но кто сказалъ почтенному автору, что я желалъ вступить въ полемику съ графомъ Ржевускимъ? Дѣло шло о томъ, чтобы сказать слово порицанія на выходу графа противъ того направленія, о которомъ мы только-что говорили; для этого не было никакой надобности читать повѣсть, имѣя разобранную, изатъвать вопросъ о томъ, хороша она или дурна. И откуда авторъ почерпнулъ правило, что *истинная полемика, основанная на общихъ началахъ критицизма* (?), обязана заниматься не опроверженіемъ общей идеи и взгляда, положенныхъ въ основаніе разбираемой статьи, а поочереднымъ разборомъ отдѣльныхъ фразъ и умышленнымъ разобщеніемъ ихъ внутренней связи, какъ это сдѣлалъ самъ почтенный авторъ съ моею *Замѣткою*? Я не слыхалъ о такихъ правилахъ, пригодныхъ развѣ для статей, фабрикуемыхъ по заказу, и не намѣренъ держаться ихъ, хотя бы того требовали авторитеты, болѣе извѣстные, чѣмъ г. Э. Г.

Извѣтъ мой на графа Ржевускаго авторъ видитъ въ томъ, что я несправедливо обвинилъ графа въ нападеніи на гласность. Графъ, вотъ видите ли, прочтя какой-то преувеличенный разказъ о *событіи дѣйствительномъ и почти обыкновенномъ*, переполнился справедливымъ негодованіемъ и напалъ на все направленіе *Военнаго Сборника*, находя въ немъ признаки подготовленія революціи. Но это вовсе не было нападеніемъ на гласность. Графъ, а съ нимъ всѣ умные и благонамѣренные люди, говоритъ авторъ, уважаютъ и высоко ставятъ гласность, но гласность *разумную и благонамѣренную*. Авторъ увѣренъ, что я самъ не желаю безусловной гласности и клевету на себя, когда дѣлаю съ поборникомъ такой нелѣпой гласности. Г. Гражданскій Чиновникъ горько заблуждается: я долженъ откровенно сознаться передъ нимъ, что не знаю ни *нелѣпой*, ни *благонамѣренной* гласности, и даже не могу понять, что разумѣется подъ этими словами. Я понимаю, что благонамѣренными или злонамѣренными, нелѣпыми или разумными могутъ быть какой-нибудь частный поступокъ, или замыселъ, какая-нибудь отдѣльная статья; но *гласность* есть не что иное какъ безразличная сила, имѣющая свойство освѣщать подобно солнцу одинаково *безстрастно* все, что совершается въ томъ кругу, гдѣ она дѣйствуетъ. Сила эта потому-то и признается благодѣтельной, что только при ея всеосвѣщающемъ и всюду проникающемъ сіяніи, можно распознать истинную благонамѣрен-

ность и уличить всякое злое намѣреніе, въ какой бы приличной формѣ оно ни явилось. *Вызвать* къ дѣйствию эту силу или *не вызывать* предоставлено благорасположенію самыхъ обществъ или ихъ руководителей; но требовать, чтобъ она, вызванная однажды, служила одностороннимъ дѣламъ и проливала свѣтъ только на одни предметы, оставляя другіе въ непроницаемой темнотѣ, чтобъ она льстила условнымъ понятіямъ нашимъ о благонамѣренности—значить не понимать существа этой силы. Это все равно, что требовать отъ солнца, чтобъ оно было благоразумно и освѣщало землю какъ можно благонамѣреннѣе. Но мы не вѣримъ, чтобы г. Гражданскій Чиновникъ, самъ повидимому столь благоразумный, не понималъ такихъ простыхъ вещей. Мы думаемъ, что, не желая клеветать самъ на себя, онъ клеветаетъ только на общепринятое понятіе о гласности. Украшая гласность эпитетами *благоразумная* и *благонамѣренная*, онъ показываетъ видъ, что уважаетъ и *высоко* ставитъ ее; онъ очень хорошо понимаетъ, что эти два эпитета выдуманы новыми оптиками собственно для предохраненія тѣхъ, которымъ свѣтъ гласности сильно колетъ глаза, и если рекомендуетъ эти закопченныя стекла ко всеобщему употребленію, то дѣлаетъ это для того только, чтобы *защитить* графа Ржевускаго *во что бы ни стало*.

Обвиненіе въ сдѣланномъ будто бы мною *нападеніи на личность* графа Ржевускаго авторъ оставилъ безъ доказательствъ, и потому мнѣ не слѣдовало бы собственно и говорить о немъ. Но мысль, что оно вырвалось у г. Гражданскаго Чиновника вслѣдствіе того же нежеланія держаться общепринятыхъ понятій, какое онъ выказалъ уже въ предыдущихъ случаяхъ, заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ и объ этомъ обвиненіи. Печатнымъ нападеніемъ на чью-нибудь личность признано называть статьи, осуждающія частный характеръ челоуѣка, привычки, домашнюю жизнь и наконецъ личность въ тѣснѣйшемъ значеніи, то-есть красоту или безобразіе лица и души, симпатичность или антипатичность челоуѣка и т. д. Статьи же, въ которыхъ разбирается чье-нибудь мнѣніе, печатно высказанное, или поступокъ, публично сдѣланный, то-есть подвергается критикѣ только то, что авторъ добровольно выставилъ на судъ общества, такія статьи называются просто *опроверженіемъ*, *порицаніемъ*. Такого именно характера была *Замѣтка* моя на графа Ржевускаго, и я твердо увѣренъ, что никто не уличитъ меня въ противномъ. Между тѣмъ статья моего критика, прямо начинаясь заботами о моей личности, доходитъ до такой любезности, что замѣчаетъ во мнѣ сходство съ Донъ-Кихотомъ, потому только, что Донъ-Кихоть воевалъ съ вѣтряными мельницами, а я—съ убѣжденіями графа Ржевускаго. Не довольствуясь этимъ, критикъ, желая безъ сомнѣнія окончательно по-

разить меня, говорить, что статья моя проникнута духомъ партіи, намекая такимъ образомъ, что я *человекъ партіи*. Это совершенная и единственная правда во всей статьѣ Гражданскаго Чиновника. Слѣдовало только, не ограничиваясь намекомъ, прямо сказать, къ какой именно партіи я принадлежу. Вѣдь все человѣчество, какъ извѣстно, раздѣлено на двѣ непримиримыя партіи, вѣчно между собою борющіяся. Одна изъ нихъ стремится впередъ — къ свѣту, истинѣ и любви; другая—силится остановить это движеніе и все оставить въ томъ порядкѣ, который способствовалъ личному ея благосостоянію. Интересно было бы знать, въ которой изъ нихъ числится г. Гражданскій Чиновникъ?

Желаніе мое отдѣлать графа Ржевскаго во что бы ни стало авторъ доказываетъ тѣмъ, что я, въ *Замѣткѣ* моей, занимался совершенно посторонними, по его мнѣнію, предметами и не сказалъ ни слова о единственномъ спорномъ пунктѣ. «*Дѣло не въ томъ, говорить г. Гражданскій Чиновникъ, есть ли зло или нѣтъ, а въ томъ, что въ Военномъ Сборникѣ оно было преувеличено до нелѣпости (1), и что подобныя статьи были крайне не на мѣсть въ журналѣ спеціальномъ, серіозномъ и зависящемъ отъ такой власти, отъ которой зависятъ также и прекратить зло, какъ только оно стало ей извѣстно.*» Что статьи, о которыхъ говоритъ авторъ, были совершенно на своемъ мѣстѣ, отведенномъ имъ самою программой журнала, что *Военный Сборникъ* предназначенъ быть журналомъ *не спеціальнымъ, а литературнымъ*, объ этомъ мы уже говорили. А что власть, отъ которой зависитъ этотъ журналъ, въ состояніи и въ правѣ прекратить зло, *какъ только оно становится ей извѣстнымъ*, въ этомъ мы никогда и не сомнѣвались. Но мы думали и продолжаемъ думать, что всякое зло только тогда и становится вполнѣ извѣстнымъ, когда въ указаніи и обнаруженіи его прибѣгаютъ къ гласности и общественному мнѣнію. Мы продолжаемъ думать, что однѣ оффиціальныя мѣры недостаточны для этого, потому что оффиціальныя доношенія, какъ бы они благонамѣренны ни были, завися отъ личныхъ взглядовъ доносителя, не всегда могутъ быть вѣрны, не всегда могутъ служить опорой для безошибочныхъ распоряженій, потому что лишены *всесторонности* взглядовъ и наконецъ не во всѣхъ видахъ одобряются рыцарскими преданіями, послужившими основаніемъ современныхъ понятій о человѣческомъ достоинствѣ. Судя по широкимъ размѣрамъ вышеприведенной программы, мы имѣли

(1) Въ доказательство этого преувеличенія авторъ ссылается все на ту же лошадь, которая съѣдала въ одинъ разъ 12 пудъ сухарей. Замѣчательная лошадь, подыавшая такую бурю и породившая столь серіозныя опасенія за цѣлость отечества!

полное право думать, что власть, издававшая *Военный Сборникъ*, вполне сознавала эту истину, и что сознание это было главнымъ побужденіемъ открытъ для военнаго сословія поприще, на которомъ *офицеры, жалуящіе общаго блага*, могли бы состязаться въ доблестныхъ чувствахъ любви къ отечеству посредствомъ обмена знаній, наблюденій и указаній *на все, что способствуетъ или препятствуетъ* нравственному и матеріальному улучшенію войскъ. Власть эта понимала, что искать подобныхъ указаній путемъ гласности вовсе не значить *жаловаться передъ публикою самой на себя*, а скорѣе значить заявить передъ публикою искреннее желаніе знать истину и выслушивать *разказы о событіяхъ* не вымышленныхъ, а *дѣйствительныхъ*, и къ общему прискорбію *почти обыкновенныхъ*, словомъ, это значить искать у публики и у подчиненныхъ своихъ полнаго довѣрія, безъ котораго никакая власть не можетъ считать себя полезною. Просвѣщенная власть, которая составляла программу *Военнаго Сборника*, безъ всякаго сомнѣнія очень хорошо понимала, что если кто изъ офицеровъ, злоупотребляя силою гласности, рискнетъ сдѣлать *указанія неправдивыя*, то та же сила тотчасъ изобличитъ ложь и, слѣдовательно, принесетъ вредъ одному злоупотребителю гласности и никому болѣе (1). Она понимала, что никакое, самое *кемстовое нападеніе* (2) на армію не можетъ имѣть успѣха при равныхъ для всѣхъ и каждаго правахъ на гласность, и слѣдовательно не можетъ повести къ *униженію власти и поселитъ* въ массахъ, какъ увѣряетъ Гражданскій Чиновникъ, *ненависть и презрѣніе ко всему, что стоитъ выше общаго уровня*. Власть, о которой идетъ рѣчь, не могла не понимать, что массы, особенно массы Россіи по природѣ своей расположены къ уваженію и даже обоготворенію всякой власти, если послѣдняя мало-мальски того заслуживаетъ, и что, наоборотъ, никакое искусственное восхваленіе, никакое благонамѣренное сокрытіе злоупотребленія властей, не спасутъ ихъ отъ всеобщаго презрѣнія, какъ это доказала исторія іезуитовъ на Западѣ Г. Гражданскій Чиновникъ повидимому не допускаетъ иныхъ цѣлей со стороны бывшей редакціи и сотрудниковъ *Сборника*, кромѣ желанія поселить ненависть ко всему, что стоитъ выше ихъ уровня, а со стороны сатирическихъ разказчиковъ,—иныхъ чувствъ, кромѣ чувства зависти къ лицамъ, власть имѣющимъ. По свойству своей чиновничьей натуры, онъ думаетъ, что каждый смертный расположенъ видѣть во власти не высокое бремя, не тяжелую обязанность, а

(1) Между тѣмъ, при безгласности, клевета и неправда, доставляютъ, какъ извѣстно, выгоду только клеветникамъ, оклеветанные же лишены всякой защиты со стороны общественнаго мнѣнія.

(2) Подлинныя слова Гражданскаго Чиновника.

нѣчто соблазнительное и роскошное, и потому способное внушить одно презрѣніе со стороны людей, не вышедшихъ изъ общаго уровня. Но власть, издававшая *Сборникъ*, безъ сомнѣнія понимала эти вещи лучше, и смотрѣла на нихъ великодушіе, чѣмъ г. Гражданскій Чиновникъ. Мы твердо вѣримъ, что власть, о которой идетъ рѣчь, все это понимала, и иначе ничѣмъ не могли себѣ объяснить ни благородной программы *Восемь Сборника*, ни появленія этого журнала рядомъ съ другими специально-военными журналами, ни приглашенія въ число редакторовъ его чисто гражданского литератора, ни наконецъ того, какимъ образомъ восемь мѣсяцевъ сряду могло держаться направление, которое, по увѣренію графа Ржевускаго и его защитника, такъ опасно для нашего отечества.

Г. Гражданскому Чиновнику не понравилось, между прочимъ, нападеніе мое на подпись графа Ржевускаго. Онъ старается доказать, что подпись эта не имѣла ничего ошціального, и показываетъ видъ, что не понимаетъ, почему она придавала особенное значеніе поступку графа, и почему намъ показалось, что, не защищенный этою подписью, онъ не рѣшился бы провозгласить во всеуслышаніе то, что онъ провозгласилъ. Авторъ не хочетъ понять, наконецъ, почему такъ возмутилъ насъ знаменитый *намежъ* графа. Если авторъ серьезно не понимаетъ этого, то намъ нечего и толковать съ нимъ. На разглагольствованія же его о томъ, что армія тотъ же народъ, и что все сказанное графомъ объ арміи, относилось въ равной мѣрѣ и къ народу,—на разглагольствованія эти вмѣсто прямаго отвѣта, который повелъ бы насъ очень далеко, онъ можетъ найти отвѣтъ въ *Замѣткѣ* графа Ржевускаго на мою *Замѣтку*. Въ ней онъ найдетъ положительное доказательство, что мнѣніе графа о русскомъ народѣ далеко не такъ выгодно, какъ его же мнѣніе о русской арміи и въ особенности о генералъ-поручикѣ Еропкинѣ...

Если не ошибаюсь, я покончилъ всѣ счеты съ г. Гражданскимъ Чиновникомъ. Въ заключеніе мнѣ остается только замѣтить, что онъ поторопился нѣсколько назвать статью мою *злополучною* въ отличіе отъ своей, которую онъ вѣроятно считаетъ *благополучною*. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ, кромѣ *Русскаго Инвалида*, нигдѣ еще не явилось порицанія на мою *Замѣтку*, и, слѣдовательно, авторъ такъ же мало имѣлъ основанія судить о количествѣ *зла, полученнаго* мною за мою статью, какъ мало имѣлъ бы права тотъ, кто захотѣлъ бы опредѣлить количество и качество *блага*, приобретенныхъ г. Гражданскимъ Чиновникомъ за свою.

С. ГРОМЕКА.

10 мая, 1850 г.
Одесса.

ИЗЪ ИРКУТСКА

7 мая 1859 г.

Что новаго въ Иркутскѣ, спрашиваете вы. Да ничего, потому что теперь всё новости сосредоточиваются за Байкаломъ и на Амуръ. Всё стремится туда; кто еще не уѣхалъ, тотъ ѣдетъ; городъ нашъ опустѣлъ.

Генераль-губернаторъ на первый день Святой Недѣли, 12 апрѣля, выѣхалъ изъ Иркутска съ генераломъ Игнатъевымъ въ Кяхту и успѣлъ еще переѣхать Байкалъ по льду, хотя съ большими затрудненіями. Въ Кяхтѣ начались сношенія и переписка съ Ургинскими правителями, о слѣдованіи генерала Игнатъева чрезъ Монгольскую степь въ Пекинъ, подобно тому какъ два года тому назадъ такая же исторія тянулась здѣсь о пропускѣ графа Путятина. Но тогда графъ Путятинъ не добился никакого толка отъ нерѣшительныхъ и увертливыхъ Китайцевъ и долженъ былъ слѣдовать по Амуру до устья его, и далѣе моремъ къ Печилійскому заливу. Вѣроятно, такая же участь ожидаетъ въ нынѣшнемъ году и генерала Игнатъева, который еще до сего времени находится въ Кяхтѣ въ ожиданіи отвѣта отъ Китайцевъ изъ Пекина.

Генераль-губернаторъ 3 мая выѣхалъ изъ Кяхты на Амуръ, куда призываютъ его болѣе важныя цѣли и намѣренія: 9 мая онъ намѣренъ былъ отплыть изъ Срѣтенска, а 24 быть въ Николаевскѣ. Здѣсь ожидаетъ его эскадра паровыхъ военныхъ судовъ нашей сибирской флотиліи, въ сопровожденіи которой, имѣя свой флагъ на великолѣпномъ и роскошномъ транспортѣ *Япоонецъ*, онъ отправится въ Японию, для окончанія всѣхъ нашихъ дѣлъ и переговоровъ, возникшихъ въ послѣднее время. Настоящая экспедиція графа Муравьева-Амурскаго составитъ чрезвычайно интересный эпизодъ въ исторіи новаго края. Генераль-губернаторъ посѣтитъ впервые наши новыя владѣнія на островѣ Сахалинѣ, зайдетъ въ наши новопріобрѣтенные порты Владимира, Ольги, Посѣта, и осмотритъ нашу пограничную черту съ Кореей, рѣку Тумень-ула, впадающую въ море близъ залива Посѣта. Сколько тутъ пищи для любознательности, для ученыхъ изслѣдованій, для знакомства съ новымъ краемъ, бывшимъ до присоединенія его къ Россіи *terra incognita!*

Генераль-губернаторъ, окончивъ дѣла въ Японіи, тѣмъ же путемъ вернется въ Иркутскъ осенью нынѣшняго года. Между тѣмъ

въ декабрь 1858 года составлена была здѣсь демаркаціонная комиссія изъ офицеровъ генеральнаго штаба, подъ начальствомъ оберъ-квартирмейстера подполковника Будогоскаго, для изслѣдованія вновь приобрѣтенной Приусурійской страны, и для проведенія пограничной черты отъ вершинъ рѣки Усури до границъ Кореи. Китайцы для этой же цѣли обѣщали выслать свою комиссію, моремъ, къ устью рѣки Сюй-фунь-бира (Самалга), впадающей въ заливъ Герень, назначивъ мѣстомъ встрѣчи обѣихъ комиссій большое озеро Хинкай, изъ котораго вытекаетъ рѣка Сангача, одинъ изъ притоковъ Исури. Въ экспедиціи г. Будогоскаго принимаютъ участіе два астронома, изъ нихъ одинъ г. Усолецевъ, уже известный прежними своими странствованіями по пустынямъ Сибири, и отъ Сибирскаго отдѣла гг. Маакъ и Брылкинъ для собиранія естественныхъ коллекцій. Экспедиція отправилась къ устью Исури еще зимнимъ путемъ по льду Амура, и съ открытіемъ навигаціи слѣдовала въ лодкахъ вверхъ къ истокамъ рѣки Исури. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстій о дѣйствіяхъ этой экспедиціи, какъ политическихъ, такъ и въ отношеніи изслѣдованія невѣдомаго края, о которомъ мы имѣемъ самыя отрывочныя, самыя скудныя свѣдѣнія. Мы имѣемъ полное право надѣяться на полный успѣхъ и на благополучный исходъ всѣхъ дѣйствій экспедиціи, потому что она составлена изъ людей добросовѣстныхъ, любящихъ свое дѣло, и съ увлеченіемъ стремящихся къ изслѣдованію нетронутой еще почвы. Выбѣтъ съ этимъ всѣ предназначенныя ей разслѣдованія и всѣ ея дѣйствія опираются на здравыя начала, точныя и вѣрныя свѣдѣнія, что до сихъ поръ не видно было въ посвѣщавшихъ нашъ край ученыхъ экспедиціяхъ, инструкціи для которыхъ писались въ С.-Петербургѣ, а распорядителю которыхъ заботились большею частію о томъ, чтобы прожить въ Сибири извѣстное число лѣтъ, израсходовать извѣстное число денегъ и въ заключеніе получить извѣстную награду. Мы глубоко сочувствуемъ успѣхамъ этой экспедиціи въ особенности потому, что ожидаемъ отъ нея чрезвычайно-важныхъ и полезныхъ результатовъ, какъ для Сибири, такъ и для Россіи. Предыдущія ученые экспедиціи, даже и географическаго общества, трудившіяся главное для Европы, и несмотря на огромныя суммы, истраченныя ими, не доставили намъ никакихъ практическихъ данныхъ. А между тѣмъ за такія деньги можно было бы и набрать пауковъ и принести большую пользу краю.

Третьяго дня пріѣхалъ курьеромъ изъ Пекина адъютантъ генераль-губернатора г. Хитровъ, который прожилъ тамъ при нашей миссіи пять мѣсяцевъ. Онъ привезъ договоры Айхунскій и Тяньцзянскій, ратификованные богдыханомъ, и сегодня же отправляется

съ ними въ С.-Петербургъ. Онъ разказываетъ, что всѣ наши Русскіе умираютъ отъ скуки и тоски въ Пекинѣ, что теперь во время пребыванія тамъ нашего уполномоченнаго, статскаго советника Перовскаго, мы начали ходить въ европейскомъ платьѣ, что сначала это показалось Китайцамъ дико, а теперь они уже привыкаютъ. Русскіе довольно свободно разгуливаютъ по Пекину и, несмотря на запрещеніе, проникаютъ въ такія части города, куда прежде ни подъ какимъ предлогомъ нельзя было попасть Европейцу. Нищета и голодъ бѣднаго класса жителей встрѣчаются повсюду въ такихъ грязныхъ и отвратительныхъ видахъ и размѣрахъ, что въ Европѣ и въ Россіи не имѣютъ объ этомъ никакого понятія, и всѣ разказы очевидцевъ покажутся у насъ преувеличенными.

По свѣдѣніямъ изъ Пекина, Китайцы готовятся къ новой войнѣ съ Англичанами, намѣреваясь не исполнять условій заключеннаго договора. Поэтому они собираютъ войско, строятъ лагеря, укрѣпляютъ Кантонъ и другіе приморскіе пункты. Значитъ, китайскій вопросъ снова выступитъ на сцену. Китайцы и въ Пекинѣ поговариваютъ о нашей новой границѣ въ Маньчжуріи на рѣкѣ Усури; въ одномъ изъ этихъ рѣчь зашла о южныхъ заливахъ маньчжурскаго берега, о Посьетѣ и другихъ, которые должны войти въ составъ нашихъ владѣній. Китайцы говорили сначала: зачѣмъ толковать о тѣхъ предметахъ, которые не вошли въ трактатъ? Но когда имъ намекнули, что если эти мѣста не будутъ заняты нами, то тамъ намѣрены поселиться Англичане, Китайцы бросили свой этикетъ и съ живостію возразили, что конечно лучше вы занимайте эти пустыя мѣста, лишь бы они не достались рыжимъ варварамъ.

P.

ИЗЪ БЪЛГРАДА (1).

7 апрѣля 1859.

Въ моемъ первомъ письмѣ (2) я сказалъ, между прочимъ, что народъ сербскій ничего такъ пламенно не желалъ какъ возвратитъ князя Милоша въ Сербію. Народъ и достигъ этого на скупщинѣ, какъ вамъ уже извѣстно. Я вамъ даже, кажется, писалъ, съ какимъ эн-

(1) Хотя письмо это и запоздало, но мы печатаемъ его, потому что оно и теперь не лишено интереса. Читатели найдутъ въ немъ указанія на то положеніе, которое принимаетъ Сербія относительно Турціи и Австріи.

(2) См. *Русскій Вѣстникъ* 1858 года № 20

тузіазмомъ былъ принятъ князь Милошъ въ Сербіи. Милошъ много и премного сдѣлалъ для страны; сдѣлалъ больше чѣмъ кто-либо изъ Сербовъ въ новой ихъ исторіи. Онъ укрѣпилъ внутреннюю автономію Сербіи, чрезъ него она надѣялась сдѣлаться совершенно самостоятельной, на него надѣялись всѣ христіяне Оттоманской имперіи, изнемогающіе подъ игомъ Мусульманъ. Удаленіе Милоша изъ Сербіи разстроило всѣ эти надежды, тѣмъ болѣе, что оно считалось слѣдствіемъ и плодомъ русской политики. Возвращеніе же его оживило всѣхъ и каждого, какъ здѣсь, такъ и въ сосѣднихъ провинціяхъ, тѣмъ болѣе что и возвращеніе его не безъ основанія почитается результатомъ и доказательствомъ благосклоннаго расположенія нынѣшней русской политики къ сербскому народу. Множество людей приходило со всѣхъ сторонъ, чтобы только видѣть, сдѣлаго господаря (1), кода (2) Милоша, отъ котораго ожидаютъ избавленія.

Милошъ знаетъ, чего отъ него ожидаютъ, но онъ видитъ и препятствія, лежащія на пути, ведущемъ къ этой цѣли. Онъ еще не знаетъ людей, съ которыми ему слѣдуетъ дѣйствовать: почти двадцать лѣтъ онъ не былъ въ Сербіи. Явилось новое поколѣніе, если можно такъ выразиться. Старинные извѣстные ему люди, каковы Вучичъ, Гарашанинъ и др. окомпрометированы передъ нимъ такъ, что на нихъ ему трудно положиться (3). Въ этомъ заключается большая трудность, которую ему слѣдуетъ теперь преодолѣть. Скоро ли посчастливится ему отыскать способныхъ и вѣрныхъ помощниковъ? Кромѣ того, онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и очень часто бываетъ нездоровъ. Князь Михаилъ, сынъ и наследникъ и самый надежный помощникъ его, теперь въ отсутствіи: онъ поѣхалъ изъ Вѣны въ Парижъ, а можетъ-быть и въ Лондонъ и потомъ въ другія столицы государствъ, ручавшихся за права Сербіи, чтобы представиться высокимъ монархамъ и просить ихъ благосклоннаго вниманія къ своему отечеству.

При всемъ этомъ старикъ работаетъ съ утра до вечера: все время свое онъ посвящаетъ дѣламъ. Онъ не забываетъ, могу сказать вамъ это, и страждущихъ братьевъ своихъ подъ игомъ Турціи: онъ ихъ принимаетъ, утѣшаетъ, совѣтуетъ потерпѣть еще и хлопочетъ о нихъ у турецкихъ властей. Что мысль о совершенной независимости Сербіи не изгладилась изъ его головы, видно, между прочимъ, и изъ слѣдующаго его распоряженія.

Вамъ извѣстно, конечно, что послѣ страшнаго порабощенія

(1) Такъ обыкновенно народъ называетъ Милоша.

(2) Это имя, значащее *великій*, придаютъ ему Турки.

(3) Впрочемъ Гарашанинъ честный и способный человѣкъ, но сплетни и его удалили отъ князя.

Серби въ 1813 году, и послѣ неистовствъ ожесточенныхъ Турокъ, несчастные Сербы должны были опять взяться за оружіе и бороться за свою свободу. Это было въ 1815 году. Главою втораго возстанія явился Милошъ. Онъ созвалъ въ недѣлю *цвѣтноносную* своихъ приверженцевъ въ село Таково, и тутъ, послѣ обѣдин, они поклялись другъ другу на святомъ крестѣ и евангелии: *возстать и сложить прежде свои головы чьмъ предаться ия волю Туркамъ*. Дѣйствительно они возстали и, предводимые Милошемъ, изгнали Турокъ изъ Сербіи и вслѣдъ за тѣмъ, поддерживаемые Россіей у престола падишаха, упрочили то состояніе Сербіи, въ которомъ она находится теперъ. Въ 1830 году, 30 ноября обнародованъ въ Бѣлградѣ гатишерифъ, обезпечивающій нынѣшнія права Сербіи. Съ того времени праздникъ Св. Апостола Андрея (30 ноября) ежегодно торжественно празднуется по всей Сербіи. Но торжество это имѣло всегда такой офиціальныи смыслъ, что права, пріобрѣтенныя Сербіей, дарованы ей милостію султана. Потому въ церквахъ и провозглашали многолѣтіе падишаху, равно какъ и Монарху-покровителю.

Милошъ не хотѣлъ теперъ торжествовать только конецъ сербскаго дѣла; ему пріятнѣе было прославить тотъ день, когда Сербы только еще *покланьсь подняться*. И вслѣдствіе того уже узаконено, что впередъ недѣля цвѣтноносная будетъ ежегодно праздноваться во всей Сербіи.

«Желая, пишетъ въ своемъ указѣ объ этомъ князь, предохранить отъ забвенія знаменитый день, въ который народъ сербскій въ другой разъ возсталъ и освободился отъ своихъ угнетателей, я, по полученіи на то согласія совѣта, приказываю: чтобы день цвѣтной недѣли, въ который Сербы возстали противу Турокъ, былъ прославляемъ торжественно во всемъ нашемъ отечествѣ, и чтобы во всѣхъ церквахъ и въ монастыряхъ приносилось благодареніе Богу, помогшему намъ.»

Это было исполнено 31 марта нынѣшняго года. И такъ мы недавно въ первый разъ праздновали тотъ знаменитый день.

Наканунѣ праздника представникъ, по приказанію князя, извѣстилъ объ этомъ всѣхъ иностранныхъ консуловъ, здѣсь находящихся. Но никто изъ нихъ не явился на слѣдующій день въ церкви; они даже были недовольны этимъ поступкомъ князя, за исключеніемъ русскаго консула г. Соколова, который не явился по причинѣ дѣйствительной болѣзни. Онъ извѣстилъ объ этомъ князя, которому очень пріятно было слышать, что русскій консулъ не раздѣляетъ убѣжденій своихъ товарищей. Пишущему сіи строки, который передалъ князю слова г. Соколова, онъ сказалъ: «Я былъ и самъ увѣренъ, что какія-нибудь неодолимыя препятствія удержали г. консула не быть въ церкви. Знаю я Русскихъ: они мои самые надежныя пріатели.»

Милошъ намѣренъ управлять согласно съ опредѣленіями устава. Скупщину будетъ созывать ежегодно. Въ теверешнее время особенно занимается онъ тѣмъ, чтобы сократить процедуру въ гражданскихъ дѣлахъ. Словесное судопроизводство непременно будетъ принято въ самомъ непродолжительномъ времени (1).

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ иностранцахъ, проживающихъ въ Сербіи, которые очень сильно, именно въ нынѣшнее время, занимаютъ Милоша и его правительство. Изъ нихъ больше всѣхъ Австрійцевъ, потомъ Русскихъ. Австрійскіе подданные позволяютъ себѣ у насъ самыя огромныя злоупотребленія, вопреки смыслу всѣхъ существующихъ трактатовъ. Они пользуются тѣми же правами, какъ и Сербы, и за то они не подлежатъ рѣшительно никакимъ повинностямъ. Умалчивая о многомъ, скажу вамъ только, что австрійскіе подданные, проживающіе здѣсь и посылающіе дѣтей своихъ въ училища, не соглашались дать хотя копѣйку на перестройки, исправленія и другія потребности этихъ же училищъ.

Извѣстно, что иностранцы имѣютъ право во всей Турціи, а слѣдовательно и въ Сербіи производить торговлю только оптомъ, равно какъ и сербскимъ подданнымъ позволяется это въ Австріи. Но при князѣ А. Карагеоргиевичѣ, особенно преданномъ, какъ вамъ уже извѣстно, Австріи, Австрійцы не обинуясь начали переступать за границу трактатовъ, и вотъ до того успѣли, что пользуются всѣми правами сербскихъ подданныхъ въ Сербіи, не платя за то ни копѣйки; даже они за это право, заниматься торговлею въ Сербіи, платятъ Австріи извѣстную подать. Мало того, они начали пріѣзжать въ Сербію и выѣзжать оттуда безъ вѣдома сербскихъ властей. Даже знать не хотѣли, что есть какая-нибудь власть сербская. Это уже было слишкомъ. Вслѣдствіе того Милошъ намѣренъ сдѣлать такъ, чтобъ Австрійцы могли пользоваться

(1) Вотъ пункты, на основаніи которыхъ устроится, по желанію князя, гражданская процедура (судейскій поступокъ):

а. Кромѣ судовъ первостепенныхъ будетъ одинъ - великій народный судъ, какъ судъ другой степени.

б. Устроится - поступокъ судейскій - въ процессахъ гражданскихъ и также другой въ дѣлахъ уголовныхъ, оба на основаніи словесности и явности.

в. Нарочною статьею опредѣлится, какъ поступать при уплатѣ долговъ.

г. Опекѣ слѣдуетъ отдѣлится отъ судовъ и поставить подъ вѣдѣніе особыхъ подлежательствъ подъ контролемъ правительства.

д. Опредѣлить или особымъ закономъ, или въ «поступкѣ судейскомъ» въ нарочной главѣ, что некоторая часть недвижимаго имѣнія не можетъ быть задолжена, слѣдовательно ни скуплю, для уплаты долга, продана.

е. Тяжущіеся могутъ оба имѣть заступниковъ по правиламъ уполномоченныхъ.

ж. Будутъ поставлены нарочные извершители (которые будутъ приводить ихъ въ дѣйствіе) судейскихъ приговоровъ.

ся только тѣмъ, что имъ позволено трактатами. Имъ уже сказано, что заниматься торговлею вопреки смыслу трактатовъ они больше не могутъ въ Сербіи. Противъ этого возстало съ ожесточеніемъ здѣшнее австрійское консульство. Не знаю еще, чѣмъ это кончится, но право, думаю, въ пользу князя, ибо онъ уступаетъ Австрійцамъ всѣ тѣ права, какія имѣютъ сербскіе подданные въ Австріи: больше же и они требовать по праву не могутъ.

Первое министерство (то-есть то, которое князь тотчасъ по приѣздѣ составилъ) шатко, и не знаю, будетъ ли оно долго держаться. Представникъ князя Магазиновичъ уже подалъ въ отставку, и князь, разрѣшая его, назначилъ Цвѣтка Раювича своимъ представникомъ. Последний извѣстенъ по своей преданности къ князю, за которую онъ уже три раза сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Милитевичъ.

БОРЬБА ОППОЗИЦИИ СЪ ТОРІЙСКИМЪ МИНИСТЕРСТВОМЪ ВЪ ПАЛАТѢ ОБЩИНЪ.

I.

Засѣданіе 7 іюня.

Первое засѣданіе палаты общинъ открылось, какъ обыкновенно бываетъ, двукратнымъ чтеніемъ тронной рѣчи, произнесенной королевою въ этотъ же день въ палатѣ лордовъ. Тронную рѣчь прочелъ въ палатѣ общинъ сначала *спикеръ* (президентъ) палаты, потомъ клеркъ. Вслѣдъ за тѣмъ палата выслушала рѣчь двухъ членовъ министерской партіи, изъ которыхъ одинъ предлагалъ почтительный адресъ королевѣ въ отвѣтъ на ея милостивѣйшую рѣчь, а другой поддерживалъ адресъ. Послѣ того открыто было *спикеромъ* (президентомъ) преніе, или, какъ говорится на парламентскомъ языкѣ, *положенъ вопросъ* объ адресѣ.

Маркизъ Гартингтонъ всталъ при крикахъ одобренія со стороны оппозиціи и сказалъ: Я считаю себя обязаннымъ извиниться передъ палатой въ томъ, что осмѣливаюсь требовать ея вниманія въ такомъ важномъ случаѣ, какъ настоящій. Пусть послужитъ мнѣ оправданіемъ то, что я дѣйствую по совѣту и съ одобренія членовъ старѣйшихъ и гораздо болѣе опытныхъ меня, которые говорили мнѣ, что какъ представитель значительнаго большинства въ одномъ изъ графствъ (1), никогда не

(1) Маркизъ Гартингтонъ—членъ за Сѣверный Ланкаширъ.

скрывавшій отъ своихъ избирателей моихъ опредѣленныхъ мнѣній о подлежащихъ обсужденію вопросахъ, я могу рѣшиться принять на себя роль, на которую моя парламентская дѣятельность еще не даетъ мнѣ права. (*Слушайте, слушайте.*) Предлагаю поправку къ адресу, я могу сослаться на многіе примѣры въ прошедшемъ. Въ 1841 году правительство лорда Мельборна, претерпѣвъ неудачу отъ весьма незначительнаго большинства, распустило парламентъ и предложило странѣ вопросъ о довѣрїи, увѣренное въ успѣхъ. Въ первый вечеръ перваго заведенія новаго парламента поправка къ адресу была предложена г. Стюартомъ Вортлеемъ, съ согласія сэра-Роберта Пила. Поправка эта объявляла, что тогдашніе министры ея величества не пользуются довѣрїемъ палаты (*слушайте*); и я собираюсь просить теперь о согласїи палаты на поправку точно такого же рода. (*Одобреніе.*) Тогдашнее министерство, оспаривая это предложеніе, ссылалось на мѣры, которыя оно принимало, и на свою общую политику, но не основывало сопротивленія своего на томъ, что предложеніе такого рода несогласно съ конституціей и составляетъ незаконное нарушеніе королевской прерогативы; я не предполагаю и теперь встрѣтить возраженія такого рода. Не думаю также, что правительство ея величества станетъ жаловаться на образъ дѣйствій оппозиціи. Вопросъ, предлагаемый оппозиціей палатѣ, тотъ же самый, который правительство предложило народу (*одобреніе*). Распуская прошлый парламентъ, министры основывали свой поступокъ не на вопросъ о какой-нибудь отдѣльной мѣрѣ; они не жаловались на то, что ихъ не поддержали въ ихъ высшей политикѣ; они просто объявили странѣ, что въ продолженіи двухъ сессій они старались вести общественныя дѣла, не имѣя за себя большинства, что такое положеніе не согласно ни съ ихъ собственнымъ достоинствомъ, ни съ интересами государства, и требовали отъ страны избрать палату, въ которой бы ихъ меньшинство было обращено въ большинство. (*Слушайте, слушайте.*) Я надѣюсь, что результатъ этого вызова, сдѣланнаго министерствомъ и принятаго оппозиціею въ этомъ смыслѣ, будетъ принятъ, по окончанїи пренїй, обѣими сторонами, какъ велитъ духъ справедливости и чести. Могу отвѣчать по крайней мѣрѣ за себя и — думаю — за всѣхъ почти членовъ нашей стороны, что если мы будемъ побѣждены при подачѣ голосовъ объ этой поправкѣ, тоохотно и съ готовностью преклонимся передъ рѣшеніемъ палаты. Мы будемъ знать тогда, что мы составляемъ только оппозицію. Мы будемъ знать тогда, что достопочтенные члены этой стороны не должны имѣть прїязнанїя на управленіе странюю, а что обязанность ихъ, со всею бдительностію и неусыпностію, составляющими обязанность оппозиціи, доставлять настоя-

цему правительству, по сколько возможно, единодушное содѣйствіе палаты общинъ въ сложныхъ и затруднительныхъ отношеніяхъ его къ чужимъ странамъ. (*Одобрене.*) Въ противномъ случаѣ, если поправка будетъ принята, нельзя себѣ представить, чтобы правительству ея величества не было пріятно выйти изъ положенія, въ которомъ, какъ оно само объявило, оно не хочетъ находиться долѣе. (*Слушайте, слушайте.*) И въ томъ и въ другомъ случаѣ, положеніе дѣлъ будетъ болѣе удовлетворительно, нежели было въ продолженіи почти двухъ сессій. Мнѣ очень не хотѣлось бы задерживать палату, но я не могу не просить ее обратить вниманіе на нѣкоторыя изъ послѣдствій попытки управлять страной, опираясь только на меньшинство. (*Слушайте, слушайте.*) Думая о томъ, какъ теперешнее правительство достигло власти, нельзя не вспомнить билля о заговорахъ и убійствахъ. Мѣру эту рекомендовалъ намъ лордъ Дерби въ самое первое засѣданіе сессіи (*слушайте*), и билль почти единогласно поддерживали джентльмены, сидящіе на противоположной сторонѣ палаты. Но они не были въ силахъ устоять противъ желанія соединиться подъ благовиднымъ предлогомъ съ значительною частью членовъ этой стороны и вмѣстѣ съ ними свергли правительство лорда Пальмерстона. Что же сдѣлало новое правительство относительно этой мѣры, которую, по своимъ же словамъ, считало нужною? Оно не предложило отъ себя новаго билля и не продолжало билля лорда Пальмерстона, на который сначала согласилось. Я думаю, что чуть ли не въ первой депешѣ, посланной изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, лордъ Мальмсбери опровергалъ мнѣніе, что имѣютъ въ виду нанести обиду Франціи, и увѣрялъ, что если и было подобное намѣреніе, то оно осталось безъ послѣдствій, точно такъ же какъ остались безъ послѣдствій пылкіе возгласы французскихъ полковниковъ. (*Слушайте, слушайте.*) Укажу далѣе на образъ дѣйствія правительства по вопросу объ управленіи Индіей. Я не стану утверждать, что предложенный имъ по этому поводу билль прошелъ бы и въ томъ случаѣ, еслибъ оно имѣло на своей сторонѣ сильное большинство. Этотъ билль не встрѣтилъ большого сочувствія ни съ той, ни съ этой стороны палаты, и слѣдовательно не можетъ быть приведенъ въ примѣръ того, какъ трудно правительству дѣйствовать при помощи меньшинства. (*Слушайте, слушайте.*) Но правительство могло бы, кажется, положиться на свою законодательную силу на столько, чтобы довести билль по крайней мѣрѣ до втораго чтенія. (*Слушайте, слушайте.*) Билль, случайно проведенный, не доказываетъ силы правительства. Оппозиція по крайней мѣрѣ содѣйствовала столько же его успѣху, какъ и само правительство. (*Слушайте, слу-*

шайте.) Прежде чѣмъ перестану говорить о засѣданіяхъ палаты въ 1858 году, не могу не поблагодарить правительство за то, что оно подвинуло впередъ дѣло релігіозной свободы. *(Слушайте, слушайте.)* Чего не могли сдѣлать ни продолжительныя разсужденія, ни многократное большинство въ палатѣ, ни желаніе многочисленныхъ избирателей, ни сила разсудка и справедливости, то было, если не совсѣмъ охотно, то во всякомъ случаѣ безъ трудности достигнуто правительствомъ лорда Дерби *(слушайте, слушайте! и смѣхъ)*, черезъ возвышеніе злѣйшаго противника Евреевъ въ должность лорда-канцлера. *(Смѣхъ.)* Уже не въ первый разъ приходилось при этомъ случаѣ консервативной партіи отказаться отъ долго лелѣянныхъ ею предразсудковъ и убѣжденій *(слушайте)*; партія эта не впервые возбуждала къ себѣ наибольшее удивленіе именно тѣмъ, что дѣлала наибольшія уступки. *(Смѣхъ.)* Напомню палатѣ, что освобожденіе католиковъ и отмена хлѣбныхъ законовъ были проведены въ этой палатѣ не въ видахъ избѣжанія неприятныхъ вотовъ, или мелочныхъ столкновеній. *(Слушайте, слушайте.)* Не буду останавливаться на разсмотрѣніи результата, безъ сомнѣнія, благонамѣренной, но несчастной попытки улучшить состояніе и увеличить расположеніе къ намъ Іонійскихъ острововъ. Обращусь къ главнымъ вопросамъ, такъ сильно занимавшимъ правительство въ продолженіи двухъ послѣднихъ сессій парламента. Правительство внесло билль объ опредѣленіи налога въ пользу церкви *(church-gates)*, но я не стану разсуждать объ этомъ предметѣ, ибо довольно сказать, что билль не соотвѣтствовалъ желаніямъ палаты. *(Слушайте, слушайте.)* Я хочу указать особенно на билль, предложенный для измѣненія народнаго представительства. Я не намѣренъ начинать сызнава разсужденій объ этомъ биллѣ, но можно сказать, что онъ встрѣтилъ не болѣе поддержки, чѣмъ законодательныя попытки относительно Индіи. *(Слушайте, слушайте.)* Причина недостатка поддержки мнѣ кажется слѣдующая: билль этотъ не могъ съ одной стороны нравиться консервативной партіи, ибо онъ дѣлалъ популярному направленію столь большія уступки, что лишилъ правительство содѣйствія двухъ изъ его наиболѣе уважаемыхъ членовъ; съ другой стороны эти уступки были недовольно полны, слишкомъ скупы, и слишкомъ стѣснены разными ограниченіями, и потому не могли заслужить одобреніе джентльменовъ, сидящихъ на этой сторонѣ палаты. *(Слушайте, слушайте.)* Этотъ билль носилъ на себѣ явные признаки недоверія къ тому классу, которому хотѣлъ даровать льготы, и уже съ виду представлялся какъ попытка согласить либеральное направленіе съ консервативнымъ. *(Слушайте, слушайте.)* По моему мнѣнію, способъ, которымъ оппозиція противодействовала этому бил-

лю, былъ совершенно безукоризненный и согласный съ конституціею. Съ обѣихъ сторонъ борьба была ведена большею частью безупречно, но я протестую противъ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ джентльмены министерской стороны этой палаты пытались принудить палату къ принятію билля намеками на внѣшнія обстоятельства, на обстоятельства, грозившія европейскому миру. *(Слушайте, слушайте.)* Канцлеръ казначейства въ заключительной рѣчи своей сказалъ тогда, что приближалось время, когда онъ могъ бы сообщить палатѣ о прекращеніи безпокойства, тяготѣвшаго надъ Европой, еслибы не помѣшало тому несчастное и неумѣстное предложеніе благороднаго лорда (1). *(Слушайте.)* Но предложеніе благороднаго лорда относилось только къ биллю, подлежавшему обсужденію палаты, и если положеніе правительства было таково, что оно не могло вынести нападковъ на свои мѣры, то правительство не должно было пользоваться этимъ случаемъ, чтобы потрясти самое основаніе и краеугольный камень нашего представительнаго устройства. *(Слушайте, слушайте.)* Это былъ такой вопросъ, который, если затронуть разъ, долженъ быть обсужденъ вполне и со всѣхъ сторонъ. *(Слушайте, слушайте.)* Несмотря на сильныя рѣчи противоположной стороны, резолюція благороднаго лорда была принята палатою. Существовало великое разногласіе мнѣній относительно образа дѣйствій, котораго могло держаться вслѣдъ затѣмъ правительство. Безъ сомнѣнія, тогдашнія обстоятельства весьма благопріятствовали рѣшенію вопроса о реформѣ, и такія обстоятельства можетъ-быть никогда болѣе не представятся. Въ продолженіи преній обнаружилось весьма замѣчательное единогласіе между обѣими сторонами палаты касательно мѣры, которую необходимо было принять. Страна, открыто высказавъ свое неодобреніе биллю, предложенному правительствомъ, указала въ то же время на то, чѣмъ бы она могла остаться довольною. И такъ можно сказать, что упущенъ весьма удобный случай рѣшить вопросъ. Но правительству, и правительству одному, предстояло судить о томъ, какой образъ дѣйствій наиболѣе согласенъ съ его достоинствомъ и вѣсомъ. Отъ него зависѣло или поддерживать свой билль или предложить другой, или, наконецъ, избрать то средство, которое дѣйствительно было избрано ими, то-есть посовѣтовать ея величеству распустить парламентъ. Не отрицаю, что правительство имѣло право прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, но отрицаю, что это была мѣра мудрая и благоразумная. *(Слушайте, слушайте.)* При всякихъ обстоятельствахъ это значило брать на

(1) Резолюція лорда Джона Росселя по биллю о реформѣ.

себя великую ответственность. *(Одобрение.)* Парламентъ за-
далъ всего два года, и не было причины предполагать большое
разногласіе между нимъ и страню. *(Слушайте.)* Палата общинъ
показала великую умѣренность *(слушайте)*, великій тактъ и
истинный патріотизмъ въ вопросахъ иностранной политики.
Во всякое время распущеніе такого парламента было бы сопря-
жено съ великою отвѣтственностію, но въ такое критическое
время, когда самый предусмотрительный человекъ не могъ
предвидѣть, что принесетъ съ собою слѣдующій день или слѣду-
ющей часъ, поступокъ такого рода можетъ быть названъ не иначе
какъ неблагоразумнымъ и неосмотрительнымъ. *(Слушайте, слу-
шайте.)* Но распустивъ парламентъ, правительство обязано было
прямо предложить вопросъ странѣ. *(Слушайте, слушайте.)* Оно
не имѣло права, послѣ того какъ билль о реформѣ былъ отверг-
нутъ, считать это пораженіе за выраженіе общаго неодобренія
и на этомъ основаніи апеллировать къ странѣ. *(Слушайте.)*
Мнѣ кажется, ему слѣдовало объявить, продолжаетъ ли оно дер-
жаться принциповъ, высказанныхъ въ его билль о реформѣ, или
нѣтъ. *(Слушайте.)* Значило обращать все дѣло въ шутку — пред-
ставить билль, который былъ вынужденъ, и потомъ бросить его
и оставить не рѣшеннымъ, будетъ ли этотъ вопросъ снова пред-
ложенъ палатѣ, или нѣтъ. *(Слушайте.)* Что же касается до по-
ложенія самого правительства, то оно, какъ мнѣ кажется, было
ослаблено утратою трехъ изъ своихъ достойнѣйшихъ членовъ,
и его собственная партія не горячо и не дѣятельно поддержива-
етъ его. *(Нить, нить, съ министерской стороны.)* Если прави-
тельство пользуется искреннею поддержкой своей партіи, то, спра-
шиваю, отчего многіе изъ членовъ этой партіи ничего не говорили
на *вестимисахъ* (1) въ пользу билля о реформѣ? *(Слушайте.)* Я ут-
верждаю, что правительство не внушаетъ довѣрія къ себѣ въ
своей собственной партіи, и что съ тѣхъ поръ, какъ они нахо-
дятся въ должности, имъ не удалось провести ни одной важной
мѣры. *(О! о! съ министерской стороны и знаки одобрения отъ
оппозиціи.)* Я не намѣренъ пускаться въ разсужденія о внѣшней
политикѣ, прежде чѣмъ будутъ сообщены обѣщанныя парламенту
бумаги, но не могу не сказать, что по всему, что извѣстно до
сихъ поръ палатѣ, она необходимо должна предполагать промахи
во внѣшней политикѣ. *(Слушайте, слушайте.)* Въ началѣ нынѣш-
няго года Англія стояла такъ высоко, какъ въ любой періодъ
своей исторіи. Мы вышли изъ индійской войны болѣе могуще-
ственными, нежели прежде, мы были въ мирѣ со всѣмъ свѣтомъ,
и я думаю, всякій народъ Европы крайне дорожилъ уваженіемъ
и дружбою нашей страны. *(Одобрение.)* Англія могла тогда гово-

(1) Собранія для выбора членовъ въ палату общинъ.

рѣшительно и энергически со всею Европою, а еслибы правительство дѣйствительно говорило такимъ языкомъ, то невѣроятно, чтобы война могла разразиться. *(Слушайте, слушайте.)* Я долженъ сказать, — такъ какъ правительство ничего не объяснило палатѣ объ этомъ вопросѣ — что поведение правительства не внушаетъ довѣрія къ нему въ будущемъ. Извѣстіе о томъ, что правительство ея величества намѣрено сохранять строгій нейтралитетъ, никому не доставило болѣе удовольствія, нежели мнѣ. Пусть палата не забываетъ, что эта война, начавшись разъ, можетъ распространиться по всей Европѣ, что въ послѣдствіи могутъ произойти complicacіи, съ которыми будетъ не легко бороться самымъ опытнымъ, благоразумнымъ и искуснымъ государственнымъ людямъ Англіи. Итакъ, внѣшняя политика не представляетъ, кажется, причинъ отклонить приговоръ, котораго оппозиція требуетъ отъ палаты. *(Слушайте, слушайте.)* Считаю нужнымъ коснуться вкратцѣ послѣдствій, могущихъ произойти отъ успѣха предлагаемой мною поправки къ адресу. Я не сомнѣваюсь, что въ продолженіи преній оппозиція подвергнется насмѣшкамъ и нареканіямъ за внутреннее раздѣленіе либеральной партіи. *(Одобреніе съ министерской стороны.)* Не мое дѣло говорить палатѣ, какія соглашенія были сдѣланы въ недавнее время *(смѣхъ съ той же стороны)*, и къ какимъ жертвамъ готовы члены этой партіи. *(Опять смѣхъ и ироническое одобреніе.)* Палата узнаетъ въ продолженіи преній, что части этой великой либеральной партіи не такъ раздѣлены между собою, какъ кажется. *(Одобреніе.)* Неудачи научили ихъ *(ироническое одобреніе съ министерской стороны)*, и вожди всѣхъ оттѣнковъ готовы содѣйствовать достиженію того, что считаютъ благомъ страны. Насъ научили несчастія, сказалъ я, можетъ-быть слѣдовало бы прибавить, что насъ научила также и министерская сторона палаты. Мы удивляемся плотному строю этой (министерской) стороны, но мы не увѣрены, чтобы внутри ея не существовало разногласія въ главныхъ началахъ *(одобреніе)*, между тѣмъ какъ разногласіе въ либеральной партіи относится только къ частностямъ. *(Ироническій смѣхъ.)* Признаюсь, что по моему убѣжденію, эта (оппозиціонная) сторона палаты имѣетъ основаніе считать себя въ состояніи образовать крѣпкое правительство, и что это убѣжденіе ободрило меня предложить поправку къ адресу. Будутъ говорить, конечно, что эта поправка есть дѣло партіи. Допускаю это *(одобреніе съ правительственной стороны, на которое другая сторона отвѣчаетъ также одобреніемъ)*, но, при настоящемъ критическомъ положеніи нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, мнѣ кажется лучше, чтобы власть была въ рукахъ той партіи, которая, представляя собою образъ мыслей и чувства всякаго образованнаго

Англичанна (*ироническій смѣхъ и крики съ министерской стороны, на которые оппозиція отвѣчаетъ одобреніемъ*), постоянно давала твердую поддержку всякой мѣрѣ общественной и политической реформы, нежели въ рукахъ партіи, самое имя и существо которой противорѣчить всякому прогрессу. (*Одобрение, на которое правительственная сторона отвѣчаетъ ироническими криками.*) Я предпочитаю въ эту критическую минуту видѣть власть въ рукахъ преемниковъ политики невѣщательства, которой держались люди подобные Фоксу и Грею, а не въ рукахъ послѣдователей той политики воинственной, вмѣшивающейся въ чужія дѣла, платящей субсидіи, которая характеризовала администраціи Касслери и Питта. Допускаю, что предложеніе это во всѣхъ отношеніяхъ дѣло партіи; но отрицаю, что оно сдѣлано съ цѣлю возвысить политическое значеніе какихъ бы то ни было отдѣльныхъ людей. (*Крики одобренія и ироническій смѣхъ.*) Правительственныя должности не могутъ прельщать государственныхъ людей при настоящемъ критическомъ положеніи дѣлъ. Съ увеличеніемъ военныхъ силъ, которое всякое правительство сочтетъ нужнымъ, должны увеличиться налоги, а увеличеніе налоговъ должно возбудить неудовольствіе во всей странѣ. Всякій, кто достигнетъ власти, приметъ на себя только груды и заботы. Прошу палату при рѣшеніи предлагаемаго вопроса руководствоваться мотивами гораздо болѣе возвышенными, нежели личное честолюбіе. Прошу ее вспомнить, что вопросъ этотъ есть можетъ-быть вопросъ о мирѣ или войнѣ для Англіи. (*Одобрение съ министерской стороны, на которое оппозиція отвѣчаетъ также одобреніемъ.*) Прошу всякаго члена этой палаты добросовѣстно обсудить дѣло и думаю, что всякій, кто отвѣтитъ на него недобросовѣстно, измѣнитъ своимъ обязанностямъ относительно палаты, избирателей и страны. (*Громкіе крики одобренія.*)

Благородный маркизъ заключилъ рѣчь предложеніемъ поправки въ видѣ прибавленія къ адресу въ слѣдующихъ словахъ:

«Мы всепокорно доводимъ до свѣдѣнія вашего величества, что для удовлетворительнаго результата нашихъ совѣщаній и для облегченія вашему величеству отправленія вашихъ высокихъ обязанностей, необходимо, чтобы правительство вашего величества пользовалось довѣріемъ этой палаты и страны, и считаемъ въ то же время долгомъ почтительно увѣдомить ваше величество, что этимъ довѣріемъ не пользуются теперешніе совѣтники вашего величества.»

Г. Генбери поддерживалъ, или, какъ говорится въ Англіи, *секондировалъ* поправку, предложенную благороднымъ маркизомъ, членомъ за Сѣверный Ланкаширъ. Онъ бѣгло обозрѣлъ дѣятельность милъ Устерства Дерби и остановился на парламентскомъ по-

ложеніи его въ послѣднюю сессію. «Министровъ поддерживали, сказалъ онъ, радикальные члены палаты; поддержка эта была куплена общаніемъ популярнаго билля о реформѣ. Но правительство видѣло, что поддержка съ этой стороны обманчива и лицеѣрна, и оно рѣшилось распустить парламентъ. Можетъ ли либеральная партія ожидать чего-нибудь добраго отъ этихъ людей? Не тѣ же ли это самые люди, которые противились всѣмъ великимъ мѣрамъ, проведеннымъ въ продолженіе настоящаго столѣтія, мѣрамъ, содѣйствовавшимъ благосостоянію страны и сдѣлавшимъ народъ счастливымъ, довольнымъ и единодушнымъ?»

Канцлеръ казначейства поднялся съ своего мѣста среди громкихъ изъявленій одобренія. Онъ началъ такъ:

Г. спикеръ, я не жалуясь на образъ дѣйствій, принятый благороднымъ лордомъ (маркизомъ Гартингтономъ) и его друзьями. Я нахожу его выгоднымъ для страны, особенно въ томъ положеніи, въ которомъ она находится теперь; нахожу выгоднымъ, чтобы было, наконецъ, уяснено, пользуются ли совѣтники ея величества довѣріемъ парламента. Мнѣ кажется, что мы достаточно обнаружили искренность мнѣній нашихъ въ этомъ отношеніи, посовѣтовавши королеви распустить прошлый парламентъ. *(Слушайте.)* Осмѣливаюсь замѣтить однако, что если благородный лордъ сравниваетъ положеніе теперешняго министерства съ министерствомъ 1841 года, то, поразмысливъ и разсудивъ хорошенько, онъ замѣтитъ напротивъ значительную между ними разницу. *(Одобреніе.)* Правда, лордъ Дерби, по чувству долга, посовѣтовалъ ея величеству распустить парламентъ; онъ принялъ управленіе дѣлами среди необыкновенно затруднительныхъ обстоятельствъ; послѣдніе выборы въ парламентъ совершились подъ вліяніемъ его противниковъ; извѣстно, что онъ имѣлъ въ немъ сравнительно весьма малое число приверженцевъ. *(Слушайте, слушайте.)* Но каковъ былъ образъ дѣйствій министерства, которое распустило парламентъ въ 1841 году? Оно распустило парламентъ, выбранный подъ его собственнымъ вліяніемъ *(одобреніе)*, парламентъ, состоявшій изъ его собственныхъ друзей, и резолюція, предложенная сэромъ Робертомъ Пилемъ, была возбуждена обстоятельствами, совершенно отличными отъ теперешнихъ, и судьба ея была совершенно не та, которая ожидаетъ поправку, предложенную благороднымъ лордомъ. *(Одобреніе.)* Сэръ, министерство лорда Мельборна, которое имѣло своимъ предводителемъ въ этой палатѣ благороднаго лорда, члена за Лондонскій Городъ (лордъ Джона Росселя), упрекали именно въ томъ, что оно годъ за годомъ, цѣлыхъ два года, оставалось на своемъ мѣстѣ, послѣ рѣшительнаго пораженія своего въ 1839 году, и несмотря на то что находилось постоянно въ меньшин-

ствѣ, не считало нужнымъ ни отказываться отъ власти, ни дѣлать воззванія къ странѣ. Оно, наконецъ, рѣшилось сдѣлать это воззваніе, будучи вынуждено къ тому порицаніемъ, которое въ своемъ собственномъ парламентѣ оно нашло себѣ въ лицахъ, бывшихъ сначала его приверженцами. *(Одобреніе.)* Таково ли положеніе правительства, во главѣ котораго находится лордъ Дерби? Правда, мѣры, предложенныя нами, не имѣли успѣха, но это нисколько не удивительно, ибо только треть членовъ послѣдняго парламента поддерживали насъ. Сомнѣваюсь, могли ли какія бы то ни было мѣры, какъ бы ни были онѣ зрѣло обсуждены и счастливо примѣнены къ обстоятельствамъ, найдти себѣ радушный пріемъ въ парламентѣ, составленномъ подобнымъ образомъ. Мы знали, что мѣры наши будутъ отвергнуты, и одно это давало намъ право посовѣтовать ея величеству сдѣлать воззваніе къ странѣ. Миѣ кажется, сэръ, что я, такимъ образомъ, доказалъ достаточно, что обстоятельства, среди которыхъ находился лордъ Мельборнъ въ 1841 году, нисколько не похожи на тѣ, которыми хотятъ оправдать образъ дѣйствій, принятый нынѣ благороднымъ лордомъ. Но все-таки, повторяю, я не нахожу нисколько страннымъ этого образа дѣйствій. Я готчасъ же поднялся съ мѣста для того, чтобъ отвѣчать на обвиненія противъ насъ, и могу увѣрить благороднаго лорда и палату, что поступаю такимъ образомъ изъ сознанія важности вопроса о довѣрїи, изъ сознанія, что онъ не долженъ безъ нужды оставаться долго не рѣшеннымъ. *(Слушайте, слушайте.)* Для общественныхъ интересовъ крайне важно, чтобы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ безъ отлагательства: я надѣюсь, что, отвѣчая немедленно на нападки благороднаго лорда и его друзей, я даю возможность палатѣ выразить свое мнѣніе сегодня же *(громкое одобреніе)* и сегодня же рѣшить, которая партія пользуется въ самомъ дѣлѣ довѣрїемъ парламента. *(Одобреніе.)* На чувства, выраженныя благороднымъ лордомъ и его друзьями, я отвѣчаю самую полную взаимностію: если мы потерпимъ пораженіе, то несмотря на то, обѣщаемъ искреннее конституціонное содѣйствіе правительству, которое займетъ наше мѣсто. *(Одобреніе.)* Но, повторяю, рѣшеніе—каково бы оно ни было—въ настоящемъ положенїи дѣлъ не можетъ быть отлагаяемо безъ нужды даже и на двадцать четыре часа. *(Громкое одобреніе.)*

Посмотримъ же теперь, сэръ, на какомъ основанїи благородный лордъ и друзья его хотятъ, чтобъ эта палата выразила недовѣрїе къ правительству ея величества? Хотя большинство палаты и можетъ объявить свое рѣшеніе, не основывая его ни на чемъ, но благородный лордъ долженъ сознавать, что рѣшеніе подобнаго рода потеряло бы всякую нравственную силу. Благородный лордъ, дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ безъ сомнѣ-

нія на основаніи внимательнаго обсужденія дѣла, дѣйствительно изложилъ всѣ причины, по которымъ должно быть выражено недовѣріе. Я не думаю, вопервыхъ, чтобы неудача нѣкоторыхъ предложенныхъ нами мѣръ въ прошедшемъ парламентѣ была достаточною причиною для теперешняго парламента выразиться противъ насъ. (*Одобреніе.*) Взвѣсивъ на обстоятельства, среди которыхъ досталась намъ власть, и о которыхъ я уже упоминалъ, мы посовѣтовали сдѣлать воззваніе къ странѣ именно потому, что не находили себѣ опоры въ парламентѣ. Если поэтому теперешній парламентъ рѣшится оказывать благосклонный и конституціонный пріемъ мѣрамъ, которыя мы будемъ въ состояніи предложить, то нечего обвинять насъ въ томъ, что не увѣнчались успѣхомъ мѣры наши въ предшествовавшемъ парламентѣ. (*Одобреніе.*) Но благородный лордъ утверждаетъ, что не будучи въ состояніи провести наши мѣры, мы присовѣтовали распущеніе парламента, мѣру совершенно конституціонную, онъ допускаетъ это, но по мнѣнію его, неблагоприятную и неосмотрительную. При всемъ уваженіи къ благородному лорду и друзьямъ его, я не могу не сказать, что это значить предрѣшать вопросъ. Теперешняя палата должна рѣшить, было ли не благоприятно и неосмотрительно съ нашей стороны распустить парламентъ. Благородный лордъ и друзья его соглашаются, что послѣ успѣха резолюціи лорда Джона Росселя намъ оставалось что-нибудь одно изъ двухъ—или отказаться отъ должности, или рѣшиться именно на ту мѣру, которая была нами принята. Мнѣ кажется, что, по смыслу конституціонныхъ учрежденій, на насъ не лежало обязанности сложить съ себя наше званіе, ибо парламентъ, выразившійся противъ насъ, былъ собранъ подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ для насъ обстоятельствъ. Извѣстно, что послѣдняя палата общинъ была наполнена лицами, принадлежащими къ тому образованному классу (*одобреніе и смѣхъ*), къ той особенно-популярной партіи вигговъ, въ рядахъ которой преемственно сохраняется оппозиція политикѣ, представляемой нами. (*Одобреніе.*) Не вижу поэтому, какимъ образомъ можно упрекнуть въ неосмотрительности или неблагоприятности мѣру, предложенную нами ея величеству. Мнѣ кажется, что либеральная партія отнюдь не должна была смѣяться съ недовѣріемъ или опасеніемъ на распущеніе парламента. Или развѣ та часть ея, которая засѣдаетъ въ концѣ прохода (1), исповѣдуетъ теперь, что распущенія парламента пагубны? (*Одобреніе и смѣхъ*) Мнѣ казалось, что подобное недовѣріе къ народу присуще только однимъ образованнымъ классамъ. (*Смѣхъ.*) Благородный лордъ, членъ за Лондонскій Городъ (лордъ Джонъ Россель), считаетъ долгомъ протестовать всякій разъ, какъ только заходитъ рѣчь о распущеніи палаты, и это совершенно согласно съ

(1) Независимые члены либеральной партіи.

воззрѣніями его партіи,—партіи образованной, которая подарыла насъ актомъ о семилѣтнемъ засѣданіи парламента. (*Одобреніе.*) Но не всѣ же, казалось мнѣ, отгѣнки партіи либеральной, нынѣ соединенной, раздѣляютъ вполнѣ этотъ образъ мыслей. (*Одобреніе.*)

Пріятно, впрочемъ, для меня было замѣтить, что благородный лордъ, въ мужественной и много общающей рѣчи своей (*слушайте, слушайте*), ограничился нападеніями только на распушеніе парламента и не снизошелъ до повторенія передъ палатою тѣхъ возгласовъ о незаконности выборовъ, о подкупахъ и таинственныхъ связяхъ съ чужеземными державами, о которыхъ мы слышали такъ много. (*Одобреніе.*) Благородный лордъ думалъ, можетъ-быть, что предметъ этотъ уже достаточно исчерпанъ однимъ мастеромъ дѣла. (*Смѣхъ.*) Онъ думалъ, конечно, что если тронетъ, безъ достаточныхъ доказательствъ, этотъ вопросъ, то долженъ будетъ выслушать возраженія себѣ. (*Слушайте.*) Теперь, когда собрался парламентъ, я радуюсь, что стали разсуждать объ этомъ вопросѣ, какъ прилично истиннымъ джентльменамъ (*слушайте, слушайте*),—съ высшей точки зрѣнія партій и на основаніи широкихъ конституціонныхъ началъ. Недавно, однимъ лицомъ, пользующимся большимъ значеніемъ, было высказано мнѣніе, которое произвело сильное впечатлѣніе на публику, ибо оно было высказано *à propos*, когда оно не могло не подѣйствовать на выборы въ бургахъ. Въ то время, у меня было много занятій, я читалъ журналы съ меньшимъ, нежели слѣдовало бы, вниманіемъ, но это мнѣніе я прочелъ, ибо меня одинаково интересовало и то мѣсто, гдѣ оно было выражено, и то лицо, которому оно принадлежало (1). Но при чтеніи, я страннымъ образомъ смѣшалъ рѣчь, произнесенную молодымъ джентльменомъ предъ его избирателями, съ рѣчью, произнесенною однимъ знаменитымъ членомъ этой палаты. (*Громкій смѣхъ и одобреніе.*) Когда я прочиталъ это нападеніе на министерство, которое, какъ говорили, должно было лечь въ основаніе выраженія недоувѣрія къ нему, и которое было сдѣлано безъ малѣйшаго основанія и съ раздраженіемъ, которое казалось мнѣ нисколько не заслуженнымъ, я сказалъ только самъ себѣ, что молодые люди всегда остаются молодыми людьми. Молодость, какъ извѣстно, всегда немного неосмотрительна въ своихъ мнѣніяхъ;—когда вѣтренъ и молодъ (*смѣхъ*), то особенно гордившись своими нападками и сарказмами (*смѣхъ*); поневолѣ, чувствовалъ я, потому, интересъ къ молодому родственнику знаменитаго члена этой палаты, и хотя слова его были не совсѣмъ лестны для правительства ея величества, я не

(1) Рѣчь г. Грама на обѣдѣ въ Карлейлѣ. Въ засѣданіи 9-го іюня онъ сознается въ ошибкѣ; молодой человекъ, о которомъ говорится, есть г. Лосъ, другой членъ за Карлейль.

могъ не видѣть въ немъ достойнаго плода отъ могучаго дерева. (*Взрывъ хохота и одобреніе.*) Я былъ убѣжденъ,— и надѣюсь, что всѣ согласатся въ томъ со мною,— что когда молодой джентльменъ этотъ займетъ мѣсто въ палатѣ, то, присматриваясь къ важной осанкѣ, прислушиваясь къ тѣмъ мудрымъ изреченіямъ, которыя всегда исходятъ изъ устъ высокопочтеннаго (1) джентльмена (сэръ-Джемса Грама), представителя Карлейля (*смѣхъ*), онъ пойметъ, какъ мнѣнія неосмотрительныя, созрѣвая постепенно, переходятъ въ точныя показанія (*смѣхъ*), и какъ жолчь и задоръ, хотя бы и врожденныя, могутъ быть управляемы превратностями мудрой опытности. (*Громкій смѣхъ и одобреніе.*) Показанія, сдѣланныя въ этой рѣчи высокопочтеннаго джентльмена, распространились, между тѣмъ, во всевозможныхъ видахъ и одно время возбуждали къ себѣ совершенную довѣренность страны. Публика дѣйствительно вѣрила, что подкупныя административныя власти вліяли на выборы самымъ преступнымъ образомъ и для самыхъ безчестныхъ цѣлей. (*Слушайте, слушайте.*) Она повѣрила, что плата содержателямъ гостиницъ за постой солдатъ (*смѣхъ*) была увеличена по произволу военнаго министра, для того чтобы побудить трактирщиковъ подавать голоса за правительственныхъ кандидатовъ (*смѣхъ*), хотя всякому джентльмену въ этой палатѣ очень хорошо извѣстно, что предшествовавшюю палатою было сдѣлано законное распоряженіе о повышеніи этой платы и что уже прежде распущенія парламена мѣра эта начала приводиться въ исполненіе. (*Слушайте.*) Публика повѣрила, что заключались контракты, строились барраки, когда ни о барракахъ, ни о контрактахъ не было и рѣчи. (*Слушайте, слушайте! и смѣхъ.*) Публика повѣрила также, что лордъ Дерби подписался,— или извините, хвасталъ тѣмъ, что подписался, какъ выразился высокопочтенный джентльменъ,— на сумму 200.000 ф. ст., предназначавшуюся для покрытія издержекъ на выборы. (*Смѣхъ.*) Лордъ Дерби отвѣчалъ безмолвнымъ презрѣніемъ на этотъ слухъ. (*Одобреніе.*) Всѣ другія показанія, сдѣланныя въ то время, подверглись подробному опроверженію, и я предполагаю, лордъ Дерби думаетъ, что придетъ время, когда ему можно будетъ позволить мнѣ сказать здѣсь вмѣсто него, что все это обвиненіе безстыдная выдумка. (*Громкое и продолжительное одобреніе.*) Но что значать всѣ эти контракты съ трактирщиками въ сравненіи съ договоромъ съ папою! (*Смѣхъ.*) Ровно ничего. Нельзя сказать, чтобы пріятно было выслушивать по неволѣ обвиненія, дѣлаемыя членами тайнаго совѣта, людьми, которые занимали высшія государственныя должности, и какъ извѣстно мнѣ, намѣревы занимать высокія государственныя мѣста (2), обвиненія, дѣлаемыя прежде нежели собрался парламентъ, и замирающія на устахъ

(1) Титулъ высокопочтеннаго присвоивается членамъ тайнаго совѣта.

(2) Намекъ на лорда Джона.

обвинителей, когда парламентъ наконецъ собрался. Ни двигатель, ни пособникъ поправки о выраженіи недоувѣрія министерству не сочли нужнымъ упомянуть объ этомъ обвиненіи, а между тѣмъ оно весьма полноувѣсно. Правда ли, что лордъ Дерби вступилъ въ союзъ или соглашеніе съ какою бы то ни было іерархическою властью въ этой странѣ, съ какимъ бы то ни было агентомъ чужеземной власти, съ цѣлю пріобрѣсти себѣ большее вліяніе на выборы? Обвиненіе такого рода не должно быть дѣлаемо ни однимъ, сколько-нибудь значительнымъ человекомъ безъ должнаго изслѣдованія его справедливости. *(Одобреніе.)* Утверждаю самымъ положительнымъ образомъ, что никогда не существовало подобнаго соглашенія *(слушайте, слушайте)*, и что если оказана была намъ какая-либо помощь нашими согражданами, исповѣдующими католическую религію, то произошло это не только безъ всякихъ договоровъ и условій, но даже безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ правительствомъ ея величества. *(Одобреніе.)* Я увѣренъ, что лица, о которыхъ говорю я, руководствовались только собственнымъ искреннимъ мнѣніемъ, справедливымъ или нѣтъ, о достоинствѣ государственныхъ людей и государственной политики. *(Слушайте, слушайте.)* Какъ кажется, гражданская и религіозная свобода, дарованная католикамъ, благодаря содѣйствию благороднаго лорда (лорда Джона Росселя), означаетъ для него не болѣе какъ гражданскую и религіозную свободу вѣтровать за вигговъ и поддерживать вигскихъ кандидатовъ. *(Смѣхъ и одобреніе.)* Лишь только Англичанинъ или Ирландецъ, исповѣдующій католицизмъ, подаетъ голосъ за торійскаго кандидата, какъ члены противной намъ партіи уже мечтаютъ о возстановленіи стѣснительныхъ законовъ, отмѣною которыхъ они величаются постоянно. *(Смѣхъ и одобреніе.)*

Я коснулся такимъ образомъ двухъ причинъ, на которыя могло опираться выраженіе недоувѣрія правительству, представленное въ такой необыкновенной формѣ, въ формѣ поправки къ отвѣтному адресу на милостивую тронную рѣчь. Говорятъ, во первыхъ, что многія изъ мѣръ, предложенныхъ нами парламенту, не имѣли успѣха, но именно по этому-то самому и созванъ былъ новый парламентъ. *(Слушайте.)* Въ вторыхъ говорятъ, что распущеніе, предложенное нами королевѣ, было мѣрой неблагоприятною и неосмотрительною, но вопросъ этотъ подлежитъ еще рѣшенію палаты. Какія же еще причины для выраженія недоувѣрія? Чтò произошло со времени распущенія послѣдней палаты, чѣмъ можно было бы оправдать поступокъ благороднаго лорда? Указываютъ на нашу иностранную политику? Правда, переговоры, начавшіеся за нѣсколько времени до распущенія парламента, оказались неудачными, и между нѣкоторыми европейскими державами вспыхнула война. Сколько я понялъ значеніе словъ благороднаго лорда,—

хотя, должно сказать, онъ съ особенною дипломатическою ловкостью облекъ туманомъ эту часть своей рѣчи,—нельзя называть ни на чемъ не основаннымъ его утверженіе, сдѣланное *ad invictam* (1), что мы не достигли успѣха во внѣшней политикѣ, и что переговоры, предпринятые для избѣжанія войны, не могли сохранить мира. Благородный лордъ и друзья его не могутъ быть лишены права подозрѣвать, что внѣшняя политика наша съ начала этого года не была ведена съ достаточнымъ умѣньемъ, но судить объ этомъ они могутъ не прежде, какъ познакомившись съ документами, которые я намѣренъ немедленно представить палатѣ. (*Одобреніе.*) Безъ сомнѣнія, благородный лордъ, хотя онъ и человекъ партіи,—за что, впрочемъ, я не думаю упрекать его, ибо я смотрю на партію, какъ на лучшее обезпеченіе нашего парламентарнаго правительства и общественной свободы (*слушайте, слушайте*),—безъ сомнѣнія, благородный лордъ, какъ человекъ партіи, не станеть возводить въ принципъ, что онъ и друзья его, еслибы даже они и пользовались большинствомъ въ палатѣ, имѣютъ право судить о переговорахъ, не читавъ и не изучавъ документовъ, которые одни могутъ уяснить дѣло. (*Одобреніе.*) Станеть ли утверждать благородный лордъ, какъ человекъ партіи, что успѣхъ—единственное доказательство ловкости въ переговорахъ, и что правительство, которому переговоры о сохраненіи мира не удались, не достойно заниматься дѣлами этой страны? (*Слушайте, слушайте.*) Сочтеть ли онъ возможнымъ защищать подобный принципъ? Войнѣ, возгорѣвшейся теперь въ Европѣ, предшествовала другая война не между двумя союзными намъ государствами, но между нашею сграною и одною великою военною державою, Россіей. Успѣли ли тогда переговоры предотвратить войну? (*Слушайте, слушайте.*) Дѣло было тогда гораздо важнѣе, важнѣе была и отвѣтственность, ибо мы сами замѣшаны были въ дѣлѣ, и вопросъ шель о нашемъ собственномъ образѣ дѣйствій среди затруднительныхъ обстоятельствъ. (*Слушайте, слушайте.*) Кто же были тогда министрами? Отвѣтственность за переговоры лежала тогда не на насъ. (*Слушайте.*) Правительство въ то время не было въ меньшинствѣ; то не было правительство, составленное изъ людей недостаточной ловкости или опытности. (*Слушайте, слушайте.*) Во главѣ его находился мудрый и прославленный государственный мужъ Европы, лордъ Абердинъ, который участвовалъ самъ въ составленіи знаменитыхъ трактатовъ 1815 года, возбуждающихъ такой сильный говоръ въ наше время. Государственнымъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ былъ также именитый государственный человекъ, занимавшій высокія должности и бывший не разъ посланникомъ при большихъ европей-

(1) Съ злорадствомъ.

скихъ дворахъ. Я не знаю, кто будетъ на будущее время государственнымъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ противной намъ партіи, но знаю только, что лордъ Кларендонъ вполне достойный человѣкъ. Вы имѣли такимъ образомъ тогда, для того чтобы дѣйствовать дипломатическимъ путемъ, лорда Абердина и лорда Кларендона, двухъ людей чрезвычайно искусныхъ и опытныхъ. Да не было ли у васъ и еще кого-нибудь? (*Смѣхъ.*) Какъ же, у васъ былъ еще благородный лордъ, членъ за Тивертонъ (лордъ Пальмерстонъ), который еще вчера обнажалъ подобно Кориолану свои раны (1) и домогается теперь открыто власти. Онъ такого мнѣнія, и многіе раздѣляютъ его съ нимъ, что онъ имѣетъ нѣкоторыя познанія въ иностранной политикѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ старается показать, что только онъ одинъ умѣетъ отважиться на войну или сохранить миръ. Лордъ Абердинъ и лордъ Кларендонъ пользовались, такимъ образомъ, содѣйствіемъ благороднаго лорда, члена за Тивертонъ. Не буду ничего говорить о благородномъ лордѣ, членѣ за Лондонскій Городъ (лордъ Джонъ-Росселъ), ибо опытность его въ иностранной политикѣ нѣсколько ограничена. (*Смѣхъ.*) Ну что же успѣли сдѣлать всѣ названные мною государственные люди для предотвращенія войны? Позоръ тогдашнихъ дипломатическихъ переговоровъ еще не совершенно забытъ теперь въ Англіи. (*Одобреніе.*) Вѣнскіе протоколы еще не вышли изъ памяти этого народа. (*Громкое одобреніе.*) На сторонѣ вашей были всевозможныя выгоды, и все-таки вы не имѣли успѣха. За васъ было большинство парламента; у васъ были мудрые и опытные государственные люди; событія огромной важности побуждали васъ къ чрезвычайнымъ усиліямъ, увеличивали вашу отвѣтственность, и все-таки вы срѣзались. (*Одобреніе.*) У васъ было еще нѣчто большее, чего не имѣемъ мы съ нашими бѣдными средствами для сохраненія мира. Передъ вами была многочисленная и благородно-честолюбивая оппозиція, но оппозиція эта во все время вашихъ дипломатическихъ переговоровъ не предлагала выразить вамъ недовѣріе, и коварными резолюціями (2) не затруднила васъ въ исполненіи вашей должности. (*Громкое одобреніе.*) Мы помогали вамъ среди вашихъ затрудненій, поддерживали васъ чистосердечно и безхитростно. (*Одобреніе и крики: нѣтъ!*) Неужели кто-нибудь здѣсь рѣшается восклицать: нѣтъ? Я предлагаю всякому указать хоть одно предложеніе, сдѣланное нами во все время войны съ цѣлію затруднить васъ... И когда вслѣдствіе вашего дурнаго управ-

(1) На митингѣ въ *Willis' Rooms*, гдѣ происходило соглашеніе вождей либеральной партіи. Объ этомъ митингѣ мы говоримъ ниже въ *Политическомъ Обзорѣ*.

(2) Намекъ на резолюцію лорда Джона Россела по вопросу о парламентской реформѣ.

ленія и неудовлетворительности вашихъ мѣръ, касательно веденія войны, поднялся публичный вопль, требовавшій вашего удаленія отъ должностей, то ударъ былъ нанесенъ вамъ человѣкомъ изъ вашей же собственной среды, и потомъ члены разныхъ фракцій либеральной партіи способствовали своимъ вотомъ вашему паденію. (*Одобреніе.*) Кончаю такимъ образомъ третью причину, на основаніи которой вы требуете выразить намъ недоувѣріе. Думаю, что причина эта не покажется основательною даже карлейльской публикѣ, вѣрующей въ сдѣлки съ папою и принимающей за истину самыя чудовищныя нелѣпости, если только онѣ высказаны человѣкомъ, который пользуется высокимъ авторитетомъ.

Есть еще одна причина, приведенная благороднымъ лордомъ для подкрѣпленія его предложенія, именно неудача предложенной нами законодательной мѣры для исправленія народнаго представительства и доказанная этою неудачею наша неспособность взяться за вопросъ о парламентской реформѣ. Нѣтъ необходимости для меня защищать теперь мѣру, внесенную нами въ предшествовавшій парламентъ, но я укажу только на одинъ фактъ, ссылаясь въ этомъ на авторитетъ людей высокой учености, не принадлежащихъ ни къ какой политической партіи, и занимающихся исключительно изслѣдованіемъ истины. Они утверждаютъ, что мѣра наша увеличила бы не менѣе чѣмъ полмилліономъ число избирателей, а эта прибавка больше той, которую установилъ билль 1832 года. Можно было, конечно, спорить о подробностяхъ мѣры и даже очень важныхъ. Говорили, напримѣръ, что она отнимаетъ льготу у *фригольдеровъ* графствъ, живущихъ въ городахъ, что напрасно дозволяетъ она подавать голоса письменно, и многое другое. Предположивъ даже, что всѣ эти подробности справедливо заслуживаютъ порицанія, развѣ не видѣли мы, что мѣры, предлагаемыя для исправленія народнаго представительства, были исполнены подробностей, возбуждавшихъ точно такія же возраженія и точно также не имѣвшихъ успѣха? (*Одобреніе.*) Отчего же ничего не говорить о нихъ? Отчего же твердятъ только о нашемъ намѣреніи стѣснить льготу *фригольдеровъ* и облегчить письменную подачу голосовъ? Благородный лордъ, членъ за Лондонскій Городъ, занималъ высокія должности почти въ теченіи всей своей жизни; вопросъ о реформѣ сдѣлался почти его монополіей; онъ постоянно, съ тѣхъ поръ какъ я помню его, хватался за этотъ вопросъ и гонялся за нимъ въ парламентъ. И что же? Дважды предлагалъ онъ билль по этому поводу, и оба раза неудача. Первый разъ онъ предложилъ, — онъ, великій патронъ рабочихъ классовъ, — лишить льготы всѣхъ *фрименовъ* Англій. (*Слушайте, слушайте.*) Отчего же не ссылаются на это, какъ на достаточную причину не довѣрять приготовленія билля о реформѣ его заботамъ? (*Ода-*

бреніе.) Въ другомъ биллѣ онъ помѣстилъ мѣру враждебную главнымъ началамъ, на которыхъ опирается представительное правительство, и не согласную съ духомъ конституціи: онъ предложилъ дать представительство меньшинству. Если какое-нибудь предложеніе было встрѣчено всеобщимъ порицаніемъ, такъ именно это. Отчего же дозволяютъ благородному лорду заниматься вопросомъ о реформѣ? Благородный лордъ, который возстаетъ противъ мысли управлять съ помощію меньшинства, засѣдалъ когда-то на этихъ самыхъ скамьяхъ, опираясь на признанное меньшинство и завися совершенно отъ содѣйствія и совѣтовъ, въ которыхъ не отказывалъ ему сэръ-Робертъ Пилль. Благородный лордъ, такъ твердо стоящій теперь противъ управленія посредствомъ меньшинства, самъ намѣревался измѣнить англійскую конституцію и меньшинству вручить представительство. *(Одобреніе.)* Я предполагаю, что онъ единственное лицо, способное представить билль о реформѣ, ибо другой благородный лордъ, членъ за Тивертонъ, не очень пристрастенъ къ этому предмету. *(Смѣхъ.)* Онъ не скрываетъ своего нерасположенія къ нему. Мы по крайней мѣрѣ приготовили и предложили мѣру, по которой число избирателей королевства увеличилось бы болѣе чѣмъ вдвое, и намъ не даютъ права подавать свой голосъ о реформѣ, тогда какъ благородный лордъ, съ трудомъ скрывающій, что парламентская реформа кажется ему не хорошимъ дѣломъ, и который готовъ сдѣлать развѣ только самыя ничтожныя измѣненія въ народномъ представительствѣ, является популярнымъ кандидатомъ для предводительства тѣми, которыхъ со вчерашняго дня величаютъ «возсоединенными отдѣлами либеральной партіи». *(Смѣхъ.)* Искренно поздравляю почтеннаго представителя Бермингама (г. Брайтъ), что онъ, съ смиреніемъ агнца, отказался отъ тѣхъ чудовищныхъ мнѣній, которыя еще весьма недавно заставляли Англію бояться того, что составляетъ ея существенную особенность. *(Одобреніе.)*

Я рассмотрѣлъ, такимъ образомъ, всѣ причины, на основаніи которыхъ благородный лордъ и его друзья требуютъ выразить недовѣріе правительству. Но прежде чѣмъ я сяду на свое мѣсто, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ вообще о характерѣ тронной рѣчи и о намѣреніяхъ правительства. Въ рѣчи этой заключаются два предмета, которые интересуютъ сильно, хотя въ настоящее время можетъ-быть и не въ одинаковой степени, общественное вниманіе. Одинъ изъ нихъ относится къ внѣшней нашей политикѣ, другой къ вопросу о парламентской реформѣ. Что касается до внѣшнихъ сношеній, то тронная рѣчь и адресъ, предложенный съ такимъ искусствомъ благороднымъ другомъ моимъ, сидящимъ позади меня, отчетливо и ясно опредѣляютъ нашъ образъ дѣйствій. Мы старались всѣми силами сохранить миръ. Когда на-

ступать удобное время, и всё бумаги будут находиться въ рукахъ почтенныхъ членовъ, я буду счастливъ и готовъ защищать по всѣмъ пунктамъ безъ исключенія политику правительства. *(Одобреніе.)* Я иду на подробное изслѣдованіе всего этого дѣла, и все, чего я требую, ограничивается тѣмъ, чтобы палата не рѣшала такого важнаго вопроса, не имѣя всѣхъ нужныхъ документовъ; если же я самъ рѣшаюсь говорить объ одномъ или двухъ пунктахъ, къ нему относящихся, то дѣлаю это, будучи вынужденъ къ тому благороднымъ лордомъ (маркизомъ Гартингтономъ), и желая исправить одно или два совершенно ошибочныя мнѣнія, которыя, повидимому, существуютъ. *(Одобреніе.)* Повторяю здѣсь слова, сказанныя мною въ прежнемъ парламентѣ, что успѣхъ резолюціи, предложенной благороднымъ лордомъ, членомъ за Лондонскій Городъ, имѣлъ сильное вліяніе въ то время на наши дипломатическіе переговоры. *(Одобреніе.)* Я могъ бы доказать это, но ограничиваюсь однимъ намекомъ, ибо благородный лордъ, членъ за Сѣверный Ланкаширъ, счелъ нужнымъ упомянуть объ этомъ. Успѣхъ этой резолюціи, повторяю, ослабилъ нашу силу, но не совершенно уничтожилъ въ то время вліяніе наше на императора Французовъ, ибо хотя, въ качествѣ правительства, мы лишены были силы, мы все-таки представляли принципъ, который имѣлъ много вліянія на образъ мыслей главы сосѣдняго намъ государства. Императоръ Французовъ находился въ то время, какъ и всегда, какъ и теперь, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе во Франціи было противъ войны; въ Англіи, во всей просвѣщенной Европѣ, оно одинаково высказывалось противъ войны. Поэтому, не имѣя много силы, какъ министры, но представляя собою тотъ принципъ общественнаго мнѣнія, который не могъ не имѣть вліянія на императора, мы все-таки обращались къ нему съ нашими совѣтами, и, несмотря на враждебное отношеніе къ намъ прежней палаты, совѣты эти не теряли своего значенія. *(Слушайте, слушайте.)* Что же касается Австріи, со стороны которой ни мы, ни благородный лордъ не ожидали въ то время насильственнаго образа дѣйствій, она насколько не находилась подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Для Австріи мы утратили всякое значеніе, лишь только потеряли возможность говорить какъ сильное министерство, и она проникнулась убѣжденіемъ, конечно весьма несправедливымъ, хотя какъ видно изъ дипломатическихъ переговоровъ, оно дѣйствительно имѣло вліяніе на ея рѣшенія, что преемники наши въ управленіи будутъ склоняться къ войнѣ, и потому сама она немедленно приступила къ военнымъ дѣйствіямъ. Поэтому-то Австрія, не обращая никакого вниманія на англійское министерство, которое, казалось ей, утратило всякое значеніе, не заботясь также объ общественномъ мнѣніи, отважилось на тотъ безразсудный, насильственный поступокъ, который каж-

дній долженъ оплакивать. (*Слушайте, слушайте.*) Утверждаю, что я былъ совершенно правъ, приписывая нашей слабости, какъ правительства, не удачу переговоровъ, и когда наступать премія, то они подтвердятъ мои слова. (*Слушайте.*) Палата позволить мнѣ остановиться теперь на одномъ пунктѣ, имѣющемъ личный для меня интересъ. Меня обвиняли въ томъ, что, наканунѣ распущенія парламента, въ рѣчи своей, я коснулся внѣшней нашей политики и выразилъ надежду на сохраненіе мира въ то время, какъ война была уже неминуема. Позволю себѣ напомнить джентльменамъ, присутствовавшимъ въ прошломъ парламентѣ, что только за нѣсколько минутъ до тѣхъ поръ, какъ я поднялся съ своего мѣста, была получена телеграфическая депеша отъ лорда Коулея, извѣщавшая, что императоръ Французовъ принялъ принципъ предварительнаго обезоруженія до собранія конгресса, — принципъ, который Австрія считала необходимымъ для мирнаго разрѣшенія распри. Лордъ Коулей извѣщалъ, что графъ Валевскій побуждалъ къ тому же самому соглашенію Сардинію въ выраженіяхъ, не допускавшихъ противорѣчія съ ея стороны. Не имѣлъ ли я права объявить среди этихъ обстоятельствъ палатѣ, что еще не исчезли всѣ надежды на миръ? (*Слушайте, слушайте.*) Не должна ли была увѣренность эта еще болѣе усилиться, когда на другой день телеграфъ извѣстилъ, что Сардинія приняла предложеніе Франціи, что сначала казалось совершенно невозможнымъ съ ея стороны? (*Одобреніе.*) Когда переговоры наконецъ не удались, — при чемъ однако, какъ я имѣю, сколько мнѣ кажется, право сказать, насколько не пострадали ни честь, ни вліяніе нашихъ совѣтовъ, — что оставалось намъ предпринять? Мы рѣшились держаться принципа безпристрастнаго и строгаго нейтралитета (*одобреніе*); мы старались дѣйствовать въ духѣ этого принципа, и невозможно представить даже тѣнь доказательства, чтобы мы въ совѣтахъ и поступкахъ нашихъ склонялись сколько-нибудь на сторону Франціи или Австріи. (*Одобреніе.*) Смію думать, что обѣ державы эти, въ какомъ ни находятся онѣ теперь раздражительномъ состояніи, должны отдать намъ справедливость въ этомъ отношеніи. Конечно, сознавая, что строгій и безпристрастный нейтралитетъ условливается интересами этой страны и составляетъ желаніе всего народа, мы считали въ то же время своимъ долгомъ озаботиться вооруженіями на морѣ и на сухомъ пути и поставить королеву въ такое положеніе, чтобъ авторитетъ ея всюду чувствовался и всюду былъ признаваемъ. (*Одобреніе.*) Но увеличивая флоты и сухопутныя наши силы, мы не имѣли въ виду войны, а стремились, напротивъ, къ возстановленію мира; слѣдя за событіями и поддерживая дружескія сношенія, мы могли вмѣстѣ съ другими нейтральными державами употребить съ пользою въ надлежащее время наше вмѣшательство, и ранѣе, нежели думаетъ

рѣчь, возстановить то великое благодѣяніе мира, которое страна наша научилась особенно цѣнить теперь, послѣ того, какъ она аслаждалась имъ почти полстолѣтія. (*Одобреме.*) Вотъ въ оумъ, сэръ, состоитъ наша высшая политика. Надѣюсь, что никто не станетъ подвергать ее критикѣ со стороны принципа; то же касается до средствъ, которыми мы думали привести е въ исполненіе, повторяю снова, что только разсмотрѣвши всѣ окументы, можно произнести о средствахъ этихъ надлежащее сужденіе. Несмотря на то, что поправка къ адресу предложена въ духѣ партіи, я не думаю однако, чтобы можно было выразить недовѣріе къ министерству, прежде чѣмъ будутъ общены палатѣ документы, которыми объясняются его дѣйствія, о которыхъ упомянуто въ милостивой рѣчи ея величества. (*Слушайте, слушайте.*) Теперь, сэръ, съ полною откровенностью стану говорить о другомъ вопросѣ, упомянутомъ въ тронной рѣчи, парламентской реформѣ, хотя вопросъ этотъ не можетъ возбуждать столь сильнаго интереса, послѣ того, какъ мы объяснили наши намѣренія въ отношеніи къ нему. Скажу прямо, что правительство ея величества считаетъ невозможнымъ заниматься, какъ мѣдуетъ, этимъ предметомъ въ теперешнюю сессію. (*Слушайте, слушайте.*) Языкъ милостивой рѣчи королевы отличенъ отъ того языка, которымъ, по обычаю этой палаты, можетъ говорить слугитель короны, но я не буду прикрываться теперь неопредѣленными образами, говоря палатѣ, что если неотлагательныя дѣла могутъ быть покончены, то будетъ возможность заняться въ эту сессію великимъ вопросомъ о реформѣ. Мы того мнѣнія, что этой возможности нѣтъ, и если какой-нибудь джентльменъ будетъ видѣть въ этомъ нашемъ мнѣніи достаточное основаніе для порицанія правительства, то мы не уклоняемся отъ приговора. (*Слушайте.*) Если серьезные и отвѣтственные государственные люди этой палаты думаютъ, что при настоящемъ положеніи страны, въ іюнѣ мѣсяцѣ, имѣя передъ собою финансовые вопросы огромной важности и вопросъ о вооруженіяхъ и защитѣ страны, мы можемъ принять на себя поспѣшное и неосмотрительное обязательство взяться за вопросъ о парламентской реформѣ, то это меня удивило бы до крайности. Но если наши оппоненты имѣютъ такой взглядъ, то я принужденъ просить палату рѣшить это дѣло между нами и ими, и увѣренъ, что рѣшеніе будетъ внушено духомъ умѣренности и здравымъ смысломъ. Считаю съ своей стороны долгомъ совѣтовать палатѣ этотъ порядокъ занятій для настоящей сессіи, мы не думаемъ однако, въ качествѣ совѣтниковъ короны, слагать съ себя совершенно обязанность заняться вопросомъ о реформѣ. (*Слушайте, слушайте.*) Подъ опасеніемъ даже оскорбить благороднаго лорда, члена за Лондонскій Городъ, я долженъ сказать, какъ говорилъ еуж

прежде, что парламентская реформа, какъ равно и всякій другой великій вопросъ, которымъ должно будетъ заняться въ этой странѣ, не можетъ сдѣлаться частію или частицею какой бы то ни было политической монополіи. *(Слушайте.)* Я не согласенъ съ мнѣніемъ, которое пускаютъ многіе теперь въ оборотъ, съ мнѣніемъ, будто великіе вопросы, интересующіе страну, особенно тѣ изъ нихъ, которые касаются внутреннихъ дѣлъ, должны оставаться удѣломъ какой-нибудь особенно-привилегированной, хотя бы даже образованной партіи. *(Слушайте, слушайте.)* Я думаю, что было бы крайне опасно для страны, еслибы принято было правило, что партія, которая можетъ быть призвана къ управленію дѣлами, обязана не касаться тѣхъ или другихъ общественныхъ вопросовъ. Еслибы это было такъ, то правительственныя лица этой партіи были бы не достойны сидѣть на этой скамьѣ и должны были бы принимать власть при условіяхъ, крайне-вредныхъ для публичной службы и публичныхъ интересовъ. Не стану слѣдить исторически, на сколько основательна любимая теорія благороднаго лорда; но не нахожу доказательства во всей исторіи, чтобы парламентская реформа была особенною привилегіею и достоинствомъ образованной части этой палаты. Такъ, напримѣръ, г. Питтъ не принадлежалъ къ образованной фракціи *(смыслъ)*, а былъ между тѣмъ приверженцемъ реформы. Герцогъ Ричмондъ также не принадлежалъ къ разряду образованныхъ, а несмотря на то и онъ стоялъ за реформу. Я знаю многихъ другихъ знаменитыхъ людей, которые въ разныя времена въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ защищали въ этомъ парламентѣ дѣло реформы, не принадлежа нисколько къ образованной фракціи. *(Слова смысла.)* Охотно допускаю, что въ нынѣшнемъ столѣтіи образованная фракція имѣла много удобныхъ случаевъ заниматься этимъ вопросомъ и пользовалась этими случаями съ ловкостью и тактомъ. Она обнаружилла при этомъ много государственнаго смысла, но все-таки не имѣетъ права дѣлать изъ реформы свою монополію; я не могу признать за нею привилегію такого рода. Мнѣ кажется даже, что съ 1832 года и до самаго послѣдняго времени, образованная фракція не обнаруживала слишкомъ большаго энтузіазма къ этому вопросу. *(Смыслъ.)* Другія фракціи либеральной партіи, которыхъ, кажется, не слѣдуетъ считать образованными *(смыслъ)*, выказали несравненно больше искренности въ этомъ отношеніи. *(Слушайте, слушайте.)* Я утверждаю, что мы имѣемъ полное право заниматься этимъ вопросомъ, и, даже болѣе, я скажу, что мы, какъ партія, можемъ заниматься имъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ образованная фракція. *(Слушайте, слушайте.)* Не стану проводить сравненія между мѣрою, представленною въ прошедшемъ парламентѣ правительствомъ ея величества, и мѣрами благород-

наго лорда. Я уже сдѣлалъ это; но нахожу нужнымъ сказать, что министерство не считаетъ себя ни на волосъ болѣе связаннымъ предложенною имъ мѣрою, чѣмъ связанъ благородный лордъ тѣми, которыя онъ представлялъ когда-то. *(Одобреніе.)* Мы всѣ знаемъ, что предметъ этотъ несказанно труденъ. Я не согласенъ съ благороднымъ лордомъ (маркизомъ Гартингтономъ), когда, отступая отъ общаго характера своихъ замѣчаній, отличавшихся умѣренностію и тактомъ, онъ отрицаетъ, чтобы парламентская реформа могла явиться результатомъ сдѣлки между либеральными и консервативными мнѣніями. Ни одна мѣра по вопросу о парламентской реформѣ не можетъ быть проведена, если она не представляетъ собою компромисса между консервативными и либеральными мнѣніями. *(Слушайте, слушайте.)* Для демагога нѣтъ ничего легче сказать: «я соглашаюсь только на одинъ такой-то планъ реформы», ибо въ сущности онъ не желаетъ никакого; но люди практическіе, — которые, подобно благородному лорду и друзьямъ его, надѣются сами проводить законодательныя мѣры, — никогда не одобрятъ мнѣнія благороднаго члена за Сѣверный Ланкаширъ (маркиза Гартингтона). Чѣмъ удачнѣе сдѣлка, тѣмъ на болѣеій успѣхъ можетъ разчитывать законодательная мѣра; главная цѣль каждаго, кто предлагаетъ законодательную мѣру, должна состоять въ томъ, чтобы предложить широкую, удовлетворительную, всеобщую мѣру, которая можетъ возбудить сочувствіе во всѣхъ великихъ государственныхъ партіяхъ. Ввлѣвшись за этотъ предметъ въ прошломъ году, мы рѣшились на очень смѣлый шагъ по вопросу объ избирательной льготѣ въ графствахъ; можно осмѣивать наши труды, но я думаю, что страна смотритъ на нихъ иначе, нежели благородный двигатель поправки къ адресу; думаю, что страна отдастъ справедливость предложенію, сдѣланному нами объ избирательномъ правѣ въ графствахъ, и сознаетъ трудности, съ которыми мы должны были бороться. Не разъ въ самомъ большемъ и популярномъ органѣ, похвалами котораго гордятся члены противной стороны, о предложеніи этомъ говорилось, какъ о самой огромной, когда-либо сдѣланной уступкѣ, и потому презрительные отзывы, которые вошло въ моду дѣлать о ней въ этой палатѣ, не будутъ утверждены страной. Вопросъ объ избирательной льготѣ въ графствахъ не разъ и зрѣлымъ образомъ былъ обсуждаемъ въ этой палатѣ. Мы сдѣлали предложеніе объ этомъ предметѣ, и встрѣтили возраженія, которыя, какъ мы думали, могли имѣть вліяніе на нашъ билль въ формѣ предположеній, противовѣсныхъ нашимъ, смягчающихъ и видоизмѣняющихъ нашъ первоначальный проектъ, но всѣ эти возраженія были не болѣе какъ смягчающія и видоизмѣняющія предложенія. Вопросъ объ избирательной льготѣ въ бургахъ не находился на этой степени зрѣлости; до послѣдняго боль-

шаго пренія онъ ни разу не былъ трактованъ надлежащимъ образомъ въ этой палатѣ. Ни одинъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ людей не поднималъ его, и никогда не возбуждалъ онъ большого вниманія. Съ осторожностью, тѣмъ болѣе необходимою, что общественное мнѣніе не успѣло вполне образоваться объ этомъ предметѣ, приступили мы къ его разрѣшенію. Наша мѣра допустила бы, посредствомъ разнообразія льготъ, средніе классы къ избирательному праву въ графствахъ, а рабочіе классы въ бургахъ. Правительство готово согласиться, что предложеніе его не нашло благосклоннаго приѣма въ палатѣ, не нашло достаточно благосклоннаго приѣма и въ странѣ, и потому мы не имѣемъ основанія настаивать на немъ. Вопросъ объ избирательной льготѣ бурговъ долженъ быть рѣшенъ и долженъ быть рѣшенъ въ видахъ распространенія избирательной льготы на рабочіе классы. Таково было мнѣніе парламента, и таково было мнѣніе страны, какъ доказываютъ это джентльмены, удостоившіеся теперь ея выбора. Мы не можемъ оставаться слѣпы къ этому результату. Мы не хотимъ оставаться слѣпы къ нему. Мы не имѣемъ никакихъ предразсудковъ въ этомъ отношеніи. Мы желаемъ только имѣть убѣжденіе, что мѣра, предлагаемая нами, вызвана общественною необходимостію и будетъ одобрена публикою. Мы совершенно готовы по этому пересмотрѣть этотъ вопросъ объ избирательномъ правѣ въ бургахъ и о дарованіи его рабочимъ классамъ посредствомъ пониженія избирательной льготы въ бургахъ, готовы дѣйствовать въ этомъ случаѣ съ совершенною искренностію, ибо какъ я замѣтилъ прежде, какъ скоро вы намѣрены допустить рабочіе классы къ избирательной льготѣ пониженіемъ права на голозь въ бургахъ, вы не должны ограничиваться однимъ обѣщаніемъ, оставляя его въ ушахъ народа и отнимая у народа надежду. Пониженіе избирательнаго ценза должно быть произведено способомъ вполне удовлетворительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ согласнымъ съ сохраненіемъ учрежденій этой страны. Такимъ образомъ, повторяю, не только въ отношеніи избирательной льготы въ бургахъ, или пониженія ценза для рабочихъ классовъ, но вообще въ вопросѣ о распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ мы не считаемъ себя связанными мѣрою, предложенною нами въ истекшемъ году, точно такъ же какъ не связанъ благородный лордъ мѣрами, предлагавшимися имъ въ различныя времена. *(Слушайте, слушайте.)* Передо мною двѣ законодательныя мѣры благороднаго лорда, совершенно различныя одна отъ другой, касательно распредѣленія парламентскихъ мѣстъ; одна предлагаетъ группировать бурги, а другая совершенно лишаетъ ихъ льготы. Въ одной лѣстница уменьшенія числа членовъ за мелкіе бурги совершенно не похожа на ту, кото-

рую благородный лордъ обнародывалъ наканунѣ общихъ выборовъ. Почему же мы, занимаясь тѣмъ же самымъ вопросомъ, лишены той свободы и той парламентской привилегіи, которыми пользуются благородный лордъ и его послѣдователи? *(Слушайте, слушайте.)* Напротивъ, сэръ, я утверждаю, что мы имѣемъ право братья за этотъ вопросъ, какъ намъ покажется лучшимъ для страны. Намъ кажется выгоднѣе, чтобы былъ предложенъ такой билль о парламентской реформѣ, который отличался бы, на сколько допускаютъ человѣческія обстоятельства, рѣшительнымъ характеромъ. Чтобы достигнуть этого, онъ долженъ согласовать всѣ тѣ справедливыя требованія, которыя получили публичное одобреніе на генеральныхъ выборахъ. Не стану вдаваться въ подробности мѣры, которая еще не предлагается теперь палатѣ, но требую для министерства права составить эту мѣру въ самомъ широкомъ, рѣшительномъ и либеральномъ направленіи. *(Слушайте, слушайте.)*

Я коснулся всѣхъ пунктовъ, на основаніи которыхъ благородный лордъ, членъ за сѣверный Ланкаширъ, предлагаетъ выразить намъ недоверіе. Надѣюсь, я доказалъ, что доводы его слабы, сбивчивы и обманчивы,—что благородный лордъ не опредѣлялъ надлежащимъ образомъ, почему новый парламентъ долженъ придти къ столь важному рѣшенію. *(Слушайте.)* Я объяснилъ основанія, на которыя опирается наша внутренняя и внѣшняя политика. Внѣшняя политика наша будетъ стремиться къ сохраненію мира, а внутренняя будетъ проникнута началами прогресса. *(Одобреніе.)* На этихъ началахъ будетъ основана наша политика, и мы не требуемъ отъ этой новой палаты ничего, кромѣ конституціоннаго довѣрія. *(Одобреніе.)* Мы не хвастаемся тѣмъ, что имѣемъ за собою цѣлые легіоны привыкшихъ къ дисциплинѣ приверженцевъ, которые, по выраженію одного высоко-стоящаго члена либеральной партіи, готовы черное называть бѣлымъ для поддержанія правительства. *(Слушайте, слушайте.)* Мы не ищемъ себѣ подобной опоры, но думаемъ, что пользуемся конституціоннымъ довѣріемъ палаты, и что она не рѣшится, на основаніи такихъ недостаточныхъ причинъ, принять одну изъ самыхъ тяжелыхъ поправокъ, которыя могутъ быть предложены, включить въ отвѣтъ свой на тронную рѣчь недоверіе къ совѣтникамъ короны. *(Одобреніе.)* Послѣ столь откровеннаго и полнаго анализа нашихъ намѣреній, послѣ столь яснаго изложенія нашей политики, позволю себѣ, сэръ, спросить палату въ чемъ же заключается все дѣло? Дѣло заключается чисто въ личномъ вопросѣ. *(Одобреніе, на которое оппозиція отвѣчаетъ также одобрительными криками.)* Я не жажду на это. Я не утверждаю ни на минуту, чтобы должно было въ парламентѣ избѣгать по-

добрыхъ вопросовъ. Очень можетъ быть, что политика, кажеюная мною, благоразумна, но что не возбуждаютъ къ себѣ довѣрія ея исполнители: поэтому понимаю вполне, что недоувѣріе можетъ быть основано на чисто-личномъ вопросѣ. *(Слушайте, слушайте.)* Не стану прикрывать ни самого себя, ни своихъ товарищей, нашею политикою, и смѣло пойду на встрѣчу обвиненіямъ относительно степени нашихъ силъ. *(Слушайте.)* Конечно, нѣтъ ничего деликатнѣе и труднѣе, какъ говорить о такихъ вещахъ; но мы привыкли къ трудностямъ въ этой палатѣ, привыкли не уклоняться отъ вопросовъ, которые деликатны, и я не отступлю отъ этой самой обременительной части предстоящей мнѣ задачи. *(Одобреніе.)* Прежде, въ старое доброе время, мнѣ не трудно было бы узнать, кто наши соперники и преемники власти. *(Слушайте.)* Мнѣ стоило бы только взглянуть на противоположную скамью, гдѣ засѣдаетъ благородный лордъ, предводитель оппозиціи, и именитые товарищи его въ прежнемъ его управленіи и въ его теперешнихъ трудахъ; безъ всякихъ эгоистическихъ притязаній, безъ всякой заносчивости, я могъ бы сдѣлать сравненіе между двумя партіями и говорить объ образѣ дѣйствій благороднаго лорда, когда въ его рукахъ была власть, и объ его паденіи. *(Одобреніе.)* Я могъ бы сказать много хорошаго о насъ самихъ и много дурнаго о немъ и его приверженцахъ. *(Смѣхъ.)* Но прошло доброе старое конституціонное время! Трудно теперь разобрать, кто наши соперники, еще труднѣе, кто будутъ наши преемники. *(Слушайте.)* Если власть должна перейти къ благородному лорду и его друзьямъ, мнѣ легко провести параллель между его и нашею политикою, между его и нашими неудачами, и представить дѣло на обсужденіе палаты. *(Слушайте, слушайте.)* Но благородный лордъ, который живетъ не въ старые добрые дни конституціоннаго соперничества, а во дни «возсоединенныхъ фракцій» *(смѣхъ)*, можетъ сказать палатѣ: «вы не можете судить о моихъ средствахъ по тѣмъ джентльменамъ, которые сидятъ около меня; другіе общали мнѣ свое содѣйствіе, и съ помощью ихъ ловкости, не подвергавшейся критикѣ, ихъ разнообразной опытности, несомнѣнной очевидности ихъ триумфальной карьеры, я составлю управленіе, которое затмѣитъ моихъ противниковъ, какъ свѣтлое солнце затмеваетъ мерцаніе слабой свѣчи *(смѣхъ)*, и вся страна убѣдится немедленно, что правительство наше мощно и заслуживаетъ ея довѣрія. *(Одобреніе.)* Между этими общавшими—благородный лордъ, сидящій около прохода.» Взглянемъ, же, кто тамъ засѣдаетъ. *(Лордъ Джонъ Россель слялъ въ эту минуту шляпу и поклонился среди громкаго хохота.)* Я вижу тамъ двухъ знаменитыхъ членовъ этой палаты, которые не разъ и по долгу были служителями короны, и которые, какъ мнѣ

известно, сильно заботились нмѣ о митингахъ и переговорахъ между партіями внѣ палаты. Во времена нашей молодости въ *Willis' Rooms* (1) хозяйничали патронесы. (Смѣхъ.) Избранное общество, собиравшееся тамъ, находилось подъ покровительствомъ почтенныхъ вдовушекъ и молодыхъ красавицъ, — юныхъ репутацій и поношенныхъ знаменитостей, — и всякій считалъ честью для себя попасть въ ихъ среду. (Смѣхъ.) Теперь клубъ Уиллиса находится подъ управленіемъ патроновъ, и двое изъ нихъ воссѣдаютъ близъ прохода. (Смѣхъ.) Это вопервыхъ благородный лордъ, членъ за Лондонскій Городъ, и потомъ высокопочтенный членъ за Сѣверный Уэльшширъ, бывшіе поручителями недавно заключеннаго контракта (2). (Смѣхъ.) Они-то, безъ сомнѣнія, и суть тѣ два знаменитѣйшіе государственные человека, готовящіеся образовать новое сильное правительство, и предъ славою которыхъ мы должны исчезнуть. Но они — наши старые знакомые. Мы знаемъ, какой мастеръ благородный лордъ вести переговоры. (Смѣхъ.) Мы знаемъ также, какой мастеръ высокопочтенный членъ за Сѣверный Уэльшширъ вести войну. (Смѣхъ.) Вы утверждаете, что намъ не удалось дипломатическіе переговоры, и что нельзя довѣриться намъ въ случаѣ войны. Ожидаете ли вы гораздо болѣе успѣха отъ благороднаго лорда и высокопочтеннаго джентльмена? (Смѣхъ.) Не буду болѣе продолжать на эту тему. Было время, когда я надеялся, что краснорѣчивый голосъ члена за Бермингамъ будетъ раздаваться со скамьи казначейства (3); но, кажется, онъ отказался отъ своихъ требованій, которыя предъявлялъ онъ когда-то съ пламеннымъ краснорѣчіемъ, возбуждавшимъ во всѣхъ удивленіе и во многихъ страхъ. (Слушайте, слушайте.) Не знаю, еслибы началась война, рѣшился ли бы вести ее почтенный членъ за Бермингамъ съ тою энергіей, которую онъ обнаруживаетъ во внутреннихъ нашихъ вопросахъ. (Слушайте.) Не могу понять, поэтому, гдѣ находятся элементы для того прочнаго правительства, которое было бы одинаково способно вести успѣшно переговоры и въ случаѣ нужды войну. (Слушайте.) Что касается до этой стороны палаты, то съ полною искренностью могу сказать только одно — и словами этими, какъ я увѣренъ, я выражаю чувства всѣхъ моихъ товарищей — что никогда не предъявлялъ я ни какихъ личныхъ требованій съ цѣлю перебить мѣсто на этой скамьѣ у другихъ, болѣе способныхъ и болѣе готовыхъ защищать виды своей партіи и служить королевѣ. (Слушайте, слушайте.)

(1) Мѣсто, гдѣ происходилъ митингъ 6-го іюня.

(2) Лордъ Джонъ Россель и сэръ-Сидней Гербертъ.

(3) На первой скамьѣ съ правой стороны, ближе къ спикеру, сидятъ всегда министры; поэтому она называется скамьей казначейства.

Какъ я, такъ и мои товарищи ни минуты не считали бы пожертвованіемъ съ своей стороны отказать отъ занимаемыхъ нами мѣстъ въ управленіи, еслибы какіе-нибудь джентльмены съ нашей стороны объявили на нихъ притязанія. (*Слушайте, слушайте.*) Всегда я заботился такъ сильно о благе публичной службы и интересахъ той великой политической партіи, существованіе которой считаю я весьма выгоднымъ для страны, что не поколебался бы отказать отъ своихъ личныхъ правъ. (*Слушайте.*) Что же касается до обвиненія насъ въ неспособности, то, взирая на противную намъ сторону палаты, я еще не думаю, чтобы страна много выиграла отъ перемѣны. (*Слушайте, слушайте.*) Что касается до насъ, то если явятся достойные соперники, они немедленно найдутъ себѣ искренній приемъ и поддержку. (*Слушайте, слушайте.*) Конечно, нельзя не сожалѣть, что отъ раздробленія партій и отъ другихъ обстоятельствъ, выборъ людей, способныхъ служить странѣ, болѣе ограниченъ, чѣмъ мы желали бы. Но въ этомъ не виновата партія, сидящая на этихъ (министерскихъ) скамьяхъ. Торіевъ можно обвинять во всемъ, но не въ исключительномъ пристрастіи къ знатнымъ фамиліямъ. (*Одобреніе.*) Кабинетъ лорда Дерби, каковы бы ни были его недостатки, не опирается на исключительность. (*Одобрение.*) Гдѣ только ни появлялся талантъ, тотчасъ пролагалась ему дорога, и если не всѣ занимаютъ именно тѣ мѣста, которыя они могли бы занимать, то по крайней мѣрѣ всякій на скамьяхъ этихъ скажетъ, что мѣстами своими люди нашей партіи обязаны личнымъ своимъ достоинствомъ. (*Слушайте, слушайте.*) Не думаю, на основаніи этого, что страна много выиграетъ тѣмъ, что прислала въ эту палату благородныхъ лордовъ и почтенныхъ джентльменовъ, сидящихъ напротивъ. (*Слушайте, слушайте.*) Не разъ замѣчалъ я въ этой палатѣ наклонность расширить арену, изъ которой выбираются люди, способные служить странѣ. Чѣмъ болѣе будете вы разрѣшать тѣ спорные вопросы, которые въ теченіи долгихъ лѣтъ затрудняли законодательство палаты, тѣмъ ближе будете къ этому результату. Еслибы, напримеръ, былъ рѣшенъ вопросъ о парламентской реформѣ — вопросъ, въ которомъ, за малыми исключениями, могутъ сойтись всѣ политическіе люди, — я не вижу, почему бы не расширить тѣ политическіе круги, изъ которыхъ можно было бы выбирать людей для службы правительству ея величества. На этой сторонѣ палаты вовсе не существуетъ тѣхъ предразсудковъ, которые въ рядахъ партіи образованныхъ мѣшаютъ истинно достойному человѣку занимать принадлежащее ему мѣсто. Лишь бы только согласиться въ главномъ направленіи политики, мы не желаемъ ничего болѣе, какъ призвать къ дѣятельности истинно достой-

ныхъ людей изъ рядовъ всѣхъ партій, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ мы направляемъ наше законодательство къ устраненію затрудненій — часто совершенно искусственныхъ затрудненій — препятствующихъ широкому выбору людей для службы ея величества. Я надѣюсь, что съ теченіемъ времени, если мы дѣйствительно такъ мало способны, какъ говорятъ о насъ наши соперники, знаемые и незнаемые, я надѣюсь, что съ теченіемъ времени другіе будутъ привлечены къ нашему знамени признаніемъ ихъ достоинствъ съ нашей стороны и сочувствіемъ къ партіи, которая не допускаетъ исключительности, господствующей въ другихъ кварталахъ. Думаю, что послѣ всего, сказаннаго мною, палата не легко согласится принять поправку, предлагаемую человекомъ, который, хотя я желаю говорить о немъ въ выраженіяхъ, заслуженныхъ хорошимъ тактомъ его сегодняшняго перваго опыта, представляетъ собою именно эту ограниченную и исключительную партію, которая только въ нѣсколькихъ, соединенныхъ между собою, знатныхъ фамиліяхъ ищетъ людей, достойныхъ занимать публичныя должности. (*Одобреніе.*) Въ нынѣшнюю ночь, они рѣшились на черезчуръ отважный шагъ. Было бы гораздо лучше, думаю, еслибъ они подождали другаго времени для нападенія на правительство; но я не жалуясь на это, и съ основаніемъ. Для палаты важнѣе всего не отлагать своего рѣшенія по этому предмету. (*Ироническое одобреніе.*) Я говорю съ самымъ полнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ своихъ словъ; знаю, что когда я намекнулъ объ этомъ, въ началѣ своей рѣчи, то слышался притворный смѣхъ изъ какого-то угла. (*Смѣхъ.*) Могу сказать только тому или тѣмъ, которые смѣялись въ то время, что на нихъ не лежатъ обязанности совѣтниковъ короны. Иначе они поняли бы, что невозможно откладывать этотъ вопросъ на двадцать четыре часа. (*Ироническій смѣхъ со стороны оппозиціи.*) Да и къ чему же откладывать? Развѣ не всѣ понимаютъ, въ чемъ заключается дѣло? Всякая отсрочка была бы гибельна не для интересовъ публичной службы только, но для выгодъ цѣлаго королевства, для драгоцѣннѣйшихъ интересовъ короны и всей Европы. (*Одобреніе.*) Если приговоръ окажется противъ насъ, мы преклонимся передъ нимъ безропотно. Преемникамъ нашимъ во власти, будемъ мы оказывать то содѣйствіе, которое готовъ оказывать министрамъ, во времена важныхъ затрудненій, всякій истинный патриотъ. (*Одобреніе.*) Если съ другой стороны, этотъ новый парламентъ будетъ того мнѣнія, что предложенная поправка къ адресу несправедлива, на насъ будетъ лежать, касательно внутренней и особенно внѣшней политики, великая, тяжелая и страшная отвѣтственность, какая только лежала когда-либо и на какомъ бы то ни было правительствѣ; но мы не отступимъ отъ

отвѣтственности, какъ бы ни была она страшна и громадна.
(Далѣе и ярлѣе одобреніе.)

Лордъ Бирнъ, говорившій послѣ канцлера казначейства, порицалъ правительство за то, что, объявляя о своемъ нейтралитетѣ, оно сочло за нужное прибавить, что Англія будетъ, можетъ-быть, вынуждена присоединиться къ одной изъ воюющихъ сторонъ, и тѣмъ отняло всю силу у своихъ объявленій о нейтралитетѣ. «Участіе Англіи въ войнѣ, сказалъ благородный лордъ, было бы невозможно, еслибы министерство дѣйствительно желало хранить нейтралитетъ.... Если Англія вмѣшивается въ войну, продолжалъ онъ, то за что же она будетъ сражаться? Надѣюсь, не за устарѣвшія идеи политическаго равновѣсія или не за вѣнскую ветошь 1815 года. Вѣнскій трактатъ принадлежитъ временамъ минувшимъ. Англія нарушала его; каждая нація нарушала его, когда это было выгодно для нея. Въ 1831 Бельгія отдѣлилась отъ Голландіи; въ 1846 Краковъ занятъ Австріей; три важнѣйшія статьи—изъ которыхъ одною изгнана изъ Франціи на вѣчныя времена фамилія Бонапартовъ — были отмѣнены.»

За рѣчью благороднаго лорда послѣдовала пауза, въ продолженіи которой никто не подавалъ знака, что желаетъ говорить. Бѣольшая часть членовъ покинули залу, чтобъ освѣжиться въ буфетѣ. Спикеръ приступилъ къ чтенію адреса, съ тѣмъ чтобы потомъ предложить вопросъ. Пренія такимъ образомъ готовы были прекратиться. Въ это время лордъ Джонъ Россель хлопотливо ходилъ по залѣ, то совѣтовался съ лордомъ Пальмерстономъ, то убѣждалъ членовъ оппозиціи возобновить пренія и убѣждалъ маконекъ гг. Меллора и Гюгессена, которые произнесли свои рѣчи. За ними говорилъ сэръ-Чарльзъ Напиръ. Онъ предоставлялъ тѣмъ, которые желаютъ попасть въ должность, и тѣмъ, которые желаютъ удержаться въ должности, рассуждать о поправкѣ, предложенной палатѣ, своимъ же долгомъ онъ считалъ говорить о защитѣ страны и возбудилъ эту свою старую нѣсоней нѣкоторый хотеть почтенныхъ сочленовъ своихъ. «Я думаю, сказалъ онъ между прочимъ, что Франція въ эту минуту имѣетъ въ своемъ распоряженіи болѣе значительныя силы нежели Англія. Первый лордъ адмиралтейства, я вижу, качаетъ головой. Я надѣюсь, что высокопочтенный баронетъ будетъ въ состояніи сообщить палатѣ свѣдѣнія о числѣ кораблей, находящихся въ той и другой странѣ, чтобы можно было знать въ точности морскія силы Англіи сравнительно съ силами Франціи. Первому лорду адмиралтейства слѣдовало бы прямо сказать палатѣ, какіе есть у Англіи виды на возможность держать гораздо болѣе многочисленный флотъ, нежели въ настоящее

время... Говорят, что существует договоръ или соглашеніе между Франціей и Россіей; палатѣ слѣдовало бы получить отъ правительства свѣдѣнія о теперешнемъ состояніи русскаго флота, принимая въ соображеніе возможность движенія въ Балтійскомъ морѣ при дальнѣйшемъ ходѣ войны. У Англіи есть средства вооружить двѣнадцать линейныхъ кораблей береговыми стражами и береговыми волонтерами, но у нея въ настоящую минуту нѣтъ судовъ, на которыя можно было бы посадить этихъ людей.» Почтенный и доблестный адмиралъ упомянулъ о быстротѣ, съ которою масса французской арміи была недавно перевезена изъ Марселя въ Геную, — быстротѣ, опровергающей нареканіе, будто Французы дурные моряки. «Если Русскіе вышлютъ флотъ свой въ море, какъ они обыкновенно дѣлаютъ всякое лѣто, если они вышлютъ пятнадцать или двадцать линейныхъ кораблей въ Сѣверное море, то фонды, упавшіе на дняхъ при слухѣ о тайномъ трактатѣ между Россіей и Франціей, упадутъ вдвое больше при этомъ извѣстїи. Если у правительства недовольно людей въ морскихъ арсеналахъ, пусть оно наберетъ ихъ во всей странѣ и изготовитъ сильный флотъ; тогда всякій будетъ покоенъ и увѣренъ, что правительство дѣлаетъ все, чтò можетъ.»

Г. Вильсонъ сказалъ, что онъ ждалъ, не вздумаетъ ли какой-нибудь почтенный джентльменъ съ министерскихъ скамей обратиться съ рѣчью къ палатѣ, но очевидно, что, какъ ни велико число почтенныхъ джентльменовъ на противоположныхъ скамьяхъ, никто изъ нихъ не расположенъ говорить въ пользу правительства. (*Слушайте, слушайте.*) Онъ удивлялся неучастию генеральнаго солиситора въ настоящемъ пренїи, — человека, который обыкновенно выступалъ при самомъ началѣ разсужденій и клеймилъ образъ дѣйствія своихъ противниковъ какимъ-нибудь счастливымъ словомъ, иногда честилъ ихъ кликой, иногда называлъ употребляемыми ими средства надувательствомъ, но едва ли названія въ родѣ этихъ нельзя приложить къ сегодняшнимъ пренїямъ. Заговоривъ о распущенїи парламента, онъ жаловался на это вторженіе правительства въ права парламентскія и конституціонныя. «Когда распущенъ парламента, нѣтъ въ Европѣ ни одной инстанціи, которая могла бы имѣть вліяніе на умы императоровъ и королей. Я былъ въ Парижѣ за недѣлю до распущенія парламента, и могу засвидѣтельствовать, что люди съ величайшимъ вѣсомъ обращали взгляды свои къ палатѣ общинъ, какъ къ единственному мѣсту, откуда общественное мнѣніе можетъ возвышать свой голосъ, и вліять на судьбу войны и мира.» За тѣмъ онъ упоминалъ объ усилїяхъ правительства вліять на выборы въ пользу консервативной партїи и говорилъ о своемъ выборѣ въ Девонпортъ, гдѣ соперникомъ его былъ сынъ генерала Пила, который

самъ велъ себя какъ истинный джентльменъ; но со стороны правительства употреблены всевозможныя и не совсѣмъ позволительныя средства. Г. Вильсонъ поддерживаетъ, впрочемъ, поправку къ адресу не только на основаніи билля о реформѣ, распущеніи парламента, меньшинства правительственной стороны или дѣйствій правительства во время выборовъ. Его побуждаетъ къ тому администрація правительства и особенно превратная администрація финансовъ. Нѣтъ сомнѣнія, если смотрѣть только на годовые отчеты, то состояніе финансовъ покажется сравнительно цвѣтущимъ; самое поверхностное изслѣдованіе дѣла докажетъ, однако, что они не только не процвѣтаютъ, но находятся въ весьма дурномъ положеніи, вслѣдствіе образа дѣйствій, котораго правительство держалось въ прошломъ году. Правительство отступило отъ финансовой политики, пользовавшейся одобреніемъ палаты общинъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Оно допустило отиѣну значительной части налога на доходы, между тѣмъ какъ пошлина на сахаръ, наложенная въ военное время, была сохранена. Изъ косвенныхъ налоговъ, введенныхъ на военное время, три милліона ф. ст. были удержаны, между тѣмъ какъ прямыя налоги были уменьшены до цифры, ниже той, которая взималась въ мирное время. Въ прошломъ году уплата капитала по билетамъ казначейства была отложена, и въ этомъ году случится вѣроятно нѣчто подобное. Но каковъ будетъ доходъ будущаго года? Сумма повинностей, прекращающихся въ будущемъ году, равняется 9 милліонамъ ф. ст. Конечно прекратятся также проценты непрерывнаго дохода на 2 милліона ф. ст., но все-таки останется дефицитъ въ 6 или 7 милліоновъ ф. ст. Какія же мѣры принялъ высокопочтенный джентльменъ (канцлеръ казначейства) въ предупрежденіе этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ? Почти никакихъ. Правда, онъ предложилъ штемпельную пошлину на банкирскіе чеки и уравненіе налога на крѣпкіе напитки въ Ирландіи, но банкирскіе чеки вмѣсто ожидаемыхъ 300.000 ф. ст., дали только 190.000, а налогъ на крѣпкіе напитки представляетъ недочетъ въ 700.000 ф. ст. Ораторъ указалъ еще на издержки почтоваго пароходства, которыя возрасли до огромной цифры 1.000.000 ф. ст. въ годъ. Въ 1854 году была назначена коммиссія для того, чтобъ опредѣлить, какимъ образомъ слѣдуетъ поступать съ этою значительною отраслю государственныхъ расходовъ. Коммиссія эта въ своемъ отчетѣ объявила, что правительству слѣдовало бы заключать контракты съ пароходными компаніями не болѣе какъ на пять лѣтъ и не иначе какъ послѣ публичнаго торга. Но сообразовалось ли правительство съ этими правилами? Прежде чѣмъ ораторъ оставилъ министерство финансовъ, г. Кунардъ неоднократно требовалъ продолженія срока контракта для атлантическаго пароходства и получалъ постоянныя

отказы. Но лишь только правительство лорда Дерби вступило въ должность, оно возобновило на пять или на семь лѣтъ тотъ контрактъ, который прежнее правительство отказывалось возобновлять съ такимъ постоянствомъ. Коснувшись вопроса о войнѣ, г. Вильсонъ высказался за нейтралитетъ. Въ заключение рѣчи своей онъ сказалъ слѣдующее: «Было утверждаемо, что правительство должно пользоваться довѣріемъ парламента и страны, потому что оно имѣетъ возможность провести билль о реформѣ черезъ эту и черезъ другую палату парламента, тогда какъ для либеральнаго правительства это было бы невозможно. Это утверженіе должно относиться къ другой палатѣ парламента, и смыслъ его можетъ быть только тотъ, что члены палаты лордовъ примутъ мѣру, если она будетъ предложена государственными людьми одного сорта, и отринуть ее, если ее предлагать люди другаго сорта. Изъ всего сказаннаго о палатѣ перовъ, жесткаго, это конечно самое жесткое, и я, за себя по крайней мѣрѣ, никогда не повѣрю, чтобъ это великое историческое собраніе оказалось когда-нибудь такъ мало чувствительнымъ къ обязанности своей передъ страной и передъ королевой, что стало бы дѣйствовать по такимъ внушеніямъ.»

За г. Вильсономъ говорили два члена изъ такъ-называемаго отдѣла независимыхъ. Одинъ изъ нихъ г. В. Д. Сеймуръ, высказался противъ поправки; другой, г. Ленгъ, — за поправку. Послѣ нихъ поднялся съ своего мѣста вождь оппозиціи, благородный членъ за Тивертонъ, посредѣ всеобщаго молчанія.

Лордъ Пальмерстонъ. Сэръ, я думаю, еслибы кто-нибудь и могъ быть въ сомнѣніи касательно предложенія, сдѣланнаго моимъ благороднымъ другомъ о приглашеніи палаты выразить свое недовѣріе къ правительству, — то направленіе, какое нынѣшній вечеръ приняли пренія, можетъ служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ справедливости этого предложенія. (*Одобреніе.*) Какъ можетъ палата имѣть довѣріе къ такому правительству, которое не имѣетъ довѣрія къ самому себѣ (*крики: о, о! съ министерской стороны, и изъ отвѣчаютъ такіе же крики съ оппозиціонной*), и которое, похваляясь числомъ, его составляющимъ, во все продолженіе этого длиннаго пренія можетъ найти только одного адвоката, осмѣливагося выступить на защиту его? Да, одно ихъ молчаніе по этому поводу уже достаточно для удостовѣренія колеблющихся убѣжденій и для оправданія обвиненія въ томъ, что они не заслуживаютъ довѣрія этой палаты. (*Одобреніе.*) Сэръ, если одинъ только боецъ долженъ былъ одиноко выступить за нихъ въ битвѣ, — если все остальное войско столь робко, или столь слабо и бессильно, что не осмѣлилось выйти на арену, — я согласенъ, что они сдѣлали хорошо, выбравъ такого бойца. (*Смѣхъ.*)

Si Pergama dextra
Defendi possent, etiam hac defensa fuissent (1).

Безъ сомнѣнія, такой одной руки было бы достаточно; но тѣ, которые слышали рѣчь высокопочтеннаго джентльмена, канцлера казначейства, должны были почувствовать, — еслибы прочіе члены правительства и могли что-нибудь сказать въ опроверженіе предложенія моего благороднаго друга, — что рѣчь эта, какъ ни красно-рѣчива она и какъ ни исполнена она неловкихъ сарказмовъ и непріятныхъ размысленій (*смѣхъ*), нападений съ одной стороны и насмѣшекъ съ другой, — что рѣчь эта, говорю, совершенно неудовлетворительна, какъ отвѣтъ на предложеніе. Я нахожу самымъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, что правительство, обвиняемое передъ лицомъ этой палаты въ незаслуживаніи довѣрія парламента и страны, сидитъ себѣ молча, — какъ дѣлаетъ оно нынѣшній вечеръ. (*Одобреніе и смѣхъ.*) Всякій бы долженъ предположить, что оставшіеся члены кабинета, покинутого двумя изъ числа его самыхъ уважаемыхъ и отличныхъ членовъ (2), каждый одинъ за другимъ стануть съ бойкимъ соревнованіемъ выступать на защиту и оправданіе дѣйствій, обвиняемыхъ предложеніемъ моего благороднаго друга. (*Одобреніе.*) Но кажется, они ждуть съ нетерпѣніемъ только прекращенія этого пренія, ждуть, чтобы палата повѣрила имъ на слово. Имъ нечего сказать о себѣ. «Радѣ Бога, сдѣлайте это преніе какъ можно короче (*смѣхъ*), пойдите на голоса нынѣшній же вечеръ, когда мы собрали сюда всѣхъ своихъ друзей (*смѣхъ*); не толкуйте о нашихъ дѣйствіяхъ; чѣмъ меньше будетъ говоритья объ этомъ, тѣмъ лучше; не разсуждайте о нашихъ проступкахъ; приступайте къ собранію голосовъ; потомъ, когда у насъ уже будетъ большинство, вы можете толковать о нихъ, сколько вамъ угодно.» (*Смѣхъ.*) Сэръ, предметъ слишкомъ важенъ, чтобы распорядиться имъ такимъ легкимъ и вѣтренымъ образомъ. Вопросъ въ томъ, — заслуживаетъ ли администрація одной изъ величайшихъ странъ въ мірѣ довѣрія парламента и страны, или не заслуживаетъ его? Это не такой вопросъ, съ которымъ можно обращаться легко, и тѣмъ менѣе въ такую минуту, когда пламя войны охватываетъ Европу, и когда ни одинъ человѣкъ не увѣренъ, на сколько эта страна, руководимая тѣми, кто управляетъ ею, можетъ или не можетъ быть вовлечена въ борьбу, нынѣ вспыхнувшую въ Италіи. (*Одобреніе.*) Я

(1) Стихъ Виргилія изъ Энеиды: «Еслибы Пергамъ могъ быть защищенъ десятицею человѣка, его защитила бы и эта десятица.»

(2) Гг. Вальволь и Генли.

скажу, что когда великіе европейскіе и національные интересы находятся въ ставкѣ, то дурно для правительства такъ обращаться съ вопросами, поднятыми передъ палатою. Я думаю, основываясь на томъ, какимъ образомъ составилось правительство, какимъ путемъ оно шло, основываясь на его ошибкахъ и промахахъ въ домашнемъ законодательствѣ, на его заблужденіяхъ въ политикѣ иностранной, и наконецъ на томъ, какъ поступило оно, распустивъ парламентъ, я думаю, что по всѣмъ этимъ причинамъ палата въ правѣ лишить его довѣрія, безъ котораго правительство не можетъ надѣяться вести дѣла этой страны съ достоинствомъ и успѣхомъ. (*Одобреніе.*) Мнѣ не хотѣлось бы съ укоромъ возвращаться къ событіямъ, связаннымъ съ составленіемъ правительства, но при настоящемъ случаѣ я долженъ высказаться вполнѣ. И я скажу, что они вступили въ министерство посредствомъ парламентскаго маневра (*одобреніе*), маневра, можетъ-быть и оправдываемаго обыкновенною тактикою парламентской борьбы, но который никакъ не могъ быть основаніемъ, опираясь на которое, они имѣли бы поводъ требовать довѣрія палаты. Когда билль о заговорахъ для убійства обсуживался въ палатѣ, около ста членовъ либеральной партіи были въ равногласіи съ тогдашнимъ правительствомъ. Я сожалѣлъ о направленіи, какое они избрали тогда, но они были совершенно въ правѣ избрать такое направленіе. Какой же путь принять былъ руководствовавшимися членами оппозиціи по этому случаю? Развѣ они не одобрили эту мѣру? Развѣ они, напротивъ, и въ этой палатѣ и въ другой, не поощряли правительство предложить этотъ билль, и развѣ они не поддерживали предложенія правительства о дозволеніи внести его? Но потомъ, когда они увидѣли раздѣленіе въ либеральной партіи, когда увидѣли, что большое число либераловъ были противъ этой мѣры, тогда, покоряясь желанію быть правительствомъ, въ чемъ они теперь упрекаютъ тѣхъ, которые теперь противъ нихъ, — они оставили свои прежнія мнѣнія и подали голосъ противъ билля, который сами же выставляли необходимымъ для чести страны и для поддержанія добраго согласія съ великою сосѣднею державою. (*Одобреніе.*) Итакъ, я говорю, что начало ихъ было недоброе (*смѣхъ*); оно не внушало довѣрія къ нимъ, какъ партіи, и они должны бы чувствовать болѣе благодарности за то снисхожденіе, съ какимъ тѣ, которые были предметомъ этого маневра, воздерживались упрекать ихъ за ихъ поведеніе. (*Ироническій смѣхъ.*) Находясь въ такомъ положеніи, развѣ мы тѣснили ихъ какими-нибудь затруднительными предложеніями? Напротивъ, они сами сознавались, что были въ меньшинствѣ въ палатѣ общинъ. Благородный лордъ во главѣ правительства, мнѣ кажется, прямо говорилъ въ палатѣ лордовъ, что

его правительство опиралось только на меньшинство въ этой палатѣ. Правительство, поддерживаемое такимъ образомъ, никакъ не можетъ идти своею собственною дорогою или придавать силу своимъ собственнымъ мнѣніямъ; оно принуждено прибѣгать къ нѣкоторымъ мѣрамъ, единственно изъ вниманія къ мнѣніямъ большинства, или прилагать къ дѣлу принципы, заимствованные отъ своихъ противниковъ. Такому направленію, принятому теперешнимъ правительствомъ, было два примѣра — въ биллѣ о передачѣ управленія Индіей въ руки короны и въ биллѣ о реформѣ народнаго представительства въ этой палатѣ. Они приняли мѣру о передачѣ управленія Индіей коронѣ, хотя до вступленія своего въ министерство они противились этой мѣрѣ. До самой послѣдней минуты они противились этому измѣненію, но будучи въ меньшинствѣ, они почувствовали, что единственнымъ условіемъ ихъ существованія, какъ правительства, было покориться мнѣнію большинства. Собственный билль, который предложили они по этому предмету, былъ встрѣченъ всеобщимъ смѣхомъ и взятъ былъ назадъ безъ малѣйшаго колебанія, съ тѣмъ чтобы представить вмѣсто него другой. Этотъ другой билль прошелъ въ палатѣ съ нѣкоторыми неудачами, но онъ былъ сдѣланъ по образцу того, который былъ представленъ нами. Какъ бы то ни было, ихъ первая законодательная мѣра совершенно не удалась. Потомъ взяли они за другой великій вопросъ о реформѣ парламента. И тутъ, тоже, до вступленія въ министерство, они противились проведенію этой мѣры, которую по вступленіи своемъ въ министерство немедленно рѣшились предложить. Они были антиреформисты, но почувствовать, какъ я сказалъ прежде, что условіе существованія правительства, опирающагося на меньшинство, состоитъ въ томъ, что оно должно принимать принципы большинства, они вдругъ сдѣлались парламентскими реформерами и представили свой билль. Тѣ, которые наблюдали за ходомъ ихъ индійскаго билля, предсказывали, что ихъ билль о реформѣ будетъ точно такую же неудачею. Другіе говорили: «Нѣтъ, люди не впадаютъ дважды въ одну и ту же ошибку; они не сдѣлаютъ дважды одного и того же промаха; они сумѣютъ узнать общественное мнѣніе и мнѣніе этой палаты. Сообразуясь съ нимъ, внесутъ они мѣру, которая, съ нѣкоторыми измѣненіями, можетъ быть принята большинствомъ представительной палаты.» И они внесли мѣру, которую, я думаю, ни одинъ человекъ въ этой палатѣ, кромѣ кабинета, не считалъ достойною перейти въ законъ. Едва ли былъ въ парламентѣ хоть одинъ членъ съ ихъ собственной стороны, говорившій въ продолженіе долгаго пренія, который бы, по той или другой причинѣ, не находилъ предложенной ими мѣры ошибочною. Наконецъ пришла *резолуція*, предло-

женная моимъ благороднымъ другомъ; она была разчитана на то, чтобъ исправить по крайней мѣрѣ хоть два изъ главныхъ недостатковъ предложеннаго билля. Резолюціа была принята большинствомъ, достаточно доказавшимъ, что билль, въ его настоящемъ видѣ, не могъ идти своимъ дальнѣйшимъ путемъ. И такъ, здѣсь была вторая ошибка касательно важнаго предмета во внутреннемъ законодательствѣ. И когда вы видите правительство, которое въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ пробуетъ свои силы на двухъ великихъ и важныхъ мѣрахъ и на обѣихъ ихъ проваливается, то я думаю, что безъ излишней самоувѣренности можно сказать, что это правительство не таково, къ какому бы эта палата расположена была имѣть довѣренность. Какъ же поступали они въ этомъ случаѣ? Благородный лордъ секретарь по дѣламъ Индіи, сказалъ, въ преніи по поводу билля о реформѣ, что если резолюціа, предложенная лордомъ Джономъ Росселемъ, будетъ принята, они будутъ видѣть въ томъ выраженіе порицанія. Сэръ, они не имѣли никакого права видѣть въ этомъ выраженіе порицанія. *(Слушайте, слушайте.)* Это было выраженіе порицанія мѣры, но вовсе не порицаніе ихъ самихъ, съ тѣмъ конечно исключеніемъ, что это было такъ-сказать порицаніемъ правительства въ томъ смыслѣ только, что мѣра, которую послѣ долгихъ и важныхъ разсужденій представило оно, не годится для принятія палатою. Они говорили, что имъ оставалось выбирать только одно изъ двухъ: или оставить министерство, или распустить палату. Я утверждаю, что имъ вовсе не нужно было принимать какой-либо изъ этихъ двухъ путей, но былъ третій путь, который они должны были принять. Они были вѣдь правительствомъ, опирающимся на меньшинство, и явно зависящимъ отъ расположенія большинства: я скажу, что условіе ихъ существованія состояло въ томъ, что они должны были сообразовать свои дѣйствія съ мнѣніями и чувствами большинства. Они должны были въ этомъ случаѣ сдѣлать то же самое, что сдѣлали они относительно индійскаго билля. Они должны были взять назадъ свой спорный билль о реформѣ и внести другой, составленный по началамъ, которыя, какъ пренія палаты ясно показали, были въ гармоніи съ общимъ мнѣніемъ парламента. Еслибъ они сдѣлали это и внесли бы такой билль, — я думаю, онъ прошелъ бы, и въ настоящую минуту былъ бы уже закономъ этой страны. *(Одобреніе.)* Но о нихъ говорили, будто бы они отзывались тѣмъ, что они уже прежде поступили такъ, и что не могутъ повторить того, на что отважились уже однажды. Значитъ, они сдѣлали двѣ ошибки. То, что они отказывались сдѣлать во второй разъ, было бы именно поправкою ихъ ошибки и сдѣлало бы ихъ правыми. Ошибиться два раза, противъ этого они ничего не имѣли; но

выйдти два раза правыми, было противно ихъ чувствамъ. (*Смѣхъ.*) Прискивали еще другую причину ихъ дѣйствіямъ, и причину прелестную. Говорили, что я подстрекалъ ихъ (*министерскія одобренія*), что я просилъ ихъ взять назадъ свой билль и внести другой, и что они не хотѣли исполнить мою просьбу. Что же, сэръ, взрослые это люди, или дѣти? (*Смѣхъ.*) Сказать: «не хочу, потому что вы указали мнѣ сдѣлать это», конечно хорошій аргументъ для дурнаго ребенка, которому говорятъ сдѣлать что-нибудь, но для взрослыхъ людей, для государственныхъ людей великой страны, занимающихся важнымъ вопросомъ, сказать, что они не хотѣтъ сдѣлать то, что должно, изъ того только, что одинъ изъ ихъ противниковъ указалъ имъ сдѣлать это и указалъ можетъ быть въ такой формѣ, которая имъ не понравилась (*смѣхъ*), это уже или слишкомъ забавно или слишкомъ серьезно, я не знаю, что изъ двухъ. Люди, дѣйствующіе по такому принципу, безъ всякаго сомнѣнія, не должны править интересами такого великаго государства, какъ это. (*Одобреніе.*) Затѣмъ они распустили парламентъ. Желалъ бы я знать, сколько человекъ въ этой палатѣ одобряли такую мѣру. Я говорю здѣсь не о личныхъ неудобствахъ, въ какія поставлены были члены обѣихъ сторонъ, но о томъ положеніи, въ какое было поставлено правительство этой страны среди великаго кризиса въ европейскихъ дѣлахъ. (*Слушайте, слушайте.*) Многія вещи показываютъ, что хотя правительство обладаетъ множествомъ различныхъ дарованій, но оно кажется едва ли надѣлено даромъ пророчества. Еслибъ они были способны предсказать, что въ теченіи того времени, когда страна лишена была парламента, и когда министерство было слѣдовательно безъ опоры, какую парламентъ могъ дать ему, еслибъ они могли предсказать, что въ теченіи этого времени Европа согласится спокойно и не переводя духа дожидаться послѣдствій распушенія парламента, въ такомъ случаѣ, конечно, они могли бы что-нибудь сказать въ пользу мѣры, ими избранной. Но люди, смотрѣвшіе государственными глазами на то положеніе, въ какомъ уже была и въ какомъ конечно могла быть Европа до собранія парламента; люди, слѣдившіе за тѣми мѣрами, которыя они считали себя обязанными принимать безъ согласія парламента, и которыя бы не должны быть принимаемы безъ этого согласія, я разумѣю военныя силы этой страны (*крики о! за которыми раздаются отгътные одобренія*), люди, говорю, одаренные предусмотрительностію, поняли бы, что ничто, кромѣ самой неизбежной необходимости, не могло бы оправдать ихъ въ лишеніи страны присутствія парламента въ такую критическую минуту, въ какую они распустили его. Путь, по которому пошли они, былъ не конституціонный путь, потому что увеличивать наши

морскія и военныя силы въ отсутствіе парламента, что было бы позволительно только въ случаѣ самой крайней необходимости, вовсе не соотвѣтствуетъ духу конституціи. А что эта была за крайняя необходимость, мы еще не слышали нынѣшній вечеръ; они держатъ свои секреты про себя. Вѣроятно, мы услышимъ о томъ когда-нибудь въ другой вечеръ; но до сихъ поръ ни одинъ членъ правительства не всталъ, чтобъ объяснить намъ, въ чемъ именно состояла эта крайняя опасность для страны, потребовавшая увеличенія нашихъ силъ въ такое время, когда не было парламента, чтобъ узаконить эту мѣру. Я не хочу сказать, что нахожу практическую ошибку въ томъ, что они сдѣлали. (*Министерскій смѣхъ, за которымъ раздаются одобренія оппозиціи.*) Я нахожу ошибку ихъ въ томъ, что они легкомысленно и безъ всякой нужды сами поставили себя въ такое положеніе, въ которомъ вынуждены были сдѣлать это. Канцлеръ казначейства сказалъ намъ нынче вечеромъ, что двухдневная или даже суточная отсрочка въ рѣшеніи этой палаты произведетъ какую-то невѣдомую и страшную опасность. Если сомнѣніе, тревожащее умы иностранныхъ правительствъ въ теченіи такого короткаго времени, сомнѣніе въ томъ, будутъ ли, или не будутъ министры ея величества имѣть поддержку парламента, повидимому ведетъ къ такимъ страшнымъ результатамъ, то какъ же могли они считать себя правыми, распустивши парламентъ и поставя себя на шесть недѣль или на два мѣсяца въ положеніе, изъ котораго можетъ возникнуть опасность для важныхъ интересовъ этой страны? (*Одобреніе.*) Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что положеніе, въ какомъ они были до сего времени, было вовсе не такое, какое могло бы придать силу правительству въ его внѣшнихъ сношеніяхъ, потому что министерство, которое только что терпимо, которое каждая двѣ недѣли можетъ быть свергнуто по какимъ-нибудь соображеніямъ большинства, такое министерство никакъ не можетъ ожидать, чтобъ иностранныя правительства, вступающія съ нимъ въ переговоры, имѣли какую-нибудь увѣренность въ томъ, что политика, принимаемая имъ, будетъ продолжаема его преемниками. Можно было ожидать, что иностранныя державы со всею вѣжливостью станутъ уклоняться отъ направленія, какое подобное министерство можетъ предлагать имъ относительно какого-нибудь великаго европейскаго вопроса. Такъ и случилось съ теперешнимъ министерствомъ. Но даже и такое положеніе вещей, какъ ни ослабляетъ оно правительство, какъ оно ни лишаетъ его того существеннаго авторитета, безъ котораго невозможно ни сохранить миръ ни положить конецъ войнѣ, но еслибъ они только внесли билль о реформѣ, согласный съ желаніями этой палаты, все это было бы несравненно лучше для интересовъ страны теченіе того промежутка, который про-

шелъ съ тѣхъ поръ, нежели совершенное отсутствіе парламента, и тѣмъ болѣе несравненно было бы это лучше того сомнѣнія, которое въ умѣ каждаго человѣка существовало о томъ, будетъ ли имѣть теперешнее министерство поддержку парламента? Ибо что могло быть слѣдствіемъ принятой ими мѣры? какую причину выставляли они для распущенія? Они сами объявляли, что распустили парламента, потому что не имѣли поддержки въ большинствѣ; поэтому было неизвѣстно и должно было оставаться сомнительнымъ до самаго собранія парламента, дадутъ ли имъ выборы то большинство, котораго они не имѣли, и возвратятся ли они къ парламенту правительствомъ, опирающимся на такое количество приверженцевъ въ этой палатѣ, какое дало бы прочность ихъ министерству и силу принятой ими политикѣ. И потому я скажу, что распущеніе было преступною мѣрой; скажу, что правительство рисковало великими интересами страны для того только, чтобы поймать нѣсколько голосовъ на избраніяхъ. (*Одобрение.*) Высокопочтенный членъ отзывался весьма легко объ обвиненіяхъ, дѣлаемыхъ правительству за неправильныя дѣйствія на выборахъ въ нѣкоторыхъ частяхъ страны. Я не коснусь теперь этого вопроса. Но я ему скажу только, что немного пройдет времени, когда представится множество случаевъ, по этому предмету, болѣе нежели думаетъ высокопочтенный джентльменъ (г. Дизраэли) на наше разсмотрѣніе. (*Смѣхъ.*) Итакъ, если правительство оказалось,—я отрицаю, чтобы оно могло доказать противное,—если, говорю, правительство оказалось неспособнымъ въ домашнемъ законодательствѣ этой страны, то еще болѣе неспособнымъ оказалось оно въ иностранныхъ сношеніяхъ. Они говорятъ намъ: «Э! вы не должны составлять или выражать своего мнѣнія объ этомъ предметѣ, потому что мы еще не дали вамъ нашей *Синей Книжки*.» (1) Какъ! Но черная туча, нависшая надъ югомъ Европы, одна совершенно достаточно рассказываетъ намъ исторію, безъ всякой помощи *Синей Книжки*. Мы знаемъ общія черты того, что произошло, и — не оспаривая добрыхъ намѣреній у правительства, ибо безъ сомнѣнія оно сдѣлало все, что сочло за лучшее для предотвращенія войны,—я долженъ сказать, что по моему теперешнему убѣжденію, именно образъ его дѣйствій и произвелъ войну, и что иной образъ дѣйствій предотвратилъ бы ее. (*Крикъ о! о! съ министерской стороны.*) Именно: ихъ главною мыслию было, что опасность войны выходила отъ Франціи и Сардиніи. Ихъ идея, внушенная имъ, безъ всякаго сомнѣнія, заинтересованными

(1) *Blue-book*, синяя книга (называемая такъ по цвѣту переплета) въ которой каждое министерство печатаетъ свои акты и депеши, имъ получаемыя

партіями, была, что если они станутъ держать тонъ враждебный Франціи и Сардиніи и покровительствующій Австріи, то сохранять миръ. Вотъ тотъ секретъ, о которомъ слышали мы въ этой и въ другой палатѣ парламента; и до самой послѣдней минуты они думали, что если они могутъ устрашить Францію и отклонить ее отъ враждебныхъ дѣйствій, намекая Европѣ, что въ случаѣ войны, они станутъ на сторонѣ Австріи, то миръ сохранится, и война будетъ избѣгнута. (*O! o! съ министерской стороны.*) И они не знали, что между тѣмъ, какъ они думали такъ, Австрія сосредоточивала свои силы въ Италіи и рѣшилась на войну, и въ ту самую минуту, когда въ этой палатѣ канцлеръ казначейства толковалъ объ «исполненной достоинства сговорчивости» Австріи и о «двусмысленномъ и подозрительномъ» поведеніи Сардиніи, въ то самое время, тѣ повелительныя требованія, о которыхъ черезъ недѣлю потомъ благородный лордъ въ главѣ правительства, на обѣдѣ у лорда мера, выразился, что онѣ поставили Австрію въ положеніе великаго преступника, тѣ самыя требованія, говорю, были уже на дорогѣ къ Турину. Еслибъ они знали, еслибъ они были увѣрены, что Австрія тогда уже рѣшилась на войну, что между тѣмъ какъ Франція и Сардинія принимали принципъ предварительнаго обезоруженія, до вступленія въ конгрессъ, что было положительно подтверждено нынче вечеромъ, Австрія готовилась уже послать Сардиніи то повелительное требованіе, на которое не возможно согласиться никакому правительству, имѣющему малѣйшее чувство независимости и самоуваженія, а отринутіе такого требованія вело за собой вступленіе Австрійцевъ въ Сардинію и нарушеніе европейскаго мира,—еслибъ они повторяю, знали все это, я не думаю, чтобы они стали толковать о «достойной сговорчивости» Австріи и о «двусмысленномъ и подозрительномъ» поведеніи Сардиніи. (*Одобреніе.*) Вполнѣ очевидно, что они вовсе не знали дѣйствительнаго положенія дѣлъ, что они не имѣли свѣдѣнія о томъ, что происходило; что они были въ заблужденіи относительно намѣреній спорившихъ сторонъ и думали, что опасность неизбежной войны была со стороны Франціи и Сардиніи и не сколько со стороны Австріи. Послѣдствіе показало, что Австрія была готова, а Франція и тѣтъ, такъ что опасность поднялась изъ Ломбардіи, а не спустилась съ Альпъ. Они должны были знать это, да еслибы и знали, все-таки вы вѣроятно не услышали бы отъ нихъ воинственныхъ угрозъ Австріи, хотя бы они и были увѣрены въ ея неправотѣ. Я думаю, что къ какой бы сторонѣ ни обращена была угроза въ томъ, что случайности войны могутъ увлечь Англію въ пользу какой-либо изъ воюющихъ сторонъ,—такая угроза дурна и неразумна, а тѣмъ болѣе когда она обращена была къ гордой, независимой и воинственной націи, кото-

рая должна была понять и безъ сомнѣнія запомнить ее. Еслибы правительство знало, что происходило въ Вѣнѣ, и каковы были намѣренія австрійскаго правительства, оно держало бы другой тонъ съ Австріей. И убѣжденъ, что еслибы въ это время было здѣсь правительство, обладавшее довѣріемъ парламента и опиравшееся на большинство въ этой палатѣ, то дружественный, твердый, но умѣренный тонъ его непременно бы заставилъ Австрію остановиться и воздержаться отъ того насильственнаго поступка, который, даже въ мнѣніи самого благороднаго лорда во главѣ правительства, свергнулъ ее съ положенія, «исполненнаго достоинства», въ положеніе преступника. Австрія, какъ извѣстно, выдавала, что правамъ ея трактатовъ въ Ломбардіи угрожало нарушеніе. Въ такомъ случаѣ правительство очень бы могло сказать ей: «Ступайте въ конгрессъ. Пусть соберутся всѣ великія державы Европы, и мы въ переговорахъ станемъ возлѣ васъ, поддерживая ваши неоспоримыя права трактатовъ, но вы и Франція должны согласиться удалить всякое военное вѣдѣтельство и все не надлежащее административное вліяніе изъ всѣхъ тѣхъ странъ, которыя не ваши. Освободите южную Италію отъ занятія вашими войсками и отъ приказовъ ея правительствамъ; поступайте между собою, какъ поступаютъ независимыя націи». Я не могу сомнѣваться, чтобы правительство, имѣющее поддержку парламента и довѣріе страны, не успѣло въ то время предотвратить войну, которая теперь свирѣпствуетъ на По и Тичино; а это приводитъ меня къ такому заключенію, что теперешнее правительство не заслуживаетъ довѣрія и поддержки парламента, относительно веденія имъ нашихъ вѣдѣтельныхъ сношеній, а тѣмъ менѣе относительно нашего домашняго законодательства. (*Одобреніе.*) Намъ говорили, что мы, не медля ни минуты, должны приступить къ рѣшенію этого вопроса. Но кто же виноватъ, если была медленность по этому предмету? (*Одобреніе.*) Если правительство считало распущеніе палаты необходимою, зачѣмъ же оно такъ откладывало это распущеніе? Распущеніе могло состояться многими днями прежде, нежели оно состоялось, и если распущеніе было уже рѣшено, то почему парламентъ не созванъ былъ раньше? (*Одобреніе.*) Парламентъ могъ быть созванъ многими днями раньше. Въ такомъ случаѣ странный и таинственный кризисъ, по видимому существующій нынѣ, и изъ вниманія къ которому насъ приглашаютъ наскоро и безъ преній обсудить достоинства и судьбу правительства, этотъ таинственный кризисъ могъ быть предвидѣнъ по крайней мѣрѣ за недѣлю, и мы имѣли бы довольно времени обсудить достоинства и недостатки правительства, не подвергаясь обвиненію въ ускореніи какихъ-то страшныхъ и грозныхъ случайностей. И такъ теперь вопросъ въ томъ, дали ли,

или нѣтъ недавніе выборы большинство правительству? Я думаю, что это такой предметъ, который страна должна уяснить себѣ при самомъ собраніи парламента. (*Одобреніе.*) Намъ спрашиваютъ: «Къ чему такая поспѣшность въ этомъ? Почему не слѣдовать обыкновеннымъ путемъ преданности коронѣ, принявши отвѣтныи адрестъ на королевскую рѣчь; почему не подождать *Смѣхъ* *Книжи* положительныхъ документовъ и не дать правительству наполнить свои ряды свѣжими союзниками и приобрести голоса, которые могутъ быть услышаны въ нашихъ преніяхъ? Къ чему такое предложеніе въ самый первый день сессій?» А я скажу, что путь, какимъ мы идемъ теперь, есть мужественный, отважный и прямой путь. (*Одобреніе.*) Вы сдѣлали воззваніе къ странѣ. Оно было не по биллю о реформѣ; оно было не по поводу той или другой мѣры; оно было просто воззваніемъ къ странѣ, дабы рѣшить, имѣетъ ли нѣтъ теперешнее правительство довѣріе парламента и народа? А потому я говорю, что мы пренебрегли бы нашимъ долгомъ, мы уклонились бы отъ положенія, какое, какъ члены этой палаты, мы призваны занимать, мы обманули бы ожиданія страны, еслибы стали сидѣть здѣсь молча, какъ теперь (показывая на министерскія скамьи) сидятъ тамъ молча они (*одобреніе и смѣхъ*), еслибы мы дали поводъ судить насъ безъ разбирательства, какъ бы за невяку въ суль и еслибы мы не отважились смѣло предложить палатѣ вопросъ о томъ, дали, или нѣтъ выборы большинство правительству, и поэтому имѣетъ ли или не имѣетъ страна, равно какъ и эта палата, довѣріе къ существующей администраціи. Мнѣ кажется, что рѣшеніе будетъ противъ правительства. (*Одобреніе.*) Таково мое мнѣніе. Но я готовъ даже сказать, пусть вопросъ этотъ будетъ предложенъ въ какой бы то ни было формѣ, но мнѣніе палаты должно быть узнано. (*Одобреніе.*) Я думаю, что не согласно ни съ принципами конституціи, ни съ интересами страны, если правительство великой націи будетъ во мнѣніи всѣхъ одолжено своимъ существованіемъ одной только терпимости и снисхожденію палаты общинъ. Они ослабили себя каждымъ изъ своихъ законодательствъ: они не могутъ слѣдовать своимъ собственнымъ мнѣніямъ; они готовы ловить блуждающихъ членовъ всюду, гдѣ только могутъ найди ихъ; они принуждены зависѣть отъ затерявшихся голосовъ. Членъ какого-нибудь графства подаетъ за нихъ голосъ, подобно почтенному члену за Соутемптонъ, по поводу какой-нибудь желѣзной дороги или чего другаго. Они вынуждены поступать, какъ недостойно поступать правительству; они не могутъ дѣйствовать согласно съ принципами партіи, которая поддерживаетъ ихъ. (*Одобреніе.*) Каковъ бы ни былъ исходъ этого пренія, я думаю, что это именно такое преніе, въ какое слѣдуетъ войти палатѣ. Если рѣшеніе палаты будетъ противнымъ, и если

результатомъ будетъ переимѣна правительства, я думаю, слѣдуя сравненію, сдѣланному канцлеромъ казначейства, но не входя въ сравнительныя достоинства людей, я думаю, что ряды либеральной партіи представляютъ средства для составленія правительства, столь же удовлетворительнаго, какъ правительство, сидящее на скамьяхъ передъ нами (*одобрение*) и потерявшее—да позволено мнѣ будетъ сказать—нѣсколько изъ своихъ способнѣйшихъ членовъ. Одинъ благородный лордъ былъ выброшенъ, подобно Юнѣ, по случаю индійскаго вопроса. (*Смѣхъ*). Два другіе вышли вслѣдствіе несогласія ихъ съ мѣрою о реформѣ. Я сожалею, не видя на своемъ мѣстѣ четвертаго члена правительства (сэръ-Е. Больверъ-Литтона), отсутствующаго по причинамъ, о которыхъ мы всѣ искренно скорбимъ, и которыхъ, мы надѣемся, скоро пройдутъ, и мы скоро будемъ имѣть удовольствіе снова видѣть на своемъ мѣстѣ того, кто такъ часто восхищалъ насъ своимъ краснорѣчіемъ при всемъ нашемъ различіи съ нимъ въ мнѣніяхъ. (*Одобрение*.) Итакъ, сэръ, смотря на эти остатки разбившейся администраціи (*смѣхъ*), я не считаю излишнею самонадеянною, со стороны джентльменовъ, сидящихъ на этой сторонѣ палаты, сказать, что можно будетъ составить администрацію, члены которой столь же заслуживаютъ довѣріе, какъ и тѣ, которые занимаютъ теперь скамьи противъ насъ. (*Слушайте*.) Если же, съ другой стороны, предложеніе наше будетъ отвергнуто, и существованіе правительства утверждено, и такой результатъ мнѣ все-таки кажется лучше, нежели настоящее положеніе. (*Одобрение*.) Гораздо лучше будетъ для страны, если теперешнее правительство въ этомъ случаѣ окажется въ довѣрїи у палаты. Руки ихъ будутъ сильнѣе. Въ домашнемъ законодательствѣ они могутъ провести мѣры, какія считаютъ нужными. Они лучше могутъ примирить враждующія нынѣ націи, отвратить бѣдствіе войны и возстановить миръ на основаніи и твердомъ и почетномъ. Я нисколько не испуганъ дошедшими до насъ съ той стороны неясными намеками на то, что они въ большинствѣ. (*Смѣхъ*.) Я бы лучше желалъ, чтобъ они были въ большинствѣ, и чтобы мы вышли и сосчитались въ двухъ залахъ, нежели чтобы мы оставались въ такомъ неконституціонномъ положеніи, въ которомъ мы находились до сихъ поръ. (*Одобрение*.) Я не стану долѣе занимать вниманіе палаты, но скажу только, что я очень доволенъ тѣмъ, что преніе это не было прекращено прежде, нежели многіе члены не выразили своихъ мнѣній. (*О! о! и слушайте*.) Предметъ этотъ слишкомъ важенъ для страны, слишкомъ касается до чести и интересовъ націи, чтобъ могъ идти на голоса, кое-какъ, въ четыре часа утра, или «нахрапомъ» безъ всякаго пренія. (*Слушайте*.) Если же на другой сторонѣ палаты есть члены,

которые имѣютъ причины настаивать на томъ, что вы не должны принимать эту поправку, пусть они дадутъ послушать себя, и нѣтъ сомнѣнія, имъ отвѣтять многіе съ этой стороны, которые умѣютъ защищаться. Пусть палата и нація услышатъ, и пусть Европа узнаетъ причины, на основаніи которыхъ вы считаете себя въ правѣ на довѣренность страны. Голосъ, поданный такимъ образомъ, приносигъ съ собою вѣсь, какъ рѣшеніе народа, и на какую бы сторону ни пошелъ онъ, все будетъ лучше, нежели теперешнее положеніе вещей. (*Одобреніе.*)

Вслѣдъ за рѣчью лорда Пальмерстона, г. сержантъ Дизи предложилъ отсрочку преній.

Канцлеръ казначейства сказалъ, что послѣ того, что произошло, было бы бесполезно противиться отсрочкѣ. Будетъ лучше отложить пренія до четверга.

Согласно съ этимъ пренія объ адресѣ отложены до четверга, 9 іюня. Палата разошлась въ половинѣ перваго по полуночи.

КНЯЗЬ МЕТТЕРНИХЪ.

НЕКРОЛОГЪ.

(Изъ *Times*)

Смерть князя Меттерниха въ то самое время, когда мечъ Бонапарта висигъ надъ Италією, и вѣнскіе трактаты потрясены въ своихъ основахъ, могла бы въ болѣе суевѣрный вѣкъ показаться зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ она представляется простою случайностью, которую послѣдующіе историки найдутъ слишкомъ замысловатою, и усомнятся въ ней. Знаменитѣйшій изъ государственныхъ людей Европы дожилъ до того, что собственными глазами видѣлъ если не конечное разрушеніе, то приближеніе къ упадку всего, что было имъ совершено при жизни. Система, созданная имъ съ необычайными усиліями, рухнула въ 1848 году, и онъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ изъ государства, дѣлами котораго руководилъ въ теченіе болѣе, чѣмъ четверти столѣтія. Когда наступила реакція, онъ возвратился въ Австрію, и даже питалъ надежду снова возстановить прежній порядокъ. Но скоро онъ убѣдился въ своемъ заблужденіи; и престарѣлый князь, властвовавшій одно время совѣтами своими во

всѣхъ европейскихъ кабинетахъ, могъ, удалившись на покой, сказать *мысль отлучаеши* хотя пѣснь эта не звучала торжествомъ въ его устахъ. Высокое положеніе, достигнутое имъ въ Европѣ, показываетъ конечно присутствіе въ немъ не совсѣмъ обыкновенныхъ силъ; но если ни одинъ человекъ не можетъ назваться счастливымъ до послѣдней минуты своей жизни, то тѣмъ менѣе можетъ назваться счастливымъ государственный человекъ, если онъ не доживетъ до полнаго успѣха своихъ плановъ. Меттернихъ вознамѣрился ни болѣе, ни менѣе какъ сковать цѣпами вѣтеръ и, подобно Кануту на морскомъ берегу, думалъ запретить двигаться волнамъ. Вѣтеръ повиновался ему, и даже волны отступили на минуту, но минута эта миновала, и стихіи снова пришли въ дѣйствіе. Всѣ великіе планы его руются въ настоящее время. Онъ былъ непреклоннымъ адвокатомъ той системы, не допускающей сдѣлокъ, которая обыкновенно удивляетъ прочностью и силою во все время своего существованія, но распадается вдругъ и совершенно, лишь только потрясена какая-либо ея часть. Она можетъ быть орудіемъ въ рукахъ государственнаго человека, но едва ли способна превратиться въ монументъ ему. Меттернихъ, по сущности своего характера, былъ дипломатомъ; онъ былъ искусенъ въ дипломатическихъ изворотахъ, но не понималъ, что они могутъ имѣть только временную силу. Ему лучше былъ извѣстенъ характеръ правителей, чѣмъ характеръ тѣхъ, которые находятся подъ управленіемъ, и потому, ловкій атлетъ въ борьбѣ съ государственными людьми, онъ не умѣлъ ладить съ народностями. Болѣе или менѣе его должно винить на этомъ основаніи во внутренней слабости Австрійской имперіи, въ бѣдности тамошней казны и неудовольствіи всѣхъ провинцій (1).

Клементъ Венцеславъ Меттернихъ родился въ Кобленцѣ, 15 мая 1773 года, и умеръ слѣдовательно на 86 году жизни. Предки его прославились въ войнахъ имперіи съ Турками; изъ нихъ многіе занимали курфиршескія мѣста въ архіепископствахъ Майнскомъ и Трирскомъ; отецъ его, графъ Меттернихъ, пользовался репутаціею хорошаго дипломата и былъ товарищемъ Кауница. На 15-мъ

(1) Послѣдняя мысль справедлива только относительно общаго направленія австрійскихъ дѣлъ. Какъ ни кажется это страннымъ, но привыкнувъ владѣть въ Европѣ, князь Меттернихъ не имѣлъ много вліянія на администрацію въ самой Австріи. Онъ самъ нисколько не скрывалъ этого. «Когда послѣ катастрофы 1848 г. мы очутились съ княземъ Меттернихомъ изгнанниками въ Лондонѣ, говоритъ г. Гизо, я спросилъ его однажды: «Объясните пожалуйста, какъ и почему произошла революція въ Вѣнѣ? я этого не могу понять.» — «Я иногда управлялъ Европою, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, въ которой замѣтно было вѣтстъ чувство гордости и грусти, но Австрію никогда.» (*Mémoires*, tome II, 339.) *Ред.*

году отъ рожденія Меттернихъ поступилъ въ Страсбургскій университетъ, гдѣ учился вмѣстѣ съ Бенжаменомъ Констаномъ, и откуда, два года спустя, перешелъ для окончанія курса наукъ въ Майнцъ. Въ 1790 году онъ впервые вступилъ въ общественную дѣятельность въ качествѣ церемоніймейстера при коронаваніи императора Леопольда II; въ 1794, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Англіи, онъ былъ причисленъ къ австрійскому посольству въ Гагъ и въ слѣдующемъ году женился на единственной дочери Кауница. Съ этихъ поръ онъ непрерывно продолжалъ свою дипломатическую карьеру. Онъ обратилъ, впервые, на себя вниманіе во время Раштадскаго конгресса, на которомъ присутствовалъ въ качествѣ представителя Вестфальскаго дворянства, послѣ чего сопровождалъ графа Стадіона въ С.-Петербургъ, а потомъ (1801) былъ назначенъ посланникомъ при саксонскомъ дворѣ. Въ 1803 году переведенъ онъ былъ въ томъ же званіи въ Берлинъ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ образованіи извѣстной коалиціи, распавшейся потомъ вслѣдствіе битвы при Аустерлицѣ, и наконецъ, послѣ пресбургскаго мира, получилъ дипломатическое назначеніе первостепенной важности—именно, отправленъ былъ посланникомъ ко двору Наполеона. Возвышеніе молодаго дипломата поражало своею быстротою, и императоръ Французовъ замѣтилъ ему при первомъ же свиданіи: «Вы слишкомъ молоды для того, чтобы представлять такую могущественную монархію.» — «Ваше величество были не старше меня подъ Аусгерлицомъ» отвѣчалъ Меттернихъ, нѣсколько искажая правду, отъ чего однако комплиментъ былъ принятъ съ неменьшимъ удовольствіемъ. Несмотря на свою молодость, онъ обнаружилъ столько умѣнья и ловкости, что Наполеону ни разу не удалось провести его. Въ Меттернихѣ всѣ превосходства свѣтскаго человѣка были развиты въ высшей степени; разговоръ его отличался блескомъ и неистощимостью, манеры поражали изяществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ важностью, лезть въ его устахъ была особенно тонка и вкрадчива (1). Безъ

(1) Въ *Zeitgenössische Geschichte* Адольфа Шмидта помѣщено оживленное изображеніе наружности и свѣтскихъ качествъ князя Меттерниха. Вотъ оно: «Вся внѣшность князя, его обращеніе, разговоръ были неизмѣримо далеки отъ того, чтобы смотрѣть на него какъ на влестителя всей Европы или какъ на тирана. Всякій, кто приближался къ нему съ подобными предразсудками, отказывался отъ нихъ, обвороживъ его непринужденностью, радушіемъ, которыя въ бесѣдѣ даже съ чловѣкомъ, стоявшимъ ниже его въ общественномъ положеніи, дышали чѣмъ-то чистосердечнымъ. До самыхъ преклонныхъ лѣтъ онъ пріятно поражалъ всѣхъ своею стройностью, чертами лица, движеніями и взглядомъ. Покатый лобъ, свѣтлые и кроткіе голубые глаза, легко согнутый носъ, прекраснаго цвѣта и тщательно приглаженные густые волосы, производилъ, по словамъ Гормайра, чарующее впечатлѣніе. «Только

-жара къ дѣлу съ симпатіями очень ограниченными, не зная глубокихъ убѣжденій, онъ былъ человѣкъ яснаго ума и твердой воли; онъ умѣлъ крѣпко хранить свои собственные секреты и выпытывать секреты у другихъ; славя самымъ пріятнымъ человѣкомъ въ мірѣ, онъ умѣлъ интриговать, постоянно улыбаясь, интриговать танцуя, и достигалъ успѣха въ то самое время, какъ, казалось, совершенно отказывался отъ него. Онъ велъ свои дѣла съ такимъ искусствомъ, что когда вспыхнула война въ 1809 году, и онъ принужденъ былъ возвратиться къ вѣнскому двору, то немедленно былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто графа Стадіона. Во время отиравленія имъ этой должности, пришла ему мысль о бракосочетаніи между императоромъ Наполеономъ и австрійскою эрцгерцогинею, какъ о вѣрнѣйшемъ средствѣ спасти свое отечество. Онъ вступилъ объ этомъ въ переговоры съ Шампаньи; Наполеонъ развелся съ Жозефиною, и Меттернихъ сопровождалъ Марію-Луизу въ Парижъ. Это былъ не болѣе какъ дипломатическій изворотъ, унизительная жертва, не могшая имѣть большихъ и прочныхъ послѣдствій; и дѣйствительно, въ 1813 году, послѣ пораженія Французовъ въ Россіи, снова возгорѣлась война между Австріею и Франціею. Осенью этого года, Меттернихъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство имперіи. Въ послѣдовавшихъ за тѣмъ конференціяхъ и трактатахъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Вскорѣ послѣ этого, онъ посѣтилъ Англію, гдѣ оксфордскій университетъ поднесъ ему докторскій дипломъ. Получивши всевозможные ордена отъ всѣхъ европейскихъ дворовъ, онъ никогда не имѣлъ однако ни одного англійскаго ордена. Ни орденъ Бани, ни Подвязки не были ему дарованы.

При открытіи вѣнскаго конгресса, князь Меттернихъ, въ то время 42-хъ лѣтъ отъ рожденія, единодушно былъ избранъ председателемъ его, и съ этихъ поръ въ продолженіи долгихъ лѣтъ онъ дѣйствительно какъ бы председательствовалъ во всѣхъ дѣлахъ Европы. По понятіямъ государственныхъ людей континен-

около рта, прибавляетъ онъ, замѣтна была полунасмѣшливая, сибаритская, выѣстъ хитрая и сластолюбивая черта-... Силою своего орлиаго взгляда могъ онъ мгновенно проникнуть въ характеръ всякаго лица; ласковыми манерами своими могъ онъ возбудить къ себѣ расположеніе самаго недотр�иваго человѣка. Его аудіенціи представляли всегда много остроумія (Pikantes); въ обществѣ отличался онъ любезностью и предупредительностью, даже съ писателями, если только они были иностранцы. Изъ туземныхъ литераторовъ, за исключеніемъ Гаммера и Зейдлица, да и то потому, что они были чиновниками государственной канцеляріи, и Майлата, какъ отличнаго венгерскаго оратора, онъ не принималъ никого въ своемъ салонѣ. Каждое воскресенье, послѣ театра, собиралось у него дипломатическое общество.

Ред.

тальной Европы, война противъ Наполеона была не только войною противъ честолюбиваго завоевателя, но также противъ революціонной пропаганды. Только Англія боролась для самозащиты, но нисколько не боролась съ принципами. Не въ ея духѣ было навязывать другимъ націямъ свои государственныя теоріи. Государственные люди материка никогда не понимали ясно этого различія и думали столько же низложить революцію, сколько обуздать великаго воина, проложившаго себѣ дорогу къ французскому престолу. Поэтому союзъ, изгнавшій Наполеона на островъ Св. Елены и измѣнившій политическую карту Европы, принялся также подавлять всѣ народныя учрежденія, свободу слова и печати и водворять деспотизмъ во всѣхъ странахъ, которыя согласились подчиниться этому направленію. Это былъ священный союзъ, навлекшій на себя столько заслуженныхъ порицаній; созидателемъ его явился Меттернихъ, успѣвшій одно время вынудить если не совершенное содѣйствіе, то по крайней мѣрѣ безмолвное согласіе англійскаго министерства, во главѣ котораго стоялъ Кассльри. Лишь въ 1822 году, когда Каннингъ принялъ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, громкій протестъ противъ деспотизма замѣнилъ мѣсто слѣпаго соглашенія съ нимъ. Ослѣпленіе, съ которымъ Меттернихъ преслѣдовалъ достиженіе этой системы и противился всему, что имѣло характеръ народнаго движенія, обнаружилось вполнѣ въ войнѣ за греческую независимость. Въ то время, какъ Англія смотрѣла съ сочувствіемъ на пробужденіе греческой свободы, Австрія оставалась къ нему равнодушна. Россія также радовалась возстанію Грековъ, ибо предвидѣла въ этомъ истощеніе Турціи. Въ борьбѣ, послѣдовавшей за тѣмъ, Австрія оставалась нейтральною, въ то время какъ Россія успѣшила въ нее вмѣшаться, утвердила вліяніе свое на Молдавію и Валахію, по адрианопольскому трактату овладѣла устьемъ Дуная и въ скоромъ времени заняла мѣсто между Венгріею и Чернымъ моремъ, что грозило большими опасностями для Австріи. Можно надѣяться, что трактатами, окончившими послѣднюю войну, опасность эта уничтожена, хотя вѣнскій дворъ не можетъ похвалиться своимъ доблестнымъ содѣйствіемъ составленію этихъ трактатовъ. Общее мнѣніе было всегда таково, что князь Меттернихъ сдѣлалъ огромную ошибку, дозволивши Россіи, не говоря ни слова, занять столь важное положеніе, какъ будто бы онъ не замѣчалъ никакой опасности съ ея стороны. Теперь Австрія не боится нападенія со стороны Россіи, и единственными пугалами ея остаются народное возстаніе и Франція.

Если одно время русская политика внушала опасенія Австріи, то опасенія эти были заглушены событіями, послѣдовавшими со

времени французской революціи 1830 года. «Все погибло!» воскликнулъ императоръ Францъ, услыхавъ о вступленіи вѣнчанскаго короля на престолъ, и союзъ между тремя сѣверными державами сдѣлался крѣпче, нежели когда-нибудь. Но Меттернихъ скоро разгадалъ характеръ Лудовика-Филиппа; онъ понялъ, что Австріи нечего бояться со стороны его, и отправлялъ войска въ Италію для подавленія тамъ свободы, употребляя вмѣстѣ съ тѣмъ все вліяніе свое, чтобы подавить стремленіе къ національной независимости и въ другихъ странахъ. Успіія его не во всемъ увѣнчались успѣхомъ, но менѣе всего успѣшны были дѣла его въ той имперіи, которой первымъ сановникомъ былъ самъ Меттернихъ. Канцлеръ рѣшительно не могъ соединить вмѣстѣ разнообразныя части государства, и не могъ подавить въ нихъ то неудовольствіе, которое является слѣдствіемъ потраченныхъ силъ и обманутыхъ надеждъ.

День возмездія насталъ. Въ 1847 году кардиналъ Ферретти вступилъ на папскій престолъ. Пій IX доказалъ въ послѣдствіи, изъ какого металла созданъ онъ, и мы не станемъ критиковать его дѣйствія. Извѣстно, что пріобрѣтеніе имъ папской тиары подняло всю Италію, пробудило вопль національной независимости и поколебало владычество Австрійцевъ на полуостровѣ. Затѣмъ послѣдовала третья французская революція, низвергнувшая въ одно время почти половину европейскихъ престоловъ. Ударъ отразился и на Вѣнѣ. Несмотря на сопротивление Меттерниха, преслѣдовавшаго до конца свою государственную политику, тамошнее правительство пало. Къ эрцгерцогу Іоанну явилась съ жалобами депутація изъ почтеннѣйшихъ гражданъ, и онъ могъ успокоить ихъ только тѣмъ, что обѣщалъ отставку канцлера. Въ эту минуту появился изъ сосѣдней комнаты князь Меттернихъ и съ упорствомъ челоуѣка, сорокъ лѣтъ пользовавшагося властію, воскликнулъ: «Господа, я не откажусь и не желаю отказываться отъ должности». Эрцгерцогъ Іоаннъ, не обращая вниманія на канцлера, повторилъ свои прежнія слова: «Говорю вамъ, князь Меттернихъ подастъ въ отставку». — Такъ это-то награда за мою пятидесятилѣтнюю службу?» сказалъ Меттернихъ, и на другой день покинулъ городъ подъ прикрытіемъ кавалерійскаго отряда. Онъ отправился въ Англію и оставался тамъ до возстановленія прежняго порядка вещей. Только въ 1851 году осмѣлился онъ появиться въ Вѣнѣ, но осенью того же года съ царскою пышностію удался въ свой дворецъ. Ему не предлагали уже болѣе никакой должности. Въ обществѣ онъ занималъ то же положеніе, какъ герцогъ Веллингтонъ въ Англіи въ послѣдніе годы своей жизни. Къ нему обращались за совѣтами, но онъ не пользовался никакою властію, и многіе даже съ удивленіемъ узнавали, что

знаменитый государственный человекъ еще не умеръ. Не столько истинно-великій, сколько пріобрѣтшій себѣ извѣстность, болѣе ловкій, чѣмъ мудрый, уважаемый скорѣе по своимъ лѣтамъ, нежели по вліянію, возбуждавшій къ себѣ много удивленія, но ни въ комъ не возбуждавшій къ себѣ сочувствія, старѣйшій изъ европейскихкихъ министровъ отошелъ теперь на вѣчный покой.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ

30 марта 1859 года состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о правахъ войсковыхъ обывателей Харьковской губерніи на *старозаимочныя* земли.

Займка земель имѣетъ немаловажное значеніе въ исторіи русскаго вотчиннаго права. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ одинъ изъ самостоятельныхъ способовъ происхожденія поземельной собственности въ такъ-называемыхъ бывшихъ слободскихъ полкахъ, составившихъ нынѣшнюю Харьковскую губернію. Полки эти образовались, какъ извѣстно, изъ пришельцевъ малороссійскаго происхожденія, которые, по поводу польскаго гоненія за вѣру, вышли въ 1646 году изъ-за Днѣпра и поселились въ полуденномъ краѣ Россіи, сначала по чертѣ, устроенной Михаиломъ Феодоровичемъ отъ Ворсклы до Дона, потомъ мало-по-малу распространились по Сулѣ, Псѣлу, Харькову, Донцу и пр. Изъ нихъ были устроены слободы, сдѣлавшіяся въ послѣдствіи полковыми городами; первые переселенцы вышли изъ Черкаскаго повѣта, и оттого всѣ слободскіе жители получили общее названіе Черкасъ. Русское правительство старалось привлечь ихъ къ себѣ и воспользоваться ихъ военнымъ устройствомъ для защиты границъ. Въ 1654 году харьковскій полкъ, центръ мѣстнаго управленія, принятъ былъ подъ скипетръ Россіи и вскорѣ поступилъ въ вѣдѣніе посольскаго приказа, и наряду съ нимъ образовался другой главный полкъ изюмскій. Въ послѣдней четверти XVII-го столѣтія начинается рядъ жалованныхъ грамотъ, которыми русскіе государи утверждали за слободскими жителями разныя льготы и привилегіи.

Въ томъ числѣ грамотою 1682 года указано слободскимъ полкамъ «пашенныя земли пахать и всякими угодами владѣть промежъ собой по раздѣлу по ихъ черкасской обычности». Къ числу такихъ обычностей, перенесенныхъ, вѣроятно, изъ первоначальной родины, принадлежалъ обычай *занимать* пустыя земли для разработки и владѣнія. Такимъ образомъ, займа въ слободскомъ краю сдѣлалась главнымъ способомъ пріобрѣтенія собственности, и уже въ послѣдствіи, въ XVIII мѣ столѣтіи, при уменьшеніи земель, явились производные способы пріобрѣтенія посредствомъ покупки у первоначальныхъ займщиковъ или преемниковъ ихъ.

Но и въ то время, на ряду съ пріобрѣтеніемъ по передаточнымъ актамъ и по наслѣдству, займа долго еще не утрачивала прежняго своего значенія. Сначала, по изобилію пустыхъ земель, для займки не требовалось никакихъ формальностей; съ умноженіемъ населенія, съ увеличеніемъ цѣнности земель и уменьшеніемъ количества пустыхъ дачъ, оказалась необходимость въ установленіи опредѣленнаго порядка займки; для предупрежденія ссоръ и споровъ за землю потребовалось опредѣлить начало и основаніе каждаго займочнаго права. Съ этою цѣлью установился для займокъ особый обрядъ, сходный съ тѣмъ обрядомъ, который въ системѣ помѣстныхъ правъ Великороссійскаго края существовалъ издавна для пріисканія и записки въ дачу земель порозжихъ: здѣсь образовалось офиціальное понятіе о томъ, что земли слободскихъ полковъ составляютъ фондъ, предоставленный имъ за службу и для службы; слѣдовательно, по происхожденію своему, занятая или отведенная земля не могла ни у кого почитаться полною, безусловною собственностью. Зайщикъ долженъ былъ, для займки за собою земель, обращаться съ просьбой въ полковую урядъ, въ визюмскую полковую канцелярію, откуда выдавались на этотъ предметъ документы, не имѣвшіе впрочемъ строго опредѣленной формы: письменныя дозволенія на займку, письма полковаго уряда, указы и предписанія, а иногда ввозныя грамоты съ дозволеніемъ «вольныхъ людей Черкасъ призывать и селить» на займочной землѣ. Естественно, что при такомъ способѣ происхожденія поземельной собственности, не могло быть точной опредѣленности ни въ границахъ владѣнія, ни въ матеріальныхъ признакахъ права. Это повело съ одной стороны къ злоупотребленіямъ мѣстныхъ правителей, отъ которыхъ зависѣло утверженіе правъ, съ другой стороны къ частнымъ насиліямъ, завладѣніямъ и ссорамъ между частными владѣльцами. Правительство съ половины XVIII столѣтія, особенно же со вступленія на престолъ Екатерины II, поставило себѣ одною изъ главныхъ государственныхъ цѣлей опредѣленіе границъ поземельнаго владѣнія и приведеніе въ извѣстность вотчинныхъ правъ. Особое вниманіе было обращено

при этомъ на земли служилыхъ людей, въ томъ числѣ на заимочныя земли слободскихъ полковъ; въ нихъ произошло смѣшеніе собственности государственной съ частнымъ владѣніемъ, мало-помалу превратившимся въ личную собственность. Въ 1765 (ук. 13 марта) слободской губернской канцеляріи велѣно было отобрать и рассмотреть документы всѣхъ поселившихся на слободской землѣ помѣщиковъ, съ тѣмъ, чтобъ опредѣлить законныя права каждаго владѣльца и выдѣлить ихъ изъ массы земель назначенной «на содержаніе слободскихъ полковъ», долженствовавшей составлять общественную принадлежность. Между тѣмъ приготовлялось общее государственное размежеваніе. Въ іюль 1763 года излана была спеціальная инструкція для размежеванія слободскихъ земель, при чемъ постановлено, «по неизмѣнью въ Слободской губерніи никакого предѣла въ земляхъ, ограничить закономъ, дабы всякій свой удѣлъ или заимку зналъ и завладѣнное излишне возвратилъ и по правильнымъ крѣпостямъ имѣлъ бы себѣ владѣніе по указамъ, какъ и великороссійскіе владѣльцы. Для разбирательства же земляныхъ дѣлъ учредить въ слободской канцеляріи особый вотчинный департаментъ.» При томъ велѣно: «оставшуюся въ округѣ каждаго мѣстечка за удовольствіемъ обывателей лежащую впускъ полковой дачи землю описать и безъ указа губернской канцеляріи не давать кромѣ обывателей вновь прибылыхъ и тамошнихъ съ семьями размножившихся и въ земляхъ недостаточныхъ, а губернской канцеляріи, получа свѣдѣніе объ оставшихся земляхъ, если кто изъ бывшихъ старшихъ и ихъ дѣтей; не имѣющій до сего заимочныхъ земель, будетъ просить, онымъ дачи производить, кому надлежитъ, по пропорціи.» (Ук. 6 іюля 1763, 23 октября 1767, 1 декабря 1738). Въ послѣдствіи же, по учрежденіи слободской межевой конторы, велѣно ей производить межеваніе заимочныхъ земель по началамъ межевой инструкціи (ук. 7 мая 1769 г.). Такимъ образомъ прекратилась на будущее время возможность безпорядочныхъ заимокъ, а владѣніе землями старозаимочными должно было получить надлежащую опредѣленность. Населеніе вновь образованной Слободско-Украинской губерніи мало-помалу утратило характеръ служилого сословія; прежніе войсковые обыватели и козаки вошли частію въ сословіе государственныхъ крестьянъ, частію, выслужившись, перешли въ высшій классъ, пріобрѣта и своей поземельной собственности качество дворянскаго владѣнія. Въ общей массѣ земель, состоявшей во владѣніи бывшихъ служилыхъ людей, предстояло теперь отдѣлить личную собственность отъ собственности государственной, отъ земель, предназначенныхъ для душеваго надѣла. Посреди общественныхъ дачъ часто встрѣчались особыя участки, состоявшіе въ личномъ владѣніи, изъ староза-

многихъ земель, доставшихся по наслѣдству отъ предковъ или покупкою отъ прежнихъ владѣльцевъ. Такіе владѣльцы, если успѣли выслужиться изъ поселянскаго званія въ офицерскіе чины, получали вмѣстѣ съ тѣмъ право располагать своею землею свободно, какъ дворянскою собственностью; но когда они, при личномъ владѣніи землею, оставались въ сословіи свободныхъ сельскихъ обывателей, то возникалъ вопросъ о пространствѣ правъ ихъ на отчужденіе своихъ участковъ лицамъ постороннимъ, не принадлежащимъ къ одному съ ними сословію. Право это ограничено было закономъ въ отношеніи къ личной собственности однодворцевъ и малороссійскихъ козаковъ. Законъ имѣлъ при этомъ въ виду, что въ дачѣ, населенной государственными крестьянами, не должно быть допускаемо образованіе новыхъ разнопомѣстныхъ владѣльцевъ, и держался того начала, что земли, выдѣленныя изъ фонда, первоначально назначеннаго для государственной службы, не должны выходить изъ того сословія, коего поземельное владѣніе основано на прежнемъ служебномъ его значеніи; напротивъ того, земли, пріобрѣтенныя по частнымъ сдѣлкамъ между прежними служилыми людьми или потомками ихъ, если эти сдѣлки утверждены закономъ или давностью, могутъ быть предоставлены въ свободное распоряженіе владѣльцевъ. То же начало выражается теперь и въ новомъ законѣ относительно старозаимочныхъ земель. Войсковымъ обывателямъ Харьковской губерніи предоставляется право собственности на тѣ старозаимочныя земли, которыя нынѣ состоятъ въ личномъ ихъ владѣніи и распоряженіи, и достались имъ по наслѣдству отъ предковъ, или пріобрѣтены покупкою. Такимъ образомъ, какъ тѣ, такъ и другія земли, не причисляясь къ общественнымъ, свободны отъ оброчной платы. Но свобода въ отчужденіи тѣхъ и другихъ земель не одинакова. Первыя, то-есть наслѣдованныя отъ предковъ, дозволяется войсковымъ обывателямъ «продавать, по примѣру малороссійскихъ козаковъ, только равнымъ себѣ обывателямъ» а послѣднія, то-есть купленныя, предоставляется имъ отчуждать кому пожелаютъ. Тѣ старозаимочныя земли, которыя перешли уже къ лицамъ другихъ состояній и удержаны лицами выслужившимися изъ войсковыхъ обывателей, остаются въ неприкосновенной собственности у настоящихъ владѣльцевъ и ихъ наслѣдниковъ.

До настоящаго времени законъ нашъ признавалъ въ видѣ общаго правила, что всѣ осужденные къ ссылкѣ въ каторжную работу или на поселеніе, не могутъ пріобрѣтать въ собственность никакого недвижимаго имущества. Въ отношеніи къ каторжнымъ запрещеніе это было безусловное; но для поощренія ссыльно-поселенцевъ къ трудолюбію, бережливости и осѣдлой жизни, а также для обезпеченія женъ и дѣтей ихъ, не участво-

вавшихъ въ преступленіи, ссыльнымъ предоставлялось право владѣнія и пользованія недвижимымъ имуществомъ на самомъ мѣстѣ ссылки и только въ то время, пока они въ томъ мѣстѣ остаются. Они могли, съ дозволенія экспедиціи о ссыльныхъ, покупать *на имя ея* земли и дома въ мѣстахъ поселенія, впрочемъ лишь внѣ городовъ. Право распоряженія такимъ имуществомъ не принадлежало владѣльцу; но съ дозволенія экспедиціи, имущество могло быть промѣнено на другое, равной цѣны, и на тѣхъ же правахъ владѣнія. Въ случаѣ перевода ссыльнаго въ другое мѣсто, по распоряженію начальства, имущество назначалось въ продажу съ обращеніемъ продажной суммы въ собственность владѣльца. Имущество, владѣемое на этомъ неполномъ правѣ, могло превратиться въ полную собственность наслѣдниковъ владѣльца, послѣ его смерти; а для него самого, при жизни, превращеніе не полного права въ полное могло совершиться не иначе, какъ по перечисленіи владѣльца изъ разряда ссыльно-поселенцевъ въ сословіе государственныхъ крестьянъ. Въ такомъ случаѣ отъ имени экспедиціи о ссыльныхъ совершался на имя владѣльца особенный актъ (данная), безъ взысканія пошлинъ.

Дозволеніе владѣть и пользоваться недвижимымъ имуществомъ, предоставленное ссыльно-поселенцамъ въ 1845 году, было не маловажнымъ для нихъ приобрѣтеніемъ. Съ 29 апрѣля 1859 года это право ихъ расширено до полной собственности. Государь Императоръ, принимая во вниманіе, что вышеозначенныя ограниченія препятствуютъ упроченію хозяйственного быта поселенцевъ и затрудняютъ правильное ихъ водвореніе, по положенію сибирскаго комитета соизволилъ, въ видахъ улучшенія хозяйственного и нравственного быта ихъ, предоставить имъ право и прежде перехода ихъ въ государственные крестьяне не только владѣть, но и распоряжаться недвижимыми имуществами. Отнынѣ поселенные въ волостяхъ могутъ, съ *вѣдома* волостнаго начальства, покупать на свое имя земли и дома въ предѣлахъ той же волости; живущіе въ городахъ пользуются, съ *вѣдома* полиціи, тѣмъ же правомъ и въ городѣ, если пробыли въ немъ не менѣе трехъ лѣтъ сразу при безпорочномъ поведеніи. Покупка совершается посредствомъ *домашняго* акта, составляемаго при двухъ свидѣтеляхъ и свидѣтельствуемаго въ волостномъ правленіи или городской полиціи. Имущества, купленныя ссыльно-поселенцами, при дѣйствіи прежнихъ правилъ, должны быть немедленно переданы въ ихъ собственность экспедиціями посредствомъ данныхъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ то самое время, когда два абсолютныя правительства обгряютъ кровью классическую страну искусства, долго находившуюся подъ тяжелымъ политическимъ гнетомъ, въ классической странѣ свободы одна партія вела не менѣ упорную войну противъ другой орудіемъ слова и убѣжденій: 10-го іюня министерство графа Дерби было разбито, а черезъ нѣсколько дней ея величество королева Викторія поставила лорда Пальмерстона во главѣ правительства. Трудно представить себѣ два явленія, столь противоположныя по своему характеру, какъ тѣ, которыя мы теперь заносимъ въ наше обозрѣніе. Въ борьбѣ, вызванной и поддерживаемой абсолютизмомъ, выставлена была основаніемъ или предлогомъ свобода; конституціонная борьба партій, которая по необходимости должны быть либеральными уже потому, что онѣ принадлежать Англіи, шла за власть. На почвѣ Италиі столкнулись представители такого начала, которое однородно, но въ существѣ котораго лежитъ исключительность и непримиримость; въ Англіи лица разныхъ партій, представители разнородныхъ убѣжденій, могли сосгавить одно правительство, потому что ихъ соединяетъ начало свободы, истинное и слѣдовательно примиряющее по существу своему. На поляхъ Сардиніи и Ломбардіи положительно рѣшена только судьба 50.000 убитыхъ и изувѣченныхъ; въ Англіи борьба торісовъ и виговъ была новымъ актомъ свободнаго управленія народа и вызвала къ жизни новыя силы, новые элементы могущества, которые, какъ можно надѣяться, рѣшатъ судьбу войны и умиротворятъ Европу.

Несмотря на всю противоположность, оба событія могутъ имѣть взаимную связь и вліяніе другъ на друга. Министерство лорда Пальмерстона, вопреки не разъ уже заявленной виѣшней политикѣ этого государственнаго чловѣка, въ настоящемъ случаѣ можетъ повести къ возстановленію мира; ничей голосъ не будетъ имѣть такого вѣса въ рѣшеніяхъ императора Французовъ, какъ голосъ благороднаго лорда, творца англо-французскаго союза; не дожидаясь рѣшенія дипломатовъ, свроейская биржа выразила эту увѣренность, и въ день наденія министерства графа Дерби французскіе трехъ-процентныя фонды поднялись на два франка. Лордъ Пальмерстонъ былъ призванъ стать во главѣ пра-

вслѣдствіе начавшейся войны. Англія такимъ тяжелымъ вѣсомъ ложится на европейскую политику, что неуверенность въ прочности правительства графа Дерби останавливала Германію отъ послѣдняго слова, и можетъ-быть побудила Австрію поспѣшить своимъ нападеніемъ на Сардинію. Рѣшеніе вопроса объ англійскомъ министерствѣ необходимо разъяснить политическій горизонтъ и разсѣетъ множество колебаній и недоразумѣній, скопившихся на немъ въ послѣднее время. Большинство Англичанъ убѣждено въ томъ, что правительство королевы могло предупредить войну, и графъ Дерби палъ именно потому, что не умѣлъ воспользоваться тою властью, которую ему давала страна, и распустилъ парламентъ въ то время, когда его голосъ былъ такъ важенъ для Европы.

По странному совпаденію событій, въ тотъ самый день, когда торійское министерство уступало свое мѣсто лорду Пальмерстону, именно 11 іюня, въ Вѣнѣ умеръ князь Меттернихъ. Возвышеніе адвоката англо-французскаго союза совпало со смертью виновника священнаго союза. Для насъ съ обоими этими именами соединены двѣ эпохи нашей исторіи; князь Меттернихъ, подъ личиною дружбы, сдѣлалъ много вреда Россіи; лордъ Пальмерстонъ, желая ослабить Россію, оказалъ ей огромныя услуги. Предоставимъ Нѣмцамъ заниматься политическими аналогіями, объяснять свиданіе въ Штуттгартѣ свиданіемъ въ Тильзитѣ или видѣть символическія указанія въ томъ, что въ именахъ монарховъ, возсѣдающихъ нынѣ на престолахъ Россіи, Австріи и Пруссіи, повторяются имена, стоящія въ актѣ священнаго союза. Мы увѣрены, что въ жизни народовъ не бываетъ повтореній; мы увѣрены также, и этимъ мы можемъ гордиться, что либерализмъ какого бы то ни было европейскаго правительства не можетъ уже быть основаніемъ для враждебности его къ Россіи, что на примѣръ нынѣшнее министерство въ Пруссіи болѣе благопріятно для нынѣшней Россіи, чѣмъ министерство г. Мантейфеля. Мы убѣждены также, что такое государство, какъ Россія, не нуждается въ частныхъ союзахъ и не опасается частныхъ союзовъ, что Россіи нѣтъ надобности ни стоять за отжившее, ни бороться съ новымъ; мы даже убѣждены, что и для такого государства, какъ Австрія, было бы спасительно менѣе полагаться на союзы и болѣе внимать голосу жизни. Въ иностранныхъ газетахъ и даже въ англійскомъ парламентѣ старались представить Россію врагомъ англо-французскаго союза; говорили, что его расторгненіе было задачею нашей политики послѣдняго времени. Но для Россіи нѣтъ особенной необходимости поселать вражду между Англіей и Франціей; наступательный союзъ этихъ государствъ условливался временными обстоятельствами, которыя, должно надѣяться, не повторятся болѣе; противъ увлеченій этого союза, еслибъ онъ

возобновился, лучшая и самая могущественная гарантія для насъ въ томъ, чтобы мы сами оставались свободными отъ увлеченій. Со стороны Англій Европа гарантирована на этотъ разъ уже тѣмъ, что въ новомъ англійскомъ министерствѣ получили мѣсто г. Кобденъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поклонниковъ идеи вѣчнаго мира, и лордъ Джонъ-Россель, не совсѣмъ хорошо расположенный къ императору Французовъ. Вліяніе лорда Пальмерстона можетъ имѣть, при настоящихъ обстоятельствахъ, только благи послѣдствія для всеобщаго мира; оно въ состояніи сдерживать воинственный пылъ Франціи и внушить императору тѣ либеральныя реформы, въ которыхъ такъ нуждается эта страна. Мы надѣемся, что весьма скоро придется намъ говорить о чемъ-либо болѣе утѣшительномъ, чѣмъ битвы, взятіе городовъ, блистательное мужество гвардіи, не досчитавшейся половины своихъ рядовъ, и тому подобное.

Еще не такъ давно, не болѣе восьми лѣтъ тому назадъ, когда всѣ народы давали въ Лондонѣ отчетъ о своихъ промышленныхъ успѣхахъ, многимъ вѣрилось, что времена войнъ прошли безвозвратно; общества вѣчнаго мира надѣялись на осуществленіе своей любимой мечты. И что же? Задуманная въ Лондонѣ вторая всемірная выставка, открылась въ Парижѣ при громѣ выстрѣловъ на берегахъ Чернаго моря, и съ тѣхъ поръ положены были сѣмена новой войны. Положеніе парижскаго конгресса о рѣшеніи международныхъ споровъ было исполнено только два раза, и то въ дѣлахъ второстепенной важности. Новая война загорѣлась теперь въ Италіи, война, не уступающая въ суровой жесткости ни одной изъ войнъ предшествовавшихъ. «Несмотря на звуки трубъ, на бой барабановъ и развѣвающіяся знамена, говоритъ газета *Times*, не смотря на весь этотъ шумъ и на весь мишурный блескъ, война все-таки ужасная и возмущающая вещь; она стоитъ въ непримиримой противоположности съ ученіемъ религіи, съ чувствами нравственности и со всѣмъ ходомъ и условіями цивилизаціи. Война поддерживаетъ нашу связь съ мрачнымъ прошедшимъ, полнымъ неограниченной жестокости и звѣрства, безконечныхъ и бесплодныхъ бѣдствій для человѣчества. Когда люди вооружаются для взаимнаго убійства, то исчезаетъ различіе между образованнымъ человѣкомъ и дикимъ, и становится ничтожною разница между девятнадцатымъ вѣкомъ, свидѣтелемъ рожденія Французской имперіи, и пятымъ столѣтіемъ, которое видѣло паденіе имперіи Римской! Но какъ ни возмутительна война вообще, теперешняя война въ Италіи возмущаетъ еще въ высшей степени. Кажется, будто дѣйствительно оправдывается теорія Гоббеса, и война становится естественнымъ состояніемъ человѣчества; кажется, будто это состояніе только на время прерывалось безцвѣтнымъ однообразіемъ мира:

наче какъ объяснить то, что система отношеній, сложившаяся одъ условіемъ трактатовъ въ теченіи сорока пяти лѣтъ, сдѣлалась менно 1-го января нынѣшняго года за одинъ разъ и вполне несостоятельною? Особенно возмущаетъ война теперь, рядомъ съ величайшими побѣдами нашей новой цивилизаціи. Въ Кастеджіо войска привозились по желѣзнымъ дорогамъ, которыя доставляли свои грузы прямо на эту бойню, точно такъ же, какъ онѣ привозятъ ежедневно скотъ, барановъ и телятъ, для утоленія голода лондонскихъ жителей. Наука снизошла на степенъ орудія для истребленія той самой породы, которая своимъ умомъ создала науку, и тайны, выпитанныя у природы, противъ ея воли, терпѣливымъ и долгимъ изысканіемъ, со всею страстью употребляются для истребленія лучшаго произведенія природы. Когда враждебныя толпы встрѣчаютъ другъ друга съ звѣрствомъ, которому позавидовали бы Гунны и Вандалы, извѣстія о всѣхъ подробностяхъ рѣзни передаются удивительнымъ и изящнымъ телеграфическимъ аппаратомъ. Но еще болѣе чѣмъ этотъ контрастъ между мрачными явленіями войны и благородными дѣятелими, обращенными ради ея въ рабство, возмущаетъ насъ легкомысліе, съ которымъ уничтожается человеческое существованіе въ настоящую войну... Она ведется съ циническимъ презрѣніемъ къ человеческой жизни, достойнымъ тѣхъ деспотическихъ государствъ, которыя полагаютъ свое счастье и могущество не въ количествѣ силъ, употребляемыхъ для цѣлей цивилизаціи, а въ томъ громадномъ объемѣ, въ какомъ они могутъ собрать элементы смерти и разрушенія въ рядахъ своихъ несоразмѣрныхъ постоянныхъ армій. Все это справедливо, если принять въ соображеніе, что въ одномъ сраженіи при Маджентѣ потеря Французовъ простирается до 13.000 человекъ, а потеря Австрійцевъ, вѣроятно, въ полтора раза больше; императоръ Французовъ въ прокламаціи къ своимъ солдатамъ, изданной въ Миланѣ 5 июня, съ восторгомъ говоритъ о 35.000 Австрійцевъ, выбывшихъ изъ строя въ теченіи четырехъ дней, и о 8.000 плѣнныхъ... Можетъ-быть, краснорѣчивыя реляціи о побѣдахъ, торжественныя *Te Deum* и эффектныя иллюминаціи способны дѣйствовать наркотически и на время возбуждать нервы; но когда охладится первый пылъ этого восторга, иныя картины рисуетъ воображеніе, иныя мысли приходятъ въ голову. На поляхъ битвы сѣются недобрыя сѣмена, которыя еще долго даютъ изъ себя гибельный плодъ. Это сѣмена политическаго разврата, который война вноситъ въ цѣлое общество; позорное неуваженіе къ лицу человѣка и мрачное поклоненіе грубой силѣ надолго въѣдаются въ мозгъ и кости всего общественнаго организма; лагерное правительство и походная дисциплина переносятся на всѣ явленія жизни... Нынѣшній императоръ Французовъ, въ своемъ сочиненіи *Idées napoléoniennes*,

клеивить періодъ реставраціи слѣдующими словами: «Во времена имперіи все было призвано для достиженія одной цѣли. Въ послѣдствіи, напротивъ, всѣ люди способные занялись взаимною борьбою другъ съ другомъ и спорами, какую лучше избрать дорогу, вмѣсто того, чтобъ идти впередъ. Политическая дисциплина пала, и вмѣсто того, чтобы наступать прямо къ цѣли сомкнутою колонною, всякій захотѣлъ идти особнякомъ и отдѣлиться отъ колонны...» Если война, возгорѣвшаяся нынѣ, будетъ продолжительна, то историку второй половины XIX столѣтія не придется, можетъ-быть, жаловаться на отсутствіе политической дисциплины во Франціи, но по всему вѣроятію, онъ долженъ будетъ много говорить объ отсутствіи дисциплины военной, о свободіи арміи и о новыхъ исторіяхъ лейтенантовъ въ родѣ г. Іена. А сколько экономическихъ потерь придется пополнять воюющимъ, даже если они останутся побѣдителями? Въ Австріи уже теперь звонкая монета на 42 процента дороже бумажныхъ денегъ, а ихъ равноцѣнность, какъ извѣстно, восстанавливается съ трудомъ и чрезвычайно медленно; послѣдствія войны отражаются иногда на второмъ и третьемъ поколѣніи.

Но если война есть великое зло, то еще большее зло заключаютъ въ себѣ тѣ элементы въ устройствѣ европейскихъ государствъ, которые дѣлаютъ войну возможною и какъ бы вызываютъ ее. Война есть только страшный признакъ болѣе страшной болѣзни, и кто говоритъ противъ войны, тотъ еще съ большею силою долженъ поднимать свой голосъ противъ тѣхъ явленій, въ которыхъ кроются ея корни. Презрѣніе или по крайней мѣрѣ недоувѣріе къ жизни и всѣмъ живымъ элементамъ и силамъ человеческого общества слишкомъ долго руководило внутреннею политикою европейскихъ государствъ и не могло не воспитать въ нихъ сѣмени очень злаго недуга. Дипломатія, думавшая своими мудрованіями спасти Европу, не хотѣла ни чего знать о національностяхъ и забывала, что національности составляютъ такіе же природные элементы въ составѣ государствъ, какъ рѣки и горы. Австрія оставяла въ покоѣ свои альпійскія вершины и не проводила по нимъ чугунныхъ путей, но она мнила, что ей удастся провести свою иѣмецкую централизацію по вершинамъ національностей славянской, мадыарской и италіанской, и вотъ эти національности вызваны на реакцію, грозящую мрачными дѣлами слѣпой ненависти. Въ такихъ обстоятельствахъ, война, предпринятая противъ Австріи одною изъ великихъ европейскихъ державъ, находящеюся все-таки подъ влияніемъ общественнаго мнѣнія и контролемъ Европы, можетъ предупредить взрывы болѣе опасные, направить разожженные страсти къ цѣлямъ менѣе фапшастическимъ.

Война есть героическое средство въ исторіи человѣчества, но къ сожалѣнію, въ Европѣ есть большія тѣла, которыя, кажется, требуютъ героическихъ средствъ для своего измѣненія; есть вопросы, передъ которыми безсильна дипломатія. Эти вопросы периодически возникаютъ все въ большемъ размѣрѣ. Общественное мнѣніе Европы не было совершенно удовлетворено парижскимъ конгрессомъ; оно видѣло въ немъ только перемиріе, или, какъ сказалъ извѣстный писатель Вурмъ, не конецъ этой исторіи, а только начало. Точно такимъ же характеромъ отличается и вопросъ италіанскій. Даже это, враждебное всякой жизни, австрійское владычество составляетъ для Италіи только одинъ изъ раздѣдающихъ элементовъ; отстраненіе его подвинуло бы значительно рѣшеніе вопроса, но тогда оказалось бы ясно, что это «не конецъ, а начало этой исторіи»; съ папой будетъ гораздо труднѣе покончить, чѣмъ съ Ломбардіею...

Когда графъ Кавуръ на парижскомъ конгрессѣ говорилъ о нуждахъ Италіи и выставялъ всю мрачную сторону австрійскаго владычества, вся Европа слушала его съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Но сардинскій министръ не удовольствовался заявленіемъ вопроса, онъ не хотѣлъ, а можетъ-быть и не могъ ждать, пока вопросъ перейдетъ различныя фазисы своей дипломатической исторіи, и рѣшился покончить дѣло войною и притомъ не собственными силами, а помощью Франціи. Несмотря на несомнѣнные признаки національнаго движенія въ Италіи, несмотря на то дѣятельное участіе, которое принимаетъ въ ней король сардинскій, всякому ясно, что первая роль въ настоящей войнѣ принадлежитъ императору Французовъ. Это вмѣшательство оказалось весьма дѣйствительнымъ на полѣ сраженія, но оно бросило невыгодную тѣнь на италіанскій вопросъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы. Все, даже самыя законныя порицатели Австріи, стали сомнѣваться въ успѣхѣ освобожденія, когда на первомъ мѣстѣ явилась армія той страны, которая не умѣла приобрести свободу для самой себя. Вся Англія почти въ одинъ голосъ высказала свое недовѣріе къ императору Французовъ. Мы уже не разъ приводили доказательства тому, что Англичане въ настоящей войнѣ строго раздѣляютъ дѣло Италіи отъ дѣла Франціи. «Мы не можемъ, повторяя часто *Times*, дѣйствовать прогивъ народа, который стремится къ независимости, національности и хорошему правленію.» Въ послѣднее время членъ торійской партіи лордъ Элленборо такъ говорилъ на митингѣ въ Челтенгамѣ, 2 іюня: «Вы, конечно, не думаете, что война идетъ дѣйствительно за независимость Италіи. (Одобреніе.) Еслибы можно было вѣрить этому, то я болѣе всѣхъ радовался бы успѣху войны. (Одобреніе.) Съ раннихъ лѣтъ моей жизни, я желаю видѣть въ Италіи большое и независимое

государство. *(Слушайте, слушайте.)* Но я не имѣю ни малѣйшей надежды на такой результатъ, по причинѣ вѣщательства Франціи. Цѣль Франціи—пріобрѣсти для себя то преобладаніе въ Италіи, которое принадлежало Австріи съ 1814 года. *(Слушайте, слушайте.)* Австрія пользовалась имъ для цѣлей оборонительныхъ, Франція станетъ дѣйствовать наступательно, съ цѣлію сдѣлать Средиземное море французскимъ озеромъ. *(Одобреніе.)* Три съ половиною вѣка тому назадъ, Италія была независима и раздѣлялась на множество государствъ; тамъ было одно королевство, нѣсколько княжествъ, герцогствъ и республикъ. Каждое управлялось національною верховною властью. *(Слушайте, слушайте.)* Но что же случилось? Пришелъ король французскій, и уничтожилъ всякую независимость; до настоящаго времени не было примѣра, чтобы французскіе государи всѣхъ династій, при удобномъ случаѣ, не ограничивали италіанской независимости для собственныхъ выгодъ. *(Одобреніе.)* Это традиціонная политика Франціи, и этого рода независимость она дѣйствительно хочетъ дать Италіи. *(Слушайте, слушайте.)* Почти тѣ же самыя выраженія употребляли въ своихъ рѣчахъ члены другихъ партій. «Англія, говорилъ сэръ Джонъ Рамеденъ на общѣ либераловъ въ Лидсѣ 30 мая, Англія не вѣрять выраженіямъ въ пользу свободы въ устахъ деспотовъ. Мы хорошо понимаемъ, что если они такъ хлопочутъ о свободѣ, то могли бы найти довольно дѣла и не переходя Альповъ. *(Одобреніе.)* Еслибъ италіанскій народъ, безъ чужой помощи и собственными силами возсталъ для защиты своей національности, еслибъ онъ возсталъ для сверженія австрійскаго ига, тогда сердечныя симпатіи Англіи слѣдовали бы за нимъ во всѣхъ сраженіяхъ. *(Одобреніе.)* Но къ несчастію, этого нѣтъ; и я думаю, мы не можемъ вѣрить поклоненію свободѣ со стороны челоуѣка, который царствуетъ на развалинахъ конституціоннаго правленія собственной страны. *(Одобреніе.)* Англичане слишкомъ любятъ свободу, они слишкомъ хорошо понимаютъ ея истинное значеніе, и потому знаютъ, что это благо не можетъ быть даровано чужою державою. Кто хочетъ наслаждаться свободой, долженъ пріобрѣсти ее самъ. *(Одобреніе.)* Члены радикальной партіи тоже не сочувствуютъ настоящей войнѣ, хотя тоже желаютъ освобожденія Италіи; г. Брайтъ на митингѣ бермингамскомъ 31 мая говорилъ слѣдующее: «Вы знаете, что вслѣдствіе самой странной и по моему безразсудной политики, маленькое королевство Сардинія, не больше Ланкашира или Йоркшира, вообразило себя одною изъ великихъ державъ Европы. Безъ сомнѣнія, Сардинія, не народъ сардинскій, а король и его честолюбивые министры, добивается своего увеличенія, присоединенія чужой территоріи. Чего добивается императоръ Французовъ, это онъ знаетъ лучше всѣхъ. *(Смѣхъ.)* Поэтому нельзя сочувствовать какой-либо изъ

воюющихъ сторонъ. Но въ то же время нельзя отказаться намъ отъ симпатіи, которую каждый свободный человѣкъ долженъ питать къ итальянскому народу (*рукоплесканіе*); я утверждаю поэтому, что намъ слѣдуетъ соблюдать честный, открытый и строгій нейтралитетъ между Франціей и Австріей и оказывать должное сочувствіе къ свободѣ Италіи. Мы должны заявить всему свѣту и исторіи, что мы научились чему-либо изъ прошедшаго; мы должны заявить наше глубокое убѣжденіе въ томъ, что примѣръ нашъ будетъ благодѣтельныѣе для всѣхъ національностей Европы, чѣмъ наше участіе, соединенное съ расходомъ англійской крови и денегъ. (*Громкое одобреніе.*) Когда лордъ Пальмерстонъ прибылъ на либеральный митингъ 6 іюня, толпа встрѣтила его рукоплесканіями и въ то же время криками: *no Napoleon!*

Нѣмецкія газеты также въ настоящемъ случаѣ всю вину сваливаютъ на императора Французовъ, и лишь самые дальновидные политики Германіи, въ родѣ *Allgemeine Zeitung*, идутъ нѣсколько дальше, и утверждаютъ, что итальянская война возбуждена Россіею, и Франція служитъ здѣсь только орудіемъ нашихъ плановъ. «Россія, сказано здѣсь, приготовила себѣ пріятную роль, вступить въ войну, какъ скоро Австрія будетъ ослаблена; она пожнетъ въ Турціи то, что Франція съѣтъ въ Италіи.» Такія соображенія не стоить опровергать; но обвиненія, падающія на императора Французовъ, имѣютъ видъ вѣроятія. Со времени вступленія его на престолъ, дѣйствительно почти постоянно одна война слѣдовала за другою, тогда какъ прежде около сорока лѣтъ большія государства Европы оставались въ мирныхъ отношеніяхъ. «Едва пробывши годъ на престолѣ, сказано въ *Times*, императоръ Французовъ побудилъ Турцію разорвать *плутинку дипломатіи* и кинуться въ войну; а мы, Англичане, пошли за нимъ со всею энергіею нашего характера.» Затѣмъ слѣдовало угрожающее положеніе Франціи относительно Португаліи, наконецъ война съ Австріею; въ промежуткѣ были еще экспедиціи въ Китай, грозное слово Швейцаріи и впрочема остановленный полувызовъ Англій. Все это въ теченіи шести лѣтъ съ того дня, когда сказаны были знаменитыя слова въ Бордо, изъ которыхъ *Punch* на дняхъ составилъ такое двустишіе:

L'empire c'est la paix; la guerre est arrivée:
Voilà de l'empereur l'empire terminé.

Роль зачинателя европейскихъ вопросовъ принадлежала, безспорно, императору Французовъ въ послѣдніе годы; Парижъ сдѣлался замѣтнымъ центромъ тяжести въ дипломатіи. Императоръ отъ своего лица дѣлалъ почти выговоры правительствамъ; императрица въ рѣчи 25 мая высказываетъ мысль, что рѣшеніе итальянскаго вопроса будетъ зависѣть отъ «умѣренности импера-

тора, когда наступитъ для нея время»; однимъ словомъ, повсюду личность Наполеона III, его расположеніе къ гнѣву или душевному спокойствію сдѣлались какимъ-то особымъ элементомъ въ политической жизни Европы; даже конституціонныя законодательныя собранія въ своихъ преніяхъ стали обращать вниманіе на впечатлѣніе, производимое тою или другою законодательною мѣрой на императора Французовъ. Все это должно было возбудить опасенія въ правительствахъ, особенно при тѣхъ страшныхъ военныхъ силахъ, которыми располагаетъ Франція: по недавнему увѣренію императора, онъ не думалъ вооружаться, а между тѣмъ, война застала его совершенно готовымъ, съ огромною арміею. Даже въ Англии, которая ограждена моремъ и флотомъ отъ нападсій, періодически возобновляются опасенія высадки Французовъ. Всѣ понимаютъ, въ чемъ состоитъ, кромѣ арміи, сила Наполеона III. Начавши свое правленіе удачною борьбой съ революціонною партіею, онъ понимаетъ очень хорошо ея безсиліе, и потому напрасно въ нѣмецкихъ палатахъ или въ нѣмецкихъ газетахъ вздумали бы стращать его призракомъ революціи. Императоръ понимаетъ также слабыя стороны европейской политики, сложившейся подъ вліяніемъ искусственныхъ союзовъ и опирающейся на страхъ неизвѣстнаго будущаго; онъ пользуется тѣми элементами, которые долго не были признаваемы, и потому его образъ дѣйствій опасенъ особенно для государствъ, сознающихъ свою слабость, и исполненныхъ этими непризнанными элементами; невольно сказываются большыя стороны европейской системы, скрывавшіяся подъ покровомъ рутины и обычной терпимости. Имперія Французская—это сила, съ которою необходимо считаться. Англичане раньше другихъ сознали объемъ этой силы; союзъ съ Франціею, какъ сказалъ недавно лордъ Джонъ Россель, дастъ Англии право совѣтовать и направлять подобную силу; этотъ союзъ, по выраженію герцога Аргайля, имѣетъ самое прочное основаніе, собственный интересъ Франціи. Имперія, конечно, не есть миръ; но отъ самой Европы зависитъ, чтобы война не распространялась далѣе необходимости, чтобы силы Франціи обращались только на дѣйствительно-больныя мѣста Европы, и чтобы онѣ въ каждый моментъ могли быть удержаны въ предѣлахъ. Этого можно достигнуть не частными союзами, не поддержкою извѣстныхъ системъ, а добровольнымъ и доброжелательнымъ признаніемъ тѣхъ элементовъ, которые прежде не были признаваемы, и тѣми реформами внутренними, которыя въ состояніи возбудить сочувствіе лучшаго союзника, общественнаго мнѣнія.

Въ настоящее время силы Франціи направлены противъ дѣйствительнаго больнаго мѣста Европы. Необходимо принять фактъ войны, который уже запечатлѣнъ пролитіемъ крови, несомнѣннымъ

восторгом итальянскаго народа и доказанною неудовлетворительностію «прежнихъ» итальянскихъ правительствъ. Не признавать всего этого значитъ пытаться отодвинуть вопросъ назадъ и стереть тѣ новыя границы, которыя дастъ вопросу война, и отъ которыхъ должно отправляться дальнѣйшее рѣшеніе его. Властитель Франціи нашель для себя выгоднымъ взять на себя трудъ провести эти границы, но каковы бы ни были чувствованія императора Французовъ, будетъ ли то даже «умѣренность», и когда бы ни «наступило для нея время», судьба Италіи должна зависѣть отъ всей Европы. Сдѣлавши одинъ шагъ въ рѣшеніи италіянскаго вопроса, Франція не приобрѣла себѣ исключительнаго права опредѣлить весь дальнѣйшій ходъ его. Въ какой формѣ будетъ признано территоріальное распредѣленіе Италіи, — это должна рѣшить сама Италія, а утвердить это долженъ будущій конгрессъ; за Франціею, которая сочла своею выгодною или обязанностию отдать свои силы въ распоряженіе исторіи, можетъ быть признанъ только голосъ наравнѣ съ прочими великими державами. Эту истину сознаеть самъ императоръ Французовъ. «Я началъ войну, говоритъ онъ въ своей миланской прокламаціи, не для увеличенія территоріи Франціи; въ настоящую эпоху нравственное вліяніе ставитъ человека выше, чѣмъ безплодныя завосванія. Я хочу освободить одну изъ лучшихъ странъ Европы. Я не принесъ въ Италію заранѣе обдуманной системы, я не желаю ни свергать властителей, ни налагать мою волю. Я не хочу препятствовать свободному выраженію вашихъ законныхъ желаній, будьте сегодня солдатами, завтра вы сдѣаетесь свободными гражданами.» Таковы слова императора къ Италіянамъ; къ Европѣ онъ обращается съ тѣми же увѣреніями, и въ *Монитеръ* счелъ нужнымъ объяснить значеніе диктатуры короля сардинскаго; по словамъ *Монитера*, эта диктатура «нисколько не вредитъ будущимъ сдѣлкамъ», и что для рѣшенія вопроса необходимо «спросить у италіянскаго народонасенія и у великихъ державъ объ ихъ желаніяхъ.» Но теперь, пока первая работа еще не окончена, общественное мнѣніе Европы громко требуетъ, чтобы никто не мѣшалъ Италіи пользоваться помощію Франціи и не усиливалъ противной стороны. Оборонительный нейтралитетъ долженъ быть девизомъ всѣхъ государствъ, которымъ предстоитъ роль внимательныхъ зрителей совершающагося факта, всегда готовыхъ дать ему то или другое юридическое опредѣленіе.

Кажется, эта истина перешла теперь въ общее сознаніе; опасность противнаго образа дѣйствій можетъ быть только со стороны Германіи, и вотъ почему двѣ главныя державы, Россія и Англія, обратились къ нѣкоторымъ германскимъ государствамъ, выказавшимъ австрійскія симпатіи, съ совѣтомъ воздержаться отъ всякаго участія въ предстоящей войнѣ. Циркулярная депеша

князя Горчакова отъ 27 мая прямо указываетъ на обязанность Германіи оставаться нейтральною. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ указываетъ на то, что императоръ Французовъ объявилъ торжественно свое обѣщаніе не предпринимать ничего враждебнаго противъ Германіи. «Большинство великихъ державъ, продолжаетъ онъ далѣе, отвѣчало общимъ одобреніемъ на такую декларацию, сдѣланную передъ всею Европою. Подобное одобреніе налагаетъ обязательства. Такъ поняли и мы наши обязанности.» Дѣйствительно, Франція добросовѣстно исполняла свои обѣщанія и не позволяла себѣ нарушить тѣ обязательства, которыя приняла передъ Европой; всѣ государства, согласившіяся остаться нейтральными, тѣмъ самымъ дали Франціи какъ бы полномочіе дѣйствовать въ Италіи, но только подъ условіемъ; чтобы война не переходила за предѣлы полуострова. Какъ скоро Франція вздумала бы бомбардировать Триестъ или перенести войну въ Тироль, данное ей полномочіе тѣмъ самымъ прекратилось бы. Этого мало; русская нота указываетъ на обязательство Россіи защищать безопасность Германскаго Союза отъ нападеній со стороны Франціи. «Мы считаемъ почти бесполезнымъ, сказано здѣсь, указывать на исторію и напоминать о томъ, что Россія не осталась равнодушною къ дѣлу неприкосновенности Германіи, и что ея не останавливали пожертвованія, когда приходилось защищать Германію отъ дѣйствительной опасности. Но его величество Государя Императоръ не считаетъ справедливыми такіа пожертвованія, если къ нимъ подастъ поводъ положеніе дѣла, вызванное произвольно и добровольно, вопреки дружескихъ увѣщаній, высказываемыхъ его величествомъ, и вопреки представляемыхъ имъ доводовъ. Мы желаемъ теперь, вмѣстѣ съ большинствомъ главныхъ державъ, локализовать войну, потому что она явилась слѣдствіемъ мѣстныхъ причинъ, и потому что это единственное средство ускорить возстановленіе мира. Напротивъ образъ дѣйствій нѣкоторыхъ государствъ Германскаго Союза ведетъ къ обобщенію войны, придавая ей характеръ и размѣры, при которыхъ никто не можетъ предвидѣть ея исхода, и которые во всякомъ случаѣ повлекутъ за собою груды развалинъ и потоки крови. Мы не можемъ объяснить себѣ подобныя стремленія германскихъ государствъ, тѣмъ болѣе что они противорѣчатъ основному началу Союза. Еслибы даже не существовало для Германіи гарантій, которыя представляютъ положительныя объявленія французскаго правительства, принятыя главными державами, и самая сила обстоятельствъ, Германскій Союзъ имѣетъ единственно и исключительно характеръ оборонительный. Съ этимъ характеромъ онъ вошелъ въ систему европейскаго международнаго права, на основаніи трактатовъ, подписанныхъ Россією. Но Франція не совер-

гшла ничего враждебнаго противъ Союза, и нѣтъ такого трактата, оторымъ Союзъ обязался бы нападать на Францію. Слѣдовательно, слибы Союзъ рѣшился на враждебныя дѣйствія противъ Франціи а основаніи предположеній, противъ которыхъ онъ гарантированъ остаточю, то этимъ извратилась бы цѣль учрежденія Союза, и ылъ бы нарушенъ смыслъ трактатовъ, освятившихъ его существованіе. Мы вполнѣ сохраняемъ надежду, что благоразуміе правительства Союза отстранитъ такія рѣшенія, которыя обратились бы къ ихъ собственной невыгодѣ и нисколько не содѣйствовали бы ихъ внутренней силѣ. Если же, отчего да сохранить Господь, наши надежды не оправдаются, то мы исполнили во всякомъ случаѣ долгъ откровенной и искренней дружбы. Каковъ бы ни былъ исходъ геперешняго запутаннаго положенія дѣлъ, въ своихъ рѣшеніяхъ Императоръ, нашъ августѣйшій монархъ, въ правѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и будетъ руководиться только интересами своей страны и достоинствомъ своей короны.»

Подобное предостереженіе и совѣтъ въ настоящихъ обстоятельствахъ можетъ принести много пользы для Германіи; лучшіе органы нѣмецкой печати, какъ напримѣръ *Kölnische Zeitung*, отвѣчали полнымъ сочувствіемъ на слова русскаго министра иностранныхъ дѣлъ; Пруссія и Англія, конечно, готовы въ этомъ случаѣ дѣйствовать за одно съ Россіею и употребить все мѣры, чтобъ удержать Германію въ равновѣсіи и не дать ей увлечься внушеніями Австріи.

На Пруссіи ближе всего лежитъ обязанность сдерживать неумѣренные порывы австро-германскаго патріотизма и дать Германіи гарантіи на случай нападенія со стороны Франціи. Ту и другую обязанность Пруссія исполняетъ до сихъ поръ добросовѣстно, хотя это ей стѣитъ огромныхъ усилій. Недавно еще она поставила на военную ногу не только свой германскій контингентъ, но шесть корпусовъ своей собственной арміи, чтобы доказать Германіи, что инициатива прусская не есть мертвая буква. Объявляя объ этой мѣрѣ, прусское правительство, въ своемъ офіціальномъ журналѣ *Preussische Zeitung*, еще разъ повторяетъ, что подобная мѣра находится въ связи съ его прежнею программю. «Чѣмъ большій размѣръ, сказано здѣсь, принимаютъ событія на театрѣ войны въ Италіи, тѣмъ необходимѣе для королевскаго правительства получить возможность, при устройствѣ итальянскихъ дѣлъ Пруссіею и ея союзниками вмѣшаться со всею властію, которое по праву принадлежитъ Пруссіи и соотвѣтствуетъ значенію германскаго народа въ Европѣ. На этомъ основаніи и въ виду усиливающихся вооруженій даже нейтральныхъ государствъ, королевское правительство сочло нужнымъ мобилизовать часть арміи и принять дальнѣйшія мѣры въ связи

съ этимъ, для того чтобы возможныя случайности не застали Пруссію и Германію врасплохъ. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ такъ явно виденъ оборонительный характеръ, что нѣтъ надобности снова пояснять ихъ.» Намъ кажется, впрочемъ, что нѣкоторыя объясненія были бы не лишними. По нѣкоторымъ признакамъ можно заключить, что Пруссія сдѣлала нѣкоторыя уступки южно-германскимъ государствамъ; посольство генерала Виллизена въ Вѣну все еще остается тайною, но нѣкоторое время пользовались втроятіемъ слухи объ удачнѣи барона Шлейница и о всгупленіи въ министерство членовъ феодальной партіи, расположенной къ Австріи; говорили далѣе о намѣреніи Пруссіи прибѣгнуть къ вооруженному посредничеству, для чего были уже сдѣланы соглашенія съ Саксоніею и Баваріею о перевозкѣ прусскихъ войскъ. Вообще въ эпоху министерскаго кризиса въ Англии, Пруссія колебалась принять окончательное рѣшеніе. Всѣ ждали, что принцъ-регентъ выскажется на праздникѣ, приготовленномъ въ пограничномъ вестфальскомъ городѣ Клевѣ, въ память двухсотлѣтняго царствованія гогенцоллернскаго дома; но принцъ отказался присутствовать на праздникѣ. «Въ виду теперешнихъ политическихъ обстоятельствъ, сказано въ *Preussische Zeitung*, при которыхъ, какъ самъ его высочество принцъ-регентъ сказали въ Помераніи, нельзя напередъ опредѣлить, принадлежитъ ли намъ сѣдующій часъ, его королевское высочество высочайше побуждаются отказаться отъ удовольствія, которое его королевскому высочеству доставило бы присутствіе на клевскомъ народномъ праздникѣ.» Призывъ ландвера могъ быть принятъ весьма неблагопріятно народомъ, а погому министерскіе органы стараются доказать необходимость этой мѣры. *Preussische Zeitung* еще разъ повторяетъ, что она имѣетъ чисто оборонительный характеръ; а *National-Zeitung* доказываетъ, что, только вооружившись, Пруссія можетъ принять участіе въ рѣшеніи италіянскаго вопроса; иначе онъ оставленъ будетъ на произволъ Франціи. Между тѣмъ въ Саксоніи, гдѣ или палаты отличаются особеннымъ навыкомъ и быстротою, или правительство обладаетъ искусствомъ сокращеннаго законодательства, конституціонная сессія продолжалась только шестнадцать дней. Въ этотъ недолгій срокъ министръ фонъ-Бейстъ объяснилъ свое путешествіе въ Лондонъ и мотивовалъ его желаніемъ, чтобы Англія услышала чисто-германскій голосъ; онъ изложилъ цѣлое ученіе о второстепенныхъ германскихъ государствахъ, которые, по этой системѣ, суть истинные представители Германіи; «наша политика, говорилъ г. фонъ-Бейстъ, не можетъ быть ни прусскою, ни австрійскою; она германская. Остальныя рѣчи, произнесенныя въ саксонскихъ палатахъ, не

представляютъ особаго интереса; въ нихъ повторялось то, что было высказано въ англійскомъ парламентѣ и въ прусскихъ палатахъ; одни ораторы утверждали, что Пруссія виновна въ войнѣ: ей стоило объявить, что она вмѣстѣ съ Германіею пойдетъ на всякаго, кто вздумаетъ воевать, и Европа осталась бы спокойна; другіе произносили самыя воинственныя рѣчи: «Германія, говорилъ баронъ Фризенъ, нуженъ теперь не дипломатическій языкъ, а нѣмецкій, а еще лучше нѣмецкіе кулаки.» Г. фонъ-Бейстъ истолковывалъ 47 статью союзнаго акта въ томъ смыслѣ, что необходимо помогать Австріи; мы уже не разъ приводили эту статью, которая никакъ не подходитъ подъ саксонское толкованіе. Кажется, самъ адвокатъ Австріи сознавалъ это и сталъ грозить Германіи. По словамъ его, если Саксонія забудетъ Австрію, то и Австрія забудетъ Саксонію; и она помирится съ Франціею, и отъ этого мира не достанется Германіи ничего. Любопытно знать, какую добычу раздѣлитъ Саксонія съ Австріей! По странному стеченію обстоятельствъ, въ Дрезденѣ высказывались подобныя разчеты, именно 4-го іюня, въ день битвы при Маджентѣ. Палаты разошлись, высказавъ свои патріотическія чувства и утвердивъ заемъ въ пять милліоновъ талеровъ на военныя издержки. Въ заключительной рѣчи президента второй палаты, г. Габеркорна, сказано между прочимъ: «При закрытіи этого сейма, политическое положеніе Германіи такъ же не ясно, какъ оно было при его открытіи; вторая палата высказалась впрочемъ весьма опредѣленно и выразила желаніе, чтобы Германія, которая въ сомкнутой фалангѣ не боится никого, оставалась единою; ея руководители могутъ избрать сами тотъ моментъ, когда рѣшительное дѣйствіе можетъ повести къ скорому и радикальному исцѣленію теперь недугующей Европы.»

До сихъ поръ германскія правительства не выходятъ еще изъ предѣловъ умѣренности въ своихъ объясненіяхъ съ законодательными собраніями; они считаютъ нужнымъ подкрѣпить себя новыми увѣреніями въ преданности, и все политическое движеніе ограничивается перѣздами г. фонъ-деръ Пфурдтена и г. Узедома въ Мюнхенъ и Берлинъ. Все это показываетъ состояніе неспокойное, боязливое. «Если судить, справедливо замѣчаетъ *Times*, по страстнымъ воззваніямъ къ Промыслу, къ свободѣ и справедливости, къ Англии, и къ Швеціи и Норвегіи, и ко всякому могуществу видимому и невидимому, то всякій подумаетъ, что Германія находится въ агоніи ужаса.» Упрекая Германію въ воинственныхъ замыслахъ, тотъ же журналъ продолжаетъ: «Мы видимъ гарантію европейской свободы въ томъ, чтобы Нѣмцы были согласны, сильны и не позволяли своимъ сосѣдямъ нападать на Германію; но война съ Франціею единственно съ цѣлью

поддержать Австрію въ Италіи, повсюду заслужить упрекъ. Германія имѣетъ прежде всего обязанности къ самой себѣ, и она должна поберечь свои средства.»

Но языкъ государственныхъ людей Германіи не можетъ идти въ сравненіе съ тѣми припадками воинственности, которыми отличается преимущественно *Allgemeine Zeitung*. По южной Германіи пронесся какой-то духъ храбрости, возбуждаемой отчаяніемъ; подъ влияніемъ его, нѣкоторые Нѣмцы предлагаютъ сейчасъ же идти на Парижъ съ 500.000 войска, взять городъ, свергнуть императора и раздѣлить Францію. На одинъ изъ подобныхъ плановъ, которому придано заглавіе: «чего же мы ждемъ?» отвѣчала газета *Times*. Мы приводимъ здѣсь вполнѣ этотъ отвѣтъ, замѣчая, что онъ появился въ этой газетѣ еще прежде министерскаго кризиса.

«Если вѣрить *Allgemeine Zeitung*, которая нерѣдко говоритъ безо всякаго основанія, то всюю Германію, отъ Кѣльна до Швабіи и отъ Балтійскаго до Чернаго моря, овладѣлъ единодушный возбужденный восторгъ при мысли о завоеваніи Альзаса и Лотарингіи и о занятіи Парижа! Благоразумная, разчетливая Германія мечтаетъ почти серьезно о страшномъ вторженіи, котораго жертвою должна сдѣлаться Франція, а мы, Англичане, будемъ участвовать въ дѣлѣ, хотя и не получимъ ничего изъ добычи. Заразительная болѣзнь, которую Лудовикъ-Наполеонъ распространилъ по Европѣ, и противъ которой только одна Англія учредила моральный карантинъ, обнаружилась теперь во всей Германіи. Болѣзненное желаніе завоевывать и грабить, которое для Французовъ означаетъ присоединеніе Италіи, въ пылкомъ воображеніи Германцевъ значитъ ни больше ни меньше, какъ немедленное взятіе Парижа приступомъ, а затѣмъ раздѣленіе Французской имперіи. Отчего имъ и не исполнить этого пустаго предпріятія? «Германія готова, а непріятель не готовъ». Германія имѣетъ сильныя пограничныя крѣпости; у ней готово пятьсотъ-тысячное войско, которое двумя арміями можетъ напасть на Францію и идти въ Парижъ. Франція въ состояніи выставить противъ нихъ только двѣ трети этого количества, да и то еще ей придется бороться и съ революціей и съ нападающими. Слѣдовательно ясно, что всякая французская армія, которая выступитъ противъ Нѣмцевъ, будетъ непремѣнно разбита: объ этомъ теперь говорятъ, пишутъ и поютъ всѣ нѣмецкіе студенты. «Очень скоро дѣло рѣшится подъ стѣнами Парижа». Пока станутъ бить Французовъ, вся Германія устремится въ Парижъ, потому что тамошій гарнизонъ не можетъ защитить города. Такимъ образомъ тѣ проворные и быстрые генералы, которымъ идти на неукрѣпленный Туринъ показалось слишкомъ далско и дерзко, станутъ съ оружіемъ въ рукахъ въ столицѣ Карла Великаго, распределять всю Европу и

поворотятъ все на консервативный ладъ. Италія отходитъ къ Австріи; Альзазъ и Лотарингія къ Пруссіи и Баваріи; Франція заперта внутри себя, унижена и застрашена; Сардинія забита до смерти; Россія безмолвна отъ ужаса; Англія, восхищенная пріятнымъ зрѣлищемъ такого великаго успѣха Тевтоновъ, охраняетъ моря, пока совершаются всѣ эти превосходныя вещи; всѣ части этой простой и самой вѣроятной драмы уже готовы,—остается только поднять занавѣсъ. «Чего мы ждемъ?» И въ самомъ дѣлѣ, чего? Ясно, что Англія показываетъ нѣкоторую слабость, нѣсколько нерѣшительности, которая будетъ прекращена великимъ фактомъ, взятіемъ Парижа; и Англія пристанетъ къ лорду Мальмсбери и къ Австріи, и нечего будетъ бояться министерства лорда Пальмерстона. Такъ толкуютъ теперь вообще въ Германіи. Мы не можемъ оставить безъ вниманія этого сильно вырвавашагося чувства у народа, вообще летаргическаго по природѣ. Чѣмъ тяжеле гора, тѣмъ сильнѣе взрывъ, когда наконецъ огонь найдетъ себя исходъ. Какъ ни дики эти проекты, но они могутъ дѣйствительно произвести или, по крайней мѣрѣ могутъ, будучи основаны на общемъ чувствѣ, пытаться произвести какое-нибудь наступательное движеніе въ рейнскихъ провинціяхъ. Было бы напрасно взывать къ благоразумію сражающихся, когда страсти раздражены; но пока еще не поздно, не бесполезно указать на подобную родомонтаду. Еслибы Франція и Россія шли на Вѣну, мы могли бы понять, что Германія почувствовала себя узвленною и могла бы грозить или пытаться привести въ исполненіе тѣ мѣры возмездія, какія въ ея власти. Она можетъ тогда раздуть свой контингентъ до полумилліона и разчитывать нѣсколько на содѣйствіе тѣхъ государствъ, которыя не могутъ хладнокровно смотрѣть на споліяцію и ждать, пока сподіяторъ наложитъ на нихъ свою руку. Но что за дѣло Германіи до Ломбардіи и Венеціи? Что за дѣло Берлину до Павіи или Ганноверу до Піаченцы? Мы добрые друзья съ Франціею, очень нѣжны (affectionate) къ Пруссіи и старые союзники съ Австріею; но намъ и въ голову не приходило, когда произошло индійское возмущеніе, просить Францію вооружиться или Пруссію созвать ландверъ и двинуть его влѣстъ съ нами для завоеванія возмущающагося полуострова. Мы дѣйствовали сами, а Германія смотрѣла на насъ и критиковала насъ, какъ ей было угодно, пока дѣло не было рѣшено окончательно.»

Какъ бы то ни было, подобныя проявленія національнаго чувства могутъ получить вліяніе на ходъ дѣлъ. Вся Германія согласна въ одномъ, въ страшной ненависти къ Французамъ; даже тѣ, которые по принципу должны бы ненавидѣть Австрію, видятъ въ австрійскихъ солдатахъ вонновъ германской независимости;

въ южной Германіи ихъ принимали съ восторгомъ, и до того были восхищены ими, что герцогиня баденская Стефанія не могла, какъ говорятъ, удержаться отъ восклицанія: «*Se pauvre Louis! Il est perdu*». Люди либеральныхъ мнѣній, какъ напримѣръ Гейсеръ, становятся во главѣ патріотическихъ обществъ для вспоможенія раненымъ Австрійцамъ. Въ послѣднее время одинъ изъ членовъ бывшаго франкфуртскаго парламента, г. Венедей, хотѣлъ даже въ Берлинѣ читать публичныя лекціи съ цѣлю побудить Прусаковъ къ немедленной войнѣ. Берлинская полиція не дозволила лекцій, но правительство не можетъ не обратить вниманія на общее расположеніе умовъ. Германцы не могутъ равнодушно выслушивать о постоянныхъ неудачахъ австрійской арміи; напряженное состояніе народа можетъ сдѣлаться не выносимымъ.

Вотъ почему необходимо желать, чтобы борьба, послѣдствія и вліяніе которой чувствуются повсюду все сильнѣе съ каждымъ днемъ, поскорѣ закончилась какимъ-либо международнымъ актомъ. Австрійцы почти изгнаны изъ Италіи, война уже рѣшила основной вопросъ; теперь слѣдуетъ убѣдить Австрію отказаться отъ невозможнаго обладанія Италіею, которое держалось только крѣпкою надеждой на священный союзъ. *National-Zeitung* указываетъ на эту связь двухъ явленій, а *Times* прямо совѣтуетъ новому англійскому министерству высказаться противъ Австріи. «Мечъ сдѣлался въ италіанскомъ вопросѣ великимъ третейскимъ судьей, сказано здѣсь. Промахи австрійскаго оружія произвели то, что Англія и Европа не могутъ смотрѣть на двухъ противниковъ, какъ на государства, стоящія на равной ногѣ. Прежде было два сильныхъ и гордыхъ императора, изъ которыхъ у каждаго стояло подъ ружьемъ по полумилліону солдатъ, сражавшихся съ упорнымъ достоинствомъ. Англійское правительство предполагало, что оба одинаково сильны, одинаково высоко поставлены в одинаково ревнуютъ о своей чести: поэтому оно могло отъ каждаго требовать извѣстныхъ уступокъ: на немъ лежала обязанность защищать австрійско-италіанскія владѣнія отъ чужеземнаго вторженія. Пока италіанскіе государи царствовали мирно въ своихъ дворцахъ, необходимо было смотрѣть на нихъ, какъ на законныхъ обладателей государствъ. Но теперь ясно, что предположенія, на тоторыхъ министерство лорда Дерби основывало свои требованія и совѣты, не имѣютъ больше силы. Мы не можемъ предсказать немедленнаго изгнанія Австрійцевъ изъ Италіи: такое большое государство, какъ Австрія, можетъ держаться тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но Австрійцы доказали, что въ открытомъ полѣ они не доросли до своихъ противниковъ. Поэтому мы не сомнѣваемся, что лордъ Пальмерстонъ и лордъ Джонъ Россель выскажутъ свои симпатіи къ свободѣ Италіи и къ удавшемуся походу. Чтобы согласиться относительно устройства Италіи, необходимо прежде

всего быть въ союзѣ съ тѣми, у кого въ рукахъ находится страна. Можетъ-быть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Австрія будетъ столько же италіанскимъ государствомъ, сколько Пруссія, и наши интересы поставятъ насъ въ связи съ ея счастливымъ соперникомъ. Тотъ же мотивъ, по которому мы были противъ Франціи, когда она задумывала воевать, можетъ поставить насъ противъ Австріи, если она станетъ упорствовать въ войнѣ. Для блага всего міра, послѣдній великій судъ, къ которому прибѣгаютъ народы, долженъ оканчиваться со всевозможною быстротою, подобно всѣмъ прочимъ процессамъ. Въ отступленіи генерала Гіулая съ береговъ Сези, въ отраженіи его при Монтебелло и въ рѣшительномъ пораженіи при Палестро и Маджентѣ, британское правительство можетъ видѣть достаточныя доказательства тому, что Австрійцы слабѣ своихъ противниковъ; поэтому они обязаны подчиниться рѣшенію фортуны и, удалившись изъ Италіи, возвратитъ всему свѣту спокойствіе. А если ясно, что они должны очистить Италію, то чѣмъ раньше это случится, тѣмъ будетъ лучше. Въ этихъ много знаменательныхъ словахъ англійскаго журнала высказывается то начало, которое обыкновенно принимается въ рѣшеніи дѣла войною; Австрія сама избрала этотъ способъ рѣшенія, она должна нести на себѣ всѣ его послѣдствія.

Австрія находила же для себя полезнымъ, еще до взятія Севастополя, убѣждать Россію принять рѣшеніе богини войны; отчего же Австріи не сдѣлать того же до взятія Вероны? Россія опиралась только на собственныя силы; Австрія опирается на цѣлую хитро-сплетенную систему. Если она будетъ разбита еще разъ, то противъ нея представятъ свои счета многообъ различные элементы, подавляемые ею. На берега Минчіо обращены теперь взоры не одной Австріи и Франціи, и даже не одной Европы. Австрія сосредоточиваетъ въ себѣ такъ много злыхъ началъ, что стоить только ей пошатнуться значительно, и тотчасъ стануть подыматься новые голоса, требующіе себѣ правъ. Развѣ не Австрія поддерживаетъ Турцію въ ея упорномъ отказѣ признать Кузу господаремъ Молдавіи и Валахіи? Въ новомъ планѣ султана выдать два отдѣльные фирмана для двухъ княжествъ видна австрійская канцелярская махинація. Развѣ не Австрія дѣлала всевозможное противъ Черногорцевъ? И вотъ Черногорцы снова въ борьбѣ своими сосѣдями. Едва только французскія войска нанесли первое пораженіе Австрійцамъ, какъ началось народное движеніе въ турецкихъ провинціяхъ; Сербы вооружились и готовы воспользоваться удобнымъ случаемъ для возстановленія своей независимости отъ Австріи еще болѣе нежели отъ Турціи; египетскій паша отказался платить дань султану и приготовилъ армію въ 120.000 человекъ. О Венгерцахъ и Славянахъ въ Австріи, конечно, нечего и говорить: они ждутъ не дождутся пораженія

Австріи, этого источника тьмы, по выраженію г. Кошута. Въ своей рѣчи, произнесенной на митингѣ въ Манчестерѣ, этотъ адвокатъ національностей слѣдующими чертами обрисовываетъ Австрію: «Что бы сказали англійскіе австрофилы, еслибъ они услышали на-примѣръ такіа разсужденія на берегахъ По: что во Франціи деспотизмъ личный, а потому временный; что во Франціи онъ есть только правительственная форма, а въ Австріи убійство народной жизни; что какова бы ни была форма правительства во Франціи, но въ ней всегда существовали и правительство и народъ, и притомъ такой народъ, который служить и служилъ фокусомъ, распространяющимъ по всюду свѣтъ цивилизаци; въ Австріи же никогда не было народа, была только династія, которая во всѣ времена и до конца своего существованія будетъ служить фокусомъ, распространяющимъ мракъ умственный, политическій и религіозный? Горе тому человѣку, который въ то время, когда рѣшается судьба народовъ, позволить себѣ руководиться болѣе личными симпатіями и антипатіями, чѣмъ своими обязанностями къ отечеству. Я не принадлежу къ числу этихъ людей... Теперь наступило бурное время; можетъ-быть, мнѣ теперь предстоитъ исполнить великія обязанности. Послѣ долгихъ годовъ несчастія, я получилъ отъ васъ выраженіе такого горячаго, восторженнаго сочувствія; это служить для меня великимъ ободреніемъ, которое я сохраню какъ сокровище въ моемъ сердцѣ и передамъ тѣмъ великодушнымъ и мужественнымъ моимъ соотечественникамъ, которые можетъ-быть скоро призваны поднять знамя независимости. (*Рукоплесканіе*)... Если вы услышите, что снова началась борьба за свободу, я прошу васъ помолиться Всевышнему за ея успѣхъ.» Въ Кроаціи, по смерти стараго бана Јелачича, какъ говорятъ, будетъ назначенъ на его мѣсто г. Гулай, теперь отставленный отъ должности главнокомандующаго; это человѣкъ самыхъ ретроградныхъ мнѣній, противившійся въ Ломбардіи даже сантиментально-либеральнымъ попыткамъ эрцгерцога Максимилиана, и его назначеніе можетъ только ускорить развязку, произвести взрывъ давно накопившагося недовольства. Положеніе Австріи самое критическое, и настоящая война будетъ для Европы мѣркою того, способна ли Австрія къ дальнѣйшей жизни или необходимо прибѣгнуть къ крайнему средству, къ цезарскому съченію, чтобы спасти тѣ молодыя силы, которыя способны къ жизни. Если Австрія послѣ этой войны не измѣнитъ своей системы, то она должна ждать безпрерывно новыхъ ударовъ, которые могутъ произвести великій хаосъ вдоль по теченію Дуная. Къ несчастію, видовъ на преобразованія весьма мало въ самой Австріи; въ ней преобладаетъ такъ-называемая унитарная партія, по крайней мѣрѣ она высказывается теперь въ журналахъ. Ея стремленіе — образовать изъ Австріи одно

цѣлое, по несчастному образцу Франціи; партія венгерская, мирящаяся на одной общей династіи съ отдѣльнымъ правленіемъ для каждой страны, находитъ мало приверженцевъ. Австрійское правительство даетъ понять Нѣмцамъ, что оно потому только не соглашается на представительство ихъ въ правленіи, что Славяне и Венгерцы не достаточно развиты для этой формы правленія; въ награду за то, Нѣмцы получили бюрократическую монополію, и потому въ ихъ интересахъ оставлять Австрію не только *viribus unitis*, но сплошную массую, надъ которою могъ бы господствовать германскій элементъ. Пока это стремленіе будетъ преобладающимъ, до тѣхъ поръ остовъ австрійскій можетъ держаться не иначе, какъ внѣшними искусственными мѣрами, и живые элементы, сложившись и окрѣпши, разобьютъ его неизбежно, и разобьютъ его, какъ нельзя къ сожалѣнію не предвидѣть, не безъ мстительности и не безъ взаимной вражды, которую воспитала въ нихъ здолучная австрійская система: *divide et impera*. Австрія слишкомъ долго ходила кривыми путями, искала спасенія себѣ во лжи и насиліи. У нея есть дѣйствительные элементы могущества въ ея географическомъ положеніи, въ разнообразіи народностей, которыя она могла бы привязать къ себѣ, обезпечивъ имъ возможность развиваться свободно и мирно, безъ взаимной вражды. Но до сихъ поръ она мало обращала вниманія на эти естественные элементы; сердце ея лежало къ хитроумствѣ и инстинктивно отвращалось отъ всего естественнаго и живаго. Въмѣсто того, чтобы самой заботиться о себѣ и своихъ дѣйствительныхъ потребностяхъ, она старалась подпереть себя внѣшними союзами и безопасно геряла золотое время. Германія должна была служить ей; Россія должна была служить ей, и все это лишь для того, чтобы она могла отсрочивать принятіе такихъ мѣръ, которыя одиѣ могли бы спасти ее. Но ни человекъ, ни государство не могутъ весь вѣкъ свой ходить кривыми путями. Исторія привела наконецъ Австрію на перепутье; отъ нея зависитъ избрать новую дорогу и рѣшить вопросъ: быть или не быть?

Изъ этой больницы Европы, съ явными и закрытыми ранами, съ громкими и подавленными воплями, оградно перенестись въ страну, которая переживаетъ легко свои правительственные кризисы и здоровый организмъ которой крѣпнеть все болѣе. Мы уже указывали на то, съ какимъ вниманіемъ вся Европа слѣдила за видоизмѣненіемъ общественнаго мнѣнія въ Англіи, и съ какимъ нетерпѣніемъ ждала она, скоро ли соберется парламентъ, въ которомъ на Божій свѣтъ выведутся всѣ вопросы европейской политики. На одномъ обѣдѣ въ Мильфордѣ, г. Робакъ съ гордостію могъ сказать: «Весь міръ поколебался, палата общинъ осталась твердою. Англія достигла своего положенія посредствомъ палаты

общинъ, и если Англичане счастливый народъ, то это потому, что они пользуются самоуправленіемъ. То, о чемъ я говорю теперь за этимъ столомъ, будетъ выслушано не одними присутствующими; электрическій телеграфъ передастъ слова мои всему свѣту. Дѣйствительно, все, что говорится членами англійскаго парламента, имѣетъ общеевропейскій интересъ, и не въ одной Англій чувствовался пробѣлъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, отъ закрытія парламента. Этотъ пробѣлъ пополнился отчасти рѣчами, произносимыми на такъ-называемыхъ *гестингсахъ* (*hustings*), то-есть электоральныхъ собраніяхъ, гдѣ каждый кандидатъ высказывалъ свои убѣжденія, и гдѣ за cadaго кандидата говорили еще по два избирателя, одинъ, предлагавшій его, другой, поддерживавшій предложеніе. При широко развитой публичной жизни въ Англій на *гестингсахъ* обсуждались всѣ государственные вопросы.

• Я не вижу никакой опасности, ни малѣйшаго вреда, такъ выражался по этому поводу лордъ Станли, въ томъ, что основанія англійской конституціи обсуждаются на каждомъ *гестингсѣ* этой страны. Я убѣжденъ, что народъ нашъ любитъ и умѣетъ цѣнить учрежденія, которыми онъ управляется, и хотя онъ не противится никакой благоразумной умѣренной реформѣ, онъ желаетъ, главнымъ образомъ, скорѣе возвысить, чѣмъ ограничить вліяніе и контроль парламента надъ исполнительною властью. Онъ не стремится къ насильственнымъ и крайнимъ реформамъ, которые умножили бы въ палатѣ число безгласныхъ политиковъ, тогда какъ люди независимаго образа мыслей, но не умѣющіе во всякое время ловить благорасположеніе толпы, были бы исключены изъ нея. Полагая, поэтому, что вопросъ о реформѣ будетъ главнымъ образомъ обсуждаемъ на *гестингсахъ* въ теперешнее время, я не только не вижу въ этомъ никакой опасности, но, напротивъ, вижу много пользы. (*Одобреніе.*) Я убѣжденъ, что, такимъ образомъ, уяснится предстоящей палатѣ, чего дѣйствительно желаетъ народъ, и чего не желаетъ онъ. •

Представляя теперь отчетъ о *гестингсахъ*, когда интересъ ихъ во многомъ ослабленъ послѣдующими событіями, мы группируемъ содержаніе главныхъ рѣчей только около двухъ вопросовъ— о реформѣ и о войнѣ. Замѣтимъ, что все это было сказано мѣсяцъ тому назадъ, когда война только-что начиналась. Какъ и надо было ожидать, на *гестингсахъ* перенесена была борьба партій, прерванная закрытіемъ парламента. Графъ Дерби при закрытіи парламента объявилъ, что дѣлоидеть не о реформѣ-биллѣ, а о томъ, способно ли какое-нибудь правительство составить большинство въ парламентѣ; поэтому члены либеральной партіи съ особенною силою настаивали на необходимости билля о реформѣ.

• Мнѣ кажется, говорилъ по этому поводу лордъ Пальмерстонъ, что билль о реформѣ не долженъ быть никомъ образомъ отлага-

емъ. *(Слушайте.)* Я очень сожалѣю, что правительство не почло нужнымъ взять свой билль назадъ и составить другой, на основаніи болѣе здравыхъ началъ, нежели билль, предложенный ими въ первый разъ и который сэръ-Джемсъ Грамъ назвалъ чрезвычайно разумнымъ — только въ половину. *(Смѣхъ.)* Правительство могло бы легко составить новый билль, сообразившись съ мнѣніями, выраженными при преніяхъ, и такой билль вѣроятно прошелъ бы въ нынѣшнемъ году. Г. Дизраэли высказалъ недавно, что правительство не предложитъ новаго билля въ іюнѣ или іюлѣ, и что, въ слѣдующую сессію, оно будетъ поступать какъ найдетъ лучшимъ. Но я вполне увѣренъ, что и парламентъ и страна такого мнѣнія, что наступило наконецъ время, когда въ реформѣ чувствуется настоятельная потребность. Настаивая такъ усиленно на вопросѣ объ измѣненіи народнаго представительства, лордъ Пальмерстонъ принялъ впрочемъ заранѣе свои мѣры, на тотъ случай, еслибы пришлось ему самому, въ качествѣ перваго министра, представить билль объ этомъ предметѣ. Выраженія его о томъ, какимъ характеромъ долженъ отличаться этотъ билль, могутъ послужить образцомъ уклончивости и осторожности. «Мы можемъ не сходиться, говорилъ онъ, въ томъ, что нравится каждому изъ насъ, но должны всѣ имѣть постоянно въ виду одно соображеніе, именно чтобы предложенъ былъ не такой билль, который представляется каждому изъ насъ наилучшимъ въ абстрактномъ отношеніи, но такой, который могъ бы перейти въ законъ. *(Слушайте, слушайте.)* Известно, что въ человѣческихъ дѣлахъ отдѣльныя лица и партіи рѣдко бываютъ въ состояніи идти по пути своего выбора, и что человѣческія мѣры бываютъ обыкновенно результатомъ того, что каждый одною рукою что-нибудь беретъ, а другою что-нибудь уступаетъ.» Все это чрезвычайно вѣрно, но не легко бываетъ согласить, посредствомъ взаимныхъ уступокъ, гдѣ разнорѣчающія требованія, о которыхъ говоритъ лордъ Пальмерстонъ. «Взирая на предводителей противной намъ партіи, говорилъ передъ своими избирателями сэръ - Джонъ Пакингтонъ, морской министръ, мы не замѣчаемъ, чтобы между ними было много единомыслія. Предводители эти поступили немножко неосторожно: они слишкомъ поспѣшили обнаружить свои планы и намѣренія, и въ результатѣ оказалось, что у каждаго изъ четырехъ главныхъ предводителей либеральной партіи, есть свой особенный проектъ реформы, что эти проекты ни малѣйшимъ образомъ, не похожи одинъ на другой. *(Смѣхъ.)* Есть проектъ г. Брайта, проектъ сэръ-Джемса Грама, проектъ лорда Джона Росселя и наконецъ — не проектъ, а мнѣніе лорда Пальмерстона. *(Смѣхъ.)* Не остановлюсь долго

на первомъ изъ нихъ, но долженъ сказать, что не только въ палатѣ общинъ, но даже во всей странѣ, мало такихъ отлично талантливыхъ людей, какъ г. Брайтъ. (*Одобрѣніе.*)... Мнѣ кажется, что онъ хочетъ придать учрежденіямъ нашимъ болѣе демократическій характеръ, чѣмъ согласно съ монархическою формою правленія. (*Слушайте.*) Онъ, кажется, хочетъ уподобить ихъ учрежденіямъ Соединенныхъ Штатовъ въ размѣрахъ, которые не будутъ допущены народонаселеніемъ этой страны (*слушайте*), въ размѣрахъ, противъ которыхъ я не перестану возвышать свой голосъ, ибо, если совершится подобный переворотъ, то свободѣ нашей нанесенъ будетъ ударъ, отъ котораго она никогда не оправится. (*Одобрѣніе.*) Есть еще проектъ сэръ-Джемса Грама. Онъ нападалъ на нашъ билль исключительно съ той точки зрѣнія, что имъ не понижался избирательный цензъ для владельцевъ и съемщиковъ цѣлыхъ домовъ въ бургахъ. Лордъ Джонъ Россель стоитъ за шесть фунтовъ стерлинговъ наемной платы не за домъ, а за квартиру, расходясь въ этомъ отношеніи съ сэръ-Джемсомъ Грамомъ. Только что лордъ Джонъ-Россель объявилъ это съ явною цѣлью заслужить себѣ расположеніе при предстоящихъ выборахъ, какъ поднялся лордъ Пальмерстонъ и сказалъ, что онъ совершенно согласенъ съ своимъ благороднымъ другомъ, съ тою только оговоркою, что онъ не считаетъ нужнымъ понижать избирательную льготу. Еще за нѣсколько времени до этого, лордъ Пальмерстонъ объявилъ одному моему пріятелю, что онъ вполне расходится въ мнѣніяхъ съ лордомъ Джономъ Росселемъ. Ясно, поэтому, что между членами противной намъ партіи нѣтъ гармоніи и единства, касательно вопроса о реформѣ. Это, конечно, еще болѣе увеличиваетъ затрудненія, но повторяю, правительство, каково бы оно ни было, теперешнее или другое, должно рѣшить этотъ вопросъ. Онъ зашелъ слишкомъ далеко, невозможно оставить его безъ разрѣшенія. Будемъ надѣяться, что въ какія бы руки ни попалъ онъ, при разсмотрѣніи его будетъ присутствовать духъ благоразумія, осторожности и патріотизма; что, удовлетворяя желанію согражданъ нашихъ участвовать въ политическихъ правахъ, мы не упустимъ изъ виду и истинной свободы, которою мы такъ долго пользовались при господствѣ теперешняго нашего устройства.»

Касательно вопроса о войнѣ, мнѣніе англійской націи высказалось болѣе опредѣленнымъ образомъ. Виги и тори, консерваторы и либералы, несмотря на различіе въ нѣкоторыхъ частностяхъ своихъ мнѣній, всѣ согласны были въ одномъ, что Англія по возможности не слѣдуетъ вмѣшиваться въ войну. Нейтралитетъ самый строгій,—будетъ ли онъ вооруженный или нѣтъ,—вотъ единогласный кликъ, раздававшійся на всѣхъ англійскихъ *вѣстникахъ*. Прочитывая длинныя рѣчи, въ которыхъ рассужде-

нія о войнѣ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ, трудно было бы подмѣтить съ какой бы то ни было стороны чувство недоброжелательства къ Италіи: судьбы этой страны, и въ прошедшемъ и въ настоящемъ, безспорно внушаютъ къ себѣ живое сочувствіе въ массѣ англійской націи, но за то помощь, оказываемая ей Франціею, возбуждаетъ сильныя подозрѣнія. Радикальная партія въ Англии особенно стала въ враждебное отношеніе къ Франціи по вопросу о войнѣ: г. Робакъ явился представителемъ ея сомнѣній, недовѣрчивости и недоброжелательства, и рѣчь его, произнесенная имъ въ Шеффилдѣ, могла бы сравниться, по рѣзкости выраженій, съ самыми раздражительными рѣчами, произнесенными имъ до сихъ поръ. «Въ теперешней войнѣ, говорилъ онъ, виновата не Австрія, а самовластный правитель Франціи, Лудовикъ Наполеонъ. *(Одобреніе.)* Я говорилъ уже прежде о немъ, и мнѣ помнится, что во время преній по поводу билля о заговорахъ, друзья мои твердили мнѣ: «Вы съ ума сошли, Робакъ.» *(Смѣхъ.)* А что говорили они два дня спустя: «Ну, теперь мы видимъ, что съ ума-то сходили мы, а вы одни были правы.» *(Одобреніе.)*... Друзья мои твердятъ мнѣ теперь: «Имѣйте же побольше вѣры въ здравый смыслъ человѣчества; не будемъ вооружаться, зачѣмъ готовиться къ опасностямъ; человѣчество само сознаетъ, въ чемъ лежатъ его интересы.» Въ отвѣтъ на это, я говорю всегда: «Добрые друзья мои, я желаю человѣчеству столько же добра, сколько и вы, но не очень довѣряюсь его здравому смыслу.» И развѣ результаты не оправдываютъ истину моихъ словъ?... Подобно друзьямъ моимъ, я стою за миръ, но разница между нами та, что, по мнѣнію моему, если Англія хочетъ мира, то должна показать себя готовою къ войнѣ. Еще не пришло время, когда, если ударятъ по одной щекѣ, слѣдуетъ подставлять другую. *(Смѣхъ.)* Если меня ударитъ кто-нибудь, я ему отвѣчу тѣмъ же. *(Смѣхъ и громкое одобреніе.)* Если Европа убѣдится, что за малѣйшимъ нападеніемъ на англійскія владѣнія послѣдуетъ страшное возмездіе, Англія можетъ считать себя безопасною. *(Слушайте, слушайте.)*»

Немногіе, конечно, позволили себѣ подражать г. Робаку въ запальчивости и раздражительности рѣчи, но у многихъ, несравненно бѣльшая мягкость выраженій прикрывала въ сущности ту же самую мысль. Вѣроятно для того, чтобы запечатлѣть какъ можно рѣзче отношенія трехъ воюющихъ державъ въ умѣ слушавшей его публики, одинъ изъ членовъ министерства, генеральный атторней, рѣшился прибѣгнуть къ помощи одной, весьма извѣстной басни.

«Сардинія, сказалъ онъ, находится въ настоящее время въ союзѣ съ Франціею. Что касается до правительственныхъ формъ,

то если граждане какой-либо страны желаютъ усвоить себѣ тѣмъ другія изъ нихъ, намъ нѣтъ до этого никакого дѣла. Мы знаемъ очень хорошо, что за форма правительства господствуетъ въ Франціи: свобода печати тамъ отмѣнена, общественное мнѣніе и имѣетъ законнаго себѣ выраженія, и поэтому, когда страна эта какъ будто для блага цивилизаціи и свободы, выступаетъ на помощь Сардиніи, невольно приходитъ въ голову вопросъ: дѣйствительно ли результатомъ французскаго вмѣшательства въ дѣла Италіи будетъ освобожденіе ея отъ чужеземнаго владычества? Вамъ всѣмъ, вѣроятно, извѣстна басня объ «олень, лошади и человѣкѣ». Олень сталъ бодать лошадь рогами, лошадь обратилась съ просьбами къ человѣку, чтобъ онъ помогъ ей отбиться отъ оленя. Человѣкъ осѣдлалъ лошадь, и въ скоромъ времени вистѣ они прогнали оленя съ пастбища. Лошадь обратилась затѣмъ съ такою рѣчью къ своему защитнику: «очень благодарна тебѣ, и сними же теперь съ меня сѣдло и равстанемся друзьями.» «И чему же такъ спѣшить? отвѣчалъ человѣкъ. (Смѣхъ.) Сѣдло обыкновенно къ тебѣ идетъ, ты такъ послушна подъ нимъ, и я вовсе не отказываюсь отъ желанія управлять тобою и на будущее время.» (Смѣхъ.) Австрія—олень, Сардинія—лошадь, а Франція—человѣкъ. (Смѣхъ.) Скажу только въ заключеніе, что не надо допускать оленя вредить лошади; но еще болѣе надо стараться, чтобы лошадь не подчинилась человѣку. (Громкое одобреніе смѣхъ.) Теперь объ Австріи. Можемъ ли мы чувствовать какъ бы то ни было симпатію къ этой странѣ? Правительство ея отличается также самымъ деспотическимъ характеромъ, гражданская и религіозная свобода совершенно неизвѣстны въ ея предѣлахъ. Она не можетъ, поэтому, ожидать отъ насъ ни сочувствія ни помощи. Результатъ, къ которому прихожу я, такого рода, что нація наша, не вмѣшиваясь ни въ какія постороннія намъ распри, должна ясно видѣть, что ни одна изъ враждующихъ теперь державъ не можетъ укрыться отъ порицанія, и ни одна изъ нихъ не можетъ внушить намъ желаніе поддерживать ея дѣло.»

Послѣднія слова выражаютъ основную мысль англійской пубрики, касательно войны: какъ мы сказали уже выше, она считаетъ политику нейтралитета политикою, наиболѣе удовлетворяющею теперешнимъ ея интересамъ. Но этотъ нейтралитетъ поддерживается вооруженіями Англій, и прежнее министерство старалось поддержать страну на этотъ счетъ: по крайней мѣрѣ, оно не упустило ни одного случая нагестингсахъ внушить, что если бы даже печальная необходимость принудила когда-нибудь Англію взяться за мечъ, то средства, которыми располагаетъ она, громадны. Г. Дизраэли выразился на этотъ счетъ самымъ восторженнымъ языкомъ. «Часто вспоминаютъ, говорилъ онъ, что въ началѣ первой французской революціи

Питтъ сказалъ, будто бы Франція находилась въ такомъ несостоятельномъ положеніи, что не могла выдержать двухъ кампаний, а война продолжалась между тѣмъ цѣлыя двадцать пять лѣтъ. Конечно, это правда, но великія французскія революціи случаются не очень часто. Маленькія французскія революціи случаются. (*Смѣхъ.*) Великая революція для нашего времени то же самое, чѣмъ была осада Трои въ древней исторіи: она не повторится. Намъ хорошо извѣстно, что война, всегда стоящая очень дорого, сдѣлалась еще дороже отъ тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ она предпринимается теперь. Войска несравненно многочисленнѣе, военные запасы обширнѣе, одна артиллерія стоитъ теперь столько же, сколько стоило все вооруженіе въ прежнее время, и средства разрушенія сдѣлались неизмѣримо могущественнѣе. Каково же теперь положеніе Англіи? Миръ пришелъ въ изумленіе недавно при извѣстіи, что государь одной великой державы получилъ отъ законодательнаго собранія своего 500.000.000 франковъ для веденія войны. Миръ содрогнулся при мысли, что одинъ монархъ можетъ располагать 500.000.000 франковъ, фонды упали, и всѣ были убѣждены, что опасность угрожаетъ даже независимости самой Англіи. Но что значить заемъ въ 500.000.000 франковъ для веденія войны? Деньги эти утекутъ какъ вода. (*Голосъ:* А 800.000.000 фунтовъ стерлинговъ (1)?) Что же? Долгъ въ 800.000.000 фунтовъ стерлинговъ для свободнаго и трудолюбиваго народа—пустяки. (*Смѣхъ и одобреніе.*) Другъ мой, кажется, очень пугается государственнаго нашего долга? (*Нѣтъ! нѣтъ! и смѣхъ.*) Позвольте же мнѣ сказать вамъ, какъ Англія можетъ вести войну. Французскій или австрійскій императоръ могутъ занять 500.000.000 фр. и истратить ихъ въ одинъ годъ, хотя, надо замѣтить, къ средствамъ подобнаго рода нельзя прибѣгать слишкомъ часто. (*Смѣхъ.*) Но какъ поступила бы королева англійская? Стоило бы предстать ей передъ парламентъ, и при содѣйствіи его, благодаря только одному налогу, и то не слишкомъ обременительному, она можетъ въ случаѣ необходимости получать каждый годъ по 500.000.000 франковъ. (*Одобреніе.*) Съ помощью только *income-tax*, хотя не дай Богъ, чтобъ это случилось, или чтобы пришлось мнѣ въ качествѣ канцлера казначейства предложить его (*смѣхъ*),—съ помощью только, повторяю, *income-tax*, въ 10 процентовъ на 100, мы имѣли бы ежегодно по 500.000.000 фр. не займами, но изъ постоянного нашего дохода. А если займы окажутся непремѣнно нужными, то можно прибавить сюда еще ежегодный заемъ въ 500.000.000 франковъ, ибо Англія можетъ снабжать правительство подобною суммою еже-

(1) Это цѣна государственнаго долга Англіи въ настоящее время.

годно въ теченіи десяти лѣтъ. Подъ конецъ военныхъ дѣйствій, государственные доходы вмѣсто того, чтобъ истощиться, были бы потрачены очень мало, если, разумѣется, примемъ въ соображеніе, что дѣло шло о свободѣ, независимости и могуществѣ нашей страны. *(Одобреніе.)* Зная это, я не опасуюсь никакого союза королей или императоровъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что если вспыхнетъ война національностей или политическихъ вѣрованій, мы ослабимъ грозу. *(Одобреніе.)* Сгратать будетъ не Англія. Пострадаетъ Европа, ея поля будутъ опустошены, и тѣ самыя властелины, которыхъ гордость, честолюбіе и страсть къ завоеваніямъ породили теперешнее несчастное положеніе дѣлъ, потеряютъ подъ конецъ много изъ того положенія, которое занимаютъ они теперь. *(Одобреніе.)*

Замѣчательно, что на *гестимсахъ* говорили всѣ вліятельные члены парламента, кромѣ г. Гладстона, который былъ такъ увѣренъ въ своемъ избраніи, что не почелъ нужнымъ повторять свои политическія вѣрованія; можетъ-быть онъ предвидѣлъ также непрочность торійскаго министерства, съ которымъ былъ связанъ недавнею миссіею на Іоническіе острова, и опасался компрометировать себя въ глазахъ будущихъ побѣдителей.

Читатели припомнятъ, что въ рѣчи графа Дерби, произнесенной имъ при закрытіи парламента и въ самой рѣчи королевы было указано на то, что партіи въ парламентѣ раздѣлились на такія фракціи, изъ которыхъ ни одна не могла составить прочнаго министерства. Въ первомъ засѣданіи палаты лордовъ лордъ Гренвилъ съ ироніею говорилъ объ этомъ и съ ироніею спрашивалъ, получили ли наконецъ тори желаемое большинство? «Въ рѣчи, которою ея величество распустила парламентъ, сказалъ лордъ Гренвилъ, если память не измѣняетъ мнѣ, главный смыслъ словъ, вложенныхъ въ уста ея величества, состоялъ въ молитвѣ къ божественному Промыслу о ниспосланіи большинства нынѣшнему правительству. *(Смысль и восклицанія.)* Впрочемъ правительство не довольствовалося ролью возницы и не ограничилось одними молитвами, но своими правительственными плечами со всею силою двигало телегу. *(Смысль.)* Въ рѣчи, сказанной сегодня, не было упомянуто, услышалъ ли Господь эти молитвы или нѣтъ. *(Смысль.)* Въ этихъ словахъ слышно торжество побѣдителя и обвиненіе въ томъ, что торійская партія дѣйствовала всякими средствами, чтобы набрать себѣ большинство; графъ Дерби и г. Дизраэли оправдывались потому въ подобныхъ обвиненіяхъ, и мы не имѣемъ основанія не вѣрить имъ. Въ Англіи, какъ и въ другихъ конституціонныхъ странахъ, въ выборахъ дѣйствуютъ особыя коммиссіи, которыя поддерживаютъ своихъ кандидатовъ, несутъ на себѣ всѣ расходы по выборамъ и проч.; такія коммиссіи были

и у либераловъ, и у тори, и въ нихъ нѣтъ ничего противнаго обычаю. Каждая сторона обвиняла другую въ раздробленности, каждая говорила народу: «избирайте нашихъ кандидатовъ, потому что только такимъ образомъ можетъ составиться большинство въ палатѣ.» И всѣ эти обвиненія были справедливы. Дѣйствительно въ послѣднемъ парламентѣ существовали слѣдующія партіи: 1) виги, болѣе консервативные во главѣ которыхъ былъ лордъ Пальмерстонъ; 2) виги либеральные, предводимые лордомъ Джономъ Росселемъ; 3) радикалы, изъ которыхъ главные гг. Брайтъ, Робакъ и проч.; 4) ирландская партія, отъ которой отдѣлялась еще фракція, называвшаяся *Pope's Brass Band*; 5) пилиты, какъ на примѣръ г. Гладстонъ, отдѣлившіеся отъ торійской партіи по нѣкоторымъ вопросамъ; 6) старая партія тори или консерваторовъ, наконецъ 7) дербиты, которыхъ нѣкто г. Байнгъ характеризовалъ такимъ образомъ: «Какова естественная исторія этого куріознаго животнаго, называемаго дербитомъ? Если вы назовете этимъ именемъ какого-нибудь консерватора, то вы нанесете ему такое же оскорбленіе, какъ еслибы вы меня, вига, назвали чартистомъ.» Всѣ эти отдѣльныя фракціи группировались въ два главные вида: консерваторовъ и либераловъ; первыхъ было въ прежнемъ парламентѣ 297, а вторыхъ 358. Консерваторы употребляли, конечно, всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти большинство: видя, что въ вопросѣ о реформѣ противъ нихъ составилось большинство 39 голосовъ, они могли надѣяться, что при новыхъ выборахъ ихъ партія усилится по крайней мѣрѣ на 40 голосовъ. Случилось иначе; новый парламентъ образовался изъ 353 либераловъ и 302 консерваторовъ. Слѣдовательно выигрышъ былъ незначителенъ; если отдѣлить изъ обѣихъ партій такъ-называемыхъ независимыхъ членовъ, которыхъ насчитываютъ 69, то усиленіе консервативной партіи будетъ представлять 21 голосъ.

И этотъ незначительный выигрышъ пріобрѣтенъ довольно дорого, именно союзомъ съ ирландскими ультрамонтанами и оранжистами. «Англія дожила до страннаго зрѣлища, говорилъ одинъ изъ виговъ, до преступнаго союза между Эдвардомъ Джофри, лордомъ Дерби и его святѣйшествомъ кардиналомъ Вайземаномъ.» Въ Англіи собственно и въ Шотландіи рѣшительный перевѣсъ былъ на сторонѣ либераловъ. Если обратить вниманіе на тѣ лица, которыя потеряны были тою и другою партіею, то здѣсь окажется потеря одинаковая; либералы лишились г. Осборна, «костическаго джентльмена», какъ его называетъ *Times*; но за то они одержали верхъ въ Вестъ Райдингѣ, гдѣ консервативный членъ г. Вортли получилъ 13.500 голосовъ, тогда какъ либеральный г. Рамденъ 16.000. Въ Дуврѣ и Вестъ-Райдингѣ были самыя упорныя битвы двухъ партій; на послѣдніе выборы пріѣзжалъ

самъ лордъ Джонъ Россель, чтобы сказать блистательную рѣчь, въ которой онъ самыми темными красками представилъ біографію г. Вортли. Остальные главные бойцы остались на своихъ мѣстахъ.

Въ половинѣ мая результатъ выборовъ былъ извѣстенъ; считавши ряды свои, графъ Дерби могъ видѣть, что страна неблагосклонно отвѣчала на вопросъ, предложенный ей: быть ли не бытъ торійскому правительству. Оставалась одна надежда предупредить соединеніе лорда Пальмерстона съ лордомъ Джономъ Росселемъ. Глава министерства даже рѣшился предложить первому изъ нихъ четыре мѣста въ министерствѣ и должность министра иностранныхъ дѣлъ. Но лордъ Пальмерстонъ имѣлъ другіе виды. «Предполагать, сказано было въ *Globe*, что лордъ Пальмерстонъ откажется отъ того положенія, которое онъ занимаетъ въ Англіи и въ Европѣ, и присоединится къ осужденнымъ государственнымъ людямъ, ожидающимъ исполненія произнесеннаго надъ ними приговора, значитъ имѣть дурное мнѣніе объ его догадливости.» Но дѣло либераловъ не было еще выиграно навѣрное; противъ нихъ были ихъ собственная разрозненность и голосъ нѣкоторыхъ радикаловъ. Еще 28-го мая г. Робакъ говорилъ слѣдующее: «Намъ придется рѣшить, 7-го іюня, кто будетъ первымъ министромъ, лордъ Пальмерстонъ или лордъ Дерби. Въ чей лагерь слѣдуетъ мнѣ перейти? Я останусь въ лагерь англичскаго народа, который, я увѣренъ, противъ лорда Пальмерстона. (*Восклицанія и браво.*) О, нечего кричать «браво!» (*смѣхъ*) это просто несчастіе; это похоже на войну въ Италіи, въ которой какая бы сторона ни одолѣла, все-таки не быть добру. (*Восклицанія и смѣхъ.*) Что же мнѣ дѣлать? Я бѣдный, независимый членъ, и думаю, что все-таки меньше бѣды, если мы не станемъ перемѣнять правительства. Я знаю, что существуетъ сдѣлка, я знаю, что Кембриджъ-гаузъ ходилъ на поклоненіе въ Пемброкъ-лоджъ⁽¹⁾ и что знатныя леди уже видѣлись между собою. (*Смѣхъ.*) Я знаю, что заключенъ миръ, но Англія была забыта. Дѣло касалось только партій, но я, независимый членъ, я имѣю въ виду только Англію, и ради Англіи, ради самого Бога, не возвышайте лорда Пальмерстона.» (*Восклицанія.*) Либеральные журналы уговаривали обоихъ представителей своей партіи соединиться и дѣйствовать дружно, но многіе совѣтовали имъ не вступать въ правительство. «Говорятъ, сказано было въ *Times*, что женщины способны прощать, а мужчины забывать; но политическіе дѣятели суть лица средняго рода, которыя не прощаютъ и не забываютъ, а смотрятъ сквозь пальцы и не обращаютъ вниманія... Здѣсь не одинъ левъ,

(1) Мѣста жительства лордовъ Пальмерстона и Джона Росселя.

а два; въ этомъ случаѣ, когда дѣло идетъ о прощеніи и забвеніи, тотъ, кто выкажетъ больше этихъ добродѣтелей, лучше послужитъ своему отечеству. Обои́мъ государственнымъ мужамъ предстоитъ не только возстановить свое доброе имя, но загладить и исправить весьма многое. Своею долговременною враждою они причинили много зла Англіи.» Въ другомъ мѣстѣ тотъ же журналъ говорилъ слѣдующее: «Большинство либеральной партіи желаетъ не того, чтобъ ея друзья стояли во главѣ правительства, а торжества тѣхъ началъ, которыя признаны страной... Все показываетъ теперь, что сила принадлежитъ не правительству, а оппозиціи. Опытъ послѣднихъ годовъ, кажется, доказалъ ясно, что оппозиція возрастаетъ, а правительство слабѣетъ, и тѣ же самыя партіи, которыя укрѣпляются въ оппозиціи, разлагаются, когда достигнуть власти.» Наконецъ за два дня до открытія парламента, сэръ-Джонъ Рамсенъ говорилъ о невозможности составить либеральное министерство. «Многіе изъ моихъ друзей, сказалъ онъ, встрѣчаясь со мною сегодня, спрашивали меня: что вы думаете дѣлать съ лордомъ Дерби, по возвращеніи въ Лондонъ? (*Смѣхъ и колось: ссадите его.*) Джентльмены, на этотъ вопросъ я могу отвѣчать другимъ вопросомъ: приготовлена ли либеральная партія къ единству?» Носились слухи, что сэръ-Джонъ Рамсенъ былъ избранъ для предложенія вота о недоуверіи къ министерству; эти догадки основывались на томъ, что въ 1841 г. такой вотъ предложенъ былъ г. Вортли, торійскимъ членомъ за Вестъ-Райдингъ. Сэръ-Джонъ Рамсенъ опровергъ такую догадку. «Мнѣ не было сдѣлано подобнаго предложенія, сказалъ онъ. И еслибъ оно было сдѣлано, то я счелъ бы своею обязанностью отклонить его; я думаю, что членъ палаты общинъ, который возьмется предложить парламенту смѣну министерства, для оправданія своего долженъ быть въ состояніи убѣдить палату общинъ, что онъ видитъ возможность образованія болѣе прочнаго и сильнаго правительства. (*Слушайте, слушайте.*) Но, джентльмены, я долженъ сказать, и вы увѣрены, что я говорю это съ величайшемъ сожалѣніемъ, что при настоящемъ отсутствіи единства между нашими предводителями, я не вижу возможности подобнаго результата.»

Такимъ образомъ, въ день открытія парламента, 31-го мая, дѣло либеральной партіи не было еще рѣшено. Первая сессія шестаго парламента открылась безо всякаго торжества; по случаю дня Дерби, когда бывають большія скачки, немногіе члены присутствовали въ засѣданіи, и даже одинъ изъ нихъ, полковникъ Френчъ, предложилъ отложить собраніе; г. Дизраэли замѣтилъ при этомъ: «если храбрый офицеръ согласился съ кѣмъ-либо ѣхать въ другое мѣсто, то онъ можетъ исполнить это», и палата собралась на другой день. Первые засѣданія были посвящены при-

сая членовъ. Каждый членъ палаты лордовъ, послѣ присяги, садился на одну минуту на избранное имъ мѣсто, потомъ вставалъ и подавалъ руку лорду-канцлеру; члены палаты общинъ также занимали мѣста на скамьяхъ министерства или оппозиціи и тѣмъ показывали, къ какой партіи принадлежатъ они; между прочимъ всѣмъ поразило, что г. Гладстонъ въ первый разъ сѣлъ съ оппозиціею. Выборъ *спикера*, то-есть президента палаты общинъ, произведенъ былъ въ первый же день, и единогласно избранъ былъ снова г. Денисонъ. На другой день онъ получилъ утвержденіе отъ королевы въ палатѣ лордовъ. Церемонія эта такъ интересна, что мы приведемъ здѣсь полное описаніе ея, которое заимствуемъ изъ *Times*:

«Въ два часа лордъ-канцлеръ и королевскіе комиссары въ своихъ парадныхъ костюмахъ заняли мѣста противъ трона. Изъ остальныхъ перовъ присутствовало только пятеро. Экзекутору черного жезла выражено было желаніе, чтобъ явилась палата общинъ; онъ удался, и потомъ возвратился съ избраннымъ въ должность спикера (*Speaker elect*), котораго сопровождали его предлагатель и поддерживатель, канцлеръ казначейства г. Гладстонъ, и нѣкоторые другіе члены. Высокопочтенный джентльменъ сказалъ: «Милорды, я долженъ увѣдомить васъ, что вѣрноподанныя общины ея величества, повинуваясь ея повелѣніямъ, на основаніи своихъ безспорныхъ правъ и привилегій, приступили къ избранію спикера; этотъ выборъ палъ на меня. Я предстою теперь передъ вами и повергаю себя съ совершенною покорностью милостивому утвержденію ея величества.» Лордъ Канцлеръ: Мистеръ Денисонъ! Намъ приказано объявить вамъ, что ея величество вполне увѣрена въ вашемъ усердіи къ общественной службѣ и въ вашихъ способностяхъ исполнять тѣ важныя обязанности, которыя возложены на васъ вѣрноподанными общинами ея величества, и ея величество съ готовностью одобряетъ и утверждаетъ васъ въ качествѣ ихъ спикера. Спикеръ: Съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью я преклоняюсь передъ повелѣніями ея величества, и теперь считаю своею обязанностью отъ имени и для общинъ Соединеннаго Королевства покорно просить ея величество подтвердить ихъ несомнѣнныя права и привилегіи, свободу отъ ареста и оскорбленія ихъ лица и служителей, свободу рѣчи въ преніяхъ и свободный доступъ къ ея величеству, когда того потребуютъ обстоятельства, а также самое благопріятное истолкованіе всѣхъ ихъ дѣйствій; для себя лично я прошу, чтобы каждая ошибка при исполненіи моихъ обязанностей была приписываема мнѣ одному, а не вѣрноподаннымъ общинамъ ея величества. Лордъ-Канцлеръ: Мистеръ спикеръ! Намъ приказано далѣе объявить вамъ.

что ея величество съ величайшею готовностью подтверждаетъ всѣ права и привилегіи, которыя когда-либо были дарованы или уступлены общинамъ ея царственными предшественниками. Въ отношеніи къ вамъ, ея величество всегда будетъ истолковывать въ самомъ благоприятномъ смыслѣ ваши слова и дѣйствія, и ея величество убѣждена, что вы не имѣете нужды въ подобномъ увѣреніи. — За тѣмъ высокопочтенный джентльменъ поклонился и вышелъ.»

Замѣтимъ, что всѣ слова спикера и лорда-канцлера составляютъ формулу, освященную долговременнымъ обычаемъ. Прежде спикеръ обыкновенно представлялъ трудности предстоящей ему должности и говорилъ: «если ея величеству угодно не одобрить выбора, то вѣрноподанные общины ея величества изберутъ другаго члена своей палаты, болѣе способнаго занять это мѣсто.» Впрочемъ изъ исторіи видно, что только одинъ разъ, именно въ 1678 году, король не утвердилъ спикера, который не захотѣлъ повторить обычныхъ словъ отказа; въ 1450 году король буквально понялъ отказъ и повелѣлъ избрать другаго спикера.

На 7-е іюня назначено было слушаніе тронной рѣчи и преніе объ адресѣ. Либеральной партіи, которая рѣшилась напасть на министерство, слѣдовало сговориться окончательно объ образѣ дѣйствій, и для этого назначенъ былъ 6-го іюня митингъ въ *Willis' Rooms*. Въ этотъ день собралось 270 членовъ, и толпа привѣтствовала ихъ при входѣ въ залу и на улицѣ; лорда Джона Росселя встрѣтили рукоплесканіями и свистками, лорда Пальмерстана рукоплесканіями, насмѣшками и криками: «не надо Наполеона». На митингѣ говорили главные представители всѣхъ фракцій либеральной партіи. Первая рѣчь принадлежала лорду Пальмерстону, который предложилъ вотировать въ палатѣ недоувѣріе къ министерству, точно въ той же формѣ, въ какой это было сдѣлано сэръ-Робертомъ Пилемъ въ 1841 году. Затѣмъ говорилъ лордъ Джонъ Россель; онъ объявилъ о своей готовности вступить въ министерство лорда Пальмерстона, а также объ обѣщаніи этого послѣдняго вступить въ его министерство; въ заключеніи своей рѣчи лордъ Джонъ Россель сказалъ: «я убѣжденъ, равно какъ и лордъ Пальмерстонъ, что никакое министерство не можетъ удержаться, если оно не приметъ въ свои ряды представителей каждой отрасли великой либеральной партіи.» Г. Брайтъ высказалъ, въ чемъ онъ расходится съ благородными лордами по вопросу о реформѣ и о войнѣ, но обѣщавъ свое содѣйствіе обоямъ представителямъ либеральной партіи, которые теперь примирились между собою. Почти всѣ ораторы обѣщали дѣйствовать за одно; только гг. Горсманъ, Линдсей и непре-

клонный г. Робакъ отказались отъ какихъ-либо обѣщаній и выказали свое недоверіе къ благороднымъ лордамъ, которыхъ примиреніе праздновалось митингомъ. Лордъ Джонъ Россель заключилъ собраніе слѣдующимъ сравненіемъ: «Еслибъ я купилъ такой дурной карабль, что онъ развалился въ двухъ миляхъ отъ берега, то я не закажу новаго карабля тому же строителю и изъ тѣхъ же матеріаловъ». И такъ, вопросъ о томъ, въ какой формѣ сдѣлать нападеніе на министерство, былъ рѣшенъ окончательно; для вота о недоверіи избранъ былъ не сэръ-Джонъ Рамсенъ, а маркизъ Гартингтонъ, старшій сынъ герцога Девонширскаго.

Наступилъ наконецъ день 7-го іюня, когда собственно произошло торжественное, церемоніальное открытіе самою королевою первой сессіи шестаго парламента ея царствованія. Мы помѣстили въ 4-й книжкѣ *Русскаго Вѣстника* описаніе торжества открытія: нынѣшній разъ оно повторилось совершенно въ томъ же видѣ. Когда въ палату лордовъ, по требованію королевы, явились члены палаты общинъ, ея величество прочла слѣдующую тронную рѣчь:

«Милорды и джентльмены! При настоящемъ смутномъ состояніи политики, я съ удовольствіемъ обращаюсь за совѣтами къ моему парламенту, которому повелѣла собраться со всевозможною скоростью.

«Я приказала сообщить вамъ всѣ бумаги, изъ которыхъ вы убѣдитесь, что я постоянно употребляла всѣ усилія, чтобы сохранить миръ въ Европѣ.

«Къ сожалѣнію, эти усилія не увѣнчались успѣхомъ; возгорѣлась война между Франціею и Сардиніею съ одной стороны, Австріею съ другой. Получивши увѣренія въ дружбѣ отъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, я намѣрена держаться въ отношеніи къ нимъ строгаго и безпристрастнаго нейтралитета, и я надѣюсь, при помощи Всевышняго, сохранить моему народу благословенія продолжительнаго мира.

«Однако, обращая вниманіе на теперешнее состояніе Европы, я сочла необходимымъ, для безопасности моихъ владѣній и для чести моей короны, увеличить мои морскія силы до размѣра, превышающаго размѣръ, утвержденный парламентомъ.

«Я съ полнымъ доверіемъ разчитываю на ваше искреннее согласіе относительно этой мѣры предусмотрительности въ дѣлѣ обороны.

«Король Обѣихъ Сицилій извѣстилъ меня о смерти короля своего отца и о своемъ вступленіи; я нашла полезнымъ, по согласеніи съ императоромъ Французовъ, возобновить мои дипломатическія сношенія съ неаполитанскимъ дворомъ, прерванныя въ теченіи послѣдняго царствованія.

• Все остальные внѣшнія сношенія мои продолжаютъ быть совершенно удовлетворительными.

• Джентльмены палаты общинъ!

• Сметы годовыхъ расходовъ, еще не разсмотрѣнныхъ послѣднимъ парламентомъ, будутъ представлены вамъ немедленно, вмѣстѣ со сметами тѣхъ добавочныхъ расходовъ, которые совершенно необходимы для публичной службы.

• Милорды и джентльмены!

• Я поручила изготовить билль для приведенія въ исполненіе, по сколько то зависитъ отъ парламента, указаній комиссаровъ, которыхъ я назначила для изысканія лучшаго способа снабженія королевскаго флота матросами; я предлагаю этотъ вопросъ на ваше неотлагательное обсужденіе.

• Мѣры улучшенія законовъ и общественнаго быта, которыхъ разсмотрѣніе въ послѣднемъ парламентѣ было по необходимости прервано его распущеніемъ, будутъ снова представлены на ваше обсужденіе.

• Я съ удовольствіемъ дамъ мою санкцію каждой хорошо обдуманной мѣрѣ, измѣняющей законы, которые опредѣляютъ представительство моего народа въ парламентъ. И если, по вашему мнѣнію, при необходимости немедленно обратить вниманіе на неотлагательныя мѣры, относящіяся къ защитѣ и къ финансовому положенію страны, не останется вамъ въ насюущую сессію достаточно времени, чтобы послѣ должнаго совѣщанія постановить законъ о предметѣ столь трудномъ и столь обширномъ, то я увѣрена, что въ началѣ слѣдующей сессіи самое строгое вниманіе ваше будетъ обращено на вопросъ, котораго скорое и удовлетворительное разрѣшеніе въ высшей степени важно для государственной пользы.

• Я вполне увѣрена, что вы приступите съ равностію и прележаніемъ къ исполненію вашихъ парламентскихъ обязанностей, и молю Всевышняго, чтобы все ваши совѣщанія способствовали къ обезпеченію для страны продолжительнаго мира во внѣ и къ прогрессивному улучшенію внутри.»

По окончаніи рѣчи, королева удалилась. По обычаю рѣчь ея должна быть прочитана еще разъ въ палатѣ лордовъ лордомъ-канцлеромъ и потомъ клеркомъ, а въ палатѣ общинъ спикеромъ, который, для большей точности, оговаривается всегда, что онъ читаетъ не по оригиналу, а по копіи, полученной имъ. Съ 1603-го года обѣ палаты, для заявленія своего права преній, всегда, прежде чтенія тронной рѣчи, читаютъ въ первый разъ какіе-нибудь биллы про

forma. Такъ было сдѣлано и теперь. Затѣмъ началось преніе объ адресѣ.

Въ палатѣ лордовъ предложилъ адресъ графъ Пауисъ; адресъ поддерживалъ лордъ Лиѳфордъ. Послѣ нихъ стали говорить члены оппозиціи; предводитель ея въ палатѣ лордовъ лордъ Гренвиль, обозрѣлъ всю дѣятельность торійскаго министерства шагъ за шагомъ и нападалъ преимущественно на вѣдѣнію политику, которая особенно отличалась отсутствіемъ энергіи. Для насъ особенно интересно слѣдующее мѣсто изъ рѣчи благороднаго лорда, представлявшаго, какъ извѣстно, Англію у насъ во время коронаціи 1856 года. «Замѣчу, сказалъ онъ, что я всегда думалъ о необходимости самыхъ дружественныхъ сношеній съ Россіею. Нынѣшнему правительству представлялись особенныя удобства для установленія такихъ сношеній, потому что оно не участвовало въ послѣдней войнѣ и въ нѣкоторыхъ раздражительныхъ негоціаціяхъ, слѣдовавшихъ за парижскимъ конгрессомъ; но я не вижу, чтобы было сдѣлано или дѣлалось что-нибудь для того, чтобы удостовѣриться въ чувствахъ Россіи относительно теперешняго возмущеннаго положенія дѣлъ въ Европѣ; было бы приятно, еслибы благородный графъ могъ дать удовлетворительныя объясненія поэтому вопросу.» Лордъ Гренвиль оправдывалъ свою партію тѣмъ, что она всегда, для блага Англіи, поддерживала правительство въ вопросахъ вѣдѣній политики, хотя оно и не заслуживало довѣрія. Съ особенною силою выставлено было странное поведеніе графа Мальмсбери, который сообщалъ палатѣ не всегда справедливыя извѣстія; такъ, напримѣръ, онъ извѣстилъ палату объ очищеніи Папскихъ Владѣній Французами и Австрійцами, тогда какъ этого не было. Вообще лордъ Мальмсбери въ послѣднее время сдѣлался мишенью, на которую направлялись удары оппозиціи; онъ, какъ-будто въ угожденіе ей, безпрестанно дѣлалъ новыя ошибки. Такъ еще на дняхъ онъ сталъ въ весьма комическое положеніе относительно комиссіи, которой поручено экзаменовать кандидатовъ въ должность *attachés* при англійскихъ миссіяхъ. Эта комиссія признала нѣсколькихъ молодыхъ людей недостойными званія *attachés* за незнаніе англійской орфографіи. Лордъ Мальмсбери сталъ доказывать бесполезность орфографіи для дипломатовъ. «Взглядъ лорда Мальмсбери, сказано по этому случаю въ *Times*, имѣетъ по крайней мѣрѣ достоинство остроумія, ясности и рѣшительности. Невѣжество есть девизъ того знамени, которое онъ защищаетъ. Невѣжество сегодня, невѣжество завтра, невѣжество до втораго пришествія. Нашъ секретарь стоитъ за дѣвственную руду, еще не опозоренную монетнымъ клеймомъ.... Конечно, Европа въ каждый моментъ своей исторіи не можетъ быть спасена правильною орфографіею; но всѣ увѣрены, что люди.

получившее образование, способности других, и что умные люди лучше других могут служить обществу. Мы сами не примемъ для нашей журнальной работы человека съ эксцентрическими взглядами на ортографию и совѣтуемъ господамъ изъ *Downing-street* (1) поступать такъ же. Но возвратимся къ лорду Гренвиллю; онъ зналъ о томъ, что въ палатѣ общинъ будетъ предложенъ вотъ о недоверіи, а потому заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Я думаю, что многое можно порицать въ поведеніи министровъ ея величества, и что былъ бы желателенъ выходъ ихъ въ отставку; но я не предложу этой палатѣ рѣшенія, которое, вѣроятно, въ эту ночь будетъ предложено въ другой палатѣ, и которое, къ удовольствію всѣхъ безпристрастныхъ людей въ нашемъ отечествѣ, передастъ дѣла въ руки хорошаго правительства. (*Восклищаніе.*)»

Изъ остальныхъ оппозиціонныхъ рѣчей замѣчательнѣе другихъ была рѣчь лорда Брума. Онъ говорилъ сильно противъ теперешней италіанской войны, но въ то же время высказалъ свое сочувствіе къ Италіи и желаніе, чтобъ императору Французовъ никто не мѣшалъ въ исполненіи предпринятаго имъ дѣла. «Но рядъ блестящихъ побѣдъ можетъ побудить французскую армію къ экспедиціямъ, менѣе дозволеннымъ, чѣмъ нынѣшнія. Я не совѣтую не довѣрять императору, потому что онъ былъ постоянно нашимъ вѣрнымъ союзникомъ, и нѣтъ основанія думать, чтобъ онъ измѣнилъ свои чувства. Но, принимая въ соображеніе, что у него огромная армія, жаждущая отличій, и что его не удерживаетъ ни свободный парламентъ, ни свободная печать, мы должны быть на сторожѣ.» Обращаясь къ вопросу о предстоящемъ министерскомъ кризисѣ, лордъ Брумъ представилъ въ назиданіе примѣръ изъ предшествовавшей исторіи партій тори и виговъ. Въ 1804 году Фоксъ рѣшился принести въ жертву свое личное самолюбіе и, въ виду предстоящей войны, уступилъ безспорно власть Питту. «Послѣдній говорилъ своимъ друзьямъ, что Фоксъ поступилъ какъ ангелъ; онъ согласился сдѣлаться посланникомъ при иностранномъ дворѣ... Мы не можемъ вполне подражать генію этихъ великихъ людей прошлаго времени, но мы можемъ смотрѣть на примѣръ ихъ добродѣтели, того политическаго самоотверженія, котораго требуютъ теперешнія обстоятельства. Къ счастью, теперь дѣло идетъ не о войнѣ, а о переговорахъ; и правительство, въ рядахъ котораго соединились бы лучшіе государственные люди нынѣшняго времени, побѣдило бы всѣ препятствія и нашло бы поддержку во всѣхъ партіяхъ объ-

(1) Улица, гдѣ находится зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ.

ихъ палатъ. (*Восклицаіа.*) Этотъ намекъ на составное министерство и на примѣръ Фокса дали графу Дерби случай сдѣлать нѣсколько ироническихъ выходокъ противъ союза его двухъ противниковъ, который былъ ему извѣстенъ; до него дошло уже извѣстіе, что въ палатѣ общинъ предложенъ вотъ о недоверіи къ нему; чувствуя, что почва колеблется подъ нимъ, графъ Дерби не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поразить насмѣшкою своихъ противниковъ. «Въ 1804 году, сказалъ онъ, Питтъ назвалъ поведеніе Фокса ангельскимъ. Но какая же ангельская добродѣтель вызвала подобныя слова? Принятіе Фоксомъ посольства въ Вѣну. (*Смѣхъ.*) Эти два великіе человѣка были соперники, какъ государственные люди. Они не могли оба занимать первое мѣсто въ правительствѣ. Поэтому положено было, что одинъ изъ нихъ приметъ низшій постъ посланника въ Вѣнѣ, и это принятіе считалось дѣломъ ангельскимъ. (*Смѣхъ.*) Припоминая хорошенько, я нахожу, что благородный лордъ, членъ за Лондонскій Городъ (1), наравнѣ съ Фоксомъ можетъ гордиться ангельскимъ подвигомъ; но я никогда не слышалъ, чтобы благородный лордъ, членъ за Тивертонъ (2), говорилъ, что онъ считаетъ ангельскимъ поведеніе своего благороднаго товарища (*новый смѣхъ*). Въ самомъ дѣлѣ, я увѣренъ, что благородный виконтъ искренно радовался самопожертвованію своего друга; я думаю, что онъ такъ же искренно радовался тому, что результатъ переговоровъ въ Вѣнѣ нисколько не содѣйствовалъ увеличенію политической репутаціи его друга. (*Большой смѣхъ.*) Я знаю, что собирався митингъ примиренія, на которомъ присутствовали два благородные лорда; можетъ-быть мой благородный и ученый другъ поможетъ дѣлу мира, указавши, кому изъ нихъ теперь во второй разъ слѣдуетъ принять на себя ангельское посольство (*смѣхъ*). Что касается до меня, то я не думаю, чтобы общественныя выгоды нашли гарантію въ людяхъ, которые, лишь бы только образовать правительство, жертвуютъ своими политическими убѣжденіями; я безъ сомнѣнія не могу упрекнуть себя въ томъ, чтобы я не старался, по мѣрѣ силъ, приобрѣсти помощниковъ въ тѣхъ партіяхъ, которыя не были непосредственно связаны съ правительствомъ; къ сожалѣнію, мои усилія не увѣнчались успѣхомъ; но я не могу обвинить себя въ томъ, что я упускалъ какой-нибудь случай для того, чтобы, не жертвуя принципами, усилить, посредствомъ законнаго и честнаго соглашенія, правительство, которое возложено на меня моею королевою. (*Слушайте, слушайте.*) Въ остальной части своей рѣчи, графъ Дерби оправдывался въ рас-

(1) Лордъ Джонъ-Россель.

(2) Лордъ Пальмерстонъ.

пущеніи парламента; онъ настаивалъ на невозможности управлять страню, имѣя противъ себя большинство 120 или 130 членовъ. Относительно италіанской войны, бывшій первый министръ выразилъ свою симпатію къ италіанскому народу, но считаетъ невозможнымъ для Англіи принять участіе въ освобожденіи Италіи, потому что Англія связана трактатами. «Мы не можемъ, сказалъ онъ, одобрить поведеніе Австріи, я не имѣю никакого сочувствія ни къ австрійскому владычеству, ни къ австрійской формѣ правленія; но теперешняя война начата подъ ложными предлогами; она ведется не ради свободы или освобожденія Италіи.» Графъ Дерби высказываетъ сожалѣніе, что Сардинія, свободная страна, вовлеклась въ войну, и утверждаетъ, что дѣло могло рѣшиться путемъ переговоровъ. Въ заключеніе своей рѣчи онъ говоритъ: «Если въ теченіи нынѣшней недѣли будетъ доказано, что не только мы не пользуемся довѣріемъ страны, но что есть другая партія, болѣе способная исполнять обязанности законодательной и исполнительной власти, то я могу сказать, что для меня пріятно будетъ сложить тяжкую отвѣтственность, лежащую на мнѣ; на сколько позволяютъ мнѣ мои принципы и чувство долга, я буду искренно и усердно поддерживать всякое правительство, которое замѣнитъ насъ.» Это обѣщаніе было потомъ еще разъ повторено графомъ Дерби, уже послѣ окончанія министерскаго кризиса. «Я увѣренъ, милорды, такъ окончилъ онъ свою рѣчь, что вся палата всегда и прежде всего отзовется на одно чувство: когда дѣло идетъ о государственныхъ интересахъ, когда грозитъ страшная опасность, духъ партій долженъ исчезнуть, всѣ должны помогать существующему правительству, охранять миръ, если онъ возможенъ, если же нѣтъ, то поддерживать оружіемъ вліяніе и могущество Англіи. (*Громкія восклицанія.*)»

Изъ прочихъ ораторовъ, говорившихъ въ томъ же засѣданіи палаты лордовъ, на сторонѣ оппозиціи былъ герцогъ Аргайль, на сторонѣ министерства лорды Эленборо и Норманби. Послѣдній извѣстенъ какъ дипломатъ и авторъ *Французской революціи 1848 года*, возбудившей негодованіе г. Луи-Блана. Бывшій посланникъ при тосканскомъ дворѣ, лордъ Норманби защищалъ италіанскія правительство и обвинялъ Сардинію въ революціонномъ образѣ дѣйствій; онъ не можетъ думать, чтобы Парма и Модена согласились добровольно присоединиться къ Пиемонту. «Вѣроятно, вамъ неизвѣстно, милорды, что налоги въ Сардиніи составляютъ 53 процентовъ съ дохода, тогда какъ въ герцогствѣ Пармскомъ только 8 процентовъ, а въ Моденскомъ еще менѣе.» Сардинское правительство, по словамъ лорда Норманби, виновно въ неисполненіи трактатовъ, оно вліяло на тосканскія войска, а сардинскій посланникъ Буонкомпаньи былъ главою заговора, кончившагося

удаленіемъ герцога. Но больше всего ораторъ имѣлъ въ виду указать Англіи на опасность, грозящую отъ всемірнаго владычества Франціи, которая старается сдѣлать Средиземное море французскимъ озеромъ. «Я надѣюсь, сказалъ онъ, что наше отечество выкажетъ твердую рѣшимость противиться всякому плану всемірнаго владычества.» Вообще вся рѣчь лорда Норманби, какъ дипломата, относится къ вопросу о войнѣ; она проникнута слишкомъ консервативнымъ духомъ и ставитъ въ упрекъ лорду Пальмерстону и его слова о необходимости изгнанія Австрійцевъ изъ Италіи и даже признаніе Наполеона III императоромъ. Въ *National-Zeitung* было напечатано извѣстіе о томъ, будто королева изъявила свое удовольствіе лорду Норманби за его рѣчь. Но это едвали вѣроятно; можетъ-быть корреспондентъ берлинской газеты хотѣлъ сказать о бокингамскомъ дворцѣ и о супругѣ королевы.

Изъ этого отчета о засѣданіи палаты лордовъ видно, что здѣсь нападенія на министерство были не такъ сильны; главнымъ театромъ борьбы была палата общинъ. Здѣсь, тотчасъ послѣ прочтенія тронной рѣчи спикеромъ и клеркомъ и послѣ двухъ рѣчей двигателя и подсобника адреса, предложена была маркизомъ Гартингтономъ поправка, которой подлинныя выраженія читатели найдутъ выше въ статьѣ, носящей заглавіе: *Борьба оппозиціи съ торійскимъ министерствомъ въ палатѣ общинъ*. Засѣданія 7-го, 9-го и 10-го іюня, которыя имѣли результатомъ паденіе министерства Дерби, представляютъ такъ много интереснаго, что мы сочли за нужное предложить читателямъ въ переводѣ главныя рѣчи, произнесенныя ораторами обѣихъ партій. Нѣкоторыя рѣчи перваго засѣданія, произносились просто для того, чтобы наполнить время, и вотъ по какой причинѣ: послѣ рѣчи маркиза Гартингтона, г. Дизраэли предложилъ тотчасъ же приступить къ собранію голоса; но либералы знали, что семнадцать членовъ ихъ партіи еще не дали присяги, а потому не имѣли права голоса; поэтому лордъ Джонъ Россель просилъ многихъ произнести рѣчь только для выигрыша времени, чтобы можно было отсрочить окончаніе преній. 10-го іюня собраны были голоса, и оказалось въ пользу предложенія маркиза Гартингтона 323 и противъ него 310. Изъ болѣе извѣстныхъ лицъ, вотировавшихъ «за», или *auss*, какъ говорится на парламентскомъ языкѣ, кромѣ приверженцевъ лордовъ Росселя и Пальмерстона, назовемъ гг. Брайта, сэра-Роберта Пила, Мильнера-Гибсона, братьевъ Ротшильдовъ и пр.; къ вотировавшимъ «противъ», или *poes*, принадлежали, кромѣ торійской партіи, гг. Друммондъ, Гладстонъ, Робакъ, всего четырнадцать либераловъ.

Когда страна, въ лицѣ своихъ представителей, выражаетъ недобвѣріе къ министрамъ, и честь и законъ заставляютъ преклониться предъ такимъ рѣшеніемъ. Какими бы мотивами ни руко-

водствовалась либеральная коалиція, но ея успѣхъ былъ фактомъ, который слѣдовало признать; главные двигатели борьбы должны были пожать плоды ея. Оба испытанные въ дѣлахъ; имена обоихъ самыми крупными буквами внесены въ лѣтопись либеральной партіи. Лордъ Джонъ Россель былъ кабинетъ-министромъ въ министерство лорда Грея, потомъ занималъ мѣста министра иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, секретаря колоній, президента совѣта, наконецъ главы министерства. Лордъ Пальмерстонъ былъ также главою министерства и членомъ каждаго либеральнаго правительства. Теперь королева, которая, какъ говорить, лично не расположена къ нему, обратилась сначала къ лорду Гренвиллю; но оказалось ясно, что только главные предводители либеральной партіи въ состояніи образовать правительство. Призванъ былъ лордъ Пальмерстонъ, и новое министерство составилось слѣдующимъ образомъ: первый лордъ казначейства—виконтъ Пальмерстонъ; лордъ-канцлеръ—лордъ Кампбелъ; президентъ совѣта—лордъ Гренвиль; государственный секретарь иностранныхъ дѣлъ—лордъ Джонъ Россель; секретарь внутреннихъ дѣлъ—сэръ-Джорджъ Корнваль Льюизъ; секретарь колоній—герцогъ Ньюкастль; военный министр—г. Сидней Гербертъ; канцлеръ казначейства—г. Гладстонъ; первый лордъ адмиралтейства—герцогъ Соммерсетъ; президентъ торговаго бюро (Board of trade)—г. Кобденъ; президентъ индійскаго бюро (India Board)—сэръ-Чарльзъ Вудъ; хранитель печати (Privy Seal)—лордъ Аргайль; генералъ почтмейстеръ—лордъ Эльджинъ; президентъ бюро призернїи (Poor Law Board)—г. Мильнеръ Гибсонъ; первый комисаръ публичныхъ зданій—г. Кардвелъ; канцлеръ ланкастерскаго герцогства—сэръ-Джорджъ Грей. Эти шеснацать лицъ составляютъ собственно кабинетъ; къ нимъ присоединяются: секретари казначейства—лордъ Кларенсъ Паджетъ; товарищъ секретаря иностранныхъ дѣлъ—лордъ Вудгаузъ и товарищъ секретаря колоній—г. Чистеръ Фортеस्कью. Такимъ образомъ, согласно сдѣлкѣ, заключенной въ *Willis' Rooms*, представители всѣхъ фракцій либеральной партіи вошли въ составъ новаго министерства, десятаго въ царствованіе королевы Викторїи; парламентъ, какъ мы сказали, обновился только въ шестой разъ.

Предоставляя себѣ обратиться въ слѣдующей книжкѣ снова къ министерскому кризису, къ этой замѣчательной страницѣ въ исторїи представительнаго правленія, теперь предлагаемъ любознательности читателей общій списокъ министерствъ, перемѣнявшихся въ Англіи съ 1702 года; мы обозначаемъ въ немъ политическій характеръ правительства, имена первыхъ министровъ, продолжительность ихъ власти и причины ихъ паденія.

Кто былъ главою кабинета?	Политическій характеръ министерства.	Время пребыванія въ должности. Дѣтъ. Мѣс.	Причины удаленія.
1702. Годольфинъ.....	Тори	8 3	Королевск. повелѣніе
1710. Гарлей.....	—	4 1	Несогласіе между членами министерства
1714. Тауншендъ.....	Виги	3 8	— —
1717. Стангопъ.....	—	1 .	Добровольный отъездъ
1718. Сендерландъ.....	—	3 .	Всеобщая ненависть
1721. Вальполь.....	—	20 10	Пораженіе въ палатѣ
1742. Картеретъ.....	Смѣшанное	2 10	Внутрен. несогласіе
1744. Пельгамъ.....	—	9 9	Смерть преміера
1754. Ньюкастль.....	Виги	2 9	Внутрен. несогласіе
1756. Питтъ.....	—	5 5	Добровольный отъездъ
1762, Бьютъ.....	Тори	. 11	Внутрен. несогласіе
1763. Гренвиль.....	—	2 3	Королевск. повелѣніе
1765. Рокингамъ.....	Виги	1 1	— —
1766. Чатамъ.....	Смѣшанное	1 4	Смерть преміера
1767. Графтонъ.....	Тори	2 10	Внутрен. несогласіе
1770. Нортъ.....	—	11 2	Пораженіе въ палатѣ
1782. Рокингамъ.....	Виги	. 3	Смерть преміера
1782. Шельборнъ.....	Смѣшанное	. 9	Пораженіе въ палатѣ
1783. Портландъ.....	—	. 9	— —
1783. Питтъ.....	—	17 3	Добровольный отъездъ
1801. Аддингтонъ.....	—	4 .	Пораженіе въ палатѣ
1805. Питтъ.....	—	1 1	Смерть преміера
1806. Гренвиль.....	Виги	1 .	Королевск. повелѣніе
1807. Портландъ.....	Тори	2 9	Внутрен. несогласіе
1810. Персеваль.....	—	2 3	Смерть преміера
1812. Ливерпуль.....	—	14 10	— —
1827. Каннингъ.....	Смѣшанное	. 4	— —
1827. Годеричъ.....	—	. 5	Внутрен. несогласіе
1828. Веллингтонъ.....	Тори	2 10	Пораженіе въ палатѣ
1830. Грей.....	Виги	3 8	Оффиціальн. нескромность.
1834. Мельборнъ.....	—	. 8	Королевск. повелѣніе
1834. Пиль.....	Тори	. 6	Пораженіе въ палатѣ
1835. Мельборнъ.....	Виги	6 9	— —
1841. Пиль.....	Тори	4 11	Отдѣленіе преміера отъ своей партіи
1846. Россель.....	Виги	5 8	Пораженіе въ палатѣ
1852. Дерби.....	Тори	. 9	— —
1852. Абердинъ.....	Смѣшанное	2 2	Несогласіе между министрами.
1855. Пальмерстонъ...	Виги	3 1	Пораженіе въ палатѣ
1858. Дерби.....	Тори	1 3	— —
1859. Пальмерстонъ...	Либералы		

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Въ объявленіи объ изданіи журнала *Орелъ*, я прочелъ къ удивленію моему, что въ журналъ этомъ будутъ напечатаны записки мои о Персіи и Кавказѣ. Записокъ о Кавказѣ я никогда не составлялъ. Во время же моего пребыванія въ Персіи, для нѣкоторыхъ друзей моихъ, я писалъ путевыя замѣтки, которыя для публики не могутъ имѣть интереса.

Сообщивъ объ этомъ г. Балашевичу, редактору упомянутого журнала, я просилъ его не издавать записокъ, которыхъ онъ отъ меня не получалъ, не сомнѣваясь, что онъ съ своей стороны не замедлитъ дать этому дѣлу надлежащую гласность. На письмо мое я получилъ отъ г. редактора въ отвѣтъ только то, что онъ не будетъ печатать помянутыхъ записокъ, пріобрѣтенныхъ имъ отъ неизвѣстнаго мнѣ г. Акинѣева, что вынудило меня уже прямо просить его не только не печатать ихъ, но и объявить о томъ въ его періодическомъ изданіи. Г. Балашевичъ отвѣчалъ: «въ настоящее время я извиниться гласно не могу, потому что 1-й номеръ напечатанъ, но въ № 2-мъ, я постараюсь исполнить желаніе ваше».

Теперь, когда вышелъ въ свѣтъ № 2-й, не видя въ немъ объявленія, на которое я имѣлъ право разчитывать, я обращаюсь къ вамъ, м. г., съ покорнѣйшею просьбою представить на судъ публики образъ дѣйствія г. редактора журнала *Орелъ*, давъ мѣсто этому письму на страницахъ *Русскаго Вѣстника*.

Примите и пр.

Алексѣй Ермоловъ.

9 іюня 1850, Москва.

МЕЙЕРБЕРА

НОВАЯ ОПЕРА

LE PARDON DE PLOERMEL

ПОЛНАЯ ОПЕРА ДЛЯ ФОРТЕПИАНО СЪ ПѢНІЕМЪ

7 Р. 20 К.

Отдѣльные нумера для пѣнія. Фантазіи, переложенія, танцы и проч. для фортепіано, на мотивы въ этой оперы, продаются въ музыкальномъ магазинѣ С. Дюфура (Брандусъ), въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ голландской церкви.

Въ непродолжительномъ времени поступитъ тамъ же въ продажу опера *Le Pardon de Ploermel*, орранжированная для одного фортепіано, цѣна 4 руб. сер.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

БОРЬБА ОППОЗИЦИИ СЪ ТОРІЙСКИМЪ МИНИСТЕРСТВОМЪ ВЪ ПАЛАТЪ ОБЩИНЪ

II.

ЗАСѢДАНІЕ 9 ІЮНЯ.

Спикеръ занялъ свое мѣсто въ 4 часа пополудни.

По принесеніи присяги нѣсколькими членами, еще не присягавшими, было представлено нѣсколько петицій и прочтено нѣсколько биллей первымъ чтеніемъ. Затѣмъ возобновлены были отсроченныя пренія объ адресѣ.

Г. СЕРДЖАНТЪ ДИЗИ (1) поздравилъ канцлера казначейства (г. Дизраэли) съ достойною удивленія степенью дисциплины, до которой онъ довелъ свои парламентскія слмы; многіе изъ членовъ министерской стороны имѣютъ всѣ средства для защиты своихъ мнѣній, но никакія нападки и никакіе доводы оппонентовъ не въ состояніи побудить ихъ къ нарушенію безмолвія, наложеннаго на нихъ предводителями ихъ. Маневръ этотъ даетъ хорошее понятіе о стройности рядовъ, но не даетъ хорошаго понятія о правительствѣ. Съ характеромъ правительства несогласно вынуждать поспѣшную подачу голосовъ, и ни палата, ни страна не удовольствуются случайнымъ образованіемъ большинства, на чьей бы сторонѣ оно ни оказалось. Послѣ этого вступленія г. Дизи обратился къ образу дѣйствій министерства графа Дерби относительно Ирландіи. Лордъ Дерби, сказалъ онъ, поставилъ во главѣ управленія этими краями двухъ джентльменовъ, пользующихся высокимъ именемъ по своей профессіи и свискавшихъ себѣ высокое положеніе въ этой палатѣ,—лорда канцлера Ирландіи и генеральнаго атторнея (2),—но имѣющихъ несчаствіе состоять въ связяхъ съ партией, которой принципы враждебны чувствамъ значительнаго большинства ирландскаго народа. Въ такое время какъ теперешнее, когда надъ Европой готова разразиться буря, которой окончаніе никто не можетъ предвидѣть, чрезвычайно важно для интересовъ Соединеннаго Королевства, чтобы было смягчено чувство недовѣрія, которое пустило глубокіе корни въ ирландскихъ умахъ.

(1) Новый кабинетъ далъ ему должность генеральнаго атторнея Ирландіи. Сердджантами называются старшіе изъ адвокатовъ, такъ-называемые доктора общаго права.

(2) Графъ Эгльтонъ и г. Вайтсайдъ.

Мнѣ возразить, продолжалъ г. Диззи, что результатъ выборовъ показывается противное, но я съ увѣренностію утверждаю, что успѣхъ торійскаго министерства на ирландскихъ выборахъ не свидѣтельствуетъ объ измѣненіи въ общественномъ мнѣніи этой страны. Обратившись потомъ къ распущенію парламента, г. Диззи сказалъ, что парламентъ былъ распущенъ министрами въ противность совѣтамъ ихъ собственныхъ друзей, — высокопочтеннаго члена за Кембриджскій университетъ (г. Вальпола), бывшаго ихъ товарищемъ, высокопочтеннаго члена за Оксфордскій университетъ (г. Гладстона), котораго, если извѣстія вѣрны, они желали имѣть своимъ товарищемъ (1), и высокопочтеннаго джентльмена, который недавно являлся кандидатомъ въ Вестъ-Райдингъ въ Йоркширѣ (г. Вортли). Результатомъ распущенія было то, что они получили тридцатую голосами болѣе, чѣмъ сколько имѣли въ распущенной палатѣ. Оппозиція вступила въ парламентъ въ меньшемъ числѣ, но, какъ можно надѣяться, безъ уменьшенія своей силы. Давленіе извнѣ должно было скрѣпить ея внутреннее единство, — единство, основанное не на принесеніи началъ въ жертву со стороны джентльменовъ, сидящихъ выше или ниже прохода (*ироническое одобреніе*), но на тѣхъ взаимныхъ уступкахъ (*возобновленное ироническое одобреніе*), которыя могутъ сдѣлать люди, не давашіе клятвы одному какому-нибудь учителю, не обязывавшіеся поддерживать одного какого-нибудь вождя,

Nullius addictus jurare in verba magistri (2).

и которыя они должны сдѣлать, дабы возможно было совокупное дѣйствіе при управленіи публичными дѣлами. Г. Диззи находитъ три причины, на основаніи которыхъ можно, по его мнѣнію, поддерживать и оправдывать вотъ недоувѣрія къ правительству: вопервыхъ, политическая карьера министровъ, прежде нежели они получили власть; во вторыхъ законодательныя мѣры ихъ и неудовлетворительность ихъ внутренней администраціи; в третихъ, ихъ внѣшняя политика. Опираясь на эти основанія, которыя онъ разбираетъ одно за другимъ, онъ утверждалъ, что министерство графа Дерби не имѣетъ права на доувѣріе палаты, и высказалъ увѣренность, что ихъ удаленіе съ должности дастъ мѣсто сильному и либеральному правительству, которое будетъ уважаемо и внутри и внѣ страны.

Г. В. С. Линдсей и полковникъ Диксонъ встали вслѣдъ за тѣмъ,

(1) Графъ Дерби, при составленіи своего кабинета, предлагалъ мѣсто въ немъ г. Гладстону. Это предложеніе не было принято на томъ основаніи, что герцогъ Ньюкассльскій и г. Сидни Гербертъ, друзья г. Гладстона, въ убѣжденіяхъ (палаты), не согласились вступить въ торійскій кабинетъ.

(2) «Не заручившись присягать никакому учителю.»

чтобы говорить, но вслѣдствіе громкихъ выраженій желанія слушать послѣдняго, г. Линдсей уступилъ ему.

Полковникъ Диксонъ поддерживалъ адресъ въ его первоначальномъ видѣ. Онъ не слышалъ, сказалъ онъ, ни одного солиднаго доказательства въ пользу поправки; онъ оправдывалъ образъ дѣйствій привительства, совершенно, какъ сказалъ онъ, конституціонный, и требовалъ для правительства добросовѣстнаго разбирательства. Онъ отрицалъ, чтобы существовала какая-нибудь сдѣлка съ ирландскими католиками. Онъ несказанно гордится тѣмъ, что будучи искреннимъ протестантомъ и будучи неспособенъ, какъ его пріатели знаютъ, на принесеніе принциповъ въ жертву своему личному возвышенію, онъ стоитъ здѣсь какъ представитель и поборникъ многочисленной католической корпораціи избирателей. Онъ отрицалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобъ ирландскіе католики требовали себѣ какого-нибудь незаконнаго перевѣса; онъ отвергалъ съ негодованіемъ подозрѣніе, что они торговали своею совѣстью изъ-за какихъ бы то ни было соображеній. «Если почтенные члены, сидящіе насупротивъ, желаютъ знать причины, побудившія ирландскихъ католиковъ поддерживать правительство на послѣднихъ выборахъ, то я скажу имъ, что ирландскимъ католикамъ надобно измѣны, которыя они испытали, и что они рѣшились дать съ искренностію и достоинствомъ поддержку тѣмъ людямъ, которые, какъ они полагаютъ, окажутъ имъ ту непоколебимую справедливость и то должное уваженіе, на которые, какъ на важный элементъ въ странѣ, они просто имѣютъ право. (*Одобреніе.*) Я обращаюсь съ вопросомъ къ ирландскимъ джентльменамъ, сидящимъ на противоположной сторонѣ, — людямъ, которыхъ таланты даютъ право на успѣхъ, и которые добросовѣстно преданы интересамъ нашей общей страны, — и спрошу ихъ, забыли ли они то поведеніе, котораго предметомъ они были у другихъ; пусть они, вспоминая, какъ ихъ поочередно ласкали и оскорбляли и при каждомъ удобномъ случаѣ съ необыкновенною любезностію проводили, скажутъ, намѣрены ли они смотрѣть на то, чтобы страна ихъ служила игрушкою партіи. (*Одобреніе.*) Я довѣрчиво прошу ихъ соединиться со мною и дать чистосердечную поддержку правительству, которое, какъ я добросовѣстно полагаю, можетъ одно обезпечить намъ должное вліяніе въ совѣтахъ Европы и поддержать неприкосновенность этого великаго государства. (*Одобреніе.*)»

Г. Доффъ порицалъ внѣшнюю политику правительства. Извѣстія газетъ объ австрійскомъ патріотизмѣ Германіи, по его мнѣнію, преувеличены. «Правда, что *Аугсбургская газета*, которую иные зовутъ германскою *Times*, печатала яростныя статьи противъ Франціи, но я утверждаю, что этотъ журналъ не представляетъ общественнаго мнѣнія Германіи. Напротивъ, по всему

направленію своему, эта газета есть австрійскій журналъ, и къ тому же она подвѣдомственна австрійской ценсурѣ. Я думаю, что въ Германіи нѣтъ сильнаго сочувствія къ Австріи, кромѣ развѣ Ганновера, гдѣ почти всѣ знатныя фамиліи имѣютъ родственниковъ въ австрійской службѣ. Послѣ покушенія Орсини и еще болѣе послѣ оскорбленія, нанесеннаго въ Парижѣ австрійскому посланнику въ первый день новаго года, всякій видѣлъ, что между Франціей и Австріей будетъ война, если Австрія не рѣшится на какую-нибудь важную уступку италіянскимъ карбонарамъ. Правительство смотрѣло не на то, что справедливо, а на то, что казалось ему удобнѣйшимъ, и притомъ удобнѣйшимъ въ видахъ своей партіи. Жалкая мелочность лишила его возможности дѣйствовать, какъ слѣдуетъ.

Г. С. Фитцджеральдъ (1). Благородный лордъ, членъ за Тивертонъ, жаловался на то, что правительство оставило безъ отвѣта всѣ запросы оппозиціи, и что въ защиту его политики была произнесена только одна, никѣмъ неподдержанная рѣчь моего высокопочтеннаго друга канцлера казначейства. Но, мнѣ кажется, я могу спросить у тѣхъ, кто слышалъ пренія предшествовавшаго вечера, не былъ ли побѣдителемъ мой высокопочтенный другъ, несмотря на перевѣсъ почтенныхъ джентльменовъ оппозиціи въ числѣ нападающихъ. *(Одобреніе.)* Повидимому и самъ благородный лордъ, членъ за Тивертонъ, былъ того же мнѣнія, потому что въ первую ночь такихъ важныхъ преній онъ принужденъ былъ самъ выступить на арену, съ цѣлью возстановить неравный бой и одушевить ослабѣвающее мужество своей арміи. *(Одобреніе.)* Благородный лордъ и за одно съ нимъ почти всѣ ораторы оппозиціи настаивали на томъ, что палата должна отказать въ довѣрїи правительству ея величества по причинѣ ошибокъ, сдѣланныхъ нами въ управленіи, какъ внутренними дѣлами, такъ и виѣшними сношеніями. Относительно перваго пункта благородный лордъ сказалъ, что въ теченіи всей предшествовавшей сессіи, правительство обнаружило неспособность свою, что оно не сумѣло принять мѣры, необходимыя для общественнаго блага, и привести въ исполненіе тѣ мнѣнія свои, которыя оно высказывало, будучи въ оппозиціи. Но благородному лорду уже было замѣчено, что неуспѣхъ въ принятіи мѣръ, почитаемыхъ необходимыми для блага страны, относится не къ однимъ только теперешнимъ совѣтникамъ ея величества. *(Слушайте, слушайте!)* Благородному лорду же было замѣчено, что если теперешнее правительство не имѣло успѣха въ дѣлѣ реформы, то благородный лордъ, членъ

(1) Г. Фитцджеральдъ занималъ въ министерствѣ Дарби мѣсто втораго секретаря по иностраннымъ дѣламъ. Такъ какъ первый секретарь, лордъ Мальмсбери, засѣдалъ въ палатѣ лордовъ, то г. Фитцджеральдъ былъ предводителемъ департамента иностранныхъ дѣлъ въ палатѣ общинъ.

за Лондонскій Городъ, уже два раза испыталъ то же самое. (*Одобреніе.*) А благородный лордъ (лордъ Пальмерстонъ) избѣжалъ подобной неудачи единственно потому, что, обѣщавъ провести билль о реформѣ, онъ отказался отъ исполненія своего обѣщанія. (*Одобреніе.*) Благородный лордъ порицаетъ правительство за то, что оно не умѣло провести свой индійскій билль, но ему самому можно сдѣлать то же замѣчаніе. Ночь за ночью индійскій билль благороднаго лорда появлялся на очереди (*Нѣтъ, нѣтъ! и Слушайте, слушайте!*), и сколько я могу припомнить, многіе изъ самыхъ важныхъ пунктовъ этого билля были защищаемы имъ, хотя съ мужествомъ и упорствомъ, но безъ всякаго успѣха. (*Одобреніе.*) При какихъ обстоятельствахъ нынѣшнее министерство приняло на себя управленіе страной? (*Одобреніе и неодобреніе.*) Благородный лордъ былъ удаленъ отъ должности не вслѣдствіе одного только рѣшенія этой палаты, но вслѣдствіе единодушнаго рѣшенія всего англійскаго народа, взволнованнаго негодованіемъ противъ него. (*Одобреніе.*) Доводы благороднаго лорда основаны на слѣдующемъ: во время предшествовавшаго парламента лордъ Дерби взялся составить министерство, не пользовавшееся довѣренностью палаты, поэтому настоящая палата общинъ должна также отказать благородному графу въ своемъ довѣрїи. Далѣе благородный лордъ сказалъ, что правительство не заслужило довѣрїя палаты потому, что оно не умѣло привести въ дѣйствіе тѣ принципы, которые оно провозглашало, когда было въ оппозиціи. Было сказано, что въ случаѣ успѣшности теперешняго предложенія, образуется новое правительство на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Не было впрочемъ сказано, что это правительство будетъ заключать въ себѣ всѣ отгѣнки либеральной партїи, потому что, хотя и утверждаютъ, будто все различіе этой партїи заключается въ частностяхъ, а не въ принципѣ, однако я видѣлъ на оппозиціонныхъ скамьяхъ джентльменовъ, которые расходятся съ благороднымъ лордомъ болѣе, чѣмъ самъ благородный лордъ расходится со многими джентльменами, сидящими на министерской сторонѣ палаты. (*Одобреніе.*) Объявлено было также, что новое правительство основано будетъ на началѣ взаимныхъ уступокъ. Но палата имѣетъ право спросить, кѣмъ сдѣланы были эти уступки, кому онѣ сдѣланы, и въ чемъ онѣ состоятъ. (*Одобреніе.*) Я желалъ бы спросить почтеннаго члена за Бермингамъ (г. Брайта), который оказалъ большую услугу консервативной партїи тѣмъ, что осенью и зимою путешествовалъ изъ одного города въ другой и предлагалъ планы, устрашившіе страну,—я желалъ бы спросить почтеннаго члена, былъ ли онъ уполномоченъ новою коалиціею осуществлять свои принципы, которые онъ провозглашалъ, находясь въ оппозиціи. (*Громкое одобреніе.*) Я увѣренъ, что палата общинъ не удостоитъ

своего довѣрія какое-либо правительство до тѣхъ поръ, пока она не уяснитъ себѣ вполне, на какихъ основаніяхъ будетъ составлено это правительство, и какими принципами будетъ руководствоваться будущій кабинетъ. *(Слушайте, слушайте.)* Предоставляя внутреннія дѣла тѣмъ, кто станетъ говорить послѣ меня, я прошу позволенія сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на утвержденіе благороднаго лорда, будто правительство не пользуется довѣріемъ палаты общинъ за ту политику, которой оно слѣдовало въ дѣлахъ внѣшнихъ. Обвиненіе это благородный лордъ основываетъ на двухъ пунктахъ. Впервыхъ, онъ обвиняетъ настоящее министерство въ томъ, что оно не предупредило войны, вспыхнувшей въ Италіи; и во вторыхъ, онъ утверждаетъ, что правительство не заслуживаетъ довѣрія палаты потому, что не искренно объявило о своемъ нейтралитетѣ и питало сочувствіе къ Австріи. Я полагаю, что подобныя обвиненія противъ правительства должны имѣть тотъ смыслъ, что оно не приняло на себя посредничества своевременно и сообразно съ цѣлью; или что оно не обнаружило достаточной энергіи; или что не употребило всѣхъ завѣщанныхъ отъ него средствъ для поддержанія мира въ Европѣ. Но обо всѣхъ этихъ предметахъ палатѣ невозможно произнести приговоръ на основаніи только тѣхъ свѣдѣній, которыя она имѣетъ въ настоящую минуту. *(Слушайте.)* Данныя по этому вопросу только теперь положены на столъ канцлеромъ казначейства, и когда онъ будутъ въ рукахъ членовъ, тогда палата общинъ въ состояніи будетъ судить о томъ, своевременно ли и сообразно ли съ цѣлью дѣйствовало правительство. Но, при невѣдѣніи палаты о дѣйствіяхъ правительства, настаивать на осужденіи этого правительства, основываясь не на характерѣ мѣръ, имъ принятыхъ, а только на результатѣ, было со стороны благороднаго лорда такою вопіющею несправедливостью, что я увѣренъ въ отрицательномъ отвѣтѣ палаты общинъ. *(Одобреніе.)* Однако благородный лордъ повидимому предвидѣлъ, что палата не выразитъ своего мнѣнія, не имѣя свѣдѣній объ образѣ дѣйствій правительства, вслѣдствіе чего онъ взялся самъ разказать что-нибудь палатѣ о нашихъ дѣйствіяхъ. Онъ говоритъ, что правительство приняло угрожающее положеніе относительно Франціи, что оно покровительствовало Австріи, и что въ Европѣ всѣ думали, что, если вспыхнетъ война, и Англія приметъ въ ней участіе, то правительство станетъ на сторонѣ Австріи. Я не знаю, отъ кого получилъ такія свѣдѣнія благородный лордъ, но я увѣряю, что отъ начала до конца нѣтъ ни слова правды въ томъ, что сообщено благородному лорду. *(Одобреніе.)* Никогда правительство не думало принимать относительно Франціи угрожающее положеніе. Оно дѣржалось постоянно и твердо безпристраст-

наго равновѣсія и давало обѣимъ сторонамъ такіе совѣты, на которые оно имѣло право, по своимъ дружественнымъ отношеніямъ къ той и другой. (*Слушайте, слушайте.*) Мой высокопочтенный другъ генеральный атторней Ирландіи въ послѣдней сессіи парламента обратилъ вниманіе палаты на нѣкоторыя странныя обстоятельства, случившіяся въ 1848 году. Если почтенные члены, которые не были въ то время въ палатѣ, захотятъ справиться въ синихъ книгахъ объ италіянскихъ дѣлахъ 1848 года, то они убѣдятся, что если италіянскій вопросъ,—который угрожаетъ спокойствію Европы и можетъ, въ случаѣ нарушенія нами нашего нейтралитета, охватить весь міръ—не рѣшенъ былъ въ 1848 году, то этимъ мы обязаны вполне благородному лорду (*Одобреніе.*) Въ депешѣ къ лорду Понсонби, благородный лордъ говорить :

«Я полагаю, что вопросъ о томъ, можно ли оставить за Австрією часть ея италіянскихъ владѣній, слишкомъ важенъ самъ по себѣ и тѣсно связанъ съ традиціонною политикою; такого рода вопросы рѣдко разрѣшались одними переговорами, безъ участія оружія; и въ настоящее время кажется неизбѣжнымъ, чтобы судьба войны, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, рѣшилась между Австрією и Италіянами. Участіе, которое естественно принадлежитъ британскому правительству въ этомъ дѣлѣ, состоитъ въ томъ, чтобы оставаться зрителемъ событій, до тѣхъ поръ пока враждующія стороны не приглашать его къ посредничеству съ цѣлью дружественнаго соглашенія.»

Неужели благородный лордъ, который говорилъ, что италіянскій вопросъ долженъ быть предоставленъ рѣшенію меча, что англійское министерство не должно и вступаться въ дѣло до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны, истощенныя войною, не прибѣгнутъ къ посредничеству британскаго правительства, — тотъ благородный лордъ, который такимъ образомъ предоставлялъ все дѣло случайностямъ войны, — есть то же самое лицо, которое теперь возстаетъ противъ правительства и порицаетъ его не за то, что оно начало переговоры, а за то, что, начавъ ихъ, оно по несчастію не могло привести ихъ къ успѣшному окончанію? (*Одобреніе.*)

Лордъ Пальмерстонъ. Отъ какого числа приведенная депеша?

Г. Фитцджеральдъ. Она писана въ августѣ 1848 года. Во всякомъ случаѣ, относительно образа дѣйствій правительства съ цѣлью предупредить войну, я могу открыто просить сравненія политики 1859 года съ политикою 1848 года. (*Слушайте, слушайте.*) Но благородный лордъ говорить—и это самое тяжкое обвиненіе, взводимое имъ на правительство, — что оно при объявленіи ней-

тралитета дѣйствовало неискренно и руководствовалось симпатіею къ Австріи. Я могу только сказать, что не было произнесено ни одного слова, не было написано ни одной строки, не было совершено ни одного акта какимъ бы то ни было членомъ правительства, которые хотя сколько-нибудь оправдывали бы подобное обвиненіе (*одобреніе*); но такъ какъ благородный лордъ обвиняетъ министерство въ симпатіяхъ къ Австріи, то не иѣшаетъ взглянуть на то, совершенно ли свободенъ благородный лордъ отъ симпатіи къ другой сторонѣ. (*Слушайте, слушайте.*) Я не желаю доискиваться съ излишнимъ любопытствомъ сокровеннаго свойства, цѣли или результатовъ императорскаго гостепріимства (*о, о!* и *одобреніе*); я не буду предлагать догадки объ уговорахъ въ Компьенѣ. Я готовъ вѣрить, что великій монархъ хотѣлъ только привѣтствовать знаменитаго государственнаго мужа; можетъ-быть къ этому примѣшивалось отчасти желаніе выказать признательность за то рвеніе, съ которымъ благородный лордъ старался еще такъ недавно измѣнить законы страны, чтобы сдѣлать угодное императору. (*Одобреніе.*) Еще на дняхъ благороднаго лорда, въ *Willis's Rooms*, поддерживали благородный лордъ членъ за Лондонскій Городъ и почтенный членъ за Бермингамъ — комбинація, столь чудовищная и неожиданная, что всякаго, кто рѣшился бы заговорить о ней годъ тому назадъ, всѣ сочли бы достойнымъ заключенія въ домъ умалишенныхъ. (*Смѣхъ и одобреніе.*) Въ этомъ обществѣ благородный лордъ изложилъ свои намѣренія, и это изложеніе, говорятъ, показалось не совсѣмъ удовлетворительнымъ почтенному члену за Бермингамъ, несмотря на то, что союзъ съ нимъ былъ только-что заключенъ. Благородный лордъ ставилъ краеугольнымъ камнемъ своей внѣшней политики поддержаніе самыхъ тѣсныхъ сношеній съ Франціею. (*Слушайте, слушайте.*) Никто больше меня не цѣнитъ союза, къ счастью существующаго и нынѣ между нашею страной и Франціею; я убѣжденъ, что союзъ этотъ много содѣйствовалъ къ благу обоихъ государствъ, а равно и всей Европы (*слушайте, слушайте*); но я полагаю, что въ то время, когда мы объявили строгій и безпристрастный нейтралитетъ (*слушайте, слушайте*), было странно со стороны благороднаго лорда говорить, что первымъ дѣломъ его правительства, если оно составится, будетъ поддержаніе дружественныхъ сношеній не съ обѣими воюющими державами, а только съ одной изъ нихъ. (*Одобреніе.*) Благородный лордъ пошелъ еще далѣе. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ Тивертонѣ, онъ выразилъ надежду, что, еще до окончанія кампаніи, Австріицы будутъ изгнаны изъ Италіи. (*Одобреніе.*) Безъ сомнѣнія, всѣ друзья свободы и самобытности желали бы этихъ благъ для Италіи, но благо-

разумно ли будет вверить охранение нашего «строгаго нейтралитета» благородному лорду, который объявилъ, что онъ дѣйствуетъ за одно съ императоромъ Французомъ, что онъ желаетъ успѣха его оружію, и что краеугольнымъ камнемъ своей политики онъ полагаетъ поддержаніе самыхъ тѣсныхъ сношеній съ французскимъ правительствомъ? *(Слушайте, слушайте.)* Какъ согласить это съ строгимъ и безпристрастнымъ нейтралитетомъ? *(Одобреніе.)* Но дѣло тѣмъ не кончилось. Въ рѣчи своей благородный лордъ намекаетъ на недоброе, какъ онъ выразился, происхожденіе нынѣшняго правительства. Чтò же въ немъ было недобраго? Вѣдь благородный лордъ лишень былъ власти не только по рѣшенію этой палаты, но и по общему желанію страны, ибо замѣчено было, что онъ приносилъ въ жертву французскому правительству честь и выгоды нашей страны. *(Одобреніе.)* Благородный лордъ, стремившійся измѣнить наши законы въ угоду императору Французомъ, можетъ-быть станетъ и въ своей политикѣ руководствоваться тѣмъ же самымъ мотивомъ. *(Слушайте, слушайте.)* Въ началѣ своей рѣчи я замѣтилъ, что правительство, составленное на широкомъ основаніи, даже въ вопросахъ внутренней политики, должно выказать великое разногласіе мнѣній, и что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ членовъ его не могутъ въ новомъ своемъ званіи проводить убѣжденія, выраженные ими въ оппозиціи. *(Слушайте, слушайте.)* Но въ какое положеніе будетъ поставлено такое правительство относительно иностранныхъ дѣлъ? Благородный лордъ, сидящій противъ (Пальмерстонъ), долженъ будетъ забыть, что за потерю власти своей въ прошедшемъ году онъ много обязанъ благородному лорду, члену за Лондонъ. *(Слушайте, слушайте.)* Благородному лорду, члену за Лондонъ, также приходится забыть кое-что. Ему слѣдуетъ забыть, что благородный лордъ, стоявшій во главѣ правительства, требовалъ отъ него, какъ члена этой палаты принять то, чтò онъ называлъ тогда «политикою униженія и позора». *(Слушайте, слушайте.)* Если будущее правительство на широкомъ основаніи будетъ составлено и приметъ въ среду свою таланты всѣхъ оттѣнковъ, то невозможно будетъ пренебречь мнѣніями высокопочтеннаго джентльмена, члена за Аштонъ (г. М. Гибсона.) Въ какое положеніе будетъ поставленъ этотъ высокопочтенный джентльменъ? Чтò говорилъ онъ о внѣшней политикѣ благороднаго лорда, члена за Тивертонъ, который, по своей обширной опытности и многостороннимъ знаніямъ, долженъ имѣть огромное вліяніе на иностранныя дѣла во всякомъ кабинетѣ, котораго членомъ онъ будетъ? При одномъ изъ предыдущихъ преній, приводя слова одного публициста, высокопочтенный членъ за Аштонъ сказалъ, что «они заключаютъ въ себѣ необыкновенно-точную

и вѣрную оцѣнку истиннаго характера благороднаго лорда и характера его вѣдшей политики». Слова, принимаемая въ такомъ смыслѣ высокопочтеннымъ джентльменомъ, суть слѣдующія:

«Нѣтъ ни одного законнаго правительства въ Европѣ, съ которымъ бы не перессорился лордъ Пальмерстонъ, нѣтъ ни одного возмущеннаго, которому бы онъ не измѣнилъ. Конечно, горячіе партизаны швейцарской, итальянской и венгерской независимости не имѣютъ особенныхъ причинъ питать чувство благодарности къ министру, который навѣвалъ имъ такое множество словесныхъ общаній, и потомъ оставилъ ихъ на произволь судьбы. Съ другой стороны,—замѣтьте это,—если лордъ Пальмерстонъ заберетъ себѣ въ голову свискать благорасположеніе иностранной державы, то никакое пожертвованіе въ принятіи или интересахъ не покажется ему слишкомъ великимъ.»

Высокопочтенный джентльменъ долженъ согласиться, что эти слова имѣютъ довольно широкій смыслъ и могутъ относиться къ нарушенію «строгаго нейтралитета». Мѣсто, на которое указывалъ высокопочтенный джентльменъ, оканчивается слѣдующими многозначительными словами:

«Съ начала и до конца характеру его не доставало твердой и благородной привязанности къ признаннымъ интересамъ Англіи, и именно отъ недостатка такого руководящаго начала наша вѣдшая политика превратилась въ нескончаемую ткань капризовъ, интригъ, ложныхъ распрей и вѣчныхъ споровъ.»

Я думаю, что, во многихъ отношеніяхъ, эти слова не прилагаются вполне къ благородному лорду; но я полагаю, что если высокопочтенный джентльменъ, принявшій ихъ за «необыкновенно точное» изображеніе характера благороднаго лорда, присоединится къ будущему правительству на широкомъ основаніи, то ему будетъ нѣсколько трудно согласоваться съ мнѣніями, выраженными имъ въ оппозиціи. (*Слушайте, слушайте.*) Слова эти сказаны были недавно; событія, къ которымъ они относятся, не далеки отъ насъ; и я увѣренъ, что палата, которой теперь предстоитъ высказать свое рѣшеніе, не захочетъ выразить недовѣріе нынѣшнему министерству, съ цѣлью образовать правительство, въ которомъ главою и самымъ вліятельнымъ членомъ будетъ благородный лордъ, обрисованный такими недобрыми чертами однимъ изъ будущихъ его товарищей. (*Слушайте.*) Напротивъ, я смотрю спокойно на исходъ нынѣшняго пренія; я увѣжденъ, что при подачѣ голосовъ сегодня или завтра палата, большинство, будетъ въ пользу теперешнихъ министровъ ея величества; тогда имъ будетъ возможно, согласно съ мнѣніями, желаніями и чувствованіями своихъ согражданъ, продолжать политику строгаго нейтралитета, который они обязались хранить (*одобрение*), и кото-

рый, по мнѣнію ихъ, необходимъ, какъ для блага государства, такъ и для поддержанія высочайшихъ интересовъ чловѣчества и цивилизаціи. (*Громкое одобреніе*).

Г. Брайтъ. Сэръ, въ замѣчаніяхъ, которыя я, съ дозволенія палаты, представлю ей, я постараюсь строго — то-есть сколько это возможно при подобныя обстоятельствахъ — ограничиться тѣми основаніями, по которымъ я считаю своею обязанностью поддерживать предложенную поправку. (*Одобреніе*.) Почтенный джентльменъ, который только что сѣлъ, по мнѣнію моему, не очень много сдѣлалъ для разъясненія предстоящаго намъ вопроса. (*Слушайте*.) Если принять за истину все имъ сказанное, то можно придти почти къ такому заключенію: онъ думаетъ, что благородный членъ за Тивертонъ такъ же плохъ, какъ товарищи почтеннаго джентльмена. (*Смѣхъ и одобреніе*.) Я полагаю, что это почти единственная цѣль всей рѣчи почтеннаго джентльмена. (*Крики о, о! на министерскихъ скамьяхъ и одобреніе оппозиціи*.) Что до меня касается, то я нисколько не намѣренъ защищать поведеніе благороднаго лорда, члена за Тивертонъ (*смѣхъ*), я не намѣренъ также отказываться ни отъ одного сужденія, какое когда-либо я высказалъ о немъ; но я напомию почтеннымъ джентльменамъ, сидящимъ противъ, что они почти единодушно выражали—приватно, а нѣкоторые изъ нихъ и публично—свое глубокое сожалѣніе о томъ, что они въ прежніе годы не стояли подъ его знаменами. (*Министерскіе крики «нѣтъ, нѣтъ!» Смѣхъ и одобреніе на скамьяхъ оппозиціи*.) Я не намѣренъ приводить доказательства этого факта, потому что обьемъ партіямъ палаты хорошо извѣстно, что сказанное мною совершенная правда. (*Одобреніе*.) Я очень радъ, что почтенные джентльмены, сидящіе противъ, измѣнили тактику, которой слѣдовали въ прошлую ночь, и что сегодня они отказались отъ системы молчанія. (*Смѣхъ*.) Я боялся, чтобы мы не возвратились къ системѣ, бывшей въ ходу нѣсколько лѣтъ тому назадъ: тогда почтеннымъ джентльменамъ не позволено было говорить о вопросѣ, который теперь къ счастью рѣшенъ, изъ опасенія, чтобъ они не сказали чего-нибудь такого, за что тогдашній предводитель ихъ не могъ отвѣчать, или чего онъ не могъ поправить во время преній. Я не стану оправдывать того образа дѣйствій, которому я намѣренъ слѣдовать, многими изъ основаній—я хотѣлъ было сказать иными изъ основаній—на которыя старался возражать почтенный джентльменъ, говорившій передо мною. Я не думаю, чтобы необходимо было вотировать противъ правительства за то, что оно настояло на распущеніе парламента, — поступокъ, который безъ сомнѣнія членамъ этой палаты всегда кажется допускающимъ порицаніе. Я не буду вотировать противъ правительства за то только, что на него взведены были нѣкоторыя неопредѣленные обвиненія въ подкупѣ при

послѣднихъ выборахъ, ибо я знаю, что въ нашей системѣ существуютъ значительная свобода въ большихъ бургахъ, покупъ въ малыхъ и притѣсненіе въ графствахъ. (*Крики: мила, мила! съ министерской стороны и одобреніе оппозиціи.*) Далѣе, извѣстно, что обычаямъ, которыхъ я не могу ни одобрить, ни защищать, слѣдовали не одни только теперешніе министры, и до тѣхъ поръ пока не увижу доказательствъ, болѣе ясныхъ, чѣмъ тѣ, которыя были приведены, я считаю себя не въ правѣ поддерживать предложеніе о недоуверіи къ правительству, основываясь на нѣкоторыхъ слышанныхъ мною обвиненіяхъ за дѣйствія его во время послѣдней электоральной борьбы. Также на этотъ разъ я не думаю объявлять недоуверіе къ правительству на томъ основаніи, что оно не сохранило мира. Еслибъ оно вовлекло наше отечество въ войну,—еслибъ оно своими дурными дѣйствіями допустило наше отечество къ участию въ войнѣ, тогда была бы достаточная причина къ такому объявленію (*министерское одобреніе*); но я не вижу, какимъ образомъ правительство ея величества можетъ по справедливости отвѣчать за сохраненіе мира между двумя другими великими европейскими державами. (*Новое одобреніе на министерской сторонѣ.*) Скажу болѣе, я объявляю, что не имѣю передъ собою фактовъ, которые бы могли достаточно убѣдить меня, что правительство не употребило всѣхъ завистѣвшихъ отъ него средствъ для предупрежденія страшнаго бѣдствія, разразившагося теперь надъ Италіею. Вотъ причины жалобъ, представленныя противъ министерства; эти причины могутъ вести къ жалобамъ, но я не вижу въ нихъ достаточнаго основанія для того, чтобы поддерживать поправку къ адресу, которой я сочувствую. Есть, правда, одинъ пунктъ, въ отношеніи къ которому, по моимъ понятіямъ, я могу весьма основательно жаловаться на поведеніе правительства и сомнѣваться въ благоразуміи его образа дѣйствій. Я разумѣю нейтралитетъ, за который оно ручалось, которымъ хвалилось. Такъ я хотѣлъ бы знать, дѣйствительный ли это нейтралитетъ или мнимый? Я слышалъ отъ членовъ правительства, къ которымъ имѣю величайшую довѣренность, что они желаютъ избѣжать войны столько же, сколько я самъ, и я ни минуты не сомнѣвался въ истинѣ этого факта; но, я полагаю, можно доказать палатѣ, что путь, которымъ слѣдовало правительству, могъ возбудить сомнѣнія въ умахъ многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ и вообще между народами и государственными людьми материка. Я полагаю, обѣ партіи согласятся, что теперь, когда общественное мнѣніе выразилось черезъ посредство печати, на публичныхъ митингахъ или въ обыкновенныхъ бесѣдахъ въ обществѣ, трудно найти Англичанина или Ирландца, или Шотландца, который бы

хоть какими бы то ни было предлогомъ пожелалъ, чтобы мы вмѣшались въ начавшуюся войну. Я думаю, что требованіе, могу даже сказать—непреодолимая жажда народа къ продолженію мира несомнѣнна изъ всего, что мы видимъ, слышимъ и знаемъ, и что со мною согласится каждый почтенный джентльменъ, къ которому бы я ни отнесся. И такъ каково же наше положеніе? Миръ, которымъ пользуется Англія, можетъ быть нарушенъ, по моему убѣжденію, только произвольнымъ дѣйствіемъ съ нашей стороны или дѣйствіемъ какой-нибудь другой державы и очевидно, что эту другую державой можетъ быть только Франція. Очевидно также, что до тѣхъ поръ, пока мы соблюдаемъ миръ, Австрія никогда не захочетъ напасть на насъ, никогда не будетъ въ состояніи напасть на насъ; и мнѣ кажется несомнѣнно, что—если только мы сами не рѣшимся на войну—принудить насъ къ нападенію на Австрію нѣтъ никакой возможности. И дѣйствительно война между Англіею и Австріею почти такъ же невѣроятна, какъ битва между рыбою, плавающею въ рѣкѣ, и лошадейю, пасущею на берегу ея. Конечно, Австрія не нападетъ на Англію, и едва ли найдется какой-нибудь значительный пунктъ австрійскихъ владѣній, доступный для нападенія со стороны Англіи. Слѣдовательно въ дѣйствительности нѣтъ никакой опасности, чтобы случайно возникла война между Англіею и Австріею. А потому вопросъ о нейтралитетѣ почти вполне и исключительно относится къ французскому правительству. Что же сдѣлано относительно этого предмета? Я желаю обратить вниманіе палаты на этотъ пунктъ; по моему мнѣнію, въ то время когда изъ устъ нашихъ раздавались возгласы о нейтралитетѣ, не должно было предпринимать ничего, что бы могло затруднить или сдѣлать невозможнымъ поддержаніе этого нейтралитета. Съ самой минуты объявленія войны—я не увѣренъ, не прежде ли, но ужь конечно тотчасъ же въ слѣдъ за объявленіемъ—было торжественно обнаружено опасеніе, что мы примемъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Мнѣ сказывали, что морскія силы Англіи значительно увеличены въ Средиземномъ морѣ. (*Министерское одобреніе.*) Довольно ясно, что эти силы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть направлены противъ Австріи, или содержимы тамъ изъ опасенія со стороны Австріи. И вотъ, съ чрезвычайнымъ шумомъ начали вербовать матросовъ; даже корону Англіи выставляютъ на улицахъ вмѣстѣ съ прокламаціями, флагами и музыкою, чтобы завербовать какого-нибудь бродягу, который желаетъ перемѣнить свою службу и занятія. Мнѣ сказывали, что въ настоящее время въ нашихъ депо находится до трехъ или четырехъ тысячъ опытныхъ моряковъ, которыхъ достаточно по крайней мѣрѣ для двѣнадцати линейныхъ кораблей. (*Шепотъ несогласія на министерскихъ скамь-*

лѣхъ.) Почтенные джентльмены, какъ кажется, нѣсколько сомнѣваются въ томъ, что я говорю, — я скажу имъ только, что я не великій авторитетъ въ этомъ дѣлѣ (*ироническое одобрѣніе на министерской сторонѣ*), и я бы не высказалъ такого мнѣнія, если бы не заимствовалъ его отъ такихъ людей, которые, по убѣжденію моему, коротко знакомы съ фактами и совершенно способны составить сужденіе объ этомъ предметѣ. Впрочемъ, я не думаю, чтобы эти приготовленія сколько-нибудь относились къ вѣроятности враждебныхъ дѣйствій противъ Австріи. Перехожу теперь къ тому, какія предприняты другія оборонительныя мѣры. Канцлеръ казначейства сообщилъ намъ, что теперь въ государствѣ болѣе войска, чѣмъ было у насъ когда-либо со времени великой войны; сверхъ того онъ приглашаетъ каждаго, кто имѣетъ или желаетъ имѣть хотя малѣйшее свѣдѣніе о военномъ дѣлѣ, записываться въ стрѣлки въ различные отряды, формируемые по всей странѣ. (*Министерское одобрѣніе.*) Я знаю, что есть здѣсь джентльмены, которые почитаютъ эти вещи очень полезными. Но по крайней мѣрѣ они позволяютъ смотрѣть на нихъ и съ другой точки зрѣнія. Что до меня касается, то я скорѣе соглашусь съ юмористическимъ и умнымъ авторомъ *Bigelow Papers*, который гдѣ-то сказалъ, что если есть что-нибудь безуміе и смѣшнѣе военной славы (*military glory*), то это милиціонная слава (*militia glory*) (*смѣльте*), а я полагаю, что стрѣлковая слава (*rifle corps glory*) есть нѣчто еще болѣе забавное. То, что я желалъ представить почтеннымъ джентльменамъ, заключается именно въ слѣдующемъ: Положимъ, что предстоитъ надобность во всѣхъ этихъ вещахъ, — я еще нѣсколько не думаю порицать ихъ, — единственная страна въ Европѣ, съ которою при возникновеніи изъ этой войны какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ, вы могли бы придти во враждебныя столкновенія, есть Франція; итакъ не правдоподобно ли и даже не совершенно ли неизбѣжно, что всѣ эти приготовленія, устраиваемыя вами какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, всѣ торжественныя объявленія о вашей готовности къ войнѣ и объ огромномъ размѣрѣ вашихъ силъ должны разрушить въ умахъ французскаго правительства и французскаго народа всякую вѣру въ ваши рѣчи и въ объявленный вами нейтралитетъ? Смѣю сказать, что движеніе стрѣлковыхъ отрядовъ есть по преимуществу движеніе, вызванное тактикою партій (*o, o!*); потому что намъ хорошо извѣстно, что милиція, ополченіе и вѣроятно также проектированные стрѣлковые отряды имѣютъ отчасти цѣлью придать болѣе силы консервативному элементу въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи (*o, o!*). Но я предполагаю, что вы дѣствуете такимъ образомъ, или подозрѣвая Французовъ во враждебныхъ намѣреніяхъ къ намъ, или имѣя въ виду въ непродолжитель-

номъ времени сдѣлать нападеніе на Францію. (*Нѣтъ, нѣтъ!*) Я утверждаю, что одинъ изъ этихъ двухъ выводовъ неизбеженъ, судя по образу дѣйствій, принятому правительствомъ. Я желаю еще спросить членовъ палаты, какъ людей благоразумныхъ, отложивъ въ сторону тѣ суевѣрныя опасенія, которыя по временамъ смущаютъ почти всякаго, есть ли достаточная причина увеличивать съ каждымъ годомъ вооруженіе государства изъ опасности, ожидаемой со стороны Франціи? По крайней мѣрѣ нынѣшній императоръ Французовъ дѣйствіями своими, въ отношеніи къ нашему отечеству, не подалъ никакого повода къ подобному подозрѣнію. (*Слушайте, слушайте.*) Да позволено мнѣ будетъ сказать въ палатѣ, что я имѣю нѣкоторое право произнести безпристрастное сужденіе объ этомъ вопросѣ. Я не одобрялъ поспѣшнаго признанія императора, при вступленіи его на французскій престолъ. Мнѣ казалось, что намъ не отъ чего было приходить въ восторгъ. Я никогда не одобрялъ тѣснаго личного союза, который существовалъ между министрами и дворомъ нашей страны и между французскимъ дворомъ. Я не былъ въ числѣ тѣхъ, которые толпились на лондонскихъ улицахъ, когда императоръ съ императрицей пріѣзжали сюда, и когда печать, которая теперь нападаетъ на него, призывала народъ подобно ей падать ницъ передъ колесами его кареты. Я никогда не участвовалъ въ этомъ чрезмѣрномъ и неприличномъ восхваленіи императора, которое я слышалъ, къ великому сожалѣнію моему, отъ министровъ обѣихъ партій этой палаты. Не имѣя никакого чувства непріязни къ какому-либо правителю или народу Европы,—а вѣроятно каждому изъ нихъ мало было бы дѣла, если бы я имѣлъ (*смыслъ*)—и являясь здѣсь для обсужденія этого вопроса, я имѣю безпристрастное мнѣніе и выскажу его съ дозволенія палаты. Я полагаю, что за то, что было сдѣлано въ то время, когда императоръ Французовъ достигъ своего нынѣшняго положенія, онъ не можетъ питать непріязненного чувства къ правительству или къ народу Англіи. Я полагаю, что онъ вмѣстѣ съ Англіею началъ войну противъ Россіи, не потому, чтобъ онъ желалъ начать ее, но потому что почиталъ ее въ высшей степени для себя полезною; очевидно онъ желалъ тѣсно сблизиться со всею внѣшнею политикою Англіи. Онъ также началъ войну съ Китаемъ по желанію англійскаго правительства; и я полагаю, что послѣ того, онъ имѣлъ случай обнаружить тѣ непріязненные намѣренія, которыя ему приписываютъ у насъ, еслибъ онъ дѣйствительно имѣлъ ихъ, въ то время, когда всѣ военныя средства Англіи отправлены были за десять тысячъ миль, для подавленія гигантскаго и опаснѣйшаго возмущенія. Скажу еще, что въ эту минуту у него на плечахъ война съ великою военною

державою,—съ державою, вѣроятно не менѣе великою, чѣмъ та, во главѣ которой онъ самъ находится. У него теперь слишкомъ много дѣла, требующаго всей энергіи любого правительства или любого народа. Конечно нѣтъ нужды прибѣгать къ здравому смыслу почтенныхъ членовъ и доказывать, что если со стороны Франціи грозитъ намъ опасность столкновенія съ нею, то эта опасность должна уменьшаться до крайности, вслѣдствіе обстоятельствъ, въ которыхъ поставлено теперь французское правительство. Можно ли повѣрить, чтобы то, что уже прежде оказывалось фантазіею, обратилось теперь въ дѣйствительность? Можно сказать на оборотъ, что то, что было прежде дѣйствительностью, сдѣлалось теперь одною фантазіею. Я утверждаю, что нѣтъ никакого новаго повода подозрѣвать Францію; напротивъ, если и былъ когда-нибудь поводъ къ такому подозрѣнію, то онъ уменьшился и дошелъ до *minimum*. Но какое же заключеніе можно вывести изъ дѣйствій нашего правительства? Если вы допустите, что нѣтъ повода не довѣрять французскому правительству, то необходимо вывести другое заключеніе: значить, ваше собственное правительство почитало возможнымъ, даже вѣроятнымъ, нападеніе на Францію. (*Нѣтъ, нѣтъ.*) Хорошо, я готовъ согласиться съ этими отрицаніями. Да не подумаютъ почтенные джентльмены сидящіе противъ, что я обвиняю правительство. Я доказываю только, что несчастный путь, избранный имъ, подаетъ поводъ взвести на него подобное обвиненіе; и я радуюсь, что, какъ должно надѣяться, во время настоящихъ преній, мы получимъ объясненія отъ министровъ болѣе откровенныя, чѣмъ тѣ, которыя мы имѣли до сихъ поръ,—такія объясненія этого великаго и опаснаго вопроса, которыя удовлетворятъ не только Англію, но и Европу. Вамъ хорошо извѣстно, что путь, избранный правительствомъ, произвелъ непріятное впечатлѣніе на умы англійскаго народа. Нація полагаетъ, что вы знаете что-то, чего она не знаетъ. А когда она видитъ, что журналъ, который признанъ самымъ могущественнымъ органомъ лондонской печати, помещаетъ статьи, увеличивающія ея опасенія, то не удивительно, что тревожное впечатлѣніе распространяется по всей Англіи. Но оно не ограничивается одною только Англіею. Въ Германіи, о чемъ всякій можетъ узнать изъ нѣмецкихъ журналовъ и отъ всѣхъ тѣхъ, кто недавно посѣщалъ эту страну, господствуетъ общее мнѣніе, что всѣ приготовленія англійскаго правительства не могутъ быть направлены противъ Австріи, но должны быть направлены противъ Франціи, и что слѣдовательно англійское правительство расположено скорѣе принять сторону Австріи, чѣмъ Франціи. Если вы справитесь, каково расположеніе умовъ въ Парижѣ и вообще во Франціи, то вы найдете, что тамъ все болѣе и болѣе возра-

стаетъ недовѣріе къ британскому правительству, то-есть происходитъ то же самое, что въ эту минуту мы видимъ въ этой палатѣ. (*Слушайте, слушайте.*) Не думаю, чтобы такое недовѣріе вытекало изъ того, что было сказано или написано правительствомъ, или изъ какого-нибудь дѣйствія его агентовъ; но вслѣдствіе изложенныхъ мною обстоятельствъ, въ умахъ французскаго правительства и просвѣщенной части французскаго народа, которая читаетъ обо всемъ, что дѣлается въ Англии, родилось убѣжденіе, что союзъ, существовавшій такъ долго, разрушается постепенно, если не внезапно, и что холодность и недовѣрчивость заступили мѣсто дружбы и совершенной увѣренности.

Итакъ, сэръ, вотъ за что я намѣренъ порицать правительство. Если ему угодно будетъ сказать, что оно не имѣло дурныхъ намѣреній, я не могу опровергать это; но я довольствуюсь указаніемъ на то, что въ Англии и на материкѣ Европы дѣйствія его должны были показаться совершенно безполезными, если они не проистекаютъ изъ убѣжденія правительства, что, рано или поздно, оно вынуждено будетъ выступить противъ Франціи. И потомъ, сэръ, припоминая послѣднюю рѣчь канцлера казначейства къ своимъ избирателямъ, я нахожу, что тамъ было—какъ бы назвать это?—неумѣренное хвастовство по поводу финансоваго положенія Англии, котораго я никакъ бы не ожидалъ отъ министра и финансоваго чловѣка. Высокопочтенный джентльменъ возвѣстилъ міру, что 20 милліоновъ фунт. ст. ежегодно, не помню, на десять или на двѣнадцать лѣтъ, ничего не значать для такого промышленнаго народа, каковъ нашъ. Коснувшись нашего національнаго долга, этого страшнаго бѣдствія и бремени, онъ употребилъ метафору, заимствуя ее, какъ мнѣ кажется, изъ собственнаго личнаго опыта: «Право, это не болѣе, какъ укушеніе блохи!» (*Смѣхъ.*) Я полагаю, что когда министръ и канцлеръ казначейства говоритъ передъ многочисленнымъ собраніемъ своихъ избирателей и соотечественниковъ, то ему слѣдуетъ заботиться нѣсколько болѣе о точности. Неужели высокопочтенный джентльменъ не знаетъ, что этотъ самый долгъ, о которомъ онъ отзывается такъ легкомысленно, повергъ въ совершенную нищету милліоны семействъ, и что нѣтъ тюрьмы или рабочаго дома, стѣны которыхъ не оглашались бы воплями несчастныхъ, переселившихся въ эти убѣжища отъ стѣснительныхъ налоговъ? По истинѣ, сэръ, я не могу имѣть довѣрія, мнѣ грустно сказать это, къ министру, который такимъ образомъ старается ввести въ заблужденіе публику, или къ правительству, нейтралитетъ котораго, когда приходится показать его на дѣлѣ, выражается только въ непрерывныхъ и гигантскихъ приготовленіяхъ къ войнѣ. Говорятъ, что страшныя вещи произойдутъ,

если переменится правительство. Это намъ говорятъ каждый разъ, когда наступаетъ такая переменна. (*Слушайте, слушайте.*) Одинъ почтенный джентльменъ, въ интересномъ описаніи путешествія своего на Востокъ, разказывалъ намъ, что онъ былъ въ Капрѣ, когда тамъ свирѣпствовала убійственная чума; онъ сообщаетъ при этомъ, что всякій разъ, когда кто-нибудь умираетъ, — что по мнѣнію моему должно было случаться почти ежеминутно, — цѣлая толпа наемныхъ плакальщицъ возбуждала объ этомъ. (*Смѣхъ.*) Ничто похожее происходитъ и у насъ: когда правительство находится *in extremis* (1), состоитъ ли оно изъ виговъ или торіевъ, то нанимаются записные плакальщики, и мы должны затыкать себѣ уши отъ воплей и стenanій, которыя раздаются въ обѣихъ палатахъ парламента и Вестъ-Эндѣ. (*Смѣхъ и одобреніе.*)

Что же касается до будущаго правительства, то я не прочь усилить себѣ тѣ затрудненія, которыя кажутся такими таинственными почтеннымъ джентльменамъ, сидящимъ противъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, мы услышимъ тѣ же объявленія о нейтралитетѣ, которыя уже слышались со скамьи казначейства; но я надѣюсь и вѣрю, что въ той странѣ, относительно которой есть опасность ссоры, всѣ классы общества почувствуютъ, что у насъ нѣсколько менѣе холодности къ нимъ и нѣсколько болѣе симпатіи, чѣмъ выказывало настоящее правительство. (*Слушайте, слушайте.*) Но я не имѣю причины не сказать благородному лорду, члену за Тивертонъ, что я никогда не одобрялъ тѣснаго и личнаго союза, существовавшаго за нѣсколько лѣтъ передъ симъ между Франціею и Англіею. (*Слушайте, слушайте.*) Несмотря на всю популярность этого союза въ Англіи, я никогда не думалъ, чтобъ онъ могъ содѣйствовать достоинству или могуществу котораго-нибудь правительства или которой-нибудь націи; поэтому я буду очень радъ, если при новомъ правительствѣ весь свѣтъ узнаетъ о нашемъ союзѣ съ Франціею по благородному и достойному образу дѣйствій съ обѣихъ сторонъ, а не по сношеніямъ такого рода, которыя какъ будто имѣютъ цѣлью разъединить ихъ съ прочими европейскими націями. (*Одобреніе.*)

Еще одно замѣчаніе по вопросу о нейтралитетѣ. Мы должны показать въ нашей внѣшней политикѣ, что мы чему-нибудь научились изъ прошедшаго. Последняя великая европейская война (съ Наполеономъ) или скорѣе договоръ, который заключенъ при ея окончаніи, и который теперь стараются нарушить, имѣли послѣдствіемъ для насъ такой долгъ, такіе налоги, такую бѣдность и повсемѣстную нищету, что и милліонной доли того не описано въ самой подробной исторіи нашей эпохи. Рус-

(1) При послѣднемъ дыханіи.

ская война, которой я прогивился съ самаго начала (*слушайте*), теперь, по общему сознанию всѣхъ классовъ народа, была войною безплодною во всѣхъ отношеніяхъ и повела только къ потерѣ англійской крови и англійскихъ денегъ. (*Слушайте.*) Я прошу объ стороны палаты, — потому что мы не можемъ имѣть разныхъ интересовъ въ такомъ дѣлѣ, и не можемъ объявлять притязанія на такую нравственность или такой патриотизмъ, какого бы у васъ не было, — прошу объ стороны палаты подумать, не благоразумнѣ ли будетъ намъ, вслѣдствіе опыта многихъ лѣтъ, придти къ заключенію, что въ будущемъ мы должны держаться совершенно поодаль отъ континентальныхъ войнъ, въ которыхъ мы нисколько не имѣемъ интереса. Если мы будемъ дѣйствовать такимъ образомъ, то при нашемъ счастливымъ положеніи на этомъ островѣ, при нашей свободѣ печати, при дружественныхъ сношеніяхъ, существующихъ между Англіею и другими европейскими націями, мы будемъ подавать примѣръ, который будетъ имѣть великое и благотворное вліяніе; когда Англія торжественно провозгласитъ принципъ свой, не тратить англійской крови въ европейскихъ распрахъ, то государства, вовлеченныя въ войну по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, будутъ прибѣгать къ ея посредничеству, и она займетъ великую роль совершенно безпристрастнаго судилища; къ ней будутъ прибѣгать ея континентальные сосѣди съ увѣренностью, что если потребуются ея совѣты или услуги, то они будутъ даны съ тѣмъ же довѣріемъ и благородствомъ, съ какими потребуютъ ихъ. (*Одобреніе.*) (1).

(1) Мы опускаемъ здѣсь значительную часть рѣчи г. Брайта, относящуюся къ парламентской реформѣ и интересную только по умѣренному тону, который счелъ теперь за нужное принять агитаторъ реформы. Касаясь видовъ на мѣру, которую предложить либеральный кабинетъ, г. Брайтъ говорилъ, что онъ вѣроятно распространитъ избирательную льготу на платящихъ 10 ф. ст. постоянной аренды (rental) въ графствахъ и на платящихъ 5 или 6 ф. ст. за наемъ квартиры въ бургахъ. — Въ большихъ бургахъ такая мѣра удовлетворитъ всѣхъ; въ мелкихъ бургахъ будетъ чувствоваться, что она исключитъ многихъ такихъ, которые въ большихъ бургахъ, гдѣ квартиры дороже, пользовались бы избирательною льготой; но тѣмъ не менѣе это будетъ дѣйствительно очень значительное расширеніе льготы, совершенно не похожее на мнимо-либеральное предложеніе канцлера казначейства. — Перехода за тѣмъ къ вопросу о довѣрїи, г. Брайтъ поставилъ дѣло, прямо какъ вопросъ партій. На выборахъ боролись двѣ партїи; въ одномъ мѣстѣ побѣдила одна, въ другомъ другая. Самый фактъ борьбы показываетъ, что было за что бороться, а если было за что бороться, то значить должно быть существенное различіе между двумя сторонами палаты, и конечно та изъ двухъ сторонъ должна управлять публичными дѣлами, которая получила большинство на выборахъ. Правительство не можетъ предполагать, чтобы большинство одного разряда мѣнѣе согласилось на то, чтобы страню постоянно управляло

Я желаю остановиться нѣсколько еще на одномъ пунктѣ въ рѣчи высокопочтеннаго джентльмена (г. Дизраэли). Онъ бросаетъ родъ приманки, подобно рыбаку, удающему рыбу; онъ забрасываетъ муху на эти скамьи, чтобъ испытать, не погонится ли кто-нибудь за нею; онъ говоритъ, что консервативно-либеральная или либерально-консервативная партія, — въ ней столько соединеній, что не знаешь, какъ и назвать ее, — никогда не была такъ исключительна, какъ партія виговъ; что если на той или на другой сторонѣ найдется кто-нибудь, обладающій дарованиями и способностями, и захочетъ принять на себя участіе въ управленіи, то его приглашаютъ на скамью казначейства. Онъ говоритъ, что на этой скамьѣ засѣдали отличные люди, не имѣвшіе связей съ англійскою аристократіей. Но это всегда случалось при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ. Вы допускали сэръ-Роберта Пилъ руководить вами, но когда сэръ-Робертъ Пилъ сдѣлалъ нѣчто, признанное всѣмъ свѣтомъ за великое благодѣяніе для страны, вы отступились отъ него. Высокопочтенный джентльменъ, членъ за Оксфордскій университетъ (г. Гладстонъ), оказавшій замѣчательныя услуги тому же великому дѣлу, былъ изгнанъ такимъ же образомъ; и вы обнаружили при этомъ сильное озлобленіе. По истинѣ, озлобленіе, обнаруженное вами, трудно понять; оно сильно вредитъ вашей собственной партіи, потому что даетъ возможность высокопочтенному джентльмену канцлеру казначейства быть вашимъ предводителемъ и занимать то знаменитое и высокое мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, то-есть сидитъ, въ эту минуту. (*Одобреніе.*) Изъ всего, что я слышалъ въ то время о пилитахъ, я могъ заключить, что нѣкоторые почтенные члены не твердо помнили прочитанное въ Ветхомъ Завѣтѣ и иногда смѣшивали пилитовъ съ Гивитами и Гитгитами (*громкій смѣхъ и одобреніе*); они думали, что уже произошло не политическое раздѣленіе, а нѣчто болѣе, вслѣдствіе чего и осудили на вѣчное искорененіе нѣсколькихъ отличныхъ людей, которые сдѣлали такъ много добра для ихъ страны. (*Одобреніе.*) Впрочемъ, высокопочтенному джентльмену не чѣмъ похвастаться въ этомъ отношеніи. Партія виговъ отличалась исключительностью; это было, какъ мнѣ кажется, безумно и губительно для нея самой; но она дѣйствовала съ нѣкоторымъ успѣхомъ, когда правительство было въ ея рукахъ. Можеть-быть, еслибъ она дошла до той крайности, которой политическія партіи не всегда могутъ избѣжать, то призвала бы на помощь гѣхъ, кого прежде не почитала достойными такой чести.

министерство, придерживающееся мнѣній противоположнаго характера. — Какъ ни тяжело пронзодить политическую экзекуцію надъ какимъ-нибудь правительствомъ, мы не можемъ допустить, чтобы въ этомъ случаѣ чувство вѣжности имѣло вліяніе на насъ.»

Теперь я желаю представить вкратцѣ причины, побуждающія меня идти избраннымъ мною путемъ. По всѣмъ парламентскимъ правиламъ, правительство не обладаетъ довѣріемъ палаты общинъ. Мнѣ кажется, что если мы будемъ слѣдовать теперешней политикѣ министерства, то нейтралитетъ Англіи не можетъ сохраниться на дѣлѣ. Мнѣ кажется, что правительство, причинивъ величайшій вредъ дѣлу реформы въ послѣднюю сессію, намѣрено, если представится случай, измѣнить ему и въ будущую сессію. (*Одобрѣніе.*) Я полагаю, что съ новымъ правительствомъ упрочены будутъ болѣе дружественныя отношенія къ Франціи. Я полагаю также, что новое правительство въ самомъ скоромъ времени представитъ мѣру реформы, которая будетъ одобрена значительнымъ большинствомъ палаты и народа, и принять которую и палата и народъ поставитъ себѣ въ обязанность. Высокопочтенный джентльменъ былъ чрезвычайно изобрѣтателенъ въ изображеніи трудностей, къ которымъ поведутъ примиренныя фракціи либеральной партіи. Это дѣло до меня нисколько не касается. Я засѣдаю въ этой палатѣ уже шестнадцать лѣтъ, и полагаю руку на сердце, могу сказать, что ни разу не подавалъ я голоса съ цѣлью только смѣнить консервативное правительство или затруднить слабое правительство; я имѣлъ въ виду всегда проводить тѣ принципы, которыхъ, какъ вамъ всѣмъ извѣстно, я держался, и ту политику, которую я всегда открыто высказывалъ и поддерживалъ. (*Одобрѣніе.*)

Думаю, что самый крѣпкій корабль, съ самыми надежными снастями, можетъ быть иногда занесенъ туда, куда не предполагалъ идти; но если произойдетъ перемѣна правительства, я, по всей вѣроятности, буду сидѣть на противоположной сторонѣ весьма близко къ высокопочтенному джентльмену, члену за университетъ (1), если только онъ не перемѣнитъ своего мѣста. (*Смѣхъ.*) Я желаю держаться того же образа дѣйствій, какъ въ прежнее время, и бдительно слѣдить за правительствомъ. Я никогда не дѣлался врагомъ министерствъ, называвшихъ себя либеральными за то, что они не поступали такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, или шли не такъ далеко, какъ бы я желалъ. Я не былъ до сихъ поръ врагомъ ни одного министерства, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда министерство измѣняло принципамъ своей прежней пар-

(1) Г. Гладстону. Намекъ, кажется, на то, что г. Гладстонъ, являясь, причисляемый къ числу консерваторовъ и получившій отъ графа Дерби приглашеніе вступить въ его кабинетъ, занимаетъ относительно кабинета графа Дерби, такое же мѣсто, какое и самъ онъ (г. Гладстонъ, и г. Брайтъ могутъ занимать относительно либеральнаго кабинета. Извѣстно, что г. Гладстонъ дѣйствительно вступилъ въ кабинетъ лорда Пальмерстона, и что г. Брайтъ сильно надѣялся вступить съ него. Въ слѣдующихъ словахъ уже есть отголосокъ вѣспоявающейся надежды.

ти и требовало отъ насъ, сидѣвшихъ на одной съ нимъ сторонѣ, поддержки такимъ дѣйствіямъ, которыя было бы непослѣдовательно и невозможно поддерживать. (*Слушайте, слушайте.*) Итакъ, если вступить въ должность новое правительство, а я буду сидѣть тамъ (на министерской сторонѣ палаты), я буду слѣдить за нимъ съ тою же бдительностью, какую показалъ въ прошлое время и съ такою терпимостью, какую только можно согласить съ моими обязанностями относительно тѣхъ великихъ политическихъ цѣлей, которымъ я посвятилъ мою жизнь. Если правительство будетъ держаться образа дѣйствій прямого и ведущаго къ цѣли, хотя, пожалуй, и умѣреннаго, я приму въ соображеніе трудности, которыми оно окружено (*одобреніе*), и буду стоять за него до тѣхъ поръ, пока оно будетъ честно и разсудительно идти по пути, указанному, такъ сказать, общимъ мнѣніемъ членовъ, сидящихъ на его сторонѣ. (*Одобреніе.*) Если по несчастію правительство будетъ поступать такъ же, какъ поступало иногда въ прошлое время (*смѣхъ*), я буду очень огорченъ этимъ и неизбежно стану оппонировать ему, если только буду засѣдать въ палатѣ, и, пожалуй, въ одинъ прекрасный вечеръ увижу, какъ попадетъ оно въ руки къ Филистимлянамъ, сидящимъ на противоположной сторонѣ. (*Смѣхъ.*) Кто бы ни составилъ будущее правительство, кто бы ни были членами кабинета, надѣюсь, что они оглянутся на прошедшее и увидятъ, какъ много было сдѣлано ошибокъ. (*Слушайте, слушайте.*) Со времени паденія министерства сэръ-Роберта Пила, либеральная партія не имѣла въ этой палатѣ хорошихъ вождей. Министерство отличалось исключительностью, политика его превратностями, или слабостью и трусостью. (*Одобреніе съ министерскими скамей.*) Если въ новомъ правительствѣ будутъ достойные представители примирившихся фракцій этой партіи, люди, дѣйствующіе съ извѣстною степенью смѣлости и силы, борющіеся съ сознанными злоупотребленіями и полагающіеся на нравственное чувство и прямоту палаты, на общее сочувствіе англійскаго народа въ дѣлѣ усовершенствованія нашего законодательства, тогда, я твердо надѣюсь, желаніе ея величества исполнится, и новое правительство будетъ имѣть болѣе прочности нежели всѣ предшествовавшія ему въ продолженіи многихъ лѣтъ. (*Громкое одобреніе.*)

Вслѣдъ за г. Брайтомъ сказалъ нѣсколько словъ въ пользу поправки лордъ Ашли. Г. Палькъ обратилъ вниманіе на дурныя послѣдствія непрерывной перемены правительства; г. Бакстеръ говорилъ въ пользу поправки, а гг. Лиддель и Горни въ пользу правительства. Г. Горсманъ объявилъ, что министерству слѣдовало заранѣе представить палатѣ доказательства своихъ добросовѣстныхъ дѣйствій по внѣшней политикѣ; но такъ какъ этого не сдѣлано, то онъ будетъ вотировать за по-

правку. Г. Керъ Сеймеръ защищалъ внѣшнюю политику министерства. «Какъ независимый членъ, я объявляю, что не сочувствую Австріи. Я сочувствую Италианцамъ, но не Французамъ и Сардинцамъ, нападающимъ на Австрію. *(Слушайте.)* Я не довѣрю вмѣшательству деспотической державы въ пользу свободы *(слушайте, слушайте)*; первымъ слѣдствіемъ этого вмѣшательства было пріостановленіе свободы въ Сардиніи. Признаюсь, я не понимаю вопроса о національностяхъ, но вопросъ о конституціонной свободѣ мнѣ понятенъ. Я не вѣрю, чтобы Франція была покровительницею италянскон свободы. Кто низложилъ римскую республику, кто уничтожаетъ теперь свободу въ Римѣ? Развѣ не Франція? *(Слушайте, слушайте.)*»

Сэръ Джемсъ Грамъ, поднявшійся съ мѣста среди знаковъ одобренія и неодобренія, началъ слѣдующимъ образомъ:

Я встаю не за тѣмъ, чтобы преувеличивать достоинства рѣчи благороднаго лорда, члена за Тиверстонъ, и еще менѣе чтобы уменьшать достоинства рѣчи почтеннаго джентльмена, члена за Берингамъ. Я не послѣдую теперь за почтеннымъ джентльменомъ, только что сѣвшимъ на свое мѣсто, въ представленномъ имъ историческомъ обзорѣни того, что онъ почитаетъ упадкомъ и разрушеніемъ великой либеральной партіи; я не буду также разсуждать о пророчествахъ, которыя онъ сообщилъ намъ, касательно будущихъ судьбъ этой партіи. Мнѣ кажется, вопросъ, подлежащій теперь обсужденію, заключается въ слѣдующемъ: должно ли правительство, которому оказываетъ свое содѣйствіе почтенный членъ за Дорсетъ (г. Сеймеръ), пользоваться властью съ согласія большинства палаты? *(Слушайте, слушайте)* Вотъ что нужно теперь рѣшить, и къ этому будутъ относиться не многія замѣчанія, которыя я намѣренъ представить палатѣ. Положеніе мое довольно затруднительно. *(Ироническое одобреніе.)* Я былъ вытѣсненъ съ того мѣста, которое, благодаря снисходительности, или даже, милости джентльменовъ, сидящихъ противъ, я занималъ въ палатѣ, и будучи принятъ на этихъ (оппозиціонныхъ) скамьяхъ *(ироническія восклицанія, на которыя оппозиція отвѣчаетъ одобреніемъ)* — почтенные джентльмены противоположной стороны радуются горю, которое было сдѣлано скромному чловѣку — *(смѣхъ)*, но клики торжества не предсказываютъ еще, по моему мнѣнію, окончательной побѣды *(слушайте)* — итакъ, будучи принятъ на этихъ скамьяхъ, я не могу подать свой голосъ, не сказавши слова. *(Слушайте.)* Я съ удовольствіемъ отказался бы отъ слова, но канцлеръ казначейства, предводительствовавшей партіи, нашелъ умѣстнымъ сдѣлать такія замѣчанія, послѣ которыхъ мнѣ невозможно молчать. *(Слушайте, слушайте.)* Высокопочтенный джентльменъ занимаетъ важное поло-

женіе руководителя этой палаты (1) и такимъ образомъ онъ стоитъ во главѣ самаго многочисленнаго и наиболѣе уважаемаго собранія джентльменовъ этой страны. Можетъ-быть, я ошибаюсь, но я всегда думалъ, что принято обычаемъ между джентльменами... *(Смѣлъ, на который оппозиція отвѣчаетъ одобреніемъ.)*... Какъ, сэръ! Неужели дошло до этого? Послѣ того, какъ высокопочтенный членъ дозволилъ себѣ нападки на мой счетъ, неужели мнѣ не будетъ позволено представить объясненія? *(Одобрение.)* Не думаю, чтобы подобный образъ дѣйствій могъ быть допущенъ, даже въ новой палатѣ! *(Снова одобрение.)* Я хотѣлъ сказать, сэръ, что когда происходитъ какая-нибудь ошибка, и требуется въ ней объясненіе, то если ошибка эта признана, если представлено извиненіе, и изъявлено согласіе на то, чтобы извиненіе было обнаружено, я думаю, что въ такомъ случаѣ обычай между джентльменами не поднимать болѣе этого вопроса. *(Громкое одобрение со стороны оппозиціи.)* Но, кажется, я заблуждался, ибо рукъ водитель этой палаты счелъ за нужное подвергнуть это дѣло ревизіи. *(Одобрение.)* Я буду очень огорченъ, если пренія, касающіяся политики и интересовъ великой націи, утратятъ свой важный характеръ и перейдутъ въ личности, вмѣсто того, чтобы держаться въ тѣхъ высокихъ сферахъ, изъ которыхъ они не должны выходить. Но такъ какъ вопросъ, который я объяснялъ уже въ отвѣтъ своемъ высокопочтенному джентльмену государственному секретарю военныхъ дѣлъ (генералу Пилю), снова подвергся обсужденію, то считаю дозволительнымъ объяснить, что я до сихъ поръ придерживаюсь мнѣнія, высказаннаго мною въ этомъ отвѣтѣ, что хотя я и ошибался, будто бы возвышеніе платы за постой по билетамъ установлено было, въ отсутствіи парламента. министерскою прерогативою, но все-таки несомнѣнно, что обнародываніе этой мѣры сдѣлано наканунѣ выборовъ *(крики: о! о! съ министерской стороны и одобрение оппозиціи)*, и что вообще возвышеніе платы было въ связи съ выборами. *(Одобрение.)* Какъ мнѣ это ни тяжело, но будучи вынужденъ къ тому руководителемъ палаты, я представлю на этотъ разъ доказательствъ. *(Новое одобрение.)* Сынъ высокопочтеннаго государственнаго секретаря военныхъ дѣлъ представился кандидатомъ въ Девонпортъ. Гордясь, какъ и естественно, тѣмъ именемъ, которое онъ носитъ и родствомъ своимъ съ высокопочтеннымъ джентльменомъ, онъ объявилъ въ первомъ же адресѣ своемъ къ избирателямъ, что онъ сынъ государственнаго секретаря военныхъ дѣлъ, и тотчасъ же послѣ перваго появленія его въ Девонпортъ прибыто было объявленіе, которое я рѣшаюсь теперь прочесть палатѣ. *(Крики: о! о! съ министерскихъ скамей и одобрение оппозиціи.)*

(1) *Leader of the House*; такъ называется старшій изъ министровъ, заставляющихъ въ палатѣ общинъ. Онъ руководитъ преніями.

«Замѣтка для патентованныхъ трактирщиковъ и содержателей пивныхъ лавокъ. (Смѣхъ.) Теперешнее правительство озаботилось, чтобы съ 25 текущаго апрѣля, всякій, кто обязанъ содержать солдата на постоя по билету, получалъ 4 пенса, вмѣсто трехъ съ половиною, въ день. (Одобреніе съ министерской стороны.) Во время, подобное настоящему, когда вербовка производится въ размѣрахъ, болѣе обширныхъ, чѣмъ обыкновенно, эта льгота имѣетъ великую важность (одобреніе съ министерской стороны) и обнаруживаетъ желаніе, которымъ проникнуто доброе консервативное правительство (громкій восклицанія со стороны оппозиціи) отстранить несправедливости и притѣсненія повсюду, гдѣ оно ихъ встрѣчаетъ. (Одобреніе съ министерской стороны.) Патентованные трактирщики и содержатели пивныхъ лавокъ (смѣхъ) оцѣнить по достоинству эту льготу (слова смѣхъ) и поймутъ различіе между четырьмя пенсами консерваторовъ и тремя съ половиною вигговъ. (Громкій смѣхъ и одобреніе со стороны оппозиціи.)

Объявленіе оканчивается восклицаніемъ: *vivat regina!* (Смѣхъ.) Затѣмъ, сэръ, высокопочтенный канцлеръ казначейства упомянулъ о перестройкѣ и новомъ занятіи бараконъ въ Бервикѣ. Я слышалъ, что въ палату поступила изъ Бервика жалоба по поводу выборовъ. (Слушайте, слушайте.) Имѣя причины думать, что вопросъ будетъ подвергнутъ судебному изслѣдованію, я до тѣхъ норъ удержусь отъ всякихъ разсужденій. (Одобреніе.) Скажу то же самое о контрактахъ съ дуврскими и гальвейскими пароходами. Почтенный членъ за Фальмаутъ (г. Барингъ) сдѣлалъ въ сегодняшнемъ засѣданіи предложеніе объ отмѣнѣ дуврскихъ контрактовъ. Благородный лордъ, членъ за Тивертонъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ прошедшій вторникъ (7 іюня), выразилъ мнѣніе, съ которымъ я совершенно согласенъ, что вопросы эти должны подвергнуться строжайшему изслѣдованію, и я не стану предупреждать результатъ этого изслѣдованія. (Одобреніе.) Ближайшій пунктъ, къ которому обратился канцлеръ казначейства, касается союза съ католиками. Въ теченіе всей моей политической жизни, на сколько у меня ставало силъ, защищалъ я полное равенство религіозныхъ и гражданскихъ правъ католиковъ. (Одобреніе.) Я отстаивалъ ихъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они были покинуты многими изъ своихъ друзей. (Слова одобреніе.) Съ сожалѣніемъ замѣтилъ я, что во время послѣднихъ выборовъ церковное вліяніе было употребляемо, или по крайней мѣрѣ такъ говорилось (одобреніе съ министерской стороны), для того, чтобы побудить католиковъ подавать голоса противъ либеральной партіи. Отъ этого дѣло ихъ пострадало гораздо больше, чѣмъ бы оно могло пострадать отъ всѣхъ усилій ихъ противниковъ. Послѣднее обвиненіе канцлера казначейства кажется мнѣ наиболѣе серіознымъ. Оно относится къ упомянутому мною слуху, что будто бы между лордами и джентльменами консервативной партіи собрана была

для выборовъ значительная сумма денегъ, и что будто бы лордъ Дерби одинъ подписался на 20.000 ф. ст. Лордъ Дерби самъ объясился по этому предмету. Онъ опровергъ слухъ о подпискѣ въ 20.000 ф. ст., о подпискѣ въ 10.000 и даже въ 5.000, но я не слышалъ, чтобъ онъ опровергалъ подписку напимѣръ въ 200 ф. ст. (*Крики о! о! съ министерской стороны, на которые оппозиція отвѣчаетъ смѣхомъ и одобреніемъ.*) Не только не отказывался онъ отъ этого, но положительно подтвердилъ существованіе того фонда, о которомъ я упомянулъ, и даже подписки на большую сумму денегъ. И еще болѣе того. Съ полною откровенностію онъ объявлялъ, что подобнаго рода подписки составляются при всякихъ генеральныхъ выборахъ, и что разказы объ огромныхъ фондахъ имѣли безъ сомнѣнія на нѣкоторые выборы вовсе не такое вліяніе, какъ я предполагалъ. Благородный лордъ упомянулъ объ обвиненіи по этому поводу въ такихъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, что я теперь публично пользуюсь возможностью засвидѣтельствовать ему свою благодарность. (*Громкое одобреніе съ министерской стороны.*) Но, сэръ, канцлеръ казначейства объявлялъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ представляетъ собою лорда Дерби, и я долженъ сказать, возвращаясь опять къ занимаемому имъ положенію, самому высокому въ этой палатѣ, я долженъ сказать, что онъ въ отвѣтъ своемъ употребилъ выраженіе, которому подобнаго я здѣсь не слыхивалъ, несмотря на свою продолжительную парламентскую опытность. (*Одобреніе.*) Опроверженіе было сдѣлано имъ въ такихъ оскорбительныхъ словахъ, что я стыжусь упомянуть о нихъ.

Г. канцлеръ казначейства. Я встаю, чтобы требовать порядка. (*Одобреніе*) (1). Высокопочтенный джентльменъ (сэръ Джемсъ Грамъ) говоритъ о выраженіи, употребленномъ въ анонимной статьѣ. Въ рѣчи своей онъ самъ упомянулъ, что слова эти дошли къ нему именно такимъ путемъ, что онъ не принимаетъ ихъ на свою отвѣтственность (*одобреніе*), и эту анонимную статью я назвалъ безстыдною выдумкою. (*Слова одобреніе.*) Статья была въ моихъ рукахъ, она была обнародована и поступила въ газеты прежде рѣчи высокопочтеннаго джентльмена. Я могъ сожалѣть, что высокопочтенный джентльменъ повѣрилъ хотя на минуту этой статьѣ, но никогда не относилъ я къ нему тѣхъ выраженій, о которыхъ онъ говоритъ.

Сэръ Джемсъ Грамъ. Право, сэръ, я нахожусь въ затрудненіи и не знаю, какъ должно мнѣ принять объясненіе, сдѣланное

(1, I rise to order. Этими словами одинъ членъ парламента имѣетъ право перебивать рѣчь другаго.

высокопочтеннымъ джентльменомъ. Онъ сказалъ, что это обвиненіе безстыдная выдумка. (*Одобреніе съ министерской стороны.*) Во всѣхъ сношеніяхъ моихъ, сэръ, съ этимъ высокопочтеннымъ джентльменомъ, никогда не сдѣлалъ и не сказалъ я ничего, что бы могло ему дать право нанести мнѣ личную обиду. Не могу повѣрить, сэръ, чтобы вы дозволили употребленіе подобнаго выраженія, еслибъ оно было прямо обращено къ какому-нибудь члену этой палаты. Я не думаю, чтобы правила палаты допускали это, и не мнѣ конечно призывать высокопочтеннаго джентльмена къ порядку.

Спикеръ. Думаю, что можетъ-быть если я передамъ палатѣ впечатлѣніе, которое произвела на меня упомянутая фраза, то печальныя пренія эти могутъ прекратиться. (*Слушайте, слушайте.*) Я очень хорошо помню настоящія слова произнесенной фразы, и понялъ ее такъ, что выдумка, какъ объяснилъ достопочтенный джентльменъ, канцлеръ казначейства, дѣйствительно была пущена въ ходъ, но что происхожденіе ея принадлежитъ не высокопочтенному джентльмену, члену за Карлейль.

Сэръ Джемсъ Грамъ. Объясненіе, представленное высокопочтеннымъ канцлеромъ казначейства, сэръ, и подкрѣпленное вашимъ высокимъ, неприкосновеннымъ авторитетомъ, даетъ, конечно, нѣкоторое удовлетвореніе моимъ оскорбленнымъ чувствамъ. (*Смѣхъ и одобреніе.*) Но высокопочтенный джентльменъ упоминалъ еще въ рѣчи своей о миротворящемъ вліяніи зрѣлаго возраста, представляя, впрочемъ, самимъ собою живое противорѣчіе извѣстному изреченію Горациа:

Lenit albescens animos capillus (1),

ибо по немъ можно видѣть, что легко утратить вѣтренность характера, но несмотря на то, сохранить страсть къ сарказмамъ. (*Смѣхъ и одобреніе.*) Считаю нужнымъ замѣтить при этомъ, сэръ, что я уже пользовался честью засѣдать въ этой палатѣ, когда высокопочтенный джентльменъ впервые занялъ въ ней свое мѣсто. Тотчасъ же я убѣдился въ великихъ его способностяхъ, и слѣдилъ за успѣхами его до тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ достигъ теперешняго своего высокаго положенія, и слѣдилъ безъ всякаго чувства зависти или недоброжелательства. Но неумѣренность выраженій, на томъ постѣ, который занимаетъ высокопочтенный джентльменъ, всегда казалась мнѣ доказательствомъ проиграннаго дѣла (*одобреніе*), и я вижу въ рѣчи его и въ тѣхъ словахъ, которыя онъ себѣ дозволялъ, счастливое предзнаменованіе несомнѣннаго успѣха предложенной теперь поправки. (*Слова одобреніе.*) Высокопо-

(1) - Блѣвующій волосъ смягчаетъ запальчивость.

чтенный джентльменъ извинить меня, если я открыто выражу свой образъ мыслей. Въ преніяхъ этихъ онъ играетъ роль краснокороваго индійца. (*Смѣхъ.*) Съ томагаукомъ (сѣкирою) въ рукахъ онъ пробился къ власти и теперь прибѣгаетъ къ скальпированію (обдиранію кожи), думая, нельзя ли этимъ предотвратить потерю власти. (*Одобреніе и смѣхъ.*) Когда достопочтенный джентльменъ употребляетъ въ отношеніи къ человѣку, не нанесшему ему никакой обиды (*о! о!*), такія слова, съ какими обратился онъ ко мнѣ, то можно, пожалуй, удивиться дикости нападенія (*о! о! и одобреніе*), но нельзя въ то же время не простить его, изъ уваженія къ тѣмъ чувствамъ гнѣва и разочарованныхъ надеждъ, которыми оно было внушено. (*О! о! и одобреніе*).

Nunc ad te et tua magna, Pater, consulta revertor. (1).

Съ удовольствіемъ покидаю я эти личныя пренія, вызванна обстоятельствомъ, которыя я почелъ невозможнымъ оставить безъ всякаго упоминенія. (*Слушайте, слушайте.*) Перехожу къ обзорѣннѣи нѣкоторыхъ дѣйствій прежняго правительства, (*смѣхъ*), то-есть теперешняго правительства. Впрочемъ, въ будущій понедѣльникъ выраженіе, случайно вырвавшееся у меня, придется, вѣроятно, болѣе кстати. (*Смѣхъ и одобреніе.*) Подобно почтенному члену за Дорсетширъ (г. Керъ-Сеймеру), я способствовалъ къ паденію правительства благороднаго виконта, члена за Тивертонъ; я подалъ одинаковый съ нимъ голосъ по вопросу о войнѣ съ Китаемъ, и не раскаиваюсь въ этомъ; ибо никогда еще не приходилось мнѣ подавать голосъ съ большею увѣренностію; никогда я менѣе не сожалѣлъ о подданномъ мною голосѣ. То же самое скажу я о мнѣніи своемъ по поводу билля о заговорахъ. Я подавалъ въ этомъ случаѣ голосъ за одно съ большинствомъ, и когда правительство благороднаго виконта пало, мнѣ казалось общественною обязанностію не дѣлать оппозиціи правительству, заступившему его мѣсто, на основаніи маловажныхъ и второстепенныхъ причинъ. Привожу въ свидѣтели всю палату, привожу въ свидѣтели самихъ почтенныхъ джентльменовъ, засѣдающихъ на скамьѣ казначейства, не оказывалъ ли я имъ въ теченіи всего истекшаго году искреннюю помощь, всякій разъ, какъ это было въ моей власти. Во время преній объ индійскомъ биллѣ я сдѣлалъ все возможное, чтобы билль этого былъ принятъ палатою. Когда высокопочтенный другъ мой, членъ за Оксфордъ (г. Кардвель), сдѣлалъ свое предложеніе, я согласился съ ними въ защитѣ аудской прокламаціи. Скрывалъ ли я, когда-либо, свой образъ мыслей? Не встрѣчали ли они во мнѣ всякій разъ опоры? До тѣхъ

(1) - Отецъ, возвращаюсь теперь къ тебѣ и къ твоимъ великимъ софтамъ.

самыхъ поръ, пока они представили билль о реформѣ, отказывался я ли когда-нибудь, если этому не препятствовало чувство общественнаго долга, помогать имъ? Позволю себѣ, по примѣру многихъ другихъ членовъ, упомянуть объ индійскомъ билль. Противъ меня сидитъ благородный лордъ, государственный секретарь для Индіи (лордъ Станли). Я удивляюсь его талантамъ, высоко цѣню административныя его способности, готовъ смотрѣть на него иногда какъ на *spes altera* Рима (1). Думаю, что не слѣдуетъ возлагать на него ответственность за первый индійскій билль, представленный правительствомъ; то былъ билль не то чтобы мертворожденный, но задушенный насмѣшками прежде чѣмъ онъ испустилъ первый, слабый крикъ. (Смѣхъ.) Благородный лордъ замѣнилъ въ послѣдствіи этотъ билль другимъ и, должно сознаться, не отличался большимъ счастьемъ въ борьбѣ своей съ трудностями, окружавшими индійскія дѣла. По окончаніи, или лучше сказать, по усмиреніи, несчастнаго возстанія на полуостровѣ, благодаря искусству нашихъ генераловъ, доблести войскъ и опытности гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, служившихъ въ Остъ-индской компаніи, все еще представлялись двоякаго рода затрудненія. Они состояли въ финансовомъ устройствѣ Индіи и въ преобразованіи индійской арміи. Какимъ же образомъ поступило правительство съ обоими этими вопросами? Что касается до финансовъ и долга, оно объявило офиціально палатѣ 8 февраля, что индійское казначейство потребуетъ вспомошествованія, въ видѣ займа, на сумму 5.000.000 фунт. стерл. Но не прошло еще мѣсяца, какъ оказалось, что потребно еще по крайней мѣрѣ столько же, т.-е. 5.000.000 ф. стерл., и палата должна теперь согласиться на вторичный такой же заемъ. Обратимся теперь къ преобразованію арміи: въ какомъ положеніи находится теперь это дѣло? Въ то время, какъ состояніе Европы, во многихъ частяхъ ея, далеко не было надежнымъ, 100.000 англійскихъ войскъ находились на другомъ концѣ міра. Не далѣе, какъ въ истекшемъ мартѣ мѣсяцѣ, исполнительная власть рѣшилась послать въ Индію 10 артиллерійскихъ ротъ. Сожалѣю, что почтенный и доблестный членъ за Вестминстеръ (2) не находится сегодня здѣсь, но всѣмъ извѣстно, что только благодаря усиленнымъ его просьбамъ, благодаря вмѣшательству этой палаты и вліянію многихъ почтенныхъ членовъ, удалась предотвратитъ отправление этихъ артиллерійскихъ ротъ. Преобразование индійской арміи остается все-таки глав-

(1) «Вторая надежда Рима». По всему вѣроятію, недалеко то время, когда лордъ Станли, сынъ графа Дерби, получитъ полученіе составить кабинетъ лодъ своимъ предводительствомъ.

(2) Генералъ Эвансъ.

нимъ затрудненіемъ, съ которымъ придется бороться законодательству этой страны, если только мы захотимъ обезопасить владычество наше въ Индіи. Но какой же былъ образъ дѣйствій правительства въ отношеніи къ этому вопросу? Оно передало его на разсмотрѣніе комиссіи. Въ комиссію эту назначены членами два государственные секретаря, одинъ для индійскихъ, другой для военныхъ дѣлъ, потомъ главнокомандующій, различные чины индійскаго управленія и коронные чиновники. Голоса съ такою точностью раздѣлены по мнѣніямъ, что при всякомъ вопросѣ бываетъ по одному государственному секретарю на каждой сторонѣ, въ то время, какъ главнокомандующій и коронные чиновники составляютъ одну партію, а служители Остъ-индской компаніи — другую. Слѣдствіемъ этого мы видимъ, что важный вопросъ этотъ не только остается до сихъ поръ неразрѣшеннымъ, но подаетъ въ настоящую минуту поводъ къ сильнымъ распрямъ, и правительство ея величества еще не можетъ покончить съ нимъ. Какъ говорить послѣ того о раздѣленіи мнѣній! Гдѣ можетъ оно существовать сильнѣе, какъ не между государственнымъ секретаремъ индійскихъ дѣлъ, главнокомандующимъ и государственнымъ секретаремъ военнымъ! А между тѣмъ, соединенныя усилія ихъ необходимы для того, чтобы привести упомянутый мною вопросъ къ вождѣльному концу. Теперь, одно слово о финансахъ. Я вовсе не намѣренъ безъ пользы и со злымъ умысломъ противодѣйствовать правительству или критиковать бюджетъ, представленный имъ въ прошедшемъ году. Но однако, что это былъ за бюджетъ! Безъ согласія парламента, на свою собственную отвѣтственность, правительство сложило два милліона прямыхъ налоговъ въ формѣ налога съ доходовъ (*income-tax*). Оно оставило безъ уменьшенія три милліона налоговъ на чай и сахаръ, назначенныхъ на время войны. (*Слушайте, слушайте.*) Оно увеличило нашъ государственный долгъ въ мирное время на сумму двухъ милліоновъ, новымъ займомъ, и если сумма эта была въ послѣдствіи выплачена, то только благодаря избыткамъ дохода въ казначействѣ, которые нужно было бы особенно хранить въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, какъ теперешнія. (*Слушайте, слушайте.*) Почтенный членъ за Дорсетъ упомянулъ о *church-rates* (1). И въ этомъ случаѣ, несмотря на все желаніе мое поддерживать правительство, я рѣшительно не могу одобрить мѣры, предложенной высокопочтеннымъ членомъ за Кембриджскій университетъ (г. Вальполемъ). Мнѣ кажется, что она нарушаетъ

(1) Подать на ремонтъ церквей англиканскаго вѣроисповѣданія. Она очень незначительна, но считается несправедливою, потому что въ ней участвуютъ всѣ жители, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали.

всѣ принципы, за которые можетъ ратовать духовное лицо, ради единенія между государствомъ и церковью. Она предлагаетъ премію *диссентерамъ*, нисколько этимъ не удовлетворяя ихъ (*слушайте слушайте*), и вовсе не прекращаетъ распрей; словомъ, никогда еще не представлялось этой палатѣ болѣе слабой попытки разрѣшить одно изъ наибольшихъ затрудненій. (*Слушайте, слушайте.*) То же самое можно сказать и о Евреяхъ. Изъ всѣхъ безсильныхъ рѣшеній, на которыхъ останавливался когда-либо парламентъ, такъ называемое рѣшеніе еврейскаго вопроса должно считать самымъ худшимъ. (*Слушайте, слушайте.*) Несогласіе между обѣими палатами остается послѣ него въ томъ же самомъ видѣ, и не только не прекращаются имъ споры, но напротивъ оно составлено такимъ образомъ, что споры эти могутъ возобновляться при каждой новой сессіи. Сэръ, вы достаточно испытали уже, что раздражительныя и непріятныя пренія не прекратились послѣ принятія этой мѣры (1). (*Слушайте, слушайте.*) Обращаюсь теперь къ иностранной политикѣ, хотя не намѣренъ останавливаться на этомъ предметѣ. Не могу не замѣтить однако, что я не безъ удивленія услышалъ слова, произнесенныя въ прошломъ засѣданіи канцлеромъ казначейства объ Австріи. Онъ упомянулъ, говоря о резолюціи, предложенной въ прошломъ парламентѣ благороднымъ членомъ за Лондонъ, что успѣхъ ея парализировалъ вліяніе Англіи на вѣнскій кабинетъ, превратилъ правительство въ трупъ и лишилъ всякаго вѣса его совѣты. Если я не ошибаюсь, и я жду въ такомъ случаѣ поправки, правительство лорда Дерби уже послѣ принятія этой резолюціи посоветовало австрійскому кабинету повременить нападеніемъ своимъ на Сардинію до тѣхъ поръ, пока не получитъ отвѣтъ на предложеніе, сдѣланное Сардиніи и Франціи. Вліяніе его не только не было парализировано въ Вѣнѣ, но австрійское правительство, въ дурной для себя часъ, послушалось этого совѣта, и отложило вступленіе своихъ войскъ въ Піемонтъ на четыре дня, къ своему великому и можетъ-быть неисправимому несчастію. (*Слушайте.*) Я не согласенъ съ мнѣніемъ почтеннаго члена за Бермингамъ касательно вооруженія правительствомъ флота; поведеніе его въ этомъ случаѣ было, я полагаю, совершенно благоразумно. (*Слушайте, слушайте.*) Если Англія желаетъ явиться при удобномъ случаѣ и въ интересахъ мира посредницею между двумя воюющими державами, необходимо обладать ей для того могуществомъ, а усиленіе нашего флота имѣетъ то преимущество,

(1) Намекъ на разговоръ, бывшій въ новой палатѣ общинъ, еще до дня открытія парламента королевой, по поводу присяги еврейскихъ членовъ палаты.

что не можетъ возбудить подозрѣнія или недоброжелательства въ континентальныхъ державахъ, сражающихся съ помощью сухопутныхъ армій. (*Слушайте, слушайте.*) Распушеніе послѣдняго парламента, однако, было мѣрою, за которую правительство подлежитъ строгой ответственности. То была мѣра, въ теоритическомъ отношеніи, поспѣшная и неосмотрительная, въ практическомъ же отношеніи она привела къ весьма печальнымъ результатамъ. (*Крики «о! о!» и одобреніе.*) Я говорю о печальныхъ результатахъ не въ смыслѣ какой-либо партіи, но въ смыслѣ національномъ. (*Слушайте, слушайте.*) Прилично ли, что первый министръ Англіи, изложившій въ палатѣ лордовъ состояніе внѣшней политики и видя необходимость, при неожиданныхъ обстоятельствахъ, измѣнить согласно съ ними свой прежній взглядъ, долженъ былъ сдѣлать это не въ парламентѣ, гдѣ онъ пользуется огромнымъ вліяніемъ, а на частномъ банкетѣ, въ домѣ лорда-мера, въ Лондонскомъ Городѣ? (*Слушайте, слушайте.*) Второй секретарь иностранныхъ дѣлъ (г. Фитцджеральдъ) говорилъ о легкомысліи рѣчей, произнесенныхъ на гестингсахъ; но какою же особенною глубиною отличалась его собственная рѣчь, съ которою онъ обратился къ своимъ избирателямъ въ Горшамѣ! Въ то время возникло нѣкоторое сомнѣніе о сношеніяхъ между Франціею и Россіею. Отвѣчать на это здѣсь или въ палатѣ лордовъ не представлялось уже возможности; парламентъ былъ распушенъ; и почтенный джентльменъ, по чувству общественнаго долга, принужденъ былъ сообщить слѣдующее важное извѣстіе съ горшамскихъ подмостокъ:

«Относительно вопроса о мнимомъ союзѣ между Россіею и Франціею, правительство этой страны сочло нужнымъ обратиться къ все-россійскому императору съ прямымъ и категорическимъ запросомъ, дѣйствительно ли существуетъ подобный союзъ, враждебный Англіи. Въ отвѣтъ, полученномъ нами отъ князя Горчакова, говорится: «Я не отрицаю, что между Россіею и Франціею можетъ существовать письменное соглашеніе, но могу увѣрить васъ самымъ положительнымъ образомъ, что соглашеніе это не заключаетъ ничего, что могло бы быть, даже приблизительно, перетолковано въ смыслѣ враждебнаго союза противъ Европы.» Если лорду Мельмсбери будетъ сдѣланъ запросъ по этому поводу, онъ будетъ съ полною увѣренностію отвѣчать въ этомъ смыслѣ, и я даю вамъ личное свое поручительство, что слова эти не будутъ опровергнуты фактами.»

Г. Фитцджеральдъ. Прошу позволенія замѣтить, что въ одномъ журналѣ, напечатавшемъ мою рѣчь, дѣйствительно приписываются мнѣ тѣ выраженія, которыя прочтены высокопочтеннымъ баронетомъ; но если высокопочтенный джентльменъ обратится къ другимъ журналамъ (*смыслъ*), онъ найдетъ, что слово «Европа» поставлено ошибочно вмѣсто «Англія». Выраженіе, употреблен-

ное въ отвѣтъ князя Горчакова было: «враждебный союзъ противъ Англіи».

Сэръ-Джемсъ Грамъ. Съ удовольствіемъ принимаю поправку почтеннаго джентльмена, но нужно ли болѣе убѣдительныхъ доказательствъ неудобства, — чтобы не сказать чего-либо хуже, — сообщать публикѣ такіа важныя дѣла въ избирательной рѣчи, при несовершенствѣ стенографическихъ средствъ на гестингсахъ, и что же долженъ подумать князь Горчаковъ, когда онъ узнаетъ, что въ промежутокъ шестинедѣльнаго междуцарствія правительство наше очутилось въ необходимости обнародовать содержаніе важныхъ депешъ съ избирательныхъ подмостковъ? (*Слушайте, слушайте.*) Но на этомъ еще не останавливается неловкость нашего правительства, ибо канцлеръ казначейства сообщилъ избирателямъ своимъ въ Айльсбери содержаніе русской депеши въ видѣ нѣсколько различномъ. Второй секретарь иностранныхъ дѣлъ не отрицалъ, что изъ словъ князя Горчакова можно заключить о существованіи письменнаго обязательства, а канцлеръ казначейства объявилъ въ Айльсбери, что письменнаго обязательства не существуетъ.

Канцлеръ казначейства. Не существуетъ трактата. (*Смѣхъ.*)

Сэръ-Джемсъ Грамъ. Не существуетъ трактата, — письменное обязательство отличается, слѣдовательно, отъ трактата; но если въ этомъ письменномъ обязательствѣ, отличающемся отъ трактата, нѣтъ ничего враждебнаго Англіи, отчего же оно не было ей сообщено? (*Слушайте, слушайте.*) Развѣ оно было сообщено? Если нѣтъ, то нельзя не видѣть въ этомъ обстоятельстве огромной важности, способнаго возбудить самыя серьезныя опасенія, доказывающаго, какъ неосторожно было лишить корону содѣйствія парламента въ такое критическое время. (*Одобреніе.*) Уже прежде выразилъ я свое полное одобреніе дѣятельности нашихъ вооруженій. Но въ теченіи междуцарствія, когда правительство, по словамъ самого лорда Дерби, находилось въ положеніи офицера, котораго слѣдуетъ судить военнымъ судомъ, и который ожидаетъ надъ собою приговора и не знаетъ, будетъ ли возвращена ему шпага или нѣтъ, — оно отважилось, несмотря на то, безъ согласія и вѣдома парламента, на двѣ самыя важныя мѣры, на которыя отваживалось когда-либо и какое-либо другое правительство. (*Громкое одобреніе съ министерской стороны.*) Конечно, крайняя необходимость можетъ оправдать подобную смѣлость. (*Одобреніе.*) Но принятіе этихъ мѣръ ставитъ правительство ея величества въ самую затруднительную альтернативу: оно или сознавало уже прежде неминуемую опасность войны, или не сознавало ея и въ такомъ случаѣ грубо заблуждалось.

Я не предполагаю, чтобъ оно имѣло намереніе обманывать всѣхъ насъ, но обольщаясь само и распустивши неосмотрительно парламентъ, оно окружено было большими конституціонными трудностями и позволило себѣ тотъ образъ дѣйствій въ отношеніи къ арміи и флоту, о которомъ я сейчасъ буду говорить. Впервыхъ, о флотѣ: они издали прокламацію съ предложеніемъ большой преміи, въ 10 ф. стерл. опытнымъ морякамъ, въ 5 ф. морякамъ обыкновеннымъ и въ 3 ф. стерл. не морякамъ. Впервыхъ, я отвергаю необходимость преміи опытнымъ морякамъ; доблестный членъ за Соутваркъ (сэръ-Чарльзъ Напиръ) доказывалъ, что число тѣхъ, которыхъ можно привлечь подобною преміею, весьма незначительно; но уже не говоря о томъ, значительно ли или нѣтъ число ихъ, предложеніе преміи устанавливаетъ новый, огромной важности принципъ. Какое будетъ впечатлѣніе этой преміи на моряковъ, уже находящихся во флотѣ? Каково будетъ вліяніе ея на систему постоянной службы? Всѣ усилія каждой морской администраціи клонились къ тому, чтобъ увеличить число людей, вступающихъ въ постоянную службу. Но кто же согласится вступить на долгое время во флотъ, зная, что въ мирное время, при малѣйшемъ предзнаменованіи, что миръ будетъ нарушенъ, будетъ предложена премія въ 10 ф. стерл.? *(Слушайте.)* Я всегда былъ убѣжденъ, что дарованіе преміи возвышаетъ соответственнымъ образомъ наемную плату и въ купеческомъ флотѣ, и что же? плата эта, со времени прокламаціи правительства, возвысилась на 20 шилл. въ мѣсяцъ. Полагая число людей въ купеческомъ флотѣ въ 300.000 человекъ, какова будетъ сумма, если счесть по 12 ф. стерл. лишнихъ на человека въ годъ? Это, конечно, самый тяжкій налогъ, которому только можетъ подвергнуться классъ людей, занимающійся мореходствомъ. Онъ по необходимости подвергнулся бы ему, еслибы дѣйствительно существовала необходимость, но развѣ необходимость эта существуетъ? Во время крымской кампаніи, я противился системѣ премій, и успѣлъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, устроить флотъ безъ этого нововведенія. При господствѣ мира вы рѣшились на такое средство, которое можетъ быть допущено только при наступленіи войны, и я твердо увѣренъ, что мѣра эта неполитична и неблагоразумна въ высшей степени. *(Слушайте, слушайте.)* Что касается до арміи, правительство, другою своею прокламаціею, вознамѣрилось поощрить всеобщее вооруженіе, виновать, я ошибаюсь,—вооруженіе только одного класса. Но если допущена будетъ ваша система, этотъ вооруженный классъ не будетъ въ состояніи держаться ни одной минуты; если же вы вооружите всѣхъ, то надо будетъ прибѣгнуть къ особеннымъ предосторожностямъ,—предосторожностямъ зрѣло обдуманымъ, или въ противномъ случаѣ, послѣдствія могутъ быть крайне опасны. Касательно этого, я сошлюсь на одно превосходное мѣсто въ сочиненіяхъ

г. Гизо. При вступлении Людовика-Филиппа на престолъ , на немъ лежалъ долгъ заняться устройствомъ французской національной гвардіи. Г. Гизо выражается такъ объ этой мѣрѣ:

«Достоинства и невыгоды національной гвардіи заключаются въ возбужденіи самыхъ разнообразныхъ надеждъ. Могущественная организація этого войска значительно успокоиваетъ тѣхъ, которые опасаются за независимость и вѣдшее вліяніе націи. (Таково, между прочимъ сегодня мнѣніеважнѣйшаго изъ журналовъ нашей страны.) Друзья порядка надѣялись найти въ національной гвардіи силу, готовую охранять общественное спокойствіе, еслибы нельзя было положиться на армію, по причинѣ ея слабости или могущаго распространиться въ ней неудобствія. Либералы обольщали себя мыслию, что, при постоянномъ существованіи національной гвардіи, огромная постоянная армія окажется бесполезною. (То же самое думаютъ и у насъ.) Демократы были въ восторгѣ отъ мысли, что большая часть народа будетъ вооружена и такимъ образомъ получитъ возможность дѣлательно вмѣшиваться въ государственное управленіе.»

Я считаю эти сужденія обильными всяческихъ предостереженій. Однакожъ, между тѣмъ какъ парламентъ не засѣдалъ, актомъ прерогативы сдѣланъ первый шагъ къ устройству національной гвардіи. *(Слушайте, слушайте.)* Во время междуцарствія, исполнительная власть, съ отвагою, превышавшею дѣйствительное ея могущество, разрѣшило само два изъ самыхъ важныхъ вопросовъ касательно арміи и флота, съ которыми когда-либо приходилось имѣть дѣло правительству. Теперь осмѣлюсь занять вниманіе палаты только небольшимъ обращеніемъ къ вопросу о реформѣ. То былъ одинъ изъ вопросовъ, по которому я нашелъ невозможнымъ поддерживать правительство ея величества. Канцлеръ казначейства объявилъ, и совершенно правдиво, говоря объ установленіи избирательнаго ценза 10 £. стерл. въ графствахъ, что правительство считаетъ необходимымъ сопоставить съ нимъ какую-нибудь однозначную мѣру, которая могла бы уравнивать его приложеніе. Когда онъ перешелъ затѣмъ къ избирательному цензу въ бургахъ, онъ сказалъ, что считаетъ величайшею опасностію «шептать въ ухо народа обѣщанія» и потомъ «обманывать надежды». Но именно такимъ-то образомъ и поступило правительство съ вопросомъ объ избирательномъ цензѣ въ графствахъ; оно старалось нейтрализовать его, и даже направить вліяніе его въ противоположную сторону. Но мы боролись не тщетно. Правительство ея величества поняло необходимость понизить цензъ въ городахъ, измѣнить распредѣленіе льготы и даже лишить нѣкоторые изъ малыхъ бурговъ права посылать членовъ въ парламентъ (1). Если бы оно предложило все это съ

(1) Для поясненія этого мѣста рѣчи сэръ-Джемса Грама стичаемъ нуж-

такую же искренностию еще прежде распущенія парламента, какъ въ этотъ вторникъ вечеромъ, то я увѣренъ, что билль прошелъ бы при содѣйствіи значительнаго большинства палаты, что палата лордовъ также согласилась бы на него, и спорный вопросъ этотъ о парламентской реформѣ былъ бы рѣшенъ на тѣхъ самыхъ основахъ, въ необходимости которыхъ теперь убѣдилось правительство ея величества. (*Одобрение.*) Развѣ все это было для нихъ новостью? Развѣ они сдѣлали это открытіе лишь во время послѣднихъ выборовъ? Высокопочтенный джентльменъ, членъ за Оксфордширъ (г. Генли) съ своею проницательностию и высокопочтенный другъ мой, членъ за Кембриджскій университетъ (г. Вальполь) съ своею неподкупною правдивостию указывали имъ на это

мнѣмъ сказать нѣсколько словъ о главномъ спорномъ пунктѣ по вопросу о реформѣ. Известно, что Англія, въ политическомъ отношеніи, раздѣляется на графства, *counties*, и бурги, *boroughs*. Раздѣленіе это ведется съ давнихъ поръ и въ настоящее время имѣетъ чисто-территоріальный характеръ. Одно пространство земли, все равно городской или сельской, обмежаванное извѣстными границами, называется бургомъ и пользуется правами бурга; другое пространство, обыкновенно болѣе обширное, называется графствомъ и пользуется правами графства, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы въ этомъ пространствѣ не было городовъ; города могутъ сами собой возникать на землѣ графства, и остаются составными частями графства. Дѣленіе на графства и бурги не имѣетъ ничего общаго съ теперешнимъ распределеніемъ городского и сельскаго народонаселенія въ странѣ; это дѣленіе чисто-историческое, имѣющее особенную важность потому, что на немъ основаны разныя степени такъ-называемой избирательной льготы, *electoral franchise*, то-есть права избирать членовъ въ парламентъ. До сихъ поръ бурги дѣлились на большіе и малые: въ большихъ многочисленность избирателей обезпечиваетъ независимость выборовъ; малые, по малочисленности избирателей, легко поддаются вліянію большихъ землевладѣльцевъ, и потому избраніе членовъ въ парламентъ превращается иногда въ этихъ малыхъ бургахъ, *small boroughs*, въ простую формальность. Отсюда стремленіе реформеровъ къ тому, чтобы число парламентскихъ мѣстъ, предоставленныхъ большимъ бургамъ, было увеличено, а число парламентскихъ мѣстъ, предоставленныхъ малымъ бургамъ, было уменьшено, и чтобы нѣкоторые малые бурги совсѣмъ лишены были избирательной льготы, *disfranchised* Дале. Теперешняя льгота въ бургахъ совершенно отлична отъ льготы въ графствахъ. Чистый доходъ 10 фунтовъ стерл. съ дома даетъ въ бургахъ право голоса, между тѣмъ какъ въ графствахъ требуется чистый доходъ 50 ф. ст. съ занимаемой земли. Мы не говоримъ о другихъ видахъ льготы, которыхъ много, но должны упомянуть о томъ, что въ графствахъ пользуются избирательною льготою такъ-называемые *фригольдеры*, или владѣльцы свободной недвижимой собственности, получающіе 40 шиллинговъ (12 р. 50 к.) чистаго дохода съ собственности, ими владѣемой. Всѣ эти сорока-шиллинговые *фригольдеры*, гдѣ бы ни находилось ихъ владѣніе, или *фригольдъ*, то-есть въ бургахъ ли или въ графствахъ, подаютъ свой голосъ въ графствахъ. Эта повидному странная непослѣдовательность производитъ на выборахъ особеннаго рода игру вліяній, имѣющую большое значеніе. Еслибы *фригольдеры* бурговъ, люди, получающіе лишь по 12 р. 50 к. дохода, имѣли право по-

еще прежде(1). (*Одобреніе.*) Къ чему же мы теперь пришли? Такъ какъ одинаковость избирательной льготы была необходима по мнѣнію теперешнихъ совѣтниковъ ея величества, то всякое пониженіе ценза въ бургахъ представлялось опаснымъ, невозможнымъ и должно было благопріятствовать планамъ только тѣхъ демократовъ, къ числу которыхъ причисляю я вмѣстѣ съ почтеннымъ членомъ за Бермингамъ. (*Одобреніе съ министерской стороны.*) Оно представлялось столь опаснымъ, что не могло быть терпимо ни минуты. Джентльмены, сидящіе позади министровъ, выражаютъ свое одобреніе. (*Слушайте, слушайте! и смѣхъ.*) Но каковъ же, позвольте узнать, вашъ образъ мыслей? Думаете ли вы остановиться на 10 ф. стерл. избирательнаго ценза, безъ всякаго уравнивающего вознагражденія, думаете ли вы понизить этотъ цензъ, приступить къ отнятію права посылать членовъ въ парламентъ у мелкихъ бурговъ и къ новому распредѣленію парламентскихъ мѣстъ между графствами и бургами? (*Слушайте, слушайте.*) Таковъ ли вашъ образъ мыслей? Присоединитесь въ такомъ случаѣ къ правительству, и тогда всѣ затрудненія касательно реформы уничтожатся, но я говорю, что до сихъ поръ правительство хитрило съ самыми важными вопросами и только возбудило чрезмѣрныя надежды. У меня есть небольшая симпатія къ прежней палатѣ, о которой

давать голосъ въ своемъ бургѣ, то они подавали бы голосъ подъ вліяніемъ богатыхъ и сильныхъ людей того бурга, гдѣ они живутъ, но такъ какъ они подаютъ голосъ въ графствѣ, и такъ какъ богатые и сильные люди бурга не имѣютъ большаго интереса въ выборахъ графства, то голоса подаются этими *фригольдерами* независимо, тѣмъ болѣе что богатые и сильные люди графства, имѣющие вліяніе на арендаторовъ и *фригольдеровъ* графства, не могутъ имѣть никакого вліянія на *фригольдеровъ* бурговъ. Такимъ образомъ, сорока-шиллинговые *фригольдеры* бурговъ вносятъ въ выборы графствъ независимый элементъ. Теперь ясно будетъ, въ чемъ состоитъ «уравнивающее вознагражденіе», о которомъ говоритъ г. Грамъ, какъ о существенной части мѣры, предложенной министерствомъ графа Дерби. Мѣра эта устанавливала впервыхъ одинаковость избирательной льготы для графствъ и бурговъ, именно 10 ф. дохода съ нанимаемой недвижимой собственности. Въ бургахъ слѣдовательно дѣле осталось бы въ этомъ отношеніи въ томъ же видѣ, какъ было прежде. Въ графствахъ увеличилось бы число избирателей, но увеличилось бы также вліяніе мелкихъ арендаторовъ, на которыхъ богатымъ землевладѣльцамъ легко было бы имѣть вліяніе. Вторыхъ эта мѣра устанавливала, чтобы *фригольдеры* бурговъ подавали впредь голосъ не въ графствахъ, какъ было до сихъ поръ, а въ бургахъ. вслѣдствіе чего выборы графствъ потеряли бы тотъ независимый элементъ, который до сихъ поръ балансировалъ тамъ вліяніе большихъ землевладѣльцевъ. — Напротивъ того, либералы желаютъ, чтобы льгота въ графствахъ была понижена до 10 ф., въ бургахъ до 6 ф., и чтобы сорока-шиллинговые *фригольдеры* подавали и впредь, какъ доселѣ, голоса свои въ графствахъ.

(1) Оба эти достопочтенные джентльмена вышли изъ министерства по поводу была о реформѣ.

высокопочтенный джентльменъ членъ за Дройвичъ (сэръ-Джонъ Пакингтонъ) отзывается съ такимъ презрѣніемъ. Думаю, что подобныя отзывы незаслужены. Выслушайте же и о недоверіи къ правительству и распущеніи парламента слова, въ которыхъ съ необыкновенною пронизательностію и силою выражено мое собственное мнѣніе касательно о предложенной намъ поправки; палата не откажетъ мнѣ быть-можетъ въ снисходительномъ вниманіи, узнавши, что словами этими я заключаю свою рѣчь. Вотъ они: «За пользованіе прерогативою распущенія, за избранныя для того время, способы и случаи, за всѣ обстоятельства, которыми сопровождается распущеніе, совѣтники короны должны нести на себѣ отвѣтственность передъ будущимъ парламентомъ. Нельзя не назвать отчаяннымъ усиліе посредствомъ возбужденія страстей и волненія поддерживать нѣкоторое время колебл ощесся правительство. *(Слушайте, слушайте.)* Бываютъ времена, когда мѣра заблужденій правительственной власти переполняется. Въ такомъ случаѣ, если оно отказывается слушать голосъ дружескаго предостереженія или мирныхъ увѣщаній, снисходительность должна кончиться, и слѣдуетъ заговорить откровеннымъ языкомъ. Слова эти сказаны лордомъ Дерби въ 1841 году *(одобреніе съ обѣихъ сторонъ)*, когда я имѣлъ честь вмѣстѣ съ нимъ подавать голосъ въ пользу предложенія, сдѣланнаго сэромъ-Робертомъ Пилемъ о выраженіи недоверія правительству. Такое время, о какомъ говорилъ онъ, наступило; увѣщанія теперь бесполезны. Нашъ долгъ заговорить откровеннымъ языкомъ. Благородный маркизь сдѣлалъ предложеніе въ ясныхъ терминахъ, въ которыхъ невозможно ошибаться, и безъ малѣйшаго колебанія я подамъ голосъ свой въ пользу поправки моего благороднаго друга. *(Громкое одобреніе.)*

Лишь только окончилъ говорить сэръ-Джемсъ Грамъ, какъ поднялся съ своего мѣста г. Уайтсайдъ, генеральный атторней Ирландіи. Мы приведемъ здѣсь вполнѣ, вопервыхъ, начало его рѣчи.

«Высокопочтенный джентльменъ, только что окончившій говорить съ болѣе чѣмъ обычными ему ясностію и искусствомъ, увѣдомилъ палату, и съ нѣкоторою, должно замѣтить, увѣренностію, что поправка благороднаго лорда будетъ принята ею. Если послѣ обстоятельныхъ и безпристрастныхъ преній предложеніе благороднаго лорда дѣйствительно увѣнчается успѣхомъ, то правительство ея величества, конечно, покорится рѣшенію палаты съ почтеніемъ и готовностію. *(Смѣхъ.)* Но прежде чѣмъ будетъ принято подобное рѣшеніе, самая обыкновенная справедливость требуетъ, чтобы было высказано и выслушано что-нибудь въ пользу правительства, о которомъ произнесенъ столь недоброжелательный приговоръ высокопочтеннымъ джентльменомъ. Мы ожидали эту поправку, прежде

еще чѣмъ самъ благородный лордъ извѣстилъ о ней, по тѣмъ преніямъ, которыя происходили въ журналистикѣ за нѣсколько недѣль до открытія парламента. Признаюсь, я слѣдилъ за этими преніями съ чувствомъ горести и скорби. (*Смѣхъ со стороны оппозиціи и министерское одобреніе.*) Въ нихъ не встрѣчалось изложенія принциповъ, возвѣщенія будущихъ блистательныхъ мѣръ; не начертывались планы новой глубокой политики: содержаніе всѣхъ статей состояло только въ томъ, примирится ли благородный членъ за Тивертонъ съ благороднымъ членомъ за Лондонскій Городъ? (*Слушайте, слушайте! и смѣхъ.*) О! счастливый день! о радостный часъ! благородный членъ за Лондонскій Городъ улыбается благородному члену за Тивертонъ. (*Смѣхъ.*) Но вотъ дневной свѣтъ затмевается, густое облако показывается на небѣ, благородный членъ за Тивертонъ хмурится на благороднаго члена за Лондонъ. Отъ улыбки или пасмурности благороднаго члена за Тивертонъ, по мнѣнію его адвокатовъ, зависятъ надежды опасенія, судьба и слава Англіи. Правительство ея величества занимаетъ еще свое мѣсто, но почему? Потому только, что благородный членъ за Тивертонъ послѣднею рѣчью свою въ прошломъ парламентѣ осудилъ его еще оставаться въ должности. (*Смѣхъ.*)»

Обозрѣвши всѣ пункты, на основаніи которыхъ было предложено выразить недовѣріе правительству, г. Уайтсайдъ остановился съ особенною подробностію на внѣшней политикѣ:

«Перехожу теперь прямо, сказалъ онъ, къ тому, что относится къ Италіи. Дипломатамъ угодно говорить, что въ вопросахъ иностранной политики есть нѣчто непонятное для людей простыхъ, знакомыхъ только съ обыденными дѣлами; но въ настоящемъ случаѣ не представляется такихъ трудностей. Благородный лордъ, предложившій справку къ адресу, и благородный лордъ членъ за Тивертонъ утверждаютъ, что правительство своимъ образомъ дѣйствій довело до настоящей войны, и что дѣла пошли бы лучше и надежнѣе, еслибы передать ихъ въ руки противоположной партіи; но я опровергну это весьма короткимъ доказательствомъ. Каково было положеніе Европы въ 1848 году? Лудовикъ-Филиппъ былъ свергнутъ, Франція не могла вмѣшиваться въ италіанскія дѣла, потому что въ ней самой господствовалъ безпорядокъ; Радецкій съ Австрийцами выступилъ изъ Милана, и Австрія предлагала англійскому правительству освободить все Ломбардское королевство, если только Англія возьметъ на себя роль посредницы. Благородный лордъ зналъ, что судьба Италіи въ рукахъ Англіи, ибо Франція не могла вступить; онъ самъ говорилъ и говоритъ, что цѣль великаго договора 1815 года была—выгнать Французовъ изъ Италіи, что Ломбардію почти на-

визали Австріи, которая приняла ее не охотно, только съ цѣлю сохранить политическое равновѣсіе. Къ сожалѣнію, благородный лордъ прежде противорѣчилъ мнѣ въ этомъ вопросѣ, но я не думаю, что онъ опять будетъ противорѣчить. Я позволю себѣ напомнить высокопочтенному баронету, члену за Карлейль, (сэръ-Джемсу Граму), роль, которую онъ игралъ въ этихъ вреніяхъ, ибо не понимаю, какимъ образомъ онъ будетъ засѣдать въ одномъ министерствѣ съ благороднымъ лордомъ. Нарочное посольство было отправлено отъ Австріи къ благородному виконту, чтобы предложить ему все Ломбардское королевство, если только мы возьмемъ на себя роль посредниковъ. Послѣ десятидневнаго размышленія, благородный виконтъ отвѣчалъ, что Англія вмѣшается только въ томъ случаѣ, если Австрія освободитъ также и Венецію. Лордъ Понсонби уведомилъ благороднаго виконта, что Австрія не уступитъ Венеціи—и наше предложеніе было отвергнуто. Радецкій обнажилъ мечъ, война разразилась въ Италиі, и всѣмъ извѣстно, что послѣдовало за этимъ; я утверждаю, что такимъ образомъ благородный лордъ неявный виновникъ всѣхъ смуть, господствующихъ тамъ въ настоящее время. (*Одобреніе.*) Лордъ Норманби знаетъ, какъ это справедливо, ибо четыре мѣсяца спустя благородный лордъ, сидящій на противоположной сторонѣ, написалъ къ нему депешу, умоляя его употребить все свое вліяніе на французское правительство, дабы побудить Австрію повторить сдѣланное ею прежде предложеніе; но Австрія отказалась, и объявила, что теперь уже поздно (*слушайте, слушайте*). Высокопочтенный баронетъ, членъ за Карлейль, который сегодня старается своимъ краснорѣчіемъ возвратитъ власть благородному лорду, изслѣдовалъ этотъ вопросъ и подробно и внимательно; позвольте же мнѣ прочесть вамъ горькія слова, въ которыхъ онъ описывалъ образъ дѣйствія благороднаго лорда:

«Австрія, говорилъ онъ, въ ту минуту, когда начались военныя дѣйствія, обратилась, среди окружавшихъ ее трудностей, къ благородному виконту и къ правительству ея величества, прося ихъ быть посредниками между ею и Пиемонтою. Но какое же предложили мы условіе *conditio sine qua non*, дружественной державѣ, изнемогавшей борьбѣ? Благородный виконтъ настаивалъ, какъ на необходимомъ условіи для англійскаго посредничества, чтобы Австрія не только отказалась отъ Ломбардіи, но и выдала бы Венецію, и такъ какъ Австрія на это не соглашалась, то благородный виконтъ отказался отъ посредничества. Невозможно выразить значенія этого поступка. Я думаю, что восстаніе Венгріи было его слѣдствіемъ такъ же какъ и вмѣшательство Россіи, сдѣлавшееся къ сожалѣнію необходимымъ для подавленія этого восстанія.»

«Кажется, довольно сильно? (*Одобреніе.*) Но я утверждаю, что въ

то же время это и справедливо, иначе я не привелъ бы этихъ словъ. (*Одобреніе.*) Затѣмъ слѣдуютъ слова еще болѣе сильныя:

«Подвинулъ ли благородный виконтъ впередъ дѣло итальянской свободы своею политикой? Пьемонтъ былъ два раза въ одинъ годъ во власти австрійской арміи. Французская армія владѣетъ Римомъ. Ломбардія находится подъ военнымъ господствомъ Австріи. Венеція снова завоевана. И мы не можемъ забыть отчаянныхъ подвиговъ въ Неаполѣ, которые благородному виконту такъ хотѣлось поддержать.» (*Одобреніе.*)

«Вотъ сущность внѣшней политики министра, который говорилъ вамъ въ настоящихъ преніяхъ, что внѣшняя политика нашей страны находится въ ненадежныхъ рукахъ, и что если вы не вѣрите ее ему,—ему, заклеименному высокопочтеннымъ членомъ за Карлейль, какъ виновникъ итальянской войны и венгерскаго возстанія, — вы не исполните своей обязанности относительно вашихъ избирателей (*одобреніе*). Я вижу также на противоположной сторонѣ высокопочтеннаго джентльмена, который подписалъ циркуляръ, созывавшій митингъ въ клубѣ Уиллиса, и который хорошо знаетъ итальянскій вопросъ; онъ, помнится, взвелъ въ этомъ дѣлѣ на благороднаго виконта обвиненіе, на которое я не отважился бы сразу, именно, что онъ морочитъ иностранныхъ посланниковъ и ведетъ себя относительно иностранныхъ министровъ какъ стряпчій. (*Громкое одобреніе.*) Вотъ мнѣніе почтеннаго джентльмена, члена за Вильтсъ (г. Сидни Герберта), который созвалъ митингъ, чтобы возвратитъ власть благородному лорду. Этотъ строгій отзывъ относился къ дѣлу, о которомъ вѣроятно не забылъ благородный лордъ, членъ за Лондонскій Городъ,—къ дѣлу о политическихъ фарсахъ лорда Минто въ Италиі, «этого странствующаго миссіонера», какъ называлъ его сэръ В. Молесвортъ. (*Смѣхъ.*) Было ли слыхано, чтобы правительство отправляло челоуѣка знатнаго увѣщевать подданныхъ иностранной державы къ возстанію, держать имъ рѣчи съ балкона и кричать: «viva l'indipendenza d'Italia!» (*Одобреніе.*) Высокопочтенный джентльменъ сообщилъ палатѣ отличное обозрѣніе всѣхъ неловкостей и нелѣпостей, совершенныхъ этимъ благороднымъ лордомъ подъ руководствомъ благороднаго виконта, сидящаго на противоположной сторонѣ. Вотъ что онъ говорилъ:

«И такъ мы погружались все глубже и глубже въ омутъ этихъ комбинацій до тѣхъ поръ, пока шагъ за шагомъ благородный лордъ дошелъ наконецъ до убѣжденія въ необходимости отдѣлитъ Сицилію отъ Неаполя и сдѣлать ее самостоятельнымъ государствомъ. И говорилось это о Сициліи, народонаселеніе которой не превышаетъ числа жителей Лондона. Одно казалось ему только сомнительнымъ, сдѣлать ли изъ этого монархію или республику. Мы начали поддерживаніемъ конституціонныхъ преобразованій; мы кончили поддерживаніемъ отдѣльныхъ національностей.»

«Искусство, съ которымъ высокопочтенный джентльменъ изслѣдовалъ факты, относящіеся къ этому вопросу, иронія, съ которою онъ выставилъ ихъ, заставляютъ меня думать, что при его опытности и знаніи италіянскихъ дѣлъ, если онъ и вступитъ въ министерство благороднаго лорда, то развѣ только на короткое время (*одобрѣніе*). Я не могу себѣ представить, какъ будетъ существовать это счастливое семейство, если имъ не помыдергаютъ зубы (*смѣхъ*), но я убѣжденъ, что если подобное министерство не распадется весьма скоро, оно глубже чѣмъ когда-либо погрузитъ въ омутъ внѣшнюю политику Англіи. (*Одобрѣніе*.) Я согласенъ съ благороднымъ маркизомъ, предложившимъ поправку, что Фоксъ держался истинныхъ началъ относительно внѣшней политики; но я позволю себѣ замѣтить ему, что какъ я доказалъ уже, благородный виконтъ нарушилъ ихъ самымъ явнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ. (*Одобрѣніе*.) Чтò означаетъ невмѣшательство? Во всякой книгѣ о международномъ правѣ можно прочесть, что никто не имѣетъ законнаго основанія вмѣшиваться въ домашнія дѣла чужаго народа; но я спрашиваю всякаго разсудительнаго челоуѣка,—не дипломата,—зачѣмъ мы отозвали нашего посланника изъ Неаполя? Если я понимаю дѣло, то это значило, что Франція и Англія считаютъ себя въ правѣ давать совѣты Неаполю относительно его внутренняго управления. Другаго значенія такая демонстрація имѣть не могла, ибо Неаполь никогда, сколько мнѣ извѣстно, не показывалъ намъ враждебности или намѣренія оскорбить насъ. (*Слушайте, слушайте*.) Гдѣ же соблюденіе Фоксовыхъ правилъ невмѣшательства? (*Одобрѣніе*.) Но чтò скажете вы о поведеніи благороднаго лорда относительно Бельгіи? Бельгія—свободное государство; Бельгія не участвовала въ войнѣ и никогда не нападала на насъ; чтò однакожь было сдѣлано знаменитымъ парижскимъ трактатомъ относительно Бельгіи? Лордъ Кларендонъ и представители Франціи, не предупредивъ Бельгіи, подписали трактатъ, какъ я думаю, единственно съ цѣлю доставить удовольствіе императору Французовъ, принуждавшій ее ограничить свободу книгопечатанія въ своей средѣ, согласно съ требованіями французскаго правительства. (*Слушайте, слушайте*.) Вотъ мой докладъ въ пользу того, что внѣшняя политика благороднаго лорда была непостижима, и что вамъ не слѣдовало бы мѣнять правительство по крайней мѣрѣ на этомъ основаніи.

«Но кромѣ того были затронуты въ теченіи настоящихъ преній другіе вопросы, и я прямо перехожу къ рѣчамъ почтеннаго члена за Бермингамъ (г. Брайта) и высокопочтеннаго баронета, члена за Карлейль (сэръ-Джемса Грама). Говорятъ, что сравненія неумѣстны; но я объявляю прямо, что предпочитаю муже-

ственную, открытую, смѣлую и добросовѣстную оппозицію почтеннаго члена за Бермингамъ хитростнымъ обвиненіямъ высокопочтеннаго баронета, произнесеннымъ имъ съ такою торжественностію и съ такими сарказмами (*слушайте*). Высокопочтенный баронетъ является передъ вами человекомъ обиженнымъ, но прощаетъ онъ самымъ злопамятнымъ образомъ (*смѣхъ*). Какое право имѣетъ онъ представлять себя человекомъ обиженнымъ? Подобно всѣмъ, я прочелъ его рѣчь, сказанную въ Карлейлѣ; призываю его теперь къ отчету за обвиненія, взведенныя имъ на меня, на правительство, къ которому я принадлежу, и онъ не уйдетъ отъ меня. Когда этотъ высокопочтенный джентльменъ говоритъ подъ голубымъ флагомъ Карлейля, священный огонь негодованія возгорается въ его груди, и онъ говоритъ совѣмъ не тѣмъ спокойнымъ, торжественнымъ и разсудительнымъ тономъ, которымъ онъ съ высотою своей философіи предлагаетъ вамъ на усвоеніе свои правила. Но какое право имѣлъ онъ нападать на моего высокопочтеннаго друга, главу адмиралтейства (г. Пакингтона), или на моего доблестнаго друга, секретаря военныхъ дѣлъ (генерала Пилля), такимъ непростительнымъ образомъ, что былъ потомъ самъ принужденъ отказаться отъ своихъ обвиненій? (*одобреніе*) развѣ въ этой странѣ священна одна только честь члена за Карлейль? зачѣмъ онъ пришелъ сюда сегодня вечеромъ съ объявленіемъ въ рукахъ? Въ чемъ состояли его обвиненія? Въ томъ, что былъ совершенъ подкупъ джентльменомъ, столь же чистымъ въ своей общественной дѣятельности, какъ любой изъ людей, переступавшихъ порогъ этой палаты. Чѣмъ оправдываетъ онъ такое непростительное обвиненіе? Онъ забылъ, что перемена въ пользу солдатъ была сдѣлана по парламентскому акту. Онъ сознается въ своей ошибкѣ и потомъ говоритъ: «Я напалъ на дѣйствіе безнравственное и безчестное. Я вижу, что ошибся совершенно, но вы должны быть весьма благодарны мнѣ за то, что я сознаюсь въ моей ошибкѣ, когда не могу не сознаться въ ней.» (*Слушайте! и смѣхъ.*)

Г. Уайтсайдъ сообщилъ за тѣмъ, что объявленіе объ увеличеніи платы за постой было издано безо всякихъ сношеній съ генераломъ Пиллемъ, и что авторъ его г. Гаунсъ, вигъ. Потомъ ораторъ говорилъ очень много въ защиту образа дѣйствій правительства въ Ирландіи до выборовъ и во время ихъ, опровергалъ показанія гг. Грама и Диззи и окончилъ свою рѣчь остроумными нападками на различныхъ предводителей либеральной партіи. Вотъ эта часть его рѣчи:

«Сэръ-Робертъ Пилль, въ ту минуту, когда долженъ былъ подвергнуться казни, основанной на началахъ Радаманта, который сначала казилъ, а потомъ уже разбиралъ дѣло, выразился однажды такимъ образомъ въ палатѣ:

«Совѣтую вамъ не обещать, не выслушивать прежде дѣла, и ознакомиться по крайней мѣрѣ съ тѣми мѣрами, которыя я намѣренъ предложить; намѣнить ихъ, если они окажутся недостаточными, расширить ихъ, если онѣ не оправдаютъ вашихъ надеждъ. Но дайте же мнѣ возможность представить ихъ, для того, чтобы вы сами могли о нихъ судить и изречь надъ ними приговоръ.»

«Спрашиваю теперь палату, справедливо ли, по предложенію двухъ благородныхъ лордовъ, уладившихъ теперь свои несогласія, разбить министерство, не выслушавъ его оправданій? (*О! о! и одобреніе.*) И для чего все это? Замѣтите, до какой степени открытое и прямое сужденіе почтеннаго джентльмена члена за Бермингамъ не сходно съ рѣчью высокопочтеннаго баронета! Почтенный джентльменъ сказалъ: «Я не укоряю васъ ни за распушеніе парламента, ни за виѣшнюю вашу политику. Я не обвиняю васъ въ подкупѣ избирателей, ибо не имѣю на то достаточныхъ основаній.» Въ чемъ же, тогда, онъ не сходится съ нами? Только въ парламентской реформѣ. Почтенный членъ отказывается отъ своего званія предводителя цѣлой партіи, для того чтобы сдѣлаться послѣдователемъ или помощникомъ благороднаго члена за Тивертонъ. Благородный лордъ очутится, конечно, въ выигрышѣ, когда около него съ одной стороны будетъ находиться высокопочтенный членъ за Аштонъ на Лейнъ (г. Мильнеръ Гибсонъ), а съ другой, почтенный членъ за Бермингамъ. (*Смѣль.*) Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ изучать біографіи. Почтенный членъ за Бермингамъ мастеръ дѣлать характеристики, и благородный виконтъ, членъ за Тивертонъ, не отстанетъ отъ него въ этомъ отношеніи. Почтенный членъ за Бермингамъ обрисовалъ личность благороднаго виконта, и благородный виконтъ отвѣтилъ ему точно такимъ же комплиментомъ. Вотъ что говорить первый изъ нихъ:

«Я слѣдилъ за образомъ дѣйствій благороднаго виконта съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ засѣдаю въ этой палатѣ, и онъ извинитъ меня, если я изложу прямо, почему такъ часто ему противодействовалъ. Причина этому та, что благородный лордъ обращается со всѣми вопросами и даже съ самою палатою съ такимъ отсутствіемъ серіозности, что часто казалось мнѣ, будто бы онъ не имѣетъ никакихъ серіозныхъ или достаточно серіозныхъ убѣжденій о важныхъ вопросахъ, занимающихъ палату. Я смотрю на него, какъ на человѣка, не лишеннаго опытности, но который съ опытностью не приобрѣтшаго надлежащей солидности, и который, теперь, занимая одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ правительствѣ, не достаточно проникся (говорю это съ сожалѣніемъ) должнымъ сознаніемъ соединенной съ этимъ мѣстомъ отвѣтственности. Мы теперь въ рукахъ этихъ двухъ благородныхъ лордовъ. Они — виновники войны съ Россіею. Имъ обязаны мы тѣмъ, что миръ не былъ заключенъ въ Вѣнѣ, и тѣ несчастія, которыя выпадутъ на долю Англіи, обрушатся на ихъ дома.» (*Одобреніе.*)

«Благородный виконтъ въ свою очередь одолжилъ насъ поли-

тическою характеристикой почтеннаго члена за Бермингамъ. Онъ выразился о немъ такъ:

«Онъ (г. Брайтъ) проситъ меня объяснить ему значеніе словъ «политическое равновѣсіе». Я расхожусь въ столькихъ пунктахъ, опирающихся на великіе принципы, съ почтеннымъ членомъ за Манчестеръ (г. Кобденемъ) (*одобреніе*), что боюсь, буду ли въ состояніи удовлетворить его желаніе. Почтенный членъ сводитъ все на фунты, шиллинги и пенсаы, и я готовъ думать, что еслибы странѣ этой угрожало неминуемое вторженіе непріятеля, которое могло бы кончиться ея завоеваніемъ, почтенный членъ сѣлъ бы за столъ, взявъ бы клочокъ бумага и сталъ бы съ одной стороны высчитывать контрибуцію, которую потребуетъ отъ него правительство для защиты свободы и независимости страны, а съ другой тѣ контрибуціи, которыми обложить Манчестеръ по всему вѣроятію главнокомандующій непріятельской арміи. (*Смѣхъ*.) Если въ результатѣ оказалось бы, что гораздо дешевле быть завоеваннымъ, чѣмъ платить контрибуціи для защиты страны (*новый смѣхъ*), онъ подалъ бы голосъ противъ войны за свободу и независимость отечества съ большею охотою; чѣмъ сталъ бы платить ту часть военныхъ расходовъ, которые пришлось бы на его долю». (*Смѣхъ и одобреніе*.)

«Можно думать, сэръ, что коалиція людей, питающихъ такіа пріятныя мнѣнія другъ о другѣ, въ состояніи образовать министерство, которымъ по справедливости будетъ гордиться Англія. Я не сомнѣваюсь, что благородный лордъ и почтенный джентльменъ приступать къ исполненію своихъ обязанностей, каждый съ торжественнымъ сознаніемъ своей отвѣтственности и съ твердымъ намѣреніемъ не уступать тому, чего захотятъ его товарищи. Почтенный членъ за Бермингамъ питаетъ сильное отвращеніе къ войнѣ, но приверженцы его филантропической секты (1) умѣютъ вести войну особеннымъ, имъ только свойственнымъ образомъ. Мнѣ пришлось слышать разказъ объ одномъ квакерѣ, ѣхавшемъ на кораблѣ, на который напали пираты. Видя, что одинъ изъ нихъ уже влѣзаетъ на палубу, онъ схватилъ его и выбросилъ за бортъ, приговаривая кроткимъ голосомъ: «Тутъ тебѣ, дружокъ, нечего дѣлать.» (*Смѣхъ*.) Къ чести почтеннаго члена за Бермингамъ я долженъ сказать, что не сомнѣваюсь увидѣть его въ числѣ волонтеровъ, если бы на берега наши сдѣлано было нападеніе непріятелемъ, и что если онъ отказался бы стрѣлять изъ карабина, то за то сталъ бы энергически дѣйствовать дубиною. Политика почтеннаго члена состоитъ въ нейтралитетѣ, но нейтралитетъ, по его мнѣнію, означаетъ общее обезоруженіе страны. (*Слушайте, слушайте*.) Онъ говорить, что подастъ голосъ за благороднаго виконта, ибо не представляется никакой опасности со стороны Австріи или Сардиніи; онъ какъ будто и не подозреваетъ никакой другой страны, и лучшимъ средствомъ доказать эту

(1) Квакеры.

неподозрительность считаетъ—распустить эту армию, обезоружить флотъ и дать отставку морякамъ. (*Нѣтъ, нѣтъ! и одобреніе.*) Но такъ ли политика благороднаго виконта? Нѣтъ министра воинственныхъ его. Онъ не допуститъ, чтобы честь Англіи была пострашена, и чтобы берега ея были попраны ногою непріятеля. Политическія убѣжденія благороднаго виконта и почтеннаго члена за Бермингамъ такъ же несходны, какъ два полюса. Почему же въ такомъ случаѣ почтенный джентльменъ поддерживаетъ благороднаго виконта? Онъ обращается съ такою рѣчью къ теперешнему правительству: «Мнѣ очень хорошо извѣстно, что съ вами я не могу достигнуть своихъ цѣлей; мнѣ не удастся осуществить своихъ плановъ, пока вы пользуетесь властью, и потому вы должны обмѣняться мѣстами съ благороднымъ лордомъ». И дѣйствительно, почтенный джентльменъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «Я сдѣлаю министромъ благороднаго члена за Тивертонъ, съ тою цѣлю чтобы выжать изъ него все, что только можно. Сдѣлавши это, я, подобно Варвику, убью его, буду мѣнять одно министерство за другимъ, пока достигну того, что составляетъ драгоценнѣйшую привязанность моей жизни.» (*Слушайте, слушайте.*) Политика эта, по крайней мѣрѣ, ясна и понятна и выражается открыто. Не могу не поздравить почтеннаго члена, точно такъ же какъ высокопочтеннаго члена за Аштонъ и высокопочтеннаго члена за Вильтсъ (1), подписавшихъ приглашеніе на митингъ въ клубѣ Уиллиса, съ необыкновеннымъ единомысліемъ ихъ касательно министерства, котораго они будутъ членами, также какъ съ готовностью ихъ ограничиваться соглашеніемъ въ главныхъ принципахъ и отбросить въ сторону такія подробности, какъ, напримѣръ, тайную подачу голосовъ. (*Одобреніе.*) Рѣчь, произнесенная по этому случаю въ прошлую сессію прежнимъ генеральнымъ атторнеемъ, должна была несомнѣнно польстить благородному виконту, въ министерствѣ котораго онъ служилъ (*смыслъ*); должно было понравиться ему также и то, что собственныя его замѣчанія по этому поводу одинъ изъ вѣрнѣйшихъ его приверженцевъ (г. Беркерлей) назвалъ мусоромъ. (*Смыслъ.*) Что касается до меня, я читалъ съ глубокимъ сожалѣніемъ нѣкоторыя извѣстія о составѣ будущаго управленія, которое такъ хочется образовать благородному виконту. Я слышалъ имена многихъ почтенныхъ и высокопочтенныхъ членовъ либеральной партіи, которые, какъ говорятъ, подвергаютъ себя политическому бездѣйствію. Благородный виконтъ обратится, кажется, если не съ сердечнымъ, то съ почтительнымъ прощаніемъ къ своимъ старымъ друзьямъ и наберегъ новыхъ товарищей изъ

(1) Г. Мильверъ Гибсона и г. Сидни Герберта.

радовъ тѣхъ, которые сидятъ близъ прохода. (*Слушайте, слушайте.*) Это не могло бы, конечно, пробудить къ нему симпатіи въ рядахъ дѣйствительно-соединенной партіи, — той, напримѣръ, къ которой я имѣю честь принадлежать. (*Одобреніе.*) Мы дружно держались другъ за друга во время борьбы, и намъ во снѣ не снилось дѣлать предметомъ пасквиля имена тѣхъ изъ насъ, которые всегда оставались вѣрными своимъ предводителямъ, или говорить имъ: «должно образоваться новое министерство съ пожертвованіемъ самыхъ почтенныхъ членовъ стараго.» (*Одобреніе.*) Но можетъ-быть не совсѣмъ деликатно съ моей стороны говорить о такомъ щекотливомъ предметѣ. (*Смѣхъ.*) Ограничусь увѣреніемъ, что вопросъ, который предстоитъ разрѣшить вамъ по поводу поправки благороднаго маркиза, состоитъ въ томъ, будетъ ли среди теперешнихъ обстоятельствъ настоящее министерство пользоваться вашимъ довѣріемъ. Въ предположеніяхъ объ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, я пришелъ къ совершенно инымъ заключеніямъ, чѣмъ благородный виконтъ, сидящій на противоположной сторонѣ. Я убѣжденъ, что приговоръ, произнесенный вами, будетъ въ пользу правительства. (*Громкое одобреніе.*)

Г. Мильнеръ Гибсонъ предложилъ отсрочить преніе. Палата разошлась въ двадцать минутъ втораго часа по полудни.

ИЗЪ МИЛАНА.

12/24 іюня 1859.

Опишу вамъ сначала кое-что изъ моихъ дорожныхъ приключеній. Въ нихъ есть кое-что, касающееся и до настоящихъ событій. Начну съ Парижа.

Въ этой столицѣ Европы царствуетъ поражающая тишина. Жандармы и сержанты торчатъ на всякомъ шагу. «Здѣшній господинъ», какъ говорятъ въ Парижѣ нѣкоторые Русскіе, забралъ все въ руки такъ отлично, что, и отсутствуя, можетъ всѣмъ управлять. Нѣтъ никакихъ правительственныхъ мѣръ, нѣтъ самыхъ ничтожныхъ распоряженій, аще не оттуда, гдѣ онъ. Всѣ предписанія летятъ изъ лагеря. Когда императрицѣ засѣдать тамъ-то, чѣмъ говорить, въ какомъ платьѣ быть одѣтой,—все это присылается по почтѣ, несется по металлическимъ проволокамъ, или съ курьерами—и всѣ молчатъ, ждутъ приказаній и даже какъ

будто довольны. Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ въ лагерь, отъ туда высланы корреспонденты почти всѣхъ журналовъ. Парижъ долженъ вѣрить императорскимъ бюллетенямъ. Очень скоро становится душно въ этой столицѣ Европы. Я бы уѣхалъ тотчасъ, но должно было вови́ться съ визировкой паспорта. Его визируютъ въ трехъ мѣстахъ: въ нашемъ посольствѣ, въ полициѣ и въ посольствѣ Сардиніи. У насъ я отдѣлался безъ большихъ затрудненій. А въ парижской полициѣ своего рода пріятности, въ родѣ нашихъ уѣздныхъ судовъ. Когда я пришелъ, маленькая комната была наполнена чающими движенія воды, а движеніе это зависѣло отъ пяти-шести лицъ, сидѣвшихъ за прилавкомъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ одномъ пунктѣ стоялъ непріятный въ своемъ рѣзкомъ солдатствѣ французскій часовой, въ полной формѣ. Кромѣ его расхаживали взадъ и впередъ два-три сержанта въ треугольных шляпахъ. Какой-то небольшой человѣчекъ въ синемъ фракѣ подходилъ къ прибывающимъ съ паспортами и, объяснившись, усаживалъ ихъ на скамейки. Онъ подошелъ и ко мнѣ. Я объяснилъ ему, что мнѣ нужно визировать паспортъ. «Куда?» спросилъ онъ. — Въ Сардинію. — Въ Сардинію? Ну, это не такъ скоро! Императору угодно (*l'empereur veut*), чтобъ о всѣхъ, ѣдущихъ въ Сардинію, сообщались ему подробные списки. Префектъ долженъ видѣть вашъ паспортъ и сдѣлать на немъ особую пометку. Прошу васъ присѣсть. Когда придетъ ваша очередь вамъ скажутъ!» — Однако, нельзя ли мнѣ приблизительно знать, сколько часовъ я долженъ дожидаться? спросилъ я у синенькаго человѣчка. — «Это трудно сказать: префекта нѣтъ еще въ полициѣ... вы посидите!» и синенькій человѣчекъ скрылся. Я сѣлъ на скамью и сталъ дожидаться. Одинъ изъ чающихъ движенія, сидѣвшій отъ меня направо, сказалъ мнѣ вскорѣ съ участіемъ: «этой исторіи не будетъ конца, если вы не примете энергическихъ мѣръ: васъ продержатъ пожалуй цѣлыя сутки и больше.» — Да! это дѣйствительно такъ, замѣтилъ мой сосѣдъ налѣво (1): — Я хожу сюда уже другой день, и нѣтъ никакого толку. Сегодня просидѣлъ три часа сряду... и куда это они задрвали мой паспортъ? добавилъ онъ со вздохомъ и устремилъ унылые взоры на сидящихъ за прилавками неумытныхъ судей. — Въ чемъ же заключаются энергическія мѣры, о которыхъ вы упомянули?» спросилъ я у сосѣда направо. — Общайте что-нибудь этому человѣчку, (говорящій указалъ на синенькаго), и онъ вамъ устроитъ. Отзовите его въ сторону: *monsieur, je vous donnerai quelques chose...* «Ну, слава Богу, подумалъ я: дѣло знакомое; по нашему на чаетъ!» Я отозвалъ синенькаго, шепнулъ ему на ухо, что было ну-

(1) И тотъ, и другой были Французы.

жно, онъ живо взялъ у меня паспортъ и пропалъ. Между тѣмъ мое мѣсто было занято, и я очутился на новой скамьѣ. Какой-то усачъ сидѣлъ отъ меня налѣво и все въ меня вглядывался, наконецъ заговорилъ тихимъ русскимъ языкомъ: «Скажите пожалуйста, вы должно быть Русскій?»—Такъ точно.—Я тоже былъ въ Россіи, продолжалъ онъ, но очень давно: я Полякъ, эмигрантъ 30 года.»—Такъ мы можемъ говорить по польски, замѣтилъ я, и мы заговорили по польски.—«Моя исторія не длинна, продолжалъ мой сосѣдь: въ 30 году я эмигрировалъ и имѣлъ глупость вступить въ португальскую службу; что дѣлать, былъ молодъ, вѣрилъ всему, что свистѣли въ уши... *takie-to głupstwo zrobilem* (1)... Но трудно жить безъ родины—

Ojczyzno moja, ty jesteś jak zdrowie,
Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię stracił...

сказалъ нашъ великій поэтъ (2) — и это совершенная правда! Теперь я также получилъ позволеніе воротиться въ Польшу, но меня держатъ, Богъ знаетъ, зачѣмъ. Говорятъ, что я Полякъ. Какой же я Полякъ? Я Португалецъ: майоръ португальской службы, вотъ мое офиціальное имя. Однако къ вамъ ходятъ Поляки, замѣчаютъ мнѣ, и въ 33-мъ году, когда вы были здѣсь, васъ посѣщали Поляки и больше никто. Представьте себѣ: разказали мнѣ, гдѣ я жилъ въ Парижѣ въ 33-мъ году, въ какой улицѣ, что дѣлалъ чуть не каждый день, куда ходилъ: все это извѣстно, все это записано! вотъ лайдаки какіе! вотъ полиція, такъ полиція! А теперь пуще нежели когда-нибудь, никто не избѣгаетъ строжайшаго наблюденія; нѣсть Эллинь или Іудей... *L'empereur veut*, скажутъ вамъ. А отъ чего весь сыръ боръ загорѣлся? Какая-то кучка Нѣмцевъ будто бы хвастала, что убьютъ его, тамъ, въ лагерь—вотъ онъ и *veut savoir*, кто именно проѣзжаетъ черезъ Парижъ, а здѣсь изъ этого сочинили еще больше задержекъ.»

Въ это время появился въ комнатѣ синенькій человѣчекъ съ моимъ паспортомъ, и далъ мнѣ знакъ глазами, что все обстоитъ благополучно. Вскорѣ прокричали мою фамилію; я подошелъ къ прилавку. Спросили мою «профессію», лѣта и мѣстожительства въ Парижѣ, потомъ хлопнули печать, и все было кончено. Въ сардинскомъ посольствѣ также пришлось дать на чай.

На Марсель и Женеву здѣсь никто не ѣздитъ, по крайней мѣрѣ теперь. Самый прямой и скорый путь на Туринъ, черезъ Маконъ, *Saint-Jean-de-Maurienne*, *Mont-Cenis* и Сузу. Въ Маконѣ

(1) Такую-то глупость сдѣлалъ.

(2) Отчуждена моя! Ты словно здоровье: какъ ты дорога, узнаетъ только тотъ, кто тебя утратитъ...

самый легкій осмотръ вещей. На станціи *Sulz*, въ переднихъ вагонахъ 3-го класса, очутились французскіе солдаты, которые всю дорогу пѣли марсельезу и другія пѣсни. Крикъ и шумъ въ ихъ сторонѣ былъ необычайный. Иногда выѣзжала вонъ парадругая красныхъ штановъ, но ихъ спѣшили снова упрятать въ вагонъ, и машина свистала опять.

Въ *Saint-Jean-de-Maurienne* надо было пересѣсть въ дилижансы, дабы сдѣлать переѣздъ черезъ гору Сени. Никогда не забуду этой великолѣпной переправы. Назначено было три дилижанса, каждый мѣсть въ двѣнадцать, не считая кучера и кондуктора. Всѣ наши вещи были нагромождены сверху (самое малое пудовъ 50 на дилижансѣ), покрыты черною клеенкою и привязаны ремнями. Три шестерки отличныхъ сѣрыхъ коней явились къ нашимъ услугамъ. Иныя лошади смотрѣли сущими слонами; другія, хоть и крупныя, были крѣпко ушасты, вѣроятно имѣя въ родствѣ, между своими предками, благородныхъ горныхъ ословъ. Мнѣ пришлось сидѣть съ дамами: италіянское семейство, состоявшее изъ двухъ сестеръ и третьей молоденькой красавицы съ невыразимо-преlestною игрою бровей. Черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли себя въ горахъ, надъ глубокими пропастями, по краю которыхъ торчали плоскіе каменные столбы, больше для успокоенія глазъ, нежели для рѣшительной безопасности. Мѣстами шли сосновыя перилы, точно такого же, неслишкомъ надежнаго свойства. Вздумай только загремѣть такая громада, какъ нашъ дилижансѣ, онъ унесъ бы за собою, какъ легкія прутья, эти столбики и перилы. Виды были удивительныя. Направо и налѣво уходили подъ облака живописныя уступы горъ, большею частію покрытыя самымъ разнообразнымъ лѣсомъ. Дубъ, вязъ, липа, тополь, сосна и каштанъ мелькали группами и врознь; индѣ выступали красивыя темнозелеными кучами вовсе невѣстныя мнѣ деревья... Вдругъ цѣлый сосновый лѣсъ непроницаемою чащей покрывалъ явившуюся откуда-то равнину, которая собственно была выше многихъ горъ. Бѣлая полоса снѣгу, лежавшая у нашихъ ногъ, показывала, какъ высоко то мѣсто, гдѣ мы ѣхали. Еще минуга и снова уступы и пропасти. Шумный сѣрый потокъ, шириною почти съ рѣку, вырывался откуда-то съ боку, и опять куда-то заворачивалъ, открывая намъ только незначительную площадь воды. Черный огромный камень, съ домъ величиною, лежалъ невѣсть сколько лѣтъ посерединѣ потока и обрызгивался его пылью. Подлѣ камня прыгало и билось большое сосновое бревно. Опять равнина, покрытая рѣдкими доревьями; вдали—пашня: колышется рожь, или что-то въ родѣ этого; синіе васильки, куколь и макъ пестрѣютъ между колосьями; немного дальше—домики и цѣрковь. Видъ, обрамленный ок-

нами кареты, напоминает какую хотите въ нашихъ губерніяхъ. Ровно и плоско. Вонъ даже наша русская березка, а потомъ цѣлая ихъ купа. Красивая елочка стоитъ одиноко на зеленой площадкѣ. И вдругъ опять ревъ и шумъ: бѣлая пѣна скачетъ по утесамъ; чертовъ мостикъ перекинулся надъ пропастью, и въ его аркѣ видно нѣсколько зигзаговъ, по которымъ предстоитъ спускаться дилижансу. Сѣрою ленточкой бѣжитъ вдали великолѣпное шоссе, мухой ползетъ по немъ передній дилижансъ, выѣхавшій за десять минутъ прежде другихъ; мелькаютъ красные штаны французскихъ солдатъ, разсыпанныхъ по горамъ. Ужь это что-то не наше! А вотъ повисли тонкими гирляндами со скалы на скалу металлическія нити, по которымъ бѣжить можетъ-быть въ ту минуту живая для этихъ горъ и долинъ вѣсть о новой побѣдѣ. Взглянешь вверхъ,—подъ облака уходятъ вершины вправо и влево, и чернымъ гребнемъ рисуются крайнія ели на мѣстномъ туманѣ. Говоря вообще, дорога черезъ Монъ-Сени великолѣпная, самое превосходное шоссе, какое только бываетъ. Иначе нельзя бы громоздить такія горы чемодановъ на дилижансахъ. Мосты хотя и легки, но прочны; иные даже массивны. Лошади смѣнялись раза три или чегыре. Въ 11 часовъ ночи мы ужинали въ какомъ-то савоярскомъ трактирѣ, подъ облаками. Хозяйка разливала намъ сунъ, какъ будто своимъ гостямъ. Женская прислуга, толстыя савоярскія служанки, безъ всякой поэзіи, говорившія неизвѣстно какимъ языкомъ, подавали блюда.

Когда мы поѣхали, дивная мѣсячная ночь накинута свое таинственное покрывало на всю картину. Бѣлые столбики и перилы, на краю пропастей, бросали длинныя тѣни. Глубина ущелій зачернѣла еще больше. Лошади не рѣдко мчались полною рысью, лихо поворачивая на спускахъ, съ одного зигзага на другой. Во всемъ поѣздѣ было нѣчто волшебное.

Въ 5 часовъ утра (4 іюня) мы пріѣхали въ Сузу, гдѣ пересѣли въ вагоны желѣзной дороги, и на нихъ въ 8 часовъ прибыли въ Туринъ. Отдохнувъ немного, я отправился въ наше посольство: его виза необходима для отъѣзжающихъ въ Миланъ. Здѣсь я услышалъ неутѣшительныя вещи: нѣсколько Русскихъ ѣздили въ главный штабъ французской арміи, съ письмами нашего посланника, и просились слѣдовать за войсками: имъ отказали, и они воротились въ Туринъ.

Я узналъ также, что были посланы въ главную французскую квартиру два Испанца офиціальнымъ образомъ: принять только одинъ, а другому отказали, и онъ воротился въ Туринъ.

Здѣсь, видно, говорятъ, какъ чинара Лермонтова, листку, занесенному изъ Чернаго моря... «Удались, тебя я не люблю!»

Въ Туринъ еще прибывали при мнѣ волонтеры изъ Ломбар-

дѣи и отовсюду, поминутно. Все было наполнено солдатами. Пестрѣли разнообразныя мундиры, звенѣли сабли. Между пиемонтскими солдатами есть лица первыхъ фамилій. Мать посылаетъ на бой единственнаго сына. Одушевленіе, прожигающее челоуѣка насквозь!

Въ Миланѣ я отправился черезъ Верчелли, до котораго есть желѣзная дорога. Меня увѣрили, что дальше все въ порядкѣ, я повѣрилъ и поѣхалъ.

Въ 5 часовъ съ четвертью, вечеромъ 7-го іюня, вагоны понесли насъ (довольно большую и разнообразную компанію: дамъ, всякаго рода мужчинъ, — офицеровъ, негоціантовъ, работниковъ) въ Верчелли, очень быстро, что показывало совершенную исправность этой части желѣзной дороги. Все шло весьма обыкновенно до Верчелли. Одинъ Пиемонтецъ, разговаривая со мною, сказалъ, что въ Туринѣ и окрестностяхъ находится нѣсколько тысячъ плѣнныхъ Италіянцевъ изъ ломбардскаго войска Австрійцевъ (собственно въ Туринѣ 200 челоуѣкъ). «Многіе кричатъ: Viva l'Italia! и т. п. Но довѣрять имъ всѣмъ невозможно. Крѣпко засѣлъ австрійскій духъ. Все-таки количество плѣнныхъ, добавилъ онъ, единственно объясняется сочувствіемъ нашему дѣлу италіянскихъ полковъ, сражавшихся подъ знаменами Австріи: просто за просто, массами положили оружіе и конецъ. Изъ бюллетеней этого не узнаешь.» — Ну, а Кроаты? — «Что Кроаты: это едвали не самые надежныя защитники Австріи... *Lasciate ogni speranza* (1)...» По нашему, читай:

Надъ ихъ бровями надпись ада —
Оставь надежду навсегда! —

Итакъ, до Верчелли все благополучно. Но тутъ ужъ чисто *à la guerre, comme à la guerre*. Поѣздъ прибылъ на мѣсто въ 7 часовъ вечера. Пассажиры стали выскакивать изъ вагоновъ, мѣшались съ толпами солдатъ и жителей: крикъ, шумъ, ащики съ солдатскими сухарями, мальчишки съ «позвольте понести, *signore!*» Пушки, мортиры, красныя штаны, трехцвѣтныя бандіеро... и опять красныя штаны и синіе кафтаны, столько знакомыя мнѣ по Севастополю. Ко мнѣ подвернулся носильщикъ и сказалъ по италіянски: «давайте сюда багажъ (онъ состоялъ всего на все изъ сакъ-вожа и теплой шинели); я знаю, что вамъ нужно!» Я отвѣчалъ: «Миланъ, Миланъ! вотъ что мнѣ нужно!» Два черныя довольно жалкіе мальченка дрались за мои вещи, но мой *indicatore* помирилъ ихъ, уложивъ все добро на тележку о двухъ большихъ

(1) «Оставьте всякую надежду». Стихъ изъ *Божественной Комедіи* Данта.

колесахъ и покатиъ ее передъ собой. Телѣжка летѣла летомъ. Мы скоро миновали большую мощеную площадь, по которой бродили тамъ и сямъ французскіе солдаты. Піемонтцевъ почти не было замѣтно: они рѣшительно терялись въ яркихъ цвѣтахъ другой націи, одолѣвавшей все. Куда ни поглядишь—Французы. Та же исторія, что подъ Свастополемъ. Изрѣдка мелькнетъ синесѣрая шинелька піемонтскаго солдата, и опять красный цвѣтъ рѣзко бьетъ въ глаза. У сѣрыхъ даже нѣтъ того размаху и выраженія въ физиономіи, что я молъ здѣсь хозяинъ. Хозяева здѣсь чужіе люди. Французъ — дома, а Піемонтцевъ точно въ гостяхъ, сторонится и жметса.

На право отъ площади, которую мы только-что миновали, уходилъ куда-то въ безконечность темный бульваръ съ густою привлекательною зеленью, и тамъ, подъ навѣсомъ этихъ неизвѣстныхъ мнѣ деревьевъ, бродили кучами солдаты, и во тмѣ аллеи мелькали огоньки ихъ сигаръ и трубокъ. Прямо, узкая улица съ высокими домами; опять солдаты на каждомъ шагу; все покрыла собою война и армія. Мы мчались по гранитнымъ полоскамъ, вдѣланнымъ въ мостовую для бѣга колесъ (такъ вездѣ по италіанскимъ городамъ); всякія невѣроятныя формы французскихъ войскъ поминутно попадались навстрѣчу. Верчелли—большой городъ, гдѣ много старыхъ палаццо. Трудно сказать, сколько всего на все пробѣжала телѣжка, а за нею и я, однако едвали менѣе двухъ верстъ. Наконецъ мы въѣхали въ арку воротъ одного *albergo* (1). Я сейчасъ замѣтилъ въ глубинѣ крошечнаго двора дилижансы, кареты и купе разныхъ фасоновъ и видовъ. *Indicatore* адресовалъ меня къ какому-то веттурину, широко-шагающему малому съ чисто-италіанскимъ лицомъ, и въ такой шляпѣ, какъ обыкновенно одѣваютъ бандитовъ на театрѣ. Я припомнилъ фигуры балета *Корсаръ*, очень недавно, недѣли за двѣ, видѣннаго мною въ Варшавѣ. Веттуринъ предложилъ мнѣ свои услуги, пожалуй хоть до Милана. «А сколько это можетъ стоить?» спросилъ я. — Это дорого, синьйоръ, я васъ предупреждаю: это очень дорого! сказалъ широко-шагающій веттуринъ. — «Однако какъ?» — Дорого, три Наполеона, синьйоръ! отвѣчалъ бандитъ-*vetturino*. «Свезите меня до Новары, а тамъ есть почтовые дилижансы, и я буду доволенъ», сказалъ я. — Можно и до Новары: десять франковъ, *signore!* — «Восемь франковъ, и запрягай!»

Бандитъ, повидимому, согласился и живо прокричалъ кому-то: *Vetture, cavalli* (2)! Три парня завозились около экипажей и очень скоро выдвинули впередъ весьма приличный четверомѣстный

(1) Гостиницы.

(2) Экипажъ и лошадей.

«накръ, съ глухимъ верхомъ. «Я одинъ поѣду, или еще пассажиры?» спросилъ я. — Еще вотъ этотъ господинъ! мнѣ указали неопредѣленную фигуру въ пальто и въ шляпѣ съ большими полями. Несомнѣнно было, что онъ Итальянецъ. Любопытствуя знать тамошнія цѣны, я спросилъ у него тихонько, сколько онъ заплатилъ веттурину? — Шесть франковъ, но у меня нѣтъ никакой поклажи, отвѣчалъ онъ:—однако вы не дайте больше того, какъ условились: два франка за поклажу очень хорошая цѣна!

Я пошелъ вверхъ, въ *albergo*. Въ третьемъ этажѣ, въ комнатѣ, исписанной кругомъ *al fresco* подвигами Французовъ подъ Севастополемъ (гдѣ Малахова башня чуть не равнялась нашей Сухаревою), сидѣло за длиннымъ столомъ нѣсколько человекъ въ партикулярныхъ синихъ сюртукахъ, но я сейчасъ же узналъ военныхъ Французовъ, даже довольно-вѣрно опредѣлилъ бы ихъ чины по лицамъ.

Я скоро разговорился съ Французами. Извѣстная нота князя Горчакова у всѣхъ на устахъ. Эго—третье слово разговора ихъ съ каждымъ Русскимъ. Естественно были предложены взаимные тосты. Вдругъ вошелъ веттуринъ и сказалъ, что запрягаетъ. «Что жь, дѣло!» отвѣчалъ я. — Итакъ рѣшено, синьйоръ, десять франковъ!— Рѣшено восемь! Я такихъ штукъ, любезнѣйшій, очень не жалую, и больше не дамъ! Дѣло не въ двухъ лишнихъ франкахъ, а въ условіи!» — Но вы сказали: десять франковъ, *signore!* — Кто-нибудь принесите, пожалуйста, снизу мои вещи!» — Я запрягаю, синьйоръ! Я только такъ сказалъ, я пошутилъ! и веттуринъ скрылся.

Черезъ нѣсколько минутъ дали знать, что лошади готовы. Любезные Французы встали, прощаясь со мною. Я покатилъ. Дулъ сильный и холодный вѣтеръ, а вскорѣ затѣмъ пошелъ и дождикъ. Было темно, я едва видѣлъ моего веттурина въ голубоватомъ плащѣ съ закинутою полой на лѣвое плечо. Экипажъ остановился въ какихъ-то улицахъ, тускло освѣщавшихся фонарями. «Новара!» произнесъ лаконически веттуринъ. Все было тихо, какъ въ гробѣ. Веттуринъ началъ стучать въ огромныя ворота направо; очень не скоро зашевелились за ними живыя существа. Ворота отворились, и опять явился небольшой дворникъ съ экипажами. Веттуринъ вѣхалъ въ арку. По зигзагамъ высокихъ лѣстницъ побѣжалъ огонекъ, освѣщавшій какого-то соннаго парня, въ рубашкѣ, но въ брюкахъ и босикомъ, похожаго на многихъ русскихъ портныхъ по городамъ. «Комнату, синьйору, переночевать!» крикнулъ веттуринъ парню. — Но я бы хотѣлъ ѣхать, а не ночевать, замѣтилъ я: — покажите мнѣ, гдѣ тутъ почтовые дилижансы? — Они въ другомъ *albergo*, но тамъ нѣтъ комнатъ для ночевки, оттого я туда и не поѣхалъ, досказалъ веттуринъ:—ди-

дилижансы отходятъ въ 5 часовъ утра, а теперь только 11.—Все это хорошо, но нельзя ли меня туда проводить? я бы хотѣлъ самъ обо всемъ узнать и объясниться! — «Можно, *signore!*» — А вещи? — «Вещи понесутъ за вами».

Какой-то молодецъ, въ грубой синей блузѣ изъ крашеной холстины, тотчасъ подхватилъ мой сакъ-воляжъ, и мы пошли, какъ есть одни въ пустынныхъ улицахъ. Не видывалъ города, до такой степени умирающаго ночью. Просто на просто ни души! Мы прошли съ версту; опять стучанье въ ворота, опять парень со свѣчкой, въ родѣ нашего портнаго. Но увы! онъ объявилъ, что всѣ нумера заняты. Въ третьей гостиницѣ та же неудача; пришлось воротиться назадъ, къ первому портному со свѣчкой; онъ повелъ меня на верхъ и указалъ прескверную кровать, съ грязнымъ одѣяломъ. На другой такой же кровати, рядомъ, кто-то спалъ. Вы видите, что новарскія гостиницы напоминали мнѣ нашу Русь. Я тоже прибѣгнулъ къ русскому средству. «Нѣтъ, друзья, мое почтеніе! подумалъ я: ужъ лучше я уйду въ фіакръ веттурина!».

Я спустился внизъ, влѣзъ въ фіакръ и черезъ два мига спалъ богатырски. Въ 4 часа утра чья-то рука меня толкнула: это былъ носильщикъ. «Пора, синьйоръ, на почту!» Я вскочилъ, мы взяли вещи, и отправились. Уже толпы французскихъ офицеровъ и другихъ разнохарактерныхъ лицъ тѣснились въ небольшомъ переулкѣ, гдѣ отходили дилижансы. Даже было три изящныхъ дамы: какая-то баронесса съ дочерьми. И ихъ несло зачѣмъ-то въ страну, переполошенную войною! Въ комнатѣ, похожей на сарай, за большимъ прилавкомъ, раздавались мѣста въ дилижансы, безъ всякихъ билетовъ, очень безтолково. Кое-какъ, по слуху, писали имена, и брали деньги. Въмѣсто вашего пріятеля написали какого-то *Ver*: такъ и надо было откликаться.

Мы поѣхали благополучно шестеромъ. Пятеро было Французовъ: оберъ-офицеры разныхъ чиновъ и одинъ полковникъ, съ просѣдою въ усахъ и въ головѣ, говорившій съ трескомъ, какъ нерѣдко говорятъ иные военные Французы алжирской (и даже неалжирской) закалки. Опять — *sympathie pour l'Italie et l'armée française et piémontaise*, и нота князя Горчакова. Мы ѣхали скоро. Въ виноградныхъ и другихъ садахъ, направо и налѣво, видѣлись кучки французскихъ солдатъ, съ лошадьми и безъ лошадей. По дорогѣ также мелькали солдаты. Подъ навѣсомъ какого-то зданія свалены были огромныя кучи печеныхъ хлѣбовъ. Саженьяхъ въ десяти отъ шоссе, по которому мы ѣхали, сотни рабочихъ чинили желѣзную дорогу, разрушенную Австрійцами. Скоро мы замѣтили порванную нить телеграфа, которая тянулась по землѣ. Все кругомъ цвѣло и было зелено на необъятное пространство. На краю горизонта, съ одной стороны,

синеватымъ туманомъ рисовались Альпы. Сейчасъ за Тичино пришлось выдзгать: великолѣпный каменный мостъ былъ взорванъ Австрійцами: двѣ арки съли въ воду, а для сообщенія береговъ устроили временный мостъ на лодкахъ. Между тѣмъ каменный мостъ чинятъ. Все кипитъ дѣятельностью въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Тутъ не задумываются ни на полсекунды и не чешутъ въ затылкѣ. Нельзя не отвѣсить здѣсь низкаго поклона европейской цивилизаціи, ея безостановочной, неутомимой и неутомимой энергіи. Все, что дѣлается, — дѣлается по приказанію Наполеона. *Lui toujours, lui partout*, хоть иной разъ и въ другую сторону, нежели писано, переписано и не дописано въ этомъ стихотвореніи г. Гюго къ Дядѣ. На новомъ мосту торчатъ французскіе солдаты, обязанные осматривать поврежденія. За мостомъ такое превосходное шоссе, которое бросилось въ глаза намъ всѣмъ. Прѣхали версты двѣ — таможня и (кажется) граница. Всѣ дома изстрѣляны какъ рѣшето. Видно, въ окнахъ былъ бой. Вскорѣ затѣмъ слѣды австрійскаго и французскаго лагерей передъ Маджентой, а потомъ поле недавней битвы и самая Маджента, взятіе которой 4 іюня (н. ст.) заключило страшный бой. Тутъ нѣтъ живаго строенія и забора. Все испещрено пулями, ядрами и картечью. Небольшіе домики, въ родѣ отдѣльныхъ дачъ, съ черепичными крышами, всѣ избиты и часто пробиты насковозъ. Маджента тонетъ въ зелени. Изъ безконечныхъ садовъ, какъ изъ волнъ, выплываютъ невысокія строенія, между которыми показывается нѣсколько церквей, въ видѣ башенокъ съ низенькими крышами изъ черепицы.

Въ улицахъ ряды солдатъ, и все-таки Пиемонтцы исчезаютъ среди Французовъ. Какъ здѣсь ясно видишь, что ничего бы не сдѣлать Италіи, еслибъ она взялась одними своими средствами! Я говорю о томъ клочкѣ Италіи, который движется.

Въ Маджентѣ мы пересѣли въ вагоны желѣзной дороги. На станціи ободраны старыя австрійскія объявленія, и огромный зеленый листъ гласитъ въ заглавіи: *Ferrovie Vittoria Emmanuele*. Сколько нужно было крови, чтобъ этотъ зеленый листъ явился на станціи Мадженты!

Когда выѣдешь изъ Мадженты, долго идугъ по обѣ стороны дороги полоски (сажени въ двѣ шириною и неопредѣленной длины) кукурузы и ячменю, и между этими полосками сидятъ довольно часто свѣтлозеленые кусты винограда. Мѣстами выступаютъ разныя плодовицыя деревья, и особенно красиво, пышными шапками, подымается орѣхъ.

Черезъ часъ съ небольшимъ, послѣ того какъ съли въ вагонѣ, мы прибыли въ Миланъ. Поездъ шелъ тихо; вѣроятно, дорога не совсѣмъ еще улажена. Было половина одиннадцатаго, когда

вагоны остановились передъ дебаркадеромъ Милана. Скучно, а нечего дѣлать, надо повторить еще разъ о множествѣ солдатъ на площади передъ заставой, и потомъ въ улицахъ. Кажется, Миланъ не умиралъ ни на минуту, а теперь онъ живѣе, нежели когда-либо. Народа тѣма повсюду. Трехцвѣтныя ленты Сардиніи (зеленый, бѣлый и красный) мелькаютъ на всѣхъ пальто и мундирахъ. Всѣ мальчишки съ трехцвѣтнымъ *бандиеро* въ петлицѣ. Часто видишь прехитрыя сплетенія лентъ. У иныхъ дамъ такіе же бантики приколоты къ плечу. Другія замѣняютъ подобные банты живыми цвѣтами, подобранными очень искусно. Изъ многихъ оконъ вѣютъ трехцвѣтныя знамена. Всюду сочетаніе симпатическихъ цвѣтовъ. Шейные платки въ магазинахъ непремѣнно гдѣ-нибудь, хоть на кончикѣ, имѣютъ *tricolore*. Растянуты напоказъ бумажные чулки, и они *tricolori*. Мотки нитокъ сложены какъ *бандиеро*. Женскіе зонтики, опашалы, шляпки, шали, все на свѣтѣ переливается въ гармоническіе оттѣнки однихъ и тѣхъ же цвѣтовъ. Вскорѣ по пріѣздѣ, я пошелъ въ лавку и попросилъ хорошенькую Италианку, продававшую ленты, отрѣзать мнѣ кусочекъ *tricolore*. «Столько довольно?» спросила она.—«Довольно. Чтò же это стоитъ? Италианка, смѣясь, назвала какую-то мудреную монету; я сталъ рыться въ кошелькѣ.—«Да я шучу, подхватила она: можно ли брать деньги за такой кусочекъ? Niente, niente! (1)» добавила она и очень мило коснулася меня рукою, какъ бы съ нѣкоторымъ упрекомъ.—«Я пошлю вашъ подарокъ въ Москву, сказалъ я.—«Если такъ, не хотите ли, я еще отрѣжу?»

Но не обошлось и безъ печальной стороны всѣхъ этихъ громовъ, блеску и ликованія. Le revers de la médaille! Въ одной улицѣ тянулася погребальная процессія: несли гробъ какого-то капитана, умершаго въ Миланѣ отъ тяжелой раны, полученной при Маджентѣ. На бѣлой серебряной парчѣ, которая покрывала гробъ, лежалъ геройскій мундиръ; тихо колыхались кисточки эполетъ; сверху сабля и фуражка. Впереди процессіи факелы; по бокамъ гроба два ряда солдатъ; сзади шелъ другой капитанъ, съ повязкой на лицѣ, въ полной формѣ, но безъ шапки,—вѣроятно братъ героя, или другъ и товарищъ. Мракомъ и тишиной одѣлась на мгновеніе улица. Иные снимали шапки. Потомъ снова заколыхались пестрыя, веселыя *бандиеро*...

Поражаетъ своимъ оригинальнымъ видомъ здѣшняя городская стража, импровизированная изъ жителей всякаго званія, которые стоятъ на часахъ въ обыкновенномъ платьѣ, но непремѣнно въ синей кепи, съ краснымъ околышемъ и кантами и съ солдатскимъ ружьемъ. Впрочемъ нрѣдка видишь и въ простыхъ шляпахъ.

(1) Ничего, ничего.

Есть между такими солдатами изящные молодые люди. Пучокъ извѣстныхъ лентъ неизбежно пестрѣетъ въ петлицѣ. На стѣнахъ огромныя афишки: *Viva l'Italia! Viva il Re!* Я замѣтилъ, что особенное вниманіе обращаетъ на себя большая афишка съ воззваніемъ къ народу: *Popoli di Lombardia*. Все австрійское содрано долой и едва выглядываетъ кое-гдѣ *Austr...* Но чаще всего осталось только *A*, или вовсе ничего не осталось. Такъ хватила сердитая рука. Чьи портреты видишь на всякомъ шагѣ, нечего и объяснять. *Viva l'Italia!*

Необыкновенный городъ! Чудесно перемѣшано въ немъ новое со старымъ, но старина все-таки давитъ своимъ величіемъ. Стоитъ бросить взглядъ на соборъ, и пропали, невѣсть куда, всѣ зуавы и всѣ новыя афишки. Въ этомъ отношеніи «новые ихъ капралы» только будутъ вставлять кое-гдѣ снизу бѣлые кусочки мрамору: и того съ нихъ довольно. Вѣчною красотою и сановитостью дышутъ темныя, вальяжныя стѣны пятиярусныхъ палаццо, и сколько хочешь мчишь мимо вась яркихъ, легкихъ и блестящихъ экипажей послѣдняго фасону, какъ хочешь изукрасься и уберись въ стекла громадный магазинъ, пестрѣй улицы народомъ, публикаціями о побѣдахъ, симпатическими флагами свободы, взоръ вашъ все-таки отыщетъ старыя палаццо и остановится на нихъ благоговѣнно. Все хорошо, но необходимы и эти палаццо, лучше всего обрамляющіе собою свѣжія картины, одну за другою. Много пройдетъ такихъ картинъ, много повиснетъ такихъ флаговъ въ оконъ, но одни и тѣ же останутся окна, одни и тѣ же незамѣнимыя палаццо...

Смотрю иногда на экипажи: какая легкость! Карету мчитъ какъ вѣтеръ одна лошадь, а все отъ того, что хороши мостовыя. Просто, что называется, поютъ. Еслибы въ такой каретѣ проѣхаться по Москвѣ, ея бы стало только на одну Тверскую, и то едва ли. Улицы здѣсь очень узки, не шире, какъ для двухъ экипажей въ рядъ, а между тѣмъ фіакры, омнибусы и другіе экипажи ѣздятъ скоро и никогда не задѣнуть никого и не столкнутся другъ съ другомъ: такая ловкость въ управляющихъ лошадьми, и притомъ ни малѣйшаго крику и брани въ улицахъ. Все дѣлается какъ бы волшебствомъ, точно всѣ условились танцевать танецъ, а не то, чтобы настоящая жизнь перекувыркивалась какъ у насъ грѣшныхъ, со всѣми своими запятыми, кавыками и затрепинами. Даже, безъ привычки, скучно, что нѣтъ никакой исторіи, или хоть будошника. А вѣжливость, какая обворожительная вѣжливость! Это не маска вѣжливости, а дѣйствительная вѣжливость, выработанная вѣками, необходимая теперь народу какъ пища и воздухъ. Спросите любого привратника, мальчика: «куда идти? гдѣ такой-то

домъ? — и посмотрите, какъ онъ попытается выслушать ваше желаніе и какъ вамъ отвѣтитъ. Мою комнату въ гостиницѣ, гдѣ я остановился, убираютъ двѣ дѣвушки (мы двѣ дѣвицы, двѣ черноокія), иногда три (третья пойдетъ къ романсу: сильно бѣлокурая), и за тѣмъ три, чтобъ убрать какъ можно скорѣе. Однажды уборка кончилась, двѣ стали выходить, а третья свѣсилась изъ окна всего на секунду; тѣ замѣтили ей престрого, зачѣмъ она безпокомтъ лишнимъ присутствіемъ синьйора. Съ какой стороны ни посмотри, вездѣ видишь изящную, дѣйствительно образованную Ломбардію, про которую и Нѣмцы говорятъ, что она ничѣмъ не обязана Австріякамъ. Я полагаю, что одно отсутствіе полиціи въ улицахъ достаточно показываетъ образованность народа.

Совѣтую всѣмъ останавливаться въ тѣхъ отеляхъ, гдѣ преимущественно останавливаются Англичане. Это непременно хорошо, или по крайней мѣрѣ — лучшее. Англичанинъ умѣетъ воспитать отель гдѣ бы то ни было. Какъ-нибудь принимать можно всѣ націи, но только не Англичанъ. Они одни умѣютъ этого не позволить. Чѣмъ старше отель, носящій имя *Британіи, Лондона* и т. п., тѣмъ лучше: значигь, въ немъ перебывало нѣсколько поколѣній Англичанъ, и было время воспитаться отелю. Правда, эти отели всегда дороже; противъ эгого нечего сказать, какъ развѣ только то, что въ другихъ вы рискуете заплатить лишній процентъ своимъ безпокойствомъ.

Нумеръ у меня посредственный, но ѣдимъ отлично, только ужъ черезчуръ долго: 77 блюдъ какъ говорится. Деликатность Итальянцевъ выставляетъ напередъ всѣ блюда напоказъ, чтобъ всякій видѣлъ достоинство матеріала, который пойдетъ въ его желудокъ. Напримѣръ, поставятъ на столъ говядину-филе, нѣчто въ родѣ бревна, въ негронутомъ видѣ, и потомъ это бревно, тутъ же на особомъ столѣ, разрѣзывается на мелкіе ломти рукою искуснаго служителя. Соусъ изъ цыплятъ непременно будетъ показанъ обѣдающимъ: цѣлые, неразрѣзанные цыплята какъ есть, и паръ валигъ до потолка. Иногда появленіе блюда напоказъ бываетъ мгновенно, что съ непривычки нѣсколько забавляетъ: поставятъ блюдо, вскроютъ (если такое, которое по здѣшнему соображенію требуетъ покрывки) и сейчасъ подхватятъ опять. Лакеи ловки и вѣжливы, но странное дѣло: рѣшительно русскія лица; такъ и ждешь, что заговоритъ по-русски. Картинки на стѣнахъ всѣ до одной мои старыя знакомыя по Кузнецкому мосту. Вообще по этой части вижу новаго не очень много.

Вывѣшенъ въ лавкахъ портретъ Виктора-Эммануила, во весь ростъ, въ видѣ зуава, съ ружьемъ въ рукахъ, и подпись гласитъ: *Il nuovo Caporale dei Zuavi*. На лежащей у ногъ его гранатѣ на-

писано: *Palavra*. Известно, что послѣ этого дѣла одиъ изъ полкъ объявилъ его своимъ капраломъ.

Также продается карриатура генерала Гіулая.

*Photographie du fameux Général Giulay
général de la guerre (2).*

*Photographie du fameux Général Giulay
en allant à la guerre (1).*

Взгляните на эту карриатуру снизу и сверху, отъ обѣихъ частей и замѣтите свирѣпость физиономіи челоуѣка и уныніе физиономіи животнаго.

Всякій день вижу въ улицахъ партіи волонтеровъ, челоуѣкъ въ 30, 40 и больше, маршируюція изъ главнаго штаба адміралі арміи Strada Vercelli, Casa Litta, иначе Palazzo Burdini, гдѣ весьма недавно жилъ Гіулай. Обыкновенно, если кто ѣдетъ туда, вѣздѣ

- (1) Фотографія славнаго генерала Гіулая, отправляющагося на войну.
(2) Фотографія славнаго генерала Гіулая, возвращающагося съ войны.

непрѣменно скомандуютъ, для большой ясности: «Ove abitava Giulay!» (гдѣ жилъ Джулай). Я думаю, ему часто жается.

Волонтеры, съ нечатыми ярлыками на шапкахъ, съ ружьями въ рукахъ, весело маршируютъ подъ звуки барабана, который гремитъ впереди, такой же молодецъ, какъ и все, въ пальто, въ сѣрой шляпѣ съ большими полями. Въ срединѣ паренъ поплечистѣе несетъ трехцвѣтное знамя. Всѣ веселы. Иные курятъ трубки и нѣсколько припрыгиваютъ подъ тактъ. Все это сильно молодо и разнокалиберно. Синіе сертучки, черныя пажовые пальто; на головѣ кепи или сѣрые шляпы. Нижнее платье всѣхъ цвѣтовъ.

Но странно: не кричатъ о побѣдѣ при Маджентѣ, не кричатъ даже здѣсь, а все что-то думаютъ... Между тѣмъ это было дѣло отличной храбрости и мужества, мужества того же нумера, который былъ нашитъ на всѣхъ шапкахъ наполеоновскихъ полковъ, бывшихъ при Маренго, Аустерлицѣ и... *tutti quanti* того времени. Отчего же тогда мгновенно исполнялась вся Европа звукомъ этихъ побѣдъ? Отчего они перешли въ потомство? Самыя позы разныхъ генераловъ въ этихъ битвахъ заучены дѣтми въ картинкахъ. Отчего такой звонъ въ словѣ Маренго и ничего похожего на это въ Маджентѣ? Маренго — историческая картина; Маджента — обыкновенное, всендневное изображеніе боя въ иллюстраціи: скачутъ лошади, валяются изломанные лафеты, сверху дымъ... Нѣтъ знаменитой фигурки на конѣ, или пѣшкомъ, фигурки, которую узнаешь въ самомъ миниатюрномъ видѣ, въ самомъ небрежномъ очеркѣ; фигурки, изъ которой исходятъ всеосвѣщающіе лучи... Но неужели рѣшительно все, весь этотъ переходъ къ равнодушію въ отношеніи битвъ, надо отнести единственно къ отсутствію фигурки, этого сѣраго сюртучка? *А чья звѣзда ее вела?* Нѣтъ этой звѣзды — и все покрыто мракомъ! Это отчасти такъ, но, мнѣ кажется, подобное явленіе объясняется между прочимъ и всеобщимъ движеніемъ впередъ. Это рѣшительно *успѣхъ*. Слава Богу, что не кричатъ о новомъ Маренго, даже если это и *настоящее* Маренго, безъ всякой примѣси, 96-й пробы. Времена боевъ и солдатской славы уступаютъ мѣсто чему-то иному. Мы начинаемъ приходить къ убѣжденію, что не въ этомъ *штука*, и это дѣлается само собою, какъ бы противъ нашей воли. Хороша армія; никогда не бывало такихъ зуавовъ (пари держу, что Наполеонъ первый и во снѣ не видалъ ничего подобнаго); 50 лѣтъ прошло — и такъ не бились, а между тѣмъ не кричатъ, не занимаютъ... Глаза устремляются къ другому предмету, и мысли работаютъ. Некогда увлекаться дѣтскими картинками и заучивать позы генераловъ — баста! Я почти убѣжденъ, что теперь совсѣмъ невозможны новые Маренго, кто бы ни явился командовать потом-

ками прежнихъ маренговскихъ солдатъ, хотъ свѣти у него во лбу двѣ такихъ звѣзды, или больше.

Большинство обитателей нашего отеля—Англичане. Но есть рѣшительно всѣ націи. Не доставало Русскаго—пробѣлъ пополнился.

Сегодня я сидѣлъ за table-d'hôte, рядомъ съ однимъ Англичаниномъ, большимъ оригиналомъ. Онъ высказалъ мнѣ много преуморительныхъ вещей, или лучше сказать, уморительнымъ образомъ.

Началось съ того, что онъ, садясь, прогнѣвался на слугу, зачѣмъ онъ не оставилъ ему мѣста, гдѣ онъ привыкъ всегда обѣдать. «Мнѣ пріятно быть въ своей компаніи, ворчалъ онъ, а теперь съ кѣмъ я буду говорить? Поиталіянски я не знаю...»

Я сталъ вглядываться, гдѣ же около него Италіянцы: оказалось, что онъ принимаетъ за Италіянца меня. Признаюсь, не ожидалъ никогда, что буду похожъ на Италіянца, и еще гдѣ—въ Итали!

— Вы, безъ сомнѣнн, уроженецъ Сардиніи? сказалъ онъ мнѣ, немного погодя, по-французски.

— Нѣтъ, я Русскій.

— Русскій?

Онъ разинулъ ротъ и откинулся на спинку кресла, какъ бы выражая этимъ: «Ну, батюшка, одолжил!»

— Но вѣроятно вы здѣсь только одинъ и есть изъ Россіи? замѣтилъ онъ.

— Ужь не знаю.

Мы разговорились и естественно дошли до настоящихъ событій.

— А вѣдь вы не имѣете совершенно искренней и общей симпатіи къ этому вопросу? сказалъ онъ.

— Отъ чего же нѣтъ?

— Такъ мнѣ кажется... впрочемъ это моя собственная идея.

Мы немного помолчали.

— Знаете ли, что мнѣ кажется, продолжалъ онъ:—взгляните въ исторію: Австрійцы постоянно уступали въ началѣ. Думаешь: эдакая дрянь, бѣгутъ! ну, пропала Австрія. А потомъ, глядишь, и начали понемногу забирать прежнее и затягивать еще крѣпче... впрочемъ это моя собственная идея.

Мы опять помолчали.

— Скажите пожалуйста, началъ опять онъ:—зачѣмъ у васъ бываютъ такія странности, напримѣръ, морякъ, и вдругъ, смотришь, кавалерійскія шпоры?

— Нѣтъ, это вамъ такъ показалось, или вы шутите.

Молчаніе минуты на двѣ.

— Однакожь вы теперь начинаете входить во вкусъ вещей, продолжалъ опять Англичанинъ...—впрочемъ...

Вотъ какъ прошли для Миланцевъ знаменитые великіе дни съ 4 по 10 іюня нов. ст., по разказу другаго собесѣдника моего изъ здѣшнихъ жителей.

4 числа іюня, какъ вамъ извѣстно, было сраженіе при Маджентѣ. Около семи часовъ вечера, въ улицахъ Милана, увидѣли раненыхъ Австрійцевъ, солдатъ и офицеровъ, потомъ явилась кучка солдатъ, человекъ 50, безъ ружей, безъ шапокъ и безъ ранцевъ. Еще немного послѣ промчалось нѣсколько лошадей, кучками, въ 8—10 штукъ. Видно было, что это лошади изъ-подъ артиллеріи, ящиковъ и фуръ, потому что у иныхъ болтались по бокамъ обрубленные построжки. Нѣкоторыя лошади были ранены: Сзади каждой кучки слѣдовали двое или трое австрійскихъ солдатъ. Городъ до этой минуты былъ спокоенъ и жилъ своею обыкновенною жизнію, но видя прибывающихъ болѣе и болѣе Австрійцевъ, жители заперли лавки и ворота, однако не надолго: Спустя часъ, или около того, лавки и ворота снова открылись, и все пошло по прежнему. Изрѣдка подымалась суматоха, пыль и шумъ по улицамъ. Скакали австрійскія лошади съ оборванными построжками, и опять все стихало. Ночь прошла спокойно. Къ утру на 5 число іюня Австріицы вышли изъ города, какъ войска, такъ и муниципалитетъ, по направленію къ Веронтъ и Лоди.

5 іюня, въ шесть часовъ утра, нѣсколько человекъ городскихъ жителей разнаго званія вошли въ замокъ (*Castello* на *Piazza d'Armi*) и нашли орудія заклепанными и множество снарядовъ, разбросанныхъ повсюду. Австріицы такъ спѣшили убраться, что оставили въ крѣпости даже деньги, до двухъ милліоновъ гульденовъ. Часть этихъ денегъ была расхищена тутъ же разными молодцами, но два желѣзные ящика не могли разбить, и эти ящики, набитые деньгами, поступили въ распоряженіе города, гдѣ уже сформировался тогда особый ломбардскій муниципалитетъ.

Часовъ въ восемь или въ девять утра показался въ улицахъ, со стороны Мадженты, небольшой отрядъ Австрійцевъ (человекъ 400—500), пѣхоты и кавалеріи. Они направились прямо въ замокъ, разчитывая найти тамъ кого-либо изъ своихъ, но встрѣтивъ Миланцевъ, завязали съ ними драку, причемъ былъ убитъ одинъ докторъ, и человекъ два или четыре ранено со стороны новаго гарнизона. Затѣмъ Австріицы прекратили бой и расположились на площади, передъ замкомъ (*Piazza d'Armi*).

Спустя нѣсколько часовъ вступило въ городъ, со стороны Мадженты, еще нѣсколько австрійскихъ войскъ, тысячи 3—4 человекъ, при одной батарее. Въ улицахъ уже вѣяли изъ оконъ трехцвѣтные бандіеры, и всякій изъ жителей имѣлъ кокарду.

Первые бандіеры показались въ окнахъ часовъ въ десять утра. Видя это и не находя нигдѣ товарищей, Австрійцы прошли городъ насквозь, ни разу не останавливаясь, и направились частію къ Лоди, частію къ Веронѣ. Стоявшая на площадкѣ кучка (на Piazza d'Armi) тронулась также вслѣдъ за ними.

Послѣ одиннадцати часовъ утра уже не было въ Миланѣ ни одного *здороваго* Австрійца: всѣ ушли, кто только могъ уходить, исключая оставшихся по городамъ раненныхъ. Въ городѣ раздавались радостные клики. По улицѣ разгуливали толпы вооруженныхъ жителей: кто съ ружьемъ, кто съ саблей, взятыми въ опустѣвшихъ казармахъ, или у раненныхъ Австрійцевъ по госпиталямъ. Все кипѣло иною жизнію и представляло новый, небывалый видъ.

Къ двумъ часамъ по-полудни, миланскій муниципалитетъ велѣлъ баррикадировать городъ. Въ одинъ часъ поспѣли всюду баррикады, составленныя изъ разныхъ разностей: изъ старыхъ каретъ, омнибусовъ, ящиковъ и т. п. Въ пять часовъ вечера показалось въ городѣ человекъ 50 австрійскихъ гусаръ, со стороны Abbiategrasso, per la porta Ticinese. Это былъ безъ сомнѣнія отрядъ, посланный въ городъ для рекогносцировки. (Въ это время главная квартира Гюлая была въ Abbiategrasso.) Гусары, мелькнувъ въ городѣ, скоро опять исчезли. Ночь прошла спокойно.

6 іюня, къ полудню, начали прибывать въ городъ раненные Французы и Піемонтцы. Нужно было убрать нѣкоторыя баррикады для пропуска экипажей, наполненныхъ ранеными. Эти экипажи были частныя кареты и коляски, посланныя жителями къ амбаркадеру желѣзной дороги, по которой привезли раненныхъ изъ-подъ Мадженты. Эту часть дороги некогда было Австрійцамъ испортить. Трудно описать радостное волненіе всего города. Дамы лучшихъ фамилій спѣшили привѣтствовать раненныхъ, брали ихъ за руки, обнимали, плакали. Со всего города сносили въ госпитали бѣлье, корпію, перевязки. Все было въ движеніи. Такъ прошелъ цѣлый день, и все прибывали раненные и разбѣгались по госпиталямъ. Между тѣмъ муниципалитетъ учредилъ національную вардію.

7 іюня, въ шесть часовъ утра, стала входить въ городъ французская армія, предводительствуемая генераломъ Макъ-Магономъ. Всѣ были въ обыкновенной формѣ. Около двѣнадцати часовъ дня кончилось вступленіе войскъ; всего на все вошло между этими часами до 25 тысячъ человекъ. Само собою разумѣется, что изъ оконъ сыпались букеты, летѣли крики и привѣтствія. Солдаты стали лагеремъ по разнымъ площадямъ; офицерамъ были предложены квартиры въ лучшихъ домахъ города.

8 іюня, въ восемь часовъ утра, императоръ Наполеонъ и король

Викторъ-Эммануилъ имѣли прибытіе въ Миланъ, per l'arco del Sempione и потомъ черезъ Porta Orientale. Никто не ожидалъ, что въѣздъ ихъ будетъ такъ рано. Многія дамы еще не были одѣты, но, забывъ все на свѣтъ, въ дезабилье и безпорядкѣ, показались на балконахъ и сыпали цвѣты... Восторгъ всѣхъ былъ неописанный.

Король слѣзъ съ лошади подлѣ Ponte di Porta Orientale и остановился въ Casa Busca. Наполеонъ—въ Villa Reale, прежде бывшей Buonaparte.

Принявъ безчисленныя городскія депутаціи, императоръ и король посѣтили гошпитали.

9 іюня, снова прибытіе французскихъ и піемонтскихъ войскъ, въ продолженіе цѣлаго дня. Въ одиннадцать часовъ, въ соборѣ—торжественный *Te Deum*, причемъ присутствовали императоръ и король. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

Войскъ находилось въ это время въ городѣ болѣе ста тысячъ.

10 іюня, въ шесть съ половиною часовъ вечера, экстренный спектакль въ *la Scala*, въ пользу семействъ тѣхъ солдатъ, которые были ранены, или пали при Маджентѣ. Наполеонъ III и Викторъ-Эммануилъ присутствовали въ спектаклѣ. Всѣ зрители, противъ принятаго обыкновенія, сидѣли и стояли безъ шляпъ, въ продолженіе всего спектакля. Вечеромъ была иллюминація театра *la Scala*.

Н. БЕРГЪ.

ИЗЪ ТВЕРИ.

Въ ночи съ 14-го на 15-е іюня въ Твери былъ пожаръ, истребившій почти все, что было деревяннаго въ строеніи краснаго ряда и гостинаго двора, съ большимъ количествомъ разныхъ товаровъ.

Проѣзжавшимъ черезъ Тверь по петербурго-московскому шоссе извѣстно, что гостиный дворъ стоитъ почти прямо противъ плашкоутнаго волжскаго моста. По западной сторонѣ гостинаго двора, параллельно съ нимъ, тянется три ряда небольшихъ деревянныхъ лавокъ, отдѣленные одинъ отъ другаго довольно узкими переулками. Послѣдній рядъ лавокъ выходитъ на площадь позади губернаторскаго дома или на такъ-называемый изстари мытный дворъ. Сначала загорѣлась одна изъ лавокъ въ первомъ переулкѣ отъ мытнаго двора. Въ самомъ небольшомъ разстояніи отъ этого мѣста находятся важнѣйшія зданія Твери кромѣ гостинаго двора: домъ дворянскаго депутатскаго собранія, домъ губернаторскій, только что отстроенный домъ губернской гимназіи, кафедральный соборъ,

императорскій дворецъ. Въ лавкѣ, гдѣ загорѣлось, находился складъ тряпья. Многіе говорятъ, что это тряпье, сторѣвшееся до воспламененія, было причиною пожара. Такъ это или нѣтъ, и возможно ли по законамъ физики такое разгоряченіе тряпья, представляемъ на судъ другихъ. По крайней мѣрѣ загорѣлась именно эта лавка, и въ народѣ нѣтъ никакихъ толковъ о намѣренномъ поджогѣ.

Случилось это, когда было немного за полночь. Мѣсто, гдѣ начался пожаръ, находилось въ довольно тѣсномъ захолустѣ мелкихъ лавокъ; а потому не мудрено, что ни ночной рядскій караульный, ни полицейскіе часовые на каланчахъ не увидѣли скоро дыма и пламени. Первые прибывшіе на мѣсто нашли занявшіеся уже не одну лавку. Такъ какъ хозяева лавокъ разсѣяны по всему городу, и вѣроятно, всѣ уже спали, то, чтобы прозвѣсть тревогу, нашли нужнымъ прибѣгнуть къ старинному, нынѣ уже оставленному способу повѣстки, просили зазвонить на колокольнѣ соборной и другихъ церквей. Пока народъ собрался, огонь уже очень усилился. Всякій легко можетъ себѣ представить, какаа должна была произойти сумятица и давка торговцевъ и ихъ помощниковъ въ тѣснотѣ узкихъ переулковъ, когда всякій спѣшилъ выбрать изъ своей лавки и спасти, чтò только можно. Пламя быстро перешло на красный рядъ, ближайшій къ гостинному двору. Крыши на лавкахъ этого ряда были деревянныя. Скоро потомъ загорѣлись и лавки стороны гостинаго двора, обращенной къ огню, а затѣмъ и хлѣбныя лавки внутренней стороны двора. Тутъ кромѣ муки и другихъ припасовъ въ самыхъ лавкахъ были сложены бунты кулей съ мукою. Жаръ отъ загоравшагося хлѣба былъ, говорятъ, неприступный на далекое разстояніе. Собрать въ достаточномъ количествѣ рабочихъ людей и возчиковъ со сво-локами, а потомъ расходиться и разъѣзжаться со встрѣчными въ узкихъ подѣздахъ двора, почти не было возможности. Огонь быстро переходилъ въ обѣ стороны, и скоро обнялся весь наполовину двухъ-этажный гостинный дворъ. Къ 6-ти часамъ утра или уже прогорѣло или загорѣлось все, чтò могло горѣть. Внутри лавокъ горѣло еще долго, особливо въ недоступномъ четырехугольничкѣ гостинаго двора, котораго внутреннія лавки заняты были хлѣбнымъ товаромъ.

Потери торгующаго класса отъ бывшаго пожара должны быть очень велики. Большая часть капиталовъ, состоявшихъ въ товарахъ, находилась въ лавкахъ, гдѣ торговали, или въ особливыхъ складочныхъ, но тутъ же. Особливо велики потери торговцевъ хлѣбныхъ, которымъ почти не было возможности спасти хоть часть товара. Достоверно извѣстно, что не всѣ успѣли выбраться даже изъ тѣхъ лавокъ, кои находятся по наружной сторонѣ двора

Сколько добра растеряно, перебито, перемято, растащено! Уцѣлѣло только нѣсколько лавокъ по линіи Милліонной улицы. Были однакожь твердые люди, которые вовсе не выбирались, и спаслись. Но такихъ немного. Другіе долго не трогались, въ надеждѣ что огню не дадутъ взять такую силу, начали выбираться поздно, и много потерпѣли. Сгорѣли цѣлые нетронутые склады запасныхъ товаровъ въ отдѣльныхъ лавкахъ. А нашелся, говорятъ, купецъ, который нисколько не старался спасти что-нибудь изъ загорѣвшей лавки изъ христіанскаго смиренія, видя въ дѣйствиіи огня волю Божию. За вѣрность разказа ручаться нельзя; но если это было, то это рѣдкій примѣръ въ наши дни.

Но не всякая рана смертельна. Теперь тверской гостинный дворъ уже кипитъ дѣятельностію плотничныхъ работниковъ надъ деревянною отдѣлкою лавокъ. Многіе изъ торгующихъ устроили себѣ временное помѣщеніе и начали опять свое дѣло. Съ Божіею помощію, терпѣніе и трудъ скоро вознаградятъ потери; а между тѣмъ праведное посѣщеніе Божіе о чемъ-нибудь напомнитъ православному и можетъ-быть чему-нибудь научить.

Изъ того, что произошло, видно, что дѣйствиіе городской пожарной команды не отличалось ни расторопностію, ни знаніемъ своего дѣла. За то всѣ единогласно хвалятъ дѣйствиіе другой команды. За чертою города, на другой сторонѣ небольшой рѣчки Тьмаки, есть большая бумагопрядильная фабрика московскихъ купцовъ гг. Каулина и Комп. При этой фабрикѣ есть пожарный снарядъ съ достаточнымъ числомъ людей, которые приучены дѣйствовать имъ. По приказанію управляющаго фабрикою, весь этотъ пожарный комплектъ явился на мѣсто опасности. Фабричный пожарный снарядъ, какъ всякій легко могъ убѣдиться, видя его въ дѣйствиіи, превосходный. Составной рукавъ его спускается прямо въ рѣку; поэтому при немъ устраняется важное затрудненіе — возка воды бочками. Этотъ снарядъ даетъ большую, сильную и непрерывную струю воды. Люди, приставленные къ нему, хорошо умѣютъ управлять имъ. Но когда, по прибытіи на мѣсто, приставленные къ снаряду люди начали составлять части рукава, то произошла неожиданность: завѣдывающій мѣстною пожарною командою нашелъ это дѣйствиіе въ его присутствіи неумѣстнымъ, грозно запретилъ фабричному мастеру распоряжаться своими людьми и даже приказалъ-было отправить его подъ арестъ. Мастеръ отдалъ своимъ людямъ приказъ уложить весь приборъ и ѣхать на фабрику. Начальникъ, напротивъ, приказывалъ имъ составлять снарядъ. Люди отказались слушать его, отзываясь тѣмъ, что они обязаны повиноваться старшему, поставленному надъ ними ихъ хозяиномъ. Такимъ образомъ вмѣсто соединенныхъ усилій обѣихъ командъ вышелъ гласный при

всѣхъ тутъ бывшихъ разладъ. Хорошо, что тутъ нашлись значительныя лица, кои уладили дѣло. Фабричныя люди успѣли отстоять смежный съ горѣвшимъ строеніемъ домъ собранія тверскаго дворянства и такимъ образомъ отвратили распространеніе огня въ эту сторону. Это уже не первый случай ревности городской пожарной команды къ командѣ фабричной. Осенью былъ подобный случай. Тогда также фабричныя своимъ снарядамъ успѣли отвратить распространеніе огня, по линіи набережной улицы, при безуспѣшномъ дѣйствіи городской пожарной команды.

N N.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Французская армія находится теперь почти подъ стѣнами Вероны; въ одинъ мѣсяць она прошла отъ береговъ Сези до береговъ Адиджа, и ей оставалось разрушить послѣднее убѣжище австрійской военной силы, чтобы на фактъ оправдаться слова императорскаго манифеста: «Италія должна быть свободна до Адриатическаго моря», и открылось поле для осуществленія желаній англійскаго народа: *Italia for Italians* (1); всѣ германскія надежды на Минчіо и даже на знаменитый *четыреугольникъ* (2) разсѣиваются передъ рѣшительнымъ напоромъ франко-сардинскихъ войскъ. Императоръ Французовъ намѣревался поразить Австрію въ другое большое мѣсто ея; его войска заняли два острова въ Фіумскомъ заливѣ, и эта небольшая повидимому рана должна произвести страшное воспаленіе: въ Фіуме вмѣстѣ съ Италіянами живутъ Славяне; городъ этотъ, не принадлежащій къ Германскому Союзу, принадлежитъ къ славянской Кроатіи, и конечно расположеніе умовъ въ Аграмѣ не сдѣлается спокойнѣе вслѣдствіе французской высадки въ Фіумскомъ заливѣ..

Война, какъ фактъ, можно сказать, почти окончилась; стало ясно, кому принадлежитъ побѣда, и настаётъ уже время вывести заключеніе изъ этого факта, утвердить его мирнымъ со-

(1) Италія для Италіянцевъ.

(2) Четыреугольникъ этотъ составляютъ крѣпости: Пескъера и Верона на сѣверѣ, Мантуя и Леньяго на югѣ.

глашеніемъ всей Европы. *Oesterreichische Correspondenz* объявила нѣсколько дней тому назадъ о предстоящемъ возвращеніи императора Франца-Иосифа въ Вѣну; « намъ извѣстно, говоритъ офіціальный австрійскій журналъ, что весьма скоро столица будетъ имѣть счастье снова узрѣть въ своихъ стѣнахъ его величество императора, потому что важныя правительственныя дѣла требуютъ присутствія августѣйшаго государя. » Исторіографъ при главномъ штабѣ, г. Таклендеръ и живописецъ Адамъ также возвратились въ Мюнхенъ: они привезли съ собою въ Италію не тотъ строй лиры и не тѣ краски, въ которыхъ оказалась надобность. Должно надѣяться, что отъѣздъ императора изъ Италіи есть первый шагъ къ мирнымъ переговорамъ, и, если нынѣшняя война ознаменовалась страшными битвами, стоившими много крови, то она по крайней мѣрѣ скоро окончится. « Война, говоритъ *Times*, подобно всякому суду, должна отличаться скоростью и не тянуться долго; это важное качество рѣшенія дѣлъ войною и судомъ осуществляется теперь въ италіянскомъ вопросѣ и можетъ считаться успѣхомъ. »

Соперники должны были спѣшить окончаніемъ дѣла; они знали, что за ними зорко слѣдитъ вся Европа и при первомъ удобномъ случаѣ скажетъ свое слово въ пользу мира. Такъ и случилось. Телеграфъ принесъ уже намъ извѣстіе о перемиріи, заключенномъ 7 іюля н. ст. въ Виллафранкѣ близъ Вероны между фельдмаршаломъ Гессомъ и маршаломъ Вальеномъ, срокомъ по 15 августа. *Мониторъ* прибавляетъ, что перемиріе не есть еще несомнѣнный предвѣстникъ мира, но онъ говоритъ о предстоящихъ переговорахъ, въ которыхъ Франція будетъ, конечно, опираться на фактъ побѣды, а другія государства предлагать общія требованія Европы. Какъ бы предчувствуя это, дипломатія французская и сардинская уже пришла въ движеніе и старалась высказать надежды и ожиданія воюющихъ. Въ этомъ отношеніи весьма важенъ циркуляръ графа Валевскаго, отъ 20 іюня, въ которомъ замѣчательны слѣдующія слова: « Императорское (французское) правительство желало разсмотрѣнія италіянскаго вопроса на конгрессѣ и вовсе не отказывается отъ того, чтобы всѣ державы участвовали вмѣстѣ съ нимъ въ окончательномъ рѣшеніи дѣла; оно готово само, въ случаѣ надобности, просить этого участія, когда настанетъ для него удобное время. » Французскій министръ указываетъ на русскую ноту къ Германіи и на рѣчи англійскихъ министровъ, какъ на доказательство того, что Россія и Англія будутъ дѣйствовать во имя освобожденія Италіи, не опредѣляя впрочемъ точнаго смысла этого « освобожденія ». Что касается до новыхъ циркуляровъ графа Кавура, то о нихъ мы скажемъ ниже, а теперь посмотримъ

какъ общественное мнѣніе судить о побѣжденныхъ и побѣдителяхъ. По этому поводу въ *Times* напечатано одно письмо къ издателю, въ которомъ авторъ, Американецъ, высказываетъ нѣсколько вѣрныхъ мыслей объ обоихъ противникахъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что австрійскій деспотизмъ, въ сравненіи съ французскимъ, представляетъ много невыгодныхъ сторонъ; первый отличается грубостью и тупоуміемъ, послѣдній на столько просвѣщенъ, на сколько это возможно для деспотизма. Но съ другой стороны, эта самая грубость и полуварварство, будучи источникомъ слабости, дѣлаютъ Австрію менѣе опасною для всеобщаго благосостоянія. Французское правительство, напротивъ, повсюду и всегда выказывало силу. Впервыхъ, это деспотизмъ, основанный на развалинахъ свободныхъ учреждений. По единогласному свидѣтельству всѣхъ новыхъ историковъ и философовъ, такого рода правительство имѣетъ временную силу, то-есть въ теченіи одного или двухъ поколѣній. Правда, ему предстоятъ затрудненія внутри страны, но эти затрудненія не только не побуждаютъ его къ миру, а по несчастію необходимо подстрекаютъ и воодушевляютъ къ войнѣ. Съ одной стороны, какъ доказываетъ печальный опытъ, у Французовъ не достаетъ практическаго взгляда и политическаго смысла на столько, чтобъ оставаться спокойными при конституціонномъ правительствѣ; съ другой стороны, они достаточно развиты, чтобы не оставаться спокойными при деспотизмѣ. Поэтому правительство прежде всего заботится о быстрыхъ и вѣрныхъ средствахъ подавить оппозицію, и находитъ эти средства въ самомъ характерѣ народа.

На первомъ мѣстѣ стоятъ особенности французскаго патриотизма. Французы въ одномъ отношеніи наименѣе и въ другомъ наиболѣе патриотическій народъ въ Европѣ. Эту особенность мы обозначимъ довольно точно, если скажемъ, что французскій патриотизмъ есть исключительно *внѣшній*. О внутреннемъ патриотизмѣ, какъ понимаютъ и проявляютъ его Англичане и Американцы, у Французовъ нѣтъ никакого понятія. Они смотрятъ на правительство, какъ на силу, которая даетъ имъ мѣста или дѣлаетъ что-либо для нихъ; поддерживать политическую партію только ради ея принципа, — этого они не могутъ представить себѣ даже въ воображеніи; конституціонная оппозиція, какая существуетъ въ Англии и Америкѣ, рѣшительно невозможна во Франціи; здѣсь всякая партія стремится къ особой формѣ правительства. Но введите чужеземный элементъ, и все измѣнится. Правительство можетъ быть діаметрально противоположно всѣмъ политическимъ теоріямъ Французовъ, и между тѣмъ народъ будетъ поддерживать его до послѣдней крайности противъ иностран-

цевъ; онъ пожертвуетъ для этого своими принципами, интересами, убѣждениями и надеждами. Въ нынѣшнюю войну всѣ классы общества, кромѣ военныхъ, не желали ея; но едва началась война, какъ весь народъ единогласно высказался въ ея пользу. Чѣмъ объяснить это? Французы вовсе не на столько поработаны, чтобы не имѣть собственной воли; но это народъ въ сущности военный; онъ способенъ къ войнѣ и любить ее; война для Француза то же, что охота для Англичанина или проповѣдь для Американца, онъ любить ее ради ея самой... Къ этому должно присоединить, что армія представляетъ теперь единственное поприще для честолюбія, такъ какъ политической дѣятельности во Франціи не существуетъ, а значеніе французской литературы становится ничтожнымъ съ каждымъ годомъ. Наконецъ, Французы самый тщеславный народъ на свѣтѣ; и такъ какъ они любятъ войну, то ихъ честолюбіе питается особенно военною славою. Для «славы» они готовы сдѣлать и вытерпѣть все, что угодно: пусть гаснетъ послѣдняя искра свободы, пусть останавливается промышленность, пусть каждое семейство одѣнется въ трауръ,— лишь бы только бюллетени приносили извѣстіе, что 10.000 Французовъ разбили 20.000 Австрійцевъ, или Русскихъ, или Пруссаковъ. Французъ бросаетъ вверхъ свою шляпу, разказываетъ о «возобновеніи исторіи», о «шествіи по священному пути» и готовъ отдать послѣднюю копѣйку и послѣднюю каплю крови. Такимъ образомъ, въ случаѣ внутреннихъ затрудненій, для французскаго правительства существуетъ страшный соблазнъ начать внѣшнюю войну, какъ самый удобный и вѣрный способъ разрѣшить домашнія неурядицы. Орлеанская фамилія дала Франціи свободное правительство, а Европѣ восемнадцать лѣтъ спокойствія. Имперія, которая въ замѣну народной свободы обѣщала спокойствіе Европѣ, теперь переживаетъ седьмой годъ, а уже было двѣ кровавыя войны.»

Въ этихъ словахъ Американца очень вѣрно изображенъ характеръ Франціи и мѣтко указано на тотъ «внѣшний патріотизмъ», которымъ, къ сожалѣнію, отличаются не одни Французы. У народовъ, достигшихъ политической зрѣлости, главное вниманіе обращено на внутреннія дѣла государства, въ которыхъ каждый принимаетъ посильное участіе; первая мысль Англичанина всегда принадлежитъ Англіи, первое побужденіе для него при сужденіи о политическихъ событіяхъ есть «внутренній патріотизмъ», указывающій ему, въ какомъ отношеніи находится то или другое событіе къ ближайшимъ интересамъ его согражданъ; отсюда воздержность Англичанъ во внѣшней политикѣ, разчетливость и самообладаніе, всегда обезпечивающія имъ вѣрный успѣхъ. Англіискій патріотъ, заботящійся объ интересахъ и благѣ своей

страны, даже и не понимаетъ, что значитъ заботиться о ея славі; онъ желаетъ, чтобъ уважали Англію, но ему и въ голову не приходитъ желать, чтобы кто-нибудь удивлялся ей. Англія подвергла бы самый страшной ответственности государственнаго чловѣка, который рѣшился бы жертвовать англійскими деньгами и англійскою кровью для снисканія славы странѣ своей. Напротивъ того въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ внѣшній патріотизмъ, народныя силы тратятся на фальшивыя фейерверки; вниманіе правительства бываетъ обращено болѣе на внѣшнія, нежели на внутреннія дѣла; національные интересы приносятся въ жертву національному тщеславію; забота о томъ, чтобы быть чѣмъ-нибудь, вытѣсняется заботою о томъ, чтобы чѣмъ-нибудь казаться, и наконецъ совсѣмъ утрачивается способность чувствовать мѣру своимъ дѣйствительныхъ силъ. Неимовѣрныя усилія могутъ быть положены на то, чтобы воздвигнуть храмъ національной славы на этомъ суетномъ основаніи, но рано или поздно этотъ храмъ славы долженъ оказаться воздушнымъ замкомъ. Какъ всякое суетное стремленіе, внѣшній патріотизмъ дѣлаетъ чловѣка неспособнымъ къ истинно-полезной дѣятельности. Здравый патріотъ, то-есть чловѣкъ, дѣйствительно одушевленный желаніемъ служить своей странѣ и трудиться для блага своихъ согражданъ, всегда и во всякой странѣ найдетъ поле для своей дѣятельности; широко ли или узко будетъ это поле, онъ будетъ работать на немъ съ равною ревностью и непременно принесетъ пользу. Но если нѣтъ здраваго и истиннаго, «внутренняго» патріотизма, то скромная общепользная дѣятельность покажется чѣмъ-то ничтожнымъ и жалкимъ, безмѣрно низкимъ въ сравненіи съ идеальными помыслами и ихъ вѣчною славой, а такъ какъ въ практической дѣйствительности господствуетъ неумолимая проза, и все совершается съ убійственною постепенностію, то случай для мгновеннаго осуществленія высокыхъ помысловъ и снисканія себѣ разомъ вѣчной славы никакъ не соблаговолитъ представиться; вся жизнь пройдетъ въ безславномъ бездѣйствіи, и высокіе помыслы останутся безжизненными призраками. Такого рода безплодный, мечтательный либерализмъ — родной братъ внѣшняго и славолубиваго патріотизма. Тамъ, гдѣ все близкое и насущное не трогаетъ и не шевелитъ чловѣка, его мысль бываетъ вѣчно привязана къ далекому; вмѣсто дѣла является только работа воображенія, въ которой истощаются понапрасну лучшія силы, и тратится энергія; каждый удовлетворяется тѣмъ, что онъ высказалъ свое сочувствіе идее свободы, затронутую гдѣ-то далеко, не давая себѣ яснаго отчета, въ чемъ именно заключается сущность событія; поговоривши болѣе или менѣе краснорѣчиво о возрожденіи, о новомъ направленіи, каждый успокоивается, и ему кажется, что онъ совершилъ

подвигъ. Еслибы Киѳа Моніевичъ занимался политикою, онъ не нашелъ бы лучшаго предмета, какъ возрожденіе какой-нибудь, едва знакомой страны; въ *Холодномъ Домѣ* Диккенса одно изъ самыхъ комическихъ лицъ — леди, мечтающая о цивилизаціи Барріобулъ-гха и не заботящаяся о своемъ семействѣ. Эта привычка къ призрачной дѣятельности, это болѣзненное пресыщеніе мечтами и грезами, это самоуслажденіе одними лишь волшебными звуками словъ, знаменующихъ прекрасныя вещи, имѣетъ весьма дурное вліяніе на всю общественную жизнь, и еслибы какое-нибудь правительство захотѣло отклонить вниманіе народа отъ контроля за своими дѣйствіями, оно не могло бы найти лучшаго исхода накопляющимся силамъ, и лучшаго средства истощить ихъ бесплодно для націи, но зато и безвредно для себя, какъ участіе словомъ или дѣломъ въ явленіяхъ, не имѣющихъ тѣсной связи съ насущными потребностями народа. Недавно еще слышались справедливыя упреки ганноверскому и другимъ нѣмецкимъ правительствамъ за то, что они воспользовались италіанскимъ вопросомъ, дабы сосредоточить на немъ вниманіе народа, и преувеличивали грозящую внѣшнюю опасность. Для этихъ правительствъ патріотизмъ, обращенный внутрь, могъ быть опасенъ; они прибѣгли къ дешевому средству удовлетворить чѣмъ-нибудь народное чувство и выставили на своемъ знамени «защиту отечества», въ которой стечество не нуждалось; а между тѣмъ совершались новыя займы, увеличивалось количество бумажныхъ денегъ, и радикально подкапывалось благосостояніе этихъ «защитниковъ отечества». Это дешевое и неновое средство всегда удавалось тамъ, гдѣ у народа не развито чувство самообладанія, и гдѣ онъ не умѣетъ опредѣлить правильно ту мѣру участія, въ которой призвано каждое государство для рѣшенія общеевропейскаго вопроса. Въ этихъ страстныхъ порывахъ внѣшняго патріотизма или идеальнаго либерализма забывается смыслъ вопроса, на первый планъ выступаютъ только его дѣтели, и вся симпатія народа отдается одному изъ нихъ. Многіе Нѣмцы, напримѣръ, становясь на сторону Австріи, забываютъ все мрачное, чѣмъ ознаменовало себя это государство; въ противоположномъ лагерѣ также никто не хочетъ вспомнить, что сила, на сторонѣ которой теперь побѣда, служила постоянно орудіемъ произвола и насилія. Пусть успокоятся эти страстныя симпатіи и антипатіи, и италіанская война представится безразличнымъ фактомъ, котораго нравственный характеръ будетъ зависѣть не отъ главныхъ бойцовъ, а отъ новой силы, которая должна выступить на сцену.

Главные бойцы до сихъ поръ не измѣнились; ихъ характеръ и цвѣтъ остается все тотъ же. Французская армія съ тѣмъ же одушевленіемъ сражается въ нынѣшнемъ году за «освобожденіе

Италіи», съ какимъ, четыре года тому назадъ, она защищала Турокъ, державшихъ христіанъ въ рабствѣ; когда зуавамъ объявили, что имъ предстоитъ война, они отвѣчали восклицаніемъ: «à bas les Russes!» полковникъ замѣтилъ имъ, что Русскіе теперь друзья Французовъ, а враги ихъ Австрійцы; «ну, когда такъ угодно полковнику, отозвались зуавы, станемъ кричать: à bas les Autrichiens!» Императоръ Французовъ находитъ теперь, что «дѣло цивилизаціи и Франціи» состоитъ въ изгнаніи Австрійцевъ изъ Италіи, а четыре года тому назадъ считалъ успѣхомъ цивилизаціи поддержаніе турецкаго правительства. Война не ослабила въ немъ страсти къ регламентаціи, простирающейся даже на исторію; недавно особымъ декретомъ повелѣно сраженіе при Кавриано оиціально называть сраженіемъ при Сольферино; корреспонденты всѣхъ журналовъ удалены изъ главной квартиры для того, чтобы единственнымъ источникомъ свѣдѣній о войнѣ служилъ *Мониторъ*; однимъ словомъ, безконтрольная воля императора теперь господствуетъ отъ Ламанша до стѣнъ Вероны. Она расширяется географически, за невозможностью распростра- няться иначе, и всѣ обращенія къ общественному мнѣнію Европы, которыя такъ хорошо звучатъ въ манифестѣ, остаются пока мертвою буквою: или общественное мнѣніе должно довольствоваться только тѣмъ, что угодно сообщить императору въ *Мониторъ* и слѣпо рукоплескать французскимъ побѣдамъ? Если въ такія явленія выражается «просвѣщенный деспотизмъ Франціи», то онъ можетъ быть опасенъ своимъ примѣромъ только дѣтски-неопытнымъ правительствамъ, и долженъ возмутить всякій здоровый умъ своимъ безобразіемъ.

Другой деспотизмъ, «грубый и тупоумный», остается не мѣнѣе вѣренъ самому себѣ, но по всѣму вѣроятію, ему не долго остается жить, и надобно очень спѣшить тому, кто хочетъ изучать его еще при жизни. Замѣчательно, что австрійское правительство, которое въ Италіи и въ другихъ странахъ опиралось на силу штыковъ, не умѣло образовать даже этой силы; австрійская армія оказалась грозною на бумагѣ и не могла выдержать напора французскихъ войскъ; австрійскіе солдаты вступали въ сраженіе голодные, усталые; ихъ отряды приходили не вовремя; генералы, привыкшіе къ маневрамъ, оказались неспособными, начиная съ главнокомандующаго арміею. Нужно было пролить кровь пятидесяти тысячъ вѣрноподданныхъ, чтобы только узнать то, что давно было бы разъяснено и извѣстно, еслибы какихъ-нибудь пятьдесятъ чернилицъ не были закупорены какими-нибудь пятьюдесятью малоспособными правительственными людьми, которые оказались гораздо болѣе чувствительными къ критикѣ своихъ дѣйствій и дарованій, нежели къ гибели государства, ихъ возвели-

чившаго, и къ потокамъ крови согражданъ, которыхъ подати доставляли имъ возможность сибаритствовать. Вся Европа цѣнила вѣрно графа Гулаа, одинъ императоръ австрійскій ошибался въ немъ; нужно было проиграть нѣсколько сраженій, чтобы смѣнить графа Гулаа и послать графа Грюнне командовать ольмюцскимъ гарнизономъ. Что касается до второстепенныхъ генераловъ, то они знаменовали себя только жестокостью. Графъ Кавуръ недавно сообщилъ всѣмъ иностраннымъ дворамъ циркуляръ о разстрѣланіи генераломъ Урбаномъ цѣлаго семейства пиемонтскихъ крестьянъ, по имени Чиньйоли, за то, что у нихъ найдено было небольшое количество пороху. Сардинское правительство удостовѣрилось въ истинѣ этого событія формальнымъ слѣдствіемъ и передало его на судъ Европы. «Воззваніе, говоритъ по этому случаю *Times*, съ которымъ графъ Кавуръ обращается къ мнѣнію Европы, необходимо предполагаетъ, что Европа отзовется на него, и что за обвиненіемъ противъ Австрійцевъ послѣдуетъ упрекъ всего свѣта. Въ этомъ предположеніи есть много утѣшительнаго, оно указываетъ на успѣхъ цивилизаціи и человѣколюбія даже въ отношеніи законовъ войны. Еще въ XVII вѣкѣ убійство десятка мирныхъ гражданъ не возбуждало ни удивленія, ни ужаса; если мы видимъ, что теперь подобныя дѣла провозглашаются однимъ изъ воюющихъ въ полной увѣренности, что они возбуждаютъ ненависть къ другому, — это значить, что мнѣніе Европы сдѣлало шагъ впередъ... Мы желаемъ, ради человѣколюбія, чтобъ обвиненіе Австрійцевъ было опровергнуто ими; въ противномъ случаѣ оно подвергаетъ политику великой державы цензурѣ общественнаго мнѣнія, а въ наше время нельзя презирать его безнаказанно». Для Австріи, впрочемъ, эта истина еще незнакома; въ самомъ разгарѣ войны, когда австрійскія войска не были избалованы успѣхомъ, патріотическое правительство предпринимало походы на журналы и книги. Неизвѣстно почему запрещенъ 5-й томъ *Исторіи Чеховъ* г. Палацкаго; французскіе журналы запрещены почти всѣ до одного, и даже полуофіціальныя австрійскія органы подверглись задержанію. Причина этого была слѣдующая: *Allgemeine Zeitung* осмѣлилась дать совѣтъ вѣнскимъ журналамъ раскрывать правительству настоящее положеніе дѣлъ; какъ видно, совѣтъ былъ данъ въ интересахъ Австріи; при началѣ войны оказалось, что офіціальная ложь достигла въ ней высшей степени, и все, что казалось такъ красиво на бумагѣ, на дѣлѣ было совершенно иначе; корреспондентъ *Times* почти въ каждомъ письмѣ сожалѣетъ о положеніи австрійскаго императора, котораго обманываютъ на каждомъ шагѣ, и который лишень возможности знать истину. Вѣнскіе журналы, желая снять съ себя отвѣтственность передъ Европою, изложили причины, по которымъ они не могутъ говорить о

внутреннихъ вопросахъ; правительство, дозволяющее теперь свободно говорить о Франціи, сочло такое оправданіе неблагодарностью со стороны журналовъ и не дозволило имъ объяснить-ся съ общественнымъ мнѣніемъ. Если эта система продлится, то она докажетъ, что правительство не умѣетъ извлечь уроковъ даже и изъ теперешней войны и останется въ прежнемъ безысходномъ положеніи; оно будетъ узнавать истину слишкомъ поздно и будетъ платить за нее слишкомъ дорого. Венгрія уже начинаетъ беспокоить австрійское правительство; г. Кошутъ, за путешествіемъ котораго журналы слѣдятъ внимательно, находится теперь въ Туринѣ; генералъ Клапка издалъ прокламацію, и многіе думали, что Наполеонъ III воспользуется услугами этихъ агитаторовъ, чтобы прибавить Австріи новое затрудненіе. Но *Constitutionnel* формально опровергъ подобные замыслы, которые Французы считаютъ излишними. Если въ Венгріи произойдетъ возстаніе, то виною его будетъ одно лишь упрямство правительства, которое не хочетъ измѣнить своей системѣ. По словамъ корреспондента *National-Zeitung*, Венгрія находится наканунѣ революціи; ненависть къ Нѣмцамъ дошла до высшей степени; молодые Нѣмцы съ радостію поступаютъ въ корпусъ волонтеровъ, который офиціально называется *ветерскимъ*; низшій и средній классы не скрываютъ своихъ чувствъ, аристократія до времени не высказывается. «Все это, говоритъ корреспондентъ, послѣдствія системы, созданной княземъ Меттернихомъ и поддерживаемой графомъ Грюнне, который не желаетъ допустить никакихъ реформъ.» *Вѣрная* Венгрія уже давно впрочемъ не то для Габсбургскаго дома, чѣмъ она была во времена Маріи Терезіи. Послѣ событій послѣдняго десятилѣтія, Венгрія не могла удивить Европу ни своимъ хладнокровіемъ, ни даже своею антипатіей къ Австріи. Гораздо неожиданнѣе то, что подобныя чувства проникаютъ даже въ Тироль, къ этимъ горцамъ, которыхъ преданности, казалось, ничто поколебать не можетъ. Въ Европѣ всѣ думали, что Габсбурги могутъ найти въ Тиролѣ опору даже противъ Граничаръ, даже противъ Вѣны, а между тѣмъ въ Тиролѣ не удалось ни набрать волонтеровъ, ни провести мѣру добровольнаго вооруженія всей страны. На дѣло Австріи стало-быть и Тироль смотреть теперь, какъ на дѣло для себя чуждое; и онъ тоже готовъ отдѣлать судьбу свою отъ судебъ Австрійской монархіи. Здѣсь, въ старинномъ нѣмецкомъ графствѣ-княжествѣ, опасность грозитъ уже не со стороны вопроса о національностяхъ, и легко понять, въ какой степени серьезна эта опасность, не имѣющая ничего общаго съ вопросомъ о національностяхъ. Въ *Новой Цюрихской Газетѣ* переданъ разговоръ одного тирольскаго крестьянина съ эрцгерцогомъ Карломъ-Лудвигомъ. «Мы три раза уже, сказалъ

крестьянинъ, жертвовали собою за Австрійскій домъ, и три раза онъ не сдержалъ данныхъ намъ обѣщаній. Все больше налоговъ, больше чиновниковъ и жандармовъ и меньше привилегій. Мы не можемъ жертвовать собою въ четвертый разъ, потому что боимся новыхъ притѣсненій въ награду за нашу жертву. • Объ этомъ недовольствѣ Тиролецевъ мы находимъ указаніе и въ *Allgemeine Zeitung*, которую нельзя заподозрить въ преувеличеніи, когда дѣло говоритъ не въ пользу Австріи. Корреспондентъ этого журнала пишетъ изъ Тироля слѣдующее: «Эрцгерцогу-наместнику, во время его путешествія по Тиролю, съ цѣлю побудить народъ къ защитѣ страны, было представлено много просьбъ, жалобъ и обличеній; хотя цѣль путешествія была другая, однако хорошо, что оне повело къ ближайшему знакомству съ положеніемъ страны. Въ официальныхъ отчетахъ слишкомъ рѣдко является ненарушенная истина... Все приводитъ къ убѣжденію, что зло коренится въ общей причинѣ, и что оно произведено системою, принятою въ послѣднія десять лѣтъ. Никто не заботился объ истинѣ, печати не дозволялось сказать ни одного правдиваго слова, и черезъ это дошли до такого положенія дѣлъ, которое никого не удовлетворяетъ. Нельзя отвергать, что вѣра въ духовныя и матеріальныя силы, любовь къ отечеству, равно какъ и кредитъ, могутъ быть оживлены только при участіи въ общественныхъ дѣлахъ тѣхъ элементовъ, безъ доброй воли и содѣйствія которыхъ нельзя обойтись; точно также необходимо придти къ тому убѣжденію, что всякая полумѣра приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. • Историческая *вѣрность* Тироля была безсознательная вѣрность; она основывалась на неопредѣленномъ инстинктѣ преданности къ династии, а не на ясномъ пониманіи интересовъ края. Но въ такой вѣрности мало надежнаго. Инстинктъ есть нѣчто слѣпое; полагаться на него опасно; не зависящій ни отъ воли, ни отъ разума человѣка, онъ мгновенно теряетъ свою силу, какъ скоро начинаетъ сказываться воля и дѣйствовать разумъ. Побѣда сознательной воли надъ инстинктивною волей есть несомнѣнное торжество въ развитіи человѣка или народа, и горе тому государству, которому приходится видѣть свое паденіе въ этомъ торжествѣ человѣческой природы. Австрійская династія можетъ обезпечить за собою преданность подданныхъ лишь въ томъ случаѣ, если у нея достанетъ силъ на то, чтобы поставить себя и корону выше тѣхъ, кто называетъ себя правительствомъ, и лишить служителей своихъ опаснаго права покрывать всѣ свои дѣйствія императорскою порфирой. Чѣмъ болѣе дѣйствія служителей короны будутъ подлежать публичному разбирательству, тѣмъ осмотрительнѣе они будутъ принуждены дѣйствовать, тѣмъ рѣже будутъ случаться ошибки администраціи, и тѣмъ менѣе будетъ поводовъ возводить

вину въ этихъ ошибкахъ на самую корону. До сихъ поръ единственными совѣтниками короны въ Австріи были придворные люди и государственные сановники; въ ихъ интересѣ было подавлять общественное мнѣніе и охранять корону отъ вліянія общественнаго мнѣнія. Корона была въ ихъ рукахъ, и они ревниво заботились за своимъ драгоценнымъ достояніемъ. Но для короны такое положеніе крайне опасно: чѣмъ труднѣе время, тѣмъ возможнѣе ошибки даже самой благонамѣренной администраціи, и если чиновники приобрѣтаютъ могущество, отождествляя себя съ монархическою властію и требуя себѣ вѣрноподданническаго поклоненія, то это могущество приобрѣтается ими очевидно насчетъ монархической власти, которая очевидно на столько теряетъ, на сколько они выигрываютъ, и на столько принимаетъ на себя лишнюю отвѣтственность, на сколько освобождаетъ своихъ служителей отъ отвѣтственности передъ судомъ публики. Свѣтъ гласности и правды не можетъ быть опасенъ для монархической власти, особенно тамъ, гдѣ она законная; онъ облегчаетъ ей ея дѣло, освобождаетъ ее изъ-подъ исключительнаго вліянія слишкомъ ревнивыхъ совѣтниковъ, даетъ ей возможность обходиться безъ ошибокъ при выборѣ ихъ. Австрійская династія должна разумѣть эту истину, если она хочетъ спасти себя и Австрію. Приведетъ ли она наконецъ г. Кошута, открыто выступившаго врагомъ ея, въ такое безсильіе, въ какомъ, къ общему удовольствію здравомыслящихъ людей, находится нынѣ г. Маццини, заклятый врагъ Савойскаго дома? Научится ли она у теперешняго грознаго врага своего, императора Французовъ, искусству избѣгать большихъ промаховъ, пользуясь указаніями общественнаго мнѣнія Европы?

Нельзя не видѣть, что Австріи грозитъ опасность разложенія; система Меттерниха легла тяжелымъ гнетомъ не на одну Венгрію; централизаторскіе планы г. фонъ-Баха возбуждаютъ недовольство во всѣхъ провинціяхъ; нивелируя ихъ, Австрія вовсе не дѣлается отъ того сплоченнымъ единымъ цѣлымъ, а напротивъ приготавливаетъ скорѣе ихъ отдѣленіе. Мы не говоримъ уже о Галиціи, которая искусственно присоединена къ Австріи и отдѣлена отъ нея Карпатскими горами, но и самый Тироль, теперь равнодушный, начнетъ, вѣроятно, колебаться между Швейцаріей и Австріей, какъ скоро отдѣленіе Ломбардо-Венеціанскаго королевства отъ Австріи вырветъ изъ ея рукъ южный конецъ большой тирольской дороги. Тогда для Австріи останется одно только средство привязать къ себѣ Тироль; она принуждена будетъ снабдить его такими учрежденіями, чтобъ онъ не могъ завидовать сосѣдней Швейцаріи, и если она не рѣшится на это средство, то Тироль неминуемо отложится отъ нея.

Times въ энергическихъ словахъ изображаетъ картину современной Австріи и указываетъ на единственно-возможный исходъ для нея. Мы приведемъ здѣсь вполнѣ эту статью англійскаго журнала. «Въ жизни государствъ, сказано здѣсь, какъ и въ жизни частныхъ лицъ, настаеетъ время, когда зло, причиненное ими, вопіеетъ о судѣ, когда умолкаетъ голосъ лести и обольщеній, и когда промедленіе и упорство грозитъ страшнымъ мщеніемъ. Этотъ часъ пробилъ для великой и могущественной Австрійской имперіи. Не только она сдѣлала много зла, но это зло было результатомъ системы и слѣдствіемъ политическихъ традицій. Ей предстояло избрать, какъ элементы силы и успѣха, или средства облагораживающія или средства унижающія, прогрессъ или реакцію,—и она избрала послѣднее. Заботясь о благосостояніи массы своихъ подданныхъ, Австрія стремилась лишитъ бодрости и удалить отъ себя всѣхъ, кто только возвышался надъ уровнемъ посредственности, всѣхъ, кто хотѣлъ чувствовать, думать и разсуждать по собственнымъ своимъ внушеніямъ. Физическая сила была ея идоломъ; Австрія боготворила ее и повергалась передъ нею въ прахъ. Во всѣхъ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, Австрія старалась установить превосходство физической силы надъ силою умственною, посредствомъ самаго свирѣпаго звѣрства, посредствомъ палокъ, тюремъ и веревки. Эта система насилія обладаетъ извѣстною силою живучести и притяженія. Она возбуждала даже удивленіе и сдѣлалась предметомъ поклоненія со стороны тѣхъ, кто отчаивается въ судьбахъ человѣчества и считаетъ людей стадомъ, созданнымъ для того, чтобъ его стригли и убивали. Но истинный нравственный смыслъ всего этого начинается открываться теперь, и мы не можемъ пройти его молчаніемъ. Австрія вѣрила въ свою армію, которая состояла изъ разныхъ племенъ, недовольныхъ императорскимъ правительствомъ и враждебныхъ между собою; но этою арміею предводили опытные офицеры, и она была окружена искусною системою укрѣпленій. Однакожь насталъ часъ испытанія, и какъ выдержала ударъ эта огромная армія, ради которой имперія пожертвовала слишкомъ много народу и денегъ? Она была разбита не по недостатку мужества, терпѣнія и знанія, но потому, что этой огромной массѣ не доставало доброй воли, дѣятельности и увѣренности, отличающихъ французскаго солдата. Духъ и матерія пришли въ столкновеніе, и матерія была побѣждена; грубая сила не могла держаться противъ разумной храбрости. Но пораженіе военной системы не есть единственное несчастіе, грозящее Австріи. Преемники Юсіфа II заключили съ Римомъ унижительный конкордатъ. Австрія преклонила передъ іезуитами; тронъ юнаго императора окруженъ этою мрачною кликою, этими людьми,

предвѣстниками гибели престоловъ и паденія монархій, людьми, которыхъ роковую дѣятельность испытали на себѣ Лудовикъ XIV, Іаковъ II и Карлъ X. Всѣ австрійскія провинціи стонали отъ лишенія своихъ правъ и отъ преступнаго отнятія своихъ привилегій. Венгрія, вѣрная и аристократическая въ своихъ стремленіяхъ, не можетъ забыть, что десять лѣтъ тому назадъ у нея была конституція, столь же древняя, какъ и наша, и что изъ конституціонной страны она снизошла на степень подчиненной провинціи. Богемія недовольна, и даже Тироль, этотъ вѣрный Тироль, столь часто служившій послѣднимъ и самымъ безопаснымъ убѣжищемъ для австрійскаго дома, въ первый разъ во всю свою исторію высказалъ свою антипатію и недовольство и въ минуту опасности не хочетъ служить правительству, котораго не любитъ и не уважаетъ. Событія идутъ быстро къ развязкѣ, а между тѣмъ Австрія въ своемъ нелѣпомъ упрямствѣ слѣдуетъ разрушительной логикѣ безумной гордости, и изъ страха уступить принужденію, она упорно стоитъ на своемъ гибельномъ пути. Конечно, для Англіи невыгодно, чтобъ Австрія исчезла съ карты Европы, и чтобы пустота, образовавшаяся отъ того, была наполнена элементами безпорядка и революціи. Интересъ, который сильнѣе симпатіи, связываетъ насъ до извѣстной степени съ Австріею. Поэтому насъ не заподозрять въ неискренности, если мы скажемъ молодому императору, что пришло время, когда невозможно откладывать совершенное измѣненіе системы. Въ виду дѣятельнаго и предприимчиваго врага, трудно преобразовать армію, но можно по крайней мѣрѣ отвратить причины внутренняго недовольства и разложенія. Пусть сдѣланы будутъ благоразумныя уступки Венгріи, и она, вмѣсто ослабленія имперіи, сдѣлается ея силою, и угрозы гг. Кошута и Клапки будутъ нестрашны. То же можно сказать о Богеміи и Тиролѣ. Прежняя система грубаго насилія сдѣлалась невозможностию. Австрія можетъ, если захочетъ, стать во главѣ нѣсколькихъ національностей, изъ которыхъ каждая будетъ управляться согласно съ своею старинною политикою и своими преданіями; если же Австрія вздумаетъ сохранять свою систему абсолютизма, централизаціи униженія, то она потеряетъ все. Счастлива будетъ она, если императоръ сумѣетъ извлечь изъ теперешнихъ обстоятельствъ урокъ, котораго не хотѣли понять его предшественники. Для Австріи невозможно остаться въ теперешнемъ положеніи; она или должна отречься отъ злоупотребленій своей системы, или погибнуть вмѣстѣ съ ними. Истинная привязанность ея провинцій на сѣверъ отъ Альповъ можетъ загладить потерю Ломбардо-Венеціанскаго королевства, но этой привязанности можно достигнуть не иначе, какъ радикальнымъ измѣненіемъ системы. По-

тери и неудачи итальянской кампании будут благодарнымъ для Австріи, если онѣ заставятъ ее рѣшиться принять прогрессивную и либеральную систему, и если, наученная несчастіемъ, Австрія откажется отъ традиціонной политики, которая два раза въ теченіи нынѣшняго столѣтія едва не привела ее къ конечной гибели.»

Но возвратимся къ текущимъ событіямъ.

Въ описаніи битвы при Сольферино, помѣщенномъ въ *Мониторъ*, мы находимъ слѣдующую картину, не лишенную своего рода живописности: «Когда небо прояснилось,—непріятель исчезъ, и можно было издали видѣть направление, по которому удалились его колонны. Императоръ австрійскій, остававшийся въ Каврианѣ въ той самой комнатѣ, въ которой потомъ императоръ Французовъ учредилъ свою главную квартиру, около четырехъ часовъ покинулъ мѣсто битвы и удалился къ Гонто. Съ высоты Каврианы можно было видѣть густое облако пыли, которое подымалось отъ копытъ лошадей императора и его охранной стражи.»

Итакъ сила, такъ долго давившая Италію, теперь обратилась въ бѣгство, и когда уляжется пыль, Италія можетъ вдохнуть свободнѣе и подумать о своемъ будущемъ. Но еще прежде этого живописнаго бѣгства, Италія въ лицѣ графа Кавура предлагала Европѣ планы своего будущаго устройства. Теперь обнаруживанъ циркуляръ графа Кавура къ сардинскимъ посланникамъ, отъ 14 іюня, слѣдовательно еще до вступленія французскихъ войскъ въ Венеціанскую область. Этотъ документъ служитъ какъ бы продолженіемъ сардинскаго меморандума 1-го марта, справедливость котораго засвидѣтельствована теперь событіями. «Австрійцы, повторяетъ снова графъ Кавуръ, послѣ полувѣковаго владычества, не утвердились еще въ итальянскихъ провинціяхъ; они стояли въ нихъ лагеремъ... Такое положеніе дѣлъ было согласно съ трактатами, но оно противорѣчило великимъ началамъ справедливости, на которыхъ основывается общественный порядокъ. Побѣда при Палестро и Маджентѣ открыли намъ Ломбардію, и событія подтвердили нашъ взглядъ на нравственное положеніе Ломбардо-Венеціанскихъ провинцій и небольшихъ государствъ, дѣйствовавшихъ за одно съ Австріею. Народонаселеніе высказало свои чувства; муниципальныя власти, тѣ самыя, которыя были поставлены Австріею, провозгласили низверженіе прежняго правительства; онѣ возобновили унію 1848 года и подтвердили единогласно присоединеніе къ Піемонту. Миланскій муниципалитетъ провозгласилъ его даже, находясь подъ выстрѣлами австрійскихъ пушекъ. Король, принявши этотъ свободный актъ народной воли, нисколько не нарушилъ существующихъ трактатовъ,

потому что Австрія, своимъ отказомъ принять конгрессъ, нѣтъшій цѣлю поддержаніе этихъ трактатовъ, и своимъ нападеніемъ на Сардинію, уничтожила соглашенія 1814 и 1815 годовъ, по скольку они относятся до нея. И такъ, по мнѣнію графа Кавура, уже теперь права Пьемонта на Ломбардію основываются на двухъ началахъ, на желаніи народа и на силѣ оружія; не достаетъ еще третьяго основанія, признанія со стороны Европы. Графъ Кавуръ успокоиваетъ нейтральныя державы, увѣряя, что политическое равновѣсіе не будетъ нарушено. «Мы твердо увѣрены, говоритъ онъ, что въ Италіи образуется сильное королевство, въ той формѣ, въ какой того требуетъ географическое положеніе, единство племени, языка и обычаевъ, и въ какой дипломатія желала въ прежнія времена образованія этого королевства для общаго интереса Италіи и Европы. Когда исчезнутъ владычество Австріи и тѣ государства, которыя связали свои судьбы съ судьбами Австріи, тогда уничтожится постоянная причина смутъ, порядокъ будетъ обезпеченъ, очагъ революціи погаснетъ; Европа можетъ тогда совершенно спокойно заняться великими мирными предпріятіями, составляющими славу нашего столѣтія.» Какъ видно, графъ Кавуръ хочетъ напередъ испытать, согласится ли Европа на расширеніе Сардиніи, и въ своемъ просктѣ захватываетъ не только Ломбардо-Венеціанскія провинціи, но также Парму, Модену и Тоскану, — иначе нельзя понять намска на «государства, связавшія свои судьбы съ судьбами Австріи». Въ другомъ циркулярѣ, отъ 16 іюня, графъ Кавуръ оправдывается въ томъ, что сардинскія войска не могли признать нейтралитета этихъ государствъ: они были слишкомъ тѣсно связаны трактатами съ Австріею и своимъ молчаніемъ одобряли незаконное вступленіе австрійскихъ войскъ въ Сардинію; графъ Кавуръ отзывается съ уваженіемъ о герцогинѣ пармской, о герцогахъ же моденскомъ и тосканскомъ говорятъ, что «они душою были всегда въ австрійскомъ лагерѣ». Однимъ словомъ, изгнать Австрійцевъ изъ Италіи значитъ, по мнѣнію графа Кавура, изгнать и ихъ италіанскихъ сподручниковъ. Едва ли теперь, послѣ перехода черезъ Минчію, сардинскій министръ сбавитъ что-нибудь въ своихъ требованіяхъ, которыя нѣсколько превышаютъ объявленную цѣль войны. Императоръ Французовъ желалъ, или объявилъ, что желаетъ только изгнанія Австрійцевъ за Альпы; на это Европа, въ формѣ своего нейтралитета, дала ему полномочіе, предоставивъ себѣ право разсмотрѣть вопросъ въ послѣдствіи. Нарушеніе Австрійцами трактатовъ, ихъ вторженіе въ Пьемонтъ и потомъ изгнаніе изъ Ломбардіи опредѣляютъ безспорно только одно: невозможность австрійскаго владычества въ Италіи. Это подтверждено самими Италіанцами, и первая часть сардинскаго

циркуляра совершенно основательна; но вопросъ о будущихъ границахъ Сардиніи можетъ быть рѣшенъ только послѣ переговоровъ, когда интересы всей Европы будутъ взвѣшены внимательно. Въ надеждахъ, высказываемыхъ графомъ Кавуромъ, нѣтъ ничего несбыточнаго, но нельзя предсказать съ совершенною увѣренностью, что онѣ осуществятся вполне.

Въ Англии, и общественное мнѣніе, и правительство высказываются въ пользу освобожденія Италіи отъ австрійскаго ига; самый фактъ правительства лорда Пальмерстона доказываетъ, что его внѣшняя политика вполне соответствуетъ теперешнимъ желаніямъ англійскаго народа. Изъ приведенной нами выше статьи *Times* и изъ всѣхъ статей англійскихъ журналовъ видно, что Англичане считаютъ освобожденіе Ломбардіи и Венеціи дѣломъ порѣшеннымъ; общественное мнѣніе примирилось съ тѣмъ, что Франціи предоставлено самое дѣятельное участіе въ изгнаніи Австрійцевъ; оно поняло, что все-таки его приговоръ дастъ окончательное рѣшеніе вопросу. Говоря парламентскимъ языкомъ, нейтральныя государства играютъ роль оппозиціи въ италіанскомъ вопросѣ, а Франція и Сардинія роль правительства, и должно сознаться, что оппозиція сильнѣе правительства; нейтральныя контролируютъ дѣйствія союзныхъ войскъ и рѣшаютъ, когда пренія будутъ истощены, и можно приступить къ собранію голо-совъ. «Мы надѣемся, сказано въ *Morning-Post*, что миръ будетъ заключенъ скоро, и что англійская дипломатія станеть содѣйствовать ему; мы увѣрены также, что Россія и Германія не откажутъ въ своемъ содѣйствіи къ достиженію такого результата.»

Правительственные лица Англии уже высказываютъ отчасти, въ какомъ смыслѣ они подадутъ свой голосъ. Лордъ Джонъ Россель въ рѣчи своей къ избирателямъ, 27 іюня, сказалъ: «Я уже говорилъ вамъ, джентльмены, въ чемъ заключаются мотивъ и первая причина настоящей войны: она возгорѣлась не вследствие честолюбія одного, или двухъ, или трехъ лицъ, а вследствие отвратительнаго управленія Италіи, которое продолжается сорокъ лѣтъ, и котораго ига Италіянцы пытались свергнуть не одинъ разъ... Когда наступитъ время, — и дай Богъ, чтобъ оно наступило скоро—и воюющіе будутъ расположены прекратить эту разрушительную борьбу, тогда дѣло Англии будетъ состоять въ подачѣ такихъ совѣтовъ, которые положили бы конецъ войнѣ, честный для обѣихъ сторонъ и обезпечивающій независимость и свободу Италіи.» Еще опредѣленнѣе выражается *Morning-Post*, органъ лорда Пальмерстона. «Мы желаемъ, сказано здѣсь, сохранить большую Австрійскую имперію, потому что она составляетъ элементъ, необходимый для политическаго равновѣсія; и мы думаемъ, что тотъ окажетъ великую услугу ей и Европѣ, кто

убѣдить Австрію подписать миръ, который освободитъ ее навсегда отъ провинцій, составляющихъ для нея источникъ опасности и разоренія. Если миръ будетъ заключенъ скоро, императоръ Францъ-Иосифъ можетъ получить выгоды, въ которыхъ позднѣе, пожалуй, ему будетъ отказано. Напримѣръ, если актъ мира будетъ подписанъ до истеченія трехъ мѣсяцевъ, то Ломбардо-Венеціанское королевство не откажется принять на себя ту часть австрійскаго долга, которая лежитъ на этой провинціи... Гораздо труднѣе условиться въ территориальномъ распредѣленіи остальной Италіи. Югъ, то-есть Неаполь, останется, вѣроятно, въ прежнемъ положеніи; папа долженъ будетъ, конечно, секуляризировать управленіе своей области. Но какъ поступить съ небольшими герцогствами? Сардинія получить то, что ей слѣдуетъ, если присоединить къ себѣ Ломбардію и Венецію. Должно ли отдать ей Тоскану, Парму, Модену и даже легатства, какъ желаютъ многие? Все это вмѣстѣ составило бы большое и могущественное королевство сѣверной Италіи. Но теперь нельзя еще рѣшить этихъ важныхъ подробностей; онѣ могутъ быть опредѣлены только голосомъ народа, который заинтересованъ въ дѣлѣ, и мудростью европейскаго конгресса. Вспомнимъ при этомъ, что въ послѣдней парламентской рѣчи своей лордъ Джонъ Россель, въ оправданіе политики лорда Пальмерстона въ 1848 году, доказывалъ невозможность освободить Ломбардію и оставить Венецію подъ австрійскимъ игомъ.»

Большое королевство сѣверной Италіи—это любимая мечта Италійцевъ. Одинъ изъ ученыхъ государственныхъ людей Тосканы, г. Маттеуччи въ письмѣ своемъ къ лорду Коулею высказываетъ ту же мысль. «Мы надѣемся, говоритъ онъ, что желанія и интересы италійскаго народа будутъ удовлетворены образованіемъ большаго государства, составленнаго изъ всей сѣверной Италіи и изъ большой части центральной Италіи, подъ управленіемъ Виктора-Эммануила. Это государство обезпечитъ независимость всей Италіи и развитіе свободныхъ учреждений; только этимъ путемъ Италія сдѣлается новымъ элементомъ силы, порядка и благоденствія Европы.» Г. Маттеуччи даже предлагаетъ планъ будущей системы этого государства: военную централизацию, муниципальное устройство, провинціальное самоуправленіе. Какъ видно, тосканскій государственный человекъ не надѣется, чтобы подобная система пришлась по вкусу Франціи, и потому обращается къ Англіи съ просьбою поддержать ее; онъ какъ бы оправдывается въ томъ, что Италія приняла помощь Франціи. «Было время, говоритъ онъ, когда благоразумные и умѣренные либералы въ нашемъ отечествѣ желали, чтобъ освобожденіе Италіи совершилось подъ исключительнымъ вліяніемъ

Англіи. Могли ли мы отвергнуть сильную руку Франціи? Въ жизни народовъ, призванныхъ въ возрожденію, бывають торжественныя минуты, потерять которыя значитъ пожертвовать своимъ будущимъ».

Всѣ эти планы будущаго строятся въ полной увѣренности, что Австрійцы не только будутъ изгнаны изъ Италіи, но что они безпрекословно подчинятся приговору судьбы и не встрѣтятъ поддержки ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ. Что Россія и Англія уполномочили Францію изгнать Австрійцевъ изъ Италіи, въ этомъ, кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія: уже много разъ эти государства объявляли, что они останутся нейтральными до тѣхъ поръ, пока война ограничится Италіею. Но положеніе Германіи въ послѣднее время стало возбуждать серьезныя опасенія.

Этотъ сложный организмъ, называемый Германіею, состоитъ изъ различныхъ элементовъ, которые по временамъ вскрываются въ немъ. Возникаетъ вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ быть представителемъ этого «общаго отечества», котораго не существуетъ на дѣлѣ; небольшія государства говорятъ обыкновенно: «у Австріи и у Пруссіи есть свои интересы, но мы составляемъ собственно Германію». Пруссія, напротивъ, знаетъ хорошо, что рано или поздно вся Германія должна признать ея игемонію, и потому не можетъ быть равнодушна къ дѣламъ сейма; но съ другой стороны та же Пруссія не хочетъ отказаться отъ самой себя и расплыться, распусться въ морѣ германизма. Этими противорѣчіями объясняется теперешнее запутанное положеніе дѣлъ въ Германіи. Все приводится къ одной формулѣ. Пруссія желаетъ наложить молчаніе на небольшія германскія государства; а эти государства хотятъ говорить сбивчиво, невпопадъ, полусловами, полунамёками, то съ отчаянною храбростію, то слишкомъ скромно.

Подъ вліяніемъ католическаго духовенства, отвлеченныхъ политическихъ теорій и воспоминаній о 1813 годѣ, въ южной Германіи стали высказываться симпатіи къ Австріи и желаніе показать міру, что существуетъ сильный германскій народъ, рѣшитель судьбы Европы. Эти симпатіи выражались впрочемъ болѣе на словахъ, потому что Баварія, самая ревностная послѣдовательница Австріи, не захотѣла участвовать въ австрійскомъ заимѣ, и когда дѣло дошло до мобилизаціи войска, то народъ остался недоколенъ. Мы думаемъ, что мы не ошибаемся, если станемъ искать главной причины германской агитаціи въ томъ разладѣ, который существуетъ между народами и правительствами въ небольшихъ государствахъ; народъ не упускаетъ случая доказать бесполезность своихъ государей и ставить имъ въ упрекъ неумѣнье защи-

тить честь германскаго имени; государи, изъ страха медиатизаціи (присоединенія къ большимъ государствамъ и потери самостоятельнаго голоса въ сеймѣ), стараются выказать свой патріотизмъ, и вотъ посредствомъ взаимнаго подстрекательства и возбужденія дѣло раздулось въ колоссальныя размѣры. Германскій Союзъ есть союзъ государей; при обыкновенныхъ обстоятельствахъ эта княжеская бюрократія худо ли, хорошо ли подвигаетъ текущія дѣла; но случись что-либо особенное, и окажется, что ржавая машина не въ состояніи работать. Такъ чиновникъ исправно подписываетъ бумаги, и его неспособность оказывается только въ случаѣ, если ему дадутъ порученіе, въ которомъ отъ него требуется инициатива. Либеральная партія попробовала пустить въ ходъ машину Союза, и машина не пошла; ретроградная партія обрадовалась этой неподвижности и стала поддерживать Австрію; однимъ словомъ, все кричали о необходимости энергическихъ мѣръ, о быстротѣ дѣйствій, а между тѣмъ Французы успѣли бы два раза завоевать Ломбардію, прежде чѣмъ нѣмецкія вооруженія прошли бы черезъ все инстанціи многосложныхъ комиссій.

Сознаніе собственнаго безсилія чувствовалось слишкомъ явно среди всехъ этихъ криковъ и требованій похода въ Парижъ. Нѣмецкіе министры ѣздили въ Лондонъ, нѣмецкія газеты раздували опасность франко-русскаго союза и доказывали, что весь порядокъ въ Европѣ держится одною Австріей. Нѣкоторые хотѣли напугать Англію и убѣждали ее въ томъ, что ея власть въ Индіи зависить отъ власти Австріи въ Италіи. Вотъ какъ одинъ Нѣмецъ въ письмѣ къ издателю *Times* рисуетъ теперешнее положеніе дѣлъ: «Если Франціи и Россіи, говоритъ онъ, удастся сломить Австрію, то онѣ тотчасъ же обратятся противъ Пруссіи, которая не довольно сильна, чтобы противиться одновременному нападенію съ востока и запада и дѣйствию двухъ флотовъ. Между тѣмъ умретъ *большой человекъ*, и Константинополь будетъ занятъ Русскими. Въ состояніи ли будетъ Англія отнять Турцію у Русскихъ, поддерживаемыхъ Французами? Въ состояніи ли она будетъ сохранить свой путь въ Индію? Я утверждаю, что *нѣтъ*... Теперешняя война въ Италіи есть предисловіе къ войнѣ противъ Германіи и Англіи. Пусть же Веллингтонъ и Блюхеръ снова обнажатъ свой мечъ, и тогда возобновится истинное политическое равновѣсіе, котораго не поколеблютъ зуавы и казаки. Левъ на полѣ Ватерлоо не будетъ сдвинуть Людовикомъ-Наполеономъ.» Въ отвѣтъ на это краснорѣчивое воззваніе, Англичане отозвались самымъ холоднымъ разсужденіемъ. «Намъ предлагаютъ, сказано въ *Times*, союзъ съ германскимъ народомъ; но такого нѣтъ на свѣтѣ. Іезуиты южной Германіи не составляютъ Германіи; юнкерская партія также не Германія. Англія, по сво-

эму географическому положенію и на основаніи прошедшихъ опытовъ, предоставляет другимъ роль странствующаго рыцаря континентальной свободы; еще менѣе она желаетъ защищать притѣснителя. Что же касается до пути въ Индію, то онъ безопасенъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы соединились вмѣстѣ, во имя порядка, папа и императоръ, гальскіе епископы и французскіе маршалы, всѣ греческіе папы и всѣ...»

Мы говорили въ предшествовавшемъ обзорѣни о нотѣ князя Горчакова, которая предостерегаетъ второстепенныя германскія государства отъ увлеченій, и напоминаетъ имъ, что Германія составляетъ комбинацію (combinaison) оборонительную. На это предостереженіе вызвался отвѣчать отъ имени всей Германіи саксонскій министръ г. фонъ-Бейстъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что только въ небольшихъ германскихъ государствахъ и таится истинная Германія. Какое же оружіе выбралъ г. фонъ-Бейстъ изъ саксонскаго дипломатическаго арсенала? Сколько извѣстно, тамъ, кромѣ предписаній австро-франкфуртскаго сейма, нѣтъ большихъ запасовъ и складовъ; или, можетъ-быть, недавнее путешествіе къ источнику дипломатической мудрости, къ лорду Мальмсбери, вдохновило г. фонъ-Бейста? Въ своей нотѣ 15 іюня онъ проникся чувствомъ огорченія, не за себя и не за Саксонію,—нѣтъ, но за общее отечество. Онъ огорчается тѣмъ, что этотъ великій Германскій Союзъ названъ комбинаціей, и что у него будто бы отнимаютъ право повоевать съ Французами и уничтожить Парижъ и Францію. «Трактаты, на основаніи которыхъ Германскій Союзъ вошелъ въ составъ международнаго права, и которые подписаны Россією, признаютъ за нимъ право мира и войны.» Прекрасно; но эти трактаты и актъ 1820 года говорятъ прямо, что Союзъ *обязанъ* вступаться за своихъ членовъ только въ случаѣ нападенія на ихъ германскія владѣнія, и весь вопросъ шель о томъ, что Германія не обязана защищать Австрію въ Италіи. Но что значить географія, когда разыграется патриотизмъ? Г. фонъ-Бейстъ отыскиваетъ въ своемъ архивѣ 1854 года Бамбергскія конференціи и съ торжествомъ восклицаетъ: «въ то время, по предложенію Австріи и Пруссіи, Германскій Союзъ постановилъ, что всякое нападеніе на внѣ-германскія владѣнія Австріи и Пруссіи будетъ поставлено наравнѣ съ нападеніемъ на союзную территорію.» Этого мало; Германія объявила, что присутствіе австрійскихъ войскъ въ Дунайскихъ Княжествахъ ошѣмчало эти княжества, и всякое нападеніе на австрійскія войска будетъ считаться нападеніемъ на Германію. «Сколько мнѣ извѣстно, восклицаетъ торжественно г. фонъ-Бейстъ, никто не протестовалъ противъ такихъ опредѣленій.» Что жъ это доказываетъ? Только то, что австрійскія войска очень любятъ окружать себя

равными патентами, для возбужденія храбрости,—и болѣе ничего. Можно сожалѣть, что никто не протестовалъ противъ пылкихъ увлеченій германоманіи, и что именно Россія не объяснила тогда же болѣе точно своихъ отношеній къ Германіи. Но вывести изъ этого правило, что сеймъ можетъ поведѣть союзомъ, чтобы Сербія, Италія, Турція считались Германіею,—это было бы слишкомъ большая поэтическая вольность. Отчего бы напримѣръ не дать графу Гулаю общегерманскаго патента неприкосновенности? Можетъ-быть, онъ до сихъ поръ спокойно управлялъ бы побѣдоносною второю арміею. Нѣмцы могутъ нападать на кого угодно, но они сами неприкосновенны: принять такое начало значитъ навсегда отказаться отъ спокойствія Европы и преклониться безусловно передъ рѣшеніями сейма. Единственно дозволенные союзы суть оборонительныя, а еслибы Германія съ своими 500.000 войска кидалась всюду, гдѣ кричать *civis Romanus sum* (1), то она сдѣлалась бы невозможнымъ сосѣдомъ. Притомъ увлеченіе заставило г. фонъ-Бейста забыть нѣкоторыя подробности. «Графъ Нессельроде, сказано въ *National-Zeitung*, со всею смѣлостію, какая была возможна при тогдашнихъ обстоятельствахъ, упрекалъ Германскій Союзъ въ томъ, что онъ перешелъ за предѣлы своей власти, точно такъ же, какъ поступилъ теперь князь Горчаковъ... Яснѣе всего это выражено въ нотѣ 14 декабря, въ которой отдается справедливость Мекленбургу за то, что онъ отказался присоединиться къ апрѣльскому трактату между Австріею и Пруссіею.» Въ то время Мекленбургъ объявилъ, что апрѣльскій трактатъ не согласенъ съ статьею 47 союзнаго акта, на которую опирается теперь г. фонъ-Бейстъ. Какъ пріятно поговорить саксонскому министру отъ имени всей Германіи! Но какъ непріятно получить отъ своихъ же Нѣмцевъ такое замѣчаніе: «Еслибы Ганноверъ, Баварія и Саксонія не думали представлять Германію, сказано въ *National-Zeitung*, то князь Горчаковъ не читалъ бы имъ лекціи о германскомъ союзномъ правѣ. Всѣ эти «германскія дѣла» столько же излишни, сколько были излишни прежде бамбергскія конференціи. Пусть поймутъ хоть разъ второстепенныя государства, что они не могутъ имѣть свою собственную внѣшнюю политику.»

Но огорченію г. фонъ-Бейста нѣтъ предѣла. Онъ не могъ пройти молчаніемъ объявленія князя Горчакова о томъ, что Россія будетъ руководствоваться своими собственными интересами. Въ этомъ случаѣ дѣйствительно было отъ чего огорчаться саксонскому министру: «намъ пріятно думать, говоритъ онъ, что Россія не сожалѣетъ о своихъ пожертвованіяхъ на пользу Гер-

(1) «Я римскій гражданинъ.»

маніи, потому что она руководится собственными интересами; а были случаи, когда она должна была остаться довольна Германиею, которая руководилась тѣми же самыми внушеніями. Въ отвѣтъ на это, *Journal de Saint-Petersbourg* высказываетъ слѣдующую горькую истину: «еслибы захотѣли перебрать теперь исторію прошедшаго, то увидѣли бы, что не всегда такова была программа русскаго кабинета.» Довольно указать на все, что было сдѣлано съ 1815 до 1850 года, чтобъ убѣдиться въ этомъ; но къ счастью, все это прошедшее, и мы съ удовольствіемъ можемъ остановиться на слѣдующихъ словахъ указаннаго журнала, въ которыхъ видимъ программу новой внѣшней политики Россіи: «Если теперь, сказано здѣсь, императорскій кабинетъ, въ своихъ политическихъ разчетахъ, на первомъ планѣ ставитъ національные интересы, то исторія оправдаетъ его въ этомъ, еслибы подобныя факты нуждались въ оправданіяхъ. Отказывать ему въ умѣнны пользоваться дорого купленнымъ опытомъ значить предполагать въ немъ странное ослѣпленіе. Упрекать его въ теперешнихъ принципахъ значить признать, что въ прошедшемъ Россія дѣйствовала съ самоотверженіемъ. Россія, менѣе забывчивая, не отвергаетъ преданій этого прошедшаго. Она старается извлечь пользу ихъ того и другаго: воспоминаніе о прошломъ поможетъ ей въ выборѣ своихъ привязанностей, опытъ настоящаго послужитъ для нея руководствомъ на пути умѣренности и справедливости, на которыхъ Императоръ основываетъ свою политику.» Германія, несмотря на сосѣдство свое съ Россіей, кажется, все еще дѣлаетъ новыя открытія въ нашей политической жизни; она забываетъ, что такіе опыты, какъ восточная война, не проходятъ даромъ, и что народъ, имѣющій будущность, способенъ вызвать новыя силы для дѣятельности. Нельзя не пожелать, чтобы г. фонъ-Бейсту и инымъ приходилось почаще дѣлать такіа открытія, и чтобы наша политика была понятна и не удивляла собою тѣхъ, кто разумно понимаетъ задачу правительства. «Интересы своего народа», такъ сильно огорчающіе г. фонъ-Бейста, могутъ быть переводимы на всѣ языки, и нынѣшнее прусское правительство удачно перевело ихъ на свой языкъ.

Новому министерству въ Пруссіи, какъ мы сказали выше, предстояла трудная задача, и оно воспользовалось теперешними обстоятельствами хотя не вполне, но не безъ пользы для своего отечества. Мысль, которою постоянно руководилась Пруссія, состоитъ безспорно въ ея игемоніи. «Прежде всего, говоритъ *National-Zeitung*, для Германіи нужна единая армія», которая теперь находится подъ главнымъ начальствомъ Пруссіи. Отъ Прус-

сиа теперь зависить движенье всѣхъ союзныхъ корпусовъ, вооруженіе крѣпостей, защита Германіи; однимъ словомъ, Нѣмцы могутъ поздравить себя теперь съ «армейскимъ единствомъ» (1). По улицамъ, пишутъ намъ изъ Берлина, то и дѣло гремитъ военная музыка, и проходятъ солдаты. На артиллерійскомъ дворѣ работы идутъ на всѣхъ парахъ денно и ночью. Но не воображайте, чтобы здѣсь былъ какой-нибудь воинственный энтузіазмъ въ народѣ. Совсѣмъ нѣтъ. Публика здѣсь такъ же не отдаетъ себя совершенно яснаго отчета въ предпринятой мобилизаціи, какъ и вообще въ Европѣ. Нельзя и на секунду подумать, чтобы прусское правительство помышляло помогать теперь Австріи. Мѣра эта имѣетъ болѣе смыслъ какъ демонстрація относительно самой Германіи. Развитіемъ своихъ военныхъ силъ Пруссія становится рѣшительно во главѣ Германіи и сосредоточиваетъ въ себѣ все ея европейское значеніе. Стремленіе къ единству Германіи входитъ все въ болѣшую и болѣшую силу въ народѣ. Собственно за Австрію стоитъ въ Пруссіи только юнкерская партія и *Kreuzzeitung*.

Чтобы не дать слишкомъ большаго перевѣса войскамъ Германіи, Пруссіи пришлось спасти свою военную личность мобилизаціей шести корпусовъ своей арміи. Объявляя объ этомъ на Франкфуртскомъ сеймѣ, 24 іюня, прусскій посланникъ г. фонъ-Узедомъ употребилъ слѣдующую форму выраженія: «Королевско-прусское правительство, въ виду расширенія военныхъ событій въ Италіи, постановило, для *поддержанія своей собственной политики*, а равно и для дальнѣйшаго охраненія Германіи и для ея значенія (*Machtstellung*), мобилизовать шесть корпусовъ своей арміи такимъ образомъ, чтобы они въ каждый моментъ были готовы къ походу.» По мѣрѣ того, какъ собираются прусскія войска, къ нимъ присоединяются союзные корпуса, которые дополняютъ прусскую армію, какъ и вся Германія дополняетъ Пруссію.

Эта мобилизація прусскихъ войскъ произвела большую тре-

(1) Эта военная сила довольно импозантна. Она состоитъ изъ десяти корпусовъ: 1-й, 2-й и 3-й составляются изъ австрійскаго контингента и простираются до 142.233 человекъ; 4-й, 5-й и 6-й состоятъ изъ прусскаго контингента въ 120.392 человекъ; 7-й доставляетъ Баварія, у которой общее число войска съ резервами, но безъ ландвера 188.661 человекъ; 8-й собирается отъ Виртемберга, Бадена и Гессенъ-Дармштадта въ 49.317; 9-й отъ Саксоніи, Гессенъ-Касселя и Луксембурга въ 48.964; 10-й отъ Ганновера, Брауншвейга, Мекленбурга, Ольденбурга, Лячепбурга и вольныхъ городовъ въ 52.143; Нассау, Веймаръ и прочія мелкія государства образуютъ резервный корпусъ въ 22.511 человекъ. Весь союзный контингентъ состоитъ изъ 624.221 человекъ, а безъ трехъ австріискихъ и трехъ прусскихъ корпусовъ изъ 361.596 человекъ. Въ Пруссіи же всего 541.108 человекъ войска.

логу въ политическомъ мірѣ, потому что оиціальный журналъ, *Preussische Zeitung*, давалъ постоянно неопредѣленные объясненія такой мѣры. Теперь общественное мнѣніе въ Англіи рѣшительно сѣждено въ томъ, что Пруссія имѣеть въ виду только защиту Германіи; *Kölnische Zeitung* увѣряеть, что Пруссія не предпріиметь ничего безъ предварительнаго соглашенія съ Россією и Англією и вовсе не имѣеть въ виду отстаивать владычество Австріи въ Италіи. Французское правительство въ оиціальныхъ актахъ не протестуетъ противъ прусской мобилизации. «Новыя военныя мѣры, сказано въ циркулярѣ графа Валевскаго отъ 20 юня, принятыя въ Пруссіи, не внушаютъ намъ никакого безпокойства. Прусское правительство, мобилизуя значительную часть своей арміи, объявило, что оно имѣеть въ виду защищать Германію и получить возможность справедливаго участія въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, наравнѣ съ двумя великими державами. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ расходиться съ берлинскимъ кабинетомъ.» Но несмотря на такія объявленія, Франція подозрительно смотритъ на сосредоточеніе германскихъ войскъ на Рейнѣ, и маршалъ Пелисье дѣлаеть всѣ распоряженія, чтобы встрѣтить враговъ. Въ самой Германіи мобилизациа произвела недовольство въ народѣ и восторгъ въ журналахъ. «Наконецъ-то!» съ удовольствіемъ восклицаетъ *Allgemeine Zeitung*. «Я завидую вамъ, пишетъ мюнхенскій корреспондентъ *National-Zeitung*, я завидую всѣмъ Прусакамъ. Въ 1813 году призваніе Пруссіи было менѣе важно, чѣмъ теперь; тогда руки ея были связаны русскимъ, австрійскимъ и англійскимъ союзомъ; теперь, если Пруссія только захочеть, она станетъ не только наряду, но даже выше Австріи. Вы видите, что я проникся идеєю игемоніи.» Недѣли двѣ тому назадъ, почти всѣ были увѣрены, что германская армія собрана для войны. Дѣло Австріи было оставлено въ сторонѣ, война казалась для многихъ самымъ удобнымъ средствомъ осуществитъ единство Германіи. «Когда Миланцы, сказано въ *National-Zeitung*, требовали у Карла-Альберта, чтобъ онъ продолжалъ войну, король спросилъ у нихъ, желаютъ ли они драться. Въ отвѣтъ на это Миланцы кричали: «сотни тысячъ рукъ подымутся за италійскую свободу.» Не нужно словъ, а дѣлайте дѣло, замѣтилъ король. Эти слова Карла-Альберта можно припомнить тѣмъ, кто считаеть возможнымъ безъ войны достигнуть *единства Германіи*. Если Пруссія, опираясь на всѣ малыя государства Союза, станетъ теперь лицомъ къ лицу передъ иностранными державами, то это будетъ нѣчто новое и знаменательное. Такого момента не было еще ни въ прусской, ни въ германской исторіи. • Въ этихъ словахъ еще разъ высказывается германская страсть къ политическимъ аналогіямъ; если въ 1813 году Германія приобрѣла вой-

ною конституціонную свободу, или по крайней мѣрѣ обѣщанія конституціонной свободы, то многимъ кажется этотъ же путь войны необходимымъ для достиженія единства. Но трудно предположить себѣ, чтобы Пруссія рѣшилась вомечь Германію въ войну, не имѣя за себя ни одного союзника; берега Балтійскаго и Нѣмецкаго моря останутся совершенно беззащитны, и французскій флотъ въ состояніи будетъ безнаказанно разорять ихъ. Въ *Nord* сообщаютъ изъ Петербурга, что Государь Императоръ получилъ отъ принца прусскаго увѣреніе въ томъ, что мобилизація не повлечетъ за собою войны, и что намъ министръ финансовъ сообщилъ о томъ петербургской биржѣ, по высочайшему повелѣнію.

Для своего нейтралитета прусское правительство найдетъ поддержку въ общественномъ мнѣніи страны, лучшіе органы котораго высказываются противъ Австріи. Мы лишены здѣсь возможности получать *Kölnische Zeitung* и *Volks-Zeitung*. Эти газеты и вообще всѣ либеральные органы прусской печати видятъ въ Австріи не силу, а истинное зло Германіи и радуются ея пораженіямъ. Та газета, за которою мы имѣемъ возможность постоянно слѣдить, *National-Zeitung*, сбилась было одно время съ пути и совѣтовала Пруссіи заключить съ Австріей *бракъ по разуму (Vernunfthe)*. Надъ этимъ бракомъ очень потѣшалась берлинская журналистика, особенно *Kladderadatsch* и *Volks-Zeitung*. Но переѣвившіяся обстоятельства измѣнили тонъ и *National-Zeitung*. «Должно согласиться, сказано здѣсь (3 іюля), что Австрія вовсе не искала помощи Пруссіи, какъ самостоятельной державы; точно также въ Вѣнѣ не сдѣлано ничего, чтобы связать національные германскіе интересы съ австрійскими. Пруссію хотѣли заставить перейти на австрійскую сторону посредствомъ второстепенныхъ государствъ и посредствомъ волненія умовъ въ Германіи; но германскій народъ долженъ былъ только отдать свои физическія силы на служеніе теперешней габсбургской верховной власти къ томъ видѣ, какъ она есть, и какъ она хочетъ существовать неизмѣнно. Вѣнскій дворъ не счелъ нужнымъ спросить совѣта у Пруссіи при началѣ войны или стать въ нравственныя отношенія къ германскому народу; онъ не позволялъ никому заикнуться о произвольной императорско-домашней политикѣ, хотя ему хотѣлось, чтобы всѣ смотрѣли на его дѣло, какъ на общегерманское. Не заботясь о Германіи, началъ императоръ Францъ-Іосифъ войну, и потому не имѣетъ никакого права на помощь Германіи, хотя бы его войска были окончательно разбиты на италіанской территоріи. Онъ не просилъ до сихъ поръ нашего союза, полагался на свои собственныя силы и не обращалъ вниманія на наши совѣты въ пользу мира. Если теперь будетъ предложенъ миръ съ

какой-либо стороны, то онъ можетъ быть заключенъ на основаніи результатовъ, добытыхъ на полѣ сраженія; и такъ какъ союзники считаютъ перевѣсъ на своей сторонѣ, то Австріи придется заплатить за право вложить мечъ въ ножны... Честь Германіи не затронута еще на полѣ битвы, а только честь Австріи, которая единственно для себя обнажила свой мечъ. Несмотря на то, что Германія прикрываетъ одинъ бокъ Австріи и сдерживаетъ значительное число французскихъ военныхъ силъ въ самой Франціи, Австрія до сихъ поръ не одержала верха; поэтому ей необходимо согласиться на пожертвованія. Но все-таки она должна быть признательна за ту защиту, которую безъ ея просьбы оказала ей Германія. Пусть она пойметъ, что Германію нельзя вовлечь въ войну безъ ея согласія. Намъ мало увѣреній, будто австрійское владычество въ Италіи имѣетъ значеніе для Германіи, никогда не станемъ мы помогать въ войнѣ такому кабинету, который исключительно по собственному произволу опредѣляетъ свою внѣшнюю политику и безъ всякаго контроля хочетъ рѣшать вопросы, изъ-за которыхъ мы должны страдать и проливать кровь. Германія должна заботиться не объ императорскомъ домѣ, а о себѣ самой.»

Новое англійское министерство, конечно, употребитъ все средства, чтобы Германія не покидала своего нейтралитета, пока не будетъ сдѣлано нападенія на германскую территорию. Нѣкоторые видятъ даже угрозу для Германіи въ рѣчи сэръ-Чарльза Вуда, одного изъ членовъ новаго англійскаго кабинета, произнесенной имъ въ Гали+аксѣ къ его избирателямъ. «Мы получили недавно извѣстіе, сказалъ государственный секретарь для дѣлъ Индіи, что въ Германіи общественное мнѣніе расположено къ вмѣшательству въ войну; но я надѣюсь, что здравомыслящіе Германцы послушаются совѣтовъ, которые даны нами съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ должность, и воздержатся отъ враждебныхъ дѣйствій. *(Рукоплексканія.)* Во всякомъ случаѣ, мы употребимъ все усилія, чтобы удержать отъ войны тѣ народы, которые до сихъ поръ не вовлеклись въ нее, и воспользуемся первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы возвратить воюющимъ благодѣянія мира. *(Очень хорошо.)* Я думаю, что, стараясь удержать отъ войны Германію, мы окажемъ услугу нашему отечеству: съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ этомъ городѣ, я вижу, какъ сильно страдаетъ торговля отъ опасеній, чтобы война не распространилась на центральную Европу. *(Очень хорошо.)* Но, джентльмены, коснувшись этого предмета, я долженъ сказать прямо, что совершенно одобряю громадныя приготовленія, сдѣланныя для защиты нашего отечества. *(Рукоплексканія и голосъ: наши старыя деревянные стѣны!)* Я надѣюсь, что мы не будемъ имѣть нужды прибѣ-

гать къ этимъ средствамъ обороны; но, если Германія вступитъ въ войну, весьма возможно, что и мы увлечемся въ этотъ водоворотъ, для защиты интересовъ, которые мы обязались защищать по трактатамъ. (*Голосъ: нѣтъ, ни для кого!*) Я повторяю, мы связаны трактатомъ и должны дѣйствовать. (*Нѣтъ, нѣтъ!*) Я увѣренъ, что вы всѣ, и даже тотъ, кто прерываетъ меня, считаете обязательства трактата священными. (*Слушайте, слушайте.*) Надѣюсь, что случай не представится, но если намъ придется вмѣшаться, то, конечно, наше посредничество будетъ имѣть больше вліянія, когда мы будемъ сильны своими собственными средствами и явимся не какъ нищія, а будемъ въ силахъ сказать: вотъ какъ слѣдуетъ поступать. (*Слушайте, слушайте.*) Можеть-быть, въ этихъ словахъ кроется разгадка того перемѣня, о которомъ извѣщаетъ насъ телеграфъ.

Вообще всѣ члены англійскаго правительства стоятъ теперь за вооруженный нейтралитетъ; даже лордъ Джонъ Россель, который прежде возставалъ противъ вооруженій, считаетъ ихъ необходимыми и въ своей рѣчи, уже упомянутой нами выше, благодарилъ г. Пакингтона за увеличеніе и усиленіе англійскаго флота. Одинъ только г. Мильнеръ-Гибсонъ остается вѣренъ себѣ и въ своей рѣчи къ избирателямъ объявилъ, что миръ можетъ быть нарушенъ только для защиты независимости Англій. «Англія, сказано въ *Times*, желаетъ остаться нейтральною, но она не желаетъ оставаться слабою и недѣятельною. Она не хочетъ, чтобы ее считали въ настоящихъ обстоятельствахъ наравнѣ съ Испанією или Неаполемъ.»

Нельзя не замѣтить, что по мѣрѣ того, какъ война приближалась къ развязкѣ, положеніе Англій измѣнялось мало-по-малу. Еслибъ эта страна по прежнему считала возможнымъ пассивный нейтралитетъ, то министерство Дерби могло бы сохранить свою власть: документы, обнародованные теперь, доказали ясно, что лордъ Мальмсбери употреблялъ всѣ усилія для предотвращенія войны и для нейтралитета Англій. Но теперь наступило время, когда Англій приходится выступить въ роли посредника, которая можетъ быть успѣшна, по выраженію *Times*, только при дружественныхъ отношеніяхъ съ побѣдителемъ. Министерство англійское всегда выражаетъ собою общественное мнѣніе страны; для каждаго оттѣнка этого мнѣнія страна имѣетъ готовыхъ людей. Та партія, которой принципы болѣе соотвѣствуютъ потребностямъ даннаго времени, становится во главѣ правительства, другая принимаетъ на себя обязанности конституціоннаго надзора за правительствомъ. Одна партія образуетъ «правительство ея величества», другая—«оппозицію ея величества». Обѣ служатъ королевѣ и странѣ, одна своими распоряженіями, другая зоркимъ и неуспы-

нынѣ наблюденіемъ за администраціею. Теперь эти обязанности «оппозиціи ея величества» лежать на торійской партіи. Графъ Дербн на обѣдѣ, данномъ въ честь оксфордскаго университета, сказалъ: «дѣйствуя въ истинно-консервативномъ направленіи, мы, по выходѣ изъ министерства, будемъ продолжать усердную, непрерывную службу нашей королевы и нашей странѣ.» Еще яснѣе показаны отношенія оппозиціи къ правительству и весь простой и сильный механизмъ англійской конституціи лордомъ Станли въ рѣчи, произнесенной на томъ же обѣдѣ.

«Джентльмены, сказалъ онъ, въ нашей странѣ и при нашей парламентской системѣ, потеря должности не влечетъ за собою необходимо потерю вліянія. (Одобрене.) Особенность конституціи, которою мы управляемся,—и я думаю, что это счастливая особенность,—состоитъ въ томъ, что мнѣніе общества и парламента, рѣчи неофіціальныхъ и независимыхъ членовъ законодательнаго собранія имѣютъ часто силу преобладающую и всегда имѣютъ контролирующую силу надъ мнѣніями тѣхъ, которымъ на долю выпадаетъ исполнительная власть въ государствѣ (*слушайте, слушайте*). Поэтому, какія бы личныя перемены ни послѣдовали въ правительствѣ ходъ англійскаго законодательства и администрація нисколько не прерываются. Консервативное министерство контролируется либералами; либеральное контролируется консервативною оппозиціею. Каждый годъ дѣло подвигается сколько-нибудь впередъ, и каждый шагъ на этомъ пути подвергается умолимой и даже враждебной критикѣ... Я увѣренъ, что на вѣчныя времена палата общинъ будетъ вѣрно представлять, хотя и не въ одинаковыхъ пропорціяхъ, двѣ различныя партіи, двѣ различныя школы мышленія, которыя существуютъ не только въ нашей странѣ и въ нашъ вѣкъ, но были присущи всѣмъ странамъ и векамъ столѣтій. Я разумно ту партію, которая склонна къ осторожности и смотреть съ уваженіемъ на то, что существуетъ въ дѣйствительности, и ту партію, которая отождествляетъ себя съ «прогрессомъ» и расположена смотреть болѣе впередъ, чѣмъ назадъ. (*Слушайте, слушайте.*) Я твердо убѣжденъ, что наша парламентская система зависитъ отъ равновѣсія между этими двумя великими партіями. Я увѣренъ, что палата общинъ, составленная исключительно изъ однихъ консерваторовъ, предполагая это возможнымъ, была бы неспособна провести хотя одинъ законъ, равно какъ палата общинъ, составленная изъ однихъ либераловъ, опять предполагая возможность этого, чему я не вѣрю, подъ конецъ превратилась бы въ революціонное учрежденіе. (*Слушайте, слушайте.*) Я надѣюсь, что на вѣчныя времена останется въ силѣ теперешнее положеніе дѣлъ; огромное большинство членовъ палаты общинъ будутъ всегда

составлять люди, которые вступаютъ въ палату не для удовольствія какого-либо личнаго самолюбія, не изъ желанія получить должность, личную выгоду и жалованье; члены палаты занимаютъ мѣста въ этомъ собраніи только вслѣдствіе убѣжденія, что, поступая такъ, они исполняютъ обязанности своей жизни, а мѣсто въ палатѣ связано, и часто необходимо связано, съ нѣмъ общественнымъ положеніемъ. (*Громкое одобреніе.*)

Такимъ образомъ, теперь снова лицомъ къ лицу стоятъ двѣ великія партіи, хотя роли ихъ измѣнились послѣ министерскаго кризиса. И тѣ и другіе дѣятели намъ извѣстны; это люди, которые приобрѣли себѣ громкую извѣстность и заявили свои убѣжденія многочисленными государственными актами. Оппозиція состоитъ изъ сильной, дисциплинированной, однородной партіи, подъ предводительствомъ графа Дерби, главы бывшаго кабинета, канцлера оксфордскаго университета. Въ засѣданіи палаты лордовъ, 17 іюня, онъ объявилъ, что королева соизволила принять его отставку. «Я могу обѣщать, сказалъ онъ, отъ себя, отъ своихъ товарищей и отъ тѣхъ лицъ въ обѣихъ палатахъ, съ которыми я имѣлъ счастье дѣйствовать вмѣстѣ, что мы рѣшились встрѣтить нашихъ преемниковъ безъ личной оппозиціи и не затруднять ихъ своими комбинаціями и поведеніемъ. (*Одобреніе.*) Скажу болѣе: я буду искренно радъ, если могу, отказавшись отъ власти, дать правительству королевы то, что я желаю дать, — независимую и прямодушную поддержку (*одобреніе.*)» Въ засѣданіи того же числа г. Дизраэли объявилъ въ палатѣ общинъ, что министерство графа Дерби вышло въ отставку. При этомъ прочтенъ былъ отвѣтъ королевы на адресъ палаты общинъ: «Я постоянно желаю, говорить въ этомъ отвѣтѣ королева, чтобы мое правительство соответствовало желаніямъ представителей моего народа въ палатѣ общинъ; поэтому я приняла мѣры, согласно мнѣнію, представленному мнѣ отъ васъ, для образованія новаго правительства.» Бывшіе министры передали свои печати королевѣ, и вступили въ должность оппозиціи. Но королева, желая выразить свое удовольствіе торійскому правительству, пожаловала графа Дерби орденомъ Подвязки, а лорда Мальсбери и сэръ-Джона Пакингтона орденомъ Бани. Извѣстно, что существуетъ только двадцать пять кавалеровъ ордена Подвязки; этотъ комплектъ былъ полонъ; но королева объявила, что при первой вакансіи она отказывается отъ своего права назначить новаго кавалера, съ тѣмъ, чтобы графу Дерби немедленно данъ былъ орденъ. Такимъ образомъ бывшее министерство оставило свою должность, съ почетомъ со стороны королевы и, должно надѣяться, оставивши хорошія воспоминанія во всѣхъ безпристрастныхъ людяхъ. Оно не соответствовало новому «азису», въ которой вступила политика Англіи; но, конечно, настанетъ

время, когда страна снова обратится къ нему и переведетъ торіевъ изъ оппозиціи въ правительство.

Что касается до нынѣшняго кабинета, то мы считаемъ необходимымъ поговорить о немъ подробнѣе, а теперь обратимся еще разъ къ Італіи.

Событія даютъ теперь возможность съ большею основательностью судить о томъ, въ какой степени война за независимость Італіи возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе италіянскаго народонаселенія. Еще очень недавно правительство императора Франца-Иосифа увѣряло, что Сардинія — главная и почти единственная виновница всѣхъ смуть, происходившихъ на полуостровѣ, что безъ нея всѣ тамошнія государства наслаждались бы примѣрною тишиною, что въ Ломбардіи только нѣсколько аристократическихъ фамилій да небольшое число приверженцевъ Маццини тревожатъ общественное спокойствіе и стараются поколебать въ жителяхъ привязанность ихъ къ Габсбургскому дому. Событія далеко не подтвердили этихъ увѣреній и убѣжденій вѣнскаго двора. Города, лежащіе на сѣверѣ Ломбардіи, не дожидались даже освобожденія Милана и подняли знамя возмущенія, лишь только между ними появился Гарибальди. Нигдѣ, быть можетъ, на всемъ полуостровѣ не сохранилось столько независимости и самобытности, какъ въ этихъ небольшихъ городкахъ, съ народонаселеніемъ отъ 5 до 10.000 въ каждомъ, которые расположены по склонамъ Альпъ, на сѣверѣ Ломбардіи. Всѣ жители раздѣляются тамъ на четыре главные класса: поселянъ, занимающихся хлѣбопашествомъ или воздѣлываніемъ шелковицы, горожанъ, посвящающихъ труды свои торговлѣ или мануфактурной дѣятельности, дворянство и духовенство. Изъ всѣхъ этихъ классовъ, развѣ только одинъ послѣдній питаетъ нѣсколько враждебнаго чувства къ союзникамъ. Дворянство смотритъ, можетъ-быть, недобѣрчиво на народное движеніе, но оно никогда не отличалось ни малѣйшею привязанностью къ Австріи и не много получало знаковъ расположенія къ себѣ отъ австрійскихъ правителей. Одно только духовенство, слѣдовательно, могло бы повредить теперешнему народному движенію на сѣверѣ Ломбардіи, но оно не имѣетъ для того надлежащей силы: земледѣльческій классъ умѣлъ сохранить себя довольно свободнымъ отъ клерикальнаго вліянія, что же касается до городскихъ жителей, то патріотическое чувство такъ сильно въ нихъ, что попытка со стороны духовенства поколебать его была бы безузіемъ. Всѣ жители, занимающіеся въ упомянутой нами области торговлею или мануфактурною дѣятельностью, чувствуютъ неодолимое отвращеніе къ Австріи, и это весьма понятно: страна, въ которой приходится имъ дѣйствовать, бѣднѣе всей остальной Ломбардіи, а между тѣмъ, она платитъ оди-

наковые съ нею налоги, которые возрастаютъ ежегодно и совершенно разоряютъ ихъ торговлю. Уже прежде 1848 года налоги эти возбуждали сильное неудовольствіе на сѣверѣ Ломбардіи, теперь же, когда Австрійцы, вмѣсто 24 милліона рублей (цифра 1847 г.), собиравшихся прежде съ королевства, собираютъ слишкомъ 35 милліоновъ, неудовольствіе не знаетъ себя предѣловъ. Нужно ли удивляться послѣ этого необычайнымъ успѣхамъ Гарибальди, когда онъ появился посреди этого раздраженнаго и впечатлительнаго народонаселенія? Нельзя, конечно, не похвалить проникательность, съ которою онъ выбралъ именно эту страну для своихъ дѣйствій, но вторженіе его туда должно было несомнѣнно произвести всеобщее возстаніе. Сами Австрійцы такъ хорошо понимали расположеніе умовъ въ этой странѣ, что не оказывали большаго сопротивленія Гарибальди и почти вездѣ спѣшили отступить передъ его отрядомъ. Брешія оставлена была ими вовсе безъ защиты; они могли ожидать всего дурнаго отъ народонаселенія этого города, въ которомъ не уснуло воспоминаніе о звѣрскихъ неистовствахъ, которыми ознаменовалъ себя въ его стѣнахъ фельдмаршалъ Гайнау. Все это было причиною того, что каждый шагъ Гарибальди былъ успѣхомъ. Знаменитый партизанъ доводилъ иногда смѣлость до безразсудства и не боялся потерь въ своихъ рядахъ: ему хорошо было извѣстно, что ряды эти, въ той странѣ, въ которой онъ дѣйствовалъ, будутъ непрерывно пополняться многочисленными волонтерами.

Сѣверная часть Ломбардіи была вскорѣ освобождена отъ Австрійцевъ и, что особенно пріятно и важно, сколько во время борьбы она поражала своею одушевленною энергіею, столько же по окончаніи ея удивила рѣдкимъ порядкомъ, который сохранился и сохраняется до сихъ поръ въ ея городахъ. Вездѣ установлены были власти, дѣйствовавшія, какъ извѣщаютъ, со строгимъ соблюденіемъ законности; жители оказывали властямъ этимъ единодушное содѣйствіе; не слышно было ни о какихъ насиліяхъ. Такое самообладаніе послѣ успѣха говоритъ, очень много въ пользу Италіянцевъ сѣверной Ломбардіи; разгадки его должно искать въ особенныхъ обстоятельствахъ этой области. Муниципальное управленіе такъ вкоренилось тамъ издавна, по всему вѣроятію еще съ римскихъ временъ, что духъ его живо сохранился въ нравахъ жителей до сихъ поръ, несмотря на всѣ перевороты, которымъ подвергалась эта страна. Старинный этотъ духъ муниципальной свободы, замѣчаетъ *Times*, породилъ во Франціи религиозное движеніе тринадцатаго и политическое восемнадцатаго вѣка, сдѣлалъ Тулузу центромъ цивилизаціи въ то время, какъ еще Парижъ погруженъ былъ въ варварство, и соединилъ имя республиканской свободы съ име-

немъ Марсея. Тотъ же самый духъ водворяетъ теперь самоуправленіе въ городахъ сѣверной Италіи и способствуетъ тамъ его прочности. Жители возвращаются къ привычкамъ независимаго управленія, какъ будто бы никогда не покидали ихъ, какъ будто бы не Австрійцы, а древніе Римляне только-что покинули ихъ стѣны. Явленіе это, конечно, одно изъ самыхъ поразительныхъ, которое только можно себѣ представить. Даже внѣшнимъ своимъ видомъ нѣкоторые изъ италіянскихъ городовъ такъ походятъ на города, воспѣтые Виргиліемъ, что какъ будто бы они не измѣнились со времени великаго поэта; если вспомнить, что въ старинныхъ стѣнахъ этихъ сохраняются въ своей прежней силѣ и благодѣтельнымъ вліаніи учрежденія ихъ основателей или завоевателей, что корпораціи, возникшія въ эпоху Сципіоновъ, дѣйствуютъ еще въ вѣкъ Людовика-Наполеона, то это одно можетъ дать намъ достаточное понятіе о характерѣ и могуществѣ Римлянъ.»

Въ южной Ломбардіи сильнѣе было неблагопріятное для чувства самобытности иностранное вліаніе, сначала французское, потомъ австрійское; но и здѣсь оказываются хорошіе элементы для будущаго самоуправления и политическаго устройства. Въ Европѣ мало странъ, въ которыхъ было бы менѣе сословнаго различія, какъ въ этой части Ломбардіи. Здѣсь много знатныхъ фамилій и славныхъ именъ, но общество само по себѣ нисколько не отличается аристократическимъ характеромъ. Между землевладѣльцами и крестьянами не только не существуетъ никакой непріязни; напротивъ, они связаны давнишнимъ весьма дружескимъ чувствомъ. Отношенія между этими двумя классами имѣютъ много патріархальнаго, именно вслѣдствіе того, что давно уже отмѣнены здѣсь тѣ тягостныя, феодальныя привилегіи, которыя могли бы пробудить въ низшемъ народонаселеніи зависть къ дворянству. Австрійское правительство, привыкшее пользоваться въ другихъ областяхъ, подчиненныхъ ему, непримиримой враждой между землевладѣльцами и крестьянами, и успѣвшее воспользоваться страшнымъ образомъ для своихъ видовъ этою враждою въ Галиціи, думало дѣйствовать точно также и въ Ломбардіи. Не только генералы австрійскіе какъ напримѣръ Шенгалъсъ, о которомъ говоритъ г. И. С. въ статьѣ, помѣщенной нами выше, но даже лучшіе государственные люди Австріи были, одно время, убѣждены въ возможности дѣйствовать посредствомъ крестьянскаго народонаселенія противъ сельскихъ дворянъ. Графъ Фикельмонъ, который былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1848 году, самъ долгое время жилъ въ Ломбардіи и долженъ былъ хорошо знать италіянское общество, говорилъ англійскому посланнику, лорду Понсонби: «Австрія можетъ во всякое время, лишь только

этого захочетъ, поднять крестьянъ противъ сельскаго дворянства и совершенно истребить его.» Не будемъ говорить о благородствѣ этихъ политическихъ соображеній, особенно любопытныхъ въ устахъ челоуѣка, написавшаго цѣлую книгу противъ макиавелизма, будто бы, англійской политики,—но событія доказали, что подобные виды не основывались рѣшительно ни на чемъ. Въ 1848 году ломбардское крестьянство шло дружно за дворянами; въ исторіи Ломбардіи послѣдняго времени не встрѣчается ни одного упоминовенія о борьбѣ между этими двумя сословіями. Если австрійское правительство имѣло когда-нибудь нѣкоторое вліяніе на низшее сословіе, то скорѣе на городское, чѣмъ на сельское, но и это вліяніе было далеко не надежно. Опиралось оно, главнымъ образомъ, на многочисленныя благотворительныя заведенія въ Ломбардіи, между которыми главный миланскій госпиталь, основанный Франческомъ Сфорца, занимаетъ первое мѣсто. Заведенія эти славятся своими богатствами, во главѣ ихъ находятся лица испытанной преданности австрійскому правительству, преимущественно изъ клерикальной партіи, и вспоможеніе оказывается ими, разумѣется, только тѣмъ, кто неповиненъ ни въ какихъ національныхъ стремленіяхъ. Другое, могучее орудіе вліянія въ рукахъ вѣнскаго правительства былъ конкордатъ, которымъ оно привлекло къ себѣ почти все католическое духовенство. Въ 1848 году большинство этого сословія стояло совершенно на сторонѣ національнаго движенія противъ австрійскаго владычества: сельскіе священники особенно отличались тогда ревностію своею въ пользу италіанской независимости. Оппозиція духовенства могла бы породить, поэтому, много затрудненій на будущее время, и если Ломбардіи не придется испытать этого, то развѣ только потому, что это сословіе утратило значительную часть своего вліянія, послѣ того какъ въ послѣднее время такъ круто повернуло на сторону Австріи...

Вообще же можно сказать, что во время долголѣтняго владычества своего въ Ломбардіи, Австрія не сумѣла найти тамъ никакихъ элементовъ для своей опоры. Они удаляются, слыша за собою гулъ проклятій, и мы не имѣемъ никакихъ причинъ не довѣрять тому энтузіазму, который, по словамъ самыхъ безпристрастныхъ очевидцевъ, овладѣлъ страной, когда, наконецъ, она почувствовала себя свободною отъ чужеземнаго ига. «Трудно представить себѣ, говоритъ корреспондентъ газеты *Times*, зрѣлище болѣе великолѣпное нежели то, которое представлялъ собою Миланъ, по выходѣ австрійской арміи и въ ожиданіи вѣзда обонихъ государей. Жители расхаживали въ праздничной одеждѣ, балконы были наполнены женщинами, бросавшими цвѣты въ прохожихъ; улицы были буквально загромождены экипажами и тол-

нами народа, бѣольшая часть мужчинъ носили трехцвѣтный шарфъ, а на шляпѣ небольшую бумажку, со словами: *Ordine e Sicilia* (1). Обычная важность Миланцевъ уступила мѣсто восторженной подвижности, и кто не былъ въ городѣ въ эти дни, тотъ не видалъ, безъ сомнѣнія, одного изъ лучшихъ эпизодовъ теперешней кампаніи. Не будемъ, впрочемъ, останавливаться на описаніи всѣхъ торжествъ, всѣхъ болѣе или менѣе восторженныхъ сценъ, въ которыхъ проявился энтузіазмъ жителей: для тѣхъ, кто не видалъ ихъ своими глазами, они не имѣютъ, конечно, сотой доли своей привлекательности. Императоръ Французовъ и король Сардиніи имѣли 8-го іюня (нов. ст.) торжественное шествіе въ столицу Ломбардскаго королевства. Викторъ Эммануилъ обратился немедленно съ воззваніемъ къ жителямъ этой страны, въ которомъ онъ выражается нѣсколько определеннѣе, чѣмъ въ объявленіяхъ, сдѣланныхъ имъ до тѣхъ поръ. Извѣстно, что онъ избѣгалъ тщательно всего, что могло бы возбудить мысль о его честолюбіи, о самовольномъ распоряженіи судьбами различныхъ италіанскихъ государствъ. Онъ отказался отъ диктатуры, предложенной ему Тосканскимъ герцогствомъ, отринулъ въ послѣднее время военную диктатуру, которую желали вручить ему города Романьи, очищенные австрійскими войсками. Король объявилъ депутаціи этихъ городовъ, что нейтралитетъ, объявленный съ самаго начала войны папскимъ правительствомъ, обезпечиваетъ за святымъ отцомъ нераздѣльность его владѣній. Но въ отношеніи къ Ломбардіи, этой давнишней цѣли самыхъ любимыхъ стремленій политики Савойскаго дома, Викторъ Эммануилъ измѣнилъ нѣсколько обычной своей воздержности: не высказывая положительно, что онъ принимаетъ предложенную ему корону, король обращается къ жителямъ Ломбардіи почти какъ къ своимъ подданнымъ, объявляя имъ, что назначаетъ теперь въ ихъ странѣ только временное правительство въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ водворить въ ней свободныя учрежденія. Въ новоучрежденномъ ломбардскомъ правительствѣ главная власть принадлежитъ губернатору, кромѣ военныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ является только исполнителемъ приказаній главнокомандующаго арміею. Новое правительство поспѣшило принятіемъ мѣры, вызванной племенной враждой къ людямъ нѣмецкой національности. Всѣ чиновники, не Италіанцы по происхожденію, отозваны отъ занимаемыхъ ими должностей: мѣра, напоминающая собою подобную же мѣру, принятую послѣ сентябрьской революціи 1842 года, въ Греческомъ королевствѣ,

(1) Порядокъ и безопасность.

и, можетъ-быть, еще болѣе оправдываемая обстоятельствами, но во всякомъ случаѣ наказывающая виновныхъ вмѣстѣ съ невинными и лишаящая администрацію многихъ несомнѣнно полезныхъ силъ. Ко всеобщей радости всѣхъ безъ различія жителей Ломбардіи уничтожены многія существовавшія до сихъ поръ стѣснительныя мѣры, и совершенно упразднена высшая полицейская инстанція. Корреспонденты англійской газеты говорятъ, что послѣднее распоряженіе не повело, какъ можно было бы ожидать, ни къ какимъ смутамъ или волненію; полицейскій чиновникъ совершенно исчезъ вмѣстѣ съ Австрійцами, а между тѣмъ, всюду, гдѣ ни собираются толпы народа, онѣ ведутъ себя съ такою скромностію и вѣжливостію, какъ будто бы находились не на улицѣ, а въ салонѣ. Любопытно замѣтить, что въ декретѣ, упоминаемомъ нами, о правительствѣ австрійскомъ говорится не иначе, какъ подъ именемъ: «прежнее правительство».

А между тѣмъ это «прежнее правительство», какъ мухи въ августѣ, кусалось особенно больно передъ своею смертію. Даже выходя изъ Милана, командующій австрійскими войсками похвалялся на будущее время отомстить Миланцамъ за ихъ восторгъ и трехцвѣтное знамя. Генералъ Урбанъ, тотъ самый, который, какъ мы выше сказали, съ позорнымъ хладнокровіемъ разстрѣлялъ семейство Чиньйоли, еще разъ хотѣлъ показать всю бездну, лежавшую между австрійскимъ правительствомъ и итальянскимъ народомъ. «Вы мнѣ должны вѣрить, какъ благородному Австрійцу, говоритъ онъ въ своей прокламаціи, а я никому изъ васъ не вѣрю.» Къ счастью для Ломбардцевъ, и эти угрозы, и это высокоумное аристократическое недоверіе разбились слишкомъ скоро о другую силу, которой удалось гораздо вѣрнѣе сдержать свои обѣщанія.

«Огромная армія, говорилъ въ началѣ войны *Times*, которую предводительствуетъ императоръ Францъ-Юсифъ, въ рядахъ своихъ считаетъ отличнѣйшихъ австрійскихъ генераловъ и офицеровъ изъ самыхъ благородныхъ домовъ Германіи. Ей суждено помѣриться силами съ демократическими войсками, состоящими подъ командою Лудовика Наполеона. Плебейская сила и честолюбіе станутъ противъ аристократической спѣси. Шварценберги и Стадіоны выступятъ противъ плебеевъ, проводившихъ всю жизнь въ барракахъ, кабакахъ и степяхъ Африки.» Плебейская сила, о которой говоритъ *Times*, остается и теперь, какъ оставалась уже не разъ побѣдительницею на поляхъ сраженія. Странное дѣло! съ самаго начала кампаніи, никто не сомнѣвался въ томъ, что Французамъ придется пожать военные лавры, несмотря на то, что имъ приходилось имѣть дѣло съ одною изъ многочисленнѣйшихъ и наилучше устроенныхъ армій во всей Европѣ. «Одинъ военный историкъ, замѣчаетъ *Times*,

говорить, что даже самая склонность къ гасконскому хвастовству, замѣчаемая во французской арміи, можетъ считаться хорошею чертою, ибо, хвастаясь, она невольно принимаетъ на себя обязательства, которыя должна выполнить на полѣ сраженія и которыя она дѣйствительно выполняетъ самымъ удовлетворительнымъ и честнымъ образомъ. Предсказанія, съ которыми Французы начали италіанскую кампанію, весьма многознаменательны. Они говорили, что вся война будетъ продолжаться не болѣе мѣсяца, что они выметутъ Австрійцевъ отъ одного конца Ломбардіи до другаго, и что армія возвратится домой, покрытая громкою славою. Конечно, въ подобныхъ рѣчахъ было нѣсколько преувеличеннаго, но во всякомъ случаѣ крайне замѣчательно, что всякій французскій солдатъ былъ твердо убѣжденъ въ превосходствѣ французскаго оружія. Какъ ни покажется это страннымъ, но сами Австрійцы раздѣляли то же самое убѣжденіе, ибо они только и твердили о томъ, что удалившись въ свои крѣпости, они противопоставятъ храбрости своихъ неприятелей такой твердый отпоръ, о который она можетъ разбиться. Въ этомъ только и состояла тактика мудрѣйшихъ и опытнѣйшихъ австрійскихъ начальниковъ. Но въ глазахъ Европы вовсе не существовало такого рѣзкаго различія между неприятелями. Австрійская армія далеко не возбуждала къ себѣ презрѣнія; числительная ея сила была огромна, воинственность ея солдатъ несомнѣнна, точно такъ же какъ несомнѣнно научное образованіе ея офицеровъ. Почему же Французы утверждаютъ съ такою увѣренностью, что Австрійцы не могутъ держаться въ открытомъ полѣ? Трудно отвѣчать на этой вопросъ, но несомнѣнно, что до сихъ поръ Французы вполне оправдали справедливость своихъ словъ. Они сдѣлали именно то, что обѣщали, и разбивали Австрійцевъ именно такъ, какъ было ими предсказано.»

Битвы, подобныя Маджентской и Сольфериноской должны были сильно подѣйствовать на нравственное состояніе австрійскихъ войскъ; уже прежде обнаруживали они довольно дурное расположеніе духа, геперь оно должно увеличиться еще болѣе. «Взгляните на письмо корреспондента нашего изъ главной квартиры, союзниковъ, говоритъ *Times*. Авторъ не затрудняется въ выборѣ приличныхъ словъ для описанія красоты страны, ея плодородія, благотельнаго вліянія ея климата, того чувства удовольствія, которымъ проникнуть каждый воинъ при переходахъ изъ одного мѣста въ другое. Дорога пролегаетъ по тѣнистымъ аллеямъ, покрытымъ прекрасными цвѣтами и оглашаемымъ пѣніемъ соловьевъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ необременительнаго пріятнаго похода, войска останавливаются на ночлегъ и находятъ тамъ обильную провизію всѣхъ лучшіе сельскіе продукты. На другое утро, освѣжившись и

въ самомъ бодромъ расположеніи духа, они отправляются впередъ, и путь ихъ точно такъ же пріятенъ и оканчивается точно такимъ же удобнымъ отдыхомъ. Ничто не напоминаетъ войны, кромѣ развѣ соединеннаго съ нею нервнаго настроенія. То праздникъ, пикникъ, гулянье, только не война. Описание это напоминаетъ намъ пребываніе сподвижниковъ Робинъ-Гудавъ Шервудскомя лѣсу, охоту ихъ по густымъ просѣкамъ и ночной сонъ на мягкой травѣ, подъ зеленѣющимъ деревомъ. Обратитесь же послѣ этого къ письмамъ, получаемымъ нами изъ главнаго лагеря Австрійцевъ. Корреспондентъ этотъ пишетъ, кажется, изъ той же самой страны, отъ того же самага числа, съ той же самой дороги, и что же говоритъ онъ? Онъ едва находитъ выраженія для описанія всѣхъ страданій, неудовольствія и нетерпѣнія, господствующихъ вокругъ него. Прошедшая недѣля, особенно улыбавшаяся Французамъ, возбуждаетъ въ немъ отвратительныя воспоминанія. Раненые солдаты мучатся какъ въ пылкѣ на колесѣ, трясясь на тележкахъ около двѣнадцати часовъ въ день. Дороги непроходимы; офицеръ верхомъ на доброй лошади едва можетъ дѣлать по одной милѣ въ часъ; вмѣсто всеобщей радости — всеобщее раздраженіе; уланы срываютъ штандарты съ коній; стрѣлки рвутъ съ касокъ своихъ цвѣты, которые они обыкновенно носятъ въ военное время; офицеры изрыгаютъ проклятія или ограничиваются гнѣбными движеніями и хмуреніемъ бровей. Отъ чего же такая поразительная разница между двумя арміями? Отъ чего въ глазахъ одной изъ нихъ все дышитъ счастьемъ, тогда какъ то же самое представляется другой мрачнымъ и ненавистнымъ? Всему этому только одна причина. Французы — побѣдители, тогда какъ Австрійцы побѣждены, и контрастъ, замѣченный нами въ письмахъ нашихъ корреспондентовъ, даетъ поучительное понятіе о томъ, какъ нравственные впечатлѣнія возвышаютъ или понижаютъ достоинство солдата. Любопытныя замѣчанія эти сдѣланы вскорѣ послѣ битвы при Маджентѣ; событія, происшедшія за тѣмъ, едва ли побудили Австрійцевъ снова привязать цвѣты къ своимъ каскамъ, едва ли разгладили морщины на ихъ чель.

Отступление Австрійцевъ изъ западной части Ломбардіи послужило какъ бы сигналомъ для всѣхъ прочихъ областей, въ когорыхъ народное движеніе сдерживалось до сихъ поръ только близкимъ сосѣдствомъ Австрійцевъ. Герцогъ моденскій поспѣшилъ покинуть свои владѣнія; въ то же самое время герцогиня пармская окончательно увидѣла, наконецъ, что дальнѣйшее пребываніе ея въ герцогствѣ становится невозможнымъ. Не надо, впрочемъ, думать, чтобы мысль объ этомъ пришла къ ней безъ всякаго посторонняго вліянія. Австрійцы, покидая Піаченцу, поспѣшили извѣстить ее о тѣхъ опасностяхъ,

которыя могут угрожать ей въ ихъ отсутствіе, и только тогда герцогиня рѣшилась покинуть свои владѣнія, проведши, какъ говорятъ, наканунѣ того весь день въ горькихъ слезахъ. Женскій характеръ впрочемъ высказался не въ одномъ только сожалѣніи о разставаньи со властію; всѣ распоряженія герцогини въ послѣдній день пребыванія ея въ Пармѣ отличались весьма мягкимъ характеромъ; и прокламація, съ которою обратилась она къ своему народу, дышетъ неподдѣльнымъ чувствомъ: «Призываю исторію и всѣхъ васъ, жителей герцогства, говоритъ она, свидѣтелями моего управленія. Стремленія, самыя пылкія, самыя лестныя для Италіянцевъ соединялись при этомъ управленіи съ благоразумно либеральными реформами, къ которымъ были направлены всѣ мои попеченія. Событія послѣдняго времени ставятъ меня между двухъ крайностей: принять участіе въ національной войнѣ или соблюдать договоры, которымъ Піаченца и вообще вся страна были подчинены за долго до принятія мною власти... Я удаляюсь въ страну нейтральную (1), къ любезнымъ дѣтямъ моимъ, за которыхъ объявляю, что считаю права ихъ полными и неприкосновенными, и вѣряю права эти защитѣ великихъ державъ и покровительству Бога. Добрые жители всѣхъ общинъ герцогства, воспоминаніе о васъ будетъ драгоцѣнно моему сердцу вездѣ и всегда.» Утверждаютъ, что въ то же самое время герцогиня Луиза обратилась съ письмомъ къ императору Наполеону, въ которомъ поручила Парму особенному его вниманію, и что посланіе герцогини было очень любезно принято императоромъ. Газета *Times*, посвятившая подробную статью герцогинѣ Луизѣ Пармской, ея характеру и управленію, замѣчаетъ, что между всѣми италіянскими государями, за исключеніемъ, разумѣется, короля сардинскаго, правительница эта одна достойна возбудить къ себѣ сочувствіе. «Герцогиня Луиза, говоритъ *Times*, дѣйствовала хорошо, въ то время какъ всѣ остальные дѣйствовали дурно. Пусть самый опытный и проницательный изъ государственныхъ людей укажетъ на что-либо, что было упущено ею изъ виду для обезпеченія независимости своего государства и его благосостоянія.» Упомянувши въ нѣсколькихъ словахъ о прежней ея жизни, о несчастіяхъ, которыя вытерпѣла она отъ своего супруга, Карла III, умершаго въ 1854 году, англійская газета дѣлаетъ слѣдующій отзывъ объ ея управленіи во время малолѣтства ея дѣтей: «Не легко было ей править, ибо ея собственное достоинство и сознаніе обязанностей своихъ въ отношеніи къ подданнымъ побуждали герцогиню Луизу освободиться отъ унижительной опеки Австрійцевъ, но они хотѣли «опекать» ее насильно. Австрія спокойно и весьма удобно

(1) Въ Швейцарію.

для себя владѣла Пиаченцою, изъ которой только теперь выступили ея войска, не сдѣлавши ни одного выстрѣла. Она могла во всякое время перебросить свои войска черезъ По, изъ обширной Ломбардіи въ маленькую Парму, и наказать правительницу этого герцогства за ея неразуміе. И несмотря на то, герцогиня Луиза дѣлала все, что только могла, и даже болѣе, чѣмъ когда-либо было сдѣлано кѣмъ бы то ни было изъ небольшихъ итальянскихъ правителей. Конечно, она не успѣла освободиться отъ политическаго преобладанія Австріи, но это было столько же невозможно, какъ если бы островъ Уайтъ задумалъ освободиться отъ англійскаго владычества. По крайней мѣрѣ, она умѣла сохранить въ своихъ рукахъ начальство надъ небольшою своею арміею и освободить герцогство въ коммерческомъ отношеніи отъ деспотической системы австрійскаго управленія въ Итали. Нечего удивляться, что она не сдѣлала больше, надо удивляться напротивъ, какъ успѣла она сдѣлать такъ много. По мѣрѣ возможности, правительство ея, съ самаго 1854 года, было правительствомъ итальянскимъ въ настоящемъ значеніи слова.»

Парма и Модена открылись такимъ образомъ дѣйствию союзныхъ войскъ, именно тосканскаго корпуса и того французскаго корпуса, который формировался подъ начальствомъ принца Наполеона. По послѣднимъ извѣстіямъ, корпуса эти дѣйствительно отправились въ походъ и уже явились на самый театръ войны. Въ Тосканѣ давно была пора приступить къ дѣйствіямъ. Послѣ сольферинской битвы принцу Наполеону поручено наблюдать за Мантуей, и это дало главной арміи возможность двинуться къ Веронѣ. Давно уже корреспондентъ газеты *Times* предсказывалъ, что тосканское войско весьма скоро должно придти почти въ совершенное разстройство. Продолжительное бездѣйствіе, въ которомъ находилось оно, тогда какъ оно надѣялось тотчасъ по отъѣздѣ великаго герцога очутиться лицомъ къ лицу съ Австрійцами на поляхъ сраженій, подѣйствовало на него губельнымъ образомъ. Солдаты дезертировали массами; дисциплины не было никакой, ибо для многихъ изъ нихъ свобода представлялась не иначе, какъ правомъ во всемъ поступать по своему усмотрѣнію и не признавать никакихъ властей; генералъ Уллоа, человекъ извѣстный благородствомъ своего характера и отличный воинъ, не обладаетъ повидимому большими административными талантами, столь необходимыми при формированіи арміи. Уже давно ожидали какого-нибудь возстанія въ ея рядахъ, и къ несчастію, ожиданіямъ этимъ суждено было сбыться за нѣсколько времени до наступленія въ походъ. Одинъ отрядъ открыто поднялъ знамя возмущенія и отказался повиноваться начальникамъ. На этотъ разъ возстаніе не имѣло, правда, опасныхъ послѣдствій, виновники были

арестованы и обезоружены, наряженъ быть военный судъ, который произнесъ надъ тремя самыми главными зачинщиками смертный приговоръ.

Безпорядки проистекають, впрочемъ, весьма естественно изъ общаго настроенія умовъ, господствующаго теперь въ Тосканѣ. Надо сказать, что герцогство это находится еще до сихъ въ крайне-затруднительномъ положеніи. Вскорѣ по удаленіи великаго герцога Леопольда, образовались тамъ двѣ многочисленныя партіи, изъ которыхъ одна желаетъ соединенія Тосканы съ Пиемонтомъ и считаетъ возможнымъ будущее величіе Италіи только при условіи уничтоженія всѣхъ территоріальныхъ раздѣленій и образованія одного большаго государства; другая же, напротивъ, не хочетъ, чтобы Тоскана, съ своею великолѣпною Флоренціею, этими Аоніями Италіи, какъ называютъ ее тамошніе жители, лишилась своей самостоятельности. Борьба между этими двумя партіями началась ранѣе, чѣмъ слѣдовало бы, и въ теченіи этой борьбы роль приверженцевъ соединенія не отличалась большою опредѣленностью. Они понимали весьма хорошо, что мало только своего собственнаго желанія присоединиться къ какому либо государству, надо еще, чтобы то государство согласилось на это присоединеніе. Каковы же были на этотъ счетъ намѣренія и образъ мыслей Пиемонта? Готовъ ли былъ онъ назвать своими согражданами Тосканцевъ? Пиемонту трудно было дать на эти вопросы какой-либо опредѣленный отвѣтъ. Не значило ли это, что Пиемонтъ вовсе не желаетъ связывать свои судьбы съ судьбами Тосканы и уже, можетъ-быть, заранѣе, въ тайныхъ переговорахъ съ французскимъ правительствомъ, опредѣлилъ будущую его территорію? Внезапный пріѣздъ принца Наполеона, долговременное пребываніе его во Флоренціи, въ то время какъ настоятельная необходимость призывала его, кажется, на поле битвы, подтверждалъ еще болѣе эти догадки. Приверженцы тосканской автономіи торжествовали: они мечтали уже о сохраненіи стараго порядка вещей, съ перемѣною только одной династіи на другую, съ возведеніемъ французскаго принца вмѣсто австрійскаго эрцгерцога на престолъ. Но чѣмъ болѣе оказывалось вѣроятности съ этой стороны, тѣмъ сильнѣе волновалась партія, желавшая соединенія: ежедневно бомбардировала она графа Кавура телеграммами съ просьбою разрѣшить возникшія сомнѣнія; обладая большинствомъ въ правительствѣ, она старалась расположить общественное мнѣніе въ свою пользу, печатая оффиціальныя статьи, въ которыхъ говорилось о соединеніи съ Пиемонтомъ, какъ о благороднѣйшей цѣли стремленій для всякаго истиннаго патриота. Всѣ распри эти порождали то страшное волненіе въ обществѣ, о которомъ такъ много говорилось во всѣхъ ино-

странныхъ журналахъ и которое начинаетъ затихать по немногу только въ послѣднее время. Справедливость требуетъ сказать, что принцъ Наполеонъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ этого успокоенія умовъ. По словамъ корреспондента газеты *Times*, онъ сдѣлалъ все возможное, дабы убѣдить Тосканцевъ, что ни онъ, ни императоръ Французовъ не одушевлены никакимъ династическимъ честолюбіемъ. «Самъ я, говорилъ онъ, Италіанецъ и по рожденію и по воспитанію, и, какъ италіанскій патриотъ, убѣждаю жителей Тосканы воспользоваться удобнымъ временемъ для сверженія чужеземнаго ига, предоставивъ будущему толку о политическомъ устройствѣ страны. Кто, подобно мнѣ, отдаленъ только однимъ шагомъ отъ французскаго престола, тотъ не станетъ смотрѣть съ жадностью на возможность стать во главѣ меньшаго и, едва ли независимаго, италіанскаго государства.» Никто, конечно, не прозакладываетъ свою голову за искренность принца Наполеона, но, во всякомъ случаѣ, онъ значительно охладилъ восторгъ приверженцевъ тосканской автономіи и отвѣтами своими на докучливыя ихъ представленія напомнилъ извѣстный отвѣтъ Лудовика XII Генуэзцамъ: «*Si vous vous donnez à moi, je vous donne au diable.*» Обѣ партіи успокоились теперь на время отъ своего волненія: приверженцы соединенія нисколько не считаютъ своего дѣла проиграннымъ, и послѣднія событія въ Ломбардіи — предложеніе тамошней короны Виктору Эммануилу и благосклонный отвѣтъ на это короля — стараются истолковать въ свою пользу.

Описанное нами сейчасъ броженіе умовъ, въ одной изъ лучшихъ странъ италіанскаго полуострова, можетъ навести на печальныя мысли, но по крайней мѣрѣ положеніе дѣлъ не представляеть тамъ ничего фальшиваго, неяснаго; партіи дѣйствуютъ открыто при дневномъ свѣтѣ, не думая скрывать ни своихъ плановъ, ни надеждъ. Но можно ли сказать то же самое о Римѣ? Безпрерывно въ столицу католическаго міра приходятъ извѣстія объ успѣхахъ, одержанныхъ союзниками надъ австрійскою арміею. Народъ радуется, но не смѣетъ ничѣмъ обнаружить эту радость; Французы не въ меньшемъ восторгѣ, но находятъ нужнымъ считать себя оскорбленными, лишь только Римляне чѣмъ-нибудь выражаютъ къ нимъ свое сочувствіе. Всякій разъ, какъ толпы народа собираются на площадяхъ или на Корсо, чтобы многочисленнымъ, но безмолвнымъ присутствіемъ своимъ выразить симпатію къ побѣдителямъ, генералъ Гюйонъ или приказываетъ ихъ разсѣять силою, или грозитъ имъ даже полицейскими преслѣдованіями. И все это еще только въ началѣ движенія, которое не касается нисколько Рима! Чего же должно ожидать въ послѣдствіи, когда поднимется вопросъ о необходимыхъ

политическихъ и гражданскихъ преобразованіяхъ въ Папской области? Если отъ столицы государства обратиться къ провинціямъ, то намъ представится еще болѣе сграшная картина: при извѣстїи о побѣдахъ, одержанныхъ союзниками надъ Австрійцами, объ освобожденїи значительной части Ломбардіи, о переворотахъ въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ, римскія провинціи, лежащія по Адриатическому морю, по ту сторону Апеннинъ, поднимаются тѣмъ съ болѣе большимъ одушевленіемъ, что уже нѣтъ среди ихъ Австрійцевъ, которые могли бы подавить возстаніе. Феррара, Болонья, Равенна, Перуджія, Форли, Анкона и многіе другіе города объявляютъ себя открыто на сторонѣ италіянскаго движенія и провозглашаютъ въ стѣнахъ своихъ диктатуру короля Виктора-Эмануила. Подобныя событія произошли въ сѣверной части полуострова и увѣнчались вполнѣ успѣхомъ: хотя король Сардиніи и не принималъ предложенной ему диктатуры, но содѣйствовалъ желаніямъ этихъ странъ, назначалъ туда временныхъ своихъ правителей, посылалъ даже на помощь свое войско. Совѣмъ не то въ Римскихъ областяхъ: король Викторъ-Эмануилъ объявилъ имъ прямо, чтобъ они не разчитывали на его помощь, и отказался отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дѣла. Такимъ образомъ, имъ придется еще разъ испытать на себѣ невыгоды служить непосредственною опорой владычества католицизма. Уже папа отправилъ швейцарскіе полки съ цѣлюю наказать названные нами города за неумѣренное сочувствіе къ дѣлу, во главѣ котораго сталъ наименѣйшій покровитель римскаго престола; извѣстїя о первыхъ подвигахъ этихъ войскъ ужасны, если въ нихъ есть хоть скольконибудь справедливаго. Такъ, напримѣръ, въ Перуджіи жители—по большей части старики и женщины, ибо вся молодежь ушла на войну—рѣшились всѣми силами сопротивляться Швейцарцамъ, обливали ихъ изъ оконъ домовъ кипяткомъ и растопленнымъ масломъ, осыпали раскаленными угольями: остервенившіеся солдаты ворвались тогда въ жилища и стали рѣзать всѣхъ, кто попадался имъ навстрѣчу. Нельзя читать безъ ужаса извѣстїя о неистовствахъ, ознаменовавшихъ эту борьбу, о которой, между прочимъ, святой отецъ счелъ нужнымъ упомянуть съ торжествомъ въ официальной римской газетѣ...

Въ Неаполѣ между тѣмъ уже почувствовалась необходимость перейти къ болѣе мягкому управленію. Молодой король не лишень, повидимому, нѣкоторыхъ благихъ намѣреній; онъ приблизилъ къ себѣ людей либеральнаго образа мыслей,—какъ ни странно звучитъ это слово въ государствѣ покойнаго Фердинанда II; говорятъ, что въ одномъ изъ первыхъ засѣданій государственнаго совѣта онъ воскликнулъ, что «онъ Италіянецъ, а не Австріецъ», желая этимъ показать, что иностранное вліяніе не будетъ при немъ тяготѣть

надъ страну такъ, какъ оно тяготѣло прежде. Но отъ благихъ намѣреній еще далеко до исполненія ихъ. Въ государствахъ, подобныхъ Неаполю, гдѣ злоупотребленія укоренились съ давнихъ поръ, гдѣ власть находится въ рукахъ людей, недостойныхъ пользоваться ею ни по своему характеру, ни по своимъ познаніямъ, королю крайне трудно покинуть прежній, ложный путь: рядомъ съ мѣрою, заслуживающею одобреніе, правительство его издаетъ такую, которая возбуждаетъ всеобщее неудовольствіе; люди талантливые и честные засѣдаютъ въ совѣтахъ его вмѣстѣ съ приверженцами старой гибельной системы; во всемъ чувствуется нерѣшительность, колебаніе, неувѣренность въ своей роли. Общество, съ своей стороны отвѣчаетъ недоувѣрчивостію на усилія правительства: оно не оказываетъ ему надлежащей опоры, ибо не знаетъ до какой степени прочны тѣ благія намѣренія, которыя оно обнаруживаетъ. Генералъ Филанджіери, глава новаго министерства, способствовалъ къ обнаруживанію нѣкоторыхъ полезныхъ и необходимыхъ мѣръ, но эти мѣры оказываются крайне неполными. Для доказательства стоить упомянуть о бѣнародованной недавно *всеобщей* амнистіи: она относится къ тѣмъ только политическимъ преступникамъ, которые находятся теперь въ заключеніи, и въ скоромъ времени должны были бы и безъ того получить свободу. Что же касается до многочисленнаго класса людей, подвергнувшихся въ 1848 и 1849 годахъ изгнанію изъ предѣловъ королевства, то участь ихъ не облегчена ничѣмъ даже и теперь. Гораздо важнѣе амнистія всѣхъ *Attendibili*, то-есть находящихся подъ надзоромъ полиціи; число ихъ достигло въ послѣднее время огромныхъ размѣровъ, и *Times* увѣрять, что къ нему принадлежали всѣ умбющіе читать и писать. *Attendibili*,—лишь только попадали они на страшный полицейскій списокъ,—лишались права заниматься литературою, или исправлять какія-нибудь правительственныя должности; теперь они возвращаются къ общественной дѣятельности.

ПИСЬМО ГИЗО.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано письмо М. П. Погодина къ редактору, которое мы перенечатываемъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Оно разоблачаетъ одну изъ темныхъ интригъ, которыми, къ сожалѣнію, довольно часто морочатъ русскую публику. Рѣчь идетъ о подложномъ письмѣ г. Гизо, написанномъ, какъ разказывалось здѣсь знаменитымъ, писателемъ къ очень высокому лицу въ Россіи, съ цѣлію указать на неизбѣж-

ныя послѣдствія мѣръ, принимаемыхъ по крестьянскому вопросу. Вотъ слова г. Погодина:

«Зимою, въ Петербургѣ и Москвѣ, ходило по рукамъ, подъ именемъ Гизо, письмо объ освобожденіи крестьянъ. Когда я прочелъ это письмо, то увидѣлъ ясно, что оно не можетъ принадлежать знаменитому историку цивилизаціи въ Европѣ и во Франціи. Имѣя честь быть давно ему извѣстнымъ, я отнесся тотчасъ къ нему съ вопросомъ, писалъ ли онъ письмо, и если писалъ, то благоволилъ бы прислать мнѣ копію для сличенія. Вчера я получилъ отвѣтъ отъ г. Гизо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что отнюдь никакого письма въ Россію не писалъ, что освобожденіе крестьянъ онъ считаетъ огромнымъ шагомъ на пути гражданственности и желаетъ ему успѣха отъ всего сердца, но, не зная хорошо обстоятельствъ, не можетъ имѣть собственнаго опредѣленнаго мнѣнія объ образѣ исполненія этой мѣры. Вотъ его собственныя слова: «... je n'ai jamais écrit à..., ni à personne en Russie sur l'émancipation des serfs. Je ne comprends pas qui peut avoir inventé et fait circuler sous mon nom une fausse lettre. Ce ne peut être que dans un mauvais dessein. Je ne connais pas assez bien les faits pour avoir sur le mode d'émancipation des serfs russes une opinion personnelle et précise, mais quant à l'acte même, je l'honore comme un pas immense dans la voie de la civilisation, et j'en souhaite de tout mon coeur le succès. Je vous remercie, Monsieur, de m'avoir fait connaître le mensonge, qu'on s'est permis en Russie sous mon nom, et je vous prie de le démentir par toutes les voies, que vous jugerez convenables.» Что симъ и исполняется къ удовольствію, надѣюсь, всѣхъ почитателей знаменитаго историка, публициста и государственнаго мужа.»

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИГЛАШЕНІЕ

Лейбъ-гвардіи въ Измайловскомъ полку приступлено къ составленію книги: «Быть лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка», въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, за 130 лѣтъ существованія полка.

Канцелярія лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка приглашаетъ всѣ тѣ лица, у которыхъ имѣются какіе-нибудь матеріалы, пригодные для успѣшнѣйшаго составленія книги (какъ то: записки старослужившихъ, письма ихъ къ семействамъ,—и преимущественно во время кампаній,—бумаги, по разнымъ случаямъ имъ отъ полка выданныя, и всякаго рода документы), подѣлиться таковыми съ полкомъ. При чемъ канцелярія ручается за цѣлость и своевременное возвращеніе тѣхъ матеріаловъ, при которыхъ будутъ прилагаемы адреса ихъ владѣльцевъ.

Всякій матеріалъ, хотя бы и самый незначительный, примется съ благодарностію; и имена лицъ, пожелавшихъ доставленіемъ просимыхъ свѣдѣній содѣйствовать зачинаемому труду, будутъ припечатаны въ самомъ сочиненіи.

Матеріалы просятъ адресовать въ С.-Петербургъ на имя штабъ-капитана лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, Михаила Дмитріевича Хмырова, чрезъ канцелярію того же полка.

МЕЙЕРБЕРА

НОВАЯ ОПЕРА

LE PARDON DE PLOERMEL

ПОЛНАЯ ОПЕРА ДЛЯ ФОРТЕПИАНО СЪ ПѢНИЕМЪ

7 Р. 20 К.

Отдѣльные нумера для пѣнія. Фантазіи, переложенія, гаицы и проч. для фортепіано, на мотивы изъ этой оперы, продаются въ музыкальномъ магазинѣ С. Дюфура (Брандусъ), въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ голландской церкви.

Въ непродолжительномъ времени поступитъ тамъ же въ продажу опера *Le Pardon de Ploermel*, арранжированная для одного фортепіано, цѣна 4 руб. сер.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

БОРЬБА ОПОЗИЦИИ СЪ ТОРІЙСКИМЪ МИНИСТЕРСТВОМЪ ВЪ ПАЛАТѢ ОБЩИНЪ.

III.

Засѣданіе 10 іюня.

Спикеръ занялъ свое мѣсто въ 4 часа по полудни. По прине-
сеніи присяги нѣсколькими членами, еще не присягавшими, и
представленіи нѣсколькихъ петицій и биллей, возобновлены были
отсроченныя пренія объ адресѣ.

Г. Мильнеръ Гибсонъ (1). Я было отложилъ намѣреніе про-
ситъ палату о позволеніи сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу
настоящаго предложенія; но намеки, сдѣланные на мой счетъ
нѣкоторыми ораторами во время преній, побуждаютъ меня сказать
слово, тѣмъ болѣе, что я желаю заранѣе объяснить основанія
будущихъ моихъ дѣйствій. Я рѣдко вмѣшивался въ такъ-называ-
емую борьбу партій. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ,
выраженнымъ, если не ошибаюсь, графомъ Дерби, съ мнѣніемъ,
что раздѣленіе на большія политическія партіи нераздѣльно съ
системою свободнаго правленія; я совершенно понимаю, что въ
очень важныхъ случаяхъ, члены, принимающіе живое участіе въ
дѣлахъ политическихъ, не могутъ оставаться нейтральными, но
должны непремѣнно объявить себя въ пользу той или другой
стороны. Сознаюсь, что мнѣ было бы гораздо пріятнѣе обсуждать
какую-нибудь законодательную мѣру, взвѣшивать ея достоинства,
или разсматривать какой-нибудь отдѣльный актъ исполнительной
власти. Но въ настоящее время палата должна постановить рѣ-
шеніе въ дѣлѣ борьбы двухъ великихъ политическихъ партій
нашей страны, оспаривающихъ другъ у друга право на власть,
и я не буду уклоняться отъ подачи своего мнѣнія объ этомъ важ-
номъ вопросѣ. Почтенный и ученый джентльменъ, говорившій
въ концѣ прошлаго засѣданія (г. Уайтсайдъ, генеральный атто-
рней Ирландіи), въ первой половинѣ своей рѣчи укорялъ чле-

(1) Въ новомъ министерствѣ президентъ торговаго бюро.

новъ оппозиціи въ несчастной слабости ихъ къ разногласію и ссорамъ, а во второй половинѣ упрекалъ ихъ за то, что они выказали расположеніе къ большому единодушію. *(Сильхъ.)* Какъ видно, почтенному и ученому джентльмену угодить довольно трудно. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдовало скорѣе поздравить членовъ либеральной партіи съ похвальнымъ намѣреніемъ покончить свои распри, нежели укорять ихъ за это. *(Слушайте, слушайте.)* Поправка въ адресъ была вынуждена у палаты поведеніемъ министерства вслѣдствіе вота о реформъ-биллѣ въ послѣднемъ парламентѣ. Я ничего не зналъ о томъ, что предполагалась поправка въ адресъ, пока не прочелъ въ циркулярѣ, изданномъ и напечатанномъ отъ имени правительства, что поправка неизбежно будетъ предложена при возобновленіи парламентскихъ засѣданій. *(Слушайте, слушайте.)* Не стану обсуждать вопросы, затронутые г. вторымъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ (г. Фитцджеральдомъ), который цитировалъ между прочимъ отрывки изъ одной моей рѣчи въ прежнемъ парламентѣ; но такъ какъ было упомянуто объ иностранной политикѣ благороднаго лорда, члена за Тивертонъ, то я спѣшу заявить, что еще придерживаюсь мнѣній, выраженныхъ мною на счетъ войны съ Китаемъ и билля о политическихъ заговорщикахъ. *(Слушайте.)* О распущеніи парламента канцлеръ казначейства говорилъ такъ: «Правда, что мѣры наши не имѣли успѣха; но это не удивительно, потому что мы не имѣли достаточной поддержки: на нашей сторонѣ была только одна треть парламента. Какъ бы наши мѣры ни были зрѣло обдуманы, какъ бы ни согласовались онѣ съ обстоятельствами, но при такомъ составѣ парламента, я полагаю, что ихъ успѣхъ едва ли былъ возможенъ. Мы видѣли, что предположенія наши не могутъ пройти, и это было достаточною причиною, чтобы посоветовать ся величеству обратиться къ странѣ при подобныхъ обстоятельствахъ.» Однакоже въ прошломъ парламентѣ либеральная партія была гораздо сильнѣе, нежели въ нынѣшнемъ, такъ что при распущеніи парламента имѣлось въ виду усиленіе консервативнаго элемента въ новомъ парламентѣ. Слѣдовательно, распуская парламентъ, правительство имѣло въ виду пустить въ ходъ мѣры не либеральнаго, но напротивъ, болѣе консервативнаго характера. *(Одобреніе.)* Парламентъ былъ распущенъ съ цѣлю по возможности заглушить либеральный элементъ, слѣдовательно возможно ли было бы извинять, еслибы либеральная партія изъявила довѣріе къ партіи, дѣйствовавшей такимъ образомъ? *(Одобреніе.)* Известно, что одинъ или два члена на этой сторонѣ палаты такого мнѣнія, что либеральныя мѣры будутъ имѣть болѣе шансовъ на успѣхъ, если теперешнее правительство останется въ должности. *(Одобреніе)*

св министерской стороны.) Но я не могу понять, какими путем мысленія дошли они до такого заключенія. (*Слушайте, слушайте.*) Говорили, что этого мнѣнія держится между прочимъ почтенный членъ за Сондерландъ (г. Линдсей). (*Слушайте.*) Когда почтенный членъ былъ избранъ въ парламентъ, я былъ однимъ изъ первыхъ, посѣдившихъ поздравить его съ этимъ, ибо думалъ, что, какъ человѣкъ опытный и талантливый, онъ можетъ сдѣлаться весьма полезнымъ членомъ палаты; къ тому же я полагалъ, что онъ искренно желаетъ двигать впередъ дѣло реформы; но каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что мой почтенный другъ готовъ вотировать точно такъ же, какъ вотировалъ бы г. Гудсонъ, съ которымъ онъ боролся на выборахъ! Я далекъ отъ того, чтобъ обвинять которую бы то ни было сторону палаты въ исключительной наклонности къ подкупу, ибо къ несчастію несомнѣнно, что все партіи бывали по временамъ замѣшаны въ неправильныя дѣйствія. Но во время послѣднихъ выборовъ было замѣчено одно обстоятельство, противъ котораго должны возстать все друзья свободы выборовъ, а именно: непосредственное вліяніе исполнительной власти, которая прибѣгала къ приманкамъ и угрозамъ съ цѣлію выбора извѣстныхъ членовъ за извѣстные бурги.

(Здѣсь г. Мильнеръ Гибсонъ коснулся выборовъ въ Бервикъ. Тамошнее народонаселеніе очень жалѣло о томъ, что оттуда были выведены войска, и нѣсколько разъ просило правительство о возобновленіи бараконъ, но постоянно получало отказъ. Незадолго до выборовъ былъ пущенъ мѣстною газетою, очень уважаемою, слухъ, что правительство намѣрено опять сдѣлать Бервикъ мѣстомъ стоянки, слухъ, который оказался послѣ выборовъ ложнымъ, но который во время выборовъ не былъ опровергнутъ правительствомъ. Затѣмъ высокопочтенный членъ за Аштонъ перешелъ къ вопросамъ о реформѣ и о свободѣ вѣроисповѣданій и старался показать, что по обоимъ этимъ вопросамъ нельзя ожидать ничего удовлетворительнаго отъ партіи, представители которой постоянно высказывались противъ реформы и свободы вѣроисповѣданій и конечно никакъ не позволять канцлеру казначейства дѣйствовать въ либеральномъ направленіи. Далѣе ораторъ обратился къ вопросу о внѣшней политикѣ и продолжалъ:)

Что касается до важнаго вопроса о нейтралитетѣ, то я не думаю, чтобы правительство желало оказать открытую поддержку которой-нибудь изъ враждующихъ сторонъ. Но въ то же время держусь мнѣнія, кажется повсемѣстно распространеннаго въ Европѣ, что англійское правительство расположено сочувствовать Австріи. Мнѣ скажутъ, пожалуй, что пассивная симпатія еще ничего не значить; но если сочувствіе это выражается нѣкоторыми прави-

тельственными лицами, во время парламентскихъ преній, то должно родиться убѣжденіе, будто наше отечество симпатизируетъ одной изъ враждующихъ сторонъ въ ущербъ другой. Первый министръ назвалъ жалобы италіянскихъ подданныхъ Австріи *чисто-сеннаментальными*. Лордъ Мальмсбери сказалъ, что вѣнскіе трактаты были подписаны представителями прежнихъ государей Англіи, и потому нынѣшнее правительство обязано сохранять ихъ; вслѣдъ за этою рѣчью была произнесена другая, въ которой лордъ Дерби давалъ чувствовать, что настоящая война предпринята не съ тою цѣлю, чтобъ улучшить положеніе италіянскихъ подданныхъ Австріи, но изъ честолюбиваго разчета. *(Слушайте, слушайте.)* Какое право имѣлъ главный представитель исполнительной власти выражать такія мнѣнія въ парламентъ, если уже положено было держаться строгаго и добросовѣстнаго нейтралитета? Я считаю союзъ съ Франціею, не тотъ офиціальныи союзъ, который заключается на основаніи трактатовъ, а настоящія, дружескія отношенія, основанныя на взаимномъ довѣрїи, необходимѣйшимъ условіемъ для блага и преуспѣянія нашей страны, и вслѣдствіе этого не могу безъ сожалѣнія видѣть опасенія и недовѣрчивость Англіи, тогда какъ Франція еще не подавала къ тому никакого повода. *(Крики о, о! и одобреніе.)* Также глубоко огорчаетъ меня укоренившійся съ нѣкотораго времени обычай придавать неблагоприятное значеніе всякому дѣйствию французскаго правительства, вмѣсто того, чтобы спокойно ждать хода событій, считать, что слово объявляетъ императора Французовъ *(о, о!)*, и пока онъ насъ не обманываетъ, не вдаваться въ отдаленныя предположенія, которыя могутъ весьма затруднить дружескія отношенія къ Франціи. *(Слушайте, слушайте.)* Выражаясь словами, если не ошибаюсь, сэръ-Роберта Пилла, я не имѣю счастья питать романтическаго или безусловнаго довѣрїя къ которой бы то ни было иностранной державѣ, но рѣшительно встаю противъ системы отыскиванія всякаго рода небывалыхъ опасностей и перетолковыванія въ дурную сторону дѣйствій французскаго правительства. *(Слушайте.)* Безъ сомнѣнія, до тѣхъ поръ пока правительство не обнародуетъ всѣхъ документовъ, я не могу произнести рѣшительнаго мнѣнія о томъ, искренно ли оно поддерживаетъ нейтралитетъ *(одобренія съ министерской стороны)*; но опытъ уже научилъ меня, что нельзя дѣлать рѣшительныхъ заключеній единственно на основаніи такихъ документовъ. Не задолго до прошедшихъ выборовъ одному изъ почтенныхъ друзей моихъ предлагали не совсѣмъ чистую сдѣлку въ одномъ изъ избирательныхъ бурговъ. Когда онъ возразилъ: «А если узнаютъ объ этомъ въ публикѣ, что тогда скажутъ?» ему отвѣчали: «я вамъ напишу письмо, которое вы можете всѣмъ показывать». *(Крики:*

«назовите по имени!») Такъ какъ я никого не обвиняю, то не обязанъ открывать имени. (*Слушайте, слушайте!*) Мнѣ кажется, что подобныя вещи очень часто встрѣчаются въ нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными державами, и потому не слишкомъ слѣдуетъ намъ полагаться на дипломатическіе документы, которые министерство считаетъ нужнымъ представлять такому популярному собранію, какова палата общинъ. Не стану теперь странствовать по тѣмъ путямъ, которыми шло правительство во время негоціацій. Сознаюсь, что еще питаю нѣкоторыя маленькія опасенія, на этотъ счетъ, но такъ какъ министерство торжественно увѣрило насъ, что желаетъ сохранить нейтралитетъ, то объ этомъ болѣе говорить нечего. Надѣюсь, что намъ можно будетъ сосредоточить все наше вниманіе на дѣлахъ внутренняго устройства и реформы и такимъ образомъ избѣжать для Англіи худшей изъ бѣдъ — вмѣшательства въ континентальную войну. (*Слушайте, слушайте.*) Теперь предстоитъ разрѣшить вопросъ единственно о томъ, до какой степени распушеніе палатъ способствовало къ привлеченію большинства на сторону лорда Дерби, и до какой степени можетъ онъ управлять кормиломъ государства такъ, чтобы внушить уваженіе къ своему правительству и поддержать величіе и силу Англіи въ глазахъ иностранныхъ державъ? Я не могу повѣрить, чтобы *резолуція* (1), пущенная въ ходъ благороднымъ лордомъ, членомъ за Лондонскій Городъ, повела къ ослабленію правительства и послужила поводомъ къ началу войны, ибо еще задолго до подачи голосовъ по поводу *резолуціи*, всему міру извѣстно было, что министерство далеко не пользовалось въ парламентѣ большинствомъ голосовъ. А между тѣмъ почтенный другъ мой, членъ за Портсмутъ (сэръ Дж. Эльфинстонъ), человекъ высокаго авторитета, говорилъ своимъ избирателямъ, что тѣ, которые вотировали за *резолуцію* лорда Джона Росселя, несутъ отвѣтственность за настоящее положеніе Европы (*смыслъ*); онъ выражалъ увѣренность, что еслибы правительство ея величества выказало въ глазахъ Европы болѣе твердости, то въ настоящее время на Тичино не пылалъ бы факелъ войны. Почтенный джентльменъ вѣроятно былъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о своихъ избирателяхъ, когда думалъ, что они повѣрятъ подобнымъ доводамъ. Я не желаю упрекать правительство въ томъ, что попытки его къ предупрежденію войны остались безуспѣшными. (*Слушайте, слушайте.*) Я думаю, что его старанія должны были остаться тщетными: послѣ всего, что произошло на парижской конференціи по поводу италяйскаго вопроса, послѣ того, что было сказано графомъ Валевскимъ отъ имени Франціи

(1) По вопросу о реформѣ.

и графомъ Кавуромъ отъ имени Сардиніи, — война въ Италіи казалась мнѣ почти неизбежною, потому что я не могъ представить себѣ, чтобъ Австрія могла согласиться на тѣ уступки, которыхъ отъ нея требовали. *(Слушайте, слушайте.)* Вслѣдствіе всего этого я не виню правительства въ безсиліи предупредить войну *(слушайте, слушайте)*, и сожалью, что почтенный членъ за Портсмуть свалилъ всю отвѣтственность за эту войну на вотированіе резолюціи благороднаго лорда, члена за Лондонскій Городъ. *(Слушайте, слушайте.)* Война была необходимымъ слѣдствіемъ положенія дѣлъ. *(Слушайте.)* Несчастное состояніе италіянскихъ подданныхъ Австріи очевидно показывало съ нѣкотораго времени, что австрійская система управленія должна была произвести или войну или революцію. *(Слушайте, слушайте.)* Не буду останавливаться на тонкихъ намекахъ и любопытныхъ воззрѣніяхъ, выраженныхъ въ теченіе нынѣшнихъ преній относительно *недостойныхъ коалицій и примиренныхъ партій.* Я всегда дѣйствовалъ самостоятельно, хотя конечно могъ иногда впадать въ ошибки, и въ настоящемъ случаѣ не руководствуюсь чувствомъ личной непріязни ни къ кому изъ членовъ правительства или вообще партіи, сидящей противъ. Я говорю только то, что обязанъ былъ сказать въ качествѣ защитника реформы. *(Слушайте, слушайте.)* Полагаю, что дѣло реформы можетъ выиграть, если мы скажемъ откровенно, что не имѣемъ довѣрія къ правительству ея величества, и потому съ величайшею готовностію объявляю себя въ пользу поправки благороднаго лорда. *(Одобреніе.)*

Вслѣдъ за г. Мильнеръ-Гибсономъ говорилъ г. Линдсей, членъ либеральной партіи, поддерживавшій министерство. Онъ объявилъ, что не видитъ между членами либеральной партіи достаточнаго согласія по главнымъ политическимъ вопросамъ, а потому не надѣется, чтобъ изъ этой партіи могло образоваться прочное правительство; по мнѣнію г. Линдсея, министерство виговъ не въ состояніи провести билль о реформѣ въ палатѣ лордовъ; напротивъ тори пользуются сочувствіемъ аристократіи, и они признаютъ теперь желанія народа. Почти всѣ великія мѣры были проведены консервативною партіей. Герцогъ Веллингтонъ провелъ мѣру относительно эманципаціи католиковъ; сэръ-Робертъ Пиль — мѣру, отмѣнившую хлѣбные законы; наконецъ Евреевъ допустило въ парламентъ правительство лорда Дерби.

Г. Сидни Гербертъ (1). Боюсь, чтобы члены этой палаты, оскорбившіеся примиреніемъ фракцій, не нашли нѣкотораго утѣшенія въ рѣчи, когорую мы сейчасъ слышали. *(Сильно и слышай-*

(1) Государственный секретарь по военнымъ дѣламъ въ новомъ кабинетѣ, Пилль.

те.) Мы не совсѣмъ единодушны; изъ раздѣленія между либералами этого парламента еще можно извлекать выгоды. (*Слушайте, слушайте.*) Я надѣялся прослушать настоящее преніе и не видѣть себя въ необходимости принять въ немъ участіе. Я не охотникъ до споровъ о достоинствахъ не о мѣрѣ, а людей. Джентльмены, сидящіе противъ, надѣюсь, согласятся, что никогда среди самыхъ жаркихъ преній у меня не вырвалось какое-либо выраженіе, показывающее неуваженіе къ ихъ партіи. (*Слушайте, слушайте.*) Я говорилъ о ихъ великихъ достоинствахъ, я часто признавалъ ихъ, и если могу позволить себѣ жалобу, то именно не на партію, а на ея предводителей. (*Слушайте, слушайте.*) Сэръ, передъ распущеніемъ парламента правительство дѣлало ему вызовъ по вопросу о довѣрїи. (*Одобреніе.*) Передъ распущеніемъ правительство сказало парламенту: «Мы полагаемся на свое достоинство. Мы, меньшинство, стараемся удержать власть, сдѣлавъ какія можемъ уступки либеральному большинству.» Тутъ дѣло шло не о людяхъ, но о мѣрахъ, а для страны вышло наоборотъ, и дѣло пошло не о мѣрахъ, но о людяхъ. Правительство, сдѣлавъ вызовъ, едва ли можетъ теперь жаловаться на насъ за то, что мы поднимаемъ брошенную имъ перчатку. (*Слушайте, слушайте.*) Въ рѣчи королевы естественно долженъ былъ повториться вопросъ, положенный ея величествомъ при распущенїи парламента. Тогда ея величество молила Провидѣніе внушить народу этой страны такіе выборы, которые пособили бы ея величеству управлять дѣлами государства, опираясь на большинство. Подъ большинствомъ, я разумѣю, понималось такое большинство, которое поддерживало бы существующее правительство. Предложеніе рѣшить вопросъ, прїобрѣтено ли подобное большинство, самъ по себѣ не относится къ цѣли пренія. Это зависитъ отъ дѣйствительной численности каждой стороны, а какова эта численность, мнѣ еще не извѣстно. Я не стану слѣдовать примѣру ораторовъ и той и этой стороны палаты, говорившихъ съ несомнѣнною увѣренностію объ успѣхѣ той партіи, къ которой они принадлежатъ. Я чувствую величайшее уваженіе къ джентльсманъ, обыкновенно я технически называемымъ въ обѣихъ сторонахъ «бичами»; но я не имѣю такого запаса увѣренности, какимъ обладаетъ высокопочтенный джентльменъ, членъ за Аштонъ (г. Мильнеръ Гибсонъ). Признаюсь, я выслушиваю обѣ стороны съ тѣмъ же довѣрїемъ, съ какимъ читаю бюллетени генераловъ двухъ противныхъ армій о сраженїи. Покуда самый фактъ не обнаружится при подачѣ голосовъ, я не стану разсуждать о возможномъ результатѣ. Но участвующіе въ настоящемъ пренїи обязаны показать, какими доводами они оправдываютъ предложеніе этого вопроса парламенту. Соглашаюсь съ благороднымъ лордомъ, членомъ за Сѣверный-Ланкаширъ, который

въ ловкой рѣчи, произнесенной при началѣ этого пренія (*слушайте, слушайте*), сказалъ, что ежели результатомъ распущенія парламента окажется большинство на сторонѣ правительства, то ему должны принадлежать всѣ выгоды этого положенія, и страна должна узнать, что правительство опирается на большинство. Правительство нуждается въ силѣ,—прибавимъ ему силы, если оно должно удержаться въ должности. Наша сторона такъ многочисленна, что можетъ удержать правительство отъ ошибочнаго направленія въ политикѣ, еслибъ оно показало наклонность ему слѣдовать. Если же большинство за нами, то мы обязаны показать, какъ мы умѣемъ имъ пользоваться для выгоды страны вообще. (*Одобреніе.*) Распущеніе парламента, какъ кто-то сказалъ, было объявленіемъ войны на смерть противъ либеральной партіи. Правительство тяготилось своимъ положеніемъ въ послѣднемъ парламентѣ, и я нисколько не удивляюсь тому. Оно рѣшилось устроиться иначе и управлять съ большинствомъ своей партіи. Оно имѣло полное право поступать такъ, если надѣялось, что распущеніе доставитъ ему большинство. Если правительство было увѣрено, что мѣры его хороши и не имѣютъ успѣха отъ противодѣйствія крамольной оппозиціи, то совершенно оправдывалось бы воззваніе къ странѣ, которое должно было обнаружить, дѣйствительно ли страна такъ увѣрена въ превосходствѣ ея мѣръ, что рѣшится признать ихъ необходимыми для обезпеченія ихъ успѣха доставить правительству значительное большинство. Не знаю, можно ли теперь защитить распущеніе парламента которымъ-либо изъ этихъ оправданій. Быть-можетъ правительство надѣялось получить значительное большинство, но оно ошиблось въ разчетѣ и приобрѣло въ палатѣ тридцать лишнихъ друзей и девяносто или сто лишнихъ враговъ, въ сравненіи съ послѣднимъ парламентомъ. (*Слушайте, слушайте.*) Что же касается до другаго оправданія, то убѣждены ли они сами въ превосходствѣ своихъ мѣръ? Если же они не имѣли увѣренности ни въ томъ, что получаютъ большинство, ни въ томъ, что ихъ мѣры отличаются высокими качествами (1), то какая могла быть цѣль распущенія парламента? Страна должна была судить только объ именахъ: не было ни прошлыхъ мѣръ, ни обѣщаній относительно мѣръ будущихъ. Здѣсь есть члены очень довѣрчивые, которые полагаютъ, что многое будетъ сдѣлано, и я долженъ сказать, что я не зналъ еще министра, который бы представлялъ палатѣ такое широкое мнѣніе политическихъ взглядовъ, какъ канцлеръ казначейства (г. Дизраэли), обѣщающій теперь все-всѣмъ партіямъ въ этой палатѣ. Прежде насъ

(1) Начиная отсюда, и на слѣдующихъ двухъ страницахъ мы совращаемъ рѣчь г. Герберта.

увѣрили, что великія добродѣтели заключаются въ домѣ, приносящемъ 10 фунтовъ чистаго дохода (1), что невѣжество, мракъ и грубое невѣжество есть нормальное состояніе всѣхъ тѣхъ, кто живетъ въ домѣ, приносящемъ дохода менѣе 10 фунтовъ, и что допустить этихъ людей къ пользованію избирательною льготой значить разрушить конституцію. А теперь говорятъ намъ, что правительство нисколько не предубѣждено противъ подобнаго предложенія. (*Одобреніе.*) Они говорятъ: «мы ничего другаго не хотимъ, какъ только служить публичнымъ потребностямъ;» это значить—потребностямъ правительства, представляющаго собою публику (*смысль*), но они прибавляютъ осторожно: «имѣя въ виду, чтобы мѣры, нами предлагаемыя, пользовались публичнымъ одобреніемъ». (*Слушайте, слушайте.*) Эти слова шире всего того, что было до сихъ поръ сказано намъ какимъ-либо министромъ. Они говорятъ: «Вамъ нужна реформа. Мы предлагали вамъ реформу, сообразно съ нашими началами. Вы не приняли ея. Теперь мы хотимъ предложить вамъ реформу, которая не сообразна съ нашими началами.» (*Одобреніе.*) «Мы торгуемъ всяческимъ товаромъ». (*Смысль.*) «У насъ есть образчики всего, чего хотите». (*Новый смыслъ.*) «Мы почитывали въ политической экономіи, и знаемъ, что гдѣ есть запросъ, тамъ должно быть и предложеніе.» (*Продолжительный смыслъ.*) Признаюсь, что еслибы меня просили оказывать довѣріе правительству, то я не знаю, въ чемъ мнѣ слѣдуетъ довѣрять ему. Высокопочтенный и ученый джентльменъ (г. Уайтсайдъ, генеральный атторней Ирландіи) спрашивалъ, какимъ образомъ буду я въ состояніи служить въ одномъ кабинетѣ съ лордомъ Пальмерстономъ, когда я порицалъ политику его въ Сициліи въ 1848 году. Я крайне обязанъ высокопочтенному и ученому джентльмену за намѣреніе даровать мнѣ мѣсто въ кабинетѣ. Но если онъ спроситъ меня, какимъ образомъ это было бы для меня возможно, я отвѣчаю, что это было уже въ дѣйствительности три года тому назадъ, и я долженъ сказать, что невозможно имѣть товарища болѣе достойнаго, болѣе вѣрнаго и, прибавлю, болѣе пріятнаго, чѣмъ благородный лордъ, членъ за Тивертонъ. Генеральный атторней Ирландіи приходитъ въ ужасъ, если кто-нибудь зайнется о страданіяхъ Италіи. Но былъ у насъ нѣкто г. Уайтсайдъ, написавшій одну книгу объ Италіи (*Смысль.*) Въ согласіи ли высокопочтенный и ученый джентльменъ съ своими товарищами? Нѣтъ. Если онъ не согласенъ съ ними, тогда нѣтъ затрудненій. Но если онъ въ согласіи

(1) Просимъ читателей припомнить то, что сказано нами объ избирательной льготѣ въ примѣчаніи къ стр. 234 *Свер. Лѣт.* предыдущей книги *Русского Вѣстника*.

съ ними, то я желалъ бы знать, что случится, если г. Уайтсайдъ, авторъ книги объ Италіи, встрѣтится съ ирландскимъ генеральнымъ атторнеемъ и попытается служить въ одной администраціи съ нимъ. (*Громкій смѣхъ.*) Почтенный членъ за Горшамъ (г. Фитцжеральдъ) нападалъ на нѣсколькихъ лицъ за то, что они высказали нѣсколько словъ о нѣсколькихъ лицахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. И это было предъявлено, какъ убѣдительный доводъ въ пользу того, что мы должны поддерживать лорда Дерби.

Г. Фитцжеральдъ. Я говорилъ о томъ, что было сказано въ прошломъ году.

Г. Сидни Гербертъ. Очень хорошо, это поближе. Но не былъ ли можетъ-быть самъ лордъ Дерби когда-нибудь юнъ и необузданъ (*смѣхъ*), не показывалъ ли онъ большаго таланта для нападокъ и сарказмовъ? Я слышалъ, какъ лордъ Дерби говаривалъ о благородномъ лордѣ, членѣ за Тивертонъ, вещи гораздо болѣе рѣзкія и ѣдкія, нежели все то, что высокопочтенный и ученый джентльменъ читывалъ когда-нибудь въ моихъ рѣчахъ. Считаешь ли лордъ Дерби невозможнымъ засѣдать когда-нибудь въ одномъ кабинетѣ съ благороднымъ лордомъ? (1) Но все это ниже предмета преній. Намъ предстоитъ рѣшить великій вопросъ, способно ли или не способно правительство руководить теперь публичными дѣлами, и нечего намъ выщипывать клочки изъ *Ганзарда* (2) и показывать, что нѣкто въ нѣкое время оппонировалъ нѣкому государственному человѣку.

Всѣ мы слышали много толковъ о несчастныхъ раздѣленіяхъ на этой сторонѣ парламента; но не легко указать опредѣлительно, эти раздѣленія, и потому я полагаю, что ихъ должно считать счастливыми. (*Слушайте.*) Канцлеръ казначейства, великій адвокатъ правительства партій, выражаетъ желаніе расширить ряды, въ которыхъ дѣлается выборъ людей для публичныхъ должностей, и укоряетъ въ исключительности руководителей партій на этой сторонѣ парламента. Онъ дошелъ до того, что укорялъ благороднаго лорда (лорда Джона Росселя) въ томъ, что онъ членъ той поземельной аристократіи, которой онъ самъ (канцлеръ казначейства) служилъ такимъ великимъ адвокатомъ. Но вспомните, что выборъ людей изъ противной партіи сопряженъ съ большимъ удобствомъ; она, сравнительно съ этою стороною палаты, составлена болѣе цѣльнымъ образомъ изъ одного класса, преимущественно изъ землевладѣльцевъ; въ рядахъ ея есть замѣчательные законовѣды и нѣсколько представителей торговли.

(1) Передъ открытіемъ пятнадцатаго парламента графъ Дерби предлагалъ лорду Пальмерстону вступить въ его кабинетъ и предоставлялъ въ его распоряженіе нѣсколько министерскихъ мѣстъ.

(2) Собраніе парламенскихъ рѣчей.

но едва ли найдутся промышленники. Между ними гораздо больше досужихъ людей, которые могутъ отдать все свое время политическимъ дѣламъ, чѣмъ на этой сторонѣ. Здѣсь много джентльменовъ, управляющихъ огромными заведеніями; они встрѣтятъ смѣхомъ ваше предложеніе промѣнять свои занятія на должность. Съ другой стороны, этотъ самый фактъ не придаетъ ли этой сторонѣ такую независимость въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, которой не можетъ быть въ другой? (*Слушайте, слушайте.*) Въ обѣихъ сторонахъ есть разногласія, но на нашей сторонѣ они имѣютъ болѣе определенную цѣль, и это увеличиваетъ затруднительность комбинаціи. Тѣмъ не менѣе мнѣ прискорбно было бы видѣть, еслибы какое-либо правительство, для снисканія себѣ поддержки, дозволило себѣ нѣчто похожее на нарушеніе принциповъ. Какими бы ни были причины, результатъ подобнаго образа дѣйствій бываетъ таковъ, что противная партія находитъ между своими приверженцами болѣе удобствъ для составленія правительства. Равносильны ли мы по численности, окажется изъ подачи голосовъ, но не думаю, чтобы она доставила намъ то, что называется сильнымъ правительствомъ. Многіе оплакиваютъ такое положеніе дѣлъ; говорятъ, что партіи разстроены, и на это также сѣгуютъ, не разобравъ причинъ. Хотя нѣкоторые политическіе вопросы могутъ соединить вмѣстѣ въ парламентѣ большія массы, но обѣ стороны стремятся къ разрушенію старыхъ линій, раздѣлявшихъ партіи. (*Слушайте, слушайте.*) Въ этомъ смыслѣ у васъ никогда не будетъ сильнаго правительства, и я не думаю, чтобы страна нуждалась, какъ въ прежнія времена, въ сильномъ правительствѣ. Тогда правительство имѣло по необходимости сдерживающій характеръ; теперь же общество господствуетъ надъ правительствомъ, стоящимъ поверхъ его. У насъ правительство можетъ быть слабо или слабо по составу или слабо по недостатку въ поддержкѣ; я не предвижу возможности имѣть такое правительство, которое бы не было слабо по недостатку въ поддержкѣ, но я, кажется, вижу передъ собою путь, на которомъ мы можемъ достигнуть правительства сильнаго по своему составу. Вотъ оправданіе голоса, который я подамъ сегодня ночью. Надѣюсь, что въ моихъ словахъ нѣтъ ничего оскорбительнаго; я питаю большое уваженіе ко многимъ членамъ другой партіи и къ нѣкоторымъ членамъ, засѣдающимъ на скамьѣ казначейства. (*Смѣхъ.*) Смѣяться здѣсь нечему; я надѣюсь, что мы не дожили до тѣхъ временъ, когда нельзя чувствовать горячей дружбы къ политическому прогивнику, если онъ замѣчателенъ по характеру и дарованіямъ. Обращаюсь къ результату этого пренія: если мы будемъ разбиты, я охотно покорюсь рѣшенію; если же, съ другой стороны, правительство останется въ меньшинствѣ, то намъ очень трудно будетъ составить пра-

вительство изъ этой стороны парламента. Наше число невелико. Мы подвергнемся оппозиціи канцлера казначейства, а всѣмъ намъ извѣстно, какъ онъ ведетъ войну. Но я надѣюсь, что въ такомъ случаѣ патриотизмъ и здравый смыслъ страны придутъ къ намъ на помощь. Я надѣюсь, что какой бы партіи ни досталась власть, она сумѣетъ привести къ успѣшному концу тотъ домашній вопросъ, который грозитъ раскрыть старыя общественныя раны, залѣченныя много лѣтъ тому назадъ первымъ биллемъ реформы. Надѣюсь также, что она возстановитъ въ Европѣ миръ, и возстановитъ его, доказавъ, что ни въ какомъ случаѣ мы, свободная Англія, не можемъ забыть народъ, который борется за свою свободу. *(Одобрена.)*

Г. Бентинкъ говорилъ противъ поправки. Онъ указывалъ на совершенное почти равновѣсіе двухъ партій въ палатѣ общинъ и говорилъ, что новое правительство будетъ столько же слабое, какъ и теперешнее. Еще не отвѣчали на вопросъ, какой составъ будетъ этого новаго правительства. Палата должна знать, какія начала будутъ имѣть въ немъ преобладаніе, начала лорда Пальмерстона или начала г. Брайта.

Г. Г. Денби Сеймуръ. Что касается войны, я охотно вѣрю, что нейтралитетъ будетъ соблюденъ. Правительство не можетъ сочувствовать Австріи, хотя со стороны Франціи и Сардиніи войну нельзя оправдывать. Нѣтъ сомнѣнія, что Австрія равно препятствовала прогрессу и въ Германіи, и въ Италіи. Нѣтъ сомнѣнія, что конкордатъ былъ огромнымъ шагомъ назадъ. Австрія такъ привязала себя руками и ногами къ папѣ, что все народное воспитаніе предано въ руки іезуитовъ. Въ австрійской школѣ нельзя читать ни одного классика безъ ихъ предварительнаго позволенія, и на вѣнской сценѣ нельзя играть ни одной пьесы безъ разрѣшенія вѣнскаго архіепископа. Вамъ извѣстно, что Италія была предметомъ длинныхъ и частыхъ жалобъ всѣхъ великихъ европейскихъ державъ, и что Австрія двадцать пять лѣтъ не допускала папу осуществить тѣ реформы, которыя вводятся теперь остриемъ штыка. Но съ другой стороны мы не можемъ также сочувствовать Сардиніи, которая, вмѣсто того чтобы довряться мирному ходу событій, употребила всевозможныя средства, чтобы привлечь на свою сторону могущественнаго союзника. Не прискорбнымъ ли было бы исходомъ войны, еслибы конституція, устраненная на время, была вовсе отмѣнена, и еслибы мѣсто ея заступилъ абсолютизмъ, олигархическій на демократическую власть народа, предоставленную одному лицу, какъ теперь во Франціи? *(Слушайте, слушайте.)* Такъ какъ мы не можемъ сочувствовать ни той, ни другой сторонѣ, то можно надѣяться, что мы сохранимъ нейтралитетъ. Но при настоящемъ критическомъ

положеніи южной Германіи, ежедневно должно опасаться извѣстія о переходѣ арміи черезъ Рейнъ. Извѣстно, что между Россіей и Франціей заключено какое-то соглашеніе. Мы не будемъ сочувствовать Германіи, если Нѣмцы переступятъ черезъ Рейнъ; но если Россія и Франція нападуть на Германію съ фантастическимъ намѣреніемъ раздѣлить германскую территорию, то въ Англіи пробудится сильное расположеніе къ Германіи, какъ къ угнетенной державѣ. Подобный случай однакожь возможенъ, и потому всѣ партіи должны желать сохраненія нашихъ морскихъ и военныхъ силъ въ ихъ неуменьшенномъ составѣ. Представляется еще возможность вторженія въ Англію. Мы всегда встрѣчали во французскомъ императорѣ готовность хранить вѣрность относительно нашей страны, но нѣтъ сомнѣнія, что этотъ монархъ нарушалъ обѣты. *(Слушайте, слушайте.)* Передъ государственнымъ переворотомъ онъ писалъ успокоительныя посланія народному собранію, и не можетъ сѣтовать на то, что это обстоятельство еще не забыто. *(Слушайте, слушайте.)* Наше положеніе будетъ лучше, когда наше населеніе вооружится, нежели когда оно останется въ настоящемъ невооруженномъ состояніи, и потому почтеннымъ членамъ нечего опасаться, что за перемѣною правительства послѣдуетъ невниманіе къ нашимъ оборонительнымъ мѣрамъ.

Г. капитанъ Л. Вернонъ. Я желалъ бы знать, какое значеніе имѣеть для палаты поправка. Это просто устраненіе лорда Дерби отъ власти. *(Одобреніе на оппозиціонной сторонѣ палаты.)* Благодарю за одобреніе и спрашиваю, почему желаютъ добиться этого. Не потому ли, что лордъ Дерби пренебрегъ братьяся за вопросъ о реформѣ такъ, какъ то дѣлала администрація обоихъ благородныхъ лордовъ, сидящихъ противъ (Россея и Пальмерстона), пока казалось имъ пригоднымъ выѣзжать для потѣхи на этомъ политическомъ конькѣ? *(Слушайте.)* Не потому ли, что благородный лордъ, членъ за Лондонскій Городъ, допустилъ задобрить и провести себя въ Вѣнѣ? *(Одобреніе.)* Не потому ли, что лордъ Дерби позволилъ вовлечь себя въ кровавую войну, по примѣру администрацій, къ которымъ принадлежали оба благородные лорда оппозиція? въ войну, опечалившую наши семьи и огласившую воплемъ всю страну, подобно Египту, ибо въ каждомъ домѣ лежалъ покойникъ? *(Слушайте, слушайте.)* Не потому ли, что онъ погрузилъ насъ въ раздоръ съ Китаемъ, какъ благородный членъ за Тивертонъ? Этотъ раздоръ мнѣ по крайней мѣрѣ очень памятенъ, онъ стоилъ странѣ много денегъ и лишилъ меня мѣста въ парламентѣ. *(Смѣхъ.)* Не потому ли, что лордъ Дерби подался на національное униженіе, какъ то случилось съ благороднымъ виконтомъ (лордомъ Пальмерстономъ), и за что онъ поплатился своимъ мѣстомъ въ правительствѣ? *(Одобреніе и смѣхъ.)* Мнѣ кажется, что ни въ одномъ изъ подобныхъ преступленій нельзя

обвинить лорда Дербн. Въ чемъ же обвиняютъ его? Лишь въ томъ, что онъ удерживаетъ за собою должность, которой домогается благородный виконтъ. (*Одобрение.*) Коротко сказать, лозунгомъ благороднаго виконта и его партіи сдѣлались слова: «должность, во что бы то ни стало». (*Слушайте.*) Теперь позвольте мнѣ предложить почтеннымъ джентльменамъ, сидящимъ противъ, вопросъ, уже сдѣланный имъ прежде, но оставленный безъ отвѣта. «Кто въ будущемъ сдѣлается ихъ вождемъ? Какому царю повикуешься, несчастный? Отъчай, или улыри.» (1) (*Смѣхъ.*) Тивертонъ ли долженъ ухаживать за Лондономъ и служить ему, или же Лондонъ долженъ быть прикованъ къ колесницѣ и влечимъ по грязи Тивертонна? (*Одобрение и смѣхъ.*) Кому быть *ego* и кому *rex meus*? (*Новый смѣхъ.*) Не изобразить ли заблаговременно *Пончу* нашихъ премьеровъ въ видѣ двухъ брэндфортскихъ королей, нюхающихъ одинъ букетъ? или суждено имъ соединеніе съ почтеннымъ членомъ за Бермингамъ (г. Брайтонъ), такъ что благородный виконтъ будетъ то, что министръ Малапропъ называетъ: «три джентльмена заразъ». (*Большой смѣхъ.*) Политика, подобно нищету, сводитъ насъ иногда къ одной кровати съ диковинными товарищами, но я не могу себя представить благороднаго виконта въ комфортабельномъ положеніи подъ однимъ одѣяломъ съ почтеннымъ членомъ за Бермингамъ и съ благороднымъ лордомъ, членомъ за Лондонъ, который будетъ вѣсто шпала между ними. (*Новый смѣхъ.*) «Могутъ ли сбываться такіа вещи и накрывать насъ подобно лѣтнему облаку, не возбуждая въ насъ удивленія?» Что за связь между указанными мною лицами драгоцѣннаго триумвирата? Не миръ ли? Но къ миру не ощущаетъ особаго призванія благородный виконтъ, членъ за Тивертонъ. (*Слушайте, слушайте.*) Не война ли? Но война противорѣчитъ всѣмъ чувствамъ почтеннаго члена за Бермингамъ. (*Слушайте, слушайте.*) Не нарушая уваженія къ этимъ вопросамъ, я не могу однако отказать въ справедливости благородному лорду, члену за Лондонскій Городъ, и долженъ сказать, что онъ гнется на обѣ стороны (*одобрение и смѣхъ*); ибо когда онъ принадлежалъ къ администраціи, втянувшей насъ въ одну изъ самыхъ кровавыхъ войнъ, которыхъ свѣтъ былъ свидѣтелемъ, онъ вдругъ покинулъ свой постъ въ этой администраціи по поводу предложенія почтеннаго и ученаго члена за Шеффилдъ (г. Робакъ), котораго, за противоположныя съ его почтеннымъ сочленомъ качества, приличнѣе было бы назвать почтеннымъ и доблестнымъ членомъ за этотъ бургъ (2). (*Смѣхъ.*) Что же

(1) Изъ Шекспира.

(2) Титулъ почтенный и ученый принадлежитъ въ палатѣ общинъ членамъ судебнаго званія; титулъ почтенный и доблестный—членамъ военнаго званія. Другой членъ за Шеффилдъ—г. Гедонльдъ.

общаго, повторяю, между обоими благородными лордами и почтеннымъ членомъ за Бермингамъ? Не тайная ли подача голосовъ? Но это вопросъ смердащій для носа благороднаго лорда, члена за Тивертонъ, и благоуханный для почтеннаго члена за Бермингамъ. (*Одобрение и смѣхъ.*) При всемъ уваженіи къ предмету преній, я опять долженъ отдать справедливость благородному лорду, члену за Лондонскій Городъ, что онъ гнется на обѣ стороны (*слушайте, слушайте*): прежде онъ сильно сопротивлялся тайной подачѣ голосовъ, но съ недавняго времени онъ значительно измѣнилъ свой взглядъ на этотъ тяжелѣсный вопросъ. (*Слушайте, слушайте.*) Чтѣ же наконецъ общаго между ними? Не реформа ли? Но касательно этого предмета никакая земная сила, я полагаю, не заставитъ благороднаго лорда, члена за Тивертонъ, зайти въ ту даль, къ которой стремится почтенный членъ за Бермингамъ. Благородному лорду, члену за Лондонъ, и тутъ не могу я отказать въ той справедливости, что онъ гнется на обѣ стороны. (*Смѣхъ.*) Онъ готовъ теперь разыгрывать свои ноты на скрипкѣ почтеннаго члена за Бермингамъ. (*Смѣхъ.*) Я убѣжденъ, что тѣ изъ сидящихъ напротивъ, кто либералъ въ сердцѣ, не скоро рѣшатся возстановить власть тѣхъ государственныхъ людей, которымъ они сами научились не вѣрить. (1)

Г. Литамъ, какъ новый членъ, чувствуетъ великую отвѣтственность предстоящаго шага и подаетъ голосъ съ большою неохотой, но считаетъ своимъ долгомъ подать его противъ правительства, въ особенности вслѣдствіе ошибокъ его по вопросу о реформѣ: сорокашillingовые *фригольдеры* (2) никогда не забудутъ оскорбленія, нанесеннаго имъ со стороны правительства.

Сэръ-Джорджъ Корнваль Льюизъ (3). Надѣюсь выразить чувства обѣихъ сторонъ палаты, сказавъ, что почтенный джентльменъ (капитанъ Вернонъ) заслуживаетъ большой благодарности за доставленное намъ развлеченіе въ скучное время, которое обыкновенно проходитъ отъ 7 до 9 часовъ. (*Слушайте и смѣхъ.*) Не считаю своею обязанностию ни слѣдить за нимъ во всѣхъ сообщенныхъ имъ подробностяхъ о куардскомъ контрактѣ, ни распространяться о затрудненіяхъ пароваго мореплаванія. Я также не увлекаюсь соревнованіемъ по части экскурцій въ области чан-

(1) Рѣчи гг. Сеймура и Вернона сообщены нами въ сокращеніи. Г. Вернонъ говорилъ между прочимъ и о контрактахъ съ пароходными компаніями, на что намекаетъ сэръ-Джорджъ Корнваль, какъ читатели сѣнчасъ увидятъ.

(2) О нихъ см. въ предыдущей книгѣ стр. 284 *Совр. Лит.*

(3) Бывшій канцлеръ казначейства въ прежнемъ кабинетѣ лорда Пальмерстона. Теперь онъ не вступилъ въ кабинетъ, будучи принужденъ уступить свое мѣсто г. Гладстону, пилиту, вслѣдствіе сдѣлки между вигами и пилитами.

тази, не стану подражать сдѣланнымъ имъ драматическимъ аллюзіямъ и соперничать съ нимъ въ выходкахъ, напоминающихъ собою болѣе удачныя попытки на другой сценѣ передъ людьми, о которыхъ было сказано *plausi sui gaudere theatri* (1). Предметъ мой болѣе скромный. Я хочу изложить причины, побуждающія меня подать голосъ въ пользу поправки. Вполнѣ соглашаюсь, что поправка такого рода, содержащая въ себѣ выраженіе недовѣрія къ исполнительному правительству, есть дѣло необычное и чрезвычайное, и что лица, обыкновенно состоявшія въ оппозиціи правительству, съ того времени какъ оно составилось, могутъ въ обыкновенныхъ случаяхъ усомниться поддержать своимъ голосомъ такое предложеніе. Но теперь, кажется мнѣ, ни одинъ членъ оппозиціи противъ существующаго правительства не долженъ колебаться подать свой голосъ въ пользу поправки. Эта поправка не предложена произвольно; она вынуждена у оппозиціи дѣйствіями правительства. Когда мой благородный другъ (лордъ Джонъ Россель) представилъ въ послѣднемъ парламентѣ свою *резолюцію* о биллѣ реформы, тогда его *резолюція*, въ моихъ понятіяхъ, не заключала въ себѣ осужденія министерства. Она устанавливала нѣкоторыя основанія билля реформы, единодушно принятыя этою стороною парламента, и пользовавшіяся расположеніемъ многихъ джентльменовъ министерской стороны. (*Слушайте, слушайте.*) Ничто не мѣшало тогда правительству, еслибъ оно считало то удобнымъ, принять эти основанія и примѣнить къ нимъ свою мѣру; но оно не послѣдовало этому пути. Оно смотрѣло безо всякой нужды на *резолюцію*, какъ на вотъ неодобренія; оно обратилось къ собранію голосовъ, предполагая, что каждый, ставшій на сторонѣ *резолюціи*, тѣмъ самымъ осуждаетъ вообще поведеніе совѣтниковъ ея величества. Предложеніе, какъ намъ извѣстно, было поддержано значительнымъ большинствомъ послѣдняго парламента. Правительство не покорилось этому рѣшенію. Оно обратилось къ странѣ, но не по вопросу о достоинствѣ предложенной имъ мѣры. Оно обратилось къ странѣ за вотомъ довѣрія къ его администраціи, и при выборахъ, слѣдовавшихъ за распущеніемъ парламента, дѣло шло не о вопросѣ, будетъ ли возобновленъ билль реформы, но о томъ, имѣетъ ли страна довѣріе къ настоящимъ совѣтникамъ ея величества. (*Слушайте, слушайте.*) Я совершенно согласенъ съ замѣчаніями почтеннаго члена за Бермингамъ, которыя палата выслушала вчера съ такимъ вниманіемъ, и въ которыхъ онъ вѣрно и справедливо сказалъ, что выборами рѣшенъ очень важный вопросъ. Намъ извѣстно, къ какимъ прибѣгали усиліямъ и какія обвиненія были высказаны касательно подписокъ, которыя собирали для со-

(1) - Радоваться рукоплесканіямъ крѣпостнаго театра.

стызанія на выборахъ. Я не стану повторять этихъ укоровъ (*слушайте*), потому что не было наряжено комитетовъ для повѣрки выборовъ, и я не имѣю доказательствъ, на которыхъ могъ бы основать подобное обвиненіе. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ только какъ объ общей молвѣ, но оно доказываетъ, что дѣлались большія усилія, и что очень беспокоились о томъ, окажутся ли выборы въ пользу консервативнаго или либеральнаго кабинета. Нечего было беспокоиться, если не ожидали чего-либо отъ новаго парламента, когда онъ соберется. (*Слушайте.*) Обращаюсь къ общему сознанию страны и къ тому, что извѣстно каждому члену этой палаты; ужели правительство не полагало, что судьба администраціи зависить отъ результата выборовъ, и не такой ли смыслъ имѣла декларация въ рѣчи ся величества? Лордъ Дерби сказалъ въ Манчестерѣ, что онъ чувствуетъ себя въ положеніи офицера передъ военнымъ судомъ; шпага его лежитъ на столѣ, и выборы должны рѣшить—слѣдуетъ ли получить ему шпагу съ честію, или нѣтъ. Теперь я скажу, что военный судъ—мы, и намъ предстоитъ рѣшить, можно ли возвратить шпагу первому министру этой страны; и скажу, что еслибы джентльмены, сидящіе на этой сторонѣ палаты, не приняли сдѣланнаго имъ вызова, то они были бы виновны въ политической трусости, и можно было бы съ полною справедливостію заключить, что они, понимая положеніе, въ которое поставлены, уклонились принять этотъ вызовъ. Канцлеръ казначейства объявилъ намъ, что въ Европѣ война; что страна въ критическомъ положеніи, что финансы нуждаются въ исправленіи, что смѣты требуютъ разсмотрѣнія, и что, по всѣмъ этимъ причинамъ, мы должны одобрить адресъ въ его первоначальномъ видѣ и отвергнуть поправку. Утверждаю съ полною увѣренностію, что еслибы въ первую ночь засѣданій джентльмены этой стороны поднялись съ такими доводами на языкъ, и еслибы они не сдѣлали предложенія подобнаго тому, которое разсматривается теперь палатою, то имъ сказали бы, что они только ищутъ предлога скрыть свое настоящее побужденіе, свое опасеніе ясно покончить счеты съ вопросомъ, предложеннымъ странѣ, и что ихъ нежеланіе принять вызовъ министровъ имѣетъ причиною убѣжденіе въ томъ, что страна рѣшила дѣло противъ нихъ. (*Слушайте, слушайте.*) При такихъ обстоятельствахъ я невольно останавливаюсь на мысли, что избранный въ настоящемъ случаѣ путь не только правильный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и единственный путь, предоставленный джентльменамъ этой стороны палаты поведеніемъ правительства; и я не могу вѣрить, чтобы кто-либо, даже взирая на вопросъ глазами партіи, разсудилъ, что благородно сдѣланный вызовъ не былъ благородно принятъ, и что развязка его передъ палатою не только вполне оправдывается, но необходимо должна была быть предложена

парламенту. Въ такомъ случаѣ, можетъ-быть скажутъ нѣкоторые, политическая партія не обязана руководиться поведеніемъ своихъ противниковъ: если и былъ сдѣланъ вызовъ, то его предложили только съ цѣлью подловить насъ на его принятіе, и для насъ не обязательна развязка, потребованная министрами. Я вполне согласенъ, что еслибы мы были въ этомъ дѣлѣ свободными дѣятелями, и оказалось бы полезнымъ отказаться отъ испрашиваемого такимъ образомъ недовѣрія, то, пользуясь нашимъ произволомъ, было бы возможно сдѣлать это; но когда даже общій говоръ органовъ мнѣнія джентльменовъ, сидящихъ противъ, приписываетъ выборамъ, какъ результатъ ихъ, большинство въ пользу либеральной партіи, тогда въ сущности намъ не оставалось свободнаго выбора, и избранный нынѣ путь былъ указанъ нравственною необходимостію. Говорили, что хотя вызовъ и сдѣланъ министрами, тѣмъ не менѣе эти дѣйствія со стороны оппозиціи не что иное какъ происки партіи, и слѣдовательно предосудительны. Я вполне согласенъ, что настоящее предложеніе есть дѣло партіи (*слушайте, слушайте*); и если какой-нибудь джентльменъ, особенно между новыми членами, находитъ, что можно извлечь какую-нибудь выгоду изъ согласія въ томъ, что это дѣло партіи, то я допускаю это безъ малѣйшаго ограниченія. (*Слушайте, слушайте*.) Но позвольте мнѣ замѣтить, что всѣ важныя вопросы въ палатѣ были рѣшаемы предложеніями, дѣлавшимися въ интересъ партій. (*Слушайте, слушайте*.) Парламентарная система можетъ держаться только комбинированнымъ дѣйствіемъ партій. (*Слушайте, слушайте*.) Партія есть собраніе лицъ, соединившихся вмѣстѣ для какой-либо общественной цѣли. Покуда цѣль, возбуждающая ихъ къ дѣятельности, есть публичная, а не частная, и не цѣль какого-нибудь кружка, партіи не только имѣютъ право, но обязаны избирать тотъ путь, которому мы теперь слѣдуемъ. Взглянувъ на предшествовавшія времена, мы увидимъ, что всѣ великіе вопросы, билль реформы 1832 года, эманципація католиковъ и отмѣна хлѣбныхъ законовъ, всѣ эти важныя перемѣны, улучшившія нашъ общественный бытъ, приобрѣтены усиліями партій, и всѣ ожидаемыя улучшенія нашего настоящаго положенія, сообразно конституціи палаты общины, должны истекать изъ того же источника. (*Слушайте, слушайте*.) Быть-можетъ, стараясь разяснить, до какой степени поведеніе настоящаго правительства оправдываетъ мѣру, къ которой я и другіе готовы приступить, намъ скажутъ, что консервативная партія не придерживается своихъ прежнихъ мнѣній, что она избрала новое политическое направленіе, и что по тому самому причины, побуждавшія прежде либеральную оппозицію къ мѣрамъ для устраненія правительства отъ управленія общественными дѣлами, теперь должны служить поводомъ къ удержанію его на его

постъ. Но допускаетъ ли исторія существующей администраціи такой взглядъ на вещи? Правда, настоящее правительство, по метафорѣ моего благороднаго друга, члена за Тивертонъ, приняло администрацію съ обязательствами своихъ предшественниковъ. Такое предпріятіе было совершенно новое въ управленіи общественными дѣлами этой страны. Доселѣ признавали за систему, чтобъ оппозиція, вступивъ въ управленіе, продолжала дѣйствовать по тѣмъ же началамъ, которыми она руководилась до пріобрѣтенія власти; но настоящіе совѣтники ея величества поступили иначе. Вступивъ въ должность, они признали необходимымъ въ двухъ важныхъ мѣрахъ, въ биллѣ объ Индіи и о реформѣ, осѣдлатъ себя обязательствами своихъ предшественниковъ. Что касается индійскаго билля, то до послѣдняго дня, предшествовавшаго ихъ вступленію во власть, они сопротивлялись мѣрамъ, предложеннымъ ихъ предшественниками, и противъ нихъ подали голосовъ въ большемъ числѣ. Вступивъ въ должность, они совершенно отказались отъ мнѣній, которыя они составили себѣ и выражали по поводу этого билля, и ввели мѣру основанную на началѣ, предварительно ими осужденномъ, а именно на передачѣ власти остъ-индской компаніи коронѣ. Но билль ихъ былъ безразсуденъ и по мысли, и по исполненію; онъ едва пережилъ день, въ который его предложили, и скоро былъ оставленъ своими авторами. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство очень характеристическое, ибо показываетъ, съ какою готовностію они отказались отъ своихъ собственныхъ началъ и приняли начала своихъ противниковъ. (*Слушайте, слушайте.*) То же случилось и съ вопросомъ о реформѣ. Сопротивлявшись систематически, съ той самой поры какъ они составляютъ партію, всякой реформѣ въ парламентѣ, они тѣмъ не менѣе приняли обязательства своихъ предшественниковъ предложить билль о реформѣ, и въ предыдущей сессіи имѣли передъ собою ихъ мѣру. Въ послѣдній вторникъ (7-го іюня) канцлеръ казначейства провозгласилъ, что не можетъ согласиться на то, чтобы какой-либо партіи была предоставлена монополія какого-либо вопроса, и сказалъ, что либеральная партія не должна домогаться исключительнаго права предлагать мѣры, касающіяся реформы. Я совершенно согласенъ съ доктриною высокопочтеннаго джентльмена, что въ этой палатѣ нѣтъ партіи, которая имѣла бы право домогаться такой исключительной привилегіи; но я настаиваю на томъ, что партія, постоянно защищавшая начала реформы, легче другихъ партій можетъ предложить мѣры, касающіяся этого предмета, и способнѣе превозмочь практическія затрудненія, необходимо возникающія при рѣшеніи столь важнаго вопроса. Высокопочтенный джентльменъ сказалъ намъ, что въ прежнія времена гер-

погъ Ричмондскій и мистеръ Питтъ, оба, если я уразумѣлъ его, члены торійской партіи, предложили мѣры, касающіяся реформы; но позвольте мнѣ напомнить ему, что тогдашній герцогъ Ричмондскій былъ не только вигъ, но, по очень извѣстному выраженію, былъ «вигъ и нѣчто болѣе», и что когда Питтъ впервые предложилъ билль по поводу реформы, онъ равно принадлежалъ къ той же партіи. *(Слушайте, слушайте.)* Я утверждаю, что партія, съ самаго начала связавшая себя съ вопросомъ о реформѣ, и по своему предводителю, и по своимъ сторонникамъ, болѣе другихъ партій способна предложить и провести въ парламентѣ успѣшную мѣру этого рода. *(Слушайте, слышайте.)* Но говорить, что хотя джентльмены, сидящіе противъ, со времени своего вступленія въ должность измѣнили свои прежнія мнѣнія и такую переменною мнѣніемъ лишились довѣрія палаты, тѣмъ не менѣе ихъ мѣры сопровождалась практическимъ успѣхомъ, и по этой причинѣ они имѣютъ право на довѣріе страны. Да гдѣ же вопросы, на которые правительство можетъ сослаться передъ парламентомъ на основаніи пракческаго успѣха? Можетъ ли оно сослаться въ этомъ отношеніи на внѣшнюю политику, или на реформу, или на какой-нибудь изъ разнообразныхъ биллей, внесенныхъ въ эту палату? Даже по болѣе ограниченному финансовому вопросу ожиданія высокопочтеннаго джентльмена канцлера казначейства не оправдались на дѣлѣ. Высокопочтенный джентльменъ ожидалъ напимѣръ получить отъ собранія съ банкирскихъ чекъ доходъ въ 300.000 фунтовъ, а въ дѣйствительности получено только 200.000. Дѣйствительность опровергла его также относительно прибавочнаго налога на спиртъ въ Ирландіи. Я могъ бы прослѣдить этотъ предметъ въ большей подробности, еслибы это было необходимо, но я просто прибавлю, что по этимъ и другимъ причинамъ я подамъ, не колеблясь, мой голосъ въ пользу поправки. *(Слушайте, слушайте.)*

Сэръ - Джонъ Пакингтонъ (1). Я почитаю себя въ правѣ замѣтить, что когда вы намѣрены выразить недовѣріе къ министерству, когда вы намѣрены вотировать порицаніе противъ правительства, то конечно, по здравому смыслу и чувству справедливости, вы должны принять въ соображеніе образъ дѣйствій его въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ защита страны. *(Слушайте, слушайте.)* Чувство долга вынуждаетъ меня обратиться къ этому предмету, и надѣюсь, никто не обвинитъ меня въ тщеславіи

(1) Первый лордъ адмиралтейства (морской министр) въ кабинетѣ графа Дерби. Мы пропускаемъ начала его рѣчи, въ которомъ онъ говоритъ объ обвиненіяхъ, высказанныхъ противъ министерства по его внутренней политикѣ.

и высокопоставленъ, потому только, что я собираюсь говорить о предметѣ, въ которомъ самъ принималъ дѣятельное участіе. Хотя защита страны состояла подѣ моимъ непосредственнымъ управленіемъ, но устройство ея принадлежитъ искуснымъ специальнымъ людямъ, которые были мои помощниками, и въ особенности моему почтенному другу (г. Кори), секретарю адмиралтейства (*слушайте*). Какимъ образомъ благородный виконтъ, нападая на наше правительство, съ цѣлю выставить заслуги своего собственнаго, вабылъ упомянуть о томъ состояніи, въ которомъ послѣднее министерство оставило флотъ? (*Одобреніе.*) Нисколько не думая возобновлять споръ о дѣйствіяхъ моихъ предшественниковъ, я желаю только, въ оправданіе моихъ товарищей и въ свое собственное, поставить на видъ неоспоримый фактъ, что какова бы ни была причина, и нѣтъ сомнѣнія, что различныя причины содѣйствовали такому результату, а во время вступленія въ должность министерства лорда Дерби, дѣйствительная сила королевскаго флота доведена была до такой степени, на какой онъ никогда не стоялъ и, надѣюсь на милосердіе Божіе, никогда не будетъ стоять и въ послѣдствіи. (*Одобреніе.*) Я уже прежде имѣлъ случай объяснить, что у насъ было тогда 25 линейныхъ кораблей; я разумѣю, конечно, винтовыхъ кораблей. Еще три изготовлялись и снабжались машинами, что въ итогѣ составляетъ 28. Не такова должна быть сила британскаго флота (*слушайте*); и съ самаго вступленія нашего въ должность, мы непрерывно употребляли всѣ усилія наши для увеличенія его. Не за то ли вы хотите лишить насъ довѣрія? (*Одобреніе.*) Не за то ли вы осуждаете насъ? (*Продолжительное одобреніе.*) Какова теперь сила нашего флота? У насъ по прежнему три линейные корабля, снабжающіеся машинами. Сверхъ того у насъ 37 винтовыхъ линейныхъ кораблей. (*Одобреніе.*) Такимъ образомъ мы имѣемъ теперь 40 кораблей вмѣсто 28, какъ было за 15 мѣсяцевъ до этого. Три мѣсяца тому назадъ я предлагалъ парламенту уполномочить меня на пополненіе существовавшихъ у насъ недостатковъ, и палата общинъ отвѣчала самымъ либеральнымъ образомъ на мое предложеніе, такъ что при концѣ настоящаго финансоваго года, мы будемъ имѣть 50 линейныхъ кораблей на готовѣ. (*Громкое одобреніе.*) Три мѣсяца тому назадъ, я объяснилъ, что мы спустимъ на воду 15 кораблей, со включеніемъ тѣхъ, въ которыхъ измѣнена конструкція. Съ тѣхъ поръ мы прибавили еще два, такъ что мы спустимъ 17 кораблей, дополняющихъ общее число 50, или удваивающихъ число кораблей, найденныхъ нами при вступленіи нашемъ въ должность не болѣе 15-ти мѣсяцевъ тому назадъ. (*Одобреніе.*) Спрашиваю еще разъ, если по этой причинѣ насъ должна подвергнуть порицанію торжествующая партія этой

палаты (*ol ol и одобрение*), неужели вы думаете, что страна примет или оправдает подобное рѣшеніе? (*Одобрение.*) Но позвольте мнѣ обратиться къ другой сторонѣ этого предмета. Если когда-нибудь какое-нибудь правительство шло навстрѣчу нападеніямъ на себя, такъ это должно сказать о настоящемъ. (*Слушайте.*) Въ этомъ отношеніи, мы приняли на себя такую великую отвѣтственность, какой не принимало ни одно министерство, когда-либо державшее бразды правленія въ этой странѣ. Вскорѣ послѣ распушенія парламента (*одобрение со стороны оппозиціи*), конечно я понимаю, что значить это одобрение, и нисколько не смущаюсь имъ (*одобрение съ министерской стороны и неодобрение оппозиціи*), вскорѣ послѣ распушенія парламента, по несчастію вспыхнула война, для предотвращенія которой мы употребляли всевозможныя усилія, и до послѣдней минуты надѣялись, что усилія наши увѣнчаются желаннымъ успѣхомъ: правительство ея величества должно было озаботиться защитой страны, и мы приняли самыя чрезвычайныя мѣры. Почтенный членъ за Бермингамъ сообщилъ прошедшею ночью союзникамъ своимъ на скамьяхъ оппозиціи, что политика либеральныхъ кабинетовъ «была слаба и коварна», но я скажу, что политика настоящаго правительства свободна отъ подобнаго обвиненія, по крайней мѣрѣ относительно пункта, о которомъ идетъ рѣчь. (*Одобрение.*) Правительство, на свою собственную отвѣтственность, приняло три самыя важныя мѣры. Мы посовѣтовали коронѣ дать повелѣніе о прибавкѣ къ нашимъ морскимъ силамъ до 10 тысячъ людей, 2000 морскихъ солдатъ и 8000 матросовъ. Мы раздавали преміи матросамъ (*одобрение*); и мы прибавили не менѣе 1300 корабельныхъ плотниковъ къ числу рабочихъ на нашихъ верфяхъ. Меня спрашивалъ прошедшею ночью почтенный и доблестный адмиралъ, сидящій на противоположныхъ скамьяхъ, достаточно ли на нашихъ верфяхъ корабельныхъ плотниковъ, для производства работъ. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ, долгомъ считаю уведомить его, что мы увеличили на нашихъ верфяхъ число корабельныхъ плотниковъ на столько, чтобы можно было употреблять труды ихъ съ пользою и экономіею. Я думаю, палата согласится, что дѣйствуютакимъ образомъ, мы приняли на себя самую необычайную отвѣтственность. Кромѣ присовокупленія 10 тысячъ человекъ къ нашимъ морскимъ силамъ, и 1300 корабельныхъ плотниковъ къ числу рабочихъ на нашихъ верфяхъ, мы стали раздавать преміи, чего конечно не сдѣлало ни одно правительство прежде, въ такое время, когда не было войны, и я скажу откровенно, что никогда еще не раздавались такія высокія преміи. (*Смѣхъ со стороны оппозиціи.*) Хорошо, я готовъ защищать каждую изъ этихъ мѣръ. Я утверждаю, что наша политика не слабая и не ковар-

ная; она или хорошая, или дурная. (*Смѣхъ.*) Я утверждаю, что эта политика ведетъ къ слѣдующему заключенію: или мы дѣйствовали благоразумно и предусмотрительно, соображаясь съ истинными выгодами страны, или мы необдуманно употребляли во зло нашу власть и растратили общественныя суммы такъ непростительно и безразсудно, что и примѣра найти невозможно. Если справедливо послѣднее, то мы навлекли на себя порицаніе и осужденіе палаты (*одобреніе*); если справедливо первое, то мы заслужили одобреніе и благодарность страны. (*Громкое одобреніе.*) Сомнѣній тутъ быть не можетъ, и оттого я спрашиваю, подвергнемся ли мы осужденію или заслуживаемъ національную признательность. (*Одобреніе.*) Средняго пути не можетъ быть при такой необыкновенной политикѣ. Стоимъ ли мы порицанія, стоимъ ли мы благодарности? Если мы стоимъ благодарности, то какое значеніе могутъ имѣть жалкія нападки, которымъ подверглась наша внѣшняя политика и наше внутреннее управленіе? (*Смѣхъ оппозиціи и одобреніе министерской партіи.*) Мы дѣйствовали или хорошо или дурно; я прошу васъ высказать это откровенно и торжественно; я вызываю васъ на это не только здѣсь, но и за порогомъ этой палаты. (*Громкое одобреніе.*) На насъ взведены были обвиненія относительно нашей внѣшней политики и внутренняго управленія, но какимъ же образомъ вы не напали на насъ съ той именно стороны, которая была открыта для нападеній? Нѣтъ, вы знаете, что мы правы. (*Одобреніе.*) Вы хорошо знали, что мы исполнили свой долгъ, и что въ этомъ отношеніи мы не страшились нападенія. Кто порицалъ нашъ образъ дѣйствій? Почтенный членъ за Бермингамъ сказалъ, что мы избрали самый неудачный путь, но никто не поддержалъ его мнѣнія. Далѣе онъ сказалъ, что политика наша руководствовалась враждою къ Франціи. Я вполне отрицаю подобную идею. Я отрицаю, чтобы политика наша имѣла направленіе, хотя сколько-нибудь похожее на враждебныя отношенія къ Франціи. (*Одобреніе.*) Я совершенно согласенъ съ тѣми почтенными джентльменами, которые, въ продолженіе этого пренія, поддерживали союзъ съ Франціею. Этотъ союзъ имѣлъ благія послѣдствія для обѣихъ націй и для всего міра. Я надѣюсь, что онъ будетъ продолжителенъ, и полагаю, что лучшее средство упрочить его значитъ доказать, что Англія изготовилась на всѣ случайности. Мнѣ кажется, что почтенный членъ за Бермингамъ одинъ поддерживаетъ свое мнѣніе, будто настоящее положеніе Европы не оправдываетъ правительства въ томъ, что оно поставило эту страну въ такое положеніе, чтобы нейтралитетъ его былъ дѣйствителенъ. Высокопочтенный джентльменъ членъ за Карлейль (сэръ-Джорджъ Грамъ) въ прошедшую ночь выражался объ этомъ предметѣ такимъ обра-

зомъ, что, признаюсь, я не могъ понять его. Я дорожу его мнѣніемъ, потому что онъ составляетъ авторитетъ въ этомъ вопросѣ, но мнѣ необходимо узнать, что онъ дѣйствительно хочетъ сказать своимъ намекомъ на нашу политику. Онъ сказалъ относительно образа дѣйствій, принятаго правительствомъ, что «общественная необходимость могла бы оправдать такіа мѣры» и прибавилъ къ этому: «я не въ состояннн отвергнуть, чтобъ онѣ не были необходимы». Я полагаю, что высокопочтенный баронетъ допускаетъ, что политику нашу оправдать можно, но осуждаетъ установленную нами раздачу премій; ее онъ представляетъ дѣломъ не политическимъ и неблагоразумнымъ. Осмѣливаюсь сказать, что эти два мнѣнія согласить невозможно. (*Одобрение*) Если политика наша была необходима, то и премія были необходимы (*одобрение*), и я могу увѣрить высокопочтеннаго джентльмена, что безъ этихъ премій мы бы не достигли цѣли нашей политики. Высокопочтенный джентльменъ покачиваетъ головою, но я очень счастливъ, что могу доказать ему, что относительно этого предмета онъ впалъ прошедшею ночью во многія рѣшительныя заблужденія. Однимъ изъ этихъ заблужденій было высказанное имъ мнѣніе, что раздача премій можетъ повредить системѣ постоянной службы, изъ чего онъ вывелъ слѣдующее заключеніе: «Какимъ образомъ вы заставите людей вступать въ постоянную службу, если они знаютъ, что когда-нибудь станутъ давать премію, изъ которой они, если не будутъ связаны постоянною службою, могутъ извлечь для себя выгоду?» Я очень счастливъ, что могу увѣдомить высокопочтеннаго баронета, что вѣроятно ему не случилось никогда такъ жестоко ошибаться. Система постоянной службы, существованіемъ которой, къ великой чести высокопочтеннаго джентльмена, мы ему обязаны, дѣйствуетъ съ 1853 года. Въ первый годъ круглымъ числомъ поступало въ постоянную службу до 1150 человекъ ежемѣсячно; въ 1855 году число это упало до 800 человекъ; въ 1856 году до 600, въ 1857 до 400, а въ послѣдній 1858 годъ круглымъ числомъ поступало только по 300 человекъ въ мѣсяцъ. Премія предложена была въ началѣ мая, и въ продолженіе прошлаго мѣсяца, я очень счастливъ, что могу сообщить это высокопочтенному джентльмену, не менѣе 1593 человекъ вступило въ постоянную службу (*одобрение*); потомъ, съ 1-го іюня по настоящій день 477 человекъ принята въ эту службу. Итакъ высокопочтенный джентльменъ совершенно ошибся въ своихъ предположеніяхъ на этотъ счетъ, и премія, которая, по его мнѣнію, должны были бы положить конецъ постоянной службѣ, является побудительною мѣрою къ этой службѣ. Теперь я могу сообщить палатѣ, почему предстала необходимость въ

временяхъ. Палата потрудится припомнить, что когда я представлялъ сметы по флоту, то я предлагалъ набрать 2000 человекъ матросовъ болѣе, чѣмъ было ихъ у насъ на службѣ въ прошедшемъ году, а въ продолженіе всего апрѣля число матросовъ увеличилось только шестью человѣками. Я не говорю, чтобы ихъ поступило только шестеро, но по проверкѣ числа людей, оставившихъ службу и вступившихъ въ нее, въ прибавкѣ оказалось шестеро. Какимъ же образомъ могла остаться въ силѣ подобная система, когда въ Европѣ возгоралась война, и когда предстояла необходимость увеличить наши морскія силы? Мы прибѣгнули къ преміямъ, и вмѣсто шести человекъ, увеличившихъ наши силы въ апрѣлѣ, въ маѣ поступило на службу до 3000 человекъ, а по настоящее время преміи доставили намъ гораздо болѣе 4000 человекъ.

Сэръ Чарльзъ Напиръ. А сколько опытныхъ моряковъ?

Сэръ Джонъ Пакингтонъ. Я не увѣренъ, могу ли я сказать тотчасъ, какъ велико точное число, но пропорція опытныхъ моряковъ составляетъ приблизительно 20 на сто. *(Одобреніе.)* Высокопочтенный джентльменъ нѣсколько ошибся прошедшею ночью. Премія для поступающихъ въ первый разъ на корабль, не три фунта ст., какъ онъ сказалъ, а только два; и я очень счастливъ, что могу сказать также, что тѣ, которые поступили въ первый разъ во флотъ, и тѣ люди втораго класса, которые были уже разъ на корабль, всѣ люди одобряемые, а люди втораго класса были уже лодочниками или рыбаками и привыкли къ морю, хотя и не служили на военныхъ корабляхъ. Я радъ, что могу сообщить о полученіи самаго удовлетворительнаго донесенія о составѣ экипажей на новыхъ судахъ, и нѣкоторые офицеры сказывали мнѣ, что хотя новобранцы теперь еще молоды и не привыкли къ дисциплинѣ, но составляютъ отличный матеріалъ и будутъ лучшими экипажами на военныхъ судахъ. *(Одобреніе.)* Доблестный адмиралъ спрашивалъ меня прошедшею ночью, какова теперь наша сила? Я отвѣчаю ему, что въ эту минуту она состоитъ изъ 24 линейныхъ кораблей и 12 фрегатовъ въ дѣйствиі. Этотъ флотъ распределенъ между Средиземнымъ моремъ и Каналомъ. Мы намѣрены были усилить эскадру Средиземнаго моря, но это не касается общаго числа. Доблестный адмиралъ спрашивалъ также, на сколько число нашихъ дѣйствующихъ военныхъ кораблей превосходитъ число французскихъ кораблей. Въ эту минуту меня гораздо болѣе занимаетъ абсолютно, чѣмъ сравнительное количество морскихъ силъ Англіи. Я не вижу необходимости дѣлать сравненіе съ Франціею, потому что она не единственная морская держава, которая имѣется у насъ въ виду. *(Одобреніе.)* Но я не желаю отказывать въ отвѣтѣ на запросъ доблестнаго адмирала и скажу ему, что наша

морская сила, 24 линейныхъ кораблей и 12 фрегатовъ, въ настоящее время несравненно значительнѣе французской. *(Одобреніе.)* Хотя настоящая сила наша состоитъ изъ 24 линейныхъ кораблей и 12 фрегатовъ, но мы не намѣрены ограничиваться этимъ числомъ. *(Одобреніе.)* Позвольте мнѣ теперь сдѣлать откровенный вопросъ почтенному и доблестному адмиралу. Какимъ образомъ онъ намѣревается дѣйствовать этою ночью? Пойдетъ ли онъ путемъ откровеннаго моряка или прибѣгнетъ къ уловкамъ челоуѣка партій? Онъ сказалъ намъ прошедшею ночью совершенно справедливо, и я убѣжденъ, что народъ этой страны согласится съ нимъ, что эти вопросы партій, А. или В. сидятъ на этихъ скамьяхъ, имѣютъ весьма мало значенія; и что назначеніе избирательной льготы въ бургахъ, въ 10, 8 или 6 ф. ст. ничто въ сравненіи съ устройствомъ защиты Англій въ настоящемъ ея видѣ. *(Одобреніе.)* Онъ знаетъ, каковы были средства защиты, когда мы вступили въ должность. Онъ знаетъ, каковы они теперь. И потому, сэръ, если есть на свѣтѣ хотя одинъ челоуѣкъ, къ которому бы, по его рѣчамъ, по его извѣстнымъ мнѣніямъ, по всему, что онъ говорилъ и дѣлалъ въ этой палатѣ, я имѣлъ бы право обратиться съ совершенною увѣренностью, что по чести и твердости убѣжденій, онъ поддержитъ правительство, дѣйствовавшее такимъ образомъ на защиту страны, то челоуѣкъ этотъ былъ бы почтенный и доблестный адмиралъ. *(Одобреніе.)* Благодарю палату за терпѣніе, съ которымъ она выслушивала замѣчанія, представленныя мною по сознанию моего долга. Я надѣюсь и вѣрю, что цѣль, съ которою они были высказаны, не будетъ понята или истолкована ошибочно. Я почиталъ справедливымъ и обязательнымъ для себя въ отношеніи къ моимъ товарищамъ поставить на видъ всѣ сдѣланныя нами усилія для защиты государства. Можетъ-быть вамъ угодно будетъ отвергнуть эти соображенія и рѣшить настоящій вопросъ на другихъ основаніяхъ. Здравый смыслъ и общественное чувство будутъ противъ васъ. *(Одобреніе.)* Въ такое время, когда война пылаетъ въ Европѣ, когда ни одинъ челоуѣкъ на свѣтѣ не можетъ предугадать, въ какую минуту пламя коснется этой страны, нелѣпо было бы предположить, что при обсужденіи образа дѣйствій правительства, вы бы вздумали пренебречь важный предметъ, о которомъ я говорилъ вамъ. Почтенные джентльмены, сидящіе противъ, пытались обойти его, но моя обязанность не допустить ихъ до этого. *(Одобреніе.)* Сэръ, я чувствую, что я исполнилъ только свой долгъ, прося палату общинъ поддержать правительство, такъ много сдѣлавшее для защиты государства. Что же касается до меня собственно, то я равнодушенъ къ результату. Вы можете рѣшить этотъ вопросъ, какъ вамъ угодно. Если большинство окажется въ пользу поправки

то я утѣшусь сознаниемъ, что передамъ англійскій флотъ моимъ преемникамъ совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ принялъ его (*одобреніе*); и сверхъ того я сохранию убѣжденіе, что если большинство въ этой палатѣ, увлекаемое духомъ и крамолами партій, поддержитъ предлагаемую поправку, то общее чувство британскаго народа назоветъ подобное рѣшеніе несправедливымъ. (*Одобреніе.*)

Лордъ Джонъ Россель. Сэръ, выраженія, которыя высокопочтенный джентльменъ, только-что сѣвшій на мѣсто, употребилъ, говоря о тѣхъ, которые сидятъ на этой сторонѣ палаты, немножко странны, если принять въ соображеніе обстоятельства, въ которыхъ онъ находится. Министерство посоветовало ея величеству распустить парламентъ въ критическую минуту и посреди самыхъ важныхъ дѣлъ, чтобы рѣшить вопросъ, пользуются или не пользуются министры ея величества довѣріемъ страны и парламента. Вслѣдствіе этого парламентъ былъ распущенъ, выборы произведены, джентльмены возвратились сюда, и они тотчасъ же предлагаютъ подвергнуть обсужденію вопросъ, который само министерство объявило дѣломъ, подлежащимъ рѣшенію. (*Одобреніе.*) Этимъ, какъ замѣчено было, они заняли не совсѣмъ для себя выгодную позицію; но вызовъ имъ былъ брошенъ; джентльмены готовы подтвердить, что не имѣютъ довѣрія къ министрамъ ея величества, и за это высокопочтенный джентльменъ назвалъ насъ крамольниками. (*Министерское одобреніе, за которымъ слѣдуетъ одобреніе оппозиціи.*) Какъ? чего же ожидалъ высокопочтенный джентльменъ? Ужели онъ вообразилъ себѣ, что вся страна можетъ дать на этотъ вопросъ одинъ лишь отвѣтъ? Ужели онъ предполагалъ, что мудрость министровъ такъ велика, что ничто кромѣ крамолы не заставитъ людей усомниться въ ней? Мнѣ кажется, сэръ, что онъ имѣетъ очень высокое мнѣніе о своихъ собственныхъ качествахъ. (*Смѣхъ.*) Но я полагаю, какъ мы ни слѣпы, сколько мы ни заблуждаемся, палатѣ этой позволительно, позволительно и тѣмъ членамъ ея, которыхъ высокопочтенный джентльменъ называетъ торжествующею крамолою, имѣть о достоинствахъ правительства ея величества свое мнѣніе, отличное отъ того, которое онъ себѣ составилъ. (*Слушайте, слушайте, и смѣхъ.*) Высокопочтенный джентльменъ говорилъ о взведенныхъ на правительство обвиненіяхъ. Но я не думаю, чтобы нужно было взводить какія-нибудь обвиненія для того, чтобы поправка была дѣйствительна. (*Смѣхъ на министерской сторонѣ.*) Мнѣ кажется, что пунктъ этотъ достаточно определенъ былъ разъ навсегда нѣсколькими словами Борка, когда онъ сказалъ: «Палата общинъ есть собраніе, имѣющее право не только осуждать, но и подавать важные и мудрые совѣты.»

(Слушайте, слушайте.) Итакъ, если, по мнѣнію палаты, нельзя доверить нынѣшнимъ министрамъ ея величества участь страны въ такое критическое время, то мы имѣемъ полное право объявить свое мнѣніе. *(Одобреніе.)* Когда въ 1812 году г. Стюартъ Верилъ предложилъ адресъ съ просьбою сильной и дѣятельной администраціи, то министерству, противъ котораго былъ направленъ этотъ адресъ, дана была недѣля для представленія мѣръ и положенія политики, которую оно одобряло. Но это сдѣлано было по соображенію, что люди, стоявшіе тогда во главѣ управленія, не довольно способны были при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, съ которыми имъ предстояло бороться. Таковъ, сэръ, конституціонный взглядъ на свойство этого предложенія. Признаюсь, мнѣ нѣсколько удивилъ тонъ, которымъ говорили нѣкоторые члены той стороны палаты о настоящихъ министрахъ, какъ будто они только за нѣсколько дней до этого вступили въ свою должность. «Подвергните ихъ честному разбирательству», было сказано. «Обясните намъ, каковы были ихъ мѣры и ихъ политика.» Но, сэръ, намъ уже посчастливилось узнать принимавшіяся ими мѣры. *(Одобреніе и смѣхъ.)* Болѣе года уже мы видѣли, взвѣшивали и разсматривали мѣры, принимаемыя министрами ея величества. Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ они достигли власти. Я полагаю, что имѣю на то право, потому что, прочитывая рѣчи джентльменовъ, которые являлись кандидатами министерской партіи, и большая часть которыхъ были избраны въ эту палату, я всегда находилъ въ нихъ, что *резолуція*, которую я имѣлъ честь представить, и которая одобрена была въ прошломъ парламентѣ, называема была *резолуціею* крамольною. *(Министерское одобреніе.)* Я долженъ сказать, что если какой-нибудь человѣкъ или нѣсколько человѣкъ въ этой палатѣ представлять предложеніе, которое, по мнѣнію ихъ, направлено къ общественному благу и полезно для страны, то какъ бы они ни ошибались, и хотя бы предложеніе ихъ было не что иное какъ дѣло партіи, его все-таки нельзя назвать крамольнымъ. *(Одобреніе.)* Съ другой стороны я долженъ сказать что тѣхъ, которые сопротивляются мѣрѣ, одобряемой ими самими, тѣхъ, кто изъ интересовъ партіи сопротивляется мѣрѣ, которую сами признаютъ мудрою, тѣхъ людей по справедливости можно обвинить въ крамольныхъ побужденіяхъ. Каковъ же былъ случай, при которомъ настоящее министерство вступило въ должность? Благородный лордъ, членъ за Тивертонъ, стоявшій тогда во главѣ правительства, представилъ билль, который былъ почти одобренъ и принять благороднымъ лордомъ, стоящимъ нынѣ во главѣ правительства. Въ первый день той сессіи лордъ Дерби сказалъ, что такая мѣра необходима, и когда благородный лордъ, членъ за Ти-

вергонъ, предложилъ ее, то она поддержана была чрезвычайно искусною рѣчью канцлера казначейства. Я помню, что высокопочтенный членъ за Портсмутъ (г. Эль-инстонъ) сказалъ мнѣ, что доводы и доказательства канцлера казначейства совершили его. Что же? мѣра, такимъ образомъ проведенная и такимъ образомъ поддержанная на основаніи необходимости сохранить дружественныя отношенія къ Франціи, эта мѣра сдѣлалась поводомъ къ низверженію министерства; оно было низвергнуто вслѣдствіе мѣры, которой горячими защитниками были тѣ же джентльмены. (Одобреніе.) Болѣе крамольнаго и вѣроломнаго поведенія и представить себѣ невозможно. (Одобреніе.) Канцлеръ казначейства сказалъ намъ можетъ-быть уже чрезчуръ кратко, что такъ какъ двѣ трети въ послѣднемъ парламентѣ были противъ правительства, то не удивительно, что мѣры его не имѣли успѣха. Изъ этого вы бы могли заключить, что только предубѣжденіе и насиліе партіи были причиною отверженія этихъ мѣръ. Но такъ ли было дѣло? Вопервыхъ, правительство представило свой индійскій билль; при этомъ образъ дѣйствій министерства былъ чрезвычайно простъ и чистосердеченъ. Оно согласилось отступить отъ своего мнѣнія и принять *резолуціи*, прошедшія въ этой палатѣ; оно внесло билль, основанный на нихъ. Былъ ли этотъ билль отвергнутъ палатою? Нѣтъ; но ихъ собственный, оригинальный билль былъ до такой степени страненъ, исполненъ такихъ недостатковъ и такія новости въ немъ предполагались, что не только въ палатѣ, но и на улицѣ всякій забавлялся и подсмѣивался надъ нимъ. По одному изъ этихъ предположеній, члены индійскаго совѣта должны были избираться домохозяевами, получающими съ домовъ 10 ф. ст. дохода въ нѣкоторыхъ большихъ бургахъ. Я слышалъ, что кто-то замѣтилъ тогда, что гораздо бы лучше и справедливѣе было предложить, чтобы флотскіе адмиралы избираемы были 10-фунтовыми домовладѣльцами, въ морскихъ портахъ; очень можетъ быть, что они избирали бы хорошихъ офицеровъ; но предоставленіе избирателямъ такихъ городовъ, каковы Манчестеръ и Бельфастъ, избранія членовъ въ индійскій совѣтъ было выдумкою, до такой степени диковинною, что она не могла бы придти въ голову никому, кромѣ настоящихъ министровъ. Другимъ предположеніемъ определялось и ограничивалось назначеніе членовъ такъ, что иногда въ это званіе могъ быть назначенъ одинъ только отличный военный офицеръ мадрасскаго президентства, когда бы требовался можетъ-быть искусный гражданскій чиновникъ, или когда подъ рукою находился опытный юристъ изъ Мадраса, то должно было бы назначать военнаго офицера изъ Бомбей. Билль повелъ бы къ постоянному назначенію второстепенныхъ людей, тамъ, гдѣ нужны люди способные. Я ставлю это на видъ, потому что

высокопочтенный джентльменъ утверждалъ, что только духъ партіи былъ причиною устраненія этихъ мѣръ. Теперь я скажу нѣсколько словъ о министерскомъ биллѣ о реформѣ. Я изучалъ вопросъ о реформѣ въ продолженіи очень многихъ лѣтъ и полагаю, что парламентская реформа можетъ быть трехъ родовъ: можетъ быть реформа, уменьшающая власть народа; можетъ быть еще реформа до такой степени сложная въ своихъ начертаніяхъ, что она превратится въ нѣчто въ родѣ остроумныхъ проблемъ, которыя задаются дѣтямъ въ школахъ, и въ которыхъ, если вы приложите столько-то, вычтете такое-то число и помножите на другое, то въ результатѣ окажется число первоначальное. Такимъ образомъ, если вы дадите льготу большому числу людей, и отнимете ее у другаго такого же числа, окажется, что нѣтъ никакой перемены. Но можетъ быть также принята практическая мѣра реформы, которая увеличитъ власть народа и усилитъ палату общинъ. Биллъ о реформѣ, внесенный правительствомъ, заключаетъ въ себѣ многое изъ мѣръ первой категоріи, кое-что изъ мѣръ второй и вовсе ничего изъ третьей. *(Одобреніе.)* Эта мѣра такова, что еслибъ она прошла въ той формѣ, въ какой была предложена, то дѣйствуя въ продолженіи 10 или 20 лѣтъ, она бы много уменьшила власть народа, представляемаго этою палатою. *(Одобреніе.)* Вспомните великое состязаніе, происходившее въ послѣднее время въ западномъ округѣ (West Riding) Йоркшира; оно носитъ на себѣ характеръ великаго народнаго, англійскаго состязанія. Но, вмѣсто того, по смыслу билля о реформѣ, предложеннаго правительствомъ, западный округъ имѣлъ бы шесть членовъ, и четверо изъ нихъ непременно бы принадлежали къ консервативной сторонѣ. И такъ, выдѣляя голоса *фривольтеровъ*, биллъ уничтожилъ бы и разрушилъ большую часть либеральнаго элемента въ графствахъ; изъ избирателей, которые прибавились бы, многіе находятся въ зависимости, и никогда не подадутъ голоса въ пользу либеральной стороны. *(Ироническое одобреніе на министерскихъ скамьяхъ.)* Да! я смѣло говорю «либеральной стороны»; они никогда не подадутъ голоса въ пользу расширенія гражданской и религіозной свободы въ этой странѣ. Если кто-нибудь сообразитъ послѣдствія, могущія произойти отъ правительственнаго билля о реформѣ, тотъ конечно не усомнится, что въ теченіи 10 лѣтъ, вмѣсто одного Ольдъ-Сарума (1) у насъ будетъ ихъ 20 или 30. *(O, o! и одобреніе.)* Это было уже высказано въ продолженіи пренія о биллѣ,

(1) Ольдъ-Сарумъ — имя бурга, въ которомъ не было ни одного жителя, и который до реформы 1832 года посылалъ однако же одного члена въ парламентъ. Членъ назначался землевладѣльцемъ.

и даже генеральный солиситоръ (г. Кернсъ), несмотря на все свое остроуміе, не отважился возражать; онъ сказалъ только, что эти обстоятельства можно подвергнуть разсмотрѣнію въ комитетѣ; но, по моему мнѣнію, еслибы этотъ билль когда-нибудь попалъ въ комитетъ, то онъ прошелъ бы въ той формѣ, въ которой былъ предложенъ, мы сдѣлали бы нѣсколько шаговъ назадъ отъ акта о реформѣ 1832 г., и уменьшена была бы власть народа относительно избранія представителей въ палату общинъ. (*Одобреніе.*) Такова была мѣра, которую я поразилъ внесеніемъ моей резолюціи; какъ я радовался дѣятельному содѣйствію своему въ проведеніи билля о реформѣ въ 1832 г., такъ радуюсь и теперь уничтоженію мѣры, которая какъ бы она ни казалась удовлетворительною по наружности, очевидно направлена была составителями ея къ устраненію основныхъ пунктовъ прежняго акта. Перехожу теперь къ самому пагубному шагу, совершенному правительствомъ ея величества, — къ распусценію парламента. Министры ея величества вздумали распустить парламентъ, когда война висѣла надъ Европою, когда они должны были знать, что она могла всыхнуть черезъ нѣсколько недѣль и даже черезъ нѣсколько дней. По моему мнѣнію, единственнымъ извиненіемъ этого распущенія могло бы быть несогласіе министровъ на пониженіе избирательной льготы. Благородный секретарь по дѣламъ Индіи (лордъ Станли) объявилъ, что пониженіе льготы въ бургахъ разрушитъ вліяніе среднихъ классовъ. Секретарь колоній (сэръ-Бульверъ Литтонъ) сказалъ, что оно «передаетъ капиталъ и знаніе въ распоряженіе нетерпѣливой нищеты и необразованной массы», что повлечетъ за собою страшное бѣдствіе. Высокопочтенный джентльменъ канцлеръ казначейства изобразилъ это дѣло нѣсколько иначе, но, мнѣ кажется, въ томъ же самомъ смыслѣ. Онъ сказалъ, что если понижена будетъ избирательная льгота, то у васъ составитя палата общинъ, которая готова будетъ утвердить всякій безразсудный расходъ, но никогда не согласится на налоги, которые бы доставили средства для покрытія этого расхода, палата общинъ, которая готова будетъ необдуманно и поспѣшно вмѣшаться въ войну и потомъ согласится на постыдный миръ. Подобныя соображенія очень важны, и я могу представить себѣ, что министерство говорить: «Эта опасность такъ велика, эта переменна въ конституціи будетъ такъ гибельна, что она передастъ всю силу этой страны въ руки необразованной массы и подвергнетъ страну риску войнъ, необдуманно начинаемыхъ и постыдно оканчиваемыхъ, и потому мы принуждены представить на обсужденіе націи, одобрить ли она билль, сопряженный съ такими опасностями.» Такова могла бы быть причина распущенія парламента и воззванія къ народному мнѣнію. Но къ безко-

нечному моему удивленію, предположеніе мое не оправдалось. Я узналъ, что парламентъ былъ распущенъ министрами для того только, чтобы доставить большинство ихъ собственной партіи при выборахъ въ эту палату, и что они нисколько не думаютъ возражать противъ широкой парламентской реформы. (*Слушайте, слушайте.*) Этимъ невозможно оправдать распущеніе парламента. Они даже довольны были *резолуціею* почтеннаго джентльмена, который не былъ выбранъ въ эту палату, г. Стюарта Воргана, а она имѣла тотъ же смыслъ, какъ и моя, только составлена была въ выраженіяхъ болѣе любезныхъ для министерства. (*Смѣхъ.*) Если оно согласно было принять сущность этой *резолуціи*, то не предстояло никакой нужды переводить *фривольдеровъ* изъ графствъ въ бурги, и очень возможно было значительно понизить избирательную льготу въ бургахъ; я утверждаю, что непремѣнною обязанностию ихъ было, — ихъ обязанностию къ коронѣ, къ парламенту и къ народу, — принять эти измѣненія (*слушайте, слушайте*), а не распускать парламентъ и не навлекать на страну опасностей, которыя они навлекли на нее. Нѣтъ сомнѣнія, нѣкоторыя изъ этихъ опасностей не приключились. Когда началась война между враждующими державами, могли быть предложены этой странѣ такія требованія, на которыя они бы не могли съ честью посоветовать королеви согласиться. Могла встрѣтиться необходимость отправить съ этою цѣлію посланіе въ парламентъ. Но парламентъ не засѣдалъ. Эту опасность они навлекли на себя. Они также навлекли на себя ту великую отвѣтственность, о которой только что говорилъ высокопочтенный джентльменъ, первый лордъ адмиралтейства. Они думали, что необходимо значительно увеличить морскія силы и предложить преемникъ прокламаціею королевы безъ согласія парламента. Я самъ знаю, что мѣра эта была совершенно основательна. (*Слушайте, слушайте.*) Но высокопочтенный джентльменъ присвоилъ себѣ слишкомъ большую власть, принявъ на себя такую отвѣтственность, безъ согласія парламента. Другое дѣло, еслибы все это случилось въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда парламентъ отсрочиваетъ свои засѣданія, и когда трудно до опредѣленнаго срока собрать членовъ его; но если мы примемъ въ соображеніе, что отсутствіе парламента было ихъ собственнымъ дѣломъ (*одобреніе*), что необходимость произвольнаго дѣйствія была ихъ собственнымъ произведеніемъ, то заслуга увеличенія морской силы уравнивается, и болѣе чѣмъ уравнивается, виною распущенія парламента въ подобныхъ обстоятельствахъ. (*Слушайте, слушайте!* и *нѣтъ, нѣтъ!*) Нѣкоторые почтенные джентльмены, какъ кажется, не понимаютъ этого довода. (*Слушайте, слушайте и смѣхъ.*) Я сказалъ, что если министры не могли согла-

сяться на предложенную мною резолюцію, то они имѣли право предоставить націи рѣшеніе вопроса, но такъ какъ они думали сами произвести перемѣны въ своемъ биллѣ, и такъ какъ единственную цѣлю распущенія парламента было усиленіе ихъ собственной партіи, а не достиженіе хорошаго билля о реформѣ, то поведеніе ихъ нисколько неизвинительно. (*Слушайте, слушайте.*)

Перехожу теперь къ вопросу объ иностранныхъ дѣлахъ. Высокопочтенный джентльменъ требуетъ большаго довѣрія правительству, на основанія его дѣйствій по вопросу о *Кальяри*. Я очень хорошо помню случай, когда одинъ почтенный членъ этой палаты предложилъ вопросъ о томъ, что предполагалось сдѣлать относительно этого обстоятельства. Канцлеръ казначейства отвѣчалъ, что дѣло это окончено прежнимъ правительствомъ, и выразилъ свое величайшее удовольствіе, что ни одного невѣжливаго слова не было употреблено относительно образа дѣйствій Неаполя. Дѣло бы и остановилось на этомъ, но мой благородный другъ членъ за Тивертонъ сказалъ, что вопросъ не былъ еще рѣшенъ совершенно, и послѣ того высокопочтенный джентльменъ убѣдился въ необходимости принять дальнѣйшія мѣры по этому дѣлу; дѣйствуя подъ влияніемъ этой палаты, правительство—нѣтъ сомнѣнія довольно скоро и довольно искусно (*слушайте, слушайте!*)—приняло необходимыя мѣры для освобожденія машинистовъ. Но это дѣло, вмѣстѣ со многими другими, доказываетъ, какъ опасно оставлять иностранныя дѣла въ рукахъ настоящихъ министровъ, при отсутствіи парламента (*смихъ*), потому что, не будъ поднять этотъ вопросъ въ палатѣ общинъ, упомянутые машинисты и до сихъ оставались бы въ тюрьмѣ. (*Одобреміе.*) Это очевидно изъ отвѣта самого канцлера казначейства. При отсутствіи парламента возникъ вопросъ о *Charles et George*. Высокопочтенный джентльменъ торжествуетъ, что мы не изъявили порицанія ихъ дѣйствіямъ по этому дѣлу. По мнѣнію моему, мы обнаружили великую умѣренность (*смихъ*), потому что никогда еще никто не слышалъ языка менѣе приличнаго британскому министру, чѣмъ языкъ лорда Мальмсберя. (*Слушайте, слушайте.*) Вопросъ состоялъ не въ томъ, справедливо или несправедливо было требованіе, но совѣтъ, данный лордомъ Мальмсберя Португаліи, былъ слѣдующаго содержанія: «Подчинитесь этому требованію, а не то вамъ будетъ худо; то-есть Лиссабонъ можетъ быть занятъ, вашъ флотъ разрушенъ, и ваша страна можетъ подвергнуться вторженію; вслѣдствіе этого и подчинитесь всему, чего бы у васъ ни потребовали.» Конечно вопросъ былъ не таковъ, чтобы мы могли совѣтовать Португаліи рѣшиться на войну. Это было довольно ясно. Но данный совѣтъ могъ бы быть благороднѣе и смѣлѣе. Можно бы придумать такой совѣтъ, который бы Англіи

прилично было дать, а Португаліи принять. Перехожу теперь къ самому важному и серіозному вопросу — именно къ началу войны, вспыхнувшей въ Италіи. Я думаю, мы показали бы мало прямоты къ министрамъ ея величества, еслибы мы захотѣли предполагать, что они подлежатъ какому-нибудь нареканію относительно переговоровъ, которые они вели для сохраненія мира; что до меня касается, я очень охотно вѣрю, что они употребили искреннія и постоянныя усилія, — были ли они ошибочны или нѣтъ, это другое дѣло, — для сохраненія мира. Признаюсь, я почти увѣренъ, что никакому правительству не удалось бы охранить миръ между Австріею и Сардиніею. *(Слушайте, слушайте!)* Можетъ-быть палата дозволитъ мнѣ нѣсколько распространиться объ этомъ вопросѣ; но прежде этого, я обращаю вниманіе на намекъ, сдѣланный высокопочтеннымъ джентльменомъ генеральнымъ атторнеемъ Ирландіи, на нѣкоторыя событія, имѣвшія мѣсто въ 1848 году. Генеральный атторней Ирландіи (г. Уайтсайдъ) какъ будто старается обойти дѣло о правительствѣ, какъ будто не желаетъ, чтобы палата остановила свое вниманіе на достоинствахъ и недостаткахъ правительства. Оттого онъ касается всевозможныхъ пунктовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ предмету пренія, толкуетъ обо всемъ, что случилось много лѣтъ назадъ, точно какъ птица, которая старается отвратить вниманіе отъ гнѣзда, въ которомъ находятся ея дѣтеныши. *(Смѣхъ.)* Высокопочтенный джентльменъ, хотя я не вижу въ какомъ отношеніи это можетъ интересовать теперь палату, нападаетъ на образъ дѣйствій моего благороднаго друга и правительства, во главѣ котораго я находился, по поводу предложенія, сдѣланнаго Австріею въ 1848 году относительно Ломбардіи. Нѣтъ сомнѣнія, что предложеніе было сдѣлано. *(Одобреніе.)* Но высокопочтенный джентльменъ, какъ кажется, забылъ или опустилъ часть этихъ переговоровъ. Въ то время не только Миланъ и большая часть Ломбардіи были очищены отъ австрійскихъ войскъ, но и Венеція находилась подъ управленіемъ своихъ собственныхъ жителей, свергнувшихъ австрійское иго. Они провозгласили независимость своей страны, и готовы были защищать ее. *(Одобреніе.)* Предложеніе, сдѣланное великобританскому правительству, состояло въ томъ, чтобы мы не только вступились въ вопросъ о Ломбардіи, но возстановили въ Венеціи власть австрійскаго эрцгерцога. Но какимъ образомъ британское правительство, не имѣвшее непосредственныхъ интересовъ въ этихъ переговорахъ и не участвовавшее въ войнѣ, — какимъ образомъ могло оно вмѣшаться въ дѣло, чтобы разрушить независимость Венеціи, или одобрить какимъ-нибудь образомъ покореніе Венеціи, изъ-за того чтобъ упрочить увеличеніе территоріи сардинскаго короля? Что касается до меня

то я всегда почиталъ однимъ изъ самыхъ безчестныхъ дѣлъ въ исторіи Европы подчиненіе Венеціанской республики Австріи по трактату въ Кампо-Форміо. (*Слушайте, слушайте.*) Такое мнѣніе не принадлежитъ исключительно мнѣ; я нахожу его у г. Монталамбера, который въ памфлетѣ, если не ошибаюсь, навлекшемъ на него преслѣдованія, сказалъ, что изъ всѣхъ упрековъ, которые могутъ быть сдѣланы англійской дипломатіи, она не можетъ упрекать себя ни въ одномъ дѣлѣ столь низкомъ, какъ участіе ея въ постыдномъ трактатѣ 1797 года, предоставившемъ Венецію въ руки Австріи. (*Слушайте.*) По этому трактату 3½ милліона народа, совершенно независимаго, союзнаго съ Австріею, связаннаго съ нею множествомъ трактатовъ и помогавшаго ей во многихъ случаяхъ, были подчинены безъ всякаго согласія съ ихъ стороны австрійскому правительству. Сдѣланное намъ предложеніе состояло въ томъ, чтобы британское правительство употребило свое вліяніе для возстановленія австрійской власти въ Венеціи, которая освободилась отъ нея своими собственными средствами; и за отклоненіе такого предложенія гнѣвается на насъ высокопочтенный джентльменъ! (*Одобреніе.*) Настоящее положеніе Италіи, по мнѣнію моему, есть слѣдующее: съ одной стороны мы имѣемъ трактаты 1815 года, которые упрочиваютъ за Австріею Ломбардію и Венецію, но Австрія по этимъ трактатамъ не имѣетъ права на какую-либо иную часть Италіи. Ограничилась ли она управленіемъ этими территориями? Далекъ нѣтъ. (*Слушайте.*) Въ томъ же 1815 г. она заключила договоръ съ королемъ неаполитанскимъ съ тою цѣлію, чтобъ онъ не вводилъ въ свое королевство никакихъ перемѣнъ, никакого образа правленія, отличнаго отъ того, который установленъ былъ въ италіянскихъ владѣніяхъ Австріи. Въ послѣдствіи она заняла Римскія Владѣнія и также Тоскану, и, судя по письму, полученному мною отъ одного знаменитаго Итальянца, въ туринскихъ архивахъ находятся документы, изъ которыхъ видно, что Австрія такъ твердо рѣшилась не допускать никакого улучшенія въ управленіи Италіею, что когда спросили австрійскаго министра, что онъ сдѣлаетъ, если неаполитанскій король по собственному побужденію дастъ конституцію своимъ подданнымъ, то отвѣтъ былъ таковъ: «Тогда мы пойдемъ войною на неаполитанскаго короля». (*Слушайте, слушайте.*) Что случилось въ Тосканѣ въ 1849 году? Тосканскій народъ, руководимый буйными демагогами, приверженцами г. Маццини, провозгласилъ республику, но потомъ, по собственному желанію, возстановилъ власть великаго герцога, и, учредивъ временное правительство, отправилъ къ великому герцогу депутацію извѣстить его, что Тоскана готова принять его обратно, но просить его управлять герцогствомъ

согласно съ конституціею, которую онъ самъ утвердилъ. Великій герцогъ отвѣчалъ разными письмами, копіи съ которыхъ находятся у меня, и прокламаціею, что онъ возвратится во Флоренцію, что онъ благодарить тѣхъ, кто возстановилъ его власть, что онъ намѣренъ править согласно съ конституціею, и что утвердить конституціонную монархію въ великомъ герцогствѣ составляетъ цѣль всѣхъ его желаній. Конституція имѣла уже силу закона. Нѣтъ сомнѣній, что великій герцогъ, государь кроткій, сталъ бы, по личнымъ свойствамъ своимъ, управлять согласно съ конституціею; но въ это время отрядъ австрійскихъ войскъ вступилъ въ Тоскану; обѣщаніе было нарушено, и съ тѣхъ поръ, до недавняго бѣгства великаго герцога, не было и помину о возстановленіи конституціи. *(Одобреніе.)* Подобныя вещи объясняютъ злобу и негодованіе, которыя внушаетъ Италіанцамъ австрійское вмѣшательство. *(Одобреніе.)* Это уже не то, какъ думаетъ повидимому почтенный джентльменъ, предложившій адрессъ, что будто бы Австрія владѣетъ своими землями, точно такъ же, какъ ея величество своими различными колоніями; здѣсь очевидно постоянное покушеніе съ 1815 года до настоящей минуты захватить всю Италію въ свои руки, сдѣлать италіанскихъ государей своими вице-королями и законы Италіи подчинить закону австрійскихъ армій. *(Слушайте, слушайте.)* Посмотримъ же теперь, каково съ другой стороны положеніе Сардиніи. Въ послѣднее время Сардинія установила собственную свободную конституцію. Еслибы ея не соблазняли дѣйствовать иначе, она была бы довольна, что собственные ея законы соблюдаются, и что она пользуется собственными свободными собраніями, собственною свободою печати и свободою совѣсти, безпримѣрно въ Италіи. *(Слушайте, слушайте.)* Она не удовольствовалась этимъ. Соблазнъ очень понятенъ; но достовѣрно то, что въ послѣднія семь или восемь лѣтъ, лица, которыя являлись изъ прочихъ частей Италіи съ представленіемъ адрессовъ королю и его министрамъ относительно свободы и независимости Италіи, которыя подписывались на покупку пушекъ Алессандріи, въ надеждѣ, что современемъ онѣ послужатъ на защиту Италіи, были принимаемы и выслушиваемы благосклонно, и что такимъ образомъ во всѣхъ италіанскихъ государствахъ, въ Римскихъ Владѣніяхъ, въ Неаполѣ и въ Тосканѣ, возникла партія, преданная Сардиніи и почитавшая Сардинію освободительницею Италіи. *(Слушайте, слушайте.)* Какъ ни великъ былъ соблазнъ, какъ ни славно предпріятіе, но Австрія никакъ не могла смотрѣть на эти вещи иначе, какъ на вызовъ, ей бросаемый, какъ на намѣреніе сокрушить ея владычество въ Италіи. По мнѣнію моему, притязанія обѣихъ сторонъ были неосновательны, но гораздо ненавист-

нѣе были они со стороны Австріи, потому что намѣреніе ея клонилось къ уничтоженію свободы и къ подавленію всякой мысли въ Италіи, между тѣмъ, какъ дѣлю Сардиніи была свобода и независимость Италіи, хотя можетъ-быть и съ примѣсю нѣкоторыхъ честолюбивыхъ мотивовъ. (*Одобреніе.*) Со всѣмъ тѣмъ Сардинія нарушила свои международныя обязанности. Она не имѣла права поступать такъ, какъ она поступала; преимущественно же она не имѣла права набирать въ своемъ собственномъ королевствѣ войско изъ волонтеровъ, или можетъ-быть даже изъ конскриптовъ и рекрутовъ, принадлежавшихъ другимъ государствамъ. (*Слушайте, слушайте.*) Въ благоприятную для себя минуту Сардинія получила поддержку отъ Франціи, и съ той минуты, какъ она получила эту поддержку,—я не могу сказать въ какой формѣ, но очень вѣрно знаю время,—образъ ея дѣйствій сталъ менѣе сообразоваться съ ея международными обязанностями; она стала открыто изъяслять свою симпатію къ страданіямъ Италіи, и съ этого времени, какъ мнѣ кажется, сдѣлаось уже несомнѣннымъ, что рано или поздно, опираясь на поддержку Франціи, она выступитъ съ оружіемъ въ рукахъ за независимость Италіи. Въ продолженіе послѣдней сессіи парламента, ни я, ни мой благородный другъ, членъ за Тивертонъ, не сдѣлали и не сказали ничего такого, что могло бы увеличить шансы войны, напротивъ того, мы высказали все, что могло бы благоприятствовать поддержанію мира. Не скрываю, что я самъ сомнѣваюсь, могъ ли быть сохраненъ европейскій миръ какою бы то ни было ловкостію правительства ея величества. (*Одобреніе.*) Ясно было, что рано или поздно наступитъ время, когда двѣ великія державы сойдутся съ оружіемъ въ рукахъ. (*Одобреніе.*) Но теперь я хочу разсмотрѣть, какова должна быть наша политика на будущее время. Въ этомъ отношеніи существуетъ общее согласіе, по крайней мѣрѣ на словахъ. Каждый человѣкъ за нейтралитетъ; каждый за сохраненіе мира, но признаюсь, я не довѣряю нынѣшнему правительству, чтобъ оно способно было поддерживать миръ. (*O! o!*) Впервыхъ, въ палатѣ лордовъ графъ Дерби произнесъ обдуманную рѣчь, въ которой онъ, при очень торжественномъ случаѣ, излагалъ политику правительства, и я нахожу, что онъ сказалъ тогда:

«Если вспыхнетъ война, каковы бы ни были ея слѣдствія, нейтралитетъ нашъ, пока онъ будетъ продолжаться, долженъ быть въ извѣстномъ размѣрѣ вооруженнымъ нейтралитетомъ, для того чтобы намъ возможно было пристать къ той сторонѣ, поддерживать которую намъ укажутъ честь, интересы и достоинство страны.» (*Одобреніе на мистерской сторонѣ.*)

Прекрасно; но если лордъ Дерби помышлялъ о мирѣ, зачѣмъ же онъ думалъ приставать къ какой-нибудь сторонѣ? (*Слушайте.*)

Въ 1823 году происходила война между Франціею и Испаніею; г. Каннингъ объявилъ нейтралитетъ, и этотъ нейтралитетъ былъ выдержанъ до конца. Въ 1848 году происходила война; тогдашнее правительство объявило нейтралитетъ, и нейтралитетъ былъ выдержанъ до конца. Какъ, ужели возможно предполагать, — а таково по видимому было предположеніе, — что, вооружившись съ головы до ногъ, мы будемъ заниматься изслѣдованіемъ, которую сторону поддерживать призываютъ насъ честь, интересы и достоинство страны? (*Слушайте, слушайте.*) Я знаю, по простествіи нѣсколькихъ дней лордъ Дерби отрицалъ, чтобы таковъ былъ смыслъ сказаннаго имъ (*одобреніе на министерской сторонѣ*); но никто еще не выражался такъ ясно, такъ опредѣленно, какъ лордъ Дерби; и если онъ употребилъ эти слова, то какой же иной смыслъ возможно придать имъ? И зачѣмъ, спрашивается, приняли бы мы ту или другую сторону; зачѣмъ принимать намъ участие въ распрѣ? (*Слушайте, слушайте.*) Чтò по моему необходимо, такъ это то, что мы должны быть достаточно вооружены для нашей собственной защиты, съ тою цѣлію, что еслибъ обѣ стороны, или одна изъ нихъ, попросили нашего посредничества или нашихъ добрыхъ услугъ, то мы бы въ состояніи были указать условія, которыя были бы, по нашему мнѣнію, сообразны съ обстоятельствами и могли бы повести къ продолжительному миру. Я думаю, что еслибы правительство вполнѣ обладало довѣріемъ палаты и страны и было бы достойно его, то такой совѣтъ былъ бы выслушанъ, и обѣ стороны, истомленные кровавою борьбой, съ радостію бы приняли условія мира отъ руки безпристрастнаго посредника. Но невозможно ожидать, чтобъ условія мира могли быть приняты отъ нынѣшняго правительства. («*O, o!*» и *одобреніе.*) По моему убѣжденію, по крайней мѣрѣ, оно не было расположено — что видно даже изъ словъ втораго секретаря иностранныхъ дѣлъ — поддерживать тотъ тѣсный союзъ съ Франціею, отъ котораго зависитъ наше вліяніе на Францію. (*Продолжительные крики «O, o!» съ министерской стороны и одобреніе оппозиціи.*) Я понялъ, конечно, почти такъ же, какъ и мой высокопочтенный другъ, сидящій подлѣ меня (г. Сидни Гербертъ), что почтенный джентльменъ порицалъ моего благороднаго друга (лорда Пальмерстона) за объявленіе его, что тѣсный союзъ съ Франціею составляетъ самую вѣрную политику этой страны. Мой благородный другъ не хотѣлъ сказать этимъ, чтобы мы не должны были оставаться въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Австріи; я увѣренъ, что онъ и не думалъ ничего подобнаго. Мы должны оставаться на самой дружественной ногѣ съ Австріею; но ваши совѣты не будутъ имѣть значенія во Франціи, если они не будутъ со-

гласны съ честію и достоинствомъ Франціи, такъ же, какъ съ честію и достоинствомъ Австріи. *(Слушайте, слушайте.)* Это такіе вопросы, которые не только неприятно, но почти невозможно вполне подвергать преніямъ этой палаты. Я знаю, что здѣсь есть нѣкоторые джентльмены, которые почитаютъ лорда Дерби совершенствомъ мудрости и лорда Мальмсбери чѣмъ-то очень близкимъ къ ней. *(Смѣхъ.)* Что до меня касается, то я не придерживаюсь такого мнѣнія. По всему, что я слышу, мнѣ кажется, что союзъ съ Франціею очень ослабѣлъ, и что мы не имѣемъ уже того авторитета въ Европѣ, который бы должно было имѣть правительство этой страны. На этомъ основаніи, чтобы придать ему надлежащій авторитетъ, чтобы доставить уваженіе нашему нейтралитету и нашему мнѣнію въ совѣтахъ Европы я намѣренъ вотировать сегодня, что нынѣшнее министерство не пользуется довѣріемъ палаты. *(Одобреніе.)*

Касательно реформы, я знаю послѣднія мѣры правительства и потому не расположенъ ожидать будущаго февраля для того, чтобы видѣть, какъ оно будетъ проводить мѣры такого свойства, что онѣ, только по наружной формѣ, будутъ казаться переменами, но въ дѣйствительности сходны будутъ съ вѣсами, уравнивающими то, что дастся народу съ одной стороны, и то, что отнимется у него съ другой. Я бы желалъ, чтобы предложены были мѣры здравыя и полезныя, если не въ продолженіи настоящей сессіи, то въ теченіи настоящаго года *(слушайте, слушайте)*; и я не вижу причины, почему бы билль о реформѣ не могъ пройти въ теченіи нынѣшняго года. *(Одобреніе.)* Одинъ почтенный джентльменъ спрашивалъ меня о подробностяхъ моего билля о реформѣ. А высокопочтеннаго джентльмена (г. Дизраэли), который никогда не былъ реформистомъ до нынѣшняго года, онъ не спрашивалъ, каковы подробности его билля. Онъ спросилъ меня, стариннаго реформиста. Я могу сказать только, что планъ, представленный мною въ прошломъ парламентѣ, кажется мнѣ хорошимъ планомъ серіозной реформы, но каково должно быть точное свойство льготы и точный объемъ представительства, того я не могу сказать, пока настоящее правительство не сойдетъ со сцены. Я скажу только, что тотчасъ же послѣ рѣшенія вопроса о правительствѣ и послѣ принятія мѣръ, необходимыхъ для флота и финансовъ, должно воспользоваться первымъ случаемъ для обсужденія этого предмета. *(Слушайте, слушайте.)*

Но я не могу окончить рѣчь о достоинствахъ министерства, безъ отвѣта на запросъ, сдѣланный высокопочтеннымъ членомъ, стоящимъ во главѣ адмиралтейства (г. Пакингтономъ). Я совершенно готовъ согласиться, — и, мнѣ кажется, это важная статья въ дѣйствіяхъ администраціи — что энергія, съ которою онъ увеличивалъ и

усиливалъ флотъ, достойна величайшей похвалы. *(Слушайте, слушайте.)* Желательно было бы, чтобъ онъ не примѣшивалъ къ своему дѣлу такого самовосхваленія и такихъ упрековъ своимъ предшественникамъ (« O, ol») Дѣло предстояло безотлагательное, обстоятельства требовали его исполненія, и я думаю, что способъ, которымъ велъ свой департаментъ высокопочтенный джентльменъ, даетъ ему полное право на признательность его согражданъ; никакое политическое разномысліе съ высокопочтеннымъ джентльменомъ не помѣшаетъ мнѣ отдать ему эту справедливость. *(Слушайте, слушайте!)*

Относительно намекъ, сдѣланнаго канцлеромъ казначейства (г. Дизраэли) на моего благороднаго друга, предложившаго поправку, я долженъ сказать, что почитаю нападеніе его произвольнымъ и неосновательнымъ. Высокопочтенный джентльменъ сказалъ, что мой благородный другъ—представитель конфедераціи высокихъ фамилій, и что того ради поправку его не должно поддерживать. Безъ сомнѣнія, еслибы подобный доводъ приведенъ былъ въ 1759 году, онъ бы могъ имѣть надлежащее приложеніе. Но я не могу понять, какъ вздумалось кому-нибудь теперь предполагать возможность министерства, которое бы не приняло въ среду свою людей способныхъ и даровитыхъ, къ какой бы части палаты или страны они ни принадлежали *(слушайте.)* Въ странѣ нашей есть значительное число людей, которые расходятся, безъ сомнѣнія, по нѣкоторымъ пунктамъ, но которые, несмотря на то, участвовали во всѣхъ великихъ измѣненіяхъ, имѣвшихъ мѣсто у насъ. Къ нимъ принадлежитъ партія вигговъ, которая, само собою разумѣется, составляетъ предметъ моей особенной привязанности. Сюда же принадлежатъ послѣдователи сэръ-Роберта Пиля; это также партія джентльменовъ съ прогрессивными мнѣніями, которые дѣйствовали за одно съ нами въ великомъ вопросѣ объ эманципаціи католиковъ и во всѣхъ вопросахъ, относившихся до религіозной свободы, до учрежденія свободной торговли и уничтоженія хлѣбныхъ законовъ. Я нахожу, что всѣ эти партіи дѣйствовали вмѣстѣ и принимали всѣ упомянутыя мѣры общимъ большинствомъ; между тѣмъ равно немнѣнно, что настоящее правительство состоитъ изъ представителей партіи, которая противилась всѣмъ этимъ мѣрамъ, и въ 1831 году дѣлала все возможное, чтобъ отвергнуть парламентскую реформу. *(Слушайте, слушайте.)* Генеральный атторней Ирландіи (г. Уайтсайдъ), между множествомъ намековъ на то, что нисколько не шло къ дѣлу, упомянулъ мою фразу, заимствованную у г. Фокса, которую я употребилъ когда-то: «жалкое монополизирующее меньшинство». Повтореніе этой фразы напоминаетъ мнѣ то время, когда ирландскіе протестанты собственно обозначались этимъ названіемъ. Я очень

хорошо помню, какъ торы утверждали, что невозможно дозволить католику вступленіе въ корпорацію, не подвергая опасности конституцію, и что врученіе шелковой тоги знаменитому католическому адвокату было такимъ либеральнымъ дѣйствіемъ, на которое они взирали съ ужасомъ. (*Слушайте, слушайте.*) Эти дни по счастью миновали, и я радуюсь, что высокопочтенный джентльменъ говоритъ нынѣ тономъ болѣе либеральнымъ. Я совершенно согласенъ съ моимъ высокопочтеннымъ другомъ (г. Гербертомъ), говорившимъ этою ночью, и не только не желаю, чтобы римскіе католики исключительно поддерживали партію, къ которой я принадлежу, но даже буду радъ, если они будутъ подавать голоса свои въ пользу консервативныхъ джентльменовъ, пользующихся уваженіемъ въ ихъ сосѣдствѣ и заслужившихъ ихъ довѣренность. (*Слушайте, слушайте.*) Я полагаю, что подобныя дѣйствія стремятся къ уничтоженію линій раздѣленія, — тѣхъ линій ненависти, которыми прежде раздѣлены были въ Ирландіи люди различныхъ религіозныхъ мнѣній. Одна изъ моихъ фразъ, дурно переданная, показала оскорбительною для римскихъ католиковъ. Передавали, что въ одной изъ рѣчей моихъ въ Городѣ, говоря объ италіянскихъ дѣлахъ, я сказалъ, что Австрійцы поддерживали въ Италіи гнетущее правительство и невѣжественную религію. Не таковы были слова мои. (*Слушайте, слушайте.*) Я сказалъ только, что они поддерживали гнетущее правительство и невѣжественныя постановленія. Я разумѣлъ при этомъ средства, которыя они употребляли, чтобъ остановить успѣхи науки и распространеніе образованія, а равно и для того, чтобы подавить всякую свободу въ Италіи. Я нисколько не думалъ при этомъ касаться религіи. И дѣйствительно, съ чего бы мнѣ говорить о религіи, когда религія въ Пиемонтѣ и Австріи одна и та же? (*Слушайте, слушайте.*)

По этимъ причинамъ, я думаю, что палата поступить совершенно справедливо, если утвердитъ предложеніе о недовѣрїи къ правительству. Министерство за годъ до этого предложило мѣры, которыя не только не встрѣтили одобренія въ парламентѣ, но, по мнѣнію огромнаго большинства въ цѣлой странѣ, и не достойны были одобренія парламента. (*Одобрение.*) Всѣ министерства въ совѣтахъ иностранныхъ державъ вовсе не таковы, какъ бы слѣдовало, если страна наша должна имѣть то вліяніе, которое она должна имѣть (*одобрение.*) Предполагаютъ — и по мнѣнію моему предполагаютъ справедливо, — что мы дѣйствуемъ парціально въ томъ состязаніи, которое здѣсь происходитъ. (*Громкое одобрение.*) Можетъ-быть мнѣ позволятъ сказать нѣсколько лишнихъ словъ, которыхъ бы я не сказалъ, еслибы меня не вызвали на это. Вопросъ состоитъ въ томъ, достойно ли и способно ли

лицо, стоящее во главѣ правительства, председательствовать въ совѣтахъ этой великой страны во время особенно-затруднительныхъ обстоятельствъ. Мнѣ сказывали, что благородный лордъ (лордъ Дерби) въ продолженіи 32 минутъ занималъ другое собраніе изложеніемъ моего политическаго поприща. *(Смѣхъ.)* Онъ обнародывалъ это послѣ въ памфлетѣ, имѣвшемъ форму избирательнаго адреса. Я не читалъ ни рѣчи, ни памфлета, но я замѣтилъ, что какъ только собрался настоящий парламентъ, то на меня посыпались брань и насмѣшки. Я не остановлю вниманія палаты и на двѣ минуты изложеніемъ моего мнѣнія о дарованіяхъ благороднаго лорда. Онъ великій ораторъ. Онъ говоритъ самымъ яснымъ языкомъ. Сквозь этотъ ясный языкъ свѣтится бѣдность идей. *(Смѣхъ на министерской сторонѣ и одобреніе оппозиціи.)* Онъ очень скоро составляетъ мнѣніе и необыкновенно быстро приходитъ къ дурному рѣшенію. *(Одобреніе.)* Характеръ его отличается легкомысліемъ и несостоятельностью принципа. *(Одобреніе.)* По моему мнѣнію, человекъ, принимающій на себя управление дѣлами въ трудное время, не долженъ имѣть его свойствъ. *(Одобреніе.)* Я не могу понять человека, который разъ объявляетъ, что пониженіе избирательной льготы въ бургахъ будетъ гибельно, а въ другой разъ, спустя весьма не много времени, готовъ понизить ее,—человѣка, который разъ объявляетъ, что допущеніе Евреевъ въ парламентъ противно его совѣсти, а потомъ совершенно готовъ на него согласиться *(одобреніе)*,—человѣка, который распустилъ парламентъ въ 1852 году, и въ то время, когда одни говорили, что покровительственная система морить съ голоду народъ, а другіе, что свободная торговля разрушитъ всѣ земледѣльческіе интересы, удовольствовался словами: «Быть ли покровительственной системѣ или свободной торговлѣ, пусть рѣшатъ избиратели этой страны. Если они рѣшатъ въ пользу покровительства, то и я буду говорить въ пользу покровительства. Если они рѣшатъ въ пользу свободной торговли, я сдѣлаюсь такимъ смѣлымъ поборникомъ свободной торговли, какъ лучшій изъ нихъ. Лишь бы только я былъ министромъ, и мнѣ все равно, какихъ правилъ ни держаться.» *(Громкое одобреніе.)* Къ такому человекѣ я не имѣю довѣрія и очень радъ буду, если его устранять отъ званія главы министерства. *(Одобреніе.)*

Г. Робакъ. Такъ какъ я намѣреваюсь, сэръ, вотировать противъ поправки, то я надѣюсь, что палата позволитъ мнѣ сказать нѣсколько словъ о причинахъ, на которыхъ я основываю свое рѣшеніе. Въ продолженіи нѣсколькихъ ночей этого пренія, палату занимали джентльмены описаніемъ другъ друга, и я пришелъ, сэръ, къ заключенію, что ни та, ни другая сторона не заслуживаетъ доброй характеристики. Но я долженъ

опредѣлять образъ дѣйствій, который я считаю лучшимъ для моей страны. (*Министерское одобрение и крики «О, о!»*) Скажетъ ли кто-нибудь на этой сторонѣ палаты «нѣтъ»? Я призванъ подать свое мнѣніе и мнѣ предстоитъ рѣшить, что лучше всего для моей страны. Я желаю знать, если вы устраните настоящую администрацію, то какую администрацію вы поставите на ея хѣсто, и потому я желаю обсудить, лучше ли будутъ тѣ, кого вы поставите, нежели тѣ, кого вы устраните. (*Одобрение.*) Вотъ, сэръ, конецъ дѣла въ его простомъ видѣ, и о немъ-то я долженъ произнести мое мнѣніе. Первый вопросъ, который я предлагаю себѣ, состоитъ въ томъ, каковы обстоятельства, при которыхъ мнѣ предстоитъ произнести это мнѣніе, въ какомъ положеніи находится Англія въ настоящее время, когда мнѣ предстоитъ рѣшить споръ между двумя партіями, и не просто только въ какомъ положеніи находится Англія, но въ какомъ положеніи находится весь міръ. (*Слушайте, слушайте.*) Въ настоящее время большая часть Европы страдаетъ отъ ужасовъ войны: двѣ изъ величайшихъ націй Европы сшиблись одна съ другою въ маленькой равнинѣ сѣверной Италіи, и я спрашиваю, благоразумно ли будетъ при такомъ положеніи вещей лишать Англію ея настоящаго правительства для того, чтобы составить другое. Это вопросъ опасный, къ разсмотрѣнію котораго я приступаю по истинѣ съ трепетомъ. (*Одобрение и смѣхъ.*) Я слышу смѣхъ. Не могу подивиться, какого душевнаго состоянія человѣкъ можетъ приступить къ подобному вопросу безъ нѣкотораго волненія. Волненіе мое внушено мнѣ чувствомъ страха, потому что я страшусь за свою страну. Рѣшеніе наше въ эту ночь можетъ имѣть великія послѣдствія. (*Слушайте, слушайте! со стороны оппозиции.*) Если я поступлю ошибочно, если палата поступитъ ошибочно, то изъ этого можетъ послѣдовать зло, и мы знаемъ какое важное дѣло голосъ, если изъ подачи голоса вытекаюгъ великіе результаты. Оттого мнѣ не стыдно сказать, что я смотрю на это дѣло со страхомъ и трепетомъ. Это можетъ возбуждать насмѣшливость джентльменовъ, которые не умѣютъ подчинить эту насмѣшливость своему разсудку, но я полагаю, что каждый человѣкъ справедливый, почтенный и рациональный согласится, что я совершенно правъ въ своемъ страхѣ и трепетѣ. Я долженъ двадцать разъ спросить самъ себя: если мнѣ придется устранить настоящее правительство, то что изъ этого выйдетъ? Мы знаемъ, что эта сторона палаты расположена въ пользу благороднаго лорда члена за Тивертонъ и благороднаго лорда члена за Лондонъ. Я, имѣвшій счастье долгое время сидѣть на сторонѣ благороднаго лорда, члена за Лондонскій Городъ, могъ подробно изучитъ его политическія убѣжденія. (*Крики о, о! и слушайте, слушайте!*) Не думаетъ ли кто-нибудь, чтобы я не

могъ изучить его политическихъ убѣждений? (*Слушайте, слушайте!*) Я увѣренъ, что благородный лордъ не будетъ возражать на мои слова. Я нисколько не думаю намекать на частныя бесѣды (*слушайте, слушайте!*), но, занимаясь, какъ занимался я, самымъ тщательнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями благороднаго лорда, я не могъ не убѣдиться, что онъ не одинаковыхъ мнѣній съ благороднымъ лордомъ членомъ за Тивертонъ (*слушайте, слушайте!*). Я слышу, что каждое правительство должно опираться на сдѣлки въ мнѣніи. (*Слушайте, слушайте!*) Ну да — «слушайте, слушайте» на сдѣлки въ мнѣніяхъ, а не на сдѣлки въ принципѣ. (*Слушайте, слушайте!*) Благородный лордъ членъ за Тивертонъ никогда не являлся ревностнымъ реформистомъ, но я всегда полагаю, что благородный лордъ членъ за Лондонъ хорошій реформистъ, хотя и неидетъ такъ далеко, какъ иду я. Два великіе вопроса, по которымъ мы можемъ судить о достоинствахъ этихъ двухъ благородныхъ лордовъ при этомъ случаѣ, суть: во первыхъ реформа, и во вторыхъ внѣшняя политика правительства. Благородный лордъ высказалъ мысли объ одномъ своемъ бывшемъ товарищѣ, а я выскажу свои мысли о благородномъ лордѣ членѣ за Тивертонъ. Я говорю, что передъ страшною я въ правѣ утверждать, что благородный лордъ не реформистъ; и оттого я задаю себѣ вопросъ, въ правѣ ли я ожидать отъ него реформъ, которыя я надѣюсь получить отъ партіи, которая теперь стоитъ во главѣ правленія? (*Крики «Да, да!» «Нѣтъ, нѣтъ» и смѣхъ.*) Высокопочтенный джентльменъ, сидящій противъ, сообщилъ намъ, что онъ изготавился представить былъ серьезной реформы (*слушайте, слушайте!*), и я слышу, что это служить доказательствомъ невѣрности его своимъ убѣжденіямъ. Не удавалось ли мнѣ въ продолженіи моей жизни видѣть многихъ обращеній? (*Слушайте, слушайте!*) Не видѣлъ ли я какъ благородный лордъ здѣсь (лордъ Джонъ Россель) и благородный лордъ тамъ (лордъ Пальмерстонъ) обратились къ свободной торговлѣ? (*Слушайте, слушайте!*) Но я полагаю, что мы не можемъ ожидать ничего хорошаго отъ джентльменовъ оппозиціи. Правда, въ юности своей благородный лордъ и партія, къ которой онъ принадлежалъ, ратовали за великій вопросъ эманципаціи католиковъ, но кѣмъ проведена была эта мѣра? Противоположною стороною. (*«О, о!» и одобреніе.*) Я не восхваляю этой партіи за такое долгое сопротивленіе требованіямъ католиковъ. Я имѣю не высокое мнѣніе о нихъ, потому что они не умѣли дойти ранѣе до хорошаго результата, но они все-таки дошли до хорошаго результата и провели католическую эманципацію, которую поддерживалъ благородный лордъ, но которой онъ не смогъ провести. Послѣ того какъ проведена была католическая эманципація, благородный

лордъ и друзья его предложили реформу парламента. Противъ нихъ дѣйствовала партія, имъ оппозирующая, но какимъ образомъ прошла эта мѣра? Возстаніемъ цѣлаго народа этой страны и мирною гражданскою революціею. Повторяю еще, что еслибы реформа оставлена была въ рукахъ двухъ благородныхъ лордовъ, то я вполне увѣренъ, что они бы перессорились между собою (*смѣхъ*), а еслибы нѣтъ, то палата лордовъ оказала бы имъ сопротивленіе. Теперь, сэръ, джентльмены, сидящіе противъ (1), представлятъ, я въ томъ увѣренъ, билль, по крайней мѣрѣ не хуже тѣхъ, какіе когда-либо состряпаны были благороднымъ лордомъ членомъ за Лондонъ. (*Слушайте, слушайте!*) Я вполне убѣжденъ въ этомъ, потому что неудача великій учитель. (*Слушайте, слушайте!*) Джентльмены, сидящіе противъ, выбраны въ эту палату на основаніи соглашеній, совершенно отличныхъ отъ началъ старой торійской партіи. Старая торійская партія не существуетъ болѣе. Существуетъ партія реформы, не во гнѣвъ имъ будь сказано, и если они получаютъ большинство этою ночью, то у насъ будетъ хорошій билль реформы, предложенный высокопочтеннымъ джентльменомъ, и билль этотъ безъ труда пройдетъ черезъ палату лордовъ. Итакъ я говорю, что палата получитъ отъ партіи, сидящей противъ, такой же хорошій билль о реформѣ, какой можетъ быть представлень двумя благородными лордами, и что, безъ сомнѣнія, онъ пройдетъ черезъ палату лордовъ. Но говорятъ, что у благородныхъ лордовъ будетъ добавочная поддержка. Составится триумвиратъ. Почтенный джентльменъ членъ за Бермингамъ готовъ подать свою помощь этому смѣшанному кабинету. Еслибы почтенный джентльменъ былъ въ этой палатѣ тѣмъ же, чѣмъ онъ бываетъ внѣ ея (*слушайте, слушайте!*), еслибы онъ такъ же смѣло говорилъ здѣсь, какъ на платформѣ въ Бермингамѣ (*громкое министерское одобреніе*), я бы имѣлъ гораздо больше довѣренности къ его вліянію и къ дѣйствию, которое онъ произведетъ на кабинетъ; но въ Бермингамѣ онъ рыкалъ, какъ левъ, а когда явился сюда, то сталъ ворковать, какъ голубокъ. (*Одобреніе.*) Оттого-то я и думаю, что сближеніе почтеннаго джентльмена съ этимъ смѣшаннымъ кабинетомъ не принесетъ большой выгоды англійскому народу. Говорятъ, однакожь, что какой бы пользы ни ожидать реформы отъ кабинета, сидящаго противъ, но онъ не въ состояніи будетъ поддерживать миръ въ Европѣ. Но въ какія руки мы намѣрены передать власть? (*Слушайте, слушайте!*) Предполагаю, что благородный лордъ членъ за Твертонъ есть то лицо, въ руки

(1) Г. Робакъ сидѣлъ на скамьяхъ лѣвой стороны. Партіей, сидящею противъ, онъ вездѣ называетъ консервативную партію.

котораго должно перейти главное управленіе. Благородный лордъ не имѣлъ большаго успѣха въ желаніи своемъ поддерживать миръ. *(Слушайте!)* Я бы желалъ знать, какимъ образомъ онъ дошелъ до войны съ Китаемъ. *(Вопросъ!)* (1) Я не сомнѣваюсь, что это очень непріятный вопросъ. Я бы желалъ еще знать, какъ онъ дошелъ до войны съ Персіею. Этотъ вопросъ никогда еще не былъ подвергнутъ пренію. *(Слушайте, слушайте.)* Болѣе всего, сэръ, мнѣ нужно знать, зачѣмъ благородный виконтъ сгмбалса передъ императоромъ Французовъ и таскалъ Англію по грязи? *(Одобреніе.)* За это благородный лордъ лишился своей должности, и что же случилось въ теченіи года, что бы могло омытъ его? Тогда уже не голосъ палаты, а общій голосъ страны осудилъ его; и когда я возвысилъ мой голосъ противъ дерзости Франціи, благородный лордъ всю дерзость свою обратилъ противъ меня. *(Смѣхъ.)* Но каковъ же былъ результатъ? Да, тотъ самый парламентъ, который былъ собранъ подъ обаятельнымъ дѣйствіемъ имени Пальмерстона, этотъ самый парламентъ выбросилъ его вонъ изъ администраціи, и англійскій народъ поддержалъ дѣйствіе парламента. *(Слушайте, слушайте.)* Это тотъ самый человѣкъ, который волновалъ міръ всегда, когда достигалъ власти, и этому-то человѣку мы готовы вѣрить поддержаніе мира въ Европѣ. *(Слушайте, слушайте.)* Мнѣ необходимо знать, въ какомъ обществѣ намѣренъ явиться благородный лордъ. Будемъ ли мы пользоваться великими способностями бывшаго президента контрольнаго бюро (Г. В. Смита)? *(Одобреніе министерское.)* Будемъ ли мы также благодѣтельствованы великимъ умомъ высокопочтеннаго джентльмена, который управлялъ нашими колоніями (г. Лабушера)? И болѣе всего, будемъ ли мы имѣть счастье пользоваться блестящими способностями того, кто почти разорилъ англійскій флотъ? *(Одобреніе на министерскихъ скамьяхъ.)* Но есть бальзамъ въ Гилеадѣ. Мнѣ сказываютъ, что это будетъ кабинетъ смѣшанный, и вѣроятно три высокопочтенные джентльмена, которыхъ я называлъ, не примуть въ немъ участія. Если это такъ, то поручится ли кто-нибудь, чтобъ этотъ кабинетъ сохранилъ власть хотя три мѣсяца? Но созданное такимъ образомъ раздѣленіе внутри кабинета не будетъ ли гораздо опаснѣе для прочности администраціи, чѣмъ что-нибудь, могущее случиться при нынѣшней администраціи? Я нисколько не намѣренъ льстить джентльменамъ, сидящимъ противъ. Я также не высокаго мнѣнія о правительствѣ *(смѣхъ)*; но въ томъ я увѣренъ, что мы можемъ отъ него ожидать гораздо болѣе, чѣмъ отъ благороднаго виконта. Вы

(1) Крикъ: «Вопросъ!» означаетъ желаніе, чтобы пренія прекратились, и чтобы *вопросъ* положенъ былъ спикеромъ. Крики: «вопросъ!» запрещены регламентомъ палаты.

(обращаясь къ членамъ, сидящимъ на передней лавкѣ оппозиціи) желаете принять на себя власть, но вы не сохраните ея и въ продолженіи недѣли безъ споровъ и ссоръ (министерское одобреніе), и посреди вашихъ волненій и несогласій Англія будетъ забыта. (Новое одобреніе.) Я вижу, что будетъ впереди. Бѣдная Англія! (Смѣхъ.) Джентльмены смѣются, но подъ управленіемъ этой лавки я видѣлъ Англію въ такомъ положеніи, что всѣ патріотическія сердца трепетали за будущее. Политика ихъ направлена была къ гибели англійскаго народа, и когда они удалены были отъ должностей, то люди стали спать спокойнѣе. (Восклицаніе о, о!) Такой фактъ, безъ сомнѣнія, не очень приятенъ для тѣхъ, кто сидитъ на этой сторонѣ палаты; но, сэръ, моя обязанность вызываетъ меня принять рѣшеніе, и въ настоящемъ важномъ положеніи дѣлъ я долженъ спросить себя, какое рѣшеніе принять требуетъ моя обязанность. (Смѣхъ.) Кажется, на этой сторонѣ палаты господствуетъ сильное побужденіе къ смѣшливости. (Громкій смѣхъ.) Однако смѣхъ часто показываетъ пустоту головы (слушайте, слушайте), а я могу только увѣрить почтенныхъ джентльменовъ, что я смотрю на предметъ пренія какъ на самый серьезный предметъ. Не могу же я разсматривать его какъ нѣчто смѣшное, потому что мнѣ предстоитъ разсмотрѣть то, что наиболѣе содѣйствуетъ благу моей страны. (Смѣхъ.) Это выраженіе можетъ опять возбудить пересмѣшки почтенныхъ членовъ этой стороны палаты, но вопросъ все-таки остается тѣмъ, что онъ есть, то есть вопросомъ, какъ мой долгъ повелѣваетъ мнѣ дѣйствовать. (Слушайте, слушайте.) Онъ повелѣваетъ мнѣ идти слѣдующимъ путемъ,—поддерживать правительство, не потому, чтобъ я почиталъ его такимъ, какимъ бы оно должно было быть, но потому, что почитаю его лучшимъ, чѣмъ какое-нибудь иное правительство, которое его замѣнитъ. (Слушайте, слушайте.) Я имѣю достаточный двадцати-шести-лѣтній опытъ парламентскаго правленія этой страны. Когда прошелъ билль о реформѣ 1832 года, утверждали, что намъ суждено избавиться отъ прежняго управленія знатными фамиліями королевства. До сихъ поръ этого не случилось, но сколько это относится къ этой сторонѣ палаты. (Слушайте, слушайте.) Но я долженъ отдать справедливость почтеннымъ джентльменамъ, сидящимъ противъ, что они обращались во всѣ стороны, отыскивая способныхъ людей, и не спрашивали, какъ человекъ родился и кому онъ родня. (Слушайте, слушайте.) А на этой сторонѣ палаты, съ 1832 года до настоящаго часа, господствовало постоянное и тщательное исключеніе изъ министерства всего, что носитъ плебейское имя. (Слушайте, слушайте.) Управленіе этой страны ввѣрялось постоянно небольшому числу людей, избранныхъ изъ небольшого числа семействъ. (Слушайте, слушайте.) Говорятъ, что наступаетъ

конецъ такому порядку вещей. Если это такъ, то я буду радоваться, и когда увижу, то повѣрю. (*Одобрѣніе и смѣхъ.*) Нѣтъ, я не могу повѣрить такому быстрому перевороту. То же самое стремленіе къ исключительности, которое до сихъ поръ ограничивало правительство партіи виговъ самымъ малымъ числомъ годовъ, по мнѣнію моему, существуетъ и до сихъ поръ, а какъ мнѣ кажется, истинное благо моей страны требуетъ самыхъ широкихъ принциповъ правительства и самаго обширнаго представительства для открытія свободнаго поприща уму, гдѣ бъ онъ ни находился. Я намѣренъ противиться поправкѣ, которую предложилъ благородный лордъ, членъ за Сѣверный Ланкаширъ. (*Одобрѣніе.*)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОЛЛИСИТОРЪ г. КЕРНСЪ, который, поднимаясь съ мѣста, встрѣченъ былъ громкими знаками одобренія, началъ такъ:

«Подъ конецъ третьей ночи этого пренія, мой долгъ попытаться рассмотретьъ, съ краткостію, которая только возможна въ дѣлѣ подобной важности и о которой напоминаетъ мнѣ поздній часъ (20 минутъ перваго) тѣ обвиненія, которыя введены на правительство, и обсудить доказательства, которыми подкрѣпляютъ эти обвиненія. Благородный лордъ, предложившій поправку, и съ благородствомъ и ловкостію исполнившій вѣренную ему обязанность по этому дѣлу трудному и важному,—какова бы ни была участь его предложенія, ни одинъ ораторъ этой стороны палаты не откажется подтвердить слова мои,—благородный лордъ, говорю я, исчислилъ всѣ обвиненія, которыя, по его мнѣнію, лишаютъ правительство ея величества довѣрія палаты. Этого исчисления держались, съ болшею или меньшею вѣрностію, вожди партіи, къ которой принадлежитъ благородный лордъ. Однакожь изъ этой категоріи я долженъ исключить благороднаго лорда члена за Лондонъ, который этою ночью изукрасилъ многодѣльнымъ бисеромъ свою теорію, имѣющую во всякомъ случаѣ достоинство новизны. Онъ сказалъ намъ, что въ преніяхъ объ изъявленіи недоувѣрія, вамъ не нужно вовсе изслѣдовать причины его. (*Слушайте, слушайте.*) Это правило, которое, по словамъ его, онъ заимствовалъ изъ писаній Борка, онъ почитаетъ неоспоримымъ съ конституціонной точки зрѣнія привилегіи палаты общинъ. Впервыхъ, если это такъ, то я долженъ предложить вопросъ, что означали крики, поднявшіеся въ прошедшій вторникъ, когда мой высокопочтенный другъ канцлеръ казначейства предложилъ палатѣ немедленно приступить къ рѣшенію вопроса подачею голосовъ? За чѣмъ же требовалъ отъ насъ благородный лордъ членъ за Тивертонъ, чтобы мы подвергли вопросъ этотъ обстоятельнымъ преніямъ? (*Слушайте, слушайте.*) Прежде всего, если палата дозволитъ мнѣ, я возьму на себя смѣлость прочесть нѣсколько

строкъ изъ того, что сказано однимъ публичнымъ человѣкомъ относительно предложенія о недовѣрїи, при собранїи новаго парламента. Государственный человѣкъ, о которомъ я упоминаю; сказалъ: «Я не нахожу никакого препятствїя къ вотированїю; предложеніе совершенно правильно»; но потомъ прибавилъ: «Если я говорю это, то полагаю, что при этомъ должно поступать, какъ поступаютъ со всякими другими органами власти въ этой странѣ: необходимо основательныя причины для такого образа дѣйствїй. Какъ корона не имѣетъ права назначать министра по одному капризу, такъ точно палата общинъ никогда не въ правѣ, по одному только сознанїю своей власти, устранять назначенїя, сдѣланныя по законному праву, предоставленному коронѣ.» (*Слушайте, слушайте.*) Эти замѣчанїя были сдѣланы, когда министерство лорда Мельборна было встрѣчено при собранїи новаго парламента предложенїемъ о недовѣрїи, а государственный человѣкъ, сдѣлавшїй ихъ, былъ благородный лордъ (*указывая на лорда Джона Росселя*), который сидитъ здѣсь (*одобренїе*), и который получаетъ насъ конституціонному порядку по сочиненїямъ Борка. (*Слушайте, слушайте.*)»

Эти слова короннаго юриста относятся къ вопросу о правахъ палаты общинъ и объ отношенїи этихъ правъ къ прерогативѣ короны. Всѣ органы власти назначаются короною: это ея прерогатива. Но палата общинъ есть не только законодательное собранїе, она въ то же время разсматривается какъ собранїе, имѣющее право подавать коронѣ совѣты «о важныхъ предметахъ, касающихся интересовъ страны». На этомъ свойствѣ палаты общинъ основано ея несомнѣнное право сообщать коронѣ, что совѣтники короны, то-есть министры, не пользуются довѣрїемъ палаты и страны, но само собою разумѣется, что правомъ этимъ палата общинъ не можетъ пользоваться иначе какъ по разсмотрѣнїи доводовъ, побуждающихъ ее обратиться къ коронѣ съ общенїемъ этого рода.

Генеральный солиситоръ старался защитить мѣру распушенїя парламента и разсмотрѣлъ одно за другимъ обвиненїя, взведенныя на министерство. Касательно внѣшней политики правительства онъ настойчиво отрицалъ справедливость сужденїй, высказанныхъ оппозиціею, и утверждалъ, что обвиненїе по этой части можетъ быть основано лишь на трехъ обстоятельствахъ, или на томъ, что война возгорѣлась, или на томъ, что негоціаціи не были ведены съ достаточною энергіею и ревностью, или на томъ, что, послѣ того какъ война началась, правительство дѣйствовало такъ, что образъ дѣйствїй его компрометировалъ страну. Генеральный солиситоръ выказалъ самое блестящее остроумїе въ рѣчи своей, которою старался доказать, что ни одно изъ этихъ осно-

ваній не можетъ выдержать критику. Но такъ какъ новыхъ доводовъ или новыхъ фактовъ не было представлено имъ, а все достоинство его рѣчи состоитъ лишь въ томъ, что она блистательнымъ образомъ реюмировала пренія, то мы не считаемъ необходимымъ передавать ее вполне нашимъ читателямъ.

Одинъ членъ палаты хотѣлъ было говорить послѣ генеральнаго солиситора, но всеобщій крикъ: «на голоса!» побудилъ его отказаться отъ своего намѣренія. Тогда спикеръ приступилъ къ собиранію голосовъ.

Этотъ актъ происходитъ въ палатѣ общинъ слѣдующимъ образомъ: Спикеръ полагаетъ, какъ говорится, вопросъ. Это значитъ, что онъ поднимается съ своего мѣста и говоритъ палатѣ: «вопросъ въ томъ, что слѣдуетъ то-то и то-то» и потомъ прибавляетъ: «кто этого мнѣнія, пусть скажетъ: *да!*» Члены отвѣчаютъ. За тѣмъ спикеръ продолжаетъ: «кто противнаго мнѣнія, пусть скажетъ: *нѣтъ!*» Если спикеръ можетъ ясно судить о большинствѣ, то онъ говоритъ: «я думаю, что *да* имѣютъ перевѣсъ (1)». Если же спикеръ не можетъ составить себѣ мнѣнія, или встрѣтится возраженіе мнѣнію его, то палата удостоверяется въ точномъ числѣ голосовъ посредствомъ такъ-называемаго раздѣленія, *division*. Спикеръ даетъ тогда приказаніе, чтобы посторонніе вышли: *strangers must withdraw*. Это не относится впрочемъ къ тѣмъ галереямъ, которыя не сообщаются съ залой. За тѣмъ сторожа дверей начинаютъ звонить, дабы члены, случайно вышедшіе въ бібліотеку или буфетъ, возвратились въ залу, а клеркъ перерачиваетъ песочные двухминутные часы. По истеченіи двухъ минутъ всѣ входы запираются. Спикеръ вторично полагаетъ вопросъ и послѣ того приглашаетъ говорившихъ *да* идти въ правую боковую комнату, а говорившихъ *нѣтъ*—въ лѣвую. Перемѣнять мнѣніе при этомъ не позволяется: сказавшій *да* долженъ идти въ правую комнату, сказавшій *нѣтъ*—въ лѣвую. Для счета голосовъ спикеръ назначаетъ изъ членовъ четырехъ счетчиковъ, двухъ для правой комнаты и двухъ для лѣвой. По два счетчика назначаются для каждой комнаты на томъ основаніи, что для каждой комнаты одинъ счетчикъ долженъ быть изъ министерской партіи и одинъ изъ оппозиціи. Когда палата совершенно опустѣетъ, то счетчики становятся у дверей двухъ боковыхъ комнатъ, и двери открываются. Счетчики считаютъ входящихъ, а клерки палаты, стоящіе у дверей, отмѣчаютъ, въ алфавитныхъ печатныхъ спискахъ всѣхъ членовъ палаты, имена, входящихъ для внесенія въ журналъ. Затѣмъ счетчики обѣихъ комнатъ сообщаютъ другъ другу результаты

(1) *Да* въ этомъ случаѣ означается [словомъ *aye*; *нѣтъ* обыкновеннымъ словомъ *no*. «*Да* имѣютъ перевѣсъ» выражается такъ: *the ayes have it*.

счета и подходить къ главному столу палаты, стоящему подъ кафедрой спикера; счетчики большинства идутъ справа, счетчики меньшинства — слѣва, и однимъ изъ счетчиковъ большинства докладываетъ спикеру о результатѣ счета. Въ это время каждый изъ членовъ палаты можетъ дѣлать свои замѣчанія касательно нарушенія порядка при подачѣ или при счетѣ голосовъ. За тѣмъ результатъ *раздѣленія* провозглашается спикеромъ съ кафедры.

По окончаніи этой церемоніи въ эту ночь, спикеръ провозгласилъ:

Да, то-есть за поправку, 323.

Нѣтъ, то-есть противъ нея, 310.

Итакъ оказалось противъ правительства большинство *тринадцати* членовъ. Провозглашеніе чиселъ было принято громкими и продолжительными знаками одобренія со стороны оппозиціи.

Для составленія новаго адреса была назначена коммиссія изъ пятнадцати членовъ, между которыми были лордъ Пальмерстонъ, лордъ Джонъ Россель, гг. Сидни Гербертъ и Мильнеръ Гибсонъ. При имени г. Гибсона слышался смѣхъ и крики: «Брайта». Палата разошлась въ половинѣ третьяго часа ночи.

ИЗЪ БРЕШІИ.

1-го іюля нов. ст.

Я разстался съ Миланомъ 15 (27) іюня, утромъ, часовъ въ 9, чтобъ ѣхать въ Брешию по желѣзной дорогѣ до Кассано и потомъ, перейдя пѣшкомъ черезъ Адду, по вновь устроенному мосту, пересѣсть въ другіе вагоны до Брешии. Правильныхъ поѣздовъ тогда еще не ходило, и билетовъ не продавали, отчасти потому, что дорога не была еще въ надлежащемъ порядкѣ, а частью потому, что этимъ путемъ препровождается множество военныхъ припасовъ и войска. Вагоны привозятъ больныхъ и раненыхъ изъ лагеря и забираютъ на смѣну износившагося чело-вѣческаго тряпья—все, что можно, живое и полное силъ, надеждъ и фантазій. Всѣмъ другимъ странникамъ предоставлено искать разнообразныя оказіи и тащиться въ дилижансахъ, фурахъ, чуть не на пушкахъ верхомъ, давъ на чай иному бомбардиру, съ сильно-запыленнымъ лицомъ, усами и даже рѣсницами, комически-важно и серьезно сидящему на конѣ и побрякивающему саблей, въ то время, когда его орудіе давитъ шоссейной хрищъ и плавно катится по дорогѣ въ клубахъ пыли, погромыхивая изрѣдка

своими почтенными колесами, изъ которыхъ въ каждомъ 5 пудовъ вѣсу. Одинъ, два, три, и Богъ знаетъ сколько двигается другъ за другомъ по шоссе такихъ запыленныхъ бомбардировъ. Если бы вы могли видѣть эту картину! Невыразимо важно, тѣло и сердито сидятъ они на коняхъ, какъ будто рѣшаютъ въ это время труднѣйшую философскую задачу. Они таки ее и разрѣшатъ, только другимъ способомъ. Нельзя, съ нѣкоторой стороны, не извинить имъ такой философской физиономіи, когда они ѣдутъ по шоссе, въ облакахъ пыли, на пути туда, гдѣ вдругъ должны проснуться сонныя колеса и тяжкія жерла.

Итакъ, между прочими средствами можно дать на чай такому философу-бомбардиру и въ 15, или 20 часовъ переселиться изъ Милана въ Брешию на пушкѣ. Я уладилъ однакожъ переездъ по желѣзной дорогѣ, потому что имѣлъ бумаги въ главный штабъ сардинской арміи.

Минуя въ Фіакрѣ послѣднія улицы Милана, по которымъ должны были проходить ретирующіяся войска Гіулая, я поминутно читалъ на домахъ: *morte ai ladri, morte ai Tedeschi* (1) и другія болѣе энергическія надписи углемъ, какими угощали Миланъ на разставаньи своихъ добрыхъ пріятелей.

Часть города, прилегающая къ этому выѣзду, довольно живописна, по причинѣ роскошной зелени, которая обхватываетъ здѣсь изящныя строенія. Особенно хороши, подъ конецъ улицы, громадныя платаны, въ видѣ широкой аллеи, съ поворотомъ вправо, къ дебаркадеру. Тутъ вѣчно толпится разнообразный народъ и смотритъ сквозь рѣшетку, что дѣлается на дворѣ станціи, гдѣ почти всегда расхаживаютъ и сидятъ въ кучкахъ пестрые французскіе солдаты, дожидаясь отправленія. Ворота заперты, и когда подъѣзжаешь къ нимъ, то невольно, по нашей привычкѣ къ будочникамъ и ихъ крику, вообразится, что вотъ зашумятъ: «какъ? зачѣмъ? куда?» выскочить изъ-подъ земли солдатъ (это воображается по нашей привычкѣ нерѣдко, въ разныхъ случаяхъ) и отдѣляетъ вашего кучера ни за что, ни прочто, а такъ, здорово живешь... бросится назадъ оторопѣлый кучеръ... и все это пригрезится вамъ, когда вы увидите штыки, блестящіе за рѣшеткой, и рослыхъ ребятъ съ черными усами. Но смѣло ѣдетъ неробкій экипажъ, учтиво отворяются ворота, еще учтивѣе отступаютъ въ сторону штыки и усы, назначенные здѣсь не для осады мирныхъ жителей.

Ворота затворились, я сдалъ свои вещи, безъ всякаго билета, на рискъ и на честность безподобныхъ *Milanesi*, и сталъ дож-

(1) Смерть разбойникамъ, смерть Нѣмцамъ.

даться отправленія, присѣвъ на какіе-то тюки, съ надписью: *bagaglio militare* (1).

Человѣкъ тридцать французскихъ солдатъ бродило по двору и лежало по разнымъ угламъ, приклонивъ голову на свои ранцы. Въ сторонѣ отъ нихъ стояло человѣкъ пять-шесть пиемонтскихъ волонтеровъ, съ ружьями въ рукахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ начали вѣзжать во дворъ, тѣми же воротами, кареты и коляски, запряженные самыми превосходными лошадьми, какихъ только мнѣ случалось видѣть. Изящнѣйшіе кучера, во фракахъ, въ бѣлыхъ жилетахъ и перчаткахъ, въ обыкновенныхъ черныхъ шляпахъ, въ узкомъ нижнемъ платьѣ со штиблетами, съ длиннымъ бичомъ въ рукахъ, сидя по здѣшнему нѣсколько набокъ, одну ногу щеголевато впередъ, управляли этими бойкими конями. Внутри экипажей лежали бѣлыя какъ снѣгъ подушки. Все это было назначено для принятія раненыхъ, которыхъ доставать по желѣзной дорогѣ, будутъ ли это Французы, Пиемонтцы, или Австрійцы. Всѣмъ дается одинаковая помощь, и всякое утро, а иногда и вечеромъ, въ извѣстные часы, являются экипажи на дворѣ станціи, экипажи, посылаемые всѣмъ городомъ, изъ лучшихъ и богатѣйшихъ домовъ.

Я любовался конями, чистыми подушками и невольно чувствовалъ въ душѣ то пріятное сотрясеніе, тотъ особенный восторгъ, который способно сообщить человѣку всякое истинно порядочное дѣло.

Я готовъ былъ замечаться «на эту тему», но вдругъ мой сонъ былъ прерванъ рокотомъ барабана: въ ворота входилъ какой-то французскій полкъ, подъ командою офицеровъ, въ походной формѣ. Солдаты поставили на дворѣ свои ружья въ козлы, сложили на землю ранцы и потомъ стали расхаживать свободно. Весь дворъ захлебнулся солдатами. Очень скоро ко мнѣ подошли двое молодцовъ, *deuxième étrangère* (2), изъ которыхъ одинъ заговорилъ со мною по-русски. Какихъ-то, какихъ-то элементовъ нѣтъ въ этомъ иностранномъ легіонѣ! Это разные шалуны всевозможныхъ краевъ, шалуны, которымъ у себя оставаться *меловко*, и вотъ они ищутъ чужой службы. Французское правительство очень хорошо знаетъ, что имъ уйдти некуда, и посылаетъ этихъ иноземныхъ головорѣзовъ въ первый огонь, наравнѣ со своими домашними удалцами всѣхъ департаментовъ—зуавами.

(1) Военный багажъ.

(2) То-есть *второго полка иностраннаго легіона*. Этотъ полкъ имѣетъ обыкновенную форму французскихъ линейныхъ полковъ: синіе кафтаны и красныя брики, только номеръ на кепи вмѣсто суконнаго мѣднѣй. *Deuxième étrangère*, сокращено изъ *deuxième regiment de la légion étrangère*.

2-й полкъ иностраннаго легіона ходитъ постоянно рядомъ со 2-мъ зуавскимъ полкомъ.

Я говорилъ долго съ моимъ любезнымъ соотечественникомъ о разныхъ разностяхъ, между прочимъ о дѣлѣ при Маджентѣ. Онъ хвалилъ стойкость Австрійцевъ вообще, но говоритъ, что на штыки они никуда не годятся. Я слышу это здѣсь не въ первый разъ. Зуавы берутъ штыками—пукъ, пукъ раза два, а потомъ пошелъ! Нечего терять времени. «Заиграютъ тебѣ вотъ эту штуку», и тутъ мой пріятель началъ насмѣивать губами *наступленію* очень исправно: «ну, дѣло извѣстное: ружье наперевѣсъ, знаешь что дѣлать!»

Хвалилъ онъ также Тюркосовъ (1). «Боже мой, какъ бьются! Въ одномъ мѣстѣ, подъ Маджентой, мы нашли 15 австрійскихъ солдатъ, которыхъ уложилъ одинъ Тюркосъ, и тутъ же повалился вмѣстѣ съ ними, точно левъ между охотниковъ.»

Много легло при Маджентѣ. Въ ротѣ, къ которой принадлежалъ офрануженный Русакъ, было въ началѣ кампаніи 165 человекъ, а теперь осталось только 14 (всего-то на завтракъ одному австрійскому Тюркосу, если такой найдется), и то изранныхъ, которые лежали и лежатъ еще въ Миланѣ, а кто выздоровѣлъ—маршъ опять на поле битвы! «И всѣ эти, которыхъ вы здѣсь видите, добавилъ мой русскій пріятель, все это было ранено и лежало по госпиталямъ, а теперь догонлетъ свои полки.»

Между тѣмъ какъ мы разговаривали, свиснулъ свистокъ подъѣжающихъ вагоновъ: привезли раненыхъ, но очень немного. Человекъ 30 Французовъ и Піемонтцевъ (2), съ повязанными лицами, съ разрѣзанными рукавами окровавленныхъ шинелей, стали медленно вылѣзать изъ вагоновъ и проходить мимо насъ, таща за собою ранцы. Человекъ двухъ-трехъ (отпущенныхъ, можно сказать, «для блезиру» и естественности, что вотъ-де есть и *тяжело-раненые*) несли на рукахъ. Все это, собственно, была одна комедія для надуванія публики, и то такой, которую можно надуть. Разумѣется, надувалось самое незначительное количество народу, нѣсколько простодушныхъ солдатъ, которые говорили: «а вѣдь не много раненыхъ, сушіе пустяки!» Но не то бываетъ ночью; только по ночамъ разыгрываются здѣсь настоящіе, серіозные спектакли, а дню предоставлено видѣть одні мелодрамы, съ легкими театральными рубцами и каплями крови.

Между тѣмъ пронесли ящикъ съ тѣломъ какого-то офицера. «Поди и разузнай, пожалуста, кто это», сказалъ я своему услу-

(1) Инфантерія изъ Арабовъ, съ совершенно темными лицами, больше сухощавый и рослый народъ. Дикое и страшное войско. Не совѣтую встрѣчаться съ ними и въ мирное время.

(2) Это были раненые въ послѣднемъ дѣлѣ при Сольферино.

живому соотечественнику, который слушался меня во все это время, какъ своего роднаго командира и исполнилъ нѣсколько моихъ порученій съ большою расторопностью. Какъ-будто, при этихъ мелкихъ прикосновеніяхъ къ земляку, можетъ послѣдному, котораго видѣть на бѣломъ свѣтѣ, почуялъ онъ въ себѣ еще не совершенно разорванную нить съ родиной, нить, которая таинственно, Богъ знаетъ какими электрическими сотрясеніями сердца, при звукахъ роднаго языка, сообщила его съ далекою, навѣки вѣковъ покинутою отчизной. Еще Маджента и пуля на вершокъ лѣвѣе, или правѣ той, которая только навремя задержала этого молодца въ Миланѣ—и все кончено! Пласть чужой земли, заброшенный кое-какъ съ кучей мелкихъ камешковъ, покроетъ навсегда это русское тѣло, гдѣ, можетъ-быть, до послѣдней минуты, билось русское сердце.

Кто знаетъ, какая душа скрывалась подъ этою чужою солдатскою шинелью!...

Солдатикъ, выслушавъ мои слова относительно ящика, пропалъ въ кучѣ синихъ и сѣрыхъ кафтановъ, и скоро воротился съ вѣстіемъ, что это «полковникъ Мартинезъ», Испанецъ, командовавшій когда-то въ Африкѣ и ихъ полкомъ, то-есть *сторымъ иностраннымъ*.

Раненныхъ осторожно рассадили по разнымъ экипажамъ и повезли въ госпитали. Началась суета и усаживанье здоровыхъ въ тѣ же вагоны, что продолжалось около часу. Только въ половинѣ 12-го мы могли тронуться въ путь. Я попалъ въ общество французскихъ офицеровъ, съ которыми проговорилъ весьма приятно до Кассано. Тутъ надо было вылезать и тащить на себѣ багажъ съ полверсты, до станціи. Никакихъ носильщиковъ, ничего! Солдаты начали скакать изъ вагоновъ, другіе уже шли, вѣво, по кустамъ, разсыпавшись и растерявшись въ зеленой травѣ, какъ цвѣты. Много было жизни и картинности во всемъ этомъ, но мало удобства: я едва двигался посреди штыковъ, обремененный своєю ношею. Вдругъ—русскій солдатикъ! Не знаю: случайность, или таинственное сочувствіе привело его ко мнѣ; что бы ни было, но я чрезвычайно обрадовался его предложенію взять у меня часть багажа. Мы благополучно дошли до станціи. Тутъ я поднесъ вина ему и другому легионеру той же роты, съ которымъ онъ почему-то не разставался всю дорогу. Мы простылись, я думалъ навсегда, но случай привелъ еще увидѣться послѣ.

Итакъ, вотъ берега исторической Адды, напоминающей другое время и другія битвы—и ту маленькую фигурку, которая на всѣхъ дѣтскихъ картинкахъ похожа и знаменательнѣе многихъ портретовъ во весь ростъ!

Адда течетъ въ этомъ мѣстѣ двумя рукавами, изъ которыхъ

одинъ (какъ убѣждалъ меня на станціи піемонтскій инженеръ, занятый здѣсь исправленіемъ моста) есть не что иное, какъ искусственный каналъ, сдѣланный иезуитами еще въ XVI вѣкѣ. Черезъ оба рукава были перекинута нѣкогда два огромные каменные моста, но одинъ, ближайшій къ станціи, взорванъ Австріяцами, при ихъ отступленіи послѣ Мадженты, и, нечего сказать, взорванъ отлично: весь промежутокъ, отъ первой до послѣдней арки (не менѣе пяти громаднхъ сводовъ изъ гранита), вырѣзанъ точно ножомъ; все рухнуло въ воду, только висятъ, какъ паутина, въ разныхъ направленіяхъ, съ берега на берегъ, перепутанные рельсы. По обѣ стороны, далеко, до самаго горизонта, тянутся сады; влѣво бѣлѣютъ домики Кассано и за ними синія горы, въ вѣчной дымкѣ отдаленія; иногда, мѣстами, ихъ вершины трогаютъ бѣлое облачко.

Цѣлыхъ пять часовъ смотрѣлъ я на эту картину, расхаживая по берегамъ Адды и дожидаясь поѣзда, который, какъ говорили на станціи, долженъ былъ явиться въ 6-мъ часу вечера. Всѣ, кто могъ, то-есть имѣлъ незначительный багажъ, и прежде всего солдаты, отправились пѣшкомъ въ Тревилю, надѣясь тамъ найти какія-либо перевозочныя средства. До Тревилю было миль 3—4. Его домики бѣлѣли вдали, за купами деревьевъ. Но я и еще двое моихъ спутниковъ рѣшились выждать поѣзда желѣзной дороги.

Любопытно было наблюдать за дѣятельностію рабочихъ, которые чинили мостъ. Ихъ было до ста человекъ. За ними смотрѣли два молодыхъ инженера, совершенные мальчишки, но повидимому отлично знавшіе свое дѣло. Одинъ изъ нихъ убѣждалъ изъ Вероны, гдѣ Австріяцы хотѣли взять его въ солдаты. Дойдя до озера Гарда пѣшкомъ, онъ нанялъ гребцовъ, переѣхалъ озеро и снова пѣшкомъ добрался до главной квартиры Наполеона. Такихъ ухарей является теперь много, со всѣхъ концовъ Италіи.

Мостъ улаженъ весьма искусно изъ крѣпкихъ, но короткихъ бревенъ. Нужно было 4 бревна по 13 метровъ длиною; по близости не нашлось: ихъ замѣнили составными, и въ ту минуту, когда я пишу эти строки, тамъ уже летаютъ вагоны.

Но перенесемся къ тому, что было дни четыре назадъ (1).

Въ 6 часовъ было получено на станціи телеграфическое извѣстіе, что вагоны тронутся изъ Бергамо въ полночь. Это, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, означало слѣдующее: «раненыхъ такъ много доставлено въ Бергамо, что днемъ ихъ показывать Милану неудобно». Начальникъ станціи, *chef de la station*, какъ его тамъ называли, *Milanese*, объявилъ мнѣ, что я могу свободно отправиться въ Кассано, тамъ закусить и пожалуй пе-

(1) 15/27 іюня.

решивать: времени довольно. «Хотите, я васъ даже подвезу: у меня здѣсь въ распоряженіи экипажъ!»

Я готовъ былъ подумать, что и меня спроваживаютъ для того, чтобы не было, по возможности, лишнихъ свидѣтелей при домашнихъ вечернихъ спектакляхъ... Однако я сѣлъ въ крохотную колясочку шефа, и мы отправились въ Кассано, сами управляя невидною, пузатою лошадкой, которая, впрочемъ, бѣжала исправно: не больше какъ въ три минуты мы очутились въ улицахъ маленькаго городка, въощеннато отлично, съ высокими трехъ-этажными домами, въ родѣ палаццо, изъ которыхъ въ одномъ, съ надписью: *Caffè e liquori*, мы нашли весьма изрядный обѣдъ. Изъ оконъ былъ виденъ другой взорванный мостъ (1), уничтожаемый и возобновляемый (какъ говорилъ шефъ) чуть-ли не въ пятый разъ. Сильно урчала вода между оставшимися глыбами гранита, гдѣ, на легкихъ подмосткахъ, возилось нѣсколько рабочихъ, какъ червячки. По ту сторону, въ нѣкоторомъ отдаленіи, перекидывались арки втораго моста, который когда-то бралъ приступомъ Наполеонъ I. Въ старой башнѣ, по сю сторону сидѣли его стрѣлки. Новый взрывъ не пощадилъ исторической башенки: она отѣхала отъ берега, вмѣстѣ съ гранитнымъ утесомъ, и сѣла немного ниже, разобщась съ маленькимъ городкомъ можетъ-быть навсегда. Теперь нѣтъ въ нее ходу новымъ стрѣлкамъ. Бѣленькій кувшинчикъ уцѣлѣлъ какими-то судьбами въ промежуткѣ двухъ зубцовъ, гдѣ облакачивались прежніе Наполеоновцы, и сообщаетъ нѣкоторую жизнь этимъ обломкамъ. По стѣному граниту башни видна бѣлая надпись: *Borgo di Cassano d'Adda distretto IV di Gorgonzola provincia di Milano* (2).

Я не хотѣлъ ночевать въ Кассано, и пузатая лошадка отвезла насъ опять на станцію. Уладить спанье, при помощи нѣсколькихъ услужливыхъ и милыхъ *Milanesi*, было вовсе не трудно. Самый звукъ *Milanese* напоминаетъ что-то *милог*.

Въ первомъ часу ночи я проснулся по какому-то инстинкту, а можетъ-быть и отъ шума. Прибыли раненые. Во тьмѣ сырой и холодной ночи, при плескахъ невидимой Адды, совершалось ихъ движеніе съ одного берега на другой. Невозможно описать впечатлѣніе, какое производило мельканіе этихъ блѣдныхъ тѣней, этихъ закрытыхъ и открытыхъ носилокъ, при блескѣ нѣсколькихъ десятковъ факеловъ, растянутыхъ по всей дорогѣ. Двадцать

(1) По слухамъ, Австрійцы употребили 100 килограммовъ пороху для взрыва этого моста, заложивъ мины въ четырехъ пунктахъ, гдѣ смыкались своды.

(2) Городъ Кассано на Аддѣ, 4-й дистриктъ Горгонзолы, миланской провинціи.

минуть, по часамъ, мелькали другъ за дружкой эти тѣни, тихо, безъ малѣйшаго стона. Это были одни Французы и Ніемонты. До Австрійцевъ еще не дошла очередь. Между тѣмъ, на станціи приготавлили питье: небольшія ведерки воды съ лимоннымъ сокомъ. Огромныя кошолки лимоновъ стояли вокругъ. Усердіе прислуги съ носилками и хлопотавшей около лимоновъ было чрезвычайное. Все кипѣло. Носилокъ такъ много спустилось внизъ, на другой берегъ, что по крайней мѣрѣ десятокъ воротились назадъ пустыми. Недостатка въ чемъ бы то ни было нигдѣ не замѣчалось. Командовалъ какой-то старичокъ, въ партикулярномъ платьѣ, говорившій по-италиянски.

Послѣ этой сцены трудно было спать. Въ 4 часа я перенесъ на ту сторону мои вещи и сѣлъ въ одинъ изъ вагоновъ. Дождаться разъясненій не было никакой возможности. Всѣ шены и подшены,—все это куда-то исчезло и затерлось. Я былъ одинъ въ вагонѣ какихъ-нибудь 10—15 минутъ. Правда, кто-то еще спалъ, и надо было думать, что онъ тутъ провелъ ночь. По крайней мѣрѣ, не спавшій былъ одинъ я. Но вскорѣ стали показываться офицеры, ночевавшіе въ Кассано, веселые говоруны Французы: декораціи перемѣнились. Богъ вѣсть куда пропали этотъ иракъ, факелы и носилки. Солнечный лучъ скользнулъ по Аддѣ, катившей и катившей между тѣмъ свои вѣчныя, однообразныя волны...

Въ обществѣ явившихся Французовъ былъ одинъ забавникъ—докторъ, по фамиліи Le-Roi, котораго всѣ звали Madame-le-Roi, якобы въ избѣжаніе какого-нибудь *qui-pro-quo*. Этотъ докторъ болталъ безъ умолку. Началось съ объясненія блюдъ, какими его угощали въ Кассано. Онъ насчиталъ ихъ больше десятка, съ самыми уморительными названіями.—*Et puis?* спрашивали, смѣясь, офицеры. «*Puis: le plat de la mitraille!*»—*Et puis?*—«*Le plat des Autrichiens avec des Chiens!*»

Когда вагоны были набиты биткомъ, даже слишкомъ, такъ что три статскихъ господина устроились снаружи, на ступенькахъ, по которымъ сходять,—вдругъ явилась между нами какая-то дама. Ясно было, что сѣсть некуда. Madame-le-Roi предложилъ ей безъ церемоніи, самымъ серьезнымъ тономъ, сѣсть къ нему на колѣни и брался довести ее такимъ образомъ сохраннымъ.

«Вы можетъ-быть меня не понимаете, разъяснилъ онъ ей:—просто-за-просто сѣсть ко мнѣ на колѣни, вотъ сюда—и ѣхать.»

Дама, не отвѣчая ничего, скрылась и больше не показывалась. Потомъ мы видѣли какого-то чудака, мелькнувшаго мимо съ птичкой въ клѣткѣ. Madame-le-Roi кричалъ ему: «продай птичку!»

Четыре часа слишкомъ болталъ неугомонный докторъ, а вагоны все стояли, и было неизвѣстно, когда они тронутся. Въ

это время къ намъ вошелъ одинъ офицеръ изъ отряда Гарибальди,—въ красной курткѣ, въ родѣ гусарской, съ черными шнурами на груди, въ сѣромъ нижнемъ платьѣ съ чернымъ лампасомъ и въ обыкновенной итальянской кепи сѣраго цвѣта. Это былъ очень порядочный молодой человѣкъ, говорившій хорошо по-французски. Мы долго бесѣдовали съ нимъ о Гарибальди. Изъ всего, что онъ сообщилъ, видно было народное значеніе начальника *альпійскихъ стрѣлковъ*—*dei Cacciatori delle Alpi*—какъ называется его отрядъ даже офиціально: значеніе, котораго не сильны поколебать ни проски аристократической партіи (о чемъ носились слухи), ни равнодушіе и недобъріе главнаго штаба, ни даже это вѣчно и всюду звучащее «*l'Empereur*» и его полтораста тысячъ штыковъ, составляющихъ существенную надежду Италіи...

Въ 8 часовъ съ небольшимъ мы наконецъ тронулись и ѣхали все время среди великолѣпныхъ фруктовыхъ садовъ, перемежанныхъ съ лугами и пашнями, гдѣ изрѣдка шевелился народъ, женщины и мужчины. Первые—въ синихъ платьяхъ изъ какой-то грубой матеріи, безъ рукавовъ, вмѣсто которыхъ выставался рукавъ рубашки. На головѣ—желтые платки съ красными цвѣтами, завязанные сзади узломъ. Издали здѣшнія женщины, во время работъ въ полѣ, очень похожи на русскихъ бабъ и дѣвокъ. Мужчины ходятъ обыкновенно въ желтоватыхъ камзолахъ и въ сѣрыхъ шляпахъ съ большими полями. Работаютъ въ однихъ рубашкахъ, въ сѣромъ нижнемъ платьѣ и въ тѣхъ же шляпахъ, накинувъ на шею пестрые платки, какими женщины повязываютъ голову. Земля вездѣ по нашему дурна до крайности и переполненна мелкими камнями, но ее обрабатываютъ золотыя руки, и все это обращается въ золото. Когда ее пахутъ—удивляешься, какъ можно пахать глину, песокъ и камень, а когда вспашутъ и посѣютъ,—удивляешься еще больше тому, что выросло на этомъ пескѣ и камняхъ. Милліоны каналовъ и узкихъ полосокъ воды разрѣзываютъ поминутно то пышный лугъ, то крохотное поле съ ячменемъ, пшеницею, кукурузой. Нигдѣ не пропалъ ни одинъ клочокъ земли, никакая сильная струя воды: едва она можетъ двигать колесо,—ее уже запрягли ворочать какую-нибудь машину.

Среди садовъ, о которыхъ я сказалъ, мелькаютъ довольно часто небольшія деревеньки, непременно съ каменнымъ строеніемъ. Другаго здѣсь не знаютъ. По горамъ, кое-гдѣ, красуются виллы, и торчатъ старые замки.

Бергамо, куда мы пріѣхали въ 10-мъ часу,—небольшой, но живописный городъ, разбросанный по холмамъ и окруженный садами. Часть его подымается по берегу одной высокой горы, почти на самомъ горизонтѣ. Нѣкоторыя улицы упираются въ

железную дорогу, — и вы видите внизу, какъ на ладони, жизнь города: гремѣть экипажи, движутся прокожіе, пестрѣютъ вывѣски магазиновъ, вѣютъ бандіеры... потомъ опять сады и деревеньки вплоть до Брешии, куда мы прибыли въ 12-мъ часу. Железная дорога кончилась; надо было изобрѣтать какія-нибудь другія средства.

Брешия довольно большой городъ, обыкновенной италіанской постройки, — высокіе дома, въ видѣ безконечныхъ стѣнъ, и узкія улицы съ гранитными плитами для бѣга колесъ. Съ одной стороны сохранились толстыя стѣны и ровъ прежней крѣпости, когда-то очень надежной и даже, можетъ-быть, неприступной. Теперь, по всему валу и за нимъ, раскинуты палатки зуавовъ и какихъ-то другихъ армейскихъ полковъ. Въ *Albergo reale*, кажется лучшемъ, не нашлось комнатъ; въ *Albergo del Capello* — также. Но я рѣшился пристроиться въ этомъ послѣднемъ какъ-нибудь, лишь бы не блуждать по городу въ жаръ и не таскать за собой носильщика съ багажемъ.

Albergo del Capello былъ сильно грязенъ; я свалилъ вещи въ одной залѣ, просто въ уголъ, и спросилъ обѣдать. Обѣдъ совершенно соответствовалъ физиономіи трактира: кромѣ плодовъ все было очень скверно. Надо было ѣхать и ѣхать какъ можно скорѣе; но гдѣ взять лошадей? Какая-то пискливая женщина, роль хозяйки *albergo*, сказала мнѣ, что лошади будутъ къ утру, и что вездѣ и впередъ до Ривольтеллы (гдѣ, по слухамъ, находился тогда главный штабъ сардинской арміи) будетъ стоить 30 франковъ. Цѣна была сносная; она могла еще убавиться, но гдѣ же быть все это время? гдѣ провести ночь? Я сидѣлъ въ раздумьи больше часу, потомъ прохаживался по грязной залѣ *albergo*... и вдругъ увидѣлъ черезъ дворъ, въ окно, какого-то пишущаго господина, обложеннаго картами и тетрадами. Пишетъ, обложился картами — долженъ быть порядочный человекъ! дай пойду къ нему! Меня встрѣтилъ пріятный бронецъ, недурно говорившій по-французски, и черезъ пять словъ я узналъ, что онъ корреспондентъ одной парижской газеты, собирается ѣхать въ Сольферино (гдѣ была битва 25 іюня) и приготавливаетъ свѣдѣнія, необходимыя для уразумѣнія хода битвы. Онъ заплатилъ большія деньги, чтобы попасть въ Брешию, ѣхалъ 18 часовъ и теперь снова платитъ большую сумму, чтобы пробраться дальше. Вотъ какъ шнырять, какъ упорно и энергически пробиваются сквозь всѣ преграды любопытство и литературный интересъ... Этотъ господинъ совѣтовалъ мнѣ обратиться за лошадьми въ сардинское интендантство — *Contrada S.-Francesco*, номеръ такой-то, — и если тамъ не дадутъ, то ѣхать съ нимъ въ Сольферино, а оттуда уже не далеко; вслѣдствіе совершеннаго отсутствія перевозочныхъ средствъ,

можно пѣшкомъ. Я отправился въ интендантство, и черезъ часъ получилъ лошадь, въ небольшой коляскѣ, до мѣстечка Кастильйоне, гдѣ я долженъ былъ взять другую лошадь уже до Ривольтемы: такъ разлѣлены станціи.

Былъ шестой часъ вечера, когда мы выѣхали. Кругомъ зазеленѣли такіе же сады, которые встрѣчаешь здѣсь на всѣхъ дорогахъ. Кузнечики драли горло на всю Ломбардію, какъ-будто радовались ея побѣдамъ. Я нигдѣ не слыхивалъ такихъ горластыхъ кузнечиковъ. Точно поетъ каждый листъ дерева, чирикаетъ каждая травка. Все наполнено однообразнымъ звукомъ какихъ-то полевыхъ скрипокъ. Рѣжутъ скрипки, заглушая птицъ, которыхъ вообще чрезвычайно мало, несмотря на безконечную зелень садовъ. Мнѣ кажется, всю Ломбардію можно назвать однимъ огромнымъ садомъ, гдѣ мѣсто бесѣдокъ занимаютъ деревеньки, города и крѣпостцы. Вся дорога отъ Брешии до Кастильйоне наполнена французскими солдатами, военными обозами, пушками: все это движется, важно и тихо, въ облакахъ пыли, какъ тѣни въ дѣрамахъ. Солдаты идутъ гдѣ кучами, гдѣ врознь, по одному, заткнувъ иногда въ ружья разные цвѣты и вѣтки. Начальства никакого. Все идетъ и ѣдетъ какъ бы само собою, влекомое неувѣстно какою силой. О побѣгахъ не слышать вовсе. Въ стотысячной арміи, можно сказать, ни одного мародера; проходите, проѣзжайте смѣло все это значительное пространство, охваченное штыками, днемъ, ночью, когда угодно, и не бойтесь никакой неприятели со стороны умышеннаго насилія. Порядокъ страшнѣйшій, какого нѣтъ нигдѣ. Мнѣ кажется, все это отчасти объясняется жаждою брани, *охотничьею кровью*. Французъ любитъ волненіе военнаго времени по преимуществу передъ всѣми другими націями; никто такъ не забывается въ бою и не упивается боемъ, какъ Французъ. А ужъ если къ этому присоединяется слава и громъ побѣдъ,—пустите его одного въ Камчаткѣ, и онъ дойдетъ пѣшкомъ до Мадженты и нигдѣ не затеряется. Нѣтъ ничего легче какъ поймать его на эту удочку. Займите его боемъ, полируйте ему кровь зрѣлищами атакъ, штурмовъ, пальбы и грому,—онъ разгорится какъ охотникъ въ болотѣ, что называется, *осатанѣетъ*, а потомъ отупѣетъ и сдѣлается такимъ лакеемъ, какого не привидано на свѣтѣ. Къ лакейству чрезвычайно способны Французы. Дядя и племянникъ, кажется, одинаково разгадали эту штуку... и вотъ откуда эти философы-бомбардиръ, съ пылью на усахъ и рѣсницахъ, комически важно-сидящіе на коняхъ, влекущихъ мѣдныя орудія... Я вамъ описалъ такого бомбардира. И когда вы взглянете съ этой точки на всю необъятную массу штыковъ, пушекъ, фургоновъ, сабель, всадниковъ, скачущихъ сломя голову, вытаращивъ глаза,—всадниковъ иной разъ съ гене-

ральскими эполетами, и другихъ, вѣдущихъ тихо, индушился какъ мышь на крупу: все это напомнить вамъ «философъ-бомбардира»; все это имѣеть одинъ и тотъ же характеръ чего-то неизвѣрно-глупаго, хватившаго какого-то угару или опіуму въ самомъ огромномъ приемѣ; и поглядѣвъ еще немного, вы подивитесь немало невѣроятной человѣческой глупости, или по крайней мѣрѣ способности оглушѣть вдругъ, залпомъ, огромными массаами, и оглушѣть надолго.

Я сказалъ: не бойтесь неприятности нападенія, но вы можете быть просто-запросто арестованы. Это случается нерѣдко: таковы условія военнаго времени. Если вы запаслись надлежащими бумагами и пропусками, вамъ нечего пугаться ареста. Большинство французскихъ и сардинскихъ начальниковъ чрезвычайно учтивы, но, конечно, другой разъ попадешь и на невѣжу.

Я былъ арестованъ на нѣсколько минутъ не совсѣмъ пріятно, однимъ французскимъ капитаномъ «изъ бурбоновъ» въ Монтекиаро, небольшомъ мѣстечкѣ, не доѣзжая трехъ-четырехъ миль до Кастильйоне. Тутъ я видѣлъ въ послѣдній разъ моего земляка, легіонера *второго иностраннаго полка*, и послѣ того ужъ мы не видались. Но мой маленькій арестъ ничего не значитъ въ сравненіи съ разными разностями, какимъ подвергались иные странники по лагерямъ. Одинъ мой пріятель Англичанинъ (тотъ самый, съ которымъ я познакомился за обѣдомъ въ миланской *Великобританіи*) былъ арестованъ однажды шесть разъ въ продолженіи часа и едва не попалъ на штыкъ Тюрокосу, но все-таки не очень объ этомъ беспокоится и продолжаетъ бродить по лагерямъ. Я скажу объ этомъ господинѣ еще нѣсколько словъ послѣ.

Освобождаясь изъ-подъ ареста въ Монтекиаро (что въ особенности сильно подѣйствовало на робкую душу моего смирнаго и учтиваго проводника-веттурино), я, уже подъ навѣсомъ ночи, пустился далѣе, по направленію къ Кастильйоне, куда прибылъ въ 10 часовъ, и прямо въ *мумиччиню* хлопотать о лошадакъ. «Когда вамъ нужна лошадь?» спросилъ меня чернявый молодой человекъ, въ родѣ писаря, сидѣвшій за большимъ столомъ и строчившій какую-то бумагу. Подлѣ него сидѣлъ французскій солдатъ, въ красныхъ эполетахъ, также принадлежавшій къ *мумиччиню*, которое, надо замѣтить, было сардинское. Солдатъ говорилъ по-итальянски и по-французски и вѣроятно служилъ за переводчика. Я отвѣчалъ, что желалъ бы отправиться завтра, часовъ въ 7 утра. — «Очень хорошо, лошадь будетъ! сказалъ писарь, а теперъ васъ проводить куда-нибудь переночевать. Вещи можете взять съ собою, или оставить здѣсь: это все равно!»

Мнѣ дали какого-то проводника, въ родѣ лакея, необыкновенно любезнаго, съ поклонами и съ улыбками. Онъ отыскалъ мнѣ

комнату въ одномъ домѣ, извиняясь только, что она проходная, но что другой никакой нѣтъ во всемъ городѣ. Я сейчасъ бросился на кровать и заснулъ, совсѣмъ забывъ о завтрашнемъ отъѣздѣ и никакъ не воображая, что по скаванному въ *муничиніо* будетъ какъ по писанному. Въ 7 часовъ ровно ко мнѣ постучались: «Синьйоръ, веттура готова!» Я не перевожу «веттура», потому что это не карета и не коляска, а что-то особенное, въ родѣ нашихъ крытыхъ пролетокъ. Мнѣ еще сильно хотѣлось спать, однако я вскочилъ, изумленный аккуратностью *муничиніо*. Хотѣлъ расплатиться съ хозяевами за ночевку, они посмотрѣли на меня какъ-то странно и не приняли ничего.

«Гдѣ же главный штабъ сардинской арміи? спросилъ я у новаго веттурино: точно ли, какъ говорятъ, въ Ривольтеллѣ?» — А кто его знаетъ! отвѣчалъ веттуринъ. «Куда же мы поѣдемъ?» — Да я и самъ не знаю, куда!

Я—въ *муничиніо*! Тамъ не дали никакого опредѣленнаго отвѣта. Я обратился къ первому французскому офицеру, котораго нашелъ въ Портичи, противъ *Caffe e liquori*, гдѣ сидѣло десятка три французскихъ солдатъ и офицеровъ разныхъ армейскихъ полковъ. «Я не знаю, отвѣчалъ онъ, а вотъ вы спросите у нашего интенданта!» — Гдѣ же интендантъ? «А вонъ онъ сидитъ!» Я подошелъ къ интенданту и повторилъ вопросъ, — и онъ отвѣчалъ то же убійственное «не знаю». Чтò за невѣжество и отсутствіе всякаго любопытства! Въ пяти верстахъ не знать, гдѣ сардинскій король, второе лицо въ обѣихъ арміяхъ! «Вы отправитесь въ нашу главную квартиру, въ Кавріану, замѣтилъ интендантъ, и тамъ вамъ скажутъ!» — Благодарю покорно, разгуливать по всей Ломбардіи, чтобы найти то, что здѣсь у васъ подъ бокомъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія!... Да неужели здѣсь нѣтъ ни одного сардинскаго офицера? — «Ни одного! по крайней мѣрѣ я не видалъ», отвѣчалъ интендантъ.

Я опять въ *муничиніо*, гдѣ, на этотъ разъ, было много разнаго народу и какой-то чудакъ сказалъ, что главная квартира, *stato maggiore*, въ Брешии. «Чтò же, въ Брешию ѣхать?» спросилъ послушный веттурино, который ходилъ за мною слѣдомъ, состроивъ самую жалкую фижіономию. — Не въ Брешию, а въ Ривольтеллу, сказалъ я, потерявъ всякое терпѣніе. «Да вамъ какъ сказали въ Брешии?» спросилъ чудакъ, послывшій меня туда. — Тамъ сказали, что главный штабъ въ Ривольтеллѣ! — «Такъ вы и поѣжайте въ Ривольтеллу!» — Кажется, это самое лучшее!

Я съѣлъ въ веттуру, чрезвычайно сердитый на всю эту безтолковщину, и мы поѣхали, какъ водится, опять среди садовъ. «Какія это деревья?» спросилъ я отъ нечего дѣлать у веттурина, чтобы

разгуляться.—Это *джельсы*, также зовутъ ихъ и *морри*, — отвѣчалъ онъ. «А это?»—Это—*ноче* (1).

Отъ Кастильйоне до Ривольтеллы 10 миль. Катисься по отличному, только узкому, шоссе, съ каменными столбами по сторонамъ. На пути лежатъ два небольшіе городка—Лунато и Дезенцано, съ древними крѣпостями. Не доѣзжая Дезенцано, встрѣчается превосходный каменный мостъ, въ шестнадцать огромныхъ арокъ, изъ которыхъ въ одну проходитъ шоссе, и все еще остается много мѣста. Этотъ мостъ громада невѣроятная, горы кирпичу и граниту. Вверху идетъ шоссе, еще неконченное. Слава Богу, война не коснулась этого удивительнаго моста. Черезъ десять дней желѣзная дорога откроется вплоть до этого моста. Мнѣ сказывалъ чиновникъ, назначенный сюда въ шефы станціи.

Во всю дорогу попадаются фуры, пушки и солдаты, но здѣсь уже Пиемонтцы и ни одного Француза.

Я рѣшился не спрашивать о главномъ штабѣ вплоть до Ривольтеллы. Роскошное озеро самаго чистаго лазурнаго цвѣта явилось вдругъ, изъ-за садовъ, и вправо отъ него домики: это была Ривольтелла, а озеро—знаменитое Гарда.

Много ѣхало и шло навстрѣчу намъ разныхъ военныхъ: гусаровъ, артиллеристовъ, пѣхотинцевъ, берсальеровъ (2). Я не тревожилъ никого разспросами. Уже подъ самыми стѣнами города, въ виноградныхъ кустахъ, расположенъ былъ какой-то пѣхотный полкъ. «Вѣрно здѣсь знаютъ, гдѣ король?» подумалъ я, слѣзъ и, подойдя къ солдатамъ, спросилъ: «Тутъ ли главный штабъ и король.» — Мы не знаемъ, спросите тамъ, дальше! О Боже мой! Я полагалъ, что только у насъ существуетъ это солдатское *немоузаніе*, проклятое Суворовымъ, а оно вездѣ одинаково.

Наконецъ какіе-то гусары, уже въ самыхъ улицахъ города, сказали мнѣ, что дѣйствительно штабъ и король здѣсь.

Я велѣлъ ѣхать прямо туда. Въ узкомъ переулкѣ, подлѣ воротъ большаго дома, выходившаго главнымъ, скрытымъ фасадомъ на озеро, вѣяло огромное трехцвѣтное знамя и ходилъ часовой. Я оставилъ лошадь и прошелъ въ ворота безъ всякаго препятствія: направо явился длинный двух-этажный домъ (принадлежавшій, какъ я узналъ послѣ, графинѣ Арриги), противъ котораго зеле-

(1) Джелиси, или морри—тутовые деревья. Ноче—орѣхи. Тутовые деревья составляютъ главное богатство Ломбардіи.

(2) Стрѣлки, имѣющіе особую форму: синій короткій свртукъ и черную лавовую шляпу съ большими полями и съ зеленымъ пѣтушьимъ перомъ. Ихъ считаютъ лучшимъ пиемонтскимъ войскомъ. Вѣсть картинка, гдѣ зуавъ изображается обнявшимся съ берсальеромъ и сверху надпись: *I difensori dell'indipendenza d'Italia* (защитники независимости Италіи).

нѣла лужайка съ разными кустами, гдѣ было нѣсколько лимонныхъ деревьевъ. Мелкая пріятная акація висѣла подлѣ стѣнъ нижняго этажа. Среднія двери вели въ штабъ, и опять стоялъ часовой. Онъ также пропустилъ меня свободно. Я увидѣлъ комнату средней величины, заставленную столами, на которыхъ лежали принадлежности всякой канцеляріи—бумага, пакеты, перья, бланки штаба; на стѣнахъ висѣли сумки, съ разными торчавшими оттуда, писанными и неписанными листами и кувертами, но того, что сейчасъ увидишь у насъ, въ послѣднемъ присутственномъ мѣстѣ, этихъ громадныхъ дѣловыхъ кипъ, этихъ книжищъ-монстровъ, созданныхъ для ворочанья титанамъ, не было вовсе. Главную часть стѣны занимала огромная рисованная карта Ломбардіи, гдѣ я увидѣлъ почтенное протяженіе озера, на берегахъ котораго находился. Двое офицеровъ, въ мундирахъ съ эполетами, при сабляхъ и въ шапкахъ, что-то писали. Я объяснилъ одному, что мнѣ желательно видѣть начальника штаба. «Его теперь нѣтъ, но если вамъ угодно, въ этой комнатѣ, налѣво, его помощникъ, полковникъ А.» Я вошелъ. На маленькомъ диванчикѣ сидѣли два офицера, въ эполетахъ, напоминающихъ наши генеральскія, при сабляхъ и въ шапкахъ. Оба они были полковники. Генералы здѣсь не имѣютъ эполетъ вовсе. Одинъ всталъ, подаль мнѣ стулъ и просилъ надѣть фуражку. «Начальника штаба нѣтъ, сказалъ онъ мнѣ, но если вы хотите его видѣть, пожалуйста сюда въ четыре часа: къ этому времени онъ воротится непременно. Между тѣмъ вы можете взглянуть на городъ и окрестности: они очень живописны. Bonjour!» Отъ чего онъ говорилъ *bonjour*, а не *bonjour*, это ужъ неизвѣстно. Но вообще онъ говорилъ по-французски довольно порядочно.

Мнѣ было не до пейзажей: ѣсть хотѣлось нестерпимо, потому что я ничего не ѣлъ и не пилъ отъ самой Брешии, съ того несчастнаго обѣда, которымъ меня накормили въ грязномъ *Albergo Capello*. И что же? въ первомъ, второмъ и третьемъ *albergo*, куда я обратился въ Ривольтеллѣ, нѣтъ ровно ничего, кромѣ кофею. «Ну, давайте кофею!»

Такимъ образомъ, до четырехъ часовъ, я трижды принимался за кофеи. Жарко было чрезвычайно, и прогуливаться по городу вовсе неудобно. Я сѣлъ подъ окно и сталъ смотрѣть на улицу, гдѣ постоянно двигались піемонтскіе солдаты, но было много и Французовъ. Безъ нихъ никакъ невозможно. Даже попадались зуавы. Однажды проѣхало слишкомъ тридцать огромныхъ лодокъ, прилаженныхъ къ колесамъ, каждая лодка четверкой, съ двумя сѣдоками. Они были тоже важны, но какъ будто не такъ, какъ французскіе бомбардиры; значительно полегче.

Ривольтелла крошечный городокъ, но озеро придаетъ ему осо-

бенное значеніе и предель. Изъ моихъ оконъ былъ виденъ длинною темною полоской — островъ Серміоне, съ желтѣвшими къ одной его сторонѣ домиками. Вправо оттуда разстилались блѣдно-зеленыя площади садовъ, пересѣкаемыя кое-гдѣ перпендикулярно темными столбами высокихъ пѣантъ и кипарисовъ. Сзади всего, на самомъ дальнемъ полотнѣ картины, очеркивались тончайшими абрисами свѣтлосинія вершины Альповъ.

Несмотря на всѣ эти пріятности ѣсть все-таки хотѣлось. Выпивъ въ 4 часа послѣдній шестой стаканъ кофею (подавали по два стакана въ порцію), я отправился въ штабъ. Тѣ же лица сказали, что начальника штаба еще нѣтъ, но черезъ полчаса онъ будетъ непремѣнно. «Неугодно ли подождать здѣсь, или въ саду?»

Я предпочелъ садъ, то-есть зеленую лужайку съ кустами, о которой я уже сказалъ. Впрочемъ, съ одной стороны, противоположной вѣзду, къ лужайкѣ примыкала небольшая роща акацій и другихъ деревьевъ, въ тѣни которыхъ стояло нѣсколько осѣдланыхъ лошадей. Всадники этихъ лошадей, называвшіеся *гвидами*, то-есть *колонновожатыми*, нѣчто въ родѣ нашихъ драгуновъ, въ полной формѣ, помѣщались гдѣ-нибудь тутъ же, въ кустахъ. Одинъ сидѣлъ на особенномъ, высокомъ стулѣ, какихъ я до тѣхъ поръ нигдѣ не видывалъ. Стулъ былъ такъ высокъ, что ноги *гвида* не доставали до земли на аршинъ и упирались въ переплетъ. Иногда какой-нибудь офицеръ показывался въ дверяхъ штаба, кричалъ: «Гвиды!» — Гвидъ бросался на лошадь, подѣзжалъ, бралъ пакетъ — и гремя саблей и всякими кольцами и пряжками, съѣзжалъ со двора.

За лужайкой, какъ разъ противъ дома, стоялъ рядъ экипажей, между которыми я насчиталъ 16 каретъ и колясокъ очень большихъ и тяжелыхъ. Все кругомъ было просто до чрезвычайности, какъ во дворѣ какого-нибудь незатѣйливаго русскаго помѣщика. По всѣмъ направленіямъ бродилъ самый разнообразный народъ, одѣтый какъ случится: въ суровыхъ синихъ блузахъ, въ однихъ рубашкахъ и въ нижнемъ платьѣ, въ шапкахъ и безъ шапокъ. На иныхъ шапкахъ, черныхъ лаковыхъ, съ большими полями, я читалъ: *Casa di S. M. il Re* (двора его величества короля). На бѣломъ широкомъ столѣ изъ некрашенныхъ досокъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начиналась рощица, мыли серебряную посуду, съ гербомъ короля. Всѣ говорили и шутили громко и непринужденно, вовсе не думая о томъ, что въ десяти шагахъ король, который можетъ сію минуту выглянуть изъ окошка. Онъ занималъ верхній этажъ надъ штабомъ.

Я легъ на траву, въ тѣни мраморной статуи съ бичомъ въ рукѣ, вставленнымъ вѣроятно какимъ-нибудь шалуномъ гвидомъ.

Немного погодя, рядомъ со мною, устроился какой-то солдатикъ и началъ насвистывать что-то въ родѣ мазурки.

— Гдѣ теперь король? спросилъ я у него.

— Дома, только-что откушалъ; видите, вонъ моють посуду и готовятъ кофей.

Онъ опять засвисталъ мазурку. Въ окнѣ, наискось противъ насъ, всего на-все-не далѣе пятнадцати шаговъ, показалась плотная фигура въ венгеркѣ, съ длинною сигарой въ зубахъ.

— Вотъ онъ, *nostro Vittorio!* сказалъ солдатикъ, не перемѣняя положенія, и опять принялся за мазурку.

Я окинулъ глазами весь дворъ: все осталось въ томъ же положеніи, какъ было за минуту: гвидъ покачивался на высокомъ стулѣ; дворецкіе бормотали во все горло около посуды; одинъ изъ нихъ рубилъ на мелкіе куски глыбу льду въ аршинъ толщиною. Солдатикъ, мой сосѣдъ, лежалъ, протянувъ ноги. Я сталъ разсматривать короля. Онъ имѣлъ простое военное лицо, сильно загорѣлое ото лба къ низу; большіе русые усы, какъ ихъ рисуютъ, и длинную, раздвоенную въ концѣ эспаньолку, въ родѣ бороды, несравненно длиннѣе той, какъ рисуютъ; сѣрые глаза почти безъ бровей, носъ, какъ рисуютъ, и плотно остриженные волосы, совсѣмъ не такъ, какъ на портретахъ. Я нахожу болѣе схожими тѣ портреты, которые не такъ великолѣпны. Король былъ въ черной венгеркѣ, обложенной по воротнику и рукавамъ короткошерстымъ бараномъ, въ родѣ нашего калмыцкаго, и въ бѣлой рубашкѣ безъ галстука. Когда онъ повернулся, я увидѣлъ по спинѣ венгерки два бѣлые шнура. Точно такую же венгерку я видѣлъ потомъ на одномъ офицерѣ.

Къ солдатiku, лежавшему подлѣ меня, подошелъ какой-то товарищъ.

— Витторія нашего видишь? спросилъ лежавшій.

Тотъ молча уставился въ окошко.

— А, Dio! сказалъ опять первый, также смотря въ окно.

Это было сказано невыразимо-простодушнымъ тономъ, и окончательно дорисовало картину. Было бы довольно этого «А, Dio!» чтобы понять характеръ короля и его штаба.

Съ полчаса *Vittorio* глядѣлъ изъ окошка, дымя сигаркой. Потомъ скрылся и болѣе не показывался.

Я пробылъ въ саду до 7 часовъ, срисовалъ часть строеній, примыкающихъ къ дому и къ саду, а начальникъ штаба все еще не возвращался. Мнѣ нужно было получить пропускъ во французскій лагерь и какое-нибудь средство къ переѣзду. Я рѣшилъ просить объ этомъ полковника А*. Онъ далъ ту же минуту пропускъ, «но что касается до средствъ, какъ вы туда попадете, добавилъ онъ; это, въ настоящую минуту, дѣло невыразимой труд-

ности. Просто, нѣтъ никакихъ средствъ. Все занято. Развѣ изобрѣлъ бы что-нибудь начальникъ штаба, а я, вы меня простите, я не берусь. *Vanjour!*

Я поблагодарилъ и за пропускъ, который былъ уже весьма важнымъ средствомъ пробираться далѣе, раскланялся со штабомъ, выпилъ еще 4-ю порцію кофею въ *albergo*, то-есть 7-й и 8-й стаканы, и лохмалъ обратно въ Кастильйоне, чтобы пуститься въ новый путь оттуда.

Веттура меня дождалась. Я не могъ взять ее въ другую сторону, потому что она дана была только на станцію и, если нужно, обратно.

Въ девятомъ часу, въ прохладѣ и сумракѣ вечера, мы выѣхали изъ Ривольтеллы. Темными группами мелькали деревья: джельси, ноче и другія. Въ глубинѣ иныхъ кустовъ горѣли червячки. Было довольно поздно, часъ одиннадцатый, когда я вошелъ въ знакомое кастильйонское *муниччю*. Молодой человекъ, снабдившій меня лошадыю, сидѣлъ за тѣмъ же столомъ. Неподалеку отъ него, съ угла, сидѣлъ какой-то старичокъ съ привѣтливою фizioноміей. Больше никого не было.

— Синьоръ *Rizzo*, сказалъ молодой человекъ, обращаясь къ старичку и показавъ ему на меня: — возвращается изъ штаба Виктора-Эмануила. Это нашъ синдикъ, сказалъ потомъ молодой человекъ, поворачиваясь ко мнѣ и указавъ на старичка.

— Что вамъ угодно, спросилъ синдикъ, снимая шляпу:—сдѣлайте милость, приказывайте!

— Еслибъ было гдѣ-нибудь переночевать?

— Вы переночуете у меня; вы полный хозяинъ моего дома, а завтра мы вмѣстѣ закусимъ, и, если вамъ нужно будетъ ѣхать далѣе, я улажу вамъ лошадей.

«Все это хорошо, подумалъ я, но было бы еще лучше, еслибы *закусимъ завтра* обратилось въ *поужинаемъ сейчасъ*.»

Мы пошли по темнымъ закоулкамъ, съ провожатымъ, который несъ мои вещи. Подойдя къ одной дверкѣ, синдикъ стукнулъ, дверь отворилась, и мы поднялись по лѣстницѣ въ самые пріятные покои, какіе только случалось мнѣ видѣть. Стѣны и потолки были расписаны необыкновенно искусно. Этимъ въ особенности отличается Ломбардія. Нигдѣ вы не увидите такого разнообразія и вкуса въ стѣнной живописи. Бумажныхъ обоевъ тамъ, кажется, не знаютъ вовсе. По крайней мѣрѣ, я не видалъ ни разу.

Въ минуту все было улажено такъ, что я дѣйствительно почувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ хозяина дома. Книги съ картинками, книги для чтенія, журналы, вы не можете представить, что это такое.

Я имѣю причины думать, что, кромѣ магическаго звука «изъ

штаба Виктора-Эммануила», слово *Russo* имѣло здѣсь также свое значеніе. Оно напоминало ни больше, ни меньше, какъ четыре корпуса на границахъ Австріи. Синдикъ иногда проговаривался: «признаюсь, мы смотримъ больше въ вашу сторону, какъ шевелиятъ тамъ; а здѣсь что! въ сущности одни «ейсерверки.»

Въ восемь часовъ утра мнѣ подали кофей со сливками. Потомъ плотный завтракъ. Я совсѣмъ забылъ, что надо ѣхать, разложился, расписался, какъ дома. Только въ два часа я попросилъ синдика уладить мнѣ лошадь въ Кавріану, гдѣ стоялъ тогда, какъ говорили, главный штабъ французской арміи.

Точно такой же веттурино, въ такой же колясочкѣ, повезъ меня въ Кавріану, до которой отъ Кастильйоне считалось 7 миль: 6 миль до знаменитаго Сольферино и потомъ двѣ мили (1) до Кавріаны.

Легко представить, какъ любопытно было взглянуть на эти мѣста. Я дожидался ихъ съ нетерпѣніемъ, посматривая по сторонамъ на безконечные ряды джельси, ноче, тополей и платановъ, и вдругъ увидѣлъ нѣсколько австрійскихъ шапокъ, разбросанныхъ подъ кустами тамъ и сямъ. Немного дальше, еще и еще: шапки австрійскія и піемонтскія (2), сумки, пестрые клочки разныхъ одеждъ. Я догадался, что мы ѣдемъ уже тамъ, гдѣ происходило сраженіе, что это-то и есть поле сольферинской битвы. Воображаю, какъ было удобно дѣйствовать кавалеріи и артиллеріи по этимъ кустамъ. А между тѣмъ артиллерія, какъ говорятъ, рѣшила дѣло.

Кое-гдѣ были замѣтны слѣды пушечныхъ колесъ; пашня мѣстами была перепахана вновь совсѣмъ другимъ манеромъ: тысячами человѣческихъ ногъ, которыя съ усиліемъ упирались въ эту землю, уступая ее шагъ за шагомъ, то подаваясь впередъ, то ретируясь назадъ. Боже мой, что только видѣли эти кусты, кое-гдѣ обрубленные и поломанные!

Австрійскія и піемонтскія шапки раскиданы на невѣроятное пространство, и не рѣдко цѣлыми рядами.

— Ессо, ессо! (3) воскликнулъ однажды мой веттуринъ, показывая кнутомъ. Я слѣзъ и сорвалъ маку въ этомъ мѣстѣ на память.

— У насъ въ Кастильйоне еще больше такого маку, замѣтилъ мнѣ веттуринъ.

— То въ Кастильйоне, а это въ Сольферино!

(1) Это мили итальянскія, каждая равняется 1852 метрамъ. Наша верста—1067 метровъ.

(2) Французскія были подобранны.

(3) «Вотъ, вотъ!» или, если угодно: «Эка, эка!»

Веттуринъ ничего не понялъ и добавилъ только: «точь-въ-точь такого!»

Мили четыре слишкомъ (и это еще поперекъ; въ длину поле битвы четыре часа ѣзды) покрыто шапками, кое-гдѣ патронными сумками, разными лоскутьями; я видѣлъ въ одномъ мѣстѣ даже носилки. Ядеръ не замѣтно, потому что почва чрезвычайно камениста. Изрѣдка, у самой дороги, видны свѣжія могилки, съ тоненькимъ крестикомъ изъ прутьевъ.

Веттуринъ всякій разъ безмолвно показывалъ мнѣ на нихъ своимъ кнутомъ.

О, сколько выраженія и краснорѣчія было въ этомъ безмолвномъ движеніи кнута!

Да, страшный былъ бой, почти безпримѣрный въ исторіи по количеству сражавшихся: ихъ было, съ обѣихъ сторонъ, около 300 тысячъ. Съ 6-ти часовъ утра до 9-ти вечера бились эти массы. Выбыло изъ строю всего-на-все, у тѣхъ и другихъ, до 50 тысячъ человекъ (тысячъ 30 раненыхъ и до 20 убитыхъ). Одни Французы, имѣя въ дѣйствиіи отъ 80 до 90 тысячъ, потеряли тысячъ 15. Одинъ зуавскій полкъ лишился 30 офицеровъ. (Вообще потерю офицеровъ находятъ несоразмѣрною.) Какой-то изъ пиемонтскихъ полковъ почти весь уничтоженъ, такъ что изъ 2-хъ тысячъ слишкомъ осталось только 50 человекъ! Вообще Пиемонтцы потеряли на 50 тысячъ отъ 4-хъ до 5-ти. Побѣдителями взято 32 пушки, 6 знаменъ и 6 тысячъ плѣнныхъ. Вотъ цифры, которыя я собралъ по дорогѣ; по крайней мѣрѣ все это не изъ *печатнаго*. Австрійцы стояли хорошо и отступили въ порядкѣ. Но все-таки, сколько извѣстно, выручалъ своими могучими плечами и боевымъ хладнокровіемъ нашъ братъ Славянинъ.

Въ Кавріанѣ мы не нашли главнаго штаба: онъ передвинулся наканунѣ въ Вольту, четыре мили впередъ, и съ нимъ же подвинулся туда электрической телеграфъ. Вообще телеграфы бѣгутъ бѣгомъ за главными квартирами....

Надо было ѣхать дальше.

За Кавріаной я встрѣтилъ только двѣ австрійскія шапки въ полѣ, и это были послѣднія. За то многія крыши въ Кавріанѣ исписаны ядрами, и штукатурка стѣнъ пестрѣтъ слѣдами пуля.

Мѣстность съ этихъ поръ идетъ нѣсколько бугристе. Много высокихъ холмовъ увѣнчано небольшими старыми крѣпостцами. Въ одномъ мѣстѣ, на половинѣ дороги, бросается въ глаза древняя церковь, окруженная кипарисами. Нѣтъ никакихъ средствъ не замѣтить ея. Но сколько идетъ и ѣдетъ французскихъ солдатъ, сколько раскинуто лагерей! Все это пространство, можно сказать, есть не что иное, какъ огромный лагерь французской арміи.

По дорогѣ тянутся подводы съ сухарями и другими припасами. Десятки тысячъ подводъ. Но чаще всего видишь все-таки сухари: бѣлые ящики, въ аршинъ длиною, съ надписями: *Biscuit, place de Lyon, Biscuit Metz, Paris, Toulon, Vincennes, Marseille, Strasbourg...* Не мѣшало бы замѣтить нашимъ интендантствамъ, что солдатскіе сухари въ европейскихъ арміяхъ возятъ въ глухихъ, отлично сдѣланныхъ ящикахъ (вспомните, какъ здѣсь мало дерева!), а не въ грязныхъ, дыривыхъ мѣшкахъ изъ дерюги, сквозь которую проходитъ пыль и дождикъ, и которая гниетъ вмѣстѣ съ сухарями.

Въ одномъ артиллерійскомъ лагерѣ я видѣлъ складъ изломанныхъ ружей, въ видѣ полѣнницы дровъ, какъ бы сажень пять.

Кое-гдѣ, на высотахъ, торчали пикеты. По дорогамъ поминутно шмыгали разѣзды уланъ, скакали одинокіе всадники, и чѣмъ ближе къ главной квартирѣ, тѣмъ тѣснѣе и чаще. Последняя примыкала къ стѣнамъ самой Вольты — императорская гвардія. Я проѣхалъ въ улицу совершенно благополучно, взглянувъ мелькомъ на страшныхъ солдатъ въ медвѣжьихъ шапкахъ, съ обнаженными саблями, гулявшихъ у самага вѣзда въ городъ.

Для полноты разказа, не мѣшало бы прибавить, что въ кавалерійскихъ лагеряхъ французской арміи я видѣлъ множество солдатъ съ обнаженными саблями, стоявшихъ между деревьями къ дорогѣ.

Тѣсныя кучи солдатъ, пѣшихъ и верховыхъ, двигались въ улицѣ, которая шла передо мною въ гору. Я завернулъ въ первый переулочекъ и оставилъ въ немъ свою лошадь. Пробраться пѣшкомъ было удобнѣе.

— Позвольте узнать, гдѣ главная квартира? спросилъ я у одного офицера. Онъ указалъ поворотъ влѣво, и все-таки въ гору. Подлѣ одного домика стояла большая карета съ буквой N на дверцахъ. Немного дальше, противъ незначительной площади, два рослыхъ усача въ медвѣжьихъ шапкахъ у дверей трехъ-этажнаго дома (принадлежащаго князю Гонзага) ясно показали мнѣ мѣстопробываніе императора. Многое множество офицерства толпилось недалеко отъ дверей, гдѣ мелькали и генеральскіе эполеты, — и зачѣмъ все это тутъ толпилось, палимое солнцемъ, стоя на ногахъ по цѣлымъ часамъ!..

Подойдя къ дверямъ, я назвалъ себя одному офицеру и просилъ позволенія увидѣть генерала * *. Къ удивленію, онъ не зналъ, а торчалъ тутъ цѣлые дни. Между тѣмъ лицо, которое я искалъ, былъ *третій* человекъ, по своему значенію, изъ «всѣхъ», обитавшихъ въ то время въ Вольтѣ.

— Я васъ провожу въ бюро, сказалъ офицеръ: вѣрно тамъ знаете! « Не ѣхать ли въ главный штабъ сардинской арміи? » по-

думалъ я. Мы вмѣстѣ пошли въ бюро, по нашему въ главное дежурство. Бюро занимало двѣ комнаты, гдѣ сидѣло надъ бумагами человѣкъ пятнадцать офицеровъ, въ полной формѣ, и нѣсколько писарей. Офицеры, вѣроятно, были, перевода на языкъ нашихъ дежурствъ, старшими адъютантами и чиновниками бюро. Письма и бумагъ было много. Командовалъ всѣмъ этимъ генералъ Ж., котораго я зналъ въ Севастополѣ полковникомъ. Онъ расхаживалъ по комнатамъ, также въ полной формѣ. Я спросилъ у него адресъ генерала **. «Онъ тамъ же, гдѣ императоръ: это легко найти», отвѣчалъ мой севастопольскій знакомецъ. — Да я тамъ былъ и мнѣ сказали, чтобы я шелъ сюда. «Подите еще разъ и спросите хорошенько! увѣрю васъ, что онъ тамъ!»

Я опять воротился къ дому, гдѣ стояли усачи и прохаживались еще какіе-то солдаты. Я спросилъ у одного изъ нихъ о генералѣ **. «Вы ступайте въ бюро, здѣсь нѣтъ!» отвѣчалъ солдатъ.

Я совершенно растерялся и не зналъ что дѣлать съ такимъ невѣроятнымъ *немоузнаніемъ*. Къ счастью, въ мои разпросы вслушался какой-то рослый лакей, стоявшій тутъ же (маленькихъ и невзрачныхъ не было вовсе), и предложилъ проводить меня во внутренніе покои.

Мы прошли по каменной лѣстницѣ, мимо комнатъ императора, гдѣ стояло и сидѣло человѣкъ десять молодцовъ изъ *Corps des Cent-gardes*, въ голубыхъ сюртукахъ, въ латахъ и въ каскахъ съ бѣлыми хвостами (1)... Нѣтъ, тутъ не придетъ въ голову лечь гдѣ-нибудь на травѣ и рисовать окрестности.

Комната, куда меня ввели, была довольно обширна. Картины по сторонамъ изображали разныя батали и въ томъ числѣ — Мадженту. Когда успѣли награвировать такую махину со всѣми подробностями и повѣсить здѣсь на стѣнѣ, про то знаетъ французское начальство. Дальше: столъ, пять-шесть стульевъ и простенькая кровать, вотъ и все, что было въ комнатѣ.

Между тѣмъ какъ мы бесѣдовали съ генераломъ **, такимъ же точно, въ томъ же мундирѣ, съ тою же физиономіей, съ тѣмъ же эксальбантомъ и тремя звѣздочками на эполетахъ, какимъ я видѣлъ его подъ стѣнами Севастополя, вошелъ маршалъ Вальянъ, довольно полный человѣкъ, средняго росту, уже сѣдой, съ

(1) *Сангардовъ* всего-на-все только двѣсти человѣкъ. Ихъ обязанность содержать стражу внутри императорскихъ покоевъ. «*Toujours dedans et jamais dans les rues*», толковалъ мнѣ съ важностью одинъ офицеръ, какъ профессоръ нахмуривъ брови... Во время боя *сангарды* окружаютъ императора. Въ сольферинскомъ дѣлѣ двое изъ нихъ были забиты пулями: одинъ въ каску, другой въ латы. Каждый изъ нихъ говорить: «вотъ, кабы я былъ не *сангардъ*»...

ласковою, круглою и гладкою фizioноміей и пріятнымъ французскимъ произношеніемъ. На немъ былъ разстегнутый военный сюртукъ со звѣздою почетнаго легіона и съ какимъ-то другимъ орденомъ. Изъ-подъ сюртука глядѣла бѣлая жилетка.

И вотъ, все-таки, несмотря на какую угодно императорскую обстановку, война имѣетъ свои особенныя права, свою неотъемлемую простоту, противъ которой не сильны никакіе *sauvards*, палаши и медвѣжьи шапки до потолка. Гдѣ же въ мирное время увидать такъ скоро и легко военнаго министра и маршала Франціи? Нѣтъ сомнѣній, посиди я нѣсколько дальше — могъ войти въ ту же комнату самъ императоръ, который былъ отдѣленъ отъ насъ одною стѣной. Можно сказать, что все это — его комнаты и его походная канцелярія.

— Не нужно ли взять особый пропускъ для проѣзда ночью черезъ лагерь? спросилъ я у генерала, такъ какъ дѣло было уже къ вечеру.

— Не надо ничего: вы не встрѣтите никакихъ препятствій. Я вамъ за это ручаюсь.

Слова его дѣйствительно оправдались. Вообще, повторю, во французской арміи царствуетъ необыкновенный порядокъ, какого, можетъ быть, нѣтъ и въ Парижѣ.

Чтобъ имѣть понятіе, какъ живутъ французскіе солдаты, я рѣшился отыскать одного знакомаго гвардейскаго офицера, котораго помнилъ самый точный адресъ: *quatrième voltigeurs de la garde, lieutenant de M.* (Четвертаго полка гвардейскихъ волтижеровъ поручикъ М.) Я оставилъ веттуру на дорогѣ и пошелъ маршировать среди палатокъ. Я сдѣлалъ такимъ образомъ около версты, разными вавилонами, совершенно удобно, какъ бы въ улицахъ города, отыскалъ палатку офицера, гдѣ нашелъ еще троихъ его пріятелей. Началось съ разговора о водкѣ, потому что Французы думаютъ, что мы ни на часъ безъ *absinthe*, но *absinthe*, который намъ принесть одинъ гвардеецъ, былъ сильно плохъ. Пришлось замѣнить его коньякомъ. Разговоры текли о Севастополѣ, о послѣднемъ дѣлѣ подъ Сольферино. Они отзывались объ этомъ совершенно, какъ о спектаклѣ. «О, *c'était magnifique à voir!* восклицали они: Мадженту не хорошо было видно, а тутъ — горы и въ серединѣ ровное мѣсто. Всѣ атаки кавалеріи, артиллеріи — какъ на ладони! прелесть! У насъ между зрителями была даже одна дама...»

Въ то время, какъ мы говорили, я осматривалъ ихъ жилище: небольшую палатку, въ которой никакъ нельзя было стать въ ростъ. Паша солдатская, въ сравненіи съ нею, — большая зала. За то палатки Французовъ ходятъ у нихъ за плечами. Не надо особыхъ телегъ и обозовъ. Внутри палатки, о которой я говорю,

лежалъ въ кучѣ всякій сбродъ: сапоги, книги, сѣдло, сапожные щетки, и сидѣли, поджавъ хвостъ, два живыхъ индѣйскихъ цыпленка. Индѣйка ходила, попискивая, за палаткой. Одинъ офицеръ улаживалъ удочку.

— Гдѣ жъ вы будете ловить рыбу? спросилъ я.

— А въ Минчіо!

И кто бы подумалъ за мѣсяцъ, что Французы, въ концѣ юня, будутъ ловить рыбу — въ Минчіо!

Какъ всегда бываетъ при встрѣчахъ Русскихъ съ Французами, мы разстались ужасными пріятелями. Хозяинъ палатки проводилъ меня до половины дороги, потомъ я пошелъ одинъ, такъ же удобно, какъ сначала, сѣлъ въ свою веттуру и покатился въ милое и привѣтливое Кастильйоне.

Въ 9 часовъ я увидѣлъ пріятную фигуру синдика. Онъ натащилъ мнѣ еще книгъ и журналовъ, такъ что я купался въ нихъ какъ въ морѣ. Рѣшено было переночевать, и завтра (1 юля по нов. ст.) въ 8 часовъ утра ѣхать въ Брешію.

Я побаивался монтекіарскаго капитана, грубаго и безтолковаго до крайности, но его тамъ уже не было. Въ улицахъ сперлись орудія, артиллерійскіе ящики и кузницы. Не капитанъ, такъ другая задержка! Такое видно мѣсто: «не вытанцовывается!»

Дальше, за Монтекіаро, уже не было никакихъ остановокъ. Мы вѣхали въ Брешію совсѣмъ другими воротами, и лишь только загремѣли по улицамъ, я увидѣлъ двухъ Англичанъ, шедшихъ по троттуару, изъ которыхъ одинъ былъ мой знакомый по *Великобританіи* въ Миланѣ, болтавшій мнѣ разныя разности о шпорахъ у моряковъ и т. п.

Онъ узналъ меня и подбѣжалъ къ веттурѣ.

— Гдѣ вы пропали послѣ того обѣда? спросилъ я.

— Уѣхалъ въ «лагерь» (au camp, какъ говорятъ здѣсь) и видѣлъ бой подъ Сольферино.

— Вы мнѣ разкажете эту исторію въ *albergo!*

— Побѣжайте въ *Albergo Reale!* крикнулъ Англичанинъ, когда моя веттура уже тронулась:—у меня тамъ есть большая комната, которую мы и займемъ вмѣстѣ, а въ 5 часовъ она совершенно къ вашимъ услугамъ: я ѣду въ Миланъ!

Этотъ оригиналъ былъ также корреспондентъ одного англійскаго журнала. Онъ досталъ, черезъ посредство своего правительства, позволеніе начальника штаба французской арміи слѣдовать за всѣми движеніями союзныхъ войскъ и находиться при битвахъ.

Послѣ сольферинскаго дѣла онъ попалъ въ передѣлку нѣсколькихъ полковыхъ цѣпей. Его таскали, таскали по всему полю и

довели наконецъ до генерала Нееля, который далъ ему проводника до Кастильйоне.

Онъ опять наговорилъ мнѣ кучу преуморительныхъ вещей за объѣдомъ въ Брешиа (1). Н. БЕРГЪ.

(1) По повелу корреспонденціи съ г. Бергомъ, мы принуждены указать на то, что почты между Миланомъ и Москвой подаютъ поводъ къ самымъ сильнымъ жалобамъ. Письма идутъ отъ 15 до 20 дней, тогда какъ они должны бы проходить въ 10 дней. Мы не знаемъ, кто виноватъ въ этомъ, но знаемъ, что еслибы подобная небрежность оказалась въ пересылкѣ корреспонденціи изъ Милана въ Лондонъ, то лондонскія газеты подняли бы шумъ на весь міръ. Мы конечно не дерзаемъ ожидать, чтобы на права Москвы было обращено такое же вниманіе, какъ на права Лондона, но полагаемъ, что намъ не мѣшаетъ заявить куріозный порядокъ европейскихъ почтъ, отъ котораго мы тоже немногo терпимъ. Положимъ, что нашъ корреспондентъ и корреспондентъ лондонской газеты отдали свои письма на почту въ Миланъ 20 іюля. Письмо корреспондента лондонской газеты будетъ напечатано въ Лондонѣ 24 іюля. Лондонскія газеты отправятся затѣмъ въ Россію и Бельгію. Если письмо интересно, то оно будетъ перепечатано въ газетѣ *Le Nord* 26 іюля, и затѣмъ газета *Le Nord* отправится въ Россію. Въ Москву такимъ образомъ придутъ: наша корреспонденція, номеръ лондонской газеты и номеръ бельгійской газеты. Но порядокъ, въ которомъ эти три полученія будутъ слѣдовать одно за другимъ, будетъ самый неожиданный. Прежде всего получится то, чему естественно придти послѣ всего, именно газета *Le Nord*: она придетъ 21 іюля ст. ст. Затѣмъ черезъ два дня придетъ англійская газета: неизвестно какія препятствія задержать ее на пути, потому что при естественномъ ходѣ дѣлъ ее слѣдовало бы намъ получить однимъ днемъ раньше нежели газету *Le Nord*. Но письмо нашего корреспондента, отправленное прямо къ намъ, письмо, которое, еслибы оно шло даже на Лондонъ, должно было бы придти къ намъ 19 іюля, придетъ около 25 іюля ст. ст. И это случается не разъ, не два, не какъ исключеніе изъ правила: такъ бываетъ постоянно. Много разъ уже приходилось людямъ испытывать, что на дѣлѣ сбываются самыя невѣроятныя вещи. Къ числу такихъ невѣроятныхъ, но на практикѣ основанныхъ выводовъ принадлежитъ тотъ, который мы извлекаемъ изъ этихъ данныхъ относительно самаго удобнаго для Москвы способа корреспонденціи. Надобно посылать письма не черезъ почтамты, а черезъ почтамты и типографіи вмѣстѣ. Лондонскіе наборщики и печатники имѣютъ магическую силу; время, которое они тратятъ на наборъ и печать, будетъ не потеря, а чистый выигрышъ: сила пара, везущая почту, имѣетъ болѣе респекта передъ тѣмъ, что напечатано, нежели передъ тѣмъ, что написано. А брусельскіе наборщики и печатники имѣютъ силу еще болѣе магическую, и сила пара совершенно пасуетъ передъ ихъ волшебствомъ. Они потратятъ, правда, по меньшей мѣрѣ полсутокъ на наборъ и печать, а въ результатъ эти полсутки съ минусомъ превратятся въ шесть сутокъ съ плюсомъ. Послѣ того извольте говорить, что изобрѣтеніе Гуттенберга не творитъ чудесъ! Только желательно было бы, чтобы эти чудеса книгопечатанія не были въ тягость для русской печати. А то вотъ мы, благодаря всѣмъ этимъ волшебнымъ обстоятельствамъ, принуждены сообщать читателямъ письма нашего корреспондента почти черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ они написаны.

Ред.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Двѣнадцатаго іюля, на стѣнахъ парижской биржи была прибита слѣдующая афиша:

ИТАЛІАНСКАЯ ВОЙНА.

Извѣстія изъ арміи.

Телеграфическая депеша.

Парижъ, 12 іюля 1859.
1 часъ 10 минутъ вечера.

Министръ внутреннихъ дѣлъ господамъ префектамъ и суб-префектамъ.

ИМПЕРАТОРЪ ИМПЕРАТРИЦЪ.

Валеджіо, 11 іюля 1859.

Между австрійскимъ императоромъ и мною подписанъ миръ. Основанія мира суть: италіанскій союзъ подъ почетнымъ (honoraire) предсѣдательствомъ папы.

Австрійскій императоръ уступаетъ свои права на Ломбардію императору Французовъ, который передаетъ ихъ королю сардинскому.

Австрійскій императоръ сохраняетъ Венецію, но она непремѣнно входитъ въ составъ италіанскаго союза.

Всеобщая амнистія.

Съ подлиннымъ вѣрно:

За субпрефекта,

Выборный совѣтникъ округа *Ф. Моранъ.*

Этою депешою заключилась побѣдные бюллетени французской арміи, и Франція снова принуждена будетъ довольствоваться прозаическими оффиціальными извѣщеніями *Монитера*. Прекратился богатый матеріалъ для новой отрасли народнаго обученія во Франціи, гдѣ министръ просвѣщенія г. Руланъ возвелъ военныя депеши на степень науки и предписалъ прочитывать

ихъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, «потому что юность открыта благороднымъ чувствованіямъ, и юное сердце всегда трогается высокими подвигами и предано династіямъ, умѣющимъ совершать ихъ.» Изсякъ живой источникъ восторговъ для юныхъ сердецъ всего свѣта, которыя между строками, гдѣ говорилось о числѣ убитыхъ и раненыхъ, умѣли читать лучше будущее Италіи. Прекратился наконецъ поводъ къ безпокойствамъ неаполитанскаго правительства, которое, вопреки теоріямъ г. Рулана, придерживается другой системы воспитанія и находитъ для неаполитанскихъ училищъ вредными восторги юныхъ сердецъ. Парижъ, по словамъ корреспондента журнала *Times*, празднуетъ послѣднюю депешу великолѣпною и «добровольною» иллюминаціей; въ сѣверной Италіи, какъ сообщаетъ намъ нашъ корреспондентъ, повсюду отбирають эту злополучную депешу, перепечатанную нами, какъ читатели видятъ, съ большимъ почетомъ.

Императоръ Французовъ въ одно прекрасное утро устроилъ громъ и ясное небо, и теперь говоритъ прекрасныя рѣчи въ Сень-Клу. Война началась и кончилась по вдохновенію, и милліоны умовъ разбирають теперь, что это за грозовое облако пронеслось надъ вселенною. Чтобъ облегчить челоуѣчеству такую трудную умственную работу, императоръ снисходитъ до нѣкоторыхъ объясненій; дипломатамъ онъ говоритъ о чувствахъ, народу о войнѣ, членамъ законодательныхъ собраній о стратегіи и солдатамъ о политикѣ.

Такъ какъ солдаты прежде другихъ удостоились объясненій, и такъ какъ насъ тоже интересуетъ преимущественно политическая сторона италіянскаго вопроса, то мы должны начать съ прокламаціи къ арміи, написанной въ одинъ день съ биржевою депешей.

«Солдаты, говоритъ Наполеонъ III, основанія мира съ императоромъ Австріи положены, главная цѣль войны достигнута, Италія въ первый разъ сдѣлается націею. Союзъ всѣхъ италіянскихъ государствъ, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ святаго отца, соберетъ во едино членовъ одного и того же семейства. Правда, Венеція остается подъ австрійскимъ скипетромъ, но она будетъ италіянскою провинціею, составляющею часть Союза. Присоединеніе Ломбардіи къ Піемонту создастъ по сю сторону Альпъ могущественнаго союзника Франціи, который намъ обязанъ своею независимостью; правительства, оставшіяся спокойно на своихъ мѣстахъ или призванныя обратнo въ свои владѣнія, поймутъ сами необходимость спасительныхъ реформъ. Всеобщая амнистія истребитъ слѣды гражданскихъ несогласій. Судьбы Италіи на будущее время передаются въ ея собственныя руки, и она должна пенять сама на себя, если не будетъ дѣлать успѣховъ на пути порядка и свободы.» Въ заключеніе императоръ намекаетъ

на интересы Франціи и высказываетъ увѣренность, что великое дѣло цивилизаціи не погибнетъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ великій защитникъ его—французское войско. «Вы остановились, говоритъ онъ, только потому, что война готова была принять размѣры, несогласные съ интересами Франціи въ этой громадной борьбѣ.»

И такъ, на другой день послѣ заключенія мира, императоръ вполне вѣрилъ, что онъ подвинулъ впередъ дѣло цивилизаціи, которое, какъ извѣстно, всегда тождественно съ интересами Франціи. Значитъ, за Минчіо ни цивилизаціи, ни Франціи нечего дѣлать; цивилизованная часть Италіи завоевана, омыта кровью и устроена какъ нельзя лучше; если въ ней заведется что-либо неинтересное для Франціи и нецивилизованное, то это ея собственная вина; путь порядка и свободы указать французскими штыками, а ужь конечно не слѣпой водить слѣпаго, и Французамъ не изъ одной только теоріи извѣстны спасительныя реформы.

Вслѣдъ за объясненіемъ съ солдатами, императоръ Французовъ объяснился съ Европою посредствомъ телеграфической депеши. Но если, по всѣмъ вѣроятіямъ, французскіе солдаты удовлетворились картиной прекраснаго будущаго Италіи и прониклись вполне всею мудростью новаго политическаго устройства полуострова, то государственные люди, не обладая солдатскою смѣлливостію, не съ перваго раза поняли новый трактатъ. Когда, въ тотъ же день 12-го іюля, въ палатѣ лордовъ прочитана была парижская депеша, престарѣлый лордъ Линдгорстъ спросилъ: «Хорошо ли я понялъ, и дѣйствительно ли мой благородный другъ произнесъ слова *почетное президентство*, при чтеніи телеграммы?»— Да, отвѣчалъ лордъ Водгаузъ, въ депешѣ стоитъ слово *почетный*.— Затѣмъ наступило молчаніе, и палата перешла къ очереднымъ дѣламъ. На первый разъ англійскіе лорды были приведены въ недоумѣніе только новымъ свѣтскимъ саномъ папы; имъ и въ голову не приходило, чтобы крѣпости на Минчіо оставлены были за Австрію, да еще къ знаменитому *четыреугольнику* присоединено было Боргофорте, городъ, находящійся на По, выше устьевъ Минчіо. Вѣнская депеша, послѣдовавшая за парижскою, еще болѣе должна была удивить лордовъ: оказалось, что императоры возстановили прежнія династіи въ Тосканѣ и Моденѣ, забывши при этомъ дѣлать о герцогинѣ пармской. О ней вспомнили въ Лондонѣ, гдѣ неожиданность, съ которою былъ заключенъ миръ, и окружавшая его таинственность поразили всѣхъ. Именно въ то время, когда императоръ Французовъ держалъ въ тайнѣ миръ не только отъ Европы, но и отъ своего собственнаго министра иностранныхъ дѣлъ, въ англійскомъ парламентѣ говорили о необходимости гласнаго обсуждения иностранной политики

кабинета. «Я думаю, говорил лордъ Мальмсбери въ засѣданіи палаты лордовъ 15 іюля, весьма полезно, чтобы правительство отъ времени до времени ощупывало пульсъ этой палаты и страны относительно иностранныхъ дѣлъ.» «Пренія по этимъ вопросамъ, сказалъ лордъ Стратфордъ де-Редклифъ, возвысятъ значеніе законодательной власти и честь страны.» Но сильнѣе всѣхъ высказалъ негодованіе на дипломатическую таинственность лордъ Брумъ. «Мой благородный другъ (лордъ Гранвиль) извѣщаетъ насъ, сказалъ онъ, что правительство этой страны находится въ совершенномъ невѣдѣніи относительно обстоятельствъ, которыя повели къ миру, и относительно самыхъ условій мира. Оказывается, что министры императора Французъ и австрійскаго императора находятся въ томъ же положеніи. Всѣ три министерства ничего не знаютъ объ условіяхъ и цѣляхъ мира. Два государя дѣлаютъ сами дѣла, безъ вмѣшательства министровъ. Это такая степень—не скажу деспотизма, потому что, кажется, не слѣдуетъ употреблять грубыхъ словъ (*смысль*),—но неограниченной монархіи, какой никогда прежде не бывало во Франціи, за исключеніемъ краткаго періода первой имперіи, да и тогда больше сообщалось министрамъ, чѣмъ теперь. Какъ видно, графъ Валевскій, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, получилъ первое и единственное извѣстіе объ этомъ мирѣ отъ ея величества императрицы, которая узнала о немъ изъ телеграфической депеши своего супруга-императора. Это самое грустное явленіе (*смысль*),—я повторяю мое замѣчаніе, а тѣ, кто смѣется, не дали мнѣ еще кончить,—чрезвычайно грустно, что судьбы Европы, вопросъ о мирѣ и войнѣ, зависятъ отъ государей, имѣющихъ такую абсолютную власть, и что не существуетъ не только контроля парламента, печати или публичныхъ преній, но даже самой скромной доли вліянія со стороны министровъ. Вслѣдствіе этого мы не имѣемъ никакой увѣренности ни на одну минуту, что миръ, трактаты и всякаго рода сдѣлки не будутъ нарушены завтра же. Все зависитъ отъ—не скажу каприза, погову что не думаю, чтобы въ такихъ высокихъ сферахъ существовали капризы,—но отъ произвола одного лица.» При такой неизвѣстности условій трактата, оставалось судить о немъ по одной телеграфической депешѣ, и члены англійскаго парламента вспомнили о герцогинѣ пармской, о которой забыли императоры; лордъ Мальмсбери сказалъ по этому случаю: «Твердость и достоинство, которыя выказала герцогиня пармская въ борьбѣ съ окружавшими ее затрудненіями, возбудили всеобщее удивленіе. Я знаю, что она пользуется популярностью и считаю ее заслуживающею наибольшаго уваженія, и если народъ желаетъ ея возстановленія, а она не будетъ возстановлена на пре-

столю, то это, кромѣ величайшей несправедливости къ ней, послужитъ дурнымъ урокомъ нравственности въ политическомъ мѣрѣ.

Но не одни благородные лорды, а каждый, кто въ первый разъ прочиталъ извѣстіе о мирѣ, вѣроятно, спрашивалъ себя и другихъ, точно ли онъ понялъ настоящей смыслъ депеши. Послѣ всѣхъ обещаній, данныхъ императоромъ Французомъ, послѣ успѣховъ французскаго оружія, неожиданный, внезапный миръ становится загадкою; рѣшеніе вопроса такъ странно, что многіе пытались объяснить его какими-нибудь посторонними вліяніями, и терялись въ догадкахъ. Политическіе рутинеры прежде всего обвинили Англію, эту самолюбивую страну, въ неудачномъ исходѣ войны, — но почетное президентство папы должно было сбить ихъ съ толку. Другіе, болѣе дальновидные, ставили къ отвѣту Пруссію и готовившееся посредничество трехъ великихъ нейтральныхъ державъ, — но австрійскій императоръ въ своемъ манифестѣ говоритъ прямо, что онъ не нашелъ поддержки въ своихъ естественныхъ союзникахъ. Всѣ эти противорѣчія привели наконецъ къ тому, что газета *Univers*, съ свойственною ей проникательностію, стала доказывать, что миръ заключенъ собственно потому, что 8-го іюля празднуется память Св. Елисаветы. Не оспаривая догадки ультрамонтанскаго журнала, мы думаемъ, что объясненія *Монитера* также не лишены основательности. «Къ миру побудили, сказано здѣсь, чувства умѣренности, которыя всегда руководили политикою императора Французомъ.»

Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о личныхъ чувствованіяхъ, всякій разумный политическій масштабъ является неприложимымъ, и передъ этимъ чувствованіемъ должны преклониться всѣ интересы и той страны, которая руководится такимъ побужденіемъ, и всей Европы. Последняя война переноситъ насъ въ какую-то слишкомъ далекую эпоху, когда жили и дѣйствовали одни только элементы природы: сначала императоръ Французомъ обратился къ національностямъ, къ Адриатическому морю, къ благодарности Сардиніи, потомъ онъ сдѣлалъ *volle-face* къ собственнымъ чувствамъ, религіознымъ и нѣжнымъ; оба императора были потрясены зрѣлищемъ мертвыхъ тѣлъ, оба плакали на полѣ битвы и въ объятіяхъ другъ друга; громъ и молнія играли роль чудснаго въ италіанской эпопее и разводили сражающихся; на второмъ планѣ стояли не какіе-нибудь другіе, а естественные союзники. Германія упивалась идеальнымъ чувствомъ любви къ идеальному отечеству; лордъ Мальмсбери, хотя безуспѣшно, пытался отыскать тевтонскій нервъ въ Англіи; шла рѣчь о чувствахъ Россіи къ Австріи и Франціи. Не говоримъ объ Италіи, гдѣ оказалось такъ много чувства,

то два герцога должны были бѣжать отъ него, а святѣйшій отецъ заставилъ убѣжать самое чувство силою швейцарскихъ штыковъ. Однимъ словомъ, постоянно и повсюду торжествовала природа со всѣмъ ея разнообразіемъ и прелестью. Утѣшительное зрѣлище для поэта въ подобной эпидеміи чувствительности, внезапно овладѣвшей всею европейскою политикою; въ теченіи двухъ мѣсяцовъ рѣчь шла только о племенныхъ и личныхъ симпатіяхъ, о правахъ крови, объ ея связующей силѣ.

Благородныя и неблагородныя чувствованія играли первостепенную роль во всей войнѣ; мы узнали изъ нея, что генералъ Урбанъ жестокъ и недоувѣрчивъ, что король сардинскій храбръ, что императоръ Французовъ также храбръ и очень добръ къ раненымъ, что австрійскій императоръ былъ тронутъ зрѣлищемъ войны, и что здоровье принца Наполеона не пострадало отъ итальянскаго климата, какъ оно еще не очень давно пострадало отъ военной атмосферы нашего Крыма. Оказывается, что и миръ не нарушилъ общей гармоніи; онъ былъ также вызванъ чувствомъ досады со стороны императора Французовъ, который самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своей рѣчи къ дипломатическому корпусу. «Вся Европа, сказалъ онъ уже по возвращеніи въ Сентъ-Клу, была такъ несправедлива ко мнѣ, съ самаго начала войны, что я былъ очень счастливъ, что могъ заключить миръ, какъ скоро честь и интересы Франціи были удовлетворены. Я хотѣлъ также доказать, что я не имѣлъ намѣренія ни возмущать Европу, ни возбуждать всеобщую войну. Я надѣюсь, что всѣ причины несогласія исчезли, и что миръ будетъ продолжителенъ.» Итакъ, по словамъ самого императора, чувство горечи побудило его пожертвовать будущностью Италіи. Потревоживши всю Европу, бросить ей въ лицо ея неблагодарность, разбудивши въ Италіи и даже въ другихъ странахъ народныя страсти, оставить ихъ потомъ лицомъ къ лицу съ прежними правительствами, которыя будто бы «поймутъ сами» то, что императоръ не считаетъ заслуживающимъ пониманія, — вотъ результаты политики, которая выше всего ставитъ личный произволъ и пуще всего ненавидитъ всякій контроль. Таковы послѣдствія политики чувства, неудовимаго въ своихъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, начавшаго цивилизацію и поэтическимъ великодушіемъ, а кончившаго прозаическими интересами и душевною горечью.

А сколько надеждъ возлагала чувствительная Европа на императора Французовъ, когда онъ шелъ побѣднымъ путемъ по Италіи и вписывалъ въ армейскую исторію Франціи новыя имена Маджента и Сольферино! Какъ негодовали благородныя сердца на Англію, которая преслѣдовала только свою самолюбивую политику; какъ радовались многіе, что коварный островъ опозорится наве-

гда, и что знамя италіанской свободы будетъ водружено Франціею которая изъ любви къ чужой свободѣ отказалась отъ своей собственной! Эти рѣки крови принимались за очистительную жертву освобожденія народовъ. Чувство восторга переполняло весь міръ отъ океана до океана; Францію, или лучше сказать императора Французовъ, въ теченіи двухъ мѣсяцовъ ставили образцомъ всѣхъ политическихъ совершенствъ; всѣ радовались даже, что Англія не вмѣшивается въ святое дѣло освобожденія Италіи. Читатели припомнятъ, что мы никогда не раздѣляли этихъ сангвиническихъ надеждъ и въ италіанской войнѣ видѣли только личное дѣло императора Французовъ, результатъ котораго можно было предугадывать по характеру этого государя и по всей его предшествовавшей дѣятельности. Наблюдая за явленіями издалека, намъ, Русскимъ, легче было не ошибиться въ вѣроятномъ исходѣ войны; «здравомыслящіе люди» сказано въ *Times*, видятъ въ новомъ трактатѣ не что иное, какъ несокрушимый деспотизмъ; мы предчувствовали заранѣе, что изъ этой исторіи выйдетъ что-либо мрачное, хотя и не ожидали того тонкаго обдуманнаго разчета, который, не во гнѣвъ будь сказано чувству императорской досады, такъ безцеремонно выказался въ вилла-франкскомъ трактатѣ и которымъ могла бы утѣшиться гѣня Меттерниха, если она не ревнива и не завистлива. Вотъ почему мы отъ души желали, чтобы наше отечество осталось внѣ этой военной махинаціи, которой нити были въ рукахъ у одного человѣка. «Конечно, сказано въ *Times*, весьма трудно разгадать мысли Лудовика-Наполеона. Это великій сфинксъ новаго времени, котораго существованіе зависитъ отъ его неразгаданности.» Люди любятъ обманывать часто самихъ себя, и политическіе опыты, подобно всѣмъ другимъ, иногда остаются безплодными: но лучшее средство избѣжать ошибокъ состоитъ въ томъ, чтобы обращать вниманіе на принципы, а не на личные чувства. Когда дѣло идетъ между двумя такими началами, какъ нынѣшнее французское и австрійское, благо челоуѣчества могло быть результатомъ ихъ соглашенія не иначе, какъ въ смыслѣ «счастливаго исключенія». На этомъ основаніи мы гораздо болѣе разчитывали на вліяніе Англіи, которая своимъ контролемъ могла остановить императора Французовъ отъ завоевательныхъ увлеченій и, когда наступитъ время, сказать свое слово въ пользу италіанской свободы. Но объ Англіи никто не хотѣлъ и думать. Надежды на блестящую будущность Италіи, которую создастъ ей императоръ Французовъ, были такъ велики, что никто не хотѣлъ и слышать о постороннемъ вліяніи; всѣ смотрѣли съ благоговѣніемъ на императора, какъ на жреца, совершающаго великую жертву. «Если Англія вмѣшается, говорилъ лордъ Гауденъ 30-го іюня,

то отъ одного конца полуострова до другаго стануть всё говорить, что не будь этого самолюбиваго и коварнаго Альбіона, который хлопочетъ только о своихъ низкихъ интересахъ и о сбытѣ хлопчатой бумаги, вся Италія была бы свободна; Англию обвинять въ томъ, что она разрушила всё великолѣпные планы развитія и покровительства національностей, созданные и обработанные въ мѣстѣ, самомъ благопріятномъ для человѣческой свободы, — въ Парижѣ, въ Тюльери. (*Смѣхъ.*) Всё проклятiя либераловъ въ Италіи, красныхъ во Франціи и нашихъ собственныхъ радикаловъ падуть на Англию, тогда какъ честь исполненія проектовъ, которые вовсе не имѣлись въ виду, будетъ приписана Франціи. Лордъ Гауденъ видѣлъ въ этомъ особенное несчастье, *curiosa infelicitas* Англии, и съ тоскою смотрѣлъ на нравственное возвеличеніе Франціи, на новое благодѣаніе, оказываемое Европѣ императоромъ. Но напрасно опасались мы «счастливыхъ исключеній». Принципъ остался вѣренъ самому себѣ, и «свобода Италіи» осталась пустымъ словомъ, въ которое императоръ Французовъ игралъ для своихъ цѣлей; объ этой свободѣ онъ не думалъ и даже не желалъ ея. *Times* саркастически представляетъ результаты переговоровъ въ Виллафранкѣ и такъ-называемое освобожденіе Италіи, и мы считаемъ за лучшее привести здѣсь вполнѣ статью этого журнала, написанную на тему французскаго манифеста 3-го мая, общавшаго, какъ извѣстно, освободить Италію отъ Альповъ до Адриатическаго моря.

«Италія должна быть свободна, говоритъ *Times*, потому что императоръ сказалъ это; а кто, кромѣ невѣрующаго, малодушнаго и подозрительнаго *Times*, задумаетъ не довѣрять императору? Да, это возвеличеніе папы, и это возстановленіе великихъ герцоговъ, и это оставленіе за Австріей Венеціи и Минчіо,—все это есть не что иное, какъ новая варіяція перваго посланія императора къ императрицѣ. Да, Италія свободна. Но она свободна не въ смыслѣ демократическомъ, или конституціонномъ, или народномъ, а въ смыслѣ наполеоновскомъ. Свобода есть слово, имѣющее много значеній; оно часто получаетъ свои оттѣнки отъ интересовъ тѣхъ лицъ, кто употребляетъ это слово. Свобода въ Спартѣ не значила, чтобъ илотовъ нельзя было убивать, если они становились слишкомъ многочисленны или безпокойны. Свобода въ Италіи вовсе не значить, чтобы жители имѣли какой-либо голосъ въ своемъ собственномъ правленіи. Италія свободна, но она свободна подъ императорскими условіями. Ломбардія, завоеванная Франціею и уступленная Австріею, отдана королю сардинскому. Никто не можетъ сказать, что Ломбардія не свободна. У нея могутъ быть свои понятія о возстановленіи стариннаго герцогства въ формѣ федеральнаго государства, Миланъ можетъ не желать

сдѣлаться прибавкою къ Турину; но весь этотъ вздоръ должно беречь про себя. Ломбардія свободна, и она должна быть довольна. И Венеція также свободна. Она свободна подъ владычествомъ Австріи. Чего ей еще надо? Ужъ конечно она не на столько безумна, чтобы мечтать о временахъ Дандоло! Можетъ-быть, Австрія подарить ей одного изъ своихъ эрцгерцоговъ, можетъ-быть она подарить ей армию, которой отряды будутъ оживлять площадь Св. Марка, подарить и хорошо одѣтыхъ офицеровъ, которыхъ живописные костюмы придадутъ много разнообразія сценамъ на той же великолѣпной площади. И Венеція еще будетъ недовольна? Послѣ этого она не понимаетъ, что такое свобода, а вотъ Наполеонъ понимаетъ и наши ультралиберальные друзья въ Англіи понимаютъ. Но пусть Венеція не слишкомъ громко высказываетъ свое безумное недовольство. Вѣдь только часть Ломбардіи передана Сардиніи—«Ломбардія до линіи рѣки Минчіо»; между этою линіею и Венеціею протекаютъ двѣ большія рѣки, впадающія въ По, и земля, орошаемая этими рѣками охраняется первоклассными крѣпостями. Это старинныя желѣзныя ворота, черезъ которыя Австрія входила въ Италію, когда ей вздумается; это лагерь австрійскаго деспотизма, въ который онъ удалялся, когда ему грозила опасность въ равнинахъ. Отсюда Австрія можетъ выслать свои десятки тысячъ, чтобы подавить въ зародышѣ всякое выраженіе недовольства. Не произносите же слишкомъ громко своихъ свободныхъ рѣчей, и вы, сардинскіе Ломбардцы, пользующіеся свободой подъ тѣнью западныхъ стѣнъ этихъ великихъ крѣпостей, и вы, освобожденные Венеціанцы, которые, пользуясь императорскимъ подаркомъ, можете смотрѣть на пушки съ восточныхъ бастионовъ тѣхъ же крѣпостей. Эта страна также свободна. Вѣдь она тоже лежитъ между Альпами и Адриатикой, и тоже должна быть свободна. Она раздѣляетъ съ Венеціею честь быть свободною подъ властью Австріи. Но она свободна, какъ чисто австрійское владѣніе, какъ передовой постъ Тироля, подвигающійся подобно лавинѣ прямо въ сердце сѣверной Италіи; она начинена по прежнему войсками и оружіемъ, и отсюда арміи могутъ двигаться по желѣзнымъ дорогамъ и въ нѣсколько часовъ достигнуть Милана или Венеціи. Австрія владѣетъ и, по новому трактату, будетъ владѣть страшнымъ *четыреугольникомъ*. Слѣдовательно, въ названныхъ нами городахъ слѣдуетъ говорить кротко о вновь прибрѣтенной свободѣ и поздравлять другъ друга шепотомъ съ тѣмъ, что нашъ-де патронъ-императоръ исполнилъ свои обѣщанія, изгналъ Австрійцевъ изъ Италіи и сдѣлалъ эту страну свободною отъ Альповъ до Адриатики. Тоскана и Модена также свободны. Онѣ свободны вслѣдствіе своихъ собственныхъ дѣйствій, потому что онѣ изгнали своихъ двухъ государей и потомъ послали волонтерами къ императору Наполеону половину своихъ юношей. Свободныя граж-

дане Тосканы и Модены сражались противъ своихъ изгнанныхъ государей при Сольферино и помогали Лудовику-Наполеону прогнать ихъ. Это было недоразумѣніе съ обѣихъ сторонъ. Настоящая свобода, изъ-за которой сражались Тосканцы и Моденцы, состоитъ въ томъ, чтобы снова принять своихъ прежнихъ правителей; и еслибы великіе герцоги понимали свои истинные интересы, имъ слѣдовало бы находиться въ лагерѣ французскаго, а не австрійскаго императора. Гиппій возвращается въ Аѳины: свобода Аѳинъ требуетъ возстановленія его.

• Не отличаясь крайними симпатіями къ Италіи, мы должны признаться, что еслибы мы послали лорда Стратфорда или лорда Кларендона на конгрессъ отъ имени Англіи для устройства италіанскихъ дѣлъ; еслибы лордъ Стратфордъ или лордъ Кларендонъ возвратились назадъ и, махая шляпами, кричали: «Италія свободна!» и еслибы оказалось, что Австріи оставлены Пескіера, и Мантуя, и Венеція, что великіе герцоги возвращены насильно въ Модену и Тоскану, и что это зовется италіанскою свободой: то мы кричали бы изо всѣхъ силъ, чтобы обвинить лорда Стратфорда, или лорда Кларендона, какъ измѣнниковъ. Еслибы мы знали, что это было все, чего желали г. Кошутъ и бермингамскіе джентльмены, и прочіе обожатели императора Наполеона, то думаемъ, что могли бы доставить имъ все это безъ того, чтобы Италія была усѣяна костями, и госпитали переполнены несчастными изувѣченными солдатами. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, чего нельзя было бы вынудить у Австріи силою дипломатіи. Все это не смиряетъ ея гордости и значительно увеличиваетъ ея силу. Она избавлена отъ труда управлять одною мятежною и стоящею дорого провинціею и удерживаетъ право разорять ее, когда ей угодно. Она стоитъ теперь въ Италіи, какъ мечъ-рыба около кита. Австрія вся — оружіе, Италія вся — добыча. Австрія уступила только то, что она во всякую минуту можетъ взять назадъ, и чего она, вѣроятно, теперь имѣетъ довольно благоразумія не желать. Сарлинія получила то, что она можетъ удержать съ трудомъ, и чего она не можетъ защищать въ случаѣ нападенія. Послѣ того какъ возстановлены сатрапы Австріи во Флоренціи и въ Моденѣ, и Австрія стоитъ вооруженная съ головы до ногъ, господствующая и несокрушимая въ италіанскомъ союзѣ, она сдѣлалась въ Италіи сильнѣе чѣмъ была прежде. Еслибъ Англія посмѣла предложить Австріи виллафранкскія условія до начала войны, то отказа не послѣдовало бы; тогда спасено было бы 100.000 жизней, и Италія явилась бы точно такъ же, какъ и теперь, «свободною отъ Альповъ до Адриатическаго моря.»

Такъ разсуждаютъ люди, не способные увлекаться чувствами; такъ, вѣроятно, думаютъ теперь и тѣ спокойные мыслители, которые видѣли залогъ спасенія Италіи уже не въ чувствахъ, а въ

« великомъ » принципъ демократической имперіи. Не только Французы, но даже Американцы и англійскіе радикалы не считали неестественнымъ союзъ демократическаго деспотизма съ свободою. Г. Кобденъ, тотчасъ по возвращеніи изъ Америки, говорилъ въ Ливерпулѣ слѣдующее: « Я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи громко кричатъ о необходимости воевать съ Франціею и защищать Австрію. Такія государства, какъ Баварія и Ганноверъ — самыя отстающія государства — кажется, желаютъ втянуть Союзъ въ европейскую борьбу. Но я хотѣлъ бы, чтобы англійскій народъ далъ понять ясно этимъ германскимъ народамъ, что, въ случаѣ ихъ нападенія на Лудовика-Наполеона, наша страна не придетъ къ нимъ на помощь... *(Громкія рукоплесканія.)* Если Американцы приняли услуги Лудовика XVI, который былъ такимъ же деспотическимъ государемъ, какъ и Лудовикъ-Наполеонъ, то я думаю, что можно извинить Италіанцевъ, когда они ждуть изъ-за Альповъ помощи для сверженія австрійскаго ига. Это сравненіе Италіи съ Америкой повторено было самимъ г. Далласомъ, нынѣшнимъ сѣверо-американскимъ посланникомъ въ Лондонѣ. На обѣдѣ 4-го іюля, бывшемъ въ Лондонѣ въ память американской независимости, г. Далласъ сказалъ между прочимъ: « Когда вѣками образовалось единство племени, языка, литературы, чувствованій, мысли, нравовъ, вѣрованій, преданій, обычаевъ, тогда невозможно подавить надеждъ на независимость. Въ такомъ положеніи были мы въ 1776 году, въ такомъ положеніи находится теперь Италія. Безъ сомнѣнія, можно указать на многія плачевныя различія между обоими положеніями, но въ числѣ ихъ мы не поставимъ помощи, принятой отъ абсолютнаго монарха, которая повидимому несообразна и опасна. Америка никогда не забудетъ благодарности своей къ Франціи, управлявшейся Бурбонами, къ той самой Франціи, которая теперь, своею кровью и деньгами, подъ управленіемъ Бонапарта, подаетъ помощь на равнинахъ Ломбардіи. » Г. Далласъ, можетъ-быть, вѣритъ, что скоро италіянскому посланнику будетъ дозволено въ Вѣнѣ праздновать годовщину италіянской независимости и произносить такія рѣчи, какія Американцы произносятъ въ Лондонѣ, своей бывшей столицѣ. Но и г. Кобденъ и г. Далласъ забываютъ, что Франція конца прошедшаго столѣтія не имѣла въ виду, да и не могла располагать судьбою Америки; она помогала ей въ видахъ соперничества съ Англіей, тогда какъ императоръ Наполеонъ III доказалъ, что въ италіянской войнѣ онъ былъ не только главнымъ, но единственнымъ дѣятелемъ; онъ прямо сказалъ теперь, что заключилъ миръ потому, что не желалъ искать поддержки въ революціи. Правда, онъ терпѣлъ ее на время и даже при вступленіи въ Миланъ обѣщалъ, что сами на-

роды изберуть себѣ правительства; но его симпатіи влекли его гораздо болѣе къ герцогамъ, чѣмъ къ итальянскимъ народамъ. Всеобщая подача голосовъ, которой обязана Франція нынѣшнимъ порядкомъ вещей, была для императора не цѣлью, а средствомъ. Чтобы управлять этимъ голосомъ народа, давать ему тонъ, во Франціи существуетъ два орудія—армія и духовенство, и съ этими силами приходилось считаться. Арміи подарена слава побѣдъ, духовенству почетное предсѣдательство папы; все остальное должно было отодвинуться на послѣдній планъ. Императоръ ходилъ въ Италію вовсе не для итальянскаго народа, а для французской арміи и для французскаго духовенства; эти двѣ силы необходимо питать чѣмъ-либо постоянно, а онѣ питаются, ужь конечно, не свободой. Едвали самому императору было лестно сравненіе его съ Людовикомъ XVI, сдѣланное въ первый разъ г. Шталемъ; прусскій ораторъ напомнилъ, что союзъ Франціи съ американскою революціей породилъ революцію въ самой Франціи. Мы не думаемъ, чтобъ именно это пророчество произвело впечатлѣніе на умъ императора; но, какъ видно, онъ раздѣляетъ мнѣніе прусской феодальной партіи и отступилъ отъ него только на время, вспомнивши объ арміи, которая требовала пищи. А la guerre comme à la guerre, и приходится не брезгать ни Гарибальди, ни революціонными союзниками. Но исправленіе было быстрое и искреннее, какъ видно изъ условій виллафранкскаго договора. Въмѣсто всеобщей подачи голосовъ, императоръ предписалъ герцогствамъ принять прежнихъ правителей. Для совершенной послѣдовательности нужно было, чтобы герцоги вошли въ свои столицы при громѣ французскихъ барабановъ, съ французскимъ генераломъ по правую или по лѣвую сторону. Но императоръ вспомнилъ, вѣроятно, что, при вступленіи въ Миланъ, онъ обѣщалъ народамъ Италіи право избрать себѣ правительства, и теперь черезъ посредство лорда Джона Росселя объявляетъ, что не намѣренъ своими войсками возстановлять свергнутыя династіи. Но отчего же, послѣ сольферинской битвы, онъ забылъ о своихъ обѣщаніяхъ и самовольно распорядился престолами трехъ герцогствъ? Если онъ считалъ себя рѣшителемъ судебъ Италіи, то долженъ бы былъ при этомъ опираться на какое-нибудь право; положимъ, что побѣды уполномочивали императора Французовъ отнять Ломбардію у Австріи; но остальная Италія довѣряла не ему, а королю сардинскому; не Наполеонъ III, а Викторъ-Эммануилъ провозглашаемъ былъ повсюду диктаторомъ; на него смотрѣла Италія, какъ на вождя своей независимости, и ему ввѣряла дѣло своей свободы. А между тѣмъ о Сардиніи императоръ забылъ на конференціяхъ. «Это отсутствіе, замѣчаетъ *Times*, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что два друга императора собрались вмѣстѣ съ цѣлью»

приготовить самый пріятный сюрпризъ друзьямъ человечества во всемъ свѣтѣ.» Сюрпризъ былъ дѣйствительно чрезвычайно силенъ даже для людей самыхъ трезвыхъ и прозаическихъ.

Съ перваго раза кажется, что Сардинія осталась въ выигрышѣ; она приобрѣла три милліона народонаселенія. Но въ замѣнъ этого она потеряла сочувствіе Италіи, составлявшее ея силу, она подвергается опасности свою свободу, которая дороже всякихъ территоріальныхъ приобретений. Отставка графа Кавура и взрывъ народнаго негодованія въ Сардиніи служить лучшимъ отвѣтомъ на вопросъ—удовлетворяетъ ли Сардинію присоединеніе къ ней Ломбардіи. « Не мы одни, сказано въ *Times*, впали въ ошибку. Человѣкъ, который лучше всѣхъ долженъ былъ бы понимать императора Наполеона, человѣкъ, котораго вся Италія приветствовала какъ своего государственнаго мужа, графъ Кавуръ обманулъ, подобно намъ; свободная Италія, о которой онъ мечталъ, вовсе не похожа на ту, которую состряпали два императора; въ негодованіи онъ покинулъ свое высокое положеніе, потому что ему невозможно оправдать себя въ глазахъ тѣхъ, чьи надежды онъ возбудилъ, и чье негодованіе можетъ быть опасно для него.»

«Если мы прослѣдимъ исторію сардинскаго народа, сказано въ томъ же журналѣ, то мы должны обратить вниманіе на его конституціонныя учрежденія и поставить вопросъ такимъ образомъ: Ломбардія ли присоединилась къ Пиемонту, или Пиемонтъ къ Ломбардіи? Мы должны также спросить себя, довольна ли будетъ Ломбардія сардинскимъ владычествомъ и захочетъ ли Миланъ назвать своею столицею Туринъ? Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, Лудовикъ-Наполеонъ имѣетъ монополію славы и могущества. Онъ заботится, чтобы никто на свѣтѣ не ошибся въ томъ, кто былъ освободителемъ Италіи. Онъ, Наполеонъ III, предписалъ свою волю разбитому Францу-Юсиѣу, и, когда все дѣло кончено, сардинскому королю можно дозволить подписать условія. Два орла на воздухѣ описываютъ мирные круги. Пусть же низшія существа упадутъ всѣ на землю и берегутся орлиаго налета сверху. При такомъ взглядѣ на свои отношенія къ Италіи, естественно, что императоръ не считалъ нужнымъ спрашивать мѣнія ни у Италіянцевъ, ни даже у сардинскаго короля, отъ котораго онъ получалъ ежедневно рапорты о состояніи войска.»

«Будетъ ли Италія, продолжаетъ *Times*, довольна теперешнею свободой отъ Альповъ до Адріатики?» Пользуется ли папа, какъ свѣтскій правитель, такою популярностью, что вся Италія возрадуется его «почетному» президентству? Вѣроятно Сардинія теперь поняла, что ей предлагались благоразумные совѣты, когда ее не разъ убѣждали стремиться къ постепенной эманципаціи италіянскаго племени мирными средствами, успѣхами промышлен-

ности и умственного развитія? Мы не говоримъ о Викторѣ-Эммануилѣ. Онъ получить прибавку территоріи; онъ промѣняетъ мечту на скромную дѣйствительность и, по обыкновеннымъ понятіямъ обыкновенныхъ королей, онъ остается въ выигрышѣ. Но мы спрашиваемъ у сардинскаго народа, все ли онъ по прежнему радуется благому вліянію французскаго союза, какъ онъ радовался четыре мѣсяца тому назадъ? Не тревожится ли онъ за свои конституціонныя учрежденія, отъ которыхъ онъ съ такою преданностію отказался въ пользу короля на время войны, и увѣренъ ли онъ, что эти учрежденія будутъ возстановлены по минованіи опасности? »

За настоящую минуту, кажется, нельзя еще опасаться; но кто можетъ поручиться, что à la longue этотъ непріятный сосѣдъ, конституціонная Сардинія, не уступитъ мѣсто иной формѣ правленія? Трудно представить себѣ, чтобы нынѣшній императоръ Французовъ захотѣлъ осуществить мечту лорда Гаудена, который говорилъ въ палатѣ лордовъ: «Честное и конституціонное *régime* во Франціи—въ этой странѣ, которая, по своему положенію и по словамъ ея правительства, должна способствовать къ возрожденію Европы—конституціонное правленіе во Франціи, которое защищало бы, а не возбуждало бы Сардинію, послужило бы къ тому, чтобы мудрый примѣръ конституціонной системы проникъ въ сердца государей и подданныхъ. Черезъ это Франція соединилась бы съ нашею свободною страной естественнымъ и прочнымъ союзомъ; потому что, благодаря Бога, по силѣ вещей и по закону который выше временныхъ соображеній одного человѣка, невозможенъ постоянный союзъ между свободою и деспотизмомъ. Черезъ это Англія и Франція должны бы даровать свободу всему свѣту. Такой актъ порадовалъ бы всѣхъ благоразумныхъ реформаторовъ и былъ бы непріятенъ только дикому честолюбію и крайнимъ стремленіямъ тѣхъ лицъ, которыя не понимаютъ истинныхъ интересовъ человѣчества. (Слушайте, слушайте.)»

Къ сожалѣнію, для Сардиніи наступаетъ теперь время кризиса, когда могутъ одержать верхъ или крайнія стремленія республиканцевъ, или диктатура одного лица; трудно ждать, чтобы Франція помогла ей удержаться въ равновѣсіи, и будущее представляется въ мрачныхъ краскахъ; можетъ-быть, снова настанетъ внутренняя борьба въ странѣ, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ конституція дѣйствовала правильно и спокойно. Мы не говоримъ объ италіянскомъ союзѣ, который, быть-можетъ, останется въ проектѣ. Но если онъ осуществится, то положеніе Сардиніи будетъ еще затруднительнѣе. Папа не разъ высказывалъ свое недовольство сардинскимъ правительствомъ и еще недавно

обвинялъ его въ неуваженіи къ церкви и ея служителямъ; многіе католики считаютъ короля Виктора-Эммануила отрѣшеннымъ отъ церкви, по поводу законовъ графа Сиккарди; какой же вѣсь будетъ имѣть голосъ Сардиніи въ союзѣ, гдѣ председатель—глава католической церкви, а одинъ изъ членовъ—вѣрный духовный сынъ его, располагающій 800.000 войска? Даже *Morning Post*, который, будучи органомъ лорда Пальмерстона, старается избѣгать рѣзкой оцѣнки вилла-франкскихъ предиминарій, даже и этотъ журналъ считаетъ невозможнымъ италянскій союзъ, въ томъ видѣ, въ какомъ проектировали его императоры. «Отношеніи между государствами, сказано въ этомъ журналѣ, опредѣляются не словами, а фактами, и новый венеціанскій король, подобно прежнему ломбардо-венеціанскому государю, есть все-таки монархъ Австрійской имперіи; его императорскій авторитетъ и мнѣніе будутъ имѣть силу въ рѣшеніи всякаго вопроса, который возникнетъ на италянскомъ сеймѣ. Онъ все-таки будетъ главою Габсбургскаго дома, съ домашнимъ и политическимъ контролемъ надъ герцогами моденскимъ и тосканскимъ, членами того же дома. Мы можемъ примириться съ политической необходимостію, которая побуждаетъ оставить Венецію во власти Австрій для обезпеченія мира; мы готовы признать политическое благоразуміе въ томъ, что изъ Венеціи образовано отдѣльное государство. Но, говоря откровенно, зачѣмъ изъ австрійской провинціи дѣлать союзное италянское государство? Едва ли этимъ путемъ италянскій вопросъ рѣшится удовлетворительно. Это возраженіе относится къ общему условію, принятому теперь. Но существуютъ особенныя трудности относительно возстановленія герцоговъ въ Тосканѣ и Моденѣ. Всѣ органы гласности, акты муниципалитетовъ, офиціальныя адреса и выраженія личныхъ мнѣній въ этихъ странахъ доказываютъ ясно, что ихъ народонаселеніе желаетъ быть присоединено къ большому королевству сѣверной Италіи, и что оно ненавидитъ деспотовъ, изгнанныхъ имъ. Тосканская революція была почти личною; она произошла отъ давнишняго недо-вѣрія къ характеру и намѣреніямъ австрійскаго эрцгерцога. Люди, стоявшіе во главѣ либеральной партіи, а теперь ставшіе во главѣ правительства, сказали прямо своему государю: «Мы не можемъ довѣрять вамъ: вы измѣнили намъ уже одинъ разъ; вѣроятно, измѣните снова. Подъ маской италянскаго государя, вы тайнѣ всегда оставались вассаломъ и орудіемъ Австрій; вы можете снова поклясться, что вамъ дорого дѣло Италіи, но ваши подданные не могутъ забыть, что вы уже были клятвопреступникомъ.» Могутъ ли Тосканцы сразу забыть чувство, вызвавшее эти слова, и событія, послѣдовавшія за тѣмъ? Можетъ ли вилла-франкскій трактатъ пробудить въ нихъ вѣрноподданническую привязан-

ность? Пребываніе въ австрійскомъ лагерѣ и участіе въ войнѣ за Австрійцевъ едва ли сдѣлали государей центральной Италіи мудрыми правителями, великими законодателями и патриотами... Но еще болѣе важныя соображенія представляются относительно папы. Съ увеличеніемъ его политическаго значенія, весьма естественно должны сдѣлаться болѣе частыми случаи столкновенія между духовною и свѣтскою юрисдикціею. Возьмемъ на примѣръ позорное дѣло ребенка Мортара. Въ Папской области совершается самое возмутительное нарушеніе священнѣйшихъ правъ семейства, и оно остается ненаказаннымъ, потому что римскій государь есть вмѣстѣ и римскій первосвященникъ. Если произойдетъ что-либо подобное въ Венеціи, въ Моденѣ, въ Тосканѣ или въ Неаполѣ, то къ какой италіанской власти иностранное правительство обратится съ протестомъ? Къ новому королю Венеціи?— Но нѣтъ причины думать, что онъ разорветъ конкордатъ, а конкордатъ подчиняетъ свѣтскіе суды церковнымъ. Къ президенту союза?—Естественно, во всякомъ обще-италіанскомъ дѣлѣ, равно какъ и въ дѣлѣ, касающемся его владѣній, онъ поставитъ на видъ невозможность такого акта, который идетъ въ разрѣзъ съ его божественными правами и противорѣчитъ непогрѣшимымъ постановленіямъ церкви. Мы нарочно выставляемъ эти затрудненія, потому что ими опредѣлится образъ дѣйствій нашей дипломатіи... Французскіе орлы остановились въ своемъ полетѣ на берегахъ Минчіо. Судьбы войны или необходимость мира соединили Ломбардію съ Пиемонтомъ и оставили Венецію въ рукахъ Австріи. Это очень грустное событіе. Если австрійскій императоръ согласится (что невѣроятно), чтобы Венеціанское королевство существовало какъ государство чисто италіанское, на условіяхъ равныхъ съ прочими, то-есть, чтобы туда не могли входить иностранныя войска; если онъ согласится, чтобы Венеція сдѣлалась италіанскою, тогда все равно, будетъ ли австрійскій принцъ владѣтелемъ государства, навсегда отдѣленнаго отъ имперіи. Но одно изъ двухъ: необходимо, чтобы или онъ сдѣлался совершенно Италіанцемъ, или чтобы Венеція оставалась вполне австрійскою. Ненужно слишкомъ много прозорливости, чтобы видѣть, что, безъ исполненія одного изъ этихъ двухъ условій, италіанскій союзъ не будетъ тѣмъ, чѣмъ мы ждали бы его видѣть и чѣмъ мы готовы его сдѣлать—свободнымъ и національнымъ.»

Мы привели почти вполне эту статью англійскаго журнала, потому что видимъ въ ней выраженіе мысли теперешняго правительства, согласное съ прежними убѣжденіями лордовъ Пальмерстона и Росселя. Если общественное мнѣніе и правительство Англій, что одно и то же, такъ рѣшительно высказываются въ двухъ самыхъ вліятельныхъ журналахъ, то можно бы надѣяться, что

дѣло Италіи не потеряно безвозвратно. Но неизвѣстно еще, будутъ ли разсматриваться прелиминаріи виллафранкскія на конгрессѣ; послѣднія телеграфическія депеши извѣщаютъ о собраніи уполномоченныхъ Франціи и Австріи въ Цюрихъ, хотя изъ нихъ не видно, приметъ ли въ нихъ участіе Сардинія; если такъ, то дѣйствительно становится сомнительнымъ отвѣтъ на вопросъ, предложенный въ парламентъ лордомъ Брумомъ: «Мы знаемъ, сказалъ онъ, что Франція заключила миръ съ Австріею; но заключила ли Австрія миръ съ Пиемонтомъ?». Общественное мнѣніе въ Англіи высказывается противъ участія этой страны въ конгрессѣ: нейтралитетъ во время войны и безучастіе въ мирѣ — вотъ до сихъ поръ девизъ англійской политики. Оппозиція даже прямо обвиняетъ министерство въ желаніи принять участіе въ мирномъ трактатѣ, который сдѣлаетъ Англію отвѣтственною за новый порядокъ вещей въ Италіи, а этотъ порядокъ не имѣетъ за себя гарантій прочности. *Economist* справедливо видитъ въ послѣдней войнѣ гибельный примѣръ вмѣшательства во внутреннія дѣла другаго государства, а возведеніе этого вмѣшательства въ международный принципъ поведетъ къ неисчислимымъ complicatіямъ. *Times* доказываетъ, что вмѣшательство Англіи въ мирный трактатъ будетъ совершенно бесполезно. «Мы не принимали участія въ войнѣ, сказано здѣсь: поэтому мы не имѣемъ права голоса въ преніяхъ о мирѣ. Мы сдѣлаемся отчасти отвѣтственными за мѣры, на которыя мы не можемъ имѣть большаго вліянія. Во всякомъ случаѣ, мы должны быть адвокатами конституціоннаго правленія, но есть ли надежда, что мы будемъ услышаны? Франція будетъ противъ насъ, Австрія не станетъ слушать насъ, Россія будетъ смѣяться надъ нами въ кулакъ. Когда дѣло дойдетъ до устройства Папской области, мы должны по необходимости молчать, если не хотимъ, чтобы насъ обвинили въ дерзости. Мы могли бы помочь изгнать папу и отнять у него государство; но, будучи нейтральными, мы не можемъ имѣть притязанія совѣтовать Австріи и Франціи, какъ они должны судить о своемъ уважаемомъ, но слишкомъ требовательномъ духовномъ отцѣ. Такъ какъ мы представляемъ въ Европѣ только протестантизмъ, который не имѣетъ послѣдователей между сражающимися, и конституціонное правленіе, которое не имѣетъ друзей между спорящими коронованными главами, и такъ какъ, въ добавокъ, своимъ вмѣшательствомъ мы возбудимъ только недоброжелательство съ обѣихъ сторонъ, то мы думаемъ, что не согласна ни съ честью, ни съ достоинствомъ нашего отечества занимать мѣсто въ собраніи, гдѣ мы должны или молчать, или уступить.» Благоразумный совѣтъ для всѣхъ нейтральныхъ государствъ, если конгрессу нельзя будетъ отступить отъ вилла-

франкскихъ условій, и если ему предоставлено будетъ только право подписать свое имя подъ сдѣлкою, заключенною двумя императорами въ минуту досады.

Но успѣетъ ли конгрессъ исправить ошибку, сдѣланную императоромъ Французовъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ ясно, что европейская миссія, которую принялъ на себя императоръ, не выполнена имъ. Французскіе правительственные журналы, какъ напримѣръ *Le Nord*, ставятъ въ особую заслугу императору то, что онъ началъ войну неожиданно и такъ же неожиданно заключилъ миръ. Но въ политикѣ такіе капризы едва ли составляютъ великое достоинство. Если война вызывается не дѣйствительными потребностями Европы и народными интересами, то она становится преступною. Если миръ заключается въ минуту горечи, по той же личной прихоти, на основаніи одного только «l'empereur le veut», то это служитъ лучшимъ обвиненіемъ самой войны и не менѣе преступныхъ желаній избѣгать всякаго контроля Европы. «Когда два императора, говоритъ *Times*, покинули комнату въ Виллафранкѣ, мы воображаемъ себѣ, какъ поздравляли они другъ друга съ тѣмъ, что остальнымъ державамъ нечего дѣлать съ ихъ трактатомъ. Это старинный императорскій образъ дѣйствій: триумвиръ встрѣчался на островѣ или на мосту и дѣлила между собою весь свѣтъ. Должно признаться, что не въ нашемъ обычаѣ рѣшать дѣла такимъ образомъ.» Императоръ Французовъ первый предложилъ перемиріе, которое было принято съ радостію, «какъ бальзамъ для раненаго», по выраженію *Times*, императоромъ австрійскимъ. Затѣмъ послѣдовало свиданіе въ Виллафранкѣ,—и судьбы Италиі были рѣшены.

Что же наконецъ побудило императора Французовъ отказаться отъ своихъ плановъ, которые были одобрены всею Европой? Отвѣчать на этотъ вопросъ могли бы два императора, еслибы они захотѣли повѣдать всему свѣту тайну своихъ намѣреній. Мы видѣли, что въ прокламаціи къ арміи императоръ Французовъ объявлялъ, что война, перенесенная въ *четыреугольникъ*, приняла бы размѣры, несогласные съ интересами Франціи; въ рѣчи къ дипломатическому корпусу онъ сказалъ, что въ началѣ войны, то есть, вѣроятно, до перехода черезъ Минчіо, Европа была несправедлива къ императору. Послушаемъ теперь, что говоритъ императоръ президентамъ высшихъ государственныхъ учрежденій Франціи. «Когда, такъ отвѣчалъ онъ на поздравленіе гг. Тролона, Морни и Бароша,—послѣ двухмѣсячной счастливой кампаніи, французская и сардинская арміи подошли къ стѣнамъ Вероны, борьба необходимо должна была измѣниться въ своемъ характерѣ въ отношеніи военномъ и политическомъ. Роковая необходимость заставляла меня атаковать съ фронта непріятеля, укрѣ-

пывшагося въ громаднѣхъ крѣпостяхъ и защищеннаго отъ нападеній съ фланга сосѣдними нейтральными территориями; приступая къ долгимъ и бесплоднымъ осадамъ крѣпостей, я стоялъ лицомъ къ лицу съ вооруженною Европой, готовою или оспаривать у насъ честь, въ случаѣ успѣховъ, или стать противъ насъ, въ случаѣ неудачи. Однако трудность предпріятія не поколебала бы моей рѣшимости и не остановила бы моей арміи, еслибы можно было ожидать результатовъ, соответствующихъ пожертвованіямъ. Надо было рѣшиться разорвать препоны, поставляемыя нейтральными территориями, и съ тѣмъ вмѣстѣ вступить въ борьбу за одинъ разъ на Рейвъ и на Адиджѣ. Надо было повсюду искать подкрѣпленія въ союзѣ съ революціею. Надо было еще проливать драгоценную кровь, которая текла въ такомъ обиліи. Однимъ словомъ, для успѣха надо было рисковать тѣмъ, что государь можетъ ставить на карту только ради независимости своей страны. Поэтому я остановился; но сдѣлалъ это не отъ усталости или истощенія, и не оттого, чтобы я покинулъ великое дѣло, которому хотѣлъ служить, но потому, что въ моемъ сердцѣ громче всего заговорили—интересы Франціи. Развѣ мнѣ ничего не стоило, открыто, передъ всею Европою, вычеркнуть изъ моей программы территорію между Минчіо и Адриатикой? Развѣ мнѣ ничего не стоило видѣть, какъ разлетались мечты честныхъ сердецъ, и разбивались ихъ патріотическія надежды? Чтобы служить итальянской независимости, я началъ войну противъ воли Европы; я заключилъ миръ, какъ скоро судьбы моей страны могли подвергаться опасности. Эта картина внутренней борьбы императора, представленная не безъ ораторскаго искусства, дѣйствительно можетъ возбудить соболѣзнованіе. Но нельзя не пожалѣть, что она не представилась императору до начала войны *четыреугольникомъ*, союзъ съ революціею, надежда и мечты честныхъ сердецъ — все это, кажется, можно было предвидѣть заранее, все это явилось не подъ стѣнами Вероны, а гораздо прежде, и не устрашало императора Французовъ. Наконецъ страшное посредничество нейтральныхъ державъ, на которое намекаетъ не разъ императоръ, было только призракомъ, который не могъ побудить его къ заключенію мира.

Что это за призракъ, который пугалъ одинаково обонхъ противниковъ? Императоръ Французовъ не хотѣлъ посредничества, и императоръ австрійскій не хотѣлъ его. Вотъ что сказано объ этомъ въ австрійскомъ манифестѣ:

«Расходы, необходимые для продолженія войны, должны были бы возвыситься, и это было бы тѣмъ чувствительнѣе, что я уже былъ вынужденъ потребовать отъ моихъ вѣрныхъ подданныхъ значительныхъ пожертвованій деньгами и кровью. Успѣхъ же

оставался бы сомнительнымъ , послѣ того какъ я горько былъ обманутъ въ основательныхъ надеждахъ моихъ, что я не останусь одинокимъ въ этой борьбѣ, предпринятой въ интересъ законныхъ правъ не одной только Австріи.

« Несмотря на теплое и достойное благодарности сочувствіе, которое справедливое дѣло наше встрѣтило въ большей части Германіи, какъ у правительствъ, такъ и у народовъ, старѣйшіе и естественные наши союзники упорно отказывались признать глубокое значеніе, заключавшееся въ занимавшемъ всѣхъ вопросѣ.

« Такимъ образомъ Австрія принуждена была одна идти на встрѣчу приближающимся событіямъ, важность которыхъ могла увеличиться съ каждымъ днемъ.

« Такъ какъ честь Австріи вышла изъ битвъ этой войны невидимою, благодаря геройской твердости ея храброй арміи, я рѣшился, побуждаемый политическими соображеніями, принести жертву для возстановленія мира и изъявить согласіе на предварительныя, подготовляющія его заключеніе, въ томъ убѣжденіи, что вслѣдствіе прямаго соглашенія съ императоромъ Французовъ и безъ вмѣшательства другихъ державъ, я достигну во всякомъ случаѣ менѣе невыгодныхъ условій, нежели тѣ, какихъ можно было бы ожидать, еслибы три великія державы, не принимавшія участія въ войнѣ, вмѣшались въ переговоры и сдѣлали посредническія предложенія, въ которыхъ онѣ предварительно условились между собою и которыя онѣ могли бы поддерживать всѣмъ нравственнымъ гнетомъ ихъ взаимнаго согласія.»

Дѣйствительно, журналы говорили о готовящихся предложеніяхъ со стороны нейтральныхъ державъ. *Mainzer Journal* напечаталъ даже эти предложенія, отличающіяся отъ виллафранкскихъ предварительныхъ въ слѣдующемъ: Венеція и Ломбардія должны были составить особенное государство, Тоскана, Модена и легатства присоединиться къ Сардиніи. Г. фонъ-Рехбергъ счелъ за нужное взять эти предложенія изъ *Майнцаго журнала* и присоединить ихъ, какъ приложение, къ своему циркуляру. Но два полуофициальные журнала отвергаютъ существованіе подобныхъ условій: *Preussische Zeitung* говоритъ, что извѣстія *Майнцаго журнала* не основательны, а въ *Journal de St. Pétersbourg* мы читаемъ слѣдующее: « Нѣкоторые журналы, опираясь на государственные акты, утверждали, будто нейтральныя державы, еще до свиданія въ Виллафранкѣ, согласились въ основаніяхъ посредничества, и будто австрійскій императоръ рѣшился принять условія, предложенныя ему непосредственно Франціею, потому что онъ зналъ о существующемъ соглашеніи нейтральныхъ и находилъ его менѣе выгоднымъ, чѣмъ французскія условія. Мы уполномочены объявить, что не только не существовало соглашенія въ основахъ предполагавшагося по-

сродничества, но что объ этихъ основаніяхъ не было еще разсуждаемо: миръ былъ подписанъ воюющими прежде, чѣмъ окончательно принятъ былъ принципъ посредничества, бывшій предметомъ переговоровъ.» Во всякомъ случаѣ нейтральныя державы едва ли могли быть довольны тѣмъ, чѣмъ удовлетворился императоръ Французовъ. По его мнѣнію, Французы могутъ гордиться италянскою кампаніей. «Въ четырехъ сраженіяхъ, говоритъ онъ въ рѣчи, приведенной нами выше, и двухъ большихъ битвахъ, многочисленная армія, не уступающая никакой другой ни въ организаціи, ни въ храбрости, была разбита... Идея италянскою національности признана тѣми, кто особенно оспаривалъ ее.» Значить, и Франція выиграла, потому что доказала свое военное могущество, и Италія выиграла, потому что доказала идею своей національности. Но ни въ томъ, ни въ другомъ никто не сомнѣвался и до войны; едва ли даже Австрія отвергала, что Италія италянская нація; вѣроятно, и князь Меттернихъ только одинъ разъ въ своей жизни сказалъ, что «Италія есть географическое понятіе». Вся Европа хотѣла, чтобъ Италія была предоставлена Италійцамъ, и чтобы для этого Австрія отказалась отъ Ломбардіи и Венеціи, и тѣмъ сдѣлала возможными сардинскую конституцію, реформы въ Папской области, разумный ходъ дѣлъ въ Неаполѣ. Въ *смыслѣ* ~~смыслѣ~~ напечатанъ разговоръ князя Горчакова съ сэръ-Джономъ Крамптономъ, англійскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. «Словомъ, сказалъ князь, мы не можемъ мѣрять на одну и ту же мѣрку Францію и Австрію. Наши отношенія къ первой дружественныя, отношенія же къ Австріи далеко не таковы, и я не вижу надежды на ихъ улучшеніе. Оно можетъ произойти только вслѣдствіе совершеннаго измѣненія системы со стороны австрійскаго правительства, но я не вижу, чтобъ эта перемѣна началась, и чтобъ она была вѣроятна.» Конечно, здѣсь рѣчь шла о внѣшней политикѣ, но, какъ мы замѣчали не разъ, графы Буль и Рехбергъ служатъ только отраженіемъ гг. Баха и всей системы внутренняго управленія Австріи. Эта система съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выказывала свою несостоятельность; но именно ея паденія не желалъ императоръ Французовъ. «Всѣ друзья Австріи, сказано въ *Times*, тотчасъ произнесли приговоръ надъ нею. Единственно въ лагерѣ своего непріятеля она встрѣтила сочувствіе. Поборникъ италянскаго единства и италянскою свободы, надежда и опора италянскихъ патріотовъ и венгерскихъ изгнанниковъ, врагъ, низложившій Австрію во имя свободы, поднялъ ее лежащую и снова вручилъ ей желѣзную палицу. Австрія взывала къ Англіи, къ Германіи, къ Россіи, о помощи противъ Франціи, и въ критическую минуту она нашла, что Франція была единственная держава, которая дѣйствительно оцѣнила Австрію.»

Это совершенно вѣрно. Императоръ Французовъ, въ припадкѣ досады, счелъ для себя выгоднымъ помочь Австріи и поставить Италію въ такое положеніе, чтобы ему можно было во всякое время начать войну за ея свободу. У императора особый способъ пріобрѣтать себѣ союзниковъ. «Франція, говоритъ г. Прево-Парадолъ, можетъ теперь смотрѣть на Европу съ безопасностью и надеждой. Она можетъ сказать себѣ: «Прежде я не могла поднять руку на кого-либо, чтобы на меня не напали съ другой стороны; теперь, если мнѣ придется свести мои счеты съ кѣмъ-либо, на меня будутъ смотрѣть спокойно, и даже мнѣ станутъ доброжелательствовать тѣ самые, кто прежде былъ бы противъ меня. *Parcere subjeo- tis* (1) есть великое правило, и я имъ воспользовалась на-чудо. Если представится случай или необходимость, я сдѣлаю приложеніе изъ второй части стиха и доставлю всѣмъ удовольствіе. Но что бы ни случилось, я окружена теперь бывшими противниками, которымъ доказала, что я могла, но не хотѣла вредить имъ, и что я искала ихъ дружбы, а не пораженія. Подождемъ и станемъ надѣяться.» Во всемъ этомъ мало успокоительнаго и для Италіи и для Европы. Если одна Франція виѣшивалась въ законодательство сосѣднихъ странъ не далѣе какъ полтора года тому назадъ, то чего нельзя ожидать теперь, когда въ союзъ вступили два деспотизма, которыхъ характеристику мы представили въ предшествовавшей книжкѣ *Русскую Вѣстника*?

Впрочемъ Австрія думаетъ начать «новое время», и императоръ возвѣщаетъ о немъ въ своемъ манифестѣ. Мы приводимъ его здѣсь вполнѣ:

«Мои народы!»

«Когда истощилась мѣра всѣхъ уступокъ, совмѣстныхъ какъ съ достоинствомъ короны, такъ съ интересами и честью страны, и рушились всѣ попытки мирнаго соглашенія, не остается болѣе выбора, и неизбежное становится долгомъ.

«Долгъ поставилъ меня въ тяжкую необходимость требовать отъ народовъ моихъ новыхъ и тяжкихъ жертвъ, дабы имѣть возможность защищать священнѣйшее ихъ достояніе.

«Вѣрные народы мои отвѣчали на мой вызовъ; они мужественно соединились около моего престола и приносили всякаго рода жертвы, требуемыя обстоятельствами, съ готовностью, которая заслуживаетъ мою благодарность, увеличиваетъ, если только это

(1) Г. Прево-Парадолъ пользуется здѣсь слѣдующимъ стихомъ Виргилія: *Parcere subjectis et debellare superbos* (падать смиреннѣйшихъ и побороть гордыхъ). Прилагая это предсказаніе о Римѣ къ Франціи, авторъ ставитъ Англію въ категорію «гордыхъ».

возможно, мое сердечное къ нимъ расположеніе и внушала мнѣ увѣренность, что справедливое дѣло, на защиту котораго войска мои шли въ битву съ одушевленіемъ, останется побѣдоноснымъ.

• Къ несчастію, результатъ не отвѣчалъ всеобщимъ ожиданіямъ, и судьба оружія намъ не благопріятствовала.

• Храбрая австрійская армія еще разъ выказала свое испытанное геройство и непоколебимость такимъ блестящимъ образомъ, что внушила всеобщее къ себѣ удивленіе, даже со стороны непріятеля. Справедливо горжусь тѣмъ, что предводительствую такимъ войскомъ, и отечество обязано ему благодарностью за то, что оно такъ мужественно поддерживало честь австрійскаго знамени и сохранило его не запятаннымъ.

• Несомнѣнно то обстоятельство, что противники наши, несмотря на крайнія усилія превосходныхъ, издавна приготовленныхъ для преднамѣреннаго удара средствъ, даже цѣною чрезвычайныхъ жертвованій, успѣли одержать только перевѣсъ и ни одной рѣшительной побѣды; тогда какъ австрійское войско, не поколебавшееся еще ни въ своемъ мужествѣ, ни въ силѣ, занимало позицію, которая давала ему средства, быть-можетъ, отнять у непріятеля сдѣланныя имъ приобрѣтенія.

• Для достиженія этого потребовались бы, впрочемъ, новыя жертвованія, конечно, не менѣе огромныя и не менѣе кровавыя; чѣмъ тѣ, которыя были уже принесены прежде и исполнили сердце мое глубокою печалью.

• Среди этихъ обстоятельствъ, было моею обязанностію принять въ серьезное разсмотрѣніе сдѣланныя мнѣ предложенія о мирѣ.

• Къ несчастію, сдѣлалось необходимымъ отдѣлить бѣольшую часть Ломбардіи отъ остальной имперіи.

• Но сердцу моему отраднo упрочить благодѣянія мира за возлюбленными моими народами, и благодѣянія эти вдвойнѣ отрадны для меня, ибо они даруютъ мнѣ возможность посвятить отнынѣ все мое вниманіе и заботы успешному разрѣшенію представленной мнѣ задачи:

• Основать на прочныхъ основахъ внутреннее благосостояніе и внѣшнее могущество Австріи разумнымъ развитіемъ ея духовныхъ и матеріальныхъ силъ, также соотвѣтствующими нашему времени улучшеніями въ законодательствѣ и управленіи.

• Мои народы остались мнѣ вѣрными въ эти дни тяжкихъ испытаній и жертвованій; пусть содѣйствуютъ они мнѣ въ возстановленіи мира и въ осуществленіи благихъ моихъ намѣреній.

• Я уже выразилъ признательность и благодарность моею храброю арміею, какъ предводитель ея, въ особенномъ приказѣ.

• Возобновляю ей выраженіе этихъ чувствъ, обращаюсь-прямъ

съ рѣчью къ своимъ народамъ, которыхъ благодарю за то, что они послали сыновъ своихъ сражаться на поляхъ битвы за Бога, императора и отечество, и помышляю съ горестью о геройскихъ товарищахъ моихъ по оружію, не возвратившихся, къ несчастію, изъ выдержанныхъ нами битвъ.»

Въ заключеніе мы приведемъ здѣсь рѣчь графа Дерби, которую онъ произнесъ на обѣдѣ, данномъ, 16-го іюля, въ честь его и г. Дизраэли, консервативною партіею. Изъ этой рѣчи можно видѣть мнѣніе теперешней оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ о мирѣ, который имѣлъ рѣдкую способность не удовлетворить никого,—ни правительство, ни оппозицію, ни общественное мнѣніе всѣхъ странъ. Вотъ эта рѣчь:

«По моему мнѣнію, которое я выражалъ не разъ, война эта началась по несоответственнымъ причинамъ и по предлогахъ, совершенно ложнымъ, ибо изъ всѣхъ началъ, провозглашенныхъ для оправданія войны, ни одно не было поддержано и упрочено, ни во время самой борьбы, ни при заключеніи мира. Многія изъ италіянскихъ государствъ поставлены теперь въ болѣе страшное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ они находились прежде. (*Одобреміе.*) Что касается до меня, привыкшаго чтить конституціонныя учрежденія,—привыкшаго вмѣстѣ съ истинными друзьями свободы смотрѣть съ удивленіемъ на Сардинію, которая старалась привить эти учрежденія въ своей средѣ, старалась избѣгнуть крайностей деспотизма съ одной стороны и неограниченнаго своеволія съ другой,—мнѣ было непріятно видѣть, что она не удовлетворялась упроченіемъ своей собственной свободы и конституціи, не удовлетворялась тѣмъ, что представляла конституцію эту со всѣми благотѣльными послѣдствіями ея для внутренняго благосостоянія страны и была примѣромъ для остальной Италіи. Непріятно было смотрѣть, какъ она удалялась отъ духа конституціонныхъ учрежденій, стараясь посѣять вражду, прибѣгая къ темнымъ интригамъ и махинаціямъ противъ другихъ странъ и держа для этихъ цѣлей войско, разорявшее ея финансы и дѣйствовавшее разрушительно на ея собственное благосостояніе. Я предвидѣлъ съ самаго начала, что, дѣлая воззваніе къ помощи могущественнаго сосѣда противъ мнимой опасности со стороны Австріи, Сардинія навлечетъ на себя точно такъ же, какъ на всю остальную Италію, великія и неизбѣжныя бѣдствія. Къ чему, спрашиваю васъ, привело пролитіе крови 100.000 человекъ, ибо никакъ не менѣе этого вышло *hors de combat* въ послѣднюю войну? О чемъ, въ самомъ дѣлѣ, шла дѣло? О преобладаніи чужеземцевъ въ Италіи, о дурномъ управленіи въ Папской области, о неудовольствіи тамошнихъ жителей, о необходимости освободить ихъ отъ иностраннаго гнета и предоставить имъ возможность

избрать какую имъ угодно форму управленія? Но на какіе же условія, сколько намъ извѣстно, былъ заключенъ миръ по окончаніи войны, и что же выиграла свобода Италіи отъ всей этой страшной рѣзни? Въ самой Сардиніи были отмѣнены конституціонныя учрежденія; остается надѣяться, что они были отмѣнены только на время войны. Австрія, правда, отказалась отъ Миланской области, но предоставлена ли была Милану свобода избрать свое правительство? Нѣтъ! Все было устроено безъ его согласія: Франція приняла въ подарокъ отъ Австріи ту область, на которую, по собственнымъ увѣреніямъ Франціи, Австрія не имѣла никакого права, и презрительно бросила эту область въ руки союзницы своей, Сардиніи. Не говорю, чтобъ италіанское народонаселеніе не имѣло законныхъ причинъ жаловаться на свои правительства, но развѣ такъ должна была поступить Сардинія, если дѣйствительно заботилась она о свободѣ Италіи? Она присоединила къ себѣ Ломбардію, съ согласія могущественнаго своего союзника, но не извѣстно еще, въ какой степени будутъ довольны этимъ Ломбардцы и даже Піемонтцы. Хотѣлось бы ей также присоединить къ себѣ Модену, Парму и Тоскану, но такъ какъ честолюбивыя намѣренія ея встрѣтили себѣ препятствія, то Тоскана, Модена и, надѣюсь, Парма, снова, по воли чужеземцевъ и, можетъ-быть, самого Піемонта, очутятся въ прежнемъ своемъ положеніи. *(Одобреніе.)* Что же, потомъ, сдѣлано было для улучшенія правительства въ папскихъ владѣніяхъ? Ровно ничего! Намъ говорятъ, правда, объ учрежденіи италіанскаго союза изъ всѣхъ государствъ, съ прежними ихъ правителями, включая въ него Венецію и Австрію. Союзъ этотъ, вмѣстѣ съ Піемонтомъ, будетъ находиться подъ предсѣдательствомъ, почетнымъ предсѣдательствомъ, римскаго первосвященника. Вотъ результаты той свободы, которой ожидала Италія отъ страшнаго побойща. Не думайте, чтобы я произносилъ какое-нибудь сужденіе о предполагаемыхъ послѣдствіяхъ этого мира. Могу, впрочемъ, сказать утвердительно, что однимъ изъ этихъ послѣдствій будетъ полное разочарованіе тѣхъ друзей свободы, которые понадѣялись на вооруженное вмѣшательство Франціи и Сардиніи. Лучше бы вовсе не питать никакихъ надеждъ, чѣмъ, возбудивши ихъ, оторвать кубокъ отъ устъ жаждущаго народа. *(Одобреніе.)* Радуюсь во всякомъ случаѣ, что война прекратилась. Охотно готовъ вѣрить гуманнымъ побужденіямъ императора Французовъ, остановившаго такъ быстро ея ужасы, ибо убѣжденъ, что еслибы еще немного, то война распространилась бы по всей Европѣ, и трудно рѣшить въ такомъ случаѣ, когда можно было бы положить ей конецъ. Но нельзя отрицать, что теперешнее положеніе дѣлъ даетъ пищу серіознымъ размышленіямъ и опасеніямъ со стороны Англии. Страсти были возбуж-

дены во всей Европѣ. Сдѣланы были огромныя вооруженія. Во Франціи, главнымъ образомъ, то сильное военное чувство, которое всегда преобладаетъ въ этой странѣ, но нѣкоторое время находилось въ усыпленіи и уступало миру,—эта воинственная рьяность—снова пробудилось, а внезапное прекращеніе войны не дало ему времени насытиться. *(Слушайте!)* Франція обладаетъ въ настоящее время не только могущественною арміею, но еще усиливаетъ свой грозный и могущественный флотъ, котораго ей вовсе не нужно для собственной защиты. Достаточно ей полагаться на сухопутную армію, а флотъ можетъ служить ей развѣ только орудіемъ нападенія на другія страны. Я твердо убѣжденъ, что императоръ Французовъ желаетъ сохранить мирныя сношенія съ нашею страной, и надѣюсь, что дѣйствительно онъ сохранить ихъ. Но утверждаю, что сношенія эти подвергнутся большимъ опасностямъ, если, изъ опасенія переменъ чувствъ съ его стороны, мы будемъ дѣлать сверхъестественныя усилія, которыя мы дѣлаемъ теперь и не можемъ не дѣлать ихъ, чтобы поставить на военную ногу нашъ флотъ. Мы желаемъ оставаться въ мирѣ, и желаніе это, я увѣренъ, раздѣляется теперешнимъ правительствомъ, но теперешнее воинственное настроеніе Франціи можетъ быть гибельнымъ для интересовъ и благосостоянія Европы и повести къ войнѣ. *(Одобреніе.)* Я увѣренъ, что соотечественники мои не дозволитъ теперешнему или какому бы то ни было правительству ослабить тѣ приготовленія, которыя такъ необходимы для полной безопасности страны. *(Одобреніе.)* Сколько бы ни довѣрялъ я доброму расположенію, честнымъ желаніямъ и здравомыслящей политикѣ императора Французовъ, я могу только повторить слова, сказанныя недавно моимъ знаменитымъ и достойнымъ уваженія другомъ, лордомъ Линдгорстомъ, что нельзя полагаться въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ честь, безопасность и интересы этой страны, на воздержность и благонамѣренность Франціи, или какой бы то ни было страны въ мирѣ. *(Одобреніе.)* Джентльмены, какъ ни желаю я сохраненія мира, радуюсь, что вы согласны со мною, что первая обязанность этой страны — приготовиться для своей защиты; никакая ложная экономія, никакая нищенская бережливость не должны препятствовать ей увеличить и улучшить средства этой защиты. *(Одобреніе.)* Каковы бы ни были требованія правительства, какихъ бы жертвъ ни спрашивало оно, я могу сказать по крайней мѣрѣ, что консервативная партія отвѣтитъ на нихъ полнымъ согласіемъ. *(Одобреніе.)*

О ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ ВЪ МОСКВѢ.

На основаніи положенія о женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ половинѣ августа сего года открывается въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ, занимаемомъ пансіономъ г-жи Пеннигау, женское шести-классное училище для приходящихъ дѣвицъ, приближенное по курсу преподаванія къ гимназіямъ. Цель учрежденія училища «сообщить ученицамъ то религиозное, нравственное и умственное образованіе котораго должно требовать отъ каждой женщины, въ особенности же отъ будущей матери семейства». Въ училищѣ обязательно для всѣхъ будутъ преподаваться слѣдующія науки: законъ божій, русскій языкъ, ариметика и понятія объ измѣреніяхъ, географія, исторія, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ естественной исторіи, чистописаніе и рукодѣіе. Слѣдующіе предметы преподаются необязательно и предоставляются на волю учащихся:

французскій и нѣмецкій языки, рисованіе, музыка, пѣніе и танцованіе. За слушаніе обязательныхъ предметовъ взимается съ каждой приходящей ученицы 35 руб., а за обученіе предметамъ необязательнымъ 15 руб. въ годъ. Деньги взимаются пополюгдно впередъ въ генварѣ и въ августѣ.

Въ училище поступаютъ дѣвицы всѣхъ свободныхъ состояній, представивъ документы: 1) о званіи, 2) о рожденіи и крещеніи и 3) о здоровомъ состояніи, отъ 9 до 13-ти-лѣтняго возраста, выше котораго принимаются не иначе, какъ только въ высшіе классы, по предварительномъ испытаніи. Пріемъ и вступительный экзаменъ ежегодно имѣютъ быть въ первыхъ числахъ августа. Для поступленія въ 1-й классъ должно имѣть слѣдующія свѣдѣнія: по предмету закона божія — знаніе необходимыхъ молитвъ и краткія свѣдѣнія изъ закона божія по книгѣ *Начатки христіанскаго ученія*; по предмету русскаго языка — правильное чтеніе и письмо; по предмету математики — умѣнье писать цифры. Для поступленія въ высшіе классы нужно имѣть свѣдѣнія согласно программѣ, изданной для женскаго училища; которую можно получить въ канцеляріи Первой московской гимназіи. Лица, желающія отдать дѣтей своихъ въ училище, съ просьбами своими обращаются къ директору Первой московской гимназіи, которому представляются и деньги за ученіе. При училищѣ имѣется пансіонъ, подъ управленіемъ начальницы заведенія г-жи Пеннигау, воспитанницы коего обучаются вмѣстѣ съ приходящими ученицами, какъ обязательнымъ, такъ и необязательнымъ предметамъ. Лица, помѣщающія дѣтей своихъ въ пансіонъ, заключаютъ условія за содержаніе ихъ съ г-жею Пеннигау.

The B. was and for her part. came down with other herel was.

M. Lecours & Co. N. 10

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ВЪ АНГЛІИ, ШОТЛАНДІИ И ИРЛАНДІИ

СОЧИНЕНІЕ

Г. ЛЕОНСА ДЕ-ЛАВЕРНЯ.

Переводъ съ французскаго третьяго изданія 1858 года.

Особое приложеніе къ «Русскому Вѣстнику» 1859 года.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ Москва, 12-го іюля 1859 года.

Ценсоръ А. *Драгушевъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Встрѣтивъ препятствія въ исполненіи нашего желанія служить великому дѣлу сельскаго устройства въ нашей странѣ, мы сочли себя обязанными озаботиться по крайней мѣрѣ тѣмъ, чтобы журналъ нашъ содѣйствовалъ успѣхамъ русскаго сельскаго хозяйства, распространяя свѣдѣнія о состояніи сельскаго хозяйства въ передовыхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта и разъясняя виды на будущность нашего русскаго земледѣлія.

Мы очень хорошо знаемъ, что успѣхи сельскаго хозяйства невозможны безъ успѣховъ сельскаго устройства и вообще безъ успѣховъ въ политической жизни страны; мы знаемъ, что, по мѣткому выраженію Монтескье, страны земнаго шара воздѣлываются не сообразно степени ихъ природнаго богатства, а сообразно степени свободы ихъ обитателей. Самыя богатыя страны міра остаются почти невоздѣланными, и даже въ образованной западной Европѣ сельское хозяйство процвѣтаетъ не въ Италіи и не во Франціи, странахъ, наиболѣе одаренныхъ отъ природы, а въ Англіи, Бельгіи и Голландіи, которыхъ подданные издавна пользуются благодѣяніями свободныхъ учрежденій. Природа подчиняется человѣку въ той мѣрѣ, въ какой онъ самъ заслуживаетъ званія человѣка; царствовать надъ нею не можетъ человѣкъ-рабъ. Сельскій хозяинъ ежеминутно мѣрится съ природой и борется съ нею. Успѣхъ въ этой борьбѣ совершенно зависитъ отъ степени его бодрости и находчивости; для побѣды нужна желѣзная разумная воля, — та ничѣмъ непобѣдимая сознательная энергія, которая имѣетъ свой корень лишь въ свободѣ духа. Великій политическій мыслитель древности, Аристотель, уже замѣтилъ, что смышленный умъ составляетъ достоинство азіятскихъ народовъ, а достоинство Европейцевъ заключается въ сильномъ духѣ. Мы, поздніе ученики великаго учителя, можемъ съ полною увѣренностію сказать теперь черезъ двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ послѣ него, что именно въ этой европейской силѣ духа заключается разгадка чудеса европейской цивилизаціи, что высшей степени цивилизаціи достигли тѣ изъ европейскихъ народовъ, въ средѣ которыхъ можетъ свободнѣе развиваться сила человѣческаго духа, и что только тотъ молодой народъ можетъ приобщиться успѣхамъ европейской образованности, которому удастся выработать у себя условія общественнаго быта, допускающія безпрепятственное проявленіе человѣческой личности, независимой и гордой своею свободой и силой.

Экономическіе успѣхи страны зависятъ отъ ея политическихъ успѣховъ. Законодательная часть вопроса о сельскомъ бытѣ съ одной стороны сложнѣе, а съ другой стороны болѣе находится во власти человѣка, нежели сельско-хозяйственная часть его. Но заниматься послѣдствіями скромнѣе, нежели спрашивать о причинахъ, и если говорить съ людьми о томъ, что болѣе находится въ ихъ власти, полезнѣе, то не бесполезно говорить и о томъ, что находится болѣе во власти времени, нежели во власти человѣка, но все-таки въ извѣстной степени зависитъ отъ человѣческой воли. Не задумываясь, рѣшили мы поэтому предоставить земледѣлію и вообще сель-

скому хозяйству то мѣсто, которое было отведено въ нашемъ журналѣ крестьянскому вопросу. Мы приняли мѣры, которыя дадутъ намъ возможность сообщать нашимъ читателямъ полезныя данныя по этой части. Мы пригласили г. Евгенія Боннера описать для русской публики земледѣіе и бытъ крестьянъ въ разныхъ частяхъ Франціи. Мы надѣемся получить въ непродолжительномъ времени рядъ писемъ о сельскомъ хозяйствѣ въ Бельгій, стоящемъ много выше французскаго. Г. Циммерманъ въ своихъ статьяхъ объ Америкѣ отчасти уже обращалъ, и будетъ еще болѣе обращать вниманіе на сельское хозяйство въ Американскихъ Штатахъ; кромѣ того, мы предполагаемъ перевести изъ числа многихъ агрономическихъ сочиненій объ Америкѣ то сочиненіе, которое будетъ наиболѣе соответствовать нашему особенному желанію покороче ознакомить нашу публику съ тамошнимъ сельскимъ хозяйствомъ: Сѣверная Америка, по обширнымъ пространствамъ и малочисленности рукъ, имѣеть много общаго съ Россіей и можетъ отчасти служить намъ примѣромъ для подражанія, отчасти доставить намъ матеріалъ для соображеній. Но настоятельнѣе всего чувствовалась нами потребность представить нашимъ читателямъ живую картину сельскаго хозяйства той страны, которая далеко опередила въ этомъ отношеніи всѣ другія,—Англію. Мы не могли колебаться въ выборѣ средства для этой цѣли. Достоинства книги г. Леонса де-Лаверня: *Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre, de l'Ecosse et de l'Irlande*, такъ велики, что было бы бесполезно поручать другому перу то дѣло, которое такъ блистательно имъ исполнено. Мы рѣшились напечатать и раздать при *Русскомъ Вѣстникѣ* переводъ этого сочиненія, и насъ не остановило въ этомъ намѣреніи то обстоятельство, что книга г. де-Лаверня уже появилась на русскомъ языкѣ въ двухъ изданіяхъ. Мы надѣемся, что печатаемый нами переводъ не будетъ сочтенъ излишнимъ, и что приложеніе его при *Русскомъ Вѣстникѣ* распространить въ обширныхъ кругахъ это по истинѣ золотое сочиненіе,—сочиненіе, которое, знакомя читателя съ англійскимъ сельскимъ хозяйствомъ въ его главныхъ и крупныхъ чертахъ, нисколько не утомляетъ подробностями, и показывая путь, на которомъ англійское хозяйство достигло высоты своей, возбуждаетъ не къ подражанію, а къ соревнованію.

Считаемъ нужнымъ пояснить, что переводъ книги г. де-Лаверня мы даемъ въ особомъ приложеніи, и что это нисколько не помѣшаетъ намъ дать во второмъ полугодіи такой же томъ чисто-литературныхъ приложеній, какой читатели получили въ первомъ полугодіи. Съ 14-й или 15-й книжки *Русскаго Вѣстника* мы начнемъ печатать переводъ новаго англійскаго романа: *Adam Bede* by George Eliot, author of *Scenes of clerical life*, in three volumes (*Адамъ Бидъ*, сочиненіе Георга Эліота (псевдонимъ), автора *Сценъ изъ жизни духовныхъ*, въ трехъ томахъ). Романъ этотъ отличается высокими достоинствами; въ Англіи онъ произвелъ очень большое впечатлѣніе, и даже газета *Times* принимала участіе въ толкахъ о его авторѣ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ВЪ АНГЛІИ, ШОТЛАНДІИ И ІРЛАНДІИ

ГЛАВА I.

Почва и климатъ.

Въ то время какъ всемірная выставка привлекала въ Лондонъ не-смѣтныя толпы любопытныхъ изъ всѣхъ странъ свѣта, промышленное и торговое могущество англійскаго народа поражало зрителей, не удивляя ихъ. Не было ничего неожиданнаго въ исполинскомъ зрѣлищѣ произведеній Манчестера, Бермингама, Шеффилда, Лидса, нагроможденныхъ подъ прозрачными сводами хрустальнаго дворца, и въ той не менѣе чудной картинѣ, какую, въѣвъ выставки, представляли лондонскіе и ливерпульскіе доки своими безконечными магазинами и безчисленными кораблями; но не одного наблюдателя поразила высокая степень развитія сельскаго хозяйства, проявлявшаяся въ отдѣлахъ выставки, посвященныхъ земледѣльческимъ орудіямъ и сельскимъ произведеніямъ Англій; такое развитіе для большинства было неожиданно.

Несмотря на близкое сосѣдство Франціи съ Англійей, во Франціи до сихъ поръ можетъ-быть болѣе чѣмъ гдѣ-либо увѣрены были, что Англичане пренебрегли земледѣліемъ въ пользу своихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ. Таможенная реформа сэръ-Роберта Пила, основныя начала и послѣдствія которой не достаточно были извѣстны у насъ, способствовала къ распространенію такихъ невѣрныхъ понятій. Въ сущности англійское земледѣліе, взятое въ цѣломъ, нынѣ есть первое въ мірѣ и находится при томъ на пути къ новымъ успѣхамъ. Я

желалъ бы представить краткій обзоръ нынѣшняго состоянія его (1853 г.), указать на его истинныя причины и на будущность, какую оно общаетъ; много полезныхъ уроковъ для Франціи можно извлечь изъ такого изученія.

Въ сельско-хозяйственныхъ интересахъ двухъ упомянутыхъ странъ произошелъ важный и болѣзненный кризисъ, въ 1848 году, хотя впрочемъ отъ различныхъ причинъ. Въ своемъ мѣстѣ я попытаюсь опредѣлить значеніе этого кризиса, но прежде всего нужно сравнить положеніе земледѣлія въ той и другой странѣ до 1848 года. Двоякаго рода вопросы сопряжены съ такимъ сравненіемъ: вопросы капитальныя, вытекающіе изъ цѣлой исторіи земледѣлія, и вопросы преходящія, временныя, порождаемые состояніемъ его во время самаго кризиса.

Прежде всего постараемся составить себѣ понятіе о самомъ театрѣ земледѣльческихъ операций—о почвѣ.

Британскіе острова занимаютъ пространство въ 31 милліонъ гектаровъ (1), то—есть равное приблизительно тремъ пятымъ Франціи, которая занимаетъ не менѣе 53 милліоновъ гектаровъ; но эти 31 милліонъ гектаровъ далеко не вездѣ одинаково плодородны: здѣсь встрѣчается, быть—можетъ, больше различія чѣмъ въ какой-либо другой странѣ.

Всѣмъ извѣстно, что Соединенное Королевство раздѣляется на три главныя части, Англію, Шотландію и Ирландію. Англія одна занимаетъ около половины всей земли: остальная почти поровну дѣлится между Шотландіей и Ирландіей. Каждая изъ этихъ трехъ большихъ частей, въ свою очередь, должна быть раздѣлена, какъ въ земледѣльческомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, на двѣ главныя части: Англія на Англію въ собственномъ смыслѣ и княжество Валлисское; Шотландія на верхнюю и нижнюю; Ирландія на полосы юго-восточную и сѣверо-западную.

Собственно такъ-называемая Англія, обширнѣйшая и богатѣйшая часть трехъ королевствъ, занимаетъ 13 милліоновъ гектаровъ, или не много болѣе трети всего пространства британскихъ острововъ, и равняется четвертой долѣ Франціи. О ней—то въ особенности и будетъ говорить въ этомъ сочиненіи. Если для сравненія взять наилучше обработанную четвертую часть Франціи, то—есть сѣверо-западный уголь ея, заключающій въ себѣ старыя провинціи—Фландрію, Артуа, Пикардію, Нормандію, Иль-де-Франсъ, и присоединить даже къ нимъ богатѣйшіе изъ департаментовъ другихъ областей, то у насъ все-таки не наберется такого значительнаго количества хорошо обработанныхъ земель, какъ въ Англіи. Нѣкоторыя части нашей почвы, какъ напримеръ почти весь Сѣверный департаментъ (departement du Nord) и нѣсколько другихъ отдѣльныхъ округовъ, по производительности своей

(1) Гектаръ заключаетъ въ себѣ 2196, 8 квадратныхъ сажень, или 0,9, 153, 345 десятины казенной тридцатой мѣры. *Прим. пер.*

превосходятъ самыя лучшія земли въ Англіи; другія, какъ напримѣръ департаменты Нижней-Сены, Соммы, Па-де-Кале, Уазы, могутъ выдержать сравненіе съ Англіей; но цѣлыхъ 13 милліоновъ гектаровъ, которые бы можно было по обработкѣ сравнить съ 13 милліонами гектаровъ собственно такъ-называемой Англіи, у насъ нѣтъ.

Отъ природы ли почва и климатъ Англіи лучше нашей почвы и нашего климата? Далеко нѣтъ. Изъ упомянутыхъ выше 13 милліоновъ гектаровъ 1 милліонъ остался совершенно безплоднымъ и до сихъ поръ противится всѣмъ усиліямъ челоуѣка; изъ 12 же остальныхъ милліоновъ, по крайней мѣрѣ двѣ трети представляли почву неблаго- дарную и упорную, которую долженъ былъ побѣдить челоуѣческій трудъ.

Южная оконечность острова, образующая графство Корнвальское и болѣе половины Девоншира, состоитъ изъ гранитнаго грунта, подобнаго грунту нашей Бретани. Тамъ, въ древнихъ лѣсахъ эксмурскихъ и дартмурскихъ, въ горахъ, примыкающихъ къ Ландсъ-эндю, и въ тѣхъ, которыя находятся въ сосѣдствѣ Валлисскаго полуострова, есть около милліона гектаровъ весьма малоцѣнныхъ. На сѣверѣ, другія горы, отдѣляющія Англію отъ Шотландіи, своими отраслями покрываютъ графства Нортумберландъ, Кумберландъ, Вестморландъ и часть Ланкастера, Дургамы, Йорка и Дерби. Полоса эта, заключающая въ себѣ болѣе 2 милліоновъ гектаровъ, не многимъ лучше первой. Это чрезвычайно живописная страна, усѣянная озерами и каскадами, но она, подобно всѣмъ вообще живописнымъ странамъ, мало представляетъ удобствъ для воздѣлыванія.

Многи всюду, гдѣ почва не гориста, она отъ природы болотиста. Графства Линкольнъ и Кембриджъ, изъ которыхъ въ особенности первое считается теперь между самыми производительными, прежде были болотомъ, которое отчасти было покрыто морскою водою, подобно голландскимъ *polders*, лежащимъ насупротивъ по ту сторону Нѣмецкаго моря. Многочисленныя торфяныя копи, называемыя *mosses*, мѣстами еще свидѣтельствуютъ о первобытномъ состояніи страны. Въ другихъ мѣстахъ находятся обширные пески, нанесенные океаномъ: такое песчаное пространство представляетъ между прочимъ и графство Норфокъ, гдѣ получила свое начало земледѣльческая система, обогатившая Англію.

Остаются волнообразные холмы, составляющіе около половины всей поверхности, и которые не такъ сухи, какъ горы, и не такъ сыры, какъ равнины, не имѣющія стока, но и эти земли не всѣ имѣютъ одинаковый геологическій составъ. Бассейнъ Темзы состоитъ изъ вязкой глины, называемой Лондонскою и доставившей матеріалъ для кирпичей, изъ которыхъ построена громадная столица; глина эта съ трудомъ уступаетъ усиліямъ земледѣльца. Графства Эссексъ, Сорри и Кентъ, вмѣстѣ съ Майдльсексомъ, принадлежатъ къ тому глинистому слою,

который въ Англіи называется *stiff land*, крѣпкая земля, и неудобства котораго хорошо извѣстны земледѣльцамъ всѣхъ странъ, а здѣсь еще увеличиваются свѣжестію климата. Предоставленная самой себѣ, глина эта никогда не высыхаетъ; если она не измѣнена посредствомъ удобренія и не осушена посредствомъ дренажа, она составляетъ для фермеровъ истинное несчастье. На юго-востокѣ она преобладаетъ и сверхъ того встрѣчается во многихъ мѣстахъ центральной, западной и сѣверной Англіи.

Длинный поясъ мѣловой почвы весьма посредственнаго качества пересѣкаетъ по направленію отъ юга къ сѣверу эту огромную глинистую полосу, образуя собою большую часть графствъ Гертфордскаго, Уильтскаго и Гантскаго. Почти чистый мѣлъ выкапывается здѣсь на поверхности.

Земли глинисто-песчаная съ известковою подпочвой, земли илестыя или *ломсы* (*loams*), лежація въ глубинѣ долинъ, занимаютъ только около 4 милліоновъ гектаровъ. Такъ какъ рѣки на этомъ небольшомъ островѣ короче, а долины тѣснѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, то аллювиальная почва занимаетъ мало мѣста. Преобладаютъ напротивъ почвы рыхлыя, тѣ, которыя нѣкогда извѣстны были подъ именемъ *poor lands* (скудная земля). Земли эти недавно еще представляли обширныя пустыни, доходившія съ западной стороны до воротъ Лондона, а теперь вездѣ почти, вслѣдствіе обработки, онѣ стали такъ же плодородны, какъ и *ломсы*. Чтобы извлечь изъ нихъ такія выгоды, нужно было употребить способъ эксплуатаціи, совершенно приворовленный къ ихъ свойствамъ.

То же можно сказать и о климатѣ. Англійскіе земледѣльцы удивительно хорошо сумѣли обратить въ свою пользу характеристическія особенности этого своеобразнаго климата, который самъ по себѣ вовсе не привлекателенъ. Туманы и дожди его вошли въ пословицу; чрезвычайная его сырость не благоприятна для пшеницы, составляющей главную цѣль всякаго земледѣлія; немного растеній зрѣютъ безъ искусственнаго ухода подъ этимъ холоднымъ небомъ; оно благоприятствуетъ только травамъ и корнеплоднымъ. Дожливое лѣто, продолжительная осень, умѣренная зима поддерживаютъ подъ вліяніемъ почти постоянно одинаковой температуры всегда зеленѣющую растительность, но тѣмъ и ограничивается дѣйствіе этого климата. Не ждите отъ него ничего такого, чтѣ требуетъ участія великой животворной силы солнца.

На сколько все это уступаетъ почвѣ и климату Франціи! Если сравнить съ Англіей уже не четверть, а даже всю сѣверо-западную половину нашей страны, то—есть 36 департаментовъ, сгруппированныхъ около Парижа, за исключеніемъ Бретани, то мы найдемъ болѣе 22 милліоновъ гектаровъ, превосходящихъ какъ по качеству, такъ и по количеству 13 милліоновъ гектаровъ, занимаемые Англіей. Здѣсь почти нѣтъ горъ, очень мало естественныхъ болотъ, обширныя равнины почти вездѣ сухія, почва достаточной глубины и состоитъ изъ веществъ, наиболѣе

благопріятствующихъ плодородію, смѣшанныхъ между собою въ довольно вѣрной пропорціи, обильные наносы въ широкихъ долинахъ Луары, Сены и притоковъ ихъ, климатъ нѣсколько менѣе сырой и болѣе теплый, можетъ-быть не столь благопріятный для луговой растительности, но за то болѣе способствующій созрѣванію пшеницы и другихъ хлѣбныхъ растений. Все, что производитъ почва Англіи, получается здѣсь съ меньшимъ трудомъ и съ прибавленіемъ новыхъ драгоценныхъ произведеній, каковы сахаръ, растенія, доставляющія пряжу, растенія маслянистыя, табакъ, виноградъ, плоды и т. д.

Не трудно было бы прослѣдить это сравненіе шагъ за шагомъ и противопоставить на примѣрѣ графству Лейстерскому, плодоснѣйшему изъ всѣхъ графствъ Англіи, нашъ великолѣпный Сѣверный департаментъ (*département du Nord*); мѣловой почвѣ графства Уилтскаго — почву Шампани, пескамъ противопоставить пески, глинѣ—глину, ломсамъ—ломсы, отыскивая такимъ образомъ для большей части округовъ Англіи соответствующіе имъ округи въ сѣверной Франціи. Такое подробное разсмотрѣніе доказало бы, такъ-сказать на каждомъ гектарѣ, за немногими исключеніями, превосходство нашей почвы. Между самыми худшими мѣстностями французской почвы нѣтъ ни одной, для которой бы не нашлось еще худшей по ту сторону пролива, и наоборотъ, нѣтъ такой плодородной почвы въ Англіи, которая бы не наша себя у насъ равной или даже превосходящей ее.

Княжество Валлиское представляетъ сплошную массу горъ, съ безплоднымъ грунтомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *moors*. Если присоединить сюда сосѣдніе острова и ближайшую къ Валлису часть почвы Англіи, то составитъ 2 милліона гектаровъ, изъ которыхъ только половина можетъ подлежать обработкѣ. Во Франціи подобіе Валлиса представляетъ полуостровъ Бретань, жители котораго связаны съ Валлисами общимъ происхожденіемъ; но кромѣ того, что Бретань занимаетъ относительно меньшее мѣсто на картѣ Франціи, англійская Арморика (1) болѣе сурова и дика чѣмъ наша; полное сходство представляютъ только нѣкоторые округи.

Объ части Шотландіи почти равны между собою по объему; онѣ объ одинаково извѣстны именами мѣстностей, которыя прославлены поэзіей и романомъ; низменные земли, *lowlands*, лежатъ на югѣ и востокѣ, возвышенныя, *highlands*, на западѣ и сѣверѣ; каждая изъ этихъ двухъ половинъ, съ прилежащими къ ней островами, занимаетъ около 4 милліоновъ гектаровъ.

Верхняя Шотландія безспорно есть одна изъ самыхъ бесплодныхъ и

(1) Древніе Галлы подъ именемъ Арморика разумѣли всѣ свои приморскія области, въ особенности же это названіе прилагалось къ Бретани и къ части Нормандіи. *Прим. пер.*

суровыхъ странъ въ Европѣ. Воображенію представляется она не иначе, какъ сквозь призму воскитительныхъ грезъ великаго шотландскаго романиста; но если большая часть этихъ мѣстностей своимъ суровымъ величіемъ и заслуживаетъ свою славу, тѣмъ не менѣе эти ужасающія красоты трудно поддаются вліянію обработки. Вся эта страна есть одна громадная, гранитная скала, изрѣзанная острыми вершинами и глубокими безднами, простирающаяся до самыхъ сѣверныхъ широтъ, что еще болѣе придаетъ ей суровости. *Highlands*, горная часть Шотландіи, лежатъ противъ Норвегіи, которую и напоминаютъ во многихъ отношеніяхъ. Сѣверный Океанъ, который окружаетъ ихъ и вѣзывается въ нихъ со всѣхъ сторонъ, непрерывно тревожитъ ихъ своими бурями; склоны этихъ горъ, постоянно обуреваемые вѣтрами и орошаемые неизсякающими источниками, которые у подошвы ихъ сливаются въ обширныя озера, только кое-гдѣ покрыты тонкимъ слоемъ растительной почвы. Зима тамъ длится почти цѣлый годъ, а близъ-лежащіе острова, Гебридскіе, Оркадскіе и Шетлендскіе, носятъ уже на себѣ мрачную печать исландской природы. Болѣе трехъ четвертей верхней Шотландіи совершенно необработаны; небольшая часть земли, которую еще можно воздѣлать, нуждается во всей неусыпности жителей для того, чтобы производить что-либо; овесъ даже не всегда созрѣваетъ тамъ.

Гдѣ найти во Франціи что-нибудь похожее на такую страну? Болѣе всего еще подходитъ къ ней ядро центральныхъ горъ съ ихъ отраслями, покрывающими до десяти департаментовъ и примыкающими къ Альпамъ по ту сторону Роны; здѣсь лежатъ древнія области Лимузенъ, Овернь, Виваре, Форезъ и Дофине, но департаменты Верхнихъ и Нижнихъ Альповъ, самые бѣдные и бесплодные изъ всѣхъ, и слѣдующіе за ними департаменты Лозеры и Верхней Луары, все еще, по естественнымъ своимъ удобствамъ, много лучше знаменитыхъ графствъ Аргайль и Инвернесъ и еще болѣе неприступнаго Сутерланда. Превосходство это, все болѣе и болѣе очевидное въ департаментахъ Канталь, Пюи-де-Домъ, Коррезы, Крезы, Верхней Виенны, становится совершенно несоизмѣримымъ, если съ лучшими долинами горной Шотландіи сравнить оверньскую Лиманъ и Грезиводанскую долину, эти два рая земледѣльца, заброшенные средь нашихъ гористыхъ странъ.

Даже и нижняя Шотландія далеко не вездѣ представляетъ возможность обработки: много горныхъ цѣпей проходятъ по ней и соединяютъ горы Нортумберланда съ горами Грампіанскими. Изъ четырехъ милліоновъ гектаровъ, составляющихъ ее, два милліона почти совершенно бесплодны, другіе же два представляютъ, правда почти всюду, а въ особенности около Эдинбурга и Перта, чудеса обработки, доведенной до высшей степени совершенства, но дѣйствительно богатой и тучной почвы находится тамъ только около милліона гектаровъ, остальная бѣдна и бесплодна. Что же касается климата, то достаточно будетъ вспомнить, что Эдинбургъ лежитъ подъ одинаковою широтой съ Копенгагеномъ и Москвой. Снѣгъ и дождь идутъ тамъ почти непрерывно въ продол-

женіи трехъ четвертой года; плоды земли, для своего развитія, пользуются только короткимъ и измѣнчивымъ лѣтомъ.

Во Франціи наибольшее сходство съ нижнею Шотландіей представляютъ десять департаментовъ, образующихъ восточную границу и простирающихся отъ Арденнъ къ Дофинне черезъ Вогезскія горы (les Vosges) и Юру; но и тутъ очень ощутительно превосходство почвы и климата. Природа въ Лотарингіи и Франшъ-Конте создала пастбища, по крайней мѣрѣ столь же роскошныя, какъ пастбища въ Эрѣ и въ Галлоуѣ; Эльзась ужь конечно не уступаетъ Лотіенсу. Сѣверная оконечность этой области 6° широты ниже Бервика, а южная оконечность на одной линіи съ Венеціей. Жгучее дыханіе италіанскаго воздуха достигаетъ до Ліона.

Изъ двухъ частей, на которыя распадается Ирландія, часть сѣверо-западная, занимающая четверть всего острова и заключающая въ себѣ область Коннаутъ, съ прилежащими къ ней графствами Донгалскимъ, Клерскимъ и Керрійскимъ, представляетъ много сходства съ Валлисомъ, а въ худшихъ частяхъ своихъ даже съ верхнею Шотландіей. Тамъ есть еще около 2 милліоновъ гектаровъ неплодородной земли, суровый видъ которой подалъ поводъ къ народной поговоркѣ: «въ адъ ли, въ Коннаутъ ли, все равно». Другая часть, юго-восточная, гораздо значительнѣйшая по объему, занимаетъ три четверти острова и заключаетъ въ себѣ области Ленстеръ, Ульстеръ и Монстеръ, то-есть около 6 милліоновъ гектаровъ, и природнымъ плодородіемъ по крайней мѣрѣ равняется такъ-называемой собственно Англій. Впрочемъ не всѣ условія тамъ одинаково благоприятны; климатъ еще влажнѣе тамъ, чѣмъ въ Англій. Большія торфяныя болота, извѣстныя подъ именемъ *богсовъ* (bogs), покрываютъ около десятой части этого пространства. Болѣе десятой части также нужно вычестъ для горъ и озеръ. Въ общемъ выводѣ, изъ восьми милліоновъ гектаровъ воздѣлываются только пять.

За вычетомъ сѣверо-западной части нашего отечества, которую мы сравнили съ Англійей, середины и восточной части, уподобленныхъ нами Шотландіи, для сравненія съ Ирландіей остается только югъ Франціи. Такое сближеніе можетъ быть оправдано въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, ибо южная Франція на столько же уступаетъ сѣверной въ приобрѣтенномъ плодородіи, на сколько Ирландія уступаетъ Англій, но этимъ и ограничивается аналогія; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ нѣтъ двухъ предметовъ, которые бы менѣе походили другъ на друга. Сравненіе и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ предыдущихъ, а можетъ быть и еще болѣе, оказывается выгоднымъ для Франціи. Южная область наша простирается отъ устьевъ Гаронны до устьевъ Вара, она обнимаетъ около 20 департаментовъ съ 13 милліонами гектаровъ (то-есть она почти во столько же больше Ирландіи, во сколько вся Франція больше всей Великобританіи). Пиренеи и Севенны соотвѣтствуютъ въ ней гористой части Ирландіи, но отъ плодородія Эросскихъ и Гардскихъ горъ, гдѣ растетъ тутовое дерево, и даже отъ плодородія Пиреней-

скихъ округовъ, гдѣ можно воздѣлывать землю непосредственно подъ линіей вѣчныхъ снѣговъ, далеко до обледѣлыхъ скалъ Коннзута и Донгала. По мѣрѣ того какъ вы спускаетесь въ равнины, превосходство это становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ, вопреки тѣмъ естественнымъ преимуществамъ, которыя доставили Ирландіи поэтическое прозвище *лучшаго цвѣтка на землѣ и лучшей жемчужины въ морѣ*.

Равнина, простирающаяся отъ Дублина къ Галуэйскому заливу, во всю ширину Ирландіи, эта равнина, которою гордится Ирландія, уступаетъ какъ въ плодородіи, такъ и въ обширности, великолѣпной долинѣ Гаронны, представляющей одинъ изъ самыхъ удобныхъ для земледѣлія уголковъ земнаго шара. *Золотая долина* (golden vale), которую гордятся Лимерикъ, пастбища по берегамъ Шавнона, толстый слой удобной почвы, находящійся въ окрестностяхъ Бельѣаста и столь благоприятный для произрастанія льну, — все это безъ сомнѣнія должно высоко цѣниться. Но медокскіе виноградники, поля, покрытыя мареною въ Конта (Comtat), поля въ Лангедокъ, на которыхъ пшеница и кукуруза могутъ смѣнять другъ друга, почва Прованса, на которой зрѣют оливы и апельсины, такія мѣста должны цѣниться еще выше. Ирландія передъ Англіей имѣетъ то преимущество, что въ ней менѣе глинистой, песчаной и мѣловой почвы, и почва вообще хорошаго качества. Но южная Франція имѣетъ передъ Ирландіей преимущество своего прекраснаго неба. Болотистые *ланды* Гаскони и Камарги нельзя уподобить ирландскимъ *боисамъ*; они далеко не такъ бесплодны, какъ эти послѣднія.

Такимъ образомъ земля наша во всѣхъ частяхъ своихъ превосходитъ землю Великобританіи не только пространствомъ, но и плодородіемъ. Сѣверо-западная полоса Франціи лучше Англій и Валлиса, средняя и восточная часть лучше Шотландіи, южная лучше Ирландіи.

Еще за 60 сляшкомъ лѣтъ тому назадъ великій англійскій агрономъ Артуръ-Йонгъ созналъ это превосходство нашей почвы и нашего климата. Въ концѣ своего *Агрономическаго путешествія по Франціи съ 1787 до 1790 года*, онъ говоритъ слѣдующее: «Я только что осмотрѣлъ всѣ области Франціи, и почва этого королевства кажется мнѣ лучше англійской. Количество неудобной земли въ Англій, относительно ко всему занимаемому ею пространству, больше чѣмъ во Франціи; нигдѣ въ этой послѣдней не встрѣчается такое немовѣрное количество сыпучихъ песковъ, какое находится въ графствахъ Норфокъ и Суффокъ. Болота, пустыни и степи, столь обыкновенныя въ Бретани, въ Анжу, въ Менъ и въ Гіеннѣ все-таки гораздо лучше нашихъ. Горы Шотландіи и Валлиса, по отношенію къ почвѣ, нельзя сравнивать съ Пиренеями, съ горами Оверни, Дофинне, Прованса и Лангедока. Что касается до глинистыхъ почвъ, то нигдѣ онѣ не представляютъ такой вязкости какъ въ Англій, и я не встрѣчалъ во Франціи глины, подобной глинѣ Суссекса». Такія же похвалы знаменитый англійскій агрономъ воздаетъ и небу Франціи. *Мы умѣемъ пользоваться нашимъ климатомъ, го-*

ворить онъ съ гордостію, Французы *все въ этомъ отношеніи еще не выжили изъ младенчества*, но что касается до особенностей обоихъ климатовъ, то онъ, не колеблясь, отдаетъ преимущество французскому; это проглядываетъ въ каждой строкѣ его книги.

И однакоже, несмотря на мѣстныя исключенія, правда многочисленныя, но не уничтожающія правила, Англія даже до 1848 года была лучше воздѣлана и болѣе производила, разумѣется пропорціонально съ своею поверхностію, чѣмъ сѣверо-западная часть Франціи; нижняя Шотландія по меньшей мѣрѣ соперничала съ востокомъ Франціи; даже Ирландія, убогая Ирландія, богаче была произведеніями земли, чѣмъ южная часть нашего отечества. Одна только верхняя Шотландія, впрочемъ не по винѣ своихъ обитателей, уступаетъ соответствующимъ ей областямъ во Франціи; да и то можно найти мѣсто, хотя и лежащее внѣ французскаго континента, но все-таки составляющее французскій департаментъ, мы говоримъ о Корсикѣ,—которое уподобляется верхней Шотландіи по нынѣшней цѣнности производства, несмотря на все огромное различіе въ естественныхъ средствахъ этихъ двухъ странъ, къ которымъ доступъ равно труденъ, которыя обѣ издревле обитаемы равно неукротимымъ народонаселеніемъ пастуховъ и бандитовъ.

Если Франція отстала отъ Соединеннаго Королевства, за то она далеко опередила всѣ другія страны въ мірѣ, за исключеніемъ Бельгій и Верхней Италіи, имѣющихъ передъ нею естественныя преимущества. Въ этомъ относительномъ несовершенствѣ виновато впрочемъ не наше сельское народонаселеніе, самое прилежное, смѣтливое и бережливое быть-можетъ изъ всѣхъ. Причинъ тутъ много, и онѣ глубоко скрываются; мы намѣрены отыскивать ихъ, но прежде мы должны доказать сказанное нами и войти въ нѣкоторыя чисто сельско-хозяйственныя подробности. Сначала мы покажемъ, чѣмъ англійское земледѣліе превосходитъ наше, затѣмъ мы спросимъ себя, почему оно его превосходитъ.

ГЛАВА II.

Овцеводство.

Черта, наиболѣе поражающая въ англійскомъ хозяйствѣ, при сравненіи его съ нашимъ, это количество и качество овецъ. Достаточно, хотя бы по желѣзной дорогѣ, проѣхать какое бы то ни было изъ англійскихъ графствъ, и вы убѣдитесь въ томъ, что въ Англіи разводится относительно гораздо болѣе овецъ, чѣмъ во Франціи; достаточно бросить бѣглый взглядъ на одно изъ этихъ животныхъ, и вы увидите, что среднимъ числомъ англійскія гораздо крупнѣе нашихъ и должны давать болѣе мяса. Истина эта, которая со всѣхъ сторонъ какъ бы навязывается даже и самому поверхностному наблюдателю, не только

подтверждается внимательнымъ изслѣдованіемъ фактовъ, но и возрастаетъ отъ такого изслѣдованія до неожиданныхъ размѣровъ: что для простаго путешественника составляетъ только предметъ любопытства, то для агронома и экономиста становится предметомъ изслѣдованій, поражающихъ его громадностью своихъ результатовъ.

Англійскій земледѣлецъ, съ тою инстинктивною разчетливостью, которою отличается этотъ народъ, замѣтилъ, что овцу легче прокормить, чѣмъ всякій другой родъ скота, что потребляемый ею кормъ наиболѣе вознаграждается, и что она въ то же время доставляетъ самый лучший навозъ для поддержанія плодородія земли. Сообразно съ этимъ англійскій земледѣлецъ прежде всего обратилъ свои старанія на разведеніе большаго числа овецъ; въ Великобританіи есть огромныя фермы, которыя почти не имѣютъ другаго скота. Между тѣмъ какъ наши хозяева развлекаются многими другими заботами, разведеніе овецъ, съ незапамятныхъ временъ, считалось у нашихъ сосѣдей главною вѣтвью сельскаго хозяйства. Кто не знаетъ, что канцлеръ Англій, президентъ палаты лордовъ, сидитъ на мѣшкѣ, набитомъ шерстью, для того чтобы такимъ выразительнымъ символомъ показать значеніе, какое вся нація придаетъ этому продукту? Сверхъ того и мясо этихъ животныхъ считается у Англичанъ лакомымъ кушаньемъ.

Въ послѣднее столѣтіе возрастаніе числа овецъ слѣдовало одинаковою прогрессію во Франціи и въ Великобританіи: и тутъ, и тамъ оно удвоилось. Въ 1750 году овецъ въ каждомъ изъ этихъ двухъ государствъ считалось отъ 17 до 18 милліоновъ; теперь ихъ должно быть до 35 милліоновъ. По официальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, во Франціи ихъ 32 милліона, во столько же Макъ Коллохъ опредѣляетъ число овецъ и въ Великобританіи, но цифра эта, какъ для одной, такъ и для другой стороны, по моему мнѣнію, ниже дѣйствительной. Во всякомъ случаѣ за этимъ наружнымъ равенствомъ скрывается огромное различіе. Англія прокармливаетъ свои 35 милліоновъ овецъ на пространствѣ въ 31 милліонъ гектаровъ; тогда какъ Франція имѣетъ для этого 53 милліона гектаровъ; для того чтобы число овецъ у насъ соотвѣтствовало такому большому пространству, намъ нужно бы имѣть ихъ 60 милліоновъ головъ.

Различіе это, само по себѣ уже ощутительное, увеличивается еще болѣе, если сравнить съ Франціей такъ-называемую собственную Англію; потому что другія двѣ части Соединеннаго Королевства имѣютъ мало овецъ относительно занимаемаго ими пространства: Шотландія, несмотря на всѣ усилія, можетъ прокормить ихъ только около 4 милліоновъ; Ирландія, которая своими пастбищами могла бы соперничать съ Англійей, считаетъ всего только 2 милліона овецъ на 8 милліоновъ гектаровъ, и одно уже это составляетъ немаловажное доказательство низшей степени ея земледѣльческаго развитія; одна Англія имѣетъ около 30 милліоновъ овецъ на 15 милліоновъ гектаровъ, то-есть сравнительно вътрое болѣе Франціи.

Къ этому неравенству въ числѣ присоединяется также не менѣе значительное различіе въ качествахъ.

Независимо отъ прежнихъ успѣховъ, которые въ Англии шли быстрѣе чѣмъ у насъ, вотъ уже около столѣтія, какъ обѣ страны при разведеніи стада руководствовались противоположными цѣлями. Во Франціи шерсть считалась главнымъ продуктомъ; а мясо второстепеннымъ; въ Англии, напротивъ того, шерсть считалась второстепеннымъ, а мясо главнымъ продуктомъ. Это простое различіе, которое съ перваго взгляда кажется маловажнымъ, ведетъ къ различіямъ въ послѣдствіяхъ, доходящимъ до сотенъ милліоновъ. Всѣ попытки, сдѣланныя въ послѣднія восемьдесятъ лѣтъ во Франціи, къ улучшенію породы овецъ почти ограничиваются введеніемъ мериносовъ. Прежде въ одной только Испаніи водилась эта порода, медленно образовавшаяся на обширной кастильской равнинѣ; слава испанской шерсти побудила многіе другіе европейскіе народы, въ особенности Саксонцевъ, завести у себя эту породу. Когда попытка удалась, Франція въ свою очередь захотѣла послѣдовать этому примѣру, и Лудовикъ XVI, этотъ превосходный государь, подавшій сигналъ ко всѣмъ успѣхамъ, осуществившимся съ тѣхъ поръ, выпросилъ у короля испанскаго стадо овецъ для своей фермы Рамбулье. Отъ стада этого, улучшеннаго и, можно почти сказать, перерожденнаго вслѣдствіе особыхъ стараній и попеченій о немъ, развелись почти всѣ мериносы во Франціи. Двѣ другія породы, перпиньянская и назская, также испанскаго происхожденія, должны были уступить первенство породѣ Рамбулье.

Французскіе земледѣльцы и фермеры долго колебались прежде чѣмъ приняли это нововведеніе: настала революція и много лѣтъ прошло безо всякаго серіознаго результата; лишь только во времена имперіи начали обнаруживаться выгоды отъ новой породы овецъ. Движеніе, однажды начавшись, быстро стало распространяться, а когда оказались огромныя выгоды, явился даже энтузіазмъ.

Многіе фермеры, въ особенности въ окрестностяхъ Парижа, составили себѣ состояніе въ это время. Въ первые годы реставраціи разведеніе кровныхъ барановъ для размноженія породы сдѣлалось очень выгоднымъ промысломъ. Въ 1825 году одинъ баранъ изъ Рамбулье былъ проданъ за 3870 франковъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ туземныя овцы едва доставляли нѣсколько фунтовъ грубой шерсти, мериносы давали вдвое или втрое болѣе вѣсомъ и притомъ шерсти тонкой и дорогой. Выгода эта была значительна и казалась достаточною нашимъ земледѣльцамъ, которые и не воображали, что можно извлекать еще большую; такимъ образомъ разведеніе мериносовъ стало считаться во Франціи высшею цѣлью, къ которой должно стремиться сельское хозяйство въ дѣлѣ овцеводства. Теперь около четвертой доли всѣхъ французскихъ овецъ состоитъ изъ мериносовъ или полумериносовъ; въ то же время улучшились и остальные овцы, какъ относительно мяса, такъ и относительно шерсти, вслѣдствіе лучшаго ухода и лучшей

пищи. Не боясь преувеличенія, можно утвердительно сказать, что доходъ Франціи отъ овцеводства въ теченіи послѣдняго столѣтія утвердился, хотя число овецъ только удвоилось. Безъ сомнѣнія, такой успѣхъ очень значителенъ, но когда мы сравнимъ исторію овцеводства во Франціи съ исторіею его въ Англіи, въ истекшее столѣтіе, то въ послѣдней увидимъ успѣхъ еще большій.

Въ Англіи всегда было много овецъ; въ этомъ отношеніи Британскіе острова славятся уже во времена Римлянъ. Первобытныя породы были дикія. Послѣднее потомство ихъ еще попадаетъ въ горахъ княжества Валлискаго, полуострова Корнвалльскаго и Верхней Шотландіи. Это естественное стремленіе, свойственное почвѣ и климату, еще болѣе усилилось современемъ. Уже около трехъ сотъ лѣтъ назадъ, въ то время, когда коммерческій и промышленный духъ только начиналъ развиваться въ Европѣ, овцеводство достигло въ Англіи развитія, какого не имѣло ни въ какомъ другомъ мѣстѣ; въ то время гонялись больше за шерстью, какъ теперь во Франціи. Породы дѣлились на длинношерстыя и короткошерстыя, и въ особенности высоко цѣнились первыя. Итакъ, когда мы начали заниматься овцеводствомъ, Англія далеко уже опередила насъ; еще болѣе преимуществъ передъ нами доставилъ ей хозяйственный переворотъ, вслѣдствіе котораго начали оказывать тамъ предпочтеніе масу, какъ продукту, передъ шерстью.

Въ то время, какъ французское правительство старалось развести меринсовъ во Франціи, такого же рода попытки были сдѣланы и въ Англіи. По примѣру Лудовика XVI, король Георгъ III, много занимавшійся земледѣіемъ, нѣсколько разъ выписывалъ испанскихъ овецъ и разводилъ ихъ на своихъ земляхъ. Первые привезенныя стада гибли: сырость пастбищъ производила между ними болѣзни, вскорѣ становившіяся смертельными. Послѣдній привозъ былъ переведенъ на болѣе сухую почву, и овцы остались живы. Съ этого времени убѣдились, что если климатъ Англіи полагаетъ предѣлы распространенію меринсовъ, то онъ не составляетъ однакожъ неодолимаго препятствія для ихъ введенія. Вельможи и знаменитые агрономы дѣятельно занялись средствами усвоить Англіи эту новую породу; но фермеры съ самаго начала предъявили возраженія, гораздо важнѣйшія, чѣмъ неудобства климата; мнѣнія тогда уже измѣнились; начинали понимать значеніе барана, какъ бойнаго скота. Мало-по-малу цѣль эта стала преобладающею. Испанская порода была оставлена даже тѣми, которые больше всѣхъ восхваляли ее сначала, и теперь въ Англіи меринсы или полумеринсы водятся только у нѣкоторыхъ любителей, какъ рѣдкость, а не какъ предметъ спекуляціи.

Болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ такому предпочтенію англійской породы овецъ знаменитый Беквелль, человекъ въ своемъ родѣ гениальный, сдѣлавшій для обогащенія своей страны не менѣе своихъ современниковъ, Аркрайта и Уатта. До него англійскія овцы годились въ бойню не ранѣе того возраста, въ который до сихъ поръ еще ихъ быють у насъ,

справедливо заключилъ, что еслибы можно было довести овецъ до полного развитія ранѣе этого возраста, сдѣлать ихъ напримѣръ годными въ бойню къ концу втораго года, то однимъ уже этимъ можно было бы удвоить доходъ, приносимый овцеводствомъ. На своей фермѣ въ Дишли-Гренджъ въ Лейстерширѣ, онъ сталъ преслѣдовать осуществленіе этой мысли съ тою упорною настойчивостью, которая характеризуетъ англійскій народъ, и послѣ многолѣтнихъ усилій и жертвованій достигъ таки своей цѣли.

Порода, воспитанная такимъ образомъ Беквеллемъ, носитъ названіе *новыхъ лейстерскихъ* овецъ, по имени графства, или *дишлійской* породы, по имени фермы, на которой она получила свое начало. Эта необыкновенная порода, съ которою никакая другая въ мірѣ не можетъ соперничать въ отношеніи къ одновременности развитія, доставляетъ овецъ, способныхъ жирѣть начиная съ однолѣтняго возраста, и достигающихъ своей наибольшей величины во всякомъ случаѣ передъ истеченіемъ втораго года. Съ этимъ драгоценнымъ качествомъ соединяется совершенство формъ, дѣлающее ихъ при равномъ объемѣ болѣе мясистыми и тяжелыми, чѣмъ всѣ извѣстныя породы. Онѣ доставляютъ среднимъ числомъ по три пуда чистаго мяса, а не рѣдко и гораздо больше.

Способъ, которому слѣдовалъ Беквелль для достиженія такого изумительнаго результата, извѣстенъ у овцеводовъ подъ названіемъ *отборки* (selection). Онъ состоитъ въ томъ, что изъ овецъ одной породы выбираютъ тѣхъ, у которыхъ всего болѣе развиты качества, какія желаютъ усвоить породѣ, и выбранныхъ такимъ образомъ животныхъ употребляютъ исключительно только для воспроизведенія. Слѣдуя постоянно этой методѣ, черезъ нѣсколько поколѣній образуются свойства, которыя имѣли въ виду при выборѣ самцовъ и самокъ, въ постоянныя свойства породы. Способъ этотъ кажется чрезвычайно простымъ, но гораздо затруднительнѣе выборъ тѣхъ качествъ, которыя должно стараться воспроизвести для достиженія наилучшаго результата. Многіе овцеводы ошибаются въ этомъ и, сами того не зная, противодѣйствуютъ своей цѣли.

До Беквелля фермеры богатыхъ равнинъ Лейстершира, желая имѣть какъ можно болѣе мяса, прежде всего заботились, чтобъ овцы ихъ были рослы. Одна изъ заслугъ знаменитаго фермера въ Дишли-Гренджѣ состояла въ уразумѣніи того, что къ увеличенію количества мяса, получаемаго съ овецъ, есть средства болѣе вѣрныя, и что ранняя способность къ ожирѣнію, съ одной стороны, и округлость формъ, съ другой, лучше ведутъ къ достиженію цѣли, чѣмъ излишнее развитіе костнаго остова. Новыя лейстерскія овцы не больше ростомъ прежнихъ, но овцеводъ можетъ теперь продать три овцы на рынкѣ въ то самое время, которое прежде требовалось для выкормленія одной овцы, и если онъ не выше ростомъ, за то онъ толще, круглѣе, у нихъ сильнѣе

развиты тѣ части, которыя даютъ наиболѣе мяса, а костей въ нихъ ровно столько, сколько нужно, чтобъ онѣ могли держаться на ногахъ, и почти весь вѣсъ ихъ заключается въ одномъ мясѣ.

Англія была изумлена, когда результаты, предложенные Беквеллемъ, были окончательно достигнуты. Создатель новой породы, какъ истый Англичанинъ, прежде всего заботился о выгодѣ, и извлекъ огромный барышъ изъ соревнованія, возбужденнаго его открытіемъ. Такъ какъ всѣмъ хотѣлось имѣть овецъ дишлійской породы, то Беквелль придумалъ отдавать своихъ барановъ внаймы вмѣсто того, чтобы продавать ихъ; первые отданные имъ внаймы бараны принесли ему только по 5½ рублей съ головы,—это было въ 1760 году, и порода его тогда еще не достигла полнаго совершенства,—но по мѣрѣ того какъ онъ дѣлалъ новые успѣхи и извѣстность его стала увеличиваться, цѣны быстро возвышались. Въ 1789 образовалось общество для разведенія этой породы, которое платило ему за наемъ его барановъ огромную сумму—6,000 гиней въ лѣто (около 38,000 рублей). Вычислено было, что въ послѣдующіе за этимъ года фермеры центральной Англіи издерживали до 100,000 фунтовъ въ годъ (около 625,000 рублей) на наемъ барановъ; Беквелль, несмотря на всѣ свои старанія сохранить себѣ монополію, уже не одинъ отдавалъ внаймы барановъ; промыселъ этотъ распространился, и многія стада были сформированы по образцу его стада.

Богатство, доставленное Беквеллемъ его отечеству, неисчислимо. Еслибы была возможность вычислить, что принесла англійскимъ земледѣльцамъ въ теченіи восьмидесяти лѣтъ одна дишлійская порода, то результаты оказались бы изумительные.

Но это еще не все. Беквелль не только создалъ особую породу овецъ, осуществляющую высшую степень ранней развитости и прибыльности, какой повидимому только можно достигъ, онъ кромѣ того примѣромъ своимъ указалъ средства къ усовершенствованію туземныхъ породъ, находившихся въ иныхъ условіяхъ. Чистая дишлійская порода не вездѣ одинаково можетъ разводиться; происходя изъ низменныхъ, сырыхъ и плодородныхъ равнинъ, дишліицы удаются совершенно хорошо только въ такихъ же мѣстностяхъ; это порода искусственная и слѣдовательно извѣженная, отчасти болѣзненная; ранняя развитость овецъ ведетъ къ преждевременной старости, и по самому своему сложенію онѣ не способны ни къ какимъ усиліямъ; при холодномъ климатѣ и обильной пищѣ имъ необходимъ почти совершенный покой и постоянный уходъ, который, правда, вознаграждается въ послѣдствіи съ лихвою, но не всегда бываетъ возможенъ.

Англійскую почву, такъ же какъ и почву всякой страны, можно раздѣлить на три части: равнины, холмы и горы. Дишлійскія овцы остались типомъ овецъ, пасущихся въ равнинахъ, и единственнымъ, лучшимъ образцомъ, къ которому всѣ породы должны сколько возможно стремиться; но еще двѣ породы пошли въ ходъ: одна по достоинству нѣсколько ниже дишлійской, но довольно близкая къ ней; изъ нея сдѣлали

типъ овецъ холмистыхъ странъ; это порода южныхъ песчаныхъ бугровъ Соссекса, извѣстная подъ именемъ *South Downs*; другая, въ свою очередь уступающая предыдущей, но все-таки къ ней приближающаяся, стала типомъ въ гористыхъ странахъ; это порода, получившая начало свое въ сѣверной части Нортomberланда, между Англіей и Шотландіей посреди Чевіотскихъ горъ.

Южные соссекскіе песчаные бугры представляютъ ряды известковыхъ холмовъ въ двѣ мили ширины, среднимъ числомъ, и около двадцати пяти въ длину; холмы эти простираются отъ востока къ западу вдоль береговъ Ла-Манша прямо противъ Франціи. Красивый городъ Брайтонъ, знаменитый своими морскими ваннами, ежегодно привлекающими значительную часть англійской аристократіи, лежитъ при подошвѣ этихъ холмовъ, представляющихъ особенный, одной Англіи свойственный, видъ; лѣса здѣсь вовсе не видно, тамъ и сямъ растутъ кой-какіе кустарники, и всѣ холмы совершенно покрыты низкою, мелкою и густою травой. На этихъ пастбищахъ всегда кормились овцы, для которыхъ особенно хороша трава ихъ; но прежняя порода этихъ *South Downs*, не крупная и коренастая, мало давала мяса, которое впрочемъ считалось очень цѣннымъ, такъ же какъ шерсть этихъ овецъ для нѣкоторыхъ родовъ сукна.

Около 1780 года, одинъ изъ тамошнихъ землевладѣльцевъ, по имени Джонъ Эльманнъ, вздумалъ употребить для улучшенія этой породы способы, которые такъ хорошо удались Беквеллю относительно длинношерстныхъ породъ. Особенное обстоятельство дозволяло ему сдѣлать этотъ опытъ съ нѣкоторою вѣроятностью успѣха; вдоль соссекскихъ холмовъ тянется полоса низменныхъ и воздѣланныхъ земель, которыя могутъ доставить добавочный искусственный кормъ на зиму для овецъ бугристыхъ странъ. Дѣйствительно, причина, по которой горныя овцы остаются худыми и слабыми, заключается не столько въ скудости пастбищъ лѣтомъ, сколько въ почти совершенномъ недостаткѣ пищи зимою; истина эта была вполне доказана опытами Эльманна и его преемниковъ надъ соссекскими овцами.

Какъ только къ лѣтнему корму этихъ овецъ прибавился хорошій зимній кормъ, порода ихъ быстро стала дѣлаться крупнѣе. И такъ какъ въ то же время хорошимъ выборомъ племенныхъ барановъ старались привить ей сколько возможно ту способность къ раннему ожирѣнію и то совершенство формъ, какими отличалась дишлійская порода, то она стала наконецъ почти соперничать съ породой, созданною Беквеллемъ. Нынѣ, послѣ семидесятилѣтняго разумнаго ухода, овцы *South Downs* среднимъ числомъ даютъ отъ 40 до 50 килограммовъ, т.-е. отъ 2½ пудовъ до 3 пудовъ чистаго мяса. Ихъ вообще откармливаютъ около двухлѣтняго возраста и продаютъ послѣ второй стрижки. Мясо ихъ считаютъ лучше мяса новой лейстерской породы. Вѣсъ шерсти ихъ удвоился такъ же какъ и вѣсъ всего тѣла, и такъ какъ лѣ-

томъ они по прежнему выгоняются на пастбища, то они и сохранили свое здоровое сложеніе и первобытную крѣпость.

Исчислено, что песчаные бугры графства Соссекскаго и сосѣднія съ ними равнины должны давать кормъ одному миллиону овецъ улучшенной породы; но порода эта не заключена уже теперь въ своихъ прежнихъ предѣлахъ, она перешла за нихъ и распространилась далѣе, частью вовсе вытѣсняя собою мѣстныя породы, частью же смѣшиваясь съ ними и совершенно перерождая ихъ этою помѣсью; она провилась всюду, гдѣ земля, хотя не довольно тучная для того, чтобы прокормить дишайскихъ овецъ, представляетъ однакожъ соединеніе хорошихъ лѣтнихъ пастбищъ съ недостаточнымъ зимнимъ кормомъ; она преобладаетъ во всѣхъ странахъ съ известковымъ грунтомъ, стремится замѣнить прежнія породы графствъ Беркскаго, Гентскаго и Вильтскаго и на сѣверѣ встрѣчается даже до Комберланда и Вестморланда.

Исторія овецъ чевиотской породы не такъ блистательна, какъ исторія дишайскихъ и *South Downs*. Несмотря на то, эта порода драгоценна не менѣе другихъ въ томъ отношеніи, что позволяетъ изъ стравъ холодныхъ и не воздѣланныхъ извлекать всѣ выгоды, какія можно изъ нихъ извлечь. Будучи выведена изъ горъ, занимающихъ средину между высокими хребтами Англіи и обработанными землями, она, подобно породѣ *South Downs*, обязана была своимъ улучшеніемъ прибавленію искусственнаго корма зимою, на сколько это позволяли суровыя мѣстности, въ которыхъ она разводится. Кромѣ того она столько же какъ и другія породы подвергалась весьма тщательной отборкѣ, и теперь формы ея доведены до возможнаго совершенства. Усовершенствованныя овцы чевиотской породы уже на третьемъ году бываютъ откормлены и даютъ среднимъ числомъ отъ 30 до 40 килограммовъ, т.-е. отъ 1 п. 33 ф. до 2 п. 17 ф. отличнаго мяса. Шерсть ихъ густа и коротка; они зиму проводятъ въ горахъ, подвергаясь всѣмъ измѣненіямъ погоды и только весьма рѣдко укрываются въ овчарни.

Въ Англіи чевиотская порода, кромѣ своей родной страны, разведена была только въ самыхъ гористыхъ частяхъ Валлиса и Корнвалля. Въ Шотландіи, куда она была вывезена сэръ-Джономъ Синклеромъ, она развелась въ большомъ количествѣ; прежде всего она заняла южные *highlands* и оттуда, слѣдуя направленію Грампіенскихъ горъ, проникла до самыхъ сѣверныхъ оконечностей Шотландіи, гдѣ и продолжаетъ быстро размножаться. Въ этихъ возвышенныхъ странахъ съ суровымъ климатомъ она вытѣсняетъ другую породу, еще болѣе закаленную противъ непогоды, породу черноголовыхъ, водящуюся въ чернолѣскахъ, которая мало-по-малу уступаетъ ей лучшія пастбища и удаляется на самыя неприступныя вершины.

Три упомянутыя породы вытѣсняютъ теперь всѣ другія и распространяются по всей Великобританіи. Нѣсколько мѣстныхъ породъ удержались еще однако и развиваются независимо отъ другихъ: такова на примѣръ ромнійская порода въ графствѣ Кентскомъ, порода плоскихъ

возвышенностей, или *cots wolds*, въ Глостерширѣ, длинношерстыя породы линкольнская и тизвотерская, короткошерстыя дорсетскія и гирфордскія.

Всѣ онѣ улучшены тѣми же способами, какъ и дишлійская, *South Downs* и чевиотская. Во всей Англии овцеводы нынче прежде всего стараются ускорить срокъ поспѣванія своихъ овецъ для бойни и придать округлость ихъ формамъ или посредствомъ усовершенствованія породы собственными ея средствами, или посредствомъ помѣси съ другими, уже усовершенствованными, или же просто замѣняя ее одною изъ послѣднихъ, смотря по тому, какое изъ этихъ средствъ кажется имъ дѣйствительнѣе. Можно сказать, что всѣ соотечественники Беквелля прониклись его духомъ.

Попробуемъ же теперь приблизительно сравнить ежегодную выручку, извлекаемую обѣими странами изъ равнаго числа ихъ овецъ.

Во Франціи овцеводство доставляетъ около 60 милліоновъ килограммовъ шерсти; въ Англии же оно даетъ до 550,000 тюковъ въ 240 англійскихъ фунтовъ каждый, то-есть тоже 60 милліоновъ килограммовъ (около 146 милл. русскихъ фунтовъ). Обѣ страны слѣдовательно равны по отношенію къ производству шерсти, но въ производствѣ мяса превосходятъ Англию достигаетъ огромныхъ размѣровъ.

На Британскихъ островахъ убиваютъ ежегодно около 10 милліоновъ головъ (изъ которыхъ на одну Англию приходится 8 милліоновъ), дающихъ среднимъ числомъ до 36 килограммовъ чистаго мяса, что составляетъ 360 милліоновъ килограммовъ (около 878 милліоновъ русскихъ фунтовъ).

Во Франціи можно положить число головъ, убиваемыхъ ежегодно, въ 8 милліоновъ; это даетъ, считая среднимъ числомъ по 18 килограммовъ чистаго мяса (то-есть по 1 п. 4 ф. приблизительно, или половина того, что даетъ англійскій баранъ), 144 милліона килограммовъ (около 350 милліоновъ русскихъ фунтовъ).

Слѣдовательно продуктъ 35 милліоновъ французскихъ овецъ можетъ быть выраженъ слѣдующими цифрами:

Шерсти	146 милліоновъ фунтовъ.
Мяса	350 — — — —

Продуктъ 35 милліоновъ англійскихъ овецъ равняется:

Шерсти	146 милліоновъ фунтовъ.
Мяса	878 — — —

Безъ сомнѣнія, цифры эти не отличаются математическою точностью, но онѣ довольно близки къ истинѣ и могутъ дать достаточное понятіе о состояніи овцеводства вообще. Я скорѣе уменьшилъ, чѣмъ увеличилъ, статистическія данныя, касающіяся Англии и напротивъ, скорѣе увеличилъ, чѣмъ уменьшилъ, тѣ, которыя относятся къ Франціи. Ученый профессоръ агрономіи въ Эдинбургскомъ университетѣ, Давидъ Ло, въ своемъ сочиненіи о домашнихъ животныхъ, изданномъ нѣсколько

лѣтъ тому назадъ, оцѣниваетъ въ 227 миллионѣвъ количество шерсти, ежегодно производимой въ Англіи: оцѣнка очевидно преувеличенная (1). Французскій комментаторъ Давида Ло въ то же время опредѣляетъ количество мяса, доставляемаго англійскими овцами, въ 640 миллионѣвъ килограммовъ, чтѣ возможно было бы только въ томъ случаѣ, еслибы всѣ англійскія овцы были изъ породы диншійскихъ. Съ другой стороны г. Моро де-Жоннесъ въ своей сельско-хозяйственной статистикѣ, составленной по официальнымъ документамъ, цѣнитъ число головъ, убиваемыхъ ежегодно во Франціи, въ 6 миллионѣвъ, среднее количество мяса, доставляемаго каждою овцой, въ 13 килограммовъ, а все количество мяса въ 80 миллионѣвъ килограммовъ. Я увеличилъ всѣ эти числа, которыя показались мнѣ слишкомъ малы.

Легко предвидѣть, что этотъ результатъ, столь значительный уже, когда мы беремъ за одно всю Великобританію, долженъ сдѣлаться громаднымъ, если мы будемъ разсматривать одну только, собственно такъ-называемую Англію. Въ Англіи на каждый гектаръ приходится по двѣ головы овецъ, между тѣмъ какъ во Франціи на то же пространство среднимъ числомъ приходится только $\frac{2}{3}$ головы; а такъ какъ англійскія овцы доставляютъ продуктѣвъ вдвое болѣе французскихъ, то изъ этого слѣдуетъ, что доходъ, получаемый англійскою фермой съ овецъ, при одинаковомъ количествѣ земли, долженъ быть въ шесть разъ болѣе дохода фермы французской отъ овцеводства.

Эта печальная разниа безъ сомнѣнія не имѣетъ мѣста для нѣкоторыхъ изъ нашихъ фермъ, гдѣ воспитаніе овечьей породы ведется съ такимъ же знаніемъ какъ въ Англіи, и гдѣ овцеводство находится даже на пути къ тому, чтобы превзойти нашихъ сосѣдей искуснымъ смѣшеніемъ англійской породы съ мериносами. Достаточно упомянуть между прочимъ о великолѣпномъ стадѣ г. Плюше въ Траппѣ (департаментъ Сены-и-Оазы), о стадѣ г. Маленже въ Шарнуазѣ (департаментъ Луары-и-Шеры) и о помѣсахъ, теперь производимыхъ на казенныхъ заводахъ, въ особенности въ Альфорѣ; но въ цѣломъ Франція все-таки значительно отстала.

(1) Сюда относятся одно изъ примѣчаній въ *Шотландскомъ Сельскомъ Хозяйствѣ*. Будучи согласенъ со мною насчетъ количества мяса, доставляемаго великобританскимъ овцеводствомъ, онъ склоняется однакоже къ мысли, что я опредѣлилъ слишкомъ малую цифрой количество шерсти; въ доказательство онъ приводитъ ростъ этихъ овецъ и длину руна у большей части изъ нихъ. Но я съ своей стороны думаю, что онъ не отдалъ себѣ вѣрнаго отчета о среднемъ вѣсѣ руна нашихъ мериносовъ и полумериносовъ: у многихъ онъ доходитъ до 6 килограммовъ прежде мытья, и среднимъ числомъ нельзя полагать менѣе 3 и 4 килограммовъ (7—10 ф.). Англійскія руна не такъ вѣски. Ни по количеству, ни по качеству доставляемой шерсти, ни одна порода не сравнится съ нашими мериносами; этимъ превосходствомъ одной части нашихъ овецъ возполняется то, чего не достаетъ нашимъ мелкимъ туземнымъ породамъ, и потому, допуская равенство обѣихъ странъ относительно этого рода производства, я, кажется, останусь въ предѣлахъ истинны.

Изъ Британскихъ острововъ одна только Ирландія равна съ нами въ отношеніи числа овецъ; Шотландія уже стоитъ выше; и всѣ цифры эти, сами по себѣ поразительныя, далеко еще не даютъ полнаго понятія о тѣхъ выгодахъ, какія англійское сельское хозяйство извлекаетъ изъ своего овцеводства; не должно забывать, что это драгоценное животное доставляетъ земледѣльцу не только мясо и шерсть, но также обогащаетъ его и навозомъ, такъ что сверхъ упомянутаго дохода улучшается еще и почва. Это нѣкоторымъ образомъ полный идеалъ сельско-хозяйственнаго производства.

Если теперь мы взглянемъ за предѣлы Европы, въ англійскія колоніи, то и тамъ найдемъ особенное пристрастіе къ разведенію овецъ, по примѣру метрополіи. Такъ какъ народонаселеніе здѣсь гораздо рѣже, и богатство преимущественно заключается въ предметахъ вывоза, то здѣсь не столько уже дорожать мясомъ, сколько шерстью, потому что шерсть представляетъ болѣе удобствъ для вывоза. Когда Англія изгнала отъ себя мериносовъ, она передала ихъ своимъ колоніямъ. За океаномъ нашлись пустынные и безпредѣльные пространства, чрезвычайно удобныя для испанской породы. Тамъ порода эта быстро размножилась, и совершенно новый міръ былъ созданъ. Великолѣпные города воздвиглись какъ бы силою волшебства въ этихъ необитаемыхъ странахъ. Потокъ англійскаго переселенія разливается тамъ подобно морю во время прилива. И всѣ эти чудеса произведены слабымъ животнымъ, овцею. Одно время можно было опасаться, чтобъ открытіе золотыхъ рудниковъ не побудило жителей покинуть пастбища. Вся Англія была взволнована этимъ опасеніемъ, но теперь она нѣсколько успокоилась, и овцеводство борется даже съ золотыми присками.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Англія получала изъ Испаніи половину своей ввозной шерсти; въ 1853 году Испанія уже только номинально появляется на реэстрахъ ввозимыхъ товаровъ. Страны, изъ которыхъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ не получалось и одного фунта шерсти, имя которыхъ даже почти не было извѣстно, теперь являются на этихъ реэстрахъ съ огромными цифрами. Такъ британскія колоніи въ Австраліи доставляютъ 40 милліоновъ англійскихъ фунтовъ шерсти, колонія на мысѣ Доброй Надежды и англійскія владѣнія въ Индіи высылаютъ шерсти отъ 10 до 12 милліоновъ англійскихъ фунтовъ. Шерсть эта отличнаго качества и еще совершенствуется съ каждымъ днемъ. Овцеводы изъ этихъ отдаленныхъ странъ пріѣзжаютъ оспаривать у нашихъ земледѣльцевъ кровныхъ барановъ изъ Рамбулье, за которыхъ платятъ очень дорого. Итакъ, соединяя доходъ отъ туземнаго и колоніальнаго овцеводства, Англія ежегодно выручаетъ отъ 150 до 170 милліоновъ рублей, которые потомъ удваиваются ея фабриками. Изумительно бываетъ могущество человѣческой дѣятельности, когда она умѣетъ искусно воспользоваться дарами Провидѣнія!

Уступая въ производствѣ мяса европейской части Великобританіи, Франція и въ производствѣ шерсти также уступаетъ колоніямъ и ме-

тропоси, вмѣстѣ взятымъ. А между тѣмъ мы и въ собственной своей почвѣ и въ почвѣ нашей африканской колоніи, гораздо менѣе отдаленной отъ насъ чѣмъ австраійскія колоніи отъ Англіи, могли бы найти всѣ средства къ сильному соперничеству. Между собственной нашею страной и колоніями нашими безъ сомнѣнія установится нѣкогда то же самое различіе, какое существуетъ у нашихъ сосѣдей; въ метрополиі овцеводы, не отказываясь совершенно отъ шерсти, обратятъ болѣе прежняго вниманіе на производство мяса; алжирскимъ же овцеводамъ предстоитъ въ свою очередь блестящая будущность въ дѣлѣ производства шерсти. Толчокъ сообщенъ уже на всѣхъ пунктахъ, и каждый день ознаменовывается какимъ-нибудь важнымъ шагомъ на этомъ двойномъ пути, но пустились-то мы въ путь нѣсколько поздно.

ГЛАВА III.

Крупный скотъ.

Превосходство англійскаго сельскаго хозяйства передъ французскимъ въ дѣлѣ разведенія крупнаго рогатаго скота не такъ значительно какъ въ отношеніи къ овечьимъ породамъ, но все же оно ощутительно.

Во Франціи считается 10 милліоновъ головъ скота; въ Соединенномъ Королевствѣ до 8-ми милліоновъ, т.-е. нѣсколько меньше счетомъ, но сравнительно съ пространствомъ гораздо больше. Изъ этого числа на Англію и Валлисъ приходится 5 милліоновъ, на Шотландію одинъ милліонъ, на Ирландію 2. Въ Англіи каждой штукѣ скота соответствуютъ 3 гектара земли, въ Шотландіи 8, въ Ирландіи 4, во Франціи же кругомъ можно положить по пяти гектаровъ на скотину (1). Изъ этого видно, что только въ Шотландіи отношеніе числа животныхъ къ пространству земли менѣе, чѣмъ во Франціи, и это объясняется исключительными почвенными условіями первой; но зато мы уступаемъ даже Ирландіи и довольно далеко отстали отъ Англіи. Замѣтимъ, что здѣсь рѣчь идетъ только о числѣ головъ скота, въ качественномъ же отношеніи сравненіе будетъ еще менѣе выгодно для насъ.

Отъ рогатаго скота, кромѣ удобренія, кожи, рога и т. п., человекъ получаетъ троякаго рода продукты: работу, мясо и молоко. Работа доставляетъ менѣе всего выгоды, и здѣсь мы находимъ равличіе, совершенно подобное тому, на которое мы указали, говоря объ овцахъ: тогда какъ во Франціи земледѣлецъ требуетъ отъ скотины преимущественно работы, въ Англіи напротивъ обращаютъ исключительно вниманіе на полученіе мяса и молока. Это второе различіе привело почти къ такимъ же важнымъ послѣдствіямъ.

(1) Гектаръ равенъ 0,9153345 казенной десятины въ 2400 квадрати. саж.

Разсмотримъ сперва производство молока въ обѣихъ странахъ. Во Франціи считается 4 милліона дойныхъ коровъ, въ Соединенномъ Королевствѣ 3 милліона. Но три четверти французскихъ коровъ не даютъ почти молока, тогда какъ въ Англіи за рѣдкими исключеніями всѣ отличаются своею молочностью. Полевая работа, требующія породы крѣпкой и сносливой, трудно согласить съ условіями молочности скота. Дурное качество корма, недостатокъ ухода, отсутствіе всякихъ предосторожностей при выборѣ племенныхъ экземпляровъ и, быть можетъ, на югѣ жаръ и засуха довершаютъ начатое полевою работой. Въ тѣхъ частяхъ Франціи, гдѣ обстоятельства и мѣстные условія обратили вниманіе скотоводовъ на полученіе молока, мы встрѣчаемъ результаты, сходные съ англійскими, иногда даже и лучшіе, въ доказательство того, что въ этомъ отношеніи мы располагаемъ природными средствами не менѣе благоприятными чѣмъ и наши сосѣди; но если наши хорошія молочныя породы и не уступаютъ англійскимъ, онѣ несравненно менѣе распространены внутри страны. Въ Англіи нѣтъ ни одной породы, которой бы чувствительно уступали наши фламандскія, нормандскія и бретонскія коровы, по качеству и количеству своего молока или по отношенію этого количества къ массѣ пищи, употребляемой животнымъ. Чтѣ же касается продуктовъ, добываемыхъ изъ молока, то если, вообще говоря, англійскіе сыры выше нашихъ, французское масло лучше англійскаго: въ Англіи нѣтъ ничего подобнаго высшимъ сортамъ бретонскаго и нормандскаго масла. Несмотря однакоже на это неоспоримое превосходство, нельзя не признать, что вся масса продуктовъ англійскихъ коровъ молокомъ, сыромъ и масломъ, гораздо значительнѣе той, которая получается отъ нашихъ коровъ, хотя число ихъ и больше, и мѣстами онѣ не уступаютъ по молочности англійскимъ или даже превосходятъ ихъ. Только всеобщее распространеніе какого-нибудь правила можетъ повести къ важнымъ сельско-хозяйственнымъ результатамъ; въ Англіи же, можно сказать, всякій земледѣлецъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность держать по крайней мѣрѣ одну молочную корову, а по возможности, держать и болѣе одной.

Лучшая англійская молочная порода ведетъ свое начало съ острововъ Ламанскаго пролива, этихъ оторванныхъ осколковъ нашей Нормандіи. Имя свое она заимствовала отъ острова Олдерни, по-французски Оринья. Тамъ тщательно стараются сохранить чистоту этой породы, которая собственно есть только видоизмѣненіе нашихъ породъ. Острова пролива сбываютъ много телокъ въ Англію, гдѣ онѣ очень цѣнятся богатыми людьми. Кому случилось быть въ Джерсеѣ, тотъ могъ любоваться красивымъ, кроткимъ и понятливымъ на видъ скотомъ, пасущимся на лугахъ острова и составляющимъ какъ бы часть семейства каждаго земледѣльца. Тщательный, нѣжный уходъ, конечно, не мало способствовалъ увеличенію производительности этой породы, хорошей уже отъ природы. Жители Джерсея гордятся ею и берегутъ это единственное въ мірѣ, по ихъ мнѣнію, сокровище.

Съ породою этой соперничаетъ, впрочемъ, другая, очень сходная съ ней, но всей вѣроятности происшедшая отъ ней же черезъ помѣсь, эрширская въ Шотландіи. Не такъ давно вся Шотландія представляла еще почти совершенно необработанную глушь; Эрширъ въ особенности вышелъ изъ этого состоянія только лѣтъ пятьдесятъ—шестьдесятъ тому назадъ. Этотъ старинный край болотъ и верики теперь обратился въ какую-то Аркадію. Робертъ Борнсъ, поэтъ-пастухъ, тутъ родился; его сельская поэзія, современная первой революціи, совпадаетъ съ началомъ агрономическаго пробужденія его родины. Тѣ же влеченія, которыми одушевлялся Борнсъ, повели къ образованію эрширской породы скота; она своимъ граціоннымъ складомъ, красивою пестрою шерстью, тихимъ нравомъ и обильнымъ жирнымъ молокомъ, осуществляетъ всѣ идеалы пастушеской жизни. Хорошая корова этой породы даетъ до 320 ведръ молока въ годъ, среднимъ же числомъ можно положить по 240 ведръ съ каждой. Такихъ коровъ можно встрѣтить вездѣ въ Шотландіи и Англіи (1).

Смѣло можно сказать, что корова, не дающая молока, есть исключеніе въ этой странѣ. Даже Ирландія имѣетъ двѣ туземныя породы молочныхъ коровъ: одна изъ нихъ, маленькая и крѣпкая, вполне соответствуетъ нашей бретонской, она ведетъ свое начало изъ дикихъ горъ Керри; другая, рослая и сильная, развилась на богатыхъ пастбищахъ по берегамъ Шаннона.

Потребленіе молока во всѣхъ видахъ приняло въ Англіи огромные размѣры. Привычка эта восходитъ къ глубокой древности; еще Цезарь сказалъ объ ея жителяхъ: *Lacte et carne vivunt* (2). У Англичанъ нѣтъ, какъ у большей части Французовъ, обычая готовить кушанье на оливковомъ маслѣ или салѣ; коровье масло замѣняетъ въ англійской кухнѣ всѣ эти ингредиенты, и каждый день на столъ является сыръ. Трудно вообразить, какія огромныя количества сыра и масла производятся въ Соединенномъ Королевствѣ; одно графство Честеръ продаетъ сыру на миллионъ фунтовъ стерлингъ (6,250,000 р. с.). Не довольствуясь отечественнымъ производствомъ, Англичане привозятъ еще много иностранныхъ молочныхъ продуктовъ; это обстоятельство, свидѣтельствуя о силѣ національнаго вкуса, объясняетъ, почему цѣна на молоко среднимъ числомъ въ Англіи выше чѣмъ у насъ. Тогда какъ во Франціи производитель получаетъ только 10 сантимовъ за литръ молока (30 к. с. за ведро), англійскій продаетъ свое по 20-ти (60 к. с. за ведро).

Приблизительно говоря, можно положить, что англійскія коровы даютъ въ годъ 3 миллиарда литровъ молока, изъ которыхъ одинъ идетъ на выкормку телятъ, а два на пропитаніе человѣка; итакъ на корову приходится кругомъ по 1070 литровъ (80 ведръ). Во Франціи получается никакъ не

(1) У насъ въ Россіи эта порода разводится съ большимъ успѣхомъ на фермѣ Горыгорецкаго института. *Прим. пер.*

(2) - Молокомъ и мясомъ живутъ -.

болѣе 2 миллиардовъ и по крайней мѣрѣ половина идетъ на телятъ. И-такъ, французскіе хозяева могутъ пустить въ продажу только одинъ милліардъ литровъ, тогда какъ англійскіе продаютъ два, и притомъ получаютъ за свое молоко вдвое дороже; отсюда слѣдуетъ, что доходъ съ молока въ Англии вчетверо выше нашего. Мы получимъ такимъ образомъ слѣдующія цифры:

Франція милліардъ литровъ по 10 сант.	100 милл. франк.
Соед. Кор. 2 милліарда . . . по 20 сант.	400 — —

Такое громадное различіе не удивитъ того, кто даже въ самой Франціи сравнитъ между собой результаты молочнаго хозяйства въ различныхъ мѣстностяхъ. Если возьмемъ напримѣръ нормандскій скотный дворъ, гдѣ старательно и искусно занимаются производствомъ молока, и какое-нибудь хозяйство въ Лимузенѣ или Лангедокѣ, гдѣ способность къ молочности не была развиваема въ коровахъ, то контрастъ будетъ еще разительнѣе, чѣмъ, даже вообще говоря, между англійскою и французскою фермой. Не только добывается менѣе молока, но изъ него извлекаютъ и гораздо менѣе пользы; сельскій хозяинъ въ департаментахъ средней и южной Франціи не знаетъ, куда дѣвать свое молоко; на сѣверѣ же имъ весьма выгодно умѣютъ пользоваться. Между тѣмъ производство и хорошее употребленіе молока есть превосходный промыселъ для всякой страны; всегда мѣстности, производящія много сыру и масла, богаче другихъ.

Но полевая работа, которою мы обременяемъ нашъ скотъ, не только лишаетъ насъ большаго дохода съ молока,—она причиняетъ намъ убытокъ и на мясѣ.

Съ перваго взгляда кажется, что работа рогатаго скота не должна имѣть значительнаго вліянія на количество мяса, доставляемаго имъ; можно даже подумать, что, употребляя скотъ въ пользу во время жизни, мы черезъ это получимъ мясо по болѣе дешевой цѣнѣ. Но опытъ доказалъ, что если такое предположеніе и оправдывается въ иныхъ частныхъ случаяхъ, оно, вообще говоря, ошибочно. Привычка къ работѣ образуетъ породы крѣпкія, сносливыя, развивающіяся поздно, которыя, также какъ и человѣкъ, занимающійся трудною работою, ѣдятъ много, не жирѣютъ, развиваютъ преимущественно свою кость и въ суммѣ даютъ мало мяса, и то поздно. Спокойствіе, отсутствіе утомленія создаютъ напротивъ породы мягкія, смирныя, рано тучнѣющія и даже при равной дачѣ корма дающія гораздо болѣе мяса. Искусство и уходъ скотовода развиваютъ эти наклонности и могутъ усилить ихъ до неопредѣленной степени. Къ этой главной причинѣ различія присоединяются многія второстепенныя, вытекающія изъ того же начала. Такъ, если отъ животнаго требуютъ преимущественно работы, то убиваютъ его тогда, когда оно становится не годно къ ней; напротивъ того скотину, откармливаемую на мясо, убиваютъ, когда она можетъ дать наибольшее количество его. Равнымъ образомъ, нуждаясь въ рабочемъ скотѣ, бѣдный селянинъ легко можетъ увлечься желаніемъ увеличить число его,

не заботясь о томъ, чѣмъ придется его кормить; отсюда происходятъ тѣ мелкія и худыя породы, которыя, какъ ослы, только и годны что на работу; напротивъ того, когда разчитываютъ только на мясо, тогда опытъ скоро научаетъ не держать скота болѣе чѣмъ сколько можно хорошо прокормить, потому что это выгоднѣе.

Вслѣдствіе всего этого выходитъ на повѣрку, что, какъ бы это ни могло казаться страннымъ, мясныя породы выгоднѣе платятъ за поглащаемый ими кормъ, и что работа рогатаго скота составляетъ не барышъ, а убытокъ для владѣльца.

Робертъ Беквелль, знаменитый фермеръ Дишли-Гренджа, первый подвинулъ Англію и на пути улучшенія крупнаго скота исключительно съ точки зрѣнія добыванія мяса. Онъ употребилъ тутъ тотъ же способъ какъ и для овецъ. На этотъ разъ только онъ лично не могъ похвалиться успѣхомъ. Беквеллевъ баранъ остался совершеннѣйшимъ типомъ мясной породы овецъ; быки же его не имѣли такого значенія. Порода длиннорогаго скота Бредней Англіи, выбранная имъ для улучшенія, во многихъ отношеніяхъ недостаточна. Несмотря на всѣ его усилія и всю его настойчивость, ему не удалось окончательно изгладить ея природныя несовершенства, и теперь длиннорогая порода почти вездѣ оставлена. Но если знаменитый скотоводъ не вполнѣ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, то онъ далъ примѣръ и показалъ способы, принятыя повсюду и приведшіе къ окончательному перерожденію англійскихъ породъ.

Теперь, можетъ-быть, во всей Англіи нѣтъ ни одной штуки скота, которая бы не была радикально измѣнена по способу Беквелля, и хотя ни одна порода не получила его имени, всѣ одинаково носятъ на себѣ отпечатокъ его преобразованія.

Въ числѣ этихъ улучшенныхъ долгодѣтными стараніями породъ, первое мѣсто принадлежитъ короткорогой доргемской. Она взяла свое начало въ тучной долинѣ рѣки Тиза и, какъ кажется, произошла отъ случки голландскихъ коровъ съ туземными быками. Эта порода замѣчательна была своею молочностью и способностью къ откармливанію уже въ то время, когда мысли Беквелля только начали распространяться въ Англію. Братья Колинсъ, фермеры въ Дарлингтонѣ, рѣшились въ 1775-мъ году приложить его способъ къ породѣ тизской долины и съ самаго начала получили весьма значительные результаты. Скотный дворъ Чарльза Колинса приобрѣлъ въ тридцать лѣтъ такую извѣстность, что когда его продали въ 1810-мъ году съ аукціона, 47 штукъ скота, имѣвшіяся тогда на лицо, и въ томъ числѣ двѣнадцать еще негодовавшихъ телятъ, пошли за 44½ тысячи рублей. Короткорогоая улучшенная порода съ тѣхъ поръ распространилась во всемъ Соединенномъ Королевствѣ, а съ нѣкотораго времени ее стали вводить и во Франціи. Животныя этой породы откармливаются въ два года и приобретаютъ въ этотъ возрастъ громадную тяжесть, какой ни одна другая порода не можетъ достигнуть такъ быстро. Голова, ноги и вообще кости у нихъ доведены до

такихъ незначительныхъ размѣровъ, что почти три четверти ихъ вѣса состоятъ изъ чистаго мяса (1).

Послѣ короткорогой доргемской породы, которая между крупнымъ скотомъ то же, что дишлейская между овцами, слѣдуютъ герфордская и девонская, соотвѣтствующія овцамъ Саутъ-Доунъ и Чевіотъ. Герфордская порода подходитъ къ доргемской, и даже предпочитается ей, потому что почти къ такой же способности рано развиваться и тучнѣе присоединяетъ большую сносливость. Графство Герфордъ, откуда она беретъ начало, простирается у подножія Валлисскихъ горъ, и хотя славится своимъ лѣсомъ и лугами, не представляетъ однакоже особенно плодородной почвы. Скотъ поэтому рѣдко откармливается тамъ на мѣстѣ, а обыкновенно продается аферистамъ, которые переводятъ его въ болѣе обильную мѣстность, гдѣ бы онъ могъ достигнуть полнаго развитія. Такого рода операція была бы затруднительна, еслибы дѣло было съ доргемскою породой, съ самаго рожденія требующею большаго количества корму, но герфордскія телята выдерживаютъ это. Графство Герфордъ такимъ образомъ для Англій то же, что для Франціи Овернь и Лимузенъ, — страна, гдѣ разводятъ скотъ, для того чтобы приплодъ его сбывать по возможности рано. Современнику Беквелля Томкинсу мы обязаны улучшеніемъ этой породы.

Девонская порода, порода горная, прежде весьма часто употреблялась для полевыхъ работъ, что кое-гдѣ и донинѣ продолжается. Она мала ростомъ, но превосходно сложена.

Всѣ остальные породы Великобританіи улучшены были въ томъ же смыслѣ, хотя не всѣ конечно достигли одинаковаго совершенства. Въ Шотландіи также разводятся нѣкоторыя очень цѣнные породы; много быковъ выгоняются изъ ея горъ въ Англію на третьемъ году ихъ жизни для откармливанія. Таковы напримѣръ галловейская черная комолая (безрогая) порода изъ графства Ангусъ (2), и великолѣпная порода западной горной Шотландіи, одно изъ самыхъ удивительныхъ созданій человѣка: на самыхъ дикихъ сѣверныхъ горахъ она обходится безъ стойла и, несмотря на суровость климата и бесплодность почвы,

(1) Вообще говоря, лучшія короткорогія англійскія породы требуютъ при разведеніи своемъ чрезвычайно тщательнаго и искуснаго ухода, иначе онѣ вырождаются и теряютъ драгоцѣнныя качества, выработанныя съ такимъ трудомъ англійскими скотоводами; поэтому до нынѣ въ Россіи и остальной континентальной Европѣ онѣ почти нигдѣ не были размножаемы съ успѣхомъ. Впрочемъ на мызѣ Лигово близъ Петербурга, на Горыгорецкой и Царско-сельской фермахъ и у нѣкоторыхъ помѣщиковъ средней Россіи можно найти превосходныхъ выписныхъ доргемскихъ быковъ. *Прим. пер.*

(2) Департаментъ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ выписалъ въ 1852 г. нѣсколько штукъ галловейскаго скота для учебныхъ фермъ. *Прим. пер.*

достигаетъ громаднаго вѣса, а сверхъ того высоко цѣнится и по качеству своего мяса (1).

Сравнимъ теперь хоть приблизительно результаты нашей и англійской системы.

Во Франціи число головъ, ежегодно убиваемыхъ на мясо, должно быть около 4-хъ милліоновъ; съ нихъ получаютъ около 400 милліоновъ килограммовъ или почти 25 милліоновъ пудовъ мяса, т. е. по сту килограммовъ или около 6 пудовъ съ штуки (2). Официальная статистика насчитываетъ лишь 300 милліоновъ килогр.

Въ Соединенномъ Королевствѣ ежегодно бьютъ 2 милліона головъ, приносящихъ всего 500 милліоновъ килограммовъ мяса, т. е. среднимъ числомъ по 250 килограммовъ или слишкомъ по 15 пудовъ каждая.

Итакъ 8 милліоновъ головъ и 30 милліоновъ гектаровъ у нашихъ со-сѣдей даютъ ежегодно 500 милл. килогр. мяса, тогда какъ во Франціи 53 милліона гектаровъ и 10 милл. головъ приносятъ всего лишь 400 милл. килогр. Эта несообразность объясняется легко, кромѣ различія породъ, различіемъ возраста, въ которомъ скотъ поступаетъ на бойню. Французскихъ быковъ бьютъ или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Необходимость прокормить прежде всего рабочей скотъ заставляетъ у насъ бить множество телятъ въ то время, когда они растутъ всего быстрее; въ числѣ выше приведенныхъ 4-хъ милл. бываетъ 2½ милл. телятъ, отъ которыхъ среднимъ числомъ не получается болѣе 30 килогр. чистаго мяса на штуку. Животныя, переживающія этотъ возрастъ, убиваются у насъ только тогда, когда ростъ ихъ давно уже остановился, т. е. послѣ того, какъ уже нѣсколько лѣтъ они поглощали кормъ, не увеличиваясь въ объемѣ и вѣсѣ. Англичане же не бьютъ свою скотину ни такъ рано, потому что въ молодости ея болѣе всего образуется мяса, ни такъ поздно, ибо образованіе мяса у ней тогда уже прекращается; они выбираютъ тотъ моментъ, когда животное достигаетъ своего полнаго развитія.

Эти результаты, столь выгодные, при сравненіи, для англійскаго сельскаго хозяйства, правда получены, не принимая въ разчетъ работы крупнаго скота во Франціи. У насъ приблизительно можно считать всего 2 милліона воловъ, по большей части употребляемыхъ въ работу, притомъ многіе пашутъ у насъ и на коровахъ.

Еслибы мы, подобно Англичанамъ, почти вездѣ прекратили работу рогатаго скота, пришлось бы замѣнить его лошадьми, что повлекло бы къ издержкамъ: онѣ-то и составляютъ сумму, въ которую должно оцѣнить работу нашихъ быковъ. Полагая на каждую упряжь 200 франковъ, мы такимъ образомъ приравняемъ къ 200 милліонамъ этотъ доходъ съ нашего рабочаго скота.

(1) Во Франціи собрана была полная коллекція представителей этихъ драгоцѣнныхъ породъ, при Національномъ агропомическомъ институтѣ; но съ упраздненіемъ этого заведенія она разсѣялась.

(2) Килограммъ = 2,443196 фунта русскаго вѣса. *Прим. пер.*

Разчетъ доходовъ, получаемыхъ въ обѣихъ странахъ отъ крупнаго скота, мы слѣдовательно можемъ теперь сдѣлать, пренебрегая въ обоихъ случаяхъ удобреніемъ, кожами и т. д., и полагая цѣну одного килограмма мяса въ 1 франкъ (русскій фунтъ приблизительно въ 10 коп.).

Франція.

Молоко	100	милліоновъ
Мясо	400	— —
Работа	200	— —
<hr/>		
Итого	700	— —

т.-е. 70 фр. съ каждой штуки скота и 14 фр. на гектаръ.

Соединенное Королевство.

Молоко.	400	милліоновъ
Мясо	500	— —
<hr/>		
Итого	900	— —

т.-е. 110 фр. съ каждой штуки скота и 30 фр. на гектаръ.

Для собственной Англїи послѣдняя цифра возрастетъ до 50 фр. на гектаръ. Числа эти получаютъ новое подтвержденіе отъ простаго, легко повѣряемаго факта средней цѣны на скоть въ обѣихъ странахъ. Говоря вообще, продажная цѣна животнаго даетъ намъ довольно вѣрное мѣрило пользы, которую покушникъ надѣется изъ него извлечь, а извѣстно, что въ Англїи средняя цѣна на скоть гораздо выше французской. Чтобы убѣдиться въ подобной разности, не нужно даже отправляться въ Англїю; и у насъ во Франціи мы находимъ два пространства: одно, гдѣ скоть работаетъ въ полѣ, другое, гдѣ его не употребляютъ на это. Если мы обратимъ вниманіе на цѣну скота въ этихъ мѣстахъ, то замѣтимъ легко, что во второмъ она значительно выше, чѣмъ въ первомъ. А между тѣмъ во Франціи еще почти неизвѣстно искусство разводить скоть единственно для мяса; что же было бы, еслибы оно дошло у насъ до той степени, которой оно достигло въ Англїи?

Я знаю, что обращеніе рабочаго скота въ молочный и мясной не всегда и не вездѣ возможно. Не имѣю вовсе намѣренія нападать на тѣ части моего отечества, гдѣ для полевыхъ работъ употребляютъ быковъ и даже коровъ, или совѣтовать какое-нибудь поспѣшное и необдуманное преобразование; я только указываю на фактъ, кажется, теперь доказанный, что, вслѣдствіе прекращенія полевыхъ работъ крупнаго скота въ Англїи, эта страна извлекаетъ изъ него доходъ вдвое болѣе нашего. Такова сила научной истины въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, когда представляется возможность приложить ее.

Изъ домашнихъ животныхъ намъ остается говорить о лошадяхъ и свиньяхъ. Что касается до лошадей, то превосходство англійскихъ заво-

довъ признано давно. У насъ во Франціи считается около 3-хъ миллионъ лошадей всѣхъ возрастовъ или по 6-ти головъ на 100 гектаровъ; въ Англии, Ирландіи и Шотландіи ихъ до 2-хъ миллионъ, т.-е. тоже таки 6 штукъ на 100 гектаровъ. Но нашихъ 3 миллионъ лошадей можно оцѣнить кругомъ въ 150 фр. штуку, т.-е. всего въ 450 миллионъ, тогда какъ 2 миллионъ англійскихъ стоить среднимъ числомъ 300 фр. штука, т. е. всего 600 миллионъ. Конечно, сверхъ того слѣдуетъ для вѣрности сравненія принять во вниманіе нашихъ ословъ и лошаковъ, по официальной статистикѣ оцѣняемыхъ въ 80 миллионъ, и по всей вѣроятности стоящихъ около 100 милл., но даже приложивъ эту цифру, все-таки мы останемся позади нашихъ сосѣдей, тогда какъ по пространству нашей родины мы бы должны были оставить ихъ далеко за собой.

Скажутъ пожалуй, что въ предыдущей оцѣнкѣ мы чересчуръ уменьшили среднюю цѣну нашихъ коней и напротивъ для англійскихъ приняли слишкомъ высокую норму. Но я не считаю такой упрекъ справедливымъ. Конечно, не всѣ англійскія лошади скаковыя, но вѣдь скаковыя стоятъ и не 300 фр. Огромная, совершенно неопредѣлимая цѣна англійскихъ скаковыхъ и бѣговыхъ лошадей объясняется сравнительною малочисленностью представителей этого сорта животныхъ и огромнымъ значеніемъ, которое имѣетъ улучшеніе расы въ глазахъ Англичанина. Только страшныя деньги, платимыя за совершеннѣйшихъ жеребцовъ, дали англійскимъ коннозаводчикамъ возможность улучшить до такой степени простыя породы лошадей. Всякое домашнее животное имѣетъ свое особое назначеніе. Отъ лошади требуется соединеніе силы съ быстротой бѣга. Англичане положили себѣ цѣлью развитіе этихъ двухъ свойствъ въ своихъ лошадяхъ, и въ результатъ оказалось, что какъ ни значительны были ихъ первоначальныя затраты, они не платятъ дороже насъ за единицу силы и скорости. Они сосредоточиваютъ по возможности всѣ свои старанія и издержки на отборныхъ экземплярахъ, тогда какъ наши старанія и издержки разсѣиваются на множество малоцѣнныхъ животныхъ.

Кромѣ знаменитыхъ верховыхъ коней, у нихъ есть не менѣе извѣстныя упряжныя породы. Таковы напримѣръ плуговыя лошади, преимущественно славящіяся въ графствѣ Соффолькъ. Мы видимъ, что вездѣ въ полевыхъ работахъ рогатый скотъ замѣненъ былъ лошадьми, и это произошло на томъ основаніи, что лошадь движется быстрее, и что слѣдовательно ея работа производительнѣе. Сверхъ того, вездѣ самихъ людей замѣнили лошадьми, гдѣ только представлялась возможность работу челоуѣка, самую дорогую изъ всѣхъ, замѣнить дѣйствіемъ коннаго привода. Такимъ образомъ сумма сельскихъ работъ, производимыхъ въ Англии лошадьми, несравненно значительнѣе чѣмъ во Франціи, а между тѣмъ число ихъ не увеличивалось соотвѣтственно. Причиной тому превосходство самыхъ лошадей и болѣе тщательный уходъ за ними, отчего зависитъ ихъ большая сила и быстрота движенія сравнительно съ нашими.

Лошади, употребляемая на пивоварняхъ, или для перевозки угля и другихъ тяжелыхъ и громоздкихъ предметовъ, извѣстны своею громадною и силой. Лучшія изъ нихъ цѣнятся очень высоко. Точно то же можно сказать и о каретныхъ лошадяхъ: порода клевланскихъ гнѣдыхъ въ графствѣ Йоркъ считается одною изъ лучшихъ въ мірѣ въ этомъ отношеніи.

Что же касается до скаковой лошади и до соперницы ея, охотничей, то извѣстно, какихъ усилій стоило созданіе и сохраненіе чистоты этихъ драгоцѣнныхъ породъ. Это, можно сказать, произведенія человѣческой промышленности, купленные громадною цѣною для удовлетворенія національной потребности и страсти. Не преувеличивая можно сказать, что все богатство Англіи какъ бы служитъ для того только, чтобы содержать драгоцѣнные заводы, откуда выходятъ эти привилегированныя созданія. Красивый конь—вотъ идеаль хорошаго, щегольского хозяйства, мечта молодой дѣвушки и послѣднее удовольствіе челоуѣка, посѣдѣвашаго въ трудахъ. Все, что относится до воспитанія верховыхъ лошадей, до скачекъ и охоты, все, гдѣ только выказываются качества блестящихъ скакуновъ, становится дѣломъ національнымъ. Народъ наравнѣ съ вельможами принимаетъ живѣйшее участіе, въ день Дерби (1), въ эпсомскихъ скачкахъ; всѣ дѣла останавливаются, парламентъ закрытъ, вся Англія устремляетъ свое вниманіе на этотъ зеленый лугъ, *turf*, гдѣ скачутъ жеребцы, и миллионы разыгрываются на пари въ нѣсколько минутъ.

Намъ далеко до такого національнаго увлеченія. Не то чтобы наши туземныя породы были не хороши: онѣ напротивъ отъ природы одавлены такими качествами, которыхъ Англичане добились искусствомъ. Никогда еще у насъ производство не отставало отъ требованія; но для улучшенія породы у насъ необходимо, чтобы мы привыкли за хорошихъ лошадей платить то, что они въ самомъ дѣлѣ стоить; въ этомъ весь вопросъ. Покуда мы будемъ добиваться только дешевизны, хорошія и красивыя лошади останутся у насъ исключеніемъ, тогда намъ такъ легко было бы размножать ихъ. Наши першеронскія, булонскія, лимузенскія и беарнскія лошади представляютъ уже теперь отличные типы, которые легко могли бы усовершенствоваться и распространиться, еслибы нашихъ коннозаводчиковъ ожидало достаточное вознагражденіе за ихъ труды.

Въ Англіи свиньи, вообще говоря, не крупнѣе нашихъ; но ихъ гораздо больше, чѣмъ у насъ, и ихъ бьютъ гораздо раньше: все то же начало ранняго развитія, введенное Беквеллемъ и приложенное теперь ко всѣмъ идущимъ въ пищу животнымъ. Англія, не говоря уже о Шотландіи и Ирландіи, одна имѣетъ столько же свиней, сколько вся Франція,

(1) Дерби называется главный призъ эпсомскихъ скачекъ, это мечта всѣхъ коннозаводчиковъ; г. Дизраэли назвалъ его «the blue riband of the turf» (орденъ подвязки скачекъ). *Ирл. пер.*

и рѣдкое изъ этихъ животныхъ живетъ болѣе года. Всѣ они принадлежатъ къ быстро-развивающейся породѣ, улучшенной долготѣнными стараніями. Офиціальная статистика полагаетъ въ 290.000 килограммовъ количество свинины, ежегодно добываемой во Франціи; эта цифра вѣроятно значительно менѣе истинной, ибо большое количество этихъ полезныхъ животныхъ убивается и съѣдается на мѣстѣ въ деревенскихъ хозяйствахъ, не сообщаящихъ о томъ ни кому свѣдѣній. Но если даже увеличить его до 400,000 килограммовъ, то все-таки Соединенное Королевство можетъ гордиться вдвое значительнѣйшимъ производствомъ, и такому превосходству не будетъ удивляться тотъ, кто имѣлъ случай видѣть, съ какимъ знаніемъ и искусствомъ наши сосѣди принимаются за свиноводство. Фермы, гдѣ свиньи откармливаются сотнями, не рѣдки; почти вездѣ онѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ дохода.

Таковы успѣхи и преимущества англійскаго сельскаго хозяйства, въ дѣлѣ разведенія домашнихъ животныхъ. Франція, правда, беретъ свое на другой отрасли животныхъ продуктовъ, почти не существующей въ Англій, между тѣмъ какъ у насъ она весьма значительна. Мы говоримъ о разведеніи домашней птицы. Въ Англій ея мало, сырой климатъ неблагопріятенъ успѣшному ходу птицеводства, такъ что, несмотря на всѣ усилія богатыхъ любителей, англійская статистика не можетъ насчитать болѣе 25 милліоновъ ежегоднаго дохода съ этой промышленности, тогда какъ во Франціи ежегодно получается яицъ на 100 милліоновъ, и птицъ всѣхъ родовъ на такую же сумму. Значительная часть народонаселенія, особенно въ южныхъ департаментахъ, питается ими, и это вознаграждаетъ отчасти за недостатокъ другой мясной пищи; но отдавая полную справедливость важности этой отрасли хозяйства, часто недостаточно оцѣниваемой, нельзя не замѣтить, что ею не пополнишь дефицита.

ГЛАВА IV.

Полеводство.

Цѣль всякой системы полеводства состоитъ въ томъ, чтобъ изъ даннаго пространства извлекать наибольшее количество человѣческой пищи; но для достиженія этой цѣли можно избирать различные пути. Во Франціи главнѣйшимъ образомъ занимаются разведеніемъ различныхъ хлѣбовъ, непосредственно служащихъ пищей человѣку. Въ Англій, напротивъ, и климатическія условія и теоретическія соображенія побудили сельскихъ хозяевъ избрать окольную дорогу, слѣдовать такой системѣ полеводства, въ которой хлѣбъ съѣтся на данной почвѣ только

послѣ воздѣлыванія на ней другихъ растений, и результаты показали, что этотъ околный путь выгоднѣе прямого.

Верновые хлѣба, говоря вообще, истощаютъ почву, на которой произрастаютъ, и это важное обстоятельство недостаточно взвѣшено французскими земледѣльцами. Для иныхъ, особенно плодородныхъ земель эта невыгода исчезаетъ: на нихъ нѣсколько лѣтъ сряду можетъ родиться пшеница. Въ мѣстностяхъ многоземельныхъ и не густо населенныхъ также можно не обращать вниманія на истощеніе почвы; земледѣлецъ воленъ выбирать для своихъ хлѣбныхъ посѣвовъ отборные участки, а остальныхъ по нѣскольку лѣтъ не касаться плугомъ, чтобы дать имъ отдохнуть и возобновить свою производительную силу; но съ увеличеніемъ народонаселенія обстоятельства измѣняются. Если не принимать дѣйствительныхъ мѣръ для возвращенія почвѣ ея плодородія, то настанетъ время, когда земли, истощенныя хлѣбами, не будутъ болѣе давать урожаявъ. Даже при самыхъ благоприятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, римскій способъ, состоящій въ томъ, что земля одинъ годъ бываетъ подъ пшеницей, а другой въ пару, оказывается недостаточнымъ, и пшеница перестаетъ хорошо родиться. Земля истощается хлѣбами скорѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, и Англичане сумѣли даже изъ этой невыгоды извлечь пользу. Не имѣя возможности, подобно сосѣдямъ своимъ, часто засѣвать свои поля хлѣбомъ они съ давнихъ поръ занялись изученіемъ причинъ истощенія почвы и средствъ къ предотвращенію его. Притомъ они имѣли подъ рукой богатство, недоступное въ такой мѣрѣ южнымъ народамъ: великолѣпнѣйшіе естественные луга.

На основаніи этихъ двухъ фактовъ сложилось все ихъ земледѣліе. Такъ какъ животное удобреніе дѣйствительнѣе всего возвращаетъ почвѣ ея плодородіе, истощенное хлѣбомъ, они рѣшили, что имъ необходимо содержать какъ можно больше скота. Не говоря уже о томъ, что мясо для сѣвернаго жителя болѣе потребно, чѣмъ для южнаго, обширное скотоводство даетъ средство огромною массой удобренія увеличить плодородіе почвы и черезъ это увеличить количество хлѣбныхъ урожаявъ. Этотъ простой расчетъ удался имъ, и съ каждымъ днемъ они далѣе распространяютъ его приложеніе.

Первоначально для корма скота довольствовались естественными лугами; около половины земли занято было покосами и пастбищами, другая же попеременно находилась подъ хлѣбомъ и паромъ. Въ послѣдствіи это отношеніе луговъ къ пашнѣ оказалось недостаточнымъ, появилось травосѣяніе и разведеніе корнеплодныхъ растений, употребляемыхъ въ кормъ скоту, и вмѣстѣ съ тѣмъ пространство пара уменьшилось. Наконецъ уменьшилось и количество хлѣбныхъ посѣвовъ: теперь не болѣе пятой части всего поля занято хлѣбами, включая сюда и овесъ. Въ доказательство же превосходства такого хозяйства замѣтимъ, что съ увеличеніемъ скотоводства увеличилось и количество хлѣбнаго урожая; занн-

ная менѣе пространства, хлѣбъ за то родится несравненно лучше, и сельскій хозяинъ извлекаетъ такимъ образомъ двойной барышъ.

Рѣшительный шагъ на этомъ пути сдѣланъ былъ тому назадъ гдѣ 60 или 80. Въ то время, когда Франція погружалась въ кровавыя тревоженія своей политической революціи, болѣе мирный и полезный переворотъ совершался въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Другой гений, Артуръ Йонгъ, довершалъ дѣло, начатое Беквеллемъ. Тогда какъ одинъ указывалъ на способъ извлекать изъ животнаго наибольшую пользу, другой научалъ своихъ соотечественниковъ, какъ на данномъ пространствѣ кормить наибольшее количество скота. Распространенію ихъ мыслей способствовали богатые землевладѣльцы, и они были вознаграждены за свои старанія огромными доходами. Тогда начало входить въ употребленіе знаменитое четырехпольное норфольское хозяйство, названное по имени графства, гдѣ получило свое начало. Эта система хозяйства, принятая нынѣ съ нѣкоторыми измѣненіями во всей Англии, совершенно преобразовала самыя неплодородныя земли и создала, можно сказать, все земледѣльческое богатство Англии.

Я не стану здѣсь излагать теорію плодоперемѣннаго хозяйства: о ней было уже очень много говорено. Всѣмъ извѣстно теперь; что большая часть кормовыхъ травъ, почерпая изъ атмосферы питательныя начала, необходимыя для нихъ, менѣе извлекаютъ изъ почвы, чѣмъ оставляютъ въ ней, и такимъ образомъ, и сами по себѣ, и посредственно обращаясь въ животное удобреніе, двояко способствуютъ возстановленію производительныхъ силъ почвы, истощенныхъ хлѣбными и другими истощающими посѣвами: на этомъ основывается правило чередовать по крайней мѣрѣ посѣвы кормовыхъ и зерновыхъ растений, чтò и составляетъ сущность норфольской системы. У насъ, во Франціи, съ самаго начала этого столѣтія многіе знаменитые агрономы старались о введеніи этого полезнаго начала, и многое уже сдѣлано на этомъ пути; но Англичане гораздо быстрѣе двинулись впередъ, и черезъ это у нихъ все болѣе и болѣе возрастаетъ плодородіе земли,—драгоценный капиталъ, превращеніе котораго не должно терять изъ виду ни одному земледѣльцу. Около половины земли, доступной обработкѣ, обращено въ постоянные луга; остальная, собственно полевая земля, дѣлится на четыре поля по норфольской системѣ. Вотъ порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ растенія другъ за другомъ: 1-й годъ, корнеплодныя растенія, въ особенности бѣлая рѣпа (turneps); 2-й годъ, яровые хлѣба (овесъ и ячмень); 3-й годъ, травы, въ особенности клеверъ и райграсъ; 4-й годъ, пшеница.

Въ послѣдствіи къ сѣвообороту прибавили еще одинъ годъ, оставляя поле подъ травами два года къ ряду, и перешли къ пятипольной системѣ хозяйства. Такъ напримѣръ въ фермѣ, занимающей 70 гектаровъ, 30 отойдутъ подъ постоянные луга, 8 заняты будутъ картофелемъ и рѣпой, 8—ячменемъ и овсомъ, 8—травой на первый годъ, 8—травой же, но уже вторично, и 8—пшеницей. Въ мѣстностяхъ, особенно благопріятныхъ для луговодства, отношеніе постоянныхъ луговъ къ хлѣбному

полю еще значительнѣе; тамъ же, гдѣ травы и корнеплодные раскутъ не такъ хорошо, рѣпа (турнепсъ) замѣняется бобовыми растеніями, и хлѣбное поле увеличивается въ отношеніи къ прочимъ.

Вся поверхность королевства составляетъ 34 милліонъ гектаровъ, изъ коихъ 11 милліонъ не обрабатываются, остальные же 20 можно расположить такимъ образомъ по роли ихъ въ хозяйствѣ:

Естественные луга	8.000.000 гектаровъ.
Искусственные луга	3.000.000 —
Картофель, турнепсъ, бобы	2.000.000 —
Ячмень	1.000.000 —
Овесь	2.500.000 —
Парь	500.000 —
Пшеница	1.800.000 —
Сады, лѣвъ, хмѣль	200.000 —
Лѣса	1.000.000 —
<hr/>	
Итого	20.000.000 гектаровъ.

Во Франціи тоже считается до 11 милл. гектаровъ совершенно безплодныхъ, остальные же 42 милліона можно распределить такимъ образомъ:

Естественные луга	4.000.000 гектаровъ.
Искусственные луга	3.000.000 —
Корнеплодные растенія	2.000.000 —
Овесь	3.000.000 —
Парь	5.000.000 —
Пшеница	6.000.000 —
Рожь, ячмень, гречиха, кукуруза	6.000.000 —
Различныя растенія	3.000.000 —
Виноградъ	2.000.000 —
Лѣсъ	8.000.000 —
<hr/>	
Итого	42.000.000 гектаровъ.

Сравненіе этихъ двухъ таблицъ показываетъ различіе сельскаго хозяйства въ обѣихъ странахъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что отношеніе количества земли, оставленной безъ обработки, къ пространству, которое подчинено человѣческому труду, значительно больше въ Англіи, чѣмъ у насъ, и что это указываетъ на нѣкоторое превосходство Франціи. Но дѣло въ томъ, что пустопорожня пространства у нашихъ сосѣдей почти всѣ находятся въ горахъ Шотландіи, сѣверной Ирландіи и Валлісѣ, и въ самомъ дѣлѣ совершенно неудобны для земледѣлія, тогда какъ у насъ большую часть оставленныхъ безъ вниманія земель можно было бы воздѣлывать; сверхъ того у насъ гораздо болѣе лѣсовъ, такъ что если пространство, занимаемое ими, прибавить къ 11 милліонамъ гектаровъ, оставленныхъ безъ обработки, мы найдемъ, что изъ 53 милл. гект. 19 милл. не входятъ въ число воздѣлываемыхъ, а это почти равняется англійскому отношенію.

Благодаря каменноугольнымъ копьямъ своимъ, дарующимъ ей дешевое и отличнаго качества топливо, Англія могла безнаказанно истребить свои огромные лѣса, когда-то покрывавшіе весь островъ, и искупить такимъ образомъ другія невыгоды своей почвы. Теперь едва находишь слѣды прежнихъ ея лѣсовъ, да и тѣмъ каждый день грозитъ ошачетельная погибель. Итакъ мы для одной страны находимъ 19 милл., а для другой 34 милл. гектаровъ земли, обрабатываемой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Съ перваго взгляда на нашу таблицу видно, что изъ 19 милл. гект. англійской земли только 4 милл. посвящены произрастанію человѣческой пищи, а 15 исключительно удовлетворяютъ потребностямъ скотоводства. Во Франціи же только 9 милл. гект. заняты удобряющими почву посявами, между тѣмъ какъ истощающіе занимаютъ вдвое болѣе пространства; огромныя протяженія у насъ находятся подъ паромъ, и это едва ли, при настоящемъ состояніи пара, много способствуетъ въ возобновленію плодородія земли. Разсмотрѣніе подробностей подтвердитъ эти выводы.

Прежде всего представляются намъ естественные луга, занимающіе у насъ 4 милл. гект. земли, т. е. менѣе одной восьмой всего воздѣлываемаго пространства, въ Англіи же 8 милл. гект., т. е. почти половину ея земель. Англійскіе луга, правда, почти всѣ обращены въ пастбища, но они все-таки стоѣтъ нашихъ покосовъ.

Это огромное протяженіе пастбищъ конечно одна изъ самыхъ рѣзкихъ и характеристичныхъ сторонъ британскаго хозяйства; такъ было, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ. Въ Англіи готовятъ мало сѣна, и въ зимній кормъ скота употребляютъ произведенія искусственныхъ луговъ, корнеплодные растенія и даже зерновые хлѣба. Съ нѣкоторыхъ поръ впрочемъ являются попытки совершенно уничтожить пастбища и, въ противность національнымъ привычкамъ, зиму и лѣто держать скотъ въ стойлахъ; впрочемъ до сихъ поръ эти попытки принадлежатъ къ числу исключеній; онѣ едва начали появляться съ 1848 года. Напротивъ въ Англіи господствуетъ почти всеобщій обычай какъ можно менѣе держать скотъ взаперти. Три четверти англійскихъ луговъ идутъ на пастбища. Такъ какъ притомъ цѣлая половина посянной травы, особенно на второй годъ, сѣдается на коровъ, и даже рѣпа по большей части на мѣстѣ истребляется овцами, такъ какъ наконецъ изъ пустырей только такимъ образомъ извлекается какая-нибудь польза, то можно сказать, что двѣ трети поверхности страны предоставлены въ Англіи скоту. Вотъ причина совершенно особенной прелести англійскаго ландшафта. Кромѣ Нормандіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, гдѣ сохранился старинный обычай, нигдѣ не увидишь теперь у насъ веселой картины зеленыхъ луговъ, покрытыхъ вольно пасущимися стадами, — картины, всюду представляющейся взору въ Англіи.

Зеленая изгородь и деревья, окаймляющія поля, тоже весьма украшаютъ ихъ. Въ настоящее время существованіе этихъ изгородей подвергается сильнымъ нападкамъ. Дольше ихъ считали необходимою принадлежностью существующей системы хозяйства. Такъ какъ скотъ по-

очередно пасется въ каждомъ участкѣ, то въ самомъ дѣлѣ удобно загонять его въ огороженное со всѣхъ сторонъ пространство и оставлять безъ дальнѣйшаго присмотра. По нашимъ привычкамъ, довольно странно встрѣчать скотъ, особенно же овецъ—однихъ, на лугахъ, довольно далеко отъ жилищъ ихъ хозяевъ; но надобно вспомнить, что Англичане давно уже истребили у себя волковъ, оградилъ грозными законами сельской полиціи собственность отъ посягательствъ челоуѣка, и наконецъ тщательно обвели изгородями свои поля.

Такимъ образомъ эти красивыя изгороди являются полезною защитой и украшеніемъ, и Англичанину кажется страннымъ, что можетъ идти рѣчь объ ихъ уничтоженіи. Въ глазахъ большинства англійскихъ хозяевъ обычай пасты скотъ въ полѣ имѣетъ много выгодъ; это съ одной стороны большая экономія челоуѣческой работы, — соображеніе не маловажное въ Англіи; съ другой, это полезно для здоровья травядныхъ, такъ по крайней мѣрѣ думаютъ Англичане; притомъ это даетъ средство извлекать выгоду изъ мѣстностей неплодородныхъ, и улучшать ихъ мало-по-малу пребываніемъ скота; наконецъ, при травленіи луговъ скотиной не пропадаетъ трава, вырастающая послѣ покоса, и такимъ образомъ съ пастбищъ получается масса продуктовъ, если не болѣе значительная, то по крайней мѣрѣ равная достигаемой при косьбѣ. На этомъ основаніи Англичане весьма много хлопочуть о томъ, чтобы при каждой фермѣ имѣть достаточное количество хорошаго пастбища; даже на покосахъ они часто чередуютъ годъ потравы съ годомъ косьбы. Если у насъ пастбища обыкновенно запущены, то у Англичанъ напротивъ за ними самый старательный уходъ, а всякому сколько-нибудь свѣдущему въ луговомъ хозяйствѣ—этомъ самомъ привлекательномъ видѣ хозяйства—извѣстно, какое различіе иногда бываетъ между пастбищемъ въ дикомъ, природномъ состояніи, и тѣмъ, что изъ него дѣлаетъ тщательная забота.

Смѣло можно утверждать, что 8 милл. гектаровъ англійскихъ луговъ даютъ втрое болѣе корму для скота, чѣмъ наши 4 милл. гектаровъ луговъ и 6 милл. гектаровъ пара. Доказательство этому мы находимъ въ продажной цѣнѣ тѣхъ и другихъ. Англійскіе луга продаются кругомъ по 4000 франковъ за гектаръ, косятъ ли ихъ, или нѣтъ; иные впрочемъ доходятъ до 10.000, 20.000 и даже 50.000 франковъ. У насъ развѣ самыя лучшіе нормандскіе покосы могутъ поспорить съ этими цѣнами; круглымъ же счетомъ наши луга можно положить развѣ въ три четверти англійской цѣны, а про паръ и говорить нечего. Нигдѣ въ мірѣ искусство улучшать и осушать луга отводными канавами, орошать ихъ, выбирать подходящее къ свойствамъ почвы удобреніе, очищать ихъ отъ камней, планировать ихъ и всячески выгадывать на нихъ пространство, наконецъ, размножать на нихъ питательныя растенія и истреблять дурныя, не доведено до такого совершенства, какъ въ Англіи; нигдѣ такъ щедро не расточаютъ капитала на первоначальное устройство и постоянное улучшение луговъ, если только есть надежда извлечь изъ нихъ соотвѣтственную выгоду. Эти раціо-

нально-веденныя усилія, при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, привели къ истинно-дивнымъ результатамъ.

Обратимся теперь къ слѣдующей по порядку хозяйственной статьѣ, къ разведенію кормовыхъ травъ и корнеплодныхъ растений. Въ Англіи вездѣ разводятъ картофель и турнепсъ, свекловица же, столь обыкновенная во Франціи, напротивъ того едва начинаетъ распространяться по ту сторону пролива. До болѣзни своей, картофель былъ тамъ въ большой славі: національная привычка удѣлила ему болѣе значительную роль въ пропитаніи народа, чѣмъ у насъ; притомъ же огромныя количества его идутъ на кормъ скота. Но характеристическую особенность англійскаго хозяйства составляетъ турнепсъ, и можно сказать, что онъ служитъ основаніемъ всей агрономической системы нашихъ сосѣдей. Тогда какъ у насъ только нѣсколько тысячъ гектаровъ заняты посѣвами этого растенія, и оно извѣстно почти въ однѣхъ только гористыхъ мѣстностяхъ, — по ту сторону пролива видятъ въ немъ вѣрнѣйшій признакъ агрономическаго прогресса, надежнѣйшее средство къ его осуществленію, и прямо утверждаютъ, что появленіе его есть предвѣстникъ зараждающагося богатства. Благодаря турнепсу, бесплодныя пустыри обратились въ хорошія полевыя земли; и обыкновенно, при покупкѣ фермы, ее оцѣниваютъ по количеству земли, назначаемой подъ турнепсъ. Нерѣдко случается встрѣчать участки въ нѣсколько сотъ гектаровъ, сплошь занятые имъ; куда ни взглянешъ, вездѣ виднѣтся его яркая зелень.

Турнепсъ, особый видъ бѣлой рѣпы, ведетъ свое начало изъ Нидерландовъ и перешелъ въ Англію въ концѣ XVII вѣка вмѣстѣ съ голландскими финансовыми и политическими учрежденіями, перевезенными сюда Вильгельмомъ III; лордъ Тауншендъ пріобрѣлъ въ царствованіе Георга III громкую извѣстность своими стараніями о распространеніи его: такія заслуги въ Англіи не забываются.

Посѣвъ турнепса служитъ основаніемъ норфолькскаго хозяйства; отъ успѣшнаго урожая его зависитъ весь ходъ сѣвооборота. Давая средство держать много скота, онъ обезпечиваетъ участь будущихъ посѣвовъ массою удобренія, получаемого отъ скотоводства, и черезъ скотоводство превращается въ мясо, молоко и шерсть. Но этого мало: онъ очищаетъ землю отъ тунейныхъ растеній, вслѣдствіе тщательной обработки, которой онъ требуетъ, и природныхъ свойствъ своихъ. За то воздѣлка его доведена до совершенства; англійскіе хозяева не щадятъ трудовъ своихъ на нее: самое лучшее удобреніе, частое полотье, тщательный уходъ, — все соединяется въ Англіи для успѣшнаго роста этого любимица. Они получаютъ отъ 500 до 600 (1) метрическихъ центнеровъ турнепса съ гектара, что соотвѣтствуетъ 100—120 метр. центн. сѣна, а часто даже и вдвое болѣе этого. Турнепсъ любитъ почву легкую и сырое лѣто, почему и родится такъ успѣшно въ Англіи.

(1) Отъ 3000 до 3600 пудовъ. Метрическій центнеръ, или квинталъ, заключаетъ въ себѣ сто килограммовъ. *Прим. пер.*

Поятно, сколько это подспорье, почти неизвѣстное во Франціи, прибавляетъ къ продуктамъ естественныхъ луговъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ турнепсъ замѣняется кормовымъ горошкомъ, и вездѣ травосѣяніе пополняетъ собою естественные луга.

Но официальной статистикѣ Франціи у насъ 1.500.000 гектаровъ искусственныхъ луговъ, но я считаю это число невѣрнымъ, принимая во вниманіе быстрые успѣхи нашего луговодства, и потому удвоилъ его, уменьшивъ на столько же количество земли, полагаемое подъ паромъ. Но даже и при этомъ удвоеніи мы не можемъ сравниться съ Англичанами; у нихъ изъ 15 милліоновъ гектаровъ, составляющихъ Англію безъ Ирландіи и Шотландіи, на травосѣяніе удѣлено столько же пространства, сколько мы до сихъ поръ посвятили ему при 53-хъ милліонахъ гектаровъ земли. Правда, что наши искусственные луга стоятъ англійскихъ; почва Англіи мало способна для люцерны, тамъ сѣется почти только клеверъ да райграссъ, и какъ ни великолѣпны урожан ихъ, они едва могутъ сравняться съ нашими хорошими травами, но и это уже много значить. Съ нѣкоторыхъ поръ италіанскій райграссъ даетъ у нихъ замѣчательные результаты.

Изъ растений, разводимыхъ для скотоводства, намъ осталось разсмотрѣть овесъ. Во Франціи засѣваютъ имъ ежегодно 3.000.000 гектаровъ; но сосѣди наши на менѣе значительномъ пространствѣ получаютъ урожай гораздо болѣе нашего. Среднимъ числомъ овса у насъ родится, за вычетомъ сѣмьень, 18 гектолитровъ на гектаръ (1), у нихъ вдвое (на англійскій акръ приходится 5 и доходить до 10 квартеровъ). Мы находимъ подобное же различіе и въ самой Франціи между мѣстностями, гдѣ овесъ сѣютъ рационально, соображаясь съ свойствами почвы, и тѣми, гдѣ на это не обращаютъ должнаго вниманія; вообще говоря, овсу благоприятствуетъ сѣверный климатъ. Въ прежнее время вся Шотландія не знала другой пищи и заслужила отъ этого названіе страны овсяныхъ лепешекъ, *land of cakes*, точно такъ же какъ Ирландію окрестили картофельною страной, *land of potatoes*.

Итакъ на пространствѣ 31 милліона гектаровъ, изъ которыхъ только 20 милліоновъ годны для хозяйства, наши сосѣди производятъ несравненно болѣе корма для скота, чѣмъ Франція, несмотря на то, что она вдвое обширнѣе. Изъ этого слѣдуетъ, что масса удобренія у нихъ въ три или четыре раза болѣе нашей пропорціонально количеству земли, не говоря о животныхъ продуктахъ, непосредственно годныхъ въ употребленіе, и однако они все еще не считаютъ этого удобренія достаточнымъ. Все, что только можетъ удобрить землю — кости, кровь, тряпье, отрубя, всякіе остатки отъ различныхъ производствъ, животныя и растительныя ве-

(1) 7 четвертей $\frac{6}{10}$ четверика на тридцатную десятину. Англійскій акръ равенъ 888 квад. саженьямъ; французскій гектаръ—2196 квад. сажень. Квартеръ очень немногимъ менѣе нашихъ 11 четвериковъ. *Прим. пер.*

щества, наконецъ минералы, содержащія какія-нибудь полезныя начала, какъ гипсъ, известь и т. д., тщательно собираются и влагаются въ землю. Англійскіе корабли отправляются на край свѣта за удобреніемъ. Знаменитое своею плодотворною силой гуано массами привозится изъ-за дальнихъ морей. Химики постоянно трудятся, то составляя новыя удобрения, то изслѣдуя свойства прежнихъ и принаравливая ихъ къ извѣстнымъ почвамъ, и изслѣдованія эти всячески поощряются практическими хозяевами. Каждый годъ въ бюджетѣ фермы находимъ расходъ на покупку удобряющихъ веществъ, и чѣмъ больше, тѣмъ болѣе богатѣетъ ферма. Этими подспорьями удобреній ведется огромная торговля. Но кромѣ удобренія, земля требуетъ еще тщательной обработки, ее надобно взрыть, разрыхлить, уравнивать, выдолоть, осушить, чтобы вода на ней не застаивалась, газы атмосферы могли проникать въ глубину, и корни растений свободно распространялись по ней. Изобрѣтено множество машинъ для этихъ различныхъ работъ. Выставка 1851 года показала обширность производства сельско-хозяйственныхъ машинъ и огромность требованія на нихъ въ Англии: на ней было до трехъ сотъ экспонентовъ сельско-хозяйственныхъ орудій, и въ томъ числѣ заводчики, которые, подобно Гаррету или Рансому въ Соффолькѣ, держатъ по нѣскольку тысячъ работниковъ и ежегодно совершаютъ миллионныя обороты. Эти машины чрезвычайно сокращаютъ число рукъ, потребныхъ для сельскихъ работъ.

Всѣ эти расходы и старанія сводятся, въ заключеніе, къ произращенію двухъ растений: ячменя, для добыванія національнаго напитка, и царицы хлѣбовъ — пшеницы.

Ячмень занимаетъ ежегодно миллионъ гектаровъ, почти столько, сколько и во Франціи, гдѣ онъ не имѣетъ того же значенія; но за то, какъ и при овсѣ, средній урожай въ Англии вдвое болѣе нашего: такъ во Франціи гектаръ приноситъ 15 гектолитровъ ячменя, а въ Англии около 30, т.-е. приблизительно 4 квартера съ акра (1). Одна половина всего количества добываемаго ячменя идетъ на пивовареніе: акцизъ съ солода свидѣтельствуешь, что это производство поглощаетъ ежегодно отъ 14 до 15 милл. гектолитровъ (отъ 6.600.000 до 7.100.000 четв.) ячменя, остальная же половина служитъ для откармливанія скота, въ особенности свиней. Небольшое количество ячменя и овса идетъ на винокуреніе, а также на пропитаніе людей, но эта грубая пища съ каждымъ днемъ выходитъ все болѣе и болѣе изъ употребленія.

Въ прежнее время Англичане кромѣ овса и ячменя съѣдали также большое количество ржи. Въ самомъ дѣлѣ рожь и яровые хлѣба лучше другихъ зерновыхъ растений уживаются съ короткимъ сѣвернымъ лѣтомъ. Вся сѣверная Европа потому питается ржанымъ хлѣбомъ; въ Англии теперь онъ почти совершенно исчезъ; рожь употребляется только какъ зеленый весенній кормъ, и рыночная цѣна ея, весьма

(1) Около 13 четвертей на казенную десятину. *Прим. пер.*

знавая, обыкновенно существуетъ только во время посява. Ввозъ ржи также ничтоженъ. Земли, прежде исключительно посвящавшіяся ей, теперь засѣваются пшеницей; тѣ же, которыя оказались негодны на это, получили другое назначеніе. Англичане справедливо рѣшали, что этотъ хлѣбъ, на который идетъ столько же труда и почти столько же удобренія, сколько потребно для пшеницы, по малоцѣнности своей, не стоить того значенія, какое приписываютъ ему въ остальной Европѣ и даже во Франціи. Это еще одна изъ тѣхъ вѣрныхъ хозяйственныхъ мыслей, которыя совершенно измѣнили земледѣльческую физиономію страны. О маломъ употребленіи ржи можно сказать то же, что и о прекращеніи полевыхъ работъ рогатымъ скотомъ, объ увеличеніи числа овецъ и о всѣхъ другихъ чертахъ англійской системы хозяйства.

Рожью во Франціи засѣваютъ до 2-хъ милліоновъ гектаровъ, включая сюда половину земель, занятыхъ смѣсью пшеницы съ рожью (meteil). Это, вообще говоря, растение неблагодарное, дающее небольшое пяти-шести зеренъ на одно, едва вознаграждающее за издержки, требуемыя для его воздѣлыванія. Выгодно было бы отказаться отъ него, но не всегда возможно: здѣсь дѣло не въ томъ только, чтобы перестать сѣять рожь, надобно съ пользой замѣнить ее чѣмъ-нибудь другимъ, а не всякій можетъ поставить на своемъ въ борьбѣ съ природою. Чтобы добиться своихъ нынѣшнихъ урожаевъ пшеницы, Англичане должны были бороться и съ почвой и съ климатомъ своимъ. Удобреніе известкой помогло имъ въ этомъ. То же средство привело къ подобнымъ же результатамъ въ иныхъ мѣстностяхъ Франціи. Не нужно также терять изъ виду правило, признаваемое ими же, что если почти всегда убыточно засѣвать поле рожью, то выгодно замѣнить ее пшеницей лишь при надеждѣ на хорошій уходъ. Десять гектаровъ, хорошо обрабатываемыхъ, лучше двадцати или тридцати, дурно удобренныхъ и обработанныхъ.

Тогда какъ цѣлая четверть нашихъ полей засѣяна хлѣбами, посвящаемыми пицѣ челоуѣка, Англія употребляетъ на это лишь 1.800,000 гектаровъ, т.-е. менѣ шестнадцатой части всей своей земли; но съ другой стороны изъ числа нашихъ 11 милліоновъ гектаровъ (кромѣ овса и ячменя) 5 засѣяны низшими сортами хлѣба, тогда какъ въ Англіи всѣ 1.800.000 гект. заняты пшеницей. Полагаютъ, что Франція за вычетомъ сѣменъ ежегодно производитъ 70 милл. гектолитровъ (1) пшеницы, 30 милл. гект. ржи, 7 милл. гект. кукурузы и 8 милл. гект. гречи; сосѣди же наши получаютъ ежегодно 45 милл. гектолитровъ одной пшеницы.

У насъ гектаръ даетъ кругомъ по 12 гектолитровъ пшеницы или 10 гектол. ржи за вычетомъ сѣменъ(2). Если прибавить къ этому кукурузу и

(1) Гектолитръ = 3,81 четверика.

(2) 5 четвертей 2 четверика пшеницы и 4 четверти 3 четверика ржи съ казенной десятины. *Прим. пер.*

гречиху и распределить эти хлѣба равномерно по всему засѣянному пространству, мы получимъ, что на каждый гектаръ придется у насъ 6 съ чѣмъ-то гектолитровъ пшеницы, немного менѣе 3-хъ гектолитровъ ржи и немного болѣе одного гектолитра кукурузы или гречи, всего 11 гектолитровъ. Въ Англіи же приходится 25 гектолитровъ пшеницы на гектаръ или 3 квартаера съ половиной на акръ (1), т. е. вдвое болѣе по количеству и втрое болѣе по продажной цѣнѣ. Это превосходство конечно не зависитъ отъ свойствъ почвы и климата Англіи, чѣмъ пожалуй можно бы пытаться объяснить успѣхъ ея луговодства и обильные урожаи корнеплодныхъ растений и даже овса: нѣтъ, это чистое слѣдствіе превосходства англійскаго земледѣлія,—превосходства, обнаруживающагося болѣе всего въ томъ, что засѣвается лишь та земля, которую можно самымъ лучшимъ образомъ приготовить подъ посѣвъ.

Что касается до воздѣлыванія кукурузы и гречи, то это вовсе не есть невыгодная сторона нашего земледѣлія, напротивъ того, это сущее сокровище. По обилію своихъ урожаевъ эти хлѣба далеко оставляютъ за собой другіе хлѣба, и уже по той выгодѣ, какую извлекаютъ изъ нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, можно заключить, чего должно ожидать отъ болѣе общаго распространенія этихъ полезныхъ растеній.

Предыдущія числа получены, принимая въ разчетъ и Шотландію и Ирландію. Если же ограничиться собственно Англіей, то придется къ еще болѣе поразительнымъ выводамъ. Эта страна, по пространству равная четверти Франціи, производитъ одна 38 милліоновъ гектолитровъ пшеницы, 16 милл. гектолитровъ ячменя и 34 милл. гектолитровъ овса. Еслибы Франція производила относительно равное количество хлѣба, ея ежегодный урожай за вычетомъ сѣмянъ составилъ бы 150 милл. гектол. пшеницы и 200 милл. гектол. ячменя, овса и прочихъ хлѣбовъ, однимъ словомъ вдвое болѣе ея нынѣшняго производства, и это число должно было бы еще возрасти вслѣдствіе того, что климатъ Франціи болѣе благоприятствуетъ разведенію колосовыхъ хлѣбовъ.

Такимъ образомъ оправдывается на дѣлѣ агрономическій законъ, по которому слѣдуетъ стараться уменьшать, а не увеличивать засѣянное хлѣбомъ пространство, потому что, посвящая болѣе земли кормовымъ растеніямъ, не только получаемъ больше молока, мяса и шерсти, но еще увеличиваемъ и самый урожай хлѣба. Франція достигнетъ подобныхъ результатовъ, когда засѣетъ травой и корнеплодными растеніями свое огромное паровое поле, а поле, засѣянное хлѣбомъ, уменьшитъ на нѣсколько милліоновъ гектаровъ.

Вотъ и все англійское хозяйство. Чего, кажется, проще? Побольше луговъ искусственныхъ и естественныхъ (почти всѣ употребляемые на пастьбу скота); изъ корнеплодныхъ растеній картофель да турнепсъ;

(1) Около 11 четвертей на казенную десятину. *Прим. пер.*

два яровыхъ хлѣба—овесъ и ячмень, и только одинъ озимый — пшеница; все это соединено въ одинъ сѣвооборотъ такъ, чтобы правильно черезъ годъ чередовались зерновые хлѣба, или такъ-называемый бѣлый урожай, *white-crops*, съ кормовыми зелеными растеніями, или такъ-называемымъ зеленымъ урожаемъ, *green-crops*, и чтобы чередованіе начиналось съ корнеплодныхъ и кончалось пшеницей; вотъ и все тутъ.

Наши сосѣди отбросили изъ своего хозяйства всѣ прочія растенія, какъ напримѣръ свекловицу, табакъ, масляничныя, плодовые и т. д., одни потому, что этого требовалъ климатъ, другія же оттого, что ими слишкомъ истощается почва, или же просто отъ нежеланія осложнять безъ пользы свое производство. Два только растенія исключены были изъ этого правила, хмѣль въ Англии и ленъ въ Ирландіи. Вездѣ, гдѣ занимаются ихъ воздѣлкой, она идетъ весьма успѣшно. Въ Ирландіи урожай льна достигъ цѣнности 1000 фр. съ гектара; но имъ засѣваютъ только 100.000 акровъ или 40.000 гектаровъ (1); хмѣль еще доходнѣе, но имъ засажено только около 20.000 гектаровъ.

Фруктовые сады и огороды въ Англии занимаютъ гораздо менѣе пространства, чѣмъ во Франціи, да и произведенія ихъ далеко до нашихъ. Англичане вообще мало потребляютъ плодовъ и овощей, и они правы, потому что у нихъ они безвкусны. Все, и въ пищѣ ихъ, какъ и въ производствѣ, сосредоточивается на нѣсколькихъ статьяхъ, но отсутствіе разнообразія искупается обиліемъ.

Точно такъ же, какъ по части скотоводства, мы находимъ во Франціи и по полеводству нѣсколько продуктовъ, неизвѣстныхъ нашимъ сосѣдямъ. Таковъ напримѣръ виноградъ, это отличительное богатство нашей родины; имъ засажено до 2 милл. гектаровъ земли, приносящихъ каждый, среднимъ числомъ, не менѣе 250 фр. дохода; таковы еще рапсъ, табакъ, сахарная свекловица, марена, тутовое и оливковое деревья; наконецъ сады и огороды, занимающіе до милліона гектаровъ, съ ихъ плодами, цвѣтами и овощами. Все это вмѣстѣ даетъ ежегодно до 1000 милліоновъ фр. дохода.

Это все неоцѣнныя сокровища, искупающія отчасти наше, въ другихъ отношеніяхъ, отсталое положеніе, и они могли бы пріобрѣсть еще несравненно болѣе цѣны, потому что развитію ихъ нельзя положить предѣловъ. Разнообразіе нашихъ климатическихъ условій и еще болѣе нашъ національный характеръ, естественно стремящійся противопоставить качество и разнообразіе англійскому количеству и однообразію, предвѣщаетъ намъ огромные успѣхи въ воздѣлкѣ этихъ расте-

(1) Шотландскій Земледѣлецъ замѣчаетъ мнѣ по этому поводу, что разведеніе льна въ Ирландіи очень усилилось въ послѣднее время, и что въ 1853 г. имъ было засѣяно 175.000 акровъ—70.000 гектар., но въ 1848 г. считалось всего 50.000 акр. или 20.000 гектаровъ: я взялъ среднюю между этими крайними числами.

ній, переходящей нѣкоторымъ образомъ въ искусство. Мы еще не сказали нашего послѣдняго слова на этомъ поприщѣ, и отчего бы нашимъ земледѣльцамъ, подобно ихъ братьямъ фабричнымъ работникамъ, не уравнивать совершенствомъ и оригинальностію недостатокъ количества нашихъ продуктовъ?

Садоводство, создающее огромныя цѣнности на маломъ пространствѣ земли, распространяясь болѣе, значительно увеличить наше народное богатство; то же можно сказать и объ усовершенствованіяхъ въ способахъ винокурения, сахароварения, очищенія масла, шелководства и т. д.

Но все же нельзя не согласиться, что теперь пока, занимаясь разведениемъ двухъ-трехъ растений въ огромныхъ размѣрахъ, пользуясь единствомъ и простотой своей хозяйственной системы, Англичане получаютъ результаты болѣе значительныя, — результаты, къ которымъ мы приближаемся въ тѣхъ частяхъ Франціи, гдѣ слѣдуемъ тому же методу. Тѣ изъ департаментовъ нашихъ, которые болѣе похожи на Англію въ агрономическомъ отношеніи, получаютъ большую массу продуктовъ и только оттого не могутъ вполне сравниться съ нею, что у насъ до сихъ поръ слишкомъ значительное пространство земли ежегодно занято истощающими почву растеніями, несмотря на всѣ успѣхи и распространеніе у насъ, въ эти пятьдесятъ лѣтъ, хозяйства, возстановляющаго плодородіе земли.

ГЛАВА V.

Валовой доходъ.

Теперь предстоитъ намъ опредѣлить сумму валоваго дохода отъ сельскаго хозяйства каждой изъ двухъ странъ въ отдѣльности. Такая оцѣнка чрезвычайно затруднительна, особливо, когда имѣется въ виду сравненіе.

Лучшія и самыя официальные статистическія сочиненія наши содержатъ въ себѣ повторенія; такъ, въ статистикахъ Франціи, доходъ со скота приводится трижды: вопервыхъ, какъ доходъ съ луговъ и пастбищъ, во вторыхъ, какъ доходъ съ живыхъ, и третьихъ, какъ доходъ съ битыхъ животныхъ. Эти три статьи должны быть соединены въ одну, то-есть къ доходу съ битаго скота слѣдуетъ присоединить цѣнность коровьяго молока, овечьей шерсти и лошадей, ниже того возраста, когда онѣ обыкновенно поступаютъ въ продажу, то-есть до 3 лѣтъ. Все остальное составляетъ лишь рядъ способовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ для добыванія настоящаго дохода, то-есть тѣхъ продуктовъ, которые непосредственно потребляются человекомъ, на самой ли фермѣ, или внѣ ея.

Не менѣе ошибочно заносить въ статьи дохода и то количество зерна, которое идетъ на сѣмена, ибо сѣмена не доходъ, а капиталъ, возвращаемый принявшею ихъ землей. Наконецъ невозможно, по примѣру нѣкоторыхъ статистиковъ, принимать за доходъ цѣнность навоза и соломы. Навозъ, за однимъ важнымъ исключеніемъ, о которомъ буду говорить далѣе, очевидно, служить способомъ производства, что же касается до соломы, то она составляетъ доходъ лишь въ случаѣ употребленія ея внѣ фермы, напримѣръ, на кормъ лошадей, занятыхъ иною работой.

Поэтому все, что потребляется на самой фермѣ для производства, какъ-то: на кормъ рабочихъ животныхъ, и даже всѣхъ остальныхъ, на подстилку, удобреніе и сѣмена, — все это слѣдуетъ считать въ числѣ способовъ производства, а не въ статьяхъ дохода. Настоящій доходъ состоитъ только въ томъ, что можетъ идти на продажу или на наемъ рабочихъ. Въ этомъ отношеніи англійскія статистики составлены несравненно лучше французскихъ.

Такъ какъ экономическія понятія въ Англіи распространены гораздо болѣе нежели во Франціи, то тамъ отчетливѣе отдѣляютъ то, что должно быть дѣйствительно раздѣляемо, и настоящихъ статей дохода, то-есть предметовъ вывоза фермы, не мѣшаютъ со способами производства. Намъ приходится тѣмъ болѣе взять Англичанъ въ образецъ, что у Англичанъ способы производства несравненно многочисленнѣе нежели у Французовъ, а потому еслибы мы вздумали, при сравненіи, принимать въ расчетъ всѣ эти способы, то вся невыгода отъ того пала бы на сторону Франціи.

Обоидя это первое затрудненіе, встрѣчаемъ другія. Французскіе землевладѣльцы жаловались на пропуски и погрѣшности въ официальной статистикѣ. Недостатки эти точно существуютъ, хотя они и не такъ важны, какъ кажется съ перваго взгляда; я уже указывалъ на нихъ и пытался исправлять ихъ. Не въ этомъ заключается главное неудобство: настоящимъ камнемъ преткновенія является здѣсь измѣнчивость цѣнъ. Ничего нѣтъ непостояннѣе цѣнъ, съ году ли на годъ въ одномъ мѣстѣ, или въ разныхъ участкахъ одной и той же мѣстности; въ особенности же когда приходится сравнивать страны, до такой степени различныя. Во Франціи отклоненія многочисленны: сельскія цѣны разнятся отъ рыночныхъ, цѣны въ Провансѣ не таковы, какъ въ Бретани, цѣны 1851 года не тѣ, что были въ 1847 г. Почти то же замѣчается и по ту сторону Канала. Если же, для выхода изъ этого затрудненія, прибѣгнуть къ среднимъ числамъ, то оказывается, что общая средняя цифра Великобританіи совсѣмъ не та, что во Франціи.

Несмотря на всѣ эти затрудненія, все-таки остается нѣкоторая возможность составить себѣ хотя приблизительное понятіе о суммѣ цѣнностей, ежегодно производимыхъ земледѣльцемъ въ каждомъ изъ сравниваемыхъ государствъ. Вычеркнувъ продукты, служившіе лишь спосо-

бами къ производству, пополняя по возможности упущенія официальной статистики, приводя притомъ цѣны къ среднимъ числамъ, для годовъ, предшествовавшихъ 1848-му, оказывается, что ежегодная цѣнность земледѣльческихъ произведеній во Франціи до 1848 г. равнялась приблизительно пяти тысячамъ миллионъ франковъ и была распределена такимъ образомъ:

Животные продукты:

Мясо (1.000 миллионъ килограммовъ по 80 сантимовъ, т. е. 2.443 миллионъ русскихъ фунтовъ, по $8\frac{1}{2}$ коп. сер.)	800	млн.	франк.
Шерсть, кожа, сало, обрѣзки (голова, ноги, внутренность и проч.)	300	—	—
Молоко (1.000 миллионъ литръ, по 10 сантимовъ, т. е. 81.300.000 ведръ, по 30 коп. сер.)	100	—	—
Домашняя птица и яйца	200	—	—
400.000 трехлѣтнихъ лошадей, лошаковъ и ословъ	80	—	—
Шелкъ, медъ, воскъ и другіе продукты	120	—	—
<hr/>			
Итого 1.600 млн. франк. (400 млн. руб. с.)			

Растительные продукты.

Пшеница (70 миллионъ гектолитровъ по 16 франковъ, т. е. около $33\frac{1}{2}$ миллионъ четвертей, по 8 рублей сер.)	1.100	млн.	фр.
Иныя зерновые хлѣба (40 миллионъ гектолитровъ по 10 франковъ, т. е. съ небольшимъ 19 миллионъ четвертей, по 5 руб. сер.)	400	—	—
Картофель (50 миллионъ гектолитровъ по 2 фр., т. е. около 24 миллионъ четвертей, по 1 руб. сер.)	100	—	—(1)
Вино и водка	500	—	—
Пиво и сидръ (яблочный и грушевый квасъ)	100	—	—
Сѣно и овесъ извознымъ лошадямъ	300	—	—
Лѣнъ и конопля	150	—	—
Сахаръ, марена, табакъ, растительныя масла, плоды, овощи.	500	—	—
Лѣсъ	250	—	—
<hr/>			
Всего 3.400 млн. фр. (или 850 млн. р. сер.)			

Исключивъ 3 миллионъ гектаровъ на дороги, рѣки, города и проч., остается во Франціи 50 миллионъ гектаровъ земли, какъ обработанной, такъ и необработанной, а средняя цѣнность произведеній она-

(1) Полное производство картофеля равняется 100 миллионамъ гектолитровъ, но я положилъ половину на потребление животнымъ. Я исключилъ также 3 миллионъ гектолитровъ зеренъ низшаго разбора, какъ-то: кукурузы, гречихи, на кормъ птицамъ и другимъ животнымъ, хотя потребление это вѣроятно значительно превосходитъ принятое мною количество.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1859

ЧАСТЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I.—ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ВАВИЛОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ I—III. Д. X. ХВОЛЬСОНА.
- II.—ОБЪ ИЗМѢНЕНИИ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ СНАБЖЕНІЯ ВОЙСКЪ ВЕЩАМИ. (Окончаніе) Д. И. КАМЕНСКАГО.
- III.—ПИСЬМА О ЗЕМЛЕДѢЛІИ И КРЕСТЬЯНАХЪ ВО ФРАНЦІИ—II.— ЕВГЕНІЯ БОНМЕРА.
- IV.—ГОРА КОСМАЙ. П. С. СРЕТЬКОВИЧА.
- V.—МИРАЖЪ I—XII. ОЛЬГИ Н***.
- VI.—ЭЛЕГІЯ. М. П. РОЗЕНГЕЙМА.
- VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (*См. на оборотѣ.*)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- Бобъ-Рокъ. Эпизодъ изъ временъ освобожденія Техаса въ 1832 году.
Соч. Чарльза Сильсфильда. VI—XI.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1859

МАЙ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I.—ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ВАВИЛОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ V—VII. Д. А. ХВОЛЬСОНА.
- II.—АВДОТЯ ФЕДОРОВНА ЛОПУХИНА. Посвящается В. П. Водовозову. М. И. СЕМЕВСКАГО.
- III.—ЗАПИСКИ ГИЗО. Водвореніе июльской монархіи.—II. — Е. М. ФЕОКТИСТОВА.
- VI.—МИРАЖЪ. XIII—XVII. (Окончаніе.) ОЛЬГИ Н***.
- V.—ПИСЬМА О ЗЕМЛЕДѢЛІИ И КРЕСТЬЯНАХЪ ВО ФРАНЦІИ.—II.—(Окончаніе.) ЕВГЕНІЯ БОНМЕРА.
- VI.—Не разъ, въ душѣ, познавшей смѣло. К. К. ПАВЛОВОЙ.
- VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотъ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Бобъ-Рокъ. Эпизодъ изъ временъ освобожденія Техаса въ 1832 году.
Соч. Чарльза Сильсфильда. XII—XV.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К°.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1859

ИМЯ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—АРИСТОКРАТІЯ И ИНТЕРЕСЫ ДВОРЯН-СТВА. Статья вторая. В. П. БЕЗОБРАЗОВА.
- II.—ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ВАВИЛОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ VIII—XI. (Окончаніе) . . . Д. А. ХВОЛЬСОНА.
- III.—ВОЙНА ПИЕМОНТА СЪ АВСТРІЕЙ ВЪ 1849 ГОДУ. I. И. О. С—го.
- IV.—ЖЕНЩИНА И ЛЮБОВЬ ПО ПОНЯТІЯМЪ Г. МИШЛЕ. ЕВГЕНІИ ТУРЪ.
- V.—КАРТИНЫ ПРОШЛАГО. I. Штрафной. . . . Р.
- VI.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотѣ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Бобъ-Рокъ. Эпизодъ изъ времяхъ освобожденія Техаса въ 1832 году.
Соч. Чарльза Сильсфильда. XVI. (Окончаніе).

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

the House, which was passed for the first time to be
the

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1859

ЮНЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I.—О РЕФОРМАХЪ ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ
СУДОПРОИЗВОДСТВѢ. I.—VII. К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА.
II.—ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АМЕРИКѢ.—III.—. . . Э. Р. ЦИММЕРМАНА.
III.—ВОЙНА ПЬЕМОНТА СЪ АВСТРІЕЙ ВЪ 1849
ГОДУ.—II.—III. И. О. С—ГО.
IV.—РОДСТВЕННИКИ. Повѣсть. I.—X. Н. И. О—ОВА.
V.—Б. У. К. К. ПАВЛОВОЙ.
VI.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотѣ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Сельское Хозяйство въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Сочиненіе
г. Леонса де-Лаверня. Переводъ съ французскаго третьяго изданія
1858 года. Главы I—IV.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°.

No 13 and

FEB 8 1979